

ИНСТИТУТ ВОДНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СО РАН
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ ИМ. П.И. ЧАЙКОВСКОГО

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал
Издаётся с 1998 года
Выходит один раз в два месяца

№ 6 (43)

Декабрь 2013

ISSN 1991-5500

Индекс в каталогах
Роспечати 31043

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.В. Петров – д-р пед. наук, проф., академик ПАНИ, член межд-го союза журналистов (г. Горно-Алтайск)

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

А.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Н.А. Куликова – канд. филол. наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Р.В. Опарин – кан. пед. наук, доцент (г. Барнаул)

М.Г. Чухрова – д-р мед. наук, проф. (г. Новосибирск)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Н.С. Часовских – канд. пед. наук, член межд-го союза журналистов (г. Горно-Алтайск)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Л.Г. Тырса (г. Горно-Алтайск)

ВЕДУЩИЙ МЕНЕДЖЕР ЖУРНАЛА

С.Х. Мараян – член-корр. ПАНИ (г. Горно-Алтайск)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА
В.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «РМНКО»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

649006, г. Горно-Алтайск,
пр. Коммунистический,
№ 68, офис 301, редколлегия журнала
«Мир науки, культуры, образования»

Тел.: 8 (388-22) 4-74-44;
Факс: 8 (388-22) 4-74-44;
E-mail: mnko@mail.ru; <http://amnko.ru/>

Индекс научного цитирования:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=26070

Журнал зарегистрирован в:

> Роскомнадзоре РФ
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-49955 от 23.05.2012 г.
> International Centre ISSN, Paris - France
> Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК РФ» по направлениям: Педагогика, Психология, Филология, Искусствоведение, Культурология, Философия, История, Социология, Экономика, Юриспруденция, Медицина, Экология

Подписано в печать 18.12.2013
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. – 67,89.
Тираж 500 экз. Зак. №

© Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования», 2013

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Е.Л. Кудрина** – председатель редакционного совета, доктор педагогических наук, профессор, ректор Кемеровского госуниверситета культуры и искусства (г. Кемерово)
- В.Л. Петухов** – доктор биологических наук, профессор (г. Новосибирск)
- Ю.И. Винокуров** – доктор географических наук, профессор, директор института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)
- И.Р. Лазаренко** – доктор педагогических наук, профессор, ректор АлтГПА (г. Барнаул)
- А.С. Кондыков** – профессор, ректор АГАКИ (г. Барнаул)
- Ф.Н. Клюев** – профессор, ректор ЧИРПО (г. Челябинск)
- С.Н. Скоринов** – доктор культурологии, профессор, ректор ХГИИиК (г. Хабаровск)
- Ш.А. Амонашвили** – доктор психологических наук, профессор, академик РАО (г. Москва)
- А.В. Усова** – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Челябинск)
- В.И. Загвязинский** – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Тюмень)
- Д. Чевалир** – доктор филологических наук, профессор штата Мерилэнд (США)
- Д. Майкельсон** – доктор филологических наук, профессор (США)
- И. Сербан** – доктор психологии, доктор медицины, профессор университета Париж 8 (г. Париж)
- Б.В. Новиков** – доктор философских наук, профессор (г. Киев, Украина)
- У. Грисволд** – доктор педагогических наук, профессор университета штата Канзас (США)
- Ю. Подгорецки** – доктор педагогических наук, профессор университета Опольска (г. Ополье, Польша)
- М.С. Панин** – доктор биологических наук, профессор (Казахстан)
- Р.Т. Раевский** – доктор педагогических наук, профессор (г. Одесса, Украина)
- М.Г. Чухрова** – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
- Д. Батчулуун** – доктор философских наук, профессор (г. Ховд, Монголия)
- О.О. Сеницына** – доктор медицинских наук, зам. директора НИИ ЭЧИГОС им. А.Н. Сысина Рамн (г. Москва)
- Г.И. Лазарев** – доктор экономических наук, профессор, ректор ВГУЭС (г. Владивосток)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Ю.В. Сенько** – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор (г. Барнаул)
- П.И. Костенко** – доктор педагогических наук, профессор (г. Челябинск)
- А.С. Прутченков** – доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)
- С. Д. Каракозов** – доктор педагогических наук, профессор (г. Барнаул)
- В.И. Долгова** – доктор психологических наук, профессор (г. Челябинск)
- Н.Е. Мусинова** – доктор искусствоведения, профессор (г. Кострома)
- Т.М. Степанская** – доктор искусствоведения, профессор (г. Барнаул)
- В.В. Гафаров** – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
- А.В. Пузанов** – доктор биологических наук, профессор (г. Барнаул)
- Д.Л. Штуден** – доктор культурологии, профессор (г. Новосибирск)
- В.И. Хаснулин** – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
- Н.А. Мешков** – доктор медицинских наук, профессор (г. Москва)
- В.С. Чернянская** – доктор педагогических наук, профессор (г. Владивосток)
- В.Н. Александровская** – доктор философских наук, профессор (г. Донецк, Украина)

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Дизайн обложки: П.Г. Белозерцев. В оформлении использованы стихи Б. Бедурова, Т. Маршаловой, П. Валери.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А	И	Мелехин В.А.	513	Сухова М.Г.	566
Абашина А.Д.	Ибрагимова Т.В.	Меркель Е.В.	185	Сухотерина Е.С.	241
Абдуллаев Д.А.	Иванова В.Э.	Мижит Л.С.	373	Сычева И.Н.	21
Авдеева Н.В.	Ильясов Д.Ф.	Мизиковский Е.А.	11	Сычева Л.С.	518
Айкина Л.П.	Ильясова О.А.	Митрофанова Е.Ю.	562	Т	
Алипханова Ф.Н.	Индюкова М.А.	Мишуненкова О.В.	63	Тагавердиева Д.С.	9
Анабилова Б.М.	Исмаилов А.М.	Мнайдарова С.С.	189	Такаракова Е.О.	492
Андреев В.М.	Истомина И.М.	Модоров Н.С.	435	Тарасова Ю.И.	411
Андрейчук В.А.	Ичитовкин С.С.	Мозговой С.И.	462	Таргын Ш.Х.	383
Асташонок К.В.		Монгуш А.М.	559	Татаркина Ю.Н.	513
	К	Москвин А.Ю.	437	Тихомирова Ю.А.	21
Б	Казанджан Ж.С.	Мочалов К.С.	529	Тихоненко М.А.	137
Базылева Е.Ю.	Калина Н.Д.	Мурзабулатов М.В.	354	Тихоненко М.А.	364
Собольников В.В.	Камынина Н.Г.	Мухаметзянова Ф.Г.	261	Трегубова Л.Б.	208
Байыр-оол А.В.	Карабулатова И.С.			Трубников В.Е.	221
Балакина Е.И.	Карнаузов К.А.	Н		Трубникова Н.И.	221
Батечко Н.Г.	Карпова И.С.	Нарыкова Н.А.	137	Турлюн Л.Н.	420
Батурина А.Д.	Карпова Л.Г.	Насеретдинова Э.Б.	202	У	
Батурина М.М.	Карпова Л.Г.	Насикан И.В.	65	Уколова Л.И.	274
Баязитова Р.Р.	Касиманова Л.А.	Наскидаева Е.Х.	271	Усов В.В.	426
Беляков А.Н.	Каскаракова З.Е.	Неболубова И.В.	157	Успек Э.Р.	280
Блинова Е.О.	Кильмакова Г.Н.	Нехвядович Л.И.	417	Утяев А.Ф.	389
Богатырева М.Х.	Кимеева Т.И.	Никитин В.А.	273	Ушакова Е.В.	525, 527, 536
Богданов А.А.	Кириллов А.Г.	Никитина Д.А.	273	Ф	
Боголюбова С.А.	Кирпичникова А.В.	Никитина М.А.	237	Федина Р.Г.	464
Бойченко М.А.	Клочко И.В.	Никифорова О.В.	377	Федорова Е.А.	397
Букреева Е.Н.	Кобозева И.С.	Николаева Д.Р.	73	Филатов Е.А.	24
Бураченко А.И.	Кобылатова М.Ф.	Ниязова А.А.	89	Филимонов В.А.	462
	Коваленко П.С.	Новикова Е.С.	112	Филиппова Е.Ю.	340
В	Коваль В.В.	Норина Е.Э.	213	Фирсова Н.П.	164
Василишина Е.Н.	Кодзоков С.А.	О		Фомина А.А.	276
Везиров Т.Г.	Колесова С.В.	Окладникова Д.Р.	36	Фролова А.С.	291
Вековцева Т.А.	Кононов А.В.	Олександренко Е.В.	114	Х	
Викторов Д.В.	Коробченко А.А.	Олефир С.В.	162	Хадикова Е.Н.	143
Виницкая Н.В.	Космин В.С.	Опарин Р.В.	273, 525	Хаснулин В.И.	464
Воронова И.В.	Костин Е.Ю.	Орлова Е.А.	5, 11	Хачатурова А.А.	569
Ворошнина О.Р.	Котенев А.Д.	П		Холодных А.А.	297
	Коуров А.В.	Пескова Е.П.	219	Хомушку О.М.	489
Г	Кошелёва Л.Ю.	Петрова Н.Ф.	139	Хохлова Г.И.	36
Гавриленко М.В.	Красненкова Н.С.	Плешкова О.И.	401	Хынг Нгуен Куок	521
Гареев Д.Р.	Красноярова Б.А.	Поддубиков В.В.	467	Ц	
Гекман Н.А.	Кривых С.В.	Пономарев В.Д.	507	Цэцэгдарь У.	386
Гетман А.А.	Крылова Е.Н.	Поплавская М.В.	140	Ч	
Глухова Д.В.	Кудрина Е.Л.	Попов А.В.	337	Чебокакова И.М.	381
Грекова И.В.	Кулемзин А.М.	Потеряева Е.Л.	464	Чемчиева А.П.	473
Грибова О.В.	Кулемзин В.М.	Пронин С.В.	258	Черкасова И.И.	96
Гричин С.В.	Кулигина О.А.	Р		Чернышова Н.С.	42
Гумашвили И.Р.	Куликова Л.Г.	Рыбальчук Н.В.	258	Чернявская В.С.	172
	Кулиш В.В.	Пустоветова М.Г.	464	Чернявская В.С.	302
Д	Куницына Н.Н.	Равчеева Н.А.	415	Чиркунов И.В.	450
Давлеткулов А.Х.	Куприянова И.В.	Радионова И.Ю.	209	Чичканова И.Н.	217
Данилова А.А.	Курбанова А.М.	Разгонов В.Л.	268	Чупеева О.В.	118
Дворников Э.П.	Куст Т.С.	Рахимбаева И.Э.	159	Чухрова М.Г.	258
Деминская Л.А.	Кутькина О.П.	Родионова Д.Д.	515	Ш	
Дильмухаметов И.Т.	Кучер Н.Ю.	Романова Е.Н.	92	Шалимова Л.А.	70, 477, 486
Добрыня Ю.М.	Куц Е.Н.	Ротэряню Ю.М.	172	Шалкина Т.Н.	73
Добря М.Я.	Кызласов А.С.	Рыкова С.А.	533	Шамигулова А.Т.	336
Долинский Е.В.	Л	Рябов В.Н.	20	Шарабарина С.Н.	566
Домогашев О.С.	Лаптев И.Г.	Рябова А.А.	359	Швалева Т.А.	78
Дьякова Д.В.	Ларина Е.С.	Рябцева В.А.	500	Швецова И.В.	145
Дьячкова Е.С.	Ли Т.Т.	С		Шептенко П.А.	227
Дятлова А.А.	Лопаткин В.М.	Садыкова Э.Ф.	89	Шестакова И.В.	413
	Лопуха А.Д.	Сажнева С.В.	20	Шиманская А.Г.	462
Е	Еремеевский М.А.	Сайфулина Ф.С.	397	Шихмурзаева А.Б.	122
Евдошенко В.В.	Ермолаева Н.И.	Салчак А.Я.	408	Шкуратова Д.И.	435
Евсюкова Н.И.	Ефремов А.В.	Сапелкин В.С.	536	Шкуропацкая М.Г.	343
Ежов С.Г.	Ж	Сидорова А.Д.	67	Шлыкова А.И.	100
Еремеевский М.А.	Жаткин Д.Н.	Сизова Е.Р.	155	Шматов В.Г.	444
Ермолаева Н.И.	Жихарева Е.В.	Синицына Е.Г.	554	Шкорова Л.В.	420
Ефремов А.В.	Жуйкова Т.П.	Соколова А.А.	31	Шунков А.В.	404
	Журавлева О.В.	Соколовская И.Э.	258	Щ	
З		Сорокопуд Ю.В.	143	Щербакова М.В.	309
Замалетдинов Р.Р.		Соян А.М.	378	Ю	
Захарова Т.В.		Станкевич П.В.	46	Юдина А.И.	304
Зеленина Д.Е.		Сувандии Н.Д.	362	Я	
Зембатова Л.Т.		Султанбаева К.И.	94	Яйтакова А.В.	475
Зинченко А.А.		Сунчугашев Р.Д.	381	Ярычев Н.У.	197
Зотова Т.Н.		Сутченкова О.С.	562		

От редактора

НАМ 15 ЛЕТ

*«Habeat sua fata libeli»
/ Книжки тоже имеют свою судьбу/*

Пятнадцатилетие – это повод осмыслить свою деятельность. 15 лет назад, взявшись за журнальное дело, мы оказались в роли ростка, постоянно тянущегося к свету. Признаемся, сначала было сложно, но без трудностей не было бы того, что получилось. Сегодня хочется отдать должное прошлому. Известно, что уважение к минувшему – вот черта, отличающая цивилизацию от дикости и варварства.

Специализированный журнал «Мир науки, культуры, образования» является научным периодическим изданием. Он начал выпускаться в 1998 году под названием «Наука и образование». Рождению журнала способствовала попытка осмысления нашего времени. Мы поняли, что не может нормально жить человек, осознающий, что его прошлое ужасно, настоящее невыносимо, а будущее непредсказуемо. Мы считали, что наш журнал должен в значительной степени помогать понять, что у нас есть основание гордиться прошлым, а сегодня имеется потенциал, с которым можно двигаться в будущее.

Уже первый выпуск журнала на конкурсе подобных изданий среди регионов Сибири, Урала и Дальнего Востока, который проходил в Челябинске, занял первое место по нескольким номинациям: по содержанию, оформлению и грамотности. По предложению организаторов конкурса, шефство над нашим журналом взяло издательство Челябинского государственного педагогического университета (ЧГПУ) «Факел» и журнал стал выходить под российским грифом ISBN 5-85716-234-3. Третий номер журнала был посвящен 200-летию юбилею А.С. Пушкина и 70-летию юбилею В.М. Шукшина. Это издание существенно отличалось от предыдущих и называлось «Наука, культура, образование». Такому преобразованию способствовала Петровская академия наук и искусств, интегрирующая в себе науку и искусство, и ставшая нашим постоянным партнером по выпуску журнала.

Русский философ С.А. Франк как-то заметил, что «культура всегда была и есть таинственным единством, в котором прошлое и будущее живут в настоящем». Не менее загадочным является образование и наука, потому, что и образование, и наука в широком смысле слова – это Культура. Если Homo sapiens – эволюция, осознавшая себя; наука – процесс и результат этого осознания, культура – духовный мир, построенный человечеством, то образование – возможность осуществлять прогрессивное, а не регрессивное движение общества в будущее. В этом направлении мы и были и будем намерены совершенствоваться и углублять позиции своего журнала. Мы убеждены, что только такая гармония трех самостоятельных, но диалектически взаимосвязанных друг другом блоков – «Наука», «Культура», «Образование» – в состоянии создать те интегративные (в первую очередь духовные) качества людей, которые крайне необходимы в настоящее время российскому менталитету, потому что эти сферы позволяют сфокусировать внимание на Человеке.

Наши стремления были направлены на расширение круга общения в России и за рубежом. Поэтому мы разместили журнал в сети Интернет. Современные информационные технологии принесли свои плоды: на наш журнал обратило внимание Международное издательство в Париже, которое вышло с предложением о взаимодействии с редакцией. Так, в 2000 году журнал получил статус Международного (зарегистрирован в Центральном международном издательстве Paris France под его грифом).

В 2003 году Министерство Российской Федерации по делам печати предложило нам

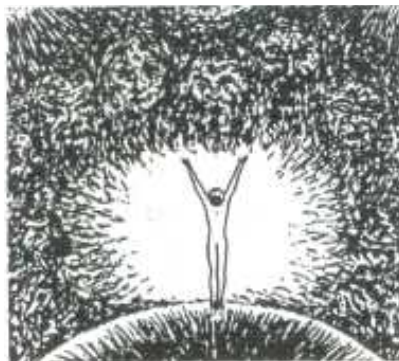
зарегистрировать журнал в России, но под названием «Мир науки, культуры, образования». В связи с этим, название журнала, зарегистрированное в Международном издательстве, было приведено в соответствие с российским названием. В мае 2007 года журнал был включен в Перечень реферируемых периодических изданий ВАК Российской Федерации, а 15 января 2008 года журнал вошел в научную электронную библиотеку Федерального агентства по науке и инновациям получил индекс научного цитирования (РИНЦ).

Таким образом, в настоящее время научный журнал «Мир науки, культуры, образования» является периодическим изданием, включенным в Перечень ВАК для докторских и кандидатских работ. Территория распространения журнала: Российская Федерация, страны СНГ, зарубежные страны. На страницах журнала освещаются результаты научных исследований специалистов в следующих разделах: «Искусствоведение», «История», «Культурология», «Медицина», «Педагогика», «Психология», «Социология», «Филология», «Философия», «Экономика», «Экология», «Юриспруденция». Каждый выпуск журнала изучает новые идеи в будущее и берет на себя очень важную миссию – не только нести готовые знания, но и потворствовать рождению новых знаний, что поддерживает «вечный огонь» в «теплушке» нашего журнала.

В научный редакционный совет, редакционную коллегию и институт экспертизы журнала входят такие известные ученые как академики РАО: Антонина Васильевна Усова (г. Челябинск), Шалва Александрович Амонашвили (г. Москва), Владимир Ильич Загвязинский (г. Тюмень); Василий Яковлевич Синько (г. Барнаул); академик РАЕН Анатолий Иванович Мартынов (г. Кемерово); академик социальных наук Юрий Ефимович Растов (г. Барнаул); член-корреспондент РАО Святослав Иванович Григорьев (г. Горно-Алтайск); академики ПАНИ Александр Иванович Субето (г. Санкт-Петербург) и Анатолий Викторович Петров (г. Горно-Алтайск); академик РАГН Николай Семенович Модоров (г. Горно-Алтайск); заслуженный работник народного образования Украины, доктор философских наук Борис Володимирович Новиков (г. Киев, Украина); профессор Технологического университета Бусов Богуслав (г. Брно, Чешская Республика); доктор наук, профессор Канзасского университета Джеральд Майкельсон (г. Канзас-Сити, США), доктор медицины, доктор психологии, профессор университета Ионеску Сербан (г. Париж, Франция) и другие российские и зарубежные ученые.

Редакционная коллегия журнала проникнута стремлением построить просвещенную жизнь вокруг журнала, позволяющую безгранично расширять общение людей. При общении, как точно заметил Шалва Александрович Амонашвили, – люди не только взаимодействуют друг на друга, не только обмениваются информацией, не только упорядочивают отношения между собой, но и реализуют свою человечность, свою индивидуальность и неповторимость, но и живут. Значит, наш журнал дает возможность жить, и мы стараемся, чтобы эта жизнь была духовной и интеллектуальной. Ибо никакая творческая индивидуальность не вырастает и не развивается на скудной духовной почве.

Если взглянуть на обложку «вчерашнего» нашего журнала, то можно увидеть мальчика, который символизирует «Росток, тянущийся к солнцу». Он с самого рождения

журнала являлся его живым символом, а сегодня этот Мальчик не только встал на ноги, но и прошел путь от Республики Алтай до Москвы и Парижа. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что «журналы рождаются в провинции, а расцветают в Париже и Москве». Это в полной мере относится и к нашему «символу», который родился в провинции, а прописался в Париже и Москве, имеет российское и международное гражданство. Он возмужал и изменился по форме и содержанию. Если его содержание определялось словами Антуана де Сент-Экзюпери «Росток, тянущийся к свету, всегда находит дорогу между камней», то сегодня этот мужественный человек, который уже нашел свою дорогу среди терний, произносит божественной силы слова: «Да будет свет, да стал свет!» (Бытие, Гл. I, с. 3).

Известную латинскую поговорку «Nabeat sua fata libeli» – «Книжки тоже имеют свою судьбу» мы относим непосредственно к нашему юбилейному журналу. Ему в этом году исполнилось 15 лет, и он сделал уже пятнадцать уверенных шагов по свету, в том числе 13 лет – в новом столетии и тысячелетии, осуществляя связь двух веков и двух тысячелетий.

Наш журнал мы рассматриваем как профессионального свидетеля этих эпох. Он открывает окно в мир науки, культуры и образования, через которые можно в любое время составить определенный портрет нашего общества. Мы прошли в развитии журнала следующие шаги: Республиканский уровень; Российский под крылом Уральского региона; Интернет; Международный уровень; Международный и самостоятельный Российский; Международный и Ваковский с российским индексом цитирования. Осталось сделать еще один важный шаг – войти в Международный индекс цитирования.

Такая эволюция журнала не только расширила географию и круг общения людей науки, но и привела к глубокому осознанию мысли Бернарда Шоу: «Человечество околдовано неудержимым движением науки, и только искусство способно вернуть его к реальности». В этом смысле искусство журналистики делает свое благородное дело.

Сегодня международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования» соответствует необходимым критериям для включения научного периодического издания в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий РФ: зарегистрирован как СМИ, имеет ISSN для online и print; имеются в наличии: подписной индекс ОАО «Роспечать», институт рецензирования для экспертной оценки рукописей, редакционная коллегия и научный редакционный совет, правила представления рукописей авторами, пристрастные библиографические списки у всех статей в формате, установленном журналом из числа предусмотренных действующим ГОСТом, аннотации и ключевые слова для каждой публикации; существует информационная открытость издания, двуязычный сайт в сети Интернет; аннотации статей, ключевые слова находятся в свободном доступе в сети Интернет на русском и английском языках, полнотекстовые версии статей находятся в сети Интернет в свободном доступе для подписчиков, существует строгая периодичность выпуска журнала и др.

Источником энергии, из которого мы черпаем силы, являются проводимые нами в рамках журнала Международные конференции. Сама идея о выпуске журнала как раз и родилась на конференции по проблемам развивающегося обучения и была вписана в решение конференции как рекомендация. Поэтому через конференции журнал набирает сил и энергию, постоянно подпитывается рекомендациями и предложениями по совершенствованию нашего издания.

Республика Алтай – это жемчужина не только России. Это во многом не тронутый цивилизацией уголок, это библейские места, где начинаются великие реки Бия и Катунь. Здесь расположены географический центр Евразийского континента и возможная прародина человечества. Великие культуры – русская, индийская, китайская, тюркская концентрируются на этой святой земле, о которой ходят легенды. Исследователи приписывают этим местам необычно интенсивный энергетический обмен между Зем-

лей и Космосом. Это идеальное место для мыслителей и деловых людей в самых различных областях науки. Это место способно разбудить мысль, активизировать творческую деятельность, дать людям надежду на возрождение России в международном сообществе цивилизованных стран.

Именно Алтай, в котором мы родились, из которого мы пошли в Мир науки, культуры, образования дает нам силы, энергию, чистоту помыслов и радость творческого общения со всем Миром людей, которых мы интегрируем своим изданием. При этом мы душой и телом принимаем мудрые слова нашего соотечественника Н. Рериха: **«Мы идем к истокам мудрости, это значит – к Востоку, это значит – к Алтаю».**

Нам повезло, что в уникальной Республике Алтай собрались люди, готовые вложить свои силы в журналистику в области науки. В юбилейном номере журнала нельзя не сказать о наших меценатах. **Меценаты – это совесть нашего времени и локомотив в развитии цивилизации.**

Шодоева Лидия Майнысовна – «крестная мать» журнала. Это она, будучи директором Аудиторской конторы «Веритас», первая изъявила желание финансово поддерживать **рождение** журнала и интуитивно, как настоящая мать, поверила в его светлое будущее. Она, случайно услышав по телевидению беседу о рождении журнала в Республике Алтай, захотела помочь этому «ростку, тянущемуся к свету». В этот день был мороз ниже сорока градусов, а она пришла в Горно-Алтайский университет, чтобы встретиться с главным редактором и предложить свою помощь. И она навсегда останется родной мамой нашего журнала.

Антародонов Юрий Васильевич – «крестный отец» журнала. Он, будучи генеральным директором Эколого-Экономического Региона «Алтай», поддержал процесс **становления** первых номеров журнала.

Марабян Сейран Хачатурович – истинный российский меценат – покровитель наук и искусств. Он, будучи предпринимателем, стал решать вместе с редакционной коллегией задачу **развития** журнала и в настоящее время фактически стал партнером и ведущим менеджером в издании современного Международного ВАКовского научного журнала.

Мы сердечно поздравляем всех авторов, читателей журнала и своих меценатов с пятидесятилетием, радуемся, что география, охватываемая журналом с каждым выпуском растет как за счет печатной, так и электронной версии журнала и рассматриваем эту дату как очередной этап к совершенствованию нашей совместной деятельности. Именно наше с вами **деяние**, а не просто **слово** является **началом и продолжением бытия** журнала. **Многое лета ему, многое лета!**

Следует понимать, что все наши с вами дела уходят не в прошлое, а в будущее. Поэтому мысли о будущем продолжают жить в наших планах, авторских статьях и просто в мечтах. В этом смысле мы не просто выпускаем периодический журнал, а являемся соавторами книги судьбы человечества в новом веке и новом тысячелетии, в которую каждый из нас вписывает строку своей жизни.

В год пятидесятилетия журнала, который совпал с наступающим Новым годом, желаем всем своим авторам в прошлом, авторам в настоящем и в будущем удач, много бессонных, но плодотворных ночей, творческих мучений и радости познания, озарения, открытий. И со всем этим приглашаем вас на страницы нашего журнала, где вы и поделитесь своими успехами со всеми, кто является читателями и почитателями нашего издания.

*Главный редактор журнала,
доктор педагогических наук, профессор,
академик ПАНИ, международный
журналист, заслуженный работник высшей школы РФ
заслуженный научный деятель Республики Алтай*

А.В. Петров

Раздел 1

ЭКОНОМИКА

Редакторы раздела:

ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА - доктор экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА – доктор экономических наук, проректор по НИР, зав. каф. бухучета и аудита (г. Владивосток)

УДК 336.025

Orlova E.A. THE ACCOUNTING POLICY OF THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY FOR TAX INSPECTION.

The article gives reasons for the necessity to develop tax accounting policy based on the specificity of National Research University activity. It formulates the main aim of accounting policy and its function. The article also contains a description of accounting policy structure, its purpose and questions which should be covered in the accounting policy.

Key words: national research university, tax accounting policy, the specificity of activity, optimization.

E.A. Орлова, соискатель Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, начальник управления финансов, учета и отчетности, ННГУ, г. Нижний Новгород, E-mail: orlova@unn.ru

УЧЕТНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЦЕЛЯХ НАЛОГОВОГО УЧЕТА

В статье обоснована необходимость разработки налоговой учетной политики с учетом специфики деятельности национального исследовательского университета. Сформулирована основная цель учетной политики и её функции. Статья также содержит описание структуры учетной политики, её назначение и вопросы, которые должны быть освещены в учетной политике.

Ключевые слова: национальный исследовательский университет, налоговая учетная политика, особенности деятельности, оптимизация.

Тщательно разработанная и подготовленная учетная политика для целей бухгалтерского учета является базой для подготовки и дальнейшей разработки налоговой учетной политики. Следует отметить, что организация налогового учета в научно-исследовательском университете (НИУ) имеет некоторые особенности.

Основная сфера деятельности НИУ финансируется как за счет бюджетных ассигнований, так и за счет иных источников (грантов, субсидий, пожертвований, иных целевых средств, договоров с физическими лицами на оказание услуг в сфере платного образования и т.п.). Кроме того некоторые программы могут иметь смешанное финансирование, либо предполагают софинансирование со стороны ВУЗов. В связи с этим при разработке учетной политики для целей налогового учета важнейшей задачей является тщательная её проработка, чтобы правильно классифицировать все виды доходов и учесть их в соответствии с синтетическим и аналитическим учетом, который регламентируется в учетной политике для целей бухгалтерского учета, а также определить соответствующий режим налогообложения для каждого вида доходов.

В связи с тем, что организации, ведущие образовательную деятельность, с 01.01.2011 вправе применять нулевую ставку по налогу на прибыль, в учетной политике необходимо отразить информацию об использовании предоставленного права, **при соблюдении условий**, установленных ст. 284.1 НК РФ.

Причем наиболее важным для ННГУ условий является наличие не менее 90 процентов доходов за налоговый период от осуществления образовательной деятельности, а также от выполнения научных исследований и (или) опытно-конструкторских разработок, в общей массе доходов, учитываемых при определении налоговой базы по налогу на прибыль.

Далее необходимо решить задачу по организации учета расходов будущих периодов. В связи с тем, что в отличие от плана счетов, применяемого коммерческими организациями, в плане счетов бюджетного учета отсутствует аналог счета "Расходы будущих периодов". При организации налогового учета бюджетные учреждения не могут отражать на нем в рамках бухгалтерского учета расходы, произведенные в текущем периоде, но подлежащие отнесению на уменьшение облагаемой базы только в следующих периодах. В результате данные учреждения не имеют возможности в указанном случае не вести налоговый учет, заменяя его бухгалтерским [1].

Существенной долей расходов, учитываемой в целях налогового учета, является амортизация. В отличие от коммерческих учреждений переоценка активов бюджетных учреждений объявляется государственными органами, поэтому в соответствии с требованиями ст. 257 НК РФ организация налогового учета амортизации, например, основных средств в связи с несопадением их стоимости для целей бухгалтерского и налогового учета является для них обязательным мероприятием [1].

Качественное ведение налогового учета невозможно обеспечить без тщательно продуманной и грамотно составленной учетной политики для целей налогообложения. От того, насколько полно все тонкости исчисления налогов будут учтены во внутреннем нормативном документе университета, зависит не только величина налоговых платежей, но и финансовое благополучие в целом.

Действующее сегодня налоговое законодательство России предоставляет налогоплательщикам определенную свободу при составлении своей налоговой политики, так как, помимо строго закрепленных правил налогового учета, гл. 25 Налогового кодекса Российской Федерации, зачастую либо предоставляет налого-

плательщику возможность выбора, либо обязывает его принять самостоятельное решение по тому или иному вопросу [2].

В целях налогообложения под учетной политикой понимается выбранная налогоплательщиком совокупность допускаемых Налоговым Кодексом РФ способов определения доходов и (или) расходов, их признания, оценки и распределения, а также учета других, необходимых для целей налогообложения показателей финансово-хозяйственной деятельности. Такое определение налоговой политики закреплено в ст. 11 НК РФ.

Учитывая это, можно отметить, что элементами налоговой политики являются лишь те моменты учета, в части которых п. 25 НК РФ предоставляет возможность выбора.

Целью формирования учетной политики для целей налогообложения является формирование и документальное закрепление принципов организации налогового учета, форм его ведения, а также порядка отражения в нем осуществляемых финансово-хозяйственных операций.

Основная функция учетной политики учреждения для целей налогообложения – определить объекты налогового учета, организации учета которых для целей налогообложения отличается от организации бюджетного учета аналогичных операций, в целях выявления сумм доходов и расходов учреждения, отражаемых в бюджетном, но не учитываемых в налоговом учете и наоборот [3].

Учетная политика Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского закреплена приказом руководителя. Установленной формы этого документа нет, поэтому она может быть произвольной. В случае ННГУ, положения учетной политики вписаны в текст приказа.

Как правило, учетная политика состоит из двух разделов: общего и специального. В общем разделе отражаются организационно-технические вопросы, а именно правила ведения налогового учета (какое подразделение ведет налоговый учет или лицо, ответственное за его ведение), порядок документооборота при ведении налогового учета, порядок ведения налогового учета в структурных подразделениях и представления данных в головной офис (при их наличии) и т.д. В специальном разделе указывается порядок формирования налоговой базы [4].

Основные элементы учетной политики представлены в таблице 1.

Следует отметить, что к подготовке учетной политики в целях налогообложения необходимо подойти особенно внимательно. Поэтому при формировании учетной политики для целей налогообложения нужно исходить из того, что грамотно сформированная учетная политика может помочь в решении таких задач, как:

1) оптимизация налогообложения. Искусство формирования учетной политики заключается в выборе оптимальных для данной организации способов учета, позволяющих на законном основании снизить налоговую нагрузку;

2) оптимизация трудозатрат. Ведение налогового учета по правилам, аналогичным правилам бухгалтерского учета, конечно же, упрощает работу бухгалтерии;

3) снижение риска спора с налоговым органом. Чем подробнее в учетной политике определены правила ведения учета в каждом конкретном случае, тем сложнее проверяющим оспорить правомерность их применения. Главное, чтобы закрепленные в учетной политике правила не противоречили нормам действующего законодательства [3].

В составе Управления финансов учета и отчетности ННГУ создан отдел налогового учета, который занимается вопросами формирования и подготовки учетной политики университета в целях налогообложения, а также решает задачи по формированию налоговой отчетности, сдачи её в налоговые органы и осуществлению стратегического и текущего налогового планирования.

В учетной политике следует регламентировать следующие вопросы:

- выбрать порядок учета основных средств и нематериальных активов, закрепить методы начисления амортизации. При этом, сумма начисленной амортизации принимается для целей налогообложения прибыли пропорционально объему средств, полученных от предпринимательской деятельности, в общей сумме доходов (включая средства целевого финансирования);
- выбрать порядок учета и списания стоимости материальных запасов (по фактической или по средней стоимости);
- уточнить перечень прямых и косвенных расходов учреждения;

- уточнить порядок распределения транспортных и коммунальных затрат, а также расходов на оплату услуг связи и содержание нефинансовых активов;

- уточнить классификацию для целей налогообложения прибыли платежей в возмещение коммунальных и прочих расходов учреждения арендаторами закрепленного за ним имущества;

- описать порядок учета всех возможных отклонений налогового учета от бюджетного;

- при наличии убытков будет ли использовано право переноса их на будущее в соответствии со статьей 283 Налогового Кодекса;

- закрепить порядок расчетов с бюджетом, в том числе, по обособленным подразделениям;

- регламентировать формы, а также порядок оформления и ведения регистров налогового учета.

Предполагается, что налоговую учетную политику применяют с момента создания и до момента ликвидации организации. Поэтому, если она не меняется, каждый год снова принимать ее не надо. Налоговая учетная политика, срок действия которой в приказе не ограничен календарным годом, применяется вплоть до момента утверждения новой учетной политики. При необходимости в принятую учетную политику можно вносить поправки, оформленные отдельным приказом. Впрочем, если изменений много, целесообразнее принять новую учетную политику [4].

Изменения в учетную политику можно вносить в двух случаях:

1) если организация решила изменить применяемые методы учета;

Структура учетной политики ННГУ

Таблица 1

Общий раздел	Специальный раздел
Приказ «Об учетной политике для целей налогового учета в 2009 году» № 19-ОД от 09.02.2009.	
Положение «Об учетной политике для целей налогового учета»	
Положение «Об учетной политике по налогу на прибыль»	
1. Общие положения. 2. Раздельный учет доходов и расходов.	3. Порядок учета доходов в целях н/о. 7. Формирование расходов, учитываемых при н/о. 8. Доходы и расходы будущих периодов. 4. ОС и НМА. 5. Материальные расходы. Метод оценки материалов. 6. Расходы на оплату труда. 9. Учет для целей налогообложения убытков. 10. Расчеты с бюджетом.
Положение «Об учетной политике по налогу на добавленную стоимость»	
1. Общие положения. 3. Особенности определения налоговой базы налоговыми агентами. 4. Налоговые ставки. 5. Налоговые вычеты. 7. Счета-фактуры. Книги покупок. Книги продаж.	2. Порядок определения налоговой базы. 6. Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет. Порядок и сроки уплаты налога. 8. Ведение учета. Контроль.

2) если внесены изменения в законодательство о налогах и сборах.

Таким образом, с помощью учетной политики обеспечивается прозрачность и достоверность учета, оптимизация объемов и сроков налоговых платежей, снижение трудоем-

кости и унификация учетных процедур, решение многих других управленческих и учетных задач. От правильного понимания учетной политики, ее оформления, раскрытия во многом зависит экономическая эффективность деятельности университета.

Библиографический список

1. Путеводитель по налогам: практич. пособ. по налогу на прибыль, 2013 (с использованием системы «Консультант Плюс»).
2. Анищенко, А.В. Учетная политика для целей налогообложения // Налоговый вестник. – 2010. – № 1.
3. Крутякова, Т.Л. Годовой отчет 2012. – М., 2012 (с использованием системы «Консультант Плюс»).
4. Годовой налоговый отчет 2013: электронная книга [Э/р]. – Р/д: [http://e.rnk.ru/book.aspx?mid=11949]

Bibliography

1. Putevoditel po nalogam: praktich. posob. po nalogu na pribihlj 2013, (s ispoljzovaniem sistemih «Konsuljtant Plyus»).
2. Anithenko, A.V. Uchetnaya politika dlya celey nalogoblozheniya // Nalogovihy vestnik. – 2010. – № 1.
3. Krutyakova, T.L. Godovoy otchet 2012. – M., 2012 (s ispoljzovaniem sistemih «Konsuljtant Plyus»).
4. Godovoyj nalogovihy otchet 2013: ehlektronnaya kniga [Eh/r]. – R/d: [http://e.rnk.ru/book.aspx?mid=11949]

Статья поступила в редакцию 09.10.13

УДК 336.7

Kotenev A.D. ASSESSMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC IMPACT OF IMPLEMENTATION OF AGRICULTURE REGION IN FOREIGN TRADE. The problems associated with the development of agriculture in the region in foreign trade. Proposed use of the concept of SED APK from a regional perspective

Key words: region, the concept of development, regional characteristics, and trade, agriculture.

А.Д. Котенев, преп. ФГКОУ ВПО «Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России» г. Михайловск, E-mail: kot_sasha81@mail.ru

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены проблемы, связанные с развитием агропромышленного комплекса региона при осуществлении внешнеторговой деятельности. Предложено использование концепции развития ВТД АПК с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: регион, концепция развития, региональные особенности, внешнеторговая деятельность, агропромышленный комплекс.

Основная необходимость государственной и региональной поддержки агропромышленного комплекса (далее – АПК) региона – это твердая ориентация государства, края, как субъекта Федерации на обеспечение продовольственной безопасности через насыщение его продовольственного рынка за счёт интенсификации краевого АПК, в свете вступления в ВТО.

Рассматривая этот аспект надо исходить из того, что ни одна отрасль в крае не сможет эффективно возрождаться и функционировать, если не будет отдан приоритет экономике, а не политике. Первоначальным основным шагом должно быть возвращение под эгиду государства (в нашем случае субъекта РФ – края) основных сосудов краевой экономики – энергетики, топливной промышленности, всех видов транспорта, определяющих наполнение краевого бюджета. В этом случае станет возможным снижение тарифов и стабильная работа предприятий АПК за счёт снижения себестоимости продукции, повышения её конкурентоспособности и снижения темпов инфляции. Это необходимо, прежде всего, из-за «открытия» товарных границ при вступлении в ВТО, так как сельскохозяйственная продукция не только края, но и России в целом, пока не способна выдержать ценовую конкуренцию на аналогичную импортную продукцию [1].

Одной из основных проблем, связанных с реализацией комплексных мероприятий и программ в России, является их несвоевременное и не стопроцентное финансирование. Причём недостаток реформ АПК края и России в целом, обусловлен действием целого ряда социально-экономических факторов и носит системный характер.

Так, стабилизация и развитие высокоэффективного сельскохозяйственного производства на основе достижений научно-

технического прогресса, а также политики государственного регулирования и поддержки субъектов АПК, занимающихся внешнеторговой деятельностью (далее – ВТД) предполагает достижение ряда целевых индикаторов и показателей. Данные индикаторы и показатели целесообразно включить помимо прочего в Концепцию развития ВТД АПК региона (далее – Концепция), являющейся по сути системой положений и принципов, направленных на создание условий развития ВТД АПК региона.

Важнейшим направлением реализации Концепции развития ВТД АПК региона является обеспечение финансовой поддержки экономически эффективных программ развития АПК, на основе конкурсного отбора с последующим мониторингом промежуточных и конечных результатов со стороны государства.

Принципами реализации программ финансовой поддержки экономически эффективных программ развития АПК, в том числе занимающихся ВТД, являются следующие:

- ориентировка на достижение максимального эффекта;
- доступность информации о проводимой государством финансовой политики в области развития ВТД АПК;
- прозрачность в проведении процедуры отбора перспективных проектов;
- инновационность подхода в применяемом механизме реализации запланированных мероприятий;
- соблюдении экономичности и экологичности в решении поставленных задач;
- гарантированность исполнения государством взятых на себя обязательств перед сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Финансовая поддержка АПК имеет довольно сложную структуру, объединяющую элементы бюджетной, налоговой, страхо-

Таблица 1

Распределение опрошенных выпускников школ Ставропольского края к выбору учебного заведения* (человек)

№ п/п	Учебное заведение	Класс	
		9	11
1.	Среднеспециальное учебное заведение сельскохозяйственного профиля	7	3
2.	Среднеспециальное учебное заведение несельскохозяйственного профиля	36	12
3.	Высшее учебное заведение сельскохозяйственного профиля	9	16
4.	Высшее учебное заведение несельскохозяйственного профиля	48	69
Итого:		100	100

* – в качестве респондентов выступали выпускники школ г. Михайловска и г. Ставрополя Ставропольского края.

вой систем государства, участвующих в финансовом обслуживании агропромышленного производства и социальной сферы села [2]. В связи с чем основными функциями финансовой поддержки АПК, являются:

- во-первых, формирование и использование фондов финансовых ресурсов: бюджетных, социального страхования, специальных фондов сельскохозяйственных предприятий;

- во-вторых, воспроизводственная функция связана с обеспечением сбалансированности движения материальных ресурсов на всех стадиях кругооборота капитала в процессе воспроизводства на предприятиях АПК;

- в-третьих, стимулирующая функция, направленная на ускоренное развитие инвестиционно-инновационной деятельности предприятий данного сектора и решение социальных проблем;

- в четвертых, контрольная функция, позволяющая осуществлять совокупность мероприятий по контролю правильно и своевременного формирования фондов денежных средств. Их целенаправленного использования с применением специфических форм и методов финансового контроля.

Развитие системы позиционирования на международных рынках экспортоориентированной продукции АПК региона является неотъемлемым шагом на пути развития интеграции региона. Продвижение на международных рынках продукции АПК региона возможно путем проведения выставочно-ярмарочных мероприятий, которые будут способствовать динамичному развитию экономического потенциала СКФО, привлечению дополнительных инвестиций в АПК субъектов региона, реализации перспективных инновационно-ориентированных проектов, направленных на развитие экспортного потенциала сельскохозяйственных товаропроизводителей региона [3].

С целью проведения комплексной системы маркетинга продукции АПК региона, необходимо решение ряда проблем, основной из которых является нехватка выставочных площадей международного уровня, а также дефицит специализированных кадров, способных организовать и провести указанные мероприятия.

Перемены, характерные для современного АПК региона, обуславливают необходимость координальной перестройки системы профессионального образования. С этой целью возникает необходимость в формировании научной, научно-образовательной и научно-производственной сфер, которые могли бы стать реальным действенным фактором научного обеспечения эффективного развития АПК.

В настоящее время в СКФО действует 8 институтов системы Россельхозакадемии и министерства сельского хозяйства России, 7 сельскохозяйственных опытных станций, а также 4 вуза аграрного профиля:

- Ставропольский государственный аграрный университет;
- Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия;
- Горский государственный аграрный университет;
- Дагестанская государственная сельскохозяйственная академия.

К важнейшим направлениям подготовки, переподготовки, а также повышения квалификации кадров, занимающихся внешнеэкономической деятельностью в аграрном секторе экономи-

Библиографический список

1. Котенев, А.Д. Реализация концепции развития внешнеторговой деятельности АПК региона // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2011. – № 21.
2. Романова, Т.Ф. Оценка тенденций изменения форм финансовой поддержки АПК в регионе // Финансовые исследования. – 2007. – № 14.

ки края следует отнести интеграцию науки и образования как важнейшего фактора сохранения и развития научного потенциала использования совместной научно-экспериментальной базы в образовательном процессе и проведения научных исследований в учреждениях высшей школы [4].

В целях установления отношения выпускников школ к выбору высшего или среднеспециального учебного заведения был проведен опрос, результаты которого представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что лишь 16 выпускников из числа одиннадцатиклассников готовы поступать в высшие учебные заведения сельскохозяйственного профиля, что составило 16% из числа опрошенных, в то время как в вузах несельскохозяйственного профиля изъявили желание учиться 69% респондентов. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении школьников девятого класса: лишь 9% готовы учиться в ВУЗах сельскохозяйственного профиля. Как правило, выбор будущей профессии обусловлен действием ряда факторов, важнейшими из которых являются:

- советы родителей;
- наличие финансовых возможностей;
- возможность дальнейшего трудоустройства по выбранной профессии;
- профориентационная работа учебных заведений, проводимая в школах.

Нехватка специалистов высокого профиля в системе АПК региона связана также с «непрестижностью» работы в отрасли. В связи с чем, необходимо создание положительного образа работника АПК, путем широкого позиционирования проводимых регионом конкурсов и программ, отмечающих успехи работников сельского хозяйства («Лучший по профессии», «Лучший комбайнер» и т.д.). Кроме этого необходимо увеличение количества мест в ВУЗах и СУЗах по специальностям, востребованным в АПК региона, финансируемых за счет средств федерального бюджета до 50% от общего контингента обучаемых по данным специальностям.

Подготовка высококвалифицированных кадров занимающихся внешнеторговой деятельностью в системе АПК региона будет способствовать решению проблем, связанных с развитием информационных и консультационных услуг для лиц, занимающихся экспортно-импортными операциями.

Консультационно-мониторинговые пункты целесообразно организовывать в форме консультационного органа районных отделений министерства сельского хозяйства Ставропольского края. Форма оказания консультационных услуг – консультирование субъектов хозяйствования через Интернет (чат, видеоблог или видео-конференция), с привлечением научных работников системы АПК, а также специалистов Федеральной таможенной службы.

Такой формат работы будет способствовать оперативному решению возникающих проблем, а также распространению передового отечественного и зарубежного опыта работы товаропроизводителей агропромышленного комплекса, занимающихся экспортно-импортными операциями. Динамичное и эффективное развитие сельского хозяйства должно стать не только предпосылкой успешного решения накопленных в АПК региона структурных, финансовых и социальных проблем, но и обеспечить решение проблемы продовольственной безопасности края в рассматриваемой перспективе.

3. Воропинова, О.А. Экономические, социальные и правовые проблемы развития территорий Северо-Кавказского федерального округа и направления их решения / О.А. Воропинова, А.Д. Котенев. – Ставрополь, 2013.
4. Котенев, А.Д. Механизм регулирования процессов развития ВТД АПК региона // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2011. – № 8.
5. Оразалиев, А.А. Человеческий капитал как фактор экономического роста и развития сельского хозяйства России / А.Д. Котенев, Л.И. Черномордов // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 11(218).
6. Котенев, А.Д. Формирование концепции развития внешнеторговой деятельности агропромышленного комплекса региона // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 12.
7. Котенев, А.Д. Моделирование инновационных процессов развития внешнеторговой деятельности регионального агропромышленного комплекса // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2013. – № 3(40).

Bibliography

1. Kotenev, A.D. Realizaciya koncepcii razvitiya vneshnetorgovoy deyatel'nosti APK regiona // Vestnik universiteta (Gosudarstvenniy universitet upravleniya). – 2011. – № 21.
2. Romanova, T.F. Ocenka tendenciy izmeneniya form finansovoy podderzhki APK v regione // Finansovye issledovaniya. – 2007. – № 14.
3. Voropina, O.A. Ekonomicheskie, social'nye i pravovye problem razvitiya territoriy Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga i napravleniya ikh resheniya / O.A. Voropina, A.D. Kotenev. – Stavropolj, 2013.
4. Kotenev, A.D. Mekhanizm regulirovaniya processov razvitiya VTD APK regiona // Vestnik universiteta (Gosudarstvenniy universitet upravleniya). – 2011. – № 8.
5. Orazaliev, A.A. Chelovecheskiy kapital kak faktor ekonomicheskogo rosta i razvitiya sel'skogo khozyaystva Rossii / A.D. Kotenev, L.I. Chernomordov // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. – 2011. – № 11(218).
6. Kotenev, A.D. Formirovanie koncepcii razvitiya vneshnetorgovoy deyatel'nosti agropromishlennogo kompleksa regiona // Vestnik universiteta (Gosudarstvenniy universitet upravleniya). – 2012. – № 12.
7. Kotenev, A.D. Modelirovanie innovacionnykh processov razvitiya vneshnetorgovoy deyatel'nosti regional'nogo agropromishlennogo kompleksa // Vestnik universiteta (Gosudarstvenniy universitet upravleniya). – 2013. – № 3(40).

Статья поступила в редакцию 09.10.13

УДК 338.24

Tagaverdieva D.S. DEVELOPMENT OF THE STOCK MARKET AS A TOOL TO ATTRACT INDUSTRIAL INVESTMENTS IN THE REGION. This article discusses the need for investment in the region to overcome the industrial decline and improve the quality of life of the population through the development of the stock market. The problem arose from the lack of financial markets, which in turn leads to a shortage of investment in the region.

Key words: investments, stock market; industry, financial institutions, bonds.

Д.С. Тагавердиева, канд. эконом. наук, ст. преп. каф. экономической теории ГАОУ ВПО «Дагестанский гос. институт народного хозяйства», г. Махачкала, E-mail: tagaverdieva@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ФОНДОВОГО РЫНКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РЕГИОНА

В данной статье рассматривается необходимость привлечения инвестиций в регион с целью преодоления промышленного спада и повышения качества жизни населения, посредством развития фондового рынка. Данная проблема возникла в связи с неразвитостью финансовых рынков, что, в свою очередь, приводит к дефициту инвестиций в регионе.

Ключевые слова: инвестиции; фондовый рынок; промышленность; финансовые институты; облигации.

Для эффективной инвестиционной политики большое значение имеют развитие приоритетных отраслей народного хозяйства, укрепление его конкурентоспособности и развитие научно – исследовательских отраслей производства. Сложившаяся в настоящее время ситуация в экономике Республики Дагестан требует ускоренного развития и расширения фондового рынка, а также повышение его роли в получении финансовых ресурсов и перераспределения капитала в экономике Дагестана. Проведенное нами исследование позволило выявить проблему нераз-

витости финансовых рынков, которая тормозит привлечение внешних финансовых ресурсов на предприятиях республики. Большое значение для экономики, в области привлечения инвестиций, играет оживление бизнеса финансовых институтов, что невозможно без технологической модернизации предприятий, обновление основных фондов (износ которых составляет 60-70%). В области инвестиционного бизнеса в Республике дело обстоит сложнее. После 1998 г. ситуация в финансовой сфере значительно изменилась. Во – первых кардинально уменьшился ин-

Таблица 1

Основные показатели социально-экономического положения Северокавказского федерального округа в 2011 г.

	Республика Дагестан	Кабардино-Балкарская Республика	Республика Осетия-Алания	Ставропольский край
Валовой региональный продукт, в расчете на душу населения, рублей	97299,5	74377,8	92881,5	102414,9
Выпуск продукции сельского хозяйства, в расчете на душу населения	49,892	38,919	24,254	55,4
Оборот розничной торговли, в расчете на душу населения	9,58	7,567	10,991	11,524
Денежные доход, в расчете на душу населения	19301,4	12000,6	15402,1	14918,2
Общая численность безработных, тыс. чел.	40,2	220	150	93,6
Потребительские расходы, в расчете на душу населения	14422,4	8465	8466,3	12377,4

Объем инвестиций, привлеченных российскими предприятиями на фондовом рынке (млрд. долл.)

Годы	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего	6,8	6,5	7,0	8,3	8,4	8,9	9,3	9,7

Источник: Материалы агентства инвестиций и внешнеэкономических связей РД за соответствующие годы

терес к Республике Дагестан со стороны иностранных инвесторов. Во-вторых, сегодня наблюдается повышение денежной платежеспособности банков. При этом возрастает потребность в эффективных методах финансирования реального сектора, т.е. формирования каналов поступления средств инвесторов к организациям, которые намерены эти средства использовать эффективно [1].

Таким образом, главным в технологии инвестирования является возможность создать инструмент, способный гарантировать безопасность его инвестиций. Здесь справедливо возникает вопрос о социально-экономическом потенциале региона, есть ли потребность в инвестициях? Важным показателем оценки потенциала республики является валовой региональный продукт, который характеризует экономическое развитие региона, эффективность функционирования отдельных отраслей.

Основные показатели социально-экономического положения представлены в таблице 1.

В целом, можно сделать вывод, что Республика Дагестан обладает определенным потенциалом в плане социально – экономического развития. Центральной проблемой экономики республики является преобладающая доля сбережений, сконцентрированных, в основном, у населения и размещенных в валютных ценностях, что оказывает сдерживающее влияние на экономическое развитие республики. Тем самым можно сказать, что Дагестан является республикой с достаточным промышленным потенциалом. На 01.01.2011 г. в республике Дагестан зарегистрировано 5,7 тыс. предприятий по производству и выпуску промышленной продукции. Вместе с тем важнейшим условием устойчивого роста национальной экономики России является постоянный приток инвестиционных ресурсов (таблица 2).

Как видно из данных, приведенных в таблице, за последние годы в России приток инвестиции увеличились, однако этих объемов инвестиций недостаточно для полномасштабной модернизации экономики. Среди главных проблем развития промышленности можно выделить высокую степень изношенности производственных мощностей, дефицит квалифицированной рабочей силы, доступность кредитных ресурсов. Проведенное исследование позволило сделать следующий вывод: в 2011 г. инвестиции в основной капитал выросли на 27, 8%, и их объем составил 20721,3 млн. руб. В структуре инвестиций в 2010 г. доля строительства составляет – 31,9%, промышленность – 17,4%, транспорт – 11,9%, ЖКХ – 29,4%, с/х – 2,4%, медицина – 2,9%, образование – 2,8%. [2]

Для решения проблем, в области фондового рынка, необходимо создать условия для привлечения инвестиций, одним из которых, по нашему мнению, является эффективность функционирования фондового рынка. Эффективное функционирование фондового рынка зависит не только от налаженной работы банковской системы, но и от ряда других немаловажных факторов: ускорение развития и расширение фондового рынка; повышение его роли в получении инвестиций; перераспределение капитала в региональной экономике; обеспечение развития корпоративных ценных бумаг.

В настоящее время на фондовом рынке в республике не наблюдается никакой активности. Исходя, из этого акции дагестанских предприятий не могут быть оценены рынком должным образом. Большую роль при привлечении инвестиций могут сыграть создание градообразующих акционерных предприятий, способных положительно повлиять, в целом, на развитие фондового рынка и формирование стратегически квалифицированных инвесторов, которые могут явиться гарантом инвестиционного климата в республике. На ряду с вышеизложенным, большое значение при привлечении внешних инвестиций может оказать использование современных рыночных методов. Целесообразным будет создание локального рынка корпоративных облигаций, который является гибким способом мобилизации капитала для эмитента и вложения средств для инвестора. Облигации, в отличие от акций, относят к малорисковым ценным бумагам. Достаточно очевидно, что выпуск облигаций обладает рядом преимуществ перед кредитом банка, т.к. облигации являются альтернативным банковским вложением капитала. Поэтому доходность по облигациям сравниваются с процентами по банковскому вкладу, а не по кредиту. Тем не менее, предприятия реального сектора экономики не торопятся их выпускать, не смотря на возможности рынка корпоративных облигаций.

Можно перечислить некоторые причины несостоятельности корпоративных облигаций: во-первых, это консерватизм управляющих акционерных обществ; во-вторых, не ориентированность Дагестана на активное использование потенциала рынка ценных бумаг; в-третьих, высокая стоимость облигационных займов.

В целом, все вышеперечисленные проблемы создают препятствия для развития рынка корпоративных облигаций, но, несмотря на существующие ограничения, во многих отраслях региона и субъектах РФ, объем размещенных корпоративных облигаций растет (рис. 1).

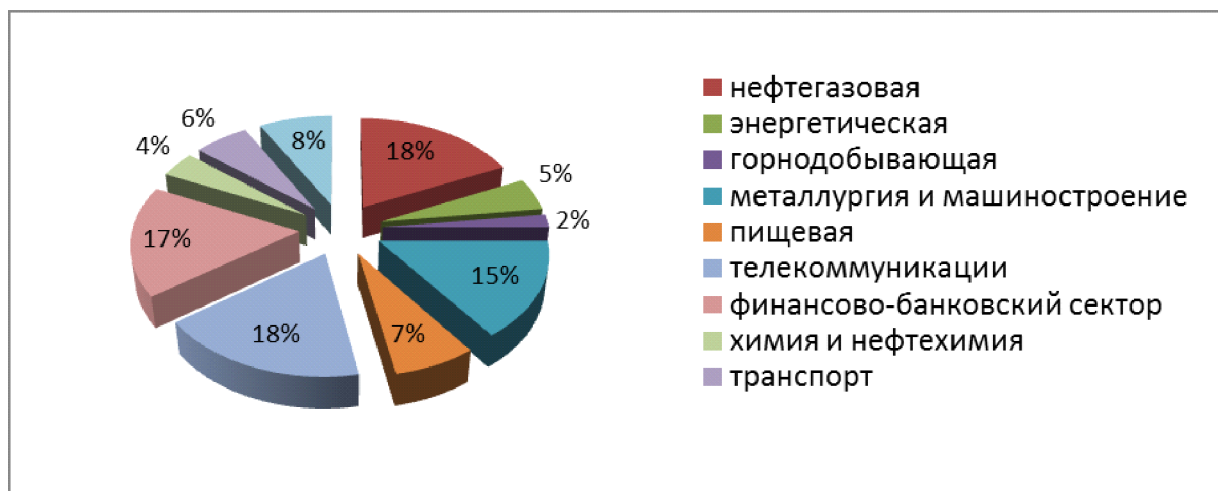

Рис. 1. Размещение корпоративных облигаций по отраслям

На наш взгляд, Республика Дагестан обладает рядом положительных факторов, благоприятно влияющих на развитие рынка корпоративных облигаций: инфраструктура фондового рынка России, которая обеспечит приток финансовых ресурсов на предприятия; инвестиционный потенциал различных негосударственных фондов; положительные сдвиги, как в российской экономике, так и в региональной; развитие регионального инвестиционного законодательства. Эмиссия облигаций привлекательна для эмитента, т.к. открывает для предприятия прямой источник привлечения инвестиций, не затрагивая отношения собственности.

На основе проведенного анализа, мы пришли к выводу, что создание корпоративных облигаций может явиться эффективным инструментом привлечения инвесторов в сложившейся рыночной ситуации. С целью развития фондового рынка, необхо-

димо принять ряд мер, в числе которых: создание нормативно-правовой базы регулирования финансовых институтов; создание региональной ассоциации участников фондового рынка; стимулирование осуществления эмиссий акций промышленных предприятий, что приведет к увеличению количества обращающихся на рынке акций; предоставление льгот местными властями с целью поддержки инвестиций; формирование инвестиционной открытости и привлекательности региона; формирование инвестиционной инфраструктуры.

В целом, проведенное исследование позволило нам выработать инструменты, внедрения и использование которых позволит вывести промышленный сектор экономики на качественно новый уровень.

Библиографический список

1. Дибирова, М.М. Совершение механизма управления акционерным капиталом в промышленном комплексе Республики Дагестан. – Махачкала, 2006.
2. Россия в цифрах 2011 г. [Э/р]. – Р/д: financepro.ru

Bibliography

1. Dibirova, M.M. Sovershenie mekhanizma upravleniya akcionernim kapitalom v promishlennom komplekse Respubliki Dagestan. – Makhachkala, 2006.
2. Rossiya v cifrah 2011 g. [Eh/r]. – R/d: financepro.ru

Статья поступила в редакцию 09.10.13

УДК 336.025

Mizikovskiy E., Orlova E. **ORGANOZATIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF ACCOUNTING IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM.** The article detects the core, traditional accounting practice in the universities, its main disadvantages. It considers the transformation stages of classical university accounting into National Research University accounting. The article concludes about the necessity of differentiated approach to the accounting systems in universities with different status.

Key words: national research university, management and accounting, accounting structure.

Е.А. Мизиковский, д-р эконом. наук, проф., зав. каф. бухгалтерского учета, анализа и аудита финансового факультета Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,

E-mail: uskov@fnf.unn.ru; **Е.А. Орлова**, соискатель Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, E-mail: orlova@unn.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обобщена сущность, традиционная практика бухгалтерского учета в вузах, выявлены её основные недостатки, кратко рассмотрены этапы трансформации бухгалтерской службы классического университета в бухгалтерию НИУ. Делается вывод о необходимости дифференцированного подхода к системам бухгалтерского учета в вузах с разным статусом.

Ключевые слова: национальный исследовательский университет, управленческий и бухгалтерский учет, структура бухгалтерии.

Трансформация системы бухгалтерского учета вуза является следствием трансформации системы высшего образования РФ и требует рассмотрения в динамике.

Понимание руководством РФ отсутствия полноценной взаимосвязи между высшим образованием, научно-исследовательской и практической деятельностью усиливающей несоответствие содержания образования и образовательных технологий современным требованиям и задачам обеспечения конкурентоспособности российского образования на мировом рынке образовательных услуг, негативным образом влияющее на готовность российской системы образования к интеграции в мировое образовательное пространство, наряду с другими факторами привело к началу масштабной реформы системы высшего образования, принятием постановления № 803 от 23.12.2005 г. об утверждении федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы.

Целевая программа ставила своей целью «повышение эффективности управления в системе образования посредством выделения в системе высшего профессионального образова-

ния общенациональных университетов и системообразующих вузов для повышения эффективности использования интеллектуального потенциала высшей школы и концентрации материально-технических и финансовых ресурсов на ключевых направлениях развития российского образования в интересах государства, общества и личности» [1].

Помимо структурно-организационных мероприятий программа подразумевала «совершенствование экономических механизмов в сфере образования за счет реализации программных мероприятий по следующим основным направлениям:

- внедрение новых моделей финансирования образовательных организаций;
- внедрение механизмов, способствующих развитию экономической самостоятельности образовательных организаций;
- реализация комплекса мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности сферы образования, способствующих притоку инвестиций, а также финансовых, материальных, интеллектуальных и иных ресурсов в систему образования» [1].

Периодизация процесса трансформации ННГУ им. Н.И. Лобачевского

№ п/п	Наименование периода	Годы
1.	Бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования	До 2006 г.
2.	Проектно-ориентированный университет	2006-2009 гг.
3.	Национальный исследовательский университет (НИУ)	2010 г. - н.в.

Принятие постановления № 803 подготовило почву для организации творческих конкурсов с целью отбора наиболее перспективных образовательных организаций, готовых осуществлять собственные проекты по реализации приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации. Процедура и правила проведения данных конкурсов зафиксированы постановлением Правительства Российской Федерации № 89 от 14 февраля 2006 г. «О мерах государственной поддержки образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы».

Отправной точкой исследования трансформация системы бухгалтерского учета вуза выбран 2006 год. Именно в 2006 году ННГУ им. Н.И. Лобачевского, наряду с ещё 16 вузами, был признан победителем конкурсного отбора образовательных учреждений высшего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы. В сложившихся условиях бухгалтерская служба столкнулась с многократно возросшими финансовыми и информационными потоками, возникли задачи, не решаемые на уровне традиционной бухгалтерии: мониторинг имущественного комплекса вуза; учет целевых программ; планирование финансово-хозяйственной деятельности; планирование и организация закупок; и т.д., требования учета, контроля и соответствующего отражения в бухгалтерском учете. Далее рассмотрим особенности ведения бухгалтерского учета в период трансформации ННГУ им. Н.И. Лобачевского из классического регионального университета в вуз федерального значения со статусом национального исследовательского университета, для описания процесса трансформации, разобьем его на три этапа с условными названиями и четко заданными временными периодами (таблица 1).

Рассмотрим особенности и основные недостатки организации ведения бухгалтерского учета на первом этапе (бухгалтерия формата 2006 года). В первую очередь следует отметить отсутствие автоматизации. Бухгалтерский учет велся в основном вручную, частично автоматизация была внедрена только на участке безналичных расчетов. Во-вторых, учет осуществлялся котловым способом, аналитический учет практически отсутствовал, и лишь по некоторым участкам учета была организована аналитика одного уровня. В-третьих, не была организована своев-

ременная и достоверная передача информации о фактах хозяйственной деятельности из структурных подразделений ННГУ в бухгалтерию. И, наконец, основная задача бухгалтерской службы заключалась в подготовке отчетной информации для учредителя по предоставленным бюджетным средствам, и средствам, полученным от хозяйственной деятельности.

Для понимания особенностей организации бухгалтерского учета на втором этапе трансформации вуза, то есть в проектно-ориентированном университете, раскроем сущность проектно-ориентированного подхода к управлению инновационным университетом. Существо проектно-ориентированного подхода состоит в поощрении и поддержке инициатив сотрудников университета, в создании организационного механизма, обеспечивающего всестороннее использование интеллектуального резерва (резерва «производительности» интеллектуального труда) инновационного университета. В основе этого механизма лежит известная в современном менеджменте концепция «организации, ведомой проектами» [2, с. 23]. В нашем случае, она переработана с целью обеспечения возможности ее органичного сочетания с традиционной организационной структурой университета на основе идеи горизонтальных связей между подразделениями вуза. В целом организационную структуру инновационного университета можно представить как сочетание вертикальной иерархии учебно-научных подразделений и горизонтальной подсистемы, где в качестве подразделений выступают проектные группы (временные творческие коллективы). При этом состав проектных групп «горизонтального университета» формируется из подразделений «вертикального университета» (рис. 1) [2, с. 22-24].

Данный этап характеризуется возросшими финансовыми потоками, так благодаря успешному участию в конкурсе в 2006-2008 годах в рамках инновационной образовательной программы приобретено лабораторного и научного оборудования на сумму 492 млн. рублей; программного обеспечения – на 65 млн. рублей; проведена модернизация материально-технической базы на 109 млн. рублей. В 2007 году в рамках выполнения работ по ФЦП «Развитие инфраструктуры нанотехнологии в РФ» в ННГУ был создан типовой научно-образовательный центр «Нанотехнологии», для которого приобретено оборудование и модерни-

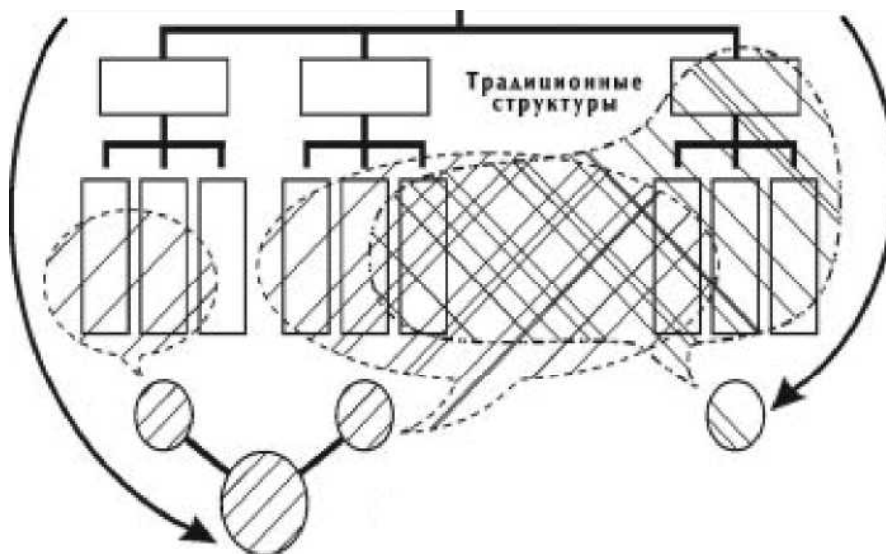

Рис. 1. Проектно-ориентированная организационная структура университета

зирования научно-технологические лаборатории на сумму 134 млн. рублей.

Для повышения эффективности деятельности бухгалтерской службы предприняты следующие основные мероприятия по реорганизации бухгалтерии ННГУ:

- Устранение выявленных на предыдущем этапе недочетов.
- Адаптация к многократно возросшим финансовым потокам.
- Формирование структурных подразделений и регламентов по подготовке отчетности по проектам.
- Автоматизация ведения бухгалтерского учета.

Третий этап связан с присвоением вузу статуса «Национальный исследовательский университет» (НИУ). Государственной миссией проекта НИУ является содействие динамичному развитию научно-технологического комплекса страны и обеспечение его необходимыми трудовыми ресурсами, сбалансированными по численности, направлениям подготовки, по квалификационной и возрастной структуре, с учетом необходимых темпов их обновления и прогнозируемых структурных преобразований в науке и экономике.

Государственная поддержка института НИУ имеет целью обеспечение конкурентоспособности отечественных высших учебных заведений способных принять ответственность и обязательства в области развития кадрового потенциала науки, а также коммерциализацию в Российской Федерации высоких технологий по приоритетным направлениям.

Практическая реализация программы НИУ, а также участие в других целевых федеральных программах, получение дополнительных субсидий, грантов предполагает ещё большее, по

сравнению с предыдущими этапами, увеличение объемов финансовых потоков. Для продуктивного управления проектами НИУ необходима многокритериальная учетная информация, как надежная основа конструктивных управленческих решений. Между тем, традиционный бухгалтерский учет в вузах мало приспособлен к современным условиям экономики высшего образования, отчетная информация, сгенерированная в бухгалтерском учете, недостаточно обеспечивает аналитическую составляющую деятельности как НИУ в целом, так и того или иного инновационного подразделения вуза.

Основными задачами управления бухгалтерией на данном этапе является: разработка модели бухгалтерской службы интегрированной в систему управления вузом, позволяющей обеспечить полноту, достоверность показателей бухгалтерской отчетности НИУ, реализующей процесс своевременного получения информации, необходимой для принятия обоснованных управленческих решений; разработка регламентов, положений, схем, шаблонов служащих основанием для системы вузовского финансового и управленческого бухгалтерского учета, внутри-вузовского бухгалтерского контроля, непосредственно ориентированного на реализацию программы НИУ.

В заключение отметим, что существенные структурные изменения в системе высшего образования: целевые программы, политика присоединения и реорганизации неэффективных вузов и т.д., приводят к необходимости постоянных изменений в структуре бухгалтерской службы, вынужденной чутко реагировать на вновь появляющиеся задачи для эффективного их решения.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2005 г. № 803 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2006-2010 годы».
2. Стронгин, Р.Г. Проектно-ориентированное управление инновационным университетом / Р.Г. Стронгин, А.О. Грудзинский // Высшее образование в России. – 2008. – № 4.

Bibliography

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 dekabrya 2005 g. № 803 «O Federal'noyj celevoyj programme razvitiya obrazovaniya na 2006-2010 godih».
2. Strongin, R.G. Proektno-orientirovannoe upravlenie innovacionnim universitetom / R.G. Strongin, A.O. Grudzinskiy // Vihsshee obrazovanie v Rossii. – 2008. – № 4.

Статья поступила в редакцию 11.11.13

УДК 332.14

Evdoshenko V.V. THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES BASED PREDICTION METHODS THEIR CONSISTENT. The paper also focused on the causes hindering the development of regional agriculture. The application of discriminant analysis to determine the parameters of the linear correlation function that describes the position of the discriminant boundary between the two classes of farms and area coverage ratios and financial dependence.

Key words: investment, liquidity, financial solvency, agriculture, coverage ratio, discriminant analysis.

В.В. Евдошенко, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: kot_sasha81@mail.ru

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРАРНОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИХ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

В статье акцентировано внимание на причинах препятствующих развитию регионального агропромышленного комплекса. Рассмотрено применение дискриминантного анализа для определения параметров корреляционной линейной функции, описывающей положение дискриминантной границы между двумя классами сельскохозяйственных предприятий и пространстве коэффициентов покрытия и финансовой зависимости.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, ликвидность, финансовая состоятельность, агропромышленный комплекс, коэффициент покрытия, дискриминантный анализ.

Поток вложений зависит от степени рациональности принимаемых решений инвестиционного характера. Так, сокращение инвестиций в сельское хозяйство России и Ставропольского края, в частности, привело не только к стабильному сни-

жению фондо- и ресурсоотдачи, но и других экономически важных показателей. Главным образом это произошло потому, что на внутренние факторы товаропроизводитель способен воздействовать самостоятельно, тогда как на внешние (федер-

рального, регионального и местного уровня) он повлиять не может.

Известно, что финансовое состояние предприятия оценивается правильностью размещения и использования средств (активов) и источниками их финансирования (собственным капиталом и обязательствами, т.е. пассивами). Сигнальным показателем, в котором проявляется финансовое состояние предприятия, выступает его платежеспособность (т.е. способность вовремя удовлетворять платежные требования поставщиков, кредиторов, персонала, бюджета и т.д.). Финансовое положение определяется совокупностью хозяйственных факторов, характеризующих деятельность организации [1].

Для прогнозирования несостоятельности предприятий в настоящее время используются различные методы оценки. Рассмотрим их с точки зрения применимости в аграрном секторе отечественной экономики, т.к. опыт рыночного функционирования предприятий в России пока недостаточно велик.

Чем глубже исследуется предприятие, тем больше обнаруживаются новых источников неопределенности. Декомпозиция исходной (обычно грубой и приближительной) модели анализа сопряжена с растущим дефицитом количественных и качественных исходных данных. Ряд параметров оказывается недоступным для точного измерения, и тогда в его оценке неизбежно появляется субъективный компонент. Возникает то, что в науке описывается, как лингвистическая переменная, а связь количественного значения некоторого фактора с его качественным лингвистическим описанием задается функциями принадлежности фактора нечеткому множеству. В данном случае для оценки состояния предприятия используется метод нечетких множеств [2].

Использование метода нейронных сетей во всех областях человеческой деятельности, в том числе в области финансовых приложений, получает все большее развитие. Одной из основных задач в финансовой области, решаемой с помощью нейромикрокомпьютеров, является прогнозирование инвестиционной привлекательности (финансовой состоятельности) предприятий.

Значительно повышается вероятность достоверности прогнозирования финансово-экономического состояния предприятия с применением методов многофакторного статистического анализа. С помощью метода дискриминантного анализа решаются задачи классификации, т.е. разбиения совокупности анализируемых объектов на классы путем построения классифицирующей функции в виде корреляционной модели.

Факт финансовой состоятельности предприятий с позиций перспективности инвестиционных вложений определялся двумя показателями [3]:

- коэффициентом покрытия (K_n), равным отношению текущих активов к краткосрочным обязательствам, т.е. это коэффициент текущей ликвидности;
- коэффициентом финансовой зависимости ($K_{фз}$), равным отношению заемных средств к общей стоимости активов.

Первый показатель характеризует ликвидность, второй – финансовую устойчивость. Очевидно, что при прочих равных условиях вероятность банкротства тем меньше, чем меньше коэффициент финансовой зависимости. И наоборот, предприятие с большей вероятностью станет банкротом (риск не возврата инвестиций очень большой) при низком коэффициенте покрытия и высоком коэффициенте финансовой зависимости.

Задача исследования состояла в том, чтобы найти эмпирическое уравнение некой дискриминантной границы, которая разделит все возможные сочетания указанных показателей на два класса:

- сочетание показателей, при которых вложение инвестиций в предприятие нежелательно (противопоказано для инвестора);
- сочетание показателей, при которых предприятию не грозит банкротство, следовательно оно представляет интерес для инвесторов.

Исходную выборку для построения модели прогнозирования финансового состояния со- i ставили данные бухгалтерской

отчетности 19 предприятий Шаповского района Ставропольского края. Приемами дискриминантного анализа нами определены параметры корреляционной линейной функции, описывающей положение дискриминантной границы между двумя классами сельхоз предприятий и пространстве коэффициентов покрытия и финансовой зависимости:

Задача исследования состояла в том, чтобы найти эмпирическое уравнение некой дискриминантной границы, которая разделит все возможные сочетания указанных показателей на два класса:

сочетание показателей, при которых вложение инвестиций в предприятие нежелательно (противопоказано для инвестора); сочетание показателей, при которых предприятию не грозит банкротство, следовательно, оно представляет интерес для инвесторов.

Приемами дискриминантного анализа нами определены параметры корреляционной линейной функции, описывающей положение дискриминантной границы между двумя классами сельхоз предприятий и пространстве коэффициентов покрытия и финансовой зависимости:

$$Z = \alpha_0 + \alpha_1 K_n + \alpha_2 K_{фз}, \quad (1)$$

где

Z – показатель классифицирующей функции;

α_0 – постоянный фактор;

K_n – коэффициент покрытия (текущей ликвидности);

$K_{фз}$ – коэффициент финансовой зависимости, %;

α_1, α_2 – параметры, показывающую степень и направленность влияния коэффициента покрытия и коэффициента финансовой зависимости на вероятность банкротства соответственно.

В результате обработки статистических данных была получена следующая корреляционная зависимость:

$$Z = -0,3877 - 1,0736K_n + 0,0579K_{фз}, \quad (2)$$

При $Z = 0$ имеем уравнение дискриминантной границы.

Для предприятий, у которых $Z = 0$, вероятность обанкротиться равна 50%, т.е. от решения инвесторов зависит, будут ли они заниматься реанимацией данного сельскохозяйственного предприятия. Если $Z < 0$, то вероятность финансового жизнедеятельности предприятия возрастает (по мере уменьшения Z). В то же время параметр α_2 имеет знак «плюс», поэтому, чем выше коэффициент финансовой зависимости, тем больше Z и, следовательно, выше вероятность банкротства предприятия. Таким образом, при увеличении Z возрастает риск инвесторов.

Прогнозирование инвестиционной привлекательности сельскохозяйственных предприятий Шаповского района мы осуществляли следующим образом. Значения дискриминантной функции представляли собой реализацию случайной величины Z . Распределение вероятностей данной величины аппроксимируется нормальным распределением; далее с помощью таблиц нормального распределения мы определяли вероятности инвестиционной привлекательности для фиксированного значения Z .

При применении модели дискриминантного анализа возможны ошибки прогнозов двух видов:

- сохранение платежеспособности, а в действительности наступает банкротство предприятия;
- недееспособность предприятия, а оно сохраняет платежеспособность. Прогнозирование инвестиционной привлекательности сельхоз предприятий с помощью дискриминантного анализа на горизонте в один год производится с точностью 95%. При этом ошибка первого типа возможна в 6% случаев, а второго – в 3%.

При расширении горизонта прогнозирования до двух лет его точность снижается до 83%, при этом ошибки первого типа являются – в 28% случаев, а второго – в 6%.

Библиографический список

1. Аистов, А.В. Факторы принятия инвестиционных решений в условиях неопределенности: пример российских компаний // Финансы и кредит. – 2012. – № 18.
2. Котенев, А.Д. Моделирование инновационных процессов развития внешнеторговой деятельности регионального агропромышленного комплекса // Мир науки, культуры и образования. – 2013. – № 3(40).
3. Евдошенко, В.В. Методы прогнозирования состоятельности предприятий аграрного комплекса // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – Ростов-на-Дону. – 2008. – № 2. – Т.6. – Ч. 3.

Bibliography

1. Aistov, A.V. Faktorih prinyatiya investitsionnykh resheniy v usloviyakh neopredelennosti: primer rossiyskikh kompaniy // Finansih i kredit. – 2012. – № 18.
2. Kotenev, A.D. Modelirovanie innovatsionnykh processov razvitiya vnesnetorgovoy deyatelnosti regionalnogo agropromyshlennogo kompleksa // Mir nauki, kul'turii i obrazovaniya. – 2013. – № 3(40).
3. Evdoshenko, V.V. Metodih prognozirovaniya sostoyatel'nosti predpriyatiy agrarnogo kompleksa // Ekonomicheskiiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Rostov-na-Donu. – 2008. – № 2. – Т.6. – С. 3.

Статья поступила в редакцию 12.10.13

УДК 658.14/17

Kunitsyna N.N., Glukhova D.V. **THE IMPLEMENTATION OF A STRATEGIC APPROACH TO CRISIS MANAGEMENT ENTERPRISES.** This paper describes some of the areas of implementation of the strategic approach to crisis management companies, highlighted the identification of risks in making long-term decisions, the plane defined by the interaction of strategic, financial and crisis management in the organization. As an interpretation of the considered approaches in practice shows a comparative analysis of the anti-crisis strategies of the food industry, Stavropol Territory.

Key words: strategy, crisis management, enterprise, financial analysis, estimation of crisis factors, financial parameters, the potential of financial attractiveness.

Н.Н. Куницына, д-р эконом. наук, проф., зав. каф. денежного обращения и кредита ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», E-mail: natkun2004@mail.ru; Д.В. Глухова, аспирант каф. денежного обращения и кредита ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», E-mail: daryashechka@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АНТИКРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

В работе описаны некоторые направления реализации стратегического подхода в антикризисном управлении предприятиями, выделены идентификация рисков в принятии долгосрочных решений, определены плоскости взаимодействия стратегического, финансового и антикризисного управления в организации. В качестве интерпретации рассмотренного подходов на практике показан сравнительный анализ антикризисных стратегий предприятий пищевой промышленности Ставропольского края.

Ключевые слова: стратегия, антикризисное управление, предприятие, финансовый анализ, оценка кризисных факторов, финансовые параметры, потенциал финансовой привлекательности.

Сохраняющаяся нестабильность отечественной экономики, в особенности ее производственной системы, обострение конкурентной борьбы на товарных рынках, производственных и отраслевых комплексах приводят к изменению предпринимательского мышления: руководство коммерческих компаний все чаще

прибегает к использованию стратегического подхода к оценке и принятию управленческих решений.

Особенностью стратегического подхода в рамках антикризисного управления является то обстоятельство, что формирование финансового потенциала, поддержание его стабильности должно не только опираться на существующую модель мобилизации и распределения финансовых ресурсов организации, но и учитывать динамизм ее изменения на протяжении нескольких лет. Не последняя роль в обеспечении стратегической антикризисной устойчивости предприятия принадлежит превентивным действиям, которые, на наш взгляд, должны реализовываться в комплексе с остальными мероприятиями.

Антикризисное управление с позиции стратегического подхода объединяет в себе традиционные элементы финансового и стратегического менеджмента, но имеет ряд функциональных особенностей, свойственных данной подсистеме финансового менеджмента [1]. Так, антикризисное управление:

- осложняется множественностью и пространством функциональных задач, лежащих в его основе;
- требует качественной согласованности между всеми уровнями управления, а также потребителями финансовых ресурсов;
- сопровождается расширенным финансовым контролем и ресурсным мониторингом;
- уделяет важную роль превентивной составляющей;
- основано на более углубленном исследовании изменений внешней среды;
- охватывает все подсистемы принятия управленческих решений;
- содержит высокий потенциал неопределенности и риска в принятии решений.

Информационная модель антикризисного стратегического управления опирается в своей основе на

Рис. 1. Плоскости взаимодействия стратегического, финансового и антикризисного управления в организации

существующее пространство управленческих решений и воздействий (рис. 1).

Полагаем, что антикризисное управление в организации, выступая, по сути, подсистемой финансового менеджмента, в стратегической перспективе должно обеспечивать ресурсную сбалансированность организации. Антикризисное управление с позиций стратегического подхода направлено на создание необходимых условий и устранение негативных рисков факторов, которые могут возникнуть в организации в обозримом будущем.

Принятие управленческих решений в первой плоскости (1) направлено на формирование стабильного снабжения организации финансовыми ресурсами в системе долгосрочного стратегического финансового планирования. При этом важное значение должно отводиться достижению оптимальной структуры капитала, оптимизации стоимости используемых финансовых ресурсов, установлению устойчивых рыночных позиций.

Вторая плоскость решений (2) основана на взаимодействии содержательных моментов антикризисного управления в рамках стратегического менеджмента предприятия.

В частности, речь идет о реализации антикризисных стратегий, направленных на эффективное размещение финансовых ресурсов при минимальных рисках финансирования, активном сочетании рыночного и стратегического подходов к управлению, их согласованности в принятии решений, ориентированных на усиление конкурентных позиций [2].

В третьей плоскости решений (3) основной акцент делается на финансовой составляющей в антикризисном управлении, конструировании и последующей реализации эффективных стратегий финансирования с целью недопущения снижения скорости и качества функционирования финансовой системы предприятия.

И, наконец, четвертая плоскость решений (4) строится на триплексе финансового, стратегического и антикризисного менеджмента, комплексной реализации инструментов, лежащих в их основе. Оптимальный баланс инструментария антикризисного финансового менеджмента с опорой на долгосрочное видение будущей эффективности организации позволяет сконфигурировать оптимальную антикризисную стратегию.

Антикризисная стратегия организации должна быть нацелена на построение такой системы принятия решений, при которой прирост эффективности в долгосрочной перспективе превышает текущую эффективность.

Значимой особенностью стратегического антикризисного управления предприятиями является то обстоятельство, что, с одной стороны, достаточно сложно спрогнозировать последствия принятия управленческих решений в течение длительного промежутка времени, с другой – эффективность таких решений зависит от множества факторов, в том числе неопределенного характера. В этой связи возникает необходимость рассматривать стратегическое антикризисное управление предприятиями в тесной связи с системой риск-менеджмента.

В частности, идентификация рисков в принятии долгосрочных решений, с позиции антикризисного управления, позволяет выстроить более взвешенную систему управленческих решений,

способную повысить эффективность всей системы финансового менеджмента [3]. Акцентирование на рисковую составляющую способствует более содержательному комплексному восприятию назначения антикризисного стратегического управления как такового. С точки зрения принятия управленческих решений, целесообразно выделить риски в организации, их описание и оценка с позиции стратегического подхода (таблица 1).

Качественное управление рисками реализуется посредством эффективно действующего механизма стратегического антикризисного управления и финансового оздоровления в организации.

Целью создания и последующей реализации стратегического механизма финансового оздоровления в организации является повышение его финансового и стоимостного потенциала в длительной перспективе [4].

Формирование антикризисных стратегий, их последующая оценка являются достаточно сложными в рисковом плане, так как требуют учета множества внутренних и внешних факторов. В частности, при построении таких стратегий требуется ряд допущений: целесообразно определиться с критериями эффективности антикризисных стратегий. Полагаем, в долгосрочной перспективе стратегическая эффективность организации складывается из нескольких составляющих, в частности: стабильной циркуляции финансовых ресурсов в своей финансовой системе, устойчивых рыночных позиций и растущего инвестиционного потенциала предприятия.

Показателем, позволяющим оценить эффективность производства и потребления финансовых ресурсов в длительной перспективе, может стать соотношение между производимыми предприятием собственными финансовыми ресурсами и их общей величиной:

$$FRE = \frac{FR}{FRC} \quad (1)$$

где FRE – общая эффективность производства и потребления финансовых ресурсов.

Данный показатель затрагивает ключевой аспект финансовой устойчивости – финансовую независимость предприятия от внешних источников финансирования. При этом в отличие от классического коэффициента автономии, показатель FRE учитывает только реально вовлеченные в производственный процесс финансовые ресурсы, а не всю величину используемого капитала.

Оценка рыночных позиций в стратегической перспективе особенно значима для организаций, которые активно вовлечены в процесс освоения рынка. Не секрет, что основным критерием рыночной, в том числе и финансовой эффективности, является объем продаж. Еще большую ценность данный показатель приобретает при сопоставлении с величиной авансированного в активы капитала, обеспечивающего заданный объем продаж:

$$MO = \frac{SAL + DI}{A}, \quad (2)$$

Характеристика наиболее опасных стратегических финансовых рисков предприятий с позиции антикризисного управления

Таблица 1

Наиболее опасные стратегические финансовые риски (с позиции организации)	Риск-фактор
Снижение финансового потенциала организации	Уменьшение прибыли, отток капитала, неэффективное налоговое администрирование и др.
Утрата рыночных позиций организацией	Снижение доли продаж, сокращение линейки продаж, падение цен на реализованную продукцию и др.
Негативное изменение структуры капитала организации	Превалирование заемного финансирования и привлеченных источников, неэффективное потребление и др.
Рост стоимости потребляемых финансовых ресурсов	Увеличение стоимости кредитов, рост затрат по обслуживанию и др.
Уменьшение инвестиционной активности	Снижение темпов привлечения инвестиций, ухудшение их структуры и др.
Ухудшение платежной дисциплины по долгосрочным обязательствам	Неплатежи, несоблюдение сроков погашения обязательств и т.д.
Неконтролируемый рост себестоимости производимой продукции (работ, услуг)	Увеличение производственных затрат и др.
Негативное изменение структуры активов	Замедление оборачиваемости активов, чрезмерное увеличение доли запасов и др.

где MO – коэффициент рыночных возможностей предприятия;

SAL – продажи, руб.;

DI – дебиторская задолженность (краткосрочная), руб.;

A – совокупные активы, руб.;

Включение в формулу (2) дебиторской задолженности не случайно: ее величина является, как известно, частью денежного потока, но распределенного во времени.

Потенциал инвестиционной привлекательности предприятия в стратегической перспективе играет важнейшую роль. Растущая динамика реальных инвестиций в активы организации выступает индикатором ее стабильности. В качестве показателя инвестиционной привлекательности предприятия предлагаем использовать соотношение затрат (инвестиций) в наиболее «производительную» часть активов предприятия к общему объему реальных инвестиций в организацию от любых источников:

$$IA = \frac{IFC+ICA}{I}, \quad (3)$$

где IA – потенциал инвестиционной привлекательности;

IFC – инвестиции в основные активы (только основные фонды), руб.;

ICA – инвестиции в оборотные активы (только запасы и затраты), руб.;

I – реальные инвестиции в организацию, руб.

Критериальные значения рассмотренных выше показателей, а также их комплексная связь между собой для целей формирования антикризисной стратегии предприятия представлены в виде матрицы антикризисных стратегий (МАС) (рис. 2).

Стратегия минимального прироста финансовых ресурсов предприятия в долгосрочной перспективе (одновременное сочетание квадрантов 1-4-7). Особенностью данной стратегии является низкая ресурсная отдача: производимых ресурсов недостаточно для удовлетворения производственных потребностей, что оказывает прямое воздействие на инвестиционный потенциал, который остается низким и значительно ослабляет рыночные

возможности организации. В целом для данной антикризисной стратегии характерна низкая эффективность. В то же время, у данной антикризисной стратегии могут быть вариации (преобладание двух любых квадрантов в столбце из трех возможных), что может свидетельствовать об усилении или ослаблении отдельно взятой составляющей в обеспечении устойчивости. Так, например, сочетание 1-7-5 и 1-7-6 символизирует о разной степени усиления рыночных позиций предприятия.

Для стратегии комфортного обеспечения финансовой и рыночной устойчивости (сочетание квадрантов 2-5-8) характерно сбалансированное производство и потребление финансовых ресурсов, высокая отдача используемого капитала, авансированного в активы, значительное инвестирование в операционную деятельность. Данная стратегия является наиболее оптимальной с точки зрения риска: предприятие стремится примерно к пропорциональному инвестиционному потреблению, подкрепленному хорошими лидирующими рыночными позициями. По аналогии с предыдущей антикризисной стратегией у данного типа могут быть разновидности. В частности, сочетание 1-5-8 квадрантов говорит о том, что достижение рыночной и инвестиционной эффективности обеспечивается преимущественно за счет заемных источников, тогда как сочетание 3-5-8 говорит о стремлении в большей степени к собственному финансированию. Ситуации 2-8-4 и 2-8-6 являются в некоторой степени противоположными: при одинаковых ресурсных возможностях предприятие либо стремится к сдерживанию рыночных позиций (первый вариант), либо их наращивает (второй вариант).

Более эффективной с точки зрения обеспечения долгосрочной антикризисной стабильности нами видится стратегия комплексного поддержания финансового равновесия. Комплексность в данном случае означает гармоничное распределение финансовых ресурсов с целью одновременного обеспечения доминирующих рыночных позиций, структуры капитала и инвестиционной привлекательности, достаточных для поддержания организацией заданных параметров своего развития. Данная

		Эффективность антикризисной стратегии		
		Низкая	Средняя	Высокая
Параметры антикризисной стратегии	Эффективность производства и потребления финансовых ресурсов	$0 < FRE < 0,3$ (1)	$0,3 < FRE < 0,8$ (2)	$FRE > 0,8$ (3)
	Оценка рыночных возможностей организации	$0 < MO < 0,5$ (4)	$0,5 < MO < 1$ (5)	$MO \geq 1$ (6)
	Потенциал инвестиционной привлекательности предприятия	$IA < 0,2$ (7)	$0,2 < IA < 0,4$ (8)	$IA > 0,4$ (9)

Рис. 2. Матрица антикризисных стратегий организации

Расчет показателей матрицы антикризисных стратегий исследуемых предприятий в 2008-2012 гг.

Таблица 2

Показатель	Исследуемый период, год				
	2008	2009	2010	2011	2012
ООО «Кавказвнешторг»					
Общая эффективность производства и потребления финансовых ресурсов	0,45	0,46	0,38	1,44	1,85
Коэффициент рыночных возможностей предприятия	1,18	1,17	1,47	0,67	1,12
Потенциал инвестиционной привлекательности	0,27	0,28	0,28	0,26	0,52
ОАО «Старт»					
Общая эффективность производства и потребления финансовых ресурсов	0,63	0,54	0,48	0,49	0,43
Коэффициент рыночных возможностей предприятия	0,48	0,54	0,59	1,43	0,63
Потенциал инвестиционной привлекательности	0,20	0,21	0,24	0,18	0,57
ОАО «Рычал-Су»					
Общая эффективность производства и потребления финансовых ресурсов	0,84	0,95	0,95	1,22	1,24
Коэффициент рыночных возможностей предприятия	0,74	0,74	0,69	0,67	0,72
Потенциал инвестиционной привлекательности	0,84	0,87	1,00	0,96	0,82

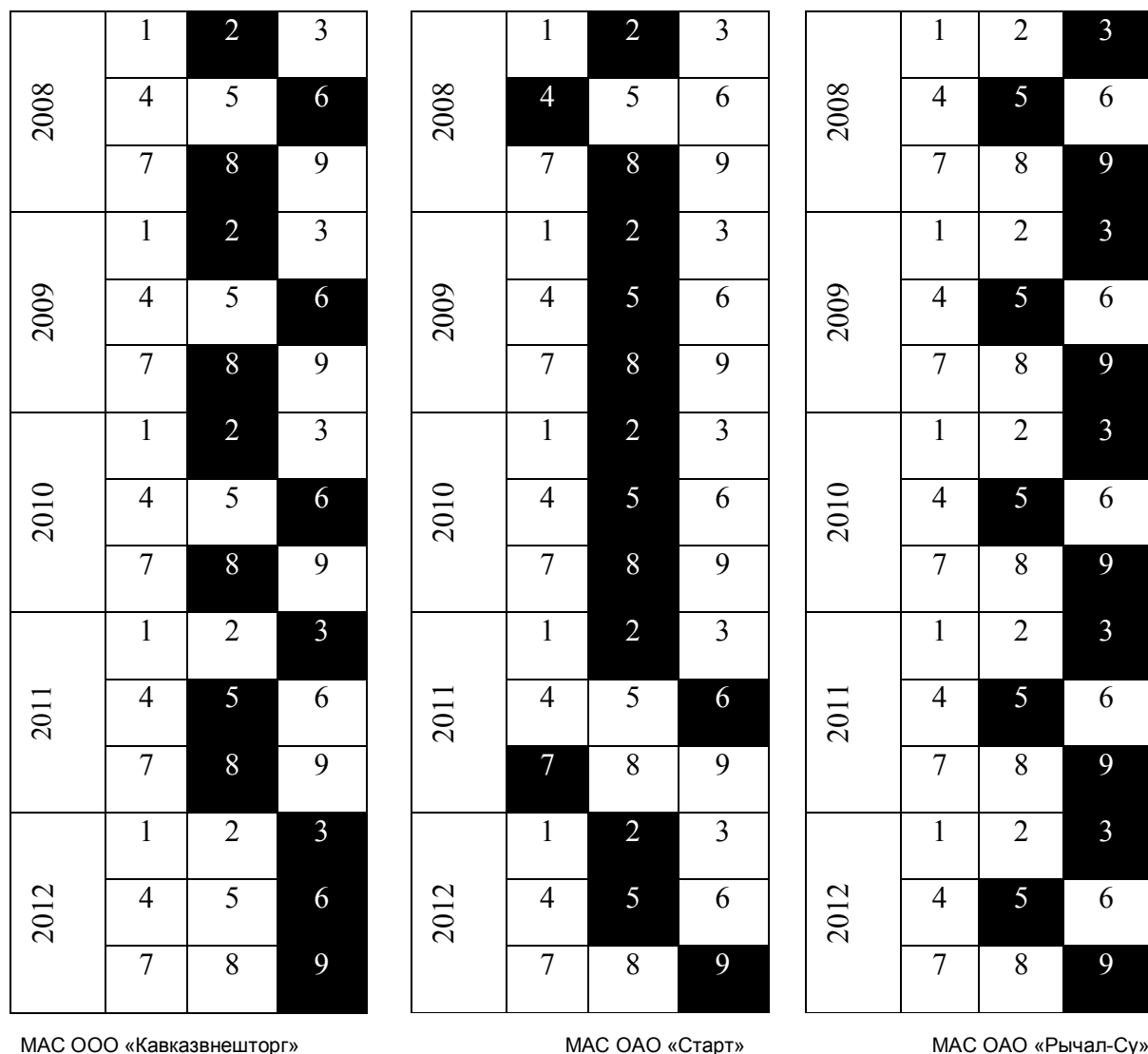

Рис. 3. Динамика изменений антикризисных стратегий исследуемых предприятий в 2008-2012 гг.

стратегия характеризуется сочетанием 3-6-9 квадрантов. При этом возможны комбинации: 1-6-9 и 2-6-9, соответственно, символизирующие агрессивную и умеренную заемную политику. Варианты 3-9-4 и 3-9-5 в определенной степени являются балансирующими: в ситуации максимальной ресурсной и инвестиционной отдачи предприятие варьирует своими рыночными позициями и, тем, самым контролирует приток капитала с заданным уровнем интенсивности.

Кроме описанных выше антикризисных стратегий возможно также, что антикризисное восстановление будет происходить по так называемой диагонали «пассивного финансирования» (сочетание 7-5-3) и «агрессивного инвестиционного роста» (сочетание 1-5-9). Первый вариант предполагает поддержание инвестиционной активности на минимальном уровне, восходящий уровень рыночного позиционирования и последующее сокращение заемного финансирования. Реализация антикризисной стратегии «агрессивного инвестиционного роста» основана на увеличении инвестиционных возможностей за счет преимущественного заемного финансирования при среднем уровне рыночных ожиданий организации.

Сравнительный анализ антикризисных стратегий предприятий пищевой промышленности Ставропольского края в соответствии с рассмотренным подходом (таблица 2, рисунок 3) свидетельствует, что на протяжении исследуемого периода ООО «Кавказвнешторг» балансирует между стратегиями комфортного обеспечения финансовой и рыночной устойчивости. Предприятие тяготеет к наращиванию рыночных позиций на протяжении

2008-2012 гг., последовательно закрепляя получаемые преимущества (квадранты 2-6-8) и трансформируя их в достижение оптимального ресурсного потребления с ярко выраженным стремлением к наращиванию собственных источников финансирования (квадранты 3-5-8). По итогам 2012 года предприятие заинтересовано в сохранении заданных стратегических позиций, комплексному поддержанию своего финансового равновесия.

ОАО «Старт» стремится, скорее, к комплексному поддержанию своего финансового равновесия за счет обеспечения максимальной ресурсной и инвестиционной отдачи. Налицо явное агрессивное варьирование своими рыночными позициями с целью контроля притока поступающего капитала. В то же время, предприятие, осознавая высокую скорость наращивания и потребления финансовых ресурсов, постепенно, на протяжении 2009-2011 гг. предпринимает попытки по достижению комфортного потребления (квадранты 2-4-8) и (квадранты 2-5-8). По итогам 2012 года прослеживается не четко выраженная стратегия агрессивного инвестиционного роста (квадранты 2-5-9).

Устойчивой, содержательной в стратегическом плане, видится политика управления своими финансовыми ресурсами в ОАО «Рычал-Су». На протяжении 2008-2012 гг. предприятие следовало стратегии комплексного поддержания своего финансового равновесия (квадранты 3-5-9). Отдельные скачки были заметны в ресурсном плане: предприятию достаточно было в целом собственных ресурсов для обеспечения текущего потребления (обеспечения покрытия операционных затрат).

Прогноз показателей матрицы антикризисных стратегий предприятий в 2013-2015 гг.

Показатель	Прогнозный период, год		
	2013	2014	2015
ООО «Кавказвнешторг»			
Общая эффективность производства и потребления финансовых ресурсов	2,39	3,08	3,97
Коэффициент рыночных возможностей предприятия	1,12	1,11	1,09
Потенциал инвестиционной привлекательности	0,57	0,60	0,61
ОАО «Старт»			
Общая эффективность производства и потребления финансовых ресурсов	0,37	0,32	0,28
Коэффициент рыночных возможностей предприятия	0,72	0,77	0,82
Потенциал инвестиционной привлекательности	0,62	0,67	0,68
ОАО «Рычал-Су»			
Общая эффективность производства и потребления финансовых ресурсов	1,26	1,28	1,30
Коэффициент рыночных возможностей предприятия	0,72	0,72	0,71
Потенциал инвестиционной привлекательности	0,90	0,97	1,04

С практической точки зрения, определенный научно-исследовательский интерес представляет собой моделирование поведения организации в зависимости от избранной антикризисной стратегии.

С некоторыми допущениями прогноз позволяет сформировать тенденции дальнейшего антикризисного развития либо ухудшения ситуации на предприятии. Так, прогностические результаты (таблица 3) показывают, что залогом обеспечения антикризисной стабильности ООО «Кавказвнешторг» в 2013-2015 гг. будет комплексное поддержание финансового равновесия, ориентированного на максимизацию лидирующих рыночных позиций, достаточный уровень инвестиционной привлекательности, сбалансированное управление источниками финансирования с акцентом на превалировании в нем собственной производственной составляющей (квадранты 3-6-9). Немаловажную роль в поддержании долгосрочной финансовой устойчивости предприятие будет отводить рыночной устойчивости, которая по итогам 2015 г несколько снизится, но в целом будет сохраняться на

достаточно высоком уровне. Ее снижение при должном уровне стратегического управления будет носить, скорее, циклический характер, нежели означать признаки кризисной ситуации.

Особенностью антикризисного управления ОАО «Старт» в стратегической перспективе является то обстоятельство, что предприятие заинтересовано в целом в стабилизации своей финансовой устойчивости, о чем свидетельствует избранный вариант стратегии (квадранты 2-5-9) комфортного обеспечения финансовой и рыночной устойчивости. Однако, на протяжении 2013-2015 гг. предприятие осуществит попытку трансформации текущей антикризисной стратегии в стратегию «агрессивного инвестиционного роста» (сочетание 1-5-9), фундаментом которой станет активное заемное финансирование при среднем уровне рыночной активности и более сдержанных инвестиционных возможностях роста.

Без существенных изменений в стратегическом плане нам видится антикризисная стратегия ОАО «Рычал-Су» в 2013-

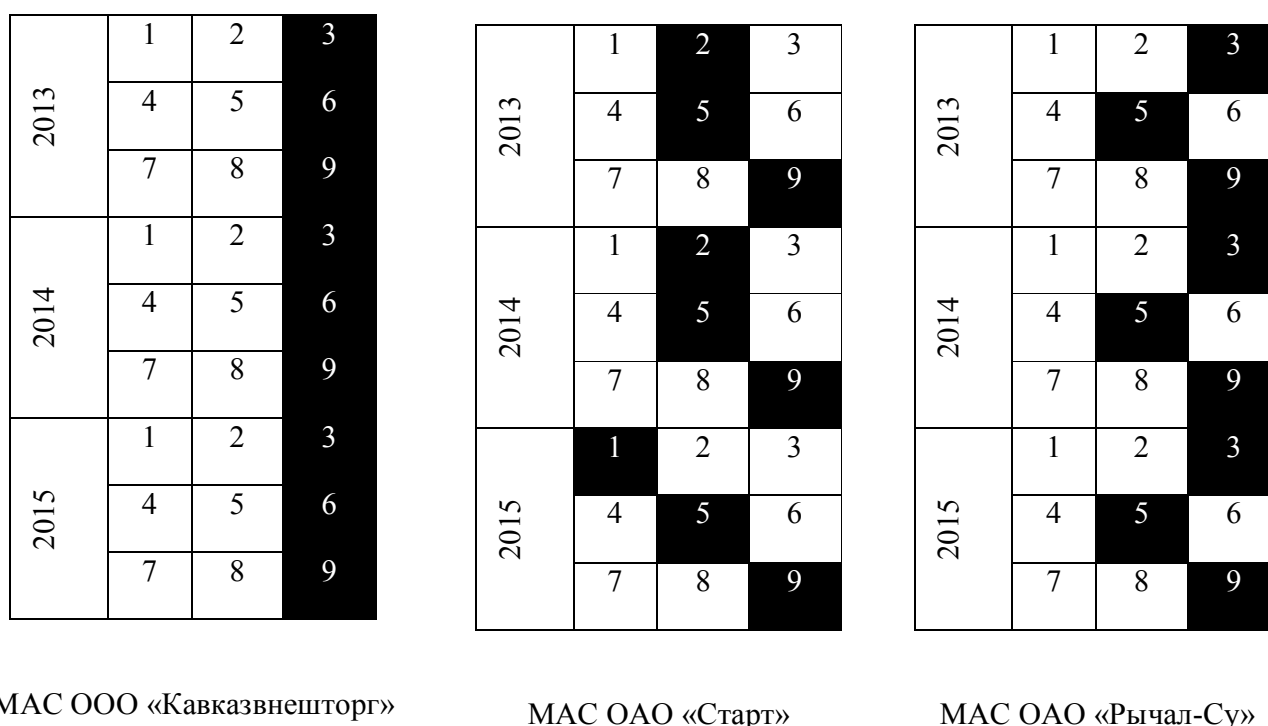

Рис. 4. Прогноз изменений антикризисных стратегий исследуемых предприятий в 2013-2015 гг.

2015 гг. Реализация комплексной политики финансового управления, упор преимущественно на собственные источники финансирования будут способствовать тому, что предприятие будет последовательно маневрировать между поддержанием своей рыночной и инвестиционной эффективности: при уменьшении рыночной активности стимулировать инвестиционный рост и наоборот.

Таким образом, предложенный стратегический подход к антикризисному менеджменту позволяет в определенной степени устранить проблемные моменты в управлении финансовыми ресурсами предприятий, оценить последствия обеспечения того или иного варианта поддержания финансовой устойчивости в текущей, среднесрочной и стратегической перспективе, снизить вероятные риски финансово-хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Батьковский, М.А. Анализ финансового состояния предприятия и внутренние механизмы его оздоровления / М.А. Батьковский, И.В. Булава, К.Н. Мингалиев // Экономический анализ: теория и практика. – М., 2009.
2. Куницына, Н.Н. Практика применения механизма антикризисного финансового управления в организациях безалкогольной промышленности / Н.Н. Куницына, Д.В. Глухова // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 9(288).
3. Боумэн, К. Основы стратегического менеджмента / под ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. – М., 1997.
4. Алпатов, А.А. Управление реструктуризацией предприятий. – М., 2000.

Bibliography

1. Batjkovskiij, M.A. Analiz finansovogo sostoyaniya predpriyatiya i vnutrennie mekhanizmi ego ozdorovleniya / M.A. Batjkovskiij, I.V. Bulava, K.N. Mingaliev // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. – M., 2009.
2. Kunicihna, N.N. Praktika primeneniya mekhanizma antikrizisnogo finansovogo upravleniya v organizacijakh bezalkogolnojnoj promishlennosti / N.N. Kunicihna, D.V. Glukhova // Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika. – 2013. – № 9(288).
3. Boumehn, K. Osnovih strategicheskogo menedzhmenta / pod red. L.G. Zayiceva, M.I. Sokolovoyj. – M., 1997.
4. Alpatov, A.A. Upravlenie restrukturizaciej predpriyatij. – M., 2000.

Статья поступила в редакцию 29.10.13

УДК 347.775

Ryabov V.N., Sazhneva S.V. MODELING OF A STRATEGY OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ECONOMY OF THE SOUTH OF RUSSIA. В статье объясняется изменчивость геополитической ситуации в мире в целом и в Юге Российской Федерации в частности. Как следствие, особое значение приобретает стратегия экономического развития в регионе с учетом формирования механизмов обеспечения экономической безопасности, сформулированы приоритетные задачи экономического развития СКФО, разработаны основные направления обеспечения безопасности и стратегия управления экономикой в регионе.

Key words: evolution, dynamics of political strategy, simulation, modernization, restructuring.

В.Н. Рябов, доц. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: rvnpne@yandex.ru; С.В. Сажнева, доц. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ ЮГА РОССИИ

В статье обоснована изменчивость геополитической обстановки в мире вообще и на Юге Российской Федерации в частности. Как следствие, особое значение приобретает стратегия экономического развития в регионе с учетом формирования механизмов обеспечения экономической безопасности, сформулированы приоритетные задачи экономического развития СКФО, разработаны основные направления обеспечения безопасности и стратегия управления экономикой в регионе.

Ключевые слова: эволюция, динамика, геополитическая стратегия, моделирование, модернизация, реструктуризация.

В изменившихся геоэкономических и геополитических координатах эволюционной динамики Российского государства исторически новым географическим понятием, все более отражающим современные процессы регионализации национального хозяйства стал Юг России.

В процессе рыночного реформирования территориально-функциональных формирований России важным принципом их интеграции в крупномасштабные мегарегиональные структуры является сопредельность границ и общность хозяйственной специализации в рыночно обновляющейся системе межрегионального разделения труда и трансформирующейся схеме размещения и развития производительных сил страны.

Поскольку в новых условиях изменяется место, ролевые функции и рейтинг российских регионов, постольку важно определиться со стратегией регионализации единого макроэкономического пространства, уловив тенденции, векторы и ориентиры развития регионов России, определяющие их будущий экономический и политический облик.

Действительно, произошедшие после распада СССР перемены существенно отразились на региональном статусе и рейтинге Юга России. Юг России стал приграничной территорией, приняв на себя миссию важнейшего регионально-стратегичес-

кого центра, представляющего и отстаивающего геополитические позиции страны в евразийском узле переплетения коренных национально-государственных интересов многих стран, влияющих на ход мировой политики. Это породило массу новых для региона явлений, процессов и проблем, которые отнюдь не свелись к обустройству границ, организации деятельности органов таможенного и паспортного контроля, а, прежде всего, привели к запловым перемещениям масс беженцев из зон военных действий, национально-этнических конфликтов, конфессионально-противостояния, экологических бедствий.

Такие потоки, усиленные русскими переселенцами из стран СНГ, предпочитающими Юг России, а также размещение в регионе воинских частей и подразделений, выведенных из стран Центральной и Восточной Европы, значительно обострили ситуацию на рынке труда, жилья и социальных услуг.

Решение проблем обустройства мигрантов, восстановление народного хозяйства освобожденных от боевиков территорий Чечни натолкнулись на отсутствие (или скудность) бюджетных средств, что создало дополнительную социально-политическую напряженность в регионе.

Эти изменения в экономической и политической ситуации обуславливают необходимость оценки геополитических реалий

и геоэкономических координат, в которых осуществляется эволюционное движение экономики региона. Поэтому целесообразно оценивать сегодняшние действия в контексте решения актуальных задач, стоящих перед ЮФО.

Внешние задачи геополитической стратегии России на южном направлении в экономической сфере представляются следующими [1]:

- укрепление геоэкономических позиций России по всей южной пограничной дуге нестабильности;

- реализация функций южного форпоста, противостоящего внешним угрозам (терроризму и националистическому фанатизму);

- отстаивание государственных интересов России в сопредельных с Кавказом – этим «солнечным сплетением Евразии» – регионах мира: в Закавказье, на Среднем и Ближнем Востоке;

- урегулирование режима пользования Прикаспийскими странами рыбными запасами, транспортными артериями акватории и полезными ископаемыми шельфа Каспия, объявленно-го, к стати, зоной стратегических интересов США;

- укрепление сотрудничества стран Черноморского бассейна;

- оптимизация схем прокладки транзитно-магистральных межнациональных трубопроводов «Голубой поток», «Каспийский трубопроводный консорциум» и транспортных коридоров («Норд-Ориент», «Великий шелковый путь»);

- нейтрализация религиозно-экстремистского вектора усиливающегося влияния исламского фактора на южные территории России.

Среди внутренних задач приоритетные:

- восстановление экономики региона и всей системы институтов жизнеобеспечения населения;

- преодоление конфликтных ситуаций, возникающих на почве межнациональных, профессиональных, межэтнических разногласий на территории ЮФО;

- урегулирование проблемы беженцев из зон конфликтов и обустройство их в местах поселений;

- обеспечение безопасности населения подведомственных территорий и транспортных магистралей Юга России от террористических актов;

Библиографический список

1. Новикова, И.В. Стратегия экономической безопасности, как фактор консолидации регионов Северного Кавказа / И.В. Новикова, Ф.М-Г. Топсакхалова, Х.С. Узденов. – М., 2013.
2. Рябов, В.Н. Глобализация мировой экономики и экономическая безопасность региона в условиях формирования инновационной среды. – Ставрополь, 2012.

Bibliography

1. Novikova, I.V. Strategiya ehkonomicheskoy bezopasnosti, kak faktor konsolidacii regionov Severnogo Kavkaza / I.V. Novikova, F.M-G. Topsakhalova, Kh.S. Uzenov. – M., 2013.
2. Ryabov, V.N. Globalizaciya mirovoj ehkonomiki i ehkonomicheskaya bezopasnostj regiona v usloviyakh formirovaniya innovacionnoj sredih. – Stavropolj, 2012.

Статья поступила в редакцию 14.10.13

УДК 336.027

Sycheva I.N., Tikhomirova Yu.A. TAX MECHANISMS OF INCOME REDISTRIBUTION. A great importance in solving the problem of smoothing of differentiation of the population by income is placed upon socially oriented tax instruments. The article discusses the most important mechanisms of redistribution of income. Based on the study of international experience the possible implications of imposition of a luxury tax in Russia are analyzed. The expediency of returning to the limited-progressive scale of taxation of individuals is justified.

Key words: taxation, equity, a luxury tax, a progressive scale.

И.Н. Сычева, д-р эконом. наук, проф., директор Института экономики и управления ФГБОУ ВПО «Алтайский гос. технический университет им. И.И. Ползунова», г. Барнаул, E-mail:

tadam.si4eva2010@yandex.ru; Ю.А. Тихомирова, канд. эконом. наук, доц. каф. экономики и финансов, Алтайский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации», г. Барнаул, E-mail: victor.tihomirof@yandex.ru

НАЛОГОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕРАСТРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ

Важную роль в решении проблемы сглаживания дифференциации населения по доходам призваны сыграть налоговые инструменты социально ориентированного характера. В статье рассматриваются важнейшие налоговые механизмы перераспределения доходов. На основе изучения мирового опыта анализируются возмож-

ные последствия введения в России налога на роскошь. Обосновывается целесообразность возвращения к сдержанно-прогрессивной шкале налогообложения физических лиц.

Ключевые слова: налогообложение, справедливость, налог на роскошь, прогрессивная шкала.

Одним из важнейших принципов налогообложения является принцип справедливости, сформулированный впервые еще основоположником теории налогов А. Смитом. Соблюдение указанного принципа служит основой для реализации распределительной (социальной) функции налогов, суть которой заключается в поддержании социального равновесия путем изменения соотношения между доходами отдельных социальных групп с целью сглаживания неравенства между ними. Между тем, существенная дифференциация доходов населения продолжает оставаться весьма актуальной проблемой современного российского общества. Усиливающееся расслоение обусловлено в значительной степени наличием в экономике высокодоходного нефтегазового сектора и низкими доходами в других отраслях, а также низким порогом минимальной оплаты труда и прожиточного минимума. В итоге, если в 2001 году доходы самых богатых граждан превышали доходы самых бедных в 13,5 раз, то в 2012 году этот разрыв увеличился до 16-ти раз. При этом наиболее оптимальной разницей в доходах считается разница в 5-7 раз, характерная для таких развитых западноевропейских стран, как Германия, Франция и Австрия. Россия же по этому показателю находится сегодня приблизительно на уровне США. Однако, в отличие от нашей, американская модель характеризуется не только резкой дифференциацией на богатых и бедных, но и весьма приемлемым уровнем жизни малообеспеченных групп населения. В этих условиях сокращение разрыва между доходами богатых и бедных граждан нашей страны необходимо рассматривать в качестве одной из приоритетных задач, стоящих перед органами государственной власти всех уровней на ближайшую перспективу.

Целью исследования в данной статье является рассмотрение важнейших налоговых механизмов перераспределения доходов и сравнительный анализ их социальной и экономической эффективности.

Как показывает мировой опыт, к наиболее распространенным способам реализации распределительной (социальной) функции налогов относятся: использование механизмов прогрессивного налогообложения различных объектов; введение акцизов на предметы роскоши; применение налоговых вычетов и льгот.

Известно, что решить проблему уменьшения разрыва между богатыми и бедными можно двумя способами. Один из них связан с ограничением богатства, а другой – с увеличением доходов бедных.

На первый взгляд, наиболее очевидной мерой ограничения богатства является введение налога на роскошь. Целью введения данного налога является ограничение потребления супердорогих вещей и переориентация высвободившихся денежных ресурсов на развитие экономики. Если же потребление супердорогих вещей произошло, то через налог на роскошь часть денег (иногда до 90%) изымается государством и идет, как правило, на субсидирование беднейших слоев населения. Заметим, что налог на роскошь присутствует сегодня в большинстве стран с развитой налоговой инфраструктурой и системой налогового администрирования и выступает в этих странах, в основном, в форме прогрессивного имущественного налога [1].

Вместе с тем, зарубежный опыт свидетельствует о том, что в сфере реализации принципа социальной справедливости существуют гораздо более эффективные, чем налог на роскошь,

инструменты налоговой политики. Среди них, в частности, можно назвать налог на дивиденды. Напомним, что в России ставка налогообложения дивидендов составляет всего 9%. Эту ставку вполне можно было бы довести до сложившегося в большинстве развитых стран уровня: от 15 до 25%. Учитывая поистине гигантские суммы дивидендов, которые выплачиваются руководству и ведущим топ-менеджерам крупнейших российских компаний, можно с уверенностью предположить, что именно этот налог, в отличие от ранее рассматриваемых вариантов налога на роскошь, имел бы не только значительный социальный, но и гораздо более ощутимый для бюджета фискальный эффект.

Еще одним проверенным зарубежной практикой налоговым инструментом ограничения богатства служит увеличенный акциз при покупке предметов роскоши, уплачиваемый при приобретении на территории страны либо при ввозе в страну. Детализированные сведения по данному налогу представлены в таблице 1.

Однако, по нашему мнению, наибольший социальный эффект в нашей стране могло бы дать возвращение к прогрессивной системе подоходного налогообложения физических лиц. Справедливости ради отметим, что Россия не является единственной страной, использующей так называемую плоскую шкалу налогообложения доходов. Первой европейской страной, которая еще в 1994 году ввела единую ставку подоходного налога с физических лиц, стала Эстония. В дальнейшем ее примеру последовали: в 1995 г. – Латвия, в 2003 г. – Сербия, в 2004 г. – Словакия, в 2005 г. – Румыния. Наименьшая ставка данного налога (12%) существует сегодня в Грузии [2].

Одной из основных причин введения подобной налоговой практики в России стало стремление фискальных властей нанести серьезный удар по теневым доходам как предпринимателей, так и лиц наемного труда. Однако, сегодня можно с уверенностью утверждать, что сколько-нибудь революционных сдвигов в легализации доходов наших сограждан не произошло. В то же время, как было отмечено ранее, дифференциация людей по доходам существенно выросла.

Среди многочисленных вариантов реформирования действующей системы подоходного налогообложения своего внимания заслуживает компромиссный вариант, предлагаемый М. Винокуровым. Согласно этому варианту налоговые ставки по НДФЛ должны варьироваться от 13% (для граждан, имеющих годовую доход до 5 миллионов рублей) до 30% (на годовую доход более 5 миллионов) [3]. Данная схема привлекательная тем, что к группе граждан, доходы которых облагаются налогом по ставке 13%, относятся более 95% работающих, т.е. все низкооплачиваемые и весь средний класс. Следовательно, введение подобной шкалы отнюдь не означало бы наступления государства на доходы малого бизнеса и не явилось бы тормозом для становления среднего класса, как нередко утверждают защитники существующей ныне налоговой системы. В этой связи особенно важно подчеркнуть тот факт, что прогрессивная шкала подоходного налога успешно действует сегодня во многих развитых странах (таблица 2).

Как показывают данные таблицы 2, максимальная ставка подоходного налога в Дании и Нидерландах составляет 60%. В Швеции граждане могут отчислять в бюджет до 65% своих доходов. Но, как оказалось, и это еще не предел. В 2012 году французское правительство приняло решение о введении

Таблица 1

Акцизы на излишества в разных странах

Страна	Подакцизный объект	Ставка %
Украина	Транспортные средства, ювелирные изделия	До 300
Исландия	Транспортные средства	7-40
Южная Африка	Транспортные средства	5-10
Северная Корея	Предметы роскоши, Электротовары	15-100
Таиланд	Предметы роскоши	25-80
Ботсвана	Предметы роскоши	5-35
Венгрия	Предметы роскоши	10-35

Источник: Российский союз промышленников и предпринимателей.

Межстрановое сопоставление ставок подоходного налога

Страна	Ставка подоходного налога, %	
	минимальная	максимальная
США	15	39,6
Япония	10	50
Франция	12	56,8
Великобритания	20	40
Германия	19	53
Австрия	10	50
Бельгия	25	55
Дания	40	60
Италия	10	50
Нидерланды	35,1	60
Норвегия	26	53,5
Финляндия	25,8	57,8
Люксембург	10,5	58,8
Швеция	33	65

Источник: Васильев, В.П. Государственное регулирование экономики: учебное пособие. – М., 2012.

подоходного налога в 75% для всех граждан с доходами более 1 млн. евро в год. Однако уже в начале нынешнего 2013 года французские власти были вынуждены отказаться от столь радикальных мер. Причиной тому стал массовый отъезд из страны богатейших ее граждан.

Рассмотренные выше налоговые механизмы перераспределения доходов направлены на ограничение доходов богатых, т.е. напрямую касаются упомянутого выше первого способа уменьшения разрыва в доходах бедных и богатых. Между тем, на наш взгляд, большего внимания заслуживает второй способ, связанный с адресной помощью бедным. Дело в том, что собранные с богатых налоги отнюдь не обязательно будут направлены на социальные нужды. В то же время освобождение от уплаты подоходного налога работающих членов семей, имеющих доход (на одного члена семьи) ниже прожиточного минимума или равного этому уровню, является мерой, реально способствующей увеличению доходов бедных.

Во многих экономически развитых странах граждане с низкими годовыми доходами полностью освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц. Так, в Люксембурге нулевая ставка применяется при доходах до 9750 евро, в Швейцарии – до 16100 франков, в Австрии – до 10000 евро, в Ирландии – до 5210 евро, в Швеции – до 306000 шведских крон, в Австралии – до 6000 австралийских долл., в США – до 8450 долл. [4]. В целом же следует отметить, что на сегодняшний момент в развитых странах существует налоговая система, способная успешно решать задачу выравнивания доходов населения. Основными инструментами этой системы являются прогрессивные имущественные налоги, прогрессивное подоходное налогообложение, а также дифференцированные налоговые вычеты и налоговые льготы, что обеспечивает социальную справедливость налогообложения.

Что же касается России, то у нас подобной системы, оказывающей реальное влияние на дифференциацию доходов, пока не сложилось. Следовательно, с позиций своей социальной составляющей, налоговая система РФ, а значит, и ее Налоговый кодекс в настоящее время остро нуждаются в существенных коррективах. Причем, как нам представляется, эти коррективы

в наименьшей степени связаны с введением налога на роскошь. Планируемый к введению указанный налог не сможет решить задачу создания справедливой экономической системы, в которой нижним социальным слоям будет гарантирована возможность улучшить свое положение.

Гораздо более существенный вклад в решение проблемы обеспечения гармоничного и сбалансированного развития общества могут внести следующие изменения налоговой системы и ее механизмов, а именно: введение и практическое применение прогрессивного налога на недвижимость; резкое повышение размера необлагаемого минимума, позволяющего вывести из-под налогообложения немалую долю личных доходов и переориентировать их на удовлетворение насущных материальных потребностей малообеспеченных семей; восстановление ранее отмененной прогрессивной шкалы личного подоходного налога (возможно, в ее более сдержанном варианте). Указанные меры помогли бы значительно ослабить поляризацию российского общества, что свидетельствовало бы о наиболее эффективной реализации социальной функции налоговой системы.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что ликвидация в России прогрессивной шкалы подоходного налогообложения помимо нарушения принципа справедливости привела к изъятию из арсенала фискальных органов наиболее значимого встроенного стабилизатора экономики, каковым является прогрессивный подоходный налог. Будучи элементом утечек из экономики, обложение физических лиц по прогрессивной шкале закономерно приводит к замедлению инфляции на пике подъема и сокращению безработицы на дне спада. Пропорциональная же шкала по определению не заключает в себе столь мощного саморегулирующегося эффекта, и перепады экономической конъюнктуры становятся более рельефными.

Следовательно, возвращение в российский Налоговый кодекс прогрессивного подоходного налога наряду с резким повышением размера необлагаемого минимума могло бы не только стать значимым инструментом реализации принципа справедливости налогообложения, но и позволило бы существенно усилить стимулирующее влияние последнего на экономический рост.

Библиографический список

1. Сычева, И.Н. Проблемы и пути реализации социальной функции налоговой системы / И.Н. Сычева, Ю.А. Тихомирова // Вестник Алтайской науки. – 2012. – № 3-2.
2. Капканшиков, С.Г. Государственное регулирование экономики: учеб. пособ. – М., 2012.
3. Винокуров, М. Налог на роскошь: в погоне за яхтами не упустить главное // Аргументы недели. – 2012. – № 8(300).
4. Кузнецова, З. Налогообложение доходов физических лиц в экономически развитых европейских странах: социальный аспект // Человек и труд. – 2009. – № 5.

Bibliography

1. Sicheva, I.N. Problemi i puti realizacii social'noj funkcii nalogovoj sistemih / I.N. Sicheva, Yu.A. Tikhomirova // Vestnik Altajskoj nauki. – 2012. – № 3-2.
2. Kapkanthikov, S.G. Gosudarstvennoe regulirovanie ehkonomiki: ucheb. posob. – M., 2012.
3. Vinokurov, M. Nalog na roskoshj: v pogone za yakhtami ne upustit' glavnoe // Argumentih nedeli. – 2012. – № 8(300).
4. Kuznecova, Z. Nalogooblozhenie dokhodov fizicheskikh lic v ehkonomicheski razvitiikh evropejskikh stranakh: social'niyh aspekt // Chelovek i trud. – 2009. – № 5.

Статья поступила в редакцию 24.10.13

УДК 657.4

Filatov E.A. FACTOR ANALYSIS OF THE OWN CAPITAL PROFITABILITY ACCORDING TO THE METHODS OF FILATOV The article provides author's model of financial profitability that is supposed to use for discovering and analyzing factors determining efficiency of commercial organizations' operating as well as evaluating amount of their impact and tendency of their changing and importance. Author's methods of factor analysis were used for researching impact on financial profitability and gave opportunity to make conclusion on changing in company's financial profitability in more easy-to-understand and less labor-consuming way.

Key words: factor analyses, financial profitability, comparative ration.

Е.А. Филатов, канд. эконом. наук, доц. каф. экономической теории и финансов Национального исследовательского Иркутского гос. технического университета, г. Иркутск,
E-mail: johnru3000@rambler.ru

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ СОБСТВЕННОГО КАПИТАЛА ПО МЕТОДАМ ФИЛАТОВА

В статье представлена авторская модель финансовой рентабельности, которая предназначена для выявления и анализа факторов, определяющих эффективность функционирования коммерческих организаций, оценки степени их влияния и складывающиеся тенденции в их изменении и значимости. Влияние на финансовую рентабельность исследовано авторскими методами факторного анализа, которые дали возможность наиболее доступно и менее трудоемко составить заключение об изменениях в финансовой рентабельности предприятия.

Ключевые слова: факторный анализ; финансовая рентабельность; сравнительные коэффициенты.

Финансовая рентабельность (рентабельность собственного капитала) характеризует эффективность инвестиций собственников предприятия, которые предоставляют предприятию ресурсы или оставляют в его распоряжении часть нераспределенной прибыли.

Для определения влияния факторов на динамику рентабельности собственного капитала (или далее по тексту финансовой рентабельности) (Rf) воспользуемся исходной формулой расчета данного показателя (формула 1):

$$Rf = P / SK \quad (1)$$

где: P – чистая прибыль (прибыль после уплаты налога на прибыль, прибыль подлежащая распределению); SK – средняя стоимость собственного капитала.

Далее на основании известной формулы финансовой рентабельности автор вывел модель, которая имеет следующий вид (формула 2):

$$Rf = (ZK / SK) * (SA / ZK) * (AK / SA) * (PK / AK) * (V / PK) * (SS / V) * (PV / SS) * (PP / PV) * (PDN / PP) * (P / PDN) \quad (2)$$

где: Rf – финансовая рентабельность; ZK – средняя стоимость заемного капитала; SK – средняя стоимость собственного капитала; SA – стоимость активов; AK – средняя величина авансированного в активы (средства аккумулированные для покупки или иного поступления средств производства и рабочей силы); PK – средняя величина реального капитала, авансированного в активы, используемые в предприни-

Таблица 1

Исходные данные для проведения факторного анализа

п/п	Показатели	№ исходного фактора	План* 0	Факт** I	Отклонение*** Δ
1	Rf – финансовая рентабельность = $(2 * 3 * 4 * 5 * 6 * 7 * 8 * 9 * 10 * 11)$		0,14	0,285714286	+0,145714286
2	Коэффициент финансового риска	FC1	0,875	1,085714286	0,210714286
3	Коэффициент соотношения совокупного капитала к заемному	FC2	2,142857143	1,921052632	-0,221804511
4	Доля капитала реально авансированного в активы в общей величине капитала	FC3	0,453333333	0,445205479	-0,008127854
5	Доля предпринимательского капитала в капитале, реально авансированном в активы	FC4	0,882352941	0,892307692	0,009954751
6	Коэффициент отдачи реального капитала, авансированных в активах, используемых в предпринимательских целях	FC5	1,641666667	2,413793103	0,772126437
7	Затраты на 1 рубль проданной продукции	FC6	0,710659898	0,678571429	-0,03208847
8	Рентабельность производства по валовой прибыли	FC7	0,407142857	0,436842105	0,029699248
9	Коэффициент соотношения прибыли от продаж и валовой прибыли	FC8	0,754385965	0,819277108	0,064891144
10	Коэффициент соотношения прибыли до налогообложения и прибыли от продаж	FC9	0,651162791	0,735294118	0,084131327
11	Коэффициент соотношения чистой прибыли и прибыли до налогообложения	FC10	0,8	0,8	0

где: * 0 – прошлый (базисный) период (год), взятый за базу сравнения; ** I – отчетный (текущий) период (год); *** Δ – изменение за период, рассчитывается как разница между фактом и планом (I – 0).

Вспомогательные данные по сравнительным коэффициентам для проведения факторного анализа представлены в таблицах 2, 3.

Таблица 2

Кратные сравнительные коэффициенты по одному фактору

Обозначение сравнит. коэффициента	Расчет коэффициентов	Значение	Произведение коэффициентов (значение)
A1	$FC1_1 / FC1_0$	1,240816327	1,0
A2	$FC1_0 / FC1_1$	0,805921053	
A3	$FC2_1 / FC2_0$	0,896491228	1,0
A4	$FC2_0 / FC2_1$	1,115459883	
A5	$FC3_1 / FC3_0$	0,982070911	1,0
A6	$FC3_0 / FC3_1$	1,01825641	
A7	$FC4_1 / FC4_0$	1,011282051	1,0
A8	$FC4_0 / FC4_1$	0,988843813	
A9	$FC5_1 / FC5_0$	1,470330824	1,0
A10	$FC5_0 / FC5_1$	0,680119048	
A11	$FC6_1 / FC6_0$	0,954846939	1,0
A12	$FC6_0 / FC6_1$	1,047288271	
A13	$FC7_1 / FC7_0$	1,072945522	1,0
A14	$FC7_0 / FC7_1$	0,932013769	
A15	$FC8_1 / FC8_0$	1,086018493	1,0
A16	$FC8_0 / FC8_1$	0,920794634	
A17	$FC9_1 / FC9_0$	1,129201681	1,0
A18	$FC9_0 / FC9_1$	0,885581395	
A19	$FC10_1 / FC10_0$	1,0	1,0
A20	$FC10_0 / FC10_1$	1,0	

Таблица 3

Мультипликативные сравнительные коэффициенты

Обозначение сравнит. коэффициента	Факторные множители, входящие в расчет коэффициента	Значение
B1	$A1 * A3$	1,112380952
B2	$A1 * A3 * A5$	1,092436975
B3	$A1 * A3 * A5 * A7$	1,104761905
B4	$A1 * A3 * A5 * A7 * A9$	1,624365482
B5	$A1 * A3 * A5 * A7 * A9 * A11$	1,551020408
B6	$A1 * A3 * A5 * A7 * A9 * A11 * A13$	1,664160401
B7	$A1 * A3 * A5 * A7 * A9 * A11 * A13 * A15$	1,80730897
B8	$A1 * A3 * A5 * A7 * A9 * A11 * A13 * A15 * A17$	2,040816327
B9	$A4 * A6 * A8 * A10 * A12 * A14 * A16 * A18 * A20$	0,608
B10	$A6 * A8 * A10 * A12 * A14 * A16 * A18 * A20$	0,545066667
B11	$A8 * A10 * A12 * A14 * A16 * A18 * A20$	0,535294118
B12	$A10 * A12 * A14 * A16 * A18 * A20$	0,541333333
B13	$A12 * A14 * A16 * A18 * A20$	0,795939086
B14	$A14 * A16 * A18 * A20$	0,76
B15	$A16 * A18 * A20$	0,815438596
B16	$A18 * A20$	0,885581395

матерских целях (предпринимательский капитал); V – выручка нетто – выручка от продажи продукции, товаров, работ, услуг или иначе говоря вся выручка, которую получает предприятие за вычетом налогов исчисляемых из нее (НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей); SS – себестоимость реализованной продукции (товаров, работ, услуг); PV – валовая прибыль; PP – прибыль от продаж; PDN – прибыль до налогообложения; P – чистая прибыль.

Далее автор преобразует свою модель (формула 2) в десятифакторную модель финансовой рентабельности (формула 3):

$$Rf = FC1 * FC2 * FC3 * FC4 * FC5 * FC6 * FC7 * FC8 * FC9 * FC10 \quad (3)$$

где: ZK / SK ($FC1$) – плечо финансового рычага (коэффициент финансового риска); SA / ZK ($FC2$) – коэффициент соотношения совокупного капитала к заемному; AK / SA ($FC3$) – доля

капитала реально авансированного в активы в общей величине капитала; PK / AK ($FC4$) – доля предпринимательского капитала в капитале, реально авансированном в активы; V / PK ($FC5$) – коэффициент отдачи реального капитала, авансированных в активы, используемых в предпринимательских целях; SS / V ($FC6$) – затраты на 1 рубль проданной продукции; PV / SS ($FC7$) – рентабельность производства продукции по валовой прибыли; PP / PV ($FC8$) – коэффициент соотношения между прибылью от продаж и валовой прибылью; PDN / PP ($FC9$) – коэффициент соотношения между прибылью до налогообложения и прибылью от продаж; P / PDN ($FC10$) – коэффициент соотношения между чистой прибылью и прибылью до налогообложения.

Далее, на основе методов факторного анализа, разработанных Филатовым Е.А. [1-12] оценим степень влияние десяти факторов на изменения финансовой рентабельности.

Исходные данные для проведения альтернативного факторного анализа, представлены в таблице № 1.

Таблица 4

Методы № 1.1 и 1.2 альтернативного факторного анализа с использованием сравнительных коэффициентов

№ формулы	формулы / расчеты	
	основная часть формулы	корректировочные коэффициенты
1.1	$\Delta Rf (FC1) = Rf_0 * (A1) - Rf_0$	–
1.2	$\Delta Rf (FC2) = (Rf_0 * (A3) - Rf_0) *$	A1
1.3	$\Delta Rf (FC3) = (Rf_0 * (A5) - Rf_0) *$	B1
1.4	$\Delta Rf (FC4) = (Rf_0 * (A7) - Rf_0) *$	B2
1.5	$\Delta Rf (FC5) = (Rf_0 * (A9) - Rf_0) *$	B3
1.6	$\Delta Rf (FC6) = (Rf_0 * (A11) - Rf_0) *$	B4
1.7	$\Delta Rf (FC7) = (Rf_0 * (A13) - Rf_0) *$	B5
1.8	$\Delta Rf (FC8) = (Rf_0 * (A15) - Rf_0) *$	B6
1.9	$\Delta Rf (FC9) = (Rf_0 * (A17) - Rf_0) *$	B7
1.10	$\Delta Rf (FC10) = (Rf_0 * (A19) - Rf_0) *$	B8
2.1	$\Delta Rf (FC1) = (Rf_1 - Rf_1 * (A2)) *$	B9
2.2	$\Delta Rf (FC2) = (Rf_1 - Rf_1 * (A4)) *$	B10
2.3	$\Delta Rf (FC3) = (Rf_1 - Rf_1 * (A6)) *$	B11
2.4	$\Delta Rf (FC4) = (Rf_1 - Rf_1 * (A8)) *$	B12
2.5	$\Delta Rf (FC5) = (Rf_1 - Rf_1 * (A10)) *$	B13
2.6	$\Delta Rf (FC6) = (Rf_1 - Rf_1 * (A12)) *$	B14
2.7	$\Delta Rf (FC7) = (Rf_1 - Rf_1 * (A14)) *$	B15
2.8	$\Delta Rf (FC8) = (Rf_1 - Rf_1 * (A16)) *$	B16
2.9	$\Delta Rf (FC9) = (Rf_1 - Rf_1 * (A18)) *$	A20
2.10	$\Delta Rf (FC10) = (Rf_1 - Rf_1 * (A20))$	–

Таблица 5

Методы № 2.1 и 2.2 альтернативного факторного анализа с использованием сравнительных коэффициентов

№ формулы	формулы / расчеты	
	основная часть формулы	корректировочные коэффициенты
3.1	$\Delta Rf (FC1) = (\Delta FC1/FC1_0) * Rf_0$	–
3.2	$\Delta Rf (FC2) = (\Delta FC2/FC2_0) * Rf_0 *$	A1
3.3	$\Delta Rf (FC3) = (\Delta FC3/FC3_0) * Rf_0 *$	B1
3.4	$\Delta Rf (FC4) = (\Delta FC4/FC4_0) * Rf_0 *$	B2
3.5	$\Delta Rf (FC5) = (\Delta FC5/FC5_0) * Rf_0 *$	B3
3.6	$\Delta Rf (FC6) = (\Delta FC6/FC6_0) * Rf_0 *$	B4
3.7	$\Delta Rf (FC7) = (\Delta FC7/FC7_0) * Rf_0 *$	B5
3.8	$\Delta Rf (FC8) = (\Delta FC8/FC8_0) * Rf_0 *$	B6
3.9	$\Delta Rf (FC9) = (\Delta FC9/FC9_0) * Rf_0 *$	B7
3.10	$\Delta Rf (FC10) = (\Delta FC10/FC10_0) * Rf_0 *$	B8
4.1	$\Delta Rf (FC1) = (\Delta FC1/FC1_1) * Rf_1 *$	B9
4.2	$\Delta Rf (FC2) = (\Delta FC2/FC2_1) * Rf_1 *$	B10
4.3	$\Delta Rf (FC3) = (\Delta FC3/FC3_1) * Rf_1 *$	B11
4.4	$\Delta Rf (FC4) = (\Delta FC4/FC4_1) * Rf_1 *$	B12
4.5	$\Delta Rf (FC5) = (\Delta FC5/FC5_1) * Rf_1 *$	B13
4.6	$\Delta Rf (FC6) = (\Delta FC6/FC6_1) * Rf_1 *$	B14
4.7	$\Delta Rf (FC7) = (\Delta FC7/FC7_1) * Rf_1 *$	B15
4.8	$\Delta Rf (FC8) = (\Delta FC8/FC8_1) * Rf_1 *$	B16
4.9	$\Delta Rf (FC9) = (\Delta FC9/FC9_1) * Rf_1 *$	A20
4.10	$\Delta Rf (FC10) = (\Delta FC10/FC10_1) * Rf_1$	–

Методы № 3.1 и 3.2 альтернативного факторного анализа с использованием сравнительных коэффициентов

№ формулы	формулы / расчеты	
	основная часть формулы	корректировочные коэффициенты
5.1	$\Delta Rf (FC1) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A1))$	–
5.2	$\Delta Rf (FC2) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A3))^*$	A1
5.3	$\Delta Rf (FC3) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A5))^*$	B1
5.4	$\Delta Rf (FC4) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A7))^*$	B2
5.5	$\Delta Rf (FC5) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A9))^*$	B3
5.6	$\Delta Rf (FC6) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A11))^*$	B4
5.7	$\Delta Rf (FC7) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A13))^*$	B5
5.8	$\Delta Rf (FC8) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A15))^*$	B6
5.9	$\Delta Rf (FC9) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A17))^*$	B7
5.10	$\Delta Rf (FC10) = \Delta Rf - (Rf_1 - (Rf_0 * A19))^*$	B8
6.1	$\Delta Rf (FC1) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A2) - Rf_0)^*$	B9
6.2	$\Delta Rf (FC2) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A4) - Rf_0)^*$	B10
6.3	$\Delta Rf (FC3) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A6) - Rf_0)^*$	B11
6.4	$\Delta Rf (FC4) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A8) - Rf_0)^*$	B12
6.5	$\Delta Rf (FC5) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A10) - Rf_0)^*$	B13
6.6	$\Delta Rf (FC6) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A12) - Rf_0)^*$	B14
6.7	$\Delta Rf (FC7) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A14) - Rf_0)^*$	B15
6.8	$\Delta Rf (FC8) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A16) - Rf_0)^*$	B16
6.9	$\Delta Rf (FC9) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A18) - Rf_0)^*$	A20
6.10	$\Delta Rf (FC10) = \Delta Rf - ((Rf_1 * A20) - Rf_0)$	–

Результат по методам 1.1, 2.1, 3.1 представлен в таблице № 7, результат по методам 1.2, 2.2, 3.2 представлен в таблице № 8.

Таблица 7

Результат по методам 1.1, 2.1, 3.1

п/п	основная часть формулы	корректировочные коэффициенты		результат
1	$\Delta Rf (FC1) = 0,033714286$	–		0,033714286
2	$\Delta Rf (FC2) = -0,014491228$	1,240816327	A1	-0,017980952
3	$\Delta Rf (FC3) = -0,002510073$	1,112380952	B1	-0,002792157
4	$\Delta Rf (FC4) = 0,001579487$	1,092436975	B2	0,001725490
5	$\Delta Rf (FC5) = 0,065846315$	1,104761905	B3	0,072744501
6	$\Delta Rf (FC6) = -0,006321429$	1,624365482	B4	-0,010268310
7	$\Delta Rf (FC7) = 0,010212373$	1,551020408	B5	0,015839599
8	$\Delta Rf (FC8) = 0,012042589$	1,664160401	B6	0,020040800
9	$\Delta Rf (FC9) = 0,018088235$	1,80730897	B7	0,032691030
10	$\Delta Rf (FC10) = 0$	2,040816327	B8	0
	0,118160556			0,145714286

Шесть авторских (альтернативных) методов факторного детерминированного анализа (формулы 1.1 – 6.10) представлены в таблицах 4 – 6.

Методы 1.1 и 1.2, 2.1 и 2.2, 3.1 и 3.2, исходя из влияния корректирующих коэффициентов, являются друг к другу зеркальными.

Метод № 1.1 (формулы 1.1 – 1.10 в таблице 4) основан на разности между результативными плановыми показателями, которые корректируются на сравнительные коэффициенты (A1, B1 – B8).

Метод № 1.2 (формулы 2.1 – 2.10 в табл. 4) основан на разности между результативными фактическими показателями, которые корректируются на сравнительные коэффициенты (A20, B9 – B16).

Метод № 2.1 (формулы 3.1 – 3.10 в таблице 5) основан на отношении отклонения исходного фактора к исходному плановому фактору, умноженному на плановый результативный показатель, который корректируется на сравнительные коэффициенты (A1, B1 – B8).

Результат по методам 1.2, 2.2, 3.2

п/п	основная часть формулы	корректировочные коэффициенты		результат
1	$\Delta Rf (FC1) = 0,055451128$	0,608	B9	0,033714286
2	$\Delta Rf (FC2) = -0,032988538$	0,545066667	B10	-0,017980952
3	$\Delta Rf (FC3) = -0,005216117$	0,535294118	B11	-0,002792157
4	$\Delta Rf (FC4) = 0,003187482$	0,541333333	B12	0,001725490
5	$\Delta Rf (FC5) = 0,091394558$	0,795939086	B13	0,072744501
6	$\Delta Rf (FC6) = -0,013510935$	0,76	B14	-0,010268310
7	$\Delta Rf (FC7) = 0,019424637$	0,815438596	B15	0,015839599
8	$\Delta Rf (FC8) = 0,022630105$	0,885581395	B16	0,020040800
9	$\Delta Rf (FC9) = 0,032691030$	1,0	A20	0,032691030
10	$\Delta Rf (FC10) = 0$	–		0
	0,173063350			0,145714286

Метод № 2.2 (формулы 4.1 – 4.10 в таблице 5) основан на отношении отклонения исходного фактора к исходному фактическому фактору, умноженному на фактический результирующий показатель, который корректируется на сравнительные коэффициенты (A20, B9 – B16).

Метод № 3.1 (формулы 5.1 – 5.10 в таблице 6) основан на отношении отклонения результирующего фактора к разнице между результирующими фактическими и плановыми факторами, которые корректируются на сравнительные коэффициенты (A1, B1 – B8).

Метод № 3.2 (формулы 6.1 – 6.10 в таблице 6) основан на отношении отклонения результирующего фактора к разнице между результирующими фактическими и плановыми факторами, которые корректируются на сравнительные коэффициенты (A20, B9 – B16).

При создании авторской функциональной факторной модели были учтены обязательные требования: 1. факторы, включаемые в модель, реально существуют и имеют конкретное значение; 2. факторы, которые входят в модель имеют причинно-следственную связь с результирующим показателем; 3. факторная модель обеспечивает измерение влияния конкретного фактора на общий результат. Авторская модель учитывает соразмерность изменений результирующего и факторных показателей, а сумма влияния отдельных факторов равняется общему приросту результирующего показателя.

Чем детальнее исследуется зависимость результирующего показателя от тех или иных факторов, тем точнее результаты анализа и оценка качества работы коммерческих организаций.

Библиографический список

1. Филатов, Е.А. Выявление степени влияния количественно измеримых факторов на величину исследуемых экономических показателей по методам Филатова // Известия ИГЭА. – Иркутск. – 2006. – № 2(47).
2. Филатов, Е.А. Факторный анализ по методам Филатова // Известия ИГЭА. – Иркутск. – 2009. – № 5(67).
3. Филатов, Е.А. Детерминированный факторный анализ на основе моделей Филатова // Известия ИГЭА (БГУЭП): электронный журнал. – 2011. – № 4.
4. Филатов, Е.А. Детерминированный факторный анализ по оригинальной методике Филатова на примере мультипликативных моделей / Е.А. Филатов, В.Б. Нечаев // Вестник ИрГТУ. – Иркутск. – 2011. – № 4(51).
5. Филатов, Е.А. Детерминированный факторный анализ на основе двухфакторных моделей Филатова // Актуальные проблемы права, экономики и управления: сб. статей международной научно-практич. конф. – Иркутск. – 2011. – Вып. VII. – Т. I.
6. Филатов, Е.А. Детерминированный факторный анализ на основе трехфакторных моделей Филатова // Актуальные проблемы права, экономики и управления: сб. статей международной научно-практич. конф. – Иркутск. – 2011. – Вып. VII. – Т. I.
7. Филатов, Е.А. Решение основных проблем в детерминированном факторном анализе на основе методов Филатова // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – Рига; М. – 2011. – № 3.
8. Филатов, Е.А. Методы детерминированного (функционального) факторного анализа: монография. – Иркутск, 2011.
9. Филатов, Е.А. Методы альтернативного функционального анализа // Известия ИГЭА (БГУЭП): электронный журнал. – 2012. – № 1.
10. Филатов, Е.А. Методы детерминированного (функционального) факторного анализа: монография. – Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012.
11. Филатов, Е.А. Методы факторного анализа: монография. – Иркутск, 2012.

Bibliography

1. Filatov, E.A. Vihyavlenie stepeni vliyaniya kolichestvenno izmerimihkh faktorov na velichinu issleduemihkh ehkonomicheskikh pokazateley po metodam Filatova // Izvestiya IGEhA. – Irkutsk. – 2006. – № 2(47).
2. Filatov, E.A. Faktorniy analiz po metodam Filatova // Izvestiya IGEhA. – Irkutsk. – 2009. – № 5(67).
3. Filatov, E.A. Determinirovanniy faktorniy analiz na osnove modeley Filatova // Izvestiya IGEhA (BGUEhP): ehlektronniy zhurnal. – 2011. – № 4.
4. Filatov, E.A. Determinirovanniy faktorniy analiz po originalnoy metodike Filatova na primere mul'tiplikativnihkh modeley / E.A. Filatov, V.B. Nechaev // Vestnik IrGTU. – Irkutsk. – 2011. – № 4(51).
5. Filatov, E.A. Determinirovanniy faktorniy analiz na osnove dvukhfaktornihkh modeley Filatova // Aktualniye problemih prava, ehkonomiki i upravleniya: sb. statey mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. – Irkutsk. – 2011. – Vihp. VII. – T. I.
6. Filatov, E.A. Determinirovanniy faktorniy analiz na osnove trekhfaktornihkh modeley Filatova // Aktualniye problemih prava, ehkonomiki i upravleniya: sb. statey mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. – Irkutsk. – 2011. – Vihp. VII. – T. I.
7. Filatov, E.A. Reshenie osnovnihkh problem v determinirovannom faktornom analize na osnove metodov Filatova // European Social Science Journal (Evropeyskiy zhurnal socialnihkh nauk). – Riga; M. – 2011. – № 3.
8. Filatov, E.A. Metodih determinirovannogo (funkcionalnogo) faktornogo analiza: monografiya. – Irkutsk, 2011.
9. Filatov, E.A. Metodih al'ternativnogo funkcionalnogo analiza // Izvestiya IGEhA (BGUEhP): ehlektronniy zhurnal. – 2012. – № 1.
10. Filatov, E.A. Metodih determinirovannogo (funkcionalnogo) faktornogo analiza: monografiya. – Saarbrucken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012.
11. Filatov, E.A. Metodih faktornogo analiza: monografiya. – Irkutsk, 2012.

Статья поступила в редакцию 12.10.13

УДК 657

Kusch E.N., Kobylatova M.F. PATENT SYSTEM OF TAXATION: ADVANTAGES, DISADVANTAGES AND SOLUTIONS. The paper outlines the essential elements of the patent system of taxation; the ways of solving existing problems State in order to improve the efficiency of the system of taxation.

Key words: special tax regimes, the patent system of taxation, individual entrepreneurs, the potential income, preferences.

Е.Н. Куш, канд. эконом. наук, доц. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: nalogi@ncstu.ru; **М.Ф. Кобылатова**, доц. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», E-mail: darkabyss@mail.ru

ПАТЕНТНАЯ СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ДОСТОИНСТВА, НЕДОСТАТКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье определены основные элементы патентной системы налогообложения; проведен сравнительный анализ системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход; предложены пути решения существующих проблем государством в целях повышения эффективности рассматриваемой системы налогообложения.

Ключевые слова: специальные режимы налогообложения, патентная система налогообложения, индивидуальные предприниматели, потенциально возможный доход, преференции.

Патентная система налогообложения (ПСН) относится к специальным налоговым режимам (далее – спецрежимам), которые призваны создать более простые и выгодные условия налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков путем установления определенных льгот и освобождения от уплаты некоторых налогов. Она была введена Федеральным законом от 25.06.2012 № 94-ФЗ и в данный момент регулируется гл. 26.5 НК РФ [1]. Вопрос применения патентной системы весьма актуален для индивидуальных предпринимателей, поскольку с 1 января 2018 г. глава 26.3 Налогового кодекса, устанавливающая систему налогообложения в виде единого налога на вмененный доход (ЕНВД), утрачивает силу. Предполагается, что с такой заменой деловая жизнь предпринимателей станет проще, а налоговое администрирование – эффективнее. По замыслу законодателя патентная система призвана служить достижению четырех основных целей: привлечению населения к samozанятости; легализации малого бизнеса; пополнению бюджета; поступлению средств во внебюджетные фонды. Патентная система налогообложения, как, впрочем, и остальные действующие в Российской Федерации режимы налогообложения, имеет свои плюсы и ряд недостатков. Наиболее наглядно их можно отразить в сравнении с иными специальными режимами налогообложения. Все четыре спецрежима доступны для применения индивидуальными предпринимателями и переход на них является добровольным. Следует отметить, что предпринимателям, осуществляющим сезонные работы, выгоднее будет применять патентную систему налогообложения, так как он сможет выбирать необходимый ему срок, в течение которого будет действовать патент. Согласно п. 5 ст. 346.45 НК РФ патент выдается по выбору индивидуального предпринимателя на период от одного до двенадцати месяцев включительно в пределах календарного года [1]. Налогоплательщиками патентной системы налогообложения могут выступать только индивидуальные предприниматели, занимающиеся определенным видом деятельности, в то время как упрощенную систему налогообложения могут применять и организации. Порядок начала и прекращения применения данных режимов налогообложения носит заявительный характер, соблюдаются лишь сроки подачи в налоговый орган соответствующих заявлений и уведомлений. Так индивидуальный предприниматель, желающий перейти на патентную систему налогообложения, должен не позднее, чем за 10 дней до начала применения данного спецрежима подать заявление на получение патента в налоговый орган по месту жительства. В случае, если индивидуальный предприниматель планирует осуществлять деятельность на основе патента в субъекте РФ, в котором не состоит на учете в налоговом органе по месту жительства или в качестве налогоплательщика, применяющего патентную систему, указанное заявление подается в любой налоговый орган этого субъекта РФ по выбору. Налоговый орган обязан в течение пяти дней со дня получения заявления на получение патента выдать индивидуальному предпринимателю патент или уведомить его об отказе в выдаче патента, при этом основания для отказа регламентированы п. 4 ст. 346.45 НК РФ [1].

Патентная система предусматривает ограничения, которые носят закрытый характер. При применении патентной системы доходы по всем видам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения, не должны превышать 60 млн. руб. с начала календарного года и средняя численность наемных работников не должна превышать за налоговый период 15 человек. Касаясь применения ЕНВД, установлено ограничение по численности работников, которая не должна превышать 100 человек, доля других организаций не должна превышать 25%. При применении упрощенной системы налогообложения ограничения носят суммарный характер двух вышеперечисленных спецрежимов, т.е. доходы не должны превышать 60 млн. руб., численность работников – не более 100 человек, доля участия других организаций, также как и при применении ЕНВД, не должна превышать 25%. И еще одно ограничение – остаточная стоимость основных средств не должна превышать 100 млн. руб. Объектом налогообложения при применении патентной системы является потенциально возможный к получению доход, который устанавливается законами субъектов Российской Федерации. С 1 января 2013 года минимальный размер дохода не может быть меньше 100 тыс. руб., а максимальный – не более 1 млн. руб. С 1 января 2013 г. на территории Ставропольского края вступил в силу краевой Закон Ставропольского края от 27 сентября 2012 года № 96-кз «О патентной системе налогообложения», который устанавливает размер потенциально возможного годового дохода по видам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система [2].

В случае применения ЕНВД объектом налогообложения является вмененный доход, который рассчитывается как произведение базовой доходности на величину физического показателя, выраженного в виде площади, количества транспортных средств и т.д., т.е. носящий метрический характер. А в упрощенной системе налогообложения объектом налогообложения признаются доходы или расходы, уменьшенные на величину расходов. Ставка налога на патентной системе устанавливается в размере 6%, такая же ставка действует и при применении «упрощенки» с объектом «доходы», а вот при применении объекта «доходы, уменьшенные на величину расходов» ставка налога устанавливается уже в размере 15%. Ставка при применении ЕНВД равна 15% от величины вмененного дохода.

Рассматривая льготы, которые предусматривает законодательство, можно отметить следующие положения [3]:

- во всех спецрежимах предусмотрено освобождение от уплаты налога на доходы физических лиц (в части доходов, полученных от предпринимательской деятельности); налога на имущество физических лиц (в части имущества, которое используется в рамках предпринимательской деятельности при приме-

нении спецрежима); налога на добавленную стоимость (за исключением некоторых случаев, предусмотренных Налоговым кодексом);

– только для ЕНВД и упрощенной системы налогообложения с объектом «доходы» законодатель установил право налогоплательщика на уменьшение суммы налога на суммы уплаченных страховых взносов, но не более чем на 50%. Однако, ограничение в 50% не распространяется на предпринимателей, не производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, т.е. по сути не имеющим наемных работников. Такая категория налогоплательщиков имеет право уменьшить исчисленную сумму налога на всю сумму уплаченных страховых взносов. В этом прослеживается стимулирующая функция и, как следствие, пополняемость бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации;

– почти по всем видам деятельности, по которым выдается патент, можно применять пониженные страховые тарифы к вознаграждениям, выплачиваемым наемным работникам. Индивидуальные предприниматели, перешедшие на патентную систему налогообложения, имеют право понизить страховые взносы до 20% в ПФР (за исключением тех, кто осуществляет виды деятельности, указанные в пп. 19, 45-47 п. 2 ст. 346.43 НК РФ: сдача в наем жилых помещений, розничная торговля, услуги общественного питания). Помимо этого они также должны отчислять 0,2% в ФСС, в то время как ИП на иных спецрежимах обязаны производить выплаты в ПФР 22%, в ФФОМС 2,9% и 0,2% в ФСС.

Положительным моментом также является то, что налогоплательщики ПСН осуществляют плату только за выданный патент, которая не зависит от фактически полученных индивидуальным предпринимателем доходов. Законодатель установил следующий порядок уплаты данного налога [4]: 1) если патент получен на срок до 6 месяцев, – налогоплательщик уплачивает полную сумму налога в срок не позднее 25 календарных дней после начала действия патента; 2) если патент получен на срок от 6 месяцев до календарного года, – налогоплательщик сначала уплачивает 1/3 суммы налога в срок не позднее 25 календарных дней после начала действия патента и остальные 2/3 суммы налога в срок не позднее 30 календарных дней до дня окончания налогового периода. Однако данная норма несет в себе и отрицательную сторону. Предпринимательская деятельность – деятельность, осуществляемая на свой страх и риск, поэтому какой доход получит налогоплательщик заранее неизвестно, однако уплатить налог при получении патента он обязуется сразу в полной мере или частично.

Что касается применения контрольно-кассовой техники, то здесь законодатель установил, что предприниматели, применяющие патентную систему налогообложения в отношении видов деятельности, переведенных на патент, могут осуществлять наличные денежные расчеты или расчеты с использованием платежных карт без применения кассового аппарата. При этом они должны выдавать по требованию покупателя документ (например, товарный чек или квитанцию), подтверждающий прием денежных средств. Следовательно, принципы и нормы применения контрольно-кассовой техники налогоплательщиками патентной системы аналогичны принципам и нормам, установленным для ЕНВД. Декларация при применении упрощенной системы налогообложения представляется 1 раз в год, при применении ЕНВД – ежеквартально, а вот при использовании патентной системы декларацию представлять не требуется. Это экономит время и нервы налогоплательщиков. Взаимоотношения индивидуальных предпринимателей и налоговых органов значительно упрощаются, а это в свою очередь снижает количество конфликтов с инспекциями. Следует отметить, что налогоплательщики обязаны вести учет доходов от реализации в книге учета доходов индивидуального предпринимателя отдельно по каждому полученному патенту. А если налогоплательщик применяет труд наемных работников, то за ним сохраняется и вся отчетность, связанная с начислением и выплатой заработной платы.

Проведенный анализ специальных налоговых режимов показывает, что на данном этапе патентная система проигрывает

по сравнению с ЕНВД и УСН. Основные минусы патентной системы – это возможность ее применения только индивидуальными предпринимателями и ограничение по численности работников. Причем если налогоплательщик имеет несколько видов деятельности, то количество работников не должно превышать 15 человек по всем видам предпринимательской деятельности.

Действующая упрощенная система налогообложения на основе патента содержит исчерпывающий перечень видов деятельности, состоящий из 69 пунктов. В новой патентной системе таких пунктов осталось 47 [5]. Однако это не означает, что для патентной системы сократили количество видов деятельности, просто некоторые позиции этого перечня укрупнены. Так, например, если в настоящее время ремонт, окраска и пошив обуви и чистка обуви – это два отдельных вида деятельности, на которые требуется получение отдельных патентов, то в патентной системе это один вид деятельности. А вот такие виды деятельности, как стрижка домашних животных, зашиты садов, огородов и зеленых насаждений от вредителей и болезней, ремонт и изготовление бондарной посуды и гончарных изделий и некоторые другие с 1 января 2013 г. относятся к виду деятельности «прочие услуги производственного характера».

В перечень вошли виды деятельности, в отношении которых в настоящее время УСН на основе патента не применяется (экскурсионные услуги, розничная торговля и др.).

Патентная система предполагает увеличение потенциально возможного дохода региональными властями. Гарантии того, что законодатели на местах не поддадутся желанию «сорвать» налоговую массу немедленно и сразу, нет. Так и произошло, когда был издан Закон Ставропольского края от 15 октября 2012 года № 96-кз «О патентной системе налогообложения» и установивший размер потенциально возможного дохода при применении патентной системы. Согласно НК РФ субъектам Российской Федерации предоставлено право увеличивать максимальный размер потенциально возможного к получению предпринимателями годового дохода: не более чем в три раза по таким видам деятельности как техобслуживание транспортных средств, перевозки автомобилей и водным транспортом, медицинская и фармацевтическая деятельность, обрядовые и ритуальные услуги; не более чем в десять раз – в отношении деятельности по сдаче недвижимости в аренду, розничной торговле и общественному питанию. Законодатель Ставропольского края воспользовался этим моментом и установил максимально возможный размер потенциально возможного дохода налогоплательщиков, что привело к увеличению в десятки раз потенциально возможного дохода по сравнению с действующей системой упрощенной на основе патента. Данное обстоятельство является самым главным минусом и, как следствие, резко снижает популярность патентной системы налогообложения. Одним из недостатков краевого закона о патентной системе налогообложения является отсутствие коэффициентов, применяющихся для определения размера потенциально возможного годового дохода в зависимости от места ведения предпринимательской деятельности. Так, этот коэффициент позволял варьировать потенциальный доход на коэффициенты от 0,5 до 1, что являлось неоспоримой стимулирующей функцией и созданию рабочих мест в непривлекательных районах Ставропольского края. Патентная система налогообложения вступила в силу с 1 января 2013 года и является довольно таки «молодым» налоговым режимом, которому свойственны как положительные стороны, так и определенные недостатки. По нашему мнению, задумка о введении патентной системы налогообложения хорошая. Но для того, чтобы точно определить более выгодную для отдельного предпринимателя систему налогообложения, необходимо подсчеты производить индивидуально. В связи с тем, что право дополнять установленный обязательный перечень иными видами деятельности, а также устанавливать для каждого вида деятельности размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода, передано региональным властям, считаем, что именно от их решений будет во многом зависеть судьба патентной системы налогообложения и её привлекательность.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1, 2 текст с изм. и доп. на 25 января 2013 г. – М., 2013. – (Законы и кодексы).
2. Закон Ставропольского края № 96-кз от 15 октября 2012 года «О патентной системе налогообложения».
3. Анищенко, А.В. Патентная система налогообложения Журнал «Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения» № 16 (2012) [Э/п]. – П/д: // <http://www.audit-it.ru/articles/account/a84/478481.html>

4. Лапина, М. Плюсы и минусы патентной системы налогообложения // Бухгалтерский учет. Налогообложение. Аудит [Э/р]. – Р/д: <http://www.audit-it.ru/articles/account/a84/625964.html>
5. Информационно-правовой портал «ПОДАТИ НЕТ: налоговый портал» [Э/р]. – Р/д: <http://www.podatinet.net/2013091933312/myblog/myblog/poka-patentnaya-sistema-sebya-ne-opravdalaaaa-itogi-vvedeniya-patenta-za-i-polugodie-2013-goda.html>

Bibliography

1. Nalogovihyj kodeks Rossijskoj Federacii. Chasti pervaya i vtoraya: tekst s izm. i dop. na 25 yanvarya 2013 g. – М., 2013. – (Zakonih i kodeksih).
2. Zakon Stavropol'skogo kraja № 96-kz ot 15 oktyabrya 2012 goda «O patentnoy sisteme nalogooblozheniya».
3. Anithenko. A.V. Patentnaya sistema nalogooblozheniya Zhurnal «Aktualnihe voprosih bukhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya» № 16 (2012) [Eh/r]. – R/d: // <http://www.audit-it.ru/articles/account/a84/478481.html>
4. Lapina, M. Plyusih i minusih patentnoy sistemih nalogooblozheniya // Bukhgalterskiy uchets. Nalogooblozhenie. Audit [Eh/r]. – R/d: <http://www.audit-it.ru/articles/account/a84/625964.html>
5. Informacionno-pravovoy portal «PODATI NET: nalogovihyj portal» [Eh/r]. – R/d: <http://www.podatinet.net/2013091933312/myblog/myblog/poka-patentnaya-sistema-sebya-ne-opravdalaaaa-itogi-vvedeniya-patenta-za-i-polugodie-2013-goda.html>

Статья поступила в редакцию 05.11.13

УДК 336.5.02

Sokolova A.A. ROLE OF REGIONAL BUDGET IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE OF SOCIAL POLICY.

In the study, we investigated the role of the authorities of subjects of the Russian Federation on the example of the Stavropol Territory in the performance of public tasks to improve living standards, an assessment of the dynamics and structure of fiscal expenditure on social services in relation to the gross regional product of the Stavropol region for the period 2010-2012.

Key words: social policy, social policy, budget, spending, the regional budget, spending on health, education expenses.

A.A. Sokolova, канд. эконом. наук, доц. каф. денежного обращения и кредита Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, E-mail: alfiacosol@rambler.ru

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В работе изучена роль органов власти субъектов Российской Федерации на примере Ставропольского края в исполнении государственных задач по повышению уровня жизни населения, дана оценка динамике и структуре бюджетных расходов на социальную сферу в сопоставлении с валовым региональным продуктом Ставропольского края за период 2010-2012 годов.

Ключевые слова: социальная политика, социальная сфера, бюджет, расходы, региональный бюджет, расходы на здравоохранение, расходы на образование.

В области бюджетной политики перед любым государством стоит задача повышения уровня жизни своих граждан, из представлений о «справедливости» исходят и модели бюджетного федерализма, то есть возможности обеспечения за счет единообразно проводимой бюджетно-налоговой политики минимально допустимого уровня государственных и муниципальных услуг для населения за счет средств соответствующих бюджетов.

Согласно Конституции (ст. 7), Российская Федерация является социальным государством [1], а значит призвано влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости на достижение благосостояния человека и общества, обеспечение равных и справедливых возможностей для развития личности. Эта задача социальной политики государства должна решаться на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации.

В литературе используется расширительное толкование социальной сферы как социальной среды, а также окружающих человека общественных, материальных и духовных условий его существования, формирования и деятельности. Развитие данной сферы позволяет инвестировать в человеческий капитал, что принесет ощутимый долговременный экономический эффект в будущем, так как именно здоровый, культурный, образованный индивид и будет являться основной производительной силой [2].

К. Макконнелл и С. Брю выделяют следующие виды инвестиций в человеческий капитал:

- расходы на образование – включая общее и специальное, формальное и неформальное, подготовку на рабочем месте;
- расходы на здравоохранение, складывающиеся из расходов на профилактику заболеваний, медицинское обслуживание, диетическое питание, улучшение жилищных условий;

- расходы на мобильность, благодаря, которым работники мигрируют из мест с относительно низкой производительностью в места с относительно высокой производительностью [3].

Учитывая социальный характер государства, финансирование социальной сферы представляет важнейшим направлением бюджетной политики для бюджета любого уровня. При этом, если на федеральном уровне помимо социальной сферы не менее приоритетным является и обеспечение национальной обороны, то на региональном и местном уровне, финансирование социальной сферы является основным направлением.

Переходя к анализу динамики изменений расходной части бюджета на федеральном и региональном уровне, следует отметить, что наиболее важным ее моментом является то, как в этой структуре представлена социальная сфера. Представляется, что данный аспект является наиболее важным, тем более с учетом провозглашенного Конституцией РФ социального характера государства.

В соответствии с федеральным законом № 63-ФЗ от 26.04.2007 года «О внесении изменений в бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации», к социальной сфере следует отнести [4]: образование; культуру, искусство и кинематографию; здравоохранение; социальную помощь.

Известно, что без финансового обеспечения развития экономики невозможно развитие финансирования социальной сферы. Однако, в связи с этим возникает чрезвычайно важный и сложный вопрос: какая часть бюджетных средств должна направляться на финансирование социальной сферы, а какая на все остальные направления. Чтобы в какой-то мере разрешить эту проблему, государство законодательно пытается определить

Таблица 1

Анализ расходов бюджета Ставропольского края на социальную сферу

Показатель	Значение показателя, млн. руб.						Структура, %						Абсолютное изменение, млн. руб.		Темп прироста, %	
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	плановый период			2010 г.	2011 г.	2012 г.	плановый период			2011 г. / 2010 г.	2012 г. / 2011 г.	2011 г. / 2010 г.	2012 г. / 2011 г.
				2013 г.	2014 г.	2015 г.				2013 г.	2014 г.	2015 г.				
Образование	3947,51	11127,66	14715,44	13676,51	13982,75	14835,98	28,53	28,30	31,16	30,57	27,99	7280,15	3587,78	189,22	32,24	
Культура, кинематография	576,35	652,21	702,16	584,77	580,38	616,59	4,27	1,66	1,49	1,31	1,20	75,86	49,95	13,16	7,66	
Здравоохранение физическая культура и спорт	2940,40	11296,54	14991,12	12838,04	14682,13	16947,41	21,81	28,73	31,74	28,69	30,31	8356,14	3694,58	284,18	32,71	
Социальная политика	6120,06	16249,97	16823,81	17643,80	19180,97	20689,60	45,39	41,32	35,62	39,43	39,60	10129,91	573,84	165,52	3,53	
Социальная сфера, всего	13484,32	39326,38	47232,53	44743,12	48432,23	52996,58	23,81	58,56	61,82	65,17	67,39	25842,06	7906,15	191,65	20,10	
Расходы бюджета, всего	56641,18	67157,27	76409,49	68654,39	71867,81	76625,45	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	10516,09	9252,22	18,57	13,78	
Расходы на душу населения, рублей	4831,73	14091,51	16924,46	15979,69	17235,67	18793,11	-	-	-	-	-	9259,78	2832,95	191,65	20,10	

долю финансирования отдельных направлений социальной сферы. Так, законом об образовании устанавливается, что государственное финансирование на нужды образования должно составлять ежегодно не менее 10% национального дохода. Основы законодательства о культуре определяют ее финансирование в размере не менее 2% от расходной части федерального бюджета [5].

В этом плане представляет интерес провести общий сравнительный анализ тенденций финансирования социальной сферы в целом и по ее основным направлениям в 2010-2013 годы и на плановый период до 2015 года на региональном уровне.

Анализ финансирования социальной сферы (таблица 1) в Ставропольском крае за период с 2010 по 2012 годы, показывает, что в структуре расходов их доля увеличилась с 23,81% до 61,82%. При этом в законе Ставропольского края о бюджете на 2013 год и на плановый период до 2015 года запланирован рост данных расходов, структура которых в 2015 году составит 69,16% от общего количества расходов краевого бюджета, причем объем расходов в 2015 году запланирован в сумме 76625,45 млн. руб., что всего лишь на 215,95 млн. руб. больше, чем в 2012 году.

Ввиду этого можно говорить о социально ориентированном бюджете Ставропольского края с 2011 года и усилении данного факта к 2015 году. Таким образом, темп прироста расходов на социальную сферу с 2010 года по 2015 составит 293,02%, в абсолютном выражении – 39 512,26 млн. руб.

Основную долю в расходах бюджета на социальную сферу в 2012 году занимают расходы по разделу социальная политика – 35,62%, здравоохранение – 31,74%, образование – 31,16% и оставшаяся часть 1,49% приходится на раздел культура, кинематография. Такое разделение существует с 2011 года и сохраняется в плановом периоде с небольшими изменениями.

Высокий прирост расходов в 2011 году по сравнению с 2010 годом отмечен по направлениям: здравоохранение – 284,18%; образование – 189,22%; социальная политика – 165,52%. По разделу культура, кинематография прирост всего 13,16%. Подобный рост расходов на социальную сферу стал возможен благодаря высвобождению большого объема средств бюджета из раздела межбюджетные трансферты при одновременном увеличении объема расходов бюджета на 18,57%. В 2012 году прирост замедляется: здравоохранение – 32,71%; образование – 32,24%; культура, кинематография – 7,56%; социальная политика – 3,53%.

Расходы социальной сферы на душу населения с 2010 года до планового 2015 года вырастут на 13961,38 рублей или на 288,95%, с 4831,73 рубля до 18793,11 рублей.

При сравнении расходов на социальную сферу с валовым региональным продуктом Ставропольского края за период 2010-2012 годов видно, что их доля в ВРП края увеличилась с 4,28% до 11,38%, что оценивается положительно, однако, данная тенденция уже в плановом 2013 году снижается до 9,41% и в 2015 году до 8,74% (рис. 1). Считаем, необходимым поддерживать долю расходов на социальную сферу в пределах 10% к ВРП. Стоит отметить, что опережающий рост доли социальных расходов приводит к тому, что у регионов не остается бюджетных средств на развитие инфраструктуры и другие инвестиции, стимулирующие экономическое развитие. А без инвестиций в экономику не увеличить и поступления в бюджет в будущем. Поэтому четко прослеживается связь расходования средств бюджета на национальную экономику и на социальную сферу.

Учитывая тот факт, что с ВРП сравнивалась группа расходов на социальную сферу необходимо привести динамику доли расходов по разделам социальной сферы в ВРП Ставропольского края (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что наибольшую долю в ВРП края занимают расходы на социальную политику за период 2010-2012 гг. изменение составило – 1,94%, 4,48%, 4,05% соответственно. Но с 2013 года по 2015 год заметно плановое снижение доли до 3,41%. Следующие два раздела здравоохранение и образование составляют почти одну кривую, так как их доли в ВРП очень близки: с 0,93% в 2010 году до 3,61% в 2012 году. В плановом же периоде так же наблюдается снижение, причем в 2013 году более резкое до 2,70%, чем по разделу социальная политика. А на период 2014-2015 гг. по разделу здравоохранение – рост доли до 2,78%, а по образованию – сокращение до 2,45%.

Важным показателем является социальные расходы в расчете на одного жителя Ставропольского края. По всем разделам прирост составил более 170%, за исключением расходов на куль-

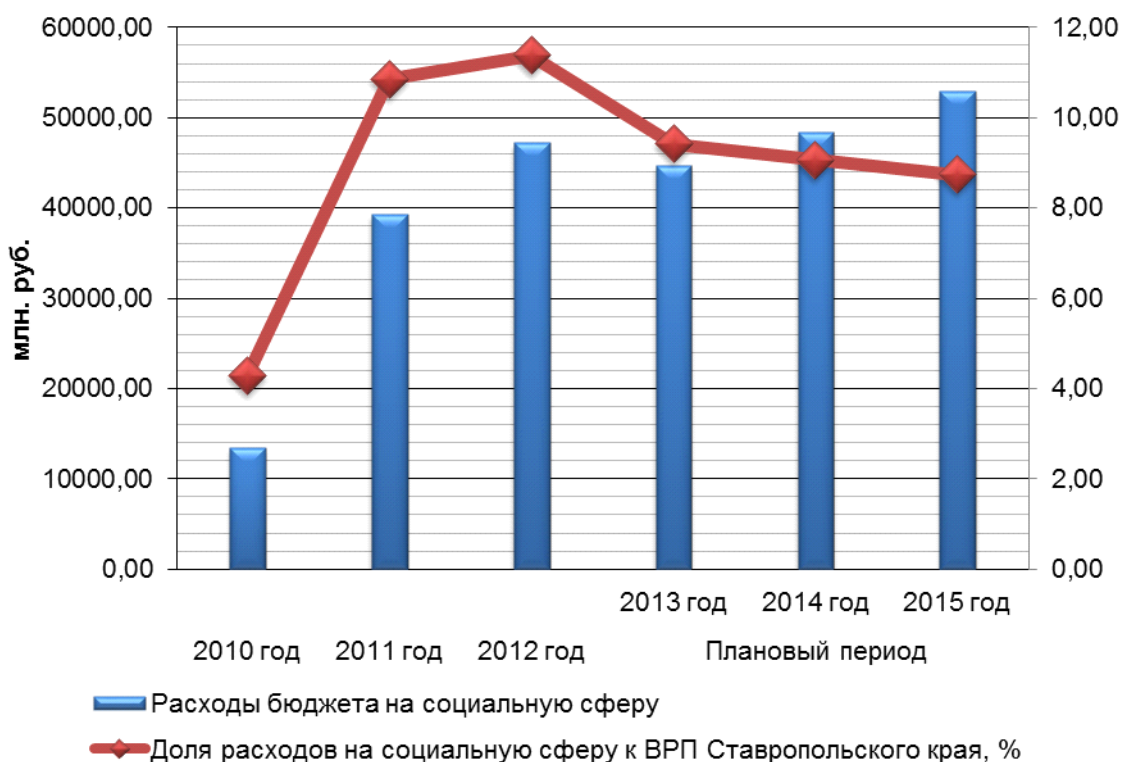

Рис. 1. Динамика расходов краевого бюджета на социальную сферу в 2010-2012 годах и на плановый период 2013-2015 годы

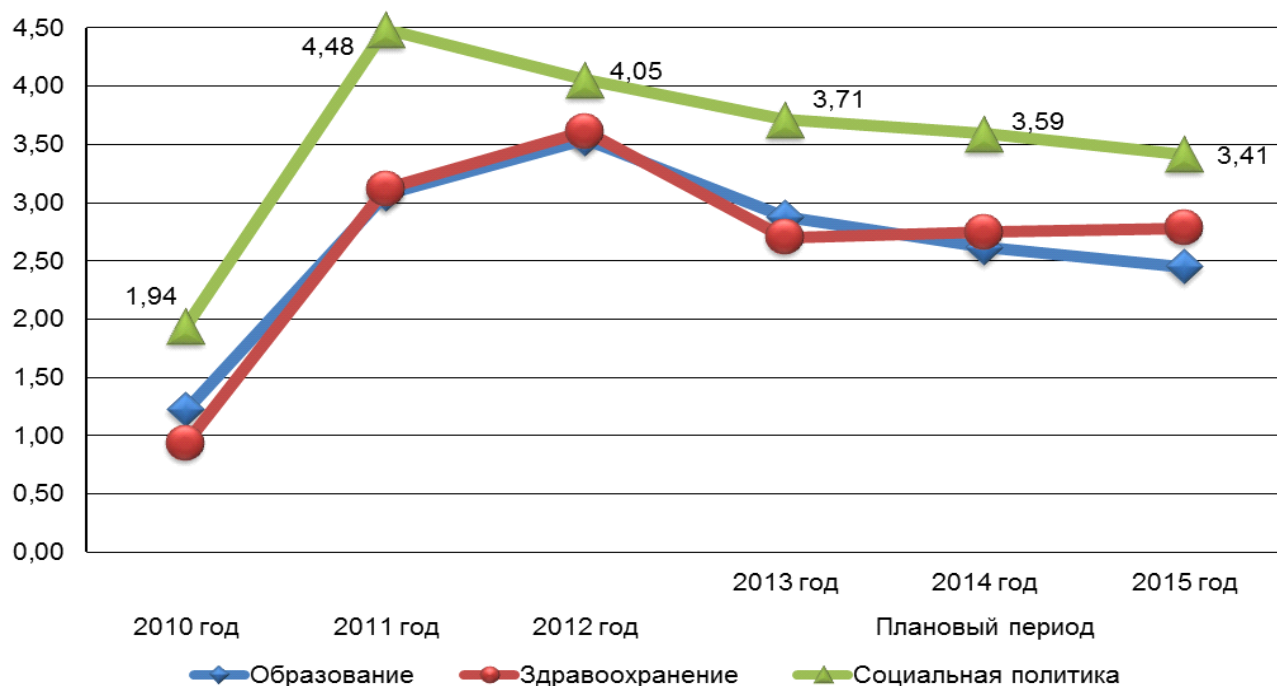

Рис. 2. Динамика доли расходов по разделам образование, здравоохранение, социальная политика в ВРП Ставропольского края в 2010-2012 годах и на плановый период 2013-2015 годы, %

туру – 13%. По статистическим данным впервые с 1995 года в 2012 году наблюдается естественный прирост населения на 0,5%. Наибольшее обеспечение идет на раздел «Социальная политика» (рис. 3), далее следуют разделы здравоохранение, образование. Незначительная часть приходится на культурное развитие края.

Раздел «Социальная политика» является наиболее крупным в структуре расходов на социальную сферу, поэтому проведем анализ данного раздела (таблица 1).

Социальная политика представляет собой систему действий органов государственного управления и местного самоуправления, обеспечивающих решение ключевой задачи государства – повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе за счет эффективного использования общественных (государственных и муниципальных) финансов.

Социальные расходы, осуществляемые государством на разных уровнях бюджетной системы, являются основой социальной политики. В настоящее время ключевым в реализации

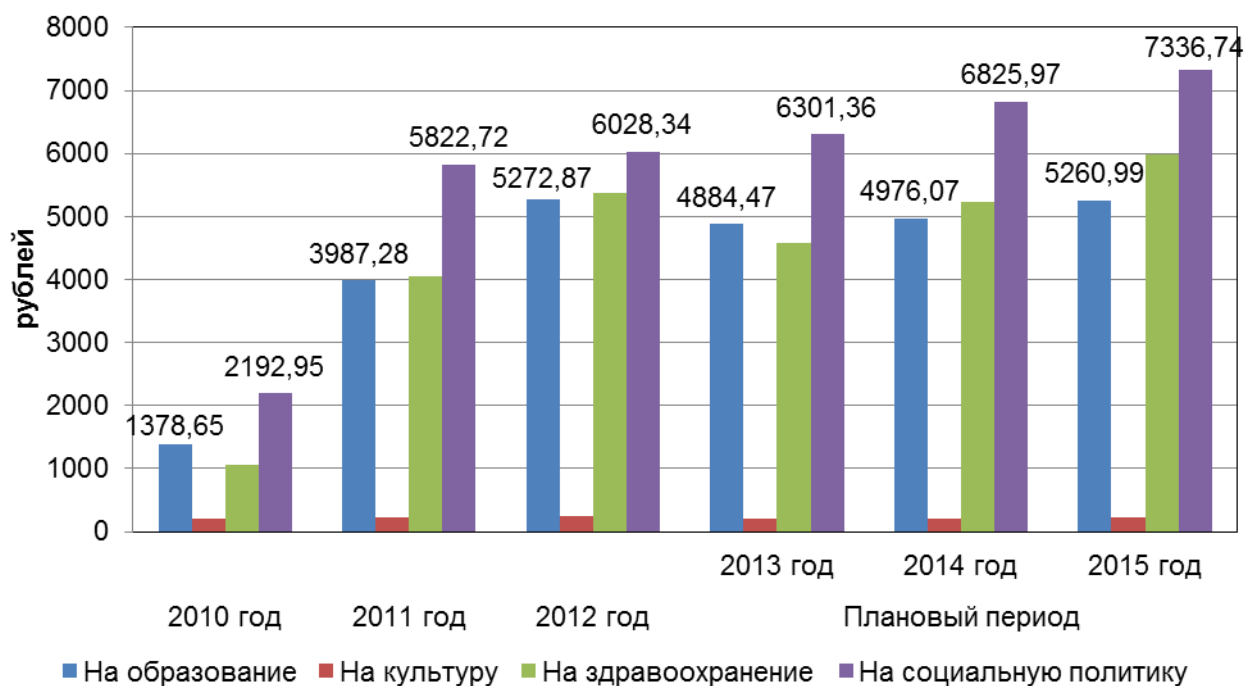

Рис. 3. Распределение расходов по разделам социальной сферы на душу населения

основных социальных программ можно считать уровень субъектов Российской Федерации. Во-первых, социальные расходы распределены между уровнями бюджетной системы в России таким образом, что основная их часть (более трех четвертей) сосредоточена в консолидированных бюджетах субъектов Российской Федерации, причем роль последних постепенно растет. Во-вторых, в результате принятия Федерального закона № 122-ФЗ от 22.08.2004 «О внесении изменений в законодательные акты РФ и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации органов местного самоуправления» и Федерального закона № 199-ФЗ от 29.12.2004 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Россий-

ской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований» перераспределения полномочий между федеральной властью и субъектами Российской Федерации в 2005 г. власти регионов получили законодательно закрепленную возможность самостоятельно определять характер мер социальной поддержки для ряда категорий населения, варьировать регламент, принципы и объем предоставления социальной помощи [6; 7].

Социальная политика – это самый крупный раздел расходной части бюджета. В 2010 году он находился на втором месте после раздела межбюджетные трансферты, а в 2011-2012 годы после внедрения концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года занял уверенное первое место среди прочих разделов социальной направленности.

Ежегодно увеличивается сумма расходов по данному разделу и доля в общей структуре расходов: в 2010 – 6 120,04 млн. руб. или 10,80%; в 2011 – 16 249,97 млн. руб. или 24,20%; в 2012 году – 16 823,81 млн. руб. или 22,02%.

Таблица 2

Анализ расходов бюджета Ставропольского края по разделу «Социальная политика»

Показатель	Значение показателя, млн. руб.			Структура, %			Абсолютное изменение, млн. руб.		Темп прироста, %	
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2011 г. / 2010 г.	2012 г. / 2011 г.	2011 г. / 2010 г.	2012 г. / 2011 г.
Пенсионное обеспечение	59,54	76,27	133,12	0,97	0,47	0,79	16,73	56,85	28,10	74,54
Социальное обслуживание населения	1912,31	2207,05	2106,15	31,25	13,58	12,52	294,74	-100,90	15,41	-4,57
Социальное обеспечение населения	4051,99	12446,89	12935,42	66,21	76,60	76,89	8394,90	488,53	207,18	3,92
Охрана семьи и детства	7,38	927,54	1059,46	0,12	5,71	6,30	920,16	131,92	12468,29	14,22
Другие вопросы в области социальной политики	88,82	592,22	589,66	1,45	3,64	3,50	503,40	-2,56	566,76	-0,43
Социальная политика, всего	6120,04	16249,97	16823,81	100,00	100,00	100,00	10129,93	573,84	165,52	3,53

Увеличение расходов на данный раздел возможен, благодаря сокращению межбюджетных трансфертов и увеличению поступающих доходов краевого бюджета. За период с 2010 по 2012 год темп роста расходов на социальную политику составил 274,90%. Темп прироста за 2011-2010 гг. – 165,52%, за 2012-2011 гг. – 3,53%.

Прирост расходов в 2012 году наблюдается по подразделам: пенсионное обеспечение – 74,54%, охрана семьи и детства – 14,22%, социальное обеспечение населения – 3,92%. Сокращение произошло по подразделам: социальное обслуживание населения на 4,57%, другие вопросы в области социальной политики – 0,43%.

Таким образом, значительный рост расходов по разделу произошел в 2011 году, а в 2012 – сохранился на том же уровне за исключением некоторых подразделов. Так в 2011 году прирост расходов наблюдается по всем подразделам: охрана семьи и детства – 12468,29%, другие вопросы в области социальной политики – 566,76%, социальное обеспечение населения – 107,18%, пенсионное обеспечение – 28,10%, социальное обслуживание населения – 15,41%.

Исполнение расходов по разделу «Социальная политика» с 2010 года по 2012 год находится на достаточно высоком уровне (более 93%) и ежегодно повышается, что говорит о достаточно высокой исполнительской дисциплине: 2010 год – 93,78%, 2011 год – 95,48%, 2012 год – 98,03%.

О повышении расходов на социальную сферу было заявлено в бюджетном послании Президента Российской Федерации и бюджетной политике на среднесрочную перспективу. В итоге, растущие расходы оцениваются положительно, так как в Ставропольском крае установлен социально ориентированный бюджет, что позволяет инвестировать в население, его капитал, в результате чего возможно не только увеличение поступлений в бюджет, но и качественного развития общества.

В результате проведенного анализа расходной части бюджета Ставропольского края и его отдельных разделов можно отметить, что имеется усиливающаяся несбалансированность бюджета и органов управления Ставропольского края для достижения сбалансированности краевого бюджета необходимо или увеличить доходы или сократить расходы. Дефицит бюджета

2011 года в сумме 1500,31 млн. руб. образовался за счет более быстрого роста расходов бюджета по сравнению с доходами, тоже произошло и в 2012 году – рост до 6111,95 млн. руб. При этом законом о бюджете на 2012 год дефицит планировался в размере 12940,89 млн. рублей. Подобное сокращение стало возможно благодаря перевыполнению плана по сбору налоговых доходов и получению безвозмездной помощи, а также сокращению расходов бюджета. При этом стоит отметить, что законом Ставропольского края «О бюджете Ставропольского края на 2013 год и на плановый период 2014 – 2015 годов» бюджет края планируется бездефицитным, благодаря чему возможно увеличение расходов социальной направленности, расходов на образование и здравоохранение.

В целях финансирования дефицита краевого бюджета в 2011 году были осуществлены заимствования в кредитных организациях в сумме 8259,04 млн. руб., что повлекло за собой увеличение государственного долга Ставропольского края до 13053,81 млн. руб.

Оценивая структуру расходов краевого бюджета отмечаем, что более 75% расходов бюджета Ставропольского края в 2011 году приходится на 4 раздела: социальная политика – 16 249,97 млн. руб. или 24,20%, национальная экономика – 12 279,29 млн. руб. или 18,28%, образование – 11 127,66 млн. руб. или 16,57%, здравоохранение – 11 296,54 млн. руб. или 16,82%, такая же тенденция наблюдается и за 2012 год, в котором структура приоритетных направлений расходования средств – около 81%, что оценивается положительно. Обратная тенденция наблюдалась в 2010 году, когда менее 40% расходов приходилось на данные 4 раздела, а более 50% расходов бюджета предназначалась для межбюджетных трансфертов.

Таким образом, бюджет Ставропольского края за 2011-2012 годы стал наиболее социально ориентированным, во многом благодаря существенному снижению расходов на межбюджетные трансферты, так как законодательством Российской Федерации установлены доходы, закрепленные за соответствующими бюджетами на постоянной основе. Это предопределяет устойчивость поступлений доходов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и создает возможности для их стабильного роста.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации [Текст]: ФКЗ № 7 от 12 декабря 1993 г. (ред. от 30 декабря 2008 г.).
2. Завьялов, Д.Ю. Оценка эффективности бюджетных расходов: сравнительный анализ // Финансы. – 2008. – № 10.
3. Макконнелл, Кэмпбелл Р. Экономикс / Кэмпбелл Р. Макконнелл, Стэнли Л. Брю. – М., 2009.
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации: ФЗ № 63 от 26 апреля 2007 г. (ред. от 07 мая 2013 г.).
5. Клисторин, В.И. Оценка качества управления общественными финансами (на примере Новосибирской области) // Оптимизация территориальных систем / под ред. С. А. Суслицына; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2010.
6. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: ФЗ № 122 от 22 августа 2004 г. (ред. от 07 мая 2013 г.).
7. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований: ФЗ № 199 от 29 декабря 2004 г. (ред. от 07 ноября 2010 г.).

Bibliography

1. Rossijskaya Federaciya. Zakonih. Konstituciya Rossijskoj Federacii [Tekst]: FKZ № 7 ot 12 dekabrya 1993 g. (red. ot 30 dekabrya 2008 g.).
2. Zavjalov, D.Yu. Ocenka ehffektivnosti byudzhetnykh raskhodov: sravnitel'nyj analiz // Finansih. – 2008. – № 10.
3. Makkonnell, Kehmpbell R. Ehkonomiks / Kehmpbell R. Makkonnell, Stehnl L. Bryu. – M., 2009.
4. Rossijskaya Federaciya. Zakonih. O vnesenii izmenenij v Byudzhetnij kodeks Rossijskoj Federacii v chasti regulirovaniya byudzhetnogo processa i privedenii v sootvetstvie s byudzhetnim zakonodatel'stvom Rossijskoj Federacii otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov Rossijskoj Federacii: FZ № 63 ot 26 aprelya 2007 g. (red. ot 07 maya 2013 g.).
5. Klistorin, V.I. Ocenka kachestva upravleniya obshchestvennymi finansami (na primere Novosibirskoj oblasti) // Optimizaciya territorial'nykh sistem / pod red. S. A. Suspichna; IEOPP SO RAN. – Novosibirsk, 2010.
6. Rossijskaya Federaciya. Zakonih. O vnesenii izmenenij v zakonodatel'nye aktih Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem federal'nykh zakonov «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Federal'nyj zakon «Ob obshchikh principakh organizacii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoj vlasti subjektov Rossijskoj Federacii» i «Ob obshchikh principakh organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii»: FZ № 122 ot 22 avgusta 2004 g. (red. ot 07 maya 2013 g.).
7. Rossijskaya Federaciya. Zakonih. O vnesenii izmenenij v zakonodatel'nye aktih Rossijskoj Federacii v svyazi s rasshireniem polnomochij organov gosudarstvennoj vlasti subjektov Rossijskoj Federacii po predmetam sovmestnogo vedeniya Rossijskoj Federacii i subjektov Rossijskoj Federacii, a takzhe s rasshireniem perechnya voprosov mestnogo znacheniya municipal'nykh obrazovaniy: FZ № 199 ot 29 dekabrya 2004 g. (red. ot 07 noyabrya 2010 g.).

Статья поступила в редакцию 05.11.13

УДК 338

Khokhlova G.I., Okladnikova D.R. THE MAIN FEATURES OF INNOVATION AND INVESTMENT ACTIVITIES OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES AND THE FACTORS INFLUENCING ITS DEVELOPMENT. The article presents the classification and analysis of the fundamental characteristics of innovation and investment activities of small and medium-sized enterprises, reveals major problems, as well as a comparative analysis of the functioning of these subjects in innovation in the Russian and international practice.

Key words: innovation and investment, small and medium business, technological innovation, organizational innovation, marketing innovation, sources of investment, innovation projects, innovation activity of small and medium-sized businesses.

Г.И. Хохлова, канд. эконом. наук, доц. Национального исследовательского Иркутского гос. технического университета, г. Иркутск, E-mail: hgi08@yandex.ru; Д.Р. Окладникова, аспирант каф. эконом. теории и финансов Национального исследовательского Иркутского гос. технического университета, E-mail: 0205dr@rambler.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИИМАТЕЛЬСТВА И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЕЕ РАЗВИТИЕ

В статье проводится систематизация и анализ основополагающих признаков инновационно-инвестиционной деятельности малых и средних предприятий, раскрываются основные проблемы, а также проводится сравнительный анализ функционирования этих субъектов рынка в инновационной сфере в России и зарубежной практике.

Ключевые слова: инновационно-инвестиционная деятельность, малый и средний бизнес, технологические инновации, организационные инновации, маркетинговые инновации, источники инвестиций, инновационные проекты, инновационная активность малого и среднего предпринимательства.

Опыт развитых стран мира показал, что одним из основных способов решения экономических, социальных и экологических проблем государства является использование новейших достижений науки и техники. В этой связи малый и средний бизнес способствует развитию инновационной культуры в стране, формированию сообщества специалистов в этой сфере. Вместе с тем спектр актуальных вопросов, связанных с функционированием малого и среднего предпринимательства в России достаточно широк, поскольку его становление и развитие происходило в нестабильных экономических и политических условиях. В настоящее время по-прежнему сохраняются сложности в организации и ведении инновационного бизнеса этими предприятиями, например, такие как поиск производственных помещений, квалифицированного персонала и финансовых ресурсов. В этой связи возникает необходимость уточнения понятия инновационно-инвестиционной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса (далее МСБ), которая имеет свои особенности, для анализа которых следует рассматривать её как систему [1, с. 212].

Систематизация и анализ основополагающих признаков инновационно-инвестиционной деятельности (далее ИИД) малых и средних предприятий позволит сформулировать рекомендации по выбору наиболее эффективных способов решения конкретных практических задач. В этой связи следует выделить три основные группы классификационных элементов ИИД малого и среднего бизнеса (далее МСБ), которые охватывают организационно-правовой, инновационный и финансово-экономический аспекты ее реализации.

К организационно-правовым признакам, на наш взгляд, следует отнести общепринятые критерии деления организаций по численности работающих, объему выпущенной продукции, форме собственности, организационно-правовой форме деятельности. Элементы инновационной деятельности субъектов МСБ должны включать такие значимые параметры как градация инноваций и инновационных проектов. Основополагающими показателями финансово-экономического (инвестиционного) блока инновационной деятельности субъектов МСБ являются источники (ресурсы), направления инвестиций (затраты), сроки окупаемости инновационных проектов, а также инновационная активность предприятий.

Для более наглядного представления предложенной группировки основных блоков ИИД МСБ ее составляющие отражены в таблице 1.

Организационно-правовой блок предложенной классификации содержит общие требования к субъектам МСБ, установ-

ленные законодательством Российской Федерации. Малые предприятия и микропредприятия имеют численность работников до 100 чел. и объем выпущенной продукции – 400 млн. руб. Между тем к группе микропредприятий относятся экономические субъекты, имеющие численность работников до 15 чел. и объем выручки до 60 млн. руб. Для средних предприятий характерными являются следующие значения вышеуказанных параметров: численность персонала – до 250 чел. и объем выручки – 1 000 млн.руб.

Сравнивая эти показатели с аналогичными данными других государств, необходимо отметить, что наиболее близким к российской сегментации субъектов МСБ относятся страны Европейского союза (далее ЕС), где основными ключевыми признаками являются число занятых на предприятии, их значение по обороту и/или выручке за отчетный период (год). В частности, показатель размера предприятия (число занятых) в таких странах как Чехия, Словакия, Швейцария, Франция и Великобритания составляет не более 250 человек для средних предприятий, до 50 человек – для малых предприятий и до 10 человек – для микропредприятий. Критерии отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства в Канаде и США имеют одинаковые значения по числу занятых на предприятии и составляют менее 500 человек, при этом в Канаде существует ограничение по выручке (менее 50 млн.долл.) [2, с. 65].

Данные по предприятиям малого и среднего бизнеса в зависимости от градации по основным критериям их деятельности в России и других странах мира показаны в таблице 2.

Из данных таблицы 2 следует, что подавляющая доля предприятий, как в России, так и в других странах ЕС, а так же в Австралии относятся к микропредприятиям. Например, удельный вес таких субъектов от общего количества предприятий соответственно составляет в Австралии – 96,2%, Чехии – 95,2%, в странах ЕС – 91%, Германии – 83%. В России этот показатель имеет более низкое значение по сравнению с другими странами (67,1%). Что касается оборота, то данные предприятия обеспечивают примерно равный показатель с предприятиями (в России – около 12 %, в ЕС – около 19%), имеющими большую численность работников от 10 до 50 человек, доля которых в России по сравнению с другими странами максимальна и равна 19,1 % в странах ЕС – 18,8%, в Австралии – 26,7%, в Чехии – 18,1%). Наибольшая доля оборота всех стран приходится на средние предприятия с численностью работников от 50 до 249 человек, в частности в Германии, Чехии и России на них приходится более 20% от всего объема оборота данного сегмента, на страны ЕС – 19,5%.

Таблица 1

Основные признаки инновационно-инвестиционной деятельности субъектов малого и среднего бизнеса

ПРИЗНАКИ		КЛАССИФИКАЦИЯ			
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ БЛОК	по численности работников, чел	средние	малые, в т.ч. микропредприятия		
		до 250	до 100	до 15	
	по объему выручки, млн руб	до 1000	до 400	до 60	
	по организационно-правовым формам деятельности	ПБЮЛ	юридические лица		
	по формам собственности (ОКФС)	частная	смешанная		
ИННОВАЦИОННЫЙ БЛОК	ИННОВАЦИИ	по уровню нововведения	базисные	улучшающие	псевдоинновации
		по требованиям международных стандартов	технологические	маркетинговые	организационные
	ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ	по виду продукции	процессные	технологические	продуктовые
		по масштабу	мелкие	средние	крупные
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЛОК	ИСТОЧНИКИ ИНВЕСТИЦИЙ		собственные	привлеченные	
	ВИДЫ ИНВЕСТИЦИЙ	реальные	в основной капитал	в объекты интеллектуальной собственности	затраты на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы
		финансовые	долгосрочные	краткосрочные	
	СРОКИ ОКУПАЕМОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ		Краткосрочные (до года)	Среднесрочные (от 1 до 3х)	Долгосрочные (свыше 3х)
	ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ		высокая	Средняя	низкая

Таблица 2

Группировка предприятий малого и среднего бизнеса в отдельных странах по основным критериям, в %

Показатели	от 1 до 9 занятых		от 10 до 49 занятых		от 50 до 249 занятых	
	кол-во предприятий	Оборот	кол-во предприятий	Оборот	кол-во предприятий	Оборот
Россия (данные Росстат за 2010 г.)	67,1	12	19,1	11,9	12,9	20,4
Евросоюз (данные Евростат: по кол-ву за 2012 г., по обороту за 2005 г.)	92,2	18,8	6,5	19,2	1,1	19,5
Австралия (данные ОЭСР за 2006 г.)	96,2	26,7	3,3	16,2	0	0
Чехия (данные ОЭСР за 2007 г.)	95,2	18,1	3,8	18,1	0,8	22,7
Германия (данные ОЭСР за 2007 г.)	83	11,4	14,1	15,7	2,4	20,1

* составлено по данным Росстат [3]

Другими важными критериями, характеризующими организационно-правовой аспект деятельности малого и среднего предпринимательства, являются их деление по форме деятельности (предприниматели без образования юридического лица и юридические лица), а также по форме собственности (частные и смешанные). Как показывает практика, инновационные субъекты малого и среднего бизнеса являются коммерческими предприятиями, цель деятельности которых выражается в по-

лучении прибыли. Согласно российскому законодательству они создаются в форме хозяйственных обществ, хозяйственных товариществ и производственных кооперативов.

Что касается деятельности физических лиц без образования юридического лица, то такая организационно-правовая форма деятельности относится к индивидуальному предпринимательству и имеет свои достоинства и недостатки по сравнению с юридическими лицами. Например, с одной стороны, очевид-

Таблица 3

Количество субъектов МСБ – юридических лиц, имеющих затраты на инновации в России

Наименование	Общее кол-во предприятий		Оптовая и розничная торговля		Операции с недвижимым имуществом		Строительство		Обрабатывающие производства		Прочие	
	число	уд. вес	число	уд. вес	число	уд. вес	число	уд. вес	число	уд. вес	число	уд. вес
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Всего предприятий МСБ (без учета ИП)	1 669		638		352		185					
	439	100	824	38	590	21	154	11	161672	10	331199	20
в том числе инновационно-активные предприятия												
Технологические инновации	9 236	0,55	1 273	14	3 231	35	498	5	2 785	30	1 449	16
Маркетинговые инновации	10 272	0,62	4 027	39	2 017	20	401	4	1 973	19	1 854	18
Организационные инновации	9 759	0,58	3 078	32	2 273	23	726	7	1 576	16	2 106	22

* составлено по данным Росстат [4]

Таблица 4

Направления внешнего финансирования малого и среднего предпринимательства в России

Показатель/период	2009		2010		Темпы прироста	
	млрд.руб.	уд.вес	млрд.руб.	уд.вес	млрд.руб.	уд.вес
Инвестиционная деятельность	370	13%	990	22%	620	168%
Текущая активность	2 571	87%	3 605	78%	1 034	40%
итого	2 941	100%	4 595	1	1 654	

* составлено по данным ПолитЭкономика [7]

ным преимуществом индивидуального предпринимателя является оперативность принятия решений и единоличное распоряжение всеми имеющимися ресурсами, с другой стороны если в управлении фирмой участвует предпринимательская команда, члены которой объединили финансовый, материальный и кадровый потенциал, то шансы на «выживание» и развитие значительно выше. Поэтому наиболее эффективными участниками рыночных отношений в виде инновационных малых и средних предприятий выступают юридические лица, важными специфическими особенностями которых являются организационное единство, которое закрепляется в уставе и учредительных документах, имущественная обособленность учредителей и юридического лица, самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам.

Критерии отнесения предприятий к субъектам малого и среднего бизнеса по формам собственности также определены законодательством. При этом к смешанной форме собственности относятся предприятия с долей государственной или иной собственности не более 25%. На долю предприятий частной собственности приходится 99% предприятий МСБ с долей выручки 98,3%, которые в свою очередь обеспечивают 97,3% рабочих мест от общего количества этих субъектов. Предприятия, созданные на основе смешанной российской собственности, занимают 0,4% в структуре всех предприятий МСБ, имеют 0,7% выручки и 1,3% занятых в этой сфере. У юридических лиц, организованных в форме потребительских кооперативов, аналогичные показатели составляют 0,26% от всех предприятий МСБ, имеют 0,49% выручки и 1,05% рабочих мест. Наименьшие значения этих величин принадлежат предприятиям совместной российской и иностранной собственности. Они занимают 0,22% в структуре малого и среднего бизнеса с долей выручки 0,38% и 0,31% рабочих мест [4].

В инновационном блоке субъектов МСБ мы выделяем такие наиболее характерные для малого и среднего бизнеса элементы инновационно-инвестиционной деятельности: виды инноваций (по уровню нововведений и требованиям международных стандартов) и виды инновационных проектов (по виду продукции, масштабу).

По уровню нововведений различают базисные, улучшающие инновации и псевдоинновации. При применении базисных

инноваций внедряются крупные научные изобретения, которые приводят к появлению новых видов продукции. В отличие от базисных в основе улучшающих инноваций сосредоточены мелкие и средние изобретения. В свою очередь псевдоинновации предполагают повышение качества продукции на основе обновления устаревшей техники и технологий. В этой связи необходимо отметить, что именно малые и средние предприятия производственной сферы являются основными разработчиками и потребителями новых технологий. При этом оборот этих предприятий в 2010 г. достиг 10,6 млрд. руб., что составляет около 47% от общей выручки МСБ.

Для обеспечения сопоставимости с международными стандартами Росстат для сбора информации об инновационной деятельности субъектов МСБ использует классификацию инноваций, которая предполагает выделение таких групп как технологические (процессные, продуктовые), маркетинговые, организационные. При этом содержание понятия «технологические инновации» включает деятельность организации, связанную с разработкой и внедрением: технологически новых продуктов и процессов, а также значительных технологических усовершенствований в продуктах и процессах; технологически новых или значительно усовершенствованных услуг; новых или значительно усовершенствованных способов производства (передачи) услуг. Организационные инновации означают реализацию нового метода в ведении бизнеса, организации рабочих мест, внешних связей. Маркетинговые инновации предполагают реализацию новых или значительно улучшенных изменений в дизайне и упаковке товаров, работ, услуг; использование новых методов продаж и презентации товаров, работ, услуг, их представления и продвижения на рынки сбыта; формирование новых ценовых стратегий.

Данные о количестве субъектов МСБ в России, имеющих затраты на инновации в 2010г. и их доля в общем количестве действующих предприятий МСБ, а так же распределение по ОКЭВД отражены в таблице 3.

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что доля инновационно-активных предприятий, относящихся к субъектам МСБ в России незначительна, и составляет лишь 1,75% в общем объеме субъектов МСБ. Структура инновационно-активных предприятий показала, что технологическими инновациями занимаются

0,55% предприятий, маркетинговыми – 0,62% и организационными – 0,58%. При этом, исследуя инновационную активность субъектов МСБ в разрезе видов инноваций, необходимо отметить, что технологические инновации наиболее популярны у предприятий занимающихся операциями с недвижимым имуществом и предприятий обрабатывающих производств, их доля составляет 35% и 30% соответственно. Маркетинговые и организационные инновации в большей степени востребованы у предприятий, занимающихся оптово-розничной торговлей – 39% и 32% соответственно. Предприятия, занимающиеся операциями с недвижимым имуществом (16%) и обрабатывающих отраслей (23%) внедряют маркетинговые и организационные инновации.

Общепринятыми критериями деления инновационных проектов, в том числе реализуемых малыми и средними предприятиями, выступают такие их характерные признаки как вид продукции, масштаб. Инновационные проекты по виду выпускаемой продукции делятся на: процессные, технологические и продуктовые; по масштабу на: мелкие, средние и крупные.

Так, наиболее предпочтительными для субъектов МСБ являются мелкие и средние инновационные проекты. Малые инновационные проекты есть самостоятельный небольшой проект осуществляемый предприятием самостоятельно в ограниченный период времени и в установленном бюджете. Проекты, имеющие средние масштабы, реализуются на уровне отрасли либо региона и требуют значительного временного промежутка для подготовки технико-экономического обоснования, определения источников финансирования и других мероприятий. В таких проектах, как правило, задействовано несколько субъектов инновационного механизма. В крупный проект зачастую сливается ряд мелких и средних проектов, результат внедрения которых должен положительно повлиять на развитие не только малого и среднего предпринимательства, но и реализацию региональных и федеральных программ.

Для исследования финансово-экономического блока ИИД МСБ целесообразно систематизировать его элементы по источникам инвестиций (ресурсам), направлениям инвестирования (затратам), а также по срокам окупаемости инновационных проектов и инновационной активности. Такой подход определяет в качестве существенного признака связь инвестиций с возрастанием капитала (получением дохода) за счет инноваций, внедряемых предприятиями МСБ.

Деление источников инвестиций в инновационную деятельность субъектов МСБ на собственные и привлеченные средства мы приняли в качестве одного из значимых элементов ИИД МСБ [5]. Возможности самофинансирования инновационных проектов в настоящее время являются ограниченными для большинства отечественных субъектов малого и среднего предпринимательства, поскольку в кризисный период немногие из них смогли сохранить достаточный объем ресурсов для поддержания уровня оборотного капитала, что в свою очередь негативно повлияло на инновационную деятельность. Исключение составляют те отрасли производственной сферы (например, предпри-

ятия связи), где предприятия за счет небольшого производственного цикла создали достаточный резерв для осуществления научно-технических проектов.

Особенностью инвестиций в инновационную деятельность субъектов МСБ в России является зависимость их проектов от внешнего финансирования. В 2010 г. произошел существенный рост расходов на инвестиционную деятельность малого и среднего предпринимательства, что отражено в таблице 4.

Данные таблицы 4 свидетельствуют о возобновлении внешнего финансирования инновационных проектов после кризисного периода. В настоящее время структура инвестиций в основной капитал МСБ характеризуют их перераспределение в сторону увеличения кредитных ресурсов и значительного уменьшения доли бюджетных средств (до 6,4% от общего объема инвестиций). В отличие от России опыт стран с развитыми рыночными отношениями показывает, что размеры бюджетных ассигнований на инновационную деятельность малого и среднего предпринимательства определяются на конкурсной основе с учетом национальной стратегии развития. Например, в Японии законодательно установлена величина (3% валового национального дохода), не менее которой должны финансироваться за счет средств бюджета фундаментальные научные исследования.

В период с 2009 г. по 2012 г. в России наблюдалось увеличение доли кредитов малому и среднему предпринимательству (в общем объеме кредитов с 21,3% до 22,9%). При этом постепенно снижался средний срок выдаваемых кредитов. В частности, к 2012 г. доля кредитов свыше 3 лет в общем объеме составила 17%, что в 2 раза меньше, чем в 2011 г. Доля кредитов сроком до года в 2012 г. выросла до 63% (в 2011г. – 35,4%) [2]. Это объясняется ограниченностью объемов долгосрочных источников банковских ресурсов, что негативно влияет на инновационное развитие этих предприятий в производственной сфере и снижает возможность модернизации производства, закупки нового оборудования и внедрения более современных технологий.

Что касается систематизации направлений инвестирования, то следует отметить, что в их составе в экономической литературе принято выделять «реальные и финансовые инвестиции». Мы согласны с мнением авторов о том, что «с точки зрения макроэкономики реальные инвестиции обязательно увеличивают размеры функционирующего капитала, а финансовые инвестиции не обязательно создают новые мощности, хотя так же способствуют развитию производства. Обе формы инвестирования являются взаимодополняющими, а не конкурирующими» [8, с. 58-59]. Кроме того, в последние годы все большую актуальность приобретают инвестиции в человеческий капитал, то есть затраты на образование, здравоохранение, повышение квалификации работников, что особенно актуально для сегмента МСБ. Между тем для развития инновационной деятельности малого и среднего предпринимательства наиболее значимыми являются вложения в основной капитал, динамика которых представлена в таблице 5.

Таблица 5

Инвестиции в основной капитал субъектов МСБ в России, млн. руб.

Показатели	Средние предприятия		Темпы прироста		Малые предприятия		Темпы прироста	
	2009	2011	млн. руб.	уд. вес	2009	2011	млн. руб.	уд. вес
Российская Федерация	222 775,50	262 161,20	39 385,70	18%	346 131,10	431 551,30	85 420,20	25%
Центральный ФО	51 748,70	65769,9	14 021,20	27%	80 548,70	114941,1	34 392,40	43%
Северо-Западный ФО	22 817,50	35 605,40	12 787,90	56%	18 076,80	22 970,6	4 893,80	27%
Южный ФО	29 406,70	26 040,00	-3 366,70	-11%	67 734,00	66 871,5	-862,50	-1%
Приволжский ФО	70 564,50	51818,3	-18 746,20	-27%	89 985,30	109 973,6	19 988,30	22%
Уральский ФО	14 863,70	20778,2	5 914,50	40%	21 342,30	22 338,6	996,30	5%
Сибирский ФО	20 062,10	42384,2	22 322,10	111%	61 234,50	71 019,9	9 785,40	16%
Дальневосточный ФО	13 312,30	12317,3	-995,00	-7%	7 209,60	10 541,1	3 331,50	46%
Северо-Кавказский ФО*	-	7447,9	7 447,90	0		12 894,8	12 894,80	

* Северо-Кавказский ФО был в составе Южного Федерального округа до 2011 г.

** составлено по данным Росстат [9; 10]

Таблица 6

Инновационная активность малых предприятий* на территории РФ
за период с 2000 по 2009 гг.

Показатель	2000	2001	2003	2005	2007	2009	2011
Число малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, единиц	673	729	779	919	996	923	1 276
Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %	1,3	1,5	1,6	1,6	4,3	4,1	5,1
Объем инновационных товаров, работ, услуг малых предприятий, млн. руб. в действующих ценах	927,6	1 087,1	1 119,7	3 103,2	12 44,3	10 215,7	16 389,7
на рубль затрат на технологические инновации, руб.	1,1	1,1	0,9	1,6	1,2	1,5	1,7
Затраты на технологические инновации, в фактически действующих ценах, млн. руб.	867,6	997,7	1296,5	1932,7	10 608,2	6 793,5	9 479,3

* Предприятия, подпадающие под исследование, относятся к следующим сферам деятельности: добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

** составлено по данным Росстат [11]

Из данных таблицы 5 видно, что малые предприятия направляют на финансирование основного капитала значительно больше ресурсов (примерно в 2раза), чем средние. При этом в 2009г. наибольший объем ресурсов в основной капитал инвестировали предприятия таких регионов как Южный ФО (230%) и Сибирский (305%), наименьший объем Дальневосточный ФО (54%) и Северо-Западный ФО (79%). В 2011г. величины этих показателей составили наибольшее значение в Южном ФО (257%) и Приволжском ФО (212%). Значительно сократились финансовые вливания в Сибирском ФО (168%), Уральском ФО (108%).

Важным показателем эффективности инновационных проектов выступает срок окупаемости, который лежит в основе их деления на: краткосрочные (до года), среднесрочные (от года до трех лет) и долгосрочные (свыше трех лет). Срок окупаемости проекта показывает не только эффективность капитальных вложений, но и уровень инвестиционного риска, связанного с ликвидностью: чем больше срок реализации проекта, тем выше уровень риска и ниже вероятность привлечения финансовых ресурсов под его реализацию. Кроме того, для оценки инновационной активности можно проанализировать только отдельные показатели, собираемые в рамках обследования деятельности предприятий МСБ, динамика которых отражена в таблице 6.

Анализ данных таблицы 6 показал, что доля инновационно-активных организаций незначительна и составляет в 2011г. лишь 5,1% от общего объема субъектов МСБ. Вместе с тем наблюдается положительная динамика роста всех показателей в период с 2000 г. по 2011 г. В 2009 г. произошло незначительное сокращение инновационных предприятий МСБ по сравнению с 2007 г. на 7%, что было связано с воздействием мировых макроэкономических показателей на отечественную экономику и значительным ограничением внутреннего и внешнего финансирования.

Показатели инновационной активности предприятий стран ЕС, занятых в производственном секторе и секторе услуг, осуществлявших инновации с 2008 г. по 2010 г. представлены в таблице 7.

Из данных таблицы 7 следует, что инновационная активность предприятий производственного сектора превышает по всем трем показателям сектор услуг, так доля предприятий, осуществлявших инновации, в общем числе предприятий на 10%, доля выручки предприятий в общей объеме этих субъектов на 19,7% и доля занятых в общей численности работников этого сектора на 8,6%.

Таким образом, анализ основных показателей деятельности отечественных инновационных предприятий показал их низкую инновационную активность по сравнению с аналогичными данными предприятий стран ЕС. Вместе с тем результаты анализа можно считать недостаточно точными, поскольку сбор и анализ этих данных Росстат осуществляет только по некоторым секторам экономики, в разрезе масштабов деятельности (малые без учета микропредприятий, а также в объединенной форме средние и крупные предприятия), также оставляет желать лучшего периодичность таких обследований и совокупность собираемых показателей. Поэтому необходимо порекомендовать органам статистики привести в соответствие с международными стандартами формы и периодичность отчетности для малых, средних и крупных более полное и качественное обследование деятельности данных субъектов, что позволит оперативно принимать и координировать решения на федеральном и региональном уровнях.

Итак, для характеристики инвестиционной деятельности МСБ нами были выделены три основных блока, которые дают возможность более полного исследования и позволяют учесть

Таблица 7

Показатели инновационной активности предприятий стран ЕС, в %

Категория бизнеса/Наименование показателя	Доля предприятий, осуществлявших инновации, в общем числе предприятий	Доля выручки предприятий, осуществлявших инновации, в общей выручке предприятий	Доля занятых на предприятиях, осуществлявших инновации, в общей численности занятых
Производственный сектор	66,0	90,8	82,4
Сектор услуг	55,9	71,1	73,8
Предприятия всех категорий			
Малый бизнес	54,8	61,8	57,3
Средний бизнес	76,2	81,8	78,3
Крупный бизнес	85,2	83,4	85,8
Всего	59,5	78,0	77,2

** составлено по данным МСП Банк [12]

ее характерные черты. В свою очередь, на основании выделенных выше параметров, можно определить наиболее значимые экзогенные и эндогенные факторы, влияющие на развитие ИИД МСБ. К группе экзогенных факторов целесообразно отнести: макроэкономические и рыночные, институциональные, природные, технологические и государственную политику. Величина макроэкономических показателей и тенденции их изменения свидетельствуют о возможности не только государства, но и субъектов РФ выделять необходимые ресурсы и устанавливать льготы для инновационной деятельности этих предприятий. Рыночные факторы взаимосвязаны с макроэкономическими и определяют конъюнктуру спроса и предложения на инновационные виды продукции. Природные особенности страны включают климатические, географические, экологические условия, от которых также зависит возможности развития инновационной деятельности субъектов рынка.

Институциональные факторы предполагают развитие и наличие соответствующих институтов, правового обеспечения инновационно-инвестиционной деятельности предприятий МСБ, в том числе законодательных мер (особенно в виде льгот), поощряющих инновационную деятельность, необходимой технологической и производственной, научно-технической и финансово-кредитной инфраструктуры. Немаловажным фактором, влияющим на инновационную активность малого и среднего предпринимательства, развитие институциональной составляющей инновационно-инвестиционных процессов выступает государственная политика, которая должна стимулировать темпы и объемы производства инновационной продукции, влиять на ускорение НТП путем реализации соответствующего комплекса мероприятий, в виде финансовой поддержки инноваций, функционирования свободных экономических зон и др.

В совокупности внутренних (эндогенных) факторов, влияющих на деятельность субъектов МСБ, следует выделить такие наиболее значимые как организационно-управленческие и правовые, производственно-технологические и инновационные, человеческие, финансово-экономические.

Организационно-управленческие факторы и правовая форма хозяйствования оказывает влияние на инновационную активность предприятий малого и среднего бизнеса, поскольку накладывает определенные ограничения на возможности и объемы инвестиций. Кроме того, организационная структура, разме-

ры предприятий влияют на масштабы деятельности, величину финансовых вложений в инновационную деятельность. Вместе с тем важным аспектом выступают информационные ресурсы и маркетинговая стратегия, которые определяют специфику внутрифирменного планирования и прогнозирования.

Производственно-технологические и инновационные факторы включают состояние основных фондов, наличие лицензий и патентов, научно-техническую политику предприятий и инновационную составляющую, что в свою очередь обеспечивает темпы осуществления эффективности инноваций. Человеческий фактор характеризуется не только наличием квалифицированных специалистов (инновационной команды), но их моральное и материальное стимулирование.

Финансово-экономические факторы влияют рыночную стоимость фирмы и ее финансовое состояние, поскольку, не имея достаточной финансовой устойчивости невозможно изыскать ресурсы для инвестиций в инновации. Учетная политика фирмы определяет ее основные приоритеты в области налогового планирования, а также применения методов амортизации.

Кроме того, важным моментом исследования инновационно-инвестиционной деятельности субъектов МСБ являются риски, которые неизбежно возникают при ее осуществлении. Целесообразно также провести их градацию в зависимости от выделенных аспектов (блоков) ИИД МСБ. В частности, организационно-правовой блок ИИД МСБ сопровождается внешними (правовыми) и внутренними (организационными, управленческими и пр.) группами рисков. Инновационный характер деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства предполагает возникновение общих (технологических, маркетинговых и пр.) и специфических (экологических, отраслевых и пр.) рисков. При разработке инвестиционной политики и финансировании инновационных проектов учитываются внешние риски (политические, гражданско-правовые и др.) и внутренние риски (риски участников проекта, коммерческого предложения и др.).

Таким образом, учет вышеперечисленных аспектов ИИД МСБ факторов и рисков, влияющих на ее развитие, позволит разработать наиболее перспективные мероприятия по повышению инвестиционной активности отечественных предприятий малого и среднего бизнеса, в частности усовершенствование действующих механизмов их поддержки на микро и макроуровнях.

Библиографический список

1. Хохлова, Г.И. Специфические аспекты инновационно-инвестиционной деятельности субъектов малого и среднего бизнеса в Иркутской области / Г.И. Хохлова, Д.Р. Окладникова // Вестник ИрГТУ. – Иркутск. – 2013. – № 5.
2. Малый и средний бизнес в 2012 году: международный опыт регулирования и финансирования. – Аналитический центр Банк МСП. – 2013. – Апрель.
3. Официальный сайт Росстат [Э/п]. – Р/д: www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/POZ_Rosstat_Kuzmicheva.pps
4. Итоги сплошного федерального статистического наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства за 2010 год: в 3 т. / Федер. служба гос. статистики. – М., 2012.
5. Малый и средний бизнес в 2012 году: международный опыт регулирования и финансирования. – Аналитический центр Банк МСП. – 2013. – Апрель.
6. Хохлова, Г.И. Специфические аспекты инновационно-инвестиционной деятельности субъектов малого и среднего бизнеса в Иркутской области / Г.И. Хохлова, Д.Р. Окладникова // ВЕСТНИК ИрГТУ 2013 № 5(76).
7. Новые источники финансирования инвестиционной деятельности МСП // Официальный сайт журнала ПолитЭкономика.ру [Э/п]. – Р/д: <http://www.politekonomika.ru/apr2012/novye-istochniki-finansirovaniya-investicionnoj-deyatelnosti-msp/>
8. Николаева, И.П. Экономический словарь // Проспект N63 Кнорус. – М., 2011.
9. Малое и среднее предпринимательство в России в 2009г.: стат. сб.: Росстат, 2010. 172с.
10. Малое и среднее предпринимательство в России в 2011г.: стат. сб. – Росстат, 2012.
11. Статистика инноваций в России // Официальный сайт Росстат [Э/п]. – Р/д: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.ppt
12. Антончиков, С. Инновационная активность МСП в России и Евросоюзе и факторы ее развития // Официальный сайт МСПБанк [Э/п]. – Р/д: http://www.mspbank.ru/analytical_center/otchety_partnerov/niisp/innovation_activity_of_smes_in_russia_and_the_european_union/

Bibliography

1. Khokhlova, G.I. Specific aspects of innovation-investment activity of subjects of small and medium business in Irkutsk region / G.I. Khokhlova, D.R. Okladnikova // Vestnik IrGTU. – Irkutsk. – 2013. – № 5.
2. Malihy i sredniy biznes v 2012 godu: mezhdunarodniy opit regulirovaniya i finansirovaniya. – Analiticheskiy centr Bank MSP. – 2013. – Aprelj.
3. Oficialniy sayt Rosstat [Eh/r]. – R/d: www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/POZ_Rosstat_Kuzmicheva.pps
4. Itogi sploshnogo federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya za deyatel'nost'yu subjektov malogo i srednego predprinimatel'stva za 2010 god: v 3 t. / Feder. sluzhba gos. statistiki. – M., 2012.
5. Malihy i sredniy biznes v 2012 godu: mezhdunarodniy opit regulirovaniya i finansirovaniya. – Analiticheskiy centr Bank MSP. – 2013. – Aprelj.
6. Khokhlova, G.I. Specific aspects of innovation-investment activity of subjects of small and medium business in Irkutsk region / G.I. Khokhlova, D.R. Okladnikova // VESTNIK IrGTU 2013 № 5(76).
7. Novihe istochniki finansirovaniya investicionnoj deyatel'nosti MSP // Oficialniy sayt zhurnal PolitEhkonomika.ru [Eh/r]. – R/d: <http://www.politekonomika.ru/apr2012/novye-istochniki-finansirovaniya-investicionnoj-deyatelnosti-msp/>
8. Nikolaeva, I.P. Ehkonomicheskiy slovarj // Prospekt N63 Knorus. – M., 2011.

9. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii v 2009g.: stat. sb.: Rosstat, 2010. 172s.
 10. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii v 2011g.: stat. sb. – Rosstat, 2012.
 11. Statistika innovacij v Rossii // Oficial'nyj sayt Rosstat [Eh/r]. – R/d: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.ppt
 12. Antonchikov, S. Innovacionnaya aktivnost' MSP v Rossii i Evrosoyuze i faktorih ee razvitiya // Oficial'nyj sayt MSPBank [Eh/r]. – R/d: http://www.mspbank.ru/ru/analytical_center/otchety_partnerov/niisp/innovation_activity_of_smes_in_russia_and_the_european_union/
 Статья поступила в редакцию 05.11.13

УДК: 338.46

Chernyshova N.S., Bogolubova S.A. **ESTIMATION OF TOURISM DEVELOPMENT PROSPECTS IN SAINT-PETERSBOURG.** The paper describes key trends of the tourist services market in Saint Petersburg and forecasts the number of tourists entering till 2016. Based on the statistical analysis data key findings are made. The structure of collective accommodation is determined in Saint Petersburg by the class of service and calculated the number of tourists, situated in the private sector. Main problems of development of Saint Petersburg are determined and ways of tourism infrastructure improvement are proposed.

Key words: tourist centre, attractor, inbound tourism, tourist infrastructure, means of collective accommodation, tourist product, tourist flow.

Н.С. Чернышова, магистр Санкт-Петербургского экономического университета, г. Санкт-Петербург, E-mail: nadj_kis@mail.ru; С.А. Боголюбова, д-р эконом. наук, проф., г. Санкт-Петербург, E-mail: denia49@rambler.ru

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В работе описаны основные тенденции рынка туристских услуг в г. Санкт-Петербурге и сделан прогноз численности въезжающих туристов до 2016 года. По результатам проведенного анализа статистических данных сделаны основные выводы. Определена структура средств коллективного размещения в г. Санкт-Петербурге по классу обслуживания и рассчитано количество туристов, располагающихся в частном секторе. Выявлены основные проблемы развития г. Санкт-Петербурга как туристического центра и предложены направления по совершенствованию туристской инфраструктуры города.

Ключевые слова: туристский центр, аттрактор, въездной туризм, туристская инфраструктура, средства коллективного размещения, туристский продукт, туристический поток.

На современном этапе развития Российская Федерация, в частности, г. Санкт-Петербург, становится всё более активным участником крупнейших международных событий, таких как Петербургский международный экономический форум, Чемпионат Мира по футболу, Международный музыкальный фестиваль и др. Вовлеченность страны в данные мероприятия вызывает всплеск деловой и туристической активности, вследствие чего актуальным становится анализ туристического климата в г. Санкт-Петербурге и перспектив его изменения.

Санкт-Петербург является крупным туристским центром, поскольку на его территории расположены известные достопримечательности: музейные комплексы, памятники архитекту-

ры, водные трассы. Кроме того, в городе ежегодно проходят крупные события международного уровня. Эти факторы наряду с транспортной доступностью формируют благоприятные условия для развития сферы туризма в Санкт-Петербурге.

Основными факторами формирования туристской привлекательности региона являются аттракторы и количество средств размещения. Именно от привлекательности зависит количество прибывающих в город туристов, а средства размещения обеспечивают их пребывание в течение всего периода посещения.

Динамика и прогноз потока въездного туризма в городе представлена на рис. 1.

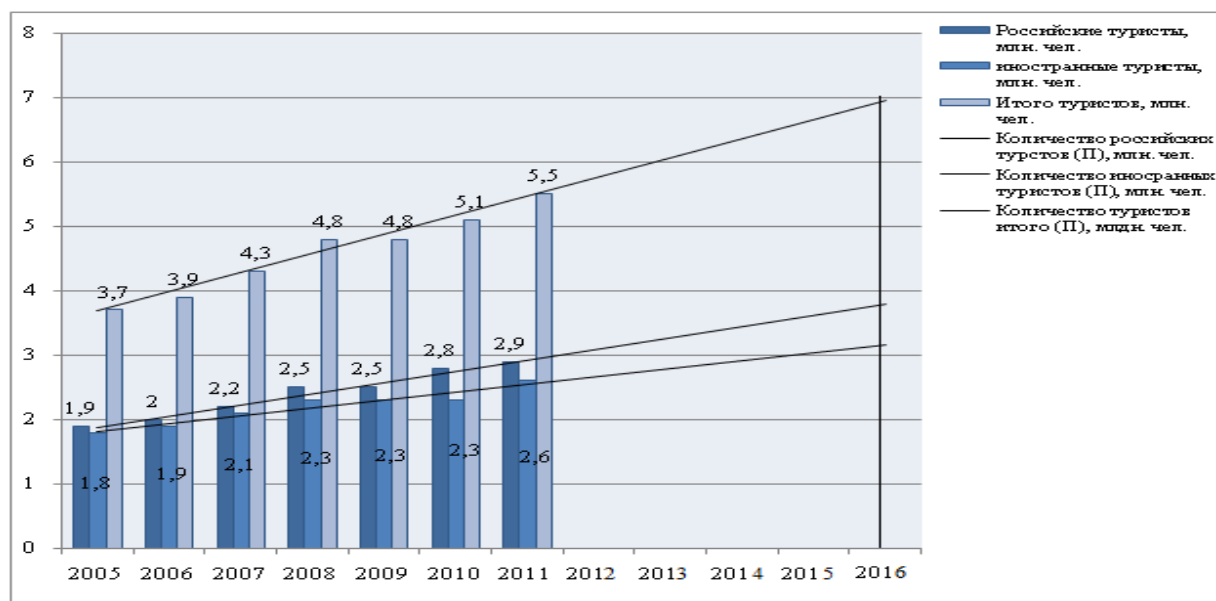

Рис. 1. Динамика въездного туризма в г. Санкт-Петербург [1]

Таблица 1

Показатели деятельности коллективных средств размещения в 2010-2012 гг.

Показатель	2010	2011	2012	Изменение	
				абс., (+,-)	относ., %
Число гостиниц и средств размещения, ед.	254,0	324,0	327,0	73,0	28,7
Численность размещенных в гостиницах и отелях, тыс. человек	2 349,2	2 413,3	2 768,9	419,7	17,9

Как видно на рис. 1, количество въезжающих в город туристов неуклонно растет: за период с 2005 по 2011 гг. оно увеличилось на 1,8 млн. человек или на 48,6% по отношению к началу периода.

По статистическим данным 2005-2011 гг. построены линии тренда, которые отражают общую тенденцию динамики въездного туризма в г. Санкт-Петербурге. Как видно из рис. 1, к середине 2016 года количество въезжающих туристов достигнет 7 млн. человек, что свидетельствует о повышении уровня привлекательности исследуемого рынка и об увеличении его объема.

Рост числа въезжающих туристов ведет к увеличению количества средств коллективного размещения туристов и их вместимости.

Данные о динамике показателей деятельности средств размещения на территории Санкт-Петербурга представлены в таблице 1, где приведены данные о деятельности коллективных средств размещения.

Согласно полученным в таблице 1 данным, можно сделать вывод об увеличении количества гостиниц и отелей на террито-

рии г. Санкт-Петербурга на 28,7% за исследуемый период. Это обусловлено увеличением количества проживающих в гостиницах и отелях на 17,9% за соответствующий период.

В настоящее время на территории города представлены следующие услуги по размещению туристов: гостиничные услуги, услуги по аренде квартир, услуги мини-отелей. Структура типов коллективных средств размещения туристов представлена на рис. 2.

Как видно из рис. 2, наибольшую долю в структуре коллективных средств размещения туристов составляют мини-отели (42,21%). Примерно равные доли составляют гостиницы категорий 2 звезды и 3 звезды – 20,25% и 18,07% соответственно. Наименьшую долю в структуре средств коллективного размещения туристов составляют гостиницы категории 5 звезд – 2,02%. Такая структура обусловлена как ценовым фактором – чем ниже категория отеля, тем ниже цена номера, так и структурой спроса на услуги по размещению.

Рассмотрим динамику количества туристов, которые размещаются в частном секторе и в гостиницах при помощи таблицы 2.

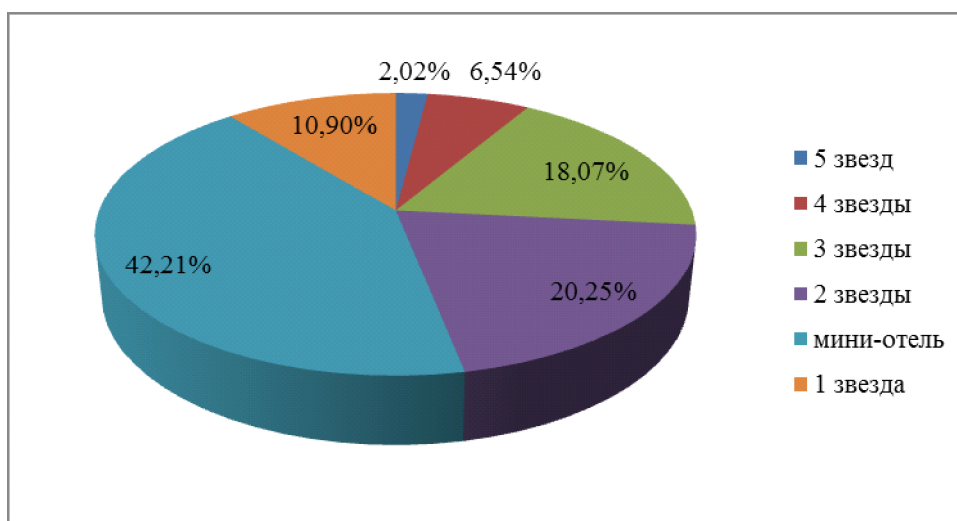

Рис. 2. Распределение типов коллективных средств размещения [2]

Таблица 2

Динамика количества туристов, размещающихся в частном секторе в 2005-2012 гг.

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Изменение	
									абс., +/-	относит., %
Кол-во туристов, млн.чел. в т.ч.:										
- российские туристы	3,7	3,9	4,3	4,8	4,8	5,4	5,6	5,8	2,1	56,8
- иностранные туристы	1,9	2	2,2	2,5	2,5	2,8	2,9	3	1,1	57,9
Количество круизных туристов, млн. чел.	1,8	1,9	2,1	2,3	2,3	2,6	2,7	2,8	1,0	55,6
Количество круизных туристов, %	0,5	0,7	0,8	1,2	1,2	1,5	1,6	1,8	1,3	260,0
Количество туристов, размещенных в гостиницах, млн. чел.	14	18	19	25	25	28	29	31	17,5	129,7
Количество туристов, размещенных в частном секторе, млн. чел.	1,8	1,9	2	2	2,1	2,4	2,5	2,8	1,0	55,6
Количество мест в гостиницах, тыс. мест	1,4	1,3	1,5	1,6	1,5	1,5	1,5	1,2	-0,2	-14,3
Количество мест в гостиницах, тыс. мест	233	234	235	240	240	254	324	327	94,0	40,3

Количество учреждений культуры и спорта в г. Санкт-Петербурге в 2010-2012 гг. [3]

Показатель	2010	2011	2012	изменение	
				абс., (+,-)	относит., %
Профессиональные театры, единиц	41.0	40.0	45.0	4.0	9.8
Кол-во посещений, млн.	2.7	2.9	3.1	0.4	14.8
Музеи, единиц	70.0	69.0	80.0	10.0	14.3
Кол-во посещений, млн.	17.7	19.1	20.8	3.1	17.5
Цирки, единиц	2.0	2.0	2.0	0.0	0.0
Кол-во посещений, тыс.	357.6	433.5	352.9	-4.7	-1.3
Учреждения культурно-досугового типа, единиц	55.0	51.0	53.0	-2.0	-3.6
Кол-во мест, тыс.	32.3	28.7	29.1	-3.2	-9.9
Кинотеатры, единиц	47.0	47.0	46.0	-1.0	-2.1
Кол-во посещений, млн.	13.6	14.6	14.0	0.4	2.9
Спортивные сооружения, единиц, из них:	5 694.0	5 969.0	6 147.0	453.0	8.0
Стадионы на 1500 мест и более	13.0	13.0	12.0	-1.0	-7.7
Дворцы спорта	10.0	10.0	10.0	0.0	0.0
Плоскостные спортивные сооружения	2 270.0	2 302.0	2 368.0	98.0	4.3
Спортивные залы	1 573.0	1 649.0	1 634.0	61.0	3.9
Плавательные бассейны	140.0	171.0	190.0	50.0	35.7
Лыжные базы	20.0	18.0	17.0	-3.0	-15.0
Сооружения для стрелковых видов спорта	60.0	63.0	62.0	2.0	3.3

Как видно из данных таблицы, по состоянию на 2012 г., доля туристов, размещающихся в частном секторе, составила 20%. При этом за период с 2005 г. она сократилась на 45%, что можно трактовать как положительную тенденцию. Эта тенденция возникла за счет увеличения количества мест в гостиницах на 40% за период, а также за счет увеличения количества круизных туристов на 260% за исследуемый период.

Положительной тенденцией можно считать и прирост количества туристов, размещающихся в гостиницах, который составил 55,6% за период исследования. Это обусловлено как увеличением туристов, въезжающих в г. Санкт-Петербург, так и увеличением количества мест для размещения в гостиницах, что связано со строительством и открытием новых гостиниц и отелей в городе за период исследования.

В целом, увеличение числа въезжающих туристов связано с реализацией мер правительства г. Санкт-Петербурга по развитию города как туристского центра. В частности, на современном этапе реализуется программа развития Санкт-Петербурга как туристского центра на 2011-2016 годы. В рамках данной программы действуют такие мероприятия, как городское туристско-информационное бюро, служба информационной поддержки туристов, круглосуточный многоязыковой колл-центр, что способствует повышению уровня обслуживания туристов.

Кроме того, на территории города расположено 7 783 памятника культурного наследия, а так же множество учреждений культуры и спорта, на базе которых организуется проведение международных культурных, деловых и спортивных мероприятий, что способствует привлечению туристов. Показатели деятельности учреждений приведены в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают, что увеличивается количество посещений театров и музеев города, в том числе, за счет туристов. Количество спортивных сооружений Санкт-Петербурга так же увеличивается. Это способствует расширению возможностей проведения международных и всероссийских спортивных соревнований, что влечет за собой увеличение количества туристов.

Однако, несмотря на положительные тенденции улучшения туристской инфраструктуры Санкт-Петербурга, можно выявить ряд проблем, мешающих развитию рынка туристских услуг. Эти проблемы заключаются в следующем:

– низкий уровень обслуживания туристов, нехватка высококвалифицированных кадров в сфере туризма;

– недостаточное количество средств коллективного размещения эконом-класса;

– недостаточный уровень комфорта в гостиницах эконом-класса;

– завышенная стоимость туристских услуг: питания, экскурсионных туров, транспортных услуг;

– недостаточная активность в продвижении туристского продукта на территории г. Санкт-Петербурга;

– низкий уровень технической оснащенности центров притяжения туристов и мест их пребывания.

Кроме того, важными направлениями в совершенствовании туристской инфраструктуры и привлечении новых туристских потоков является создание мест для размещения приезжающих туристов (как показал анализ статистических данных, до 20% от приезжающих туристов вынуждены размещаться в частном секторе).

Еще одним направлением развития г. Санкт-Петербурга как туристского центра является создание новых аттракторов для туристов, поскольку постоянно увеличивающийся туристический поток усиливает нагрузку на существующие аттракторы – известные во всем мире музеи, театры и другие культурные заведения. Для того, чтобы обеспечить равномерную нагрузку на существующие аттракторы, необходимо привлекать туристов в менее известные музеи, театры и другие культурные заведения, а также создавать новые.

Решение данных проблем должно быть осуществлено на уровне правительства г. Санкт-Петербурга путем реализации мероприятий, направленных на устранение перечисленных выше проблем, а именно создания специализированных служб, формирование системы показателей эффективности функционирования и развития туристской инфраструктуры, обеспечения контроля соответствия объектов туристской инфраструктуры требованиям международных стандартов.

Эти мероприятия позволят существенно увеличить приток туристов в город. Но это относится в большей мере к категории иностранных туристов из Европы, поскольку именно они направляются в Санкт-Петербург вне зависимости от сезона. Въездной поток туристов из стран Европы является наиболее равномерным, а поэтому следует обратить внимание именно на его увеличение.

В целом, предложенные мероприятия позволят увеличить количество въезжающих туристов, а значит, и обеспечить развитие г. Санкт-Петербурга как туристского центра.

Библиографический список

1. Санкт-Петербург в цифрах [Э/р]. – Р/д: <http://st-petersburg.ru/statistics/Comfort/Tourism/Tourists%20Flows.aspx>
2. Санкт-Петербург в цифрах [Э/р]. – Р/д: <http://st-petersburg.ru/statistics/Comfort/Tourism/Hotel%20Infrastructure.aspx>
3. Федеральная служба государственной статистики [Э/р]. – Р/д: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/0c8286804d2ef5b19fbcdf0c701b1a2b/03kult_g.pdf

Bibliography

1. Sankt-Peterburg v cifrax [Eh/r]. – R/d: <http://st-petersburg.ru/statistics/Comfort/Tourism/Tourists%20Flows.aspx>
2. Sankt-Peterburg v cifrax [Eh/r]. – R/d: <http://st-petersburg.ru/statistics/Comfort/Tourism/Hotel%20Infrastructure.aspx>
3. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Eh/r]. – R/d: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/0c8286804d2ef5b19fbcdf0c701b1a2b/03kult_g.pdf

Статья поступила в редакцию 10.11.13

Раздел 2

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕМЕРЬБЕКОВА – доктор педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

УДК: 373

Stankevish P.V., Bogdanov A.A., Avdeeva N.V. THEORETICAL BASES DRUG PREVENTION AMONG YOUTH.
The article provides theoretical analysis of the basic drug prevention among youth and to create conditions for the prevention of the university. The authors considered the possibility of the organization and implementation of effective drug abuse prevention among youth.

Key words: addiction, drug abuse prevention, youth.

П.В. Станкевич, д-р пед. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург;

А.А. Богданов, аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург;

Н.В. Авдеева, канд. пед. наук, РГПУ им. А.И. Герцена, E-mail: avd-82@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье проведен теоретический анализ основ профилактики наркомании в молодежной среде и создания условий для профилактики в вузе. Авторами рассматриваются возможности организации и реализации эффективной профилактики наркомании в молодежной среде.

Ключевые слова: наркомания, профилактика наркомании, молодежная среда.

Сегодня распространение наркомании в молодежной среде рассматривается как фактор антиобщественного поведения, который способствует повышению преступности и снижению жизненного уровня населения. В связи с этим актуальной становится проблема профилактики наркомании в молодежной среде.

Следует обратить внимание на то, что любая профилактическая работа, направленная на предотвращение случая первой пробы подростков наркотиков, требует применения индивидуального подхода к каждому молодому человеку, вовлеченному в процесс профилактики, а так же различных методов, форм и средств профилактики наркомании.

Исследования проблем наркозависимости начали активно проводиться в конце 70-х – начале 80-х годов XX столетия в США, затем в Европе, данная проблема в России стала актуальной с начала 90-х годов XX столетия и по настоящее время. Эти исследования позволяют обозначить ряд задач по организации предупреждения или первичной профилактики наркозависимости среди населения и, в частности, в молодежной среде. Так в исследованиях отечественного ученого Д.В. Колесова наркомания понимается как проявление отклоняющегося поведения, при котором происходит деформация, а затем и разрушение системы мотивации, разрыв прежних социальных связей и формируется поведение, чертами которого является готовность больного наркоманией к любым противоправным поступкам ради получения наркотического вещества [1].

Результаты современных исследований мнений молодых людей о наркотиках в области профилактики наркозависимости указывают, что в молодежной среде есть здоровый потенциал по противодействию распространению наркомании в обществе.

Учитывая педагогическую специфику нашего исследования, важным для нас является выявление факторов, способствующих наркотизации молодежи.

Большинство специалистов (Д.В. Колесов, Н.А. Сирота, В.Н. Чернышова и др.), занимающихся лечением и профилак-

тикой наркозависимости, выделяют следующие группы факторов влияющих на формирование зависимого поведения молодежи таких как:

- социальные факторы (соответствующая времени политическая и экономическая обстановка в государстве; расширение масштабов незаконного оборота наркотических средств, их доступность для молодежи; увеличение популярности употребления наркотиков среди молодежи; недостаточно высокий уровень информированности общества о проблеме наркомании и последствиях наркомании; отсутствие должной пропаганды ведения здорового образа жизни и др.);

- психологические факторы (желание первой пробы доступных для молодого человека веществ и уход от проблем реального мира);

- биологические факторы (слабый тип нервной системы, различные психические заболевания, наследственность).

Типология перечисленных факторов взаимосвязана между собой, что увеличивает риск формирования наркозависимого поведения в молодежной среде. В связи с этим, для организации эффективной работы по снижению данного риска необходимо проведение первичной профилактики наркомании среди учащейся молодежи.

Понятие первичной профилактики наркомании является ключевым для организации антинаркотической работы в социально-педагогической среде воспитания и обучения молодежи. Под первичной профилактикой наркомании понимается, комплекс мероприятий, направленных на предупреждение возникновения и распространения наркомании у населения. Основной целью первичной профилактики выступает усиление факторов защиты, препятствующих началу употребления и уменьшение факторов риска формирования наркомании. Она является преимущественно социальной, наиболее массовой и ориентирована на детей, подростков и молодежь. Первичная профилактика способствует уменьшить число лиц, у которых может возникнуть

заболевание, а ее усилия направлены не столько на предупреждение развития болезни, сколько на формирование способности сохранить либо укрепить здоровье [2, с. 9].

Как показывают исследования современных ученых педагогов и медиков (З.В. Коробкина, Л.П. Макарова, Г.А. Корчагина, Н.Н. Плахов, В.П. Соломин и др.), профилактика наркомании в молодежной среде является трудоемкой работой по формированию у подрастающего поколения установки на здоровый образ жизни [3-7].

В связи с чем первичная профилактика является приоритетным направлением работы по организации профилактики молодежи в системе высшего образования. Формирование, которой осуществляется при организации педагогического процесса в вузе путем реализации следующих подходов:

- информационный подход (основан на распространении информации о наркотиках, знания об употреблении психоактивных веществ и их последствиях являются эффективным толчком для формирования здорового поведения и отказа от наркотиков);

- педагогический подход (объясняет риск формирования девиантного поведения вредными привычками, педагогической запущенностью, воспитанием в социально неблагополучных семьях);

- представители досугового (альтернативного) подхода считают, что суть профилактики наркозависимости заключается в развитии альтернативной употреблению наркотиков деятельности.

В теории и методики профилактики наркомании в молодежной среде также обращалось внимание на необходимость и возможность формирования критического отношения к употреблению наркотических веществ. В настоящее время большинство специалистов выделяют основные направления антинаркотической профилактики в образовательной среде [8-12].

Первое направление – разработка образовательных программ, ориентированных на формирование у учащихся и студентов ценностного отношения к здоровому образу жизни.

В настоящее время необходимо методами активного просвещения и направленного, действенного воспитания найти достойное место в образовательных программах основам здорового образа жизни, формированию простых ценностей радости и счастья от здоровья. Формировать у молодых людей потребность быть здоровым, научить его избегать нажитых болезней, знать грозящие опасности и пути их предупреждения.

Речь идет не о минимуме информации о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо», а именно о задаче образовательного учреждения в формировании новой системы ценностей, ведущее место среди которых занимает здоровье. Именно то определение здоровья, которое сформулировано Всемирной организацией здравоохранения – **ЗДОРОВЬЕ** – это состояние, характеризующееся не только отсутствием болезней или физических, психических дефектов, но и полным физическим, духовным и социальным благополучием.

Необходимо специально фиксировать внимание на проблеме здоровья, потому что мотивация здоровья и здорового образа жизни, несомненно, является одним из ведущих превентивных факторов защиты от вовлечения в употребление наркотиков. Формирование ценностей и стиля здорового образа жизни, несомненно, должно идти не через нравоучения, а через организацию насыщенной положительными эмоциями физической двигательной активности, спортивных занятий, через привитие устойчивых гигиенических навыков, через практику коммуникативных навыков, чтобы создавать поддержку в среде сверстников.

Образовательные превентивные программы должны быть основаны на дифференцированном подходе к молодежной аудитории с точки зрения их возраста и их включенности в наркотическую ситуацию.

К этому направлению следует отнести программы, ориентированные на формирование у детей, начиная с младшего школьного возраста, ценностей и навыков здорового образа жизни. Такие программы относятся к уровню первичной профилактической работы и осуществляются путем «обучения через предмет». Это основы безопасности жизнедеятельности и воспитание ценностей и навыков здорового образа жизни через развитие физической культуры школьников.

Следует указать, что в настоящее время многие программы по данным предметам (ОБЖ) нуждаются в определенной

модификации с целью усиления в них аспектов действенной, антинаркотической профилактики, включая усиление следующих компонентов:

- образовательный компонент – углубление знаний о ценностях здорового образа жизни и поведенческих навыках, облегчающих следование здоровому образу жизни, формирующее умение делать собственный выбор в отношении здорового образа жизни;

- психологический компонент – углубление знаний о себе, своих чувствах, формах реагирования, особенностях принятия решений; формирование позитивной концепции самосознания у ребенка;

- социальный компонент – активное формирование навыков коммуникативности и общения, социальных навыков, необходимых для социальной адаптации, здорового образа жизни.

Второе направление – разработка авторских превентивных образовательных программ, ориентированных на предупреждение употребления психоактивных веществ.

Это превентивные, т.е. несущие определенный потенциал предупреждения от употребления психоактивных веществ, образовательные программы относятся к уровню активной первичной профилактической работы.

Превентивные образовательные программы выполняют свое назначение, если в них достаточно глубоко проработаны следующие компоненты действенной, антинаркотической профилактики:

- образовательный компонент – минимальные знания о наркотических веществах и особенностях развития зависимости; знания о социальных и медицинских последствиях, к которым приводит зависимость при употреблении психоактивных веществ;

- психологический компонент – знание о себе и путях коррекции психологических особенностей личности, способствующих развитию зависимости от употребления психоактивных веществ, формирование устойчивой самооценки, умения сказать «нет», нести ответственность за себя и свой выбор, умения при необходимости обратиться за психологической, социальной или наркологической помощью;

- социальный компонент – формирование навыков общения, преодоления чувств вины, неуверенности, психологической зависимости.

Третье направление – разработка и внедрение в практику работы образовательного учреждения превентивных обучающих программ – тренингов для обучающихся.

В этом направлении первичный профилактический уровень обеспечивается не педагогическими и воспитательными, а психологическими методами, ориентированными на развитие личностных ресурсов молодых людей и стратегий их позитивного поведения.

В связи с этим разработка данного направления первичной профилактики может быть решена только на основе глубоко продуманной стратегии развития антинаркотической работы со стороны руководителей образовательного учреждения.

Данное направление следует считать эффективным, но достаточно трудоемким и требующим квалифицированной подготовки специалистов, включенных в профилактические программы, которая проводится в форме тематических «круглых столов», учебных дискуссий и «мозговых штурмов», а также ролевых игр по актуальным проблемам противодействия формированию зависимости. Наиболее полно данное направление реализуется, когда из студентов формируются группы волонтеров для дальнейшей профилактической работы в группах взаимопомощи.

Четвертое направление – разработка превентивных обучающих программ – тренингов для специалистов образовательного учреждения.

Это направление активной профилактической антинаркотической работы ориентировано, прежде всего, на обучение и переобучение методам первичной профилактики всех специалистов образовательного учреждения, включенных в работу по профилактике наркозависимости.

Данное направление также следует отнести к уровню первичной профилактической работы, которая включает в себя два ведущих метода. Один из них – лекционно-информационный – является привычным; другой – психологический – направлен на развитие личностных ресурсов и стратегий позитивного поведения у специалистов. Это обычно вызывает на первом этапе кри-

тическое или нигилистическое отношение, которое, как правило, в последующем преодолевается.

Развитие данного направления работы обеспечивается, в первую очередь, усилиями руководства образовательного учреждения.

Данное направление первичной профилактики реализуется следующими средствами:

- лекционные занятия по психологии личности, специфике подросткового возраста, особенностям дисфункциональной семьи и стрессовым расстройством, проблемам зависимости и созависимости, особенностям выздоровления и реабилитации при наркомании;

- практические семинары по методическому оснащению превентивных обучающих программ-тренингов для студентов.

Чтобы обеспечить развитие в образовательном учреждении всех направлений первичной профилактической работы, необходимо на постоянной основе организовать обучающие семинары педагогических кадров по методам и формам активной профилактической работы в образовательной среде, а также путем обмена новым опытом в этой работе.

Программы семинаров должны носить практическую направленность, обучать навыкам отношения к подростку, который начал употреблять психоактивные вещества, навыкам противодействия агрессивному поведению детей, средствам восстановления школьного статуса ребенка, бросившего употреблять психоактивные вещества.

Последовательное, этапное и комплексное выполнение мероприятий, направленных на разрешение выделенных «ключевых» проблем, делает работу по профилактике наркоманий и алкоголизма среди подростков и молодежи системной, конструктивной и позволит преодолеть негативные тенденции в развитии наркоситуации в подростково-молодежной среде России.

В заключение следует указать, что в рамках территориальных программ необходимо организовывать и проводить на межведомственной основе (совместно с ГУВД, Комитетом по делам семьи и молодежи и др.) регулярный мониторинг распространности употребления ПАВ, для систематического анализа региональных особенностей наркоситуации в подростково-молодежной среде, для выявления негативных тенденций ее развития и принятия упреждающих мер, позволяющих контролировать и активно воздействовать на наркоситуацию в регионе.

Последовательное, этапное и комплексное выполнение мероприятий, направленных на разрешение выделенных «ключевых» проблем, делает работу по профилактике наркоманий и алкоголизма среди подростков и молодежи системной, конструктивной и позволит преодолеть негативные тенденции в развитии наркоситуации в подростково-молодежной среде России.

Данные направления успешно реализуются на базе факультета безопасности жизнедеятельности РГПУ им. А.И. Герцена, например, в системе подготовки бакалавров изучаются следующие дисциплины и курсы по выбору: «Профилактическая работа наркозависимости в молодежной среде», «Социальная безопасность в городе-мегаполисе» и т.д., также на факультете осуществляется реализация магистерской программы «Профилактика социальных отклонений (Превентология)», в таких формах работы как:

- современные методики отбора содержания образовательных программ, соответствующие возрастным особенностям молодежи, по профилактике наркомании. Например, создание программ учебных дисциплин «Социальная безопасность личности, общества и государства», «Основы здорового образа жизни» и др.;

- информационно-просветительская работа (развитие интеллектуального потенциала здоровой молодежи в области профилактики наркомании, участие в научно-практических форумах). Например, конкурс плакатов среди студенческой молодежи РГПУ им. А.И. Герцена «Мы за здоровый образ жизни!» и т.д.;

- самообразование молодежи, например, посещение факультативов, участие в конференциях, тематика которых отражает профилактику наркомании в молодежной среде.

Библиографический список

1. Колесов, Д.В. Антинаркотическое воспитание. – М., 2009.
2. Сирота, Н.А. Эффективные программы профилактики наркомании. – М., 2004.
3. Коробкина, З.В. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи. – М., 2004.

Так в рамках реализации основных и дополнительных образовательных программ по вопросам теоретических основ профилактики наркомании среди молодежи педагогами решаются следующие задачи:

1. Формирование мотивации на эффективное социально-психологическое и физическое развитие. Исследователями установлено, что формирование у человека позитивного отношения к окружающему миру, желания вести здоровый образ жизни более эффективно, чем запугивание последствиями злоупотребления наркотиков.

2. Формирование мотивации на социально-поддерживающее поведение. У каждого человека должна быть возможность поделиться своими бедами, печалью или радостями, ощутить поддержку «значимого другого». Такая возможность есть не у всех. Поэтому важно научить людей социально-поддерживающему поведению, люди, у которых сформирована сеть социальной поддержки (семья, друзья, значимые другие), легче справляются с проблемами, могут более эффективно преодолевать стрессы без употребления наркотиков.

3. Развитие протективных факторов здорового и социально-эффективного поведения, личностно-средовых ресурсов и поведенческих стратегий у всех категорий населения. Люди, эффективно использующие поведенческие стратегии и социально-поддерживающее окружение, оказываются более защищенными перед лицом стрессовых факторов, тем самым снижая вероятность формирования зависимости от наркотиков.

4. Формирование знаний и навыков в области противодействия употреблению наркотиков у молодежи, в организованных (лекции, беседы и т.д.) и неорганизованных группах населения (открытые студии с привлечением специалистов (медиков, педагогов, психологов, юристов и др.)). Информирование людей о действиях и последствиях злоупотребления психоактивными веществами, о формах избегания ситуаций соприкосновения с наркотиками и отказа от их применения, вариантах поиска помощи в случаях возникновения проблем, связанных с ними, в сочетании с развитием ресурсов, стратегий и навыков адаптивного поведения помогает формированию жизненного стиля, ведущего к здоровью.

5. Формирование и развитие социально-поддерживающих сетей сверстников и взрослых. Любой человек должен иметь возможность получить помощь социально-поддерживающего окружения, которую могут оказать не только близкие люди, но субспециалисты, волонтеры, имеющие навыки социально-поддерживающего и адаптивного поведения.

Отметим, что для успешной реализации профилактики наркомании в молодежной среде необходимы следующие условия:

- достаточное финансовое, экономическое и правовое обеспечение государственной системы мер первичной профилактики;
- организационная и экономическая поддержка научных исследований в области профилактики наркомании;
- реализация долгосрочной антинаркотической пропагандистско-информационной кампании во всех средствах массовой информации, прежде всего ориентированной на молодежь;
- целенаправленное и широкое подключение к антинаркотической деятельности общественных движений, волонтерских отрядов, самостоятельных организаций и инициативных граждан;
- обязательное включение в программу первичной профилактики системы мониторинга не только распространенности употребления, но и эффективности действия системы профилактики на каждом этапе ее становления и функционирования.

Таким образом, анализируя группы факторов, влияющих на формирование зависимого поведения молодежи, необходимо направить профилактическую работу на формирование критического отношения к употреблению наркотических веществ, понимания опасности их употребления для собственного здоровья. Как следствие, происходит значительное ухудшение ситуации с употреблением наркотиков именно среди этой возрастной категории, ведь она имеет низкий уровень иммунитета к негативным факторам. В связи этим, на первый план выходит первичная профилактика по организации антинаркотической работы среди молодежи, которая позволяет сформировать у подростков ценностное отношение к себе как индивидууму и социуму.

4. Наркомания и социально опасные инфекции: учеб. пособ. / под ред. В.П. Соломина. – СПб., 2011.
5. Профилактика наркозависимости среди несовершеннолетних и молодежи: учебно-методич. пособ. / под ред. В.П. Соломина. – СПб., 2012.
6. Сирота, Н.А. Руководство по профилактике злоупотребления психоактивными веществами в студенческой среде. – М., 2003.
7. Чернышова, В.Н. Педагогическая профилактика наркомании среди учащихся и студентов как социально-педагогический процесс // Социология образования. – 2007. – № 6.
8. Алтуфьева, А.А. Противодействие негативным явлениям в студенческой среде и социальное партнерство / А.А. Алтуфьева, А.А. Есипова, Г.А. Корчагина, Т.В. Маликова, Е.Ю. Молодцова, Э.М. Ребко. – СПб., 2010.
9. Единый комплексный подход: реабилитация – профессионализация – трудоустройство – социальное сопровождение несовершеннолетних, прошедших лечение от наркозависимости в рамках антинаркотических региональных программ: методич. пособ. / под ред. В.П. Соломина. – СПб., 2004.
10. Профилактика социальных отклонений (Превентология): учебно-методич. сборник / под ред. В.П. Соломина. – СПб., 2008.
11. Профилактика социальных отклонений: учебно-методич. пособ. / под ред. В.П. Соломина. – СПб., 2011.

Bibliography

1. Kolesov, D.V. Antinarkoticheskoe vospitanie. – M., 2009.
2. Sirota, N.A. Effektivniye programmi profilaktiki narkomanii. – M., 2004.
3. Korobkina, Z.V. Profilaktika narkoticheskoy zavisimosti u detey i molodezhi. – M., 2004.
4. Narkomaniya i socialjno opasniye infekcii: ucheb. posob. / pod red. V.P. Solomina. – SPb., 2011.
5. Profilaktika narkozavisimosti sredi nesovershennoletnikh i molodezhi: uchebno-metodich. posob. / pod red. V.P. Solomina. – SPb., 2012.
6. Sirota, N.A. Rukovodstvo po profilaktike zloupotrebleniya psikhoaktivnimi veshchestvami v studencheskoy srede. – M., 2003.
7. Chernyshova, V.N. Pedagogicheskaya profilaktika narkomanii sredi uchastnikhsya i studentov kak socialjno-pedagogicheskiy process // Sociologiya obrazovaniya. – 2007. – № 6.
8. Altufjeva, A.A. Protivodejstvie negativnim yavleniyam v studencheskoy srede i socialjnoe partnerstvo / A.A. Altufjeva, A.A. Esipova, G.A. Korchagina, T.V. Malikova, E.Yu. Molodcova, Eh.M. Rebko. – SPb., 2010.
9. Ediniy kompleksniy podkhod: reabilitaciya – professionalizaciya – trudoustroystvo – socialjnoe soprovozhdenie nesovershennoletnikh, proshedshikh lechenie ot narkozavisimosti v ramkakh antinarkoticheskikh regionalnykh programm: metodich. posob. / pod red. V.P. Solomina. – SPb., 2004.
10. Profilaktika socialnykh otkloneniy (Preventologiya): uchebno-metodich. sbornik / pod red. V.P. Solomina. – SPb., 2008.
11. Profilaktika socialnykh otkloneniy: uchebno-metodich. posob. / pod red. V.P. Solomina. – SPb., 2011.

Статья поступила в редакцию 24.09.13

УДК 371.026

Dolynskiy Y.V. FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE TRANSLATORS BY MEANS OF INFORMATION-COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES. The article deals with the notion of communicative competence of future translators, defines the components of communicative competence, names all possibilities of using information and communication technologies, grounds the pedagogical conditions of formation of the communicative competence of future translators by means of information and communication technologies.

Key words: information and communication technologies, the training of future translators, pedagogical educational conditions with using of computer technologies.

Е.В. Долинский, канд. пед. наук, доц., каф. перевода Хмельницкого национального университета, г. Хмельницкий, E-mail: dolynskiy@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ СРЕДСТВАМИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматривается понятие коммуникативной компетентности будущих переводчиков, определены компоненты коммуникативной компетентности, называются возможности использования информационно-коммуникационных технологий, обоснованы педагогические условия формирования коммуникативной компетентности будущих переводчиков средствами информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, подготовка будущих переводчиков, педагогические условия обучения с использованием компьютерных технологий.

В период быстрого распространения компьютерных технологий, формирования информационного общества, одной из приоритетных задач государства является вопрос информатизации всех сфер общественной жизни. Перед системой образования стоит задача подготовить будущее поколение к жизни в информационном обществе. Актуальность данного исследования заключается в том, что информационное общество выдвигает новые требования к профессиональной подготовке будущих переводчиков: не только языковых знаний, но и владение глубокими профессиональными знаниями, умение пользоваться соответствующими программными продуктами, современной оргтехникой. На современном этапе технологическая подготовка специалистов по переводу состоит из многих компонентов, одним из которых является овладение основами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и умение использовать их в профессиональной деятельности. Современная концепция высшего профессионального образования предполагает формирование у студентов готовности к осуществле-

нию профессиональной деятельности в условиях информатизации образования [1, с. 35].

Умение работать с компьютером является неотъемлемой частью ключевых компетенций человека и залогом успешной карьеры в информационном обществе. Закончив учебное заведение, человек должен уметь не только пользоваться информационными технологиями, но и учиться с их помощью. Для реализации этой цели нужны высококвалифицированные преподаватели, способные использовать потенциал информационных технологий в учебном процессе.

Будущий переводчик, как носитель и ретранслятор культуры и человеческих ценностей, должен уметь организовать диалог с реальными и виртуальными партнерами, активно применять возможности компьютерных сетей [1, с. 36].

Учитывая принятой на европейском образовательном форуме философии «Открытого образования», будущие переводчики не могут оставаться в стороне от этих процессов. Поэтому особое значение приобретает формирование у будущих пере-

водчиков иноязычной, коммуникативной, профессиональной компетентности средствами информационных технологий.

Проблема использования информационных технологий в учебном процессе вообще, и при изучении иностранных языков в частности, не является новым, как для отечественной, так и зарубежной науки. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования таких ученых, как А. Шестопалюк, Р. Гуревич, Л. Морская, А. Подласый.

Проблему профессиональной подготовки специалистов в условиях информационного общества и в рамках компетентностного, личностного подходов рассматривают такие ученые как И. Зязюн, Л. Морская, Л. Петухова, А. Пометун, Л. Романишина, С. Сысоева и др.

Целью исследования является толкование понятия коммуникативной компетентности будущих переводчиков, теоретическом обосновании компонентов коммуникативной компетентности, определении возможностей использования ИКТ, обосновании педагогических условий формирования коммуникативной компетентности будущих переводчиков средствами ИКТ.

В ходе исследования нами решаются следующие **задачи**:

– определение возможностей использования информационных технологий в процессе подготовки будущих переводчиков;

– определение роли информационных технологий для формирования структурных компонентов иноязычной, коммуникативной, профессиональной компетентности будущих переводчиков;

– определение условий применения информационных технологий в процессе подготовки будущих переводчиков.

Использование информационных технологий в процессе обучения иностранным языкам открывает широкие возможности для углубления знаний, для развития коммуникативной компетентности будущих переводчиков, для внедрения в учебный процесс технологий, которые были бы направлены на учащихся. Информационные технологии обогащают учебный процесс содержательно и делают его более наглядным, улучшают восприятие и понимание учебного материала, связывают между собой изучение языка и определенной лексической темы, помогают ориентировать будущих переводчиков на дальнейшую перспективу, минимизировать различия между коммуникативными целями обучения и фактически приобретенными языковыми навыками и умениями, которые способствуют развитию учебной компетентности [1].

В связи с особенностями использования ИКТ, важной проблемой является формирование у будущих переводчиков коммуникативных умений и навыков, требуется разработка специальных программ общения между преподавателем и студентом через компьютер; отображение учебного процесса через развитие коммуникации. Налаженный разговор является одним из путей формирования умений студентов.

Студент должен научиться общаться через компьютер, выражать мысли, а не просто получать задания и отправлять результаты выполнения. Происходит развитие коммуникативных умений: «преподаватель - студент», «студент - преподаватель», что является сочетанием компетентности преподавателя + информационных технологий + мобильность + желание студента и его целеустремленность [2, с. 45].

Для преподавателей важное значение имеет коммуникативная компетентность, под которой понимают способность осуществлять общение при помощи языка, правильно использовать систему языковых норм и выбирать коммуникативное поведение, адекватное аутентичной ситуации общения.

Согласно производственным функциям деятельности будущего переводчика, в структуре иноязычной коммуникативной компетентности будущего переводчика, ученые выделяют следующие компоненты:

- 1) мотивационный;
- 2) речевой;
- 3) языковой;
- 4) социокультурный;
- 5) стратегический.

Мотивационный компонент формирует настрой на продуктивную деятельность, в которой отображаются потребности, интересы, желание учиться дистанционно. Осознаётся ценность ИКТ для успешного осуществления коммуникативной деятельности, совершенствование своих знаний и умений по специальности.

Речевой компонент предполагает способность использовать средства формирования и формулирования собственных мыслей непосредственно через язык, а также в процессе восприятия и передачи информации.

Языковой компонент предполагает формирование фонетических, лексических и грамматических знаний через ИКТ.

Социокультурный компонент включает изучение национальной, культурной специфики речи. Способность понимать социальные ситуации и управлять ими.

Стратегический компонент формирует умения студентов выбирать различные стратегии при выполнении коммуникативного задания, способность использовать собственный опыт, знания, навыки и умения. Выбирать оптимальные учебные пути для овладения иноязычной коммуникативной компетентностью.

Сегодня деятельность переводчика связана не только с информацией, но и с коммуникациями. Поэтому специалист по иностранному языку должен обладать информационно-поисковыми умениями и навыками: находить и работать с информацией с помощью ИКТ; знать программные продукты и применять их в педагогической деятельности; обеспечивать иноязычную коммуникацию (устную или письменную) с помощью ИКТ, использовать компьютерные обучающие программы для самообразования и самосовершенствования. Будущий переводчик должен иметь четкое представление об успешном осуществлении профессиональной деятельности и о преимуществах использования для этого средств ИКТ.

Соответственно, под ИКТ понимаем совокупность электронных технических средств и программного обеспечения, а также организации, формы и методы их применения в учебном процессе. Доказано, что ИКТ являются средствами активизации и интенсификации учебного процесса с качественно новыми возможностями в демонстрации, обработке и хранении информации, контроля знаний, моделирования профессиональных ситуаций [2, с. 76].

К основным педагогическим целям использования средств ИКТ в учебно-воспитательном процессе относятся:

– развитие творческого потенциала будущего специалиста;

– развитие способностей к коммуникативным действиям;

– развитие умений экспериментально-исследовательской деятельности;

– развитие культуры учебной деятельности;

– интенсификация всех компонентов учебно-воспитательного процесса, повышения его эффективности и качества;

– реализацию социального заказа, обусловленного информатизацией современного общества (подготовка специалистов в области информатики и вычислительной техники, подготовка к использованию ИКТ) [2, с. 80].

Использование технических средств обучения позволяет преподавателю реализовать на практике три основные функции, присущие изучению иностранных языков:

– тренировочную – для закрепления языкового и речевого материала;

– творческую – для создания профессионально-направленных, информационно насыщенных разновидностей устной коммуникации преимущественно репродуктивного типа;

– контролирующую – для проведения контроля сформированности знаний, умений, навыков других видов речевой деятельности.

Обосновано, что средства ИКТ дают возможность: индивидуального двустороннего телекоммуникационного общения студента с преподавателем и с коллегами, не нарушает принципа коммуникативного подхода; доступа к многочисленным источникам языковой учебной информации, распространяемой через технические средства связи.

Основным фактором формирования коммуникативной компетентности являются эффективные педагогические условия. После исследования психолого-педагогической литературы, среди педагогических условий формирования коммуникативной компетентности будущих переводчиков средствами ИКТ были определены следующие: «Учёт особенностей целевой самостоятельной деятельности как фактора эффективного обучения с использованием ИКТ», что позволяет сделать учебно-познавательный процесс студентов более мотивированным и продуктивным. С этой целью учебный процесс формируется следующим образом:

1) при выполнении практических работ применяется метод анализа интернет источников;

2) для налаживания мотивированного общения применяется метод решения проблемных ситуаций

3) студенты привлекаются к созданию тематических электронных баз данных, мультимедиа курсов, по иностранному языку, таким образом использование компьютера вызывает интерес к обучению. Это происходит на основе электронных Интернет ресурсов: G-mail, Mail.ru и Ukr.net – создаются папки с различным наполнением: аудио-, видеофайлами, учебной информации, домашними заданиями, тестовым контролем. Студенты и преподаватель имеют пароль и доступ к контенту и могут внести различную информацию [3].

Реализация следующей педагогического условия «Налаживания общения между субъектами обучения с использованием технологий дистанционного обучения» происходит благодаря организации различных видов общения, с помощью компьютерных средств и соответствующего программного обеспечения, а именно: компьютера, Веб-камеры, наушников, микрофона, программы Skype, Chat, ICQ, электронной почты, учебной платформы Moodle, которые обеспечивают: общение с преподавателем (тьютором); общение с коллегами; дискуссионный форум; обучение в сотрудничестве; отчетность и домашние задания.

Третьим педагогическим условием мы определили: «Обеспечение контроля: преподаватель – студент, студент – преподаватель». Основным методом работы со студентами, обеспечивает налаживание контроля является метод анализа конкретных ситуаций, который заключался в изучении, анализе и принятии решений по конкретной речевой, социокультурной ситуации. Применяются различные типы ситуаций: ситуация – проблема, ситуация – оценка, ситуация – иллюстрация, ситуация – упражнение [3].

Четвертое педагогическое условие «Использование метода телекоммуникационных проектов в процессе обучения» реализуется с помощью метода телекоммуникационных проектов. Учебный телекоммуникационный проект является общей учебно-познавательной, творческой, игровой деятельностью студентов-партнеров, он создается с помощью программы Power Point, Photo Shop, Corel Draw, помогающие создавать визуальные продукты, презентации: Телекоммуникационный проект может быть усилен общением с иностранцем по тематике проекта - это обеспечивается с помощью социальные сети, международные коммуникационные сайты: (сайты couchsurfing.org, conversationexchange.com) [3].

Информационные технологии подчиняются педагогическим общедидактическим принципам, среди которых наиболее важными являются принципы: научности, наглядности, положительного эмоционального фона, систематичности, коллективного обучения, индивидуальности.

Используя информационные технологии в учебном процессе, следует четко понимать, для выполнения какой из дидактических функций, на каждом этапе занятия, они служат: мотивирование, т. е. мотивация к активной работе на занятии и к обучению вообще, передача знаний, информации, руководство работой, например, время выполнения упражнений, стимулирование разговорной речи, контроль [4, с. 74].

Следует отметить, что реализовать эти дидактические функции информационных технологий в учебном процессе можно в зависимости от технических возможностей учебного заведения: в специально оборудованных компьютерных классах или при их отсутствии в достаточном количестве направлять самостоятельную работу студентов во внеаудиторное время на использование компьютеров дома.

Наличие дорогого программного обеспечения не является обязательным условием успешного внедрения в учебный процесс информационных технологий. Текстовый редактор Microsoft Word помогает без лишних усилий создавать, перерабатывать тексты и вносить в них коррективы. Эта его основная функция может использоваться в процессе изучения иностранных языков для формирования языковой компетенции. Так, например, во время набора текста на компьютере автоматически проверяется орфография, таким образом, студент дополнительно обращает внимание на правильность написания, сосредоточивается на поиске правильного варианта. Наш опыт показал, что кроме орфографического аспекта языковой компетенции, с помощью текстового редактора можно совершенствовать и лексический аспект. Преподаватель может самостоятельно подготовить такие упражнения, например, набрать на компьютере определенные лексические единицы и попросить студентов сгруппировать их по любому языковому признаку, в зависимости от целей занятия [4, с. 75].

Кроме текстового редактора Microsoft Word можно использовать в учебном процессе и авторские компьютерные программы. Авторским программам является заранее подготовленные шаблоны, содержательное наполнение которых можно изменять в зависимости от изучаемой [4, с. 79]. Такие программы являются особенно эффективными для формирования учебной компетенции будущих переводчиков. С помощью таких программ студенты могут самостоятельно готовить задания и участвовать в разработке планов занятий.

Кроме текстового редактора и авторских программ, есть и специальные учебные программы, разработанные электронные учебники и самостоятельные учебно-методические комплексы для самостоятельной подготовки. Есть программы, цель которых заучивание определенных языковых феноменов (3500 английских слов, Техника запоминания 2011, Профессор Хиггинс, Французский без акцента, П. Тагиле Грамматика немецкого языка в упражнениях 2005).

Широкие возможности для занятий по иностранному языку и развития иноязычной коммуникативно-профессиональной компетенции открывает Интернет. В Европейских странах Интернет начали использовать для занятий по иностранному языку еще в 90-х годах, преимущественно с целью выполнения поисковых задач, публикации текстов, для работы с актуальным и аутентичным языковым материалом, для выполнения упражнений по аудированию на базе аутентичных материалов, для совершенствования грамматической компетенции, для работы с On-line словарями и для выполнения интерактивных упражнений [5, с. 134].

Переписка с помощью E-mail похожая по своей форме к диалогу. Благодаря реальности ситуации, в которой оно происходит, существенно повышается мотивация, ведь студентам интереснее узнать о том, что думают по тому или иному поводу их родные или зарубежные сверстники. Таким образом, реализуется принцип межкультурного обучения.

Наш опыт и результаты проведенного среди преподавателей филологических кафедр опроса подтвердили мнение, что синхронная коммуникация в Интернете, которая происходит в чате и в течение On-line конференций, во время аудиторных занятий используется редко. Причиной этого является отсутствие необходимого технического обеспечения в учебных заведениях и знаний у студентов о соответствующих программах [5, с. 135].

Кроме того, в учебном процессе практически невозможно управлять таким коммуникации. Но нельзя отрицать и его существенные преимущества, к которым относится, прежде всего, то, что чат является смесью устной и письменной речи. Современные исследования подчёркивают его коммуникативное значение, большую роль для повышения уровня мотивации к овладению иностранным языком. Было доказано, что во время нахождения в чате, студент продуцирует больше, чем во время обычных дискуссий. Кроме того, застенчивые студенты чувствуют себя более свободно и, как следствие, чаще вступают в разговор [6, с. 170].

Учитывая эти преимущества, некоторые учебные заведения Европы начали использовать в течение последних лет дидактически направленный чат с целью поддержки формирования коммуникативной компетентности. Заседанием в чате должна предшествовать подготовительная работа на занятиях (чтение текстов, выполнение упражнений, тренировки в использовании лексических единиц и др.). Использование письменной речи для тематической, прямой и синхронной коммуникации делает, следовательно, целенаправленное совершенствование речевой компетенции. Благодаря реализации коммуникации в письменном виде, обучающиеся, могут неоднократно перечитывать и обрабатывать свои реплики, отыскивать и исправлять ошибки. Есть возможность и для совершенствования стратегической компетенции: можно совершенствовать навыки начала, ведения и окончания разговора, смены темы обсуждения и др. Одновременно совершенствуются навыки письма и стратегии чтения [6, с. 135].

Известным средством медийного обучения иностранному языку является всемирная паутина World-Wide Web. Наше исследование показало, что, в первую очередь, его используют для получения страноведческой информации, от актуальных новостей до расписания поездов. Во-вторых, здесь можно найти большое количество бесплатных учебных упражнений и при наличии своего сайта разместить на нем свои произведения. Практически для каждой темы с помощью WWW можно найти аутентичную информацию, которую затем можно использовать для разработки учебных проектов. Так, например, группа студентов получает задание спланировать путешествие в Англию.

Некоторые студенты ищут информацию о возможности путешествия, другие - интересные факты или достопримечательности, возможности для пребывания (размещение в гостинице и др.) И, наконец, последняя группа планирует, в какой последовательности будет проходить путешествие. Затем все вместе обсуждают собранную информацию и представляют проект [6, с. 155].

Несмотря на многочисленные преимущества использования информационных технологий для обучения иностранному языку, существует много ограничений, которые следует учитывать. Компьютерные средства обучения не всегда подвластны человеку, иногда возникают ситуации, когда не работает сервер, программное обеспечение устарело или повреждено вирусом, технические проблемы с сетью или не удается найти партнера по общению в Интернет сети и др. На такой случай необходимо иметь в запасе другие варианты, чтобы учебный процесс не претерпел ущерба, а цель занятия была достигнута.

Использование информационных технологий в процессе изучения иностранных языков в высших учебных заведениях существенно повышает эффективность формирования всех аспектов иноязычной коммуникативной компетентности будущих переводчиков. Их применение целесообразно как во время аудиторных занятий, так и для организации самостоятельной работы под руководством преподавателя. Эффективными путями организации этих форм работы являются авторские мультимедийные курсы, специальные обучающие программы, текстовый редактор Word, всемирная сеть Интернет, программа создания презентаций Power Point.

Однако, используя информационные технологии в учебном процессе, следует учитывать, что компьютер – не заместитель преподавателя, а лишь вспомогательное средство, которое имеет определенные дидактические функции и с их помощью расширяет возможности учебной деятельности. Считаем, что компьютер делает большую часть рутинной работы преподавателя, обеспечивает контроль за учебным процессом, выполняет функцию обратной связи между студентом и преподавателем, помогает организовывать самостоятельную работу. Он позволяет внедрять принцип индивидуализации обучения, активизирует познавательную деятельность, повышает уровень мотивации к изучению языка.

Осуществленное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы формирования коммуникативной компетентности будущих переводчиков средствами ИКТ в высших учебных заведениях. Дальнейшего исследования требует проблема правильного, тематического выбора преподавателями всех компонентов педагогического процесса (цели, содержание, формы, методы и средства) соответствующие техническим возможностям и комплексному использованию в учебном процессе различных возможностей этих средств.

Библиографический список

1. Мархева, А.Е. Система формирования иноязычной коммуникативной компетентности в в русле кредитно-модульной системы // Актуальные проблемы и перспективы развития высшего образования в Украине: сб. материалов Пятой научно-практич. конф. – М., 2005.
2. Долинский, Е.В. Формирование коммуникативной компетентности будущих переводчиков средствами дистанционного обучения: дис. ... канд. пед. наук. – Хмельницкий, 2012.
3. Мархева, А.Е. Пути формирования иноязычной коммуникативно-профессиональной компетенции будущего учителя иностранного языка средствами информационных технологий [Э/р]. – Р/д: <http://www.ime.edu.ua.net/em12/content/09mojtio.htm>.
4. Фоминых, Н.Ю. Дидактические возможности ИКТ по формированию коммуникативной компетенции учащихся // Горизонты образования. – 2011. – № 1(31).
5. Пометун, А. К вопросу опыта внедрения интерактивных технологий // Антология адаптированного опыта. Или для чего существуют программы образовательных обменов. – Ровно, 2004.
6. Мацюк, О.А. Формирование профессиональной компетентности будущих переводчиков средствами информационно-коммуникационных технологий: дис. ... канд. пед. наук. – Хмельницкий, 2012.

Bibliography

1. Markheva, A.E. Sistema formirovaniya inoyazichnoy kommunikativnoy kompetentnosti v rusle kreditno-modul'noy sistemih // Aktualnihi problemih i perspektivih razvitiya vihshego obrazovaniya v Ukraine: sb. materialov Pyatoy naucho-praktich. konf. – M., 2005.
2. Dolinskiy, E.V. Formirovanie kommunikativnoy kompetentnosti buduthikh perevodchikov sredstvami distancionnogo obucheniya: dis. ... kand. ped. nauk. – Khmel'nickiy, 2012.
3. Markheva, A.E. Puti formirovaniya inoyazichnoy kommunikativno-professional'noy kompetencii buduthego uchitelya inostrannogo yazihka sredstvami informaciihkh tekhnologiy [Eh/r]. – R/d: <http://www.ime.edu.ua.net/em12/content/09mojtio.htm>.
4. Fominykh, N.Yu. Didakticheskie vozmozhnosti IKT po formirovaniyu kommunikativnoy kompetencii uchathikhsya // Gorizontih obrazovaniya. – 2011. – № 1(31).
5. Pometun, A. K voprosu opihta vnedreniya interaktivnihkh tekhnologiy // Antologiya adaptirovannogo opihta. Ili dlya chego suthestvuyut programmi obrazovatel'nihkh obmenov. – Rovno, 2004.
6. Masyuk, O.A. Formirovanie professional'noy kompetentnosti buduthikh perevodchikov sredstvami informaciihkh tekhnologiy: dis. ... kand. ped. nauk. – Khmel'nickiy, 2012.

Статья поступила в редакцию 11.10.13

УДК 370.153 + 37-3

Evsukova N.I. COMMUNICATIVE BARRIERS OF COOPERATION OF TEACHER WITH STUDENT AS DETERMINATION TO DIDACTIC DEPRIVATION. The Article is sanctified to research of communicative barriers in cooperation of teacher and students, to their influence on the displays of didactic deprivation and development of personality of student. The types of communicative barriers and reason of their origin are similarly examined in the article.

Key words: interaction with students, communicative barrier, a psychological barrier, didactic deprivation.

Н.И. Евсюкова, канд. пед. наук, доц. каф. начального образования Владимирского гос. университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, E-mail: eniizxarkova@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ КАК ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Статья посвящена исследованию коммуникативных барьеров во взаимодействии педагога и учащихся, их влиянию на проявления дидактической депривации и развитие личности ученика. В статье так же рассматриваются виды коммуникативных барьеров и причины их возникновения.

Ключевые слова: взаимодействие с учениками, коммуникативный барьер, психологический барьер, дидактическая депривация.

Введение нового ФГОС ориентирует педагогов на решение актуальных проблем взаимодействия с учениками, имеющих теоретическое и практическое значение в процессе обучения и воспитания. Возникает необходимость анализа педагогического общения и влияния взаимодействия учителя на ученика в образовательном процессе. В трудных педагогических ситуациях в процессе взаимодействия ребенка с первым учителем не всегда складывается полноценное общение. Вследствие этого возникают коммуникативные барьеры, которые отрицательно влияют на педагогический процесс между учителями и детьми, учителями и родителями. У учащихся нарушается психологическое благополучие на протяжении всей школьной жизни, затрудняется развитие их личностных качеств, формирование ценностей, универсальных учебных действий, являющихся фундаментом для последующего обучения в основной школе, что указывает на проявления дидактической депривации.

Мы определяем дидактическую депривацию как лишение ребенка эффективного воздействия механизма учебно-воспитательного процесса вследствие либо безграмотности, либо индифферентности учителя.

В педагогической литературе затруднения в общении педагогов и учеников в процессе учебной деятельности исследуются с целью, определения причин и факторов вызывающих коммуникативный барьер. Этой проблеме посвящены исследования Г.М. Андреевой, Л.И. Божович, В.А. Кан-Калика, А.А. Леонтьева, Н.В. Кузьминой, Е.В. Залюбовской, К.Д. Ушинского, В.В. Рыжова, Л.С. Славиной, Р.Х. Шакурова и др.

Леонтьев А.А. [1] говорил о том, что педагогическое общение как профессиональное общение учителя с учениками на уроке и вне его, всегда направлено на создание благоприятного психологического климата, и на психологическую оптимизацию учебной деятельности.

Кан-Калик В.А. [2] подчеркивал, что общение – это система коммуникативного, социально-психологического взаимодействия педагога и воспитуемого, содержанием которого является обмен информацией. Затруднения, коммуникативные барьеры, препятствующие нормальному общению ученика и учителя в учебной деятельности, названы В.А. Кан-Каликом психологическими барьерами, которые он разделяет на три группы: боязнь класса и педагогической ошибки, связана с установкой сформированной в результате прошлого негативного опыта работы с классом; несовпадение собственных установок учителя и установок обучающихся; неадекватность собственной деятельности в складывающейся на уроке коммуникативной ситуации [2].

Молодые учителя слабо владеют информацией для общения и копируют стиль (манеру) общения референтного для себя человека. Возникшие причины, вызывающие затруднения общения с классом учителя не замечают, не анализируют, и в результате психологические барьеры не осознаются.

Залюбовская Е.В. определяет коммуникативный барьер как «абсолютное или относительное препятствие эффективному общению, субъективно переживаемое или реально присутствующее в ситуации общения» [3].

И.А. Зимняя описывает субъективное образование, затруднение, переживание субъектом сложности, которое вызвано поступающей к реципиенту информации в педагогическом общении. Возникновение противоречивой ситуации у одного человека, возможно не замечаемое другим, определяется ей как «барьер» общения [4].

Андреева Г.М. утверждает, что коммуникативный барьер возникает из-за того, что отсутствует единое понимание ситуации, вызванное восприятием другого «языка», порождающее разную интерпретацию одних и тех же понятий, употребляемых в процессе коммуникаций различием, существующим между людьми [5, с. 13-26].

Мы разделяем точку зрения исследователя Андреевой Г.М., что это социально-психологический характер коммуникации, используемый как форма психологической защиты от постороннего психического воздействия, проводимого в процессе обмена информацией между участниками общения.

Р.Х. Шакуров [6] рассматривает барьер с позиций системного подхода и обращает свое внимание на то, что появление таковых и их преодоление представляет собой главную форму отношений человека с миром и является ведущим механизмом в становлении личности. Понятие «барьер в общении» определяется им как «отношение между элементами системы, которое ограничивает свободу одной из сторон, обладающей энергетиче-

ским потенциалом, проявляемым в ограничениях» [7, с. 5]. Ученый дает классификацию барьеров: информационные и предметно-вещественные, природные и социальные, статичные и динамичные, простые и сложные, долгосрочные и краткосрочные, трудные и легкие, привлекательные и непривлекательные; по сферам общественных отношений; по отношению к субъекту; по видам деятельности и др. [7, с. 3-18].

Коммуникативные барьеры в процессе развития личности возникают в кризисные периоды в связи с меняющимися потребностями и связаны с состоянием – радости, страдания, фрустрации и др. Следовательно, их можно отнести к психологическим барьерам. Изменение потребностей и состояний в психике индивида детерминирует возникновение психологического барьера, который использует действия, неадекватные новым ситуациям. Если его потребность сильная, то может возникнуть страх, паника, ярость, отчаяние, депрессия, следовательно, человек испытывает кризис – потрясение. Если потребность не слишком сильна, возникает фрустрация, ведущая к возникновению тревоги, протеста или покорности. Если не удовлетворяется слабая потребность – человек беспокоится, бывает недовольным, испытывает огорчение [8].

Мнение, установки, потребности индивида в течение жизни подвержены изменению. Новые способы восприятия информации (например, часто меняющегося образа в интернете, воздействии частоты звука наушников и т.д.) влияют на сознание индивида, возникающий барьер влияет на изменение не только потребностей, но и его поведения. Преодолевая барьеры, индивид ищет новые способы взаимодействия с окружающим миром.

В.Г. Казанская к психологическим барьерам взаимодействия участников учебного процесса, кроме коммуникативных, относит эмоциональные, познавательные и профессиональные. Эти виды выделяются по сфере деятельности человека, но в процессе воспитания предстают все вместе [8]. Для преодоления отрицательного влияния среды или самой личности, необходимы психологические барьеры, позволяющие перейти на новый уровень развития – эмоциональный, коммуникативный, познавательный [8].

При возникновении познавательных барьеров в процессе учебной деятельности, школьнику становится трудно решать новые задачи, усваивать способы учебных действий. Это ведёт к осложнению коммуникативных связей с педагогами и сверстниками. Несомненно, познавательные барьеры возникают в том случае, если для ученика подается неправильная информация, не было контроля усвоения материала, школьник не может решить самостоятельно поставленную задачу. В результате урока проходит формально, снижается интерес учащихся. Такие проявления определяют дидактическую депривацию, которая является первой ступенью к депривации развития познавательной сферы ученика. Достичь положительного результата ученик может, только преодолев себя, попросив помощи у учителя, но предъявляемые чрезмерные требования к школьнику вызывают смысловой барьер.

В учебном пособии Казанской В.Г. коммуникативный барьер как «смысловой», рассматривается в исследованиях Л.И. Божович, Л.С. Славиной и др. Ученые говорят о том, что иногда справедливые требования учителя вызывают у детей негативное отношение и приводят к эмоциональному срыву [8]. Можно выделить несколько типов смыслового барьера. Барьер самоутверждения возникает, когда ученик использует способ самоутверждения (мальчик защищает себя в драке и считает, что поступает как мужчина). В этом случае педагог требует наказания, но ребёнок может согласиться с взрослым, что драка – это не метод, но может продолжить драться. Барьер в форме предъявления связан с не содержанием деятельности, а её оформлением, проявлением недовольства ученика на замечания учителя. У учащихся возникает дифференцированный барьер по отношению к педагогам, когда требования одних учителей, по мнению детей, несправедливы, а требования других выполняются спокойно. Часто повторяющийся барьер приводит к неудачам ученика в школе. Существует барьер, связанный с несогласованностью деятельности детей и педагогов (учитель запрещает курить, но сам курит). Барьер разнонаправленных требований возникает в том случае, если ученику необходимо решить поставленные задачи или сделать выбор [8].

Причины смыслового барьера проявляются в следующем: идет предъявление со стороны учителя большого числа требований, но нет контроля; существуют ситуации, зависящие от

настроения педагога; используется разный подход к действию детей; взаимоотношения с учениками. Подчас ученик не понимает требования учителя, уровень его притязаний не соответствует уровню достижений, возникает желание что-то доказать [8]. Смысловой барьер приводит к эффекту неадекватности, проявляющейся в раздражении, слезах, упреках в адрес учителей, отрицании требований взрослых. При высокой неадекватной самооценке ребенка это приведет к конфликтам с родителями и педагогами. Смысловой барьер имеет неодинаковое содержание, разную значимость ценности для субъекта взаимодействия [8].

Можно сделать вывод о том, что коммуникативный смысловой барьер может быть результатом значимости ценности различных или противоположных требований или расхождений требовательности педагога с установками, сформировавшимися во взаимодействии сверстников.

Психологические барьеры в педагогической деятельности проявляются в случае неправильного понимания (не знания) содержания деятельности, педагогического общения, а также индивидуально-психологических особенностей учителя и ученика.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возникновение коммуникативных барьеров в процессе обучения и воспитания может привести к нежелательной односторонности в общении, детерминирующей дидактическую депривацию. Анализируя коммуникативные барьеры взаимодействия учителя с учеником, необходимо раскрыть комплекс причин детерминации дидактической депривации: социально-психологических, психофизиологических, а также психолого-педагогической компетентности педагога.

К психофизиологическим причинам относится темперамент участников взаимодействия. Холерики имеют склонность ярко проявлять свое поведение в ситуациях общения, а меланхоликам свойственно уединение при каждом удобном случае. При возникновении эмоционального барьера школьник ведёт себя неуравновешенно или, наоборот, эмоционально тупо, у него нарушаются коммуникативные связи со сверстниками или педагогами.

Анализ наблюдения за поведением молодых педагогов показал, что ранимые и застенчивые, не имеющие опыта, сознательно или бессознательно они не желают пускать в свой внутренний мир кого-либо и со своей стороны предпочитают ограничиваться обсуждением официальных вопросов. Им не свойственно вникать и определять характер поведения ребенка, подстраиваться под его темп деятельности. Стихийная подготовка взаимодействия в педагогическом общении должна дифференцироваться с учетом особенностей учащихся. Педагогическое взаимодействие необходимо осуществлять в индивидуальном подходе педагога с учеником, общение в диаде лицом к лицу «учитель-ученик» и фронтальное общение в парадигме – «учитель – класс». На основе индивидуального подхода целесообразно использовать эмоционально насыщенные и действенные средства, опирающиеся на личностные ориентиры и ресурсы. В этом случае помогает специальный тренинг, направленный на осознание особенностей своего общения с детьми, который дает толчок к постановке задачи профессионального самосовершенствования педагога в этой области.

К социально-психологическим причинам коммуникативных барьеров относится характер взаимоотношений родителей, учи-

телей, учащихся, который нельзя представлять как полное взаимопонимание и бесконфликтное содружество, несмотря на общность их целей и задач. Разный уровень психолого-педагогической компетентности родителей и учителя может вызывать противоречия в понимании целей, задач и методов воспитания и обучения ребенка. Кроме того причиной может являться элементарная неподготовленность, отсутствие умений и навыков работы с детьми в разных ситуациях общения учителя. Недостаточный контакт ребенка и взрослого препятствует активному усвоению социальных норм, что детерминирует социальную запущенность и социальную депривацию ребенка. Многие учителя считают основной своей задачей дать на уроке ученику больше знаний, не ориентируясь на готовность, способность ученика к усвоению их. Уроки проводят по заданной схеме, детей отталкивает формализм, консерватизм, казенность, официальные отношения учителя и учеников, незаинтересованность учителей их проблемами восприятия информации и особенностями обучаемости. Такой подход ведет к возникновению коммуникативных барьеров, педагогической запущенности, которые детерминируют дидактическую депривацию и депривацию развития, проявляющиеся в потере интереса к обучению, в устранинии помощи взрослого.

К психолого-педагогическим причинам коммуникативных барьеров, детерминирующих дидактическую депривацию мы относим не достаточную компетентность педагога в донесении информации учебного материала и построении учебной деятельности. Молодые учителя сталкиваются с такими ошибками как: выбор вербальных средств соответствующих уровню развития ученика; неумение логически и синтаксически построить высказывания; использование на уроке в стилистической форме речи терминологии незнакомой обучающимся; несоответствие интонации, темпа речи восприятию учеников; неправильная постановка условий задачи урока и т.д. Учитель, готовясь к педагогическому общению должен учитывать уровень развития ученика, быть уверен, что учащиеся его понимают и владеют всеми необходимыми познавательными средствами для усвоения предмета. Препятствия, нарушающие эффективность общения и обусловленные существованием коммуникативных барьеров в системе человеческого общения, ведут к отрицательным последствиям как для отдельной личности, так и для общества в целом: нарушается процесс развития личности, вплоть до возникновения невротических состояний, появляется чувство одиночества, а так же отклоняющиеся формы поведения, это в свою очередь приводит к возникновению межличностных конфликтов в коллективах, снижая эффективность их деятельности; препятствует адекватному пониманию людьми друг друга; нарушает процесс передачи информации, снижает эффективность идеологического воздействия, и т.д.

В заключении хотелось бы отметить, что дидактическая депривация возникает вследствие возникновения коммуникативных барьеров взаимодействия учителя с учеником, откладывает отпечаток на дальнейшее обучение ребенка, его деловые и личные взаимоотношения с остальными учителями. Нивелировать коммуникативные барьеры в системе учитель-ученик возможно, если учитель будет слышать ученика, понимать его потребности, помогать в преодолении трудностей и являться авторитетом, на которого хочется быть похожим и брать пример.

Библиографический список

1. Леонтьев, А.А. Психология общения. – М., 1997.
2. Кан-Калик, В.А. Учителю о педагогическом общении. – М., 1987.
3. Залубовская, Е.В. Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности: дис. канд. психол. наук. – М., 1984.
4. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учебник для студентов ВУЗов, обучающихся по педагогическим и психологическим направлениям и специальностям. – М., 2002.
5. Андреева, Г.М. Принципы деятельности и исследование общения // Общение и деятельность. – Прага, 1981.
6. Шакуров, Р.Х. Эмоция. Личность. Деятельность (Механизмы психодинамики). – Казань, 2001.
7. Шакуров, Р.Х. Барьер как категория и его роль в // Вопросы психологии. – 2001. – № 1.
8. Казанская, В.Г. Педагогическая психология: учеб. пособ. – СПб., 2003.

Bibliography

1. Leontjev, A.A. Psikhologiya obshheniya. – M., 1997.
2. Kan-Kalikh, V.A. Uchitel'yu o pedagogicheskom obshhenii. – M., 1987.
3. Zalyubovskaya, E.V. Preodolenie kommunikativnykh barjerov v usloviyakh sovmestnoy deyatel'nosti: dis. kand. psikhol. nauk. – M., 1984.
4. Zimnyaya, I.A. Pedagogicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya studentov VUZov, obuchayutikhhsya po pedagogicheskim i psikhologicheskim napravleniyam i special'nostyam. – M., 2002.

5. Andreeva, G.M. Prinsipih deyatelnosti i issledovanie obtheniya // Obthenie i deyatelnostj. – Praga, 1981.
6. Shakurov, R.Kh. Ehmociya. Lichnostj. Deyatel'nostj (Mekhanizmih psikhodinamiki). – Kazanj, 2001.
7. Shakurov, R.Kh. Barjer kak kategoriya i ego rolj v // Voprosih psikhologii. – 2001. – № 1.
8. Kazanskaya, V.G. Pedagogicheskaya psikhologiya: ucheb. posob. – SPb., 2003.

Статья поступила в редакцию 24.09.13

УДК 378:046.4

Eremeevskiy M.A. SOME ASPECTS OF THE IN-SERVICE TEACHER TRAINING IMPROVING IN UGRA LAND.

The objective of the study is analyzing the in-service teacher training system in Khanty-Mansi region. The main source of information was generated through questionnaire. It asked various groups of respondents how the present programs set meets their needs, asked them to rate their importance and to indicate the needs for improvement of the competences' areas.

Key words: new demands, in-service teacher training system, professional development, teacher education, educational needs, teaching approaches, competences.

M.A. Еремеевский, аспирант Югорского гос. университета, г. Ханты-Мансийск, E-mail: eta3261@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ ЮГРЫ

В статье дан анализ системы повышения квалификации учителей в Ханты-Мансийском регионе. Материалом для анализа послужили результаты анкетирования. Респонденты оценили программы повышения квалификации на соответствие их личным потребностям, выделили приоритетные направления и обозначили свои запросы на развитие профессиональных компетенций.

Ключевые слова: новые требования, система повышения квалификации учителей, профессиональное развитие, образовательные запросы, методы преподавания, профессиональные компетенции.

Успешное развитие школы в новых социально-экономических условиях невозможно без соответствующих изменений системы, обеспечивающей профессиональное развитие учителя – системы повышения квалификации.

Система повышения квалификации традиционно рассматривается как дополнительное профессиональное образование (ДПО), направленное на совершенствование, углубление, обновление ранее полученных и сформированных знаний и навыков в области той или иной профессии [1]. На сегодняшний день в России функционирует 93 учреждения дополнительного профессионального педагогического образования (ДППО), в форме институтов и центров развития образования (ИРО, ЦРО), институтов повышения квалификации и т.п.

Потребность в модернизации данной системы вытекает из необходимости приблизить повышение квалификации к повседневной педагогической практике, к потребителю образовательных услуг, уменьшить дистанцию между образовательным запросом и его удовлетворением. В настоящее время система повышения квалификации не всегда следует за теми новыми вызовами, с которыми сталкивается учитель в профессиональной деятельности, а именно: компетентный подход, внедрение принципов открытого образования, использование современных информационно-коммуникационных технологий в достижении образовательных результатов и т.д. Резонно задать вопрос: каким образом модернизировать действующую систему?

В данной статье предпринята попытка провести анализ системы ДППО, действующей на территории Ханты-Мансийского автономного округа и предложить некоторые меры по совершенствованию повышения квалификации учителей с учетом соответствия основным тенденциям развития этого сектора системы российского образования.

Для проведения анализа мы выделили пять основных направлений повышения квалификации учителей:

- 1) Информационно-коммуникационное направление (дистанционное, электронное обучение, электронный документооборот);
- 2) инновационные формы организации образовательного процесса (организация исследовательской деятельности, проектная методика);
- 3) правовое направление (правовая грамотность в образовательном пространстве, изучение особенностей ФГОС, ФГТ);
- 4) предметное (освоение научных исследований и разработок, освоение нового инструментария);

5) психолого-педагогическое (проектирование образовательных программ, технологий, теории и методики работы с обучающимися).

Выделение этих направлений позволяет конкретизировать анализ, построив его на сравнении образовательных потребностей педагогов с тематикой и содержанием образования, предложениях ДППО, и на сопоставлении полученных данных с современными требованиями к повышению квалификации педагогов.

Эмпирическое исследование приоритетных направлений в системе повышения квалификации учителей включало два этапа:

1. На первом этапе было проведено анкетирование по выявлению образовательных потребностей учителей. Анкета состояла из пяти вопросов с ответами по типу множественного выбора. Респонденту необходимо было отметить интересующее его направление (или несколько) или впечатать в предлагаемую форму запрос с конкретно сформулированной темой курса. Анкетирование проводилось в электронной форме на сайте Центра развития образования г. Ханты-Мансийска. Всего в анкетировании приняли участие 360 учителей и административных работников образовательных учреждений города.

2. На втором этапе была изучена тематика и содержание курсов повышения квалификации учителей в форме стандартных программ объемом 72 часа, которые проводились в 2012-2013 годах на базе Центров развития образования таких городов округа, как Сургут (МКУ «Информационно-методический центр»), Ханты-Мансийск (МКОУ «Центр развития образования»), Нижневартовск (МБУ «Центр развития образования»), Нефтеюганск (МОУ «Центр развития образования»), Югорск (МКУ «Городской методический центр»).

В результате опроса и аналитической работы были получены следующие данные:

1. На необходимость развития информационно-коммуникационного направления указали около 74% респондентов, из них 21% участников сформулировали более конкретный заказ на обучение, а именно:
 - поисковая работа в Интернете (поиск информации по проблемному вопросу, образовательные ресурсы сети Интернет);
 - технологии, необходимые для эффективного участия в сетевых педагогических сообществах;
 - основы электронного документооборота (электронный журнал, дневник, электронный архив документов);

– работа с интерактивной доской и др.

В рассмотренной системе ДППО программы повышения ИКТ-компетентности учителя были и остаются преобладающими и представлены большим количеством образовательных модулей, учитывающих разный уровень подготовки и предметной специфики. Программа курсов базируется на освоении какого-либо метода или на алгоритме какой-либо деятельности – например «Использование ИКТ в управленческой деятельности», «Создание электронного учебника средствами E-Publish» (такие программы сейчас предлагают практически все центры повышения квалификации округа). Например, в Ханты-Мансийске только за 2012-2013 годы реализованы три модуля (каждый по 72 часа) программы «Освоение инновационного потенциала информационно-коммуникационных технологий», курсы для учителей начальных классов «Использование цифровой лаборатории AFS на уроках», курсы «Заполнение электронного журнала» и т.д.

2. О желании изучать новые формы организации образовательного процесса заявили 66% респондентов. В разных муниципалитетах учителям были предложены такие курсы как: «Проектное обучение», «Модульная технология обучения», «Система дистанционного обучения Moodle», «Организация учебно-исследовательской деятельности школьника» и т.д.

3. Правовое направление повышения квалификации выбрали 33% респондентов. В курсы данного направления вошли программы, посвященные изучению новых государственных стандартов в образовании (ФГОС), а также новому закону «Об образовании в Российской Федерации». Например, «ФГОС основного общего образования: содержание и технологии реализации» (Сургут), «Нормативно-правовые основы финансово-хозяйственной деятельности ОУ в условиях реформирования экономики РФ» (Нижневартовск).

4. Согласно полученным данным, 34% респондентов нуждаются в развитии предметного направления. Тем не менее, несмотря на востребованность, количество таких курсов в общей массе учебных программ остается чрезвычайно низким. Ни в одном муниципалитете округа нет курсов, направленных на повышение квалификации педагога-предметника.

5. Необходимость в организации психолого-педагогического направления видят 38% педагогов. Данное направление пользуется большой популярностью не только у учителей, но и социальных педагогов. Оно представлено разнообразными курсами прикладного характера: «Вопросы духовно-нравственной культуры и воспитания» (Сургут, Нижневартовск), «Новые подходы к организации воспитательно-образовательного процесса в условиях реализации ФГТ» (Сургут), «Профессиональная этика педагога в образовательном пространстве» (Нефтеюганск) и т.д.

Таким образом, на основе анализа и интерпретации результатов проведенного исследования можно сделать некоторые предварительные выводы:

1. Выбор большинством учителей информационно-коммуникационного направления вполне оправдан в условиях продолжающегося процесса информатизации системы школьного образования. Кроме того, уверенное владение ИКТ обеспечивает учителю возможность выстраивания индивидуальной образовательной траектории в послекурсовой период, что практически невозможно сделать, используя традиционные формы повышения квалификации.

2. Интерес к новым формам организации образовательного процесса связан, прежде всего, с тем, что сегодня линейная система обучения с частичным переходом к нелинейной, реализует новые формы организации образовательного процесса, направленные, в том числе, и на использование возможностей информационных и коммуникационных технологий [2]. В условиях ФГОС получают развитие модульное, виртуально-распределенное, дистанционное, бесклассно-курсовое обучение, а также обучение в открытых студиях [3].

3. Низкий рейтинг правового направления повышения квалификации свидетельствует об отсутствии у учителя должного понимания роли правовой грамотности в образовательном пространстве. Между тем, жизнь в современном обществе в условиях изменившейся парадигмы образования, новыми приоритетами, часто меняющимся законодательством в этой сфере обязывает учителя быть юридически грамотным, понимающим социальную ценность права, соблюдающим права ребенка, с одной стороны, и воспитывающим будущего законопослушного гражданина государства, с другой стороны [1].

4. Предметное направление повышения квалификации не представлено курсами из-за ограниченного числа узкоспециализированных методистов в образовательных учреждениях дополнительного образования. Однако отметим, что интерес к данному направлению остается неизменно высоким в связи с понятным желанием педагогов быть специалистами в своей области.

5. Высокий интерес к психолого-педагогическому направлению обусловлен тем, что организация учебно-воспитательного процесса является важной составной частью федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения. Социальный заказ, как одно из внешних требований к профессиональной деятельности учителя, делает актуальными программы, направленные на обучение учителей современным технологиям воспитательной работы, на усиление воспитательной функции учебного процесса.

Необходимо отметить, что в ходе изучения образовательной деятельности ДППО, а также проведенного опроса учителей региона были выявлены и некоторые недостатки дополнительного образования, снижающие его эффективность:

1. В некоторых случаях предлагаемые курсы не совпадают с личными потребностями и желаниями педагога. Их тематика обычно формируется исходя из возможностей штата преподавателей институтов повышения квалификации, и спускается в школы «сверху», без учета их реальных потребностей.

2. Часто нарушается принцип добровольности при направлении учителя на курсы повышения квалификации. Как правило, даже если слушатели осознают полезность обучающих мероприятий, то их «обязательность» снижает мотивацию.

3. Руководство школ, как правило, не приветствует очную форму обучения учителя с отрывом от его основной работы, поскольку она ведет к определенным трудностям в организации учебного процесса в школе (необходимость замены преподавателя, переносы занятий и пр.).

4. Отсутствуют квалифицированные методисты соответствующего профиля для разработки и реализации программ по всем востребованным предметным направлениям.

Таким образом, становится очевидным, что сложившаяся система повышения квалификации учителей исключает гибкость программ, не обладает условиями для реализации непрерывного профессионального развития учителя (не обеспечивает методическое сопровождение учителя в межкурсовый период, не помогает ему в выстраивании индивидуальной образовательной траектории), не обеспечивает практическую направленность учебных программ.

Возможными путями решения данной проблемы являются:

1. Включение учителя в процесс формирования тематики курсов повышения квалификации. Выявить потребность или интерес к курсам того или иного направления помогают опросы, анкетирование, тестирование и т.д.

2. Обучение учителей технологии создания персональной образовательной среды (ПОС), формируемой преподавателем средствами информационно-коммуникационных технологий и эволюционирующей по мере его развития как профессионала и личности. ПОС – механизм адаптации преподавателя к происходящим изменениям и, одновременно, средство организации учебной и познавательной деятельности обучаемых в информационно насыщенной образовательной среде [4].

3. Использование максимального количества достижений современной индустрии информационных технологий, таких как дистанционное обучение, сетевое профессиональное сообщество, что исключает отрыв учителя от образовательного процесса, позволяет перейти от дискретного характера процесса повышения квалификации к непрерывному [5]. Другими словами, в основу образовательной парадигмы учителя ложится не приобретение готовой суммы знаний и набора базовых компетенций, обеспечивающих его на всю жизнь, а формирование таких компетенций и мотиваций, которые позволяют ему осознанно выстраивать индивидуальную образовательную траекторию в течение всей жизни в соответствии с потребностями в профессиональном и личностном развитии.

4. Подготовка методистов дистанционного обучения, методистов по предметным областям, специалистов по сетевому взаимодействию («сетевых предметных методистов») позволит расширить тематику образовательных программ по актуальным направлениям реализовать программы по всем востребованным направлениям повышения квалификации учителей.

Таким образом, анализ тематики и контента действующей в регионе системы повышения квалификации позволяет сделать вывод о том, что в целом запросы учителей обеспечиваются региональными программами повышения квалификации. Однако высокие темпы развития инструментов и технологий коммуникации, постоянная необходимость учителей овладения ими заставляют предположить, что действующая система ДППО едва

ли сможет в ближайшем будущем обеспечить непрерывное развитие учителя без интеграции с другими моделями образования – неформального и самообразования.

В практическом плане результаты проведенного исследования помогут быть полезными для выстраивания более эффективно функционирующей системы повышения квалификации педагогов округа.

Библиографический список

1. Синенко, В.Я. Система повышения квалификации работников образования – от кризиса в сознании до реальных перспектив [Э/р]. – Р/д: <http://www.nipkipro.ru/slovo-rektoru/slovo-rektoru/sistema-povisheniya-kvalifikatsii-rabotnikov-obrazovaniya-ot-krizisa-v-soznanii-do-realnich-perspektiv.html>
2. Хуторской, А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. – М., 2003.
3. Маленкова, Л.О. Новые формы образовательного процесса [Э/р]. – Р/д: <http://www.emissia.org/offline/2006/1046.htm>
4. Стародубцев, В.А. Создание персональной образовательной среды преподавателя вуза: учеб. пособ. // Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – Томск, 2012.
5. Рыбаков, Д.С. Информатизация процесса повышения квалификации педагогов [Э/р]. – Р/д: http://imp.rudn.ru/vestnik/2010/2010_1/8.pdf

Bibliography

1. Sinenko, V.Ya. Sistema povihsheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya – ot krizisa v soznanii do realnihkh perspektiv [Eh/r]. – R/d: <http://www.nipkipro.ru/slovo-rektoru/slovo-rektoru/sistema-povisheniya-kvalifikatsii-rabotnikov-obrazovaniya-ot-krizisa-v-soznanii-do-realnich-perspektiv.html>
2. Khutorskoy, A.V. Didakticheskaya ehvristika. Teoriya i tekhnologiya kreativnogo obucheniya. – M., 2003.
3. Malenkova, L.O. Noviihe formih obrazovateljnogo processa [Eh/r]. – R/d: <http://www.emissia.org/offline/2006/1046.htm>
4. Starodubcev, V.A. Sozdanie personaljnoy obrazovateljnoy sredih prepodavatelya vuza: ucheb. posob. // Nacionaljnihiy issledovateljskiy Tomskiy politekhnicheskij universitet. – Tomsk, 2012.
5. Rihbakov, D.S. Informatizaciya processa povihsheniya kvalifikatsii pedagogov [Eh/r]. – R/d: http://imp.rudn.ru/vestnik/2010/2010_1/8.pdf
Статья поступила в редакцию 07.10.13

УДК 371.13

Zhuykova T.P. **PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL ORIENTATION OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF A MULTICULTURAL EDUCATION.** One of the most important problems of the preparation of teachers in higher teaching education is considered. The forms, methods and techniques of teachers and students activities aimed at the professional development and the formation of the student in the University are revealed.

Key words: pedagogical orientation, context learning, differentiated approach.

*Т.П. Жуйкова, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан,
E-mail: zhuykovat@mail.ru*

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривается одна из важных проблем, связанная с подготовкой учителя в системе высшего педагогического образования. Раскрываются формы, методы и приемы деятельности педагога и студента, направленные на профессиональное развитие и становление студента в стенах высшего учебного заведения.

Ключевые слова: педагогическая направленность, контекстное обучение, дифференцированный подход.

Профессионализм учителя определяется глубокой общенаучной, психолого-педагогической, и методической подготовкой студентов. Особенность профессиональной подготовки учителя начальной школы – многопредметность, стержнем которой должны выступать психолого-педагогические знания, способствующие развитию педагогического мышления, творческих способностей, формированию педагогической направленности. В.А. Сластенин, Ф.Н. Гоголин, С.И. Архангельский, Н.В. Кузьмина, Г.С. Сухобская, Ю.К. Кулюткин и др., определяя ведущую роль профессионально-педагогической направленности в формировании личности будущего учителя, указывают на важную роль потребностей в формировании этой направленности [1].

При контекстном профессиональном предвидении, когда студенту с самого начала задаются контуры его будущего труда, при минимальных временных и физических затратах закладываются основы профессиональной деятельности, формируются профессиональные качества личности учителя, позитивное отношение к педагогическому труду.

Контекстное обучение в ВУЗе это – теоретическая подготовка и, что важно, управление практической деятельностью студента, основанное на закономерностях его развития, как личности и профессионального становления, это наилучшие предпосылки

и возможности для его социальной, педагогической и предметной адаптации. Контекстное обучение может реализоваться как в рамках традиционных методов, так и методов активного обучения. Но методы активного обучения более предпочтительны.

Формы и методы обучения в данном случае выбираются в прямой зависимости от дидактических целей и содержания учебного материала. Главным критерием является возможность побуждения уровня активности, который является оптимальным для данного конкретного содержания. Из арсенала имеющихся у преподавателя форм и методов обучения он отбирает те, которые наиболее соответствуют изучаемому материалу.

Прохождение студентом последовательных дидактических шагов по овладению основами педагогического труда реально можно осуществить при работе преподавателя сразу по нескольким составляющим профессионально-педагогической подготовки учителя. Такую возможность представляют некоторые квазипрофессиональные и учебно-профессиональные формы и методы обучения. К числу последних мы относим исследуемый контекстный подход к обучению математике. При контекстном подходе к организации учебного процесса студент ведёт часть практического занятия по математике со студенческой группой или руководит методическим обсуждением и последующим реше-

нием отдельного занятия. При реализации данного подхода раскрывается та положительная зависимость осознания студентом того, что он ответственен как за своё собственное учение, так и за учение всех остальных членов группы. Пребывание в такой ситуации, когда студент должен руководить учебным процессом, беря на себя часть функции преподавателя, вызывает в действие такие механизмы и резервы, которые обычно остаются невостребованными, скрытыми. При этом студент актуализирует и использует в активной творческой практике целый комплекс теоретических знаний разных дисциплин, что в свою очередь стимулирует углублённое изучение педагогической и методической теории.

При первой встрече со студентом, который должен выступить в роли преподавателя на данном практическом занятии, уточняется тема, содержание и объём материала, выносимого на занятие, наименования основной учебно-методической литературы, с которыми необходимо ознакомиться. Студенту рекомендуется внимательно прочитать конспект лекции по заданной теме, дополнительную литературу по предлагаемому списку.

Во время второй консультационной встречи подробно и самым тщательным образом рассматриваются все выполненные студентом задания. Он объясняет своё решение задач, стараясь активно использовать соответствующую терминологию. Преподаватель вносит необходимые поправки, подсказывает рациональные приёмы решения или вычислений, помогает провести аналогию или обобщения. К этой встрече студент представляет план занятий. После этого обсуждается методическая сторона занятия, какие теоретические вопросы необходимо повторить с аудиторией и на каком этапе занятия, какие упражнения предложить для домашнего решения; надо ли организовать самостоятельную работу студентов и если да, то в какой форме и каково её содержание и т.д.

На третьей встрече преподавателя со студентом, готовящимся к проведению занятия, обычно организуется «обыгрывание» подготовленного плана – «сценария» предстоящего занятия, и студент работает у доски. На самом занятии студент выполняет всё то, что обычно делает преподаватель: ведёт опрос, объясняет новый материал, вызывает к доске, следит за работой у доски и в аудитории, оценивает работу студентов.

Студент учится излагать материал, овладевать той компонентой своей будущей специальности, которая будет доминирующей в его реальной работе. В результате проведения таких занятий у студентов формируются типовые виды деятельности, нарабатывается фонд поведенческих программ, позволяющий быстрее сориентироваться в возникшей педагогической ситуации в учебном процессе в школе.

Кроме того, контекстный подход, моделируя конкретные условия и структуру профессиональной деятельности учителя, позволяет использовать математические курсы не только для математического, но и профессионального становления студен-

та, для формирования его общих педагогических и конкретных методических умений и навыков.

Ниже рассмотрен фрагмент занятия по математике на тему «Элементы комбинаторики». Занятие проводил доцент кафедры педагогики и методики начального образования А.Г. Толмашов. Студентам было дано задание составить задачи комбинаторного характера на местном, краеведческом материале, которые можно было бы использовать потом в школе. Студентам предложили достаточно много задач, и авторы наиболее интересных задач выступили на очередном практическом занятии.

Преподаватель со студентами (авторы задач) принесли демонстрационную наглядность, выполненную ярко, красочно (изображение горы Читихыс, национальных музыкальных инструментов, нагрудного женского украшения – талисмана «пого» и др.), а также бусинки и расшитые узорами мешочки с астрагалами (засых) для национальной игры в кости.

На самом занятии студенты предлагали группе свои задачи для решения и осуществляли руководство их решения, показывали, как на основе данной задачи придумать целый ряд «производных» задач.

Задача 1. Школьники решили совершить поход в горы Читихыс («семь девушек»), эти горы имеют семь вершин с восхождением на одну из вершин. Сколькими способами могут это сделать?

Приведём некоторые примеры «производных» задач.

Задача 1-а. Школьники решили совершить поход в горы Читихыс с восхождением на две рядом расположенные вершины. Сколькими способами они могут это сделать, если неважно в каком порядке школьники поднимаются на вершину?

Задача 1-б. Школьники решили совершить поход в горы Читихыс с восхождением на две рядом расположенные вершины. Сколькими способами это можно сделать, если не имеет значение порядок восхождения на горы? Понятно, что можно придумать достаточно много «производных» задач.

Задача 2. Мальчики играли в национальную игру «хазыхтар». Игральная кость может принять при броске 4 различные позиции. Сколько различных комбинаций может получиться при бросании 2 костей? Данную задачу можно усложнить, видоизменив вопрос. Например:

Задача 2-а. Мальчики играли в национальную игру «хазыхтар». Игральная кость может принять при броске 4 различные позиции. Сколько различных комбинаций может получиться при бросании 3 костей? [2].

Преподаватель консультирует студентов относительно проверяемых заданий, после чего согласуются нормы оценок, и студенты приступают к проверке. Преподаватель находится здесь же и сразу отвечает на все возникающие у студентов вопросы.

Таким образом, при контекстном подходе происходит формирование информационных, организаторских умений, навыков, совершенствование профессиональной направленности студентов.

Библиографический список

1. Слостенин, В.А. Деятельностное содержание профессионально-личностного развития педагога / В.А. Слостенин, Е.И. Артамонова, М.Я. Виленский // *Материалы Международной науч. конф.* – М., 2009.
2. Толмашов, А.Г. Обучение математике в начальной школе поликультурной модели. – Абакан, 2012.

Bibliography

1. Slostenin, V.A. *Deyatelnostnoe sodержanie professionalno-lichnostnogo razvitiya pedagoga* / V.A. Slostenin, E.I. Artamonova, M.Ya. Vilenskiy // *Materialih Mezhdunarodnoy nauch. konf.* – M., 2009.
2. Tolmashov, A.G. *Obuchenie matematike v nachalnoy shkole polikulturnoy modeli.* – Abakan, 2012.

Статья поступила в редакцию 24.09.13

УДК 371.132:7.011

Kosheleva L.U. THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF ARTISTIC TASTE FUTURE TEACHERS. The article considers the problem of the development of the artistic taste of the future teachers of pre-school education. This problem is directly connected with the need of the modern society is widely teacher, capable of ensuring the efficiency and productivity of all educational processes. The article contains results of the author referred to experiment and identified one of the areas where the denoted problem can be successfully solved.

Key words: aesthetic taste, artistic taste, artistic and esthetic taste, artistic perception.

*Л.Ю. Кошелева, канд. пед. наук, доц. Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, E-mail: t5825@mail.ru*

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВКУСА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье рассматривается проблема развития художественного вкуса будущих педагогов дошкольного образования. Данная проблема непосредственно связана с потребностью современного общества в широко эрудированном педагоге, способном обеспечить эффективность и продуктивность всех образовательных процессов. В статье приведены данные проведенного автором констатирующего эксперимента и выявлено одно из направлений, в котором обозначенная проблема может успешно решаться.

Ключевые слова: эстетический вкус, художественный вкус, художественно-эстетический вкус, художественное восприятие.

Художественный вкус в его профессионально-деятельностном проявлении – одно из важных качеств, необходимых педагогу дошкольного образования и, следовательно, выпускнику педагогического вуза. Это связано с потребностью общества, современной школы в широко эрудированном педагоге, способном к продуктивной самореализации себя. Очевидно, что создавать условия для обеспечения высокого уровня культуры детей, ценностной осмысленности, креативности и продуктивности всех образовательных процессов может только способная к саморазвитию личность педагога (В.В. Давыдов, Л.В. Занков, и др.). *Эстетический и художественный вкус* – важнейшие характеристики становления личности, отражающие уровень самоопределения человеческой индивидуальности, показатель эстетической и общепрофессиональной культуры и педагогического мастерства. Но, как показывает практика, уровень профессионализма и качественные характеристики современного педагога: эстетическая культура, эстетический и художественный вкус, не всегда отвечают потребностям современного общества, требованиям высшей и средней школы, дошкольных образовательных учреждений. Все вышесказанное подтверждает актуальность обозначенной нами проблемы развития художественного вкуса будущих воспитателей.

Общие аспекты эстетического воспитания студентов педагогического вуза исследовались многими авторами, однако процесс и пути формирования эстетического и художественного вкуса будущих воспитателей детского сада недостаточно раскрыты и изучены. Остаются малоисследованными вопросы оценки уровня развития художественного вкуса как способности личности, его структуры и роли в профессионально-педагогической подготовке педагога, технологии его изучения и развития. Данная проблема остается недостаточно изученной и с точки зрения использования для ее решения средств изобразительного искусства.

Художественный и эстетический вкус – близкие по смыслу и содержанию понятия. Ряд ученых рассматривают понятия «эстетический вкус» и «художественный вкус» как синонимы. Существует точка зрения, согласно которой художественным вкусом обладают специалисты в различных областях искусства, творцы художественных произведений, а эстетическим – каждый, кто способен эстетически воспринимать окружающую действительность и произведения искусства, сопереживать, оценивать их, творить и самоутверждаться через освоение искусства в различных областях деятельности. Некоторые авторы используют термин «художественно-эстетический вкус», утверждая, что разделить эти понятия достаточно сложно.

Охарактеризуем данные понятия подробнее. *Эстетический вкус* является важнейшей характеристикой становления личности, отражающий уровень самоопределения человеческой индивидуальности и не сводится к простой способности эстетической оценки, поскольку не останавливается на самой оценке, а завершается присвоением или отрицанием культурной, эстетической ценности. Можно определить эстетический вкус как способность личности к индивидуальному отбору эстетических ценностей, а тем самым и к саморазвитию. Человек, обладающий развитым эстетическим вкусом, обязательно – личность со своим индивидуальным духовным миром.

Известный ученый В.К. Скاتерщиков считает *задачу формирования высоких эстетических вкусов одной из важнейших в воспитании личности*. Он выстраивает путь «восхождения» вкусовых пристрастий человека: от первой ступеньки – чувственного суждения (мне нравится) к рациональному (объясняет, что

и почему именно нравится) на вершину к целостности, способности получать наслаждение, пищу для интеллекта [1].

По мнению Л.Н. Когана, эстетические взгляды человека, его художественный вкус относятся к числу наиболее сокровенных, составляющих внутренний мир личности. Он считает, что художественная нетребовательность в искусстве часто приводит к откровенной пошлости в жизни, так как незримо проникает в сознание зрителя, его интимные стороны личной жизни. Л.Н. Коган пишет, что в разоблачении циничности, пошлости, вульгарности художественный вкус выступает единым фронтом с нравственными принципами человека [2].

Французский эстетик Шарль Баттё рассматривал эстетический вкус как нечто, соответствующее как самой природе, так и природе человека. Он отмечал, что вкус – врожденная способность человека, подобная интеллекту, но если интеллект интересуется истиной, заключенная в предмете, то вкус выявляет красоту тех же предметов. Художественный вкус помогает создавать шедевры искусства и правильно оценивать их, исходя из понятия о прекрасной природе. Ш. Баттё определял вкус как «голос самолюбия», созданный исключительно для наслаждения и жаждущий всего, что может доставить приятные ощущения. По Ш. Баттё эстетический вкус – врожденная способность человека, направленная на выявление прекрасного в природе и в искусстве, на создание шедевров, подражающих прекрасной природе и на оценку этих произведений искусства на основе доставляемого ими наслаждения [3].

Английским философом Дэвидом Юмом была создана теория, имеющая особое значение для трактовки понятия «эстетический вкус». Ученый рассмотрел особенности суждений вкуса с точки зрения психологии художественного восприятия. Эстетические чувства для Юма — это эстетические вкусы. Поэтому, эстетику Д. Юма рассматривают как учение о вкусах, т.е. об эмоциональных оценках произведений искусства зрителями, при этом познавательная функция искусства у Д. Юма сводится на нет. Он отделяет проблему эстетических чувств от теории познания и утверждает, что переживания вкуса в эстетике столь же плохо укладываются в суждения, как и мотивации в этике, так что спрашивать об истинности или ложности оценок, в скрытой форме содержащихся в этих чувствах, неправомерно. Он пишет о том, что разница между суждением и чувством, огромна, а каждое чувство правильно, поскольку не относится ни к чему вне себя и всегда реально, если бы только человек дает себе в нем отчет [4].

Д. Юм подчеркивал, что вкус всегда субъективен: «Красота не есть качество самих вещей как таковых; она существует исключительно в сознании (mind), созерцающем ее, и каждое сознание усматривает иную красоту. Некоторые видят даже безобразия там, где другие почувствуют красоту; и каждый человек должен воспринимать свои собственные чувства, не покаяясь на то, чтобы нормировать чувства других людей. В зависимости от наших органов чувств одна и та же вещь может быть как сладкой, так и горькой, и верно говорится в пословице, что о вкусах не спорят. Будет правильно и даже необходимо распространить эту аксиому на духовный вкус, как и на вкус физический». Таким образом, с точки зрения Д. Юма, у каждого человека свое понимание красоты, прекрасного, но существуют общечеловеческие подходы к пониманию этих категорий [4].

Понятие *художественный вкус* принято толковать как эстетический вкус, но только по отношению к оценке произведений искусства. Как эстетический, так и художественный вкус проявляются в способности получать наслаждение от подлинно

прекрасного и эмоционально отвергать безобразное, а также потребность видеть, понимать и *создавать*, пусть на посильном уровне, красоту в труде, в поведении, в быту, в искусстве. Плохой вкус означает равнодушное, отрицательное отношение к красоте, получение удовольствия от уродливого, порой даже жестокого. Он может быть развитым и неразвитым, что сказывается в способности отличать подлинно прекрасные произведения искусства от подделок и китча, определяемого как (нем. *Kitsch* – халтура, безвкусица, «дешевка»), являющегося одним из явлений массовой культуры синонимом псевдоискусства, в котором основное внимание уделяется экстравагантности внешнего облика, крикливости его элементов. Китч имеет в настоящее время большое распространение в различных формах стандартизованного бытового украшения и как элемент массовой культуры является точкой максимального отхода от элементарных эстетических ценностей и одновременно – одним из наиболее агрессивных проявлений примитивизации и опощления в популярном искусстве. Развитый художественный вкус предполагает глубокую и разностороннюю оценку произведения личностью, воспринимающей форму и содержание не как раздельно существующие компоненты, а как неразрывное целое. *Неразвитость, примитивность художественного вкуса выражается в слепом следовании лишь сюжету*, принимаемому за единственный признак совершенства произведений. При этом отсутствует понимание предмета искусства, отождествляется изображение с действительностью и возникающее утрированное требование буквального правдоподобия исключает творческий полёт фантазии, художественный доммысел.

На основании высказанного можно утверждать, что высокий уровень развития художественного вкуса – это умение воспринимать и ценить прекрасное, произведения искусства, включающее такие критерии:

- наличие интереса к подлинно прекрасным, классическим образцам искусства;
- умение видеть и давать оценку художественному произведению, не по его сюжету, а его по смысловой стороне и;
- умение отличать художественные произведения от нехудожественных, подделок и суррогата.

Мы провели исследование уровня развития художественного вкуса будущих воспитателей детского сада, студентов 1-го и 3-го курса педагогического института, начинающих изучение курса «Теория и технологии развития детской изобразительной деятельности». Художественный вкус будущих педагогов исследовался на примере изобразительного искусства, играющего важнейшую роль в формировании и развитии вкуса. Нами использовались модифицированные методики Е.М. Торшиловой, Т.В. Морозовой «Бабочка» и «Матисс» [5], включающие вышеперечисленные критерии в скрытой или явной форме. В соответствии с методикой «Бабочка» студентам был предложен пар репродукций, в которых одна является образцом «формалистической», – другая – реалистической живописи или бытовой фотографии. Использовались следующие пары:

- Н. Альтман «Подсолнухи» (1915) – фотография ромашек на голубом фоне;
- А. Горький «Водопад» – фотография сада и человека, везущего тележку с яблоками;
- художественная фотография травы и стебельков, увеличенных до масштабов деревьев, похожая на водоросли – фотография «Осень»;
- Б.У. Томплин «Номер 2» (1953) – А. Рылов «Трактор на лесных дорогах»;
- Г. Юккер «Раздвоено» (1983) – В. Суриков «Зубовский бульвар зимой».

По цветовой гамме изображения в парах похожи, чтобы симпатия к тому или иному цвету не сбивала студента с толку. В качестве формалистического образца в паре использовались примеры признанных мастеров, имеющие несомненные художественные достоинства. Инструкция давалась следующая: «Выбери, какая работа из каждой пары тебе больше нравится». Все изображения предъявлялись анонимно, т.е. автор и название работы не сообщалось. Как предлагают авторы данной методики, мы оценивали пятью баллами выбор «Подсолнухов», «Водопад» оценивали в 4 балла, «Водоросли» – 3 балла, и работу Г. Юккера – 2 балла. Таким образом, высшая оценка составила 17 баллов. Высокий уровень мы определили в 17-15 баллов, средний – 14-8 баллов и низкий – от 7 баллов соответственно.

Второй, используемый нами тест «Матисс» выявлял чуткость к образному строю произведения, без которого не может быть развитого художественного вкуса зрителя. Студентам предлагался набор из двенадцати натюрмортов двух художников (К. Петрова-Водкина и А. Матисса) с инструкцией: «Здесь картины двух художников. Я покажу вам по одной картине одного и другого художника. Посмотрите на них внимательно, и вы увидите, что работают они по-разному. Глядя на эти примеры, попытайтесь определить, какие из оставшихся картин написал первый художник и какие – второй. Предлагаемый художественный материал принципиально различен по художественной манере. Определяющей чертой натюрмортов А. Матисса можно считать декоративность. Для К. Петрова-Водкина характерны разработка планетарной перспективы, объемность художественного решения.

Высокий уровень проявления художественного вкуса, возможно, интуитивно, было связано со способностью студента видеть особенности художественной манеры, выразительных средств авторов, а не то, что они рисуют. Оба тестовых задания носили, что для нас, являясь особенно важным, как диагностический, так и развивающий характер. В соответствии с данной методикой, высокий уровень предполагал два и менее неправильных ответа, средний – от 3-4 и 5 и более неправильных ответа соответствовал низкому уровню развития чувства стиля.

Нам было выявлено, что высоким уровнем развития художественного вкуса обладают 2 человека – (5% от всех обследуемых); средним – 12 человека (30%) и низким соответственно – 65% обследуемых нами студентов. Таким образом, нами выявлена проблема создания условий для развития художественного вкуса будущих педагогов дошкольного образования, призванных воспитывать детей, прежде всего, нравственно, что невозможно без чувства прекрасного, умения видеть и посылить создать эстетические ценности самому.

Такие ученые как Н.И. Киященко, А.И. Буров, Н. Волков и др. считают, что вкус развивается вместе с развитием человека на протяжении всей жизни и неразвитый вкус в одинаковой степени имеет тенденции как стать хорошим, так и плохим, как и все будет зависеть от условий и характера воспитательных воздействий [6].

Каковы же пути воспитания художественного вкуса? Этим вопросом задавались многие педагоги, ученые, занимающиеся исследованиями в области эстетики и художественного образования, но однозначного ответа до сих пор не найдено. Великие педагоги Я. Коменский, И. Песталоцци, П. Чистяков, Н. Волков считали изобразительное искусство могущественным средством для достижения конечной цели воспитания и образования: всестороннего, гармоничного развития всех присущих человеку духовных и физических сил и создания таким путем активных и полезных членов общества. Художественное воспитание и, следовательно, воспитание высоких художественных потребностей и вкуса личности они понимали как воспитание изобразительным искусством. Такой взгляд великих педагогов был глубоко обоснованным: изобразительному искусству с давних времен уделялось огромное внимание в воспитательном процессе личности. В Древней Греции, например, обучение рисованию считали главным условием общего образования и воспитания. Я. Коменский считал, что занятия изобразительным искусством позволяют развить чувство прекрасного, формируют потребность наслаждаться красотой природы и произведениями искусства [7, с. 32]. В настоящее время формирование и развитие художественного вкуса личности рассматривается в педагогике как составная часть художественного воспитания.

Как эстетический, так и художественный вкус формируется постепенно. *Художественный вкус* развивается на базе эстетического и влияет, в свою очередь, на него. Он формируется только через общение с миром искусства и в значительной мере определяется художественным образованием, то есть знанием истории искусства, законов формообразования в различных искусствах, знакомством с литературно-художественной критикой [8]. Для формирования художественного вкуса необходимо регулярное общение с подлинными произведениями искусства. Вкус непосредственно связан с художественно-психологической установкой, т.к. она несёт в себе определённое отношение к искусству, определённую направленность психики, а также определённые психические умения и навыки. Художественный вкус вызывает предрасположенность к постижению произведений

искусства и получению художественного наслаждения, если его оценка положительна. В противном случае он как бы отталкивает произведение искусства. Вкус производит предварительный отбор, в одних случаях расчищая дорогу и усиливая работу психологической установки, в других – прекращая её. Уровень вкуса личности определяется не её индивидуальными пристрастиями, а чуткостью психики к установившимся в общественном сознании критериям художественности и способностью к предварительной оценке произведений искусства на основе этих критериев. Таким образом, качество вкуса определяется тем, в какой мере выраженная в нём субъективная оценка соответствует объективной художественной ценности.

Многие ученые сходятся во мнении, что художественное воспитание и художественная деятельность начинаются с *восприятия* и во многом зависят от способностей к восприятию произведений искусства. Следовательно, воспитывая умение «видеть» искусство, мы развиваем художественный и эстетический вкус человека, при этом расширяя и углубляя познание мира. Художественное восприятие требует активной работы многих механизмов психики: непосредственно-отражательных и интеллектуальных, репродуктивных и продуктивных, причем их соотношение на разных уровнях восприятия различно. Различны поэтому те умения и навыки, которые необходимы для полноценного восприятия.

В рамках дисциплины «Теория и технологии развития детской изобразительной деятельности» мы ставим задачу развития художественного вкуса будущих педагогов дошкольного образования и считаем эффективным средством ее решения изобразительное искусство и художественную деятельность, при этом особый акцент делается нами на развитие у студентов художественного (образного) восприятия произведений искусства и собственной творческой деятельности. Здесь необходимо пояснить, что художественное восприятие понимается нами как психический процесс, который протекает под непосредственным воздействием произведения искусства и характеризуется целостностью (единством восприятия содержания и средств выразительности), эмоциональной насыщенностью, оценочным характером.

В своих подходах к преподаванию мы исходим из того, что существует три уровня восприятия произведений изобразительного искусства [9].

Библиографический список

1. Сктерщиков, В.К. Об эстетическом вкусе. – М., 1974.
2. Коган, Л.Н. Художественный вкус. – М., 1966.
3. Баттё, Ш. Изящные искусства, сведенные к единому принципу. – М., 1946.
4. Юм, Дэвид. О норме вкуса. – М., 1940.
5. Торшилова, Е.М. Развитие эстетических способностей детей 3-7 лет (теория и диагностика) / Е.М. Торшилова, Т.В. Морозова. – Екатеринбург, 2001. – Сер. Руководство практического психолога.
6. Киященко, Н.И. Эстетика жизни: учеб. пособ. для учащихся лицеев и гимназий: в 3 ч. – М., 2000. – Ч. 3.
7. Коменский, Я.А. Мир чувственных вещей в картинах // Сборник статей об искусстве. – М., 1976
8. Эстетика / под ред. А.А. Радугина. – М., 1998.
9. Якобсон, П.М. Эмоциональная жизнь школьников. – М., 1966.

Bibliography

1. Skaterthikov, V.K. Ob ehsteticheskom vkuse. – M., 1974.
2. Kogan, L.N. Khudozhestvenniy vkus. – M., 1966.
3. Battyo, Sh. Izyathnihe iskusstva, svedennihe k edinomu principu. – M., 1946.
4. Yum, Dehvid. O norme vkusa. – M., 1940.
5. Torshilova, E.M. Razvitie ehsteticheskikh sposobnostey detey 3-7 let (teoriya i diagnostika) / E.M. Torshilova, T.V. Morozova. – Ekaterigburg, 2001. – Ser. Rukovodstvo prakticheskogo psikhologa.
6. Kiyathenko, N.I. Ehstetika zhizni: ucheb. posob. dlya uchathikhsya liceev i gimnaziij: v 3 ch. – M., 2000. – Ch. 3.
7. Komenskiy, Ya.A. Mir chuvstvennikh vethey v kartinakh // Sbornik statej ob iskusstve. – M., 1976
8. Ehstetika / pod red. A.A. Radugina. – M., 1998.
9. Yakobson, P.M. Ehemocionaljnaya zhiznj shkoljnikov. – M., 1966.

Статья поступила в редакцию 26.09.13

УДК 378 (075.8)

Kurbanova A.M. ELECTIVE COURSES AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS IN THE FIELD OF «LAW AND SOCIAL SCIENCE». In the work of a particular information competence of future bachelors in the field of «Law and social science», where the main emphasis is on the courses. Allocated structure and content of the courses «Computer workshop on electronic office» and «Legal Informatics».

Key words: formation of information competence of future bachelors, profile «Law and social science», elective courses.

А.М. Курбанова, ст. преп., ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: aminat1704@mail.ru

КУРСЫ ПО ВЫБОРУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПО ПРОФИЛЮ «ПРАВО И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»

В работе определена информационная компетентность будущих бакалавров по профилю «Право и обществознание», где главный акцент делается на курсы по выбору. Выделены структура и содержание курсов по выбору «Компьютерный практикум по электронному офису» и «Правовая информатика».

Ключевые слова: формирование информационной компетентности, будущие бакалавры, профиль «Право и обществознание», курсы по выбору.

Одним из новшеств Федерального образовательного стандарта высшего профессионального образования является понятие информационной образовательной среды, включающее в себя совокупность технологических средств: компьютеры, базы данных, коммуникационные каналы, программные продукты и др. В данной среде формируется информационная компетентность будущих бакалавров по профилю «Право и обществознание», под которой нами понимается интегративное качество личности, системное образование знаний, умений и способности субъекта в сфере информации и информационно-коммуникационных технологий и опыта их использования, а так же способность совершенствовать свои знания, умения и принимать новые решения в меняющихся условиях или непредвиденных ситуациях с использованием новых технологических средств [1]. Одной из актуальных проблем современного высшего образования является подготовка выпускников к многофункциональной профессиональной деятельности. Наряду с базовыми дисциплинами задачи такой подготовки призваны решать дисциплины вариативной (профильной) части стандарта, устанавливаемые вузом. В блок вариативных дисциплин включены и дисциплины по выбору студентов. Дисциплины по выбору позволяют обучающимся получить углубленные знания и навыки для успешной профессиональной деятельности, а порой приобрести и дополнительную профессиональную специализацию. В учебный план подготовки бакалавров по профилю «Право и обществознание» в блок Б2. В.ДВ включены курсы по выбору «Правовая информатика» и «Компьютерный практикум по электронному офису».

Курс по выбору «Компьютерный практикум по электронному офису» изучается на 1 курсе, а курс «Правовая информатика» на 3 курсе.

Цель курса по выбору «Компьютерный практикум по электронному офису» – формирование у студентов целостного представления о компьютерном электронном офисе, адаптация и реализация полученных знаний, умений и навыков в учебной и научной деятельности.

Достижение основной образовательной цели предполагает решение следующих задач: формирование у обучаемого целостного представления о компьютерном электронном офисе; сформировать у студентов представление о назначении и видах прикладного программного обеспечения информационных технологий; приобретение навыков владения современными информационными технологиями, на примере пакета прикладных программ MSOffice.

Курс по выбору «Компьютерный практикум по электронному офису» способствует формированию следующих компетенций, предусмотренных ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО «Профессиональное образование»:

а) общекультурные (ОК): готов использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессионально-педагогической деятельности (ОК-17); готов к практическому анализу логики различного рода рассуждений, владеет навыками публичной речи, аргументации, ведения дискуссий, полемики и др. (ОК-21);

б) профессиональные (ПК): способен организовывать учебно-исследовательскую работу обучающихся (ПК-11);

В результате освоения дисциплины студент должен:

иметь представление: о назначениях и видах прикладного программного обеспечения; о текстовых редакторах; о создании презентаций; о мультимедийных обучающих программах;

уметь: выполнять операции управления файлами; создавать презентации в MS PowerPoint; создавать документы в текстовом редакторе MS Word; обрабатывать числовые данные средствами электронных таблиц MS Excel;

владеть: владения офисным приложением Microsoft Office.

Важное место в формировании информационной компетентности будущих бакалавров по профилю «Право и обществознание» занимает курс по выбору «Правовая информатика», направленная на формирование у бакалавров общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых и достаточных для использования современных информационных технологий при осуществлении нормотворческой, правоприменительной и правоохранительной профессиональной деятельности.

Цели освоения данного курса по выбору:

– сформировать у будущих бакалавров знания и умения, необходимые для свободной ориентировки в информационной среде и дальнейшем профессиональном самообразовании в области информационной и компьютерной подготовки;

– приобретение обучаемыми умений и навыков использования информационных технологий и методов анализа для оптимизации их будущей профессиональной деятельности.

Студент, приступающий к изучению курса по выбору «Правовая информатика», должен обладать базовой информационно-коммуникационной компетенцией бакалавра, сформированной в результате изучения дисциплины «Информационные технологии в образовании», предусмотренной базовой частью образовательного модуля «Математический и естественнонаучный» цикл Б2.Б3 ФГОС-3.

Будущий бакалавр при изучении данного курса должен:

знать: – основные закономерности информационных процессов в правовой сфере, основы государственной политики в информационной сфере; методы и средства поиска, систематизации и обработки правовой, в том числе нормативной информации;

уметь: применять современные информационные технологии для поиска, систематизации и обработки правовой информации и оформления юридических документов;

владеть: навыками сбора, систематизации и обработки информации, имеющей значение для реализации правовых норм в соответствующих сферах профессиональной деятельности.

Освоение курса по выбору «Правовая информатика» дает необходимые знания для изучения других дисциплин профессионального цикла ФГОС ВПО.

Процесс изучения данного курса по выбору направлен на формирование следующих компетенций: способен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны (ОК-10); владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-11);

Обучение по данному курсу предполагает лекционные и лабораторные занятия. Лекционные занятия проводятся в специализированных аудиториях с применением мультимедийных технологий и предусматривают развитие полученных теоретических знаний с использованием рекомендованной учебной литературы и других источников информации, в том числе инфор-

мационных ресурсов глобальной сети Интернет. По курсу наряду с традиционной формой, применяются следующие формы проведения лекционных занятий: лекция-визуализация (основное содержание лекции представлено в образной форме: рисунках, графиках, схемах и т.д.), лекция-провокация (лекция с

запланированными ошибками), проблемная лекция. Лабораторные занятия проводятся в компьютерных классах и при их проведении используются такие активные методы обучения, как дискуссии, дидактические игры, моделирование профессиональных ситуаций.

Библиографический список

1. Гусенбекова, Н.А. Информационная образовательная среда в профессионально направленной математической подготовке инженеров в техническом вузе / Н.А. Гусенбекова, Т.Г. Везиров // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3(40).

Bibliography

1. Gusenbekova, N.A. Informacionnaya obrazovatel'naya sreda v professional'no napravlennoy matematicheskoy podgotovke inzhenerov v tekhnicheskom vuze / N.A. Gusenbekova, T.G. Vezirov // Mir nauki, kul'turini, obrazovaniya. – 2013. – № 3(40).

Статья поступила в редакцию 23.09.13

УДК 378

Mishunenkov O.V. PROFESSIONAL COMPETENCIES OF BACHELORS IN TOURISM SPHERE AND THEIR FORMATION DURING PROFESSIONAL PREPARATION. The article focuses on the professional competencies for Bachelors in tourism sphere based on the requirements of Federal State Education Standard for their preparation.

Key words: professional competencies, Federal State Education Standard of Higher Professional Education, basic educational programs.

O.V. Мишуненкова, аспирант, преп. каф. иностранных языков экономического факультета МГУ им. Ломоносова, г. Москва, E-mail: olga.buyanov@inbox.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ БАКАЛАВРОВ ТУРИЗМА И ИХ ФОРМИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Статья посвящена профессиональным компетенциям бакалавров туризма на основе требований образовательного стандарта высшего профессионального образования к их подготовке.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), основная образовательная программа (ООП).

Переход российской образовательной системы на многоуровневую модель означает создание и реализацию профессионально-образовательных программ, являющихся совокупностью последовательных этапов: бакалавриата и магистратуры, что нашло свое отражение в принятом в 2012 году Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [1]. На ступени бакалавриата студент получает базовую профессионально-образовательную подготовку, позволяющую ему осуществлять профессиональную деятельность в избранном направлении. Подготовка современных специалистов в области туризма построена на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) РФ, который представляют собой разработанный министерством и законодательно утвержденный образовательный минимум общеобразовательной и профессиональной подготовки специалиста, позволяющий последнему реализовывать цели и задачи профессиональной деятельности. Проекты стандартов разрабатываются с учетом актуальных и перспективных потребностей личности, развития общества и государства, его обороны и безопасности, образования, науки, культуры, техники и технологий, экономики и социальной сферы в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд [2].

Образовательный стандарт, являющийся отражением социального заказа, рассматривается разработчиками проекта как общественный договор, согласующий требования к образованию, предъявляемые семьей, обществом и государством и представляет собой совокупность трех систем требований – к структуре основных образовательных программ, к результатам их освоения и условиям реализации, которые обеспечивают необходимое личностное и профессиональное развитие обучающихся.

Формирование ФГОС ВПО третьего поколения осуществлено на компетентностной основе, где под компетенцией (от англ. competence - способность; умение) подразумевается «способность применять знания, умения и практический опыт для успешной трудовой деятельности» [3, с. 10].

В свою очередь под профессиональными компетенциями понимается «способность успешно действовать на основе умений, знаний и практического опыта при выполнении задания, решении задачи профессиональной деятельности» [3, с. 10], что ставит новые сложные задачи для обеспечения и контроля качества, как в самом вузе, так и при внешних оценках.

Переход к подготовке специалистов по новым стандартам требует формирования новой педагогической культуры. Данную задачу европейское сообщество решает на протяжении более 20 лет, и высшей школе России она потребует значительных финансовых, методических и методологических усилий и, самое главное, перестройки сознания профессорско-преподавательского состава, руководителей всех уровней [4, с. 17].

Основными областями профессиональной деятельности бакалавра туризма стандартом определены пять: проектная, производственно-технологическая, организационно-управленческая, сервисная и научно-исследовательская [5].

Такое деление будущей профессиональной деятельности выпускников на области, обусловило то, что и формируемые профессиональные компетенции, также разделены на пять групп.

Основными профессиональными компетенциями, которыми должен обладать бакалавр туризма в области проектной деятельности являются следующие: владение теоретическими основами проектирования, готовностью к применению основных методов проектирования в туризме; способность обрабатывать и интерпретировать с использованием базовых знаний математики и информатики данные, необходимые для осуществления проектной деятельности в туризме; способность самостоятельно находить и использовать различные источники информации по проекту туристского продукта; готовность к реализации проектов в туристской индустрии.

Профессиональные компетенции, которые позволяют бакалавру осуществлять производственно-технологическую деятельность, – это готовность к разработке туристского продукта на основе современных технологий, а также способность к реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий.

Таблица 1

Средства формирования профессиональных компетенций в различных областях профессиональной деятельности

№	Область профессиональной деятельности	Общие для различных областей формы и методы	Специфические формы и методы обучения
1	Проектная	Лекции, семинары, «круглые столы», коллоквиумы, стажировка	Математическое и логическое моделирование, проектирование, «мозговой штурм» и др.
2	Производственно-технологическая		Анализ конкретных ситуаций («кейс-стади»), компьютерные симуляции, экскурсии, встречи с экспертами и специалистами в области туризма, критические инциденты и др.
3	Организационно-управленческая		Деловые игры, разбор документов («баскет-метод») и др.
4	Сервисная		Социально-психологический и тренинг, тренинг продаж и др.
5	Научно-исследовательская		Контент-анализ, бенчмаркинг, создание научно-исследовательского портфолио др.

Такие профессиональные компетенции, как способность к работе в трудовых коллективах предприятий туристской индустрии; способность организовывать работу исполнителей, принимать управленческие решения в организации туристской деятельности, в том числе с учетом социальной политики государства; умение рассчитать и оценить затраты по организации деятельности предприятия туристской индустрии позволяют выпускникам успешно осуществлять организационно-управленческую деятельность.

Область сервисной деятельности требует от бакалавра туризма способности использовать нормативные документы по качеству, стандартизации и сертификации в туристской индустрии; способности к эффективному общению с потребителями туристского продукта, а также умения организовать процесс обслуживания потребителя, реализовав тем самым клиент-ориентированный подход, без которого невозможен успех в области сервиса, к которой, безусловно, относится туристическая деятельность.

Профессиональными компетенциями, которые позволяют бакалавру успешно заниматься научно-исследовательской деятельностью, являются способность находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию в области туристской деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий; способность использовать методы мониторинга рынка туристских услуг; готовность к применению прикладных методов исследовательской деятельности в туризме и инновационных технологий в туристской деятельности.

Реализация компетентностного подхода на основе стандартов третьего поколения, предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков студентов, обучающихся по дисциплинам гуманитарного, социального и экономического, математического и естественнонаучного, профессионального циклов.

При этом при формировании профессиональных компетенций в различных областях профессиональной деятельности целесообразно применение различных форм проведения занятий.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2009 г. № 142 г. Москва «Об утверждении Правил разработки и утверждения федеральных государственных образовательных стандартов».
3. Словарь-справочник современного российского профессионального образования / сост. В.И. Блинов, И.А. Волошина, Е.Ю. Есенина, А.Н. Лейбович, П.Н. Новиков. – М., 2010. – Вып. 1.
4. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: законодательно-нормативная база проектирования и реализации: учебно-информационное издание. – М., 2009.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 – Туризм (квалификация (степень) «Бакалавр»). Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 октября 2009 г. № 489 [Э/п]. – P/д: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/pm489-1.pdf

Bibliography

1. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii».
2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 fevralya 2009 g. № 142 g. Moskva «Ob utverzhenii Pravil razrabotki i utverzheniya federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov».
3. Slovarj-spravochnik sovremennogo rossijskogo professional'nogo obrazovaniya / sost. V.I. Blinov, I.A. Voloshina, E.Yu. Esenina, A.N. Leybovich, P.N. Novikov. – M., 2010. – Vihp. 1.
4. Federal'nihe gosudarstvennihe obrazovatel'nihe standartih vihsshego professional'nogo obrazovaniya: zakonodatel'no-normativnaya baza proektirovaniya i realizacii: uchebno-informacionnoe izdanie. – M., 2009.

5. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vihshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 100400 – Turizm (kvalifikaciya (stepen') «Bakalavr»). Utverzhen Prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 28 oktyabrya 2009 g. № 489 [Eh/r]. – R/d: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/prm489-1.pdf

Статья поступила в редакцию 30.09.13

УДК: 37.026.7

Nasikan I. V. VARIATION METHOD IN SYSTEM OF TASKS ON DEVELOPMENT OF FUNCTIONAL ABILITIES OF PUPILS OF THE MAIN SCHOOL. The technology of design of system of the tasks is presented in article, promoting development of functional abilities who will allow to resolve contradictions between: condition of a traditional technique of teaching of the functional and graphic line and the new demands made to the organization of educational process; existing system of tasks and exercises and qualifying standards to design of the maintenance of the functional subject and methodical line; results of level of formation of functional abilities and the demands made to mathematical preparation of graduates of the main school. The technology is based on a method of a variation of mathematical tasks at design of system of tasks when studying the functional and graphic subject line and promotes formation in the course of training in mathematics of strong knowledge and abilities of the pupils acting as a necessary condition of formation of subject and intellectual competence as new result of school education.

Key words: functional and graphic subject line, mathematical task, variation method.

И.В. Насикан, зам. начальника учебно-методического отдела, ст. преп. каф. алгебры, геометрии и методики преподавания математики Армавирской гос. педагогической академии, г. Люберцы, E-mail – innaagm@mail.ru

МЕТОД ВАРЬИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЗАДАЧ НА РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ

В статье представлена технология проектирования системы задач, способствующая развитию функциональных умений, которая позволит разрешить противоречия между: состоянием традиционной методики преподавания функционально-графической линии и новыми требованиями, предъявляемыми к организации учебного процесса; существующей системой задач и упражнений и предъявляемыми требованиями к проектированию содержания функциональной предметно-методической линии; результатами уровня сформированности функциональных умений и требованиями, предъявляемыми к математической подготовке выпускников основной школы. Технология основана на методе варьирования математических задач при проектировании системы заданий при изучении функционально-графической предметной линии и способствует формированию в процессе обучения математике прочных знаний и умений учащихся, выступающих необходимым условием становления предметной и интеллектуальной компетентности как нового результата школьного образования.

Ключевые слова: функционально-графическая предметная линия, математическая задача, метод варьирования.

На пути достижения определенных федеральным государственным стандартом основного общего образования личностных, метапредметных и предметных результатов освоения основной образовательной программы общего образования особая роль отводится формированию различных умений учащихся, меняется система требований к этим умениям. В теории и методике обучения математике традиционной стала трактовка умения как знания в действии, что подчеркивает деятельностную природу умений [1]. В основу требований к умениям, закрепленным в федеральном государственном стандарте общего образования, положена многоуровневая структура учебной деятельности.

Функционально-графическая линия школьного курса алгебры с 80-х годов XX столетия является одной из основных и приоритетных. В современной системе образования уровень развития функциональных умений учащихся играет большую роль в успешном овладении материалом остальных содержательно-методических линий и во многом влияет на формирование математической компетентности выпускников школы. Вместе с тем, в ежегодных аналитических отчетах Федерального института педагогических измерений (ФИПИ), подготовленных по результатам ГИА по математике за курс основной школы в различных регионах страны, неоднократно указывается на то, что около 30% девятиклассников не овладели базовыми функциональными умениями, необходимыми для практического применения и дальнейшего изучения элементов математического анализа.

Таким образом, назревает проблема поиска такой технологии проектирования системы задач, способствующих развитию функциональных умений, которая позволит разрешить противоречия между: состоянием традиционной методики преподавания функционально-графической линии и новыми требованиями

к организации учебного процесса; существующей системой задач и упражнений и предъявляемыми требованиями к проектированию содержания функциональной предметно-методической линии; результатами уровня сформированности функциональных умений и требованиями, предъявляемыми к математической подготовке выпускников основной школы.

Правильно спроектированная система задач дает учащимся полную представленность, облегчает математическое общение, способствует гибкости, глубине и осознанности знаний и прочности сформированных умений. Г.И. Саранцев [2] указывает на то, что решение задач вызывает определенную умственную деятельность, которая обусловлена не только их содержанием, но и зависит от последовательности их решения, количества однотипных задач, комбинаций их с другими задачами. Под системой задач мы будем понимать совокупность упорядоченных и подобранных в соответствии с поставленной целью задач, действующих, как одно целое, взаимосвязь и взаимодействие которых приводит к заранее намеченному результату.

Анализ психолого-педагогической литературы позволяет отнести функционально-графические умения учащихся к специальным учебным умениям, которые формируются в рамках учебного предмета. На основе требований федерального государственного стандарта общего образования базовые функционально-графические умения учащихся можно классифицировать следующим образом: вычислительные; графические; аналитические; прикладные.

Опираясь на основные положения системно-деятельностного подхода, разработанные в теории и практике обучения математике, можно определить требования и правила, предъявляемые к процессу проектирования систем задач, выделить основные методы и этапы проектирования, точно следуя которым,

можно для любой темы школьного курса математики в рамках функционально-графической предметной линии построить систему задач, отвечающую основным существенным признакам (наличие цели, обеспечение ожидаемого результата, отобранность и упорядоченность элементов).

Существить отбор и частичное упорядочивание задач для будущей системы позволяет учителю владение такими основными правилами проектирования, как правила учета целей; полноты; соответствия каждой группы задач, включенных в систему, определенным компонентам учебно-познавательной деятельности; доступности; однотипности; разнообразия; противопоставления; дифференциации; структурности; индивидуализации.

Но только одни приведенные выше правила еще не дают возможности полноценного проектирования системы задач. Для этого необходимо знать различные методы проектирования систем задач и частью из них свободно владеть.

Под методом проектирования систем задач будем понимать такое упорядочивание задач в совокупности в соответствии с поставленной целью, которое позволит обеспечить указанной совокупности системные характеристики.

К наиболее распространенным в педагогической практике можно отнести [3]:

- метод ключевой задачи, суть которого заключается в выделении опорной задачи, вокруг которой группируется определенный набор других задач; при изучении отдельной темы школьного курса можно отобрать минимум ключевых задач, усвоив решения которых, учащиеся смогут решить любую задачу по изучаемой теме на уровне программных требований.

- метод целевой задачи, в котором сложность действий, требующихся для решения избранной достаточно сложной задачи, приводит к необходимости постепенного нарастания числа операций, составляющих решение; на основе анализа осуществляется разбиение целевой задачи на элементарные, что приводит к четкому осознанию учащимися идеи решения или доказательства.

- метод варьирования задачи, который состоит в том, что каждая задача системы получается из данной путем варьирования ее содержания или формы, причем под содержанием задачи будем понимать совокупность ее компонентов (условие, требование, базис, способ решения).

Остановимся более подробно на последнем методе, поскольку по нашему мнению именно с его помощью в рамках функционально-графической предметной линии школьного курса математики можно проектировать системы задач, обеспечивающие овладение всем спектром функциональных умений в рамках приведенной выше классификации.

Варьирование будем понимать широко, то есть когда используется не только изменение, но и замена объектов и (или) отношений, добавление и (или) изъятие условий, требований.

В результате варьирования условия могут получаться нестандартные (неопределенные, переопределенные, противоречивые, провоцирующие) задачи, отличные от стандартных, определенных задач, содержащих в условии необходимое и достаточное количество данных для получения единственно возможного ответа. Варьирование базиса и способа решения приводит к решению одной задачи разными способами.

На основании исследований, проведенных в отечественной педагогической психологии, теории и практике обучения математике можно определить метод варьирования математических задач как конструирование из одной (базовой) задачи цепочки взаимосвязанных задач. Мы рассматриваем метод варьирования математических задач не только как способ проектирования учебного материала, но в большей части, руководствуясь мнением Г.И. Саранцева, как способ развития деятельности учителя, ученика и математического содержания [2]. В контексте учебной деятельности можно дать определение методу варьирования математических задач как методу обучения. Метод варьирования математических задач – это такой способ организации усвоения учащимися приемов решения задач, который обеспечивает преобразующую деятельность учащихся на базе развития заданного материала. Такое понимание метода варьирования задач объясняет его положительную роль в формировании прочных специальных предметных умений учащихся. Сама по себе новая организация учебного материала или его новое содержание не решают проблему необходимого уровня сформированности функциональных умений выпускников основной школы как предметных результатов освоения основной образо-

вательной программы, важен выбор средств формирования умений. В нашем случае – это преобразующая учебная деятельность учащихся.

Метод варьирования математических задач удовлетворяет основным подходам повышения осознанности учебного материала и прочности сформированных умений, которые были выделены в исследованиях педагогов, психологов и методистов XX века, а затем, на современном этапе развития образования, положены в основу становления предметной и интеллектуальной компетентности школьника. А именно:

1. Производные задачи анализируются в сравнении с базовой, которая рассматривается во всех ее связях и отношениях с другими задачами в построенной цепочке задач, при чем в динамике (процесс установления связей между знаниями и умениями).

2. По мере продвижения по структурной цепочке взаимосвязанных задач простейшие зависимости базовой задачи постепенно усложняются, усложняется структура задач (происходит формирование систем знаний и умений).

3. Варьирование задач предполагает развитие, совершенствование системы умений вплоть до творческого и исследовательского уровня при решении заключительных задач цепочки. При этом возврат к базовой задаче на основе установления связей между нею и новой задачей способствует повышению осознанности усвоения материала.

4. В каждом приеме варьирования учащиеся овладевают мыслительными операциями.

5. Метод варьирования задач позволяет реализовать такое средство формирования предметных умений как использование абстрактных моделей.

При реализации названного метода в функционально-графической предметной линии будем отбирать или конструировать базовую задачу по каждой конкретной теме как основной элемент структурной части системы задач по теме, опираясь на обязательные результаты обучения и базовые функциональные умения.

Базовой будем считать задачу по выбранной теме с несложными математическими зависимостями, заданными явно, знание алгоритма решения которой необходимо для решения других задач по теме. Путем преобразования базовой задачи будем конструировать из нее новые за счет усложнения структуры. Базовая задача выступает в качестве структурной единицы системы задач по теме, которая служит отправным пунктом для решения последующих задач, поскольку новые задачи цепочки анализируются через базовую.

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы и опыт практической работы позволил нам выделить приемы варьирования задач, с помощью которого проектируется система заданий на развитие функциональных умений:

- изменение условия задачи и (или) числовых значений величин, используемых в задаче;
- изменение математических зависимостей между величинами, заданными в условии задачи;
- изменение (добавление) требований при том же условии задачи;
- составление обратной задачи;
- составление задачи с недостающими (избыточными данными);
- составление исследовательских задач.

При каждом приеме варьирования простейшие зависимости базовой задачи усложняются, усложняется и структура новых задач. По сути дела происходит создание составной задачи из более простой. Под составной задачей здесь следует понимать такую задачу, которая требует для своего решения разбиения на ряд простых задач, решаемых непосредственно. Сложность составной задачи зависит от ее структуры в целом, от количества подзадач и сложности связей между ними.

Создание составной задачи из более простой может проводиться в процессе совместной деятельности на уроке. Это позволяет ученикам увидеть процесс создания задачи, научиться обнаруживать новые связи и отношения между математическими объектами, ощутить процесс возникновения учебного материала в процессе урока. Урок в таком случае конструируется не в режиме преподносимого готового знания, а виде построения и развития системы знаний и умений в процессе совместной познавательной деятельности.

Приведем пример структурной цепочки, спроектированной с помощью метода варьирования в системе задач по теме: «При-

менение функционально-графического метода к решению уравнений и неравенств, содержащих знак модуля», которая рекомендуется для изучения в рамках элективного курса «Функции и графики» во втором полугодии 9 класса. Указанный метод является не целью, а средством, помогающим решить уравнение или неравенство, что способствует реализации деятельностной составляющей процесса формирования и развития умений; а также позволяет решить то или иное уравнение, неравенство в период, когда других приёмов школьники ещё не знают или не владеют ими в совершенстве.

Графический метод обычно применяется для решения уравнений и неравенств, содержащих модуль, типа:

$$|f(x)| = a, |f(x)| = g(x),$$

$$f(|x|) = g(x), |f(x)| = |g(x)|,$$

$$|f(x)| > a, |f(x)| < a,$$

$$|f(x)| < g(x), |f(x)| > g(x) \text{ и некоторых других.}$$

Суть метода заключается в том, чтобы:

1) построить графики функций

$$y = |f(x)|, y = f(|x|),$$

$$y = g(x), y = |g(x)|, y = a$$

В качестве базовых задач предлагаются следующие.

1. Построить графики функций:

$$y = |x| - 4, y = |x - 4|;$$

$$y = x^2 - 4|x| + 3;$$

$$y = |x^2 - 4x + 3|.$$

Усложняем ситуацию, используя прием варьирования условия.

2. Построить графики функций:

$$y = ||x| - 4|; y = |x^2 - 4|x| + 3|;$$

$$y = 1 - |x - 4|; y = | -x^2 + 4|x| - 3 |.$$

Теперь варьируем условие и требование.

3. Найдите точки пересечения графика функции

$$y = ||x| - 4| \text{ с прямой } y = 3.$$

4. Решить уравнения, используя функционально-графический метод:

$$1 - |x - 4| = 0; |x^2 - 4x + 3| = 0; |x^2 - 4|x| + 3| = 2.$$

Библиографический список

1. Епишева, О.Б. Технология обучения математике на основе деятельностного подхода. – М., 2003.
2. Саранцев, Г.И. Упражнения в обучении математике. – М., 2005.
3. Ковалева, Г.И. Методическая система обучения будущих учителей математики конструированию систем задач: дис. ... д-ра пед. наук. – Волгоград, 2012.

Bibliography

1. Episheva, O.B. Tekhnologiya obucheniya matematike na osnove deyatel'nostnogo podkhoda. – M., 2003.
2. Sarancev, G.I. Uprazhneniya v obuchenii matematike. – M., 2005.
3. Kovaleva, G.I. Metodicheskaya sistema obucheniya budutshikh uchiteley matematiki konstruirovaniyu sistem zadach: dis. ... d-ra ped. nauk. – Volgograd, 2012.

Статья поступила в редакцию 26.09.13

УДК 159, 9 (05)

Sidorova A.D. DEVELOPMENT OF DIAGNOSTIC TECHNIQUES COMMUNICATIVE TEACHING TOLERANCE.

Article Abstract: This article presents an analysis of the problem of the study of communicative teaching tolerance. We propose and justify the author's method of diagnosis communicative teaching tolerance.

Key words: tolerance, an important characteristic, the level of communicative teaching tolerance, social and psychological tolerance.

После этого можно переходить к решению более сложного уравнения:

$$|x - 4| + |(x - 1)(x - 3)| = 1$$

Выполняя последовательное построение графиков функций $y = 1 - |x - 4|$ и $y = |(x - 1)(x - 3)|$ с учетом решения предложенной цепочки задач получим (рис. 1).

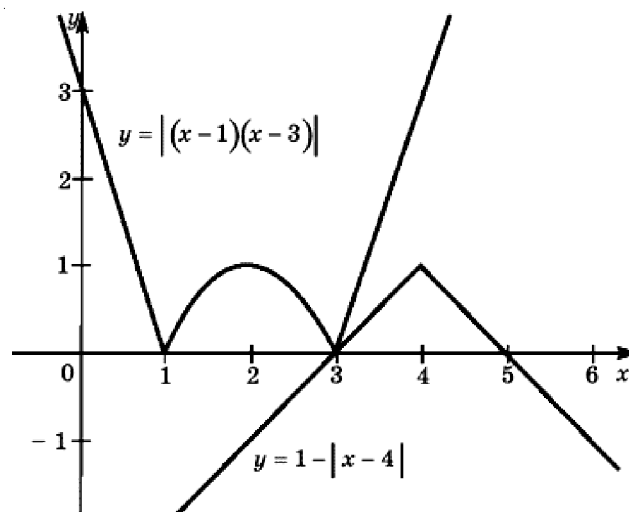

Рис. 1. (3;0) – точка пересечения графиков функций. Значит, $x=3$ – корень уравнения

2) выяснить их взаимное расположение в зависимости от условия задачи.

В рамках спроектированной нами системы задач решение уравнений и неравенств, содержащих модуль, функционально-графическим методом предваряется рассмотрением задач на построение графиков функций с модулем на основе умений выполнять геометрические преобразования графиков линейной и квадратичной функций.

Таким образом, использование метода варьирования математических задач при проектировании системы заданий при изучении функционально-графической предметной линии способствует формированию в процессе обучения математике прочных знаний и умений учащихся, выступающих необходимым условием становления предметной и интеллектуальной компетентности как нового результата школьного образования.

А.Д. Сидорова, ст. преп. каф. педагогики и психологии САФУ, г. Коряжма, E-mail: annacid@yandex.ru

РАЗРАБОТКА КОНСТРУКТА МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ «КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

В статье представлен анализ состояния проблемы исследования коммуникативной педагогической толерантности. Предложена и обоснована авторская методика диагностики коммуникативной педагогической толерантности.

Ключевые слова: толерантность, профессионально важное качество, уровень коммуникативной педагогической толерантности, социальная и психологическая толерантность.

Сегодня в условиях все ускоряющихся и углубляющихся перемен в обществе, науке и культуре перед теорией и практикой образования и самообразования стоит важная задача – осмыслить динамические перемены, сделать выбор ценностей, знаний и убеждений, способов и методов деятельности, которые обеспечивали бы человеку толерантность, способность решать проблемы своей жизни. Своего профессионально-личностного становления не агрессивно, а разумно. Вызов времени – образование не на всю жизнь, а «образование через всю жизнь» (по А.С. Макаренко) – актуализирует способность человека к познанию, к диалогу, к развиту, к самосовершенствованию, делает эту способность востребованной всеми сферами самореализации человека [1]. Проблема состоит в отсутствии реальных условий и механизмов реализации, развития, диагностики толерантности, её гуманистической сущности.

В отечественной науке проблема толерантности рассматривается сравнительно недавно. Среди базовых направлений изучения проблемы толерантности можно выделить следующие:

1. Проблема терпимости, толерантности, уважения, признания другой точки зрения в процессе общения (А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, А.В. Петрицкий, А.В. Зимбули, Ю.А. Ищенко, В.М. Золотухин, С.Ю. Головин) [2].

2. С позиции гуманитарного подхода, толерантность – проявление сознательного выбора человека, его жизненной позиции, активности отношений с окружающей действительности (К. Роджерс, А. Маслоу, Э. Фромм и др.).

3. Фасилитативный подход, где отмечается, что толерантность не может быть результатом внешних факторов (П.Ф. Комогоров, О.Б. Скрябина).

4. Диалогический подход, где толерантность – особый способ взаимоотношений в обществе (С.Л. Братченко, П.Ф. Комогоров) [3; 4].

5. Толерантные – интолерантные отношения рассматриваются в психологии толерантности через проблему межличностных отношений (А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев).

6. Проблема изучения данного понятия с точки зрения педагогики сотрудничества и ненасилия, где толерантность представлена как значимо важное качество всех участников образовательного процесса (Л.Н. Толстой, Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Шаталов, А.С. Макаренко и др.) [5; 6].

7. Изучение позиции развития и воспитания профессионально важных качеств, как важного аспекта педагогической толерантности (В.Д. Шадриков, Ю.П. Поваренков).

8. Антропологическая проблема Я-Ты (П.Ф. Комогоров).

9. Проблема изучения коммуникативной толерантности (О.Б. Скрябина, В.В. Бойко).

Кратко резюмируя результаты приведенного выше анализа литературных источников важно отметить, что толерантность не имеет однозначной трактовки, оно многозначно и многомерно. Толерантность – феномен исторический, являющийся одним из факторов эволюционного развития человечества. Возникнув на основе инстинкта самосохранения, толерантность постепенно обрела статус ценности и нормы [7].

Теоретические предпосылки методики определения коммуникативной педагогической толерантности. В исследованиях особенностей толерантности учителя выделяют два вида толерантности учителя: социальную и психологическую. На психологическом уровне педагогическая толерантность представляется в виде внутренней установки, добровольного выбора в плане отношения человека к человеку вообще, другим людям и коллективам. Установки приобретаются каждым через систему воспитания и жизненный опыт. Установка – это особый психический механизм, наличие которого выражает способность ин-

дивида к опережающему отражению действительности [8]. Установки, которые человек переживает по отношению к общественной жизни, фактам, людям, определяют положительные и отрицательные эмоции, реакцию, поведение. Установки могут носить как положительный (толерантный) так и отрицательный (интолерантный) характер. На установочном уровне можно выделить следующие составляющие педагогической толерантности: эмпатия, коммуникативная толерантность, принятие себя и принятие других.

Можно отметить, что с психологической точки зрения толерантность педагога понимается нами как активное действие, проявляется в ситуациях межличностного общения на основе установки на познание, понимание и положительной направленности в принятии других людей. Установка на толерантность проявляется в виде когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющих.

Таким образом, под педагогической толерантностью понимают владение умениями и навыками толерантного взаимодействия со всеми участниками образовательного процесса. педагогическая толерантность является социальной категорией и проявляется в установке на принятие другого человека, на эмпатичное понимание, на открытое и доверительное общение.

Исследования в области педагогической толерантности сводились до недавнего времени к разработке понятия толерантности, где акцент ставился на выявление значимых сторон, которые затрагивают деятельность педагога. Теоретический анализ толерантности не указывает также точного направления исследования. Толерантность в разных областях науки рассматривают как поведенческую реакцию, личностное свойство, способность и коммуникативное качество. Исходя из этого, можно предположить, что толерантность – это многогранное, новое, неизученное понятие, которое дает возможность исследования с различных сторон. Педагогическая толерантность указывает на то, что основное направление исследования должны рассматривать область наиболее близкие к деятельности педагога [9]. Анализируя литературные источники, следует отметить, что педагогическая толерантность – относится к той сфере педагогической деятельности, где педагогу необходимо не только владеть профессиональными навыками, но и иметь качества личности, которые необходимы для общения со всеми участниками образовательного процесса. При этом, педагогическая толерантность в современной педагогической практике является значимо важным, профессиональным качеством успешного педагога (Ю.П. Поваренков, О.Б. Нурлигаянова) [10; 11].

Анализируя предложенные научные исследования в области толерантности можно определить *конструкт* методики определения уровня толерантности педагогов общеобразовательных школ, который состоит из ключевых сторон соприкосновения педагогов в профессиональной сфере. В педагогической деятельности можно выделить некоторые особые виды профессиональной деятельности педагога: организационно-управленческая, обучающая, воспитательная и методическая. Исходя из вышесказанного, при составлении опросника исследования уровня коммуникативной педагогической толерантности конструкт определяется из следующих показателей: взаимодействие с учащимися, где главная цель научение, обучение и воспитание всесторонне развитой личности; общение с родителями для успешной работы с учащимися; взаимодействие педагога с администрацией; взаимодействие педагога коллегами; взаимодействие педагога с окружающей средой.

Методика «Коммуникативная педагогическая толерантность»

Разрабатывая опросник «Педагогическая толерантность», следует отметить, что конструктор данного опросника базируется на психодиагностическом методе, который включает в себя измерительно-испытательную и оценочную направленность. При разработке и применении опросника эффективным принципом психологического исследования является субъективный метод исследования, позволяющий провести диагностику личностного качества заявленного темой данного опросника. Анализируя теоретический аспект толерантности и вопрос педагогической толерантности, как профессионально важного качества личности педагога опросник «Коммуникативная педагогическая толерантность» следует рассматривать как методику, изучающую личностные субъективные качества педагогов.

Исследования в области педагогической толерантности сводились до недавнего времени к разработке понятия толерантности, где акцент ставился на выявление значимых сторон, которые затрагивают деятельность педагога. Педагогическая толерантность указывает на то, что основное направление исследования должны рассматривать область наиболее близкие к деятельности педагога. Определяя важные стороны общения педагога, следует, отметить наиболее значимые направления в педагогической деятельности – это общение с учащимися, родителями, администрацией общеобразовательного учреждения, коллегами, окружающей средой, которые по нашему мнению являются главными направлениями в деятельности педагога. Коммуникативные качества педагога направлены на развитие и воспитание всесторонне развитой личности учащегося. При этом стоит отметить, что педагогическая толерантность в профессионально важных качествах педагога выходит на первое место, так как является главным качеством не только в обучении и научении учащегося, но и в воспитании.

С помощью пробной версии опросника обследована выборка испытуемых педагогических профессии общеобразовательных школ. Выборочная совокупность респондентов составила 290 человек в возрасте от 18 до 62 лет (средний возраст – 40 лет). Выборка характеризовалась высокой гетерогенностью с точки зрения сфер педагогических профессий, видов педагогической деятельности, должностного статуса. Соблюдение описанных выше признаков контингента испытуемых позволило рассматривать данную выборку не только для апробации опросника, но и как выборку для определения надежности и валидности.

Данные диагностического пилотажного исследования использовались для установления индекса эффективности каждого пункта опросника. Показатель индекса эффективности задания подсчитывается делением количества обследуемых и давших ответ совпавший с «ключом» на их общее количество. Индекс эффективности задания должен располагаться в интервале от 0,25 до 0,75. Индексы эффективности заданий опросника располагаются в интервале 0,6 до 0,748. Показателем дискриминативности пункта опросника стал коэффициент корреляции балла, начисленного по данному пункту, с суммарным баллом по опроснику в целом. Пороговый уровень дискриминативности выбрано значение $r = 0,2$. Дискриминативность опросника вычислялась по формуле коэффициента произведения моментов Пирсона. Среднее значение дискриминативности для пилотажной версии составило $r = 0,87$. После проведенных этапов исследования конечный вариант опросника сократился до 100 вопросов.

Определение надежности опросника. Надежность теста предполагает получение одних и тех же результатов при повторном тестировании. Проверка надежности теста проходила при предъявлении этого же теста повторно через 9 месяцев. Условия проведения повторного варианта одинаковы с пилотажной версией. Методами математической статистики был определен коэффициент ретестовой надежности. Наименьшим значением для ретестовой надежности для теста был установлен коэффициент корреляции, равный $r = 0,7$.

Для более точного определения надежности теста был применен метод деления опросника на две части с расчетом корреляции между двумя этими половинками по формуле Спирмена-Брауна. Результат корреляции составил $r = 0,895$, дополнительное исследование корреляции опросника по методу А. Крехбана методом деления опросника на две половины составило $r = 0,811$, что указывает на высокий показатель надежности опросника. Все вычисления проводились на полной выборке 290 респондентов.

Диахронная надежность (временная устойчивость опросника) исследовалась ретестовым методом. Педагоги опрашивались дважды с интервалом в 6 месяцев. Респондентам был предложен конечный вариант опросника «Коммуникативная педагогическая толерантность», примерно в тех же условиях, что и предыдущий. Показатель ретестовой надежности рассчитывался как коэффициент корреляции Спирмена между двумя рядами данных. Результаты психометрического анализа надежности и показатели корреляции колеблются от $r = 0,671$ до $r = 0,99$, что свидетельствует о высокой стабильности, слабой выраженностью влияния ситуационного контекста, однородностью и устойчивостью результатов.

Проверка конструктивной валидности опросника. Анализ конструктивной валидности предполагает развернутый процесс, который не имеет временных рамок. Конструктивная валидность подразумевает проведение исследований на протяжении всего времени задействования опросника в научных эмпирических исследованиях при которых, более полно раскрывается суть исследования, вносятся новые данные, расширяются и уточняются сведения об изучаемом свойстве. Временной контекст любого исследования дает возможность ответа на вопросы: 1) существует ли исследуемое свойство или качество реально; 2) действительно ли опросник изучает то, для измерения чего предназначен.

С целью оценки валидности и прояснения сущности изучаемого конструкта педагогической толерантности с 2009 г. по 2012 г. проводился ряд исследований. Все исследования носили характер поиска и проверки валидности опросника.

Анализируя научные труды в области толерантности, мы выяснили, что само понятие толерантности используется часто в различных науках. Однако, при разработке и проверке опросника «Коммуникативная педагогическая толерантность» мы столкнулись с трудностью подбора методик, которые встречаются в науке для исследования толерантности. Так как феномен толерантности не изучен до конца и научные исследования нашего времени не могут дать ясной картины, что такое толерантность? методики, используемые в научном сообществе, для изучения толерантности чаще всего не проверены на надежность и валидность. Наиболее встречаемые методики, которые дают более полную картину исследования толерантности в психологии и педагогике:

- методика изучения коммуникативной толерантности В.В. Бойко;
- методика определения суммарного показателя толерантности Д.В. Зиновьева.

Рассматривая современное состояние проблемы толерантности в научной литературе, изучив вопрос исследования толерантности, мы считаем, что содержание вышеупомянутых методик должно коррелировать с психологическим конструктом опросника «Коммуникативная педагогическая толерантность». В качестве статистического метода изучения валидности методики был выбран ранговый корреляционный анализ Спирмена. Корреляция между опросником педагогической толерантности и методикой коммуникативной толерантности В.В. Бойко составляет $r = -0,842$. Исследуя толерантность по методике В.В. Бойко, получая балл ближе к 135, мы намеренно исследуем интолерантность респондента. Следовательно, отрицательный показатель корреляции между методиками указывает на то, что, чем выше уровень педагогической толерантности, тем ниже интолерантность педагога. Корреляция между опросником «Коммуникативная педагогическая толерантность» и методикой суммарного показателя толерантности Д.В. Зиновьева рассматривалась по трем шкалам, как взаимосвязь методики и доброты, уважения, эмпатии. Корреляция педагогической толерантности и доброты составляет $r = 0,710$, уважения $r = 0,877$, эмпатия $r = 0,740$. Результаты статистических значений указывают на прямую зависимость педагогической толерантности и такими качествами личности педагога как доброта, уважение, эмпатия.

Интерпретация результатов опросника. При интерпретации результатов теста следует отметить, что стандартная разбивка баллов в исследованиях дает нам право воспользоваться методом средних баллов, где средний показатель результата (середина) свидетельствует норме; результат ниже среднего говорит о интолерантности, а результат выше среднего свидетельствует о высоком уровне педагогической толерантности.

Таким образом, результаты по опроснику:

0-20- низкий уровень педагогической толерантности (интолерантность);

21-40- Уровень педагогической толерантности ниже среднего;

41-60- средний уровень педагогической толерантности (норма);

61-80 – уровень педагогической толерантности выше среднего;

81- 100- высокий уровень педагогической толерантности.

1. Интолерантный уровень педагогической толерантности свидетельствует невыдержанности, раздражительности холодности педагога в общении с окружающими. В поведении присутствует отстраненность, импульсивность. В общении с учениками преобладает диктат, манипулирование, приказы упрёки.

2. Уровень педагогической толерантности ниже среднего. Низкий уровень педагогической толерантности свидетельствует об отсутствии у педагога умения общаться, понимать и принимать окружающих людей и мир. Такими, какие Они есть; отсутствие уважительного отношения к участникам образовательного процесса, что отрицательно сказывается на профессиональных качествах учителя.

3. Норма (средний уровень педагогической толерантности) указывает на то, что педагог умеет мириться с недостатками окружающих; ему не составляет труда уважительно относиться к людям; педагог принимает Других и относится к ним с симпатией, при этом не нарушает своего мировоззрения.

4. Уровень педагогической толерантности выше среднего – уровень педагога профессионала. Педагог умеет не только общаться и принимать Других такими, какие Они есть, но и уважительно относится к мировоззрению других. У таких педагогов высокий порог сострадания и милосердия, терпения и сопереживания. При этом педагогическая толерантность направлена на развитие профессионализма, стремления к самосовершенствованию.

5. Высокий уровень педагогической толерантности, говорит о высоком уровне мотивационно-ценностном аспекте развития личности педагога: педагог уступчив, снисходителен, высокое

преобладание чувства любви к ученикам, высокая развитость механизмов преодоления раздражения, агрессивности, эмоциональной устойчивости. Однако, высокий уровень педагогической толерантности говорит о самопожертвовании, изменении своего мировоззрения в сторону приспособления. В поведении помощь и сотрудничество граничит с эмоциональным инфантилизмом.

Таким образом, теоретический анализ педагогической толерантности указывает на следующее:

– научное знание не может дать четкого определения толерантности вообще и педагогической толерантности в частности;

– специфика изучения толерантности, как психологического понятия сталкивается с рядом трудностей: нет конструкта исследования толерантности, не определении границы изучаемых областей, современные исследования не определяют области науки, где толерантность изучается полностью;

– в психологической науке педагогическая толерантность и толерантность в образовании являются отдельными понятиями и не могут исследоваться одинаковым инструментарием;

– в психологической науке нет валидных, надежных и стандартизированных методик исследования педагогической толерантности;

– теоретические изучения педагогической толерантности предполагают необходимость разработки опросника «Коммуникативная педагогическая толерантность», который должен включать вопросы, связанные с педагогической деятельностью по взаимодействию с учащимися, родителями, коллегами-педагогами, администрацией школ и окружающей средой;

– анализ корреляционных взаимосвязей валидности указывает на то, что опросник является средством изучения педагогической толерантности, где охватываются необходимые стороны профессиональной деятельности. Опросник «Коммуникативная педагогическая толерантность» операционализирует данное понятие, рассматривая конструкт опросника как инструмент для диагностической практики и эмпирических исследований.

Библиографический список

1. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учеб. пособ. – Ростов-на-Дону, 1997.
2. Андреева, Г.М. Социальная педагогика: учебник для высших учебных заведений. – М., 1999.
3. Братченко, С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. – М., 1997.
4. Комогоров, П.Ф. Формирование установок толерантности в межличностных отношениях студентов высшего учебного заведения: дис. канд. пед. наук. – Курган, 2000.
5. Амонашвили, Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. – М., 1995.
6. Лихачев, Д.С. Письма о добром. – СПб., 2007.
7. Зайцева, М.И. Проект «Подросток и толерантность» // Справочник классного руководителя. – 2007. – № 1.
8. Авалуев, Н.Б. Критериальный подход к оценке эффективности воспитательной деятельности педагога: дис. канд. пед. наук. – СПб., 2003.
9. Митина, Л.М. Профессиональное здоровье учителя: стратегия, концепция, технология // Народное образование. – 1998. – № 9.
10. Нурлигаянова, О.Б. Формирование педагогической толерантности // Психологическое обеспечение образовательного процесса: материалы региональной научно-практич. конф. – Торжок, 2005.
11. Поваренков, Ю.П. Психологическая характеристика профессиональной толерантности учителя // Психолого-педагогическое исследование субъекта деятельности: сб. науч. трудов. – Казань, 2004.

Bibliography

1. Zimnyaya, I.A. Pedagogicheskaya psikhologiya: ucheb. posob. – Rostov-na-Donu, 1997.
2. Andreeva, G.M. Social'naya pedagogika: uchebnik dlya viysshih uchebnykh zavedeniy. – M., 1999.
3. Bratchenko, S.L. Mezhl'ichnostniy dialog i ego osnovniye atributih // Psikhologiya s chelovecheskim licom: humanisticheskaya perspektiva v postsovetsoy psikhologii. – M., 1997.
4. Komogorov, P.F. Formirovanie ustanovok tolerantnosti v mezhl'ichnostniykh otnosheniyakh studentov viysshego uchebnogo zavedeniya: dis. kand. ped. nauk. – Kurgan, 2000.
5. Amonashvili, Sh.A. Razmishleniya o gumannoy pedagogike. – M., 1995.
6. Likhachev, D.S. Pis'ma o dobrom. – SPb., 2007.
7. Zaytseva, M.I. Proekt «Podrostok i tolerantnostj» // Spravochnik klassnogo rukovoditelya. – 2007. – № 1.
8. Avaluev, N.B. Kriteriálnyiy podkhod k otenke ehffektivnosti vospitatel'noy deyatel'nosti pedagoga: dis. kand. ped. nauk. – SPb., 2003.
9. Mitina, L.M. Professionalnoe zdorovje uchitelya: strategiya, koncepciya, tekhnologiya // Narodnoe obrazovanie. – 1998. – № 9.
10. Nurligayanova, O.B. Formirovanie pedagogicheskoy tolerantnosti // Psikhologicheskoe obespechenie obrazovatel'nogo processa: materialih regional'noy nauchno-praktich. konf. – Torzhok, 2005.
11. Povarenkov, Yu.P. Psikhologicheskaya kharakteristika professional'noy tolerantnosti uchitelya // Psikhologo-pedagogicheskoe issledovanie subjhekta deyatel'nosti: sb. nauch. trudov. – Kazanj, 2004.

Статья поступила в редакцию 26.09.13

УДК 159.931

Shalimova L.A. **SYNESTESIA OF COLOUR IN THE ADVERTISING.** The emergence of sensation during stimulation of senses through color, causing the illusion of quality, taste, purity, cold, prestige, etc. From the choice of color depends on the success or failure of the campaign, at the level of color combinations.

Key words: synesthesia, packaging, color, level, design of advertising materials, exposure, package.

Л.А. Шалимова, канд. филос. наук, доц. кафедры гуманитарных наук филиала Российского гос. социального университета, г. Дедовск, E-mail: shalimova-istra@mail.ru

СИНЕСТЕЗИЯ ЦВЕТА В РЕКЛАМЕ

В статье рассматривается возникновение ощущений при раздражении чувства посредством цвета, вызывающего иллюзию качества, вкуса, чистоты, холода, престижа и т.д. От выбора цвета зависит успех или провал рекламной кампании, на уровне цветовых комбинаций.

Ключевые слова: синестезия, упаковка, цвет, уровень, оформление рекламных материалов, воздействие, упаковка.

Понятие «синестезия» соотносится как факт возникновения при раздражении какого-либо органа чувств не только соответствующего ему ощущения, но одновременно и ощущения, соответствующего другому органу чувств. Например, при звуках трубы одновременно возникает представление о красном цвете, чем непременно и успешно воспользовались рекламные агентства, в успешном производстве рекламного продукта [1]. Благодаря синестезии – возникновению нескольких ощущений при раздражении одного органа чувств – цвет может вызвать иллюзию качества, легкости, мягкости, жесткости, силы, престижа, дороговизны, холода или тепла, чистоты, вкуса, аромата, женственности или мужественности.

Каждому разработчику рекламы необходимо знать об этом, для увеличения шансов на успех организованной рекламной кампании. Например, одна из исследовательских фирм провела эксперимент с целью определить степень влияния цвета на восприятие. Специалистам по рекламе известно, что от выбора цвета зависит успех или провал рекламной кампании, а вот правильно подобранный цвет способен стимулировать, при этом очень активно любые продажи. Например: успех таких марок сигарет как «Lucky Strike», «Malboro», зависел от изменения цвета пачки; при выборе автомашины, ключевым критерием является цвет (совместно с ценой и качеством); уровень продаж газированного напитка «Orange Crush» увеличился, в течение месяца в три раза благодаря изменению цвета бутылки (с темно-коричневого цвета на прозрачную для того, чтобы стал виден оранжевый цвет самого напитка); продажи имбирного пива увеличились на 25% с изменением расцветки этикетки (красной) с заменой на зелено-белую; для привлечения внимания клиентов, телефонная компания выкрасила свои таксофоны в желтый цвет. Исследование показывает, что использование цветов черный, красный, пурпурный, синий, в интерьере казино позволяет удерживать внимание игроков в течение длительного времени; игровые автоматы, ярко-красного цвета моментально привлекают внимание, но уже через несколько минут игрок переходит к машине, с более спокойным цветом, поэтому яркие автоматы располагаются в конце ряда, а синие и зеленые – ближе к середине. Конфетная фабрика не имела успехов в стилевом решении разноцветных конфет, пока не применила использование более свежего, более современного спектра подчеркнуть вкусовую особенность конфет, изменив на более яркие цвета синий и желтый; классические ошибки: когда производители кофе упаковкой красного цвета представляют кофе без кофеина, снотворные таблетки желтого цвета, стимулирующего человека, сахар в упаковке зеленого цвета, который считается «горьким» и т.д. [2].

Цветовое оформление рекламных материалов и упаковки, зачастую производители не связывают с ассоциациями человека с самим продуктом, что является серьезным пробелом знаний воздействия цвета на потребителя. В этих случаях, производителю необходимо помнить, что люди покупают не столько сам продукт, сколько его цвет, который, влияя на эмоции разных людей, по-разному обнаруживает свой спектр значений. Так, в недалеком прошлом, с помощью красно-белой упаковки можно было продать любой продукт. И это не было случайностью. По утверждению Люка Дюпона в работе «Реклама», «красный цвет считался и продолжает считаться основным цветом рекламы, что ассоциируется с любовью, теплотой, революцией, чувственностью, страстью, со всем демоническим, адским пламенем – это самый сильный цвет, выражающий радость и ликование. У человека, внимательно смотрящего на красный цвет, повышается давление, напрягаются мышцы и учащается дыхание, что указывает на его отношение к инстинктам и сексуальному желанию» [2, с. 251].

Исследованиями ученых выявлено, что вишневый оттенок символизирует чувственность. Средне-красный цвет выражает активность, силу, движение, страсть. Светло-красный цвет означает оптимизм, энергию, радость, триумф. Красный цвет подходит для: противопожарного оборудования; продуктов, связанных с мужественностью спортивных автомобилей, сигарет, крема для бритья; товаров импульсивной покупки – шоколада, жевательной резинки; продуктов питания с акцентом на качество и ценности; предупредительных и запрещающих надписей. Владельцы ресторанов быстрого питания успешно используют весь спектр символических значений красного цвета, применяя его в оформлении обеденного зала. Для увеличения общего числа посетителей, чтобы последние не засиживались и не задерживались, по этой же причине, туалетные комнаты окрашивают в красный цвет. Оранжевый цвет ассоциируется с теплом, огнем, солнцем, светом, осенью. Этот цвет стимулирует, вызывает определенные чувственные порывы и омолаживает, но, всякое его обилие вызывает сердечные, давление. Сам по себе данный цвет – фривольный и легкомысленный. Он воспринимается очень серьезно и ассоциируется с высоким общественным положением, более того, оранжевый цвет прекрасно подходит для оформления упаковок или рекламы полуфабрикатов, мясных изделий и томатных консервантов, утверждает автор Г. Цойгнер, в книге «Учение о цвете» [3, с. 117].

Опытным путем доказано, что для решения креативных задач в выборе цвета рекламы, её участникам необходимо знать, о том, что цвет – это не просто очередная уловка для привлечения внимания, а что именно он и создает определенную атмосферу, а так же влияет на эмоциональное состояние человека. Более того, цвет является путеводителем по СМИ, при этом его роль в средствах массовой информации, становится средством уникальной коммуникации, что подтверждается массовыми примерами. Так, например: **на телевидении**, в отличие от остальных СМИ цвет в телевизионной рекламе участвует в создании нужного эффекта вместе с другими средствами: звуком, визуальным рядом, движением; **на рекламных щитах** цвета играют одну из главных ролей и должны быть очень выразительными; **в журналах**, большая часть которых отличается высококачественной цветопередачей, что является очень важным фактором и для рекламы питания, спиртных напитков, одежды; **в газетах** все современное оборудование значительно улучшает передачу цвета в газетах, что рекламодателям подобное проникновение только на руку.

Многие авторы научных исследований маркетинговых условий продвижения товаров, услуг, идей в позиционировании рекламной продукции, напоминают об использовании символического значения цветов и их комбинаций в разработке рекламной продукции. В этом случае можно отметить и разнообразные иллюстрации, рассматриваемые человеком и воспринимаемые, в каждом отдельном случае по-разному или в отдельности, потому что вся цветовая гамма оказывает на него комплексное воздействие. При этом учеными выведены ныне существующие базовые правила использования тех или иных цветовых комбинаций, как например: сочетание красного и желтого цветов означает желание завоевать и стремление к новизне. Психологический эффект усиливается, когда эти цвета присутствуют в оформлении или рекламе предметов, связанных с энергией (топливный насос или коробка спичек); сочетание красного и зеленого символизирует потребность в самоутверждении, власти и безопасности и рекомендуется для создания ощущения силы и прочности, например, в рекламе оборудования для технического обслуживания; комбинация красного и синего (голубого) вызывает желание покорять и потребность в интимной близости,

прекрасно подходит для косметической продукции или для писчей бумаги, предназначенной для личных писем; сочетание красного и черного означает сдерживаемое возбуждение, готовое выплеснуться наружу в виде агрессии. Например, известный швейцарский специалист по психологии цвета М. Люшера, писал: «В театре и кино в красно-черное одеяние обычно облачен дьявол, психологический эффект его костюма настолько выразителен, что зрители узнают его еще до того, как он произнесет первое слово». Сочетание желтого и синего (голубого) очень динамично и подразумевает власть, производительность, скорость и энергичность; сочетание синего (голубого) и розового цветов символизирует мягкость, детство и свежесть, которые пробуждают материнский инстинкт и вызывает желание защищать, что прекрасно подходит для косметической продукции и детских товаров. Сочетание красного и белого создает ощущение чистоты и здоровья; сочетание голубого и белого цветов вызывает ассоциацию со свежестью и полезностью, кроме того, оно излучает настроение. Сочетание зеленого и синего (голубого) ассоциируется с покоем, свежестью и природой; сочетание белого и черного придает ощущение неподвижности, оттенок торжественности, шика и хорошего вкуса; сочетание желтого, красного и синего (голубого) кажется радостным и оживленным; сочетание желтого, красного, оранжевого, зеленого и коричневого наводит мысли о бережливости, спелых тропических фруктах, солнце и бегстве от повседневности; многоцветные комбинации ассоциируются с динамизмом, радостью и энергией, присутствующей детям [4].

В распоряжении рекламодателя есть не более десятой доли секунды на то, чтобы завладеть вниманием потребителя. Для того чтобы взгляд зрителя задержался на рекламном объявлении, он должен на нем остановиться. Некоторые цвета в этом отношении более эффективны, чем другие. Например, такие сочетания, как основного и дополнительного цветов, расположенных напротив друг друга в цветовом круге создают сильный контраст (красный и зеленый, синий и желтый, пурпурный и оранжевый). Красный на зеленом фоне кажется таким же ярким, как белый, на черном фоне. Продавцы мяса успешно используют этот контраст, украшая куски мяса веточкой петрушки, чтобы они выглядели более свежими.

В экспериментальном порядке учеными было выявлено, что цвет может оказывать влияние и на восприятие веса предметов. В 1926 году американские психологи Карл Уорден и Элен Флинн пришли к выводу, что черный цвет кажется самым «тяжелым», за ним следует красный, серый, пурпурный (одинаковая «весовая категория»), затем синий, зеленый, желтый и белый. Французский специалист по цвету Морис Дерибере обнаружил, что темные цвета, содержащие большой процент черного, воспринимаются как «тяжелые», а яркие, с наименьшим процентом черного цвета, кажутся «легкими». Например: на одном американском заводе черные ящики выкрасили в ярко-зеленую краску, после чего рабочие, целый день переносившие эти ящики, признались, что они стали намного легче, чем черные; в другом эксперименте, выкрашенные в ярко-желтый цвет ящики стали намного легче точно таких же ящиков темно-коричневого цвета; темные оттенки визуально уменьшают предметы, а белые фигуры на их фоне покажутся больше, чем на самом деле, при этом, если взять три ящика одного размера, красный будет казаться самым маленьким, белый – самым большим, а синий – средним относительно двух других. С расстояния три вертикальные полосы французского флага кажутся одинаковыми, но они соотносятся друг с другом в следующей пропорции: синяя – 33%, белая – 30%, красная – 37%.

В этой связи учеными была доказана, создаваемая цветами иллюзия движения: белый – активный цвет, кажется переливающимся через край, в то время как пассивный черный, как бы замыкается в себе. Красный стремится вперед к зрителю, а голубой отступает назад. Более того, ученые сошлись во мнении, что все цвета вызывают разные вкусовые ощущения. Так, желто-зеленое и зелено-желтое сочетания кажутся кислыми; желто-оранжевое сочетание и красным цветом кажутся сладкими; розовый слывет сахарным; синий, коричневый, оливково-зеленый и пурпурный находят горькими; желтый цвет кажется пряным; серо-зеленый и серо-голубой сочетания слывет солеными. Многие проводимые исследования показали, что цвета ассоциируются с определенными запахами: оранжевый кажется едким; зеленый – немного пряным; пурпурный и сиреневый – ароматными. Легкие цвета пробуждают воспоминание о слад-

ких духах, а темные цвета, резкие и теплые, ассоциируются с неприятными запахами.

У цветов есть и свои звуковые соответствия: пурпурный – это бас, желтый – сопрано, красный – какофония. При этом, с точки зрения тактильных ощущений красный цвет кажется горячим, квадратным и выступающим вперед; желтый цвет выглядит остроконечным и треугольным; голубой – холодным, гладким, скользким и круглым. Описание характеристик разных цветов – это лишь попытка обозначить вызываемые ими мысленные ассоциации. Ощущения человека настолько тонки и неуловимы, что трудно поддаются словесному описанию. При этом, всем создателям рекламы необходимо гарантировать то, что розовый цвет в рекламе куклы Барби и голубой в рекламе компьютера всегда будут одинакового оттенка.

Молодой графический дизайнер Л. Герберт разработал таблицу пантонов, которая приносит его фирме несколько миллиардов долларов ежегодно. Благодаря этой таблице пантонов художники и типографщики всего мира на одном языке говорят обо всем, что касается цвета. Основные тона, как правило, кажутся более привлекательными, чем переходные. Женщинам больше нравится синий, чем красный цвет; мужчинам нравится больше синий, чем зеленый. Рассматривая, всё многообразие оттенков основных цветов первым, что приходит на ум – розовый цвет; за ним следует бежевый, лазурный, светло-голубой, светло-зеленый, бледно-желтый и темно-синий. Желто-зеленое сочетание вызывает наибольший дискомфорт, немного отстают от него оливково-зеленый и серый. Среди всех самых приятных глазу сочетаний: сине-зеленый и серый. Среди самых приятных глазу сочетаний: сине-желтое, сине-зеленое, сине-красное и желто-красное. На уровне проведенных социологических опросов, многие исследователи выявили следующий порядок исходных данных по приоритетности того или иного цвета. Например, бедные и малообразованные люди испытывают пристрастие к броским цветам вроде красного и оранжевого; люди среднего достатка, более развитые в культурном отношении, отдадут предпочтение прохладным, мягким тонам и оттенкам.

Анализируя цветовую палитру и все ее разнообразие, многими учеными мира отмечается символическое значение, при использовании линий и форм в рекламной практике. Именно они и осваиваются на уровне передачи иллюстрации. При этом, всякое участие, в создании имиджа продукта и его качества происходит на уровне емкости, украшенной рисунком в виде окружностей, призваны восприниматься потребителем как более качественный продукт, чем продукт в емкости с рисунком в виде треугольников [5].

При выборе цветов, форм и линий для создания рекламы творческий актив разработчиков её, должны опираться на такие объективные критерии, как заметность и читаемость, а также на субъективный критерий – вызываемые этими графическими элементами мысли и ощущения. Подобные условия разрабатывал теоретик и практик рекламного креатива Р. Леви. Он считал, что некоторые цвета создают впечатление плотности, вязкости, тяжести. Другие вызывают ощущение легкости и текучести: «В рекламной практике существуют определенные правила создания разнообразных жанров и видов ее, цветовых и шрифтовых особенностей, композиционного построения. Например: в изобразительной части щитовой рекламы должны использоваться яркие, контрастные цвета. Самое сильное воздействие оказывает максимальный контраст двух цветов с резкой границей перехода. Сильные контрасты создают ощущения ясности, четкости, уверенности, силы, твердости, а слабые производят мягкое и неопределенное впечатление, при этом светло-тонные контрасты визуально сглаживают границы, они вялы и невыразительны; выбор цветов, обеспечивающих максимальный контраст с резкой границей перехода, осуществляют, в основном, из шести цветов: красного, желтого, зеленого, синего, белого и черного, при этом необходимо учитывать особенности как физиологического, так и психологического восприятия цвета человеком» [6, с. 98].

Далее, необходимо рассмотреть и щитовую рекламу, не признающую тонкостей. Вся её изобразительная часть должна включать только одну картинку без лишней детализации. Картинка должна говорить обо всем и восприниматься, совершенно однозначно даже без рекламного текста. В изобразительной части должны использоваться яркие, контрастные цвета. Самое сильное воздействие оказывает максимальный контраст двух цветов с резкой границей перехода. Сильные контрасты созда-

ют ощущение ясности, четкости, уверенности, силы, твердости, а слабые производят мягкое и неопределенное впечатление. При этом светло-тонные контрасты визуально сглаживают границы. Они вялы и невыразительны. В области восприятия рекламы, **необходимо согласиться** с автором учебника «Психология рекламы» А.С. Карминым, разрешившим цветовую зависимость: «Выбор цветов, обеспечивающих максимальный контраст, с границей перехода, осуществляется из шести цветов: красного, желтого, резкой зеленого, синего, белого и черного, с учетом их особенностей, таких как: на уровне физиологического восприятия цвета человеком. Например, на многих дорогах мира можно увидеть трейлеры красного цвета, на бортах которых написано «Кока-Кола». Красный цвет на трейлере точно повторяет цвет этикетки «Кока-Кола», то же относится и к цвету букв. К наружной рекламе относятся и другие виды наружной рекламы: разнообразные шары, аэрографы, витрины магазинов, красочно оформленные, в соответствии всех правил колористики наружной рекламы. Относительно создания баннерной рекламы, остается только подчеркнуть о том, что для неё предпочтительны желтый, оранжевый, голубой, но не красный, черный, коричневый цвета» [7, с. 117].

Создание рекламы никогда не превратится в точную науку наподобие математики. Формы воздействия рекламы на по-

ребителя многообразны, это невероятно гибкое и сложное явление – по сути, как и сама человеческая натура. Человеческий фактор играет слишком большую роль в механизмах создания рекламы, поэтому ее трудно свести к точным теориям и формулам.

Это совсем не означает, что реклама несопоставима с наукой. Например, у психологии, есть свои законы и общие правила. Их можно и нужно понимать, придерживаться, потому что, любая, разная научная позиция рекламы занимает близкую к психологии. Она обустроивается относительно восприятия цветовой гаммы и ее воздействия на человека. Многие ученые видят и относят рекламу к искусству. Сегодня очень мало тех, кто с этим утверждением не согласен, что весьма необходимо, актуально и важно в современном обустройстве мира. При этом хочется подчеркнуть то, что, сам фактор современной рекламы выводится на новые правила и закономерности, в системе которых необходимо быстро научиться просчитывать рекламную эффективность, для формирования непреложных истин в позиционировании, дабы не совершать ошибок гениев и самим ковать успех в продвижении идей, товаров, имиджа, услуг.

Таким образом, эмоции людей при восприятии рекламы неоднозначны, как и сам процесс изучения эмоций потребителей.

Библиографический список

1. Философский словарь / под общ. ред. В.А. Малинина. – М., 2003.
2. Дюпон, Люк. Реклама. 1001 совет. – Минск, 2008.
3. Цойгнер, Г. Учение о цвете. – М., 1971.
4. Джулер, А. Дж. Креативные стратегии в рекламе / А. Дж. Джулер, Б.Л. Дрюниани. – СПб., 2002.
5. Психология и психоанализ рекламы / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара, 2007.
6. Демидов, В.Е. Сущность рекламы и психология ее восприятия. – М., 1984.
7. Кармин, А.С. Психология рекламы. – СПб., 2004.
8. Гуревич, П.С. Приключение имиджа. – М., 1991.
9. Деян, А. Реклама. – М., 1993.
10. Люшер, М. Цвет вашего характера. – М., 2002.
11. Мегенетти, А. Система и личность. – М., 1996.

Bibliography

1. Filosofskiy slovarj / pod obsh. red. V.A. Malinina. – M., 2003.
2. Dyupon, Lyuk. Reklama. 1001 sovet. – Minsk, 2008.
3. Cojgner, G. Uchenie o cvete. – M., 1971.
4. Dzhuler, A. Dzh. Kreativnihe strategii v reklame / A. Dzh. Dzhuler, B.L. Dryuniani. – SPb., 2002.
5. Psikhologiya i psikhoanaliz reklamih / red.-sost. D.Ya. Raygorodskiy. – Samara, 2007.
6. Demidov, V.E. Suthnostj reklamih i psikhologiya ee vospriyatiya. – M., 1984.
7. Karmin, A.S. Psikhologiya reklamih. – SPb., 2004.
8. Gurevich, P.S. Prikluchenie imidzha. – M., 1991.
9. Deyan, A. Reklama. – M., 1993.
10. Lyusher, M. Cvet vashego kharaktera. – M., 2002.
11. Megenetti, A. Sistema i lichnostj. – M., 1996.

Статья поступила в редакцию 08.10.13

УДК 378.1

Shalkina T.N., Nikolaeva D.R. **CREATING A DATABASE OF MULTILEVEL PROFESSIONALLY ORIENTED TASKS AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF COMPETENCES OF STUDENTS IT-DIRECTIONS.** The article describes the development of a database of multilevel professionally-oriented tasks as a means of development common cultural and professional competences of students (in the direction 230100 – Computer Science and Engineering).

Key words: competence, professional competence, multilevel professionally oriented tasks.

T.N. Шалкина, канд. пед. наук, доц. каф. автоматизации и вычислительной техники, Тюменский гос. нефтегазовый университет, г. Тюмень, E-mail: shalkina-tn@yandex.ru;
Д.Р. Николаева, ассистент каф. автоматизации и вычислительной техники, Тюменский гос. нефтегазовый университет, г. Тюмень, E-mail: nikolaeva-d@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ МНОГОУРОВНЕВЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЗАДАЧ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ IT-НАПРАВЛЕНИЯ

В статье описывается формирование базы данных многоуровневых профессионально ориентированных задач как средства развития общекультурных и профессиональных компетенций студентов на примере направления 230100 – Информатика и вычислительная техника.

Ключевые слова: компетенция, профессиональная компетентность, многоуровневые профессионально ориентированные задачи.

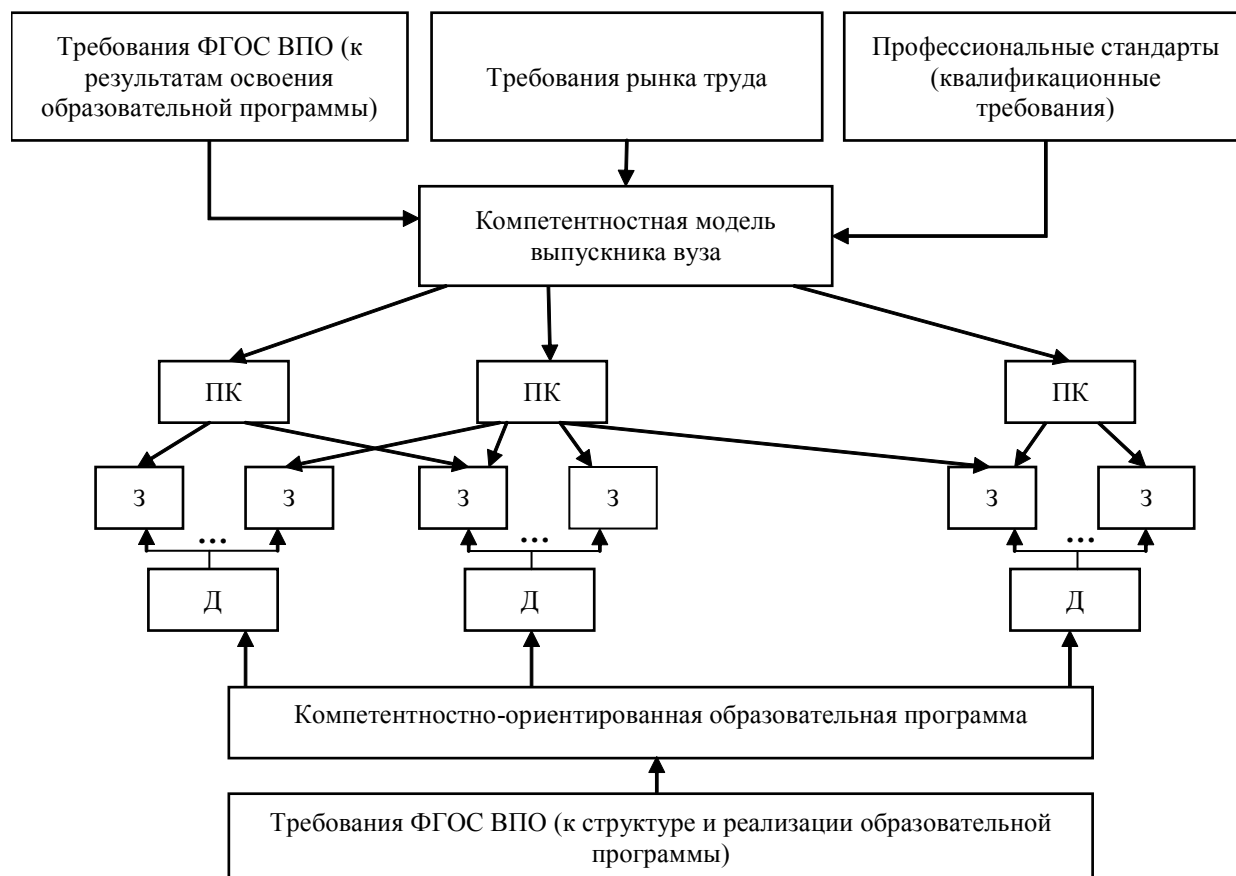

Рис. 1. Схема формирования компетенций студентов

ПК – профессиональные компетенции, Д – дисциплины основной образовательной программы, З – профессионально ориентированные задачи

Потребность общества в высококвалифицированных специалистах, способных решать задачи различной сложности, адаптироваться к изменяющимся условиям, готовых к саморазвитию и самообучению, повлекла за собой изменения в образовательной системе. Образовательные стандарты третьего поколения предполагают формирование компетенций обучающихся взамен традиционным знаниям, умениям, навыкам. Как следствие, возникает необходимость определения содержания компетенций, разработки новых методик обучения и оценки качества подготовки, а также совершенствования существующих обучающих систем и электронных учебных курсов.

В современных требованиях работодателей к специалистам акцент делается на их способность к практическому решению задач, возникающих в процессе профессиональной деятельности, умению принимать нестандартные решения, работать в команде, что нашло отражение в компетентностной модели выпускника, положенной в основу проектирования новых образовательных стандартов. Модель выпускника представляет собой описание того, каким набором компетенций должен обладать будущий специалист, к выполнению каких профессиональных функций он должен быть подготовлен и какова должна быть степень его подготовленности к их выполнению. Анализ требований работодателей, проведенный авторами в процессе разработки компетентностно-ориентированной образовательной программы по направлению 230100 «Информатика и вычислительная техника» показал, что на первое место работодатели (представители ИТ-компаний г. Тюмени) ставят такие профессионально значимые личностные качества как: «умение работать в команде», «умение анализировать», «умение принимать решения в нестандартной ситуации». Таким образом, задача выявления профессионально личностных особенностей, своеобразия профессионализации на этапе обучения в вузе становится все более актуальной. Как отмечает Деркач А.А., необходимо изучение индивидуальных стратегий развития профессионала, выявление наличия у человека необходимых для профессии качеств, признание приоритетов интересов человека, возможностей его развития [1, с. 247].

1. Особенности построения учебного процесса в вузе в условиях компетентностного подхода

Концепцией Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) предусматривается формирование у выпускников профессиональных и общекультурных компетенций, необходимых для решения задач в соответствующих областях деятельности. В этой связи актуальным является планирование на стадии проектирования образовательных программ не только самих компетенций выпускников и содержания основной образовательной программы, но и технологий достижения и оценки качества результатов обучения [2].

В формировании компетенций решающую роль играет не только содержание образования, но также и образовательная среда вузов, организация образовательного процесса, образовательные технологии, включая самостоятельную работу студентов, проектное обучение и т.д. Освоение компетенций происходит как при изучении отдельных учебных дисциплин, циклов, модулей, так и тех дидактических единиц, которые интегрируются в общепрофессиональные и специальные дисциплины.

Особенность этапа профессионального обучения заключается в том, что участие студента в специально организуемой профессионально ориентированной деятельности, с одной стороны, способствует формированию у студентов адекватных представлений о профессии, с другой стороны – формированию системы профессиональных знаний, умений, навыков, профессионального мышления и памяти [3].

На рис. 1 изображена схема формирования компетенций студентов, отражающая взаимосвязь элементов и требований компетентностного подхода к подготовке студентов.

Фундаментализация, как одна из основных тенденций развития образования, предполагает углубление общетеоретической подготовки студентов, расширение их профессионального профиля, подготовку специалистов способных к самостоятельному расширению своих профессиональных знаний, способному строить свою профессиональную карьеру. С другой стороны, широкий спектр возможных профессионально ориентиру-

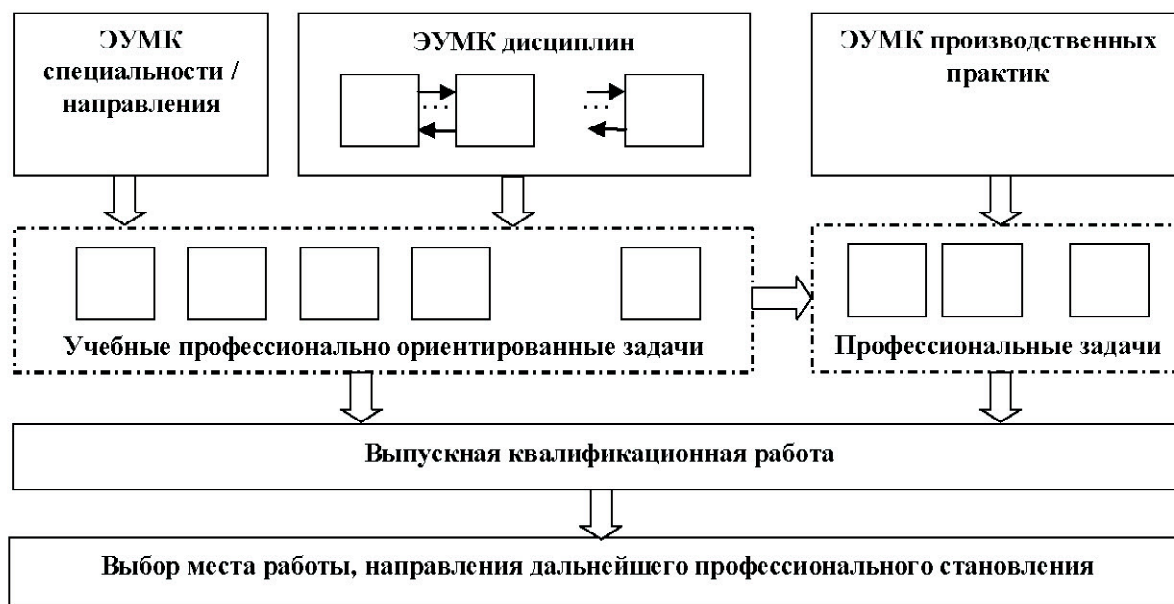

Рис. 2. Формирование базы данных многоуровневых профессионально ориентированных задач

ванных задач не всегда находят в полной мере отражение в структуре учебного процесса, как правило, преподаватели выделяют «жесткий» перечень задач, минимум, который должен выполнить студент для получения итоговой оценки. Такой механизм приводит к следующим отрицательным моментам:

- студенты из года в год решают однотипные задачи, ответы на которые иногда передаются от старшего курса младшим;
- нет возможности выбрать задание студентом самостоятельно, учитывая собственные предпочтения;

– множество задач «ускользает» из поля зрения студента, не развивает его кругозор.

Не только дидактическая проблема возникает перед преподавателем в современных условиях обучения, стоит отметить психологическую неготовность студентов к применению полученных знаний. Опыт работы в вузе показывает, что, как правило, самые способные студенты менее всего уверены в своих знаниях, умениях применять их на практике; многие студенты не задумываются над своей профессиональной карьерой до того

Таблица 1

Характеристика степени самостоятельной работы студента в зависимости от уровня выполняемого задания

Уровень	Характеристика уровня	Степень самостоятельной работы	Контроль
I	Студент знает основные теоретические положения дисциплины, ориентируется в ключевых терминах	Самостоятельная работа практически не предполагается в традиционном обучении, в случае использования дистанционных образовательных технологий студенту необходимо ознакомиться с учебно-методическим материалом, представленным в разделе электронного учебного курса	Для организации самоконтроля студентов удобнее использовать тестовые задания, сгруппированные по основным разделам дисциплины
II	Студент может использовать готовые решения для выполнения поставленной задачи	Уровень предполагает использование подробных инструкций, представленных в методическом обеспечении, поэтому уровень самостоятельной работы не высок, тем не менее, студент должен выбрать адекватные способы решения поставленной задачи.	Для контроля необходимо разработать систему заданий, предполагающих применение готовых решений: разработка простейших программ на основе известных готовых алгоритмов, настройка несложных аппаратно-программных комплексов
III	Студент способен проанализировать задачу, выявить ее основные характеристики, оценить уровень возможных решений проблемы, сделать выводы	Уровень предполагает разработку преподавателем только постановки задачи для исследования, студент в рамках самостоятельной работы исследует проблему, составляет тезисы и оформляет презентацию для защиты	Задания, требующие умений проведения аналитического анализа и синтеза, например, анализ принципов реализации различных атак и способов их предотвращения
IV	Студент способен создавать собственные решения для решения указанной задачи: алгоритмическое и программное обеспечение	На основании поставленной задачи студент изучает существующие решения, разрабатывает свои проектные решения	Задания, требующие дополнительных знаний и носящие междисциплинарный характер
V	Студент способен оценить свой вклад в решении поставленной задачи, оформить свои идеи в виде тезисов	Практически полностью самостоятельная работа студента, курируемая преподавателем	Выступление на различного уровня конференциях

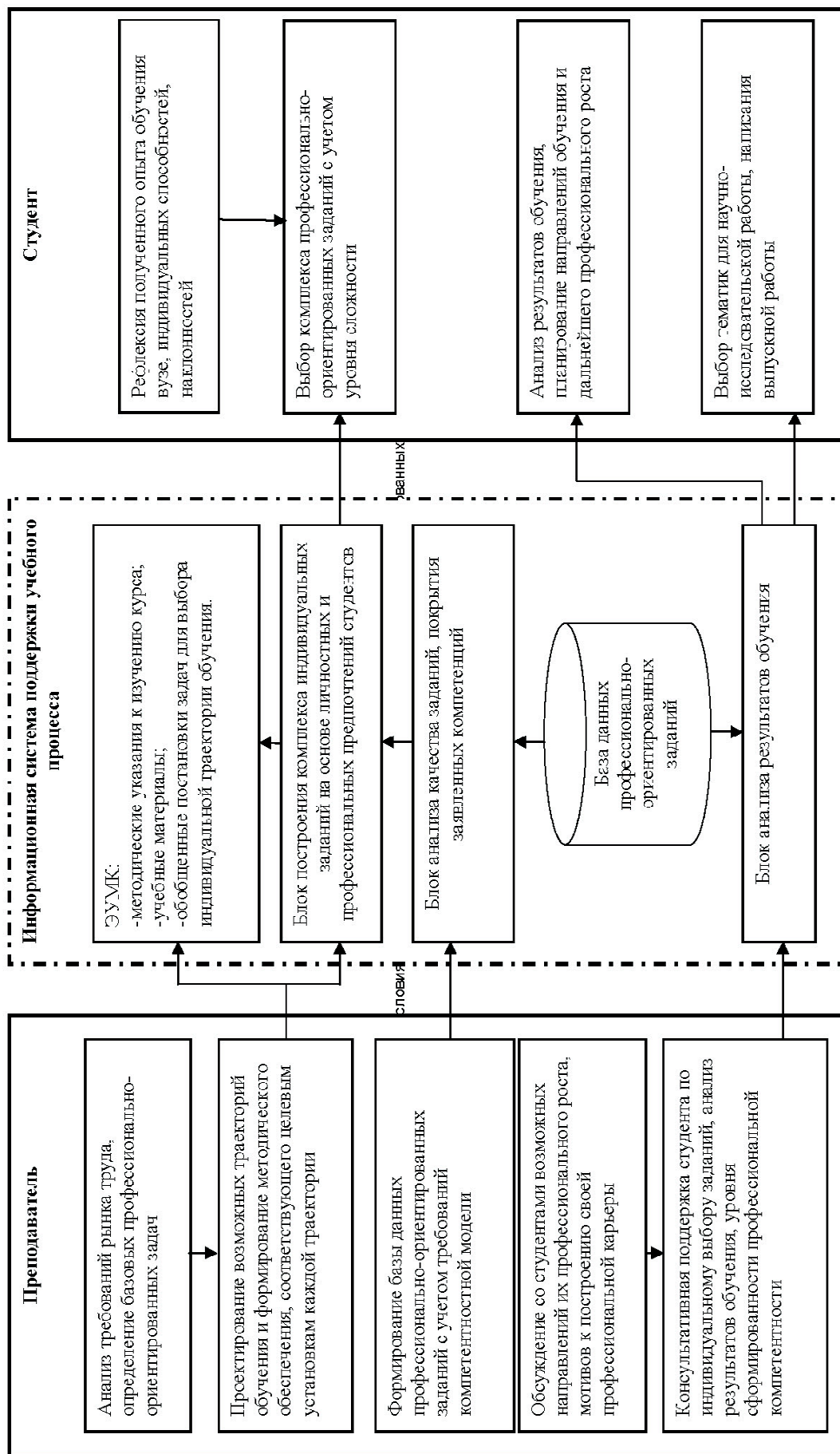

Рис. 3. Условия для формирования базы данных профессионально ориентированных заданий

Фрагмент рабочей программы

Обозначение	Перечень компетенций	Название	Профессиональное направление	Описание	Вид работы и контроля
Ц		Цель изучения дисциплины	M1, M2, M3		
<i>Модуль 1. Терминология. Основные атаки</i>					
CP1	ОК-1 ОК-2 ОК-11 ОК-13 ПК-7	<i>Самостоятельная работа:</i> детальное ознакомление с одной из предлагаемых информационных атак	M1	CP1.1: Атака типа "SQL Injection"	- оформление презентации; - выступление на практическом занятии
			M2	CP1.2: Атака типа "Buffer overflow"	
				CP1.2: Атака типа "format string"	
			M3	CP1.3: Dos, DDos атаки	
CP1.3: Атака типа "Directory traversal"					
<i>Модуль 2. Криптографические средства защиты информации</i>					
ЛР1	ОК-12 ПК-2	Лабораторная работа: изучение криптографических алгоритмов	M1	ЛР1.1: Использование готового программного пакета для изучения работы криптоалгоритмов	- защита лабораторной работы;
	ОК-12 ПК-3		M2	ЛР1.2: Разработка приложения, реализующего криптографическую защиту данных (разработка собственного алгоритма либо использование CryptoAPI (по варианту, предложенному преподавателем))	
	ОК-12 ПК-11		M3	ЛР1.3: Изучение принципов работы и настройка шифрующей файловой системы EFS	

момента, как им приходится устраиваться на работу, считая, что будет работа, тогда и возникнет необходимость в более пристальном изучении возникших задач.

К положительному опыту можно отнести совмещение учебы и работы у студентов старших курсов, как правило, такие студенты, имеющие опыт профессиональной деятельности, четко ставят цели и достигают их в процессе обучения, более творчески подходят к выполнению учебных задач, находят нестандартные решения, стараются, в хорошем понимании, минимизировать свои трудозатраты на выполнение задач. Таким студентам требуются четкие формулировки целей, четкое понимание местоположения получаемых знаний в структуре их профессиональной деятельности.

2. Формирование базы данных многоуровневых профессионально ориентированных задач

Важным дидактическим средством формирования профессиональной компетентности студентов в процессе обучения, на наш взгляд, является специальным образом сформированная база данных задач, удовлетворяющая следующим требованиям (рис. 2):

– **компетентностно-ориентированный характер:** каждому заданию может быть поставлена в соответствие одна или более компетенций, на формирование которых оно направлено согласно компетентностной модели;

– **преemptивности и междисциплинарности:** для формирования одной компетенции, как правило, студенту необходимо выполнить несколько различных заданий во время всего процесса профессионального обучения в вузе. Формулировка задачи должна отражать ее взаимосвязь с другими дисциплинами, отражать вклад в развитие профессиональной компетентности;

– **уровневой дифференциации:** разбиение заданий на типы, каждый из которых имеет отдельные цели в подготовке студентов (текущие задания, итоговые задачи по дисциплинам, ВКР);

– **актуальности и соответствия современным профессиональным требованиям:** формулировка задания должна строиться в соответствии с аналогичными решаемыми профес-

сиональными задачами на основе опроса работодателей, руководителей производственных практик и т.п.;

– **учет профессиональных и личных интересов студентов:** предполагает определение способностей, склонностей и интересов студентов к будущей профессиональной деятельности и их учет при выборе набора задач.

Как видно из таблицы 1, чем выше уровень задачи, тем больше время студент затрачивает на самостоятельную работу в процессе решения задачи, задания высших уровней вовлекают студентов в научно-исследовательскую деятельность.

Модульная структура учебного материала, возможности сетевой информационной системы поддержки учебного процесса и бально-рейтинговая система оценки знаний позволяют создать условия для формирования базы данных профессионально ориентированных заданий и разработки методики ее использования в учебном процессе (рис. 3).

Выделим уровни заданий, с которыми студенты сталкиваются во время обучения в университете (таблица 1).

Будущим специалистам направления 230100 – «Информатика и вычислительная техника» необходимо иметь соответствующую подготовку в области знания и применения информационных технологий в быстро изменяющихся условиях информационного общества; владеть основами необходимых знаний и накопить личный опыт практического использования компьютерных технологий в своей профессиональной деятельности. К тому же, стремительный рост быстродействия компьютерных систем, уменьшение цен на вычислительную технику, появление качественных и мощных систем программирования значительно увеличивает возможность специалистам получить профессиональные компетенции, востребованные на рынке труда.

Направление подготовки бакалавров по направлению 230100 ориентировано на достаточно большое количество профилей подготовки, что, с одной стороны, дает образовательному учреждению большую самостоятельность в построении образовательной программы, с другой, накладывает дополнительную ответственность за результаты обучения. Решением данной проблемы может стать выделение нескольких образовательных маршрутов, ориентированных на достижение общекультурных и профессиональных компетенций.

Анализ ФГОС ВПО, различных сайтов трудоустройств, беседы с работодателями и студентами, опыт работы позволили выявить три основных направления профессионального применения полученных во время обучения в вузе знаний и умений в процессе трудоустройства [3]:

M1 – проектирование и поддержка информационного обеспечения автоматизированных систем;

M2 – разработка и поддержка программного обеспечения;

M3 – администрирование сетевой инфраструктуры.

В таблице 2 представлен фрагмент рабочей программы изучения курса, где для каждого профессионального направления определены: тематика и содержание учебных заданий, формы занятий, виды контроля, компетенции, на развитие которых направлено задание.

Процесс формирования каждой компетенции предполагает выполнение хотя бы одного задания, а каждое задание направлено на формирование какой-либо компетенции. В рамках изучения одной дисциплины, студент выполняет задания и накапливает баллы. Необходимым условием завершения курса является формирование всех необходимых компетенций (или их частей, если компетенция формируется в нескольких курсах). Существует несколько уровней владения компетенцией, однако есть пороговый (минимальный) уровень, которым должен вла-

деть каждый студент, закончивший изучаемый курс. Если уровень владения компетенциями ниже определенного порога, то студент не может продолжить обучение. Результатом изучения дисциплины является освоение новых и развитие имеющихся общекультурных и профессиональных компетенций, которые детализированы для каждого маршрута. Итоговая оценка по дисциплине в конце семестра выставляется исходя из накопленных баллов.

Заключение

Отметим, что рассмотренные в работе средства информационных технологий позволяют организовать специальным образом сформированную базу данных профессионально ориентированных многоуровневых заданий, которая оказывает комплексное воздействие на студентов в процессе их обучения в вузе:

– студент имеет возможность получить необходимую информацию о будущей профессиональной деятельности, решаемых задачах в понятной для своего возраста и уровня профессионального и личностного развития форме;

– наличие междисциплинарных связей не только в когнитивном, но и операциональном компонентах, позволяет построить логические связи между полученными знаниями и их дальнейшим применением, определить уровень своей профессиональной компетентности.

Библиографический список

1. Деркач, А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М., 2004.
2. Чучалин, А. Формирование компетенций выпускников основных образовательных программ // Высшее образование в России. – 2008. – № 12.
3. Болучевская, В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий: монография. – Волгоград, 2010.
4. Шалкина, Т.Н. Реализация компетентного подхода при проектировании электронного учебного курса (на примере направления «Информатика и вычислительная техника») / Т.Н. Шалкина, Д.Р. Николаева // Проблемы реализации компетентного подхода в российском профессиональном образовании. – Тюмень, 2010.

Bibliography

1. Derkach, A.A. Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala. – M., 2004.
2. Chuchalin, A. Formirovanie kompetencyj vhpusknikov osnovnykh obrazovatelnykh programm // Vyhsshee obrazovanie v Rossii. – 2008. – № 12.
3. Boluchevskaya, V.V. Professionalnoe samoopredelenie budutnykh specialistov pomagayutnykh professiy: monografiya. – Volgograd, 2010.
4. Shalkina, T.N. Realizaciya kompetentnostnogo podkhoda pri proektirovani ehektronnogo uchebnogo kursa (na primere napravleniya «Informatika i vihchislitel'naya tekhnika») / T.N. Shalkina, D.R. Nikolaeva // Problemih realizacii kompetentnostnogo podkhoda v rossiyskom professionalnom obrazovanii. – Tyumenj, 2010.

Статья поступила в редакцию 03.10.13

УДК 796.093 (571.513)

Shvalyova T.A. PEDAGOGICAL SIGNIFICANCE OF THE BORROWED GAMES IN THE PRESERVATION OF THE CULTURAL VALUES IN THE SIBERIAN REGION. Many research games & physical exercises of the nations of the South Siberia have general history & reach cultural heritage. The problem of cultural interactions of the nations of Siberia, Asia & East is investigated in various aspects: historical, cultural, philosophical & so on. These work & own investigations gave the author a foundation to come to the conclusion that these nations were developed on the common cultural foundation including physical culture. These facts proved interaction of these nations in the preservation of the cultural values that are not detailed investigated in scientific literature.

Key words: fight, national culture, single combat, bow shooting, horse racing, tug-of-war, speed & strength abilities, physical qualities.

T.A. Швалева, канд. пед. наук, доц., зав. каф. физической культуры и спорта Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: shvaleva-t@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИГР В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

Многие исследуемые игры и физические упражнения народов Южной Сибири имеют общую древнюю историю и богатое культурное наследие. Вопрос о культурных взаимодействиях народов Сибири, Азии и Востока изучается в различных аспектах: историческом культурологическом, философском и др. Именно эти труды и собственные исследования дали автору основание прийти к выводу о том, что народы сформировались на единой культурной основе, в том числе и на физической. Эти факты подтверждают взаимосвязь этих народов в сохранении культурных ценностей, которые в научной литературе еще мало изучены.

Ключевые слова: борьба, национальная культура, единоборства, рукоборье, стрельба из лука, игра, конные скачки, перетягивание, игровые корни, скоростно-силовые способности, физические качества.

Многовековая история хакасского народа свидетельствует о том, что контакты с сопредельными государствами и культурными регионами позволили ему впитывать другие формы культур и их разновидности, в том числе и игры с развлечениями. В процессе взаимообмена играми физическая культура хакасов развивалась и становилась богаче, так как она синтезировала лучшие достижения всех национальных культур народов, населяющих Южную Сибирь (тувинцев, алтайцев, монголов и др.). Проведенные исследовательские работы в смежных науках: познание определенных биологических, физиологических, психологических закономерностей в физическом воспитании дали огромный педагогический потенциал для использования игр в развитии, воспитании и образовании подрастающего поколения.

Целью нашей работы является выявить значение заимствованных игр в сохранении культурных ценностей в Сибирском регионе. Анализ литературных источников показывает, что наибольшую популярность у народов получают те виды классических упражнений, которые имеют общие корни с достаточно распространенными народными играми.

Кочевой и полукочевой образ жизни сибирских народов, ведение промыслов в экстремальных условиях, военные столкновения требовали от людей высокого уровня развития физических качеств. Прекрасным средством для их развития и совершенствования являлась национальная борьба. В научной литературе фактически нет работ, в которых бы подробно описывалось содержание этого древнего состязания, правила, по которым оно проводилось в далеком прошлом. В настоящее время в национальных видах борьбы имеются точно установленные правила ведения состязания, указываются весовые категории, использование технических приемов, порядок подсчета очков, определено время поединка и т.д. Все это отражено в работах М.К. Каланакова (1980) об алтайской борьбе «Куреш», у Л.Н. Сагалакова (1969) о хакасской борьбе «Курес», Д.Х. Ооржак (1995 г.) о тувинской борьбе «Хуреш».

Считается, что различные варианты борьбы возникли в результате переноса правил с одного вида борьбы на другой, а также безболезненного переноса арсенала технических приемов на родственный вид спорта. В частности, технические приемы борьбы «Самбо» почти ничем не отличаются от приемов национальной борьбы «Хуреш» у тувинцев. Анализ современных видов борьбы (классическая, вольная, дзю-до, греко-римская и др.) дает основание считать, что многие технические приемы и тактические замыслы их хорошо переплетаются с элементами национальных видов борьбы, взятых из сибирского региона.

Например, в хакасской борьбе «Курес» используются технические приемы и тактические действия, равноценные тем, которые встречаются у многих сибирских народов, но со своими изменениями. Именно богатство и разнообразие хакасских технических приемов дает возможность овладеть множеством приемов борьбы у других народов. Хакаские борцы хорошо владели приемами из тувинской, алтайской, якутской, бурятской борьбы, так как они были не только почетными зрителями на их праздниках, но и участниками. Во время проведения борьбы «Курес» старцы сидят на почетном месте, напротив – судьи и отдельно располагаются борцы. Раньше костюм состоял из шаровар, рубашки, хура и мягкой обуви. Схватка проходила на траве или на твердом грунте [1]. Костюм участников в настоящее время состоит из спортивных брюк и ботинок. Обязательны хуры – кушаки красного (желтого) и синего (зеленого) цветов. Арбитр должен быть в хакасской рубашке. Соперники берутся за хуры в обоюдный захват, причем правая рука проходит под левой рукой соперника. Арбитр проверяет, чтобы обе руки были на спине соперника. Продолжительность схватки для взрослых – 5 минут, юношей – 4 минуты, для подростков – 3 минуты. Ковер для соревнований – круг диаметром 6 или 9 м. Хуры имеют длину 2,5–3 м, ширину 50 см [2].

Тувинская борьба «Хуреш» всегда занимала особое место на любом тувинском празднике. У современных тувинских борцов своеобразный спортивный костюм для борьбы – камзол с длинными рукавами, трусы, затягивающиеся ремнями. Особенностью тувинской борьбы является исполнение танца «орла» всеми участниками. Победитель схватки стряхивает с побежденного «пыль» и опять танцует. Судьи подносят ему посуду с пищей (быштак-сыр). Он берет посуду и во время исполнения танца разбрасывает пищу по сторонам. После первого тура остается половина всех борцов, которые продолжают схватки. Алтайский «Куреш» сохранил многовековые борцовские традиции. Началь-

ным этапом освоения спортивного единоборства можно считать хакасскую игру «Свали соперника». Ее основой является монгольская борьба «Барильда», что подтверждает давние связи, существовавшие между хакасами и монголами, которые заимствовали некоторые приемы борьбы друг у друга.

В научных исследованиях Л.В. Анжигановой (1995), В.Ф. Букова (2006), В.П. Кривоногова (1997), В.П. Красильникова (2010), М.К. Каланакова (1980), В.Н. Тугужековой (1993), изучающих историю и культуру Сибири и Хакасии, доказано, что в старину народы мира общались между собой через торговлю, праздники, свадьбы и т.д. А это общение сопровождалось играми, состязаниями, на которых народ демонстрировал ловкость и силу. Особенно необходимо было показать свое преимущество перед иноземцами. Так возникло силовое состязание, как «рукоборье», которое являлось одним из зрелищных состязаний на праздниках. Именно здесь, в состязании по «рукоборью», складывались договорные правила для каждого последующего отдельного состязания. Позднее они записывались на бумаге и становились всеобщими. Такие соревнования носили чисто развлекательный характер и проводились обычно после торгового дня или устраивались в специально назначенные дни. В итоге проведения таких состязаний один народ перенимал правила, технику, тактику у другого народа и внедрял их в традиции своей культуры.

У разных народов существовали свои особенности при проведении состязаний по рукоборью. В данной игре, по преданиям, у хакасов использовался специальный низкий стол с сиденьями и приспособлениями для держания рук, где играющие принимают исходное положение «сидя на пятках» [2]. В исторических источниках отмечается, что у русского народа играющие сидят на стульях, а руки ставят локтями на стол. У некоторых восточных народов, играющие сидят на чурках, в азиатских странах играющие принимают особое исходное положение «лежа на животе» или «стоя на одном колене».

Характеризуя этот вид борьбы с точки зрения физического воспитания, следует признать, что «рукоборье» развивает силовые способности человека, которые проявлялись не сами по себе, а через соприкосновение партнера. Мы предполагаем, что при подготовке к таким соревнованиям каждый участник использовал не только упражнения в соприкосновении, но и упражнения с отягощениями. Как указывает Л.П. Матвеев, особенность этого вида борьбы состоит в том, что человек должен быть в «боевой готовности» [3]. Следовательно, боевое состояние – это совокупность физических качеств и соответствующих им ощущений в организме, таких как, например, сила, гибкость, легкость, подвижность, расслабленность, хорошая работа сердца.

Большой популярностью у народов Южной Сибири пользовалась стрельба из лука. Условия и правила состязаний, способы стрельбы у этих народов схожие. Об этом свидетельствуют памятники былинного эпоса и наскальные изображения, сохранившиеся до настоящего времени в республиках Хакасия, Тыва и Горный Алтай. Стрельба из лука имела два направления: первое – на дальность, второе – на точность в горизонтальную или вертикальную цель. Например, якутская стрельба из лука в цель с кружением, которая является сложным видом. Бурятская стрельба из лука наиболее развита у западных (иркутских) бурят называется «Сурхарбан», что означает «Стрельба по сурам» – кожаным подушкам цилиндрической формы, напоминающим городок. Именно стрельба из лука дала название народному спортивному празднику «Сурхарбан». Тувинская стрельба из лука «Стрельба в мишень» похожа на хакасскую игру. Отличие ее в том, что в тувинской игре на пенек клали колобок, скатанный из козьего пуха или шерсти овцы так, чтобы при попадании в него стрелой он откатился, а в хакасской игре на пенек ставились бабки.

По преданиям, хакасы изготавливали мишень из бересты и делали в середине отверстие. Мишень устанавливали на расстоянии 50–60 шагов. Каждый участник имел 5 стрел, а побеждал тот, кто больше стрел пропустит в отверстие. Другие игры (*Охчаадан атыс*) и *«Миргенге атыс»* – более сложные, требующие проявления комплекса различных психофизических качеств человека: силы, ловкости, координации движений и волевых усилий. Игры со стрельбой на дальность (*Ырахха атыс*) проходили на открытой местности с коридором шириной 25 м. В них использовались самодельные луки, не требующие особых украшений и дополнительных деталей, и специально раскрашенные стрелы. Увлекательные игры у хакасов *«Ноортпас»* и *«Ухчаа ойыны»* (стрельба по бабкам) также имели свои осо-

бенности. Согласно правилам, каждый стрелок имел столько стрел, сколько поставлено в круг бабок. Кто промахнулся – ставил дополнительные кости. Выигрывает тот, кто больше всех выбьет из круга бабок.

При подготовке к охоте необходимо было развивать глазомер, точность, меткость попадания в цель. Для этого использовались такие игры, как: «Чертики» и «Охотники», которые развивали у охотников ловкость при передвижении с предметами.

Анализируя виды стрельбы из лука у разных народов, можно отметить большое их сходство. Во-первых, целью их проведения у всех народов была подготовка детей и подростков к будущим промыслам, к хозяйственной деятельности; во-вторых, они решали и педагогические задачи (развивали физические способности, такие, как: глазомер; меткость и точность движений; силу рук и плечевого пояса; координацию движений); в-третьих, все они формировали волевые качества участников. Отличались эти игры тем, что мишенью служили различные предметы: бабки, фигурки зверей, мешочки, наполненные опилками, тряпками, соломой, соломенные скатанные шары, суры, картонные диски, колобки; зимой это были снежки, шары из шерсти, куски глины разной формы, вырезанные из материи или картона большие круги для того, чтобы стрела пролетала через эту дыру с большого расстояния и др.

Повсеместное распространение у сибирских народов имела верховая езда. Все кочевые племена были блестящими наездниками. Это подтверждается петроглифами, найденными в различных местах Южной Сибири. Хакасы проводили в седле большую часть жизни. Боевой конь ценился выше любого золота. Хакасский фольклор отождествляет повадки лошадей с человеческими поступками. Например: «Хорошей лошади достаточно одной плети, плохой – тысяча, хорошему человеку достаточно одного слова, плохому – тысяча».

Почти каждый сельский житель прекрасно разбирался в лошадях и мог отобрать наиболее пригодных к скачкам коней. Эти конские ристалища имели древние, устоявшиеся традиции, разработанные до мельчайших подробностей правила. Почти у каждого бая были свои беговые лошади (тулбары). У хакасов ценились рослые кони, пробегающие длинные дистанции. Богатые люди делали большие ставки на своих скакунов, крупные заклады – до трехсот рублей деньгами, до ста голов крупного рогатого скота. На крупных состязаниях собиралось много зрителей, и результаты этих соревнований долго потом обсуждались. Там же проходила и торговля лошадьми, которая приносила большую прибыль торговцам.

В научных работах В.Я. Бутанаева есть описание конных скачек, где сказано, что в хакасских аалах при проведении конных состязаний хозяева скакунов бились об заклад и договаривались об условиях проведения соревнований. В заклад ставили скот или деньги. Выбирался судья (порака), которому накануне скачек сдавали половину закладных денег. От каждого хозяина выбирались свидетели по два человека. Если один из закладчиков в дальнейшем отказывался от скачек, то аванс шел в пользу второго. При подготовке скакуна к соревнованиям его сначала откармливают, чтобы тело стало сильным. После этого лошадь специально выдерживают на привязи [4].

Забег проводился на расстояние от 5 до 25 верст (т.е. на одну кочевку). За один заезд могли пустить до 20 лошадей. Седоками на скакунах были мальчики-подростки от 8 до 13 лет, которые садились на коней без седел. Седоки надевали рубашки, а вместо обуви – вязаные носки. Головы повязывали платками разных цветов, чтобы зрители могли различать их. В руках седок держал нагайку. Иногда в состязаниях принимали участие и лихие наездники – девочки. Если скакун приходил первым, то его хозяин получал выигрыш. Седок, чей конь пришел первым, получал от хозяина 10% заклада (10 руб. от 100 руб. или 10 овец от 100 овец). Такую же сумму получал яровщик. Победитель ставил угощение для судей и своих свидетелей [4].

В описаниях Е.К. Яковлева о скачках середины XVIII в. на Южном Енисее упоминается: «... Скачки и общественные игры сохранились у татар (хакасы) и до сих пор, хотя прежнее значение они понемногу теряют» [5]. Интересные архивные данные приводят А.А. Кузнецова и П.Е. Кулаков, которые содержатся в работе «Минусинские и ачинские инородцы»: «... Бега или скачки среди инородцев хотя и существуют, но они совсем противоположны видам, каковы есть в России... В день скачек сочувствующих и побочных людей по крайней мере собиралось до 500 человек, из коих более половины на верховых лошадях, имея

каждый в руке плеть. За сим выводят скакунов, на коих вместо жокеев сидят 2 небольших мальчика от 8 до 12 лет, без седел. Надобно заметить, что бега иногда бывают верст на 30–40 и это пространство пробегают не более 1,5 или 2 часа» [6]. В отчете абаканской управы статкомитету Енисейской губернии: «Скачки и разные игры бывают у татар во время свадеб. Это совершается в степи, где собирается большое число татар. Девуцы и молодые ребята при играх и скачках кричат песни, другие же из мужчин борются, иногда бьют по закладу на конях и ...» [6].

На конных бегах и скачках обычно состязались в трех аллюрах: галопом, рысью, иноходью. Иноходцы назывались «чорфа», рысаки – «чортчан», скачущие галопом – «тулбар». Соревнования проводились отдельно по каждому виду. Однако иногда проводились забеги на выносливость, дистанция достигала до 50 км, где иноходцы и рысаки обгоняли тулбаров. Конные состязания проводились и с участием женского населения. Многие женщины и молодые девушки хорошо владели навыками верховой езды и имели право выступать в конных состязаниях. У народов Сибири существовали специальные соревнования-игры – «Догони девушку» и «Доставание приза на скаку». Это было одно из увлекательных и зрелищных представлений. Правила проведения этих соревнований несколько разнятся, но суть этого вида, повергающего в глубокое изумление многочисленных иностранных гостей, одна: юноше необходимо на полном скаку поцеловать молодую всадницу, пытающуюся ускользнуть от джигита, или коснуться ее рукой, головного убора и др. части одежды.

Педагогическое значение конных скачек состоит в том, что они развивали физические качества: ловкость, силу, координацию движений, формировали нравственные качества: умение быть сдержанным и терпеливым, смелым и находчивым.

Силовые перетягивания. У хакасов, тувинцев, якутов, алтайцев популярны были перетягивание предметов. Состязания проводились парами, командами, группами. Как описывают историки у хакасского народа существовали состязания по перетягиванию предметов: это руками, ногами, палки, каната, ремня. Рассматривая эти игры с педагогической точки зрения, можно сказать, что они воспитывали не только силовую выносливость, но и умение преодолевать сопротивление партнера. В таких играх игроку необходимо было проявлять собственные силовые способности при мышечных напряжениях изометрического режима и волевые качества.

Большое значение в жизни хакасов имели игры, связанные с охотой на зверей. Анализируя такие игры, как бурятские игры «Волк и ягнята» и «Табун», монгольская игра «Охота на волка», тувинская – «Волк и табун», хакасские игры «Дикие козы и волк», «Заячья тропа», можно утверждать, что в основе этих игр лежит общее содержание, но детали игр имеют существенные различия. Возможно, эти игры были заимствованы друг у друга, а впоследствии были видоизменены применительно к условиям своей местности и традициям своего этноса. Так народ традиционной передавал будущему поколению элементы охотничьих приемов в игровой ситуации и осуществлял физическую подготовку молодого человека.

Подводя итог описанию данной классификации игр, можно констатировать, что многие их элементы заимствованы из игр разных этносов, имеют общие игровые корни и взаимосвязаны между собой. Невозможно описать все игры, имеющие общее содержание и двигательные действия, условия и правила, варианты и т.д. Игровой мир богат на фантазию и вымысел. Каждое последующее поколение вносило в игровой фольклор народа разнообразие новых игровых вариантов и их сочетаний.

Педагогическое значение заимствованных игр проявляется в их огромном влиянии на развитие, воспитание молодого поколения. Они способствуют сохранению культурных ценностей народов сибирского региона. Обмен опытом спортивных состязаний укрепляет культурное сотрудничество между народами. Каждый отдельный вид игр являлся важным элементом народной педагогики.

Народные виды борьбы развивают физические и волевые качества, воспитывают стремление у людей к преодолению трудностей. Конные скачки способствовали формированию навыков верховой езды, необходимых в скотоводческой и охотничьей деятельности. Стрельба из лука развивала силу рук и плечевого пояса, глазомер, ловкость, хладнокровие и формировала необходимые двигательные навыки для добычи мелких животных,

охоты и рыболовства. Анализируя состязания с перетягиванием, можно сделать заключение, что эти игровые упражнения способствовали развитию скоростно-силовых качеств людей. Таким образом, все вышеперечисленные виды игр и состязаний

являлись не только средством физического воспитания и формирования личности, но и способом приобретения необходимых двигательных умений и навыков в различных видах деятельности, формой развлечения и отдыха.

Библиографический список

1. Сагалаков, Л.Н. Курес: учеб. пособ. – Абакан, 1969.
2. Челтыгмашев, А.И. Хакасские народные игры и состязания / А.И. Челтыгмашев [и др.]. – Абакан, 1996.
3. Матвеев, В.П. Теория и методика физического воспитания: в 2 т. / под общей ред. Л.П. Матвеева, А.Д. Новикова. – М., 1976. – Т. 1.
4. Бутанаев, В.Я. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии / В.Я. Бутанаев, А.А. Верник, А.А. Ултургашев. – Абакан, 1999.
5. Яковлев, Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. – Минусинск, 1900.
6. Кузнецова, А.А. Минусинские и ачинские инородцы / А.А. Кузнецова, П.Е. Кулаков. – Красноярск, 1898.

Bibliography

1. Sagalakov, L.N. Kures: ucheb. posob. – Abakan, 1969.
2. Cheltyngmashev, A.I. Khakasskie narodnihe igrih i sostyazaniya / A.I. Cheltyngmashev [i dr.]. – Abakan, 1996.
3. Matveev, V.P. Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya: v 2 t. / pod obthey red. L.P. Matveeva, A.D. Novikova. – M., 1976. – T. 1.
4. Butanaev, V.Ya. Detskie igrih i sportivnihe sostyazaniya narodov Khakasii / V.Ya. Butanaev, A.A. Vernik, A.A. Ulturgashev. – Abakan, 1999.
5. Yakovlev, E.K. Ehtnograficheskij obzor inorodcheskogo naseleniya dolin Yuzhnogo Eniseya i Objhasniteljniyh katalog Ehtnograficheskogo otdela muzeya. – Minusinsk, 1900.
6. Kuznecova, A.A. Minusinskie i achinskie inorodcih / A.A. Kuznecova, P.E. Kulakov. – Krasnoyarsk, 1898.

Статья поступила в редакцию 03.10.13

УДК 371: 075.32

Kourov A.V. INVESTIGATION HISTORY OF THE PROBLEM «SELF DEVELOPMENT». This article includes the scientific review of the problem “self-development” from the point of view of Philosophy, Psychology and Pedagogy, the conclusions about the main approaches to the term «self-development of a personality» and the investigation actuality of the problem “professional self-development of future specialists” indicated on the basis of new information technology.

Key words: approaches to the term «self-development of a personality», self-movement, development, self-confirmation, moral development, creative activity, technology of self-development organization, new information technology.

А.В. Коуров, канд. пед. наук, доц., проректор по инновационной работе и информатизации Шадринского гос. педагогического института, зав. каф. программирования и сетевых технологий, г. Шадринск, E-mail: kvg@shadrinsk.net

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ «САМОРАЗВИТИЕ»

В статье представлен обзор научных исследований по проблеме «саморазвитие» в рамках философии, психологии и педагогики. Сделаны выводы о главных подходах ученых к пониманию саморазвития личности. В конце статьи указано на актуальность исследования проблемы профессионального саморазвития будущих специалистов на основе инновационных информационных технологий.

Ключевые слова: подходы к пониманию саморазвития личности, самодвижение, развитие, самоутверждение, духовно-нравственное развитие, творческая деятельность, технологии организации саморазвития, инновационные информационные технологии.

Современный этап развития образования напрямую связан с проблемой создания условий для саморазвития личности. Исследование этой проблемы наиболее полно представлено в философии, психологии, педагогике.

Возникновение идеи саморазвития личности восходит к трудам древних философов. Так, античные исследователи Гераклит, Сократ, Гегель первыми стали писать о проявлениях саморазвития. Гегель определял природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии. Термин «саморазвитие» он соотносил с понятием «самодвижение», в «Философии права» Гегель отметил, что саморазвитие человека – это переработка себя в процессе культуры.

В эпоху Просвещения, в соответствии с мнением Ж.Ж. Руссо, И.Г. Гердера и К.А. Гельвеция, сознание рассматривалось как способ развития самообразования. Гуманистические идеи И. Канта, который выделял в человеческом сознании объективное и субъективное, чувственное и интеллектуальное и др., действовали развитию проблемы саморазвития. Сущность понятия саморазвития понималась И. Кантом как духовно-творческая деятельность.

На рубеже XIX-XX вв. философы В. Дильтей, Г. Спенсер, И. Г. Фихте, К. Ясперс, а также русские ученые П.П. Блонский,

П.Ф. Каптерев идеи европейского гуманизма связали с проблемой саморазвития человека. Так, с точки зрения П.П. Блонского, саморазвитие личности объясняется активно-деятельностным взаимодействием субъекта с объективным миром.

Большое значение по проблеме «саморазвитие» имеют размышления философов М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, М. Хайдеггера и др. о человеке и его месте в мире.

В настоящее время указанная проблема в философии привлекла внимание Г.С. Батищева, И.С. Кона, В. Е. Степановой, А.А. Харламова и др. Так, В.Е. Степанова отмечает, что в философской науке саморазвитие рассматривается, в основном, в связи с разработкой проблем развития. В философских энциклопедических словарях, как показывает анализ, отсутствует определение саморазвития, но, как правило, есть характеристика термина «развитие», например: «Развитие – поступательное движение, эволюция, переход от одного состояния к другому» [1, с. 710].

Итак, в философии термин «саморазвитие» сближается с понятиями «движение» «самодвижение», «развитие».

В трудах по психологии проблема саморазвития личности широко отражена в исследованиях К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анциферовой, Т.И. Артемьевой, А.Г. Асмолова, В.П. Зинченко, Н.А. Низовских, А. Маслоу, Б.М. Мастерова,

В.Г. Маралова, К. Роджерса, С.Л. Рубинштейна, Ю.В. Слюсарева, Г.А. Цукерман, Д.Б. Эльконина и др.

В начале XX в. З. Фрейд, его последователи А. Адлер, К.Г. Юнг заложили основы психотерапии.

Представители экзистенциальной психологии М.М. Бахтин, М. Бубер, В. Франк и др. при изучении саморазвития акцентировали внимание на самотворчестве.

В середине XX в. в трудах А. Маслоу и др. развивалась трансперсональная психология, связанная с такими понятиями, как «личностный рост» и «самореализация личности». А. Маслоу определяет саморазвитие личности через самоактуализацию. Данный процесс понимается ученым как непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как свершения призвания, судьбы.

К.А. Абульханова-Славская [2] процесс саморазвития определяет как самостоятельное определение личностью стратегии своей жизни, выделяет три признака её наличия:

- выбор основного для человека направления, способа жизни, определение ее главных целей, этапов их достижения и подчинения;

- решение противоречий, препятствующих достижению целей и планов, в том числе, через создание тех условий, которых нет в наличии;

- творчество, созидание ценностей своей жизни, соединение потребностей с жизнью в виде особых ценностей.

Психологи Г.А. Цукерман и Б.М. Мастеров считают, что саморазвитие – это сознательное изменение и (или) столь же сознательное стремление сохранить в неизменности «я – самость».

По мнению современного ученого Н.А. Низовских, «в психологии утвердилась идея о личности как инстанции саморазвития (личность рассматривается как субъект и объект развития)» [3, с. 3].

В.Г. Маралов предлагает следующее определение: «Саморазвитие – это фундаментальная способность человека становиться и быть подлинным субъектом своей жизни, превращая собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования» [4, с. 97]. Ведущими формами саморазвития, по мнению ученого, являются самоутверждение, самосовершенствование, самоактуализация.

Несмотря на актуальность исследования проблемы «саморазвитие», единого определения этого понятия в психологии нет. К сожалению, определение не представлено в психологических энциклопедических словарях.

Но на основе анализа исследований современных ученых по этой проблеме можно сделать вывод, что в основе понятия «саморазвитие» в психологии лежат идеи личности, ее развития, самосознания, самоутверждения, самосовершенствования, творческой активности и др.

В трудах классиков педагогике подходы к пониманию саморазвития представлены в трудах П.Я. Гальперина, К.Я. Вазинной, А.Н. Леонтьева, М. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейна, Г.К. Селевко, Д.Б. Эльконина и др.

В работах ученых рубежа XX-XXI века В.И. Андреева, В.В. Баранова, М.И. Кряхтунова, Л.Н. Куликовой, Н.М. Миняевой, Е.С. Рапицевич, Г.Н. Серикова, В.А. Сластенина, А.П. Усольцева, Е.К. Федотовой, И.Ф. Харламова, И.А. Шаршова и др. есть выход на определение саморазвития. Так, в «Педагогике. Большой современной энциклопедии» под редакцией Е.С. Рапацевич представлено следующее определение: «Саморазвитие индивида – процесс обогащения деятельных способностей и иных личностных качеств человека в ходе различных видов его целостной деятельности» [5, с. 513].

О соподчиненности понятий «самодвижение» и «саморазвитие» пишет в своем исследовании современный ученый И.А. Шаршов [6]. Но саморазвитие, по его мнению, является высшим уровнем самодвижения; т.к. на нем происходят не спонтанные, а осознанные направленные изменения, которые способны привести к качественным преобразованиям.

В современных педагогических трудах представлены многообразные и многочисленные аспекты исследования проблемы саморазвития.

Так, есть дифференциация в понимании саморазвития личностного (Н.А. Низовских, В.Г. Маралов и др.), профессионального (Е.А. Власова, С.А. Румянцев, В.А. Сластенин, С.А. Цепляева, И.А. Шаршов и др.) и личностно-профессионального (Г.Ж. Гаранина, Е.Н. Остроумова и др.).

Активно исследуется специфика возрастного самообразования. Так, есть выход на проблемы развития и саморазвития личности дошкольников (Н.В. Тимофеева), школьников (С.А. Го-

рхова, Н.С. Запускалова и др.), студентов колледжа (С.А. Аleshina, Н.В. Калинина, В.А. Мамлеева и др.), студентов вуза (И.Т. Артемьев, И.Д. Белоновская, Е.А. Власова, И.А. Колесников, Н.М. Миняева, Е.Е. Чудина, И.А. Шаршов и др.). Есть работы, в которых ставится проблема саморазвития как учителей (П.В. Кондратьев, М.И. Кряхтунов, В.А. Сластенин), так и преподавателей вуза (И.В. Рязанович).

Значительное внимание уделяется проблеме творческого саморазвития личности (В.И. Андреев, А.Н. Борисова, Л.Н. Куликова, Г.А. Медяник, И.А. Шаршов и др.). Названные ученые-педагоги отстаивают мнение, что современным требованиям отвечает в большей степени саморазвивающаяся личность, которая способна на овладение механизмом творческого саморазвития.

Рассматриваются технологии саморазвития, например, концепция психолого-педагогического сопровождения представлена в работах М.Р. Битянова, Е.И. Казакова, С.Г. Косарецкого, Т.И. Чирковой и др.

Сложилось мнение, что в личностном развитии студента особую важность занимают позиции преподавателя, который развивается вместе с ним в едином образовательном пространстве. Педагог-новатор В.И. Андреев [7] процесс саморазвития рассматривает как особый вид творческой деятельности, направленной на интенсификацию и повышение эффективности процессов «самости», среди которых системообразующими являются самопознание, самоуправление, творческое самоопределение, творческая самореализация и самосовершенствование личности.

По проблеме «саморазвитие» создаются научные школы, например, в Нижегородском государственном педагогическом университете им. К. Минина – «Саморазвитие человека». По мнению основателя этой школы К.Я. Вазинной, важными факторами саморазвития человека являются духовно-нравственные основы и непрерывность образования. Издаются научные журналы, например, в Казани – «Образование и саморазвитие», главным редактором которого является В.И. Андреев. Ведется защита кандидатских и докторских диссертаций, издаются монографии и учебные пособия.

Итак, идея саморазвития человека является основополагающей, на формирование которой значительное влияние оказывает образовательный процесс высшего учебного заведения.

В целом, можно сделать вывод, что в философских и психолого-педагогических трудах представлены следующие подходы к пониманию саморазвития личности:

- самодвижение, развитие (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, М. Хайдеггер и др.);

- самовоспитание (А.И. Кочетов, А.Н. Лутошкин, Л.И. Рувинский и др.);

- процесс жизненного самоопределения (К.А. Абульханова-Славская);

- самоутверждение, самосовершенствование, самоактуализация (В.Г. Маралов);

- духовно-нравственное развитие (К.Я. Вазина);

- творческая деятельность (В.И. Андреев);

- одно из значимых свойств личности (В.А. Петровский и др.);

- эволюционный процесс становления человека (П.Ф. Каптерев);

- активность при реализации потребностей личности в развитии (И.Ф. Харламов) и др.

Несмотря на объемное количество работ по теме «Саморазвитие личности», этот вопрос остается до конца не решенным, в частности, недостаточно в исследованиях современных ученых разработана проблема профессионального саморазвития студентов вуза на основе компьютерных технологий. Выход к этому вопросу можно найти в ряде трудов (А.А. Андреев, Я.А. Ваграменко, Е.С. Полат, И.В. Роберт, О.Н. Шилова и др.), но решение вопроса о профессиональном саморазвитии будущих специалистов на основе инновационных информационных технологиях в научных исследованиях представлено минимально. Это, на наш взгляд, наиболее важная на сегодняшний день проблема.

Современная компьютерная технология, включающая такие новации, как использование дополненной реальности, планшетных компьютеров, новых видео-очков и др., позволяет по-новому подойти к проблеме профессионального саморазвития, что в будущем может лечь в основу нового самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М., 2004.
2. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни. – М., 1991.
3. Низовских, Н.А. Жизненные принципы в личностном саморазвитии человека: автореф. дис. ...д-ра психол. наук. – М., 2010.
4. Маралов, В.Г. Основы самопознания и саморазвития: учебн. пособ. – М., 2002.
5. Педагогика. Большая современная энциклопедия / сост. Е.С. Рапацевич. – Минск, 2005.
6. Шаршов, И.А. Профессионально-творческое саморазвитие субъектов образовательного процесса в вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Белгород, 2005.
7. Андреев, В.И. Педагогика творческого саморазвития: учеб. пособ. – Казань, 2005.

Bibliography

1. Filosofiya. Ehnciklopedicheskiy slovarj / pod red. A.A. Ivina. – M., 2004.
2. Abuljchanova-Slavskaya, K.A. Strategiya zhizni. – M., 1991.
3. Nizovskikh, N.A. Zhiznenniye principii v lichnostnom samorazvitiy cheloveka: avtoref. dis. ...d-ra psikhol. nauk. – M., 2010.
4. Maralov, V.G. Osnoviy samopoznaniya i samorazvitiya: uchebn. posob. – M., 2002.
5. Pedagogika. Bolshaya sovremennaya ehnciklopediya / sost. E.S. Rapacevich. – Minsk, 2005.
6. Sharshov, I.A. Professionalno-tvorcheskoe samorazvitie subjektov obrazovatel'nogo processa v vuze: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – Belgorod, 2005.
7. Andreev, V.I. Pedagogika tvorcheskogo samorazvitiya: ucheb. posob. – Kazanj, 2005.

Статья поступила в редакцию 21.10.13

УДК 004:378.047

Istomina I.M. **VIRTUAL INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE.** The article describes the main components and functions of the virtual information-educational environment. Describes an example of an e-course in the virtual information-educational environment.

Key words: components and functions virtual information-educational environment, the e-learning course.

И.М. Истомина, аспирант каф. «Информационные технологии» ФГБОУ ВПО «Донской гос. технический университет», г. Ростов-на-Дону, E-mail i.m.istomina@mail.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

В статье рассмотрены основные компоненты и функции виртуальной информационно-образовательной среды. Описан пример электронного курса в виртуальной информационно-образовательной среде.

Ключевые слова: компоненты и функции виртуальной информационно-образовательной среды, электронный учебный курс.

В период глобальной информатизации образования все большее значение приобретает развитие виртуальной информационно-образовательной среды вуза с целью достижения нового качества образования.

Понятие виртуальная информационно-образовательная среда многогранно и является совокупностью множества элементов.

О.А. Ильченко под информационно-образовательной средой понимает системно-организованную совокупность информационного, технического, учебно-методического обеспечения, неразрывно связанную с человеком, как субъектом образовательного процесса. Е.К. Марченко рассматривает информационно-образовательную среду как системно-организованную совокупность образовательных учреждений и органов управления, банков данных, локальных и глобальных информационных сетей, книжных фондов библиотек, систему их предметно-тематической, функциональной и территориальной адресации и нормативных документов, а также совокупность средств передачи данных, информационных ресурсов, протоколов взаимодействия, аппаратно-программного и организационно-методического обеспечения, реализующих образовательную деятельность. По мнению А.А. Андреева, информационно-образовательная среда – это педагогическая система плюс ее обеспечение, т.е. подсистемы финансово-экономическая, материально-техническая, нормативно-правовая и маркетинговая, менеджмента [1].

С точки зрения М.Е. Вайндорф-Сысоевой, виртуальная образовательная среда – информационное пространство взаимодействия участников учебного процесса, порождаемое информационно-коммуникационными технологиями, а виртуальная обучающая среда – комплекс компьютерных средств и технологий, позволяющий осуществить управление содержанием образовательной среды и коммуникацию участников [2].

Таким образом, можно отметить, что виртуальная информационно-образовательная среда – это некая система организационно-управленческих, информационно-учебных и коммуникативных компонентов, индивидуально-настраиваемых в рамках конкретного вуза, построенных на программной платформе с гибким функционалом, поддерживаемая различными банками данных и направленная на реализацию образовательной деятельности.

Виртуальная образовательная среда как универсальное средство организации образовательного процесса должна выполнять следующие функции:

1. Компенсаторную – способствующую достижению цели с наименьшими затратами ресурсов (сил, здоровья, времени и т.д.) обучающегося.

2. Адаптивную – обеспечивающую поддержание благоприятных условий протекания процесса обучения с учетом индивидуальных особенностей обучающихся.

3. Информационно-познавательную – способствующую передаче различных видов учебной информации.

4. Интегративную – реализующуюся при комплексном использовании средств информатизации и мультимедиа.

5. Инструментальную – обеспечивающую определенные виды деятельности в достижении поставленной дидактической цели [3].

Информационно-коммуникационные технологии позволяют создать виртуальную образовательную среду, способствующую формированию профессиональных компетенций у обучающегося технического вуза. С целью реализации этой задачи в УДО и ПК ДГТУ разработана модель виртуальной информационно-образовательной среды на базе инструментальной платформы MOODLE, основополагающим стержнем которой является комплексная, информационная, формирующая система СКИФ. Дан-

ная обучающая оболочка обеспечивает поддержку неограниченного количества пользователей и групп пользователей, разделение прав доступа к ресурсам, авторизацию, возможность формирования индивидуальной траектории обучения, мониторинг деятельности пользователей, статистику и оценку; легкость установки и администрирования; вариативность авторства курсов и совместного редактирования несколькими авторами; многоязычность и переключение между языками; включение мультимедийных компонентов (видео- и аудиоматериалов на изучаемом языке); встроенные средства общения.

Преподаватель «настраивает» систему в соответствии с образовательными задачами: выбирает категорию курсов, необходимых для проведения обучения, использует необходимый набор элементов курса (ресурс, задание, глоссарий, тест, чат, опрос и др.), определяет время, в течение которого доступен данный элемент курса для чтения и выполнения контрольных и тестовых заданий, оставляет темы для обсуждения на форумах, формирует тестовые задания.

Разработанный электронный учебный курс ориентирован на активизацию познавательной деятельности студентов. Материал курса делится на модули (разделы), которые обучаемый может просматривать самостоятельно в любом порядке. Он состоит из теоретического ядра и контрольных вопросов для самопроверки. Каждый модуль подкреплен комплексом практических заданий различного уровня с целью закрепления полученной теоретической базы.

Библиографический список

1. Андреев, А.А. Педагогика высшей школы. Новый курс. – М., 2002.
2. Вайндорф-Сысоева, М.Е. Виртуальная образовательная среда: категории, характеристики, схемы, таблицы, глоссарий: учеб. пособ. – М., 2010.
3. Захарова, О.А. Виртуальная образовательная среда в профессиональной подготовке и системе повышения квалификации: монография. – Ростов-на-Дону, 2011.

Bibliography

1. Andreev, A.A. Pedagogika vihshey shkolih. Novihy kurs. – M., 2002.
2. Vayndorf-Sihsoeva, M.E. Virtualjnaya obrazovateljnaya sreda: kategorii, kharakteristiki, skhemih, tablicih, glossariyj: ucheb. posob. – M., 2010.
3. Zakharova, O.A. Virtualjnaya obrazovateljnaya sreda v professionaljnoj podgotovke i sisteme povihsheniya kvalifikacii: monografiya. – Rostov-na-Donu, 2011.

Статья поступила в редакцию 17.10.13

УДК 374.72:5 (470+571)

Korobchenko A.A. THE ROLE OF THE PUBLIC LECTURES IN THE SPREADING OF THE NATURAL-SCIENCE KNOWLEDGE AMONG THE POPULATION OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE SECOND PART OF THE XIX CENTURY). In the article the role of the public lectures in the spreading of the natural-science knowledge among the population of the Russian Empire in the second part of the XIX century is analysed. In particular, the factors of appearing of such form of natural-science propaganda are discussed.

Key words: public lectures, nature-science, university, scientist, naturalist society, popularization.

А.А. Коробченко, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики и педагогического мастерства
Мелитопольского гос. педагогического университета им. Богдана Хмельницкого,
г. Мелитополь, E-mail: Angelina-Korobchenko@mail.ru

РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ ЛЕКЦИЙ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

В статье анализируется роль публичных лекций в распространении естественнонаучных знаний среди населения Российской империи во второй половине XIX века. В частности, раскрываются факторы, которые способствовали появлению такой формы пропаганды естественнонаучных знаний.

Ключевые слова: публичные лекции, естествознание, университет, общества естествоиспытателей, популяризация, ученые.

Стремление передовых отечественных ученых к широкой пропаганде научных знаний было одной из наиболее важных особенностей деятельности ученых второй половины XIX столетия. Это был период борьбы за дарвинизм, за материалистическую теорию развития органического мира, против идей креационизма. Одной из форм распространения естественнонаучных знаний были

публичные лекции. Знакомство с историческими закономерностями их появления, их организацией имеет огромное познавательное значение для широкого круга современных лекторов, пропагандистов и преподавателей. Изучение данного опыта имеет и практическую ценность в плане поиска реальных путей усовершенствования их профессионального лекторского мастерства.

Большое внимание исследованию вопросу уделяли ученые прошлого и современности: П. Бучинский, В. Игнатович-Завилейский, С. Лучанский, О. Пилипчук, С. Рудая.

Следует отметить, что прогрессивная русская интеллигенция исследуемого периода изыскивала различные пути, формы и средства просвещения народа, ознакомления его с достижениями естественнонаучной мысли. Одной из наиболее распространенных форм, обеспечивающих достижение поставленной цели, стали в это время публичные лекции. Известно, что большинство учащейся молодежи страны не имело возможности приобрести естественнонаучные знания. Начальная школа давала совсем ограниченные знания по естествознанию, а из гимназий оно было и вовсе изгнано. Ликвидация в 1828 г. преемственности в обучении между приходскими, уездными училищами и гимназиями привела к тому, что даже выпускники юридических и историко-филологических факультетов не имели элементарных представлений о простейших явлениях природы. Именно публичные лекции по естествознанию еще в 30–40-х годах XIX в. были призваны хотя бы частично удовлетворить острый недостаток естественнонаучных знаний у различных слоев населения. Со временем лекции стали проводиться не только в городах, где имелись университеты, а и в других крупных городах. Они привлекали внимание многочисленных слушателей. Содержание лекций зависело, прежде всего, от социально-политических, философских взглядов лекторов, их научной подготовки, а также от уровня развития промышленности в губернии.

Особенно важным в этом контексте являются 60-е годы XIX в., характеризующиеся новыми явлениями в истории отечественной школы и педагогической мысли. Отмена крепостного права, развитие капитализма, обострение социальных противоречий, рост крестьянских волнений, революционно-демократическое движение – все это объективно способствовало развитию школьного образования. В 60-х годах XIX в. передовые отечественные педагоги выступили против сословной школы с ее муштрой и оторванностью от жизни, теории от практики. Большинство профессоров университетов считало своим гражданским долгом читать публичные лекции. Преподаватели стремились донести знания о природе и человеке ко всем неравнодушным.

Публичные курсы лекций по физике, химии, ботанике, зоологии, сельскому хозяйству, геогнозии, палеонтологии, технологии, практической механике и другим дисциплинам имели не только практическую, но и воспитательную направленность.

Как отмечает С. Лучанский: «Поражение России в Крымской войне 1853–1856 г. показало гнилость царизма, отсталость в вооружении армии как следствие задержки в развитии промышленности, остро нуждающейся в квалифицированных кадрах и во внедрении научных достижений в производство. Значительно усилилась тяга молодежи в университеты на физико-математические и медицинские факультеты и в другие учебные заведения, которые давали естественнонаучную подготовку» [1, с. 114].

Правительство, обеспокоенное ростом популярности публичных лекций среди различных слоев населения, решило усилить наблюдения за их идейной направленностью. Было издано распоряжение, которым предписывалось «поручить благонадежным лицам, для наблюдения за духом чтений, присутствовать на публичных лекциях в качестве посетителей и, если в способе изложения лекций замечено будет неприличное и неблагополучное направление, немедленно доносить...» [2, с. 365].

Огромную роль в организации публичных лекций имели общества естествоиспытателей. Они начали создаваться при университетах согласно с постановлением I Всероссийского съезда естествоиспытателей и врачей, который проходил в Петербурге в декабре 1867 – январе 1868 года. Членами этих обществ

были преимущественно профессора университетов. Одними из первых были основаны общества в Санкт-Петербурге (1869), Киеве (1869), Харькове (1869), Казани (1869), Одессе (1870). Научные общества при университетах играли выдающуюся роль, выполняя просветительскую и исследовательскую функции, а также формируя научное мировоззрение молодежи. Для решения этих и других заданий научные общества организовывали типографии, открывали лектории, осуществляли экспедиции, поддерживали связи с научными центрами различных стран. Научно-популяризаторская работа обществ естествоиспытателей развернулась очень широко и получила свое развитие в различных формах. Особенно в этом отношении следует отметить Киевское и Новороссийское общество естествоиспытателей.

Так, Киевское общество уже в 1870 г. организовало курсы публичных лекций по природоведению, географии, биологии, и математике. Они стали систематическими. Предполагалось, что курсы будут давать особам, не имеющим возможность получить университетское образование, общее естественноисторическое образование и по возможности готовить их к самостоятельному изучению предметов естествознания [3]. Исходя из этого предметы должны носить научный характер. Курс лекций был рассчитан на два года, четыре семестра, с 8 до 12 часов в неделю (занятия проходили в воскресенье и 2-3 раза по вечерам в будни). Количество читаемых предметов со временем значительно возросло. Так, уже в 1898–1899 учебном году читались такие предметы, как физика, химия, зоология, геология, физиология, анатомия и другие.

Активными лекторами Киевского общества естествоиспытателей в разные периоды были: П. Алексеев, П. Армашевский, Я. Вальц, М. Ващенко-Захарченко, В. Ермаков, А. Ковалевский, С. Реформатский, П. Ромер, П. Суцинский, М. Хандриков, Н. Хржонцевский и другие [4].

Через год после основания Новороссийского общества естествоиспытателей в 1871 г., по предложению Совета общества была избрана комиссия для разработки проекта будущих лекционных курсов. В ее состав вошли: И. Сеченов, Н. Бернштейн, Б. Вериги, А. Генрици, Н. Ланге, Ф. Шведов, Н. Велькоборский (председатель), И. Кошуг. Комиссия разработала проект, который был представлен на рассмотрение общества 27 октября этого же года. Курс по естествознанию и математике, рассчитанный на три года должен был проводиться в объеме, который превышал уровень преподавания в средних учебных заведениях. После получения разрешения попечителя Одесского округа, началось чтение лекций. В нем участвовали И. Мечников, Н. Бернштейн, Я. Вальц, И. Сеченов, А. Вериги, Ф. Шведов, Ф. Цомакион, М. Умов, В. Морковников, С. Ярошенко.

Описывая деятельность лекционного комитета при Новороссийском обществе естествоиспытателей, П. Бучинский обращает внимание на слова, произнесенные в адрес ученых – неутомимых лекторов: «Слушатели и слушательницы популярных курсов... не могут не сказать, что часы, проведенные в аудитории, относятся к их наиболее приятным воспоминаниям, а образы людей, которые бескорыстно приносили им в жертву время и труд, навсегда останутся в их памяти ...» [5, с. 95].

Таким образом, стремление передовых отечественных ученых-естествоиспытателей данного периода к широкой пропаганде естественнонаучных знаний было важной особенностью их деятельности. Наиболее распространенной и популярной среди населения формой пропаганды были публичные лекции. Самоотверженная работа ученых-естествоиспытателей заслуживает высокой оценки. Учреждение ими лекционных курсов давало возможность большому количеству слушателей обогатиться знаниями естественнонаучного характера, а также ощутить особые эмоции от общения с наукой, с познанием и человеческим творчеством.

Библиографический список

1. Лучанский, С.Н. Публичные лекции – одно из средств распространения естественнонаучных знаний среди народа в 30–50-х годах XIX в. // Новые исследования в педагогических науках. – 1968. – № 12.
2. Историческая записка 75-летия 2-й С.-Петербургской гимназии / сост. А.В. Курганович, А.О. Круглый. – СПб., 1894.
3. Ковалевский, А.О. В собрание Киевского общества естествоиспытателей. Предложение (об организации чтения публичных систематических курсов лекций по естествознанию и математике) // Записки Киевского общества естествоиспытателей [Протоколы]. – 1870. – Т. I. – Вып. 2.
4. Руда, С.П. Популяризація наукових знань як одна з основних функцій товариств природознавців // Популяризація науки в Україні: історія і сучасність / під ред. А.З. Москаленка, О.Ф. Коновця. – Київ, 1992.
5. Бучинский, П. Шестилетняя деятельность Лекционного комитета при Новороссийском обществе естествоиспытателей (1895–1901) // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. – 1901. – Т. XXIV. – В. 1.

Bibliography

1. Luchanskiy, S.N. Publichnihe lekciy – odno iz sredstv rasprostraneniya estestvennonauchnikh znaniy sredi naroda v 30-50 – kh godakh KhKh v. // *Noviye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh.* – 1968. – № 12.
2. Istoricheskaya zapiska 75-letiya 2-yj S.-Peterburgskoy gimnazii / sost. A.V. Kurganovich, A.O. Kruglihyj. – SPb., 1894.
3. Kovalevskiy, A.O. V sobranie Kievskogo obthestva estestvoispihtateley. Predlozhenie (ob organizacii chteniya publichnikh sistemacheskikh kursov lekciy po estestvoznaniyu i matematike) // *Zapiski Kievskogo obthestva estestvoispihtateley [Protokolih].* – 1870. –Т. I. – Vihp. 2.
4. Ruda, S.P. Populyarizaciya naukovikh znanj yak odna z osnovnikh funkciy tovaristv prirodoznavciy // *Populyarizaciya nauki v Ukraïni : istoriya i suchasnistj / pid red. A.Z. Moskalenka, O.F. Konovcya.* – Kïiv, 1992.
5. Buchinskiy, P. Shestiletnyaya deyatelnostj Lekcionnogo komiteta pri Novorossiyskom obthestve estestvoispihtateley (1895-1901) // *Zapiski Novorossiyskogo obthestva estestvoispihtateley.* – 1901. – Т. KhKhIV. – V. 1.

Статья поступила в редакцию 21.10.13

УДК 37.1

Zembatova L. T. BILINGUAL TEACHING AS THE FACTOR OF IMPROVEMENT OF MATHEMATICAL EDUCATION IN THE NATIONAL SCHOOL. The article tells us about didactic model of pupils' teaching in primary national schools. The basis of such teaching is bilingual education. The author justifies practicability of teaching Mathematics on the basis of bilinguality as the factor of improving the quality of education.

Key words: bilingualism, bilingual education (teaching), quality, the quality of mathematical education.

Л.Т. Зембатова, канд. пед. наук, доц. каф. начального образования ГБОУ ВПО «Северо-Осетинский гос. университет» им. К.Л. Хетагурова, пос. Заводской, E-mail: lesnovaelena@mail.ru

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье представлена дидактическая модель обучения учащихся начальной национальной школы математике, основу которой составляет билингвальное обучение. Обоснована целесообразность обучения математике младших школьников на билингвальной основе как фактора повышения качества математического образования.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальное обучение, качество, качество математического образования.

Математическая образованность является важной стороной всесторонне развитой личности. В современных условиях акцент в математическом образовании сместился от овладения определенными предметными знаниями, умениями, и навыками в сторону осмысления, понимания значимости этих знаний. В этой связи математическое образование предполагает обращение к опыту человечества, восхождение к духовной сущности человека, что отвечает идеям гуманитаризации, получившим в последнее время популярность в теории и практике образования наряду с идеями развивающего и личностно-ориентированного обучения.

Образование вообще, и математическое, в частности, невозможно представить себе без языка. В обучении реализуются обе функции языка: коммуникативная (средство общения) и сигнификативная (средство познания). Изучение любого учебного предмета предполагает оперирование как естественным языком, так и языком науки. В обучении математике используются как естественные, так и математические языки. Математический язык выступает в обучении математике как элемент содержания обучения, как средство общения по поводу математического содержания, средство познания объектов и явлений, средство понимания математических вопросов и текстов. Знание математического языка является неотъемлемой стороной математического образования младших школьников. Сформированность математического языка является одним из основных показателей качества математического образования. Предметом нашего исследования является качество начального математического образования в национальной школе, где определенная часть учащихся слабо или вообще не владеют языком обучения (русским). С целью повышения качества образования для данной категории учащихся разработана дидактическая модель, основу которой составляет билингвальное обучение.

Билингвальное обучение математике (двуязычие) предполагает качественное усвоение младшими школьниками содержания предмета (математики), в результате использования ими двух языков родного и русского. В результате плавного перехода с одного языка обучения (родного) на другой (русский) учащиеся смогут избежать серьезных образовательных проблем в процессе изучения математики.

В разработанной нами модели билингвального обучения математике школьников средствами родного и русского языков, содержание выступает в качестве системообразующего элемента, т.к. именно, через содержание строится образовательный процесс, направленный на формирование билингвальной математической компетенции учащихся. Одной из функций содержания билингвального обучения является расширение кругозора младших школьников за счет обогащения школьного образования и формирования у них дополнительных специальных компетенций, с другой стороны, полученные в процессе билингвального обучения предметная, языковая и межкультурная компетенции расширяют возможности младшего школьника в аспекте самореализации.

Культурообразующая функция содержания билингвального обучения связана, прежде всего, с формированием культуры личности. Она приобретает характерную окраску и может быть сформулирована как «преодоление рамок национальной и предметной учебной монокультуры» [1]. Данная функция содержания билингвального обучения тесно связана с функцией самопознания, которое в процессе билингвального обучения должно привести к формированию таких качеств личности младшего школьника, как эмпатия, альтернативность мышления, толерантность и т.д. [1].

Усвоение младшими школьниками содержания билингвального обучения заключается в приобретении математических знаний, осмыслении определенного набора математических понятий, запоминании и накоплении адекватного терминологического аппарата и языкового материала. Билингвальное обучение ориентировано на формирование у младших школьников билингвальной математической компетенции (БМК). Билингвальная математическая компетенция характеризуется следующими компонентами: специально-языковой, предметной и межкультурной.

Предметный компонент характеризуется уровнем развития математического мышления и освоением математических знаний, умений и навыков младших школьников в билингвальном режиме.

Специальный языковой компонент в области родного (осетинского языка) включает в себя общую языковую и речевую компетенции, а также культуру математической речи младших школьников на осетинском языке.

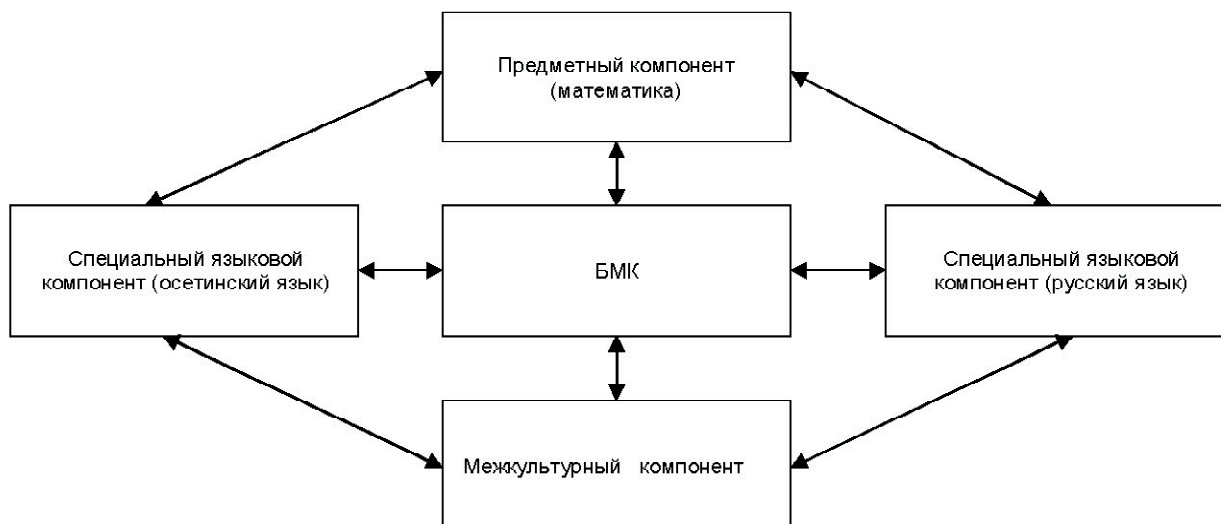

Рис. 1. Связи между компонентами билингвальной математической компетенции

Специальный языковой компонент в области русского языка включает в себя языковую и речевую компетенции, отражает совокупность знаний, умений, навыков на русском языке. Характеризует степень владения русским математическим языком, а также общую способность учащихся адекватно использовать русский язык в речи.

Межкультурный компонент отражает способность младшего школьника осуществлять социальное взаимодействие в многокультурном обществе и представляет собой реализацию идей поликультурного образования и воспитания средствами родного (осетинского), русского языков и математики.

В соответствии с компетентностным подходом в качестве основных параметров, характеризующих билингвальную математическую компетенцию, мы будем использовать: «знания», «умения», «навыки», «способность» и «готовность» [2]. Способность, по мнению психологов, понятие динамическое, существует только в движении, в развитии. Понятию «готовность» также присущ процессный (деятельностный) аспект, «подготовленный» к использованию. Готовность предполагает желание что-либо сделать, то есть включает аспекты мотивированности на выполнение работы.

Таким образом, билингвальную математическую компетенцию младшего школьника можно определить как дидактическую категорию, обозначающую совокупность межкультурных и специальных математических знаний, умений и навыков, обеспечивающих готовность осуществления образовательной деятельности на родном (осетинском) и русском языках [3].

Следуя принципу постепенного усложнения содержания билингвального обучения на разных этапах (с 1-4 классы) оно представлено разным объемом и уровнем сложности.

Каждому году обучения (1-4 классы) присущи свои задачи, особенности содержания билингвального обучения, его включения в образовательный процесс, а также специфика организационных форм и методов обучения. Рассмотрим специфику организации учебно-воспитательного процесса на начальном этапе обучения (1 класс) начальной национальной школы, основанной на билингвальном обучении.

1 год обучения (осетинско-русская модель)

На начальном этапе основное внимание уделяется развитию математической и языковой компетенции у младших школьников на родном языке, т.к. функционирует дублирующая модель обучения с элементами аддитивной в раскрытии математического содержания. Дублирующая (сопровождающая) модель предполагает предъявление одной и той же единицы математического содержания на двух языках – родном и русском, что способствует накоплению фонда языковых средств у учащихся. У обучающихся устанавливается устойчивая ассоциативная связь между содержательной единицей и набором соответствующих ей языковых средств. Единицей содержания на данном этапе выступают математические термины. Основное внимание при организации образовательного процесса в 1 классе на-

правлено на развитие у учащихся культуры математической речи на родном языке, которое характеризуется базовыми коммуникативными качествами, правильностью, логичностью, точностью, уместностью, а также формированию прочных и осознанных математических знаний [4].

Правильность – это правильное употребление, произношение и написание математических терминов, символов и обозначений, а также других, типичных для языка математики слов и выражений. Соблюдение норм осетинского (русского) языка, т.е. правил, регламентирующих употребление, произношение, правописание, образование слов и их грамматических форм, построение предложений и сочетание их друг с другом; правильное «чтение» рисунков и чертежей.

Точность – это умение четко, конкретно выражать мысль как письменно, так и устно; аккуратное и рациональное выполнение записей, чертежей и рисунков.

Логичность – это отчетливое выражение связей между высказываниями в математическом рассуждении; последовательное и непротиворечивое изложение материала.

Уместность – это самостоятельное изложение математического материала логически выстроенного.

К основным направлениям формирования и развития математической речи относятся: формирование навыков устной и письменной математической речи; навыков восприятия устной математической речи; навыков диалогового взаимодействия, предметом которого является определенное математическое содержание. Для развития перечисленных навыков используются специальные задания по развитию математической речи на родном языке, предназначенные для работы: с терминологией, символикой, графическими изображениями; со словесно-логическими конструкциями математического языка.

Особое внимание на первом этапе обучения уделяется усвоению математической терминологии, которая является источником лексического богатства математического языка.

Прием включения математического материала на русском языке при изучении математики осуществляется следующим образом. Рассмотрим, например, тему «Нумерация чисел в пределах десяти». В процессе изучения данной темы, на родном (осетинском) языке, учащимся математические термины предлагаются и на русском языке. Для эффективности запоминания математической терминологии на русском языке, необходимо использовать осетинско-русский терминологический словарь.

Использование двуязычного терминологического словаря и различных опорных схем в процессе изучения математики способствуют развитию математической речи, как на родном языке, так и на русском. В комплекс заданий по развитию математической речи входят: задания, предназначенные для работы с терминологией, символикой и графическими изображениями; задания, предназначенные для работы со словесно-логическими конструкциями математического языка.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие указанные виды заданий, определим методические особенности работы с ними.

Запись математических предложений с использованием символики.

Математически предложения (или термины), которые необходимо записать символически, предъявляются учителем устно на родном языке.

Запишите следующее предложение на математическом языке:

А) Число пять больше, чем число три.

Ответ: $5 > 3$.

Б) Число семь меньше, чем число девять.

Ответ: $7 < 9$.

В) Сумма чисел четырех и одного равна пяти.

Ответ: $4 + 1 = 5$.

Чтение математических записей.

Задание 1. Прочтите записи на осетинском языке:

А) $2+1=3$

$2-1=1$

$3-1=2$

Б) $10-1=9$

$9+1=10$

$6+1=7$

В) $7=7$

$8 > 9$

$4 < 5$

Задание 2. Прочтите записи на русском языке:

А) $2-1$

$4+1$

Б) $7-1=6$

$8+1=9$

В) $5=5$

$10 > 9$

$5 < 6$

Экспериментальное исследование показало, что словесная интерпретация математических записей помогает младшим школьнику в осмыслении смысла задания, облегчает его решение, развивает математическую речь.

Объяснение сущности (смысла) терминов, символов и выражений.

Задания данного вида целесообразно использовать при формировании математического понятия и на этапе повторения и закрепления.

Задание 1. Объясните значения следующих терминов:

сумма, разность, равенство.

Раскрывая сущность указанных терминов на родном языке (осетинском), учащиеся, с одной стороны учатся строить связную речь, с другой – осознанно усваивают связи между математическими понятиями.

Задания 2. Используя первый пример найдите значение второго.

А) $5+1=6$

$5+2=\%$

Б) $8-1=7$

$8-2=\%$

При решении данного задания дети должны установить связь между этими примерами, т.е. провести мыслительные операции анализа и синтеза и на их основе установить связь.

Библиографический список

1. Вишневская, Г.М. Билингвизм и его аспекты. – Иваново, 1997.
2. Гальскова, Н.Д. Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования / Н.Д. Гальскова, Н.В. Коряковцева, Е.В. Мусницкая, Н.Н. Нечаев // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 2, № 3.
3. Зембатова, Л.Т. Реализация принципа полилингвальности в процессе изучения математики в национальной школе // European Social Science Journal. – 2011.
4. Габдулхаков, В.Ф. Современная языковая коммуникация и технология речевой деятельности в условиях билингвизма. – Казань, 1999.

Bibliography

1. Vishnevskaya, G.M. Bilingvizm i ego aspektih. – Ivanovo, 1997.
2. Galjskova, N.D. Obuchenie na bilingval'noy osnove kak komponent uglublennogo yazhkovogo obrazovaniya / N.D. Galjskova, N.V. Koryakovceva, E.V. Musnickaya, N.N. Nechaev // Inostrannih yazhki v shkole. – 2003. – № 2, № 3.
3. Zembatova, L.T. Realizaciya principa polilingval'nosti v processe izucheniya matematiki v nacional'noy shkole // European Social Science Journal. – 2011.
4. Gabdulkhakov, V.F. Sovremennaya yazhkovaya kommunikaciya i tekhnologiya rechevoj deyatel'nosti v usloviyakh bilingvizmu. – Kazan, 1999.

Статья поступила в редакцию 09.10.13

УДК 378.14

Niyazova A.A., Sadykova E.F. BACKGROUND OF CONTINUOUS DEVELOPMENT OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL EDUCATION. The continuous socio-ecological education is seen as a paradigm of scientific and pedagogical thinking, a way of educational activities, contributing to the solution of environmental problems. In terms of the concept of sustainable development there is the need for continuous development of the prerequisites of social and environmental education as a factor of systematizing education aimed at the organization of human activity in terms of the ecological imperative.

Key words: social and environmental education, scientific and pedagogical thinking, the concept of sustainable development, environmental imperative.

А.А. Ниязова, канд. пед. наук, декан социально-психологического факультета Тобольской гос. социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск, E-mail: dekanspf@mail.ru;

Э.Ф. Садыкова, канд. пед. наук, зав. каф. биологии, экологии и МПЕ Тобольской гос.

социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск, E-mail: elzasadf@yandex.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Непрерывное социально-экологическое образование рассматривается как парадигма научно-педагогического мышления, способ образовательной деятельности, способствующий решению экологических проблем. В условиях реализации Концепции устойчивого развития возникает необходимость выделения предпосылок развития непрерывного социально-экологического образования как систематизирующего фактора образования, направленного на организацию человеческой деятельности в условиях экологического императива.

Ключевые слова: социально-экологическое образование, научно-педагогическое мышление, концепция устойчивого развития, экологический императив.

Современная образовательная система переживает изменения, ведущие к созданию учреждений, включающих в свое содержание инновационные идеи и эффективные технологии обучения и воспитания подрастающего поколения и молодежи. Происходящие процессы отражают устойчивые тенденции развития российской системы образования, с учетом принципа непрерывности образования, позволяющего создать единое образовательное пространство. На современном этапе мирового экономического и общественного развития важной глобальной проблемой считают непрерывность образования.

Идею непрерывности образования в педагогической науке рассматривали Платон, Аристотель, а также выдающиеся мыслители-педагоги Я.А. Коменский, Ж.Ж. Руссо и др. В России идея о непрерывности образования отмечалась в трудах:

- Н.И. Пирогова, который основал подход о всестороннем развитии человеческих способностей в процессе всей жизни через учение, образование и просвещение;

- К.Д. Ушинского, который выделил главную задачу школы: развить в учениках «желание и способность самостоятельно, без учителя приобретать новые познания. Благодаря этим способностям «человек будет учиться всю жизнь» [1, с. 10];

- Д.И. Писарева, который отмечал, что: «надо учиться в школе, но еще гораздо больше надо учиться на выходе из школы, и это второе учение по своим последствиям, по своему влиянию на человека и на общество неизмеримо важнее первого» [2, с. 56].

Сегодня идея о непрерывном образовании принята во всем мире. Однако отсутствует целостная теория непрерывного образования и единое определение этого термина. По мнению Г.П. Зинченко, термин «непрерывное образование» впервые употреблен в 1968 году в материалах генеральной конференции ЮНЕСКО. В 1973 году Международная комиссия по развитию образования, возглавляемая О. Фором, завершила формирование концепции непрерывного образования на мировом уровне [3, с. 161]. Однако, по мнению Г. Кулисевиц, «концепция нигде не реализована, если не считать немногочисленных и очень фрагментарных попыток в образовательной практике [4, с. 89].

В России концепция непрерывного образования разработана в 1989 году, где под непрерывным образованием понимается образование, «всеохватывающее по полноте, индивидуализированное по времени, темпам, направленности, предоставляющее каждому возможности реализации собственной программы его получения» [1, с. 16].

В педагогическом словаре непрерывное образование определяется как:

- философско-педагогическая концепция, согласно которой образование рассматривается как процесс, охватывающий всю жизнь человека;

- аспект образовательной практики, представляющий её как непрерывающееся целенаправленное освоение человеком социокультурного опыта с использованием всех звеньев имеющейся образовательной системы [5];

- процесс роста образовательного (общего и профессионального) потенциала личности в течение жизни, организационно обеспеченный системой государственных и общественных институтов и соответствующий потребностям личности и общества [1, с. 15].

Общее для всех названных выше определений – образовательный процесс, непрекращающийся в течение всей жизни человека.

В отечественной литературе используются несколько различающихся между собой понятий непрерывного образования. Так, для определения и описания основных характеристик выделяют три вида непрерывного образования:

1. Непрерывное образование как образование на протяжении всей жизни (lifelong learning, далее LLL) расширяет возрастные границы, начиная с процесса обучения маленького ребенка и включая различные формы обучения взрослого населения.

2. Непрерывное образование как образование взрослых включает базовое образование, дальнейшее повышение квалификации, переподготовку, а также получение образования, позволяющего адаптироваться к изменяющимся условиям в социоприродной среде.

3. Непрерывное образование как непрерывное профессиональное образование определяется как образование на протяжении всей жизни, где происходит обновление полученных профессиональных знаний, умений и навыков по определенной квалификации [6, с. 27].

Анализ представленных определений дает основание сказать о том, что непрерывное профессиональное образование – это не только получение первого, второго и т. д. образования, а также прохождение различных курсов повышения квалификации и переподготовки. Ряд исследователей (Ф.И. Ильина, М.Е. Вайдорф-Сысоева и др.) считают, что понятие непрерывного образования совпадает с дополнительным образованием и соотносится с основным, в то время как непрерывное профессиональное образование делает акцент на постоянство процесса обучения в профессиональной сфере, но никак не связывает его с характером базового образования [7, с. 39].

Из вышесказанного следует, что в современном обществе идея непрерывного образования приобретает характер парадигмы научно-педагогического мышления.

В мировой педагогике понятие «непрерывное образование» выражается рядом терминов, среди которых:

- «продолжающееся образование» (continuing education, continuous education);

- «пожизненное образование» (life-long education);

- «пожизненное учение» (lifelong learning);

- «перманентное образование» (permanent education, l'education permanente);

- «дальнейшее образование» (further education, Weiterbildung);

- «образование взрослых» (adult education, l'education des adultes, Erwachsenenbildung) и др. [5];

- «возобновляющееся образование» (recurrent education), означающее получение образования «по частям» в течение всей жизни (например, получение длительного образования в учебном заведении, оторванного от трудовой деятельности, чередование образования с другими видами деятельности, главным образом с работой).

Следует отметить, что о развитии непрерывного образования свидетельствует Законодательство о непрерывном образовании. В международной юридической практике понятие «непрерывное образование» известно довольно хорошо.

В международных документах непрерывное образование выступает как принцип, который необходимо учитывать при построении системы образования:

- Конвенция «О признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы»;

- Международная Конвенция «О признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в арабских и европейских государствах бассейна Средиземного моря»;

- Резолюция XXX Международной организации труда «О занятости молодежи»;

- Конвенция Организации объединенных наций (ООН) «О техническом и профессиональном образовании» (от 19 ноября 1974 г.), где подчеркивается «необходимость новых взаимосвязей между образованием, трудовой жизнью и обществом в целом; техническое и профессиональное образование должно существовать как часть системы непрерывного образования, приспособленная к нуждам каждой конкретной страны»;

- Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств от 9 декабря 2000 г. № 16-14 (г. Санкт-Петербург) «О концепции модельного образовательного кодекса для государств – участников СНГ».

Содержание всех этих документов направлено на создание условий, обеспечивающих доступность образования в любом возрасте. Поэтому значение системы непрерывного образования определяется в них как устранение барьеров между:

- уровнями и областями образования;
- образованием и занятостью;
- между школой и обществом.

Устранения барьера в вышеназванных компонентах и системах можно добиться посредством:

- а) интеграции технического, профессионального и общего образования во всей деятельности в области образования на уровнях выше первой ступени;

- б) создания открытых и гибких образовательных структур;
- в) учета потребностей отдельных лиц в области образования;
- г) улучшения качества жизни путем создания для человека возможностей расширения его интеллектуальных горизонтов, а также получения и постоянного улучшения профессионального мастерства и знаний, позволяя вместе с тем обществу пользоваться плодами экономического и технического прогресса в интересах общего благосостояния.

О развитии непрерывного образования в России отмечено в декларациях:

- о Европейском пространстве высшего образования («Болонское соглашение»);
- Европейской Комиссии и министров профессионального образования европейских стран по развитию сотрудничества в области профессионального образования и обучения в Европе, принятой 29-30 ноября 2002 г. в Копенгагене (Копенгагенская декларация).

Вступление России в Болонский процесс открывает новые возможности для российских образовательных учреждений высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования, равно как и для российских граждан – в рамках непрерывного образования, или образования через всю жизнь, при условии его дальнейшего концептуального и нормативного обеспечения. По мнению ряда ученых (С.В. Барабанова, А.В. Белков, В.Г. Иванов), Болонское соглашение предусматривает развитие системы непрерывного образования в Российской Федерации за счет введения системы переводных зачетных единиц (ECTS) как инструмента, необходимого для всемерного расширения студенческой мобильности. Кроме того, этому вектору развития соответствует «расширение академической мобильности путем преодоления ныне существующих преград свободному передвижению, в первую очередь для преподавателей, научных сотрудников и административного аппарата с признанием и оценкой значимости периодов, проведенных ими в других странах, т. е. научной деятельности, преподавания и стажировки, без ущемления их законных прав» [8].

Стратегии обучения в течение жизни и мобильности имеют большое значение для повышения профессиональной пригодности, формирования активной гражданской позиции, обеспечения социальной адаптации и личностного развития граждан. В числе первоочередных задач названы: признание компетенции и квалификаций, в том числе развитие ряда общих принципов в отношении подтверждения результатов обучения по гибким и неформальным программам с целью обеспечения большей совместимости образовательных подходов в различных странах и на различных уровнях.

В процессе анализа литературы выявлены две группы мнений среди исследователей проблемы непрерывного образования: первая группа считает, что образование должно быть непрерывным; вторая группа (И. Савицкий, Г. Кулесевич) пришла к выводу, что целостная концепция непрерывного образования, по сути, отсутствует. С. Ващенко подчеркивает сложность создания такой концепции и предлагает рассмотреть те аспекты непрерывного образования, которые актуальны в конкретных условиях и заслуживают особого внимания [9, с. 7].

Анализ тенденций развития системы образования, официальных документов и точек зрения различных авторов свидетельствует о том, что непрерывное образование становится приоритетной проблемой, вызванной современным этапом научно-технического развития, политическими, социально-экономическими и культурологическими изменениями, происходящими в современном обществе. В науке выделились два диаметрально противоположных отношения – от полного неприятия непрерывного образования до его определения как главной и единственной продуктивной педагогической идеи современного общества.

Рассмотрение сущности непрерывного образования позволило выделить три главных подхода:

- первый подход – ориентирует на профессиональное образование взрослых. Человек живет в информационно-технологическом обществе, поэтому у него возникает потребность в непрерывном образовании, направленном на компенсацию знаний и умений, недополученных в процессе обучения. Непрерывное образование – это своеобразный ответ на технологический прогресс;
- второй подход – рассматривает явление образования как пожизненный процесс («учиться всю жизнь») и отдает предпочтение педагогически организованным формальным структурам (кружки, курсы, ФПК, средства массовой информации, заочное и вечернее обучение и т.п.);
- третий подход – обуславливает идею пожизненного образования через потребности личности к постоянному познанию себя и окружающего мира.

Согласно обозначенным выше подходам основной целью непрерывного образования является всестороннее развитие (включая саморазвитие) человека, раскрытие его биологических, социальных и духовных потенциальных возможностей, а в конечном итоге его «окультуривание» как необходимое условие сохранения и развития культуры общества. Непрерывное образование рассматривается как новый способ образовательной деятельности, обеспечивающий опережающее развитие человека, формирование у него прогностических качеств, опирающихся на природную, социальную и культурно-историческую основу. В русле чего экологическое образование становится приоритетным направлением государственной стратегии устойчивого развития и способствует решению экологических проблем в быстро меняющихся условиях окружающей среды. Такое образование призвано формировать общественно-экологическое мировоззрение, правовые позиции, комплекс научных знаний, способность воплощать знания в практику, умение сотрудничать друг с другом; поднимать уровень культуры человека и общества в целом, совершенствовать моральные качества людей.

Экологию отличает нравственный аспект, поэтому социально-экологическое образование – это:

- процесс, направленный на «формирование системы научных и практических знаний, умений, ценностных ориентаций, поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное отношение к окружающей социально-природной среде и здоровью» [10, с. 13];
- целенаправленный, непрерывный и комплексный процесс воспитания, обучения, самообразования и развития личности с целью формирования экологической культуры общества, взаимодействия в системе «человек-общество-природа»; процесс, направленный на формирование ценностных ориентаций и норм поведения (социально ценного опыта) в области культурного природопользования и охраны окружающей среды; процесс и результат усвоения систематических знаний, умений и навыков в области воздействия на окружающую среду, состояния окружающей среды и последствий изменения окружающей среды [11, с. 32-33].

Важнейшим условием и ведущим фактором, определяющим успешность процессов формирования экологической культуры, ценностных ориентаций, выступает непрерывное социально-экологическое образование личности. Многие аспекты теории непрерывного экологического образования получили развитие в работах Н.М. Мамедова, В.А. Игнатовой, Л.П. Симоновой, Л.В. Гридаевой, Т.З. Мухутдиновой, А.А. Ниязовой и др. К их числу следует отнести: новые образовательные технологии в экологическом образовании, внедрение образовательных стандартов, интеграцию и дифференциацию учебных курсов экологической направленности, регионализацию экологического образования и т. д.

Развитие НЭО в XXI веке рассматривается с позиций осмысления его регулирующей роли «в решении глобальных кризисных проблем, так как способно выполнять функцию преобразования человеческого сознания» [12, с. 21], где повышается значимость собственно самого человека, что усиливает гуманный характер экологического образования. В этом моменте видно философско-методологическое значение непрерывного экологического образования, которое заключается в установлении органической связи между различными науками, например: философией и историей непрерывного экологического образования, в дополнении философии методологией, а теории – практикой экологической педагогики. Концепция непрерывного экологического образования определяет основные экологообразовательные ориентиры педагогических традиций через интеграцию естественнонаучного и гуманитарного знания.

Непрерывное экологическое образование (НЭО) – это:

- образование, связанное, главным образом, с овладением разносторонними знаниями о природной среде, с приобретением умений и опыта решения экологических проблем, предвидением возможных негативных последствий и их предупреждением, а также потребностью в постоянном общении с природой, природообразующей деятельностью; проявляющееся в непосредственном участии личности в природоохранном движении, в бережном отношении к природе, в заботе о ее сохранении и гражданской ответственности за ее состояние. Отсюда следует, что под непрерывностью экологического образования понимается взаимосвязанный процесс обучения, воспитания и развития в духе экологической ответственности на протяжении всей жизни [13, с. 60];

- реализация экологического образования в течение всей жизни человека, поскольку именно оно в состоянии обеспечить преодоление экологического кризиса и обеспечить коэволюцию биосферы и человечества. Необходимость непрерывного экологического образования диктуется сменами экологической и социальной парадигм [14, с. 33].

Развитие непрерывного социально-экологического образования на современном этапе обусловлено повышением активности населения в решении экологических проблем, желанием получения достоверной информации о действительной экологической ситуации и развитием экологической культуры педагога как носителя ценности и культуры взаимодействия с социоприродной средой.

Таким образом, непрерывное экологическое образование в свете Концепции устойчивого развития становится систематизирующим фактором образования, определяющим его стратегические цели и ведущие направления, закладывающим интеллектуальную основу и новую систему экологических знаний, компетенций, направленных на организацию человеческой деятельности в условиях экологического императива. Экологическое образование приобретает социальный смысл и содействует движению общества по пути устойчивого развития. Необходимость развития непрерывного социально-экологического образования связана с:

- изменением исторического фона образования;
- усилением гуманитарного характера всей системы образования и экологического образования в частности;
- осознанием влияния экологической ситуации и экологических проблем на социальную сферу жизнедеятельности человека;
- интеграцией научных знаний в решении экологических проблем;
- формированием экологического сознания человека;
- эффективной профессиональной подготовкой педагога как носителя экологических знаний, общечеловеческих ценностей и культуры взаимодействия в социоприродной среде;
- необходимостью опережающего развития науки и экологического образования как условия выполнения программы устойчивого развития общества.

Библиографический список

1. Ильина, Н.Ф. Онтология непрерывного образования / Н.Ф. Ильина, В.А. Адольф. – Красноярск, 2009.
2. Писарев, Д.И. Избранные педагогические сочинения. – М., 1984.
3. Каштанов, В.В. Непрерывное образование во Франции. – М., 1987.
4. Кулисевиц, Г. Проблемы непрерывного образования // Вестник высшей школы. – 1988. – № 1.
5. Мир словарей. Педагогический словарь [Э/р]. – Р/д: http://mirslavarej.com/content_pedslov/nepreryvnoe-obrazovanie-43104.html
6. Непрерывное образование [Э/р]. – Р/д: ecsocman.edu.ru/data/230/695/1219/glava_1.pdf.
7. Вайндорф-Сисоева, М.Е. Организация виртуальной образовательной среды в подготовке педагогических кадров к инновационной деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2009.
8. Барабанова, С.В. Непрерывное образование в России: Болонский контекст / С.В. Барабанова, А.В. Белков, В.Г. Иванов [Э/р]. – Р/д: http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod52/?bar.html#_ftnref1
9. Ващенко, В. Непрерывное образование: чтобы концепция заработала // Вестник высшей школы. – 1991. – № 5.
10. Якубова, Н.Э. Формирование экологической культуры младших школьников в процессе краеведческой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 1998.
11. Мухутдинова, Т.З. Формирование и развитие региональной системы непрерывного экологического образования специалиста: дис. ... д-ра пед. наук. – Казань, 2005.
12. Головкин, О.Н. Генезис, современные технологии и тенденции развития системы непрерывного экологического образования: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2003.
13. Ниязова, А.А. Воспитание гуманистической направленности личности учащихся в процессе экологического образования: дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 2003.
14. Мухутдинова, Т.З. Формирование и развитие региональной системы непрерывного экологического образования специалиста: дис. ... д-ра пед. наук. – Казань, 2005.

Bibliography

1. Iljina, N.F. Ontologiya nepreerivnogo obrazovaniya / N.F. Iljina, V.A. Adolj. – Krasnoyarsk, 2009.
2. Pisarev, D.I. Izbrannihe pedagogicheskie sochineniya. – M., 1984.
3. Kashtanov, V.V. Nepererihvnoe obrazovanie vo Francii. – M., 1987.
4. Kulisevich, G. Problemihi nepreerivnogo obrazovaniya // Vestnik vihshej shkolih. – 1988. – № 1.
5. Mir slovarej. Pedagogicheskiy slovarj [Eh?r]. – R/d: http://mirslavarej.com/content_pedslov/nepreryvnoe-obrazovanie-43104.html
6. Nepererihvnoe obrazovanie [Eh?r]. – R/d: ecsocman.edu.ru/data/230/695/1219/glava_1.pdf.
7. Vajjndorf-Sihsoeva, M.E. Organizaciya virtualnoj obrazovatelnoj sredih v podgotovke pedagogicheskikh kadrov k innovacionnoj deyatelnosti: dis. ... d-ra ped. nauk. – M., 2009.
8. Barabanova, S.V. Nepererihvnoe obrazovanie v Rossii: Bolonskiy kontekst / S.V. Barabanova, A.V. Belkov, V.G. Ivanov [Eh?r]. – R/d: http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod52/?bar.html#_ftnref1
9. Vathenko, V. Nepererihvnoe obrazovanie: chtobih koncepciya zarabotala // Vestnik vihshej shkolih. – 1991. – № 5.
10. Yakubova, N.Eh. Formirovanie ehkologicheskoy kuljturih mladshikh shkoljnikov v processe kraevedcheskoj deyatelnosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Kazanj, 1998.

11. Mukhutdinova, T.Z. Formirovanie i razvitie regional'noy sistemih neprerivnogo ehkologicheskogo obrazovaniya specialista: dis. ... d-ra. ped. nauk. – Kazanj, 2005.
12. Golovko, O.N. Genesis, sovremenniye tekhnologii i tendencii razvitiya sistemih neprerivnogo ehkologicheskogo obrazovaniya: avtoreferat dis. ... d-ra ped. nauk. – M., 2003.
13. Niyazova, A.A. Vospitanie gumanisticheskoy napravlenosti lichnosti uchastnikhsya v processe ehkologicheskogo obrazovaniya: dis. ... kand. ped. nauk. – Ekaterinburg, 2003.
14. Mukhutdinova, T.Z. Formirovanie i razvitie regional'noy sistemih neprerivnogo ehkologicheskogo obrazovaniya specialista: dis. ... d-ra ped. nauk. – Kazanj, 2005.

Статья поступила в редакцию 02.10.13

УДК 37.013

Romanova E.N. FAMILY RISK FACTOR FOR DELINQUENCY OF MINORS IN FOREIGN STUDIES. The article presents some results of foreign studies on the role of family factors in the development of delinquent behavior in children. The analysis showed the prevalence of spiritual and social well-being over the material conditions and the family structure in the formation of pro-social personality.

Key words: delinquency, the institution of socialization, broken families, values and beliefs, prevention programs.

*E.N. Романова, доц. Владимирского юридического института ФСИИ России,
г. Владимир, E-mail: toromelena@mail.ru*

СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР РИСКА ДЕЛИНКВЕНЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье представлены некоторые результаты зарубежных исследований роли семейного фактора в развитии делинквентного поведения детей. В результате анализа сделан вывод о превалировании роли духовного и социального благополучия над материальным положением и структурой семьи в формировании просоциальной личности.

Ключевые слова: делинквентность, институт социализации, разрушенные семьи, ценности и верования, программы превенции.

Делинквентность несовершеннолетних по своей сути более опасна, чем правонарушения взрослых, потому что она оказывает влияние на особенно уязвимую часть населения в период решающего периода развития личности, подвергая несовершеннолетних на очень ранней стадии риску социальной изоляции и стигматизации. Причины и условия, приводящие к делинквентности, многочисленны и сложно взаимосвязаны. В этой связи опыт зарубежных исследований факторов, способствующих выбору несовершеннолетним делинквентной карьеры в значительной мере способствует более полному осмыслению сути указанной проблемы и важен для разработки программ превенции и борьбы с этим явлением.

Было бы ошибочно обобщать причины, по которым несовершеннолетний выбирает преступную форму поведения. Транзитивное и доделинквентное/допреступное поведение каждого несовершеннолетнего обусловлено целым рядом индивидуальных обстоятельств, связанных с пережитыми событиями, основными институтами развития и социализации ребенка и подростка – семьей, школой, а также, в широком смысле, той социально-экономической средой, в которой он проживает. К сожалению, упрощенные объяснения часто привлекательны, но иногда приводят к малоэффективным превентивным и реабилитационным мерам.

Ученые выдвигают четыре основных фактора риска детской и подростковой преступности:

– *индивидуальный фактор*, включающий раннее антиобщественное поведение, высокую степень активизации поведения и низкий уровень сдерживания, а также низкий уровень развития познания, низкий интеллект и гиперактивность;

– *семейный фактор*, включающий асоциальное поведение родителей, плохое обращение, насилие в семье, развод, психопатологию родителей, антиобщественное поведение в семье, отношения родителей и подростков, структуру семьи, проживание в бедной семье;

– *школьный и общественный фактор*, характеризуемый неудачами, связанными с обучением в школе, низкие академические показатели и интересы, недостатки окружающей среды, концентрация преступных групп сверстников, доступность оружия;

– *фактор окружения сверстников*, включающий в себя как связь с неправильными (преступными или асоциальными) подростками, так и отторжение со стороны сверстников [1].

Среди других факторов ряд авторов отмечают такие индивидуальные факторы, как нерациональное использование свободного времени, дисфункция черт личности (антиобщественное поведение) и изменение ценностной ориентации (Д. Андресс); влияние сообществ или среды с высоким уровнем преступности (Д. Каталано); доступность наркотиков, деформированная ценностная система в обществе, ограниченные возможности получения социальных услуг, включая медицинскую и психическую помощь, неадекватно дорогие услуги образования (Д. Эллиот).

Анализируя различные точки зрения на факторы риска делинквентного поведения, можно сделать вывод о том, что большая часть ученых основными факторами такого риска считает влияние институтов правовой социализации на выбор форм поведения. Первичным институтом социализации и основным фактором риска признается начальный этап социализации – семья. Именно в семье ребенок интернализирует базовые верования, ценности, отношения, и общие модели поведения, дающие направление последующему поведению. Поскольку семья является изначальным передатчиком культуры (через процесс социализации) и формирует личностные характеристики ребенка, значительное внимание в исследованиях уделяется ее структуре, функциям и происходящим в ней процессам. Более полувека назад эти связи отмечены в исследовании Шелдона и Элеонор Глюк [2], и с тех пор проблема не утрачивает своей актуальности. Для ребенка дом и семья являются базовым источником информации о жизни. Поэтому многие исследователи сконцентрировали внимание на типах ценностей, отношений и верований, которые семья хранит и передает из поколения в поколение, и особенно на типах поведения и отношений, передаваемых детям через процесс социализации, ведущий к предрасположенности к делинквентному поведению. Например, исследователи выявили взаимосвязь делинквентции и семейного счастья родителей. Нет ничего необычного, отмечают Д. Горман-Смит, П. Толан и Р. Лозбер [3], Т. Прайт и Ф. Каллен [4], что делинквентность встречается в несчастливых семьях, отмеченных разногласиями, недостатком семейного общения, нелюбящими родителями, высоким уровнем стресса и напряжения и общего недостатка родительской сплоченности и солидарности. Неудивительно, что в несчастливых семьях родители получают мало удовлетворения от своего родительского опыта. Типичным яв-

ляется то, что родительское руководство является непосредственным, зачастую дети используются в качестве оружия против другого родителя. Дети в таких семьях имеют личностные проблемы, низкую самооценку, проблемы общения. Они интернализируют типы отношений, ценности, верования и модели поведения, демонстрируемые им родителями. В современном обществе понятие семейный дом во многих случаях заменяется понятием места, где соответствующие группы людей проживают, меняют одежду, и время от времени принимают пищу.

Продолжает уделяться внимание детям из так называемых «разбитых семей» (в результате развода, разделения) как главной причине делинквентности, а не детям из семей, где отношения отмечены семейной дисгармонией и дезорганизацией. Несомненно, стабильность и существование семьи может быть нарушена по причине потери одного из родителей в результате смерти, длительного отсутствия или развода. Уверенность в том, что в неполных семьях больше делинквентов, подтверждается как официальной статистикой, так и многочисленными исследованиями. Однако есть данные и о том, что в неполной счастливой семье может быть больше социальной организации, руководства и контроля, чем в полной семье, отмеченной разногласиями. Разрушенная семья не является таким важным детерминантом делинквентности, как процессы, ведущие к распаду семьи. Группа ученых г. Питсбурга (США) (К. Браунинг, Р. Лоэбер, Т. Торнберги и др.) [5] пришла к выводу, что дезорганизация и напряженность, ведущие к распаду семьи, или преобладающие в семьях, где родители остаются вместе «ради детей», может являться более важным причинным фактором делинквентности, чем ее фактический распад.

Тем не менее, не все ученые придерживаются точки зрения о том, что разбитые семьи имеют более значительное влияние на делинквентность. Результаты исследований С. Демуса и С. Браун [6] влияния состава семьи на делинквентность показали, что она значительно выше в семьях с одним родителем. При этом в семье с одним отцом уровень делинквентности детей гораздо выше, чем в семьях с одной матерью. Современная семья гораздо меньше, чем 50 лет назад, когда родственники обеспечивали помощь и защиту друг другу. Сегодня функция социализации зачастую передается специальным органам и службам, существенно влияющим на образование, обучение, заботу, руководство и защиту детей. Такое влияние часто является результатом конфликтов у детей, которые видят разницу между их отношениями к ним и отношением, влиянием и стандартами собственных родителей.

Рост материального благополучия семей не всегда является позитивным фактором для конструктивного руководства и защиты детей со стороны родителей. Ко всему прочему, появление «смешанных» семей (где у каждого родителя есть свои дети), в которых каждый из родителей влияет на детей своими целеустановками, приводит к конфликтам между родителями, родителями и детьми и самими сиблингами.

В течение многих лет растет интерес к детям, получившим название «latchkey children» – «замочные дети» или «дети замочной скважины», в семьях с родителями, большую часть вре-

мени проводящими на работе. Это термин описывает детей школьного возраста, возвращающихся из школы в пустой дом. Эти дети часто предоставлены себе утром перед уходом в школу, после школы и в каникулы, когда родители работают или заняты. В таких семьях старшие (но все еще маленькие) дети вынуждены заботиться о младших. Это также является фактором увеличения количества относительно юного возраста детей, находящихся в видео центрах, магазинах, Интернете и т.п. без надзора родителей. Хотя большинству «замочных детей» удается существовать относительно благополучно, некоторые вовлекаются в незаконную или маргинально незаконную деятельность без ведома родителей (Ш. Вандивер) [7].

Несомненно, структура семьи различными путями влияет на делинквентность. Однако полагаться только на статистику для оценки такого влияния может быть ошибочным, поскольку полиция и другие службы чаще имеют дело с несовершеннолетними из разбитых семей, чем с несовершеннолетними из так называемых «идеальных» семей. Часто случается, по мнению Б. Крисберга, что качество жизни и материальное благосостояние семьи оказываются менее значимым фактором, чем ее духовное и социальное благополучие. Утверждение, что неполные семьи являются главным или единственным фактором делинквентности не верно, принимая во внимание, что большое число несовершеннолетних из таких семей не становятся делинквентами, в то время как их число из недееспособных полных семей значительно [8].

В ходе проведенного в 2008 г. Институтом социальных исследований Даугавпилсского университета исследования среди несовершеннолетних и их родителей было установлено, что проблема отношений с родителями является наиболее существенной для современной молодежи. В то же время большая часть родителей важнейшей проблемой молодежи считает проблему обучения (66% опрошенных родителей). Второй по важности проблемой родители считают зависимость детей от родителей с одновременным желанием освободиться от родительской опеки (58% опрошенных родителей), а третье и четвертое по важности места делят соответственно проблемы, связанные с алкоголизмом родителей и насилием в семье, а также сложность характера ребенка (57% опрошенных родителей). Из этого следует, что родители в меньшей степени, чем их дети, склонны считать наиболее важной проблемой конфликты с детьми и проблемы межличностных отношений в семье. Одной из ведущих причин делинквентного поведения несовершеннолетних является психологический дискомфорт в семье, что было отмечено как несовершеннолетними, так и их родителями [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство зарубежных исследований показало менее значимую роль материального благополучия и структуры семьи в формировании просоциальной личности, чем ее духовное и социальное благополучие. Это является одним из важнейших условий эффективности программ превенции делинквентного поведения, которые должны создаваться с учетом ценностей, отношений и верований, которые семья хранит и передает детям через процесс социализации.

Библиографический список

1. Вассерман, Г.А. Факторы риска и защиты детской делинквентности / Г.А. Вассерман, К. Кеенан, Р.Е. Трэмбли, Е.Д. Цой, Т.И. Херенкокхл, Р. Лоэбер, Д. Петечук // Детская преступность. – 2003. – Апрель [Э/р]. – Р/д: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/1/ojdp/193409.pdf>.
2. Glueck Sheldon and Eleanor. *Toward a Typology of Juvenile Offender*. Grune and Stratton. – New-York, 1970.
3. Gorman-Smith, D., Tolan, P. H., Loeber, R., & Henry, D. The relation of family problems to patterns of delinquent involvement among urban youth. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 1998. – № 26.
4. Pratt, T.C., & Cullen, F. T. Assessing macro-level predictors and theories of crime: A meta-analysis. *Crime & Justice*, 2005. – № 32.
5. Browning K., Huizinga D., Loeber R., Thornberry T.P. Causes and Correlates of Delinquency Program OJJDP Fact Sheet, April 1999#100 [Э/р]. – Р/д: [http://www.cops.usdoj.gov/files/ric/CDROMs/GangCrime/pubs/CausesandCorrelates Delinquency Program Apr 1999.pdf](http://www.cops.usdoj.gov/files/ric/CDROMs/GangCrime/pubs/CausesandCorrelates%20Delinquency%20Program%20Apr%201999.pdf)
6. Demuth. S., & Brown. S. L. Family Structure, Family Process, and Adolescent Delinquency: The significance of parental absence versus parental gender. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2004. – № 41.
7. Sharon Vandivere, Kathryn Tout, Martha Zaslow, Julia Calkins *Child Trends* Jeffrey Capizzano. Unsupervised Time Family and Child Factors Associated with Self-Care. An Urban Institute Program to Assess Changing Social Policies [Э/р]. – Р/д: http://www.urban.org/UploadedPDF/310894_OP71.pdf
8. Krisberg, Barry. *Redeeming Our Children*. National Council on Crime and Delinquency, SAGE Publications, Inc. – California, USA, 2005.
9. Михайлова, М. Трудности социализации молодежи и возможные решения в начале 21-го века // Вестник социальных наук.– Даугавпилс, 2010.
10. Тейван-Трейновский, Я. Анализ факторов риска преступности несовершеннолетних в Латвии / Я. Тейван-Трейновский, М. Нестерова, О. Лавриненко [Э/р]. – Р/д: <http://cj.isea.ru/reader/article.asp?id=17304>

Bibliography

1. Vasserman, G.A. Faktorih riska i zathitih detskoy delinkvencii / G.A. Vasserman, K. Keenan, R.E. Trembli, E.D. Coy, T.I. Kherenkohl, R. Loehber, D. Petechuk // *Detskaya prestupnostj*. – 2003. – Aprelj [Eh/r]. – R/d: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/1/ojdp/193409.pdf>.

2. Glueck Sheldon and Eleanor. Toward a Typology of Juvenile Offender. Grune and Stratton. – New-York, 1970.
3. Gorman-Smith, D., Tolan, P. H., Loeber, R., & Henry, D. The relation of family problems to patterns of delinquent involvement among urban youth. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 1998. – № 26.
4. Pratt, T.C., & Cullen, F. T. Assessing macro-level predictors and theories of crime: A meta-analysis. *Crime & Justice*, 2005. – № 32.
5. Browning K., Huizinga D., Loeber R., Thornberry T.P. Causes and Correlates of Delinquency Program OJJDP Fact Sheet, April 1999#100 [Eh/r]. – R/d: [http://www.cops.usdoj.gov/files/ric/CDROMs/GangCrime/pubs/CausesandCorrelates Delinquency ProgramApr1999.pdf](http://www.cops.usdoj.gov/files/ric/CDROMs/GangCrime/pubs/CausesandCorrelates%20Delinquency%20ProgramApr1999.pdf)
6. Demuth. S., & Brown. S. L. Family Structure, Family Process, and Adolescent Delinquency: The significance of parental absence versus parental gender. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2004. – № 41.
7. Sharon Vandivere, Kathryn Tout, Martha Zaslow, Julia Calkins Child Trends Jeffrey Capizzano. Unsupervised Time Family and Child Factors Associated with Self-Care. An Urban Institute Program to Assess Changing Social Policies [Eh/r]. – R/d: http://www.urban.org/UploadedPDF/310894_OP71.pdf
8. Krisberg, Barry. Redeeming Our Children. National Council on Crime and Delinquency, SAGE Publications, Inc. – California, USA, 2005.
9. Mikhajlova, M. Trudnosti socializacii molodezhi i vozmozhnihe resheniya v nachale 21-go veka // Vestnik socialjnihk nauk.– Daugavpils, 2010.
10. Teyjvan-Trejnovskiy, Ya. Analiz faktorov riska prestupnosti nesovershennoletnikh v Latvii / Ya. Teyjvan-Trejnovskiy, M. Nesterova, O. Lavrinenko [Eh/r]. – R/d: <http://cj.isea.ru/reader/article.asp?id=17304>

Статья поступила в редакцию 02.10.13

УДК. 37.04; 37.02.

Sultanbaeva K.I. N.F. KATANOV'S RELATION TO THE ORTHODOX. The relations between the famous scientist of the past N.F. Katanov and the Russian Church are shown in the topic. N.F. Katanov's views on religion are represented based on the archives.

Key words: the Orthodox, missionary, another person, enlightenment.

К.И. Султанбаева, канд. пед наук, доц. каф. педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан, E-mail: ski57@ya.ru

ОТНОШЕНИЕ Н.Ф. КАТАНОВА К ПРАВОСЛАВИЮ

В работе рассматриваются взаимоотношения ученого-востоковеда прошлых столетий Н.Ф. Катанова с православной церковью на основе изучения ряда архивных документов. Показана его приверженность к православному идеям.

Ключевые слова: православие, миссионерство, инородец, просветительство.

Несмотря на состоявшиеся год назад торжественные мероприятия в Хакасии, других республиках России и тюркоязычных странах (Киргизии, Казахстане, Турции), посвященные 150-летию юбилею Николая Федоровича Катанова, выдающегося сына хакасского и всего тюркского народа, известного российского востоковеда, ученого-лингвиста, исследователя, общественного деятеля и педагога-просветителя, жившего на рубеже XIX – XX веков, многие страницы его биографии и общественно-просветительской деятельности, порой противоречивые, остаются неосвещенными и по сей день. Проведенные научные мероприятия показали неподдельный интерес современников к незаурядной личности Н.Ф. Катанова, позволили систематизировать многие биографические сведения, его научно-творческое наследие, что, безусловно, обогащает историко-краеведческое знание. Для современной учащейся молодежи открытие имени ученого явилось действительно ярким личностным событием, формирующим этническое самосознание и вызывающим гордость за своего земляка. Вместе с тем, среди ученых-катановедов не сложилось единого мнения о религиозных воззрениях Н.Ф. Катанова. Рассмотрим его отношения с православной церковью и в целом религиозные взгляды ученого, опираясь на опубликованные архивные работы и эпистолярное наследие, хранящееся в Казанском университете.

Исторические факты свидетельствуют о разных взаимоотношениях ученого с известными питерскими и казанскими учеными: В.В. Радловым, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Н.И. Ильминским, Е.А. Маловым и др. Его переписка с ними (о них), рецензии отдельных работ, опубликованные статьи и книжки демонстрируют не только личные взаимоотношения, но и оценку Катанова как православного человека. В автобиографии Н.Ф. Катанов указал, что по вероисповеданию он – православный христианин, как и его родители, одновременно придерживавшиеся шаманских традиций: «Вместе с родителями я слушал службы шаманов и слепо верил в то, что они предрекали, хотя и не всегда понимал, о чем они пели в своих молитвах» [1, с. 16]. Биографические описания годов обучения в Красноярской гимназии (1876-1884), затем в Санкт-Петербургском университете на восточном факультете (1884-1888) свидетельствуют о строго научной стороне жизнедеятельности Катанова-студента, увлеченного изучением разных европейских, древних восточных языков.

О развитии мировоззрения в сторону православия показывает его примечание в той же «Автобиографии...»: «В 1883 и 1884 гг. я переводил для преосв. Исаакия (умерш. 11 мая 1894 г.), IV епископа Енисейс. и Красноярского, молитвы на сагайское наречие, руководствуясь греческим подлинником и русскими толкованиями на них» [1]. Отметим, что в переводческой работе принимал участие его старший брат (Николай – «первый», шуточно называл его ученый), бывший священнослужителем в с. Усть-Есь после окончания Красноярской духовной семинарии. Большое влияние на становление мировоззрения юноши оказала также переписка с известным алтайским миссионером В.И. Вербицким, вероятно, уже через него он сблизился с идеями Н.И. Ильминского, с которым состоял в переписке с 1881 по 1888 гг. Миссионерское движение в России, возглавляемое Н.И. Ильминским и нацеленное на приобщение «инородцев» к христианству, противостоявшее магометанству (исламу), по своей сути отвечало главным идеям национальной политики царской монархии. Крайняя малочисленность грамотных людей среди сибирских «инородцев» в конце XIX в. тормозила формирование национальной учительской интеллигенции и развитие народного образования, культуры и просвещения в Сибири.

Немногочисленные молодые образованные люди, выходцы из коренных народов, не могли удовлетворить потребности населения в начальном образовании. Из доклада статс-секретаря Куломзина, инспектировавшего состояние начального образования Сибири в 1896-1897 годах, следует: «В 1853 г. вопрос об инородческих школах был поднят бывшим министром гос. имуществ гр. Киселевым, однако... за 200 лет (в Сибири) не сделано никаких успехов ни в религиозном, ни в гражданском развитии» [2, с. 49]. Представляя в своем докладе результаты инспектирования, г. Куломзин указал, что в Енисейской губернии всего 3 инородческих училища (по сведениям инспектора народных училищ). Ставя вопрос о необходимости школ, он далее рассуждал: «какие школы нужны для сибирских инородцев – церковные или светские? Мне кажется, и те, и другие» [2, с. 54]. При этом указано, что большинство школ в инородческих поселениях – это миссионерские, содержащие духовным ведомством почти без участия инородцев. Дороговизна содержания министерских школ для инородцев отмечена в данном докладе.

По мнению инспектора, «надо открывать в инородческих поселениях дешевые школы грамотности», также «чрезвычайно полезными были бы смешанные училища для русских и инородцев» [2, с. 57]. Как видно, состояние народного образования среди коренных жителей Сибири в конце XIX в. было крайне неудовлетворительным. И в таких социально-культурных условиях Н.Ф. Катанов как выходец из небогатой инородческой семьи стоило огромных усилий пробиться в большую науку, добраться до самой сути востоковедческих дисциплин. Очевидно, что миссионерское движение во многом предопределило понимание ученым своего предназначения как представителя малочисленного народа с языческим мировосприятием, а специальное образование углубило научное мировоззрение и одновременно сознательное принятие впоследствии православной религии как официально распространенной в российском обществе.

Процесс становления философско-мировоззренческих и религиозных воззрений ученого стоит рассматривать во взаимосвязи с профессиональной, общественно-просветительской и научно-исследовательской деятельностью по периодам, предложенным автором в предыдущих научных трудах [3]. На начальном этапе становления собственных научных интересов и исследовательских ориентаций молодой Николай Катанов не мог сразу отказаться от традиционных народных верований, однако, сделав их объектом научного внимания, оказался в роли исследователя, объективно и на иной мировоззренческой платформе осмысливающего известные с детства истины. Вероятно, освобождение от «детских» мифологических взглядов на мир, на жизнь своих соплеменников, сравнение с бытом и культурой русских интеллигентов, а затем и мусульман, людей науки и искусства, происходило во внутренней душевной борьбе. Немаловажную роль в формировании научно-исследовательской культуры и системы научно-просветительских взглядов Катанова сыграла его первая длительная научная экспедиция на Восток (1889-1892).

Для освещения нашего предмета особый интерес представляют архивные документы, переизданные почти полностью недавно в Хакасии, а именно: «Отзывы» протоиерея Е.А. Малова о лекциях Катанова, также отзыв иеромонаха Гурия о сочинениях Катанова и др. документы, характеризующие взаимоотношения ученого с Православной церковью в лице названных сановников. Катановеды И.Ф. Кокова и Г.В. Коков [4] дали достаточно широкую, документально обоснованную картину жизнедеятельности ученого, включая его взаимоотношения с духовенством Казани в лице известного востоковеда, миссионера, протоиерея Е.А. Малова (1835-1918), отца выдающегося советского ученого С.Е. Малова (1880-1957, отметим, учившегося востоковедским предметам у Н.Ф. Катанова). Возникло резкое противостояние протоиерея Е.А. Малова Н.Ф. Катанову в связи с конкурсом на вакантную должность профессора миссионерской кафедры Казанской духовной академии, на которую среди других претендовал Николай Федорович. К 1911 г. в миссионерском отделении Духовной академии сложилась ситуация крайнего недостатка в преподавателях, способных заниматься теорией и практикой миссионерской деятельности. Как отмечает Р.М. Валеев, к началу XX в. казанские миссионеры-востоковеды имели большой опыт подготовки православных миссионеров, «знающих восточные языки, историю ислама и буддизма» [5, с. 226]. Они направлялись для работы с инородцами Поволжья, Приуралья, Сибири и Кавказа. Ведущей целью миссионерской деятельности духовных учреждений России, несомненно, являлась подготовка лиц, желательную владеющих «туземными» языками и готовых к просвещению, постепенному обращению инородцев в православных верующих, т.е. религиозная экспансия и просветительство на основе православной веры.

Преподавателями миссионерских отделений, включая Казанскую духовную академию (КДА), в основном были выпускники российских духовных учебных заведений. При рассмотрении заявления Н.Ф. Катанова, поданного к участию в конкурсе на замещение должности профессора миссионерской кафедры КДА, члены комиссии отметили его академическое образование как не соответствующее традициям духовного заведения. Вот что писал по этому поводу протоиерей Е.А. Малов, опытный профессор, авторитетный член комиссии после посещения пробных лекций Катанова: «Заканчивая речь о крещеных татарах, г. Катанов говорит: благодаря недостатку в просветительных христианских книгах (!) и соседству с мусульманами и язычника-

ми, крещеные татары еще долго будут держаться в путях суеверия (!). Ужели это речь христианина, ужели речь будущего руководителя миссионеров? Не речь ли это мусульманина, радующегося медленным успехам православного русского миссионерства?...» [6, с. 145]. Е.А. Малов далее эмоционально продолжает обвинять Катанова в том, что его лекция неудовлетворительна, сам он якобы не выражает верноподданнических христианских чувств и сочувствия миссионерам. Как видно, есть даже обвинение Катанова в приверженности мусульманству, что было уже слишком.

Примерно в таком же духе подверг протоиерей критике научные этнографические труды Катанова, не находя в них ничего ценного: «...если мы желаем сохранить традиции, завещанные Н.Ив. Ильминским, а в традициях живет дух лучших представителей нашей высшей миссионерской школы, то мы должны не считать более Н.Ф. Катанова заместителем миссионерской кафедры в Казанской Духовной Академии. Г. Катанов не получил миссионерского образования и направления в Казанской Духовной Академии и как инородец почти не высказывает своих патриотических симпатий к России, и старается всегда объективно относиться к самым важнейшим ценностям христианской религии...» [6, с. 135]. Обвинения в адрес ученого более чем серьезные, но не основанные на фактах. Отметим, что отсутствие фанатизма в отношении к религии и проявление научной объективности отмечено даже духовным лицом, хотя и в экспрессивно-негативном тоне. В 1911 г. Катанов не получил искомую должность, оставаясь внештатным доцентом. Однако впоследствии после ухода на заслуженный отдых Е.А. Малова в 1915 г. Катанов избран на вакантную должность профессора кафедры миссионерского отделения КДА и работал до ее закрытия в 1919-1920 гг.

Совершенно в противоположном ключе характеризуется деятельность и личность Н.Ф. Катанова в «Отзыве» экстраординарного профессора иеромонаха Гурия. Сравнив и сопоставив документы и труды трех претендентов: г. П. Жуже, священника Михайлова, Н.Ф. Катанова, иеромонаха Гурий заключил: «Указанное выше знакомство с представленными трудами проф. Катанова дает возможность свидетельствовать о нем как о глубоком знатке всех областей искомой кафедры, как в практическом, так и в теоретическом отношении, обрисовывая его как глубокого научного исследователя вопросов науки и талантливого преподавателя. Всестороннее теоретическое и практическое знание тюркских наречий, безусловно, даст ему большую возможность поставить на вполне научную нишу преподавание языков отдела кафедры, а в связи с языком вполне научно обоснованное знание этнографии, быта, верований инородцев даст ему возможность на академической кафедре еще с большей пользой и усилием трудиться в деле распространения и утверждения веры Христовой среди инородцев на родном их языке через переводческие труды» [6, с. 151].

Обратимся далее к обобщающему вышесказанное документу «Представление в Совет Императорской Казанской духовной Академии» на 15 страницах [7], подписанное профессорами И.М. Покровским, П.А. Юнгером, В.А. Никольским от 12.07. 1915 г. Не касаясь всех описанных в подробностях жизнедеятельности Н.Ф. Катанова как ученого, педагога, общественного деятеля, остановимся на его характеристике как миссионера. «Как преподаватель миссионерского отделения Н. Ф-ич при своем религиозно нравственном облике, в Академии оказался в самой близкой и прямо таки родной ему сфере. Такое положение его в Академии много объясняется тем, что он, с первых годов своей службы в Казани, сделался...получившим академическим человеком, войдя в самые близкие сношения не только с преподавателями миссионерского отделения и почти со всеми членами академической корпорации и многими студентами Академии... Интересуясь церковными вопросами, он... по личному почину не раз читал в Университете курсы чисто церковного характера, как «Историю несториинства в Средней Азии и Монголии за время с V по XIVвв.» и «Историю христианства в Поволжье за золотоордынский период» [7, ЛЛ.271-272]. Далее: «Человек прилежный и всегда исполнительный, опытный в преподавании, точного ума, с громадным запасом научных знаний...Н. Ф-ич...поставил преподавание своего миссионерского предмета на надлежащую высоту, придав ему живой и жизненный характер. Он давно понял и печатно проводил мысль, что русским инородцам востока нельзя жить своей собственной жизнью, не сливаясь с русской культурой, образован-

ностью и государственностью, не приняв христианства и не войдя в состав чар русской православной церкви. С другой стороны, русский инородческий миссионер, равным образом государственный и культурный деятель не будут иметь успеха в своем деле, если не изучать языка, религии, нравов и быта самих инородцев» [7, ЛЛ. 272-273]. Кроме того, в данном представлении указаны другие стороны (миссионерской – прим. автора, скорее, общественно-просветительной) деятельности ученого. Далее сказано: «Как редкий и глубокий знаток татарских наречий и языков тюркского корня, Н. Ф-ич давно примкнул к сонму казанских инородческих миссионеров, трудящихся при Братстве Св. Гурия и Миссионерском Отделении Казанской Академии. Он давно состоит членом Казанской переводческой Комиссии Православного Миссионерского Общества при Братстве Св. Гурия...он является незаменимым переводчиком религиозных книг на языки киргизский, якутский, башкирский и др. и тем самым оказывает неоцененную помощь православной миссии среди племен, говорящих на этих языках» [7, Л. 276].

Известно, что 1911 год в жизни Н.Ф. Катанова был, пожалуй, самым трудным, драматичным. К этому времени относится одно из его писем А.В. Васильеву (1853-1929, крупный ученый-математик и известный российский общественный деятель), с которым долгие годы связывало дружеское сотрудничество. В сложный период послереволюционного террора в российском государстве были ужесточены Уставы университетов, созданы дополнительные надзорные органы, в одном из них вынужденно трудился Катанов – Временный Комитет по делам печати г. Казани. В письме от 9 мая 1911г. Васильеву Николай Федоро-

вич писал: «Положение отчаянное и безвыходное...с семьей хочу съездить в Саров, помолиться, отдохнуть и попутно описать имеющиеся там восточные рукописи» [8].

Итак, каким же человеком по вере был выдающийся ученый? Понятие «католика» в смысле «безбожника» к нему неприемлемо: во-первых, историческое время его жизнедеятельности предполагало воспитание человека в духе какой-либо веры; даже глубокая вера в силу науки и прогресса зиждется на первоначальной системе фундаментальных взглядов о мире, природе, человеке, изначальной формируемых с детства в семье; во-вторых, с юношества примкнувши к миссионерству как теории и практике народного просвещения и образования, идеологически основанному на православных догматах, ученый принял православие как духовное явление, отвечающее его внутреннему состоянию: в нем гармонично сочеталось книжное знание с житейской мудростью и народной культурой; в-третьих, являясь плотью от плоти народным представителем, он никогда не отказывался от традиционных народных культурных традиций и обычаев как органической части жизни народа, соединяя в себе ненавязчивую мудрость востока с рационализмом запада. Как истинный российский интеллигент Н.Ф. Катанов был лишен фанатической религиозности, одновременно с уважением относился к инаковерующим (мусульманам, буддистам, шаманистам и др.), усматривая в иных религиях научную и культурную составляющую, поэтому и привлекает внимание исследователей сегодня научно-творческое наследие выдающегося ученого, также его личность как ученого и гражданина поликультурного мира.

Библиографический список

1. Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография / сост. И.Л. Кызласов; Труды Хакасской археологической экспедиции. 8. – М.; Абакан, 2001.
2. Потребности начального образования в Сибири. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896-1897 годов. – СПб., 1898.
3. Султанбаева, К.И. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель: монография. – Абакан, 2009.
4. Кокова, И.Ф. Н.Ф. Катанов. – Абакан, 1993.
5. Валеев, Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20 гг. XX в.). – Казань, 1998.
6. Катанов, Н.Ф. Избранные научные труды / сост. Н.А. Данькина, З.Е. Каскаракова. – Абакан, 2012. – Т. 2.
7. Национальный архив Республики Татарстан. Фонд10. Оп.1.Д.11352.ЛЛ.268-280 «Представление в Совет Императорской Казанской духовной Академии».
8. Отдел рукописей и редких книг Казанского государственного университета. Рукописи Н.Ф. Катанова. Д.9047. Письма А.В. Васильеву (11).

Bibliography

1. Nikolayj Fedorovich Katanov. Avtobiografija i bibliografija / sost. I.L. Kihzlasov; Trudih Khakasskoj arkheologicheskoyj ehkspedicii. 8. – M.; Abakan, 2001.
2. Potrebnosti nachalnogo obrazovaniya v Sibiri. Vsepoddanneyshij doklad stats-sekretarya Kulomzina po poezdкам v Sibirj 1896-1897 godov. – SPb., 1898.
3. Sultanbaeva, K.I. Nikolayj Fedorovich Katanov – vhidayuthijysya uchenihj-vostokoved, tyurkolog, prosvetitelj; monografiya. – Abakan, 2009.
4. Kokova, I.F. N.F. Katanov. – Abakan, 1993.
5. Valeev, R.M. Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie (XIX – 20 gg. XX v.). – Kazanj, 1998.
6. Katanov, N.F. Izbrannihe nauchnihe trudih / sost. N.A. Danjina, Z.E. Kaskarakova. – Abakan, 2012. – T. 2.
7. Nacionalnijnihj arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond10. Op.1.D.11352.LL.268-280 «Predstavlenie v Sovet Imperatorskoj Kazanskoj dukhovnoy Akademii».
8. Otdel rukopisej i redkih knjg Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Rukopisi N.F. Katanova. D.9047. Pisjma A.V. Vasiljevu (11).

Статья поступила в редакцию 13.10.13

УДК 378

Cherkasova I.I. DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL THINKING IN THE CONTEXT OF MODIFICATION OF TEACHER'S FUNCTIONS. New requirements and functions of a teacher are examined in the article. Author's attention is also paid to the peculiarities of modern pedagogical thinking.

Key words: teacher's functions, pedagogical thinking, panorama-pedagogical thinking.

И.И. Черкасова, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики и социального образования Тобольской гос. социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск, E-mail: irinka65@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИЙ УЧИТЕЛЯ

В статье рассматриваются новые требования и функции учителя, выделяются особенности современного педагогического мышления.

Ключевые слова: функции учителя, педагогическое мышление, панорамно-педагогическое мышление.

Стремительные изменения во всех сферах жизнедеятельности современного человека обостряют проблемы педагогического образования. Учитель должен не только понимать происходящие изменения и учитывать их в своей работе, но и прогнозировать их последствия, должен быть готов сам и научить своих учеников жить в эпоху перемен. В этих условиях возрастает актуальность развития у учителя педагогического мышления, обладающего признаками тринитарности. Идея тринитарности тесно связана с идеей целостности. Бинарная структура (хорошо-плохо, субъект-объект, материальное-идеальное, правые-левые, Восток-Запад и др.) как единица анализа обнаруживает свою недостаточность в процессе синтеза, в период которого вступило современное общество. Архетип триединства становится объединяющим ядром новой парадигмы [1]. Тринитарный подход развивается во всех областях знания: биологии (изменчивость – отбор – наследственность), лингвистике (морфема – фонема – семема), семиотике (треугольник Г. Фреге: концепт (смысл) – денотат (означаемое) – сигнификат (означающее)), дидактике (знания – умения – навыки, обучение – воспитание – разделение), психологии (потребности – мотив – цель, действия – операции – условия, деятельность – сознание – личность) и многих других. В «Заветных мыслях» находим фразу Д.И. Менделеева: «Хочется-то мне выразить заветнейшую мысль о нераздельности и сочетанности таких отдельных граней познания, каковы: вещество, сила и дух; инстинкт, разум и воля; свобода, труд и долг» [2, с. 37]. Широко известная гегелевская триада «тезис – антитезис – синтез». И.И. Казимирская, рассматривая проблемы формирования педагогического мышления, предложила строить процесс обучения, направленный на его развитие, в логике триады «отношение – сознание – деятельность» [3]. Подобных примеров триад множество, начиная от идей Аристотеля, Платона, включая религию (Святая Троица), искусство (триада Витрувия: польза – красота – прочность), литературу, народный фольклор (три сына, три попытки и др.) и заканчивая современными триадами: вещество – энергия – информация, размерность – иерархия – континуальность и др.

Для становления современного педагогического мышления, на наш взгляд, целесообразно строить процесс профессиональной подготовки будущего учителя в рамках триады «рацио – эмоцио – интуицио». Освобождение от бинарного стереотипа, опора на системную триаду; движение от целого к частям, от целостного метода к демонстрации общности законов в разных областях знания; освоение пространства методов, знакомство с новыми ветвями знания, идеями, гипотезами – все это может быть рассмотрено как направления развития современного педагогического мышления [1].

К особенностям современного педагогического мышления могут быть отнесены: выход мышления за рамки практической деятельности учителя, что было характерным три десятилетия назад; расширение сферы педагогической деятельности за счет теоретической и методологической составляющих; понимание мышления не только как процесса отражения реальной действительности, но и прогнозирования и проектирования моделей, являющихся образами незаданных объектов и явлений (Г.И. Саранцев); обусловленность мышления деятельностью, адекватной современному статусу педагогической науки и др.

В литературе акцентируется смещение в требованиях к мышлению учителя на исследовательскую и методологическую составляющие, широту взглядов и определение своей позиции в них, способность к проектированию, рефлексии, целостному и системному видению явлений и процессов, ответственности за принимаемые решения.

М.В. Кларин, анализируя требования к учителю в условиях внедрения нововведений в образовательный процесс, в качестве одного из главных выделяет широту восприятия. Он отмечает, что именно узость представлений учителя о тонкостях нововведений и собственных возможностях может проявиться в том, что проблема остается неосознанной. Широту взглядов как качество, которого не хватает современному учителю, отмечает и М. Мокринский, директор московского лицея № 1535, в интервью РИА Новости в связи с обсуждением президентской инициативы «Наша новая школа».

Анализ официальных требований к современному педагогу показал, что он должен быть готов к изучению, анализу и прогнозированию развития личности и жизнедеятельности обучающихся, к осуществлению комплексных преобразований системы образования, к преодолению противоречий её развития. Он

должен быть способен к исследовательской деятельности, к профессионально-педагогической рефлексии, к рассмотрению сложных объектов педагогической действительности как целостных явлений, к согласованию целей преподавания своего предмета с целями развития личности обучаемого, тенденциями функционирования учебного заведения на основе учёта интегративных изменений в инструментари педагогической деятельности, категориальном аппарате [4].

Еще одним из актуальных требований к современному учителю является владение ИТ технологиями. Сегодня в блогах многих учителей можно найти советы из книги американских педагогов «21 признак учителя 21 века». Все признаки связаны с владением информационными технологиями, использованием сервисов Web 2.0 в процессе обучения, начиная от просьбы к ученикам включить сотовые телефоны перед началом урока, так как планируется их использование, до он-лайн экскурсий, разработки учебных проектов в группе вики, создании в социальных сетях профиля от имени литературного героя или исторической личности и т.д. Учителю предъявляется требование владения пользовательскими e-skills – умениями, необходимыми для эффективного использования ИТ-систем в профессиональной деятельности, не связанной с ИТ. Однако еще более сложной задачей является понимание учителями особенностей современного мышления школьника. Оно получило разные определения в научной и публицистической литературе: от клипового мышления до мышления «кузнечика». Признаками такого мышления является фрагментарность, перескакивание с одного дела на другое, одновременное решение нескольких задач (находясь в режиме он-лайн, сидеть в чате, выполнять домашнее задание, разговаривать по сотовому телефону, играть в компьютерные игры и т.д.), неспособность мыслить линейно, структурировано. При этом современные дети более развиты визуально, предпочитают мультимедиа тексту, привыкли к коллективному решению проблем и задач, скорости получения информации предпочитают её качество.

Образно-эмоциональный, клиповый стиль мышления молодых людей, формируемый и поддерживаемый за счёт постоянного общения с масс-медиа, идет вразрез с преимущественно вербальным, декларативным стилем изложения учебной информации. В триаде «рацио-эмоцио-интуицио» в процессе обучения приоритет принадлежит рацио. В противостоянии масс-медиа и традиционного обучения выигрывают первые за счет большей мотивированности, самостоятельного выбора получаемой информации личностью. Учитель, обладающий современным панорамным педагогическим мышлением, должен учитывать данный контекст в своей работе, привлекая новые технологии, опираясь не только на рациональный, но и на эмоциональный аспект в процессе обучения, динамический образ, развивая личность в направлении гуманизации её ценностей, убеждений, поведения.

Социально-педагогическими предпосылками, определяющими требуемые изменения в педагогическом мышлении учителя, являются: изменение педагогических целей с передачи знаний на самореализацию ученика; понимание компетентности ученика как результата образования; диверсификация содержания образования за счет учебного материала, самостоятельно найденного обучающимися, опора на самостоятельность детей; технологизация образовательного процесса; вариативность образования и его учебно-методического сопровождения; изменение характера взаимодействия учителя и обучающихся; включение родителей в совместную развивающую деятельность; расширение образовательного пространства школы, сети социальных партнеров, выступающих субъектами образования школьников; развитие исследовательского пространства школы и исследовательской деятельности его субъектов; изменение оценки достижений обучающихся, востребованность диагностических и прогностических умений учителя; готовность учителей к изменениям профессионально-педагогической деятельности и т.д.

Современная образовательная ситуация выдвигает перед учителем и другие, не менее важные требования: он должен действовать не только на уровне целереализации, когда можно быть хорошим исполнителем и решать уже кем-то сформулированные и поставленные задачи, но и на уровне целеполагания, быть готовым выявлять и формулировать цели развития обучающихся, личностного саморазвития, адекватно отражающие потребности педагогической реальности.

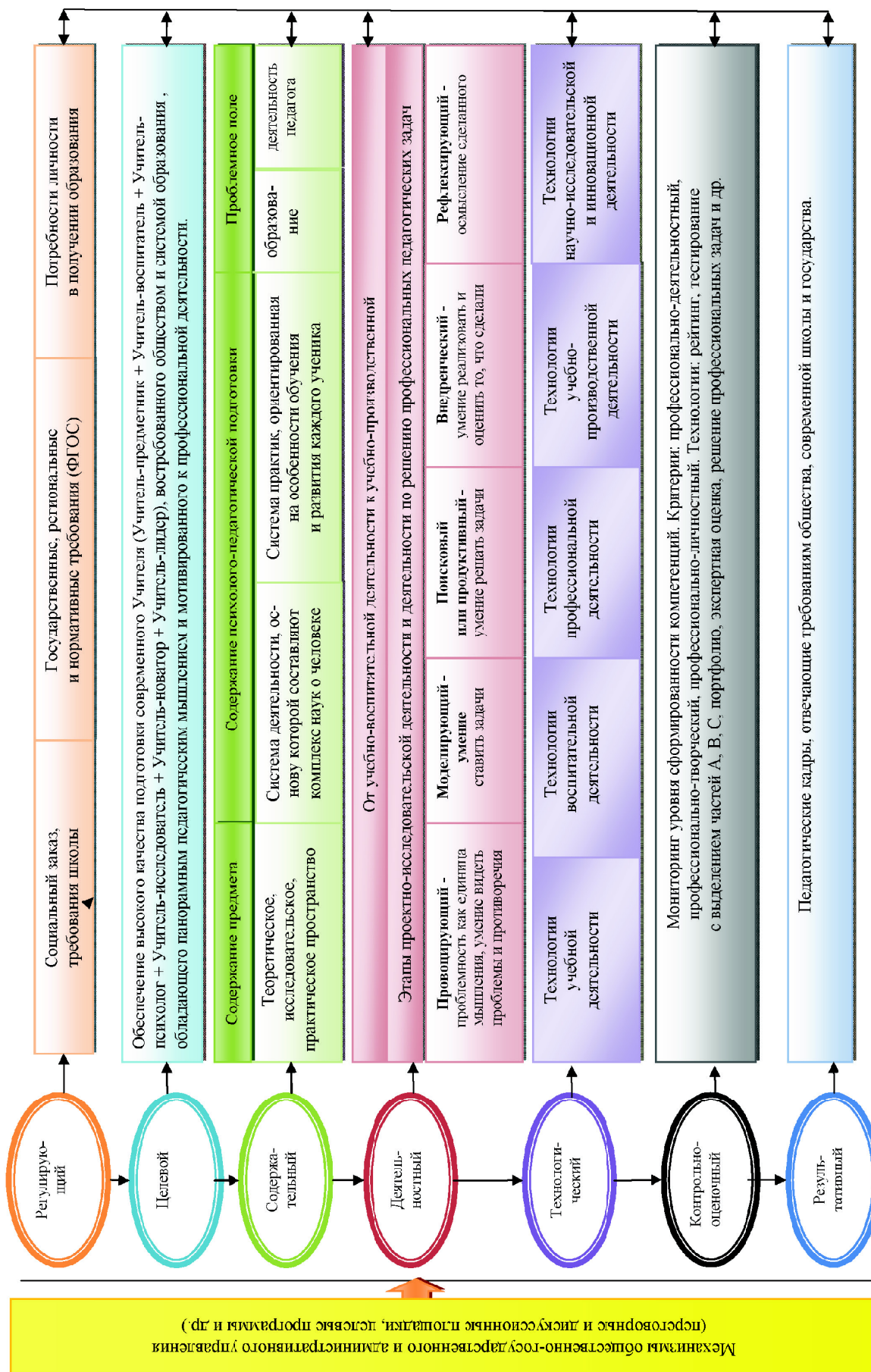

Рис. 1. Модель профессионально-педагогической подготовки будущего учителя, обладающего современным педагогическим мышлением и способного к реализации профессиональных функций

Анализируя особенности мышления в изменяющихся условиях, Ю.Н. Кулюткин отмечает, что в противоположность «черно-белому», современное мышление, учитывающее многогранную реальность, требует от человека развития новых интеллектуально-личностных качеств. Эти качества ученый выделяет в виде пары взаимодополняющих противоположностей:

- открытость к новому – критичность ума. В условиях, когда любая проблема неоднозначна и многопланова, необходима уравновешенность между стремлением к новому и критичностью его оценки;

- дивергентность – конвергентность мышления. Установка на дивергентное мышление, то есть на многозначность, является одним из главных условий анализа и продуцирования проблем. Но результат продуцирования требует упорядоченности и определенности;

- лабильность – стереотипность ума. Соотношение между ними образует гибкость ума;

- импульсивность – рефлексивность. Принятие решения, осуществляемого в условиях неопределенной ситуации, предполагает некоторую долю риска, импульсивности. Рефлексия, в которой осмысливается надситуативная активность человека и которая позволяет учитывать разные точки зрения на решаемую проблему, дает возможность регулировать и совершать более разумные действия [5].

Необходимые изменения в профессиональной деятельности и мышлении учителя удобно показать через изменение его функций. Если, согласно тарифно-квалификационные характеристики Госкомтруда от 1995 г., основными функциями учителя являются: организация урочного обучения школьников по предмету; организация внеурочной деятельности; методическая деятельность в сфере обучения; методическая деятельность в сфере воспитания; взаимодействие с родителями учащихся; участие в управлении школой, то сегодня функции формулируются совершенно иначе. Исходная функция – помощь воспитаннику ощутить смысл, мотив, потребность в собственном развитии; промежуточная – создание искусственной среды для усвоения опыта добытия знаний, опыта приобретения умений, опыта создания творческого продукта; основная – помочь ребенку в выработке своего собственного, индивидуального, личностного опыта, своего смысла, своей позиции (В. В. Сериков). При этом организаторская функция рассматривается как преобладающая над информационно-сообщающей. Функции меняются в сторону усиления теоретической и методологической деятельности учителя, требуя развития соответствующего мышления.

Серьезной проблемой является лавинообразный рост новых функций учителя, что просто делает невозможным выполнение многих из них. Возможный выход видится в определении и реализации интегративных функций. Согласно исследованиям Е.В. Пискуновой, «линейные» функции обучения и воспитания в изменяющейся социокультурной ситуации трансформируются в функцию содействия образованию школьника. При этом функция обучения претерпевает изменения в силу акцентуации личностных целей обучения школьника, а функция воспитания приобретает особый смысл, пронизывая весь педагогический процесс и формируя условия для воспроизводства ценностей. Функция содействия образованию школьника рассматривается как ведущая в профессионально-педагогической деятельности и направлена на создание средствами педагогической деятельности условий для проявления самостоятельности, творчества, ответственности ученика в образовательном процессе, формирование у него мотивации непрерывного образования [6].

Изменение функций педагогической деятельности влечет за собой и изменения в функциях педагогического мышления от функции анализа конкретных педагогических ситуаций, постановки задач в данных условиях деятельности, разработки планов и проектов решения этих задач, регуляции процесса осуществления намеченных планов, оценки полученных результатов (Ю.Н. Кулюткин) до методологической функции.

Традиционным является выделение трех основных функций мышления: когнитивной, регулятивной, коммуникативной. Когнитивная функция обеспечивает целенаправленное приобретение знаний, установление оптимального соотношения комплекса различных структурных блоков познавательных и исполнительных процессов. Обогащение новыми знаниями является и процессом овладения способами различных взаимодействий с ними. Регуляторная функция мышления определяется личностными качествами субъекта, определяющими его специфику, характер и результат. Коммуникативная функция отражает диалогичность мышления. Д.В. Вилькееев и С.И. Гильмашина вы-

деляют семь функций профессионального мышления учителя: объяснительную, диагностическую, прогностическую, проективную, рефлексивную, управления и коррекции педагогического процесса, коммуникативную. Е.В. Лопанова выделяет три уровня организации мышления: оперативный, тактический и стратегический, каждому из которых соответствуют свои функции. Так, на оперативном уровне «работают» познавательная, рефлексивная и импатийная функции. На втором – прогностическая и регулятивная. На стратегическом уровне ведущей является методологическая функция мышления.

Для успешной реализации новых профессиональных функций, на наш взгляд, у учителя необходимо формировать панорамно-педагогическое мышление, которое может быть определено как специфическая умственная деятельность, в процессе которой происходит целостное отражение педагогической реальности, а также прогнозирование и конструирование моделей, являющихся образами незаданных объектов и явлений, адекватная современному статусу педагогической науки, иерархизованная методологической, теоретической и практической составляющими, а также являющая системно-целостную, научно обоснованную представленность психолого-педагогического, предметно-методического и социально-культурного знания в образе ведущей профессиональной педагогической деятельности.

Признаки панорамно-педагогического мышления: гуманистическая направленность, «ориентация на ребенка как высшую ценность в системе профессиональных ценностей» (В.В. Сериков); продуктивность; критичность; системность, целостность, интегративность, многомерность, многогранность; умение выявлять и разрешать противоречия; диалогичность; разрешение проблемности на надситуативном уровне; наличие системы установок, понимаемых как особая предрасположенность к целостному, полипарадигмальному, поликультурному, межнаучному освоению феноменов образования; осмысливание фактического соотношения традиционного и нового; диалектичность.

По характеру панорамно-педагогическое мышление является социально-деятельностным, методологическим, являющим синтез теоретического и практического на основе принципа дополнительности, предметно-содержательным, ценностно-рефлексивным, холистическим, гуманитарным, профессионально-ориентированным, рефлексивным.

Как гуманитарное, панорамно-педагогическое мышление отвечает ряду специфических особенностей: опора в познании не только на науку, но и на смежные области гуманитарного знания, в том числе искусство, язык, здравый смысл; включенность в объект исследования сознания самого исследователя; осуществление исследования с ценностных позиций; сочетание рационально-логического объяснения и интуитивного понимания; наличие в процессе исследования, прежде всего в его теоретическом обосновании, вероятностных допущений, динамичность и поливариантность выдвигаемых гипотетических положений; преимущественное преобладание качественных методов исследования в сравнении с количественными; активное использование образных средств, метафор; необходимость длительной опытной проверки и обоснования выдвинутых гипотез и др.

Анализ функций и ролей учителя, требований к педагогическому мышлению свидетельствует о том, что на первое место выходит социальное образования, социальное развитие личности. К сожалению, в сложившейся системе подготовки педагогических кадров указанные новые профессиональные функции учитываются пока недостаточно. Это обостряет проблему опережающей подготовки, опережающего образования как потребности современного общества. Одним из центральных направлений в подготовке учителя должно стать формирование нового, панорамно-педагогического мышления будущего педагога. Разработанная нами модель профессионально-педагогической подготовки современного учителя, обладающего панорамным педагогическим мышлением и способного к успешной реализации профессиональных функций, представлена на рис. 1.

Осмысление основных изменений образовательной практики, требований к педагогу, развитию его профессиональных функций, а также анализ научных поисков ученых свидетельствуют о росте интереса к определению ведущей интегральной характеристики личности педагога, способного решать новые педагогические задачи. В качестве такой характеристики все чаще рассматривается профессиональное педагогическое мышление. Изменившаяся социально-экономическая ситуация, образовательная практика детерминируют необходимость становления и развития у педагогов нового профессионального мышления, отвечающего вызовам времени.

Библиографический список

1. Баранцев, Р.Г. Становление тринитарного мышления. – М.; Ижевск, 2005.
2. Дмитрий Иванович Менделеев в воспоминаниях современников. – М., 1973.
3. Казимирская, И.И. Мышление учителя и пути его формирования: в 2 ч. – Минск, 1992. – Ч. 1.
4. Французова, Н.П. Методология научного познания. – М., 1996.
5. Кулюткин, Ю.Н. Образование взрослых и проблема функциональной неграмотности // Образование без границ. – 2004. – № 2.
6. Пискунова, Е.В. Подготовка учителя к обеспечению современного качества образования для всех: опыт России: рекомендации по результатам научных исследований / под ред. акад. Г.А. Бордовского. – СПб., 2007.

Bibliography

1. Barancev, R.G. Stanovlenie trinitarnogo mihsleniya. – M.; Izhevsk, 2005.
2. Dmitriy Ivanovich Mendeleev v vospominaniyakh sovremennikov. – M., 1973.
3. Kazimirskaia, I.I. Mihslenie uchitelya i puti ego formirovaniya: v 2 ch. – Minsk, 1992. – Ch. 1.
4. Francuzova, N.P. Metodologiya nauchnogo poznaniya. – M., 1996.
5. Kulyutkin, Yu.N. Obrazovanie vzroslihkh i problema funktsionalnoy negramotnosti // Obrazovanie bez granic. – 2004. – № 2.
6. Piskunova, E.V. Podgotovka uchitelya k obespecheniyu sovremennogo kachestva obrazovaniya dlya vseh: opit Rossii: rekomendacii po rezul'tatam nauchnikh issledovaniy / pod red. akad. G.A. Bordovskogo. – SPb., 2007.

Статья поступила в редакцию 21.10.13

УДК 378.126

Shlykova A.I. **MODEL OF FORMATION INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES COMPETENCE OF «ADVERTISING AND PR» BACHELOR DEGREE COURSE.** The article examines a problem of choice of methods and techniques of learning to provide a process of formation of information and communication technologies competence for «advertising and pr» bachelor degree course.

Key words: Information and communication technologies (ICT) competence. Model of ICT competence of graduates, phase of competence formation.

А.И. Шлыкова, ст. преп. каф. «Информационные технологии» ФГБОУ ВПО «Донской гос. технический университет», г. Ростов-на-Дону, E-mail: aishlykova@mail.ru

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИКТ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»

В статье рассматривается проблема выбора методов и технологий обучения обеспечивающие процесс формирования информационно-коммуникационно-технологической (ИКТ) компетентности для направления «Реклама и связи с общественностью»

Ключевые слова: ИКТ компетентность, модель ИКТ компетентности выпускника, этапы формирования компетентности.

Введение образовательных стандартов третьего поколения (ФГОС СПО) ставит перед вузами ряд проблем, среди которых выделяется проблема выбора методов и технологий обучения, обеспечивающих процесс формирования у студентов профессиональных компетенций. Для того чтобы своевременно на основе изменяющихся потребностей рынка труда производить коррекцию программ подготовки выпускников, необходимо регулярно актуализировать требования к компетентности выпускников со стороны работодателей и других заинтересованных сторон [1]. С целью более эффективного формирования информационно-коммуникационно-технологической (ИКТ) компетентности выпускников-бакалавров направления «Реклама и связи с общественностью» Донского государственного технического университета нами было проведено анкетирование руководителей рекламных предприятий. В качестве основных респондентов выступают работодатели и выпускники, имеющие стаж работы в данной области: обладатели компетенций, полученных в ходе освоения ООП по данному направлению при соответствующем уровне подготовки. Одним из основных требований работодателей, по результатам опроса, является профессиональное использование компьютера, знание офисных и прикладных программ, умение работать с электронной почтой, осуществлять поиск и анализ актуальной информации в сети Интернет, построение сводных отчетов и графиков и др. Анализ полученных результатов опроса позволил сформировать траекторию обучения с использованием системного подхода, направленного на развитие модели обучения, где каждый компонент является частью целой технологии.

В целях совершенствования подготовки специалистов по направлению «Реклама и связи с общественностью» нами была

разработана модель формирования ИКТ компетентности бакалавра направления «Реклама и связи с общественностью».

Разработанная модель включает: цель, структурные компоненты, описание подходов и принципов, основные этапы, комплекс взаимосвязанных форм, методов и средств обучения и получаемый результат в виде сформированной на одном из уровней компетентности. Для определения уровня сформированности ИКТ компетентности были использованы следующие уровни измерителей: мотивационный, когнитивный, профессионально-деятельностный [2]. Средством формирования компетентности на основе разработанной модели выступает учебная профессионально-ориентированная среда созданная при помощи виртуальной информационно-образовательной среды «СКИФ» (разработанной и реализованной на базе ДГТУ), включающую в себя методы, формы, средства и технологии обучения. Каждый компонент обучения включает в себя обучающую работу преподавателя (изложение, объяснение нового материала) и организацию активной учебно-познавательной деятельности студента (рис. 1).

Спроектированный в виртуальной информационно-образовательной среде «СКИФ» и адаптированный к формированию информационно-коммуникационно-технологической компетентности интегративный курс «Информационные технологии в профессиональной деятельности» интерпретированы следующие педагогические условия: нормативные (с опорой на стандарты ФГОС СПО); организационные (разработка курса в системе СКИФ); материально-технические (оборудование и программное обеспечение, электронная библиотека); инструментальные (разработка виртуальных курсов методических разработок по использованию возможностей среды); психолого-педагогические (орга-

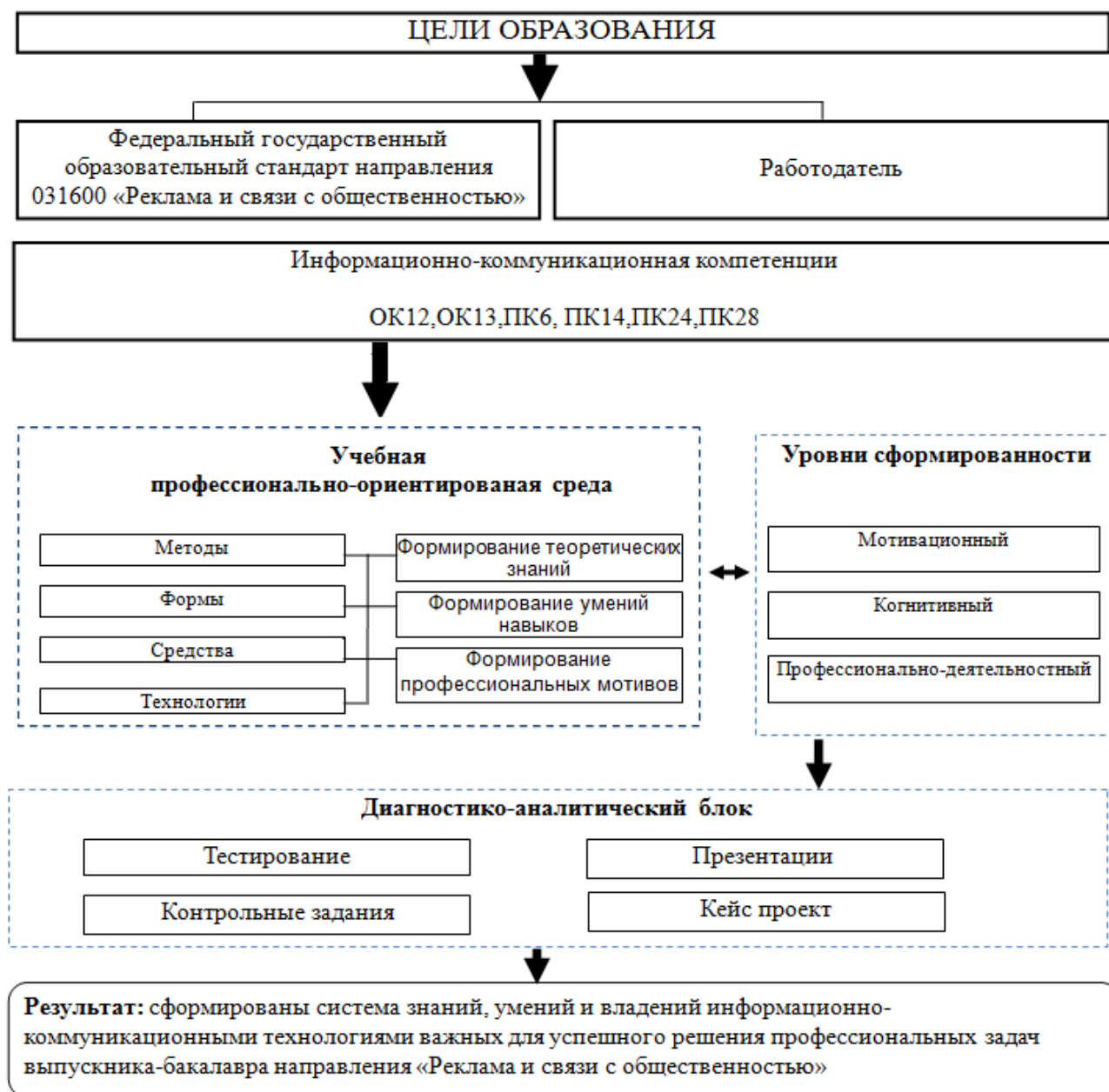

Рис. 1. Модель процесса формирования ИКТ компетентности выпускника направления «Реклама и связи с общественностью»

низация формирования компетентности на основе эффективного взаимодействия субъектов педагогического процесса в вузе и организации учебного процесса в соответствии с подходами и принципами, представленными в модели).

Контроль результативности системы обучения проводится в форме итоговой аттестации, задачами которой в этом случае являются:

- определение уровня подготовки выпускника и соответствия его квалификации требованиям ФГОС ВПО по выбранному направлению;
- разработка корректирующих мероприятий по совершенствованию методов, форм, средств и технологий образовательного процесса, в том числе, итоговой аттестации, и выдача рекомендаций по совершенствованию образовательного процесса.

Библиографический список

1. Захарова, О.А. Система поддержки дистанционного обучения «СКИФ» на основе программного обеспечения // Вестник Дон. гос. техн. ун-та. – 2011. – № 4(55). – Т. 11.
2. Месхи, Б.Ч. Стратегия развития инженерного образования: опыт ДГТУ. Корпоративные кафедры в учебном процессе: монография. – Ростов-на-Дону, 2009.
3. Родина, А.И. Использование case-методов в образовании // Современные проблемы многоуровневого образования: материалы Международного научно-методического симпозиума. – Ростов-на-Дону, 2009.

В процессе проведения исследования нами были обоснованы применяемые средства педагогической коммуникации, обеспечивающие успешное формирование рассматриваемой компетентности. Формирование у студентов компонентов компетентности осуществляется на базе интеграции профессионально-ориентированной и личностно-ориентированной стратегий обучения с учетом особенностей подготовки студентов на каждом этапе [3].

Итак, для формирования профессиональных компетенций в процессе обучения, выбор и обоснование модели, технологии обучения, методов активизации студентов, способов контроля результатов, оценка результатов и другие компоненты необходимо производить на стадии разработки рабочих программ дисциплин связанных с изучением информационных технологий.

Bibliography

1. Zakharova, O.A. Sistema podderzhki distancionnogo obucheniya «SKIF» na osnove programmnoho obespecheniya // Vestnik Don. gos. tekhn. un-ta. – 2011. – № 4(55). – Т. 11.
2. Meskhi, B.Ch. Strategiya razvitiya inzhenernogo obrazovaniya: opit DGTU. Korporativnihe kafedrih v uchebnoy processe: monografiya. – Rostov-na-Donu, 2009.
3. Rodina, A.I. Ispoljzovanie case-metodov v obrazovanii // Sovremennihe problemih mnogourovnevnogo obrazovaniya: materialih Mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo simpoziuma. – Rostov-na-Donu, 2009.

Статья поступила в редакцию 17.10.13

УДК 378.11

Kirillov A. G. THE CONCEPT OF MANAGEMENT OF THE UNIVERSITY BASED ON INFORMATION TECHNOLOGY.

The article is devoted to the improvement of university management on the basis of innovation and information technology. Analyzed the works of contemporary scholars in the field of improving the effectiveness of the management system of the university, revealed principles of perfection, and describes the steps of the introduction of technology to improve the system of university management: the construction of a process model, the strategic platform of choice information, search for problem areas and control of, the search for optimal solutions, the adjustment process model, planning, innovation and information technology, innovation and information technology.

Key words: system of university management, technology increase the efficiency of university management, process approach.

А.Г. Кириллов, канд. пед. наук, доц. каф. теории Программирования и сетевых технологий, Шадринский гос. педагогический институт, г. Шадринск, E-mail: 978041@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена проблеме повышения эффективности системы управления вузом на основе инноваций и информационных технологий. Выявлены основные позиции концепции управления вузом на основе информационных технологий, а также описаны этапы внедрения технологии совершенствования системы управления вузом.

Ключевые слова: система управления вузом, технология повышения эффективности управления вузом, процессный подход.

Анализ проблемы эффективного управления образовательным учреждением в теории и практике образования присутствует на всех этапах развития педагогики.

Вопросы управления образовательными учреждениями отражены в работах Коноплиной Н.В., Щербакова Ю.И., Тихонова А.Н., Абрамешина А.Е., Ворониной Т.П., Иванникова А.Д., Молчановой О.П., и др. [1; 2; 3]. В ключе современных условий работы вузов проблема построения эффективной системы управления вузом стала наиболее актуальной. Нами были проанализированы работы многих педагогов-управленцев и с целью определения конкретных путей и технологий обеспечения функционирования и развития образовательного учреждения и эффективного управления им.

Особое внимание современные ученые уделяют следующим положениям:

- Построение системы управления вуза должно основываться на системно-целевом подходе (системности, четкой целевой ориентации, прогностичности, партисипативности, гибкости управления).
- Применение методов проблемно-ориентированного анализа и целевого программирования решения проблем.
- Применение принципов коллективного самоуправления и самоорганизации с позиции синергетического подхода.
- Построение модели вуза на основе процессного подхода, что даст глубокое понимание действующих процессов и подчеркнет взаимодействие между подразделениями.
- Необходимо определить влияние информационных технологий на совокупность происходящих процессов, а также определить конкретное взаимодействие подбираемых инструментов информатизации с существующими процессами.
- Масштабируемость и адаптивность применяемых методов и инструментов, что позволит их применять для вузов различных сфер и масштабов.
- Применение принципа постоянного совершенствования и инновационного развития системы управления вузом [1; 2; 3].

Концепция развития вуза предполагает эволюционный путь развития, с минимальным числом массовых инновационных нововведений, так как при революционном подходе происходит частичное разрушение ранее действующей системы управле-

ния, что в условиях непрерывного функционирования вуза недопустимо, в такой ситуации особую важность представляет стратегическое управление развитием вуза и необходимость в постановке стратегических целей вуза [1].

Развитие системы управления вузом не может проходить без инновационных преобразований. При этом инновации могут породить определенный хаос в упорядоченной системе работы подразделений. Спрогнозировать подобные сбои достаточно сложно, тем не менее, иногда внедрение инновационных приемов – это единственный путь к полномасштабному обновлению работы всей системы управления вузом. Для снижения риска возникновения нежизнеспособных инноваций необходимым условием применения нововведений является учет организационных условий внедрения.

Предложим технологию совершенствования эффективности управления вузом на основе инноваций и информационных технологий:

1. Применяя методы стандарта ISO 9001:2008 [4] необходимо разработать процессную модель вуза, определив все основные процессы, действующие в нем.
2. Далее необходимо определить схему взаимодействия взаимосвязанных процессов, для чего можно воспользоваться методологией функционального моделирования IDEF0.
3. Определить для каждого процесса матрицу ответственности, с указанием конкретных шагов и назначением должностей сотрудников и подразделений ответственных, исполнителей и соисполнителей данного шага.
4. На основе анализа данных определяем стратегические направления вариантов информатизации процессов – использование существующего ПО или разработка собственного исходя из сложившейся ситуации в вузе, его направленности и информационных ресурсов.

При этом важным является подход к автоматизации процесса, то есть отталкиваться необходимо не от подразделения, а от всего процесса в целом. Это дает возможность отследить, как набор необходимых данных в виде информационных потоков следует от подразделения к подразделению, постепенно трансформируясь в некий набор документов необходимых для деятельности вуза.

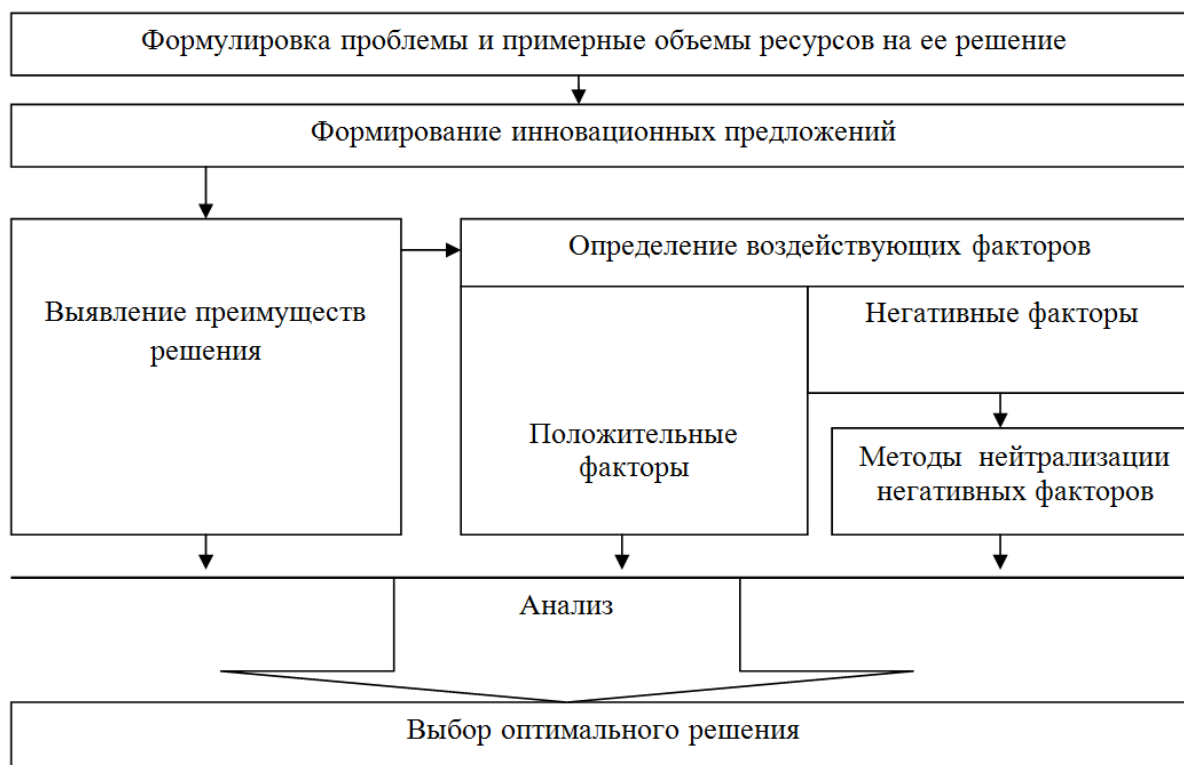

Рис. 1. Схема принятия управленческих решений

5. В матрицах ответственности определяем наиболее проблемные места передачи информации между подразделениями с конкретизацией конечного набора информационных потоков оформленных в виде сообщений, документов. Пошагово определяем местоположение точек контроля процессов, методы и средства их мониторинга, определяем ответственных за сбор и проверку информации. На данном этапе важной особенностью технологии является применение синергетического подхода и учет субъективных особенностей сложившегося коллектива.

На этом шаге необходимо осуществлять контроль за проблемными точками, на стыке подразделений разной функциональности и накапливать информацию о возникающих проблемах.

6. При возникновении проблем осуществляем поиск решений по схеме, предложенной на рис. 1.

У любой задачи существует несколько вероятных решений. Перед руководством

7. На основе анализа и принятых ранее решений приступаем к внесению изменений в систему управления вузом, принятые решения и инновационные подходы вносим в процессную модель, в схемы взаимодействия процессов и подпроцессов, а также вносим уточнения в конкретные шаги процессов с возможным изменением матрицы ответственности.

8. Следующий этап предусматривает наличие достаточно серьезных изменений, которые не могут ограничиваться корректировкой и настройкой существующей системы. Так же источником планирования может быть и необходимость изменений в связи с внешними факторами, такими как необходимость внедрения новых технологий, результатами исследовательской работы отдела маркетинга или задача по оптимизации деятельности некоторых структурных подразделений.

9. Внедряем инновации или информационные технологии в систему управления организацией в пилотную эксплуатацию с усиленным контролем за качеством информационных потоков с целью совершенствования.

Следующим этапом опять переходим к шагу № 5 и проводим следующую итерацию. Данный набор шагов перекликается с циклом Деминга PDCA (англ. «Plan-Do-Check-Act» – планирование-действие-проверка-корректировка), в котором циклически повторяется процесс принятия решения, используемый в управлении качеством. Данное сходство имеет не случайный характер, а является адаптацией данного цикла под конкретную ситуацию – построение системы управления вузом и постоянное повышение качества предоставления образовательных ус-

луг с помощью инноваций и информационных технологий. Модель совершенствования эффективности управления вузом на основе инноваций и информационных технологий представлена на рис. 2.

Рассмотрим технологию совершенствования эффективности управления вузом на основе информационных технологий на конкретном примере – деятельности Шадринского государственного педагогического института.

1. Для начала необходимо разработать процессную модель организации, которая бы охватывала все важные процессы вуза. Построим данную модель на основе методологической базы стандарта ISO 9001:2008, опираясь на труды Ю.Б. Вагнер, В.Г. Елиферова, В.В. Репина, и др. [5; 6]. Вид процессной модели представлен на рис. 3.

Вуз – организация достаточно большая, поэтому в ней огромное количество взаимосвязанных и параллельных процессов, но есть основной – жизненный процесс предоставления образовательных услуг, он функционирует в соответствии с системными процессами, такими как управление документацией, записями, внутренний аудит, управление несоответствиями, корректирующие и предупреждающие действия; процессами менеджмента – это стратегическое планирование и управление системой менеджмента качества; также образовательные услуги опираются на поддерживающие процессы – управление персоналом, управление инфраструктурой и производственной средой, информационно-библиотечное обеспечение и др. [2].

Основным является жизненный процесс предоставления образовательных услуг, который начинается с определения требований потребителей, этим занимается маркетинг, а основе информации от маркетинга ведется проектирование и разработка образовательных программ, материалы которых используются при довузовской подготовке и в процессе приемной кампании. После поступления студентов в вуз начинается процесс их образования, который представлен несколькими процессами – учебная деятельность, которая в свою очередь содержит в себе два последовательных процесса – организацию и реализацию учебного процесса; воспитательную деятельность и научно-исследовательскую деятельность студентов. Некоторые студенты и внешние слушатели так же могут параллельно получить дополнительное образование по программам дополнительного профессионального образования. Итогом образовательной деятельности является проведение анализа удовлетворенности потребителей образовательных услуг, а для выпускников очного

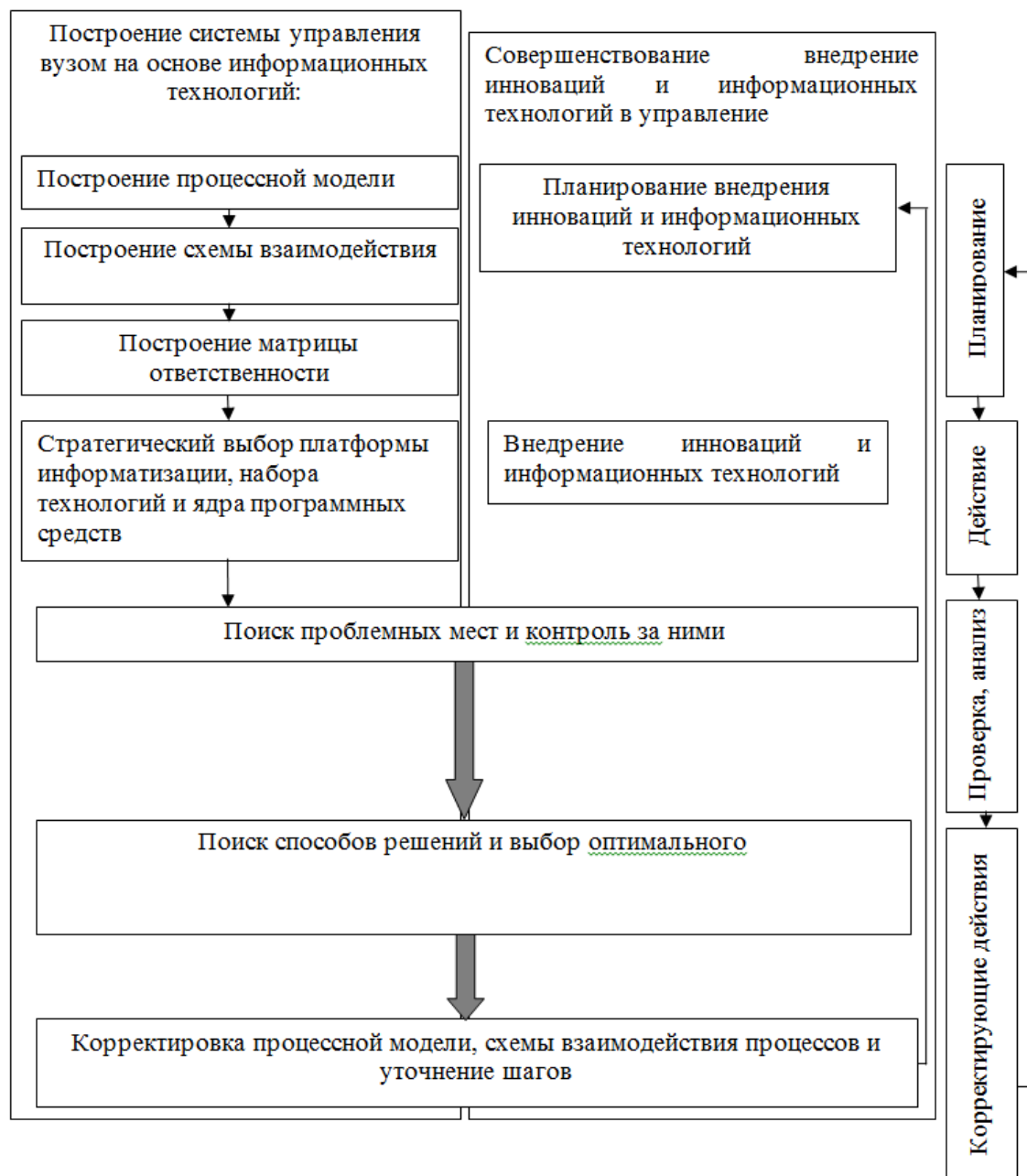

Рис. 2. Модель совершенствования эффективности управления вузом на основе инноваций и информационных технологий

отделения еще и процесс содействия их дальнейшего трудоустройства. Обратим внимание, что приведенные в модели процессы не являются исчерпывающими.

2. Далее определим схему взаимодействия взаимосвязанных процессов на основе методологии функционального моделирования IDEF0, немного ее модифицировав.

Рассмотрим одни из самых актуальных процессов – организация и реализация учебного процесса. Организация и реализация учебного процесса – являются подпроцессами учебной деятельности. Они включают основные этапы подготовки к учебной деятельности и собственно её реализацию. Из процессной модели вуза видно, что входные данные организации учебного процесса обеспечивает проведение приемной комиссии, на входе в процесс готовятся следующие документы: приказ о зачислении, личные дела студентов, а от процесса «Проектирование и разработка ОП» перечень лицензированных направлений подготовки.

К процессу предъявляются конкретные требования внешних и внутренних потребителей процесса, как то требования:

- к созданию учебно-методической документации;
- к расчету и распределению учебной нагрузки;
- содержанию вариативной части РУП.

Данный процесс достаточно жестко регламентирует федеральная нормативная база – законы РФ, ГОС, ФГОС, и внутренняя – устав вуза, учебные планы, положения, учебно-методическая документация и т.д. Процесс обеспечивается такими ресурсами как профессорско-преподавательский и учебно-вспомогательный персонал, материально-техническая база, программное, информационное обеспечение и финансами.

Процесс организации учебного процесса является инструментом, регулирующим организацию основных образовательных программ ВПО. Его задача – обеспечить в достаточной степени организацию образовательной деятельности в вузе. Приказы о зачислении передаются приемной комиссией в соответствующие деканаты факультетов, где создается комплект студенческой документации: студенческий билет, зачетная книжка, учебная и личная карточки студента.

Основным условием организации учебного процесса является его планирование, цель которого – обеспечение полного и качественного выполнения рабочих учебных планов. Базовыми элементами планирования являются:

- рабочие учебные планы по специальностям и направлениям;
- годовой график учебного процесса;

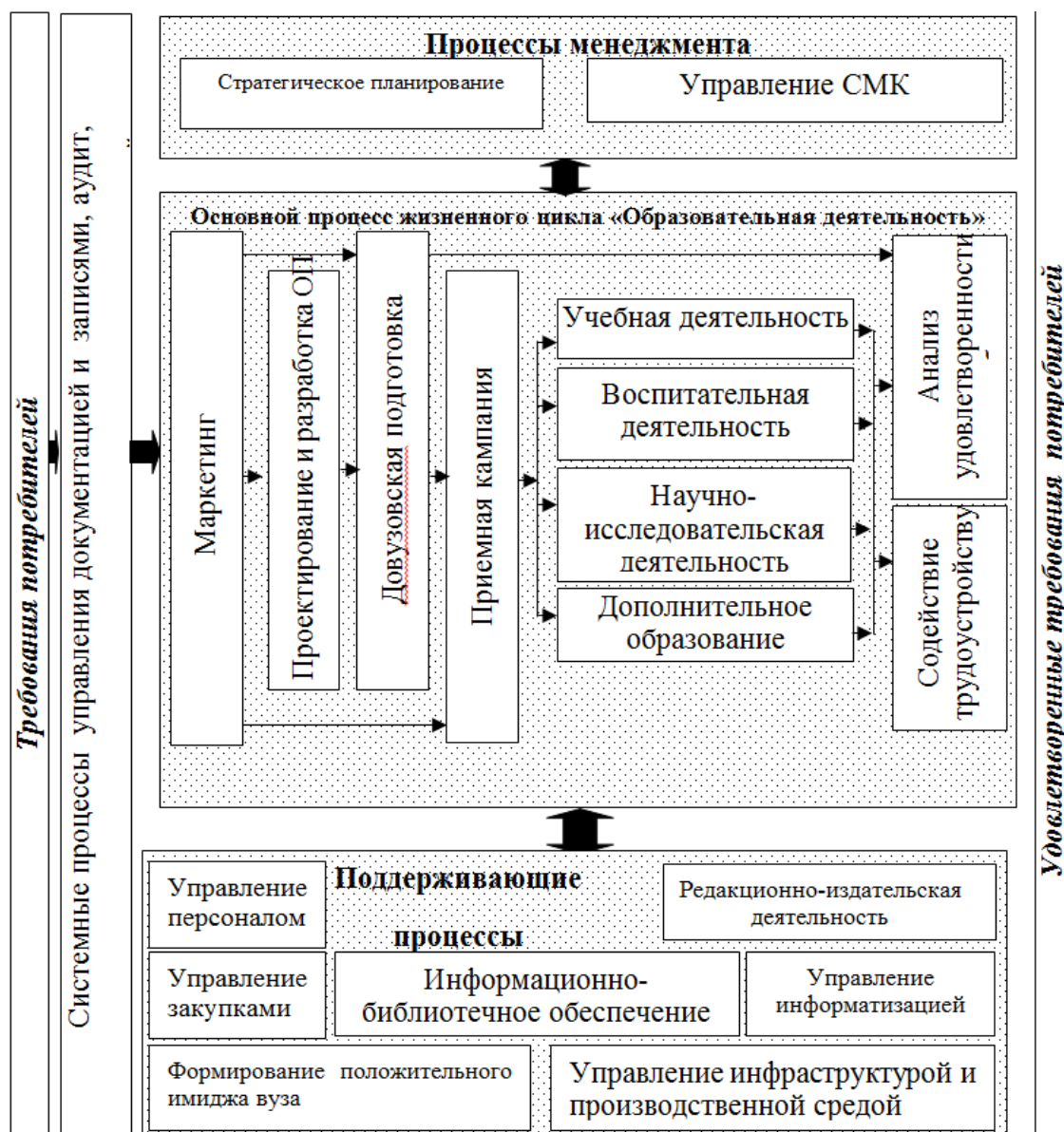

Рис. 3. Процессная модель вуза

- распределение учебной нагрузки по кафедрам;
- нагрузка ППС;
- аудиторный фонд.

Результаты данного процесса являются входными данными в процессы «Реализация учебного процесса» и во все поддерживающие процессы. Учебный процесс основывается на государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования по направлениям подготовки, рабочих учебных планах, учебно-методических комплексах дисциплин, программ практик и др.

Учебно-методический комплекс дисциплины определяет содержание, последовательность и время изучения разделов и тем учебной дисциплины. Он разрабатывается по каждой дисциплине учебного плана с учетом специализации и утверждается первым проректором. Его содержание является единым для всех форм обучения.

3. Следующим этапом технологии является построение матрицы ответственности для каждого процесса. Каждый из процессов разбивается на отдельные шаги, которые закрепляются за конкретными ответственными и исполнителями. Организация учебного процесса предполагает следующие этапы:

- разработка учебного плана, составление графика учебного процесса;
- оформление студенческой документации;
- подготовка учебно-методической документации;

- подготовка заявок учебной нагрузки для кафедр;
- расчет учебной нагрузки кафедры;
- распределение нагрузки ППС;
- корректировка учебно-методических комплексов по дисциплинам.

На основе данных шагов можно построить матрицу ответственности для организации учебного процесса.

При внедрении инновационных решений в работу подразделений могут возникать различные проблемные ситуации. В рассматриваемых нами процессах возникла следующая ситуация: необходимым условием государственной аккредитации является подготовка учебных планов в программном модуле GosInsp (от mmiss), причем данная программная среда наряду с богатым функционалом обладает и набором отрицательных свойств, как то закрытость исходного кода, высокая длительность загрузки, строгие требования к размещению пользовательских файлов, периодические проблемы при взаимодействии с внешним ПО. Отказаться от его использования данного модуля при действующей нормативной базе образовательных учреждений нельзя. Проблема заключается в отсутствии внятного механизма подготовки РУП сторонним ПО и импорт его в модуль GosInsp. Экспорт в модуле представлен, но и тут существует определенная проблема, программа GosInsp постоянно совершенствуется и модернизируется и соответственно при экспорте РУП из программы невозможно единожды сделать кон-

Процесс решения проблемы с РУП и нагрузкой кафедр

Процесс/ Область совершенствования	Иновация	Преимущества	Анализ воздействующих факторов	Пути нейтрализации негативных факторов
Организация УП				
Наличие ошибок в РУП оформленным на бумаге. Формирование заявок на нагрузку кафедр содержащих ошибки.	Составление РУП в модуле GosInsp и разработка конвертации РУП во внутреннюю базу данных. Разработка модуля формирования нагрузки на основе данных в базе данных.	Автоматизированная проверка соответствия РУП ГОСУ, ФГОСУ. Быстрота клонирования РУПов. Автоматизация процесса формирования заявок на нагрузку кафедр. Оптимизация трудозатрат.	<i>Положительные</i> Наличие единой автоматизированной системы управления в вузе. <i>Отрицательные</i> Постоянный выпуск новых версий программы GosInsp и необходимость внесения модификаций в конвертер для перевода РУП во внутренний формат. Отсутствие у деканов и зам. деканов необходимых навыков работы с программой GosInsp и модулем формирования нагрузки	1. Необходимость в наличии квалифицированного программиста для модификации модуля конвертации и формирования нагрузки 2. Массовое обучение работе с модулем GosInsp и модулем формирования нагрузки. 3. Индивидуальная помощь в подготовке РУП и формировании нагрузки

вертор из XML формата во внутренний формат какой-либо СУБД. Приходится постоянно переписывать конвертер при появлении новых версий GosInsp.

Автоматизацию приведенных процессов необходимо проводить масштабно, а конкретный выбор стратегии зависит от ресурсов организации, при действующем вычислительном центре, с необходимым набором квалифицированных кадров, предпочтительнее собственная разработка системы автоматизации документооборота. Но не во всех вузах это является целесообразным, на рынке программного обеспечения представлена масса решений для автоматизации деятельности вуза. Но здесь есть один важный аспект – при покупке предлагаемого ПО от производителей, вуз фактически не сможет их свободно модифицировать, так как в основном распространяемое программное обеспечение является проприетарным, что ограничивает его изменение сторонним лицам, следовательно, препятствует его модификации, оптимизации и совершенствованию. Существуют свободно распространяемые программные средства, но они чаще всего представляют собой лишь набор модулей и инструментов для создания системы документооборота, поэтому будем рассматривать вариант, когда программное обеспечение разрабатывается в самом вузе своими силами, либо на основе аутсорсинга с постоянной поддержкой.

При введении инноваций в деятельность подразделений, фактически происходит сбой в их отлаженной работе. Очевидно, что подобные инновации необходимы для совершенствования деятельности организации в целом, тем не менее, в деятельности сотрудников возникают новые формы взаимодействия, которые ранее не были регламентированы. В такой ситуации важно предоставить определенную долю свободы в принятии решений, компетентные сотрудники достаточно быстро могут по внешним признакам распределить обязанности и этапы взаимодействия – то есть самоорганизовываться. В противном случае жесткий регламент со стороны руководства может сделать неудобным работу сотрудников, что в целом снизит общую эффективность инноваций. Как показывает практика, в дальнейшем сотрудники, так или иначе все равно придут к наиболее комфортному для себя варианту взаимодействия. Вмешательство администрации в процесс принятия инновационных изменений необходимо при возникновении конфликтов между подразделениями, что обычно происходит, когда инновации предполагают новые формы деятельности не предусмотренных ранее в должностных инструкциях ни у одного из сотрудников подразделений. На почве внедрения инновационных подходов так же необходимо учитывать субъективные факторы. Иногда возникают ситуации, когда при введении инноваций некоторые руководители подразделений, пользуясь своим авторитетом, пытаются переложить обязанности на другие смежные подразделения. Данную ситуацию должен

предвидеть руководитель организации, спрогнозировать и предотвратить. В противном случае смежные подразделения не будут относиться к новым обязанностям с необходимой ответственностью, что может быть причиной снижения эффективности деятельности вуза в целом.

Рассмотрим подробнее организацию учебного процесса. Основные проблемы возникают на стыке работы разных подразделений. Рассмотрим поиск оптимального решения следующих взаимосвязанных часто встречающихся проблем – наличие ошибок в РУП в бумажном виде, вызванное невнимательностью ответственных лиц и формирование заявок на нагрузку кафедр содержащих ошибки. Очевидным решением проблемы является автоматизированный контроль за РУП и автоматизированное составление учебной нагрузки на основе учебных планов (таблица 2).

На основе анализа данной таблицы виден путь решения указанной проблемы и проанализированы все трудности и пути их преодоления для получения положительного эффекта от внедрения процесса автоматизированного контроля за РУП и автоматизированного процесса формирования нагрузки для кафедр. Принятие данного решения требует определенных ресурсов, среди которых наличие квалифицированного программиста, методистов для помощи в составлении РУП при их наличии возможно принятие данного решения.

4. На основе принятых решений возможны незначительные изменения, а возможно коренная перестройка схемы взаимодействия подразделений. На данном этапе вносятся небольшие изменения в действующую модель взаимодействия, и возможна незначительная корректировка процессной модели, схемы взаимодействия подразделений, уточнение шагов и корректировка матрицы ответственности. Для внесения масштабных изменений необходимо их спланировать, отследить сферы вновь появившиеся сферы взаимодействия, чем занимается следующий этап.

5. Планирование внедрения инновации. При внесении изменений в отлаженную работу подразделений необходимо продумывать все организационные проблемы заранее и с учетом особенностей коллектива. Далее в пилотном режиме внедряем инновацию в жизнь, учитывая появившиеся новые виды деятельности сотрудников, разделяем сферы ответственности и т.д. После уточнения методики работы с применением инновационных подходов и применением данного подхода в режиме «особого контроля» можно приступать к документированию изменений в основных документах, как то процессная модель, документированные процедуры, матрицы ответственности и т.д.

6. Следующим шагом технологии совершенствования является применение принятых решений, в том числе инновационных в деятельность организации, к постоянным контролем

в выявленных ранее проблемных точках. Совершенствование информационных потоков.

Далее переходим на 5 этап поиска проблемных мест и усилением контроля за ними.

Таким образом, при планировании внедрении инноваций охватывающих деятельность большого количества подразделе-

ний необходимо не только выстраивать теоретическую модель функционирования системы, но учитывать субъективные факторы внедрения, просчитывая их, делая частью разрабатываемой концепции, такой подход может существенно увеличить вероятность успешных инновационных преобразований в системе функционирования вуза.

Библиографический список

1. Коноплина, Н.В. Системно-целевое управление развитием педагогического вуза: дис. ... докт. пед. наук. – Сургут, 2000.
2. Щербаков, Ю.И. Управленческая деятельность в современных образовательных учреждениях // Самостоятельная работа студентов в структуре современного профессионального образования: межвузовский сб. науч. статей. – М., 2010.
3. Тихонов, А.Н. Управление современным образованием: социальные экономические аспекты / А.Н. Тихонов, А.Е. Абрамешин, Т.П. Воронина, А.Д. Иванников, О.П. Молчанова. – М., 2005.
4. ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Системы менеджмента качества. Требования. – Взамен ГОСТ Р ИСО 9001-2001; введ. 13.11.2009 – М., 2010.
5. Вагнер, Ю.Б. Совершенствование системы управления вузом на основе процессного подхода и автоматизации управления бизнес-процессами: дис. ... канд. эконом. наук. – М., 2011.
6. Репин, В.В. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов / В.В. Репин, В.Г. Елиферов. – М., 2004.
7. Владимиров, А.И. О стратегическом планировании в управлении в вузе. – М., 2012. – Вып. 10.

Bibliography

1. Konoplina, N.V. Sistemno-celevoe upravlenie razvitiem pedagogicheskogo vuza: dis. ... dokt. ped. nauk. – Surgut, 2000.
2. Sherbakov, Yu.I. Upravlencheskaya deyatel'nost' v sovremennykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh // Samostoyatel'naya rabota studentov v strukture sovremennogo professional'nogo obrazovaniya: mezhvuzovskiy sb. nauch. statej. – M., 2010.
3. Tikhonov, A.N. Upravlenie sovremennim obrazovaniem: social'nye ehkonomicheskie aspekty / A.N. Tikhonov, A.E. Abrameshin, T.P. Voronina, A.D. Ivannikov, O.P. Molchanova. – M., 2005.
4. GOST R ISO 9001-2008. Sistemih menedzhmenta kachestva. Trebovaniya. – Vzamen GOST R ISO 9001-2001; vved. 13.11.2009 – M., 2010.
5. Vagner, Yu.B. Sovershenstvovanie sistemih upravleniya vuzom na osnove processnogo podkhoda i avtomatizacii upravleniya biznes-processami: dis. ... kand. ehkonom. nauk. – M., 2011.
6. Repin, V.V. Processniy podkhod k upravleniyu. Modelirovanie biznes-processov / V.V. Repin, V.G. Eliferov. – M., 2004.
7. Vladimirov, A.I. O strategicheskom planirovanii v upravlenii v vuze. – M., 2012. – Vihp. 10.

Статья поступила в редакцию 28.09.13

УДК 378

Bogatyreva M.H. SOME PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF TEENAGERS. The article is devoted to the development of creative abilities of teenagers on the basis of folk art traditions. The author seeks to examine the educational potential of folk art traditions as a means of formation and development of creative abilities of teenagers.

Key words: creativity; ethnic socialization; popular culture; art traditions; modern school.

М.Х. Богатырева, канд. пед. наук, доц., ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский гос. университет им. У.Д. Алиева», г. Карачаевск, E-mail: melianat@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена проблеме развития творческих способностей подростков на основе народных художественных традиций. Автором ставится задача рассмотреть воспитательный потенциал народных художественных традиций как средства формирования и развития творческих способностей подростков.

Ключевые слова: творческие способности; этническая социализация; народная культура; художественные традиции; современная школа.

Решая проблему развития творческих способностей учащихся подросткового возраста на основе народных художественных традиций, мы, прежде всего, должны сформировать у воспитанников правильное осмысление понятия «способности». Согласно определению В.С. Кузина, под способностями понимают те психические свойства и качества личности, которые служат необходимым условием высококачественного выполнения конкретного вида деятельности [1, с. 257].

Известно, что развитие творческих способностей человека лежит через воспитание творческого отношения к труду. В процессе реализации творческого отношения к труду вырабатываются те качества, без которых творчество невозможно. Умение человека комбинировать и преобразовывать ранее ему известные способы деятельности при решении поставленной задачи говорит о его творческом подходе к делу. Среди личностных черт, благоприятствующих творческому мышлению, выделяют следующие: уверенность в своих силах; доминирование эмоций радости и даже определенную долю агрессивности; склонность к риску; отсутствие боязни показаться странным и необычным; отсутствие конформности; хорошо развитое чувство юмора; на-

личие богатого по содержанию подсознания (видит разнообразные по содержанию сны, обладает подпороговой чувствительностью, любовью к фантазированию и т.д.). Детство – сенситивный период для творчества. Тем самым, воспитание творческого начала в ребенке состоит вовсе не в том, чтобы привносить в него это начало, а в том, чтобы не дать этому началу погибнуть в ходе неизбежного процесса социализации.

Одним из проверенных временем и признанных основ формирования и развития творческих способностей молодежи являются такие составляющие национальной культуры, как народные промыслы, трудовые занятия и игры. Не случайно одним из основных принципов реформы образования в России являются народность и национальный характер образования. Еще в свое время К.Д. Ушинский высоко оценивал воспитательный потенциал народной педагогики. «Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, – писал он, – имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях...» [2, с. 35, 161].

Этническая социализация личности, являясь процессом субъективным, происходит через усвоение этнокультурных цен-

ностей. На социализацию подростков огромное влияние оказывает духовный склад этноса, его менталитет. Народная педагогика всегда успешно решала задачу воспитания гражданина. Успех зависел от того, что процесс воспитания протекал в естественных условиях, в процессе социализации. Например, в памятниках педагогической культуры карачаевского народа глубоко отражены его жизненные потребности, в том числе опыт национального и общечеловеческого воспитания, пути преодоления национальных пережитков, укрепления дружбы между народами. В качестве действенного средства развития взаимопонимания, отношений сотрудничества, мира и дружбы между людьми народная педагогика использовала обогащение подрастающих поколений знаниями, умственное воспитание. Незнание, невежество народ всегда считал источником многих людских пороков, антиобщественного поведения.

Знания, соединенные с народными традициями и нравственным опытом, аккумулировали у детей и молодежи такие нравственные категории, как добродетель, гостеприимство, долг, честь, совесть, терпимость, сопереживание к ближнему, взаимопомощь, дружбу, сотрудничество. Как свидетельствует современный опыт воспитания, традиции народной педагогики в значительной мере утрачены. Устранение этих недостатков в воспитании – одна из задач современной школы.

Сегодня этнический фактор в общественной жизни обретает все большее теоретическое и практическое значение. Педагогический процесс в школах Северокавказского региона требует учета социокультурной ситуации в национальных республиках – гармонического сочетания культуры предков, национальных обычаев и традиций с достижениями мировой культуры. Школа должна воссоздать в каждом поколении народа его философию, широкий и творческий взгляд на мир, самобытную культуру, национальную психологию и характер, формировать тесные духовные связи с другими народами.

В течение XX столетия было написано много фундаментальных теоретических работ по народному искусству и народным художественным промыслам. Большим вкладом в науку о народном искусстве явились труды Богатырева Б.П., Богуславской И.Я., Вагнера Г.К., Василенко В.М., Салтыкова А.Б. и других отечественных ученых.

Некрасова М. А. выделяет в своем исследовании четыре формы бытования народного искусства в нашей стране, поскольку им соответствуют четыре слоя культурной традиции и соответствующие им функции.

К первой форме она относит народное искусство, не вычлененное из своей этнографической среды и связанное с породившими его национальным и социальными укладами. К нему относятся районы, где жив определенный комплекс понятий и представлений, унаследованных от предков, где продолжает сохраняться бытовая необходимость в создаваемых вещах. Эта форма бытования народного искусства как «родовая привилегия», связанная с традиционной культурой продолжает функционировать как синтез духовного и материального.

Вторая форма бытования народного искусства охватывает творчество единичных мастеров, сохраняющих художественный коллективный опыт традиции. Эта форма функционирует в силу потребности художественного самовыражения, как унаследованная художественная деятельность и в творчестве ряда современных мастеров прикладного искусства.

К третьей форме бытования народного искусства относятся промыслы, развивающиеся стихийно, с инициативы одного мастера, сохраняющего традицию, к которому присоединяются потом и другие мастера, образуя артель. Подобным образом возникли в России многие промыслы: Каргопольской, Филимо-

новской, Абашевской расписной игрушки, росписи Полхова – Майдана, Жостова и др. В Карачаево – Черкесии такие кустарные промыслы были широко распространены в прошлых веках и занимались они производством бурок, седел, циновок, оружия, керамики, мебели. В настоящее время подобная форма бытования народного ремесла возрождается повсеместно.

Четвертая форма бытования народного искусства – это промыслы, организованные в мастерских с производственным оснащением, механизацией подсобных работ и с профессионально – техническими школами, подготавливающими кадры [3, с. 23].

В России такая форма бытования народного искусства продолжает функционировать в ковровых ткацких производствах, росписи по дереву, вышивке, кружеве, керамике и чернении по серебру. В республиках Северного Кавказа она успешно развивается в Дагестане на Дербентской ковровой фабрике, в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии – по производству войлочных ковров и керамики и художественной обработки кожи. Для всех названных форм бытования народного искусства традиция и коллективность остаются главным законом их развития.

На основании проводимой нами работы, направленной на развитие творческих способностей учащихся мы можем констатировать следующее:

- наличие этнокультурного воспитания в личности человека является духовной и интеллектуальной основой успешного восприятия наиболее прогрессивных достижений мировой культуры;

- культурообразующий характер содержания процесса образования, ориентированный на возрождение прогрессивных достижений этнокультуры, в том числе художественных традиций, является одним из главных условий духовного оздоровления современного российского общества;

- такие методы формирования и развития творческих способностей учащихся как конструирование, макетирование и т.д. при соответствующей технологической модернизации, исходя из возможностей школы и потребностей современного общества, являются достаточно эффективными;

- эффективным и перспективным средством развития творческих способностей учащихся являются компьютерные технологии выполнения художественно-графических работ;

- широкое применение в учебном процессе современной школы, пришкольных изобразительных студий творческих встреч с мастерами искусств, народных художественных промыслов, педагогических бесед, выставок работ учащихся, творческих конкурсов и т. п. в значительной мере содействуют формированию и развитию творческих способностей подростков.

Классик русской педагогики В.Г. Белинский подчеркивал, что самобытность каждого народа заключается «в основном одному ему принадлежащем образе мыслей и взглядов на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях. Эти обычаи состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны, в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях и понятиях народа... Все эти обычаи укрепляются и переходят из рода в род, от поколения к поколению как наследие потомкам от предков. Они составляют физиономию народа, и без них народ есть образ без лица, мечта небывалая и несбыточная» [4, с. 14-15].

Слова великого мыслителя могут быть приложены и к традициям воспитания, сложившимся на Северном Кавказе, в частности у карачаевцев и балкарцев. Педагогическим воззрениям этих народов присуще диалектическое единство, объясняемое общими чертами в их исторических судьбах, близостью социально – экономического уклада жизни, родством культур, обычаев и традиций.

Библиографический список

1. Мудрик, А.В. Введение в социальную педагогику. – М., 1997.
2. Ушинский, К.Д. О народности в общественном воспитании: сб. соч. – М.; Л., 1998. – Т. 2.
3. Некрасова, М.А. Народное искусство как часть культуры. Теория и практика. – М., 1983.
4. Белинский, В.Г. Избр. пед. сочинения. – М., 1948.

Bibliography

1. Mudrik, A.V. Vvedenie v socialjnuyu pedagogiku. – M., 1997.
2. Ushinskiy, K.D. O narodnosti v obshchestvennom vospitanii: sb. soch. – M.; L., 1998. – T. 2.
3. Nekrasova, M.A. Narodnoe iskusstvo kak chastj kul'turij. Teoriya i praktika. – M., 1983.
4. Belinskiy, V.G. Izbr. ped. sochineniya. – M., 1948.

Статья поступила в редакцию 28.10.2013

УДК 37.036.5

Lapteva I.G. FASILITATIONNY ASPECT OF DEVELOPMENT OF MUSICAL ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF INSTRUMENTAL MUSIC PLAYING. In article considers the problem of activization of development of musical abilities of younger schoolchildren in the process of instrumental music playing. The perception of music encourages younger schoolchildren to performing activity. From practice of work examples of the tool creativity developing components of musicality, both at music lessons, and in out-of-class work with children are given.

Key words: fasilitatsionny pedagogic, younger school students, musical abilities, instrumental playing music.

И.Г. Лаптев, канд. пед. наук, проф. каф. педагогики и предметных технологий АГУ, г. Астрахань, E-mail:laptevig2012@yandex.ru

ФАСИЛИТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема развития музыкальных способностей младших школьников в процессе инструментального музицирования с позиций фасилитационной педагогики. Восприятие музыки побуждает младших школьников к исполнительской деятельности. Из практики работы приведены примеры инструментального творчества, развивающего компоненты музыкальности, как на уроках музыки, так и во внеклассной работе с детьми.

Ключевые слова: фасилитационная педагогика, младшие школьники, музыкальные способности, инструментальное музицирование.

Учитель, понимающий и принимающий внутренний мир учащихся, ведущий себя в соответствии со своими знаниями, убеждениями и внутренними переживаниями, доброжелательно относящийся к учащимся, создает тем самым необходимые условия для обеспечения и поддержки (фасилитации) их осмысленного учения и личностного развития в целом. Педагогическая фасилитация (от лат. *facilito* – облегчать, помогать, способствовать) – это условие продуктивности обучения, воспитания и развития учащихся как субъектов педагогического процесса за счет их свободно-ответственного стиля общения и высокообразованной личности учителя.

«Фасилитационная педагогика» основывается на теории гуманистических воззрений А. Маслоу, К. Роджерса, Дж. Фрейберга [1], в основе которой лежит идея свободы и безграничных возможностей реализации потенциала каждой личности. То есть учителю в общении со школьниками следует быть фасилитатором – человеком, облегчающим проявление инициативы, творчества и коммуникативного взаимодействия, выполнение действий по заданному образцу и правилу, предвосхищение результатов своих действий и возможных ошибок, что содействует процессу интеллектуального развития младших школьников.

Несомненно, роль учителя главенствует в такой деятельности как инструментальное музицирование, являющейся одной из ведущих видов музыкальной деятельности в начальной школе и способствующей развитию различных музыкальных способностей.

Благодаря исследованиям многих педагогов и ученых (Ю.Б. Алиев, Л.В. Школяр, Л.В. Виноградов, Л.Н. Мун, А.А. Роздинов, Е.В. Лукина, Т.В. Надолинская), а также разработанной и опубликованной программе «Инструментовка детского оркестра» [2, с. 105-123], обязательное введение игры на элементарных музыкальных инструментах в начальной школе стало возможным с 2004 года. В «Стандарт начального общего образования по музыкальному искусству» был введен раздел «Инструментальное музицирование» [3, с. 7]. Уточненная в тексте раздела формулировка – «музицирование в ансамбле музыкальных инструментов (элементарных традиционных и электронных)» позволяет расширить возможности школьного инструментального музицирования и подготовки инструментальных аранжировок [4].

Следует заметить, что проблема формирования музыкальных способностей младших школьников остается актуальной в связи, прежде всего, с различным уровнем наследственных музыкальных задатков, трансформирующихся в процессе деятельности в музыкальные способности.

Академик Б.М. Теплов указывал на три признака для определения понятия «способность» – «индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого»;

«способностями называются не всякие вообще индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей»; «понятие *способность* не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека» [5, с. 16]. (В этом случае автор имел в виду уровень работоспособности индивида, позволяющий «иметь гораздо больше знаний»). При этом подчеркивалось, что «одной из особенностей психики человека является возможность чрезвычайно широкой компенсации одних свойств другими, вследствие чего относительная слабость какой-нибудь одной способности вовсе не исключает возможности успешного выполнения даже такой деятельности, которая наиболее тесно связана с этой способностью»...» [5, с. 21]. И далее Б.М. Теплов писал: «Важно твердо установить, что во всех случаях мы разумеем врожденность не самих способностей, а лежащих в основе их развития задатков...» [5, с. 18], «...которые только в деятельности, во взаимодействии с другими условиями, прежде всего с социальной средой, могут оказаться включенными в формирование способностей» [5, с. 313].

Данное положение свидетельствует о фасилитационной значимости учителя в аспекте музыкальной деятельности учащихся, о компенсаторных возможностях инструментальной деятельности младших школьников с низким уровнем «музыкальных способностей, образующих ядро музыкальности» [5, с. 210].

Согласно исследованиям Б.М. Теплова, «ядро музыкальности» включает три основные музыкальные способности. «1. Ладовое чувство, т.е. способность эмоционально различать ладовые функции звуков мелодии, или чувствовать эмоциональную выразительность звуковысотного движения... 2. Способность к слуховому представлению, т.е. способность произвольно пользоваться слуховыми представлениями, отражающими звуковысотное движение... 3. Музыкально-ритмическое чувство, т.е. способность активно (двигательно) переживать музыку, чувствовать эмоциональную выразительность музыкального ритма и точно воспроизводить его... Тот комплекс способностей, который мы называем музыкальностью, конечно, не исчерпывается тремя способностями [5, с. 210-211].

Отмечается, что «музыкальные способности – многоплановое явление, включающее широкий спектр развивающихся в процессе инструментального музицирования музыкальных данных учащихся» [6, с. 35]. Практика инструментальной работы с детьми указывает на необходимость и успешность развития у младших школьников также чувства тембра, чувства динамики и чувства формы.

Поиск путей активизации развития музыкальных способностей свидетельствует о постоянном совершенствовании методики музыкального воспитания младших школьников в процес-

се различной музыкальной деятельности, в том числе в процессе инструментального музицирования, игры на элементарных музыкальных инструментах.

Профессор Н.А. Ветлугина, уделявшая много внимания этому виду музыкальной работы с дошкольниками, писала о необходимости разработки «обобщенных» способов музыкальной деятельности. Одним из ведущих был назван способ «вслушивания», стимулирующий адекватность характера инструментальных импровизации в исполнительской деятельности. «Вслушиваясь в музыкальные звуки, дети с удовольствием могли длительно музицировать на музыкальных инструментах» [7, с. 218].

Начальная школа, как преемник дошкольного образования, последовательно реализовывает основную интегративную задачу музыкального воспитания – формировать музыкальную культуру ребенка с учетом личностных качеств, условий социальной среды и различных видов музыкально-творческой деятельности.

Элементарные музыкальные инструменты можно условно разделить на две основные группы – инструменты без определенной высоты звука и инструменты звуковысотные, включающие восемь подгрупп. Современный школьный инструментарий может иметь следующую структуру:

- инструменты без определенной высоты звука (палочки, кастаньеты, маракасы, бруски, коробочка, барабан, бубен, бубенцы, румба, треугольник, тарелки, щетки, трещотки, ложки);
- ударные, с определенной высотой звука (металлофоны, ксилофоны);
- клавишные инструменты (детские рояли, пианино);
- клавишно-электронные (детские органолы, фаэми, синтезаторы);
- клавишно-пневматические (гармоника, баян, аккордеон);
- духовые язычковые (триола, симона, вермона);
- духовые с колеблющимся столбом воздуха (свирель, флейта, блокфлейта, флейта пана, окарина);
- струнные щипковые (детские гусли, цитры, арфы);
- инструменты с нефиксированной настройкой (флексафон).

На инструментах без определенной высоты звука, электронных и других элементарных музыкальных инструментах школьники усваивают навыки игры, музицируют как индивидуально, так и небольшим инструментальным составом, играют в детском оркестре, предлагая свои элементы аранжировки, конечно, не без помощи, методической направленности и поддержки учителя. Классная и внеклассная инструментальная работа с детьми активизирует развитие различных музыкальных способностей и постепенно наступает период перехода количества знаний в качество.

Согласно формированию современной системы универсальных учебных действий (УУД), которые можно сгруппировать в четыре основных блока – личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные – школьники становятся «архитекторами и строителями» музыкально-образовательного процесса в инструментальной исполнительской деятельности, где ведущая роль в формировании у школьников универсальных учебных действий, несомненно, принадлежит учителю-фасилитатору.

Заметим, что стимулом инструментальной исполнительской деятельности является осознанное восприятие музыки. Научить детей слушать музыку – дело достаточно сложное. Процесс восприятия музыки младшими школьниками будет осознанным, то есть с пониманием средств музыкальной выразительности, если в этом помогает учитель, акцентируя внимание учащихся на ладовой основе, на тембровых и динамических изменениях – перед прослушиванием музыкального произведения и предельно кратко – в процессе слушания. Словесный метод, как один из ведущих методов в педагогике, активизирует процесс эстетического восприятия музыки, способствует освоению средств музыкальной выразительности, что, несомненно, инициирует развитие музыкальных способностей и побуждает к активизации инструментальной исполнительской деятельности.

Примером музыкально-творческого «содружества» педагога и детей на уроке явилось восприятие, разучивание и поиск наиболее удачного варианта инструментовки песни Т. Попатенко «Родина». Предварительно дети усвоили навыки игры на триолах и на цитрах. Первую фразу-вопрос: «Что такое Родина?» дети предложили исполнить группой духовых инструментов, фразу-ответ: «Это дом родной» или «Это ширь полей» — сыграть на щипковых инструментах, что придало исполняемому словам песни в сопровождении инструментального ансамбля осо-

бую теплоту и свидетельствовало о совершенствовании у младших школьников музыкально-ритмического чувства, чувства лада (активное употребление в песне третьей степени мажора), тембрового слуха, музыкально-слуховых представлений и чувства формы.

Восприятие школьниками многотембровой музыки возможно в динамике сходства и различия. Например, вальс из балета П.И. Чайковского «Спящая красавица» и вальс из сюиты А.И. Хачатуряна к драме М. Лермонтова «Маскарад» едины по форме (танец), по ведущему главному тему инструменту (скрипки), но контрастны по ладу, по характеру эмоционального содержания. «Танец маленьких лебедей» из балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро» школьники прослушали на уроке сначала в клавирном варианте, а затем в записи симфонического оркестра, где услышали великолепную квинту фаготов первую музыкальную тему в исполнении флейт и далее – взволнованно синкопированное звучание скрипок, что способствовало развитию чувства тембра, чувства лада, чувства формы.

Восприятие третьеклассниками на уроке «Марша пастушков» из балета П.И. Чайковского «Щелкунчик» в исполнении симфонического оркестра способствовало на внеклассном занятии зарождению потребности – в процессе фортепианного исполнения учителем – поиска варианта сопровождения группой элементарных и электронных музыкальных инструментов. Основную тему с триолами было решено исполнять на триолах, сопровождая её игрой на цитрах половинными длительностями, а последующие две короткие фразы темы скрипок – последовательно на двух синтезаторах, немного уменьшая микшером звучание окончания музыкальных микрофраз. Основную тему ученики предложили дублировать группой классного хора на слог «ля».

Творческий поиск инструментальной интерпретации песен и пьес активизировался и носил уже характер исполнения ведущим тем произведений на элементарных музыкальных инструментах. Это свидетельствовало, прежде всего, об успешности фасилитационной педагогики, а также о наличии соответствующих навыков игры, об умении творчески выделить в сочинении главное, существенное, характерное для того или иного тембра в палитре элементарных музыкальных инструментов, о развитии различных музыкальных способностей – чувства музыкального ритма, ладового чувства, музыкально-слуховых представлений, тембрового и динамического слуха, а также чувства завершенности формы в сочиненных несложных инструментальных мелодико-ритмических моделях.

Пробуждение у школьников чувства творческого соучастия соответствует сущности и принципам проблемного обучения, базирующегося на имеющихся у школьников знаниях. С психолого-педагогической точки зрения проблемная ситуация представляет собой осознанный поиск, порождаемый соответствием, согласованностью между имеющимися знаниями и теми, которые необходимы для решения возникшей или предложенной задачи при непосредственном направляющем участии учителя.

И восприятие музыки, и исполнительство, и творческая деятельность тесно связаны с музыкально-познавательной деятельностью, которая позволяет приобщать детей к знаниям нотной грамоты, осваивать закономерности музыкального языка, грамотно воплощать звуки музыки в процессе инструментального музицирования, игры на элементарных музыкальных инструментах. Все это расширяет кругозор учащихся, дает возможность значительно повысить уровень исполнительских навыков, раздвигает горизонты творческого воображения, осознания выразительных возможностей инструментов в исполнительской деятельности, что способствует активизации развития различных музыкальных способностей учащихся на уроках музыки и во внеклассной работе.

Выразительные возможности инструментов, зависят как от их качества, так и от способов звукоизвлечения. Например, приемы игры на бубне различны: можно играть, ударяя по обручу или по центру бубна, можно ударять пальчиками, а можно фалангами пальцев, что зависит от характера музыки.

В связи с рекомендацией «Стандарта начального общего образования по музыкальному искусству» о введении музицирования на электронных музыкальных инструментах следует дать некоторое пояснение об этой группе инструментов. Детские органолы «Малыш», «Чижик», «Пилле», «Анютя» с фортепианной клавиатурой и с диапазоном полторы–две октавы имели микшеры громкости и тембра, что являлось украшением звуковой палитры. Появившиеся позже «Фаэми» и «Фаэми М» имели

в диапазоне звучания малую октаву (отсюда название инструмента на основе значения басового ключа). Работали они и на батарейках, и от сети, тембральные возможности были несколько расширены.

Современный высокий технический уровень дал электронным музыкальным инструментам новые параметры. «Синтезатор, – отмечает А.Е. Гимро, – позволит расширить кругозор младшего школьника, приблизить его слуховые навыки к новым достижениям современной музыки» [8, с. 57].

Для детей созданы относительно недорогие, но интересные по исполнительским возможностям синтезаторы. Например, синтезатор для детей Miles-3738 «Miles Electronic Keyboard» имеет диапазон в три с половиной октавы, тембры пианино, органа, гитары, скрипки и так далее, автоматические блоки ритмических рисунков. На матрице записано несколько кратких мелодий с различной тембральной окраской, что позволяет ребенку на основе кратковременной памяти прослушать и проигрывать эти мелодии, а значит активно развивать «способность к слуховому представлению» (Б.М. Теплов). На синтезаторе есть возможность играть двухголосные мелодические рисунки или музицировать под определенным ритмом. А главное, есть возможность записывать сочиненную ребенком импровизацию и прослушивать её с желаемым изменением тембров.

Как отмечал академик Б.В. Асафьев: «Человек, испытывающий радость творчества даже в самой минимальной степени, углубляет свой жизненный опыт и становится иным по психическому складу, чем человек, только подражающий актам других» [9, с. 80-81]. Такой подход позволяет в процессе инструментального музицирования, используя фасилитационные возможности, направлять «пассивную публику» (Б.В. Асафьев) на творческий жизненный путь. Игра на элементарных музыкальных инструментах развивает волю, дисциплинированность, стремление к достижению цели, воображение, эмоциональность, музыкальную память.

В процессе освоения младшими школьниками игры на элементарных музыкальных инструментах следует использовать три основных метода – словесный, наглядный, практический. Наглядно-репродуктивное обучение и усвоение навыков игры на инструменте может проходить параллельно с освоением музыкальной грамоты. Надо заметить, что наибольший развивающий эффект обучения достигается при игре по слуху, но этот способ требует серьезной слуховой подготовки. На начальном этапе для подбора по слуху могут использоваться лишь хорошо знакомые мелодии. Проигрывание по слуху несложной мелодии помогает лучше освоить клавиатуру, представить направление инструментального движения мелодии, активно развивает музыкально-слуховые представления.

Игра мелодии одновременно с пением положительно влияет на постепенное подстраивание голоса к звукам инструмента. Коллега К. Орфа профессор В. Келлер отмечала: «Такого рода пропевания полезнее, чем повторение звуков, спетых голосом, так как требуют от детей умения преобразовывать инструментальный звук в звук вокальный» [10, с. 75]. Ощущение унисона, возникающего при этом, воспринимается ребенком с удовольствием, а слухо-вокальная координация налаживается и закрепляется. Важно, чтобы ученик почувствовал выразительные возможности инструментов, научился использовать разнообразие их тембровых красок, развивал свой внутренний музыкальный слух.

В процессе сочинения детьми инструментальных импровизаций с целью развития внутреннего музыкального слуха систематически использовался разработанный нами «метод пульсирующего молчания» [11, с. 58]. По просьбе учителя, сочинивший мелодию ученик, не играл определенный фрагмент мелодии, а мысленно его пропевал, основываясь на внутреннем представлении пульсации метроритма, затем продолжал играть мелодический рисунок. Такая музыкально-творческая работа с детьми успешно развивает как музыкально-слуховые представления, так и тембровый слух, так как в этом случае в сознании ученика доминирует музыкально-ритмический и тембровый «следовой процесс» (К.В. Анохин).

Обучение игре на музыкальных инструментах, усвоение навыков является основополагающим для исполнения музыкальных произведений в ансамбле, в оркестре и в этом направлении инструментальной деятельности особую важность приобретает знание нотной грамоты. Возможны варианты, когда разученное по нотам с группой детей на внеклассных занятиях музыкальное произведение исполняется в классе.

На уроках музыки в общеобразовательной школе дети на основе несложных заданий импровизируют на элементарных музыкальных инструментах ритмически и мелодически, что придает особый активизирующий импульс дальнейшему процессу инструментального музицирования в условиях внеклассной работы, развитию музыкальных способностей младших школьников, прежде всего, с низким уровнем музыкальных задатков.

Внеклассные занятия активизируют ансамблевые инструментальные импровизации, которые могут быть различными по замыслу и характеру ритмо-мелодических зарисовок, по ансамблевому составу ритмических и звуковысотных инструментов, способствуют совершенствованию различных музыкальных способностей.

После усвоения навыков игры на инструментах без определенной звуковысотности, ученики первого класса сымпровизировали ритмические этюды на различные темы – «Переменка» (треугольник и бубен), «Каблучки учителя» (кастаньеты и буквые палочки), «Задиристые мальчишки» (Коробочки и бруски), «Ласковые девочки» (маракасы и румба).

Образное содержание полиритмической импровизации рассказал ученик второго класса Олег В.: «Мы с папой летом на мотоцикле ездили на рыбалку. Пока я разматывал вторую леску, папа закинул в воду первую. Булькнув, она опустилась на дно, а через несколько минут зазвенел колокольчик и папа вытянул вот такого окуня». Дети словесно построили модель импровизации, не без направляющей опосредованной роли учителя, а затем с увлечением играли в инструментальном ансамбле: треугольник, тарелочки, маракасы, коробочка, бубен и металлофоны.

Ученик третьего класса Сеня Л. придумал следующий двухтактный сюжет: «В то время как старший брат поднимался домой по ступенькам лестницы, мама в квартире произвела уборку, сестра на органе учил заданное в школе несложное инструментальное задание, а я импровизировал на блокфлейте». Инструменты (маракасы, ксилофон, детская органоло, блокфлейта) были оперативно распределены между детьми, с учителем продуманы различные ритмомелодические модели, а далее прозвучал творчески организованный инструментальный квартет.

Как показала практика работы с детьми, на внеклассных занятиях учащиеся осваивают азы полиритмии, лада, тональности, формы, поэтому они уверенно начали, продолжили и завершили небольшой по форме, но достаточно интересный по содержанию сюжет инструментального музицирования. В данной ситуации развивались музыкально-слуховые представления, музыкально-ритмический слух, чувство лада, как одна из основных музыкальных способностей, чувство тембра и чувство формы.

На следующих занятиях сюжет был изменен. Особое внимание уделялось творческому развитию чувства динамики. Это уже были четыре такта: уставший старший брат поднимался домой, дважды наступая на одну ступеньку (игра на ксилофоне звуков восходящей октавы с постепенным усилением звучания), сестра увлеклась ритмами маракасов, папа наигрывал на синтезаторе мелодико-ритмическое звено «до-соль-до-до», а импровизационная игра на блокфлейте была сложнее по музыкально-творческой фантазии учащегося.

На одном из внеклассных занятий два ученика четвертого класса с ранее невысоким уровнем музыкальных задатков сымпровизировали на синтезаторах дуэтом несложный полифонический вариант в определенном ритме и в заданной тональности. Анализ двухголосной имитационной импровизации указывал на эволюцию процесса становления четких музыкально-слуховых представлений, формирования способности к творческому осмыслению ритмических и интонационных моделей, быстрой ладовой реакции закреплению динамического алгоритма, логичному трансформированию окончания имитационного мелодического построения в тональное двухголосное звучание. Несомненно, главенствующая роль в успехе развития музыкальных способностей в процессе активной инструментальной деятельности принадлежит учителю, наставнику, «отдающему свое сердце детям» (В.А. Сухомлинский).

Опыт показал, что все дети с большим желанием посещали внеклассные занятия, знакомились с основами игры, с увлечением импровизировали, со вниманием и ответственностью играли в инструментальных ансамблях, в оркестре. У детей с первоначально низким уровнем музыкальности постепенно развивались различные музыкальные способности, интонационно совершенствовался певческий голос. Постоянно участвовавший

в инструментальной деятельности ученик четвертого класса Слава Т. на заключительном уроке-концерте с присутствием преподавателей и родителей интонационно верно солировал в исполнении с хором песни-вальса Ан. Александрова с широким диапазоном, с большими интервальными скачками, с тональным отклонением, с многообразием изменений ритмического рисунка – «Нас много на шаре земном».

Творчество, интерес, увлеченность, сопровождающие сочинение инструментальных фраз, совместное инструментальное музицирование, импровизации в инструментальных ансамблях разных составов, совместное сочинение аккомпанемента к разучиваемым песням, формирование певческого голоса, подкрепленное контролирующими звуками хорошо настроенных элементарных музыкальных инструментов, доброжелательность

и компетентность учителя — все это способствует активному развитию различных музыкальных способностей, формированию музыкальной культуры младших школьников.

Таким образом, опираясь на идеи педагогической фасилитации, как условия облегчения, помощи, содействия продуктивности обучения и воспитания, следует сделать следующие объективные выводы. Результативность классных и внеклассных занятий с использованием инструментального музицирования, игры в инструментальных ансамблях, в детском школьном оркестре позволяют утверждать о повышении уровня «музыкального фона» (В.А. Сухомлинский), а также о значимости инструментальной деятельности учащихся в активизации развития различных музыкальных способностей у всех без исключения младших школьников.

Библиографический список

1. Роджерс, К. Свобода учиться / К. Роджерс, Дж. Фрейберг. – М., 1994.
2. Лаптев, И.Г. Инструментовка детского оркестра // Программы педагогических институтов. – 1987. – № 15.
3. Стандарт начального общего образования по музыкальному искусству // Начальная школа. – 2004. – № 10.
4. Пьесы из «Детского альбома» П.И. Чайковского: переложение для школьного оркестра И.Г. Лаптева. – М., 2001.
5. Теплов, Б.М. Избранные труды: в 2 т. – М., 1985. – Т. 1.
6. Лаптев, И.Г. Детский оркестр в начальной школе: кн. для учителя. – М., 2001.
7. Ветлугина, Н.А. Музыкальное развитие ребенка. – М., 1968.
8. Гимро, А.Е. Развитие музыкального слуха у младших школьников в процессе электронного музицирования // Музыка в школе. – 2005. – № 3.
9. Асафьев, Б.В. Организация преподавания музыки в общеобразовательной школе // Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. – М.; Л., 1965.
10. Келлер, В. Введение в «Музыку для детей» // Система детского музыкального воспитания Карла Орфа. – Л., 1970.
11. Лаптев, И.Г. Совместное инструментальное музицирование как средство развития творческих способностей учащихся начальной школы // Тезисы V научной конференции по вопросам развития певческого голоса, музыкального слуха, восприятия и музыкально-творческих способностей детей и юношества. – М., 1987.

Bibliography

1. Rodzhers, K. Svoboda uchit'sya / K. Rodzhers, Dzh. Freyberg. – M., 1994.
2. Laptev, I.G. Instrumentovka detskogo orkestra // Programmih pedagogicheskikh institutov. – 1987. – № 15.
3. Standart nachalnogo obshchego obrazovaniya po muzikal'nomu iskusstvu // Nachal'naya shkola. – 2004. – № 10.
4. P'seh iz «Detskogo alboma» P.I. Chaykovskogo: perelozhenie dlya shkol'nogo orkestra I.G. Lapteva. – M., 2001.
5. Teplov, B.M. Izbranniye trudih: v 2 t. – M., 1985. – T. 1.
6. Laptev, I.G. Detskiy orkestr v nachal'noy shkole: kn. dlya uchitelya. – M., 2001.
7. Vetlugina, N.A. Muzikal'noye razvitiye rebenka. – M., 1968.
8. Gimro, A.E. Razvitiye muzikal'nogo slukha u mladshikh shkol'nikov v processe ehlektronnoy muzitsirovaniya // Muzhka v shkole. – 2005. – № 3.
9. Asaf'ev, B.V. Organizaciya prepodavaniya muzhki v obshchobrazovatel'noy shkole // Izbranniye stat'ji o muzikal'nom prosvethenii i obrazovanii. – M.; L., 1965.
10. Keller, V. Vvedenie v «Muzhku dlya detey» // Sistema detskogo muzikal'nogo vospitaniya Karla Orfa. – L., 1970.
11. Laptev, I.G. Sovmestnoye instrumental'noye muzitsirovaniye kak sredstvo razvitiya tvorcheskikh sposobnostey uchastikh'sya nachal'noy shkole // Tezisih V nauchnoy konferencii po voprosam razvitiya pevcheskogo golosa, muzikal'nogo slukha, vospriyatiya i muzikal'no-tvorcheskikh sposobnostey detey i yunoshstva. – M., 1987.

Статья поступила в редакцию 29.10.13

УДК 372.881.1

Novikova E.S. THE USAGE OF NEW TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT SCHOOL.

The use of modern technology in education creates favorable conditions for the formation of the personality of students and meets the needs of modern society. Using the information resources of the Internet, you can integrate them into the learning process, more effectively address a number of challenges in the classroom teaching of English.

Key words: new technologies, technical means, training activities, comprehensive control, creative aspects, deficiency of communication, communicative competence, tasks, the information and resources, the formation of individual students.

E.S. Novikova, аспирантка МГТУ им. Шолохова, г. Москва, E-mail: katerinanovikova@inbox.ru

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ

Применение современных технологий в образовании создает благоприятные условия для формирования личности учащихся и отвечает запросам современного общества. Используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке английского языка.

Ключевые слова: новые технологии, технические средства, обучающая деятельность, всесторонний контроль, творческие аспекты, дефицит общения, коммуникативная компетенция, дидактические задачи, информация и ресурсы, формирование личности учащихся.

Новые технологии в области образования в последнее время все более активно используются и при обучении иностранным языкам. В частности, стали интенсивно внедряться

в учебный процесс такие направления, как использование Интернет-ресурсов, обучающих компьютерных программ, тестирующих программ.

Применение компьютеров на уроках иностранного языка значительно повышает эффективность учебного процесса. При компьютерном обучении усваивается гораздо большее количество материала, чем это делалось за то же самое время в условиях традиционного обучения [1]. Основными вехами информационного компьютерного века являются: появление персонального компьютера, изобретение технологии мультимедиа, внедрение в нашу жизнь глобальной информационной компьютерной сети Интернет. Все эти новшества легко и незаметно вошли в жизнь: они широко используются почти во всех профессиональных сферах и в быту.

Компьютерные программы в обучении иностранному языку, так называемые автоматизированные обучающие системы (АОС), относятся к комбинированным техническим средствам обучения. Они предназначены для реализации с помощью компьютера, работающего в диалоговом режиме, функций по предоставлению учебной информации в удобной для восприятия форме, индивидуализированному управлению учебной деятельностью в ходе программированного, проблемного обучения; контролю знаний, а также для обеспечения доступа к вычислительным, информационно-справочным и другим ресурсам компьютера. Компьютеры стремительно вошли в нашу жизнь и в процесс обучения иностранному языку, несколько потеснив традиционные методики. Компьютер в учебном процессе является не заместителем или аналогом преподавателя, а средством, усиливающим и расширяющим возможности его обучающей деятельности. Таким образом, компьютер освобождает преподавателя от рутинной работы. Как известно, пригодность технических средств обучения и контроля для использования на занятиях по иностранному языку определяется по следующим критериям: во-первых, они должны способствовать повышению эффективности учебного процесса; во-вторых, обеспечивать немедленное и постоянное подкрепление правильности учебных действий каждого обучающегося; в-третьих, повышать сознательность и интерес к изучению языка; в-четвёртых, обеспечивать оперативную обратную связь и контроль действий всех обучаемых; в-пятых, обладать возможностью быстрого ввода ответов без длительного их кодирования и шифрования [2].

Как показывает практика, из всех существующих средств обучения компьютер наилучшим образом «вписывается» в структуру учебного процесса, наиболее полно удовлетворяет дидактическим требованиям и максимально приближает процесс обучения иностранному языку к реальным условиям. Компьютеры существенно расширяют возможности преподавателей по индивидуализации обучения и активизации познавательной деятельности в обучении иностранному языку, позволяют максимально адаптировать процесс обучения к индивидуальным особенностям обучающихся. Каждый школьник получает возможность работать в своём ритме, т.е. выбирая для себя оптимальные объём и скорость усвоения материала [2].

Компьютер обеспечивает и всесторонний (текущий, рубежный, итоговый) контроль учебного процесса. Контроль, как известно, является неотъемлемой частью учебного процесса и выполняет функцию обратной связи между обучающимся и преподавателем. При использовании компьютера для контроля качества знаний достигается и большая объективность оценки. Кроме того, компьютерный контроль позволяет значительно сэкономить учебное время, так как осуществляется одновременная проверка знаний всех обучающихся [3]. Это даёт возможность преподавателю уделить больше внимания творческим аспектам работы с учащимися.

Еще одно достоинство компьютера – способность накапливать статистическую информацию в ходе учебного процесса. Анализируя статистические данные (количество ошибок, правильных/неправильных ответов, обращений за помощью, времени, затраченного на выполнение отдельных заданий и т.п.), преподаватель судит о степени сформированности знаний и об их качестве.

Необходимо отметить, что компьютер снимает такой отрицательный психологический фактор, как «ответобоязнь». Во время традиционных аудиторных занятий различные факторы (дефекты произношения, страх допустить ошибку, неумение вслух формулировать свои мысли и т.п.) не позволяют многим обучающимся показать свои реальные знания. Оставаясь же «наедине» с дисплеем, обучающийся, как правило, не чувствует скованности и старается проявить максимум своих знаний.

Благоприятные возможности создают компьютеры и для организации самостоятельной работы на занятиях иностранного языка. Учащиеся могут использовать компьютер как для изучения отдельных тем, так и для самостоятельного контроля полученных знаний. Причём, компьютер является самым терпеливым педагогом, способным сколько угодно повторять любые задания, добиваясь правильного ответа и, в конечном счёте, автоматизации отработываемого навыка. Однако наряду с достоинствами компьютеров необходимо отметить и некоторые недостатки. Дилектичность педагогических явлений состоит в том, что любое положительное само по себе свойство или качество целостного учебно-воспитательного процесса оборачивается своей противоположностью и становится крайне нежелательным при неумеренном, гипертрофированном проявлении, подавляющем другие, не менее важные свойства. Это имеет самое непосредственное отношение к индивидуализации обучения, тем более что в условиях компьютеризации существенно меняются условия взаимодействия педагога и обучаемого, а также обучающийся друг с другом [4].

Уже на первом этапе обучения иностранному языку, в процессе постановки целей и задач предстоящей познавательной деятельности студентов преподаватель участвует опосредованно. Конечно, преподаватель должен принимать самое активное участие в составлении обучающих, тестирующих программ, определяющих последовательность действий обучаемого в решении той или иной задачи. Но при реализации важнейшей психолого-педагогической функции обучения – предьявлении и принятии школьниками целей и задач учебно-познавательной деятельности, в условиях компьютеризации возможен острый дефицит непосредственного общения преподавателя и учащегося, живого слова преподавателя.

Одним из наиболее значительных достижений за последние десятилетия, которое значительно повлияло на образовательный процесс во всем мире, стало создание всемирной компьютерной сети, получившей название Интернет, что буквально означает «международная сеть» (англ. international net). Использование кибернетического пространства (cyberspace) в учебных целях является абсолютно новым направлением общей дидактики и частной методики, так как происходящие изменения затрагивают все стороны учебного процесса, начиная от выбора приемов и стиля работы, кончая изменением требований к академическому уровню обучающихся.

Основная цель изучения иностранного языка – формирование коммуникативной компетенции, все остальные цели (образовательная, воспитательная, развивающая) реализуются в процессе осуществления этой главной цели. Коммуникативный подход подразумевает обучение общению и формирование способности к межкультурному взаимодействию, что является основой функционирования Интернета. Вне общения Интернет не имеет смысла – это международное многонациональное, кросс-культурное общество, чья жизнедеятельность основана на электронном общении миллионов людей во всем мире, говорящих одновременно – самый гигантский по размерам и количеству участников разговор, который когда-либо происходил. Включаясь в него на занятии иностранного языка, мы создаем модель реального общения [5].

На уроках иностранного языка Интернет помогает решить целый ряд дидактических задач: сформировать навыки и умения чтения, используя материалы глобальной сети; совершенствовать умения письменной речи; пополнять словарный запас учащихся; формировать устойчивую мотивацию к изучению английского языка. Кроме того, работа направлена на изучение возможностей Интернет-технологий для расширения кругозора школьников, налаживать и поддерживать деловые связи и контакты со своими сверстниками в англоязычных странах.

Общаясь в истинной языковой среде, обеспеченной Интернетом, изучающие иностранный язык оказываются в настоящих жизненных ситуациях, вовлечённые в решение широкого круга значимых, реалистичных, интересующих и достижимых задач, учащиеся обучаются спонтанно и адекватно на них реагировать, что стимулирует создание оригинальных высказываний, а не шаблонную манипуляцию языковыми формулами.

Первостепенное значение придается пониманию, передаче содержания и выражению смысла, что мотивирует изучение структуры и словаря иностранного языка, которые служат этой цели. Таким образом, внимание обучающихся концентрируется на использовании форм, нежели на них самих, и обучение грамматике осуществляется косвенным образом, в непосредственном общении, исключая чистое изучение грамматических правил.

Компьютер лоялен к разнообразию ответов: он не сопровождает работу обучающихся хвалебными или порицательными комментариями, что развивает их самостоятельность и создает благоприятную социально-психологическую атмосферу на занятиях английского языка, придавая им, уверенность в себе, что является немаловажным фактором для развития их индивидуальности [6].

Развитие образования в наши дни органично связано с повышением уровня его информационного потенциала. Эта характерная черта во многом определяет как направление эволюции самого образования, так и будущее всего общества. Для наиболее успешного ориентирования в мировом информационном пространстве необходимо, чтобы учащиеся овладевали информационной культурой, а также компьютерно-экранной культурой, поскольку приоритет в поиске информации все больше и больше отдается Интернет.

Как информационная система, Интернет предлагает своим пользователям многообразие информации и ресурсов. Базовый набор услуг может включать в себя:

- электронную почту (e-mail);
- телеконференции (usenet);
- видеоконференции;
- возможность публикации собственной информации, создание собственной домашней странички (homepage) и размещение ее на Web-сервере;
- доступ к информационным ресурсам:
- справочные каталоги (Yahoo, InfoSeek/UltraSmart, LookSmart, Galaxy);
- поисковые системы (AltaVista, HotBox, OpenText, WebCrawler, Excite);
- разговор в сети (Chat).

Овладение коммуникативной и межкультурной компетенцией невозможно без практики общения, и использование ресурсов Интернет на уроке иностранного языка в этом смысле просто незаменимо: виртуальная среда Интернет позволяет выйти за временные и пространственные рамки, предоставляя ее

пользователям возможность аутентичного общения с реальными собеседниками, на актуальные для обеих сторон темы. Однако нельзя забывать о том, что Интернет – лишь вспомогательное техническое средство обучения, и для достижения оптимальных результатов необходимо грамотно интегрировать его использование в процесс занятия.

Возможности использования Интернет-ресурсов огромны. Глобальная сеть Интернет создаёт условия для получения любой необходимой учащимся и учителям информации, находящейся в любой точке земного шара: новостей, страноведческого материала, зарубежной литературы т.д. [2].

Применение современных технологий в образовании создаёт благоприятные условия для формирования личности учащихся и отвечает запросам современного общества. Используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке английского языка:

- а) формировать навыки и умения чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;
- б) совершенствовать умения аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, также соответственно подготовленных учителем;
- в) совершенствовать умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения, представленного учителем или кем-то из учащихся, материалов сети;
- г) совершенствовать умения письменной речи, индивидуально или коллективно, составляя ответы партнерам, участвуя в подготовке рефератов, сочинений, других эпистолярных продуктов совместной деятельности партнеров.

Сочетание различных видов работы на уроке с использованием информационных технологий может решить проблему развития мотивации учащихся. Учителю при наличии новейших технических средств, легче осуществить личностно-ориентированный подход к обучению разноуровневых учащихся, появляется возможность рациональнее организовать весь учебный процесс и решить извечную проблему слабый – сильный ученик.

Библиографический список

1. Веденина, Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5.
2. Карамышева, Т.В. Изучение иностранных языков в школе с помощью компьютера. В вопросах и ответах. – СПб., 2001.
3. Беспалько, В.П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия). – М.; Воронеж, 2002.
4. Интернет-технологии в средней школе: практическое руководство / под ред. Д.Т. Рудаковой, А.Г. Силаевой. – М., 2001.
5. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. Пособ. для студентов педвузов и учителей. – М., 2002.
6. Полат, Е.С. Интернет на уроках иностранного языка. Формы и методы использования Интернет-ресурсов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 2, 3.

Bibliography

1. Vedenina, L.G. Teoriya mezhkulturnoy kommunikacii i znachenie slova // Inostrannije yazyhki v shkole. – 2000. – № 5.
2. Karamishsheva, T.V. Izuchenie inostrannihk yazyhkov v shkole s pomothiyu kompjyutera. V voprosakh i otvetakh. – SPb., 2001.
3. Bepaljko, V.P. Obrazovanie i obuchenie s uchastiem kompjyuterov (pedagogika tretjegho tihsyacheletija). – M.; Voronezh, 2002.
4. Internet-tehnologii v srednej shkole: prakticheskoe rukovodstvo / pod red. D.T. Rudakovoj, A.G. Silaevoj. – M., 2001.
5. Solovova, E.N. Metodika obucheniya inostrannim yazyhkom: bazovihy kurs lekcij. Posob. dlya studentov pedvuzov i uchitelevy. – M., 2002.
6. Polat, E.S. Internet na urokakh inostrannogo yazyhka. Formih i metodih ispoljzovaniya Internet-resursov na urokakh inostrannogo yazyhka // Inostrannije yazyhki v shkole. – 2001. – № 2, 3.

Статья поступила в редакцию 29.10.13

УДК 159.928:356, 800:37

Oleksandrenko E.V. APPLICATION OF STRATEGY OF COOPERATION IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF FOREIGN COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS. In the article the advantages of application of strategy of cooperation for the increase of the foreign communicative competence level of future specialists are considered. On the basis of the data obtained during the experimental research the author suggests that cooperation in the educational activity increases progress and level of foreign communicative competence development, group unity strengthens, humanist motives of communication are formed.

Key words: competence, strategy of cooperation, didactic task, group forms of work, problem-communicative approach, speech activity.

Е.В. Олександренко, канд. филол. наук, доц., зав. каф. иностранных языков Хмельницкого национального университета, г. Хмельницкий, E-mail: oleksandrenko_k@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье рассматриваются основные преимущества использования стратегии сотрудничества для повышения уровня развития иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов. На основе данных, полученных в ходе эксперименталь-

ного исследования, автор отмечает, что при сотрудничестве в учебной деятельности повышаются успешность и уровень развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов, растет сплоченность группы, формируются гуманистические мотивы общения.

Ключевые слова: компетентность, стратегия сотрудничества, дидактическая задача, групповые формы работы, проблемно-коммуникативный подход, речевая деятельность.

Личностно-деятельностный подход к развитию иноязычной коммуникативной компетентности вносит свои изменения в технологию обучения и организации учебного процесса. Наиболее адекватной технологией обучения является обучение в сотрудничестве. Фронтальные формы работы вытесняются парными и групповыми. В нашем исследовании применялась групповая форма обучения с использованием проблемно-коммуникативного подхода. В ходе исследования выявлено динамику развития речевых умений и языковых навыков, эмоционального самочувствия студентов в группах с различной нормой организации учебного процесса, определен уровень развития межличностных отношений при различных формах обучения, а также установлена зависимость формирования иноязычной коммуникативной компетентности от формы организации сотрудничества будущих специалистов в учебной деятельности. Исследование позволило наметить пути устранения противоречий между целью обучения иностранному языку, принятой в любой педагогической системе, независимо от содержания и методов обучения, и формой ее реализации. Как известно, целью обучения иностранному языку в широком смысле является развитие иноязычной коммуникативной компетентности, что предполагает активную тренировку основных речевых умений в соответствующих видах речевой деятельности в процессе обучения. В действительности при традиционной форме обучения активным участником учебного процесса остается преподаватель. Студенты же основную часть учебного времени находятся в лучшем случае в состоянии неуправляемой пассивной рецепции. При введении совместной работы решения дидактических задач различного типа временная структура среднего обобщенного занятия приобретает следующий вид: групповая работа – 40,5% учебного времени, индивидуально-фронтальная – 34,8%, (где 13,8% времени – самостоятельная работа и 21% – собственно фронтальная), на объяснение преподавателем теоретического материала было потрачено 9,7% времени и 15% – на организационный момент, анализ, коррекцию и оценку работы студентов, а также на научно-исследовательскую работу в соответствии с планом эксперимента.

Групповая деятельность рассматривается как средство оптимизации учебного процесса, способная облегчить обучение иностранному языку каждого отдельного студента. Вследствие этого групповая учебная деятельность, занимая доминирующее положение, сочеталась с другими формами учебной работы. При выборе оптимальной формы для осуществления конкретного вида учебной деятельности принимались во внимание все компоненты учебного процесса: целевой, стимулирующе-мотивационный, содержательный, операционально-деятельностный, контрольно-регулирующий, оценочно-результативный.

Применение групповой работы обусловило необходимость моделирования системы приемов группового решения дидактических задач. Системообразующим критерием, который служит основой для выделения структурных компонентов, определяющим их взаимную близость и интеграцию, является совместная деятельность и общение участников учебного процесса. Сюда вошли приемы формирования иноязычных компетенций. В целом вся групповая деятельность сводилась к трем основным видам: взаимопроверка и коррекция индивидуально выполненных заданий, совместная работа над новым материалом и взаимообучение, т.е. передача другим членам группы ранее усвоенной информации. Все виды групповой работы тесно связаны и использовались в различных сочетаниях. В ходе исследования практиковалось применение групповой работы и внеучебного времени, которые сводились к рекомендации совместно выполнять домашние задания, а также привлечение института консультантов для занятий с отстающими. При проведении итогового контроля в конце семестра по принципу "зачет-незачет" наряду с индивидуальной ответственностью за академическую успеваемость применялась групповая. Группа получала зачет при положительных индивидуальных показателях каждого из студентов. Использование групповых показателей неизбежно ставит членов группы в отношения ответственной зависимости, т.е. личной ответственности каждого за успехи группы в целом.

Все исследования, посвященные выявлению дидактических, психологических и социально-психологических преимуществ групповой формы обучения, условно можно разделить на две группы: исследования, сравнивающие эффективность групповой и индивидуально-фронтальной формы обучения, и исследования, изучающие эффективность различных форм групповой работы. Мы решили объединить эти два подхода, образовав три учебные группы по 24 человека, одинаковые по количественному составу и сравнительно однородные по языковым и психологическим показателям. Одна группа была контрольной (К), в двух других (экспериментальных) осуществлялся определенный вид групповой работы. В группе А совместной работой было взаимодействие общения в динамических диадах (ДД) всех членов группы по очереди. В группе В совместная работа проходила в стабильных диадах (СД), состав которых не менялся на протяжении всего эксперимента. Для нейтрализации негативного влияния побочных факторов содержание, учебные пособия и методы обучения были одинаковыми во всех трех группах. Успешность развития иноязычной коммуникативной компетентности будущего специалиста оценивалась по степени изменения уровня развития его умений и навыков, характеризующих иноязычную коммуникативную компетентность, которая происходит во время эксперимента. Сопоставление результатов оценочных суждений экспертов, полученных в начале и в конце эксперимента по семибалльной шкале, показало, что результаты изменений уровня развития в экспериментальных группах в 6-7 раз превышают результаты контрольной группы. Динамика уровня развития, которая характеризует технологический и социокультурный критерии иноязычной коммуникативной компетентности, представлена в таблице 1 (значимость расхождений * – $p = 0,05$, ** – $p = 0,01$, *** – $p = 0,001$).

В группе С(К), которая продемонстрировала высокий обобщенный средний показатель уровня развития (5,25 балла) в начале эксперимента, положительные сдвиги составили всего 0,22 балла. Результаты изменений в группах А и В составили 1,30 и 1,74 балла соответственно. В группе В разхождение по 10, а в группе А по 6 компонентам оказались статистически значимыми. В группе С статистически значимых различий нет. Полученные данные свидетельствуют о наличии зависимости развития иноязычной коммуникативной компетентности от формы организации учебного процесса и показывают, что групповая форма обучения выполняет компенсаторную функцию, позволяя за относительно короткий срок путем активизации учебно-познавательной деятельности и рациональной организации учебного процесса развить у слабоподготовленных студентов необходимые иноязычные компетенции и довести их до уровня средних и сильных студентов. Согласно приведенным в литературе данным, групповая работа часто вызывает сильное напряжение, вследствие которого происходит резкий спад работоспособности студентов. Повышенное напряжение связывают с состоянием тревоги, возникающим как реакция студентов на социально-психологические факторы: неблагоприятное отношение к себе, ожидание негативной оценки и т.д.

Измерение интенсивности эмоциональной реакции студентов проводилось по шкале самооценки тревожности Спилберга-Ханина. Обобщенные средние показатели для группы А (ДД) составили 26,7 – 35,6 – 33,8 – 33,6, для группы В (СД) – 32,6 – 30,5 – 34,4 и для группы С (К) – 32,9 – 32,1 – 30,3 – 32,1 балла при возможном диапазоне от 10 баллов – полное отсутствие тревоги – до 70 баллов – очень высокий уровень тревоги. Статистически значимых различий между показателями нет. С целью изучения уровня развития межличностных отношений нами использовался опросник социально-психологической самооценки коллектива, предложенный Р.С. Немовым [1]. Методика позволяет судить о системе взаимоотношений через самовосприятие группы. Интеграция полученных данных в блоки, описывающие отношения, свойственные характеристикам коллектива, позволяет определить уровень социально-психологического развития группы.

Динамика уровня развития умений и навыков, характеризующих технологической и социокультурный критерии иноязычной коммуникативной компетентности в группах будущих специалистов с различной формой организации учебного процесса

№ п/п	Основные показатели	Группа А (ДД) до эксп-та	Группа А (ДД) после эксп-та	Разногласия	Группа В (СД) до эксп-та	Группа В (СД) после эксп-та	Разногласия	Группа С (К) до эксп-та	Группа С (К) после эксп-та	Разногласия
1	Аудирование	2,57	4,50	1,93**	2,57	4,71	2,14***	4,43	5,29	0,86
2	Монолог	2,71	4,64	1,93**	2,93	4,93	2,00***	4,71	5,29	0,58
3	Постановка вопроса	3,29	4,50	1,21	2,93	5,64	2,71***	4,79	5,21	0,42
4	Ответ на вопрос	5,07	5,50	0,43	3,43	5,57	2,14***	5,86	5,93	0,07
5	Диалог	2,86	4,71	1,85**	3,00	5,36	2,6***	4,57	4,71	0,14
6	Техника чтения	4,00	5,36	1,36*	3,43	5,07	1,64***	5,00	5,21	0,21
7	Понимание текста	4,50	5,50	1,00	3,64	5,07	1,43**	5,64	5,79	0,15
8	Произношение	4,07	5,9	1,83*	3,64	5,43	1,79***	5,00	4,76	-0,24
9	Лексика	5,36	6,36	1,00	5,07	6,71	1,64**	6,79	6,79	0
10	Грамматика	4,14	5,64	1,50*	3,21	4,43	1,22***	5,07	4,71	-0,36

Обобщенный средний показатель уровня развития отношений в группе А(ДД) составил 5,08, а в группе В(СД) – 4,35 и в группе С(К) – 4,40 балла. Расхождения между показателями в группе А(ДД) и в группе С(К) намного превышают минимальную достаточную статистическую разницу, которая равна 0,2 балла. Эта разница, найденная эмпирическим путем благодаря обработке результатов, полученных ранее с помощью методики СПОК, принята как своеобразная «цена деления» шкалы дифференциации групп. Средние оценки всех семи интегральных характеристик (ответственность, коллективизм, сплоченность, контактность, открытость, организованность, информативность) также выше в группе А(ДД).

Сравнение социально-психологических профилей группы А(ДД) и группы С(К) выявило самые большие расхождения в степени развития отношений, входящих в блоки «коллективизм» (разница в 0,88 балла), «ответственность» (0,86) и «организованность» (0,83). Анализ частных характеристик показывает, что наибольшие расхождения отмечены в таких суждениях: преимущество общественных интересов над личными (1,86), активное участие в общественной работе (1,64), постоянная забота об успехах коллектива (1,64), распределение обязанностей, устраивающих всех (1,57), работа с полной отдачей сил (1,36). Все перечисленные различия в оценках статистически значимыми. При сравнении социально-психологических профилей второй экспериментальной группы, работающей в стабильных диадах, с контрольной, не было установлено значимых различий ни по одному из семи блоков. Несколько выше в группе В(СД) – лишь показатель по интегральной характеристике «ответственности», расхождение составляет 0,54 балла.

Анализ представленности речевых категорий в поле вербального взаимодействия в динамических диадах показал, что существуют статистически значимые расхождения по большинству показателей развития иноязычной коммуникативной компетентности. В целом результаты исследования свидетельствуют о зависимости развития иноязычной коммуникативной компетентности от формы организации учебного процесса. Эффективность развития иноязычной компетентности у будущих специалистов выше при групповой форме организации учебного процесса с использованием проблемно-коммуникативного подхода по сравнению с традиционным при одинаковом содержании и сроках обучения. Групповая форма обучения не вызывает повышенного напряжения у студентов. Кроме того, совместная учебная деятельность, организованная по принципу работы в динамических диадах, которая позволяет осуществлять взаимодействие и общение всех членов группы, способствует ускорению превращения академической группы в учебный коллектив, при этом получают развитие межличностные отношения, свойственные характеристикам коллектива: коллективизм, ответственность, организованность и другие.

Следующая дидактическая закономерность свидетельствует о взаимосвязи развития иноязычной коммуникативной компетентности с формой организации сотрудничества будущих

специалистов в учебной деятельности, то есть с совместной деятельностью. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности будущего специалиста происходит совместно и во взаимодействии с другими участниками учебно-познавательного процесса. Еще в 20-30-е гг. Л.С. Выготский видел в совместной деятельности исходную форму индивидуального психического развития человека и обратил внимание на двойственный характер этого развития. «Всякая высшая психическая функция была социальной раньше, чем она стала внутренней, собственно психической функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. ... Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах: социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая» [2, с. 145]. Выдвинутое Л.С. Выготским положение справедливо и в отношении взрослых, в частности студентов как будущих специалистов в том аспекте, что их индивидуальное развитие, интеллектуальное и профессиональное становление обусловлено совместной деятельностью, взаимодействием и межличностными отношениями, которые возникают в этой деятельности. Любые психологические результаты обучения могут быть лучше или хуже в зависимости от того, в каком организационном сотрудничестве оно осуществляется.

Вся система образования в Украине, и высшего образования в том числе, в настоящее время находится под влиянием идей, сформулированных в работах теоретиков общей и педагогической психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и др.) и передовых практиков современной школы (А.А. Залевская, Т.С. Яценко, А.С. Макаренко, Г.А. Китайгородская и др.). Эти идеи, в частности, нашли отражение в утверждении сотрудничества как одной из определяющих основ современного обучения. Сотрудничество – это гуманистическая идея совместной развивающей деятельности детей и взрослых, объединенных взаимопониманием, проникновением в духовный мир друг друга, коллективным анализом хода и результатов этой деятельности. В основе стратегии сотрудничества лежат идеи стимулирования и направления педагогом познавательных интересов студентов. Значение этой формы организации обучения столь велико, что существует тенденция рассматривать весь педагогический процесс как педагогику сотрудничества. Проблема учебного сотрудничества (коллективных, кооперативных, групповых форм работы) активно и всесторонне исследуется в последние десятилетия в нашей стране и за рубежом (Х.Й. Лийметс, В. Дойз, С.Г. Якобсон, Г.Г. Кравцов, А.В. Петровский, Т.А. Матис, В.П. Панюшкин, Г. Магин, В.Я. Ляудис, Г.А. Цукерман, В.В. Фляков, Д.И. Фельдштейн, И. Ломпшер, А.К. Маркова и др.). При анализе зависимости сотрудничества при формировании и развитии иноязычной коммуникативной компетентности, необходимо отметить, во-первых, что линия преподаватель-студент, как правило, дополняется взаимодействием по линии студент-студент, что обусловлено самим групповым характером учебной деятельности. Во-вторых, эффективность воздействия

Таблица 2

Средние значения показателей успешности решения учебно–научных задач в экспериментальных и контрольных группах (по пятибалльной системе оценок, n = 80)

Параметры успешности	Э1	К1	Э2	К2	Э3	К3
Адекватность отражения действительности, закономерности изучаемого явления	4,0	3,5	4,2	3,6	4,3	3,6
Доказательная сила предлагаемого решения задачи	4,2	3,6	4,3	3,5	4,4	3,8
Новизна и степень оригинальности решения задачи	4,1	3,8	4,0	3,7	3,9	3,7

Таблица 3

Особенности вербального взаимодействия в экспериментальных группах на начальном и заключительном этапах обучения (в % к общему количеству высказываний, n = 80)

Группа	Когнитивные высказывания		Оценочные высказывания		Регулятивные высказывания	
	Начальный этап обучения	Заключительный этап обучения	Начальный этап обучения	Заключительный этап обучения	Начальный этап обучения	Заключительный этап обучения
1-я экспериментальная группа студентов	59,1	41,3	16,8	26,8	24,1	30,9
2-я экспериментальная группа студентов	51,8	43,1	13,0	26,7	35,2	30,2
1-я экспериментальная группа слушателей института повышения квалификации	64,0	60,3	6,0	16,2	30,0	25,5
2-я экспериментальная группа слушателей института повышения квалификации	60,0	53,0	17,8	17,6	22,2	25,4

сотрудничества на личностное развитие обучаемого, на производительность его учебной деятельности, и зависимость учебного сотрудничества «студент–студент» при развитии иноязычной коммуникативной компетентности как организационной формы обучения предоставляет значительные резервы не только для повышения эффективности развития иноязычной коммуникативной компетентности, но и для развития, формирования личности будущего специалиста.

Под собственно групповой деятельностью понимается любое объединение нескольких человек для достижения общей цели. Совместная деятельность в динамических диадах понимается как организованная система активности взаимодействующих индивидов, направленная на достижение общей цели, в условиях взаимозависимости в способах решения и невозможности достижения результата в индивидуальном режиме. В условиях сотрудничества успешнее решаются сложные мыслительные задачи (Г.С. Костюк, В. Янтос и др.), лучше усваивается новый материал (В.А. Кольцова и др.). В работах Х.И. Лийметс, например, было показано, что влияние групповой работы активизирует и мотивирует учащихся, повышает уровень их коммуникативных умений, кроме того, внутригрупповое сотрудничество в решении тех же задач повышает эффективность обучения не менее, чем на 10% [3].

Исследования Н.В. Кузьминой, И.А. Зимней, Г.А. Китайгородской и др. обнаружили также неоднозначность решения вопроса однородности (гомогенности) или разнородности (гетерогенности) состава группы и преимущества организации внутригруппового сотрудничества по диадному, триадному или общегрупповому принципу. По данным многих исследований, триада продуктивнее, чем диада (Л.В. Путляева, Р.Т. Сверчкова, Т.К. Цветкова) и общегрупповое (7-12 человек) взаимодействие (Я.А. Гольдштейн).

Н.В. Клюева в своем исследовании подтверждает, что совместная деятельность при обучении приводит к положительным сдвигам в трех направлениях: в показателях успешности решения студентами учебно–научных задач; в развитии у них коммуникативных умений и в становлении учебной группы как коллектива [4]. По каждому из названных критериев успешности группового обучения были получены свои эмпирические показатели. Эффективность решения познавательных задач определялась по содержательным и количественным показателям

(наличие и число новых предлагаемых решений, степень и характер обоснования, количество и тип допущенных ошибок, уровень учебно–познавательной активности и другие параметры). По коммуникативным критериям в расчет брались коммуникативная активность (число вербальных реакций при решении задач) и уровень развития умений и навыков коммуникативного взаимодействия. В экспериментальном обучении участвовали студенты (по две экспериментальные (Э 1,2) и две контрольные группы (К 1,2)) и слушатели института повышения квалификации (одна экспериментальная (Э3) и одна контрольная группы (К3)). В четырех студенческих группах было в среднем 50 человек, в группах института повышения квалификации – по 15 слушателей. Общие итоги группового обучения студентов и слушателей института повышения квалификации решения учебно–научных задач сводятся к следующему. По адекватности понимания задач, обоснованности и оригинальности предлагаемых решений все экспериментальные группы превосходят контрольные (таблица 2).

Кроме того, студенты и слушатели института повышения квалификации контрольных групп чаще допускали типичные ошибки при решении задач проблемного характера: разного рода штампы, «заготовки», абстракция. Отмечено, что при групповой работе эти ошибки преодолевались легче и быстрее. Дополнительным показателем успешности сотрудничества была для студентов их академическая успеваемость по изучаемому предмету, а для слушателей института повышения квалификации – содержательный уровень выпускной работы. Если судить об успешности обучения по средней оценке успеваемости, то между студентами контрольных и экспериментальных групп различия не обнаруживаются.

Однако структура учебных оценок значительно отличается. Например, в 1-й контрольной группе число студентов, ответивших во время экзаменов по изучаемому предмету на «хорошо», составляет 37,5%, а в экспериментальной группе – 62%. Соответственно и у студентов 2-й контрольной группы этот показатель равен 39%, а в экспериментальной – 56%. В контрольной группе слушателей института повышения квалификации число работ, отвечающих поставленным требованиям, составило 30,5%, в экспериментальной – 53,5%. Таким образом, по различным показателям учебной успеваемости работа в групповых условиях оказалась более эффективной, чем при инди-

Таблица 4

Средняя успешность обучения иностранному языку в зависимости от состава учебной группы (по данным экзаменов, n = 726)

Состав учебной группы по психологическим показателям	Успешность обучения иностранному языку (в%)						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Однородный	75	77	73	75	80	77	75
Неоднородный	90	92	87	92	95	90	88

видуально-фронтальной форме организации обучения. Существенные преимущества наблюдаются и по критерию коммуникативной активности, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 3.

В совместной деятельности отмечается качественное своеобразие коммуникативного процесса по сравнению с индивидуально-фронтальной формой деятельности. Количественные характеристики развертывания коммуникации, в частности, объема полей речевого взаимодействия участников групп одинаковы. Однако различна их представленность в коммуникативном процессе и функции, которые они выполняют. Так, на начальном этапе экспериментального обучения было зафиксировано такое число высказываний в течение одного занятия: в группе студентов 1-й группы – 83, студентов 2-й группы – 54, в каждой из двух групп слушателей института повышения квалификации – 50 и 45 соответственно.

В конце группового обучения количество вербальных реакций возросло до 119 и 86 в группах студентов и до 68 и 69 – в группах слушателей института повышения квалификации. Положительно оценивают групповую форму обучения с точки зрения ее эффективности в формировании навыков межличностного взаимодействия и сами испытуемые. 84,3% студентов считают, что занятия в группе помогли им: лучше осознать преимущества и недостатков своего общения с другими; приобрести знания и умения, позволяющие им разбираться в отношениях между людьми и устранять возможные конфликты; легче и быстрее вступать в контакт с людьми; почувствовать свою принадлежность к группе. Кроме того, 84,3% и 76,7% слушателей института повышения квалификации выразили удовлетворение обучением с групповыми формами работы, а также желание продолжать заниматься групповыми формами организации учебной работы.

Особое значение в развитии иноязычной коммуникативной компетентности будущего специалиста имеет качественный состав коллектива учебной группы. В теоретическом плане психологические проблемы влияния коллектива на личность и личности на коллектив обсуждались в работах А.С. Макаренко, А.А. Леонтьева, А.А. Бодалева, Н.Н. Обозова, Л.В. Якунина и др. Эмпирические исследования возможности влияния студенческой группы и коллектива как совокупного субъекта на учебную успешность будущих специалистов показали, что уже с 1-го курса в учебной группе возникает множество взаимоотношений и взаимодействий по общей учебной, общественной и личной деятельности, что оказывает влияние на каждого студента, который входит в состав группы. И для оптимизации процесса развития иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов учебные группы необходимо комплектовать с учетом их психологических показателей и уровней иноязычной компетентности.

Исследование успешности обучения иностранному языку и развития иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов, проведенные в Хмельницком национальном университете, подтверждают зависимость успешности обучения иностранному языку от состава учебной группы (таблица 4).

Анализ результатов, приведенных в таблице, свидетельствует о том, что успешность обучения иностранному языку (по данным экзаменационных сессий) выше в тех учебных группах, состав которых неоднороден по психологическим показателям. На основе обобщения проведенных исследований можно отметить, что при сотрудничестве в учебной деятельности: растет объем и глубина понимания изучаемого материала, растет познавательная активность и творческая самостоятельность студентов; меньше времени тратится на формирование знаний и умений; снижаются трудности, обусловленные дефектами учебной мотивации; меняется характер взаимоотношений между студентами; растет сплоченность группы, при этом само- и взаимоуважение повышаются одновременно с критичностью, способностью адекватно оценивать свои и чужие возможности; будущие специалисты приобретают социальные навыки: такт, ответственность, умение строить свое поведение с учетом позиции других людей, гуманистические мотивы общения; преподаватель получает возможность индивидуализировать обучение, формировать группы студентов, учитывая индивидуально-типологические свойства личности, уровень языковой подготовки, темп работы. Участие всей группы в коллективной учебной деятельности по развитию иноязычной коммуникативной компетентности вызывает чувство удовлетворения у каждого из учащихся, создавая впечатление полезности, необходимости, правильности собственной деятельности, придавая им уверенность в возможности иноязычной речевой деятельности. Вышеприведенные исследования свидетельствуют о наличии зависимости развития иноязычной коммуникативной компетентности от формы организации сотрудничества будущих специалистов в учебной деятельности.

Библиографический список

1. Немов, Р.С. Психология: в 2 кн. – М., 1994.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. – М., 1996.
3. Лийметс, Х.Й. Как воспитывает процесс обучения? – М., 1982.
4. Ключева, Н.В. Педагогическая психология. – М., 2003.

Bibliography

1. Nemov, R.S. Psikhologiya: v 2 kn. – M., 1994.
2. Vihgot'skiy, L.S. Mihslenie i rechj. Psikhologicheskie issledovaniya. – M., 1996.
3. Lijjmet's, Kh.Yj. Kak vospitihvaet process obucheniya? – M., 1982.
4. Klyueva, N.V. Pedagogicheskaya psikhologiya. – M., 2003.

Статья поступила в редакцию 29.10.13

УДК 159.98:657-051

Chupeeva O.V. PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF CHIEF ACCOUNTANT UNDER THE INNOVATIONS IN ACCOUNTING. Present day economic processes and phenomena determine changes in the professional environment of chief accountants. The paper sets forth idea that a modern chief accountant is a top-manager, whose professionalism considerably influences success and prosperity of the business. The paper also pays significant attention to the psychological analysis of the risks of professional activity of specialists in the position of chief accountant.

Key words: chief accountant, professional activity, personal and professional traits of chief accountant, risks.

О.В. Чупеева, ст. преп. ДВГУПС, г. Хабаровск, E-mail: chypeevaov@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО БУХГАЛТЕРА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИЙ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ

Современные экономические процессы и явления обуславливают изменения профессиональной среды главных бухгалтеров. В работе аргументировано излагается точка зрения, о том, что современный главный бухгалтер – это топ-менеджер, от профессионального мастерства которого во многом зависит успешность и благополучие развития бизнеса. Также должное внимание в статье уделено психологическому анализу рисков профессиональной деятельности специалистов, занимающих должность главного бухгалтера.

Ключевые слова: главный бухгалтер, профессиональная деятельность, личностные и профессионально важные качества главного бухгалтера, риски.

В свете современных экономических условий основополагающей целью финансово-хозяйственной деятельности (ФХД) любой бизнес-единицы является формирование максимального уровня прибыли как основного результата коммерческой работы. Невозможно не согласиться с высказыванием одного из самых успешных инвесторов в мире Уоррена Баффетта: «Руководителям и владельцам не следует забывать, что бухгалтерский учет лишь дополнение к деловому мышлению, а никак ни его замена» [1].

В то же время успешная реализация ФХД любой организации возможна только при грамотной постановке бухгалтерского учета, при этом особый акцент должен быть сделан на налоговый и управленческий аспекты учета, поскольку именно их совокупность является фундаментом для принятия взвешенных управленческих решений руководящим звеном. В частности, Гетьман Виктор Григорьевич, профессор, д.э.н., заведующий кафедрой «Бухгалтерский учет в коммерческих организациях» Финансового университета при правительстве Российской Федерации считает, что «Бухгалтер уже давно перестал быть счетоводом...», сегодня он «квалифицированный специалист, управленец...».

Российская система бухгалтерского учета в последние годы претерпевает существенные изменения, что определенным образом отражается на мышлении бухгалтерских сотрудников, их компетенции и квалификации, в связи с чем, можно говорить о том, что профессия бухгалтера «меняет свое лицо». И сегодня у дальновидных руководителей уже практически не осталось сомнений по поводу непосредственного влияния профессионализма главных бухгалтеров на благополучное развитие бизнеса.

На сегодняшний день роль главного бухгалтера в жизнедеятельности любого хозяйствующего субъекта, независимо от его организационно-правовой формы собственности, отраслевой принадлежности, производственно-технической структуры компании, сферы и масштабов деятельности и других значимых социально-экономических аспектов, является неотъемлемой.

Анализируя практическую деятельность организаций, становится понятно, что главный бухгалтер – это «правая рука» руководителя, к которому сегодня современные топ-менеджеры предъявляют ряд требований. В частности, это уровень профессионализма сотрудника и его исключительная компетенция в вопросах налогового планирования и прогнозирования бизнес-процессов, а также умение давать комплексную оценку финансово-хозяйственной ситуации на определенную дату и способность решать ежедневные производственно-экономические вопросы в режиме реального времени.

До недавних пор психологическому аспекту деятельности бухгалтеров, включая главных, не уделялось должного внимания, поскольку считалось, что бухгалтерский учет представляет собой исключительно расчетную дисциплину и науку, не требующую определенных психологических качеств. В связи с чем, в данной статье автор предпринимает попытку сформулировать системное определение должности главного бухгалтера, ориентируясь на требования действующего законодательства, а также структурировать риски его профессиональной деятельности.

Сравнительный анализ федеральных законов «О бухгалтерском учете» 1996 г. и 2011 г. [2; 3] показывает, что нормы, касающиеся главного бухгалтера, коренным образом отличаются друг

от друга. В частности, в Законе № 129-ФЗ речь велась о подчиненности, полномочиях и обязанностях главного бухгалтера, в то время как Закон № 402-ФЗ эти вопросы вовсе не затрагивает, однако предъявляет конкретные требования к самой должности, которые, в свою очередь, не распространяются в отношении лиц, работающих главными бухгалтерами по состоянию на день вступления в силу нового Федерального закона.

В рамках действующего законодательства можно дать следующее определение должности главного бухгалтера – это специалист, имеющий высшее профессиональное образование и стаж работы в области бухгалтерского учета и/или аудита не менее пяти лет из последних семи календарных, а также не имеющий неснятой или непогашенной судимости за экономические преступления [3]. Особые требования Закон предъявляет к главным бухгалтерам кредитных учреждений, что устанавливается Центробанком России [3].

Тем не менее, практика показывает, что нормы Закона 1996 года в определенной мере продолжают негласно действовать. Так, например, главный бухгалтер назначается на должность и освобождается от нее непосредственно руководителем организации; главный бухгалтер, по-прежнему, подчиняется директору и несет определенную ответственность за совершение фактов хозяйственной жизни, порядок ведения учетных записей и формирование бухгалтерских регистров, продолжая подписывать первичные учетные документы (несмотря на отсутствие прямого указания на данные действия в новом Законе). Таким образом, в свете принятия нового Федерального закона «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ от 06.12.2011 г. область ответственности главного бухгалтера законодательно сужается, однако это не освобождает действующего главного бухгалтера от предельной концентрации внимания на производственных задачах, высокого уровня профессионализма и развитого чувства ответственности за поддержание порядка в учете в целом.

По мнению автора данной статьи, в современных социально-экономических условиях наблюдается определенное расширение сферы деятельности главного бухгалтера как руководителя ключевого звена хозяйствующего субъекта в виду ряда объективных причин.

Во-первых, рыночные условия и высокий уровень конкуренции определяют темп работы бухгалтерской службы. Иначе говоря, от грамотной расстановки кадров главным бухгалтером и, соответственно, от степени реагирования бухгалтерских работников на экономические процессы напрямую зависит успешность компании (например, на сколько своевременно и в полном объеме выполняются финансовые обязательства перед третьими лицами либо со стороны третьих лиц в адрес данной компании; на сколько оперативно проводится анализ взаиморасчетов с контрагентами; на сколько качественно осуществляется сверка данных бухгалтерского и складского учета и т.д.). В свою очередь, оперативность рядовых сотрудников должна сочетаться с их внимательностью и точностью получаемых расчетов, а также с динамичностью обмена информацией, в то время как работа главного бухгалтера заключается в четком делегировании полномочий и координировании их действий, поскольку зачастую одну экономическую ситуацию сопровождает ряд технологических операций, в которых может быть задействовано несколько бухгалтеров.

Во-вторых, развитие и повсеместное внедрение современных информационно-коммуникационных и компьютерных технологий (ИККТ) также предъявляет дополнительные квалификационные требования к главному бухгалтеру. Сегодня крупные компании предоставляют бухгалтерскую (финансовую) отчетность в органы налоговой службы исключительно посредством специализированных программ через Интернет-ресурсы; операции с банковскими учреждениями также осуществляются с помощью программы «Банк-Клиент»; подобным образом решаются многие вопросы при сотрудничестве с контрагентами (поставщиками и покупателями); аналогично в электронном режиме реализуется взаимодействие с Фондом социального страхования и Пенсионным фондом России. Очевидным становится тот факт, что использование в работе на системной основе новых, современных технологий при реализации функций бухгалтерского учета, позволяет квалифицированному главному бухгалтеру «идти в ногу со временем».

В-третьих, стоит отметить, что профессиональная деятельность главного бухгалтера полностью базируется на нормативно-правовых актах, которые не всегда представляют собой целостную систему и, более того, порой противоречат друг другу. Также нормативная база достаточно часто претерпевает изменения, что непосредственным образом сказывается на компетенции главного бухгалтера. Кроме того, необходимо учесть, что четвертый уровень, представляющий собой локальные акты и регламентирующий внутреннюю работу компании на основе самостоятельного разработанных документов, не должен противоречить нормам законодательных актов вышестоящего уровня. Таким образом, главный бухгалтер постоянно должен «держать руку на пульсе» и контролировать все произошедшие изменения и вносимые дополнения в нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок ведения бухгалтерского и налогового учета на предприятии, с привязкой к отраслевой специфике.

Итак, для успешности в профессиональной сфере высококвалифицированный главный бухгалтер в силу особенностей своей трудовой деятельности должен обладать определенным набором личностных и профессиональных качеств. Сегодня поле деятельности главного бухгалтера обширно и требует постоянного повышения квалификации с целью поддержания профессионализма на самом высоком уровне. В связи с чем, выделим три компонента профессионально важных качеств, которыми должен обладать главный бухгалтер:

1. Мотивационно-ценностный компонент – профессионально-личностное самоопределение в отношении использования ИККТ в области бухгалтерского и налогового учета.
2. Когнитивно-операционный компонент – степень владения ИККТ и профессионально-методологическими основами их использования в производственном процессе.
3. Рефлексивно-проектировочный компонент – способность оценивать свой уровень и проектировать условия его повышения.

Кроме того, на успешность профессиональной деятельности главного бухгалтера определенным образом накладываются условия труда. Рассматривая главного бухгалтера как успешного топ-менеджера, становится предельно ясно, что режим его труда должен быть лимитирован 8-часовым рабочим днем и ограничен 5-дневной рабочей неделей; регламентирован строгим действием инструктивных документов; определен четким соблюдением сроков по представлению бухгалтерской (финансовой) отчетности и налоговых деклараций в соответствующие инстанции. При этом немаловажным моментом в деятельности главного бухгалтера является наличие личного пространства в виде индивидуального кабинета, что дает дополнительные преимущества при обдумывании производственных вопросов и принятии взвешенных управленческих решений.

Отметим однако, что на практике наблюдается некий дисбаланс в режиме труда и отдыха главных бухгалтеров (такие как и рядовых). Как следствие происходит нарушение фазы труда и отдыха работников, что является принципиально неправильным с точки зрения отношения к профессиональному здоровью сотрудников компании. Главной причиной такого дисбаланса, по мнению автора данной статьи, может быть неверная расстановка сил внутри подразделения либо неумение делегировать полномочия среди подчиненных, а также несоответствие объемов работы количеству штатных единиц (неукомплектованность штата с целью экономии фонда оплаты труда и перераспределение определенных функций между бухгалтерами с минимальной

доплатой), низкий уровень мотивации труда и недостаточная квалификация сотрудников бухгалтерии (в силу отсутствия необходимого опыта работы, навыков, профессионального образования и мастерства) и др.

Следствие таких событий проявляется в увеличении рисков, таких как срыв выполнения производственного задания (несвоевременность оплаты счетов, уплаты налогов, начисления и выплаты заработной платы, отпускных сумм и т.д.), вероятность допущения счетных ошибок, задержки в вечерние часы, несанкционированный выход на работу в выходные и праздничные дни, работа в виде «домашнего задания» и др. Подобные ситуации негативно сказываются не только на самочувствии отдельных работников, но и в целом на микроклимате всего коллектива бухгалтерии, и неизбежно обостряют взаимоотношения между бухгалтерией и иными стратегически важными отделами компании, чей график, как правило, четко регламентирован (за исключением возникновения форс-мажорных ситуаций).

Исходя из вышеизложенного, становится понятно, что главный бухгалтер-профессионал должен обладать некоторыми качествами, совокупность которых позволит грамотно управлять не только бизнес-процессами, влияющими на экономическую эффективность компании, но и человеческим потенциалом, оказывающим прямое воздействие на формирование конечного продукта компании – ее прибыльности и рентабельности.

Итак, попытаемся систематизировать наиболее значимые качества главного бухгалтера в инновационных условиях:

1. Когнитивная сфера: глубокое знание налогового и бухгалтерского законодательства и способность его применения в практической деятельности предприятия; системное изучение и анализ нормативно-правовых актов и их грамотная интерпретация; выявление наиболее альтернативных вариантов применяемых норм действующего законодательства при формировании учетной политики для целей бухгалтерского и налогового учета; стремление и умение легально оптимизировать расходы компании и предотвращать наступление отрицательных результатов ФХД; способность прогнозировать и объяснять налоговые последствия руководству компании; умение давать комплексную оценку текущему и прогнозному состоянию ФХД организации; участие в управлении финансовым планированием предприятия; умение квалифицированно составлять бухгалтерскую (финансовую) отчетность и налоговые декларации в установленные законом сроки и ее представление в соответствующие инстанции и др.

2. Эмоционально-волевая сфера: мотивированность, амбициозность, наличие интереса к работе, стремление к самообразованию и познанию нового, стрессо- и конфликтоустойчивость, способность к обстоятельному и аргументированному отстаиванию собственного мнения, подкрепленного фактами и нормами действующего законодательства, готовность принятия организационных решений в экстренных ситуациях, развитое чувство ответственности за коллектив и должностные обязательства и др.

3. Поведенческая сфера: коммуникабельность, инициативность, ответственность, требовательность, готовность делегирования полномочий, организаторские и лидерские способности и др.

Таким образом, главный бухгалтер – это специалист, который должен уметь руководить людьми, четко распределять обязанности между подчиненными, ставить перед коллективом конкретную цель и определять задачи для реализации поставленной цели, а также уметь проконтролировать их фактическое выполнение. Кроме того, главный бухгалтер должен воспринимать большой объем экономической информации, грамотно планировать распорядок рабочего дня, профессионально взаимодействовать с руководством предприятия, имея уверенность и способность выразить собственное мнение по производственно-экономическим вопросам, а также аргументировано обосновывать бухгалтерские и налоговые последствия в результате определенного экономического шага.

Высокий уровень квалификации и профессионализма главного бухгалтера, независимо от сферы деятельности и отраслевой принадлежности, проявляется в совокупности ряда качеств: коммуникабельность в работе с внутренними и внешними пользователями экономической информации; абстрактно-логическое мышление и аналитический склад ума; способность принимать решения в нестандартных, нештатных ситуациях; умение прогнозировать и предотвращать негативные последствия ФХД орга-

низации; юридическая и компьютерная грамотность и способность практически одновременно и безотлагательно решать несколько задач в режиме реального времени.

Нельзя не согласиться с тем, что отраслевая специфика накладывает значительный отпечаток на трудовую деятельность главного бухгалтера (строительной, образовательной, транспортной, торговой и иной сферы). Однако в любом случае профессия главного бухгалтера независимо от отраслевой специфики сопряжена с высокими психологическими рисками, в связи с чем, в данной статье им хотелось бы уделить особое внимание.

1. Постоянный лимит времени, в который необходимо «уложиться» при решении конкретной учетной задачи: например, при написании учетной политики в целях бухгалтерского и налогового учета – до 31 декабря текущего года на следующий финансовый год; при сдаче годовой бухгалтерской отчетности – до 31 марта следующего финансового года, а за первый квартал нового финансового года – до 30 апреля; при формировании отчетов в государственные внебюджетные фонды также имеются свои сроки; аналогичный механизм распространяется на отчеты и декларации по отдельным видам налогов, предоставляемые в органы статистики и налоговую инспекцию. Особый временной режим действует в хозяйствующих субъектах, имеющих сложную организационно-техническую структуру (яркими примерами могут служить ОАО «РЖД» и ОАО РАО «ЕЭС России»), когда в условиях консолидации бухгалтерской (финансовой) отчетности сроки ее предоставления еще более нивелированы.

2. Юридический риск, который связан, главным образом, с постоянно вносимыми дополнениями и изменениями в действующее законодательство, в результате чего упущения, нарушения и ошибки практически неизбежны. Специфичность и уязвимость правового положения главного бухгалтера заключается в том, что круг его прав и обязанностей регулируется одновременно Гражданским, Трудовым, Налоговым, Бюджетным¹ кодексами, Кодексом об административных правонарушениях, бухгалтерским законодательством и нормами уголовного права. Что касается деятельности главных бухгалтеров совместных предприятий, осуществляющих ведение внешне-экономической деятельности, то в данной сфере требуются дополнительные знания нормативно-правовых актов зарубежного государства как экономического партнера.

3. Экономический риск, который проявляется в большей степени в том, что «негласная» ответственность за упущенную материальную выгоду возлагается на главного бухгалтера. На нормативном уровне это было прописано в п. 3 ст. 1 Закона № 129-ФЗ от 21.11.1996 г. в качестве одной из основополагающих задач бухгалтерского учета, сущность которой заключалась в «предотвращении отрицательных результатов хозяйственной деятельности организации и выявлении внутрихозяйственных резервов обеспечения ее финансовой устойчивости» [2]. Несмотря на введение в действие с 01.01.2013 г. нового Федерального закона «О бухгалтерском учете», в котором отсутствует перечень задач, предъявляемых к бухгалтерскому учету, главные бухгалтера продолжают быть «в ответе» за события, происходящие в ФХД компании и, соответственно, за отрицательные последствия экономических процессов. Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что Закон № 402-ФЗ, безусловно, имеет юридическую силу, определяя некоторые новые понятия, ранее не употребляемые, однако главные бухгалтера продолжают «жить по-старому», реально оценивая экономические и налоговые последствия в результате наступления определен-

ных событий, при выполнении тех или иных действий или на против бездействий.

4. Морально-нравственный риск, который, по мнению автора статьи, требует проявления волевых качеств личности главного бухгалтера, а именно, его стрессо- и конфликтоустойчивости, готовности принимать внезапные, но взвешенные управленческие решения, умения аргументировано и обстоятельно отстаивать собственную точку зрения по производственно-экономическим вопросам, основанную на знании правовых норм, а также способности к аналитическому мышлению в области налогового планирования и легальной минимизации налогов и сборов в бюджет и взносов во внебюджетные фонды. «Камнем преткновения» в сотрудничестве с руководством компании зачастую является исполнение фискальной функции, однако грамотный главный бухгалтер должен уметь компетентно и доступно довести до сведения директора последствия сокрытия либо недоплаты налоговых платежей, а также санкции за нарушение действующего законодательства Российской Федерации и более того, предложить законные пути оптимизации налоговых расчетов. Резонансным моментом в работе с руководством является непреклонная позиция последнего в оптимизации налогов «всеми возможными способами», что, бесспорно, ставит главного бухгалтера в затруднительную ситуацию с точки зрения его морально-этического восприятия мира, вследствие чего наступление внутрилличностного конфликта является практически неизбежным. Пункт 8 статьи 7 нового Закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» разъясняет действия главного бухгалтера в подобной ситуации, в результате чего его ответственность определенным образом страхуется посредством «письменного распоряжения руководителя экономического субъекта, который единолично несет ответственность за созданную в результате этого информацию...», а также за достоверность представления финансового положения экономического субъекта на отчетную дату, финансового результата его деятельности и движения денежных средств за отчетный период» [3] при совершении определенных действий либо бездействий.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, с одной стороны, риски способствуют расширению информационного поля деятельности главного бухгалтера, а, с другой стороны, – постоянному повышению квалификации с целью поддержания профессионализма на самом высоком уровне. При этом анализ мотивационного компонента профессиональной деятельности главного бухгалтера позволяет выделить основные мотивы его труда: общественное уважение и социальная значимость; престиж и высокое социальное положение; достойный уровень заработной платы, авторитет и властные полномочия; перспектива карьерного роста до должности финансового или коммерческого директора; заграничные командировки и другие бонусы в виде награждения благодарственными письмами, назначения и выплаты премий и др.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что главный бухгалтер – та ключевая фигура, от грамотных и квалифицированных действий которого во многом зависит успешность и экономическое развитие деятельности организации. Как известно, приоритетная роль бухгалтера была по достоинству оценена еще в начале XVII века великим испанским деятелем Бартоломео де Солозано, который сказал, что: «Бухгалтерский учет стоит выше всех наук и искусств, ибо все нуждаются в нем, а он ни в ком не нуждается. Без бухгалтерского учета мир был бы неуправляем и люди не смогли бы понимать друг друга».

Библиографический список

1. Баффетт, У. Эссе об инвестициях, корпоративных финансах и управлении компаниями. – М., 2005.
2. О бухгалтерском учете Федеральный закон от 21.11.1996 № 129-ФЗ (в ред. от 28.11.2011) // СЗРФ. – 25.11.1996. – № 48. – ст. 5369.
3. О бухгалтерском учете Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. от 23.07.2013) // СЗРФ. – 12.12.2011. – № 50. – ст. 7344.

Bibliography

1. Baffett, U. Ehsse ob investiciyakh, korporativnihkh finansakh i upravlenii kompaniyami. – M., 2005.
2. O bukhgalterskom uchete Federaljnijh zakon ot 21.11.1996 № 129-FZ (v red. ot 28.11.2011) // SZRF. – 25.11.1996. – № 48. – st. 5369.
3. O bukhgalterskom uchete Federaljnijh zakon ot 06.12.2011 № 402-FZ (v red. ot 23.07.2013) // SZRF. – 12.12.2011. – № 50. – st. 7344.

Статья поступила в редакцию 29.10.13

¹ применительно к бюджетным учреждениям

УДК 378. 2

Shikhmurzaeva A.B. Vezirov T.G. ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES IN THE DEVELOPMENT OF ICT-COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION. The use of electronic educational resources provides an opportunity to shift the emphasis in training to development of each student and the transition to activity-, developmental education.

Key words: E-learning resources, ICT competence, Bachelor of Teacher Education, e-training complex.

А.Б. Шихмурзаева, аспирантка ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала; Т.Г. Везиров, д-р пед. наук, проф. ГОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: timur.60@mail.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В РАЗВИТИИ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Использование электронных образовательных ресурсов предоставляет возможность смещения акцента в обучении на развитие каждого студента и осуществления перехода к деятельности, развивающему обучению.

Ключевые слова: электронные образовательные ресурсы, ИКТ-компетентность, бакалавр педагогического образования, электронный учебно-методический комплекс.

Современные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) все глубже и глубже проникают в жизнь людей, тем самым являясь неотъемлемой частью жизни современного человека. Владение ими ставится в один ряд с такими качествами, как умение читать и писать. Такое их проникновение во все сферы деятельности человека, а также увеличение потока информации все больше приближает учебные заведения, в частности педагогический вуз к использованию ИКТ в науке и образовании, что делает необходимым развитие ИКТ-компетентности у будущих бакалавров педагогического образования [1].

М.П. Лапчик в работе [2] под ИКТ-компетентностью понимает не только совокупность знаний, умений, навыков, формируемых в процессе обучения информатике и современным информационным и коммуникационным технологиям, но и личностно-деятельностную характеристику специалиста сферы образования, в высшей степени подготовленного к мотивированному использованию всей совокупности и разнообразия компьютерных средств и технологий в своей профессиональной работе.

О.Н. Шилова и М.Б. Лебедева [3] определяют ИКТ-компетентность как способность индивида решать учебные, бытовые, профессиональные задачи с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Таким образом, под ИКТ-компетентностью мы будем понимать *личное качество будущего бакалавра педагогического образования, проявляющееся в его готовности и способности самостоятельно использовать информационные и коммуникационные технологии в своей будущей профессиональной деятельности.* Процесс формирования ИКТ-компетентности студента-бакалавра должен носить развивающий характер. Развитие ИКТ-компетентности проявляется в переходе на новый, более совершенный уровень компетенции.

Ниже перечислены компетенции, взятые из требований ФГОС ВПО по направлению подготовки 050100 – Педагогическое образование, которые могут рассматриваться как требования к ИКТ-компетентности будущего бакалавра-педагога: общекультурные (ОК-1; ОК-4; ОК-8; ОК-9; ОК-12) и профессиональные (ОПК-5; ПК-2; ПК-3; ПК-4; ПК-5; ПК-6; ПК-8; ПК-11) [4].

Наш опыт показывает, что эффективным средством развития ИКТ-компетентности служат электронные образовательные ресурсы (ЭОР), обладающие широкими возможностями. Педагогическую эффективность имеют те ЭОР, которые обеспечивают непрерывность и полноту дидактического цикла процесса обучения, предоставляют теоретический материал, обеспечивают тренировочную учебную деятельность, существуют контроль уровня знаний, а также обеспечивают информационно-поисковую деятельность и сервисные услуги при условии интерактивной обратной связи.

Использование в учебном процессе ЭОР, неизбежно приводит к изменению характера взаимодействия преподавателя и обучаемого. Это взаимодействие перестает носить непосредственный характер, что, с одной стороны, разработки новых технологий обучения (не уступающих по качеству традицион-

ным), и, с другой стороны, требует от обучаемого новых мотивационных установок и пересмотра организации познавательной деятельности. В общем случае, можно говорить о формировании новой дидактической концепции обучения, в основе которой лежат следующие установки:

1. Процесс обучения строится в основном на самостоятельной познавательной деятельности студента-бакалавра.

2. Познавательная деятельность студента-бакалавра должна носить активный характер.

3. Обучение должно быть личностно-ориентированным.

В рамках этой концепции компьютер (и ЭОР) выступает в роли основного дидактического средства обучения и, по сути, является базой для построения новой технологии обучения.

В ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» на физико-математическом факультете нами в последние годы успешно реализуются программы подготовки и внедрения в учебный процесс электронных образовательных ресурсов, в том числе и электронных учебно-методических материалов (ЭУММ) [1].

Для разработки ЭУММ нами используются редакторы Microsoft FrontPage и Adobe Dreamweaver. Одними из таких ЭУМК, разработанных в данных редакторах, являются «Информационные и коммуникационные технологии в образовании», «Web-дизайн и Web-программирование», «Теоретические основы информатики», «Электронные образовательные ресурсы» и «Компьютерная графика» для проведения одноименных курсов. ЭУММ по данным дисциплинам имеют модульную структуру, основу содержания, которого составили идеи развивающего, проблемно-модульного и личностно-ориентированного обучения, аксиологического подхода, эвристического и исследовательского методов, направленных на формирование познавательной самостоятельности, творческого развития и саморазвития личности обучающегося.

Комплекс состоит из модулей, объединяющих в единую систему, содержание которой может постоянно совершенствоваться и включает в себя: модуль получения информации, модуль практических занятий, модуль контроля. При этом каждый учебный модуль автономен, представляет собой законченный интерактивный мультимедиа продукт, нацеленный на решение определенной учебной задачи.

Использование ЭУММ на занятиях позволяет разнообразить учебный процесс, способствует увеличению продолжительности произвольного внимания. ЭУММ может использоваться как средство повышения наглядности, например, преподаватель может применять ЭУММ при подготовке к занятию как источник информации, использовать в качестве наглядных примеров, как средство при подготовке раздаточного материала, для закрепления и повторения нового материала, для организации исследовательской проектной деятельности, для обучения обучающихся работе с информацией. Все это стимулирует студентов к творческой работе по созданию на основе материалов ЭУММ собственной «базы знаний», расширяющей рамки учебника новыми материалами, ссылками на дополнительные источники, в том числе и Интернет.

Для удобства студентов-бакалавров, элементы информационного модуля, глубоко вплетены в структуру ЭУММ, давая возможность постоянного переключения, как во время лекционной части, так и вовремя выполнения практического блока. Таким образом, будущие бакалавры, встречая неизвестный термин или словосочетание, могут путем гипертекстового перехода либо путем выбора модуля получения информации, самостоятельно разобраться в его значении. Основная часть теоретического блока ЭУММ состоит из электронных лекций, с возможностью гипертекстовых переходов и мультимедийных презентаций. В практическом модуле широко используются мультимедийные технологии. В состав данного модуля, входят задачи на основе мультимедиа, виртуальные лабораторные работы, исследовательские задачи различных уровней сложности, с использованием продуктов выпущенные такими издательствами как «1С», «Кирилл и Мефодий», а доступ к ним через ЭУММ осуществляется простым нажатием по соответствующей гиперссылке. Модуль контроля осуществляется с помощью системы программ (программа тестирования учащихся, редактор тестов и журнал результатов) MyTestX, которая используется для создания и проведения компьютерного тестирования, сбора и анализа результатов, выставления оценки по указанной в тесте шкале.

Исследуя структуру развития ИКТ-компетентности с использованием ЭОР мы выделяем следующие уровни: низкий, базовый, профессиональный, исследовательский.

Библиографический список

1. Везилов, Т.Г. Развитие профессиональной компетентности студентов магистратуры в условиях информационной образовательной среды педвуза // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №4(41).
2. Лапчик, М.П. ИКТ-компетентность педагогических кадров: монография. – Омск, 2007.
3. Лебедева, М.В. Что такое ИКТ-компетентность студентов педагогического университета и как ее формировать? // Информатика и образование. – 2004. – № 3.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр») [Э/р]. – Р/д: www.минобрнауки.рф/документы/1909

Bibliography

1. Vezirov, T.G. Razvitie professionalnoy kompetentnosti studentov magistraturih v usloviyakh informacionnoy obrazovatel'noy sredih pedvuza // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2013. – №4(41).
2. Lapchik, M.P. IKT-kompetentnostj pedagogicheskikh kadrov: monografiya. – Omsk, 2007.
3. Lebedeva, M.V. Chto takoe IKT-kompetentnostj studentov pedagogicheskogo universiteta i kak ee formirovatj? // Informatika i obrazovanie. – 2004. – № 3.
4. Federal'niy gosudarstvenniy obrazovatel'niy standart viysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050100 Pedagogicheskoe obrazovanie (kvalifikaciya (stepenij) «bakalavr») [Eh/r]. – R/d: www.minobrnauki.rf/dokumentih/1909

Статья поступила в редакцию 25.10.13

УДК 85.15+30.18

Kalina N.D. THE CONSTRUCTIVIST APPROACH TO GRAPHIC PREPARATION FOR BACHELORS IN THE EDUCATION FIELD «DRAWING». The two-level model of constructivist approach in education of the designer and according to it two theories of training of students to drawing («form law» and «expressiveness of an artistic image») reveals. Theories focus practice of pupils at which they form cognitive constructive and graphic competence of the designer of modeling of spatial and artistic images of drawing independently.

Key words: constructivist approach, student designer, drawing, epistemology, cognitive qualities, competence.

Н.Д. Калина, канд. пед. наук, доц., проф. Владивостокского гос. университета экономики и сервиса (ВГУЭС), г. Владивосток, E-mail: atk5049@mail.ru

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРА ДИЗАЙНА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «РИСУНОК»

Раскрывается двухуровневая модель конструктивистского подхода в образовании дизайнера и в соответствии с ней две теории обучения студентов рисунку («закон формы» и «выразительность художественного образа»). Теории ориентируют практику учащихся, при которой они самостоятельно формируют когнитивную конструктивно-графическую компетентность дизайнера в моделировании пространственных и художественных образов в рисунке.

Ключевые слова: конструктивистский подход, студент-дизайнер, рисунок, эпистемология, когнитивные качества, компетентность

Конструктивистский подход является разновидностью системного подхода, обращающего особое внимание на строение объекта и его структуру, при этом действия субъекта обезличиваются.

На констатирующем этапе нашего исследования нами проводился анализ готовности студентов к использованию и разработке ЭОР.

Анализ проведенного анкетирования показывает, что большинство опрошенных (60%) в качестве основной причины, по которой необходимо изучать ЭОР – требования к профессиональной деятельности современного педагога.

Любопытно отметить, что для большинства респондентов (62%) основным мотивом, создавать и использовать ЭОР выступает желание повысить свой профессиональный уровень.

Таким образом, большинство будущих бакалавров по профилю «Информатика» внутренне мотивированы на повышение уровня деятельности через использование ЭОР. Анализ выполненных студентами бакалавриата заданий, результаты анкет, полученных в результате использования метода групповых экспертных оценок, позволяют сделать вывод о готовности будущих бакалавров-педагогов к использованию электронных средств в обучении и решении различных профессиональных задач. Эксперимент показал, что разработанные педагогические основы взаимодействия преподавателей и студентов-бакалавров с ЭОР, пути развития ИКТ-компетентности повышают качество профессиональной подготовки будущих бакалавров педагогического образования, обеспечивают их готовность к использованию ЭОР в дальнейшей учебной и профессиональной деятельности.

Также как и системный, конструктивистский подход обуславливает стремление к целостности, но основная его направленность – формирование личности учащегося, ее внутренней

реальности в процессах построения искусственных конструкций. В результатах деятельности студентов сочетаются линейные алгоритмические процессы при выполнении анализа и нелинейные процессы синтеза информации, полученной от конструктивистской образовательной среды, при этом целостная система компетенций личности студента находится в более крупной системе среды и связана с ней прямыми и обратными связями.

В понимании познания и построения моделей конструктивистский подход является новым, т.к. определяет структуру опыта субъекта в процессе выполняемой им деятельности. В самостоятельной практике студент анализирует и синтезирует опыт и в результате создает новые знания. На основе конструктивистского подхода осмысливаются и синтезируются идеи, характерные как для логики естествознания, так и для гуманитарных наук [1]. Естественно-научные знания имеют дело со структурами объектов, явлениями природы и их закономерностями. Основу гуманитарного знания определяют отношение людей к явлениям культуры и проблемы интерпретации. В этой связи конструктивистский подход выражает тенденции в построении искусственных моделей «второй природы», которые конструируются в образе при соотношении теории и опыта, научного знания и ценности [2].

Конструктивистский подход выступает в методологическом пространстве как универсальная эпистемология познания, изучающая структуру, функционирование и развитие знания, отношения знаний и реальности человека в процессе познания [3]. В.А. Лекторский выделил две модели эпистемологии. Классическая модель центрируется на познании объекта (законов природы) и получении объективного знания. Для неклассической модели характерно расширение тематических линий, отказ от норм в познании и включение субъекта в систему культурных коммуникаций. Модели классической и неклассической эпистемологии находятся в преемственной связи [4]. В соответствии с моделями эпистемологии, в профессиональном образовании дизайнера спроектирована двухуровневая модель конструктивистского подхода к формированию у студентов конструктивно-графической компетентности в моделировании искусственных конструкций и их художественных образов.

1. Первый уровень определила модель умеренного конструктивизма, которая является «объектной», логической и онтологически-строгой, осуществляемой на основе способа геометрического обобщения в знаково-семиотическом аспекте и методического обеспечения учащихся системой логических конструкций. Студенты при этом характеризуются со стороны понимания системно-пространственных отношений, контекстуального восприятия и когнитивного исследования объектов познания, которое является для них активным и относительно объективным. Формы геометрически обобщенных элементов, попадая в новые условия, преобразовываются, поэтому самостоятельный уровень в построении типовой системы знаний в рисунке является конструктивным. Студенты проявляют контрольную функцию рефлексии за процессами наиболее полного и согласованного построения знаний. Обучение рисунку осуществляется с опорой на положения классической эпистемологии: нормативности и понятийной доказательности. В образовании развивается адаптивный уровень деятельности: когнитивные процессы и профессионально-важные качества как компоненты компетенций познавательно-аналитической подсистемы конструктивно-графической компетентности дизайнера.

2. Второму уровню соответствует модель радикального конструктивизма, формирующая у студентов метакогнитивные конструкции внутренней реальности (целеполагание, прогнозирование, программирование и самоконтроль). Эти процессы характеризуют студентов с позиции внутреннего наблюдателя, что значимо в самообучении и творчестве. В учебном процессе используется модель неклассической эпистемологии, ориентированная на ценностно-смысловое моделирование и системное согласование элементов содержания и формы объекта познания до художественного образа. При этом студенты опираются на конструктивную функцию рефлексии и художественные интерпретации частей в целом. В процессе образования осуществляется эволюция креативных представлений, развитие проблемно-эвристической подсистемы компетенций и самоорганизация конструктивно-графической компетентности дизайнера.

Переоосмысленное использование моделей классической и неклассической эпистемологии ориентируется на принципы современного этапа постнеклассической науки: рациональности,

универсальности содержания, сотрудничества, нелинейности и самоорганизации. Умеренный конструктивизм основывается на когнитивной эволюции познания в условиях рационально-ориентированной конструктивистской образовательной среды, на репрезентациях знаний с переходом к самостоятельному конструированию понятийной модели. Радикальный конструктивизм опирается на креативное влияние среды и самообучение, основанное на критико-рефлексивной позиции студента по отношению к объекту, на пространственно-образных представлениях в разрешении проблемных ситуаций вероятностно-интерпретационного моделирования. Каждый из уровней конструктивистского подхода вносит свой вклад в формирование когнитивной конструктивно-графической компетентности дизайнера.

Конструктивистский подход осуществляет когнитивную эволюцию индивидуальности, которая обуславливает взаимосвязь генетики и культуры, при этом все изменения (развитие) замыкаются на образовательную среду и рассматриваются в связи со сменой доминирующих типов познания (пространственно-образного и вербально-логического) на познание знаково-символическое. В связи с этим И.П. Меркулов подчеркивает, что язык, в том числе и конструктивно-графический, рассматривается как система знаков, развивающихся с опорой на когнитивные стили познания. Знания, касающиеся признаков объекта и грамматики языка, формируются вербально-логическим (рациональным) мышлением. Но без общего понимания ситуации как целого, без надления его внутренним смыслом, что обеспечивает пространственно-образное (чувственным) мышление, невозможно грамотное построение модели. Знаково-символическое мышление формируется с опорой на межполушарные кооперации, развитие умений аргументировать действия и образовывать структурные связи между образами [5]. В конструктивном построении рисунка рациональное и чувственное познание объединяются в систему. Ю.И. Шемакин доказал, что в процессах целеполагания и прогнозирования рационально обусловленного содержания в построении модели сенсорные каналы обработки информации самоорганизуются, чему способствует ассоциативное мышление и синтез информации [6]. Из этого следует две закономерности: 1) при внесении в субъективный опыт нового рационального элемента чувственные процессы человека спонтанно самоорганизуются в новом качестве и, следовательно, развиваются; 2) последовательное изучение и применение учащимися теоретических знаний на практике обуславливает их целенаправленное образно-пространственное развитие. Процесс развития рационально-чувственной системы познания основывается на произвольной регуляции – учащиеся преодолевают неосознаваемые реакции в восприятии и осознают действия с объектами, дифференцируют логические контексты восприятия и интегрируют целостное представление. При этом повторяемость элементов опыта способствует аналогово-пространственно-образному моделированию.

«Когнитивное» соотносится с репрезентациями понимания отдельных знаний и смысловыми интерпретациями, выполняющими функцию для согласования элементов целого. Репрезентации представляют собой структурирование в умственных образах уже имеющихся в памяти знаний до когнитивной модели действительности. Ментальные репрезентации обозначают одно через другое, например, в концепции Н. Гудмена способом репрезентации воспринимаемого объекта является язык, с одной стороны, вербальный, с другой – изобразительный. Оба они формируются на основе концепта структуры знаковой системы и ценностных значений [7]. Геометрические построения в рисунке связаны с репрезентациями информации в образе, которые рассматриваются в рамках различного рода универсалий, и формируют у студентов рационально-чувственное познание, которое дает им возможность идеализированно отображать объект в знаково-символических средствах.

Схемы логических конструкций демонстрируют существенное в объекте познания, поэтому представляют собой акты реконструкции и репрезентации отдельных элементов содержания. Конструктивный процесс обнаруживает себя в построении интегративной конструкции и ее целостного образа, который строится с опорой на теоретико-познавательный анализ схем – конструкций, т.к. они приобрели для учащегося ценностно-смысловую значимость. В конструктивном процессе смыслы порождаются во взаимосвязи значений, определяющих целостность [8]. Поэтому изначальное содержание и форма логических конструкций интерпретируются до взаимосвязанной системы смыс-

лов и достижения при этом различия и тождества всех элементов целого в изображении. По мнению В.В. Ильина, семантическая интерпретация представляет собой форму отображения абстрактной теории на предметную область [9]. При этом семантическая интерпретация в построении рисунка предполагает, что знаково-символические свойства понятий геометрии интерпретируются до художественных свойств. Так, репрезентация и интерпретация, являясь способами действия, обеспечивают развитие у студентов когнитивного опыта и выполнение конструктивного процесса.

В связи с последовательно действующими моделями конструктивистского подхода к формированию конструктивно-графической компетентности и способами когнитивного развития студентов в образовании дизайнера предусматривается переход познавательной теории (развития аналитических и когнитивно-оценочных умений) в ценностно-смысловую позицию студента по отношению к знаниям. Исследование объекта студенты осуществляют «от теоретического к эмпирическому», при этом результаты познания и практики моделирования приобретают конструктивную форму.

Теория включает в себе систему взаимосвязанных положений, идеализирующих изучаемые явления и процессы. По мнению В.С. Степина, теория строится на согласовании элементов системы знаний предметной области – в учебном процессе развивается теоретический конструктор, редуцирующий многообразие явлений до однородных элементов понятийной системы. Конструктор представляет собой правила комбинирования, поэтому активизирует рефлексию учащегося как условие мыслительных экспериментов и конструирования [2]. Рациональность в познании и конструктивно-графическом моделировании подразумевает теорию, в которой смыслы и знаки используются как два параллельных процесса, но в обучении рисунку сначала изучаются знаки, а затем на их основе студенты самостоятельно строят смысловые модели.

Каждый из уровней конструктивистского подхода в образовании дизайнера основан на своем пределе в применении знаний. Первый уровень имеет более дифференцированный контекст и преднамеренные результаты, чем у второго уровня, включающего помимо известных действий вероятностные результаты. Поэтому при рассмотрении конструктивно-графических и художественно-образных параметров познания и построения изображений в образовании дизайнера проектируются две теории, описывающие и объясняющие пространственные и художественные явления. Концептуальной идеей создания теорий «закон формы» и «выразительность художественного образа» по дисциплине «Рисунок» является изучение содержания обучения «от объективно-понятийного к интерпретационному» и «от общего к индивидуально-творческому». В этой связи теории проектируются с точки зрения принципов «расширения» содержания обучения и «усиления» творческих действий у студентов. Объективность – качество теории, выражающееся в том, что в теории отражаются закономерности, присущие исследуемым явлениям и процессам [8]. Теория «выразительность художественного образа» строится на фундаменте теории «закон формы», что является последовательным и непротиворечивым. В то же время обе теории совместимы, они организуются во взаимосвязи дедукции с индукцией. Первая теория, направленная на познание взаимосвязей и обобщенное конструирование пространственных объектов, дополняется художественным содержанием второй теории – выразительным их построением в рисунке. В то же время каждая из теорий относительно автономна, т.е. имеет свою систему знаний, которая обеспечивает студентам прогнозирование действий и самоконтроль.

Закономерные взаимосвязи скрыты от непосредственного взгляда, поэтому первая теория использует в качестве содержания обучения объективно-пространственные взаимосвязи, а вторая – композиционные, смысловые, эстетически-синтетические и художественные взаимосвязи. Теории предназначены для построения любых объектов, поэтому относительно моделирования они являются прогностическими, т.е. каждая из них имеет свой метод и рассматривается как система гипотез.

Теория «закон формы» направляется на идеализацию пространственных отношений формы познавательного объекта, систематизацию естественнонаучных знаний (геометрии, перспективы и светотени), предполагающих единственно-возможную закономерно-познавательную интерпретацию и вспомогательные построения.

К принципам теории «закон формы» относятся: «первостепенная роль формы по отношению к содержанию» (т.к. форма является средством в выражении содержания), «опора на понятия, способствующие дифференцированию целого», «повторяемость элементов познания». Форма выявляется через систему закономерностей, существующих в действительности (геометрия, перспектива, светотень). Они объясняют построение как целостного объекта в рисунке, так и его частей, при этом они ограничивают непрофессиональные действия студентов и направляют их на когнитивное развитие.

Теория «закон формы» располагает строгим объективным методом геометрического обобщения в знаково-семиотическом аспекте – логическим методом расчленения и последовательного развития системы многослойных пространственных построений абстрактно-логическими средствами теоретического анализа с использованием полных или частичных алгоритмов. Метод геометрического обобщения связан с двумя типами абстрактно-логических отношений.

Первый тип логических отношений является фундаментальным – его основу составляют понятия (идеализированные абстракции), направленные на обобщенное описание конкретных явлений. Каждое из понятий определяет целесообразно-практический смысл в построении целого, который познается через знание частей, что требует дифференциации познавательной модели на детали и слои познания существенных признаков и определения взаимосвязей между ними. Как научно обоснованные гипотезы о закономерных связях явлений природы, они предполагают однозначные выводы и, следовательно, однозначные знаково-символические средства их выражения. Понятия пространственных явлений и знаково-символических средств изображения исследуются в условиях природы, практических действий и операций анализа и синтеза. С помощью понятий формируется система графического языка. Для примера приведем следующие понятия: там, где линии меняют свои направления, ставятся существенные точки, а на их основе образуются геометрические плоскости; каждая из плоскостей целого имеет свой тон по отношению к световому лучу; все закругляющиеся поверхности делятся на три плоскости, каждая из них выражается своим тоном.

Второй тип логических отношений является дедуктивным – его определяют правила вывода следствий. Правила объясняют пространственные взаимосвязи и взаимодействия между линиями-знаками. Система правил – это система координированных аналитико-синтетических действий метода геометрического обобщения в знаково-символическом аспекте. Каждое из

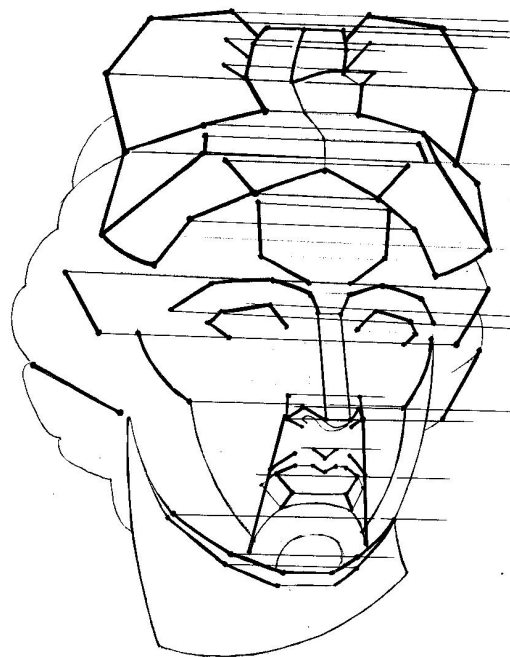

Рис. 1. Конструкт перспективного изменения в симметрично расположенных линиях головы человека

правил состоит из взаимосвязи содержательных и операционных компонентов мышления. Содержательные компоненты мышления включают свойства и признаки пространственных объектов. Операционные компоненты мышления – это система мыслительных операций, состоящих из анализа, синтеза, сравнения, сопоставления, абстрагирования, обобщения и систематизации. В конструктивном процессе каждая из операций выполняет свою функцию и находится во взаимосвязи с другими операциями.

Усвоение понятий и логических правил осуществляется посредством планирования и контрольной функции рефлексии. Правило направлено на упорядочение одного из уровней системных отношений. Это определенный слой когнитивной деятельности, при котором знания синтезируются с познавательными процессами (восприятия, внимания, мышления и образного представления) и в этом качестве проявляются в построении рисунка. На рисунке 1 показан пример использования перспективно-пространственной закономерности, основанной на геометрическом обобщении модели в знаково-семиотическом аспекте при построении рисунка гипсовой головы Аполлона.

Правило: симметричные части головы (левая и правая) находятся в разных пространственных условиях по отношению к воспринимаемому их человеку. В связи с этим между направлениями линий необходимы парные сравнения. Ближние к нам линии меньше сокращаются, поэтому приближаются к горизонтали, а те, которые дальше, сокращаются больше и поэтому больше приближаются к вертикали. «Общим» является то, что линии обеих сторон головы (левой и правой) подчинены одной и той же закономерности сокращений симметричных форм в угловой перспективе. «Различным» является направление линии относительно линии горизонта и ее поворота, принадлежность к разной форме, например, глазу, носу, губам и др.

Теория «выразительность художественного образа» основывается на гуманитарном содержании, поэтому является отчасти логической, отчасти эвристической и феноменологической, предполагающей выдвижение идей и гипотез, которые играют в творческом процессе конструктивную роль. При этом они требуют логического соответствия положений теории, идей преобразования и форм исследуемых объектов.

К методологическим принципам теории относятся следующие принципы: «единство содержания и формы», «главные смыслы имеют более выразительные средства, чем подчиненные», «внутренняя необходимость тех или иных преобразований»; «объективное понимание формы и ее художественное интерпретирование».

Теории «выразительность художественного образа» соответствует метод художественных интерпретаций действительности, на основе которого студенты выдвигают гипотезы художественной выразительности и осуществляют поиск идей смыслового переструктурирования геометрически обобщенного образа. Художественные интерпретации выражаются в системе идей преобразования содержания и формы, которые не ограничиваются преобразованием отдельных элементов, а требуют комплексных изменений и их синтеза. В конструктивном смысле художественные интерпретации изменяют систему связей формы изучаемого объекта, а в художественном – содержание воспринимаемого и представляемого образа до художественного образа. Художественные интерпретации познавательного объекта предполагают деконструкцию образа на составляющие. Преобразования осуществляются в поэтапном разрешении проблемных ситуаций, рефлексивном объяснении теоретического контекста содержания и формы объекта, его структуры и связей.

Процесс интерпретации является смысловым. Наполнение изображения смыслом осуществляется в деконструкции воспринимаемой целостности на элементы, между которыми выявляются эстетические отношения. В этом процессе знания систематизируются, чему способствует построенная на креативной основе концепция решения конструктивно-художественных задач. Выражение смыслов зависит от теоретических установок – эвристических принципов художественной выразительности, таких как «тождество и различие», «преувеличение», «композиционный центр», «фигура всегда активнее своего фона», «выявление ритмов как формы связей» и др. В связи с принципом иерархии определяются главные и подчиненные элементы, причём каждый из элементов заостряется на соответствующем замыслу смысле. Кроме того, главные смыслы выражаются более выразительными средствами, чем подчиненные. Принципы вы-

разительности основаны на субъективно-многозначном допущении, способствующем заострению, преувеличению, приумножению, что приводит геометрические характеристики формы объекта в соответствие с содержанием. Ориентируясь на систему принципов в построении рисунка, каждый из студентов по своему выделяет главные элементы целого и подчиняет второстепенные, по-разному выявляет композиционный центр, динамику и статику форм, применяет различные технические приемы графики.

Понимание, объяснение и исследование в художественных интерпретациях объекта являются взаимосвязанными процессами – это осознание смыслов, выражающих объект, и добавление к ним теоретически обоснованных смыслов и смыслов мира личности. Художественные интерпретации связаны с уяснением существенных отношений в объекте познания, значений языка, понятий и в целом с системной организацией рисунка, в построении которого у личности формируются новые смысловые отношения. Заметим, что студенты экспериментируют со средствами выразительности каждого из смыслов в структуре целого. Погружение в практику играет для них огромную роль в достижении выводов, являющихся не только открытием новых знаний, но и значимым событием, развивающим их личность.

Рассмотрим пример, основанный на применении принципа контраста. На рисунке 2 контрастное выделение основных линий моделирует смысловую выразительность в составе целостного изображения. Линейно-графический контраст – это резко выраженная противоположность с нюансами свойств в линиях и в то же время их сбалансированность. В геометрической структуре рисунка применяются два вида контрастов: последовательно-изменяющийся контраст использует в решении пространственных задач систему контрастно-нюансных отношений, в которой нарастают или убывают те или иные свойства; доминантный контраст применяется в целях акцентирования главных элементов рисунка, при этом он усиливает различие свойств и этим создает в изображении особую выразительность. При выявлении принципа контраста рисунок становится четким, ясным.

Рис. 2. Линейно-геометрическая интерпретация формы головы Аполлона

Художественные интерпретации всегда являются стиливыми и могут быть как сильными, так и слабыми. На рис. 3 показан пример сильной художественной интерпретации.

В представленном рисунке художественная интерпретация использует принцип «в каждом элементе применяется единая система средств, но везде по-разному». К средствам относится технический прием – выявление существенных признаков форм через пучки линий.

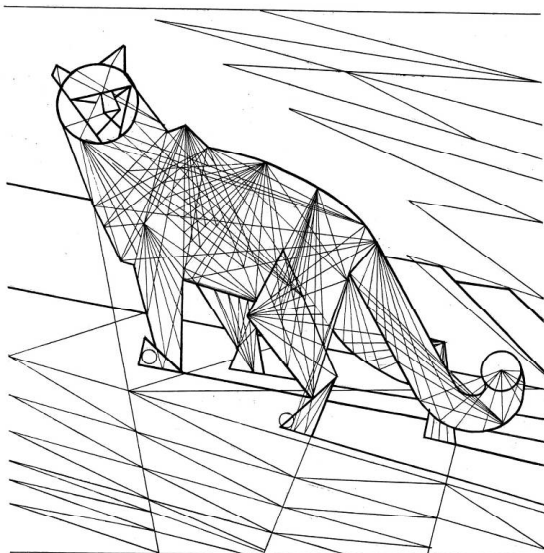

Рис. 3. Художественно-интерпретационный стиль.
Рисунок тигра (студенческая работа)

Художественные интерпретации (как метод исследовательской деятельности) способствуют, с одной стороны, структурированию опыта компетентности, с другой – его самоорганизации в представлении художественного образа.

Исследование показателей конструктивно-графической компетентности включало два этапа. Первый этап проводился после двух лет обучения. В качестве результата диагностировалась познавательно-аналитическая подсистема компетентностей и умений как их показателей. Студенты выполняли длительный рисунок и краткосрочный набросок. Результаты исследования показали, что в длительном аналитическом рисунке по выявлению геометрического обобщения и относительно однозначных знаково-символических средств не выявлены индивидуальные особенности студентов, т.к. они применяли произвольный самоконтроль и контрольную функцию рефлексии в сопоставлении «идеального» с «реальным». Все студенты выполнили рисунок грамотно за исключением незначительных ошибок. Оценки за умения как показателей компетентностей характеризуют статистически значимые связи, поэтому можно заключить, что конструктивистский подход позволяет формировать фундаментальную грамматику графического языка у всех студентов, невзирая на первоначальные способности и когнитивные стили познания, в связи с чем этот процесс можно назвать закономерным. Однако выполнение наброска осуществлялось при других условиях – де-

фиците времени и в большей мере с опорой на глазомер, чем на компетентности и мышление, как при длительном аналитическом рисунке, поэтому у студентов выявлены индивидуальные различия, связанные с когнитивным стилем познания «аналитическое/синтетическое».

Формирование когнитивной познавательно-аналитической подсистемы компетентностей деятельности (аналитико-синтетической и координационно-пространственной) обеспечивается в обучении рисунку однозначно-объективным контекстом знаний теории «закон формы», геометрической знаково-символической системой изображения, что позволяет педагогу контролировать результаты обучения, а учащимся развивать произвольный самоконтроль, адаптироваться к профессиональной деятельности и минимизировать неосознанные действия на начальных этапах обучения.

Второй этап исследования производился на стадии завершения обучения рисунку в вузе (после четырех лет). Выполнение творческого рисунка исследовалось в экспериментальной и контрольной группах. Определялся совокупный показатель, учитывающий соотношение когнитивных и креативных характеристик студента. Исследование творческого уровня деятельности также основывалось на различных способах обучения: экспериментальная группа обучалась художественным интерпретациям действительности, которые осуществлялись при заданной самим студентом системе принципов и иерархизации признаков изображения, а контрольная группа – художественной переработке, при которой условия не задавались. В выполнении художественных интерпретаций включаются бессознательные моменты, которые неразрывно связаны с сознательным построением. Студенты экспериментальной группы выполнили творческую работу значительно лучше, чем студенты контрольной группы, потому как общая структура работы ими осознавалась, а бессознательные моменты моделирования оказывались гармонично включенными в системный контекст рисунка по принципу продолжения. В контрольной группе системная организация рисунка целенаправленно не развивалась, поэтому студенты этой группы опирались лишь на свои представления.

Конструктивно-графическая компетентность дизайнера, базируясь на прочном фундаменте грамматики графического языка, направляется на формирование интерпретационных стратегий личности. В этом процессе самостоятельность в выполнении рисунка диагностирует организационно-управленческую компетентность, а концептуальность – компетентность комбинаторного моделирования.

Таким образом, построение рисунка на основе конструктивистского подхода в образовании дизайнера осуществляется по принципу «познание в ходе преобразования» – геометрического обобщения и художественных интерпретаций. При этом учащиеся контролируют процесс, в котором сливаются воедино объект конструирования и деятельность студента, его целеполагание, концептуализация и контекстуальное восприятие. В результате пространственно-образное и художественно-образное мышление студентов приобретает компетентностную форму.

Библиографический список

1. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2009.
2. Степин, В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.
3. Горбачев, В.В. Концепция современного естествознания / В.В. Горбачев, В.М. Безденежных. – М., 2004.
4. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001.
5. Меркулов, И.П. Когнитивная эволюция. – М., 1999.
6. Шемакин, Ю.Г. От пресловутого «системного подхода» – к конструктивной основе системного познания // Открытое образование: научно-практический журнал. – 2009. – № 1.
7. Гудмен, Н. Способы создания миров / пер. с англ. А.А. Никифорова, Е.Е. Ледникова, М.В. Лебедева, Т.А. Дмитриева. – М., 2001.
8. Педагогика // Большая современная энциклопедия / сост. Е.С. Рапацевич. – Минск, 2005.
9. Ильин, В.В. Философия: в 2 т. – Ростов-на-Дону, 2006. – Т. 1.

Bibliography

1. Konstruktivistiskiy podkhod v ehpiistemologii i naukakh o cheloveke / отв. red. V.A. Lektorskij. – М., 2009.
2. Stepin, V.S. Teoreticheskoe znanie. – М., 2000.
3. Gorbachev, V.V. Konceptiya sovremennogo estestvoznaniya / V.V. Gorbachev, V.M. Bezdenezhnikh. – М., 2004.
4. Lektorskij, V.A. Ehpiistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. – М., 2001.
5. Merkulov, I.P. Kognitivnaya ehvoluciya. – М., 1999.
6. Shemakin, Yu.G. Ot preslovutogo «sistemnogo podkhoda» – k konstruktivnoy osnove sistemnogo poznaniya // Otkritoe obrazovanie: nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2009. – № 1.
7. Gudmen, N. Sposobih sozdaniya mirov / per. s angl. A.A. Nikiforova, E.E. Lednikova, M.V. Lebedeva, T.A. Dmitrieva. – М., 2001.
8. Pedagogika // Bolshaya sovremennaya ehnciklopediya / sost. E.S. Rapacevich. – Minsk, 2005.
9. Iljin, V.V. Filosofiya: v 2 t. – Rostov-na-Donu, 2006. – Т. 1.

Статья поступила в редакцию 25.09.13

УДК 378

Aliphanova F.N., Mallaeva Z.A. **COMPLIANCE AND IMPLEMENTATION OF A CHILD IN TEACHING THEORY AND PRACTICE.** The article analyzes the state of compliance issues and the rights of the child in educational theory and practice.

Key words: legal education, identity, rights of the child, the declaration, the Convention.

Ф.Н. Алипханова д-р пед. наук, проф. каф. педагогики и технологий профессионального образования ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: fatima2365@mail.ru;
З.А. Маллаева, ст. преп. каф. гражданского права ГАОУ ВПО «Дагестанский гос. институт народного хозяйства», г. Махачкала, E-mail: Nabi1983@inbox.ru

СОБЛЮДЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ РЕБЕНКА В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В статье проведен анализ состояния проблемы соблюдения и реализации прав ребенка в педагогической теории и практике.

Ключевые слова: правовое воспитание, личность, права ребенка, декларация, конвенция.

В своих педагогических теориях к вопросам соблюдения прав ребенка обращались многие исследователи, но особый интерес и значимость представляют работы Л.Н. Толстого, П.Ф. Лестгафа, П.П. Болонского, К.Н. Вентцеля, Я. Корчака, А.С. Макаренка, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского. В процессе анализа педагогической литературы нами выявлено, что проблема обеспечения прав человека и прав ребенка в России носит глобальный характер, и изменения, происходящие в современном мире, всецело связаны с необходимостью воспитания в современном человеке и гражданине нравственной и правовой компетентности. Другой важной проблемой является устаревшее содержание образования, которое в значительной мере не соответствует познавательным запросам учащихся. В результате школьники часто учатся лишь в силу долга, а педагоги, не получающие высокой квалификации, стремятся принудить ребенка к обучению, используя репрессивные методы, что ведет лишь к осложнению педагогической ситуации. Существует и еще одна причина неполной реализации права детей на образование: невысокий уровень правовой культуры участников образовательного процесса, их представление о правах человека и ребенка.

Чаще всего под правовым воспитанием понимается процесс формирования правового сознания и поведения юного гражданина. Правовое воспитание тесно связано с гражданским воспитанием. Эти направления воспитания имеют много общего, но правовое воспитание в большей степени ориентировано на осознание восприятия законов и правовых норм и обязанностей. Не являясь в полной мере дееспособным гражданином, ребенок находится под защитой закона, его особый статус закреплён во Всеобщей декларации прав человека (1948), Декларации прав ребёнка (1959) и Конвенции ООН о правах ребёнка (1989). Взаимодействие права и ребёнка осуществляется, главным образом, опосредованно, через родителей и педагогов. Мы считаем, что Конвенция ООН имеет широкие возможности в правовом воспитании и может быть рассмотрена в качестве его важнейшего средства.

В настоящее время в России активно создается механизм реализации государственной политики в области защиты прав и интересов детей. Общественное мнение отечественных педагогов склоняется к тому, что содержание школьных предметов, особенно обществоведческих дисциплин и всю систему учебно-воспитательного процесса необходимо совершенствовать с позиций демократии, прав ребенка, духовности, свободы вести, толерантности. Однако информация о правах человека и правах ребенка в юридическом, идеологическом, социальном и педагогическом аспектах является до сих пор недостаточно востребованной школой. И лишь в тех учебных заведениях, где в системе ведется работа по разъяснению прав человека и прав ребенка, где рассматриваются важнейшие документы по реализации прав детей, достигнуто понимание того, что права не только инструмент для защиты личности, но и средство воспитания свободной личности гражданского общества. На наш взгляд, в современных школах направление по реализации прав личности является еще непривычным направлением учебно-воспитательной работы. Эта трудность

обусловлена тем, что содержание материала является новым во всех его аспектах и взаимоотношения педагога и ученика строятся на авторитарном отношении.

Воспитание уважения к правам человека, основным свободам определено в Законе Российской Федерации «Об образовании», в числе основных принципов государственной политики в области образования [1]. Для его реализации введены правоведческие курсы в старших классах, но изучение вопросов Конвенции о правах ребенка в них недостаточное («Инструктивно-методическое письмо МО РФ №391/11 от 19 марта 1996г»). Как показывает практика, необходимо, чтобы изучение прав ребенка осуществлялось в рамках специальных курсов, через систему классных часов и многообразные формы внеклассной работы.

Международный опыт показывает, что вопросы изучения прав человека и прав ребенка многие годы находятся в центре внимания многих стран мира. Накопленный опыт по их преподаванию отражен в рекомендациях ЮНЕСКО и Совета Европы. Имеющие способы правового воспитания сводятся к двум моделям изучения прав человека, прав ребенка: как самостоятельный предмет и как их ограниченная интеграция в изучаемые учебные предметы. Зарубежные педагоги используют обе модели. Изучение прав человека и прав ребенка в российской школе является все еще новой областью педагогических знаний и находится в начальной стадии становления. Однако уже первый опыт отечественной школы так же свидетельствует о применении этих двух моделей.

Социологические исследования, проведенные в разных регионах страны, свидетельствуют, что многие учителя не готовы к работе по реализации основных принципов Конвенции. В педагогической печати отмечалось, что учителя, как и родители детей, не знают документов о правах ребенка. Налицо серьезные проблемы в правовой и нравственной культуре преподавательских кадров, от деятельности которых напрямую зависит воплощение этих прав в жизни сегодняшней школы и завтрашней жизни нашего общества. Неслучайно в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по педагогическим специальностям включено требование к выпускникам педагогического вуза – знание Конвенции ООН о правах ребенка [2]. Исследователи (З.К. Шнекендорф и др.) отмечают, что среди опрошенных учителей страны 46% не скрывают того, что они используют авторитарные методы в процессе своей профессиональной деятельности [3].

Как показывает практика, не во всех школах страны уделяется должное внимание изучению прав ребенка. Опыт показывает, что в изучении прав человека и прав детей можно использовать методы самостоятельной творческой работы. Например, при изучении темы по содержанию текста Конвенции ООН, учащиеся устанавливают межпредметные связи, выделяют основные понятия, их значение для повседневной жизни, применение в своей практике.

Второй уровень – умение оперировать базовыми понятиями наук, отраженные в межпредметных связях. Например, ученики в качестве самостоятельной творческой работы создают учебный кроссворд по проблеме прав человека и ребенка.

Третий уровень – выполнение самостоятельных исследовательских заданий, связанных с проблемой прав ребенка, написание и защита проектов.

После ратификации Конвенции ООН о правах ребенка в нашей стране некоторое время Министерство образования и науки РФ ограничивалось только общими рекомендациями. И лишь в инструктивно-методическом письме № 391/11 от 19 марта 1996 года «О гражданско-правовом образовании учащихся в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» четко определяется, что «гражданско-правовое образование становится одним из основных направлений развития гуманитарного образования» [3]. Министерство образования и науки РФ рекомендует руководителям образовательных учреждений создать условия и содействовать становлению системы гражданско-правового образования.

В этих целях в основной школе наряду с действующими курсами «Политика и право», «Человек» (9 класс), появились интегрированные курсы «Граждановедение» (5-9 классы), «Введение в обществознание» (8-9 классы).

В средней школе интегрированный курс «Человек и общество», профильные курсы «Политика и право» и др.

В Письме Министерства образования Российской Федерации «О преподавании курсов истории и обществознания в общеобразовательных учреждениях РФ в 1994/95 учебном году» указывается, что в базисный учебный план входит область «Общественные дисциплины», которая может включать такие предметы как История Отечества, Всеобщая история, человек и общество, основы современных цивилизаций, политология, экономика; дисциплины, отвечающие потребностям региона, интересам учащихся; специальный предмет «Граждановедение». Образовательная область может быть представлена как отдельными предметами, так и интегрированными курсами.

В настоящее время Министерство образования и науки РФ допустило или рекомендует к обучению школьников в области «Обществознание» 3 наименования учебника для учащихся 8-9 классов и 7 наименований учебников для учащихся 10-11 классов. Но в существующих учебниках учащихся только знакомят с правами человека и правами ребенка, на изучение Конвенции о правах ребенка не отводится больше одного урока, что, безусловно, является недостаточным с точки зрения правового вос-

питания. И те знания, которые школьники получают в рамках изучения данных предметов, остаются без применений, т.к. в программах нет времени на отработку данных знаний, применение их на практике.

Ряд авторов в своих работах рассматривают возможность изучения прав детей в аспекте учебного курса. Так А.Ф. Никитин, Я.В. Соколов предлагают к изучению в образовательных учреждениях в качестве учебного пособия для 9 классов учебник «Политика и право». В данном учебном курсе рассматриваются вопросы, касающиеся прав человека и прав детей. Также имеются отдельные учебные спецкурсы по праву и обществоведению. В предложенных курсах авторы прослеживают путь «становления» ученика общеобразовательной школы с позиции гражданина. Они уделяют внимание системе поощрений, позволяющих инициировать правовую активность педагога и ученика.

Интерес представляют учебники для учащихся 7-9 классов, изданные Российским фондом правовых реформ: «Основы правовых знаний» О.А. Василенковой для 7 класса; «Основы правовых знаний» СИ. Володиной для учащихся 8-х классов.

Таким образом, анализ состояния проблемы соблюдения и реализации прав ребенка в педагогической теории и практике показал, что:

- в основе разрабатываемых прогрессивными учеными концепций лежит идея, основанная на провозглашении человека высшей ценностью общества, на признании отношения к ребенку как самоценности, которая начала активно развиваться в ряде современных педагогических концепций;
- главная ценность гражданского общества и правового государства - права и свободы личности; ребенок – полноправный член общества и его права и свободы подлежат признанию;
- теоретические исследования и практический опыт, накопленный в разных регионах Российской Федерации, позволяют выявить нерешенные проблемы создания педагогических условий для реализации прав детей в образовательных учреждениях;
- в современной школе назрела необходимость массового изучения прав человека и прав ребенка в ходе образовательного процесса с целью развития личности ребенка, формирования его правовой информированности;
- уточнено содержание понятия правового воспитания по отношению к рассматриваемому возрасту обучающего.

Библиографический список

1. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 г. №3266-1
2. Конвенция ООН о правах ребёнка // Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.
3. Шнекендорф, З.К. Путеводитель по конвенции о правах ребенка. – М., 2001.

Bibliography

1. Zakon RF «Ob obrazovanii» ot 10.07.1992 g. №3266-1
2. Konve?nciya OON o prava?kh rebyonka // Rezolyuciya 44/25 General'noy Assamblei ot 20 noyabrya 1989 g.
3. Shnekenorf, Z.K. Putevoditel' po konvencii o pravakh rebenka. – M., 2001.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 37.014.3

Bukreeva E.N. EDUCATION POLICY FEATURES OF CHILD PROTECTION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE PERIOD OF 1917–1940 OF THE XX TH CENTURY. (ON THE EXAMPLE OF STAVROPOL TERRITORY). The features of a practical realization of child protection by means of educational policy in particular school system of the North Caucasus in the period of establishing of the Soviet power in Russia are reviewed in the article on the basis of historical and pedagogical analysis.

Key words: child protection, delinquency and juvenile crime, school education, out –of school education.

Е.Н. Букреева, канд. пед. наук, доц. каф. переподготовки и повышения квалификации работников образования ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: lera1705@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД 1917–1940 ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

В статье на основе историко-педагогического анализа рассмотрены особенности практического решения задач защиты детей средствами образовательной политики в условиях специфической системы школьного образования Северного Кавказа в период становления советской власти в России.

Ключевые слова: защита детей, правонарушения и преступления несовершеннолетних, внешкольное образование.

Использование потенциала государственной образовательной политики в деле защиты детей на Ставрополье неразрывно связано с переходом России на новый этап исторического развития, обусловленный сменой в ходе Октябрьской революции 1917 года государственного строя страны.

Историко-педагогический анализ свидетельствует о том, что с установлением советской власти государственная политика защиты детей в России получила новый толчок и новое направление. Первым законодательным актом советской власти в области борьбы с правонарушениями несовершеннолетних явился «Декрет о комиссиях для несовершеннолетних», опубликованный 14 января 1918 г. Этим декретом упразднились суды и тюремные заключения для малолетних и несовершеннолетних лиц до 17-летнего возраста. Практически все несовершеннолетние были освобождены из тюрем и других мест лишения свободы. Следующими шагами советской власти в области реализации новой образовательной политики стало отделение церкви от государства (и, соответственно, от образования) и культурная революция, затрагивающая не только собственно сферу идеологии, но и сферу образования как инструмент ее пропаганды. Следствием вышеперечисленных действий явилось выделение в качестве приоритетной задачи образования в рамках строительства новой системы светского образования ликвидации безграмотности. «Декрет о ликвидации неграмотности» от 26 декабря 1919 г. обязывал все население России от 5 до 50 лет учиться грамоте на русском или родном языках. Для контроля за реализацией провозглашенного Декрета на уровне страны была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с неграмотностью во главе с Н.К. Крупской, уровень же регионов был представлен Волостными комиссиями, существующими в селах.

Вместе с тем довольно разветвленная сеть учреждений народного образования, функционировавшая в 20-е годы в стране, не могла снять проблему безпризорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних. К примеру, в марте 1925 года по одному из районов Ставропольского округа – Винодельскому – насчитывалось 1157 беспризорных детей [1]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других районах округа, вызывавшая переполненность детских приемников и невозможность вследствие этого размещать всех нуждающихся в помощи несовершеннолетних в специальные учреждения. Сложившаяся ситуация обусловила принятие 23.04.1925 г. Резолюции Президиума ОИКа по результатам доклада заместителя заведующего

ОКРОНО тов. Пересыпкина по вопросу борьбы с детской беспризорностью, в которой предписывалось: «...Ускорить вывод из детского приемника переростков, подлежащих отправке в Ростовскую коммуно-фабрику... Одновременно... установить число подростков и переростков для определения на постоянную работу на предприятия и к кустарям...» [2]. Для решения поставленной задачи в Ставропольском округе организовывались сельскохозяйственные трудовые колонии, рассчитанные на прием несовершеннолетних из детских приемников. Так, в частности, в результате расформирования школы-коммуны имени Н.К. Крупской, на ее базе образовалась сельскохозяйственная трудовая колония на 200 человек.

В краткой объяснительной записке «К положению о школе-коммуне с производственным началом им. Н.К. Крупской» в качестве основных положений, определяющих специфику функционирования колонии, были отмечены следующие позиции: конечная цель помещения несовершеннолетних беспризорников в колонию – обеспечение постоянного проживания и пребывания воспитанников в школе-коммуне;

осуществление обучения и воспитания детей-воспитанников школьного возраста на твердой сельскохозяйственной основе в соответствии с возможностями школы и склонностями детей; осуществления обучения воспитанников до 14 лет по типу школ 1-ой ступени на основе сельскохозяйственных ремесел; осуществление обучения детей от 14 до 16 лет по типу специализации (аналогично школам крестьянской молодежи и фабзавучам). При этом собственно производственная коммуна являлась отделением школы-коммуны [3].

В отношении правонарушений и преступлений несовершеннолетних проводилась активная государственная и окружная политика их профилактики и недопущения рецидивов. В этом контексте одной из основных задач окружных властей становилась задача улучшения быта детей, для чего создавались различного рода организации и объединения (в том числе, и при учреждениях системы образования): Специальные Рабочие комиссии по улучшению быта детей, Общество «Друзья детей», Специальные школьные комитеты по оказанию помощи нуждающимся детям и пр.

Однако наряду с этим широкое распространение вынужденно получали также специальные комиссии и суды для несовершеннолетних. Как свидетельствует Отчет о деятельности комиссии несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях, и о деятельности Комиссии по делам опеки за период 01.10.1923 – 01.10.1924 гг., характерами дел и обвинений несовершеннолетних, рассмотренных специальными судами для несовершеннолетних, в отчетный период (равно как и в 20-е годы в целом) являлись следующие (таблица 1).

В то же время к 30-м гг. XX в. в системе школьного образования России наметились серьезные перемены как образовательного, так и социально-экономического плана, проявившиеся, в первую очередь, на уровне всей страны. Эти изменения происходили на фоне не менее серьезных изменений в социально-экономической области на уровне Северо-кавказского региона, в частности, Ставропольского края.

Так, 27 декабря 1929 года краевой организацией ВКП(б) Северо-Кавказского края было принято постановление о сплошной коллективизации сельского хозяйства, повлекшее за собой раскулачивание зажиточных крестьян, часть из которых подвергалась выселению в необжитые и неудобные земли внутри края. Для переселенцев создавались спецпоселения, из которых запрещалось выезжать. Всего на территории Ставропольского края было создано 11 таких поселков. Вынужденное постоянное проживание этой категории населения на обозначенной территории обусловило появление новых образовательных учреждений на территории края, предназначенных для обучения детей переселенцев.

Несмотря на подписание 28 сентября 1939 года «Договора о границе и дружбе с Германией», в 1941 году в Ставропольском крае начинаются работы по строительству оборонительных сооружений с целью защиты территории края от военного вторжения. В этом строительстве были задействованы 115 000 тысяч человек, преимущественно горожане, в числе которых были и учащиеся школ, в основном, старшекласники [5].

Таблица 1

Характер дел и обвинений несовершеннолетних, рассмотренных специальными судами по Ставропольскому округу в период с 1.10.1923 по 1.10 1924 гг. [4]

№ п/п	Характер дел и обвинений	Кол-во дел
1	Порубка леса	177
2	Кража	83
3	Бесплатная торговля	24
4	Хулиганство	18
5	Варка и хранение самогона	5
6	Спекуляция	3
7	Подделка подписей	2
8	Мошенничество	2
9	Игра в карты на деньги	2
10	Хранение оружия	2
11	Убийство	1
12	Бродяжничество	1
13	Занятие проституцией	1
14	Насилие	1
15	Ранение	1
16	Грабеж	1
	Итого	324

В целом, в 20-30-х годах в системе школьного образования на Ставрополье сложилась ситуация в области защиты детей, для которой было характерно: распространение системы внешкольного образования; системное функционирование культурно-просветительских кружков; зарождение сельского народного университета;

массовое создание детских площадок; организация показательных школьных мастерских (рабочих классов) для учащихся, а также для знакомства с трудовыми процессами приезжающих в уезд школьных работников; организация и проведение краевых делегатских съездов культурно—просветительских работников; проведение спектаклей; организация чтений и лекций различной тематики; создание сети бесплатных библиотек.

Библиографический список

1. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 25. Л. 30.
2. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 25. Л. 40.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 25. Л. 77.
4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20. Л. 138.
5. Ивановский, В.А. Ставропольский календарь. Факты, события, люди: избранное. – Ставрополь, 2006.

Bibliography

1. Gosudarstvenniy arkhiv Stavropol'skogo kraya. F. R-300. Op. 1. D. 25. L. 30.
2. Gosudarstvenniy arkhiv Stavropol'skogo kraya. F. R-300. Op. 1. D. 25. L. 40.
3. Gosudarstvenniy arkhiv Stavropol'skogo kraya. F. R-300. Op. 1. D. 25. L. 77.
4. Gosudarstvenniy arkhiv Stavropol'skogo kraya. F. 300. Op. 1. D. 20. L. 138.
5. Ivanovskiy, V.A. Stavropol'skiy kalendarj. Faktih, sobihtiya, lyudi: izbrannoe. – Stavropolj, 2006.

Статья поступила в редакцию 31.10.13

УДК 376.1

Klochko I.V. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PROBLEMS OF FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG STUDENTS. The article describes the condition and regularities of student's legal consciousness development. The author analyzes the theory about influence between many different factors and formation the student's legal consciousness and argues the purposefulness, systematic and sequence in it's foundation within the confines of different social institute's activity. The problem of legal consciousness, learning features, essence, content, and it's impotence in individual's life and in the life of the whole society, is in the centre of the famous scientist's, lawyer's, philosopher's, sociologist's, psychologist's and teacher's attention. And it's not by accident, because the legal consciousness, as a form of social consciousness, plays an extremely important functions and tasks, it is an essential element for achieving socially significant goals both in legal and in public relations. The teenager's legal consciousness forms a distinct picture of the people and reflects the character of the people of each country.

Key words: legal consciousness, social consciousness, professional legal consciousness, people's needs, socialization, behavioral motive, education.

И.В. Ключко, психолог отдела психологического обеспечения Московского университета МВД России, г. Москва, E-mail: yulklo@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

В статье раскрываются состояние и закономерности формирования правосознания учащейся молодежи. Автор анализирует теорию о влиянии на формирование правосознание личности множества различных факторов и аргументирует целенаправленность, системность и последовательность его становления в рамках деятельности различных социальных институтов. Проблема правового сознания, исследование особенностей, сущности, содержания и значения в жизни отдельного индивида и общества в целом неизменно находится в центре внимания видных ученых, не только юристов, но и философов, социологов, психологов и педагогов. И это неслучайно, так как правосознание как одна из форм общественного сознания, выполняет чрезвычайно важные функции и задачи, является необходимым элементом достижения социально значимых целей, как в правоотношениях, так и во всей совокупности общественных отношений. Правосознание подростков формирует самобытную картину народа, который отражает характер каждого государства.

Ключевые слова: правосознание, общественное сознание, профессиональное правосознание, общечеловеческие потребности, социализация, поведенческий мотив, воспитание.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что проводимые в последние десятилетия реформы в области государственного и правового строительства нередко осуществлялись без учета состояния правосознания населения и потому не достигали поставленных целей, несмотря на их необходимость и очевидную социальную полезность.

Перспективы преодоления негативных явлений социально-правовой жизни во многом детерминированы состоянием правосознания современной молодежи и динамикой его развития, поскольку без понимания и осознания этой категорией лиц сущности и социального значения права трудно ожидать становления нового поколения россиян, впитавших ценности демократии, желающих и способных пользоваться правами и исполнять обязанности граждан социального правового государства.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью дальнейшего совершенствования общественных отношений в свете реализации концепции правового государства и формирования гражданского общества в России.

Изучение состояния и закономерностей формирования правосознания у учащейся молодежи представляет научный интерес по ряду причин:

1. Социально-правовые исследования состояния правосознания взрослого населения в известной степени позволяют лишь констатировать его относительно устойчивые взгляды на право. Их изменение в силу консервативности сознания сопряжено со значительными трудностями и чаще всего связано с сильными эмоциональными переживаниями. В то же время система первоначальных правовых представлений закладывается в период

детства и отрочества, претерпевает становление в юности и оказывает существенное влияние на формирование мировоззренческой позиции личности.

2. Общеизвестно, что поведение лица во многом определяется состоянием его правосознания. Между тем в последнее десятилетие наблюдается достаточно устойчивый рост противоправного поведения в молодежной среде, причем криминологами отмечаются такие негативные тенденции, как значительное омоложение преступности и расширение ее социальной базы. Исходя из этого, закономерно можно сделать вывод о невысоком уровне правосознания молодежи и необходимости его формирования.

3. Учитывая теорию о влиянии на формирование правосознания личности множества различных факторов, можно говорить о целенаправленности, системности и последовательности его становления в рамках деятельности различных социальных институтов. Необходимость формирования правосознания молодежи обусловлена не только невозможностью его полной преемственности с точки зрения механизмов биологического наследования, но и принципиальной недостаточностью стихийного опыта. В связи с этим особый научный интерес представляет разработка вопросов, касающихся изучения современного состояния, а также закономерностей формирования правосознания учащейся молодежи как особой социальной группы, испытывающей дополнительное воздействие в рамках функционирующей системы образования, которую в свете новых подходов следует рассматривать не только как специальный социальный институт, но и как часть культуры соответствующего общества, как процесс социально-культурного взаимодействия между субъектами, в котором познавательный и воспитательный аспекты неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены друг с другом системой соответствующих социальных ценностей и норм. По мнению ведущих специалистов (Е.В. Аграновская, Л. Васильев, А.С. Гречин, Н.Ю. Гурьянов, С.А. Комаров, А.Ф. Никитин, А.Р. Ратинов и др.), интегративным личностным качеством человека современного общества является правовое сознание.

Профессиональное правосознание учащейся молодежи формируется в системе правовой подготовки. Правовую подготовку как часть подготовки в школе в своих трудах рассматривали А.М. Абдулатинов, С.В. Болонина, Т.Ю. Годнева, М.В. Горбушина, И.А. Захаров, В.М. Мотехина, В.Н. Паршин, В.А. Северухин, Т.М. Почтарь, Е.А. Певцова, В.П. Пономарева, Е.В. Шиврина и др. Отдельные аспекты правовой подготовки молодежи освещаются в работах С.А. Беличевой, Е.Л. Болотовой, Г.Я. Буша, В.А. Лукова, А.М. Матюшкина, Н.Н. Нечаевой, М.Ю. Посталюка, В.А. Смирнова и др. Для анализа проблемы большое значение имеют работы И.Ф. Исаева, Н.В. Кузьминой, Ю.Н. Петрова, В.А. Сластенина, В.И. Черниченко, Е.Н. Шиянова и др. В них обсуждаются проблемы правовой подготовки учащейся молодежи и формирование их профессиональных качеств. Процесс формирования правосознания учащейся молодежи представляет собой движение от поставленных целей к конкретным результатам путем обеспечения целостности процесса обучения.

Проблема правового сознания, исследование его как понятия, особенностей, сущности, содержания и значения в жизни отдельного индивида и общества в целом неизменно находится в центре внимания видных ученых, не только юристов, но и философов, социологов, психологов и педагогов. И это неслучайно, так как правосознание как одна из форм общественного сознания выполняет чрезвычайно важные функции и задачи, является необходимым элементом достижения социально значимых целей, как в правоотношениях, так и во всей совокупности общественных отношений. Правосознание подростков формирует самобытную картину народа, который отражает характер каждой страны.

История теории правосознания в российской педагогической науке, на наш взгляд, начинается с исследований, проводимых представителями психологической школы права, в частности, Н.М. Коркунов (1890 г.), пытаясь установить значение рационального и иррационального в правотворчестве, писал: «Возникновение правосознания обусловлено сознательным соблюдением известных правил поведения как обязательных, но содержание этих первоначальных юридических норм не творится сознательно, оно дается бессознательно сложившимися обычаями» [1, с. 108].

В трудах представителей психологического направления российской педагогической науки проблема правосознания занимала одно из основных мест.

Попытки определения права через правосознание побудили ученых, позитивистов к тому, чтобы дать определение правосознания и отграничить его от права. Определения правосознания были достаточно расплывчаты. Так, в одной из работ, правосознанием предлагалось считать то, что «понимается народом как правда» [2, с. 16]. Используя идеи Л.И. Петражицкого, в понимание правосознания вносят свой вклад М. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис.

Концепция правосознания была наиболее полно разработана И.А. Ильиным, очевидно, основываясь на учении Гегеля о государстве и праве. Правосознание рассматривалось как неразрывное единство собственно правового, государственного, нравственно и религиозного сознания, воздействующее на всю социальную деятельность человека.

В советское время более серьезное внимание к проблеме правосознания стало уделяться в 50-х годах XX века, причем вначале – представителями отраслевых наук. С точки зрения Н.Н. Полянского, правовое сознание – это совокупность представлений о справедливости и несправедливости, о правах и обязанностях. В это же время правосознание стало объектом исследования многих ученых. П.Е. Недбайло пытался дать следующее определение правосознания: «... это совокупности взглядов, идей, представлений о праве и законности...» [3, с. 49].

Если приведенное определение ограничивает правосознание сферой правовой идеологии, то И.Е. Фарбер, основываясь на положениях, содержащихся в трудах А. Лабриолы и Г.В. Плеханова [4, с. 64-65], выделил в нем сферы правовой идеологии и правовой психологии. По его мнению, правовая идеология – это система правовых идей, отражающих интересы и потребности класса, а правовая психология – это совокупность чувств, убеждений, привычек и мотивов юридически значимых волевых действий [5, с. 70].

Правосознание же – это форма общественного сознания, представляющая собой совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя как знание правовых явлений, так и их оценку с точки зрения справедливости, а также правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития [6, с. 70].

Наряду с разработкой модели индивидуальной структуры правосознания, формировалась и модель его социальной структуры, включающей в себя индивидуальный, групповой и общественные уровни [7, с. 23].

Были также предприняты попытки философского обоснования определения правосознания. Так, В.А. Чефранов считает, что это «совокупность правовых идей и соответствующих им психологических форм, отражающих общественное бытие сквозь призму классовых отношений и воплощающихся в нормах права, выступающих как практическая сторона правосознания, правовых теориях, правовых представлениях обыденного порядка, а также в групповых и индивидуальных правовых взглядах» [8, с. 11-12].

Далее к проблеме правосознания стали подходить, исходя из теории отражения. Р.К. Рисунев дает определение, в котором достаточно полно описан предмет отражения. Он пишет, что правосознание есть совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям общественной жизни [9, с. 43].

Исходя из данной тенденции, А.В. Грошев считает правосознание способом регулирования поведения людей – участников общественных отношений, выступающего, с одной стороны, источником права, а с другой, средством психологического воздействия на сознание граждан.

Г.С. Остроумов считает, что правосознание – это представления, понятия, идеи, выражающие потребности в опосредовании поведения людей государственно-правовой волей [10, с. 28].

Несколько иная позиция В.А. Щегорцева: «Правовое сознание отражает поведение, действия и поступки участников общественных отношений, урегулированных нормами права, а также отдельные аспекты поведения и действия, требующие правовой регламентации и правовой оценки» [11, с. 230].

Приведенные дефиниции определяют правосознание через некую совокупность идей, понятий, представлений, взглядов, чувств по поводу действующего или желаемого права.

Правосознание отражает также общечеловеческие потребности. Причем последнее нужно отдать приоритет, ибо в них наиболее полно воплощаются гуманистические, нравственные аспекты права: справедливость, равенство, свобода, права человека и др.

Социализация личности связана с постоянным совершенствованием оценочно-мотивационного механизма поведенческих актов. Отдельные ситуационные мотивы у формирующейся личности перерастают в устойчивые доминирующие мотивы.

Поведенческий мотив – это соотношение поведения с социальными нормами, реальными условиями и личностными ценностями, приобретаемыми осуществляемыми субъектами в процессе социализации.

Для современного этапа развития рассматриваемой проблемы характерно исследование теоретических положений о формировании целостной концепции правового сознания, раскрывающей общие механизмы её качественного обновления. В рамках её исследования учёные обращают внимание на возможности рассмотрения сущности правосознания личности с различных сторон: в контексте механизма её формирования у населения в целом (А.В. Куликова), молодёжи (О.И. Анненко, О.С. Демко, Г.А. Фирсов и др.) и отдельных профессиональных групп (Е.И. Евсикова, М.В. Капитонова, И.А. Киселев, Е.Б. Кониченко, М.С. Михайлов, О.А. Панова, А.С. Саломаткин и др.).

Во-первых, отдельные аспекты проблемы не получили достаточного освещения.

Во-вторых, отсутствуют исследования по формированию правового сознания учащихся в воспитательной деятельности педагогов образовательных учреждений, в том числе и учреждений начального профессионального образования. Между тем, как совершенно справедливо подчеркивается в работах по актуальным вопросам профессионально-технического образования (С.Я. Батышев, Л.А. Волович, Г.А. Фирсов, Н.Н. Дьяченко, Н.М. Таланчук и др.), нравственно-правовое воспитание учащихся профессиональных училищ (лицеев) является важнейшим направлением воспитательной работы педагогов.

Решение проблемы разработки содержания и методов формирования правового сознания личности сдерживалось несистемностью знаний о воспитательной деятельности, условиях эффективности правового сознания. Однако в последнее время наметились реальные возможности решения данной проблемы в связи с разработкой в отечественной педагогике системно-функционального подхода к воспитательной деятельности педагога (Н.М. Таланчук).

Анализ состояния рассматриваемой проблемы в педагогической теории и практике позволил выявить **противоречия** между:

– возросшим уровнем требований к подготовке будущих специалистов и деятельности в правовых ситуациях в новых условиях жизни и низким качеством осуществления такой подготовки в образовательных учреждениях;

– необходимостью существенного повышения правового сознания учащихся образовательных школ и отсутствием у педагогов представлений о содержании и методах своей деятельности по её формированию у учащихся.

Стремление разрешить данные противоречия определило **проблему** исследования, состоящую в изучении и обосновании сущности, содержания и методов деятельности педагогов общеобразовательных школ по формированию правового сознания учащихся.

В процессе исследования мы ориентировались на следующие **методологические подходы**: системно-структурный подход к познанию педагогического процесса (С.И. Архангельский, В.П. Беспалько, Н.В. Кузьмина, В.В. Краевский и др.); деятельностный подход (А.Н. Леонтьев С.Л. Рубинштейн, Н.Ф. Талызина и др.); единство теории и практики в педагогическом процессе (М.Н. Скаткин, И.Я. Лернер, В.В. Краевский, Я.С. Турбовской и др.); целостность педагогического процесса (В.С. Ильин, И.Ф. Исаев, Б.Т. Лихачев, В.А. Сластенин и др.).

В ходе исследования мы исходили из таких **теоретических положений**: культурологический подход в педагогических исследованиях (И.Ф. Исаев, В.А. Николаев, В.А. Сластенин, А.Н. Ходусов и др.); выделение в структуре культуры материальной и духовной составляющих (Ц.Г. Арзаканьян, А.А. Зворыкин, М.С. Каган, Я. Кучинский, Г.Францев и др.); правовая культура является составляющей духовной культуры (И.А. Гайдученок, А.А. Зворыкин, А.Г. Здравомыслов, Г. Францев и др.); фило-софско-юридические подходы к трактовке правовой культуры

(В.К. Бабаев, В.Н. Баранов, Н.Л. Гранат, А.С. Гречин, Н.Ю. Гурьянов, И.А. Иванников, В.И. Каминская, С.А. Комаров, В.А. Лазарев, М.Н. Марченко, Т.В. Муслумова, А.Р. Ратинов, О.В. Сазонов, В.П. Сальников, А.П. Семитко, Т.В. Синокова В.А. Толстик, В.В. Федоров и др.); психолого-педагогические интерпретации правовой культуры (Е.В. Аграновская, В.А. Балюк, О.Н. Богатикова, Л.М. Голубева, Е.И. Евсикова, М.В. Кускова, Е.А. Лукашева, Л.М. Матвиенко, И.Г. Митюнова, А.Ф. Никитин, О.А. Панова, В.В. Попов, А.Р. Ратинов, А.А. Рыбаченко, Н.М. Савченко, Т.В. Синокова, М.Б. Смоленский, А.М. Столярченко, П.Б. Таросов, И.И. Трофимов, С.Б. Тугуз, Г.Р. Фаттахова, Е.Г. Федоренко, Т.А. Фирсова, Л.П. Фомина, С.А. Хасанова, А.А. Черемисина, Е.Н. Шумелкина, Е.В. Ярошенко и др.); правовое воспитание как средство формирования правовой культуры (С.Н. Байжуминов, С.Б. Беликова, Г.П. Давыдов, Б.Т. Лихачев, С.В. Стецура, В.А. Толстик, П.И. Элиасберг и др.); освоение глубоких знаний, убеждений, устойчивых мотивов деятельности достигается путем интеграции в сознании человека рациональной и эмоциональной составляющих (Л.С. Выготский, Р.М. Грановская, Б.И. Додонов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн и др.); мышление выступает в роли внутреннего, предвартельного организатора поведения (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.); глубокое понимание и усвоение правовых знаний обеспечивается с помощью их объяснения, раскрывающего внутренние и внешние связи познаваемого объекта, составляющие его сущность. (А.А. Вагин, Д.В. Вилькеев, А.С. Габидуллин, Н.Ф. Лысенко, В.А. Николаев, М.Н. Скаткин, А.М. Сохор, С.А. Шапоринский и др.).

Правовое сознание личности является составляющей базовой культуры человека и характеризует качество и глубину правовых знаний, степень понимания нравственно-юридического смысла правовых норм, качество правовых убеждений, реализуемых в бытовой, трудовой, общественной жизнедеятельности, проявляющихся в соблюдении правовых норм, отстаивании собственных прав и свобод, правомерном поведении. Структурными компонентами правового сознания личности являются: 1) когнитивно-познавательный компонент (правовое мышление, правовые взгляды и убеждения); 2) эмоционально-ценностный (правовые чувства, правовые ценности, правовые ценностные ориентации); 3) деятельностно-практический (мотивация правомерного поведения, правовые установки, привычки и навыки правомерного поведения). Правовое сознание – это эмоционально-когнитивная составляющая правовой культуры, представляющая собой синтез динамичной, находящейся в непрерывном совершенствовании системы правовых знаний, образующихся с помощью правового мышления, которые под влиянием чувств, эмоций, настроения, воли, становятся правовыми убеждениями, мировоззрением, определяют оценки правовых явлений, формируют правовые ценностные ориентации, социально-правовые установки, регулирующие правомерное поведение человека. Правомерное поведение – это социально значимые действия, поступки человека в соответствии с законодательством, направленные на соблюдение, исполнение, использование, применение права, контролируемые правовой культурой.

Правовая культура общества – это составная часть его духовной культуры, которая складывается из восприятия правовой системы общества через призму правового сознания, правового мышления, правовых чувств и фиксируется у большей части общества как система правовых ценностей, выражающих отношение к ведущим правовым нормам, явлениям, выступающих в роли способов правового регулирования общественных отношений, обеспечивающих законность, правопорядок, правомерное поведение несовершеннолетних.

Основным средством развития правового сознания учащейся молодежи является системное, целенаправленное правовое воспитание. Правовое воспитание – это процесс целенаправленного, системного, взаимосвязанного воздействия на сознание, чувства, поведение подростков объективных и субъективных факторов, обеспечивающий необходимый, принятый в данном обществе уровень формирования правовых знаний, убеждений, ценностных ориентаций, установок, умений, развитие уважительного отношения к праву, умений по отстаиванию своих прав, навыков правомерного поведения, согласующиеся с потребностями, ценностями правового общества. Структура правового сознания включает когнитивно-познавательный, эмоционально-ценностный, деятельностно-практический элементы, обеспечивающие полноценное и всестороннее формирование соответствующих компонентов.

Педагогическая модель формирования правового сознания включает следующие функциональные элементы: цель, задачи, закономерности, принципы, средства, методы, формы, критерии, показатели результативности, адекватные когнитивно-познавательному, эмоционально-ценностному, деятельностно-практическому структурным элементам.

На основе педагогической модели разработана комплексная программа формирования правового сознания подростков, обучающихся в общеобразовательных школах. Определены ведущие ее направления реализации, адекватные структурным элементам правового сознания. Выделены пути воплощения программы: 1) учебная классная работа; 2) внеклассная учебная работа; 3) внеклассная воспитательная работа; 4) правоохранительная практика; 5) научно-исследовательская деятельность учащихся.

Библиографический список

1. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1890.
2. Крюковский, В.Я. Учебник законоведения / В.Я. Крюковский, Н.Н. Товстолес. – СПб., 1912.
3. Недбайло, Н.Е. Советские социалистические правовые нормы. – Львов, 1959.
4. Чехранов, В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. – Киев, 1976.
5. Фарбер, И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963.
6. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений – М., 1980.
7. Грошев, А.В. Уголовный закон и правосознание. – Екатеринбург, 2001.
8. Остроумов, Г.С. Правовое осознание действительности. – М., 1969.
9. Щегорцев, В.А. Социология правосознания – М., 1981.
10. Сабо, И. Основы теории права. – М., 1994.
11. Еникеев, М.И. Основы общей и юридической психологии. – М., 1996.

Bibliography

1. Korkunov, N.M. Lekcii po obthejy teorii prava. – SPb., 1890.
2. Kryukovskij, V.Ya. Uchebnik zakonovedeniya / V.Ya. Kryukovskij, N.N. Tovstoles. – SPb., 1912.
3. Nedbaylo, N.E. Sovetskie socialisticheskie pravovihe normih. – Ljvov, 1959.
4. Chefranov, V.A. Pravovoe soznanie kak raznovidnostj socialjnogo otrazheniya. – Kiev, 1976.
5. Farber, I.E. Pravosochnanie kak forma obthestvennogo soznaniya. – M., 1963.
6. Tkachenko, Yu.G. Metodologicheskie voprosih teorii pravootnoshenij – M., 1980.
7. Groshev, A.V. Ugolovnihyj zakon i pravosochnanie. – Ekaterinburg, 2001.
8. Ostroumov, G.S. Pravovoe osochnanie dejstviteljnosti. – M., 1969.
9. Thegorceev, V.A. Sociologiya pravosochnaniya – M., 1981.
10. Sabo, I. Osnovih teorii prava. – M., 1994.
11. Enikeev, M.I. Osnovih obthejy i yuridicheskoyj psikhologii. – M., 1996.

Статья поступила в редакцию 31.10.13

УДК 37.088

Kostin E. Yu. RESEARCH OF EMOTIONAL BURNOUT OF TEACHERS, INTERACTING WITH CHILDREN WITH COMPLEX SPECIAL NEEDS. The article describes the state of emotional burnout of teachers in the context of the profile of professional activity in the conditions of pre-school educational institution. Gives a description of the General characteristics of the subjects of the received results.

Key words: emotional burnout, teachers, children with complex special needs, development phases syndrome, symptoms of burnout.

Е.Ю. Костин, аспирант каф. педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Московский гос. гуманитарный университет им. М.А. Шолохова», г. Москва, E-mail: fershcerber@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ, ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ С ДЕТЬМИ СО СЛОЖНОЙ СТРУКТУРОЙ ДЕФЕКТА

Статья описывает состояние эмоционального выгорания у педагогов в контексте профиля профессиональной деятельности в условиях дошкольного образовательного учреждения. Проводится описание общей характеристики испытуемых по полученным результатам.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, педагоги, дети со сложной структурой дефекта, фазы развития синдрома, симптомы выгорания.

Преобразования, происходящие в современном Российском обществе, особенно в социальной сфере диктуют необходимость иных подходов у профессиональной деятельности, в том числе в сфере образования. Важным является поддержание высокого уровня деятельности педагогического персонала с учетом довольно большого не только объема работы, но и психологического дискомфорта, что связано как с социально-бытовыми условиями, так и с контингентом воспитанников. Общеизвестно,

что технический прогресс, насыщение инновационными, компьютерными технологиями, довольно часто вызывают психологическое напряжение и, как следствие, появление признаков эмоционального выгорания у педагогов. Особенно у тех педагогов, которые работают с детьми, имеющими те или иные отклонения в развитии.

Настоящая действительность характеризуется сложным внутренним развитием, обусловленным как наличием позитив-

ных сдвигов, так и актуализацией факторов, ведущих к негативным изменениям в эмоционально-личностной сфере человека (развитие тревожности, искажение или игнорирование эмоциональных переживаний и др.), блокированию личностного роста и личностным деструкциям, что довольно убедительно, в чем мы также вполне согласны, показывает в своих исследованиях Н.Е. Водопьянова [1].

В условиях деятельности педагогов с контингентом детей, нуждающихся в особом подходе и требующих большей затраты времени, пристального внимания требуют изучение тех изменений эмоционального состояния человека, которые возникают в результате перегрузок и стрессов вследствие интенсивной работы с большим количеством респондентов, страдающих от самых различных физических, личностных и социальных проблем, что согласно представлениям современной психологии составляет сущность феномена «эмоционального выгорания» (Maslach, 1982; Pelman, Hartman, 1982) и является одной из разновидностей эмоционального стресса [2].

Исследование эмоционального выгорания является значимым тем, что в настоящее время очень велико количество детей с нарушениями психического развития и обнаруживается тенденция к его увеличению. Вопросам воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями психического и физического здоровья, в настоящее время, уделяется большое внимание. Также не требует доказательства утверждение о том, что педагогическая деятельность в современных условиях, в силу своей специфики, предполагает риск формирования синдрома эмоционального выгорания. В этом аспекте представляется совершенно обоснованным и необходимым, углубленное изучение факторов формирования синдрома эмоционального выгорания у педагогических работников, в частности, у воспитателей ДОУ.

Исследования показывают, что у специалистов, работающих с детьми с ОВЗ, наблюдается психозональное напряжение, эмоциональное истощение, усталость, невротизация, редукция персональных достижений, при которой обнаруживается тенденция к негативному оцениванию себя, признаки выраженной деперсонализации, возникает деформация отношений с другими людьми, наступают необратимые изменения в соматическом здоровье и другие проявления эмоционального выгорания (Р.О. Агавелян, А.Х. Пашина, Н.М. Назарова, В.Н. Феофанов, Т.И. Яндинова и др.). Особенно ярко перечисленные признаки эмоционального выгорания наблюдаются у педагогов, взаимодействующих с детьми со сложной структурой дефекта (ССД). Эта та категория профессионалов, работа которых связана с ежедневными стрессогенными факторами такими, как психическая перегрузка, высокая ответственность за воспитанников, самоотверженная помощь, несоответствие между интеллектуально-энергетическими затратами и морально-материальным вознаграждением, ролевые конфликты, зачастую с неадекватным поведением воспитанников и др. [3].

На протяжении длительного времени, нами проведено экспериментальное исследование в котором приняли участие 68 педагогов, работающих с детьми со сложной структурой дефекта; все – женщины. Средний возраст педагогов составил 44,3 года, средний стаж – 19,6 лет. В процессе эксперимента был подобран и использован комплекс психолого-педагогических методов, в который вошли научные исследования и методики, в том числе опросник «Синдрома эмоционального выгорания» В.В. Бойко, который предназначен для диагностики такого психологического феномена как эмоциональное выгорание, возникающего у человека в процессе выполнения различных видов деятельности, связанных с длительным воздействием ряда неблагоприятных стресс-факторов. Методика позволяет выделить следующие 3 фазы развития стресса: «напряжение», «резис-

тенция», «истощение». Для каждой из указанных фаз определены ведущие симптомы «выгорания», разработана методика количественного определения степени их выраженности. Далее приводится перечень выявляемых симптомов на разных стадиях развития: I фаза напряжения – 1) симптом «переживания психотравмирующих обстоятельств», 2) симптом неудовлетворенности собой, 3) симптом «загнанности в клетку», 4) симптом «тревоги и депрессии»; II фаза «резистенции» – 1) симптом «неадекватного избирательного эмоционального реагирования», 2) симптом «эмоционально-нравственной дезориентации», 3) симптом «расширения сферы экономики эмоций», 4) симптом «редукции профессиональных обязанностей»; III фаза истощения – 1) симптом «эмоционального дефицита», 2) симптом «эмоциональной отстраненности», 3) симптом личностной отстраненности, или деперсонализации, 4) симптом «психосоматических и психовегетативных» нарушений [4]. Также в исследовании использовался опросник выявления эмоционального выгорания (МБИ) К. Маслач С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой, который предназначен для измерения степени «выгорания» в профессиях типа «человек-человек». Данная методика позволяет выявить уровень эмоционального выгорания по трем шкалам: «эмоциональное истощение», «деперсонализация» и «редукция личных достижений» [1].

При использовании опросника В.В. Бойко показано, что среднего уровня, превышающего 9 баллов, достигают у специалистов ССД четыре симптома – неадекватное избирательное эмоциональное реагирование ($12 \pm 7,4$), редукция профессиональных обязанностей ($11,4 \pm 8,5$), переживание. У психотравмирующих обстоятельств ($10,6 \pm 8,3$) и расширение сферы экономики & эмоций ($9,6 \pm 8,8$). Каждый из них сформирован ($i16$ баллов) не менее, чем у 25% специалистов. Минимальное значение среднего балла характерно для симптома «загнанности в клетку» ($3,1 \pm 4,9$); какие-либо его признаки отсутствуют у 85% специалистов ССД. Хотя бы один из симптомов эмоционального выгорания сформирован у 71% специалистов ССД, поскольку три из четырех наиболее выраженных симптомов эмоционального выгорания характеризуют стадию резистенции, именно она достигает максимального развития и сформирована у 17% респондентов. Хотя бы одна из стадий эмоционального выгорания сформирована у 22% специалистов ССД.

При использовании методики К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой, высокая степень выгорания по шкале эмоционального истощения ($i27$ баллов) выявлена у 26% педагогов ССД; по шкале деперсонализации ($i13$ баллов) – у 14%; по шкале редукции личных достижений ($J31$ балла) – у 28%. Низкой степенью выгорания по первой из шкал ($J16$ баллов) характеризуются у 34% респондентов; по второй из шкал ($J6$ баллов) – 59%; по третьей шкале ($i39$ баллов) – 42%. Шкалы по К. Маслач проявляют высокую степень связи с симптомами и стадиями выгорания по В. Бойко.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Установлено, что значительный процент педагогов ССД подвергается эмоциональному выгоранию; хотя бы один из симптомов ЭВ сформирован у 70% педагогов; одна из стадий – у 22%. Также показано, что высокая степень выгорания по шкале редукции личных достижений присутствует у 27% педагогов, по шкале эмоционального истощения – у 25%, по шкале деперсонализации – у 17%.

2. Наиболее выраженными симптомами эмоционального выгорания у педагогов ССД являются неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, редукция профессиональных обязанностей, расширение сферы экономики эмоций и переживание психотравмирующих обстоятельств; наиболее выраженная стадия – стадия резистенции.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – М.: СПб., 2005.
2. Maslach, C. Jackson S.E. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // Journal of Human Resources Administration. – 1984. – Vol.7.
3. Редина, Т.В. Личностные детерминанты эмоционального выгорания у специалистов учреждений для детей с ограниченными возможностями здоровья: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2010.
4. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб., 1999.

Bibliography

1. Vodopijanova, N.E. Sindrom vihgoraniya: diagnostika i profilaktika / N.E. Vodopijanova, E.S. Starchenkova. – M.; SPb., 2005.
2. Maslach, S. Jackson S.E. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // Journal of Human Resources Administration. – 1984. – Vol.7.
3. Redina, T.V. Lichnostnihe determinantih ehmocionaljnogo vihgoraniya u specialistov uchrezhdenij dlya detej s ogranichennimi vozmozhnostyami zdorov'ya: dis. ... kand. psikhol. nauk. – M., 2010.
4. Boyjko, V.V. Sindrom «ehmocionaljnogo vihgoraniya» v professional'nom obthenii. – SPb., 1999.

Статья поступила в редакцию 05.11.13

УДК 371.377

Lee T.T. THE PROBLEM OF THE FORMATION OF MORALITY. The paper analyzes the problem of the formation of morality, the basic aspects of moral education. A list of moral relations: for the country, society, animate and inanimate nature, collective, material and spiritual values to other people, to himself, etc.

Key words: morality, ethics, formation, upbringing, personality.

T.T. Ли, аспирантка ФГБОУ ВПО «Московский гос. гуманитарный университет им. М.А. Шолохова», г. Барнаул, E-mail: t19811@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

В статье анализируется проблема формирования нравственности, рассматриваются основные аспекты нравственного воспитания. Приведен перечень нравственных отношений: к Родине, обществу, живой и неживой природе, коллективу, материальным и духовным ценностям, другим людям, к самому себе и т.д.

Ключевые слова: нравственность, мораль, формирование, воспитание, личность.

Формирование нравственности сегодня как никогда приобретает особую необходимость в связи с более развивающейся технократизацией общества, прагматизацией социального бытия, снижением уровня нравственных требований и многими другими причинами. Данное положение усугубляется неопределенностью общественного реформирования, смещением сложившихся ценностных и смысловых ориентаций, нарушением моральных норм, изменением общественных ценностей. В связи с вышеперечисленным задача нравственного воспитания имеет огромную значимость; ее крайне необходимо осмыслить на данный момент как одну из приоритетных.

Рассматривая структуру нравственности личности, следует отметить, что в качестве синонима зачастую используется термин «мораль». Многие психологи, педагоги и философы придерживаются такого мнения (Е.М. Бабосов, Т.Т. Акмамбетов, В.А. Беляева, Е.В. Беляева, И.П. Зеленкова, В.А. Блюмкин, Г.Т. Квасов, Е.В. Золотухина-Оболина, В.А. Кондратов, Н.Н. Крутов, Р.В. Петропавловский, Я.С. Котигер, С.Ш. Пашаев, В.И. Писаренко, Г.Н. Гумницкий, И.Я. Писаренко, Л.А. Попов, О.Г. Филатова, А.И. Титаренко, В.И. Чамлер, Т.В. Цырлина, и др.) [1].

Между тем, эти понятия следует различать. Ученые Л.Н. Коган, В.И. Басова, А.И. Шемшурина, Г.Н. Сериков, И.Ф. Харламов определяют мораль как совокупность правил и норм поведения в обществе то, что действует извне; нравственность же трактуется ими как личностная характеристика [1]. То есть, мораль связана с внешней необходимостью, а нравственность, в свою очередь, с целеполаганием самой личности. И, если мораль является внешним фактором определения поведения человека в обществе, то нравственность – это внутренний, субъективный, самодетерминированный регулятор всей жизнедеятельности человека, в качестве которого выступает совесть человека [2; 3].

Вышеперечисленные определения весьма важны и актуальны для педагогики. Процесс формирования нравственности, есть не что иное, как процесс перевода моральных правил, норм и требований в привычки, знания и навыки поведения личности [4].

Сущность нравственного воспитания заключается в систематическом воздействии на личность со следующей целью – передать существующие в обществе нравственные ценности, а так же развитие ее способностей к нравственному совершенствованию. Нравственное воспитание – это совокупность нравственных отношений (к обществу, коллективу, к самому себе, природе, духовным и материальным ценностям, и т.д.). Следует отметить, что данные отношения, в обязательном порядке, обусловлены общепринятыми в обществе правилами и нормами [5].

Моральные категории, идеалы, причины, нормы принимаются людьми, определенных социальных групп как форма нрав-

ственного сознания общества. Так как для человека характерна субъективность представлений, духовного склада, переживаний и чувств, то и мораль выступает не только формой общественного сознания, но и формой нравственного сознания индивида.

В соотношении идеального, обыденного и возвышенного проявляются особенности развития духовности. Под возвышенным понимают отношение человека к гармонии, идеальному, красоте, целесообразности и т.д. Возвышенное – это всегда надстройка над обыденным, формирование которой зависит от духовного воспитания. Обыденное, в свою очередь, отражает отношение человека к быту, к повседневному, и основывается на простых, конкретных взаимоотношениях между людьми. Данные личные проявления в любом случае окрашены общественным сознанием. Нравственные нормы, принципы, категории, идеалы, усвоенные и принятые личностью, выражают ее определенные отношения к окружающему, к самому себе [6].

Согласно И.Ф. Харламову моральные отношения не возникают и не существуют сами по себе. Они органически связаны с деятельностью человека и обуславливаются ею, исходя из типа ведущей деятельности на определенном возрастном этапе. Из чего следует, что нравственное воспитание представляет собой сознательно осуществляемый процесс формирования положительных моральных отношений в системе деятельности и выработки на этой основе соответствующих личностно-этических качеств. В частности, формирование таких качеств, как устойчивость научного мировоззрения, патриотизм и культура межнациональных отношений, трудолюбие, бережное отношение к материальным ценностям общества и личному имуществу, коллективизм, сознательная дисциплина и культура поведения.

По Цукановой Н.И. сформировавшееся гуманное поведение характеризуется следующими признаками:

- уважение, сочувствие, желание прийти на помощь окружающим людям;
- умение и желание приветливо обращаться с окружающими людьми, проявление эмпатийного поведения;
- желание делать приятное для окружающих;
- умение прислушиваться к общественному мнению, обуславливать им свое поведение, получая при этом личное удовлетворение.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о родственности и близости понятий «толерантное поведение» и «гуманное поведение». С точки зрения педагогики толерантному поведению присущи следующие характеристики

- способность видеть в человеке носителя других ценностей, других форм поведения, логики мышления, а также осознание его права быть другим;

– безусловную способность положительно относиться к отличиям другого человека;
– способность к рефлексии.

Толерантное поведение непосредственно связано с нравственным аспектом человеческих взаимоотношений, его можно рассматривать как частный случай ценностного отношения к людям [7]. Это проявляется в рассмотрении терпимости и толерантности как гуманистических ценностей, а так же в психологических условиях их развития, в принципах их взаимодействия.

В свою очередь, весьма существенной частью морально-го воспитания является формирование патриотизма, которое имеет огромное значение в социальном и духовном развитии человека.

К.Д. Ушинский считал, что патриотизм является могучим педагогическим средством: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями» [4].

По И.Ф. Харламову, истинный патриотизм по своей природе гуманистичен и включает в себя уважение к другим народам и странам, к национальным обычаям и традициям и не имеет ничего общего с замыканием человека в узких национальных интересах.

Патриотизм и культура межнациональных отношений выступают как составные элементы мировоззрения и отношения к родине, другим нациям и народам. Только на основе возвышающих чувств патриотизма и национальных святынь укрепляется любовь к родине, появляется чувство ответственности за ее могущество и независимость, сохранение материальных и ду-

ховных ценностей, развивается благородство и достоинство личности [2; 4].

Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что процесс формирования личности, ее социализации, усвоения определенных социальных ролей и духовных ценностей – морали, культуры, идеологии, а так же вхождения в социальную среду и усвоение социальных норм поведения обусловлен группой факторов:

– общечеловеческим опытом в сфере труда, общения и поведения;

– духовными и материальными чертами той социальной группы, к которой индивид принадлежит. Подразумеваются политические институты, экономические отношения, идеология, право;

– личный жизненный опыт индивида, состоящий из семейных, производственных, бытовых и других социальных связей и отношений.

Таким образом, на нравственное становление личности влияют условия общественного существования, которые определены не только организацией политической власти, господствующим типом производственных отношений, моралью, уровнем демократии и т.д., но и характеристикой малых и больших социальных групп. Таковы, с одной стороны, ближайшее окружение: семья, школа, учебный и производственный коллективы, друзья, знакомые, а с другой – крупные социальные общности людей: профессиональные, национальные, возрастные и иные демографические макрогруппы.

Таким образом, нравственное отношение, поведение, мировоззрение формируются под воздействием всех указанных пластов общества.

Библиографический список

1. Овинова, Л.Н. Воспитание нравственности студентов в образовательно-досуговом процессе: дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2010.
2. Бондырева, С.К. Нравственность / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М., 2011.
3. Кузнецова, Л.В. Интеграция моральной и волевой подготовки как средство формирования личности / Л.В. Кузнецова, С.Ю. Лисица // Тез. докл. междунар. научно-практич. конф. – Шадринск, 2012.
4. Харламов, И.Ф. Педагогика: учебник. – Минск, 2002.
5. Пармёнов, А.А. Некоторые аспекты нравственного воспитания школьников // Образование на пороге нового столетия: традиции и современность. – Пенза, 2000. – Ч. 2.
6. Слостенин, В.А. Педагогика: учеб. пособ. для студентов педагогических учеб. заведений / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – М., 2002.
7. Капустина, Н.Г. Проблемы формирования толерантности в образовательном пространстве регионов // Тез. докл. междунар. научно-практич. конф. – Барнаул, 2012.

Bibliography

1. Ovinova, L.N. Vospitanie npravstvennosti studentov v obrazovateljno-dosugovom processe: dis. ... kand. ped. nauk. – Chelyabinsk, 2010.
2. Bondihreva, S.K. Npravstvennostj / S.K. Bondihreva, D.V. Kolesov. – M., 2011.
3. Kuznecova, L.V. Integraciya moral'noj i volevoj podgotovki kak sredstvo formirovaniya lichnosti / L.V. Kuznecova, S.Yu. Lisica // Tez. dokl. mezhhdunar. nauchno-praktich. konf. – Shadrinsk, 2012.
4. Kharlamov, I.F. Pedagogika: uchebnik. – Minsk, 2002.
5. Parmyonov, A.A. Nekotorihe aspektih npravstvennogo vospitaniya shkol'nikov // Obrazovanie na poroge novogo stoletiya: tradicii i sovremennostj. – Penza, 2000. – Ch. 2.
6. Slastenin, V.A. Pedagogika: ucheb. posob. dlya studentov pedagogicheskikh ucheb. zavedenij / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, A.I. Mithenko, E.N. Shiyonov. – M., 2002.
7. Kapustina, N.G. Problemih formirovaniya tolerantnosti v obrazovatel'nom prostranstve regionov // Tez. dokl. mezhhdunar. nauchno-praktich. konf. – Barnaul, 2012.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 372.8

Narykova N.A., Tikhonenko M.A. FROM THE EXPERIENCE OF PROJECT WORK METHOD USING DURING FOREIGN LANGUAGE PRACTICAL TRAINING IN THE HIGH SCHOOL OF SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA. This article is devoted to the problem of the interactive method in the foreign language training. The main aim of this method is to give the student an opportunity to get knowledge on their's own. During the carrying-out a project the students are learning to search, to collect, to analyze information, to pick out the most interesting one.

Key words: interactive method, foreign language practical training, project, search, collect, analyze, to pick out information, collective project, individual project, skills.

Н.А. Нарыкова, канд. филол. наук, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: narykova@rambler.ru;

М.А. Тихоненко, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com

ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Статья посвящена интерактивному методу работы над проектом, применяемому на практических занятиях по иностранному языку. Основная цель проекта – предоставление обучающимся возможности получать знания самостоятельно. Во время выполнения проектов обучающиеся учатся искать, анализировать, собирать информацию, отбирать интересный и важный материал.

Ключевые слова: интерактивный метод, практические занятия по иностранному языку, проект, искать, собирать, анализировать, выбирать информацию, коллективный проект, индивидуальный проект, навыки.

В условиях современного времени от выпускников вузов системы МВД требуется новое профессиональное мышление, высокая компетентность, умение самостоятельно принимать решения в критических ситуациях. Развивающемуся обществу нужны современно активные, ответственные сотрудники, понимающие свою важную роль в обществе, честные, патриотичные сотрудники. Практика показывает, что профессиональные и интеллектуальные навыки приобретаются и развиваются человеком в процессе самообразования и обучения. Новые требования определяют новые формы работы в вузах МВД России: активные и интерактивные методы работы.

Одним из интерактивных методов работы является метод проектной работы. Слово «проект» происходит от латинского *projectus* (брошенный вперед). Доктор педагогических наук, известный исследователь в области современных педагогических технологий Е.С. Полат определяет метод проектов как «определённым образом организованную поисковую, исследовательскую деятельность учащихся, индивидуальную или групповую, которая предусматривает не просто достижение того или иного результата, оформленного в виде конкретного практического выхода, но и организацию процесса достижения этого результата» [1, с. 78].

Главной особенностью метода проектов является возможность приобретать учащимися знания самостоятельно, что реализуется формирование основных компетенций современного полицейского. В процессе решения практических задач или проблем, которые требуют интеграции знаний из различных предметных областей, обучающиеся учатся находить, собирать, анализировать информацию. Они приобретают навыки работы в группах, и самое главное – проектная работа способствует развитию навыков творческой деятельности, в ходе которой материал запоминается наилучшим образом. Выполнение проектов в рамках дисциплины «Иностранный язык» часто связано с другими дисциплинами. Такие темы, как «Полиция США, функции и задачи», «Расследование преступлений», «Выявление, предупреждение и пресечение преступлений», «Раскрытие преступлений. Проведение допроса подозреваемых», «Осмотр места происшествия», «Правила дорожного движения» и др., связаны с профессиональной деятельностью будущих сотрудников органов МВД России и такими дисциплинами, как «Криминология», «Организация работы следователя», «Предварительное следствие в органах внутренних дел». Обучающиеся обращаются за помощью к преподавателям, определяя сами материал, играющий для них и для выбранной темы проекта главную роль. Преподавателю в проекте отводится роль координатора, эксперта, дополнительного источника информации.

В методике преподавания существуют разные классификации проектов. По способу представления проектов их можно разделить на устно-речевой (конференция, дискуссия), видовой (презентация, плакат, газеты, коллажи, фотоальбомы), письменный (дневники, сочинение, книги). По способу выполнения проекты подразделяются на индивидуальные и коллективные. По времени выполнения проекты делятся на минипроекты (в течение одной пары), краткосрочные, средней продолжительности и долгосрочные. В зависимости от времени выполнения варьируются этапы работы.

Работа над проектом состоит из следующих этапов:

1. Определение темы проекта. (Тема может быть связана как со страной проживания, так и со страной изучаемого языка, как с проблемами профессионального характера, так и с чисто лингвистическими вопросами. Проблема, предлагаемая преподавателем, ставится так, чтобы привлечь факты из смеж-

ных областей знаний и разнообразных источников информации.) Учебная тема и тема проекта не обязательно должны совпадать.

2. Определение проблемы и цели проекта, обсуждение структуры и плана. Автор проекта сообщает на занятии свою тему, обосновывает ее актуальность, мотивы выбора данной темы. Аргументы излагаются на иностранном языке. Преподаватель одобряет сформулированную тему или советует что-то изменить, четко аргументировав свою точку зрения.

3. Предкоммуникативная тренировка.

4. Сбор информации: работа с источниками информации, создание собственной системы хранения информации.

5. Работа в группах, обмен информацией, идеями. Деление на группы может носить произвольный характер, например, по месяцу рождения, любимому цвету или времени года и т.д. Такой способ образования групп вносит разнообразие и элемент игры в монотонное течение занятия, но можно образовывать группы, учитывая психологическую совместимость. А.В. Конишева считает, что в микрогруппе должны быть ученики с разным уровнем владения языком, мальчики и девочки [2, с. 117].

6. Регулярные встречи, во время которых учащиеся обсуждают промежуточные результаты, преподаватель комментирует проделанную учащимися работу, корректирует ошибки, проводит презентацию и обработку нового материала.

7. Подготовка презентации проекта.

8. Демонстрация результатов проекта (кульминационная точка работы над проектом) и оценка проекта. Данный этап включает в себя контроль усвоения языкового материала и общую оценку проекта, которая касается содержания темы, конечного результата проекта, участия отдельных учащихся.

Рассматривая индивидуальные и коллективные проекты, можно отметить положительные стороны и определенные трудности, связанные с их выполнением. Индивидуальный проект раскрывает полностью творческие способности каждого обучающегося, умение работать самостоятельно, уровень владения изучаемой темой, языковой уровень. К недостаткам индивидуальных проектов относится объем работы, который выполняет один человек.

При выполнении коллективного проекта работа распределяется между участниками команды, в соответствии с их силами, возможностями, языковой подготовкой. Количество идей в группе обычно является большим, чем при решении задачи индивидуально, поэтому результат работы зачастую более интересный. Однако при выполнении коллективных проектов могут возникать разногласия между участниками группы, что тормозит работу, снижает ее качество. Очень важными являются промежуточные отчеты, где свои точки зрения высказывают обязательно все участники. Это помогает выявить эти разногласия. Главное преимущество всех видов проектов – он исключает формальный подход к изучению языка.

Наиболее яркими примерами выполненных проектов могут служить следующие:

Проект: Снимаем фильм.

Этот проект включен в учебный курс в качестве блока обучения по изучаемой теме «Расследование преступлений». Конечной практической целью проекта является создание фильма по сценарию, написанному учащимися, а обучающимися целями – активизация изученной лексики по теме. На проект отводится 5 занятий, в процессе которых создается сценарий фильма, подбирается необходимый реквизит, проводятся репетиции и съемки.

Проект. «Молодежный язык». Изучение молодежного языка происходит на основании словарей молодежного языка, пере-

писки, общения в социальных сетях. Результаты могут быть представлены в форме таблицы, где выбраны существенные, образованные с помощью морфем промежуточной зоны, то есть формантов, которые с одной стороны, являются компонентами композитов, а с другой стороны, к производным суффиксального типа [3, с. 303].

Итак, анализ теоретических основ метода проектов и результатов его применения на практике показывает, что проекты предоставляют большие возможности решения методических

задач. Применение проектной методики требует высокой квалификации преподавателя, поскольку для каждого такого проекта необходимо самостоятельно и очень тщательно отобрать необходимый языковой материал, разработать эффективную систему заданий и упражнений. Е.С. Полат в своей работе «Новые педагогические и информационные технологии в системе образования» отмечает, что умение пользоваться методом проектов – показатель высокой квалификации преподавателя, его прогрессивной методики обучения и развития учащихся [4, с. 53].

Библиографический список

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: сб. ст. / под ред. Е.С. Полат. – М., 2002.
2. Коньшева, А.В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку. – СПб., 2005.
3. Нарыкова, Н.А. Критерии выделения морфем промежуточной зоны // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах. – Ставрополь; Пятигорск, 2004. – Вып. 2.
4. Полат, Е.С. Обучение в сотрудничестве // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 1.

Bibliography

1. Novije pedagogicheskie i informacionne tehnologii v sisteme obrazovaniya: sb. st. / pod red. E.S. Polat. – M., 2002.
2. Konisheva, A.V. Organizaciya samostoyatel'noj raboty uchashixsya po inostrannomu yazhku. – SPb., 2005.
3. Narikova, N.A. Kriterii vhdeleniya morfem promezhutochnoy zoni // Yazhik. Tekst. Diskurs: mezhvuzovskiy nauchnij aljmanakh. – Stavropolj; Pyatigorsk, 2004. – Vihp. 2.
4. Polat, E.S. Obuchenie v sotrudnichestve // Inostrannihe yazhiki v shkole. – 2000. – № 1.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 37.013

Petrova N.F. ROLE OF HEALTH-PRESERVING TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL PROCESS OF MODERN SCHOOL. In article the main groups of health saving educational technologies are considered; the main objectives of the teacher connected with transition to health saving educational technologies are shown; levels of realization of health saving educational technologies in educational process of school are considered.

Key words: teacher; health saving technologies; health saving pedagogics.

Н.Ф. Петрова, д-р пед. наук, проф. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: klinpsych@mail.ru

РОЛЬ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

В статье рассмотрены основные группы здоровьесберегающих образовательных технологий; показаны основные задачи учителя, связанные с переходом на здоровьесберегающие образовательные технологии; рассмотрены уровни реализации здоровьесберегающих образовательных технологий в образовательном процессе школы.

Ключевые слова: учитель; здоровьесберегающие технологии; здоровьесберегающая педагогика.

Материально-техническая база многих учебных заведений сегодня не позволяет обеспечить сохранение и укрепление здоровья учащихся. При анализе образовательного процесса современной школы в контексте влияния его на здоровье учащихся, многие авторы склоняются к тому, что условия, созданные для обучения, приводят к ухудшению здоровья практически каждого учащегося. Основные причины этого:

- перегруженность учебных программ и чрезмерная интенсификация образовательного процесса, вызывающая у учащихся переутомление;
- нередко встречающийся недостаток физической активности учащихся, приводящий к гиподинамии и другим нарушениям здоровья школьников;
- не всегда правильная организация питания учащихся в школе (в том числе необеспеченность детей горячим питанием);
- неспособность многих учителей реализовывать индивидуальный подход к школьникам с учетом психологических, физиологических особенностей и состояния здоровья.

Для коррекции существующих проблем уже много лет во многих школах активно применяются здоровьесберегающие образовательные технологии, которые можно разделить на три подгруппы:

- **организационно-педагогические технологии**, определяющие структуру учебного процесса, способствующую предотвращению у учащихся состояний переутомления, гиподинамии и других дезадаптационных состояний;

- **психолого-педагогические технологии**, связанные с непосредственной работой учителя на уроке, воздействием, которое он оказывает на своих учеников;

- **учебно-воспитательные технологии**, которые включают программы по обучению заботе о своем здоровье и формированию культуры здоровья учащихся, мотивации их к ведению здорового образа жизни, предупреждению вредных привычек, предусматривающие также проведение организационно-воспитательной работы со школьниками после уроков, просвещение их родителей [1].

Учитель, переходящий на здоровьесберегающие образовательные технологии, первоначально направлен на решение следующих задач:

- повышение квалификации по вопросам здоровья, здоровьесберегающих образовательных технологий;
- пересмотр своей методики преподавания с учётом включения в неё элементов здоровьесберегающих образовательных технологий, а затем полностью переход на данные технологии;
- анализ и коррекция используемых педагогических приемов и техник в аспекте их предполагаемого воздействия на здоровье учащихся;
- содействие формированию здоровьесберегающей образовательной среды как эффективному взаимодействию всех членов педагогического коллектива, учащихся и их родителей для создания условий и реализации программ, направленных на сохранение, формирование и укрепление здоровья.

Тем самым деятельность учителя должна быть построена на сочетании принципов педагогики сотрудничества, элементов педагогического мастерства, направленных на заботу о сохранении здоровья каждого школьника и воспитание культуры здоровья. При этом педагог, владея современными педагогическими знаниями, в тесном взаимодействии с учащимися, с медицинскими работниками, с коллегами – планирует свою работу с учетом приоритетов сохранения и укрепления здоровья участников педагогического процесса [2].

Безусловно, главное для образовательного учреждения, что бы здоровьесберегающие образовательные технологии применялись в нём повсеместно. Исследователи [3] выделяют 3 уровня реализации здоровьесберегающих образовательных технологий в школе:

- *использование отдельных методов*, направленных на «точечную» нейтрализацию патогенных факторов (недостаточной освещенности, не подходящей школьной мебели, необеспеченности горячим питанием и др.) или активизацию отдельных здоровьесберегающих воздействий (проведение физкультурминутки и пр.).

- *внедрение отдельных технологий*, нацеленных на решение конкретных задач здоровьесбережения: предупреждение переутомления, нарушений зрения, оптимизацию физической нагрузки, образовательное самоопределение, обучение учащихся сохранению здоровья и др.

- *комплексное использование технологий* в содержательной связи друг с другом и на единой методологической основе.

При этом только комплексный подход, благодаря которому решаются не только задачи защиты здоровья учащихся и педагогов от угрожающих или патогенных воздействий, но и задачи

формирования и укрепления здоровья школьников, воспитания у них, их учителей культуры здоровья, может быть назван здоровьесберегающей педагогикой.

Здоровьесберегающая педагогика не является альтернативой всем другим педагогическим системам и подходам. Главное, что ее отличает от других педагогических систем и направлений, – реализация приоритета заботы о здоровье учащихся и педагогов в конструктивной деятельности в данном направлении. По многим другим признакам и принципам здоровьесберегающая педагогика занимает общее поле с гуманистической педагогикой, педагогикой и другими аналогичными образовательными системами [3].

Резюмируя вышеизложенное отметим, что об эффективности внедрения здоровьесберегающих образовательных технологий в работу школы можно судить по следующим основным показателям:

- желанию учащихся посещать школу;
- наличию курящих школьников;
- гигиеническому состоянию школьной сантехники;
- внешнему виду учеников, выходящих после уроков.
- наличию насыщенной внеклассной работы;
- психологическому климату в педагогическом коллективе.
- характеру взаимоотношений учащихся с учителями и друг с другом.
- отношению к школе большинства родителей учащихся и др.

Данные показатели являются свидетельством реального, а не формального внедрения идей здоровьесберегающей педагогики в учебно – воспитательный процесс образовательной школы.

Библиографический список

1. Цабыбин, С.А. Здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе. – Волгоград, 2009.
2. Петрова, Н.Ф. Реализация здоровьесберегающих технологий в условиях школ – интернатов // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2(39).
3. Смирнов, Н.К. Здоровьесберегающие образовательные технологии в работе учителя и школы. – М., 2003.

Bibliography

1. Cabihbin, S.A. Zdorovjesberegayuthie tekhnologii v obrazovateljnem processe. – Volgograd, 2009.
2. Petrova, N.F. Realizaciya zdorovjesberegayuthikh tekhnologijj v usloviyakh shkol – internatov // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2013. – № 2(39).
3. Smirnov, N.K. Zdorovjesberegayuthie obrazovateljnihe tekhnologii v rabote uchitelya i shkolih. – M., 2003.

Статья поступила в редакцию 07.11.13

УДК: 378.147

Poplavska M.V. RESEARCH OF READINESS'S STRUCTURE FOR PROFESSIONAL AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT OF FUTURE ENGINEERS. The essence of «readiness for professional and personal self-development» notion is revealed. The structure is described, components and criteria for evaluating of its formation level are identified. The author presents results of ascertaining stage of pedagogical experiment. Further research prospects are described.

Key words: professional and personal self-development (PPS), readiness, structure, components, criteria, future engineer, experiment.

М.В. Поплавская, аспирантка каф. педагогики и психологии управления социальными системами, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», г. Харьков, E-mail: poplavska.marina@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМУ САМОРАЗВИТИЮ

В статье раскрыта сущность понятия «готовность к профессионально-личностному саморазвитию», описана ее структура, выделены компоненты и критерии оценки уровня ее сформированности. Приведены результаты констатирующего этапа педагогического эксперимента. Описаны перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: профессионально-личностное саморазвитие (ПЛС), готовность, структура, компоненты, критерии, будущий инженер, эксперимент.

Большинство вузов страны, осуществляющих подготовку специалистов по инженерным специальностям, используют главным образом информационную модель обучения, которая направлена на приобретение необходимых профессиональных

знаний и умений и в лучшем случае формирует у студентов способность к стихийному профессионально-личностному саморазвитию. При этом саморазвитие не выступает у них как внутриличностная задача, а происходит под влиянием внешних требо-

ваний. В данном случае не ставится под сомнение приоритетность профессиональных знаний, но на современном этапе развития общества этого становится явно недостаточно. В связи с этим весьма актуальным является разработка новых педагогических технологий и подходов к организации образования, направленного на формирование готовности будущих инженеров к профессионально-личностному саморазвитию.

Сущность проблемы формирования готовности к профессионально-личностному саморазвитию большинство ученых рассматривают сквозь призму понятия «готовность к деятельности». Акмеологический словарь под готовностью (внутренняя способность личности) понимает высокий уровень развития мотивационных, познавательных и волевых процессов, который обеспечивает успех будущей деятельности; это адекватная установка, мотивация и мобилизация психологических ресурсов для осуществления деятельности [1].

В определениях исследователей, рассматривающих готовность с позиций личности, выделяются следующие отличительные признаки данного феномена. Во-первых, готовность связана с осознанием личностью собственных потребностей. Во-вторых, готовность подразумевает целенаправленную активность личности. В-третьих, готовность оказывает влияние на формирование оптимальной работоспособности человека, продуктивность деятельности в целом, является предпосылкой для успешной деятельности.

Так, В. Сластенин определяет готовность личности к деятельности как особое психическое состояние, которое сигнализирует о наличии у субъекта образа структуры определенного действия и постоянной направленности сознания на его выполнение. Готовность содержит в себе различные установки на осознание педагогической задачи, модели вероятного поведения, определение специальных способов деятельности, оценку собственных возможностей в их соотношении с будущими трудностями и необходимостью достижения определенного результата [2].

Состояние готовности к деятельности имеет сложную динамическую структуру и представляет собой совокупность интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых сторон психики человека в соответствии с внешними условиями и будущими задачами.

Сущность понятия «готовность к профессионально-личностному саморазвитию» имеет свою специфику. Для его уточнения нами были проанализированы труды ряда авторов, таких как Г. Ильина, А. Мингалеева, А. Чурсина, П. Харченко, А. Ветхов, Л. Куликова, Л. Григорьева, О. Остапенко, О. Пехота и др. На основании теоретического анализа мы пришли к выводу, что единого подхода к пониманию сущности данного понятия нет.

О. Пехота рассматривает эту категорию как новообразование, которое обеспечивает необходимые внутренние условия для успешного профессионального роста. Осознавая свой уровень готовности, студент стремится его повысить, он корректирует процесс собственного саморазвития путем разработки и выполнения индивидуальной программы своего профессионально-личностного саморазвития [3].

В свою очередь Г. Ильина определяет готовность к профессиональному саморазвитию как сложно-структурированное лич-

ностное образование, которое благодаря установлению новых связей между определенными личностными подструктурами, обеспечивает необходимые внутренние условия для успешного профессионального саморазвития личности [4].

В нашем исследовании под готовностью будущего инженера к профессионально-личностному саморазвитию (ПЛС) мы будем понимать осознание потребности в наиболее полной реализации, развитии и использовании своих способностей и потенциальных возможностей в практической деятельности и их самосовершенствовании [5].

В существующем фонде научных работ, посвященных исследованию проблемы формирования готовности личности к ПЛС до сих пор не существует однозначной точки зрения на счет выделения компонентов готовности, что определило наш интерес к поставленной проблеме. Обобщив различные подходы к структурированию готовности к ПЛС, мы выделяем следующие ее компоненты: мотивационный, рефлексивный и когнитивно-деятельностный.

Мотивационный компонент определяется системой доминирующих мотивов и ценностей в процессе обучения, уровнем профессиональной направленности, наличием целей, знанием стратегии и тактики их постановки и достижения, которые выражают осознанное отношение личности к целям деятельности, собственному саморазвитию в процессе ее реализации, обеспечивают направленность будущих личностных преобразований.

Рефлексивный компонент содержит в себе анализ личности своей способности к саморазвитию, которому способствует активизация рефлексивной позиции, формирование адекватной самооценки, уверенности в себе, навыков самоконтроля. Развитие этих показателей является необходимым условием саморазвития специалиста, в противном случае этот процесс будет протекать не эффективно и не результативно.

Когнитивно-деятельностный компонент включает в себя уровень академической успеваемости студентов, а так же их уровень знаний о формах и методах профессионально-личностного саморазвития, самоэффективность и навыки ведения самостоятельной работы, направленной на самообразование и самовоспитание.

Каждый из этих компонентов имеет определенные нами критерии оценки их сформированности и показатели, которые являются основой их содержания (таблица 1).

Выделение именно этих критериев и показателей для определения уровня сформированности готовности будущих инженеров к профессионально-личностному саморазвитию обусловлено в первую очередь результатами теоретических исследований и были подтверждены методами математической статистики. В дальнейшем оценка результатов произошедших изменений предусматривает покомпонентный анализ всей структуры готовности.

Педагогический эксперимент по исследованию готовности будущих инженеров к ПЛС проходил в Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» в течение 2010-2013 гг. В нем приняли участие 263 студента из шести факультетов инженерного направления подготовки, из них 138 студентов вошли в контрольную группу (КГ) и 125 в экспериментальную (ЭГ).

Таблица 1

Структура готовности к профессионально-личностному саморазвитию

№	Компоненты	Критерии	Показатели
1	Мотивационный	Мотивационно-ценностный	1. Мотивы обучения в ВУЗе 2. Система ценностей 3. Мотив достижения 4. Профессиональная направленность 5. Наличие целей, знание стратегии и тактики их постановки и достижения
2	Рефлексивный	Рефлексивно-оценочный	1. Наличие позитивной Я-концепции 2. Самооценка 3. Уверенность в себе 4. Способность к рефлексии 5. Навыки самоконтроля
3	Когнитивно-деятельностный	Интегративно-когнитивный	1. Способность к саморазвитию 2. Академическая успеваемость 3. Навыки ведения самостоятельной работы 4. Знания про формы и методы ПЛС 5. Самоэффективность

Задачи экспериментальной работы заключались в следующем:

- определить диагностический аппарат для исследования готовности будущих инженеров к профессионально-личностному саморазвитию;
- разработать совокупность критериев и показателей оценки уровня готовности будущих инженеров к профессионально-личностному саморазвитию;
- определить базовый уровень готовности к профессионально-личностному саморазвитию на констатирующем этапе эксперимента;
- на основании полученных результатов, разработать теоретическую модель и обосновать педагогические условия, способствующие эффективному формированию готовности к ПЛС.
- провести экспериментальное исследование эффективности внедренной модели и педагогических условий формирования готовности к ПЛС.

Для того, чтобы наблюдать за процессом формирования готовности к ПЛС, влиять на его содержание и оценивать его эффективность, нами был подобран комплекс диагностических методов исследования. Помимо этого были использованы такие методы исследования как экспертный опрос, наблюдение, проведение индивидуальных и групповых бесед, а также методы количественного и качественного анализа эмпирических данных для проверки статистической значимости результатов.

Далее были определены критерии и показатели оценки сформированности готовности будущих инженеров к ПЛС, а также выделены ее уровни – низкий, средний и высокий. Для вычисления уровня готовности к профессионально-личностному саморазвитию мы использовали интервальную шкалу. Для того, чтобы отобразить уровень умений и способностей будущих инженеров в единой системе оценки и чтобы между уровнями наблюдалась четкая разница, мы присвоили такое количество баллов каждому из них: низкий – 1 балл, средний – 2 балла, высокий – 3 балла. Таким образом, в зависимости от определенного уровня каждого из показателей готовности, ему присваивается соответствующий балл 1, 2 или 3. Валидность и надежность такого метода оценки обеспечивается высоким уровнем научно обоснования совокупности умений и способностей, которые представляют мотивационно-ценностный, рефлексивно-оценочный и интегративно-когнитивный критерии готовности к ПЛС.

При определении уровня любого из трех критериев готовности будущих инженеров к ПЛС, учитывалась весомость каждого показателя. Таким образом, для того чтобы вычислить показатель готовности к ПЛС по каждому из критериев мы использовали следующую формулу:

$$K = \frac{\sum_{i=1}^N k_i}{N}$$

где K – показатель по соответствующему критерию,

k_i – уровни показателей, которые составляют соответствующий критерий,

N – количество показателей, которые составляют соответствующий критерий.

Выходя из приведенного определения и возможных оценок по каждому показателю, легко видеть, что коэффициент каждого критерия находится в границах:

$$1 \leq K \leq 3.$$

Коэффициент общей готовности будущего инженера к профессионально-личностному саморазвитию рассчитывается как среднеарифметическое полученных коэффициентов по трем критериям: мотивационно-ценностному, рефлексивно-оценочному и интегративно-когнитивному по формуле:

$$K_{\text{ПЛС}} = \frac{K_{\text{мцг}} + K_{\text{икг}} + K_{\text{рог}}}{3}$$

где $K_{\text{ПЛС}}$ – коэффициент готовности к ПЛС. Этот обобщающий коэффициент будет отображать уровень развития всей совокупности показателей готовности к ПЛС и находится в промежутках:

$$\frac{\min(K_{\text{мцг}}) + \min(K_{\text{икг}}) + \min(K_{\text{рог}})}{3} \leq K_{\text{ПЛС}} \leq \frac{\max(K_{\text{мцг}}) + \max(K_{\text{икг}}) + \max(K_{\text{рог}})}{3}$$

то есть, $1 \leq K_{\text{ПЛС}} \leq 3$

Вычисление трех отдельных коэффициентов и обобщающего коэффициента, как их среднего арифметического, обусловлено тесной взаимосвязью показателей как внутри каждого компонента, так и между компонентами в целом. Распределение общего уровня готовности к ПЛС на низкий, средний и высокий происходит в зависимости от полученного обобщающего коэффициента (таблица 2).

Исходя из полученного результата, мы получаем обобщающий коэффициент готовности к профессионально-личностному саморазвитию, благодаря которому можем судить об уровне ее сформированности у будущего инженера. Результаты контрольного этапа эксперимента по исследованию уровня сформированности мотивационного, рефлексивного и когнитивно-деятельностного компонентов готовности к ПЛС представлены в таблице 3 ниже.

Таблица 3

Результаты констатирующего этапа эксперимента по исследованию уровня сформированности компонентов готовности к ПЛС (в %)

Уровни сформированности	Контрольная группа	Экспериментальная группа
<i>Мотивационный компонент</i>		
Низкий	30,3	31,7
Средний	47,3	44,8
Высокий	22,4	23,5
<i>Рефлексивный компонент</i>		
Низкий	24,6	26,7
Средний	49,5	49,6
Высокий	25,9	23,7
<i>Когнитивно-деятельностный компонент</i>		
Низкий	29,9	29,1
Средний	49,2	50,1
Высокий	20,9	20,8

Полученные результаты подтвердили актуальность проводимого исследования и необходимость повышения уровня готовности будущих инженеров к профессионально-личностному саморазвитию, а также планомерного педагогического сопровождения данного процесса. Результаты исследования показали, что во время учебы в вузе формированию готовности студентов к саморазвитию уделяется недостаточное внимание. Для многих характерна низкая способность к самопознанию и рефлексии, неадекватная самооценка и низкий уровень уверенности в себе, слабое представление о своей самоэффективности, недостаточный самоконтроль. Отсюда и отсутствие у студентов программы саморазвития и самовоспитания на перспективу и слабое представление об ее смысле и значении.

Для эффективного профессионально-личностного саморазвития будущих инженеров в вузе перед нами стояла задача организовать такой учебный процесс, который будет обеспечивать активизацию всех его структурных компонентов. Для этого нами была разработана теоретическая модель формирования готовности к ПЛС, а также комплекс педагогических условий, который включал:

- формирование личностного смысла у будущих инженеров в профессиональной деятельности и положительной мотивации к профессионально-личностному саморазвитию;
- активизацию самопознания, направленную на формирование способностей и качеств будущих инженеров, необходимых для успешной будущей профессиональной деятельности,
- организацию самостоятельной работы студентов как основной формы внеаудиторной работы по саморазвитию, стимулирование процессов самообразования и самовоспитания.

Внедрение в учебный процесс комплекса предложенных мероприятий способствовало повышению уровня сформированности каждого из трех ее компонентов, а, следовательно, и общего уровня готовности к ПЛС. Полученные результаты до и после эксперимента приведены в таблице 4 ниже.

Таблица 2

Числовые коэффициенты готовности к ПЛС в зависимости от ее уровня

Коэффициент	Уровни		
	Низкий	Средний	Высокий
$K_{\text{ПЛС}}$	1 – 1,66	1,67 – 2,33	2,34 – 3

Таблица 4

Уровень сформированности готовности к ПЛС в КГ и ЭГ (%)

Уровни	КГ			ЭГ		
	До эксперимента	После эксперимента	прирост	До эксперимента	После эксперимента	прирост
Низкий	28,7	24,2	-4,5	29,3	16,1	-13,2
Средний	48,7	47,9	-0,8	48,2	44,6	-3,6
Высокий	22,6	27,9	+5,3	22,5	39,3	+16,8

При анализе полученных результатов было выявлено позитивную динамику всех уровней готовности в экспериментальной группе: количество студентов с низким уровнем готовности уменьшилось на 13,2%, а высоким уровнем стали обладать на 16,8% больше участников ЭГ. В свою очередь, в контрольной группе установлена незначительная динамика полученных результатов, в связи с чем можно сделать вывод об эффективности разработанной программы формирования готовности будущих инженеров к ПЛС, а, следовательно, достижении цели и задач экспериментальной работы.

Внедрение модели и указанных выше педагогических условий позволило обеспечить в рамках педагогического процесса:

- научно-методическое, организационное, профессионально-нравственное сопровождение преподавателями саморазвития студентов;
- формирование мотивационно-ценностного отношения студентов к саморазвитию как важнейшему условию раскрытия и использования всех их возможностей;

- целенаправленное педагогическое управление со стороны преподавателей процессом самопознания и саморазвития студентов как важной части педагогического процесса;

- активизацию способностей студентов к самопознанию и рефлексии; формирование у студентов уверенности в себе и высокой самооценки, лежащие в основе их самоуважения;

- обучение студентов формам и методам ведения самостоятельной работы, навыкам самоконтроля и саморегуляции.

Профессионально-личностное саморазвитие по своей сути стало осознанным, целенаправленным самосовершенствованием, самоизменением с целью достижения высоких результатов в будущей профессиональной деятельности, позволило стимулировать переход студентов от учебно-познавательной деятельности к профессиональной, с соответствующей сменой потребностей и мотивов, целей, системы ценностей, направленный на овладение профессиональной деятельностью и достижение успеха в ней.

Библиографический список

1. Акмеологический словарь / под общ. ред. А.А. Деркача. – М., 2005.
2. Сластенин, В.А. Профессиональная готовность учителя в воспитательной работе: содержание, структура, функционирование // Профессиональная подготовка учителя в системе высшего образования. – М., 1982.
3. Пехота, О.М. Особистісно-орієнтована освіта і технології // Неперервна професійна освіта: проблеми, пошуки, перспективи. – Киев, 2000.
4. Ильина, Г.Н. Формирование готовности к профессиональному саморазвитию у студентов технических вузов. – Волгоград, 1991.
5. Романовский, А.Г. Педагогика успеха / А.Г. Романовский, В.Е. Михайличенко, Л.Н. Грень. – Харьков, 2012.

Bibliography

1. Akmeologicheskij slovarj / pod obth. red. A.A. Derkacha. – M., 2005.
2. Slastenin, V.A. Professionalnaya gotovnostj uchitelya v vospitatel'noj rabote: soderzhanie, struktura, funkcionirovanie // Professionalnaya podgotovka uchitelya v sisteme vihshego obrazovaniya. – M., 1982.
3. Pekhota, O.M. Osobistisno-orientovana osvita i tekhnologii // Neperervna profesijna osvita: problemi, poshuki, perspektivi. – Kiev, 2000.
4. Iljina, G.N. Formirovanie gotovnosti k professional'nomu samorazvitiyu u studentov tekhnicheskikh vuzov. – Volgograd, 1991.
5. Romanovskij, A.G. Pedagogika uspekha / A.G. Romanovskij, V.E. Mikhajljchenko, L.N. Grenj. – Kharj'kov, 2012.

Статья поступила в редакцию 06.11.13

УДК 378

Khadikova E.N., Sorokopud Yu.V. ROLE OF HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN PREPARATION OF MASTERS OF THE PEDAGOGICAL EDUCATION DIRECTION. In article humanitarian technologies which proved the efficiency in preparation of masters of the Pedagogical education direction are considered.

Key words: humanitarian technologies, professional competences, masters.

Е.Н. Хадикова, специалист Центра внешних связей и карьерного роста, Северо-Осетинский гос. педагогический институт, г. Владикавказ, E-mail: lesnovaelena@mail.ru; **Ю.В. Сорокопуд**, д-р. пед. наук, проф. каф. педагогики и психологии профессионального образования Института образования и социальных наук СКФУ, г. Ставрополь, E-mail: yunna_sorokopud@mail.ru

РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ МАГИСТРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

В статье рассматриваются гуманитарные технологии, которые доказали свою эффективность в подготовке магистров направления «Педагогическое образование».

Ключевые слова: гуманитарные технологии, профессиональные компетенции, магистры.

В последнее время всё большую актуальность приобретают гуманитарные технологии. Они являются неотъемлемым компонентом в подготовке кадров для системы образования, так как в современных условиях без гуманитарных технологий невозможно организовать образовательный процесс на высоком уровне.

Точно и общего понимания и определения что такое «гуманитарные технологии» на сегодняшний момент не существует, вместе с тем они являются одной из основ успешной, отвечающей реалиям жизни профессиональной деятельности.

Гуманитарные технологии в педагогике направлены на личность обучающегося. А основными их формирующими инструментами являются: влияние, проектирование, консультирование, обучение, управление. Иными словами, преподаватель создает инициативу в пространстве перспективы, а обучающийся выбирает линию поведения, и делать это ему тем легче и интереснее, чем более перспективным он ощущает это следование и те выгоды и преимущества, которые оно приносит.

Гуманитарные технологии – разновидность социальных технологий, основанная на практическом использовании знаний о человеке в целях создания условий для свободного и всестороннего развития личности.

В контексте гуманитарных технологий человек выступает как своеобразная знаковая система, высокоинформативная и открытая для контактов, что облегчает актуализацию индивидуально-личностных смыслов, выступающих в этом случае в качестве преобразующего и преобразуемого начала. Гуманитарные технологии предполагают обязательное наличие обратной связи, диалога между участниками коммуникативного процесса.

В принципе можно сделать вывод, что к гуманитарным технологиям можно отнести все интерактивные, информационные технологии, технологии проблемного, контекстного обучения, если в основу их содержания положено гуманитарное знание.

Авторы [1] так же отмечают гуманитарные технологии из зарубежной образовательной практики, которые достаточно эффективно применяются при подготовке педагогических кадров в магистратуре:

Скэффолдинг – стратегия сопровождения студентов в ходе самостоятельной работы, представляющая собой процесс поэтапного структурирования в ситуациях взаимодействия преподавателя и студента по решению учебных задач.

Веб-квест – нахождение необходимой информации в сети ив сети Интернет и интеграция ее в собственную систему знаний студента. Работа над краткосрочным веб-квестом занимает от одного до трех сеансов работы в сети Интернет. Целью долгосрочного веб-квеста является расширение и уточнение понятий, углубление уже имеющихся знаний. Работа над долгосрочным веб-квестом может длиться от одной недели до месяца.

Гуманитарная экспертиза – особый род, форма принципиально незавершенной деятельности, диалога, взаимодействия, коммуникации, в ходе которой участники (эксперты) приходят к более глубокому пониманию ценностей, мотивов действий – и собственных, и своих оппонентов.

Данные технологии, а также другие гуманитарные технологии активно применялись нами в магистратуре направления «Педагогическое образование» различных профилей подготовки на базе Института образования и социальных наук Северо-Кавказского федерального университета.

На наш взгляд, наиболее разнообразное применение гуманитарных технологий осуществлялось в процессе преподавания дисциплин «Корпоративная культура образовательного учреждения», «Инновационные технологии в образовании», «Основы акмеологии».

Обозначенные дисциплины реализуются с использованием коммуникативно-диалоговых гуманитарных технологий: диспут, интеллектуальная дуэль «К барьеру», проблемно-поисковых технологий: кейс-технологии, решение проблемных задач, разработки и защиты проектов на основе информационных технологий и др.

Для оптимизации работы магистрантов предполагается активное использование интерактивных технологий, среди которых отметим метод проектов на основе информационных технологий. Этот метод рекомендуется использовать для внеаудиторной работы, результаты которой затем демонстрируются на семинарских занятиях.

На 1 занятии мы рекомендуем сформировать микрогруппы из магистрантов (по 3 – 4 человека). Все микрогруппы должны

выполнить за период освоения дисциплины 2 – 3 творческих проекта, каждый из которых оформляется в виде компьютерных презентаций (программы PowerPoint, FrontPage и др.). Обобщенно алгоритм реализации проекта включает прохождение следующих этапов:

Подготовительный – выбор темы проекта в зависимости от личностных, научных интересов и предпочтений микрогруппы.

Информационно – поисковый – поиск информации по заданной теме из различных книжных и не книжных носителей.

Операционно-действенный – оформление собранной информации в виде компьютерной презентации.

Демонстрационный – демонстрация разработанного проекта на семинарском занятии, обсуждение со всей группой магистрантов, в преподавателем содержания разработанных слайдов, их оформления.

Контролирующе-коррекционный – рефлексия магистрантами своей проектно-познавательной деятельности. Исправление указанных недостатков: корректировка содержания проекта, способа его оформления в виде компьютерной презентации (гиперссылка в виде схемы).

С учётом вышеуказанного, при комплектовании микрогрупп подбирается состав с учётом ролевых функций, которые необходимо будет выполнять в процессе выполнения проекта:

В процессе реализации проекта рекомендуется следующее распределение ролей в процессе выполнения проектов:

- информатор: осуществление поиска необходимой информации по выбранной теме исследования;
- генератор идей: творческий переработчик информации, генератор новых идей, составитель эскизов презентаций;
- технический исполнитель: компьютерный набор собранного материала и изготовление слайдов;
- презентатор: презентация проекта на семинарском занятии, организация дискуссии с группой магистрантов в процессе представления проекта.

В процессе работы над различными проектами магистранты могут меняться ролями, но основные функции в группе сохраняются. В тоже время, данная дифференциация может быть и достаточно условной, так, например, осуществление поиска необходимой информации, её оформление в виде презентаций может осуществляться совместно несколькими участниками группы [2; 3].

В качестве форм контроля используется защита творческих проектов по составлению персонального имиджа и корпоративного имиджа; по составлению и демонстрации самопрезентаций с последующей гуманитарной экспертизой разработанных проектов со стороны всей группы и преподавателя. Особый интерес вызвали проекты магистрантов «Имидж современного преподавателя»; «Корпоративная культура образовательного учреждения». При разработке проектов по корпоративной культуре образовательного учреждения (на примере школ и вузов г. Ставрополя, Владикавказа) была применена гуманитарная технология брендинг для разработки бренда образовательного учреждения с целью увеличения его привлекательности среди населения и повышения конкурентоспособности среди аналогичных учреждений района, города, региона.

Как показала практика, результаты опросов выпускников, с которыми мы поддерживаем связь, обучающиеся в группах, в которых активно применялись гуманитарные технологии, более успешно конкурируют на рынке образовательных услуг, лучше проходят период адаптации в образовательном учреждении, меньше допускают ошибок, связанных с формированием индивидуального стиля деятельности, оптимального имиджа, выборе современных образовательных технологий.

Резюмируя вышеизложенное отметим, что гуманитарные технологии, по словам Н.В. Бордовской, с которой мы полностью солидарны, «...способны обеспечивать многообразие и полноту ощущения, восприятия и понимания студентами ценности учебной информации, предлагаемой на лекциях и практических занятиях, ...обеспечивают возможность проявить каждому студенту свою субъектность в вузе и оценить жизненное значение для себя получаемых в вузе знаний и умений, осознать личностный смысл профессиональной подготовки через осознание и принятие профессиональных ценностей» [4, с. 243]. Применение гуманитарных технологий при подготовке магистров направления «Педагогическое образование» позволяет более эффективно формировать общекультурные и профессиональные компетенции будущих преподавателей образовательных учреждений различных типов.

Библиографический список

1. Междисциплинарная стратегия выбора гуманитарных технологий в подготовке магистра образования: учебное пособие. / под ред. Н.В. Чекалевой. – СПб., 2010.
2. Сорокопуд, Ю.В. Новые требования к подготовке преподавателей высшей школы в контексте современных образовательных реалий // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4(41).
3. Сорокопуд, Ю.В. и др. Формирование имиджа будущего педагога в процессе профессиональной подготовки / Ю.В. Сорокопуд [и др.] // Концепт. – 2013. – № 1. – Т. 2.
4. Бордовская, Н.В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования. – СПб., 2007.

Bibliography

1. Mezhdisciplinarnaya strategiya vkhbora gumanitarnihkh tekhnologiy v podgotovke magistra obrazovaniya: uchebnoe posob. / pod red. N.V. Chekalevoj. – SPb., 2010.
2. Sorokopud, Yu.V. Novihhe trebovaniya k podgotovke prepodavatelej vihsshey shkolih v kontekste sovremennihkh obrazovatel'nhkh realiy / Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2013. – № 4(41).
3. Sorokopud, Yu.V. dr. Formirovanie imidzha buduthego pedagoga v processe professional'noy podgotovki / Yu.V. Sorokopud [i dr.] // Koncept. – 2013. – № 1. – Т. 2.
4. Bordovskaya, N.V. Gumanitarnihhe tekhnologii v vuzovskoy obrazovatel'noy praktike: teoriya i metodologiya proektirovaniya. – SPb., 2007.
Статья поступила в редакцию 07.11.13

УДК 379.8.093

Shvetsova I.V. THE INFLUENCE OF «ENVIRONMENT» AND «METHODS» ON OF INTELLECTUAL AND CREATIVE ABILITIES OF CHILDREN ELEMENTARY SCHOOL IN LESURE TIME. The author refers to issue such as on development of intellectual and creative abilities of children elementary school in leisure time. Secondary educational institutions involved in the process of intellectual development and reveal creative abilities rich person at a time when the institution of the family from social and economic problems, is not affected appropriately to the forming personality of the children elementary school. Musical activities are the best tools in dealing with these issues.

Key words: the intellectual and creative abilities, social and cultural activities, musical activities, the institution of the family, secondary educational institutions, children of elementary school.

И.В. Швецова, преп. ГБОУ ДОД «Детская школа искусств №11», аспирант каф. социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, г. Санкт-Петербург, E-mail: ishvezova@yandex.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ «СРЕДЫ» И «СРЕДСТВА» НА РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ДОСУГОВОЕ ВРЕМЯ

Автор обращается к вопросу развития интеллектуально-творческих способностей младших школьников в досуговое время. Образовательные учреждения, призваны активно участвовать в процессе интеллектуально-творческого развития, в условиях, когда институт семьи, в силу сложившихся социально-экономических причин, не может должным образом воздействовать на формирующуюся личность младшего школьника. Музыкальная деятельность, в досуговое время, выступает как наиболее эффективное средство в решении данных вопросов.

Ключевые слова: интеллектуально-творческие способности, социально-культурная деятельность, музыкальная деятельность, институт семьи, образовательные учреждения, младшие школьники.

В сложившейся социально-экономической и социально-культурной ситуации в современной России одной из обозначившихся, как социальных, так и педагогических проблем, является развитие интеллектуально-творческих способностей детей младшего школьного возраста. Нельзя не заметить, что проблемы интеллектуально-творческого потенциала нации, становятся ключевыми вопросами на государственном уровне. Выступления руководителей страны, издание законопроектов, добавление поправок уже к существующим законам, выход в свет методических разработок, учебно-методических пособий, затрагивающих данную тематику – все это говорит о пристальном внимании к развитию интеллектуально-творческой сферы подрастающего поколения на всех уровнях власти.

Происходящие изменения и обозначившиеся тенденции в сложившихся современных условиях не случайны. Россия и весь цивилизованный мир, подчиняясь стремительному развитию научно-технического прогресса, вступил в эпоху глобализации, диктующей свои законы и свои правила жизни. Образ «успешности», требующий от современного человека умения владеть несколькими иностранными языками, знаниями различных культур, иначе говоря, всего того, что подразумевает высокообразованность; провозглашение принципа толерантности, открытие границ, постоянное обновление и быстрое распространение технических средств, также требуют определенной иннова-

ционности мышления; доступность практически любой информации, в том числе и для детей – все это характеризует образовавшееся информационное пространство. Иными словами, в условиях модернизации во всех областях жизни, важно обратить пристальное внимание на интеллектуально-творческую сферу подрастающего поколения, которая, порой из-за агрессивной информационной среды, окружающей младшего школьника, как в семье, так и в общественных институтах, как никогда находится в уязвимом состоянии.

Для того чтобы детально проанализировать создавшуюся ситуацию с целью поиска наиболее эффективного выхода из обозначившихся кризисных процессов, для начала мы предлагаем рассмотреть таких два основных аспекта, как: среда, которая позволит раскрыть заложенный интеллектуально-творческий потенциал, и средство, с помощью которого будет возможно эффективно развивать интеллектуально-творческие способности младших школьников

Итак, первый аспект – среда. Обратим наше внимание на микро и макросреду младших школьников: семью и школьные образовательные учреждения. Рассмотрим институт семьи как важнейший институт социализации, в котором ребенок получает свой первоначальный социально-культурный опыт, и в котором формируются не только его интеллектуальные и творческие способности, но и происходит развитие и становление че-

ловека в целом. Современная семья существенно отличается от семьи, скажем 10-летней давности, не только по экономической функции, но и – что важно для нас – коренными изменениями своих эмоционально-психологических функций. Результаты проведенного нами исследования (489 опрошенных учащихся в 3-х начальных школах) показали, что из 25 человек в классе, только семь из них воспитываются в семье, где присутствуют оба родителя. В остальных случаях – это либо семьи с одним родителем, либо отец присутствует эпизодически. Также заметим, что до 25% современных семей, которые вообще не способны социализировать детей в позитивном русле, а до 15% – растят правонарушителей. Кроме того семья, помимо выполнения социальной функции, играет важную роль в умственном развитии ребенка. Американский ученый Блум выявил, что различие в коэффициенте умственного развития детей, выросших в благополучных и неблагополучных семьях, доходит до 20 баллов [1, с. 89].

На всех возрастных этапах социализации и развития ребенка, образовательный уровень семьи, интересы ее членов, сказываются на интеллектуальном развитии и раскрытии творческих способностей. Нельзя не брать во внимание эстетические вкусы, интеллектуальный уровень, творческую активность, музыкальные пристрастия и общую культуру родителей.

В этой связи особое внимание стоит обратить на музыкальные пристрастия, которые в свою очередь, формируют музыкальные вкусы и способствуют музыкальному воспитанию ребенка. К сожалению, большинство родителей не придают значения музыкальному воспитанию ребенка и тому, какая музыка звучит в их бытовой жизни. В результате проведенного нами опроса все тех же учащихся младших классов, было установлено, что всего лишь 25% родителей посещают с детьми концерты детского музыкального абонемента в филармонии, детские музыкальные театры и другие мероприятия, где звучит классическая или музыка для детей. Как правило, ими оказались те, чьи дети занимаются в школе искусств или других художественно-творческих кружках и студиях. А между тем, музыкальное воспитание способствует формированию и развитию интеллектуальных способностей, творческой активности, фантазии, воображения, концентрации внимания, эмоциональной отзывчивости, способности к сопереживанию.

Известно, что воздействие музыки на человека может быть и созидательным, и разрушительным. В этой связи, особое значение приобретает музыкальная звуковая среда, в которой находится ребенок. «Механические», электронные звучания, которые окружают детей с самого раннего детства, замедляют развитие голосовых связок, формирование музыкального слуха и музыкального восприятия. С развитием различных музыкальных гаджетов, и транслированием в СМИ низкопробных музыкальных произведений, происходит «загрязненность» и перегруженность бытового музыкального пространства. А ведь еще эстетическая мысль Древнего Китая видела в музыке нравственное и воспитательное значение. Китайский философ Конфуций писал: «Начинай образование с поэзии, прочитай его церемониями и завершай музыкой» [2, с. 5].

Также, на наш взгляд, в воспитании интеллектуальной и творческой личности, очень важно совместное творчество ребенка и взрослого, основанное на общем интересе. Но обладая одновременно рядом достоинств, оно также имеет некоторые недостатки, такие как скептицизм и критичность. Особенности же детского восприятия заключаются в непосредственном восприятии и любви к тому, что создается «здесь и сейчас». Детскому творчеству присущи, как живость видения, так и примитивизм исполнения. Поэтому здесь очень важен баланс между детской непосредственностью и опытом взрослого, что является предпосылкой творчества иного качества.

Взаимодействие творческих возможностей ребенка и взрослого может нивелировать слабые и обозначить сильные стороны каждого участника творческого процесса. Ребенок обладает непосредственным восприятием, взрослый – опытом, ребенок свободно связывает различные элементы, взрослый – обладает знанием того, как эти элементы эффективно связать между собой. Но не каждый родитель способен увидеть и услышать в нечто созданном ребенком, что-то значимое, а не просто бессмысленный набор звуков и каракули, которые на определенном возрастном этапе взросления маленького человека имеют смысл исключительно в контексте его жизни.

Таким образом, именно перед педагогом дополнительного образования в образовательных учреждениях и учреждениях творческо-художественной направленности, поставлены в своем роде компенсаторные, по отношению к современной семье, задачи развития интеллектуально-творческой сферы, в частности, средствами музыкального искусства в досуговое время.

Теперь обратимся к макросреде младших школьников – современным образовательным учреждениям. Названные социальные институты, помимо образовательной и воспитательной функций, несут и развивающую функцию – формирование и развитие интеллектуального потенциала и творческих способностей, общей культуры учащихся. Развитие познавательной и творческой активности у детей 6-9 лет должно проходить не только во внешкольной деятельности, но и во внеурочной работе. Однако в силу разного рода причин (кадровые, материальные, организационные, правовые и т.д.), в настоящее время не уделяется необходимого внимания.

Помочь учащемуся раскрыть его интеллектуально-творческий потенциал – задача не из легких, и требует от педагога дополнительного образования мастерства и высокого профессионализма. Также надо уделить особое внимание забытому сегодня опыту построения занятий на практическом принципе, в основе которого лежит познавательная активность и творческая инициатива. Именно средние общеобразовательные учреждения, как институт среды младшего школьника, в досуговое время, должны способствовать и стимулировать желание учащихся к поисково-творческой деятельности; целенаправленно и систематически развивать необходимые для занятий любым видом творчества способности учащихся: оригинальность мышления, восприятие, воображение, фантазию, эмоционально-чувственную и интеллектуально-творческую сферы. И самое главное – сформировать потребность в созидательном творчестве и общении с искусством. В этой связи заметим, что сама специфика общеобразовательных учреждений, как педагогической среды, предопределяет более компетентный образовательный, развивающий и воспитательный процесс, тогда как семья в этом отношении является практически самостоятельным субъектом со своими плюсами и минусами.

Второй аспект – средство. Рассматривая данный аспект в контексте школьного учреждения, средства можно подразделять на внеурочную, внеклассную и внешкольную работу с учащимися. Занятия в музыкально-театральной студии, организованные в группах продленного дня, домах творчества юных, детских школах искусств, игровая деятельность, школьные концерты, и т.п. – используя эти средства, также вполне реально развивать интеллектуально-творческие способности учащихся в досуговое время.

Однако, учитывая особенности младших школьников, следует более тщательно отнестись к выбору той или иной деятельности, определяя её как доминирующую. Мы считаем, что среди широкого спектра средств, особое место надо отдать музыкальной деятельностью в досуговое время.

Для детей 6-9 лет музыкальная деятельность является не только средством получения положительного социального опыта, рекреации и оздоровления, но, при правильном подходе, в условиях музыкальной студии, может стать, одной из базовых средств общего музыкального воспитания и развития интеллектуально-творческих способностей

Многие исследователи, такие как, Б.В. Асафьев, Л.А. Баренбойм, Н.А. Ветлугина, К. Орф говорили о том, что необходимо сочетать обучение и творчество. Если обращаться к музыкальному творчеству, то его необходимо рассматривать как средство развития личности, и как один из путей вовлечения детей в музыкальную деятельность и музыкальное искусство. В современном, быстро меняющемся, хаотичном мире, человеку необходимо что-то, что даст ему ощущение гармонии и красоты. В этой связи нельзя умалять ценность музыкальной деятельности, которая имеет свои давние традиции и является частью общей системы образования, просвещения и культуры.

Музыкальная деятельность рассматривалась в трудах многих педагогов-музыкантов – Б.Л. Яворского, Б.В. Асафьева, О.А. Апраксиной, Э.Б. Абдуллина, В.Н. Шацкой, Д.Б. Кабалевского, Л.Г. Дмитриевой, Ю.Б. Алиева, Л.В. Школяр, Н.М. Чернованенко и других.

Музыкальное искусство и различные виды музыкальной деятельности, обладая специфическими возможностями, особым образом воздействуют на формирование и развитие личности человека. Проследивание содержания музыкального про-

изведения, предполагает следующие умственные операции – синтез, сравнение, анализ. Это позволяет сформировать у учащихся образное «словаря эмоциональных состояний». Музыкальную деятельность характеризуют такие психологические функции как, действия и операции, которые непосредственно связаны с совершенствованием психических процессов: восприятия, воображения, мышления, памяти.

Как средство познания, музыкальная деятельность может использовать различные способы приобщения учащихся к музыкальному искусству. Учащиеся с удовольствием экспериментируют с музыкальными звуками и игре на различных музыкальных инструментах. Для этого необходимо формировать у учащихся специальные навыки и умения. Детское исполнительство на начальном этапе имеет подражательный характер.

Но по мере того как учащиеся овладевают определенными навыками и умениями, они становятся способны к осуществлению творческой деятельности, и таким образом они переходят с позиции пассивных наблюдателей, в активных участников творческого процесса.

Иными словами, рассматривая музыкальную деятельность детей младшего школьного возраста в досуговое время в контексте учебно-воспитательной и развивающей среды, отметим, что данная деятельность обладает следующими характеристиками:

- способна стать частью внешкольной работы;
- предоставляет возможность организации школьных концертов и музыкально-театрализованных представлений;
- выступает как эффективное средство музыкального воспитания, социализации и вовлечения учащихся в мир искусства и культуры.

Заметим, что с педагогической точки зрения необходимо поддерживать и совершенствовать наметившиеся тенденции в школьной практике.

Учитывая современные реалии, важно отметить, что во избежание стагнации, необходимо отойти от сложившихся стереотипов преподавания музыки в средних образовательных учреждениях, искать новые пути совершенствования педагогических

технологий, активно применять технологии социально-культурной деятельности, при этом учитывая влияние и изменение социально-экономических и культурных процессов.

В этом отношении современной школьной жизни необходимо, в частности, учёт следующих принципов: музыкальная деятельность в своей основе должна быть не только частью внешкольной работы, но и частью работы учебной; школьные занятия в области искусства важно строить не только на принципе пассивного получения знаний, но и на принципах активного участия учащихся в создании нового творческого продукта – несмотря на непонимание российским социумом, важности роли музыкального искусства в развитии интеллектуально-творческих способностей детей младшего школьного возраста.

Таким образом, средние общеобразовательные учреждения, как институт среды, должны организовывать музыкальную деятельность младших школьников в досуговое время, тем самым, вовлекая самих учащихся в этот процесс, в том числе и как организаторов, более того, данная деятельность должна носить преобразующий, развивающий воспитательно-образовательный характеры.

Подводя итог всему, сказанному выше, необходимо отметить, что острая потребность в приобщении современных детей младшего школьного возраста к ценностям музыкальной культуры не только позволяет, но и настоятельно требует от педагогов дополнительного образования обратить особое внимание на два вышеизложенных аспекта проблемы – «среда» и «средство».

В рамках рассматриваемой нами проблематики, необходимо сконцентрироваться на системе среднего школьного образования не только как на среде, в которой реализовываются учебные программы школьных дисциплин. Очень важно представить музыкальную деятельность в досуговое время детей 6-9 лет, как одного из эффективных средств развития интеллектуально-творческих способностей учащихся, активно ища новые, творческие, инновационные подходы, совершенствуя в этом аспекте существующие методики музыкального воспитания в контексте современного социально-культурного и информационного пространства.

Библиографический список

1. Мудрик, А.В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов / под ред. А.В. Слостенина. – М., 2005.
2. Медведь, Э.И. Эстетическое воспитание школьников в системе дополнительного образования: учеб. пособие. – М., 2002.

Bibliography

1. Mudrik, A.V. Socialjnaya pedagogika: ucheb. dlya stud. ped. vuzov / pod red. A.V. Slastenina. – М., 2005.
2. Medvedj, Eh.I. Ehsteticheskoe vospitanie shkoljnikov v sisteme dopolniteljnogo obrazovaniya: ucheb. posobie. – М., 2002.

Статья поступила в редакцию 10.11.13

УДК 378. 2

Vekovtseva T.A. THE DIVERSITY OF PROFESSIONAL ROLES OF A MODERN HIGHER EDUCATION TEACHER.

The competency approach stipulated the need for substantiating and implementing new roles (or developing the existing ones) of higher education teachers in their professional activities. For the purpose of identifying such roles, this article provides an analysis of national scholars' scientific publications and monographs and a synthesis of practical studies. Through generalization of obtained data on competency basis, a relation between the professional roles of higher education teachers with the main types of their activities was established. The results presented herein may be applied to practice of advanced training of higher education teachers to ensure high level of their professional activities and enable development of professional qualification characteristics allowing for rating the teachers.

Key words: higher education teacher, competency approach, professional roles of teachers.

**T.A. Вековцева, канд. искусствоведения, доц. Южно-Уральского гос. университета, г. Челябинск,
E-mail: vek-73@mail.ru**

МНОГООБРАЗИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РОЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Компетентностный подход обусловил необходимость обоснования и внедрения в профессиональную деятельность новых (или усовершенствования существующих) ролей преподавателя вуза. Для их выявления в статье проведен анализ научных и монографических публикаций отечественных ученых и синтез практических разработок. В результате обобщения полученных данных на компетентностных основаниях получена взаимосвязь профессиональных ролей с основными видами деятельности преподавателя вуза. Представленные в статье результаты могут быть использованы в практике повышения квалификации преподавателей высшей

школы для обеспечения высокого уровня их профессиональной деятельности и разработки профессионально-квалификационных характеристик, обеспечивающих возможность рейтингования преподавателей.

Ключевые слова: преподаватель вуза, компетентностный подход, профессиональные роли преподавателя.

Подготовка специалистов с высшим образованием по различным направлениям и профилям относится к одной из самых сложных категорий. Поэтому целесообразно осуществлять пристальное и постоянное внимание ко всем факторам, которые непосредственно влияют на качество высшего профессионального образования. И, конечно, в первую очередь, – это особое внимание к ключевой фигуре образовательного процесса вуза – преподавателю, который всегда играл, играет и сохранит в будущем ведущую роль в высшем образовании. Именно преподаватель осуществляет основные и стратегические функции в процессе профессионального развития личности студента и его самореализации в образовательном процессе высшего учебного заведения.

Необходимо отметить, что личность преподавателя вуза, а также специфика и особенности его профессиональной деятельности постоянно привлекают внимание ученых. Данные вопросы исследуются в психологии, педагогике, социологии и других областях научного знания. Большой вклад в этом направлении внесли Е.Ю. Васильева, И.В. Гребнев, И.Ф. Исаев, Т.Е. Исаева и др. [1; 2; 3; 4 и др.]. Особое внимание исследователи уделяют личностным особенностям преподавателя; его социальному портрету; особенностям преподавательской деятельности; вопросам мотивации и оценки деятельности педагогов; проблемам взаимоотношений между преподавателем и студентами; специфике развития педагогической и научно-методической культуры преподавателя вуза [3; 5; 6 и др.].

Многие исследователи отмечают, что профессорско-преподавательский состав высшего учебного заведения представляет собой основу производственного персонала в системе вузовского образования. Поэтому вопрос о деятельности преподавателя вуза, о его функциях и выполняемых ролях сегодня является достаточно актуальным и связан с постоянно изменяющимися требованиями в системе высшего профессионального образования [2; 5; 6 и др.].

Данные требования определяются сегодня Федеральными Государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования третьего поколения, базирующимися на освоении выпускниками соответствующих компетенций, а также квалификационными характеристиками преподавателя. В частности, в соответствии с Приказом Министерства

здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 26 августа 2010 г. № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования», преподаватель «проводит обучение обучающихся в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов; организует и контролирует их самостоятельную работу; содействует развитию личности; оценивает эффективность обучения предмету (дисциплине, курсу); поддерживает учебную дисциплину; осуществляет контрольно-оценочную деятельность в образовательном процессе; участвует в работе предметных комиссий (методических объединений), конференций, семинаров; участвует в деятельности педагогического и иных советов образовательного учреждения; осуществляет связь с родителями или лицами, их заменяющими; разрабатывает рабочие программы учебных дисциплин; обеспечивает охрану жизни и здоровья обучающихся во время образовательного процесса...» и др. [7].

Это далеко неполный перечень должностных обязанностей преподавателя вуза, однако он ярко иллюстрирует существующую проблему многовекторности и многоаспектности профессиональной деятельности современного преподавателя вуза. Существующая проблема говорит о многообразии ролей, выполняемых преподавателем высшей школы.

Таким образом, анализ нормативных документов, научных и монографических публикаций отечественных ученых, а также синтез практических разработок, позволяет констатировать, что профессия преподавателя вуза отличается многогранностью функциональных обязанностей, что предопределяет выполнение им множества ролей. Количество освоенных ролей и степень эффективности их исполнения определяет уровень профессионального развития преподавателя. Поэтому определение и обоснование профессиональных ролей преподавателя способствует выявлению условий и соответствующих возможностей для расширения и повышения качества профессиональной деятельности, а также является основой содействия его профессиональному саморазвитию [8].

Новизна проводимого нами в этом направлении исследования основывается на следующем положении. Преподаватель

Таблица 1

Взаимосвязь профессиональных ролей с основными видами деятельности преподавателя вуза

Внутренняя среда		Внешняя среда	
Воспитательная деятельность		Педагогическая деятельность	
Воспитательная деятельность		Педагогическая деятельность	
Роли	Роли	Роли	Роли
1. Субъект процесса воспитания: – тьютор – куратор – фасилитатор	3. Субъект передачи знаний: – лектор – репетитор – тренер	7. Субъект научного поиска: – исследователь – консультант – руководитель – организатор	
2. Субъект интернационализации и глобализации: – мотиватор – ментор	4. Субъект внедрения педагогических технологий: – методист – дидакт – педагогический технолог		
	5. Субъект-руководитель: – координатор – организатор – модератор		
	6. Субъект инновационного процесса: – новатор – преобразователь		
	8. Субъект коллективного взаимодействия: – коллега – наставник – исполнитель		

в вузе постоянно взаимодействует с социальной средой, выполняя различные роли, следовательно, расширяя горизонт взаимодействия преподавателя, мы стимулируем его к освоению новых ролей.

Существующую социальную среду рассмотрим в трех аспектах: макросреда, мезосреда и микросреда. Макросреда – это система профессионального образования во главе с Министерством образования и науки РФ, и, естественно, сюда входит руководство страны, региона и области, выполнение решений которых является прямой обязанностью преподавателя. В данном случае явная роль преподавателя – «исполнитель», но может быть и «исследователь». Мезосреда – это уровень вуза, предприятий-партнеров, предприятий-заказчиков или руководителей предприятий (а также подразделений предприятия), с которыми ведутся исследовательские и консалтинговые работы. Основные роли преподавателя на этом уровне можно обозначить как консультант, тренер, тьютор, лектор, советник. Микросреда – это уровень кафедры, потоков и групп студентов. В этом случае ролевое поведение преподавателя проявляется как лектор, куратор, репетитор, ментор, тренер, модератор, фасилитатор.

Представленные аспекты и соответствующие им роли преподавателя представлены в таблице, где иллюстрируется соотношение профессиональных ролей преподавателя с внутренней средой вуза (студенты, коллеги – микросреда), внешней средой (социальные партнеры, работодатели, средства массовой информации, предприятия, учреждения и организации – мезо- и макросреда), а также с соответствующими видами деятельности (педагогическая, воспитательная, научно-исследовательская).

Рассмотрим подробнее представленные в таблице профессиональные роли преподавателя вуза.

1. Преподаватель вуза в процессе воспитательной деятельности выступает непосредственно как **субъект процесса воспитания**. Деятельность преподавателя в данном процессе направлена на формирование у студентов: устойчивой гражданской позиции; ощущения себя членом культурного общества; необходимых социальных, коммуникативных и других личностных характеристик; позитивного отношения к будущей профессии.

На основе компетентностного подхода можно констатировать, что в этой деятельности преподаватель выполняет роли, которые непосредственно связаны с формированием таких компетенций как: социальные, интеллектуальные, коммуникативные и даже здоровьесберегающие. Он является тьютором, куратором, фасилитатором. *Преподаватель-тьютор* осуществляет педагогическое сопровождение обучающихся и его деятельность направлена на работу с их субъектным опытом. В связи с необходимостью усиления воспитательной работы со студентами повышается роль куратора, который осуществляет академическое руководство студенческой группой, а также внеучебной жизнью студентов. Роль фасилитатора (содействующего) определяется основной ценностью – интересами развития личности студента. В этой роли преподаватель не ставит жесткие конкретные цели.

2. Следующая роль преподавателя в процессе воспитательной деятельности связана с актуальными сегодня процессами **глобализации и интернационализации**. Это говорит о том, что преподаватель должен также ориентироваться на международные стандарты качества образования. Формировать у студентов компетенции, связанные с их мобильностью, со способностями к зарубежным стажировкам и публикациям.

Преподаватель в данном случае мотивирует студентов, направляет их деятельность на успех, т.е. выступает в роли мотиватора. В условиях глобализации и информатизации образования особенно актуальной становится позиция преподавателя-ментора, который оказывает помощь студентам и вводит их в реальные профессиональные сферы.

3. Роль преподавателя как **субъекта передачи знаний** является наиболее очевидной в его профессиональной деятельности. Учитывая, что на сегодняшний день в системе высшего профессионального образования наблюдается переход от «знаниевого» подхода в обучении к «компетентностному», т.е. предполагается, что студент должен не только овладеть определенным набором знаний, но и быть способным компетентно осуществлять профессиональную деятельность. Поэтому очевидная роль преподавателя преобразуется в многоплановую и требует выполнения достаточно сложных функций. Таким образом, традиционная роль преподавателя вуза как субъекта передачи знаний в современных условиях преобразуется в наиболее актуальную сегодня роль, связанную с формированием компетенций.

Основные роли, которые выполняет преподаватель, в данном аспекте представлены как лектор, репетитор, тренер. Учитывая, что лекция – **традиционно ведущая форма обучения в вузе, роль лектора в профессиональной деятельности преподавателя можно назвать ведущей**. Однако зачастую преподаватель выполняет роль репетитора. Слово репетитор происходит от лат. *repetitor*, что означает «тот, кто повторяет». Сегодня наиболее распространено значение понятия репетитор как преподаватель, который проводит дополнительные (в том числе и индивидуальные) занятия, помогая освоить студентам необходимые знания. С позиции компетентностного подхода немаловажную значимость приобрела роль преподавателя как тренера, который организует самостоятельную работу студентов, использует четкие инструкции и рекомендации, контролирует результаты обучения и тем самым формирует соответствующие общекультурные и профессиональные компетенции.

Переход от знаниевой парадигмы обучения к компетентностной предполагает рассмотрение преподавателя вуза как **субъекта внедрения педагогических технологий**, что требует от него постоянного совершенствования как методиста, как дидакта, как педагогического технолога. Данные роли преподавателя предполагают подготовку учебных материалов ко всем видам занятий, разработку рабочих программ и учебно-методических комплексов дисциплин, публикацию методических пособий, апробацию новых технологий обучения и многое другое.

Учитывая требования, которые определяются сегодня современным обществом относительно использования на практике выпускниками вузов приобретенных знаний и сформированных компетенций, в деятельности преподавателя определяется следующая роль как **субъекта-руководителя**. Такая роль помимо организации и координации процесса обучения предполагает также организацию и координацию реальной практической деятельности студентов, которая позволит обеспечить реальное использование и применение полученных знаний и осваиваемых профессиональных компетенций. В данном процессе особое место занимает деятельность преподавателя-модератора. Функция модератора заключается в помощи студентам «раскрепоститься», выявлении скрытых возможностей и нереализованных умений.

Следующая роль выявлена на основании того, что профессиональная деятельность современного преподавателя вуза должна быть пропитана инновационностью и, кроме того, она должна базироваться на творчестве [9 и др.]. Поэтому преподаватель как **субъект инновационного процесса** выполняет роли новатора и преобразователя. Миссия преподавателя-новатора в первую очередь заключается в том, чтобы знаниевую образовательную ориентацию заменить на создание компетентно-ориентированного образовательного пространства. Без преобразования традиционных форм учебной деятельности, а может быть и всей структуры образовательного процесса вуза получить положительные результаты в данном направлении практически невозможно.

Важный аспект профессиональной деятельности преподавателя вуза составляет научно-исследовательская деятельность, в которой преподаватель предстает как **субъект научного поиска**. С этой позиции он играет роль исследователя, осуществляя поиск новых научных результатов, а затем публикуя их в виде научных статей и монографий. Кроме того, преподаватель выполняет роль руководителя и консультанта научной работы аспирантов и докторантов. Особое место в профессиональной деятельности преподавателя занимает руководство научно-исследовательской работой студентов.

И, конечно, нельзя не отметить роль преподавателя как **субъекта коллективного взаимодействия**, т.к. только деятельность целого коллектива преподавателей может дать положительные результаты в процессе подготовки будущих специалистов с высшим образованием. Преподаватель в этом аспекте может выступать как коллега, наставник и исполнитель. Коллеги-преподаватели разделяют общую миссию и цели высшего учебного заведения. Каждый из них является исполнителем определенных профессиональных функций (соответствующего функционала) в соответствии с должностью и статусом в вузе. Более опытные преподаватели также выполняют и роль наставников.

Таким образом, многообразие ролей современного преподавателя вуза представлено в восьми основных аспектах. Каж-

дая роль требует выполнения определенного функционала (т.е. набора профессиональных функций). Выявление такого функционала позволит определить компетенции, которыми должен обладать современный преподаватель вуза. Иными словами, позволит определить профессионально-квалификационные характеристики, на основе которых возможно производить стимулирование и поощрение профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения.

В заключении отметим, что представленный перечень профессиональных ролей преподавателя вуза может быть дополнен с учетом меняющихся требований к профессорско-преподавательскому составу вуза. Кроме того, существует возможность адаптации предложенных групп профессиональных ролей к конкретному учебному заведению с учетом его статуса: институт, университет, национальный исследовательский университет и т.п.

Библиографический список

1. Васильева, Е.Ю. Концепция системы оценки качества деятельности профессорско-преподавательского состава в вузе: дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 2005.
2. Гребенев, И.В. Формирование педагогического профессионализма преподавателей в условиях классического университета: на материале подготовки преподавателей физики: дис. ... д-ра пед. наук. – Нижний Новгород, 2008.
3. Исаев, И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учеб. пособие. – М., 2004.
4. Исаева, Т.Е. Структура педагогических способностей преподавателя высшей школы // Преподаватель высшей школы в XXI веке: сб. тр. V Междунар. научно-практич. интернет-конф. – Ростов-на-Дону, 2007. – Ч. 1.
5. Мелехина, Е.А. Преподаватель высшей школы в контексте реформы образования / Е.А. Мелехина, И.В. Барабашева // Сборник научных трудов НГТУ. – 2007. – № 4(50).
6. Подповетная, Ю.В. Теоретико-методологический анализ развития научно-методической культуры преподавателя высшей школы // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (31).
7. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 26 августа 2010 г. N 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [Э/р]. – Р/д: [http://www.consultant.ru/online/ base/?req=doc; base=law;n=82134](http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc; base=law;n=82134)
8. Резанович, И.В. Концептуализация педагогического опыта в процессе внутриорганизационного повышения квалификации / И.В. Резанович, Г.А. Шкерина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 4.
9. Харченко, Л.Н. Инновационная деятельность преподавателя современного вуза: обоснование системного подхода / Л.Н. Харченко, И.Е. Панова // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2010. – № 4(25).

Bibliography

1. Vasiljeva, E.Yu. Konceptsiya sistemih ocenki kachestva deyatel'nosti professorsko-prepodavatel'skogo sostava v vuze: dis. ... d-ra ped. nauk. – SPb., 2005.
2. Grebenev, I.V. Formirovanie pedagogicheskogo professionalizma prepodavateley v usloviyakh klassicheskogo universiteta: na materiale podgotovki prepodavateley fiziki: dis. ... d-ra ped. nauk. – Nizhniy Novgorod, 2008.
3. Isaev, I.F. Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya: ucheb. posobie. – M., 2004.
4. Isaeva, T.E. Struktura pedagogicheskikh sposobnostey prepodavatelya vihshey shkoly // Prepodavatel' vihshey shkoly v XXI veke: sb. tr. V Mezhdunar. nauchno-praktich. internet-konf. – Rostov-na-Donu, 2007. – Ch. 1.
5. Melekhina, E.A. Prepodavatel' vihshey shkoly v kontekste reformy obrazovaniya / E.A. Melekhina, I.V. Barabasheva // Sbornik nauchnykh trudov NGTU. – 2007. – № 4(50).
6. Podpoventnaya, Yu.V. Teoretiko-metodologicheskij analiz razvitiya nauchno-metodicheskoy kul'tur prepodavatelya vihshey shkoly // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2011. – № 6 (31).
7. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i social'nogo razvitiya Rossiyskoy Federacii (Minzdravsocrazvitiya Rossii) ot 26 avgusta 2010 g. N 761n «Ob utverzhdenii Edinogo kvalifikatsionnogo spravochnika dolzhnostey rukovoditeley, specialistov i sluzhathikh, razdel «Kvalifikatsionnye kharakteristiki dolzhnostey rabotnikov obrazovaniya» [Eh/r]. – R/d: [http://www.consultant.ru/online/ base/?req=doc; base=law;n=82134](http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc; base=law;n=82134)
8. Rezanovich, I.V. Konceptualizatsiya pedagogicheskogo opita v processe vnutoriorganizatsionnogo povisheniya kvalifikatsii / I.V. Rezanovich, G.A. Shkerina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – № 4.
9. Kharchenko, L.N. Innovatsionnaya deyatel'nost' prepodavatelya sovremennogo vuza: obosnovanie sistemnogo podkhoda / L.N. Kharchenko, I.E. Panova // Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2010. – № 4(25).

Статья поступила в редакцию 07.11.13

УДК 378.096: 371.26 (045)

Karpova L.G. EDUCATION QUALITY MANAGEMENT IN ESTABLISHMENT OF THE ART AND AESTHETIC ORIENTATION AS PEDAGOGICAL PROBLEM. In article the pedagogical problem of quality management of education in establishment of an art and esthetic orientation is considered. Quality of education in modern society is considered today as one of the most effective remedies of satisfaction of needs of the person in educational services. The matter in the present becomes more and more actual, and demands address work on creation and system introduction, development of the adequate theory of quality management of education in establishment of an art and esthetic orientation.

Key words: quality management, pedagogical problem, problem of quality of education, feature of quality management of education in establishment, an assessment of quality of activity, a control system of quality of education in establishment of an art and esthetic orientation.

*Л.Г. Карпова, зам. директора по УВР Муниципального автономного образовательного учреждения дополнительного образования детей детская школа искусств «Гармония», г. Пенза,
E-mail: cklarissa@mail.ru*

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается педагогическая проблема управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности. Качество образования в современном обществе рассматривается

сегодня как одно из самых эффективных средств удовлетворения потребностей человека в образовательных услугах. Данный вопрос в настоящее время становится все более актуальным и требует адресной работы по созданию и внедрению системы, разработке адекватной теории управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности.

Ключевые слова: управление качеством, педагогическая проблема, проблема качества образования, особенности управления качеством образования в учреждении, оценка качества деятельности, система управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности.

В последние годы проблема управления качеством образования приобрела чрезвычайную актуальность. Это связано с тем, что реформирование системы образования предполагает работу преподавателя в новых условиях, направленную на освоение содержания образования, владение инновационными технологиями, внедрение актуальных моделей управления для реализации в современном образовательном процессе. И именно данная ситуация выдвигает в число значимых проблему управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности [1, с. 23].

Качество образования, в современном понимании – 1) соответствие знаний учащихся федеральным государственным требованиям, 2) успешное функционирование учебного заведения в целом, 3) деятельность каждого преподавателя и руководителя в направлении обеспечения качества образовательных услуг.

Проблема качества образования (и управления им) относится к актуальным проблемам современного общества и требует существенных изменений в XXI веке. Реформы российского образования последних лет свидетельствуют о создании независимой системы оценки качества образования и приоритета государственного контроля качества образования.

Особое место в системе дополнительного образования детей занимает образование художественно-эстетической направленности, которое усиливает вариативную составляющую общего образования, способствует реализации знаний и помогает учащимся в профессиональном самоопределении.

В настоящее время во многих учреждениях дополнительного образования художественно-эстетической направленности проводится работа по созданию и внедрению системы управления качеством образования. Актуальность создания и эффективной работы системы управления качеством образования определяется направленностью на обеспечение такого уровня качества образования и образовательных услуг, которые могут полностью удовлетворять потребителей. Качество образования определяет конкурентоспособность образовательного учреждения художественно-эстетической направленности.

В целом, процесс управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности непрост. Среди особенностей управления необходимо выделить следующее: свобода преподавателя в выборе методик, исторически сложившаяся независимость деятельности педагогического персонала, потребность в высоком уровне специально обученного кадрового состава, большая культурная и социальная значимость результатов деятельности.

Можно назвать много других специфических характеристик, особенностей, которые порождают проблемы при создании и сопровождении управления качеством в учреждении дополнительного образования. Именно поэтому каждое образовательное учреждение дополнительного образования детей должно само создать и наладить такую систему управления качеством, которая, учитывая весь комплекс индивидуальных характеристик учреждений дополнительного образования художественно-эстетической направленности, будет эффективно работать, гарантировать потребителю получение высококачественных образовательных услуг, и делает учреждение конкурентоспособным.

При реализации системы управления качеством образования учреждения художественно-эстетической направленности следует учитывать целый комплекс форм и методов управления. Рассматривая управление качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности как проблему дополнительного образования, мы говорим и о решении ряда управленческих задач:

- 1) умения добиваться поставленных целей,
- 2) использование творческого интеллекта преподавателей,
- 3) мотивация – как один из факторов обеспечения результативности управленческой деятельности.

Количество специализаций и отделений в учреждении дополнительного образования детей художественно-эстетической направленности характеризует использование материальных и кадровых ресурсов образовательной организации; число учащихся свидетельствует о востребованности предоставляемых услуг населению; количество мероприятий, конкурсных участия отражает результативность деятельности образовательного учреждения художественно-эстетической направленности, дает представление о спектре услуг; полученные средства от иной, приносящей доход деятельности отражают уровень работы коллектива и спрос населения на услуги данного учреждения.

Образовательные учреждения дополнительного образования детей художественно-эстетической направленности, исходя из своей специфики, органически сочетают разнообразные виды организации досуга учащихся (концерты, фестивали, олимпиады, спектакли, праздники, тематические посвящения) с различными формами дополнительного образовательного деятельности (конкурсы, форумы, интерактивные викторины, дискуссионные площадки, выезды по знаменитым местам, лекции-концерты, встречи с творческой интеллигенцией и т.д.) и, как следствие, расширяют возможности развития личности, увеличивают межкультурное общение в образовательном пространстве, решая проблему занятости детей.

Согласно статье 75 Федерального Закона, дополнительное образование нацелено на формирование и развитие творческих способностей детей, на удовлетворение их индивидуальных потребностей, а также обеспечивает адаптацию детей к жизни в обществе, профессиональную ориентацию. Дополнительное образование трактуется как вид образования, всестороннее удовлетворяющий образовательные потребности человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, профессиональном совершенствовании [2].

Образовательному учреждению дополнительного образования детей художественно-эстетической направленности необходимо понимать спрос потребителя, выполнять его требования и стремиться превзойти ожидания. Специфика работы учреждений художественно-эстетической направленности заключается в том, что потребитель желает получить максимум знаний и информации, а учреждение помогает личности выйти на более высокий уровень художественно-эстетической культуры.

В связи с вступлением в силу Федерального Закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации», в образовательных учреждениях художественно-эстетической направленности реализуются дополнительные предпрофессиональные и общеразвивающие программы. Статья 83 данного закона регулирует особенности содержания, структуры и условий реализации дополнительных предпрофессиональных программ в области искусств и впервые устанавливает к ним федеральные государственные требования. Дополнительные общеразвивающие программы должны учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей.

Среди особенностей управления в сфере дополнительного образования можно отметить то, что обеспечение, управление и оценка качества образовательного процесса художественно-эстетической направленности должны носить системный, комплексный характер, охватывать такие объекты управления качеством, как учебное учреждение, образовательный процесс и учащихся.

В настоящее время вопросам управления качеством образования уделяется повышенное внимание, показана роль менеджмента в управлении качеством в учреждении дополнительного образования. Так, в исследованиях последних лет усилился интерес к изучению художественно-эстетических процессов в дополнительном образовании: выявлению особенностей художественно-эстетического воспитания, художественно-эстетического потенциала, многогранных аспектов работы учреждений дополнительного образования художественно-эстетической направленности.

Вместе с тем, действующая сегодня практика управления, на наш взгляд, не отвечает главной задаче образовательного учреждения художественно-эстетической направленности – удовлетворению запросов общества в получении качественного образования, реализации образовательного пространства, где ребенок может удовлетворить свое личностное право, выбрать цели и содержание художественно-эстетической деятельности.

Решение данного вопроса в значительной степени определяется способом понимания проблемы управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности, изучения и выстраивания на этой основе педагогической модели управления качеством.

Рассматривая вопрос управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности (как педагогической проблемы), мы относим к числу актуальных задач необходимость: 1) рассмотрения запросов потребителей услуг художественно-эстетической направленности, а также возможностей образовательного учреждения художественно-эстетической направленности; 2) внедрения обновленных решений, направленных на демократический характер управления качеством образования в учреждении дополнительного образования детей; 3) разработки комплекса организационно-педагогических условий, направленных на эффективность управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности.

Необходимо отметить, что наибольший интерес сегодня вызывают частные проблемы в управлении: проблемы деятельности отдельных учреждений дополнительного образования, муниципальной системы дополнительного образования, управления педагогическим коллективом или определенными аспектами личностного развития детей в дополнительном образовании и т.д. Целостных же исследований, посвященных проблеме управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности, рассмотрению его методологических и теоретических оснований на современном этапе нами не обнаружено.

Констатируя проблему, мы говорим о наличии противоречия между необходимостью адекватного развития самой системы дополнительного образования детей и не разработанностью соответствующей модели управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности.

Анализируя работу образовательных учреждений художественно-эстетической направленности важно отметить, что в настоящее время она предоставляет возможности вариативного обучения, разработки и реализации новых специальностей в процессе обучения. Учащийся, включенный в систему дополнительного образования художественно-эстетической направленности, становится более культурным, мобильным, ориентированным на свободный выбор творческой деятельности.

Наш практический опыт работы в системе дополнительного образования художественно-эстетической направленности, опыт изучения деятельности учреждений дополнительного образования детей Пензенской области, Республики Мордовия свидетельствуют о том, что в оценке качества деятельности и результатов деятельности образовательных учреждений художественно-эстетической направленности можно выделить следующие позиции оценивания:

- профессиональный рост коллектива всего учреждения, конкретного преподавателя (уровень организации учебно-воспитательного процесса, положительные тенденции деятельности учреждения художественно-эстетической направленности в целом, педагогическое мастерство коллектива, повышение творческого, методического и научно-исследовательского потенциала каждого преподавателя и т.д.);

- индивидуальные показатели личности ученика (общие показатели освоения программ художественно-эстетической направленности, творческая профессиональная направленность выпускников, общая мотивация и успешность социализации, изменение ценностных ориентиров учащегося);

- изменение отношений в обществе, семье (активизация родительской общественности, помощь в становлении коллектива, формирование личности каждого учащегося учреждения художественно-эстетической направленности).

Исходя из вышеизложенного, вопрос управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности как проблема системы дополнительного образования детей является в настоящее время одной из актуальных задач, решение которой должно затрагивать интересы не только тех, кто занимается управленческой деятельностью профессионально, но также методистов, преподавателей и других специалистов образовательных учреждений художественно-эстетической направленности.

Библиографический список

1. Кобозева, И.С. Формирование профессиональной компетентности педагога-музыканта, как средства обеспечения качества непрерывного образования // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки: научный журнал. – 2013. – № 3. – Т. II.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Э/р]. – Р/д: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149753/

Bibliography

1. Kobozeva, I.S. Formirovanie professional'noy kompetentnosti pedagoga-muzikanta, kak sredstva obespecheniya kachestva neprerivnogo obrazovaniya // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Psikhologo-pedagogicheskie nauki: nauchniy zhurnal. – 2013. – № 3. – Т. II.
2. Federal'niy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federacii» [Eh/r]. – R/d: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149753/

Статья поступила в редакцию 11.11.13

УДК 378.096 : 371.26 (045)

Kobozeva I.S., Karpova L.G. ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS, PROMOTING EFFECTIVE MANAGEMENT OF QUALITY OF EDUCATION IN ESTABLISHMENT OF THE ART AND AESTHETIC ORIENTATION.

In article the organizational and pedagogical conditions promoting effective management of quality of education in establishment of an art and esthetic orientation that creates a basis for strong administrative ability, free information orientation at the solution of pedagogical tasks, optimization of search of their decision are considered, promotes improvement of process and has productive impact on education quality management in establishment of additional education.

Key words: conditions, pedagogical conditions, organizational and pedagogical conditions, quality management, management efficiency, increase of management efficiency by quality of education in establishment of an art and esthetic orientation, a complex of organizational and pedagogical conditions.

И.С. Кобозева, д-р пед. наук, проф. ФГБОУ ВПО «Мордовский гос. педагогический институт им. М.Е. Евсевьева», г. Саранск, E-mail: kobozeva_i@mail.ru; **Л.Г. Карпова**, заместитель директора по УВР Муниципального автономного образовательного учреждения дополнительного образования детей «детская школа искусств «Гармония», г. Пенза, E-mail: sklarissa@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются организационно-педагогические условия, способствующие эффективному управлению качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности, что создает основу для прочного управленческого умения, свободной информационной ориентации при решении педагогических задач, оптимизации поиска их решения, способствует совершенствованию процесса и оказывает продуктивное влияние на управление качеством образования в учреждении дополнительного образования.

Ключевые слова: условия, педагогические условия, организационно-педагогические условия, управление качеством, эффективность управления, повышение эффективности управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности, комплекс организационно-педагогических условий.

Процесс управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности в настоящее время испытывает поиск современных средств, педагогических условий, способствующих повышению эффективности управления. Управление качеством образования должно обеспечиваться оптимальной мотивацией, применением ресурсов, максимальным наличием условий, для получения положительного результата. Ряд теоретических исследований дает обоснование понятию «эффективности управления» как характеристики, которая отражает отношения между достигнутой и возможной продуктивностью [1; 2].

Ю.К. Бабанским, научно доказано, что любая система может успешно функционировать при соблюдении определенных условий, поэтому в рамках нашего исследования необходимо выявить ряд условий, которые аргументируют свою эффективность при управлении качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности. Рассмотрим понятийный аппарат и условия, которые продуктивно влияют на процесс принятия управленческих решений.

Понятие «условие» (по С.И. Ожегову) освещается в нескольких вариантах: во-первых, как обстановка, в которой что-нибудь происходит, осуществляется; во-вторых, как обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; в третьих, как правила, установленные в какой-нибудь области жизни, деятельности [3, с. 1099].

Анализ философской литературы раскрывает понятие «условие» как: 1) отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может [4, с. 380]; 2) среду, в которой пребывают и без которой не могут существовать [5, с. 98]. Таким образом, объединяющее звено нескольких понятий позволило нам трактовать «условие» как отношение предмета с окружающим миром, без которого он существовать не может.

Условия в педагогике понимаются многими учеными (П.И. Пидкасистый, А.М. Столяренко, Ю.М. Корниенко и др.) как обстоятельства, факторы, совокупность мер, от которых зависит эффективность функционирования всей педагогической системы [6].

Научная литература дает нам возможность проанализировать определение «педагогические условия». Так, по мнению И.Я. Лернера – это факторы, обеспечивающие успешное обучение [7, с. 76]. К такому же мнению приходят Л.П. Качалова, Н.М. Яковлева, считая, что педагогические условия это то, что способствует успешному протеканию чего-либо [8]. По мнению Ю.К. Бабанского, это обстановка, при которой компоненты учебного процесса представлены в наилучшем взаимодействии [9, с. 125]. В.Г. Максимов трактует педагогические условия как «совокупность объективных и субъективных факторов, необходимых для обеспечения эффективного функционирования всех компонентов образовательной системы» [10, с. 115].

Учитывая специфику работы в учреждении дополнительного образования, под педагогическими условиями в учреждении художественно-эстетической направленности мы понимаем обстоятельства процесса обучения и воспитания художественно-эстетической направленности, результат отбора и применения методов и средств обучения и воспитания, способствующих эффективному решению художественно-эстетических задач.

В исследованиях теории управления каждый автор резюмирует свои предложения. Так, в работах ученого Т.И. Шамовой, организационно-педагогические условия трактуются как:

1) предоставление возможности участия как всего коллектива, так и каждого члена в реализации управленческих решений; 2) повышение управленческой компетентности и профессионального мастерства всех участников управления учреждением [11, с. 47].

Две группы условий управления школой выделяет В.А. Сластенин: общие (культурные, социальные, экономические, национальные и географические) и специфические (местонахождение школы, материальные возможности школы, особенности социально-демографического состава учащихся, воспитательные возможности окружающей среды) [12, с. 494]. Однако совсем иные условия повышения эффективности управления предлагают Л.А. Кабанина, Н.П. Толстоуцких. В разработке их понятий мы видим совершенствование должностных обязанностей преподавателя, стимулирующей системы в педагогическом процессе; активное повышение педагогического мастерства, обновление организации работы всех структур в комплексе [2].

Мы полагаем, что к условиям эффективности управления качеством образования учреждений художественно-эстетической направленности можно отнести:

- создание четкой организационной структуры и координацию ее функционирования;
- высокую организационно-педагогическую и управленческую подготовленность руководителей учреждения;
- повышение теоретического и профессионального уровня преподавателей детской школы искусств;
- эффективно выстроенную модель управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности,
- высокую мотивацию и стимулирование педагогического труда, мониторинг образовательного процесса;
- обеспечение инновационного развития и стратегического планирования учреждения художественно-эстетической направленности.

На основе анализа научно-педагогической литературы установлено, что повышение управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности является одним из приоритетных направлений развития в сфере педагогики дополнительного образования и напрямую зависит от создания соответствующих организационно-педагогических условий в процессе управления им.

Вышеизложенное позволяет нам рассмотреть организационно-педагогические условия, способствующие эффективному управлению качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности. Под *организационно-педагогическими условиями*, в контексте нашего исследования, можно понимать *совокупность необходимых мер, способствующих эффективному управлению качеством образования учреждения художественно-эстетической направленности*.

Полагаем, что управление качеством образовательного учреждения художественно-эстетической направленности будет происходить более эффективно при создании специального комплекса организационно-педагогических условий, их мы рассматриваем как *совокупность взаимосвязанных педагогических условий, реализация которых будет способствовать повышению уровня эффективности управления качеством образования учреждения художественно-эстетической направленности*.

Следует подчеркнуть, что управление качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности отличается от других подсистем образования: условия управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности нацелены на индивидуальный характер оценки, здесь отсутствует строгая регламентация видов деятельности и управленческого подхода при составлении программ. Работа преподавателей нацелена на раскрытие уникальности, индивидуальности каждого учащегося и поэтому включает элементы воспитания и развития, обучения и творчества, культуры и искусства. Поэтому возникает необходимость создания именно комплекса организационно-педагогических условий, способствующих эффективному управлению качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности. К данному комплексу организационно-педагогических условий мы относим:

1) реализацию комплексных (общеобразовательных, пред-профессиональных) и индивидуальных программ дополнительного образования;

2) нацеленность управленческой деятельности на комплексное решение общеразвивающих задач воспитания и обучения детей в образовательном учреждении художественно-эстетической направленности;

3) комплектование учреждения руководящим, педагогическим, вспомогательным персоналом, имеющим специальную подготовку; обеспечение роста профессионального мастерства и квалификации руководителя и сотрудников;

4) использование разработанной модели управления, способствующей эффективному управлению качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности.

Также результативность управления качеством образовательного учреждения художественно-эстетической направленности определяется и комплексом организационно-педагогических условий, основанных на идее соотношения внешнего и внутреннего в процессе профессиональной подготовки: мотивацией преподавателя на профессиональную деятельность; разработкой индивидуальной траектории подготовки учащегося; организацией взаимодействия между руководителем и преподавателем, преподавателем и учеником; созданием эмоционального комфорта на уроке.

Основными условиями управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности также выступают: применение модели управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности; создание управленческих структур детской школы искусств, ориентированных на обеспечение образования художественно-эстетической направленности; профессиональная подготовка преподавателей в сфере дополнительного образо-

вания художественно-эстетической направленности; осуществление педагогического мониторинга, необходимого для своевременного выявления и коррекции процесса управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности.

Управление качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности представляет собой целенаправленный, планомерный процесс, включающий организацию художественно-эстетического образовательного пространства посредством организованного комплекса организационно-педагогических условий, управленческих функций, применяемых руководителем, преподавателем в образовательном процессе. Поэтому, именно совокупность организационно-педагогических условий и соответствующая выстроенная модель управления качеством образования учреждений дополнительного образования будет способствовать более эффективному управлению качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности.

Следовательно:

1. Повышение эффективности управления качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности обеспечивается специальным образом подобранными педагогическими условиями, каждое из которых представляет собой существенный компонент педагогического процесса, непосредственно связанный с исследуемым явлением и необходимым для его функционирования. Управление качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности предполагает наличие определенных организационно-педагогических условий, способствующих его эффективности.

2. Комплекс организационно-педагогических условий, способствующий эффективному управлению качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности, создает основу для прочного управленческого умения, свободной информационной ориентации при решении педагогических задач, оптимизации поиска их решения, способствует совершенствованию процесса и оказывает продуктивное влияние на управление качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности, повышая эффективность данного процесса.

Таким образом, эффективное управление качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности обеспечивается на основе комплекса организационно-педагогических условий, что в значительной мере представляет собой закономерный процесс и определяет конечный результат. Выявление организационно-педагогических условий, способствующих эффективному управлению качеством образования в учреждении художественно-эстетической направленности, составляет актуальность современной педагогической теории и обуславливает ее практическую ценность.

Библиографический список

1. Иванов, Д.А. Качество образования и управление качеством // Директор школы (приложение). – 2007. – № 6.
2. Кабанина, Л.А. Управление образовательными системами: учеб. пособие / Л.А. Кабанина, Н.П. Толстолуцких. – Балашов, 2005.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2008.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М., 1981.
5. Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Губский, Г.В. Кorableva, В.А. Лутченко. – М., 2000.
6. Педагогика: учеб. пособие / под ред. П.И. Пидкасистого. – М., 1995.
7. Лернер, И.Я. Процесс обучения и его закономерности. – М., 1980.
8. Яковлева, Н.М. Теория и практика подготовки будущего учителя к творческому решению воспитательных задач: дис. ... д-ра пед. наук. – Челябинск, 1992.
9. Бабанский, Ю.К. Оптимизация процесса обучения: общедидактический аспект. – М., 1982.
10. Максимов, В.Г. Технология формирования профессионально-творческой личности учителя. – Чебоксары, 1996.
11. Шамова, Т.И. Управление образовательными системами / Т.И. Шамова, П.И. Третьяков, Н.П. Капустин. – М., 2002.
12. Слостенин, В.А. Педагогика / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов. – М., 2002.

Bibliography

1. Ivanov, D.A. Kachestvo obrazovaniya i upravlenie kachestvom // Direktor shkoli (prilozhenie). – 2007. – № 6.
2. Kabanina, L.A. Upravlenie obrazovatel'nimi sistemami: ucheb. posobie / L.A. Kabanina, N.P. Tolstolukikh. – Balashov, 2005.
3. Ozhegov, S.I. Tolkoviy slovarj russkogo yazihka. – M., 2008.
4. Filozofskiy slovarj / pod red. I.T. Frolova. – M., 1981.
5. Filozofskiy ehnciklopedicheskiy slovarj / E.F. Gubskiy, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. – M., 2000.
6. Pedagogika: ucheb. posobie / pod red. P.I. Pidkassistogo. – M., 1995.
7. Lerner, I.Ya. Process obucheniya i ego zakonornosti. – M., 1980.
8. Yakovleva, N.M. Teoriya i praktika podgotovki buduthego uchitelya k tvorcheskomu resheniyu vospitatel'nykh zadach: dis. ... d-ra ped. nauk. – Chelyabinsk, 1992.
9. Babanskiy, Yu.K. Optimizatsiya processa obucheniya: obthedidakticheskiy aspekt. – M., 1982.
10. Maksimov, V.G. Tekhnologiya formirovaniya professional'no-tvorcheskoy l'chnosti uchitelya. – Cheboksari, 1996.
11. Shamova, T.I. Upravlenie obrazovatel'nyimi sistemami / T.I. Shamova, P.I. Tretyakov, N.P. Kapustin. – M., 2002.
12. Slastenin, V.A. Pedagogika / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, E.N. Shiyarov. – M., 2002.

Статья поступила в редакцию 11.11.13

УДК 37.026.9

Sizova E.R., Kucher N.Yu. COMMUNICATION MOBILITY AS AN IMPORTANT CHARACTERISTIC OF MUSICOLOGISTS. The article discusses the features of professional music critic, revealed its multi-disciplinary and multi-functional in nature, based on the analysis of the categories of «communication» and «mobility» is given definition of the term «communicative mobility» and its justification as an important characteristic musicologist.

Key words: communicative mobility, musicologist, musical activities, musical and pedagogical communication.

Е.Р. Сизова, д-р пед. наук, проф. Южно-Уральского гос. института искусств им. П.И. Чайковского, г. Челябинск, E-mail: elsizova@mail.ru; Н.Ю. Кучер, преп. Южно-Уральского гос. института искусств им. П.И. Чайковского, г. Челябинск; E-mail: nataljakucher@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНОЕ КАЧЕСТВО МУЗЫКОВЕДА

В статье рассматриваются особенности профессиональной деятельности музыковеда, выявляется ее многопрофильный и многофункциональный характер, на основе анализа категорий «коммуникация» и «мобильность» дается трактовка понятия «коммуникативная мобильность» и ее обоснование как профессионально важного качества музыковеда.

Ключевые слова: коммуникативная мобильность, музыковед, музыкальная деятельность, музыкально-педагогическое общение.

В современном обществе стремительно возрастает интеллектуальная, информационная, эмоциональная нагрузка на человека, поэтому особую значимость приобретает такое качество личности, как мобильность. Оно в значительной степени выполняет охранную функцию для субъекта профессиональной деятельности, позволяя быстро переключаться с одного вида деятельности на другой, совмещать выполнение разных функций, рационально распределять имеющиеся ресурсы.

Мобильность проявляется в разных сферах деятельности человека, соответственно одной из ее разновидностей является коммуникативная мобильность. Данный вид мобильности наиболее важен для тех специалистов, у которых род профессиональных занятий связан со словом и общением. Одной из таких профессия является профессия музыковеда.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту третьего поколения, к видам профессиональной деятельности музыковеда относятся научно-исследовательская, культурно-просветительская, музыкально-журналистская, редакторская, творческая, педагогическая, организационно-управленческая. Это значит, что музыковед должен уметь проводить научные исследования, писать критические очерки и статьи, вести публицистическую деятельность в средствах массовой информации, общаться с учениками в условиях педагогического процесса, организовывать лекционно-просветительскую работу с различными слоями населения и многое другое. Это свидетельствует о том, что деятельность музыковеда является многопрофильной и многофункциональной, при этом все профили и виды деятельности музыковеда связаны со словом, с вербальным общением в сфере музыкального искусства.

В последнее время все более важной и социально востребованной становится работа по пропаганде достижений в области музыкального искусства и культуры, связанная с участием музыковеда в проведении пресс-конференций, выступлениями с лекциями, комментариями в лекциях-концертах, в качестве ведущего в концертах; работой в разнообразных средствах массовой информации. Выполнение профессиональных задач требует от музыковеда не только владения искусством слова, но и проявления коммуникативной мобильности, то есть умения эффективно работать с различными субъектами коммуникации, выбирать соответствующий стиль общения, адекватную модель поведения и нужные средства коммуникации, быстро переключаясь с одного субъекта деятельности на другой. Сказанное позволяет определить коммуникативную мобильность как профессионально важное качество музыковеда и обуславливает необходимость его целенаправленного развития в процессе обучения.

Категория «коммуникативная мобильность» является относительно новым конструктом научного знания, поэтому пока не имеет однозначной трактовки и рассматривается в научных исследованиях, как правило, применительно к конкретным отрас-

лям профессиональной деятельности. Так, А.Н. Алгаев трактует данную категорию как составляющую профессиональной программы педагога-психолога, которая «обеспечивает скорость и точность установления взаимопонимания между субъектами коммуникации» [1]. О.В. Смирнова рассматривает ее как структурный компонент коммуникативной компетенции экономиста-международника, обеспечивающий «способность специалиста осуществлять качественное общение в разнообразных, в том числе непредвиденных ситуациях, требующих проявления чувствительности и терпимости к фактору коммуникативной неопределенности и предполагающих проявление активности, оперативности и рефлексивности личности» [2, с. 9].

Прежде чем рассматривать категорию «коммуникативная мобильность» применительно к профессиональной деятельности музыковеда, необходимо проанализировать содержание понятий, являющихся «родовыми» по отношению к исходному, а именно – «коммуникация» и «мобильность».

Коммуникация является межпредметной категорией и изучается такими науками как философия, психология, социология, педагогика и др. В самом общем виде коммуникация рассматривается как «общение, обмен мыслями, знаниями, чувствами, поступками» [3, с. 658].

Для философии характерна трактовка межличностной коммуникации как социального взаимодействия, в котором содержится смысловой аспект [4, с. 323]. Также для отдельных представителей философской науки характерно рассмотрение коммуникации как основы понимания (К. Апель, Ю. Хабермас); как факта становления человека через диалог с Другим (М.М. Бахтин, М. Бубер, К. Ясперс), где диалог выступает формой подлинной общности людей и раскрывает равноправность партнеров по диалогическому общению. Противоположной точки зрения придерживается М.С. Каган, который считает, что нельзя отождествлять понятия коммуникация и общение, так как, по мнению ученого, общение представляет собой субъект-субъектные отношения диалогического характера, а коммуникация – лишь однонаправленную информационную связь [5, с. 143-146].

Для психологической науки характерно также несколько подходов к трактовке данных категорий. Странники первого подхода (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, М.И. Лисина и др.) понимают коммуникацию не только как процесс передачи информации, а как общение и взаимодействие субъектов. Таким образом, данные исследователи отождествляют категории коммуникация и общение.

Для приверженцев второго подхода характерно рассмотрение коммуникации как составной части общения (Г.М. Андреева, А.А. Панфилова, Б.Д. Парыгин, М.И. Станкин, Е.Ф. Яценко и др.). По мнению исследователей, в общении, наряду с коммуникацией, присутствуют такие составляющие, как взаимодействие и взаимовлияние (Б.Д. Парыгин); интеракция, перцепция, трансакция и персоакция (Е.Ф. Яценко); выработка единой

стратегии взаимодействия, восприятия и понимания человеком другого человека (М.И. Станкин); интерактивный и гносеологический компоненты (А.А. Панфилова); интеракция и перцепция (Г.М. Андреева).

Первостепенную роль общению отводит Б.Ф. Ломов, выделяя общение в самостоятельную психологическую категорию. Однако среди функций общения исследователь выделяет такие как информационно-коммуникативная, регуляционно-коммуникативная и аффективно-коммуникативная [6, с. 266], что также подтверждает тот факт, что для ученого коммуникация является включенной в структуру обучения.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что, по мнению сторонников данного подхода, коммуникация является составной и неотъемлемой частью общения и реализуется в межличностном взаимодействии и взаимовосприятии участников общения как субъектов. Немаловажную роль также играет процесс понимания информации, осознания ее значения.

Мы придерживаемся позиции Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, М.И. Лисиной и считаем, что процесс субъектной коммуникации (т.е. передачи и усвоения информации людьми) обязательно сопровождается общением и взаимодействием субъектов. Таким образом, применительно к деятельности музыковеда, мы будем рассматривать коммуникацию в широком значении, как синоним общения.

С точки зрения педагогической науки коммуникация выступает одной из центральных категорий и реализуется в педагогическом общении. Педагогическое общение (или педагогическая коммуникация) рассматривается как профессиональное общение преподавателя с учащимися в процессе обучения и вне его, имеющее определенные педагогические функции и направленное на создание благоприятного психологического климата (А.А. Леонтьев); как многоплановый процесс организации, установления и развития коммуникации, взаимодействия и взаимодействия между педагогом и учащимися, порождаемый целями и содержанием их совместной деятельности (В.А. Сластенин); как форма учебного взаимодействия, сотрудничества учителя и учеников, а также условие развития личности учащихся (И.А. Зимняя); одна из форм педагогического взаимодействия, посредством которой происходит движение информации в образовательном процессе (И.А. Колесникова); как система социально-психологического взаимодействия педагога и воспитуемых, содержанием которого является обмен информацией, воспитательное воздействие и организация взаимоотношений (В.А. Кан-Калик).

На современном этапе педагогическая коммуникация выступает одной из форм педагогического взаимодействия, которое является источником развития личности преподавателя [7, с. 400].

Анализ литературы по обозначенной проблеме позволяет сделать вывод о том, что коммуникация в педагогической деятельности представляет собой важнейшую составляющую, позволяющую оказывать воздействие на ученика, устанавливать взаимопонимание и взаимодействие между всеми участниками педагогического процесса, а также является условием совершенствования личности педагога.

В рамках нашего исследования категория педагогической коммуникации требует уточнения с позиции музыкально-педагогического процесса. По мнению Э.Б. Абдуллина, «сущностной основой музыкально-образовательного процесса является диалог как принцип взаимодействия педагога и обучающегося» [8, с. 44]. Диалогичность отношения «педагог – музыкант – ученик» подчеркивается многими исследователями в области музыкальной педагогики – как музыкантами-практиками (Г.Г. Нейгауз, Л.Н. Оборин и др.), так и теоретиками данного направления (Б.В. Асафьев, Л.Л. Бочкарев, В.И. Петрушин, Г.М. Цыпин и др.). Ученые отмечают, что музыкально-педагогическое общение носит художественно-образный характер, так как субъектами выступают не только личность педагога и обучающегося, но в определенном смысле и личность композитора – в опосредованном общении через произведения музыкального искусства.

В процессе музыкально-педагогической коммуникации одним из средств общения является музыкальный язык, который, в свою очередь, опосредуется через исполнительскую интерпретацию. Также немаловажную роль в рассматриваемом явлении играют, наряду с речью, средства невербальной коммуникации – мимика, пантомимика, кинесика. Таким образом, с точки зрения музыкально-педагогического процесса коммуникация есть общение не только между педагогом и обучающимися, но и вза-

имодействие с создателями произведений музыкального искусства посредством музыкального языка, речи, а также средств невербальной коммуникации.

В рамках нашего исследования мы будем трактовать музыкально-педагогическую коммуникацию как целенаправленный процесс межличностного взаимодействия между педагогом и учащимся (группой учащихся), в процессе которого посредством языка, речи и невербальных знаковых систем, раскрывающих художественное содержание музыкальных произведений, происходит взаимный обмен информацией.

Для дальнейшего раскрытия сущности категории «коммуникативная мобильность» необходимо обратиться к рассмотрению второго базового понятия, а именно – мобильности.

Категория мобильности также как и коммуникация, является предметом рассмотрения различных научных дисциплин, в том числе социологии, психологии, педагогики. Исследователи различают несколько видов мобильности, среди которых социальная, профессиональная, академическая, виртуальная, познавательная, культурная.

Наиболее широко проблемы мобильности исследованы в социологии. Социология оперирует понятием «социальная мобильность», которое впервые разработал и ввел в научный обиход П.А. Сорокин. По его определению социальная мобильность – это «любое перемещение индивида из одного положения в другое» [9, с. 119]. Также исследователь различал вертикальную и горизонтальную социальную мобильность. Горизонтальная социальная мобильность – перемещение на одном и том же социальном уровне, вертикальная – это перемещение индивида из одного социального слоя в другой [9, с. 119-120].

Проблемам социальной мобильности посвящено большое количество научных исследований (Е.А. Кухтерина, М.А. Пазюкова, С.А. Просольченко, А.В. Соколов и др.), наиболее общим для которых является определение данной категории как перемещение индивида (индивидов) внутри социальной структуры.

В психологии изучение мобильности ученые связывают с гибкостью мотивации, пластичностью, подвижностью. С точки зрения психических процессов интерес для нашего исследования представляет понятие «подвижность», первоначальное обоснование которого принадлежит И.П. Павлову. Подвижность, по мнению И.П. Павлова, проявляется в «способности к изменению поведения в соответствии с изменяющимися условиями жизни. Мерой подвижности является быстрота перехода от одного действия к другому, от пассивного состояния к активному» [10, с. 385]. Подвижность как первичное свойство нервной системы может служить основанием для развития мобильности как качества личности человека.

В исследованиях, затрагивающих проблемы личностной мобильности (Л.А. Амирова, Ю.И. Калиновский, Т.Б. Котмакова и др.), делается акцент на влияние данного образования (личностной мобильности) на процесс развития и самосовершенствования личности; самоуправление действиями с целью выбора в решении поставленных задач.

В свою очередь, личностная мобильность выступает основой для профессиональной мобильности, которая трактуется как личностное качество, проявляющееся в готовности специалиста быстро и качественно перестраиваться с одного вида профессиональной деятельности на другой, стремясь при этом к саморазвитию и совершенствованию собственных профессиональных знаний для того, чтобы быть конкурентоспособным в условиях современного рынка труда (Е.А. Боярко, И.А. Бутова, Е.И. Герасименко, С.Е. Каплина, Т.И. Мясникова и др.).

Для нашего исследования особый интерес представляет трактовка профессионально-педагогической мобильности, предложенная Т.В. Лудановой. По мнению исследователя, с одной стороны, это мобильность внутри одной специальности, с другой – мобильность может проявляться в совмещении специальностей. Именно «совмещение специальностей выступает фактором проявления мобильности» [11, с. 46]. Это происходит потому, что «специфика педагогической деятельности предполагает владение разносторонними умениями и видами деятельности, которые по своему содержанию должны быть гибко вариативными» [11, с. 46].

Продолжая эту мысль применительно к деятельности музыканта-исполнителя, И.А. Бутова трактует профессиональную мобильность как интегральную характеристику личности, обеспечивающую динамизм протекания познавательных процессов,

оперативность выполнения внешних практических действий, быстроту установления контактов с партнерами-музыкантами и слушателями, высокую адаптивность к изменениям внешней среды и условиям профессиональной деятельности [12, с. 125].

Таким образом, рассмотрев содержание категорий «коммуникация» и «мобильность» в различных аспектах научного знания, мы трактуем коммуникативную мобильность как интегральное личностно-профессиональное качество, позволяющее эффективно устанавливать межличностные контакты, быстро реагировать на возникающие нестандартные ситуации, изменение слушательских потребностей, обеспечивать вербальное и невербальное взаимодействие и взаимовосприятие всех участников процесса профессионального общения.

Применительно к профессиональной деятельности музыковеда, где преобладают вербально-коммуникационные формы взаимодействия, коммуникативная мобильность является одним из важнейших профессиональных качеств. Она позволяет специалисту эффективно применять полученные в процессе музыкального обучения знания о специфике коммуника-

ции в области музыкального искусства в практических целях, устанавливать межличностные контакты различных уровней, обеспечивать эффективное взаимодействие всех участников творческого процесса.

Учитывая охарактеризованные в начале статьи виды деятельности музыковеда (научно-исследовательская, культурно-просветительская, музыкально-журналистская, редакторская, творческая, педагогическая и др.), коммуникативная мобильность музыковеда должна интегрировать в себе несколько компонентов: *когнитивный* (знания о содержании, способах и средствах коммуникации, о специфике коммуникативных процессов в музыкальном искусстве и музыковедческой деятельности); *мотивационный* (интерес к музыкально-коммуникативным видам деятельности, стремление к овладению ораторским мастерством и искусством слова, направленность на многовариантное социальное и межличностное взаимодействие в сфере искусства); *деятельностный* (владение средствами музыкальной коммуникации, способами ведения художественного диалога, методами социально-ролевого взаимодействия).

Библиографический список

1. Алгаев, А.Н. Коммуникативная мобильность в структуре профессиограммы педагога-психолога // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6 [Э/р]. – Р/д: www.science-education.ru/106-8020
2. Смирнова, О.В. Формирование коммуникативной мобильности студентов экономического вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2013.
3. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. – М., 2009. – Т. 14.
4. Всемирная энциклопедия. Философия / под ред. А.А. Грицанова. – М., 2001.
5. Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М., 1988.
6. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.
7. Шарипов, Ф.В. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособ. – М., 2012.
8. Абдуллин, Э.Б. Методологическая культура педагога-музыканта. – М., 2002.
9. Сорокин, П.А. Социальная мобильность / пер с англ. М.В. Соколовой. – М., 2005.
10. Немов, Р.С. Психология: в 3 кн. – М., 1999. – Кн. 1. Основы общей психологии.
11. Луданова, Т.В. Формирование педагогической мобильности у будущих учителей музыки: дис...канд. пед. наук. – Ярославль, 2006.
12. Бутова, И.А. Содержание и структура профессиональной мобильности музыканта-концертмейстера // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3(28).

Bibliography

1. Algaev, A.N. Kommunikativnaya mobilnostj v strukture profессиogrammih pedagoga-psikhologa // Sovremennih problemih nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 6 [Eh/r]. – R/d: www.science-education.ru/106-8020
2. Smirnova, O.V. Formirovanie kommunikativnoj mobilnosti studentov ehkonomicheskogo vuza: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – M., 2013.
3. Boljshaya rossijskaya ehnciklopediya: v 30 t. / отв. red. S.L. Kravec. – M., 2009. – T. 14.
4. Vsemirnaya ehnciklopediya. Filosofiya / pod red. A.A. Gricanova. – M., 2001.
5. Kagan, M.S. Mir obshheniya: problema mezhsuhbjektnihkhtnkh otnosheniy. – M., 1988.
6. Lomov, B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemih psikhologii. – M., 1984.
7. Sharipov, F.V. Pedagogika i psikhologiya vihshey shkolih: ucheb. posob. – M., 2012.
8. Abdullin, Eh.B. Metodologicheskaya kuljtura pedagoga-muzihkanta. – M., 2002.
9. Sorokin, P.A. Socialjnaya mobilnostj / per s angl. M.V. Sokolovoy. – M., 2005.
10. Nemov, R.S. Psikhologiya: v 3 kn. – M., 1999. – Kn. 1. Osnovih obthej psikhologii.
11. Ludanova, T.V. Formirovanie pedagogicheskoy mobilnosti u buduthikh uchiteley muzihki: dis...kand. ped. nauk. – Yaroslavl, 2006.
12. Butova, I.A. Soderzhanie i struktura professionalnoj mobilnosti muzihkanta-koncertmeystera // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2011. – № 3(28).

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 37.013.42

Nebolyubova I.V., Ezhov S.G. **HERMENEUTIC APPROACH TO THE FORMATION OF COMMUNICATIVE AND LEGAL COMPETENCE OF PERSONALITY.** In this paper the theoretical foundations of the hermeneutic-based approach to the process of formation of communicative competence of future legal jurists. The mechanism of hermeneutic interpretation of communicative and legal knowledge. Examined the content of external and internal factors of formation of legal communication in vocational education.

Key words: communicative-legal competence, hermeneutic approach, hermeneutic interpretation, factors of vocational education.

И.В. Неболюбова, аспирантка ФГБОУ ВПО «Нижегородский гос. архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, E-mail: g-gs@mail.ru; **С.Г. Ежов**, канд. пед. наук, доц. ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, E-mail: gol-nt@yandex.ru

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНО-ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассмотрены теоретические основы реализации герменевтического подхода к процессу формирования коммуникативно-правовой компетентности будущих юристов. Раскрыт механизм герменевтической интерпретации коммуникативно-правового знания. Рассмотрено содержание внешних и внутренних факторов

формирования правовой коммуникации в системе профессионального образования.

Ключевые слова: коммуникативно-правовая компетентность, герменевтический подход, герменевтическая интерпретация, факторы профессионального образования.

В современных изменяющихся социально-экономических и политических условиях жизни общества, когда правотворческая деятельность должна реагировать и сопровождать динамично развивающиеся общественные отношения, роль закона возрастает, но вместе с тем возрастает и роль осмысления всего правового поля, природы правовых норм, их смысла, значения, социальной обоснованности.

Эффективность правотворческой деятельности в настоящее время во многом зависит от уровня сформированности у будущих юристов коммуникативно-правовой компетентности, которую мы рассматриваем как интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности к организации правового общения и взаимодействия, в процессе которого происходит систематическое распространение и передача информации о правилах и нормах поведения, с целью упорядочивания и регулирования поведения субъектов права. То есть, коммуникативный аспект понимания права сводится к рассмотрению права как системы отношений, субъекты которых получают правовую информацию путем интерпретации правовых текстов.

Формирование готовности будущих юристов к правовой коммуникации – это неотъемлемая часть их профессиональной подготовки и самообразования. Анализ научных источников показал, что наиболее целесообразным для организации данного процесса является герменевтический подход, привлекающий в последнее десятилетие внимание все большего числа исследователей. Особое значение для нас имели труды по педагогической герменевтике А.Ф. Закировой, Д.М. Назарова, И.И. Сулима, в которых подчеркивается, что герменевтическое направление в образовании разрабатывается с целью определения методов и приемов эффективного познания и понимания объектов и явлений действительности [1].

В рамках исследуемой проблемы в системе профессионального образования важно обратить внимание на герменевтическую триаду: «междисциплинарность – трансдисциплинарность – мультидисциплинарность» [2].

«Трансдисциплинарность» характеризует герменевтику как научную методологию, исследования в рамках которой идут «через» и «сквозь» различные дисциплины и выходят на более высокий уровень, некий мета-уровень, который независим от той или иной конкретной дисциплины.

«Междисциплинарность» означает, прежде всего, перенос методов исследования и используемых моделей из одной научной дисциплины в другую.

«Мультидисциплинарность» характеризует герменевтику как научную методологию, в которой предмет исследования изучается одновременно несколькими научными дисциплинами.

Именно эти свойства позволяют применять герменевтику в процессе преподавания различных дисциплин в их интеграционном единстве и целевом взаимодействии. В данном контексте важно обратить внимание на ключевые категории герменевтики – понимание и интерпретация, которые могут быть рассмотрены в различных аспектах и исследуются в таких отраслях научного знания, как философия, литературоведение, юриспруденция, педагогика, психология и т.д.

Как отмечает А.Ф. Закирова «в обыденном толковании «понимание» означает усвоение смысла чего-либо: слова, предложения, поступка, поведения, цели или мотивации. При таком подходе постигаемый смысл остается заданным и неизменным. Однако в герменевтике усвоение не сводится к овладению готовым заданным смыслом, напротив, понимание приводит к раскрытию новых аспектов смысла, его глубинного уровня. Понимание зависит не только от того смысла, который придал предмету понимания его автор. Интерпретатор не просто открывает готовый смысл, но привносит нечто от себя, так как подходит к предмету с определенных позиций личного опыта, своих идеалов и убеждений» [3, с. 12].

Базируясь на данной идее, можно рассмотреть технологический механизм герменевтической интерпретации коммуникативно-правовой информации [4]:

на первом этапе – постановка проблемы, поиск и погружение в коммуникативные аспекты правового пространства;

второй этап – анализ, осмысление, понимание и трактовка универсальных общекультурных смыслов коммуникативно-правовой информации;

третий этап – рефлексивная оценка индивидуального коммуникативно-правового опыта деятельности.

Обращение к герменевтике в системе профессионального образования обусловлено тем обстоятельством, что в центре герменевтического учения находится проблема смыслообразования, которая имеет уникальное значение, так как затрагивает интересы всех структур современного правового общества и объединяет в единой коммуникативно-целевой установке различных субъектов социума. Герменевтика непосредственно обращена к проблеме выработки личностных смыслов, ценностно-смысловым аспектам коммуникативно-правовой деятельности. Ее использование позволит актуализировать коммуникативный потенциал правовых ресурсов и решать следующие задачи в процессе коммуникативно-правовой подготовки будущего юриста [5]:

- умение самостоятельно находить смыслообразующий концепт, анализировать коммуникативно-правовую информацию на различных уровнях, в зависимости от целей и задач, применять полученные знания в правотворческой деятельности;
- развитие проблемного, концептуального видения, самостоятельности суждений;
- умение концентрировать внимание и мыслительную, творческую активность;
- развитие потребности постичь источник поставленной проблемы, задачи, осмыслить ее в контексте правовой коммуникации;
- анализировать семантическое поле правового предмета и объекта исследования, устанавливать между ними связь;
- умение устанавливать структурные связи между элементами теоретических и практических коммуникативно-правовых знаний, и в более широком значении, формулировать межкультурную коммуникацию;
- умение проникать в противоречивую сущность постигаемых явлений коммуникативно-правовой сферы.

Таким образом, герменевтика в современном понимании это не только истолкование текстов, искусство перевода и интерпретации, но и осознание смыслообразующего характера коммуникативно-правовой информации, основанная на принципах историчности и междисциплинарности. Процесс применения герменевтики как совокупность средств преобразования исходной информации в ценностную, реализующую поставленные правовые цели, можно подразделить на три этапа: поиск необходимой информации; осознание ее смысловой и ценностно-правовой составляющей; представление результата и его правовая оценка.

Организация коммуникативно-правовой подготовки будущих юристов на основе герменевтического подхода позволит:

- погрузить обучающихся в процесс освоения объективного значения коммуникативно-правового знания;
- постичь общекультурные универсальные смыслы явлений правовой коммуникации;
- выработать личностные смыслы правовой коммуникации на основе самопознания и рефлексии результатов коммуникационной деятельности в правовой сфере.

Возможность эффективного внедрения герменевтического подхода в систему коммуникативно-правовой подготовки будущих юристов во многом будет зависеть от учета при проектировании данного процесса следующих факторов:

- психолого-педагогических: уровень профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава, возможность повышения квалификации в рамках менеджмента качества юридического образования, избранного направления образовательных стратегий герменевтической направленности по подготовке будущих юристов к правовой коммуникации, актуализации коммуникативно-правовых ресурсов и потенциала образовательного процесса, обеспечивающего качество юридического образования; выбор педагогических технологий, создание условий для самообразования, развития самостоятельности и инициативности личности;

– социокультурных: развитие российских образовательных традиций по подготовке будущих юристов к правовой коммуникации; возможность сохранения и развития коммуникативно-правовых ценностей в образовательном учреждении; культурно-исторические истоки становления и функционирования образовательного учреждения; уровень взаимодействия и взаимосодействия всех субъектов образовательного пространства, наличие общих целей и установок в формировании коммуникативно-правовой компетентности будущих юристов;

– экономических: финансовозатратность реализации герменевтических моделей профессиональной подготовки будущих юристов в сфере правовых коммуникаций;

– социальных: социальные требования к уровню профессиональной компетентности кадров на рынке правовых услуг; реализация инновационных подходов к образовательной системе; целевое взаимодействие и сотрудничество всех субъектов образовательной деятельности при реализации герменевтичес-

кого подхода в процесс подготовки будущих юристов к правовой коммуникации.

К внутренним факторам мы относим те, которые отражают специфические особенности изучаемого объекта. В данном случае – это специфика подготовки будущего юриста в современных условиях, его социально-значимые виды профессиональной деятельности, среди которых коммуникативно-правовая деятельность является одной из приоритетных, его социальный опыт и ценностные ориентации, потребности и мотивации, условия, средства и технологии погружения будущего специалиста в правовую жизнь общества.

Таким образом, эффективность профессиональной деятельности современного юриста предполагает высокий уровень его коммуникативно-правовой компетентности, наличие навыков работы с коммуникативно-правовой информацией, умений на основе ее понимания и интерпретации выстраивать коммуникативные отношения и взаимоотношения в правовой сфере деятельности.

Библиографический список

1. Сулима, И.И. Философская герменевтика и образование // Педагогика. – 1999. – № 1.
2. Назаров, Д.М. Герменевтическая концепция дистанционного образования: монография / Д.М. Назаров, Т.Н. Райхер. – Екатеринбург, 2011.
3. Закирова, А.Ф. Понятийно-терминологическая система педагогики: герменевтико-интерпретационный подход: учеб. пособ. – Тюмень, 2007.
4. Голошумов, А.Ю. Активизация герменевтического потенциала инфокоммуникационных ресурсов в профессиональной подготовке будущих юристов / А.Ю. Голошумов, Т.Ю. Федорова, А.М. Балак // Управленец. – 2013. – № 4.
5. Закирова, А.Ф. Педагогическая герменевтика: монография. – М., 2006.

Bibliography

1. Sulima, I.I. Filosofskaya germeneytika i obrazovanie // Pedagogika. – 1999. – № 1.
2. Nazarov, D.M. Germeneyticheskaya koncepciya distancionnogo obrazovaniya: monografiya / D.M. Nazarov, T.N. Rayjkher. – Ekaterinburg, 2011.
3. Zakirova, A.F. Ponyatijno-terminologicheskaya sistema pedagogiki: germeneytiko-interpretacionniy podkhod: ucheb. posob. – Tyumenj, 2007.
4. Goloshumov, A.Yu. Aktivizaciya germeneyticheskogo potentsiala infokommunikacionnihk resursov v professionalnoy podgotovke budutikhk yuristov / A.Yu. Goloshumov, T.Yu. Fedorova, A.M. Balak // Upravlenec. – 2013. – № 4.
5. Zakirova, A.F. Pedagogicheskaya germeneytika: monografiya. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 7: 378.015.3

Rakhimbaeva I. PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF QUALITY MANAGEMENT OF ART EDUCATION. The article considers the psychological and pedagogical bases of quality management education in the arts, presented through the prism of development of subjectivity of the student, the most important characteristics of which are set of different types of activities, personal meaning, unique experience, subjective position.

Key words: quality management, artistic education, subjectivity of student, personal sense, the experience of creative activity, creative subjective position.

И.Э. Рахимбаева, д-р пед. наук, проф., директор Института искусств Саратовского гос. университета им. Н.Г. Чернышевского, зав. каф. теории, истории и педагогики искусства, г. Саратов, E-mail: rachimbaeva_inga@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены психолого-педагогические основы управления качеством художественного образования, представленные через призму развития субъектности студента, наиболее важными характеристиками которой являются совокупность различных видов деятельности, личностный смысл, уникальный опыт, субъектная позиция.

Ключевые слова: управление качеством, художественное образование, субъектность студента, личностный смысл, опыт творческой деятельности, творческая субъектная позиция.

Глобальные процессы модернизации образования в современных условиях экономического реформирования в России в значительной степени определяются тем, насколько стратегически верно осуществляется управление образованием. Обществу на данном этапе развития нужны образованные люди, способные к взаимодействию и сотрудничеству. Модернизация нацеливает ориентацию образования не только на усвоение обучающимися определенной суммы знаний, но и на развитие их личности, познавательных и созидательных способностей. Об-

разовательные учреждения (школы, колледжи, вузы) должны создавать и развивать целостную систему универсальных знаний, умений, навыков, опираясь на опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся. Именно это лежит в основе ключевых компетенций, определяющих современное качество содержания образования.

Проблема управления качеством образования подвергалась теоретическому анализу применительно к общеобразовательной, профессиональной и высшей школам (Н.И. Булынский,

В.А. Кальней, О.А. Сафонова, Н.А. Селезнева, А.И. Субетто, С.Е. Шишов и др.). Результатом данного анализа стала разработка теоретических и организационно-методических основ такого управления, его технологий.

Управление качеством образования, как указывают ученые (Н.И. Булынский, П.И. Третьяков и др.), направлено на более эффективное удовлетворение потребностей личности в образовании, учебного заведения – в развитии, предприятий и других организаций-заказчиков – в росте кадрового потенциала, общества – в расширенном воспроизводстве совокупного интеллектуального потенциала. Адаптируя данное высказывание к проблеме нашего исследования, мы можем представить управление качеством художественного образования как эффективное удовлетворение потребностей субъекта – в получении художественного образования, института искусств – в развитии, системы художественного образования – в обеспечении кадрами художественно-творческого профиля, общества и социума – в воспроизводстве художественно-творческого потенциала общества.

Остановимся подробнее на данных позициях.

Субъектность студента и ее развитие является краеугольным камнем современной модели образования. Рассматриваемое как особое личностное качество, субъектность влияет на выбор путей достижения образовательных результатов и становления на их основе профессиональных перспектив.

Взяв за основу работы А.В. Брушлинского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др., мы подчеркиваем, что субъект – это человек, который сам формируется и воссоздается в деятельности, находясь на высшем уровне активности. Производным от понятия «субъект» является понятие «субъектность», которое необходимо рассмотреть с точки зрения психолого-педагогической науки.

Изучив литературу по проблеме, мы смогли выделить несколько характеристик субъектности, которые важно учитывать при управлении качеством художественного образования. Так, субъектность это:

- совокупность деятельностей и свойств, необходимых для эффективного выполнения различных видов деятельности, имеющий преобразующий характер (Б.Г. Ананьев);
- личностный смысл как высшая форма субъектности, раскрывающая ее внутренний план (А.Г. Асмолов);
- надситуативная активность как основа новой модели образования, для которого характерны следующие основные характеристики: культивирование уникального опыта человека; признание ценности обоюдного опыта; ставка на универсальность опыта (В.А. Петровский);
- позиция личности, которая раскрывает сущность бытия через осознанное и деятельное отношение к миру и к себе в нем, активно преобразовывает свой внутренний мир и мир других людей (А.М. Трещев);
- утверждение самопроцессов (саморазвитие, самоопределение, самореализация и др.), влияющих на выстраивание в результате данной деятельности субъектного пространства (Н.М. Борытко).

Таким образом, наиболее важными характеристиками субъектности являются совокупность различных видов деятельности, личностный смысл, уникальный опыт, субъектная позиция, утверждение самопроцессов.

Рассмотрим значение каждой характеристики субъектности в управлении качеством образования в институте искусств.

Совокупность различных видов деятельности при эффективном управлении должны обеспечить удовлетворение потребностей студентов в приобретении всего многообразия знаний, умений и навыков, которые будут необходимы им в дальнейшей профессиональной деятельности.

Мы имеем в виду индивидуальные возможности, к которым относим музыкальные способности и уровень предшествующего музыкального образования.

Как показывает анализ качества абитуриентов за последние пять лет, не все имеют равные уровни развития музыкальных способностей. Некоторые музыкальные способности развиты не в достаточной степени (67%). Как показал анализ результатов, у одних абитуриентов (32%) был хорошо развит тембровый и динамический слух, ладовое чувство и музыкально-исполнительские способности. Менее развиты (12%) оказались чувство

ритма и музыкально-творческая деятельность. Не в достаточной степени развиты музыкально-слуховые представления (21%). У других поступающих оказались хорошо развиты (73%) чувство ритма, динамический и тембровый слух, а музыкально-исполнительские и музыкально-творческие способности, ладовое чувство имеют достаточный уровень только у 23% поступивших. Сравнительно хорошо развиты музыкально-слуховые представления.

Не следует забывать, что среди поступающих в институт искусств находятся люди с разным уровнем базового музыкального образования. Примерно 47% абитуриентов закончили городские музыкальные школы, 25 % – сельские музыкальные школы, 15% – выпускники средних специальных музыкальных учреждений (колледжей искусств, музыкальных училищ и пр.), 10% имеют незаконченное музыкальное начальное образование, 3% – не имеют начального музыкального образования.

Поэтому организация учебно-воспитательного процесса в институте искусств направлена на удовлетворение потребности субъектов в получении разнообразных знаний, умений и навыков для будущей профессиональной деятельности.

Вторая характеристика направлена на создание условий для становления личностного смысла образовательной деятельности студентов в институте искусств. Управленческий аспект будет связан с научным обоснованием и конкретными действиями для создания названных выше условий.

Л.С. Выготский определил, что сознание имеет смысловое строение [1]. Продолжив разработку данной проблемы, А.Н. Леонтьев [2] и его последователи, обобщив концепцию смысловых образований, выделили в ней такие компоненты, как мотивы, побуждающие человека к деятельности, и реализуемое деятельностное отношение к деятельности.

Обобщение материала исследований по проблеме личностного смысла позволило уточнить, что смысл является тем ориентиром, который определяет движение человека – в нашем случае, движение в получении художественного образования; именно личностный смысл определяет роль объекта по отношению к потребностям субъекта. Формирование личностного смысла по мнению исследователей данной проблемы целесообразно осуществлять в межпредметной интегрированной системе, при этом возможно применение различных технологий его формирования, результатом использования которых станет насыщение образовательного пространства института личностными смыслами и активное формирование личностно-смысловой сферы студента.

Таким образом, личностный смысл представляет собой значение, которое для данного человека приобретают те или иные объекты, события, факты или слово в результате его личного жизненного опыта. Смыслообразующая система дает возможность студенту реально проявить себя деятельностным субъектом образовательного процесса, самостоятельно дополнить знания, приобрести новый опыт как результат эффективного управления качеством художественного образования.

Среди характеристик субъектности нами была выделена надситуативная активность, которая позволяет развивать незаурядный опыт человека, в рамках нашего исследования – опыт художественно-творческой деятельности. Управленческий аспект должен быть представлен расширением возможностей института (взаимодействие с учреждениями общего и дополнительного образования, театрами, студиями и пр.) для приобретения данного опыта.

Согласно исследованиям данной позиции, «опыт» отражает как то, что человеком, личностью приобретается впервые, так и то, что он уже имеет в определенный жизненный период и развивает дальше (Е.А. Александрова, Н.Б. Крылова, А.В. Хуторской и др.). Опыт как определенный результат образования (обучения) субъектов рассматривается в непосредственной связи с деятельностью, из которой он возникает, и этот опыт обязательно должен быть субъектным.

Именно такой опыт позволяет студенту иметь возможность ставить себе задачи из числа тех, которые предлагаются ему окружением, а затем последовательно искать пути их успешного решения. Субъектный художественно-творческий опыт – это самобытная составляющая содержания образования, которая в отличие от традиционного самостоятельно добывается и осознана студентом. Данный феномен представляет собой опыт

жизнедеятельности, получаемый и реализуемый в ходе познания окружающего мира, искусства и себя в искусстве, в различных видах художественно-творческой деятельности. При этом происходит повышение потенциала активности субъекта, его предприимчивости, независимости, ответственности и самостоятельности в выборе, принятии и реализации решений, креативности, способности и готовности к сотрудничеству, компетентности. Субъект в этой ситуации изменяет прежние суждения, генерирует иные знания, выходя за рамки прежнего субъектного художественно-творческого опыта, и тем самым расширяет границы изменений в себе.

Субъектная позиция выделена нами как еще одна характеристика субъектности и представляет собой сознательность, активность, способность к целеполаганию и рефлексии. Управленческий аспект предполагает учет субъектной позиции каждого студента как на занятиях, так и в процессе со- и самоуправления в институте.

Изучив и проанализировав литературу по проблеме, было установлено, что ученые представляют дефиницию «позиция» в двух аспектах: как место человека в обществе, которое позволяет рассматривать ее в русле понятий «роль» и «статус» (И.С. Кон, В.Т. Лисовский, Б.Ф. Ломов и др.); как систему взглядов, установок, ценностей, мотивов и выражение через них отношений субъекта к различным сторонам деятельности (Л.И. Божович, В.Н. Мясичев и др.). В трудах ученых-педагогов позиция человека чаще всего определяется как цель воспитания и качество личности (Е.В. Бондаревская и др.).

Обобщение материалов исследований по проблеме позиции как отношения личности позволяет сделать вывод о том, что деятельность личности определяется ее отношением к действительности. Это и называется позицией личности. Она представляет собой сложное единство ряда компонентов; а взаимосвязь личностной и социальной позиции выражается в ситуациях прямого взаимодействия людей, раскрывая в поведении особенности собственного отношения к целям деятельности.

Все это становится возможным только в процессе творческих поисков и практического исполнения. Творческая профессиональная позиция предполагает особый стиль деятельности учителя, связанный с новизной и значением ее результатов, вызывая сложное соединение всех психических сфер его личности, таких как познавательная, эмоциональная, волевая и мотивационная. Особое место в ней занимает развитая потребность созидать, которая воплощается в специальных способностях и их проявлении.

Творческая профессиональная позиция выпускника института искусств предполагает обязательное наличие интеллектуальной творческой инициативы (установка на выход за рамки определенных заданий и требований); пространственность и красочность ассоциаций (отдаленность ассоциативных связей, использование неожиданных сравнений при изучении произведений искусства, обобщение позиций, не имеющих на первый взгляд явных точек соприкосновения); быстрота и своеобразия мышления (самостоятельность, необычность, оригинальность решения по сравнению с традиционными способами мышления).

Мы считаем, что важной составляющей творческой профессиональной позиции является то, что студент пытается не принимать общепринятых и бесспорных решений. Следует подчеркнуть, что для творческой позиции характерна особая эмоцио-

нальность, и ее результаты нельзя полностью спрогнозировать. Позиция как индивидуально-уникальное качество личности обладает субъектностью, неповторимостью, единичностью проявления, поэтому возможно зафиксировать только основную линию ее развития.

Проведя экспериментальную работу по выявлению эффективности управления качеством художественного образования, нами были определены уровни сформированности творческой профессиональной позиции. Авторский тест включал задания по проверке отношения студентов к своей профессиональной деятельности (взгляды, ценности и мотивы). Проверка результатов проведения данного теста показала, что среди других личностных образований приоритетным представляется ценностное отношение к своей будущей профессии. Это подтверждается анализом ответов на вопрос теста: «Считаете ли Вы формирование ценностного отношения необходимым условием дальнейшей успешной профессиональной деятельности?». Большинство ответов было утвердительными: 82% опрошенных считают, что именно сформированность ценностного отношения к будущей профессии является существенным фактором при трудоустройстве. Это, несомненно, свидетельствует об осознании будущими преподавателями важности данной проблемы. Интерес вызывает и анализ ответов на вопрос «Развивали ли Вы в себе творческую активность как важнейшее качество для жизни и профессиональной деятельности?». 55% опрошенных отметили, что делают это постоянно; 24% заявили, что делают это «иногда»; 21% – «редко».

И, наконец, последней характеристикой является утверждение самопроцессов, основными из которых, по мнению В.И. Андреева, О.С. Газмана, И.С. Якиманской и др. [3; 4; 5], являются: самопознание (познание самого себя), саморазвитие (совершенствование себя), самоопределение (определение себя в социуме, культуре, профессиональной деятельности и т.д.), самосовершенствование (совершенствование самого себя), самореализация (реализация себя в различных видах деятельности), самоуправление (управление собой). Самопроцесс – это многоуровневое и системное образование, представляющее собой сложный интегративный процесс, связанный с профессионально-личностным самоопределением студента и являющийся целенаправленным самосовершенствованием личности, которое осуществляется ею как восхождение к такому уровню сформированности своих духовно-нравственных, социальных и профессионально-деятельностных качеств, который обеспечит более высокие возможности её самореализации как в собственных интересах, так и в интересах общества.

В управленческом процессе с учетом данной характеристики необходимо в институте создать условия для реализации таких самопроцессов, как самоопределение, самореализация, самооценка и саморазвитие.

Таким образом, исходя из этого, психолого-педагогические основы управления качеством художественного образования мы видим в том, что управлять качеством образования необходимо с учетом потребностей субъектов как в развитии, понимаемом как количественные и качественные изменения в организации их деятельности, так и в получении художественного образования с учетом их желаний, стремлений и положительной мотивации к овладению профессией учителя-музыканта.

Библиографический список

1. Выготский, Л.С. Мышление и речь // Психологические исследования. – М., 1996.
2. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – М., 1983. – Т. 1.
3. Андреев, В.И. Педагогика творческого саморазвития: инновационный курс. – Казань, 1996. – Кн. 1.
4. Газман, О.С. Базовая культура и самоопределение личности // Базовая культура личности. Теоретические и методические проблемы: сб. науч. тр. – М., 1989.
5. Якиманская, И.С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. – М., 1996.

Bibliography

1. Vihgotskiy, L.S. Mihslenie i rechj // Psikhologicheskie issledovaniya. – M., 1996.
2. Leontjev, A.N. Izbrannihe psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t. – M., 1983. – T. 1.
3. Andreev, V.I. Pedagogika tvorcheskogo samorazvitiya: innovacionniy kurs. – Kazanj, 1996. – Kn. 1.
4. Gazman, O.S. Bazovaya kuljtura i samoopredelenie lichnosti // Bazovaya kuljtura lichnosti. Teoreticheskie i metodicheskie problemih: sb. nauch. tr. – M., 1989.
5. Yakimanskaya, I.S. Lichnostno orientirovannoe obuchenie v sovremennoj shkole. – M., 1996.

Статья поступила в редакцию 13.11.13

УДК 021.3

Olefir S. V. **PERSONAL INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL SPACE OF A PUPIL AND LIBRARIES' ROLE IN ITS DEVELOPMENT.** The article considers personal informational and educational space of a pupil as a part of the world culture, which is available to him and has educational purposes. The interrelation of social and personal informational and educational space is represented. A role of reading, informational and communication technologies, informational culture of a pupil in development of his personal educational space are considered. The factors of successful influence of libraries on children's and teenagers' personal informational and educational space development are revealed.

Key words: personal informational and educational space, the thesaurus of personality, libraries for children and teenagers, reading, informational and communication technologies, informational culture of a schoolstudent.

С.В. Олефир, доц. ГБОУ ДПО ЧИППКРО, г. Челябинск, E-mail: svolefir@yandex.ru

ЛИЧНОЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ШКОЛЬНИКА И РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ЕГО РАЗВИТИИ

В данной статье рассматривается личное информационно-образовательное пространство школьника как часть мировой культуры, доступная ему и используемая с образовательными целями. Представлена взаимосвязь социального и личного информационно-образовательного пространства. Рассмотрена роль чтения, информационно-коммуникационных технологий, информационной культуры личности школьника в освоении социального информационно-образовательного пространства. Представлены факторы успешного влияния библиотек для детей и подростков на развитие личного информационно-образовательного пространства школьника.

Ключевые слова: личное информационно-образовательное пространство, тезаурус личности, библиотеки для детей и подростков, чтение, информационно-коммуникационные технологии, информационная культура школьника.

Современное социальное информационное пространство характеризуется большим объемом информации, сложной структурой обобществленных знаний, многообразием способов доступа к ним. Значительная часть информационного пространства является хранилищем общественных знаний и культурных ценностей, следовательно, имеет большое образовательное значение. Возрастание роли информации, знания и образования в информационном обществе, трансформация книжного рынка, модернизация инфраструктуры социальных коммуникаций, рост информации в цифровом формате и тенденция обесценивания печатного документа актуализируют научную проблему обеспечения стабильности передачи знаний подрастающему поколению в условиях модернизации социума. Решению данной проблемы способствуют социокультурные институты, влияющие не только на социальное информационное пространство, но и на личное информационное пространство индивида, а также составляющую названного пространства – личное информационно-образовательное пространство (ИОП). В основе формирования личного ИОП лежит потребность индивида в освоении значительной совокупности обязательных социальных знаний и развитии интеллектуальных, культурных, технологических сфер общества. Предлагаем под личным ИОП понимать материально-идеальную структуру, включающую часть мировой культуры (в т. ч. обобществленное знание), доступную индивиду с целью образования, и тезаурус индивида, (структурированное представление о той части культуры, которую может освоить субъект). ИОП индивидов – это точки, из которых разворачивается и формируется ИОП социума. Отметим, что социальное ИОП не тождественно совокупности ИОП индивидов, т.к. в любой момент времени лишь часть мировой культуры, не все обобществленное знание востребовано и отражено индивидами в личном ИОП; не все знания, которыми обладают индивиды документированы и стали обобществленным знанием.

Понятие «личное ИОП» дано через понятие «тезаурус», которое используется в различных науках. В психологических исследованиях (Е.Ю. Артемьева, А.А. Леонтьев, М.С. Мириманова и др.), философии (Ю.А. Шрейдер), социологии (Т.М. Дридзе, Ю.Н. Караулов), филологии и психолингвистике, информатике и теории искусственного интеллекта тезаурус индивида трактуется как запас его знаний об окружающем мире; система знаний, естественно сложившаяся в сознании человека; модель мира; система понятий, выраженная словами. Рассматриваются структурная организация тезауруса (М.С. Мириманова,

Ю.А. Шрейдер и др.), его этно-социокультурная обусловленность (А.С. Агеев, В.Ф. Петренко и др.), количественный аспект (Э.Я. Жукова, М.Г. Каспарова и др.), гендерные особенности (М.А. Нечаева, П.А. Попова), которые влияют на социокультурную ориентацию, ценности и идеалы личности. В любом возрасте тезаурус индивида является образом той части обобществленных знаний, которую человек может охватить своим сознанием, сначала на уровне созерцания, затем на уровне абстракции и систематизации абстракции. Ребенок, познавая окружающий мир, создает в своем сознании модель этого мира, его концептуальную картину, которая и определяет дальнейшую познавательную и творческую деятельность.

Применяемый в социологии тезаурусный подход позволил исследователям [1, с. 42] выделить ряд характерных черт тезауруса индивида: неполнота любого личного тезауруса по сравнению с реальным развитием культуры, его фрагментарность и в то же время целостность; множественность уровней освоения мировой культуры, восприятие ее сквозь призму ценностного подхода; разнообразие и изменчивость, творческое переосмысление действительности; активный, деятельный, социализирующий характер тезауруса, который влияет на поведение человека. Эти черты индивидуального тезауруса, по нашему мнению, оказывают определяющее влияние на ИОП индивида, и они должны учитываться в деятельности социокультурных институтов при формировании части социального ИОП, ориентированной на школьника. Хотя культура социума, совокупность общественных знаний не могут быть осознаны и вовлечены в деятельность школьника в полном объеме, социальные институты передачи знаний могут расширить объем доступного ему социального ИОП, организовав это пространство с помощью информационных технологий, обеспечивая физическую доступность ресурсов, учитывая возрастные и индивидуальные особенности познания, формируя ценностные ориентации школьника на получение основного и дополнительного образования, самообразование.

Эффективные современные системы передачи знаний новым поколениям необходимо создавать с учетом роста объемов звуковой, зрительной, мультимедиа информации, не исключая текстовую информацию в печатной и электронной форме и чтение как инструмент освоения социального ИОП. Психологические исследования процесса чтения указывают, что на понимание текста влияют такие факторы, как запас знаний читателя, наличие редких слов, важные словосочетания и умозаключения.

Поэтому, для того чтобы школьники овладели широким спектром знаний посредством чтения, требуется литература, учитывающая возрастные, языковые особенности их тезауруса, запас знаний, то есть специализированная детская и подростковая литература. Как следствие, библиотеки, работающие с детьми и подростками, должны учитывать возрастные особенности освоения социального ИОП, т.к. многие процессы восприятия, внимания, памяти, языка, мышления и понимания детей отличаются от взрослых практик, что доказывает психологическая теория Ж. Пиаже [2, с. 216]. По его теории человек в своем умственном развитии проходит 4 больших периода: сенсомоторный (от рождения до 2 лет; дооператорный (от 2 до 7 лет, дошкольный период), период конкретного мышления (7–11 лет, младший школьный возраст); период формально-логического, абстрактного мышления (от 11 до 18 лет и далее, период обучения в средней школе). Все дети проходят эти периоды, но с некоторыми различиями, зависящими от особенностей познавательных процессов, социальных условий жизни, места в системе социальных отношений, в частности, обучения в дошкольных учреждениях и школе, где предъявляются определенные и жесткие требования к познавательной деятельности. Библиотеки, обслуживающие школьников, должны максимально использовать свои возможности для расширения личного ИОП ребенка, учитывать важность своего влияния на детей, координировать деятельность с семьей и другими социокультурными институтами.

Рассмотрим особенности развития личного ИОП детей различного возраста. ИОП дошкольника развивается в процессе игровой деятельности и обучения с помощью устной коммуникации, а также благодаря самым разнообразным предметам, созданным природой и руками человека. Включение библиотеки в круг важных для детей и родителей социальных институтов позволяет сделать развитие ребенка полноценным, а его личное ИОП более широким. Дошкольник становится читателем детской библиотеки, где для него открывается неисчерпаемый мир знаний и культуры.

В младшем школьном возрасте развиваются формы мышления, обеспечивающие усвоение системы научных знаний, развитие теоретического мышления, учебную деятельность. Складываются предпосылки самостоятельной ориентации в учебе, повседневной жизни, происходит психологическая перестройка. Младший школьник осваивает новые способы анализа, синтеза, обобщения, классификации. Формирование личного тезауруса осуществляется быстрее и эффективнее в условиях целенаправленного развивающего обучения за счет системности и обобщенности знаний. Развиваются когнитивные потребности; внимание, память, мышление как средства познания дополняются информационными технологиями: чтение, письмо, навыки поиска и сохранения информации, начальные компьютерные навыки, что расширяет потенциальные возможности личного ИОП. Детские и школьные библиотеки, выполняя свои социальные функции хранения и организации доступа к информационно-образовательным ресурсам, учитывая индивидуальные возрастные и психологические особенности, могут оказать значительное влияние на ИОП младшего школьника, играя роль навигатора в пространстве информационных ресурсов.

Подростковый возраст характеризуется рядом физических изменений, в это время происходит интенсивное развитие личности, ее второе рождение. Характерной чертой этого возраста является любознательность, пылливость ума, стремление к познанию, хотя, стремясь овладеть как можно большим количеством знаний, подросток не обращает порой внимания, что знания надо систематизировать. В 10-11 лет заметен интерес к необыкновенным явлениям природы, к историческим событиям, неизвестным странам, к осмыслению фактов окружающей действительности. Источником знаний может стать книга в печатном и электронном виде, тогда познавательные интересы выливаются в читательские. Если же интереса к чтению не возникло, то в старшем школьном возрасте этот подросток пополнит ряды «нечитателей», чтение не будет играть роль средства приобретения знаний. Библиотека именно в подростковом возрасте может в полной мере развивать познавательные читательские запросы, вводить в круг чтения разные виды литературы: справочные издания, научно-популярную литературу, журналы. Возможность доступа к широкому кругу информационных ресурсов образовательного характера оказывает позитивное влияние на личное ИОП подростка.

В старшем школьном возрасте продолжается расширение личного ИОП, поддерживать этот процесс могут школьные, юношеские, публичные библиотеки. Таким образом, на основе личного тезауруса формируется личное ИОП школьника, задается траектория развития личности. По мнению Г.П. Щедровицкого [3, с. 116], существуют различные траектории формирования индивида, и перед обществом стоит задача определить ту «кратчайшую» или оптимальную траекторию единой системы обучения-формирования, которая за наименьшее время приводила бы индивидов к нужному состоянию. Траектория личного развития определяется степенью социализации, когнитивными, информационными потребностями личности, возможностью доступа к информационным ресурсам, владением технологиями приобретения знаний. Сформировать оптимальную траекторию развития личности, наиболее эффективно воздействовать на личное ИОП может скоординированная деятельность социализирующих институтов. Интеграция отдельных частей социокультурной сферы обеспечивает возрастание эффективности ее деятельности за счет явления системного эффекта [4, с. 15]. Так система образования позволяет школьнику получить основное общее образование, систематизированные знания, которые влияют на тезаурус личности. Это базовые знания в различных предметных областях, навыки социальной коммуникации, правила, принятые в социальной реальности, мировоззренческие взгляды и база для приобретения профессионального образования. Библиотеки поддерживают основное и дополнительное образование, самообразование, инкультурацию ребенка. Сохраняя документированные социальные знания и культуру общества, обеспечивая доступ к ним, они способствуют самоопределению и развитию личности, ее адаптации в условиях разнообразия культур. Следовательно, интеграция и координация деятельности систем образования и культуры обеспечивает создание единого ИОП, его гармонизацию, информационную безопасность, позволяет получить наилучший образовательный результат при множестве траекторий формирования личности школьника. Эти позиции были раскрыты нами в монографии [5, с. 128].

Ранее мы отметили, что одним из инструментов освоения ИОП является чтение. Чтение можно рассматривать как культурную традицию социума и технологию получения образования, как духовный, эмоциональный и интеллектуальный процесс. Важная роль в продвижении чтения возлагается на библиотеки для детей и подростков. Они могут научить ребенка воспринимать и оценивать тексты, использовать чтение в познавательной и образовательной деятельности, для освоения социокультурного и коммуникативного пространства, в том числе в условиях увеличившегося потока информации в электронной среде. Обеспечение библиотек необходимыми печатными изданиями и доступом к электронной информации решает двудеятельную задачу: удовлетворение читательских интересов и создание читающей нации. Создавая условия для развития различных видов чтения – инструментального, образовательного, развивающего, рекреационного, библиотеки стимулируют формирование личности будущего информационного общества.

Другим важным инструментом освоения ИОП являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Использование ИКТ в сфере воспитания и обучения имеет двойственное воздействие на ребенка и подростка. С одной стороны, делая лучшие образцы отечественной и мировой культуры достоянием новых поколений, ИКТ интенсивно наращивают духовно-культурный потенциал. С другой стороны, личность школьника находится на рубеже культур, он ощущает себя уже «перешагнувшим» прежнюю социальную культуру, отлученным от нее, но, в то же время, еще полноценным образом не приобщившимся к новой культуре.

Для современных школьников велик престиж информации, доступной в электронной форме, желание получить такую информацию и поделиться ей со сверстниками. На основании исследований В.П. Чудиновой, очевидно, что в наши дни меняется не только процесс чтения детьми печатной продукции, но и отношение их ко всему комплексу медиа – книгам, периодике, телевидению, радио, а также к мультимедиа и Интернету [6, с. 8]. Чтение книг школьниками, прежде направленное на получение систематических знаний, развитие образного мышления, художественное восприятие, ныне используется лишь для выполнения школьных заданий, либо отдыха, уходит чтение для души и самообразования. Чтение периодики используется преимущественно для развлечения, предпочтительны журналы

с обилием иллюстраций, электронные периодические издания. Во то же время в среде библиотечных специалистов и педагогов наблюдаются социальные барьеры неприятия чтения в электронной среде: материально-экономические; психологические, обычно свойственные людям с традиционным складом мышления; технологические, вызванные отсутствием навыков работы с ИКТ. Именно эти барьеры, по нашему мнению, приводят к дискуссиям «книга или компьютер», «чтение или Интернет» и т.п. Полагаем, что сетевое электронное пространство нужно не противопоставлять чтению, а использовать как средство привлечения к чтению и развития читательской культуры, как инструмент формирования информационной культуры личности. Обоснуем эту позицию. В последнее время в Интернет наблюдается стремительное увеличение числа сайтов цифровых библиотек, включающих тексты произведений мирового литературного наследия, современной художественной, научно-популярной, научной литературы. Увеличивается число посетителей таких сайтов. Библиотекам, образовательным, книгоиздательским учреждениям необходимо активизировать деятельность по проведению в Интернете масштабных рекламных акций и специальных просветительских и образовательных мероприятий для формирования познавательных потребностей школьников и повышения статуса книжной культуры в обществе.

Кроме того, ИКТ можно рассматривать как инструмент формирования поисковых и аналитических навыков работы с информацией, библиографической деятельности в электронной среде. Информационная грамотность, компетентность, культура по мере овладения ими, становятся средствами освоения социаль-

ного информационно-образовательного пространства и формирования личного ИОП. Во многих библиотеках страны разработаны курсы информационной культуры личности. Библиотекари, работающие с детьми и подростками, в последнее время разрабатывают и внедряют программы, интегрирующие компоненты развития у школьников читательской и информационной культуры. В настоящее время необходимо изучение проблемы освоения школьниками электронной среды, привитие потребностей в знаниях, создание методики воспитания информационной культуры человека с детства (формирования навыков информационного запроса, поиска, фиксации и использования информации, ее критической оценки).

Резюмируя сказанное выше, отметим, что на развитие личного ИОП ребенка оказывают влияние возрастные и психологические особенности личности, семья и социокультурные институты, которые формируют тезаурус школьника и открывают доступ к мировой культуре. Просматриваются следующие условия и факторы развития личного ИОП школьников и успешного освоения ими социального информационно-образовательного пространства:

- скоординированная деятельность социокультурных институтов по формированию ИОП с учетом психологических и возрастных особенностей ребенка;
- операциональные и мотивационные аспекты социализации ребенка: вовлечение в процесс получения основного и дополнительного образования и возможности самообразования, в т.ч. в библиотеках различных типов;
- интеллект ребенка, его когнитивные потребности.

Библиографический список

1. Луков, В.А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Педагогическое образ. и наука. – 2006. – № 6.
2. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. – М., 1994.
3. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды. – М., 1995.
4. Ильясов, Д.Ф. Системный эффект в контексте реализации приоритетного национального проекта «Образование» / Д.Ф. Ильясов, О.А. Ильясова // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. – 2010. – № 23(199). – Вып. 9. – Сер. Образование. Педагогические науки.
5. Олефир, С.В. Библиотеки для детей и подростков в информационно-образовательном пространстве: монография. – Екатеринбург, 2012.
6. Чудинова, В.П. Дети и электронная культура: проблемная ситуация // Читающий ребенок в современной информационной среде: материалы всерос. научн-практич. конф. – Ярославль, 2002.

Bibliography

1. Lukov, V.A. Tezaurusniyhj podkhod v gumanitarnihkh naukakh // Pedagogicheskoe obraz. i nauka. – 2006. – № 6.
2. Piazhe, Zh. Izbrannihe psikhologicheskie trudih. – M., 1994.
3. Thedrovickiy, G.P. Izbrannihe trudih. – M., 1995.
4. Iljyasov, D.F. Sistemniyhj effekt v kontekste realizacii prioritetnogo nacionaljnogo proekta «Obrazovanie» / D.F. Iljyasov, O.A. Iljyasova // Vestnik Yuzh.-Ural. gos. un-ta. – 2010. – № 23(199). – Vihp. 9. – Ser. Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki.
5. Olefir, S.V. Biblioteki dlya detey i podrostkov v informacii-no-obrazovateljnem prostranstve: monografiya. – Ekaterinburg, 2012.
6. Chudinova, V.P. Deti i ehlektronnaya kuljtura: problemnaya situaciya // Chitayuthijy rebenok v sovremennoj informacii-noj srede: materialih vseros. nauchn-praktich. konf. – Yaroslavl, 2002.

Статья поступила в редакцию 17.11.13

УДК 37.14

Firsova N.P. ACTIVATION OF REFLECTIVE ACTIVITY SUBJECT DURING THE IMPLEMENTATION OF HUMANITARIAN TECHNOLOGY. This work describes an empirical study of the influence of methods, forms and means of the educational process technologies such as the school of intercultural dialogue and developing training for V.V. Davydov – D.B. Elkonin on the ability to reflexive actions of the subjects of the educational process. The results of the study.

Key words: human technologies, developing education, school of intercultural dialogue, reflexive actions, objects of reflection, direction of reflection, levels of reflection.

Н.П. Фирсова, аспирант каф. педагогики и психологии профессиональной деятельности Сибирского гос. технологического университета (СибГТУ), г. Красноярск, E-mail: firsaleks@yandex.ru

АКТИВИЗАЦИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В работе описано эмпирическое исследование влияния методов, форм и средств образовательного процесса таких технологий как школа диалога культур и развивающее обучение по В.В. Давыдову – Д.Б. Эльконину на способность к рефлексивным действиям субъектов образовательного процесса. Приведены результаты исследования.

Ключевые слова: гуманитарные технологии, развивающее обучение, школа диалога культур, рефлексивные действия, объекты рефлексии, направления рефлексии, уровни рефлексии.

В настоящее время широко обсуждается модель российского образования до 2020 года. В этой связи отмечается роль тех педагогических технологий, которые направлены на формирование культуры самостоятельного и креативного мышления, что признано важнейшим ожидаемым результатом образования. В таких технологиях главную роль отводят овладению фундаментальными умениями: коммуникацией, анализом, пониманием, принятием решений.

Исходя из этого, обращение к гуманитарным технологиям, в которых целью выступает формирование человека не только с заданными свойствами – человека реализующего (заказ социума), но и человека рефлексирующего, меняющегося, развивающегося – человека возможностей [1]. В них используется комплекс наиболее эффективных приемов, развивающих мышление (оперирование понятиями, категориями), используя при этом процесс коммуникации, и создаются условия для самоопределения личности, обусловлено изменившимися социальными условиями.

В данной статье мы исследовали, как влияют методы, формы и средства образовательного процесса таких технологий как школа диалога культур (далее ШДК) и развивающее обучение по В.В. Давыдову – Д.Б. Эльконину (далее РО) на способность к рефлексивным действиям субъектов образовательного процесса.

Мы рассматривали рефлексию как процесс преобразования стереотипов опыта, внутренние условия выхода в инновационную (порождение новых идей, построение нового опыта) практику [2]. Предложенные задания были направлены на то, чтобы выделить объекты, направления и уровни рефлексии.

Процедура эксперимента заключалась в том, что участникам гуманитарных технологий (школьникам средней ступени, обучение которых на этапе начальной школы велось по программам РО, ШДК и традиционного обучения (далее – ТО)) были предложены отрывки текстов для самостоятельного чтения: текст «А правильно ли выбирать счастье?» из книги Николая Козлова «Философские сказки для обдумывающих житье, или веселая книга о свободе и нравственности» [3], текст индийской сказки о Мунго и Мотхо.

В обеих выбранных нами ситуациях обсуждаются общечеловеческие ценности добра и зла, радости и страдания, ненависти и любви.

При работе с каждым текстом испытуемым давалась инструкция: «Прочитайте текст. Выполните следующие задания: сформулируйте по три вопроса к тексту, по два вопроса к самому себе, закончите текст».

Задания были предложены исходя из того, что структуру текстов можно представить как совокупность проблемных ситуаций, в которых заложены некие скрытые смыслы, т.е. данные с наличием условий, которые вызывают вопросы и необходимы для ответа на них. Основным приемом эффективного понимания текста является самостоятельная постановка вопросов и поиск ответов. В процессе понимания субъект производит активные действия, преобразующие смысловую структуру текста, находят скрытый в тексте вопрос, обнаруживает проблемную ситуацию. Ставя вопросы, субъект анализирует материал, подвергает его умственному досмотру, выделяет главное, нащупывает главные связи, не всегда для него ясные, находит у себя слабые места, темные пятна и пробелы, стремясь их заполнить – что проявляется в продолжение текста испытуемыми.

Выполненные задания к тексту мы анализировали, взяв за основу схему мыслительности Г.П. Щедровицкого [4], согласно которой внутренний мир индивида можно представить в виде схемы в соответствии с которой, весь опыт индивида условно разделен на три принципиально разных типа, три своеобразных отсека, пространства. В соответствии со схемой индивид может быть действующим, производящим или воспринимаящим какие-либо тексты или осуществляющим нечто в области абстрактных идей и сущностей, т.е. мыслящим.

Предложенные задания позволили выделить объекты, уровни и направления рефлексии.

Соответственно **объекту рефлексии** нами были выделены три группы вопросов. Первую группу составили вопросы, затрагивающие сущность идей, понятий, категорий (т.е. представляющие собой рефлексивный переход из пространства текстов в пространство чистого мышления, абстракций). Вторую группу составили вопросы к тексту, направленные на понимание позиции автора, иных точек зрения (т.е. представляющие собой рефлексию в пространстве текста). В третью группу вошли вопро-

сы, позволяющие представлять за текстом ситуацию, реальные события, предметы, действия (т.е. представляющие собой рефлексивный переход из пространства текстов в пространство предметно-практической деятельности).

Соответственно **уровню рефлексии** нами были определены 2 уровня. В первый уровень вошли вопросы, направленные на осмысление понятий, категорий и личностную интерпретацию понятия, категории, когда рефлектирующий человек (в отличие от чувствующего, делающего, думающего и т.д.) перестает ощущать, познавать чувственный мир, перестает действовать в нем, он «смотрит» на это свое ощущение, познание, действие в этом чувственном мире, он «смотрит» на себя-ощущающего, себя-познающего, себя-действующего на себя-рефлексирующего. Второй уровень составили вопросы на установление взаимосвязи личностно-осмысленного понятия с личным опытом, когда рефлексия направлена на основания, средства и способы этой своей деятельности, на основания, средства и способы этой своей рефлексии над принципиально другим типом или видом деятельности, имеющимся в опыте индивида.

Были выявлены **направления рефлексии**, условно названные: «весь мир – игра»; «саморегуляция»; «совершенствование себя»; «идея возможного будущего и последствий этого будущего» и «констатация фактов, практический опыт».

Идея направления рефлексии, условно названного «весь мир – игра» состоит в следующем. Человек является человеком лишь потому, что способен по собственной воле выступать и пребывать субъектом игры (И. Хейзинга «Homo ludens» (человек играющий)). Способы, с помощью которых люди соревнуются друг с другом, очень разные, как и вещи, за которые они ведут борьбу, и деяния, которые они совершают. В наших примерах игра становится принципом организации содержания – участник сам становится создателем сюжета и интриги в поле возможностей.

Другой вариант окончаний текстов, как следующее направление рефлексии, условно названное «саморегуляция», связан с идеей саморегуляции [5], которая заключается в следующем: взаимодействуя с окружающим миром, человек непрестанно встречается с ситуацией выбора различных методов исполнения собственной активности, которая зависит от собственных целей, личных особенностей и условий действительности, окружающей его, а также особенностей взаимодействующих с ним людей. Но, при наличии ситуации выбора, освободиться от неопределенности можно только при использовании средств регуляции и саморегуляции. В этом смысле, человек сам изучает обстоятельства, планирует свою активность, проверяет и корректирует результаты.

Третье направление рефлексии испытуемых заключалось в обсуждении идеи совершенствования себя. Идеи, заложенные в этих вариантах окончаний текста, соотносимы с идеей психологического совершенствования, выделенной Е. Головаха, А. Кроник [6].

Следующим направлением рефлексии текста испытуемыми является идея возможного будущего и последствий этого будущего.

Чтобы обсуждать будущее, надо помыслить будущее, сделать определенную мыслительную работу: для этого необходимо заняться разработкой программ и оргпроектов, порождаемых осмыслением прошлого. У Льва Толстого есть афоризм: будущего нет, потому что мы его делаем! Другими словами, будущее станет таким, каковым мы сможем его промыслить и затем реализовать, претворить в жизнь, построить – каждый на своем месте. Построение своего будущего – новое видение целей и значимости будущей деятельности. А это есть работа программирующего и проектирующего действия и мышления.

Подводя итог, отметим, что относительно объекта рефлексии выявлено: для обучающихся в ШДК характерным является формулирование вопросов к тексту (57.8%), для учеников школы РО – вопросов, позволяющих представлять за текстом ситуацию, реальные события, предметы, действия (61.1%). Вопросы, заданные обучающимися по традиционной программе (контрольная группа), в большинстве своем (70%) были ориентированы на уточнение текста. При статистической обработке данных методом χ^2 Пирсона были выявлены высоко значимые различия между тремя выборками. Сравнивая отдельно две разные выборки, были получены следующие результаты: существуют высоко достоверные различия между выборками ТО и ШДК, ШДК и РО, ТО и РО.

При исследовании уровней рефлексии получены следующие результаты. Наибольшее количество вопросов, направленных на личностное осмысление понятий было сформулировано учениками РО – 65%. В пространстве ШДК приоритеты принадлежат вопросам на установление взаимосвязи личностно-осмысленного понятия с личным опытом (56.7%). При статистической обработке данных использовали метод χ^2 Пирсона. Результаты сравнения выявляют высоко значимые различия между тремя выборками. Сравнивая отдельно две разные выборки, были получены следующие результаты: существуют высоко достоверные различия между выборками ТО и ШДК, ШДК и РО, ТО и РО.

Изучение направлений рефлексии позволило выявить, что среди участников такой гуманитарной технологии, как ШДК преобладают такие направления рефлексии текста, как: «саморегуляция», «совершенствование себя» и «возможное будущее и последствия этого будущего».

Библиографический список

1. Адамский, А.И. Школа должна развивать страну // Перемены. – 2005. – № 3.
2. Семенов, И.Н. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии / И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов // Исследование проблем психологии творчества. – М., 1983.
3. Козлов, Н.И. Философские сказки для обдумывающих житье, или веселая книга о свободе и нравственности. – М., 2004.
4. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды. – М., 1995.
5. Конопкин, О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М., 1980.
6. Головаха, Е.И. Конструктивные функции психологии / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Психологический журнал. – 1989. – № 6.

Bibliography

1. Adamskiy, A.I. Shkola dolzhna razvivatj stranu // Peremenih. – 2005. – № 3.
2. Semenov, I.N. Problema predmeta i metoda psikhologicheskogo izucheniya refleksii / I.N. Semenov, S.Yu. Stepanov // Issledovanie problem psikhologii tvorchestva. – M., 1983.
3. Kozlov, N.I. Filosofskie skazki dlya obdumivayutikh zhitje, ili veselaya kniga o svobode i npravstvennosti. – M., 2004.
4. Thedrovickij, G.P. Izbrannihe trudih. – M., 1995.
5. Konopkin, O.A. Psikhologicheskie mekhanizmih regulyacii deyateljnosti. – M., 1980.
6. Golovakha, E.I. Konstruktivnihe funkcii psikhologii / E.I. Golovakha, A.A. Kronik // Psikhologicheskij zhurnal. – 1989. – № 6.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 376: 373

Voroshnina O.R. STUDY OF PRETERM INFANT-MOTHER INTERACTION. This article is dedicated to the problems of preterm infant-mother relationship. In the Russian studies this subject is investigated from the medical perspective. However, preterm birth and development of the infants are very important psychological, pedagogical problems. The typical characteristics of preterm infants' behavior by the interaction with their mothers are described in this article.

Key words: premature infants, interaction with the mother, the psychic development of prematurely born children.

O.P. Ворошнина, канд. психол. наук, доц. ПГПТУ, г. Пермь, E-mail: Elena7107@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕДОНОШЕННЫХ МЛАДЕНЦЕВ С МАТЕРЯМИ

Статья посвящена вопросам взаимодействия недоношенных младенцев с матерями. В отечественных исследованиях данная проблема представлена с медицинских позиций. В то же время досрочное рождение ребенка, его раннее развитие – исключительно важная проблема с психологической, педагогической точки зрения. Автором статьи выявлены и описаны черты типичного поведения недоношенных младенцев в процессе взаимодействия с матерями.

Ключевые слова: недоношенные младенцы, взаимодействие с матерью, психическое развитие преждевременно родившихся детей.

Досрочное рождение малыша и его раннее развитие – исключительно важная проблема с психологической и педагогической точек зрения. Анализ литературы по проблеме недоношенности показывает, что в отечественных исследованиях она представлена исключительно с медицинских позиций. В этом контексте нервно-психическое развитие досрочно родившихся детей часто оценивается как благоприятное и значительно компенсированное к году либо к концу раннего возраста. Вместе с тем, анализ отдаленного развития показывает противоречивость между данными раннего (первый год жизни) и более поздних (10 – 14 лет) этапов, когда развитие уже оценивается как проблемное, тревожное, с выраженными отклонениями в эмоциональной сфере, с проблемами школьной дезадаптации и другими нарушениями. Изучение особенностей развития преждевременно родившихся детей позволит глубже понять проблемы обозначенной категории детей, фиксируемые в более поздние сроки их жизни и подойти к решению вопросов их профилактики и коррекции, а также более целенаправленно решать вопросы помощи семьям, имеющим «особенных» детей.

В связи с этим целью исследования являлось изучение особенностей психического развития преждевременно родившихся детей первого года жизни, затрудняющих становление и развитие эмоциональной связи ребенка и матери и осложняющих процесс функционирования системы «мать-дитя» как ключевого условия личностного развития ребенка. В задачи нашего исследования входило изучение взаимодействия недоношенных и доношенных младенцев с матерями.

Экспериментальная работа осуществлялась на базе отделения недоношенных детей, участков №3,8 поликлиники детской городской клинической больницы №13 г. Перми. Группа недоношенных детей (48 чел) – экспериментальная группа (ЭГ), группа доношенных детей (17 чел.) – контрольная группа (КГ). Дети из экспериментальной группы непосредственно после рождения и в ранний период своего развития были разлучены с матерью. Дети из контрольной группы с матерями не разлучались.

Нами выявлены паттерны типичного поведения недоношенных младенцев в процессе взаимодействия с матерями. С этой целью были выбраны три ситуации типичные для жизни детей первого года: кормление, засыпание младенца, подготовка к осмотру и осмотр ребенка врачом-педиатром в условиях поликлиники. Данные ситуации являются наиболее типичными, часто встречающимися и показывают объективную картину поведения ребенка в процессе его взаимодействия с матерью в естественных условиях (дома) с низким уровнем стресса и в эмоциогенных, стрессогенных ситуациях во время нахождения пары в поликлинике.

Наблюдение за поведением младенца во время кормления.

Ситуация кормления является важнейшей в жизни младенца и матери, так как именно она позволяет проследить специфику и фон настроения младенца, характер его ожиданий, связанных с удовлетворением витальной потребности, типичный паттерн поведения. Данная ситуация является самой информативной, так как позволяет оценить возможности ребенка в выражении собственных биологических и физиологических потребностей. Как отмечал И.А. Сикорский, в процессе кормления грудью матери соединены условия для совместного развития чувства, ума и воли ребенка. Во время акта еды ребенок одновременно получает впечатления от всех органов чувств. Удовольствие, какое ребенок получает от насыщения, очень рано связывает (ассоциирует) чувство приятного с видом человеческого лица [1]. Справедливости ради необходимо отметить, что эти, безусловно, правильные и мудрые слова имеют отношение к акту кормления вообще, действенно к самому значимому, интимному и ожидаемому процессу в жизни матери и ребенка, здорового и активного, развивающегося в соответствии с возрастными нормативами (типично). Вне всякого сомнения, этот процесс затруднен, является, скорее, не актом удовольствия, а достаточно тяжелой работой для всех детей, имеющих нарушения раннего развития. Характеристика, данная замечательным ученым акту кормления как акту совместного созидания, для женщины, сталкивающейся с конкретными трудностями большого ребенка, будет воплощать, пожалуй, идеальный, социально желательный, одобряемый образ, достижение которого практически невозможно вследствие «особенности» ребенка.

Обратиться с анализом к данному процессу побудила нас еще одна причина. Паттерны материнского и детского поведения складываются в течение первых четырех недель жизни младенца [2]. Специфика ухода за недоношенным ребенком заключается в достаточно позднем (на 3-4 неделях жизни новорожденного) включении матери в процесс кормления ребенка, обусловленном состоянием здоровья малыша, а также режимом работы стационаров детских больниц для недоношенных детей.

Обращает на себя внимание тот факт, что недоношенные дети в силу своей физической ослабленности, физиологической незрелости, высокой степени утомляемости, частых нарушений процесса кормления, нежелательных реакций (срыв пищевого сосредоточения, срыгивания, затруднение начала кормления, частые отвлечения во время кормления) требуют особенно внимательного отношения к организации этого процесса, а также к качеству предлагаемой им пищи. Общеизвестно, что идеальной пищей для новорожденного и младенца является грудное молоко. Однако грудное молоко к моменту выписки из стационара сохранилось у 32 матерей недоношенных детей, что составляет около 70% от общего числа женщин, участвующих в эксперименте. Дальнейшие наблюдения показали, что до 4,5 месяцев продолжили естественно вскармливать детей уже только 12 матерей, что составляет чуть более четверти (26,0%) от общего числа матерей. В дальнейшем процент матерей, кормящих грудью до 12 месяцев, сократился до 10,8%, т.е. только 5 матерей сохранили грудное вскармливание до года. Практически все матери отмечали нежелание ребенка брать грудь, частые отказы, плач, срывы пищевого сосредоточения. В условиях наших наблюдений только 12 матерей начали достаточно рано

в условиях стационара кормить своих детей грудью (по показаниям врачей, в возрасте около 3 недель, с незначительными колебаниями в 2-3 дня). Именно этим матерям удалось сохранять грудное вскармливание достаточно долго. Режим работы отделения недоношенных детей предполагает присутствие матери в стационаре с 8 до 15 часов. В этот временной промежуток она имеет возможность три раза покормить ребенка (в 9, 12, 15 часов). Однако из обследованных нами матерей только 2 оставались на 18-часовое кормление, и лишь одна мама жила в общежитии отделения круглосуточно (несмотря на то, что у нее есть еще старший ребенок, которому на момент рождения младшего было всего 1,5 года).

В ситуациях взаимодействия матери со своим ребенком обращает на себя внимание нежелание матерей оставаться в стационаре дольше 15-часового кормления (хотя для этого созданы условия, и врачи в основном приветствуют такое поведение матери). Матери объясняют это тем, что они «все равно не нужны ребенку», что «он еще очень маленький, ничего не понимает». Интересен и тот факт, что матери часто переносят переживания ситуации кормления в стационаре на ситуацию кормления дома, особенно на первых порах по возвращении из больницы. Это проявляется в том, что предпочитаемое место кормления ребенка во время пребывания в стационаре – кроватка; бутылочка с молоком подкладывается лежащему на боку ребенку. Очень сходно, особенно на первых этапах, и поведение матери во время кормления в стационаре и дома. В стационаре время кормления ограничивается 30-40 минутами. Мать обычно находится в комнате не одна, а если медсестра и другие матери отсутствуют, то вынуждена достаточно часто отвлекаться на других детей (поправить бутылочку, дать соску, подойти к заплакавшему ребенку). Вероятно, этот стереотип поведения переносится и на домашние условия, когда мать постоянно отключается на внешние раздражители. Очень часто дома, в комнате, где мать кормит ребенка, включен телевизор, достаточно громко играет музыка, находятся посторонние люди. Акт кормления так и не становится интимным процессом, где двое настроены только друг на друга, умеют «сообщать» о своем мироощущении и понимать, расшифровывать эти сообщения.

Рассмотрим процесс достаточно типичного кормления недоношенного младенца. В качестве примера приведем протокол кормления одного из младенцев (ЭГ) в возрасте 3,5 мес.: способ кормления – естественное вскармливание грудным молоком; поза – ребенок у матери на руке, расположен неудобно для обоих, мать часто его поправляет. Ребенок проснулся, сразу заплакал. Плач сильный, немодулированный. На вопрос: «Почему ребенок плачет?», мать отвечает: «Не знаю, наверное, хочет есть». Ребенок двигательно беспокоен, хаотично двигает ручками, ножками. Мать, не глядя ему в глаза, поднимает на руки, говорит: «Будем есть». Ребенок на руках у матери не успокаивается, начинает двигаться активнее, беспокойнее. Мать обращается к экспериментатору: «Не понимаю, почему он всегда недоволен, всегда трудно начинать сосать». Начало кормления: мать засовывает сосок в рот, начинает водить им по губам ребенка, который долго не может начать сосать, так как теряет сосок. После трехкратной стимуляции ребенок включается в кормление, сосет 3 мин. Через короткий промежуток времени ребенок бросает сосок, «заходится» в плаче, двигается, срыгивает. Мать раздражается, напрягается: «Ну, что тебе не так?! Давай, кушай!». После возобновления кормления ребенок сосет 1,5 минуты, затем начинает дремать. Мать перекладывает его на большую кровать, отходит. Ребенок просыпается, «заходится» в плаче, выражая сильное двигательное беспокойство. Доминирующий аффект ребенка – сильные негативные переживания, реже – неярко выраженные отрицательные либо нейтральные. Мать поглощена своими отрицательными эмоциями, «увязает» в них, долго не может переключиться с ситуации неудачного взаимодействия. Эмоционального контакта в этих паре не наблюдается: ребенок плачет «безадресно», в плаче нет пауз для восприятия ответа матери. Наблюдения за кормлением дома позволяют утверждать, что выработанные ранее способы кормления и поведенческие проявления детей сохраняются.

Паттерны наиболее типичного поведения недоношенного младенца в ситуации кормления: трудное начало кормления, вялость, зажатость, перевозбуждение ребенка к началу кормления; напряжение ребенка при взятии его матерью на руки; ограниченность глазного контакта – не смотрит на мать, плачет, «заходится» в крике; общее двигательное беспокойство или,

наоборот, заторможенность; частые прерывания кормления вследствие усталости, перевозбуждения.

Анализ типичного поведения младенцев в процессе кормления показывает наличие значительных сложностей, испытываемых обеими сторонами, вовлеченными в процесс. Очевидно, что такое поведение младенца существенно усложняет матери установление эмоционального, тактильного, голосового, визуального контактов с ребенком, т. е. осложняет организацию полноценного взаимодействия, в котором ребенок смог бы научиться управлять поведением близкого взрослого, регулировать собственную активность, открывать собственные возможности в процессе освоения социального и предметного мира.

Наблюдение за поведением младенца в ситуации засыпания

Практически все недоношенные дети, наблюдаемые нами, имеют в анамнезе диагноз пре- и постнатальная энцефалопатия разного генеза и различной степени тяжести. По мнению невропатологов, психиатров, психологов, данное нарушение значительно часто проявляется и в виде нарушений сна [2; 3; 4]. В работе Г.В. Козловской с соавторами наряду с конституциональными факторами нарушения сна отмечаются средовые факторы преимущественно депривационного характера (недостаток синхронизирующих раздражителей: укачивания, сосания соски, пения колыбельных песенок и т.д.) и появление десинхронизирующих влияний (звуда, более разного генеза, шума в присутствии засыпающего ребенка и т.п.). Среди факторов, обеспечивающих нарушение засыпания, выделяется дефицит внимания к ребенку в диаде «мать – дитя» в течение дня [5].

При наблюдении поведения в процессе засыпания недоношенных младенцев мы выявили некоторые особенности. В качестве примера приведем протокол ситуации засыпания одного из младенцев (ЭГ). «После кормления мальчик начал хныкать, мать положила его в кроватку, дала «пустышку», отошла к своей кровати. Ребенок возится, начинает хныкать, потом плачет. На предложение подойти к малышу мать отвечает отказом: «Нет, я всегда его так усыпляю. Пусть привыкает, а то потом вообще «гоняться» станет». Ребенок плачет навзрыд. После 10 минут плача мать подходит к малышу, берет его на руки, пытается укачивать, но ребенок уже настолько перевозбужден, что действия матери не могут успокоить его. Мать поворачивается к экспериментатору: «Видите! Он всегда так: что его бери, что не бери – все равно плачет!». Укладывает ребенка в кроватку, начинает покачивать, потряхивать. Ребенок, устав от плача, засыпает. Во сне продолжает всхлипывать, стонать. Ребенок засыпал 17 минут. Сон длился 23 минуты. Проснувшись, ребенок сразу же начал плакать. Плач жалобный, без пауз. На вопрос: «Сколько времени обычно спит малыш?» мать ответила: «Всегда так – минут 20-25».

Паттерны наиболее типичного поведения недоношенного младенца в ситуации засыпания: негативный фон настроения перед засыпанием, частый и длительный плач, хныканье, иногда – бурные аффективные реакции; легкое перевозбуждение в процессе бодрствования и в процессе подготовки ко сну; трудное и длительное засыпание, часто превышающее по длительности период сна; парадоксальные реакции на синхронизирующие раздражители, предпочтение определенных синхронизирующих раздражителей; нарушение смены и чередования фаз «кормление-бодрствование-сон», трудности выработки цикличности поведения; краткий и очень чуткий сон, не обеспечивающий полноценного отдыха и восстановления нервной системы.

Чрезвычайно важным аспектом выработки цикличности, ритмичности жизни ребенка является становление способности к предвосхищению, прогнозированию происходящих изменений, своей роли и возможностей в преобразовании ситуации. Очевидно, что устойчивое нарушение цикличности жизни приводит к задержке когнитивного и личностного развития преждевременных родившихся детей.

Библиографический список

1. Сикорский, И.А. Душа ребенка. – Киев, 1911.
2. Барашнев, Ю.И. К генезу минимальных мозговых функций у детей / Ю.И. Барашнев, А.Э. Лицев // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 1995. – № 6.
3. Баженова, О.В. О профилактике психической патологии в раннем возрасте / О.В. Баженова, Г.В. Козловская // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1993. – Т. 93. – № 3.
4. Бардышевская, М.К. Компенсаторные формы поведения у детей 3-6 лет, воспитывающихся в условиях детского дома: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1995.
5. Козловская, Г.В. Клинико-психопатологические аспекты пограничных психических расстройств в младенчестве / Г.В. Козловская [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1991. – № 8. – Т. 91.

Ситуация подготовки к осмотру и осмотру ребенка врачи-педиатром в поликлинике

Выделенная ситуация является наиболее эмоциогенной по сравнению со всеми остальными. В этой ситуации взаимодействие матери и младенца вынужденно более опосредовано обилием людей, от которых мать крайне зависима (врач, медсестра и т.д.), обилием предметов (документы, одежда, игрушки), разнообразием процедур, совершаемых непосредственно матерью и при ее участии (одевание, раздевание, медицинские манипуляции, взаимодействие с медицинским персоналом и т.д.) и, наконец, новизной ситуации, особенно на ранних этапах развития ребенка. Объективно эта ситуация более показательна, так как позволяет увидеть мать в нестандартной ситуации и во взаимодействии с большим числом предметных и социальных стимулов. В данной ситуации можно понять, какое место занимает ребенок в жизни матери.

Ситуация наблюдения в поликлинике состоит из двух эпизодов: ожидания приема в коридоре и собственно приема врача.

Ситуация включалась в наблюдение два раза: в первом полугодии жизни ребенка (возраст 4-5 мес.) и во втором полугодии (возраст 8-9 мес.). Данные возрастные периоды были выбраны потому, что они являются наиболее информативными в плане развития взаимодействия со взрослым (начинает дифференцировать «чужих-своих») и развития моторной сферы (начинает поворачиваться, пытается садиться, вставать).

Представляем описание ситуации. Эмоциональное состояние ребенка часто негативное. Дети плачут или напрягаются, причем начинают плакать еще до посещения кабинета врача, плачут сильно, без модуляций, долго не могут успокоиться. Предпочитаемая поза: ребенок лежит на столе или «бревнышком» на коленях матери, повернут лицом от нее. Нами отмечено, что недоношенные дети очень «неудобные», они сами испытывают дискомфорт, находясь на руках у матери, но обнаруживают способности к постуальной адаптации (держатся «столбиком», не прижимаясь к матери). Характерно и визуальное поведение этих детей: если в возрасте 4-5 месяцев они смотрят на мать, особенно в ситуациях, тревожащих их (медицинские манипуляции и т.д.), то в возрасте 8-9 месяцев дети уже не смотрят на мать в ожидании поддержки или помощи. Дети мало улыбаются, также достаточно молчаливы, у них фиксировались редкие вокализации в возрасте после 8-9 мес.

Особенности развития преждевременно родившихся детей позволили нам выделить и описать синдром «дефицитарности ключевых сигналов», представленный следующим симптомокомплексом поведенческих реакций: позднее появление улыбки как «социальной» реакции на взрослого; стертость, слабость, малое число улыбок; склонность к «затуханию» эмоциональных реакций; доминирование отрицательных эмоций в первые месяцы жизни; слабость ответных сигналов при взаимодействии со взрослым; избегание эмоционального контакта при попытках взрослого вступить во взаимодействие; увеличение напряжения, отстранение при взятии на руки; отсутствие инициации контакта со взрослым на ранних этапах развития; быстрая истощаемость, высокая утомляемость при взаимодействии со взрослым; запаздывание в появлении, бедность вокализации; отсутствие постуальной адаптации к рукам и телу взрослого.

«Особенность» недоношенного ребенка, проявляющаяся данным взглядом, осложняет «запуск» нормального материнского поведения, дезориентирует мать, делает невозможным либо крайне затрудненным взаимодействие с малышом, лишает женщину уверенности в собственных воспитательных и материнских способностях.

С учетом результатов экспериментальной работы (в том числе представленных в настоящей статье) была составлена и реализована программа психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающим недоношенных детей.

Bibliography

1. Sikorskiy, I.A. Dusha rebenka. – Kiev, 1911.
2. Barashnev, Yu.I. K genuzu minimal'nykh mozgovykh funktsiy u detey / Yu.I. Barashnev, A.Eh. Licev // Rossiyskiy vestnik perinatologii i pediatrii. – 1995. – № 6.
3. Bazhenova, O.V. O profilaktike psikhicheskoy patologii v rannem vozraste / O.V. Bazhenova, G.V. Kozlovskaya // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova. – 1993. – Т. 93. – № 3.
4. Bardishevskaya, M.K. Kompensatsionnye formy povedeniya u detey 3-6 let, vospitihvayutikhhsya v usloviyakh detskogo doma: dis. ... kand. psikhol. nauk. – М., 1995.
5. Kozlovskaya, G.V. Kliniko-psihopatologicheskie aspekty pogranichnykh psikhicheskikh rasstroystv v mladenchestve / G.V. Kozlovskaya [i dr.] // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova. – 1991. – № 8. – Т. 91.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК:377.1:303.687.4+316.723

Danilova A.A. THE MODEL OF DESIGN THE BUSINESS GAMES FOR FORMING OF CORPORATE CULTURE OF STUDENTS IN THE UNIVERSITY. The article presents a model of design the business games for forming of corporate culture of students in the university. The detailed content of each functional module of this model are disclosed.

Key words: business games, model of design, corporate culture of students, forming of corporate culture.

A.A. Данилова, аспирантка ЧГАКИ, г. Челябинск, E-mail: ensti1988@mail.ru

МОДЕЛЬ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ДЕЛОВЫХ ИГР ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

В статье приводится разработанная модель проектирования деловых игр для формирования корпоративной культуры студентов в вузе. Раскрывается содержание каждого функционального модуля модели.

Ключевые слова: деловые игры, модель проектирования, корпоративная культура студентов, формирование корпоративной культуры.

Для студенческой молодежи характерна субкультура со своими ценностями, традициями, нормами поведения и т.д. Субкультура проявляется в корпоративной культуре и способствует развитию такого направления, которое определяет ценностные составляющие и отношение к ним. Проблемы формирования корпоративной культуры, ее роли и влияния на деятельность человека являются актуальными в исследованиях зарубежных и отечественных ученых. Однако вопросу формирования корпоративной культуры у студентов не уделяется должного внимания, что требует усовершенствования подходов и методов формирования корпоративной культуры студентов в вузе. К тому же введение новых образовательных стандартов актуализировало проблему развития активных и интерактивных методов обучения.

Наибольшими прогностическими и технологическими возможностями в решении заявленных проблем, на наш взгляд, обладает проектирование деловых игр для формирования корпоративной культуры студентов в вузе. Деловая игра выступает как средство и метод подготовки и адаптации к профессиональной деятельности будущих специалистов, путем присвоения социальных, профессиональных, личностных культурных норм и ценностей, формирующих корпоративную культуру студентов.

На основании анализа теории и практики деловых игр (Т.И. Бочарова, А.А. Вербицкий, А.П. Панфилова, Г.С. Абрамова, В.А. Степанович, Я.С. Гинзбург, В.А. Трайнев и др.) нами была разработана модель проектирования деловых игр для формирования корпоративной культуры студентов в вузе, включающая четыре функциональных модуля: целевой, содержательный, организационно-технологический, результативно-оценочный (рис. 1) [1-6].

Целевой модуль в своем составе содержит: цель, задачи, основные подходы и принципы проектирования деловых игр для формирования корпоративной культуры.

В нашем исследовании генеральной целью проектирования деловых игр является формирование корпоративной культуры студентов в вузе. Поставленная цель определяет следующие задачи: изучить проблему проектирования деловых игр для формирования корпоративной культуры; стимулировать внедрение в педагогический процесс деловой игры; разработать основы мониторинга состояния корпоративной культуры студентов в вузе; повысить компетенцию педагогов в вопросах проектирования деловых игр для формирования корпоративной культуры; раз-

работать сценарий деловой игры для формирования корпоративной культуры студентов в вузе.

На основании теоретического анализа проектирования деловых игр по формированию корпоративной культуры студентов в вузе были определены следующие подходы:

Культурно-антропологический подход – способствует приобщению студентов к различным пластам культуры как системе ценностей и их учёт при формировании корпоративной культуры студентов в вузе.

Личностно-деятельностный подход – направлен на создание условий для развития гармоничной, нравственно совершенной, социально-активной, профессионально компетентной и саморазвивающейся личности в ходе деятельности, обусловленной деловой игрой.

Компетентностный подход – позволяет рассматривать корпоративную культуру студентов как совокупность компетенций.

Проектирование деловых игр для формирования корпоративной культуры студентов осуществлялось на основании двух групп принципов:

Принципы организации и проведения игровых занятий [3]: полное погружение участников игры в ситуацию моделируемой системы; постепенность вхождения участников в игру; равномерная нагрузка на участников игры; соревнование игровых групп; правдоподобие моделируемой ситуации; принцип учета специфики контингента участников.

Педагогические принципы: мотивационный принцип; информационно-методический принцип; определение алгоритма совместной учебно-воспитательной работы в вузе (принцип гуманизма, этической ориентации, морального выбора и т.д.);

принцип рефлексии; личностно-ориентированный характер отношений. Учет этих принципов способствует качественному проектированию деловых игр для формирования корпоративной культуры студентов в вузе.

Содержательный модуль включает в себя совокупность того, что студенты должны освоить в процессе деловой игры, или, другими словами, совокупность корпоративных компетенций, качество и уровень владения которыми позволил бы говорить о сформированной корпоративной культуре.

Для выделения максимально полного набора компетенций, мы исходили из содержания корпоративной культуры студентов. Система корпоративной культуры студентов имеет в своем со-

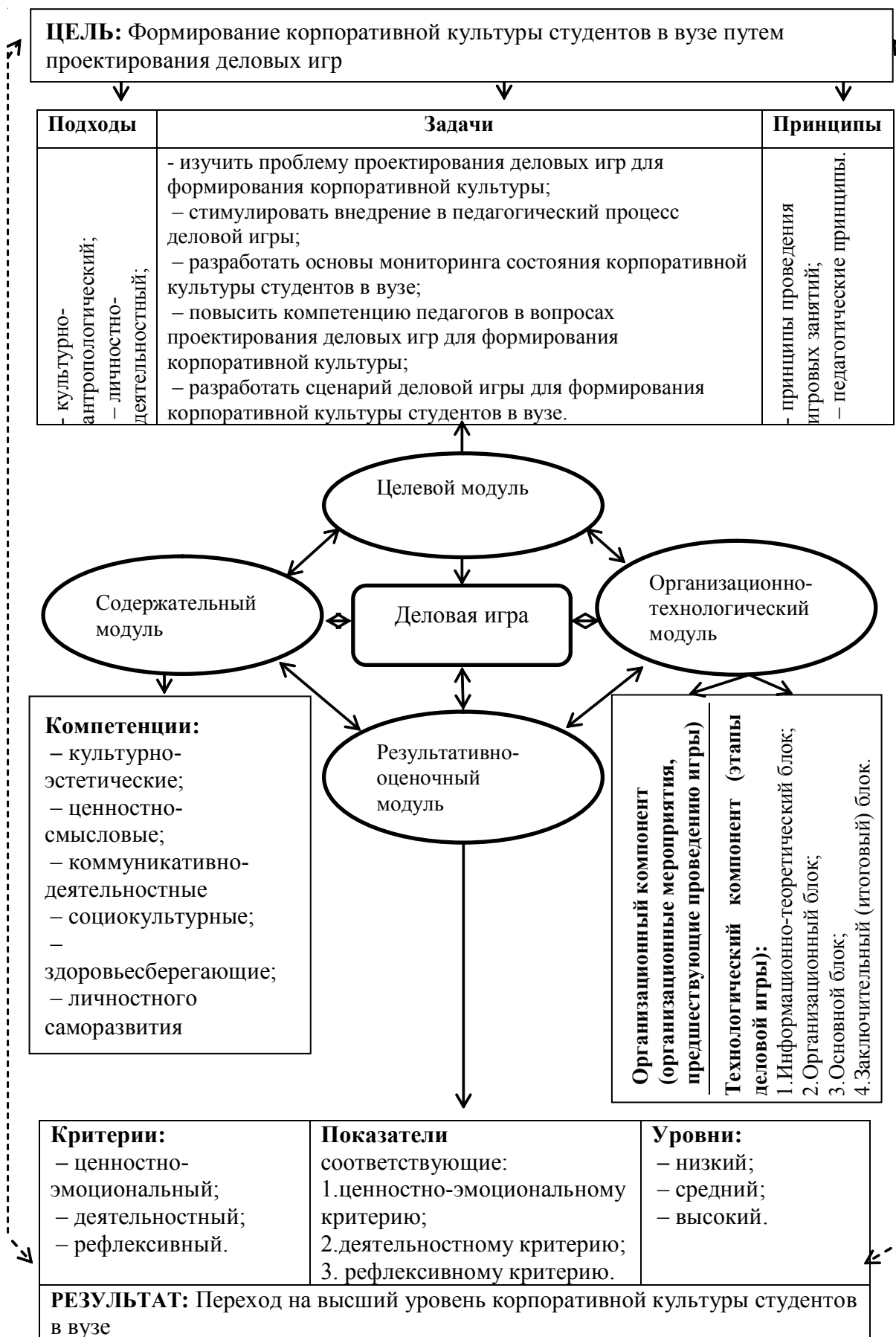

Рис. 1. Модель проектирования деловых игр для формирования корпоративной культуры студентов в вузе

Компетентностное содержание подсистем корпоративной культуры студентов в вузе

Подсистема корпоративной культуры студентов	Соответствующие компетенции
Знаково-символьная	– культурно-эстетические
Ценностно-нормативная	– ценностно-смысловые; – коммуникативно-деятельностные
Внутриличностная	– социокультурные; – здоровьесберегающие; – личностного саморазвития

ставе три подсистемы: знаково-символьную, ценностно-нормативную и внутриличностную. Для функционирования каждой подсистемы корпоративной культуры необходимо сформировать у студентов определенные компетенции в ходе деловых игр. Так знаково-символьная подсистема предполагает развитие культурно-эстетические компетенции, ценностно-нормативная подсистема – ценностно-смысловые и коммуникативно-деятельностные компетенции, внутриличностная подсистема – компетенции социокультурные, здоровьесберегающие, личностного саморазвития (таблица 1).

Организационно-технологический модуль раскрывает ход деловой игры, включающий четыре блока:

Информационно-теоретический блок направлен на введение в игру, включает знакомство со смыслом, целями и задачами проводимой игры, общим регламентом, осуществление консультирования и инструктажа. На начальной стадии проводится лекция или беседа (позволяет отойти от формализованности процесса взаимодействия со студентами) по актуальным проблемам, затрагиваемым в игре.

Организационный блок включает распределение по группам, назначение ролей участников игры, ознакомление с ролями.

Основной блок включает погружение в игру, игровой процесс, работу в группах, самостоятельную работу участников, выступление докладчиков от каждой группы, выступление оппонентов из параллельных групп.

Заключительный (итоговый) блок включает общую дискуссию и итоговое выступление руководителя игры.

Результативно-оценочный модуль включает систему критериев и показателей определения уровня корпоративной культуры студентов.

В ходе исследования нами были выделены 3 уровня развития корпоративной культуры студентов в вузе: низкий, средний, высокий. Определить один из обозначенных уровней позволяет разработанная система критериев и показателей.

Ценностно-эмоциональный критерий связан с ценностной ориентацией студентов относительно корпоративной культуры, признания ее необходимости. Показателями этого критерия являются уровень эмоционально-психологического климата в группе студентов; уровень ценностно-ориентационного единства; осознание и принятие миссии, назначения и основных целей профессиональной деятельности; принятие ценностей, истории, традиций, обычаев сообщества.

Деятельностный критерий включает такие показатели, как наличие навыков и умений межличностного, внутригруппового и командного взаимодействия, основанного на принципах корпоративной этики; инициативность и активность студентов в организации и проведении корпоративных мероприятий; умение действовать в рамках правил, обычаев, традиций, ценностей, образцов поведения, определенных корпоративной культурой.

Рефлексивный критерий связан с анализом, пониманием и осознанием себя (собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств и т.д.). Данному критерию соответствуют следующие показатели: умение анализировать и критически оценивать свою деятельность; потребность реализовать свой личностный потенциал в стремлении к самосовершенствованию.

Для анализа результативности разработанной модели мы исследовали изменения в уровне корпоративной культуры студентов через диагностику выделенных критериев и показателей. При этом придерживались проверенных методик диагностики социально-психологического климата в коллективе (методика В.М. Завьяловой), ценностно-ориентационного единства (методика М.Ю. Кондратьева), основ деятельности взаимодействия членов коллектива (методика К.С. Сишора), способности к рефлексии (методика А.В. Карпова). Так же использовались методы математической статистики (t-критерий Стьюдента).

Результатом реализации модели проектирования деловых игр для формирования корпоративной культуры студентов должен стать переход группы студентов в вузе на более высокий уровень корпоративной культуры.

Библиографический список

1. Бочарова, Т.И. Комплексная деловая игра как средство формирования профессиональных навыков и функций специалиста: дис. ... канд. пед. наук. – Ставрополь, 2006;
2. Вербицкий, А.А. Психолого-педагогические особенности деловой игры как формы знаково-контекстного обучения // Игровое моделирование: методология и практика. – Новосибирск, 1987.
3. Панфилова, А.П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала. – СПб., 2003.
4. Абрамова, Г.С. Деловые игры: теория и организация / Г.С. Абрамова, В.А. Степанович. – Екатеринбург, 1999.
5. Гинзбург, Я.С. Организация инновационного процесса на базе игрового эксперимента // Игровое моделирование: методология и практика. – Новосибирск, 1987.
6. Трайнев, В.А. Интенсивные педагогические игровые технологии в гуманитарном образовании: методология и практика / В.А. Трайнев, И.В. Трайнев. – М., 2007.

Bibliography

1. Bocharova, T.I. Kompleksnaya delovaya igra kak sredstvo formirovaniya professional'nykh navikov i funkciy specialista: dis. ... kand. ped. nauk. – Stavropolj, 2006;
2. Verbickij, A.A. Psikhologo-pedagogicheskie osobennosti delovoj igrj kak formj znakov-kontekstnogo obuchenija // Igrovoe modelirovanie: metodologija i praktika. – Novosibirsk, 1987.
3. Panfilova, A.P. Igotekhnicheskij menedzhment. Interaktivnihe tehnologii dlya obuchenija i organizacionnogo razvitiya personala. – SPb., 2003.
4. Abramova, G.S. Delovihe igrj: teoriya i organizaciya / G.S. Abramova, V.A. Stepanovich. – Ekaterinburg, 1999.
5. Ginzburg, Ya.S. Organizaciya innovacionnogo processa na baze igrovogo ehksperimenta // Igrovoe modelirovanie: metodologija i praktika. – Novosibirsk, 1987.
6. Traynev, V.A. Intensivnihe pedagogicheskie igrovihe tehnologii v gumanitarnom obrazovanii: metodologija i praktika / V.A. Traynev, I.V. Traynev. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 14.11.13

УДК 159.9

Djatlova A.A., Roterjanu Ju.M., Chernjavskaja V.S. CHARACTERISTICS OF MOTIVATION SPORTS ACTIVITIES. Describes the motives of the sports activities of athletes rowing. Found balanced orientation of motivation on the process and outcome on the indie individual and group motives of their activities, identified a leading motive sports – self-actualization

Key words: motivation, personality, orientation motives, sport activities.

А.А. Дятлова, студентка Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: annad93@ya.ru; Ю.М. Ротэрян, студентка Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: lulika_93@mail.ru; В.С. Чернявская, проф. каф. философии и психологии Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: valstan13@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ МОТИВАЦИИ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Описаны мотивы спортивной деятельности у спортсменов-гребцов. Обнаружены сбалансированные показатели ориентации мотивации на процесс и на результат, на индивидуальные и групповые мотивы деятельности, выявлен ведущий мотив занятий спортом – самореализация личности.

Ключевые слова: мотивация, личность, ориентация мотивов, спортивная деятельность.

Проблема мотивации в общей психологии является достаточно исследованным феноменом, однако остается весьма актуальной, поскольку существует целый ряд факторов для того, чтобы продолжать разработку этой темы. Психоналитические теории рассматривают степень осознанности, сознательности мотивов, их образные репрезентации, соответствующие интерпретации. В бихевиоральных подходах рассматриваются драйвы, обеспечивающие выживание, адаптацию, оперантное обусловливание поведения, научение, вопросы стимулирования. Когнитивная психология изучает формирование мотивов с помощью познания, когнитивного диссонанса, влияния каузальных атрибуций. Отечественная психология рассматривает мотивацию в контексте ценностно-мотивационной сферы личности [1].

Разные методологические основания исследований не дают возможности однозначно определять данный феномен, обосновать общие подходы к диагностике мотивации сделать общие выводы относительно полученных результатов.

Особенно значимым является изучение мотивации спортивной деятельности, поскольку результаты существенным образом связаны с прогнозом успешности деятельности. Она является сложным комплексом различных видов активности, сопряженных с личностными качествами, способностями, свойствами и психофизиологическими ресурсами, цель которой достижение высоких результатов, связанных с преодолением себя, самоорганизацией, преодолением кризисных ситуаций, ситуацией конкуренции. Известный спортивный психолог А.Ц. Пуни выделял следующие объективно существующие особые условия спортивной деятельности: первое специфическое условие спортивной деятельности касается ее предмета: предметом ее является сам занимающийся, самостоятельность его мыслей и действий. Вместе с этим, объектом сознания и деятельности спортсмена выступает, прежде всего, его собственное тело [2]. Сущностью спорта является соревнование. Соревнование – есть необходимое условие существования и развития спортивной деятельности. Вне соревновательных выступлений спорт невозможен [2].

Н.Л. Ильина обосновала положения о том, что комплексы ведущих мотивов на каждом из этапов спортивной карьеры имеют общее и особенное. Особенное в большей степени определяется спецификой вида спорта, чем полом спортсменов. Она пишет о том, что мотивация спортсменов оказывает непосредственное влияние на достижение спортивных результатов на всех этапах спортивной карьеры, а, кроме того, опосредует влияние спортивно-важных качеств и индивидуального стиля деятельности спортсменов на уровень их спортивных достижений. Становление идентификации с ролью спортсмена, тесно связанное с динамикой мотивации, определяет ряд особенностей в личностном развитии спортсменов по сравнению с неспортсменами [3].

Представим результаты проведенного эмпирического исследования, связанного с выявлением характеристик мотивационной сферы спортсменов, определяющей ряд особенностей мотивации спортивной деятельности на примере спортсменов-гребцов. Исследовались семантические предикторы мотивации, аспек-

тов саморазвития, и ориентации их спортивной деятельности на «процесс-результат», а также и «альтруизм – эгоизм».

Методики исследования: контент-анализ эссе «Мотивы занятия спортом»; методика неоконченных предложений (в адаптации М.А. Абдуллаевой); методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потёмкиной.

В юношеском возрасте формирование спортивной мотивации уже в определенной мере сформировано. Юность является заключительным шагом на пути перехода от детства к взрослости и делится, как минимум, на три подпериода: ранняя юность (16-17 лет), средний юношеский возраст (с 17-18 до 20-23 лет) и старший юношеский возраст (от 23-24 до 28-29 лет).

Е.П. Ильин выделяет 4 стадии спортивной карьеры: начальный этап; стадия специализации; стадия спортивного мастерства; стадия завершения активного выступления на соревнованиях [4]. Рассмотрим особенности стадии специализации, поскольку эмпирическая выборка спортсменов находится именно на этой стадии. Е.П. Ильин указывает, что у спортсмена возникает не просто интерес к спорту вообще, а устойчивый интерес к данному виду спорта; физические нагрузки становятся привычными и даже необходимыми. Возникает познавательный интерес к данному виду спорта, проявляющийся в том, что спортсмена привлекает техника и тактика его вида деятельности. Он стремится к определённому рекорду, к совершенствованию своей техники, он тщательно разрабатывает тактические комбинации и прочее [4]. Ученый обобщает особенности специализации следующим образом: спортсмен начинает познавать свой вид спорта «изнутри», не довольствуясь одними лишь внешними впечатлениями.

В исследовании приняло участие 13 спортсменов-гребцов раннего и среднего юношеского возраста (от 16 до 22 лет). Поскольку одним из главных психологических особенностей этого возраста является стремление к самосовершенствованию и самореализации, то для выявления у спортсменов данного феномена была использована проективная методика «Незаконченные предложения». Результаты, полученные с помощью методики «Неоконченные предложения» показали, что наиболее часто (у 8 из 13 опрошенных) используемый критерий, который просматривается в ответах спортсменов – саморазвитие и самореализация («стремление реализоваться», «спорт как инструмент развития», «спорт помогает стремиться к лучшему», «саморазвитие», «бесконечная работа над собой» и др.).

К тому же, оказалось, что наиболее часто встречаются следующие глаголы: «полюбить», «занимаешься», «уверен», «перетерпеть», «стремлюсь» и т.п., что говорит о преобладании у спортсменов внутреннего локуса контроля – они предполагают, что сами являются источниками своих ресурсов в спорте. Среди местоимений, наличие в тексте которых показывает причастность к описываемому виду деятельности, наиболее часто встречаются следующие местоимения: «я», «себе», «свое», что подтверждает тезис об ответственности спортсменов.

Направленность гребцов 16-17 лет (ранняя юность)

№	Возраст	Процесс	Результат	Альтруизм	Эгоизм
1	16	7	8	5	4
2	16	9	8	3	4
3	17	6	6	4	1
4	17	9	9	8	6
5	17	6	4	2	5
Сумма показателей		37	35	22	20
Средняя направленность		7,4	7	4,4	4

Таблица 1

зультатов в соответствии с возрастными различиями внутри выборки. Здесь, при сравнении чётко видно, что суммарное количество баллов (37 в раннем юношеском возрасте и 56 в среднем), и средний балл (7,4 и 7 соответственно) в графе «процесс» превышает те же показатели в графе «результат» (35 в раннем юношеском возрасте и 53 в среднем; средний балл 7 и 7,6 соответственно). Это указывает на то, что деятельность спортсменов направлена не на достижение результата и погони за победой, а на сам процесс тренировки, занятий спортом, развития и перехода на новый уровень в своём виде спорта, совершенствовании своей техники.

Направленность гребцов 18-22 лет (средняя юность)

№	Возраст	Процесс	Результат	Альтруизм	Эгоизм
1	18	5	6	4	4
2	18	7	6	1	5
3	18	10	8	6	3
4	19	6	5	5	3
5	19	5	8	4	5
6	20	7	7	5	3
7	22	9	6	7	1
8	20	7	7	0	5
Сумма показателей		56	53	32	29
Средняя направленность		7,0	6,6	4,0	3,6

Таблица 2

Результаты (таблица 1) указывают, что особенности направленности у более молодых гребцов гармонично распределяются относительно категорий «процесс» и «результат»: 7,4 и 7 соответственно. Также гармонично распределены категории «альтруизм» – «эгоизм».

Показатели направленности гребцов более старшей возрастной категории, представленной большим количеством испытуемых обнаруживает сходную динамику: преобладает мотивация на процесс по сравнению с ориентацией на результат – вероятно, возраст кристаллизует приоритеты спортсменов-гребцов. Просматривается большая ориентация гребцов на альтруизм, чем на эгоизм. Подтверждение этому можно найти в результатах психодиагностики с помощью методики неоконченных предложений, где среди ответов спортсменов можно найти такие как «важно единство в команде», «общение с командой», «важен коллектив и атмосфера в нём» и др.).

При обобщении результатов связанных с ведущими категориями контент-анализа, было обнаружено, что, во-первых, у спортсменов отмечается стремление самореализоваться, самоутвердиться и самосовершенствоваться в спорте. Для них спорт выступает именно той средой, в которой каждая личность может раскрыться и реализовать те способности и возможности, которые до этого были скрыты. Во-вторых, отношение к спорту у спортсменов не просто как к хобби, времяпровождению или только средству достижения результатов. Спорт для большинства спортсменов – это «стиль жизни», «одна из сторон жизни», то, чем он живёт, что находится с ним всегда и во всех других сферах. Спорт – отдельный, интересный мир, который поглощает полностью, он богат на события, всегда насыщен, динамичен, туда всегда хочется вернуться снова и снова. Это любимое занятие, которому посвящается большая часть личного времени и которому отдаётся очень много сил и энергии. В-третьих – это настрой на достижения. Каждый спортсмен, какой бы он вид спорта не выбрал, мечтает и стремится к победе, путь к которой нелёгок и требует полной отдачи, непомерных сил, максимальной выкладки и порой работы «через себя». В-четвёртых, выявлен высокий уровень ответственности спортсменов и их интернальности. Данные характеристики говорят о том, что спортсмены – дисциплинированные люди, соблюдающие режим и способные самостоятельно организовать и регулировать тренировочный процесс, а также принимать решения любой важности. Интернальность – внутренний локус контроля показывает, что, за всё, что происходит с ними, за их победы и поражения, ответственность несут прежде всего именно они.

С целью выявления направленности деятельности гребцов была использована методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потёмкиной.

Результаты, полученные по данной методике, представлены ниже (таблица 1, 2) в соответствии с дифференциацией ре-

зультатов в соответствии с возрастными различиями внутри выборки. Здесь, при сравнении чётко видно, что суммарное количество баллов (37 в раннем юношеском возрасте и 56 в среднем), и средний балл (7,4 и 7 соответственно) в графе «процесс» превышает те же показатели в графе «результат» (35 в раннем юношеском возрасте и 53 в среднем; средний балл 7 и 7,6 соответственно). Это указывает на то, что деятельность спортсменов направлена не на достижение результата и погони за победой, а на сам процесс тренировки, занятий спортом, развития и перехода на новый уровень в своём виде спорта, совершенствовании своей техники.

Результаты (таблица 1) указывают, что особенности направленности у более молодых гребцов гармонично распределяются относительно категорий «процесс» и «результат»: 7,4 и 7 соответственно. Также гармонично распределены категории «альтруизм» – «эгоизм».

Показатели направленности гребцов более старшей возрастной категории, представленной большим количеством испытуемых обнаруживает сходную динамику: преобладает мотивация на процесс по сравнению с ориентацией на результат – вероятно, возраст кристаллизует приоритеты спортсменов-гребцов. Просматривается большая ориентация гребцов на альтруизм, чем на эгоизм. Подтверждение этому можно найти в результатах психодиагностики с помощью методики неоконченных предложений, где среди ответов спортсменов можно найти такие как «важно единство в команде», «общение с командой», «важен коллектив и атмосфера в нём» и др.).

Тем не менее, на наш взгляд, в результатах исследования мотивационной сферы спортсменов-гребцов прослеживается тенденция, выражающаяся в стремлении к саморазвитию, и ориентации в их спортивной деятельности на процесс и альтруизм, как личностная установка представителей командных видов спортивной деятельности.

Спортсмены стремятся к личностному и профессиональному самоопределению, а также к самореализации, саморазвитию и самосовершенствованию. Их интерес состоит не столько в том, чтобы завоевывать победы и ставить рекорды, но по большей степени в том, чтобы получать удовлетворение от самого процесса занятия спортом. Спортсменам в этом возрасте важно лучше узнать технику, тактику и различные нюансы того вида спорта, которым он занимается. Другими словами они узнают и изучают свой вид спорта «изнутри», не довольствуясь одними лишь внешними впечатлениями.

Большинство опрошенных спортсменов оказались ориентированы на альтруизм в качестве ведущего мотивационного фактора, объясняется это тем, что гребцы работают в команде, и для того, чтобы получить хороший результат и занять лидерские позиции в спортивном рейтинге среди прочих команд, необходимо тесно взаимодействовать с коллективом и принимать активное участие в его жизни, а также проявлять терпимость, толерантность по отношению друг к другу, быть дружелюбно настроенным и оказывать поддержку в процессе тренировок и в условиях спортивного соревнования.

Библиографический список

- Макклеланд, Д. Мотивация человека. – СПб., 2007.
- Луни, А.Ц. Очерки психологии спорта. – М., 1959.
- Ильина, Н.Л. Динамика мотивации на протяжении спортивной карьеры: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998.
- Ильин, Е.П. Психология спорта. – СПб., 2012.

Bibliography

1. Makkleland, D. Motivaciya cheloveka. – SPb., 2007.
2. Puni, A.C. Ocherki psikhologii sporta. – M., 1959.
3. Iljina, N.L. Dinamika motivacii na protyazhenii sportivnoy karjeri: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. – M., 1998.
4. Iljin, E.P. Psikhologiya sporta. – SPb., 2012.

Статья поступила в редакцию 14.11.13

УДК 159.922

Zhykhareva E.V., Malikova E.V. PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF INQUISITIVENESS AMONG GIRLS AND BOYS OF SENIOR PRE-SCHOOL AGE. The article presents the results of the research of psychological peculiarities of inquisitiveness among girls and boys of senior pre-school age: specific character of their question- and research activity, peculiarities of setting tasks and searching of solutions.

Key words: inquisitiveness, pre-school children, gender.

Е.В. Жихарева, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск;

Е.В. Маликова, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: elena-malikowa@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ ДЕВОЧЕК И МАЛЬЧИКОВ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье представлены результаты исследования психологических особенностей любознательности мальчиков и девочек дошкольников: специфика их вопросительско-исследовательской деятельности, особенности постановки задач и поиска решений.

Ключевые слова: любознательность, дошкольный возраст, гендер.

На современном этапе развития общества к личности предъявляются требования, связанные с умением ориентироваться в большом потоке информации, адекватно ее воспринимать и перерабатывать. Это возможно при выраженной познавательной активности, реализующейся посредством ряда личностных свойств. Центральным свойством является любознательность, характеризующая активность в познавательной сфере, обеспечивающая готовность и постоянство стремлений субъекта к освоению новой информации. В отечественной психологии любознательность рассматривалась как интеллектуальное чувство, как условие мотивации, как мотив деятельности и свойство личности, в как черта характера или свойство личности, как познавательная потребность и познавательный интерес [2]. Любознательность выступала специальным предметом исследования в работах Е.В. Базаркиной, Т.А. Гусевой, Е.В. Жихаревой, С.И. Кудинова, Л.В. Шубиной. Авторами изучена психологическая структура любознательности, ее половозрастные, национально-этнические, индивидуально-стилевые и индивидуально-типологические особенности.

Современная теория обучения и воспитания при анализе педагогических явлений все больше и больше обращается к личности ребенка, к тем внутренним процессам, которые формируются у него под влиянием деятельности и общения. Дошкольный возраст – это период наиболее интенсивного формирования мотивационной сферы. Среди разнообразных мотивов дошкольников особое место занимает познавательный мотив, который является одним из наиболее специфичных для старшего дошкольного возраста. В то же время, очевидно, что познавательная активность не является прямым следствием возраста, и далеко не все современные дошкольники обладают этим ценным качеством. Педагоги и родители, как правило, озабочены развитием знаний и умений ребенка, а не формирование у него интереса к познанию окружающей действительности. Следовательно, развитие любознательности является одной из задач организации учебно-воспитательного процесса. Для того чтобы развивать любознательность, необходимо иметь четкое представление о ее природе, механизмах и факторах, обуславливающих реализацию данного свойства [1]. Таким образом, целью данного исследования явилось выявление особенностей любознательности девочек и мальчиков старшего дошкольного возраста.

Экспериментальной базой явилось МДОУ № 72 Муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Калинка» города Бийска. В исследовании приняли участие воспитанники в количестве 30 человек: 15 мальчиков и 15 девочек. Использо-

уемый методический комплекс состоял из двух диагностических методик: анкета «Изучение познавательных интересов» В.С. Юркевича и методика «Вопрошайка» М.Б. Шумаковой.

Для оценки изучения уровня развития любознательности, познавательной активности было проведено анкетирование воспитателей, которые на основе наблюдений за поведением детей в естественной обстановке и бесед с родителями дошкольников выбрали ответы на вопросы анкеты. Так воспитатели отметили, что дети являются достаточно любознательными. На занятиях ребята с большим интересом и достаточно отгадывают загадки, с интересом слушают сказки, с особым энтузиазмом мастеров поделки по заданной теме. Кроме того, установлено, что при совместной активной деятельности детей со взрослыми (например, посадка, уход и наблюдение за растениями, прогулки и экскурсии на природу, в музеи, выставки) ребята ярко проявляют любознательность. Познавательный интерес, любознательность детей особенно отчетливо проявляются в процессе совместной деятельности в виде вопросительных проявлениях: они делятся со взрослым своими сомнениями, просят их рассказать, прочитать, объяснить, ответить на возникшие вопросы. В количественной форме это выглядит следующим образом: высокий уровень проявления любознательности девочек составляет 28%, мальчиков – 23%; средний уровень познавательной активности мальчиков (57%) – девочек (59%); низкий уровень выраженности любознательности мальчиков (20%) – девочек (13%).

Стоит указать, что период старшего дошкольного детства выступает как важнейший этап в развитии вопросов. Прежде всего, в эти годы ребенок овладевает произвольной постановкой вопроса, направленного на расчленение и исследование проблемной ситуации. Кроме того, осуществляется переход от вопросов, обращенных к другому лицу (взрослому) до вопросов рефлексивных – к самому себе. В соответствии с этим, было проведено диагностическое обследование, по методике Н.Б. Шумаковой «Вопрошайка», непосредственно самих мальчиков и девочек в возрасте 5-6 лет. В результате было получено 82 вопроса, заданных детьми к сюжетным картинкам. Так как, данная методика была проведена в соревновательной форме (кто больше задаст вопросов к сюжетным картинкам) то, на основании её количественных результатов можно заметить, что в «выигрыше» оказались девочки – 43 вопроса, у мальчиков общее количество вопросов – 39. Это говорит о том, что девочки в отличии от мальчиков чаще и больше задают вопросов, лучше идут на контакт, но заинтересованность девочек заключалась скорее общей ситуацией эксперимента, но не содержательной стороной деятельности.

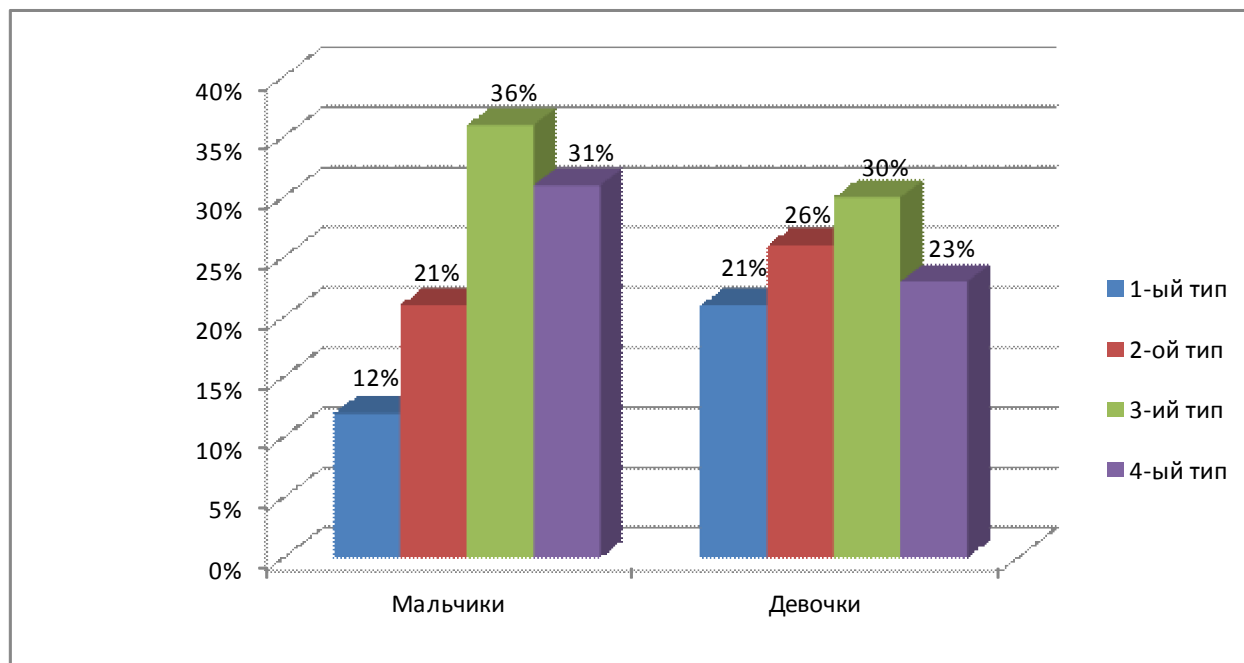

Рис. 1. Особенности вопросительно-исследовательской деятельности дошкольников по критерию – типы вопросов (1-ый тип – коммуникативные; 2-ой тип – вопросы-уточнения; 3-ий тип – поисковые; 4-ый тип – оценочные) (N=30)

Так же, наряду с вопросами установочного характера, девочки в значительной степени (26%), в отличие от мальчиков (21%), через вопросы производят выделение и идентификацию объектов наблюдения, уделяя особую значимость, в постановке вопроса, к познанию взаимосвязи объектов, выделению причин, закономерностей, сущности явления. Причём, вопросительные проявления данного типа сопровождаются достаточно яркими эмоциональными и мимическими реакциями. Девочек, этот момент, отличает глубокое чувство привязанности к эмоционально значимым лицам, поэтому в выполняемой деятельности они ориентированы на сотрудничество, личное общение с взрослым, принимая при этом от него эмоциональную поддержку. Особый интерес вызывают показатели по двум типам вопросов, как «поисковые» и «оценочные». Стоит отметить, что вопросы подобного типа больше задают мальчики (36%), нежели девочки (30%). Что говорит о склонности мальчиков в большей мере осуществлять поиск неизвестного путем выдвижения конкретных гипотез относительно самого объекта и его характеристик. Мальчикам в

значительной степени, свойственно постоянное стремление к потребности в новой и непонятной информации. При обращении к взрослому в процессе исследования, вопросы мальчиков, направлены на выделение и фиксацию неизвестного, его анализ и обследование. А так же формирование и формулирование гипотез и вопросов рассуждающего характера по содержанию поставленной задачи. Данные проявления у детей подкрепляются самостоятельностью и целенаправленностью в поиске новой информации.

Доминирующую позицию при реализации любознательных устремлений занимают оценочные вопросы у мальчиков (31%). Вопросы, подобного типа, у девочек составляет всего 23%. Так, мальчики предпочитают самостоятельно добывать знания, путём задавания вопросов воспитателю или родителю с конкретной целью и по интересующей теме; для них характерно оценивать и осмысливать не только задачу, поставленную перед ними, но и, также, собственные действия, промежуточные и конечные результаты поиска (рис. 1).

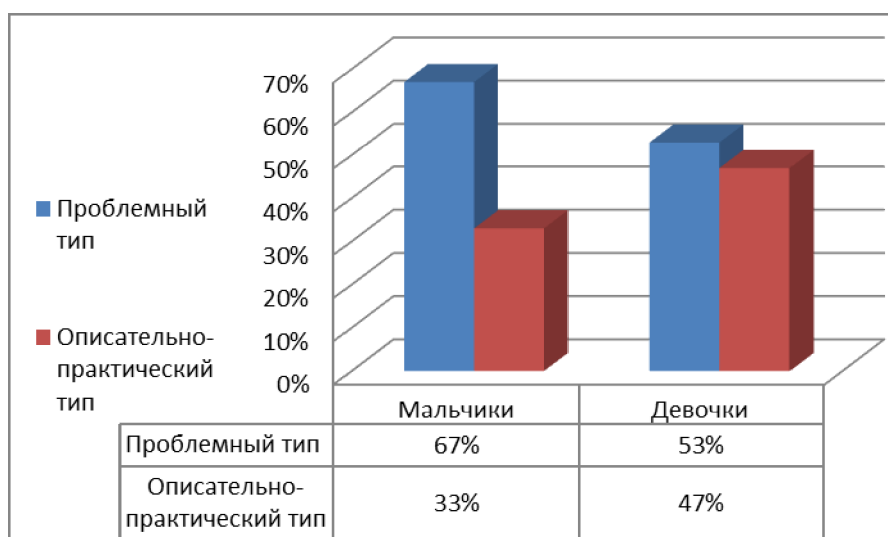

Рис. 2. Особенности постановки задачи и поиска решения девочками и мальчиками дошкольного возраста (N=30)

В связи с качественным своеобразием вопросительных проявлений мальчиков и девочек их можно разделить на два типа постановки задачи и поиска решения (рис. 2). Так, проявление любознательности мальчиков можно отнести к проблемному типу. Вопросы мальчиков, в большей степени, имеют поисковую направленность, а это, в свою очередь, ведёт к стремлению и желанию в исследовательской деятельности и активности, нацеленность на конечный результат; направленность на понимание сущности неизвестного; ориентация на самостоятельный поиск ответа на возникший вопрос. Анализ вопросов и предположений поискового типа ярко высвечивает приверженность мальчиков к использованию вопросов идентификационного плана, иначе говоря, преобладающая часть ребят предпочитает действовать путем выдвижения конкретных гипотез, рассуждений, предположений относительно самого объекта и его характеристик. Однако инициативность в задавании вопросов у мальчиков заметно ниже по сравнению с девочками, вследствие чего им требовались стимуляции со стороны экспериментатора («задай еще вопрос», «спроси у меня про предметы изображенные на картинке» и т.п.)

Что касается вопросительных проявлений у девочек, то они имеют больше стихийный, установочно-коммуникативный харак-

тер. По количеству задаваемых вопросов девочки превосходят своих сокурсников. В данном случае, не смотря на то, что, вопросов к картинкам, девочки задают много, но все они, отличаются чрезвычайно малой вариативностью формулировок, стереотипностью подходов к решению задачи и, в основном, имели направленность на формальное достижение результата, личным общением с экспериментатором. Поэтому, уровень поисково-исследовательской активности в форме вопросов существенно зависит от типа предъявляемых заданий. Важным компонентом, при проявления любознательности у девочек является ориентация на другого человека в получении ответов на возникшие вопросы; установления доверительных и эмоционально благоприятных отношений в совместной деятельности со взрослым.

Таким образом, качественный и количественный анализ полученных результатов доказал различия в вопросительно-познавательной активности мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста. Кроме того, любознательность мальчиков и девочек проявляется не только в вопросах разного типа, но и в особом интеллектуальном отношении к действительности, познанию предметного мира, человеческих отношений и самого себя.

Библиография

1. Баранова, Э.А. Познавательная активность «почемучек»: умеют ли дошкольники задавать вопросы // Современное дошкольное образование: теория и практика. – 2011. – № 3.
2. Купарадзе, Н.Ц. Формирование любознательности у детей старшего дошкольного возраста. – М., 2001.

Bibliography

1. Baranova, E.A. Poznavatel'naya aktivnost' «pochemuchek»: umeyut li doshkol'niki zadavat' voprosih // Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie: teoriya i praktika. – 2011. – № 3.
2. Kuparadze, N.C. Formirovanie lyuboznatel'nosti u detey starshego doshkol'nogo vozrasta. – M., 2001.

Статья поступила в редакцию 14.11.13

УДК 378

Kodzokov S.A. EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL PROVISION OF COMPETENCE DEVELOPMENT GOAL SETTING CADETS OF THE UNIVERSITY OF THE INTERIOR MINISTRY TROOPS OF RUSSIA IN THE PROCESS OF INDEPENDENT WORK. The paper disclosed the trend of modern education, which is expressed in increasing and complication of military and educational tasks, leading to an increase of requirements to military professional qualities of the trainee in the process of preparing, military professional education and the education system. Independent work of the trainee becomes one of the main methods of training in the military College, and its efficiency is becoming a key factor of education, depending on the level of its organization, content and nature of the acquisition of knowledge, built logic of the educational process.

Key words: educational-methodical maintenance of independent work of the trainee, the competence of goal setting, University of the interior Ministry troops of Russia, service-combat activities, strategy, system approach.

*С.А. Кодзоков, адъюнкт очной формы обучения, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Санкт-Петербург,
E-mail: Sultan_Kodzokov@mail.ru*

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ КУРСАНТА ВУЗА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ В ПРОЦЕССЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

В работе раскрыта тенденция современного образования, которая выражается в наращивании и усложнении боевых и учебно-воспитательных задач, что ведет к нарастанию требований к военно-профессиональным качествам курсанта, к его подготовке, военно-профессиональному воспитанию и к самой системе образования. Самостоятельная работа курсанта становится одним из основных методов обучения в военном вузе, а ее эффективность становится ключевым фактором образования, зависящим от уровня ее организации, содержания и характера приобретаемых знаний, выстроенной логики учебного процесса.

Ключевые слова: учебно-методическое обеспечение, самостоятельная работа курсанта, компетенция целеполагания, вуз внутренних войск МВД России, служебно-боевая деятельность, системный подход, стратегия.

Важной особенностью современного образования является смещение вектора образовательной деятельности в сторону самостоятельной работы, на чем акцентируется внимание

в Федеральном государственном образовательном стандарте [1]. В нем указано, что выпускник должен обладать способностью, анализировать свои возможности, самосовершенствоваться,

адаптироваться к меняющимся условиям профессиональной деятельности и изменяющимся социокультурным условиям, приобретать новые знания и умения, повышать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, развивать социальные и профессиональные компетенции, изменять вид и характер своей профессиональной деятельности (ОК-11), а так же в рамках профессиональных компетенций курсант должен; уметь проектировать, реализовывать, контролировать и оценивать результаты учебно-воспитательного процесса, организовывать коммуникации и взаимодействие обучающихся (ПК-27), то что, по сути, характеризует содержание компетенции самосовершенствования и саморазвития. Эту тенденцию в мировом образовании еще в 2003 году отмечали Гордон Драйден и Джанет Вос в своем совместном труде «Революция в обучении», где они говорили о том, что «обучение очень быстро будет превращаться в самообучение, "самостоятельно направляемое и самостоятельно выполняемое учащимися» [2].

Самостоятельная работа, как образовательный процесс, предполагает определенные действия, которые выполняют курсанты в процессе научно-познавательной, научно-практической и научно-профессиональной деятельности [3], сущность которой заключается в освоении, расширении знаний, в становлении умений и навыков самостоятельного умственного труда, в образовании самостоятельного рационального мышления и способностей к самоорганизации и самовоспитанию. Основу самостоятельной работы составляют самостоятельные действия курсанта без непосредственного руководства педагога, где курсант сам выбирает способы их выполнения и проверки, т.е. курсант уже должен совмещать исполнительные и контрольные действия одновременно [4].

Таким образом, от простой передачи знаний, умений и навыков от преподавателя к курсанту мы переходим к новому уровню обучения, где основной задачей образовательного процесса будет формирование у курсанта умения учиться. Еще Лев Николаевич Толстой писал, что «если ученик в школе не научился сам ничего творить, то в жизни он всегда будет только подражать, копировать, так как мало таких, которые бы, научившись копировать, умели сделать самостоятельное приложение этих сведений».

На современной фазе становления образования мы уверенно можем говорить об изменении позиции педагога и обучающегося:

– позиция педагога – основная задача педагога сводится не к вещанию готовых знаний, а к управлению учения;

– позиция обучающегося – научиться можно только самому.

При этом следует отметить, что познание всегда осуществляет сам человек.

Залог успеха – научить курсанта осмысленно и самостоятельно работать с учебным материалом, с научной информацией, научить разрешать сложные противоречивые ситуации, развить его познавательную деятельность, его компетенции целеполагания и сформировать навыки непрерывного повышения своей квалификации. Эти приобретаемые навыки необходимы им при решении поставленных задач не только в период обучения в вузе, но и в период служебно-боевой деятельности в дальнейшем.

Выполняемая курсантами самостоятельная работа может быть представлена разными видами, объединенными в группы:

– по дидактической цели – познавательная, практическая, обобщающая;

– по характеру познавательной деятельности и типу решаемых задач – исследовательская, творческая, познавательная и т.д.

– по уровню проблемности – репродуктивная, репродуктивно-исследовательская, исследовательская;

– по характеру коммуникативного взаимодействия учащихся – фронтальная, групповая, индивидуальная;

– по месту выполнения – классная, домашняя;

– по методам научного познания – теоретическая, экспериментальная.

По формам организации самостоятельная работа возможна:

– фронтальной – учащиеся выполняют одно и то же задание, например, пишут сочинение;

– групповой – для выполнения учебных заданий обучающиеся разбиваются на группы (по 3-6 человек);

– парной, например, при проведении наблюдений под микроскопом, на занятиях в лингафонном кабинете;

– индивидуальной – каждый обучающийся выполняет отдельное задание, например, пишет реферат на заданную тему. Наиболее распространенные виды самостоятельной работы: работа с учебником, справочной и научной литературой.

Самостоятельную работу обучающегося мы попытались построить, схематически выделить и обобщить какую-либо деятельность субъектов образовательного процесса в этапы.

– этап вовлечения обучающегося в образовательный процесс путем расширения и углубления понимания взаимосвязей системы;

– этап проецирование своей деятельности в процесс целеполагания;

– этап построения схемы для проектирования в рабочем плане;

– этап соотнесения предстоящую деятельность на схему проектируемой работы в осуществляемом процессе целеполагания;

– этап проверки деятельности обучающегося;

– этап анализа результата деятельности обучающегося;

– этап прогноза деятельности обучающегося в сравнение поставленными целями обучающимися.

– этап корректировки своей деятельности обучающегося.

Так же Эффективность самостоятельной работы курсанта зависит от уровня ее организации, содержания и характера знаний, логики учебного процесса. Курсант должен:

1. четкая постановка цели и задачи;

2. подробный инструктаж курсанта о целях и способах выполнения предлагаемой работы;

3. соответствие вида самостоятельной работы форме организации обучения;

4. определить формы отчетности, объема выполняемой задачи и время, срок представления результатов;

5. мотивирование курсантов на выполнение учебных заданий;

6. определение алгоритма при выполнении задания;

7. разбивка задания на ряд составных частей (более мелких и простых операций-заданий);

8. включение упражнений, ориентированных на частичную самостоятельную работу (вспомогательные, наводящие вопросы, алгоритм);

9. проведение групповых и индивидуальных консультаций;

10. проверка правильности выполнения задания через контроль с диагностикой и оценкой этапов (самоконтроль или контроль преподавателя);

11. организация гибкого образовательного процесса путем обратной связи для возможности внесения корректировок в процесс обучения.

Для того чтобы самостоятельная работа была эффективной необходимо системно подойти к ее организации. В основе системного подхода лежит рассмотрение объекта как системы: целостного комплекса взаимосвязанных элементов; совокупности взаимодействующих объектов; совокупности сущностей и отношений.

Говоря о системном подходе, можно говорить о некотором способе организации наших действий, таком, который охватывает любой род деятельности, выявляя закономерности и взаимосвязи с целью их более эффективного использования. При этом системный подход является не столько методом решения задач, сколько методом постановки задач. К основным принципам системного подхода относятся; целостность, позволяющая рассматривать одновременно систему как единое целое, уровень строения элементов, структуризация, позволяющая анализировать элементы системы и их взаимосвязи в рамках структуры.

Системный подход позволяет оценить и реализовать, рационально организовать самостоятельную деятельность курсанта в образовательном процессе, позволит приобрести навыки по организации и управлению своей деятельностью и проверке затраченных сил и средств, где в свою очередь специально проводится осмысление рационального использования своей деятельности в установленных параметрах времени. Приобретения навыка рационального управления своим временем позволит курсанту представить целостность картины выполняемой задачи, выбора инструмента и подхода при выполнении конкретно поставленной задачи, построение схемы, плана действий, позволяющих достичь запланированную цель [5]. Построение схемы деятельности включает в себя набор целостной системы связей и соотношений, что придает самостоятельной работе

широкий спектр выбора деятельности, планирование, распределение, логическую цепочку дерева цели, постановку путей достижения цели, определение схемы проектирования деятельности, создание схемы прогноза деятельности и затраченной времени, для проверки результата составление списков и расстановка приоритетов.

Изначально управление приписывалось в буржуазных странах прошлого века только бизнесу или крупным держателям рабочих производительно трудовой деятельности. Но в современном периоде он приобрел спектр более широкий, включив человека и его личные качества в деятельности с не меньшим основанием. Взаимосвязь системного подхода позволяет управлять своим временем, сочетать свои функции с процессом своей деятельности в образовательном процессе, используя все известные инструменты, подходы и методы. Управление регламентированным временем обычно является необходимостью в становлении любого проекта сложившейся схемы взаимосвязи в самостоятельной деятельности обучающегося, поскольку его самостоятельная работа, планирование своей деятельности и завершение его зависит от предложенного времени, проекта, масштаба, сил и средств.

Получается, что с одной стороны, самостоятельная работа представлена в качестве педагогического средства управления и организации самостоятельно-познавательной деятельности курсанта в образовательном процессе, с другой, «представляет собой специально организованную форму образования и научно обоснованного восприятия. Таким образом, следует говорить о двуединой сути самостоятельной работы курсантов в системе образовательного процесса в вузе, которая является одновременно средством обучения и формой учебно-научного познания.

Использование в вузе в обучении и воспитании курсанта одностороннего, однобокого подхода не допустимо, так как одной логически построенной линейной текстовой информации бывает для курсанта не достаточно. Из-за этого при подготовке возникают сложности в восприятии целостной картины поставленной задачи, что затрудняет выявление курсантом существующей системы связей как целостного элемента в построении модели, так и содержания структуры его компонентов.

Основная задача учебно-методического обеспечения и развития у курсанта компетенций целеполагания в самостоятельной работе состоит в освоении им изучаемых тем по дисциплине (по средствам педагогического сопровождения и формирования навыков представления целостной картины деятельности), формировании умения анализировать, разрешать различные педагогические ситуации в организации самостоятельной работы [6]. Это позволит осуществлять правильные, рациональные, педагогически обоснованные, практические действия в решении поставленных задач.

Термин «целеполагание» применяется в образовательном процессе для построения системы взаимоотношений в планировании своей деятельности по выполнению поставленной задачи, согласно логически построенной схеме самим обучающимся курсантом, которая должна быть выполнена в запланированное время, в полном объеме и рационально. Для достижения результата курсант должен:

- знать объем выполняемой задачи;
- сроки ее выполнения;
- оценить степень сложности поставленной задачи;
- спланировать свое рабочее время;
- представить в целом всю картину выполняемой задачи;
- соотнести полученный ранее опыт на исполняемую задачу;
- построить схему выполнения задачи с учетом степени важности;
- уметь правильно установить цель и выбрать подход для ее достижения.

Предполагаемая результативность целеполагания в образовательном процессе позволит курсанту увеличить продуктивность самостоятельной деятельности, по-новому взглянуть на систему связей приобретенного опыта, соотнести свои знания на представление в целом всей картины выполняемой задачи,

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» – Статья 19 Научно-методическое и ресурсное обеспечение системы образования.
2. Гордон, Д. Революция в обучении / Д. Гордон, В. Джанет. – М., 2003.
3. Научно-методическое сопровождение образовательных стандартов в образовательных программах общего образования: коллективная монография / под. ред. В.В. Лаптева. – СПб., 2002.

уверенно определить цель и компоненты, выбрать подход для решения поставленной проблемы в самостоятельной работе.

Целеполагание также можно соотнести к системе связей для определения структуры и цели выполняемой задачи. Целеполагание является основной составляющей в воспитании курсанта в образовательном процессе, узлом взаимосоотношений. Это многоуровневая система связи для построения схемы действий при самостоятельной работе в становлении курсанта, как будущего командира подразделения ВВ МВД России, задачи которого не только успешная организация, но и управление в командовании подчиненными.

Выбирая подход системы связей и взаимосоотношений при организации и управлении в самостоятельной деятельности, курсант приобретает знание и вырабатывает навыки технологиями организации времени и рациональное его использования. В образовательном процессе самостоятельная работа в вузе позволяет включать стратегию выбора оптимального подхода к подготовке к занятиям по изучаемым дисциплинам (например, огневая подготовка, общевойсковая тактика и тактика внутренних войск, топография), в соответствии с общим планом и систематическим внедрением противодействий противнику.

Такие знания позволяют подготавливать военнослужащего к стратегическим действиям в тех, либо иных ситуациях. Но реализация теории в практику зависят не только от знаний о стратегии, оно включает в себя и личностные качества самого стратега. Многие видные деятели военных стратегий подчеркивали, что недостаточно прочесть учебник о стратегии и нельзя заниматься стратегией академично. Военной стратегией необходимо заниматься в ее практической области, для того, чтоб суметь представить картину деятельности в целом, и проявить накопленный опыт в практической деятельности.

Поэтому, стратегия является искусством, в котором присутствует целеполагание, как стратегия построения деятельности, накопленный опыт знаний, где можно увидеть систему связей всех уровней взаимодействия, всех компонентов. Где стратег является не только творческой личностью, но и творцом. При становлении личности курсанта как офицера внутренних войск, управленца, командира подразделения, важным является не только изучение элементов стратегии, но и глубокое понимание искусства стратега.

Таким образом, всестороннее рассмотрение учебно-методического обеспечения самостоятельной работы и развития у курсанта компетенций целеполагания позволит вывести их на новый уровень, и, не только привести к единому знаменателю требований предъявляемые к образовательному процессу вузов, но и к ФГОС (Кривых С.В., Тюлина О.А. [7]). Требования кафедры, предъявляемые к курсантам, направлены на подготовку высоко квалифицированного специалиста офицера, умеющего самостоятельно думать, оценивать обстановку, провести рекогносцировку, принимать решение, отдачу боевого приказа, проявлять трудолюбие, к повышению боеготовности и боеготовности подчиненных, постоянному самосовершенствованию и приобретению новых знаний самостоятельно, так как в дальнейшем им предстоит решать не только задачи предстоящих действий, но и отдавать боевой приказ.

Правильность определения военной стратегии и выбора деятельности позволит соотнести все выбранные уровни по средствам целеполагания на выполнение построенного проекта как схему деятельности и внедрение систему связей для выработки единого подхода для достижения поставленной цели с учетом постоянно меняющейся обстановке и обстоятельств в районе выполнения специальной задачи.

Предлагаемая в нашей работе форма структурирование деятельности позволит педагогу более быстро сформировать у курсанта представление о целостности картины деятельности. Это позволит педагогу создать схему дальнейшего плана своих действий в организации образовательного процесса в усвоении курсантам изучаемых тем по дисциплине. Полученные в теоретической части знания в каждой изучаемой фазе дисциплины позволит курсанту соотнести легко в свою деятельность, в практику и применить его по предназначению.

4. Пидкасистый, П.И. Самостоятельная деятельность учащихся в обучении. Единство и особенности овладения учащимися знаниями и методами самостоятельной познавательной деятельности: учеб. пособие / П.И. Пидкасистый, В.И. Коротяев. – М., 1978.
5. Панов, М.М. Оценка деятельности и система управления компанией на основе КРП. – М., 2012.
6. Учебно-методический комплекс по дисциплине (УМК): методическое пособие / Е.Н. Евсеева, О.Ю. Шамаева, Т.Г. Погребнюк, И.А. Басав, Л.Л. Батова; ответ. ред. В.В. Минаев. – М., 2007.
7. Кривых, С.В. Методическое сопровождение деятельности преподавателей вуза в условиях перехода на уровневую систему высшего профессионального образования: Монография / С.В. Кривых, О.А. Тюлина. – СПб., 2013.

Bibliography

1. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federacii» – Stat'ya 19 Nauchno-metodicheskoe i resursnoe obespechenie sistem obrazovaniya.
2. Gordon, D. Revolyuciya v obuchenii / D. Gordon, V. Dzhanel. – M., 2003.
3. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie obrazovatelnykh standartov v obrazovatelnykh programmakh obshchego obrazovaniya: kolektivnaya monografiya / pod. red. V.V. Lapteva. – SPb., 2002.
4. Pidakasistiy, P.I. Samostoyatel'naya deyatel'nost' uchashchikhsya v obuchenii. Edinstvo i osobennosti ovladeniya uchashchimisya znaniyami i metodami samostoyatel'noy poznatel'noy deyatel'nosti: ucheb. posobie / P.I. Pidakasistiy, V.I. Korotyayev. – M., 1978.
5. Panov, M.M. Ocenka deyatel'nosti i sistema upravleniya kompaniey na osnove KPI. – M., 2012.
6. Uchebno-metodicheskii kompleks po discipline (UMK): metodicheskoe posobie / E.N. Evseeva, O.Yu. Shamaeva, T.G. Pogrebnyuk, I.A. Basav, L.L. Batova; otvet. red. V.V. Minaev. – M., 2007.
7. Krivikh, S.V. Metodicheskoe soprovozhdenie deyatel'nosti prepodavateley vuza v usloviyakh perekhoda na urovnevuyu sistemu viysshego professional'nogo obrazovaniya: Monografiya / S.V. Krivikh, O.A. Tyulina. – SPb., 2013.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 371

Krivykh S.V., Kasimanova L.A. **STUDY OF THE INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT ON THE PERSON.** The article discusses the phenomenon of psychological influence and methodology of studying the influence of socio-cultural environment on the person.

Key words: the phenomenon of influence, influence on personality, socio-cultural environment.

С.В. Кривых, д-р пед. наук, проф. каф. социальной педагогики РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург;
Л.А. Касиманова, канд. пед. наук, зав. каф. хореографического искусства РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: ludmila.kasimanova@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ЛИЧНОСТЬ

В статье рассматриваются феномен психологического влияния и методология изучения влияния социально-культурной среды на личность.

Ключевые слова: феномен влияния, влияние на личность, социально-культурная среда.

Проблема влияния в науке поднимается давно, особенно она хорошо изучена в психологии, рассматривая в основном межсубъектное влияние, а также влияние группы на субъект, и сводится к манипулятивному воздействию. В социальной психологии и педагогике тема влияния актуальна и интересна потому, что каждый из нас является одновременно и объектом и субъектом психологического влияния, осознаем мы это или нет. Многие ученые считают, что любое влияние на человека ведет к его изменению, потому что меняет его состояние, решения, мысли и поступки.

Сегодня существует множество, порой альтернативных, толкований понятия «влияние». Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева поясняет: «Если вы оказываете влияние на кого-либо или на какую-то ситуацию, значит, вы воздействуете (словами, своим примером и т.д.) на других людей таким образом, чтобы они поступали (или ситуация изменялась) так, как вам нужно или как, по вашему мнению, лучше» [1].

С психологической точки зрения «влияние – воздействие на чувства, мысли, психические состояния и поведение человека с помощью использования психологических средств: вербальных или невербальных. Человек, выступающий в качестве объекта психологического влияния, как правило, имеет возможность ответить на это воздействие, противостоять чужому влиянию, используя психологические средства. В процессе психологического влияния выделяют инициатора и адресата, при этом эти позиции могут являться неустойчивыми и переходить от одного к другому» [2].

Головин С.Ю. считает, что «влияние – в психологии – процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и прочего в ходе взаимодействия с ним. Различают влияние направленное и ненаправленное. Механизм первого – убеждение и внушение. При этом субъект ставит задачу добиться определенного результата от объекта влияния. Ненаправленное влия-

ние подобной специальной задачи не имеет, хотя эффект воздействия возникает, часто проявляясь в действии механизмов заражения и подражания» [3].

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. рассматривают **влияние** в конфликтологии как «процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и т.п. в ходе конфликтного взаимодействия с ним» [4].

Анализ различных определений феномена влияния позволил нам остановиться на более общем и всеохватывающем. Влияние в логике социально-психологической науки – это и процесс, и результат (в рамках ряда подходов влияние не подпадает под категорию процессов, а рассматривается лишь как результат процесса воздействия) существенного изменения смысловых образований, установок, систем ценностей и т.д., а также поведенческой активности человека при взаимодействии в условиях совместной деятельности и общения.

Российские психологи выделяют следующие основные виды влияния: убеждение, внушение, заражение, конформизм, подражание, манипулирование. Зарубежные психологи выделяют большее число видов влияния: убеждение (аргументация), внушение, просьба, принуждение, самопродвижение, игнорирование, агрессивное нападение, заражение, побуждение к подражанию (уподобление), формирование благосклонности. Кроме того, к видам влияния можно добавить еще слухи, управление (людьми) и нейролингвистическое программирование.

Психологическое влияние осуществляется для достижения *трех целей*:

- 1) для удовлетворения своих потребностей с помощью других людей или через их посредство;
- 2) для подтверждения факта своего существования и значимости этого факта;
- 3) для преодоления пространственно-временных ограничений собственного существования.

В сущности, первая из этих целей включает и две остальные, если считать *потребностями* стремление утвердить факт своего существования и стремление к преодолению пространственно-временных ограничений. Однако различия между тремя целями все же достаточно существенны. В первом случае психологическое влияние *используется* для того, чтобы добиться удовлетворения иных потребностей, а не собственно потребности влияния. Во втором случае влияние *служит знаком, индикатором, доказательством* факта существования влияющего и значимости этого существования. В третьем случае влияние *является потребностью* и выступает как одна из форм главного стремления всего живого – преодоления пространственно-временных ограничений своего существования.

Сила влияния при психосоциальном подходе определяется степенью внушаемости людей, их склонностью принимать точку зрения других (конформизмом), их терпимостью к точке зрения других (толерантностью), культурно-историческими особенностями формирования коллективной позиции и взаимодействия индивидуальной и групповой позиции (власть должностного лица, авторитета, санкций, культурных ценностей). Особенностью психологической власти является то, что она не всегда ясно осознается людьми и поэтому с трудом формализуется.

Влияние является неотъемлемой стороной взаимоотношений между людьми. Момент образования первого социума людей можно смело считать отправной точкой появления психологического влияния как такового. Ведь люди существа социальные, а значит уже одним своим фактом присутствия осознанно или неосознанно оказывают психологическое влияние, формируют картину восприятия окружающего мира друг друга.

Те люди, кто интуитивно или сознательно (целенаправленно) научился оказывать на окружающих психологическое влияние, получили в лице последних вольных или невольных союзников в достижении своих жизненных планов. Поэтому овладение практическими навыками целенаправленного психологического влияния на других людей является одним из наиболее ценных навыков, которые мы можем приобрести в жизни.

Проблема влияния на протяжении многих лет остается одной из центральных в экспериментальной психологии. Ей посвящены многочисленные эксперименты зарубежных авторов М. Шерифа, С. Аша, С. Милграма и многих других. Чалдини Р. в результате своих исследований пришел к выводу, что все механизмы социального влияния можно сгруппировать в шесть категорий, каждая из которых «соответствует одному из фундаментальных психологических принципов, которые лежат в основе человеческого поведения» [5].

Нам бы хотелось рассмотреть влияние социально-культурной среды на личность человека. Критериями полезности влияния можно назвать общечеловеческие ценности и интересы общества. Если рассматривать влияние среды, можно выделить направленное и ненаправленное влияние, различают также:

- 1) влияние прямое – когда социум открыто предъявляет субъекту воздействия свои притязания и требования в виде общественных и культурных ценностей, норм и правил;
- 2) влияние косвенное – непосредственно направленное не на субъект общества, а на социальные институты.

Социальное влияние (так называемые принципы социального доказательства, благорасположения, авторитета, дефицита) подразумевает склонность индивида следовать убеждениям и поведенческим моделям, разделяемым другими людьми. Существенно важно при этом, что означенные «другие» сами по себе совершенно не обязательно являются авторитетными или референтными фигурами для данного индивида. По сути дела, речь здесь идет о конформности – склонности подчиняться давлению группы.

Следование *принципу социального доказательства* чаще всего является ненаправленной формой влияния и классическим примером действия механизмов заражения и подражания. Эксплуатация данного принципа в качестве направленной формы влияния наиболее часто используется для манипуляции большими социальными группами в рамках избирательных и рекламных компаний, при создании финансовых «пирамид» и т.п. Классический эксперимент по изучению данного явления провел в 1951 г. польский исследователь С. Аш. В рамках эксперимента, целью которого было объявлено исследование особенностей восприятия визуальных образов, «...членам группы, состоящей из шести человек, показывали отрезок определенной длины, после чего каждый из них должен был сказать, который из

трех других отрезков равен по длине эталонному. В группе был только один наивный испытуемый, все остальные были в сговоре с экспериментатором и, следуя его инструкции, в каждой экспериментальной пробе или через определенное количество проб давали неверный ответ. Согласно замыслу, наивному испытуемому всегда приходилось выслушать мнение большинства, прежде чем объявить свой ответ. С. Аш обнаружил, что при такой форме социального давления значительное число испытуемых отказывается доверять собственным безошибочным впечатлениям и соглашается с мнением группы» [6].

Принцип благорасположения гласит, что люди склонны выполнять просьбы и требования тех, кто им нравится. В частности, многочисленные исследования доказали влияние на установки и поведение людей привлекательности их кумиров. Этот принцип является едва ли не самым распространенным видом направленного влияния в арсенале политиков, шоуменов, мошенников. При этом он часто носит характер косвенного влияния, поскольку многим людям нравится то, что нравится референтным фигурам в их социальном окружении. Так, например, в рамках эксперимента, проводившегося в 1978 г. Р. Куллой и Дж. Кесслером, было установлено, что «...как женщины, так и мужчины из числа присяжных демонстрировали свои предпочтения, обусловленные физической привлекательностью подсудимых. Другие эксперименты показали, что красивые люди чаще получают помощь, когда в ней нуждаются; в споре им без особых усилий удается склонить оппонентов на свою сторону. ... Любопытные данные были получены в ходе исследования, проведенного психологами в начальной школе. Оказывается, взрослые придают меньшее значение агрессивным действиям, если они совершаются красивыми детьми, а учителя считают, что привлекательные дети умнее, чем их менее симпатичные сверстники» [7].

Принцип авторитета детально представлен в работе М.Ю. Кондратьева, В.А. Ильина [7]. В контексте проблемы влияния, авторы отмечают, что этот принцип наиболее наглядно иллюстрирует разницу между индивидуально-специфическим и функционально-ролевым влиянием. По сути дела, первое является проявлением «власти авторитета», а второе – «авторитета власти».

Согласно *принципу дефицита*, ценность чего-либо позитивного в наших глазах существенно увеличивается, если оно становится недоступным. Действие данного принципа наиболее ярко проявляется в широко известном феномене «запретного плода», который, как известно, наиболее сладок. Данный принцип влияния широко используется в рекламных компаниях, при ведении переговоров, особенно в так называемой стадии «жесткого торга» и т.п. Так, например, в ходе одного исследования «студентам ... показали несколько рекламных объявлений, в которых речь шла о достоинствах одного романа. В половине случаев исследователи включили в текст объявлений такую строку: «книга предназначена только для лиц старше 21 года». Когда исследователи позднее попросили студентов рассказать о своей реакции на показанные рекламные объявления, они выяснили, что реакции молодых людей на запрет были типичными. Те студенты, которые узнавали о возрастном ограничении, испытывали более сильное желание прочитать данную книгу и были больше уверены в том, что эта книга им понравится (по сравнению со студентами, которые не знали, что доступ к рекламируемой книге ограничен) [8].

Типология влияния социально-культурной среды на личность может быть построена на основе путей, средств и методов влияния. С этих позиций, в соответствии с путями, влияние может быть открытым и явным. Например, через выступления в средствах массовой информации, через парламентские слушания, демонстрации, митинги, забастовки. Влияние может быть скрытым, латентным, таковым является «телефонное право». Возможно прямое влияние (непосредственное общение с адресатом) и опосредованное (через посредника). Оправдано также выделение рациональной формы влияния (воздействие лоббистских организаций) и иррациональной формы (влияние толпы).

Попробуем типологизировать формы влияния. Первый вид составляет институциональная форма. Это форма влияния различных социальных институтов, таких, как глава государства, парламент, суд, правительство, учреждения образования, силовые структуры, церковь, политические партии, СМИ и т.д.

Второй вид формы влияния – это форма влияния социальных общностей и групп, в данном случае речь идет об этни-

ческом влиянии (например, этносы, нации, народности); больших социальных групп: классов, слоев (например, интеллигенция, бизнес элиты); профессиональных групп (например, чиновничество, профсоюзы); демографических групп (например, молодежь); малых социальных групп (например, клан, семья).

Третий вид – это индивидуальная форма влияния. Перечень индивидуальных субъектов влияния неисчислимо. Это влияние первосвященника (например, Сергия Радонежского), исторического героя (например, Жанны д'Арк), философа (например, Аристотеля), ученого (например, А. Сахарова), писателя (например, Л. Толстого), артиста (например, В. Высоцкого), военачальника (например, Г. Жукова), политика (например, А. Лебедя) и т.д.

В соответствии со средствами можно выделить *аргументированное влияние* – влияние, оказываемое посредством убеждения. Например, влияние воспитателя, философа, священнослужителя. Силовое влияние – влияние государственных силовых структур. Примеры силового влияния явили миру террористические организации (политические убийства), сюда же относится воздействие мафии посредством шантажа. *Корруптивное влияние* – очень часто помимо мафии его осуществляют деловые круги посредством подкупа, оказания услуг, договорен-

ности о будущем чиновника или политика. *Сексуальное влияние* – влияние жен, фаворитов, любовниц.

Цивилизованное влияние – социально-культурной среды – это влияние, прежде всего, словом, причем влияние открытое и открыто адресованное к интеллектуальным возможностям человека. Оно способствует развитию и сохранению: 1) дела; 2) деловых отношений; 3) личностной целостности субъектов. Цивилизованное психологическое влияние свободно от силовых и обманных приемов. В своем крайнем варианте цивилизованное влияние – это влияние посредством текста – книжного, компьютерного или какого-то иного – оно лишено тех эмоциональных всплесков и волнений, лишено страха, но параллельно с этим – и счастья непредсказуемого, трепещущего эмоциями человеческого общения.

Изучая влияние социально-культурной среды на личность необходимо, с одной стороны, четко представлять себе, какой вид влияния и в каких сферах жизнедеятельности личности является преобладающим, а с другой – владеть всем комплексом технологий, позволяющих изучать разнородное влияние и на отдельных членов сообщества, и на него в целом, предварительно оценив последствия подобного воздействия в каждом конкретном случае психологической коррекции и поддержки.

Библиографический список

1. Дмитриев, Д.В. Толковый словарь русского языка. – М., 2003.
2. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. – М., 2011.
3. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога. – М., 2006.
4. Анцупов, А.Я. Словарь конфликтолога / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М., 2009.
5. Чалдини, Р. Психология влияния. – СПб., 1999.
6. Asch, S.E. Studies in the principles of judgments and attitudes: II. Determination of judgments by group and by ego standards / Soc. Psychol. – 1940. – № 12.
7. Кондратьев, М.Ю. Азбука социального психолога-практика / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин. – М., 2007.
8. Сидоренко, Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. – СПб., 2004.

Bibliography

1. Dmitriev, D.V. Tolkovihyj slovarj russkogo yazihka. – M., 2003.
2. Psikhologiya obshheniya. Ehnciklopedicheskiy slovarj / pod obsh. red. A.A. Bodaleva. – M., 2011.
3. Golovin, S.Yu. Slovarj prakticheskogo psikhologa. – M., 2006.
4. Ancupov, A.Ya. Slovarj konfliktologa / A.Ya. Ancupov, A.I. Shipilov. – M., 2009.
5. Chaldini, R. Psikhologiya vliyaniya. – SPb., 1999.
6. Asch, S.E. Studies in the principles of judgments and attitudes: II. Determination of judgments by group and by ego standards / Soc. Psychol. – 1940. – № 12.
7. Kondratjev, M.Yu. Azbuka socialjnogo psikhologa-praktika / M.Yu. Kondratjev, V.A. Iljin. – M., 2007.
8. Sidorenko, E.V. Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu. – SPb., 2004.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 37.012.85

Lyapina M.Y. METHODS OF TEACHING PUPILS CADET SCHOOL TO PLAY THE PIANO AND KEABOARD SYNTHESIZER. In this work for the first time the problem of teaching students of cadet schools playing two musical instruments – piano and synthesizer. Playing music on each of them has its own characteristics and to facilitate efficient development of music girls. The article reveals the way of training for students of cadet schools in playing music independently for the two instruments. Identified and justified the need to use special methods of contributing to the formation of the girls respective skills and motivation.

Key words: playing a musical instrument yourself, training students play several musical instruments, methods of self-study, the specificity of learning to play the piano and synthesizer.

М.Ю. Ляпина, аспирант каф. истории и теории музыки и музыкального образования ГБОУ ВПО «Московского городского педагогического университета», г. Москва, E-mail: maria.lyapina@gmail.com

МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ ВОСПИТАНИЦ КАДЕТСКИХ ШКОЛ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ МУЗИЦИРОВАНИЮ НА ФОРТЕПИАНО И СИНТЕЗАТОРЕ

В данной статье впервые рассмотрена проблема подготовки воспитанниц кадетских школ к самостоятельному музицированию в процессе обучения на двух музыкальных инструментах – фортепиано и синтезаторе. Музицирование на каждом из них имеет свои особенности и способствует эффективному музыкальному развитию девочек-подростков. Статья раскрывает пути подготовки воспитанниц кадетских школ к самостоятельному исполнению музыки одновременно на двух инструментах. Выявлена и обоснована необходимость использования специальных методов способствующих формированию у девочек соответствующих умений и мотивации.

Ключевые слова: самостоятельное музицирование, полиинструментальная подготовка воспитанниц, методы самостоятельной работы, специфика обучения на фортепиано и синтезаторе.

Музыкальное образование девочек-подростков – воспитанниц кадетской школы-интерната – важная составляющая часть их подготовки к эффективному осуществлению своих будущих профессиональных и личностных функций, в том числе, функций молодой современной женщины и матери. В этой связи методы работы педагога женской кадетской школы-интерната исключительно многообразны и обусловлены целым рядом факторов: от целевых установок и ориентиров в занятиях (подготовка к зачету, концерту, дальнейшей самостоятельной работе и т.д.), условий проведения занятий и пр. до психологических особенностей обучения в специализированном учебном заведении, учета индивидуально-личностных качеств преподавателя и ученика и т.д.

В проведении индивидуального музыкального занятия должны сочетаться логические и эмоциональные факторы. Передача учащимся системы знаний, умений и навыков, основанных как на постижении закономерностей музыкального искусства, так и на использовании средств и приемов, разработанных передовой методикой фортепианного обучения и методикой игре на синтезаторе, должна органично сочетаться с отражением художественно-образной сущности и эмоционального характера искусства. Несомненно, воспитание будущего музыканта-любителя выдвигает задачи, требующие от педагога постоянной интеллектуальной активности, умения «анализировать, синтезировать, обобщать и глубоко мыслить» [1, с. 66]. Добавим, что эти же качества педагог должен развивать и в своих воспитанницах.

Среди методов, направленных на приобщение учащихся к самостоятельному полиинструментальному музицированию, можно выделить связанные непосредственно с содержанием этой деятельности, а также созданием на занятиях обстановки, предрасполагающей к творчеству. Это: эскизное исполнение; разработка адаптированного (как правило, более простого и технически доступного) исполнительского варианта; перенос адаптированного исполнительского варианта с одного инструмента на другой; доведение адаптированного варианта до высокого качественного уровня исполнения на одном из инструментов; самокритика и самооценка собственного исполнения; закрепление достигнутого исполнительского уровня (в процессе повторного исполнения, последующего самостоятельного музицирования («для себя»), исполнения для слушателей и для педагога. В итоге кристаллизуется важный обобщающий метод – полиинструментального освоения музыкального репертуара.

Рассмотрим подробнее каждый из названных методов.

Эскизное исполнение произведения является как бы промежуточным между чтением с листа и тщательной художественной отделкой произведения. В этом случае овладение материалом не доводится до окончательной завершенности и приостанавливается раньше. Музыкант охватывает образный замысел произведения в целом, получает художественно-достоверное представление о нем и, как исполнитель, оказывается в состоянии воплотить в дальнейшем этот замысел на инструменте.

Эскизное изучение музыкального материала использовали знаменитые педагоги прошлого (П.А. Пабст, Г.Г. Нейгауз, Г.М. Коган, А. Корто, М.Э. Фейгин), применяется он и в современной музыкальной педагогике. «...После того как учащийся извлек нужные для него умения и знания (заранее «запланированные» педагогом)... разобрался в тексте, правильно и со смыслом играет нотный материал, работа над произведением прекращается» [2, с. 147] — писал Л.А. Баренбойм.

Эскизное исполнение ведет к значительному увеличению количества прорабатываемого музыкального материала, разнообразно по составу, ускоряет темпы его прохождения, активизирует протекание всего учебно-воспитательного процесса. Это, в свою очередь, ведет к обогащению учащихся новыми знаниями, избавляет от однообразного повторения пройденного и в этом плане способствует приобщению девочек к дальнейшему самостоятельному музицированию.

В основе формирования способности к музицированию на фортепиано и клавишном синтезаторе лежат два главных вида деятельности учащихся: творческая исполнительская практика и изучение теории музыки, что требует определенной интеллектуализации занятий, использования возможно более разнообразной и емкой теоретической информации. Поэтому объединяющий эти виды деятельности комплексный метод, о котором писал Г.Г. Нейгауз, становится эффективным методом преподавания и фортепиано, и синтезатора. В нашем случае, это – *полиинструментальный метод*. Заметим, что «...учитель должен

довести до ученика не только... «содержание» произведения, ...заразить его поэтическим образом, но и дать ему подробнейший анализ формы, структуры..., гармонии, мелодии, полифонии, фортепианной фактуры, короче, он должен быть одновременно и историком музыки, и теоретиком...» [3, с. 188-189].

Опираясь на практический опыт работы, можно отметить, что работа в классе фортепиано сводится к отработке определенных исполнительских навыков, в соответствии с задачами подготовки разучиваемых произведений к предстоящим публичным выступлениям и отчетностям. При такой педагогической установке учащиеся развиваются достаточно односторонне, не получая необходимой музыкально-теоретической и художественной информации. Применение синтезатора на индивидуальных занятиях обогащает инструментальные возможности учащихся, дает перспективу для самостоятельного исполнения полюбящихся произведений «для себя» – собственного удовольствия, а также для друзей, родителей и т.д.

Главным принципом организации творческой практики учащихся выступает опора на систему усложняющихся творческих заданий. Основным видом таких заданий является исполнение различных музыкальных произведений, что в электронной музыке всегда связано с их аранжировкой. Аранжировка произведений для синтезатора представляет собой сложную творческую деятельность, алгоритм которой состоит из четырех основных действий: это анализ текста оригинала, составление проекта аранжировки, отбор звуковых средств, проверка и корректировка результата [4]. Каждое из этих действий опирается на ряд операций, поэтому приобщение учащихся по ходу его работы творчески и дальнейшему самостоятельному музицированию возможно лишь в опоре на ряд специальных методов, описанных ниже.

Метод разработки адаптированного исполнительского варианта. Обычно адаптированный исполнительский вариант создается для синтезатора, поскольку технические возможности инструмента могут в известной мере компенсировать инструментальную неумелость ученика. Пользуясь этим методом, ученик должен не только грамотно и художественно убедительно решать каждую из возникающих по ходу его работы творческих задач, но и осознавать саму логику их чередования. Поэтому важным методом обучения самостоятельному музицированию является разъяснение ученику последовательности – алгоритма действий, в основе чего лежит поисковое движение как бы «сужающимися концентрическими кругами» от самых общих параметров будущего адаптированного варианта исполнения ко все более частным и конкретным. Например, при составлении проекта аранжировки для синтезатора ученик должен последовательно определить жанрово-стилистическую направленность произведения, линию его драматургического развития, выстроить форму, произвести гармонизацию, наметить общие очертания и особенности фактуры.

Метод переноса адаптированного исполнительского варианта с одного инструмента на другой. Суть его сводится к возможности исполнять одно произведение на двух инструментах. Причем, сначала, как правило, учащиеся осваивают более легкий и комфортный вариант исполнения на синтезаторе, а затем пробуют исполнить знакомый текст (в точности или с изменениями) на фортепиано. Такой «перенос» с инструмента на инструмент требует определенных навыков психологической и деятельностно-инструментальной перестройки и готовности к варьированию приемов звукоизвлечения, фактуры, аккомпанеента и пр. с учетом выразительных и технических возможностей обоих инструментов. В итоге учащиеся естественным образом вовлекаются в музыкально-творческую деятельность, ее осмысление и достижение положительного практического результата. При этом результат должен доставлять учащимся радость от реализации собственных разнообразных возможностей и удовольствие от того, что это у них получается самостоятельно и качественно. Подчеркнем, что в процессе подобной работы особое внимание следует обратить на создание аранжировок для синтезатора, поскольку самостоятельное обращение к нему должно стать привычным и доставляющим удовольствие, демонстрирующим умелость ученика, то есть его «полиинструментализм».

Метод доведения адаптированного варианта до высококачественного уровня исполнения на одном из инструментов. Этот метод способствует совершенствованию работы ученика в процессе музицирования на всех ее этапах – от анализа текста оригинала до внесения корректив в готовый исполнитель-

ский «продукт». Заметим, что на практике обычно легче и удобнее переключить фортепианное произведение для более легкого и комфортного исполнения на синтезаторе. В этом смысле синтезатор выполняет важную адаптационную функцию. Однако только этого недостаточно. Практика показывает, что исполнение произведения, выученного на фортепиано, на синтезаторе значительно расширяет исполнительский кругозор учащихся и дает возможность им почувствовать свои дополнительные «ролевые» возможности, реализующиеся в двух относительно самостоятельных интерпретациях на двух различных инструментах. В данном случае и проявляется, пусть ограниченный в масштабах, но полиинструментализм учащихся, а это способствует повышению их самооценки, мотивации к обучению и, конечно, закреплению достигнутого успеха в процессе самостоятельного музицирования.

Метод самоэкспертизы и самооценки призван культивировать у ученика чувство самостоятельного творческого поиска, направленного на совершенствование конечного «продукта» – исполнительской версии произведения, звучащего на одном из инструментов. Речь идет, прежде всего, о противоречии между воображаемым, идеальным образом интерпретации и ее конкретным воплощением в собственном исполнении. От того, насколько объективно оценит ученик полученный результат, не боясь критического его осмысления, будет зависеть перспектива самостоятельного музицирования: объективная оценка собственного исполнения может способствовать постепенному повышению его качества в процессе повторного и всех последующих исполнений. Помимо этого, следует учитывать обязательную позитивную мотивацию, необходимую для творческого саморазвития ученика. Чем спокойнее и толерантнее будет его критический взгляд на собственные исполнительские достиже-

ния, тем плодотворнее будет последующее общение с музыкой, инструментом и, возможно, слушателями, способными разделить успех вместе с исполнителем.

Метод закрепления достигнутого исполнительского уровня. Он реализуется в нескольких направлениях: в процессе повторного исполнения; в процессе последующего самостоятельного музицирования («для себя»); в процессе исполнения для слушателей и педагога.

Ничто не доставляет учащимся такой радости, как достижение собственного высокого исполнительского уровня, а также удовольствие от общения с публикой, творческое вдохновение и профессиональный рост. Музицирование на фортепиано и синтезаторе решает задачу подготовки воспитанниц к активной самостоятельной музыкальной деятельности в самых различных её формах, в том числе концертной. Ничто не сравнится с чувством творческой радости и удовлетворения от удачного выступления, которое является стимулом для их дальнейших интенсивных занятий музыкой. Музицирование «для других» помогает более точно выявить музыкальные способности, стимулирует мотивацию и динамику развития ученика, в то же время пробуждает исполнительскую волю, воспитывает эстрадную выдержку, творческое воображение и артистизм. Поэтому данный метод продуктивен, поскольку учащимся нравится музицировать, ощущая явное улучшение достигнутого исполнительского уровня, играя не только «для себя», но и «для других», чтобы их оценили.

Практика свидетельствует, что каждый из вышеперечисленных методов имеет свое особое значение и не может заменен каким-либо другим, поскольку обеспечивает педагогу возможность гармоничного, комплексного воздействия на учащегося.

Библиографический список

1. Беседы о педагогике и исполнительстве. К обобщению творческого опыта профессоров Московской консерватории / ред.-сост. В.Г. Цыпин, С.И. Тихонов, Е.Л. Сафонова. – М., 1992-1999. – Вып. 1-4.
2. Баренбойм, Л.А. Музыкальная педагогика и исполнительство. – Л., 1969; М., 1974.
3. Нейгауз, Г.Г. Об искусстве фортепианной игры. – М., 2000.
4. Школяр, Л.В. Программы дополнительного художественного образования детей. – М., 2006.

Bibliography

1. Besedih o pedagogike i ispolnitel'jstve. K obobtheniyu tvorcheskogo opitna professorov Moskovskoy konservatorij / red.-sost. V.G. Cihpin, S.I. Tikhonov, E.L. Safonova. – M., 1992-1999. – Vihp. 1-4.
2. Barenboym, L.A. Muzikal'naya pedagogika i ispolnitel'jstvo. – L., 1969; M., 1974.
3. Neygauz, G.G. Ob iskusstve fortepiannoy igrhi. – M., 2000.
4. Shkolyar, L.V. Programmih dopolnitel'nogo khudozhestvennogo obrazovaniya detey. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 14.11.13

УДК 19.00.07

Mazelis V.V. DEVELOPMENT THE FUTURE DOCTORS REPRESENTATIONS ABOUT THE RELATIONSHIP OF PERSONALITY IN THE COMMUNICATIONS «DOCTOR-PATIENT». We consider the development of future doctors representations about the relationship of the person in the system of communication «doctor-patient» in the context of educational psychology. Development of representations about the relationship of personality were identified on the basis of experimental psycho-semantic. Analysis of development of representations about the relationship of the person in the system of communication was conducted using the training courses.

Key words: relationship of personality, communication, future doctors, psychosemantics, training program of study.

В.В. Мазелис, психолог Медицинского центра, соискатель, г. Владивосток, E-mail: vera.mazelis@mail.ru

РАЗВИТИЕ У БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ «ВРАЧ-БОЛЬНОЙ»

Рассматривается развитие у будущих врачей представлений об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной» в контексте педагогической психологии. Развитие представлений об отношениях личности было выявлено на основе принципов экспериментальной психосемантики. Анализ развития представлений об отношениях личности в системе коммуникации был проведен с использованием тренинговой программы обучения.

Ключевые слова: отношения личности, коммуникация, будущие врачи, психосемантика, тренинговая программа обучения.

Изучение коммуникации в аспекте педагогической психологии позволяет предъявлять определенные требования к осуще-

ствлению профессионального обучения в вузе, выполняемой субъектами коммуникаций – будущими врачами. Отношения

Таблица 1

Индивидуальная система представлений об отношениях личности будущих врачей в системе коммуникации «врач-больной»

Личностные конструкты	Контр. гр., %	Экспер. группа, %	Личностные конструкты	Контр. группа, %	Экспер. группа, %
Профессионализм	32,1	46,3	Умение слушать	39,8	54,7
Доброта	46,5	60,9	Умение строить отношения	26,0	49,1
Агрессивность	30,9	22,7	Ответственность	24,0	24,6
Общительность	35,2	48,2	Порядочность	28,1	31,6
Энергичность	26,5	29,2	Справедливость	5,3	6,7
Сопереживание	22,7	33,6	Отзывчивость	25,4	31,3
Трудолюбие	32,7	48,5	Уверенность	15,4	28,5
Приятные в общении	34,7	56,9	Доверие	3,9	7,4

Таблица 2

Структура представлений об отношениях личности будущих врачей

Представления о больном, контр. группа	%	Представления о больном, экспер. группа	%	Представления о себе, контрольная группа	%	Представления о себе, экспер. группа	%
Нуждается в помощи	38,5	Нуждается в помощи	43,7	Способен помочь, вылечить	45,0	Способен помочь, вылечить	54,2
Обычный человек	10,3	Обычный человек	11,1	Разбираюсь в профессии	24,3	Разбираюсь в профессии	32,8
Страдающий	19,0	Страдающий	28,8	Устаю от общения	44,3	Устаю от общения	34,2
Объект лечения	8,2	Объект лечения	16,7	Низкая зарплата	44,6	Низкая зарплата	20,6
Пациент	5,5	Пациент	6,5	Много бумаг и «писанины»	52,3	Много бумаг и «писанины»	34,0
Просто работа	4,5	Просто работа	4,4	Доверяю больному	5,5	Доверяю больному	22,2

личности – совокупность теоретических представлений, в которых психологическим ядром личности является индивидуально-целостная система субъективно-оценочных отношений к действительности (Мясищев В.Н.). Коммуникация в широком смысле – это обмен информацией между личностями посредством общей системы символов, осуществляемая вербальными и невербальными средствами. Система коммуникаций субъектов – сложный и весьма многогранный процесс (Б.Д. Парыгин). Общение, с точки зрения педагогической психологии, выступает как сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемой потребностями в их совместной деятельности. Значение педагогического общения в жизни человека представлено в работах А.А. Леонтьева, И.А. Зимней, П.М. Ершова, Л.М. Митиной, А.А. Блудного, Н.П. Ерастова, А.Я. Анцупова, С.Ю. Курганова, А.Н. Леонтьева, Н.Ю. Синагиной, А.А. Реан, М.С. Яницкого, В.С. Чернявской и других ученых. Существует большое количество исследований отношений личности и вопросов общения, однако нами не найдено исследований по вопросу развития представлений об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной», поэтому возникла необходимость рассмотрения данного вопроса. Противоречие между высокой социальной значимостью установления отношений личностей врача и больного, влияющих на эффективность медицинского лечения, с одной стороны, и отсутствие научно-обоснованных результатов исследования развития у будущих врачей представлений об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной» в контексте изучения педагогической психологии, с другой стороны, составили научную проблему настоящей работы.

Объект исследования: отношения личности в системе коммуникации.

Предмет исследования: развитие у будущих врачей представлений об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной».

Задача исследования: разработать трениговую программу обучения для развития у будущих врачей представлений об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной», пакет диагностических методик для исследования представлений у будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной».

Для решения эмпирической задачи выбран психосемантический метод. В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой про-

исходит восприятие субъектом мира, себя и других людей [1]. Психосемантический метод представлен работами психологов В.Ф. Петренко, Е.Ю. Артемьевой, О.В. Митиной, В.И. Похилько, В.П. Серкина, А.Г. Шмелева, И.П. Шкуратовой, Дж. Келли.

В логике психосемантического подхода были выбраны два метода: «Репертуарный тест ролевых конструктов» Дж. Келли и «Незаконченные предложения». Анализ полученных данных выполнен с помощью математических методов в психологии [2]. Математическая обработка психологических данных по репертуарной решетке была проведена с помощью авторской программы. «Репертуарный тест ролевых конструктов» и «Незаконченные предложения» были использованы в специфической системе отношений «врач-больной», для чего были модифицированы автором.

Участниками тренинга выступили студенты-медики г. Владивостока: экспериментальная группа – 50 респондентов, контрольная группа – 55 респондентов. С целью проверки эффективности использования трениговой программы до и после тренингового обучения проводилось тестирование по разработанному методикам.

Методика 1. «Репертуарный тест ролевых конструктов». Репертуарные решетки представляют собой индивидуально-ориентированный подход к субъективному шкалированию, они дают возможность реконструировать индивидуальную систему смысловых значений. Техника репертуарных решеток связана с именем Дж. Келли и созданной им теорией личностных конструктов [3]. Теория Дж.Келли базируется на представлениях о том, что каждый человек является исследователем, и люди стремятся найти смысл событий и явлений в себе и окружающем мире. Конструкт – это смысловой градиент, субъективный признак различия или сходства между людьми, событиями, предметами [4]. Анализ полученных данных позволил определить личностные конструкты для будущих врачей, отражающие индивидуальную систему представлений об отношениях личности в системе коммуникации (таблица 1).

Как видно из таблицы, в экспериментальной группе студентов-медиков произошли значимые изменения в представлениях об отношениях личности в системе коммуникации до и после тренинговой программы обучения, что подтверждено корреляционным анализом при достаточном уровне $B \square d \square 0,01$ статистического значения с помощью метода ранговой корреляции. Обработка данных по репертуарной решетке выполнялась с помощью авторской программы статистического анализа.

Таблица 3

Структура представлений об отношениях личности будущих врачей в системе коммуникации «врач – больной»

Представ. об отношениях, контр. группа	%	Предст. об отношен, экспер. гр.	%	Установление отн. контр. гр.	%	Установление отн., эксп. группа	%
Доброжелательные	16,7	Доброжелательные	23,3	Легко, просто	42,8	Легко, просто	52,8
Хорошие	10,1	Хорошие	12,5	Важно	13,6	Важно	22,5
Доверительные	8,6	Доверительные	11,5	Необходимо	4,5	Необходимо	9,7
Официал. врач-пац.	7,8	Официал. врач-пац.	8,3	Сложно	4,4	Сложно	3,2

Методика 2. «Незаконченные предложения» (Сакс и Леви, в модификации Г.Г. Румянцева). Анализ полученных данных по тесту «Незаконченные предложения» позволил определить структуру представлений об отношениях личности будущих врачей (таблица 2).

Как видно из таблицы, в представлениях будущих врачей до и после тренингового обучения произошли значимые изменения. Улучшились показатели профессиональных качеств будущих врачей. Выявлены значимые различия в представлениях отношений будущих врачей с помощью многофункционального статистического критерия Фишера при различных уровнях статистической значимости, что подтверждает проведенное исследование.

Данные, полученные по тесту «Незаконченные предложения» позволили выявить структуру представлений об отношениях личности будущих врачей в системе коммуникации «врач – больной» (таблица 3).

Анализ результатов таблицы показал, что будущие врачи хотели бы видеть отношения «доброжелательными», «хорошими» и «доверительными». Кроме того, устанавливать отношения будущему врачу и больному «легко», «просто» и «важно». Имеются изменения в представлениях об отношениях будущих врачей после проведенного тренингового обучения. Развитие представлений об отношениях будущих врачей подтверждено методом углового преобразования Фишера при достаточном уровне статистической значимости.

Выводы исследования

В результате проведенного эмпирического исследования разработана и экспериментально обоснована тренинговая программа обучения и комплекс методик для диагностики представлений об отношениях будущих врачей в системе коммуникации «врач-больной». Тренинговая программа позволила внести изменения в процесс развития у будущих врачей представлений об отношениях личности в системе ее собственных значений (индивидуальных конструктов, по Дж. Келли):

1. Развитие представлений будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации – это динамическое обра-

зование, интегрирующее в себе различные стороны личности, определяющие возможности изменения структуры представлений об отношениях будущего врача и больного.

2. Определена структура представлений будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной» до и после проведения тренингового обучения.

3. Модифицированы методики «Репертуарный тест ролевых конструктов» и «Незаконченные предложения» для целей исследования.

4. Выявлены значимые изменения в представлениях будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной» с помощью тренингового обучения, позволяющие повысить профессиональные качества будущих врачей.

5. Разработан валидный и надежный инструмент диагностики представлений будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной».

6. Компьютеризация основных процедур статистического анализа репертуарной решетки создает предпосылки для ее практического использования в целях развития представлений будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации.

Научная новизна исследования состоит в том, что разработана тренинговая программа обучения будущих врачей, модифицирован комплекс методик для диагностики представлений об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной». Внедрение тренинговой программы обучения позволит сформировать изменения в структуре представлений будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной».

Теоретико-практическая значимость данного исследования:

1. Определена индивидуальная система представлений будущих врачей об отношениях личности в системе коммуникации «врач-больной», что будет способствовать профессиональной успешности будущего врача.

2. Компьютеризация основных процедур репертуарной решетки способствует ее практическому использованию на этапе профессионального обучения.

Библиографический список

- Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания. – М., 1988.
- Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб., 2002.
- Дж. Келли. Теория личности. Психология личных конструктов. – СПб., 2000.
- Похилько, В.И. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности / В.И. Похилько, Е.О. Федотова // Вопросы психологии. – 1984. – № 3.

Bibliography

- Petrenko, V.F. Psichosemantika soznaniya. – M., 1988.
- Sidorenko, E.V. Metodih matematicheskoy obrabotki v psikhologii. – SPb., 2002.
- Dzh. Kelli. Teoriya lichnosti. Psikhologiya lichnikh konstruktov. – SPb., 2000.
- Pokhiljko, V.I. Tekhnika repertuarinikh reshetok v ehksperimentalnoy psikhologii lichnosti / V.I. Pokhiljko, E.O. Fedotova // Voprosih psikhologii. – 1984. – № 3.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 371

Merkel E.V. FORMATION OF CIVIL-LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF SOCIAL SUCCESS OF STUDENTS.

The article describes prerequisites that make it necessary to organize the process of formation of civil culture as a factor of social success of primary and high school students. It tells about the views on the formation of a civil culture of schoolchildren in the making of the modern Russian civil society, about current research in this direction. Considered the existing experience of implementing the model of the process.

Key words: spiritual and moral values, civil-legal culture, civil-legal education, civil consciousness, positive civil-legal behavior, students of primary and high school, social success, the model of the educational process.

Е.В. Меркель, почетный работник общего образования РФ, методист ГБОУ СОШ № 2005, г. Москва, E-mail: elena_trubitsina@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В работе описаны предпосылки, которые обуславливают необходимость организации процесса формирования гражданско-правовой культуры как фактора социальной успешности обучающихся основной и старшей школы, рассказывается о взглядах на ее формирование в процессе становления современного российского гражданского общества, о современных исследованиях в этом направлении, рассматривается имеющийся опыт внедрения модели этого процесса.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, гражданско-правовая культура, гражданско-правовое образование, гражданско-правовое сознание, позитивное гражданско-правовое поведение, обучающиеся основной и старшей школы, социальная успешность, модель образовательного процесса.

Современный человек ориентирован на социальную успешность на ранних этапах социализации, которая идентифицируется уже в школе, в связи с осознанием критериев жизненного успеха, что детерминирует необходимость формирования культуры в обществе в целом и для отдельной личности, в частности, позволяющей в период развития от дошкольного и старшего школьного возраста сформировать духовно-нравственные ценности заложить основы гражданско-правовой компетентности, приводящей к достижению поставленных целей в образовании и личной жизни. Это самый важный период становления личности, в который формируются прежде всего духовно-нравственные ценности, закладываются основы гражданско-правовой культуры, которая имеет особое значение в обеспечении социальной успешности в учебной и личной жизни обучающихся подросткового возраста основной и старшей школы.

Процесс формирования гражданско-правовой культуры обусловлен рядом предпосылок, сложившихся в нашей стране:

- **социально-экономических** – востребованность юридически грамотного гражданина и создание условий для его успешной карьеры Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года;

- **нормативно-правовых**, которые раскрываются, прежде всего, в законе «Об образовании в РФ» (ФЗ №273 от 29.12.12), в стратегических документах по развитию нашего российского государства, международных документы Болонского движения о новой образовательной парадигме, направленные на ее объединение по формированию гражданско-правовой культуры граждан Европы и другие, основной целью которых является обеспечение социальной успешности каждого человека, а значит и общества в целом, что отмечается в одном из документов;

- **информационно-методических**, таких, как Информационно-методическое письмо Минобрнауки России от 19.03.1996 № 391/11 «О гражданско-правовом образовании учащихся в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» с изм. и доп. 2011 г., в котором отмечается, что «становлению демократического государства, преодолению кризисных процессов в России, ее развитию на основе традиций отечественной духовности, нравственности, государственности, приобщению к содружеству цивилизованных государств способствует правильно организованное гражданско-правовое образование, которое включает в себя обучение и воспитание в их неразрывном единстве. От его успешности во многом зависит построение правового государства и гражданского общества в России» [1].

- **институциональных**, отражающих в федеральных государственных образовательных стандартах цели общеобразовательных организаций, в частности, формирование общей культуры личности, духовно-нравственное, гражданское, социальное, личностное и интеллектуальное развитие, самоорганизация и саморазвитие, самосовершенствование обучающихся, обеспечивающие их социальную успешность, «сфера общего образования призвана обеспечивать духовно-нравственное развитие и воспитание личности обучающегося для становления и развития его гражданственности, принятия гражданином России национальных и общечеловеческих ценностей и следования им в личной и общественной жизни» [2].

- **личностных, гражданственных**, раскрывающихся в примерной образовательной программе основной школы, предполагающих формирование системы отношений к обществу, себе как гражданину, к миру.

В современных условиях развития общества образовательные организации нуждаются в исследованиях процесса формирования гражданско-правовой культуры школьников с учетом современных реалий и научно обоснованных рекомендаций по его организации.

Обеспечение качества процесса формирования гражданско-правовой культуры школьников в общеобразовательных организациях способствует развитию у них составляющих ее элементов: гражданско-правовое образование, гражданско-правовое сознание, позитивное гражданско-правовое поведение, что, безусловно, обеспечивает возможность эффективно реализовывать сложные правила сосуществования, позволяет успешно решать жизненные проблемы, создает условия для слаженного взаимодействия на пересечении вопросов гражданской и правовой культуры.

Формирование гражданственности, гражданской и правовой культуры осуществляется в единстве, как часть общей культуры личности, от уровня которой в целом, как мы понимаем, зависит развитие общества и государства, при организации данного процесса возникают проблемы, объясняющиеся наличием объективно складывающихся **противоречий** между:

- социальным заказом общества, государства и семьи на развитие общей культуры личности ребенка, гражданско-правовой в частности, для выстраивания позитивных взаимоотношений, обеспечения социальной успешности и узким пониманием ее, сведению к знаниям норм права;

- необходимостью обеспечения будущей социальной успешности и недостаточной подготовленностью подростка (обучающегося в основной и старшей школе) к решению социальных задач, в том числе гражданско-правового характера;

- спецификой возрастных новообразований обучающихся основной и старшей школы и недостаточным их учетом их в процессе разработки программ формирования гражданско-правовой культуры, обеспечения их преемственности;

- востребованностью теоретико-методологических ресурсов, в достаточной мере обеспечивающих трансляцию гражданских, духовно-нравственных ценностей в образовательный процесс и недостаточной готовностью педагогических работников общеобразовательных организаций обеспечить эффективность процесса формирования гражданско-правовой культуры обучающихся основной и старшей школы.

Идеи самоопределения относительно правовых норм описаны Георгом Гегелем, ее сопряженность с личностными характеристиками (ответственности, идентичности, чувства долга и др.) проанализирована Е.Н. Лисанюк, влияние на среду и адаптивность к ней А.И. Кочетковой, Н.В. Соловьевой; духовно-нравственное развитие и воспитание личности гражданина России исследовали А.Я. Данилюк, О.И. Касич, А.М. Кондаков, В.А. Тишков.; концепции психолого-педагогического управления образовательным процессом, развития образовательной среды, обеспечения качества (М.П. Нечаев, П.И. Третьяков, Т.И. Шамова, Н.А. Шарай, Ю.И. Щербаков) и другие.

С 2000 года в центре внимания ученых были такие вопросы, как: правовая культура и пути ее формирования (А.А. Наринян, 2001); гражданско-правовая культура и развитие гражданского общества в России в контексте образовательной парадигмы Болонского движения, «формирования единой гражданско-правовой культуры европейских граждан» [3] (В.Ю. Сморгунова,

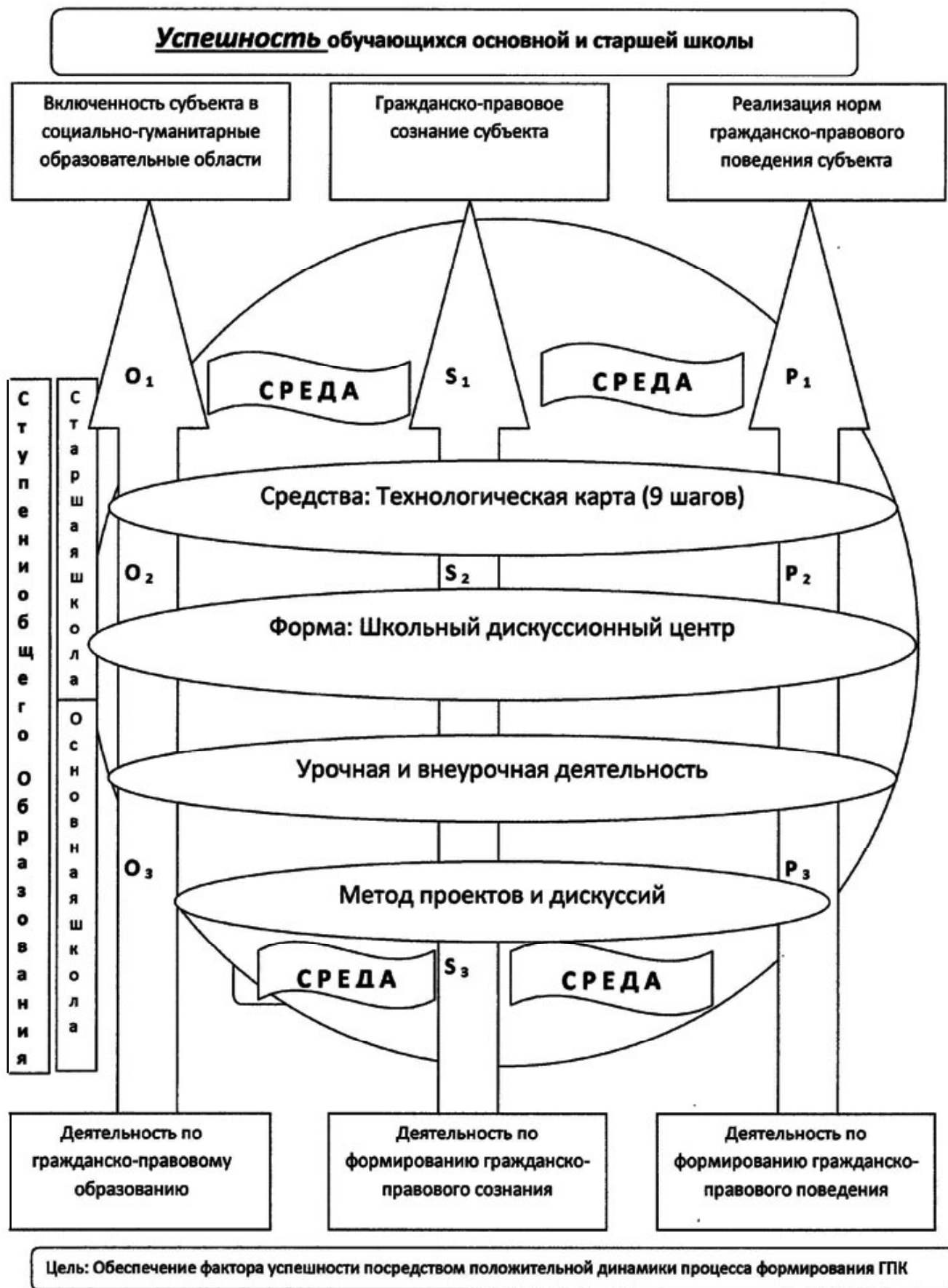

Рис. 1. Схема организации процесса формирования гражданско-правовой культуры школьников как фактора обеспечения успешности обучающихся основной и старшей школы

2005); подготовка будущего учителя к гражданско-правовому воспитанию младших школьников (Н.М. Шибанова, 2004); системный подход к гражданскому воспитанию младших подростков во внеучебной деятельности (Л.В. Фирсова, 2006); формирование гражданско-правовой культуры студентов – будущих юристов (С.К. Цеева, 2006); формирования политической культуры учащихся (И.А. Тютюкова, 2007); гражданско-правовые отношения в сфере образовательных услуг (А.В. Кудряшов, 2008); гражданско-правовое образование (Н. И. Элиасберг, 1994, 2007, Т.В. Болотина, 2008); формирование гражданственности (А.М. Князев, 2008); современное развитие гражданско-правового образования в России и за рубежом (О.И. Касич, 2009); духовно-нравственное развитие и воспитание личности гражданина России (А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков, 2010); о гражданской культуре (G.A. Almond, S. Verba, 1992, B. Schneider, D. Stevenson, 1999); формирование социальной успешности обучающихся в гимназии (Л.Н. Казимирская, 2012).

На современном этапе развития общества одним из его наиболее важных «факторов взросления в целом и формирования его основ является гражданско-правовое образование» [4]. Это позволяет говорить о необходимости разработки такой модели формирования гражданско-правовой культуры, которая уже со школьной скамьи способствует формированию ее основных элементов: гражданско-правового образования, сознания и на его основе – позитивного гражданско-правового поведения» [5]. Воспитание же гражданственности, столь актуальное сегодня, нуждается в поддержке и целостном, системном педагогическом представлении как отношении к сущности, так и процесса» [6].

Вместе с тем, вопрос об организации процесса формирования гражданско-правовой культуры обучающихся основной и старшей школы общеобразовательной организации рассматривается впервые и является актуальным для педагогической науки в целом. Цель – обеспечение фактора успешности обучающихся основной и старшей школы общеобразовательной организации посредством положительной динамики процесса формирования гражданско-правовой культуры. Деятельность следует организовывать по трем направлениям: по гражданско-правовому образованию, по формированию гражданско-правового сознания и по реализации на его основе гражданско-правового поведения. Процесс осуществляется в соответствии с Технологической картой из 9 шагов через внеурочную и внеучебную деятельность, используя метод проектов и метод дискуссии. Временной период образовательной деятельности определяется режимом работы школы в каждый учебный год на всех уровнях общего образования как в основной школе (5-9 классы), так и в старшей школе (10-11 классы) – это чаще всего trimestры,

по окончании которых необходимо организовывать мониторинг процесса по этим трем направлениям с целью более быстрой коррекции для достижения положительных результатов. Ранее в своих исследованиях мы уже отмечали, что «успешной социализации в значительной мере способствует метод дискуссий, использование которого во внеурочной деятельности в рамках социального проекта «Дискуссионный центр» Мы из 21 века» позволяет находить позитивные компромиссные решения проблем образования всем участникам процесса: школьникам, их родителям выпускникам, педагогам, социальным партнерам» [7]. В ходе реализации всех трех направлений формируется такая информационно-образовательная среда в школе, которая позволяет достичь каждому участнику образовательных отношений положительных результатов в процессе формирования своей гражданско-правовой культуры, что имеет важное значение как для каждого, так и для всего общества района, города, страны в целом. Так, в результате положительной динамики гражданско-правового образования происходит включенность субъекта (обучающегося основной и старшей школы) в социально-гуманитарные образовательные области. В результате положительной динамики по второму направлению деятельности у каждого субъекта формируется гражданско-правовое сознание. Результаты этого направления позволяют реализовывать третье направление процесса – реализация норм гражданско-правового поведения субъекта. Мы разработали и апробировали следующую модель процесса (рис. 1), где

O_1, O_2, O_3 – показатели результатов мониторинга процесса по гражданско-правовому образованию по учебным периодам; S_1, S_2, S_3 – показатели результатов мониторинга процесса формирования гражданско-правового сознания; показатели P_1, P_2, P_3 – показатели результатов мониторинга процесса по реализации позитивного гражданско-правового поведения.

Все это позволяет констатировать, что процесс формирования гражданско-правовой культуры является фактором обеспечения социальной успешности школьников, так как у них с помощью гражданско-правового образования формируется гражданско-правовое сознание и на его основе – позитивное гражданско-правовое поведение. Мы считаем, что человеку, живущему в согласии с нормами права уже в школьном возрасте, значительно легче социализироваться в обществе, так как обучающийся и «выпускник школы будет ответственным человеком, обеспокоенным своей судьбой и судьбами других людей» [8].

Обладание гражданско-правовой культурой в период становления и развития личности является важнейшим условием ее успешного развития и самореализации, что безусловно является основой дальнейших исследований этого процесса.

Библиографический список

1. Информационно-методическое письмо Минобрнауки России от 19.03.1996 № 391/11 «О гражданско-правовом образовании учащихся в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации» с изм. и доп. 2011.
2. Данилюк, А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М., 2010.
3. Сморгунова, В.Ю. Гражданско-правовая культура и развитие гражданского общества в России в контексте образовательной парадигмы Болонского движения. – М., 2005. – Т. 5.
4. Касич, О.И. Современное развитие гражданско-правового образования в России и за рубежом. – М., 2009.
5. Трубицына, Е.В. Формирование гражданско-правовой культуры инновационного типа у современных школьников // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. – М. – 2012. – № 1. – Сер. Педагогика и психология.
6. Князев, А.М. Гражданственность / А.М. Князев, В.С. Сорокин. – М., 2013.
7. Трубицына, Е.В. Гражданско-правовая культура школьников – путь к социальному успеху // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары. – 2012. – № 1(73). – Сер. Гуманитарные и педагогические науки.
8. Меркель, Е.В. Инновационные формы и методы формирования гражданско-правовой культуры в общеобразовательном учреждении // Сборник материалов межвуз. конф. – Шадринск, 2013.

Bibliography

1. Informacionno-metodicheskoe pismo Minobrazovaniya Rossii ot 19.03.1996 № 391/11 «O grazhdansko-pravovom obrazovanii uchastikhhsya v obtheobrazovatelnykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoj Federacii» s izm. i dop. 2011.
2. Danilyuk, A.Ya. Konceptiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii / A.Ya. Danilyuk, A.M. Kondakov, V.A. Tishkov. – M., 2010.
3. Smorgunova, V.Yu. Grazhdansko-pravovaya kuljtura i razvitie grazhdanskogo obthestva v Rossii v kontekste obrazovatelnoj paradigmi Bolonskogo dvizheniya. – M., 2005. – T. 5.
4. Kasich, O.I. Sovremennoe razvitie grazhdansko-pravovogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom. – M., 2009.
5. Trubichina, E.V. Formirovanie grazhdansko-pravovoj kuljturih innovacionnogo tipa u sovremennikh shkoljnikov // Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. – M. – 2012. – № 1. – Ser. Pedagogika i psikhologiya.
6. Knyazev, A.M. Grazhdanstvennostj / A.M. Knyazev, V.S. Sorokin. – M., 2013.
7. Trubichina, E.V. Grazhdansko-pravovaya kuljtura shkoljnikov – putj k socialjnomu uspekhu // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. – Cheboksarij. – 2012. – № 1(73). – Ser. Gumanitarije i pedagogicheskie nauki.
8. Merkelj, E.V. Innovacionnihe formih i metodih formirovaniya grazhdansko-pravovoj kuljturih v obtheobrazovateljnem uchrezhdenii // Sbornik materialov mezhvuz. konf. – Shadrinsk, 2013.

Статья поступила в редакцию 24.11.13

УДК 37.01(075.32)

Mnaidarova S.S. THE MODEL OF SOCIO-ECONOMIC VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF THE INSTITUTIONS OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION. This article is about the model of socio-economic value orientations of students of the institutions of secondary professional education. The significant place take the goals and objectives of education, which are part of the value-normative culture of the society, that are derived of the social representations of nature and human capabilities. Preparation of a modern specialist depends on the results of changing education system and understanding of what, how much, how, why do you need to teach students to solve problems of education. This requires a model of training future specialists, i.e. the content, structure and characteristics of the various types of professional activities. The model that is developed on the basis of system activity and the competence-axiological approaches can increase the level of formation of the socio-economic value orientations of students of secondary professional education.

Key words: value orientations, socio-economic values, the process of education, the social aims, socio-cultural experience, value educational process, value-orientation activity, model of socio-economic value orientations of students, the problems of the formation of socio-economic value orientations of students.

S.S. Мнайдарова, ст. преп. каф. социально-гуманитарных дисциплин Костанайского инженерно-экономического университета им. М. Дулатова, г. Костанай, E-mail: smnaidarova@mail.ru

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается модель формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов в организациях среднего профессионального образования. Значительное место занимают цели и задачи образования, которые являются элементом ценностно-нормативной культуры общества, производной от социальных представлений о природе и возможностях человека. Подготовка современного специалиста зависит от результатов изменения системы обучения, понимания того, чему, сколько, как, для чего нужно учить студентов, чтобы они решали возникающие проблемы образования. Для этого нужна модель профессиональной подготовки будущего специалиста, т.е. состав, структура и характеристики различных видов профессиональной деятельности. Разработанная на основе системно-деятельностного и компетентностно-аксиологического подходов модель позволяет повысить уровень сформированности социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования.

Ключевые слова: ценностные ориентации, социально-экономические ценности, процесс воспитания, социальные установки, социально-культурный опыт, целостный педагогический процесс, ценностно-ориентационная деятельность, модель формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов, проблемы формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов.

Роль образования на каждом историческом этапе меняется в зависимости от принятой человеческим сообществом системы ценностей. Цели и задачи образования являются элементом ценностно-нормативной культуры общества, производной от социальных представлений о природе и возможностях человека. Взаимодействие в процессе воспитания представляет собой обмен между его участниками информацией, типами и способами деятельности, ценностными ориентациями, социальными установками, отбор и усвоение которых имеет добровольный и избирательный характер.

Разработка проблемы формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов требует научно-методологического осмысления. Подготовка современного специалиста зависит от результатов изменения системы обучения, понимания того, чему, сколько, как, для чего нужно учить студентов, чтобы они решали возникающие проблемы образования. Для этого нужна модель профессиональной подготовки будущего специалиста, т.е. состав, структура и характеристики различных видов профессиональной деятельности.

Современные науки выдвигают новые концепции, обогащающие научные представления о диалектическом характере развития окружающего мира и его познания. Исходя из идеи совместности, рационального сочетания экологии и экономики, необходимо руководствоваться соответствующими методологическими основами разрешения указанной проблемы [1, с. 71].

При построении структурно-функциональной модели формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования мы руководствовались тем, что модель должна отражать требования, предъявляемые обществом к качеству профессиональной подготовки студентов; организацию целостного педагогического процесса обучения студентов; основные показатели

уровней сформированности социально-экономических ценностных ориентаций студента и др.

Модель включает мотивационно-целевой, нормативно-правовой, содержательно-процессуальный, организационно-технологический и результативно-корректирующий блоки, характеризуется интеграцией факторов образовательного пространства.

На профессиональную подготовку личности студента влияют объективные и субъективные факторы. К объективным факторам относятся: содержательная сторона учебной деятельности, социально-психологический климат учебной группы, отношения с педагогами, тренерами, условия учебы, статус личности студента в группе. В то же время важно отметить, что на практике существует и ряд случайных факторов, которые тоже относятся к объективным: отношение в семье, социально-бытовые условия жизни и другие обстоятельства, имеющие не системный характер. К субъективным же факторам относятся внутренние условия развития, а именно индивидуально-личностные особенности и внутренние противоречия, которые, как показывает практика, являются движущей силой профессиональной подготовки.

Целевая установка нашей модели направлена на формирование социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования. На основе системно-деятельностного и компетентностно-аксиологического подходов обозначили задачи формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования (рис. 1).

Мотивационно-целевой блок в разработанной нами модели выполняет целеполагающую функцию.

Социально-экономические ценностные ориентации представляют собой субъективное отражение в психике и сознании человека объективных социальных ценностей, проявляющихся

Рис. 1. Задачи формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования

в целях, идеалах, убеждениях и интересах, и являющихся важнейшими регуляторами поведения, деятельности и общения. Целостный педагогический процесс как видовое понятие есть сознательная материализация людьми всеобщей и абстрактной категории воспитания как общественного явления.

Секрет истинного воспитания – наполнять содержанием любой вид деятельности и выстраивать методику, исходя из содержания. Содержание обусловлено мотивацией деятельности [2, с. 501].

Нормативные документы, регламентирующие работу учреждений среднего профессионального образования и отражающие ключевые принципы и направления государственной образовательной политики (Закон Республики Казахстан «Об образовании», Закон Российской Федерации «Об образовании», Болонская конвенция об унификации системы высшего образования, Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 годы, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Стратегия «Казахстан – 2030», Государственный общеобразовательный стандарт образования Республики Казахстан, Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования, Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан и т.д.) составляют нормативно-правовой блок модели. Именно соответствие студентов этим требованиям существенным образом влияет на процесс формирования социально-экономических ценностных ориентаций. Согласно данным ценностно-нормативным требованиям поведение каждого студента в идеале должно соотноситься с социальными ожиданиями и совпадать с ними.

Согласно обозначенным выше задачам нами был определен содержательно-процессуальный блок модели. При рассмотрении проблемы формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования возникает ситуация, при которой появляется необходимость в построении системы действий и определении их оптимальной последовательности, которые соответствуют условиям задачи и приводят к ее решению.

Реализация идеи опережающего образования предполагает перестройку существующей ныне системы, причем предстоящие изменения должны быть достаточно радикальными, т.к. прежде всего, предстоит изменить содержание образования, его целевую ориентацию [3, с. 57].

Специфика ценностно-ориентационной деятельности предопределена самой ее сущностью, а также тем, что она не наблюдаема. Именно ее скрытость от внешнего наблюдения пред-

ставляет особую сложность для управления ею. Кроме того, она, так же как игра, общение и общественная деятельность, не имеет предметного результата, а воспитательный результат (есть он или нет) очень трудно зафиксировать в данный конкретный момент, разве только по внешним эмоциональным реакциям и высказываниями воспитанников [4, с. 482].

Полноценная реализация преподавателями на лекционных и практических занятиях воспитывающих функций возможна при акцентировании ими аксиологического ядра в учебном материале. Взаимодействие студента и преподавателя строится на взаимоуважении и доброжелательности. Студенты в общении друг с другом соблюдают требования этикета.

Исследователи установили, что при лекционной подаче материала усваивается не более 20% информации, в то время как в дискуссионном обучении – 75%, а в деловой игре – около 90% [5, с. 22].

При этом преподаватели должны учитывать индивидуальные траектории аксиологического развития студентов и соответствующее планирование индивидуально-дифференцированной учебно-воспитательной работы. В связи с этим педагоги должны уметь диагностировать реальный уровень сформированности социально-экономических ценностных ориентаций личности, определять особенности их содержания у каждого студента; постоянно привлекать каждого студента к активной для него и все усложняющейся ценностно-ориентировочной деятельности, обеспечивающей прогрессивное аксиологическое воспитание личности. Принцип активности личности подразумевает деятельное участие студентов в образовательном процессе, в том числе в познании, оценивании, обсуждении и т.д., становление их как субъектов образования, а не объектов обучения и воспитания, в обеспечении оптимально благоприятного соотношения педагогического руководства и сознательного творческого труда студентов в обучении.

Содержательный анализ основных функциональных воспитательных процессов, устанавливаются связи их взаимодействия в целостном учебно-воспитательном процессе, раскрываются проблемы формирования у студентов научного мировоззрения, духовно-ценностного, экономического, экологического воспитания, трудового и физического развития, становления эстетической, правовой, нравственной культуры.

Нравственное воспитание – это целенаправленное и систематическое воздействие на сознание, чувства и поведение воспитанников с целью формирования у них нравственных качеств, соответствующих требованиям общественной морали [6, с. 163].

В процессе различного рода взаимодействий активность студентов и преподавателя, т.е. вопрошающая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая, позволяет достаточно эффективно сформировать социально-экономические ценностные ориентации.

По мере продвижения от внешних практических форм взаимодействий и переходу к диалогу участников происходит становление внутренней регуляции интеллектуальных, коммуникативных и мотивационных компонентов формируемой деятельности и взаимодействий [7, с. 81].

Важнейшим качеством, определяющим профессионализм специалиста, является сформированная система социально-экономических ценностных ориентаций, которая существенно влияет на эффективность профессионально-творческого развития личности, продуктивность профессионального труда. Поэтому, очень важно при поступлении студента в учреждение среднего профессионального образования начинать приобщать его к этическим нормам экономической деятельности.

Для того чтобы предпринимательская этика формировалась не в разрез с общественными нравственными принципами, идеология бизнеса должна основываться на таких понятиях, как право, пропаганда, стабильность, сотрудничество, свобода. Именно свобода предполагает, что люди добровольно делают свой выбор, сознательно идут на ограничения, когда это целесообразно. По сути, сам процесс рыночной купли-продажи всегда является нахождением компромисса между продавцом и покупателем. Рыночная экономика, кроме всего прочего, – это механизм, позволяющий с помощью конкуренции превратить личный, эгоистический интерес человека в общественное благо.

Построение учебного сотрудничества со студентами, на наш взгляд, требует создания таких ситуаций, которые блокируют возможность действовать репродуктивно и обеспечивают поиск новых способов действия и взаимодействия. Учебное сотрудничество со сверстниками требует такой организации действий, при которой стороны понятийного противоречия представлены группе как предметные позиции участников совместной работы, нуждающейся в координации. Для того чтобы возникло учебное сотрудничество «с самим собой», нужно научить студента обнаруживать изменения собственной точки зрения.

Главная идея обучения в сотрудничестве – учиться вместе, а не просто что-то выполнять вместе [8, с. 28].

Для приобщения студентов к этическим нормам экономической деятельности необходимо построение в рамках учебного заведения единой среды, которая обеспечивает интеграцию факторов образовательного пространства, более раннюю, непрерывную, согласованную, целенаправленную и пролонгированную подготовку специалистов.

Общество нуждается в людях профессионально компетентных, трудолюбивых, способных принимать обоснованные решения в постоянно изменяющихся условиях, способных найти применение своим знаниям и умениям в различных сферах деятельности [9, с. 190].

Таким образом, разработанная на основе системно-деятельностного и компетентностно-аксиологического подходов модель позволяет повысить уровень сформированности социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования.

Библиографический список

1. Саламатов, А.А. Методологические подходы в педагогических исследованиях: системный подход. // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты: науч. журнал. – 2013. – № 1 (10).
2. Пидкасистый, П.И. Педагогика. – М., 2004.
3. Саламатов, А.А. Предпосылки и ключевые аспекты инновационной деятельности образовательных учреждений. // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты: науч. журнал. – 2011. – № 3 (4).
4. Сластенин, В.А. Педагогика. – М., 2011.
5. Панфилова, А.П. Инновационные педагогические технологии: активное обучение. – М., 2011.
6. Подласый, И.П. Педагогика. – М., 2003.
7. Ляудис, В.Я. Методика преподавания психологии. – М., 2003.
8. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров. – М., 2009.
9. Мнайдарова, С.С. Состояние и развитие проблемы формирования социально-экономических ценностных ориентаций студентов учреждений среднего профессионального образования // Образование: история, современность, перспективы: материалы и статьи III Международной научно-практич. конф. – Казань, 2013.

Bibliography

1. Salamatov, A.A. Metodologicheskie podkhodih v pedagogicheskikh issledovaniyakh: sistemniy podkhod. // Professionalniy proekt: idei, tekhnologii, rezul'tatih: nauch. zhurnal. – 2013. – № 1 (10).
2. Pidakasistihy, P.I. Pedagogika. – M., 2004.
3. Salamatov, A.A. Predposilki i klyuchevihe aspektih innovacionnoy deyatelnosti obrazovatel'nykh uchrezhdeniy. // Professionalniy proekt: idei, tekhnologii, rezul'tatih: nauch. zhurnal. – 2011. – № 3 (4).
4. Slastenin, V.A. Pedagogika. – M., 2011.
5. Panfilova, A.P. Innovacionnihe pedagogicheskie tekhnologii: aktivnoe obuchenie. – M., 2011.
6. Podlasiy, I.P. Pedagogika. – M., 2003.
7. Lyaudis, V.Ya. Metodika prepodavaniya psikhologii. – M., 2003.
8. Polat, E.S. Novihe pedagogicheskie i informacionnihe tekhnologii v sisteme obrazovaniya / E.S. Polat, M.Yu. Bukharkina, M.V. Moiseeva, A.E. Petrov. – M., 2009.
9. Mnaydarova, S.S. Sostoyanie i razvitie problemih formirovaniya socialjno-ehkonomicheskikh cennostnikh orientacij studentov uchrezhdeniy srednego professional'nogo obrazovaniya // Obrazovanie: istoriya, sovremennostj, perspektivih: materialih i statji III Mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. – Kazanj, 2013.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 796.011.3

Viktorov D. V. RISK FACTORS ANALYSIS OF THE STUDENTS IN THE CONTEXT OF HEALTHSAVING. Health of the nation is defined not so much by the level of medicine development, but by the prevention activities, directed to the organization of healthy lifestyle. In modern social conditions different kinds of sports and health improving activities in the physical education must provide ways of effective healthsaving of students based on the relevant information that will be used to assess the level of potential risk.

Key words: students, health, disease, physical education.

Д.В. Викторов, канд. пед. наук, доц. ЮУрГУ, г. Челябинск, Челябинская область,
E-mail: viktorovdv@yandex.ru

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РИСКА СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

Здоровье нации определяется не столько уровнем развития медицины, сколько профилактическими мероприятиями, направленными на организацию здорового образа жизни. В современных социальных условиях различные виды физкультурно-оздоровительной деятельности в рамках физического воспитания должны обеспечивать пути эффективного здоровьесбережения учащихся на основе собранной соответствующей информации, которая будет использована для оценки степени потенциального риска.

Ключевые слова: студенты, здоровье, заболевание, физическое воспитание.

27 октября 2009 года Всемирной Организацией здравоохранения (ВОЗ) в программном документе «Глобальные факторы риска для здоровья» были описаны 24 фактора, влияющих на здоровье людей и представляющих собой, по статистике, 15 миллионов ежегодных случаев смерти. Многочисленные данные свидетельствуют о существовании зависимости развития серьезных заболеваний от образа жизни и уровня двигательной активности [1; 4]. Профессиональные физические нагрузки в настоящее время низки, поэтому двигательная активность определяется в основном мышечной деятельностью в часы досуга, а также занятиями физическими упражнениями [2; 3]. Тем более высокий темп жизни, наличие нервно-эмоционального компонента, дефицита времени, гипокинезии, монотонности деятельности обуславливают повышенные требования к организации здоровьесбережения человека. Уменьшение физических нагрузок как одного из элементов здоровьесбережения является фактором риска развития многих заболеваний. У людей с низкой двигательной активностью возникают различные функциональные расстройства, быстрая утомляемость и уменьшение работоспособности. Сочетание различных факторов в области экологии, уровня жизни, питания, употребления алкоголя, курения и многих др. также способствуют ослаблению здоровья личности. Поэтому так важны оценка факторов риска заболеваний и образа жизни студентов и разработка на ее основе рекомендаций, направленных на здоровьесбережение учащихся.

В настоящее время выделяют четыре состояния здоровья: а) состояние организма с достаточными функциональными (адаптационными) возможностями (резервами); б) донозологические состояния, при которых функции организма реализуются более высоким напряжением регуляторных систем; в) преморбидное состояние (предболезнь), характеризующееся снижением функциональных резервов; г) состояние срыва адаптации, отличающееся резким снижением функциональных возможностей, наличием заболеваний.

Вышеперечисленные состояния как категории качества жизни, обусловленной физиологическими механизмами адаптации организма к условиям среды, его способностью к самоорганизации, саморазвитию, самосохранению, составляют предмет здоровьесбережения, направленного не на предупреждение болезней, а на изучение резервов отдельных систем организма, их компенсаторного взаимодействия для обеспечения устойчивой реализации и сохранения генетических, физиологических, психологических, генеративных функций, а также восстановления возможностей организма за счёт компенсации резервов внутриорганных механизмов, активации существующих и формировании внутрисистемных и межсистемных взаимоотношений.

Цель данной работы – определить риск развития отдельных заболеваний, что позволит разработать программу мероприятий, направленных на обеспечение здоровьесбережения учащихся.

Анализ проблемы показал, что законы здорового образа жизни оказались более сложными, чем представленные ранее медицинские факторы риска. Обнаружена важная роль внутренних резервов организма (механизмов психической и физиологической адаптации) для обеспечения его жизнеспособности. При малых резервах здоровья даже в нормальных условиях человек не доживает до необходимого возраста, а при больших резервах живёт долго и в неблагоприятной среде. В целом, здоровый образ жизни (ЗОЖ) предстаёт как гармоничное взаимодействие между внешней средой, особенностями поведения человека и резервами его здоровья. ЗОЖ – это такой образ жизни, при котором индивидуальные резервы здоровья превышают силу патогенного влияния среды, обеспечивая человеку необходимую продолжительность жизни, достаточную удовлетворенность собой и адекватную трудовую активность. Этим обуславливается специфический характер здоровьесбережения, формируемый не

только вследствие присвоения ценностей физической культуры, свободно избираемых им в процессе физкультурно-оздоровительной деятельности, не только ранжированием потребностей, представляемых ему обществом, а всей совокупностью обстоятельств, связывающих его с окружающей действительностью. Поэтому в реальном процессе здоровьесбережения нет несущественного: вся фактичность человеческого участия в мире одинаково формирует физический, психический и социальный компоненты резерва здоровья учащихся.

Оценка факторов риска отдельных заболеваний проводилась нами на основе данных анкетирования среди студентов Архитектурного факультета ЮУрГУ и Факультета музыкального искусства ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского. В анкете оценивались шесть факторов образа жизни: факторы развития болезни сердца (включали оценку показателя артериального давления, массы тела, наследственных факторов, курение, пол, стресс); факторы образа жизни (соблюдение режима труда и отдыха, рациональное питание, полноценный сон); заболеваемость (хронические заболевания органов и систем); факторы, связанные с соблюдением техники безопасности (езда в автомобиле, виды деятельности, связанные с повышенным риском для жизни – подводное плавание, скалолазание, планиризм и т. п.); индивидуальные факторы (диета, семейные отношения, образование, удовлетворение работой или учёбой и т.п.); психологические факторы (тревожность, депрессия).

Определение уровня двигательной активности и характера занятий физическими упражнениями позволяет выявить лиц, не занимающихся или имеющих незначительный опыт занятий физическими упражнениями. Как указывалось выше, низкий уровень двигательной активности является основным фактором риска развития заболеваний сердечно-сосудистой системы и нуждается в оценке, направленной на определение возможных проблем и степени риска.

Оценка двигательной активности и характера занятий физическими упражнениями включала определение объема специализированной двигательной активности, ее кратности, объема и уровня интенсивности.

Стоит отметить достаточно высокий процент студентов, которые не смогли однозначно определить свой образ жизни и сформулировать своё отношение к методикам сохранения здоровья.

Выявлено, что студенты в основном имеют низкий уровень двигательной активности. От молодёжи, обучающейся в высшем учебном заведении, ожидают разумных, ответственных действий, подтверждающих их «зрелость». В то же время именно начало процесса обучения в вузе воспринимается молодёжью как независимость, «свобода» выбора действий, в том числе в отношении своего здоровья, при этом молодые люди, зачастую используют метод проб и ошибок. Кроме того, 36% респондентов отметили наследственную склонность в развитии заболеваний сердечно-сосудистой системы. 23% студентов имеют превышение массы тела, а 18% – массу тела ниже идеальной. 67% респондентов достаточно часто злоупотребляют сигаретами, у 33% курят члены семьи.

Положительным показателем является низкий процент студентов (6%), имеющих артериальную гипертензию. В современный период развития общества, когда наибольшую угрозу здоровью человека наносят компьютерные технологии, сложность адаптационных процессов у студентов ложится тяжелым грузом на сердечно-сосудистую систему, приводит к застойным явлениям в системе позвоночных артерий, нарушению нормального кровоснабжения мозга и, как следствие, может привести к головным болям, утомляемости, снижению памяти, к повышению артериального давления, и даже к болям в сердце и к нарушениям сердечного ритма. Это позволяет говорить о том, что данный фактор риска преобладает в повседневной жизни современ-

менного студента, особенно это актуально в век всеобщей информатизации общества, когда большую часть своего времени человек проводит за компьютером. К сожалению, это касается не только взрослых работающих людей, но и студентов, для которых мир компьютерных технологий – неотъемлемая часть жизни, порой полностью заменяющий иные ее сферы.

Среди факторов здорового образа жизни нами особое внимание обращается на соблюдение режима дня и режима питания. К сожалению, у исследуемого контингента учащихся наблюдается неупорядоченный режим дня и отсутствие сбалансированного питания: 42 % студентов не завтракают, 71 % отмечают частое употребление алкогольных напитков (более двух раз в неделю). Вследствие этого определенное количество респондентов имеют проблемы с желудочно-кишечным трактом; 7 % имеют язвы, колиты, заболевания желчного пузыря или печени; 33 % студентов имеют регулярные проблемы со сном.

Согласно данным анкеты периодически проходят медицинские осмотры 87 % студентов. Важным показателем можно считать тот факт, что прохождение медицинского контроля обеспечивается и ЮУрГУ, и ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского для всех студентов. Это является значительным снижением фактора риска для здоровья.

Анализ заболеваемости студентов выявил, что ведущее место в структуре заболеваемости занимают болезни сердечно-сосудистой системы (53,3%), на втором органов дыхания (10,8%), на третьем – опорно-двигательного аппарата (8,2%), т. е. заболевания, наиболее значимые для обеспечения жизнедеятельности. Достаточно большое количество учащихся – с болезнями нервной системы; продолжает интенсивно увеличиваться патология зрения. Нередки заболевания ЛОР-органов, желудочно-кишечного тракта, эндокринной системы (ожирение), почек, кожи, мочеполовой системы, онкологией. Также были выявлены случаи недостатка физического развития и инвалидности. Около 22% студентов имеют от двух и более негативных отклонений.

Однако на практике здоровьесбережение требует высокого уровня противодействия несчастным случаям, чрезвычайным ситуациям и другим негативным явлениям, имеющим организационно-психологический характер. В связи с этим нами был оценен аспект соблюдения техники безопасности как продолжительности и качества жизни. Основные факторы ухудшения этого показателя – езда на автомобиле, занятия экстремальными видами деятельности. Выявлено, что 55% респондентов не применяют ремни безопасности, либо применяют крайне редко. 22% студентов (в основном среди юношей) постоянно занимаются видами деятельности, связанными с высоким уровнем риска, такими как скалолазание, спелеотуризм, подводное плавание, прыжки с парашютом и т.д.

Исследование индивидуальных факторов показало, что пищевые привычки большинства опрошенных не соответствуют рациональным нормам. Сбалансированной, с низким содержанием жиров и сложными углеводами диеты, придерживаются только 20% опрошенных, из них же 6% чередуют переедание и недоедание.

Положительным фактом является хорошая наследственность. У большинства респондентов среди членов семьи отсутствуют заболевания сердечно-сосудистой системы; продолжительность жизни родственников составляла более 70 лет. Также большая часть опрошенных декларирует высокую степень социального взаимодействия. Все это положительно влияет на уровень здоровья исследуемого контингента и служит важным фактором повышения продолжительности жизни. Но вместе с тем отмечается высокий процент студентов, периодически имеющих легкую депрессию и нестабильное психическое состояние, тревожность. Большинство студентов (73%) постоянно находятся в напряженном состоянии из-за высоких учебных нагрузок или семейных проблем. Настораживает, что в условиях социально-экономической нестабильности половина респондентов на вопрос об оценке перспектив выбирает ответ неуверенность в настоящем и будущем.

Библиографический список

1. Викторов, Д.В. Здоровьесбережение: проблемы развития мотивации у студентов вузов. – Омск, 2009.
2. Виру, А.А. Аэробные упражнения. – М., 1988.
3. Иващенко, Л.Я. Самостоятельные занятия физическими упражнениями / Л.Я. Иващенко, Н.П. Страпо. – Киев, 1988.
4. Исаев, А.П. Информационные технологии в здравоохранении, образовании и формировании современного человека // Проблемы и перспективы здравоохранения: сборник науч. работ. – Челябинск, 2000. – Вып. II.

В целом проведенное исследование позволило выявить насущные для современных учебных заведений проблемы формирования здоровьесбережения: отсутствие четкости в определении здорового образа жизни, слабая ориентация учащихся на решение здоровьесберегающих проблем; отсутствие приоритетов в здоровьесберегающих мероприятиях в их связи со здоровьем образом жизни; неполное соответствие здоровьесберегающего потенциала вузов требованиям социально-государственного заказа; слабая педагогическая освоенность таких видов деятельности.

Для студентов основными факторами риска развития заболеваний являются нерациональное питание, курение и нервно-эмоциональные перегрузки, а также низкая двигательная активность. Преобладают низкий и ниже среднего уровни физического здоровья. В структуре заболеваемости преобладают болезни органов дыхания, нервной системы и органов чувств, пищеварительной системы. Исправить такую критическую ситуацию с физическим состоянием студентов возможно лишь путем привлечения их к регулярным физкультурно-оздоровительным занятиям.

Обязательный курс физического воспитания в вузе должен служить лишь предпосылкой, своеобразным перекидным мостиком для формирования потребности в физкультурно-спортивной деятельности; он призван обеспечить переход от жесткой регламентации обязательного курса физического воспитания в вузе к самостоятельной форме физкультурно-спортивной деятельности. Технологический процесс здоровьесбережения студентов с использованием знаний о факторах риска и разнообразных средств, методов и форм физкультурно-спортивной деятельности в вузе состоит из следующих этапов: диагностический, проектировочный, организационный, контролирующий, аналитический, корректировочный. Каждый этап состоит из инвариантных видов деятельности преподавателя – блоков задач, содержания, средств педагогической коммуникации, методического обеспечения, контроля и коррекции. Выделение блоков контроля и коррекции обусловлено их важностью не только в целом управленческом цикле (технологии управления формированием направленности студентов на занятия физической культурой), но и их значимости в реализации каждого этапа.

Каждый из указанных блоков проектирования здоровьесбережения имеет свою логику и особенности. Вместе с тем они тесно связаны друг с другом, взаимно переплетаются и дополняются. Происходит совершенствование каждого из блоков, и вся стратегия проектирования здоровьесбережения приобретает свое внутреннее единство в разноструктурности воспроизводящей и творческой деятельности преподавателя.

Этапы формирования здоровьесбережения студенческой молодежи через управление факторами риска не следует определять по годам обучения. Это затрудняет возможность дифференцированных воздействий, усложняет подбор форм стимулирования активности.

Опираясь на проведенный анализ, можно заключить, что если на педагогический процесс посмотреть как на разновидность технологии, то в нем должны быть предусмотрены действия по изменению и дальнейшему определению результатов обучения. Таким образом, педагогически профессиональное и полное раскрытие содержания содержания проблемы факторов риска для здоровьесбережения приводит к разработке рациональных методов проектирования технологии обучения, обуславливая управление данной технологией, суть которого заключается в координации деятельности обучающихся и обучаемых в пространстве, синхронизации их действий во времени.

Обобщим сказанное. Студенты должны не только твердо знать, чему следует научиться, но и как это следует делать и почему так, а не иначе. Декларативные заявления и призывы о необходимости, обязательности и пользе рационального, здорового образа жизни зачастую не находят отклика в сознании студентов. Успех может принести лишь соответствующая организация их деятельности в педагогическом процессе.

Bibliography

1. Viktorov, D.V. Zdorovjesberezenie: problemih razvitiya motivacii u studentov vuzov. – Omsk, 2009.
2. Viru, A.A. Aehrobniihe uprazhneniya. – M., 1988.
3. Ivathenko, L.Ya. Samostoyatelnihe zanyatiya fizicheskimi uprazhneniyami / L.Ya. Ivathenko, N.P. Strapko. – Kiev, 1988.
4. Isaev, A.P. Informacionnihe tekhnologii v zdorovstroenii, obrazovanii i formirovanii sovremennogo cheloveka // Problemih i perspektivih zdorovstroeniya: sbornik nauch. rabot. – Chelyabinsk, 2000. – Vihr. II.

Статья поступила в редакцию 17.11.13

УДК 37.01

Gumashvili I.R. **THE MAIN DIRECTIONS OF PROFESSIONAL TRAINING FUTURE TEACHERS TO THE IMPLEMENTATION OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF GIFTED HIGH SCHOOL STUDENTS.** Education reforms define new requirements not only to the graduate of the main school, but also to the modern teacher who has to be not only professionally competent, but also personally self-actualized. The priority direction of modern educational policy – identification and creation of conditions for development of intellectual endowments. In article the concept of this phenomenon is specified, criteria of intellectual endowments, of the high school student are allocated, the diagnostic tools of detection of intellectual endowments at the advanced school age are described. The main directions of vocational training of future teacher to realization of pedagogical support of intelligently gifted high school students are considered. The special attention is paid to relevance of training of students on a lecture and practical training through this technology in higher education institution.

Key words: vocational training, future teacher, teacher, pedagogical support, intellectual giftedness, high school student.

*И.Р. Гумашвили, преп. ФГОУ ВПО «Чеченский гос. педагогический институт», г. Грозный,
E-mail: dinaf_chel@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Реформы образования определяют новые требования не только к выпускнику основной школы, но и к современному педагогу, который должен быть не только профессионально компетентным, но и лично самореализованным. Приоритетное направление современной образовательной политики – выявление и создание условий для развития интеллектуальной одаренности. В статье уточнено понятие данного феномена, выделены критерии интеллектуальной одаренности старшеклассника, описан диагностический инструментарий выявления интеллектуальной одаренности в старшем школьном возрасте. Рассматриваются основные направления профессиональной подготовки будущего учителя к реализации педагогической поддержки интеллектуально одаренных старшеклассников. Особое внимание уделяется актуальности обучения студентов на лекционных и практических занятиях через данную технологию в вузе.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, будущий учитель, педагог, педагогическая поддержка, интеллектуальная одаренность, старшеклассник.

Динамично изменяющиеся реалии нашего времени ставят перед системой образования задачу полноценного развития личности ребенка. Приоритетом общества и системы образования является способность вступающих в жизнь молодых людей самостоятельно решать возникающие перед ними новые, еще неизвестные задачи. Модернизация образования отражается не только на результатах обучения ребенка, но в первую очередь на профессиональной деятельности учителя. Формируется социальный заказ системе педагогического образования, выражающийся в требованиях к подготовке поколения педагогов, реализующих инновационную профессиональную деятельность, обладающих необходимым уровнем методологической культуры и сформированной готовностью к непрерывному процессу образования в течение всей жизни. Требования к компетентности педагога проявляются в знании и учете возрастных особенностей ученика, типа и вида учебного заведения, особенностей педагогической теории, лежащей в основе организационного образовательного процесса. Поэтому профессиональная подготовка будущего учителя должна быть направлена в первую очередь на формирование адаптивной, мобильной и профессионально компетентной личности учителя.

Будущему педагогу необходимо не только видеть траекторию развития ученика в образовательном процессе, но и понимать необходимость формирования особых условий, стимулирующих интеллектуальное и социальное развитие обучающегося, учитывать социальный заказ к выпускнику школы.

Приоритетным направлением современной образовательной политики является выявление и поддержка одаренных де-

тей. Особое внимание общественности во все времена привлекала интеллектуальная одаренность как потенциал интеллектуального достояния нации. В этой связи федеральные государственные образовательные стандарты общего образования в качестве требований к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы выделяют владение навыками познавательной, учебно-исследовательской и проектной деятельности. Также старшеклассник должен научиться разрешать проблемы, быть способным и готовым к самостоятельному поиску методов решения практических задач и применению различных методов познания. Данное положение получили развитие в ряде публикаций наших коллег [1 и др.].

Будущий учитель должен понимать, что работа с интеллектуально одаренными обучающимися будет одним из направлений его деятельности, а вектором профессионального развития. В этой связи профессиональная подготовка будущего учителя к работе с одаренными обучающимися должна включать теоретическое и практическое знакомство студентов с психологией одаренного ребенка, особенностями выявления интеллектуально одаренных старшеклассников и условиями их дальнейшего развития.

Основная задача учителя при взаимодействии с интеллектуально одаренными обучающимися – это организация специальной психолого-педагогической среды, стимулирующей их дальнейшее интеллектуальное и социальное развитие. По нашему мнению формированию такой среды отвечает технология педагогической поддержки одаренных старшеклассников. В этой связи у студентов педагогических вузов важно сформировать

знания о данной технологии и умения ее применять в работе со старшеклассниками. Однако мы считаем, что знакомство будущих педагогов лишь с самой технологией будет носить изолированный, частный характер, так как важно в первую очередь сформировать представления о понятийном аппарате интеллектуальной одаренности старшеклассника, особенностях выявления данного феномена в условиях образовательного учреждения и психологии одаренности в целом. Данные знания будут базой для овладения технологией педагогической поддержки интеллектуально одаренных старшеклассников будущими учителями, позволят реализовать данную технологию не разрозненно и эпизодично, а комплексно и полноценно. В этом плане весьма ценной является идея самообучения [2].

Таким образом, *первым направлением* в профессиональной подготовке будущего учителя к работе с одаренными детьми будет *теоретическое знакомство с понятием интеллектуальной одаренности и ее критериями*. Дефиниция интеллектуальная одаренность определяется достаточно широким спектром ее характеристик. По утверждению Е.П. Ильина интеллектуальная одаренность характеризуется интеллектом «выше среднего», она раскрывает возможность творческой интеллектуальной деятельности, генерирующей новые идеи, нестандартные подходы, готовностью к инновациям [3]. О.В. Звонарева рассматривает интеллектуально одаренного ребенка как индивида, характеризующегося остротой мышления, наблюдательностью и исключительной памятью, любознательностью, интересом к определенным занятиям, хорошо излагающим собственные мысли [4]. М.А. Холодная выделяет шесть типов интеллектуально одаренных людей, среди которых индивиды: с показателем общего интеллекта более 135–140 единиц; с высоким уровнем академической успешности; с высоким уровнем развития творческих интеллектуальных способностей; с высокой степенью успешности выполнения определенных видов деятельности; с экстраординарными интеллектуальными достижениями, лица с экстраординарными интеллектуальными возможностями, но связанными с анализом и предсказанием событий в жизни людей [5]. Представление об интеллектуальной одаренности западными исследователями также имеет свою специфику. Так Дж. Рензулли определяет данный вид одаренности через сочетание интеллектуальных способностей, мотивации и креативности. Дж. Фельдхьюсен дополняет данную модель, включая четвертый компонент – позитивную Я-концепцию. Г. Гарднер рассматривает интеллектуальную одаренность через комплексное сочетание лингвистического, логико-математического, музыкального, пространственного, мышечно-двигательного и межличностного интеллекта. Понимание интеллектуальной одаренности как кристаллизации опыта встречается в работах Дж. Уолтерса, Х. Гарднера, Де Гроот, Х. Грабера отмечающих, что любой творческий продукт не определяется врожденными особенностями, а обусловлен специфическим саморазвитием индивида, в результате накопления и дифференциации жизненного опыта в определенной деятельности.

Вместе с тем будущему учителю необходимо обозначить свое видение интеллектуально одаренного старшеклассника, исходя из которого будет выстраиваться педагогическая работа с обучающимся. Анализ существующих подходов к определению интеллектуальной одаренности позволил нам сформулировать следующее определение данного феномена. *Интеллектуальная одаренность* определяется нами как системное и динамичное качество личности, проявляющееся в развитии интеллектуальных способностей, учебно-познавательной мотивации и академической успеваемости на высоком уровне или уровне выше среднего. В этой связи интеллектуальную одаренность старшеклассника по нашему мнению, определяют три ведущих критерия: интеллектуальные способности, учебно-познавательная мотивация и академическая успеваемость по отдельным или всем предметам на высоком уровне или уровне выше среднего (по каждому критерию соответственно). Данный критериальный подход к интеллектуальной одаренности позволяет учителю определить основные области диагностики и развития старшеклассников. Комплексное сочетание отмеченных критериев поможет педагогу относительно быстро определить ту категорию детей, которая потенциально входит в группу интеллектуально одаренных обучающихся и адресно выстроить работу с ними.

Профессиональная подготовка будущего учителя к осуществлению работы с интеллектуально одаренными старшекласс-

никами должна включать в себя владение психолого-педагогическим инструментарием выявления интеллектуальной одаренности. Таким образом, *вторым направлением* профессиональной подготовки будущего учителя к осуществлению педагогической поддержки интеллектуально одаренных старшеклассников будет *знакомство с диагностическим инструментарием интеллектуальной одаренности*. Исходя из обозначенных нами критериев интеллектуальной одаренности, учитель может использовать соответствующие методики. Так для изучения уровня интеллектуальных способностей старшеклассника педагог может воспользоваться результатами тестов интеллекта Д. Векслера, Р. Амтхауэра, Дж. Равенна, теста АСТУР или УИТ. Представим краткую характеристику данных тестов.

Тест Д. Векслера предназначен для исследования умственного развития, для разных возрастов представлена своя форма теста. Тест состоит из 11 отдельных субтестов, разделенных на 2 группы: 6 вербальных и 5 невербальных. Каждый субтест включает от 10 до 30 постепенно усложняющихся вопросов и заданий. «*Прогрессивные матрицы Равена*» – это невербальный тест, предназначенный для исследования уровня умственного развития. Тест состоит из 60 матриц или композиций с пропущенным элементом, предназначен для обследования детей, начиная с 8 лет и взрослых до 65 лет. *Культурно-свободный тест на интеллект Р. Кеттелла* направлен на измерение уровня интеллектуального развития независимо от влияния факторов окружающей социальной среды. *Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра* предназначен для измерения уровня интеллектуального развития лиц от 13 до 61 года. Состоит из девяти субтестов, каждый из которых направлен на измерение различных функций интеллекта. *Тест АСТУР* (для Абитуриентов и Старшеклассников Тест Умственного Развития) включает 8 субтестов (осведомленность, двойные аналогии, лабилность, классификации, обобщение, логические схемы, числовые ряды, геометрические фигуры). Задания теста составлены на основе материала школьных программ и учебников и предназначены для изучения уровня умственного развития выпускников средней школы. Также педагог может воспользоваться результатами *Универсального интеллектуального теста* (УИТ), разработанного лабораторией ПсихХрон, специально для образования, в частности, для мониторинга интеллектуальных способностей учащихся 8-11-х классов [6].

Для анализа мотивационной стороны личности старшеклассника можно воспользоваться методикой *изучения мотивационной сферы учащихся М.В. Матюхина* [7]. С помощью данного теста определяется уровень развития интереса к содержанию и процессу учения, диагностируются следующие мотивы: мотивы долга и ответственности, самоопределения и самосовершенствования, благополучия, мотивация престижа, мотивация избегания неприятностей, мотивация содержания учения, социальные мотивы учебной деятельности. Данный тест позволяет определить не только наличие учебно-познавательной мотивации (одного из выделенных нами критериев интеллектуальной одаренности), но и целого комплекса мотивов.

Будущий учитель должен знать, что применять обозначенные методики необходимо осторожно, так как психодиагностика обучающихся входит в компетенцию школьного психолога. Поэтому при подготовке будущего учителя к работе с одаренными детьми важно либо научить студентов проводить и обрабатывать данные методики, либо обучить их интерпретировать и использовать результаты тестирования, полученные психологом.

Учитель без труда может выявить одаренного старшеклассника по третьему критерию интеллектуальной одаренности (обозначенному нами) – академическая успеваемость по одному или нескольким предметам выше среднего. Таким образом, сочетание высоких результатов или результатов на уровне выше среднего по трем критериям (интеллектуальные способности, учебно-познавательная мотивация, академическая успеваемость) позволяет выявить группу одаренных старшеклассников, которым требуется педагогическая поддержка.

Далее мы переходим к *третьему блоку* профессиональной подготовки будущих учителей – это непосредственно *педагогическая поддержка одаренных старшеклассников*. Педагогическая поддержка определяется как особая образовательная технология, характеризующаяся наличием диалога между ребёнком и взрослым, предполагающая самоопределение обучающегося в ситуации выбора и его самостоятельность в решении проблем. Как правило, слово «поддержка» (социальная, психоло-

гическая) упоминается в связи с проблемами человека и означает помощь, содействие. Будущему учителю важно понимать, что большинству интеллектуально одаренных детей присущи различные психологические проблемы (неустойчивая самооценка; перфекционизм; обостренное восприятие событий и отношений с людьми; проблема формирования необходимых волевых навыков; склонность к депрессивным состояниям и даже суицидальным тенденциям) [8]. В старшем школьном возрасте добавляются трудности, связанные с профессиональным самоопределением и формированием жизненной перспективы в целом. Ведущей проблемой интеллектуально одаренных детей любого возраста является неумение преодолевать трудные жизненные ситуации [9]. Поэтому предметом взаимодействия обучающегося и педагога в рамках педагогической поддержки являются факторы, составляющие проблему одаренного старшеклассника.

Будущий учитель должен знать этапы педагогической поддержки старшеклассников: определение условий проблемной ситуации, их анализ, уточнение, определение ресурсов для решения проблемы. Будущий учитель должен понимать, что цель педагогической поддержки одаренного старшеклассника – это формирование его «психологического иммунитета» [10], позволяющего самостоятельно преодолевать различные жизненные трудности. Поиск, рефлексия, пробы, ошибки, положительный и отрицательный выбор, конфликтные ситуации – это необходимые условия для становления личности особенно в старшем школьном возрасте. В этой связи задача учителя в рамках педагогической поддержки заключается в моделировании ситуаций, преодолевая которые интеллектуально одаренный старшеклассник испытывает радость победы над самим собой, удовольствие от борьбы с препятствиями, ощущение успеха в плане личностной самореализации. Переживая состояние бессилия в трудных ситуациях и стремясь к активному поиску выхода из них, развивается самостоятельность интеллектуально одаренного старшеклассника, которая необходима ему не только в рамках учебно-профессиональной деятельности, ведущей для данного воз-

растного периода, но и для формирования жизненных планов в целом.

Таким образом, мы считаем, что основные направления профессиональной подготовки будущего учителя к осуществлению педагогической поддержки интеллектуально одаренных старшеклассников – это:

- теоретическое знакомство студентов с понятийным аппаратом феномена интеллектуальной одаренности, психологией одаренного ребенка;

- практическое ознакомление с диагностическим инструментарием выявления интеллектуальной одаренности в старшем школьном возрасте;

- непосредственное овладение технологией педагогической поддержки интеллектуально одаренных старшеклассников.

Реализация данных направлений должна осуществляться поэтапно и с учетом психологии студента. В этом плане важно руководствоваться идеей регулируемого эволюционирования [11]. При этом доминирующим условием в профессиональной подготовке будущего учителя к реализации педагогической поддержки старшеклассников будет обучение студентов в процессе вузовской подготовки с учетом высказанных нами соображений. Тем самым мы хотим отметить, что преподаватель на занятиях со студентами должен сам моделировать ситуации, которые будущий учитель должен разрешать. Только через деятельность формы работы, через активное овладение технологией педагогической поддержки на практических занятиях у студента сформируется опыт по разрешению трудных ситуаций, в том числе и жизненных, который он сможет развивать у интеллектуально одаренных старшеклассников в дальнейшем уже в своей профессиональной деятельности. Учитель, который смог сам адаптироваться в социуме, выбрать тот вектор личностного и профессионального развития, который помог ему самореализоваться, сможет успешно реализовать технологию педагогической поддержки в работе с интеллектуально одаренными старшеклассниками. Данное положение должно быть ориентиром в профессиональной подготовке будущих учителей.

Библиографический список

1. Андреева, Н.Ю. Особенности развития одаренности учащихся / Н.Ю. Андреева, Д.Ф. Ильясов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3 [Э/р]. – Р/д: <http://www.science-education.ru/103-6277>
2. Ильясов, Д.Ф. Самообучающаяся организация как феномен и стратегия (на примере общеобразовательного учреждения) // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3(40).
3. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб., 2009.
4. Доровской, А.И. 100 советов по развитию одаренности детей: родителям, воспитателям, учителям. – М., 1997.
5. Холодная, М.А. Психологические механизмы интеллектуальной одаренности // Вопросы психологии. – 1993. – № 1.
6. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов. – М., 2007.
7. Бадмаева, Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: монография. – Улан-Удэ, 2004.
8. Михайлова, Н.Н. Педагогика поддержки: учебно-методич. пособ. / Н.Н. Михайлова, С.М. Юсфин. – М., 2001.
9. Рабочая концепция одаренности / Д.Б. Богоявленская [и др.]. – М., 2003.
10. Юркевич, В.С. Развивающий дискомфорт как принцип и метод в работе с одаренными детьми // Сайт RusAdvice.Org [Э/р]. – Р/д: http://art.thelibrary.ru/children/school2/razvivayuschiy_diskomfort_kak_princip_i_metod_v_rabote_s_odarennimi_detmi.html
11. Ильясов, Д.Ф. Принцип регулируемого эволюционирования в педагогике / Д.Ф. Ильясов, Г.Н. Сериков. – М., 2003.

Bibliography

1. Andreeva, N.Yu. Osobennosti razvitiya odarennosti uchastikhysya / N.Yu. Andreeva, D.F. Ilyasov // Sovremenniye problemih nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 3 [Eh/r]. – R/d: <http://www.science-education.ru/103-6277>
2. Ilyasov, D.F. Samoobuchayuyasaya organizatsiya kak fenomen i strategiya (na primere obtheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya) // Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2013. – № 3(40).
3. Iljin, E.P. Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti. – SPb., 2009.
4. Dorovskoy, A.I. 100 sovetov po razvitiyu odarennosti detey: roditelyam, vospitatel'nyam, uchitelyam. – M., 1997.
5. Kholodnaya, M.A. Psikhologicheskie mekhanizmihih intellektual'noy odarennosti // Voprosih psikhologii. – 1993. – № 1.
6. Karelin, A. Bol'shaya ehnciklopediya psikhologicheskikh testov. – M., 2007.
7. Badmaeva, N.C. Vliyanie motivatsionnogo faktora na razvitie umstvennihk sposobnostey: monografiya. – Ulan-Udeh, 2004.
8. Mikhaylova, N.N. Pedagogika podderzhki: uchebno-metodich. posob. / N.N. Mikhaylova, S.M. Yusfin. – M., 2001.
9. Rabochaya koncepciya odarennosti / D.B. Bogoyavlenskaya [i dr.]. – M., 2003.
10. Yurkevich, V.S. Razvivayuyushiy diskomfort kak princip i metod v rabote s odarennimi detjami // Sayt RusAdvice.Org [Eh/r]. – R/d: http://art.thelibrary.ru/children/school2/razvivayuschiy_diskomfort_kak_princip_i_metod_v_rabote_s_odarennimi_detmi.html
11. Ilyasov, D.F. Princip reguliruemogo ehvolucionirovaniya v pedagogike / D.F. Ilyasov, G.N. Serikov. – M., 2003.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 37.01

Ibragimova T.V., Yarychev N.U. Pedagogical Conditions of effective training of future teacher to ecological and educational activities. Present world's ecological environment causes discomfort, because great industrial development bears on environment in XXI century. One of the major tasks of modern education is instructing inhabitants about need to save and protect environment. The author raises the problem of ecological education and students' instruction. A teacher has the leading role in forming students' respect for nature. Forms and methods of ecological and

educational activity are considered in the article. Pedagogical conditions promoting effective training of future teachers to ecological and educational activities are allocated in the article. Special attention is paid to playing technologies of students' active education.

Key words: teacher, educational institution, ecology, ecological and educational activities, professional training, high school, future teacher, pedagogical conditions, technologies of active education.

*Т.В. Ибрагимова, преп. Чеченского гос. педагогического института, г. Грозный, E-mail: dinaf_chel@mail.ru;
Н.У. Ярычев, д-р пед. наук, доц., зав. каф. педагогики и психологии Чеченского института повышения квалификации работников образования, г. Грозный, E-mail: nasrudiny@mail.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ЭКОЛОГО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШКОЛЕ

В современном мире экологическая обстановка на планете вызывает определенное напряжение. Бурное развитие промышленности в XX веке негативно сказалось на состоянии окружающей природы. Одной из важнейших задач современного образования является просвещение населения о необходимости сохранения и защиты окружающей среды. В статье поднимается проблема экологического образования и просветительской деятельности, рассматривается ведущая роль педагога в формировании у школьников бережного отношения к природе. Рассматриваются формы и методы эколого-просветительской деятельности. В статье выделяются педагогические условия, способствующие эффективной подготовке будущих педагогов к эколого-просветительской деятельности. Особое внимание уделяется игровым технологиям активного обучения студентов.

Ключевые слова: педагог, образовательное учреждение, экология, эколого-просветительская деятельность, профессиональная подготовка, вуз, будущий учитель, педагогические условия, технологии активного обучения.

Право каждого человека на благоприятную окружающую среду для комфортного проживания прописано в конституции Российской Федерации. Это указывает на то, что сохранение и возрождение экологии необходимо не только в настоящем, но и в будущем, поэтому основная задача по сохранению окружающей среды возлагается на подрастающее поколение, на школьников. Актуальность реализации эколого-просветительской деятельности в образовательных учреждениях не вызывает сомнения, ее целью является экологическое воспитание населения, формирование экологической культуры у каждого обучающегося. Развитие всего человечества связано с использованием природных ресурсов, их сохранением, возобновлением, поэтому очень важно научить детей проявлять заботу об окружающей природе.

Трудно не огласиться с утверждением академика РАН Н.Н. Моисеева (президента Российского отделения «Зеленого креста», президента Российского национального комитета содействия Программе ООН по охране окружающей среды и пр.) о значении образования и роли педагога в судьбах народов и целых цивилизаций. Вся история развития человеческого общества заключается в непрерывной цепочке накопления и передачи определенных знаний, культуры и образованности из поколения в поколение. Учитель является центральной фигурой в истории человечества. Поэтому считаем, что и в формировании экологической культуры современного общества педагог играет не последнюю роль. Продолжая комментировать высказывания Н.Н. Моисеева, отметим, что будущее за теми нациями и государствами, которые обеспечат более высокий уровень образованности населения. От того, насколько следующие поколения смогут понять и реализовать собственную ответственность за будущее своей страны и даже Вселенной, будет зависеть это будущее.

Основное предназначение учителя заключается в том, что ему необходимо сформировать у современных детей новую нравственность, новые знания, менталитет и систему ценностей, направленные на бережное и уважительное отношение к природе своего родного края [1]. Поэтому учителю необходимо понимать и грамотно организовать свое профессиональное поведение, свою деятельность в частности по экологическому просвещению в школе. Реализация эколого-просветительской деятельности в образовательном учреждении должна носить систематический, планомерный, тщательно продуманный и грамотный характер. Все это требует от педагога, реализующего данное направление в своей профессиональной деятельности, владения необходимыми компетенциями, среди которых преобладающими должны быть глубокие знания в области экологии (в масштабе целой планеты или отдельного населенного пунк-

та) и умение убеждать обучающихся в необходимости сохранения окружающей среды. Педагог должен осуществлять экологическое просвещение через различные формы и методы работы. Так, эколого-просветительская деятельность в образовательном учреждении может реализоваться путем включения экологических сведений как элементов учебного материала в уроки или через проведение различных внеклассных мероприятий. Это могут быть доклады, рефераты и статьи по отдельным экологическим темам, которые могут быть представлены как на уроке, так и в школьных, городских, районных, межрегиональных и других конференциях; выступления на конкурсах по соответствующей тематике, семинары, круглые столы, пресс-конференции на уровне класса, образовательного учреждения или определенной территории; видеофильмы, которые могут демонстрироваться на уроке, или созданные самими детьми сюжеты и передачи по экологической тематике; викторины, олимпиады, слеты, профильные смены в детских оздоровительных лагерях; участие школьников в экологических акциях, экологических кампаниях, программах, проектах, форумах, выставках, клубах, проводимых как образовательным учреждением, так и другими организациями.

Таким образом, реализация такого направления просветительской деятельности как экологическое просвещение в школе требует от педагога научно-теоретической и практико-ориентированной подготовленности. Это в свою очередь накладывает определенные обязательства на осуществление профессиональной подготовки будущего педагога в вузе, так как в современных условиях отмечается слабая подготовленность учителей, работающих в школах, по данному направлению. Такие выводы мы неоднократно обнаруживаем в научной литературе [2; 3].

Нами были проведено исследование, направленное на выявление затруднений педагогов в области эколого-просветительской деятельности. В исследовании приняло участие 34 учителя химии и биологии муниципальных образовательных учреждений средних образовательных школ города Грозного. В результате опроса были получены следующие данные: 73% респондентов высказались о наличии затруднений в реализации эколого-просветительской деятельности, из них 66% реализуют отдельные элементы эколого-просветительской деятельности в рамках урочной системы (непосредственно на уроках химии, биологии, экологии или географии) и лишь 34% участвуют в реализации внеклассных мероприятий по данной тематике. Причем не зависимо от формы работы каждый педагог высказался о сложности реализации эколого-просветительской деятельности в связи с недостаточной подготовленностью по данному вопросу, либо неумением организовать сотрудничество с учреждениями и организациями, осуществляющими экологическое просвещение населения.

В этой связи выявление актуальных затруднений позволило определить основные направления профессиональной подготовки будущего учителя. В данном случае вопрос пойдет о создании педагогических условий, позволяющих сформировать у студентов компетенции, необходимые для осуществления эколого-просветительской деятельности в школе. Исходя из необходимости формирования определенных условий, способствующих эффективной подготовке будущего педагога к экологическому просвещению, рассмотрим сами понятия «условие» и «педагогические условия».

Большинство педагогических систем оптимально функционируют и развиваются, если соблюдаются определенные условия. В философской литературе понятие «условие» рассматривается как среда, в которой находится и без которой не может существовать предмет или явление; обстановка, в которой что-либо происходит; требования, из которых необходимо исходить [4]. В психолого-педагогической литературе термин «условие» определяется как основа, определенные обстоятельства, способствующие достижению намеченных целей или, наоборот, в некоторой мере препятствующие их достижению.

Понимая педагогические условия как нечто необходимое для эффективного функционирования определенного явления, остановимся на ведущих из них. По утверждению ряда специалистов главным недостатком подготовки современных выпускников является разрыв между теоретическими знаниями и умением применять их на практике [5; 6]. О.А. Абдулина утверждает, что организация деятельности будущих педагогов предполагает комплексное сочетание учебно-познавательной, учебно-практической, а также самостоятельной практической деятельности. По нашему мнению, с целью активизации познавательной деятельности, необходимо применять в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов технологии активного обучения (ТАО), классификация которых представлена ниже (Таблица 1).

Реализация большинства методов данной технологии позволяет через деятельностную форму занятия освоить и расширить представления будущих педагогов об экологическом образовании, экологической культуре. Особую роль, по нашему мнению, играют имитационные игровые и неигровые технологии.

Таким образом, первым педагогическим условием, способствующим эффективной подготовке будущих педагогов к эколого-просветительской деятельности будет применение игровых технологий, включающих в себя набор методов, отраженных в таблице 1. Метод *разыгрывания ролей* позволяет на занятиях со студентами сформировать коммуникативную компетентность, поведенческие умения профессионального и социального характера, так необходимые педагогу. Отработка в диалогах различных приемов коммуникации, техник вербального и невербального общения, элементов ораторского искусства, в частности приемов убеждения, позволяет студентам проиграть различные роли, с которыми они могут столкнуться в профессиональной деятельности. При реализации эколого-просветительской деятельности педагоги в школе должны быть ориентированы не только на самостоятельную деятельность в данном направлении, но и вовлекать различных участников образовательного процесса, поэтому коммуникативные умения им будут необходимы.

Важно понимать, что действиями отдельного педагога, силами образовательного учреждения проблему формирования экологической культуры обучающихся не решить, педагоги школ

должны быть ориентированы на взаимодействие с различными организациями и учреждениями, участвующими в экологическом образовании населения. Это показывает социальную значимость вопроса экологической безопасности страны, формирует потребность школьников в получении экологических знаний. Поэтому такой метод как *стажировка с исполнением должностной роли* позволит студентам познакомиться через практико-ориентированные формы с организациями (музеи, библиотеки, заповедники, учреждения культуры, зоопарки, природоохранные учреждения и службы, комитеты по экологии, общественные организации, организации спорта и туризма, средства массовой информации), в деятельность которых также входит экологическое просвещение. Таким образом, процесс обучения позволяет будущему педагогу максимально приблизиться к реальной профессиональной ситуации.

Применение на занятиях со студентами такого метода работы как *имитационный тренинг* также поможет освоить будущим педагогам различные формы эколого-просветительской деятельности: участие в экологических акциях, экологических кампаниях, программах, форумах, выставках, конкурсах, рейдах, клубах, олимпиадах, праздниках и прочее. В данном случае имитируется ситуация из профессиональной деятельности, где студенты отработывают свои знания.

Такой метод как *игровое проектирование* также будет полезно применять в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов. К примеру, одной из форм эколого-просветительской деятельности является подготовка докладов, статей, видеосообщений по экологической тематике, что по сути своей является проектом, так как основная идея отражается в конкретном продукте деятельности. Только освоив на занятиях в высшей школе проектную деятельность, педагоги смогут эффективно ее донести до школьников с целью совершенствования форм эколого-просветительской деятельности. Как правило, проекты, реализуемые образовательными учреждениями по экологической тематике, затрагивают темы локальных экологических проблем, которые в дальнейшем участвуют в конкурсах социальных и культурных проектов. Проекты могут быть как индивидуальными, так и групповыми, игровое проектирование становится значимым, если отрабатывать реальную ситуацию, встречающуюся в профессиональной деятельности педагога.

Особенности *дидактической игры* как метода обучения заключаются в моделировании ситуаций с целью воссоздания и усвоения профессионального и социального опыта. Благодаря такому способу обучения у студентов происходит накопление, трансформация и актуализация знаний в компетенции, аккумуляция опыта личности и ее профессиональное развитие. Студенту важно понимать, что сформировать сознательную гражданскую позицию у обучающегося и бережное отношение к природе сложно лишь через заучивание материалов учебников по биологии и экологии. Только проигрывая многие ситуации, ребенок начинает понимать их актуальность.

Второе педагогическое условие, способствующее эффективной подготовке будущих педагогов к эколого-просветительской деятельности в школе, – это использование на занятиях неигровых технологий, в частности *анализ конкретных ситуаций по экологической тематике* и по межличностному взаимодействию в процессе реализации просветительской деятельности. Метод анализа конкретных ситуаций очень ценен для будущего педагога потому, что он состоит в изучении и принятии решений по ситуации, которая возникла или может возникнуть в результате определенных событий в тот или иной момент. Ана-

Таблица 1

Классификация технологий активного обучения

Имитационные технологии					
Игровые технологии					Неигровые технологии
Разыгрывание ролей	Стажировка с исполнением должностной роли	Имитационный тренинг	Игровое проектирование	Дидактическая игра	Разновидности конкретных ситуаций
Неимитационные технологии					
Курсовая работа	Стажировка без выполнения должностной роли	Выездное занятие с дискуссией	Дискуссия с мозговой атакой и без нее	Программированное обучение	Проблемная лекция

лиз конкретной ситуации в процессе профессиональной подготовки в вузе – это глубокое и детальное исследование реальной или искусственной обстановки, осуществляемое для того, чтобы выявить ее характерные свойства. Данный метод способствует развитию аналитического мышления студентов в вузе, формирует системный подход к решению проблемы, позволяет выделять варианты правильных и ошибочных решений, помогает выбирать критерии нахождения оптимального решения, содействует формированию умений устанавливать деловые и профессиональные контакты, принимать коллективные решения, а также устранять конфликты [7]. Считаем обоснованным использовать на учебном занятии следующие виды ситуаций: ситуация-проблема, где студенты ищут причину возникновения ситуации, выявляют и разрешают проблему; ситуация-оценка, в ней слушатели дают определенную оценку принятым решениям; ситуация-иллюстрация, в которой обучаемые обретают примеры по ведущим темам курса на основании исследованных проблем; ситуация-упражнение, в которой будущие педагоги упражняются в решении нетрудных задач [8].

Мастерство будущего педагога заключается в умении превратить ситуацию в педагогическую задачу, тем самым направить сложившиеся условия на перестройку отношений, приближаясь к поставленной цели. Выбор необходимых учебных ситуаций – достаточно сложная задача для преподавателя. Поэтому необходимо ориентироваться на следующие требования: сценарий ситуации должен быть реалистичным, соответствующим экологической тематике; в учебной ситуации должно быть около 5-7 моментов, которые будущие педагоги могут выделить и интерпретировать в свете изучаемой ими темы занятия; учебная ситуация должна интегрировать знания из других смежных областей или курсов. Таким образом, в процессе подготовки будущего педагога важно использовать такие технологии обуче-

ния, которые бы не только активизировали мыслительную деятельность или способствовали более эффективному усвоению студентами материала, а способствовали формированию у них качеств, позволяющих ориентироваться в разных жизненных ситуациях, разрешая их как задачи на занятии.

По нашему мнению, выделенные педагогические условия, оптимизируют процесс профессиональной подготовки будущих педагогов к эколого-просветительской деятельности. Работая со студентами в вузе, важно понимать, что в решении проблем охраны окружающей среды ведущая роль принадлежит образованию. Каждый ребенок должен знать, к чему может привести беспечное отношение к природе; он должен быть информирован о заболеваниях, вызванных загрязнением среды; о гибели растений и животных; снижении плодородия почвы; об ограниченности запасов питьевой воды и других ресурсов природы [9]. Донести эту информацию сможет только компетентный педагог, который получив информацию, необходимую для организации экологического просвещения в школе, имеет и собственную систему убеждений и ценностей. Понимая к каким негативным изменениям окружающей среды могут привести его действия, ребенок меняет свое отношение и поведение по отношению к окружающему его миру. В формировании системы мировоззрения общества решающую роль играет современный педагог, поэтому перед высшей школой стоит серьезная задача подготовки компетентных специалистов, осуществляющих эколого-просветительскую деятельность в образовательном учреждении. Однако сама по себе подготовка должна носить деятельностный характер, формируя смыслообразующие мотивы эколого-просветительской деятельности у будущего педагога. Обучению в вузе через деятельность способствует реализация на занятиях игровых и неигровых имитационных технологий.

Библиографический список

1. Моисеев, Н.Н. Время определять национальные цели. – М., 1997.
2. Абатуров, Е.И. Педагогические возможности интеграции учебной и внеучебной деятельности для воспитания экологической культуры подростков / Е.И. Абатуров, Д.Ф. Ильясов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5 [Э/р]. – Р/д: <http://www.science-education.ru/105-7237>
3. Абатуров, Е.И. Формирование экологической культуры учащихся основной школы: особенности построения системы педагогического содействия // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6(31). – Ч. 1.
4. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Коралева, В.А. Лутченко. – М., 2003.
5. Абдулина, О.А. Педагогическая практика студентов: учеб. пособие для педагогических институтов. – М., 2009.
6. Вербицкий, А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М., 2004.
7. Лаврентьев, Г.В. Инновационные обучающие технологии профессиональной подготовке специалистов. – Барнаул, 2002. – Ч. 2.
8. Дроздова, Г.В. Современные технологии образования // Среднее профессиональное образование. – 2007. – № 9.
9. Акимова, Т.А. Экология. Природа – Человек – Техника: учебник / под общ. ред. А.П. Кузмина. – М., 2007.

Bibliography

1. Moiseev, N.N. Vremya opredelyatj nacionaljnihe celi. – M., 1997.
2. Abaturov, E.I. Pedagogicheskie vozmozhnosti integracii uchebnoj i vneuchebnoj deyatel'nosti dlya vospitaniya ehkologicheskoy kul'turij podrostkov / E.I. Abaturov, D.F. Il'jasov // Sovremennihe problemih nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 5 [Eh/r]. – R/d: <http://www.science-education.ru/105-7237>
3. Abaturov, E.I. Formirovanie ehkologicheskoy kul'turij uchathikhsya osnovnoj shkoli: osobennosti postroeniya sistemih pedagogicheskogo soдейstviya // Mir nauki, kul'turij, obrazovaniya. – 2011. – № 6(31). – Ch. 1.
4. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovarj / red.-sost. E.F. Gubskij, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. – M., 2003.
5. Abdulina, O.A. Pedagogicheskaya praktika studentov: ucheb. posobie dlya pedagogicheskikh institutov. – M., 2009.
6. Verbitskij, A.A. Kompetentnostnij podkhod i teoriya kontekstnogo obucheniya. – M., 2004.
7. Lavrentjev, G.V. Innovacionnihe obuchayuthie tekhnologii professional'noj podgotovke specialistov. – Barnaul, 2002. – Ch. 2.
8. Drozdova, G.V. Sovremennihe tekhnologii obrazovaniya // Srednee professional'noe obrazovanie. – 2007. – № 9.
9. Akimova, T.A. Ehkologiya. Priroda – Chelovek – Tekhnika: uchebnik / pod obth. red. A.P. Kuzmina. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 378.091.398

Ilyasov D.F., Ilyasova O.A. **BENCHMARKING IN THE CONTINUING PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF THE GENERAL EDUCATION SCHOOL TEACHERS.** The article presents the idea of using benchmarking in the continuing professional development of the general education school teacher. Benchmarking is interpreted in terms of identification of the best examples of teaching practice and possibilities of using them in the teachers professional activities. The article consider teachers individual role in interpreting valuable experience of colleagues, ways to improve it. The benchmarking principles are presented: the focus on achieving quality of general education, interest in pupils achieving new educational results, the systematic use of benchmarking, «competitors database» formation, the correct use of Competitive Intelligence. The effective ways for teachers to use benchmarking for continuing professional development are described.

Key words: Teacher, general education school, continuing professional development, quality of general education, benchmarking, Competitive Intelligence, «Ideas Notebook».

Д.Ф. Ильясов, д-р пед. наук, проф., зав. каф. педагогики и психологии Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования, г. Челябинск, E-mail: dinaf_chel@mail.ru; О.А. Ильясова, д-р пед. наук, проф., каф. управления, экономики и права Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования, г. Челябинск, E-mail: ilyasoval@mail.ru

БЕНЧМАРКИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НЕПРЕРЫВНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ПЕДАГОГОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В статье изложена идея использования бенчмаркинговых технологий в непрерывном профессиональном развитии педагогов общеобразовательной школы. Бенчмаркинговые технологии проинтерпретированы с точки зрения выявления педагогом «лучших образцов» педагогической практики и возможностей использования в собственной профессиональной деятельности. Показана субъектная роль педагога в истолковании ценного опыта коллег, способов его усовершенствования. Представлены принципы применения бенчмаркинговых технологий, среди которых: нацеленность на достижение качества общего образования, заинтересованность в достижении учащимися новых образовательных результатов, систематическое использование бенчмаркинг-инструментов, формирование «конкурентной базы данных», корректное использование методов деловой разведки. Показаны пути эффективного использования педагогами бенчмаркинговых технологий для непрерывного профессионального развития.

Ключевые слова: педагог, общеобразовательная школа, непрерывное профессиональное развитие, качество общего образования, бенчмаркинг, бенчмаркинговые технологии, деловая разведка, «блокнот идей».

Высокие требования к уровню профессионализма педагогов школы предъявлялись повсеместно и во все времена. Суть этих требований излагалась в различных редакциях и контекстах и сводилась примерно к следующему: быть конкурентоспособным, уметь адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям школьной жизни и обеспечивать высокий уровень подготовки школьников. Сегодня же такие требования преломляются сквозь призму достижения современного качества общего образования. Поэтому организация и осуществление непрерывного профессионального развития педагогов удачно вписывается в номенклатуру актуальных проблем современной педагогической науки и практики.

В общих чертах непрерывное профессиональное развитие педагога состоит в его поступательном продвижении как специалиста в осуществляемом виде профессиональной деятельности и пролонгировано на протяжении всего жизненного пути, характеризующегося многообразием автономных тенденций и возможностей самореализации. Нередко содержание данного понятия раскрывается посредством таких словосочетаний, как «рекуррентное образование» или «перманентное образование». Иногда говорят и о континуальном образовании. В любом случае, в понимании непрерывного профессионального образования прослеживается несколько смыслов: а) возмещение или восполнение недополученных педагогом в ходе вузовского обучения знаний и способов практической деятельности; б) включение педагога в различные виды дополнительной профессиональной подготовки и переподготовки с целью асsekурации профессиональной мобильности; в) превентивное развитие педагога, его оперативная подготовка к эффективному решению новых педагогических задач. В данной статье предполагается рассмотрение феномена непрерывного профессионального развития именно в трех указанных значениях.

В педагогической теории и практике отрабатываются различные инструменты и способы непрерывного профессионального развития педагогов, среди которых есть весьма оригинальные и эффективные решения. Например, ранее нами была обоснована продуктивная идея использования принципов самообучающейся организации в практике обучения педагогического персонала общеобразовательной школы [1; 2]. В частности, отмечалось, что самообучающаяся организация имеет значительные преимущества перед традиционно осуществляемой методической работой. Такие преимущества проявляются в использовании эффекта обучения на собственном опыте, которое является одним из главных атрибутов самообучающейся организации [1, с. 154]. Несомненные преимущества самообучающейся организации делают стратегию обучения на собственном опыте привлекательной и расширяют возможности в осуществлении непрерывного профессионального обучения педагогических работников.

К числу таких уникальных решений мы также относим бенчмаркинговые технологии, которые являются сравнительно новым инструментом в обучении персонала. Бенчмаркинговые технологии в идеальной их интерпретации в реальных условиях дополнительного профессионального образования педагогов используются чрезвычайно редко. Обуславливается это тем, что соответствующие процессуальные средства не адаптированы к специфике школы. Тем более, что последняя, отличающаяся заметной колоритностью и многосторонностью совершающихся там процессов, фактически исключает возможность копирования опыта промышленных предприятий по использованию бенчмаркинговых технологий. Поэтому нужны особые педагогические и управленческие механизмы, которые позволили бы приспособить ресурсы бенчмаркинга для условий непрерывного профессионального развития педагогов.

В наиболее общем плане бенчмаркинг определяется как обнаружение или изыскание оптимальных методов и средств, с использованием которых удается значительно улучшить осуществляемую деятельность. Очевидно, под улучшением осуществляемой деятельности здесь понимается обеспечение требуемого качества соответствующей продукции. Учитывая повсеместную вовлеченность педагогов в достижение высокого качества общего образования, можно говорить о реальных перспективах использования технологии бенчмаркинга в образовательной сфере.

В более уточненных определениях бенчмаркинг отождествляется с сопоставлением процессов и продуктов какой-либо организации или предприятия с соответствующим процессом и продуктами конкурентов или организаций, которые занимают передовые позиции в сходной отрасли [3]. Данная точка зрения, пожалуй, является определяющей в понимании явления бенчмаркинга. Здесь важен не столько поиск лучших методов производства или осуществления какого-то процесса, сколько обнаружение этих методов у своих конкурентов.

Практика показывает, что генерирование новых идей и рационализаторских предложений зачастую оказывается затратным мероприятием. Причем затраты измеряются не только в финансовых единицах, но и во временных и интеллектуальных. И в этом плане весьма уместными могут оказаться инструменты бенчмаркинга, если, конечно, будут грамотно и эффективно применяться.

В научной литературе бенчмаркинг соотносится с одним из наиболее действенных маркетинговых средств [4]. Целесообразное применение его адаптированных приемов в практике профессиональной деятельности позволяет педагогу не только чутко улавливать основные тенденции и изменения во внутренней и внешней среде школы, но и предлагать эффективные педагогические решения, касающиеся собственного профессионального развития.

Со всей очевидностью можно утверждать, что школьная практика является благодатной средой для применения бенчмаркинг-инструментов. В образовательной сфере достаточно часто проводятся всевозможные научно-практические конференции, семинары, профессиональные конкурсы и презентации. Есть основания предполагать, что подобного рода мероприятия проводятся здесь намного чаще, чем, скажем, в экономической сфере или частном секторе. Именно в рамках участия в конференции или профессиональном конкурсе, независимо от его формы (активное или пассивное участие), у педагога существует потенциальная возможность получить полезную и нужную информацию о профессиональных достижениях своих коллег, которую при желании можно адаптировать для целей совершенствования собственной профессиональной деятельности.

Однако существует, на наш взгляд, очень «тонкая» проблема. Психологически педагог устроен таким образом, что на таких мероприятиях он стремится, прежде всего, продемонстрировать свои достижения. Идея же «посмотреть на других», как правило, уходит на задний план (далеко не всегда на второй).

Эта особенность, в определенном смысле, слабое место, не дает педагогу возможности увидеть все многообразие проявлений эффективных педагогических и методических решений и уникальных находок. Ситуация обостряется еще и тем, что поиск лучшего опыта не сводится только лишь к идентификации впечатляющих результатов. Здесь важно уяснить, какие педагогические решения или их последовательность обусловила появление такого уникального опыта. Эти моменты, характеризующие «природу» появления «лучших результатов», как правило, имеют завуалированный или латентный контекст. В случае, когда носитель «лучшего опыта», представляя его на профессиональном конкурсе или научно-практической конференции, не заинтересован, по различного рода мотивам, раскрывать природу появления своего опыта, речь идет о завуалированном контексте представления результатов. Когда же носитель опыта не может дать ему адекватное истолкование, например, в силу отсутствия опыта публичных выступлений или недостаточной компетентности, предполагается латентный контекст демонстрации результатов.

В любом случае бенчмаркинг-технологии, основным инструментом которых является глубокая аналитическая работа, позволяют установить ключевую идею опыта, лежащую в его основе причинно-следственные связи и, в конечном счете, обнаружить психолого-педагогические механизмы его появления. И здесь очень удачно вписывается определение бенчмаркинга как искусства установления того, что «другие делают лучше нас, и изучения, усовершенствования, применения их методов работы на практике» [5, с. 22]. Это позволяет говорить о бенчмаркинг-технологиях как комплексах организационных мер, направленных на поиск лучших образцов педагогической деятельности среди коллег, как своего, так и других образовательных учреждений, их изучение и осмысление, усовершенствование и применение в собственной практике.

Результативность бенчмаркинг-технологий состоит в том, что педагогическая деятельность становится более эффективной, если педагогом изучаются и внедряются в педагогическую практику лучшие и полезные педагогические методы и технологии других педагогов (коллег, в частности). Совершенно очевидно, что это будет стимулом для дальнейшего профессионального развития данного педагога и, как следствие, приводить к повышению качества общего образования.

В основе реализации бенчмаркинг-технологий лежит вполне определенная последовательность шагов. В научной литературе имеются удачные примеры интерпретации такой последовательности [5; 6; 7 и др.]. В обобщенном плане она может быть изложена следующими укрупненными шагами:

- определение педагогом объектов педагогического опыта для изучения, носителями которого являются коллеги, как своего, так и других образовательных учреждений; определение ведущей идеи такого опыта, установление его направленности на повышение эффективности осуществляемой профессиональной деятельности;

- проведение анализа собственной профессиональной деятельности и выбранного объекта по интересующему аспекту

Библиографический список

1. Ильясов, Д.Ф. Самообучающаяся организация как феномен и стратегия (на примере общеобразовательного учреждения) // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3(40).

в соответствии с заранее определенными критериями и показателями эффективности;

- составление программы собственного профессионального развития в части освоения нового аспекта профессиональной деятельности (или его совершенствования, модернизации) с целью повышения собственных конкурентных преимуществ.

Целостное представление о бенчмаркинг-технологиях может быть получено, если сформулировать ключевые положения (принципы), в соответствии с которыми может быть организована деятельность педагога по обнаружению, изучению и усовершенствованию «лучшего опыта» коллег или конкурентов. В качестве таких принципов мы предлагаем следующие установки:

1. Нацеленность педагога на достижение качества общего образования. Достижение качества осуществляемой деятельности, по сути, является основной целью применения бенчмаркинг-технологий. Направленность усилий педагога на соблюдение этого принципа предусматривает необходимость последовательной и системной работы по всем ключевым аспектам педагогической деятельности. Ослабление внимания к одному из них может, в конечном счете, нивелировать его усилия в достижении качества общего образования.

2. Заинтересованность педагога в достижении учащимися новых образовательных результатов. Данная установка тесно примыкает к концепции федеральных государственных образовательных стандартов общего образования, среди основных требований которых закреплены требования к результатам освоения учащимися основных образовательных программ. Соответственно формирование устойчивого интереса педагогов школы к обеспечению достижения учащимися таких результатов является одним из их конкурентных преимуществ, проводящих в жизнь стратегию бенчмаркинга.

3. Систематическое использование педагогом бенчмаркинг-инструментов. Ранее нами уже было установлено, что бенчмаркинг – это не разовое мероприятие, а непрерывный процесс, формат осуществления которого направлен на изучение ценного опыта педагогической практики во внешней и внутренней среде образовательного учреждения. Эффективно осуществляемая аналитическая работа, основанная на сопоставлении собственных образцов и опыта конкурентов, работающих в одном и том же сегменте, позволит педагогу не только преодолеть свои слабые места и издержки, но и получить вполне определенные конкурентные преимущества.

4. Формирование особой «конкурентной базы данных». Чтобы отыскать эффективное решение, важно владеть информацией об опыте своих коллег и конкурентов, которые достигают успеха в сходных условиях. Учитывая разноплановый характер принимаемых педагогических решений, а также ограниченность временных ресурсов, целесообразно предлагать составление специального «блокнота идей», в котором фиксируются наиболее интересные и ценные проявления педагогической практики. Совершенно очевидно, что в дальнейшем эти идеи могут быть правильно проинтерпретированы и при необходимости учтены (использованы) в реальных условиях педагогической практики.

5. Корректное использование методов деловой разведки. Существует мнение, что методы деловой разведки оправдывают себя в части получения необходимой информации. Однако при этом важно придерживаться принятых в образовании нормативных установок, имеющих не только правовую, но и нравственную основу. Их нарушение может приводить к деформации отношений педагога со своими коллегами и партнерами, что, естественно, выходит за рамки лучших традиций бенчмаркинга.

Таким образом, применение бенчмаркинг-технологий является действенным средством непрерывного профессионального развития педагогов. Основная идея их использования состоит в том, чтобы приобрести конкурентные преимущества существенно быстрее, чем другие педагоги (коллеги, партнеры, конкуренты). Среди организационных методов бенчмаркинг-технологий большое разнообразие инструментов, которые в большинстве своем базируются на глубокой аналитической работе. Педагогически правильное их использование в собственной практике позволяет педагогу стать более успешным в определенном аспекте осуществляемой им профессиональной деятельности.

2. Ильясов, Д.Ф. Концепция самообучающейся организации в отражении тенденций развития современной школы / Д.Ф. Ильясов, Н.У. Ярычев // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 4.
3. Котлер, Ф. Маркетинг. Менеджмент / Ф. Котлер, К. Келлер. – М., 2006.
4. Даулинг, Г.Р. Наука и искусство маркетинга: профессиональный взгляд на маркетинг. – СПб., 2006.
5. Градобоев, В.В. Формирование стратегии бенчмаркинга: зарубежный опыт и российская практика: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2007.
6. Евдокимова, Я. Ш. Бенчмаркинг как инструмент стратегического развития системы управления вузом: дис. ... канд. экон. наук. – Казань, 2007.
7. Леоненко, Е.И. Бенчмаркинг как инструмент повышения эффективности деятельности кооперативных организаций: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Новосибирск, 2007.

Bibliography

1. Ilyasov, D.F. Samoobuchayutayasya organizatsiya kak fenomen i strategiya (na primere obtheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya) // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2013. – № 3(40).
2. Ilyasov, D.F. Konceptsiya samoobuchayutheyjsya organizatsii v otrazhenii tendentsiy razvitiya sovremennoy shkoli / D.F. Ilyasov, N.U. Yarihchev // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2011. – № 4.
3. Kotler, F. Marketing. Menedzhment / F. Kotler, K. Keller. – M., 2006.
4. Dauling, G.R. Nauka i iskusstvo marketinga: professional'nij vzglyad na marketing. – SPb., 2006.
5. Gradoboev, V.V. Formirovanie strategii benchmarkinga: zarubezhniy opyt i rossiyskaya praktika: dis. ... kand. ehkon. nauk. – M., 2007.
6. Evdokimova, Ya. Sh. Benchmarking kak instrument strategicheskogo razvitiya sistemih upravleniya vuzom: dis. ... kand. ehkon. nauk. – Kazan', 2007.
7. Leonenko, E.I. Benchmarking kak instrument povihsheniya ehfektivnosti deyatel'nosti kooperativnihkh organizatsiy: avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk. – Novosibirsk, 2007.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 377+378

Naseretdinova E.B. MODEL OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL COMPETENCE OF TEACHERS OF COLLEGE IN THE CONDITIONS OF THE INNOVATIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT. The article presents the author's definition of innovative scientific and methodical work, scientific-methodical competence of teachers, the development model of scientific-methodical competence in the framework of professional development of teachers, pedagogical conditions of implementation of the model.

Key words: innovative scientific and methodical work, scientific and methodical competence, professional development of teachers, model, innovative educational environment, pedagogical conditions.

Э.Б. Насеретдинова, соискатель ЧИРПО, г. Челябинск, E-mail: misselly@mail.ru

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье представлены авторское определение инновационной научно-методической работы, научно-методической компетенции преподавателей, модель развития научно-методической компетенции в рамках повышения квалификации преподавателей и педагогические условия реализации модели.

Ключевые слова: инновационная научно-методическая работа, научно-методическая компетенция, повышение квалификации преподавателей, модель, инновационная образовательная среда, педагогические условия.

Переходя в режим инновационного развития, профессиональные образовательные организации СПО стремятся изменить специфику своей работы, включают в поиск нового содержания образования, осмысливают научно-методические основы образовательного процесса, работают над созданием учебников, учебно-методических и научно-методических пособий, методических материалов, пытаются обновить устаревшую систему работы с кадрами, повысить уровень методической помощи педагогам, усовершенствовать систему работы методических объединений, предметных кафедр и творческих мастерских, освоить новые формы методической работы.

Кардинальное изменение структуры методической службы по сравнению с традиционной – это требование, вызванное необходимостью совершенствования методической работы, переходом ее из сферы обеспечения образовательного процесса в сферу разработки и реализации образовательной политики, в сферу координации всех направлений учебно-методической, творческой, экспериментальной, инновационной деятельности профессионального учебного заведения. Именно поэтому методические службы профессиональных образовательных организаций СПО направлены на выполнение инновационной научно-методической работы.

В нашем понимании инновационная научно-методическая работа – это интегрированный процесс, ориентированный на внедрение новых принципов и методов эффективного управления образовательным процессом. Инновационная научно-методическая работа основывается на достижениях науки, передо-

вого педагогического опыта, на конкретном анализе образовательного процесса и проводимой исследовательской, экспериментальной деятельности. Результатом инновационной научно-методической работы является рост профессионального мастерства, развитие творческого потенциала педагога и педагогического коллектива, и, в конечном счете, рост уровня обученности, воспитанности, развития обучающихся [1].

Таким образом, в условиях модернизации системы образования предъявляются определенные требования к профессиональной компетенции педагогических работников. В профессиональных образовательных организациях СПО необходимы хорошо подготовленные специалисты, компетентные, социально-мобильные, ориентированные на созидательные преобразования, способные осмысленно, творчески подходить к решению инновационных задач. На сегодняшний день востребован педагог-исследователь, педагог-психолог, педагог-технолог, умеющий проводить диагностику, выстраивать реально достижимые цели и задачи деятельности, прогнозировать результат, творчески применять известные и разрабатывать авторские образовательные идеи, технологии, методические приемы. В новых условиях следует пересматривать содержание профессиональной компетентности, развивать его. Четкое понимание этой педагогической категории позволит организовать адекватные целям формирования новой профессиональной компетентности формы инновационной научно-методической деятельности в колледже, организовать реализацию системы мер по формированию и стимулированию развития профессиональной компетентности.

Как отмечают исследователи проблемы профессионально-педагогической компетентности (Н.В. Кузьмина, И.А. Зимняя, А.К. Маркова, В.Н. Введенский, М.И. Лукьянова, А.В. Хуторской, Г.С. Сухобская, О.Н. Шахматова, В.А. Сластенин и многие другие), профессиональную компетентность (от лат. *competens* – соответствующий, способный, сведущий) педагога правомерно рассматривать как комплексное понятие, которое объединяет знания (общие, предметные и специальные), навыки и умения осуществления профессиональной деятельности, качества личности (основанные на знаниях, умениях и опыте индивидуума), и, наконец, творческую самореализацию личности в профессиональном плане.

Анализируя профессиональную компетентность педагога, Н.В. Кузьмина считает, что ее следует рассматривать как свойство личности, позволяющее продуктивно решать воспитательно-образовательные задачи. То есть компетентность понимается как показатель, обеспечивающий профессиональную успешность. В качестве элементов такой компетентности она выделяет:

- специальную компетентность в области преподаваемой дисциплины;
- методическую компетентность в области способов формирования знаний, умений и навыков у учащихся;
- психолого-педагогическую компетентность в сфере обучения;
- дифференциально-психологическую компетентность в области мотивов, способностей, направленности обучаемых;
- рефлексию педагогической деятельности, или аутопсихологическую компетентность [2].

Таким образом, для повышения профессиональной компетентности актуальным становится повышение методической компетентности преподавателя.

В нашем исследовании мы подошли к проблеме развития научно-методической компетенции преподавателей колледжа в условиях инновационной образовательной среды.

Согласимся с мнением Е.Н. Солововой, которая определяет следующие элементы методической компетенции: 1) знания, навыки и умения; 2) способность и готовность их применять при осуществлении педагогической деятельности, которая базируется на профессионально значимых качествах личности; 3) способность к профессиональной рефлексии и самоанализу; 4) положительное эмоциональное отношение к профессии [3].

На основании вышеизложенного под научно-методической компетенцией (НМК) преподавателей профессиональных образовательных организаций СПО мы понимаем интегративную характеристику личностных, нравственных и деловых качеств преподавателя, выражающаяся в наличии научно-методических знаний, умений и способов деятельности, ценностного отношения к педагогической профессии, готовности и способности к научно-методическому самообразованию и самосовершенствованию, профессиональной рефлексии и самоанализу, готовности к творческой самореализации в педагогической деятельности.

И.А. Зимняя представляет актуальные компетентности через такие характеристики, как:

- готовность к проявлению компетентности (т.е. мотивационный аспект);
- владение знанием содержания компетентности (т.е. когнитивный аспект);
- опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (т.е. поведенческий аспект);
- отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения (ценностно-смысловой аспект);
- эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности [4, с. 25].

Исходя из данного утверждения, мы выделяем следующие структурные элементы научно-методической компетенции преподавателя:

- готовность к проявлению НМК, профессионально-личностные качества (т.е. мотивационно-личностный компонент);
- профессиональные знания и умения, культура педагогического мышления (т.е. когнитивный компонент);
- стимулирование опыта, способности применять средства НМК для решения профессиональных задач (т.е. операционально-деятельностный компонент);

С целью развития научно-методической компетентности необходимо менять структуру методической работы, включающую учебно-методическую работу и инновационную научно-методическую работу, в целом и систему повышения квалификации преподавателей в колледже в частности. Пересмотр повышения квалификации преподавателей в области научно-ме-

тодической работы, современных подходов к развитию научно-методической компетенции педагогов велся с учетом следующих факторов: разнородность слушательской аудитории, отсутствие у обучаемых четкой мотивации к учению, разнородность слушательской аудитории, отсутствие последовательности в программах повышения квалификации.

В решении проблемы нашего исследования была построена модель развития научно-методической компетенции преподавателей в рамках системы повышения квалификации (рис.1). Моделирование развития научно-методической компетенции преподавателей – это система, процесс и результат целенаправленной образовательной деятельности, осуществляемый в условиях инновационной образовательной среды, с целью повышения научно-методической компетенции педагогических работников. Результативность внедрения модели обеспечивают следующие педагогические условия: реализована инновационная образовательная среда, которая обеспечивает 1) внедрение системы менеджмента качества, опытно-экспериментальную деятельность и информационные технологии; 2) внедрение образовательной программы, осуществляющей индивидуальный и дифференцированный подходы по развитию НМК преподавателей; 3) выстраивание научно-методической работы колледжа на основе процессного подхода.

В нашем исследовании инновационная образовательная среда рассматривается как комплексная саморазвивающаяся открытая система, включающая в себя педагогические, организационно-управленческие, материальные условия, обеспечивающая инновационность колледжа, формирование профессиональной компетентности педагога, субъектной позиции обучающегося.

Создание среды зависит, прежде всего, от организационно-управленческих условий. К ним относятся как внешние условия, в которых работает профессиональная образовательная организация СПО (образовательная политика региона), так и внутренние условия, которые создаются в самом колледже (готовность коллектива к инновациям, система менеджмента качества образовательного учреждения, научно-экспериментальная деятельность, информационно-коммуникационные технологии).

Используя системный подход в качестве ведущего принципа построения модели исследования, наблюдаем коэволюционность системы развития НМК преподавателей с окружающей ее средой. В.П. Декия отмечает, что «в результате системного подхода получают объяснение механизмы самоорганизации, самосохранения и самовоспроизводства инновационных педагогических систем. В 60-е годы XX-го века создаётся новая концепция самоорганизации, названная впоследствии синергетикой. Сущность этого процесса заключается в том, что под влиянием окружающей социальной среды определённые её частички (люди, наиболее активно и прогрессивно мыслящие) начинают «колебаться» (думать) в одинаковой сфере, фазе и идейной плоскости. Вследствие этого между ними устанавливается согласованное взаимодействие, которое приводит к их корпоративному поведению, в конечном итоге к самоорганизации [5, с. 20]». Таким образом достигается синергетический эффект в работе преподавателей, при котором совокупный результат работы команды существенно превосходит сумму результатов отдельных исполнителей.

Деятельность педагога-исследователя выступает важным фактором формирования и развития инновационной образовательной среды профессиональной образовательной организации СПО. В свою очередь инновационная образовательная среда является условием эффективности инновационной деятельности профессиональной образовательной организации. Таким образом, инновационная образовательная среда преобразует содержание образования, активизирует традиционные и стимулирует развитие новых форм деятельности преподавателей и студентов, и, наоборот, сама среда развивается благодаря созидательным процессам, в которых участвуют и преподаватели и студенты.

Конечная цель реализации модели заключается в том, результатом развития научно-методической компетенции преподавателей должно стать достижение ими лучших результатов научно-методической деятельности. Преподаватели достигают высокого уровня психолого-педагогической и научно-методической подготовки, обладают творческим потенциалом, стремлением и способностью к постоянному саморазвитию и самосовершенствованию. Преподаватель превращается из объекта обучения и воспитания в субъект, формирующий сам себя.

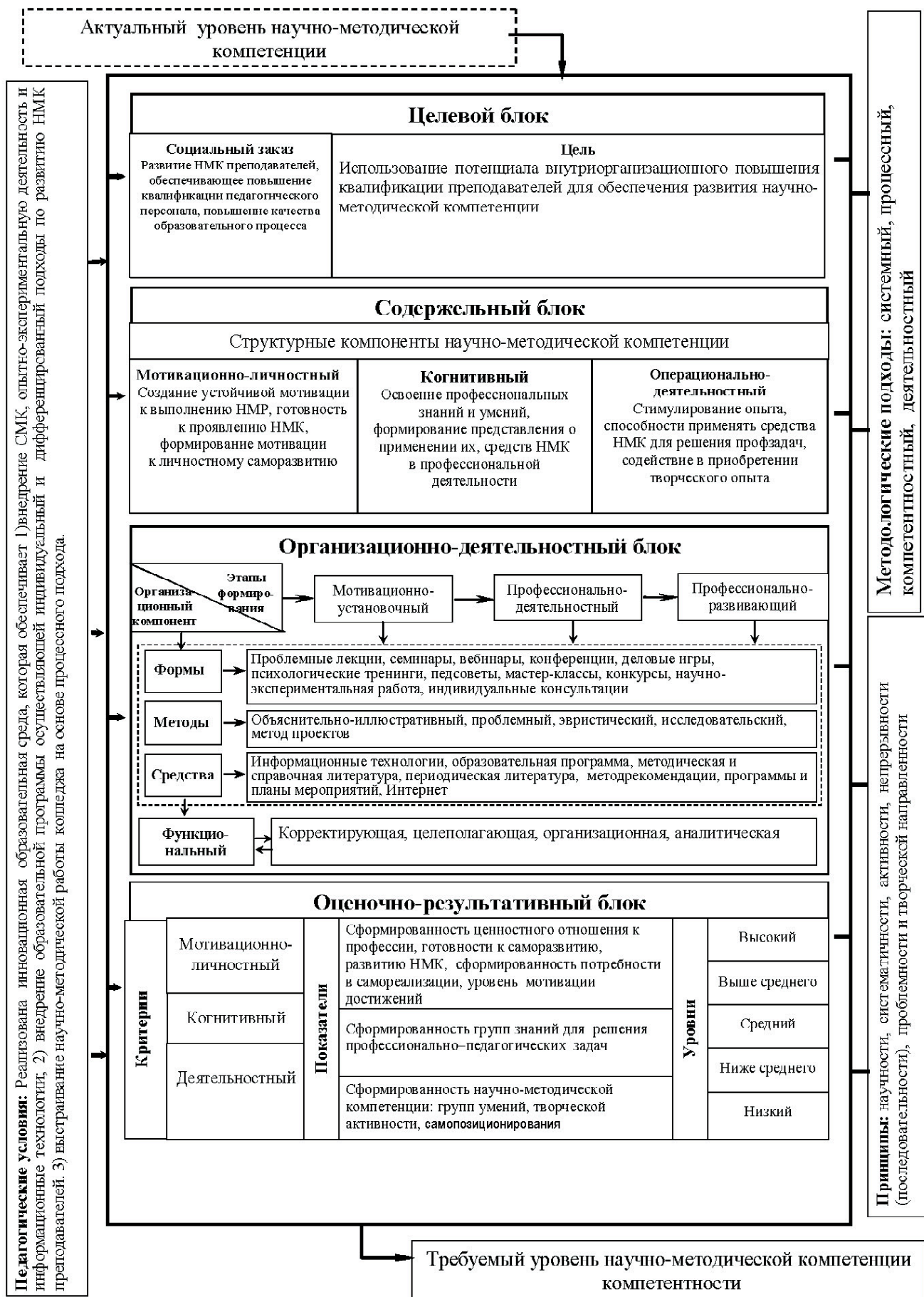

Рис. 1. Модель развития научно-методической компетенции преподавателей

Библиографический список

1. Макарова, Т.Н. Планирование и организация методической работы в школе. – М., 2002. – Ч. 2.
2. Кузьмина, Н.В. Профессионализм личности преподавателя. – М., 1990.
3. Соловова, Е.Н. Интегративно-рефлексивный подход к формированию методической компетенции преподавателя иностранного языка: дис. д-ра пед. наук. – М., 2004.
4. Зимняя, И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. – М., 2004.
5. Делия, В.П. Формирование и развитие инновационной образовательной среды гуманитарного вуза: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2007.

Bibliography

1. Makarova, T.N. Planirovanie i organizaciya metodicheskoy raboty v shkole. – M., 2002. – Ch. 2.
2. Kuzmina, N.V. Professionalizm lichnosti prepodavatelya. – M., 1990.
3. Solovova, E.N. Integrativno-refleksivniy podkhod k formirovaniyu metodicheskoy kompetencii prepodavatelya inostrannogo yazyhka: dis. d-ra ped. nauk. – M., 2004.
4. Zimnyaya, I.A. Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. Avtorskaya versiya. – M., 2004.
5. Deliya, V.P. Formirovanie i razvitie innovacionnoy obrazovatel'noy sredy gumanitarnogo vuza: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – M., 2007.
Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 87.347:7

Bazyleva E.J., Sobolnikov V.V. PROBLEMS OF FORENSIC-PSYCHOLOGICAL EXAMINATION PERSONALITY IN AFFECTIVE SELF-DESTRUCTIVE SUICIDE. The article deals with the problematic issues of self-destructive examination of the person at the affective suicide. The focus is on the analysis of the concept of «affect» in the context of a legal, psychological and expert psychological aspects. Determined by a number of conceptual approaches to the implementation of effective technologies for expertise in suicide .

Key words: forensic psychological examination , self-destructive personality, affect.

Е.Ю. Базылева, магистр юридической психологии ФГБОУ ВПО НГПУ, г. Новосибирск, E-mail: Elenka2087@mail.ru; В.В. Собольников, д-р психол.наук, проф. ФГБОУ ВПО НГПУ, г. Новосибирск, E-mail: vsobolnikovis@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АУТОДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ АФФЕКТИВНОМ СУИЦИДЕ

В статье рассматриваются проблемные вопросы проведения экспертизы аутодеструктивной личности при аффективном суициде. Основное внимание уделяется анализу понятия «аффект» в контексте правового, психологического и экспертно-психологического аспектов. Определяется ряд концептуальных подходов к реализации эффективных технологий проведения экспертиз при суициде.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, аутодеструктивная личность, аффект.

Значимость проблем исследования аутодеструктивной личности и ее поведения обусловлена устойчивым ростом как самоубийств, так и суицидальных попыток [1]. Над построением психологического портрета личности суицидента длительное время работают представители различных специальностей (психологи, криминологи, криминалисты, психиатры и др.), в том числе и эксперты-психологи. Трудности теоретического обобщения и эмпирической проработки имеющихся результатов обусловлены сложностью объекта исследования личности при аффективном суициде и возможностью маскировки умышленного убийства. В тоже время, при проведении судебно-экспертного исследования, перед экспертом-психологом не ставится задача создания полного психологического портрета личности. Скорее изучается лицо, действия которого квалифицируются как суицидные, что предполагает установить существенные психологические особенности, проявившиеся в криминальной ситуации. В этом случае велика вероятность экспертной ошибки в деятельности психолога, когда его суждения как эксперта-психолога могут несоответствовать объективной действительности. Возможность искажения результатов определения психической деятельности в юридически значимой ситуации усиливается при аффективном суициде. Изложенное актуализирует рассматриваемые нами проблемы судебно-психологической экспертизы аутодеструктивной личности при аффективном суициде.

Аутодеструкция представляет собой аномальное состояние личности, выражающееся в стремлении индивида к саморазрушению вследствие искажения процесса его социализации. В имеющейся литературе [2] просматривается целый ряд эквивалентных форм саморазрушения личности (наркомания, ток-

сикомания, алкоголизм, членовредительство, бессодержательное времяпрепровождение, одиночество и т.д.). Однако, для практики судебно-психологической экспертизы наиболее важным, на наш взгляд, является аффективный суицид, где поведение суицидента обусловлено необычайно сильным аффектом, возникшим в результате внезапного острого психотравмирующего события или под влиянием аккумуляции хронических психотравм. Для аффективного суицидального поведения характерны чрезвычайная сила проявления, своеобразие восприятия и осмысления окружающего, как правило, с элементами дезорганизации и сужением сознания. Динамика аффективного суицида отличается значительной интенсивностью, поэтому предшествующий суициду период времени незначителен. При этом, следует уточнить, что большинство психологов суицидальные действия рассматриваются как основные, если не единственные, проявления аутодеструкции. Такое понимание способно причинить существенный вред личности, поскольку оставляет вне поля зрения негативное влияние ранее перечисленных форм саморазрушения. Более того, при отсутствии у следственных органов четкой уверенности в наличии факта самоубийства (а не убийства или несчастного случая) экспертное заключение могло бы играть важную роль для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность суицидента.

Выявление возможного наличия связей различных психических свойств и состояний суицидента с событиями, имеющими существенное значение для следствия и суда, является важным. Однако, судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, покончившего жизнь самоубийством, назначается только при доказанности самого факта самоубийства

и действий (угрозы, жестоко обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего) со стороны обвиняемых, для квалификации ст. 110, или для установления обстоятельства, отягчающего ответственность (п. «б» ст. 63 УК РФ), наступившего вследствие изнасилования (ст. 131 УК РФ). В ситуации предположительного вывода следственных органов о самоубийстве данный вид экспертизы имеет значение для выяснения обстоятельств, характеризующих личность подэкспертного. Однако, в этом случае, экспертные выводы не могут служить доказательством при определении рода смерти. Вместе с тем, в процессе исследования аффективного суицида является важным определение психического состояния суицидента в период, предшествовавший самоубийству, а также наличия причинно-следственной связи, что приобретает правовое значение [3, с. 3-8]. В плане изложенного очевидно просматривается необходимость расширения перечня уголовных дел, по которым может быть назначена судебно-психологическая экспертиза.

В этой связи наиболее значимым является применение психологических знаний (в том числе и проведение СПЭ), лицами, ведущими производство по уголовным делам или участвующими в нем. Поэтому, безусловный интерес представляют психологические особенности суицидентов. Выделяют пассивную (суицидальные мысли, переживания, представления и фантазии на тему своей смерти) и активную (суицидальные намерения и замыслы, включающие проработку плана действий, избрание способа суицида, его исполнения, время и место его совершения) формы внутреннего суицидального поведения. При этом, наличие волевого компонента сущности определяет активную форму, обеспечивая тем самым суициденту переход от замысла к реализации. Характеристикой этого процесса становится отражение форм суицидального поведения в структуре личностных переживаний, осуществляемой в рамках двум диаметрально противоположных ценностей: собственной жизни и смерти [4, с. 97]. Отношения к жизни (отвращение к жизни, переживание ее тягостности и невыносимости, чувство сожаления о своем существовании, ощущение безразличия) и смерти (ощущение безразличия, страх смерти, чувство внутреннего согласия на смерть, ее желание и стремление к ней) обретают различные сочетания, выделяя множество вариантов суицида.

Анализ имеющейся литературы [5] позволяет выделить следующие варианты: имитация самоубийства обретает свою завершенность в виде косвенного убийства (самоубийство по принуждению, доведение до самоубийства) и, собственно, имитации самоубийства (демонстрация в целях провокации или шантажа). Естественная смерть, может иметь признаки самоубийства, но летальный исход может наступить по не зависящим от умершего причинам. Так, смерть может наступить не только в результате несчастного случая, но и естественной смерти в результате иных причин (старость, болезнь и пр.). Истинное убийство, как правило, представляет собой акт самоубийства по собственному волеизъявлению в рамках: рационального (продуманного) самоубийства, рационального аффективного самоубийства, рационального неаффективного (по религиозным, философским и другим основаниям), самоубийства в виде самоубийства по неосторожности и импульсивного аффективного самоубийства [6]. В последнем случае суицидальное решение, очевидно, возникало на высоте аффекта, мгновенно. На принятие решения время практически отсутствует, а мысль о суициде зарождается внезапно для самих пациентов. В пресуициде под влиянием аффективного напряжения фиксируется тяжесть психического состояния суицидента, что и приводит в момент суицида к ослаблению сознания [7, с. 236-249]. При этом включение психологических знаний в систему правоприменения, необходимость психологического анализа содержания должного круга фактов, явлений и процессов, имеющих правовое значение, является определяющим. Реализация сопоставительного анализа юридических фактов, представляющих интерес для экспертизы с позиции как психологии, так и права, а также разработка экспертно-психологического подхода, обусловлена их востребованностью и реальной значимостью для уголовного судопроизводства.

Приведенная выше систематизация суицида предполагает реализацию в случае проведения экспертизы различных версионных стратегий. Вместе с тем, актуальной задачей судебно-психологической экспертизы в таких случаях является установление наличия или отсутствия у суицидента в период, предшествовав-

ший смерти, аффективного состояния, предрасполагавшего к самоубийству. При обнаружении у лица признаков такого состояния, возникает потребность выявления их возможных причин.

Дальнейшее обсуждение суицида невозможно без анализа аффекта, как значимого элемента суицидального поведения. В условиях психотравмирующей ситуации (суицидогенного конфликта) актуализируются пересекающиеся витальные и гностические инстинкты. В психологическом плане происходит борьба бессознательных влечений с вытесненным идеальным «Я». Аффект (от лат. affectus – душевное волнение, страсть) представляет собой «сильное и сравнительно кратковременное чувственно-эмотивное состояние индивида, связанное с резко-амплитудной трансформацией, значимых для субъекта жизненных ситуаций, эпизодов обстоятельств, которое может функционировать-сопровождаться с экспрессивно-выраженными кинетическими проявлениями и метаболизациями в внутренних органах, в самом гомеостазе индивида» [8, с. 39]. Наряду с психологическим, в науке сложилось правовое понятие аффекта – как внезапно возникшее сильное душевное волнение (собственно, физиологический аффект), вызванное травмирующими переживаниями, в котором суицидент считается вменяемым или ограниченно вменяемым; а также психиатрическое – настроение (как во внешнем выражении, так и во внутреннем восприятии), степень выраженности эмоций, либо эмоциональный процесс в целом. Очевидно в юриспруденции понятие «физиологический аффект» вполне соотносится с понятием «сильное душевное волнение», когда в психологии данные термины разграничивают. Их отождествление невозможно по причине, что первое относится к психологическим категориям, а второе – к правовым и может включать в себя кроме физиологического аффекта иные психические состояния. Более того, физиологический аффект в психологии рассматривается как эмоциональное состояние, которое может возникнуть у психически здорового человека в состоянии конфликта. В собственном смысле понятия как «сильное душевное волнение», так и «аффект» могут иметь значение любого эмоционального состояния, которое достигло такой силы, что привело к выпадению из-под контроля сознания личности. Состояние сильного душевного волнения должно быть внезапно возникшим и тесно связано с возникновением мотива, имеющего смысловое содержание.

Наряду с изложенным, выделяют и экспертно-психологическое понимание аффекта как эмоциональных реакций и состояний, которые обусловлены противоправным или аморальным воздействием на потерпевшего или связанных с ними длительными психотравмирующими ситуациями [9, с. 12]. В частности, Ф.С. Сафуановым высказана идея необходимости четкого ограничения аффекта в правовом, психологическом, психиатрическом и судебно-экспертном понимании. При этом, им было справедливо подчеркнuto, что последнее является «трансформацией общепсихологических категорий и занимает промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами». Действительно, в условиях терминологической двойственности аффектированный умысел может трактоваться различно – и как научно-психологическое понятие, и как юридическое понятие. Однако, перспективным, на наш взгляд, является только экспертно-психологическое понимание аффекта. В этом случае, судебное толкование аффектированного мотива должно быть основано лишь на здравом смысле и субъективном отношении следственных органов к виду психотравмирующей ситуации, личности суицидента и заключении судебно-психологической экспертизы. Установление аффекта в контексте экспертно-психологического его понимания при помощи экспертизы отвечает принципу справедливости.

В контексте изложенного, острый психологический кризис в котором пребывает личность, при отсутствии в нем психопатологической компоненты, может развиваться внезапно, под влиянием внезапных психотравмирующих событий значительной интенсивности, либо иметь длительный характер, постепенно акмулируя негативные переживания. Очевидно, что состояние сильного душевного волнения должно быть внезапно возникшим и тесно связано с возникновением мотива, имеющего смысловое содержание. Смысл суицида может раскрыть аффективность характера самой аутодеструкции, основой которого является эмоциональное напряжение. Поэтому, реакция суицидента на снятие такого напряжения, например, в ситуации аффекта, либо длительной психотравмы раскрывает сущность психологичес-

кого смысла самоубийства. Следовательно, кризис, имея аффектогенную природу и будучи физиологическим аффектом, всегда обладает аутонаправленностью. По этой причине возникает потребность установления более четких границ «аффекта», где аффектированный мотив представляется с поправкой на особое эмоциональное состояние в аутодеструктивном поведении при аффективных расстройств. Важной составляющей этого процесса может стать исследование личностных переживаний суицидента, протекающих в рамках двух диаметрально противоположных ценностей: собственной жизни и смерти, мотивирующих личность на аутодеструктивное поведение. Необходимым дополнением к тому является понимание реализации суицида с помощью механизмов в виде наивысшего уровня эмоционального возбуждения либо разрядки накопленного эмоционального напряжения.

Анализ практики суицида показывает высокую частоту и психологически понятную ситуацию, когда аутодеструктивное поведение, включая их эквиваленты (токсикоманию, наркоманию и т.д.) представляют собой патологическую инверсию (извращение) инстинкта самосохранения. При этом происходит разрушение личности (неудовлетворенное реальное «Я») при

сохранении «Я-идеальное» [10, с. 19]. В своем большинстве аутодеструктивное поведение формируется в рамках внезапного разрушения ожиданий по отношению к ситуации (привычной внутренней картины мира), что воспринимается субъектом как явная несправедливость. Наличие импульсивности и аффективно суженного сознания способствуют реализации аутодеструктивных действий. Отличительной чертой развития аутодеструктивных эквивалентов становится наличие длительно сохраняющегося внутриличностного конфликта (неудовлетворенности вследствие неадекватной самореализации) [11, с. 88-102] и проявляется в ярко выраженных тревожно-фобических, ипохондрических, диссоциативных расстройствах и т.д. [12, с. 149-150].

Судебно-психологическая экспертиза аутодеструктивной личности при аффекте является одним из наиболее важных и ответственных направлений практического применения психологии. Качество проведения экспертизы определяется квалификацией эксперта-психолога, уровнем развития психологической науки и внедрения ее достижений в судебно-психологическую практику. Эффективность экспертизы требует пристального внимания к научной проработке этой сферы психологических знаний.

Библиографический список

1. Опенко, Т.Г. Системный анализ феномена самоубийства. – Новосибирск, 2009.
2. Коченов, М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Сафуанов, Ф.С. Судебно-психиатрическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. – М., 1998; Антропология деструктивности: коллект. монография // П.Е.Суслонов, В.В. Собольников, К.В. Злоказов и др. – Екатеринбург, 2012; Шнейдман, Э.С. Душа самоубийцы / пер.с англ. – М., 2001.
3. Кудрявцев, И.А. Некоторые клинические особенности и психологические механизмы регуляции поведения у психопатических личностей в состояниях эмоциональной напряженности / И.А. Кудрявцев, А.Н. Лавринович, Ф.С. Сафуанов, М.Б. Ерохина // Кратковременные психотические состояния. – М., 1983.
4. Акопов, Г.В. Методы профилактики суицидального поведения / Г.В. Акопов, Н.И. Мельченко, О.И. Ефимова. – Самара; Ульяновск, 1998.
5. Суицидология. Прошлое и настоящее / под ред. А.Н. Моховикова. – М., 2001; Татевосян, А.С. Суицидальность – концептуальная точка зрения // Стрессология – наука о страдании. – Ереван, 1996; Тихоненко, В.А. Актуальные проблемы суицидологии. – М., 1978; Шустов, Д.И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. – М., 2005.
6. Гулина, М.А. Проблемы суицида и суицидального поведения // Психология социальной работы / О.Н. Александрова, О.Н. Боголюбова, Н.Л. Васильева [др.] под общ. ред. М.А. Гулиной. – СПб., 2002.
7. Пилиягина, Г.Я. Многоликость саморазрушения (особенности патогенеза аутодеструктивных эквивалентов) // Таврический журнал психиатрии. – 2002. – № 2. – Т. 6.
8. Юрчук, В.В. Современный словарь по психологии. – Минск, 1998.
9. Сафуанов, Ф.С. Определение аффекта у обвиняемого: проблемы правоприменительной практики и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. – 2011. – № 1.
10. Собольников, В.В. К проблеме развития «Я-концепции» в современном мире // Психология сегодня: ежегодник Российского психологического общества. – М., 1996. – Т. 2. – Вып. 1.
11. Хензелер, Х. Вклад психоанализа в проблему суицида // Энциклопедия глубинной психологии. – М., 2001. – Т. II.
12. Собольников, В.В. Рефлексия личностных конструктов как условие коррекции диссонантных психических состояний // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1(38).

Bibliography

1. Openko, T.G. Sistemniy analiz fenomena samoubiyjstva. – Novosibirsk, 2009.
2. Kochenov, M.M. Teoreticheskie osnovy sudebno-psikholicheskoy ehkspertizih: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. – M., 1991; Safuanov, F.S. Sudebno-psikhiatricheskaya ehkspertiza v ugovnom processe: nauchno-prakticheskoe posobie. – M., 1998; Antropologiya destruktivnosti: kolekt. monografiya // P.E.Suslonov, V.V. Sobolnikov, K.V. Zlokazov i dr. – Ekaterinburg, 2012; Shneydman, E.S. Dusha samoubiyjcih / per.s angl. – M., 2001.
3. Kudryavcev, I.A. Nekotoriye klinicheskie osobennosti i psikholicheskie mekhanizmi regulyacii povedeniya u psikhopaticheskikh lichnostey v sostoyaniyakh ehmocionalnoy napryazhennosti / I.A. Kudryavcev, A.N. Lavrinovich, F.S. Safuanov, M.B. Erokhina // Kratkovremenniye psikhoticheskie sostoyaniya. – M., 1983.
4. Akopov, G.V. Metodih profilaktiki suicidalnogo povedeniya / G.V. Akopov, N.I. Melchenko, O.I. Efimova. – Samara; Uljanovsk, 1998.
5. Suicidologiya. Proshloe i nastoyathee / pod red. A.N. Mokhovikova. – M., 2001; Tatevosyan, A.S. Suicidalnostj – konceptualjnaya tochka zreniya // Stressologiya – nauka o stradanii. – Erevan, 1996; Tikhonenko, V.A. Aktualjniye problemih suicidologii. – M., 1978; Shustov, D.I. Autoagressiya, suicid i alkoholizm. – M., 2005.
6. Gulina, M.A. Problemih suicida i suicidalnogo povedeniya // Psikholigiya socialjnoy rabotih / O.N. Aleksandrova, O.N. Bogolyubova, N.L. Vasiljeva [dr.] pod obth. red. M.A. Gulinoj. – SPb., 2002.
7. Pilyagina, G.Ya. Mnogolikostj samorazrusheniya (osobennosti patogeneza autodestruktivnihk ehkivalentov) // Tavricheskij zhurnal psikiatrii. – 2002. – № 2. – Т. 6.
8. Yurchuk, V.V. Sovremennij slovarj po psikholigii. – Minsk, 1998.
9. Safuanov, F.S. Opredelenie affekta u obvinyaemogo: problemih pravoprimenitelnoj praktiki i sudebno-psikholicheskoy ehkspertizih // Yuridicheskaya psikholigiya. – 2011. – № 1.
10. Sobolnikov, V.V. K probleme razvitiya «Ya-konceptcii» v sovremennom mire // Psikholigiya segodnya: ezhegodnik Rossijskogo psikholicheskogo obthestva. – M., 1996. – Т. 2. – Vihp. 1.
11. Khenzeler, Kh. Vklad psikoanaliza v problemu suicida // Ehnciklopediya glubinnoy psikholigii. – M., 2001. – Т. II.
12. Sobolnikov, V.V. Refleksiya lichnostnihk konstruktov kak uslovie korrekcii dissonantnihk psikhicheskikh sostoyaniy // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2013. – № 1(38).

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 378

Tregubova L.B. MARKETING TECHNOLOGIES AS THE TOOL OF INCREASE OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TEACHER. The article shows the important role of marketing technology to enhance teachers' professionalism. Marketing management leads to the rethinking of the notion 'quality', and in the last analysis it changes the structure of the whole educational process. Involving teachers in the process of educational institution management brings about appearing their new functions, and accordingly, it raises standards for their professional competence. The author gives a variable model of teachers' professional development set up on the basis of a number of marketing technologies. Instruments of creating up-to-day models of professional development, which are more adequate for customers' needs, assume the application of marketing technologies.

Key words: education marketing, education marketing technologies, educational service, consumers of educational services, teachers' professional competence, marketing management.

Л.Б. Трегубова, ст.н.с. НИЦ Ленинградского областного института развития образования, аспирант ЛГУ им. А.С. Пушкина, в. Пушкин, E-mail: matilda102@yandex.ru

МАРКЕТИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА

В данной статье автор стремится раскрыть ту важную роль, которую играют маркетинговые технологии в повышении квалификации развитии профессионализма педагогов. Маркетинговое управление ведет иному пониманию, переосмыслению категории «качество», что, в конечном счете, меняет весь учебный процесс. В статье делается попытка рассмотреть педагога как субъект и как объект маркетинговой деятельности, выделяется многомерность его роли с точки зрения маркетингового подхода. В данной публикации приведена вариативная модель персонализированного повышения квалификации педагога, построенная на основе использования маркетинговых технологий.

Ключевые слова: маркетинг образования, маркетинговые технологии образования, образовательный продукт, потребители образовательных услуг, профессиональная компетентность педагогов, маркетинговое управление.

Российская система образования в условиях меняющейся социально-экономической реальности востребует педагога, который обладает высоким уровнем профессиональной компетентности и способностью участвовать в управлении образовательным учреждением. Это открывает перспективы развития у педагогов новых профессиональных компетенций, нового восприятия ими своей роли в современном образовательном процессе, новой профессиональной рефлексии.

При этом меняется и роль Институтов повышения квалификации Институтов ДПО (дополнительного педагогического образования), вынужденных своевременно реагировать на быстро меняющиеся запросы своих потребителей. Такая мобильность может быть обеспечена при помощи современной системы *маркетинга и его технологий*, их дальнейшего совершенствования и развития как одной из разновидностей инновационного инструментария управления образованием вообще и системой повышения квалификации в частности. В этом случае маркетинговая технология выступает как средство достижения общей, глобальной цели – повышения *качества* образования. Мы покажем здесь лишь некоторые возможности, которые дают маркетинговые технологии.

Нами в качестве *маркетинговой технологии в образовании* понимается система приемов, средств и способов действия учебного заведения (образовательной организации), направленная на достижение им (ею) своих целей, связанных с удовлетворением запросов потребителей (заказчиков), приводящая к повышению *качества оказываемых услуг*.

«Миссия маркетинга в образовании – формирование и реализация стратегии приращению ценности человека. При этом речь идет далеко не только о рыночной ценности, но и о самооценности, и о ценности в общегуманистическом ее понимании, так что каждый из этих аспектов в своем приращении ведет и к приращению остальных [1]. А высокая профессиональная компетентность педагога – важный фактор его личного развития.

Поэтому наиболее важная миссия дополнительного педагогического образования как раз и состоит в приращении того потенциала, который позволяет ощутить самооценность педагога как специалиста высшего класса, почувствовать его востребованность как в масштабах своей образовательной организации, так и всего общества. В связи с этим «Принципиально обновлены квалификационные требования и квалификационные

характеристики учителей, центральное место в них занимают профессиональные педагогические компетентности» [2].

Необходимость этого обусловлена радикальной трансформацией роли учителя в контексте новой образовательной парадигмы. Расширение спектра функционально-ролевых изменений в педагогической деятельности привело к появлению новых функций учителя, таких как: менеджер, модератор, фасилитатор, эксперт, тьютор и др. (Слободчиков В.И., Щедровицкий П.Г., Турчанинова Ю., Ковалева Т.М., Контаев С.С. и др.).

Это поставило на повестку дня необходимость овладения педагогом и руководителем ОУ новыми профессиональными компетенциями, что позволяет говорить одновременно и о компетентном подходе к дополнительному образованию педагогов.

Интеграцию компетентного и маркетингового подходов в парадигме дополнительного образования педагогов показывает ряд исследований, связанных с изучением спроса на образовательные услуги и построения на этой основе целенаправленного воздействия на развитие профессиональной компетентности педагогов. «Главной целью такого воздействия является определение уровня профессиональной компетентности педагога и разработка направлений его развития через согласование с должностной функциональной компетентностью с учетом требований настоящего и изучения спроса потребителей образовательных услуг, в том числе и самого учителя» [3]

Необходимость реформирования может быть подтверждена следующими исследованиями. Группа потребителей услуг системы повышения квалификации педагогов (педагоги и руководители образования) (362 чел.) оценила образовательную программу своего УДПО как вполне соответствующую своим потребностям – 66% респондентов, как в основном соответствующую – 30%, скорее не соответствующую – 4%. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что уровень полного или частичного удовлетворения слушателей качеством обучения высок, при этом наибольшее влияние на уровень удовлетворенности качеством и содержанием курса оказывают такое несоответствие ожиданиям, как, например, «необеспеченность содержания программой нуждам реальной практики». Однако параллельный анализ, выявив также и общую неудовлетворенность респондентов системой повышения квалификации в целом.

Это противоречие между удовлетворенностью качеством образования в своем учреждении и общей низкой удовлетворенностью системой дополнительного образования педагогов в целом ставит на повестку дня необходимость системной перестройки и модернизации последней. Проблема заключается в том, что, как показывает исследование, Институты (Учреждения) ДПО пока слабо владеют методикой формирования заказа на основе заявок потребителя, и, следовательно, существует проблема формирования продукта повышения квалификации. Это проблема связана с проблемами педагогической диагностики, которая призвана выявить даже те потребности, которые не осознаются самими педагогами (скрытые потребности). Примером может служить попытка части названных учреждений повышения квалификации в той или иной форме, введя накопительную систему повышения квалификации, заменить ею индивидуализированный подход к обучению.

В то же время мы рассматриваем накопительную систему только как начальный этап введения персонализации обучения, так как в этом случае слушатель выбирает из предложенного. Данный вывод подтверждается и мнением самих слушателей, из которых только 26% предпочитают накопительную систему традиционной и дистанционной форме обучения. Поэтому мы считаем неверным, говорить об индивидуальном образовательном маршруте в связи с накопительной системой обучения.

Мы предлагаем вариативную модель индивидуально ориентированного обучения педагогов, организованного с помощью интеграции маркетинговых и педагогических технологий на совершенно новой основе. В ней должны работать, на наш взгляд, интегрированы технологии педагогической диагностики и маркетингового сегментирования (иначе технологии исследования), которые, преломляясь в данном случае в педагогическую деятельность, должны показать, какие программы на каких педагогов направлены. В нашем случае учителю предоставляется возможность самому выбрать направление деятельности, которое определяется уровнем его профессионального мышления и мастерства [4]. Маркетинговые исследования в данном случае проводятся ДПО в двух направлениях: как исследования собственно потребностей, так и выявление группы педагогов, обладающих сходными потребностями (сегментирование), для групповых занятий или консультаций.

Конструирование образовательного маршрута в контексте маркетинговой деятельности рассматривается как одна из маркетинговых технологий «создания образовательного продукта». Причем данную технологию, мы считаем характерной для маркетинга образования, так как, в силу его специфики, границы между процессом производства и сбыта в этой сфере достаточно размыты, а сами эти процессы тесно переплетаются между

собой, что и порождает необходимость специфической технологии, позволяющей наилучшим образом интегрировать отдельные функции создания, продвижения и сбыта образовательного продукта.

Диагностика выступает средством и необходимым условием проектирования индивидуальных образовательных маршрутов, которые, в данном случае, могут рассматриваться как разновидности образовательного продукта, могущего быть предложенного учреждением ДПО своим потребителям. Диагностика проводится, как правило, дистанционно или при ресурсных центрах на местах, при методических службах. Диагностика призвана выявить те проблемы, с которыми сталкивается педагог в учебном процессе, и на устранении именно этих проблем построить процесс обучения.

Следующим этапом данная модель предусматривает взаимодействие с тьютором отдела сопровождения. При этом функция тьютора заключается в том, чтобы помочь педагогу сформулировать образовательную задачу, на основе выявленных диагностикой педагогических затруднений, правильно мотивировать педагога на решение этой задачи и совместно с ним составить индивидуальную образовательную программу (это могут быть не только курсы, но и стажировка, посещение открытых уроков, семинаров, дистанционное обучение).

По результатам диагностики и, основываясь на сконструированном образовательном маршруте, сотрудник отдела маркетинга (если такая структура имеется), либо тот же тьютор, определяет, где должен пройти повышение квалификации данный педагог и руководитель: в УДПО или ресурсном центре по месту нахождения образовательной организации, если там имеются соответствующие ресурсы. Процесс выбора происходит через «банк образовательных ресурсов» – так называется база данных, хранилище, где располагаются все программы и модули, которые когда – либо использовались при повышении квалификации педагогов. После окончания курсов и программ происходит дальнейшее консультирование по вопросам, связанным и не связанным с изученным курсом, что обеспечивает непрерывный характер сопровождения (осуществляется отделом сопровождения или консалтинга).

Предложенная нами модель является интегрированной и выстроенной на основе анализа имеющихся вариантов построения деятельности по повышению квалификации педагогов, изученного опыта таких учреждений (от института повышения квалификации до муниципального ресурсного центра). Институты ДПО могут осуществлять, используя маркетинговые технологии как наиболее адекватные инструменты для выстраивания современных моделей повышения квалификации.

Библиографический список

1. Панкрухин, А.П. Маркетинг образовательных услуг // Гильдия маркетингологов: On-line версия книги [Э/р]. – Р/д: <http://mou.marketologi.ru/book/121.html>
2. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» (утверждена президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 04 февраля 2010г.) [Э/р]. – Р/д: <http://old.mon.gov.ru/dok/akt/6591/>
3. Рябова, З.В. Маркетингові дослідження в управлінні навчальним закладом. // УМО НАПН України [Э/р]. – Р/д: tme.umo.edu.ua/docs/5/11ryameo.pdf
4. Кухарев, Н.В. Диагностика педагогического мастерства и педагогического творчества: в 2 ч. / Н.В. Кухарев, В.С. Решетько. – Минск, 1996. – Ч. 1.

Bibliography

1. Pankrukhin, A.P. Marketing obrazovatel'nykh uslug // Gil'diya marketologov: On-line versiya knigi [Eh/r]. – R/d: <http://mou.marketologi.ru/book/121.html>
2. Nacional'naya obrazovatel'naya iniciativa «Nasha novaya shkola» (utverzhdena prezidentom Rossijskoj federacii D.A. Medvedevim 04 fevralya 2010g.) [Eh/r]. – R/d: <http://old.mon.gov.ru/dok/akt/6591/>
3. Ryabova, Z.V. Marketingovi doslidzhennya v upravlinni navchal'nim zakladom. // UMO NAPN Ukraïni [Eh/r]. – R/d: tme.umo.edu.ua/docs/5/11ryameo.pdf
4. Kukharev, N.V. Diagnostika pedagogicheskogo masterstva i pedagogicheskogo tvorchestva: v 2 ch. / N.V. Kukharev, V.S. Reshetjko. – Minsk, 1996. – Ch. 1.

Статья поступила в редакцию 26.10.13

УДК 159.922

Koval V.V., Radionova I. Yu. TEENAGERS OF RISK GROUP: PECULIARITIES OF VALUE ORIENTATIONS. The article describes theoretical basics of value orientations of teenagers of risk group and presents the results of their research.

Key words: value, value orientations, teenagers of risk group.

В.В. Коваль, соискатель ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск;

И.Ю. Радионова, соискатель ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: irina_radionova12@mail.ru

ПОДРОСТКИ «ГРУППЫ РИСКА»: ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В работе рассмотрены теоретические основы ценностных ориентаций подростков «группы риска» и представлены результаты их исследования.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, подростки «группы риска».

На современном этапе развития общества процесс социализации подростков «группы риска» протекает в ситуации социально-экономической и социально-политической нестабильности, когда изрядно деформированы механизмы передачи ценностей от людей старшего поколения к младшему.

И.В. Дубровина, Е.С. Иванова, Д.И. Фельдштейн и другие специалисты отмечают постоянное ухудшение показателей психоземotionalного здоровья и качества жизни детей, приводящее к явлениям их массовой социальной и школьной дезадаптации.

Наряду со стабильным ростом антиобщественных явлений, таких как алкоголизм, наркомания, безнадзорность, правонарушения, особо настораживают негативные изменения ценностных ориентаций в подростковом и юношеском возрастах: появление устремлений к достижению материального достатка любой ценой, в том числе путем сознательного нарушения социальных и нравственных норм общества [1].

Ценностные ориентации, являясь важнейшим ядром внутренней структуры личности, закрепляются жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний. Они отделяют существенное и важное для данного человека от несущественного и второстепенного. Ценностные ориентации служат главным фактором, обуславливающим мотивацию действий и поступков личности. Являясь внутренним компонентом, стержнем самосознания личности, ценностные ориентации влияют на формирующиеся установки, интересы, мотивы и потребности любого человека.

В психологической науке уделялось большое внимание изучению ценностных ориентаций личности. Так, М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства.

С точки зрения Д.А. Леонтьева, понятие ценности относится к структуре мотивации. Ценности являются источниками смыслов, определяющими, что для человека значимо, а что нет, и почему, какое место те или иные объекты или явления занимают в его жизни, являются потребности и личностные ценности человека.

Основные функции ценностей очень разнообразны, но, в любом случае, они являются стержнем в жизни человека и необходимы для поддержки социального порядка, а также служат механизмом социального контроля [2].

Изучение ценностных ориентаций особое значение приобретает в подростковом возрасте, так как именно этот период онтогенеза связан с интенсивным изменением жизненных ориентиров, что обеспечивает их функционирование как особой системы, воздействующей на направленность личности подростка, а также на ее активную социальную позицию.

Переход к подростковому возрасту является переломным, трудным этапом для каждого ребенка. Он характеризуется глубокими изменениями социальных, психолого-педагогических условий, остро влияющих на личностное развитие и становление подростка. Подростковый возраст служит границей между детством и взрослостью и требует участия подростка в активной жизни общества. В тесной связи с поисками смысла жизни находится также стремление подростка узнать самого себя, свои способности, возможность, попробовать свои силы в какой-либо деятельности, найти себя в отношениях с другими людьми [3].

Проблема ценностных ориентаций особо остро стоит в отношении подростков «группы риска», поскольку эта социальная группа более других подвержена негативным внешним воздействиям со стороны общества и его криминальных элементов, ставшим причиной дезадаптации.

«Группу риска» составляют подростки с проблемами развития, оставшиеся без попечения родителей в силу различных жизненных ситуаций, в том числе и не имеющих юридической силы обстоятельств, подростки из неблагополучных, асоциальных семей.

Состояние беспомощности связано с конкретными случаями их жизни: с трудной жизненной ситуацией, в которую они попадают; невозможностью изменять взаимоотношения с взрослыми, сверстниками; неумением принимать самостоятельные решения или делать выбор.

Для подростков «группы риска» характерно проявление независимости и смелости, которые находятся на границе с нарушениями закона. Для входящих в данную группу подростков свойственна пассивность в достижении поставленных задач. В приоритет подростков «группы риска», как правило, не входят такие качества, как честность, ответственность, терпимость. Они уверены в том, что от них ничего не зависит, и поэтому всегда ищут себе покровителей, их интересует не признание обществом их деятельности, а лишь то, как воспринимает их самих общество. Они склонны к свободе, к тому, чтобы ни от кого не зависеть, быть самостоятельными, что приводит к поиску таких видов деятельности, которые приносят материальный достаток. В способах «добывания» средств, предпочитают неразборчивость.

Подросткам «группы риска» присущ особый процесс социализации. Как правило, значительную часть жизни они находятся в разнообразных учреждениях: школах-интернатах, приютах, а также очень часто подростки данной категории находятся под опекой или же в неблагополучной семье. Находясь на пороге взрослой самостоятельной жизни, подростки «группы риска», оказываются не готовыми к ней. С одной стороны, они хотят жить отдельно от взрослых и не зависеть ни от кого, но при этом боятся этого, так как понимают, что без помощи взрослых им не прожить. Такое состояние двойственности чувств и желаний приводит к неудовлетворенности подростка своей жизнью, собой и окружающими. Очень часто, находясь в сложной жизненной ситуации, под влиянием различных факторов, подростки попадают в «группу риска». Физические недостатки, их социальная и педагогическая запущенность, являясь негативными факторами, воздействуют на подростка и обуславливают большую вероятность их неблагоприятного становления и приспособления к социуму.

Подростки данной категории имеют большие трудности во взаимоотношениях с окружающими людьми. Это проявляется в поверхностности чувств, привычки жить по шаблону, усугублении трудностей в усвоении школьной программы, проявлении значительных нарушений дисциплины, бродяжничестве, воровстве, различных формах делинквентного поведения. В отношении со старшим поколением у них проявляются переживания своей ненужности, утрата своей ценности и ценности другого человека.

Таким образом, проблема ценностных ориентаций подростков «группы риска» весьма актуальна, так как в последние десятилетия происходит переоценка ценностных ориентаций людей: вытеснения традиционных ценностей нравственного порядка, замещение их «культурой денег», «физической силы», снижение общественно-политической активности, утверждение социальной апатии, появление устойчивых устремлений к достижению материального достатка любой ценой, в том числе путем сознательного нарушения социальных и нравственных норм.

Целью исследования являлось: выявление ценностных ориентаций подростков «группы риска».

В исследовании приняли участие подростки «группы риска» и благополучные подростки.

Для определения ценностных ориентаций подростков была использована методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

После проведения методики с подростками «группы риска» были получены следующие результаты: из терминальных ценностей 40% испытуемых отдают предпочтение материально-обеспеченной жизни, 40% – свободе, 13,4% – наличию хороших и верных друзей, и 6,6% испытуемых – удовольствиям (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей, развлечения); из инструментальных ценностей 40% подростков «группы риска» отдают предпочтение независимости, 20% испытуемых смелости в отстаивании своего мнения, 14,5% – непримиримости к недостаткам в себе и других, и 5,5% испытуемых – высоким запросам (высокие требования к жизни и высокие притязания).

Здоровье, интересная работа, развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование – данные ценности остались без внимания подростков «группы риска».

После проведения методики с благополучными подростками были получены следующие результаты: из терминальных ценностей 40% испытуемых отдали предпочтение активной деятельности жизни, 35% – счастливой семейной жизни и 25% под-

ростков – здоровью; из инструментальных ценностей 40% благополучных подростков отдают предпочтение эффективности в делах (трудолюбие, продуктивность в работе), 30% испытуемых твердой воле (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями), 18% – ответственности (чувство долга, умение держать свое слово), 12% испытуемых – широте взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки).

И так, большинство подростков «группы риска» ориентированы на такие ценности, как материально-обеспеченную жизнь, свободу, наличие хороших и верных друзей, удовольствия, независимость, тогда как благополучные подростки ориентированы на ценности активной деятельности жизни, счастливую семейную жизнь, здоровье, широту взглядов.

Таким образом, в ценностных ориентациях подростков «группы риска» преобладают ценности красивой, легкой жизни, стремления получать от жизни одни удовольствия. Такие ценности не способствуют формированию у них духовно-нравственных ценностных ориентаций и нуждаются в коррекционной работе.

Библиографический список

1. Греханкина, Л.Ф. Формирование ценностных ориентаций школьников // Школа. – 2003. – № 4.
2. Самсонова, Е.А. Молодежь: ценностные ориентации и реалии повседневной жизни / Е.А. Самсонова, Е.Ю. Ефимова // Социологические исследования. – 2007. – № 11.
3. Самара, Г. Дети в обществе риска: социализация и адаптация / Г. Самара, М. Ноготкова // Alma Mater: Вестник высшей школы. – 2006. – № 11.

Bibliography

1. Grekhankina, L.F. Formirovanie cennostnykh orientatsiy shkol'nikov // Shkola. – 2003. – № 4.
2. Samsonova, E.A. Molodezh': cennostnye orientatsii i realii povsednevnoy zhizni / E.A. Samsonova, E.Yu. Efimova // Sociologicheskie issledovaniya. – 2007. – № 11.
3. Samara, G. Deti v obshchestve riska: socializatsiya i adaptatsiya / G. Samara, M. Nogotkova // Alma Mater: Vestnik viysshey shkolih. – 2006. – № 11.

Статья поступила в редакцию 13.10.13

УДК 159.922

Larina E.S., Koval V.V. PECULIARITIES OF PARENTS' ATTITUDE TO A CHILD WITH SENSORY INSUFFICIENCY.

The article describes psychological basis of children and parents' relations to a child with sensory insufficiency (weak sight).

Key words: children and parents' relations, parents' attitude, adults and children's interrelation, a child with sensory insufficiency, a child with weak sight.

Е.С. Ларина, соискатель ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск;

В.В. Коваль, соискатель ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: irina_radionova12@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К РЕБЕНКУ С СЕНСОРНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

В работе рассмотрены психологические основы детско-родительских отношений к ребенку с сенсорной недостаточностью (ослабленным зрением).

Ключевые слова: детско-родительские отношения, родительские отношения, взаимоотношение взрослых и детей, слабовидящий ребенок, ребенок с сенсорной недостаточностью, ребенок с ослабленным зрением.

В настоящее время в России дети с сенсорной недостаточностью представляют собой неуклонно растущую в количественном отношении, категорию детей с ограниченными возможностями. К данной категории относят дети с нарушением слуха, речи, с нарушением интеллектуального развития, дети слепые и с ослабленным зрением.

Дети с сенсорной недостаточностью (с ослабленным зрением), вследствие ограниченности сенсорной сферы, результатом которой выступает недостаток информации о предметах и явлениях окружающего мира, начиная с первых месяцев обнаружения дефекта зрения, нуждаются в специальных мероприятиях, направленных на формирование у них механизмов компенсации дефекта зрения и их социально-психологической и педагогической адаптации к условиям современной жизни [1].

Проблему детско-родительских отношений изучают многие авторы в области психологии, педагогике такие, как В.З. Денискина, В.А. Кручинин, А.Г. Литвак, Р.М. Боскис, Г.А. Буткина, Е.А. Куракина и другие. В их работах значительное внимание уделяется изучению детско-родительских отношений, их особен-

ностей, типов родительского отношения, проявление родительского и детского отношения друг к другу.

По мнению А.Я. Варга, В.В. Столина, родительские отношения – это система разнообразных чувств к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимание характера и личности ребенка, его поступков [2].

По мнению, Д.И. Фельдштейна, в настоящее время проблема взаимоотношений взрослых и детей, приобрела особую остроту и значимость. Стремясь максимально полноценно воспитывать своих детей, современные родители активно передают эту важнейшую функцию в руки других людей (педагогов, психологов), родители снимают с себя многие обязанности и родительскую ответственность за образовательно-воспитательный процесс, в результате часто «атрофируется» их ответственное отношение к детям. При этом резко обострились противоречия между усиливающимся с возрастом потребностью ребенка во внимании и усложнением социальной ситуации, с одной стороны, и непрерывным ослаблением необходимого внимания со стороны взрослых, в том числе родных людей – с другой [2].

И.Е. Валитовой и З.Р. Железняковой выделяют концептуальную модель взаимодействия взрослого и ребенка, основанную на существенных характеристиках данной категории. Основная мысль данной модели заключается в том, что при взаимодействии с ребенком взрослый выступает, как носитель культуры и посредник в ее усвоении [3].

Л.А. Куклин предлагает брать сотрудничество, как основной тип взаимоотношений в семье, предполагающий опосредованность межличностных отношений общими целями и задачами совместной деятельности, ее организацией и высокими нравственными ценностями. Именно в этой ситуации преодолевается эгоистический индивидуализм ребенка. Семья, где ведущим типом взаимоотношений является сотрудничество, обретает особое качество, становится группой высокого уровня развития – коллективом [2].

В свою очередь А.Ю. Федотов утверждает, что в каждой семье объективно складывается определенная, далеко не всегда осознанная ею, система воспитания. Здесь имеется в виду и понимание целей воспитания, и формулировка его задач, и более или менее целенаправленное применение методов и приемов воспитания, учет того, что можно и чего нельзя допустить в отношении ребенка. Могут быть выделены четыре тактики воспитания в семье и отвечающие им четыре типа семейных взаимоотношений, являющиеся и предпосылкой, и результатом их возникновения: диктат, опека, «невмешательство» и сотрудничество [3].

Т.И. Шульга определила три типа уклада семейной жизни с точки зрения его педагогической целесообразности: благоприятный для воспитания, педагогически противоречивый и неблагоприятный для воспитания [4].

Таким образом, от родительского отношения к детям зависит, развитие ребенка, его будущая жизнь, место в социуме и то, как он сумеет адаптироваться в этом мире.

Младший школьный возраст является особым, так как в этот период ребенок поступает в начальную школу, он впервые становится субъектом общественно значимой и оцениваемой деятельности. Здесь меняется его отношение со взрослым, и возникают мотивы конкуренции, сравнения, сотрудничества, появляется желание быть лидером. Меняется отношение ребенка к самому себе. Ребенок по-новому относится к собственным задачам и неудачам.

Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов утверждают, что младший школьный возраст обещает ребенку новые достижения в новой сфере человеческой деятельности – учении. На основе учебной деятельности при благоприятных условиях обучения и достаточном уровне умственного развития ребенка возникают предпосылки к теоретическому сознанию и мышлению [1].

Новая социальная ситуация вводит ребенка в строго нормированный мир отношений и требует от него организованной произвольности, ответственной за дисциплину, за развитие исполнительских действий, связанных с обретением навыков учебной деятельности, а также за умственное развитие. Таким образом, новая социальная ситуация ужесточает условия жизни ребенка и выступает для него как стрессогенная. У каждого ребенка, поступившего в школу, повышается психическая напряженность. Это отражается не только на физическом здоровье, но и на поведении ребенка. Высокая тревожность приобретает устойчивость при постоянном недовольстве учебой со стороны родителей.

Для ребенка с ослабленным зрением ситуация поступления в школу более сложная, так как дефект зрения усложняет взаимодействие детей с окружающей средой.

Характерным для данной патологии является недостаточность зрительного восприятия, фрагментарность, замедленность, вследствие чего наблюдается обедненный чувственный опыт; нарушение цветоощущения, затруднения в пространственной ориентировке.

Для ребенка с ослабленным зрением школа – это тяжелый процесс вхождения в общество на равных правах с детьми нормальной развития. Межличностные отношения слабовидящих в социуме складываются тяжело и зависят чаще от состояния зрительной ориентировки.

Слабовидящим детям тяжело адаптироваться к школе. Нарушение зрения влечет за собой нарушение социальных контактов и целый ряд отклонений в формировании личности, что вызывает появление негативных характерологических особен-

ностей у слабовидящего ребенка, таких как сужение круга интересов, обусловленное ограничениями в сфере чувственного отращения; ограничения или недоступность в работе, требующей большой зрительной нагрузки.

Ребенок с ослабленным зрением нуждается в поддержке семьи, так как семья – это целый мир, в котором он живёт, действует, делает открытия, учится любить, ненавидеть, радоваться, сочувствовать. Будучи её членом, ребёнок вступает в определённые отношения с родителями, которые могут оказывать на него как положительное, так и негативное влияние. Вследствие этого ребёнок растёт либо доброжелательным, открытым, общительным, либо тревожным, грубым, лицемерным, лживым [5].

Таким образом, семья играет важную роль в жизни слабовидящего ребенка, так как она оказывает непосредственное влияние на его развитие личности.

Целью исследования явился: выявление особенностей родительского отношения к ребенку с сенсорной недостаточностью (слабовидящему).

В исследование приняли участие дети с ослабленным зрением, дети с нормой развития и их родители.

Для выявления детско-родительских отношений использовалась методика «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдмиллера и В.В. Юстицкис (АСВ).

После проведения данной методики с семьями, воспитывающих ребенка с ослабленным зрением, были выявлены 6,6% гармоничных семей. В таких семьях преобладает гиперпротекция, родители стремятся, удовлетворять все потребности ребенка, присутствует степень запретов, но никаким образом не ущемляется развитие ребенка, выдвигаемые требования к ребенку соответствуют его возможностям. Родители и ребенок находятся в постоянном взаимодействии, присутствует взаимопонимание, духовное, эмоциональное удовлетворение обеих сторон.

Так же было выявлено 93,3% негармоничных семей, из которых 40% семей с доминирующей гиперпротекцией. При данном стиле воспитания, ребенок находится в центре внимания родителей, которые отдают ему много сил и времени, но в то же время лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. 33,3% семей с повышенной моральной ответственностью. Данный тип воспитания характеризуется сочетанием высоких требований к ребенку с пониженным вниманием к его потребностям. Стимулирует развитие черт тревожно-мнительной акцентуации личности. У 13,3% семей выявился тип воспитания – гипопротекция. Ребенок в такой семье предоставлен самому себе, родители не интересуются им и не контролируют его. Такое воспитание особенно неблагоприятно при акцентуациях неустойчивого типа. У 6,6% семей выявилось жестокое обращение. С ребенком с ослабленным зрением в данных семьях на первый план выходит эмоциональное отвержение, проявляющееся наказаниями в форме избиений и истязаний, лишением удовольствий, неудовлетворения их потребностей. Тип воспитания – потворствующая гиперпротекция и эмоциональное отвержение не были выявлены.

После проведения методики с семьями, воспитывающих ребенка с нормой развития было выявлено 19,8% гармоничных семей, и 80,2% – негармоничных семей, среди которых 26,6% являются преобладающим типом воспитания – повышенная моральная ответственность. У 20,2% семей – эмоциональное отвержение, у 20% семей выявился такой тип воспитания, как доминирующая гиперпротекция, 6,6% семей имеют тип воспитания – жестокое обращение, а такой тип воспитания, как потворствующая гиперпротекция и гипопротекция семьи не были выявлены.

Таким образом, анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что детско-родительские отношения в семьях, воспитывающих ребенка с сенсорной недостаточностью (слабовидящим) имеют свои особенности. В таких семьях преобладающим типом воспитания является гиперпротекция. Родители предъявляют низкие требования к ребенку, в них присутствует большое количество запретов, родители ограждают ребенка практически от всего, мешая его самостоятельности, стараются удовлетворять все его потребности. Данный тип воспитания формирует отрицательные черты характера ребенка, такие как эгоизм, нерешительность, внушаемость, упрямство, негативизм и равнодушие.

Библиографический список

1. Ермаков, В.П. Основы тифлопедагогика: развитие, обучение и воспитание детей с нарушением зрения: учеб. пособие для ВУЗов. – М., 2000.
2. Андриенко, Е.В. Социальная психология. – М., 2007.
3. Савина, Е.А. Родители и дети: психология взаимоотношений. – М., 2003.
4. Фридман, И.К. О контакте родителей с детьми. Вопросы психологии. – 1999. – № 1.
5. Кузнецова, Л.В. Основы специальной психологии. – М., 2003.

Bibliography

1. Ermakov, V.P. Osnovih tiflopedagogiki: razvitie, obuchenie i vospitanie detej s narusheniem zreniya: ucheb. posobie dlya VUZov. – М., 2000.
2. Andrienko, E.V. Social'naya psikhologiya. – М., 2007.
3. Savina, E.A. Roditeli i deti: psikhologiya vzaimootnoshenij. – М., 2003.
4. Fridman, I.K. O kontakte roditel'ej s detjmi. Voprosih psikhologii. – 1999. – № 1.
5. Kuznecova, L.V. Osnovih special'noj psikhologii. – М., 2003.

Статья поступила в редакцию 13.10.13

УДК 378

Manuzina E.B., Norina E.E. PECULIAR FEATURES OF STUDENTS' TRAINING FOR INNOVATIVE BUSINESS IN THE INNOVATION-ATTRACTIVE REGION. The article dwells on the peculiar features of the students' training for innovative business in the innovative-developing region. The author offers the leading directions of innovative business activity in the high school. Priority projects of students' training for business in a humanitarian academy are defined based on the analysis of the priorities of educational policy in the region and the city. The results of the diagnostic of the students of psycho-pedagogical profile are presented in order to identify the students' competence in business (entrepreneurial ability, the potential of start-ups and business management skills). The author also describes the project aimed at the business organization in the field of early childhood education and the services provided in the early childhood education or care preschool centers.

Key words: innovation activity, innovation business, innovative educational program, innovation management competence.

*Е.Б. Манузина, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: manuzina70@mail.ru;
Е.Э. Норина, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: docenko@list.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИННОВАЦИОННО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОМ РЕГИОНЕ

В статье раскрыты особенности подготовки студентов к инновационной предпринимательской деятельности в инновационно развивающемся регионе. Автором предложены ведущие направления инновационной предпринимательской деятельности в вузе. На основе анализа приоритетных направлений образовательной политики в регионе и городе, определены приоритетные проекты подготовки студентов к предпринимательской деятельности в условиях гуманитарного вуза. В статье представлены результаты диагностики студентов психолого-педагогического профиля с целью выявления их готовности к предпринимательской деятельности (предпринимательские способности, потенциал владения и управления собственным делом, самостоятельного ведения бизнеса), а также описан проект, направленный на организацию бизнеса в сфере дошкольного образования и оказание услуг дошкольного образования или услуги по уходу и присмотру за дошкольниками.

Ключевые слова: инновационная активность, инновационная предпринимательская деятельность, инновационная образовательная программа, компетенции в области управления инновациями.

Студенты и аспиранты высших учебных заведений являются важнейшим резервом научного, социально-экономического и технического развития Российской Федерации. Следовательно, система российского высшего образования должна быть ориентирована на решение инновационных задач подготовки специалистов по созданию и организации производства конкурентоспособной продукции.

В нормативных документах отмечается, что важнейшим направлением инновационного развития является стимулирование инновационной активности молодежи, в том числе, научно-технического творчества школьников и студентов, без чего невозможно формирование нового поколения глобально конкурентоспособных кадров в сфере науки и инновационного предпринимательства [1]. Однако российская высшая школа, как в плане стимулирования, так и мотивации талантливой молодежи в настоящее время еще недостаточно ориентирована на интенсификацию инновационной деятельности. Вузы пока еще неудовлетворительно решают задачи разработки инновационных образовательных технологий и внедрения инновационных образовательных программ.

Исходя из поставленных задач, современные высшие учебные заведения должны разрабатывать модели инновационной подготовки молодых специалистов с учетом региональной специфики и особенностей данного образовательного учреждения. Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина определены свои пути инновационной подготовки конкурентоспособных молодых специалистов для экономики региона. Анализ теоретических исследований по проблеме и сложившейся образовательной практики позволил выделить ведущие направления инновационной предпринимательской деятельности в вузе:

– «организация и развитие сотрудничества по вопросам коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности между вузом и другими участниками инновационной системы (инфраструктурные организации рынка инноваций и венчурных инвестиций, научные организации, финансовые институты, хозяйственные общества, уполномоченные органы государственного управления и местного самоуправления, различные организации и т.д.);

- организация и управление развитием центров поддержки инноваций (центров коммерциализации, бизнес-инкубаторов и инновационного парка);
- анализ рынков интеллектуальных услуг с точки зрения перспектив создания новых коммерческих продуктов и подготовка предложений по организации их разработки;
- организационное обеспечение разработки и внедрения технологичных и других коммерческих продуктов и услуг на основе результатов интеллектуальной деятельности подразделений вуза;
- методическое обеспечение инновационной деятельности;
- формирование документации для систем управления инновационными проектами;
- подготовка предложений по вопросам коммерческого использования объектов интеллектуальной собственности вуза;
- координация деятельности структурных подразделений вуза по вопросам развития предпринимательства, а также участия студентов, аспирантов и научно-педагогических работников в программах развития предпринимательства;
- проведение маркетинговых исследований и организацию рынков сбыта инновационных продуктов;
- выполнение научно-исследовательских работ, которые направлены на создание новой или усовершенствованной продукции, технологии;
- подготовка и переподготовка кадров научных работников и других специалистов для инновационной деятельности, в том числе в системе образования;
- подготовка инициатив, направленных на вовлечение студентов, аспирантов и преподавателей в проектную работу, связанную с разработкой новых коммерческих и других продуктов на основе результатов интеллектуальной деятельности;
- реализация студентами, аспирантами и педагогическими работниками проектной деятельности;
- формирование инфраструктуры инновационной деятельности в вузе» [2, с. 195].

Несмотря на то, что в Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина выделено многообразие направлений инновационной предпринимательской деятельности для реализации каждого конкретного инновационного проекта проводится анализ потребностей региона, города.

В данной статье опишем один из проектов, который был реализован на факультете психологии по направлению «Психолого-педагогическое образование» профиль «Психология образования». Для определения проблематики проекта нами был проведен анализ ведущих проблем системы образования в Алтайском крае, который позволил сделать вывод о том, что воспитание и образование детей дошкольного возраста является одним из приоритетных направлений политики в регионе и городе.

В Алтайском крае обеспечение качественного и доступного дошкольного образования рассматривается как часть региональной политики в области демографического развития региона. В крае действуют краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края» на 2010-2015 годы, ведомственная целевая программа «Развитие образования в Алтайском крае» на 2011-2013 годы, включающие мероприятия, направленные на дальнейшее совершенствование системы дошкольного образования в регионе.

Вместе с тем по результатам мониторинга с 2007 по 2011 годы число состоящих на очереди в дошкольные учреждения детей возросло на 26,3%, что связано с увеличением количества детей этого возраста и востребованностью в услугах дошкольного образования у населения. В связи с этим должны быть созданы условия для развития негосударственного сектора дошкольного образования, так как это обеспечит каждому ребенку возможность осваивать образовательные программы для детей дошкольного возраста.

Таким образом, одной из ведущих задач модернизации системы дошкольного образования в Алтайском крае является развитие системы негосударственного сектора, предоставляющего услуги дошкольного образования и услуги по уходу и присмотру за детьми. В долгосрочной целевой программе «Развитие дошкольного образования в Алтайском крае» (на 2011 – 2015 годы) были представлены следующие мероприятия, направленные на решение данной задачи:

- «дистанционный семинар-практикум «Разработка планов и целевых программ для реализации послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию в сфере дошкольного образования»;

- издание серии брошюр «Как организовать бизнес в сфере дошкольного образования»;
- содействие развитию негосударственного сектора дошкольного образования;
- проведение конкурса среди индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги дошкольного образования или услуги по уходу и присмотру за дошкольниками, «Частный (семейный) детский сад» на получение материальной поддержки (грант)» [3, с. 10].

Следовательно, ожидаемым конечным результатом реализации программы является увеличение до 10% доли негосударственных образовательных учреждений, работающих в секторе дошкольного образования, в общем количестве дошкольных образовательных учреждений края к 2015 г.

Некоторые шаги, обозначенные в указанной выше программе, уже реализуются. Так, в крае в течение последних двух лет осуществляется грантовая поддержка индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги дошкольного образования или услуги по уходу и присмотру за дошкольниками.

Ежегодно в рамках реализации долгосрочной целевой программы «Развитие дошкольного образования в Алтайском крае» на 2011 – 2015 годы на поддержку негосударственного сектора в этой сфере выделяется до 3-х млн. рублей из краевого бюджета. Так, в 2011 году на грантовую поддержку было направлено 2 млн. рублей. Приняты меры по увеличению количества организаций (индивидуальных предпринимателей), оказывающих населению услуги по уходу и присмотру за детьми дошкольного возраста. В настоящее время работают в данном направлении 69 предпринимателей [4]. При этом на начало 2010 года официально не было зарегистрировано ни одной такой организации.

Алтайский край занимает одно из лидирующих мест в Сибирском федеральном округе по развитию системы негосударственного сектора, предоставляющего услуги дошкольного образования и услуги по уходу и присмотру за детьми. Однако молодые специалисты, выпускники вузов редко открывают бизнес в сфере дошкольного образования. Это свидетельствует о низкой реальной включенности молодых специалистов в предпринимательскую деятельность в сфере образования.

Для выявления причин низкой предпринимательской активности будущих выпускников нами была проведена диагностика студентов факультета психологии и факультета истории и права. Выборка составила 90 человек. Диагностика студентов проводилась с целью изучения готовности обучающихся к предпринимательской деятельности. Для достижения указанной цели были сформулированы задачи:

1. Провести оценку предпринимательских способностей студентов.
2. Изучить потенциал владения и управления собственным делом, самостоятельного ведения бизнеса

Для решения поставленных задач мы использовали тесты: «Оценка своих предпринимательских способностей»; «Каков ваш потенциал владения и управления собственным делом, самостоятельного ведения бизнеса» [5].

Результаты диагностики представлены в таблицах 1, 2.

Анализ результатов свидетельствует о том, что у студентов предпринимательские способности представлены на низком (60%) и среднем (40%) уровнях. У студентов достаточно высоко сформированы коммуникативные и организаторские способности, однако недостаточно высокий уровень знаний в области

Таблица 1
Уровни развития предпринимательских способностей студентов

Уровни		
высокий	средний	низкий
-	40	60

Таблица 2
Потенциал владения и управления собственным делом, самостоятельного ведения бизнеса

Уровень потенциала		
высокий	средний	низкий
66,5	33,4	-

экономики, маркетинга и финансов, а также отсутствие опыта предпринимательской деятельности. В частности студенты ответили отрицательно на следующие вопросы: есть ли у вас опыт работы в той области, в которой вы хотите начать своё дело; есть ли у вас хотя бы базовая подготовка в области маркетинга и финансов; располагаете ли вы достаточными первоначальными средствами, чтобы поддержать своё предприятие в течение первого года; есть ли у вас на примете люди, обладающие достаточным опытом и знаниями, которых не хватает вам, и готовые помочь вам в трудный момент; знакомы ли вы с действующими правилами налогообложения, ведения бухгалтерии, калькуляции заработной платы и т.д.

Анализ результатов позволил нам сделать вывод о том, что студенты обладают высоким (66,5%) и средним (33,4) потенциалом владения и управления собственным делом самостоятельного ведения бизнеса.

Таким образом, у студентов есть достаточный потенциал владения и управления собственным делом самостоятельного ведения бизнеса, однако у них недостаточно знаний в области экономики, маркетинга и финансов, отсутствует опыт предпринимательской деятельности и т.д.

В данный момент в Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина разработан проект, направленный на организацию бизнеса в сфере дошкольного образования и оказание услуг дошкольного образования или услуги по уходу и присмотру за дошкольниками. В рамках проекта мы определили следующие мероприятия:

- мастер-классы по инновационному предпринимательству в рамках федеральной программы «Ты предприниматель»;
- проведение семинара «Организация бизнеса в сфере дошкольного образования и оказание услуг дошкольного образования или услуги по уходу и присмотру за дошкольниками»;
- изучение практического опыта индивидуальных предпринимателей, оказывающих населению услуги по уходу и присмотру за детьми дошкольного возраста в г. Бийске;

- вовлечение студентов выпускных курсов в программы повышения квалификации «Основы предпринимательской деятельности. Коммерциализация инновационных разработок»;

- интеграция общепрофессиональных и специальных знаний, умений, навыков в рамках междисциплинарного спецкурса «Инновационное предпринимательство»;

- прохождение педагогической практики в негосударственных образовательных учреждениях, работающих в секторе дошкольного образования;

- предоставление студентам выполнения представительских функций, свободы принятия решений на всех этапах подготовки бизнес-проектов, обучение техникам и процедурам самоорганизации, тайм-менеджмента и др.;

- участие в региональных и федеральных конкурсах с целью расширения кругозора в направлениях предпринимательской деятельности и популяризации предпринимательской деятельности.

Вовлечение студентов в указанный проект позволит сформировать у них следующие компетенции: способность проводить стратегический и маркетинговый анализ; способность проводить анализ возможностей применения инновации, барьеров и рисков на пути открытия индивидуального предприятия и коммерциализации инновационной разработки; владение методами бизнес-планирования; владение правовыми основами в предпринимательской деятельности; способность формировать команду и эффективно работать в группах, способность проявлять инициативность, целеустремленность; готовность продвигать разработку на рынок и др.

В заключение статьи необходимо отметить, что изложенное обозначает лишь некоторые пути подготовки студентов к предпринимательской деятельности. Рассматриваемая проблема включает целый комплекс задач интеграции образования, науки и бизнеса, что может рассматриваться как дальнейшая перспектива исследования.

Библиографический список

1. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия – 2020» / Минэкономразвития России. – М., 2010.
2. Манузина, Е.Б. Подготовка студентов и аспирантов к инновационной предпринимательской деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6(37).
3. Долгосрочная целевая программа «Развитие дошкольного образования в Алтайском крае» на 2011-2015 годы [Э/р]. – Р/д: http://www.educaltai.ru/lvl_1/rasv_doshkol_obr_2011_2015/2011/
4. [Э/р]. – Р/д: http://altairegion22.ru/region_news/e191102.html.
5. [Э/р]. – Р/д: <http://www.bizstart.ru/artbiz/2-didakticheskaya-igra-predprinimatelskaya-ideya>.

Bibliography

1. Strategii innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda «Innovacionnaya Rossiya – 2020» / Minehkonmrazvitiya Rossii. – M., 2010.
2. Manuzina, E.B. Podgotovka studentov i aspirantov k innovacionnoj predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Mir nauki, kul'turij, obrazovaniya. – 2012. – № 6(37).
3. Dolgosrochnaya celevaya programma «Razvitie doshkol'nogo obrazovaniya v Altaj'skom krae» na 2011-2015 godih [Eh/r]. – R/d: http://www.educaltai.ru/lvl_1/rasv_doshkol_obr_2011_2015/2011/
4. [Eh/r]. – R/d: http://altairegion22.ru/region_news/e191102.html.
5. [Eh/r]. – R/d: <http://www.bizstart.ru/artbiz/2-didakticheskaya-igra-predprinimatelskaya-ideya>.

Статья поступила в редакцию 13.11.13

УДК 378

Zakharova T.V. **QUASI-PROFESSIONAL ACTIVITY IN PEDAGOGICAL EDUCATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVE.** In the article the general description of such types of quasi-professional activity as pedagogical projecting, research activity, play activity is presented. Much attention is paid for the description of project activity. The author presents his vision of the problems and prospective of using quasi-professional activity in the terms of the second-generation FSES (Federal State Educational Standards) implementation in pedagogical education.

Key words: contextual learning, quasi-professional activity: projecting, play activity, research activity and professional competence.

T.V. Захарова, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, zaharta2010@yandex.ru

КВАЗИПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В работе дано общее описание таких видов квазипрофессиональной деятельности как педагогическое проектирование, научно-исследовательская деятельность, игровая деятельность. Значительное место уделено

описанию проектной деятельности. Представлено видение автора на проблемы и перспективы использования квазипрофессиональной деятельности в условиях реализации ФГОС второго поколения в педагогическом образовании.

Ключевые слова: контекстное обучение, профессиональная компетентность, квазипрофессиональная деятельность: проектирование, игровая деятельность, научно-исследовательская деятельность.

В настоящее время, ведущим направлением и условием реализации образовательной политики является подготовка педагогических кадров, способных к профессиональной деятельности в условиях перехода общества на инновационные пути развития.

ФГОС нового поколения по направлению подготовки 050100 педагогическое образование призван решать задачи направленные на формирование профессиональной компетентности будущего педагога.

Под профессиональной компетентностью учителя понимается интегральная характеристика, определяющая способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной педагогической деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей [1, с. 8].

В число предложенных компетенций, входят, наряду с собственно профессиональными: учиться, самостоятельно добывать информацию, адаптироваться к новым ситуациям, ставить проблемы и принимать решения, работать в команде, отвечать за качество своей работы [2, с. 23].

Вербицкий А.А., разрабатывая технологию контекстного обучения, ввел понятие квазипрофессиональной деятельности.

Проблему квазипрофессиональной деятельности в контексте активного обучения в 90-х годах 20 века начал разрабатывать Вербицкий А.А. Деловую игру, как форму контекстного обучения исследовали под его руководством Борисова Н.В., Соловьев А.А., Даутова О.Б. Даутова в своих работах выделила такие формы квазипрофессиональной деятельности, как проектирование, создание и решение кейсов, организационно-деятельностные игры и научно-исследовательская работа студентов.

Квазипрофессиональная деятельность обязана своим появлением невозможности перенесения структур реальной профессиональной обстановки в стены высшего педагогического учебного заведения.

При сравнении деятельности, в которую включены студенты в профессиональных образовательных учреждениях и той деятельности, которой они будут заниматься, возможно увидеть несоответствие во всех структурных компонентах этих деятельностей: учебная деятельность предполагает развитую *познавательную мотивацию*, тогда как практическая – *профессиональную*; *предметом* учения является знаковая система учебной информация, деятельности инженера – вещество природы, учителя – душа (психика) ребенка и т.п.; *содержание обучения* «рассыпано» по множеству не связанных между собой учебных дисциплин, а в труде оно применяется системно; у *студента* «эксплуатируется» в основном *внимание, восприятие, память* и моторика, тогда как в труде он выступает целостной личностью, триединством тела, души и духа; *студент занимает «ответную» позицию*, проявляет активность в ответ на управляющие воздействия преподавателя; *студент получает статичную учебную* информацию, а в труде она используется динамично во времени и пространстве в соответствии с технологическим процессом; *в обучении студент* выступает принципиальным одиночкой (принцип индивидуализации), тогда как всякий производственный процесс совершается в совместной деятельности специалистов [2].

На разрешение всех этих противоречий и направлено контекстное обучение.

В контекстном обучении А.А. Вербицкий выделяет три *базовые* формы деятельности: учебная деятельность *академического типа*; *квазипрофессиональная деятельность*, моделирующая в аудиторных условиях и на языке науки условия, содержание и динамику производства, отношения занятых в нем людей; *учебно-профессиональная деятельность* [2, с. 44].

Формами квазипрофессиональной деятельности, считает О.Б. Даутова, могут являться: проектирование, создание и решение кейсов, организационно-деятельностные игры и научно-исследовательская работа студентов [1].

Научно-исследовательская деятельность студентов – это выполнение творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным решением и предполагающим наличие основных этапов исследования в научной сфере (постановка проблемы, изучение теории, сбор материала, его анализ и обобщение, подбор методик исследования, практическое овладение ими, подведение итогов) [1, с. 34].

Целью исследовательской деятельности является построение нового знания.

Существует несколько моделей научных исследований.

Модель 1. «Обучение исследованию».

Цель: не столько достижение результата, сколько освоение самого процесса исследования.

Модель 2. «Приглашение к исследованию» (Д. Шваб).

Цель: развитие проблемного видения, стимулирование поискового мышления.

Модель 3. «Систематическое исследование» (по Микаэлису).

Цель: формирование научного мышления, синтез процесса исследования и его результатов.

Какую бы модель мы не использовали, в процессе научно-исследовательской работы студентов формируются профессиональные компетенции в области методической, управленческой и проектной деятельности.

Наиболее ярко квазипрофессиональная деятельность представлена в деловой игре: она воссоздает предметное, социальное и психологическое содержание реального профессионального труда специалиста, задает целостный контекст его деятельности. В игре выделяют имитационную модель игры, которая отражает выбранный фрагмент реальной действительности и задает предметный контекст профессиональной деятельности специалиста и игровую модель, являющуюся способом описания работы участников с имитационной моделью, что задает социальный контекст профессиональной деятельности специалистов [2].

В результате происходит формирование социальной и предметной компетентности, профессиональной мотивации специалиста.

Технологии проектирования посвящен ряд исследований Е. С. Заир-Бек, И.А. Колесниковой, В.Е. Радионова и др. При рассмотрении проблемы проектирования мы опирались на работы И.А. Колесниковой, М.П. Горчаковой-Сибирской [6].

Метод проектов был взят нами за основу разработки воспитательных мероприятий в дополнительном образовании студентов по направлению «Организация образовательной деятельности в сельской малокомплектной школе». Студентам было предложено разработать педагогические проекты с обязательным включением сельского социума в создание данных проектов. Замкнутость социального пространства, удаленность культурных и образовательных центров, малочисленность школьного и классного коллективов создают ряд проблем при организации образовательной деятельности учащихся [3, с. 8].

Данные проблемы помогает «снять» использование технологии проектирования в организации образовательного процесса. В процессе использования метода проектов, считает Е.Н. Землянская, формируются исследовательские компетенции, компетенции социального взаимодействия, оценочные, презентационные, рефлексивные; менеджерские [4].

При организации проектной деятельности Е.Н. Землянская, выделяет несколько этапов.

1. Этап – выбор темы и задачи проекта. Важно помнить, что тема проекта не должна задаваться взрослыми. В крайнем случае, допустим выбор одной темы из нескольких предложенных. Именно этот этап оказался одним из наиболее сложных. Студенты столкнулись с такой трудностью, как выбор формы взаимодействия и соотнесения ее с интересами учеников.

2. Этап не менее простой – выдвижение первоначальных идей. Важно не «навязывать» учащимся свою идею. Идея включает в себя понимание цели и пути ее достижения.

3. Выбор лучшей идеи. В результате данного этапа учащиеся должны выбрать одну идею из всего множества предло-

женных ранее, которая и будет реализована в конечном продукте проекта.

4. Этап – планирование проектного задания или, «проектный этап». Каждая группа учащихся, разрабатывает для себя проектное задание исходя из темы и идеи проекта.

5. Этап 5. Школьники приступают к индивидуальному, групповому или коллективному выполнению задуманного проекта, собирают материал, предлагают разнообразные варианты его использования в проекте.

6. Этап – оценка и защита проекта. Это защита вариантов выполненных заданий проекта, самооценка и рефлексия своей деятельности участниками, экспертная оценка, предложения по совершенствованию деятельности.

Затем, из защищенных вариантов «составляется» конечный сценарий проекта, который и реализуется. Не менее важен послепроектный этап, внутри которого И.А. Колесникова и М.П. Горчакова-Сибирская [5] выделяют следующие процедуры: апробация, распространение результатов и продуктов проектной деятельности, выбор вариантов продолжения проекта.

Таким образом, у участников проектирования развиваются профессиональные компетенции в области проектирования.

Вместе с тем, в настоящее время существуют определенные проблемы введения квазипрофессиональной деятельности в учебный процесс педагогического образовательного учреж-

дения. Разрабатывая теорию контекстного обучения, А.А. Вербицкий ориентировался на учебный процесс технического вуза. Поэтому, первая проблема связана с адаптацией данного понятия в гуманитарное образование, а также с определением конкретных форм и методов использования ее в педагогическом образовании. Следующая трудность определяется регламентированием учебного времени и времени, отведенного на педагогическую практику. Кроме того, у многих будущих учителей слабо сформировано умение руководить составлением проекта учениками.

Перспективы использования квазипрофессиональной деятельности связаны, прежде всего, с формированием профессиональных компетенций будущего специалиста, способного решать профессиональные задачи: изучать возможности, потребности, достижения обучающихся в области образования и проектирование на основе полученных результатов индивидуальных маршрутов их обучения, воспитания, развития; организовывать обучение и воспитание в сфере образования с использованием технологий, соответствующих возрастным особенностям обучающихся и отражающих специфику предметной области; организовывать взаимодействие с общественными и образовательными организациями, детскими коллективами и родителями; использовать возможности образовательной среды для обеспечения качества образования.

Библиографический список

1. Даутова, О.Б. Профессиональная компетентность педагога-воспитателя. – СПб., 2005.
2. Вербицкий, А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М., 2004.
3. Байбородова, Л.В. Сопровождение образовательной деятельности сельских школьников. – Ярославль; М., 2008.
4. Землянская, Е.Н. Учебные проекты в экономической подготовке школьников // Школьные технологии. – 2005. – № 4.
5. Колесникова, И.А. Педагогическое проектирование / И.А. Колесникова, М.П. Горчакова-Сибирская. – М., 2005.

Bibliography

1. Dautova, O.B. Professionalnaya kompetentnostj pedagoga-vospitatelya. – SPb., 2005.
2. Verbitskiy, A.A. Kompetentnostniy podkhod i teoriya kontekstnogo obucheniya. – M., 2004.
3. Bayborodova, L.V. Soprovozhdenie obrazovatel'noy deyatel'nosti sel'skikh shkol'nikov. – Yaroslavl; M., 2008.
4. Zemlyanskaya, E.N. Uchebniye proekti v ehkonomicheskoy podgotovke shkol'nikov // Shkol'niye tekhnologii. – 2005. – № 4.
5. Kolesnikova, I.A. Pedagogicheskoe projektirovanie / I.A. Kolesnikova, M.P. Gorchakova-Sibirskaya. – M., 2005.

Статья поступила в редакцию 13.11.13

УДК 14.35.01

Chichkanova I.N., Zotova T.N. **ADAPTATION TO TRAINING AT HIGHER SCHOOL AS A CONDITION OF QUALITY TRAINING OF STUDENTS.** In the article the problem of the first-year students adaptation for the learning at higher school is updated. The author considers factors and conditions that affect the process of adaptation, proves that the continuity of education in the system of higher school is important condition for an adequate process of adaptation, contributing to a significant reduction of difficulties in learning, significantly affecting the motivation and, as a consequence, to the effectiveness of education.

Key words: adaptation, adaptability, first-year students, succession, difficulties learning in the effectiveness of training.

И.Н. Чичканова, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: artpav-71@mail.ru;
Т.Н. Зотова, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: zotova_tn@mail.ru

АДАПТАЦИЯ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

В статье актуализируется проблема адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе, рассматриваются факторы и условия, влияющие на процесс адаптации, доказывается, что преемственность образования в системе «школа-вуз» – важное условие адекватного протекания адаптации, способствующее значительному снижению трудностей в обучении, существенно влияющее на мотивацию и, как следствие, на результативность обучения.

Ключевые слова: адаптация, адаптивность, студенты-первокурсники, преемственность, трудности в обучении, результативность обучения.

При поступлении в педагогический вуз каждый первокурсник сталкивается с противоречиями между содержанием, средствами, формами, методами обучения в школе и в высшем учебном заведении; между субъективными ожиданиями, запросами и объективно необходимым поведением в условиях нового статуса. Это закономерно, т.к., оказываясь в новой ситуации соци-

ального развития, студент не имеет (и не может иметь) достаточных представлений об изменившихся условиях педагогического процесса, об установках и требованиях, объективных и субъективных трудностях, о новом этапе жизни в целом. От оперативности их разрешения зависит успешность адаптации к новым условиям обучения, что дает возможность прогнози-

вать результативность профессионального становления личности будущего педагога. При этом важно вчерашнему выпускнику школы не значительно облегчить условия адаптации к вузу, а при разумных затратах времени и сил добиться оптимума его развития, т.к. адаптация должна выполнять мобилизующие функции.

Адаптация личности к социальным условиям, следовательно, к профессиональным условиям – весьма сложное и многоаспектное явление, исследование которого проводится по многим направлениям. Изучение ее социологического аспекта прямо или косвенно осуществлялось в работах социологов Э. Дюркгейма, Дж. Мида, Г. Тарда. Первые исследования в области профессионального педагогического образования по данной проблеме были проведены отечественными психологами М.И. Педоянсом, П.А. Просецким в 50-70-е годы XX века. В современной педагогике вопросы адаптации рассмотрены в работах А.Д. Андреевой, С.М. Годника, А.Г. Мороза, В.А. Сластенина, В.Т. Хорошко и других.

Под адаптацией в биологии понимают приспособление строения и функций организмов и их групп к условиям существования. В физиологии и медицине этот термин обозначает также процесс привыкания. Все более активно понятие «адаптация» используется и в социальных науках отражая стремление представителей этих наук более целостно подойти к человеку в процессе освоения им новых социальных, профессиональных ролей. В социально-педагогическом аспекте под адаптацией подразумевается выработка наиболее адекватных форм поведения в условиях меняющейся микросоциальной среды.

Адаптивность, способность к приспособлению, у людей различна. Многие ученые подчеркивают тесную зависимость адаптивности от состояния защитных сил организма в целом, от его биоэнергетического потенциала, от данных природой способностей человека (умственных и физических), определяющих его обучаемость в самом широком смысле. Немаловажную роль играют особенности строения и функционирования нервной системы, сила и баланс нервных процессов возбуждения и торможения.

Существует несколько точек зрения на характер протекания процесса адаптации. Первая – адаптация есть лишь приравнивание к новым условиям. Адаптироваться, значит освоиться, привыкнуть. Так, в частности, Д.А. Андреева читает, что адаптация есть «преодоление затруднений через привыкание» [1, с. 4]. Вторая – человек, адаптируясь в новой социальной среде, активно взаимодействует с ней. Исследования, проведенные Н.В. Соловьевой, доказывают, что без специальной целенаправленной работы по адаптации студентов к условиям обучения в вузе может растягиваться до двух лет [2].

На необходимость активного поведения в изменившейся ситуации указывает В.Т. Хорошко, понимая под адаптацией процесс оптимального и активного приспособления студентов к новым вузовским условиям обучения и воспитания посредством организации и самоорганизации деятельности студентов, специально направленной для осуществления данного процесса [3]. Все это требует от индивида осознания специфики новых условий, необходимой активности и творческого подхода к построению своей жизнедеятельности.

Теоретической моделью, позволяющей убедиться в необходимости активного участия личности в адаптации к предметной и познавательной деятельности, может служить понимание связи свойств человека как личности и его же свойств как субъекта деятельности, сформулированное Б.Г. Ананьевым в работе «Человек как предмет познания». Он отмечает, что субъект всегда личность, а личность всегда субъект, но субъект не только личность, а личность не только субъект, что «совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность – совокупностью общественных отношений» [4, с. 23].

Анализ и обобщение литературных источников, опыта практической деятельности показывает, что без активного самоизменения личности успех адаптации к предметной деятельности не может быть обеспечен. Для успешного протекания адаптации выпускников школы к вузовским условиям необходима система мер со стороны руководства образовательным процессом. Преподавателям необходимо знать содержание и технологии образования на каждом этапе обучения, отчетливо представлять, какие трудности переживают студенты, оказавшись в изменившихся условиях, какие потребности побуждает вузовская сре-

да, что нужно изменить, чтобы она не казалась враждебной для них, какие ценности нужно привить, обеспечивая творческую адаптацию, что ожидают студенты от учебы в вузе и др.

Система ожиданий, по мнению С.М. Годника, «фокусирует потребности и мотивы личности, как бы программирует ее притязания и ценностные ориентации, из которых, в свою очередь, вытекают установки на такую деятельность, которая способствует осуществлению ожиданий, представляет максимальные возможности для реализации потребностей на высшем уровне притязаний» [5, с. 77].

Выпускникам школ, успешно преодолевшим конкурсный отбор по результатам единого государственного экзамена, был задан вопрос: «Что вы ожидаете от учебы в вузе?». Анализ полученных ответов показал, что молодежь настроена максимально использовать возможности вуза, готова приобретать новые знания, необходимые для профессионального становления. Ответы на тот же вопрос, но после двухмесячного обучения в вузе показали, что студенты хотели бы сохранить в вузе все то лучшее, что было в школе. Таким образом, ожидания вчерашних школьников преемственны с будущим, а ожидания студентов вуза, в определенной мере, обращены в прошлое.

Это можно объяснить, выявив особенности «вхождения» первокурсников в вузовскую среду. Студентам было предложено ответить на вопросы: 1. Отличается ли учебная деятельность в вузе от учебной деятельности в предшествующем учебном заведении? 2. Подготовило ли ранее оконченное учебное заведение к обучению в вузе? 3. Испытываете ли Вы трудности, связанные с учебной деятельностью в вузе?

Так, 73% первокурсников ответили, что учебная деятельность в вузе достаточно отличается от учебной деятельности в предыдущем учебном заведении (в школе), 21,1% студентов указали на то, что часто испытывают трудности, связанные с учебной деятельностью; 52,7% респондентов ответили – не часто, но и не редко. Фактически три четверти студентов испытывают различного рода трудности и не могут сразу полноценно включиться в учебный процесс в вузе. Это обусловлено несоответствием между личностными возможностями студентов и требованиями педагогического процесса в вузе. При переходе из школы в вуз изменяются статус студентов; цели, задачи, установки, требования к образованию студентов; учебные планы, содержание, формы, методы педагогического процесса; профессиональная квалификация преподавателей и коллектива в целом. Это приводит к возникновению трудностей при овладении новыми видами учебной деятельности.

С.М. Годник трактует трудности студентов как «субъективное ощущение недостаточности условий, необходимых для разрешения противоречий при переходе с одной ступени на другую» [5, с. 126]. При наличии педагогических условий, разрешающих эти противоречия. Они являются движущими силами педагогического процесса, а при их отсутствии обостряющиеся противоречия чреваты возникновением стрессов и неуправляемых конфликтных ситуаций.

Кроме того, при поступлении в вуз трудности в обучении связаны с особенностью выработки динамического стереотипа. Сформировать заново новую совокупность умений и навыков гораздо легче, чем перестраивать имеющуюся. Поступление выпускников школы в вуз и последующее их приспособление к новым формам и методам обучения является не столько процессом выработки нового стереотипа, сколько перестройки старого. Сложившийся стереотип учебной деятельности при изменении условий не сразу поддается разрушению, а его перестройка требует значительных усилий. Действия и операции учебной деятельности, освоенные на предшествующем этапе обучения, давали желаемые результаты, однако их перенос в условия высшего учебного заведения приводит к затруднениям, о чем свидетельствует невысокая результативность сдачи, а иногда и «срывы» во время первой сессии.

Известно, что субъект лишь тогда может быть удовлетворен учебной деятельностью, когда она осуществляется умело, с максимальной продуктивностью. Осмысленная цели и содержание образования при переходе на вузовскую ступень, выпускники школ корректируют возникшие притязания и установки, их исходные притязания трансформируются в реальные ориентации, что способствует появлению стремления к непрерывному общекультурному и профессиональному развитию.

Соблюдение преемственности в содержании, формах, методах обучения на различных ступенях образования является

основой взаимопонимания с обучающимися, стимулирования самореализации, самоутверждения личности в качестве подлинного субъекта педагогического процесса.

Понятие преемственности характеризует требования, предъявляемые к знаниям и умениям учащихся на каждой ступени обучения, формам, методам и приемам объяснения нового материала и ко всей последующей работе по его усвоению. По мнению С.М. Годника [6, с. 30], преемственность должна рассматриваться как последовательность опосредованного взаимодействия с учащимися, в которой развитие каждого нового этапа обучения и воспитания осуществляется в диалектической

связи с предшествующим, а также с целями и задачами формирования личности. В контексте нашего исследования «предшествующим» является процесс обучения в школе, статус школьника, а «новым» – обучение в вузе, статус студента высшего учебного заведения.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости целенаправленной работы по активному включению личности студента в процесс учебной деятельности в вузе. Решение данной проблемы будет способствовать значительному снижению трудностей в обучении и существенно повлиять на его мотивацию и, как следствие, на результативность.

Библиографический список

1. Андреева, Д.А. О понятии адаптация: исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. – Л., 1978. – Вып. III.
2. Соловьева, Н.В. Формирование умений самостоятельной работы слушателей подготовительных курсов как средство их адаптации в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Л., 1986.
3. Хорошко, В.Т. Основы организации процесса адаптации студентов к условиям вуза: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1979.
4. Ананьев, Б.Г. О преемственности в обучении // Советская педагогика. – 1953. – № 2.
5. Годник, С.М. Процесс преемственности высшей и средней школы. – Воронеж, 1981.
6. Годник, С.М. Теоретические основы преемственности средней и высшей школы в условиях непрерывного образования: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. – М., 1990.

Bibliography

1. Andreeva, D.A. O ponyatii adaptatsiya: issledovanie adaptatsii studentov k usloviyam uchebih v vuze // Chelovek i obshchestvo. – L., 1978. – Vihp. III.
2. Solovjeva, N.V. Formirovanie umeniy samostoyatel'noy rabotih slushatelej podgotovitel'nykh kursov kak sredstvo ikh adaptatsii v vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – L., 1986.
3. Khoroshko, V.T. Osnovih organizatsii processa adaptatsii studentov k usloviyam vuza: dis. ... kand. ped. nauk. – M., 1979.
4. Ananjev, B.G. O preemstvennosti v obuchenii // Sovetskaya pedagogika. – 1953. – № 2.
5. Godnik, S.M. Process preemstvennosti vihshey i sredney shkolih. – Voronezh, 1981.
6. Godnik, S.M. Teoreticheskie osnovih preemstvennosti sredney i vihshey shkolih v usloviyakh neprerivnogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... d-ra. ped. nauk. – M., 1990.

Статья поступила в редакцию 13.11.13

УДК 159.922

Peskova E.P., Koval V.V. **TRAINING OF SENSITIVITY AS MEANS OF FORMING EMPATHY ABILITIES WHEN A YOUTH.** The given article presents theoretical basics of empathy abilities of young men, results of their research are presented and opportunities of forming by means of training of sensitivity.

Key words: empathy, empathy abilities, empathy, sympathy, sensitivity, sensitiveness, prediction.

Е.П. Пескова, соискатели ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск;

В.В. Коваль, соискатели ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: v—koval@mail.ru

ТРЕНИНГ СЕНЗИТИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПАТИЙНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В данной статье рассматриваются теоретические основы эмпатийных способностей юношей, представлены результаты их исследования и возможности формирования посредством тренинга сензитивности.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатийные способности, сопереживание, сочувствие, сензитивность, чувствительность, прогнозирование.

Гуманизация современного образования, создание лично-ориентированной модели педагогического пространства с настоятельной необходимостью требуют пересмотра и переоценки основных психолого-педагогических факторов полноценного развития личности ребенка. Особую актуальность приобретает процесс утверждения новых ценностей, главной из которых является формирование духовной культуры личности, неотъемлемой частью которой является эмоциональная зрелость, богатство чувств, способность к сопереживанию, сочувствию, умение радоваться за другого. Ключевым условием таких процессов является эмпатия.

Способность человека к эмпатии, то есть к сочувствию, сопереживанию за другую личность, называется эмпатийными способностями.

Как любое эмоциональное явление, эмпатийные способности поддаются развитию. В онтогенезе ребенка выделяют два последовательно развивающихся механизма эмпатии:

1) сопереживание как совместное переживание на неблагоприятное другого;

2) сочувствие – осознанный отклик на эмоциональное состояние другого.

Рассматривая структуру эмпатийных способностей, принято считать эмпатию, как сложное, целостное образование, которое можно конструировать как совокупность микропроцессов.

В структуре эмпатийных способностей выделяют три уровня:

1) формально-динамический, определяющий динамические свойства эмпатии (особенности протекания и возникновения эмпатических реакций) и качественные свойства, выражающие психологическое содержание эмпатического процесса (когнитивная, эмоциональная, предиктивная и действенная эмпатия);

2) содержательно-личностный уровень, в который входят те стороны эмпатии, с помощью которых возникает эмпатическая реакция на конкретные объекты и стимулы;

3) императивный уровень, (индивидуальные и общественные представления об эмпатии: о культуре проявления эмпатических реакций, нормах, знаниях в конкретной области) [1].

Развитие эмпатийных способностей у юношей связано с их эмоциональной возбудимостью, а также с влиянием социальных групп, в которых они воспитываются [2].

В юношеском возрасте особенно важна потребность в дружеских отношениях, которые предполагают тенденцию к полному осмыслению и признанию другого, устанавливая интимно-личностный характер общения и взаимодействия со сверстниками, а затем и со значимыми взрослыми.

Таким образом, в юношеском возрасте крайне необходимо формировать эмпатийные способности для успешной реализации себя в социуме, комфортности в общении со сверстниками и другими членами общества.

Эмпатийные способности можно формировать с помощью игровых методов, интерактивных занятий, тренинга активного слушания. Очень мощное воздействие на формирование эмпатийных способностей оказывает тренинг сензитивности.

Сензитивность, то есть способность чувствовать и воспринимать – необходимое условие эффективного взаимодействия с окружающими. Социуму нужна хорошо развитая психологическая внимательность и наблюдательность, важно уметь распознавать собственные эмоции и мотивы, чтобы понимать, чего мы хотим в той или иной ситуации, важно уметь видеть эмоции и мотивы других людей, чтобы различать ложь и правду, угрозы и реальную опасность, сомнения и доверие. Способность понимать свое и чужое состояние, уметь управлять им, уметь использовать это знание о взаимодействии с окружающими, всё это возможно лишь при хорошо развитой сензитивности [3].

Понятие «сензитивности» используется очень широко и неоднозначно. Понятие «сензитивности» (или межличностной чувствительности) в практике зарубежной социальной психологии сформировался к концу 50-х гг. XX в.

Существует два подхода к определению понятия «сензитивность». Многие авторы рассматривают ее как целостное, общее свойство, как способность предсказывать (прогнозировать) чувства, мысли и поведение другого человека.

Другие авторы отдают предпочтение многокомпонентной теории (Г. Смит). Американский психолог Г. Смит считает, что ответ на вопрос, какую точку зрения стоит принять, зависит от того, что мы хотим: отбирать сензитивных людей или же тренировать их. При отборе должно быть отдано предпочтение взгляду на сензитивность как на общую способность, для тренинга больше подходит многокомпонентная теория, так как именно она дает ключ к тому, с чего начинать тренинг, для чего тренировать, как это делать, и, добавив дуга себя, – что тренировать [3].

В частности, Г. Смит выделяет четыре компонента сензитивности: наблюдательскую, теоретическую, номотетическую и идеографическую.

Основанием для такой классификации послужил анализ теорий и практики специалистов в области сензитивного тренинга, а также собственный опыт автора.

Таким образом, сензитивность может рассматриваться как способность, обеспечивающая отражение и понимание, запоминание и структурирование социально-психологических характеристик человека и группы и прогнозирование их поведения и деятельности.

Тренинг сензитивности – частная форма (составная часть) социально-психологического тренинга общения, основанная на тренировке межличностной чувствительности в процессе социального взаимодействия и направленная на развитие способностей адекватного и полного познания себя, других людей и отношений, складывающихся в ходе общения.

Основные цели тренинга сензитивности:

Общие цели тренинга сензитивности: 1. Формирование у индивида духа исследования, готовность экспериментировать со своей ролью. 2. Развитие аутентичности в межличностных отношениях. 3. Расширение межличностного сознания, то есть знания о других людях. 4. Выработка способности вести себя с окружающими в сотрудничающей, а не авторитарной манере.

Непосредственные цели тренинга сензитивности: 1. Рост самосознания участников, связанный с получением сведений о том, как другие воспринимают поведение каждого. 2. Обострение чувствительности к групповому процессу, поведению других, связанное, прежде всего с восприятием более полного ряда коммуникативных стимулов, получаемых от других (обычно, формулируя эту цель, используют понятие эмпатии). 3. Понимание условий, которые затрудняют или облегчают функционирование этой группы. 4. Развитие диагностических умений в межличностной сфере. 5. Развитие умений успешно вмешиваться во внутригрупповые и межгрупповые ситуации, обучение тому, как учиться.

Тренинг сензитивности включает психотехнические упражнения, которые развивают возможности улавливать и запоминать широкий спектр сигналов, поступающие от других людей, что позволяет получать целостный и в то же время детализированный образ человека и группы [3].

Для тренировки сензитивности по отношению к невербальным аспектам общения используются задания, выполнение которых требует фиксации особенностей внешнего облика, мимики, жестикуляции, поз, вегетативных изменений, микроэкспрессии глаз, паралингвистических компонентов звучащей речи и так далее.

Психотехнические упражнения, направленные на фиксацию вербальных аспектов поведения другого, включают задания, связанные с запоминанием содержания, его изменения, установлением «авторства» мысли, идеи, своеобразия композиции высказываний и аргументации.

Для развития чувствительности к пространственно-временным характеристикам взаимодействия людей предлагаются задания, требующие фиксации дистанции взаимодействия, пространственного расположения, перемещений, ритма движений.

Высокий уровень сензитивности позволяет освободиться от штампов во взаимодействии с людьми, обеспечивает более гибкий, индивидуальный стиль в общении.

Целью исследования явилось выявление эффективности реализации тренинга сензитивности, направленного на формирование эмпатийных способностей юношей.

Исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе определялся уровень эмпатийных способностей юношей, с помощью «Методики диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко [4].

После проведения методики, получились следующие результаты: с высоким уровнем эмпатийных способностей не было выявлено ни одного испытуемого, то есть юношей с глубоким и точным пониманием другого человека, способных к сочувствию, сопереживанию за другого, среди испытуемых не оказалось. Со средним уровнем развития эмпатийных способностей было выявлено 15% юношей. У данных испытуемых особенно ярко проявлялся интуитивный канал эмпатии: они часто предугадывали поведение собеседника; в условиях дефицита информации о партнере, действовали, опираясь на опыт, хранящийся в подзнании. С заниженным уровнем эмпатийных способностей было выявлено 80% испытуемых. Данные респонденты часто испытывали затруднения в установлении контактов с людьми; неуютно чувствовали себя в большой компании; эмоциональные проявления окружающих часто казались им непонятными и лишенными смысла; при недостаточном внимании окружающих, чувствовали свою отчужденность. Очень низкий уровень эмпатийных способностей был выявлен у 5% испытуемых. Данные респонденты оказались «слепы» к чувствам и мыслям окружающих, их больше интересовали собственные выводы; им часто ошибочно казалось, что они хорошо знают и понимают других; взаимопонимание с окружающими было затруднено.

Таким образом, результаты исследования показали, что у большинства юношей эмпатийные способности развиты слабо. У них недостаточно развито понимание категорий радость, грусть, сострадание, которые отражают эмоциональное отношение к другому. Они не умеют выражать свои желания, чувства, мнения так, чтобы они были понятны окружающим, и принимать их точку зрения. Им сложно найти достойный выход из конфликтной ситуации. Все это затрудняет их взаимодействие с окружающими.

Далее с испытуемыми проводился тренинг сензитивности, направленный на формирование коммуникативных навыков активного и эмпатического слушания, эффективных способов влияния и установления (поддержания) контакта с учетом интересов, намерений и состояний партнера, формирование навыков убеждающего воздействия, на развитие коммуникативной компетентности и чуткости в межличностных отношениях и восприимчивости к происходящим в группе процессам.

После проведения тренинга сензитивности с испытуемыми повторно была проведена «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко.

После проведения методики были получены следующие результаты: с высоким уровнем эмпатийных способностей было выявлено 40% испытуемых, со средним – 50%, с заниженным – 10%. Респондентов с очень низким уровнем эмпатийных способностей выявлено не было.

Хочется отметить, что после проведения тренинга сензитивности, испытуемые стали чаще предугадывать поведение

собеседника, более точно понимать партнера по общению: его эмоции, чувства, состояние, активно использовать «подстройку» в общении.

Таким образом, результаты исследования показали, что проведение тренинга сензитивности способствует повышению уровня эмпатийных способностей юношей.

Библиографический список

1. Абрамова, Г.С. Практическая психология. – М., 2005.
2. Юсупов, И.М. Психология эмпатии (Теоретические и прикладные аспекты). – СПб., 1995.
3. Смит, Г.К. Тренинг прогнозирования поведения: тренинг сензитивности. – М.; СПб., 2001.
4. Диагностика уровня эмпатических способностей // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособ. / ред. и сост. Д.Я. Райгородский. – Самара, 2001.

Bibliography

1. Abramova, G.S. Prakticheskaya psikhologiya. – M., 2005.
2. Yusupov, I.M. Psikhologiya ehmpatii (Teoreticheskie i prikladnihe aspektih). – SPb., 1995.
3. Smit, G.K. Trening prognozirovaniya povedeniya: trening sensitivnosti. – M.; SPb., 2001.
4. Diagnostika urovnya ehmpaticheskikh sposobnostey // Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testih: ucheb. posob. / red. i sost. D.Ya. Raygorodskiy. – Samara, 2001.

Статья поступила в редакцию 13.11.13

УДК 159. 92

Trubnikova N.I., Trubnikov V.E. LEVELS OF LIFE SELF-DETERMINATION OF THE PEDAGOGICAL INSTITUTE GRADUATES. The article presents the research results of life self-determination of the pedagogical institute graduates studying at the faculty of psychology. The levels of the students' self-determination are defined and studied.

Key words: life self-determination, levels, life sense, life-sense orientations, time perspective, future.

Н.И. Трубникова, канд. психол. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск;

В.Е. Трубников, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, Email: krikp@bk.ru

УРОВНИ ЖИЗНЕННОГО САМООТРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье представлены результаты исследования жизненного самоопределения студентов-выпускников педагогического вуза, которые учатся на факультете психологии; сформулированы и исследованы уровни жизненного самоопределения у студентов-выпускников.

Ключевые слова: жизненное самоопределение, уровни жизненного самоопределения, смысл жизни, смысложизненные ориентации, временная перспектива, будущее.

Жизненное самоопределение молодежи можно рассматривать как одну из основных форм включения в социальную структуру [1]. Оно детерминируется не только влиянием внешних факторов, обуславливающих процесс включения, но и собственной мотивацией жизнедеятельности молодежи. Жизненное самоопределение является как бы итогом определенной взаимосвязи социального, профессионального, общественно-политического, мировоззренческого, межличностного и других видов самоопределения. Можно также сказать, что жизненное самоопределение представляет собой процесс целенаправленной выработки личностью жизненных смыслов и целей, жизненной стратегии и тактики с целью реализации своей концепции жизни.

Самоопределение – основа самоутверждения человека в обществе, одно из главных решений в жизни [1]. От успешности самоопределения во многом зависит эмоциональное благополучие и качество жизни человека.

Следует также отметить, что многие исследователи рассматривают готовность к самоопределению как показатель эффективности образовательного процесса (Т.М. Буякас, В.П. Зинченко, Т.Н. Кожевникова, О.М. Красноярцева, Л.М. Митина, Т.А. Сундукова и др.).

Не случайно, что в настоящее время остро актуальным становится вопрос жизненного самоопределения – самостоятельного выбора человеком ценностных ориентиров, построения им своей собственной жизни, обретения им внутренней целостности и адекватной позиции в обществе.

Многие психологи считают самоопределение центральным моментом юношеского возраста (Л.И. Божович, И.В. Дубровина, И.С. Кон, А.В. Мудрик и др.). В этот период у человека возникает особое целостное новообразование, которое в психологической литературе обозначается термином «самоопределение» [5]. Именно в юношеском возрасте перед человеком встают фундаментальные задачи социального и личностного самоопределения. Все чаще возникают такие серьезные вопросы как

поиск своего места в жизни, поиск своего дела в соответствии с возможностями и способностями, поиск смысла жизни [2].

В настоящий период ситуация самоопределения для подрастающего поколения осложнена еще и социальными трудностями, в связи с чем необходимо изучение психологии современных юношей и девушек, в частности проблемы жизненного самоопределения.

Проблемой жизненного самоопределения занимались многие отечественные и зарубежные ученые такие, как К.А. Абульханова-Славская, А. Адлер, Б.С. Братусь, Ш. Бюллер, М.Р. Гинзбург, Е.И. Головаха, И.В. Дубровина, А. Маслоу, А.В. Мудрик, Г.П. Ников, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, В.Ф. Сафин, В.И. Слободчиков, Э. Эрикссон и другие.

Анализ взглядов на проблему жизненного самоопределения человека в трудах известных зарубежных и отечественных психологов, принадлежащих к различным психологическим школам, приводит к выводу о том, что большинство авторов рассматривают самоопределение как осознание человеком своих возможностей, способностей, потребностей, желаний, интересов, своих относительно устойчивых характерологических качеств, соотнесения их с требованиями, предъявляемыми социальной ситуацией, на основе чего осуществляется постановка целей (А.Г. Асмолов, В.В. Барцалкина, М.Р. Гинзбург, И.С. Кон, А.В. Мудрик, И.Г. Шендрик, Д.И. Фельдштейн и др.).

Идеи самоорганизации, проникающие в современную психологическую науку, позволяют по-новому взглянуть на проблему готовности к жизненному самоопределению человека. Современное представление о человеке как самоорганизующейся системе, порождающей психологические новообразования, и, опирающейся на них в своем самодвижении, позволяет рассматривать самоопределение в процессе профессионального обучения, как поиск разрешения противоречия между образом мира и образом жизни, определение способов его разрешения [3]. В связи с этим самоопределение понимается нами как фор-

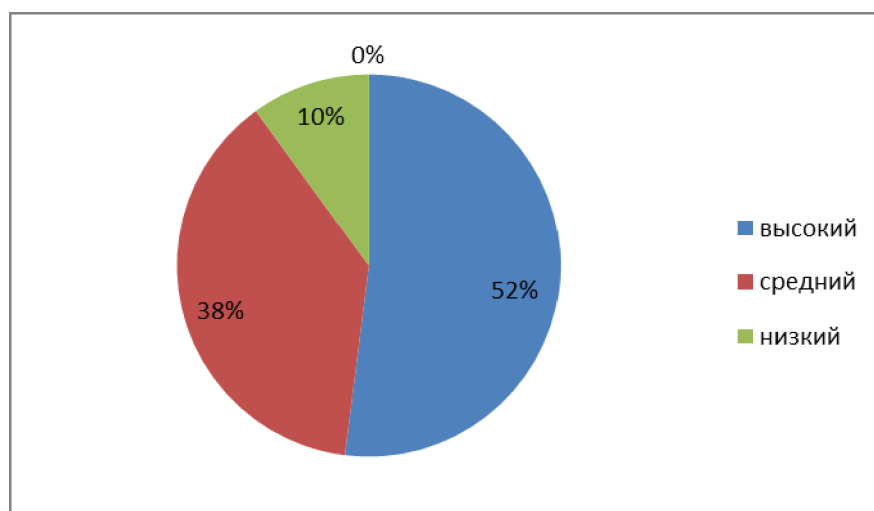

Рис. 1. Уровни осмысленности жизни студентов 5-го курса (данные в %)

Таблица 1

Результаты исследования осмысленности жизни студентов 5-го курса, полученные с помощью методики СЖО (Д.А. Леонтьева) N=40, данные в %

шкала \ уровень	ЦЖ	ПЖ	РЖ	ЛК – «Я»	ЛК – «Жизнь»
высокий	38	52	50	63	42
средний	57	39	38	30	44
низкий	5	9	12	7	14

ма самоорганизации психологической системы, усложняющаяся в процессе своего становления.

Жизненное самоопределение как понятие есть структурная целостность, раскрывающаяся через многие составляющие компоненты: ценностные ориентации, жизненный план, смысл жизни, временная перспектива жизни, которые определяют представления личности о будущем.

Анализ литературы по проблеме жизненного самоопределения показал, что психологи выделяют различные компоненты жизненного самоопределения, но большинство из них считают важнейшими компонентами жизненного самоопределения – осмысленность жизни и временную перспективу (В.В. Барцалкина, М.Р. Гинзбург, Е.И. Головаха, И.В. Дубровина, И.С. Кон, А.В. Мудрик, В.Ф. Сафин, И.Г. Шендрик и др.). По уровню развития компонентов жизненного самоопределения можно судить об уровне жизненного самоопределения человека [6; 7].

На основе анализа литературы и выделенных компонентов, мы попытались выделить уровни жизненного самоопределения.

Высокий уровень жизненного самоопределения характеризуется наличием четкой структурой ценностных ориентаций, то есть человек четко знает, что для него является в жизни главным, а что второстепенным; высокой осмысленностью жизни, у человека есть смысл жизни, то для чего он живет и к чему стремится; временная перспектива четкая имеются ближние и дальние цели планы на будущее. Высокий уровень жизненного самоопределения главным образом характеризуется четким и ясным образом будущего.

Средний уровень жизненного самоопределения характеризуется наличием ценностных ориентаций, но не четко структурированы, имеются незначительные противоречия; временная перспектива не четко дифференцируемая, имеется смысл жизни, но возможно не совсем определены цели для его реализации. В целом образ будущего немного размытый.

Низкий уровень жизненного самоопределения отсутствием структурированности ценностных ориентаций, ценности не определены, противоречивы или отсутствуют совсем; также характеризуется низким уровнем осмысленности жизни, либо отсутствием смысла вообще, то есть смысл жизни еще не определен. Временная перспектива короткая, то есть имеются планы и цели только на ближайшее будущее, либо не дифференцируемая что подразумевает не ясность временной реализации своих планов, целей. В общем, при низком уровне жизненного

самоопределения образ будущего является не четким, не дифференцируемым.

Так как в современной психологии нет единой методики для того, чтобы выявить уровни сформированности жизненного самоопределения, в связи с этим мы обратились к исследованию компонентов жизненного самоопределения. И через их исследование попытались определить уровни жизненного самоопределения студентов-выпускников. Поскольку важнейшими компонентами жизненного самоопределения являются осмысленность жизни, временная перспектива, в связи с этим были подобраны соответствующие методики такие, как тест «Смыслжизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьева), метод «Незаконченные предложения, сочинение «Мое будущее».

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина». В исследовании участвовали студенты 5-го курса факультета психологии (всего 40 человек).

В результате исследования осмысленности жизни студентов-выпускников были получены данные, которые представлены на рис. 1 и таблице 1.

Сравнение полученных данных по общему показателю осмысленности жизни показало, что большинство студентов 5-го курса (53%) высокий уровень осмысленности жизни. Смысл жизни представляет собой концентрированную описательную характеристику наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого. То, что придает жизни смысл, может лежать и в будущем (цели), и в настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни), и в прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни). Осмысленность жизни является внутренне неоднородной структурой. Составляющими смысла жизни личности можно рассматривать такие факторы, как цели в жизни, интерес и эмоциональную насыщенность жизни, удовлетворенность самореализацией, «Я – хозяин жизни», управляемость жизни.

Как видно из таблицы 1, студенты 5-го курса характеризуются целеустремленностью, наличием жизненных целей, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Только 5% имеют низкий уровень, это говорит о том, что они живут сегодняшним днем, перспективных планов они не строят.

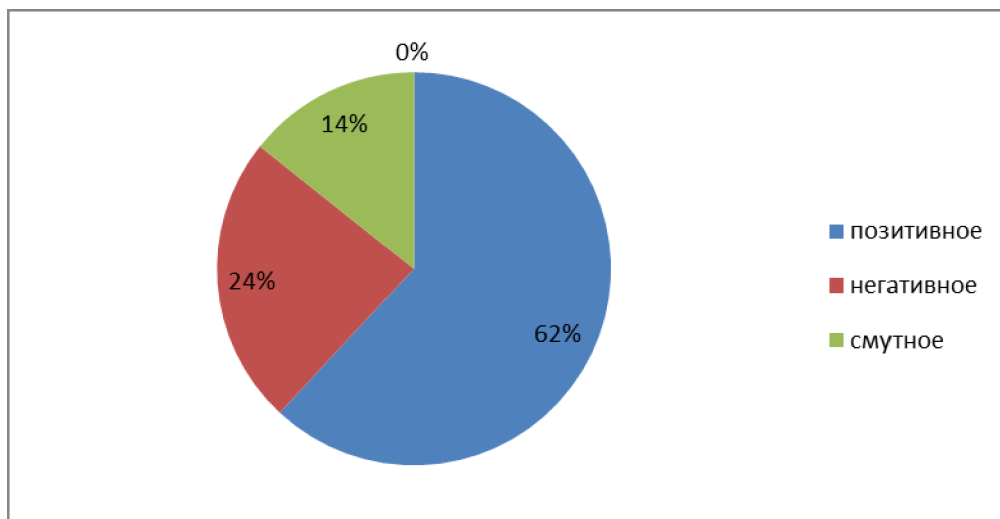

Рис. 2. Отношение к будущему у студентов 5-го курса (N = 40, данные в %)

Результаты исследования студентов 5-го курса, полученные с помощью сочинения «Мое будущее» (N = 40, данные в %)

Таблица 2

№	Планы и цели	Количество	Ранг
1	Закончить ВУЗ	89	1
2	Материальное благополучие	82	2
3	Создание семьи	70	3
4	Основать свое дело	65	4
5	Работать по специальности	62	5
6	Работать не по специальности	38	6
7	Возможность путешествовать	24	7
8	Нет никаких планов на будущее	5	8

Кроме того, большинство выпускников воспринимают свою жизнь как интересную, эмоционально насыщенную и наполненную смыслом. Только 9% студентов-выпускников недовольны своей настоящей жизнью.

Кроме того, 50% студентов 5-го курса оценивают пройденный отрезок жизни, как довольно продуктивный и осмысленный период своей жизни. Они ощущают успешность осуществления самого себя в жизни и в повседневной деятельности. И лишь 12% испытуемых имеют низкий уровень по шкале результативности жизни, они недовольны прожитой жизнью.

У большинства студентов-выпускников (63%) преобладают представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, способной построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле. И лишь 7% пятикурсников не верят в свои силы, не верят, что могут контролировать события собственной жизни.

У 42% студентов-выпускников мнение, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Только 14% пятикурсников считают, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Следующим этапом нашего исследования было проследить временную перспективу, выявить наличие планов и целей на будущее и увидеть образ будущего у студентов-выпускников. Для этого были использованы такие методики, как «Незаконченные предложения» и сочинение «Мое будущее».

На основе результатов методики «Незаконченные предложения», с помощью контент-анализа, были выделены характеристики будущего, такие как: позитивное, смутное и негативное. Позитивное будущее характеризуется, как светлое, веселое, счастливое, хорошее, интересное, насыщенное. Смутное характеризуется такими словами, как туманное, непонятное, неизве-

стное. Негативное будущее характеризуется, как мрачное, страшное, жуткое. Результаты, полученные с помощью методики «Незаконченные предложения», представлены в рис. 2.

Полученные данные показывают, что у большего числа испытуемых 5-го курса позитивное отношение к будущему, то есть они представляют, что они хотят достичь, и уверены, что они добьются этого. У 25% испытуемых смутное представление о будущем, они не знают, что будет и, как будет. У некоторых выпускников (15%) негативное представление о будущем, возможно, это связано с окончанием ВУЗа и выходом в самостоятельную жизнь. Вероятно, в связи с этим у пятикурсников появляется страх и неуверенность.

Анализ результатов, полученных с помощью «Методики незаконченных предложений», позволяет сделать вывод, что будущее видится студентам-выпускникам весьма оптимистичным и позитивным.

Следующим этапом нашего исследования было проследить временную перспективу, выявить наличие планов и целей на будущее и увидеть образ будущего у студентов для этого было использовано сочинение «Мое будущее». С помощью контент-анализа были выделены ключевые понятия и посчитаны частота их употребления. Результаты анализа представлены в таблице 2 и рис. 3.

Полученные данные говорят о том, что 89% испытуемых главной своей целью на сегодняшний день видят окончание ВУЗа, высшее образование, по их мнению, дает для них своего рода «путевку в жизнь». Также как и большинство студентов 5-го курса хотят достичь в жизни материального благополучия. Создание семьи планируют 70% выпускников, видят в этом смысл своей жизни. Самореализоваться большинство студентов (65%) хотят путем основания своего дела, которое будет им по душе и приносить им также материальные блага. Работать по специальности хотят 52% испытуемых, они видят себя в профессии и хотят посвятить себя помощи людям, чтобы реализовать свои знания, полученные при обучении на практике. Хотят работать не по специальности 38% студентов-выпускников, такой выбор они объясняют различными причинами. Хотят путешествовать 24% испытуемых, для того чтобы увидеть мир своими глазами. И лишь у 5% испытуемых нет никаких планов на будущее, возможно, что это можно объяснить отсутствием смысла в жизни.

Кроме того, студенты 5-го курса указывали, что им нравится в их профессии общение с людьми, возможность быть востребованным, помогать окружающим. Не нравится в будущей профессии: низкая заработная плата, у студентов 5-го курса наблюдается страх невостребованности на рынке труда.

Также с помощью сочинений «Мое будущее» у студентов 5-го курса была выявлена и охарактеризована временная перспектива. Были выявлены такие ее характеристики: близкая перспектива характеризуется планами и целями, которые студенты хотят реализовать в течение 1 года. Средняя перспектива характеризуется планами и целями, которые студенты планируют

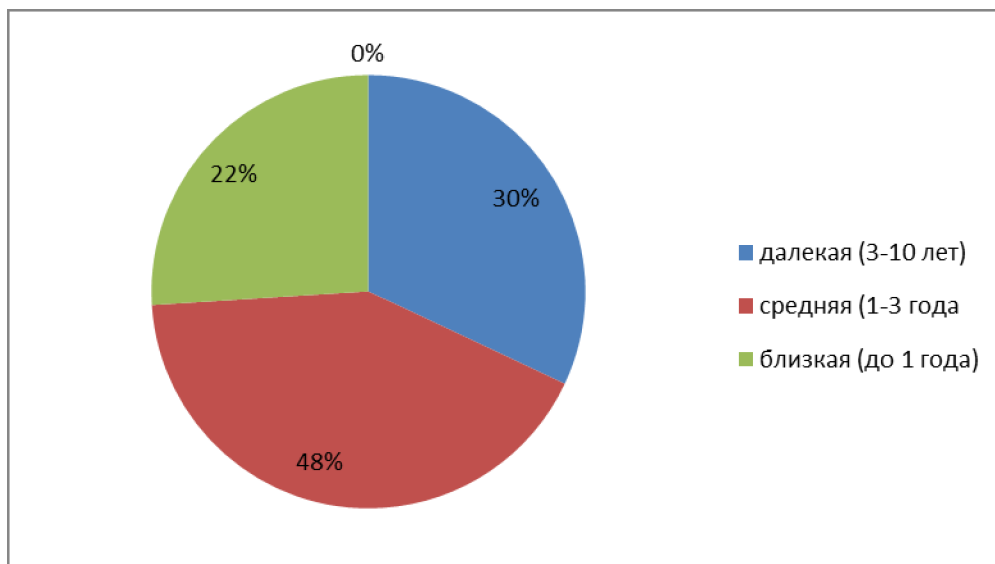

Рис. 3. Временная перспектива студентов 5-го курса (N = 40, данные в %)

реализовать в течение от 1 года до 3-х лет. И далекая перспектива, характеризующаяся планами и целями на временной промежуток от 3-х до 10-ти лет. Полученные результаты представлены в рис. 3.

У большинства испытуемых 5-го курса (48%) преобладает средняя временная перспектива. В этот период (от 1 года до 3 лет) они планируют реализоваться в профессиональной деятельности. Далекую временную перспективу имеют 32% испытуемых, они планируют устроить свою профессиональную карьеру, завести семью, получить второе высшее образование. И 26% студентов-выпускников близкая временная перспектива, на это время они планируют поступление в ВУЗ для получения второго высшего, поступление в аспирантуру, хорошую работу.

Полученные данные по сочинению «Мое будущее» свидетельствуют, что большинство выпускников связывают свой жизненный успех с достижением материального благополучия, обладанием интересной работы. Осуществление мечты о материальном благополучии и дела по душе имеет возможность реализоваться через получение образования. Большинство из них ставят получение образования на первое место. В настоящее время ценность получения высшего образования студенты рассматривают как неперемное условие жизненного успеха. Образование позволяет в перспективе улучшить «качество жизни», завоевать определенный социально-экономический статус.

Значительная часть испытуемых 5-го курса желают основать свое дело, видят в этом свою жизненную цель. Молодежь ориентируется на прагматические ценности. С одной стороны молодые люди стремятся получить высшее образование, у них присутствует интерес к специальности, есть желание освоить ее. Реализация такого плана затруднена тем, что они хотят найти высокооплачиваемую работу, поэтому рассматривают вариант найти работу, обеспечивающую доход, но не обязательно по специальности.

В ответах студентов 5-го курса выражено стремление к самовоспитанию, познанию себя, стремление стать человеком с большой буквы, выразить себя, свою индивидуальность.

На основе изученных компонентов, были выделены уровни жизненного самоопределения студентов-выпускников. Результаты анализа и сопоставления представлены в рис. 4.

Как видно из рисунка 4, среди студентов-выпускников преобладает высокий уровень жизненного самоопределения. Для этих студентов характерна четкая структура ценностных ориентаций, то есть человек четко знает, что для него является в жизни главным, а что второстепенным; высокая осмысленность жизни, у человека есть смысл жизни, то для чего он живет и к чему стремится; временная перспектива четкая имеют-ся ближние и дальние цели планы на будущее. Высокий уровень жизненного самоопределения главным образом характеризуется четким и ясным образом будущего

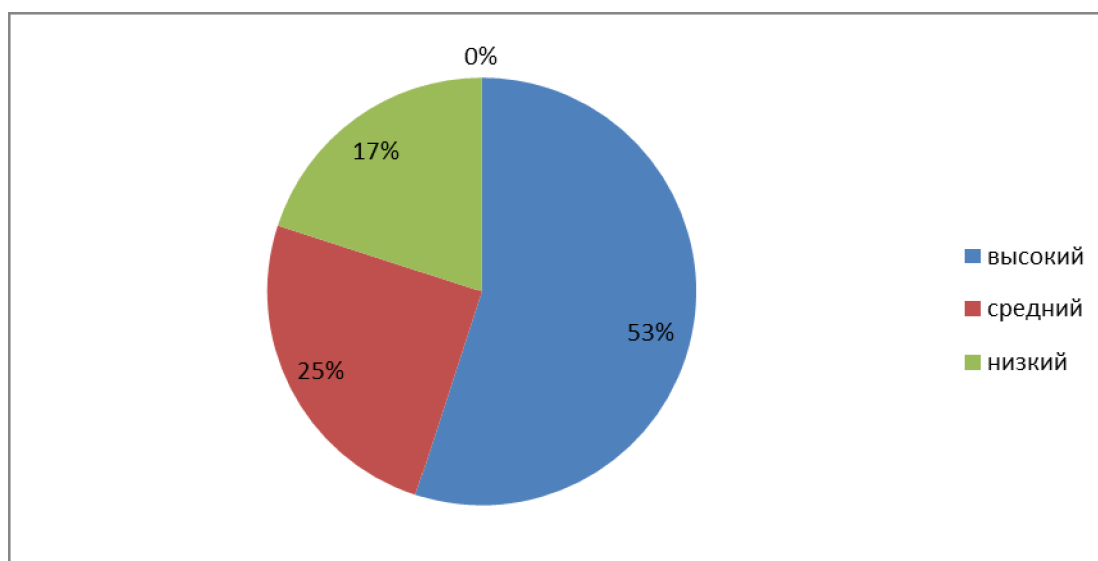

Рис. 4. Уровни жизненного самоопределения студентов 5-го курса (N=40, данные в %)

У 25% студентов-выпускников преобладает средний уровень жизненного самоопределения. Для этих студентов характерно то, что система ценностных ориентаций структурирована не четко, имеются незначительные противоречия; временная перспектива не четко дифференцируемая, имеется смысл жизни, но возможно не совсем определены цели для его реализации. В целом образ будущего немного размытый.

Только у 17% пятикурсников низкий уровень жизненного самоопределения. Это говорит о том, что у них система ценностных ориентаций не структурирована, ценности не определены, противоречивы; также характеризуется низким уровнем осмысленности жизни, либо отсутствием смысла вообще, то есть

смысл жизни еще не определен. Временная перспектива короткая, то есть имеются планы и цели только на ближайшее будущее, либо не дифференцируемая что подразумевает не ясность временной реализации своих планов, целей. В общем, при низком уровне жизненного самоопределения образ будущего является не четким, не дифференцируемым.

Таким образом, характерной чертой выпускника ВУЗа является формирование жизненных планов, жизненной перспективы, что приводит к коренному изменению отношения к дальнейшей жизни, оценкам себя и окружающих, к новому соотношению близких и далеких целей.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская, К.А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни / под ред. Е.В. Шороховой. – М., 1987.
2. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности // Избранные психологические труды. – М., 2001.
3. Клочко, В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). – Томск, 2005.
4. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М., 1992.
5. Практическая психология образования / под ред. И.В. Дубровиной. – М., 1997.
6. Трубникова, Н.И. Временная перспектива как важнейший компонент жизненного самоопределения. – Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 5.
7. Трубникова, Н.И. Смысложизненные ориентации как важнейший компонент жизненного самоопределения. – Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2.

Bibliography

1. Abuljhanova-Slavskaya, K.A. Zhiznenniye perspektiviy lichnosti // Psikhologiya lichnosti i obraz zhizni / pod red. E.V. Shorokhovoy. – М., 1987.
2. Bozhovich, L.I. Problemih formirovaniya lichnosti // Izbranniye psikhologicheskie trudih. – М., 2001.
3. Klochko, V.E. Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemih stanovleniya mentaljnogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivniy analiz). – Tomsk, 2005.
4. Leontjev, D.A. Test smihslzhiznennihk orientacij (SZhO). – М., 1992.
5. Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya / pod red. I.V. Dubrovinoj. – М., 1997.
6. Trubnikova, N.I. Vremennaya perspektiva kak vazhneyshiy komponent zhiznennogo samoopredeleniya. – Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2010. – № 5.
7. Trubnikova, N.I. Smihslzhiznenniye orientacii kak vazhneyshiy komponent zhiznennogo samoopredeleniya. – Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2011. – № 2.

Статья поступила в редакцию 13.11.13

УДК 378.147.88

Kulikova L.G., Lopatkin V.M. DEVELOPMENT OF INNOVATIVE COMPETENCE OF STUDENTS AND POST-GRADUATE STUDENTS IN EDUCATIONAL-RESEARCH-EDUCATIONAL FACILITIES. The article examines trends in the development of vocational education in higher education reveals the essence of the concepts of «innovative competence», «scientific innovation» and «innovation-educational» activities. Presented an environment conducive to the development of innovative competencies for students and post-graduate students.

Key words: innovative competence, scientific innovation, innovation and educational activities, innovative process, conditions, factors.

*Л.Г. Куликова, канд. пед. наук, доц. докторант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: nir-klg@uni-altai.ru;
В.М. Лопаткин, д-р. пед. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: rector@uni-altai.ru*

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ В СИСТЕМЕ УЧЕБНО-НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА*

В статье рассматриваются тенденции развития профессионального образования в высшей школе раскрыта сущность понятий «инновационная компетентность», «научно-инновационная» и «инновационно-образовательная» деятельность. Представлены условия, способствующие развитию инновационных компетенций у студентов и аспирантов.

Ключевые слова: инновационная компетентность, научно-инновационная деятельность, инновационно-образовательная деятельность, инновационный процесс, условия, факторы.

Педагогическая наука и практика, вступив в XXI век, характеризуется значительными изменениями в современном обществе, новыми ориентирами в социокультурном развитии России. Реагируя на социально-экономические реалии, основательно меняется и система образования, что обуславливает потребность в учителях, способных осуществлять инновационное обучение и творческое развитие учащихся компетентно, мобильно, профессионально.

В правительственных директивах «Национальная доктрина образования до 2025 года», «Стратегия социально-экономи-

ческого развития России до 2020 года», «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года», Концепции федеральной целевой программы «Научные и педагогические кадры инновационной России на 2014-2020 годы», государственной программы Российской Федерации «Развитие образования на 2013-2020 годы» указывается на необходимость повышения качества профессионального педагогического образования и формирования кадрово-интеллектуального потенциала, отвечающего современным требованиям социально-экономического развития страны.

Инновационная направленность деятельности высших педагогических учебных заведений предполагает двухаспектное целеполагание: во-первых, требованиями рыночной экономики к повышению общей профессиональной компетентности специалистов нового типа. Современное общество ставит перед всеми типами учебных заведений задачу – подготовки выпускников, способных: ориентироваться в меняющихся жизненных ситуациях, самостоятельно приобретая необходимые знания; критически и творчески мыслить; видеть возникающие проблемы и искать пути рационального их решения; использовать современные технологии. Это обуславливает новый подход к подготовке современного специалиста, как процессу профессионального становления личности, профессиональному самосовершенствованию личностных качеств, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда.

Во-вторых, определяется новыми требованиями к подготовке учителя. Современный учитель должен владеть методиками диагностики педагогического процесса и способами личностного развития учащихся, уметь решать учебно-образовательные задачи в процессе профессиональной деятельности на высоком научном уровне. Для этого выпускник педагогического вуза должен уметь организовывать педагогический процесс на принципах системного подхода и выстраивать педагогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса на диалогической основе, владеть личностно-ориентированными образовательными технологиями.

Смена образовательной парадигмы, переход к компетентностному образованию требуют переосмысления и разработки новых ценностей, целей, содержания, форм, методов, приемов и средств обучения. Преобразования должны опираться на соответствующую педагогическую теорию, пронизывать все компоненты образовательного процесса, воспроизводиться на деятельности его субъектов (А.А. Вербицкий).

Исследовательское направление изучения процессов формирования компетентности субъекта деятельности в науке развивалось задолго до Болонских соглашений в трудах Ю.В. Варданян, Ж.Г. Гараниной, Н.В. Кузьминой, М. Кязрста, А.К. Марковой, Л.М. Митиной, Б. Оскарссона, Дж. Равена, В. Хутмахеера и др. Вступление России в Болонский процесс способствовало актуализации психолого-педагогических исследований в изучении феномена компетентности и компетентностного подхода (В.И. Байденко, О.М. Бобиенко, А.А. Вербицкий, А.А. Дунюшин, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, И.А. Колесникова, А.В. Райцев, Л. Спенсер, С. Спенсер, А.И. Субетто, С. Уидет, Л.П. Урванцев, А.В. Хуторской, В.Д. Шадриков, Е.В. Шищенко, Н.В. Яковлева и др.).

Теоретический анализ этих исследований показал, что понятия «компетентность» и «компетенция» рассматриваются как способность, готовность, свойство, качество личности. При этом понятия «компетентность» и «компетенция» могут употребляться авторами как синонимичные понятия, а могут быть разведены по разным основаниям (разнообразие и широта функций, родовая и видовая сущность, природа, внешне-внутренняя обусловленность). Мы разделяем мнение Ю.Г. Татура о том, что компетентность – качество человека, завершившего образование определенной ступени, выражающееся в готовности (способности) на его основе к успешной (продуктивной, эффективной) деятельности с учётом её социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть с ней связаны. Модель выпускника при этом будет выглядеть как совокупность компетенций, относящихся к той или иной стороне развития личности. В этой связи в структуру компетентности включены: знания, умения, навыки, опыт, способности, мотивационный, когнитивный, деятельностный и ценностно-смысловой компоненты.

В условиях России реализация компетентностного подхода становится фактором поддержания единого образовательного, профессионально-квалификационного и культурно-ценностного пространства, фактором интеграции в мировое образовательное пространство. При этом инновационная деятельность в высшем педагогическом учебном заведении является фактором развития и совершенствования профессионально-педагогического образования, обеспечивающего качество подготовки специалистов в контексте профессиональных компетенций, отвечающих мировым стандартам.

Учебно-научно-педагогический комплекс (кластер) рассматривается нами как инновационно-ориентированная микроэкономическая система, в которой происходят генерация и интегра-

ция знаний, представляющая собой важнейшую часть региональной инновационной системы. Итогом данного функционирования являются: инновационно-ориентированная подготовка педагогов, научных и научно-педагогических кадров; создание различного рода инноваций и объектов интеллектуальной собственности.

Организация научно-инновационных работ в педагогическом вузе требует интенсификации в плане решения качественно новых задач, соответствующих современному состоянию общества и образования, перспектив их развития. В этих условиях играют особенно важную роль, постоянное самосовершенствование специалиста и его научная деятельность, направленная на получение и применение новых знаний путем выполнения исследований:

- фундаментальных (теоретических, экспериментальных), связанных с получением новых знаний об основных закономерностях, функционирования и развития человека, общества, культуры, образования;

- прикладных, нацеленных на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач в области образования;

- экспериментальных разработок на базе знаний, приобретенных в результате научных исследований или на основе педагогического опыта, создание новых моделей и технологий образования и воспитания и их дальнейшее совершенствование.

Трактовка понятий «научно-инновационная» и «инновационно-образовательная» деятельность определяет деятельность, ориентированную на создание новой образовательной среды в вузе на основе использования инновационных образовательных технологий, активизации интеллектуального потенциала профессорско-преподавательского состава, докторантов, аспирантов, магистрантов и внедрения научных результатов, направленную на развитие научно-образовательного процесса в системе учебно-научно-педагогический комплекса.

Е.А. Шмелева определяет инновационную компетентность как системный уровень сформированности инновационных знаний, умений и опыта инновационной деятельности, способности творить, создавать новый продукт, вводить новые технологии и методы в образовательный процесс, выступая в качестве меры готовности использовать свой инновационный потенциал для максимально эффективного достижения инновационных целей профессиональной деятельности [1, с. 11].

Анализ показателей инновационной направленности позволяет выделить следующие критерии инновационности разработок: – востребованность на рынке продукции, технологий, услуг, подтверждаемая наличием официальных заявок (заданий) на разработку;

- наличие заказчика (покупателя) на разработку (наличие договора, контракта);

- потенциальная коммерциализуемость (возможность продажи и получения прибыли, возмещения затрат);

- креативность (творческий характер разработки с оттенком прагматичности: зачем, для кого, как и что именно нужно создавать);

- конкурентоспособность (обладание преимуществами перед аналогами);

- высокая эффективность (экономическая, социальная, экологическая, психолого-педагогическая, комплексная) использования в конкретных отраслях производства, либо в образовательном и научно-исследовательском процессах;

- природный эффект: внедрение инновации приводит не только к повышению эффективности в сфере ее применения, но и снижению затрат или созданию условий для получения дополнительной прибыли; удовлетворяют сложившиеся индивидуальные, коллективные, общественные потребности в новых продуктах или услугах;

- наукоемкость (значительная доля затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы);

- уникальность (неповторимость, единственность в своем роде);

- оригинальность (необычность, самостоятельность, незаимствованная, авторская разработка) [2, с. 26].

Таким образом, инновационный процесс – это сложный комплекс работ от разработки идеи или новой технологии до ее широкого использования, получения нового продукта и его коммерциализации. Поскольку цикл инновационного процесса включает следующие последовательно выполняемые работы (ста-

дии): генерирование идеи → проведение исследований → разработка инновационного предложения → разработка инновационного проекта → реализация инновационного проекта.

Л.Н. Харченко выделяет условия, которые способствуют эффективному развитию инновационности в структуре профессиональных компетентностей будущих работников образования:

– соучастие студентов в планировании и реализации собственного образовательного процесса путем создания индивидуальных образовательных траектории;

– создание научно-исследовательских групп для работы над инновационными проектами, состоящих из ученых, аспирантов и студентов, и функционирующих на базе инновационных структур вуза;

– обеспечение возможности использования в процессе обучения разнообразных источников новейшей информации, наличие цифровых образовательных ресурсов по изучаемым дисциплинам;

– развитие в структуре инновационной культуры будущих специалистов проектно-технологической и информационной составляющих;

– формирование положительной мотивации для проявления и развития креативности студентов на всех этапах обучения, поощрение выполнения творческих заданий, проектов, моделей и т. д.;

– привлечение студентов к творческой инновационной деятельности во всех ее формах и всестороннее обеспечение возможностей подготовки специалистов с развитой инновационной культурой;

– использование в процессе обучения заданий, направленных на развитие таких аспектов творческого мышления как: способность к генерации идей, способность комбинировать, дивергентность мышления, визуальное творчество, ассоциативное мышление;

– использование в обучении современных инновационных образовательных технологий, направленных на соединение учеб-

ного процесса с учебно-инновационной и научно-инновационной работой, способствующих наиболее полному раскрытию творческого потенциала студентов [3, с. 112].

Анализ и обобщение литературных источников, опыта практической деятельности позволили нам выделить факторы, влияющие на развитие инновационных компетенций у студентов и аспирантов через:

- повышение значимости научно-инновационной подготовки в профессиональном становлении будущих специалистов, развитии у них потребности в поиске нового и установке на активное участие в исследовательской деятельности;

- интенсификации образовательного процесса за счёт применения инновационных методик преподавания с целью уменьшения аудиторной нагрузки и увеличения доли самостоятельной работы студента;

- внедрения электронной системы обучения (e-learning) и создания единой многокомпонентной среды дистанционного обучения;

- реализацию диверсифицированной структуры инновационных образовательных программ на основе построения гибкой образовательной траектории;

- разработку технологий личностно-ориентированных и интеллектуально развивающего обучения.

- создание методики мониторинга инновационно-образовательной подготовки кадров.

Особое внимание должно быть уделено материально-техническому и финансовому обеспечению учебно-научно-педагогического комплекса, которое во многом определяет успешное развитие инновационной научно-образовательной деятельности кластера.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках гос. задания Алтайской государственной педагогической академии проект № 6.380.2011. «Многокомпонентная открытая образовательная среда регионального уровня».*

Библиографический список

1. Шмелева, Е.А. Развитие инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде педагогического вуза: автореф. дис ... д-ра психол. наук. – Нижний Новгород, 2013.
2. Кожитов, Л.В. Организация инновационной деятельности в вузе / Л.В. Кожитов, П.А. Златин, В.А. Дёмин и др. – М., 2009.
3. Харченко, Л.Н. Творческая индивидуальность как институциональная основа инновационной культуры специалиста / Л.Н. Харченко, И.Е. Панова // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 6.

Bibliography

1. Shmeleva, E.A. Razvitiye innovacionnogo potenciala lichnosti v nauchno-obrazovatel'noy srede pedagogicheskogo vuza: avtoref. dis ... d-ra psikhol. nauk. – Nizhniy Novgorod, 2013.
2. Kozhitov, L.V. Organizatsiya innovatsionnoy deyatel'nosti v vuze / L.V. Kozhitov, P.A. Zlatin, V.A. Dyomin i dr. – M., 2009.
3. Kharchenko, L.N. Tvorcheskaya individualnost' kak institucional'naya osnova innovatsionnoy kul'turii specialista / L.N. Kharchenko, I.E. Panova // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 6.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 37.013.42

Abashina A.D., Sheptenko P.A. COMPETENCE APPROACH IN THE PREPARATION OF SOCIAL WORKERS TO WORK WITH CHILDREN WITH DISABILITIES AND THEIR FAMILIES. This material treats personal and professional competences of an expert in the system of social and pedagogical work with children having heavy infringements of health, and their families (essence, principles, functions, conditions and realization stages). Lichnostno-professional competence of the social teacher (the expert in social work) is considered as one of conditions of success of processes of adaptation, socialization and integration of children – of invalids into modern society.

Key words: socialization and adaptation of the handicapped children; personal and professional competence of experts of social sphere; social and pedagogical work with handicapped children; individual program of social rehabilitation; social self-determination; family with a child of specific psychophysical development.

А.Д. Абашина, канд. пед. наук, доц. ЛГУ им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, E-mail: abasha@list.ru;

П.А. Шептенко, канд. пед. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: psheptenko@yandex.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ И ИХ СЕМЬЯМИ

В материале исследуется личностно-профессиональная компетентность специалиста в системе социальной и социально-педагогической работы с детьми, имеющими тяжелые нарушения здоровья, и их семьями (сущность, принципы, функции, условия и этапы реализации). Личностно-профессиональная компетентность

социального педагога (специалиста по социальной работе) рассматривается как одно из условий успешности процессов адаптации, социализации и интеграции детей-инвалидов в современном социуме.

Ключевые слова: социализация и адаптация ребенка-инвалида; личностно-профессиональная компетентность специалиста социальной сферы; социальная и социально-педагогическая работа с детьми-инвалидами; индивидуальная программа социальной реабилитации; социальное самоопределение; семья, имеющая ребенка с особенностями психофизического развития.

В общей системе социального управления жизнеобеспечением детей-инвалидов в современном российском обществе необходимы специально подготовленные кадры, способные к профессионально-грамотному решению задач адаптации, социализации, интеграции детей данной категории и их семей в общество.

В связи с этим, рассмотрим категорию «личностно-профессиональная компетентность», поскольку для специалистов по социальной и социально-педагогической работе именно она, на наш взгляд, выступает в качестве базового и интегрального показателя квалифицированной подготовки к успешной социально-реабилитационной работе с детьми-инвалидами и их семьями.

Проведенный теоретический анализ проблемы формирования личностно-профессиональной компетентности (далее-ЛПК) позволяет определить её как интегральную характеристику, которая включает развивающуюся личностную способность и формирующуюся в опыте деятельности инструментальную готовность специалиста выполнять профессиональные функции и задачи в соответствии с нормами, стандартами и требованиями, принятыми в социуме в конкретно-исторический момент времени. При этом ряд исследователей смещает акценты в образовании специалиста с функциональных требований квалификации на социальную ценность развития его личностных качеств и индивидуально-психологических составляющих ЛПК. Они включают базовые проявления способностей личности, в частности, самостоятельность в познавательной деятельности, коммуникативность во взаимодействии, мобильность и стремление к саморазвитию в быстро меняющемся мире. В итоге развития в процессе профессионального образования ЛПК у студентов в социальной работе с детьми-инвалидами объективно становится полифункциональным и интегральным новообразованием личности, включающим в себя совокупность взаимосвязанных личностных качеств и профессиональных характеристик деятельности будущего специалиста, складывающиеся при системном освоении знаний и решении практических задач социальной защиты и реабилитации личности ребенка-инвалида.

Между тем, проведенный контент-анализ требований современных стандартов к обязательному минимуму содержания образовательных программ в системе высшего профессионального образования социальных педагогов и специалистов по социальной работе позволил установить следующее. В процессе подготовки студентов вуза к профессиональной деятельности с детьми с ограниченными возможностями в содержании учебных дисциплин практически не представлена целостная методика комплексной ресоциализации и реабилитации детей-инвалидов и их семей. При этом фактически слабо используются реальные ресурсы учебно-производственной практики и самостоятельной работы в процессе овладения студентами знаниями и инструментальными умениями, важными для квалифицированной организации социальной помощи в разрешении проблем детей данной категории и их семей.

Кроме того, на констатирующем этапе исследования изучалась динамика восприятия студентами своего опыта выполнения социальной работы с детьми-инвалидами в ходе традиционного освоения дисциплин. Так, среди 469 опрошенных студентов 3 курса профильных факультетов выявлено, что высоким уровнем компетентной организации деятельности с детьми-инвалидами, их семьями обладает менее 10%; средний уровень колеблется от 38,4 до 42,4% по разным группам, а низкий уровень её проявлений практически отмечен у 59,5-53,7% опрошенных.

В динамике реализации заданных профессиональных функций в социальной и социально-педагогической работе на практике необходимы, прежде всего, следующие личностные подструктуры проявления профессиональной компетентности.

Первая такая подструктура – это *проектировочная компетентность*, включающая умения определять тактические и стратегические задачи, через которые реализуется професси-

ональный процесс. Специалисты системы социальной и социально-педагогической работы с данной категорией детей и их семьями призваны эффективно взаимодействовать с учреждениями разной ведомственной принадлежности: социальной защиты, образования, медико-социальной экспертизы, здравоохранения, физической культуры и спорта и многих других. И в результате именно грамотно построенных тактических и стратегических задач у детей, чьи физические и психические возможности в силу разных причин оказались ограничены, появляется больше возможностей для социальной интеграции и самореализации.

Вторая – *информационно-прогностическая компетентность* в виде конструктивных умений композиционно упорядочивать знания и предвидеть условия их применения.

Третья подструктура – *организаторско-коммуникативная компетентность* – в виде умений руководить деятельностью как ребенка с особыми нуждами и его семьи, так и специалистов различного профиля. Она особенно важна в ходе реализации индивидуальных программ социальной адаптации, реабилитации и социализации несовершеннолетнего. При этом умелая коммуникативная компетентность выступает здесь в виде способностей не только взаимодействовать с субъектами профессионального действия, но и корректировать свое и их поведение.

Наконец, четвертая подструктура личности – *аналитическая компетентность*, которая требует умения адекватно оценивать уровень собственной деятельности при решении проблем детей и их семей, находящихся в социально-опасном положении.

В более укрупненном плане развитая структура профессиональной компетентности в системе личности специалиста социальной сферы, в целом, а также касающаяся работы с детьми-инвалидами, в частности, включает три интегративных уровня своего проявления: 1) профессиональные психолого-педагогические знания и социальные умения (опыт); 2) профессиональные социально-педагогические позиции и гуманные установки (отношения к объектам деятельности); 3) индивидуально-личностные особенности, обеспечивающие качественное владение исполнением основных профессиональных функций и обязанностей при решении конкретных практических проблем детей с тяжелыми нарушениями здоровья (самоотношение).

Обобщение многочисленных исследований по проблеме становления институтов социальной и социально-педагогической работы с детьми-инвалидами в разных странах и российских, условиях позволило определить систему целенаправленного развития личностно-профессиональной компетентности специалистов данных сфер в условиях организации их подготовки в вузе.

В условиях высшей школы такая система представляет собой особый (по усвоению профессии) образовательный процесс взаимодействия субъектов образования («преподаватель – студент»), результатом которого является компетентность обучающегося специалиста как особая интегральная характеристика его профессиональных и личностных качеств.

Личностно-профессиональная компетентность включает особую этическую позицию и отражает уровень таких знаний, умений и личный опыт действия, которые достаточны для осуществления функций специалиста, заданных стандартами его профессиональной деятельности. Нормативы профессиональной компетентности в условиях вуза определяют: Государственный стандарт образования, должностная функциональная характеристика и профессиограмма специалиста заданного профиля подготовки.

Центральное значение в успешности и результативности социальной и социально-педагогической работы с детьми-инвалидами, на наш взгляд, имеет личностное развитие специалиста как профессионала. Любое зрелое оценочное суждение каждого профессионала выражает его целостное и ценностное отношение как личности, которое характеризует его нравствен-

ный мир, уровень его профессиональной компетентности и интегрально отражает и несет в себе основные качества личности в социальной практике профессиональной деятельности.

Системная сущность интегративной ЛПК специалистов, осуществляющих социальное взаимодействие с детьми-инвалидами и их семьями с успешной информационной обратной связью, раскрывается через последовательную реализацию целого ряда функций. На практике они включают в себя целую систему собственных проявлений:

1. Мотивационно-ценностная функция у профессионала отражает его сформированные морально-ценностные предпочтения, обуславливающие формы поведения в социальной и социально-педагогической работе с детьми-инвалидами. Она отражается в социальной зрелости мыслей, мотивов, развитости личных жизненных ценностей и смыслов профессионального труда, во всей социальной направленности личности, ведущей к адекватному самоутверждению в профессиональной деятельности.

2. Сигнально-операционная функция включает умения и способности своевременно работать с поступающей информацией, исследовать трудную ситуацию развития, адекватно диагностировать проблемы данного ребенка, объективно оценить варианты их решения, чтобы сформировать цельный план совокупных действий по успешной социализации ребенка и его семьи. При разрешении межсубъектных конфликтов, в частности, необходимо сочетать различные формы и методы психолого-педагогической работы, заранее проработать различные варианты решения проблем. Для этого сначала важно как бы преломить полученную информацию (знания) применительно к практической предметной деятельности (в виде умений, способов, инструментов владения), а затем построить и приложить эту информацию в форме практических способностей к планированию, проектированию и организации профессиональной деятельности по социализации ребенка-инвалида.

3. Профилактическая функция в целях её реализации ориентирована на оздоровление психологического климата, на коррекцию детско-родительских отношений, снятие возможных проблем, улаживание возникших конфликтов и обострившихся разногласий. Профессиональное владение ею позволяет ускорить процесс социальной адаптации родителей, родственников и самого ребенка-инвалида.

4. Интегративно – стабилизирующая функция несет особую нагрузку. Она реализуется и в процессе определения этапности успешной деятельности, и при объединении личных и профессиональных интересов разных специалистов, и в установлении стабильного общения, и при интеграции форм и методов работы с детьми-инвалидами и др. В её реализации особенно помогает личностное осмысление проблем ребенка-инвалида и его семьи, находящейся с трудной жизненной ситуацией, что позволяет более четко определить этапы социально-реабилитационной работы с ними.

5. Преобразовательная функция в работе профессионала с различными категориями детей с тяжелыми нарушениями здоровья состоит в направлении межличностных взаимодействий и общения подопечных, в согласовании межгрупповых ценностей и норм поведения детей и взрослых в процессе организации деятельности и всего социально-реабилитационного пространства ребенка-инвалида и его семьи в целях их успешной социальной интеграции.

6. Функция оптимизации призвана обеспечить восстановление оптимального баланса и равновесия во взаимоотношениях разных объектов (субъектов) профессиональной деятельности, а также создать возможности для развития и эффективного функционирования всех социальных субъектов и систем управления, включая эффективный поиск необходимых и достаточных средств. Необходимо и реализация данной функции на этапе разработки индивидуальных социально-реабилитационных и социально-адаптационных программ ребенка-инвалида, при составлении дифференцированных планов развития для семьи и т.д.

7. Рефлексивная и контрольно-оценочная функции наиболее важны в плане развития адекватного профессионального самоотношения, поскольку ускоряют качественный рост личностно-профессиональной компетентности. Рефлексия включает не только осознание наилучших способов конструктивного разрешения конфликтов, которые нередко возникают в работе, но и дает возможность для самоизучения и оценки собственных

качеств, знаний, умений, способностей. Она позволяет уточнить причинно-следственные связи, уточнить характер личностно-профессиональных ценностных ориентиров, свою позицию. При реализации данной функции специалист не только учится осознавать свой профессиональный уровень, но и исследует свой нравственный облик, систему идеалов и мотивов, т.е. в итоге контролирует и оценивает результативность своих профессиональных усилий, дает комплексную оценку себя как личности и профессионала.

8. Функция творческой самореализации и самообразования. Обобщающим признаком сложившейся личностно-профессиональной компетентности социального работника и социального педагога, по концепции В.А. Сластенина, выступает умение соотносить имеющиеся знания с целями, условиями и способами практической деятельности. В этом случае процесс накопления опыта приобретает творческий характер, пробуждает живую мысль, продуктивно ведет от частного к общему и, наоборот, от практики к теории. Отсюда в условиях вузовского обучения системное развитие личностно-профессиональной компетентности специалиста и прежде всего, ориентировано на процесс саморазвития творческого потенциала его собственной личности. В практике это становится возможным на базе интегративного системно-гуманистического подхода, ориентированного по своим конечным задачам специализации студентов на успешную социализацию ребенка-инвалида как основной цели субъекта профессионального труда. При этом «творчество» специалиста выступает как главный критерий в общей оценке результативности и оптимальности его профессионально-компетентного осуществления той ответственной практической деятельности, которую он осуществляет с данной категорией детей [1].

Разумеется, что все кратко охарактеризованные функции реализуются системно и совместно, в практическом решении частных и общих задач социальной и социально-педагогической работы, в единой системе деятельности как с отдельными различными категориями детей-инвалидов, так и с их семьями. Поэтому рассмотрим подробнее условия их успешной интеграции, поскольку по своим целям в основе системы социально-профессиональной деятельности современного специалиста с любой социально неблагополучной личностью лежит социально-интегративный подход.

Действительно, основной принципиальной задачей при оптимально организуемой профессиональной работе с детьми-инвалидами является, в конечном итоге, его успешное и эффективное социальное самоопределение в ходе социализации. Оно, в свою очередь, зависит от творческой и сознательной реализации двух следующих базовых условий. Первое из них – реальное обеспечение активного включения ребенка-инвалида в конструктивные социальные отношения. Второе – успешная самореализация детей в процессе организованной социально полезной деятельности и социального взаимодействия в микросреде их жизни.

Таким образом, добиваясь в практике своего функционально-грамотного и ценностно-рефлексивного поведения, социальный педагог (социальный работник), как ответственная личность, одновременно должен уметь и выявлять проблемы, и планировать в среде ребенка с тяжелыми нарушениями здоровья динамику развития его основных личностных отношений к себе и окружающему миру, и корректировать при необходимости его взаимодействия с людьми, и создавать (проектировать), осуществлять индивидуальную программу социальной реабилитации ребенка. При этом по ходу её реализации важно рефлексировать свои промахи и вносить корректирующие средства для разрешения задач социальной адаптации, социализации и успешной интеграции таких детей в их ближайший микросоциум, в частности, и современное общество в целом.

При этом в эпоху культурной ассимиляции людей необходим грамотный анализ отношений на постсоветском общественном пространстве в складывающихся ситуациях жизни в инокультурной среде. Поэтому межнациональное общение требует профессионально-грамотного использования смоделированных социальных ситуаций, приобретения социальными педагогами (социальными работниками) своего личного опыта взаимоотношений, как с людьми разных национальностей, так и с русскоязычными детьми-инвалидами и их семьями, жившими ранее в других культурных традициях. Эффективность социальной и социально-педагогической работы с такими семьями зависит от того, насколько у них складывается правовое культурно-на-

циональное самосознание. Это становится актуальным в деятельности социально-реабилитационных учреждений для инвалидов и детей-инвалидов, где, как правило, одновременно находятся на социальном обслуживании стационарно или полустационарно (в зависимости от вместимости центра) от 10 до 20 детей различной национальности. При этом требуется интегративное умение работать с ребенком и его семьей: с дифференцированным учетом прежде сложившегося религиозного опыта семьи, их убеждений, семейных традиций; с применением более разнообразных приемов, форм и методов общения.

Важно соблюдать особые принципы тактичного и продуктивного социального взаимодействия с детьми, имеющими тяжелые нарушения здоровья с разным жизненным опытом.

С целью подготовки будущих социальных педагогов к работе с детьми и их семьями нами разработана социально-педагогическая технология, которая включает характеристику особенностей личности с ориентацией на положительное (акцентируется внимание на выявление и фиксирование положительных качеств, нравственных ценностей, достоинств личности); проблемные лица выявляются – трудности в обучении, общении, межличностных отношениях со сверстниками, педагогами, родителями, отклонения в состоянии здоровья, проблемы в семейных взаимоотношениях и др.; выявление референтных лиц (референтные лица выявляются – с позитивным и негативным влиянием). Самым важным является то, как на основе выявленной характеристики социальный педагог вместе с воспитанником определит средства самопомощи, перспективы его развития и личностного роста, рекомендации выхода из затруднений, пути создания ситуации успеха. Результатом такой работы является проектирование программы развития, личностного роста ребенка, что дает возможность создать комфортные благоприятные условия для реализации его личности, а также личности самого социального педагога [2].

Спектр способностей (умений), которые требуются в деятельности специалисту, обладающему развитой ЛПК, в их системной динамике и качественном выражении, должен соответствовать основным функционально заданным этапам профессиональной деятельности.

Первый этап – целевой этап организации работы с ребенком, имеющим нарушения здоровья и его семьей. Он требует умения самостоятельно определять цели и задачи деятельности по социальной адаптации ребенка-инвалида в среде, согласно возрасту и развитию. Такие умения включают практические способности социального педагога (социального работника) четко определять субъективные индивидуальные причины основной проблемы ребенка и социальные следствия объективных факторов. На этой базе далее важно разработать индивидуальную социально-реабилитационную программу.

Второй этап – информационный. Он требует от специалиста умения создать информационную базу для своей деятельности с детьми данной категории и их семьями. Для этого важно обладать достоверной информацией о семье несовершеннолетнего как в социально-правовом, так и в социально-психологическом плане, его ином, ближнем и значимом, для ребенка социальном окружении и т.д.

Третий этап – этап прогнозирования требует практической способности и умений заранее увидеть, представить, спрогнозировать и спроектировать способы и средства достижения будущих результатов своей профессиональной деятельности по

социализации ребенка (определяется в индивидуальной социально-реабилитационной программе).

Четвертый этап – этап непосредственной организации деятельности по адаптации и социализации ребенка. Это требует умений реализовать принятые решения, устанавливать и координировать целесообразные деловые отношения (налаживание контактов с представителями социальных структур, обеспечение семье ребенка полноценного функционирования при взаимодействии с другими специалистами и др.).

Пятый этап – оценочно-результативный. Здесь от специалиста требуются умения компетентно оценить результаты (как положительные стороны), достигнутые в процессе социализации ребенка, и недостатки (как отрицательные стороны) реализации тех или иных методов и использованных приемов работы. Это важно для последующей организации с ним дальнейшей деятельности по его интеграции в социум.

Наконец, рефлексивный этап, необходимый для профессионального саморазвития, постоянно требует по ходу действий специалиста особой способности осмысливать результат и перестраивать свою деятельность с учетом допущенных промахов, ошибок и недостатков.

Таким образом, именно компетентностный подход к подготовке студентов к полифункциональной социальной и социально-педагогической работе с детьми-инвалидами и их семьями включает в себя профессиональную идентификацию личностной мотивации студентов с целями и задачами квалифицированной деятельности; комплексное восприятие проблем семьи, имеющей ребенка-инвалида, и умение организовать социально партнерские отношения в целях их преодоления. Здесь также существенны такие функции, как взаимодополнение знаний из различных учебных дисциплин в процессе их усвоения; приобретение умений в индивидуальном опыте профессиональной деятельности при практическом разрешении проблем жизнеустройства и социальной защиты детей-инвалидов и их семей.

По результатам педагогического мониторинга подготовки студентов ЛГУ и АлтГПА к социально-педагогической работе обнаружен, с одной стороны, практически стабильный рост положительных проявлений в социальном развитии личности детей-инвалидов и в разрешении проблем их жизнеустройства. С другой, в итоге опытной работы в наших экспериментальных группах обнаружен существенный прирост реальных проявлений личностно-профессиональной компетентности будущего специалиста. Более чем в два раза снизилось количество студентов, чей уровень личностно-профессиональной компетентности в начале работы оценивался как низкий, и, напротив, количество студентов с высоким уровнем компетентности возросло по всем показателям практически вдвое (от 34,4% до 68%).

Отсюда, интегральная личностно-профессиональная компетентность специалиста в системе социальной и социально-педагогической работы с детьми-инвалидами и их семьями складывается постепенно и обязательно при активном, творческом, ответственном и добровольном участии самой личности ребенка и его родителей (законных представителей, родственников и др.) в избранной адаптационной, коррекционно-образовательной, социально-реабилитационной, профессиональной деятельности, в функционально заданном общении с людьми. Личностно-профессиональная компетентность совершенствуется в различных видах личностно-значимой деятельности и социального взаимодействия.

Библиографический список

1. Абашина, А.Д. Системно-интегративная подготовка студентов гуманитарного вуза к социальной работе с различными категориями населения: монография / А. Д. Абашина, Т. В. Бондарева. – Орёл, 2008.
2. Шептенко, П.А. Профессиональная готовность социальных педагогов к организации самопомощи клиентов // Современные социально-педагогические технологии в профессиональной подготовке в условиях модернизации высшего педагогического образования: материалы международной научно-практич. конф. – Барнаул, 2012.

Bibliography

1. Abashina, A.D. Sistemno-integrativnaya podgotovka studentov gumanitarnogo vuza k social'noy rabote s razlichnymi kategoriyami naseleniya: monografiya / A. D. Abashina, T. V. Bondareva. – Oryol, 2008.
2. Sheptenko, P.A. Professional'naya gotovnost' social'nykh pedagogov k organizatsii samopomoshchi klientov // Sovremennye social'no-pedagogicheskie tekhnologii v professional'noy podgotovke v usloviyakh modernizatsii viysshego pedagogicheskogo obrazovaniya: materialih mezhduнародnoy nauchno-praktich. konf. – Barnaul, 2012.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 378(091)

Dyakova D.V. SOCIAL CONTEXT AND CONDITIONS OF ORGANIZATION OF THE FIRST UNIVERSITY IN ALTAI. The article deals with the social environment and conditions of organization of the first institution of higher education in Altai. On the analysis of the archival data the author describe the functioning and development of Barnaul Teachers' Training Institute in its first years.

Key words: teacher education, the first University in Altai, Barnaul Teachers' Training Institute.

Д.В. Дьякова, аспирант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: dvdyakova@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОГО ВУЗА НА АЛТАЕ*

В статье рассматриваются социальные предпосылки и условия организации первого высшего учебного заведения на Алтае. На основе анализа архивных материалов дается характеристика первого этапа функционирования и развития Барнаульского учительского института.

Ключевые слова: педагогическое образование, первый вуз Алтая, Барнаульский учительский институт.

В современных условиях система образования становится одним из важнейших факторов, обеспечивающих экономический рост, социальную стабильность, развитие институтов гражданского общества. Уровень образования населения является обязательным условием прогресса общества. В контексте модернизации образования в России особое внимание уделяется вопросам подготовки и переподготовки учителей. Стране нужны высококвалифицированные педагогические кадры, призванные воспитать будущее поколение России. В этой связи ведется поиск путей совершенствования организации управления педагогическими учебными заведениями, аккредитации вузов, источников финансирования, повышения качества преподавания.

Модернизация образования предполагает существенное обновление образовательной деятельности, для которого необходимой является интеграция традиционных и инновационных образовательных процессов в организационном, методическом и прикладном аспектах. Осуществляя модернизацию российского образования, следует серьезное внимание уделить специфике культуры, менталитета, местных особенностей. Модернизация должна осуществляться в благоприятных условиях, учитывая предшествующие традиции и современное состояние общества. Именно педагогический опыт предыдущих поколений и ориентация на воспитание будущих, выступает в педагогической традиции как количественные модификации настоящего. Исследование прошлого дает возможность предвидеть основные тенденции развития в будущем, что в полной мере относится и к вопросам образования.

Система образования в Алтайском крае как субъекте Российской Федерации включает в себя как традиционные, так и инновационные образовательные процессы. Целью программы развития образования данного региона является обеспечение доступа жителей субъекта к качественному образованию, отвечающему требованиям современной экономики, запросам личности и общества. Одними из основных задач программы является повышение качества услуг, предоставляемых населению края в сфере образования, а также развитие кадрового потенциала системы образования.

Особого внимания в историко-педагогическом анализе образовательных процессов в Алтайском крае заслуживает начало XX века. Именно в это время на территории данного региона появляется первое высшее учебное заведение, профессионально готовившее учителей, о чем свидетельствует анализ архивных материалов и периодической печати того времени.

Систематизация и обобщение источников по истории высшего педагогического образования на территории Алтайского края дают основание для вывода о том, что ее проблемы привлекали внимание исследователей в различные эпохи. Так, например, при работе с фондами Государственного архива Алтайского края в деле «Постановления Президиума Зап. Сиб. Крайисполкома» обнаружена фамилия преподавателя БУИ А. А. Худякова, работавшего с этим источником в июне 1957 г., с пометкой «см. лист № 27», на котором расположено постановление Президиума исполкома Западно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов об организации вечернего пединститута в Барнауле от 1 декабря 1933 г. [1].

Не снижается интерес к этой проблеме и в современных условиях. Изучением истории Барнаульского учительского ин-

ститута (БУИ) занимались преподаватели и сотрудники данного вуза.

В 1983 году, в год 60-летия института, вышла книга «Барнаульский государственный педагогический институт», над которой работали В.Н. Гончаров, Ю.Г. Вороб, Г.А. Калачев, З.С. Ионина, А.П. Уманский и др. В этом издании освещены основные моменты этапа становления первого вуза на Алтае, его судьба в годы Великой Отечественной войны, а также история и деятельность факультетов.

Через 10 лет вышли очерки по истории Барнаульского государственного педагогического института «Путь длинной в 60 лет». В данной работе коллектив авторов: Г.А. Калачев, В.Н. Гончаров, В.М. Лопаткин, И.К. Шалаев и др. – сосредоточили свое внимание преимущественно на освещении вопросов деятельности и развития вуза в 1983 – 1993 годы.

О первом вузе как части системы педагогического образования на Алтае в обобщенном виде рассказано в «Энциклопедии развития образования в Западной Сибири», изданной в 3-х томах под редакцией В.М. Лопаткина, В.Н. Гончарова, П.П. Костенкова и др. 1 и 2 том энциклопедии дублируют информацию о первом вузе Алтая, дополняя ее историей развития и деятельностью учебного заведения на рубеже XX и XXI веков. 3 том содержит биографический материал о выдающихся педагогах, сыгравших важную роль в развитии народного образования в прошлом, а также о видных работниках образовательных учреждений региона на современном этапе их истории. Данные работы освещают некоторые аспекты социальных предпосылок, условий и форм организации педагогического образования на Алтае, но не введены в научный оборот архивные материалы Алтайской государственной педагогической академии, что позволяет шире и глубже изучить процесс становления первого высшего учебного заведения на Алтае.

В данной статье используются ранее неопубликованные архивные материалы АлтГПА, воспоминания первого ректора (директора) БУИ Алексея Павловича Щекотинского, написанные на тетрадке в клеточку и хранящиеся в музейном центре педагогической академии.

Необходимость создания на территории Алтая именно высшего педагогического учебного заведения в 1930-е годы связана с проблемой школы, призванной ликвидировать неграмотность населения региона и отсутствие педагогических кадров.

30-е годы XX века занимают особое место в истории народного образования как страны в целом, так и Алтайского края. В первой половине этого десятилетия, в 1930 году, было введено всеобщее обязательное начальное обучение детей. В постановлениях ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 года и «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 года было указано на коренной недостаток школы, который заключался в том, что школьное обучение не давало должного объема общеобразовательных знаний и не обеспечивало подготовку вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук. Предпринятые руководством меры привели к тому, что к концу 1932 года произошло значительное расширение сети школ, возросла численность учащихся. Количество общеобразовательных школ на 1932 – 1933 учебный год составляло 2 858, а учащихся – 367, 9 тыс. человек, что в 2,5 раза больше, чем в конце 1920-х годов [2, с. 108, 284].

Рост количества школ и учащихся в них требовали увеличения и высококвалифицированных педагогических кадров. Хотя численность учителей по краю за 1927 – 1940 годы возросла с 4,2 до 18,2 тысяч человек, или больше, чем в 4 раза, во многих неполных средних школах две трети педагогов не имели даже общего среднего образования [2, с. 118].

Анализ источников и литературы по данной проблеме свидетельствует о том, что на Алтае в начале XX века ощущалась острая потребность в учительских кадрах. В ряде начальных школ работали выпускники омской и других учительских семинарий страны. К педагогической работе привлекались священнослужители, выпускники средних школ. В начале XX века из числа преподавателей Алтая соответствующее их должности образование имели немногим более 20%. Следовательно, в данном регионе давно назрела потребность в открытии специальных педагогических учебных заведений и в подготовке учителей для начальных учебных заведений, что отражало общую картину в России [2, с. 92].

Однако до начала 30-х годов XX века высших учебных заведений на Алтае не было. Оканчивающие средние учебные заведения поступали на учебу в вузы Томска, Петербурга, Москвы [2, с. 117].

Таким образом, главную роль, как в развитии школы, так и в работе по преодолению неграмотности населения, призвано было сыграть учительство, а конкретнее, педагогические институты. На Алтае «хронически не хватало педагогов с университетским образованием» [2, с. 102].

Среди социальных предпосылок открытия учительского института в Барнауле наряду с общей тенденцией – острая нехватка педагогических кадров – выделяется и такая специфическая черта, как территориальное положение Алтайского края. С 1930 года и до 1937 года территория Алтая входила в Западно-Сибирский край с центром в городе Новосибирск. В 1937 году был образован Алтайский край (центр – город Барнаул), который граничил на юге и западе с Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями Казахстана, на севере и северо-востоке – с Новосибирской и Кемеровской областями, на юго-востоке – с Республикой Алтай. Алтайский край – большой по своему масштабу (167 996 кв. км.) и значительный по количеству учебных заведений.

В 20 – 40-е годы XX века развитие Барнаула определялось процессами индустриализации и коллективизации. В это время в город переселяются жители деревень и малых посёлков, а сам Барнаул приобретает статус центра агропромышленного региона. Данная тенденция, в свою очередь, повлияла на снижение процента грамотных людей города, который составил 17,9 [2, с. 122].

Действующие педагогические техникумы г. Барнаула и г. Бийска, открытые 1 октября 1921 года и в 1923 году соответственно, а также высшие педагогические курсы, действующие в Барнауле с 1932 года, и учрежденный в начале 1933 года Барнаульский вечерний педагогический институт не могли решить проблему подготовки учителей для семилетних и средних школ. В итоге, согласно постановлению комиссии исполнения при Совнарком РСФСР от 13 июня 1933 г. № 34 «О выполнении директив партии и правительства по переподготовке и повышению квалификации учителей» и постановлению коллегии НКП от 23 августа 1933 г. «О системе повышения квалификации учительства» в Барнауле 1 сентября 1933 года был открыт Барнаульский учительский институт с двухлетним сроком обучения [1].

Таким образом, к началу 30-х годов XX века сформировались следующие предпосылки, повлиявшие на открытие в крае Барнаульского учительского института: масштаб и сельскохозяйственная направленность региона, рост количества неграмотных людей, следствием чего стало открытие новых школ, нуждающихся в высококвалифицированных специалистах.

История Барнаульского педагогического института началась с открытия в 1933 г. учительского института с двухлетним обучением, на основе которого был образован институт. В него вошел вечерний педагогический, преобразованный в заочный сектор обучения согласно приказа № 49 от 16 мая 1937 года по БУИ на основании сметы Наркомпроса. Заведующим учебной частью по заочному обучению был назначен И.С. Сергеев, секретарем – О. Ф. Уляшева [3]. В помощь заочному сектору приказом от 5 ноября 1937 года за счет средств, отпущенных Наркомпросом, содержались консультационные пункты в г. Барнауле, Бийске, Рубцовске и планировалось открыть такой пункт

в г. Ойрот-Туре (сейчас – г. Горно-Алтайск Республики Алтай) [4]. С открытием Барнаульского государственного педагогического института в июне 1941 года Барнаульский учительский институт продолжал выпускать специалистов с неполным высшим образованием, имеющих право преподавания в школе-семилетке. В 1952 году БУИ был закрыт, его выпускники при желании могли завершить образование в БГПИ, где их принимали на 3-й курс обучения [5, с. 10].

Из объявлений газеты «Красный Алтай» от 17 февраля и 30 мая 1933 года следует, что набор студентов произволился на следующие отделения института: историческое, литературно-языковедческое, физическое, математическое и биологическое. В институт принимались лица из посещающих высшие вечерние педкурсы, заочники, сдавшие зачеты за 1-ый семестр, лица, имеющие незаконченное высшее преобразование, и учителя-практики. В объявлении также указано, что «институт укомплектован новыми профессорско-преподавательскими силами» [6].

Отделения БУИ выполняли характерные для вузов функции факультетов. С 1 сентября 1939 года согласно утвержденному уставу Комитета высшей школы от 5 сентября 1939 года за № У/472 заведующие отделениями именуются деканами факультетов со ставкой 650 рублей [7].

Институт располагался в небольшом здании на улице Мало-Олонской, 5 [8, с. 4]. Вход в учебное здание и общежития осуществлялся по специальным пропускам [9].

Первым ректором (тогда – директором) стал уроженец Павловского района Алтайского края Алексей Павлович Щекотинский. После Гражданской войны он работал сельским учителем, затем директором Барнаульского педагогического техникума. Закончив курсы при академии коммунистического воспитания при содействии Н.К. Крупской в 1933 году, стал руководителем учительского института.

По воспоминаниям А. П. Щекотинского, занятия в институте проводились 4 раза в неделю по 4 часа в день. С помощью преподавателей были приспособлены программы педагогических курсов к программам 1 курса вуза. Занятия на дневном отделении проводились 5 раз в неделю по 6 часов в день.

Первый ректор БУИ вспоминал, что сложной была проблема с педагогическими кадрами. По просьбе А.П. Щекотинского и решению Наркомпроса в институт приехали «А.И. Духанов, И.Г. Париллов, О.А. Шестакова, А.И. Комочков, Н.Я. Иванов, А.П. Юферов. Из местных учителей средних школ и техникумов: Перминов, Никифоров, П.Г. Егоров, А.П. Смоленский, Соколов, Казин, П.М. Иванов, Степочкин, Г.И. Прадедов, К.Д. Журжина, В.А. Круглова». Эти специалисты стали первыми преподавателями вуза [10].

Первоначально в институте было шесть специальных кафедр: физики и математики (зав. И. Г. Соколов), языка и литературы (зав. П.Ф. Русанов), химии (зав. П.М. Иванов), марксистско-ленинской философии (зав. А.П. Юферов), педагогики (зав. О.А.Шестакова). На кафедре русского языка и литературы работали Л.Ф. Русанов, И.Т.Гомонов, К.А. Гомонова, В.И. Иванов, И.И. Мельников; на кафедре марксизма-ленинизма – А.П. Юферов, В.И. Свириков, М.И. Яйцкая; на кафедре истории – Э.А. Рафиков, З.А. Зайончковская, А.А. Худяков; на кафедре педологии (педагогика) О.А. Шестакова, М.И. Певченко; на кафедре естествознания и географии – Л.А. Хачумова, И.С. Лабурдова; на кафедре физики и математики – И.Г. Соколов, И.О. Касавина, Е.В. Перминов, В.И. Иванов, Г.И. Арсеньев, Л.И. Сторчак; грамматику немецкого языка преподавал Д.М. Калинин [11, с. 54-55].

Анализ приказов по учебной работе вуза показывает, что в целях повышения качества работы кафедр «их то разукрупняли, то объединяли». Обычно это происходило в конце старого и начале нового учебного года. Так, например, 1 апреля 1936 года из социально-экономической кафедры образовались социально-экономическая и историческая, а в октябре того же года социально-экономическую кафедру, реорганизовав в социально-экономическую группу, присоединили к исторической [12].

С 1 сентября 1934 года должность преподавателя была упразднена и заменена на ассистента и доцента [13]. Однако многие преподаватели вуза не имели высшего образования. Для решения данной проблемы в целях повышения квалификации педагогических работников, приказом от 5 июня 1936 года был открыт экстернат учительского института. Для приема экзамена была создана первая комиссия. Согласно приказу в состав комиссии вошли следующие преподаватели: «Пчелкин (биолог), Дергачев (матем.), Соколов (физик), Токмачев (метод. матем.),

Парилов (литер.), Кришталъ (рус. яз.). председателем комиссии утвердили тов. Тарасенко» [14].

Расширение курса педагогических дисциплин говорит о том, что педагогическому образованию в данном учебном заведении уделялось большое внимание. Будущие учителя согласно штатному расписанию от 20 июня 1934 года изучали: диалектический материализм, русский язык и литературу, языковедческие дисциплины историю партии, историю и теорию педагогики, физику, среднюю и высшую математику, биологию и ботанику, химию, зоологию, физиологию животных и человека, политэкономии и экономическую политику [15].

Как свидетельствуют источники, вуз на начальном этапе становления характеризовала направленность на создание максимально благоприятных для того периода времени условий и для учебы студентов. Так, в лекционных аудиториях для преподавателя устанавливали микрофон, организовывали буфет по установленным государством ценам, при сдаче экзаменов учитывали пожелания студентов по срокам сдачи тех или иных дисциплин, на заседаниях кафедр решались вопросы организации и проведения конкретных мероприятий в помощи студентам в подготовке их к сдаче экзаменов и зачетов, в период сессии в аудиториях для самостоятельной работы студентов организовывались специальные выставки дополнительной литературы и т.д. [16; 17].

За успехи, проявленные в учебной, спортивной и культурно-массовой работе, студентов поощряли персональной стипендией, денежной премией, музыкальными инструментами, собранием сочинений В.И. Ленина [18].

В 1935 году состоялся первый выпуск БУИ. Его окончили 17 историков, 22 словесника, 30 физиков-математиков. Начало 1936 года было отмечено выпуском 45 учителей химии и биологии. К 1947 году 720 учителей стали выпускниками дневного отделения института, заочное отделение подготовило 409 человек. К этим цифрам следует добавить и 39 учителей, получивших высшее образование в вечернем пединституте.

Таким образом, первый вуз Алтая на начальном этапе своего развития имел характеристики, присущие современным высшим учебным заведениям: дневное, вечернее, заочное отделения, консультпункты (сейчас – представительство), экстернат, отделения, выполняющие функции факультетов и т.д.

Опыт организации первого высшего педагогического заведения в городе Барнауле стал основой для развития системы высшего образования в регионе. В начале 1940-х годов открылся учительский институт в г. Бийске [5, с. 13].

Изучение состояния алтайской высшей школы на примере Барнаульского учительского института в первой трети XX века показало, что она активизировала поиск путей усовершенствования подготовки учительских кадров. Наметившаяся тенденция была связана с усложнением роли учителя в обществе и выдвигаемыми новыми повышенными требованиями к нему как профессиональному деятелю.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания Алтайской государственной педагогической академии проект № 6.8369.2013 «Социально-исторический контекст становления и развития педагогического образования на Алтае».*

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.Р-312. Оп. 3. Д. 320. Л. 27.
2. Энциклопедия образования в Западной Сибири: в 3 т. – Барнаул, 2003. – Т.1.
3. Текущий архив Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА). Оп. 10л. Д. 4. Л. 3.
4. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 6. Л. 80б.
5. Барнаульский государственный педагогический институт. – Барнаул, 1983.
6. Красный Алтай. – 1933. – 17 февраля, 30 мая.
7. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 7. Л. 77.
8. Путь длиной в шестьдесят лет. Очерки истории Барнаульского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института. – Барнаул, 1993.
9. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 4. Л. 85об.-86.
10. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 1. Л. 52об.-62.
11. Энциклопедия образования в Западной Сибири: в 3 т. – Барнаул, 2003. – Т. 2.
12. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 3. Л. 42.
13. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 1. Л. 28-30.
14. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 3. Л. 22об.-23.
15. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 1. Л. 19-20.
16. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 4. Л. 182.
17. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 7. Л. 30об.
18. Текущий архив АлтГПА. Оп. 10л. Д. 7. Л. 317.

Bibliography

1. Gosudarstvenniy arkhiv Altayjskogo kraja (GAAK). F.R-312. Op. 3. D. 320. L. 27.
2. Ehnciklopediya obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri: v 3 t. – Barnaul, 2003. – T.1.
3. Tekuthiy arkhiv Altayjskoj gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii (AltGPA). Op. 10l. D. 4. L. 3.
4. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 6. L. 80b.
5. Barnaulskiy gosudarstvenniy pedagogicheskiy institut. – Barnaul, 1983.
6. Krasniy Altay. – 1933. – 17 fevralya, 30 maya.
7. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 7. L. 77.
8. Putj dlinoj v shestjdesyat let. Oчерki istorii Barnaulskogo ordena Trudovogo Krasnogo Znameni gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – Barnaul, 1993.
9. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 4. L. 85ob.-86.
10. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 1. L. 52ob.-62.
11. Ehnciklopediya obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri: v 3 t. – Barnaul, 2003. – T. 2.
12. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 3. L. 42.
13. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 1. L. 28-30.
14. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 3. L. 22ob.-23.
15. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 1. L. 19-20.
16. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 4. L. 182.
17. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 7. L. 30ob.
18. Tekuthiy arkhiv AltGPA. Op. 10l. D. 7. L. 317.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 37.013.21

Kolesova S.V. POSITIVE PEDAGOGICS: RAISING THE PROBLEM. The paper presents the concept of positive pedagogics, its peculiarity and relation to other pedagogical concepts, as well as the aim and estimated effects of positive pedagogics – such as raising positive individuals. The article reasons for the necessity of building a positive framework within pedagogics as an alternative to negative pedagogics.

Key words: positive pedagogics, positive attitude, a positive individual, humane pedagogics, negative pedagogics.

С.В. Колесова, канд. пед. наук, доц. АлмГПА, г. Барнаул, E-mail:svetlana.kolesova@mail.ru

ПОЗИТИВНАЯ ПЕДАГОГИКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В работе представлены понятие позитивной педагогики, ее специфика и взаимосвязь с другими педагогическими концепциями, определены цель и ожидаемый результат реализации позитивной педагогики – воспитание позитивной личности. Обоснована необходимость построения концепции позитивной педагогики как альтернативы педагогики негативной.

Ключевые слова: позитивная педагогика, позитивное отношение, позитивная личность, гуманная педагогика, негативная педагогика.

Педагогика относится к наиболее древним областям человеческого знания и опыта деятельности, которые направлены на воспитание, обучение и развитие человека, на воспроизводство общечеловеческих ценностей, традиций, культуры. Современная педагогическая наука представляет систему теорий, технологий и конкретных методик по взаимодействию воспитателя с воспитанником с целью создания условий и оказания помощи воспитаннику в его становлении как личности, зрелого человека и гражданина общества. В процессе своего исторического развития педагогическая наука выработала множество педагогических концепций и систем. Все они, так или иначе, содержат идею формирования внутреннего мира человека, развития у него соответствующего современности стиля мышления, освоения и присвоения им определенного багажа знаний, обучения воспитанника навыкам деятельности и ориентации в окружающей действительности. Современные педагогические системы обучения, воспитания, образования основаны на таких базовых педагогических категориях как человек, развитие, самосовершенствование. Педагогическая деятельность направлена на пробуждение, формирование, развитие и окультуривание позитивных возможностей духовного и телесного, т.е. нравственного и физического развития человека.

Идеи позитивной педагогики имеют генетические связи с рядом современных педагогических концепций, и пока довольно трудно выделить их специфику – позитивная педагогика пока еще не определена как самостоятельная научная школа. В частности, позитивная педагогика опирается на идеи гуманистической педагогики, наиболее существенный вклад в развитие которых внесли Ш.А. Амонашвили, В.П. Вахтеров, В.А. Сухомлинский и др. Гуманистическая педагогика рассматривает Человека как высшую ценность и смысл жизни. Воспитанность в парадигме гуманистической педагогики означает сформированные умения строить свою жизнь с постоянной ориентацией на другого Человека и устойчивой потребностью выращивания Человека в самом себе, развития себя до Человека с большой буквы [1]. Близкими позитивной педагогике являются идеи философского ценностного воспитания, представленные в работах Л.М. Лузиной, Е.Н. Степанова, Н.Е. Щурковой и др. Такое воспитание предполагает выработку надситуативного взгляда на жизнь, умение воспринимать действительность, отмечая частности и малозначительные события, акцентируя внимание на ценностях и смыслах происходящего. При этом ведущей задачей воспитания становится развитие субъектности, как ценного личностного качества [2]. Концепция ненасильственной педагогики также имеет общие корни с позитивной педагогикой и развивается как альтернативное направление педагогики подчинения и принуждения, строящейся на безусловном авторитете воспитателя, долге, страхе и, зачастую, подавлении личности воспитанника. Идеи ненасильственной педагогики отражены во взглядах Е.А. Александровой, Д.А. Белухина, Ю.В. Сенько, М.Н. Фроловской и др. Педагогика ненасилия – это вера в силы ребенка, доверие ему, поддержка его естественного стремления быть хорошим, понимание душевного состояния ребенка и причин его поступков и принимаемых решений [3]. Наиболее близки идеи позитивной педагогики к концепции феликсологического воспитания Е.П. Павловой и Н.Е. Щурковой, сущность которой заключается в воспитании у человека способности быть счастливым в этой жизни на этой земле [4]. Невозможно стать счастливым без умения позитивно относиться к миру и самому себе как части этого мира. Счастье обитает в душе человека, оно – часть внутренне-

го мира, и позитивное восприятие, позитивное отношение, позитивное мышление включены во внутренний мир самого человека. Изучение специфики позитивной педагогики и ее взаимосвязей с другими педагогическими теориями и взглядами являются самостоятельной проблемой, которая нуждается в детальном исследовании.

Позитивная педагогика и позитивная психология находятся в стадии своего активного становления, они трудноотделимы от других концепций и научных течений. Однако гуманистическое движение в педагогике и психологии становится все более сильным, что обеспечивает серьезные предпосылки к развитию позитивной педагогики как системы, как самостоятельной научной теории со своими специфическими принципами, содержанием, методами и формами работы. Подчеркнем, что практически любая общая педагогическая теория или успешная практика основаны на принципах гуманизма. Это подтверждается ходом исторического развития мировой педагогики. Имена великих педагогов прошлого Й.Ф. Гербарта, Я.А. Каменского, А.С. Макаренко, И.Г. Песталоцци, Н.И. Пирогова, Ж.Ж. Руссо, В.А. Сухомлинского, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского и современных ученых Ш.А. Амонашвили, Д.А. Белухина, Е.Н. Степанова, Н.Е. Щурковой и многих других – это имена великих педагогов-гуманистов, которые выделяли особое значение проблемы воспитания достойного Человека – субъекта своей жизни, умеющего строить собственную достойную жизнь, нести ответственность за то, какую жизнь он выбирает.

Позитивная педагогика также опирается на идею о гуманности человека, которая заложена в самой человеческой природе и способна к проявлению и развитию. Одна из ведущих задач позитивной педагогики заключается в пробуждении и раскрытии позитивных возможностей человека. Полагаем, что для развитой позитивной личности естественной потребностью будет поиск позитивного в окружающей действительности и в самом себе, стремление строить достойную жизнь, основу которой составляет позитивное отношение к базовым общечеловеческим ценностям – Человеку, добру, истине, красоте и любви.

Человек имеет довольно широкие возможности для развития физических, познавательных, творческих способностей, желательного, чтобы все они получили позитивную реализацию. Однако эта потребность зачастую не осознается личностью или не получает необходимого позитивного направления. Одна и та же способность или стремление человека могут привести к прямо противоположным направлениям его развития, содержательного наполнения жизни. К примеру, потребность в самореализации и самосовершенствовании может толкнуть человека к участию в религиозных или экстремистских организациях, которые исповедуют стремление к миру идеальному, уход от действительной жизни и несовершенства реального мира.

Выше нами отмечался ряд существенных характеристик позитивной педагогики как педагогической теории [5]. Она направлена на помощь человеку в осознании потребности в позитивном мышлении и самосовершенствовании, а также способна обеспечить этому процессу безопасный характер, свести к минимуму негативные последствия внешних влияний на развитие личности. Позитивное восприятие и взаимодействие с миром допускает возможность и реальность существования в человеке и в окружающей действительности отрицательного, и человек должен научиться контролировать, ограничивать проявление своих отрицательных сторон. Позитивная педагогика строится на уверенности в возможности управления человеком сво-

ими отрицательными чертами и отрицательными сторонами жизни в ходе личного самосовершенствования и продуктивного взаимодействия с миром и людьми. Самосовершенствование – это сложный процесс позитивных изменений длиною в жизнь. Он складывается из попыток человека управлять отрицательными эмоциями и качествами своей личности, развития умения акцентировать внимание на положительном в различных жизненных ситуациях и обстоятельствах. Нормальным людям свойственно стремление к преодолению и избеганию отрицательных переживаний, которые могут возникать как результат неверных поступков, оценок или ошибочных решений.

Становление позитивной личности не означает подведение под некий идеал или общественно одобряемый стандарт. Наоборот, это развитие своей индивидуальности, выращивание и окультуривание своей субъектности, неповторимости и уникальности на основе учета имеющихся биологических и социальных условий действительности. В равной степени позитивные изменения необходимы во всех основных сферах личности: физической, моральной, психологической и интеллектуальной. Построение позитивного взаимодействия с миром и людьми обеспечивает духовное развитие человека, наполняет его жизнь смыслом, содержанием и позитивными переживаниями.

Можно предположить, что способность к позитивному развитию заложена в любом человеке, однако раскрывается не в каждом, потому что среда, жизненные обстоятельства, другие люди могут серьезно препятствовать этому. Важной, но трудно достижимой задачей позитивной педагогики, будет актуализация и развитие способности позитивного отношения человека к себе самому и своему внутреннему миру при одновременном осознании и самоограничении своих отрицательных проявлений. Для позитивного проживания жизни человеку необходимо научиться разумному выбору, важно научить его осознавать возмозный риск и ответственность за совершаемый выбор, научить понимать, что жизнь наполнена ситуациями выбора, что без риска и ответственности невозможны успех и достижение целей. Умение совершать выбор и позитивно относиться к миру, к себе обеспечат защиту человека от постоянной и изнурительной борьбы с объективной реальностью и самим собой. Жизнь человека наполнится осознанием ценности позитивного, доброго, достойного в других, в самом себе, в жизни и в мире в целом [5].

Рассуждения о сущности позитивной педагогики неизбежно приводят к вопросу о существовании педагогики негативной. Этот вопрос можно считать риторическим. К сожалению, в реальной педагогической практике нередки негативные влияния педагогических воздействий на развитие и становление личности воспитанника. Существующие педагогические теории исключительно нацелены на достижение положительных результатов, однако практическое их воплощение порой приводит к существенному искажению и даже нивелированию заложенных идей, и, как следствие, негативным результатам в воспитании и обучении.

Есть много фактов, подтверждающих это предположение. В частности, в массовом педагогическом сознании сформировалось мнение, что развивающее обучение подходит только для детей изначально имеющих высокие учебные возможности. При этом, авторы систем развивающего обучения В.В. Давыдов, Л.В. Занков, Д.Б. Эльконин и др. ведущим принципом обучения в этой системе называют развитие всех учащихся как сильных, так и слабых [6]. Технология обучения в классах выравнивания предполагала возможность доразвития ребенка, ликвидации пробелов в системе знаний, умений и навыков и перевод ребенка в обычный класс, однако этого на практике не происходит, т. к. в классе выравнивания зачастую оказывается менее сильный педагог, чем в других классах. Еще один педагогический казус описывается Н.Е. Щурковой. Чтобы поддержать выдающихся учащихся, сделать их достижения достоянием общественного мнения в учебных заведениях создаются доски почта («Ими гордится школа, колледж, академия и т. д.»). Однако, никто не задумывается над тем, как будут чувствовать себя, о чем станут размышлять те, чьи фамилии нет на этой доске почта [7].

Мы полагаем, что в определенных ситуациях правомерно вести речь о негативной насильственной педагогике, кредо которой можно выразить следующей фразой: «Хочешь или не хочешь, но я сделаю тебя образованным, я сделаю тебя воспитанным». Явление насилия в педагогике порождается самой жизнью, характером социально-экономических процессов, протекающих в ходе развития России и в мировом развитии. Источники

насилия для детей и подростков часто становятся их сверстники, родители или родственники, соседи, случайные знакомые, которые имеют либо глубокие психологические проблемы или страдают какими-либо психическими отклонениями. Насилие могут проявлять педагоги и воспитатели, не способные справиться со сложностями современной воспитательной ситуации, не владеющие современными педагогическими технологиями. Источником насильственной педагогики может выступать школа как социальный институт.

Важно принять во внимание тот факт, что в современной школе существует тенденция подмены педагогики реализацией нормативных требований: требований к обязательным результатам обучения, единому внешнему виду, соблюдению норм поведения на уроке и во внеурочное время и т.д. Однако эти требования задают внешне характеристики жизнедеятельности субъектов педагогического процесса и не несут никакой педагогической ценности, либо их педагогическое влияние незначительно. Зачастую, эти требования сами по себе содержат элементы насилия. В реальной практике обучения и воспитания стремление педагога добиться их выполнения приводит к возникновению противостояния между педагогом и детьми. Таким образом, педагогическое насилие заложено в самих технологиях официальной традиционной педагогики, и если педагог не в состоянии его нивелировать, то могут возникать и ситуации принуждения и подавления личности воспитанника.

Сегодня довольно часто встречаются факты жестокости учащихся по отношению друг к другу: дети бьют более слабых; унижают тех, кто не может постоять за себя; оскорбляют тех, кто не готов отвечать грубостью при посягательстве на его достоинство и т.д. Безусловно, подобные проблемы в детской среде существовали и раньше. Однако раньше становление и развитие детского коллектива было особой заботой классных руководителей, а также – детских общественных организаций. В современной воспитательной ситуации недостаток квалифицированных кадров, умеющих работать с детским коллективом, незаинтересованность ряда классных руководителей в формировании позитивных взаимоотношений детей в классе, отсутствие или недостаточная активность детских общественных движений в школе, бессистемный характер работы детских организаций приводят к формированию искаженных форм взаимоотношений между школьниками.

В современных образовательных учреждениях можно наблюдать различные виды насилия, которые специалисты классифицируют на физическое и психическое или эмоциональное, вербальное [8].

Физическое насилие – это нанесение ребенку физических травм, различных телесных повреждений, которые приводят к нарушению здоровья ребенка, мешают его развитию или лишают жизни. Физическое насилие включает также привлечение ребенка к различным вредным привычкам – употреблению алкоголя, наркотиков, отравляющих веществ или медикаментов, вызывающих нарушения мозговой деятельности (например, снотворных, транквилизаторов, не назначенных врачом) и др. Сверстники или более старшие дети, а порой и взрослые в сложных жизненных ситуациях могут избирать физическое насилие как способ разрешения возникших проблем или конфликтов.

Психическое (эмоциональное) насилие проявляется: как постоянное или эпизодическое оскорбление ребенка словами; угрозы, унижение его человеческого достоинства; обвинение его в проступке, которого он не совершал; демонстрация нелюбви, неприязни к ребенку; ложь взрослых; предъявление к ребенку требований, не соответствующих его возрастным возможностям; систематическая необоснованная критика ребенка, выводящая его из душевного равновесия; постоянные негативные характеристики обучающегося; демонстративно негативное отношение к воспитаннику. К таким способам педагогического психического насилия зачастую прибегают педагоги или родители, чей опыт и профессионализм нуждаются в серьезной коррекции и усовершенствовании.

Для преодоления этого негативного явления педагогам, родителям и другим субъектам воспитания необходимо осознать и оценить возможности позитивной педагогики в решении проблемы насилия, а не оправдывать свои педагогические неудачи «отстраненностью», «незаинтересованностью» родителей или «неуправляемостью», «необучаемостью» детей. Адекватное понимание педагогами своей ответственности за провоцирование или попустительство насилия в школе позволит обеспе-

чить в образовательном учреждении предпосылки для реализации идей позитивной педагогики.

Согласимся, что нарушения дисциплины, агрессивность, неоправданное упрямство и т. п., зачастую вызваны нежеланием ребенка слепо подчиняться требованиям педагога. Современный ученик хочет знать, почему он должен поступать так, а не иначе. Неповиновение, протестное поведение бывают вызваны незаинтересованностью учащихся, отсутствием либо неосознанностью личных целей и смыслов учения, неумением педагога вызвать и развивать необходимые мотивы, цели, смыслы деятельности. Педагоги требуют работы от детей, вместо того, чтобы организовать совместную деятельность, показать перспективу позитивных изменений, как в личности самого воспитанника, так и в решении задач воспитания и образования.

Школа является вторым по значимости после семьи социальным институтом, участвующим в формировании личности ребенка, становлении Человека. В этом процессе кроме самого ребенка участвуют также сверстники, учителя и родители, другие заинтересованные взрослые. Все это формирует определенные и, не редко противоречивые, требования к поведению ребенка, которые могут вызывать у него внутренний конфликт и провоцировать его на разрешение этих противоречий путем насилия, принятия негативных решений.

С началом обучения ребенка в школе происходит формирование трех ведущих сфер взаимодействия и взаимоотношений: ученик – ученик, ученик – учитель, ученик – класс. Безусловно, в каждой сфере могут возникать свои проблемы. В зависимости от их характера и разрешимости укрепляется или, наоборот, разрушается интерес и позитивное отношение к школе. Без сомнения, определяющим в период начального образования становятся взаимоотношения и взаимодействия в системе ученик – учитель. Ученными РГПУ им. А.И. Герцена опрашивались дети разного возраста разных регионов России, у какого учителя они хотели бы учиться, и дети чаще всего (более 70%) отвечали: «У такого, который нас понимает».

По результатам нашего социологического опроса учащихся школ Алтайского края при ответе на вопрос: «Как часто учителя кричат на вас?» – были получены следующие данные: 17% школьников считают, что учителя очень часто кричат, около 39% – иногда, только по заслугам, около 44% учащихся полагают, что педагоги кричат редко. На вопрос: «Что вы (ученики) чувствуете, если учитель на вас кричит?» – были получены следующие варианты ответов: около 50% испытывают неприязнь к учителю; 18% сердятся и, как правило, отвечают грубостью; около 10% чувствуют обиду, страх, им хочется плакать; около 10% детей равнодушны к крику учителя, им все равно; примерно по 6% стыдятся за учителя или смеются над учителями, которые пытаются решить проблемы криком.

Пожалуй, никто не станет возражать против того, что дисциплина в образовательном учреждении должна поддерживаться на основе уважения достоинства личности и обучающихся, и педагогов. И теории, и практики педагоги едины во мнении о недопустимости применения физического или психического насилия по отношению к ребенку. Но в реальной действительности в школах сегодня по-прежнему многие педагоги повышают голос.

Можно предположить ряд причин, объясняющих это явление. Есть взрослые, которые любят показывать свое превосходство над детьми и пытаются делать это всеми возможными средствами. Поэтому часть учителей считают себя вправе показывать своё превосходство, свою значимость повышением голоса. Физические наказания в нашей школе запрещены законом, поэтому в сложной ситуации некоторые учителя просто кричат на своих воспитанников, проявляя вербальную агрессию, которая заменяет физическое наказание. Надо признать, что идеи гуманной педагогики в неумелом исполнении педагога-практика порой «разбиваются» о трудности школьной жизни, а крик позволяет хоть как-то разрешить ситуацию затруднения, уйти от необходимости решать ее немедленно. Для части учителей возможность накричать на детей – один из способов улучшения своего собственного психического состояния, способ «выпустить

пар». Порой, учитель кричит на своего ученика, понимая свою социальную незащищенность, или находясь в состоянии эмоционального выгорания, или просто из-за житейских неприятностей («сдали нервы»). Не все способны «оставить за порогом школы» свои проблемы и трудности жизни. Наконец, крик педагога может быть проявлением страха оказаться некомпетентным в глазах коллег, и педагог стремится достичь желаемых результатов своей деятельности любой ценой, пусть даже посредством вербального подавления.

Конечно, проблему психологического насилия над ребенком нельзя сводить только к практической деятельности педагога. Не стоит забывать о том, что любое педагогическое взаимодействие носит двусторонний характер, личность ребенка непосредственно влияет на установление характера взаимоотношений с учителем и сверстниками. Зачастую педагог сталкивается с тем, что в семье ребенка доминирующими методами и средствами воспитания являются ругань, наказания, принуждение. Ребенок просто привык, что на него кричат, его заставляют, его лишают удовольствий, а потому обычную доброжелательную речь, доброе отношение не воспринимает – он просто не верит взрослым. В связи с этим, необходима опережающая работа педагога с родителями, чтобы научить их позитивному взаимодействию с детьми, вооружить методами и средствами позитивной педагогики. Решить проблему негативной педагогики в школе возможно лишь при условии тесного сотрудничества всех субъектов образовательной деятельности.

Реализацию технологий позитивной педагогики в учебно-воспитательном процессе необходимо начинать с изменения восприятия и перестройки мышления учителя и родителей. Нужно формировать их способность смотреть на педагогический процесс со стороны, акцентируя внимание на позитивном при одновременном учете негативного, развивая готовность воспитателей к изменениям и инновациям.

Анализ немногочисленных работ, посвященных проблемам позитивной педагогики как научной теории, показывает, что можно выделить два направления ее развития. Большинство авторов М.В. Галакова, М. Грозовская, Дж. Грей, Л.М. Зеленина сосредоточены на обеспечении позитивных изменений в личности и деятельности педагога-воспитателя. При этом проблема формирования позитивной личности воспитанника специально не рассматривается, а предполагается как вероятный результат деятельности педагога, владеющего технологиями позитивной педагогики [9; 10; 11; 12].

Мы полагаем, что более продуктивным будет второе направление – построение концепции позитивной педагогики с целью обеспечения условий для становления и развития позитивной личности. Вероятно, недостаточно изменений только в деятельности и позиции воспитателей. Любой педагогический процесс – двусторонний, поэтому необходимо проектирование и обеспечение особых условий для позитивных изменений и в личности самого воспитанника: его стиле мышления, отношения и деятельности. Точность постановки цели, отражающей желаемый конечный результат, позволит более эффективно осуществлять поиск соответствующих принципов, содержания педагогической деятельности, технологий, критериев и показателей эффективности развития позитивной личности. Думается, именно этот подход является наиболее продуктивным решением проблемы разработки позитивной педагогики, и, в конечном итоге, воспитания личности, которая обладает позитивным восприятием, позитивным мышлением и умеет строить позитивные отношения с людьми и с миром в целом.

Развитие современной педагогической теории возможно только интегративным путем при условии демократичности и толерантности взглядов, открытости к различным точкам зрения и мнениям. Позитивная педагогика – яркий пример интегративного направления в развитии педагогической науки. Полагаем, что позитивная педагогика как педагогическая система, будет обеспечивать порождение особых эффектов, специфических свойств и результатов процессов образования и воспитания. Позитивная педагогика как особая педагогическая концепция открывает новое направление в педагогической теории и практике.

Библиографический список

1. Вахтеров, В.П. О новой педагогике: Избранное. – М., 2008.
2. Степанов, Е.Н. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания / Е.Н. Степанов, Л.М. Лузина. – М., 2002.
3. Сенько, Ю.В. Педагогика понимания / Ю.В. Сенько, М.Н. Фроловская. – М., 2007.

4. Щуркова, Н.Е. Воспитание счастьем, счастье воспитания. Педагогическая технология воспитания счастливого человека в школе / Н.Е. Щуркова, Е.П. Павлова. – М., 2004.
5. Совершенствование качества при переходе к многоуровневой подготовке учителей начальных классов: сборник материалов научно-методической конференции / под ред. проф. В.А. Рассыпнова. – Барнаул, 2009.
6. Занков, Л.В. Избранные педагогические труды. – М., 1996.
7. Щуркова, Н.Е. Профессиональное мастерство классного руководителя. – М., 2007.
8. Дьяченко, Т. Позитивная педагогика как альтернатива насилию в образовательном процессе // Детство в эпоху трансформации общества: материалы международной научно-практич. конф. – Мурманск, 2002.
9. Галакова, М.В. К вопросу о формировании позитивной коммуникативной установки в процессе профессиональной подготовки // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1.
10. Фонд Волга [Э/р]. – Р/д: <http://www.fondvolga.ru/index.php/semya/positivnaya-pedagogika.html>
11. Mini Bambini. Принципы позитивной педагогики по Дж. Грэю [Э/р]. – Р/д: <http://www.mini-bambini.ru/index.php?c=article&id=17>
12. Зеленина Л.М. Психолого-педагогический семинар «Позитивная педагогика и толерантность» // Мир учителя. Международный образовательный портал [Э/р]. – Р/д: <http://worldteacher.ru/1958-599.html>

Bibliography

1. Vakhterov, V.P. O novoyj pedagogike: Izbrannoe. – М., 2008.
2. Stepanov, E.N. Pedagogu o sovremennihkh podkhodakh i koncepciyakh vospitaniya / E.N. Stepanov, L.M. Luzina. – М., 2002.
3. Senjko, Yu.V. Pedagogika ponimaniya / Yu.V. Senjko, M.N. Frolovskaya. – М., 2007.
4. Thurkova, N.E. Vospitanie schastjem, schastje vospitaniya. Pedagogicheskaya tekhnologiya vospitaniya schastlivogo cheloveka v shkole / N.E. Thurkova, E.P. Pavlova. – М., 2004.
5. Sovershenstvovanie kachestva pri perekhode k mnogourovnevnoj podgotovke uchitelej nachalnihkh klassov: sbornik materialov nauchno-metodicheskoy konferencii / pod red. prof. V.A. Rassihpnova. – Barnaul, 2009.
6. Zankov, L.V. Izbrannihe pedagogicheskie trudih. – М., 1996.
7. Thurkova, N.E. Professionaljnoe masterstvo klassnogo rukovoditelya. – М., 2007.
8. Djiachenko, T. Pozitivnaya pedagogika kak aljternativa nasiliyu v obrazovatel'nom processe // Detstvo v ehpokhu transformacii obthestva: materialih mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konf. – Murmansk, 2002.
9. Galakova, M.V. K voprosu o formirovanii pozitivnoy kommunikativnoy ustanovki v processe professionalnoy podgotovki // Sovremennihe problemih nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 1.
10. Fond Volga [Eh/r]. – R/d: <http://www.fondvolga.ru/index.php/semya/positivnaya-pedagogika.html>
11. Mini Bambini. Principih pozitivnoy pedagogiki po Dzh. Grehyu [Eh/r]. – R/d: <http://www.mini-bambini.ru/index.php?c=article&id=17>
12. Zelenina L.M. Psikhologo-pedagogicheskiy seminar «Pozitivnaya pedagogika i tolerantnostj» // Mir uchitelya. Mezhdunarodnihy obrazovatel'nihy portal [Eh/r]. – R/d: <http://worldteacher.ru/1958-599.html>

Статья поступила в редакцию 05.11.13

УДК 378.147

Nikitina M.A. INCREASE OF EFFICIENCY OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE MANAGERS BY MEANS OF THE CASE – METHOD. Describes the program of research work to improve the efficiency of formation of competence management training, analyzed the effectiveness of the model and technology integration case method in the educational process.

Key word: competence, quality management, experiment, levels of formation, educational technology, active methods.

M.A. Никитина, соискатель АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: mascha.nik2013@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ ПОСРЕДСТВОМ КЕЙС-МЕТОДА

В статье описывается программа опытно-экспериментальной работы по повышению эффективности формирования компетентности управленческих кадров, проведен анализ эффективности модели и технологии интеграции кейс-метода в образовательный процесс.

Ключевые слова: компетентность, управление качеством, эксперимент, уровни сформированности, педагогические технологии, активные методы.

С развитием информационного общества, в котором компетентность становится предметом экономических отношений, принципиально изменилась роль специалистов в реализации эффективной профессиональной деятельности. Относительно управленческих кадров вопрос об эффективности деятельности особенно актуален в связи с тем, что управленческая деятельность связана с необходимостью принимать нестандартные решения в условиях ограниченных ресурсов.

Отечественное образование, по-прежнему, характеризуется направленностью в сторону теоретического обучения, что влечет за собой нехватку опыта практической реализации накопленных знаний, однако, согласно образовательным стандартам ВПО третьего поколения, результатом обучения в высшей школе должна стать компетентность. В связи с вышесказанным, вопрос о повышении эффективности формирования профессиональной компетентности является актуальным. Целью нашего исследования является рассмотрение возможности повышения эффективности подготовки специалистов посредством кейс-метода.

Основываясь на передовых психолого-педагогических концепциях, мы разработали модель интеграции кейс-метода в об-

разовательный процесс и технологию ее реализации в рамках изучения информационных технологий. Предполагалось, что внедрение данной модели и технологии повысит качество подготовки будущих специалистов.

В ходе исследования мы выявили основные предпосылки к реализации потенциальных возможностей кейс-метода: введение Федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения, изменение требований к качеству подготовки специалистов, тенденции к формированию потребности в специалистах, способных к самоорганизации, с активной личной позицией и осознанием своей профессии как социально значимой.

Проанализировав ФГОС ВПО третьего поколения по направлению «Государственное и муниципальное управление» и требования работодателей к управленческим кадрам разного уровня, мы сделали вывод, что деятельность должностных лиц варьируется в зависимости от квалификации и занимаемой должности, начиная от технологического осуществления профессиональной деятельности до организаторских и учебно-воспитательных функций. Но, несмотря на дифференцированность управ-

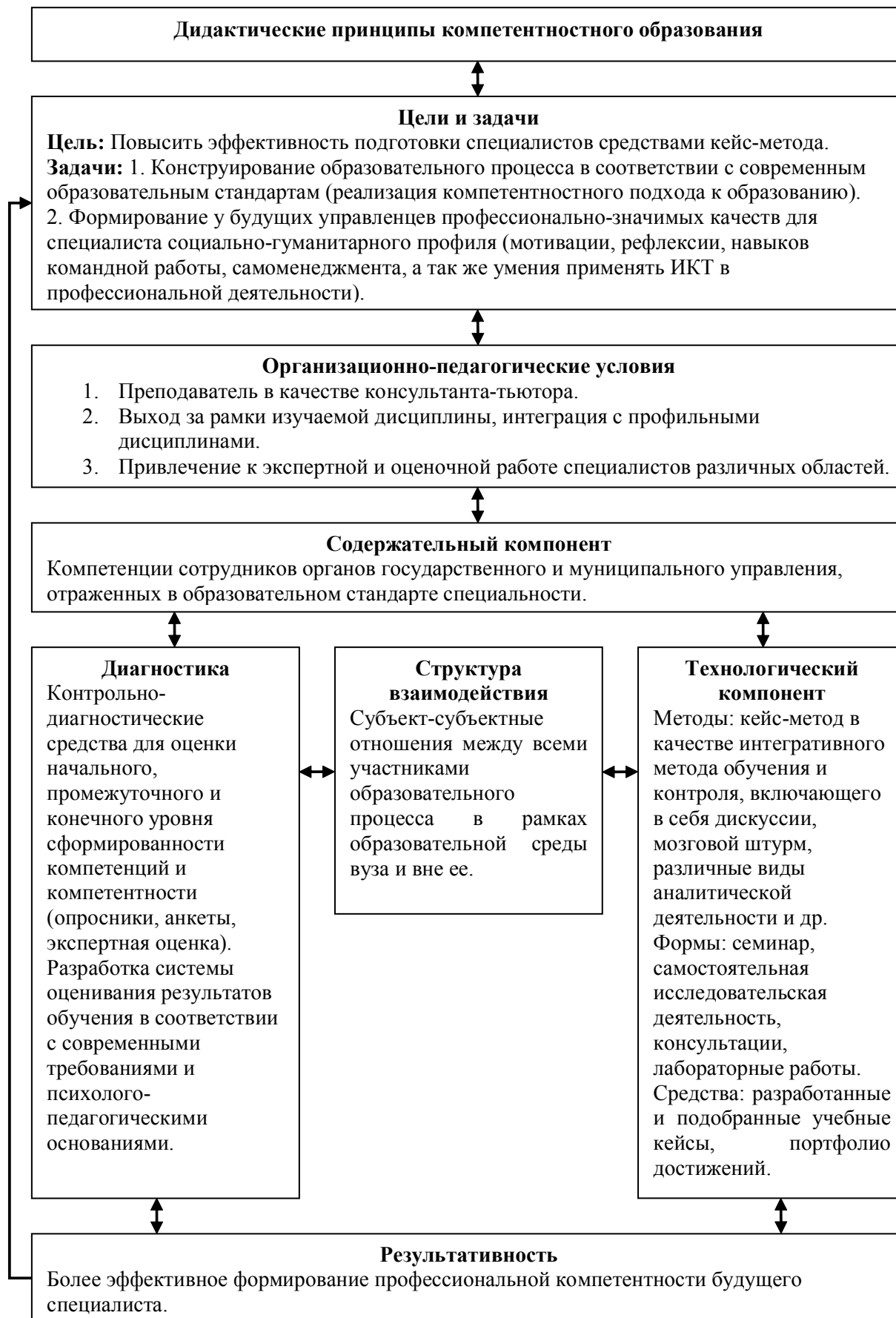

Рис. 1. Модель обучения и контроля на основе кейс-метода

ленческой деятельности, были выявлены общие составляющие, необходимые для реализации функций управления: мотивация достижения успеха, способность к самоменеджменту, способность к алгоритмизации деятельности, способность к аналитическому мышлению, навыки командной работы [1]. Особенностью профессиональной деятельности управленческих кадров является относительно частая смена предмета труда, при этом реализация руководящей функции относительно большого количества специалистов детерминирует необходимость интеграции общепрофессиональных навыков с личностными качествами и мотивационной сферой. Такой подход к трактовке профессиональной деятельности характерен для компетентностного подхода [2]. З.С. Мазыр рассматривает компетентность как готовность к активной деятельности, в концепции компетентности предполагается не только наличие теоретических знаний, но и соответствующего типа мышления, позволяющего решать практические задачи в учебных и профессиональных ситуациях [3].

Принципы компетентностного образования были положены в основу модели обучения и контроля средствами кейс-метода.

Кейс-метод представляет собой интегративный метод обучения, основанный на анализе практических ситуаций, которые могли произойти или произошли в реальности. Студентам предлагается проанализировать проблему, представленную в явной или скрытой форме, и представить вариант решения наиболее благоприятный в существующих условиях. Основным преимуществом кейс-метода является возможность его применения для формирования и оценки компетентности как интегративной личностной характеристики, в которую входят знаниевая компонента, наличие опыта деятельности, личностные качества и мотивы [4]. Данное преимущество реализуется посредством рассмотрения практических ситуаций, для решения которых необходимо применение знаний и навыков из смежных и непрофильных дисциплин, так же происходит интеграция профессиональных компетенций с личностными качествами и мировоззренческими установками за счет наличия в кейсах психологического и морального аспектов проблемы. Кейс-метод является активным методом, что способствует повышению учебной мотивации, т.к. обучающиеся имеют возможность влиять на процесс обучения, отстаивать свои позиции [5].

Экспериментальная модель может применяться не только как инструмент формирования, но и как инструмент оценки компетентности в области управления.

Представленная на рисунке 1 модель разработана с целью повышения эффективности образовательного процесса по подготовки специалистов управленческих кадров. Исходя из цели, были сформированы задачи с опорой на принципы компетентностного образования. Так же в представленной модели отражены организационно-педагогические условия реализации с целью повышения эффективности формирования компетенции средствами кейс-метода. На основе данной модели мы разработали технологию работы с кейсами, опираясь на дидактические принципы системности, открытости, прогнозируемости результатов обучения. Данная технология включает в себя описание деятельности студентов и преподавателя, формы и методы работы, возможность формирования компетенций (в соответствии с ФГОС ВПО), и осуществление функций контроля.

Для проверки выдвинутых предположений была проведена экспериментальная работа в период с 2010 по 2013гг., включающая констатирующий, преобразующий и обобщающий этапы.

На констатирующем этапе выявлены исходный уровень мотивации, ее направленность, уровень сформированности компетенций; проведен анализ данных полученных в ходе экспериментально-исследовательской работы, разработана оценочная шкала для определения уровня сформированности компетентности, а так же выявлены педагогические условия реализации экспериментальной модели и технологии. Основными методами исследования являлись анализ педагогической и психологической литературы по проблеме, наблюдение, тестирование, беседа, анкетирование.

В ходе формирующего этапа (2011-2012 гг.) была проведена работа по внедрению разработанной модели и технологии в образовательный процесс, т.е. содержанием этапа стала исполнительская функция. Основные методы исследования – опытная работа, педагогический эксперимент, наблюдение, тестирование, экспертная оценка.

На третьем этапе, обобщающем (2012-2013 гг.), реализована аналитическая функция, т.е. обработаны и проанализированы данные, полученные в ходе экспериментальной работы, которые были сопоставлены с целью и задачами исследования. А также описан ход опытно-экспериментальной работы, разработаны методические рекомендации. Основными методами данного этапа стали повторное анкетирование, анализ и синтез, статистическая обработка данных.

С целью обеспечения достоверности данных исследования были определены контрольная и экспериментальная группы студентов. Отбор в группы не являлся целенаправленным и не учитывал прошлые учебные достижения. Таким образом, предполагалось обеспечить чистоту результатов исследования, относительно возможности массового применения.

На констатирующем этапе мы провели анкетирование среди студентов, направленное на определение их отношения студентов к активным методам обучения. Результаты показали, что студенты положительно относятся к введению активных методов обучения и контроля, которые отвечают современным требованиям. Далее мы провели анкетирование по вопросам цели поступления в высшее учебное заведение, ценностных ориентаций в карьере. Была проведена оценка мотивационных тенденций.

На констатирующем этапе экспертами был оценен уровень сформированности компетентности студентов контрольной и экспериментальной групп в соответствии с уровнями различие, понимание, применение, анализ, синтез, оценка. Согласно разработанной шкале независимая экспертная группа и преподаватель могли оценить начальный уровень компетенций и динамику развития компетентности.

В ключе выделенных показателей прослеживается логика достижения образовательного результата, заключающаяся в усложнении способов профессиональной деятельности, переходе от освоения простой доступной информации к освоению более сложной, а также навыков и способов ее структурирования. Категории «различение», или «узнавание» соответствует умение обучающегося отличать изучаемый объект или явление от их аналогов. Категория «понимание» сопоставимо наличие навыков интерпретации, прогнозирования и преобразования материала из одной формы представления в другую. Третьей категории «применение» отвечает умение использовать изученный материал в конкретных условиях и новых ситуациях. Обучающийся демонстрирует понимание функциональных зависимостей между изучаемыми явлениями, решает задачи, опираясь на причинно-следственные связи, связывает освоенный материал с практической и профессиональной деятельностью.

Категория «анализ» подразумевает умение разбивать информацию на составляющие так, чтобы просматривалась структура, а так же умение представлять совокупность фактов согласно выявленной структуре.

Пятой категории «синтез» соответствует навык комбинации элементов для получения целого, обладающего новизной. Наконец, с категорией «оценка» сопоставимы навыки оценки значение той или иной информации.

Представленная система оценки результатов обучения, на наш взгляд, отвечает современным нормативам подготовки специалистов. Для экспертов был разработан оценочный лист, оценка компетенций каждого студента проходила по десятибалльной шкале и соотносилась с категориями достижения образовательного результата. Так 1-2 балла экспертной оценки соответствовали категории «различие», что не позволяло говорить о понятии «компетенция». Категория «понимание» сопоставима с 3-4 баллами, данное количество баллов отражало наличие навыков по идентификации ситуации, отнесения ее к подобным, решение ситуации в связи с алгоритмом для группы подобных. Категории «применение» соответствовало 5-6 баллов, т.е. студенты, которым были выставлены такие баллы, демонстрировали возможности применения совокупности инструментов для решения нестандартных ситуаций, прогнозирование последствий решения, описание хода решения, способность сравнивать альтернативные варианты и предлагать практические решения. Категория «анализ» синонимична семи баллам экспертной оценки, что констатировало умение выявить проблему и описать условия ее решения, необходимые ресурсы и инструменты, организовать деятельность небольшого количества специалистов для решения проблемы. С категорией «синтез» сопоставимы восемь баллов: экспертами было выявлено наличие способно-

Таблица 1

Результаты экспертной оценки компетенций участников экспериментальной и контрольной групп (%) (2009 год)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Контрольная группа	0	0	10	27,5	40	17,5	5	0	0	0
Экспериментальная группа	0	0	11,7	23,5	41,1	17,6	5,8	0	0	0

сти организации работы по решению проблемы, умение проводить мониторинг результативности этапов решения проблемы. Девять и десять баллов экспертной оценки соответствовало категории «оценка», наличию умений разработки и внесения новых предложений на основе полученного опыта, способность выбрать стиль руководства и управленческого воздействия на основе анализа ситуации и особенностей решаемой задачи.

Эксперты, основываясь на наблюдении работы над кейсами, за принятием решений в группах и индивидуально, соотносили результаты с описанными выше шкалами и выставляли баллы. При необходимости задавались дополнительные вопросы, касающиеся обоснования принятого решения. Например: «В чем состоит основная проблема ситуации?»; «Какие социальные стороны проблемы были рассмотрены Вами для принятия решения?»; «Как бы вы изменили свое решение, в условиях ограниченности определенных ресурсов?».

Посредством кейсов также проводилась оценка уровня сформированности компетенций и компетентности, то есть кейсы выступали в роли средства контроля. В этом случае кейсы выдавались студентам в начале экзамена и давалось время на подготовку решения. Для принятия решения можно было использовать только информацию кейса, собственный опыт и знания. Таким образом, проверялось не только знание теоретических аспектов, но и целесообразность, методика их применения для принятия решения. По истечению времени студенты предлагали решение кейса, задачу можно было усложнить, исключив из кейса один из ресурсов (время, финансы и др.) или добавив морально-социальный аспект. Оценивая эффективность формирования компетентности, эксперты так же брали во внимание результаты психологической диагностики для отслеживания динамики мотивационной и личностной сферы.

Результаты экспертной оценки мы подвергли статистической обработке и посчитали, сколько процентов студентов экспериментальной и контрольной группы набрало определенное количество баллов в соответствии с оценочным листом. Результаты представлены в таблице 1.

Рассмотрев данные таблицы, можно сделать вывод, что около половины (примерно 40%) студентов и экспериментальной, и контрольной группы набрали по пять баллов, около 17% – по шесть, что соответствует достижению уровня «применение», 23,5% студентов экспериментальной группы и 27,5% контрольной группы набрали по четыре балла, 10% и 11,7% контрольной и экспериментальной групп соответственно получили по три балла, что соответствует уровню «понимание». Уровень «анализ» был достигнут примерно 5% студентов, которые получили по 7 баллов экспертной оценки. Более семи баллов не было получено ни одним из студентов, это представляется нормальным в начальный период профессионального образования, но и минимальное количество баллов (менее трех), также не было поставлено ни одному из студентов. В результате, уровень начальной подготовки можно считать удовлетворительным.

В ходе проведения экспериментальной работы мы уделяли внимание субъективному отношению студенческой аудитории к процессу обучения. На наш взгляд, появление заинтересованности в хороших результатах обучения способствует становлению профессиональной компетентности. В том числе уделялось внимание оценке собственных достижений каждого из испытуемых с целью дальнейшего сопоставления ее с мнением экспертов. На протяжении обучения каждому из студентов необходимо было составить портфолио достижений, состоящее из листа самооценки, листа экспертной оценки, грамот различного уровня, рефератов, индивидуальных решений кейсов, курсовых работ. Портфолио достижений способствует визуализации результатов обучения, повышает мотивацию и рейтинг обучающихся.

Библиографический список

1. Минцберг, Г. Требуется управленцы, а не выпускники MBA: жесткий взгляд на мягкую практику управления и систему подготовки менеджеров. – М., 2008.

Целью экспериментального преподавания стало формирование у студентов профессиональной компетентности, т.е. способности к применению полученных знаний и умений в практической деятельности, которой им будет необходимо заниматься в рамках выбранной специальности. В основе результативной учебной деятельности лежит высокий уровень мотивации студентов, сформированный средствами активных методик обучения. Метод кейсов способствует развитию умения анализировать ситуации, оценивать альтернативы, выбирать оптимальный вариант и составлять план его осуществления. Например, технология групповой работы с кейсами заключается в заблаговременной подготовке студентов к занятию, т.е. получении кейс-задания со списком литературы для самостоятельного изучения. На данном (подготовительном) этапе о повышении мотивации учебной деятельности, можно судить по таким признакам, как обращение к дополнительным источникам, обращение с вопросами к преподавателю на консультациях и в ходе учебных занятий. Сравнение показало, что в экспериментальной группе в списке дополнительной литературы (в среднем) на 3-4 источника больше, чем в контрольной.

В ходе исполнительского этапа студенты обсуждают кейс в группах, сопоставляют изученные факты, анализируют их. В ходе обсуждения выявляется оптимальное решение, презентация которого происходит по истечению времени, отведенного на обсуждение. Затем обучающимся необходимо написать отчет о проделанной аналитической работе.

В качестве показателей овладения практическими умениями выступали умение разработки и написания опорных конспектов, подготовка наглядных пособий, навыки распределения ролей в группе, актуальность предоставляемой информации, оптимальность решения. Работая с кейсом, студенты получают на руки анализ обычной рабочей ситуации и решение затронутых проблем, которое можно применить в аналогичных случаях в процессе будущей профессиональной деятельности. Одновременно с этим формируется навык поиска альтернативных способов решения неординарных ситуаций. В плане методологии кейс-метод значительно отличается от аналогичного содержания обучения, которое не использует кейс-метод [5].

Совместное применение кейс-метода и других методов обучения и контроля дает возможность реализовать компетентностный подход, развивает методическую систему обучения, обогащает содержание дисциплин.

В качестве средства контроля кейс-метод может эффективно применяться для оценки уровня сформированности компетенций и компетентности, что затруднено при использовании традиционных методов.

Опыт реализации экспериментальной модели интеграции кейс-стади в обучение в высшей школе, позволяют сделать вывод о том, что процесс формирования компетентностного специалиста средствами кейс-метода более эффективен и повышает качество образования. Эффективность разработанной технологии повышается при условии систематического использования. Проанализировав результаты экспертной оценки контрольной и экспериментальной групп, мы сделали вывод об их значительном различии. Полученные в ходе исследования данные позволяют говорить о положительной динамике темпов развития компетентности студентов экспериментальной группы. Следовательно, интеграция активных методов обучения и контроля в образовательный процесс положительно влияет на эффективность формирования компетентности. Рассмотрение компетентности в качестве результата обучения высшей школе соответствует принципам современных образовательных стандартов ВПО.

2. Зимняя, И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Эйдос: Интернет-журнал [Э/р]. – Р/д: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm/>
3. Мазыр, З.С. Формирование гражданской компетенции учащихся в процессе обучения в школе: дисс. ...канд. пед. наук. – Самара, 2005.
4. Веряев А.А. Модульно-рейтинговая технология оценивания образовательных достижений в условиях компетентностного целеполагания / А.А. Веряев, Н.В. Медведенко // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 5.
5. Ситуационный анализ, или анатомия кейс-метода / под ред. Ю.П. Сурмина. – Киев, 2002.

Bibliography

1. Minchberg, G. Trebuyutsya uprav lencih, a ne vihpuskniki MBA: zhestkiy vzglyad na myagkuyu praktiku upravleniya i sistemu podgotovki menedzherov. – М., 2008.
2. Zimnyaya, I.A. Obshaya kul'tura i social'no-professional'naya kompetentnost' cheloveka // Ehydos: Internet-zhurnal [Eh/r]. – R/d: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm/>
3. Mazhir, Z.S. Formirovanie grazhdanskoj kompetencii uchastikhshysya v processe obucheniya v shkole: diss. ...kand. ped. nauk. – Samara, 2005.
4. Veryaev A.A. Modul'no-rejtingovaya tekhnologiya ocenivaniya obrazovatel'nykh dostizheniy v usloviyakh kompetentnostnogo celepolaganiya / A.A. Veryaev, N.V. Medvedenko // Mir nauki, kul'turii, obrazovaniya. – 2010. – № 5.
5. Situacionniy analiz, ili anatomiya keyjs-metoda / pod red. Yu.P. Surmina. – Kiev, 2002.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 378. 637: 159.9

Sukhoterina, E.S. PSYCHOLOGICAL READINES OF THE FUTURE TEACHERS FOR WORKING WITH DISABLED.

In this article it is spoken about the necessity to research the psychological readiness of the future teachers to introduce the inclusive education. Here are also represented the results of research and student's experience (students study at the Faculty "Pedagogy and Psychology") in the work with disabled.

Key words: inclusive education, psychological readiness for inclusive education, disabled.

Е.С. Сухотерина, ассистент каф. специальной педагогики и психологии АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: suhoterina-es@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В настоящей статье обосновывается необходимость изучения психологической готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования. А также представлены результаты исследования и опыт формирования психологической готовности к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья у студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология».

Ключевые слова: инклюзивное образование, психологическая готовность к инклюзивному образованию, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Современный этап развития системы специального образования обуславливает необходимость пересмотра и изменения как самого процесса обучения детей с особыми образовательными потребностями, так и отношения к ним в целом. Успешность построения и реализации различных форм интеграции зависит от множества условий и факторов, одним из которых выступает готовность общества принять, с одной стороны, новые формы работы, а с другой стороны, новую категорию детей.

При этом принятие интеграции обществом, и каждым человеком в отдельности, требует проведения длительной целенаправленной работы, которая должна охватывать всех участников образовательного процесса. Основоположающим принципом, с этой точки зрения, должна стать убежденность в том, что для людей с ограниченными возможностями здоровья необходимо создавать условия, способствующие раскрытию их возможностей, и последующему включению в общественную жизнь.

В настоящее время проблемами интегрированного образования занимается широкий круг исследователей, которые разрабатывают различные модели и условия организации данной формы обучения. Однако интегрированное образование в процессе своего внедрения может столкнуться не только с трудностями организации, так называемой, безбарьерной среды, но и с трудностями социально-психологического характера, заключающимися в распростиранности стереотипах и предрассудках, в том числе, в готовности или отказе педагогов, школьников и их родителей принять интеграцию. Последнее условие приобретает особую значимость в последнее время, так как реализация интегрированного обучения предполагает обязательную готовность к нему специалистов массового и специального образования не только в материально-техническом, но и психолого-педагогическом аспектах [1, с. 19].

Значимость психологической готовности к совместному обучению детей с особыми образовательными потребностями и детей с нормальным развитием подчеркивают многие современные исследователи (С.В. Алехина, С.А. Алейникова, О.А. Денисова, В.Н. Поникарова, О.Л. Леханова, Н.Д. Шматко). Данные авторы отмечают неготовность педагогов как массового, так и специального образования к осуществлению практики инклюзивного обучения, что проявляется в отрицательном отношении к идее совместного обучения педагогами специальных дошкольных учреждений [1, с. 26], остром дефиците знаний в области коррекционной педагогики у учителей массовых школ, а также в низком уровне эмоционального принятия отдельных категорий детей с ограничениями возможностями здоровья учителями массовых школ [2, с. 87].

Современные школы и детские сады, в большинстве своем, не готовы принять детей с особыми образовательными потребностями. И дело не столько и не только в отсутствии адаптированной для инклюзивного образования среды, сколько в отсутствии педагогов, получивших специальную подготовку и готовых осуществлять инклюзивное образование детей, влияя на всех субъектов образования [3, с. 81].

Как отмечают данные исследователи, такая подготовка включает решение комплекса взаимосвязанных задач: у педагогов следует формировать адекватное отношение к появлению в детском коллективе особого ребенка, необходимо научить раскрывать потенциальные возможности обучения детей, дать возможность показать и доказать, что такие дети могут в условиях профессионально организованной поддержки достичь уровня развития большинства своих сверстников [3, с. 82].

Однако, как показывает анализ литературы, в настоящее время нет достаточного количества методических разработок по

проблеме формирования психологической готовности педагогов к работе с лицами с ограниченными возможностями здоровья. Особую значимость в данном контексте приобретает проблема готовности к работе в условиях интеграции будущих специалистов, которая в настоящее время является малоизученной и требует детальной проработки.

В связи с этим, нам представляется необходимым изучение психологической готовности будущих педагогов-психологов к профессиональной деятельности с детьми, имеющими особые образовательные потребности. Что позволит выявить проблемы подготовки специалистов, связанные с переходом к инклюзивному образованию, а также определить возможные пути их решения.

Профессионально-психологическая готовность будущих педагогов-психологов к работе в условиях инклюзивного образования состоит, на наш взгляд, из трех взаимосвязанных блоков: когнитивного, мотивационного и научно-методического. Первый блок включает наличие знаний об особенностях психофизического развития различных категорий детей с ограниченными возможностями здоровья, второй блок – наличие устойчивой мотивации для данной работы, а также толерантное отношение к этим детям, и третий блок представлен профессиональными умениями использования приемов и методов коррекционно-развивающей работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

С целью выявления психологической готовности к работе в условиях инклюзивного образования, а также для определения круга задач, направленных на формирование профессиональной готовности будущих педагогов-психологов к работе в его условиях нами была разработана анкета для проведения констатирующего эксперимента. В ходе исследовательской работы было опрошено 56 студентов 4 курса института психологии и педагогики Алтайской государственной педагогической академии, обучающихся по специальности «Педагогика и психология».

Представленные в анкете вопросы были объединены в следующие проблемные области. Отношение будущих психологов к процессу интеграции; необходимость проведения специальной работы по формированию навыков взаимодействия лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц с нормальным психофизическим развитием, в каких формах и при каких условиях наиболее эффективно проводить данную работу; и оценка собственной готовности к работе в условиях инклюзивного обучения.

В результате проведенного анкетирования были выявлены следующие особенности. Большинство опрошенных (72%) положительно относятся к идее интегрированного обучения, указывая на то, что оно способствует социализации детей с ограниченными возможностями. Однако наряду с этим имеются ответы отражающие негативное отношение к интеграции (14%). Так, некоторые респонденты отмечают, что таким детям нужен особый уход, и, более того, они должны быть изолированы от нормально развивающихся сверстников. Ровно столько же опрошенных (14%) затрудняются выразить свое отношение к интеграции, что может быть обусловлено отсутствием опыта общения с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Наряду с этим 100% опрошенных указывают на необходимость проведения специальной работы, направленной на формирование навыков взаимодействия лиц с ограниченными возможностями здоровья и людей с нормальным психофизическим развитием. Большинство респондентов отмечают, что формами проведения данной работы могут выступать организация внеучебной или досуговой деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья и детей с нормальным развитием, проведение психологических тренингов и семинаров на тему «Толерантное отношение к лицам с особенностями в развитии».

В качестве условий успешности организации практики инклюзивного образования большинство опрошенных выделяют: наличие специальных образовательных программ для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья, знание специалистами особенностей их развития, опыт взаимодействия с ними, а также проведение специальной работы по подготовке общества и специалистов к работе с такими детьми. Среди психологических условий студенты отмечают необходимость проведения специально организованной работы по формированию в обществе толерантного отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья.

Относительно готовности будущих специалистов к работе в условиях инклюзивного образования можно отметить следующее. Свою готовность к данной работе отметили лишь 9,4% опрошенных студентов, что выразилось в желании помочь этим детям, стремлении попробовать новые для себя формы работы. 24% опрошенных отметили свою неготовность к такой работе, обосновав это отсутствием опыта работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, нехваткой знаний об их особенностях и стойким нежеланием взаимодействовать с данной категорией учащихся. Большинство студентов (66,5%) затрудняются определить свою готовность к работе в условиях интегрированного обучения в настоящее время, что, на наш взгляд, также свидетельствует о неготовности к работе в условиях инклюзивного образования. Однако, следует отметить, что многие респонденты отмечают свое желание помочь таким детям, но испытывают страх перед подобной работой в силу нехватки знаний об особенностях развития лиц с ограниченными возможностями и отсутствия опыта общения с ними.

Таким образом, на основе полученных результатов мы можем заключить, что будущие педагоги-психологи оказываются психологически не готовыми к работе в условиях инклюзивного образования по всем трем блокам. Во-первых, все респонденты указывают на отсутствие необходимых знаний об особенностях развития детей с ограниченными возможностями здоровья. Во-вторых, большинство респондентов отмечают свою неготовность к работе в условиях интеграции в силу отсутствия интереса, страха перед новой формой работы и высокой ответственности перед детьми и их родителями. И, в-третьих, у всех респондентов оказывается несформированными умения научно-методического блока, что обусловлено недостаточным объемом знаний о детях с особенностями в развитии, а также отсутствием опыта взаимодействия с ними.

Исходя из качественно-количественной оценки полученных результатов, мы определили основные направления работы по подготовке будущих педагогов-психологов к работе в условиях инклюзивного образования. Во-первых, необходимо сформировать у студентов систему теоретических представлений об особенностях психофизического развития детей с ограниченными возможностями здоровья, что может осуществляться в рамках изучения дисциплин «Основы специальной педагогики и психологии» и «Коррекционная педагогика с основами специальной психологии». Во-вторых, необходимо проведение специальной психолого-педагогической работы, заключающейся в формировании интереса и устойчивой мотивации к работе в условиях интегрированного обучения, что может проходить посредством психологических тренингов и семинаров на тему «Толерантность: единство в многообразии». В-третьих, нужно формировать у будущих специалистов навыки профессиональной деятельности в работе с детьми с ограниченными возможностями, что возможно осуществлять посредством совместных мероприятий и выездных занятий на базе специальных (коррекционных) школ-интернатов и детских домов при участии студентов и детей с особыми образовательными потребностями.

Таким образом, на основе проведенного анализа литературных источников, мы можем отметить, что проблема формирования психологической готовности к интегрированному обучению является недостаточно освещенной в современных исследованиях. При этом многие авторы указывают на необходимость выявления социально-психологических проблем, обусловленных процессом введения интегрированного образования, а также разработку путей их преодоления.

Особую актуальность приобретает проблема формирования психологической готовности к работе с детьми с особыми образовательными потребностями у будущих педагогов-психологов. Это связано с современным этапом развития системы массового и специального образования, нацеленного на введение практики совместного обучения детей с особыми образовательными потребностями и с нормой развития. Кроме того, на основе проведенного исследования мы установили, что будущие педагоги-психологи не готовы к работе в условиях инклюзивного образования, это проявляется отсутствием специальных знаний об особенностях развития детей с ограниченными возможностями здоровья, несформированностью мотивации для работы с такими детьми, а также отсутствием опыта взаимодействия с ними. Данный факт обуславливает необходимость организации и проведения целенаправленной работы по формированию психологической готовности к работе в условиях инклюзивного образования, что будет предметом рассмотрения на втором этапе нашей исследовательской работы.

Библиографический список

1. Алейникова, С.А. Отношение педагогов и родителей к интегрированному обучению детей с нарушенным слухом / С.А. Алейникова, М.М. Маркович, Н.Д. Шматко // Дефектология. – 2005. – № 5.
2. Алехина, С.В. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании / С.В. Алехина, М.Н. Алексеева, Е.Л. Агафонова // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 1.
3. Денисова, О.А. Стратегия и тактики подготовки педагогов инклюзивного образования / О.А. Денисова, В.Н. Поникарова, О.Л. Леханова // Дефектология. – 2012. – № 3.

Bibliography

1. Aleynikova, S.A. Otnoshenie pedagogov i roditel'ey k integrirovannomu obucheniyu detey s narushennim slukhom / S.A. Aleynikova, M.M. Markovich, N.D. Shmatko // Defektologiya. – 2005. – № 5.
2. Alekhina, S.V. Gotovnost' pedagogov kak osnovnoy faktor uspekhnosti inkluzivnogo processa v obrazovanii / S.V. Alekhina, M.N. Alekseeva, E.L. Agafonova // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. – 2011. – № 1.
3. Denisova, O.A. Strategiya i taktiki podgotovki pedagogov inkluzivnogo obrazovaniya / O.A. Denisova, V.N. Ponikarova, O.L. Lekhanova // Defektologiya. – 2012. – № 3.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 22.151.3

Cosmin V.S. **PERFECTION OF EDUCATIONAL PROCESS ON DISCIPLINE «DESCRIPTIVE GEOMETRY».** In this work the question of perfection of educational process on discipline descriptive geometry. Outlined computer modeling educational process, as one of the directions of interactive teaching. The technique of construction of the recognition algorithm geometrical image of conic sections and trimming algorithm surface of a sphere.

Key words: algorithm, computer simulation, interactive form of training, recognition of geometric image.

В.С. Космин, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: vladimirkosmin@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ»

В данной работе рассматривается вопрос совершенствования учебного процесса по дисциплине начертательная геометрия. Изложено компьютерное моделирование учебного процесса, как одно из направлений интерактивной формы обучения. Приведена методика построения алгоритма распознавания геометрического образа конических сечений и алгоритм сечения поверхности сферы.

Ключевые слова: алгоритм, компьютерное моделирование, интерактивная форма обучения, распознавание геометрического образа.

Начертательная геометрия – это наука, разрабатывающая методы конструирования вторичных графических моделей абстрактных пространств. Она выполняет важную самостоятельную роль, обеспечивая будущего специалиста необходимой научной информацией и приобретает особое значение для формирования специалиста профиля «Технология». Кроме того, «Начертательная геометрия» является базой для изучения специальных дисциплин. ФГОС ВПО по направлению 050100.62 «Педагогическое образование» (профиль «Технология») требует подготовки современных специалистов на новой основе. В связи с этим необходимо существенно повысить качество изучения дисциплин профессионального цикла студентами вузов.

Осуществлённый в «АГАО» им. В.М. Шукшина переход на новый учебный план по направлению подготовки 050100.62 «Педагогическое образование» (профиль «Технология») привёл к изменению объёма часов, как аудиторных, так и самостоятельных. Эти факторы были учтены при решении задачи совершенствования учебного процесса по дисциплине начертательная геометрия.

Основными направлениями этой работы стали:

I. Совершенствование учебной программы.

II. Выполнение компьютерного моделирования учебного процесса по начертательной геометрии, как одного из направлений интерактивной формы обучения. Компьютерные модели стали обычным инструментом математического моделирования и с успехом применяются в начертательной геометрии. Являются одним из эффективных методов изучения таких тем начертательной геометрии, как взаимное пересечение плоских фигур, сечение поверхностей плоскостью, взаимное пересечение поверхностей, аксонометрические проекции и др.

Знаний о простейших геометрических преобразованиях, изучаемых в школьном курсе геометрии, и основных сведениях, излагаемых преподавателем в курсе начертательной геометрии вполне достаточно, чтобы студент в кратчайшие сроки овладел методикой их применения при разработке некоторых алгорит-

мов решения позиционных задач. Студентам первого курса профиля «Технология» при решении задач начертательной геометрии предлагаются алгоритмы. Необходимо написать программу, составить блок – схему и по данному выполнить задачу на эпюре Монжа. Некоторые алгоритмы рассмотрим ниже.

А. Предлагается метод построения алгоритма распознавания геометрического образа конических сечений с помощью ЭВМ.

Пусть секущая плоскость P общего положения задана своим алгебраическим уравнением вида

$$A \cdot x + B \cdot y + C \cdot z + D = 0, \quad (1)$$

а поверхность конуса Φ задана параметрическими уравнениями

$$\left. \begin{aligned} x &= a \cdot U \cdot \cos V; \\ y &= b \cdot U \cdot \sin V; \\ z &= c \cdot U, \end{aligned} \right\} \quad (2)$$

где U и V – криволинейные координаты точки этой поверхности;

a, b, c – коэффициенты, управляющие формой и размерами конической поверхности.

При фиксировании одного из параметров, например $V = V_0$, и изменения U точка $r = r(V_0, U)$ опишет кривую, лежащую на поверхности (2). Задавая различные значения параметра V , как $V_0 = V_1, V_2, \dots, V_n$ (в пределах области существования последнего), можно выделить на этой поверхности дискретный каркас U -линий. Аналогично могут быть получены поверхности V – линейчатого и сетчатого каркасов.

Для задания секущей плоскости (1) в пространстве могут быть указаны координаты трёх её точек:

$$M_1(x_1, y_1, z_1); M_2(x_2, y_2, z_2); M_3(x_3, y_3, z_3).$$

Тогда решение системы уравнений относительно коэффициентов A, B и C

$$\left. \begin{aligned} A \cdot x_1 + B \cdot y_1 + C \cdot z_1 + D &= 0; \\ A \cdot x_2 + B \cdot y_2 + C \cdot z_2 + D &= 0; \\ A \cdot x_3 + B \cdot y_3 + C \cdot z_3 + D &= 0. \end{aligned} \right\} \quad (3)$$

Тогда уравнение плоскости может быть записано в виде:

(6)

Используя уравнение плоскости (6) и коническую поверхность, заданную системой параметрических уравнений:

$$\left. \begin{aligned} x &= R \cdot U \cdot \cos V + x_0; \\ y &= R \cdot U \cdot \sin V + y_0; \\ z &= H \cdot U + H \end{aligned} \right\} \quad (7)$$

где: U и V – криволинейные координаты точек поверхности Φ ;

R – радиус основания поверхности Φ ;

H – высота поверхности Φ ;

x_0, y_0, z_0 – центр вершины поверхности Φ .

Решая систему уравнений (6) и (7), находим дискретный ряд точек пересечения плоскости P и поверхности Φ , соединив точки пересечения, получим искомую линию:

$$(x_0 + R \cdot U \cdot \cos V) \cdot \operatorname{tg} \gamma \cdot \operatorname{tg} \delta + (y_0 + R \cdot U \cdot \sin V) \cdot \operatorname{tg} \delta + (H \cdot U + H) \cdot \operatorname{tg} \gamma - x_1 \cdot \operatorname{tg} \gamma \cdot \operatorname{tg} \delta = 0,$$

отсюда

$$U = (x_1 \cdot \operatorname{tg} \gamma \cdot \operatorname{tg} \delta - x_0 \cdot \operatorname{tg} \gamma \cdot \operatorname{tg} \delta - y_0 \cdot \operatorname{tg} \delta - H \cdot \operatorname{tg} \gamma) / (R \cdot \cos V \cdot \operatorname{tg} \gamma \cdot \operatorname{tg} \delta + R \cdot \sin V \cdot \operatorname{tg} \delta + H \cdot \operatorname{tg} \gamma).$$

Задаём значения параметра V , изменяя его от 0 до 2π , с шагом $2\pi/N$,

где N – число шагов, определяемых точностью построений. Определив значения x, y, z по формулам (7), находим точки пересечения плоскости P и поверхности Φ .

Для построения развёртки конической поверхности находим длины частей образующих от плоскости H до секущей плоскости P :

$$L = \sqrt{H^2 + R^2} = \sqrt{(x - x_0)^2 + (y - y_0)^2 + (z - z_0)^2}, \quad (8)$$

где: x, y, z – координаты вершины конической поверхности. В соответствии с полученными уравнениями составляем программу и блок – схему для решения задач на компьютере.

Алгоритм применяют при построении сечения плоскостью общего положения следующих поверхностей: конус, цилиндр, прямая призма, прямая пирамида.

В. Предлагается методика построения сечения сферы плоскостью общего положения. В основу используемого алгоритма, при решении данной задачи положен графоаналитический метод. Решение таких задач стало возможным благодаря тому, что информацию о внешнем облике предмета, его размерах, геометрических характеристиках возможно представить в компактном аналитическом виде и ввести в компьютер с целью последующей обработки.

В конечном счёте, данная задача сводится к проблеме описания и представления в компьютер кривых линий и поверхностей.

Поверхность сферы задана радиусом R и координатами $O(x, y, z)$. Плоскость общего положения задана тремя точками A, B, C , не лежащими на одной прямой. Задачу решаем как графическим, так и графоаналитическим методами. При графическом методе решения этой задачи одну и ту же операцию выполняем несколько раз подряд, в зависимости от точности построения. Степень точности будет зависеть от количества построений операций.

От трудоёмких графических построений при определении точек сечения поверхности вращения сферы плоскостью избавляемся при использовании компьютера. Для чего составляем алгоритм решения задачи по определению точек сечения, лежащих в плоскостях, параллельных плоскостям проекций. Эту операцию повторяем некоторое количество раз в зависимости от степени точности построения.

В данном случае задачу решаем по отношению к плоскостям Π_1 и Π_2 . Для построения точек горизонтальной проекции определяем координаты x и y сечения сферы плоскостью. Для этого устанавливаем границы, в пределах которых будем использовать семейство параллельных плоскостей по отношению к плоскости Π_1 . Исходя, из этих рассуждений определяем точки, относящиеся к секущей плоскости и к вспомогательным плоскостям. Ими будут точки 1 и 2. Для их определения используем каноническое уравнение прямых:

$$\frac{x - x_1}{x_2 - x_1} = \frac{y - y_1}{y_2 - y_1} \quad (9)$$

$$\left. \begin{aligned} x_1 &= (z - z_A) \cdot A + x_A \\ x_2 &= (z - z_C) \cdot B + x_C \\ y_1 &= (z - z_A) \cdot C + y_A \\ y_2 &= (z - z_C) \cdot D + y_C \end{aligned} \right\}$$

A, B, C, D – угловые коэффициенты отрезков, соединяющих заданные точки, определённые из канонических уравнений прямых:

$$A = \frac{x_B - x_A}{z_B - z_A}; \quad B = \frac{x_B - x_C}{z_B - z_C}; \quad C = \frac{y_B - y_A}{z_B - z_A}; \quad D = \frac{y_B - y_C}{z_B - z_C};$$

Для определения точек сечения поверхности вращения сферы плоскостью общего положения необходимо помнить, что в сечении сферы вспомогательной плоскостью получаем проекции окружности радиуса RZ в зависимости от расположения вспомогательной плоскости по отношению к плоскости Π_1 (рис. 2). В результате имеем: $RZ = \sqrt{R^2 - (Z - Z_0)^2}$

Так как координаты точек 1 и 2 известны, то можно составить уравнение прямой (12) для плоскости P_2 . При пересечении плоскостью общего положения сферы на высоте Z , прямая (12) пересекает окружность – горизонтальную проекцию сечения сферы плоскостью общего положения на высоте Z . Для нахождения координат точек пересечения окружности и прямой, разделим отрезок – фронтальную проекцию вспомогательной плоскости, заключённой в проекции поверхности сферы, на N частей (по оси X), координату x каждой полученной точки подставим в уравнение прямой (9) для нахождения координаты y . Если полученная точка является точкой пересечения окружности и прямой, то её координаты удовлетворяют уравнение:

$$(X - X_0)^2 + (Y - Y_0)^2 = R^2;$$

Проверим для каждой точки это условие: если оно выполняется, то данная точка является точкой сечения сферы плоскостью общего положения. Если левая часть уравнения:

$P^2 = M = (X - X_0)^2 + (Y - Y_0)^2$, близка с заданной степенью точности, с правой частью уравнения, т.е. $|P - R| < E$, то координаты x, y, z точек выводятся на печать.

В соответствии с вышеизложенным составляем программу и блок – схему для выполнения задачи на эпюре Монжа.

III. Использование в учебном процессе технических средств обучения, позволяющих интенсифицировать процесс передачи информации, сделать его более наглядным.

IV. Развитие у студентов самостоятельного мышления. Представляется им возможность творческого применения теоретических знаний к практическим решениям задач начертательной геометрии на компьютерах. Предшествующее решению задачи на компьютере, её математическое описание и её логическое осмысление, позволяет глубже вникнуть в суть вопроса, создаёт предпосылки исследования своей задачи и возможности создания своего алгоритма.

V. Проведение олимпиады, основной целью которой является выявление наиболее подготовленных студентов, имеющих творческий подход при решении задач дисциплины «Начертательная геометрия». Победители олимпиады получают дополнительные баллы экзаменационной оценки по начертательной геометрии, что способствует их активной подготовки к участию в олимпиаде.

Предлагаемые направления позволили совершенствовать учебный процесс по дисциплине «Начертательная геометрия», что в свою очередь, положительно, повлияло на качество и уровень знаний обучающихся.

Статья поступила в редакцию 13.11.13

УДК 17: 378.126:387.22

Batechko N.G. THE ACMESYNERGETIC APPROACH IN FORMING SPHERE OF MOTIVATION THE FUTURE TEACHERS OF HIGH SCHOOL IN MUSTER DEGREE CONDITION The article reveals peculiarities of acmesynergetic approach in motivational sphere forming of future higher educational institution teachers during masters studying. Examined the process of masters' motivation sphere stimulation, pedagogical conditions that help to do it. Examined the benefits of masters' programs in the formation of motivated students' readiness for pedagogical activity.

Key words: motivation, motivational field, master studying, pedagogical activity, acmesynergetic approach.

Н.Г. Батечко, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. высшей и прикладной математики Национального университета биоресурсов и природопользования Украины, г. Киев, E-mail: bstechko_n_@ukr.net

АКМЕСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ МАГИСТРАТУРЫ

В статье раскрыты особенности акмесинергетического подхода в формировании мотивационной сферы будущих преподавателей высших учебных заведений на этапе обучения в магистратуре. Прослежен процесс стимулирования мотивационной сферы магистрантов и педагогические условия, этому способствующие. Исследованы преимущества магистерских программ в формировании мотивированной готовности студентов магистратуры к педагогической деятельности.

Ключевые слова: мотивация, мотивационная сфера, педагогическая деятельность, магистратура, акмесинергетический подход.

Главным заданием модернизации высшего образования на современном этапе является достижение принципиально нового уровня качества подготовки преподавателей высшей школы. В условиях компетентного подхода к специалистам с высшим образованием понятие «качество образования» приобретает новое звучание и охватывает не только знания, умения и навыки, но и личностные характеристики будущего педагога, обеспечивающие им успех в дальнейшей профессиональной деятельности. Возрастает актуальность проблем, связанных с разработкой, изучением и использованием методов воздействия, направленных на формирование личности будущего преподавателя вуза в условиях магистратуры. Последнее, в свою очередь, затрагивает ряд проблем, связанных с возможностями и условиями, способствующими целенаправленному формированию мотивационной сферы будущих педагогов.

Проблема усугубляется в связи с кризисными явлениями и противоречиями в современном высшем образовании. Так, с одной стороны, в свете новой образовательной парадигмы в высшей школе имеются прогрессивные сдвиги в направлении гуманистического, личностно-ориентированного подхода. Однако, с другой стороны, до сих пор в наличии научно-методичес-

кая база, имеющая характер «авторитарной педагогики» – отголоска прежней «советской культуры». Нелинейные образовательные системы со всем разнообразием внешних воздействий и внутренних противоречий до сих пор воспринимается предсказуемыми, линейными и однозначными.

Развивать в таких условиях личностные и профессиональные значимые качества будущих преподавателей высшей школы как самодостаточность, активность, креативность, инициативность, самостоятельность и стремление к самосовершенствованию является непростой задачей. Еще сложнее – развить мотивационную сферу будущего педагога, ведь в каких бы условиях и чему не учился студент, он характеризуется индивидуальной способностью к активному и самостоятельному определению цели деятельности, выбора путей, способов и методов ее реализации, он сам организует, регулирует и контролирует ее выполнение: ведь человек по природе является самоорганизующейся системой. Так, по мнению Л.С. Выготского, «переориентация современной психолого-педагогической науки на личность и ее развитие, возрождение гуманистических традиций являются основными задачами, возникающими перед образовательной системой. Их решение требует переосмысления ме-

тодологической базы, разработки гуманистической философии образования, поскольку, если наука сталкивается с проблемой, которую невозможно решить, она обращается к философии и практике» [1, с. 300].

Философский анализ социокультурной ситуации в обществе, продвижение научных парадигм и методологических ориентиров свидетельствует о необходимости постановки в центр образовательного процесса конкретной личности с ее потребностями в саморазвитии, самосовершенствовании и самореализации. Последнее побуждает к переосмыслению подготовки педагогических кадров высшей школы в условиях магистратуры на основе оптимального сочетания акмеологического и синергетического подходов в целостном процессе овладения магистрантами системой нормативных знаний и умений, развития профессионально значимых качеств, формированием на ценностной основе мотивации к педагогической деятельности. Таким образом, мы считаем, теоретико-методологическим обоснованием формирования мотивационной сферы будущего преподавателя вуза в условиях магистратуры должны стать акмесинергетический подход. Ведь сущностью этого подхода является развитие и утверждение нового взгляда на обучение и воспитание, утверждение личностного подхода и всестороннее, гармоничное саморазвитие и самосовершенствование всех субъектов учебно-воспитательного процесса в высшей школе.

Целью статьи является анализ и обобщение акмесинергетического подхода к формированию мотивационной сферы будущих преподавателей высшей школы в условиях магистратуры.

Проблемы мотивации личности, факторы, влияющие на нее, ее динамика и разнообразие исследовались в трудах многих ученых в области социологии, психологии и социальной психологии, в частности, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Дж. Келли, Маслоу, Роджерса, Х. Хекхаузена и др. Научные исследования свидетельствуют, что в современной психологии наметились следующие основные направления исследования мотивации целостной деятельности: теоретико-инстинктивное, теоретико-личностное (линии психологии личности, когнитивной психологии и психологии мотивации), а также теоретико-ассоциативное (линии психологии умения и психологии активации).

Исследованию различных аспектов мотивации выпускников средних школ и студентов высших учебных заведений посвящены труды таких известных ученых: В.А. Арбенина, В.С. Бакирова, Л.И. Божович, А.Г. Здравомыслова, П.Г. Лузана, В.И. Ковалева, А.К. Марковой, Ю.М. Орлова, М.М. Руткевича, К.К. Платонова, Е.А. Подольской, О.О. Якуба и др.

Рассмотрим сущность понятия «мотивация». По мнению Божович Л.И., суть мотивации сводится к совокупности мотивов, определяющих конкретную деятельность [2]. Близким к этому является определение мотивации К.К. Платоновым, как совокупности устойчивых мотивов, определяющих направленность личности, ее ценностную ориентацию и деятельность [3]. Маркова А.К. считает мотивацию многомерным образованием, состоящим из таких многомерных компонентов: отдельные мотивы, потребности, цели и желания, идеалы и ценностные ориентации, эмоции и аффекты [4].

Рассматривая проблему мотивационной сферы личности, как сложного и многопланового явления, следует подчеркнуть тесную взаимосвязь дефиниций «мотивация», «мотив», «потребность», «цель», «побуждение». Так, большинство ученых считают, что понятие «мотивация» состоит из совокупности осознанных побуждений личности, содержащих потребности, мотивы и цели. В частности, Побирченко Н.А. считает мотивацию процессом, который сопровождает совокупность побуждений (мотивов) и действует во всех образовательных сферах. Обуславливая поведение и деятельность человека в образовании, мотивация влияет на его подсознательное отношение к учебному процессу и образовательным результатам. Мотивация, считает исследовательница, выполняет приоритетную функцию в интегрировании познания образования [5, с. 37]. Поляков О.А. рассматривает мотивацию студентов как совокупность их устойчивых мотивов и побуждений, определяющих содержание и направленность динамического, непрерывного и гуманистически направленного процесса возрастания внутренней потребности в личностном преобразовании, способность к актуализации внутреннего потенциала и осознанного выбора индивидуальной профессионально-личностной стратегии и образовательного пути в течение всей жизни, результатом которого является высший уровень сформированности профессиональной компетентности будущего специалиста [6, с. 7].

Заметим, что идеалы и ценностные ориентиры не входят в мотивационную сферу, а определяют в целом направленность личности. Ученые рассматривают мотивы в тесной связи с содержанием деятельности. Так, мотивы профессиональной подготовки тесно связаны с мотивами выбора профессии, а, следовательно, с последующей профессиональной деятельностью. Очевидно, отмечает В.М. Манько, для эффективности профессионального обучения должна формироваться мотивационная сфера, адекватная содержанию профессиональной подготовки и тем социальным условиям, в которых она происходит. И чем более не адекватна этим условиям и устойчива начальная структура мотивационной сферы, тем больше вероятность отказа от профессиональной подготовки [7, с. 67.].

Не вдаваясь в обоснование психологических аспектов формирования мотивации личности, сосредоточим внимание на особенностях формирования мотивационной сферы будущих преподавателей высшей школы в условиях магистратуры. Период обучения в магистратуре является важным периодом для формирования ценностных ориентаций как устойчивых свойств личности, способствующих становлению мировоззрения, отношению к окружающей действительности. Именно в этот период магистрант вступает в пору зрелости, происходит становление его сознания, как личности, так и профессионала. Так, опрос выпускников магистратуры одного из классических университетов показал, что 86,7% из них считают магистратуру важной карьерной ступенькой в современных социально-экономических отношениях. Впрочем, свою будущую карьеру связывают с педагогической деятельностью в высших учебных заведениях лишь 12,3% магистров [8, с. 34-35].

Представленный факт свидетельствует, что большинство студентов магистратуры не настроены на педагогическую деятельность. Причин этому несколько: низкий социальный статус педагога в обществе, сравнительно невысокая заработная плата, низкий авторитет преподавателя высшего учебного заведения в глазах студентов, недооценка магистрантами собственных педагогических способностей и недостаточная профориентационная работа в период магистерской подготовки. Кроме того, в условиях экономического кризиса, на которые накладывается еще и сложная демографическая ситуация, во многих вузах происходят значительные сокращения научно-педагогических кадров, увеличивается конкуренция между преподавателями, которая также отпугивает выпускников магистратуры от преподавательской деятельности.

В таких условиях возрастает значение мотивационного фактора в выборе педагогической профессии среди студенческой молодежи. В учебно-воспитательном процессе подготовки магистров происходит развитие и трансформация мотивации к педагогической деятельности. При формировании мотивационной сферы магистранта проблема заключается в решении противоречия между исходным уровнем мотивации и уровнем, необходимым для осуществления дальнейшей педагогической деятельности будущим преподавателем. В этом противоречии заключается движущая сила процесса формирования мотивации магистрантов к педагогической деятельности. Ее выяснение, с одной стороны, обуславливает стимулирование развития мотивационной сферы самого магистранта. С другой стороны, с позиций акмесинергетического подхода, стимулирование мотивационной сферы магистранта, по нашему мнению, – это процесс создания условий для устойчивых убеждений студента к педагогической деятельности, направленный на решение вышепредставленных противоречий. Вследствие этого, мотивация становится лично значимой для магистранта, что, в свою очередь, способствует качеству и эффективности учебно-воспитательного процесса.

Попробуем проследить морфогенез этого процесса и укажем на педагогические условия, ему способствующие. Заметим, что с акмесинергетической позиции подготовка педагогических кадров должна осуществляться на основе «открытой системы», которая детерминирует формирование профессиональных знаний на базе современных достижений педагогической науки и глубоких национальных традиций в области педагогики. В этом аспекте должна происходить интеграция целевого, содержательного и процессуально-деятельностного компонентов педагогического образования в контексте максимального развития у будущего педагога способности к самопознанию, мотивированной рефлексивной самореализации и непрерывного движения к вершинам акме в современной динамичной социально-культурной среде.

Как известно, акмесинергетический подход, в отличие от классической педагогики, позволяет иначе рассматривать сущность профессионального становления будущего преподавателя высшей школы. Профессиональное и личностное развитие педагога невозможно заранее запрограммировать и считать планомерно-постепенным, линейным, бесконфликтным процессом. Он обязательно сопровождается кризисами, обуславливающими перестройку профессионального мира, его ценностных ориентаций, в том числе и мотивационной сферы.

Формирование мотивации будущего педагога может происходить от менее дифференцированных мотивационных процессов к все большей их дифференциации, от динамичного и неустойчивого состояния к все более устойчивому. Заметим, что указанное происходит в ходе учебно-профессиональной деятельности магистрантов, когда сначала формируются непрерывно-процессуальные моменты мотивации: мотивационные элементарные образования, процессы и состояния, в дальнейшем переходящие в относительно устойчивые свойства личности. Так что можно утверждать, что формирование мотивационной сферы магистранта является сложной, изменчивой системой, которая вследствие учебно-профессиональной деятельности испытывает эволюцию и в результате самоорганизации личности приобретает устойчивый характер.

Поскольку формирование мотивационной сферы магистранта закладывается во время учебы, то необходимо, прежде всего, усовершенствовать учебно-воспитательный процесс в магистратуре. Обучаясь по магистерской программе, студент среди других возможностей будущего трудоустройства по специальности сознательно и целенаправленно идентифицирует себя с профессией преподавателя вуза. Впрочем, значительная часть магистрантов, в ходе обучения оказывается не готовой к преподавательской деятельности, например, при прохождении ассистентской практики. Ситуацию можно откорректировать, используя должным образом потенциал магистратуры. По мнению Н.Н. Демьяненко, магистратура как уровень достаточно открытый для всех способных ее осваивать, более мягко и естественно регулирует доступ и зачисление студентов (функция рациональной селективности). На этапе магистратуры максимально достигается единство академических и рыночных характеристик высшего образования, его преданность классическим ценностям и открытость динамичным изменениям (функция единства, преемственности и развития). Магистерский уровень позволяет осуществлять подготовку высокоинтеллектуальных научно-исследовательских кадров и элиту профессионалов с высокой междисциплинарной культурой (восстановительная функция) [9, с. 51]. Магистерская подготовка существенно более индивидуализирована и углублена по сравнению с бакалавриатом. Она предполагает не только синтез и углубление ранее приобретенных знаний, но и возможность осуществлять индивидуальную образовательно-научную программу, при которой развиваются креативные и когнитивные способности магистранта, в том числе и педагогические. Главная задача – выявить эти способности, и в этом, прежде всего, должен быть заинтересован вуз. Ведущие профессора и доценты, как свидетельствует Пономаренко В.В., не появляются внезапно, они постепенно воспитываются из студентов, аспирантов или ассистентов на кафедрах и в научных лабораториях. Непрерывность этого процесса обеспечивает высокий уровень ответственности повседневного труда всего профессорско-преподавательского состава университета [10, с. 12].

Учитывая достаточно непродолжительный срок обучения в магистратуре, содержание и методика подготовки специалистов – будущих педагогов нуждаются в совершенствовании, внедрении инновационных технологий и реализации в учебно-воспитательном процессе акмесинергетического подхода. Именно этот подход предполагает открытость учебно-воспитательного процесса, развитие и применение синергетических представлений об открытости мира, целостности и взаимосвязи человека, природы и общества; постоянный поиск и обновление содержания образования, изменение роли преподавателя – переход к совместным действиям со студентами в новых, нетривиальных ситуациях, присущих открытому постоянно меняющемуся

миру. Для реализации указанных аспектов следует оптимизировать соотношение практической и теоретической составляющих обучения магистрантов, вводить в учебно-воспитательный процесс решение педагогических задач, моделирование педагогических ситуаций, учебные деловые игры, игровое проектирование, имитационные упражнения и т.д.

По мнению Кривых С.В. [11, с. 36], открытым педагогическим системам на основе синергетических принципов свойственно «выращивать», «выстраивать» в себе новые качества, в нашем случае – это новый виток формирования мотивационной сферы будущего педагога. Мотивация на этой почве приобретает личностный смысл и значимость будущей педагогической деятельности, способствует превращению внешне сформулированных целей во внутренние личностные потребности и убеждения. На этом витке развития мотивации важно, чтобы магистрант направлял свою творческую познавательную активность на постоянное профессиональное самоутверждение. Учебно-воспитательный процесс как открытая система должен способствовать активному интересу магистрантов к избранной профессии, ответственности за выполнение учебных заданий, осознанному отношению к своим профессиональным достижениям, высокой нравственности и этике будущей профессионально-педагогической деятельности.

Важным педагогическим условием стимулирования мотивации будущего преподавателя высшей школы, мы считаем реализацию андрагогической модели организации обучения магистров, т.е. такой организации совместной деятельности учащегося и преподавателя, при которой, как свидетельствует Сысоева С.А.: а) ученик – взрослый в силу объективных факторов имеет важное значение в организации процесса обучения: целей, содержания, форм, методов и средств обучения; б) преподаватель является консультантом, экспертом по технологиям обучения, предоставляя взрослому – ученику помощь в организации обучения [12, с. 314]. Основанная на таких принципах андрагогическая модель предоставляет магистранту возможность активно влиять на содержание, формы и методы обучения, адаптировать обучение к своим индивидуальным потребностям и особенностям; создает предпосылки для развития у студента самостоятельного, творческого и ответственного подхода к своему обучению, а, следовательно, способствует его самопознанию, саморазвитию, а затем мотивирует готовность к дальнейшей педагогической деятельности.

Одним из существенных стимулов формирования мотивационной сферы будущего преподавателя высшей школы является психологическая перестройка действий магистранта, его мышления и механизмов самореализации. Заметим, в большинстве случаев наши студенты не мотивированы требовать нечто большее чем то, что предлагает в их обучении вуз, и, тем более, не стремятся знать более того, что требует от него преподаватель. Ведь основным механизмом, способным двигать высшую школу в режиме саморазвития, является взаимодействие преподавателя и студента при условии, что студент стремится к большему, нежели предлагает и требует от него преподаватель. Это условие является актуальным именно для будущего преподавателя высшей школы, который должен быть всегда на шаг впереди, как человек, который должен учить других, а значит должен учиться и стремиться к самосовершенствованию в течение всей жизни.

Подытоживая, необходимо отметить, что формирование мотивационной сферы будущих преподавателей высшей школы в условиях магистратуры является эффективным если: осуществляется в соответствии с разработанными и обоснованными теоретико-методологическими принципами, раскрывающими направления преодоления противоречий в эволюции мотивационной готовности к педагогической деятельности магистров; учитывает преимущества обучения в магистратуре и реализует андрагогические принципы обучения магистров. Психологические аспекты осознания необходимости будущим преподавателям самообразования и саморазвития мотивируют дальнейшую профессиональную деятельность и раскрывают творческий потенциал будущего педагога.

Библиографический список

1. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: собр. соч. в 6 т. – М., 1982. – Т. 6.
2. Божович, Л.И. Избранные психологические труды: проблемы формирования личности. – М., 1995.
3. Платонов, К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. – М., 1981.
4. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения / А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов. – М., 1990.

5. Побирченко, Н.А. Развитие «освительской» мотивации в психологическом образовании // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика. – 2012. – № 1-2.
6. Поляков, А.А. Педагогические условия мотивации профессионального роста студентов педагогических университетов в процессе непрерывного образования – автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Харьков, 2008.
7. Манько, В.М. Уровневая подготовка инженеров-механиков сельскохозяйственного производства. – Киев, 2005.
8. Супрун, М.В. Магистратура как форма подготовки высокопрофессиональных научно-педагогических кадров для вузов Украины // Научный вестник Волынского национального университета имени Леси Украинки. – 2011. – № 7.
9. Демьяненко, Н. Инновационные подходы к подготовке педагогических кадров // Педагогические науки. – 2012. – № 54.
10. Пономаренко, В. Проблемы подготовки научных кадров // Высшая школа. – 2012. – № 2.
11. Кривых, С.В. Развивающее и развивающееся образование: синергетические аспекты образования. – Новокузнецк, 2000.
12. Сысоева, С.А. Формирование педагогической компетентности преподавателя высшего учебного заведения непедагогического профиля: постановка проблемы и направления решения // Реализация европейского опыта компетентностного подхода в высшей школе Украины: материалы методологического семинара. – Киев, 2009.

Bibliography

1. Vihgotskiy, L.S. Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa: sobr. soch. v 6 t. – M., 1982. – Т. 6.
2. Bozhovich, L.I. Izbranniye psikhologicheskie trudi: problemih formirovaniya lichnosti. – M., 1995.
3. Platonov, K.K. Kratkij slovarj sistemih psikhologicheskikh ponyatij. – M., 1981.
4. Markova, A.K. Formirovanie motivacii ucheniya / A.K. Markova, T.A. Matis, A.V. Orlov. – M., 1990.
5. Pobirchenko, N.A. Razvitie «osvitel'skoy» motivacii v psikhologicheskom obrazovanii // Neprerivnoye professionalnoye obrazovanie: teoriya i praktika. – 2012. – № 1-2.
6. Polyakov, A.A. Pedagogicheskie usloviya motivacii professional'nogo rosta studentov pedagogicheskikh universitetov v processe neprerivnogo obrazovaniya – avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Khar'kov, 2008.
7. Manjko, V.M. Urovnevaya podgotovka inzhenerov-mekhanikov sel'skokhozyajstvennogo proizvodstva. – Kiev, 2005.
8. Suprun, M.V. Magistratura kak forma podgotovki vihsokoprofessional'nykh nauchno-pedagogicheskikh kadrov dlya vuzov Ukrainih // Nauchnij vestnik Volynskogo nacional'nogo universiteta imeni Lesi Ukrainki. – 2011. – № 7.
9. Demjhyanenko, N. Innovacionniye podkhodi k podgotovke pedagogicheskikh kadrov // Pedagogicheskie nauki. – 2012. – № 54.
10. Ponomarenko, V. Problemih podgotovki nauchnykh kadrov // Vihsshaya shkola. – 2012. – № 2.
11. Krivikh, S.V. Razvivayuthee i razvivayutheesya obrazovanie: sinergeticheskie aspektih obrazovaniya. – Novokuzneck, 2000.
12. Sishoeva, S.A. Formirovanie pedagogicheskoy kompetentnosti преподаvatel'ya vihshego uchebnogo zavedeniya nepedagogicheskogo profilya: postanovka problemih i napravleniya resheniya // Realizaciya evropejskogo opyta kompetentnostnogo podkhoda v vihshej shkole Ukrainih: materialih metodologicheskogo seminar. – Kiev, 2009.

Статья поступила в редакцию 15.11.13

УДК 378.037

Gareev D.R. THE IMPROVEMENT OF INDIVIDUAL STYLE OF ACTIVITY OF RUNNERS 17-18 YEARS ON AVERAGE DISTANCES IN THE TRAINING PROCESS. The concept of individual style of activity as a basis for management of the teaching and training process of runners 17-18 years on average distances is considered. The significant attention is given to individuality as an important component of the construction of training athletes.

Key words: individuality, personal style of activity, the program of the training process, the training of average distance runners.

Д.Р. Гареев, преп. Уральского института ГПС МЧС России, г. Екатеринбург, E-mail: dimagario@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕГУНОВ 17-18 ЛЕТ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается понятие индивидуального стиля деятельности как основы управления учебно-тренировочным процессом бегунов 17-18 лет на средние дистанции. Значительное внимание уделяется индивидуальности как важного компонента построения подготовки спортсменов.

Ключевые слова: индивидуальность, индивидуальный стиль деятельности, программа учебно-тренировочного процесса, подготовка бегунов на средние дистанции.

Развитие современного отечественного спорта характеризуется чрезвычайно сложными и противоречивыми процессами, которые обусловлены изменениями в экономической, политической, социальной и духовной сферах общества.

Информационная стадия развития цивилизации стимулирует интерес к проблематике индивидуальности человека, как высшего критерия социального прогресса. Разнообразие индивидуальности – это существенное условие и форма проявления успешного развития разумного организованного общества.

Обратимся к трактовке дефиниции «индивидуальность», которая рассматривалась в философских, психолого-педагогических, исторических, этнографических, социологических исследованиях.

В трактовке Д.И. Фельдштейна под индивидуальностью понимают результат смены периодов социализации и индивидуализации, как следствия развития личности, становления её самосознания, функций самоконтроля, саморегуляции; личности, являющейся самостоятельным творцом своего бытия и своей собственной личности [1].

Другой точки зрения придерживается Л.Я. Дорфман, который предлагает индивидуальность рассматривать как деятельность, как систему способов функционирования, как индивидуальный способ адаптации личности к условиям деятельности – стилю деятельности [2]. Данное определение является для нашего исследования приоритетным. Проведенные исследования в спорте подтверждают, что термин «индивидуальность» – это ещё и понятие единичности, неповторимости, уникальности и специфичности человека. Данный аспект в учебно-тренировочном процессе становится преимуществом для спортсмена, отражая его индивидуальный стиль деятельности.

Впервые понятие «индивидуальный стиль деятельности» было использовано А. Адлером в 1927 году для объяснения индивидуального своеобразия жизненного пути личности. Под индивидуальным стилем деятельности на современном этапе следует понимать характерную для данного индивида систему навыков, методов, приёмов, способов решения задач той или иной деятельности, обеспечивающую более или менее успешное её выполнение [3].

Структура индивидуального стиля деятельности заключается в исследовании следующих действий. Во-первых, учитывая комплекс типологических свойств нервной системы стихийно, то есть произвольно и без субъективных усилий, провоцируются приёмы и способы деятельности. Они представляют собой основу индивидуального стиля, которая несёт первый приспособительный задел, тем самым определяя направление дальнейшего уравнивания спортсмена со средой. Во-вторых, в процессе сознательных или стихийных поисков создаётся другая группа особенностей деятельности, суть которой заключается в пристройке к ядру нервной системы, и возникает предпочтение к определенному стереотипному способу действия. При этом отметим, на основе подвижности таким же способом складываются противоположные черты деятельности. Элементы ядра нервной системы составляют особенности, благоприятствующие успеху, и, наоборот, противодействующие ему. Однако если деятельность происходит в условиях неуспешной реализации, то она компенсируется специфическими механизмами.

Следовательно, компонентами исследуемой дефиниции, с точки зрения деятельности, выступают индивидуальный стиль реакций и движений, индивидуальная система операций, индивидуальная стратегия промежуточных операций. При акценте на «индивидуальность» компонентами будут биохимические свойства, свойства нервной системы, темперамент т.д.

Таким образом, в учебно-тренировочной деятельности спортсменов, в том числе и бегунов 17-18 лет на средние дистанции, успех достигается при сочетании положительных стихийных природных свойств и его особенностей. Значит, в благоприятном соотношении объективных требований тренера и устойчивыми психологическими особенностями бегуна успех в спортивных достижениях будет достигаться с использованием приспособительных возможностей. В противном случае, спортсмену для получения положительного результата необходимо создать специфическую систему приёмов и способов деятельности, которая компенсирует отрицательные проявления свойств.

Отечественные исследователи Е.П. Ильин [4], Е.А. Климов [5] и др. считают, что становление индивидуального стиля деятельности у человека обусловлено следующими факторами:

1. Есть стойкие (консервативные) личностные качества, существенные для успеха в деятельности, и практически не воспытаваемые (свойства нервной системы).

2. Связь данных свойств со специальными способностями: свойства обуславливают проявление и развитие определенных способностей. Например, подвижность нервных процессов обуславливает развитие быстроты и темпа движений.

3. Возможны разные по способам, но равноценные по конечному эффекту варианты приспособления к деятельности.

4. Имеются широкие возможности компенсаторного преодоления слабо выраженных способностей (одна из закономерностей психики).

5. Формирование личности можно вести только с учетом внутренних условий наряду с внешними.

6. Субъективное, будучи отражением объективного, обладает собственной активностью.

Кроме вышеперечисленных факторов, по нашему мнению, индивидуальный стиль деятельности определяется ещё и специфическим сочетанием свойств темперамента, который про-

является в динамических особенностях деятельности, содержащей приёмы работы, типичные для данного человека.

Изучаемый аспект в учебно-тренировочной и соревновательной деятельности вырабатывается продолжительное время с накоплением опыта, претерпевая при этом существенные изменения, поэтому необходимо, чтобы он соответствовал индивидуально-психологическим особенностям личности бегуна и был эффективным для получения положительного результата.

Для уменьшения временного интервала и регулирования спонтанного формирования индивидуального стиля деятельности бегуна 17-18 лет на средних дистанциях целесообразно управлять этим процессом со стороны тренера, психолога, педагога. Поэтому нами была разработана программа, включающая последовательность этапов в следующем порядке:

I этап – анализ учебно-тренировочной деятельности бегуна 17-18 лет на средние дистанции:

- характер учебно-тренировочной деятельности (характер маневрирования, коэффициент активности, коэффициент соревновательной результативности);

- склонность к применению двигательных приёмов (быстрота нападения, быстрота и успешность переключения к другим действиям и т.п.);

- объём, вариативность, направленность спортивного боевого арсенала;

- склонность к проявлению творчества в спортивной борьбе, применению тактических приёмов по отношению к сопернику;

- морально-волевые качества.

II этап – определение качеств бегуна, которые определяют положительный результат в соревновательных выступлениях (физические, психологические, волевые).

III этап – диагностика психофизиологических особенностей бегуна, успешно влияющих на результат и препятствующих ему, определение степени их выраженности (подвижность, уравновешенность и др.).

IV этап – личностная характеристика индивидуального стиля деятельности бегуна 17-18 лет, основанная на типичных компонентах учебно-тренировочной подготовки на средние дистанции и психофизиологических особенностях спортсмена.

V этап – определение направления для совершенствования индивидуального стиля деятельности бегуна 17-18 лет (совершенствование и развитие физических качеств, технических приёмов, тактических приёмов, психических качеств).

VI этап – определение комплекса педагогических условий, способствующих максимальному использованию задатков и способностей бегуна 17-18 лет.

VII этап – подбор средств, методов и приёмов, компенсирующих недостатки индивидуальных свойств нервной системы юниора.

VIII этап – коррекция индивидуального стиля деятельности бегуна 17-18 лет на основе результатов его учебно-тренировочной и соревновательной деятельности.

Предложенный вариант совершенствования индивидуального стиля деятельности бегунов 17-18 лет объясняет необходимость создания общей методики, основанной на индивидуальном подходе к каждому спортсмену. При этом будет решена основная проблема в изучении феномена «индивидуальный стиль деятельности» – его изменение у разных спортсменов в зависимости от специфических объективных требований различных видов спорта.

Библиографический список

1. Фельдштейн, Д.И. Психология развития человека как личности: в 2 т. – М., 2005. – Т. 1.
2. Дорфман, Л.Я. Проблема целостности в теории интегральной индивидуальности // Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вякина. – М., 2005.
3. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб., 2004.
4. Ильин, Е.П. Психология спорта. – СПб., 2012.
5. Климов, Е.А. Индивидуальный стиль деятельности. Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М., 1982.

Bibliography

1. Feljdshteyjn, D.I. Psikhologiya razvitiya cheloveka kak lichnosti: v 2 t. – M., 2005. – T. 1.
2. Dorfman, L.Ya. Problema celostnosti v teorii integral'noj individual'nosti // Polisistemnoe issledovanie individual'nosti cheloveka / pod red. B.A. Vyagkina. – M., 2005.
3. Boljshojj psikhologičeskijj slovarj / sost. i obth. red. B. Metheryakov, V. Zinchenko. – SPb., 2004.
4. Iljin, E.P. Psikhologija sporta. – SPb., 2012.
5. Klimov, E.A. Individual'nijj stilj deyatelnosti. Psikhologija individual'niikh razlichijj / pod red. Yu.B. Gippenrejter, V.Ya. Romanova. – M., 1982.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 378.16:371.184.037.1

Deminskaya L.A. EDUCATIONAL AND INSTRUCTIONAL MATERIALS FOR PROFESSIONALLY – PEDAGOGICAL PREPARATION OF FUTURE TEACHERS OF PHYSICAL EDUCATION ON THE BASIS OF AXIOLOGY. The health – trend tendency of modern system of education is based on the axiological approach towards the educational process and the health of the pupils. The formation of the axiological competence of future teachers of physical education in the process of professionally – pedagogical preparation foresees the creation of axiologically approached educational and instructional materials.

Key words: axiological competence, educational and instructional materials.

Л.А. Деминская, канд. пед. наук, доц., зам. директора по научно-педагогической работе, Донецкий гос. институт здоровья, физического воспитания и спорта Национального университета физического воспитания и спорта Украины, г. Донецк, E-mail: dgizfvs-nauka@mail.ru

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ОСНОВЕ АКСИОЛОГИИ

Здоровьесберегающая тенденция современной системы образования основана на аксиологическом подходе к педагогическому процессу и здоровью учеников. Формирование аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания в процессе профессионально-педагогической подготовки предусматривает создание аксиологически направленного учебно-методического обеспечения.

Ключевые слова: аксиологическая компетентность, учебно-методическое обеспечение.

Современные тенденции развития системы образования предусматривают формирование здоровьесберегающего подхода к организации учебного процесса, ценностного отношения к здоровью и личности учеников. Реализация данных тенденций предполагает высокий профессиональный уровень учителя физического воспитания, который должен проявляться в готовности к использованию профессиональных знаний, умений, навыков и личностных качеств для сохранения, формирования, развития и восстановления здоровья школьников.

Формирование готовности учителя физического воспитания к выполнению здоровьесберегающих задач системы общеобразовательной школы, в которой главной ценностью является здоровье ученика, осуществляется в процессе профессионально-педагогической подготовки будущих учителей физического воспитания на основах аксиологии. Аксиологический подход к профессионально-педагогической подготовке предусматривает формирование аксиологической компетентности будущего учителя физического воспитания, которая включает в себя когнитивный компонент, педагогический компонент, профессиональный компонент и мотивационный компонент.

Когнитивный компонент аксиологической компетентности направлен на формирование теоретических знаний основных положений аксиологии, а именно: системы ценностей, ценностных ориентаций учителя физического воспитания, аксиологической направленности личности учителя, аксиологического подхода к профессиональной деятельности.

Педагогический компонент направлен на формирование педагогических ценностей учителя физического воспитания, а именно: гуманистического, толерантного и этического отношения к здоровью и личности ученика.

Профессиональный компонент предусматривает формирование профессиональных ценностей учителя физического воспитания, которые выражаются в: готовности к использованию методов диагностики состояния здоровья учеников; готовности к использованию средств физического воспитания для сохранения, формирования, развития и восстановления здоровья школьников; готовности к использованию творческого подхода к организации учебного процесса.

Мотивационный компонент предусматривает формирование мотивации будущего учителя к использованию аксиологического подхода в профессиональной деятельности и в личностном профессиональном развитии.

Профессионально-педагогическая подготовка будущих учителей физического воспитания на основах аксиологии предусматривает использование аксиологически направленного учебно-методического комплекса. Учебно-методический комплекс является системой дидактических взаимосвязанных и взаимодополняющих средств обучения, разработанных в соответствии с учеб-

ными программами и направленных на реализацию цели учебного процесса [1].

Для формирования аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания целесообразно использование аксиологического подхода к таким традиционным средствам учебно-методического обеспечения как: бумажные средства учебно-методического обеспечения; информационно-компьютерные средства учебно-методического обеспечения; наглядные средства учебно-методического обеспечения.

Проанализируем общие характеристики **бумажных средств** учебно-методического обеспечения, используемых для формирования аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания, таких как: учебная и рабочая программы, учебник, учебное пособие, методические рекомендации, рабочая тетрадь, тезариус, учебно-методический комплект для оценки уровня профессионально-педагогической подготовки.

Учебные и рабочие программы дисциплин, содержание которых включает вопросы аксиологической направленности, должны включать фундаментальные положения современной науки, реализовывать межпредметные связи профессиональной подготовки и быть направлены на формирование основных положений аксиологии, педагогических и профессиональных ценностей учителя физического воспитания, а также на формирование мотивации к профессиональной деятельности на основах аксиологии [2].

В учебном процессе аксиологической направленности **учебники и учебные пособия** выполняют следующие функции: **образовательная** – обеспечение процесса формирования полного объема систематизированных знаний и умений по вопросам основных положений аксиологии, педагогических и профессиональных ценностей учителя физического воспитания; **развивающая** функция – развитие профессиональных и личностных качеств, знаний и умений необходимых для использования аксиологического подхода в профессиональной деятельности; формирование способностей студентов к самостоятельному решению учебных задач, педагогических и профессиональных ситуаций; **воспитательная** функция проявляется в формировании у будущих учителей физического воспитания гуманистического мировоззрения, толерантности, моральных качеств и педагогической этики учителя [2].

Методические рекомендации наиболее актуальны в процессе формирования профессиональных ценностей будущих учителей физического воспитания, в процессе формировании практических навыков использования методов диагностики, сохранения, формирования, развития и восстановления здоровья учеников. Материал методических рекомендаций должен соответствовать содержанию и задачам профессионально-педагогической подготовки будущих учителей физического воспитания

на основах аксиологии, а именно: обеспечивать эффективность самостоятельной работы студентов, способствовать развитию познавательной активности и творческого отношения студентов к учебному процессу, формированию умений и навыков работы с учебной и научной литературой, электронными библиотеками и информационными ресурсами Интернет [3].

В процессе формирования аксиологической компетентности **рабочая тетрадь** выполняет такие функции, как: *обучающая* – формирование профессиональных знаний и умений будущих учителей физического воспитания в соответствии с вопросами когнитивного, педагогического, профессионального и мотивационного компонентов аксиологической компетентности; *развивающая* – развитие интеллектуальной активности и интеллектуальных качеств студентов, формирование гуманистического мировоззрения, толерантности и этики учителя физического воспитания; *воспитательная* – формирование самостоятельности и ответственности студентов в процессе решения различных профессиональных ситуаций; *формирующая* – формирование у студентов мотивации к самообразованию, саморазвитию в соответствии с содержанием педагогических и профессиональных ценностей учителя физического воспитания; *рациональная* – формирование навыков рациональной организации учебного времени и учебной работы в процессе профессионально-педагогической подготовки; *контролирующая* – обеспечение контроля и самоконтроля уровня знаний и умений будущих учителей физического воспитания в процессе формирования аксиологической компетентности [3].

Тезаурус, используемый в процессе профессионально-педагогической подготовки будущих учителей физического воспитания, должен содержать специальные термины и определения аксиологической, педагогической и специально-профессиональной направленности [4].

Учебно-методический комплект для контроля качества профессионально-педагогической подготовки является обязательной составляющей учебно-методического обеспечения формирования аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания и включает в себя: контрольные вопросы, тестовые задания, ситуационные задачи, тематические кроссворды. Основной целью контроля за качеством профессионально-педагогической подготовки является управление процессом обучения, обеспечение эффективности формирования знаний, умений, навыков и возможности их реализации на практике, стимулирование учебной деятельности студентов, а также формирование мотивации студентов к самообразованию [2].

Рассмотрим **информационно-компьютерные средства** учебно-методического обеспечения профессионально-педагогической подготовки будущих учителей физического воспитания на основах аксиологии.

Электронные версии бумажных средств учебно-методического обеспечения профессионально-педагогической подготовки позволяют предоставить будущим учителям физического воспитания информацию достаточного объема и наглядности, направленные на формирование профессиональных знаний, аналитических, коммуникативных, творческих, познавательных и научно-исследовательских способностей студентов [5].

Электронные библиотеки и информационные ресурсы Интернет целесообразно использовать с целью формирования у будущих учителей физического воспитания практических навыков работы с информационными технологиями, поиска учебной и научной информации, анализу и синтезу информационного материала, выбора необходимой информации для решения учебных заданий [5].

Использование мультимедийных презентаций позволяет повышать качество лекционных, семинарских и практических занятий, а именно: повышать информационное содержание лекций, обеспечивать системность и структурно-функциональную связь учебной информации, реализовать доступность в восприятии учебной информации за счет параллельной репрезентации информации в визуальной и слуховой модульности; организовать внимание студентов в фазе ее функционального снижения (после 25-30 минут после начала лекций); стимулировать мотивационную сферу студентов, повышать адаптивные и индивидуальные возможности студентов, способствовать повышению интеллектуального потенциала студентов [6].

Учебные, документальные, научные и научно-популярные фильмы способствуют формированию образного мышления и образной памяти студентов, формированию аксиологичес-

кого, педагогического, профессионального и мотивационного компонентов аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания [5].

Рассмотрим **наглядные средства** учебно-методического обеспечения профессионально-педагогической подготовки будущих учителей физического воспитания, а именно предметно-образные и знаковые средства.

К предметно-образным средствам относятся натуральные и объемно-образные средства. *Натуральными образными средствами* учебного процесса являются оборудование для проведения урока физического воспитания, такие, например, как: брусья гимнастические, перекладина гимнастическая, стенка гимнастическая, маты гимнастические, футбольные, волейбольные, баскетбольные и гандбольные мячи и прочее. *Объемно-образные средства* это трехмерное изображение объектов учебного процесса, такие как модели, макеты, муляжи и прочее [7].

К знаковым средствам относятся: *образно-знаковые средства* – двумерные изображения, а именно рисунки, фотографии, слайды, фильмы и *условно-знаковые средства*, которые изображают объекты обучения с помощью абстрактных знаков, к ним относятся схемы, таблицы, формулы [7].

Проанализируем возможность использования учебно-методического обеспечения при формировании компонентов аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания. При формировании **когнитивного компонента** аксиологической компетентности целесообразно использование.

Формирование когнитивного компонента предусматривает включение в такие дисциплины как «Философия», «Педагогика» и «Теория и методика физического воспитания», аксиологически направленных учебных вопросов, а именно: содержание основных положений аксиологии – ценности и системы ценностей, ценностные ориентации учителя физического воспитания, аксиологическая направленность личности учителя, аксиологический подход к педагогическому процессу, здоровью и личности учеников. Рассмотрим формирование когнитивного компонента аксиологической компетентности в процессе проведения лекционных занятий, таких как лекция-конференция и обзорная лекция.

Лекция-конференция предусматривает использование:

- информационно-компьютерных средств – мультимедийные презентации лекции;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунки, фотографии.

Для проведения **обзорной лекции** необходимы:

- информационно-компьютерное средства – мультимедийная презентация лекции;
- образно-знаковые наглядные средства – рисунки, фотографии;
- условно-знаковые наглядные средства – схемы, таблицы.

Процесс формирования когнитивного компонента аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания предусматривает использование таких семинарских занятий, как семинар-беседа, семинар-дискуссия, семинар-конференция.

В процессе **семинарского занятия-беседы** целесообразно использование **учебно-методического комплекта для проведения контроля качества знаний** из основных положений аксиологии, которое можно проводить в форме опроса, тестирования или письменной работы. Участие студентов в процессе беседы также предусматривает оценку их знаний, понимания и осознания основных положений аксиологии.

Во время проведения **семинара-дискуссии** целесообразно использовать:

- информационно-компьютерные средства учебно-методического обеспечения – мультимедийную презентацию;
- образно-знаковые наглядные средства – рисунки;
- условно-знаковые наглядные средства – схемы, таблицы.

На **семинаре-конференции** используются:

- информационно-компьютерных средства учебно-методического обеспечения – мультимедийные презентации;
- образно-знаковые наглядные средства – рисунки;
- условно-знаковые наглядные средства – схемы, таблицы.

Педагогический компонент.

Формирование педагогического компонента предполагает включение в такие дисциплины как «Педагогика», «Этика» и «Теория и методика физического воспитания», аксиологически направленных вопросов, способствующих формированию гу-

манистического мировоззрения, толерантности и этичности учителя физического воспитания.

Рассмотрим формирование педагогического компонента в процессе проведения лекционных занятий: лекция-конференция, проблемной лекции и обзорной лекции.

Лекция-конференция дает возможность студентам выступить с докладом по актуальным проблемам принципов гуманизма, толерантности и этичности в педагогическом процессе и процессе физического воспитания. Лекция-конференция проводится с использованием:

- информационно-компьютерных средств – мультимедийных презентаций;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунков, фотографий.

Проблемную лекцию целесообразно посвятить ознакомлению студентов с возможностью использования принципов гуманизма, толерантности и педагогической этики при аксиологическом подходе к учебному процессу. Во время проблемной лекции возможно проведение диалога преподавателя со студентами, анализа точек зрения студентов относительно решения проблемных ситуаций педагогического процесса, а также сравнительного анализа предлагаемых решений проблемных ситуаций. Проблемная лекция проводится с использованием:

- информационно-компьютерных учебно-методических средств – мультимедийные презентации;
- образно-знаковых наглядных учебно-методических средств – рисунки, фотографии.

Для проведения *обзорной лекции* необходимы:

- информационно-компьютерного средства – мультимедийная презентация;
- образно-знаковые наглядные средства – рисунки, фотографии;
- условно-знаковые наглядные средства – схемы, таблицы.

Процесс формирования педагогического компонента аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания предусматривает использование таких семинарских занятий, как семинар-беседа, семинар-дискуссия, семинар-конференция, семинар-деловая игра, аналитический семинар.

Семинар-беседа (круглый стол) – семинарское занятие, на котором проводится обсуждение студентами актуальных вопросов относительно реализации принципов гуманизма, толерантности и этичности в педагогическом процессе и в области физического воспитания.

Семинар – дискуссия проводится с использованием активного метода обучения – *дискуссии* с целью активного обсуждения студентами значимых вопросов педагогического компонента аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания. В процессе проведения семинара-дискуссии целесообразно использовать:

- информационно-компьютерные средства учебно-методического обеспечения – мультимедийную презентацию;
- образно-знаковые наглядные средства – рисунки;
- условно-знаковые наглядные средства – схемы, таблицы.

Семинар-конференция – занятие в форме научно-практической конференции, на котором студенты выступают с докладом по актуальным вопросам педагогических ценностей учителя физического воспитания, демонстрируют презентацию доклада, обсуждают доклады и формируют общие выводы. На семинаре-конференции целесообразно использовать:

- информационно-компьютерных средств учебно-методического обеспечения – мультимедийной презентации;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунков;
- условно-знаковых наглядных средств – схем, таблиц.

Семинар – деловая игра проводится с использованием активного метода – деловая игра, которая способствует формированию педагогического опыта использования гуманистического, толерантного и этичного отношения к здоровью и личности учеников в профессиональной деятельности, в конкретных педагогических ситуациях.

В процессе проведения семинара – деловая игра целесообразно использовать таких учебно-методических средств:

- информационно-компьютерных – мультимедийная презентация;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунки;
- условно-знаковых наглядных средств – схемы, таблицы.

Аналитический семинар – семинарское занятие с использованием активного метода обучения – анализ профессиональных ситуаций. В процессе проведения аналитического семина-

ра студентам предлагается провести анализ некоторых педагогических ситуаций на уроках физического воспитания, предложить собственные варианты решения данных ситуаций, а также аргументировать избранные решения.

Процесс проведения аналитического семинара предусматривает использование следующих учебно-методических средств:

- информационно-компьютерные средства – мультимедийная презентация;
- образно-знаковые наглядные средства – учебные фильмы.

Профессиональный компонент.

С целью формирования профессионального компонента в такие учебные дисциплины, как «Психология», «Педагогическое мастерство», «Основы медицинских знаний», «Оздоровительные технологии в физическом воспитании», «Психология физического воспитания», предлагается включать вопросы способствующие формированию готовности к использованию, в педагогической деятельности методов диагностики, сохранения, формирования, развития и восстановления здоровья учеников; а также готовности к использованию творческого подхода к педагогическому процессу. Рассмотрим формирование профессионального компонента в процессе проведения лекционных занятий.

Лекция визуализация – лекционное занятие, на котором преподаватель демонстрирует студентам учебную информацию по вопросам профессиональных ценностей в визуальной форме, с применением: информационно-компьютерных и наглядных средств обучения. Лекция-визуализация проводится с использованием таких учебно-методических средств, как:

- информационно-компьютерных – мультимедийные презентации; документальные, учебные, научные и научно-популярные фильмы;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунки, фотографии;
- условно-знаковых наглядных средств – таблицы, схемы, формулы.

Проблемную лекцию посвящают ознакомлению будущих учителей физического воспитания с актуальными вопросами посвященных проблемам сохранения, формирования, развития и восстановления здоровья учеников, а также для рассмотрения вопросов посвященных творческому подходу к педагогическому процессу. В процессе проблемной лекции ведется диалог между преподавателем и студентами, в ходе которого студенты выражают собственное мнение о решении проблемных вопросов в области профессиональной деятельности учителя физического воспитания. Проведение проблемной лекции требует применения:

- информационно-компьютерных учебно-методических средств – мультимедийных презентаций;
- объемно-образных наглядных учебно-методических средств – модели учебного процесса;
- образно-знаковых наглядных учебно-методических средств – рисунки, фотографии.

Обзорная лекция – лекционное занятие, посвященное систематизации учебных вопросов, повторению наиболее важных и актуальных вопросов из области профессиональной деятельности учителей физического воспитания. Обзорная лекция проводится с применением:

- информационно-компьютерных средств – мультимедийной презентации;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунки, фотографии;
- условно-знаковых наглядных средств – схемы, таблицы.

В процессе формирования профессионального компонента аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания целесообразно использование таких семинарских занятий, как семинар-дискуссия, семинар-деловая игра, аналитический семинар, семинар с групповой работой студентов (мозговой штурм).

Семинар – дискуссия проводится с использованием активного метода обучения – *дискуссии* с целью активного обсуждения студентами значимых вопросов, которые касаются содержания, значения и функции методов диагностики, сохранения, формирования, развития и восстановления физического, духовного и психологического здоровья учеников. На таком семинаре, также, возможно рассмотрение вопросов формирования творческого подхода учителя физического воспитания к организации учебного процесса и внеклассным мероприятиям. Проведение семинара-дискуссии предусматривает использование:

- информационно-компьютерных средств учебно-методического обеспечения – мультимедийной презентации;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунков;
- условно-знаковых наглядных средств – схем, таблиц.

Семинар-деловая игра позволяет использовать активный метод обучения – деловую игру для формирования у будущих учителей физического воспитания опыта принятия решения педагогических ситуаций, которые требуют от учителя готовности к использованию методов сохранения, формирования, развития и возобновления здоровья учеников, а также предусматривают использование творческого подхода для решения разнообразных педагогических ситуаций. В процессе проведения семинара – деловая игра целесообразно использование таких учебно-методических средств:

- информационно-компьютерных средств – мультимедийной презентации;
- образно-знаковых наглядных средств – рисунков;
- условно-знаковых наглядных средств – схем, таблиц.

Аналитический семинар – семинарское занятие, на котором будущие учителя физического воспитания имеют возможность провести анализ педагогических ситуаций на уроках физической культуры, на которых учитель физического воспитания демонстрирует творческий подход к организации педагогического процесса, а также использованию на уроке методов диагностики, сохранения, формирования и восстановления здоровья учеников. Проанализировав педагогические ситуации, студенты должны предложить собственные варианты решения данных ситуаций и аргументировать избранное решение.

Процесс проведения аналитического семинара предусматривает применение таких учебно-методических средств:

- информационно-компьютерные средства – мультимедийная презентация;
- образно-знаковые наглядные средства – учебные фильмы.

Семинар с групповой работой студентов проводится с использованием активного метода учебы – мозговой штурм, который требует генерирования новых идей относительно творческого подхода учителя физического воспитания к организации учебного процесса, а также активное участие студентов в процессе поиска ответа на поставленную проблему с использованием методов сохранения, формирования, развития и возобновления здоровья учеников.

Практические занятия способствуют формированию практических навыков работы с методами диагностики, сохранения, формирования и восстановления здоровья учеников, а также формирования практических навыков использования творческого подхода к профессиональной деятельности. На практических занятиях целесообразно использования таких учебно-методических средств профессионально-педагогической подготовки, как:

- бумажные средства учебно-методического обеспечения: учебники, учебные пособия; методические рекомендации; рабо-

чая тетрадь; тезаурус; учебно-методический комплект для контроля качества профессионально-педагогической подготовки;

- наглядные средства учебно-методического обеспечения: *натуральные средства* – оборудование урока физического воспитания; *объемно-образные средства* – макеты; *образно-знаковые наглядные средства* – рисунки, фотографии; *условно-знаковые наглядные средства* – таблицы, схемы, формулы.

Мотивационный компонент. Процессу формирования мотивационного компонента аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания способствуют такие виды учебно-методического обеспечения как: лекционные занятия, семинарские и практические занятия, самостоятельная и индивидуальная работа. Целенаправленное использование преподавателем учебно-методических средств позволяет сформировать мотивацию студентов к использованию аксиологического подхода к организации профессиональной деятельности, к здоровью и личности учеников. Процесс формирования мотивационного компонента аксиологической компетентности сопровождается формированием мотивации будущих учителей физического воспитания к собственному профессиональному развитию в соответствии с педагогическими и профессиональными ценностями.

Среди всех средств учебно-методического обеспечения следует выделить те из них, которые в значительной степени способствуют формированию мотивационного компонента, а именно:

- бумажные средства учебно-методического обеспечения – учебник, учебное пособие, тезаурус, рабочая тетрадь;
- информационно-компьютерные средства учебно-методического обеспечения – электронные библиотеки, информационные ресурсы Интернет; мультимедийные презентации; документальные, учебные, научно-популярные фильмы;
- наглядные средства учебно-методического обеспечения – натуральные наглядные средства; объемно-образные наглядные средства, образно-знаковые наглядные средства.

Таким образом, для обеспечения формирования когнитивного, педагогического, профессионального и мотивационного компонентов аксиологической компетентности будущих учителей физического воспитания, в процессе профессионально-педагогической подготовки, необходимо использование бумажных средств учебно-методического обеспечения, таких как учебник, учебное пособие, методические рекомендации, тезаурус, рабочая тетрадь, учебно-методический комплект для контроля качества профессионально-педагогической подготовки; информационно-компьютерных средств учебно-методического обеспечения, а именно электронных версий бумажных средств учебно-методического обеспечения; электронных библиотек, информационных ресурсов Интернет; мультимедийных презентаций; учебных, документальных, научно-популярных фильмов; наглядных средств учебно-методического обеспечения, таких как натуральные средства, объемно-образные средства, образно-знаковые средства, условно-знаковые средства.

Библиографический список

1. Бабко, Д.И. Основы социально-гуманитарных наук: учебно-методический комплекс / Д.И. Бабко, Г.И. Бабко, М.В. Кондратова, С.Э. Лемец. – Минск, 2005.
2. Нагаев, В.М. Методика викладання у вищій школі: навчальний посібник. – Киев, 2007.
3. Фіцула, М.М. Педагогіка: навчальний посібник. – Киев, 2007.
4. Валитова, Н.Р. Изучение современного уровня разработанности профессионального тезауруса в сфере физической культуры и спорта // Омский научный вестник. – 2009. – № 5(81).
5. Поясок, Т.Б. Система застосування інформаційних технологій у професійній підготовці майбутніх економістів у вищих навчальних закладах: дис. ... д-ра пед. наук. – Київ, 2009.
6. Риженко, С.С. Про досвід використання мультимедійних технологій у навчальному процесі [Э/р]. – Р/д: <http://lineyka.inf.ua/articles/001/>
7. Кравченя, Е.М. Использование средств наглядности в учебно-воспитательном процессе // Адукацыя і выхаванне. – 2004. – № 8.

Bibliography

1. Babko, D.I. Osnovih socialjno-gumanitarnihkh nauk: uchebno-metodicheskij kompleks / D.I. Babko, G.I. Babko, M.V. Kondratova, S.Eh. Lemec. – Minsk, 2005.
2. Nagaev, V.M. Metodika vikladannya u vithij shkoli: navchalnij posibnik. – Kiev, 2007.
3. Ficula, M.M. Pedagogika: navchalnij posibnik. – Kiev, 2007.
4. Valitova, N.R. Izuchenie sovremennoho urovnya razrabotannosti professionaljnogo tezaurusu v sfere fizicheskoy kuljtur i sporta // Omskijj nauchnijj vestnik. – 2009. – № 5(81).
5. Poyasok, T.B. Sictema zactocuvannya informacijnikh tekhnologijj u profecijnijj pidgotovci majbutnikh ekonomictiv u vithikh navchalnijkh zakladakh: dis. ... d-ra ped. nauk. – Kiiv, 2009.
6. Rizhenko, S.S. Pro dosvid vikoristannya multimedijjnikh tekhnologijj u navchalnomu procesi [Eh/r]. – R/d: <http://lineyka.inf.ua/articles/001/>
7. Kravchenya, E.M. Ispoljzovanie sredstv naglyadnosti v uchebno-vospitatel'nom processe // Adukacihya i vihkhavanne. – 2004. – № 8.

Статья поступила в редакцию 17.11.13

УДК 376.6

Zhuravleva O.V. SUPPORT FOR SOCIAL AND PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION AND THE FORMATION OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN CONDITION OF SOCIAL PARTNERSHIP.

The article presents the experience of the implementation of innovative technologies and professional orientation of post boarding school support orphans and orphans in foster families in conditions of social partnership in Kemerovo region. We consider an integrated approach to support the socio-professional self-determination and the formation of such children, resources and perspectives of charitable programs as a way to solve problems of child abandonment, staffing, maintenance and development of human resources.

Key words: career guidance, career guidance for orphans and children left without parental care, social and professional self-determination of orphans and children left without parental care, post boarding school support, social partnership in vocational guidance.

О.В. Журавлева, канд. пед. наук, директор ООО «Центр развития личности», доцент КемГУ, г. Кемерово, E-mail: zhur_olga.kem@mail.ru

СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

В статье представлен опыт реализации инновационных технологий профессиональной ориентации и постинтернатного сопровождения воспитанников детских домов и детей-сирот из приемных семей в условиях социального партнерства в Кемеровской области. Рассмотрен комплексный подход к сопровождению социально-профессионального самоопределения и становления данных детей, ресурсы и перспективы благотворительных программ в решении проблем сиротства, кадрового обеспечения, сохранения и развития человеческих ресурсов.

Ключевые слова: профориентация, профориентация детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социально-профессиональное самоопределение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, постинтернатное сопровождение, социальное партнерство в профориентации.

Существующие трудности социализации данной категории детей связаны, прежде всего, с неподготовленностью к обоснованному профессиональному выбору и выходу на рынок труда, низкими мотивацией к трудовой деятельности и личной активностью, поэтому организация практической профессиональной ориентации, становится одной из первоочередных задач. При этом она для них выполняет и коррекционную, и реабилитационную, и профилактическую функции. Обоснованно выбранная профессиональная деятельность является одним из условий выхода их из «группы риска», предупреждения девиаций в поведении и полноценного личностного и гражданского развития, «где сочетаются интересы конкретного человека (стремящегося реализовать свой потенциал на общее благо) и интересы общества (стремящегося в идеале дать человеку возможности для такой самореализации)» [1].

Выбор профессии и освоение ее, успех вхождения молодежи в трудовую жизнь зависят от множества факторов, но приоритетными являются семья, совет родителей. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, не имеют такой возможности, поэтому, закономерно, что ответственность за то, как у них проходят данные процессы несет государство и общество, а так же соотвествующие социальные институты и, прежде всего, образовательные организации, где они проживают и обучаются, отмечает Кривых С.В. [2].

Обозначенные проблемы не могут эффективно решаться только одним ведомством – проблема межведомственная, требующая интеграции усилий. Но положение дел таково, что сегодня отсутствуют государственная система профориентации и соответствующие службы для подростков и молодежи, профессиональная подготовка профориентологов и профконсультантов. При этом детские дома и современная школа в одиночку не могут выполнять социальный заказ общества по подготовке старшеклассников к профессиональному выбору, что «связано с недостаточным практическим опытом, слабыми знаниями, мотивацией педагогов к данной деятельности и невниманием к ресурсам социального партнерства в профориентации школьников... Но сегодня только в условиях социального партнерства всех заинтересованных в профессиональном самоопределении молодежи сторон можно обеспечить успешный профессиональный выбор или переориентацию на другую профес-

сиональную сферу и наращивать качество не только человеческого, но и социального капитала» [3].

Поэтому необходимым представляется привлечение ресурсов общества к подготовке воспитанников к трудовой и в целом, самостоятельной жизни, участию его в процессах социально-профессионального самоопределения и адаптации данных детей в постинтернатном периоде, формировании у них профориентационно значимых компетенций и, прежде всего, к владению информацией и умению ее использовать для решения разного рода профессиональных и жизненных ситуаций. Это имеет особую значимость в современном высокотехнологичном мире. Благотворительные проекты, общественные организации и опыт их деятельности, несомненно, могут внести определенный вклад в решение обозначенных проблем и это один из путей решения вышеобозначенных государственных стратегий и задач.

На сегодня уже накоплен определенный опыт решения обозначенных проблем, он приобретен в ходе разработки и реализации благотворительной программы Благотворительного детского фонда «Виктория» (г. Москва) (Фонд), апробация которой начата в 2007г. и продолжается в ряде территорий России и в настоящее время обобщается и внедряется в отдельных субъектах, образовательных организациях. Эксперимент начался с программы, которая основана на комплексном походе к формированию у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, готовности к обоснованному и оптимальному самоопределению. Она включает в себя отдельные проекты, в основу которых положены задачи профессиональной ориентации воспитанников и выпускников образовательных организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с учетом возрастных и социально-психологических особенностей, обеспечивающей психолого-педагогическое сопровождение трудового воспитания, профессионального самоопределения, трудоустройства и социально-профессиональной адаптации выпускников в постинтернатном периоде.

Используемые технологии являются инновационными и обязательно включают, как необходимый компонент, привлечение общественности, социальных партнеров. Впервые в рамках благотворительной деятельности начал реализовываться комплексный подход в профессиональной ориентации данной категории детей и молодежи, содействии им в социально-профессиональ-

ном самоопределении и адаптации. Одновременно это является подходом к решению социально-значимых проблем, связанных с профилактикой сиротства, девиаций в молодежной среде и задачами в сфере кадрового обеспечения экономики страны и региона и др. [4].

Кемеровская область в числе первых вошла в эксперимент по внедрению программы и явилась активным участником ее реализации. Региональный координатор программы – Центр развития личности (г. Кемерово), выбран на конкурсной основе. Проведены информационные, аналитические и согласовательные работы. Организатором и координатором программы обеспечены организационная, координационная, методическая, финансовая поддержка данной программы. Внедрение проектов программы и их модулей осуществлялось поэтапно: 2007 год – «Профориентация и самоопределение», 2008 год – «Сопровождение профессионального образования и трудоустройства выпускников», 2008 год – «Трудовое воспитание», 2011 год – «САМ» (Самостоятельная. Активная. Молодежь) и «Уралсиб дает надежду: образование – работа – жилье».

Особую значимость и уникальность представляет проект «Уралсиб дает надежду: образование-работа-жилье», который реализуется по настоящее время и является долгосрочным. Проект активно поддерживается Финансовой корпорацией «УРАЛ-СИБ» и его филиалами в регионах. Его цели и задачи несколько отличны от программы «ЗУМ» (Знаю. Умею. Могу) и ориентированы на старшеклассников этой же категории, но планирующих поступление в вузы, т.е. имеющих повышенные образовательные запросы. Он направлен на обеспечение подготовки участников к поступлению в вузы и образовательные организации среднего профессионального образования, сопровождение в процессе профессионального обучения, содействие последующему трудоустройству и реализуется по настоящее время.

Отличительной особенностью данного проекта является расширение спектра участников – включает и детей из приемных семей, которые не всегда могут обеспечить дополнительную подготовку детей к поступлению в вузы. Особый акцент сделан на создание дополнительной мотивации у детей-сирот к обучению и освоению престижных профессий, а также на предоставление им комплекса услуг для реализации возможностей внешкольного дополнительного образования, подготовки к профессиональному обучению, выходу на рынок труда, профориентации и психологической подготовки к самостоятельной жизни с целью дальнейшего трудоустройства. Он также направлен на формирование субъектной, ответственной позиции у подростков и молодежи к своему будущему, а не на удовлетворение определенных материальных потребностей. Обучающимся помогают преподаватели, специалисты педагоги психологи, социальные партнеры и, конечно, он осуществлялся при поддержке департамента образования и науки, управления образования г. Кемерово, Общественной палаты Кемеровской области.

В ходе реализации акцент сделан на стратегический подход Благотворительного детского фонда «Виктория» и регионального координатора, характерный для всех совместных проектов, – фокусирование внимания на личностно-ориентированном подходе и качестве оказания психологической, социально-педагогической, экономической поддержки детям и молодежи при подготовке их к вступлению во взрослую жизнь [4]. Это позволило участникам из числа сотрудников детских домов и регионального координатора (Центр развития личности) повысить свои компетенции в использовании различных передовых технологий профильно-ориентационной и профориентационной, информационной и дистанционных форм работы, супервизии; познакомиться с возможностями совместной деятельности с сетевыми текстовыми документами, со способами создания электронных сетевых анкет, преимуществами организации сетевого анкетирования для сбора и анализа информации; получить опыт использования современных сетевых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в профориентационной работе с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, и определить пути использования их при работе в своем учреждении, обменяться педагогическим опытом. Кроме этого, было введено в практику систематическое проведение мастер-классов для педагогов и специалистов детских домов, где осуществлялась проработка сложных психолого-педагогических ситуаций и технологий, осваивались новые методики и проектирование мероприятий календарного плана профориентационной деятельности целевой группы проекта и др.

Как показал анализ результатов, достижения педагогов и специалистов организаций – участников проекта, положительно оценены на областных конференциях, конкурсах, семинарах, круглых столах, курсах повышения квалификации. Наиболее полезными, по их мнению, стали круглые столы и семинары, проводимые систематически, где обеспечивалось изучение, анализ и обобщение опыта. Целесообразной определена и важность целевой программы по профориентации и постинтернатному сопровождению выпускников детских домов как федерального, так и регионального уровней.

Определенные положительные результаты достигнуты в разработке механизмов социального партнерства в решении задач профориентации и социально-профессиональной адаптации воспитанников детских домов. В ходе реализации проекта усилены организаторские и образовательные учреждения в него вовлечены представители власти, бизнеса, общества Кемеровской области: управленческие структуры, промышленные предприятия и учреждения, общественные организации и объединения (в том числе, Общественной Палаты, Совета народных депутатов, СОРАН, СМИ, КРО МОД «Сибирский народный сбор», КБФ Лиги здоровья нации, и др.).

Региональной особенностью и фактором, положительно влияющим на эффективность реализации программы на начальном этапе, было наличие в структуре департамента образования области ГОУ ДО «Кемеровский областной центр профессиональной ориентации молодежи» и его ресурсы. Прежде всего, это созданная система социального партнерства и достаточно сформированная профориентационно значимая информационная среда. Центр обеспечивал ее постоянное совершенствование для решения задач профориентации и профессионального самоопределения и самореализации молодежи, в том числе воспитанников организаций для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, участвовал в реализации мероприятий программы, делился профориентационно значимой информацией, актуальной как для детей, так и педагогических работников.

Показателем эффективности программы являются личные достижения самих воспитанников УИТ, которые периодически анализируются по итогам реализации конкретных модулей, этапов работы. Так, в процессе участия в экскурсиях, социально-трудовых практиках и в ходе специальных профориентационных занятий, подростки поддержали и усилили мотивы трудовой самореализации, расширили свои представления о людях труда и мире профессий, сделали свои первые профессиональные пробы и шаги в планировании образовательно-профессионального маршрута и др.

Старшеклассникам (8-11 кл.) предоставлялась возможность в процессе специальных профориентационных занятий и экскурсий, участия в профориентационно – значимой проектной деятельности, собирания портфолио интересов и достижений, групповых и индивидуальных консультаций приобрести навыки и компетенции, необходимые для выбора своего дальнейшего образовательного маршрута, для интеграции в общество в постинтернатный период: автономность, информированность, планирование, принятие решений, эмоциональное отношение, личностные и коммуникативные [5].

Свои достижения воспитанники демонстрировали на достаточно высоком уровне, в ходе традиционного областного конкурса портфолио самоопределения детей-сирот «Мой выбор», фестиваля «Город мастеров», которые проводились в Кузбассе в течение шести лет. Из них фестиваль был предусмотрен программой, а конкурс – инициативой координатора и региональной особенностью. Значимость данных форм работы для подростков и молодежи трудно переоценить, т.к. они не только эмоционально привлекательны, но и стали для многих детей стартовыми в профессиональной карьере и личных историях успеха, портфолио, а для педагогов – площадками для демонстрации и обмена положительным опытом.

Всем выпускникам 2009 года в рамках проекта «САМ» обеспечено кураторство и индивидуальное консультирование (очное и дистанционное) специалистов. Изучены состояние их социальной, учебной, профессиональной адаптации; жилищные условия, семейные отношения, состояние здоровья; проведены беседы о реализации профессиональных планов.

За период реализации проекта 83 выпускника детских домов проходили процесс адаптации к условиям проживания вне своего учреждения и к обучению профессии в образовательных

учреждениях профессионального образования. У 42 выпускников профессиональная и учебная адаптация протекала успешно, у 10 человек – имелись риски в адаптации в постинтернатном периоде, которые связаны условиями проживания, у 30% – выявлены сложности в учебе (неуспеваемость, отсутствие интереса к освоению профессии и, как следствие, желание бросить учебу). Им обеспечено психолого-педагогическое сопровождение (очное и дистанционное).

За помощью к специалистам воспитанники в основном обращались по решению социально-бытовых вопросов, а затем – учебных и личных проблем. Трудности у части выпускников возникают, как правило, на фоне встреч с родственниками, но их количество относительно стабильно, ситуация контролируется сотрудниками образовательных учреждений. Необходимо отметить, что у подавляющего большинства данных молодых людей, слабо развиты умения формулировать свои проблемы и обращаться за необходимой помощью к кураторам, специалистам и др. Истинный характер затруднений выявляется, как правило, после установления эмоционального контакта и доверительных отношений, поэтому кураторы должны были проявлять особые инициативу, корректность, толерантность, компетентность в общении и тратить время, превышающее обычные нормативы консультации.

В целом, социально-профессиональная адаптация у большинства выпускников детских домов протекала относительно благоприятно, но практически все они были обеспокоены дальнейшим трудоустройством и предстоящими жилищными проблемами. Для решения перечисленных проблем, Центром развития личности со всеми выпускниками были организованы встречи и установлены связи с образовательными организациями профессионального образования, в которых обучаются воспитанники, проведены консультации, встречи с сотрудниками детских домов по дальнейшему сопровождению выпускников.

Среди положительных достижений проекта следует отметить и выявленные у отдельных воспитанников и выпускников УИТ интерес и готовность к участию в добровольческой деятельности. Их проявлению способствовало вовлечение выпускников проекта в профориентационную работу и социально-значимую активность. Это такие массовые формы, как первый слет волонтеров профориентации (декабрь 2009 г.), слеты участников проектов «САМ» и «Уралсиб дает надежду: образование – работа – жилье», фестиваль «Город мастеров», где инициативные студенты выступали и разработчиками, и ведущими мастерских, и делились своими «историями успехов» и др.

В целом, нами выявлено, что при своевременной, систематической помощи возможно превентивно решать возникающие проблемы социализации детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на определенных жизненных и профессиональных этапах. Значимыми для усиления мотивации к труду и учебе, стимулирования их субъектной позиции в самоопределении и самореализации являются активизирующие индивидуальные и групповые формы профориентации, привлекательные по форме и актуальные по содержанию. Эффективность постинтернатного сопровождения выпускников детских домов и других организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, значительно повысится при условии деятельности практических служб профориентации в образовании, социальной защите населения и, конечно, профессиональной подготовки соответствующих специалистов для ее осуществления. В переходные периоды своевременная помощь является актуальной практически для всех молодых людей рассматриваемой категории.

В этой связи, представляется целесообразным уделять внимание совершенствованию профориентации молодежи на всех уровнях образования в системе профориентационной работы и постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с общественным участием и вовлекать в эту деятельность, в качестве субъектов, выпускников образовательных организаций.

Опыт реализации проектов показал реальную возможность и большой потенциал в привлечении ресурсов общества для решения задач профориентации и постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, кадровой политики государства, региона. Несомненно, такого рода благотворительная деятельность, может восполнить имеющийся сегодня дефицит целенаправленной, системной профориентационной работы для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Следует отметить, что условия и ресурсы для активного внедрения программы и отдельных проектов в деятельность образовательных организаций с привлечением некоммерческих организаций, бизнеса имеются: методическое обеспечение по всем компонентам профориентации и постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с обобщением лучшего российского опыта. Кроме этого, материалы могут послужить основой для разработки федеральной и региональных целевых программ.

Библиографический список

1. Чистякова, С.Н. Проблемы и перспективы развития отечественной профориентации на современном этапе / С.Н. Чистякова, Н.С. Пряжников, Н.Ф. Родичев // Проблемы и перспективы развития отечественной профессиональной ориентации учащейся молодежи на современном этапе: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – М.; Курск, 2010.
2. Кривых, С.В. Организационно-методическое обеспечение создания Молодежного кампуса для выпускников-сирот / С.В. Кривых, Н.Н. Кузина // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7(19).
3. Чистякова, С.Н. Социальное партнерство – важнейший фактор подготовки учащейся молодежи к выбору профессиональной сферы и успешной адаптации к ней // Профессиональное образование и занятость молодежи – XXI век: материалы Междунар. научно-практ. конф.: в 2 ч. – Кемерово, 2013. – Ч. 1.
4. Журавлева, О.В. Постинтернатное сопровождение воспитанников детских домов в условиях государственно-частного партнерства // Профессиональное образование и занятость молодежи – XXI век: материалы Междунар. научно-практ. конф.: в 2 ч. – Кемерово, 2013. – Ч. 1.
5. Байбародова, Л.В. Профориентация и самоопределение детей-сирот: учебно-методическое пособие / Л.В. Байбародова, Л.Н. Серебренников, А.П. Чернявская; под ред. Л.В. Байбародовой, М.И. Рожкова. – Калининград, 2010.

Bibliography

1. Chistyakova, S.N. Problemi i perspektivih razvitiya otechestvennoj proforientacii na sovremennom eh tape / S.N. Chistyakova, N.S. Pryazhnikov, N.F. Rodichev // Problemi i perspektivih razvitiya otechestvennoj professional'noj orientacii uchatheyjsya molodezhi na sovremennom eh tape: III Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnim uchastiem. – M.; Kursk, 2010.
2. Krivikh, S.V. Organizacionno-metodicheskoe obespechenie sozdaniya Molodezhnogo kampusa dlya vihpusnikov-sirot / S.V. Krivikh, N.N. Kuzina // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2009. – № 7(19).
3. Chistyakova, S.N. Social'noe partnerstvo – vazhnejshij faktor podgotovki uchatheyjsya molodezhi k vihboru professional'noj sfere i uspeshnoj adaptacii k nej // Professional'noe obrazovanie i zanyatostj molodezhi – KhKh vek: materialih Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.: v 2 ch. – Kemerovo, 2013. – Ch. 1.
4. Zhuravleva, O.V. Postinternatnoe soprovozhdenie vospitannikov detskikh domov v usloviyakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Professional'noe obrazovanie i zanyatostj molodezhi – KhKh vek: materialih Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.: v 2 ch. – Kemerovo, 2013. – Ch. 1.
5. Bayjbarodova, L.V. Proforientaciya i samoopredelenie detej-sirot: uchebno-metodicheskoe posobie / L.V. Bayjbarodova, L.N. Serebrennikov, A.P. Chernyavskaya; pod red. L.V. Bayjborodovoj, M.I. Rozhkova. – Kaliningrad, 2010.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 159.9+615.9

Chukhrova M.G., Sokolovsky I.E., Karpova I.S., Pronin S.V., Rybalchuk N.V., Ivanova V.E. THE ADAPTATION PROCESS IN DRUG ADDICTS TO A REHABILITATION CENTER IN CONNECTION WITH ACCEPTANCE OR REJECTION OF RELIGION. This article provides an analysis of some indicators of the process of adaptation: anxiety, depression and aggression during their stay in rehab drug treatment center. It is shown that the introduction to the religion affects the adaptation process is positive.

Key words: Drug rehab center, religion, adaptation.

М.Г. Чухрова, д-р мед. наук, проф. ФГБОУ ВПО «Новосибирский гос. педагогический университет», г. Новосибирск, E-mail: mba3@sibmail.ru; И.Э. Соколовская, канд. психол. наук, доц., г. Москва, E-mail: iren3d@yandex.ru; И.С. Карпова, аспирант ФГБОУ ВПО НГПУ, г. Новосибирск; С.В. Пронин, канд. мед. наук, гл. врач АНО «Наркологическая больница «Витар», г. Новосибирск; Н.В. Рыбальчук, магистрант ФГБОУ ВПО НГПУ, директор Центра психокоррекции зависимого поведения «Айсберг», г. Барабинск, E-mail: iceberg-online@mail.ru; В.Э. Иванова, магистрант ФГБОУ ВПО НГПУ, психолог Центра психокоррекции зависимого поведения «Айсберг», Барабинск, E-mail: iceberg-online@mail.ru

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ЛИЦ С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В РЕАБИЛИТАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ИЛИ ОТВЕРЖЕНИЕМ РЕЛИГИИ

В статье приводится анализ некоторых показателей, характеризующих процесс адаптации: тревоги, депрессии и агрессии, в течение пребывания в реабилитационном наркологическом центре. Показано, что приобщение к религии сказывается на адаптационном процессе благоприятно.

Ключевые слова: реабилитационный наркологический центр, религия, адаптация.

Реабилитационные центры для наркозависимых – искусственно созданный микросоциум из людей, ведущих совместное домохозяйство, частично объединяющих и расходующих свои средства, а также выполняющих правила и рекомендации, предусмотренные для членов восстановительного процесса, чаще всего алкоголиков и наркоманов, – получили в настоящее время широкое распространение. Предполагается, что за время пребывания человека в реабилитационном центре (РЦ) ему оказывается всесторонняя помощь в решении проблем социального, материально-экономического, эмоционально-психологического, правового плана путём предоставления социальных, информационных и консультационных услуг, а также организации посильной трудовой деятельности, отдыха и досуга.

Наркоман или больной алкоголизмом, вследствие злоупотребления психоактивными веществами (ПАВ) рано или поздно попадает в такую жизненную ситуацию, которая является трудно переносимой – это конфликты с семьей, близкими людьми и правоохранительными органами. Справиться с этим без вмешательства посторонних лиц он не в состоянии – в том числе, из-за разбалансировки умственной деятельности и нарушения функционирования мозга, что характеризуется в целом как срыв адаптации. Недостаток адаптационных механизмов и их неоптимальное функционирование клинически проявляется как высокое психоэмоциональное напряжение, тревожность, депрессивность, проявления агрессии и аутоагрессии. Агрессивное поведение, нарушение дисциплины, негативизм, конфликтность зачастую маскируют тоску, печаль, страдание, отчаяние. Утрата способности переживать удовольствие от ранее приятных занятий вызывают чувство вины и собственной неполноценности, безнадёжность в отношении будущего, снижение уверенности в себе и самооценки, ощущение бесцельности жизни. Наркоманы, поступившие в РЦ, зачастую очень ослаблены соматически, имеют выраженные нарушения сна, нарушения аппетита, снижение иммунитета и склонность к простудным заболеваниям. Таким образом, нарушения адаптации затрагивают социальный, психологический, биологический и духовный аспекты.

Процесс реабилитации, помимо восстановления соматического благополучия, представляет собой, в основном, процесс психологического образования, направленного на развитие и совершенствование процессов осознания, понимания и изменения поведения пациентов [1]. Это постановка адекватных целей, поиск ресурсов и необходимые тренинги (социальных навыков, уверенности в себе, позитивного мышления, и др.), это тренировка соответствующих качеств, советы и помощь близким людям, работа с созависимыми. По желанию реабилитантов, исключая всякое принуждение, дополнительно включаются религиозные ресурсы: молитвы, служения, изучение особенно-

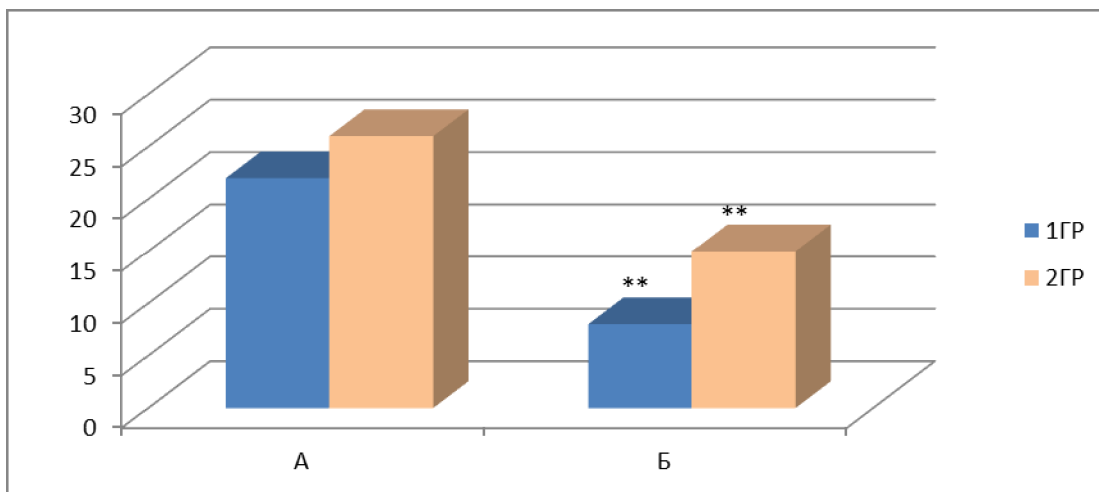
стей религиозной жизни и включение в нее. В программу входит общение с церковнослужителями. Церковная жизнь предполагает покаяние, исповедь и призывает к чувству освобождения, чувству вины (которая, являясь аутодеструкцией, способна при этом стать мотивирующим началом), осознанию себя как несовершенного человека, но способного на изменения. Религиозные ресурсы, по мнению ряда авторов [2], позволяют эффективно восполнить арсенал способов преодоления, помогают развить навыки позитивного мышления, изменить убеждения и нейтрализовать нежелательные мысли, т.е. способствуют духовному росту.

Цель исследования – изучение влияния приобщения к религии реабилитантов на течение адаптационного процесса в реабилитационном наркологическом центре.

Объект и методы исследования. В исследовании участвовали лица с наркотической зависимостью, в количестве 80 человек, проходящих курс реабилитации в реабилитационном центре от нескольких дней до двух лет, разделенные на две группы в зависимости от временной стадии реабилитации: «А» – начинающие и «Б» – заканчивающие курс в реабилитационном центре.

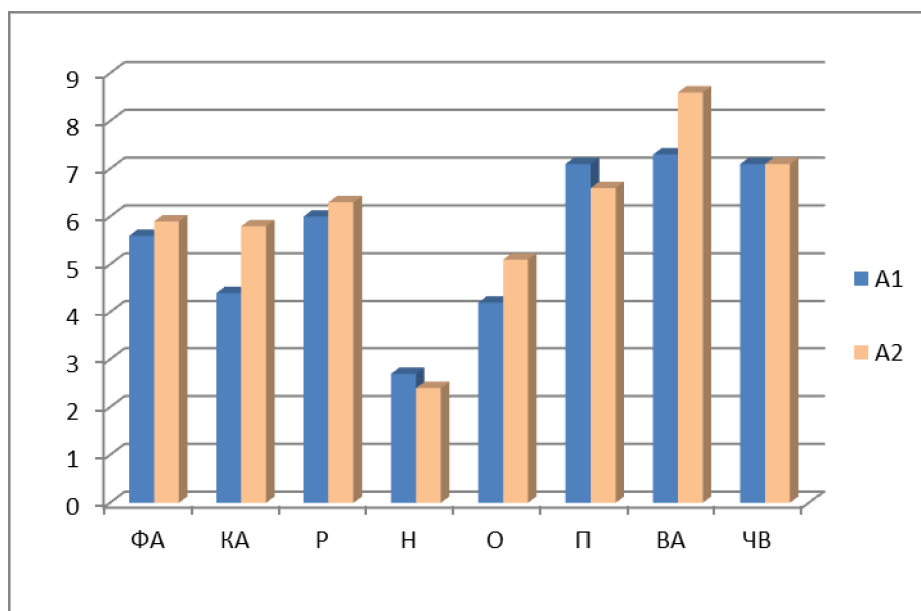
С каждым испытуемым проводилась беседа в виде структурированного психологического интервью, чтобы составить представление о человеке, о его проблеме, мотивации обращения, его отношении к религии и т.д. В процессе применения авторской анкеты-опросника по выявлению религиозной принадлежности все испытуемые были разделены на группы верующих (1 группа) и неверующих (2 группа), которые с их информированного согласия были подвергнуты психологическому тестированию по диагностике психологических состояний, характеризующих процесс адаптации: агрессии (опросник Баса и Дарки), тревожности – личностная шкала проявлений тревоги Ж.Тейлор (Teilor's Manifest Anxiety Scale) и депрессии – Опросник CES-D (Center of Epidemiological Studies of USA – Depression). Статистическая обработка результатов проводилась при помощи пакета программ StatSoft Statistica 8.0. Для статистической обработки достоверности различий использовались параметрические критерии: критерий Вилкоксона.

Результаты исследования адаптационного процесса по показателям тревожности на примере групп, проходящих реабилитацию. Группа исследуемых «А» – начинающая группа, группа исследуемых «Б» – группа, приближенная к окончанию курса, предоставлены на гистограмме (рис. 1). Сравнительный анализ тревожности в двух группах показал, что тревожность у 1 группы в процессе реабилитации значительно снижается, что подтверждено математическим статистическим анализом, у 2 группы наблюдается снижение, но незначительное. Мы наблюдаем повторное повышение тревожности в связи с выходом

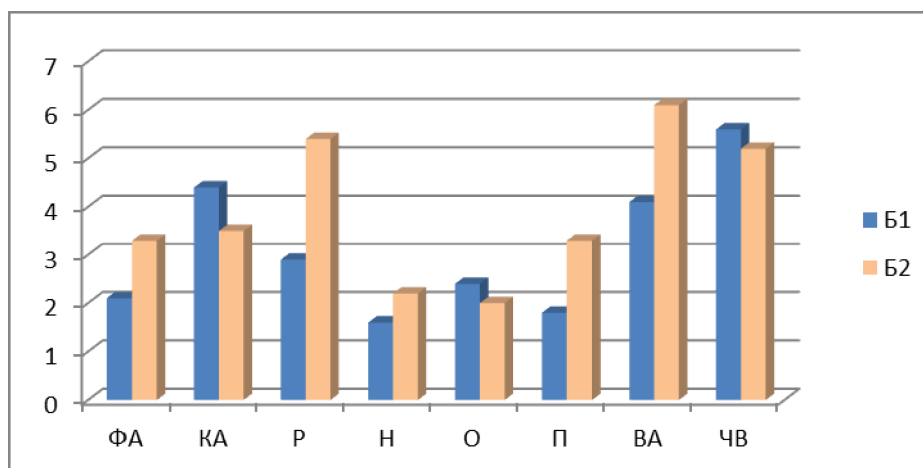
Wilcoxon Matched Pairs Test (Депрессия) Marked tests are significant at $**p < .05000$

Рис. 2. Сравнительный показатель динамики депрессии в группах наркозависимых в зависимости от периода реабилитации

Wilcoxon Matched Pairs Test Marked tests are significant at $p \leq .05000$

Рис. 3. Сравнительный показатель агрессии в Группе А

Wilcoxon Matched Pairs Test Marked tests are significant at $p \leq .05$

Рис. 4. Сравнительный показатель агрессии в Группе Б

из процесса, предстоящим началом новой жизни и ощущением отсутствия опоры. Эта тревога – катализатор механизма адаптации, предвосхищающего процесс ресоциализации, беспокойство по поводу вероятности рецидива и необходимости противостоять влиянию аутодеструктивных соблазнов, необходимости доказывать другим людям свою способность жить без наркотиков. Группа 2 при выходе из РЦ с большей вероятностью может остаться без опоры, т.к. у них больше выражен страх срыва. Религиозность 1 группы играет положительную роль, так как чувство трансцендентного, привитого в религиозной среде, является иммунитетом против человеческого фактора «чувства неизвестности и неуверенности». Этот результат является показателем того, что в процессе пребывания в РЦ положено начало механизму ресоциализации и адаптации.

Депрессия и тревожность в случае с наркозависимостью тесно взаимосвязаны. Депрессия – яркий показатель сниженной способности к адаптации, как к окружающей среде, так и внутренним переживаниям. Депрессия характеризуется снижением настроения и ангедонией, нарушениями мышления (негативные суждения, пессимистический взгляд на происходящее), двигательной заторможенностью. При депрессии снижена самооценка, наблюдается потеря интереса к жизни и привычной деятельности. В некоторых случаях злоупотребление психотропными веществами является попыткой самолечения депрессии. Однако зачастую трудно определить, что было первично: депрессивные переживания, которые привели к злоупотреблению наркотиками, или злоупотребление ПАВ вызвало нарушения обмена нейромедиаторов и депрессивные проявления. Динамика депрессии в группах начинающего периода и группах, заканчивающих курс реабилитации, представлена на рис. 2. Диаграмма показывает, как снижается депрессивное состояние в процессе реабилитации. Снижение более выражено в группе 1 – приобщенных к религии. Осознание себя в среде религиозной общины, осознание своих сил и сил вне-себя, ощущение защищенности и помощи, приводит к снижению глубокой депрессии, успокоению, гармонизации внутренней жизни. Не только соматопсихическая реабилитация, но привычка к религиозному образу жизни дает ощущение надежности, уверенности в завтрашнем дне, и прививает способность к упорядочиванию своей будущей жизни. Показатель депрессии опосредованно показывает, что люди остаются способны к личной адаптации, что в их жизни остается место выбору, осознанию, рецидиву и ресоциализации по собственной воле, так как никто из групп 1 и 2 не может точно сказать о своей полной уверенности в отсутствии рецидива, но группа 1 верит в силу трансцендентного и понимает, что может оказаться не в состоянии побороть себя по воле Творца, и группа неверующих осознает возможность встречи со старыми привычками, зависимыми знакомыми, страхом быть снова втянутыми в наркотизацию. Отличие в том, что полагаясь только на себя, неверующие остаются «один на один» со своей проблемой и осознают свою слабость. В религиозных группах взаимопомощи человек получает не только облегчение, но и потерянное состояние близости с людьми. Воцерковленная жизнь становится необходимой каждому, кто дошел до окончания курса, так как дает опору, чувство единения и поддержки.

Аутоагрессия, как индикатор аутодеструктивного поведения, включает мотив добровольного саморазрушения и является преградой к адаптации личности. Физическая агрессия, негативизм, вербальная и косвенная агрессия направлены вне самого человека и мешает адаптации в обществе, чувство вины –

Библиографический список

1. Ваисов, С.Б. Современные технологии реабилитации зависимых от ПАВ в контексте подготовки специалистов реабилитационных центров // Проблемы современной аддиктологии: тезисы докладов межрегиональной научно-практич. конф. / под ред. д-ра мед. наук, проф. Е.А. Брюна. – Абакан, 2013.
2. Битехтина, Л.Д. Химическая зависимость и учение о страстях / Л.Д. Битехтина, Ю.В. Кустов // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании: материалы 2 Международной междисциплинарной научно-практич. конф. / под науч. ред. М.Г. Чухровой. – Новосибирск, 2011.

Bibliography

1. Vaisov, S.B. Sovremennih tekhnologii reabilitatsii zavisimihkh ot PAV v kontekste podgotovki specialistov reabilitatsionnihkh centrov // Problemihi sovremennoj addiktologii: tezisihi dokladov mezhregionalnoy nauchno-praktich. konf. / pod red. d-ra med. nauk, prof. E.A. Bryuna. – Abakan, 2013.
2. Bitekhtina, L.D. Khimicheskaya zavisimostj i uchenie o strastyakh / L.D. Bitekhtina, Yu.V. Kustov // Psikhologo-pedagogicheskie tekhnologii v usloviyakh innovatsionnihkh processov v medicine i obrazovanii: materialih 2 Mezhdunarodnoy mezhdisciplinarnoy nauchno-praktich. konf. / pod nauch. red. M.G. Chukhrovoy. – Novosibirsk, 2011.

является агрессией внутри себя, мешает воспринимать новую информацию, перерабатывать ее, осуществлять эффективную деятельность в силу того, что человек заиклен на самом себе, своей проблеме и неспособности решить ее. Но чувство вины может стать конструктивной мотивацией. Чувство вины может стать возможностью самопознания и осознания своей жизни, мотивацией к изменению своей жизни, повышению волевых качеств. Динамика показателей агрессии в процессе пребывания в РЦ в связи с религиозностью показана на рис. 3, 4. Можно заметить, что снижается физическая агрессия, по мере уменьшения дезадаптации в обществе. Косвенная агрессия теряет свои высокие показатели, человек начинает контролировать свои мысли, действия, даже те, о которых, вероятнее всего, никто не узнает.

Раздражительность, неспособность управлять своими эмоциями, вспыльчивость – это проявление слабости к негативным эмоциям. Религия побуждает человека принять мысль о том, что раздражительность является рабством у своих эмоций. Если рассмотреть группу, принадлежащую к числу верующих (группа 1), то можно заметить большую тенденцию к снижению вербальных показателей агрессии. Это можно объяснить тем, что жизнь воцерковленная и религиозная заставляет следить за каждой своей мыслью и помыслом, за каждым побуждением, что приводит к остановке действия внешнего еще на внутреннем этапе, на этапе борьбы мотивов, так как им потом придется раскаиваться даже в том, что не совершали, но хотели совершить. Чувство вины так же способно контролировать раздражительность. Негативизм, как оппозиционное поведение способно привести не только к повышенной агрессивности, но и остальным смещениям показателей адаптации. Рассматривая динамику этого показателя, можно заметить его выраженное снижение.

Наблюдается снижение обиды, связанное опять же с изменением и переоценкой ценностей, принятием себя. Осознание и работа над собой приводят к дальнейшей адаптации человека и способности уйти от аутодеструктивных мотивов. В группе религиозной и нерелигиозной есть достоверные отличия.

Вербальная агрессия, как нанесение вреда не физическое, но больше словесное, выражение недовольства. Показатель снижен, что говорит о том, как во время пребывания в общине человек способен не только проявлять аттракцию, но и эмпатию. Нежелание наносить вред словом другому человеку становится осознанным, повышает ответственность не только за себя, но и за тех, кто находится рядом. С такой установкой возможность адаптации более вероятна, как и снижение аутодеструктивного поведения.

Чувство вины, этот вид агрессии остается практически неизменным, однако это не связано с аутоагрессией и не приводит к аутодеструкции, так как становится конструктивным мотивом, связанным с началом духовной жизни и последующим ее поддержанием. Чувство вины трансформируется в положительный показатель.

Таким образом, положительная динамика адаптационных процессов более выражена в группе верующих лиц. Отказ от наркотиков в группе верующих происходит не только осознанно, но и на подсознательном, духовном уровне. К окончанию программы РЦ испытуемые способны справиться со своими желаниями, борьба мотивов происходит быстрее. Как верующие, так и неверующие, приобщенные к религиозному образу жизни, способны использовать религию как копинг-ресурс, с помощью которого можно бороться со своей зависимостью.

УДК 316.6

Muhametzyanova F.G., Krasnenkova N.S. IMPROVING THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF THE EMPLOYEES OF THE BANK AS THE SUBJECTS OF PROFESSIONAL ACTIVITY. The article considers the social and psychological competence of the subject profession. The results of an experimental study of employees from different departments. Summarizes the training work to improve professionally important qualities of the employees of the bank.

Key words: social and psychological competence, improvement of the social and psychological competence, bankers, professional activity.

Ф.Г. Мухаметзянова, д-р пед. наук, проф., начальник научно-исследовательского отдела Академии социального образования, г. Казань, E-mail: florans995@mail.ru; **Н.С. Красненкова**, аспирант, Поволжская гос. социально-гуманитарная академия, г. Казань, E-mail: krasnenkovans@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РАБОТНИКОВ БАНКА КАК СУБЪЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается социально-психологическая компетентность субъект профессиональной деятельности. Приводятся результаты экспериментального исследования работников разных подразделений. Подводятся итоги тренинговой работы по совершенствованию профессионально важных качеств работников банка.

Ключевые слова: социально-психологическая компетентность, совершенствование уровня социально-психологической компетентности, банковские работники, профессиональная деятельность.

Проблему субъекта деятельности С.Л. Рубинштейн рассматривал как условие проявления и развития субъекта. Субъект не только действует, преобразуя предмет в соответствии со своей целью, но и выступает в разном качестве в процессе и в результате ее осуществления, при котором изменяются и объект, и субъект. А.Н. Леонтьев предпочитал говорить о субъекте, который реализует в совокупности деятельностей свои отношения, и отмечал, что основной задачей психологического исследования является «изучение процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность», которая «требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредованной процессами сознания, которые и «сшивают» отдельные деятельности между собой» [1; 2]. Профессионал как субъект деятельности совершенствуется в результате активности человека в профессиональной деятельности, потребности в ней.

Теория С.Л. Рубинштейна относительно субъекта деятельности является методологическим основанием нашего исследования. Субъект профессиональной деятельности в ней проявляется и развивается. Например, специфика деятельности банковских служащих такова, что все их действия направлены на получение прибыли путем продажи продукта, но для этого им необходимо взаимодействовать с людьми. Для банковского служащего не является объектом в том смысле, в каком он является для педагога, врача, психолога, юриста. Его деятельность не направлена на оказание помощи услуг клиенту. Клиент зачастую сам оказывается средством достижения профессиональных целей, и это определяет специфику общения с ним.

Чтобы завоевать лояльность клиентов, их доверие и расположенность к банку (что является источником прибыли и показателем престижа банка), необходимо тщательно отбирать сотрудников на работу, а также постоянно совершенствовать актуальный уровень профессионально важных качеств.

Совершенствование уровня социально-психологической компетентности в профессиональной деятельности банковских работников требует предварительной психодиагностической работы, так как, прежде, чем повышать ее уровень, необходимо исследовать ряд личностных качеств каждого сотрудника. Важным представляется выявление оптимального уровня личностных качеств сотрудников банка уже обученных и успешно трудящихся в банковской структуре для последующего сопоставления результатов с вновь приступающими к деятельности новыми сотрудниками, поскольку, при такой постановке задач, появляется возможность целенаправленной коррекции уровня социально-психологической компетентности в профессиональной деятельности.

Изучение индивидуально-психологических особенностей работников банка, связанных с совершенствованием их профессиональной компетентности, осуществлялось нами в два этапа.

На первом этапе исследования проводился контрольный срез, направленный на выявление преобладающих шкал по изучаемым показателям.

Для решения поставленной задачи рассмотрим специфику профессиональной деятельности двух наиболее типичных подразделений одного из крупных российских банков. В ходе исследования нами было выявлено два типа субъектов профессиональной деятельности. В основу дифференциации был положен вид профессиональной деятельности и функциональные обязанности сотрудников двух отделов. Во-первых, это ОСКП – отдел сопровождения кредитных продуктов, на профессиональном сленге называющийся call-центр. Во-вторых, УПСЗ – управление первоначального сбора задолженностей (collection).

Сотрудники отдела ОСКП были нами, условно названы субъекты первого типа или «субъекты-консультанты». Основная задача субъектов данного типа – это консультантов по телефону ОСКП – обеспечение клиентов необходимой, полной и всесторонней информацией с целью «превращения» интересующегося в постоянного клиента банка.

Сотрудники отдела УПСЗ, условно названы субъекты второго типа, или «субъекты фасилитаторы». Основной целью работы отдела по сбору задолженностей (УПСЗ) является побуждение клиента к исполнению обязательств по договору займа и погашение дебиторской задолженности.

Первым этапом нашего исследования было выявление особенностей проявления профессионально важных качеств сотрудников этих двух отделов в зависимости от специфики их профессиональной деятельности как субъектов первого или второго типа. Для диагностики были использованы следующие методики: методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса [3]; оценка умений слушать В.М. Шепеля [4]; диагностика уровня эмпатических способностей В.В. Бойко [3].

В результате мы сделали следующие выводы: а) субъекты –консультанты или операторы-консультанты чаще, чем специалисты отдела по сбору задолженностей используют стратегию «приспособление» по отношению к клиенту, и это является показателем профессионализма, поскольку цель их деятельности привлечение постоянных клиентов и реализация банковского продукта. Для специалистов отдела по сбору задолженностей характерно «соревнование», поскольку показателем успешности их деятельности является количество возвращенных кредитов; б) операторы-консультанты обладают более развитыми навыками слушания, чем специалисты отдела по сбору задолженностей; в) операторы-консультанты обладают большим уровнем эмпатии, чем специалисты отдела по сбору задолженностей.

Все выводы сделаны на основе анализа количественных данных и подтверждены статистически [5]. В данной статье мы хотели бы остановиться на совершенствовании профессиональ-

но важных качеств. Нами была составлена программа по запросу руководства, которую мы постарались сделать универсальной, т.е. применимой для сотрудников разных отделов [6]. Вместе с тем, мы предположили, что результаты будут различными у служащих различных подразделений банка, что опять же определяется спецификой их работы. Для проведения экспериментального исследования было отобрано по 30 человек из каждого отдела с самыми низкими показателями указанных качеств, т.е. с низким уровнем социально-профессиональной компетентности. Статистически значимых различий в отобранных для тренинга группах с помощью критерия Манна-Уитни обнаружено не было.

Прежде всего, после проведения тренинговой работы мы обнаружили тенденцию к смене установок к поведению в конфликтной ситуации. При возникновении конфликтной ситуации специалисты ОСКП в первую очередь стали выбирать стратегию «сотрудничество» (10 баллов), во вторую очередь «компромисс» (8,1 балла), затем «приспособление» (6 баллов), «избегание» (5,5 балла) и в наименьшей степени «соревнование» (1,9 баллов). С помощью критерия Вилкоксона обнаружены достоверно значимые различия до и после тренинговой работы по таким показателям, как соревнование ($Z=-3,754$, при $p\leq 0,01$) сотрудничество ($Z=-4,567$, при $p\leq 0,01$), избегание ($Z=-3,850$, при $p\leq 0,01$) и приспособление ($Z=-2,015$, при $p\leq 0,05$).

Специалисты УПСЗ в сложившейся конфликтной ситуации выбирают «соревнование» (8 баллов). Затем предпочтение отдается стратегии «компромисс» (7,7 балла), на третьем месте «сотрудничество» (7 баллов), «избегание» (6 баллов) и крайне редко выбирают «приспособление» (5 баллов). Достоверно значимые различия обнаружены по показателям: соревнование ($Z=-4,817$, при $p\leq 0,01$), сотрудничество ($Z=-2,419$, при $p\leq 0,01$), избегание ($Z=-3,330$, при $p\leq 0,01$).

После проведения тренинговой работы показатели умения слушать у специалистов обеих групп значительно повысились (из категории «низких» их можно перевести к категории средних и даже выше). Вместе с тем среднее значение по группе ОСКП, (73 балла) выше, нежели у специалистов УПСЗ (67 балла). Это означает, что умение слушать больше сформировалось у специалистов-консультантов, что объяснимо спецификой их работы.

Достоверность изменений подтверждена при помощи критерия Вилкоксона: в группе ОСКП ($Z=-4,403$, при $p\leq 0,01$), в группе УПСЗ ($Z=-4,504$, при $p\leq 0,01$).

Проанализируем показатели выраженности эмпатических способностей после работы по программе. Показатели здесь также изменились: «перешли» с низкого уровня на средний.

Библиографический список

1. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1975.
2. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – М., 1989.
3. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособ. – Самара, 2008.
4. Шепель, В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям. – М., 2002.
5. Горохова, М.Ю. Исследование социально-психологических установок сотрудников банка в зависимости от специфики их деятельности / М.Ю. Горохова, Е.Н. Устюжанинова, Н.С. Красненкова [Э/р]. – Р/д: <http://www.bankir.ru/technology/article/6576850>
6. Красненкова, Н.С. Программа развития профессиональной социально-психологической компетентности работников банка: методич. пособ. – Самара, 2010.

Bibliography

1. Leontjev, A.N. Deyatel'nostj, soznanie, lichnostj. – М., 1975.
2. Rubinshtejn, S.L. Osnovih obthej psikhologii. – М., 1989.
3. Rajgorodskij, D.Ya. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testih: ucheb. posob. – Samara, 2008.
4. Shepelj, V.M. Imidzhelogiya. Kak nravitsya lyudyam. – М., 2002.
5. Gorokhova, M.Yu. Issledovanie socialjno-psikhologicheskikh ustanovok sotrudnikov banka v zavisimosti ot specifikki ikh deyatel'nosti / M.Yu. Gorokhova, E.N. Ustyuzhaninova, N.S. Krasnenkova [Eh/r]. – R/d: <http://www.bankir.ru/technology/article/6576850>
6. Krasnenkova, N.S. Programma razvitiya professional'noj socialjno-psikhologicheskoy kompetentnosti rabotnikov banka: metodich. posob. – Samara, 2010.

Статья поступила в редакцию 10.11.13

УДК 378

Abdullaev D.A., Vezirov T.G. EDUCATIONAL RESOURCES the INTERNET IN VOCATIONAL TRAINING of BACHELORS ON the MATHEMATICS PROFILE. In work the Internet in vocational training of bachelors on the Mathematics profile where the important place is taken by the educational Internet portals is offered some methodical aspects of use of educational resources.

Key words: the Internet, educational resources, vocational training, the bachelor on the Mathematics profile.

Д.А. Абдуллаев, ассистент кафедры информатики Чеченского гос. педагогического института, г. Грозный, E-mail: Djebir_001@mail.ru; **Т.Г. Везиров**, д-р пед. наук, проф. каф. методики преподавания математики и информатики Дагестанского гос. педагогического университета, г. Махачкала, E-mail: timur.60@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ПО ПРОФИЛЮ «МАТЕМАТИКА»

В работе предлагается некоторые методические аспекты использования образовательных ресурсов Интернет в профессиональной подготовке бакалавров по профилю «Математика», где важное место занимают образовательные Интернет-порталы.

Ключевые слова: Интернет, образовательные ресурсы, профессиональная подготовка, бакалавр по профилю «Математика».

Информатизация образования является одним из приоритетных направлений политики государства, так как от интенсивности развития этого процесса зависит благополучие каждого из нас.

Быстрое изменение содержания и характера профессиональной деятельности педагога на основе внедрения современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), в частности Интернет-технологий, требует иного уровня и характера образования. В условиях развития инновационной экономики, обновления системы образования России (национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», ФГОС нового поколения и др.) задача эффективного использования ИКТ обретает повышенную важность.

Для успешного выполнения основных видов педагогической деятельности в области информатики и ИКТ, разработки и реализации современной методической системы обучения предмету в общеобразовательных учреждениях необходима соответствующая профессиональная подготовка, учитывающая новые тенденции в развитии системы образования в Российской Федерации.

В документе приоритетного национального проекта «Образование» для внедрения современных образовательных технологий предлагается «создание, закупка и размещение в открытом доступе в Интернете информационных образовательных ресурсов, подключение школ к Интернету, приобретение и поставка в общеобразовательные учреждения компьютерного оборудования».

В.А. Плотникова [1] подробно дает характеристику информационным образовательным ресурсам, которые вносят вклад в развитие образовательной информационной среды, являясь источником методических материалов для учителя.

К таким ресурсам, по мнению автора, относятся:

1. Образовательные порталы, федеральные и инициативные.
2. Ресурсы управления образованием.
3. Электронные библиотеки.
4. Ресурсы библиотек.
5. Предметно-ориентированные ресурсы, которые могут находиться как в первых трех разделах, так и быть представленными в Интернете самостоятельно.
6. Электронные учебники.
7. Полнотекстовые энциклопедии и справочники.

Все эти виды ресурсов помогут преподавателю качественно подготовиться к уроку.

С помощью Интернет студент бакалавриата может: найти нужную документацию; ознакомиться со сценариями уроков; подготовить дидактический и иллюстративный материал; прочитать полнотекстовые источники; ознакомиться с передовым опытом в области образования; получить методические рекомендации; заглянуть в справочники и энциклопедии и др.

Использование образовательных ресурсов Интернет в процессе обучения помогает повысить эффективность образовательного процесса, сделать урок интересным, ярким, насыщенным. Задания, предполагающие использование образовательных Интернет-ресурсов, повышают мотивацию к обучению, развивают творческий потенциал будущих бакалавров, помогают надолго сохранить в памяти подготовленный материал, вооружают навыками работы с различными источниками информации, учат избирательности.

Наш опыт работы со студентами бакалавриата показывает, что применение Интернет-технологий на занятиях приводит к активизации их познавательной деятельности за счет оптимально подобранных образовательных ресурсов Интернет для определенных этапов учебного процесса, углублению межпредметных связей и дифференциации обучения в ходе учебно-воспитательного процесса, вовлечение их в процесс проектирования электронных изданий и ресурсов.

Эффект применения образовательных Интернет-порталов в учебно-воспитательном процессе можно ожидать только в том случае, если они будут гармонично интегрированы в этот процесс, обеспечив для субъектов обучения новые возможности его организации.

Наиболее известными из традиционных методов обучения являются проведение лекционных, практических и лабораторных занятий. При этом на лекциях преподаватель обязан давать концептуальные основы, связанные с развитием и функционированием Интернета, иллюстрируя изложение материала доступными примерами (желательно с использованием раздаточных материалов). Студенты должны получить информацию об аппаратном, программном и информационном обеспечении использования Интернета. Изложение курса желательно начинать с освещения вопросов глобального характера – истории и тенденций развития Интернета, а далее логически переходить к проблемам аппаратного (технического) и программного обеспечения. Особое внимание следует уделить информационной стороне функционирования Интернета, поскольку именно информация – это основа и самоцель Сети. А её создание, распространение, поиск и использование становятся на сегодняшний день неотъемлемыми функциями эффективной системы управления. После освещения общих вопросов по проблематике Интернета следует переходить к аспектам использования Интернета по специальности. Так, например, учителям математики нужно дать материалы о наиболее известных Интернет-ресурсах математической направленности, которые размещены в образовательных Интернет-порталах.

Информационные ресурсы и услуги Интернета представляют широкие вещательные и интерактивные возможности для решения методических задач при обучении математике в школе.

Считаем, что необходимым ознакомить будущих бакалавров по профилю «Математика» с поисковыми системами в Интернете, основными трудностями практического и технологического планов, с которыми они могут встретиться при работе с математическими сайтами в Интернете. В этом случае необходимо предвзительно провести пропедевтический курс, целью которого является: выявить исходный уровень готовности будущих бакалавров к работе в Интернет; объяснить и продемонстрировать студентам специфику работы с ресурсами Интернета; дать возможность студентам бакалавриата осуществлять необходимые действия с ресурсами Интернета по математическому образованию в ознакомительном плане.

В современном уроке Интернет играет большую роль, позволяя сделать сложную науку математику более доступной. Основные формы, которые эффективно может использовать будущий бакалавр для формирования коммуникативной компетенции: сетевая телеконференция (<http://art.ioso.ru>); медиафестиваль (подготовка презентаций); Интернет-семинары; вики-технологии (организовать командную, коллективную, совместную деятельность в Интернете); среда Веб 2.0. (вики, блоги, поисковые сферы, социальные сети, карты, облака сервисов).

В настоящее время популярность приобретает **скринкасты**. Скринкасты – видеоролик, полученный в результате записи действий на экране, обычно сопровождается голосовыми комментариями автора, текстовыми подсказками, возникающими на экране. Таким образом, можно создавать инструкции для учащихся в мультимедийном формате.

Библиографический список

1. Плотникова, В.А. Интернет-ресурсы в практической деятельности учителя общеобразовательной школы. – М., 2009.

Bibliography

1. Plotnikova, V.A. Internet-resursih v prakticheskoy deyatelnosti uchitelya obtheobrazovatel'noy shkoih. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 27.10.13

УДК 78

Gribkova O.V. MODEL OF THE EDUCATIONAL AREA AS A FACTOR OF INCREASING THE PROFESSIONAL CULTURE OF THE MUSIC TEACHER. In article is offered the model of formation educational area of professional culture of musical teachers. Process of formation of professional culture in conditions choral preparations is allocated in separate, the challenge in which context of the decision the major component – technological is looked through, directed on search of means, methods and conditions of formation of the creative person in conditions choral suffices preparation of students in pedagogical high school.

Key words: professional culture of musical teachers, a model of educational area, creative communication, choral preparation.

О.В. Грибкова, д-р пед. наук, проф. каф. вокала и хорового дирижирования Московского городского педагогического университета, г. Москва, E-mail: Grolfi@mail.ru

МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА

В статье рассматривается модель образовательного пространства педагога–музыканта, как фактор повышения его профессиональной культуры, где процесс формирования профессиональной культуры выделяется в отдельную, достаточно сложную социально-педагогическую задачу. В контексте решения данной задачи просматривается важнейший системообразующий компонент – технологический, направленный на поиск средств, методов и условий формирования творческой личности в условиях хормейстерской подготовки студентов в педагогическом вузе.

Ключевые слова: профессиональная культура педагога-музыканта, модель образовательного пространства, творческое общение, хормейстерская подготовка.

Совершенствование образовательной практики и актуальность возрождения хоровых певческих традиций в современной России создает потребность в современном педагоге-музыканте, как педагоге-воспитателе, несущему духовность и культуру подрастающему поколению.

Сегодня как никогда остро ощущается потребность в популяризации и государственной поддержке тех форм культурной и общественной жизни, которые противодействовали бы гуманитарной деградации общества, повсеместному распространению деструктивных жизненных установок и, напротив способствовали бы нравственному и патриотическому воспитанию наших граждан. В условиях глобального мирового рынка лишь успешное решение задач воспитания и культурного просвещения, в первую очередь в работе с молодежью, может помочь нашему обществу сохранить культурную идентичность, национальные традиции и ценности. «Потеря собственного «культурного лица», национального культурного кода, морального стержня – все это ослабляет и разрушает общество. Обществом, в котором «растворена» культурная традиция, легко манипулировать» – высказывание В.В. Путина на учредительном собрании хорового общества 15 февраля 2013 г., которое проходило в здании Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М.И. Глинки.

Для того чтобы помочь российским гражданам обрести «моральный стержень», необходима творческая модернизация общества в русле стратегии развития традиционной отечественной культуры. Исторический опыт предыдущего столетия показывает, что наиболее действенное и доступное средство повышения творческой активности россиян – массовое вокально-хоровое искусство. Помимо воспитательных целей, хоровое пение во все времена сплачивало людей, способствуя культурной

и социальной интеграции общества. Будучи внедренным в бытовую культуру через систему общего и дополнительного образования, хоровое пение способно стать многофункциональным ресурсом, оказывающим влияние на культурные, социальные, психологические, коммуникативные аспекты жизни.

Хоровое пение, являясь активной формой музыкального образования, само является предметом искусства, требующим творческой обстановки и своеобразной хоровой организации как в педагогических колледжах, так и в вузах, на музыкально-педагогических факультетах. В этой связи, образовательный процесс при подготовке учителей музыки должен базироваться на принципах активной исполнительской певческой подготовки, где у студентов приобретает, прежде всего, навык общения с коллективом.

В музыкальной педагогике общение выступает тем генерирующим инструментом, с помощью которого осуществляется образовательно-познавательная преемственность. В связи с этим возрастает потребность в разработке новых концептуальных подходов к профессионально-педагогической подготовке учителя-музыканта, учителя-наставника и воспитателя как творческой личности.

Основу этих подходов составляет понимание того, что одной из важнейших составляющих профессии учителя музыки является хоровая деятельность, которая связана с определенной спецификой учебного процесса. Коммуникативная часть этого процесса подразумевает наличие необходимых педагогических качеств и способностей, которые являются определяющими в развитии творческого характера обучения. Готовность к творческому общению служит критерием полноценной подготовки будущего учителя, которое формируется у студентов во время обучения на хоровых занятиях музыкально-педагогического

факультета. Поэтому, процесс формирования творческого общения в условиях хорового класса выделяется в отдельную, достаточно сложную задачу, в контексте решения которой просматривается важнейший системообразующий компонент – технологический, направленный на поиск средств, методов и условий формирования творческой личности в условиях дирижерско-хоровой подготовки студентов в педагогическом вузе [1].

Несмотря на наличие большого количества работ, непосредственно или косвенно посвященных данной тематике, до сегодняшнего времени остается неисследованным множество ее аспектов. В частности отсутствуют действенные организационные механизмы процесса формирования творческого общения в дирижерской деятельности студентов с целью вооружения будущего современного учителя средствами инновационного подхода к профессии.

С технологической точки зрения, компонентами такой организации являются:

- а) комплекс специальных и общепедагогических знаний;
- б) музыкально-слуховые представления и исполнительские навыки, совершенствование которых формирует профессиональное творческое общение и развитие определенных коммуникативных способностей, необходимых для дирижерско-хоровой деятельности студентов.

Активизация и развитие этих качеств возможны только при учете ряда педагогических условий и средств, способствующих решению этой задачи. К наиболее важным из них относятся:

- использование комплексного профессионально-творческого подхода в выработке психологических качеств и внутренней организации личности студентов;
- формирование у студентов индивидуального творческого стиля общения как основного условия в учебно-хоровой практике;
- развитие у студентов навыка осознанной технологии репетиционного процесса в целях выработки самостоятельности творческого мышления.

Подготовка учителя музыки представляет собой сложный процесс, включающий комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных составляющих. Структуру обучения можно подразделить на: психолого-педагогическую, музыкально-педагогическую и музыкально-исполнительскую подготовку.

Из всех указанных составляющих при обучении самая трудоемкая это музыкально-исполнительская подготовка, так как она связана с исполнительским искусством. В работе учителя музыки исполнительская деятельность занимает важное место и, отсюда становится понятным, насколько значимы в процессе обучения исполнительская хоровая практика студентов, в ходе которой они приобретают умения и навыки репетиционной работы и, следовательно, учатся творческому общению в коллективе.

Специалист, не владеющий определенным комплексом специальных педагогических и музыкально-исполнительских знаний, умений и навыков, которые поэтапно формируются в процессе обучения на практических хоровых занятиях не в состоянии решить множество творческих задач.

В связи с этим, для достижения сформулированных целей необходимо выполнить следующие основные условия:

1. Учитывая специфику практических хоровых занятий при выявлении уровня коммуникативных способностей, проследить динамику развития готовности к работе с хоровым коллективом и, таким образом, определить проявление творческой самостоятельности студентов;

2. Определить профессионально-педагогические условия формирования творческого общения.

Для многих студентов практические хоровые занятия становятся той точкой отсчета, где начинают проявляться и раскрываться новые профессиональные – творческие качества его личности. В процессе обучения хоровому пению затрагиваются многие педагогические проблемы, которые необходимы для всестороннего и гармонично развитого человека. Это расширение музыкального кругозора, формирование музыкального художественного вкуса, воспитание заинтересованного подготовленного слушателя, обогащение и развитие эмоциональной сферы, развитие музыкальных способностей [2].

Хоровое исполнительство для большинства студентов становится более доступным видом деятельности, а порой единственно возможным, позволяющим будущему специалисту сформировать исполнительские умения и навыки, навыки организа-

ционной и репетиционной работы, приобрести опыт творческого общения, а значит познать закономерности музыкального искусства. В хоровом коллективе могут органически сочетаться как фронтальное творческое воздействие руководителя на коллектив, так и индивидуальный подход, влияние на каждого участника хора. Кроме того, совместно осваивая трудности, участвуя в коллективном исполнении, вместе переживая красоту музыки, студенты, как участники хорового коллектива на репетициях зачастую влияют друг на друга, способствуя активности восприятия, творческому отношению к занятиям. Процесс хорового пения создает хорошую возможность наблюдать на практических занятиях проявление творческой активности каждого студента [3].

Несомненно, что подготовка студента – учителя музыки в вузе, помимо теоретической направленности, должна базироваться на наиболее активной хормейстерской – практической и исполнительской форме обучения, где студентами приобретаются основные вокально-хоровые умения и навыки, а также вырабатывается профессиональное мастерство. В этой связи образовательный процесс при подготовке студентов на музыкально-педагогическом факультете вуза организуется на принципах активной исполнительской хормейстерской подготовки, реализация которых приводит к формированию навыков профессионального общения с коллективом, формированию профессиональной культуры будущего специалиста.

Сказанное приводит к пониманию того, что одной из важнейших составляющих профессии учителя музыки является практическая хормейстерская деятельность в коллективе, которая связана с определенной спецификой учебного процесса. Коммуникативная часть этого процесса подразумевает наличие необходимых педагогических качеств и способностей, которые являются определяющими в развитии творческого характера обучения. Готовность к творческому общению служит критерием полноценной подготовки будущего учителя, создавая определенное образовательное пространство, которое формируется у студентов во время обучения на хоровых практических занятиях музыкально-педагогического факультета. Поэтому, процесс формирования профессиональной культуры в условиях хормейстерской подготовки выделяется в отдельную, достаточно сложную задачу, в контексте решения которой просматривается важнейший системообразующий компонент – технологический, направленный на поиск средств, методов и условий для формирования творческой личности в условиях хормейстерской подготовки студентов в педагогическом вузе.

Базовое понятие «профессиональная культура», с учетом данных позиций, рассматривается как социально-педагогическое явление, а также индивидуальная и личностная характеристика будущего педагога музыканта.

Профессиональная культура педагога музыканта означает: наличие глубоких знаний, методического опыта и мастерства; высокая организованность и гибкое мышление; широкое использование в работе современных достижений музыкальной педагогики; умение прогнозировать ход событий и быстро ориентироваться в обстановке; систематический самоконтроль; инициативу и самостоятельность, сочетание новаторства с преемственностью и консерватизмом в работе [4].

Процессуальная характеристика исследуемого процесса позволила сформулировать следующее определение. Хормейстерская подготовка в рамках профессиональной культуры будущего педагога музыканта – процесс интегрирующий: это взаимодействие субъектов в определенном образовательном пространстве (преподаватели, руководители студенческой практики), их совместная деятельность в процессе обучения; самостоятельная деятельность студентов, ориентированная на освоение студентами профессиональных компетенций и ценностей, необходимых для творческого применения на практике [5].

Таким образом, процесс формирования профессиональной культуры педагога-музыканта в его системно-модельной интерпретации составляют – профессиональное мастерство как многоаспектное явление и как неотъемлемый компонент целостного образовательного пространства в вузе; организация высокопрофессиональной хормейстерской подготовки, со всеми входящими сюда факторами; педагогические условия, обеспечивающие формирование ценностных ориентаций личности будущих специалистов.

Библиографический список

1. Грибкова, О.В. Творческое общение в исполнительской деятельности дирижера-хормейстера: монография. – М., 2008.
2. Грибкова, О.В. Хормейстерская подготовка в системе исполнительской практики студентов: учеб. пособ. – М., 2009.
3. Живов, В.Л. Теория хорового исполнительства. – М., 1998.
4. Грибкова, О.В. Теория и практика профессиональной культуры педагога-музыканта: монография. – М., 2011.
5. Грибкова, О.В. Проектирование модели профессиональной культуры педагога-музыканта в современном образовательном пространстве: монография. – М., 2012.

Bibliography

1. Gribkova, O.V. Tvorcheskoe obshenie v ispolnitel'skoy deyatel'nosti dirizhera-khormeyjstera: monografiya. – M., 2008.
2. Gribkova, O.V. Khormeyjsterskaya podgotovka v sisteme ispolnitel'skoy praktiki studentov: ucheb. posob. – M., 2009.
3. Zhivov, V.L. Teoriya khorovogo ispolnitel'stva. – M., 1998.
4. Gribkova, O.V. Teoriya i praktika professional'noy kul'turih pedagoga-muzikhanta: monografiya. – M., 2011.
5. Gribkova, O.V. Proektirovanie modeli professional'noy kul'turih pedagoga-muzikhanta v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: monografiya. – M., 2012.

Статья поступила в редакцию 15.11.13

УДК 37.035.7

Ichitovskin S.S., Lopoukha T.L. MODERN FACTORS OF UPBRINGING LEGAL CULTURE OF CADETS OF MILITARY EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS. The article examines the theoretical basis of the relationship of law and mo-Raleigh, contemporary factors of legal education of cadets of military educational establishments.

Key words: the morality of law, legal education, legal culture, legal consciousness, factors of legal education

С.С. Ичитовкин, адъютант Новосибирского военного института внутренних войск и генерала армии И.К. Яковлева МВД РФ, г. Новосибирск, E-mail: ichitovskina@yandex.ru; Т.Л. Лопуха, канд. пед. наук, ст. преп. филиала Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных сил РФ», г. Новосибирск, E-mail: lopoukha@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ ВОСПИТАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

В статье анализируются теоретические основы соотношения права и морали, современные факторы правового воспитания курсантов военных вузов.

Ключевые слова: моральность права, правовое воспитание, правовая культура, правовое сознание, факторы правового воспитания.

Человек – существо духовное. Он живет в мире своих представлений, воображений, правил, значений и ценностей. В жизни его действия ограничены осознанными или неосознанными стереотипами «возможного» и «должного» поведения. Из всего живущего на Земле только человек направленно преодолевает свои витальные инстинкты для реализации социальных целей. Войны, революции, бунты, когда массы людей осознанно рискуют жизнью, убивают противника во имя, казалось бы, эфемерных духовных целей и моральных установок свидетельствуют, что это значимый социальный регулятор.

Ассоциированность, когнитивность, креативность и духовность человека делают его существом культурным. Общество диктует свои правила должного, определяет пределы возможного для своих членов, делая социум управляемым. Человеческий эгоизм, напротив, нередко приобретает крайние формы социального выражения, которые абсолютно немислимы для до современного родового общества. К ним можно отнести геноцид, неритуальное людоедство, немотивированное насилие и убийства, вандализм и иное отклоняющееся поведение. Сегодня это феномены терроризма и правового нигилизма.

Право – другой эффективный социальный регулятор. Что является его сердцевинной, первоосновой? По мнению С.С. Алексеева, – естественное право [1, с. 25-28]. Порожденное естественной жизнью общества, отражающее объективные потребности социального развития, оно наиболее полно соответствует общественной морали конкретного общества. Требования, вытекающие из естественной общественной среды, преломляются в сознании людей, складываясь в правосознание. Будучи санкционированными государством они становились юридическими нормами. Естественным правом, следовательно, являются обусловленные природной и социальной средой правила, требования и идеалы, которые, будучи преломленными через правосознание населения, выступают прообразом норм позитивного права.

Моральность, применительно к праву, означает его справедливость, соответствие морали общества, в котором оно действует. Нормы современного права зачастую не отвечают потребностям большинства населения. Правотворчество часто является продуктом лоббирования своих ситуационных интересов отдельными социальными группами, доминирующими в современной экономике России. Показатель этого то, что Госдумой к настоящему времени принято свыше 2000 законов, которые не только исполнить, но и запомнить нормальный человек не в состоянии. Их эффективность не высока постольку, поскольку они не соответствуют не только потребностям социума, но и уровню правосознания его населения.

По мнению С.С. Алексеева [1, с. 26-27] и Ю.Я. Баскина [2, с. 43-44], естественное право – это право в широком значении, определяющее пределы социально-оправданной свободы и определенного поведения. Следовательно, выражая идеалы и требования природных, естественных условий человеческого общежития, оно выступает базисным основанием позитивного права, его фундаментальной основой.

Естественное право вечно, возникает с зарождением человеческого общества и может исчезнуть только с его крушением. История дает многочисленные примеры, подтверждающие это мнение. Вспомним крушение мощной Вавилонской государственности, крушение Рима. Казалось, Римская империя, имеющая развитое право и государственность, несокрушима, но... была утрачена моральность права и государственной власти. Сами властители Рима оказались вовлеченными в затягивающий водоворот жестокости и разврата, который базировался на позитивном праве, утвердившим. Вопреки естественному праву, всевластие императоров. Император Калигула прославился развратом и жестокостью, полководец Максентий совершал человеческие жертвоприношения прямо на площадях столицы, Император Коммод убивал людей в гладиаторских боях. Согласно исследованиям А.Г. Сергеева с 235 по 284 год 18 римских импе-

раторов и их сыновей погибли насильственной смертью [3, с. 48]. Жестокость современных социальных обстоятельств, падение морали и нравственности в современной России привела к переводу существующих конфликтных отношений в рамки прямого военного противостояния на Северном Кавказе и к криминальному беспределу внутри страны в целом.

В чем главная причина крушения Рима? По мнению митрополита Иоанна, она заключается в падении общественной морали и нравственности. Космополитизм и утрата нравственности сменили пик нравственного развития римской государственности в I и II веке, целью и значением которой признавалось внесение в мир начал справедливости и рационального права [4, с. 17]. Уничтожение традиционной власти и принижение традиционного права привели, по его мнению, к падению Римской империи.

Москва – III Рим. Если не сделать выводы из опыта предшественников, то Россию может постигнуть та же участь. Эффективным право может быть, лишь сохраняя моральность и преемственность национальной правовой системы. Нарушения этого правила в СССР, где, несмотря на развитость системы законодательства, позитивное право не соответствовало естественному, привело к его крушению уже в наши дни.

В чем заключается моральность права? По мнению авторов, в степени его моральной оправданности с точки зрения справедливости, человечности и национального интереса. По мнению Ю. Хабермаса, в морали решающее значение имеет уровень элементарных моральных (нравственных) требований, императивов, максим, заповедей. Он считает «Моральные заповеди – это категорические, или безусловные императивы, прямо выражающие значение нормы, или имплицитно имеющие к ним отношение» [5, с. 14-16]. Ядром их являются заповеди Христа, сконцентрировавшие сокровенные ценности человеческой духовности. Они впервые на длительную перспективу развития человечества сформулировали такие значимые оценки как Добро, Зло, Благо, Долг, Ценность.

Видные российские ученые и писатели неоднократно подчеркивали значимость морали для государства. Так, Ф. Достоевский, рисуя в «Бесах» (1874 г) разрушительный характер отрицания морали и нравственности, писал, что революционный атеистический социализм приведет к такому разрушению, которое вызовет антропофагию. Его пророчество исполнилось в СССР дважды: в период военного коммунизма 1920-1921 года и стремительного перехода к колхозам в 1933 году, когда людоедство принимало массовый характер.

По мнению Н.О. Лосского, такие ценности как Добро и Зло вовсе не отвлеченные понятия. Первая включает в себя такие положительные ценности как нравственное добро, общеобязательная единая истина, объективная красота, полнота жизни. Вторая, отрицательная ценность выражается в сатанинском честолюбии, властолюбии, проявлениях ненависти, зависти, жестокости и т.д. «Для честолюбца с сатанинским уклоном, состоящегося с другими деятелями, конечная цель не просто совершенство деятельности, а именно первенство. Точно так же для жестокого существа... мучения жертвы составляют то именно, в чем они утверждают свое превосходство» [6, с. 86]. В этом и заключается опасность направленного формирования индивидуализма в человеческом обществе. Он, не сдерживаемый моралью и естественным правом, слишком легко трансформируется в разрушительное всевластие облеченной властью личности, либо, подобно событиям в Бирюлево и на Болотной, к бесчинству толпы.

Отмечая опасность подобного, митрополит Иоанн писал в октябре 1993 года «Законы божеские – законы милосердия и сострадания, любви, красоты и истины – отвергнуты и попорчены. Мало того, что государственная власть с откровенным цинизмом попирает уже и законы человеческие, ею самой изданные, ее же соблюдающие. Беззаконие заразительно, и тот, кто решил играть «без правил» с другими, рано или поздно сам станет жертвой такой же жестокой игры» [4, с. 321]. Это в полной мере относится сегодня к фигурантам дел прокуроров в Подмоскovie, руководству «Оборонсервиса» и ряда министерств России.

Моральность государственной власти и обеспечивающей ее правовой системы является главным условием обеспечения ее легитимности в общественном мнении. Нелегитимность, в свою очередь, порождает правовой нигилизм. По мнению С.С. Алексеева, «Условия нормальной жизнедеятельности людей, требующие ответственности человека за свое поведение, ближайшим

образом выражаются в морали, и лишь потом, в «морально-отработанном» виде воспринимаются государством, в результате чего и образуется «криминалистическая часть» правовой материи – уголовное право и примыкающие к нему правовые подразделения (в том числе исправительное, пенитенциарное право) [1, с. 55].

Закон, иные правовые формы используются в цивилизованном мире только в соответствии с требованиями государственно-признанной морали и государственными интересами. В РФ на почве этого возникает коллизия. Какая мораль государственно признана в России? Религиозная? Нет. Церковь у нас отделена от государства. Русская национальная мораль, разделяемая 86% населения? И это не так. Более того, по сей день четко не сформулированы государственные интересы страны, что является сегодня причиной нарастания межэтнических антагонизмов.

Является ли подобная денационализация морали и права общемировой тенденцией? Во всех ли странах сегодня происходят процессы отчуждения позитивного права от моральных норм общества? Обзор современных правовых систем свидетельствует, что это не так. Во-первых, даже в правовых семьях романо-германского и общего права достаточно велика роль морали и обычая. Во-вторых, данным правом регулируют свои отношения далеко не большая часть населения планеты. Р. Давид, подчеркивая этот факт, пишет «западный образ мышления не является ни господствующим, ни бесспорным в современном мире» [7, с. 308]. Анализируя иные правовые системы, он приходит к выводу о том, что в странах, где индивидуализм традиционно занимает мало места, на первый план выходит единство общественной группы – «основное – это сохранение и восстановление гармонии, а не уважение к праву. Право западного образца действует здесь по большей части лишь как орнамент. Большинство населения продолжает жить в соответствии с традициями (мало похожими на то, что на Западе понимают под правом), не обращая внимания на искусственные своды правовых норм» [7, с. 28].

Да, безусловно, есть страны, где право носит преимущественно такой «искусственный» характер, не опираясь на национальную мораль, традиции. Классическим примером таких стран являются США. Это и неудивительно, страна, насчитывающая немногим более 200 летнюю историю и мозаично-лоскутное население, просто не может обеспечивать преемственность права. Но, понимая важность преемственности, здесь свято чтят Конституцию и считают непреложной необходимостью следовать прецеденту.

По мнению В.А. Туманова, «право во всех его проявлениях – как нормативная система, движение общественных отношений, правосудие – должно быть пронизано нравственностью. Внутренняя моральность права – одно из важнейших условий его эффективности» [8, с. 57].

Какое же право может быть моральным в России? По мнению авторов, такой может быть правовая система, соответствующая естественному праву. Органично впитывая общечеловеческие элементы морали, она, тем не менее, должна базироваться на учете православной и исламской морали, как отражение евразийского характера российской государственности, ментальности ее населения и обычного праве, вызревшем в недрах коренных народов России, которые широко представлены на территории России.

С моральностью права тесно связано требование справедливости. Как уже рассмотрено ранее, справедливость разные народы понимают по-разному. Она же, выражаясь в моральности права, обеспечивает его соответствие естественному праву.

Моральность для права – не отвлеченное понятие. Значительное число заключающихся в законодательстве России понятий имеют оценочный, ценностный характер. Среди них «грубая неосторожность», «оскорбление», «исключительный цинизм» и аналогичные определения в УК РФ [9], недействительность сделки, совершенной с целью противной основам правопорядка и нравственности (с. 169 в ГК РФ) [10].

Какие критерии должны быть положены в основу моральных норм, составляющих объект посягательства в вышеуказанных случаях? Ответа на этот вопрос в современной юридической науке нет. Установлению общепринятых моральных норм препятствует конституционный запрет (ст. 13 Конституции РФ) на установление любой идеологии в качестве государственной и отделение церкви от государства (ст. 14 Конституции РФ).

Сложность ситуации заставляет юристов придумывать «новые» моральные ценности «связанные с современным уровнем цивилизации». К их числу С.С. Алексеев относит такие как «добросовестность, вера в данное слово, чувство персональной ответственности за свои поступки, открытое признание вины» [1, с. 56]. По мнению авторов, данные ценности, во-первых, к собственно моральным не относятся, а во-вторых, не имеют общераспространенного или государственно-признанного характера. Следовательно, в качестве общепринятых норм, используемых в качестве эталона в установлении должного или отклоняющегося поведения в суде, они не могут быть использованы.

Поскольку таких общепринятых норм в российском праве не признано, «выходом» становится утверждение их законом, то есть включение в законодательные акты. Но тогда нормы морали и нравственности становятся законом!

Выход из создавшегося положения один – пересмотр положений статей 13 и 14 Конституции РФ. В противном случае, иудей вправе требовать от суда признания основ морали в виде заповедей Моисея, православный – заповедей Христа, а мусульманин – нравственных норм, изложенных в Коране. Само же содержание общепринятых норм морали и нравственности содержится в обычном праве коренных народов России и нравственной составляющей их традиционных религий.

Само по себе позитивное право не самоцель. Оно лишь инструмент, обслуживающий интересы общества. Придерживаясь именно такого мнения, Н. Бердяев считал, что «Вера в Конституцию – жалкая вера... Делать себе кумира из правового государства недостойно» [11, с. 109]. Речь в данном случае не идет о примате морали над правом. Это равноценные самостоятельные социальные регуляторы. Вместе с тем, в случае, если право не морально, оно становится основой оправдания карательно-репрессивной политики конкретных политических режимов, порой реакционных по своей сути. Следствием является юридический этатизм.

Юристы либеральной ориентации отвергают значимость морали. По мнению А.Б. Франца «Тоталитаризм есть язык морали в той же степени, в какой морализирование есть язык то-

талитарной политики» [12, с. 9]. Его мнение разделяет С.С. Алексеев [1, с. 61-63]. В морали они видят угрозу свободам и правам человека. По мнению автора, тоталитарным может быть и «правовое общество», тотальный – значит всеобщий. В этом смысле общество, граждане которого «поголовно» разделяют демократическую идею также тоталитарно, как и социалистическое.

Мнение о том, что «всеобщая организация жизни людей дело именно права, а не морали» [1, с. 64] не выдерживает критики. Общество регулируется широким комплексом социальных регуляторов, среди которых право важный, но далеко не единственный. Его действенность в значительной мере зависит от соответствия общественной морали.

Мораль и право имеют одного и того же социального прародителя – само общество. Длительное время они сосуществовали вместе, в виде мононорм первобытного общества, затем – в нормах обычного права. Мораль, отраженная в нормах обычного и религиозного права народов, есть тот фундамент, который будучи воспринятым, обеспечивает устойчивость и эффективность правовой системы.

Соотношение права и морали лучше других отобразил Г. Гегель, который считал «Право и мораль отличаются друг от друга. Нечто вполне позволительное с точки зрения права, может быть чем-то таким, что морально запрещается. Право, например, разрешает мне распоряжаться своим имуществом, совершенно не определяя пределов этого распоряжения, и только мораль содержит определения, которые его ограничивают. Может казаться, будто мораль разрешает многое такое, чего не разрешает право.

Однако мораль требует не только соблюдения права по отношению к другим, а, напротив того, соединяет с правом умонастроение, состоящее в том, чтобы уважать право ради права. Мораль требует даже, чтобы, прежде всего, было соблюдено право и лишь после того, как оно исчерпано, вступили бы в действие моральные определения» [13, с. 32]. В этом и должен заключаться «категорический императив» современного российского права. Такое право способно формировать правовую культуру россиян естественным путем.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Философия права. – М., 1999.
2. Баскин, Ю.Я. Очерки философии права. – Сыктывкар, 1994.
3. Сергеев, А.Г. Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. – Владимир, 1997.
4. Митрополит Иоанн. Русь соборная. – СПб., 1995.
5. Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность. – М., 1995.
6. Лосский, Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994.
7. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, Камилла Жоффре-Спизози. – М., 1999.
8. Туманов, В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8.
9. Уголовный кодекс РФ. – М., 1996.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 1997.
11. Бердяев, Н. Философия неравенства. – М., 1990.
12. Франц, А.Б. Мораль и власть // Философские науки. – 1999. – № 3.
13. Гегель, Г. Учение о праве, долге и религии. Работы разных лет: в 2 т. – М., 1971. – Т. 2.

Bibliography

1. Alekseev, S.S. Filosofiya prava. – M., 1999.
2. Baskin, Yu.Ya. Ocherki filosofii prava. – Sykhtivkar, 1994.
3. Sergeev, A.G. Praviteli gosudarstv i otciy cerkvi Evropih za 2000 let. – Vladimir, 1997.
4. Mitropolit Ioann. Rusj sobornaya. – SPb., 1995.
5. Khabermas, Yu. Demokratiya, razum, npravstvennostj. – M., 1995.
6. Losskiyj, N.O. Bog i mirovoe zlo. – M., 1994.
7. David, R. Osnovnihe pravovihe sistemih sovremennosti / R. David, Kamilla Zhoffre-Spizosi. – M., 1999.
8. Tumanov, V.A. Pravovoyj nigilizm v istoriko-ideologicheskom rakurse // Gosudarstvo i pravo. – 1993. – № 8.
9. Ugolovnihyj kodeks RF. – M., 1996.
10. Grazhdanskiyj kodeks Rossijskoj Federacii. – M., 1997.
11. Berdyaev, N. Filosofiya neravenstva. – M., 1990.
12. Franc, A.B. Moralj i vlastj // Filosofskie nauki. – 1999. – № 3.
13. Gegejl, G. Uchenie o prave, dolge i religii. Rabotih raznihkh let: v 2 t. – M., 1971. – T. 2.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 37.017.4

Razgonov V.L., Lopoukha A.D. **THE FORMATION OF THE DEFENCE CONSCIOUSNESS SERVICEMEN.** The paper examines the problem of the essence, the content and the formation of the defence consciousness to Russian servicemen.

Key words: defence awareness, the factors influencing its formation, the implementation of defence consciousness.

В.Л. Разгонов, начальник филиала Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных сил РФ», г. Новосибирск; **А.Д. Лопуха**, д-р пед. наук, проф. Новосибирского военного института внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД РФ, г. Новосибирск, E-mail: loroukha@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБОРОННОГО СОЗНАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В работе анализируются проблемы сущности, содержания и формирования оборонного сознания военнослужащих российской армии.

Ключевые слова: оборонное сознание, факторы, влияющие на его формирование, реализация оборонного сознания.

Обострение мирового кризиса, нарастание военных угроз повышает требования к состоянию оборонного сознания военнослужащих. Оборонное сознание личности, социальной группы, общества в целом – важнейшая составляющая общественного сознания. Поскольку его сердцевину является отношение к военной политике, оно взаимодействует с политическим сознанием. Это возможно представить в виде содержания оборонного сознания, а содержание оборонного сознания как особого компонента группового и индивидуального сознания, включающего следующую совокупность элементов:

1. В области морали – оборонные ценности, оборонительные ориентации и установки личности.

2. В сфере детерминант сознания – система общественных отношений, потребности, законы социальной деятельности, социальная роль, отношение к собственности.

3. В формах деятельности сознания – оборонное мышление, интеллектуальная деятельность, практика погружения «внутри себя» при осознании военных угроз, осознанное бытие.

4. В области сознания – военно-политическое, правовое, религиозное, оборонительная мораль, философия, научные взгляды, оценки военного искусства.

5. В сфере самосознания – переживания, чувства, состояние внутреннего мира личности по отношению к оборонным проблемам.

6. Специфику индивидуальной и исторической памяти личности.

7. Стереотипы реализации оборонного сознания – «пацифисты» по убеждению; люди с неразвитым оборонным сознанием и чувством долга; понимающие необходимость обороны, но не испытывающие желания к службе и защите Отечества; сознательные патриоты; «милитаристы».

Для современного российского общества характерно противоречивое отношение к оборонным проблемам. С одной стороны, усиливаются патриотические настроения, связанные с заметным ослаблением позиций России на международной арене, с другой стороны, сохраняется негативный образ Вооруженных Сил, растет стремление молодежи уклониться от службы в армии. Современные масштабы «уклонизма» потрясают сознание. Если в начале 90-х таковых было 40 тыс. чел. [1], то в настоящее время уклонистов, по выступлению Ф. Клишечкина в Госдуме, – более 200 тысяч [2]. О проблемах, связанных с патриотическим воспитанием личного состава, подготовкой молодого пополнения к военной службе, сегодня говорят на самом высоком уровне. Существует множество причин упадка оборонного сознания и неготовности солдат служить в армии, которые порождает общество. В этих условиях представляется актуальным изучение тех структур общественного сознания, которые отражают отношение россиян к армейской службе. Ключевой категорией подобных исследований может стать понятие «оборонное сознание». Четкой формулировки термина «оборонное сознание» в научной литературе не существовало до настоящего времени. По структуре и форме оно представляется близким к общественному сознанию, научные представления о котором позволяют подвергнуть анализу феномен оборонного сознания: дать определение, типологию, выявить факторы, влияющие на его формирование. Общественное сознание – это отображение в духовной деятельности людей интересов, представлений различных социальных групп, классов, наций, общества в целом [3]. Взяв за основу данное определение, можно дефинировать понятие оборонного сознания как особый тип общественного сознания человека, отражающий его отношение к службе в армии и степень патриотизма. Развитие этого фено-

мена происходит по мере «усложнения и развития общества», т. к. армия является неотъемлемой частью общественной жизни и остается таковой, несмотря на различные отношения к ней социальных групп и институтов, в том числе СМИ. Обороноспособность страны во многом зависит именно от уровня оборонного сознания ее населения. Человеческий фактор, особенно в условиях применения сверхсовременной техники, имеет огромное значение для надежности обороны страны.

На оборонное сознание, как и сознание общественное, влияет мораль, религия, идеология и политический строй.

Существуют особенности, характерные для данного вида сознания, среди которых можно выделить следующие:

1) его тесная связь с сознанием существующих угроз;

2) центрированность данного сегмента сознания на явлениях, происходящих в Вооруженных Силах;

3) ориентированность на правовые и моральные нормы, регулирующие прохождение службы в армии, характерные для данного общества и конкретного исторического времени;

3) сочетание чувственных и рациональных аспектов отношения к проблемам национальной обороны, армии;

4) опора на культурно-исторический опыт формирования оборонного сознания конкретного общества.

Оборонное сознание, как и любое другое, носит социальный характер, обусловленный нормами и ценностями, принятыми в данном обществе. На него существенное влияние оказывает обстановка, сложившаяся в стране и в Вооруженных Силах. Состояние оборонного сознания определяется и состоянием ситуации в армейской среде. Понять ее человек может лишь через непосредственное соприкосновение с такой средой.

Можно выделить две основные группы факторов, влияющих на формирование оборонного сознания: внешние и внутренние. К первой группе относятся:

– ситуация в Вооруженных Силах – после поражения СССР в III Мировой войне Западным блоком, чеченской кампании 1993 года, авторитет армии был сильно подорван, возросло число «уклонистов», стали распространяться неуставные взаимоотношения. Это оказало существенное влияние на формирование оборонного сознания российской молодежи – все меньше идет служить в армию «успешных» городских молодых людей, как заметил бывший министр обороны РФ С. Иванов, «армия постепенно превращается в рабоче-крестьянскую» [4];

– растет инфантильность призывников (офицерам все чаще приходится сталкиваться с солдатами, не готовыми даже к обслуживанию себя в быту). Сегодня родительская опека продолжается и в годы прохождения военной службы. Говоря о влиянии семьи на ориентацию юношей призывного возраста к предстоящей воинской службе, важно подчеркнуть, что оно неразрывно связано с теми процессами, которые происходят в стране [5];

– военно-патриотическое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность преподавателей, военных комиссаров, командиров и штабов по формированию у молодых людей духовных качеств, отражающих специфический характер российской армии, ее задачи и предназначение. Основными компонентами являются: воспитание у молодежи глубокого понимания исторического предназначения Вооруженных Сил, особенностей их функционирования и своего места в выполнении стоящих перед ними задач, особенно по поддержанию постоянной высокой боеготовности [6].

Вторая группа факторов – личностные качества человека, такие как воинственность, агрессивность, миролюбие, эмоциональность, чувства долга, патриотизма, пацифизма [7]. Их влияние так же велико.

Интересным предстает вопрос о типологизации оборонного сознания. Возможно построение нескольких типологий, опирающихся на различные критерии.

По содержанию оборонного сознания:

1. Социетарное (главным в общественном сознании является защищенность общества и его интересов);

2. Антропоцентристское (в центре – человек с естественным инстинктом безопасности); оборонное сознание личности является удовлетворением данной потребности.

3. Специализированное профессиональное (военнослужащий делает профессиональный выбор, армия рассматривается как данность, как самостоятельная структура, с которой взаимодействует человек в ходе повседневной жизнедеятельности.

По характеру отношения человека к оборонным проблемам:

1. Алермистское – негативное состояние человека или общества, одержимых комплексом псевдоопасностей, окружающих себя мнимыми врагами и постоянно стремящихся уничтожить их.

2. Милитарифилия – любовь к службе в армии, стремление служить, несмотря ни на что (в том числе и состояние здоровья).

3. Сознательный патриотизм – служба в армии представляется человеку нормальным обязательным этапом жизни.

4. Милитарифобия – боязнь службы в армии, стремление избежать этого любыми путями, в том числе и противозаконными.

5. Маниакально-пацифистский синдром – ненависть ко всем силовым структурам, в том числе и к службе в армии [8].

Другими основаниями типологизации оборонного сознания могут служить его направленность, уровни функционирования.

Наибольший интерес вызывает изучение состояния оборонного сознания молодежи.

Важнейшим показателем гражданственности и патриотизма, отношения к истории, современности и будущему своей страны в России традиционно считалось отношение к армии. Отношение к этому государственному институту со стороны молодых людей призывного возраста, важно вдвойне: именно им предстоит служить, защищать свое отечество.

Полученные результаты опроса показывают, что из числа потенциальных защитников отечества лишь 50% согласны «встать в строй», и то две трети из них сделают это без особого желания. Причем прослеживается явная зависимость между общей гражданской настроенностью и отношением к данному вопросу. Так, из сказавших, что учатся для того, чтобы приносить пользу людям, готовы охотно выполнить свой долг 30,6% и нет ни одного собирающегося уклониться от призыва на военную службу.

Социальные факторы серьезно влияют на отношение молодежи к военной службе. Из учащихся выпускных классов школ Новосибирска намерены с охотой выполнить свой воинский долг 20%, а уклониться 33,3%, в городе Бердске, где живут в основном работники крупных заводов разрушенной ныне оборонной промышленности, эти показатели, соответственно – 21 и 22,8%, в Новосибирском Академгородке – 10,4 и 37,5%, в Краснообске (научном городке РАСХН) – 9,9 и 36,3%, в школах Бийска этот показатель – 36 и 7,2%, а в ПУ-4 г. Бийска, директор В. Г. Визер, – 7,5 и 1,4% [9].

Характер оборонного сознания молодежи отражает состояние общества в целом, может служить индикатором общественных настроений. Изучение оборонного сознания представляется важной задачей современной военной политологии и социологии.

Состояние оборонного сознания характеризуется состоянием его ценностных ориентаций, где государственно-патриотические ценности занимают приоритетное место, готовностью и способностью к выполнению оборонных задач.

С военно-политической точки зрения *оборонное сознание* означает реалистическую оценку существующих опасностей и готовность нации выдержать в течение войны величайшее напряжение, трудности, потери, бедствия, даже поражения, не утратив воли к победе.

Свое высшее выражение оно находит в бдительности мирного времени и активном стремлении защищать Отечество, в возможной войне.

Таким образом, оборонное сознание имеет деятельностную направленность и многоуровневую структуру (оборонное сознание личности, социальной, этнической общности, общества в целом). Его необходимо формировать у подрастающего поколения и развивать в течение всей жизни. Оно обуславливает готовность к войне и степень уверенности личного состава

в справедливости выполняемых задач в ходе боевых действий, в правильности проводимой военно-политическим руководством государства политики. Оборонное сознание является следствием действия объективных и субъективных условий и факторов (формирование глобального информационного пространства; экономическая экспансия против Российской Федерации; создание надгосударственных транснациональных финансово-экономических, промышленных и медиагрупп; разработка перспективных видов вооружений «нелетального воздействия»; применение элементов, сил и средств психологической борьбы в мирное время, угрожаемый период и в ходе боевых действий и др.), образа жизни и всей системы нравственного и военно-профессионального воспитания личного состава [10].

Основой оборонного сознания военнослужащих являются, патриотические, духовные ценности, доминирующие в обществе, реалистический взгляд на существующие в современном мире вызовы и угрозы.

Исходя из этого, под оборонным сознанием следует понимать динамическую характеристику реального состояния индивида, коллектива, общества, включающую в себя совокупность элементов его оборонного сознания, сформированного под воздействием военно-политических, социальных, экономических и других факторов, проявляющихся в их социальной активности, и выступающую как готовность решению конкретных задач оборонными странами.

Система поддержания высокого оборонного сознания военнослужащих включает в себя: изучение военно-политической обстановки в современном мире; оценку существующих для России глобальных и региональных военных угроз; воспитание личного состава на российских военных исторических традициях; всестороннюю поддержку героико-патриотического воспитания молодежи; осуществление государственных мер по поддержанию морального духа войск.

На оборонное сознание военнослужащих влияют: адекватная оценка военной опасности; семейное и социальное воспитание, состояние оборонного сознания общества; глубокое понимание военнослужащими целей возможной войны. Успешному формированию оборонного сознания военнослужащих способствует их моральная готовность к выполнению боевых задач; психологическая устойчивость; высокий профессионализм и физическая подготовленность; состояние обеспечения войск, удовлетворение их нужд и запросов; эффективная духовная и психологическая реабилитация.

Формирование, поддержание и восстановление у военнослужащих устойчивого оборонного сознания, имеет комплексный характер и осуществляется командирами, штабами, структурами по работе с личным составом.

Формирование оборонного сознания военнослужащих включает: доведение существующих угроз и военных опасностей, воспитание патриотизма и преданности Отечеству, личной ответственности за его защиту; верности Конституции, Военной присяге, Боевому знамени и боевым традициям Вооруженных Сил, подготовку личного состава к восприятию реалий возможной войны.

Поддержание оборонного сознания военнослужащих достигается постоянным изучением и анализом состояния оборонного сознания личного состава, своевременной постановкой задач по его наращиванию; умелой информационной работой по разъяснению военно-политической обстановки в мире и уровня военной опасности.

Восстановление оборонного сознания включает: активизацию информационно-разъяснительной работы о положении России в мире и нарастании внешних угроз; повышение его до необходимого уровня, путем проведения морально-психологического обеспечения деятельности войск; обеспечение морально-психологического превосходства над вероятным противником.

Состояние оборонного сознания воинов характеризуется рядом показателей, которые могут быть сведены в три взаимосвязанные группы.

Показатели развитости духовной сферы оборонного сознания состоят из индикаторов теоретической и нравственной зрелости, воспитанности, подготовленности. Включают национальные духовные и нравственные оборонные ценности, идеологические установки, место оборонного сознания в мировоззрении личности воина, иерархия смысложизненных ценностей, место в них оборонных.

Показатели развитости чувственно-эмоциональной сферы сводятся к переживанию реальной оценки угроз, состоянию боевой настороженности, готовности реально действовать оружием, укреплению психологического состояния, развитию позитивного отношения к государственной политике в области обороны.

Показатели практической реализации установок оборонной политики государства включают отношение к возможной войне, оценку военной опасности, подготовленность, сплоченность воинских коллективов; *военно-специальные* показатели: качество решения боевых задач; уровень боевой подготовки войск, организованности и воинской дисциплины.

Ведущими компонентами реализации оборонного сознания, являются: *политический, нравственно-психологический и военно-профессиональный* компоненты.

Политический компонент оборонного сознания военнослужащих характеризует их идейную готовность защищать Отечество и беспрекословно выполнять требования военно-политического руководства страны. *Нравственно-психологический компонент* определяет их нравственно-психологическую готовность к защите Отечества. *Военно-профессиональный компонент* оборонного сознания характеризует его военно-профессиональную готовность к действиям по защите страны от внешних угроз. В комплексе уровни политической, нравственно-психологической и военно-профессиональной готовности характеризуют состояние оборонного сознания и реальную готовность воинов решать задачи в ходе боевых действий.

Высокая роль оборонного сознания обуславливается рядом факторов:

Во-первых, ростом числа военных угроз в современном мире.

Во-вторых, как показывает военный опыт, побеждают те армии, где сильнее моральный дух.

В-третьих, история войн знает немало примеров, когда превосходящий противник терпел поражения потому, что уступал в развитости оборонного сознания (война 1812 года, американо-вьетнамская, американо-корейская войны).

Правильная оценка уровня оборонного сознания – это принципиальный вопрос, имеющий большое значение. Например, во время операции США и НАТО против иракской и ливийской армии уровень был катастрофически снижен, оборонное сознание войск и населения – сломлено. В Сирии же, напротив, высокое оборонное сознание населения и ми позволяет стране выстоять в войне с терроризмом и поддерживающими его силами.

Формирование оборонного сознания – важная составляющая государственной политики развитых стран. Так, например, в «Стратегии национальной безопасности США в следующем столетии» вопросы информационной безопасности занимают второе место после проблемы квалифицированных кадров, опережая такие направления, как «космос», «противоракетная оборона», «присутствие за границей и влияние американской мощи». Правительство Республики Корея в «Концепции по осуществлению государственных реформ по обеспечению национальной безопасности на рубеже XX и XXI веков» одним из направлений обеспечения безопасности страны выделяет задачу подъема морально-психологической устойчивости вооруженных сил путем проведения научно обоснованной кадровой политики, направленной на максимальное использование индивидуальных особенностей военнослужащих [9].

Современное оборонное сознание россиян существенно ослаблено, нуждается в системной реабилитации, а у молодежи – в целенаправленном формировании в ходе политической социализации. Президент РФ В.В. Путин обращает внимание российского общества на нарастание военных угроз, принимает масштабные меры по перевооружению армии, возрождению ее морального потенциала, важнейшей частью которого является оборонное сознание. Решить эту задачу возможно только совместными усилиями государства, специалистов силовых структур и представителей широкой общественности.

Таким образом:

1. Оборонное сознание – важнейшая часть политического.
2. Его состояние предопределяется социальными факторами.
3. Состояние оборонного сознания во многом определяет военные возможности государства и требует постоянного влияния общества.

Библиографический список

1. Шульман, А. Уклонисты заплатят армии алименты / А. Шульман, В. Савенков // Свободная пресса [Э/р]. – Р/д: <http://svpressa.ru/all/article/55900/>
2. Осипов, Г.В. Социологический энциклопедический словарь. – М., 2000.
3. Аты-баты, кто в солдаты? // Комсомольская правда. – 2003. – 27 марта.
4. Мазырин, Л.А. Призывник XXI века: какой он? // Военные знания. – 2002. – № 4.
5. Skorodumov, I.A. Professiya – Rodinu zashchitat'. – М., 1996.
6. Серебрянников, В.В. От воинственности к миролюбию // Социс. – 2002. – № 5.
7. Серебрянников, В.В. Социология войны. – М., 1997.
8. Беккер, С.Н. Социально-педагогические условия эффективности системы гражданского воспитания учащихся: дис. ... канд. пед. наук. – Новокузнецк, 2007.
9. Зеленков, М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. – М., 2002.
10. Приказ МЧС России № 859 от 30.11.2005 г. «О Совершенствовании воспитательной работы в системе МЧС России».

Bibliography

1. Shuljman, A. Uklonistih zaplatyat armii alimentih / A. Shuljman, V. Savenkov // Svobodnaya pressa [Eh/r]. – R/d: <http://svpressa.ru/all/article/55900/>
2. Osipov, G.V. Sociologicheskij ehnciklopedicheskij slovarj. – М., 2000.
3. Atih-batih, kto v soldatih? // Komsomol'skaya pravda. – 2003. – 27 marta.
4. Mazhirin, L.A. Prizhivnik XXI veka: kakoj on? // Voenniye znaniya. – 2002. – № 4.
5. Skorodumov, I.A. Professiya – Rodinu zathithatj. – М., 1996.
6. Serebryannikov, V.V. Ot voinstvennosti k mirolyubiyu // Socis. – 2002. – № 5.
7. Serebryannikov, V.V. Sociologiya vojnih. – М., 1997.
8. Bekker, S.N. Socialjno-pedagogicheskie usloviya ehffektivnosti sistemih grazhdanskogo vospitaniya uchathikhhsya: dis. ... kand. ped. nauk. – Novokuzneck, 2007.
9. Zelenkov, M.Yu. Pravovihie osnovih obthejy teorii bezopasnosti Rossijskogo gosudarstva v XXI veke. – М., 2002.
10. Prikaz MChS Rossii № 859 ot 30.11.2005 g. «O Sovershenstvovanii vospitatel'noj rabotih v sisteme MChS Rossii».

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 378

Naskidaeva E.H. ANALYSIS OF INFORMATION ON THE OLYMPIC GAMES OF ANTIQUITY FOR THE DISCIPLINE OF THE HISTORY OF PHYSICAL EDUCATION IN STUDENT SCIENTIFIC CIRCLE. The historical analysis of one of sources of information on Olympic Games of antiquity, an of lists of winners is carried out. The presented description of the geographical made room athletes characterizing origin, and also a social origin above-named, allows to draw parallels in consideration of the studied data with political and cultural changes in the Greek civilization in the archaic and classical periods which had direct influence on Olympic Games.

Key words: Olympic Games, lists of winners, geographical data, social origin.

*Е.Х. Наскидаева, ст. преп. каф. теории, методики физической культуры и лёгкой атлетики
«Северо-Осетинский гос. университет» им. К.Л. Хетагурова, E-mail: azamat_cakoev@mail.ru*

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОЛИМПТИЙСКИХ ИГРАХ АНТИЧНОСТИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ» В СТУДЕНЧЕСКОМ НАУЧНОМ КРУЖКЕ

Осуществлен исторический анализ источников информации об Олимпийских играх античности. Представленное описание географических данных, характеризующих место происхождения спортсменов, а также социальное происхождение вышеназванных, позволяет провести параллели в рассмотрении изученных данных с политическими и культурными изменениями в греческой цивилизации в архаическом и классическом периодах, которые имели непосредственное влияние на Олимпийские игры.

Ключевые слова: Олимпийские игры, географические данные, социальное происхождение.

Огромное наследство, оставшееся от высокоразвитой цивилизации Древней Греции, по сей день, недостижимым уровнем культуры, дошло до наших дней в виде папирусов, каменных дисков, ваз, скульптур и т.д. Именно изучение этих рукописей, рисунков и расшифровка созданного античными греками письма позволили составить списки победителей олимпийских чемпионов. Неоднократные раскопки и научные исследования позволили восстановить лишь около 1000 имен победителей Олимпийских игр, из возможных 4000. Олимпийские игры были наиболее престижные спортивные соревнования среди Панэллиннистических фестивалей в Древней Греции. Также существовали Пифийские, Истмийские и Немейские игры. Кроме этого, во времена наивысшего расцвета агонистики и гимнастики в культуре Древней Греции, существовали около 400-500 местных периодических спортивных фестивалей. Многочисленные исследования, посвященные изучению Олимпийских игр, освещают различные вопросы предпосылок возникновения и развития Олимпийских игр, правил видов спорта, а также списков олимпийских чемпионов. Однако вышеуказанные исследования не дают сведений о взаимосвязи между географическим происхождением чемпионов и социальными воздействиями античного общества на Олимпийские игры.

Олимпия – месторождение Олимпийских игр, была расположена в южной части провинции Элиды, на северо-востоке острова Пелопоннес. Олимпийские игры берут свое начало в архаическом периоде в 776 году до н.э. Именно этой датой обозначен первый олимпийский чемпион. Это был Корэйб – повар из Элиды. Изначально игры носили местный характер, в них принимали участие только жители Элиды, что отображено в списках олимпийских чемпионов. Непосредственно представителями этой провинции и управлялись Олимпийские игры. Подобное превосходство наблюдалось вплоть до 720 г. до н.э.

В первом периоде (776-594 гг. до н.э.) отмечается локальность игр и отсутствие организации Панафинейских игр, выделяя лишь пять афинских спортсменов, ставших победителями. В 720 г. до н.э. достигает своего наивысшего расцвета в военном отношении Спарта. Система физического воспитания, направленная на подготовку беспособного населения, способствовала удержанию Спартой первенства в Олимпийских играх. Из 36 Олимпийских игр, проведенных в данном временном интервале в Древней Греции, около 60 % побед досталось уроженцам Спарты. Естественно, представители других городов (Афины, Кротон, Мегара, Эпидаврос) также занимали первые места на играх, но их торжество является лишь точечным в общем списке победителей. Подобная ситуация наблюдалась вплоть до 576 г. до н.э. (51-е Олимпийские игры). Этот год считается окончанием главенства спартанцев на Олимпийских играх, а также началом участия в них греческих городов-колоний (Сицион, Корниф, Милет и др.) [1].

В результате порабощения Спарты (после второй Мессенской войны – 650-620 гг. до н.э.) на Олимпийских играх стало наблюдаться первенство в завоевании медалей спортсменами из Афин. В 566 г. до н.э. берут свое начало первые Панафинейские игры в Афинах. Политический прогресс Афин в этот период заключался в правлении Солона, деятельность которого была направлена на комбинирование реформ между политическими, экономическими и семейными законами. До его правления в Олимпийских играх брали участие только спортсмены, чьи семьи могли обеспечить их предварительную подготовку. Для усиления демократизации общества он вводит награждения за победы, что позволяет бедным гражданам иметь финансовую под-

держку из выручек, полученных на соревнованиях и принимать участие в играх [1].

Donald G. Kyle [3] вторым периодом выступления афинян на соревнованиях выделяет 594-490 гг. до н.э., называя его временем соревнующихся и воздействующих друг на друга конкурирующих аристократических кланов. Победителями становятся спортсмены-афиняне в таких видах спорта, как: скачки, езда на колесницах, гимнастические соревнования, таким образом, отображая важность фамильного статуса в обществе. Интересным также является факт, что более чем столетие, с 588 до 484 гг. до н.э. на Олимпийских играх в победах преобладали спринтеры из Кротона, победив 12 раз из 27 проведенных. В это же самое время спортсмены из Спарты выигрывали лишь дважды, тогда как афиняне – ни разу. На Олимпийских играх в течение вышеуказанного периода кротонцы завоевали более чем пятую часть всех побед (23 из 109). После 480 г. до н.э. кротонцы больше никогда не выигрывали ни на Олимпийских играх, ни на других Панэллиннистических фестивалях Древней Греции.

Основываясь на исследованиях Donald G. Kyle [2] с 490 по 404 гг. до н.э. следует отметить третий период истории спорта Афин, который характеризуется правлением Перикла и стабилизацией демократического строя в Афинах. Во время Персидских войн (500-440 гг. до н.э.) основной идеей греческого государства был патриотизм. В результате победы над персами Афины наряду со Спартой, стали лидирующими государствами. Особенно это усилилось при создании Анти-Персидской лиги (Делосской – в честь острова Делоса), в которую вошли 200 городов-государств и которые, по окончании ее деятельности, подчинились Афинам. Благодаря этому обстоятельству, развивающейся экономике страны и устойчивому обществу в V столетии до н.э. Афинская демократия стала процветать.

В V в. до н.э. – классическом периоде античности, Олимпийские игры достигли наивысшего расцвета. Отличная физическая подготовка, которая поддерживалась при подготовке и во время состязаний, позволила грекам одержать победу над Персией. Рассматривая списки победителей, не выделяется явное лидерство в завоевании побед каким-либо государством.

Таким образом, можно рассматривать войну с персидскими войсками, а также создание Анти-Персидской лиги, своего рода способом расширения географических границ стран-участниц на Олимпийских играх. В середине IV в. до н.э. полисы вступили в кризис, в результате противоречия с развитием эллинистического общества. Афины потеряли свой мощный статус, а альянс Делосская Лига, был уничтожен. На Олимпийских играх стали появляться спортсмены-дилетанты. Примером может служить Alcibiades, выступавший в гонках на колесницах в V столетии. В период войны на Олимпийских играх впервые появляются победители из Македонии. Это свидетельствует о том, что Македония должна была вот-вот начать завоевывать греческие земли. В 404 г. до н.э. в результате победы Спарты и падения Афин произошла катастрофа моральных и религиозных основ человеческого существования [3]. Эти годы глубочайшего кризиса показали, что истинная сила государства в его духовном могуществе. Экономическая ситуация не способствовала дальнейшему развитию гимнастического образования, отчетливо наблюдалась профессионализация и специализация спорта. В профессиональном спорте постепенно происходят и первые случаи коррупции среди атлетов и тренеров. Исходя из исследуемых данных видно, что изменения, происходившие в обществе, имели непосредственное влияние на Олимпийские игры. Социальный статус и месторождение спортсменов победителей и участников были явным отобращением социальных явлений.

Библиографический список

1. Forbes Clarence A. Greek physical education. - New York, 1971.
2. Kyle Donald G. Athletics in ancient Athens. - Leiden New York, 1993.
3. Carter Alan. The Olympic glory that was Greece: the origins and history of the Olympic Games. – Attiki, 1996.

Bibliography

1. Forbes Clarence A. Greek physical education. - New York, 1971.
2. Kyle Donald G. Athletics in ancient Athens. - Leiden New York, 1993.
3. Carter Alan. The Olympic glory that was Greece: the origins and history of the Olympic Games. – Attiki, 1996.

Статья поступила в редакцию 23.11.13

УДК 378.126.018.46

Oparin R.V., Nikitin V.A., Nikitina D.A. **TRAINING COMPLEX «EXPLORING THE PLANET 3D» AS AN INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES OF XXI CENTURY.** The article presents the experience of the development and implementation of a comprehensive, integrated program “Exploring planet 3D», is a unique educational project not only in Russia but also in the world. This program includes a series of specially designed educational 3D movies and set of training and methodological support to them, which includes manuals for students, guidelines for teachers containing technological map lesson, questions, assignments, handouts and test materials opens the possibility of experience and the prospects for its use in its school system (primary, secondary link) and in preschool and secondary education.

Key words: training complex, media education, 3D-education, innovative educational technologies.

Р.В. Опарин, канд. пед. наук, доц., Алтайский гос. технологический университет им. И.И. Ползунова, E-mail: 89236613134@inbox.ru; **В.А. Никитин**, директор кинокомпании «DANI VISION», г. Новосибирск; **Д.А. Никитина**, исполнительный продюсер кинокомпании «DANI VISION», г. Новосибирск, E-mail: nikitina.daria@mail.ru

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ИЗУЧАЯ ПЛАНЕТУ 3D» КАК ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ XXI ВЕКА

В статье представлен опыт разработки и реализации комплексной, интегрированной программы «Изучая планету 3D», являющейся уникальным образовательным проектом не только в России, но и в мировой практике. Данная программа включает серию специально созданных учебных 3D фильмов и комплекта учебно-методического обеспечения к ним, в который входят методические пособия для обучающихся, методические рекомендации для педагога, содержащие технологическую карту урока, вопросы, задания, раздаточные и контрольно-измерительные материалы. Раскрываются возможности, опыт и перспективы его использования его как в системе школьного (начальное, среднее звено), так и в системе дошкольного и дополнительного образования.

Ключевые слова: учебно-методический комплекс, медийное образование, 3D-образование, инновационные образовательные технологии.

3D-технологии прочно обосновались в современном мире – сегодня это не только инженерное проектирование, архитектурный дизайн, сфера развлечений – это еще и прогрессивная образовательная технология. В качестве примеров использования 3D-технологий в образовании можно привести следующие:

- показ сложных тем в виде 3D-уроков и лекций;
- создание учащимися собственных 3D-изображений и 3D-роликов;
- использование этих технологий для развития творческих способностей и профориентационной деятельности;
- привлечение внимания учащихся к урокам, повышение концентрации и внимания, улучшение восприятия материала;
- организация внеурочной деятельности, клубов по интересам;
- проведение конкурсов и иных мероприятий.

Учебно-методический комплект «Изучаем планету 3D» является первым в своем роде, не только в России, но и в мировой практике. Данный комплект, представляющий собой уникальный образовательный проект нового поколения, включает серию специально созданных 3D-фильмов и систему учебно-методического обеспечения. Многоуровневый, вариативный подход к его разработке позволяет использовать его как в системе школьного (начальное, среднее звено), так и в системе дошкольного и дополнительного образования.

3D-фильмы специально созданы студией DANI VISION на высоком профессиональном уровне, с привлечением инновационных 3D-технологий съемки. Серия этих фильмов, формирующих важнейшие мировоззренческие представления обучающихся об окружающем мире, нацелена на детей дошкольного, начального и среднего школьного возраста. Эти уникальные 3D-фильмы знакомят детей со структурой вселенной («Космическое путешествие солнечного зайчика»), миром живой и неживой природы («Калейдоскоп удивительных животных»),

направлениях человеческой деятельности («В мире волшебных профессий»).

Учебно-методические материалы представляют собой методические рекомендации по организации и проведению учебных занятий с использованием 3D-фильмов «Калейдоскоп удивительных животных», индивидуальные дидактические материалы для обучающихся, позволяющие им получить новые знания по природоведению, биологии, географии, углубить межпредметные связи при изучении школьных дисциплин, расширить кругозор, повысить общекультурный уровень [1].

Методические рекомендации для педагога содержат технологическую карту урока, вопросы, задания, раздаточные и контрольно-измерительные материалы.

Уникальность проекта «Изучая планету 3D», и в частности, его первого модуля «Калейдоскоп удивительных животных» в том, что обучающиеся не только просматривают познавательный фильм, но и получают миниучебник и рабочую тетрадь.

Работа с данными пособиями позволит ребенку не только запомнить материал, полученный при просмотре фильма, но и углубить свои знания в сфере природоведения, географии, биологии, укрепить межпредметные связи, расширить общий кругозор.

Рабочая тетрадь-путеводитель рассчитана, в основном, на дошкольников и младших школьников, миниучебник – на обучающихся среднего звена общеобразовательной школы. Данные пособия могут быть также использованы в системе дополнительного образования. Руководство для учителя содержит необходимые целевые установки, методические рекомендации по проведению урока на основе использования данных материалов. Используя данные материалы, обучающиеся под руководством учителя получают навыки работы с новейшими образовательными 3D-технологиями, приобретают опыт синтеза знаний из разных образовательных сфер, накапливают уникальный, востребованный жизненный опыт.

В настоящее время ведется апробация данного учебно-методического комплекса в школах и учреждениях дополнительного образования Санкт-Петербурга, Новосибирска, а также Алтайского края и Республики Алтай.

Бибблиографический список

1. Изучая планету 3D: калейдоскоп удивительных животных / авторы-составители: Д.А. Никитина, Р.В. Опарин. – Новосибирск, 2013.

Bibliography

1. Izuchaya planetu 3D: kalejdoskop udivitel'nykh zhivotnykh / avtorih-sostaviteli: D.A. Nikitina, R.V. Oparin. – Novosibirsk, 2013.

Статья поступила в редакцию 22.11.13

УДК 78

Ukolova L.I. THE INFLUENCE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT FOR THE UPBRINGING OF THE GROWING HUMAN. The cultural environment of education is presented in this paper as a system of methodological approaches and typical properties that determine the integrity of the educational process. The achievement of this unity in conjunction with the leading role opposite of learning with the free development of personality of the student becomes a leading driver of the system, the purpose of which – the full development of personality, intelligence, communication, emotional and moral spheres.

Key words: the process of education, the ability to unite, developing the desire for self-improvement, opportunities pedagogy of art in the application of the complex interaction of all its components, the harmonization of individual.

Л.И. Уколова, д-р пед. наук, проф., зав. каф. вокала и хорового дирижирования, декан музыкально-педагогического факультета Московского городского педагогического университета, г. Москва, E-mail: Ukoloval@mgpu.ru

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ПРОЦЕСС ВОСПИТАНИЯ РАСТУЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Культурная среда воспитания представлена в данной статье как система подходов и типических методических свойств, определяющих целостность учебного процесса растущего человека. Достижение этого единства в сочетании с противоположностью главенствующей роли обучения при свободном развитии индивидуальности студента становится ведущей движущей силой системы, **цель** которой – целостное развитие личности, его интеллектуальной, коммуникационной, эмоционально-нравственной сфер.

Ключевые слова: процесс воспитания, способность к объединению; развитие стремления к самосовершенствованию; возможности педагогики искусства в применении комплексного взаимодействия всех ее составляющих, гармонизация личности.

В условиях глобального мирового рынка лишь успешное решение задач воспитания и культурного просвещения (в первую очередь в работе с молодежью) может помочь нашему народу сохранить культурную идентичность, национальные традиции и ценности.

На современном этапе развития психолого-педагогической науки и практики наблюдается усиление интереса ученых и педагогов-практиков к возможностям влияния культурной среды на процесс воспитания. Таким образом, можно констатировать интенсивный поиск эффективных методов ее создания и дальнейшего совершенствования в образовательном пространстве различных учебных учреждений.

Существующая в отечественной науке многогранная традиция обращения к педагогическому потенциалу культурной среды способствует возникновению разнообразных концепций ее построения. Педагоги-исследователи в своих экспериментальных изысканиях опираются на такие возможности культурной среды, как:

- способность к объединению;
- развитие стремления к самосовершенствованию;
- возможности педагогики искусства в применении комплексного взаимодействия всех ее составляющих, направленного на достижение гармонизации личности учащихся.

Культурная среда воспитания может быть представлена как система подходов и типических методических свойств, определяющих целостность учебного процесса. Достижение этого единства в сочетании с противоположностью главенствующей роли обучения при свободном развитии индивидуальности студента становится ведущей движущей силой системы, **цель** которой – целостное развитие личности, его интеллектуальной, коммуникационной, эмоционально-нравственной сфер.

В последней четверти XX в. ряд отечественных ученых обратились к разработке различных аспектов культурной среды. Из общего научного направления по изучению условий воспита-

ния и образования школьников выделяется направление по исследованию эстетической среды и культуры личности:

А.И. Буров исследует философские теоретические позиции организации эстетической среды в условиях образовательных учреждений; Е.В. Квятковский обращает внимание на предметное содержание культурной среды; И.Л. Любинский обращается к проблеме средообразующей роли театрального искусства в пространстве школы; Л.П. Печко, продолжая направление, начатое А.И. Буровым, изучает резонансность эстетической среды; Е.М. Торшилова осуществляет теоретическое и практическое исследование психолого-педагогических условий организации культурной среды в школе; Ю.Н. Усов обращается к возможностям медиаобразования как фактору формирования культурной среды; Б.П. Юсов разрабатывает полихудожественный подход к организации культурной среды [1].

Ученые с разных сторон исследовали особенности воздействия искусства на творческое развитие детей и молодежи. Центральным и объединяющим здесь остается способность прекрасного воздействовать на чувства людей, обогащать их духовный мир и возвышать над обыденной действительностью. В русле эстетической образовательной среды существенным признается также эстетика внутреннего устройства, быта учебного заведения. Основной идеей здесь становится организация жизни и деятельности учащихся и педагогов «по закону красоты», причем большое значение придается организации эстетически наполненного, культурного пространства силами самих учащихся.

Раскрытие эстетического и общекультурного принципов через оценку объективных эстетических свойств природы (объективные и субъективные проявления красоты в окружающем мире) привлекают к разработке системы эстетического воспитания на основе эстетического восприятия природы и ученых (Л.П. Печко) и педагогов (В.М. Сенкевич, Т.А. Копцева, И.В. Цветкова и др.).

Изучение социокультурной среды в различных аспектах ее проявлений и влияний на школьников направлено, в основном,

на выявление культурообразующей роли школы, с помощью которой происходит реализация культурно-эстетического компонента образования и воспитания и от которой, в конечном итоге, зависит успешная социализация школьников в их дальнейшей жизни. Адаптирующая роль эстетической среды привлекает целый ряд исследователей (Е.Б. Береговая, А. Севенюк, Н.Д. Солопова, И.Б. Шульгина и др.).

Н.Д. Никандров считает создание условий для развития ученика (а наиболее эффективными условиями являются те, которые в своем взаимодействии создают определенную педагогически организованную среду) главным компонентом гуманизации воспитания и рассматривает эти условия в рамках воспитания, основанного на всечеловеческих гуманистических ценностях.

Особый интерес представляет обращение ряда исследователей к проблеме городской среды. Воспитательный потенциал культурной среды города реализуется, в частности, на уроках москвоведения, предоставляющих педагогам возможность обращения к форме интегрированных уроков как важнейшего фактора личностного развития в образовательном процессе. Это направление современной педагогики рассматривает сам процесс гуманистического воспитания школьников в русле выявления и осознания культурного потенциала мегаполиса в формировании личностно-ценностной сферы учащихся, являющейся одной из наиболее значимых в процессе развития их духовности.

Культурная среда города, педагогически направленная на патристическое, нравственно-этическое, эстетическое воспитание школьников может активно способствовать повышению эффективности процесса приобщения учащихся к культуре в самом широком смысле, интегрируя в себе все направления эстетического, интеллектуального, морально-нравственного воспитания (Л.И. Агрон, А.И. Карпов и др.).

Столь же востребованной областью современной педагогики становится и область привлечения региональной фольклорной среды к процессу воспитания духовных ценностей молодежи. Исследования в области педагогики, этнографии, музыкального краеведения позволили выявить значимость музыкально-краеведческого материала в общем русле развития современной системы образования.

Описывая и изучая свойства образовательной среды некоторые исследователи (Л.Г. Кожевникова, Т.В. Цырлина и др.) концентрируют свое внимание на учебном потенциале конкретного учебного заведения. Данная позиция восходит к открытиям Я.А. Коменского, который, определяя роль школы в обучении детей, выделил такие ее характеристики, как способность к активизации изучения наук, что составляет по его мнению основу образовательной среды.

В последние годы педагоги и исследователи все пристальнее изучают такие образовательные системы, в которых на основе сбалансированного взаимодействия общего и дополнительного образования, а также развития подразделений, способствующих введению в школьную практику возможно большего присутствия искусства (в его разнообразных проявлениях и на основе собственной детской художественной деятельности) осуществляется создание новой функциональной модели общеобразовательной школы на базе полихудожественного взаимодействия искусств (Л.Г. Савенкова, Е.А. Ермолинская, И.Б. Шульгина).

Эстетизация образовательно-культурной среды неотделима от формирования культуры чувств, нравственного мира личности, а также и от творческой направленности ее развития. Ведь в практике создания эстетической школьной среды значительное место отводится собственному творчеству учащихся.

Осуществляя психологический анализ составляющих школьной среды, Г.А. Ковалев останавливает свое внимание на продуктивном и целенаправленном создании культурной среды самими участниками образовательного процесса. Ученый выделяет следующие компоненты школьной среды:

- физическое окружение (особенности архитектуры школьного здания, дизайна его интерьеров, возможности их трансформации);

- человеческие факторы (разнообразные социальные факторы, такие, как пространственная и социальная плотность учебного процесса, социальное поведение учащихся, возрастные и национальные особенности и др.);

- программу обучения в ее широком смысле (деятельностная структура, стиль преподавания и характер социально-психологического контроля, формы обучения, содержание программы обучения и т.п.).

При определении средовых педагогических образований нередко происходит смешение понятий. Так, «образовательно-культурную среду часто рассматривают как синоним понятия «образовательное пространство», понимаемого как совокупность возможностей, представляемых государством в рамках системы непрерывного образования.

Понятие «образовательно-культурное пространство» является сложным психолого-педагогическим феноменом. В широком педагогическом смысле – это все то, что окружает учащегося и влияет на воспитание, образование и развитие личности. Это совокупность природных, социальных и других факторов и условий, влияющих прямо или косвенно, мгновенно или долговременно на жизнь и деятельность школьников [2].

Образовательно-культурная среда – это часть образовательно-культурного пространства, это инфраструктура, ориентированная на организацию успешной жизнедеятельности учащихся, задающая гибкую динамику их познавательной деятельности и преобразующая интеллектуальную активность в личностную культуру. В таких условиях создается общая культура учебного заведения, которая интегрирует все образовательные блоки, обеспечивает учащихся необходимым запасом знаний, способами творческой деятельности, духовным развитием и стимулирует потребность в саморазвитии.

Как отмечают современные исследователи проблемы, такая инфраструктура находит свое отражение в продуктах школьного труда, в воспитанности и должной обученности учеников, в сотрудничестве их с педагогами, в соответствующем микроклимате в учебном заведении. В ней главной ценностью образовательного процесса выступают и личность ученика, и личность педагога, а также их единое стремление к всестороннему и гармоническому развитию. При этом создаются соответствующие условия ученического бытия: атмосфера доброжелательности; гуманный стиль взаимоотношений; помощь учащимся в овладении демократическими принципами жизни; обмен опытом самообразования педагога и учеников.

Образовательно-культурная среда не только воздействует на личность школьников, но и сама испытывает воздействие с их стороны. Дж. Гибсон, вводя категорию возможности, подчеркивает активное начало субъекта, осваивающего жизненную среду (так называемый «экологический мир»). Он подчеркивает, что возможность влияния обращена в обе стороны – и к окружающему миру, и к наблюдателю.

Обучение и воспитание осуществляющиеся в образовательно-культурной среде в совокупности отражают процессы, происходящие в культуре в целом, а также обеспечивают возможность для развивающей деятельности учащихся в учебном заведении.

Исследователями было введено понятие «развивающей среды» (К.В. Гавриловец) определяемой как среда, способствующая установлению гуманистических отношений между субъектами учебно-воспитательного процесса, обеспечивающая деятельностное общение между ними, стимулирующая творческое самовыражение, что характеризует развивающую среду как важнейший фактор гуманизации образования и воспитания школьников [3].

Характерно, что для создания и становления развивающей среды необходимым условием является единство целей всех ее участников – педагогов, учащихся, родителей. На основе этого единства строится продуктивная программа деятельности, в которой выявляются условия для психического, дидактического и методического обеспечения всего педагогического процесса.

Взаимодействие различных субъектов воспитания для совместного решения задач воспитания, его характер, формы проявления и уровни развития представляют собой, как представляется, актуальную и перспективную область исследования в плане изучения их влияния на суммарную эффективность воспитательного процесса [4].

Так, мы отмечаем следующие направления в работе педагогов и исследователей: наблюдение и анализ социологических закономерностей воспитания и взаимодействия ребенка с различными агентами развивающей среды (Л.П. Буева); изучение экономических, социальных и идеологических факторов воспитания в их единстве (А.И. Прокуев); разработку проблемы влияния «малой» среды на воспитание школьников (И.А. Кудряшова, Н.А. Новичкова и др.); изучение воспитания в отдельном регионе как части целостной макровоспитательной системы (С.В. Евтушенко).

В этом контексте следует отметить, что развивающая среда требует собственного программно-методического обеспечения, отличающегося своими характерными особенностями. К таковым мы относим, прежде всего, индивидуальный характер образовательных программ, их нацеленность на личностные характеристики и проявления учащихся.

Образовательно-культурная среда учебного заведения формирует и *новый тип гуманистической системы образования*, характеризующийся творческим подходом педагогического коллектива, его индивидуальным почерком, что составляет своеобразие воспитательной системы того или иного образовательного учреждения.

На современном этапе развития нашего общества высвечиваются новые приоритеты образования и воспитания, которые должны способствовать формированию гражданственности, выступающей в данном случае не только как результат усвоения правовых и морально-нравственных норм жизни, но как многоуровневое интегральное качество личности, базирующееся на общечеловеческих ценностях, традициях народа, ощущении внутренней свободы и, одновременно, ответственности личности перед собой и другими членами общества, что является залогом построения правового государства.

Образовательно-культурная среда, как было показано выше, распространяется и на область дополнительного образования, и на образовательную деятельность музеев, являющиеся частью общего культурно-образовательного пространства. Это говорит о ее всеобъемлющем, *универсальном характере* [5].

Таким образом, корпус научных трудов, в которых, так или иначе, затрагиваются различные аспекты формирования и педагогического потенциала культурной среды в образовательном процессе – школы, вуза, учреждений дополнительного образования, педагогики семьи и т.д. является представительным, и может быть определен как теоретический базис для дальнейших педагогических разработок и исследований. Кроме того, следует отметить, что большая часть данных работ апробирована в педагогической практике и содержит конкретные методические рекомендации, программы, учебные пособия.

В связи с тем, что автор определяет педагогически организованную музыкальную среду как наиболее влияющую в плане формирования духовных устремлений подрастающего поколения, аккумулирующую в себе все разнообразие компонентов развития личности, естественно будет предположить, что имен-

но этот вид культурной среды является наиболее эффективным основанием при создании модели образовательного процесса, отвечающего требованиям современности.

Сегодня как никогда остро ощущается потребность в популяризации и государственной поддержке тех форм культурной и общественной жизни, которые противодействовали бы гуманитарной деградации общества, повсеместному распространению деструктивных жизненных установок и, напротив, способствовали бы нравственному и патриотическому воспитанию современной молодежи.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что все описанные в данной статье направления, раскрывающие с разных сторон возможности, методы воздействия и педагогические цели культурно-образовательной среды присущи педагогически организованной музыкальной среде как наиболее всеобъемлющей и действенной среде, в которую могут быть погружены учащиеся разного школьного возраста, учащиеся музыкально-педагогических колледжей, учреждений дополнительного образования, студенты музыкально-педагогических факультетов педагогических университетов.

Между тем, такой значимый для курса модернизации отечественного образования аспект культурной среды как педагогически организованная музыкальная среда затронут в исследованиях не был, что обуславливает актуальность обращения к этой многокомпонентной проблеме и необходимость глубокой разработки этого вопроса.

В связи с вышесказанным, автор определяет педагогически организованную музыкальную среду как наиболее влияющую в плане формирования духовных устремлений подрастающего поколения, аккумулирующую в себе все разнообразие компонентов развития личности, естественно будет предположить, что именно этот вид культурной среды является наиболее эффективным основанием при создании модели образовательного процесса, отвечающего требованиям современности [1].

Таким образом, можно характеризовать педагогически организованную музыкальную среду как среду развивающую, способствующую установлению гуманистических отношений между субъектами учебно-воспитательного процесса, обеспечивающую деятельность общения между ними, стимулирующую творческое самовыражение, что характеризует ее как важнейший фактор гуманизации образования и воспитания.

Библиографический список

1. Уколова, Л.И. Педагогически организованная музыкальная среда как средство становления духовной культуры растущего человека: дис. д-ра пед. наук. – М., 2008.
2. Уколова, Л.И. Формирование духовной культуры будущих учителей музыки в процессе музыкального образования: монография. – М., 2005.
3. Уколова, Л.И. Формирование духовной культуры будущих учителей музыки в процессе музыкального образования: монография. – М., 2007.
4. Уколова, Л.И. Педагогическая модель музыкальной среды в образовательном пространстве: монография. – М., 2011.
5. Уколова, Л.И. Музыкальная среда как показатель развития культуры личности // Материалы Международной научно-практич. конф. – М., 2010.

Bibliography

1. Ukolova, L.I. Pedagogicheski organizovannaya muzikal'naya sreda kak sredstvo stanovleniya dukhovnoy kul'turij rastuthego cheloveka: dis. d-ra ped. nauk. – M., 2008.
2. Ukolova, L.I. Formirovanie dukhovnoy kul'turij budutikh uchiteley muzihki v processe muzihkal'nogo obrazovaniya: monografiya. – M., 2005.
3. Ukolova, L.I. Formirovanie dukhovnoy kul'turij budutikh uchiteley muzihki v processe muzihkal'nogo obrazovaniya: monografiya. – M., 2007.
4. Ukolova, L.I. Pedagogicheskaya model' muzikal'noj sredih v obrazovatel'nom prostranstve: monografiya. – M., 2011.
5. Ukolova, L.I. Muzihkal'naya sreda kak pokazatel' razvitiya kul'turij lichnosti // Materialih Mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. – M., 2010.

Статья поступила в редакцию 15.11.13

УДК 02:004.7

Fomina A.A. NATIONAL DIGITAL LIBRARY. The project to create a national digital library concept is based distributed fund. It requires a legislative solution to the question of copyright. Formation of the state library policy determines the participation of libraries in the country in international projects.

Key words: distributed fund, the legal framework, participation in international projects.

А. А. Фомина, канд. пед. наук, доц. АГАКИ, г. Барнаул, Email: onir@agari.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

Проект создания национальной электронной библиотеки опирается на концепцию распределенного фонда. Он требует законодательного решения вопроса об авторских правах. Формирование государственной библиотечной политики определяет участие библиотек страны в международных проектах.

Ключевые слова: распределенный фонд, правовые основы, участие в международных проектах.

Дискуссионность теоретических сопоставлений характеристик традиционной и виртуальной библиотеки долгое время не позволяла прийти к единому мнению об организационных особенностях построения такого сложного инновационного проекта, как национальная электронная библиотека [1]. Итогом публичных обсуждений (2004 г.) стало концептуальное признание перспектив формирования распределенного электронного фонда НЭБ. Программа удаленного доступа к ресурсам РГБ, РНБ, Президентской библиотекой имени Б.Н. Ельцина, ГПНТБ России включила:

- виртуальные читальные залы (ВЧЗ), открытые на базе университетских и центральных региональных библиотек;
- авторизованный доступ к электронным коллекциям через сайт библиотеки.
- электронные коллекции открытого доступа [2, с. 23].

В самой обширной сети ВЧЗ, которой обладает РГБ, читателям в городах нашей страны и десяти государствах на постсоветском пространстве открыты все виды документов [3]. Виртуальные залы, как и авторизация, сочетают бесплатный доступ к просмотру и получение копий документов на коммерческих условиях.

Сервис коллекций открытого доступа развивают все партнеры распределенного фонда национальной электронной библиотеки. Количество и содержание таких предложений резко ограничены данными ретроспективных фондов, на которые не распространяется требование о защите авторского права.

Региональная часть программы Национальной электронной библиотеки опирается на библиотечные ресурсы, предусматривая в дальнейшем присоединение музеев и архивов территорий. В соответствии с контрольными показателями плана информатизации, к 2015 г. должны быть переведены в электронную форму не менее 20% архивных фондов и 50% фондов общедоступных библиотек (не менее 75% к 2020 г.); обеспечен полный переход на электронные каталоги для библиотек и учреждений Музейного фонда Российской Федерации [4, с. 16; 5].

Объединение ведущих субъектов информационной сферы России, чья деятельность связана с формированием коллекций электронных ресурсов, эффективно содействует практике создания и эксплуатации распределенного фонда отечественных и зарубежных информационных ресурсов НЭБ. В перспективе совместные ресурсы образуют один из сегментов национального цифрового наследия, предоставив населению страны «бесплатный доступ (локальный или удаленный) ко всем документам, <...>, с учетом требований действующего законодательства» [4, с. 7].

Согласно концепции ЛИБНЕТ, создаваемые электронные хранилища региональной памяти на основе авторитетной, справочной, библиографической и полнотекстовой информации, аудио-, видеоданных объединяют краеведческие знания [4, с. 12]. Несомненно, региональное наполнение краеведческой составляющей НЭБ является реальным шагом в реализации Общероссийской программы сохранения библиотечных фондов.

На заинтересованность универсальных научных библиотек различных регионов страны от Дальнего Востока (Камчатка), Западной (Новосибирск, Томск, Кемерово, Барнаул) и Восточной Сибири (республика Саха (Якутия)), Урала (Свердловск) до Северо-Запада (Архангельск, Псков и другие) в создании электронных коллекции краеведческой направленности указывают результаты анализа официальных сайтов центральных библиотек субъектов Федерации. Финансовая поддержка проектной деятельности позволила крупнейшим фондоходителям оцифровать часть ценных в краеведческом контексте документов и освоить возможности консолидированного удаленного доступа к ресурсам. Развитие координации в сопредельных территориях способствует виртуальной реконструкции комплектов газет и журналов, ликвидации лакун в информационном обеспечении краеведения с помощью преимуществ современных технологий. Примером такого сотрудничества может служить про-

грамма «Электронная Сибирь», объединившая ресурсы универсальных научных библиотек Барнаула, Кемерово, Новосибирска и Томска [6].

Приходится признать, что освоенные объемы региональных электронных коллекций невелики, и перспективы расширения информационного поля провинции исследователи связывают с реестровым учетом книжных памятников в федеральной базе данных [7, с. 5]. Вместе с тем, сложность решения технологических задач заметно уступает проблемам поиска компромисса в защите интересов авторов современных документов и читателей.

Гражданский кодекс допускает временное безвозмездное использование в информационных, научных, учебных или культурных целях произведения в цифровой форме, без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но «только в помещениях библиотек при условии исключения возможности создать копии этих произведений в цифровой форме» [8, ст. 1274, п. 2]. Очевидно, что подобная локализованность и ограничения дискредитируют саму идею неконфиденциальных ресурсов и открытого доступа в целом.

Библиотеки страны закономерно связывают успешное развитие электронных коллекций с совершенствованием российского законодательства по созданию правовой основы информационной деятельности в электронной среде [9]. О поступательном решении поставленной задачи свидетельствует последовательное обновление отраслевого законодательства, направленное на создание дополнительных условий для сохранения и развития библиотечного дела. Благодаря принятым (2008 г.) поправкам, закон «О библиотечном деле» (1994 г.) подтвердил право библиотек на перевод в цифровую форму не только ветхих, испорченных, редких и ценных изданий, но и произведений научного и образовательного значения [10, ст. 18, п. 1.1; 11]. Уточнение категории ценности, последовавшее в 2009–2010 гг., повлияло на законодательное разграничение понятий «библиотечный фонд», «национальный библиотечный фонд», «книжные памятники» [7, с. 5; 11, ст. 1].

Содержание национального библиотечного фонда определяют документы, «комплектующие на основе системы обязательного экземпляра документов, и книжных памятников» [11, ст. 16]. Признание выдающейся духовной, материальной ценности и особого исторического, научного, культурного значения национального фонда характеризует его как культурное достояние страны. Однако в материалах Гражданского кодекса этой дефиниции нет, что и порождает радикальные требования о признании особых прав библиотек на оцифровку своих фондов «без согласия автора и без выплаты авторского вознаграждения» [12].

Кодекс оперирует понятием общественного достояния в отношении произведений науки, литературы или искусства по истечении срока действия исключительного права (70 лет). Этот статус позволяет любому лицу, «без чье-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения» свободно использовать произведения. За его рамками аналогичные действия допускаются, прежде всего, для официальных документов государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, а также международных организаций [8, ст. 1259, п. 6].

Информатизация деятельности органов власти обеспечила доступность государственных информационных ресурсов, в том числе законов, других нормативных актов, судебных решений, иных материалов законодательного, административного и судебного характера. Эталонные и интегрированные банки официальных текстов правовых актов и сведений о них явились гарантом массового информирования населения, благодаря деятельности справочно-правовых систем (СПС). В литературе отмечается не менее полутора десятков СПС русскоязычного сегмента Интернета, что заставляет говорить о действенном механизме государственного управления процессами открытого доступа.

Легитимность доступа к документированным государственным информационным ресурсам предусматривает создание «производной информации в целях ее коммерческого распространения» [13, ст. 12, п. 2]. Эта возможность привлекает к отечественным СПС внимание крупнейших поставщиков информации на мировом рынке аудита, консалтинга и смежных услуг, издательского бизнеса. Сложившаяся практика привела к интеграции массивов документов, консультаций, вопросов-ответов, арбитражной практики, поисковых ресурсов и ресурсы для обновления. Добавим к этому формы типовых документов (договоров, заявлений, деклараций). С учетом практической идентичности круга информационно-партнерских поставщиков информации, в том числе иностранных у многих СПС становится очевидной заинтересованность каждой системы в наращивании числа оригинальных и коммерчески выгодных продуктов и услуг.

За годы плодотворного сотрудничества с органами власти, СМИ, зарубежными партнерами компания «КонсультантПлюс» реализовала планы по разработке и производству собственных справочно-поисковых и справочных систем. В первую очередь речь идет о разрозненных СПС «КонсультантПлюс»: «ВерсияПроф Специальный выпуск», «КонсультантФинансист», «КонсультантБухгалтер», «Региональное Законодательство» и др. Среди эксклюзивных предложений крупнейших игроков на рынке СПС специалисты отмечают фирменный пакет документов СПС «Кодекс». Он включает нормативно-технические документы, различные ГОСТы, санитарные нормы, конструкторскую документацию и другие подобные документы. Таким образом, базы данных крупнейших СПС страны содержательно дополняют правительственную программу информатизации органов власти.

С 1999 г. СПС «КонсультантПлюс», «Гарант» «Кодекс» участвуют в организации публичных центров правовой информации (ПЦПИ). Возникнув как опыт студенческого волонтерства в области юриспруденции, ПЦПИ в 2005–2006 г. воплотили в российский формат концепцию программы ЮНЕСКО «Информация для всех» [14]. С помощью публичных центров правовой информации СПС укрепляют базы библиотек как традиционных центров неконфиденциальных ресурсов. Подобная практика укрепляет тенденции конвергенции и трансформации функций информационных центров и библиотек и, по-видимому, является эффективным средством для расширения ресурсной базы Национальной электронной библиотеки.

В отношении библиотечного фонда статус общественного достояния присущ особо ценной ретроспективной части национального фонда, представленной книжными памятниками. Распространение его на актуальные документы, как составную часть национального библиотечного фонда, комплектуемую «на основе системы обязательного экземпляра», несомненно, обеспечит исключительные права библиотек на оцифровку собственных фондов современной литературы. Но в таком случае правовая база формирования национальной электронной библиотеки нарушит права авторов.

Как показывает зарубежный опыт доктрины добросовестного (fairuse) или честного использования (fairdealing), соблюдение создателями оцифрованного контента прав автора порождает новый виток проблем. По мнению американских законодателей, замена оригинала цифровой копией создает особые преимущества владельцев цифрового контента по сравнению с издательским бизнесом. Именно по этой причине правосудие США в течение ряда лет препятствует созданию интернет-корпорацией Google крупнейшей цифровой библиотеки в мире [15].

Адаптация отечественных библиотек к передовым форматам международной деятельности открывает возможности для перспективного сотрудничества не только в национальном, но и в мировом масштабе. Специалистами в области права и мировым профессиональным сообществом в 2005 г. была поддержана инициатива Библиотеки Конгресса США по созданию Мировой цифровой библиотеки (World Digital Library – WDL). Она одобрительно воспринята ЮНЕСКО, крупными компаниями и частными фондами. Глубина ретроспекции представленных в WDL артефактов национальных культур свидетельствует о безусловном применении в мировом информационном строительстве нормы общественного достояния, в соответствии с действующими национальными законами о защите авторских прав, аналогами положений российского Гражданского кодекса.

Открытый доступ к материалам Мировой цифровой библиотеки (с 2009 г.) обеспечило создание центров цифрового преобразования в США, Бразилии, Египте, Ираке и России. Получе-

ние высококачественных изображений на местах облегчило доступ к национальному контенту и применение централизованного инструментария с памятью перевода.

Основой информации сайта являются унифицированные метаданные о географическом, временном и тематическом аспекте документа. Систематизация контента по темам осуществлена на базе Десятичной классификации М. Дьюи, предоставленной OCLC на семи языках. Описание каждого первоисточника (рукописей, карт, редких книг, записей, фильмов, фотографий, чертежей и других видов документов) для фонда Библиотеки включило историческую справку, переведенную как метаданные и навигационные средства на официальные языки ООН. Многие объекты Мировой цифровой библиотеки взаимосвязаны ссылками с сайтами партнеров. Такой подход к библиографической характеристике помог обеспечить идентификацию каждого информационного объекта, в том числе через внешние поисковые системы.

Предоставление бесплатного многоязычного доступа к материалам культуры разных стран мира, ознаменовало интеллектуальное решение проблемы цифрового неравенства. Мировая библиотека оказала подчеркнуто позитивное влияние на интенсивность перевода национального культурного наследия в цифровой формат, отразив заинтересованность стран-членов ЮНЕСКО. Одна из обширных коллекция WDL принадлежит инициатору ее создания – Библиотеке Конгресса США. Она насчитывает более 120 экспонатов и постоянно пополняется, хотя основная работа по оцифровке исторического наследия была проведена в период подготовки национального юбилея США.

Очевидно, создание полнотекстовой коллекции «Память Америки» спровоцировало желание правительств европейских стран создать своеобразный аналог Мировой библиотеки, отразив сокровища старого света в собрании Europeana (2008 г.). В отличие от World Digital Library, представляющей информацию, Europeana является централизованным каталогом культурного наследия. Он предоставляет метаданные о распределенном фонде. Сами «полнотекстовые» ресурсы – книги, фильмы, аудиозаписи или большое изображение картины, рисунка, фотографии, документа – остаются на сайтах источников информации – музеев, библиотек, архивов» [16].

Europeana формируются на добровольной основе, что не означает хаотичности ее пополнения. Консолидация национальных ресурсов достигнута благодаря длительной кропотливой работе галерей, музеев, архивов, библиотек и аудио-визуальных коллекций по переводу своих фондов в цифровой формат. В осуществлении проекта EDLnet (European Digital Library network) приняли участие более 100 организаций из разных европейских стран, под руководством Национальной библиотеки Нидерландов.

Создатели Европеаны работают с агрегаторами – порталами, предоставляющими доступ, например, к национальным цифровым информационным ресурсам по культурному наследию, объединяющие информационные ресурсы библиотек, музеев, архивов. Вертикальные агрегаторы, в свою очередь – к документам определенного типа или тематики. Международный агрегатор выполняет роль посредника между Europeana и цифровыми коллекциями.

Титульной аудиторией проекта выбрана молодежь. Не случайно расширение функциональных возможностей Europeana предусматривает, в частности, интерфейс и клиентское программное обеспечение для мобильных устройств, использование социальных сетей для обсуждения информации и отсылки к полнотекстовому ресурсу.

Оба проекта интегрированных ресурсов – и мировая цифровая библиотека и общеевропейский каталог выражают заинтересованность в привлечении фондов и коллекций российских библиотек, музеев, галерей и архивов. Об этом свидетельствует, например, выбор русского языка одним из рабочих языков представления материала WDL и финансовая поддержка Библиотекой Конгресса США российского национального фонда оцифрованных изданий, раскрывшее коллекции многих отечественных библиотек. Россия является партнером Europeana по проектам ATHENA, Linked Heritage, что позволило опубликовать в Europeana записи об экспонатах таких российских музеев, как Государственной Третьяковской галереи, Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева, Музея истории Казанского университета и других [17; 18; 19].

Более детальная работа с зарубежными коллекциями возможна при заключении соответствующих соглашений с организаторами WDL и Europeana не, поскольку осуществление обоих мировых проектов Старого и Нового света базируется на государственных бюджетах стран-участниц. При этом, как свидетельствует опыт европейских стран, финансовые разногласия не

помешали сотрудничеству над проектом, контент которого доступен на 25 языках.

Заинтересованность правительств западных стран и международных организаций в предоставлении открытого доступа к ресурсам сферы искусства и культуры поддерживает некоммерческий сервис интернета, способствует модификации проектов национальных электронных библиотек [20].

Библиографический список

1. Степанов, В.К. Электронные библиотеки и полнотекстовые базы данных в Интернете // Библиотековедение. – 2004. – № 2.
2. Основные направления развития Общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ на 2011–2020 гг. [Э/р]. – Р/д: <http://www.nilc.ru/nilc/libnet2011-2020.pdf>
3. Виртуальные читальные залы ЭБД РГБ [Э/р]. – Р/д: <http://diss.rsl.ru/?menu=catalog&lang=ru>
4. Основные направления развития Общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ на 2011 – 2020 годы: проект [Э/р]. – Р/д: <http://www.nilc.ru/nilc/libnet2011-2020.pdf>
5. Контрольные значения показателей развития информационного общества в Российской Федерации на период до 2015 года: приложение к материалам Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, 7 февраля 2008 г. № Пр-212 [Э/р]. – Р/д : <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>
6. Электронная Сибирь [Э/р]. – Р/д: <http://elib.ngonb.ru/jspui/>.
7. Общероссийская программа сохранения библиотечных фондов: второй этап: 2011–2020 гг. [Э/р]. – Р/д: http://pskovlib.ru/userfiles/prog_2011.pdf.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. ФЗ № 230 от 18 декабря 2006 г. Часть IV. – [Э/р]. – Р/д: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148685;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.09297268954105675;from=105422-20>
9. Соколов, А.С. О развитии библиотечного дела: тез. докл. [Э/р]. – Р/д: http://rusla.ru/rsba/politic/files/text_01.doc.
10. О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О библиотечном деле»: Федеральный закон от 27 октября 2008 г. № 183-ФЗ [Э/р]. – Р/д: <http://base.garant.ru/194138/>
11. О библиотечном деле: Федеральный Закон от 25 декабря 1995 г. № 78-ФЗ с изм. и доп. [Э/р]. – Р/д: <http://base.garant.ru/103585>
12. Проект изменений 4-й части Гражданского кодекса Российской Федерации [Э/р]. – Р/д: <http://gpntb.livejournal.com/mart>.
13. Об информации, информатизации и защите информации Федеральный Закон от 29 января 1995 г. № 24-ФЗ [Э/р]. – Р/д: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=40541;dst=0;ts=D9B07D1D32BEC45831CE754F970F45FB;md=0.24232341209426522>
14. Королев, И. ЮНЕСКО избавилась от российского интернет-клона [Э/р]. – Р/д: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2009/07/13/353818>
15. Мереминская, Е. Google не получит «сиротские» книги: суд США заблокировал проект создания крупнейшей электронной библиотеки в мире [Э/р]. – Р/д: <http://www.gazeta.ru/business/2011/03/23/3562509.shtml>
16. Куйбышев, Л.А. Чего нет в Интернете – того не существует / Л.А. Куйбышев, Н.В. Браkker [Э/р]. – Р/д: <http://www.bibliograf.ru/issues/2009/12/139/0/1135/>
17. Europeana опубликовала стратегический план развития на 2011–2015 гг. [Э/р]. – Р/д: http://www.aselibrary.ru/digital_resources/digital_resources69/digital_resources49/1763
18. Linked Heritage: проект Комиссии Европейского Сообщества [Э/р]. – Р/д: http://www.minervaplus.ru/Linked_Heritage/linked_heritage.htm
19. Браkker, Н.В. Участие российских учреждений культуры в расширении контента Европейской цифровой библиотеки EUROPEANA / Н.В. Браkker, Л.А. Куйбышев // доклад на XIII ежегодной международной конференции «EVA 2011 Москва» [Э/р]. – Р/д: <http://www.minervaplus.ru/publish/publish.htm>
20. Фомина, А.А. Педагогический потенциал экологического контекста информационного общества // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7.

Bibliography

1. Stepanov, V.K. Ehlektronnihe biblioteki i polnotekstovih bazih dannihkh v Internete // Bibliotekovedenie. – 2004. – № 2.
2. Osnovnihe napravleniya razvitiya Obtherossiyskoj informacionno-bibliotечноj kompjuternoj seti LIBNET na 2011–2020 gg. [Eh/r]. – R/d: <http://www.nilc.ru/nilc/libnet2011-2020.pdf>
3. Virtualjnihe chitaljnihe zali EhBD RGB [Eh/r]. – R/d: <http://diss.rsl.ru/?menu=catalog&lang=ru>
4. Osnovnihe napravleniya razvitiya Obtherossiyskoj informacionno-bibliotечноj kompjuternoj seti LIBNET na 2011 – 2020 godih: proekt [Eh/r]. – R/d: <http://www.nilc.ru/nilc/libnet2011-2020.pdf>
5. Kontroljnihe znacheniya pokazatelej razvitiya informacionnogo obthetstva v Rossijskoj Federacii na period do 2015 goda: prilozhenie k materialam Strategii razvitiya informacionnogo obthetstva v Rossijskoj Federacii, 7 fevralya 2008 g. № Pr-212 [Eh/r]. – R/d : <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>
6. Ehlektronnaya Sibirj [Eh/r]. – R/d: <http://elib.ngonb.ru/jspui/>.
7. Obtherossiyskaya programma sokhraneniya biblioteknihkh fondov: vtoroj ehtap: 2011–2020 gg. [Eh/r]. – R/d: http://pskovlib.ru/userfiles/prog_2011.pdf.
8. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii. FZ № 230 ot 18 dekabrya 2006 g. Chastj IV. – [Eh/r]. – R/d: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148685;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.09297268954105675;from=105422-20>
9. Sokolov, A.S. O razvitii bibliotечноgo dela: tez. dokl. [Eh/r]. – R/d: http://rusla.ru/rsba/politic/files/text_01.doc.
10. O vnesenii izmenenij v statiju 18 Federaljnogo zakona «O bibliotечноm dele»: Federaljniyh zakon ot 27 oktyabrya 2008 g. № 183-FZ [Eh/r]. – R/d: <http://base.garant.ru/194138/>
11. O bibliotечноm dele: Federaljniyh Zakon ot 25 dekabrya 1995 g. № 78-FZ s izm. i dop. [Eh/r]. – R/d: <http://base.garant.ru/103585>
12. Proekt izmenenij 4-yj chasti Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Eh/r]. – R/d: <http://gpntb.livejournal.com/mart>.
13. Ob informacii, informatizacii i zathite informacii Federaljniyh Zakon ot 29 yanvarya 1995 g. № 24-FZ [Eh/r]. – R/d: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=40541;dst=0;ts=D9B07D1D32BEC45831CE754F970F45FB;md=0.24232341209426522>
14. Korolev, I. YuNESKO izbavilas ot rossijskogo internet-kлона [Eh/r]. – R/d: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2009/07/13/353818>
15. Mereminskaya, E. Google ne poluchit «sirotskie» knigi: sud SShA zablokiroval proekt sozdaniya krupnejshvej ehlektronoj biblioteki v mire [Eh/r]. – R/d: <http://www.gazeta.ru/business/2011/03/23/3562509.shtml>
16. Kuyjbihshev, L.A. Chego net v Internete – togo ne susthvetuet / L.A. Kuyjbihshev, N.V. Brakker [Eh/r]. – R/d: <http://www.bibliograf.ru/issues/2009/12/139/0/1135/>
17. Evropeana opublikovala strategicheskiy plan razvitiya na 2011–2015 gg. [Eh/r]. – R/d: http://www.aselibrary.ru/digital_resources/digital_resources69/digital_resources49/1763
18. Linked Heritage: proekt Komissii Evropejskogo Soobthetstva [Eh/r]. – R/d: http://www.minervaplus.ru/Linked_Heritage/linked_heritage.htm
19. Braker, N.V. Uchastie rossijskikh uchrezhdenij kuljturih v rasshirenii kontenta Evropejskoj cifrovoy biblioteki EUROPEANA / N.V. Braker, L.A. Kuyjbihshev // doklad na XIII ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «EVA 2011 Moskva» [Eh/r]. – R/d: <http://www.minervaplus.ru/publish/publish.htm>
20. Fomina, A.A. Pedagogicheskiy potencial ehkologicheskogo konteksta informacionnogo obthetstva // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2009. – № 7.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 374.71 (571.150):004.738.5

Uspek E.R. VIRTUAL SPACE FOR REAL SOCIO-CULTURAL ACTIVITY. Traced concerned attention of socio-cultural activities to new technologies, study of their influence on the transformation of the forms of activity. Presented experience of the virtual creative exchange, creation of the cultural product. Defined pedagogical function of the cultural agents, organizing virtual interaction.

Key words: interterritorial creative projects, centralization of socio-cultural activities, search of the talent, communicative possibilities of virtual technologies, creative self-realization, pedagogical function of specialists in socio-cultural activities, sites of the cultural institutions.

Э.Р. Успек, аспирант АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: onir@agari.ru

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РЕАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Прослеживается заинтересованное внимание социально-культурной деятельности к новым технологиям, изучению их влияния на преобразование форм деятельности. Представлен опыт виртуального творческого обмена, создания культурного продукта. Определена педагогическая функция культурных агентов, организующих виртуальное взаимодействие.

Ключевые слова: межтерриториальные творческие проекты, централизация социально-культурной деятельности, поиск таланта, коммуникативные возможности виртуальных технологий, творческая самореализация, педагогическая функция специалистов социально-культурной деятельности, сайты учреждений культуры.

Центростремительный характер педагогических технологий способствует объединению талантов и позволяет исследователям прогнозировать перспективные направления использования преимуществ централизации социально-культурной деятельности. Функционально-тематическое сотрудничество творческих коллективов и клубов по интересам, не ограниченное пространством отдельного дома культуры (ДК), создает предпосылки для преодоления исчерпаемости ее административного ресурса и дальнейшей консолидации творческих сил в пространстве города, района, территории субъекта Федерации в различные тематические сети и объединения. Благоприятным фактором для создания таких сетей является совместная, межтерриториальная работа в творческих проектах.

Многие ДК в своей деятельности стали все больше внимания уделять лично-ориентированным технологиям, разделяя мнение А.Д. Жаркова о необходимости изучения вклада в развитие социально-культурной деятельности различных сообществ [1, с. 96]. Многочисленные специализированные сайты, наряду с шоу-программами отечественного телевидения, стали успешной альтернативой самостоятельной и часто безуспешной презентации собственного творчества. Признание поэта в виртуальном сообществе напрямую зависит от таланта, плодотворности и активности его деятельности. Крупнейшим национальным провайдером современной поэзии в Рунете является поэтический сервер Стихи.ру, организаторы которого гарантируют сохранность авторских прав на каждое опубликованное произведение [2]. Однако даже свобода творчества в электронном пространстве не всегда вдохновляет новичков.

Причиной пассивности может быть неуверенность в собственных силах, осознание незрелости творчества, принижения собственных достижений, поэтому так важно доброжелательное сочувствие и поддержка талантливой молодежи, содействие в подготовке культурного продукта. Творческий потенциал личности рискует ограничиться кругом ближайшего окружения: стихи в тетради, картины в столе, видеозаписки в памяти компьютера, если не пересмотреть основы организаторской работы в учреждениях культуры. По словам Г.Л. Тульчинского, интернет-технологии как нельзя лучше способствуют созданию новых условий работы, в которых каждый может осуществлять комфортную самопрезентацию, в том числе – в творчестве [3, с. 369].

Вниманию к непризнанным литературным талантам и оказание помощи в преодолении социальной изолированности является одной из перспективных тематических ниш СКД. Боязнь авторов демонстрации собственных достижений в устоявшихся формах социально-культурной деятельности требует активизации творческих агентов, способных четко организовать творческий процесс. Достойной иллюстрацией педагогической составляющей инновационных процессов стала работа клубного объе-

динения «Маяк» по формированию поэтического пространства города Алейска Алтайского края. Клубная трибуна литературных встреч и публичных выступлений перед слушателями разного возраста: детьми, школьниками, пенсионерами расширяют влияние творческого сообщества на социокультурную сферу города, привлекая новых авторов из молодежной среды.

Стимулом для проведения информационной кампании по поиску и поддержке алейских поэтов явилась критическая деятельность поэтического объединения «Маяк» по оценке опусов новичков. Ее организаторы позиционировали свою инициативу как лишённую коммерческого интереса и направленную на формирование благоприятной среды для общественного признания молодого автора. Внимание к поиску талантливой молодежи при помощи коммуникативных возможностей современных технологий и отбору лучших стихотворений молодых авторов для поэтического сборника проявила Центральная библиотека города Алейска при поддержке Алтайской государственной академии культуры и искусств.

Совместная работа в интерактивном режиме заняла календарный год. Она включала установление контактов в условиях территориальной разобщенности участников и организаторов, обмен материалами и их изучение литературными авторитетами, определение структуры нового ресурса, подготовка к изданию и публичной презентации.

Глобальное пространство позволило организаторам провести заочную встречу и анонсировать свою помощь в создании и продвижении творческого контента. Диалог в виртуальном пространстве облегчил коммуникацию, позволил организовать одновременное общение со всеми, не взвывая на пространственные и временные барьеры. Однако современный канал связи породил и новые проблемы взаимодействия: более плодотворным оказывается индивидуальное общение с каждым автором, несмотря на необходимость многократного дублирования комментариев по ходу работы.

Общая осведомленность о сути проекта и наличие электронной связи, безусловно, способствует формированию неформального социально-культурного сообщества, помогает в обмене материалами, однако, как показала практика, не свидетельствует о готовности всех участников регулярно работать. Излишняя виртуализация деятельности молодежного стиля общения препятствует достижению реальных успехов. Организаторам пришлось взять на себя функции педагогического патронажа и модератора как вдохновителя коллективной творческой работы, поскольку именно они обладали исключительной возможностью работать с материалами всех авторов.

От участников требовалось подготовить электронный вариант произведений, распределить их по тематическим блокам. В результате редакторской правки полученный материал автор-

ской группировки постепенно приобретал реальную структуру будущего сборника. От руководителей требовалось более чем шепетильное отношение к поэтическому самовыражению, чтобы корректно объяснить целесообразность решения о включении в сборник или отказе от публикации и попытаться получить от авторов дополнительный материал. Работа виртуальных редакторов стала частью критического отношения авторов к собственным творениям и в результате позволила отобрать лучшие произведения. Подготовленный сборник стихов «Поэтический квартет» нашел живейшую поддержку у сотрудников «Алейской типографии», подготовивших его публикацию накануне празднования Дня города.

Учитывая предупреждения В.З. Дуликова, о том, что «не может быть полной замены живых отношений опосредованными» [4, с. 109]. Центральная библиотека города провела презентацию издания, собрав авторов, редакторов и поклонников поэтического творчества. Администрация Алейска, как было заявлено на официальном сайте и в местных газетах, выразила убежденность в востребованности издания для социокультурной сферы города [5; 6, с. 3; 7, с. 3]. Об этом свидетельствует оказанная финансовая и информационная поддержка проекта.

Объединение творческих сил с помощью современных информационных технологий позволяет оперативно организовать коллективную самодетельную творческую работу, использовать возможности конструктивного диалога, создавая виртуальные продукты, востребованные в реальной социокультурной сфере. Подобная работа должна быть системной и получить более широкое распространение, чтобы вызвать проблемы, препятствующие активизирующему воздействию новых технологий на практическую организацию социально-культурной деятельности.

Стоит отметить, что данная идея была одобрена специалистами Культурно-досугового центра (КДЦ) пос. Алтай Калманского района Алтайского края. Им принадлежит методическая разработка по вовлечению талантливых граждан средствами современных телекоммуникационных технологий в активный социально-культурный процесс, представленная жюри смотря-конкурса «Лучшее культурно-досуговое учреждение Российской Федерации» 2013 года. Сотрудники Алтайского КДЦ предлагают ориентироваться в поиске талантов, привлекаемых к совместному творчеству не только на непризнанных литераторов, но и на потенциальных web-дизайнеров. Сочетание в одном культурном продукте нескольких видов искусств в авторском исполнении придаст еще большую уникальность контенту социально-культурной деятельности.

Заданная пространственно-временная регламентация традиционного репертуара культурных программ учреждений СКД формирует эпизодическое внимание аудитории к его дея-

тельности. «Присутствие» ДК в виртуальном пространстве, позволяющем неоднократно возвращаться к проведенным мероприятиям, способствует поддержанию непрерывного интереса к клубной жизни. Проведенный анализ 100 страничек социокультурного профиля в социальных сетях позволяет говорить о наметившейся тенденции перехода от сухой отчетности о проведенном мероприятии в формате фоторяда к созданию мультимедийных продуктов с полноценным видео и музыкальным сопровождением [8].

Однако до сих пор нельзя не отметить слабую востребованность учреждениями СКД такой интерактивной формы. Презентация культурно-досуговой деятельности в основном опирается на возможности неприятельного сервиса оболочки, фиксацию результатов завершенных мероприятий в виде статической или динамической картинки либо на анонсирование планируемых. К сожалению, отсутствует информационно-аналитическая информация, резюмирующая факты и мнения о проведенном мероприятии или прогнозирующая ожидаемые результаты новых программ.

В тоже время, мониторинг 40 сайтов домов культуры России и стран СНГ свидетельствует, что субъекты социально-культурной деятельности проявляют заинтересованное внимание к новым технологиям в ответ на рекомендации ведущих специалистов о своевременности расширения функций, содержания и форм СКД и изучения их влияния на качественное преобразование деятельности [9, с. 108; 10].

Отраженная в виртуальном пространстве социально-культурная деятельность начинает самостоятельно существовать, задавая новые векторы формирования контента сайта. Постепенно осваивается анонсирование предстоящих кинопоказов при помощи трейлера картины, становятся интерактивны отдельные этапы творческих конкурсов, расширяя возможности личности в кастинге и поддержке виртуальной аудитории [11; 12]. Благодаря интерактивности подобных форм процесс социокультурного общения трансформируется из одностороннего процесса восприятия во взаимодействие, а зачастую – во взаимотворчество [13].

Специалисты отрасли отмечают, что в настоящее время принадлежность к цифровому миру описывается не просто «включенностью» участия в различных сообществах, а подразумевает наличие собственного канала «подключенности» в формате блога или сайта [14, с. 37]. В виртуальном пространстве перспективно формировать сводные сайты домов культуры, оформленные в каталог предложения возможных форм участия в социально-культурных процессах. Развитие организационных основ СКД в виртуальном пространстве открывает новые возможности для социокультурной коммуникации, ориентирует на поиск талантов и требует творческого подхода от специалистов в реализации педагогической функции [15; 16].

Библиографический список

1. Жарков, А.Д. Социально-культурная деятельность как специализированная область общественной практики // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 1(51).
2. Стихи.ру – национальный сервер современной поэзии [Э/р]. – Р/д: <http://www.stihi.ru/>
3. Тульчинский, Г.Л. Менеджмент в сфере культуры / Е.Л. Шекова, Г.Л. Тульчинский. – СПб., 2009.
4. Дуликов, В.З. Технологии XXI века и социально-культурная сфера (достижения и просчеты) // Вестник МГУКИ. – 2010. – № 2.
5. 6 сентября в Центральной библиотеке прошла презентация сборника стихов молодых алейских поэтов «Поэтический квартет», посвященная Дню города // Муниципальное образование Алтайского края – город Алейск: официальный сайт [Э/р]. – Р/д: http://aleysk22.su/events/6_sentjabrja_v_c.html.
6. Поэтический квартет // Алейск. Обзорение. – 2013. – № 36. – 12 сент.
7. Симонова, И. Поэтический квартет // Маяк труда. – 2013. – № 135–137. – 12 сент.
8. 85 лет дому культуры п. Верхний Баскунчак // Дом культуры п. Верхний Баскунчак, Россия: страница в социальной сети «Одноклассники» [Э/р] – Р/д: <http://www.odnoklassniki.ru/video/1905592431>
9. Ариарский, М.А. Новый этап в развитии теории СКД // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 1.
10. Ярошенко, Н.Н. Развивающая среда и социально-культурная деятельность в контексте педагогики культуры // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 6.
11. Кинопоказ // МАУ Пролетарский районный Дом культуры и досуга: сайт [Э/р]. – Р/д: <http://pdknov.ru/kino.html>
12. Конкурс сторителлинга «Моя история» // Краевое государственное бюджетное учреждение «Краевой дворец молодежи»: сайт [Э/р]. – Р/д: <http://www.altaikdm.ru/storytelling>
13. Соловьев, А.В. Развитие новых культурных форм в условиях перехода к информационному обществу // Обсерватория культуры. – 2009. – № 2.
14. Соловьев, А.В. Коммуникативная культура информационного общества // Вестник МГУКИ. – 2009. – № 2.
15. Оленина, Г.В. Социальное творчество студенческой молодежи и педагогическая проблема его проектирования в сфере досуга // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3.
16. Успек, Э.Р. Истоки региональной социокультурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7.

Bibliography

1. Zharkov, A.D. Socialjno-kulturnaya deyatel'nostj kak specializirovannaya oblastj obthestvennoj praktiki // Vestnik MGUKI. – 2013. – № 1(51).
2. Stikhi.ru – nacionalnijnyj server sovremennoj poezii [Eh/r]. – R/d: <http://www.stihi.ru/>

3. Tuljchinskiy, G.L. Menedzhment v sfere kul'turii / E.L. Shekova, G.L. Tuljchinskiy. – SPb., 2009.
4. Dulikov, V.Z. Tekhnologii XXI veka i social'no-kul'turnaya sfera (dostizheniya i proschethi) // Vestnik MGUKI. – 2010. – № 2.
5. 6 sentyabrya v Central'noy biblioteke proshla prezentatsiya sbornika stikhov molodikh aleyjskikh poehtov «Poehicheskiy kvartet», posvyatennaya Dnyu goroda // Municipal'noe obrazovanie Altayskogo kraya – gorod Aleyjsk: oficial'nyy sayt [Eh/r]. – R/d: http://aleyjsk22.su/events/6_sentyabrja_v_c.html.
6. Poehicheskiy kvartet // Aleyjsk. Obozrenie. – 2013. – № 36. – 12 sent.
7. Simonova, I. Poehicheskiy kvartet // Mayak truda. – 2013. – № 135–137. – 12 sent.
8. 85 let domu kul'turii p. Verkhniy Baskunchak // Dom kul'turii p. Verkhniy Baskunchak, Rossiya: stranica v social'noy seti «Odnoklassniki» [Eh/r] – R/d: <http://www.odnoklassniki.ru/video/1905592431>
9. Ariarskiy, M.A. Noviy ehpt v razvitii teorii SKD // Vestnik MGUKI. – 2013. – № 1.
10. Yaroshenko, N.N. Razvivayutaya sreda i social'no-kul'turnaya deyatelnost' v kontekste pedagogiki kul'turii // Vestnik MGUKI. – 2012. – № 6.
11. Kinopokaz // MAU Proletarskiy rayonniy Dom kul'turii i dosuga: sayt [Eh/r]. – R/d: <http://pdknov.ru/kino.html>
12. Konkurs storitellinga «Moya istoriya» // Kraevoe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie «Kraevoy dvorec molodezhi»: sayt [Eh/r]. – R/d: <http://www.altaidm.ru/storytelling>
13. Solovjev, A.V. Razvitie novikh kul'turnikh form v usloviyakh perekhoda k informacionnomu obthstvu // Observatoriya kul'turii. – 2009. – № 2.
14. Solovjev, A.V. Kommunikativnaya kul'tura informacionnogo obthstva // Vestnik MGUKI. – 2009. – № 2.
15. Olenina, G.V. Social'noe tvorchestvo studencheskoy molodezhi i pedagogicheskaya problema ego proektirovaniya v sfere dosuga // Mir nauki, kul'turii, obrazovaniya. – 2013. – № 3.
16. Uspek, Eh.R. Istoki regional'noy sociokul'turnoy deyatelnosti // Mir nauki, kul'turii, obrazovaniya. – 2009. – № 7.

Статья поступила в редакцию 14.11.2013

УДК 379

Aykina L.P. THE MUSICAL AND CREATIVE DEVELOPMENT OF THE JUNIOR SCHOOLCHILDREN IN THE CONDITIONS OF LEISURE ACTIVITY. The article analyzes the treatment of the concepts of «leisure», «creativity» in the contemporary scientific literature; we consider the specifics of the creative activity of young schoolchildren, revealing the importance of developing the creative abilities of children in leisure activities.

Key words: creative, creativity, creative children's activity, leisure activities, personality development.

Л.П. Айкина, канд. пед. наук, доц. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: ajk-lyubov@yandex.ru

МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется вопрос использования понятий «досуг», «творчество» в современной научной литературе, рассматривается специфика творческой деятельности младших школьников, выявляется важность развития творческих способностей детей в досуговой деятельности.

Ключевые слова: творческий, творчество, творческая деятельность детей, досуговая деятельность, развитие личности.

Одной из наиболее актуальных проблем, стоящих перед социально-культурными институтами на современном этапе, является проблема организации досуговой деятельности младших школьников. Интерес к этой проблеме не случаен. Досуг, являясь сферой социализации и инкультурации, дает ребенку возможность реализовать естественные потребности как в восстановлении психофизических сил, общении, так и в познавательной деятельности, дополнительном образовании, развитии творческого потенциала. В связи с этим перед педагогами-организаторами досуга школьников встает острая необходимость поиска путей организации свободного времени детей, содержащих не только развлекательный компонент, но, в первую очередь, решающих задачу разностороннего воспитания школьников, вовлечения их в активную эстетическую деятельность, формирования личности, гармонично сочетающей эмоциональное и рациональное начала. Все это обуславливает пристальное внимание педагогов к проблеме организации свободного времени детей, требует поиска новых форм и методов организации их досуговой творческой деятельности, привлекательных для данной возрастной группы.

Различные аспекты организации досуговой деятельности школьников находятся в поле зрения многих специалистов: педагогов, психологов, культурологов, социологов и т.д. Как отмечают исследователи, сфера свободного времени и досуга всегда являлась объектом научного интереса. Философия рассматривает досуг как сферу реализации специфических социальных процессов, выявляет взаимосвязь свободного и рабочего времени, его социальную ценность. Областью интереса социологии и экономики является количественный и статистический анализ указанных процессов, анализ характера и содержания свободного времени человека, деятельность социальных институтов досуга по его наполнению, аксиологию досуга. Потребности

и мотивы, определяющие поведение и поступки человека в сфере досуга, изучаются психологами и педагогами. Результаты этих исследований в целом свидетельствуют о том, что свободное время является доминирующим пространством, в котором происходит физическое и духовное развитие человека [1].

Роль досуга в формировании полноценной личности трудно переоценить. Известный русский педагог К.Д. Ушинский писал: «Если человек не знает, что ему делать в часы досуга, то тогда портится у него и голова, и сердце, и нравственность» [2, с. 25]. И, поскольку досуг представляет собой ту сферу, в которой наиболее активно происходит духовное, нравственное и физическое развитие человека, то одной из наиболее актуальных проблем, стоящих перед обществом на современном этапе развития, является проблема организации досуга детей школьного возраста.

Досуг часто отождествляется со свободным временем (Ф.С. Махов, А.Т. Куракин, В.В. Фатьянов, Э.М. Коржева и др.). Однако часть ученых не делают принципиального разграничения между понятиями «свободное время» и «досуг». Так, по мнению Г.А. Аванесовой, «под досугом современного человека подразумевается время, которое свободно от необходимого труда в сфере общественного производства, а также от воспроизводства человеком своих жизненных функций в рамках домашнего хозяйства и социальных отношений» [3]. Т.Г. Киселева определяет досуг как «часть социального времени личности, группы или общества в целом, которая используется для сохранения, восстановления и развития физического и духовного здоровья человека, его интеллектуального совершенствования» [4, с. 151]. Зачастую под досугом понимается «время, остающееся у человека после реализации всех видов деятельности, продиктованных внешней целесообразностью. Иначе говоря, досуг – это временной период, освобожденный от обязательных и непреложных дел» [1, с. 6].

Существует и другая точка зрения. Ряд ученых не отождествляют понятия «досуг» и «свободное время». Так Г.И. Минц существенно сужает рамки досуга. По его мнению, к «досугу» относятся только те часы, которые используются для отдыха и развлечений. Время, отдаваемое учебе, общественной работе, детям и разным творческим занятиям не относится к досугу, но являются частью свободного времени» [5, с. 4]. Нередко свободное время характеризуется как часть времени суток, свободная от труда в общественном хозяйстве и связанного с ним времени удовлетворения физиологических и бытовых потребностей и домашнего труда, а под «досугом» подразумевается часть свободного времени, которая служит как отдыху, так и развитию личности. Так, например, близкой точки зрения придерживается Б.А. Трегубов, который определяет свободное время как часть нерабочего времени, направленную на всестороннее и гармоничное развитие личности [6, с. 45].

Исследователь Н.В. Котельникова, разделяя на отдельные категории понятия «досуг» и «свободное время», дает им следующие определения. «Свободное время – часть временного бюджета личности, которая освобождена от непреложных временных затрат, т.е. от обязательной работы, настоятельных семейных, общественных обязанностей, бытовых забот, а также от необходимой физиологической жизнедеятельности (сна, питания и пр.). Досуг – часть свободного времени, совокупность занятий, выполняющих функцию восстановления физических и психических сил человека; деятельность ради собственного удовольствия, развлечения, самосовершенствования или достижения иных целей по собственному выбору, а не по причине материальной необходимости» [7, с. 11].

Таким образом, в «современной теории и практике термин «досуг» наиболее часто употребляется в трех значениях: как синоним свободного времени (его части), как синоним нерабочей (свободной) деятельности с различными модификациями, как синоним состояния или психологического переживания человека на данный момент» [4, с. 146]. Досуг способен объединить и отдых и труд, может включить такие виды деятельности, как продолжение образования, общественная работа на добровольных началах, занятия спортом, творческую деятельность, отдых и др.

Рассматривая особенности досуга в современной социально-культурной ситуации, Т.Г. Киселева определяет его как общественно осознанную необходимость: «Общество кровно заинтересовано в эффективном использовании свободного времени – в целях социально-экономического развития и духовного обновления всей нашей жизни [4, с. 144]. В настоящее время происходит существенная переоценка значения досуга как социально-культурной категории в жизни общества» [4, с. 145]. Таким образом, досуг представляет собой деятельность в свободное от основных и непреложных занятий время ради собственного удовольствия, развлечения, самосовершенствования или достижения иных целей по собственному выбору, а не по причине материальной необходимости.

Для нашего исследования принципиальным является определение понятия «детский досуг». По отношению к свободному времени школьников досуг нередко ассоциируется с внешкольной и внеклассной работой (Б.Э. Вульф, М.М. Поташик и др.), и даже с внеучебным временем (Л.К. Балясная и др.). С этой точки зрения, досуг детей представляет собой свободное от обязательных учебных занятий время, используемое для игр, прогулок и спорта, чтения, занятий искусством, техникой и др. видами полезной деятельности по собственному влечению детей.

Опираясь на мнение ученых-исследователей детского досуга, И.И. Шульга выделяет следующие характерологические признаки досуга детей:

1. Сущность досуга детей проявляется в свободной деятельности, ценность ее заключается не в ее результате, а в самом процессе; другими словами, досуговая деятельность детей есть творческое самосуществование, актуализация генетически запрограммированных задатков, а также сформированных в процессе социальной деятельности способностей.

2. Досуг есть творческая деятельность, реализация которую ребенок «преобразует мир». Творческие процессы во всей своей силе обнаруживаются в игре, в узнавании окружающего мира, присвоении детьми самых разнообразных социальных ролей и т.д. Через механизм эмоционального восприятия и переживания дети активно усваивают элементы творческой деятельности, которые закрепляются в их сознании и поведении и налагают отпечаток на настоящую и всю последующую жизнь.

3. Досуг – это зона активного общения, удовлетворения потребностей детей и юношества в разнообразных контактах, благоприятная сфера для осознания себя, своих качеств, достоинств и недостатков в сравнении с другими людьми.

4. Досуг обладает возможностью положительного влияния и воздействия на детей со стороны самых различных социальных институтов воспитания, что позволяет с максимальной эффективностью воздействовать на их нравственный облик и мировоззрение [8, с. 166].

По мнению Б.А. Титова неправильным было бы отождествлять досуг взрослого человека и досуг ребенка, поскольку в противном случае не учитывается специфика образа жизни ребенка, подростка, юноши, их психология и физиология [9, с. 64].

Б.А. Титов определяет характерологические особенности досуга детей:

- яркая выраженность физиологического, психологического и социального аспектов;
- основой досуга является добровольный выбор рода занятий и степени активности;
- досуг предполагает не регламентированную, а свободную творческую деятельность;
- досуг способствует самовыражению, самоутверждению и саморазвитию, самовоспитанию личности через свободно выбранные действия;
- досуг формирует потребность детей в свободе и независимости, представляет собой своеобразную «зону ограниченного вмешательства взрослых»;
- ориентация досуга на раскрытие природных талантов, проявление творческой инициативы и приобретение полезных умений и навыков;
- досуг есть сфера удовлетворения потребностей личности;
- досуг детерминирован внутренне и внешне;
- досуг формирует позитивную Я-концепцию, способствует объективной самооценке;
- досуг обеспечивает удовлетворение, веселое настроение и персональное удовольствие;
- в досуге нормируется и развивается личность, ее социально значимые потребности и нормы поведения в обществе, определяются ценностные ориентации;
- досуг есть активность, контрастирующая с полным отдыхом;
- природе детского досуга чужда оппозиция «учебное время – досуг (как часть внеучебного времени);
- детский досуг широк в своем понимании.

Таким образом, согласно концепции Б.А. Титова, сущностью досуговой деятельности младших школьников является творческое взаимодействие детей с окружающей средой в свободной для выбора рода занятий и степени активности в пространственно-временной среде, обусловленной внутренними и внешними факторами, порождающими поведение.

Большое значение в процессе освоения досуга играет деятельность, «действительным мотивом которой является потребность личности в самом процессе этой деятельности, а результатом – ее осуществление» [10, с. 6-7]. В научно-педагогической литературе досуговая деятельность определяется как свободная деятельность, «избираемая сама по себе, инициирующей мотив которой – потребность в самой этой деятельности. Иначе говоря, это такая деятельность, которая осуществляется человеком, потому, что ему так хочется, потому, что она продиктована его личными потребностями и интересами, а не вызвана под давлением внешних обстоятельств, вынуждающих его к ней» [10, с. 9]. Кроме того, в процессе реализации досуговой деятельности есть возможность удовлетворить те потребности, которые не могут быть удовлетворены в процессе учебной деятельности и других занятий, диктуемых внешней целесообразностью.

Досуговая деятельность, являясь сферой социализации, дает ребенку возможность раскрыть свои естественные потребности – в общении, познавательной деятельности, духовном развитии, образовании, восстановлении психофизических сил. Педагоги отмечают, что ценность досуга для детей школьного возраста оказывается значительно выше учебной деятельности – для подавляющего большинства школьников большое значение имеет желание общаться с товарищами, участвовать во внеклассных мероприятиях.

Досуговую деятельность, по мнению исследователей (Ю.А. Стрельцов, Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников), отличают следующие характерные признаки:

– неутилитарность и самодостаточность досуговой деятельности, т.е. потребность личности в самом процессе этой деятельности;

- большое разнообразие ее видов;
- добровольность выбора человеком целей, форм и содержания досуговой деятельности, продиктованный уровнем его нравственного и культурного развития;
- нерегламентированность, свободное творчество личности;
- богатство диапазона видов деятельности и степени участия;
- гедонистичность досугового поведения;
- компенсационность.

Характер досуговой деятельности младших школьников обуславливается теми потребностями, которые реализуются в ее процессе. Потребность является наиболее важным компонентом мотивации и выступает как совокупность факторов, определяющих поведение. «Досуг, – пишет В.А. Ядов, – часть свободного времени, которая связана с личным потреблением материальных и духовных благ, или «самоценная» деятельность, составляющая органический элемент быта, и направлена на удовлетворение культурных потребностей в отдыхе, развлечении, саморазвитии» [11, с. 159]. К наиболее важным потребностям младших школьников, реализуемым в досуговой деятельности, можно отнести как первичные (например, потребность в отдыхе), так и социальные (потребности в общении и др.), а также культурные (потребности в образовании, освоении художественных ценностей и др.). Наиболее значительными для нашего исследования являются познавательные, эстетические, а также потребности в самоактуализации.

Познавательные потребности – заключаются в активной умственной и эмоциональной деятельности, направленной на приобретение знаний и умений, в стремлении к освоению реального мира, к исследовательской деятельности, к приобщению к культурным ценностям. При этом необходимо помнить, что интерес является стимулом этой деятельности, поэтому естественно, воспитание мотивации к познавательной деятельности является неотъемлемым условием при организации культурного досуга детей [12, с. 72].

Эстетические потребности представляют собой потребности в прекрасном, в гармонии и упорядоченности мира. Эстетические потребности младших школьников являются началом эстетического отношения к миру. Досуговая деятельность всегда транслирует этико-эстетические нормы культуры поведения и формирует у ребёнка такие качества, как человечность, гуманность, порядочность, увлеченность.

Потребности в самоактуализации подразумевают возможность реализации школьниками собственных целей, способностей, развитие собственной личности. Досуг школьников позволяет ребенку наиболее полно раскрыть потребности в самоутверждении, независимой от взрослых деятельности, выразить в полной мере своё творческое отношение к миру.

Одним из наиболее привлекательных видов досуга детей является творческая деятельность, позволяющая формировать духовные потребности, мотивы деятельности младших школьников, воспитывать эстетические чувства, культуру поведения, побуждает к творчеству. Это обусловлено высокой ролью творчества в познании мира, природной активностью ребенка, требующей творческой деятельности.

Многие исследователи подчеркивали важность творческой деятельности в становлении личности ребенка. Исследователь творческих способностей Б.М. Теплов отмечал, что раннее вовлечение детей в творческую деятельность способствует общему художественному развитию и вполне отвечает его потребностям и возможностям [13]. По мнению П.П. Блонского, ребенок по природе своей – творец всяких, в т. ч. и эстетических ценностей [14]. В.И. Петрушин видит важность детского творчества в том, что оно является одним из показателей роста творческих возможностей человека и всегда связано с личностным ростом. Художественные образы, воздействуя через эмоциональную сферу, заставляют ребенка переживать, страдать и радоваться, их воздействие часто намного острее жизненных ситуаций [15].

Одним из направлений творческого развития детей в условиях досуга является музыкальное творчество. Музыкальное искусство, в силу огромного эмоционального воздействия, способно порождать в человеке потребность в проявлении духовности, возвышенных чувств, интеллекта, творческих задатков. По словам С.В. Лаврецовой, направленное на укрепление и рас-

ширение творческого начала личности, искусство позволяет формировать духовные потребности, мотивы деятельности детей, воспитывать эстетические чувства, культуру поведения, побуждает к творчеству [12]. Как отмечает в своем исследовании К.И. Чижова, социально-культурная направленность воздействия музыки проявляется в эмоциональном отклике детей «на доступные их пониманию социальные явления и процессы, стремление сопереживать чужую радость и горе, желание и попытки участвовать в совместных благотворительных акциях. Музыкальное искусство, волнует и радуя, раскрывает перед детьми социальный смысл жизненных явлений, побуждающий их сопереживать» [16, с. 15]. Одним из наиболее доступных видов досуговой музыкально-творческой деятельности детей младшего школьного возраста является вокально-хоровое творчество, содержащее в себе существенный потенциал для музыкально-творческого развития детей. В общей художественной культуре народа хоровое пение выступает действенной и наиболее распространённой формой музыкального воспитания.

Синкретический характер, присущий вокально-хоровому искусству, позволяет учесть закономерности социально-культурной деятельности, представляющие собой, по мнению С.Ю. Гацук, «систему объективно существующих, внутренне обусловленных, непреложно проявляющихся устойчивых целевых установок, связей и отношений, складывающихся в процессе создания, освоения, сохранения и распространения ценностей культуры» [10, с. 85]. К ним в первую очередь относятся гуманистическая направленность, творческие начала, удовлетворение и последовательное возвышение духовных интересов и потребностей людей.

Хоровое пение, имеющее возможность интеграции разных видов искусств – музыки, поэзии, театра, танца – является одним из наиболее универсальных средств эстетического и нравственного воспитания, воспитывающих отзывчивость, художественное воображение, образно-ассоциативное мышление, активизирующих память, наблюдательность, интуицию, формирующих внутренний мир ребенка. Хоровой репертуар, основанный на синтезе музыки и слова, позволяет приобщать детей к поэтическому творчеству, что является важным фактором речевого развития: обогащения и усложнения словарного запаса; усиления коммуникативных свойств речи (экспрессивности, выразительности); овладения учащимися художественными образами, выразительными свойствами языка. Вокально-хоровая музыка обладает большей доступностью для восприятия по сравнению с инструментальной музыкой, что особенно важно для детей младшего возраста со свойственной им конкретностью мышления, образностью представлений.

Хоровое пение как один из видов коллективной деятельности, способствует переживанию детьми социально-культурного опыта, отраженного в художественных произведениях, осмыслению и осознанию воспринятого, воплощению учеником самого себя, своих мироощущений, мыслей. Коллективная творческая деятельность, будучи привлекательной в глазах ее участников, повышает взаимную заинтересованность участников в эффективности работы, определяет рост познавательной активности и творческой самостоятельности, позволяет каждому ребенку приобрести благоприятный статус. «Если человек попадает в положение активно действующего субъекта, он неизменно становится участником разработки, а затем и носителем норм возникающего отношения. Следует отметить, что к нормам такого типа люди относятся с особым уважением. В результате происходит полноценное усвоение положительного опыта социального взаимодействия» [17, с. 39]. Такая форма деятельности в условиях самодеятельного коллектива создает большие возможности для музыкально-творческого развития детей. Как подчеркивает Ю.А. Стрельцов, решение многих творческих задач требует от участников таких разносторонних качеств, которые практически не могут сочетаться в одном человеке. В групповой деятельности вступает в действие принцип комплементарности – способности не суммируются, а умножаются. Каждый участник вносит в общую копилку свой неповторимый вклад [17].

Сотворчество способствует приобретению важнейших социальных навыков: ответственности, умения строить свое поведение с учетом позиции других людей, является фактором развития гуманистических мотивов общения (Г.А. Цуккерман), способствует эмоциональному развитию хористов, формирует состояние комфорта в процессе обучения, создает предпосылки для возникновения чувства удовольствия от занятий. Коллек-

тивные занятия пением позволяют объединить детский коллектив, привить детям чувство товарищества, ответственности, так как хор, по определению Г.А. Струве, это «собрание единомышленников». Занятия хоровым пением дают возможность выявить индивидуальные проявления характера каждого ребенка.

Особенно велико воспитательное значение хорового искусства на современном этапе развития общества, когда мы наблюдаем вытеснение эстетических потребностей на последнее место в иерархии ценностей молодого поколения. Хоровой репертуар, основанный на синтезе музыки и слова, позволяет приобщать детей к поэтическому творчеству, что является важным фактором речевого развития: обогащения и усложнения словарного запаса; усиления коммуникативных свойств речи (экспрессивность, выразительность); овладения учащимися художественными образами, выразительными свойствами языка. По мнению педагогов-психологов, детское хоровое творчество способствует развитию таких психических качеств, как восприятие, внимание, память, воображение; пение в хоре является активным фактором развития сенсорной сферы.

Таким образом, воспитывающий аспект занятий в хоре заключается в возможности влиять на становление многих качеств личности – нравственных, эстетических, патриотических и др. Детский хор – это, прежде всего, коллектив, участник которого неизбежно вступает во взаимодействие с различными нравственными объектами. Это позволяет руководителю хора целенаправленно формировать и развивать нравственные качества, отражающие отношение к другому человеку – гуманность, товарищество, доброту, деликатность, вежливость, озабоченность неудачами товарищей, радость сопереживания их успехам, требовательность к себе, чувство долга, ответственность, дисциплинированность. Умело подобранный репертуар дает широкие возможности для формирования нравственности, чувства любви к родине, расширения кругозора, воспитания эстетических чувств не только исполнителей, но и слушателей. Вокально-хоровое искусство обладает специфическими особенностями, обеспечивающими огромные возможности воспитания не только участников исполнения, но и слушателей. В применении к детской психологии значение воспитывающего фактора хорового пения значительно возрастает, поскольку дети впитывают эстетические впечатления одновременно с восприятием окружающего мира. В музыкально-творческой деятельности происходит формирование системы жизненных ценностей, приобщение к ценностям культуры, формируется личностное отношение к исполняемым произведениям. Принимая во внимание мысль о том, что основная задача искусства заключается в созерцании прекрасного, аксиологическое значение вокально-хорового творчества в досуговой деятельности школьников возрастает многократно. Пение для детей, особенно младших школьников в силу возрастных особенностей восприятия, несет в себе большой заряд положительных эмоций, способствует актуализации интереса к творческой деятельности. Песня, синтезируя музыку и слово, обладает большей доступностью для восприятия по сравнению с инструментальной музыкой, что особенно важно

для детей младшего возраста со свойственной им конкретностью мышления, образностью представлений.

На занятиях хора педагог имеет возможность развивать творческие умения детей в различных видах музыкальной деятельности: восприятии, исполнении, импровизации, размышлении о музыке, ритмопластическом интонировании и др. Пение можно по праву считать одной из самых доступных форм самовыражения детей. Поэтому занятия хора могут стать фактором, пробуждающим и стимулирующим творческий потенциал детей, активизировать эмоционально-образную сферу школьников.

К задачам, которые с успехом могут быть решены в досуговой деятельности посредством вокально-хорового творчества, относятся:

- формирование потребности в культурном досуге;
- овладение участниками вокально-хорового коллектива общечеловеческими культурными ценностями;
- развитие у детей музыкально-творческих способностей, певческого голоса, сценической культуры;
- приобретение учащимися знаний в области музыкального искусства;
- совершенствование эмоциональной сферы учащихся, воспитание их эстетического вкуса;
- формирование личностных качеств.

Хоровое искусство обладает немалыми возможностями в вовлечении детей в активную досуговую деятельность с учетом реализации ведущих принципов педагогики досуга, предполагающих свободный выбор видов и сфер деятельности, ориентацию на личностные интересы, потребности, способности, возможность свободного самоопределения и самореализации личности, единство обучения, воспитания и развития, практико-деятельностную основу образовательного процесса.

Словом, вокально-хоровое искусство, являясь наиболее доступной и массовой формой вовлечения детей в творческую деятельность, обладает огромными возможностями: это и развитие общих и музыкальных творческих способностей, и воспитание вокально-хоровых навыков, и формирование музыкально-эстетических представлений хористов, их общей культуры, их нравственное, психофизическое развитие.

Таким образом, сущность процесса музыкально-творческого развития младших школьников в условиях организованного досуга представляет собой комплексную целенаправленную совместную деятельность педагога и детей по актуализации музыкально-творческого потенциала личности ребенка, сочетающую развитие общих творческих и музыкальных способностей с организованной художественно-творческой активностью детей, соответствующей их личностным потребностям и возрастным психофизиологическим особенностям. Основные направления музыкально-творческого развития детей в условиях досуга имеют в своей основе педагогическую систему, сочетающую эстетическое воспитание, специальное музыкальное образование, творческое развитие ребенка средствами музыкально-педагогических и культурно-досуговых технологий [18].

Библиографический список

1. Воловик, А.Ф. Педагогика досуга / А.Ф. Воловик, В.А. Воловик. – М., 1998.
2. Ушинский, К.Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // Педагогические сочинения: в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. – М., 1988. – Т. 2.
3. Аванесова, Г.А. Культурно-досуговая деятельность: теория и практика организации. – М., 2006.
4. Киселева, Т.Г. Социально-культурная деятельность / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников. – М., 2004.
5. Минц, Г.И. Свободное время: желаемое и действительное. – М., 1978.
6. Трегубов, Б.А. Свободное время молодежи: сущность, типология, управление. – СПб., 1991.
7. Котельникова, Н.В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ставрополь, 2003.
8. Шульга, И.И. Проблема педагогической организации детско-юношеского досуга в контексте современной социокультурной ситуации // Педагог: наука, технология, практика. – 2002. – № 1-2(12-13).
9. Титов, Б.А. Социализация детей, подростков и юношества в сфере досуга. – СПб., 1997.
10. Гацук, С.Ю. Социально-культурная деятельность как средство духовно-нравственной реабилитации человека // Социальные реформы и социальная работа: реалии и перспективы: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. / сост. Л.В. Куриленко, Н.И. Заплетина. – Самара, 2009.
11. Ядов, В.А. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. – М., 2006.
12. Лаврецова, С.В. Социально-культурная деятельность как средство оптимизации семейного досуга: автореф. ... канд. пед. наук. – СПб., 2007.
13. Теплов, Б.М. Избранные труды // Сочинения: в 2 т. – М., 1985. – Т. 1.
14. Блонский, П.П. Трудовая школа // Избр. пед. и психолог. соч.: в 2 т. – М., 1979. – Т. 1.
15. Петрушин, В.И. Музыкальная психология. – М., 2008.
16. Чижова, К.И. Социокультурное развитие детей в процессе музыкального воспитания: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2002.
17. Стрельцов, Ю.А. Культурология досуга. – М., 2003.
18. Айкина, Л.П. Сущность и специфика творческих способностей младших школьников // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5.

Bibliography

1. Volovik, A.F. Pedagogika dosuga / A.F. Volovik, V.A. Volovik. – М., 1998.
2. Ushinskiy, K.D. Trud v ego psikhicheskom i vospitatel'nom znachenii // Pedagogicheskie sochineniya: v 6 t. / sost. S. F. Egorov. – М., 1988. – Т. 2.
3. Avanesova, G.A. Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost': teoriya i praktika organizatsii. – М., 2006.
4. Kiseleva, T.G. Social'no-kul'turnaya deyatel'nost' / T.G. Kiseleva, Yu.D. Krasil'nikov. – М., 2004.
5. Minc, G.I. Svobodnoe vremya: zhelaemoe i deystvitel'noe. – М., 1978.
6. Tregubov, B.A. Svobodnoe vremya molodezhi: suthnost', tipologiya, upravlenie. – SPb., 1991.
7. Kotelnikova, N.V. Innovatsionnye tendentsii v sfere molodezhnogo dosuga v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. sociolog. nauk. – Stavropol', 2003.
8. Shul'ga, I.I. Problema pedagogicheskoy organizatsii detsko-yunosheskogo dosuga v kontekste sovremennoy sociokul'turnoy situatsii // Pedagog: nauka, tekhnologiya, praktika. – 2002. – № 1-2(12-13).
9. Titov, B.A. Socializatsiya detey, podrostkov i yunoshstva v sfere dosuga. – SPb., 1997.
10. Gacuk, S.Yu. Social'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak sredstvo dukhovno-nravstvennoy reabilitatsii cheloveka // Social'nye reformy i social'naya rabota: realii i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / sost. L.V. Kurilenko, N.I. Zapletina. – Samara, 2009.
11. Yadov, V.A. Sociologiya truda. Teoretiko-prikladnoy tolkoviy slovar'. – М., 2006.
12. Lavrecova, S.V. Social'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak sredstvo optimizatsii semeynogo dosuga: avtoref. ... kand. ped. nauk. – SPb., 2007.
13. Teplov, B.M. Izbranniye trudih // Sochineniya: v 2 t. – М., 1985. – Т. 1.
14. Blonskiy, P.P. Trudovaya shkola // Izbr. ped. i psikholog. soch.: v 2 t. – М., 1979. – Т. 1.
15. Petrushin, V.I. Muzikal'naya psikhologiya. – М., 2008.
16. Chizhova, K.I. Sociokul'turnoe razvitiye detey v processe muzikal'nogo vospitaniya: dis ... kand. ped. nauk. – М., 2002.
17. Strel'cov, Yu.A. Kul'turologiya dosuga. – М., 2003.
18. Aykina, L.P. Suthnost' i specifika tvorcheskikh sposobnostey mladshikh shkol'nikov // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2011. – № 5.

Статья поступила в редакцию 19.10.13

УДК 37

Kutkina O.P. **DEVELOPMENT FUNDS TECHNOLOGY THINKING KRITICHESKOGO PROBLEM-BASED LEARNING.** All-round development of the personality and characterized by the development of critical thinking in all stages of education, which is associated with problem-based learning. Technology to the development of critical thinking can be represented by the following steps: Call comprehension of content and reflection, which involve the use of interactive teaching methods.

Key words: **educational technology, problem-based learning, interactive teaching methods, development of critical thinking.**

О.П. Куткина, канд. пед. наук, доц. АГАКИ, г. Барнаул, Email: kutkinao@list.ru

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ

Всестороннее развитие личности характеризуется развитием и критического мышления на всех этапах образования, которое связывается с проблемным обучением. Технологию развития критического мышления можно представить в виде следующих этапов: вызова, осмысления содержания и рефлексии, которые предполагают использование интерактивных методов обучения.

Ключевые слова: **педагогические технологии, проблемное обучение, интерактивные методы обучения, развитие критического мышления.**

Переход высшего профессионального образования (ВПО) на федеральный государственный образовательный стандарт третьего поколения (ФГОС) должен быть фактором его приращения и развития, а не утраты позитивных традиций и снижения качества национального образования.

Содержание обучения должно охватывать не только учебный материал, подлежащий усвоению, но и то, что на каком уровне, каким образом, усвоено, т.е. должно включать в себя технологии и формы организации учебной деятельности, методы обучения и диагностику его результатов – в той мере, в которой все это будет влиять на обученность, образованность, развитие личности.

Освоение новых технологий и технологизация учебного процесса является адекватным средством для запуска и разворачивания инновационной деятельности педагогов.

Педагогические технологии в зарубежной педагогике направлены на индивидуализацию обучения, на управление процессом усвоения знаний в условиях широкой технизации и электронизации этого процесса, на внедрение нетрадиционных моделей обучения. В российской педагогике технологизация процесса обучения в большей степени связана с построением таких систем обучения, которые обеспечивают полноценное развитие личности обучаемых, гибкое управление этим процессом с учетом его гуманизации, вот почему нетрадиционные технологии обучения называют, как правило, личностно ориентированными.

Построение обучения на технологической основе способствует развитию активности сознания студента, в таком обучении содержатся предпосылки для развития и саморазвития его сущностных сил, поскольку технологии организуют учебно-воспитательный процесс сообразно природе деятельности познающего субъекта.

Учить технологично – не значит учить на основе воспроизводства знаний, а значит широко использовать творческие процессы, развивать и репродуктивную, и творческую деятельность обучаемых, достигая запланированного результата (стандарта образования) в совокупности с усвоением творческого опыта и ценностных отношений.

Если говорить о всестороннем развитии личности, то нельзя забывать об одном элементе, без которого невозможно осознанное и продуктивное развитие – критическое мышление. Критическое мышление – это научное мышление, суть которого заключается в основательном обдумывании и разумном выборе выносимых решений и суждений. Этот тип мышления включает в себя общее и предметное мышление, характеризуется осознанностью, самостоятельностью, рефлексивностью, целенаправленностью, обоснованностью, контролируемостью и самоорганизанностью.

В российских исследованиях [1] развитие критического мышления традиционно связывается с так называемым проблемным обучением, под которым понимается «такая организация учеб-

ного процесса, которая предполагает создание в сознании учащегося под руководством учителя проблемных ситуаций и организацию активной самостоятельной деятельности учащихся по их разрешению, в результате чего и происходит творческое овладение знаниями, умениями, навыками и развитие мыслительных способностей» [2, с. 61]. При этом «по содержанию решаемых проблем различают три вида проблемного обучения: решение научных проблем (научное творчество) – теоретическое исследование, т.е. поиск и открытие обучаемым нового правила, закона, доказательства; в основе этого вида проблемного обучения лежит постановка и решение теоретических учебных проблем; решение практических проблем (практическое творчество) – поиск практического решения, т.е. способа применения известного знания в новой ситуации, конструирование, изобретение; в основе этого вида проблемного обучения – постановка и решение практических учебных проблем; создание художественных решений (художественное творчество) – художественное отображение действительности на основе творческого воображения» [2, с. 62].

Проблемная ситуация создает своего рода интеллектуально-творческую задачу для личности обучающегося, когда он не может понять какие-либо явления, что побуждает его искать новые способы объяснения или действия, самостоятельного критического анализа, формулировки проблем, вариантов их решения (обоснование гипотезы и логики ее доказательства, проверки правильности пути решения и т.д.).

В условиях вуза проблемные ситуации [1] возникают при условиях, если студенты:

- не знают, как решить поставленную задачу, объяснить явления, факты, не могут дать ответ на проблемный вопрос;
- видят противоречие между достигнутым на практике результатом выполнения задания и отсутствием знаний для теоретического обоснования того результата;
- обнаруживают противоречие между теоретической возможностью дать ответ на проблемный вопрос и неэффективностью выбранного способа его решения;
- сталкиваются с необходимостью использовать полученные ранее знания в новых условиях.

Американские педагоги Дж. Стил, К. Мередит, Ч. Темпл, С. Уолтер пошли на дальнейшее усиление активной роли обучающегося в проблемном обучении и разработали структуру технологии развития критического мышления, состоящую из трех стадий: вызова, осмысления содержания и рефлексии.

Вслед за американскими коллегами российские педагоги и исследователи С.И. Заир-Бек и И.В. Муштавинская представили образовательную технологию развития критического мышления в виде следующих этапов [3, с. 11-14]:

1) вызов (evocation): актуализация имеющихся знаний; пробуждение интереса к получению новой информации; постановка обучающимся собственных целей обучения (если представить возможность студенту проанализировать то, что он уже знает по изучаемой теме, это создаст дополнительный стимул для формулировки им собственных целей-мотивов. Именно эта задача решается на стадии вызова);

2) осмысление содержания (realization of meaning): получение новой информации; корректировка студентом поставленных целей обучения;

3) рефлексия (reflection): размышление, рождение нового знания; постановка студентом новых целей обучения.

В процессе занятий в аудитории «рефлексивный анализ» направлен на прояснение смысла нового материала, построение дальнейшего маршрута обучения (это понятно, это непонятно, об этом необходимо узнать еще, по этому поводу лучше бы задать вопрос и т.д.).

Именно в процессе вербализации хаос мыслей, возникающий в сознании на стадии осмысления, структурируется, превращается в новое знание. Возникшие вопросы или сомнения могут быть разрешимы. Кроме того, в процессе обмена мнениями по поводу прочитанного или услышанного студенты имеют возможность осознавать, что один и тот же текст может вызывать различные оценки, отличающиеся по форме и по содержанию. Некоторые из суждений других студентов могут оказаться вполне приемлемыми для принятия их как своих собственных. Другие суждения вызывают потребность в дискуссии [3, с. 19].

Деятельность педагога на первой стадии направлена на актуализацию у аудитории уже имеющихся знаний по изучаемому вопросу, на активизацию деятельности, мотивацию к дальнейшей работе. В ответ на это студент, работая в группах, парами или индивидуально, вспоминают известную им информацию по данному вопросу, систематизируют ее, выдвигают те или иные предположения, задают вопросы. Возможные технологические приемы: составление списка «известной информации»; рассказ-предположение по ключевым словам; систематизация (в том числе – графическая) материала (кластеры, таблицы); набор верных и неверных утверждений, перепутанных логических цепочек и т.д. Все это обсуждается на занятии. В процессе реализации стадии вызова важно:

1) давать студентам возможность высказывать свою точку зрения по поводу изучаемой темы свободно, без боязни ошибиться и быть исправленным преподавателем;

2) фиксировать все высказывания: любое из них будет важным для дальнейшей работы. При этом на данном этапе нет «правильных» или «неправильных» высказываний;

3) сочетать индивидуальную и групповую работу: индивидуальная позволит каждому студенту актуализировать свои знания и опыт; групповая – услышать другие мнения, изложить свою точку зрения без риска ошибиться. Обмен мнениями может способствовать выработке новых идей [3, с. 15].

Деятельность педагога на второй стадии направлена на сохранение интереса к теме занятия, на постепенное продвижение от «старого» к «новому».

Студенты читают/воспринимают тексты, ведут записи по мере их осмысления, получения новой информации, ищут ответы на поставленные на первой стадии вопросы. Для восприятия и анализа текстов используются методы активного чтения: маркировка с использованием значков (+ ? – и др.), ведение записей типа дневника или «бортового журнала».

В процессе восприятия текста студенты могут делать пометки (например, маркировку на полях печатного листа): V (уже знал); + (новое); – (думал/ю иначе); ? (не понял, есть вопросы, желание узнать больше, подробнее).

Потом на основе этих знаковых пометок составляются таблицы. Естественно, можно использовать как один знак, так и несколько сразу, если, например, новая информация в тексте вызывает вопросы.

На третьей стадии педагог возвращает студентов к их первоначальным записям и предположениям, побуждает их к дополнениям, дает исследовательские, творческие задания на основе изученного. Аудитория соотносит «новую» и «старую» информацию, используя знания, полученные на предыдущей стадии. Возможные технологические приемы: заполнение кластеров, таблиц; установление причинно-следственной связи между блоками информации; возврат к ключевым словам, верным и неверным утверждениям; ответы на поставленные в начале занятия вопросы; организация «круглых столов»; дискуссии; написание творческих работ; дополнительные исследования отдельных вопросов темы и т.д. [3, с. 12-13].

Образовательная технология развития критического мышления на всех этапах предусматривает толерантное, уважительное отношение педагога и аудитории к любым высказанным мнениям, пусть даже абсолютно неверным.

Способность к критическому мышлению формируется у студентов в активном участии различных формах живого речевого общения. Учебный процесс, опирающийся на использование методов и форм проблемного обучения, организуется с учетом включенности в процесс познания всех студентов без исключения. Совместная деятельность означает, что каждый вносит свой особый индивидуальный вклад, в ходе работы идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Организуются индивидуальные, парная и групповая работа, используется проектная работа, ролевые игры, осуществляется работа с документами и различными источниками информации. Интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия, активности обучаемых, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи. Создается среда образовательного общения, которая характеризуется открытостью, взаимодействием участников, равенством их аргументов, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и контроля [4].

Библиографический список

1. Махмутов, М.И. Организация проблемного обучения. – М., 1977.
2. Селевко, Г.К. Проблемное обучение // Школьные технологии. – 2006. – № 2.
3. Заир-Бек, С.И. Развитие критического мышления на уроке / С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская. – М., 2004.
4. Куткина, О.П. Педагогические условия формирования медиакомпетентности будущих библиотечно-информационных специалистов: дис. ... канд. пед. наук. – Барнаул, 2006.

Bibliography

1. Makhmutov, M.I. Organizaciya problemnogo obucheniya. – M., 1977.
2. Selevko, G.K. Problemnoe obuchenie // Shkoljnihe tehnologii. – 2006. – № 2.
3. Zair-Bek, S.I. Razvitiye kriticheskogo mihsleniya na uroke / S.I. Zair-Bek, I.V. Mushtavinskaya. – M., 2004.
4. Kutjkina, O.P. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya mediakompetentnosti budutikh bibliotечно-informacionnihk specialistov: dis. ... kand. ped. nauk. – Barnaul, 2006.

Статья поступила в редакцию 05.10.13

УДК 374

Heckman N.A. HISTORICAL AND CULTURAL CONSTANTS GAME DEVELOPMENT AS A BASIS.THE OPERATIONAL CONCEPT OF «GAME RITUAL». The article examines the relationship of concepts play, ritual, worship and magic. Based on the analysis of the relationship of these concepts developed an operational concept of «game ritual».

Key words: game, game activity, personality, creation, leisure, ceremonial, ritual, historical and cultural analysis.

Н.А. Гекман, аспирант АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: belka0601@yandex.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ ИГРЫ КАК ОСНОВА РАЗРАБОТКИ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ «ИГРОВОЙ РИТУАЛ»

В статье рассматривается связь понятий игра, ритуал, культ и магия. На основе анализа связи этих понятий разрабатывается операциональное понятие «игровой ритуал».

Ключевые слова: игра, игровая деятельность, личность, творчество, досуг, обряд, ритуал, историко-культурный анализ.

В теории и практике развития сферы культуры и досуга игра наряду с праздником занимает центральное место. Проанализируем игру как феномен культуры, человеческой деятельности и общения на основе культурно-исторического, философского и социоатрибутивного подходов. Кроме того, рассмотрим игру как атрибут досуга.

Чтобы понять и определить, что такое игра, обратимся к работам культурологов, философов, психологов, педагогов. По мнению Г.В. Олениной, к анализу игры отечественные и зарубежные исследователи подходят по-разному: в зависимости от методологии, существующей в каждой конкретной отрасли науки о человеке и обществе в определенный исторический период [1]. Существует теория игры – комплекс научных концепций и конкретных методик игровой деятельности, построенный на различных подходах: философском, эстетическом, психологическом, лингво-семиотическом и др. Культурологический подход к изучению игры включает те концепции, которые рассматривают игру как основу возникновения и функционирования всей культуры или ее отдельных форм (И. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Гадамер) [2; 3; 4]. В отечественной научной традиции игра изучалась в рамках деятельностного и системного подходов в философии, культурологии и возрастной психологии (М. Каган, А. Леонтьев, Д. Эльконин, Л. Выготский и др.) [5; 6; 7; 8].

М.С. Каган отмечает объективные трудности при изучении игры, поскольку игра – это собирательное понятие, которым обозначают различные формы деятельности (игра в домино, игра младенца с игрушкой, игра в театре). Выделяя обобщающие признаки игры, исследователи обычно таковыми считают незаинтересованное отношение к результату игры, сосредоточенность играющих не на результате, а на процессе. «Между тем, – отмечает М.С. Каган в работе «Человеческая деятельность. Опыт системного анализа», – в игре проблема выигрыша часто имеет весьма существенное значение, а больший интерес к процессу, чем к результату деятельности может быть и в искусстве, и в науке» [9]. По мнению М.С. Кагана, следует говорить об игре в широком и узком смысле слова, различая игровую модальность любого вида деятельности и игру как конкретную форму действия человека.

Рассматривая происхождение игры, Санкт-Петербургский культуролог отмечает, что игра представляет собой культурный феномен и тем самым существенно отличается от игры животных, хотя между ними есть определенная связь. Но у человека игра порождена не биологическими, а социальными типами жизнедеятельности. Поэтому игра человека есть подлинная культурная ценность, способствующая укреплению контактов между людьми на социальном уровне.

Происхождение игры тесно связано с происхождением искусства. С точки зрения М.С. Кагана, игра-искусство – первоначальная синкретическая деятельность, из которой постепенно вычлениются и обособляются чисто драматизированное действие как форма перехода к эстетической деятельности и чистая игра, игра как таковая, то есть игра с правилами. Об этом же пишут психологи Д.Б. Эльконин [7] и Л.С. Рубинштейн, исследуя происхождение детской игры.

М.С. Каган дает определение чистой игры, т.е. игры с правилами, как «ряда самоцельных и самодовлеющих действий, не являющихся отражением жизненной реальности, а замкнутых в пределах обусловленной некими условными правилами специфической формы общения людей» [9]. Игра, по М.С. Кагану, есть материальное проявление общения людей, которое в игре приобретает специфический характер общения ради общения. Даже когда играющий стремится победить партнера, его действия остаются в пределах сферы общения. Ведь победа в игре, в отличие от победы на войне, не ведет к уничтожению или преобразованию противника, а является лишь утверждением превосходства победившего на данном коммуникативном направлении и поэтому требует и допускает все новых и новых состязаний между партнерами.

Изучая игру с позиций видов и разновидностей общения в монографии «Мир общения. Проблема межсубъектных отношений», М.С. Каган отмечает, что «игра – это практически-духовная форма общения реального субъекта с реальным партнером (виртуальные игры ученым еще не рассматривались). Кроме игры, к такому виду общения относится и обряд, но в отличие от обряда, где участники выполняют определенную, предписанную структурой обряда роль, в игре игроки представляют самих себя [5].

Игра, по мнению М.С. Кагана, является моделью человеческой деятельности, а точнее – духовно-практической моделью человеческого общения. Поскольку общение является необходимой стороной всей практической деятельности человека, оно не может не воспроизводиться в символическом поведении человека, моделирующем человеческую практику.

Что в игре выражает духовную сторону общения? Духовное в игре проявляется как иллюзорное игровое моделирование тех или иных практических действий – иногда конкретных, например: игра в войну, в дочки-матери; иногда лишь общих принципов практической деятельности: противоборство; сотрудничество; состязание; взаимодействие.

Что в игре представляет материальную сторону общения? Игра в чистом виде, то есть с правилами по поведенческому составу – форма общения людей, выраженная практически действенно, но практика эта – мнима, т.к. здесь происходит игра в практику, и общение предстает как моделирование реальных жизненных процессов, как символически преображенная практика. Анализируя структуру игрового общения, М.С. Каган отмечает, что в содержании практически-духовных форм общения – два слоя. Первый – психологический, второй – информационный (символический). В игре информация, в отличие от искусства, не выражается, а воспроизводится. Это воспроизведение вариативно, в игре его результат неизвестен. И весь смысл игры – в этой неизвестности. Победа одного – это лишь качественное варьирование существующих принципов игрового общения. Содержание психологического слоя строится на соотношении эмоционального и интеллектуального факторов. В игре партнеры могут не испытывать друг к другу эмоционального влечения, но им необходимо интеллектуальное понимание правил и действий партнеров и противников. Санкт-петербургский культуролог отмечает, что если игра – это практически-духовная форма общения, то примером практического игрового общения могут служить командные спортивные игры, а примером духовно-информационного игрового общения служат командные игры по типу «КВН». Командные игры ученых рассматривают как модель представительского игрового общения. Цель представительского общения – повысить меру общности представляемых участниками общения социальных групп или социальных институтов.

Л.Н. Столович рассматривает игру в аспекте ее отношения к творчеству и искусству. Исследователь выделяет гедонистическую, рекреационную и эвристическую функции игры. Последняя понимается как источник творческой энергии [10].

Определение игры (по Г.В. Олениной) [1]: это форма деятельности людей (детей и взрослых), практически-духовная форма их общения, которая протекает как процесс ролевой коммуникации не в реальной, а вымышленной ситуации на основе правил для достижения игрового результата – как выигрыша одной из сторон, и служит проверке знания и приобретению опыта играющими в ситуации сотрудничества и/или противоборства, что способствует гедонизму, эвристичности, отчасти рекреационности общения и укреплению социально-культурных контактов между играющими на основе установления различий между ними.

Рассмотрим игру как атрибут досуга. Э.В. Соколов выделяет шесть фаз или уровней досуга, которые В.В. Туев назвал «лестницей досуга по Э.В. Соколову», и в основе которых лежат потребности человека, реализуемые в досуговой деятельности. Это фазы:

- 1) отдых и движение, целью которых является релаксация;
- 2) развлечение и игра с целью смены видов деятельности и впечатлений;
- 3) просвещение с целью познания вообще и систематизации этих знаний в частности;
- 4) творчество как созидание, проектирование изменений, новшеств, а также самосозидание, самореализация;
- 5) созерцание с целью анализа жизни, гармонизация, самоанализа;
- 6) праздник как свободное общение свободных людей, как завершающая форма досуга, яркий феномен культуры, в котором сочетаются и отдых от трудов, развлечение и игра, творчество, просвещение [11].

Историко-культурный метод в анализе сущности и специфики игры, предпринятый Э.В. Соколовым, позволил выделить философский, культурологический, психологический и эстетический аспекты в исследовании игры.

В философском аспекте игра предстает как характерный признак развитого досуга и одновременно как альтернатива, с одной стороны, труда (где труд – это серьезная рационально-продуктивная деятельность), с другой – безделья (как потреби-

тельского существования). Если в труде, считает Э.В. Соколов, человек преобразует внешний мир, создает культуру, и вместе с тем специализируется, то есть становится человеком частичным, то в игре он гармонично активизирует весь спектр родовых и видовых потенций, то есть игра воссоздает целостность бытия человека.

Культурологический и психологический аспект рассмотрения игры, позволяет отметить, что игра, по Э.В. Соколову, пронизывает все шесть фаз (уровней) досуга человека. Это происходит потому, что психологической основой досуга является переживание досуговой деятельности как самоценной и самоцельной. Такое переживание органически связано с игровым ощущением, игровым поведением и символикой, которая пронизывает все шесть уровней досуговой деятельности.

Обратимся к определению понятий «игра» и «ритуал». Как указывается в энциклопедических изданиях «игра – это вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в её результатах, а в самом процессе. В истории человеческой деятельности переплеталась с магией, культовым поведением; тесно связана со спортом, военными и другими тренировками, искусством (особенно его исполнительскими формами), имеет важное значение в воспитании, развитии и обучении детей» [12, с. 475].

То обстоятельство, что в истории человеческой деятельности игра переплеталась с магией и культовым поведением, заставляет проанализировать содержание этих понятий и убедиться, что магия и культовое поведение человека, рождаются вначале на основе мифологического сознания, а затем с его распадом возникают ритуал и обряд.

Магия (с греч. – колдовство, волшебство) – «способ взаимодействия с миром сверхчувственного посредством определенных символических действий и вербальных формул с целью достижения конкретных эмпирических результатов» [13, с. 247].

Куль (от лат. – «почитание») – 1) совокупность способов взаимодействия с сакральным объектом; 2) синоним религиозного ритуала, где помимо священного смысла вырабатываются стандарты поведения, отношения к тем или иным объектам не только в сакральном измерении, но и в повседневности [12, с. 208].

Анализируя содержание понятий «магия» и «культ», мы приходим к выводу о том, что, во-первых, это способы, своеобразные инструменты регулирования отношений человека, погруженного в эмпирическую деятельность, повседневность, с другим миром – миром таинственного, сверхчувственного, миром высших духовных смыслов, сакральных (священных) объектов, требующих особых символических действий, вербальных формул, формирующих нужные стандарты повседневного поведения человека. Во-вторых, в основе магии и культа находится ритуал, включающий особые символические действия и вербальные формулы.

Ритуал (от лат. – обрядовый), «вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий (в том числе речевых); выражает определенные социальные и культурные взаимоотношения, ценности. Ритуал играет важную роль в истории общества как традиционно выработанный метод социального воспитания. В современном обществе сохраняется главным образом в области церемониальных форм официального поведения и бытовых отношений (гражданская обрядность, этикет, дипломатический протокол и т.д.)» [12, с. 1128].

«Энциклопедический словарь по культурологии» более позднего издания (1997), чем «Советский энциклопедический словарь» (1987) объясняет, что ритуалы и обряды являются не просто «традиционными символическими формами совместного переживания значимых событий личной и общественной жизни» [13, с. 289], но являются «традиционными действиями, заключающимися в символическом представлении и психологической актуализации высших (в том числе священных) смыслов человеческого бытия..., характеризующиеся связью сферы повседневной жизни с сферой священного и божественного (предками, богами, демонами, судьбой). Обряд возникает в мифологии, но с разложением мифа как доминирующей формы культуры, обряд был унаследован религией и традиционной народной культурой» [13, с. 289]. Главное, что важно для нашего исследования, обряды и ритуалы «играли и играют важную роль в сплочении людей и психологическом закреплении соответствующих культурных идеалов, целей и отношений. Эту роль обряды вы-

полняют благодаря воздействию на бессознательную сторону человеческой души» [13, с. 289].

Итак, работая над определением понятия «игровой ритуал», мы должны отметить, что на основе культурно-исторического методологического подхода, мы пришли к выводу о тесном переплетении и взаимосвязи в истории человеческого общества игры, магии, культа, ритуала (обряда).

И ритуал и игра – вид непродуктивной человеческой деятельности, но результаты их связаны с воспитанием человека, регулированием его поведения. В ритуале – магические, культовые действия, слова глубоко символичны, поскольку связаны с таинственным миром высшей духовности, высоких духовных ценностей, миром священного, но направлены эти действия и слова на достижение эмпирических результатов, связанных с миром повседневности, с человеческим поведением. И ритуал, и игра сопровождают человека, его бытие, уже многие тысячелетия.

Онтологический анализ игры (Л.Т. Ретюнских) [14] помогает уяснить, что в игре игровые действия и слова условны, вымышлены, связаны с миром таинственного, но конкретное культовое наполнение уже утратили. Вымышленные обстоятельства рожают второй план игры, замещающий первый – реальную ситуацию, из которой играющий человек начинает игру, вступает в игровое взаимодействие.

Табу (система запретов), которыми ритуал регулирует поведение, в игре становятся правилами взаимодействия играющих. Смысл того, что происходит с играющими – это испытание. Испытания являются основой ритуалов (обрядов) инициации. Но в игре это проверка их личностных и/или командных качеств – смекалки, решительности, смелости, ловкости, быстроты, сплоченности, умения защитить «своих», перехитрить (но в рамках правил) «чужих» и т.д.

Процесс действия в игре (её сюжет) определяется противостоянием сторон (человека/группы людей), или противостоянием человека и обстоятельств, их противоборством на пути достижения результата (победы, выигрыша). Сделать этот путь простым – наполненным препятствиями и запретами (правилами) задача того, кто организует игру. Поскольку и жизненный путь человека, которого с помощью игры готовят к взрослой жизни, не будет простым.

Отличие игры от ритуала (магии, культа) в том, что в игре есть не только ограничения, передача культурного традиционного опыта и пассивное усвоение этого опыта представителями нового поколения, как это происходит в ритуале, но свобода в выборе тактики поведения, согласно выбранной (или назначенной) роли и в рамках правил, а также – гедонистический (радостный, мажорный) настрой игры (который есть далеко не во всех ритуалах, а во многих вместо радости преобладает страх, чувство вины, печаль потери и т.д.).

Этот мажорный настрой определяет ситуация противостояния с противником и возможность (в ситуации риска) достичь победы. Риск рождает азарт, экстремальную сторону игрового взаимодействия. Это заставляет «включаться» эмоциональную сферу человека играющего, поэтому победа в игре надолго запоминается, по эмоциональному переживанию победы в игре часто бывают сильнее окрашены, нежели реальные жизненные достижения, которые были получены без риска, в ситуации стабильного движения человека к намеченной цели.

Таким образом, игра и ритуал регулируют поведение человека, но делают это по-разному, поскольку игра не только соотносится с ритуалом, но и существенно отличается от него – степенью свободы человека в игровом пространстве, риском, азартом эмоциональных проявлений, что существенно влияет на мотивацию игры, делает её интересной и привлекательной.

Для того, чтобы проверить сущностные качества игры как особого вида человеческой деятельности, сравним ее с такими древними видами человеческой деятельности, как искусство, спорт и война. С искусством игру объединяет наличие конфликта (противостояния), определенных ролей, в которых выступает играющий под руководством ведущего организатора игры (который тоже пребывает в какой-либо роли), двуплановости игрово-

го действия, где реальный план действий до игры и после неё заменяется условным (образным, вымышленным) планом, связанным с сюжетом игры. Со спортом и войной игру объединяет противостояние с соперником (противником), тактика и стратегия поведения играющих, определенные правила, которые нельзя нарушать в спорте, но они легко нарушаются в войне (коварство противника, его маневры, ловушки) в ходе достижения победы, а также риск и азарт спортивной борьбы или военного сражения.

С точки зрения нравственного потенциала педагогики игры, в работах Г.В. Олениной отмечается, что игра амбивалентна: с одной стороны, она демонстрирует и развивает волю к победе, честность, мастерство, благородство – это моральные ресурсы личности, с другой – азарт игры может разрушать личность, толкая её на безнравственные поступки [15, с. 36].

Анализ игры с точки зрения этики, нравственности строится с учетом отмеченного Й. Хейзингой высокой сложности, эфемерности, расплывчивости феномена игры, обуславливающего несводимость игры к противопоставлениям: добро и зло; истина и ложь; мудрость и глупость. Ценность игры, её способность развивать и воспитывать личность во многом зависят от мировоззренческих и нравственных позиций играющего и от гуманной ориентации игры [2, с. 60-68].

Историко-культурологический и философский (онтологический) анализ игры показывает, что игра активно существует в культуре XX века, хотя фольклорно-игровые формы культуры в условиях урбанизации подвержены свертыванию (стагнации). Но в городе игра становится явлением массовой культуры и досуга: в цирках, на стадионах, в парках, кинотеатрах, а в XXI веке игра активно используется в средствах массовой информации и в кибер-пространстве. Как отмечает Г.В. Оленина, транслируемая средствами массовой информации современная мода на игру развлекательную, коммерциализированную, акцентирующую негуманные способы соперничества не оставляет места игре творческой, гуманной, развивающей личность и культуру досуга. В то время, как организованный досуг ориентирован на поиск наиболее развивающих форм деятельности и наиболее ярко эти ориентации выражены в игре, когда игра-рекреация, игра-развлечение перерастает в игру-творчество, игру-обучение [15, с. 36].

Возвращаясь к определению понятия игровой ритуал, как центрального понятия темы данной работы, следует отметить, что философский (онтологический) анализ игры как специфической деятельности помог нам выявить постоянные элементы этой деятельности, определяющей её константы, инвариантную часть смыслов игры, и развертывание (развитие) их в пространстве и времени досуга человека играющего.

Мы видим, что такими историко-культурными константами игры, являются магия, культ и ритуал, с древних времен и до наших дней направленные на регуляцию поведения человека. Этой же функцией обладает и игра, но это не единственное, что объединяет её с ритуалом.

Главное, что важно отметить, в рамках данной работы, то, что игра как особый вид деятельности и общения строится на определенном ритуале незаменимых и неотменимых упорядоченных игровых действий и/или вербальных формул, составляющих определенный церемониал игры, определяющий её: 1) сюжет, роли участников и ведущего; 2) начало, цель, результат, способы его достижения согласно правилам, но не формирующий высокие духовные (сакральные) ценности в отличие от ритуала, а проверяющий наличие у играющих физические, моральные и интеллектуальные качества в ситуации испытания, противоборства, риска, что рождает азарт, являющийся эмоциональным энергетическим двигателем игры [19].

Таким образом, *церемониал игры, её специфические, но неотъемлемые, постоянно повторяющиеся торжественные ритуальные действия, утратившие прямую связь с культом, магией, сакральными смыслами, но подготавливающие человека играющего к ситуации риска, испытания, эмоционально-го накала чувств, и составляет сущность определения «игровые ритуалы».*

Библиографический список

1. Оленина, Г.В. Мастерство ведущего культурно-досуговых программ: мастерство ведущего информационно-просветительных программ. – Барнаул, 2009.
2. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.

4. Эльконин, Д.Б. Психология игры. – М., 1999.
5. Гадамер, Г.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988.
6. Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М., 1988.
7. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1965.
8. Выготский, Л.С. Психология. – М., 2002.
9. Каган, М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. – М., 1988.
10. Столович, Л.Н., Жизнь. Творчество. Человек. Функция художественной деятельности. – М., 1985.
11. Соколов, Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры. – Л., 1989.
12. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1989.
13. Энциклопедический словарь по культурологии / под общ. ред. А.А. Радугина. – М., 1997.
14. Ретюнский, Л.Т. Онтология игры: автореф. дис... д-ра филос. наук. – М., 1998.
15. Оленина, Г.В. Празднично-игровые технологии формирования культуры корпоративного досуга (на примере предприятий туристического бизнеса): монография / В. В. Медведенко, Г.В. Оленина. – Барнаул, 2009.
16. Выготский, Л.С. Педагогическая психология. – М., 1999.
17. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.
18. Ретюнский, Л.Т. Философия игры. – М., 2002.
19. Оленина, Г.В. Социальное творчество студенческой молодежи и педагогическая проблема его проектирования в сфере досуга // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3.

Bibliography

1. Olenina, G.V. Masterstvo veduthego kulturno-dosugovihkh programm: masterstvo veduthego informacionno-prosvetitel'nykh programm. – Barnaul, 2009.
2. Kheyzina, Yj. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya. – M., 1992.
3. Ortega-i-Gasset, Kh. Ehstetika. Filosofiya kul'tur. – M., 1991.
4. Ehlikonin, D.B. Psikhologiya igrih. – M., 1999.
5. Gadamer, G.G. Istina i metod. Osnovnih filosofskoy germenevtiki. – M., 1988.
6. Kagan, M.S. Mir obsheniya: problema mezhsuhb'ektnihkh otnosheniy. – M., 1988.
7. Leontjev, A.N. Problemih razvitiya psikhiki. – M., 1965.
8. Vihgotskiy, L.S. Psikhologiya. – M., 2002.
9. Kagan, M.S. Chelovecheskaya deyatel'nostj. Opiht sistemnogo analiza. – M., 1988.
10. Stolovich, L.N., Zhiznj. Tvorchestvo. Chelovek. Funkciya khudozhestvennoj deyatel'nosti. – M., 1985.
11. Sokolov, Eh.V. Ponyatie, suthnostj i osnovnihe funkcii kul'tur. – L., 1989.
12. Sovetskiy ehnciklopedicheskiy slovarj / gl. red. A.M. Prokhorov. – M., 1989.
13. Ehnciklopedicheskiy slovarj po kul'turologii / pod obth. red. A.A. Radugina. – M., 1997.
14. Retyunskikh, L.T. Ontologiya igrih: avtoref. dis... d-ra filos. nauk. – M., 1998.
15. Olenina, G.V. Prazdnichno-igrovihe tekhnologii formirovaniya kul'tur. korporativnogo dosuga (na primere predpriyatij turisticheskogo biznesa): monografiya / V. V. Medvedenko, G.V. Olenina. – Barnaul, 2009.
16. Vihgotskiy, L.S. Pedagogicheskaya psikhologiya. – M., 1999.
17. Leontjev, A.N. Deyatel'nostj. Soznanie. Lichnostj. – M., 1977.
18. Retyunskikh, L.T. Filosofiya igrih. – M., 2002.
19. Olenina, G.V. Social'noe tvorchestvo studencheskoj molodezhi i pedagogicheskaya problema ego proektirovaniya v sfere dosuga // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2013. – № 3.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 379.81

Frolova A.S. RURAL POPULATION'S LEISURE OPTIMIZATION ON BASIS OF MUNICIPAL CULTURAL ORGANIZATIONS ACTIVITY INTEGRATION. The article is focused on scientific understanding of nature, constructive potential and prospects of integrated interaction of domestic rural municipal cultural institutions. The author explains the choice of the term "integration" for the description of the phenomenon. The article also describes the results of the investigation of integration processes among municipal rural institutions of culture and leisure in the Altai region.

Key words: integration, municipal cultural institutions, house of culture, libraries, museums, leisure activity of municipal community.

A.S. Фролова, аспирант АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: rus.librarian@yandex.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ДОСУГА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ДОСУГА

В работе предпринята попытка научного осмысления природы, конструктивного потенциала и перспектив развития интегрированного взаимодействия отечественных муниципальных сельских учреждений культуры. Обосновывается выбор термина «интеграция» для обозначения изучаемого явления. Приводятся полученные в ходе проведения исследовательских мероприятий результаты изучения состояния интеграционных процессов между учреждениями культуры и досуга сельских муниципалитетов Алтайского края.

Ключевые слова: интеграция, муниципальные учреждения культуры, дома культуры, библиотеки, музеи, досуг сельского населения.

В период последних десятилетий социально-культурная ситуация в масштабах отечественных сельских муниципальных образований под воздействием интенсивных трансформационных процессов претерпела значительные изменения. Генезис перемени детерминирован совокупным действием ряда факторов, среди которых, наряду со стихийными коммерциализацией и либерализацией сферы культуры, особое место принадлежит форме местного самоуправления.

Юридическую базу муниципализации составляют Конституция Российской Федерации [1] и Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. В соответствии с положениями указанных документов в России осуществлена передача учреждений культуры и досуга – клубных учреждений, библиотек, музеев, домов и центров творчества, художественных и музыкальных школ и др. – в распоряжение ме-

стных органов власти, которая внесла существенные коррективы в их работу. Серьезной причиной возникновения сложности явился процесс перераспределения полномочий по организации, регулированию и контролю работы учреждений культуры в пользу муниципалитетов. Местные власти столкнулись с затруднениями по их исполнению в связи с отсутствием на то достаточных финансовых средств. В ряде случаев это явилось причиной закрытия властями части учреждений культуры [3; 4], оттока из отрасли кадров, старения материально-технической базы и пр. Среди прочих причин можно обозначить также профессиональную пассивность в работе учреждений, излишнюю приверженность специалистов к традиционализму в работе. Результатом совокупного действия этих факторов становится угроза возникновения тенденции к утрате учреждениями культуры способности качественного удовлетворения разнообразных социально-культурных потребностей различных категорий современной аудитории.

Модифицирующая сила, неизменно сопровождающая всякое преобразовательное мероприятие, спровоцировала глубокую перемену привычного характера деятельности структур сельской муниципальной культурной сферы в широком спектре оснований её реализации: от формально-конституционного до содержательно-целевого, чем и подтолкнула профессиональное и научное сообщество к напряженному поиску приемлемых вариантов устойчивого существования и благополучного функционирования общедоступных учреждений отрасли.

Важен выбор такого направления развития, которое бы учитывало необходимость продуктивной адаптации к произошедшим изменениям и имело в перспективе предпосылки к повышению эффективности деятельности учреждений культуры и досуга, укреплению стабильности всей социально-культурной сферы. В изменившихся условиях возникает необходимость утверждения более значимой роли учреждений культуры в жизни муниципального образования, презентации их потенциала для обоснования способности к участию в эффективном решении задач муниципального масштаба. В связи с этим представляется актуальной оценка возможностей и перспектив системной организации социально-культурной деятельности, предусматривающей укрепление культурно-досуговой сферы за счет построения модели полисубъектного участия в процессе продуцирования конечного результата.

Речь идет об интеграции, понимаемой как процесс взаимного сближения и образования взаимосвязей между субъектами отношений – учреждениями культуры и досуга (домами культуры, библиотеками, музеями, центрами народного творчества, выставочными залами и др.) – в достижении общих целей. Каждый из партнеров-субъектов интеграционных процессов обладает своими преимуществами, объединенное, комплексное использование которых на практике позволяет более эффективно углублять содержание и обновлять формы общения с аудиторией, создавать комфортную социально-культурную среду, отвечающую разнообразным интересам и требованиям. Значительным достоинством полисубъектной организации функционирования социально-культурной сферы является обеспечение предоставления населению качественно более совершенного культурного продукта как итога немеханического суммирования усилий нескольких структур сферы культуры.

Выбор термина «интеграция» не случаен. По нашему мнению, именно он наиболее верно подходит для отражения содержания рассматриваемого предмета, в отличие от, например, таких категорий, как «взаимодействие», «сотрудничество» или «партнёрство». На первый взгляд, употреблением любого из трёх вышеперечисленных слов можно без ущерба для полноты вербальной презентации явления наименовать отношения между субъектами профессиональных контактов. Однако, это не так.

В целях исключения ошибочного представления о полной синонимии ряда указанных терминов, необходимо, кратко рассмотрев содержание каждого из них, выявить оттенки их различия и зафиксировать употреблением наиболее подходящий.

Итак, категорией «взаимодействие» обозначается широкое понятие «связи явлений» [5], а также «процессов воздействия объектов друг на друга, их взаимной обусловленности и порождения одним объектом другого» [6]. К синонимической линии этой лексической единицы относят «взаимосвязь».

Понятие «сотрудничество» употребляется для обозначения «участия в общем деле, совместных действий» [7]. Этимология слова восходит к др.-рус. «трудъ» – работа, рвение, забота [7].

Схожие по смыслу слова и выражения – коллаборация, соучастие, содействие, взаимная поддержка.

Содержание термина «партнёрство» в словарно-энциклопедической традиции выражается через категорию и формы, и процесса. Существует, например, взгляд на партнёрство как на «систему взаимоотношений между партнёрами» [8], форму экономически цивилизованных отношений, «совместную деятельность, основанную на правах и обязанностях, направленную на достижение общей цели» [9], реализуемую на базе договора. В юридическом смысле социальным партнёрством обычно обозначают «процесс согласования интересов, создания единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, соблюдающие общие партнёрские нормы, взаимные договорённости» [10]. Этимология термина относится к фр. «*paternaire*» – партнёр из лат. «*partire*» – делить. К словам-синонимам относятся «сообщничество», «товарищество».

Анализ понятия «интеграция» (от лат. «*integrum*» – целое; лат. «*integratio*» – восстановление, восполнение) позволяет отнести его к терминологическому ряду теории систем, определять его через категорию, как процесса, так и результата. Интеграцией обозначают процесс «объединения отдельных, самостоятельных полностью или относительно объектов... в единую, цельную систему, в которой все происходит по общей согласованности и взаимозависимости» [11]. Этой дефиницией также именуют конечный результат «слияния в одно целое» дифференцированно существующих частей [12]. По мнению ученых, интеграция есть взаимное «прорастание», «тесный симбиоз организмов» (Г.Д. Гачев и др.); стержневой фактор соблюдения единства духовной культуры, способной дать образ Целого (Г.Д. Гачев) и пр. В литературе (например, В.И. Солодухин) интеграция рассматривается как вариант партнёрства, позволяющего участникам реализовать общую деятельность, как средство максимизации конечного эффекта за счет объединения ресурсов и усилий субъектов [13].

По итогам беглого обзора содержания понятий становится очевидным наличие в каждом из рассмотренных особых черт, позволяющих ощутить его отличие от прочих. Благодаря вводу критерия величины концентрации специфического смысла глубины связи субъектов процесса взаимоотношения, между рассматриваемыми терминами можно наметить контуры логического отношения «часть-целое». В таком свете наиболее общим понятием считаем «взаимодействие», более узким – «сотрудничество», далее – «партнёрство», а как наиболее насыщенным указанным значением – «интеграцию» (рис. 1):

На основании вышеизложенной аргументации дефиниция «интеграция» признаётся нами в качестве наиболее подходящей для обозначения способа осуществления партнёрства, имеющего целью увеличение объема и улучшение качества культурных услуг при снижении затрат на их «производство» посредством объединения ресурсов субъектов сотрудничества.

Необходимость сохранения и наращивания устойчивости позиций общедоступных структур культурно-досугового профиля как субъектов социально-культурной поддержки социально и духовно ослабленных групп населения и генеральных стабилизаторов общественной жизни, проводников документированной и неопредмеченной духовной и культурной памяти, приобретает значение стратегической ценности в свете ряда проблем, заявивших о себе в последнее время с особенной остротой. Среди прочих, например, системная деформация уклада жизни, спровоцированная экстремальным либерально-рыночным реформированием и повлекшая за собой системные кризисы и конфликты личной и общественной ориентации; эскалация процессов девальвации социокультурных норм и идеалов, детерминирующая масштабное распространение девиантогенных субкультур; профанирование авторитета духовно-нравственной сферы деятельности вкпе с культивированием инертно-компромиссного отношения широкой общественности к духовным аномалиям, постулированием нормативного статуса последних; захват коммерциализованными каналами массовой коммуникации ключевых позиций в системе циркуляции социально одобряемых норм и правил с целью ангажированной генерации и широкой трансляции поведенческих моделей, подчёркнуто конфликтных традиционным национально-ориентированным системно ценностных координат и др. (С.И. Григорьев и др.) [14].

Очевидно, современность ставит перед отечественными социальными институтами, призванными по существу выполнять роль стабилизаторов течения общественной жизни, задачи ре-

Рис. 1. Графическое изображение соотношения категорий, употребляемых для вербальной конкретизации степени приближения контактирующих субъектов

шения проблем качественно нового наполнения. Этот факт сам по себе свидетельствует о назревшей необходимости в жёсткой ревизии походов к оценке успешности реализации бытующей практики муниципальной культурно-досуговой деятельности. Результатом ревизии должна стать выработка предложений по обновлению программы функционирования институционализированных субъектов культурной среды с обязательным расчётом на результат усиления общего положительного культурно-досугового эффекта в работе. В связи с этим, мы считаем интеграцию деятельности структур муниципальной сферы культуры важным условием максимизации общего эффекта социально-культурной поддержки, оказываемой ими населению.

Известно, что учреждениям культуры удается достичь наивысшего сосредоточения силы своего влияния в системе досугового времени человека.

Досугом называется время, свободное от необходимого труда в сфере общественного производства, а также от воспроизводства человеком своих жизненных функций в рамках домашнего хозяйства и социальных отношений [15, с. 5]. По мнению М.А. Ариарского, досуг – это часть свободного времени человека, «обеспечивающая отдых, органично совмещённый с разносторонним физическим и духовным развитием личности» [16, с. 386]. Высокая значимость досуговых занятий определяется их направленностью на ввод личности в систему вращения культурных ценностей, «помогают их освоению, служат целям гармоничного развития личности» [16, с. 388]. Время досуга – территория для саморазвития, самовоспитания, энергичной социализации посредством приобретения знаний, опыта, навыков и в этом значении, по мысли М.С. Кагана, досуговая область есть площадка перманентного антропогенеза [17, с. 102].

Теоретиками социально-культурной деятельности (Л.А. Акимовой и Ю.А. Стрельцовым) подчеркивается парадоксальность феномена досуга: «во-первых, это время; во-вторых, это деятельность и поведение; в-третьих, это особое физиологическое состояние человека, которое можно обозначить понятием «рекреация» (от лат. *rekreatio* – возвращение к здоровью, восстановление)» [18, с. 10]. Рекреационный эффект досуга, по Г. А. Аванесовой, проявляется в возникновении у человека чувств бодрости, удовлетворения от проведенного отдыха, обретении состояния психофизического комфорта, появлении ощущения баланса «эмоциональных и социокультурных» [18, с. 11] нагрузок, осознании готовности «к новым нагрузкам» [18, с. 11]. И если недостатка в областях затрат человеком своих сил нет, то спектр источников их восстановления сравнительно не велик. Среди них – досуг, который благодаря своему очевидно значительному оздоровительному и рекреативному потенциалу и ресурсу социокультурного развития человека, приобретает исключительное положение в системе эффективных механизмов, инструментов и способов организации процессов воссоздания нормальных объемов физических, душевных и социальных сил личности и общества.

Согласно содержанию комплексной модели досуга, предложенной Ю.А. Стрельцовым, в структуру досуга входят: приобретение к культурным ценностям (чтение, посещение культурно-досуговых учреждений), самообразование, досуговое общение, культурно-оздоровительные занятия [цит. по 19, с. 30].

В зависимости от качества наполнения, досуговая деятельность может носить либо социально одобряемый, либо противоположный характер. Риск последнегократно усиливается в случае предпочтения субъектом стихийного, бессистемного, лишённого тщательно продуманной целевой направленности варианта реализации персональных досуговых занятий. В ситуации «неразвитости конструктивных начал досуговой деятельности свободное времяпрепровождение превращается в фактор антикультуры, порождает условия для пьянства, наркомании, разврата» [16, с. 388]. Отсюда понятно, какое значение имеет прикладная культурология, раскрывающая «механизм рациональной организации досуга людей, обеспечение его педагогической направленности» [16, с. 388].

Задача разработки и трансляции социально-конструктивных досуговых установок личности и социума может и должна решаться средствами организационно-оформленных субъектов культурно-досуговой деятельности. В условиях сельского сообщества функции непосредственной системной организации досуга населения, обеспечения в рамках конкретного сельского муниципального образования реализацию деятельности в области государственной культурной политики принадлежат структурам муниципальной социально-культурной сферы: культурно-досуговым учреждениям (домам культуры (клубам), центрам детского и юношеского творчества, культурным, культурно-досуговым, информационно-досуговым, культурно-информационным, социально-культурным центрам, культурно-спортивным комплексам – обладающим и не обладающим статусом модельного учреждения), библиотекам (модельным, библиотекам-музеям, библиотечным пунктам выдачи литературы и др.), музеям (историко-краеведческим), домам ремесел, этнокультурным центрам, учреждениям, специализирующимся на экспонировании предметов художественной культуры (художественным галереям, выставочным залам), домам детского и молодежного творчества и др.

Таким образом, значимое место в ряду рекреационных площадок системы жизнеосуществления субъектов муниципального сообщества особое место занимает организационно оформленная социально-культурная деятельность. Нацеленность всех социально-культурных институтов на решение общекультурных задач определяет потребность в объединении потенциалов каждого учреждения и организации совместной работы на условиях взаимодополнения и компенсации. Интеграция приобретает статус обязательной предпосылки эффективного решения разнообразных и сложных социально-культурных проблем муниципального масштаба в контексте типичного для сельской местности дефицита кадровых, материально-технических, информаци-

онных и финансовых ресурсов. Интегрированное взаимодействие участников культурно-досугового процесса, обладающих организационным статусом, нацелено на усиление эффекта социально-культурной и духовной поддержки муниципального сообщества, на повышение эффективности функционирования всей муниципальной культурной системы, а, значит – позволит снять противоречие между культуросозидающим потенциалом организованных досуговых занятий, предлагаемых структурами социально-культурной сферы и его невостребованностью.

Интеграция деятельности институционализированных субъектов культурно-досуговой деятельности укрепляет положение досуга как социально открытой системы, исповедующей опору на традиции, «каноническое», осмысленно исключая стилистические, рискованно экспериментальные стили контактов с аудиторией, занимающейся разработкой и легитимиза-

цией эталонов культурной коммуникации, очищенных опытным знанием богатейшей традиции бытования учреждений культуры и досуга.

С целью научного осмысления проблем и перспектив интегрированного взаимодействия отечественных муниципальных сельских учреждений культуры и досуга был осуществлён анализ материалов профессиональной периодической печати, затрагивающих темы современных опыта и сложностей организации межучрежденческого взаимодействия. В состав подвергнутых анализу содержания изданий вошли журналы «Библиотечное дело», «Библиополе», «Библиосфера», «Библиотека», «Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации», «Клуб», «Мир музея», «Музей», «Справочник руководителя учреждения культуры» и др. с хронологическим охватом 1981-2012 гг.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации [Э/р]. – Р/д: http://www.constitution.ru/zip/constitution_rus.ZIP.
2. Федеральный закон № 131–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 6 октября 2003 г.) [Э/р]. – Р/д: <http://www.consultant.ru/files/popular/000057/zip/>
3. Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. Деятельность библиотек края в 2008 г. Аналитические и статистические материалы [Э/р]. – Р/д: <http://www.nlr.ru/nlr/div/nmo/zb/part/search.php?id=2063&r=2>.
4. Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. Основные цели и задачи библиотечной политики в регионе. Сотрудничество с органами государственной власти в 2007 г. [Э/р]. – Р/д: <http://www.nlr.ru/nlr/div/nmo/zb/lib/search.php?id=1844&r=4>.
5. Взаимодействие [Э/р]. – Р/д: ru.wiktionary.org/wiki/взаимодействие.
6. Взаимодействие [Э/р]. – Р/д: [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Взаимодействие_\(философ.\)](http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Взаимодействие_(философ.))
7. Сотрудничество [Э/р]. – Р/д: ru.wiktionary.org/wiki/сотрудничество
8. Партнерство [Э/р]. – Р/д: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/36671/партнерство>
9. Партнерство [Э/р]. – Р/д: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18915
10. Иванов, С.А. Проблемы современной цивилизации [Э/р]. – Р/д: <http://ecsocman.hse.ru/data/196/762/1219/007-Ivanov.pdf>.
11. Социальная интеграция [Э/р]. – Р/д: <http://www.integracia.ru/sotsialnaya-integratsiya.html>.
12. Главное о интеграции [Э/р]. – Р/д: <http://www.integracia.ru/glavnoe-o-integratsii.html>.
13. Солoduхин, В.И. Интеграция деятельности социально-культурных институтов в формировании специалистов этнокультурных объединений: системно-структурный подход: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2009.
14. Григорьев, С.И. Основы виталистской социологии XXI века. – М., 2007.
15. Стрельцов, Ю.А. Культурология досуга. – М., 2002.
16. Ариарский, М.А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. – М., 2008.
17. Оленина, Г.В. Социально-культурное проектирование и продвижение гражданских инициатив молодежи: история, теория, методология, практика. – Барнаул, 2012.
18. Аванесова, Г.А. Культурно-досуговая деятельность: теория и практика организации. – М., 2006.
19. Медведенко, В.В. Празднично-игровые технологии формирования корпоративного досуга (на примере предприятий туристического бизнеса) / В.В. Медведенко, Г.В. Оленина. – Барнаул, 2009.

Bibliography

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii [Eh/r]. – R/d: http://www.constitution.ru/zip/constitution_rus.ZIP.
2. Federal'nyj zakon № 131–FZ «Ob obshchih principakh organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» (v red. ot 6 oktyabrya 2003 g.) [Eh/r]. – R/d: <http://www.consultant.ru/files/popular/000057/zip/>
3. Altajskaya kraevaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. V.Ya. Shishkova. Deyatel'nostj bibliotek kraja v 2008 g. Analiticheskie i statisticheskie materialih [Eh/r]. – R/d: <http://www.nlr.ru/nlr/div/nmo/zb/part/search.php?id=2063&r=2>.
4. Altajskaya kraevaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. V.Ya. Shishkova. Osnovnihe celi i zadachi bibliotечноj politiki v regione. Sotrudnichestvo s organami gosudarstvennoj vlasti v 2007 g. [Eh/r]. – R/d: <http://www.nlr.ru/nlr/div/nmo/zb/lib/search.php?id=1844&r=4>.
5. Vzaimodejstvie [Eh/r]. – R/d: ru.wiktionary.org/wiki/vzaimodejstvie.
6. Vzaimodejstvie [Eh/r]. – R/d: [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Взaimodejstvie_\(философ.\)](http://slovari.yandex.ru/~kниги/БСЭ/Взaimodejstvie_(философ.))
7. Sotrudnichestvo [Eh/r]. – R/d: ru.wiktionary.org/wiki/sotrudnichestvo
8. Partnerstvo [Eh/r]. – R/d: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/36671/partnerstvo>
9. Partnerstvo [Eh/r]. – R/d: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18915
10. Ivanov, S.A. Problemih sovremennoj civilizacii [Eh/r]. – R/d: <http://ecsocman.hse.ru/data/196/762/1219/007-Ivanov.pdf>.
11. Social'naya integraciya [Eh/r]. – R/d: <http://www.integracia.ru/sotsialnaya-integratsiya.html>.
12. Glavnoe o integracii [Eh/r]. – R/d: <http://www.integracia.ru/glavnoe-o-integratsii.html>.
13. Solodukhin, V.I. Integraciya deyatel'nosti socialjno-kul'turnihkh institutov v formirovanii specialistov ehtnokul'turnihkh obhjedinenij: sistemno-strukturnij podkhod: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – М., 2009.
14. Grigorjev, S.I. Osnovih vitalistskoj sociologii XXI veka. – М., 2007.
15. Strel'cov, Yu.A. Kul'turologiya dosuga. – М., 2002.
16. Ariarskiyj, M.A. Socialjno-kul'turnaya deyatel'nostj kak predmet nauchnogo osmihsleniya. – М., 2008.
17. Olenina, G.V. Socialjno-kul'turnoe proektirovanie i prodvizhenie grazhdanskikh iniciativ molodyozhi: istoriya, teoriya, metodologiya, praktika. – Barnaul, 2012.
18. Avanesova, G.A. Kul'turno-dosugovaya deyatel'nostj: teoriya i praktika organizacii. – М., 2006.
19. Medvedenko, V.V. Prazdnichno-igrovihe tekhnologii formirovaniya korporativnogo dosuga (na primere predpriyatij turisticheskogo biznesa) / V.V. Medvedenko, G.V. Olenina. – Barnaul, 2009.

Продолжение в следующем номере

Статья поступила в редакцию 04.10.13

УДК 378

Andreychuk V.A. «THEATRE ANTHROPOLOGY» JERZY GROTOWSKI AS TEACHING EVOLUTION SEARCH.
In working with theoretical and pedagogical positions investigates the evolution of education actor having a rich inner world and without a trace transmitting their inner feelings to the viewer. The meaning of “anthropological theater” Jerzy Grotowski in dissolving phenomenon theater phenomenon of life, and this leads to recreating human.

Key words: evolution, education actor destruction stamp spontaneous improvisational act, an act of self-knowledge, psychophysical and voice technology, recreating man.

В.А. Андрейчук, проф. АГАКИ, г. Барнаул, Email: onir@agari.ru

«АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕАТР» ЕЖИ ГРОТОВСКОГО КАК ЭВОЛЮЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ

В работе с теоретических и педагогических позиций исследуется эволюция воспитания актера, имеющего богатый внутренний мир и без остатка транслирующего свои внутренние переживания зрителю. Смысл «антропологического театра» Ежи Гротовского в растворении феномена театра в феномене жизни, а это приводит к пересозданию человека.

Ключевые слова: эволюция, воспитание актера, разрушение штампа, спонтанный импровизационный акт, акт самопознания, психофизическая и голосовая техника, пересоздание человека.

«К середине XX в. в результате несоответствия уровня интеллектуального опыта, накопленного человечеством, и опыта нравственного, духовного, с одной стороны, и все увеличивающейся экспансии общества (социума) против человека как сущности и индивидуальности, с другой, из театрального процесса выделился так называемый «антропологический театр». Появилось ощущение упадка культуры и утраты базовой системы отсчета, которое привело театральных деятелей к переоценке старого опыта, пробудило интерес к поиску новых театральных форм. Современный театр на этом этапе отстал от цивилизации в способности адекватно символизировать эпоху.

Развитие науки, информационных коммуникаций с одновременным застоем в области духовного освоения мира вызвало нарушение одного из важнейших условий, обеспечивающих художественное воздействие произведения искусства: принципа «загадочности», проблемности для современников художественного материала. Драматургия не успевала за потребностями театра и зрителей, что привело к распространению театра, не требующего конкретной драматургии, относящегося к литературе как к сырью. В связи с этим возросло внимание к актеру как основному выразительному средству театрального представления, выразителю художественной концепции конкретного театра. На первый план вышла проблема воспитания актера, имеющего богатый внутренний мир и предельно полно транслирующего свои внутренние переживания зрителю.

Термин «антропологический театр» берет свое начало в понятии антропологии как философской концепции, утверждающей взгляд на человека как на высшее произведение природы, познание которой дает ключ к ее тайнам. Антропология подчеркивает единство человека (артиста) и среды его обитания. Антропология театральная помещает человека в экспериментальную среду, что способствует его связям с группой, изучению взаимовлияния ее членов. Театральное направление, названное нами как «антропологический театр», неразрывно связано с польским режиссером, педагогом, философом Ежи Гротовским» [1, с. 97-98].

Ежи Гротовский родился 11 августа 1933 г. В Жещуве, окончил актерское отделение Государственной высшей театральной школы им. Л. Сольского в Кракове (1951–1955), изучал режиссуру в московском ГИТИСе. Продолжил изучение режиссуры и прошел ассистентуру у Ежи Калишеского в Кракове и у Ю. Завадского в ГИТИСе; участвовал в театральных семинарах Жана Вилара (лето 1957 г.) и Эмиля Франтишека Буриана (1958 г.); знакомился с театральным искусством Китая и Индии (1956, 1962, 1970), черпая из сокровищницы театра Азии: китайской оперы, индийского искусства, японского театра. Однако он сохраняет верность и польским театральным традициям, видя своего предшественника в Юлиуше Остерве, основателе театра «Редута», испытавшего сильное влияние МХАТа и Станиславского. Принцип К.С. Станиславского «от сознательного к подсознательному» не декларируется Гротовским, а реализуется, возводя в ранг магии «истинность страстей», доходящую до ТРАНСА. Остерву уже в начале 20-х гг. живо интересовала проблема установления более тесных контактов между актерами и зрителями. Все, что, по его мнению, мешало этому контакту: рампа, занавес, суфлерская будка, было устранено из его театра. Характерна близость этических принципов Гротовского идеалам Остервы (коллективная работа, сознательный отказ от материальных благ, жизнь коммуной, попытка привлечь зрителей к активному участию в спектакле и т.д.).

Творчество Ежи Гротовского легко разделить на три периода. **Первый период** – 1958-1960 гг. – последние годы обучения режиссуры, первые постановки в Краковском старом театре им. Моджеевской – «Стулья» Ионеско, начало деятельности «Театра 13 рядов» в Ополе: «Орфей» Кокто, «Каин» Байрона, работа над «Фаустом» Гете, «Мистерии-буфф» Маяковского.

В 1959 г., собрав неудачников, которых не устраивало положение дел в современном театре и свое собственное положение в нем, Гротовский вместе с писателем и философом Людвиком Фляшеном создает театр тринадцати рядов в Ополе.

В 1962 г. Театр был переименован в «Театр-лабораторию 13 рядов», в 1965 г. коллектив переехал во Вроцлав, в 1966 г. получил статут института (его полное название «Театр лаборатория 13 рядов». Институт изучения методов актерской игры»); с 1 января 1967 г. он функционирует как «Институт изучения методов актерской игры – Театр-лаборатория», а с 1 января 1970 г. – как «Институт актера – Театр-лаборатория».

Наиболее характерно для Гротовского этого периода увлечение постановочным искусством, поиски «абсолюта театральности», эксперименты в области театральной формы, попытки отыскания индивидуальных для каждого представления решений в области архитектоники пространства для живой, функциональной связи между актерами и зрителями (с точки зрения Гротовского идея «партерного» театра изжила себя), попытка привлечь их к активному участию в спектакле. Однако с течением времени Гротовский пришел к выводу, что активная позиция зрителя в театре неуместна и удовлетворился отведением ему роли свидетеля, очевидца событий, подверженного, однако, очень интенсивному воздействию со стороны актеров. Постепенно Гротовский приходит к театру «одной комнаты», где нет деления на сцену и зрительный зал (6-8 актеров, 30-40 зрителей). Ядро «театра 13 рядов» составили несколько актеров: Рена Марецка, Антонин Яхоловски, Зигмунт Молик, Рышард Чесляк, Збигнев Цинкутис.

Началось время, когда Гротовский «разделяется» со старым психологическим «представляющим» театром, проводит эксперименты по вовлечению зрителей в активное участие в действии, опыты различных пространственных решений спектакля.

«Орфей» Ж. Кокто, поставленный 26-летним Гротовским (8 октября 1959 г.) был первой премьерой нового коллектива и пятой постановкой молодого режиссера. В то время Гротовского поддерживали очень немногие. Одним из таких людей был преподаватель Гротовского по Кроковской театральной школе директор Краковского Старого театра В. Каминский, по достоинству оценивший новаторство Гротовского в области методики работы с актерами, постановочного искусства, театральной педагогики. Среди людей, веривших в Гротовского, был и один из его московских учителей – Юрий Завадский.

Гротовский утверждал, что смерть театра в теперешней его форме представляется ему неизбежной и предсказывал, что на месте театра появится совершенно новый вид искусства – «неотеатр». Это будет – по Гротовскому – непосредственный диалог, непосредственный обмен интеллектуальными мнениями между зрительным залом и сценой.

Симптоматично, что уже тогда главный «нерв театра», с точки зрения Гротовского, проходил за его пределами. Существующий традиционный театр казался ему скучным. Письменно и устно, не рассчитывая на симпатии и понимание, предпринимая постоянные «фронтальные атаки» и на практиков теат-

ра, и на критиков, Гротовский говорил о неустрашимом кризисе традиционного театра, о его умирании.

Начав свою деятельность с отрицания традиционного театра, изжившего себя, по его мнению, анахроничного, являющегося «царством эклектики», с радикального пересмотра основ сложившейся модели театрального зрелища, задавшись, что же в традиционном театре «большого», «мертвого», в чем основная причина его несостоятельности, потому что он не в силах удовлетворить насущные духовные потребности современного человека, Гротовский усматривал ответ на этот вопрос в банальности, примитивности отношений, складывающихся между человеком – актером и человеком – зрителем. В традиционном театре эти отношения свелись к устойчивым стереотипам, обросли штампами внешнего правдоподобия, на деле же между зрителями, приходящими в театр смотреть спектакль, и актерами, разыгрывающими его, ничего не происходит. Подобное положение казалось Гротовскому ненормальным, и именно оно послужило толчком к собственным поискам.

Еще работая в Краковском «нормальном» театре, Гротовский вдруг осознал, что принимает участие в формальной встрече двух групп: с одной стороны это люди, занимающиеся сложением слов, компоновкой жестов, проектированием декораций, использованием световых эффектов и т.д.; с другой – люди в равной степени просвещенные, знающие, что в театр полагается ходить из соображения «культурного долга». В результате, – пишет Гротовский, – и те, и другие выходят из театра еще более просвещенными, однако ничего существенного между ними не происходит. Каждый в своем отношении к театру остается узником своей группы, своего образа мышления, своих идей.

Театр, считал Гротовский, стал предприятием, производящим спектакли, имеющим репертуарный план, запланированное число зрителей и занимающимся переработкой литературы в зрелище с помощью плохого актерства и сценографии. Гротовский выражал свое несогласие с тем, что режиссер предлагает зрителям некий замкнутый в пределах сцены художественный мир, с его точки зрения, малоубедительный, претенциозный, бессмысленный, которому, как правило, недостает ограниченности и выразительности, и литература, если это хорошая литература, из этого взаимодействия выходит тривиальной и рождает ощущение, что лучше бы все это почитать у себя дома.

Акцент в своих спектаклях Гротовский делал не на социально-политических проблемах и даже не на личных судьбах и взаимоотношениях героев, психологически досконально разработанных, а на духовной сущности бытия. Он стремился прийти к сложной образной системе-мистерии в которой, по выражению Г. Козинцева, «исчезли бы меры времени, определения пространства, в которой бы существовало только две величины: *«человек и мир»*».

Итак, свой путь к публике Гротовский начал с борьбы против дурных театральных привычек публики. Обретение собственного метода и стиля – с попытки осознать не только природу театра, но и подлинные потребности публики, которые зрители часто не осознают до конца сами. Кроме магии «общения», есть еще одно ключевое для Гротовского понятие – *«встреча»*. Он будет повторять его на разных этапах своей деятельности: в десятилетие «Бедного театра», которое завершится постановкой первой версии «Апокалипсиса» (условно 1 период) и в пору паратеатральных исследований, оборвавшихся на рубеже 70-80 гг. (условно 2-й период), и в период театра истоков, возвращения к архитипическим формам театральности и соединения их с опытом современных исследований в области актерского творчества – третий период.

Гротовский опробует элементы «театра жестокости» как один из возможных способов отстранения классического текста, как способ расшевелить, разжечь интерес провинциальной публики к хрестоматийным произведениям. Вслед за «Кордианом» Словацкого он ставит «Фауста» Гете как одиннадцатичасовое застолье, на которое Фауст пригласил своих друзей, – публика участвовала в этом застолье вместе с артистами. Этот театральный марафон станет своего рода образцом для многих авангардистских экспериментов. Но Гротовского не устроило чисто формальное соучастие публики в этом причудливом «банжете на классические темы».

Больше всего Гротовского раздражает иллюзия общения, мнимость восприятия, псевдопонимание. «Мы думаем, что мы видим, но на самом деле мы не видим», – любил повторять Гротовский. «Понимаете, – разъяснял он эту мысль в Москве, – ког-

да актер выходит на сцену и видит там, скажем, дерево, он должен смотреть на него так, словно не видел никогда это конкретное дерево, ни вообще деревьев в своей жизни. Также он должен брать в «круг внимания» партнеров – будто никогда не видел раньше других людей».

Созданию своего «евангелия бедного театра» Гротовский посвятил три года напряженной работы. Гротовский словно хочет примирить искусство и логику, мысль и природу, чувственное и сверхчувственное. Он стремится найти способ преодоления противоречий между единством человеческого бытия и неисчерпаемостью множественностью форм и способов его постижения. Синтез социального и биологического, материального и чувственного он видит в человеческом теле и не пытается создавать театральные образы, а словно освобождает их из тела. Более того один из основных его лозунгов провозглашает, что искусство должно заниматься и выражать только то, что поддается логике. В то же время и чувства вносят путаницу в жизнь. Поэтому в расчет должны приниматься только сверхчувства. В связи с этим Гротовский изучает учения о трансе, медитации, магии. Развивает в свих актергах необыкновенную технику тела, позволяющую «отливать» форму, адекватную по содержанию и смыслу иероглифу.

Гротовский утверждает, что сущность театра не в изложении того, что было, не в расхожих формулировках и не дискуссии, как в театре Б. Брехта. По Гротовскому, театр не должен воплощать жизнь на сцене в ее же внешних формах. Драматический актер призван возвращать жизни поэзию Вселенной. Следует исключить всякие внешние украшения и приманки (это к проблеме о том, чем привлекать и удерживать внимание зрителей). Не случайно первое название его театра – лаборатории было «Бедный театр» Здесь необходим ежедневный шестичасовой тренинг. Принцип К.С. Станиславского «от сознательного к подсознательному» не декларируется Гротовским, а реализуется, возводя в ранг магии «истинность страстей» и откровение аффекта, доходящего до *транса*, как «пограничного» состояния художественной природы. Транс (оцененение) означает автоматизм выполнения сложных актов поведения без осознания окружающей ситуации и целей своих поступков. Заметим, что именно без осознания, а не без учета на уровне бессознательного. Значит, *транс* создает уникальную возможность для *импровизации*.

Как представляется, медитация обеспечивает переход от сознательного к подсознательному, т.е. к трансу. Она предполагает развитие способности мысленного проникновения вглубь предмета или идеи. По существу, это опять означает то же, что раздел «Внимание» в системе Станиславского, но только внимание здесь доведено до максимума. Медитация и транс помогают актеру театра Гротовского слиться с природой, с бесконечностью и творить в предлагаемых обстоятельствах вечности. Это и приближает нас к постижению понятия «антропологический театр».

Свои спектакли первого периода Гротовский репетировал «этюдным методом». Каждый фрагмент текста становился поводом для этюда, который мог длиться часами. Режиссер стремился максимально активизировать *подсознание*, заставить его *включиться в творческий процесс*. Недаром вместо термина «перевоплощение» он использовал термин «перетекание» в образ – это слово точнее выражало тот процесс, который происходил с актерами в длительный период репетиций и на самом спектакле. Главной задачей Гротовского было разрушить все привычные профессиональные актерские заготовки артистов, добиться *спонтанного импровизационного акта*, который длился бы на протяжении всего спектакля.

Гротовский избегал любого оформления своего замысла, всякой фиксированности. Он и репетировал спектакль так долго, чтобы добиться коллективной спонтанности, *коллективной душевной жизни*. Он запрещал своим артистам играть этот спектакль чаще одного-двух раз в неделю, заботясь об их психическом здоровье и о неповторимом воздействии спектакля. При более частом прокате превращалось в пластический балет то, что по замыслу Гротовского, не должно было превращаться в пантомимический знак, то, что должно было потрясать своим рождением «здесь, сейчас».

Гротовский первым поставил вопрос о пределах аудитории, исходя из представлений о гармонии театрального зрелища как гармонии *психофизических возможностей актера*.

Та обнаженность внутренних процессов, которой добивались во Вроцлаве, обладала хрупкой силой. Она магически воздействовала на ограниченный круг людей. Стоило появиться лишним людям – пусть даже десятерым, – и актеры, ощущая свою неспособность вовлечь их в сокровенные тайны человеческого бытия, к которым они пытались прикоснуться «здесь, сейчас», защищая себя от чрезмерности душевных затрат, начинали «подменять» происходящее с ними, закрывались в броню профессиональных приспособлений, от которых предостерегал их Гротовский. Здесь надо помнить о двух обстоятельствах. Во-первых, Гротовский и его труппа – это лаборатория, а не театр, который предполагает ежедневные представления. Поэтому невозможен перенос принципов работы Гротовского в практику профессионального театра.

Гротовский разрушил то, что мы называем профессиональными навыками, – во имя исследования предельных психофизических возможностей человека в сфере творчества.

Три года первого периода труппа и ее руководитель создавали методу вхождения в то состояние творчества, единственно необходимое для рождения спектакля «Апокалипсис», разрушая обычные заготовки, которые, что называется, «держат» роль и спектакль в обычном театре.

Библиографический список

1. Петров, В.А. Основные драматические системы театрального искусства XX века: учеб. пособ. – Челябинск, 2008.
2. Гротовский, Е. Наши занятия // Театр. – 1973. – № 12.

Bibliography

1. Petrov, V.A. Osnovnihe dramaticheskie sistemih teatral'nogo iskusstva KhKh veka: ucheb. posob. – Chelyabinsk, 2008.
2. Grotovskiy, E. Nashi zanyatiya // Teatr. – 1973. – № 12.

Продолжение в следующем номере

Статья поступила в редакцию 18.10.13

УДК 356

Kholodnykh A.A. TRAINING OF THE US SPECIAL-OPERATIONS OFFICERS. An article is dedicated to the Training of the US special-operations officers. Both interpersonal and professional characteristics of special-operations officers in ongoing operations in different regions and in multicultural environment, in small groups as well as in high-level organization are presented.

Key words: training of the special-operations officers, characteristics of leaders, interpersonal relations, leader's managerial style, career paths, special-operations forces, SOF culture.

А.А. Холодных, адъюнкт Федеральной гос. казенной военной организации высшего образования «Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России», г. Новосибирск, E-mail: komissartema@mail.ru

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЧАСТЕЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ВООРУЖЁННЫХ СИЛАХ США

Статья посвящена рассмотрению проблемам подготовки офицеров частей специального назначения в армии США. В ней анализируются вопросы развития личностных и профессиональных качеств офицеров частей специального назначения в ходе выполнения специальных задач в различных регионах мира и этнокультурной среде, в малых группах и организациях высокого уровня.

Ключевые слова: подготовка офицеров частей специального назначения, качества командира, межличностные отношения, командные стили, этапы карьеры, культура спецподразделений.

В настоящее время в системе внутренних войск МВД России выстроена четкая и согласованная система подготовки всех категорий военнослужащих воинских частей и подразделений специального назначения. Организована система подготовки военнослужащих по контракту на должностях солдат и сержантов, категории прапорщиков – заместителей командиров взводов, специалистов технических средств разведки, проводится курсы по повышению квалификации офицеров ротного звена. Но наиболее значимым шагом в этом направлении на наш взгляд является создание факультета (разведывательного), функционирующего третий год, для подготовки по специальной программе командиров взводов для службы в подразделениях специального назначения внутренних войск МВД России.

Чтобы лучше понять, для чего предназначены подразделения специального назначения, лучше обратиться к законодательству. На воинские части (подразделения) специального назначения возлагаются следующие задачи:

- участие в разоружении и ликвидации незаконных вооруженных формирований, организованных преступных групп, в пресечении массовых беспорядков, сопровождающихся вооруженным насилием, изъятии у населения незаконно хранящегося оружия;
- участие в пресечении актов терроризма;
- участие в обезвреживании лиц, захвативших заложников, важных государственных объекты, специальные грузы, сооружения на коммуникациях, а также здания органов государственной власти;

– участие в обеспечении безопасности должностных лиц и отдельных граждан Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Организация и порядок деятельности воинских частей (подразделений) специального назначения при выполнении возложенных на них задач устанавливаются положением о воинских частях (подразделениях) специального назначения внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами, утверждаемыми министром внутренних дел Российской Федерации [1]. Упоминание об объектах на которые будет направлена деятельность командиров спецподразделений и способы воздействия на них явно выйдет за рамки дозволенного в широкой печати. Однако можно сказать следующее, что подразделения специального назначения потому и называются специальными, что задачи выполняемые ими требуют особой подготовки и отношения к делу, соответственно и готовить офицеров для управления такими подразделениями нужно по особым стандартам и программам.

В ходе реорганизации внутренних войск формируются воинские части специального назначения, которые способны выполнить возложенную на них задачу в любых условиях обстановки. При выполнении боевой задачи в регионах со сложной оперативной обстановкой на подразделения специального назначения возлагается силовая составляющая, при этом командир подразделения должен уметь планировать, организовывать, выполнять боевые задачи и руководить своим подразделением в условиях мирной жизни. Он обязан организовывать взаимодействие с силовыми структурами ФСБ, МЧС, Полиции, ГУИН, гражданскими организациями в ходе участия в специальных операциях под общим оперативным руководством старшего начальника. При этом для успешного выполнения задачи он должен понимать роль каждой структуры, их возможности порядок взаимодействия с ними и в нужный момент суметь использовать эти возможности, найти нестандартный подход. Можно прийти к выводу, что для этого командир должен обладать гибким складом ума, быть разносторонне подготовленным, знать специфику деятельности своих войск, среду и условия их применения.

Для подготовки таких офицеров воинских частей специального назначения внутренних войск МВД России целесообразно учитывать зарубежный опыт. Рассмотрим опыт подготовки подполковников специалистов в армии Соединенных Штатов Америки.

Глобальные операции, проводимые с 2001 года Соединенными Штатами Америки по борьбе с международным терроризмом, позволяют выделить определённые характеристики американских военных, формирующиеся под влиянием оперативной среды. Командованием сил специальных операций США предполагается, что операции будут, вероятно, проходить в различных заранее непредсказуемых условиях [2, с. 5-6, 280-291]. Управление данными конфликтами потребует широкомасштабного сотрудничества со стороны военных и гражданских учреждений. В этих условиях усилится участие вооружённых сил общего назначения (GPF – ВС) в реализации задач, ранее возложенных на силы по проведению специальных операций (SOF – ССО). Будет наблюдаться увеличение взаимозависимости и совместной ответственности между данными войсками.

В операциях, проводимых в настоящее время в Ираке, Афганистане и в других странах, наиболее эффективными командирами становятся те, кто может успешно приспособиться к динамично меняющейся обстановке и ее функциональным последствиям. Также командующие развили важную способность определения боевых качеств успешных командиров и необходимых мер, позволяющих сформировать данные качества. Поскольку Министерство Обороны Соединенных Штатов Америки стремится расширить высший командный состав объединённых сил, в целях осуществления оперативного и стратегического командования в «мультимодальных (многоаспектных) конфликтах», данные взгляды заслуживают серьезного рассмотрения [3, с. 28].

В рамках проведенных всеобъемлющих опросов, был выявлен ряд характеристик, необходимых для эффективного командования, и предложены рекомендации для развития качеств командиров. Представленные результаты позволили выявить основные черты, образовательный опыт и выполняемые задания, которые с точки зрения исследуемой группы необходимы для успеха в условиях непредсказуемых боевых действий сегодня и завтра.

По мнению участников исследования, необходимые характеристики командования частей сил специального назначения определяются тремя стилями: когнитивным, межличностным и управленческим. По мнению офицеров, каждый стиль состоит из взаимосвязанных групп качеств, навыков и развиваемых черт. Относительно первого стиля, участники интервью сфокусировались на когнитивных процессах, способствующих решению проблем. Интервьюируемые чётко разграничили подходы «как думать» и «о чем думать» с прежними широко распространёнными подходами гибкости мышления и разнообразными тренировками ума. Подход «о чём думать» подчёркивает важность понимания частей проблемы в их взаимосвязи, наряду с важностью различных точек зрения и потребностей, которые вносят стороны, решающие проблему. Такие подходы содержат совершенствующиеся методологии решения проблемы, позволяющие сблизить противоположные точки зрения, оставаясь при этом сконцентрированным на достижении цели. Подход «как думать» также принимает во внимание последствия принимаемых решений с течением времени, на многочисленных уровнях и направлениях деятельности [4]. Как отметил один из общевойсковых офицеров: «Это возможность взглянуть на проблему и факторы, влияющие на нее, рассмотреть возможные варианты решения и более детально определить эффекты второго и третьего порядка».

Офицеры рассматривают метод «как думать» в качестве решающего для развития других важных когнитивных качеств, в частности способности мыслить аналогичным образом от одного случая к другому. Участники опроса говорят о необходимости выхода за рамки событий и интеллектуальных процессов с целью наблюдения в режиме реального времени за процессами обучения и принятия решений. Один из командиров назвал данный метод «выход на балкон», а другой командир спецподразделения подчеркнул необходимость возможности корректировки курса с течением времени под влиянием наблюдений. Данные комментарии указывают на необходимость того, что командиры этого уровня должны «наблюдать свои собственные мыслительные процессы» посредством «мета-мышления», или «мышления о мышлении» [5, с. 158]. Респонденты ценят такие подходы не только потому, что они дают офицерам возможность перейти от тактического уровня к оперативному, и от оперативного к стратегическому. Они дают высокую оценку возможности совмещать тактические действия с оперативными и стратегическими целями, начиная с определения последствий решений на каждом уровне. Такое совмещение требует координации действий в попытках усиления друг друга и влияния на многочисленные целевые аудитории, сохраняя при этом необходимую стратегическую перспективу.

Вторая группа характеристик, на которую часто ссылаются респонденты, фокусируется на стиле межличностных отношений. Среди них, коммуникабельность и нацеленность на построение отношений, рассматриваются в качестве ключевых для всех аспектов планирования, руководства и управления сложными специальными операциями. В самом деле, респонденты часто связывают такие термины как «коммуникатор», «посредник», «консультант» и «переговорщик» с ролью командира. Во многих случаях, командиры в боевой и других обстановках, также предпочитают «командовать через влияние». В связи с этим, ответственность командования влечёт за собой необходимость преодоления институциональных барьеров посредством развития искренних личных взаимоотношений.

Респонденты каждого уровня подтвердили необходимость наличия межкультурной компетентности и подчеркнули важность знаний иностранного языка и иностранной культуры. При этом командиры спецподразделений признали серьезные недостатки в этой области [6]. Подчёркивая исключительную важность «мультикультурализма», один из респондентов из семьи иммигрантов подчеркнул свой равный комфорт и компетентность в «двух мирах и двух культурах» как его родителей, так и его в англоязычных США. Он полагает, что его происхождение позволяет ему чувствовать себя комфортно в рамках операций, проводимых другими службами и ветвями власти, силами безопасности других стран и неправительственными организациями. Действительно, указывая на необходимость эффективной работы в условиях иных культур, многие опрошенные продолжали настаивать на гораздо более широкой концепции мультикультурализма: способность работать комфортно, легко и чутко по отношению к межведомственным коллегам, представителям

других служб и неправительственных организаций, несмотря на различия в культуре и институциональных процессах [7]. В качестве ключевой характеристики, присущей командиру, респонденты высшего командования спецподразделений и общевойсковых частей считают способность общаться, несмотря на межведомственные институциональные и культурные различия.

Составляющим концепции «мультикультурализма» и деятельных отношений является слияние уверенности и смирения, которые позволяют быть открытым для различных идей, поступающих от сотрудников других организаций или от подчиненных. Смирение также выражается в доступности и юморе. Опрошенные назвали юмор определяющим успех фактором, при этом один из боевых командиров считает юмор помощником командира, позволяющим добиться «ориентации на результат» через дух сотрудничества, «приводимый в движение социальной энергией». По словам бывшего командира объединенным отрядом сил специального назначения и службы по гражданским делам, эта социальная энергия позволяет «вести партизанскую войну» или, по словам общевойскового командира дивизиона это «военные манёвры в условиях недостатков и стыков», бюрократия, основанная на личных отношениях и избегании явного противостояния.

Заключительный набор характеристик считается ключевым для нерегулярных военных действий и напрямую связан со стилем командования. В частности респонденты отметили три характеристики: стиль общения, понимание организации и наставничество. Логичное и ясное изложение мыслей рассматривается в качестве основы успешного командования. «Первостепенным навыком на высшем уровне, даже на уровне старших офицеров, считается умение писать». Педагоги спецподразделений и общевойсковых частей жалуются на отсутствие данного навыка среди значительного числа офицеров среднего звена. Респонденты подчеркнули важность индивидуального подхода к различным аудиториям, особо остановившись на необходимости принятия идей, требующих сотрудничества различных сторон. Участники опроса считают коммуникацию основной функцией командования. Она связана с генерацией аргументированных идей, их эффективной и постоянной передачей заинтересованным сторонам; гарантирование их адресной передачи от подчиненных к институциональным исполнителям; и подкрепление идей действиями. Как отметил один из общевойсковых командиров: «Специфика лидерства состоит в грамотном донесении значимых идей, а затем в эффективной передаче данных идей вашим подчиненным командирам».

Остановившись на организационных навыках, офицеры всех уровней говорили о координации целенаправленной деятельности штабов, члены которых представляют интересы нескольких организаций. Эти цели требуют понимания организационной динамики и культуры, как на концептуальном, так и на прикладном уровнях. В частности, отдельные опрошенные указали на такую форму стратегического командования, которая является чисто организационной, но в то же время необходимой для боевых командиров. Они сожалеют о том, что в профессиональном военном образовании организационной теории не уделяется должного внимания.

Наконец, респонденты отмечают наличие значительной связи между лидерством и наставничеством. Большинство рассматривают функциональное триединство лидерство-педагог-наставник в качестве передающейся функции командиров каждого уровня. Фактически, самые успешные командиры сегодня постоянно руководят и обучают своих подопечных, как посредством четких инструкций, так и личным примером. Наставники также оказывают неявное, однако, убедительное моральное воздействие. Небольшое число младших офицеров полагает, что наставничество включает в себя помощь младшим командирам в продвижении по службе, а также усилия по обеспечению возможностей для демонстрации своих умений молодыми командирами. Более существенным является то, что наставничество является частью стиля командования. Наряду с этим часты опасения, состоящие в том, что в некоторых службах и областях наставничество не развивается должным образом. Некоторые респонденты считают, что стандарт руководства – это скрупулезное следование указаниям старших коллег: «Однако наставничество – это дорога с двусторонним движением».

Наряду с этими тремя элементами стратегического командования, отдельные респонденты, включая двух боевых командиров, командующего армией и командира высшего звена спец-

подразделений, указали в качестве дополнительного признака возможности положиться на командование в оперативном окружении.

Подытоживая вышеизложенное, респонденты полагают, что данные когнитивные, межличностные, командные стили характеризуют лучших на сегодняшний день общевойсковых командиров и командиров специальных подразделений, действующих в смешанных условиях. Такие стили командования могут быть использованы не только в военных условиях. Не только респонденты отметили данные черты в командирах, которыми они восхищались, начиная с 1970-х годов [8], но и существующая военная доктрина базируется на схожих характеристиках [9, с. 6-22]. Респонденты утверждали, что долг командира развивать свои командные качества на протяжении всей карьеры, военные организации должны предоставлять необходимые возможности и мотивировать должным образом.

Коллективный опыт опрошенных позволяет выделить ряд важных общих черт в области образования и в порядке продвижения по службе. Во-первых, большинство старших офицеров получило разностороннее образование, как гражданское, так и образование двойного назначения, причём с раннего возраста. Во-вторых, большинство респондентов прошли путь от солдата до старшего полевого офицера на различных этапах своей карьеры. В-третьих, многие офицеры считают важным этапом становления своей карьеры в качестве старшего офицера, наличие помощника. Респонденты полагают, что служба в качестве военного секретаря у командующего в министерстве обороны, или гражданским помощником главы управления, позволяет наряду с полученным представлением об организационной динамике на макроуровне, понять, как командующие думают, планируют, взаимодействуют и таким образом создают условия для индивидуального наставничества. Как отметил один из респондентов: «Быть помощником – это получить уникальную возможность видеть человека без маски и узнать внутреннее устройство армии». В-четвертых, для многих респондентов – командиров спецподразделений возможность службы на должности, обеспечивающей доступ к наблюдению за общевойсковыми подразделениями, была крайне полезна. Один из опрошенных командующих армией, служивший в спецподразделениях, считал назначение в общевойсковую часть «важным этапом» своего развития. Наконец, участие в международном образовательном проекте или в военной операции является крайне полезным. В совокупности, этот опыт сыграл ключевую роль для формирования свойств, которые позволяют объединенным силам противодействовать гибридным и нерегулярным угрозам.

С точки зрения интервьюируемых, полезным образованием является профессиональная военная подготовка, военная подготовка не во время службы, образовательный опыт, выходящий за рамки традиционного военного образования, включая гражданское образование. Несмотря на то, что большинство офицеров высоко оценивают профессиональную военную подготовку, многие отметили необходимость ее улучшения. Один из полковников, руководящий спецоперациями, отметил имеющиеся недостатки в системе военного образования, в первую очередь на уровне высшего командования: «Мы не воспитываем генералов». Несмотря на то, что по мере профессионального развития, не все имеют возможности получения образования за пределами вооруженных сил, конкретные виды профессиональной военной подготовки (ПВП), являются неотъемлемой частью развития командирских качеств. Особенно когда ПВП для майоров или лейтенантов проводилась либо для других родов войск либо в других, более гибких формах военного обучения. К таким учреждениям относятся колледж военно-морского командования и личного состава, школы передовых военных исследований и Высшей морской школы (ВМШ). В этих школах обучение подкрепляется когнитивным мышлением в военном контексте.

Согласно точке зрения одного из командиров спецподразделений в высшей морской школе он научился не тому, что думать, а как думать. Позже когда он стал командиром, участвовал в обсуждениях, на которых командующие пытались найти решение. «Я слушал и думал, что решение очень простое. Но другие не могли найти его, поскольку они не видели проблему так, как видел ее я. Это потому, что их не научили, как думать».

Несмотря на то, что для решения данной проблемы существуют курсы командиров, военные колледжи и курсы по подготовке высших офицеров, многие опрошенные рекомендовали офицерам постоянно искать пути расширения горизонтов за

пределами тактического и оперативного уровня, для того чтобы избежать в войсках ситуации, при которой «появляются генералы, которые хотят думать как командиры батальонов.»

Многочисленное участие в совместных учениях и межведомственных операциях способствовало росту межличностных и командных навыков респондентов, а также переходу от тактического к стратегическому уровню. Обобщая собственный опыт со спецподразделением один из офицеров отметил, что, будучи командиром, он предпочел бы лучше понимать межведомственные процессы до начала боевой операции. Это позволило бы увеличить эффективность и синхронизированность процессов. Недавно назначенный войсковой командир отметил значимость совместных учений: «Вы должны учиться взаимодействовать с теми, у кого совершенно иной опыт и набор ценностей». Спецподразделения должны наращивать взаимодействие со всеми ведомствами на всех уровнях, включая офицеров среднего звена».

Другие респонденты отметили совместную службу в качестве важного фактора, обеспечивающего равные военные возможности. Опрошенные высказали мнение, что необходимо чаще проводить совместные учения. Старший преподаватель спецподразделений отметил: «Необходимо как можно быстрее пройти совместную службу. Следует служить в разных подразделениях, открывать разные возможности. Вы глубоко ошибаетесь, если полагаете, что существует лишь один единственный способ выполнения заданий». В то время как один военный командир полагает, что понимание должно развиваться на основе служебного опыта и роста функциональной компетенции. Другие респонденты отмечают, что совместная служба равнозначна по своему значению общей служебной компетенции, одна при этом является важной основой для другой: «Вы ждёте, что вначале получите общую служебную компетенцию? Я не согласен. Совместная и общая служебная компетенция части одного целого. Как вы можете быть компетентным в одном, оставаясь при этом некомпетентным в другом? Мы всегда будем стремиться к развитию межведомственных взаимодействий на всех уровнях. Вы должны стремиться к этому на протяжении всей вашей карьеры, и я бы крайне удивился, узнав, что это не так. Всё связано».

Для многих служащих спецподразделений, полевая служба в общих войсках стала важным инструментом в понимании того, как функционируют большие организации. Поскольку офицеры спецподразделений, как правило, возглавляют небольшие подразделения, состоящие из элитных бойцов, полученный опыт в крупных организациях ценен для командования в будущем. Респонденты-участники спецопераций также полагают, что расширение межведомственных связей и кросс-социализация позволяет служащим общих войск лучше понимать специфику спецподразделений. Так, командир объединенного спецподразделения в запасе отметил, что «необходимо уметь объяснять командующим спецподразделениями ... как то, что вы видите и предлагаете, поможет им в достижении их тактических, операционных и стратегических целей ... связывая при этом всё вышеперечисленное с обще-фронтальной стратегией». По мере того, как они выходят на уровень театра боевых действий и на глобальный уровень, командиры спецподразделений должны работать совместно и даже командовать общевойсковыми подразделениями. В то же время командиры общевойсковых подразделений используют элементы спецопераций во время командования своими фронтальными операциями. Один из командиров спецподразделения особо подчеркнул данный тезис, обратив внимание, что «необходима смешанная армия». Отдельные командиры спецподразделений должны приобретать общевойсковой опыт. Офицеры обоих служб должны стремиться работать вместе как оказывая необходимую поддержку, так и принимая ее. Боевой общевойсковой командир и его заместитель по спецоперациям выразили мнение: «Мы настоятельно рекомендуем взаимодействовать общим войскам со спецподразделениями и спецподразделениями с общими войсками» [10].

Большинство опрошенных особо подчеркнули важность участия в международных миссиях в целях совершенствования навыков, необходимых для ведения боёв в неопределённых условиях на нерегулярных полях сражений. На разных этапах своей карьеры офицеры должны стремиться к международному сотрудничеству, либо с партнёрами по НАТО, либо получая международное образование, либо приглашая зарубежных офицеров в американские школы, либо выбрать более автономный вариант, став «офицером, подготовленным для службы за рубежом в определённом регионе».

Некоторые офицеры подчеркнули значение своего опыта, полученного до службы, такого как альпинизм на аравийском полуострове или длительное путешествие по южной Азии. Такой опыт, по их мнению, позволил им чувствовать себя более комфортно за рубежом и познакомиться со спецификой тех регионов, в которых они позже командовали. Один из респондентов, офицер спецподразделения, путешествовавший в молодости по Афганистану и Пакистану, отозвался о своём участии в операциях в этих странах следующим образом: «Я возвращался домой». Другой командир спецподразделения отметил: «Я погружался в иностранные культуры на длительные промежутки времени. Это выводит за пределы зоны комфорта и заставляет адаптироваться». Такой опыт учит офицеров взаимодействовать с другими культурами, воспитывая при этом терпение, беспристрастность и любопытство. Старшие командиры признали личный опыт в качестве двигателя карьеры, а также выразили желание о необходимости признания данного служебного опыта государственными институтами [11]. Данное утверждение весьма ценно, поскольку респонденты высказали свои взгляды в критический момент развития организации, которую они представляют. В оперативном отношении, армия США участвует в продолжительных, сложных операциях, проводимых на различных театрах боевых действий. С организационной точки зрения, как общие войска, так и спецподразделения находятся на этапе структурного роста.

С оперативной точки зрения, сегодняшние штабные и полевые офицеры имеют более значительный и более разнообразный опыт боевых действий по сравнению со своими предшественниками, что даёт им беспрецедентное тактическое мастерство и оперативные возможности. Командир объединенных сил специального назначения в запасе отметил: «На моей службе (до 2001 года), в лучшем случае можно было рассчитывать максимум на одну-две боевые операции за всю карьеру. Теперь у нас есть ребята (капитаны и майоры) у которых бывает четыре-пять боевых миссий за ночь». Их способность мыслить и адаптироваться к изменяющимся тактическим обстоятельствам гораздо более отточена. Кроме того, расширение участия общевойсковых подразделений США и исполнение ими различных ролей привело к тому, что младших командный состав общевойсковых подразделений обладает ключевыми компетенциями для ведения военных действий на иррегулярных полях сражений.

Один из командующих группировкой войск заявил: «Я надеюсь, что группа (спецназа) сможет правильно оценить ситуацию и действовать самостоятельно. Я считаю, что то, что происходит сейчас временное явление, потому что мы находимся в состоянии войны» [12].

Помимо оперативных силовых операций следует отметить те события, которые способствуют развитию командирских качеств. Так, респонденты часто отмечают небоевой опыт, учитывая его важную роль в развитии навыков необходимых командиру старшего звена.

Кроме текущих операций на старшее командование определенное влияние оказывает наблюдаемое в настоящее время расширение организации. В ответ на различные угрозы безопасности, с которыми сталкиваются США, растёт как численность общих войск, так и спецподразделений [13]. Такой рост позволит как войскам, так и спецподразделениям поддерживать должный операционный уровень и одновременно даст возможность найти время и место для реализации рекомендованных респондентами возможностей развития. Поддержание данного баланса крайне важно, особенно потому, что связано с процессом социализации новоиспеченных специалистов. Это позволит им понять важные взаимосвязи: силовые методы против не силовых, прямые действия против «посредством, через, и с», а также специфика спецподразделений против совместной работы с общими войсками.

Рост численности спецподразделений принесет значительную пользу будущим объединенным силам в случае избегания чрезмерной систематизации и бюрократизации, которая препятствует получению разнообразного опыта, способствующего развитию высшего командного состава иррегулярных полей сражений сегодня. Некоторые опрошенные офицеры спецподразделений инстинктивно сформулировали это опасение в качестве «большого врага спецподразделений». Более чётко эту проблему сформулировал действующий стратегический командующий спецоперациями США, предположив, что рост подразделений может привести к методам «Большой Армии», когда командова-

ние чрезмерно специфично и закостенело, и предпочитает штабные заготовки организационным заданиям.

Последнее организационное опасение связано со сложившейся более чем в одном поколении спецподразделений, культурой. Со временем различные компоненты спецподразделений осознали особенности эффективной работы друг с другом, но как минимум четыре респондента с опытом работы в качестве полевых командиров, командующих корпусом, сводных спецподразделений и командиром объединенных спецподразделений, выразили серьезную озабоченность о существующей изоляции спецподразделений от армии и наоборот. Один из них предположил, что сегодня командиры спецподразделений «рождаются объединенными», их младшие коллеги возможно имеют более узкий взгляд на понятие объединение: «Полагаю, что в спецвойсках мы говоря о совместных операциях подразумеваем совместные операции с другими спецподразделениями ... Это не широкий взгляд на совместные операции».

Кроме того, командиры спецподразделений, которые делают все спецподразделения на «белые», и «черные» учат тому же своих бойцов. В дальнейшем, при продвижении по службе, когда они станут полковниками или капитанами первого ранга и выше, это приведет к тому, что они будут «близорукими». Как отметил командующий корпусом, который был недолгое время в спецподразделении, генерал или адмирал с одной звездой, который всю свою карьеру был лишь в «черном спецподразделении» будет «крайне успешен в проведении операций. Однако если мы назначим его четырехзвездным генералом командовать силами специального назначения, мы окажем ему медвежью услугу, поскольку он не знает, как командовать крупной организацией». Наряду с другими организационными изменениями и усложнением текущих операций, выбор более узкого карьерного пути на этапе развития может свидетельствовать об еще более узких карьерных предпочтениях на старших уровнях, с последствиями для стратегической перспективы.

Для того чтобы иметь эффективное пространство возможностей, необходимо предоставить право получения образования как внутри, так и за пределами армии. Среди опрошенных распространено мнение, что военное образование не является достаточно общим и либеральным. Так один из командующих армией полагает: «Нам необходимо разностороннее базовое образование... Это то, что в большинстве случаев приносит наибольшую пользу для концептуализации стратегии». Несмотря на решающее значение высшего военного образования для выработки широкого кругозора и командирских качеств стратегического уровня, большинство опрошенных считают одного его недостаточным для достижения данной цели.

Опрошенные предложили устранять недостатки военного образования посредством «получение опыта выхода из комфортной зоны». Как уже отмечалось выше, данную проблему можно решить при помощи гражданского образования или «расширением» военного образования. Службам необходимо научиться использовать появившиеся возможности получения гражданского образования, которые в недавнем времени были одобрены Министерством Обороны. Учитывая требования, предъявляемые сегодня к высшему командованию по построению и управлению сложными организациями, организационная динамика должна стать частью учебного плана на уровне образовательных учреждений среднего и высшего уровня. Один из респондентов настоятельно рекомендовал сделать организационную теорию основным элементом военного образования, другие опрошенные поддержали это предложение.

Командиры спецподразделений также озабочены вопросами об образовании применительно к их сообществу. Несмотря на то, что они хвалят начальную подготовку, опрошенные отметили отсутствие долгосрочной программы образования для спецподразделений. Как отметил один из старших преподавателей: «Наша подготовка просто отличная ... за нее ставлю пятерку с минусом. Но что касается образования, ставлю тройку с плюсом». Некоторые из опрошенных высоко оценили программу Анализа Обороны в Высшей морской школе, в то время как другие расхваливали преимущества факультативов в колледжах специальных подразделений. Однако большинство полагает, что не хватает четких ориентиров, определяющих тип образовательного опыта, необходимого для спецподразделений. Спецагенты выигрывают, если командование силами специального назначения или отдельные службы будут формировать «сводную образовательную траекторию для спецподразделений». Хотя это еще не

определяет единый образовательный путь, эта программа должна связать существующие в спецподразделениях образовательные курсы в логическую последовательность при максимальном расширении возможностей получения образования вне службы в соответствии с новой стратегией развития.

Респонденты подчеркнули необходимость институциональной поддержки ряда устойчивых взаимодействий: между войсками и специальными подразделениями, между «белыми» и «черными» спецподразделениями, между военными и межведомственными службами и неправительственными организациями. Несмотря на то, что такие взаимодействия периодически происходят, они часто носят характер наблюдения за ходом операций. Опрошенные считают, что было бы более полезным участвовать в операции до ее развёртывания. Службы и Министерство Обороны могут способствовать становлению командиров, обеспечивая совместное взаимодействие на ранних этапах, возможно путём назначений, стажировок и обучения. Многие опрошенные полагают, что объединенное командование силами специального назначения и Министерство Обороны должны внедрять несиловые методы в «мир чёрного спецназа».

Помимо взаимодействия участников нерегулярных войн на локальном и глобальном уровне, опрошенные отметили необходимость развития сотрудничества американских военных с широким кругом зарубежных военных.

Опрошенные подчеркнули, что тип «продвижения через рассмотрение» лиц с нестандартным послужным списком должен применяться к офицерам региональной направленности, а также к небольшим офицерам, чьи навыки планирования, руководства и управления обеспечивают общую эффективность иррегулярных боевых действий.

Выявление исключительно талантливых командиров остается сложной задачей. Некоторые подчеркнули сложности в выявлении офицеров (находящихся в середине карьеры и имеющих необходимый набор навыков, способностей и требуемый опыт) которые могут стать отличными командирами в гибридной среде. Согласно точке зрения одного командующего объединенными силами специального назначения: «Иногда примелькавшихся ребят просто не замечают».

В условиях ограниченности во времени как в плане карьеры, так и оперативного темпа, вдвойне важно разработать программу и политику для выявления офицеров (на соответствующем этапе их карьеры), которые могут быть вовлечены в наставничество, расширять кругозор, развивать умения и навыки, требуемые для назначения на должности командиров. Кроме того, любой подход к выявлению и наставлению кадров командования объединенных сил требует обеспечения возможностей для расширения полномочий, которые базируются на специальных знаниях [14].

Кроме того, участники исследования выделили три группы характеристик, необходимых для успеха командования на иррегулярных полях сражений: когнитивный, межличностный и управленческий стили. Эти характеристики позволяют им понимать оперативную обстановку и успешно планировать как на уровне театра военных действий, так и на стратегическом уровне. Эти же характеристики подготовили их к мобилизации человеческих и организационных ресурсов, а также помогают им командовать и вдохновлять подчиненных. Отдавая предпочтение разнообразной карьере, опрошенные имеют схожие взгляды на образование, назначения и жизненный опыт, способствующие развитию важных с их точки зрения характеристик. В частности, они рекомендуют: применять различные образовательные подходы, более активно вовлекать гражданские учреждения; проведение совместных учений в целях интеграции процессов и норм; назначение на уровне генерального штаба и штаба армии при участии высшего военного и гражданского руководства; смешивание армейских и специальных подразделений; развитие связей с зарубежными странами и их армиями.

Анализ данных указанных исследований, проведенных с командованиями проведенных с командованием и офицерами спецподразделений армии США свидетельствует о том, что часть их опыта подготовки командиров спецподразделений может быть адаптирована к условиям ВВУЗОВ ВВ МВД России для повышения качества подготовки офицеров для службы в подразделениях специального назначения.

Так в программе подготовки офицеров по военно-учётной специальности 370304 «Служебно-боевое применение воинских частей и подразделений специального назначения внутренних

войск» возможно внесение таких дисциплин как «конфликтология», «управление персоналом», «этническая психология».

Вполне реально ознакомление с зарубежным опытом подготовки специалистов разведки и спецназа стран ближнего и дальнего зарубежья. С учетом наличия в ВВУЗах ВВ МВД представителей разных национальностей и граждан других государств возможна организация взаимодействия, позволяющая сформировать представление о ментальности разных народов.

Важным является и организация взаимодействия с ВВУЗа-ми других силовых структур МО РФ, ФСБ РФ, полиции с тем, чтобы выпускники правильно понимали место своей специальности в решении задач обеспечения безопасности государства. Сказанное способно существенно усилить практическую направляющую подготовки будущих офицеров спецподразделений в ВВУЗах ВВ МВД России.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.02.1997 N 27-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации». – М., 2013.
2. Alfred, A. Knopf. See Rupert Smith, The Utility of Force: The Art of War in the Modern World. – New York, 2007.
3. John Arquilla. The End of War as We Knew It? Insurgency, Counterinsurgency and Lessons from the Forgotten History of Early Terror Networks // Third World Quarterly. – 2007 – № 2.
4. John, F. Schmitt A Systemic Concept for Operational Design [Э/р]. – Р/д: <http://www.scribd.com/doc/1576622/US-Air-Force-mcwl-schmitt-op-design>.
5. Gary, A. Klein. Sources of Power: How People Make Decisions // Cambridge, Mass., 1999.
6. Eric, T. Olson. National Security Leaders Forum // Washington: Center for a New American Security. – 2008. – 3 March [Э/р]. – Р/д: <http://www.cnas.org/files/multimedia/documents/>
7. Mark R. Reid. The Necessity of a Good Fight: A Multi-Cultural Approach to Productive Conflict in Operational Level Staffs; course paper // US Naval War College. – 2008. – 23 April.
8. Lynn Scott, Steve Drezner, Rachel Rue, and Jesse Reyes, Compensating for Incomplete Domain Knowledge // Santa Monica, Calif.: RAND. – 2007 [Э/р]. – Р/д: http://www.rand.org/pubs/working_papers/WR517/
9. Field Manual, Army Leadership: Competent, Confident, and Agile // Washington: Headquarters Department of the Army. – 2006.
10. Strategic Plan for Transforming DOD Training. – 2009. – 5 February [Э/р]. – Р/д: <http://www.defenselink.mil/prhome/docs/>
11. Department of the Army Pamphlet 600-3, Commissioned Officer Professional Development and Career Management // Washington: Headquarters Department of the Army. – 2007.
12. Sean D. Naylor. Special Ops 'Surge' Sparks Debate // Army Times. – 2008. – 23 December [Э/р]. – Р/д: http://www.armytimes.com/news/2008/12/army_sofsurge_122008w/
13. Dan Lamothe Corps Has Grown to Nearly 204,000 Marines // Marine Corps Times. – 2009. – 15 July [Э/р]. – Р/д: http://marinetimes.com/news/2009/07/marine_204k_071309w/
14. Margaret, C. Harrell, John F. Schank, Harry J. Thie, Clifford M. Graf II, and Paul Steinberg, How Many Can Be Joint? Supporting Joint Duty Assignments // Santa Monica, Calif.: RAND. – 1996 [Э/р]. – Р/д: http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR593/

Bibliography

1. Federal'nyj zakon ot 06.02.1997 N 27-FZ (red. ot 02.07.2013) «O vnutrennikh vojskakh Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj Federacii». – М., 2013.
2. Alfred, A. Knopf. See Rupert Smith, The Utility of Force: The Art of War in the Modern World. – New York, 2007.
3. John Arquilla. The End of War as We Knew It? Insurgency, Counterinsurgency and Lessons from the Forgotten History of Early Terror Networks // Third World Quarterly. – 2007 – № 2.
4. John, F. Schmitt A Systemic Concept for Operational Design [Eh/r]. – R/d: <http://www.scribd.com/doc/1576622/US-Air-Force-mcwl-schmitt-op-design>.
5. Gary, A. Klein. Sources of Power: How People Make Decisions // Cambridge, Mass., 1999.
6. Eric, T. Olson. National Security Leaders Forum // Washington: Center for a New American Security. – 2008. – 3 March [Eh/r]. – R/d: <http://www.cnas.org/files/multimedia/documents/>
7. Mark R. Reid. The Necessity of a Good Fight: A Multi-Cultural Approach to Productive Conflict in Operational Level Staffs; course paper // US Naval War College. – 2008. – 23 April.
8. Lynn Scott, Steve Drezner, Rachel Rue, and Jesse Reyes, Compensating for Incomplete Domain Knowledge // Santa Monica, Calif.: RAND. – 2007 [Eh/r]. – R/d: http://www.rand.org/pubs/working_papers/WR517/
9. Field Manual, Army Leadership: Competent, Confident, and Agile // Washington: Headquarters Department of the Army. – 2006.
10. Strategic Plan for Transforming DOD Training. – 2009. – 5 February [Eh/r]. – R/d: <http://www.defenselink.mil/prhome/docs/>
11. Department of the Army Pamphlet 600-3, Commissioned Officer Professional Development and Career Management // Washington: Headquarters Department of the Army. – 2007.
12. Sean D. Naylor. Special Ops 'Surge' Sparks Debate // Army Times. – 2008. – 23 December [Eh/r]. – R/d: http://www.armytimes.com/news/2008/12/army_sofsurge_122008w/
13. Dan Lamothe Corps Has Grown to Nearly 204,000 Marines // Marine Corps Times. – 2009. – 15 July [Eh/r]. – R/d: http://marinetimes.com/news/2009/07/marine_204k_071309w/
14. Margaret, C. Harrell, John F. Schank, Harry J. Thie, Clifford M. Graf II, and Paul Steinberg, How Many Can Be Joint? Supporting Joint Duty Assignments // Santa Monica, Calif.: RAND. – 1996 [Eh/r]. – R/d: http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR593/

Статья поступила в редакцию 19.11.13

УДК 159.9

Chernjanskaja V.S., Malahova V.R. METACOMPETENCE OF THE PERSONALITY OF THE POTENTIAL OF INNOVATIVE ECONOMY. In the article on the material of Russian and foreign research substantiates that the psychological potential of innovation is closely linked with metacompetence identity and subjectivity, as the active position of the authorship of the individual. There are presented the results of our empirical study of the relationship between these phenomena.

Key words: metacompetence, innovative activity, subjectivity, student, manager.

В.С. Чернявская, проф. каф. философии и психологии Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: valstan13@mail.ru; В.Р. Малахова, студентка Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: vareffka@mail.ru

МЕТАКОМПЕТЕНЦИИ ЛИЧНОСТИ – ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье на материале отечественных и зарубежных исследований обосновано, что психологический потенциал инноваций тесно связан с метакомпетенциями личности и субъектностью, как активной позицией автор-

ства личности. Представлены полученные результаты эмпирического исследования взаимосвязи данных феноменов.

Ключевые слова: метакомпетенции, инновационная активность, субъектность, студент, менеджер.

Инновационная активность характеризует уровень развития экономики и страны в целом. В настоящее время в России обозначен курс на стимулирование и инновационного развития.

В.Е. Лепский при анализе подходов к инновационному развитию указывает, что стратегический выбор направления развития России должен основываться на преимущественном использовании не столько природных, сколько интеллектуальных ресурсов [1]. Для развития стратегических основ инноваций особенно актуальным является рефлексивный способ существования субъекта инноваций, которому присуща мета-позиция, в отличие от ситуативной или нормативной реактивности.

Исследования Российской экономической школы инновационной активности крупного бизнеса в России свидетельствуют о том, что первым барьером для инновационной активности является нехватка кадров, сотрудников, способных на инновационную деятельность, а также необходимость повышения качества высшего образования, необходимость увеличения финансирования государством НИОКР в университетах и НИИ [2]. Кроме того обосновано, что наличие в компании топ-менеджера по инновационному направлению, как инициатора к инновациям, повышает вероятность внедрения инноваций разного рода, и глобальных инноваций [2]. Таким образом, топ-менеджер (или владелец компании), возглавляющий инновационное направление, с вероятностью, обладает особыми психологическими качествами. В качестве таковых мы рассматриваем высокий уровень развития метакомпетенций и выраженную субъектную позицию личности.

Инновационная и предпринимательская активность направляет взгляд и затем осуществляет шаг в сторону создания будущего. Они становятся процессами, как бы ставящими субъекта в позицию «над» в ситуации текущих результатов развития и деятельности, что и позволяет спроецировать образ (цель) направления будущего развития.

Инновационная активность существует автономно и реализуется в предпринимательстве [3]. Предпринимательство мы определяем не только как деятельность, направленную на получение прибыли, но и как личностный ресурс.

Так в содержание личностного ресурса попадает так называемый *интрапренер* или внутренний предприниматель. Выраженное интрапренерство в организации потенциально может повысить ее экономическую эффективность [3]. Внутренний предприниматель характеризуется предпринимательским отношением и доминирующей ориентацией на действие, обладает соответственными личностными свойствами, имеет специальные ресурсы, стимулирующие активные действия. Среди прочих, последние предполагают наличие метакомпетенций, создающих потенциал для активных действий, приобретения знаний и т.д.

Понятие «интрапренер» или внутренний предприниматель используется как в отношении организаций, так и в контексте методов повышения инновационности, внедрения новых технологий, для стимуляции прогресса и роста. Так же, студент вуза продвигая новаторскую мыследеятельность, по праву может именоваться интрапренером или внутренним предпринимателем, имея соответствующий личностный ресурс. Предвосхищая профессиональное будущее студента, вуз может создавать условия для процветания интрапренерства, как качества личности.

Целью настоящей работы явилось обоснование личностного потенциала как комплекса взаимосвязанных психологических феноменов для реализации в русле развития инновационной и предпринимательской активности на примере студентов вуза, а именно: мы рассматривали категорию субъектности и психологический феномен метакомпетенции и их потенциальную взаимосвязь.

Исследование метакомпетенций впервые было рассмотрено в русле компетентностного подхода, как компетенции обеспечивающие приобретение новых компетенций, управление и применение компетенций [4]. Метакомпетенции личности важно развивать на этапах общего и, тем более, профессионального образования, так как обладание субъектом таковыми делает его более эффективным, успешным, позволяет продуктивнее осуществлять профессиональное становление путем непрерывного продуктивного самосовершенствования.

Метакомпетенция – интегративная характеристика субъекта, она включает в себя в качестве базового качества рефлексию, как механизм высших уровней развития сознания [5]. Со звучным, но более глобальным и всеобъемлющим является понятие субъекта, так как характеристика активности, авторства человека. Субъект автономен и целостен, может принимать независимые решения [5; 6]. Субъект открыт новому опыту, он готов к самопознанию, что делает его развитие и совершенствование гармоничным, продуктивным. Непрерывное развитие своих навыков и профессиональных качеств, стремление к самосовершенствованию характеризует успешного специалиста профессионала. Субъектность относительно категории профессионализма имеет смысл способностей к разрешению противоречий, встречающихся в профессиональной деятельности [6].

В контексте макроаналитического подхода к познанию человека метакомпетенции и субъектность определяются как мак-

Таблица 1
Метакомпетенции и субъектный контроль у студентов-менеджеров

№ испытуемого	Метакомпетенции		Ориентация субъектного контроля (ОСК) (баллы)
	Метакогнитивные знания (баллы)	Метакогнитивная активность (баллы)	
1.	19	11	35
2.	11	6	14
3.	10	9	24
4.	17	8	26
5.	11	10	43
6.	9	7	14
7.	12	5	24
8.	7	3	-16 (экст-л)
9.	8	6	61
10.	12	5	46
11.	7	3	23
12.	15	6	23
13.	15	7	26
14.	9	3	35
15.	11	7	29
16.	10	7	21
17.	17	10	36
18.	14	7	31
19.	11	12	3
20.	11	10	27
21.	16	13	34
22.	17	8	20
23.	3	6	31
24.	10	7	-16 (экст-л)
25.	16	10	33
26.	5	8	-28 (экст-л)
27.	14	9	15
28.	18	10	18
29.	10	6	32
30.	7	8	31
31.	9	11	37
32.	5	6	33
33.	14	11	32
34.	6	2	23
35.	13	10	43
36.	5	5	6

роструктура и макрокатегория [7]. Общие интегративные характеристики позволили нам предположить, что они взаимосвязаны между собой.

Эмпирическое исследование указанной взаимосвязи было проведено на группе студентов направления «Менеджмент» (N= 36) во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса в ноябре 2013 года.

Использовались следующие психодиагностические методики: М.М. Кашапова «Самооценка метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности» [8], определения ориентации субъектного контроля А.К. Осницкого в рамках интервальной шкалы экстернал – интернал [9]. Для экстерналов характерно убеждение, что события, происходящие с ними от них самих не зависят, напротив, интерналы- как правило, проявляют активность, авторство в моделировании происходящих событий, чаще строят планы, прикладывают собственные усилия. Субъектность мы рассматривали, как синоним интернальности, связывая ее источник с внутренним локусом контроля, принятием на себя ответственности за происходящее и за принимаемые решения.

Мы предположили, что будущий менеджер должен обладать существенной долей инновационной и субъектной активности, а также метакомпетенций для способности к формированию инновационных стратегий экономического развития, это явилось основанием для выбора менеджеров в качестве экспериментальной выборки. Ниже представлены результаты исследования взаимосвязи показателей метакомпетенций, а именно-метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности и уровня субъектного контроля (таблица 1).

Высокие показатели по компонентам метакомпетенций выделены серым цветом. Результаты субъектного контроля представляются в виде дихотомии «экстернальность – интернальность». Количество баллов в интервале (-5;10) свидетельствует

о сбалансированности интернальности и экстернальности (А.К. Осницкий).

Выраженная экстернальность не встречается ни в одном результате одновременно с высокими показателями компонентов метакомпетенций (испытуемые №№ 8, 24, 26). Высокие показатели по двум компонентам метакомпетенций диагностируются вместе с высокими показателями интернальности (испытуемые №№ 1, 21, 33).

В логике исследования изучение взаимосвязи проводилось в двух направлениях. В первом случае изучалась взаимосвязь субъектного контроля (субъектности) и метакогнитивных знаний (МЗ). Второе направление – взаимосвязь субъектности (С) и метакогнитивной активности (МА). Была определена корреляционная связь (коэффициент Пирсона) разных уровней:

$R(MЗ,С)= 0,4$ – что свидетельствует о наличии корреляции слабого уровня- в случае взаимосвязи метакогнитивных знаний с субъектностью;

$R(МА,С)= 0,54$ – наличие корреляции среднего уровня взаимосвязи метакогнитивной активности с субъектностью.

Оба компонента метакомпетенций – метакогнитивное знание и метакогнитивная активность имеют корреляционную связь разной величины с уровнем субъектного контроля у студентов – менеджеров, которые, как мы полагаем, является будущими субъектами инновационного развития экономики страны, что подтвердило нашу гипотезу.

Инновационная активность субъекта связана с его способностью брать на себя ответственность, разрешать противоречия, быть активным деятелем, принимать эффективные решения. Проявление этих качеств соответствует интегративным качествам субъекта, целостности, высокому уровню самоорганизации, саморегуляции.

Библиографический список

1. Лепский, В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. – М., 2009.
2. Инновационная активность крупного бизнеса в России // Российский журнал менеджмента. – 2010. – № 4. – Т. 8 [Э/р]. – Р/д: http://www.marketing.spb.ru/mr/social/innov_activity.htm
3. Эбнер, М. Предпринимательская ориентация в организации. Внутренне предпринимательство // Психология труда и организационная психология. – 2010. – Т. 6.
4. Малахова, В.Р. Развитие метакомпетенций студентов как психологическая основа будущей востребованности рынком труда / А.К. Самойличенко, В.Р. Малахова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – Красноярск. – 2012. – № 12.
5. Лефевр, В.А. Рефлексия. – М., 2003.
6. Знаков, В.В. психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. – 2003. – № 2. – Т. 24.
7. Сергиенко, Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект [Э/р]. – Р/д: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennie-issl/sovremennie-issl-2/e-a-sergienko.html>.
8. Кашапов, М.М. Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. – Ярославль, 2012.
9. Осницкий, А.К. Психологические механизмы самостоятельности. – М.; Обнинск, 2010.

Bibliography

1. Lepskiy, V.E. Subjektно-orientirovanniy podkhod k innovacionnomu razvitiyu. – M., 2009.
2. Innovacionnaya aktivnostj krupnogo biznesa v Rossii // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. – 2010. – № 4. – Т. 8 [Eh/r]. – Р/д: http://www.marketing.spb.ru/mr/social/innov_activity.htm
3. Ehbner, M. Predprinimateljskaya orientaciya v organizacii. Vnutrenne predprinimatelstvo // Psikhologiya truda i organizacionnaya psikhologiya. – 2010. – Т. 6.
4. Malakhova, V.R. Razvitie metakompetencij studentov kak psikhologicheskaya osnova buduthej vostrebovanosti rihnkom truda / A.K. Samoylichenko, V.R. Malakhova // Sovremenniye issledovaniya socialjnihk problem (ehlektronnij nauchnij zhurnal). – Krasnoyarsk. – 2012. – № 12.
5. Lefevr, V.A. Refleksiya. – M., 2003.
6. Znakov, V.V. psikhologiya subjhekta kak metodologiya ponimaniya chelovecheskogo bihtiya // Psikhologicheskij zhurnal. – 2003. – № 2. – Т. 24.
7. Sergienko, E.A. Priroda subjhekta: ontogeneticheskij aspekt [Eh/r]. – Р/д: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennie-issl/sovremennie-issl-2/e-a-sergienko.html>.
8. Kashapov, M.M. Tvorcheskaya deyatel'nostj professionala v kontekste kognitivnogo i metakognitivnogo podkhodov. – Yaroslavl, 2012.
9. Osnickiy, A.K. Psikhologicheskie mekhanizmi samostoyatel'nosti. – M.; Obninsk, 2010.

Статья поступила в редакцию 19.11.13

УДК37.013.42

Yudina A.I. TECHNOLOGICAL MAP AS AN INTERACTIVE TOOLS TO PREVENT SOCIAL ABANDONMEN. Flow chart of the socio- pedagogical concept of prevention of child abandonment by the author of the article , include identifying the causes of family problems , the use of institutional mechanism for interaction among micro society and technology components prevent child abandonment . Proposed by the author flow chart is an interactive tool for child abandonment prevention system that allows immediate modify or clarify the scenario object.

Key words: technological map; social orphanhood;unfavorable situation of the family; the warning system of child abandonment.

А.И. Юдина, канд. пед. наук, доц., директор института социально-культурных технологий Кемеровского гос. университета культуры и искусств г. Кемерово, E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАК ИНТЕРАКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Технологическая карта реализации социально-педагогической концепции предупреждения социального сиротства, представленная автором в статье, включает в себя выявление причин семейного неблагополучия, использование механизма институционального взаимодействия субъектов микросоциума и компоненты технологии предупреждения социального сиротства. Предложенная автором технологическая карта, является интерактивным инструментом системы предупреждения социального сиротства, позволяющим немедленно внести какие-либо изменения и уточнить сценарии развития объекта.

Ключевые слова: технологическая карта; социальное сиротство; семейное неблагополучие; система предупреждения социального сиротства.

Технологическая карта – это наглядное представление пошагового сценария развития определённого объекта – отдельного продукта, некоторой технологии, группы смежных технологий, объединяющей несколько бизнес-единиц, целой отрасли, индустрии, а также план достижения социально-культурных целей [1]. Процесс формирования технологических карт называют технологическим картированием, а объект, эволюция которого представляется на карте, – объектом технологического картирования. Применительно к исследованию системы предупреждения социального сиротства, объектом технологического картирования будет являться семья в трудной жизненной ситуации. Технологическое картирование нашего исследования опирается на сбор экспертной информации о социальном профиле семьи в трудной жизненной ситуации, реабилитационном потенциале семьи и позволяет прогнозировать варианты будущего состояния развития социальной ситуации семьи.

На основе анализа технологических карт, представленных на официальных сайтах органов управления образования, социальной защиты населения, культуры различных субъектов Российской Федерации (Кемеровская, Псковская, Челябинская области, Красноярский край) выделены существенные характеристики технологического картирования применительно к теме нашего исследования:

- возможные риски, которые могут повлиять на результативность процесса реабилитации семьи в трудной жизненной ситуации, эффективное планирование всех этапов прохождения социализации детьми и определение социально-культурных факторов, влияющих на данный процесс;
- точная временная характеристика, то есть срок реабилитации семьи в каждом конкретном случае;
- институциональное взаимодействие субъектов микросоциума и социально-культурного пространства;
- кадровое обеспечение реализации технологической карты, реализации концепции предупреждения социального сиротства.
- методическое обеспечение реализации социально-педагогической концепции для социально-педагогических работников, специалистов по социальной работе, работников учреждений культуры, которое позволит идентифицировать промежуточные результаты и корректировать направления деятельности социально-педагогического сопровождения;
- информационное обеспечение участников воспитательного-образовательного и социально-культурного процессов [2].

Технологическая карта исследований предупреждения социального сиротства, как общественного явления может обеспечить заинтересованность государства (в случае фундаментальной науки) и бизнеса (в случае прикладной науки) в результатах научных исследований и разъяснить их социальное значение [2].

Рассмотрев существенные характеристики технологического картирования предупреждения социального сиротства, был предложен алгоритм построения технологической карты этого процесса на основе следующих этапов:

1. Подготовка исследования: определение решаемой посредством технологического картирования проблемы; формирование списка субъектов микросоциума – социальных партнеров по работе с семьей в трудной жизненной ситуации; определение состава координирующего органа системы предупреждения

социального сиротства; постановка целей исследования и оценка времени, необходимого для его проведения; определение необходимых объемов финансирования.

2. Разработка технологической карты: определение показателей и критериев оценки социального профиля семьи в трудной жизненной ситуации; проектирование модели предупреждения социального сиротства; выработка рекомендаций по перспективным технологическим альтернативам; обзор содержания и форм социально-педагогической работы, учитывая социальный статус исследуемой группы несовершеннолетних; влияние специфического комплекса социально-культурных факторов и окружающей социально-культурной среды.

3. Реализация технологической карты: экспертиза и утверждение технологической карты; выполнение плана реализации технологической карты и контроль за ее реализацией; оценка промежуточных результатов, внесение корректив.

На основании данного алгоритма нами была построена технологическая карта реализации социально-педагогической концепции предупреждения социального сиротства, которая включает в себя причины семейного неблагополучия, механизм институционального взаимодействия и компоненты технологии предупреждения социального сиротства (рис. 1).

Особым типом технологической карты является «дорожная карта», представляющая собой определенную программу действий, направленных на конечный результат. Дорожная карта соответствует всем характеристикам технологического картирования и включает конкретные сроки, ресурсы, прогноз цели, как предвосхищение результата. В качестве примера рассмотрим дорожную технологическую карту «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Кемеровской области на 2013–2018 гг.», утвержденную Коллегией администрации Кемеровской области распоряжением от 25.03.2013 № 249-р [3]. Основной целью реализации плана мероприятий данной «дорожной карты» является обеспечение доступности, повышение эффективности и качества предоставления населению Кемеровской области услуг в сфере социального обслуживания. Категория «семьи с детьми в трудной жизненной ситуации» – в соответствии с законодательной базой Российской Федерации относятся к компетенции полномочий органов управления социальной защиты населения в институциональном взаимодействии с органами управления образованием, здравоохранением и культурой. [4].

Для достижения указанной цели, по мнению экспертов, необходимо провести модернизацию существующей системы социального обслуживания населения с учетом современных требований и изменившихся правовых, социально-экономических и демографических условий, кадровых проблем отрасли. Для проведения модернизации системы предупреждения социального сиротства, необходимо совершенствование законодательства Кемеровской области, предусматривающее продолжение работы по дифференцированному оказанию социальных услуг семьям в трудной жизненной ситуации с учетом оценки индивидуальной нуждаемости; возможность участия при оказании социальных услуг населению негосударственных организаций, благотворителей и добровольцев; внедрение независимой оценки качества предоставления социальных услуг; осуществление эффективного контроля за их предоставлением [3]. В дорожной технологической карте обозначен круг проблем, сложившихся в сфере социального обслуживания семей, находящихся в труд-

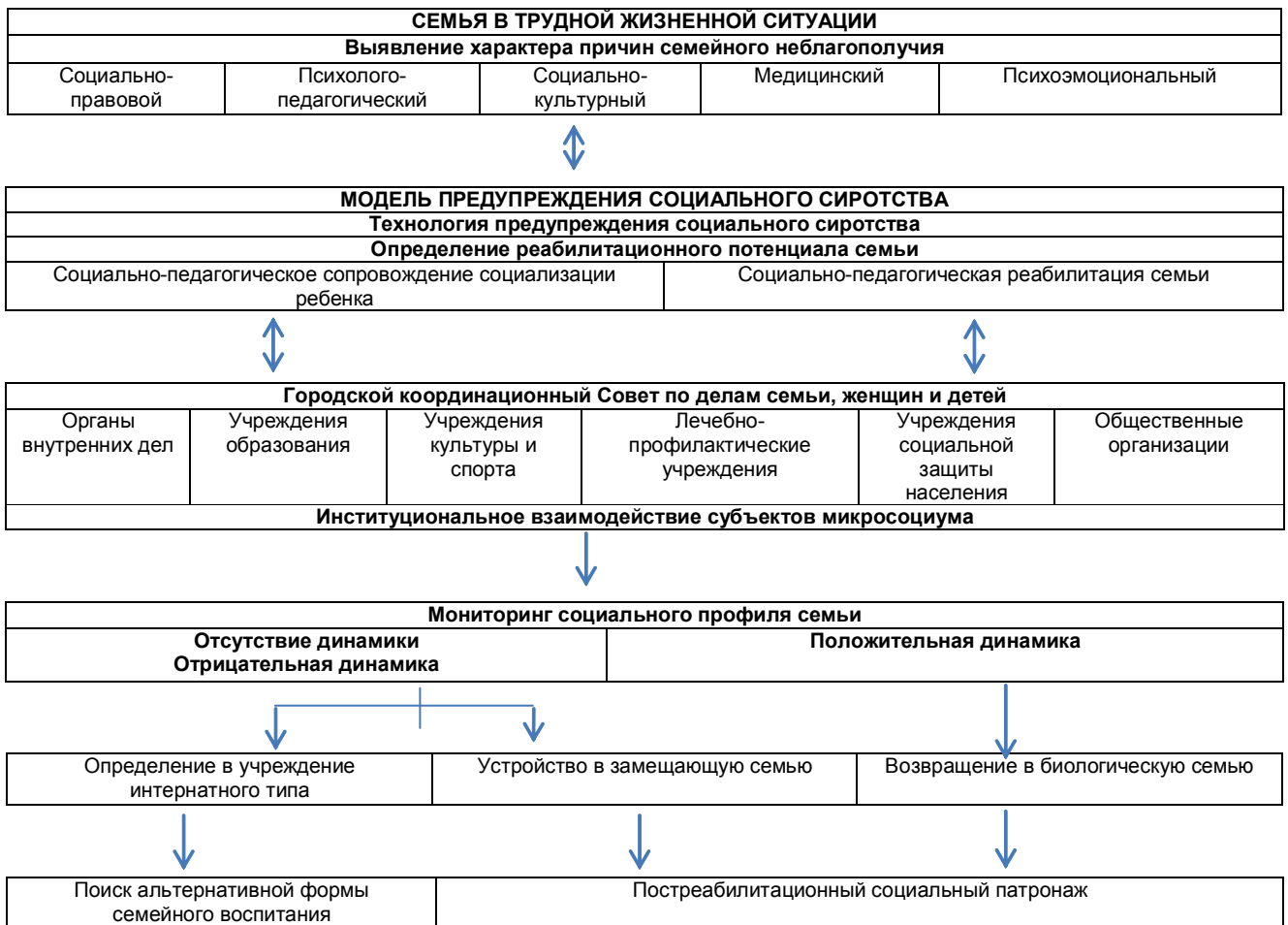

Рис. 2. Технологическая карта реализации социально-педагогической концепции предупреждения социального сиротства

ной жизненной ситуации. В системе социального обслуживания населения наблюдается дефицит квалифицированных кадров, связанный с низким уровнем оплаты труда социальных работников, педагогов, не соответствующим напряженности и интенсивности их труда.

На начало 2013 г. общая численность работников в государственных и муниципальных учреждениях Кемеровской области составляет 15110 человек, в том числе по основным профессиям: социальные работники, специалисты по социальной работе – 5581 человек; младший и средний медицинский персонал – 2508 человек; педагогические работники – 1227 человек; врачи – 173 человека [3].

На сегодняшний день обеспеченность социальными работниками и специалистами по социальной работе, педагогическими кадрами в учреждениях составляет 96 % (коэффициент совмещения 1,2). 58,1% от общей численности работников учреждений составляют женщины в возрасте 36–55 лет. 17,3% от общей численности работников учреждений составляют работники пенсионного возраста. Работников с высшим образованием – 12% от общей численности работников учреждений, несмотря на то, что ежегодно высшие учебные заведения выпускают достаточное количество специалистов для социальной сферы. В основном работники учреждений имеют полное среднее (29% от общей численности работников учреждений) и среднее профессиональное образование (40% от общей численности работников учреждений) [3].

Треть работников учреждений имеет трудовой стаж до 3 лет, что свидетельствует о большой текучести кадров, и именно молодых специалистов.

На примере представленной нами дорожной карты «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Кемеровской области на 2013–2018 гг.» явно прослеживается проблема нехватки квалифицированных социально-педагогических кадров.

Цели реализации дорожной технологической карты обозначены следующим образом:

1. Совершенствование правового регулирования социального обслуживания.
2. Оптимизация структуры и штатной численности учреждений социально-культурной сферы путем создания крупных многопрофильных учреждений, ликвидации неэффективных подразделений, проведения эффективной кадровой политики, повышения заинтересованности работников в труде и поднятия престижа профессии социального работника, социального педагога.
3. Повышение к 2018 г. средней заработной платы социально-педагогических работников учреждений социально-культурной сферы до 100% от средней заработной платы в соответствующем регионе.
4. Укрепление материально-технической базы учреждений социально-культурной сферы.
5. Развитие рынка социальных услуг путем привлечения организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности, предоставляющих социальные услуги.
6. Предоставление гражданину, нуждающемуся в получении социальных услуг, права выбора организации социального обслуживания или индивидуального предпринимателя для получения социальных услуг.

Ожидаемые результаты реализации дорожной карты следующие:

1. Разработка предложений по повышению качества социального обслуживания населения на основе проведенного анализа положения дел и выявленных проблем в сфере социального обслуживания населения.
2. Подготовка нормативной правовой основы регулирования правоотношений в сфере социального обслуживания населения и внедрение инновационных технологий социального обслуживания.

3. Развитие кадрового потенциала системы социального обслуживания населения области, увеличение притока кадров в социальные службы за 5 лет не менее чем на 50% от численности работающих в настоящее время. Ежегодное обучение 1000 работников учреждений на курсах повышения квалификации.

4. Оптимизация сети и штатной численности учреждений на основе исключения неэффективных расходов, увеличение объема средств от оказания платных социальных услуг в целях получения дополнительного резерва средств на повышение оплаты труда не менее, чем на 30%.

5. Доведение уровня оплаты труда социальных работников, медицинских работников учреждений в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и педагогических работников организаций, оказывающих социальные услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в соответствии с Указом Президента

Российской Федерации от 28.12.2012 г. № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» к 2018 г. до 100% от средней заработной платы в экономике Кемеровской области [3].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что дорожная технологическая карта является действенным инструментом, позволяющим решать актуальные вопросы на государственном, федеральном, муниципальном уровнях. Алгоритм составления дорожных технологических карт в отраслях помогает выявить проблемы путем прогнозирования ситуации.

Разработанная технологическая карта, реализации социально-педагогической концепции предупреждения социального сиротства, является интерактивным инструментом, который включает причины семейного неблагополучия, механизм институционального взаимодействия и компоненты технологии предупреждения социального сиротства.

Библиографический список

1. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь. – М., 2007.
2. Картирование технологий [Э/р]. – Р/д: <http://stra.teg.ru/library/global/Prognoz/foresight/>.
3. Департамент социальной защиты населения Кемеровской области [Э/р]. – Р/д: www.dsznko.ru/
4. Об основных гарантиях прав ребенка Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 № 124-ФЗ // Гарант: информационно-правовой портал [Э/р]. – Р/д: <http://base.garant.ru/179146/>

Bibliography

1. Rayjzberg, B.A. Sovremenniy ehkonomicheskiy slovarj. – M., 2007.
2. Kartirovanie tekhnologiy [Eh/r]. – R/d: <http://stra.teg.ru/library/global/Prognoz/foresight/>.
3. Departament social'noy zashchity naseleniya Kemerovskoy oblasti [Eh/r]. – R/d: www.dsznko.ru/
4. Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka Rossiyskoj Federacii: federal'niy zakon ot 24 iyulya 1998 № 124-FZ // Garant: informacionno-pravovoy portal [Eh/r]. – R/d: <http://base.garant.ru/179146/>

Статья поступила в редакцию 23.11.13

УДК 378

Kirpichnikova A.V. FORMATION OF THE CLUSTER COMPETENCES OF LOCAL GOVERNMENT FOR STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF THE DIRECTION OF PREPARATION 081100 PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION).

In article conditions of formation of the cluster competences of local government of students in the course of vocational training in higher education institution are considered.

Key words: local government, cluster of competences, municipal management.

A.V. Kirpichnikova, аспирант ФГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации специалистов профессионального образования», г. Санкт-Петербург, E-mail: krivih71@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРА КОМПЕТЕНЦИЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ 081100 ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ)

В статье рассматриваются условия формирования кластера компетенций местного самоуправления студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе.

Ключевые слова: местное самоуправление, кластер компетенций, муниципальное управление.

Местным или муниципальным самоуправлением называется организация власти на местах, предполагающая самостоятельное решение населением вопросов местного характера и управление муниципальной собственностью. Муниципальное самоуправление осуществляется гражданами путем различных форм прямого волеизъявления, а также через выборные и другие органы местной власти. Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, признается, гарантируется и осуществляется на всей ее территории. «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления», – прямо говорится в п. 2 ст. 3 Конституции РФ [1].

В Российской Федерации существуют пять типов муниципальных образований: сельское поселение, городское поселение, муниципальный район, городской округ, внутригородская территория города федерального значения – часть территории города федерального значения. В нашей стране сложилась дву-

уровневая система местного самоуправления, территория всех субъектов Российской Федерации поделена на территории муниципальных районов и городских округов, а территория муниципальных районов, в свою очередь, – на территории городских и сельских поселений, причем в малонаселенных местностях могут образовываться межселенные территории. Территории городов федерального значения разделяются на территории внутригородских муниципальных образований. Таким образом, в Москве и Санкт-Петербурге осуществляется одноуровневая система местного самоуправления [2].

Местное самоуправление в России имеет собственные исторические корни. Оно формировалось уже в средние века и получило значительное развитие во второй половине XIX века. Однако в советский период власть строилась на идее централизации. Воплощением ее были принцип демократического централизма как основа организации и деятельности Советского государства, включение Советов в единую систему органов государственной власти, право вышестоящих органов отменять

решения нижестоящих, двойное подчинение (по вертикали и горизонтали) отраслевых и функциональных местных органов управления.

В связи с широкой демократизацией общества во властные структуры сегодня приходят люди, не имеющие необходимого образования или еще вчера работавшие в узкоспециализированной области, где невозможно было получить даже элементарные навыки муниципального управления.

Муниципальная служба испытывает постоянную потребность в квалифицированных специалистах, которые могут эффективно работать без долгой предварительной подготовки, без «раскачки» и «настройки», в специалистах, способных генерировать новые идеи и реализовывать имеющиеся планы. Ключевое требование, предъявляемое работодателем из муниципальных органов к молодым специалистам, – это их подготовленность к практической деятельности, способность сразу приступить к делу, умение применить полученные в вузе знания на работе в конкретной должности. Такие навыки формируются в ходе практики, которая является, с одной стороны, неотъемлемой частью образовательного процесса, позволяющей обогатиться профессиональными знаниями, с другой – «испытательным сроком» для оценки пригодности будущего специалиста к работе.

Органы местного самоуправления испытывают высокую потребность в подготовке кадров. Реализация этой потребности сдерживается рядом следующих обстоятельств:

- отставание нормативно-правовой базы муниципальной службы в вопросах кадров от реальных потребностей;
- отсутствие долгосрочного и среднесрочного планирования в вопросах обучения муниципальных служащих;
- несоответствие потребностям размера финансовых средств, выделяемых на обучение муниципальных служащих;
- недостаточный уровень материально-технического и методического обеспечения процесса профессиональной подготовки;
- недостаточный уровень взаимодействия и координации между образовательными учреждениями и органами муниципальной власти в сфере определения потребностей в обучении, разработки учебных программ и графиков обучения. В силу этого во многих случаях сохраняется слабое влияние заказчика на образовательный процесс в учебных заведениях, осуществляющих профессиональную подготовку кадров.

Задача подготовки профессионалов в области муниципального управления, на чьих плечах лежит основная ответственность за разработку и реализацию стратегии развития страны, сопряжена со сложными и многогранными проблемами. Ее решение зависит от выполнения как учебных, так и организационно-управленческих, социально-экономических, финансовых, правовых и социально-психологических задач. В этой ситуации большое значение имеют взаимодействие и координация работы образовательных учреждений и органов муниципальной власти.

Анализ профессиональных компетенций, указанных во ФГОС ВПО по направлению подготовки 081100 Государственное и муниципальное управление в разделе организационно-управленческая деятельность, показал, что выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

- умением определять приоритеты профессиональной деятельности, эффективно исполнять управленческие решения;
- умением выявлять проблемы, определять цели, оценивать альтернативы, выбирать оптимальный вариант решения, оценивать результаты и последствия принятого управленческого решения;
- способностью принимать решения в условиях неопределенности и рисков, а также способностью применять адекват-

ные инструменты и технологии регулирующего воздействия при реализации управленческого решения;

- способностью принимать участие в проектировании организационных действий, умением эффективно исполнять обязанности; умением оценивать соотношение планируемого результата и затрачиваемых ресурсов;
- способностью применять имеющиеся технологии и методы кадровой работы;
- способностью свободно ориентироваться в правовой системе России, умением правильно применять нормы права;
- способностью эффективно участвовать в групповой работе на основе знания процессов групповой динамики и принципов формирования команды;
- умением определять параметры качества управленческих решений и осуществления административных процессов, выявлять отклонения и принимать корректирующие меры;
- способностью использовать основы теории мотивации при решении управленческих задач.

Особый статус, актуальность и востребованность отмеченных компетенций позволяет говорить о необходимости выделения их в особый кластер с целью комплексного формирования и оценивания. Под кластером компетенций местного самоуправления понимаем взаимосвязанные универсальные компетенции, востребованные для работы в органах муниципального самоуправления, включая: коммуникативную компетенцию, работу в команде, решение проблем, инициативу и предприимчивость, самоуправление, планирование и организацию, самообразование, информационную компетенцию.

Набор компетенций в кластере не ограничен, может варьироваться относительно времени, места и других факторов. Выделенные компетенции декомпозированы и определены в модель компетенций местного самоуправления.

На основе моделей компетенций, а также с учетом структуры компетенций (по И.А. Зимней [3]) был разработан вариант структуры кластера компетенций местного самоуправления, который включает мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный, рефлексивно-оценочный компоненты (таблица 1).

В своем исследовании мы отмечаем два подхода к формированию компетенций местного самоуправления: «внутренний» – через встроенные в учебные программы технологии работы, способствующие формированию компетенций, и подхода, определяющего внешнюю по отношению к учебному процессу деятельность как ведущую в этом процессе, получившего название «внешнего». Вовлечение студентов в процесс формирования субъектной позиции, способствующей формированию деятельностного компонента кластера компетенций местного самоуправления посредством активных педагогических технологий мы определяем как осознанное усвоение компетенций в формах и методах, симулирующих технологии реальной практики. Для достижения намеченной цели проведен анализ и выявлен набор технологий, способствующих формированию компетенций местного самоуправления, к ним относим: мозговой штурм, социальное проектирование, симуляции, метод кейс-стади, ролевые игры, ментальные карты, моделирование и др. Тогда как многочисленные исследования доказывают, что именно активные методы эффективны при формировании любых компетенций, особенно для коммуникативных навыков, умения работы в команде, умения решать задачи и др. Среди технологий, способствующих формированию всего кластера компетенций местного самоуправления, отдельно выделяем групповые виды работы (разработка социальных проектов, симуляции, кейс-метод, организационно-деятельностные игры и прочее), которые наи-

Таблица 1

Структура кластера компетенций местного самоуправления

Компоненты	Содержание
Мотивационно-ценностный	Осознание значимости компетенций для будущей профессиональной деятельности, проявление интереса к видам деятельности, способствующим формированию кластера компетенций местного самоуправления
Когнитивный	Совокупность усвоенных студентами знаний о сущности и структуре муниципального самоуправления, требованиях работодателя к специалисту
Деятельностный	Усвоенные способы деятельности, основу которых составляют обобщенные индикаторы поведения модели компетенций местного самоуправления
Рефлексивно-оценочный	Анализ результатов своей деятельности, соотнесение достигнутых результатов с поставленной целью, оценочное отношение к продукту своей деятельности

более приближены к реальным профессиональным практикам и, соответственно, способствуют эффективному формированию компетенций местного самоуправления.

Следующим направлением формирования компетенций местного самоуправления мы определяем закрепление деятельностного и формирование рефлексивно-оценочного компонента кластера компетенций местного самоуправления через внедрение в учебный процесс элементов коучинга – обучение на рабочем месте. Рассматриваем данный вид образования в деятельностно-компетентностной парадигме, в соответствии с которой практико-ориентированное образование направлено не только на приобретение знаний, умений, навыков, но и опыта практической деятельности, в том числе с целью формирования компетенций местного самоуправления, что подразумевает вовлечение студентов в активную работу.

Пока практика проводится в соответствии с ГОСаами второго поколения по специальности «Государственное и муниципальное управление». Но уже вступили в силу и реализуются новые федеральные государственные образовательные стандарты, в соответствии с которыми конкретные виды практик, их цели, задачи, программы, формы отчетности определяются каждым

вузом самостоятельно. Вопросы прохождения практики чаще всего регулируются путем заключения двухсторонних договоров или соглашений между вузами и органами государственной власти, органами местного самоуправления и другими организациями, в которых оговариваются права и обязанности направляющей и принимающей на практику сторон [4].

В плане трудоустройства и закрепления выпускников хорошо зарекомендовала себя следующая схема: студент проходит все практики в одной организации, на основе полученных на практике материалов выполняет контрольные, курсовые и дипломную работы, а по окончании обучения принимается в эту организацию на работу.

Взаимодействие и координация работы в области подготовки кадров для органов муниципальной власти приобретает сегодня характер политического влияния, гибкого партнерства, взаимной заинтересованности и формирования ответственности участников за принимаемые решения в вопросах обучения персонала. Конечной целью этой работы является формирование высокопрофессионального аппарата, способного эффективно осуществлять задачи и функции органов государственной власти и местного самоуправления.

Библиографический список

1. Конституции РФ. Пункт 2. Статья 3.
2. Горожанам о местном самоуправлении. – СПб., 2005. – Вып. 2.
3. Зимняя, И.А. Компетентностный подход в образовании (методолого-теоретический аспект) // Проблемы качества образования: материалы 15 Всероссийской научно-методологической конф. – М., 2005. – Кн. 2.
4. Кривых, С.В. Методические рекомендации по разработке учебных планов по ФГОС ВПО / С.В. Кривых, А.Н. Строганова. – СПб., 2011.

Bibliography

1. Konstitucii RF. Punkt 2. Statija 3.
2. Gorozhanam o mestnom samoupravlenii. – SPb., 2005. – Vihp. 2.
3. Zimnyaya, I.A. Kompetentnostnij podkhod v obrazovanii (metodologo-teoreticheskiy aspekt) // Problemih kachestva obrazovaniya: materialih 15 Vserossiyskoyj nauchno-metodologicheskoyj konf. – M., 2005. – Kn. 2.
4. Krivihkh, S.V. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke uchebniikh planov po FGOS VPO / S.V. Krivihkh, A.N. Stroganova. – SPb., 2011.

Статья поступила в редакцию 24.11.13

УДК 378.1+159.9:745/749

Shcherbakova M.V. PEDAGOGICAL SUPPORT FUTURE DESIGNERS FORMATION OF CREATIVITY. Presented article reflects some aspects of pedagogical support training of future designers in high school. Describes the basic components of creativity design students in the educational process.

Key words: creativity, future designers, educational process, pedagogical support future.

М.В. Щербакова, аспирант каф. педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Нижегородский гос. архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, E-mail: e.e.1806@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Представленная статья отражает отдельные аспекты педагогического сопровождения подготовки будущих дизайнеров в высшей школе. Описаны основные компоненты креативности студентов-дизайнеров в образовательном процессе.

Ключевые слова: креативность, будущие дизайнеры, образовательный процесс, педагогическое сопровождение.

Проблема творчества стала в наши дни настолько актуальной, что по праву считается «проблемой века». В современных условиях профессионально востребованным и успешным становится тот дизайнер, который способен казуально воспринимать, действительность и креативно в ней действовать – на имеющемся оборудовании и материалах создавать, модные и стильные вещи, демонстрируя высокий эстетический вкус, тонкое чувство меры, глубокую, оригинальность замысла и приверженность региональным культурно-историческим традициям [1].

Современная высшая школа призвана удовлетворить потребности общества, находящегося на данном этапе в постоянном поиске и обновлении всех сторон своей деятельности, и основой для этого совершенствования является развитие личности, обладающей творческой индивидуальностью и особым креативным мышлением. Приобретенные научные и специальные знания не являются достаточными для того, чтобы считать-

ся хорошим специалистом, необходимо учитывать развитие таких сторон личности, которые в наибольшей степени соответствуют индивидуальным задаткам, творческому потенциалу личности. Для успешного профессионального становления личности, педагогам необходимо помнить о том, что одна из главных ролей в данном процессе принадлежит творческому потенциалу, который необходимо не только развивать, но поощрять и поддерживать у студентов в процессе обучения в вузе. В связи с этим необходима позитивная социализация выпускника к профессиональной деятельности, готовность выпускника к инновационной, самостоятельной проектной деятельности формируется в процессе педагогического сопровождения.

Необходимость организации педагогического сопровождения (как особой деятельности всех субъектов образовательного процесса) возрастает в связи с инновационными преобразованиями в секторе экономики и образования. В частности, перс-

пективным исторически обоснованным направлением развития профессионального образования в сложившихся экономических условиях является создание консорциумов образовательных учреждений [2], формирование научно-образовательных центров, корпоративных университетов и др.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена наличием противоречий между:

- объективной потребностью общества в дизайнерах, способных создавать эстетически выразительную продукцию, удовлетворяющую утилитарные и духовные потребности человека, и недостаточным уровнем готовности будущих выпускников вузов к современной дизайн-деятельности;

- расширяющимися инновационными возможностями образовательного процесса вуза и их ограниченным использованием в развитии креативного потенциала будущего дизайнера.

- потребностью в разработке теоретических основ и технологий педагогического сопровождения студента-дизайнера в процессе его личностно-профессионального становления в образовательном пространстве вуза и недостаточной разработанностью этой проблемы в теории и практике общей и профессиональной педагогики, в частности, недостаточным количеством исследований, посвященных педагогической деятельности, обеспечивающих такое сопровождение.

Согласно определению Международного Совета обществ промышленного дизайна (ICSID) дизайн является креативной деятельностью, чья основная задача заключается в приведении многогранных качеств объектов, процессов по их производству и дальнейшему обслуживанию в единый жизненный цикл. В связи с этим, дизайн является центральным фактором инновационной гуманизации технологий и критическим фактором культурного и экономического обмена. Дизайнерская деятельность предполагает высокий уровень креативности, так как направлена на создание объектов, обладающих индивидуальным своеобразием и требующих особого восприятия [3].

Креативность будущего дизайнера — интегративная способность личности, характеризующееся готовностью к высокохудожественному конструкторско-технологическому решению задач проектирования промышленных изделий, полиграфической и рекламной продукции, имиджа, удовлетворяющих социокультурные и утилитарные запросы заказчиков и потребителей [4; 5; 6].

В отечественной психологии и педагогике интерес к содержанию и формам педагогического сопровождения развития креативности у студентов растет. В психолого-педагогическом аспекте данной проблеме посвящены работы Б.Т. Ананьева, А.А. Деркача, Э.Ф. Зеера, А.М. Матюшкина, Г.А. Мелекесова, П.И. Пидкасистого, К.К. Платонова, Е.М. Разинкиной, И.Э. Ярмакеева. Психологическим аспектам творчества и креативности уделено внимание в трудах В.Д. Богоявленской, Л.С. Выготского, В.Д. Дружинина, О.К. Тихомирова, Н.Я. Хряцовой, М.А. Холодной, а также зарубежных исследователей Дж. Гилфорда, К. Тейлора, Е. Торренса. Творческий потенциал в целостной структуре личности рассмотрен в исследованиях В.И. Андреева, Г.С. Альтшуллера, Т.Г. Браже, Ю.Н. Кулюткина, С.Е. Матушкина, В.Г. Рындак, В.В. Серикова, А.В. Хуторского, Н.М. Яковлевой.

В исследованиях И.Д. Демаковой, В.А. Караковского, Л.М. Новикова, Н.Л. Селивановой, Л.Н. Левина и др. представлена теория гуманизации образовательного и воспитательного процесса. Обучающийся рассматривается как субъект жизнедеятельности (а не только субъект обучения) и индивидуум, реализующий свою «самость» в образовательных процессах (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, В.В. Горшкова, В.А. Петровский, З.И. Рябикина, В.И. Слободчиков и др.) [7].

В нашем исследовании под педагогическим сопровождением мы понимаем разработку и последующую реализацию педагогической модели педагогического сопровождения развития творческого потенциала будущего дизайнера, обеспеченной совокупностью условий ее продуктивной интеграции в образовательный процесс вуза с помощью педагогической технологии. Педагогическое сопровождение — это сложная, системная деятельность всех субъектов образовательного процесса, направленная на актуализацию творческого потенциала будущего профессионала в сфере дизайна. Педагогическое сопровождение включает в себя педагогическую поддержку как особую сферу деятельности, сферу деятельности педагога вуза, ориентированную на взаимодействие со студентом-дизайнером при оказании

ему конкретной помощи в личностном росте, социальной адаптации, альтернативном выборе способов поведения, самоутверждении. Педагогическое сопровождение выступает не только как реальное воплощение гуманной педагогики и личностно ориентированного образования, но и как проявление инновационных процессов в высшем учебном заведении.

В проводимом нами исследовании ведущей стратегической задачей педагогического сопровождения развития креативности обозначена помощь будущему дизайнеру в его становлении как личности, признание его уникальности, индивидуальности, раскрытие и поддержка его актуальных и потенциальных возможностей, создание условий для их максимальной реализации.

Результатом педагогического сопровождения развития креативности студента-дизайнера становится развитие основных компонентов креативности: мотивационно-целевого, включающего согласованные мотивы, ценности, цели будущего специалиста, отражающие понимание социальной значимости продуктов профессиональной деятельности и осознание индивидуальных целей и возможностей саморазвития; когнитивно-содержательного, предполагающего наличие профессиональных знаний, умений и навыков, способствующих успешной профессиональной деятельности; рефлексивно-творческого, обуславливающего саморегуляцию учебно-профессиональной деятельности, самоопределение и самовыражение будущего дизайнера в результатах индивидуального творчества.

Как известно ведущими факторами развития личности являются наследственность (задатки), среда, специально-организованное воспитание и обучение, собственная активность личности (С.Я. Батышев, Е.А. Климов, М.В. Ретивых, В.Д. Симоненко, В. Ядов и др.). В связи с этим в нашем исследовании определены ведущие факторы развития креативности будущих дизайнеров: организация творческой среды, непрерывное образование взрослых как стадийный, целостный пожизненный процесс, обеспечение непрерывности образования. Основываясь на данном положении, были разработаны и внедряются принципы и условия организации профессиональной подготовки будущих дизайнеров.

В проводимом нами исследовании педагогическое сопровождение развития креативности будущих дизайнеров осуществляется на основе ведущих принципов организации образовательного процесса:

- метапредметная интеграция содержания образовательных блоков и модулей обучения;

- принцип мотивационно-творческой активности студентов то есть формирование позитивных мотивационных структур и мотивационных установок на выполнение учебной и творческой деятельности; высокого уровня проектной культуры, погружение обучающихся в проблемную ситуацию (по Н.А. Новикову);

- принцип субъектной интеграции;

- принцип креативности, ориентированный на развитие интегративных качеств личности, влияющий на творческий характер деятельности, способность к поиску принципиально-новых подходов к решению учебных и профессиональных задач;

- принцип развития эмоционального творчества, направленного на развитие способности слышать и понимать других и т.д. [8].

Эффективность педагогического сопровождения развития креативности студентов-дизайнеров обеспечивается совокупностью следующих педагогических условий:

- формирование и совершенствование профессиональной компетентности студентов-дизайнеров, достигается при условии организации учебно-воспитательного процесса на основе компетентностного подхода [9];

- обеспечение вхождения студента в профессию дизайнера через развитие общих и специальных способностей в процессе непрерывного образования (профильные классы — художественное училище — вуз);

- наличие творческих педагогов, имеющих гуманистическую позицию и владеющих индивидуальными и групповыми формами и методами педагогической поддержки [10].

- блок-рейтинговая система мониторинга успеваемости студентов;

- внедрены инновационные технологии образования, ведущей из которых является;

– создание условий для самообразования студентов (обеспечен доступ к образовательным ресурсам в процессе обучения).

Реализация описанных условий и принципов возможна в процессе педагогического сопровождения, основанном на гуманистическом отношении обучающихся и преподавателей. Доказательством эффективности и результативности педагогического сопровождения развития креативности будущих дизайнеров в практике высшей школы позволила повысить уровень инновационного потенциала в творческой деятельности обучающихся и педагогов.

Основой для формирования дизайнера нового поколения, обладающего высоким уровнем общекультурной и профессиональной компетентности, способного к функциональной адаптации в различных сферах дизайнерской деятельности, готового самостоятельно проектировать и реализовывать программы разного уровня и направленности, является изменение содержания дизайнерского образования в сторону его фундаментализации, гуманизации и дифференциации, а также разработка и реализация инновационных образовательных технологий, позволяющих организовать творческую деятельность обучающихся.

Библиографический список

1. Сапугольцев, В.Ю. Развитие креативности будущих дизайнеров костюма: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2011.
2. Мухина, Т.Г. История и перспективы развития дополнительного профессионального образования в России / Т.Г. Мухина, Е.В. Копосов, В.В. Бородачев // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 3 (27).
3. Варлакова, Ю.Р. Особенности развития креативности будущих дизайнеров-педагогов // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 121.
4. Матвеева, С.Е. Педагогический мониторинг инновационной деятельности в системе «Школа-ссуз-вуз»: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Казань, 2011.
5. Тарасова, О.П. Развитие креативного потенциала будущего дизайнера: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2010.
6. Шлюбуль, Е.Ю. Педагогическая поддержка студента в образовательном пространстве вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Краснодар, 2005.
7. Яковенко, И.М. Педагогическое сопровождение развития творческого потенциала будущего педагога в условиях вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Петропавловск-Камчатский, 2006.
8. Профессиональная педагогика / под ред. С.Я. Батышева, А.М. Новикова. – М., 2009.
9. Сорокоумова, С.Н. Компетентностный подход к профессиональной подготовке студентов строительных специальностей // Приволжский научный журнал. – 2010. – № 1.
10. Щербаклова, Е.Е. Педагогическая креативность как фактор развития студентов в условиях профессиональной подготовки // Приволжский научный журнал. – Н. Новгород. – 2010. – № 4(16).

Bibliography

1. Sapugoljcev, V.Yu. Razvitie kreativnosti buduthikh dizajnerov kostyuma: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Orenburg, 2011.
2. Mukhina, T.G. Istoriya i perspektivih razvitiya dopolnitelnogo professionaljnogo obrazovaniya v Rossii / T.G. Mukhina, E.V. Koposov, V.V. Borodachev // Privolzhskiy nauchniy zhurnal. – 2013. – № 3 (27).
3. Varlakova, Yu.R. Osobennosti razvitiya kreativnosti buduthikh dizajnerov-pedagogov // Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2010. – № 121.
4. Matveeva, S.E. Pedagogicheskiy monitoring innovacionnoj deyateljnosti v sisteme «Shkola-ssuz-vuz»: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – Kazanj, 2011.
5. Tarasova, O.P. Razvitie kreativnogo potenciala buduthego dizajnera: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Orenburg, 2010.
6. Shlyubulj, E.Yu. Pedagogicheskaya podderzhka studenta v obrazovateljnom prostranstve vuza: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Krasnodar, 2005.
7. Yakovenko, I.M. Pedagogicheskoe soprovozhdenie razvitiya tvorcheskogo potenciala buduthego pedagoga v usloviyakh vuza: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2006.
8. Professionaljnaya pedagogika / pod red. S.Ya. Batihsheva, A.M. Novikova. – M., 2009.
9. Sorokoumova, S.N. Kompetentnostniy podkhod k professionaljnnoj podgotovke studentov stroiteljniikh specialjnostey // Privolzhskiy nauchniy zhurnal. – 2010. – № 1.
10. Therbakova, E.E. Pedagogicheskaya kreativnostj kak faktor razvitiya studentov v usloviyakh professionaljnnoj podgotovki // Privolzhskiy nauchniy zhurnal. – N. Novgorod. – 2010. – № 4(16).

Статья поступила в редакцию 23.11.13

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 821.161.1

Anabilova B.M. MORALLY-ETHICAL ISSUES IN JOURNALISM HAJI ARIPOVA. The article highlights the moral and ethical issues in journalism, the well-known Dagestani publicist Haji said. A study of these problems is dictated by their social significance and relevance.

Key words: morally-ethical issues, journalism, a sketch, an artistic element, and fiction.

Б.М. Анабилова, соискатель каф. литературы Дагестана и Востока ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. университет», г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ГАДЖИ АРИПОВА

В статье освещаются нравственно-этические проблемы в публицистике известного дагестанского писателя-публициста Гаджи Арипова. Изучение данных проблем продиктовано их социальной значимостью и востребованностью.

Ключевые слова: нравственно-этические проблемы, публицистика, очерк, художественный элемент, художественная литература.

Проблему сохранения культурной идентичности и национального самосознания дагестанцев усиливает поиск новых форм выражения культурных и социальных традиций. Писатели-публицисты смогли создать оригинальные этические концепции, в которых содержались программы нравственных действий. Публицистический текст, приобретший статус литературного факта, строится теперь по законам художественности, которая может опираться на литературный подтекст. Лучшие образцы современной публицистики занимают место, которое прежде было занято художественной литературой.

Исследователи отмечают, что «по своим особенностям очерк близок к малым формам художественной литературы рассказу или короткой повести, но отличается тем, что конкретен, построен на фактическом материале... Очерк призван дать образное представление о людях, показать их в действии» [1, с. 83].

Книги публицистических статей, очерков Г.Г. Арипова сегодня занимают одну из крупнейших ниш в фонде национальной дагестанской публицистики. Они занимают особое место как в плане стилистическом, так и семантическом и художественном. Творчество Г. Арипова является порождением определенного исторического этапа, которая объединена процессом выработки моральных, нравственных и эстетических норм дагестанского общества. Столь повышенный интерес к творчеству писателя-публициста объясняется, прежде всего, мощью его литературного таланта и актуальностью проблем, поднимаемых им в своих очерках. Очерки и статьи Г. Арипова насыщены раздумьями, актуальны для всего российского общества.

Публицистика Г. Арипова развивается в русле дагестанской литературы как новый эстетический феномен. Она имеет все основания для вхождения в мировой культурный контекст. Данный род литературы затребован в обществе, имеет большую социальную значимость, чем приобретает еще большую актуальность. Говоря об актуальности изучения национальной

публицистики, мы подчеркиваем необходимость более детального исследования творчества таких известных публицистов Дагестана, как Гаджи Арипов.

Гаджи Арипов является одним из известных дагестанских писателей-публицистов XX века. С 1981 по 1991 годы Г.Г. Арипов был Председателем Союза журналистов Дагестана, членом правления Союза журналистов СССР. Именно в эти годы оттачивается, совершенствуется его мастерство как журналиста, как писателя. Основными жанрами его публицистики становятся очерк и статья. Они более эффективны, дают простор для художественного осмысливания событий. Талант Гаджи Арипова обогатил дагестанскую публицистическую прозу. В 1984 году в Дагестанском книжном издательстве на русском языке выходит книга Гаджи Арипова «Золотые звезды Дагестана». Эпиграфом автор взял слова народного писателя Расула Гамзатова «Люди, люди высокие звезды, долететь бы мне только до вас». Его герои – живые люди, события в его очерках воспроизводятся документально. Очерк рисует высокие нравственно-этические качества дагестанцев. Герои этой книги – представители разных национальностей. У каждого из них свой характер, свои мысли и чувства. Но всех их объединяет главное – высокая нравственность, беззаветная преданность Родине, чувство причастности к единой семье народов – братьев. За эту книгу Арипову Гаджи Гаджиевичу была присуждена республиканская премия имени Сулеймана Стальского. Книга получила широкое общественное признание. Многие его очерки были переведены и на другие дагестанские языки.

Нравственно-этические проблемы, поднятые в публицистике Гаджи Арипова, их созвучие с реалиями нашего времени придают особую окраску его творчеству. Через сложную систему созданных им образов он оказывал последовательно активное влияние на формирование общественного мнения не только в Дагестане, но и за ее пределами. Оно существенно сказалось

на развитии дагестанской публицистической прозы, в том числе наиболее ярко обнаружилось в аварской литературе.

Особое внимание в его творчестве уделяется нравственно-этическим проблемам, военно-патриотическому воспитанию молодежи, укреплению дружбы народов. Его наследие получает продуктивный отклик в работах многих писателей, что является свидетельством таланта писателя.

Специфика образного мышления публициста заключается в сочетании понятия и образа, где образ выступает чисто художественным элементом, а понятие – рациональным. Взаимодействие этих двух элементов в публицистическом произведении обуславливает своеобразие композиции, что нагляднее всего проявляется в очерке, где образность находится в логической связи с понятийностью [2].

Способность воссоздания многоплановой картины окружающего мира является ценным качеством публицистических произведений Гаджи Арипова, в которых переплетаются нравственные и эстетические характеристики и оценки.

В произведениях Гаджи Арипова прослеживаются представления автора о нравственно-этических ценностях, на которых должно ориентироваться общество. А утрата этих ценностей ведет общество к бездуховности и деградации.

Гаджи Арипов самым активным образом выступает против духовной пустоты и равнодушия. Герои его произведений силой обстоятельств оказываются в ситуациях, когда от них требуется нравственный выбор. Их победа обусловлена силой духа человека, который в критические минуты жизни сознательно выбирает добро.

«Журналист, писатель, ученый» – так характеризует Г.Г. Арипова дагестанская поэтесса, прозаик, драматург Майсара Магомедова. В своей работе, посвященный его жизни и творчеству [3, с. 297], она высоко отзывается о его журналистском

мастерстве, совершенстве языка, лаконичности слова, речи как писателя, особо подчеркивает, что он днем и ночью работает над изучением истории Дагестана, исследованием судеб и подвигов мужественных сынов Отечества, чтобы сохранить их имена для новых и новых поколений людей.

«Мы поражались его удивительной работоспособности и выносливости. Он не любил, чтобы говорили о нем, но сам в своих очерках находил как никто другой самые сокровенные слова, чтобы сказать о добрых людях. Редко кто может, так как он заглянуть в глубину сердца человека. Твердо, уверенно могу сказать, что таких писателей-публицистов у нас немного...» [4, с. 144].

Его очерки, написанные эмоционально, с болью в душе, глубокие по содержанию имели широкий общественный резонанс. В центре его произведений стоит проблема нравственного выбора, которая раскрывается им через систему отрицательных и положительных образов.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что обозначаемая Г. Ариповым в очерках жизнь дагестанского общества, сопровождаемая в своем изображении жизнью духовно-нравственной и индивидуальной, становится во второй половине 80-х гг. объектом изображения и других дагестанских писателей, в частности в повестях народного поэта Дагестана Ахмедхана Абу-Бакара. Главной темой его произведений является вера в настоящего человека, способного изменить существующую действительность к лучшему. Автор ищет настоящего человека и находит его среди самых разных людей.

Гаджи Арипов писатель-публицист, открывший жизнь своего народа с его духовными устремлениями и неиссякаемым трудолюбием. Сегодня исследование нравственно-этических проблем в публицистике Гаджи Арипова привлекает внимание широкого круга исследователей.

Библиографический список

1. Богданов, Н. Г. Справочник журналистов / Н.Г. Богданов, Б.А. Вяземский. – Л., 1971.
2. Магомедова, З.К. Дагестанская публицистика XX века: формирование, развитие, тенденции. – Махачкала, 2010.
3. Магомедова, М.М. Аваразул бихьиназ члар раглараб Дагъистан. – Махачкала, 1999.
4. Шахтманов, М-С. Баглараб байрахъ. – Махачкала, 1991.

Bibliography

1. Bogdanov, N. G. Spravochnik zhurnalistov / N.G. Bogdanov, B.A. Vyazemskiy. – L., 1971.
2. Magomedova, Z.K. Dagestanskaya publicistika XX veka: formirovanie, razvitiye, tendencii. – Makhachkala, 2010.
3. Magomedova, M.M. Avarazul bikhjinaz clar raglarab Dagjistan. – Makhachkala, 1999.
4. Shakhhtamanov, M-S. Baglarab bayirakhj. – Makhachkala, 1991.

Статья поступила в редакцию 21.10.13

УДК 81

Getman A.A. CONCEPT «WEALTH» IN ENGLISH LINGUACULTURE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY. The article touches upon the concept «wealth». The concept is represented by nouns, verbs and adjectives which are classified into several groups. The number of words represented by corresponding parts of speech and percentage are highlighted. A philosophical base in perception of wealth is revealed.

Key words: concept, linguaculture, wealth.

A.A. Гетман, аспирант каф. английского языка факультета иностранных языков Новосибирского гос. педагогического университета, г. Новосибирск, E-mail: anastassia-email@mail.ru

КОНЦЕПТ «БОГАТСТВО» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается концепт «богатство». Приводятся классификации имен существительных, прилагательных, глаголов, через которые концепт репрезентируется. Определяются число и процентное соотношение употребления выше указанных частей речи. Выявляется философская база в восприятии богатства.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, богатство.

В лингвистике наблюдалось такое явление как смена парадигм. Общеизвестным является факт существования трех лингвистических парадигм, к которым относятся: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы. Для каждой парадигмы характерным было свое направление в исследованиях. Сравнительно-историческая парадигма, в рамках которой ученые занимались реконструкцией языков, установлением родства языков, сменилась

системно-структурной, характерной чертой, которой явился акцент на слово. Весомый вклад в утверждение этой парадигмы в лингвистике внес Ф. де Соссюр. В настоящее время отмечается, что системно-структурная парадигма уступила место антропоцентрической, где центром познания является человек, а язык характеризует человека. В рамках этого подхода не следует рассматривать язык вне человека и человеческой деятельности. Основы последней парадигмы были

заложены в начале XX в. В. фон Гумбольдтом и развиты последующими учеными.

На данном этапе развития лингвистической науки отчетливо выделяется такое направление как лингвокультурология, которая утвердилась в последней четверти XX в. Лингвокультурология по своей сути является направлением, в котором синтезируются лингвистическое и культурологическое знание. Таким образом, при лингвокультурологическом подходе следует рассматривать исследуемые явления через призму культуры и традиции, а также их языковое воплощение. Следовательно, являясь молодым направлением науки, как сама лингвокультурология, так и идеи в рамках лингвокультурологии обладают большим потенциалом и представляют интересный материал для исследования.

Наибольший интерес вызывает рассмотрение тех или иных концептов. Ряд ученых занимается изучением концептов. Среди них выделяются труды В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, В.В. Воробьева, А.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.

В рамках лингвокультурологии выделяют модели концептов, предложенные В.И. Карасиком и Ю.С. Степановым. В данной статье мы исследуем концепт в рамках Волгоградской школы. След за В.И. Карасиком мы рассматриваем именно лингвокультурный концепт, представленный тремя элементами: понятийным (фактуальным), образным и ценностным. Ценностный компонент концепта является самым важным и составляет его ядро, позволяя включить единицу в общекультурный контекст. Внутри ценностного компонента выделяются два аспекта: оценочность и актуальность. Аспект оценочности выражается в наличии оценочной составляющей в денотате языковой единицы (имя концепта) и в оценочных коннотациях этой единицы, а также в сочетаемости с оценочными эпитетами. Проверить наличие этого аспекта можно путем компонентного и контекстуального анализов. Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, которые представляют собой средства апелляции к концепту. Наличие этого аспекта можно проверить методом количественного подсчета [1, с. 27].

Данная статья посвящена исследованию концепта «богатство» в английской лингвокультуре. Как уже отмечалось выше, исследование концептов является одним из основных направлений в лингвистике на данном этапе развития науки. Имеется ряд работ, посвященных концепту «бедность» и концепту «богатство», что свидетельствует о том, что вопросы богатства и бедности являются актуальными в современном мире.

С.Б. Куцый, Е.Г. Стешина, Е.Н. Учайкина, Н.С. Макеева, Е.В. Клементьева занимались изучением этих концептов. Исследования проводились в сопоставлении с испанским и русским языками (Н.С. Макеева); исследовалась репрезентация концепта «богатство» в древнеанглийский период (Е.Н. Учайкина); делался акцент на идиоматику и паремии (С.Б. Куцый); исследовался концепт «богатство» в русском и английском сознании молодежи, где основным материалом послужили результаты психолингвистических экспериментов (Е.Г. Стешина); изучался когнитивный аспект концепта «богатство» (Е.В. Клементьева).

Принципиально новым является рассмотрение концепта «богатство» в рамках философского обоснования в восприятии богатства.

Настоящая статья посвящена рассмотрению концепта «богатство» как этической категории, исследованию отношения человека начала XX в. к богатству. В качестве гипотезы нашего исследования выдвигается мысль о том, что в католичестве отношение к богатству было негативным в том смысле, что богатому человеку труднее было попасть в Царство Небесное, чем бедному человеку, так как бедный человек стоит ближе к Богу.

Ранее уже отмечалось, что лингвокультурология напрямую синтезирует в себе знания культуры и языка. Неоспоримым является факт связи языка, культуры, мышления и реальности. Эту связь можно установить, прежде всего, на лексическом и текстологическом уровнях [2]. В рамках исследования мы сделаем попытку выявить, насколько религиозные догмы и социальные нормы сопоставимы с восприятием богатства в начале XX в., и какое языковое воплощение находит концепт «богатство».

Материалом для исследования послужил роман А. Дж. Кронина «Цитадель», так как автор романа является католиком и описываемый период – начало XX в.

Рассматривая богатство, следует обратить внимание на то, как воспринималось богатство раньше, как изменилось отношение к богатству в ходе истории. Преследуя эту цель, обратимся к идеям античного общества. Античное общество – общество Древней Греции и Рима в период с IX–VIII вв. до н.э. до IV–V вв. н.э. До периода персидских войн философию называли натурфилософией. Ее основой было исследование и объяснение закономерных связей в природе. Начиная с Сократа, философская мысль становится этической. Сократ, Платон, Аристотель, Л.А. Сенека рассматривают богатство именно как этическую категорию [3, с. 147-148].

Платоновская идея среднего состояния (пример с горшечником: богатство и бедность в равной мере вредны для человека) перешла из античности в европейское Просвещение, где под «средним состоянием» также понимается такое, при котором у человека имеется достаточное количество богатства для того, чтобы вести нормальное существование. Излишек богатства приводит к роскоши и лени, а нехватка богатства, жизненных средств ведет к преступлениям, порокам и другим негативным явлениям действительности. Подтверждение этому мы находим в произведениях Г. Филдинга, Ч. Диккенса. В произведениях последнего раскрывается истинная жизнь европейского человека своего времени и отношение к действительности.

Как философы античности, так и представители философской мысли Средневековья воспринимали богатство как то, что в избытке приводит к уничтожению человеческой души. Чрезмерное богатство «съедает» человека. Таким образом, чрезмерное богатство – это вред и препятствие. Для примера, Л.А. Сенека, будучи одним из богатейших людей своего общества, отмечал, что богатство приносит пользу и радость, но в это же время оно может вызывать зависть. Следовательно, богатство – это зависть. К богатству не стоит привязываться, оно не является целью жизни человека.

В богатстве сочетаются противоречивые черты, что делает концепт интересным для исследования. Идея «отдать все и следовать нагим за нагим Христом» присутствует в христианской морали. Иначе: богатство приносит вред, это одно из зол. С другой стороны, с появлением Протестантизма появляется теория о пользе богатства, где богатство – это благо. Таким образом, в основе представлений о богатстве лежит неоднозначная идея о том, что богатство – это благо (протестантский взгляд) и богатство – это вред (католическая точка зрения). Тем не менее, в обоих представлениях стремление к накоплению чрезмерного богатства порицается. Следовательно, можно говорить о таком проявлении как жадность: жадность в богатстве – это грех.

Следует особо отметить связь между богатством и честностью: в Протестантизме по сравнению с католицизмом более явно выделяется мысль о том, что богатство необходимо получать исключительно честным путем. Следовательно, богатство – это честность.

Проводя лингвистический и текстологический анализы романа А. Дж. Кронина «Цитадель», мы попытаемся выявить, как воспринимается богатство в намеченном ранее ключе.

В романе «Цитадель» показано изменение человека в процессе приобретения им материальных благ. Чрезмерное богатство не является основой жизни человека. Богатая, человек меняется, его мировоззрение подвергается изменениям. Он становится более черствым, и идеи дальнейшего совершенствования, справедливости, нравственности, как нам представляется – платоновские идеи, постепенно исчезают из списка его приоритетов. Это можно подкрепить следующим примером: «*But let me tell you this. I'd rather be a blasted neurotic woman and spiritually alive than a blasted successful man – and spiritually dead!*» («*Но разреши сказать тебе, что лучше быть психопаткой, да сохранить живую душу, чем быть карьеристом и дойти до духовной смерти!*») [4, с. 353; 5, с. 299]. Следовательно, богатство меняет человека. В данном контексте мы можем поставить вопрос о том, является ли богатство силой разрушения или силой созидания.

В статье мы сделаем попытку ответить на следующие вопросы:

- 1) богатство – это вред и препятствие?;
- 2) богатство – это цель?;
- 3) богатство – это зло или благо?;
- 4) богатство – сила разрушения или созидания?;
- 5) богатство – это честность?

Посредством сплошной выборки было проанализировано 397 примеров. Репрезентация концепта «богатство» осуществляется посредством глаголов и глагольных сочетаний, имен существительных и имен прилагательных. Большую часть составляют глаголы и глагольные сочетания (178), включая 1 фразеологическую единицу (*to make ends meet* / *сводить концы с концами*), далее следует группа имен существительных и сочетаний с именами существительными (145), имена прилагательные представлены 49 единицами. Также в отдельную группу, насчитывающую 25 единиц, выделены выражения с основой (*article / пропой*) *poor + noun* / *пропой такие, как «poor thing!»* (*бедняжка!*), *«the poor woman»* (*бедная женщина*), *«poor Christine»* (*бедная Кристина*), *«poor dumb creatures»* (*несчастные создания*).

Концепт «богатство» репрезентируется глаголами и глагольными сочетаниями с общей семантикой выражения потребности в чем-либо. Рассматривая группу глаголов и глагольных сочетаний, можно выделить следующие группы:

1) глаголы и глагольные сочетания действия, показывающие материальное положение и высокий социальный статус (*to have got a lot of money* / *иметь много денег*, *to cost a little matter of twelve hundred pounds* / *стоить тысяча двести фунтов*), (24);

2) глаголы и глагольные сочетания, выражающие наслаждение от получения богатства (*to enjoy receiving cheques* / *нравиться получать чеки*), (13);

3) глаголы и глагольные сочетания накопления, приобретения, процветания (*to make one thousand five hundred a year* / *зарабатывать полторы тысячи в год*, *to overflow* / *изобиливать*), (55);

4) глаголы и глагольные сочетания, выражающие желание приобретения богатства (*to covet the practice* / *упиваться мечтами о практике*), (7);

5) глаголы и глагольные сочетания, указывающие на альтернативные цели (*to stop thinking of money* / *перестать думать о деньгах*), (9);

6) глаголы и глагольные сочетания выражения осуществления мечты (*to make oneself the centre of the universe* / *сделать кого-либо центром вселенной*), (3);

7) глаголы и глагольные сочетания, выражающие презрение к богатству (*to despise* / *презирать (о деньгах)*), (3);

8) глаголы и глагольные сочетания, отображающие нравственное разрушение (*to become mercenary* / *стать меркантильным*), (5);

9) глаголы и глагольные сочетания, указывающие на наличие чего-либо (*to have a wealth of material* / *иметь в наличии большое количество материала*), (1);

10) глаголы и глагольные сочетания положительной оценки богатства (*to lose one's thirst for money* / *потерять чрезмерное желание к обогащению*), (1).

Также можно выделить группы глаголов и глагольных сочетаний с противоположной семантикой, т.е. выражение состояния, при котором человек ощущает нехватку средств для существования, из-за чего он может подвергаться гонениям и презрительному отношению (*to hound forth upon the highway with scorn* / *травить и прогонять по автострате, выказывая презрение*, *to get ordered about* / *позволить другим помыкать собой*).

Во второй блок входят:

1) глаголы и глагольные сочетания потери богатства (*to give up a gold mine* / *отказаться от золотой жилы*), (8);

2) глаголы и глагольные сочетания, отражающие бедственное положение, нехватку средств (*to be left to struggle on in poverty* / *быть брошенным на произвол судьбы*), (34);

3) глаголы и глагольные сочетания плохого отношения к бедным (*to starve somebody* / *известить кого-либо*), (6);

4) глаголы и глагольные сочетания положительного отношения к бедности (*not to be ashamed of being poor* / *не стыдиться своей бедности*), (6);

5) глаголы и глагольные сочетания, указывающие на болезни (*to be poorly* / *болеть*), (2);

6) глаголы и глагольные сочетания выражения зависти (*to view enviously* / *завистливо наблюдать*), (1).

Следует отметить, что глаголы с семантикой приобретения представлены намного шире. Глаголы лишения богатства или его отсутствия составляют 32% от общего числа глаголов и глагольных сочетаний, в то время как глаголы обладания богатством составляют 68% соответственно.

Имена существительные могут быть разбиты на группы по такому же принципу. Первая классификация отражает те предметы, явления, которые непосредственно ассоциируются с богатством, и насчитывает 113 единиц. Это составляет 78% от общего числа единиц (145). Вторая классификация представляет предметы и явления, ассоциирующиеся с его отсутствием, и составляет 22% соответственно.

В первой классификации имена существительные представлены следующими группами: 1) собственность, предметы роскоши (*violins* / *скрипка*, *house* / *дом*), 38 единиц;

2) прибыльное дело (*practice* / *практика*), (8);

3) дома, улицы, места (*The Union* / *Профсоюз*, *the Plaza Hotel* / *Плаза*), (5);

4) деньги (*cheque* / *чек*, *money* / *деньги*, *background* / *материальное положение*), (21);

5) богатые люди (положительная оценка) (*prosperous fellows* / *преуспевающие люди*, *decent people* / *добропорядочные люди*), (8);

6) богатые люди (отрицательная оценка) (*enfant gâté* / *избалованный ребенок*, фр.), (11);

7) высокий социальный статус (*well-dressed and prosperous air* / *среда, в которой царит дух процветания и наблюдается изысканность одежды*), (1);

8) способ продвижения (*a woman* / *женщина*), (1);

9) еда (*richly composite meal* / *питательное блюдо*), (2);

10) богатство природы (*rich autumnal tinted countryside* / *богатый осенний пейзаж*), (1);

11) манера (*in style* / *стильно*), (1);

12) отсутствие средств (положительная оценка) (*no guinea-grabbing* / *ни гинеи не украд*), (4);

13) почетные звания (*M.R.C.P.* / *членство Королевского Терапевтического Колледжа*);

14) состояние обладания богатством (*manifest prosperity* / *показывать богатство*), (8);

16) идея (*money – principle* / *деньги – цель*), (1).

Второй блок представлен именами существительными, выражающими отсутствие благ. Сюда входят следующие группы:

1) бедные люди (отрицательная оценка) (*poor people* / *бедняки*, *the have-nots* / *неимущие*), (5);

2) бедные люди (положительная оценка) (*poor people* / *бедняги*, *wretched creature* / *несчастные создания*), (3);

3) собственность бедняков (*inexpensive dress* / *дешевое платье*, *poor household* / *бедно обставленный дом*), (6);

4) бедственное положение (*heroic effects* / *пожитки*, *moments of sheer terror* / *моменты страха и отчаяния*), (11);

5) заведения для бедных (*Cefen Row* / *Сефен Роу*), (5).

Имена прилагательные представлены 49 единицами. Проанализированные имена прилагательные можно разгруппировать на имена прилагательные, выражающие значение:

1) «состоятельный» (*well-off*, *successful*), (15);

2) «дорогостоящий» (*expensive*, *superb*), (4);

3) «надменный» (*stingy*, *guzzling*);

4) «нравственные мотивы» (*happy*, *ethical*), (5);

5) «стесненные обстоятельства», «бедность» (*poorly furnished*), (14);

6) «потрепанный» (*ramshackle*), (2);

7) «нечестный» (*unjust*, *unfair*), (2);

8) «бедность» (*deliriously happy*), (1).

Результаты анализа показали следующее: из 268 примеров 140 примеров (52%) можно охарактеризовать как примеры, в которых богатство оценивается негативно, остальные 128 примеров (48%) содержат в себе положительную оценку богатства. Таким образом, можно сделать вывод, что положение о том, что богатство оценивается негативно в католичестве, подтверждается наличием большего числа единиц с негативной оценкой.

По результатам проведенного исследования также можно утверждать следующее:

1. Языковое воплощение концепта «богатство» выражается в том, что богатство относится к сфере деятельности, т.е. наличие глагольного выражения концепта. Отсюда приобретение богатства – деятельность, затраченные усилия. Богатство относится к действию. Глаголы с семой накопления и приобретения как положительного действия преобладают в первой группе глаголов. Приобретение не считается отрицательной чертой.

2. Человек хочет быть богатым. Отсюда достаточно большой объем глагольных сочетаний с общим значением «желать богатства», например: *to earn* / *зарабатывать*, *to covet* / *жаж-*

дать, to wish / желать. Если обратиться к этимологии слова «богатство» в английском языке, то можно обнаружить, что английское *wealth* (богатство) происходит от *wel(l)* или *weal*. Этимологические словари связывают слово *wel* со словом *will* («желать»). *Weal* происходит от древнеанглийского *wela* в значении «wealth, well-being» («богатство, богатый, состоятельный») [6]. На этом основании мы можем сделать вывод о том, что богатство связано с благополучием и стремлением человека разбогатеть.

3. Богатство приводит к нравственному разрушению, что прослеживается в ранее приведенных глагольных сочетаниях, связанных с меркантильностью, равнодушием и нечестными поступками. Отсюда богатство может явиться силой разрушения (разрушения личности).

4. Богатство и честность являются взаимосвязанными понятиями. К такому выводу мы приходим на основании текстологического анализа и анализа лексических единиц (имен прилагательных). Например, при характеристике разбогатевшего человека используются эпитеты *unjust, unfair* (нечестный, несправедливый) и некоторые другие с семей нечестность и ложь. Так в тексте романа главный герой встречается с богатыми, но не отличающимися честностью героями. Более того, он сам, разбогатев, становится на них похожим. Следовательно, богатый и честный не всегда могут стоять рядом.

5. Концепт «богатство» репрезентируется именами существительными, такими как *money / деньги, pounds / фунты* и т.д. Следовательно, воплощением материального богатства являются деньги и различные их проявления (дома, вещи т.п.),

на которые можно приобрести многое. При сравнении с лексическими единицами, репрезентирующими концепт «бедность», где ключевыми значениями являются отсутствие чего-либо и неудовлетворительное состояние, что подтверждается примерами выше, богатство воспринимается как то, к чему следует стремиться. С одной стороны, деньги могут решить все проблемы, с другой стороны, деньги как проявление богатства становятся тем, из-за чего человек теряет человечность и становится нечестным (*money – principle / деньги – основной принцип ведения дел*).

6. Богатство (в том числе и в философской традиции) употребляется в оппозиции «богатство-бедность». Следовательно, это находит свое отражение в языке. Имеется пласт глаголов и глагольных сочетаний перехода в противоположное состояние (бедность). Таким образом, мы утверждаем, что богатство и бедность являются динамическими концептами по причине перехода из одного состояния в другое. Это движение можно охарактеризовать как движение либо вверх, либо вниз.

7. Богатство творит добро в том плане, что оно может принести счастье в некоторой степени (наличие красивых вещей, домов, машин, золотых часов, обедов и т.д.). Однако богатство приносит зло в том смысле, что оно разрушает человека изнутри. Подтверждением этому может служить сочетание, которое мы привели выше, *successful and spiritually dead* (успешный и духовно мертвый).

Таким образом, можно говорить о том, что философское восприятие богатства накладывается на лингвистическое его воплощение.

Библиографический список

1. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград, 2004.
2. Чернобров, А.А. Философские и логикометодологические основы теории номинации (на материале английских и русских собственных имен): дис. ... д-ра. фил. наук. – Новосибирск, 2002.
3. Платон. Диалоги / пер. с древнегреч. – Харьков, 1999.
4. Cronin, A.J. The Citadel. – Moscow, 1963.
5. Кронин, А. Дж. Избранное / пер. с англ. М.Е. Абкиной, Т. Кудрявцевой. – Кишинев, 1975.
6. Balg, G.H. A Comparative Glossary of the Gothic Language, with especial reference to English and German. – Mayville (Wis.), 1887.

Bibliography

1. Slihshtkin, G.G. Lingvokulturniye koncepti i metakoncepti. – Volgograd, 2004.
2. Chernobrov, A.A. Filosofskie i logikometodologicheskie osnovi teorii nominacii (na materiale anglijskikh i russkikh sobstvennikh imen): dis. ... d-ra. fil. nauk. – Novosibirsk, 2002.
3. Platon. Dialogi / per. s drevnegrech. – Kharjkov, 1999.
4. Cronin, A.J. The Citadel. – Moscow, 1963.
5. Kronin, A. Dzh. Izbrannoe / per. s angl. M.E. Abkinoy, T. Kudryavcevoj. – Kishinev, 1975.
6. Balg, G.H. A Comparative Glossary of the Gothic Language, with especial reference to English and German. – Mayville (Wis.), 1887.

Статья поступила в редакцию 30.09.13

УДК 81

Getman A.A. PROVERBS AS EMBODIMENT OF CONCEPT «POVERTY». The article touches upon the concept «poverty» which finds its representation in proverbs in Catholic and Protestant aspects. Lexical units which represent concept «poverty» are analyzed. The metaphorical model of concept «poverty» is highlighted.

Key words: **proverb, linguaculture, concept, poverty.**

A.A. Гетман, аспирант каф. английского языка факультета иностранных языков Новосибирского гос. педагогического университета, г. Новосибирск, E-mail: anastassia-email@mail.ru

ПАРЕМИИ КАК ВОТПОЛОЩЕНИЕ КОНЦЕТТА «БЕДНОСТЬ»

В статье рассматривается паремиологическое воплощение концепта «бедность» в католическом и протестантском аспектах, устанавливается отношение к бедности в рамках обоих подходов. Анализируются лексические единицы, репрезентирующие концепт «бедность», приводится модель соответствующего концепта.

Ключевые слова: **паремия, лингвокультура, концепт, бедность.**

В рамках утвердившейся парадигмы в языкознании центром исследования является человек, а в языке вербализируется его восприятие действительности. Одной из основных характеристик человеческого общества является наличие культурной составляющей. Современное общество не мыслит себя вне культуры. Отсюда актуальным является рассмотрение представленного человека об окружающей действительности, которые находят свое воплощение в языке, т.е. в рамках лингвокультурологии. Исследование паремий имеет большой потенциал, так как

благодаря паремиям можно проанализировать пути становления того или иного представления человека и выявить изменения в восприятии того или иного явления действительности.

Большой толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова определяет паремию как «чтение, отрывок из Ветхого завета» [1, с. 487]. Сам термин «паремия» происходит от древнегреческого слова *ragonimia* («пословица, поговорка, изречение, притча»). Данный термин также можно рассматривать как синоним пословично-поговорных образований. В филологии паремии (по-

словницы и поговорки) трактуются как особый вид устойчивых высказываний, носящих образный характер, которые в сжатой форме выражают моральные нормы [2]. В.Н. Телия отмечает, что к паремиям принадлежат пословицы и поговорки, обладающие одновременно и «прямым», и иносказательным значением [3, с. 58].

На данном этапе имеется большой объем работ, посвященных исследованию паремий в целом (А.И. Лызлов, С.В. Сидорков, Г.Д. Сидорова, Э.М. Береговская и др.), а также паремий, которыми репрезентируются концепты «бедность» и «богатство»: С.Б. Куцый рассматривает паремиологизацию концептов «богатство» и «бедность»; Е.А. Боровых исследует объективизацию ценности «богатство» в русской и английской паремике; Д.А. Каллаева выявляет образную составляющую бинарных оппозиций (в то числе и «бедность-богатство») и др.

В настоящей статье мы обратимся к исследованию паремиологического воплощения концепта «бедность». Принципиально новым является подход к исследованию паремий, репрезентирующих концепт «бедность», с философским обоснованием его наполнения.

В паремиях содержится житейский опыт, народная мудрость народа. Следовательно, через рассмотрение паремий познаётся не только язык, но и культура народа. Одним из свойств паремий является то, что они способны как отражать, так и порождать правила и нормы поведения человека в реалиях окружающего его мира. С.В. Сидорков отмечает, что пословицы, являясь паремиями пословично-поговорочного типа, выступают как «сгущения мысли». Основная часть паремий такого типа отражает типичные случаи и ситуации, с которыми человек может столкнуться большое количество раз [4, с. 9]. Паремии по своей форме схожи с предложениями. Г.Д. Сидорова делает акцент на том, что паремии принципиально отличны от предложений: предложение не имеет роли, которую оно могло бы воспроизводить в разных контекстах. Паремии отличаются воспроизводимостью [5, с. 4]. Кроме того, устанавливается отличие паремии от фразеологизма: фразеологизм – образное наименование предмета или явления, где фразема есть эквивалент слова; пословица – жизненная ситуация в миниатюре, пословица эквивалентна предложению морально-этического характера. Однако фразеологизмы и паремии схожи в том, что паремии, как фразеологизмы, представляют собой устойчивые и воспроизводимые единицы, обладают непрямым значением и основаны на образности.

Учёные выделяют функции паремий. По Г.Л. Пермякову паремии имеют семь основных функций: моделирующая, поучительная, прогностическая, магическая, негативно-коммуникативная, развлекательная, орнаментальная. А.И. Лызлов, анализируя разработки ученых в данной области исследования, называет восемь функций паремий: номинативная, кумулятивная, аксиологическая, дидактическая, познавательно-прагматическая, социально-регулирующая, религиозно-магическая, художественная.

Среди основных характеристик паремий можно выделить их краткость, цельнооформленность, наличие той или иной прагматической установки, жесткость структуры. Оценочный характер паремий, в основе которого лежит образ, является их неотъемлемой чертой.

Концепт «бедность» рассматривается в научной литературе в бинарной оппозиции с концептом «богатство». Только благодаря такому подходу представляется возможным его более глубокое исследование. Однако в данной статье акцент делается на анализе паремиологического воплощения концепта «бедность», где воплощение концепта «богатство» несёт вспомогательную функцию.

Материалом для исследования послужили пословицы и поговорки, представленные в словарях и Интернет-источниках.

Анализируя пословично-поговорочные изречения, выявляем номинативное содержание концепта «бедность» в английском языке: нехватка или отсутствие денег, собственности (*poverty is no vice, but inconvenience / бедность не порок, но большое неудобство*).

В статье философской базой для обоснования представлений о бедности являются католические и протестантские взгляды на это явление действительности. Рассматривая паремии в католическом или протестантском аспекте, можно выявить характерные для той или иной религии идеи. Католическое отношение к бедности сводится к следующему её пониманию в паремиях:

1) Бедность не является грехом или преступлением (5 единиц).

Это отражается в следующих паремиях: *poverty is no vice / sin (бедность не порок); poverty is not a crime (бедность не преступление)*. Такими паремиями иллюстрируется то, что в католицизме (особенно в раннем) отношение к беднякам, к бедности маркировалось положительно. Напротив концепт «богатство» репрезентируется именами существительными *sin / vice (грех), inconvenience (неудобство), shame (стыд), crime (преступление)*. Таким образом, богатство воспринимается негативно, так как оно приводит к таким последствиям как грех и преступление. Бедный человек в паремиях – *beggar (бедняк, попрошайка)*. При этом просить не значит унижаться, чему мы находим подтверждение в католической морали (аскеза, монашество).

2) Человек не должен стыдиться бедности (3 единицы).

Примерами таких паремий являются: *poverty is not a shame, but being ashamed of it is (бедность не позор; позор – стыдиться бедности); poverty is no shame (бедность не позор)*. Бедность не позорит и не оскорбляет человека, например, *handsome poverty is no disgrace (благородная бедность не позор)*.

Репрезентация концепта осуществляется сочетанием имя прилагательное + имя существительное, например, *handsome poverty*.

3) Бедность ассоциируется с милостыней. Милостыня не унижает человека (3 единицы).

Примером являются следующие паремии: *alms never make poor (милостыня никогда не делает бедными); almsgiving never impoverishes, stealing never enriches, and prosperity never made wise (подавая милостыню, никогда не обеднеешь, крадя, не обогатиться, в богатстве не поумнеешь)*. В данном примере присутствует оппозиция «бедность-богатство»: *almsgiving – prosperity (подавание – процветание)*. Кроме того, процветание (богатство) противопоставляется мудрости (*wisdom*, в данной паремии – имя прилагательное *wise*). Идея того, что мудрость не сочетается с богатством, находит своё отражение в других паремиях, например, *adversity makes a man wise, not rich (напасть, превратности судьбы делают человека не богатым, а мудрым)*. Концепт «бедность» репрезентируется именами существительными *alms (милостыня), almsgiving (благотворительность, раздача подаваний), adversity (напасть, несчастье), именем существительным wise (мудрый)*.

4) Бедный человек обладает внутренним богатством (12 единиц).

Бедняки обладают внутренними достоинствами. Примером могут послужить следующие паремии: *a beggar can never be bankrupt (бедняк никогда не обанкротится); the poor sit on the front benches in Paradise (бедняки сидят на передних скамьях в раю); have not, want not (не имей ничего и не желай ничего)*. Из последней паремии можно сделать вывод о том, что стремление к накопительству не приветствуется, отсюда накопительство – вред. Идея того, что человеку надо столько, сколько необходимо для нормального существования, а излишек приносит вред, подкрепляется паремией «*he is not poor that has little, but he that desires much*» (*довольство – лучшее богатство – лучшее богатство*). Материальное богатство и внутреннее богатство можно противопоставить благодаря паремии «*tuck and money go together*» (*богатый совести не купит, а свою погубит*). Богатство в виде денег приравнивается к грязи (*tuck*), грязным поступкам. Нечестные поступки несомнестимы с понятием совесть. Следовательно, совесть не соотносится с богатством, а соотносится с бедностью.

Концепт «богатство» репрезентируется именами существительными и свободными сочетаниями *beggar (бедняк, попрошайка), Paradise (рай), money (деньги), tuck (грязь), hard crusts (засохшие крошки), charity bread (хлеб, предоставляемый благотворительными организациями)*; глаголами и свободными сочетаниями *to have (иметь), to want (хотеть), to waste (тратить), to beg (просить), to look after (заботиться), to be bankrupt (обанкротиться), to live according to nature (жить в гармонии с природой), to live according to opinion (жить в зависимости от мнения)*; именами прилагательными: *rich (богатый), good (хороший)*, где богатый противопоставлен хорошему. Следовательно, выводим: бедный – хороший.

5) Оппозиция «бедность – богатство» представлена паремиологически как противопоставление «позитивное – негативное» (8 единиц).

Ряд паремий иллюстрирует эту идею: *prosperity discovers vices, adversity virtue (богатство обнажает пороки, бедность*

– добродетель), *adversity is easier borne than prosperity forgot* (легче перенести напасти, чем забыть богатство), *pride and prosperity turns to misery and adversity* (гордость и процветающие оборачиваются несчастьем и напастями). Отсюда богатство – это гордость. В Библии гордыня – это грех, таким образом, богатство, гордость за своё богатство – грех. Однако в паремиях «*Better go to bed supperless than rise in debt*» (есть хомь репу вместо ржи, а чужого не держи) и «*better die standing than live kneeling*» (лучше смерть ставная, чем жизнь позорная) прослеживается противоположная мысль о том, что гордость не является отрицательной чертой человека. Репрезентация концептов «богатство» и «бедность» осуществляется посредством имён существительных *prosperity* (процветание), *adversity* (напасть, затруднительное положение), *misery* (несчастье), где бедность репрезентируется именами существительными с семью отрицательного, отсутствия.

Ряд паремий иллюстрирует протестантский взгляд на бедность.

1) Богатство в отличие от бедности символизирует избранность (7 единиц).

Например: *ask God for what man can give, and you may get it* (спроси Бога, что можно дать, и получишь); *everyone must row with the oars they have* (добиться всего можно своими силами); *it is better to be born lucky than rich* (лучше родиться везучим, чем богатым); *ill-gotten gains never prosper* (нечестно заработанное впрок не идёт); *plenty is no plague* (каши маслом не испортишь). Таким образом, богатство не приносит вреда. Наоборот, бедность – это признак не избранности Богом.

Репрезентация концепта «бедность» осуществляется именами существительными *strife* (спор), *god* (бог), *heavy heart* («тяжелое» сердце); глаголами *to desire* (желать), *to get* (получать), *to give* (давать), *to blame* (обвинять); именами прилагательными *rich* (богатый), *lucky* (удачливый).

2) Инициатива, настойчивость, отсутствие лени и накопительность – ключ к успеху (17 единиц).

Ряд паремий характеризует человека, желающего избежать бедности. Человеку не следует быть застенчивым, он должен занимать активную жизненную позицию (*bashfulness is an enemy to poverty, poverty has no greater foe than bashfulness* / стыдливый из-за стола голодным встаёт). Ленивый человек не способен разбогатеть (*laziness goes so slowly that poverty overtakes it* / лень идет так медленно, что бедность настигает ее). Медлительность не способствует процветанию (*sloth is the key to poverty* / медлительность – ключ к бедности). Человек, желающий иметь богатство, должен быть смелым (*fortune favors the brave* (bold) / удача сопутствует храброму, смелость города берет); активно заниматься делом (*every man is the architect of his own fortune* / человек – сам творец своей судьбы, *poor workman blames his tools* / не топор тешет, а плотник, *time is money* (время – деньги)). Богатство – это не только успех, но и деньги, и время. Накопление богатства не наносит вреда: *a penny saved is a penny earned, penny saved is a penny gained, penny saved is very grateful* (копейка рубль бережет); *better be envied than pitied* (лучше жить в зависти, чем в жалости). Отсюда следует, что зависть ассоциируется с богатством, а жалость – с бедностью.

Концепт «бедность» репрезентируется именами существительными *shame* (стыд), *bashfulness* (застенчивость), *laziness* (лень), *sloth* (медлительность). Богатство иллюстрируется именами прилагательными *healthy* (здоровый), *wise* (мудрый), *wealthy* (богатый); субстантивированным прилагательным *the brave* (смелые), именами существительными *fortune* (удача, успех), *time* (время); глаголом *to favor* (благоволють), *to earn* / *gain* (заработать), *to save* (сберегать), *to purchase* (приобрести).

3) Глупый человек не владеет деньгами (3 единицы). Богатство невозможно приобрести без кропотливой работы и приложения умственных способностей (*a fool and his money are soon parted* / у дурака в горсти дыра). Человек, не обладающий большим умом, не умеет копить и сберегать имеющееся. Умный человек способен использовать деньги разумно: *money is a good servant, but a bad master* (умный человек – хозяин деньгам, а скупой – слуга).

Репрезентация концепта «бедность» осуществляется посредством имени существительного и свободного сочетания *fool* (дурак), *wise man* (мудрый человек); репрезентация концепта «богатство» – посредством имён существительных *servant* (слуга), *master* (хозяин), *riches* (богатства), глаголов *to serve* (слу-

жить), *to depart* (отделять), *to command* (командовать). Следовательно, бедность и ум – неравноценные понятия.

4) Бедность – зло, «петля» (2 единицы).

Бедность убивает смирение: человек не подчиняется ни божьему закону, ни закону общества, он должен быть изворотливым. Например: *poverty is a noose that strangles humility and breeds disrespect for God and man* (бедность – это петля, которая душит кротость, но культивирует неуважение к богу и ближнему). Ассоциация «бедность – изворотливость» присутствует в паремиях «*need makes the old wife trot*» (нужда научит кузнца сапогу тачать) и «*it is a poor mouse that has only one hole*» (худая та мышь, которая одну лазейку знает).

Концепт «бедность» можно проиллюстрировать именами существительными *noose* (петля, аркан), *disrespect* (неуважение), глаголом *to strangle* (душить).

5) Деньги как составляющая богатства рассматриваются положительно (7 единиц).

Например: *fat cat* (денежный мешок); *tis money that begets money* (деньга деньгу наживает); *money spent on brain is never spent vain* (деньги, потраченные на образование, никогда даром не пропадают); *money makes the mare go* (за деньги и кляча поскачет, с деньгами всего можно добиться); *money is power* (деньги – сила); *money opens all doors* (денежка все двери отпирает, золотой молоток и железные ворота отпирает). Отсюда, рассматривая деньги как материальную составляющую богатства, делаем вывод: богатство – это сила и возможности. Отсутствие возможностей и силы усматривается в паремии «*beggars can not be choosers*» (бедному да вору вся одежда впрок). Таким образом, бедность – отсутствие возможностей. Богатство как сила и власть представлено паремией «*one law is for the rich, and another for the poor*» (закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло). Власть (закон) присуща не всем, а богатым, следовательно, богатство – сила и власть, а бедность – подчинение.

Концепт «богатство» репрезентируется глаголами действия: *to go* (идти), *to take* (в значении «заставить»), *to beget* (получать), именем существительным *power* (сила, власть).

Общее количество паремий, в которых прослеживается католический или протестантский взгляд на бедность и богатство составляет 107 единиц, из которых 50 приходится на паремии, имплицитные католический взгляд, и 57 на паремии, имплицитные протестантский взгляд. Результаты исследования паремий такого типа можно представить в процентном соотношении. В католичестве негативный взгляд на бедность 6% (3 единицы) и 44% (22 единицы) – положительное отношение к бедности. Негативное отношение к богатству составляет 44% (22 единицы) и позитивное – 6% (3 единицы). В протестантизме негативное отношение к богатству составляет 19% (11 единиц), к богатству – 21% (12 единиц). В ходе исследования не было выявлено единиц, выражающих позитивное отношение к бедности, однако позитивное отношение к богатству составило 58% (33 единицы). Кроме того, 2% (1 единица) составляет нейтральное отношение к бедности и богатству в протестантизме.

Проанализировав полученные данные, можно заключить, что бедность в целом оценивается в католицизме позитивно – 66%, на долю богатства приходится 12%. В рамках протестантского подхода превалирует позитивная оценка богатства (77%) над бедностью (21%).

В процессе исследования паремий было проанализировано 175 единиц в целом. Остальные 68 паремий не вошли в выделенные ранее группы. Однако среди них можно выделить следующие классы:

1) Близкие люди и друзья – богатство, отсутствие друзей – бедность.

Паремии, в которых богатство ассоциируется с близкими людьми: *a friend in need is a friend indeed* / *prosperity gets followers, but adversity distinguishes them* (друзья познаются в беде); *a friend at court is better than a penny in purse* (не имей сто рублей, а имей сто друзей); *they are rich who have true friends* (богаты те, у кого есть верные друзья); *children are poor man's riches* (дети – богатство бедняка). С другой стороны, бедность ассоциируется с отсутствием друзей: *friendless is poor* (беден тот, у кого друзей нет); *he that has a full purse never wanted a friend* (у кого кошелек полна, у того и друзей хватает, кому счастье дружит, тому и люди).

2) Богатый человек не знает своих настоящих друзей – друг познаётся в беде.

Таблица 1

Тематическая классификация имен существительных, репрезентирующих концепт «бедность»

классифицирующий признак	имена существительные
бедность	poverty (24)
позитивная оценка бедности	no sin (3), no vice (2), no shame (2), no disgrace (2), pride, virtue, Paradise, Job
лень и медлительность	bashfulness (2), laziness, sloth
человек в бедности	fool (3), poor workman, pauper, poor man (4), loser, weeper, beggar (4), poor thief, knave, chooser, poor mouse, church mouse
неудобства	inconvenience (3), adversity (5), mischief, dry well, hole, debt (3), misfortune (2), sadness, poor beauty
негативное отношение к бедности	bare walls, empty stalls, heavy heart, want, enemy (2), foe, noose, disrespect, light purse, famine, misery
богатство бедняка	security, hope, children, friend at court, friend in need
материальный вопрос	money, penny, (in) need, alms, almsgiving

Таблица 2

Тематическая классификация глаголов, репрезентирующих концепт «бедность»

классифицирующий признак	глаголы
состояние бедности	be poor, have little, be bankrupt, want, bear, be borne, overtake, pay debts
терять	make poor, beg, lose (2), seek (92), come (in), turn up, depart
негативная оценка	part (a, company), pity, strangle
разрушать	ruin, make a noise, blame, breed strife
переносить бедность	look after, not to have, not to want, live according to nature

Перед богатыми людьми преклоняются, развито подхалимство, человек ценится своим материальным положением. Например, *the rich knows not who is his friend (богач не знает точно, кто его друг); he who pays the piper, calls the tune (кто платит, тот и заказывает музыку, кто платит, тот и распоряжается); a rich man's joke is always funny (шутка богача всегда смешна, есть чем зякнуть, так можно и крякнуть); a thief passes for a gentleman when stealing has made him rich (вор сойдёт за джентльмена, когда он становится богатым, кто богат, тот мне брат)*. Во-первых, богатство ассоциируется с неискренностью, во-вторых, богатство – это верность людей.

3) Богатство, а не бедность делает «завидным женихом / невестой».

Например: *when poverty comes in at the door, love flies out of the window (хорош Мартын, когда есть алтын); a great dowry is a bed full of brambles (богатое приданое – это как постель, полная ежевичных колючек)*. В этом случае богатство также ассоциируется с понятием честности и искренности.

4) Здоровье – богатство, бедность – его отсутствие.

К паремиям такого класса относятся: *wealth is nothing without health / health is better than wealth (не рад больно и золотой кровати, здоровье дороже денег); good health is above wealth (здоровье дороже денег)*. Таким образом, здоровье и есть богатство. Кроме того, богатство ассоциируется с добрым именем: *riches take wing, honour will cling (богатство улечитца, а честь и доброе имя останутся); a good name is better than riches (добрая слава лучше богатства, денег ни гроша, да слава хороша, лучше быть бедняком, чем разбогатеть с грехом)*.

5) Богатство бедных людей в надежде.

Примером служат следующие паремии: *if wishes were horses, beggars might ride (если бы мечты были бы лошадьми, бедняки оседлали бы лошадей); hope is the poor man's bread (надежда – хлеб бедняка)*.

6) Нейтральная оценка богатства и бедности.

Сюда входят паремии, не связанные с установками и моральными принципами человека. Например, *a slow year, a rich year (досл. богатый год – снежный)*.

Паремииологическое воплощение концепта «бедность» можно представить рядом ключевых языковых единиц.

В ядро концепта «бедность» попадают имена существительные *poverty (24), (бедность), inconvenience (3), (неудобство), adversity (5), (несчастье, неудобства)*.

Концепт «бедность» репрезентируется именами существительными (таблица 1).

Концепт «бедность» репрезентируется субстантивированным прилагательным *the poor (4)*. Среди имён прилагательных выделяются следующие группы:

1) Бедность как негативное явление: *bad, idle, biting, giddy, friendless;*

2) Бедность в материальном плане: *poor (9), needy, not rich, impoverished;*

3) Бедность как позитивное явление: *wise, handsome.*

Глаголы, посредством которых репрезентируется концепт «бедность», также классифицируются по группам (таблица 2).

Концепт «бедность» также репрезентируется местоимениями *nothing* и *everything*. Кроме того, концепт «бедность» воплощается в употреблении неличной формы глагола (герундия) *being ashamed*.

Паремии представляют собой интересный и полезный материал для исследования, так как в них сконцентрирован жизненный опыт народа. Они могут предостерегать, наставлять, учить, советовать, являясь культурообразующим фактором.

В ассоциативное поле концепта «бедность» входит мудрость (ум). Если в католичестве бедный не является мудрым, то в протестантизме глупый не может получить или удержать деньги. Чрезмерное стремление к богатству и жадность воспринимаются негативно. В результате исследования мы выявляем, что в католичестве «богатство» является силой, отсюда богатый означает сильный, бедный занимает подчинённое положение. Однако сила разрушает человека. Результаты анализа паремий указывают на то, что в ассоциативное поле концепта «бедность» входит искренность: верные друзья познаются в беде и бедности. Отсюда, богатство – это верность друзей в бедности.

В рамках исследования мы можем представить метафорическую модель, к которой восходит концепт «бедность».

Модель «бедность» представлена следующим образом:

В модель «бедность» входит следующее:

- 1) Бедность – не порок или это зло?;
- 2) Бедность – не признак ума, глупость;
- 3) Бедность – несчастье;
- 4) Бедность – одиночество;
- 5) Бедность – лень и медлительность;
- 6) Бедность – не здоровье;
- 7) Бедность – подчинение;
- 8) Бедность – изворотливость;
- 9) Бедность – жалость;
- 10) Бедность – гордость;
- 11) Бедность – совесть;
- 12) Бедность – проверка на верность.

Как мы видим, в модели концепта «бедность» есть противоречивый пункт, что свидетельствует о том, что концепт «бедность» является неоднозначным. Несмотря на различия в представлениях о бедности в католицизме и протестантизме, бедность неразрывно связана с одними и теми же явлениями и восприятиями, что говорит о том, что есть некое архетипичное представление о бедности, которое человек проецирует на свою жизнь вне зависимости от религиозных взглядов и социальным убеждений.

Библиографический список

1. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – М., 2008.
2. Лызлов, А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка). – М., 2011.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
4. Сидорков, С.В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. – Ростов-на-Дону, 2003.
5. Сидорова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: монография. – Краснодар, 1999.
6. Амбражейчик, А. 2000 русских и 2000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. – Минск, 2005.
7. Афоризмы [Э/р]. – Р/д: http://letter.com.ua/proverb/proverb_eng10.php
8. Белинская, Н. English-Russian Idioms [Э/р]. – Р/д: <http://nota.triwe.net/lib/idioms.pdf>
9. Oxford Idioms Dictionary for learners of English. – Oxford University Press, 2004.
10. Special dictionary [Э/р]. – Р/д: <http://www.special-dictionary.com/proverbs/keywords/poverty>
11. World sayings [Э/р]. – Р/д: <http://sayings.ru/world/english>
12. 76 quotations by English proverb [Э/р]. – Р/д: http://linguaspectrum.com/quotations/by_author_english.php?quoteoftheday_author=English%20Proverb
13. Proverbs and sayings [Э/р]. – Р/д: <http://researchmaniacs.com/English/ProverbsAndSayings.html>
14. 500 English proverbs and sayings [Э/р]. – Р/д: <http://englishtogether.ru/stuff/500-english-proverbs-and-sayings.htm>
15. English proverbs and sayings [Э/р]. – Р/д: http://mustafina.my1.ru/english_proverbs_and_sayings.pdf

Bibliography

1. Ushakov, D.N. Bolshoy yozhiviy slovarj russkogo yazihka. Sovremennaya redakciya. – M., 2008.
2. Lihzlov, A.I. Ocenka i yazihkovihe sposobih ee vihrzheniya v paremiyah (na materiale komparativnihkh i negativnihkh konstrukcij angliyskogo yazihka). – M., 2011.
3. Teliya, V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokuljturologicheskij aspektih. – M., 1996.
4. Sidorkov, S.V. Poslovichno-pogovorochnihe paremi i kak faktor strukturno-smihslvoy organizacii diskursa. – Rostov-na-Donu, 2003.
5. Sidorkova, G.D. Pragmatika paremiy: poslovicah i pogovorki kak rechevihe dejstvija: monografiya. – Krasnodar, 1999.
6. Ambrazheyichik, A. 2000 russkikh i 2000 angliyskikh idiom, frazeologizmov i ustojchivihkh slovosochetaniy. – Minsk, 2005.
7. Aforizmih [Eh/r]. – R/d: http://letter.com.ua/proverb/proverb_eng10.php
8. Belinskaya, N. English-Russian Idioms [Eh/r]. – R/d: <http://nota.triwe.net/lib/idioms.pdf>
9. Oxford Idioms Dictionary for learners of English. – Oxford University Press, 2004.
10. Special dictionary [Eh/r]. – R/d: <http://www.special-dictionary.com/proverbs/keywords/poverty>
11. World sayings [Eh/r]. – R/d: <http://sayings.ru/world/english>
12. 76 quotations by English proverb [Eh/r]. – R/d: http://linguaspectrum.com/quotations/by_author_english.php?quoteoftheday_author=English%20Proverb
13. Proverbs and sayings [Eh/r]. – R/d: <http://researchmaniacs.com/English/ProverbsAndSayings.html>
14. 500 English proverbs and sayings [Eh/r]. – R/d: <http://englishtogether.ru/stuff/500-english-proverbs-and-sayings.htm>
15. English proverbs and sayings [Eh/r]. – R/d: http://mustafina.my1.ru/english_proverbs_and_sayings.pdf

Статья поступила в редакцию 30.09.13

УДК 81'42

Grichin S.V. THE AUTHOR'S INTENTION IN THE ASPECT OF EVIDENTIALITY. The article is devoted to the role of evidentiality in fulfilling the author's intention in a scientific text (article). It is demonstrated that research objective definition determines a numbers of peculiarities of the category of evidentiality in a text, namely different proportion of explicit and implicit of its form, different combination of evidentiality markers with axiological operators, different character of evidentiality correlation with the structural and logical strata of scientific text. A conclusion is made that evidentiality is one of the language means of the author's intention realization.

Key words: the author's intention, scientific text, scientific discourse, evidentiality, cognitive activity.

С.В. Гричин, канд. филол. наук, доц., зав. каф. гуманитарного образования и иностранных языков ЮТИ Томского политехнического университета, г. Томск, E-mail: grichin sergei@mail.ru

АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ В АСПЕКТЕ АВТОРИЗАЦИИ*

Статья посвящена роли авторизации в реализации авторского замысла в тексте научного произведения (статьи). Показано, что формулировка цели исследования детерминирует ряд особенностей проявления категории авторизации в тексте: различное соотношение эксплицитной и имплицитной форм ее выражения, различное сочетание авторизационных показателей с аксиологическими операторами, различный характер взаимосвязи авторизации со структурно-логическим планом научного текста. Делается вывод о том, категория авторизации является одним из средств языковой реализации авторского замысла.

Ключевые слова: намерение автора, научный текст, научная беседа, evidentiality, познавательная деятельность.

Цель настоящей статьи – определить роль авторизации в тексте научного произведения при реализации автором своего замысла. Под авторским замыслом будем понимать эксплицитно выраженную задачу, решению которой посвящается текст. Согласно нашей гипотезе, основанной на наблюдениях над авторизацией в научном дискурсе, авторизационные показатели должны являться одним из средств реализации в тексте авторского замысла, а особенности их употребления должны не только дифференцировать научный стиль изложения, что является предметом и задачей функциональной стилистики, но и, участвуя

в вербализации результатов когнитивной деятельности, раскрывать ее механизмы, способствуя уяснению того, как и для чего автор создает научный текст.

Раскрытие механизмов реализации творческого замысла автора через авторизацию призвано, с одной стороны, показать роль языка и речи в познавательных процессах, а с другой – продемонстрировать индивидуальный характер языковой личности ученого, его когнитивное пространство. Обе эти стороны исследования соответствуют основным задачам изучения научно-го текста, т.к. помогают выявить эксплицирующиеся в его струк-

туре основные компоненты научно-познавательной деятельности человека, позволяют увидеть качественную перестройку экстралингвистического во внутрилингвистическое [1].

Говоря об авторском замысле в науке, следует отличать его от замысла в художественном творчестве, где под ним понимается «первоначальная общая схема будущего произведения», «творческая концепция произведения в ее эволюции», «одна из сторон процесса художественного творчества, во многом определяющая его результат» [2, с. 48]. Замысел научного произведения ограничивается, как правило, реализацией научной задачи, цели исследования, выдвижением гипотезы, идеи или предположения, базируется только на научных фактах и реализуется через научные методы, а «мотивация автора научного произведения определяется в конечном итоге его функцией ученого» [3, с. 37].

Следует отметить, что попытки рассмотреть проблему реализации авторского замысла уже предпринимались лингвистами. Так, Т.Г. Иванова описала результаты экспериментально-фонетического исследования, посвященного анализу ремарки в просодической реализации замысла драматургического исследования соответственно авторскому намерению [4]. С.С. Митягина в своей статье на примере романа Э. Войнич «Овод» продемонстрировала пример того, как раскрытию замысла автора помогает анализ эпиграфа к художественному произведению [5]. Т.В. Пермякова в своей диссертационной работе исследовала то, каким образом проявляющийся через основные мотивы произведения авторский замысел отражается в синтаксической избирательности и нарративе малой прозы В. Набокова [6].

Необходимо также отметить связь понятия авторского замысла с функционально-семантической категорией тема текста, под которой, согласно «Стилистическому энциклопедическому словарю русского языка», принято понимать «предмет обсуждения в тексте, номинативно выраженное содержательное ядро целого текста, сопоставимое с авторским замыслом в целом» (*подчеркнуто нами – С.Г.*) [7, с. 542]. Для целей нашего исследования, направленного, по сути, на реконструкцию затекстовой реальности, важны следующие аспекты темы текста: выражение смыслового ядра текста речевого произведения через семантический повтор, создающий тематическую сетку (тематическое поле) текста; семантическая общность составляющих текст единиц; наименования предмета речи в тексте, связанные между собой отношениями референтного тождества. Конструктивный принцип текста научного произведения обуславливает наличие в качестве базовой единицы тематической цепочки термина [7, с. 543]. Особенностью научного текста является прямая вербализация авторского замысла в виде объекта и предмета исследования.

Сходство авторского замысла с темой произведения заключается также в способе их представления в сознании читателя: они формируются в нем «на основе актуализированных формально и содержательно микротем, объединяющих текстовые фрагменты на основе общности денотата. Общая тема текста связана с одним из денотатов, наиболее часто и последовательно актуализируемым» [8, с. 465]. На принципах восприятия темы текста и основана разработанная нами методика анализа авторского замысла научного текста в аспекте авторизации. В ее основе лежат два признака: 1) отношение субъективированных / объективированных форм авторизации к предмету высказывания в рамках выделенной микротемы и 2) связь авторизации с положительной / отрицательной оценкой данной темы. Во взаимосвязи со структурно-логическим планом научного текста, отражающим ход мыслей автора в виде суждений и умозаключений, а также его композиционной структурой, логично предположить существование моделей реализации авторизации в соответствии с указанными параметрами. Таким образом, можно выделить следующие модели: 1) эксплицитная авторизация с положительной (а), «нейтральной» (б), отрицательной (в) оценочностью и 2) имплицитная авторизация с положительной (а), «нейтральной» (б), отрицательной (в) оценочностью, условно обозначив их 1А, 1Б, 1В, 2А, 2Б, 2В. Реализация комбинаторики данных моделей в связи с обозначенной автором целью создания текста, в динамике развертывания этой цели через повторение микротем может, по нашему мнению, способствовать характеристике этого текста в аспекте авторизации, а исследование большего количества текстов, принадлежащих одному автору, – способствовать выявлению познавательного стиля ученого, его речевых предпочтений.

Теоретической основой данного исследования являются два положения, характеризующие научный текст: его диалогичность и интегративность. В плане диалогичности, представляющей собой, как было показано в многочисленных работах М.Н. Кожинной и др. представителей пермской школы стилистики, одну из центральных текстовых категорий и неотъемлемое свойство научного текста, авторизация по своей сути образует существенный элемент системы разноуровневых языковых средств, эксплицитирующих свои и чужие смысловые позиции в тексте и выступающих, таким образом, маркером диалогичности. Анализ авторского замысла становится возможным также благодаря такому параметральному свойству текста, как его интегративность, обуславливающая связь и взаимообусловленность его частей: «В каждом высказывании... мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой замысел или речевую волю говорящего, определяющую целое высказывание, его объем и его границы» [9, с. 441].

Под интегративностью, вслед за Е.А. Баженовой, мы понимаем наличие у смысловой структуры научного текста новых качеств, не сводимых к качествам составляющих его частей, взятых в отдельности, т.е. авторского и чужого контекстов [10, с. 9]. Коммуникативный замысел интегрирует структурно-логический, структурно-смысловый и композиционно-содержательный планы научного текста, поскольку последний развертывается вокруг основной проблемы исследования, в соответствии с обозначенной целью.

Учитывая важную роль в настоящем исследовании категории оценки, остановимся вкратце на нашем ее понимании. Вслед за рядом исследователей, мы понимаем оценку как вербализованный (отраженный, зарегистрированный в речевом акте) результат квалифицирующей деятельности сознания [11, с. 13] или деятельность сенсорной (чувственной, эмотивной) сферы человеческой психики [12, с. 217], а также психологический процесс, в котором ценность «схватывается» сознанием» [13, с. 24–33]. Если, по словам Г.В. Колшанского, оценка содержит «повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром и вербальное выражение этого соприкосновения» [14, с. 28], то оценочность научного текста «обусловлена отражением в ней рефлексивно-аксиологического аспекта эпистемической ситуации, который непосредственно соотносится, во-первых, с субъектной стороной познавательной деятельности, во-вторых, с оценочной природой этой деятельности и, в-третьих, с ценностной ориентацией ученого-автора в наличном (старом) и добываемом (новом) знании» [15, с. 242]. То, что научный текст, фиксируя собой познавательный процесс и его результат, оказывается наскованым пронизанным оценочностью, также убедительно показано в работах М.П. Котуровой [16] и Л.В. Красильниковой [17]. На тесную связь прагматического значения оценки с ситуацией общения обратила внимание Н.Д. Арутюнова, указав, что оно восполняется общими для собеседников знаниями и нормами, а при и отсутствии дополняются дескриптивными характеристиками объекта или фактическим данным [18, с. 215–218], что, по нашему мнению, в текстовой ткани приводит к актуализации нейтральной оценки.

Ключевой особенностью оценочности в научном тексте является преобладание рациональной оценки (97,3%) над эмоциональной (2,7%) [19], а также то, что «во всех научных текстах преобладают аксиологические операторы со значением позитивной оценки» [15, с. 252]. К числу средств выражения оценки относятся многочисленные единицы разных уровней языка: лексические (существительные, прилагательные, наречия, элитивы, фразеологические сочетания), синтаксические операторы (клишированные словосочетания, отрицательно-противительные конструкции, вопросительные и восклицательные предложения), «предикаты мнения» [20, с. 45], а также контекст.

Рассмотрение авторского замысла через соотношение авторизации и оценки, т.е. на основе взаимодействия «своего» и «чужого» в аксиологическом аспекте, определяет принадлежность настоящей работы к числу когнитивно-ориентированных исследований, направленных на анализ ментальных процессов, лежащих в основе переработки и репрезентации знания. По нашему мнению, такой анализ может способствовать выявлению существенных типологических характеристик научного текста.

Наличие «чужого» в первичных научных текстах обусловлено необходимостью сохранения преемственности научного знания, ориентацией на традицию, следование предшествующим разработкам и в то же время их критическому переосмыс-

лению, развитию [10, с. 8], что приводит к кумуляции знания. Анализ функционирования авторизация, квалифицирующей высказывание и текст по оси свое-чужое, представляет текст в их диалогическом взаимодействии, т.е. с позиций интертекстуальности, являющейся важнейшей категориальной характеристикой научного текста. В данной работе мы принимаем в качестве операциональной узкую трактовку текстуальности как средство «порождения нового текстового смысла через диалог с конкретной обозначенной чужой смысловой позицией» [3, с. 23].

Следует отметить, что прагматическая специфика научной речи обуславливает и особый характер интертекстуальности научного текста, обусловленный условиями научной коммуникации: невозможность скрытых намеков, четкое обозначение отсылок к чужим идеям и разграничение «чужого» и «своего» знания. Иными словами, интертекстуальность в научном тексте иерархически упорядочена и эксплицитно маркирована [3, с. 45].

Переходя к анализу текстового материала, опишем вкратце наш подход к его выбору. В фокусе нашего внимания оказываются тексты, во-первых, с эксплицитно выраженной целью исследования (являющейся неременным атрибутом научного произведения и, одновременно, репрезентантом авторского замысла), а во-вторых, вводящие некую тему, получающую в данном произведении развитие: авторский вклад в его понимание, новое знание о его свойствах. Как правило, этот замысел эксплицируется уже в заголовке произведения и уточняется во вводной части при номинации цели. В первом из двух рассматриваемых текстов, статье А.Ю. Бычковой «**Нос** и его обонятельная функция как художественный образ в творчестве Н.В. Гоголя и в произведениях западноевропейской литературы», цель выражена с помощью метатекста: «**Мы проанализируем** ринологию в этом ключе, что поможет обозначить образ носа как особенно значимую часть тела в произведениях Гоголя». Сформулированная таким образом цель свидетельствует о намерении автора, во-первых, обратиться к определенному кругу источников информации (произведениям Гоголя, т.е. авторской речи писателя и персонажей), и, во-вторых, дать положительную характеристику выбранного объекта (значимость носа по сравнению с другими органами восприятия человека). Во втором тексте, статье М.А. Лаппо «Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом», цель определена следующим образом: «Необходимо очертить круг собственно лингвистических проблем в указанной области междисциплинарных исследований, найдя свое, «законное» и самостоятельное, место в ней. Прежде всего, сформулировать наиболее обобщенное определение самоидентификации как вербального действия, которое могло бы соответствовать установкам разных лингвистических школ и направлений». Подобная формулировка цели позволяет прогнозировать необходимость обращения к доступным автору источникам, содержащим определение самоидентификации и выбор наиболее подходящего для его задач исследования. Таким образом, центральными темами произведений являются: нос в первом из них и самоидентификация – во втором, представленные в текстах соответствующими лексемами.

Далее отбираем все предложения, содержащие эти лексемы, и распределяем их по указанным выше признакам: по оси «свое» / «чужое» (имплицитные / эксплицитные формы авторизации) и наличию оценки и, учитывая прагматическую ориентацию и содержательно-смысловую план отобранных высказываний, выявляем комбинаторику этих параметров при реализации авторского замысла.

В первой рассматриваемой нами статье А.Ю. Бычковой эти высказывания расположились следующим образом (в порядке следования друг за другом, иллюстративный материал не учитывался). В количественном отношении преобладающими (19 предложений) оказались неавторизованные высказывания (имплицитная форма авторизации) с нейтральной оценкой основной лексемы (2Б), еще 6 предложений с имплицитной формой содержат положительную оценку лексемы (2А). Таким образом, 24 предложений из 39 представляют излагаемую информацию как «свою». Среди авторизованных предложений 6 предложений с нейтральной оценкой, 8 – с положительной, с отрицательной – нет. Отсутствие авторизованных предложений с отрицательной оценкой основной лексемы в тексте, очевидно, можно объяснить как уже упомянутым выше общим преобладанием в научных текстах аксиологических операторов со значением позитивной оценки [15, с. 252], так и прагматической установкой

рассматриваемого текста (обозначить образ носа как особенно значимую часть тела).

Среди предложений с имплицитной авторизацией, охарактеризованных нами как содержащие нейтральную оценку, несколько предложений содержат в то же время положительную оценку других, непосредственно связанных со значением основной лексемы, объектов: образа носа: *Предметность носа подчеркивается и фразой «носовые ноздри», создающей выразительный пластический образ* [21, с.16], а также характеристику носа через несвойственные для него функции или их гипертрофирование: *Придасточное предложение также позволяет думать, что хлебные зернышки удил не сам дрозд, а именно его нос* [21, с. 15]; *Активность носов в поэме проявляется, в том числе, в их фантастической подвижности. При этом акцент на способности носа совершать самостоятельные движения может быть поставлен и методом от противного* [21, с. 15]. *Как и лимбический отдел, связанный с функционированием подсознания, литературные носы обладают самостоятельностью в поведении* [21, с.17]; *Анна Андреевна предпочитает отказаться от своих глаз и пользоваться одним носом* [21, с.13]; *Чтобы разглядеть что-либо глазами, персонажам произведения необходимо высунуть нос...* [21, с.13].

Примечательной особенностью предложений с имплицитной формой авторизации, т.е. квалифицирующих информацию как «свою» и сопровождающихся положительной оценкой, является то, что все они (в рассматриваемом произведении 100%) описывают с положительной стороны свойства и функции главного концепта: *Способность быть чутким, осторожным также связана с чувствительностью носа* [21, с. 14]; *В мире гоголевских произведений главную роль в коммуникации человека с миром исполняет нос* [21, с. 14]; *Таким образом, ссылаясь на Шекспира, Гофман не только помещает сюжет рассказа в ринологический контекст концепта сна, но и обыгрывает архетипическую связь носа и мотива познания...* [21, с. 14]; *Таким образом, нос, обладая способностями всех пяти чувств, а порой и замещающий собой остальные части тела, оказывается способным воспринимать информацию в любом виде* [21, с. 13]; *В рассмотренных случаях нос выступает в качестве главного средства общения с окружающим миром, что соотносится также с представлениями первобытных людей о запахах, которые использовали благовония и сожженные жертвы для того, чтобы общаться с богами* [21, с. 14]; *36. Нос оказывается продолжением мозга...* [21, с. 18].

Переходя к анализу эксплицитно авторизованных предложений с положительной оценкой, логичным представляется указать на существенные отличия этих предложений в прагматическом и содержательном плане, что означает для нас, по сути, ответ на вопрос о том, что добавляет собой авторизация для квалификации основной лексемы в реализации авторского замысла. Существенной чертой этих предложений является то, что в содержательном плане они описывают характеристики основного концепта в более узком аспекте, отражая переход от общего к частному, от множественного к единичному, субъект восприятия, квалификации, а также источник информации стремятся к «единственности»: *Носы у Гоголя* (т.е. не носы вообще – прим. С.Г.) *отвечают не только за обоняние, но и оказываются необходимыми для функционирования всех остальных чувств* [21, с.13]; *Полную замену зрения обонянием представляет себе как совершенную идиллию Анна Андреевна...* (отдельный персонаж – прим. С.Г.) [21, с.13]; *И, наконец, самостоятельность образа носа Гоголь подчеркивает, уравнивая его с человеческим сознанием* (одно из качеств носа – прим.С.Г.) [21, с. 13]; *С этим соотносится факт физиологии о том, что в головном мозге обонянию уделен целый отдел, и, исходя из такой логики, получается, что большие размеры носа коррелируют с высоким уровнем интеллекта* (апельляция к одному факту – прим. С.Г.) [21, с. 17]; *Из данного примера видно, что нос представляется одушевленным с помощью не только семантических, но и грамматических средств* (один пример – прим. С.Г.) [21, с. 15]. Переход от нескольких источников к одному наглядно демонстрирует следующий пример из текста: *Принимая во внимание рассмотренные выше примеры из нескольких произведений, свидетельствующие о всеобъемлющей способности носа к получению любых форм информации, можно прийти к заключению, что в мире художественной литературы нос представляет собой самостоятельно функционирующее одушевленное существо* [21, с. 14]. В анализируемом тек-

Результаты сравнения авторизованных и неавторизованных предложений с положительной, нейтральной и отрицательной оценкой

Исследованные тексты	1 А	1 Б	1В	2 А	2 Б	2 В
1	8 (20,5%)	6 (15,3%)	0	6 (15,3%)	19 (48,7%)	0
2	0	11 (45,8%)	0	0	13 (54,1%)	0

сте оказалось всего два примера «множественного» источника информации: Так, в «Мертвых душах» можно встретить **множество случаев**, где носу уделяется главное внимание при характеристике героев [21, с. 16]; В глазах **персонажей** поэмы «Мертвые души» нос является определяющей чертой человека. Оценивая личность, люди смотрят исключительно на нос [21, с. 15].

Выделение единичного в описываемых объектах свойственно и эксплицированным предложениям с нейтральной оценкой основного концепта (тип 1Б): Таким образом, в плане «биологического» воплощения нос функционирует у Гоголя в виде **отдельно существующей части тела, т.е. как самостоятельный персонаж** [21, с. 18]; Нос сопоставляется с категорией знания и у Э.Т.А. Гофмана, произведения которого могут считаться **одним из ринологических источников произведений Гоголя** [21, с. 18]; Данный тезис соотносится с **замечанием С.Г. Бочарова** о том, что **отделившийся нос** в повести утрачивает свойства «живой человеческой плоти» [21, с. 17]. Однако здесь количество описываемых объектов в авторизованной (диктумной) части высказывания может быть и большим: О том, что **лакей Петрушка имеет крупный нос и губы, Гоголь с настойчивостью сообщает** на протяжении текста поэмы [21, с. 16]; количество «субъектов обнаружения» тоже может быть большим: **Мотив приравнивания носа и связанного с ним чувства обоняния к сознанию и интеллекту встречается также у Бергеррака, Лудовико Ариосто, Эдмона Ростана** [21, с. 18].

Вполне вписывается в эту картину и сопоставление одного и нескольких объектов в авторизуемой части следующей пример: **В произведениях Гоголя нос и обоняние стремятся к тому, чтобы заместить все остальные чувства и словно вернуться в то древнее состояние, когда обонятельный отдел мозга определял поведение его обладателя** [21, с. 17].

Анализ второго текста по описанным критериям показал полное отсутствие как положительной, так и отрицательной оценочности в авторизованных и неавторизованных предложениях, количество которых оказалось приблизительно равным: 11 и 14 соответственно (табл. 1).

Предложения с эксплицитными показателями авторизации подтверждают наблюдения, сделанные при анализе предыдущего текста: в 4 предложениях из 11 наблюдается переход от общего к частному: **С лингвистической точки зрения представляет интерес вербализованная идентичность: «Идентичность – в разной степени артикулированное (выделено нами. – М.Л.), остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к “своему” миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями»** [22, с. 28] (лингвистическая точка зрения уже «общенаучной», так же как и вербализованная идентичность – частность идентичности – прим. С.Г.); **Грамматический компонент самоидентификации представляет собой «самоидентификационную формулу», то есть формулу описания социальной идентичности автора высказывания. И.В. Шалина определяет понятие «идентификационной формулы» следующим образом: «Статусно-ролевые номинации и предикации субъектов группируются на основании обобщенной идентификационной формулы** [22, с. 29] («идентификационная формула» И.В. Шалиной является грамматическим компонентом самоидентификации); **Описание идентичности может быть не только прямым – в вербальном акте суждения**

о своей идентичности, но и косвенным. Е.Н. Катанова приводит пример косвенной самоидентификации: «Косвенная самоидентификация преобладает при активизации сведений о национальной идентичности членов парламента [22, с. 30] (косвенная самоидентификация как частный случай идентичности); **декомпозиция задач исследования: Думается, что в задачи исследования вербализации идентичности должно войти изучение специфики «самоидентификационной формулы», ее отличий от «идентификационной формулы», обозначенной И.В. Шалиной** [22, с. 30].

Установка автора второго анализируемого текста на поиск определения понятия самоидентификации находит выражение в обращении к квалифицирующей авторизации, причем как субъективированному типу, «своя информация» **По нашему мнению, если актуализировать лингвистические аспекты исследования идентичности и самоидентификации, то можно дать следующее определение: самоидентификация – это осознанное либо неосознанное вербальное и невербальное маркирование идентичности...** [22, с. 28], так и объективированному («чужая информация»): **Так, один из родоначальников концепции идентичности Э. Эриксон в работе «Identity and the Life Cycle» указывал, что «в одно время она (идентичность) кажется относящейся к сознательному чувству индивидуальной уникальности, в другое – к бессознательному стремлению к непрерывности опыта, в третье – к солидарности с групповыми идеалами»** [22, с. 28].

Таким образом, вербализованная авторская целеустановка в научном тексте детерминирует соответствующий отбор языковых средств ее выражения в аспекте авторизации. Так, установка на описание основной лексемы как положительной (в контексте рассмотренного произведения – значимой) находит отражение в преобладании в тексте аксиологических показателей с положительным значением как в предложениях с имплицитной, так и эксплицитной авторизацией. Поиск определения термина во втором исследованном тексте обуславливает и преобладание соответствующего типа авторизации – квалифицирующего. В обоих случаях наличие авторизационных показателей, вводящих источник информации, одновременно означает актуализацию ряда смыслов, общей чертой которых является подчеркнутое внимание к отдельной, выдающейся характеристике объекта, выделение этой особенности из числа других. Сопровождающаяся этой характеристикой положительная оценка усиливает эти смыслы, нейтральная – ослабляет. Представляется, что описанная особенность авторизации имеет под собой когнитивную основу и объясняется стремлением к упорядочению знаний, в том числе при их фиксации в тексте: у каждой заслуживающей внимания идеи есть свой автор, а внимания и обсуждения достойны только определяющие (отдельные) характеристики объекта. В соответствии авторизационных средств целям и задачам автора, по нашему мнению, следует усматривать и текстообразующую роль авторизации. Кроме того, характер отбора и использования форм авторизации и оценки может не только отражать авторские стратегии на протяжении отдельного текста, но и, при достаточном массиве репрезентативного материала и анализа, характеризовать исследовательский (познавательный) стиль отдельного ученого.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта № 13-14-70002.

Библиографический список

1. Котурова, М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста: функционально-стилистический аспект – Красноярск, 1988.
2. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М., 1974.
3. Чернявская, В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. – СПб., 1999.

4. Иванова, Т.Г. Ремарка как средство передачи авторского замысла // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 27. – Т. 8.
5. Митягина, С.С. Роль эпиграфа в раскрытии авторского замысла Э. Войнич в романе «Овод» // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 4 [Э/р]. – Р/д: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1576>
6. Пермякова, Т.В. Отражение авторского замысла в синтаксисе и нарративе малой прозы В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2007.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2006.
8. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань, 2010.
9. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
10. Баженова, Е.А. Выражение преемственности и формирования знания в смысловой структуре научных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1987.
11. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
12. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка. – М., 1985.
13. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М., 1989.
14. Колшанский, Г.В. Паралингвистика. – М., 1974.
15. Баженова, Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь, 2001.
16. Котюрова, М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. – Красноярск, 1988.
17. Красильникова, Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. – М., 1999.
18. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
19. Шиукаева, Л.В. Отбор и функции языковых средств модуса рациональной оценки в научной речи // Основные понятия и категории лингвистической. – Пермь, 1982.
20. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
21. Бычкова, А.Ю. Нос и его обонятельная функция как художественный образ в творчестве Н.В. Гоголя и в произведениях западноевропейской литературы // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372.
22. Лаппо, М.А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372.

Bibliography

1. Kotyurova, M.P. Ob ehkstralingvisticheskikh osnovaniyakh smishlovoy strukturih nauchnogo teksta: funkcionaljno-stilisticheskij aspekt – Krasnoyarsk, 1988.
2. Slovarj literaturovedcheskikh terminov / red.-sost. L.I. Timofeev, S.V. Turaev. – М., 1974.
3. Chernyavskaya, V.E. Intertekstualnoe vzaimodejstvie kak osnova nauchnoj kommunikacii. – SPb., 1999.
4. Ivanova, T.G. Remarka kak sredstvo peredachi avtorskogo zamihsla // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2007. – № 27. – Т. 8.
5. Mityagina, S.S. Rolj ehpirafa v raskritii avtorskogo zamihsla Eh. Voynich v romane «Ovod» // Sovremenniye nauchniye issledovaniya i innovacii. – 2011. – № 4 [Eh/r]. – R/d: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1576>
6. Permyakova, T.V. Otrazhenie avtorskogo zamihsla v sintaksise i narrative maloj prozih V. Nabokova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Vladivostok, 2007.
7. Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovarj russkogo yazihka / pod red. M.N. Kozhinoyj. – М., 2006.
8. Zherebilo, T.V. Slovarj lingvisticheskikh terminov. – Nazranj, 2010.
9. Bakhtin, M.M. Literaturno-kriticheskie statji. – М., 1986.
10. Bazhenova, E.A. Vihrazhenie preemstvennosti i formirovaniya znaniya v smihslvoyj strukture nauchnihk tekstov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 1987.
11. Arutyunova, N. D. Tipih yazihkovihk znachenijj. Ocenka. Sobihtie. Fakt. – М., 1988.
12. Stepanov, Yu.S. V trekhmernom prostranstve yazihka. – М., 1985.
13. Karaulov, Yu.N. Russkaya yazihkovaya lichnostj i zadachi eyo izucheniya // Yazihk i lichnostj. – М., 1989.
14. Kolshanskiy, G.V. Paralingvistika. – М., 1974.
15. Bazhenova, E.A. Nauchnij tekst v aspekte politekstualnosti. – Perm, 2001.
16. Kotyurova, M.P. Ob ehkstralingvisticheskikh osnovaniyakh smihslvoyj strukturih nauchnogo teksta. – Krasnoyarsk, 1988.
17. Krasiljnikova, L.V. Zhanr nauchnoj recenzii: semantika i pragmatika. – М., 1999.
18. Arutyunova, N.D. Yazihk i mir cheloveka. – М., 1999.
19. Shiukaeva, L.V. Otbor i funkcii yazihkovihk sredstv modusa racionalnojy ocenki v nauchnoj rechi // Osnovniye ponyatiya i kategorii lingvostilistiki. – Perm, 1982.
20. Voljf, E.M. Funkcionaljnaya semantika ocenki. – М., 1985.
21. Bihchkova, A.Yu. Nos i ego obonyateljnaya funkcija kak khudozhestvennij obraz v tvorchestve N.V. Gogolya i v proizvedeniyakh zapadnoevropejskoj literaturih // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 372.
22. Lappo, M.A. Samoidentifikaciya: pryamoe, kosvennoe ehksplicitnoe i kosvennoe implicitnoe opisaniye identichnosti govoryathim subjektom / Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 372.

Статья поступила в редакцию 21.10.13

УДК 81

Getman A.A. CONCEPTS «WEALTH» AND «POVERTY» IN THE 21ST CENTURY (INTERNET BASED SOURCES OF INFORMATION, ENGLISH SUBSCRIBERS). The article deals with the concepts «wealth» and «poverty». It highlights representation of the corresponding concepts and is based on the Internet materials. The concept models and assessment of perception by people are provided.

Key words: concept, poverty, wealth.

A.A. Гетман, аспирант каф. английского языка факультета иностранных языков Новосибирского гос. педагогического университета, г. Новосибирск, E-mail: anastassia-email@mail.ru

КОНЦЕПТЫ «БОГАТСТВО» И «БЕДНОСТЬ» В XXI В. (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ)

В статье рассматриваются концепты «богатство» и «бедность» и их репрезентация на материале ресурсов сети Интернет. Приводятся модели, к которым восходят концепты, а также дается оценка в восприятии концептов.

Ключевые слова: концепт, бедность, богатство.

В настоящее время Интернет является мощным средством массовой коммуникации, выражения мнений и освещения событий, где наиболее точно можно проследить, как воспринимаются богатство и бедность в XXI в., а анализ материала, предоставляемого сетью, делает исследование актуальным. Материалом для исследования концептов «бедность» и «богатство» послужили комментарии пользователей Интернета к статьям за период 2010-2013 гг. в онлайн версиях британской газеты The Guardian (Гардиан), американского еженедельника The New Yorker (Нью-Йоркер) и блога WSJ Blogs. В целом, было выявлено 418 примеров репрезентации исследуемых концептов. Новым в исследовании в этой области является наполнение моделей, к которым восходят концепты «бедность» и «богатство», в основе которого лежат комментарии пользователей Интернета.

Все комментарии можно расклассифицировать на несколько категорий. В общем, пользователи Интернета рассматривают богатство и бедность в материальном плане, ассоциируя с деньгами как материальным эквивалентом богатства.

Вопрос связи между богатством, бедностью и работой (трудом) ставится многими пользователями. Для примера, в отобранном материале есть большое количество комментариев, где ключевой проблемой является вопрос «Do the wealthy work harder than the rest?» («Работают ли богатые (обеспеченные) больше и упорнее чем остальные?»). Однако среди комментариев нет однозначного ответа на этот вопрос. В 15 комментариях (30%) из 49 отмечается, что богатые действительно работают больше времени и тратят на это много сил, например: *I discovered that wealthy individuals do work harder. (Я обнаружил, что богатые люди действительно больше работают.); high earners probably do work harder (me, who много зарабатывают, возможно, работают больше).* В 18 комментариях (37%) люди высказываются о том, что богатые люди работают мало или не работают совсем, например: *Not rich HAVE to work. (Работать должны не богатые.); The rich do not work harder – are you serious? They own everything. (Вы шутите: богатые работают больше? У них всё есть.).* В 2 комментариях (4%) отмечается, что бедные должны и вынуждены работать больше и усерднее: *everyone else are FORCED to work hard because they have no safety net except those provided by the government (остальные именно вынуждены много работать, потому что кроме того прожиточного минимума, предоставляемого государством, у них ничего нет); poor work hard (бедные много работают).* В 14 комментариях (29%) люди выражают сомнение по поводу невозможности выявить, чей труд является более сложным и затратным по времени и применению физических усилий: *I think that both rich and poor work hard. (я думаю, что как богатые, так и бедные много работают).*

На основании выше приведенных примеров мы делаем вывод, что вне зависимости от того, кто больше работает, труд ассоциируется и приводит к материальному благополучию. Таким образом, богатство – это труд и работа. Основное слово, которым репрезентируется богатство, – work (работа), а также словосочетание hard work (тяжелая, упорная работа). Однако остаётся открытым вопрос, кто работает больше.

Среди причин упорного труда пользователи Интернета выделяют следующие: reward (вознаграждение, 3), love (любовь, 1), inspiration (вдохновение, 1), motivation (мотивация, 1), fulfillment (самореализация, 1), will (желание, 1), incentive (стимул, 1), sacrifice (жертва, 1), action (деятельность, 1).

Богатство может быть приобретено как трудом, так и унаследовано (inheritance / наследство). Богатство, приобретённое таким образом – лёгкое богатство, человек не проявляет своих качеств и не прикладывает усилий, например: *the wealthy – <...> it is all inherited – are not themselves wealthy (богатые <...> это всё унаследовано – не сами богатые).* Из этого следует, что человек не работает на своё наследство, оно предоставляется ему, он не прикладывает никаких усилий. Следовательно, богатство как наследство – удача, неожиданный поворот судьбы.

Богатство – это испытание. К такому заключению мы приходим на основании следующих примеров: *How could any child inherit their monumental wealth and not destroy themselves? (Как может ребёнок унаследовать баснословное богатство и не уничтожить себя?); How can any charitable organization inherit their wealth and not get greedy? (Как может благотворительная организация унаследовать богатство и не стать жадной до денег?).*

Богатство может быть достигнуто двумя путями. Первый путь очень долгий и длинный: *The path to wealth is looooooong (до-*

рога к богатству уж очень длинная). Первый путь к достижению богатства можно охарактеризовать как традиционный, например: *Usually these people study very hard at school and end up in economics/finances, medicine, engineering. (Обычно такие люди прилежно учатся в школе и работают дальше в сфере экономики, в финансах, медицине, инженерии.).* Таким образом, богатые люди работают в сферах, связанных с материальным обеспечением и материальными благами.

Второй путь к богатству – менее традиционный. Его можно проиллюстрировать примером: *Those that take less traditional pathways like no-education, fashion or become writers or artists THAT become wealthy, also know that to make a business successful they have to work long hours. (Те люди, которые выбирают менее традиционный способ разбогатеть – отсутствие образования, мода, или они становятся писателями или людьми искусства. Именно такие становятся богатыми. Я также знаю, что чтобы сделать бизнес успешным, они много работают.).* На основании данных и подобных примеров мы делаем следующие выводы:

- 1) Богатство – конечный пункт назначения (цель);
- 2) Богатство – бизнес;
- 3) Богатство – профессия в сфере финансов;
- 4) Богатство – профессия в творческой сфере;
- 5) Богатство – материальные блага без образования;
- 6) Богатство – успешное дело;
- 7) Богатство – упорный труд.

Особо следует остановиться на примерах, в которых прослеживается связь между богатством и бедностью и характеристикой личности. Успешный человек может достичь богатства. Это утверждение можно подкрепить следующими примерами (7 единиц): *If you want to be rich and successful, you will have to do more than just punch the clock and follow conventional wisdom. (Если хочешь быть богатым и успешным, тебе придётся делать больше, чем просто работать «от звонка до звонка» и действовать согласно устоявшимся стереотипам.); Working smart is a better judgment of success. (Об успехе судить можно по работе с умом.).* Таким образом, богатый человек – это успешный человек.

Имеется достаточно большое количество примеров (27 единиц), в которых богатство рассматривается как признак ума. Если человек имеет смекалку (street smarts / уличная смекалка), у него высокие умственные способности (intelligence / ум, интеллект, brains / ум), он сообразительный и умный (smart), такой человек может заработать богатство своим умом. На пути к богатству человек может сделать себя благодаря своему интеллекту, например: *I think wealthy people, at least the self made folks, are simply smarter. (Думаю, что богатые люди, по крайней мере те, кто добились всего своими силами, просто умнее.); <...> and you aren't a total fool, then, yes, you are rich. (<...> и ты не круелый дурак, тогда ты богат.).* Стиль работы боты богатых людей отличается от стиля бедных: богатые работают и думают иначе. Ряд примеров подтверждает данное утверждение, например: *It's not about working harder. It's about working smarter. And that's where the rich do well... (Суть не в том, чтобы работать больше, а в том, чтобы работать с умом. Вот где богатые преуспевают...); They are smarter, more driven and more success oriented. (Они умнее, энергичнее, более мотивированы и больше нацелены на успех.).* Отсюда для обогащения человеку нужен не только интеллект, но и целеустремлённость, энергия и мотивация. Среди комментариев к газетным статьям есть следующие: *I also know successful folks who stop at 8 because there is no reward for them. (Я также знаю успешных людей, которые работают не больше 8 часов, поскольку нет вознаграждения за переработку.).* Таким образом, человеку нужен стимул: *Labor follows rewards and stops when there is nothing to gain. (За трудом следует вознаграждение, а работа останавливается, если нет выгоды.); MONEY INCENTIVE. (деньги – это стимул!).* Стимулом чаще всего выступают деньги.

Во всех отобранных примерах есть аллюзия на деньги или прямое упоминание денег как символа богатства. При этом богатство репрезентируется следующей группой слов: money (деньги), gain (доход), reward (вознаграждение), earnings (доход), wage (зарплата), dollar (доллар), material prosperity (материальное процветание), retirement savings (пенсионные сбережения), benefits (льготы), ownership (собственность, долевое участие), privilege (привилегия), economic and social gains (экономические и социальные выгоды), income (доход), high earners (люди, кото-

рые получают высокую зарплату), safety nets (прожиточный минимум), wealth-generating assets (активы, генерирующие материальные блага), amenities (блага), «The Midas Touch» («прикосновение Мидаса»), investments (инвестиции), million (миллион), billion (миллиард), highly-educated (высокообразованный), paucity (выплата зарплаты чеком), pay scale (тарифная сетка). В английском языке людей, которые считаются богатыми в комментариях пользователей Интернета, называют the rich (богатые), the wealthy (богатые, состоятельные), the well-off (обеспеченные люди), the super rich (сказочно богатые).

Бедность, прежде всего, как отсутствие материальных благ (денег) репрезентируется следующей группой слов: money struggles (материальные трудности), low-paying service position (низкооплачиваемая работа в сфере услуг), college debt (учебная задолженность), lower wage earner (человек с низкой заработной платой), unemployment (безработица), low-educated (малообразованный), in need of (в нужде, в стесненных обстоятельствах). Люди, которых причисляют к бедным слоям общества – the poor (бедные) и the needy (нуждающиеся). Кроме того, в этот список можно включить имена прилагательные lazy (ленивый) и black (чёрный). Ленивые и неинициативные люди бедны, например: *Poor deserve being poor, because they are lazy. (Если бедняк ленив, он заслуживает свою бедность.)* Таким образом, бедность – это лень и бедность – расовая черта.

Нет однозначного мнения по поводу того, чем являются деньги. Есть две кардинально противоположные точки зрения: деньги могут купить всё и на деньги всё невозможно купить. Так, например: *Money is the means for amenities, you cannot buy love, beautiful life events, achievements, serenity, peace, spiritual enlightenment, natural beauty, real friends, loving unselfish family, natural smiles and the amazing feeling of being alive. (Деньги – это средство приобретения благ. Невозможно купить любовь, прекрасные события в жизни, достижения, покой, мир, духовное просвещение, естественную красоту, настоящих друзей, любящую неэгоистичную семью, искренние улыбки и удивительное чувство ощущения себя живым.)* Однако противоположная точка зрения усматривается в следующем комментарии: *To the commenter above who said that money doesn't buy love, sense of feeling alive, serenity, peace, etc. — you must have no money. Many of those you listed — with the exception of achievement and friends — can be bought with money. (Комментатору, который оставил свое сообщение выше, утверждающему, что на деньги не купишь любовь, покой, мир и т.д. – должно быть, у Вас нет денег. Многие из того, что Вы перечислили (за исключением достижений и друзей), покупаются за деньги.)*

Наиболее примечательным является комментарий «*Money is the root of all good*» (деньги – это корень добра), который является аллюзией на высказывание из Нового Завета – *for the love of money is the root of all evil* (1-е послание к Тимофею, глава 6: *ибо любовь к деньгам – корень всякого зла*). Отсюда выводим, что есть мнение: смысл денег меняется кардинально. Благодаря деньгам человек может творить добро. Отсюда богатство – это добро, добрые дела.

На деньги человек может купить свободу (freedom). Это подкрепляется 4 комментариями, такими как: *Having money gives you freedom. (Деньги дают свободу.); Money gives you freedom. (Деньги дают свободу.); Money buys you freedom. (Деньги покупают свободу.); <...> but all summed up as «freedom» in a simplified sense. (<...> но всё сводится к «свободе» в упрощенном варианте.)* Несмотря на небольшое количество упоминаний, мы можем утверждать, что богатство – это свобода.

Однако богатство может иметь кардинально противоположное значение: богатство – зависимость (dependence). Богатство воспринимается как зависимость в материальном плане, которая может быть на уровне государства (*developing countries / развивающиеся страны, the country's poor / бедное население страны, the southern countries / южные страны, poor countries / бедные страны, African countries / африканские страны, Papua New Guinea / Папуа-Новая Гвинея, Uganda / Уганда*), так и на уровне семьи (*kids' independence / независимость детей, the wealthy kids / богатые дети, non-wealthy counterparts / небогатые товарищи, poor counterparts / бедные товарищи, less privileged peers / менее привилегированные сверстники, «financially dependent» kids / финансово зависимые дети, 20-year olds from welfare families / двадцатилетние из семей с достатком, depended on parents / зависели от родителей, \$88 million dorm / комната в общежитии за 80 миллионов долларов*).

a much nicer / lavish environment / более привлекательная и шикарная обстановка, comfort zone / зона комфорта). В 10 (83%) из 12 комментариев утверждается, что дети зависимы от материально обеспеченных родителей и довольны этим. 2 комментария (17%) пропагандируют идею того, что родители не желают поддерживать детей после достижения совершеннолетия (*are unwilling to support*). Таким образом, богатство может быть связано с явлением нахлебничества.

Идея счастья непосредственно связана с идеей богатства и бедности. Вопрос о том, можно ли купить счастье за деньги, также вызывает споры. В 12 комментариях (57%) из 23 прослеживается идея того, что счастье (happiness) зависит от количества денег (money), в 7 комментариях (30%) выдвигается противоположная точка зрения, например: *But I know I could be really really happy if I had a lot more money. (Но я знаю, я был бы действительно счастливее, если бы у меня было намного больше денег.); Anyone that said money doesn't buy happiness doesn't know where to shop. (Любой, кто говорит, что счастье за деньги не купишь, просто не знает, где покупать.)* Мнения о том, что как богатые, так и бедные в равной мере счастливы, придерживаются 2 комментатора (9%) (*I don't have a yacht or a 10,000 square foot mansion on the ocean, but I have more than I need. People of super high net worth are not any happier than I am. / У меня нет яхты или особняка на берегу океана в 10000 кв. футов, но у меня есть даже больше, чем мне нужно. Люди с чрезмерно высоким капиталом не счастливее меня.*).

Богатство вызывает зависть, которая приводит к тому, что человек чувствует себя несчастливим, например: *Those who seek to punish High Income Earners are just frustrated that they have been unable to do so. (Те, кто стремятся, наказать людей с высоким доходом, просто раздосадованы тем, что сами не получают такой доход.)* Следовательно, богатство – несчастье. Богатство и бедность непосредственно связаны с душевным настроением, состоянием души, например: *People are about as happy as they make their minds up to be. (Человек счастлив настолько, насколько он настроен на счастье.); Poverty is a state of mind. (Бедность – это состояние души.)* Таким образом, бедность и богатство зависят от менталитета, от психологии человека. Однако приветствуется идея того, что иметь материальные блага и быть несчастным лучше, чем быть несчастным бедняком (*it's better to be rich and miserable than to be poor and miserable. At least you can have some fun.*). Богатство воспринимается как веселье (fun), которое перевешивает несчастье (misery). Следовательно, в состоянии бедности человек не только несчастен, но и лишен веселья и возможностей (opportunities). Богатство как возможности и бедность как отсутствие возможностей воспринимаются таким образом в 7 комментариях, например: *LACK OF OPPORTUNITIES due to their parent's background. (Отсутствие возможностей из-за материально-го положения родителей.)*

Один из комментариев содержит представление о богатстве как о любви (*wealth is love / богатство – это любовь*). Таким образом, богатство входит в сферу нематериального (богатство – нематериально). К этой категории можно отнести комментарии, которые идут в виде вопросов без ответа, например: *Being healthy is not being rich? Having children is not being rich? Having a happy relationship with others is not being rich? Spending some time to smell the flowers is not being rich? Rich is not just money (Быть здоровым – разве это не быть богатым? Дети – разве это не богатство? Хорошие отношения с кем-то – разве не богатство? Чувствовать запах цветов – не означает ли это богатство? Богатый – это не только тот, кто с деньгами).* Отсюда богатство рассматривается как здоровье, родные люди, дети, мир вокруг. Однако пользователи дискутируют по поводу того, может ли богатый, но больной человек чувствовать себя счастливым. Выявлено 6 упоминаний того, что богатый, но больной несчастлив, к примеру: *a rich man with diseases is unhappy (богатый с болезнями несчастлив).*

Вопрос о деньгах, богатстве, бедности и честности подымается в комментариях пользователей Интернета. Большие деньги не имеют ничего общего с честностью, например: *The guy is a pig. No one makes this kind of money honestly. (Это парень – свинья. Кто зарабатывает такие деньги честным путём?)* Таким образом, богатство связано с честностью (honesty), если оно достигнуто законным путём, не украдено (*you can not get insane profits without being corrupt / невозможно получить сумасшедшую прибыль и не быть коррумпированным*). Из это-

го следует, что богатство связано с негативными явлениями действительности, такими как коррупция (corruption, б), взяточничество (bribe, 1), воровство (mega-thief (1), robber (1), steal (2)).

Богатый человек не испытывает вины за своё богатство, если оно получено честно (3 упоминания), например: *if I were ever to become rich, I would not be guilty one bit. I have never felt guilt about earning money, that is the only reason I work.* (Если бы я когда-нибудь разбогатела, я бы не считала себя виноватой ни секунды за то, что я зарабатываю деньги. Это единственная причина того, что я работаю.).

Богатство приносит удовольствие (pleasure). Человек может работать в своё удовольствие и получать за это деньги (*making music, DVD / записывать музыку, DVD*). Богатство – это деятельность (activity), где концерт репрезентируется следующими выражениями: *to volunteer* (быть волонтером), *to spend time reading career-related material* (проводить время, читая литературу, связанную с карьерой и карьерным ростом), *to write articles* (писать статьи), *to write trade-related books* (писать книги о торговле), *to do speaking engagements, seminars, presentations* (делать выступления, проводить семинары, презентации), *extracurricular activity of the financially successful career-related self-improvement activity* (дополнительная занятость при финансово успешной деятельности, связанной с карьерой и самосовершенствованием). Деятельный инициативный человек получает возможность не только для дальнейшего роста личности, но и для успешного ведения бизнеса, которое приводит к богатству (*These activities expose them to more opportunities and, in effect, they create their own luck. / Такие занятия дают людям возможности, и фактически люди сами создают свою судьбу.*).

Богатство непосредственно связано со временем. Время – это деньги. Следовательно, время – это богатство. Усматривается связь между богатством и затрачиваемым на работу временем. Время рассматривается как рабочее время (working time). Однако среди пользователей Интернета нет чёткого определения рабочему времени. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: *How much of «working time» includes business lunches and dinners? These may not be leisure, but they certainly aren't hard work.* (Сколько рабочего времени посвящено бизнес-ланчам и ужинам? Такие ланчи и ужины уж точно не тяжкий труд.); *How much time is spent doing business on the golf course? (Сколько времени тратится на ведение дел на поле для гольфа?)*.

Как уже упоминалось выше, человек, обладающий умом, может достичь богатства. Среди двух путей достижения богатства (традиционного и менее традиционного) к традиционному способу достижения материальных благ относится образование. Образованный человек имеет больше шансов достичь богатства по сравнению с менее образованным. Высокообразованные люди получают более высокую зарплату (21 комментарий посвящён этой теме), например: *I would think that's where education and intelligence come in.* (Я бы сказал, что именно здесь проявляются преимущества наличия образования и интеллекта.); *A high earner may understand the value of an education and/or the value of a big name school.* (Человек с высокой заработной платой понимает ценность образования и/или ценность школы с громким именем).

Человек с образованием, высококвалифицированный специалист получает не только высокую зарплату, но и уважение. Этому мы находим подтверждение в следующем примере: *But someone who decides to go to college and work and has THE INTELLIGENCE to work in a very technical hard field is taking a risk that he/she will have a high-paying job in the future.* (Но тот, кто решает пойти в колледж и способен работать в технически сложной области, в которой высоко ценится ум человека, рискует получить высокооплачиваемую работу.). Следовательно, богатство, полученное благодаря образованию – уважение.

Однако вопрос о связи образования и богатства остаётся спорным. К такому заключению мы приходим на основании комментариев пользователей: *It has nothing to do with your education level — I know lots of PhD's that have nothing and some that are wealthy.* (Богатство не связано с уровнем образования: я знаю многих людей со степенями докторов наук, у которых ничего нет, но среди моих знакомых есть и состоятельные доктора наук.). Таким образом, уровень образования не влияет на наличие богатства.

Богатство воспринимается как игра или потеря (game, lottery), которая связана с риском, что можно проиллюстрировать следующими примерами: *A low wage earner may take their risks playing the lottery or going to Vegas.* (Человек с низким уровнем зарплаты может рискнуть и сыграть в лотерею или отправиться в Вегас.); *Wealth has become a zero-sum game.* (Богатство стало игрой, в которой важны суммы с определённым количеством нулей.). Таким образом, мы приходим к выводу, что Вегас ассоциируется с богатством и является символом его достижения, т.е. богатство с риском – Вегас, богатство – игра. Таким образом, мы может отметить, что если раньше географическими названиями – символами богатства были крупные промышленные города, экономические центры (например, Лондон), то в XXI в. их список пополнили города, символизирующие роскошь и азартное времяпрепровождение (Вегас).

Возвращаясь к тому, что богатство и успех связаны, мы можем выдвинуть формулу: *success = money + power* (успех = деньги + власть). При этом все три компонента важны. Идея связи между властью и богатством также усматривается в выборе и сочетании слов: *government* (правительство), *wealth* (богатство), *privilege* (привилегия), *gated community* (закрытый коттеджный городок), *political influence* (политическое влияние), *significant social power* (значительная социальная власть), *противопоставления the few – the rest* (немногие – остальные) и *the white – the black* (белые – афроамериканцы), *oil* (нефть), *gas* (газ), *minerals* (минералы), *Apple* (корпорация Apple), *Facebook*, *millions* (миллионы), *governments do well when the wealthy do well* (правительства преуспевают, если богатые преуспевают), *the monopolistic behemoths* (монополисты-тяжеловесы), *monopolist* (монополист), *trader* (трейдер), *demi-god* (полубог), *planet-controlling gods of finance* (контролирующие планету боги финансов). В этот список можно включить и имена собственные: *Bill Gates* (Билл Гейтс), *Warren Buffet* (Уоррен Баффетт), *George Soros* (Джордж Сорос), *Paris Hilton* (Пэрис Хилтон), *Carlos Slim* (Карлос Слим), *Mark Zuckerberg* (Марк Цукерберг), *Mitt Romney* (Митт Ромни), *the Rothschilds* (Ротшильды), *Rockefellers* (Рокфеллеры), *Astors* (Асторы), *Pierpoints* (Пирпонтты). Вместе с именами идёт большая доля критики (*hog* (свинья), *scrooge* (скряга), *idiot* (идиот), *the robber barons* (бароны-грабители), *mega-thief* (мега-вор), *criminals* (преступники), *ego stroking drive* (энергия, направленная на то, чтобы тешить своё эго), *ego-driven* (движимые своим эго), *idiotic* (идиотский), *to self promote* (продвигать самого себя), *sit around* (сидеть сложа руки)). Однако присутствует противоположная точка зрения, что подтверждается следующим набором слов: *noble work* (благородное дело), *philanthropy* (филантропия), *create jobs* (создавать рабочие места), *employment* (занятость).

В отношении власти и богатства усматривается следующее:

- 1) Власть связана с деньгами (money);
- 2) Власть связана с успехом (success);
- 3) Отношение к власти неоднозначно;
- 4) Власть – привилегия узкого круга лиц (power – privilege).

Обращая внимание на пункт 4, мы отмечаем, что власть и богатство связаны с неравенством (inequality) и полярностью, что отражено в следующем примере: *Virtually everyone who becomes rich these days does so by making others poor and destitute.* (По сути любой, кто становится богатым в наше время, богатеет за счёт того, что остальные становятся бедными и нищими.).

Неравенство может проявляться разными способами: *structural inequality* (структурное неравенство), *income inequality* (неравенство в уровне доходов), *leisure inequality* (неравенство в количестве свободного времени), *consumption inequality* (неравенство в потреблении), *income gap* (разница в доходе), *the racial wealth gap* (разрыв в уровне благосостояния по расовому признаку), *wealth gap* (разрыв в уровне благосостояния), *leisure gap* (разрыв по количеству свободного времени), *injustice* (несправедливость), *severe poverty* (сильная нищета), *extreme poverty* (крайняя бедность), *poverty and hunger* (бедность и голод) – *showy luxury* (показная роскошь), *race and poverty* (раса и бедность), *a lonely island of poverty in the midst of a vast ocean of material prosperity* (Martin Luther King, Jr.), (пустынный остров бедности посреди огромного океана материального процветания, Мартин Лютер Кинг-младший), «poverty tourism» («тур в бедность»), *the white and well-off – black only area* (белые и обеспеченные – территория только для темнокожих), *The USA, China, East Asia, – African countries, South Africa,*

Indonesia, Papua New Guinea, Uganda (США, Китай, восточная Азия – африканские страны, южная Африка, Индонезия, Папуа-Новая Гвинея, Уганда). Отсюда неравенство является составляющей богатства и вытекает из него (*governments benefit from inequality / правительства получают выгоду из неравенства*).

Кроме того, на основании такой оппозиции (полярности) мы можем утверждать, что богатство связано с закрытостью, элитарностью. Богатством владеет узкий круг лиц. К такому выводу мы приходим благодаря таким характеристикам богатых как *the few* (несколько, некоторые, узкий круг), *privileged* (привилегированный), *gated* (запертый), к бедности тоже отношение – *lonely island* (одиноким остров). Бедность воспринимается как негативное явление, что подтверждается выбором слов, характеризующих это социальное явление, которое требуется устранить: *to reduce poverty* (снизить уровень бедности), *to reduce the costs of poverty* (сократить издержки бедности), *to eradicate extreme poverty* (искоренить крайнюю бедность), *to fight poverty* (бороться с бедностью), *to solve poverty* (решить проблему бедности), *to doom to poverty* (обрекать на бедность), *poverty reduction* (снижение уровня бедности), *to kill poverty and hunger* (уничтожить бедность и голод), *the War on Poverty* (война с бедностью), *anti-poverty foundation* (фонд борьбы с бедностью), *introducing anti-poverty programs* (введение программ по борьбе с бедностью). Бедность связана с виной (*the blame for poverty / вина за бедность*): для сравнения богатый человек в современном мире не испытывает вины за своё богатство (*to feel no guilt / не чувствовать вины*). Отсутствие бедности оказывает положительное влияние на общество (*to save the future of poor / спасти будущее бедных*), Метафорическое выражение бедности – война и борьба. Как показано на примерах, с бедностью связаны слова с семей борьбой с чем-либо, а также термин, употребляемые в военном деле и политике (*to eradicate / уничтожить, anti- / анти-, program / программа, war / война*).

В современном обществе есть мнение, что богатство непосредственно связано с культурой. Среди комментариев пользователей Интернета есть следующие: *Just enjoy the trust fund and work on shaping America's culture. (Просто наслаждайся трастовым фондом и продолжай формировать американскую культуру)*. Стиль жизни, который ведёт богатый человек, является очень привлекательным, о нём мечтают. Отсюда частым является упоминание о такой идее как «Американская мечта» (*American Dream*). Нельзя игнорировать тот факт, что в настоящее время американская культура является наиболее пропагандируемой в обществе и проникающей в общество. Американская мечта ассоциируется с тем, что некоторые пользователи Интернета называют *the «affluent» lifestyle* («состоятельный» стиль жизни). Такая мечта может реализоваться в материальных вещах (*McMansion* (огромный особняк-замок), *condo* (квартира в доме-совладении), *ski resort* (горнолыжный курорт), *beach* (пляж), *nice car* (хорошая машина), *private schools for the kids* (частная школа для детей)); в наличии возможностей (*ability to travel to Europe* (возможность путешествовать по Европе), *eating out at nice restaurants* (посещение хороших ресторанов)). Кроме того, богатство как американская мечта связано с работой (*hard work*), образованием (*education*), удачей (*luck*), неукротимым желанием (*indomitable desire*). Американс-

кая мечта непосредственно связана как с возможностями (*opportunity*), так и свободой (*freedom*), при этом сочетание возможностей и свободы с работой и образованием может привести к богатству, выраженному в материальных вещах. Следовательно, богатство – Американская мечта в виде свободы и возможности.

На основании выше изложенного мы приходим к следующим выводам:

- 1) Богатство – это цель;
- 2) Богатство – это труд и работа;
- 3) Богатство – это материальные блага;
- 4) Богатство – это деньги;
- 5) Богатство – это неожиданный поворот судьбы, удача;
- 6) Богатство – это ум;
- 7) Богатство – это испытание;
- 8) Богатство – это успех;
- 9) Богатство – это время;
- 10) Богатство – это образование?
- 11) Богатство – это уважение?
- 12) Богатство с риском – Вегас;
- 13) Богатство – это игра;
- 14) Богатство – это веселье;
- 15) Богатство – это душевные качества, любовь;
- 16) Богатство – здоровье;
- 17) Богатство – доброе имя;
- 18) Богатство – это корень всякого добра или зла?
- 19) Богатство – это свобода или зависимость и нахлебничество?
- 20) Богатство – Американская мечта в виде свободы и возможности;
- 21) Богатство – это счастье или несчастье?
- 22) Богатство – это деятельность;
- 23) Богатство нельзя осуждать, вины богатого в богатстве нет;
- 24) Богатство – это власть;
- 25) Богатство – это неравенство;
- 26) Богатство – это честность или нечестность?;
- 27) Богатство – это закрытость;
- 28) Бедность – это лень;
- 29) Бедность – расовая черта;
- 30) Бедность заслужена;
- 31) Бедные виноваты своей бедности;
- 32) Бедность – это неравенство;
- 33) Бедность – это глупость;
- 34) Бедность – это состояние души;
- 35) Бедность – борьба;
- 36) Бедность – война.

Концепт «богатство» и концепт «бедность» в XXI в. сохранили способы репрезентации, существовавшие ранее, однако к ним добавилось новое видение богатства как американской мечты и способа формирования культуры. Следует отметить тот факт, что большая часть составляющих моделей, к которым восходят концепты, осталась неизменной, что свидетельствует о том, что есть некое архетипичное представление о богатстве и бедности, которое не зависит от религиозных взглядов, социальных убеждений, расовой принадлежности.

Библиографический список

1. The Guardian [Э/р]. – Р/д: <http://www.theguardian.com/uk>.
2. The New Yorker [Э/р]. – Р/д: <http://www.newyorker.com>.
3. WSJ Blogs [Э/р]. – Р/д: <http://blogs.wsj.com/wealth>.

Bibliography

1. The Guardian [Eh/r]. – R/d: <http://www.theguardian.com/uk>.
2. The New Yorker [Eh/r]. – R/d: <http://www.newyorker.com>.
4. WSJ Blogs [Э/р]. – R/d: <http://blogs.wsj.com/wealth>.

Статья поступила в редакцию 30.09.13

УДК 811.161.1+808.5

Dobrya M. Ya. THE IMAGE OF PICTURE OF THE WORLD IN ELOCUTIV STATEMENTS OF CHILDISH LINGUISTIC PERSONALITY. The article deals with the interrelation between the linguistic picture of the world and the use of a child ornamental elokutiv means of language. The author researches pragmatically significant elokutiv statements, which reflect the childish world view particularity, the concreteness of intellection, the subjectivism of perception and the statements demonstrates expression and evaluation in use of trope elokutiv means of language.

Key words: linguistic picture of the world, specific of child's linguistic picture of the world, elocutiv, elocutiv statements.

М.Я. Добря, канд. филол. наук, доц., ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан,
E-mail: m.dobrya@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В ЭЛОКУТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ*

В статье раскрывается взаимосвязь языковой картины мира и употребление ребенком орнаментально-элокутивных средств языка. Автор исследует прагматически значимые элокутивные высказывания, в которых отражается специфика детского мировоззрения, конкретность мышления, субъективизм восприятия и проявляется экспрессия и оценка в использовании тропеических элокутивных средств.

Ключевые слова: языковая картина мира, специфика детской языковой картины мира, элокуция, элокутивные высказывания

Обращение к «человеческому фактору в языке» предполагает изучение использования языка человеком в проявлении как типичных, так и индивидуальных черт. Характеристика языковой личности предполагает выявление тех ее структур, которые являются доминирующими при обращении исследователя к ее компонентному составу, в число которых включают языковую способность, языковое сознание, коммуникативные установки, идеолект языковой личности, учет ее психологических и социальных параметров и др. Следует признать перспективность междисциплинарных исследований, позволяющих на данном этапе антропологической лингвистики раскрыть сложность и многоуровневость изучаемого феномена. При этом одним из перспективных антропоцентрических направлений является изучение детской языковой личности и детской языковой картины мира через призму основополагающих свойств языка: динамизма, системности, психологичности, социальной обусловленности.

Детская языковая картина мира определяется в психолингвистике как «наивнейшая», поскольку отражает наивные представления ребенка об окружающем мире, которые, однако, образуют свою систему представлений о реальном, и которая с течением времени все более конкретизируется и усложняется, приближаясь к картине мира взрослого.

Рассматривая детство как уникальный этап в развитии человека, Т.Д. Попкова в картине мира ребенка выделяет несколько уровней: «Я; моя семья (дом, детский сад, т.е. большая, расширенная семья); окружающий меня мир (животные и растения)» [1].

Формирующаяся картина мира ребенка складывается через субъективное восприятие, значимость окружающего для него лично. О.В. Кошечева, рассматривая особенности овладения ребенком разнообразными жанрами речи, выделяет «некие глобальные сферы в жизни детей дошкольного и младшего школьного возраста – сфера обиходно-бытовой коммуникации в семье (ближайшем окружении ребенка), игровая сфера, институциональная сфера (для младших школьников – школа, для детей дошкольного возраста – детский сад)» [2, с. 281]. И.П. Амзаракова, с опорой на схему речевых функций К. Бюллера, в познании мира ребенком выделяет три направления: мир вещей, мир людей и мир языка [3, с. 65]. При этом общим для всех исследований является определение языкового круга ребенка с ядерным составляющим «Я», далее следуют «ближний круг», «дальний круг».

Ярким примером детского мировосприятия и его проявления в речи ребенка может служить детская песня в устах одного из детей: «*Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет небо! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда буду я! А дальше пошла импровизация: Пусть всегда будет папа! Пусть всегда будет бабуля! Пусть всегда будет Ангелина!* (сестра) Пусть всегда будет Валерия! (старшая сестра) И, наконец: Пусть всегда будут кошки!!» [4].

Прагматика элокутивных высказываний ярко проявляется в образно-символических ассоциациях, одновременно раскрывающих своеобразие детского мировосприятия. Попробуем выстроить логическую цепочку взаимоотношения элокуции и ребенка через описание взаимобусловленности экспрессивности детской речи и своеобразия детского восприятия.

Истоки изучения отечественной лингвистикой детской языковой личности лежат в появлении в конце XIX века «дневнико-

вых записей», фиксирующих своеобразие речевого развития ребенка. В дальнейшем лингвистический и лингводидактический характер исследования детского языкового строя обогатился изучением онтогенеза речевой деятельности с позиций современной психологии. Психолингвистический анализ языкового мира ребенка представлен работами И.Н. Горелова, А.А. Лентьева, К.Ф. Седова, А.М. Шахнаровича, Н.М. Юрьевой.

Детская языковая картина мира функционирует в детской речи. Существует большой корпус лингвистических исследований, отражающих специфику детского языка и речи: И.П. Амзараковой, Т.А. Гридиной, В.К. Харченко, С.Н. Цейтлин. Исследованию подвергаются: лексикон ребенка дошкольного и младшего школьного возраста (Т.В. Соколова), языковые средства выражения категории оценки в речи детей (Ю.О. Бронникова), овладение детьми грамматическими категориями (Н.В. Гагарина, М.Д. Воейкова), особенности речевого общения и становления коммуникативных навыков детей (Е.Б. Чернышова, Н.А. Лемякина) и др.

Как отмечает М.Р. Львов, речь ребенка изучается «в ее различных аспектах: деятельностном, процессуальном; формальном, структуральном; социальном, коммуникативном, личностном; в аспекте генетическом, в развитии; в ее связях с языком и другими знаковыми системами» [5, с. 4].

Однако на данном этапе развития лингвистики детской речи «при этом остается невыясненным множество проблем, например: какова структура картины мира ребенка; как сам ребенок относится к факту владения им языком; как существующая в его сознании картина мира может быть выражена текстуально, в виде устного рассказа» [6]; описание фрагмента языковой картины мира ребенка, созданного в результате анализа использования им, например, элокутивных средств и рассматриваемого через призму его речевых и личностных характеристик.

Системное описание ребенком элокутивных средств до настоящего времени не было предметом лингвистического анализа. При этом образный строй речи детей, лингвистической составляющей которого являются разнообразные орнаментальные средства языка, по-особому проявляет своеобразие наглядно-образного мышления ребенка, раскрывает специфику детского взгляда на мир, отличное от взрослого, соответствующее определенному возрасту представление о мире. Научная новизна работы состоит в выборе ракурса изучения детской языковой личности – через описание своеобразия детских элокутивных высказываний с позиций языковой картины мира ребенка.

Материалом для исследования явились детские высказывания, касающиеся (осознанного и спонтанного) использования изобразительно-выразительных средств в речи, опубликованные в работах С.Н. Цейтлин [7], В.К. Харченко [8], на сайтах «Говорят дети» и «Дети говорят», а также собственная картотека элокутивных высказываний детей 3 – 9 лет.

Элокуция – словесное выражение, один из этапов риторического канона, целью которого является «путь от мысли к слову», процесс создания и произнесения речевого произведения. Элокуция со времен античности включает себя выбор языковых средств, определение стиля и слога (совокупность выразительных качеств речи). При этом признаками хорошего слога будут правильность и чистота, имеющие отношение к нор-

мам литературного языка; ясность, уместность, красота речи. «Красота речи есть результат синтеза выразительных средств, создающего смысловую и выразительную глубину, многомерность слова» [9, с. 294].

Элокуция детской речи детерминирована орнаментальными средствами, в число которых входят тропы и фигуры, экспрессивная лексика и своеобразие построения синтаксических конструкций, а также реминисценциями, прецедентными, фольклорными вкраплениями. При этом образность как качество детской речи нельзя понимать как способ «речевого декора» (выражение Г.В. Бобровской). Свообразие детской речи – в репрезентации в ней образного мышления ребенка, проявлении в ней формирующегося языкового сознания и открытии ребенком эстетической функции языка. «Тропы не являются внешним украшением, некоторого рода апплике, накладываемым на мысль извне, – они составляют суть творческого мышления, и сфера их даже шире, чем искусство. Они принадлежат творчеству вообще», – писал Ю.М. Лотман [10, с. 169].

В основе тропа лежит сравнение по параметру, которое нашим сознанием определяется как свойство, качество, признак, объединяющее два явления и проявляющееся на уровне слова или словосочетания. Определение понятия и видов тропов, их признаках до сих пор является предметом дискуссии как среди философов, так и лингвистов. Оставляя за рамками данной статьи все разногласия, назовем наиболее частотные тропы, встречающиеся в детской речи: сравнение, эпитет, метафора, метонимия, олицетворение, персонафикация.

При это мнение об осознанном или спонтанном употреблении детьми метафоры как стилистического приема также остается дискуссионным. С.Л. Рубинштейн, А.М. Шахнарович полагают, что в речи ребенка метафорическое средство появляется всегда неосознанно, в силу преобладания у него наглядно-образного мышления и понимания слова в буквальном, прямом смысле [11]. В.К. Харченко, исследуя переносное значение слова, приводит интересные замечания о своеобразии детской метафоры и отмечает ее раннее появление в речи детей – в 2-3 года [12].

Троп возникает в речи ребенка в результате потребности в номинации, когда возникает дефицит «лексических средств в активном словарном арсенале ребенка, при котором в сознании ребенка соотносятся два объекта действительности: один из них более или менее известен, а другой не известен вообще. При сравнении свойства известного объекта признаются существенными для именования неизвестного» [13]. Например, девочка (2 г.) рассматривает папину руку: *Папа, а можно я у тебя на руке реснички поддёргаю?* Девочка (6 л.) была в археологическом музее и видела там *рыцаря в твёрдой кофточке*. Примеры демонстрируют использование детьми метафорического переноса при недостаточности лексического материала для наименования предметов и явлений, которые попадают в поле исследования ребенка. Приведем еще примеры: Мама сушит волосы феном, в другой комнате папа спрашивает: – Что мама делает? Девочка (2,8 г.) отвечает: – *Пылесосится!* Мама собирается миксером взбивать картошку, чтобы сделать пюре. Дочь (2,5 г.) говорит: – *Сейчас будем картошку феном пылесосить.*

Ребенок – активный исследователь мира. В силу недостаточности опыта, в круг его интересов попадают предметы ближайшего окружения, их свойства, признаки ребенок усваивает через соотнесение с собственным «Я», осознанием предметного мира как живого. Все это находит отражение в прагматически заряженных элокутивных высказываниях детей:

Мальчик (5 л.) доставал мёд и погнул ложку: – *Пал, дай другую ложку, у этой мышцы слабые.* Девочка (5 л.) после часа купания в аквапарке, глядя на свои пальцы, подушечки которых сморщились от долгого нахождения в воде, произносит: – *Что то пальчики стали грустными.* Мальчик (4 г.) разбил губу и ходит с открытым ртом. – А почему у тебя рот открыт? – *Его зажируивать больно.*

Персонафикация и олицетворение в детских высказываниях проявляют анимизм детской картины мира, ее динамизм: Мальчик (3,3 г.) про одинокий фонарь в ночи, печально: – *А у столба всего одна ножка! И ботинка нет!* Закипает вода в прозрачном чайнике. Девочка (3 г.) комментирует: – *Мама, смотри, водичка балуется.* Мальчик (4 г.): – *Пусть кровать пока стоит раздетая, я потом опять лягу.*

Детские элокутивные высказывания раскрывают свой прагматический потенциал в ситуациях спонтанного диалога взрос-

лого и ребенка, передавая непосредственность и эмоциональность детского восприятия мира, невольно демонстрируя глубину понимания человеческих отношений: девочка (5 л.) в разговоре замечает: – *Если у мужчины родился сын, то он стал отцом, а если дочка — папулей.* Два слова (отец и папуля) несут в себе оценку, которая проявляется как имплицитно, так и эксплицитно и в сознании ребенка жестко привязана к гендерной специфике использования обращений.

Детское мировосприятие ярко проявляется в высказываниях с орнаментальными средствами, использование которых ребенком всегда мотивировано: ситуацией общения, осмыслением связей и явлений окружающего мира, его оценкой. При этом исследователи отмечают лингвокреативность детских языковых употреблений. Например, родители говорили с сыном, какого цвета какого цвета бывают глаза. Мальчик (3,6 л.): – *Чтобы глаза были голубые, надо смотреть на небо, зеленые – сидеть на траве, а белые – смотреть на снег, а если смотреть на полосатое полотенце, то полосатые.* Употребление ребенком прилагательных-эпитетов сопровождается рассуждением о приобретаемых свойствах через активное восприятие предметов. Еще примеры: девочка, описывая свою квартиру: – *У нас однокомнатная и однокухонная квартира.* Дочь (4,7 г.) делает маме комплимент: – *Мама, ты у меня красавица красоты невидимой!* Еще пример использования градационного ряда эпитетов: Девочка (6,6 л.): – *Какая ты золотая мать! Просто бриллиантовая!* В следующем высказывании ребенок (5,6 л.) образует окказиональный эпитет, характеризует основное событие в течение дня: – *Сегодня бассейнный день или сауанный?*

Показательным является пример использования ребенком в одном высказывании эпитета и метафоры, «спровоцированный» объяснением взрослого: Девочка (6 л.): – *Мам, а что, свекла может быть шубой? – А видишь, мы её сверху кладём. Как будто верхнюю одежду надеваем на салат, как шубу – сверху!* Девочка, ласково глядя в кастрюлю с салатом: – *Ты селёёёдочка! Ты хорооооош! В шубе из свёклы, в трусах из картошки.*

Сравнение – довольно частотный элокутив в детской речи. При этом сравнение – одна из мыслительных операций, показатель когнитивного развития ребенка, который характеризует развивающуюся языковую личность как творческую, креативную, знаково преобразующую окружающий ее мир. Сравнительно ребенок может явления, с точки зрения взрослого, абсолютно не сопоставимые. Однако формирующееся детское мировоззрение проявляет себя в сравнительных оборотах через парадоксальный ассоциативный ряд, который легко выстраивает ребенок в силу своего возрастного языкового сознания и образного мышления: Мальчик (3,7 г.) увидел таксу: – *Мама, смотри, собака-лимужин!* – сравнение основано на метафоризации наблюдаемого явления. Ребенок (4 г.) увидел маленького мальчика, ползущего на четвереньках, и воскликнул: – *Мама, смотри, мальчик как гусеница ходит!* Ребенок (4 г.) недовольным голосом отчитывает: – *Ты говоришь громко, как бык!* – *Мама, а давай пойдём медленно, медленно, как коровы!* После обеда: – *Я объелся и стал как толстенный бройлерный гусь (5,6 л.) – Мама, я есть хочу, как бык после бегов (6 л.).*

Одним из значимых явлений детской субкультуры является мир компьютера и Интернета. Технократизм современного мира проявляет себя и в прагматически значимых элокутивных детских высказываниях, раскрывающих картину мира ребенка и отношение ребенка к тому, что его окружает. Примечательным является замечание ребенка (6 л.), растущего в семье программистов, о пении кенора: *Красиво очень поёт, на модем похоже.* Пример из наблюдений родителей: «Вчера Боря посадила обедать. Сидит и смотрит в одну точку. – Боря, кушай! Ноль внимания. – Боря, кушай! Никакой реакции. – Боря!!! – Я ловис...». Еще примеры: – *Мам, ты всех любишь и помнишь, а если для меня места не хватит? – Для тебя всегда есть место в моем сердце. – У тебя там что, запасная карта памяти вставляется?* Из телефонного разговора внука (7 лет) с бабушкой: – *Бабушка, папа купил мне айпад. – Да, а что это такое? – Ну, это такой маленький интернет!* [14]. Педагог в детском саду показывает картинку пчелы, спрашивая: «Дети, а это кто? Мальчик: Я знаю! Это насекомое – Билайн! Почему? А я знаю, полоска черная, полоска желтая» [15].

В заключение следует подчеркнуть, что «в речи дошкольников тропы выступают скорее как способ интерпретации действительности, а не как средство экспрессивного выражения мыслей и чувств» [16, с. 32].

Итак, подводя итоги, можно утверждать, что употребление ребенком элокутивно-орнаментальных средств напрямую связано со спецификой детского мышления и детской языковой картины мира. Функционирование тропеических средств в спонтанной речи детей связано со стремлением ребенка к осознанию окружающего мира и себя в нем, с номинацией, осмыслением реалий, относящихся к таким сферам, как «Я», «ближний

круг», «дальний круг», проявлением эмоции, экспрессии и оценки, что является органичной частью языкового мира ребенка.

* *Материал подготовлен в рамках государственного задания Минобрнауки России по теме «Проблемы и особенности эффективной коммуникации в поликультурной среде» (№12-01-10)*

Библиографический список

1. Попкова, Т.Д. Развитие речи и языковая картина мира ребенка // Российский государственный гуманитарный университет: Культура детства: нормы, ценности, практики [Э/р]. – Р/д: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=60011>
2. Коцеева, О.В. Речезнорвая компетенция: возрастной аспект (на материале гипержанра «разговор») // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов, 2011. – Вып. 7. Жанр и языковая личность.
3. Амзаракова, И.П. Языковой мир немецкого ребенка: учеб. пособ. для студентов. – Абакан, 2004.
4. Говорят дети [Э/р]. – Р/д: <http://det.org.ru>
5. Львов, М.Р. Основы теории речи: учебн. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М., 2002.
6. Попкова, Т.Д. Развитие речи и языковая картина мира ребенка // Российский государственный гуманитарный университет: Культура детства: нормы, ценности, практики [Э/р].- Р/д: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=60011>
7. Говорят дети. Словарь-справочник / сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. – СПб., 1996.
8. Харченко, В.К. Словарь современного детского языка. – М., 2005.
9. Волков, А.А. Курс русской риторики. – М., 2001.
10. Лотман, Ю.М. Риторика // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры.
11. Шахнарович, А.М. К проблеме понимания метафоры / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева // Метафора в языке и тексте; ред. В.Г. Гак и др. – М., 1988.
12. Харченко, В.К. Переносные значения слова. – М., 2009.
13. Глушечская, Н.В. Функции метафоры в речи дошкольника // Детская речь как предмет лингвистического исследования. – СПб., 2004.
14. Говорят дети [Э/р]. – Р/д: <http://det.org.ru>
15. Дети говорят [Э/р]. – Р/д: <http://www.inpearls.ru/>
16. Береговская, Э.М. Когда начинается риторика? // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сб. материалов X Международной конференции по риторике / науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин. – М., 2006. – Вып. 2.

Bibliography

1. Popkova, T.D. Razvitie rechi i yazykovaya kartina mira rebenka // Rossijskiy gosudarstvenniy gumanitarniy universitet: Kuljtura detstva: normih, cennosti, praktiki [Eh/r]. – R/d: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=60011>
2. Kothheeva, O.V. Rechezhanrovaya kompetenciya: vozrastnoy aspekt (na materiale giperzhanra «razgovor») // Zhanrih rechi: sb. nauch. statej. – Saratov, 2011. – Vihp. 7. Zhanr i yazykovaya lichnostj.
3. Amzarakova, I.P. Yazikovoy mir nemeckogo rebenka: ucheb. posob. dlya studentov. – Abakan, 2004.
4. Govoryat deti [Eh/r]. – R/d: <http://det.org.ru>
5. Ljvov, M.R. Osnovih teorii rechi: uchebn. posob. dlya stud. vihssh. ped. ucheb. zavedenij. – M., 2002.
6. Popkova, T.D. Razvitie rechi i yazykovaya kartina mira rebenka // Rossijskiy gosudarstvenniy gumanitarniy universitet: Kuljtura detstva: normih, cennosti, praktiki [Eh/r].- R/d: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=60011>
7. Govoryat deti. Slovarj-spravochnik / sost. S.N. Ceytlin, M.B. Eliseeva. – SPb., 1996.
8. Kharchenko, V.K. Slovarj sovremennogo detskogo yazihka. – M., 2005.
9. Volkov, A.A. Kurs russkoj ritoriki. – M., 2001.
10. Lotman, Yu.M. Ritorika // Izbrannihe statji: v 3 t. – Tallin, 1992. – T. 1: Statji po semiotike i topologii kuljturih.
11. Shakhnarovich, A.M. K probleme ponimaniya metaforih / A.M. Shakhnarovich, N.M. Yurjeva // Metafora v yazihke i tekste; red. V.G. Gak i dr. – M., 1988.
12. Kharchenko, V.K. Perenosnihe znacheniya slova. – M., 2009.
13. Gluthevskaya, N.V. Funkcii metaforih v rechi doshkolnjnika // Detskaya rechj kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya. – SPb., 2004.
14. Govoryat deti [Eh/r]. – R/d: <http://det.org.ru>
15. Deti govoryat [Eh/r]. – R/d: <http://www.inpearls.ru/>
16. Beregovskaya, Eh.M. Kogda nachinaetsya ritorika? // Ritorika i kuljtura rechi v sovremennom obhtestve i obrazovanii: sb. materialov Kh Mezhdunarodnoj konferencii po ritorike / nauch. red.-sost. V.I. Annushkin. – M., 2006. – Vihp. 2.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

удк 81'42

Kust T.S. INVESTIGATION OF GENRES OF COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN LINGUISTICS. The article provides a detailed description of main approaches to investigation of genres of computer-mediated communication known in contemporary Russian linguistics. The author suggests a division of the whole complex of information on genres into three groups: works describing particular genres, works providing classification of the genres, and works submitting models to study all the genres of computer-mediated communication.

Key words: computer-mediated communication, a genre, a descriptive approach, a grading approach, a model of a genre.

T.S. Kust, канд. филол. наук, Юргинский технологический институт Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Юрга, E-mail: tatjana.kust@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЖАНРОВ КОМПЬЮТЕРНО-ОТТОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В работе обобщены и представлены основные направления изучения жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, выработанные в современной отечественной лингвистике. В массиве накопленных лингвистической сведений, предлагается выделить три подхода к исследованию жанров компьютерно-опосредованной коммуникации: описательный, классификационный и методологический, предлагающий модели для портретирования всего жанрового многообразия компьютерно-опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: компьютерно-опосредованная коммуникация, описательный подход, классификационный подход, модель жанра.

Коммуникативное пространство в России конца 20-го – начала 21-го столетий претерпело серьезные изменения в силу появления и стремительного распространения Интернет-общения, коммуникации посредством мобильной связи (СМС). Экстралингвистические условия, в частности достижения технического прогресса, повлияли как на скорость и простоту общения, так и на собственно лингвистические особенности компьютерно-опосредованной коммуникации.

В настоящее время изучение компьютерно-опосредованной коммуникации отличается не только своей экстенсивностью – стремлением выявить, изучить и описать как можно больше ее характерных явлений, особенностей и закономерностей [1-9]. Исследователи предпринимают попытки теоретически осмыслить и обобщить накопленный эмпирический материал [10; 11; 4; 12; 13]. Выделяются магистральные направления изучения компьютерно-опосредованного общения: описание особенностей компьютерно-опосредованной коммуникации в целом и отдельных ее аспектов, описание и классификация жанров данного вида коммуникации [14]; или коммуникативное, дискурсивное, функционально-стилистическое и жанроведческое направление исследований компьютерно-опосредованной коммуникации [13].

В фокусе данной статьи – жанроведческий аспект изучения компьютерно-опосредованной коммуникации.

Разделяя мнение Е.В. Горошко о том, что коммуникативное пространство Интернета способствует возникновению новых жанров, обуславливая, в свою очередь, интенсивное развитие жанроведения [4], мы ставим перед собой цель проанализировать имеющиеся в распоряжении отечественной лингвистики сведения о жанрах данного вида коммуникации, о подходах к их изучению и описанию.

Исследователи жанрового пространства русской речи (В.В. Деметьев, Н.Б. Лебедева, Т.В. Шмелева и др.) неоднократно высказывали свои соображения о необходимости и возможности создания энциклопедии всех существующих речевых жанров. И хотя данный труд так не появился, несмотря на колоссальный объем изученных и описанных жанров, нам представляется, что исследователи Интернет-пространства внесли существенный вклад в подготовку материалов для данной энциклопедии, представив целый ряд работ *описательного* характера.

На материале русского языка было изучено и описано жанровое пространство сети Фидонет [2]. Наряду с описанием условий, участников и языковых средств, оформляющих конференции сети Фидонет, исследовательница также предпринимает попытку классификации жанров по степени простоты/сложности, выделяя элементарный, сложный, комплексный речевые жанры и гипержанр. Е.Н. Галичкина, обозначившая впервые в отечественной лингвистике набор конститутивных признаков компьютерного дискурса [3], который впоследствии был взят на вооружение некоторыми исследователями (А.Г. Аврамова, Н.Г. Асмус, В.В. Варламова, Е.В. Волкова, В.М. Громова, Н.Л. Моргун, К.В. Овчарова и др.) проанализировала особенности жанра конференции в компьютерном дискурсе. В работе Н.Л. Моргун [15] объектом изучения выступает научная конференция в компьютерно-опосредованном дискурсе, последовательно описываются языковые и текстовые особенности научного сетевого дискурса.

Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации описаны исследователями в большей степени на материале английского и немецкого языков или в сопоставительном аспекте с русским языком, что объясняется тем, что за пределами России электронная коммуникация начала распространяться несколько раньше. В.М. Громова выявляет конститутивные признаки жанра персонального объявления в электронной коммуникации, строит жанровую модель, анализирует лингвистические и параграфические способы конструирования идентичности в данном жанре, анализируя американские и русские сайты персональных чатового пространства Интернет-коммуникации, участвующие в его построении языковые и речевые средства, а также экстралингвистические условия, задействованные в построении данного коммуникативного пространства, рассмотрены в рабо-

те К.В. Овчаровой [17]. Элементы структуры и классификация представленных в текстах Интернет-форумов языковых средств с учетом их функциональной специфики описаны Н.В. Кузнецовой [18]. Жанровые признаки социальной сети «В Контакте» обоснованы в работе Т.В. Алтуховой [19].

Объектом изучения исследователей являются не только жанры, оформившиеся благодаря развитию и распространению Интернет-технологий, но и жанры, существовавшие ранее в печатной или устной коммуникации. С.А. Стройков исследует особенности электронного лексикографического гипертекста (словаря-энциклопедии), выявляя роль гипертекстуальности и интерактивности в функционально-стилевых и жанровых принадлежностях словаря-энциклопедии [20]. В работе Т.С. Куст описываются признаки электронного учебника, позволяющие утверждать о сформированности особого типа текста, т.е. жанра. Электронный учебник рассматривается на фоне жанрового пространства научного стиля и компьютерно-опосредованной коммуникации, определяется статус этого учебника в данных жанровых пространствах [21]. А.А. Плотникова рассматривает лингвопрагматические и метаязыковые аспекты жанра лирической миниатюры, функционирующей на сайтах Интернета разной функциональной направленности [22].

Второе магистральное направление в исследовании компьютерного дискурса представлено работами, предлагающими *классификации жанров компьютерно-опосредованной коммуникации* [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 13].

В предложенный Л.Ю. Ивановым перечень жанров КОК [1], построенный по аналогии с жанрами других сфер общения, входят: общинформационные жанры или жанры новостей, представленные как в электронных средствах массовой информации, так и на прочих сайтах, имеющих разделы новостей; научно-образовательные и специальные информационные жанры; художественно-литературные жанры; развлекательные жанры; деловые и коммерческие жанры [1].

Л.А. Капанадзе относит к «электронным жанрам» веб-сайт, домашнюю страницу, электронную библиотеку, электронный журнал, электронное письмо, чат, гостевую книгу, доски объявлений, коллекции программ, каталоги, коммерческие объявления, рекламные баннеры и объединяет данные жанры в две крупные группы: жанры, тяготеющие к письменным текстам, и жанры, являющиеся своеобразным гибридом письменного и устного текста [6].

Н.Б. Мечковская предлагает деление всего информационного пространства, существующего в Интернете, на 3 группы: рекламную информацию, профессиональную авторизованную информацию, бесплатную информацию, создаваемую энтузиастами. Основными жанрами автор предлагает считать электронную почту, электронные доски объявлений, чаты, онлайн-конференции и форумы, ICQ, сетевые офлайн-конференции и форумы, блоги, движение WIKI, «сетературу» [23, с. 440–457].

Л.Ю. Щипицыной все существующее в настоящий момент многообразие жанров КОК осмысливается в медийном и функциональном аспектах. Медийная классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации создана с учетом существования жанров, представленных в той или иной службе Интернета. Функциональная классификация создана с учетом главной функции жанров в коммуникативном взаимодействии и включает: *информативные жанры* (цель – предьявление или получение информации); *социальные жанры* (цель – удовлетворение потребности в общении); *директивные жанры* (цель – побуждение адресата к совершению действия); *презентационные жанры* (цель – самовыражение); *эстетические жанры* (цель – реализация художественно-творческого потенциала и эстетического воздействия на партнеров с помощью создания мнимой реальности); *развлекательные жанры* (цель – получение удовольствия от выполнения ролевых действий в виртуальном мире) [13, с. 21 – 22].

Идея первичности/вторичности также находит свое выражение в классификации жанров компьютерного дискурса [2; 13; 14; 21; 22].

Одним из направлений теории цифровых жанров представляется разработка моделей описания цифровых жанров, с последующим портретированием на их основе жанров компьютер-

но-опосредованной коммуникации. Опыт описания цифровых жанров на основе специально разработанных моделей представлен в отдельных исследованиях [9; 13]. В работе Н.Г. Асмус определяется совокупность параметров для характеристики электронных жанров. Эти параметры охватывают: 1) тематический признак, 2) коммуникативную цель, 3) сферу общения, 4) образ автора – читателя, 5) режим синхронного/асинхронного времени, 6) форму объективации (близость к устному или письменному тексту), 7) диалог/полилог, 8) композиция, 9) языковые особенности. Тематический признак заключается в выборе предмета «информационного обмена» [9, с. 36], в зависимости от цели общения выделяется статусно-ориентированное или личностно-ориентированное общение коммуникантов; образ автора-читателя зависит от принципа взаимодействия пользователей «многие – одному», «один – одному», «один – многим» или «многие – многим». Параметр синхронного/асинхронного времени выделяет сообщения, приближенные к письменной форме языка, и имитации разговорного диалога. Виртуальный диалог или полилог зависит от количества участников общения. В качестве языковых особенностей называются субъективность, оценочность, нестандартизованность [9, с. 35–36].

Согласно позиции Е.И. Горошко, разграничение многообразия жанров электронной коммуникации необходимо проводить с учетом следующих характеристик: 1) гипертекстуальность (способ прочтения текста и характер гиперссылок), 2) возможность создания поликодовых текстов, 3) интерактивность среды, приводящая к гибридизации жанров, к усилению степени полижанровости, 4) синхронность/асинхронность коммуникации, 5) частота обновления информации, 6) адресат электронной текста, 7) автор текста, 8) география Интернета [4].

На наш взгляд, наиболее подробной моделью для портретирования цифровых жанров является алгоритм, разработанный Л.Ю. Щипициной, которая предлагает использовать при опи-

сании жанров компьютерно-опосредованной коммуникации медийные, прагматические, структурно-семантические и лингвистические параметры. Медийные параметры охватывают оформление жанра, гипертекстуальность, мультимедийность, синхронность, интерактивность, количество и эксплицированность коммуникантов; прагматические параметры включают адресата, адресанта, цель и сферу коммуникации; структурно-семантические параметры касаются темы, ее развертывания и текстовых единиц; лингвистические параметры жанра – это используемые в тексте данного жанра языковые средства [13 с. 20].

Проблемными областями цифрового жанроведения признаются «отсутствие четкого определения дигитального жанра» [4, с. 372], взаимосвязь «бумажных и цифровых жанров», степень влияния технической среды на возникновение новых жанров и видоизменение «бумажных» при переносе их в электронную коммуникацию [24], поскольку «технологический» критерий играет «в процессе формирования новых жанров на фоне других факторов <...> иногда определяющую роль»: направления развития жанров зависят от технических средств, определяющих «формат общения» [10, с. 353–354].

Множественность позиций авторов в отношении принципов классификации жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, подходов к их описанию объясняется, по нашему представлению, тем, что теоретические и методологические основы описания совокупности жанров, выработанных и вырабатываемых электронной средой, формируются одновременно с самими жанрами, и технологический прогресс существенно опережает лингвистическую рефлексию. Очевидно, что перспективным направлением изучения жанров компьютерно-опосредованной коммуникации является их рассмотрение на фоне всего жанрового многообразия речи, с выявлением общего и различного, позволяющего делать заключения о внутрижанровом варьировании или о возникновении новых жанров.

Библиографический список

1. Иванов, Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова. – М., 2007.
2. Вавилова, Е.Н. Жанровая квалификация дискурса сети Фидонет: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2001.
3. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001.
4. Горошко, Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов, 2007. – Вып. 5. Жанр и культура.
5. Атабекова, А.А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
6. Капанадзе, Л.А. Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка: сб. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001.
7. Антонова, Л.Г. Специфические черты современного электронного эпистолярия / Л.Г. Антонова, Е.С. Жуленова // Коммуникативные исследования. – Воронеж, 2003.
8. Трофимова, Г.Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
9. Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005.
10. Макаров, М.Л. Жанры в электронной коммуникации // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов, 2005. – Вып. 4.
11. Горошко, Е.И. Интернет-коммуникация: проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. трудов. – 2006. – Вып. 4.
12. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010.
13. Щипицина, Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2011.
14. Рогачева, Н.Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров Интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2011.
15. Моргун, Н.Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2002.
16. Громова, В.М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007.
17. Овчарова, К.В. Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008.
18. Кузнецова, Н.В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008.
19. Алтухова, Т.В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «В Контакте»: жанроведческий аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2012.
20. Стройков, С.А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста (на материале словаря-энциклопедии «The Free Dictionary»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008.
21. Куст, Т.С. Жанровая природа электронного учебника: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2011.
22. Плотникова, А.А. Лирическая миниатюра в Интернет-коммуникации (лингвопрагматический и метаязыковой аспекты жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2012.
23. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. – М., 2009.
24. Горошко, Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык.

Bibliography

1. Ivanov, L.Yu. Yazhkh v ehlektronnykh sredstvakh kommunikacii // Kuljtura russojy rechi: ehnciklopedicheskiy slovarj-spravochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova. – M., 2007.
2. Vavilova, E.N. Zhanrovaya kvalifikaciya diskursa seti Fidonet: dis. ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 2001.

3. Galichkina, E.N. Specificka komp'yuternogo diskursa na angliyskom i russskom yazihkakh: dis. ... kand. filol. nauk. – Astrakhanj, 2001.
4. Goroshko, E.I. Teoreticheskiy analiz internet-zhanrov: k opisaniyu problemnoy oblasti // Zhanrih rechi: sb. nauch. stateyj. – Saratov, 2007. – Vihp. 5. Zhanr i kuljtura.
5. Atabekova, A.A. Sopostaviteljniy analiz funkcionirovaniya yazihka na anglo- i russskoyazihchnihkh Web-stranicakh: dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2004.
6. Kapanadze, L.A. Struktura i tendencii razvitiya ehlektronnihkh zhanrov // Zhizny yazihka: sb. k 80-letiyu M.V. Panova. – M., 2001.
7. Antonova, L.G. Specificheskie chertih sovremenogo ehlektronno ego ehpisto lyariya / L.G. Antonova, E.S. Zhuleno va // Kommunikativnihe issledovaniya. – Voronezh, 2003.
8. Trofimova, G.N. Funkcionirovanie russskogo yazihka v Internete: konceptualjno-suthnostnihe dominantih: dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2004.
9. Asmus, N.G. Lingvisticheskie osobennosti virtualnogo kommunikativnogo prostranstva: dis. ... kand. filol. nauk. – Chelyabinsk, 2005.
10. Makarov, M.L. Zhanrih v ehlektronnoy kommunikacii // Zhanrih rechi: sb. nauch. stateyj. – Saratov, 2005. – Vihp. 4.
11. Goroshko, E.I. Internet-kommunikaciya: problema zhanra // Zhanrih i tipih teksta v nauchnom i medijnom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. trudov. – 2006. – Vihp. 4.
12. Dementjev, V.V. Teoriya rechevihkh zhanrov. – M., 2010.
13. Thipichna, L.Yu. Kompleksnaya lingvisticheskaya kharakteristika komp'yuterno-oposredovannoy kommunikacii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Voronezh, 2011.
14. Rogacheva, N.B. Struktura i funkcionirovanie vtorichnihkh rechevihkh zhanrov Internet-kommunikacii (na materiale russskogo i angliyskogo yazihkov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Saratov, 2011.
15. Morgun, N.L. Nauchniyh setevoy diskurs kak tip teksta: dis. ... kand. filol. nauk. – Tyumenj, 2002.
16. Gromova, V.M. Konstruirovanie identichnosti v internet-diskurse personalnihkh obihyavleniy: dis. ... kand. filol. nauk. – Izhevsk, 2007.
17. Ovcharova, K.V. Komp'yuternihe chatih v internet-kommunikacii: sodержanie i osobennosti funkcionirovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Krasnodar, 2008.
18. Kuznecova, N.V. Struktura i stilistika yazihkovihkh sredstv v tekstakh internet-forumov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tyumenj, 2008.
19. Altukhova, T.V. Kommunikaciya v socialnoy komp'yuterno y seti «V Kontakte»: zhanrovedcheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Kemerovo, 2012.
20. Stroykov, S.A. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki angloyazihchnogo ehlektronno ego leksikograficheskogo giperteksta (na materiale slovaryahnciklopedii «The Free Dictionary»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2008.
21. Kust, T.S. Zhanrovaya priroda ehlektronno ego uchebnika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 2011.
22. Plotnikova, A.A. Liricheskaya miniatyura v Internet-kommunikacii (lingvopragmaticheskiy i metayazihkovoy aspektih zhanra): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 2012.
23. Mechkovskaya, N.B. Istoriya yazihka i istoriya kommunikacii: ot klinopisi do Interneta. – M., 2009.
24. Goroshko, E.I. Internet-zhanr i funkcionirovanie yazihka v Internete: popihka refleksii // Zhanrih rechi. – Saratov, 2009. – Vihp. 6. Zhanr i yazihk.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК 81+811.111

Kazandzhan J.S. THEORETICAL JUSTIFICATION TO TRAINING OF ORAL SPEECH AT RUSSIAN LESSONS AS FOREIGN. In article the concept of speech activity is concretized, theoretical justification is given to training of oral speech.

Key words: speech activity, oral speech, audition, govoreniye, phrase.

Ж.С. Казанджан, преп. ВУНЦ «Общевойсковой академии ВС РФ», г. Москва, E-mail: m041175m@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБУЧЕНИЮ УСТНОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье конкретизировано понятие речевой деятельности, дано теоретическое обоснование обучению устной речи.

Ключевые слова: речевая деятельность, устная речь, аудирование, говорение, словосочетание.

Речевая деятельность – «это активный, целенаправленный опосредованный языковой системой и обуславливаемый ситуацией общения процесс передачи или приёма сообщения» [1]. Это система умений творческого характера, которая направлена на решение различных коммуникативных задач.

Форма речи делится на два вида: устная и письменная. Также виды речевой деятельности различаются по признаку продуктивный и рецептивный.

Предметом речевой деятельности является мысль как форма отражения окружающей действительности во всех её проявлениях. Основным средством существования, оформления и выражения мысли выступает язык.

Речевая деятельность на родном и иностранном языках осуществляется одними и теми же речевыми механизмами, однако уровень их функционирования на иностранном языке вначале ниже, чем на родном. Чтобы эти механизмы приспособились на должном уровне обеспечивать реализацию различных видов речевой деятельности средствами неродного языка, нужны определённые усилия и специальные упражнения.

Устная речь – это любая звучащая речь. В устной речи большую роль играют место логического ударения, степень чёткости произношения, наличие или отсутствие пауз. «Устная речь обладает таким интонационным разнообразием речи, что может передать все богатство человеческих переживаний, настроений и т.п.» [2].

Устную форму речи характеризует: контактность с собеседником; ситуативность; большая доля паралингвистической информации (мимика, жесты, позы); линейность во времени; необратимость отзвучавшего отрезка речи; темп, задаваемый говорением; высокая степень автоматизированности.

Лингвистические особенности устной формы речи: богатство интонационного оформления; обилие лексических единиц; сравнительно несложное грамматическое оформление; распространённые в диалогах эллиптические конструкции, а так же возможен инверсированный порядок слов, частотное изменение на ходу внешнего оформления программы высказывания и характерное наличие семантически незначимых слов – заполнителей пауз.

Устную речь составляют аудирование и говорение. Аудирование – это рецептивная деятельность, представляющая собой одновременное восприятие и понимание звучащей речи. Процесс восприятия состоит из анализа и синтеза разноуровневых языковых единиц (фонем, морфем, слов, предложений), в результате чего происходит преобразование воспринятых звуковых сигналов в смысловую запись (т.е. наступает смысловое понимание).

В практическом курсе русского языка как иностранного аудирование присутствует как цель и как средство обучения. Выступая в учебном процессе в качестве средства обучения, аудирование помимо своей основной, собственно коммуникативной,

роли выполняет множество вспомогательных, педагогических функций. Оно стимулирует речевую деятельность учащихся, обеспечивает управление процессом обучения, используется для знакомства учащихся с новым языковым, речевым и страноведческим материалом, выступает как средство формирования навыков и умений во всех видах речевой деятельности, помогает поддерживать достигнутый уровень владения речью, повышает эффективность обратной связи и самоконтроля.

Восприятие речи на слух сопряжено с преодолением множества трудностей, вызванных в основном тремя факторами: «условиями коммуникации, лингвистическими особенностями звучащей речи, объективной сложностью перекодирования звуковых сигналов в смысловую запись» [3].

Первая группа трудностей связана с условиями коммуникации, среди них наиболее существенны следующие: однократность предъявления информации и необратимость звучащей речи не дают аудитору возможности ретроспективным пословным анализом и требуют от слушающего быстрого, почти синхронного опознания звуковых сигналов; темп, задаваемый говорящим, заставляет аудитора воспринимать речь в «навязанном» ему скоростном режиме; аудирование речи людей с различными голосовыми характеристиками и индивидуальной произносительной манерой вызывает необходимость адаптироваться к голосам разной силы и тембра, а также к произношению, иногда отклоняющемуся от нормативного; несовпадение некоторых паралингвистических компонентов в разных языковых культурах тоже не способствует успеху коммуникации; отсутствие зрительных опор и обратной связи с источником информации особенно осложняет понимание «механической речи».

Вторая группа трудностей обусловлена лингвистическими характеристиками звучащей речи. К ним относятся: фонематические трудности, возникающие в связи с расхождением графического и акустического облика слова в условиях неполного стиля произношения; ритмико-интонационные особенности; трудности лексического характера, вызванные распознаванием омофонов (мог – мок), омонимов (глава делегации – глава в книге), разграничение многозначных слов (острый нож/острый ум), различением паронимов (единый/единственный), имён собственных; трудности восприятия экспрессивной и стилистически окрашенной речи, создаваемые транспозицией грамматических форм (Как мы себя чувствуем?).

К третьей группе относятся трудности, связанные с пониманием смысловой стороны информации: понимание предметного (фактического) содержания; понимание логики изложения; осмысление общей идеи сообщения, понимание мотивов говорящего, формирование своего отношения к услышанному. «Все трудности осложняют работу психофизиологических механизмов аудирования» [3]. В реальной коммуникации эти механизмы работают почти синхронно.

1. Механизм внутреннего проговаривания состоит в том, что слушающий преобразует звуковые образы в артикуляционные. Но правильное озвучивание про себя возможно только тогда, когда у слушающего прочно сформированы произносительные навыки во внешней речи.

2. Механизм сегментации речевой цепи. Неопытному аудитору иноязычная речь кажется сплошным потоком. Для того, чтобы осмыслить целое сообщение, надо уметь вычленив в нём отдельные лексико-грамматические звенья (фразы, словосочетания, слова) и понять смысл каждого из них. Этим членением и занимается данный механизм.

3. Механизм оперативной памяти удерживает в сознании воспринятые на слух слова и словосочетания в течение того, времени, которое необходимо слушающему для осмысления фразы или законченного фрагмента. Чем лучше развита память, тем больше величина единицы восприятия.

4. Механизм вероятностного прогнозирования даёт возможность по началу слова, словосочетания, предложения, целого высказывания предугадать его конец.

5. Механизм долговременной памяти. Благодаря этому механизму происходит сличение поступающих речевых сигналов с теми стереотипами, которые хранятся в нашем сознании. В отличие от других речевых механизмов долговременная память формируется не специальными упражнениями, а всем предшествующим опытом.

6. Механизм осмысливания осуществляет эквивалентные замены путём превращения словесной информации в образную.

«Процесс аудирования начинается с восприятия. Оно может быть правильным, неправильным, точным, приблизительным» [4]. Правильность и точность восприятия основаны на тщательной работе по формированию слухо-произносительных навыков. Восприятие должно быть быстрым, оно должно приравниваться к темпу речи говорящего.

Восприятие сопровождается процессом узнавания, или опознания слов, словоформ, конструкций. Одновременно с этим идёт процесс осмысления. Нужно понять, о чём идёт речь. Осмысление возможно тогда, когда присутствует не пословный перевод, а укрупнение слов в смысловые блоки (члены предложения).

Второй вид устной речевой деятельности – это говорение. Говорение – продуктивный вид речевой деятельности, это сложный психолингвистический и психофизический процесс. Это процесс, обратный аудированию. Если в аудировании процесс шел от восприятия формы к осмыслению, то при говорении процесс идет от содержания к форме.

Говорение имеет несколько уровней:

1. Начальный (ответы на вопросы при отсутствии или наличии опор, но обязательно с участием преподавателя).
2. Средний (опора на текст, средства наглядности).
3. Самостоятельный (отсутствие опор, кроме знаний по предмету высказывания; использование в речи сложных предметно-смысловых конструкций).

Умение говорить предполагает выработку умений выражать свою мысль коммуникативно, осмысленно и грамматически правильно. Обучая говорению как средству общения учащихся учат: а) запрашивать информацию друг у друга и у преподавателя; б) обмениваться мнениями и суждениями; в) вести групповую беседу в связи с прочитанным или услышанным; г) адекватно реагировать в стандартных ситуациях общения при знакомстве, встрече и т.д.; д) описывать, рассказывать, пересказывать, рассуждать, дискутировать. При этом большое внимание обращается на выработку коммуникативных умений: начать общение, стимулировать речевого партнера к его продолжению.

Речь может происходить в форме диалога или монолога. Т.е. говорение выступает в двух разновидностях: диалогическая и монологическая речь.

Диалог – «это форма социально-речевого взаимодействия, в которой принимают участие две стороны (говорящий и слушающий), причём они могут меняться ролями: слушающий – выступать в роли говорящего и наоборот» [4].

Факторы, затрудняющие овладение диалогом: сочетание рецепции и репродукции; отсутствие времени на подготовку; частая смена тематики; готовность использовать в речи разнообразные модели предложений; способность не только реагировать на опорную реплику, но и инициативно продолжать общение.

Диалогу также свойственны специфические особенности, облегчающие его восприятие и производство.

1. Диалог значительно менее развёрнут и синтаксически сложен, чем монолог.
2. В нём представлена опора на мимику, жесты, артикуляцию говорящего.
3. Говорящего и слушающего объединяет общая ситуация.
4. Общение, как правило, происходит между людьми, выполняющими определённые социально-коммуникативные роли (врач/пациент; водитель/пассажир).

Монолог – это непосредственно обращённый к собеседнику непринуждённый рассказ, организованный вид речи, продукт индивидуального построения, предполагающий продолжительное высказывание одного лица.

Монологическая речь также характеризуется: 1) относительной непрерывностью (высказывание может не ограничиваться одной фразой и продолжаться в течение длительного времени); 2) последовательностью, логичностью (высказывание развивает идею, уточняет, дополняет, обосновывает её); 3) относительной смысловой законченностью, коммуникативной направленностью. Для неё характерны усложнённый синтаксис, ограниченное употребление эллипсов, разноструктурность предложений.

Задачи обучения монологу:

1. Научить выражать законченную мысль, имеющую коммуникативную направленность.
2. Научить логически развёртывать мысль, пояснять её.
3. Научить логически рассуждать, сопоставлять, обобщать.

4. Научить высказываться достаточно нормативно (фонетически и грамматически).

Решение данных задач проходит в 2 этапа: 1) овладение основами монологического высказывания; 2) формирование и совершенствование монологических умений. Уже на I этапе монологическое высказывание должно быть логичным и завершённым по смыслу на уровне, по крайней мере, двух-трех фраз.

В конечном счете, устная речь – это культура общения, культура речевой деятельности, овладение которой предполагает

высокий уровень развития общей культуры человека, т.е. способность к культуре мышления, знание действительности, предмета речи, законов общения в целом и, наконец, законов, правил, норм использования средств языка для решения конкретной коммуникативной задачи. Таким образом, великий русский язык – один из самых богатых языков мира. Пользуясь его богатством, изучающий русский язык может выбрать точные и нужные слова для передачи мысли.

Библиографический список

1. Щукин, А.Н. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. – М., 2010.
2. Бубнова, Г.И. Письменная и устная коммуникации / Г.И. Бубнова, Н.К. Гарбовский. – М., 2009.
3. Бризгунова, Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М., 2004.
4. Митрофанова, О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 2006.

Bibliography

1. Thukin, A.N. Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazihku kak inostrannomu. – M., 2010.
2. Bubnova, G.I. Pisjmennaya i ustnaya kommunikacii / G.I. Bubnova, N.K. Garbovskij. – M., 2009.
3. Brihgzunova, E.A. Ehmocionaljno-stilisticheskie razlichiya russkoj zvuchathey rechi. – M., 2004.
4. Mitrofanova, O.D. Metodika prepodavaniya russkogo yazihka kak inostrannogo. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК. 81'366.512.141

Shamigulova A.T. **STRUCTURAL-SEMANTIC AND HISTORICAL AND GENETIC FEATURES OF THE VOCABULARY OF CLOTHES AND JEWELRY IN THE BASHKIR LANGUAGE.** The paper analyzes the structural-semantic and historical and genetic features of the vocabulary of clothes and jewelry in the Bashkir language.

Key words: Bashkir language, vocabulary of clothes, vocabulary of jewelry.

A.T. Шамигулова, аспирант каф. башкирского языка Стерлитамакского филиала федерального гос. бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский гос. университет», г. Стерлитамак, E-mail: abguri@yandex.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе анализируются структурно-семантические и историко-генетические особенности лексики одежды и украшений в башкирском языке.

Ключевые слова: башкирский язык, лексика одежды, лексика украшений.

Во всём мире, в том числе в России и Республике Башкортостан, люди отличаются друг от друга не только внешними данными, но и особенностями одежды. Скажем, кимоно – традиционная одежда японцев, сари – национальная одежда народов Индии. По манере одевания в некоторой степени имеется возможность предугадать национальность, возраст, социальный статус, материальное состояние человека. В этом плане особенно своеобразна национальная женская одежда. По тому, как одета женщина, можно приблизительно определить, к какому роду или племени она относится, замужем или нет, сколько у нее детей, статус отца (если замужем – мужа).

Люди разных стран отличаются друг от друга не только особенностями одевания, но и украшениями для одежды: вышита она золотыми или серебряными нитками, украшена разными узорами, вышивкой, орнаментом. Отметим, что украшения башкир отличаются большим разнообразием. Традиционно башкирские женщины носили украшения, чтобы уберечь себя от глаза. Это такие украшения, как айсы, алка, белльуек, елгълек, колаксык, мунсак, слъскап, слъсмлъ, укал, яурынса и др.

На основе анализа научно-теоретической литературы по данной проблеме можно отметить, что, несмотря на социально-экономическое влияние, наименования одежды и украшений в башкирском языке особо не подвергались изменениям. Среди образцов одежды есть праздничные, свадебные, торжественные, повседневные и т.д.: бейльль, бЪрек, быйма, башалтай, куртка, фуфайка, кълпль, колаксын, салбар, альякыс, спецовка, кЛлдлъ, тун, туфли, халат, шлъ, ыштан, эшлль, яулык и др.

Как правило, в результате взаимного общения с другими народами, с развитием быта и жизни меняется и стиль одевания, появляются новые, современные, и поэтому наименования

некоторых образцов одежды и украшений перестают употребляться в речи и переходят в пассивный фонд лексики (*даламан, алмиуе, елльн, ситек, киндерль, кълпль, кЛбегльн, кЛкръксен, кЛкръксль, кълльпЛш, кашмау, кашука, сабата, слъмльн, тЛшелдерек* и др.). С бурным развитием цивилизации, соответственно, в речи появились новые наименования одежды (*блуза, босоножка, галош, галстук, гамаш, жакет, кажан, кашне, кепка, колготки, корсаж, майка, панама, пинетка, сандали, свитер, смокинг, тапочка, тенниска, трико, фуражка, футболка, шлейф, юбка* и др.).

По историко-генетическим особенностям лексики одежды и украшений в башкирском языке можно подразделить на несколько подгрупп. Исследования показывают, что большинство наименований одежды и украшений относится к исконно башкирским словам общетюркского происхождения: *алмиуе, альякыс, ашьяулык, байпак, баса, башмак, бейльль, билбау, биллек, битлек, бишмльт, бЪркълнсек, бЪрек, быйма, башалтай, ейльк, елгъллек, елльн, еГ, еГслъ, иуе, инес, итек, итльк, йльУльк, кейем, кештльк, кълпль, кЛкръксен, кЛкръксль, кЛлдлъ, ката, катмар, кашмау, кашука, колакса, колаксын, кунис, кунисбау, кушьяулык, олтан, олтора, сабата, сарык, силлау, ситек, сыба, сыуык, слъмльн, табан, терульксль, торка, тун, тупый, тЛбълтъй, тЛш, тЛшелдерек, ЛГербау, филЛр, уйрма, улькль, кулъяулык, ыштан, зйлксен, элгълс, элмльк, яла, ялалык, яулык, яурынса* и др.

Как известно, в процессе своего исторического развития башкирский язык контактировал с другими неродственными языками. Такие связи возникли в результате социально-экономических, общественных, культурных, территориальных взаимоотношений. Неудивительно, что в лексике башкирского языка употребляются не только исконно башкирские слова, но и заимство-

единиц. Это обуславливает необходимость изучения нарушений орфоэпических норм в СМИ.

С этой целью в течение нескольких месяцев 2013 года рабочая группа кафедры русского языка ГАГУ осуществляла сбор материалов по нарушению орфоэпических норм в республиканских СМИ. Были просмотрены вечерние «Вести «ЭЛ АЛТАЙ», прослушаны передачи на «Радио Сибирь» и ГТРК «Горный Алтай». Однако следует отметить, что речь СМИ неоднородна во многих аспектах. Нас интересует коммуникативный аспект, в рамках которого одни участники коммуникации выполняют роль адресанта (отправителя сообщения), другие – адресата (получателя сообщения). Однако адресант, воздействующий на общество и оказывающий влияние на русский язык, его нормы через СМИ, – это не обязательно журналист. Речь СМИ разделится на два речевых пласта (рис. 1): 1) речь журналистов (дикторов, ведущих, корреспондентов) и 2) речь других субъектов коммуникационного процесса в СМИ (гости теле- и радиопередач, участники интервью, опросов).

Наблюдение за речью в региональных СМИ показало, что наибольшее количество нарушений орфоэпических норм допускается в речи не журналистов, а других участников коммуникативного процесса (гости теле- и радиопередач, чиновники, врачи, участники опросов и т.д.). Речь журналистов (дикторов, ведущих, корреспондентов) региональных СМИ достаточно грамотна. Однако наблюдение все же выявило ряд ошибок в ударении и произношении (при анализе собранного материала мы опирались на орфоэпические словари авторитетных ученых, например, К.С. Горбачевича [1], а также на справочник по культуре русской речи [2]).

В речи телеведущих региональных СМИ встретились следующие нарушения **акцентологических** норм:

1. Ошибки в постановке ударения в отдельных словах.

В речи журналистов (дикторов, ведущих, корреспондентов): *агрономи'я* (надо: агроно'мия) *вероисповеда'ние* (надо: вероиспове'дание), *до'мен* (надо: доме'н), *и'здравле* (надо: издре'вле), *иконопи'сь* (надо: и'конопись), *квар'тал* (надо: кварта'л), *кожеве'нный* (надо: коже'венный), *ко'клюш* (надо: коклю'ш), *на'пасту* (надо: напаст'и), *недо'имка* (надо: недои'мка), *не'дуг* (надо: недуг'а), *ортопеди'я* (надо: ортопе'дия), *пла'то* (надо: плато'с), *разгру'зить* (надо: разгрузи'ть), *руд'ник* (надо: рудни'к) *углубле'нный* (надо: углубле'нный), *укра'инский* (надо: украи'нский), *ходата'йствовать* (надо: хода'тайствовать), *флюорографи'я* (надо: флюорогра'фия), *трансфе'р* (надо: трансфе'р) и др.

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: *ветеринари'я* (надо: ветерина'рия), *водопро'вод* (надо: газопро'вод), *квар'тал* (надо: кварта'л), *осужде'нный* (надо: осужде'нный) *пихта'* (надо: пих'та), *средства'* (надо: сре'дства), *хозяйева'* (надо: хозяй'ева) *флюорографи'я* (надо: флюорогра'фия), *вероисповеда'ние* (надо: вероиспове'дание), *во-первы'х* (надо: во-пе'рвых), *гусени'чный* (надо: гусени'чный), *и'сковый* (надо: исково'й), *кило'метр* (надо: киломе'тр), *недо'имка* (надо: недои'мка), *новоро'жденный* (надо: новорожд'енный), *оздор'овить* (надо: оздорови'ть), *пла'то* (надо: плато'с), *пол'ожить* (надо: положи'ть), *подро'стковый* (надо: подро'стковый), *углубле'нно*, *эксспе'ртный* и др.

2. Ошибки в произношении сложных слов.

Как известно, многие сложные слова имеют кроме основного еще и побочное (добавочное) ударение, которое слабее основного и ставится на первую часть слова (его принято обозначать диакритическим знаком ' – «гравис»). Неправильным является произнесение таких слов без добавочного ударения. Ошибки такого типа представлены далее (для удобства приводим лишь частичную практическую транскрипцию слов).

В речи журналистов (дикторов, ведущих, корреспондентов): *вы[сака]квалифици'рованный* (надо: вы[со]кквалифици'рованный), *[Га]рно-Алта'йск* (надо: [Го]рно-Алта'йск), *[Га]рно-Алта'йский* (надо: [Го]рно-Алта'йский), *[га]рно-Стро'й* (надо: [го]рно-Стро'й), *за[ка]нопрое'кт* (надо: за[ко]нопрое'кт), *за[ка]нотво'рческий* (надо: за[ко]нотво'рческий), *[Ка]ш-Ага'чский* (надо: [Ко]ш-Ага'чский), *[ма]тоспо'рт* (надо: [мо]тоспо'рт), *на[ла]гообложе'ние* (надо: на[ло]гообложе'ние), *на[ла]гоплате'льщики* (надо: на[ло]гоплате'льщики), *[а]бще'годовой* (надо: [о]бще'годовой), *[а]бщеобразова'тельный* (надо: [о]бщеобразова'тельный), *[а]бще'человеческий* (надо: [о]бще'человеческий), *[а]во'щехрани'лище* (надо: [о]во'щехрани'лище), *[па]лго'да* (надо: [по]лго'да), *[ра]бототе'хника* (надо: [ро]бототе'хника), *с[па]ртза'л* (надо: с[по]ртза'л), *[фа]тоархи'в* (надо: [фо]тоархи'в).

В отдельных случаях (например, в слове *налогоплате'льщики*) встречается даже произношение с добавочным ударением, но с изменением гласного (см. выше).

Встретился и противоположный случай – постановка добавочного ударения там, где его не должно быть: *[до]стоприме'ча'тельности* (надо: [да]стоприме'ча'тельности), а также случай перенесения добавочного ударения на другой слог: *э'лектроснабже'ние* (надо: эле'ктроснабже'ние).

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: *вы[сака]технологиче'ский* (надо: вы[со]котехнологи'ческий), *[Га]рно-Алта'йск* (надо: [Го]рно-Алта'йск), *за[ка]нопрое'кт* (надо: за[ко]нопрое'кт), *[Ка]ш-Ага'чский* (надо: [Ко]ш-Ага'чский), *на[ла]гообложе'ние* (надо: на[ло]гообложе'ние), *на[ла]гоплате'льщики*, *на[ла]гоплате'льщики* (надо: на[ло]гоплате'льщики), *[а]бще'росси'йский* (надо: [о]бще'росси'йский), *[ра]бототе'хника* (надо: [ро]бототе'хника).

3. Ошибки в постановке ударения в отдельных формах слов.

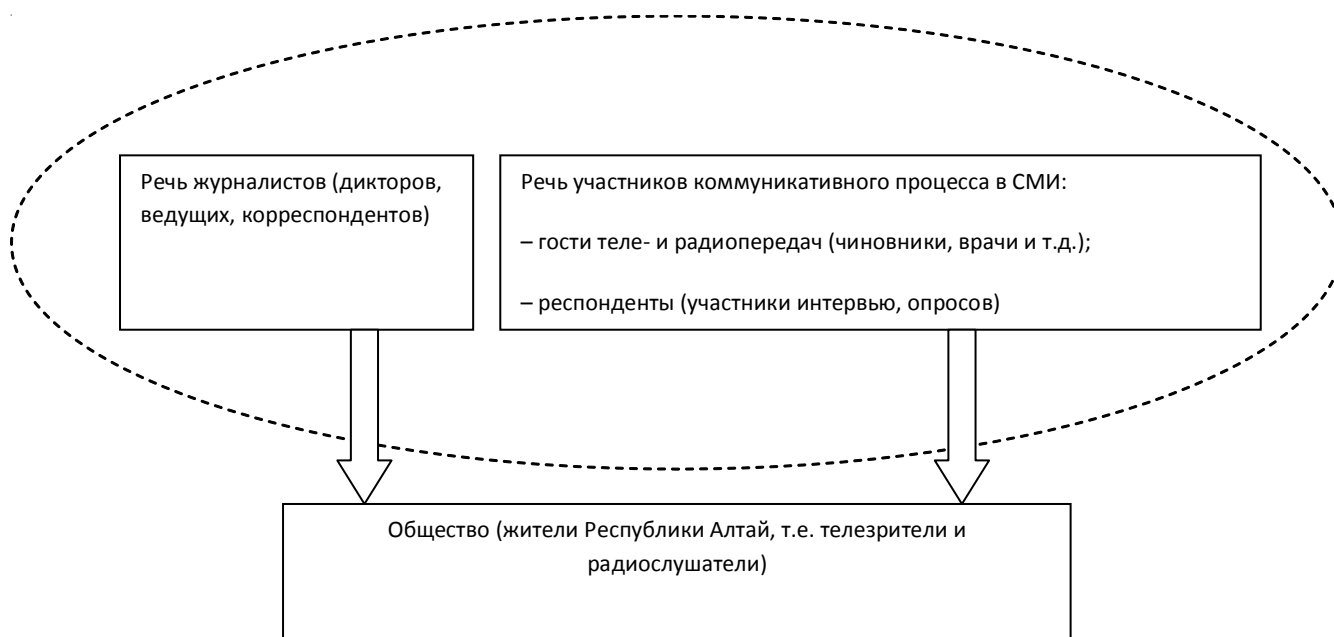

Рис. 1. Неоднородность речи в СМИ

В речи журналистов (дикторов, ведущих, корреспондентов): бере́дят (надо: береде́ят), блага́ (надо: бла́га), взяло́ (надо: взяло), на выбо́рах (надо: на вы́борах), го́стям (надо: гостя́м), к се́тям (надо: к се́тям), на сте́нах (надо: на сте́нах), на́чались (надо: нача́лись), нача́ло (надо: нача́ло), оце́нены (надо: оце́нены), почи́ят (надо: почи́ют), придало́ (надо: придало́), приня́ли (надо: приня́ли), страхо́вщики (надо: страхо́вщики), шкафа́ (надо: шка́фа).

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: аэропо́рта (надо: аэропо́рта), ба́люю (надо: балу́ю), блага́ (надо: бла́га), в (данной) свя́зи (надо: в (данной) свя́зи), в сте́нах (надо: в сте́нах), в ту́флях (надо: в ту́флях), взя́ты (надо: взя́ты), водите́ль (надо: води́телей), возбу́жденные (надо: возбу́ждены), возбу́дено (надо: возбу́ждено), вы́зова (надо: вы́зовы), вы́зово́в (надо: вы́зовов), глядя́ (надо: глядя́), диспетче́ра (надо: диспе́тчеры), заня́л (надо: заня́л), заня́ла (надо: заня́ла), заня́ли (надо: заня́ли), зво́нят (надо: зво́нят), инже́нерами (надо: инже́нерами), краси́вейший (надо: краси́вейший), мо́щности (надо: мо́щностей), на выбо́рах (надо: на вы́борах), на́чала (надо: нача́ла), нача́ло (надо: нача́ло), нача́лся (надо: нача́лся), на́чата (надо: нача́та), нео́тбитое (надо: нео́тбитое), оце́нен (надо: оце́нен), оце́нена (надо: оце́нена), подпи́сьми (надо: подпи́сьми), позво́ним (надо: позво́ним), предло́жили (надо: предло́жили), ро́стим (надо: расти́м), сбыви́сь (надо: сбыви́сь), сво́вова (надо: сво́вова), се́мью (надо: се́мью), си́рот (надо: си́рот), си́роты (надо: си́роты), средст́ва (надо: средст́ва), ста́дам (надо: ста́дам), тре́нера (надо: тре́неры), услу́било (надо: услу́било), учи́телям (надо: учи́телями), фе́льдшеров (надо: фе́льдшеров) при́става (рекомендуется при́ставы) и др.

Произносительные ошибки встретились также нескольких типов:

1. Ошибки в произношении иноязычных слов связаны, прежде всего, с произношением твердых/мягких согласных перед Е. Поскольку орфография здесь не подсказывает произношения, как в случаях перед другими гласными, то этот вопрос вызывает трудности. Как известно, в одних заимствованных словах после согласных пишется е, а произносится согласный твердо, в других же освоение слова уже закончилось, так что согласный произносится мягко.

В речи дикторов и телеведущих встретились такие случаи произношения твёрдого согласного вместо мягкого: па[тэ]нт, па[тэ]нтная система (надо: па[т'э]нт, па[т'э]нтная).

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: па[тэ]нт (надо: па[т'э]нт), па[тэ]нтная система (надо: па[т'э]нтная), компе[тэ]нци (надо: компе[т'э]нции), юрисп[р]уд[э]нция (надо: юрисп[р]уд[э]нция).

Также есть случаи произношения мягкого согласного там, где он должен, в соответствии с современными нормами, быть твёрдым. Например, в речи дикторов и телеведущих: и[д]ентифицировать (надо: и[д'э]нтифицировать), компью[т]е[р] (надо: компью[т'э]р), [м'е]н[д]жер (надо: [м'э]н[д]жер или [мэ]н[д]жер).

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: грей[д]ер (надо: грей[д'э]р), диспан[с]е[р] (надо: диспан[с'э]р), [к'у]ве́т (надо: [к'у]ве́т), [т'э]мп (надо: [тэ]мп), тир[э] (надо: тир[э́]), компью[т'э]рный (надо: компью[тэ]рный), [с'е]рвис (рекомендуется: [сэ]рвис), электроз[н'э]рсия (надо: электроз[нэ]рсия).

2. Усечение звуков, сокращение слова в произношении, что допустимо для неполного стиля (разговорно-просторечного), но является недопустимым в полном стиле, рекомендуемом для публичных выступлений.

Ошибки такого типа отмечены, например, при чтении прогноза погоды: [д'вац три], да и в основных новостях встречаются: возможно[с], ты[ш]и, [га]рналта'йск.

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ таких случаев очень много. Допускается даже выкидка целых слов: щас (сейчас), по[с]а[т]рел (посмотрел), тока (только), то'ись (то есть), пия́т (пятнадцать), [га]рналта'йск (Горно-Алтайск), се́дня (сегодня), Васи́лча (Васильевича), го́рюче-смазоч материалы (горюче-смазочных материалов), са́ма гла́вна (самое главное), ты́щ (тысяч), ни́ч (ничего), ва́ще (вообще), бу́ит (будет), думашь (думаешь).

Библиографический список

1. Горбачевич, К.С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. – М., 2010.
2. Справочник-практикум по культуре русской речи: для студентов и школьников Республики Алтай / Н. А. Волкова [и др.]; под ред. Н. Г. Камыниной. – Горно-Алтайск, 2012.

3. Вставка лишних звуков в слово. В речи дикторов и телеведущих: про[й]е[к]т (надо: про[э]к[т]), Кош-Ага[чи]ский (надо: Кош-Ага[ч]ский), сентя[б]р[с]кие выборы (надо: сентя[б'р]ские), у[ч]реждения (надо: у[ч]реждения).

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: у[ч]реждения (надо: у[ч]реждения), ездит (надо: ездит), преце[н]дентное (надо: преце[д'э]дентное), дол[а]жны (надо: должны), если[ф] (если).

4. Произношение [о] вместо [е] после мягкого согласного. В речи телеведущих встретился один случай: ис[т'о]жский период (надо: ис[т'э]жский). В этом случае гласный [е] требуется произносить в значении «окончившийся, прошедший», а [о] – в значении «потерявший много кривы, жидкости», например, ис[т'о]жский кровью.

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: о[п'о]жа (надо: о[п'э]жа), о[с'о]длый (надо: о[с'э]длый), хре[б'о]т (надо: хре[б'э]т).

5. Смягчение согласного в конце слова перед И в начале следующего слова вместо замены звука [и] на [ы], как требует литературная норма. В речи телеведущих отмечены, например, такие случаи: ка[к' и] в любом виде спорта (надо: ка[к' ы] в любом), ка[к' и] десять лет назад (надо: ка[к' ы] десять), как..., та[к' и] (надо: та[к' ы]), [аб'-и]тогах (надо: [аб'-ы]тогах), ка[к' и]тог (надо: ка[к' ы]тог), ника[к' и]наче (надо: ника[к' ы]наче).

Наблюдается также неоправданное смягчение согласного перед [е]: [в'-и]фире (в эфире, надо: [в'-ы]фире или [в'-э]фире).

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ: и[з'э]того (из этого), [в'и]кономике (в экономике).

6. Прогрессивная ассимиляция согласного, что встречается в говорах, но является неправильным в литературном произношении, особенно в публичной речи. Встретился один такой случай в речи телеведущих: но[ч'ч]у (надо: но[ч'й]у).

7. Отсутствие контактной ассимиляции согласных. В речи дикторов и телеведущих встретились такие случаи отсутствия ассимиляции по месту образования: вы[си]ем (надо: вы[ши]ем), ра[си]ряются (надо: ра[ши]ряются); по мягкости: [дн'и] (надо: [дн'й]).

В речи других участников коммуникативного процесса в СМИ – по мягкости: пе[нс']ионеры (надо: пе[н'с']ионеры).

Далее приведём типы ошибок, которые в речи телеведущих и дикторов не встретились, но обнаружены в речи других участников коммуникативного процесса в СМИ:

1. Произношение [с'а] вместо [с'] в возвратных глаголах: свершился, остался, не находились, осталась, разбились, добивалась, заблудились, копались.

2. Замена звука: ас[в]альт вместо ас[ф]альт, подде'рж[у]т вместо подде'рж[ь]т, прохо[д'у]т вместо прохо[д'э]т, значи[т] вместо значи[т'], п[у]лучает вместо п[ь]лучает, [сэ]ли вместо [це]ли, ак[с'ы]я вместо ак[ц]ия, конферен[ц'и]я вместо конферен[ц]ия, пл[о]тите вместо пл[а]тите.

3. Вставка звука в предлог (неразличение употребления предлогов о/об): об нас (надо: о нас).

4. Отсутствие редукции безударного гласного: [язы'к] вместо [йизы'к].

5. Произношение щелевого [у] вместо смычного [г] (или [х] вместо [к]): бла[у]дарна, психоло[х].

6. Произношение [шн] на месте ЧН: у2ли[шн]ое.

7. Произношение [чн] на месте ШН: Никити[чн]а

8. Произношение [г] на месте [в] при орфографическом Г: ниче[г]о.

Таким образом, в речи людей, оказавшихся в эфире, встречаются ошибки самых разных типов. Одни из них вызваны влиянием диалектов (бла[у]дарна, психоло[х], подде'рж[у]т, прохо[д'у]т), другие – влиянием орфографии (ниче[г]о). Некоторые встречаются в речи людей алтайской национальности ([язы'к]). Большинство же ошибок вызвано просто незнанием орфоэпических норм, недостаточной грамотностью. Однако такое произношение, как уже говорилось в начале, воздействует на общество и оказывает влияние на русский язык. Нарушения орфоэпических норм могут являться и коммуникативной помехой в передаче информации. Все это обуславливает необходимость дальнейшего изучения речи СМИ в нормативном аспекте.

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-14-04002 а(р)

Bibliography

- Gorbachevich, K.S. *Sovremenniy orfoepicheskiy slovar russkogo yazihka. Vse trudnosti proiznosheniya i udareniya.* – М., 2010.
- Spravochnik-praktikum po kulture russkoy rechi: dlya studentov i shkolnikov Respubliki Altaj / N. A. Volkova [i dr.]; pod red. N. G. Kamihninoy.* – Gorno-Altajsk, 2012.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК 811

Filippova E. Yu. EXPERIMENTAL STUDY OF ACCENTED VARIATION IN THE INITIAL FORM OF NOUNS RUSSIAN LANGUAGE. The article presents the results of psycholinguistic experiment, aimed at identifying the features of узуальной акцентной вариативности существительных русского языка. Reactions received during the experiment, were subjected to quantitative processing and qualitative analysis.

Key words: accents, accented option, experiment, evolution and variability.

Е.Ю. Филиппова, канд. филол. наук, н.с. лаборатории антропоцентрической типологии языков ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: fey81@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АКЦЕНТНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В НАЧАЛЬНОЙ ФОРМЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА*

В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление особенностей узуальной акцентной вариативности существительных русского языка. Реакции, полученные в ходе эксперимента, подвергались количественной обработке и качественному анализу.

Ключевые слова: ударение, акцентный вариант, эксперимент, эволюция, вариативность.

В данной статье описываются результаты экспериментального исследования акцентной вариативности в исходной форме имен существительных русского языка. Исследование вариативности кодифицированной и узуальной акцентологической нормы проводится нами в рамках проекта по изучению эволюции русского словесного акцента в последней трети XX – начале XXI вв.

Проблемы вариантности и нормативности в русистике, волновавшие ученых на протяжении длительного периода времени, остаются весьма актуальными и на современном этапе. Язык – изменяющаяся, эволюционирующая система, и «... варьирование формы является объективным и неизбежным следствием эволюции языка» [1, с. 25]. Вариативность русского словесного акцента обусловлена, прежде всего, самой природой ударения, то есть такими его свойствами как разноместность и подвижность. Разноместность – это свойство ударения падать на любой слог русского слова: на первый – *Иконопись*, на второй – *эксле́рт*, на третий – *жалюзи́*, на четвертый – *апарта́менты* и т.д. Подвижностью называют способность ударения перемещаться с одного слога на другой при изменении формы слова: *вода* – *во́ду*, *хожу* – *хо́дишь* и т.д. Разноместность и подвижность, историческая изменчивость произносительных норм приводят к появлению у одного слова акцентных вариантов. Основные причины, вызывающие колебания ударения, обуславливаются факторами как внутреннего, так и внешнего характера: формальная аналогия, ложная аналогия, тенденция к ритмическому равновесию и грамматикализации, прагматический фактор, тенденции в развитии ударения, связанные со слоговой структурой слова, характером конечной огласовки и т.д. Например, у двух – и трехсложных имен существительных мужского рода наблюдается тенденция к переносу ударения с последнего слога на предшествующий (регрессивное ударение). Процесс перехода проявляется в наличии вариантов: *квартАл* – *квАртал*, *творОг* – *твОрог*, *каталОг* – *катАлог* и др. У существительных женского рода наблюдается перемещение ударения с первого слога на последующий (прогрессивное ударение): *кЕта* – *кЕта*, *фольгА* – *фОльга*, *фрезА* – *фрЕза* и т.д. Безусловно, определяющим в этом сложном эволюционном процессе является антропоцентрический фактор.

На первом этапе исследования из орфоэпического словаря под редакцией Р.И. Аванесова [2] были отобраны все имена существительные в исходной форме, имеющие литературные (дублетные варианты и варианты с пометой «доп.») и нелитературные (с пометами «непр.», «не рек.» и др.) акцентологические варианты. Для проведения психолингвистического эксперимента стимульный материал был сокращен до 262 вариативных единиц. В данный список вошли лексемы, обладающие более

высокой степенью частотности в языке (согласно Национальному корпусу русского языка), а также случаи, представляющие, по нашему мнению, наибольшие затруднения при акцентировании носителями языка. С целью облегчения восприятия достаточно объемного материала информантами, стимулы были распределены по трем анкетам (87 – 88 слов в каждой анкете). В эксперименте принимали участие 50 носителей русского языка (студенты вуза г. Новосибирска в возрасте от 19 до 24 лет). Информантам озвучивалась следующая инструкция: «В предложенных словах расставьте ударения. Если, по Вашему мнению, в каком-либо слове возможен еще иной вариант ударения, укажите его. Укажите свои: пол, возраст, место рождения, сколько лет проживаете в г. Новосибирске». В результате эксперимента было получено 1310 реакций (отказов зафиксировано не было).

Весь стимульный материал можно распределить на 4 группы, в зависимости от оценки варианта (пометы): 1) равноправные варианты (дублеты): *бАржа* – *баржА*, *церкОвка* – *цЕрковка*, *чАрдаш* – *чАрдаш*, *знахАрка* – *знахарка*, *рЕфери* – *рефери*, *бижутЕрия* – *бижутерИя*, *обна́ружение* – *обна́ружЕние* и т.д. всего 59 пар единиц (22,5%); 2) второй вариант является допустимым – *инди́го* – *Инди́го*, *чАрльстОн* – *чАрльстон*, *раку́шка* – *раку́шка*, *иску́с* – *Искус*, *ровня́* – *ровня́* и т.д. всего 37 пар лексем (14% от общего количества единиц); 3) второй вариант не рекомендуется – *чЕрпАльщик* – *чЕрпальщик*, *ра́джа* – *раджА*, *зимОвщик* – *зимовщи́к*, *бЕздарь* – *бездАрь*, *обеспЕчение* – *обеспЕчение*, *алфавИт* – *алфАвит* и т.д. всего 65 вариантов (25%); 4) второй вариант не допускается (помечается как неправильный) – *визИрь* – *вИзирь*, *исповЕдание* – *исповЕдание*, *шассИ* – *шАсси*, *ваЯние* – *ваЯние*, *духовнИк* – *духОвник* и т.д. всего 101 пара слов (38,5%). Таким образом, наибольший процент от общего количества единиц составляют нелитературные варианты (63%).

Приступая к анализу результатов эксперимента, необходимо отметить низкую степень вариативности реакций, полученных от носителей языка: 98% испытуемых указало единственный вариант ударения для большинства стимулов. Вероятно, для носителей русского языка словесный акцент играет важную роль в процессе семантической дифференциации лексем, в связи с чем информанты считают избыточным наличие второго варианта ударения.

Вариативность реакций носителей языка (информант допускает два варианта ударения на один стимул) была зафиксирована в следующих словах: *зна́мение* и *знаме́ние* (1), *христи́анин* и *христиани́н* (1), *исповЕдание* и *исповедАние* (4), *чАрльстОн* и *чАрльстон* (7), *каталОг* и *катАлог* (5), *растрУб* и *раСтруб* (5), *чувАши* и *чуваши* (3), *щавЕль* и *щАвель* (5), *обеспЕче-*

ние и обеспечЕние (6), некрОлОг и некрОлог (4), пАртер и партЕр (7), свЕклА и свЕкла (8) и др. (всего 66 реакций из 1310, что составило 5% от общего количества). Во всех перечисленных реакциях второй вариант оценивался респондентами как равноправный.

Полное единообразие в акцентировке обнаруживает ряд существительных: азЕнт, изобретЕние, арЕст, зимОеве, цыгАн, рАкурс, библиотЕка, намЕрение, дОллар, алфавЕит, пИхта, киломЕтр, вахтЕр, лосОсь, процЕнт, суффикс, бекОн, стАтуя, тамОжня, тотЕм, обморожЕние, параномАзия, хавбЕк, фИлер, рЕвень (!непр.), коновязь (!не рек.), послушник (!не рек.) и т.д. (всего 35% от общего количества стимулов). Во всех словах, за исключением трех последних вариантов, наблюдается совпадение узуальной и кодифицированной акцентировки. Большинство имен существительных данного ряда относятся к общепотребительной лексике и достаточно частотны в речи носителей языка. Интересен случай верного акцентирования таких редко употребляемых лексем как параномАзия, хавбЕк и фИлер. По-видимому, при постановке ударения в данном случае носители языка подсознательно опирались на внутренние системные закономерности. Оценивая слова рЕвень, послушник, коновязь, информанты единодушно отдали предпочтение нелитературным вариантам. Можно предположить, что таким образом проявляются современные тенденции в развитии ударения. Так, например, рЕвень – слово персидского происхождения, сохраняет ударение языка-источника. Однако у двух- и трехсложных существительных мужского рода наблюдается тенденция к переносу ударения с последнего слога на предшествующий (регрессивное ударение) – рЕвень.

Около 10% лексем было акцентировано носителями языка «50/50», то есть каждый из акцентологических вариантов одного стимула получил примерно одинаковое количество «голосов» информантов: христианин (24) – христианин (25) (непр.), камбала (23) – камбала (27) (доп.), щелОть (24) – щЕпоть (26) (доп.), щавЕль (22) – щАвель (23) (непр.), искринка (27) и Искринка (23), коклЮш (28) – кОклюш (22) (непр.), мусоропровОд (29) – мусоропрОвод (21) (непр.), туфля (26) – туфля (24) (непр.), тефтЕли (25) и тЕфтели (25) и т.д. Соотношение литературных и нелитературных вариантов в этом случае примерно одинаково.

Перейдем к сравнению результатов эксперимента и данных словаря. Преимущественное совпадение узуальной и кодифицированной акцентировок зафиксировано в 67 % случа-

ев (175 стимулов из 262) в следующих лексемах: азЕнт, бАржа, изобретЕние, арЕст, цыгАн, алкогОль, закутОк, рАкурс, Алиби, индустриЯ, дОллар, нектАр, пулОвер, шофЕр и т.д. Большинство лексем входят в активный словарный запас носителя средне-литературной речи [3] и без труда узнаются носителями языка.

В акцентировке ряда стимулов большинством информантов наблюдается полное рассогласование узуала и кодификации: асимметрИЯ (не рек.), хрАмина (непр.), рАджа (не рек.), Иконопись (не рек.), рассредотОчение (непр.), овЕн (непр.), вАльдшнеп (не рек.), отзыЫв (непр.), предплюсна (не рек.), премировАние (не рек.), страхОвщик (не рек.), толИка (не рек.), филистИмляне (непр.) и др. (11 % от общего количества стимулов). (Примечание: прописной буквой обозначено кодифицированное ударение, жирным шрифтом выделен узуальный вариант). В этот список вошли достаточно разнородные по степени употребительности, а также классовой и стилистической принадлежности слова.

Для 1 % стимулов носители языка указали не существующий в словаре вариант: ишиИас (в словаре: Ишиас – ишиАс (непр.)), чесальщИк (в словаре: чесАльщик – ЧЕсальщик (непр.)), камфАра (в словаре: кАмфара и камфарА), вероятно, руководствуясь законом ложной аналогии (например: чесальщИк – чАсовщИк).

Таким образом, большинство слов экспериментального списка (около 70%) получило «правильную», совпадающую с кодифицированной, акцентировку. Всего же у 11% лексем более частотным оказался нелитературный вариант (неправильный, не рекомендуемый и даже отсутствующий в словаре).

Подводя некоторые итоги проведенного исследования, можно отметить следующее: реакции, полученные от носителей языка, представляют собой систему, отличающуюся от кодифицированной, причем различия заключаются не только в оценке отдельных лексем, но и в самом характере вариативности, наличии вариантов, не представленных в словаре, статусе литературных и нелитературных вариантов и т.д. «Эта система может быть определена как область антропоцентрической орфоэпии, требующая создания собственного метаязыка и статистически достоверного коэффициента вариативности» [4, с. 35].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-04-00231 «Эволюция русского словесного акцента (последняя треть XX– начало XXI вв.)».

Библиографический список

1. Горбачевич, К.С. Нормы современного русского литературного языка. – М., 1989.
2. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: ок. 65000 слов / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова; АН СССР. Ин-т рус.яз. – М., 1989.
3. Сиротинина, О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып. 2.
4. Трофимова, У.М. Экспериментальное исследование акцентной вариативности в начальных формах глагола // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: материалы Международной науч. конф. – Бийск, 2012.

Bibliography

1. Gorbachevich, K.S. Normih sovremennogo russkogo literaturnogo yazihka. – M., 1989.
2. Orfoehpicheskiy slovarj russkogo yazihka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formih: ok. 65000 slov / S.N. Borunova, V.L. Voroncova, N.A. Esjkova; pod red. R.I. Avanesova; AN SSSR. In-t rus.yaz. – M., 1989.
3. Sirotinina, O.B. Kharakteristika tipov rechevoy kuljturih v sfere dejstviya literaturnogo yazihka // Problemih rechevoy kommunikacii. – Saratov, 2003. – Vihp. 2.
4. Trofimova, U.M. Ehksperimentalnoe issledovanie akcentnoj variativnosti v nachaljnihkh formakh glagola // Russkaya yazihkovaya lichnostj v sovremennom kommunikativnom prostranstve: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Bijjsk, 2012.

Статья поступила в редакцию 15.11.13

УДК 88.1

Grekova I.V. ALSO FEATURES GENRE OF CONTEMPORARU HAGIOGRAPHY. In On the example of the texts on the Siberian ascetics article discusses language features of the genre of modern biography of the saint, due to genre and stylistic accessory products.

Key words: genre of biography, text, language.

И.В. Грекова, аспирант ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: grekova-inga@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТОГО

На примере текстов о сибирских подвижниках в статье рассматриваются языковые особенности современного жанра жизнеописания святого, обусловленных жанрово-стилевой принадлежностью произведения.

Ключевые слова: жанр жизнеописания, текст, язык.

Церковно-религиозная культура современного российского общества выработала особую форму агнографического жанра – жизнеописание святого, которая существует наряду с древнерусскими каноническими житийными текстами в едином стилевом пространстве современной религиозной коммуникации. К проблеме определения и описания церковно-религиозного стиля обращали свое внимание многие исследователи: Ю. Мистрик, А. Гадомский, М. Войтак, Л.П. Крысин, М.Н. Кожина, В. Мишланов, И.В. Бугаева, О.А. Крылова, О.А. Прохвятилова, Д. Беньковская, Е.С. Худякова, Ю.Т. Листрова-Правда и т.д. К базовым стилообразующим категориям ученые относят типовое содержание, характерное для соответствующей сферы общения; цели общения, связанные с назначением в социуме той или иной формы сознания и вида деятельности; образ автора; характер адресата; систему языковых средств и особенности их организации [1, с. 613]. В данной статье мы обратимся непосредственно к характеристике языковых особенностей жанра современного жизнеописания. Языковое воплощение жанра жизнеописания можно рассматривать как в плане стилистики языка (характеристика языковых средств), так и в плане стилистики речи (характеристика организации этих ресурсов) [2].

Материалом для анализа послужили тексты о Сибирских святых XX – начала XXI веков: «Жизнеописание преподобного Макария, первоапостола Алтая с акафистом», «Путешествия и подвиги Святытеля Иннокентия, митрополита московского, апостола Америки и Сибири», «Святитель Макарий (Невский), митрополит Алтайский», «Словом и житием наставляя... Жизнь и труды прп. Макария Алтайского (Глухарева)» и др.

Итак, жизнеописание, как и житие, можно отнести к церковно-религиозному стилю. Рассмотрение лексических средств жизнеописания позволило выделить: нейтральную лексику (общеупотребительную), церковнорелигиозную, а также собственно алтайскую лексику. Нейтральная лексика тематически безлика, в нее входят слова всех частей речи, она занимает значительное место во всем объеме текста: сеп, жизнь, шуметь, восток, деревья, буря, волна, столица, книга, поездка, радостно, из, как, заблестел, говорила, подумали и др.

Церковно-религиозную лексику можно разделить на церковную и религиозную. Церковная лексика отражает:

1. Предметы культа, церковной утвари, устройство храма: икона, ярысы, алтарь, клирос, свещница, крест.

2. Церковные обряды, обычаи и праздники: утренняя, Великий пост, крещение, постриг, молитва, проповедь, крестное знамение, «служил чередную седмицу», Пасхальная неделя, Троица, Петров день, Успение, Покров, Рождество и др. «Преп. Макарий всегда крестил только после оглашения (ознакомления с основами веры), поручал крещенного надежному восприемнику» [3, с. 22].

3. Наименование священнослужителей: архиерей, пономарь, епископ, настоятель, архимандрит, архиепископ, инок, иеродиакон, иеромонах и др.

4. Церковноадминистративные единицы: христианский храм, собор, церковь, Киевская Лавра, Екатеринославская духовная семинария, Глинская пустынь, Костромской Богоявленский монастырь Орловской епархии и др.

Религиозная лексика используется для обозначения:

1. Божества: Господь, Иисус Христос, Бог, Сын Божий, Провидение Божие, Всеблагодот отец Небесный; Владыка всесвятый, всемогущий, всеведущий и всем управляющий; Единый истинный Бог, Святая троица, Благая Матерь Бога и т.д.

2. Существ, явлений и качеств, воплощающих зло и порок: грех, дьявол, косность и зло, соблазны, плотская страсть, лень, искушение, нечистота, грешен, гордость, порочные наклонности, рабство греха, «душа очищается от черных, нечистых и гнилых кровей своеволия и глупости» [3, с. 11].

3. Библиейских книг, религиозной литературы и ее персонажей: Библия, Евангелие (от Марка, от Матфея, от Луки, от Иоанна), Ветхий и Новый Завет, Апостол, Иов, Моисей, Иоанн, книга Деяний, псалмы, краткая Священная история, краткий катахизис Филарета, огласительные поучения, сборник молитв, часослов, Голгофа, «сошел с Креста» и др.

4. Христианских добродетелей: христианская жизнь, православная мысль, попечитель бедных, крепость духа и др.

5. Именований религиозных понятий (вера, христианство, православие), христианских святителей (Дмитрий Ростовский, Сергей и Герман Вапаамские и др.).

Общекнижная лексика в текстах представлена отвлеченными существительными (благонаравие, прилежание, самопожертвование); глаголами со значением абстрактности с возвышенной оценкой (почитается); прилагательными, отражающими положительную или отрицательную оценку («самый лютый, самый неумолимый и неотвязчивый враг», истинное смирение, доверчивый и чистый, горячая и великая любовь, добрый); причастиями (всемогущий, всеведущий); деепричастиями (глубоко веря, довольствуясь, не засыпая, сложив руки, имея в своем сердце).

В составе лексики письменной речи современного жизнеописания много разговорных, просторечных, устаревших слов и выражений разных частей речи, например: «Весь Петербург облетели слова новоназначенного обер-прокурора Святейшего Синода, сказанные знакомому: «Поздравь меня! Я – министр! Я – архиерей, я – черт знает что!?!». Архиереи шли к нему на прием как на муку, снося и окрики, и невежественные поучения, и присловья, высказываемые без стеснения: «Пусть-ка сунутся на меня жаловаться! Я им клобуки-то намну!» [3, с. 39]; небось (прост. и обл. в зн. «пожалуй, вероятно»), надобно (устар. и прост. в зн. «нужно»), слыхали? (разг. в зн. «удивление»), хворать (прост. в зн. «болеть»), хула (устар. и книжн. в зн. «резкое осуждение»), врачебница (слав. в зн. «больница»), очи (устар.), уста (устар.), давеча (устар. и прост. в зн. «недавно») и т.п.

На принадлежность к определенному времени и культуре, указывает обилие в текстах коренной алтайской лексики, так, например в «Жизнеописании преподобного Макария»: каранеме (злые духи), каии (березы), тере (тополя), курюмесь (дьявол), сыгын-ай (сентябрь), кол-курезчи (гадающий по рукам), ти-ми-ртер (черемуха), толмач, аил, камланы, байга (конная скачка) и т.д. Текст широко оснащен географическими названиями: Бия, Бийский округ, Бийск, Барнаул, село Майма, Смоленское, Булана, Телецкое озеро и др.

Иной лексический характер отмечается в «Путешествиях и подвигах Святытеля Иннокентия». Произведение переполнено лексикой мореплавателя характера: фрегат, шквал, бомбарсели (паруса на верхней части мачты), рейд (часть водного пространства для маневрирования и погрузки судов), пассат (ветер), бриг (парусное двухмачтовое судно), губа (морской залив у устья реки) и др. Текст наполнен такой специфической лексикой как: зипун, чарки, верста, алеут, камчадал, шаман, тоён (старейшина у американских индейцев), колоши (название людей по необычному сенскому украшению, которое называлось калуга), тайши – старейшина и др. В житиях Сибирских миссионеров особое место отводится описанию той местности, народов, где ведут свою деятельность святые, отсюда использование названий народных обычаев и костюмов такого народа, как алеуты: парка, камлейка и прочее. Отмечается частотность использования медицинских терминов: «Тошнота, головокружение, слабость не дают человеку подняться с койки и отравляют неприятнейшими ощущениями почти всякое морское плавание. Владыка нашел на удивление простой способ избавиться от укачивания на море... держа за щекой сырую луковницу» [4, с. 93].

Жанру жизнеописания церковно-религиозного стиля присущи следующие грамматические особенности:

1. Употребление имен существительных с суффиксами – ость, -ство, -ние, -ие, -ение (устроение, исключение, исцеление, смирение, прилежание, отношение, искушение, раздражение, безудержность); существительных, образованных путем сложения основ (благонаравие, богоподобие, самоотвержение).

2. Использование прилагательных простой и сложной превосходной формы (достойнейший, важнейшее направление, самый лютый, «Макарий – одна из самых светлых личностей», «Святейший Синод», Высочайшее имя, всесвятейший и др.).

3. Частотное употребление действительных и страдательных причастий и деепричастий: хранимый, сопутствуемый, пораженный; «И, продолжая рыдать, я покрыл поцелуями маленькие, тонкие руки, а он, все стоя на коленях, улыбался мне, смущенно и взволнованно отнимая у меня свои руки» [3, с. 33]; «Затем призвал своего келейника и повел его за руку вмести с собой вдоль дороги, лежавшей через широкий луг» [3, с. 47].

4. Архаичные формы имен существительных, прилагательных, глаголов и других частей речи (отче, настави, святого, сей, аз же глаголю, пред, други, драгой, сынове, на небесех).

Для стилистического анализа немаловажное значение имеет и рассмотрение синтаксических особенностей текста. В жизнеописаниях отмечено использование следующих конструкций:

1. Сложные предложения превалируют на простыми.
2. Причастные обороты употребляются в функции обособленных определений, деепричастные – в функции обстоятельство: «И жутко мне стало, привычному ко всему этому, в ту ночь и тоскливо» [3, с. 29]; «Быстро пройдя мимо оставленных всадниками лошадей, он остановился у пня старой березы и, раздвинув инородцев, склонился над упавшим. Алтайцы расступились перед ним, за минуту гневные, пьяные, они теперь испуганно глядели на потерявшего чувство отца Элески, в темноте налетевшего на пень, выпавшего из седла и теперь обеспамятвшего, и на старца, которого только что ругали уста сраженного человека» [3, с. 19].
3. Простые предложения осложнены однородными и уточняющими членами предложения, вводными словами: «В Екатеринославе (ныне Днепрпетровск)...» [3, с. 6]; «Это, несомненно, духовный человек» [3, с. 8]; «Киевская Лавра, в которую о. Макарий прибыл, показалась ему «слишком шумной» и он попросился в Китаевскую пустынь, в 7 км от города, находящуюся в месте тихом и прекрасном. Здесь он занимался переводами, в частности, переводил на русский язык Слова преподобного Феодора Студита. Затем, избегая предложенного ему настоятельства или, по мнению других исследователей, ища истинного духовного руководства, он переводится в Глинскую пустынь Курской губернии» [3, с. 9].
4. В тексты широко привлекаются цитаты из Библии, молитв, высказываний духовных лиц. Подобные цитаты являются важным стилистическим и языковым фактором воплощения жанра жития как церковно-религиозного стиля: «Святое Писание утверждало: «Итак вера от слышания, А слышание от слова Божия» (Рим. 10, 17) и говорило устами Иисуса Христа: «Исследуйте Писания: ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Иоан. 5, 39)» [3, с. 41].
5. В текстах обширно присутствуют элементы литературно обработанного синтаксиса. Они, как правило, используются в сверхфразовых единствах: анафора, риторические вопросы, синтаксический параллелизм, вопросно-ответные конструкции.
6. Отмечается инверсия согласуемого компонента в словосочетаниях. Это обусловлено стилем и жанром текста, а также влиянием церковнославянского языка: для гордости ученой, нервы утешает, школа Христова, Господь милостивый, жизнь

вечная, вода живая, душа девственная; ряса старенькая, теплая и т.д.

7. В структуре текстов наглядно представлена диалогизированная прямая речь: «Что ты, отец Макарий, забился и сидишь тут в темноте?» – спрашивал его гость. «Что мне делать, когда я так слаб и чувствую, что везде дует», – отвечал монах» [5, с. 35].

9. В произведениях наблюдается использование неполных предложений, особенно в диалогах: «Кричал мальчик-келейник: – Тону! тону!!»; «- Медведи! – крикнул он своим слабым голосом, близко склоняясь к нам, чтобы быть услышанным» [3, с. 30].

10. Используются обращения, в том числе развернутые, проникнутые атмосферой доброжелательности: «Выспался, милый?»; «Ну, что ты, милый, Господь с тобой, успокойся», «Послушайте, други и братья!». Или в молитвах: «О Владыко все-святыи», «О все-святыйшии, всемогущий Боже!», «Батюшка, родимый, благослови!» и т.д.

11. Следует отметить, что побудительность предложения, выражающего совместное действие или приглашение к нему, выражается в тексте с помощью формы глагола 1 лица мн.ч. (посмотрим, попробуем, говорим, стараемся, посещаем): «О действиях миссии теперь только то скажу, что мы по силам, по случаям, какие получаем от провидения Божия, говорим полудиким здешним татарам о Боге истинном... Стараемся между тем не терять из виду новокрещенных, посещаем их, и поучая их познанию Иисуса Христа Распятого и обязанностей христианских, вкуче с ними и сами поучаемся тому же» [5, с. 57].

Жанр жизнеописания – это, в первую очередь, жанр церковно-религиозного функционального стиля, отсюда использование в текстах, наряду с общекнижными, церковно-религиозных лексических средств, которые можно подразделить на различные тематические блоки. Кроме этого, в лексический состав жизнеописаний входит как нейтральная лексика, так и разговорные, просторечные, устаревшие слова и выражения. В то же время, в некоторых текстах наблюдается использование специфической лексики, отражающей ту или иную форму деятельности, а также традиции и обычаи конкретного народа. Современному жизнеописанию присущи особые грамматические, морфологические и синтаксические особенности, что обусловлено жанрово-стилевой принадлежностью произведений.

Библиографический список

1. Крылова, О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.
2. Листрова-Правда, Ю.Т. К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка / Ю.Т. Листрова-Правда, М.Б. Расторгуева // ВЕСТНИК ВГУ. – 2006. – № 1. – Сер. Филология. Журналистика.
3. Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева) первоапостола Алтая с акафистом / по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского. – Бийск, 2009.
4. Путешествия и подвиги Святого Иннокентия, митрополита московского, апостола Америки и Сибири. – М., 1999.
5. Нестеров, С.В. Словом и житием наставляя / Жизнь и труды прп. Макария Алтайского. – М., 2005.
6. Святой Макарий (Невский), митрополит Алтайский / Патерик сибирских святых. – Единоско-Бричанская епархия, 2006.

Bibliography

1. Krihlova, O.A. Cerkovno-religioznihy stilij // Stilisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj russkogo yazihka / pod red. M.N. Kozhinoyj. – M., 2003.
2. Listrova-Pravda, Yu.T. K voprosu o funkcionalnom cerkovnoreligioznom stile sovremennogo russkogo literaturnogo yazihka / Yu.T. Listrova-Pravda, M.B. Rastorgueva // VESTNIK VGU. – 2006. – № 1. – Ser. Filologiya. Zhurnalistika.
3. Zhizneopisanie prepodobnogo Makariya (Glukhareva) pervoapostola Altaya s akafistom / po blagosloveniyu Preosvyathennyshogo Maksima, episkopa Barnaul'skogo i Altaj'skogo. – Biysk, 2009.
4. Puteshestviya i podvigi Svyatitelya Innokentiya, mitropolita moskovskogo, apostola Ameriki i Sibiri. – M., 1999.
5. Nesterov, S.V. Slovom i zhitiem nastavlyaya / Zhiznj i trudih prp. Makariya Altaj'skogo. – M., 2005.
6. Svyatitelj Makarij (Nevskij), mitropolit Altaj'skiy / Paterik sibirskikh svyatihkh. – Edinecko-Brichanskaya eparkhiya, 2006.

Статья поступила в редакцию 15.11.13

УДК 81-13

Shkuropackaya M.G. METHODOLOGY OF THE RESEARCH SYSTEM AND THE EMPIRICAL IMPLEMENTATION OF THE WORD-FORMATION TYPE IN УЗУАЛЬНОЙ AND POTENTIAL VOCABULARY. The article contains a description of the methodology of the study of word-formation type and its implementation in узуальной and окказиональной vocabulary, which includes measures aimed at establishing the system productivity type, design of possible neoplasms of this type and the subsequent evaluation of their informants; verification of the results with the involvement of statistical data from Internet search engines.

Key words: formational type, system and empirical productivity, word formation lacuna, the potential word, the occasional word, aimed experiment, linguistic sources.

М.Г. Шкуропацкая, д-р филол. наук, проф. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: marina-shkuropac@mail.ru

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМНОЙ И ЭМПИРИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА В УЗУАЛЬНОЙ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье содержится описание методики изучения словообразовательного типа и его реализации в узуальной и окказиональной лексике, включающей в себя шаги, направленные на установление системной продуктивности типа, на конструирование возможных новообразований данного типа с последующей оценкой их информантами; на верификацию результатов с привлечением статистических данных поисковых систем Интернета.

Ключевые слова: словообразовательный тип, системная и эмпирическая продуктивность, словообразовательная лакуна, потенциальное слово, окказиональное слово, направленный эксперимент, лингвистическое источниковедение.

В статье ставится проблема описания словообразовательного типа как словообразовательного механизма в соотношении с его реализацией в узуальной и окказиональной (потенциальной) лексике. В свое время И.С. Улуханов писал: «В настоящее время открывается перспектива фронтального изучения связей между единицами словообразования, существующих в различных достаточно обширных и развитых подсистемах словообразовательной системы; тем самым актуальными задачами становятся выявление общих особенностей организации отдельных подсистем и системы в целом, а также выявление новых возможностей словообразовательного механизма в соотношении с реализацией этих возможностей в узуальной и окказиональной лексике» [1, с. 4]. Наше исследование направлено на решение второй задачи и посвящено изучению словообразовательных типов в этом аспекте. Не пытаюсь дать полного обзора взглядов ученых на проблему соотношения возможного (закономерного, системного) и реализованного (уззуального или окказионального), сошлюсь лишь на некоторые высказывания лингвистов прошлого и современных лингвистов. Вильгельм фон Гумбольдт в стиле своей эпохи и в своем собственном стиле писал: «Любой язык в полном своем объеме содержит все, превращая все в звук. И как невозможно исчерпать содержания мышления во всей бесконечности его связей, так неисчерпаемо множество значений и связей в языке. Помимо своих уже оформившихся элементов, язык в своей гораздо более важной части состоит из способов, дающих возможность продолжить работу духа и предначертающих для этой последней пути и формы» [2, с. 82].

Соотношение возможного и реализованного нередко рассматривалась как часть проблемы соотношения языка и речи; а в последнее время – также как часть проблемы ассоциативно-вербальной сети языковой личности [3].

Задача описать не только реализованное, но и возможное давно ставилась также применительно к дериватологии, центральный понятием которой является понятие деривации: «отношения производности между какими-либо единицами языка», и «сам процесс образования слов, предложений, грамматических форм слов, словосочетаний, фразеологизмов, слогов, тактов и т.д., наконец, текстов, т.е. всех возможных языковых единиц, начиная от фонемы и кончая текстом» [4, с. 3]. Наше исследование словообразовательного типа, посвященное выявлению его функционального потенциала, находится в русле дериватологии как динамической дисциплины. Применительно к словообразованию данная проблема была сформулирована Якобом Гриммом: «Учение о словообразовании должно выявлять модели, то есть изучать, «какие производные могут возникнуть», фиксировать же, «какие производные возникают в действительности, – задача словарей» [5].

Современные словообразователи неоднократно писали на эту тему. Одним из нерешенных вопросов словообразования является выяснение «расхождения между потенциями системы словообразования и тем, как их реализует норма языка», то есть между словообразовательной моделью и ее лексической реализацией. При этом «должны быть изучены и факты «необразований», «нереализаций» [6, с. 204] того, что допускается словообразовательной системой, но не вошло в лексическую норму.

Такой подход предполагает постановку и решение ряда проблем, не решенных или недостаточно разработанных в слово-

образовании: 1. В процессе такого описания неизбежно встает вопрос о причинах, предопределяющих как наличие/отсутствие тех или иных клеток системы, так и их заполнение или незаполнение. 2. Такое описание способствует полному представлению всей системы со всеми ее связями. Выявление максимума возможных единиц может производиться посредством исчисления теоретически возможных единиц и их комбинаций. Результат исчисления может быть сопоставлен с числом реализованных единиц; таким образом, устанавливается процент реализации, свойственный тем или иным подсистемам. 3. Такое описание предполагает постановку проблемы критериев определения границ между системными и несистемными явлениями нормативности, а также ненормативными и ненормативными явлениями.

В контексте исследования важными являются понятия *системной и эмпирической продуктивности словообразовательного типа*. Два вида продуктивности в словообразовании предложил различать чешский ученый Милош Докулил. Применительно к словообразовательным типам эти два понятия рассматриваются Е.А. Земской, которая пишет: «Эмпирической продуктивностью обладает словообразовательный тип, по образцу которого в языке определенной эпохи производятся новые слова. Чтобы решить, продуктивен или нет тот или иной тип в тот или иной период времени, следует установить, служит ли он в этот период образцом для производства новых слов. Ответ на данный вопрос можно получить только эмпирическим путем, исследуя новообразования определенной эпохи. Таким образом, эмпирическая продуктивность – понятие диахронического словообразования. Она зависит в значительной степени от общественных потребностей в производстве слов определенного типа» [7, с. 218]. «Системная продуктивность типа зависит от ограничений разного рода, налагаемых системой языка и регулирующих производство слов данного типа. Она устанавливается экспериментальным путем – путем выяснения условий, ограничивающих возможность производства слов данного типа. Таким образом, системная продуктивность – понятие синхронного словообразования. Оно зависит от внутриязыковых факторов» [7, с. 218].

Обладающие высокой системной продуктивностью должны быть признаны типы: а) действие которых не имеет ограничений (формальных, лексических, семантических, стилистических и словообразовательных) в пределах определенного круга основ; б) не имеющие конкурентных синонимических средств или занимающие среди конкурентных средств ведущее место. Новые слова таких типов создаются по мере необходимости в процессе речевого общения почти с такой же легкостью и свободой, с которой конструируются словосочетания и парадигматические формы слов [7, с. 224].

Методика исследования системной и эмпирической реализации словообразовательного типа в уззуальной и потенциальной (или окказиональной) лексике включает в себя следующие шаги:

Первый шаг: Определить состав отмеченных в словаре производных слов, относящихся к определенному словообразовательному типу.

Шаг второй: Установить системную продуктивность данного словообразовательного типа. Чтобы установить сферу действия определенного типа, следует, определив лексико-грамматический круг производящих основ, проследить, от каких основ

образуются слова изучаемого типа, и от каких основ они не могут быть произведены (т.е. требуется установить, каковы возможности действия данного типа и каковы структурные, семантические и стилистические ограничения в производстве слов данного типа).

Системная продуктивность типа может быть установлена эмпирическим путем с использованием метода лингвистического эксперимента.

Шаг третий: Лингвистический эксперимент: конструирование возможных новообразований данного типа с последующей оценкой их информантами. В данном случае мы пользуемся экспериментальной методикой, которая была разработана Н.Б. Лебедевой для определения соотношения выводимости как словообразовательного признака и узуальности как лексического признака [8].

«Лабораторные» (потенциальные, окказиональные) слова даются списком вне контекста (например, *возражатель*, *спрашиватель*). На каждое слово получаем ответ по общим вопросам. На первый (лексический) вопрос «Можно ли так сказать?» предлагается дать один из ответов: А) да; Б) скорее да, чем нет; В) скорее нет, чем да; Г) нет.

«Ответы на этот вопросник дают информацию о лексико-системной допустимости данного морфемного образования, это сведения о лексической системности и нормативности, то есть о степени допустимости «лабораторного слова» лексической системой в ее потенциальной и реализованной (нормативной) ипостаси» [8, с. 393].

Библиографический список

1. Улуханов, И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996.
2. Гумбольдт, Вильгельм фон. О различии строения человеческих языков и о влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
3. Караулов, Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 1993.
4. Мурзин, Л.Н. Основы дериватологии. – Пермь, 1984.
5. Гримм, Я. Из предисловия к «Немецкой грамматике» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч. I.
6. Земская, Е.А. Валентность морфем и понятие продуктивности // Современный русский язык. – М., 1981.
7. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – М., 2005.
8. Лебедева, Н.Б. Экспериментальное исследование производного слова: соотношение выводимости как словообразовательного признака и узуальности как лексического признака // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. – М., 2010.

Bibliography

1. Ulukhanov, I.S. Edinich slovoobrazovatel'noy sistemih russkogo yazihka i ikh leksicheskaya realizaciya. – M., 1996.
2. Gumboldt, Vil'gel'm fon. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazihkov i o vliyaniy na dukhovnoe razvitie chelovechestva // Izbrannihe trudih po yazihkoznaniyu. – M., 1984.
3. Karaulov, Yu.N. Assosiativnaya grammatika russkogo yazihka. – M., 1993.
4. Murzin, L.N. Osnovih derivatologii. – Perm', 1984.
5. Grimm, Ya. Iz predisloviya k «Nemeckoy grammatike» // Zvegincev V.A. Istoriya yazihkoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. – M., 1960. – Ch. I.
6. Zemskaya, E.A. Valentnost' morfem i ponyatie produktivnosti // Sovremennihy russkiy yazihk. – M., 1981.
7. Zemskaya, E.A. Sovremennihy russkiy yazihk. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie. – M., 2005.
8. Lebedeva, N.B. Eksperimental'noe issledovanie proizvodnogo slova: sootnoshenie vihvodimosti kak slovoobrazovatel'nogo priznaka i uzualnosti kak leksicheskogo priznaka // Novihe yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funkcionirovanie. – M., 2010.

Статья поступила в редакцию 15.11.13

УДК 821.512.141

Dilmuxametov I.T. THE FORMATION OF THE EPIC TRADITIONS IN THE BASHKIR LITERATURE. The article regards the formation of the epic traditions in the Bashkir literature in one of the least investigated periods; it gives a wild analysis of the epic works from the poetic join of view; the informative structural ideological-aesthetic and form making tendencies are considered.

Key words: epoch, heroe, literature, middle ages.

И.Т. Дильмухаметов, ст. преп. каф. башкирской литературы СФ БашГУ, г. Стерлитамак, E-mail: ilnur204@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются вопросы формирования эпических традиций в башкирской литературе в один из малоизученных периодов, проводится широкий анализ эпических произведений с позиции поэтики, изучаются содержательные, структурные, идейно-эстетические и формообразующие тенденции.

Ключевые слова: эпос, средневековье, литература, автор, герой.

В течение длительного времени было принято считать, что культура и литература башкирского народа берет свое начало с 20-х годов прошедшего века. С этим связано долгое представление о башкирах как о кочевом народе. На сегодняшний день историки, литературоведы, фольклористы отмечают, что башкирский народ образовался путем слияния семи племен – это усарган, кыпсак, тамъян, табын, мен, юрматы, бурзян. Каждое племя имело свой тотем, дерево, птицу и оран (клич). Так например, деревом племени усарган признавалась рябина, тотемной птицей – журавль. Принято считать, что основателем рода является сын знаменитого Муйтен бия Усарган.

Возникновение этих атрибутов одни исследователи связывают с именем Чингисхана, другие указывают на Орхон-Енисейское происхождение, третьи доказывают, что эти атрибуты были свойственны башкирам с древнейших времен. Это говорит о том, что институт государственного устройства существовал еще задолго до завоевания монголов: «Важнейшим условием самостоятельного существования башкир в окружении грозных соседей, безусловно, были развитая экономика, хорошо приспособленная к местным природно-климатическим условиям, а также культурно-духовное единство на основе общей идеологии» [1, с. 297]. Яркими литературными памятниками данного периода являются эпосы.

Эпос – это международный термин. Среди башкирских исследователей чаще используется термин «кубаир». Кубаир – восхваляющая, прославляющая песня. Также, по мнению М. Сагитова, слово «коба» у тюркских народов, в том числе и башкир обозначал цвет животных, птиц и этот цвет считался священным. Поэтому кубаир может иметь значение «священная песня». К. Ахмедьянов отмечает: «В кубаирах можно встретить элементы народной драмы. В одних произведениях он приобретает форму лирического диалога, в других форму зйташ» [2, с. 296].

Эпосы дошли до наших дней благодаря деятельности народных сказителей сэсэнов. Они исполняли народные песни, в своих произведениях выражали отношение к тому или иному событию в жизни народа. Как отмечает Ф. Кузбеков, «творчество сэсэнов (народных поэтов-импровизаторов) в силу сложившихся условий приобретает все более ярко выраженное общественное звучание, превращаясь тем самым в своеобразную политическую деятельность» [3, с. 308]. Так, они могли возглавить стихийное восстание или подавить его. В эпосе «Идукай и Мурадым» Хабрау сэсэн на некоторое время помог предотвратить конфликт между Туктамышем и Идукаем, а в эпосе «Сын Юлая Салават» Кинзя повлиять на решения Салавата Юлаева, поэтому царское правительство в дальнейшем упразднило институт сэсэнов, запретив народные ййыны (сбор башкир для решения важнейших вопросов рода).

В эпохах средневекового периода башкирской литературы достаточно сложно идентифицировать традиционного для мифологического эпоса идеального героя. Если эпическому герою, такому, как Урал батыр, не свойственно идти на компромисс с врагом, то Идукай, Салават Юлаев, Карасакал выступают как реальные исторические личности, наделенные комплексом персонализированных характеристик. Во всей их деятельности прослеживается некая самостоятельность, способность принимать волевые решения, которые часто отличаются от мнения большинства. Перед нами раскрываются все детали и особенности их характеров. По этой причине «Идукай и Мурадым», «Карасакал», «Сын Юлая Салават» вплоть до 80-х годов были под запретом. В советское время они были признаны ханско-феодалными эпосами, не отражающими интересы народа, что само по себе свидетельствовало об ареале их распространения, то есть произведения были предназначены для узкого круга.

Вещественный мир героев теряет свой сакральный смысл, герой из «Аксака кола» бьет коня и в некоторых вариантах эпоса не получает заслуженного наказания, Зятуляк не успевает вернуться к своей возлюбленной и умирает. Сказочность сюжета разрывается и место традиционного счастливого финала занимает трагическая концовка. Героями овладевает двойное чувство выбора, которое не связано с выбором дороги или дальнейших действий, а выбором между личным благополучием

и благополучием народа, хотя герой решает обе данные проблемы, но на первое место становится личное благополучие, и в результате этого часто герой проигрывает битву: Алпамыша попадает в плен, Зятуляк умирает, Идукай становится тестем Сатмыр хана.

В средневековье особую роль приобрела религия. Ислам стал ключевым фактором в определении жизни и быта башкир. По свидетельству арабского путешественника ибн Фадлана, башкиры уже в 922 г. приняли ислам, о чем свидетельствуют упоминания во многих эпосах башкирского народа священной книги, в которой герои видят свое будущее; так, Идукай в эпосе «Идукай и Мурадым» читает свое будущее в книге, тем же путем идет Кузы-Курпеч в эпосе «Кузы-Курпес и Маян-Хылу», Алдар батыр в эпосе «Алдар и Зухра». Благодаря религии появляются общетюркские памятники литературы – дастаны. Ярким примером данного типа произведений может считаться дастан Кул Гали «Кысса-и Йусуф». Дастан является не только замечательным литературным памятником, он также послужил основой для развития различных вариантов этого произведения у тюркских народов, в том числе и башкир. Переявля эпическую форму, а порой и содержание у эпосов, дастаны дали толчок развитию всей башкирской литературы, и в дальнейшем оказали огромное влияние на становление башкирской повести, романа, романа. Как заметил академик Д.С. Лихачев, «как бы ни были различны фольклор и литература в средние века, они имели между собой гораздо больше точек соприкосновения, чем в новое время» [4, с. 63].

Вызывает особый интерес проблема авторства. Если «Кысса-и Йусуф» является произведением Кул Гали, то насчет авторства эпоса «Идукай и Мурадым» возникает ряд разногласий, по мнению казахских ученых автором данного эпоса является Хабрау жырау, с его мнением согласен башкирский ученый М. Идельбаев. По его словам эпос мог принадлежать перу либо Хабрау жырау, либо сыну Идукая Мурадыму, который прославился своими поэтическим талантом. Сейчас отрывки из произведения «Идукай и Мурадым» кубаиры «Эй, Уралтау, Уралтау», «Бер тигас та ни яман?», «Мин картынмын» принято считать авторским произведением. Многие ученые, изучающие особенности эпоса «Кузы-Курпес и Маян-Хылу», считают его автором Т. Беляева, а жанр произведения определяют как народная поэма, народный роман: «Кураист-поэт-историк, по определению Беляева, оставивший после себя «Кузы-Курпес», очевидно, был правозверным мусульманином, который хорошо знал религиозную литературу и испытал на себе ее влияние. И влияние это не осталось бесследно, оно проникло в народную поэму и получило свое образное оформление в лице Авлии» [5, с. 15]. То же самое происходит при изучении эпоса «Зятуляк и Хыухылу», записанного В. Далем: «В «Башкирской русалке» Даль в художественных целях мастерски использует фольклор местного народа, обрисовывает картины из жизни и быта башкир, их суевверные традиции и мн. др. Также он вводит свои авторские новшества, поэтические обрамления образов» [6, с. 37].

М.А. Бурангулов, М.М. Сагитов, Г.Б. Хусаинов, С.А. Галин, Ф.А. Надршина, Г.С. Кунафин и другие исследователи башкирской литературы и фольклора внесли огромный вклад в изучение данных произведений. В своих работах они писали, что эпический памятник, созданный на рубеже веков, не мог не нести в себе черты той эпохи, в которой он был написан. В.М. Жирмунский, изучив эпос тюркских народов, отмечал: «Между тем обычно развитие повествовательного сюжета и последовательность в нем мотивов имеют свою внутреннюю логику, отражающую закономерности и связи объективной действительности и в то же время обусловленную историческими особенностями человеческого сознания, отражающую эту действительность» [7, с. 108]. Учитывая это, М. Идельбаев считает правильным изучение данного периода башкирской литературы как переходного из устного народного творчества в литературу и предлагает назвать его устной литературой [8].

Таким образом, можно уверенно говорить о самобытной литературе башкирского народа, которая начала формироваться в средневековье.

Библиографический список

1. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа, 2010.
2. Ахмедьянов, К.А. Литературная критика: сборник статей. – Уфа, 2012.
3. Кузбеков, Ф.Т. Спасет духовность. – Уфа, 2011.

4. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967.
5. Народный эпос «Кузы-Курпес и Маян-Хылу»: сборник статей / под ред. А.Н. Киреева и А.И. Харисова. – Уфа, 1964.
6. Хуббитдинова, Н.А. Художественное отражение фольклора в литературе XIX века к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей. – Уфа, 2011.
7. Жирмунский, В.М. Фольклор Запада и Востока: сравнительно-исторические очерки. – М., 2004.
8. Идельбаев, М.Х. Завещание из древности. – Уфа, 2007.

Bibliography

1. Istoriya Bashkortostana. Drevnostj. Srednevekovje. – Ufa, 2010.
2. Akhmedjanov, K.A. Literaturnaya kritika: sbornik statej. – Ufa, 2012.
3. Kuzbekov, F.T. Spaset dukhovnostj. – Ufa, 2011.
4. Likhachev, D.S. Poehtika drevnerusskoj literaturih. – L., 1967.
5. Narodnij epos «Kuzih-Kurpes i Mayan-Khihlu»: sbornik statej / pod red. A.N. Kireeva i A.I. Kharisova. – Ufa, 1964.
6. Khubbitdinova, N.A. Khudozhestvennoe otrazhenie folklora v literature KhKh veka k probleme rusko-bashkirskikh folklorno-literaturnikh vzaimosvyazej. – Ufa, 2011.
7. Zhirmunskij, V.M. Folklor Zapada i Vostoka: sravniteljno-istoricheskie ocherki. – M., 2004.
8. Idel'baev, M.Kh. Zavethanie iz drevnosti. – Ufa, 2007.

Статья поступила в редакцию 06.11.13

УДК 398.22

Davletkulov A.H. **THE ROLE OF EPIC WORKS OF THE BASHKIRS IN THE FORMATION OF ETHNIC CONSCIOUSNESS.** The article deals with the analysis of the Bashkir epic works «Idukai and Muradum», «Karas and Aksha». The goal is to single out the process of peoples ethnic realisation. The author wants to show the evaluation of the peoples world view representations with respect to the major transformations in the artistic structure of the epic genre and its changes in tradition as well as the evolution of the ethnic consciousness.

Key words: epic, epic poetry, ulus, traditions, spiritual consciousness, ethnic consciousness, sesen, improviser, totem

А.Х. Давлеткулов, д-р филос. наук, проф. каф. башкирской литературы и культуры Башкирского гос. педагогического университета, г. Уфа, E-mail:kilmakova@yandex.ru

РОЛЬ ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАШКИР В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ*

В статье проанализированы башкирские эпические произведения «Идукай и Мурадым», «Карас и Акша», с целью выявления в них процесса формирования этнического сознания народа. Автор стремится показать эволюцию мировоззренческих представлений народа в связи существенными трансформациями в художественной структуре самого эпического жанра и как итог изменений не только жанровых традиций, но и как эволюция в сознании народа.

Ключевые слова: эпос, эпическая поэзия, улус, предания, духовное сознание, этническое сознание, сесэн, импровизатор, тотем.

Башкирская эпическая поэзия – «гигантский аккумулятор культуры» [1; с. 98]. На протяжении тысячелетий из поколения в поколение передается эпическая поэзия – эпосы (иртэки и кубаиры), предания, исторические песни, байты и сенляу, обогащаясь новыми вариантами и наслоениями, или же в неизменном виде, как их рассказывали наши далекие предки.

В первой половине XIII века башкиры, как и многие другие народы, волею судьбы вошли в состав Золотой Орды. Башкиры, потеряв свою независимость, попадают под тяжкий гнет феодалов, ханов и наместников, стоявших во главе улусов. Более чем трехвековое угнетение Золотой Ордой, затем различными ханствами, возникшими из ее осколков, в результате разложения Золотой Орды, оставило глубокий след в духовном сознании башкир, нашло отражение и в эпической поэзии народа. В ней усиливаются социальные мотивы. Эпический материал переосмысливается в свете новой темы – защиты родины, изгнания захватчиков с родной земли.

Наглядный пример тому – эпос «Идукай и Мурадым», который является с начала до конца стихотворным, и где отражена борьба башкирского народа против господства Золотой Орды.

С 1380 года в Золотой Орде после поражения Мамай на Куликовом поле царствовал Тохтамыш. А во главе его войска стоял Идиге (Едигей); между ними и загорелась ожесточенная борьба за власть. В этом смысле становится ясно то, почему «Золотой Орде с 1358 по 1380 годы сменилось более двадцати пяти ханов». Этим, видимо, объясняется, что на первый план в кубаире выступает характерный для сюжета средневековья личный конфликт.

Н.Т. Зарипов справедливо замечает, что эпос об Идиге терпел со временем существенные трансформации. Как рус-

ский крестьянин на свой неискоренимый демократический и атеистический лад переиначивал библейские легенды или как южные славяне (сербы – А.Д.) создавали, вопреки исторической действительности, свои юнацкие песни о Марке Кралевиче, так тюркоязычный подневольный люд, изнывавший под жестким гнетом прошлых ордынских ханов, взял и пересказал повесть о похождениях ханского сатрапа Идиге с точки зрения собственных интересов и коренных социально-национальных идеалов, с позиции своих представлений о справедливости и чести [2, с. 84].

«Историческим зерном сказания, – указывает академик В.М. Жирмунский, явились феодальные распри в Золотой Орде в конце XIV – начале XV века, борьба между золотоордынским ханом Тохтамышем и властителем Средней Азии Тимуром при участии мирзы Едигея из племени мангытов. Причем, народная память не сохранила никаких воспоминаний о внешнеполитических событиях правления Едигея. В эпосе не отражаются внутриполитические причины и обстоятельства указанных событий, политическая борьба Тимура и Золотой Орды, соперничество и интриги претендентов на престол. Он изображает отношения Тохтамыша и Едигея лишь как личный конфликт между жестоким и несправедливым ханом и его благородным и честным вассалом, любимцем народа – конфликт типичный для феодальной эпохи и отложившийся в традиционном сюжете «изгнания и возвращения» несправедливо оклеветанного героя» [3, с. 6-7].

Этот сюжет, попав в иную этническую среду, в том числе среду башкирскую, обрастает фольклорными мотивами, подсказанными эпическими традициями, общественно-национальными потребностями народа, его социальными устремлениями и идеалами.

И это вполне понятно, ибо эпос никогда не является точной хроникой событий или летописью. Как известно, в нем выражается собственное отношение народа к прошлому, его оценка деятельности исторических лиц. Справедливо замечает по этому поводу Н.Т. Зарипов, что «необходимо учесть при этом не только отличие фольклорного отношения к действительности от научного, но и историческую ограниченность народных представлений в прошлом, равно как и то положение, что в фольклорных произведениях, а в эпосе – в особенности, получают причудливое сплетение различные идейные наслоения. Упущение этого требования может привести к глубокому заблуждению» [2, с. 85]. (Намек на известные постановления ЦК ВКП(б) в 1944-1945 гг., где несправедливо подверглись критике некоторые известные башкирские фольклористы и писатели и отлучены от литературной деятельности – А.Д.).

Башкирский народ создал эпическое сказание «Идукай и Мурадым», вызванное к жизни насущными потребностями исторического национального развития. Это – плод художественно-эстетической фантазии народа, получивший оригинальную поэтическую форму стихотворного кубаира на основе собственных эпических традиций. В кубаире красной нитью проходит идея освободительной борьбы против чужеземных захватчиков, в нем ярко выражены социальные мотивы, мечты народа о свободе, о социальной справедливости, о независимой Родине.

Кубаир «Идукай и Мурадым» по многим компонентам отличается почти от всех предыдущих эпосов: нет мифологизации событий и гиперболизации образов, героев и поступков. В данном эпосе изображаются конкретные люди, жизнь рисуется как она есть, историческая действительность дается через эпическое художественное обобщение.

Например, Идукай, объединив разрозненные башкирские племена в единое сильное войско, организует борьбу против Тохтамыш-хана и побеждает его многотысячное войско. Убив самого хана, богатство его раздает бедному люду, освобождает всех башкирских батыров из заточения, отправляет их по домам. И, наконец, со своим сыном Мурадымом, разгромив Тура-хана, который вечно притеснял башкир, устанавливает мир и покой на родной земле. Разумеется, не все здесь соответствует исторической действительности. Но, именно о таком герое мечтал народ. Он хотел увидеть богатыря, который мог бы возглавить свой народ и выступить против врага. Так рождается поэтический образ идеализированного героя.

Подлинное искусство обладает правом преувеличивать. Главное в том, что герой своими деяниями позволяет нам представить жизнь данного исторического периода в ее непосредственно человеческом преломлении. Говоря о том, что в искусстве отражается «всеобщее», В.Г. Гегель писал, что оно «должно смыкаться в отдельных лицах в целостность и единичность». Этим целым является человек в своей конкретной духовности и субъективности, человеческая цельная в себе индивидуальность как характер... Благодаря этому характер составляет подлинное средоточие идеального художественного изображения» [4, с. 447].

Идеализация героя вовсе не означает упрощения его человеческих качеств, возведения их в рамки какой-то традиционной схемы. Напротив, по сравнению с более древними традиционными эпическими героями, как Урал-батыр и Алпамыша, образ Идукай усложняется. Кроме богатырской силы герою для борьбы требуется ум и гибкость мышления. Именно эти качества помогают ему проникнуть в стан врага, изучить его сильные и слабые стороны, а затем умело их использовать в деле. Этим самым образ более очеловечивается и приближается к слушателю во времени.

Характерно и то новое качество эпического героя, что Идукай становится поборником справедливости не из-за личных соображений, таких например, как желание отомстить за поруганную честь, достоинство, стремление самому занять ханский престол или спасти любимую из рук злодея, а из самых гуманистических соображений – стремления освободить землю предков от врагов.

Искусство не может обойтись без вымысла. Оно так же необходимо художественному творчеству, как и реальные факты. «Категория вымысла есть одна из форм деятельности мысли, – писал Ф. Асмус. Диалектическая функция этой формы состоит в том, что беспрестанно конструируются различные варианты мыслимых или возможных отношений бытия» [5, с. 32].

Создатели кубаира, т.е. сказители-сэсэн стремились к тому, чтобы слушатели поверили в реальность их вымысла «Искусст-

во, – пишет А.В. Гулыга, – вправе создавать «эффект присутствия», т.е. иллюзию чувственной достоверности изображаемого. При этом автор как бы уходит в сторону, а читатель оказывается в гуще изображаемых событий, как бы присутствует при их свершении» [6, с. 189].

Желание Идукай видеть свой народ свободным, а Урал – независимой землей – это уже новая ступень в развитии народного сознания. Н.Т. Зарипов определяет это как «проявление стремления к национальной самостоятельности и государственности: четкое отражение именно этой идеи является новой ступенью народного, т.е. этнического сознания» [2, с. 131].

Нельзя не обратить внимания на образ сэсэна Хабрау, несущего на себе художественно-эстетическую нагрузку наряду с главными героями кубаира.

Творцы и носители эпической поэзии, башкирские сказители-сэсэн играли немаловажную роль в общественной жизни народа. В эстетическом сознании народа утвердилась емкая поэтическая характеристика сэсэнов как справедливых общественных деятелей и духовных идеологов народа. Само понятие «сэсэн» ассоциируется в сознании народа с высокими духовными качествами человека, а затем уже – с импровизаторским и поэтическим талантом, справедливостью суждений и поступков. Не случайно искусство сэсэнов испокон веков пользовалось особым уважением народа – когда-то сказанное ими поэтическое слово передавалось из поколения в поколение как ценнейшее наследие.

По утверждению А.Н. Киреева, «своими корнями искусство сэсэнов уходит в глубокую древность. Видимо, можно говорить и о более раннем периоде его развития, когда оно только вырабатывало формы, ставшие впоследствии традиционными. Наиболее зрелым импровизаторское искусство становится в пору развития эпических традиций устно-поэтического творчества народа [7, с. 49].

Седобородый сэсэн Хабрау в кубаире «Идукай и Мурадым» резко отличается от своих старших предшественников, т.е. традиционных эпических старцев в поэмах «Урал-батыр», «Акбузат», «Кузы-курпес и Маянхылу», – по социальной направленности и идейно-эстетической определенности своих деяний. В кубаире он играет активную роль в динамике сюжета, и его образ имеет глубокое идейно-эстетическое значение. В кубаире говорится, что прославленный на всем Урале и Алтае певец появляется в минуты серьезных жизненных обстоятельств выбора, когда необходим мудрый совет умудренного жизненным опытом человека, чтобы указать верный путь при сложнейших обстоятельствах. Он оказывается всегда рядом, когда нужно пламенное слово сэсэна, чтобы вдохновить батыров на подвиги во имя освобождения народа от порабощения. Хабрау предстает перед нами как духовный лидер народа, как идеолог и наставник главных героев эпоса. Именно этими высокими категориями определяется идейно-эстетическое значение художественного образа Хабрау.

В связи с этим попытаемся понять суть художественного образа. А.В. Гулыга пишет, что «художественное – это эстетическое в искусстве, тот же слой реальности, что и красота природы, только более сложный по своей структуре» [6, с. 162].

Как известно, искусство – это мышление в художественных образах. Создатели кубаиров, отражая действительность, мыслили образно-эмоционально, результат их творчества несет в себе подобное же образно-эмоциональное начало, вызывая у слушателей сходные переживания и мысли.

Башкирские сэсэн-сказители, создавшие кубаир «Идукай и Мурадым», не скупались на поэтические краски при изображении любимого народом седобородого старца Хабрау. Они наделили его не только богатым жизненным опытом и мудростью, но и художественным талантом сэсэна-импровизатора. В его уста они вложили заветные мечты многих поколений о свободе и счастье. Его устами они выразили самые глубокие чувства любви к родине и народу и все те понятия о мужестве и красоте, о долге и чести, которые вырабатывались на протяжении столетий. Силой коллективного творчества, путем художественного обобщения и осмысления образ Хабрау в кубаире возвышается до легендарного народного сэсэна. Его образ в основном определяет идейно-эстетическую канву эпоса «Идукай и Мурадым», тем самым он становится удивительно близким и нужным для нас сегодня.

Народный эпос является чутким барометром, отражающим развитие социального и этнического сознания народа в любых

исторических условиях. В XVII-XVIII веках осложнились взаимоотношения между некоторыми башкирскими и казахскими племенами. Издревле эти народы были связаны многими общими традициями в укладе быта, в сфере духовной жизни. Но появление имущественного неравенства, социальное расслоение вытесняли гармонию сосуществования. Например, Руссо причину возникновения неравенства между людьми видит в различных «случайностях, которые сыграли для человечества противоречивую роль: они одновременно способствовали и совершенствованию человеческого разума, и вырождению человечества. Сделав человека существом общежительным, случайности эти могли сделать его злым существом. А также случайности эти, по мнению Руссо, породили возникновение земельной собственности» [8, с. 97 – 98].

Территориальные и имущественные притязания феодальной верхушки привели их к таким антигуманным явлениям как барымта и карымта. Оба эти явления сосуществовали всегда рядом, одно являясь логическим продолжением другого. Осуждение их можно найти в эпосе более позднего периода «Карас и Акша». «Эти наносящие ущерб лучшим чаяниям и дружественным устремлениям трудового народа феодальные явления не остались вне внимания фольклора, в новых исторических условиях они стали центральной темой эпической поэзии. «Карас и Акша» – подтверждение этому» [9, с. 29].

По своему размаху, масштабу события, получившие здесь свое отражение, намного уступают традиционному героическому эпосу. В сказании повествуется только об одном эпизоде, связанном с угоном скота — барымтой. И герои здесь воспринимаются более приземленно, реально, так как они действуют в более близкую нам реальную историческую эпоху.

Но покоряет это произведение народного творчества глубинной философской обобщенностью — не может остаться безнаказанным зло, гуманистической и художественной завершенностью текста: добро всепобеждающе. Карас поднялся до высот героизма из самой гущи народа: он родился от самого обыкновенного человека, не испытал никакого чудодейственного воздействия со стороны волшебных сил и был самого обычного телосложения. Именно конкретная ситуация, историческая необходимость вдохновляет его на самоотверженный поступок — защиту соплеменников. Здесь мы видим уже попытки осмысления ситуации исторической детерминированности мотивов поведения личности. «... Поскольку деятельность всегда носит общественный характер, то и продукты сознания являются социально детерминированными» [10, с. 77]. Карас близок нам гуманистическим характером всех своих поступков и помыслов. Он не действует по законам «око за око», «зуб за зуб», которые были порождением антигуманной идеологии имущей прослойки, а пытается мирным путем разрешить конфликт, обнаруживая при этом не трусость, а гибкость ума, дипломатичность и даже деликатность. Карас далек от взаимных оскорблений и самовосхваления перед врагом во время традиционной словесной «перепалки».

Прежде чем начать поединок, Карас обращается к Акше с миролюбивой речью, но, увидев непреклонность противника, решается на предупредительный выстрел, щадя человеческую жизнь, желая избежать кровопролития. Право первого выстре-

ла Карас уступает Акше, все еще надеясь, видимо, на торжество разума. Но враг неумолим, неуступчив, он стреляет прямо в Караса, которого спасает только собственная ловкость; он схватывает стрелу противника на лету. Только после этого Карас решается на расправу. Поверженного противника герой предает земле всеми надлежащими почестями, не забывая при этом указать на его ошибки и на богатырские достоинства.

Видна и теснейшая связь эпоса «Карас и Акша» с древнейшими эпическими традициями в изображении различных ритуалов. Например, более архаичные эпические герои обращаются перед решающим сражением или к своему коню или волшебным силам, которые придают им могущество. Перед схваткой Карас тоже обращается к своему оружию, продолжая этим самым тотемистические верования своих сородичей. Вложенные в уста Караса слова:

*«Если хочешь видеть свою страну мирной,
Не покушайся на чужое добро» —*

содержат попытки народа осмыслить форму своего сосуществования на земле с другими народами — только в мире и согласии, что гармонично вписывается в общечеловеческие представления о геополитической морали [11, с. 7].

В середине XVI века башкирские племена, ища спасения от жестокого гнета Ногайского, Сибирского и Казанского ханств, разделившихся край после распада Золотой Орды на три части, добровольно принимают подданство Русского государства. Присоединение Башкирии к Русскому государству (в последнее время этот акт рассматривается отдельными учеными как завоевание) покончило с феодальной раздробленностью и бесконечными набегами, устранило угрозу распада башкир как народности.

Однако это еще не означало обретения башкирским народом желанной свободы. Царское самодержавие превратило Россию в «Тюрьму народов». Этот период характеризуется, с одной стороны, верностью башкир Русскому государству и, с другой — почти непрерывающейся цепью восстаний против национального и социального гнета царизма.

Политика русского самодержавия была направлена не только на территориальные завоевания, но и на истребление национального самосознания башкирского народа, его духовного потенциала. Трехсотлетнее иго татаро-монгол, столько же лет господства русского царизма нанесли огромный урон культуре башкирского народа. Надо полагать, именно в эту эпоху он лишился своей письменности и других культурных ценностей. В условиях бесперывных репрессий и террора, естественно, не было никакой возможности восстановления утраченного. Только устное творчество помогало народу сохранить в памяти свою историю, своих героев. Оно было своего рода и исторической летописью, и зеркалом его духовного, культурного роста, именно оно поддерживало в нем этнического сознания собственного места среди других.

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГНТП РБ «Республика Башкортостан: новые парадигмы общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития» в рамках научно-исследовательского проекта «Духовно-культурная жизнь народов Башкортостана: этапы и особенности развития» на 2013 г.*

Библиографический список

1. Гулыга, А.В. Эстетика истории. — М., 1974.
2. Зарипов, Н.Т. Образы сзэнов в башкирской эпической поэзии / Фольклор в Советской башкирии. — Уфа, 1974.
3. Жирмунский, В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. — М., 1960.
4. Гегель, В. Эстетика. — М., 1971. — Т. 3.
5. Асмус, В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. — М., 1968.
6. Гулыга, А.В. Принципы эстетики. — М., 1987.
7. Киреев, А.Н. Башкирский народный героический эпос. — Уфа, 1970.
8. Асмус, В.Ф. Историко-философские этюды. — М., 1984.
9. Башкирское народное творчество. Эпос. — Уфа, 1982.
10. Копалов, В.И. Общественное сознание: критический анализ фетишистских форм. — Томск, 1985.
11. Башкирское народное творчество. Эпос. — Уфа, 1982.
12. Алтон, С. Доннелли. Завоевание Башкирии Россией 1552–1740 гг. — Уфа, 1995.

Bibliography

1. Gulihga, A.V. Ehstetika istorii. — M., 1974.
2. Zaripov, N.T. Obrazih sehsehnov v bashkirskoy ehicheskoj poehzii / Foljklor v Sovetskoy bashkirii. — Ufa, 1974.
3. Zhirmunskij, V.M. Skazanie ob Alpamyshhe i bogatirskaya skazka. — M., 1960.
4. Gegelj, V. Ehstetika. — M., 1971. — T. Z.
5. Asmus, V.F. Voprosih teorii i istorii ehstetiki. — M., 1968.
6. Gulihga, A.V. Principih ehstetiki. — M., 1987.

7. Kireev, A.N. Bashkirskiy narodniy geroicheskiy ehpos. ? Ufa, 1970.
8. Asmus, V.F. Istoriko-filosofskie ehpyudih. – M., 1984.
9. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Ehpos. – Ufa, 1982.
10. Kopalov, V.I. Obthevnennoe soznanie: kriticheskiy analiz fetishistskikh form. – Tomsk, 1985.
11. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Ehpos. – Ufa, 1982.
12. Alton, S. Donnelly. Zavoevanie Bashkirii Rossiey 1552–1740 gg. – Ufa, 1995.

Статья поступила в редакцию 06.11.13

УДК 81'373

Dyachkova E.S. PECULIARITIES OF THE MEANING OF THE SEMI-SUFFIXES WHICH CONSTITUTE THE BY-NUCLEAR ZONE AND THE PERIPHERY OF THE WORD-FORMING FIELD OF SEMI-SUFFIXES. The author of the article considers the peculiarities of the meaning of the so-called semi-suffixes which constitute the by-nuclear zone and the periphery of the word-forming field of semi-suffixes and reveals the mechanism of its formation.

Key words: word-forming field, semi-suffix, meaning, generalization, polysemy.

Е.С. Дьячкова, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков Алтайской гос. педагогической академии, г. Барнаул, E-mail: kate_dyachkova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОЛУСУФФИКСАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРИЯДЕРНУЮ ЗОНУ И ПЕРИФЕРИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ПОЛУСУФФИКСОВ

Автор статьи рассматривает особенности формирования значения полусуффиксов, составляющих приядерную зону и периферию словообразовательного поля полусуффиксальных элементов.

Ключевые слова: словообразовательное поле, полусуффикс, значение, генерализация, полисемия.

Современный этап развития словообразовательной системы языка характеризуется активизацией процесса формирования и функционирования полуаффиксов, в частности, полусуффиксов. Под полусуффиксом мы понимаем словообразовательный элемент промежуточного статуса, по форме совпадающий с простым корневым словом, но обладающий функционально-семантическими характеристиками словообразовательного суффикса, формирующийся на базе второго компонента сложного слова, обладающий, как правило, более общим, генерализующим значением и образующий в сочетании с основами различной семантики представительные словообразовательные ряды.

Основными критериями выделения полусуффиксов, как показывает анализ работ по проблеме полуаффиксации (П.М. Карашук, Г. Марчанд, М.Д. Степанова и др.), являются:

- формальное сходство с самостоятельной лексической единицей, морфемная структура которой представлена простой корневой морфемой;
- наличие более общего, генерализующего по сравнению с корневой морфемой значения;
- способность выражать одно и то же значение в сочетании с основами определенного семантического класса;
- активное участие в образовании новых лексических единиц [1; 2; 3].

Наряду с собственно полусуффиксами в английском языке существуют словообразовательные элементы, приближающиеся по своим функционально-семантическим характеристикам к суффиксам. К ним можно отнести словообразовательные элементы, возникающие на базе так называемых соединяемых форм combining forms, «осколочных» элементов телескопных слов, а также образования, формирующиеся на базе свободной производной основы. Указанные элементы демонстрируют высокую словообразовательную активность, соединяясь с основами различной семантики в более общем по сравнению с исходным коррелятом значении. Общность функционально-семантических характеристик данных элементов может, таким образом, служить основанием включения их в корпус полусуффиксов. Наличие у указанных единиц вышеприведенных характеристик полусуффиксов проявляется в большей или меньшей степени, что служит основанием использования полевого подхода при описании корпуса полусуффиксальных элементов и соответственно является определяющим фактором отнесения их к той или иной зоне полевого модели. Под словообразовательным полем полусуффиксов мы понимаем иерархически организованную (центр – периферия) совокупность полусуффиксальных словообразо-

вательных элементов, объединенных генерализующим характером лексического значения, общими дистрибутивными чертами (положение после корня), общими функциональными свойствами (образование новых слов путем присоединения к производящей основе). В связи с этим представляется возможным расположить исследуемые элементы в данной модели в зависимости от их соответствия основным критериям выделения полусуффиксов следующим образом: к ядерной зоне отнести собственно полусуффиксы, то есть словообразовательные единицы, возникшие на базе простой корневой морфемы и соответствующие всем критериям выделения подобного рода элементов, к приядерной зоне отнести полусуффиксы, возникшие на базе соединяемых форм (корневые морфемы латинского и греческого происхождения), а к периферии – полусуффиксы, сформированные на базе производных основ и «осколочных» элементов телескопных слов.

В ходе анализа английских композитов с повторяющимся вторым компонентом было выделено 90 полусуффиксальных элементов и 1488 образований с ними, которые распределились следующим образом на различных уровнях словообразовательного поля полусуффиксов. Собственно полусуффиксы, соответствующие всем критериям выделения полусуффиксов, типа -man (postman), -load (busload), -free (oil-free) заняли ядерную часть поля (42 форманта). В приядерную зону вошли полусуффиксы, восходящие к «соединяемым формам», такие как -mania (moviemania), -phobia (problemophobia) (14 формантов). Периферийную зону образовали элементы, подобные полусуффиксам или псевдо-полусуффиксы, включающие словообразовательные элементы, восходящие к производным основам: -friendly (oxygen-friendly), -intensive (labour-intensive) (26 формантов) и словообразовательные элементы, восходящие к «осколкам» телескопных образований, например: -thon (shopathon), -a/oholic (pizzaholic) (8 формантов).

Целью данной работы является изучение механизма формирования значения словообразовательных элементов, относящихся к приядерной и периферийной зонам словообразовательного поля полусуффиксов на основе сравнительного анализа исходных коррелятов и соответствующих словообразовательных элементов в образованиях, отобранных из английских толковых и англо-русских словарей на основе повторяемости второго компонента в сложных образованиях.

Полусуффиксальные элементы, возникшие на базе так называемых соединяемых форм «combining forms», занимают приядерную зону в корпусе исследуемых единиц. Основанием для

включения их в указанную зону является отсутствие у некоторых полусуффиксов данной группы корреляции с простым корневым словом (-crasy, -naut и т.п.) наряду с наличием у других полусуффиксов этой группы коррелята – корневой морфемы (mania, phobia и т.п.). В нашем исследовании эти элементы составляют группу из 14 формантов, участвующих в создании 91 образования. Это полусуффиксы -logy, -meter, -gram, -mania, -phobia, -phobe, -graph, -logue, -phile, -philia, -crasy, -genic, -naut, -phone, представленные здесь в порядке своей продуктивности. Коррелируя с корневыми морфемами латинского и греческого происхождения, эти элементы в аналоговых образованиях обладают более общим, генерализующим значением, чем соответствующие корни.

Так, например, значение элемента -phobia в образовании technophobia «боязнь вредного влияния развития техники» – «exaggerated fear of something, intolerance or aversion for something» – образовалось на основе значения коррелирующего латинского существительного phobia «an exaggerated usually inexplicable and illogical fear of a particular object or situation». Семантика последнего характеризуется высокой степенью обобщения, соответственно, формирование генерализующего значения полусуффикса -phobia основано на обобщающем значении корневой морфемы phobia.

Without bubbling into a fit of hysterical technophobia, it's worth considering what these stories, both fictional and true, could teach us about how we use the internet [4].

Таким образом, семантика исходного слова предопределяет характер значения соответствующего полусуффикса. При этом семантика полусуффиксов, как правило, передает семантику соответствующих соединяемых форм. В некоторых случаях происходит расширение значения полусуффикса, возникшего на основе соединяемой формы. Так, например, соединяемая форма -mania имеет значение "mental illness", но в образованиях Beatomania, moviemania полусуффиксальный элемент -mania имеет более общее, генерализующее значение «extreme fondness of something». Значения полусуффиксов -phobia «exaggerated fear for something», -philia «extreme fondness of something», -naut «explorer» в образованиях AIDSphobia «страх перед СПИДом», hemophilia «склонность к нетрадиционной сексуальной ориентации», hydronaut «исследователь подводного мира» также принимают обобщенный, генерализующий характер. Некоторые полусуффиксы способны к полисемии, развиваемой на базе значения коррелята. Так, полусуффикс -philia в своей семантической структуре на основе значения коррелята «love, passion for something» развивает 2 значения: «fondness of something» и «activity which is not considered normal», в которых он употребляется в образованиях типа pianophilia «увлеченность фортепьянной музыкой», paedophilia «педофилия, болезненное увлечение детьми, как правило, сексуального характера». Таким образом, полусуффиксы, возникшие на базе соединяемых форм, способны в полной мере наследовать значение коррелята, а также приобретать более обобщенное значение по сравнению со значением соответствующего коррелята.

Полусуффиксальные элементы, возникшие на базе производных основ, составляют группу так называемых «квази- или псевдополусуффиксов». Эти полусуффиксы составляют группу из 26 формантов, которые участвуют в создании 313 образований. Это полусуффиксы -happy, -worthy, -conscious, -friendly, -buster, -looking, -factory, -eater, -monger, -intensive, -artist, -crazy, -daffy, -dippy, -dizzy, -oriented, -killer, -fighter, -peddler, -pusher, -slinger, -driver, -jockey, -chaser, -hungry, thirsty, представленные в данном ряду в порядке своей продуктивности. Указанные элементы составляют периферию корпуса полусуффиксов, так как они не соответствуют критерию формального сходства с простым корневым словом, который является определяющим для выделения полусуффиксов. Однако их соответствие остальным характеристикам полусуффиксальных элементов позволяет включить их в корпус полусуффиксов. При этом одним из наиболее важных факторов является их более генерализующее значение по сравнению с семантикой соответствующих производных основ. Так, значения элемента -friendly как второго компонента аналоговых образований «not causing damage, easy to understand» являются более общими, генерализующими в сравнении со значением коррелята – производного прилагательного friendly «pleasant, positive»: nature-friendly «не загрязняющий природу», user-friendly «доступный для понимания пользователя». Расширение значения полусуффиксов рассматриваемой

группы происходит, как правило, на базе достаточно широкого исходного значения коррелята. Так, например, образовались значения полусуффиксов -factory «a place», -hungry «wanting something», -thirsty «wanting something» в образованиях brainfactory «университет», job-hungry «страстно желающий получить работу», blood-thirsty «кровжадный». Некоторые элементы, значения которых образовались от основных значений коррелирующих слов, характеризуются полисемией: это значения полусуффиксов -monger «salesman, the one who follows and claims some ideas», -killer «the one who is fond of something trying to get rid of it at the same time», -pusher «salesman, the one who claims some ideas», полисемия которых развивается уже на базе основного значения полусуффикса. Так, например, значение полусуффикса -monger в образованиях fishmonger «торговой рыбой», iron-monger «продавец домашнего и садового инвентаря» – «продавец». На базе этого значения возникло значение -monger «распространитель, проповедник» в hatemonger «разжигатель ненависти», scaremonger «человек, распространяющий слухи о ложной тревоге».

...hate-mongers and fascists should not get a free pass just because they have dressed up their prejudices as religion [5].

Таким образом, значение полусуффиксов, возникших на базе производных основ, как правило, формируется за счет расширения значения исходного коррелята, а также за счет сохранения значения исходного коррелята.

Полусуффиксы, возникшие на базе «осколочных» элементов телескопных слов также, как и полусуффиксы, возникшие на базе производных основ, образуют периферию корпуса полусуффиксальных элементов. В исследуемом материале данные элементы составляют малочисленную группу, включающую 8 формантов, и участвуют в создании 48 образований. Это «осколочные» элементы -a/oholic, -gate, -rama, -cade, -teria, -thon, -omat, представленные здесь в порядке своей продуктивности. Особенность полусуффиксов, возникших на базе «осколков», заключается в том, что они коррелируют с сокращенной основой, а формирование их широкого значения происходит за счет того, что коррелят – усеченная основа – как правило, сохраняет значение полной основы. В процессе образования полусуффикса это значение приобретает более широкий характер. В значении «осколка», как правило, на передний план выдвигается определенный семантический признак, генерализующий значение «осколка» по сравнению с более специфичным значением полной основы, что дает возможность использования «осколочного» элемента в аналоговых образованиях, где он функционирует подобно суффиксу. В качестве примера приведем осколочный элемент a/oholic, образовавшийся от слова alcoholic «алкоголик», значение которого в образованиях типа shopoholic «шопоголик, любитель ходить по магазинам», coffeeholic «любитель кофе, кофеман» – «someone who likes something a lot» – приняло более обобщенный, генерализующий характер. «Осколочный» элемент thon от слова marathon «продолжительный бег, марафон» в образованиях типа talkathon «длинный разговор», shopathon «длительный поход по магазинам» приобрел более широкое значение «an event or activity that lasts for a long time».

I stumble out of a 190-minute French talkathon on love and its discontents, feeling slightly stunned [6].

«Осколочные» элементы не совпадают по форме с корневыми морфемами, однако в случае с элементом -gate «a scandal», образованным от Watergate, совпадение с корнем можно рассматривать как случайное, что объяснимо сложным характером основы Watergate, подвергающейся сокращению, например, Clintongate (скандал, связанный с Биллом Клинтон и Моникой Левински).

Таким образом, особенности семантики элементов, представленных в приядерной и периферийной зонах словообразовательного поля полусуффиксов, заключаются в следующем:

1. Значения данных элементов в целом характеризуются значительной степенью обобщения, обусловленной значением коррелята.
2. Более общее, абстрактное значение этих элементов обусловлено значением исходного коррелята.
3. Полусуффиксы, образованные на базе «осколочных» элементов, моносемантичны.
4. Целый ряд полусуффиксов, представленных в группе элементов, возникших на базе производной основы, характеризуются полисемией.

Библиографический список

1. Карашук, П.М. Словообразование английского языка. – М., 1977.
2. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. – München, 1969.
3. Степанова, М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – М., 1984.
4. Wiseman, E. This virtual horror is all too real // The Observer. – 2010. – 25 Jul.
5. Brandon, J. Government can't avoid religion // The Guardian. – 2010. – 23 Jul.
6. Bradshaw, N. Locarno: curiouser and curiouser // The Guardian. – 2008. – 18 Aug.
7. НАРС – Новый англо-русский словарь / гл. ред. В.К. Мюллер. – М., 2004.
8. CIDE – Cambridge International Dictionary of English / P.Procter (ed.). – Cambridge University Press, 2001.
9. DAS – Dictionary of American Slang / H. Wentworth, S.B. Flexner. – Toronto, 1967.
10. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition / M. Rundell (ed.). – Oxford, 2002.

Bibliography

1. Karathuk, P.M. Slovoobrazovanie anglijskogo yazihka. – M., 1977.
2. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. ? Munchen, 1969.
3. Stepanova, M.D. Teoreticheskie osnovih slovoobrazovaniya v nemecckom yazihke / M.D. Stepanova, V. Flyajsher. – M., 1984.
4. Wiseman, E. This virtual horror is all too real // The Observer. – 2010. – 25 Jul.
5. Brandon, J. Government can't avoid religion // The Guardian. – 2010. – 23 Jul.
6. Bradshaw, N. Locarno: curiouser and curiouser // The Guardian. – 2008. – 18 Aug.
7. NARS – Novihyj anglo-ruskiyj slovarj / gl. red. V.K. Myuller. – M., 2004.
8. CIDE – Cambridge International Dictionary of English / P.Procter (ed.). ? Cambridge University Press, 2001.
9. DAS – Dictionary of American Slang / H. Wentworth, S.B. Flexner. – Toronto, 1967.
10. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition / M. Rundell (ed.). – Oxford, 2002.

Статья поступила в редакцию 29.10.13

УДК 398.22

Kilmakova G.N. THE WORLDVIEW ANCIENT BASHKIRS IN THE EPICS ABOUT ANIMALS. In some examples of Bashkir epos of animals some totemic beliefs of the Bashkir ethnos are reflected where totemic ancestors are described as the ancestors of the relevant group of people and animals. They demonstrate a widespread cult of animals among the Bashkir.

Key words: epic poetry, mythology, totem, totemism, the cult of animals.

Г.Н. Кильмакова, аспирант каф. башкирской литературы и культуры Башкирского гос. педагогического университета, г. Уфа, E-mail: kilmakova@yandex.ru

КАРТИНА МИРА ДРЕВНИХ БАШКИР В ЭПОСАХ О ЖИВОТНЫХ*

В башкирских эпосах о животных отразились тотемистические верования башкир, где тотемные предки рисуются обычно прародителями соответствующих групп людей и животных. И являются доказательством широкого распространения культа животных у башкир.

Ключевые слова: эпос, мифология, тотем, тотемизм, культ животных.

В башкирской мифологии особое место занимает – тотемизм, культ животных. Тотемизм – комплекс верований, связанных с представлением о сверхъестественном родстве между определенными группами людей и тотемами — видами животных и растений. Тотемы представляли связь человека с живой природой. З.П. Соколова отмечает, что тотемизм отличается от других форм почитания животных тем, что не является формой поклонения животным в прямом смысле слова. Тотем – не божество, главное в тотемизме – вера в родство с ним [1, с. 20]. Древний человек искренне верил, что присущие ему черты характерны и для животных и считал себя состоящим в кровном родстве с ним. Наши древние предки считали, что животные, как и они сами, умеют говорить и мыслить (антропоморфизм) [2, с. 9].

Самые первые упоминания о башкирах, известные по письменным источникам, содержат в первую очередь указания на культ тотемов. Посол Багдатского халифа Ибн-Фадлан еще X веке сообщал, что башкиры поклоняются двенадцати раби-божествам, иначе говоря тотемам. Это и понятно, потому что вера в кровнородственные отношения привела в период первобытно-общинного строя к тому, что каждый род считал какое-то животное своим родоначальником.

Древние следы тотемизма сохранились в форме «звериных названий» в этнонимах башкирских родов и родовых подразделений [2; с. 9]. А.Н. Киреев указывает, что среди названий родов и их подразделений (аймаков и ара) у башкир можно встретить такие сочетания, как турна-катайцы (журавль-катайцы), беркут-катайцы, шункар-хальюты (сокол-хальюты), кузгун-катайцы (вороны-катайцы) и т.д. В юго-восточной Башкирии среди племени Бурзян, Тангаур, Усерган широко распространена легенда, согласно которой мифический волк (на языке этих пле-

мен «курт» или «корт») был предводителем башкирских племен при их переселении на Южный Урал. Эти племена почитали волка как своего тотема. На основании этих легенд некоторые историки и этнографы связывают происхождение этнонима «башкурт» с древним обычаем почитания башкир волка как своего тотема [3, с. 25]. Помимо культа волка башкиры почитали и медведя, лебедя, журавля и т.д., о чем говорят этнонимические и этногенетические легенды и предания, объясняющие происхождение башкирских родов и племен от определенных животных («От медведя», «Потомство волков») [4, с. 106-117].

Кроме этнонимических и этногенетических легенд и преданий встречаются мотивы, связанные с культом животных и в других жанрах башкирского фольклора.

В мифологических эпосах башкир присутствует образ крылатого богатырского коня Акбузата, а также быка, которые являются тотемными животными и прародителями всего скота и они изображаются как чудесные животные. Фольклорист С.А. Галин указывал на то, что некоторые мифологические образы башкирского эпоса возникли на основе почитания животных тотемов [5, с. 23]. Более того, по его мнению, эпосы, в которых они выступают в роли ведущих персонажей такие мифологические эпосы «Урал-батыр» и «Акбузат» Акбузат изображается как волшебный небесный крылатый конь-тулпар, обладающий способностью летать по воздуху и совершать чудеса, а бык владеет человеческим языком. М.М. Сагитов тоже отмечал, что в эпосе «Урал-батыр» бык также олицетворяется как тотемное животное, прародитель всего скота, приносящий изобилие башкирскому народу и являющийся их защитником [6, с. 195]. Вообще в этих эпосах животные общаются с хозяином на его языке. Например, в эпосе «Акхак кола» есть диалог

где байский сын уговаривает жеребца вернуться домой, но Акхак кола не соглашается.

Акхак кола отвечает так:

– Возвратимся, если над нами не будешь издеваться.

И байский сын обещал никогда не касаться его плетью.

Акхак кола не очень-то поверив, сказал:

– Съешь землю и поклонись!

И хозяин поклонялся, съев сырую землю [7, с. 192-193].

В башкирских народных эпосах о животных «Акхак кола», «Кара юрга», «Куныр буга» также имеются отголоски тотемистических представлений башкир. Например, в эпосе «Акхак-кола» кобылица чтобы ожеребиться отправлялась на дно озера Шульген, а потом выходила в сопровождении жеребенка. Как отмечал А.Н. Киреев, не случайно, что «родословная» Акхак кулы возводится к косяку коней, вышедших со дна озера Шульган. Акхак кола предстает в качестве представителя «благородной» породы лошадей, принесшей человеку счастье и благосостояние [8, с. 122]. В эпосе «Куныр буга» (версия М. Мирхайдарова) тоже есть образ стада, вышедшего из подводного царства. Старик дает в приданое дочери половину скота, вышедшего со дна озера Шульген. Помимо сказанного этот эпос содержит обряды, которые имеют непосредственно отношение к тотемистическим представлениям башкир. Например, в версии этого эпоса записанной А.Н. Киреевым в 1960 г. в Оренбургской области от Г. Агишева, содержится описание свадьбы, где привлекает наше внимание обряд раздачи мяса аксакалом. Он берет отдельные части баранины, раздает гостям с учетом их социального положения, возраста и пола и при этом напевает:

Голова – на зачин,

Предплюсна – на выброс,

Огузок – на еду,

Возьмешь кость – глотать (будешь),

Найдешь костный мозг – сосать (будешь),

Хрящ найдешь – грызть (будешь).

«Эта игра аксакала несколько напоминает так называемые кимляки, особый вид обрядового творчества, связанного с культом животных, который встречается у некоторых кочевых народов» [8, с. 114]. Нам импонирует такой вывод видного ученого фольклориста А.Н.Киреева. Вместе с тем трудно согласиться, что действие раздатчика он назвал «игра аксакала». На самом деле в его действиях нет ничего общего с игрой. Он совершает традиционный обряд, связанный, как он пишет «с культом животных». Аксакал мог бы, по современным меркам, дать каждому кусок мяса, и этим ограничиться. Но он все делает согласно требованиям тотемистических представлений своих предков. В-первых, он раздает мясо животного, видимо, принесенного

в жертву свадьбе. Во-вторых, он при раздаче соблюдает социальный, возрастной и половой статус гостей. В-третьих, при этом заботится о том, чтобы самая вкусная часть мяса досталась самому почетному гостю. В-четвертых, его монолог представляет собой форму стиха-кубаира. Таким образом, аксакал при раздаче мяса не играет, а совершает священный обряд. Поэтическая форма его монолога, сопровождаемая мелодией, лишь подтверждает сказанное, так как по представлениям наших древних предков им присуще магическая сила. Таким образом, весь обряд, совершаемый аксакалом, носит вполне серьезный характер и представляет собой синтез нескольких обрядовых начал. В целом в эпосе «Куныр буга» утверждается, что Куныр буга является священным животным, символом плодородия, богатства и силы. Поэтому утверждение С.А. Галина о том, что в эпосе животные вознесены чуть ли не до уровня культа нуждается в уточнении, а именно в плане усиления этой мысли [5, с. 83].

Известно, что со временем тотемистические представления ослабевают. Видимо, этим связаны образы коней типа Кара юрга – Черный иноходец, Акхак-кула и Кара ат и быка – Куныр буга. В этой связи весьма интересны высказывания этнографов А. и Ф. Илимбетовых. «...В эпосе «Кара юрга» и «Акхак-кола» образы коней по внешности напоминают божественных коней – акбузатов, харатов и каратов, но не могущественны. Однако это не тулпары – у них нет крыльев, они часто предстают в ипостаси покровителей семейно-брачных отношений («Кара юрга»), требуют внимания и заботы о себе наравне с людьми («Акхак кола»), то есть этими качествами они сближаются с конями-то-темами, первопрядками людей» [3, с. 17]. Почему так получилось, не трудно понять, если учесть отношение башкир к этому животному. Несмотря на ослабление культа животных, башкиры продолжали опозитивировать образ коня. Например, в башкирских народных песнях как «Азамат», «Сывай кашка» и т.д.

Фольклорные тексты содержат ценные сведения, касающиеся древних тотемистических воззрений башкир. Рассматривая отражение тотемистических представлений башкир в народном эпосе о животных в таких как «Куныр буга», «Акхак-кола», «Кара юрга», анализируя мифологические образы крылатого богатырского коня Акбузата, а также быка, которые являются тотемными животными можно сказать, что культ животных играл немаловажную роль в мировоззрении древних башкир.

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГНТП РБ «Республика Башкортостан: новые парадигмы общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития» в рамках научно-исследовательского проекта «Духовно-культурная жизнь народов Башкортостана: этапы и особенности развития» на 2013 г.*

Библиографический список

1. Соколова, З.П. Культ животных в религиях. – М., 1972.
2. Аккубеков, Р.Ю. Башкирские народные сказки о животных: типология и взаимосвязь с письменными источниками: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006.
3. Илимбетова, А.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир / А.Ф. Илимбетова, Ф.Ф. Илимбетов. – Уфа, 2012.
4. Башкирское народное творчество. Предания и легенды / сост. Ф.А. Надршина. – Уфа, 1987.
5. Галин, С.А. Башкирский народный эпос. – Уфа, 2004.
6. Сагитов М.М. Боронго башкорт кобайырзары. – Уфе, 1987.
7. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1987. – Т. 1. Эпос.
8. Киреев, А.Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа, 1970.

Bibliography

1. Sokolova, Z.P. Kuljt zhivotnihkh v religiyakh. – M., 1972.
2. Akkubekov, R.Yu. Bashkirskie narodnihe skazki o zhivotnihkh: tipologiya i vzaimosvyazj s pisjmennimi istochnikami: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Kazanj, 2006.
3. Ilimbetova, A.F. Kuljt zhivotnihkh v miforitualnojy tradicii bashkir / A.F. Ilimbetova, F.F. Ilimbetov. – Ufa, 2012.
4. Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. Predaniya i legendih / sost. F.A. Nadrshina. – Ufa, 1987.
5. Galin, S.A. Bashkirskij narodnihy ehpos. – Ufa, 2004.
6. Sagitov M.M. Boronfo bashkort kobayjhrzarjeh. – Ufe, 1987.
7. Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. – Ufa, 1987. – T. 1. Ehpos.
8. Kireev, A.N. Bashkirskij narodnihy geroicheskiy ehpos. – Ufa, 1970.

Статья поступила в редакцию 06.11.13

УДК 39 (395.5, 395.8, 398.3)

Myrzabylatov M.V. FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF BASHKIR EPICS. A short history of study of epic monuments of the Bashkir people is presented in the article/ A significant contribution to the research of national folklore by Bashkir scholars such as Burangulov M. Biksurin M. Umetbaev K. Margan A. Kharisov etc. Russian scholars such as I. Lepelin V. Dal is shown.

Key words: oral poetic creative work, epic, «Ural Batyr», Akbuzat, Hauban Bashkirs folklorists, the origin of Bashkirs Epic.

М.В. Мурзабулатов, канд. ист. наук, доц. каф. башкирской литературы и культуры Башкирского гос. педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, E-mail: myrzabulatov@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКИХ ЭПОСОВ*

В историческом эпосе отражаются история башкирского народа. Первыми учеными были М. Бурангулов, М. Биксурин, М. Уметбаев, К. Марган, А. Харисов. Однако, первыми исследователями башкирского эпоса были И. Лепехин, В. Даль, и другие.

Ключевые слова: Урал батыр, Акбузат, башкирский фольклор, башкирский эпос, национальность, исследователи.

Устное поэтическое творчество башкирского народа издавна привлекало внимание краеведов, исследователей. Достаточно вспомнить имя поэта, драматурга, народного сзэсна Башкортостана Мухаметши Бурангулова (1888-1966), который более ста лет назад (1910г.) от сзэснов- кураистов деревень Идрис и Малый Иткул Иткуловской волости Оренбургской губернии (ныне Баймакского района Башкортостана) записал сказание «Урал батыр», самое крупное произведение башкирского эпоса [1].

*Урал-батыр
В стародавние времена
Там, где не было ни души,
Где не ступало человеческая нога-
Что в тех краях суша есть,
Никто не знал-
С четырех сторон окруженный морем
Было место одно, говорят.
Прежде там жили, говорят,
Старик по имени Янбирде
Со старухой по имени Янбике;
Куда бы они не пошли,
Всюду путь им был открыт.
Старик и старуха
Сами не понимали, говорят,
Откуда сюда пришли,
Где остались отец и мать,
Где родная земля, не помнили они.
Первым стали жить, говорят.
Жили- жили они вдвоем,
Нажили себе двух сыновей, говорят.
Старший был Шульген,
Младший был Урал.
Они людей не видели совсем,
Жили себе вчетвером.
Хозяйство они не вели,
Посудой не обзавелись.
Тесто не месили, не вешали котла-
Так и жили они [24].*

В известной степени продолжением «Урал-батыра» является сказание «Акбузат», известное также в записи Мухаметши Бурангулова, в котором повествуется о богатырском коне Урала Акбузате и его новом хозяине Хаубане.

Акбузат

1. *Говорят, давным-давно, когда у мальчика по имени Хаубан умер отец и пропала мать, в пять-шесть лет он остался сиротой. А поскольку он был мал и справляться с тяжелой работой не мог, то жил тем, что ходил из дома в дом и со слезами выпрашивал еду, говорят.*

2. *Однажды вышел он в поле. Он радовался роднику и лужайке, словно озеру, кваканью лягушек, словно шуму свободы, дикому луку и щавелю, словно праздничному угощению. [И вот], когда он шел, услышал звуки курая * и направился в ту сторону, откуда доносились звуки; пробираясь через болота, он пошел по долине Идели *, говорят. Повстречал он, говорят, старика Тараула, который пас коров у бая Иргиза. Старый Тараул спросил Хаубана о здоровье, все ли благополучно [в его] в его краях.*

Говорят, Хаубан ему обо всем подробно рассказал, начиная от смерти отца до того, как исчезла его мать. Старик Тараул выслушал Хаубана и тяжело вздохнул: стало ему очень жалко его, говорят.

- И у меня- то жизнь тяжелая, дитя мое, но когда вижу таких, как ты, сердце особенно сильно начинает ныть, – сказал он.

Долго сидел [старик], о чем- то думал, потом, говорят, начал готовить снасти для охоты.

- Пойдем, дитя мое, к озеру, может, удастся щуку поймать, – сказал он и, взяв в одну руку петлю для ловли рыбы, а в другую – кремневое ружье, повел за собой Хаубана, говорят. По дороге старик Тараул рассказывал, говорят, Хаубану о своем житье-бытье.

- Дитя мое, жена жадная у бая, за день всего чашку кислого молока да головку курута даст; на такой пища долго не протянешь. Вот я и хожу, из кремневки птиц стреляю, петлей щук ловлю. Вечером, когда возвращаюсь, насаживаю по крючки лягушек, чтобы [ловить] сома. Если так не промышлять, трудно прожить, дитя мое, – сказал он, говорят [24].

Отдельные образы «Урал-батыра» встречаются и в эпосах «Заятуляк и Хыухылыу», «Кунгыр-буга», «Кузыкурпач и Маянхылу» [2].

В изучении фольклора своего народа еще в XIX столетии немало сделал ученый-лингвист, педагог, писатель-просветитель и фольклорист, один из лингвистов, заложивших основы башкирского литературного языка, Мирсалих Мирсалимович Биксурин (Бекчури 1819-1903). Автор учебного пособия «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана» (1859, 1869) одним из первых собрал и опубликовал на родном языке образцы башкирского фольклора [3].

Башкирский фольклор собирали и Мухаметсалим Уметбаев и Мажит Гафури. Мухаметсалим Уметбаев – первый исследователь из башкир. Им собран богатый материал о традициях, культуре, педагогике, народной медицине башкир. Главная его книга «Ядкар» (1897), в которую включены стихи, рассказы, публицистика исторические очерки, труды по лингвистике, фольклору, этнографии [4]. Классик башкирской и татарской литературы, народный поэт Башкирской АССР Мажит Гафури (1880-1934) в своих произведениях отстаивал идеи свободы, призывал народ к борьбе за переустройство жизни. Он известен также как прозаик и драматург [5].

Значительный вклад в исследование башкирского героического эпоса и литературного наследия башкир XVIII-XIX вв. внесли Кирей Мэргэн (Киреев Ахнаф 1912-1984) и Ахнаф Харисов (1914-1977).

Ахнаф Харисов впервые организовал подготовку и издание многотомных сводов башкирского фольклора. Ранний исторический фольклор не жаловали в высоких инстанциях в Москве. Появились партийные документы, в которых в пух и прах разносились народные эпосы, такие как «Идукай и Мурадым», «Кажым Тюрэя», «Эпос о богатырях». Примечательно отношение к этим документам Ахнафа Харисова. Он как-то сказал: что бы то ни было, а памятники культуры – письменные и устные – вечны и их не спрятать. Позднее он полностью доказал это в монографии «Литературное наследие башкирского народа».

Выход монографии стал жизненным подвигом башкирского ученого Харисова. Почему подвигом? Потому что испокон веков считалось, что башкирская литература появилась после Октября. Это было официальной точкой зрения. А какой-то башкир-литературовед, копаясь в архивах, книгохранилищах, обнаружил целый пласт литературы, существовавшей в прошлом на языке турки. Открылись имена авторов: Тажетдин Ялсыгулов, Абель-

маних Каргалы, Гибатулла Салихов, Шамсетдин Заки, Гали Сокрый. Многие новое добавилось к биографиям Салавата Юлаева, Мифтахетдина Акмуллы, Мухаметсалима Уметбаева, Шайхзада Бабича. Ученый раскрыл не только истоки башкирской литературы, но и показал связь с литературой других народов.

В 1961 г. из-под пера видного ученого Кирея Мэргэна вышла монография «Эпические памятники башкирского народа», в которой впервые были исследованы многие произведения башкирского эпического творчества, многие из которых раньше считались мифами или сказками. Важным открытием в области устно-поэтического творчества родного народа было и то, что Кирей Мэргэн удалось доказать «не только наличие героического эпоса в башкирском фольклоре, но и показать множество примеров его современное устное бытование...» [6].

Новым словом в изучении фольклора была книга Ахнафа Харисова «Литературное наследие башкирского народа XVIII-XIX вв.», увидевшая свет в 1965 г., в которой показано историческое развитие фольклорных жанров.

Кирэй Мэргэн и Ахнаф Харисов затрагивали вопрос о времени возникновения эпоса башкир. По мнению первого исследователя «эпос башкирского народа, как и эпос других народов, зарождается в эпоху разложения первобытнообщинного строя и достигает наиболее полного развития в период феодализма...»

Ахнаф Харисов предполагал, что башкирские героические поэмы появились до монгольского завоевания Башкирии, когда черты феодализма стали проявляться в башкирской среде [7].

Весомый вклад в изучение национальной фольклористики внесли Салават Галин [8], Мухтар Сагитов [9], Нур (Нурмухамет) Зарипов [10], Гайса Хусайнов [11], Фануза Надршина [12], Ахмет Сулейманов [13] (Подробно об изучении фольклора в Башкирской АССР [Республике Башкортостан] см: Гуманитарные науки в Башкортостане. История и современность. – Уфа, 2007).

Какими бы не значительными не были вклады башкирских краеведов, ученых, «первыми собирателями и исследователями башкирского фольклора были прогрессивные деятели русской науки и культуры, что отмечалось в работах Кирея Мэргэна, Ахнафа Харисова, Л.И. Атановой и др.» [14].

Одним из них был Иван Лепехин (1740-1802), возглавлявший в 1762-1772 гг. академическую экспедицию. В «Дневных записках путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» он описывает экспедицию 1768-1772 гг. Во второй части «Продолжения Дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1772 году» есть материалы о башкирах. В частности, о сказании «Кара Юрга». «Кара Юргу» И.Лепехин называет песней и пишет, что при ее исполнении на пиру (туе) она сопровождалась плясками [15].

Наиболее самобытным и популярным сказанием башкирской фольклористики является «Заятуляк и Хыухылу», ставшее, известным по публикациям Владимира Даля (1801-1872), которого он назвал преданием об озере Ассулы, или Ачулы.

В 1833 г. Владимир Даль приехал в Оренбург и был назначен чиновником особых поручений при военном губернаторе В.А. Перовском. Восемь лет пробыл он в Оренбурге. И за эти годы объехал многие башкирские земли и подробно описал их. «По всей Башкирии, – писал он, – можно путешествовать, столь же безопасно, как по большому Московскому шоссе. Башкиры обходительны и ласковы». В Оренбурге он написал несколько автобиографических повестей. На местном материале он написал повести «Бикей и Мауляна», «Уральский казак», «Башкирская русалка» [16].

Повести «Бикей и Мауляна» о жизни казахов. В повести «Башкирская русалка» автор затронул проблемы этногенеза и этнической истории башкир. «Откуда этот народ взялся – неизвестно, – пишет он. Вера его отныне мусульманская; язык наречия турецкого или татарского, произношение более гортанное; монгольское; лица у мужчин – что-то среднее между лицом казанского татарина и заяцкого кайсака; у женщин – между кайсачкою и самоедкою; словом, здесь, кажется, видна смесь племен: татарского и чудского... Сами башкиры говорят, что они происходят от ногаев или ногайцев, отделившись от них по убоицам» [17].

Библиографический список

1. Сказительское и литературное творчество Мухаметши Бурангулова. – Уфа, 1992.
2. Народный эпос «Кузыкурпач и Маянхылу». – Уфа, 1964.

Как уже отмечалось, сказание «Заятуляк и Хыухылу» стало известным по публикациям В.И. Даля. «Между Ачулы-кулем и Димюю кочевал в древние времена хан Самархан, один из сыновей Чингиса. У Самархана был сын Зая-Туляк. Юный князь был любимцем отца и матери своей прекрасной пленницы русской, которая плакала и тосковала по милой отчизне своей, покуда не излила тоску и грусть свою в новое существо и забылась в сыне. Зая-Туляка берегли и холили, как царского баловня и любимица; он был хорош как солнце, и не было на Диме достойней его луны. Завистливые братья Туляка, сыновья других жен Самар-хана, озлобились на баловня: «чем он лучше нас, за что его холят как зеницу ока...»

Старшие братья стали всячески вредить ему и он на своем коне скрывается от них и через семь дней и ночей оказывается на берегу озера Асылыкуль.

Однажды он услышал на берегу реки плеск. «Он увидел... среди туманов этих, как окутанная полупрозрачными тканями, плескалась дева вод, статная, гибкая, красоты непомерной... Она, не примечая Зая-Туляка, вышла на берег, села и стала расчесывать золотым гребнем дорогую косу свою, длиною в сорок маховых сажен. Зая-Туляк не смел дохнуть; наконец, когда она закинула косу свою назад, во всю длину, он кинулся со всех ног – русалка прыгнула... но Зая-Туляк: держал уже в руках своих шелковую косу и не выпускал дорогую пленницу».

Русалка стала умолять Зая-Туляка: отпусти меня! Но «Зая-Туляк не отпустил и клялся следовать за нею и на дно озера, тогда русалочка обвила его своей мягкою косою и увлекла в глубокие воды».

Под водою Зая-Туляк начинает – сохнуть. От тоски пожелтело его лицо.

– Заятуляк, что случилось с тобой? Почему ты загрустил? – спросила Хыухылу.

– Соскучился по родной земле, потому и грущу, – ответил Заятуляк [18].

Видя это, хозяин озера отпускает Зая-Туляка на землю со своей дочерью, подарив ему в качестве приданного табун лошадей. После смерти отца, Самархана народ просит Зая-Туляка стать ханом. Он возвращается в отчий дом один. Хыухылу обещает ждать его сорок дней. «Если не воротиться через сорок дней и сорок ночей, тогда ты найдешь меня, как находят алый цветок на зеленом лугу, по которому прощало войско твоего отца, Самархана, а распотанный цветок не оживет – это помни» [19].

Но он не вернулся в назначенный срок домой и застал жену мертвой. На горе Балкантау он копает могилы для двоих, переносит труп Хыухылу и закапывает себя [20].

Заметный вклад в собиране изучение эпических памятников башкир внес Л. Суходольский, опубликовавший один из вариантов «Заятуляка и Хыухылу» в Санкт-Петербурге и Уфе в 1858 г. под названием «Легенда о Туляке» [21].

Крепостной и личный секретарь прокурора Уфимской провинциальной канцелярии, губернского предводителя дворянства Николая Тимашева Тимофей Беляев познакомился с одним сэзэном и кураистом и с его записью сказания «Кузы-Курпач и Маянхылу». В 1809 г. он перевел его на русский язык, в 1812 году опубликовал в Казани отдельной книгой [22].

Есть основание полагать, что являющееся логическим продолжением «Кузы – Курпача и Маянхылу» сказание о «Зухра и Алдар» также переведено Т.Беляевым с рукописи того же сэзэна и кураиста [23].

Действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии, сотрудник – фольклорист Русского географического общества Сергей Рыбаков (1867-1921) неоднократно выезжал в Башкирию для сбора фольклорного материала и подготовил книгу «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта» [24].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГНТП РБ «Республика Башкортостан: новые парадигмы общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития» в рамках научно-исследовательского проекта «Духовно-культурная жизнь народов Башкортостана: этапы и особенности развития» на 2013 г.

3. Кононов, А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л., 1972.
4. Приметы, поверья, поговорки и изречения магометан // Справочная книга Уфимской губернии. – 1883.
5. Рамазанов, Г.З. Творчество Мажита Гафури. – Уфа, 1970.
6. Эпические памятники башкирского народа. – Уфа, 1961.
7. Харисов, А.И. Литературное наследие башкирского народа. XVIII-XIX вв. – Уфа, 1965.
8. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1954-1959. – Т. 1-2.
9. Галин, С.А. Башкирский народный эпос. – Уфа, 2004.
10. Сагитов, М.М. Башкирские сказители и их эпический репертуар / сос. тома А.С. Мирбадалеева, М.М. Сагитов, А.И. Харисов // Башкирский народный эпос. – М., 1977; Древние башкирские кубаиры. – Уфа, 1987.
11. Башкирское народное творчество: в 18 т. – Уфа, 1994.
12. Хусаинов, Гайса. Библиографический указатель. – Уфа, 1986. (Подробно о его научных трудах см.: Башкироведение. – Уфа, 2004.).
13. Надршина, Ф.А. Слово народное. – Уфа, 1983; Память народа. – Уфа, 1986; Духовные сокровища. – Уфа, 1995.
14. Творческие ступени проф. Ахмета Сулейманова: библиографический указатель. – Уфа, 2011.
15. Зарипов, Н.Т. Фольклористика // В научном поиске. – Уфа, 1982.
16. Башкирский народный эпос. – М., 1977.
17. Чванов, М.А. «Пришлите справедливого Даля!» // В.И. Даль. Повести и рассказы. – Уфа, 1981.
18. Даль, В.И. Повести и рассказы... (Здесь и далее на это издание: Асылкуль и Дема. Озеро и река в Башкортостане).
19. Башкирский народный эпос.
20. Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1989. – Т. 1.
21. Даль, В. И. Повести и рассказы.
22. Суходольский, Л. Легенды о Туляке // Оренбургские губернские ведомости. – Уфа. – 1858. – № 46.
23. Куз-Курпяч. Башкирская повесть, написанная на башкирском языке одним кураистом и переведенная на русский в долинах гор Рифейских 1809 года. – Казань, 1812.
24. Башкирский народный эпос. Рахимкулов, М.Г. Башкирская повесть «крепостного грамотея» // Любовь моя – Башкирия. – Уфа, 1985.

Bibliography

1. Skazitel'skoe i literaturnoe tvorchestvo Mukhametshi Burangulova. – Ufa, 1992.
2. Narodniy ehpos «Kuzhkurpyach i Mayankhihlu». – Ufa, 1964.
3. Kononov, A.N. Istoriya izucheniya tyurkskikh yazikov v Rossii. Dooktyabrskiy period. – L., 1972.
4. Primetih, poveriya, pogovorki i izrecheniya magometan // Spravochnaya kniga Ufimskoy gubernii. – 1883.
5. Ramazanov, G.Z. Tvorchestvo Mazhita Gafuri. – Ufa, 1970.
6. Ehpicheskie pamyatniki bashkirskogo naroda. – Ufa, 1961.
7. Kharisov, A.I. Literaturnoe nasledie bashkirskogo naroda. XVIII-XIX vv. – Ufa, 1965.
8. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. – Ufa, 1954-1959. – T. 1-2.
9. Galin, S.A. Bashkirskiy narodniy ehpos. – Ufa, 2004.
10. Sagitov, M.M. Bashkirskie skaziteli i ikh ehpicheskiy repertuar / sos. toma A.S. Mirbadaleeva, M.M. Sagitov, A.I. Kharisov // Bashkirskiy narodniy ehpos. – M., 1977; Drevnie bashkirskie kubairih. – Ufa, 1987.
11. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: v 18 t. – Ufa, 1994.
12. Khusainov, Gayisa. Bibliograficheskiy ukazatel'. – Ufa, 1986. (Podrobno o ego nauchnikh trudakh sm.: Bashkirovedenie. – Ufa, 2004.).
13. Nadrshina, F.A. Slovo narodnoe. – Ufa, 1983; Pamyat' naroda. – Ufa, 1986; Dukhovnihe sokrovitha. – Ufa, 1995.
14. Tvorcheskie stupeni prof. Akhmeta Suleymanova: bibliograficheskiy ukazatel'. – Ufa, 2011.
15. Zaripov, N.T. Foljkloristika // V nauchnom poiske. – Ufa, 1982.
16. Bashkirskiy narodniy ehpos. – M., 1977.
17. Chvanov, M.A. «Prishlite spravedlivogo Dalya!» // V.I. Dalj. Povesti i rasskazih. – Ufa, 1981.
18. Dalj, V.I. Povesti i rasskazih... (Zdesj i dalee na ehto izdanie: Asihlihlulj i Dema. Ozero i reka v Bashkortostane).
19. Bashkirskiy narodniy ehpos.
20. Bashkiriya v russkoj literature. – Ufa, 1989. – T. 1.
21. Dalj, V. I. Povesti i rasskazih.
22. Sukhodol'skiy, L. Legendih o Tulyake // Orenburgskie gubernskie vedomosti. – Ufa. – 1858. – № 46.
23. Kuz-Kurpyach. Bashkirskaya povestj, napisannaya na bashkirskom yazihke odnim kuraistom i perevedennaya na rossijskiy v dolinakh gor Rifejskikh 1809 goda. – Kazanj, 1812.
24. Bashkirskiy narodniy ehpos. Rakhimkulov, M.G. Bashkirskaya povestj «krepotnogo gramoteya» // Lyubovj moja – Bashkiriya. – Ufa, 1985.

Статья поступила в редакцию 06.11.13

УДК 39 (395.5, 395.8, 398.3)

Baiazitova R.R. THE ORIGINS OF ETHNO-ETIQUETTE OF BASHKIRIA IN «URAL-BATYR» EPIC. In this paper the «Ural-batyr» epic an ancient source that illuminates the origins of spirituality Bashkirs is analyzed. The goal is to identify the information on etiquette and the subjects related to nature worship, respect for elders and younger the recognition, ecological and ethical ideas, and the origins of gift exchange.

Key words: «Ural-batyr» epic, ethno-etiquette, good, evil, respect, younger acceptance, allegiance to oath, exchange of gifts, ban.

R.P. Баязитова, канд. ист. наук, доц. каф. башкирской литературы и культуры Башкирского гос. педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, E-mail: rosali8@mail.ru

ИСТОКИ ЭТНОЭТИКЕТА БАШКИР В ЭПОСЕ «УРАЛ-БАТЫР»*

В статье проанализирован эпос «Урал-батыр», древний источник, освещающий истоки духовности башкир, с целью выявления в нем этикетной информации, рассмотрены сюжеты, касающиеся почитания природы, уважения старших и признания младших, эколого-этических представлений, истоков дарообмена.

Ключевые слова: эпос «Урал-батыр», этноэтикет, добро, зло, уважение старших, признание младших, верность клятве, обмен дарами, запрет.

В традиционном обществе одной из форм трансляции народной культуры был фольклор. Фундаментальным жанром устно-поэтического творчества башкир является эпос. Эпическое

наследие башкирского народа отличается своим тематическим разнообразием. В эпосах нашли отражение основные вехи этнической истории, духовная и материальная культура, семей-

ный и общественный быт народа. Огромная роль в обеспечении преемственности эпических произведений, следовательно, социально одобряемых норм и стандартов поведения принадлежала сказителям. Вместе с содержанием эпоса они передавали духовные ценности, этические и эстетические идеалы изображаемого времени.

Для представления древнейших норм поведения, принятых у башкир, большое значение имеет эпос «Урал-батыр» – самое крупное и древнее произведение башкирского народа, первые записи которого были сделаны в 1910 году Мухаметшой Бурангуловым из уст сэсэнов-кураистов Габита Аргынбаева и Хамита Альмухаметова.

Башкирский эпос «Урал-батыр» в плане выявления в нем этикетной информации еще не был предметом специальных исследований, и с учетом этого мы попытались проследить отдельные нормы поведения, запечатленные в эпосе. Исследователь Э.С. Намазов считает, что особая насыщенность эпоса этикетной информацией связана, во-первых, с тем, что регуляция (установка на сохранение или, наоборот, осуждение) различных норм и правил общения сама по себе является одной из важнейших функций эпических произведений, а во-вторых, для передачи сюжетных линий [1, с. 180].

Весь сюжет эпоса «Урал-батыр» пронизан идеей борьбы добра и зла. Борьба противоположных сил, составляющая идейную основу древнетюркского и иранского мифов о первотворении, по-своему решается в рассматриваемом эпическом произведении.

Как известно, уже начиная с доклассового общества для оценки поведения, действий существовали два понятия: добро и зло. В рассматриваемом произведении «базисной моральной ценностью выступает добро, а отсюда и оценка деятельности героев определяется этим критерием» [2, с. 28]. Через призму добра вводится понятие зла. Образы отрицательных героев Шульгена и падишаха Катилы помогают, с одной стороны, увидеть негативные, требующие осуждения поступки людей, причины их появления и, с другой – дают понять, что добро всегда побеждает зло.

Добро объединяет в себе такие характеристики поведения, как почитание природы, уважение старших, признание младших, верность клятве и справедливости в поступках, способность творить добрые дела ради других.

В древнем эпическом сказании «Урал-батыр» нашли отражение эколого-этические представления башкир. В эпосе, с одной стороны, можно усмотреть антропоморфное моделирование пространства, с другой, маркировку освоенной территории на мифологическом уровне, отголоски которых наблюдаются в других эпических произведениях башкир.

Например:

*Эти горы, свет излучающие,
Из недр земли поднимающиеся, –
Пристанище рода моего,*

Страны моей опора и торжество, – такие слова услышала Тандыса, героиня башкирского эпоса «Конгур-буга», приближаясь к Уралу. Обернувшись на этот голос, она увидела батыра, ехавшего к Уралу на Акбузате, держа в руке меч и уходя головой за облака. «Наверное, это дух Урал-батыра, чтобы враг не ступил на него ногой, не грабил и не разорял народ. Оказывается, это правда», – подумала Тандыса, вспоминая рассказы предков. Удивляясь нагромождению огромных камней, каждый из которых был величиной с копну, вспоминала она слова отца: «Каждые пятьдесят-сто лет Урал-батыр накладывал один камень на другой» [3, с. 219, 215]. В башкирском Зауралье до наших дней сохранился способ сакрализации освоенного человеком пространства путем сооружения на господствующих вершинах гор так называемых караскы, отмечает исследователь З.Г. Аминов. Сооружения, сложенные из камней в виде колонн, столбов или маленьких куч и горок, достигают в высоту несколько метров [4, с. 12-13]. Подобные представления были характерны для других тюрко-монгольских народов. Например, у монгол, сакрализация освоенной местности происходила с помощью обо – куч камней, соорудившихся в честь местных духов-хозяев. Они представляли собой и первоначальное святилище, и жертву одновременно и были своего рода маркерами родовой, а позднее этнической территории [5, с. 28-29]. У теленгитов и алтайцев, в связи с почитанием божеств чер-су, особое отношение было к хозяевам гор и лесов, где шаманы проводили моления и тесно связанный с молениями культ обоо. По представле-

ниям алтайцев близ обоо можно было встретить духов в образе путника [6, с. 175]. Примеры свидетельствуют о том, что в фольклоре и древних воззрениях народов содержатся отдельные сведения об этнической территории и особенностях взаимоотношений «человек – природа». Древний башкирский эпос «Урал-батыр» доводит до своих читателей, что «бессмертие заключается не в вечной жизни отдельных людей, хотя бы и необыкновенных, а в вечности всего живого и самой природы на земле, в непрерывной смене поколений людей, в бессмертии человечества» [7, с. 32].

В эпическом сказании выведены образы пожилых людей (отца и матери Урала, старика с бородой до земли, царя Самрау, старухи и др.), которые, не навязывая своих правил, предоставляя право выбора, стремятся оберегать молодых от неверных, некрасивых поступков. Они в эпосе – символ мудрости, источник знаний о мире, регуляторы человеческих поступков, хранители этикетных норм. Выделение, возвеличение пожилых людей в особую группу имеет свои причины: «Таких категорий в различных обществах могло быть больше или меньше, однако при любых масштабах членения выделялась группа старших (но не дряхлых!) мужчин и женщин – хранителей коллективного опыта общины, а стало быть, и ее руководителей. При этом особенно большую роль играли старшие мужчины, которые в условиях как материнского, так и отцовского рода были реальными руководителями первобытных коллективов» [8, с. 89].

Без соблюдения обычая почитания старших – вертикального деления – жизнь была бы сложной, состояла бы из бесконечных ссор отцов и детей. Возраст и просветленная мудрость приближали пожилых к иному миру, старик – хранитель жизненного опыта, народных знаний и обычаев – являлся как бы живым послом умерших предков, был промежуточным звеном между живыми и мертвыми, людьми и духами [9, с. 45]. Вот почему семья или другая группа, где нет представителей старшего поколения, считается неполноценной: «*Атаһыҙы кейәу итмә, инәһеҙҙе килән итмә*» (Не сватайте тех, если у жениха нет отца, а у невестки – матери), – гласит народная мудрость.

Оказывая уважение к старшим, подрастающее поколение проявляло акт уважения и к самому себе как к потомкам предыдущих поколений, обычай уважения и почитания у башкирского народа и у других восточных народов считается показателем добропорядочности, мудрости и воспитанности, пишет К.Ш. Ахияров [10, с. 152].

Одобралось, если сын следовал заветам отца, общепринятым нормам поведения. Молодые, оказывая знаки внимания своим родителям, пожилым людям получали их благословение. Согласно поверьям, у людей, получивших родительское благословение, благодарность от пожилых людей, дальнейшая жизнь складывалась удачно. «Кто не почитает старших, того в старости не будут почитать», «Не знавший благословения, нищим бывает», – напоминает пословица. Примечательно в этом плане обращение Урала к народу перед смертью:

*«Старших умеете почитать,
Их советом не пренебрегайте,
Но тех, кто младше, не забывайте –
Вам растить их и поднимать»* [11, с. 128].

У башкир поведение старших по возрасту характеризовалось следующими особенностями. Речь у них более сдержанна, оформлена пословицами и поговорками. Им не подобает разговаривать слишком громко, особенно во время застолий, использовать в речи колкие слова и шутки, заигрывать в разговоре с молодыми. Речевой этикет людей старшего поколения менее сопряжен с мимикой и жестиком, оформлен паузами. Но используемые невербальные средства заключают в себе глубокий смысл и придают общению особый статус. Приведем пример разговора молодых с пожилым человеком из эпоса «Урал-батыр». Урал и Шульген повстречали старика с бородой до земли с посохом в руках. Братья подошли к нему, поздоровались с ним, приветствием ответил он им и стал расспрашивать обо всем и после того, как братья рассказали о себе, впал в задумчивость, по бороде провел рукой, указав на распутье дорог, начал говорить [11, с. 48].

Важно заметить, что в фольклоре башкирского народа сложился определенный образ старика-мудреца. А.Р. Абдуллин выделяет следующие представления:

- мудрец имеет вид седобородого старца с посохом в руке;
- мудрец первым обращается к молодым людям;
- мудрец, как правило, пережил сложные жизненные коллизии;

- мудрец это тот, кто осмыслил понятие «смерть»;
- речь мудреца есть «евангельская речь» [12, с. 163].

У башкир возрастная дифференциация соблюдалась и между детьми. Самый младший ребенок подчинен всем остальным, старший мог требовать оказания услуг, критиковать, у него были определенные привилегии. Например, в сказании «Урал-батыр», братья, оказавшись на распутье дорог, бросили жребий, по которому младшему следовало идти налево, старшему – направо. Шулген, не согласившись с этим выбором, напоминает Уралу про свое старшинство и отправляется левым путем [13, с. 48].

В эпосе особо подчеркивается важность долга чести, который обязывает человека поступать так, как это общепринято. Человек, отступившийся от него, теряет лицо, свое имя и будет осужден окружающими, что особенно четко проявлялось в поведении батыров, строго соблюдавших воинский этикет, суть которого – защита бессильных, слабых, борьба за справедливость, счастье, добро, умение вести честный поединок, прощать, быть снисходительным. Ю.И. Семенов пишет, что добро и зло имеют субъективную основу – интересы общества. Объективное совпадение интересов общества с интересами индивида дает основание для превращения требования общества к индивиду в его требования к самому себе. Так возникает чувство долга. Человек теперь сам стремится к тому, чего требует от него общество, он не может поступать иначе. Одновременно с чувством долга формируется чувство чести, совести, человеческого достоинства, которые образуют основу морального облика человека как общественного существа [14, с. 5-6].

Этикетные ситуации наиболее ярко показаны в тех эпизодах, когда происходит сознательное или бессознательное нарушение норм поведения. Причиной последнего могли быть или демонстрация несогласия, недовольства или незнание канонов общества. «Несоблюдение кем-либо этикетных правил – один из главных зачинов, движущий мотив эпоса. В одном случае это нарушение возрастной субординации, в другом – пространственной организации пиров (советов), в третьем – неудачная реплика. Подобные отклонения вызывают резкую реакцию, конфликт, завершающийся подчас смертью героя, отпочковкой отдельных родов от племени и т.д.» [15, с. 181]. Например, Шулген нарушил запрет отца, в царстве Катил-батши Урал не последовал обычаям той местности и т.д. В таких случаях срабатывают другие нормы поведения для разрешения сложившейся конфликтной ситуации. Это может быть выполнение каких-либо условий, поединок батыров и т.п. Для разрядки конфликтных ситуаций важна также роль посредничества. Например, когда старик Янбирде начинает бить Шульгена, нарушившего запрет и признавшего свою вину, Урал заступает за него.

*«Не потому ли, скажи, на сына
Ты замахнулся этой дубиной?
Иль на себе мы должны опять
Силу Смерти злой испытать?
Если сегодня брата убьешь,
Завтра в меня вонзишь свой нож
Если останешься одиноком,
Сделаешься стариком глубоким,
В три погибели станешь гибаться*

...

Библиографический список

1. Намазов, Э.С. «Китаб-и Дэдэм Коркут» как источник для изучения этикета огузов // *Этикет у народов Передней Азии*: сб.ст. – М., 1988.
2. Валеев, Д.Ж. История нравственного сознания башкирского народа. – Уфа, 1984.
3. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1987. – Т. I. Эпос.
4. Аминев, З.Г. Пространственно-временные представления в традиционной культуре башкир. – Уфа, 2008.
5. Жуковская, Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М., 1988.
6. Дьяконова, В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск, 2001.
7. Галин, С.А. Башкирский народный эпос. – Уфа, 2004.
8. Першиц, А. Геронтофилия – почитание старших / А. Першиц, Я. Смирнова // *Природа*. – 1986. – № 5.
9. Мухамедьянов, С.А. Этнопедагогические очерки. – Уфа, 1998.
10. Ахияров, К.Ш. Башкирская народная педагогика и воспитание подрастающего поколения. – Уфа, 1996.
11. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1987. – Т. I. Эпос.
12. Абдуллин, А.Р. Культура и символ. – Уфа, 1999.
13. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1987. – Т. I. Эпос.
14. Семенов, Ю. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // *Этнографическое обозрение*. – 1997. – № 4.
15. Намазов, Э.С. «Китаб-и Дэдэм Коркут» как источник для изучения этикета огузов // *Этикет у народов Передней Азии*: сб.ст. – М., 1988.
16. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1987. – Т. I. Эпос.
17. Карим, М. Долгое-долгое детство: повесть. – М., 1989.
18. Сураганова, З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. – Астана, 2009.
19. Арутюнов, С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989.

Не увидишь ли облик свой

В Смерти, представшей перед тобой

В миг последний гибельный свой?» [16, с. 42].

Эти слова можно понимать как предупреждение о том, что насилие влечет за собой смерть, что, раз переступив черту, во второй раз трудно будет удержаться и это приведет к одиночеству. Старшая Мать, героиня повести М. Карима «Долгое-долгое детство», также предупреждает старика, избившего своего сына: «Сейчас в его душе обиду посеешь – потом ненависть пожнешь. Нет большего несчастья, чем между отцом и сыном вражда» [17, с. 60].

В этом отрывке прослеживается также признак временного мышления. Урал напоминает отцу, что в будущем некому будет ему помочь, если он сейчас плохо поступит с сыновьями.

В эпическом сказании выведено также не менее важное для нас явление, когда, оказав добро, ставят в положение морального или материального должника. Герои «Урал-батыра» за каждую оказанную помощь сразу же предлагают дары или свои услуги: Заркум, прося о помощи, обещает подарки и раскрывает тайну дивов, Гулистан выдает замуж за Урала именно в знак благодарности, Хумай предлагает свою помощь, если Урал-батыр отыщет Айхылу, Айхылу обещает дары Уралу, если тот спасет ее от дивов – все они на добро отвечают добром. В этих эпизодах подчеркивается связующая функция дара. Подчеркивая социальный характер дара, З.К. Сураганова пишет, что во времени и пространстве он обеспечивает в качестве природной субстанции связь между людьми. Обмен дарами – это договор о признании равных прав его участников, договор о мире и сотрудничестве [18, с. 5].

Не вдаваясь в скрупулезный анализ норм поведения, которыми обзавелся «Урал-батыр» – древний источник, освещающий истоки духовности башкир, перечислим только некоторые из них. Это – взаимоотношения между представителями разных полов и возрастов, отдельные правила гостеприимства, способы приветствия, знакомства, ведения беседы, употребления в общении неречевых компонентов и т.д. Возможно, однозначно назвать их правилами этикета в привычном смысле слова нельзя, но они были зачатками этикета: «В сложных, комплексных поведенческих актах, из которых слагалась жизнь древнейших людей... еще нельзя выделить производственные, рекреационные, обрядовые, соционормативные и прочие функции. Они выступали слитно, нерасчлененно, не обрели еще самостоятельной жизни, определялись не столько традицией, сколько непосредственной реакцией на условия среды, и тем самым не могли иметь этнодифференцирующего значения. Культурные традиции были еще в зачатке» [19, с. 129].

Таким образом, корни эпоса «Урал-батыр» теряются в глубине веков, но каждая строка, каждое его слово несут в себе богатую информацию, в том числе знания, касающиеся вопросов философии, истории, этнографии. В этом заключается его ценность и значимость для башкирского народа.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГНТП РБ «Республика Башкортостан: новые парадигмы общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития» в рамках научно-исследовательского проекта «Духовно-культурная жизнь народов Башкортостана: этапы и особенности развития» на 2013 г.

Bibliography

1. Namazov, Eh.S. «Kitab-i Dehdehm Korkut» kak istochnik dlya izucheniya ehtiketa oguzov // Ehtiket u narodov Peredney Azii: sb.st. – M., 1988.
2. Valeev, D.Zh. Istoriya nrvstvennogo soznaniya bashkirskogo naroda. – Ufa, 1984.
3. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. – Ufa, 1987. – T. I. Ehpos.
4. Aminev, Z.G. Prostranstvenno-vremenniye predstavleniya v traditsionnoy kuljture bashkir. – Ufa, 2008.
5. Zhukovskaya, N.L. Kategorii i simbolika traditsionnoy kuljturih mongolov. – M., 1988.
6. Djyakovna, V.P. Altajcih (materialih po ehtnografii telengitov Gornogo Altaya). – Gorno-Altajjsk, 2001.
7. Galin, S.A. Bashkirskiy narodniyh ehpos. – Ufa, 2004.
8. Pershic, A. Gerontofiliya – pochitanie starshikh / A. Pershic, Ya. Smirnova // Priroda. – 1986. – № 5.
9. Mukhamedjanov, S.A. Ehtnopedagogicheskie ocherki. – Ufa, 1998.
10. Akhiyarov, K.Sh. Bashkirskaya narodnaya pedagogika i vospitanie podrastayuthego pokoleniya. – Ufa, 1996.
11. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. – Ufa, 1987. – T. I. Ehpos.
12. Abdullin, A.R. Kuljtura i simvol. – Ufa, 1999.
13. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. – Ufa, 1987. – T. I. Ehpos.
14. Semenov, Yu. Formih obthestvennoy voli v doklassovom obthestve: tabuitet, moralj i obihchnoe pravo // Ehtnograficheskoe obozrenie. – 1997. – № 4.
15. Namazov, Eh.S. «Kitab-i Dehdehm Korkut» kak istochnik dlya izucheniya ehtiketa oguzov // Ehtiket u narodov Peredney Azii: sb.st. – M., 1988.
16. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. – Ufa, 1987. – T. I. Ehpos.
17. Karim, M. Dolgoe-dolgoe detstvo: povestj. – M., 1989.
18. Suraganova, Z.K. Obmen darami v kazahskoy traditsionnoy kuljture. – Astana, 2009.
19. Arutyunov, S.A. Narodih i kuljturih: razvitie i vzaimodejstvie. – M., 1989.

Статья поступила в редакцию 06.11.13

УДК 820

Ryabova A.A., Zhatkin D.N. MARLOWE'S CREATIVE WORK IN LITERARY AND ART CRITICAL WORKS BY A.A. ANIKST. The article deals with the analysis of works about Christopher Marlowe's drama, written by A.A. Anikst. Deeply appreciating Marlowe's merits as Shakespeare's predecessor, who greatly influenced the development of the English drama (improving the literary form of drama, developing the conception of tragical, introducing true poetry and lyricism into drama art), Anikst didn't tend to idealize his creative work, noting the dramatist's inability to create an image of the positive character, his tendency to intentional pathos and declamation in monologues, carrying facts of individualism to extreme forms, elements of anti-Semitism in «The Jew of Malta».

Key words: A.A. Anikst, Christopher Marlowe, literary critical works, art critical works.

A.A. Рябова, канд. филол. наук, доц. ПГТА, г. Пенза, E-mail: sva00@yandex.ru;

Д.Н. Жаткин, д-р филол. наук, проф., зав. каф. ПГТА, г. Пенза, E-mail: ivb40@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КРИСТОФЕРА МАРЛО В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ТРУДАХ А.А. АНИКСТА*

В статье осуществлен анализ работ А.А. Аникста о драматургии Кристофера Марло. Высоко оценивая заслуги Марло как предшественника Шекспира, существенно повлиявшего на последующее развитие английской драмы (совершенствование художественной формы драмы, развитие концепции трагического, привнесение подлинной поэзии и лиризма в драматическое искусство), Аникст не был склонен идеализировать его творческую деятельность, отмечая неспособность драматурга создать образ положительного героя, тенденцию к нарочитой пафосности и декламационности монологов, доведение проявлений индивидуализма до крайних форм, элементы антисемитизма в «Мальтийском еврее».

Ключевые слова: А.А. Аникст, Кристофер Марло, литературоведческие работы, искусствоведческие работы.

В первом томе «Истории западноевропейского театра» под редакцией С.С. Мокульского (1956) А.А. Аникст называл Марло «наиболее даровитым» [1, с. 422] из всех предшественников Шекспира, крупнейшим, наряду с Р. Грином и Т. Кидом, представителем гуманистической народной драмы дошекспировской эпохи, отмечал влияние на его «кровавую драму» «своеобразных черт народного театра» [1, с. 403], а также древнеримской трагедии, в особенности, творчества Сенеки [см.: 1, с. 398]. Под воздействием осуществленного Кристофером Марло введения в драму белого стиха, Роберт Вильмонт переработал написанную рифмованным стихом коллективом из пяти авторов (в т. ч. и самим Р. Вильмонтом) трагедию «Любовь Гисмонды Салернской» (1567 – 1568), которая была напечатана в 1591 г. под названием «Танкред и Гисмонда» [см.: 1, с. 402]. А.А. Аникстом также отмечены влияние Марло на творчество Томаса Деккера [см.: 1, с. 482], не меньший, в сравнении с «Тамерланом Великим» Марло и «Испанской трагедией» Томаса Киды, успех шекспировского «Тита Андроника» у любителей «кровавой драмы» [см.: 1, с. 426], наличие мотивов марловских пьес в ранней комедии Джорджа Чапмена «Слепой нищий из Александрии» (1596)

[см.: 1, с. 490], единство мотива критики стяжательства в «Мальтийском еврее» Марло и позднейшей комедии Филиппа Мессинджера «Новый способ платить старые долги» (1626) [см.: 1, с. 495], близость «Трагической истории доктора Фауста» Марло и трагедии Р.Грина «Монах Бэкон и монах Бонгей» (1589), отразивших характерное для эпохи Возрождения «стремление познать тайны природы и подчинить ее посредством науки», в ту пору не отделявшейся от магии [см.: 1, с. 410]. В восприятии исследователя, Марло, наряду с Шекспиром и Беном Джонсоном, принадлежал к числу авторов, начинавших и продолживших «линию критики складывающегося буржуазного общества» [1, с. 487].

Сообщая об упоминаниях имени Марло в сохранившихся счетных книгах Филиппа Генсло, владельца одного из самых известных лондонских театров шекспировских времен [см.: 1, с. 498], А.А. Аникст подчеркнул, что пьесы Марло были написаны «приподнятым поэтическим языком, рассчитанным на декламацию» [1, с. 512], и при постановке в театре Ф. Генсло требовали от актеров произнесения проникнутых возрастающим пафосом монологов с постоянным нарастанием голоса, в итоге

переходившим в крик; тем самым стиль драматической речи (например, в «Тамерлане Великом») порождает тот стиль исполнения, что был неприемлем для многих других драматургов эпохи, в т. ч. и для Шекспира [см.: 1, с. 513]. При характеристике особенностей сцены в английском театре эпохи Шекспира исследователь отмечал, что под ней «имелся люк, через который появлялись «привидения», например тень отца Гамлета, и куда проваливались грешники, предназначенные для ада, например Фауст в трагедии Марло» [1, с. 502]. Описывая разнообразие театрального реквизита эпохи, А.А. Аникст указывал, что среди прочих предметов был даже котел, «в который падает Барабас в «Мальтийском еврее» Марло» [1, с. 505].

В числе сильных, стремящихся к господству титанических героев марловских трагедий выделялся Тамерлан, сам образ которого – «гимн человеческой энергии» [1, с. 417], возможности отбросить моральные принципы и представить в качестве единственного закона бытия собственную волю. В этом образе А.А. Аникст усматривал прочную демократическую основу, состоявшую в провозглашении «нового владыки мира», не имевшего ни титулов, ни предков, но при этом умного, могучего, честолюбивого, неукротимо жаждущего власти и способного повергнуть в прах троны и алтари: «Он не верит в судьбу и в бога, он сам своя судьба и свой бог. Он непоколебимо убежден в том, что все желаемое достижимо, надо лишь по-настоящему захотеть и добиваться этого» [1, с. 416]. Если Тамерлан представлен цельной личностью, не знающей сомнений и колебаний, живущей от триумфа к триумфу, то в образе Фауста ощущается раздвоенность этого героя, отвергающего средневековую схоластику и богословие и символизирующего своим появлением зарождение новой науки, помогающей постичь природу и открыть ее законы, достичь реальной власти над миром, но при этом не избавляющей от страха за свою «душу», за нарушение веками сложившегося порядка вещей. Марловский Фауст «находит для себя больше пользы в общении с дьяволом – Мефистофелем, чем в послушании религиозным догматам», – и в этом можно видеть позицию самого Марло, «безбожника и атеиста», восхитавшегося протестом смелых людей против многовековых предрассудков, тем мужеством, с которым переносились ими во имя достижения великой цели «гонения церкви и преследования мракобесов» [1, с. 416]. Помимо внешних обстоятельств, приведших к поражению марловского Фауста, его отречению от самого себя в финале – следование ходу событий в легенде и невозможность поставить пьесу в случае, если герой не был бы наказан за отказ от религии, – была и внутренняя причина, отражавшая двойственность того идеала свободной личности, к которому стремился Марло: ««Фауст» – самое трагическое из творений Марло, ибо здесь обнаруживается тот тупик, в который заходит человек, отвергающий в своем стремлении к свободе все нормы морали» [1, с. 419].

В «Мальтийском еврее», в отличие от ранних трагедий, возмечивавших личность, Марло выступил с критикой индивидуализма [см.: 1, с. 419], решительно отвергнув корыстолюбие и стяжательство Вараввы, представителя буржуазии эпохи первоначального накопления капитала, и впервые создал образ буржуа-хищника в английской ренессансной драме [см.: 1, с. 420]. Если в первых двух пьесах богатство являлось средством достижения власти, то в «Мальтийском еврее» оно становилось самоцелью главного героя, жестокому хищнику которого была противопоставлена позиция правителя Мальты Фарнезе, сторонника принципа «общего блага», осуждающего ростовщичество [см.: 1, с. 420 – 421]. А.А. Аникст обратил внимание на слова Вараввы, разоблачавшие «лицемерную религию христиан», плодами которой, вопреки изначальным посылам, стали «обман и злоба, гордость выше меры» [1, с. 421]. Для критики религии в целом и следствием религиозной нетерпимости в частности драматургом использовался и сюжет позднейшей трагедии «Парижская резня».

В исторической хронике «Эдуард II» А.А. Аникста привлекли насыщенность политическим содержанием, «кантимонархическая и антидворянская» направленности, проявлявшиеся в отрицании божественности королевской власти, описании произвола и насилия в государстве, противопоставлении слабавольного, изнеженного короля, подверженного чужим влияниям и использовавшего власть в целях удовлетворения собственных капризов, и энергичного, честолюбивого Мортимера, лишь притворявшегося «охранителем общественных интересов», преследуя в реальности сугубо корыстные цели: «Слабость Эдуар-

да и сила Мортимера противостоят друг другу, как две стороны эгоизма. Эпикуреец Эдуард и честолюбец Мортимер – лишь две стороны индивидуализма» [1, с. 422].

А.А. Аникст определял «анархический» индивидуализм как важнейшую черту героев Марло, провозглашавших идеи свободы, отрицавших этические устои и религию, стремившихся к господству над миром. Начав в «Тамерлане» с идеи утверждения «буржуазного индивидуализма» личности, раскрепостившейся от феодальных оков, Марло уже в «Фаусте» пришел к частично-му пониманию противоречий индивидуализма, критика которого стала основным мотивом «Мальтийского еврея». По мнению А.А. Аникста, только Фауст при всем его индивидуализме может в определенной мере характеризоваться с позитивных позиций, ибо, в отличие от Тамерлана и Вараввы, он нацелен не на власть и богатство, а на обретение могущественного знания [см.: 1, с. 422]. Те немногие положительные характеристики, что едва просматриваются Марло (жена Тамерлана Зенократа, правитель Мальты Фарнезе), не способны в полной мере противостоять героям-индивидуалистам, из чего вытекают «противоречивость и некоторая однообразность, характерные для драматургии Марло» [1, с. 422], в целом не решившей задачи «создания титанических характеров, несущих в себе положительные общественные утверждения» [1, с. 423].

Основную заслугу Марло А.А. Аникст усматривал в совершенствовании художественной формы драмы, состоявшем в создании образцов более совершенной конструкции драматического действия с отчетливым внутренним единством, развитием сюжета вокруг личности и судьбы главного героя, а также в развитии концепции трагического, изначально понимавшегося сугубо внешне, «как изображение всякого рода злодейств» («Тамерлан Великий»), а впоследствии переданного посредством внутреннего конфликта в душе героя, вызывавшего «в соответствии с пониманием трагического у Аристотеля <...>, страх и сострадание» [1, с. 423]. Также А.А. Аникст отмечал углубление «реализма» Марло, достигшего «наибольшей психологической правды» [1, с. 423] в «Эдуарде II». Чувствам титанических героев Марло в полной мере соответствовал сам стиль его описаний, характеризовавшийся патетичностью, энергией, большой эмоциональной силой, постоянным использованием гипербол, смелых сравнений и ярких метафор [см.: 1, с. 423].

В том же 1956 г. А.А. Аникстом в учебных целях была опубликована книга «История английской литературы», содержащая и раздел о Марло [см.: 2, с. 76 – 77], в основном представляющий собой сокращенное воссоздание материала, вошедшего в «Историю западноевропейского театра», и отличавшийся от него акцентировкой всего нескольких содержательных штрихов: упоминанием о введении в пролог «Мальтийского еврея» образа Макиавелли, излагавшего свою доктрину [см.: 2, с. 76], предположением о соотношении описания в «Эдуарде II» с современной для Марло исторической эпохой королевы Елизаветы, в которую широко процветал фаворитизм, и утверждением о том, что Марло в своей хронике провозглашал право на свержение монарха, не способного управлять своим государством [см.: 2, с. 76 – 77].

В статье «Современники Шекспира», предворявшей вышедшей в 1959 г. в издательстве «Искусство» первый том одноименного двухтомника пьес, А.А. Аникст утверждал, что «Тамерлан Великий» и «Трагическая история доктора Фауста», наряду с пьесами Р. Грина, «Ромео и Джульеттой» и комедиями Шекспира, характеризовали *романтическую* тональность драматургии последнего десятилетия XVI в., особенно если понимать под словом *романтический* «выражение буйного кипения сил, стремившихся к покорению мира, преобразованию действительности в соответствии с гуманистическим идеалом свободы и всестороннего развития личности» [3, с. 10], сочетавшееся с оптимистической убежденностью в достижимости идеала, причем «Марло первый почувствовал трагические противоречия эпохи, кладущие предел бунтарским стремлениям его поколения» [3, с. 10 – 11]. По наблюдению А.А. Аникста, в 1590-х гг. такие образы, как марловский Тамерлан и шекспировский Ричард III, были «окружены своего рода романтическим ореолом как могучие титанические личности» [3, с. 11], никакой задачи обличения деспотизма в то время не ставилось.

Традиционно воспринимая Марло как представителя народно-гуманистического течения в английском театре [см.: 3, с. 12], А.А. Аникст отмечал, что именно с трагедии (и, конкретнее, с «Тамерлана Великого») началось «утверждение народно-гу-

манистической драмы 1590-х годов» [3, с. 15]; первые произведения, созданные в жанре «кровавой трагедии», были впоследствии вытеснены исторической драмой, которая «представляла собой инсценировку летописей и только в отдельных случаях приближалась к трагедии («Эдуард II» Марло, «Ричард III» и «Ричард II» Шекспира)» [3, с. 16]. Исследователь видел заслугу Марло в том, что он впервые в драматургической практике «дал образцы ярко выраженных и определенных характеров» [3, с. 14], которые, обладая элементами титанизма, еще отличались очевидной односторонностью. Другой заслугой Марло было привнесение подлинной поэзии и лиризма в драматическое искусство, приведшее к тому, что «поэтическая речь стала важнейшим средством художественной выразительности драмы» [3, с. 14]. Несмотря на то, что Шекспир совершенствовал марловские принципы поэтической речи в драме, придав им подлинно драматический характер, уже у Ф. Бомонта и Дж. Флетчера, по наблюдению А.А. Аникста, имел место возврат к лирической манере Марло, у которого персонажи как бы исполняли стихотворные арии [см.: 3, с. 14]. Также А.А. Аниксту представлялось интересным возможное последующее осмысление судьбы типа стяжателя в драме Возрождения – «от Барабаса <Вараввы> у Марло – через Шейлока у Шекспира – к Вольпоне у Джонсона и Оверричу у Мессинджера», – которое позволит понять очевидную эволюцию к определенности и четкости характеристик персонажей [3, с. 23].

Представляя общую характеристику первого периода литературной деятельности Шекспира (1590 – 1594) в книге «Творчество Шекспира» (1963), А.А. Аникст отмечал несомненное влияние стиля драм Марло на «стихотворную ткань» ранних шекспировских драматических сочинений «Генрих VI» и «Ричард III», воспринявших от предшественника «немало поэтических образов, метафор, сравнений, фразеологических оборотов» [4, с. 113], а также композиционные принципы, заключавшиеся в группировке действия вокруг личности одного героя, наделенного «необыкновенной силой характера» [4, с. 114]. Вместе с тем идейная направленность драматургии Марло и Шекспира, согласно А.А. Аниксту, была все же «отнюдь не <...> тождественной»: Марло в конфликте между обществом и личностью, утверждение прав которой было доведено до крайних форм отрицания «государственных законов и нравственных норм», дерзновенно защищая человеческие права и показывая победу государственности и морали над индивидуальностью как трагедию, неприемлемое ограничение возможностей свободы; Шекспир же был противником индивидуализма и никогда не становился певцом анархического своеволия, прославляя гуманность как веру в разум и преданность высоким нравственным понятиям [см.: 4, с. 114 – 115].

В научно-популярной монографии «Шекспир» (1964), выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей» издательством «Молодая гвардия», А.А. Аникст отводил Марло важнейшую роль в преобразовании жанра трагедии, признавая, что в те годы, когда Шекспир «еще оставался никому не известным актером», Марло, будучи «человеком необыкновенного поэтического дарования», уже «произвел переворот в драматическом искусстве», приведший к существенному повышению требований к языку и стилю произведений: «Тыныне, чтобы писать драмы, надо было быть поэтом, а не просто стихотворцем-рифмачом. <...> Приходя в театр, зрители приобщались к подлинной поэзии» [5, с. 67]. Трагедии Марло, представлявшие могучее властолюбие, неукротимую жестокость, безмерное коварство, были хорошо знакомы Шекспиру: «Бурный гений, обновивший английскую драму эпохи Возрождения, много лет оставался для Шекспира образцовым мастером, у которого он учился искусству драматической поэзии <...>. Шекспир сознательно шел по путям, проторенным Марло, подражал ему так, как может подражать один гений другому: беря сходную тему, он составляет со своим образцом» [5, с. 89 – 90]. В доказательство этой мысли А.А. Аникст проводил параллели между «Тамерланом Великим» и шекспировским «Ричардом III», «Эдуардом II» и шекспировским «Ричардом II», «Мальтийским евреем» и шекспировским «Венецианским купцом». Также исследователем была высказана убежденность, что Марло и Шекспир были в той или иной степени знакомы лично: «Знали Шекспир и Марло друг друга? Несомненно. Мы не можем судить о степени их знакомства, но просто невероятно, чтобы они не сталкивались в тогдашнем маленьком мире театра, особенно если принять во внимание, что в то время состав трупп часто менялся» [5, с. 89].

По указанию А.А. Аникста, Т. Кид написал «Испанскую трагедию», вдохновившись примером Марло, и она имела такой же успех, как и «Тамерлан Великий» [см.: 5, с. 68]. На раннем этапе творчества Шекспир следовал образцам «кровавой трагедии» Т. Кида, подражая Марло «в стиле речей действующих лиц», причем если Т. Кид интересовала кровавая месть вообще, Марло привлекали трагические фигуры людей, желавших мирового господства, то Шекспир ратовал за судьбу своей страны: «Марло и Кид с упоением изображали кровавые ужасы. Шекспир не устает осуждать честолюбивые и корыстные поступки людей, ввергающих страну в кровавый хаос ради своего властолюбия» [5, с. 74].

Непосредственно Марло была посвящена статья А.А. Аникста «Трагическая история Кристофера Марло», опубликованная в феврале 1964 г. в газете «Литературная Россия», в которой акцентировался тот факт, что творчество драматурга, ломавшее «прежние нравственные и общественные нормы», не представляло зрителям изображения повседневного быта, показывая редкие и необыкновенные события, но при этом «было овеяно духом современной жизни», несло с собой «правду, подчас страшную, но всегда окрашенную <...> огнем поэзии и больших страстей» [6, с. 23]. Произведения Марло не только раскрывали могучие порывы, но и помогали осознать ограничивавшие возможности человека неразрешимые противоречия, главное из которых состояло в том, что «стремление одного человека к полной свободе оказывалось началом рабства для других людей», порождая «войну каждого против всех» [6, с. 23], отчетливо представленную в «Мальтийском еврее» и в «Парижской резне». В первом из названных произведений Марло, по мнению А.А. Аникста, «отдал <...> дань антисемитизму, этому гнусному пороку мракобесов и врагов человечности во все времена» [6, с. 23]. Марло, интересовавшийся «реальными характеристиками», не смотрел на людей «с точки зрения иллюзорной морали» и потому без труда видел в них «странное сочетание высокочеловечных стремлений, эгоизма и жестокости» [6, с. 23]. Говоря о влиянии Марло на Шекспира, А.А. Аникст предпринял попытку интерпретации реплики шута Оселка в шекспировской комедии «Как вам это понравится» («Когда твоих стихов не понимают или когда уму твоему не вторит резвое дитя – разумные это убивают тебя сильнее, чем большой счет, поданный маленькой компании») как намек на драку и убийство Марло из-за трактирного счета [см.: 6, с. 23].

В персональной статье на страницах «Театральной энциклопедии» Марло характеризовался А.А. Аникстом как «певец ренессансного гуманизма», поднявший английскую трагедию «до больших художественных и идейно-философских высот», введший в нее «приемы классической риторики», наполнивший речь персонажей яркими поэтическими образами, придавший «большую естественность диалогу и монологам», показавший огромные потенциальные силы человека [см.: 7, стлб. 709].

Размышляя в книге «Театр эпохи Шекспира» (1965) об отражении в английском театре социально-политических и духовных процессов – разрушении средневековых верований в связи с научными открытиями, возрождением античной философии, развитии вольнодумства, – А.А. Аникст приводил в пример «Трагическую историю доктора Фауста» Марло [см.: 8, с. 19]. Вместе с тем в Англии конца XVI в. были запрещены открытые высказывания против религии и церкви, что вынуждало «атеиста» и «вольнодумца» Марло в концовке пьесы все же отправить Фауста в ад [см.: 8, с. 61].

Марловские трагедии «Трагическая история доктора Фауста», «Тамерлан Великий» и «Мальтийский еврей» были отнесены А.А. Аникстом к числу пьес-долгожителей на английской сцене [см.: 8, с. 97]. При описании устройства театра исследователь размышлял о роли сценического пространства, закрытого занавесками, и приводил пример из второй части «Тамерлана Великого» (II, 3): «...занавес раскрывается и видна Зенократа, лежащая на королевском ложе, рядом сидит Тамерлан, три врача, приготавливающие лекарства...» [см.: 8, с. 120]; при описании рекувизита в театре Филиппа Генсло внимание привлекали «адская ласть» (голова чудовища с разверстой пастью и разведенным внутри огнем), куда дьявол затаскивал Фауста, котел, в кипящей смоле которого хотел утопить своих врагов Варавва, но в итоге попал туда сам, уздечка (упряжка), которую Тамерлан одевал на трех побежденных им царей, заставляя везти себя в колеснице [см.: 8, с. 140], а также «искусственная голова», использование которой было показано на примере позднего ва-

рианта марловского «Фауста» (1616), в котором Беневолио отсек голову Фаусту, тот падал, а затем поднимался как ни в чем не бывало: «Входит Фауст с фальшивой головой» [8, с. 145]. Характеризуя требования к актерам театра эпохи Шекспира, А.А. Аникст отмечал, что многие пьесы (в т.ч. и произведения Марло), полные патетики и риторической приподнятости, отличались поэтической возвышенностью и требовали от актера декламационных способностей, ораторского мастерства. Вслед за Марло, чей Тамерлан, в частности, «не столько выражал свои чувства, сколько произносил декларацию о своей мощи» [8, с. 194], и Шекспир в ранних произведениях («Генрих VI», «Ричард III») строил свои монологи по тому же принципу, вместе с тем усиливая поэтическую выразительность слова и обогащая речь героев многообразием интонаций [см.: 8, с. 194-195].

В книге «Теория драмы от Аристотеля до Лессинга» (1967) А.А. Аникст оценивал период с появления «Тамерлана Великого» Марло в 1587 г. до закрытия театров пуританским парламентом в 1642 г. как время мощного развития английской драмы, связанное с деятельностью «университетских умов» (Марло, Р. Грина, Дж. Лилли, Т. Кида, Р. Пилля) и Шекспира, опиравшейся в своих истоках на традиции народного театра [см.: 9, с. 182 – 183, с. 186]. Этот период, на взгляд исследователя, не был однородным в силу изменения характера театральной культуры: «Если во времена Марло и Шекспира характер драматургии определял народный зритель, то в 20-е и 30-е годы законодателями вкусов становятся дворянские и придворные круги» [9, с. 183]. Эволюция была очевидна и в рамках первого этапа, когда «внешний трагизм ранних ренессансных трагедий Марло и Кида» [9,

с. 182] был сменен «глубокими социально-философскими мотивами в трагедиях Шекспира» [9, с. 182-183].

В одной из своих последних работ – книге «Трагедия Шекспира «Гамлет». Литературный комментарий» (1986) – А.А. Аникст, рассуждая о генезисе трагедии и ее месте в творчестве Шекспира, обозначил в качестве вехи начала расцвета английской драматургии конец 1580-х гг., связав ее с появлением плеяды «университетских умов» и выделив из числа других пьес «Тамерлана Великого» Марло и «Испанскую трагедию» Томаса Кида: «Первая положила начало кровавой драме, вторая – жанру трагедий мести» [10, с. 20].

Как видим, представления А.А. Аникста о драматургии Марло, отчетливо выраженные в его работах 1950-х гг., получили развитие в публикациях последующих лет в плане уточнения отдельных трактовок, нюансов описания. Высоко оценивая заслуги Марло как предшественника Шекспира, существенно повлиявшего на последующее развитие английской драмы, исследователь вместе с тем не был склонен к идеализации его творческой деятельности, отмечая, в числе прочего, неспособность Марло создать образ положительного героя, тенденцию к нарочитой пафосности и декламационности монологов, доведение проявлений индивидуализма до крайних форм, наконец, элементы антисемитизма в «Мальтийском еврее».

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

Библиографический список

1. Аникст, А.А. Английский театр // История западноевропейского театра: в 8 т. / под общ. ред. С.С. Мокульского. – М., 1956. – Т. 1.
2. Аникст, А.А. История английской литературы. – М., 1956.
3. Аникст, А.А. Современники Шекспира // Современники Шекспира: сб. пьес: в 2 т. – М., 1959. – Т. I.
4. Аникст, А.А. Творчество Шекспира. – М., 1963.
5. Аникст, А.А. Шекспир. – М., 1964.
6. Аникст, А.А. Трагическая история Кристофера Марло // Литературная Россия. – 1964. – 7 февр. (№6 (58)).
7. А.А. <Аникст, А.А.>. Марло // Театральная энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. П.А. Марков. – М., 1964. – Т. III. Кетчер – Нежданова. – Стлб. 709.
8. Аникст, А.А. Театр эпохи Шекспира. – М., 1965.
9. Аникст, А.А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. – М., 1967.
10. Аникст, А.А. Трагедия Шекспира «Гамлет». Литературный комментарий: книга для учителя. – М., 1986.

Bibliography

1. Anikst, A.A. Anglijskiy teatr // Istorija zapadnoevropejskogo teatra: v 8 t. / pod obsh. red. S.S. Mokujskogo. – M., 1956. – T. 1.
2. Anikst, A.A. Istorija anglijskoj literaturih. – M., 1956.
3. Anikst, A.A. Sovremenniki Shekspira // Sovremenniki Shekspira: sb. pjes: v 2 t. – M., 1959. – T. I.
4. Anikst, A.A. Tvorchestvo Shekspira. – M., 1963.
5. Anikst, A.A. Shekspir. – M., 1964.
6. Anikst, A.A. Tragicheskaya istoriya Kristofera Marlo // Literaturnaya Rossiya. – 1964. – 7 fevr. (№6 (58)).
7. A.A. <Anikst, A.A.>. Marlo // Teatraljnaya ehnciklopediya: v 5 t. / gl. red. P.A. Markov. – M., 1964. – T. III. Ketcher – Nezhdanova. – Stlb. 709.
8. Anikst, A.A. Teatr ehpokhi Shekspira. – M., 1965.
9. Anikst, A.A. Teoriya dramih ot Aristotelya do Lessinga. – M., 1967.
10. Anikst, A.A. Tragediya Shekspira «Gamlet». Literaturnihy kommentarij: kniga dlya uchitelya. – M., 1986.

Статья поступила в редакцию 06.11.13

УДК 41-07=943.84+413=943.84

Suvandii N.D. CURRENT STATUS OF STUDY ONOMASTICS OF TUVAN LANGUAGE. This paper analyzes the current status of onomastics study of the Tuvan language which it was begun by N.F. Katanov in his capital work 'An experience of study of the Uryankhai language with the description of its most important kindred relationship to other languages of the Turkic root'. At the present time toponymical and anthroponomical systems of the Tuvan language were analyzed deeply.

Key words: personal names, Tuvan toponyms, anthroponomical system, lexical-semantic group, name, adverb.

Н.Д. Сувандии, канд. филол. наук, доц., зав. каф. тувинской филологии и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Тувинский гос. университет», г. Кызыл, E-mail:suvandiin@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируется современное состояние изучения ономастики тувинского языка, начало которого положил Н.Ф. Катанов в своем капитальном труде «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня». В настоящее время наиболее глубоко-му анализу подверглись топонимическая и антропонимическая системы тувинского языка.

Ключевые слова: собственные имена, тувинские топонимы, антропонимическая система, лексико-семантические группы, имя, наречение.

Личные имена являются одним из важнейших памятников культуры каждого народа. В ономастике тувинского языка отражается вся его многовековая история: природные условия, материальная и духовная культура.

Начало изучения собственных имен положил Н.Ф. Катанов в XIX веке в своем капитальном труде «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня», вышедшем в 1903 году. В работе дан перечень 175 тувинских собственных имен, среди которых 140 мужских и 35 женских [1]. Дальнейшее изучение ономастики началось в 60-х годах XX столетия: З.Б. Чадамба [2], С.И. Вайнштейн [3], Б.И. Татаринцев [4, 5] и др. В статье З.Б. Чадамба «Тувинские имена» впервые даны сведения о современных личных именах тувинцев, об их семантике, структуре и происхождении. Автором также затронуты вопросы об обычаях имянаречения [2]. С.И. Вайнштейн опубликовал статью «Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев» о личных именах и прозвищах тувинцев, об обычаях и традициях имянаречения. В данной работе рассматривается вопрос об именах, попавших в тувинскую антропонимическую систему под влиянием буддийской религии [3].

В исследованиях Б.И. Татаринцева описаны особенности топонимии Северо-Восточной Тувы [4], отдельно им рассматривается вопрос о топонимии бассейна реки Каа-Хем [5].

Топонимы подверглись наиболее глубокому анализу на современном этапе: вышли в свет 2 выпуска «Топонимического словаря Тувы» [6; 7], две монографии [8; 9].

В «Топонимическом словаре Тувы» собрано и проанализировано более 3 тысяч топонимов Тувы [6], а второе издание словаря было дополнено и переработано автором [7]. В монографии «Тувинская топонимия (сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий)» Ондар Б.К. подводит обобщение результатов многолетнего исследования топонимии тувинского языка. Основными источниками тувинской топонимии автор считает древнетюркские рунические надписи, китайско-монгольские летописи [8]. Ондар Б. также описывает три группы аппелятивов: геоморфологические термины, характеризующие формы и типы рельефа; гидронимические термины, почвоведческие термины [8, с. 49]. По словообразовательному анализу тувинские топонимы, по мнению автора, подразделяются на две группы: простые и сложные, как и в других тюркских языках [8].

В монографии «Русская топонимия Тувы» [9] автор исследует историю появления топонимов русского происхождения, выявляет в них аппелятивы, дает лексико-семантическую классификацию и структурно-словообразовательные типы русских названий в Туве.

Изучив тувинскую топонимию в целом, автор пришел к выводу, что образование современной тувинской топонимической системы тесно связано с историческими событиями, формированием тувинского народа и его языка.

По антропонимической системе тувинского языка вышла в свет монография автора данной статьи «Тувинская антропонимия» [10], в которой подробно выявлены лексико-семантические группы, структурные типы личных имен тувинского языка, их происхождение. Особое внимание автором уделено обычаям и традициям имянаречения.

На основе материалов монографий можно говорить об общетюркских и отличительных особенностях, связанных с обычаями и традициями тувинцев.

Следует отметить, что основные лексико-семантические группы и структурные типы личных имен тувинского языка в основном совпадают с другими тюркскими языками. Почти во всех тюркских языках имеются топонимы и антропонимы, связанные с цветовыми характеристиками местности или новорожденного, например, *Ак-Даш* – название местности; *букв.* 'белый камень', от слов *ак* белый, чистый, *даш* камень; алт. *таш* камень; *горá*, название местности с белым камнем [7, с. 90]; *Ак-оол* – мужское имя; *букв.* 'белый парень', от *ак* белый, светлый, *оол* парень, имя дано новорожденной со светлой внешностью [10, с. 26]; *Ахоол (хак)* – 'белый парень' [11, с. 18] и т.д.

Но имеются и отличия в ономастике тувинского языка от других тюркских, в частности, в антропонимической системе. Одним из отличительных особенностей тувинской антропонимии современного периода следует считать изменения в обычаях имянаречения.

По своей структуре топонимы и антропонимы тувинского языка не отличаются от личных имен других тюркских языков: простые, состоящие из одного компонента и сложные, состоящие из двух и более компонентов, например, к простым относятся *Дээрбе* – местность от слова *дээрбе* 'мельница' [7, с. 212]; *Билзек* – женское имя от слова *билзек* 'кольцо'; к сложным: *Кош-Тей* – местность от слов *кош* 'парный, спаренный, сдвоенный, и *тей* 'сопка, холмик'; *букв. парный холмик* [7, с. 255]; *Ай-Кат* – женское имя, образованное от слов *ай* 'луна, лунный и *кат* 'ягода', *букв.* 'лунная ягода' [10, с. 57.] и т.д. Данные типы характерны для всех групп и подгрупп тюркских языков: булгарских, огузских, кыпчакских, карлукских, уйгурских и киргизо-кыпчакских [12, с. 52].

Наречение именем – это непрерывный творческий процесс, изменяющийся в результате воздействия историко-этнографических, лингвистических, религиозных и других факторов.

Раньше в старой Туве при наречении ребенка родители устраивали *дой* (пир), на который в основном приглашали старших родственников и близких друзей семьи. На празднике обязательно резали барана, угощали мясом, тувинской *аракой* (молочным вином), молочными продуктами. Имя давал самый почетный из всех гостей, и носитель имени всю жизнь благодарил его, считая его близким родственником. В это время давались охраняемые имена, как *Быжынды /м/* – 'обрезок материи или или лоскуток, *Ылгаңнаар /ж/* – 'ноющая, хнычущая, *Чүдек, Чүдек-оол/м/* – некрасивый и т.д.

После вхождения Тувы в состав России новорожденным давались интернациональные имена, в основном посвященные каким-нибудь знаменитым людям, например, давали имя врача, принимавшего роды, например, *Вера*, или имя политического деятеля: *Мааркыс* от имени *Карла Маркса*, артиста, как *Радж* и т.д. (причем с фонетическими изменениями).

В 80-90-х гг. XX века стал возвращаться выше описанный обычай имянаречения, но с некоторыми изменениями. На праздник имянаречения приглашали не только родственников, но и своих друзей, причем все они приходили с заранее приготовленными именами. Родители могли выбрать из них понравившееся им имя. Иногда родители предлагали гостям написать имена на бумаге и тянули жребий. Данное время отличается от прежних тем, что нарекали детей в основном общетюркскими или исконно тувинскими именами: *Аяс /м/*, *Аясмаа /ж/* – 'ясный, яснай, *Алдынай /ж/* – 'золотая луна, *Чаяан /м/*, *Чаяана /ж/* – 'судьба, доля и т.п.

В настоящее время, начиная с 90-х гг. XX столетия, после выписки новорожденного из родильного дома большинство родителей идут в храмы и просят совета у лам (монахов), причем имена выбираются исходя из характера дня рождения ребенка. Имена могут быть как монгольско-тибетского, так и общетюркского или исконно-тувинского происхождения: *Бадма /м, ж/* – 'потоц', *Карма /м/* – 'звезда', *Аяс /м/*, *Аясмаа /ж/* – 'ясный, яснай', *Чыжыргана /м, ж/* – 'облепиха', *Менги /м, ж/* – 'ледник и т.д. Реже нарекают интернациональными именами.

В последнее время в имянаречении стали часто употребляться имена-посвящения бабушкам, дедушкам, что не характерно для тувинских обычаев, например, *Намчыл /м/* – имя-посвящение, данное в честь дедушки, *Өнермаа /ж/* – имя-посвящение, данное в честь бабушки и т.д.

Следует отметить, что в обычаях имянаречения немало творческого подхода, отличающего тувинский язык от других тюркских, в частности, значительная часть имен в настоящее время дается самими родителями, что для тувинцев является относительно новой традицией.

Таким образом, система личных имен тувинского языка, как и всякая другая система, сложилась исторически, отражая общие и отличительные особенности обычаев и традиций народа.

В целом, исходя из исследований по ономастике тувинского языка в настоящее время, следует сделать вывод, что в тувинском языке назрела необходимость дальнейшего изучения других групп ономастики, в частности, зоонимов, фитонимов, теонимов и др.

Библиографический список

1. Катанов, Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903.
2. Чадамба, З.Б. Тувинские имена // Справочник личных имен народов РСФСР. – М., 1965.
3. Вайнштейн, С.И. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика. – М., 1969.
4. Татаринцев, Б.И. Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1973.
5. Татаринцев, Б.И. О топонимии бассейна реки Каа-Хем // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. – Кызыл, 1977.
6. Ондар, Б.К. Топонимический словарь Тувы. – Кызыл, 2004.
7. Ондар, Б.К. Топонимический словарь Тувы. – Кызыл, 2007.
8. Ондар, Б.К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. – Кызыл, 2008.
9. Ондар, Б.К. Русская топонимия Тувы. – Кызыл, 2011.
10. Сувандии, Н.Д. Тувинская антропонимия. – Кызыл, 2011.
11. Бутанаев, Я.К. Личные имена хакасов. – Абакан, 1993.
12. Джанузак, Т.Д. Основные проблемы ономастики казахского языка: автореф. дис. докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1976.

Bibliography

1. Katanov, N.F. Opiht issledovaniya uryankhayjskogo yazihka s ukazaniem glavneyshikh rodstvennikh otnosheniy ego k drugim yazihkam tyurkskogo kornya. – Kazanj, 1903.
2. Chadamba, Z.B. Tuvinskie imena // Spravochnik lichnikh imen narodov RSFSR. – M., 1965.
3. Vajnshteyjn, S.I. Lichnihe imena, terminih rodstva i prozvitha u tuvincev // Onomastika. – M., 1969.
4. Tatarincev, B.I. Ob osobennostyakh toponimii Severo-Vostochnoy Tuvih // Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazihkov. – Tomsk, 1973.
5. Tatarincev, B.I. O toponimii bassejna reki Kaa-Khem // Tuvinskiy yazihk i literatura v posleoktyabrjskiy period. – Kihzihl, 1977.
6. Ondar, B.K. Toponimicheskij slovarj Tuvih. – Kihzihl, 2004.
7. Ondar, B.K. Toponimicheskij slovarj Tuvih. – Kihzihl, 2007.
8. Ondar, B.K. Tuvinskaya toponimiya. Sopostaviteljniyh analiz toponimii Tuvih s toponimiej Yuzhnoy Sibiri i drugikh tyurkoyazichnikh territorij. – Kihzihl, 2008.
9. Ondar, B.K. Russkaya toponimiya Tuvih. – Kihzihl, 2011.
10. Suvandii, N.D. Tuvinskaya antroponimiya. – Kihzihl, 2011.
11. Butanaev, Ya.K. Lichnihe imena khakasov. – Abakan, 1993.
12. Dzhanzuzakov, T.D. Osnovnihe problemih onomastiki kazakhskogo yazihka: avtoref. dis. dokt. filol. nauk. – Alma-Ata, 1976.

Статья поступила в редакцию 08.11.13

УДК 81.119

Tikhonenko M.A., Narykova N.A. **TERM IN THE COGNITIVE DISCURSIVE PARADIGM.** In the following article the cognitive approach of terminological researches is observed. The question of a terminological definition is mentioned, scientific sphere and special communication term belonging is substantiated, features of the term, allowing to consider it within cognitive and discursive paradigm as a language sign are characterized.

Key words: term, terminology, terminological researches, cognitive approach, science language, terminological definition, cognitive discursive paradigm

M.A. Tikhonenko, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com; N.A. Narykova преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: namata@rambler.ru

ТЕРМИН В СВЕТЕ ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

В данной статье рассматривается когнитивное направление терминологических исследований. Затрагивается вопрос о терминологической дефиниции, обосновывается принадлежность термина к сфере научной, специальной коммуникации, характеризуются особенности термина, позволяющие рассматривать его в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как языковой знак.

Ключевые слова: термин, терминология, терминологические исследования, когнитивный подход, язык науки, терминологическая дефиниция, когнитивно-дискурсивная парадигма.

В современной социально-функциональной панораме национального языка выделяется литературный язык на основании его нормированности и сознательного регулирования. Особый ярус национального языка составляет язык науки, который действует по собственным законам, обладает специфическими понятийно-концептуальными и структурно-стилистическими параметрами и закономерностями их актуализации.

Исследуя степень осмысления, генерализованности и правомерности когнитивного подхода при анализе языковых фактов, Н.А. Кобрин отмечает, что «сложность языка, его многоаспектность, ярусность с возможными уровневными модификациями, вариативность функций и значений, стилистических вариантов в лингвистике обычно объясняется подвижностью и разнообразием ментальной деятельности человека, которая заложена ... в формировании системного устройства языка (то есть в самой когнитивной его основе) ...» [1, с. 5].

Когнитивный подход к терминологии активно развивается в последние годы. Новое, когнитивное направление терминологи-

ческих исследований, исходит из необходимости учета как прототипической категоризации концептов, реализованной в «наивной» языковой картине мира (что составляет требование «новой парадигмы» терминоведения), так и актуализации термина как знака «интеллектуально зрелого» и ясно очерченного понятия в сфере специальной коммуникации (что, в основном, было предметом исследования «старой парадигмы» терминологической теории и, особенно, нормативного терминоведения) [2, с. 45].

В связи с тем, что язык относится к когнитивным структурам, призванным объяснить процессы усвоения, переработки и передачи знания, одной из задач когнитивной лингвистики является изучение природы и типов взаимодействия знаний, используемых в процессе языковой коммуникации. Значение слова рассматривается уже не просто как сеть внутренних отношений тех или иных элементов в языке, а в связи с процессом познания мира, с мыслительной деятельностью человека и с его познавательными возможностями [3, с. 140].

Основной единицей языка науки является термин, который выступает его специфической репрезентацией, а совокупность всех концептуально-терминологических репрезентаций формирует концептуальную модель научной картины мира.

К изучению и пониманию природы термина ученые обратились давно, и на каждом новом этапе развития лингвистики освещаются новые аспекты этого важнейшего понятия языка науки. Тем не менее, одним из трудных и неоднозначных по своему решению в современной лингвистике является вопрос о дефинировании термина, о выработке такой модели его представления, которая позволит совместить различные аспекты при его исследовании.

Понятие «термин» неразрывно связано с понятийной сферой, отражающей реалии научного сознания. В связи с этим термин является составной частью специфического пласта средств языка науки, обладая признаками и качествами доступности для образования и осмысления только для представителей научного сообщества, связанных с процессами анализа, синтеза и исследования особой информацией.

Многоаспектность изучения термина связана с его статусом единицы области знания. В исследованиях прошлых лет толкование основных сущностных характеристик термина сводилось к трактовке его как языкового знака в самых разных тематических областях. На современном этапе ученые видят новые перспективы в определении и изучении термина, а именно – «в объяснении тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [4, с. 9].

Этот подход к исследованию термина является более сложным, так как в языковом знаке взаимодействуют следующие типы сущностей:

- категории действительного мира;
- мыслительные категории;
- прагматические факторы;
- отношения между языковыми знаками в системе [5, с. 50].

Термин, по мнению, М.В. Володиной, являет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, зафиксированное в концептуальном представлении носителей конкретного языка и введенное в их языковое сознание. Исследовательница подчеркивает: «... термины, с помощью которых общаются специалисты конкретной отрасли знания, посвященные в специфику предмета и потому не нуждающиеся в терминологических дефинициях, являются своего рода фреймами. Это особые когнитивные структуры, требующие соответствующего поведения, продиктованного конкретными знаниями... Показательно, что слово «термин» (от лат. *terminus* – «граница», «предел») и «фрейм» (от лат. *frame* – «рамка») семантически манифестируют принципиально важное понятие ограничения. Имеется в виду ограничение области специального знания, т.е. референтной области, ограничение участников специальной коммуникации, и, наконец, ограничение или отбор языковых средств, необходимых для оптимизации общения в соответствующей специальной области» [5, с. 31].

И именно поэтому уровень отграниченности термина от общелитературной сферы является одним из определяющих.

Термин обладает сложной семантической структурой и является самостоятельной единицей специальной номинации. На основании обобщения и анализа имеющихся точек зрения мы выделяем следующие особенности термина:

- 1) системность, то есть определенное место в терминологической системе;
- 2) наличие дефиниции (у большинства терминов), причём производящее слово (база) обычно входит в состав терминопарафразы, являющейся частью (компонентом) дефиниции;
- 3) тенденцию к моносемичности в пределах своего терминологического поля, то есть терминологии данной науки, дисциплины или научной школы;
- 4) семантическую (понятийную) целостность;
- 5) отсутствие экспрессии;
- 6) стилистическую нейтральность;
- 7) наличие информативности.

Библиографический список

1. Кобрин, Н.А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4.
2. Лейчик В.М. Российское терминоведение: опыт синтеза «старой» и «новой» парадигмы / В.М. Лейчик, С.Д. Шелов // Научно-техническая терминология. – М., 2004. – Вып. 1.

При разработке концепции термина прежде всего надо учитывать особенности термина как специфической материальной сущности понятия, которое она репрезентирует. В термине кодируется процесс формирования понятия, который затем расшифровывается в терминологической дефиниции, что дает возможность выделить такую особую функцию термина, как функцию кодификации.

Учение о термине тесно связано с семиотикой, так как термин является в специальном научном контексте не просто словом (с точки зрения грамматики), а единицей специализированной знаковой системы, которая выполняет бинарную функцию: функцию номинации и функцию «кодирования» номинируемого научного понятия. Для реализации этих функций необходим специальный набор деривационных средств, с помощью которых продуцируются такие кодовые знаки – специализированные форманты.

Т.В. Дроздова рассматривает в качестве терминов номинативные знаки, которые входят в систему национального языка или в его подсистему – подязык науки и техники. Они создаются как единицы этой системы, на базе ее инвентаря и по законам последней; они представляют собой имена конкретных или абстрактных сущностей, объективирующих определенные ментальные категории. Из этого следует, что термин выполняет функцию, присущую любому номинативному знаку, – функцию передачи (кодирования) информации, в том числе и научной, об объекте / референте через единство формы и содержания знака [6, с. 78].

Кроме того, термин является единицей речи и функционирует в сфере научной, специальной коммуникации. Тем не менее он может использоваться и в других типах дискурса, представляя ту часть содержания ментальной единицы, которая фиксирует результат научного познания, что позволяет рассматривать термин в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как языковой знак, содержащий в своем значении научное знание о референте, существующий в рамках определенной терминологии, употребляющийся в различных типах дискурса, но полностью реализующий свою функцию лишь при употреблении в соответствующем (научном или техническом) контексте в совокупности с другими единицами (в первую очередь – терминологическими), реферирующими к одной и той же предметной области [6, с. 79].

Таким образом, в настоящее время результаты исследования специфики термина позволяют представить его как двустороннюю лингвокогнитивную единицу, как средство научной коммуникации. Л.Ю. Буйнова отмечает, что термин – это «уникальный когнитивно-кодовый языковой феномен, осуществляющий в человеческом сознании и пространстве научной коммуникации следующие функции:

- 1) когнитивно-гносеологическую;
- 2) коммуникативно-репрезентативную;
- 3) информационно-эвристическую;
- 4) номинативно-деривационную;
- 5) прагматико-метаязыковую;
- 6) конструктивно-аккумулятивную;
- 7) диагностико-прогностическую;
- 8) познавательную-систематизирующую;
- 9) концептуально-моделирующую.

Данная функциональная амплитуда термина ... определяется функционально-коммуникативной спецификой его глобальной сферы генезиса и функционирования – языка науки, который можно интерпретировать как системно организованную, многоуровневую лингвокогнитивную целостность и одновременно как специфическую реализацию особого способа коммуникации» [7, с. 167].

Таким образом, знания человека формируют концепцию информационно-научной картины мира и в целом представляют системно организованную совокупность понятий и отношений между ними. Концепции научной картины мира соответствует языковая модель бытия, а понятия в языке выражаются с помощью терминов.

3. Гвишиани, Н.Б. Рец. на кн.: Understanding the lexicon. Meaning, sense and world knowledge in lexical semantics // Вопросы языкознания. – М., 1991. – Вып. 5.
4. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Рос. Академия наук. Институт языкознания. – М., 2004.
5. Володина, М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). – М., 2000.
6. Дроздова, Т.В. Проблемы понимания научного текста. – Астрахань, 2003.
7. Буянова, Л.Ю. Термин как единица логоса. – Краснодар, 2002.

Bibliography

1. Kobrina, N.A. Istoricheskie predposilki k stanovleniyu kognitivnogo napravleniya v lingvistike // Voprosih kognitivnoy lingvistiki. – 2009. – № 4.
2. Leychik V.M. Rossiyskoe terminovedenie: opiht sinteza «staroy» i «novoy» paradigmatih / V.M. Leychik, S.D. Shelov // Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya. – М., 2004. – Vihp. 1.
3. Gvishiani, N.B. Rec. na kn.: Understanding the lexicon. Meaning, sense and world knowledge in lexical semantics // Voprosih yazihkoznaniya. – М., 1991. – Vihp. 5.
4. Kubryakova, E.S. Yazihk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazihke. Chasti rechi s kognitivnoy toчки zreniya. Rolj yazihka v poznaniі mira. – Ros. Akademiya nauk. Institut yazihkoznaniya. – М., 2004.
5. Volodina, M.N. Kognitivno-informacionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoy informacii). – М., 2000.
6. Drozdova, T.V. Problemih ponimaniya nauchnogo teksta. – Astrakhanj, 2003.
7. Buyanova, L.Yu. Termin kak edinica logosa. – Krasnodar, 2002.

Статья поступила в редакцию 08.11.13

УДК 82.091

Blinova E.O. «RUSSIAN MONK» BY DOSTOEVSKY AS A METALITERARY PHENOMENON: FICTION OR THEOLOGY? The article deals with the controversy of the representatives of the pre-revolutionary Orthodox clergy and church intellectuals concerning those images in Dostoyevsky's novel «The Brothers Karamazov», which are the ideal of art adaptation of the Orthodox sanctity, or more precisely, the monasticism. The evaluation of the characters is represented by two different factors: the dogmatic purity of the Orthodox Faith expressed through the characters of the novel, and their art truth. The results of the analysis justify the introduction of «art theology» to the terminological apparatus as a literary concept, the use of which is postulated by the necessity of an adequate perception of the phenomenon of holiness in a literary text.

Key words: F. Dostoevsky, K. Leontiev, «The Brothers Karamazov», metaliterary phenomenon, art image, psychologism, art theology, orthodox dogmatics.

E.O. Блинова, соискатель ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, E-mail: dash-blinova@yandex.ru

«РУССКИЙ ИНОК» ДОСТОЕВСКОГО КАК МЕТАЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: БЕЛЛЕТРИСТИКА ИЛИ БОГОСЛОВИЕ?

В статье рассматривается полемика представителей дореволюционного православного духовенства и церковной интеллигенции вокруг тех образов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», которые представляют собой художественную адаптацию идеала православной святости, а конкретнее – монашества. Критерием оценки персонажей становятся два разноуровневых фактора: догматическая чистота выраженного через героев романа православного вероучения и их художественное правдоподобие. Результаты проведенного анализа обосновывают введение в терминологический аппарат литературоведения понятия «художественное богословие», использование которого обусловлено необходимостью адекватного восприятия феномена святости в художественном тексте.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, К. Леонтьев, «Братья Карамазовы», металитературный феномен, художественный образ, психологизм, художественное богословие, православная догматика.

По словам дружившего с семьей Ф.М. Достоевского священника из г. Старая Русса о. Иоанна Румянцова, писатель «нередко ставил в тупик людей с высшим духовным образованием» [11, с. 135]. Справедливость этого утверждения наглядно подтверждается тем, как неоднозначно была воспринята ортодоксально мыслящей интеллигенцией попытка художественной адаптации православного богословия в его последнем романе. Образное воспроизведение монашеского идеала в «Братьях Карамазовых» и некоторые созвучные идеи в «Пушкинской речи» Достоевского вызвали резкую критику со стороны К.Н. Леонтьева [см.: 14, с. 261-297]. Обличительные статьи этого философа положили начало страстной религиозно-философской и эстетической полемике, к которой в начале XX века активно подключились представители православного духовенства. Большинство из них не разделяли тенденциозное, на их взгляд, стремление Леонтьева приписать героям Достоевского антидогматизм и неправдоподобие.

К примеру, священник Василий Шингарев на страницах богословско-философского журнала «Вера и разум» (1904) утверждал, что «Достоевский насквозь пропитан был религиозным и в частности православным мирозерцанием», которое «есть плод продолжительной сложной душевной работы» [7, с. 393], а религиозное учение его старца Зосимы есть «всем доступная

понятная философия православия» [7, с. 410]. Протоиерей В.И. Левицкий видел в старце Зосиме и Алеше Карамазове «типы необыкновенно живые, правдивые и созданные на реальной почве» [13, с. 62]. Профессор богословия протоиерей П.Я. Светлов признавал Зосиму единственным подлинным христианином среди «добросердечных ничтожеств» [19, с. 244] у Достоевского и принимал его религиозную философию абсолютно, включая даже некоторые хилиастические тенденции, которые верно уловил К. Леонтьев, а также профессор Московского университета протоиерей А.М. Иванцов-Платонов, одобрявший вторжение художественного гения Достоевского в область, считавшуюся до того «специальным достоянием религиозно-нравственной литературы» [9, с. 80], но при этом пославший писателю свою статью о крайностях современного социализма, где доказывал несовместимость стремления к «Царствию Божию на земле» с христианскими догматами [20, с. 325].

Этой же проблеме отношения христианства к благоустройству земной жизни посвящена и магистерская диссертация священника К.М. Агеева (1909), однако выводы этот духовный писатель, не чуждый обновленческих идей, сделал иные: по его мнению, именно аскетизм Леонтьева далек от подлинного христианства, равно как и «сакраментальное значение», которое тот якобы придавал институту монастырского старчества [10, с. 314;

320]. К. Аггеев подчёркивает ограниченность, ветхозаветность религиозного миропонимания К. Леонтьева, похожего на «неустанное хроническое мученичество, насквозь проникнутое тяжёлой тугой душевной без малейшего просвета» [10, с. 319] и противопоставляет ему совершенно «иное – отвечающее словам апостола о непрестанномрадвании и духовной свободе настроение радости и свободы – у святых подвижников христианства» [10, с. 326]. Автор диссертации считает настоящим преступлением то, что Леонтьев «свою религиозную доктрину настойчиво до фанатизма выдаёт за подлинное христианство, самым резким образом осуждая иные понимания его» [10, с. 326]. В подтверждение чего он цитирует резкое обвинение, брошенное супругой И.С. Аксакова К. Леонтьеву после прочтения его статьи «Наши новые христиане»: «Не столько атеисты – враги Христа, сколько такие лица, как Вы, которые неправильным толкованием Его слов компрометируют христианство» [10, с. 326].

Я.К. Ктиторов, исследуя религиозный аспект творчества Достоевского, рассматривает образ старца Зосимы как раскрытие подлинного существа русской святости. Упомянув Антония и Феодосия Киево-Печерских, Зосиму и Савватия Соловецких, Сергия Радонежского, Иосифа Волоцкого, Амвросия Оптинского и многих других носителей евангельского духа, он показывает ту подлинно православную почву, на которой смог возрасти в «христианственной душе Достоевского» удивительный образ русского инока, кроткого, но чрезвычайно сильного в своём смирении [12, с. 28-29]. Так же и Михаил Тычинин в своей монографии «Что хотел сказать Ф.М.Достоевский своим романом “Братья Карамазовы”» доказывает, что примат евангельского начала в духовном облике старца Зосимы и есть тайна истинно христианской настроенности: «Усвойте этику христианскую, проводите евангельское начало в свою жизнь – это прежде всего, это важнее, – учит нас Достоевский, – и только после этого будет иметь значение и всё остальное: и обряд, и молитва, и вся внешняя сторона религии. Без души, без любви к людям религия – одна лишь форма, лишённая содержания» [21, с. 53]. Далее критик уравнивает леонтьевскую трактовку православного подвижничества с феррапонтовской: «Феррапонт у Достоевского – представитель аскетического понимания христианства, не согретого теплотой сердца, а потому мрачного и почти злобного» [21, с. 53]. Особое значение данного исследования в контексте рассматриваемой нами полемики состоит в том, что его автор вскрыл весьма существенный момент, изначально предопределивший взаимопонимание Достоевского и К. Леонтьева. Этой исходной точкой конфликта, на взгляд М. Тычинина, стал неверно подобранный Леонтьевым подход к предмету критики, а именно: применение догматико-богословского критерия к художественному образу. «С любовью рисуя идеальный образ старца Зосимы, Достоевский... выступает убеждённым и искренним апологетом христианской жизни, – именно жизни: христианства как богословско-философской доктрины он не касается, ничего не говорит он также о христианской обрядности, о таинствах, о богослужении. Это дало повод некоторым упрекать Достоевского в том, что он всю суть христианства (православия) сводил будто бы на одну лишь этику» [21, с. 52]. «Достоевский сделал лишь то, – уточняет Тычинин, – что доступно было ему, великому художнику-психологу: он приподнял край завесы, которая закрывала от наших глаз “святая святых” души Зосимы <...> Как солнце отражается в кристальной чистой капле утренней росы, так в душе Зосимы отражается частица Бога, который есть Любовь» [21, с. 52]. В итоге критик утверждает: «... всё, что относится к изображению монастыря в романе “Братья Карамазовы” и выведенных при этом лиц, дышит самую точную правдой. Это не плод воображения, не выдумка, не мечта, а сама жизнь и живые подлинные люди» [21, с. 38].

На удивление достоверным и правдивым, вопреки мнению К. Леонтьева, находили художественный образ Зосимы и люди, непосредственно общавшиеся со старцами знаменитой Оптиной пустыни: например, авторы паломнических очерков в «Историческом вестнике» Андрей Фирсов и Д.П. Богданов и богослов протоиерей Александр Соловьёв. Зорко подметив не просто сходные, а буквально списанные с живого старца Амвросия харизматические (прозорливость) и личностные (умение сродниться душой с каждым пришедшим за советом) черты Зосимы [6, с. 336-337], Д.П. Богданов так оценил плод труда Достоевского: «... вся обаятельная личность инока Зосимы, нарисованная Достоевским с таким неподражаемым мастерством, с такой глубокой художественной правдивостью, явно показывает, что

впечатление, полученное Достоевским от знакомства со старцем Амвросием, было так сильно и глубоко, что, преломившись в гранях его творческой души, оно вылилось в такой дивный, художественный, полный психологической правды образ, который, без сомнения, будет вечно принадлежать к лучшим созданиям человеческой мысли» [6, с. 337]. Статья А. Фирсова «Козельская Оптина Пустынь» (1899) и церковно-научный труд протоиерея А. Соловьёва «Старчество по учению святых отцов и аскетов» (1900) представляют для нас интерес в том смысле, что авторы этих серьёзных исторических исследований несколько раз ссылаются в них на текст романа «Братья Карамазовы» как на достойный полного доверия церковно-исторический и даже вероучительный источник [см.: 22, с. 914-933; ср.: 1, с. 4-5, 82, 83, 129]. Пожалуй, невозможно найти более исчерпывающий аргументов пользу исторической достоверности и православнотрадиционной адекватности «монастырского» пласта романа. Можно даже предположить, что толчком к созданию фундаментальной монографии протоиерея Соловьёва, вышедшей в свет в Семипалатинске в 1900 году, стал глубокий и живой интерес русской интеллигенции к феномену старчества, пробуждённый откровениями последнего романа Достоевского. Во всяком случае, влияние религиозно-философского содержания романа на реальную жизнь и судьбы не только отдельных личностей, но и на возникновение новых форм существования монашества в период трагической истории Русской Православной Церкви в XX веке, настолько значительно, что достойно отдельного изучения.

С абсолютным признанием относился к творчеству Достоевского известный духовный писатель Евгений Поселянин (Погожев), огорчаясь лишь тем, что «к христианским идеям таких громадных писателей, как Достоевский, относятся с нескрываемым невниманием» [17, с. 66].

Благосклонны были к творчеству Достоевского такие почитаемые в православном мире архиереи, как епископ Николай (Касаткин), начальник православной миссии в Японии, ныне канонизированный Русской Православной Церковью, и его викарий епископ Алексей (Лавров-Платонов) [8, с. 177, 349], а также митрополит Антоний (Храповицкий), на чьё мировоззрение и даже на выбор монашеского пути повлиял в значительной степени религиозный пафос творений писателя [18, с. 439], благоговение перед которыми Владыка сохранил навсегда, став впоследствии глубоким их истолкователем в свете православного богословия: он использовал идеи Достоевского как в своих догматических творениях, так и в трудах по нравственному, или пастырскому, богословию. Владыка отсылал читателя к непосредственному ознакомлению с беседой старца Зосимы, утверждая, что это «полезно не только для мирских читателей, но и для иереев и для иноков» [3, с. 159], хотя и оговаривал, что «это не рецепт и не подробный курс пастырского богословия: здесь указан писателем только общий закон нравственного, возрождающего влияния одной личности на другую, и не указывается, как первой приобрести потребные для того душевные свойства; но начертанные писателем картины такого возрождения представляют собою беспримерную драгоценность во всемирной литературе, ...они и душу читателя наполняют самыми возвышенными чувствами человеколюбия и религиозности...» [3, с. 151]. Митрополит Антоний отводит от старца Зосимы упреки в пантеизме [4, с. 94] и хилиазме [4, с. 102-103], доказывая укоренённость религиозно-нравственной проповеди последнего в новозаветном и святоотеческом учении. Он также опроверг утверждение К. Леонтьева о том, что Достоевский в лице о. Феррапонта осуждает аскетизм отшельников в принципе, справедливо указывая на то, что в главе «Русский инок» в тексте предсмертной беседы старца Зосимы есть на это прямое возражение [4, с. 99].

Подробно проанализировав все религиозно-философские идеи Достоевского в свете учения Русской Православной Церкви, митр. Антоний систематизировал их и свёл в единой книге под названием «Словарь к творениям Достоевского», изданной уже после эмиграции владыки на Балканы в начале 1920-х годов. Итогом размышлений архипастыря над религиозной проблематикой писателя стала мысль о том, что Достоевский вживую, не отвлечённо ощущал подлинную, апостольскую силу православия, не втискивая его как вселенское явление в узконациональные рамки: «Для нас особенно ценно то, что наш писатель, один из очень немногих светских писателей, знает православную религию, нашу Церковь не только как русскую или на-

родную, но в то же время и прежде всего как Вселенскую, которую мы исповедуем в десятом члене Символа веры. А ещё важнее для нас то, что Церковь эта ему представляется не только как предмет веры, но и как живое дело (выделено авт. – Е.Б.), требующее живого общего проявления» [5, с. 184]. И таким живым проявлением силы, «через которую по преимуществу Церковь простирает своё возрождающее влияние на жизнь» [5, с. 185], и являются у Достоевского старец Зосима и в целом монашество как явление. Митр. Антоний убеждён, что автор «Братьев Карамазовых» – «не проповедник розового христианства, как обвинял его К. Леонтьев: его задача в том, чтобы убедить людей в доставляемой им Богом и собственной душой возможности возрождения, а воспользоваться ею зависит уже от свободной воли» [3, с. 140] и что «оптимизм Достоевского был не розовый, внешнеженный, а самый реальный, основанный на личном опыте и широко изучении жизни» [3, с. 143]. Архиепископ категорически не принимал мотивы обвинения Достоевского в «розовом христианстве», порождённые закванностью мысли Леонтьева в рамках духовно-личных утилитарных категорий (что сам Леонтьев определил как «трансцендентный эгоизм»): «Для меня нет ничего противнее подобного отношения к вере и я постарался вывести означенное направление во всей его неприглядности... со своей стороны, я разрешил спорный вопрос [вопрос о том, что важнее: общественное благо или личное спасение? – Е.Б.] так, что для христианина, живущего среди человеческого общества, спасение души и истинное служение обще-

ственному благу равно недоступны одно без другого, а потому и самый вопрос неуместен» [2, с. 312]. Таким образом, восприятие К. Леонтьевым христианства в аспекте изолированного самоспасения владыка почитал заблуждением и извращением христианского миропонимания. Горячо отстаивая догматическую верность православной мысли Достоевского, митр. Антоний посчитал единственным «грешком против художественной правды» автора «Братьев Карамазовых» сюжетную линию отсылки старцем Зосимой своего послушника Алёши Карамазова в мир, которая, на его взгляд, не вытекает из смысла романа; он увидел в этом лишь «педагогический приём», допущенный автором, дабы молодые читатели под обаянием образа юного послушника не стали массово покидать училища и университеты и поступать в монастыри, настолько колоритно и захватывающе описана в романе духовно-возвышенная монашеская жизнь [3, с. 158-159].

Нет сомнения в том, что ортодоксальная мысль, господствовавшая в дореволюционном богословии, исторически объяснимо сочетавшая в себе схоластику и открытость к протестантским тенденциям с некоторой настороженностью по отношению к мистической составляющей православного вероучения, на наш взгляд, не встала бы столь активно на поддержку художественного, а не научно-богословского явления, если бы появление художественного образа православного старца осталось исключительно в эстетической плоскости, а не вылилось бы по своему масштабу и религиозному влиянию в феномен художественного богословия.

Библиография

1. Александр (Соловьёв), протоиерей. Старчество по учению святых отцев и аскетов. – Семипалатинск, 1900 (Репр. изд. – М.; Рига, 1995).
2. Антоний, архиеп. Вольнский. Искренняя душа // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: литературный сборник. – СПб., 1911.
3. Антоний (Храповицкий), митр. Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения // Ф.М. Достоевский и Православие. – М., 1997.
4. Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф.М. Достоевского // Ф.М. Достоевский и Православие. – М., 1997.
5. Антоний (Храповицкий), митр. Не должно отчаиваться. Словарь к творениям Достоевского. – М. – 1991. – № 1.
6. Богданов, Д.П. Оптина пустынь и паломничество в неё русских писателей // Исторический вестник. – 1910. – № 10.
7. Василий (Шингарёв), свящ. Основные идеи православия в изложении Ф.М. Достоевского // Вера и разум. – 1904. – № 20.
8. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л., 1988.
9. Иванцов-Платонов, А.М. Христианское учение о любви к человечеству сравнительно с крайностями современного социализма. – М., 1880.
10. Аггеев, К., свящ. Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. – Киев, 1909.
11. Круглов, А.В. Поездка в Старую Руссу // Исторический вестник. – 1895. – № 4.
12. Ктитор, Я.К. Вопросы религии и морали в русской художественной литературе. – Г. Горки Могилёвской губ., 1909.
13. Левицкий, В. Положительные типы христиан в сочинениях Ф.М. Достоевского и его взгляд на отношение евангельских заповедей к жизни // Вера и жизнь. – 1913. – № 16.
14. Леонтьев, К.Н. О всемирной любви (речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике) // Ф.М. Достоевский и Православие. – М., 1997.
15. Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время (1863-1936). – Нижний Новгород, 2003. – Кн. I.
16. Половинкин, С.М. Русская религиозная философия // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. – М., 2000.
17. Поселянин, Е. Идеалы христианской жизни. – СПб., 1994.
18. Поссе, В.А. Из книги «Мой жизненный путь» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х т. – М., 1990. – Т. 2.
19. Светлов, П.Я. Идея Царства Божьего и её значение для христианского мирозерцания: Богословско-апологетическое исследование. – Киев, 1906.
20. Твардовская, В.А. Достоевский в общественной жизни России (1861-1881). – М., 1990.
21. Тычинин, М. Что хотел сказать Ф.М. Достоевский своим романом «Братья Карамазовы». – СПб., 1912.
22. Фирсо, В. А. Козельская Оптина Пустынь // Исторический вестник. – 1899. – № 3.

Bibliography

1. Aleksandr (Solovjyov), protoierej. Starchestvo po ucheniyu svyatihkh otcov i asketov. – Semipalatinsk, 1900 (Repr. izd. – M.; Riga, 1995).
2. Antoniij, arkhiep. Volihnskiij. Iskrennyaya dusha // Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leontjeva: literaturnihyj sbornik. – SPb., 1911.
3. Antoniij (Khrapovickijj), mitr. F.M. Dostoevskijj kak propovednik vozrozhdeniya // F.M. Dostoevskijj i Pravoslavie. – M., 1997.
4. Antoniij (Khrapovickijj), mitr. Pastirskoe izuchenie lyudej i zhizni po sochineniyam F.M. Dostoevskogo // F.M. Dostoevskijj i Pravoslavie. – M., 1997.
5. Antoniij (Khrapovickijj), mitr. Ne dolzhno otchavajtsya. Slovarj k tvorenijam Dostoevskogo. – M. – 1991. – № 1.
6. Bogdanov, D.P. Optina pustinhj i palomnichestvo v neyo russkikh pisatelej // Istoricheskijj vestnik. – 1910. – № 10.
7. Vasilijj (Shingaryov), svyath. Osnovnihe idei pravoslavija v izlozhenii F.M. Dostoevskogo // Vera i razum. – 1904. – № 20.
8. Dostoevskijj, F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – L., 1988.
9. Ivancov-Platonov, A.M. Khristianskoe uchenie o lyubvi k chelovechestvu sravniteljno s krajnostyami sovremennogo socializma. – M., 1880.
10. Aggeev, K., svyath. Khristianstvo i ego otnoshenie k blagoustroeniyu zemnoy zhizni. Opiht kriticheskogo izucheniya i bogoslovskojj ocenki raskrihtogo K.N. Leontjevihm ponimaniya khristianstva. – Kiev, 1909.
11. Kругlov, A.V. Pоеzdka v Staruyu Russu // Istoricheskijj vestnik. – 1895. – № 4.
12. Ktitorov, Ya.K. Voprosih religii i morali v russkoj khudozhestvennoj literature. – G. Gorki Mogilyovskojj губ., 1909.
13. Levickijj, V. Polozhiteljnihe tipih khristian v sochineniyakh F.M. Dostoevskogo i ego vzglyad na otnoshenie evangeljskikh zapovedej k zhizni // Vera i zhiznj. – 1913. – № 16.
14. Leontjev, K.N. O vsemirnoj lyubvi (rechj F.M. Dostoevskogo na Pushkinskom prazdnike) // F.M. Dostoevskijj i Pravoslavie. – M., 1997.
15. Nikon (Rklickijj), arkhiep. Mitropolit Antoniij (Khrapovickijj) i ego vremena (1863-1936). – Nizhniij Novgorod, 2003. – Kn. I.
16. Polovinkin, S.M. Russkaya religioznaya filosofiya // Pravoslavnaya ehnciklopediya. Russkaya Pravoslavnaya Cerkovj. – M., 2000.
17. Poselyanin, E. Idealih khristianskoj zhizni. – SPb., 1994.
18. Posse, V.A. Iz knigi «Moj zhiznennihyj putj» // F.M. Dostoevskijj v vospominaniyah sovremennikov: v 2-kh t. – M., 1990. – T. 2.
19. Svetlov, P.Ya. Ideya Carstva Bozhjegho i eyo znachenie dlya khristianskogo mirosozercaniya: Bogoslovsko-apologeticheskoe issledovanie. – Kiev, 1906.

20. Tvardovskaya, V.A. Dostoevskiy v obshchestvennoy zhizni Rossii (1861-1881). – М., 1990.
 21. Tihchinin, M. Chto khotel skazat' F.M. Dostoevskiy svoim romanom «Brat'ya Karamazovih». – SPb., 1912.
 22. Firso, V. A. Kozel'skaya Optina Pustihn' // Istoricheskiy vestnik. – 1899. – № 3.

Статья поступила в редакцию 08.11.13

УДК 811.512.153

Kyzlasov A.S., Kaskarakova Z. Ye. ABOUT LINGUISTIC SITUATION IN THE KYZYL DIALECT OF THE KHAKASS LANGUAGE. The article is devoted to the description of linguistic situation in the Kyzyl dialect of the Khakass language. In it there is an attempt to analyze a motive of narrowing of linguistic sphere in habitation places of the Kyzyl dialect's bearers. Some aspects of the Khakass language's functioning in a dialect sphere are distinguished according to a questionnaire survey. Certain moments of the Kyzyls' loss of an original dialect are determined.

Key words: linguistic situation, the Kyzyl dialect, survey, the Khakass language.

А.С. Кызласов, канд. филол. наук, зав. сектором языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E-mail: kyzlasov60@mail.ru; **З.Е. Каскаракова**, канд. филол. наук, с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E-mail: zinaidakaskarakova@mail.ru

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КЫЗЫЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА *

Статья посвящена описанию языковой ситуации в кызыльском диалекте хакасского языка. В ней сделана попытка анализа мотивов сужения языковой среды в местах проживания носителей кызыльского диалекта. На основе анкетирования выявлены некоторые аспекты функционирования хакасского языка в диалектной среде. Определены отдельные моменты утраты кызыльцами исконного наречия.

Ключевые слова: языковая ситуация, кызыльский диалект, опрос, хакасский язык.

У малочисленных народов, таких как алтайцы, шорцы, хакасы и др. родной язык сохраняется в моноэтнической среде, то есть для сохранения языка необходима соответствующая среда. В этом случае у языков должны быть четко обозначенные сферы употребления при определенном балансе социального приоритета и минимуме смешанных браков. Ситуация зыбкая, но учитывая различный образ жизни этнических групп, живущих в близком соседстве, для Сибири нередкая.

С одной стороны, утрата родного языка небольшими народами во второй половине 20 столетия может быть представлена как исторический процесс, но в какой степени этот процесс можно считать естественным. Этот вопрос открытый, поскольку он явился еще и результатом целенаправленной государственной политики, как хозяйственной, так и языковой [1].

В.А. Аврорин объяснял способность языка сохраняться во времени, распространяться на иноязычные этносы, доминировать в билингвальных ситуациях, структурно влиять на контактирующие с ним языки уровнем развития его социально-коммуникативных функций. Последний детерминирован социально-культурной системой, обслуживаемой данным языком [2].

На начало нынешнего столетия языковая ситуация в Республике Хакасия (в отношении хакасского языка) характеризовалась как противоречивая. Скорее как неоднозначная по степени распространения живой хакасской речи и вполне благополучная по степени внимания к вопросам хакасского языка официальных, образовательных и научных структур. Можно привести много фактов, свидетельствующих о небольшом числе говорящих на хакасском языке в пределах республики. Очевидно, что почти все хакасы являются билингвами, а представители молодого поколения – монолингвами (говорящими только на русском языке).

Однако, как показывают наши наблюдения, не во всех районах ситуация с языком благополучна. Мы можем однозначно утверждать, что в некоторых местах Республики хакасский язык перестал транслироваться от старшего поколения к младшему. Это утверждение, прежде всего, относится к городским жителям, но оно почти так же верно для сельского населения. Можно сказать, что ситуация лишь слегка уравновешивается тем обстоятельством, что в селе по-прежнему вырастают дети, усваивающие хакасский язык в семье. Но таких немного.

Кызыльский диалект подходит под определение языков, нуждающихся в срочной документации (по европейским стандартам). При этом документация и последующая обработка собранного материала должны быть произведены с помощью новых технических средств и соответствующих компьютерных технологий, методик, программ. В результате правильно спланированной и осмысленной работы должно быть создано хранили-

ще (архив), которым могли бы пользоваться и представители языкового сообщества (т.е. кызыльцы), и ученые (причем не только лингвисты, но и представители смежных наук – этнографии, этнопсихологии и др.) [3, с. 100-108].

Кызыльцы как субэтнос сформировались на базе тюркоязычного населения Белого и Черного Июсов и Чулыма. Это население по реформе 1822 года было объединено в Кизильское степное управление. Название его восходит к одноименному сеоку, проживающему здесь, и через название управления было воспринято всем населением данной территории [4, с. 48].

Сотрудники сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при финансовой поддержке РГНФ в июле – августе 2013 г. совершили экспедиционные поездки для сбора диалектного материала в Ширинском и Орджоникидзевском районах Республики Хакасия.

В ходе проведения экспедиционных работ выявилось устойчивое противоречие между тем, что люди говорят в отношении своего этнического диалекта, и реальной практикой использования этого диалекта. И мы видим, что рынок диктует свои правила не только в экономике, но и в выборе языка. Большинство носителей кызыльского диалекта сегодня позитивно относятся к своему этническому диалекту, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми даже в моноэтнических семьях, за редким исключением оказывается русский. Если знание этнического языка рассматривается как желательное, знание русского языка считается обязательным. И именно это знание родители стараются дать своим детям, чтобы облегчить им учебу в школе [5].

Данные опроса 2008-2009 годов (18 лет и старше) дали такие результаты. Среди кызыльцев старше 7 лет не изучали язык в школе 76,1%, только в начальных классах – 13,6%, до 9 класса – 7,9%, до 11 класса – 2,4% [6, с. 75].

В ходе многочисленных бесед с нашими информаторами (по данной теме специально опрошено 30 кызыльцев-хакасов, владеющих кызыльским диалектом) сложилась следующая картина. В общей массе опрошенных нами людей можно довольно четко выделить три возрастных группы: 1) пожилые люди – родившиеся до середины XX в., 2) люди среднего возраста – родившиеся в период с 1950 по 1965 годы. 3) люди молодого возраста – родившиеся в период до 1965 года. Около 58,3% опрошенных нами кызыльцев заявили, что родным языком для них является хакасский. 33,3% респондентов считают родным хакасский и русский языки. Уровень владения родным языком выразился в следующих цифрах: 83,3% респондентов свободно разговаривают на родном языке (представители первой и второй групп); 16,7% говорят на родном диалекте, но не могут писать и читать.

На вопрос – Знают ли ваши дети хакасский язык? Респонденты ответили таким образом. Свободно говорят, пишут и читают 8,3% детей; говорят, но не могут писать и читать 25,0%; понимают разговорную речь, но не говорят 41,7%; не говорят и не понимают 8,3% детей.

Большинство из опрошенных (41,7%) при общении дома используют хакасский язык, только лишь 33,3% используют в этом случае оба языка. В остальных случаях (25%), дома разговаривают только на русском языке. На вопрос «На каком языке вы говорите в кругу своих родных, друзей, соседей?» респонденты ответили таким образом. Только на хакасском языке 8,3%, на хакасском и русском языках 50,0%, только на русском языке 41,7% опрошенных.

В семьях, где один из родителей хакас, а другой – русский, хакасский язык также не используется. На вопрос «На каком языке вы говорите на работе с коллегами?» респонденты ответили таким образом. На хакасском и русском языках 16,7%, только на русском языке 41,7% опрошенных. В общественных местах 16,7% кызыльцев говорят на русском и хакасском языках, только на русском языке общаются 83,3% опрошенных.

В селах, где проживают кызыльцы, хакасский язык в школе не изучается. Хакасский язык только изучают в селе Белый Балахчин (больше 10 учащихся) Ширинского района РХ.

Желание родителей, чтобы их дети изучали хакасский язык из числа опрошенных достигает 66,7%, родители, которые не желают, чтобы их дети изучали хакасский язык – 8,3%. Сами родители, которые хотели бы изучать хакасский язык равен 25,0%, не желающих изучать – 8,3%, знающих хакасский язык равен 66,7%.

Из числа читающих книги на хакасском языке, положительно ответили 41,7%, отрицательно 33,3%. Телевизионные передачи на хакасском языке смотрят 41,7%, не смотрят 33,3% из числа опрошенных. Слушают радио, музыку на хакасском языке 25,0%, не занимаются этим 75,0% из числа опрошенных. Посещают спектакли на хакасском языке 58,3%, не смотрят 16,7%

из числа опрошенных. Посещают национальные хакасские праздники 66,7%, не посещают 33,3% из числа ответивших.

Необходимо ли современному человеку, жителю Республики Хакасия хорошее знание хакасского языка? На этот вопрос положительно ответили 91,7%, затруднился ответить 8,3% из числа ответивших.

На вопрос – Что необходимо для более широкого распространения хакасского языка в обществе? Респонденты ответили таким образом. Надо чтобы дети изучали хакасский язык в школе (из числа опрошенных) было 25,0%, чтобы использовали в быту 33,3%, чтобы увеличить количество учителей хакасского языка 8,3%, затруднились ответить 58,3%.

В целом языковая ситуация (в кызыльском диалекте) в Ширинском и Орджоникидзевском районах Республики Хакасия является результатом действия двух основных факторов. Первый – активное воздействие русского языка, связанное с притоком приезжего населения и распространением средств массовой информации, в особенности телевидения на русском языке, с переводом преподавания в школах на русский язык, с демографической ситуацией и обилием смешанных браков. Второй – ослабление позиций родных языков вследствие разрушения традиционных языковых коллективов при «укрупнении» поселков, изменение традиционных форм хозяйствования, неэффективность работы национальной школы, нарушение внутрисемейного языкового общения.

Таким образом, языковая ситуация в вышеназванных территориях может служить индикатором общего социально-экономического неблагополучия малочисленных носителей кызыльского диалекта. И современное состояние носителей кызыльского диалекта хакасского языка нами характеризуется как двуязычие с нарастающим преобладанием русского языка во всех сферах жизни.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 13-04-18015 «Кызыльский диалект: современное состояние и перспективы»*

Библиографический список

1. Плужников, Н.В. Родной язык в системе ценностей современной культуры народов Севера [Э/р]. – Р/д: WWW lingsib.ia.ras.ru.
2. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л., 1975.
3. Каксин, А.Д. Хакасы: культурные традиции и их трансформация (конец XX – начало XXI): рукопись монографии. – Абакан, 2013.
4. Кривоногов, В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан, 2011.
5. Казакевич, О.А. НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова. Функционирование языков коренных малочисленных народов на территории Ямало-Ненецкого АО, Туруханского р-на Красноярского края и Эвенкийского АО [Э/р]. – Р/д: WWW lingsib.ia.ras.ru.
6. Кривоногов, В.П. Хакасы в начале XXI века. – Абакан, 1995.

Bibliography

1. Pluzhnikov, N.V. Rodnoy yazykh v sisteme cennostey sovremennoy kul'turiny narodov Severa [Eh/r]. – R/d: WWW lingsib.ia.ras.ru.
2. Avrorin, V.A. Problemy izucheniya funktsional'noy storoniy yazyhka. – L., 1975.
3. Kaksin, A.D. Khakasih: kul'turniye traditsii i ikh transformatsiya (konets KhKh – nachalo KhKhI): rukopisj monografii. – Abakan, 2013.
4. Krivonogov, V.P. Khakasih v nachale KhKhI veka: sovremenniye ehtricheskiye processih. – Abakan, 2011.
5. Kazakevich, O.A. NIVC MGU im. M.V. Lomonosova. Funktsionirovanie yazykhov korennikh malochislennikh narodov na territorii Yamalo-Neneckogo AO, Turukhanskogo r-na Krasnoyarskogo kraia i Ehvenkiyskogo AO [Eh/r]. – R/d: WWW lingsib.ia.ras.ru.
6. Krivonogov, V.P. Khakasih v nachale KhKhI veka. – Abakan, 1995.

Статья поступила в редакцию 08.11.13

УДК 82/821.0

Mainagasheva N.S. ABOUT PROBLEM OF AUTHORIAL TRANSLATION IN THE MODERN KHAKASS LITERATURE. In the article problem of authorial translation in the modern Khakass literature is under consideration. Correspondence of conveyance of national and cultural specificity in works of poet V. Mainashev and dramaturge A. Chapray's authorial translation is determined.

Key words: artistic bilingualism, authorial translation, correspondence, national and cultural specificity of literature.

Н.С. Майнагашева, канд. филол. наук, с.н.с. сектора литературы Хакасского НИИЯЛИ, г. Абакан, E-mail: Nina_71@inbox.ru

О ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ ХАКАССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается проблема авторского перевода в современной хакасской литературе, выявляется адекватность передачи национально-культурной специфики в произведениях авторского перевода поэта В. Майнашева и драматурга А. Чапрая.

Ключевые слова: художественный билингвизм, авторский перевод, адекватность, национально-культурная специфика литературы.

Вопрос об авторском переводе, как и творчество писателя-билингва в целом, остаётся одним из актуальных и малоизученных проблем современной науки. Это становится предметом обсуждения, как самих писателей, учёных-лингвистов и литературоведов, так и читателей – носителей этих двух языков и культур.

В хакасской литературе национальные писатели авторским переводом активно начали заниматься в последнее двадцатилетие. С 1920–1930-х гг., с момента зарождения письменной литературы, до 1970-х гг. национальные писатели, живя в то время в естественной стихии родного языка, могли позволить себе творить на родном языке и не обращаться ко второму языку. Среди зачинателей национальной литературы, как мы можем судить по собранным нами материалам, лишь А.М. Топанов (1903–1959) делал авторские переводы своих стихов на русский язык и писал на русском языке. Некоторые его стихотворения также переведены на русский язык другими поэтами и переводчиками. Вполне закономерно, что художественно-эстетическая сторона произведений А. Топанова на русском языке уступают произведениям, написанным на родном языке, так как поколение первых хакасских авторов жило в естественной стихии родного языка. В эти годы родной язык в жизни хакасского населения играл значительную роль, а произведения хакасских авторов на русский язык переводились профессиональными переводчиками по авторским подстрочникам.

С 1980-х гг. языковая ситуация в республике значительно изменилась, русский язык всё больше становится языком общения между представителями коренного народа республики. Языковая проблема непосредственно связана с вопросами развития национальной литературы. Современный литературный процесс Хакасии (1985–2010) характеризуется активным обращением национальных писателей к неродному, русскому, языку как к языку творчества, а также обращением к авторскому переводу. Одним из первых среди хакасских авторов, переведивших свои произведения на русский язык, стал поэт Валерий Гаврилович Майнашев (1948–1992). В 1990 г. вышел его сборник стихов на хакасском языке «Сырлалган халсарыг» [1] («Крашенный ковыль»). В 1995 г., после его смерти литературовед В. А. Карамашева, собрав тексты авторских переводов поэта, выпустила сборник стихов с аналогичным названием – «Крашенные ковыли» [2]. В сборник вошло 61 произведение (стихотворения и поэмы), 50 из которых представлены в авторском переводе. Поэзию В. Майнашева на русский язык переводили А. Фёдорова, А. Щербakov, А. Третьяков, Н. Ахпашева. А. Л. Кошелева отмечала: «Поэтический мир В. Майнашева сложен, интересен и глубок, он требует цельного прочтения. К сожалению, такой возможности не имеет русский читатель. В подстрочном переводе утрачивается во многом музыкальность стиха, тонкие внутренние переходы» [3, с. 157].

В связи с вступлением в члены Союза писателей СССР многие переводы В. Майнашева сделал сам. Подстрочные переводы его, как и любого другого поэта, не удовлетворяли, и хакасский поэт, «чья лирика является одним из ярких примеров творческой учёбы и наследования традиций русской лирической поэзии» [4, с. 129], обращается к авторскому переводу.

Рассмотрим, как В. Майнашев сохраняет эквивалентность и адекватность своих произведений, и как в его переводах

строится коммуникация с читателем, не владеющим хакасским языком и не имеющим возможности обратиться к оригинальному тексту.

Как правило, писатель-билингв, осуществляющий авторские переводы, должен не только хорошо владеть двумя языками, но и прекрасно чувствовать образные средства обоих языков, он выступает в качестве посредника между двумя языками и культурами. При этом автор, переводящий свои произведения на другой язык, в отличие от другого переводчика, творчески свободен. Так, В. Майнашев порой адаптирует перевод, т.е. при переводе некоторых реалий, относящихся, например, к бытовым предметам и явлениям. Так, в стихотворениях «Матери», «М. Е. Кильчичакову» автор заменяет понятия, относящиеся к быту и культуре хакасского народа, на другие, более понятные для российского читателя. Так, по тексту стихотворения «Ихеме» («Матери») можно проследить, как автор в переводном тексте изменил оригинал:

Данное стихотворение относится к интимной лирике и раскрывает сокровенные переживания поэта, его воспоминания о детстве, о матери, совместно с ней пережитых днях. В таблице можно увидеть, что автор-переводчик в русскоязычном тексте изменил некоторые части текста. Так появляются *какие-то стихи* вместо *письмо матери*; просто *здесь* вместо *город*, *окутанный железом*; *колодец* вместо *речка Ниня*; *плакучая берёза* вместо *ветвистая берёза* и др. Как правило, адекватность перевода оригиналу зависит от мастерства и таланта переводчика, его умения находить образно-языковые эквиваленты в другом языке. Говоря о быте (водопой коров и сенокос), автор на хакасском языке передаёт психологическое и чувственное ощущение народа, живущего на берегу речки Ниня, представителем которого является и сам поэт. Создавая адекватную оригиналу картину, поэт глубоко её переосмысливает, чтобы она была понятна и близка русскоязычному читателю.

В стихотворении «М. Е. Кильчичакову» строки «*Төө лазынаң үестерге чимпре / Сбрер улуғ аалхы поларзар*» (От Вершины Тёи до Июсов / Вы будете гостем дорогим) автор перевёл как «*От заснеженной Тёи до Кана / В каждом аале Вы гость дорогой*». В тексте оригинала автор, говоря о Тёе и Июсах (Белом и Чёрном), автор имеет в виду весь хакасский народ. Для российского читателя, естественно, эти названия мест и рек ни о чём не говорят, поэтому с целью показа величия хакасского поэта Михаила Кильчичакова автор-переводчик применил «*до Кана*».

В. Майнашев, как и любой другой переводчик, сталкивается с непереводаемым: поэт зачастую оставляет непереверждённым на русский язык то, что может быть очень близко только для хакассоязычного читателя. Так, столкнувшись со словами, отсутствующими в русском языке, автор, не найдя эквивалента, оставляет хакасские слова, оформляя их так, чтобы мог прочесть русскоязычный читатель: *Тағ эзи* вместо *Тағ эзэв* (Хозяин гор), *калба* вместо *халба(черемша)*; *Карлыган* вместо *Харлыган*; фраза восклицания *Йо, халах син* вместо *Йо, халах синь!* (О, беда с тобой!) и др. Вероятно, это связано с тем, что автор чувствует своеобразную вину по отношению к тексту-оригиналу и родному языку, так как совершая перевод на другой язык и что-то меняя в переводном тексте, он отдаляется от первоначальной коммуникации с читателем, не владеющим хакасским языком и не имеющим возможности обратиться к оригинальному тексту.

Текст оригинала на хакасском языке	Художественный перевод автора	Подстрочный перевод наш – Н.М.
<p><i>Ихең, син минь вди тың пырлаба:</i> <i>Удаа сағаа письмо паспинчам.</i> <i>Чох, мин тимбр хурчан салған</i> <i>городта</i> <i>Иртен питуктар табызын исчем.</i> <i>Ихең, вхең, сағызым парча синзер,</i> <i>Миньң ала харағымда турчазың.</i> <i>Мына пазох көрчем, хайди син Нинзер</i> <i>Инектербң суғарарға парчазың.</i> <i>Удаа мағаа көрбңче, от саап,</i> <i>Хайди пбс вкөлең сбренчөбс,</i> <i>Анаң пай хазың алтында от салып,</i> <i>Көлекте азыранып одырчабыс...</i></p>	<p><i>Прости, что я пишу не часто, мама,</i> <i>Что я пишу какие-то стихи,</i> <i>Но я всё чаще слышу здесь утрами,</i> <i>Как в телефон звонят мне петухи.</i> <i>Мне детства в душу эхом</i> <i>отдаётся,</i> <i>Я сердцем ощущаю всё без слов.</i> <i>Вот снова вижу, как там, у колодца,</i> <i>Ты из ведра поишь своих коров.</i> <i>Я ясно вижу пору сенокоса,</i></p> <p><i>Как в полдень, наработавшись,</i> <i>сидим.</i> <i>И тень свою плакучая берёза</i> <i>Нам дарит вместе с щебетом</i> <i>своим...</i></p>	<p><i>Мама, ты меня так сильно не вини:</i> <i>Письмо не часто я тебе пишу.</i> <i>Нет, я в городе, окутанном железом,</i> <i>Утром слышу голоса петухов.</i> <i>Мама, мама, мысли мои о тебе,</i> <i>Ты стоишь перед моими игривыми</i> <i>глазами.</i> <i>Вот снова вижу, как ты к речке Нин</i> <i>Гонишь своих коров на водопой.</i> <i>Мне часто видится, на сенокосе</i> <i>Как мы стараемся вдвоём,</i> <i>Потом под ветвистой берёзой,</i> <i>постелив травы,</i> <i>В тени обедаем [мы]...</i></p>

чального текста, «увеличивается дистанция между автором и его письмом», автор в какой-то мере «отрицает своё старое письмо» [5, с. 107]. Авторские переводы В. Майнашева отличаются адекватностью передачи содержания, но не всегда автор сохраняет образность и колорит первоначального текста. В переводе стихотворения «Эй, чеек, айдас хамнар...» (буквально – «Эй, вы, ненасытные, могучие шаманы...»), переведённом автором как «Последний шаман», опущено слово *чеек*, что означает *ненасытный*, или *шаман-людоед*. Автор-переводчик, не передавая лексико-семантическое значение этого слова, просто переводит его как *лихие*. В тексте оригинала поэт вызывает шаманов, своей силой умерщвляющих людей, померяться силой и высоким словом. Так, поэт говорит о силе поэтического слова, приравнивая поэта к сильному шаману. В русскоязычном же тексте поэт по отношению к шаманам-людоедам употребляет лишь словосочетание *коварный дух*. Контекст понятия *чеек хам* ясен без объяснений для хакасоязычного читателя, и, вероятно, поэт целенаправленно оставляет его без перевода на русский язык, оставляя некую информацию «не для всех» без комментариев.

В целом сличение текстов на двух языках стихотворений поэта В. Майнашева показывает адекватность передачи национально-культурной специфики и семантики исходных текстов. При переводе непередаваемого и непередаваемого поэт вносил дополнения, создавал новые, более близкие для русского менталитета образы.

При переводе поэтических текстов интерес представляют не только эквивалентность и адекватность текста, но и ритмика, и строфика отдельного произведения, его эквилибрность – сохранение количества строк в переводном тексте. Если хакасский стих представлен силлабической системой стихосложения (в большей степени это девяти- и двенадцатисложные строки), то русский стих написан трёхстопным анапестом силлабо-тоники. При этом у В. Майнашева строго чередуются десяти- и девятисложные строки. В хакасских стихах у В. Майнашева встречаем смежные и перекрёстные рифмы, в переводных же текстах – исключительно перекрёстные. Например, в стихотворении «Иртенгб аалда» («Утро в деревне»), автором переведённом как «Утро»:

<i>Анда ыстыг арыгдаң аар Таң сырайы хызарча. Нымырха сагып, таңахтар Уйа встмнде хыыхтамсча.</i>	<i>Разлилась за синим лесом Речка алая зарю, Напевают под навесом Куры, будто глухарю.</i>
---	--

При переводе своих стихов В. Майнашев на русский язык сохраняет и число строк: чаще они написаны четверостишиями (традиционной и стандартной формой хакасского стиха), реже – двестишшиями. Интерес представляет одно из его стихотворений – «Мелейлер» («Рукавицы») – в оригинале написан пятистишием, а в переводе – четверостишием. Об этом факте исследователь С. Майнагашев пишет: «Качественным отличием хакасского стиха от многих собственных творений хакасского поэта является его нетрадиционная форма – пятистишие. Содержание текста и его тематика по-прежнему оригинальны, но именно формальная организация текстового материала на хакасском языке воспринимается как новая форма поэтического творчества. И надо сказать, ни ранее, ни позже у него мы уже не найдём других подобных стихов. Использование редкой строфической формы связано с общей ситуацией хакасского поэтического искусства: внешнее отличие стиха естественным образом притягивает внимание любителей поэзии. Следует сказать, что подобные формальные эксперименты, характерные для авангардного искусства, у него не перерастают в некую эстетическую задачу. И, очевидно, четверостишие остаётся основным типом построения любого стиха» [6, с. 36].

Высшим аргументом того, хорош ли перевод, всегда является читательское восприятие. О читательской оценке русскоязычной аудитории А. Л. Кошелева писала, что «свежестью и яркостью поэтического мира В. Майнашева восхищался Ю. Кузнецов, рекомендуя его в 1985 году в Союз писателей» [7, с. 207].

Следующим материалом исследования проблемы авторского перевода в хакасской литературе послужили оригинал и авторский перевод драмы Александра Чапрая (Александр Иванович Котожеков, 1948 г.р.) «Чуртастың харабаны» («Караван жизни», 2005) [8]. Драматург А. Чапрай, начав писать на родном языке, затем так же, как и В. Майнашев, в 2000-е гг. обратился

к авторскому переводу. Перевод автором сделан через незначительное время, через 2–3 года после написания оригинала и опубликован как повесть «Караван» (2008) [9], в то время как оригинал остался в рукописи. При беседе с автором было выяснено, что перевод был сделан в связи с необходимостью подстрочного перевода пьесы для представления в республиканском конкурсе драматургов. Со слов автора, подстрочный перевод не удовлетворил его, и тогда было принято решение сделать художественный перевод, но в результате «родилась повесть». Текст оригинала частично написан на русском языке, так как в пьесе присутствуют действующие лица, которые не владеют хакасским языком, поэтому часть диалогов написана на русском языке.

А. Чапрай в переводном тексте сохраняет сюжетную линию, сделав незначительные дополнения, что продиктовано спецификой повествовательного жанра. Также изменено имя одной из героинь: в оригинале это Манит, а в переводе – Майра. Автор при переводе изменил и название произведения. Как правило, изменение заглавия как «компрессионного, нераскрытого содержания текста» [10, с. 133] влечёт за собой и изменение основного акцента произведения. Здесь слово *караван* в значении *движущейся вереницы кого-либо, чего-либо* (в оригинале – житейской, судебной) служит формой ключевого образа, организующего весь текст. Обобщающий смысл этого заглавия заключается в авторском видении изображаемых человеческих судеб и устроенности жизни вообще. А. Чапрай в своём произведении размышляет о смысле жизни, о сущности человека, его главном назначении. С этой целью автор обращается к образам двух женщин: Нааны и Манит (Майры). Наана – одинокая женщина, не сумевшая противостоять жизненным трудностям, она стала алкоголичкой, деградировала, стала посмешищем для молодых людей, которые отбирают у неё последние деньги и бутылку водки. Рано осиротевшая, пережившая позор насилия в юности, Наана не видела в жизни ничего светлого, кроме своей привязанности к вернувшемуся с войны «гвардейцу» Павлику, который и изнасиловал её. Паблик, как его называет Наана, попал в тюрьму за убийство, а затем и вовсе пропал без вести. Судьба Наану сводит с другой женщиной – Манит, у которой удачно сложилась жизнь, она – счастливая мать, бабушка, но вся её жизнь прошла на чужбине. На старости лет, вернувшись на родину, Манит чувствует душевную пустоту. Символичным является образ степи, которая в душе у героини соотносится с малой родиной. Женщина обращается к степи, как к живому существу, рассуждает о сути степи и о том, какая степь была в прошлом – широкая, бесконечная, богатая, а теперь опустевшая, грустная, постаревшая. Героини драмы страдают, встречают на жизненном пути стену социально-нравственного отчуждения, непонимания с людьми, каждая из них переживает свою личную драму.

В связи с изменением жанра произведения изменена, соответственно, и его структура, изначальная последовательность событий. Монологи и многие диалоги из оригинала в переводном тексте (повести) становятся воспоминаниями Майры и Нааны. Например, в пьесе на сцене присутствуют такие действующие лица, как Паблик, Илларийон и Степан, во вторичном же тексте они живут лишь в воспоминаниях двух героинь.

В переводном тексте по требованию жанра автор добавляет историю знакомства молодых людей: Майры и Илларийона. Также автор для развития сюжета в повести добавляет новые образы (Ойла, подруга Майры, и её отец Акыр) и картину деревенской жизни в день начала войны.

Так, если в оригинале действие начинается с пролога (с картины проводов на войну солдат на железнодорожном вокзале и пения маленькой девочки военной песни), то перевод, т.е. повесть, – с описания картины пустынной степи, встречи Майры со степью, её воспоминаний и размышлений. Картина проводов на войну в повести отведена место в воспоминаниях Нааны о детстве, рассказанных Майре (в тексте повести на двадцатой странице). Оказалось, что много лет тому назад в один день в год начала войны они обе были на вокзале: Наана, будущая маленькая девочкой, пела песню уходящим на фронт солдатам, а студентка педагогического училища Майра в тот день уходила на фронт, и ей запомнилась девочка, исполнявшая песню «Вставай, страна огромная...». И теперь спустя много лет они встретились и познакомились. Тема Великой Отечественной войны и её отражение в судьбах людей становится сквозной для данного произведения А. Чапрая.

Авторский перевод этого произведения А. Чапрая можно отнести к экспериментальному: он исследует свои творческие возможности в сфере русского языка, свободно обращаясь с композицией исходного текста. Учитывая, что текст-оригинал – это пьеса, то переводы диалогов автор делает буквально или почти буквально. Также автор многие слова в тексте оставляет без перевода: *худагай, хыйал, чайлағ, халағай, поэймай, айна* и др. При этом в переводном тексте автор в кавычках даёт разъяснение того или иного слова или понятия. Так, например: «Ну, подними, худагай, – протягивает Наана свой стакан («худагай» по-хакасски означает сватью, но сейчас по большей части так обращаются к старшей или уважаемой). – Ну, подними, худагай. А как тебя звать-то?» [11, с. 16]. Слову *хыйал* в значении *беда* автор даёт целое философское толкование: «Хыйал, Акыра абый! Война началась, – промолвил всадник.

Хыйал – это нечто смеющееся, подсекающее, сдвигающее. И действительно, Майре показалось, что от этого слова как будто накалённый жарой воздух сгустился, и всё вокруг сдвинулось и замерло. Даже коршуны на небе неподвижно повисли...» [11, с. 61].

Употребляя в русском тексте непереверждённые слова, А. Чапрай как бы подчёркивает их эстетический вес, их особенность, «проводит глубокую демаркационную линию между говорящим субъектом и его речью» [12, с. 112].

Таким образом, не переведя определённые хакасские слова в русском тексте, А. Чапрай создаёт диалогическое отношение между двумя текстами – оригиналом на хакасском языке

и его переводом на русский, а также между двумя языками. Поэтому такие предложения как *Я же не человек им!*; *Но в каждом доме, меня жалея, угощали, чем могли;... безошибочно направлялась к этой группе, не задумываясь, а просто зная, поглощённая в свои думы; Или тобой вскормленный народ, мудрость потеряв, в твои объятия стремясь, улёгся в утробе твоей?* свидетельствуют о «проникновении» хакасского письма в плоть русского письма автора, так как они имеют непосредственное отношение к синтаксису хакасского языка, а не русского. Так, автор, говоря словами М. Бахтина, «в процессе литературного творчества взаимоосвещение с чужим языком освещает и объективирует именно 'миросозерцательную' сторону своего (и чужого) языка, его внутреннюю форму, присущую ему ценностно-акцентную систему» [13, с. 427].

Итак, авторский перевод каждого писателя индивидуален. Бесспорно, культура двуязычия проявляется и в особенном складе мышления, соотносимом с родным и приобретённым языками, что выявляется при анализе авторских переводов. Как мы могли проследить, один писатель стремится сохранить в авторском переводе не только содержание, но и образность, колорит исходного текста, как у прозаика А. Чапрая, для другого же важно найти образно-языковые эквиваленты, близкие и понятные для носителей этого языка – как у поэта В. Майнашева.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект 12-04-00314.

Библиографический список

1. Майнашев, В.Г. Сырлалган халсарыг. Сборник стихов и поэм на хакасском языке. – Абакан, 1990.
2. Майнашев, В.Г. Крашенные ковчиги. Стихи и поэмы / сост. В.А. Карамашева. – Абакан, 1995.
3. Кошелева, А.Л. Поэзия В. Майнашева // Вопросы развития хакасской литературы. – Абакан, 1990.
4. Очерки истории хакасской советской литературы. – Абакан, 1985.
5. Кавайес, Н. Процесс письма и неперевердимое. Многоязычие и генезис «Уроков распада» («Precis de Decomposition») Чорана // Мультилингвизм и генезис текста: материалы международного симпозиума. – М., 2010.
6. Майнагашев, С.А. К эстетике авторского перевода в условиях двуязычия (по материалам переводных работ В. Майнашева) // 55 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: материалы региональной науч. конф. – Абакан, 2001.
7. Кошелева, А.Л. Хакасская поэзия 1920–1990-х годов: типология и закономерности развития. – Абакан, 2001.
8. Чапрай, А. Чуртасты? харабааны // Пьесы конкурса драматургов 2010 г. Папка №2 / Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Л-5, оп. 2, д.1916. – л. 168–217.
9. Чапрай, А. Караван: повесть. – Абакан, 2008.
10. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
11. Чапрай, А. Караван: повесть. – Абакан, 2008.
12. Кавайес, Н. Процесс письма и неперевердимое. Многоязычие и генезис «Уроков распада» («Precis de Decomposition») Чорана // Мультилингвизм и генезис текста: материалы международного симпозиума. – М., 2010.
13. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.

Bibliography

1. Mayjnashev, V.G. Sıhrlalğan khalsarıgh. Sbornik stıkhov i poehm na khakasskom yazıhke. – Abakan, 1990.
2. Mayjnashev, V.G. Krashenihe kovıhli. Stıkhı i poehmıh / sost. V.A. Karamasheva. – Abakan, 1995.
3. Kosheleva, A.L. Poehziya V. Mayjnasheva // Voprosıh razvıtiya khakasskoj literaturıh. – Abakan, 1990.
4. Ocherki istorii khakasskoj sovetskoy literaturıh. – Abakan, 1985.
5. Kavayjes, N. Process pısma i neperevodımoie. Mnogoyazıhchie i genezis «Urokov raspada» («Precis de Decomposition») Chorana // Multılingvızm i genezis teksta: materialıh mezhdunarodnogo sımpozıuma. – M., 2010.
6. Mayjnashev, S.A. K ehstetıke avtorskogo perevoda v usloviyah dvuyazıhchiya (po materialam perevodnıkh rabot V. Mayjnasheva) // 55 let Khakasskomu nauchno-ıssledovateljskomu institutu yazıhka, literaturıh i istorii: materialıh regionalnoj nauch. konf. – Abakan, 2001.
7. Kosheleva, A.L. Khakasskaya poehziya 1920–1990-kh godov: tipologiya i zakonomenosti razvıtiya. – Abakan, 2001.
8. Chapray, A. Churtastıh? kharabaanıh // Pjesıh konkursu dramaturgov 2010 g. Papka №2 / Rukopısnıhıy fond KhakNIYaLI. L-5, op. 2, d.1916. – l. 168–217.
9. Chapray, A. Karavan: povesť. – Abakan, 2008.
10. Galjperin, I.R. Tekst kak objhekt lingvisticheskogo issledovaniya. – M., 1981.
11. Chapray, A. Karavan: povesť. – Abakan, 2008.
12. Kavayjes, N. Process pısma i neperevodımoie. Mnogoyazıhchie i genezis «Urokov raspada» («Precis de Decomposition») Chorana // Multılingvızm i genezis teksta: materialıh mezhdunarodnogo sımpozıuma. – M., 2010.
13. Bakhtın, M.M. Voprosıh literaturıh i ehstetiki. – M., 1975.

Статья поступила в редакцию 08.11.13

УДК 801.82

Mizhit L.S. THE ARTISTIC FORMULAS OF ANCIENT TURKS WRITING MONUMENTS. The article considers the artistic features of Orhon-Eniseyic writing monuments of VII-XII centuries as early medieval literature. Author first explores the artistic formulas of ancient Turks writing monuments on the concept of literary theorist J. B. Borev, which determines the features of the ancient world art culture on the example of the ancient world art. Attempted to consider the ancient written literature as one of the worldview foundations of culture development.

Key words: literary monuments of the ancient Turks, poetical traditions, artistic formulas, worldview.

Л.С. Мижит, канд. филол. наук, н.с. Тувинского института гуманитарных исследований,
г. Кызыл, E-mail: lmizhit@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОРМУЛЫ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ*

В статье рассматриваются художественные особенности памятников орхоно-енисейской письменности VII-XII вв., как раннесредневековой литературы. Автор работы впервые исследует художественные формулы письменных памятников древних тюрков по концепции теоретика литературы Ю.Б. Борева, который определяет особенности мировой древнейшей художественной культуры на примере древнего мирового искусства. Предпринята попытка рассмотрения древней письменной литературы как одной из мировоззренческих основ развития художественной культуры.

Ключевые слова: литературные памятники древних тюрков, поэтические традиции, художественные формулы, мировоззрение.

Один из древнейших тюркоязычных этносов Центральной Азии – тувинцы – это народ с многовековой историей, своеобразной духовной и материальной культурой. Являясь прародителем скифов, гуннов, тюрков, уйгуров и кыргызов, Тува остается носителем культуры этих древних народов. Об этом свидетельствуют курганы «Аржаан-1», «Аржаан-2», каменные изваяния, рунические письмена, высеченные на каменных стелах: 60% всех памятников орхоно-енисейской письменности находится на территории Тувы – древней земли, по праву считающейся колыбелью многих народов Евразии.

И естественно, тувинская словесность и художественная культура тесным образом связаны с письменным наследием древних тюрков. Древнетюркские надписи на каменных стелах следует рассматривать не только в системе культуры, языка, религии и традиционного мировоззрения народов Центральной Азии, но и как явление древней литературы.

Литературоведческому анализу памятников древнетюркской литературы (с середины XX века) посвящены работы известных тюркологов В.М. Жирмунского, А.Н. Бернштама, А.М. Щербача, которые считают, что древнетюркские памятники являются прозаическими произведениями, а енисейские надписи характеризуют как «примитивные и неприязнительные тексты» [1, с. 79]; И.В. Стеблевой, которая рассматривает орхоно-енисейские надписи как поэтические тексты, построенные в рамках стихотворного канона; А. Бомбачи, А. фон Габен, которые относят надписи древних тюрков к литературе вообще [2], и другими. Таким образом, вышеуказанные ученые, бесспорно, считают древнетюркские рунические надписи памятниками литературы.

Памятники орхонской письменности, определенные И.В. Стеблевой как историко-героические поэмы – «Малая надпись в честь Кюль-тегина», «Большая надпись в честь Кюль-тегина», «Надпись в честь Тонюкука» (все датируются VIII в.) – находятся на берегу р. Орхон в Монголии. Древнетюркские памятники, обнаруженные вдоль Верхней и Средней части Енисея – на территории Тувы, Хакасии и Минусинской котловины, являются в основном образцами эпитафийной лирики древних тюрков (VII-XII вв.), относящихся к историческим периодам: «древнетюркскому (552-744 гг.), уйгурскому (745-840 гг.), древнекыргызскому (IX-XII вв.)» [3, с. 5].

Рассмотрим некоторые мировоззренческие особенности орхоно-енисейских памятников.

В письменных памятниках древних тюрков можно обнаружить наличие мировоззренческого феномена – трехуровневую модель Вселенной, которая идет из глубинных, архаических пластов религиозно-мифологического сознания восточных народов. В тувинской мифологии небо называлось *Ак Дээр* (Белое Небо) или *Көк Дээр* (Синее Небо) [4, с.80], а в памятниках древних тюрков – Синее (голубое) Небо. Выражение неба эпитетом «белый» или «синий» (голубой) усиливает контраст неба и земли, так как тувинцы называют землю *Кара Чер* (Черная Земля). Например: «*Устүнге көк дээр, адаанга кара чер кылдынарда...*» / *Когда было сотворено вверху голубое небо (и) внизу темная земля...* / КТБ, 1. Здесь налицо параллелизм, но происходит «единство противоположностей», в результате которого появляется третий элемент триады – Человек («...ол ийиниң аразынга кижиди олу кылдынган» / «...между обоими были сотворены сыны человеческие!» – КТБ, 1).

По мнению Н.В. Абаева «...дуализм нельзя абсолютизировать, поскольку он относителен, т.е. Небо и Земля дуальны только относительно друг друга, и вместе они образуют вполне гар-

моничную недуальную пару, у которой всегда есть третий гармонизирующий их, «опосредующий» медиальный элемент – «человек», например, или «мировое дерево», «мировая гора» и т.д.» [5, с. 88]. Средний элемент этой космической триады является объектом Среднего мира, поэтому эта триада есть мифологическая космическая модель в виде трех миров.

Приведем пример из тувинского эпоса, иллюстрирующий триадность космической модели, как и в древнетюркских надписях:

*Кара-Чер иелиг,
Көк-Дээр адалыг,
Демир кара чалыг,
Демир-Кара аъттыг
Дээр оглу Демир-Кара мөге...*

[6, с. 73]

*Сын матери – Черной Земли,
Сын отца – Синего Неба,
Имеющий черный железный лук,
Имеющий коня Демир-Кара (Железно-Вороний),
Сын Неба богатырь Демир-Кара...*

По исследованию И.В. Стеблевой, «для авторов орхонских текстов мир резко делится на божественный (божественное происхождение каганов, одобрение и милость неба во всех полезных для тюркского народа начинаниях каган – войнах, походах усмирения непокорных народов) и человеческий (события, реально происходившие и описанные)» [7, с. 51]. Тенгри (тув. Денгер), как верховное божество теологической структуры, определяет судьбы людей, управляет их делами.

В изучении истоков тувинской литературы и культуры несомненный интерес представляют художественные особенности памятников орхоно-енисейской письменности.

Рунические надписи древних тюрков, являясь одним из фундаментальных пластов тюркоязычной словесности, имеют художественные достоинства – эпический принцип построения сюжета, сложный пространственно-временной континуум, особенность ритмической организации, стиля и т.д., – и это, как заключил Р.Н. Баимов, «доказывает высокий уровень художественного мышления древних тюрков» [8, с. 25].

Теоретик литературы и эстетики Ю.Б. Борев в своем труде «Теоретическая история литературы» определяет особенности мировой древнейшей художественной культуры на примере древнего искусства шумеров, египтян, ассирийцев, вавилонян, хурритов, хеттов, финикийцев, ахейских греков, древних индусов, иньских китайцев [9, с.135-138]. Мы рассматриваем в этой концепции также художественную культуру древних тюрков VII-XII вв. – памятники орхоно-енисейской письменности как раннюю средневековую литературу, основанную на следующих художественных формулах:

1. «**Сосредоточение на представлениях о прошлом, без особого внимания к будущему**» [9, с. 135]. В памятниках древних тюрков рисуется прошлое и настоящее, сложенные в череду исторических событий. Это одна из главных черт художественного сознания древности. «Древняя художественная культура оглядывается в будущее, ведя счет времени по прошедшим поколениям или по царствиям правителей» [9, с. 135]. В данном случае – история древних тюрков исчисляется с сотворения мира («*Когда вверху синее небо, а внизу черная земля были сотворены, между ними был сотворен сын человеческий*»), затем проводится пафосное описание правления каганов, начиная с Бумын-кагана, Истеми-кагана, кончая правлением Бильге-ка-

гана: «Вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков так сказали: «да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет, так говорили. Небо, руководя со своих высот отцом моим Ильтериш-каганом и матерью моей, Ильбиге-кагун, возвысило их» [КТБ, 10,11]. Подобно восприятию прошлого для вавилонянина, прошлое древнего тюрка – «это не бездна единиц вроде тысячелетий и веков, а конкретные события, деяния правителей и военачальников, предков, прожитая ими героическая жизнь. Будущее воспринималось как неукоснительное исполнение божественных планов (в данном случае: исполнение воли Тенгри. – Л.М.)» [9, с. 135]. «Так как Небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам» [КТБ, 12]; «... По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы, и отнял каганов у имевших (своих) каганов» [КТБ, 15]; «... да будет (ко мне) Небо благосклонно, – так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял к жизни готовый погибнуть народ...» [КТБ, 29]; «Небо, Умай, священная Земля-вода ... даровали нам победу» [Т, 38]. Относительно внимания к будущему, следует отметить, что в древнетюркских памятниках герой обращается к своему народу в настоящем времени, а в конце повествования, – возможно, и к потомкам. Это выражается в словах: «М-ге даш тургуустум» («Я поставил вечный камень») [КТМ, 11].

2. «Удвоение (повторяемость) центрального события в эпическом сюжете» [9, с.135]. Об этой особенности древних произведений пишет Н.Д. Тамарченко: «Для древней эпохи характерно удвоение всех важнейших событий. Миру присуще единство противоположностей, равно необходимых для бытия. Поэтому временный перевес одной из этих сил в конкретном событии должен быть компенсирован другим событием, совершенно подобным, но имеющим противоположный результат» [Цит. по 9, с. 135].

Как говорится в «Книге Екклесиаста», «Время разбрасывать камни, время собирать камни», в памятниках древних тюрков, на наш взгляд, четко повторяется реальное воплощение этих тезисов, которые могут выступить как очередные примеры осмысления и интерпретации библейских изречений:

1а) «Время разбрасывать камни» – данный художественный тезис осуществляется в следующих действиях сюжета: «Вследствие непрямоты» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана со стороны народа табгач ... и вследствие того, что они ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним кагана; народу табгач стали они рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили (с себя) свои тюркские имена (т.е. звания и титулы) и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач» [КТБ, 6,7];

1б) Затем по велению Неба и священной Земли тюрков, их собрал Ильтериш-каган: «... он собирал и поднимал, так что всех их стало семьсот мужей. Когда (их) стало семьсот мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой Эль (т.е. свое государство) и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами, упразднивший (свои) тюркские установления, он привел в порядок и наставил по становлениям моих предков...» [КТБ, 12,13] – воплощение художественного тезиса «время собирать камни».

2а) Затем, по происшествии определенного времени, тюрки опять разбрелись по свету, повторили свой предыдущий поступок – «разбрасывание камней»: «Ты (сам), о народ священной Отюкенской земли, ушел. Ты ходил ты вперед (т.е. на восток), ты ты ходил назад (т.е. на запад), и в странах, куда ты ходил, ... твоя кровь бежала как вода, твои кости лежали как горы; твое крепкое мужское потомство стало рабами...» [КТБ, 23,24] – повторение события (1а) в эпическом повествовании.

2б) Затем происходит противоположное событие – «собираение камней» Бильге-каганом: «... я поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым нищий народ, сделал многочисленным малочисленный народ... Живущие по четырем углам (т.е. сторонам света) народы я все принудил к миру и сделал их невраждебными (себе), все они мне починились» [КТБ, 29,30] – повторение события в пункте 1б.

Главную роль здесь играют образы «пассионариев» (по Л.Н. Гумилеву): Ильтериш-кагана (в 1б) и Бильге-кагана (в 2б), которые приводили в движение историю древних тюрков, также пассионарного воина – Кюль-тегина. Если делать выводы по теории этногенеза Л.Н. Гумилева, в исторических действиях пунктов 1а и 2а происходит «спад пассионарного напряжения», а в 1б и 2б – «подъем пассионарного напряжения» [10, с. 272-282].

3. «Представление о мире как о неустойчивом равновесии глобальных сил» [9, с. 135]. Как видно из примеров второй особенности древней художественной культуры, древние тюрки живут в «неустойчивом равновесии мира»: то нарушается равновесие, то происходит неизбежное его восстановление в результате деяний правителей. «Циклическое развертывание художественного действия в древних произведениях – свидетельство понимания миропорядка как постоянного равновесия жизни и смерти. В некоторых культурах мир предстает как постоянная смена (взаимопереход) жизни и смерти» 95, с. 135]. Данное представление – равновесие «жизни» и «смерти» тюркского общества – диктуется циклическостью (примеры в пункте 2) и воспринимается как положенное экзистенциальное течение. «Время (т.е. сроки, судьбы) распределяет Небо, сыны человеческие рождены с тем, чтобы умереть» [КТБ, 50] – таково философское отношение Бильге-кагана при безмерном горе в связи с гибелью брата Кюль-тегина.

4. «Героичность эпического действия и наличие препятствия перед его развязкой» [9, с.136]. Если бы не было препятствий в установлении мирной жизни в каганате, древнетюркские историко-героические повествования в честь Бильге-кагана, Кюль-тегина и Тоньюкука лишились бы героической окраски. Мы видим яркие события, мужественные поступки героев произведения: «... врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить (головы)» [КТБ, 15]; «Кюль-тегин, сев на белого Огсиза, заколол девять мужей (и) не отдал орды!» [КТБ, 48,49]. В произведениях древних тюрков утверждается героическая концепция человека, в то же время утверждается единство личности и общества (подобно античному мифологическому реализму): герой живет и борется, отдает все свои силы, свою жизнь за свой народ, за свой Эл (каганат). Данные надписи овеяны героическим духом, мужеством и отвагой тюркского воина-полководца Кюль-тегина.

5. «Равноправие случайности (Хаоса) и необходимости (Порядка)» [9, с. 136]. В данных произведениях древних тюрков Хаос (расселение тюрков, попадание в рабство к табгачам) сменяется Порядком (установление каганата). И эти действия сюжета приводят к логическому завершению и выводу: «Необходимость создает порядок; Случай тяготеет к Хаосу. И в мире эти два начала равноправны» [9, с.137].

6. «Случайный характер начала и конца в эпосе есть выражение его бесконечности и абсолютности» (Шеллинг Ф.В.) [9, с. 137]. Сюжет (при спокойном зачине о правлении Бумын-кагана и Истеми-кагана) сразу начинается с того, что в четырех сторонах света были враги и начались войны. И завершается повествование неожиданно – смертью главного героя Кюль-тегина. «Тем самым художественно воплощаются древнейшие представления о времени как непрерывном и бесконечном линейном движении» [9, с. 137].

7. «Отсутствие (или несущественность для культуры) указания на автора произведения, безымянность творчества, несуществование проблемы плагиата, дозволенность любых заимствований без обязательности ссылки на источник» [9, с. 137]. Данная особенность характерна для памятников с эпиграфической лирикой древних тюрков, обнаруженных в основном в бассейне реки Енисей. Орхонские памятники имеют авторство, это Йоллыг-тегин и Тоньюкук (предположительно).

8. «Религия – господствующая форма идеологии, оказывающая определяющее влияние на все искусство» [9, с. 137]. Как видно из орхон-енисейских памятников, основной религией древних тюрков являлось тенгрианство. «Религия определяла главные принципы мироотношения древнего человека» [9, с. 137]: «По милости Неба» [Т, 40]; «Дало мне мудрость Небо», «Нам Небо помогло – мы одержали верх», «Теперь Билге-каган силен и знаменит – крепит закон, что дали Небеса» [Т, 62].

Говоря о культе Неба в рунических надписях древних тюрков, М.Б. Кенин-Лопсан проводит параллель с культом Неба

в мировоззренческой концепции шаманизма – древней формы религии тувинцев и других народов Центральной Азии: «Дээр (Небо) всегда было божественным началом шаманов небесного происхождения» [6, с.8]. Таким образом, автор приходит к выводу, что и древним тюркам было присуще мировоззрение шаманизма, что «культ Неба имеет одинаковое значение и для небесных шаманов, и для королевского рода древних тюрков» [11, с. 15].

9. «**Чрезвычайная роль слова**» [9, с. 137]. Слово в анализируемых древнетюркских повествованиях играет огромную роль. Не говоря о повелениях высшей силы – Тенгри, в текстах движущей силой истории древних тюрков выступают призывы, заклинания, клятвы. Например: «*да не погибнет ... народ тюркский, народом пусть будет!*» [КТБ, 11]; «*Чтобы не пропало имя и слава тюркского народа!..*» [КТБ, 25]; «*Пусть будет милостиво Небо!*» [Т, 53]. «Слово для древнего человека определяет бытие или небытие вещи и человека. Они не существуют, пока не названы, они перестают существовать, потеряв имя; человек остается жить после смерти, и одно из условий для этого бессмертия – сохранение имени» [5, с. 138]. Благодаря вечным памятникам древней культуры, сохранены имена древнетюркских героев. Например: «*Если бы не было Кюль-тегина, все бы вы погибли!*» [КТБ, 50]; «*Я Йегин Алп Туран*» [Барык, Е-5].

10. «**Преклонение перед силами природы**» [9, с. 138]. Мы видим в древнетюркских текстах персонификацию Неба, Земли, обожествление Солнца и Луны. Например: «*Вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков так сказали: да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет, так говорили. Небо, руководя со своих высот отцом моим Ильтериш-каганом и матерью моей, Ильбиге-катун, возвысило их*» [КТБ, 10,11]; «*От солнца и луны на голубом*

небе я отделился, о горе!» [Элегест, Е-10]. «*Я не наслаждался моим государством небесного происхождения*» [Уюк-Туран, Е-3]. Это не просто слова, а глубокая благодарность древних людей высшим силам, даровавшим жизнь на этой земле, славу и почет, победу и удачу.

11. «**Особо острое ощущение иерархической структуры общества**» [9, с. 138]. В данных историко-героических повествованиях и эпиграфической лирике древних тюрков четко обозначается отличие кагана и высшего слоя общества от рядовых людей, «чувство иерархии живет в их художественном сознании» [9, с. 138]. Каган считается «похожим на Тенгри, рожденным на Небе» («*Небоподобный, неборожденный тюркский каган*») [КТМ, 1], «*Каган его – герой, а советник у него – мудрый*» [Т, 10]; «*Стыд чистых хорош*» [Т, 37]. Именно они являются героями вечных надписей.

Этим, на наш взгляд, не ограничиваются художественные особенности памятников орхон-енисейской письменности, что требует дальнейшего углубленного изучения. Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что историко-героические поэмы (по И.В. Стеблевой) и эпиграфическая лирика древних тюрков по своим литературно-художественным формулам имеют общие черты с древнейшими памятниками мировой культуры и искусства. Это дает возможность предположить, что в любой эпохе мировой истории находятся люди, которые сохраняют историческую память, передавая следующим поколениям оформленные в виде литературных произведений послания, в которых сохраняются общие для большинства древних памятников письменности художественные формулы.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ №13-14-17001 а(р)

Сокращения:

КТБ – «Большая надпись в честь Кюль-тегина»
КТМ – «Малая надпись в честь Кюль-тегина»
Т – «Надпись в честь Тоньюкука»

Библиографический список

1. Жирмунский, В.М. Орхонские надписи – стихи или проза? // НАА. – 1968. – № 2.
2. Корш, Ф.Е. Древнейший народный стих турецких племен. – ЗВРАО, 1909. – Т. IX, II-III; Бернштам, А.А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI-VIII веков. – М.; Л., 1946; Бомбачи, А. Тюркские литературы. Введение в историю и стиль; Габен, А.Ф. Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. – 1986. – Вып. I; Жирмунский, В.М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Тюркологический сборник. – 1970; Щербак, А.М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. – 1970; Его же. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // НАА. – 1961; Стеблева, И.В. Поэзия тюрков VI-VIII веков. – М., 1965.
3. Күлтегин. Бурунгу тыркертиң Енисей-Орхон бизиһиниң тураскаалдары / предисл. Ю.Л. Аранчына, З.Б. Самдан. – Кызыл, 1993.
4. Кенин-Лопсан, М.Б. Культ Неба в алгышах тувинских шаманов и древнетюркских надписях в честь Кюль-тегина // Письменное наследие тюрков. – Кызыл, 2003.
5. Абаев, Н.В. «Ак-Чаян» и «тэнгрианство» как духовно-культурная основа кочевнической цивилизации тюрко-монгольских народов // Мир Центральной Азии: материалы международной науч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – Т. 3. Культурология. Философия. Источниковедение.
6. Аас чогаалынын тураскаалдары. – Кызыл, 1994.
7. Стеблева, И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М., 1976.
8. Баймов, Р.Н. Великие лики и литературные памятники Востока. – Уфа, 2005.
9. Борева, Ю.Б. Теоретическая история литературы // Теория литературы. – М., 2001. – Т. IV. Литературный процесс.
10. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Л., 1990.
11. Кенин-Лопсан, М.Б. Магия тувинских шаманов. – Кызыл, 1993.

Bibliography

1. Zhirmunskiy, V.M. Orkhonskie nadpisi – stikhi ili proza? // NAA. – 1968. – № 2.
2. Korsh, F.E. Drevneyshiy narodniy stikh tureckikh plemen. – ZVORAO, 1909. – T. IX, II-III; Bernshtam, A.A. Socialjno-ehkonomicheskiy stroj orkhono-enisejskikh tyurok VI-VIII vekov. – M.; L., 1946; Bombachi, A.. Tyurkskie literaturih. Vvedenie v istoriyu i stilj; Gaben, A.F. Drevnetyurkskaya literatura // Zarubezhnaya tyurkologiya. – 1986. – Vihp. I; Zhirmunskiy, V.M. O nekotorykh problemakh teorii tyurkskogo narodnogo stikha // Tyurkologicheskij sbornik. – 1970; Therbak, A.M. Enisejskie runicheskie nadpisi. K istorii otrikhtiya i izucheniya // Tyurkologicheskij sbornik. – 1970; Ego zhe. Sootnoshenie alliteracii i rifmih v tyurkskom stikhslozhenii // NAA. – 1961; Stebleva, I.V. Poehziya tyurkov VI-VIII vekov. – M., 1965.
3. Kyltegin. Burungu tyrkertiniң Enisej-Orkhon bizhiiniң turaskaaldarih / predisl. Yu.L. Aranchihna, Z.B. Samdan. – Kihzihl, 1993.
4. Kenin-Lopsan, M.B. Kuljt Neba v algishshakh tuvinskikh shamanov i drevnetyurkskikh nadpisyakh v cheshtj Kyulj-tegina // Pisjmennoe nasledie tyurkov. – Kihzihl, 2003.
5. Abaev, N.V. «Ak-Chayan» i «tehngrianstvo» kak dukhovno-kuljturnaya osnova kochevnicheskoy civilizacii tyurko-mongoljskikh narodov // Mir Centralnoj Azii: materialih mezhdunarodnoj nauch. konf. – Ulan-Udeh, 2002. – T. 3. Kuljturologiya. Filosofiya. Istochnikovedenie.
6. Aas chogaalinihn turaskaaldarih. – Kihzihl, 1994.
7. Stebleva, I.V. Poehtika drevnetyurkskoy literaturih i ee transformaciya v ranneklassicheskiy period. – M., 1976.
8. Baimov, R.N. Velikie liki i literaturnihe pamyatniki Vostoka. – Ufa, 2005.
9. Boreev, Yu.B. Teoreticheskaya istoriya literaturih // Teoriya literaturih. – M., 2001. – T. IV. Literaturnihij process.
10. Gumilev, L.N. Ehtnogenez i biosfera zemli. – L., 1990.
11. Kenin-Lopsan, M.B. Magiya tuvinskikh shamanov. – Kihzihl, 1993.

Статья поступила в редакцию 11.11.13

УДК 811.161.1

Nikiforova O.V. NOMINATION OF RITUAL WAILS (BASED ON NIZHNY NOVGOROD DIALECTS). This article describes the kinds of nominations of burial and funeral lamentations and wedding wails. The material is based on the ritual vocabulary of Nizhny Novgorod region dialects. It is shown that the dialect names of ritual wails contain ethnic and cultural information.

Key words: Nizhny Novgorod dialects, ritual vocabulary, nominations of burial and funeral lamentations and wedding wails.

O.B. Никуфорова, канд. филол. наук, доц., зав. каф. русского языка и методики его преподавания доц. Арзамасского филиала Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, E-mail: snegaovnik@rambler.ru

НОМИНАЦИИ ОБРЯДОВЫХ ПРИЧИТАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРОВ)

Статья посвящена анализу номинаций погребально-поминальных и свадебных обрядовых причитаний. Материалом послужила лексика говоров Нижегородской области. Отмечается, что диалектные названия обрядовых причитаний содержат этнокультурную информацию.

Ключевые слова: нижегородские говоры, обрядовая лексика, номинации погребально-поминальных и свадебных причитаний.

Проблемы антропоцентризма и функционализма как основные исходные положения исследований в современном языковедении выдвинули на первый план лингвистических изысканий когнитивный аспект описания языка. Рассматриваемые в когнитивном аспекте языковые явления понимаются как своеобразные пласты памяти человека, передающие его различные представления о мире и о себе. Своим специфическим способом концептуализации мира характеризуются не только разные языки, но и разновидности одного национального языка. Среди последних особую роль исследователи отводят диалектному языку. У представителей традиционного социума в процессе постижения внешней среды складывается образ мира, который воплощается в языке. В основе образования обрядовых лексем лежат ассоциации с разными явлениями действительности. Большинство этнокультурных слов мотивировано обрядовой реальностью, которая носит регулярный и системный характер, поэтому они легче и прочнее удерживаются в памяти. Осознать семантику этих лексических единиц помогает их внутренняя форма через содержание уже известных в языке слов. Обрядовое слово, в отличие от общеупотребительной лексемы, обладает полисемантизмом, синонимичностью, обрядовым символизмом, часто имеет метафорический характер.

На лексико-фразеологическую систему языка накладывает отпечаток национально-культурная специфика этноса. В рамках культуры людей объединяют народные обряды, которые сохраняют этнический стереотип поведения в той или иной ситуации. К обрядам жизненного цикла относятся рождение, свадьбу, похороны. В их основе лежат события, структурирующие жизненный цикл каждого человека и человеческого сообщества в целом: появляется или исчезает один из членов общества. Поэтому в совокупности знаний человека важное место занимает комплекс представлений о жизни и смерти. При этом обряды сопровождаются исполнением ритуальных песен, выполнявших ту или иную сакральную функцию. В переходные моменты необходимо восстановить нарушившееся равновесие между мирами – человеческим и нечеловеческим (потусторонним), поэтому становится актуальным все, что связано в народных представлениях с творением действительности (космосом). Исследователи считают, что одним из действий, связанным в архаическом сознании с первотворением и воспринимаемым как магическое, являлось действие счета, перечисление предметов человеческого мира, которое мыслилось как упорядочивание действительности, восстановление нарушенного порядка.

Результаты познавательной деятельности людей закрепляются в языковых единицах разных уровней, однако основным инструментом мысли и аккумулятором культурной информации является слово. При этом особый интерес для когнитивных исследований представляют слова определенной части речи, например, глаголы, поскольку именно глагол, по словам В.В. Колесова, является самой древней частью речи, сохранившей во

многим и до сих пор свою архаическую семантику [1, с. 12-13]. Прочную семантическую параллель между некоторыми эпизодами свадьбы и похорон иллюстрирует обрядовый глагол *причитать*. «Выходишь замуж-от раньше, так выли, плачут, кода хоронить повезут, воют: милый, хороший, жил бы да жил, все ревут» (д. Липовка Воскресенского р-на). Традиция причитания, несмотря на то, что оно рождала художественные ценности, являлась традицией, стоящей на грани быта и искусства и ставившей перед собой не осознанно-эстетические, а бытовые ритуально-обрядовые цели (оплакать покойника, невесту). Естественное исполнение причитания возникает по совершенно определенному поводу и имеет специфическую эмоциональную атмосферу. Поэтому причитание на свадьбе или на похоронах призвано было способствовать восстановлению нарушенного порядка, выполнять магическую функцию, связанную с «творением» новой действительности, а также функцию эстетическую – служить средством выражения эмоционального состояния человека. Т.Н. Бунчук высказано предположение, что «... семантика севернорусской лексемы причитать 'вспоминать в особые дни' (а также 'настойчиво повторять, напоминать') отражает на глубинном уровне особенности древнего мифологического мировосприятия и может быть реконструирована как 'обрядовое действие, призванное в критический период времени актуализировать / вспомнить первотворение посредством собирания, в том числе всех членов рода, и тем самым сохранить порядок в мире'» [2, с. 24].

Первичным, давшим начало другим, было похоронное голошение. В нижегородских говорах обряд ритуального причитания на похоронах называется глаголами *голоси'ть, пригола'шивать, огола'шиваться, вы'ть, оба'вливаться, вопи'ть, причита'ть, причи'тывать, пла'кать, реве'ть*, устойчивыми сочетаниями *пе'ть моле'нье, пе'ть погребе'нье, говори'ть, псалти'рь*.

Обычно голосили родственники умершего. Если же они не умели этого делать, то звали специальных женщин, которые читали Псалтырь, оплакивали покойного: *пла'кальщицы, плаку'ши, чита'льщицы, причита'лки, причётницы, пе'вчие, псалты'рщицы, голосу'хи, во'пленицы, вы'льи, вы'тьицы, выльщи'цы, вытья'нки, говори'льщицы*. «Ну, вылья называют, котора хорошо поёт, воет» (с. Большое Карпово Уренского р-на), «Из чужих деревень всех молельщиков соберем» (д. Набережная Тонкинское р-на), «Похороны сёни, плакуша пришла причитать» (с. Кельдюшово Лукояновского р-на), «Причиталки-то щас редкость» (д. Беласовка Семеновского р-на). Обрядовые агенты в нижегородских говорах являются производными и мотивированными обрядовой реальностью. Для носителей диалекта актуальной представляется номинация агентов по функциональному признаку, поскольку «... символический смысл действий ритуала непосредственно участвует в формировании семантики обрядовых терминов, представленных зачастую лексикой глагольного типа» [3, с. 218].

Родные, близкие плачут, причитают после того, как умершего похоронят в гроб. В день погребения плачи звучали и при выносе гроба из дома, и по дороге в церковь, и на кладбище, и на могиле. Сильнее всего плачут, когда опускают гроб в могилу. «Если не причитают, значит, не любят», – так говорят в с. Липовка Ардатовского р-на. Ритуальное голошение часто становилось подлинно поэтическим действием, полным печальных, элегических импровизаций. Плач строится как цепь восклицательно-вопросительных предложений, риторических обращений к покойному. Приведем плач жены, записанный нами в с. Большая Арать Гагинского р-на: «Ой, батюшка, ой, Господи! Да на кого ты меня оставил, покинул, ушел во сыру землю! Что ты не подумал о своих детушках! Как они теперь без тебя? С какой стороны нам теперь ждать тебя, выглядывать? Ой, опомнись, роднейки, разве плохо нам с тобой жилось, жилось-былось?! Люди добрые на нас завидывали! Ой, батюшка, а теперь я осталась одна! Ой!».

Похоронные причитания в нижегородских говорах называются *во'й, вытьё, моле'нье, причёт, причету'шки, причит'ки, причётки, провожа'льные пе'сни*. «На похоронах-то только вой слышать» (д. Высоково Ковернинского р-на), «Мало ли было выть-то на похоронах, да и на свадьбе-то» (д. Асташиха Воскресенского р-на), «Все три дни молешься, моленья поёшь» (с. Пафнутово Семеновского р-на).

Ритуальные голошения сопровождало и свадебный обряд, т.е. событие, связанное с рубежом, с переходом из одного состояния в другое. Во время свадьбы песни-причитания могла исполнять сама невеста, оплакивая прощание с девичьей волей. После ухода сватов невеста, узнав, что просватана, начала причитать и причитала до самой свадьбы, оплакивая свою горькую судьбу, свою девичью волю, беспечальную жизнь у родителей. Обряд, при котором невеста, прощаясь с девичеством, причитает и поет грустные песни, называется в нижегородских говорах словами *вы'ть, вопи'ть, оба'пливаться, голоси'ть, выгола'шивать, причита'ть, пла'кать, зорю провыва'ть, девью красоту сдава'ть, пла'кать на причёты*. «Дня за три до сварьбы невеста девью красоту сдает, а подружки слушают, как она голосит» (д. Мокруша Княгининского р-на), «Зговорёнка воет, воет, да так хорошо, сердцэ так и замирает прямо» (д. Русениха Воскресенского р-на), «Как усватают, невеста начинает плакать на причёты» (д. Филюково Сосновского р-на).

Главным лирическим мотивом причитаний становилось выговариваемое невестой нежелание идти замуж, она вопрошала у отца и матери, зачем ее отсылают из дому. Свою тяжкую печаль невеста открывала подругам. Нередкими были свадьбы, которые устраивались с согласия невесты, но обряд обязывал горько причитать и при этих обстоятельствах. Выходившая за-

муж девушка обязана была перевоплотиться в образ тоскующей и горящей невесты. Каждый день невеста просыпалась и начинала свои причитания, обращенные поочередно к отцу, матери, сестре, брату, подружкам. Звучали самые проникновенные песни свадебного цикла, произносились самые раздирающие душу причитания. Песни, певшиеся в это время, носят в нижегородских говорах наименования *пла'чи, причёты, говори'лишные пе'сни, сговори'лишные пе'сни, голосовы'е пе'сни*. «Подружки придут, говорилишные песни поют» (д. Афанасиха Краснобаковского р-на), «Просватают девушку, тогда ходят подружки, поют сговорилишные песни» (д. Липорвка Воскресенского р-на). Названия свадебного голошения происходят либо от слов, выражающих скорбь, боль, горе (плачи от плакать), либо от слова причеть (причёты), либо от лексемы, связанной со звуком (говорилишные песни – говорить). Первые две номинации свидетельствуют о форме проявления страдания, в то время как в других сочетаниях прямого указания на страдательность нет, имеется лишь намек на наиболее употребительное в северновеликорусских говорах песенно-речетативное исполнение свадебных причитаний. В этом, казалось бы, несвойственном для обряда свадьбы обилии печали, конечно, и проявление русского менталитета – не выражать принародно своей радости от перемен в личной жизни (даже если они желанны), и осознание невестой ответственности своей новой роли, и страх перед неведомой еще жизнью в семье мужа, и накопившиеся веками в народе представления о нелегкой женской доле.

Невеста как главное действующее лицо всего обряда изменяла свой социальный статус и навсегда покидала дом, родителей, резко меняла образ жизни, расставалась с подружками. После прощания с косой подружкой невесты пели грустные песни, начинали причитать, т.е. оплакивать невесту как будто умершую для прежней жизни. Обряд, при котором подружки провожают невесту к венцу, сопровождая проводы плачем, причитаниями, называется в нижегородских говорах глаголами *вы'ть, вопи'ть, голоси'ть, причита'ть, пла'кать, припла'кивать*, устойчивыми сочетаниями *опла'кивать неве'сту, гнечи'ть неве'сту, велича'ть неве'сту, пла'кать на причёты*. «То на сварьбах пели, а ныне не поют, не воют» (с. Чупалейка Выксунского р-на).

Таким образом, наименования обрядовых причитаний в нижегородских говорах обширны и представлены как отдельными лексемами, так и устойчивыми сочетаниями. Часть из них являются межобрядовыми, используемыми в свадебном и погребально-поминальном обряде: *причита'ть, голоси'ть, вы'ть, плакать*. Обрядовые номинации причитаний связаны с ритуальными действиями и отражают языковую картину мира носителей говора.

Библиографический список

1. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.
2. Бунчук, Т.Н. Семантика слова «причитать» в русских говорах (этнолингвистический аспект исследования) // Проблемы современной русской диалектологии: тезисы докладов Международной конф. – М., 2004.
3. Хоробрых, С.В. К вопросу о семантических отношениях морфем в лексике ритуала (на материале «Этнолингвистического словаря свадебной терминологии Северного Прикамья», «Словаря свадебной лексики Орловщины») // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения доктора филол. наук, проф. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 2008.

Bibliography

1. Kolesov, V.V. Mir cheloveka v slove Drevney Rusi. – L., 1986.
2. Bunchuk, T.N. Semantika slova «prichitatj» v russkikh govorakh (ehtnolingvisticheskiy aspekt issledovaniya) // Problemih sovremennoj russkoy dialektologii: tezisih dokladov Mezhdunarodnoj konf. – M., 2004.
3. Khorobrihkh, S.V. K voprosu o semanticheskikh otnosheniyakh morfem v leksike rituala (na materiale «Ehtnolingvisticheskogo slovarya svadebnoy terminologii Severnogo Prikamjya», «Slovarya svadebnoy leksiki Orlovthinih») // Russkoe slovo: literaturimihy yazihk i narodnihe govorih: materialih Vserossiyskoj nauch. konf., posvyatennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filol. nauk, prof. G.G. Meljnichenko. – Yaroslavl, 2008.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 811.512.156

Soyan A.M. **PRONOUNS BRACES WITH ADVERBIAL POSTPOSITIONS IN TUVAN LANGUAGE.** The article analyzes the pronoun buckles with adverbial postpositions in Tuvan language. Highlighted their functions and interphrase transphrasique. Postpositions considered as part of a simple sentence, Polypredicative design and in the text, supra-phrasal unity.

Key words: Tuvan language, pronouns brace, adverbial postposition, the function, the phrase, means of communication.

А.М. Соян, канд. филол. наук, ТувГУ, г. Кызыл, E-mail: soyan-a@mail.ru

МЕСТОИМЕННЫЕ СКРЕПЫ С НАРЕЧНЫМИ ПОСЛЕЛОГАМИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проанализированы местоименные скрепы с наречными послелогами в тувинском языке. Особо выделены их функции: межфразовая и сверхфразовая. Послелоги рассматриваются в составе простого предложения, полипредикативной конструкции и в тексте, сверхфразовых единствах.

Ключевые слова: тувинский язык, местоименная скрепа, наречный послелог, функция, фраза, средство связи.

Послелоги выступают средствами выражения синтаксических связей как в простом, так и в сложном предложении. Этот вопрос освещался во многих работах по тюркологии и тувиноведении. Известно, что в простом предложении послелоги присоединяются к именным частям речи [1; 2; 3]. В полипредикативных конструкциях (ППК) послелог присоединяется к зависимому сказуемому в форме причастия или деепричастия [4; 5; 6]. В синтаксических структурах более сложного уровня послелог вместе с указательными местоимениями составляет аналитическую скрепу и выражает семантические отношения между фразами.

В данной статье нами рассматриваются местоименные скрепы с наречными послелогами в тувинском языке.

О переходе в наречия служебных частей речи (в основном служебных имен и послелогов) отмечено У.А. Даржа [7, с. 121]. Автор считает, что одним из продуктивных способов формирования наречий в тувинском языке является конверсия. Ею же отмечены послелоги // наречия (*долгандыр* 'вокруг, кругом, всюду, везде', *кежир*, *кежилдир* 'через' и т.д.) [7, с. 124].

А в нашем случае отмечается обратное. Рассматриваемые нами послелоги образованы от наречий способом конверсии. Они управляют впереди стоящими местоимениями, составляя вместе с ними синтаксические средства связи.

В настоящей работе анализу подвергаются местоименные скрепы с наречными послелогами в тувинском языке, выявленные нами методом сплошной выборки.

Скрепы с послелогом *дораан* 'сразу, немедленно': *ол дораан* 'сразу', *бо дораан* 'сейчас же', *ыя дораан* 'тотчас', 'в тот момент', 'сразу', 'в тот миг'.

Данный послелог присоединяется к причастиям прошедшего времени, которые 'выражают действие, после которого сразу начинается другое действие, выраженное в стержневом слове: *дыңнаан дораан келдим* 'пришел сразу, как услышал' [8, с. 155].

На уровне сложного предложения «причастно-послеложная конструкция $T_v = \text{ган дораан}$ » используется для передачи «следования конкретных событий в абсолютном прошедшем времени. События и главной, и зависимой предикативных единиц (ПЕ) характеризуются аспектуальным значением недлительности – близкое следование. Семантика полипредикативных конструкций (ППК) с этой скрепой осложнена дополнительным значением быстроты, краткости временного разрыва между действиями, выраженными в главной и зависимой ПЕ. Главное событие непосредственно и быстро следует за зависимым событием» [6, с. 103].

В более сложных синтаксических построениях послелог *дораан* входит в состав аналитических скреп с местоимениями *ол* 'тот', *бо* 'этот', *ыя* 'этот' и является их основным компонентом, выражающим семантические отношения между событиями, выражаемыми фразами.

Ол дораан, бо дораан, ыя дораан выражают отношения, где событие во втором высказывании происходит быстро, сразу же, в краткий промежуток времени за событием в предыдущем высказывании.

Приведем пример:

*Кара баарым халаш кыннып, хая көрдүм,
Карааң чаштыг бодуң база доктааш кындың.
Ыя дораан көрүжүеүс уткужуп кээп,
Ынаныштан, идегелден чырыш кынчык (АУ Ым 86).*

Буквальный перевод этой строфы звучит следующим образом: 'Огорчившись, я повернулся, ты тоже остановилась, со слезами на глазах. В тот момент наши взгляды, встретившись, засияли от доверия и надежды'.

В примере скрепа *ыя дораан* устанавливает отношения, где событие во второй фразе протекает моментально, мгновенно вслед за событием в первой фразе.

Ссылаясь на вышеуказанное, мы пришли к выводу о том, что послелог *дораан* в сочетании с местоимениями *ол, бо, ыя* образует межфразовые скрепы, передающие временные отношения близкого следования между событиями, представленными фразами.

О местоименных скрепах с послелогом *эзугаар* 'согласно (чему-либо)', 'в соответствии (с чем-либо)'; 'так, как...'; 'на основании (чего-л.)' написано в статье А.М. Соян [10]. Автором отмечено, что «в простом предложении послелог *эзугаар* 'согласно (чему-либо)' управляет именем в винительном падеже и выражает способ действия.

В сопоставительных полипредикативных конструкциях ... $T_v = \text{ган} // = \emptyset$ *эзугаар* 'в соответствии с чем-л.; так, как' послелог *эзугаар* присоединяется к зависимому сказуемому в форме причастия на =ган [9, с. 229].

В тексте, сверхфразовых единствах он входит в состав следующих скреп в качестве основного компонента, выражающего семантические отношения соответствия: *бо эзугаар* 'в соответствии с вот этим', 'согласно вот этому'; *ол эзугаар* 'в соответствии с этим', 'согласно этому', *ону эзугаар* 'в соответствии с этим', 'согласно этому'; *бо эзугаар алырга* 'согласно этому'; *ол эзугаар алыр болза* 'согласно этому', 'если взять согласно этому' [10, с. 41].

Скрепы с наречным послелогом *дээрзинде* 'пока': *ол дээрзинде* 'в тот момент', *бо дээрзинде* 'в этот момент'; *ыя ол дээрзинде* 'в тот момент', 'пока', *ыя бо дээрзинде* 'пока'.

Эти скрепы участвуют в образовании временных отношений между фразами. Например:

*Мээң ол сестеримни дыңнааш, ыглай берди...
Ыя ол дээрзинде ону эскербээн чордум... Күрүне азыралыңга ооң өскени эки болганы чадавас (ШС Ха 46)*
'Услышав мои слова, стала плакать...'

В тот момент я не заметил этого... Наверно, хорошо, что она выросла под опекой государства'.

В этом примере данная скрепа устанавливает между абзацами временные отношения ограничительной одновременности. Событие во втором абзаце происходит одновременно с событием в предыдущем абзаце.

Скрепа с послелогом *соон дарый* 'как только', 'вслед за': *ооң соон дарый* 'вслед за этим', 'после того, как', 'после того сразу', 'после этого'.

В ППК послелог *соон дарый* присоединяется к зависимому сказуемому в форме причастия. Такая конструкция $T_v = \text{ган} // \text{соон дарый}$ передает отношения близкого следования между событиями [6, с. 103]. В составе аналитических скреп с местоимением *ооң* данный послелог выражает специализированные временные отношения близкого следования между фразами:

Аржааннаар дээн ийи кижил келгеш, майгын тип алган. Ооң соон дарый уруг-дарыын ушкаргылаан, аъттыг улустар келгилзэн (МЭ Өч 83). 'Два человека, приехавшие лечиться аржаном (целебным источником), установили палатку. После этого сразу приехали всадники, посадившие своих детей позади себя'.

В данном примере обе фразы соединены между собой со скрепой *ооң соон дарый*. Событие во второй из них происходит сразу же вслед за событием в первой.

Скрепы с наречным послелогом *улаштыр* 'дальше': *ол улаштыр* 'далее', *оон улаштыр* 'далее', 'потом'. Примеры с данными межфразовыми скрепами показывают, что они выражают отношения общего следования:

Ынаар дарый четпес болза хоржок. Ол улаштыр Куу-Тайгада таспаннар чип турар бөрүну база хайгаарап көөр-дүр ийин (МЭ Өч 78) 'Нельзя не ехать туда скорее. Далее поеду наблюдать за волком, который питается оленями в Куу-Тайга'.

В примере событие во второй фразе происходит вслед за событием в первой фразе.

Скрепты с наречным послелогом удаа 'раз': **ол удаа** 'в тот раз', **бо удаада** 'в этот раз'.

Послелог **удаа** 'раз' не является средством связи в поли-предикативной конструкции.

Вышеуказанными скрепами устанавливаются временные отношения одновременности:

Ол акша тып алыр дээн сорулгазын утпаан. Ол удаа байдал чогумчалыг болган (АХоюг Х 113) 'Он не забыл свою цель найти деньги. В тот раз ситуация оказалась благоприятной'.

В следующем примере скрепа **бо удаада** 'в этот раз' выступает средством связи между абзацами:

Чаа том номчукчуларга уран чурумалды-биле таарышканы чугаажок.

Бо удаада чогаалчы эрги маадырлары-биле бисти таныштырар (АК Өд 92) 'Новый том, наверно, понравился читателям своей художественностью'.

В этот раз писатель будет знакомить нас со своими старыми героями'.

Таким образом, межфразовые скрепы **ол удаа** 'в тот раз', **бо удаада** 'в этот раз' выражают временные отношения.

Скрепа с послелогом соңгаар 'назад': **оон соңгаар** 'далее', 'после этого'.

В простом предложении послелог **соңгаар** управляет именами в исходном падеже. В ППК «ограничительного следования» [6, с. 103] послелог **соңгаар** присоединяется к зависимому сказуемому в форме причастия и требует от неё оформления аффиксом исходного падежа. В составе аналитической скрепы **оон соңгаар** рассматриваемый послелог выступает основным компонентом. Например:

Надежда сес класс дооскан. Оон соңгаар ооң куш-ажылчы амыдыралы эгелээн (ДБ Өдт 48) 'Надежда окончила восьмой класс. Далее началась её трудовая жизнь'.

В примере межфразовая скрепа использована для выражения временных отношений ограничительного следования между событиями, выраженными данными фразами.

Скрепа с наречным послелогом дараазында 'потом': **ооң дараазында** 'потом', 'после этого'.

Кара-Хаан чиге соңгу чүкче көжүп чорупкан чүвең иргин. Ооң дараазында Сарыг-Хем чурттуг Сарыг-Хаанның аал-чуртунга көжүп чедип кээп-тир эвессте (Ча 101) 'Кара-Хаан уехал переключать на север. После этого приехал на землю Сарыг-Хаана, который родом из реки Сарыг-Хем'.

Событие во второй фразе является продолжением события в первой фразе. В примере отражены временные отношения общего следования.

Скрепа с наречным послелогом удурланыштыр 'напротив': **аңаа удурланыштыр** 'напротив этому'. Она функционирует между фразами и абзацами.

Мен башкымга аажок ынак мен. Ол мээң сеткилимге чырыткы, чүрээмге идегел-дир.

Аңаа удурланыштыр Николай Эртине дээрге мырыңай сыр өске кижидир. Ында сооксумаар сеткил бар (АА Чи 9).

'Я очень люблю своего учителя. Он – свет моей души, надежда в моём сердце'.

Напротив этому Николай Эртине – это совсем другой человек. У него холодная душа'.

В данном примере **аңаа удурланыштыр** 'напротив этому' выступает средством связи между абзацами и участвует в установлении противительных отношений.

Скрепты с наречным послелогом хамаарыштыр 'в связи, в зависимости; относительно, по поводу': **аңаа хамаарыштыр** 'относительно этого', 'в связи с этим', **маңаа хамаарыштыр** 'в связи с этим', 'относительно этого'.

Наречный послелог **хамаарыштыр** управляет указательными местоимениями **ол**, **бо**, требуя от них форму дательного падежа, и составляет вместе с ними скрепу.

«Аныяк өе-буле» деп тускай программа ажылдап кылдынган. Аңаа хамаарыштыр Ш.В.Кара-оол интервью үезинде тода тайылбырны берген (РД Мх 2) 'Разработана специальная программа «Молодая семья». Относительно этого Ш.В.Кара-оол дал четкое разъяснение во время интервью'.

Ол бүдүн жанрның онзагай шынарларын тодарадырынче кичээнегйни угандырган. Маңаа хамаарыштыр автор синтаксистиг параллелизм, аллитерация, рифма база элдээртизени айтыктылаан (АТ Ш 8) 'Он обратил внимание на выявление особенностей всего жанра. В связи с этим автором указаны синтаксический параллелизм, аллитерация, рифма и аллегория'.

Скрепты с наречным послелогом холбаштыр 'в связи', 'относительно': **маңаа холбаштыр** 'в связи с этим', **аңаа холбаштыр** 'в связи с этим'; **ооң-биле холбаштыр** 'в связи с этим', **мооң-биле холбаштыр** 'в связи с этим'.

Тывызыктарның тематиказы догаандыр турар делегейниң болушкуннарын, кижини, ооң ажил-чорудулгазын хаара тудуп турар. Ооң-биле холбаштыр оларны тема аайы-биле тус-тус бөлүктөргө хуваап болур (АТ Ш 47) 'Тематика загадок охватывает события окружающего мира, человека, его деятельность. В связи с этим их можно разделить по теме на отдельные группы'.

В примере именно под влиянием события в первой фразе идет реализация события во второй фразе.

Таким образом, вышеуказанные скрепы выражают причинные отношения.

Скрепты с наречным послелогом капсырлаштыр 'наряду': **аңаа капсырлаштыр** 'наряду с этим', **ооң-биле капсырлаштыр** 'наряду с этим'.

Малдың читкен үези биле ооң Тестен Самагалдайга кээп турган үези дугжу берген. Ооң-биле капсырлаштыр Самагалдайның чагырыкчылары Алдын-Чайзаңа өш-өжээнин дөгеп алыр база бир чылдагаан тыпкан (ИБ А 51) 'Совпало его приезд из местечки Тес в Самагалтай и исчезновение коня. Наряду с этим правители Самагалтая нашли еще один повод отомстить Алдын-Чайзану'.

В данном примере событие во второй фразе осуществляется параллельно событию в предыдущей фразе. И это реализуется посредством скрепы **ооң-биле капсырлаштыр**.

Скрепа с наречным послелогом чаржалаштыр 'наперебой; наряду': **ооң-биле чаржалаштыр** 'наряду с этим'.

Дөрбеттиң хааны Богда хаанга чарылдашкан. Ооң-биле чаржалаштыр орус эрге-чагыргалар дургуннар дугайында чаргы-чаалызын манчы эрге-чагыргалар черинге киирген (ЮА А 35) 'Хан Дорбета предъявил иск Богда хану. Наряду с этим русские власти написали жалобу о беглецах маньчжурским властям'.

В примере события в обеих фразах происходят параллельно друг к другу.

Скрепа с наречным послелогом катай 'вместе': **ооң-биле катай** 'вместе с тем'.

«Сосновка» бо чылын 900 тонна сигенни белеткеп кезер планны салган. Ооң-биле катай Эрзин кожуун-биле оон 200 баш хураган алырын дуугурушкан (НО Бч 2) «Сосновка» запланировала заготовить 900 тонн сена в этом году. Вместе с тем договорилась с Эрзинским кожууном приобрести у них 200 голов ягнят'.

Как видно из примера, скрепа **ооң-биле катай** 'вместе с тем' выражает отношения одновременности между фразами.

Скрепа с наречным послелогом кады 'вместе': **мооң-биле кады** 'вместе с этим'.

Послелог **кады** 'вместе' в сочетании с указательными местоимениями **ол**, **бо** образует скрепу, выполняющую межфразовую и сверхфразовую функции.

Аштың хуусаазын организминиң байдалы тодарадыр.

Мооң-биле кады кижиди бүрүзүнүң организми аңгы-аңгы болур дээрзин утпас херек (ДА С 59) 'Срок голодания определяется состоянием организма'.

Вместе с этим не надо забывать, что организм каждого человека индивидуален'.

В примере отмеченная скрепа начинает второй абзац, соотнося его с предыдущим. События в них происходят параллельно друг к другу.

Скрепа с наречным послелогом деңге 'вместе, наравне; поровну; одновременно': **ооң-биле деңге** 'вместе с тем'.

Хензие-ле черден чылдагаан каккаш, сагындырып, шаңнал акшазын бербес апарган мен. Ооң-биле деңге садыгжыларның, ажилчыннарның мээң манекеними эттээри дам барган (ШС А 76) 'Из-за мелочей я стал ставить на вид, не выдавать премиальные деньги. Вместе с тем продавщицы, рабочие стали все сильнее избивать мой манекен'.

76) 'Из-за мелочей я стал ставить на вид, не выдавать премиальные деньги. Вместе с тем продавщицы, рабочие стали все сильнее избивать мой манекен'.

Обе фразы, где события случаются одновременно, соединены между собой с помощью выделенного средства связи.

Таким образом, в образовании местоименных скреп тувинского языка особая роль принадлежит наречным послелогам.

Поэтому в данной работе выявлены их функции в простом предложении, полипредикативной конструкции и в тексте, сверхфразовых единствах.

Благодаря вышеуказанным скрепам устанавливаются разные синтаксические отношения между фразами и абзацами:

временные, противительные, присоединительные, причинные и отношения соответствия. С участием наречных послелогов и указательных местоимений образуются межфразовые и сверхфразовые скрепы, они строятся как по модели послеложных конструкций, так и по модели вводных предложений.

Библиографический список

1. Дмитриев, Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л., 1948.
2. Убрятова, Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.; Л., 1950. – Ч. I. Простое предложение.
3. Кононов, А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л., 1956.
4. Убрятова, Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск, 1976. – Ч. II. Сложное предложение.
5. Черемисина, М.И. Сложное предложение как знак языка (об отдельных моделях сложного предложения) // Синтаксис алтайских и европейских языков: сб.ст. – Новосибирск, 1982.
6. Шамина, Л.А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. – Новосибирск, 1987.
7. Даржа, У.А. Наречие в тувинском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Кызыл, 2006.
8. Салзынмаа, Е.Б. Глагольные словосочетания в литературном тувинском языке // Гуманитарные науки: сб. ст. – Кызыл, 1968.
9. Шамина, Л.А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. – Новосибирск, 2001.
10. Соян, А.М. О местоименных скрепах с послелогом *эзугаар* в тувинском языке // Ученые записки: Ежегодник кафедры тувинского и общего языкознания ТывГУ. Выпуск III: сб. ст. – Кызыл, 2009.

Bibliography

1. Dmitriev, N.K. Grammatika bashkirskogo yazihka. – M.; L., 1948.
2. Ubryatova, E.I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazihka. – M.; L., 1950. – Ch. I. Prostoe predlozhenie.
3. Kononov, A.N. Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo yazihka. – M.; L., 1956.
4. Ubryatova, E.I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazihka. – Novosibirsk, 1976. – Ch. II. Slozhnoe predlozhenie.
5. Cheremisina, M.I. Slozhnoe predlozhenie kak znak yazihka (ob otdelnykh modelyakh slozhnogo predlozheniya) // Sintaksis altajyjskikh i evropejskikh yazihkov: sb.st. – Novosibirsk, 1982.
6. Shamina, L.A. Vremennye polipredikativnye konstrukcii tuvinskogo yazihka. – Novosibirsk, 1987.
7. Darzha, U.A. Narechie v tuvinskom yazihke: dis. ... kand. filol. nauk. – Kizhizh, 2006.
8. Salzhynmaa, E.B. Glagol'nyye slovosochetaniya v literaturnom tuvinskom yazihke // Gumanitarniye nauki: sb. st. – Kizhizh, 1968.
9. Shamina, L.A. Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v tuvinskom yazihke. – Novosibirsk, 2001.
10. Soyana, A.M. O mestoimennikh skrepakh s poslelogom *yezugaar* v tuvinskom yazihke // Ucheniye zapiski: Ezhegodnik kafedrih tuvinskogo i obshchego yazhkoznaniya TihvGU. Vihpusk III: sb. st. – Kizhizh, 2009.

Статья поступила в редакцию 18.11.13

УДК 811.512.154

Sunchugashev R.D., Chebochakova I.M. THE KYZYL DIALECT OF THE KHAKASS LANGUAGE: MODERN CONDITION. In the work the problems of the Kyzyl dialect of the Khakass language are described. The Kyzyls are a small numbered group of the Khakass living in Ordzhonikidze and Shirinsky districts of the Republic of Khakassia. The article is presented modern data on the sociolinguistic situation of the kyzylskiy ethnic group.

Key words: the kyzylskiy dialect of the Khakas language, fieldwork, language situation, vocabulary, modern data.

Р.Д. Сунчугашев, канд. филол. наук, в.н.с. сектора языка ГБНИУ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E'mail: sunrad@mail.ru; Чебочакова И.М., канд. филол. наук, с.н.с. сектора языка ГБНИУ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E'mail: irina.chebochakova@mail.ru

КЫЗЫЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ*

В работе описаны проблемы функционирования кызыльского диалекта хакасского языка. Кызыльцы – малочисленный хакасский субэтнос, проживающий в Орджоникидзевском и Ширинском районах Республики Хакасия. В статье содержатся современные данные о социолингвистической ситуации у кызыльской этнической группы.

Ключевые слова: кызыльский диалект хакасского языка, полевая работа, языковая ситуация, словарь, современные данные

Актуальной проблемой в современном мире является сохранение этнолингвистического многообразия, поскольку в связи с процессами глобализации сужается численность носителей языков меньшинств, народы переходят на языки большинства. Языки и диалекты исчезают навсегда, и их уже нельзя восстановить. Ученые стараются зафиксировать факты каждого языка, но это невозможно осуществить в полной мере из-за объективных причин. В условиях угрозы исчезновения языков и диалектов возникает острая необходимость в сборе, накоплении, фиксации языковых данных для выявления их фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей. Создание фонда накопленных данных может быть основой для ревитализации утраченного языка или диалекта [1].

В данной статье освещается ряд вопросов и проблем, связанных с состоянием кызыльского диалекта хакасского языка в свете современных данных. В настоящее время самой приоритетной задачей для хакасского языкознания является фик-

сация данных именно кызыльского диалекта как диалекта с самым малым количеством носителей: численность кызыльцев не более 3 тысяч человек. Говорящих на нем еще меньше – это представители старшего поколения.

Летом 2013 года состоялись две поездки сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в Ширинский и Орджоникидзевский районы Хакасии и Шарыповский и Ужурский районы Красноярского края, где компактно проживают кызыльцы. Осуществление экспедиции стало возможным благодаря гранту РГНФ № 13-14-18015 «Кызыльский диалект: современное состояние и перспективы» (руководитель – в.н.с. сектора языка ХакНИИЯЛИ канд. филол. наук Р.Д. Сунчугашев). Целью экспедиции был сбор современных данных по кызыльскому диалекту хакасского языка с целью фиксации материалов, ценных для тюркологической науки в общем, для хакасского языкознания и общества, в частности. Участники экспедиции записывали на электронные носители

тексты различных жанров (рассказы, сказки, легенды, случаи из жизни и др.). Удалось зафиксировать песенные фольклорные произведения, также было произведено социолингвистическое анкетирование. В настоящее время материалы находятся в обработке, происходит перевод их в текстовый редактор, затем будет произведен их анализ при помощи специальных лингвистических методов.

По предварительным итогам произведенной работы можно сделать следующее обобщение. Необходимо незамедлительно принимать меры по документированию кызыльского диалекта как находящегося под угрозой исчезновения в связи с объективными причинами. Сегодня собрать качественный языковой материал возможно только у представителей старшего поколения, число которых уменьшается с каждым годом. Среднее и молодое поколение кызыльцев переходит на русский язык как более престижный и функционально необходимый. Нельзя также не исключать и влияния на диалект внешних факторов. На кызыльский диалект воздействует, с одной стороны, русский язык, с другой, через средства массовой информации – литературный хакасский, в основе которого лежат сагайский и качинский диалекты. Владеющие родным диалектом кызыльцы, которые долгое время проживали в городах, затем возвращались на свою малую родину, уже теряют особенности диалектной речи, представляя пример ее нивелировки, что было нами отмечено во время записи речи. Например, замена кызыльских фонем ш, ж в коренных словах и аффиксах на общехакасские ч, х (кыз. *шылыы* 'лошадь' – лит. *чылыы*, кыз. *эжем* 'моя мать' – лит. *йем*).

Изменения общественно-политического характера затронули как места бывшего компактного проживания кызыльцев, так и их самих. Государственная политика 50-70-х гг. прошлого века была направлена на укрупнение малых сел, в результате чего в стране происходили активные процессы внутренней миграции. Они коснулись и хакасов, в том числе и кызыльцев, компактно проживавших в сельской местности. В результате реформ коренные жители малых сел оказались в меньшинстве в тех населенных пунктах, куда они переселились. Таким образом они потеряли родную языковую среду и традиционный уклад жизни. Экспедиция 2013 года показала, что собрать языковой материал во всех селах, где активно работали в 40-х годах прошлого века ученые ХакНИИЯЛИ невозможно либо в силу полного обрусения кызыльцев (с. Ораки, Парная), либо переезда кызыльцев в другие, более крупные, обеспеченные рабочими местами, населенные пункты (в города Красноярск, Абакан, Черногорск и райцентры), либо упразднения сел (с. Половинка, Ошколь, улусы Янгулов, Сулеков, Барбаков, д. Гидро и др.).

В архиве ХакНИИЯЛИ хранятся кандидатская диссертация Н.Г. Доможакова «Описание кызыльского диалекта хакасского языка» (1948), три тома материалов диалектологической экспедиции 1945 года и немногочисленные материалы (в одной папке), записанные Д.Ф. Патачаковой в ходе работы по программе «Диалектологический атлас тюркских языков Сибири» (ДАТЯС).

Представляют интерес материалы экспедиций 1945 года, так как в них приводятся сведения о местах сбора диалектного материала. Первый том составляют данные, собранные А.Т. Казанаквым в н.п. Чебаки Ширинского района (111 с). В нем 16 анкет, сведения о селе, записи речи на трех листах, собранные у пяти человек, три сказки на 27 страницах, две песни на двух страницах, тематический словник. Указано, что хакасов – 15%, русских – 60%, остальные – калмыки, немцы. Указано, что 30 процентов хакасов не владеет русским языком, женщины от 30 лет и выше. Русские не владеют хакасским языком. Газету Хызыл аал (на хакасском языке) не выписывают. На сегодняшний день в этом селе есть только одна говорящая на диалекте (95 лет), речь которой была записана нами.

Второй том составляют материалы Манаргина А.К. (н.п. Половинка Ширинского района). Объем тома – 127 с., в нем есть краткий отчет по записям, 21 анкета информанта, запись устной речи на 14 стр., результаты лингвистического эксперимента, записи тахлахов, сказок, рассказов. В селе Половинка, как отмечает Манаргин, русским языком владеет около 5% населения. Газету на хакасском языке не выписывают. Село Половинка было расформировано как неперспективное, ныне оно не существует.

В третий том, материалы которого собирала Чарочкина А.А., вошли данные, полученные в селах Костино и Ораки Шарыповского района Красноярского края (155 с). Здесь представлено 30 анкет, 54 пословицы, речь, записанная у 23 информантов, сведения о селах, 70 загадок, 72 песни, 10 сказок, словник,

1 легенда. По данным Чарочкиной, в селе Костино русским языком владеют 15% населения, 35% – не владеют. Из хакасских детей в 5-7-х и 8-9-х никто не учится. Нет хакасов с высшим и законченным средним образованием. Выписывают 1 газету на хакасском языке. Имеется библиотека, на русском языке 130 книг, на хакасском – 20. В улусе Ораки проживает 30% хакасов, русских – 70, немцев – 5. Русским языком владеет 100% хакасов, 3% русских владеют хакасским языком. Хакасскую газету не выписывают.

Во время поездок летом этого года диалектный материал в этих селах нам собрать не удалось, так как проживающие здесь немногие кызыльцы родным диалектом не владеют, говорят по-русски. Как отмечали информаторы, в с. Ораки Шарыповского района Красноярского края в среде кызыльцев – местных жителей – в советское время наблюдалась тенденция к быстрому обрусеванию, которую связывают как с передачей северной части территории Хакасской автономной области Красноярскому краю, так и с субъективными причинами. Эти факторы нуждаются в специальном исследовании. Например, среди материалов школьного музея с. Ораки, которые нам любезно предоставила его директор Е.В. Буркина, содержится статистическая информация, наглядно демонстрирующая процессы изменения национального состава этого села, повлиявшие на растворение кызыльцев в русскоязычной среде: в 1911 году в улусе Урак (Орак) проживало 494 человека, из них 13 русских, а в 1954 году здесь же проживало 1098 человек, из них 144 хакаса. Сегодня в селе Ораки осталось всего 4 семьи хакасов, но нет носителей кызыльского диалекта. Последний носитель Шушеначев (пожилотого возраста) переехал к дочери в г. Красноярск.

Многие опрошенные во время экспедиции 2013 года кызыльцы подчеркивали, что их диалект в годы советской власти и в последующее время был в забвении, его данные не были учтены при формировании литературного хакасского языка. В его основе лежат качинский и сагайский диалекты, которые были избраны в силу многочисленности их носителей. Соответственно, литературный язык был для них не совсем понятен, что, по нашему мнению, не вызвало желания выписывать газету на хакасском языке еще в 40-е годы прошлого века, ср. представленные выше данные социолингвистического характера Казанакова, Манаргина, Чарочкиной. А.К. Манаргин проводил лингвистический эксперимент с носителями диалекта, проверял степень понятности текстов на хакасском литературном языке. Он сделал вывод, что газетные тексты трудны для восприятия кызыльцев, в силу их «растянутости», а также непонимания терминов [2].

Собранный нами во время экспедиционных поездок материал был проанализирован с точки зрения особенностей семантики и грамматики. Он может быть использован для обогащения словарного состава современного хакасского литературного языка. В частности, в лексике этого диалекта выявлены собственно кызыльские слова, служащие для называния реалий, которые обозначаются в хакасском литературном языке русизмами. Эти диалектизмы можно ввести в литературный язык для широкого использования. К ним относятся слова *ариамах* 'рождество', *эм* 'наживка, приманка', *селек* 'палатка, полог от комаров', *силес* 'вилка', *аныхтар* 'орудия охоты', *абра* 'телега', *кјспік* 'зрение', *халбах* 'абажур', *сыра* 'пиво', *халтырааш* 'кнопка', *серген* 'нашивки', *кайле* 'жест', *ибіре* 'круг' и мн.др. Сейчас можно сказать, что советские языковеды при работе над созданием норм хакасского литературного языка допустили упущение, ограничившись исключительно данными качинского и сагайского диалектов, не принимая во внимание остальные.

Большую роль в утрате родного языка в советское время сыграло отсутствие школьного преподавания хакасского литературного языка в местах компактного проживания кызыльцев. В результате проведенных в 2013 году опросов нам стали известны случаи, когда братья и сестры, родители которых использовали в семье родной язык, представляли разные уровни владения языком. Приведем конкретный пример. Те родственники (брат и сестра), которые изучали хакасский литературный язык в селе Топаново Ширинского района Хакасской автономной области, стали в последующем активными носителями, использующими родной язык в общении. Не изучавший в школе хакасский литературный язык младший брат впоследствии перешел на русский язык, характеризуя сейчас свое знание языка как «понимаю, но не говорю». Таким образом, несомненно огромная роль школы в передаче родного языка последующему поколению. В настоящее время хакасский язык ведется только

в одном селе, где проживают кызыльцы, это Белый Балахчин. В связи с современными реформами в системе школьного образования, как поясняют специалисты министерства образования и науки Республики Хакасия, невозможно ввести уроки хакасского языка в малокомплектных школах, так как для этого не хватает учеников. Опрошенные нами кызыльцы подчеркивали, что введение в образовательный процесс в сельских школах предмета «Хакасский язык» весьма желательно. Также высказывалось пожелание по введению в местных домах культуры кружков по изучению хакасского языка, который могли бы посещать и взрослые.

В настоящее время в среде самих кызыльцев возрождается интерес к родному языку и культуре. В 2012 году в селе Сарала Орджоникидзевского района состоялась районная конференция представителей хакасских кызыльских родов «Сохранение и развитие языка и культуры хакасов-кызыльцев в Орджоникидзевском районе». Одним из инициаторов проведения этого мероприятия стал энтузиаст М.М. Табаткин, кызылец по происхождению. Он также возродил народный праздник Сахлат (проведен летом 2013 г.), опираясь на собственные знания о нем, полученные от старших родственников. В Орджоникидзевском районе Республики Хакасия есть кызыльские песенные коллективы, которые таким образом популяризируют свою культуру и язык. Многогранна деятельность А.В. Курбижековой, которая является хранителем и продолжателем семейных традиций сказывания героических сказаний (ее дядя, П.В. Курбижеков был талантливым исполнителем – хайджи). Таким образом, благодаря работе энтузиастов из Орджоникидзевского района пробуждается интерес в среде самих кызыльцев к своим корням и культуре, а также и других жителей Хакасии. В селе Ораки Шарыповского района активную деятельность по изучению истории родного села и кызыльцев ведут заведующая школьным музеем Е.В. Буркина и заведующая сельской библиотекой Н.К. Курбижекова. Тем не менее, нужна поддержка и со стороны государственных структур республики, например, возможно было бы создать в Орджоникидзевском районе Хакасии этнокультурные центры или музеи этнопедагогики с частичным государственным финансированием.

Библиографический список

1. Кибрик, А.Е. Полевая лингвистика [Э/р]. – Р/д: // <http://www.krugosvet.ru>.
2. Материалы диалектологической экспедиции. – 1945. – Т. 2.

Bibliography

1. Kibrik, A.E. Poleyaya lingvistika [Eh/r]. – R/d: // <http://www.krugosvet.ru>.
2. Materialih dialektologicheskoy ehkspedicii. – 1945. – T. 2.

УДК 81

Targyn Sh.Kh. THE DEPENDENT TAXIS OF COMPLETE AND INCOMPLETE SIMULTANEITY IN ENGLISH AND TUVAN. The dependent taxis is subdivided into complete and incomplete simultaneity. This article deals with the dependent taxis of complete and incomplete simultaneity in Tuvan and English. The markers expressed a complete and incomplete simultaneity are found in Tuvan and seen their English corresponding markers here.

Key words: dependent taxis, simultaneity, situation S_1 , S_2 , simultaneous action, complete and incomplete simultaneity

Ш.Х. Таргын, канд. филол. наук, доц., зав. каф. английского языка Тувинского гос. университета, Республика Тыва г. Кызыл, E-mail: sh.salchak@mail.ru

ЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС ПОЛНОЙ И НЕПОЛНОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ТУВИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Зависимый таксис одновременности подразделяется на полную одновременность и неполную одновременность. В данной статье рассматривается зависимый таксис полной и неполной одновременности в английском и тувинском языках. В работе выявлены маркеры, выражающие полную и неполную одновременность в тувинском языке и рассмотрены их английские соответствия.

Ключевые слова: зависимый таксис, одновременность, ситуация S_1 , S_2 , одновременное действие, полная и неполная одновременность.

В настоящее время мнения исследователей расходятся в понимании категориального статуса таксиса.

Таким образом, экспедиция сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории выявила критическое положение кызыльского диалекта хакасского языка. В настоящее время самой актуальной задачей для исследователей хакасского языка является фиксация данных именно кызыльского диалекта, необходимо продолжение работ по записи на электронные носители как можно большего объема материала у представителей старшего поколения. Для этого крайне необходимо выезжать в села Орджоникидзевского района и работать на местах с информаторами. Собранные исследователями комплексные материалы могут быть использованы как один из важнейших источников по истории формирования хакасского языка, пополнения базы современного литературного языка диалектизмами в условиях современных общественно-политических преобразований, а также при переиздании академической грамматики хакасского языка. Научная обработка собранных записей звучащей речи позволит ввести в тюркологию ценную информацию по диалекту, который имеет черты, отличающие его от других диалектов на территории Хакасии, сближающие его с языками чулымских тюрков и шорцев.

В дальнейшем возможно будет создание корпуса материалов по кызыльскому диалекту хакасского языка, куда войдут:

- аннотированные материалы аудио- и видеозаписей речи носителей с транскрипцией, переводом и комментариями по содержанию текстов и грамматическим явлениям;
- фотографии;
- музыкальные записи и записи эпизодов из быта субэтноса.

Поскольку в настоящее время в среде самих кызыльцев возрождается интерес к изучению родного диалекта, то данные, зафиксированные лингвистами, имеют общественную значимость и, следовательно, могут быть использованы самими носителями как синхронно для улучшения своей языковой компетенции, а также в будущем для его ревитализации.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 13-04-18015 «Кызыльский диалект: современное состояние и перспективы»*

Статья поступила в редакцию 21.11.13

это категория, «которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т.е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n » [1, с. 37].

Как показывает обзор литературы, изучение таксиса в тюркских языках и его категориального статуса (под собственным названием «таксис») только начинается (Д.Г. Тумашева, М.С. Азисова, Л. Юхансон, Д.М. Насилов, И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова, Шамина Л.А. и др.).

Туркологи пишут, что в тюркских языках категория таксиса «реализуются в различных типах синтаксических конструкций». Прототипическими для тюркских языков считаются полипредикативные конструкции, возглавляемые различными инфинитивными формами глагола (деепричастиями, причастиями, именами действия или инфинитивами), в которых зависимая часть предшествует опорной [2, с. 7].

Что касается английского языка, то таксис в современной отечественной англистике рассматривается в основном как грамматическая категория, но и есть работы, представляющие таксис как функционально-семантическую, синтаксическую или семантико-синтаксическую категорию. В зарубежной англистике «таксис» рассматривается как *relative tense*, *sequence of tense*, т.е. как «относительное время», «последовательность времен» (Hornstein 1977, 1981, 1990, E. Thompson 2004).

Зависимый таксис одновременности реализуется, когда зависимая таксисная форма обозначает ситуацию S_1 , которая ориентирована относительно хронологически одновременной с ней ситуации S_2 , выражаемой опорной глагольной формой [1, с. 37].

Зависимый таксис одновременности по признаку «*корреляция/некорреляция субъектов действий*» разграничивается как [1, с.; 2, с.7]:

а) однореферентный, где в зависимой и опорной ситуации участвует один и тот же субъект: *Ооң келирин манап, от кыдыныга олуруп алган хул бузурдуп тур бис* (СТ, 42) – ‘Мы сидели у очага, ожидая её возвращения’. Ср. англ. *We sat by the fireplace waiting for her.* (ST, 48);

б) безразличнореферентный, где в зависимой и опорной ситуации участвует один и тот же субъект или могут участвовать различные субъекты: *Кыска булургеи хуннун кошак чырыы өлүп чорда, ыракта бөрүлөрнү улааны шыпынны урупкен* (Дж.Л, 7) – ‘Бледный свет короткого, тусклого дня начал меркнуть, когда окружающей тишине пронесся слабый, отдаленный вой’. Ср. англ. *The pale light of the short sunless day was beginning to fade, when a faint far cry arose on the still air* (JL,6).

В данной ситуации и в зависимой и опорной частях есть свои субъекты. Как показывает наш лингвистический материал, разносубъектные фразы в тувинском языке встречаются в следующем референтном отношении: «ЗС субъект=природное явление – ОС субъект=природное явление», где ЗС ‘зависимая ситуация’ и ОС ‘опорная ситуация’ например: *Дээр булуттар-биле бүргөл=ип, ак чаьста=п эгелзэн* (ТРС, 128). – *Небо заволось тучами, начал моросить (дождь).*

Зависимый таксис одновременности по признаку «*наличие/отсутствие временного интервала между ситуациями*» выделяем как полную одновременность и неполную.

Полная одновременность

Полная одновременность зависимого таксиса реализуется, когда ситуация S_1 зависимой части таксисной конструкции занимает тот же временной период, что и ситуация S_2 главной части таксисной конструкции. Например: *Черликпен ийи холун сунуп алгаш, сыртанып алган эжик баарынга чыткан чүве* (СТ, 42). – ‘Черликпен лежал у двери, вытянув передние лапы’. *Cherlikpen was lying at the door, his front paws stretched out before him.*

В английском языке случаи полной одновременности зависимого таксиса мы видим в следующих типах предложений: *The men slept, breathing heavily, side by side, under the one covering* (J.L., 12) – ‘Они спали рядом, под одним одеялом, тяжело дыша во сне’. Рассмотрим перевод на тувинский язык такого типа предложений: *Олар чангыс чоорган зштип алган шимзэнни тынмышаан, удуп чытканнар.*

Полная одновременность зависимого таксиса в тувинском языке маркируется следующими специализированными деепричастными формами *-бышаан*, *-п*, *-пайн*, *-рда*, *-ганда*, не специа-

лизированными оборотами *-р арада*, *-р үеде* и процессными именами существительными типа *во время каникул*, *при переходе*, *при чтении*, *при коммунизме*, *в молодости* и т.д.

Выражение полной одновременности с помощью деепричастной формы на *-бышаан*

Одним из специализированных форм полной одновременности зависимого таксиса в тувинском языке является деепричастная форма на *-бышаан*. Зависимая часть таксисной конструкции маркируется формой на *-бышаан*, которая обозначает ситуацию S_1 занимает тот же временной период, что и главная часть таксисной конструкции, обозначаемая ситуацией S_2 .

Например: *Кайнаар-даа барбас мен! – деп, Кангый аззынче хорадаан дег көрбүшаан химиренип олурган* (СТ, 50) – ‘Никуда не пойду! – сказала Кангый, с укором глядя на мать’. *'I'm not going anywhere!' Kangyi declared giving my mother a reproachful look.*

В данной ситуации ЗЧ *көрбүшаан* ‘глядя’ занимает тот же временной период, что и ГЧ *химиренип олурган* ‘сказала’, т.е. действия ситуаций S_1 и S_2 данной таксисной конструкции происходят одновременно. На английском языке данная таксисная конструкция интерпретируется при помощи глагола в Past Indefinite и причастия настоящего времени *declared – giving a reproachful look*.

Таким образом, деепричастная форма на *-бышаан* в тувинском языке, которая является маркером полной одновременности таксисной конструкции на английский язык передается причастием настоящего времени.

Выражение полной одновременности с помощью деепричастной формы на *-п*

Одним из форм выражения полной одновременности зависимого таксиса в тувинском языке является деепричастная форма на *-п*. Зависимая часть таксисной конструкции маркируется формой на *-п*, которая обозначает ситуацию S_1 , занимает тот же временной период, что и главная часть таксисной конструкции, обозначаемая ситуацией S_2 .

Например: *Үзе-чаза тудуп каапкан ытты долгандыр элзэн үр кайгап көрүп олургулаан бис* (СТ, 44) – ‘Усевшись вокруг истерзанной собаки, мы долго смотрели на нее’ (СТ, 44). *We sat round our sorely wounded friend and looked at him for many long minutes* (ST, 52).

В этом предложении зависимая часть таксисной конструкции выражена деепричастной формой на *-п*, обозначающая ситуацию S_1 , которая происходит одновременно с ситуацией S_2 главной части зависимой таксисной конструкции: *кайгап көрүп – олургулаан бис* ‘смотря – сидели’. Данной таксисной конструкции в тувинском языке соответствует следующая таксисная конструкция в английском языке *sat round – looked*, где в главной и зависимой частях таксисной конструкции употреблены глаголы в Past Indefinite.

Таким образом, в таксисных конструкциях тувинского языка деепричастная форма на *-п*, являющаяся маркером ЗЧ конструкции передается на английский язык посредством причастия настоящего времени, где в данном случае сохраняется семантика полной одновременности зависимого таксиса. Такой подход позволяет нам сказать, что в английском языке тоже существует (наличествует) полная одновременность зависимого таксиса, которая маркируется в ЗЧ – причастием настоящего времени и в ГЧ – глаголом в финитной форме.

Выражение полной одновременности с помощью формы деепричастного типа на *-рда*

Одним из форм выражения полной одновременности зависимого таксиса в тувинском языке является форма деепричастного типа на *-рда*. Зависимая часть таксисной конструкции маркируется формой на *-рда*, которая обозначает ситуацию S_1 и занимает тот же временной период, что и главная часть таксисной конструкции, обозначаемая ситуацией S_2 .

Например: *Уебазы аяк чуп турда, Мерген бичии дуңмазы-биле ойнап турган* (У-Х, 79) – ‘Когда сестра мыла посуду, Мерген играл с маленьким братиком’ *When his sister washed dishes, Mergen was playing with his little brother.*

В этом примере таксисная конструкция *чуп турда – ойнап турган* ‘мыла – играл’ соответствует таксисной конструкции в английском языке *washed – was playing*, где употреблены глаголы в Past Indefinite и Past Continuous.

Таким образом, форма деепричастного типа на *-рда*, обозначающая полную одновременность зависимого таксиса в тувинском

ком языке передается на английский язык при помощи глагольных форм Past Indefinite и Past Continuous.

Выражение полной одновременности с помощью формы деепричастного типа на -ганда

Одним из средств выражений полной одновременности зависимого таксиса является отдельный оборот деепричастного типа на -ганда в тувинском языке. Форма на -ганда употребляется в 3Ч таксисной конструкции, обозначающая ситуацию S_1 , которая занимает тот же временной период, что и ситуация S_2 . Например: *Аваавыс хоорайга кел=генде, шупту уругларының бажыңыга кирер* – 'Когда наша мама приезжает в город, навещает (навещает) у всех своих дочерей'. *When our mother comes to the town, she visits all her daughters*. В этой ситуации таксисная конструкция – *келгенде – кирер* 'приезжает — бывает (навещает)'; на английский язык переводится глагольными формами в Present Indefinite *comes – visits*. Здесь ситуация S_1 3Ч локализована в тот же временной период, что и ситуация S_2 ГЧ, действие происходит одновременно часто: мама часто приезжает и во время приезда обязательно навещает всех своих дочерей.

Как видно из примеров, форма на -ганда, обозначающая ситуацию S_1 3Ч передается на английский язык глаголом в форме Present Indefinite. Поскольку в данном случае действие в обеих ситуациях происходит одновременно, то ситуация S_2 ГЧ тоже выражается глаголом в форме Present Indefinite.

Выражение полной одновременности с помощью оборотов -р арада, -р -уеде

Не специализированными формами полной одновременности зависимого таксиса в тувинском языке являются обороты -р арада, -р -уеде (*үйде*) 'в то время... когда', которые выступают в 3Ч таксисной конструкции. Например: *Шай хайнып тур=ар арада, уебам аяк-савазын чуп каапты* 'Пока чай варился, сестра помыла посуду'. *While tea was boiling, sister washed the dishes*. В этом примере в таксисной конструкции *хайнып турар арада – чуп каапты* ситуация S_1 занимает тот же временной период, что и ситуация S_2 , действие в обеих ситуациях происходит одновременно.

Не специализированные формы полной одновременности зависимого таксиса — обороты -р арада, -р -уеде (*үйде*) 'в то время... когда' передаются на английский язык с помощью глагольных форм Past Continuous, Present Indefinite с наречиями *while* 'в то время', *when* 'когда'.

Выражение полной одновременности с помощью процессных имен существительных

В тувинской речи часто наблюдаются такие ситуации, где четко выражаются таксисные конструкции в 3Ч которых употребляются процессные имена существительные, обозначающие полную одновременность. Например: *Көрүкчүлөр номер бүрүзүн диңмиттиг адыш часкаашкыныбиле хүлээп алган* (СС, 143) – 'Зрители встречали каждого номера с бурными аплодисментами'. Ср. англ. *The audience greeted each number with loud cheers*.

В данном предложении употреблено процессное имя существительное *адыш часкаашкыны* 'аплодисменты' =англ. *cheers*. Здесь процессное имя существительное *адыш часкаашкыны* мы рассматриваем как ситуацию S_1 , которую можно заменить деепричастной формой, выражающую 3Ч таксисной конструкции: *адыш часка=п*; таким образом мы можем наблюдать таксисную пару *адыш часка=п – хүлээп алган* 'аплодируя — встречали'=англ. *cheering – greeted*. Возможность замен деепричастными формами в данных типа случаях «свидетельствуют о контакте рассматриваемых средств, их взаимных связях. Различие в их значениях заключается в том, что при употреблении деепричастий более ясно представлена вторичная предикация как процесс, действие, динамика, конструкции же типа *при переходе...находятся как бы на грани вторичной предикации и обстоятельственных выражений*» [3, с. 241].

Таких типа процессных существительных мы видим в разных значениях, которые употребляются в таксисных конструкциях. Например: *Дыштанылаада(=дыштанып тургаш) уруглар*

театрга солун шии көргөннөр — 'Во время каникул дети смотрели интересный спектакль'. *During the holidays, children saw an interesting play at the theatre*. *Аныяанда ол спортка хандыкшаан турган* – 'В молодости она занималась спортом'. *In the youth she went in for sport*.

Неполная одновременность

Неполная одновременность реализуется, когда ситуация S_2 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией S_1 . Например: *Мерген онаалгазын кылып олурда, өрээлче Маша кирип келген* 'Когда Мерген делал уроки, в комнату вошла Маша'. *When Mergen was doing his homework, Masha entered into the room*. В этом предложении таксисная пара *кылып олурда – кирип келген* 'делал — вошла'=англ. *was doing – entered*. *Уруглар садка ойнап турда, авалары оларны сүрүп келгеннөр* – 'Когда дети играли в саду, за ними пришли их мамы'. *When the children were playing in the garden, their mothers called for them*.

Как видно из примеров, форма деепричастного типа на -рда, маркирующая 3Ч таксисной конструкции неполной одновременности передается на английский язык с помощью глагольной формы Past Continuous.

Как показывает наш материал, неполная одновременность в тувинском языке также выражается с помощью формой деепричастного типа -рга.

Рассмотрим примеры и их соответствие в английском языке. Пример: *Чадырга кирип кээрувиске, Черликпен тын чок чыдыр* (СТ, 45) – 'Когда мы вошли в чум, Черликпен лежал без дыхания' (СТ, 45). *When we entered the choom, Cherlikpen had stopped breathing* (ST, 53). В данной ситуации таксисная конструкция *кирип кээрувиске – чыдыр* 'вошли — лежал'=англ. *entered – had stopped breathing*. 3Ч таксисной конструкции образована при помощи формы деепричастного типа на -рга, которая локализуется во времени, занимаемого ситуацией ГЧ [4, с. 167].

Форма деепричастного типа на -рга, маркирующая 3Ч таксисной конструкции неполной одновременности передается на английский язык при помощи глагольной формы Past Indefinite и Present Indefinite, в зависимости от формы выражения ГЧ.

Таким образом, *полная одновременность* зависимого таксиса в тувинском языке выражается специализированными формами -бышаан, -п, -пайн, -рда, -ганда, не специализированными оборотами -р арада, -р -уеде и процессными именами существительными типа *во время каникул, в молодости* и т.д. которые соответствуют английским глагольным формам Past Indefinite, Past Continuous, Present Indefinite, причастию настоящего времени, герундию и процессным именам существительным с разными предлогами.

Форма деепричастного типа на -рда, маркирующая 3Ч таксисной конструкции *неполной одновременности* передается на английский язык с помощью глагольной формы Past Continuous. Форма деепричастного типа на -рга, маркирующая 3Ч таксисной конструкции *неполной одновременности* передается на английский язык с помощью глагольной формы Past Indefinite и Present Indefinite, в зависимости от формы выражения ГЧ.

Условные сокращения

ДЛ – Джек Лондон. Ак азыг. Х.М.Саая очулдурган. – Кызыл, 1980.

ДЛ – Джек Лондон. Белый клык. – М., 1976. – Т. III.

СС – С. Сурун-оол. Ногаан ортулук. – Кызыл, 1986.

СТ. – Салчак Тока. Араттың сөзү. – Кызыл, 1967.

СТ.- Салчак Тока. Слово арата / пер. с тув. А. Тэмира. – М., 1950.

ТРС – Тувинско-русский словарь. – М., 1968.

У-Х. Улуг-Хем Альманах. – 1999. – № 3.

Ch.Br. – Charlotte Bronte. Jane Eyre. – London, 1985.

JL – London Jack. White fang. – London, Nelson, 1956.

ST – Salchak Toka. A shepherd's tale. Tr. By David Skvirsky. – Moscow, 1956.

Библиографический список

1. Храковский, В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вopr. языкозн. – 2003 – № 2.
2. Насилов, Д.М. Категория таксиса в тюркских языках / Д.М. Насилов, И.А. Невская Х.Ф. Исхакова. – рукопись.
3. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика. – Л., 2001.
4. Салчак, Ш.Х. Зависимый таксис в тувинском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.

Bibliography

1. Khrakovskiy, V.S. Kategoriya taksisa (obthaya kharakteristika) // Vopr. yazihkozn. – 2003 – № 2.
2. Nasilov, D.M. Kategoriya taksisa v tyurskikh yazihkakh / D.M. Nasilov, I.A. Nevskaya Kh.F. Iskhakova. – rukopisj.
3. Bondarko, A.V. Funkcionalnaya grammatika. – L., 2001.
4. Salchak, Sh.Kh. Zavisimihij taksis v tuvinskom yazihke v sopostavlennii s anglijskim: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 42/49+494.3-07+494.3-087

Tsetsegdar W. **PHONETIC FEATURES OF SPEECH KHOVD TUVAN (ALTERNATION OF SHORT / LONG VOWELS).** This article analyzes the opposition short / longitude in a speech Khovd Tuvan people in Mongolia and modern Tuvan language. In dialect, as in all dialects of the Tuvan language, lengthening short vowels, and, at the same time, there is the opposite phenomenon – long vowels are recorded as short vowels in the standard language dialect. Long vowels are formed from longitudinal complexes VCV are given in this article.

Key words: speech of Tuvan of Kobdo, phonetics, phonetic features, long vowels, short vowels, vowel lengthening.

У. Цэцэгдарь, преп. каф. тувинской филологии и общего языкознания Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: uthetheg@yandex.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КОБДОСКИХ ТУВИНЦЕВ (ЧЕРЕДОВАНИЕ КРАТКИХ/ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ)

В статье анализируются оппозиция краткость/долгота в речи кобдинских тувинцев Монголии и современного тувинского литературного языка. В говоре, как и во всех диалектах и говорах тувинского языка, удлинение кратких гласных, и, в то же время, в наблюдается и обратное явление – долгие гласные литературного языка в говоре зафиксированы как краткие. Рассмотрены также долгие гласные, образованные из долготных комплексов VCV.

Ключевые слова: речь кобдинских тувинцев, фонетика, фонетические особенности, долгие гласные, краткие гласные, удлинение гласных.

Как известно, исследования по диалектам и говорам какого-либо языка играют существенную роль в изучении его современного состояния и истории. В тувинском языкознании немало работ, посвященных тувинским диалектам Республики Тыва. Культура, быт и язык тувинцев Монголии привлекали внимание не только отечественных ученых [1; 2; 3, с. 162-166], но и зарубежных исследователей [4; 5, с. 99-104]. В настоящее время завершены монографические исследования речи тувинцев Цэнгальского сумона Баян-Улзэгэйского [6], а также по лексике их языка [7]. В данной же статье будут рассматриваться некоторые фонетические явления речи тувинцев сумона Буянт и в города Ховд Кобдоского аймака Монголии. Результаты анализа этих особенностей позволят выявить индивидуальные диалектные особенности речи данной этнической группы, а также схожие черты с другими тувинскими диалектами и говорами. Кроме того, описание частных явлений по диалектам и говорам тувинского языка пригодятся не только при описании других диалектов и говоров данного языка и других родственных языков, но и для создания обобщающих работ по тувинскому языку.

Современные тувинцы Кобдо, живущие в нем относительно недавно, примерно с 30-40 гг. XX века, являются переселенцами из Китайского Алтая. Причиной переезда тувинцев из Китайского Алтая в Кобдоский аймак Монголии была война между китайцами и казаками Северного Китая. По данным информантов пожилого возраста, к моменту их переселения в Кобдо, тувинского населения не было. Но были старики, которые подтверждали сведения дореволюционных путешественников о тюркоязычности части населения Северо-Западной Монголии.

Речь кобдоских тувинцев в течение длительного пребывания самих тувинцев с монгольскими аймаками претерпел постоянно испытывает влияние монгольского языка. Однако до сих пор в целом совпадает с тувинским разговорным языком. Отметим некоторые особенности их речи в фонетике.

В тувинском языкознании принято считать, что в современном тувинском языке и в большинстве его диалектов существуют 24 гласных. Однако есть мнения, что их больше, так К.А. Бичелдей выделяет 32 гласных звуков 8 кратких, 8 долгих, 8 фарингализованных, 8 назализованных [8, с. 5]. Выделяют 18 или 19 исконных согласных звуков [9, с. 53; 10, с. 61].

Еще в 80-х гг. прошлого столетия Д.А. Монгуш, изучая речь буянтских и цэнгальских тувинцев, отмечал, что их «язык не отличается от большинства говоров и диалектов тувинского языка по своему фонемному составу: ему тоже присущи такие характерные для тувинского народно-разговорного языка особенности, как деление гласных на краткие, долгие и фарингализованные, согласных – на сильные, слабые и сверхслабые (сонорные). Вообще тувинский язык един по своему фонемному составу» [2, с. 133].

В речи кобдоских тувинцев также можно выделить 24 гласных и 20 согласных (кроме согласных литературного тувинского языка, имеется аффриката ц).

В этой статье не будут углубленно рассматриваться вопросы о фонемном составе звуков в речи кобдинских тувинцев, так же не будут даваться отдельные характеристики каждому звуку. Она посвящена лишь анализу отдельной диалектной, черты, связанной с чередованием кратких и долгих гласных (употребление вместо кратких гласных тувинского языка долгих и наоборот), а также особенностей в образовании вторичных долгот. При разборе материала использовали слуховой метод и метод непосредственного сравнения акустических и артикуляционных характеристик указанных фонетических явлений в речи тувинцев Кобдо и литературном языке.

Как известно, в тувинском языке отношение гласный с нормальной долготой и долгий гласный имеет фонематическое значение, т.е. они несут смысловозначительную функцию, именно этот признак является определяющим при таком противопоставлении.

В речи кобдинских тувинцев в этом аспекте заметной особенностью является наличие долгих гласных, не несущих указательную функцию, т.е. происходит простое удлинение гласного. Особенно активно данное явление в глаголах:

1. понудительного залога: *чидиртиир* ср. лит. *чидиртир* 'давать поесть, заставлять есть'; *човадыыр* 'заставлять страдать' ср. лит. *човадыр* 'заставлять стесняться'; *чордуур* ср. лит. *чорудар* 'отправлять'; *көстүүр* ср. лит. *көстүр* 'видится, виднеться'; *сергедиир* ср. лит. *сергедир* 'возрождать, заставить взбодриться'; *ужуратпаагар* ср. лит. *ужуратпанар* 'не дайте встретиться'.

2. совместного-взаимного залога: *ырлажыыр* 'петь вместе'.
 3. основного залога: *сактыыр* 'вспоминать'.
 4. Зафиксированы различные фонетические варианты глагола 'говорить, рассказывать': *айтыр, айтыыр, айтыр, айтыыр*, ср. лит. *айтыр* 'указывать'.

5. в отрицательной форме условного наклонения: *хонмааза* 'если не переночует', *болбааза* 'если не будет', *айладып-чазатпааза* 'если не приводить в порядок', *кетпээзе* 'если не одеть'.

6. в отрицательной форме: *шыдаваадым* 'не смог я', *кемдэ-эвес* 'ничего страшного', *турбаадыве* 'стало ведь таким'.

Факультативное удлинение происходит также внутри основы других частей речи: собир. местоимение *төөзү*, ср. лит. *дооза* 'все' (наряду с этим вариантом отмечена также форма с кратким гласным: *төзү*); наречие *ыраактан* 'издали'; удлиняется также гласный аффикса родительного падежа личного местоимения *силерниң* 'ваш'.

В других диалектах тувинского языка чередование долготы/краткости реализуется также по-разному. В 80-х годах отмечалось, что наиболее четко прослеживается *фонематичность* долгих гласных в районах центрального диалекта, а в юго-восточных горах перебои долготы и краткости сильнее [11, с. 7]. В настоящее время в центральных диалектах тувинского языка фиксируется *факультативное* удлинение гласных конечных слогов в глагольных формах: *өөрениир* вм. *өөренир* 'учиться', *чемнениир* вм. *чемненир* 'кушать', *сөөлениир* вм. *сөөленир* 'ругаться'. В других диалектах также наблюдается ненормированное удлинение гласных в разных позициях: зап. *четчиир* вм. *четчир* 'достаточно', зап. *чуңуу* вм. *чуңу* 'каток', зап. *демги* вм. *деми* 'тот самый, тот', тандын. *кааң* вм. *каң* 'сталь', тандын. *хыраа* вм. *хыра* 'кайма на туке седла', пии-х. *хенээртен* вм. *хенертен* 'вдур', пии-х. *кокаай* вм. *кокай* эвф. 'волк' [12, с. 212; 13, с. 249-250; 14, с. 147; 15, с. 24; 16, с. 54; 17, с. 92; 18, с. 245]. Похожее удлинение отмечено также в бай-тайгинском [19, с. 27], юго-восточном диалектах [20, с. 44], в речи тувинцев Кобдо [21, с. 139] и Цэнгэла [6, с. 28, 29] Монголии.

Как видим, удлинение гласных происходит в различных диалектах тувинского языка. В 80-х гг. прошлого столетия С.Ф. Сеглеңмей отмечала, что удлиняются только узкие гласные наречий и глаголов на -р, не меняя семантики в словах из двух и более слогов [14, с. 151-153]. В настоящее время мы наблюдаем, что такое факультативное удлинение происходит также в других частях речи и распространяется на широкие гласные. Это зафиксировано, как было отмечено ранее, только в словах из двух и более слогов. Такое удлинение не зависит ни от комбинаторных условий, ни от соответствия со словами с «первичной» долготой. Вероятно, оно обусловлено диалектными особенностями говоров [16, с. 55].

Вкратце сказанное можно подытожить следующим образом: долгие гласные в указанных словах являются диалектными особенностями, природа которых не всегда ясна.

Займствования из русского языка в речи тувинцев Кобдо также подвергаются фонетическим изменениям, заключающимся, в частности в удлинении ударных гласных: *багоон* < вагон, *коострал* < кастрюля, *машиин* < машина, *компзиитир* < композитор, *кермаан* < герман.

Однако, в некоторых русизмах не происходит ожидаемого удлинения, при этом в них происходят другие фонетические процессы, например: *апресс* < опербция – происходит опереднение ударного [а], согласный после него становится сильнее, гласный в инициали становится широким – все это указывает, что заимствование проникло через устную речь.

В следующих заимствованиях также не происходит удлинения ударных гласных: *экспедици* < экспедиция, *калээндир* < календарь – вместо ударного гласного предпоследнего слога,

удлиняется узкий гласный последнего слога. Возможно, в этом случае на это повлияло силовое ударение, характерное для тувинского языка. *Калээндир* < календарь – казалось бы, удлинение произойдет на последнем ударном слоге, однако, под влиянием других фонетических процессов удлинение произошло в предпоследнем. В русизме ударный гласный последнего слога сужается, одновременно меняя ряд, происходит позиционное удлинение гласного предпоследнего слога, перед узким гласным.

Таким образом, освоение русизмов в речи тувинцев Кобдо происходит так же, как и в тувинском языке, за исключением отдельных случаев.

Кроме удлинения гласных, диалектные особенности также отмечены в образовании вторичных долгот. Долгие гласные образовались в следующих основах: *бөр* (возместительная долгота) в слове *бөөр-оьду* ср. лит. *бөрү-оьду* 'лекарственное растение'; *хааракан* (vv < vcv) 'название высокой священной горы'. ср. лит. *Хайыракан* 'название горы в Улуг-Хемском кожуне Республики Тыва'; *сыый* (vv < vcv) ср. лит. *сыый* 'мочевой пузырь'; *тарваан* (vv < vcv) ср. лит. *тарбаган* 'сурок'; *суурап* (vv < vcv) ср. лит. *сывырап* 'чистить (требуху) сжимая пальцами'.

Происходит также обратное явление: в речи тувинцев Кобдо сохраняется комплекс VCV, соответствующий долготу гласному в литературном тувинском языке: *хугыцаа* ср. лит. *хуусаа* 'срок'.

В отдельных словах, как в основе, так и на стыке морфем при формообразовании, долготный комплекс VCV не образует долготы, при этом он сохраняется полностью или частично: *чажылымны* ср. лит. *чажылымны* 'мое окропляемое (о молоке или молочной водке)'; *чөлшээрэен* ср. лит. *чөлшээрээн* 'разрешил'.

С точки зрения возникновения долгих гласных представляют интерес соответствия *уу-аа*, *ыы-аа*, *үү-ээ*. Механизм из образования указанных долгот в тувинском языке и в речи тувинцев Кобдо различны (см. таблицу).

Так как речь кобдоских тувинцев подвержена сильному монгольскому влиянию, необходимо обратить внимание на различия в образовании долгих гласных в тувинском и монгольском языках. В указанных языках образование долгот из долготных комплексов с неоднородными гласными происходит по-разному. Для тувинского языка главную роль играет степень раствора гласного, принципы развития долготного комплекса детерминируются степенью открытости-закрытости гласных (более широкий и (более) узкий [16, с. 23]. Поэтому, даже если широкий гласный стоит вторым в долготном комплексе, то долгота в тувинском строится по широкому гласному. А в речи тувинцев Кобдо, где влияние монгольского языка, несомненно, очень значительное, в различных формах глагола на стыке морфем долгота формируется подобно монгольским долгим гласным.

Кроме того, внутри слогов, на стыке морфем при грамматических изменениях глаголов отмечено соответствие *ээ ~ ии* в тюркизмах, например: *дишш*, ср. лит. *дээш* 'сказав' < *де-ди-геш*; *кезишш* ср. лит. *кезээш* 'объездив' < *кези-+ -геш*.

Однако, в отдельных случаях встречается обратное явление – в речи тувинцев Кобдо на стыке морфем возникает широкий гласный, тогда как в тувинском языке на его месте функционирует узкий: *аа-ыы*: *чалбараар* ср. лит. *чалбарыыр* 'молиться, поклоняться' < *чалбары-+ -ар*;

э-үү: *өөрер* ср. лит. *өөрүүр* 'радоваться'. В данном случае долготу гласному литературного языка соответствует широкий гласный с нормальной долготой. Возможно это объясняется следующим образом: *өөрер* < *өөрүр* < *өөрүүр* < *өөрү- + -үр*. Глагол имел в начале долгий узкий гласный во втором слоге, затем он постепенно утратил долготу, после чего подвергся ассимиляции под влиянием широкого гласного первого слога.

аа ~и: встречается в единичных случаях, например *машаан*, ср. лит. *машина* [mashi:na]: ...*машаан-терген*

в тувинском языке	в речи тувинцев Кобдо
разг. <i>уштааш</i> < разг. <i>ушту-+ -гаш</i> , <i>божаан</i> < <i>божу-+ -ган</i> <i>чораан</i> < <i>чору-+ -ган</i>	<i>уштууш</i> < <i>ушту-+ -гаш</i> 'сняв' <i>божуун</i> < <i>божу-+ -ган</i> 'родила' <i>чоруун</i> < <i>чору-+ -ган</i> 'был'
<i>аараан</i> < <i>аары-+ -ган</i> <i>дагаан</i> < <i>дагы-+ -ган</i> <i>калчаа-ра-ар</i> < <i>калчаа-ра-+ ар</i>	<i>аарыын</i> < <i>аары-+ -ган</i> 'заболел' <i>дагыын</i> < <i>дагы-+ -ган</i> 'освятит' <i>калчыы</i> (< монг. <i>калзуу</i>) - <i>ра-ар</i> 'становиться бешеным, бесноваться, вести себя нагло, дурачиться'
<i>хөгжээш</i> < <i>хөгжү-+ -геш</i> разг. <i>төктээн</i> < разг. <i>төктү-+ -ген</i>	<i>хөгжүүш</i> < <i>хөгжү-+ -геш</i> 'развиваясь' <i>төктүүн</i> < <i>төктү-+ -ген</i> 'вылилось'

шаарайып кестүп турар чиве. 'Виднеется издали много различных машин'.

Анализ соответствий долгих и кратких гласных в литературном тувинском языке и в речи тувинцев Кобдо показал, что удлинение гласных, которое наблюдается в говоре, имеется также и в других диалектах и говорах тувинского языка. Тувиноведы отмечают факультативность, генетическую разнородность этого явления.

В ряде слов соответствия широкий долгий/узкий долгий в говоре и литературном языке имеют упорядоченный характер,

Список сокращений
 ср. – сравните
 диал. – диалект
 зап. – западный
 монг. – монгольский

лит. – литературный
 вм. – вместо
 тандын. – тандынский
 пий-х. – пий-хемский
 эвф. – эвфемизм.

Библиографический список

1. Аранчын, Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1975. – Вып. 17.
2. Монгуш, Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии: сб. ст. – Кызыл, 1983.
3. Саая, О.М. Морфологические особенности речи сэлэнгинских тувинцев // Тюркская руника: язык, история, культура: сб. ст. – Кызыл, 2013. – Ч. I.
4. Эрика Таубе. Сказки и предания алтайских тувинцев. – М., 1994.
5. Ragagnin E. Archaic linguistic features in Khovsgol Aymag's Sayan varieties // Тюркская руника: язык, история, культура: сб. ст. – Кызыл, 2013. – Ч. I.
6. Гансук, Х. Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009.
7. Баярсайхан, Б. Лексика животноводства в речи тувинцев Цэнгэла: дис. ...канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009.
8. Бичелдей, К.А. Гласные тувинского языка в потоке речи. – Кызыл, 1989. – Ч. I.
9. Куна, А.Ч. О фонетических особенностях речи населения Эрзинского района // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1973. – Вып. 16.
10. Исхаков Ф.Г. Тувинский язык. Очерк по фонетике. – М.; Л., 1957.
11. Мартан-оол, М.Б. Фонетические особенности тувинского языка в ареальном освещении: автореф. дис...канд. филол. наук. – М., 1986.
12. Бабушкин, Г.Ф. Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1960. – Вып. 8.
13. Бабушкин, Г.Ф. Материалы по Монгун-Тайгинскому говору // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1961. – Вып. 9
14. Сегленмей, С.Ф. Особенности речи населения Дзун-Хемчикского района // Вопросы тувинской филологии: сб. ст. – Кызыл, 1983.
15. Чадамба, З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. – Кызыл, 1974.
16. Саая, О.М. Долгие гласные тувинского языка (в сравнении с тюркскими языками Южной Сибири и монгольскими): дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005.
17. Сарыкай, М.Х. Некоторые итоги диалектологической экспедиции в Пий-Хемском районе // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1968. – Вып. 13.
18. Сарыкай, М.Х. Сведения о речи тандинских тувинцев // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1973. – Вып. 20.
19. Доржу, М.Д. Бай-Тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. – Кызыл, 2002.
20. Куулар, Е.М. Юго-восточный диалект тувинского языка. – Кызыл, 2012.
21. Цэцэгдарь, У. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. – Кызыл, 2003.

Словари

1. Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. – М., 2001.
2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
3. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2000. – Т. I.
4. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2002. – Т. II.
5. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2004. – Т. III.
6. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2008. – Т. IV.
7. Толковый словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2003. – Т. I. А-Й.
8. Толковый словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2011. – Т. II. К-С.
9. Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968.

Bibliography

1. Aranchihh, Yu.L. Novihe ehntograficheskie i filologicheskie materialih iz Severo-Zapadnoy Mongolii // UZ TNIIYaLI. – Kihzihl, 1975. – Vihp. 17.
2. Mongush, D.A. O yazhke tuvincev Severo-Zapadnoy Mongolii // Voprosih tuvinskoy filologii: sb. st. – Kihzihl, 1983.
3. Saaya, O.M. Morfologicheskie osobennosti rechi sehlehnginskikh tuvincev // Tyurkskaya runika: yazihk, istoriya, kuljtura: sb. st. – Kihzihl, 2013. – Ch. I.
4. Ehrika Taube. Skazki i predaniya altajskikh tuvincev. – M., 1994.
5. Ragagnin E. Archaic linguistic features in Khovsgol Aymag's Sayan varieties // Tyurkskaya runika: yazihk, istoriya, kuljtura: sb. st. – Kihzihl, 2013. – Ch. I.
6. Gansukh, Kh. Osobennosti tuvinskoy rechi zhiteley Cehngehla: dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2009.
7. Bayarsaykhan, B. Leksika zhivotnovodstva v rechi tuvincev Cehngehla: dis. ...kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2009.
8. Bicheldej, K.A. Glasnihe tuvinskogo yazihka v potoke rechi. – Kihzihl, 1989. – Ch. I.
9. Kuna, A.Ch. O foneticheskikh osobennostiyakh rechi naseleniya Ehrzinskogo rayjona // UZ TNIIYaLI. – Kihzihl, 1973. – Vihp. 16.
10. Iskhakov F.G. Tuvinskiy yazihk. Ocherk po fonetike. – M.; L., 1957.
11. Martan-ool, M.B. Foneticheskie osobennosti tuvinskogo yazihka v areal'nom osvethenii: avtoref. dis...kand. filol. nauk. – M., 1986.
12. Babushkin, G.F. Predvaritel'nihe dannihe po zapadnomu dialektu tuvinskogo yazihka // UZ TNIIYaLI. – Kihzihl, 1960. – Vihp. 8.
13. Babushkin, G.F. Materialih po Mongun-Tajjinskomu govoru // UZ TNIIYaLI. – Kihzihl, 1961. – Vihp. 9
14. Seglenmey, S.F. Osobennosti rechi naseleniya Dzun-Khemchikskogo rayjona // Voprosih tuvinskoy filologii: sb. st. – Kihzihl, 1983.
15. Chadamba, Z.B. Todzhinskiy dialekt tuvinskogo yazihka. – Kihzihl, 1974.
16. Saaya, O.M. Dolgie glasnihe tuvinskogo yazihka (v sravnanii s tyurkskimi yazihkami Yuzhnoy Sibiri i mongol'skimi): dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2005.
17. Sarihkaj, M.Kh. Nekotorihe itogi dialektologicheskoy ehkspedicii v Piyi-Khemskom rayjone // UZ TNIIYaLI. – Kihzihl, 1968. – Vihp. 13.
18. Sarihkaj, M.Kh. Svedeniya o rechi tandinskikh tuvincev // UZ TNIIYaLI. – Kihzihl, 1973. – Vihp. 20.
19. Dorzhu, M.D. Bayj-Tajjinskiy govor v sisteme dialektov tuvinskogo yazihka. – Kihzihl, 2002.
20. Kuular, E.M. Yugo-vostochniy dialekt tuvinskogo yazihka. – Kihzihl, 2012.
21. Cehcegdarj, U. Obrazcih foljklora i rechi kobdoskikh tuvincev. – Kihzihl, 2003.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 821.512.141.09

Utyaev A.F. PECULIARITIES OF BASHKIR POETRY FOR THE PERIOD OF XX-XXI CENTURIES. The article is about peculiarities of modern Bashkir poetry for the last twenty years during which in many works not only the ideas of revival of national consciousness, spiritual renovation but the sense of time and culture completion and the feeling of the social crisis were reflected. In the poetry of Soviet and modern period moments of the lyrical character's resemblance and difference are revealed, on the formation of which a great effect was made by the change of a esthetic, ideological and moral views of the society in 90-s of XX-th century.

Key words: modern Bashkir poetry, consciousness, poet, lyrical character, personality, history, poem.

А.Ф. Утяев, канд. филол. наук, доц. каф. башкирской литературы Стерлитамакского филиала Башкирского гос. университета, г. Стерлитамак, E-mail: Aynurut@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

В статье речь идет об особенностях современной башкирской поэзии последних двух десятилетий, в котором наряду с идеями возрождения национального самосознания, духовного обновления, во многих произведениях нашли отражение чувства завершенности времени и культуры, ощущение неизбежности социального кризиса. Выявляются моменты сходства и различия лирического героя поэзии советского периода и современного, на формирование которого большое влияние оказала смена эстетических, идеологических и нравственных взглядов общества в 90-е годы XX века.

Ключевые слова: современная башкирская поэзия, поэт, лирический герой, самосознание, личность, история, стихотворение.

Конец XX – начало XXI века – переломный период в истории России, ознаменовавшийся поисками новых идеологических концепций, путей модернизации общества. В этот период наряду с идеями возрождения национального самосознания, духовного обновления, культурного подъема, во многих произведениях башкирской литературы нашли отражение чувства завершенности времени и культуры, необходимости смены ценностей, ощущение неизбежности социального кризиса.

Новое осмысление взаимоотношений личности и общества, роли индивида в истории человечества находят свое выражение в жанровой и стилиевой структуре, в характере конфликтов художественных произведений, в выборе литературного героя. Эти сложные процессы наиболее глубоко отражены в поэзии, в силу ее жанровых возможностей изображать жизнь в ее динамичном проявлении, ярко и образно, в сложных взаимосвязях человека с окружающим миром [1].

Каждый истинный поэт в своем творчестве отражает не только личное восприятие мира, но также мысли и мироощущения своих современников, важные события в жизни страны, он становится «эхом народа». Все мысли поэтов о своем времени, о соотечественниках, о насущных проблемах века отражаются в стихотворениях сквозь призму сознания лирического героя [2]. Как и прежде, в башкирской поэзии 90-х годов лирический герой пытается понять суть нового времени, найти истинные ценности жизни, но этот процесс приобретает более глубокий, иногда болезненный, порой трагический характер. Современный исследователь отмечает: «В эпоху огромной социальной и эмоциональной напряженности личность поэта проходит через большие испытания. <...> В современных условиях личность поэта раскрывается в еще более глубоких связях со временем» [3, с. 33].

Стремление сохранить национально-этнические особенности своего народа усилило интерес литературы к национальным истокам. Эстетические концепции, возникшие в конце 1980-х – начала 90-х годов на основе активизации этнического самосознания, постепенно переросли в понимание общности проблем выживания этносов в условиях всеобщей глобализации. Темы патриотизма, свободы личности в этот период обретают новые смыслы. Лирический герой теперь предстает не как рядовой солдат коммунистической партии, не как часть общей массы, а истинный ценитель родной земли, малой родины. Он ищет связи с историей и культурой своего народа. Родной язык для него – часть духовности, владение им – мерило совести. Некогда игнорируемые коммунистической идеологией темы любви и уважения к родному языку, восхищения им снова нашли достойное место в башкирской поэзии в 90-е годы. Изменилось отношение лирического героя к своей национальности, своему народу. Поэзия мыслится в этот период как способ укрепления единомыслия, как проповедь идей единства. Публицистическая мысль наполняет собой большинство произведений этого периода.

Лирический герой выступает за консолидацию башкирского народа. Будущее видится только в единстве с родной землей и народом. Во многих стихотворных текстах лирический герой как настоящий гражданин своего народа осуждает тех, кто бросил родину и уехал в далекие края за богатством, утратил дух, забыл родной язык и традиции предков.

За последние несколько десятилетий изменилось отношение к многим понятиям. Анализируя духовные искания лирических героев поэзии советской и постсоветской эпох, можно увидеть изменение отношения современного лирического героя к прежним идеалам. Широко известные поэтические символы претерпели эволюцию. Например, в башкирской поэзии (особенно в советский период) принято воспринимать Россию через образ матери. Наглядным примером могут служить широко известные стихотворения М. Карима, А. Игебаева, К. Даяна и др. Образы России, Москвы почти всегда были символами светлого будущего, воплощения добра, величия (стихотворения М. Гафури, Р. Нигмати, Г. Саляма и т.д.). Надо отметить, что эти литературные образы отражают реальное содержание народных настроений того времени. В постсоветскую эпоху те же образы приобретают новые оттенки, отношение лирического героя к ним часто противоположное. Как пишет профессор Р.Б. Бикбаев, «они написаны в 80–90-е годы и несут на себе печать нашего времени» [3, с. 35].

Испокон веков взгляды, мысли, чаяния людей, философия общества отражались в мифах, легендах, а позже – в произведениях писателей и поэтов своей эпохи. В современной башкирской поэзии можно выделить две модели отношения лирического героя к миру. В первой модели лирический герой воспринимает мир, реальность, окружающую среду, природу гармонично. Он понимает язык природы, чувствует себя ее частью, сливается с ней воедино. Во второй модели отношений виден явный разрыв лирического героя с миром, человечеством, мирозданием. Лирического героя характеризуют такие качества, как одиночество, горечь утраты связи с миром, бессмысленность бытия.

Первый тип лирического героя – это продолжение гуманистических традиций башкирской поэзии от древних времен до наших дней, включая творчество таких поэтов, как Р. Нигмати, М. Карим, Н. Наджми, Р. Гарипов и др. Это же направление, как основное, продолжают и современные башкирские поэты. Например, в стихотворении «Я вечен» Р.Бикбаева с первых строк ощущается широта, масштабность мышления лирического героя. Он ставит человека наравне с понятиями *Время*, *Пространство*, *Вечность*. В данном стихотворении лирический герой не потерянный, жалкий, одинокий человек в мире, он четко знает свое место в жизни. Здесь лирический герой сам – микрокосмос. Образы *Времени* и *Пространства* в произведении Р. Бикбаева – это способ выражения души и отражения мироощущения лирического героя.

В стихотворении «Пещера Шульген» К. Аралбаева лирический герой возвращается в священное место своих предков. Для него эта пещера не только девственный уголок природы, но и место воссоединения с прошлым, с духами предков. Он обретает здесь гармонию с жизнью природы, силу, мощь, свет души. Лирический герой тонко чувствует единство с природой, с историей народа. Поэтому он находит здесь исцеление, счастье.

Стихотворения первого типа в современной башкирской поэзии представлены достаточно широко. Их лирический герой существует в согласии с законами бытия, мироздания, воспринимает объективную действительность во всем многообразии. Он занимает активную жизненную позицию, находит понимание у окружающих, чувствует связь с народом. Природа для него – высший идеал, к гармонии с которой он всецело стремится, где естественно разрешаются все мучительные противоречия бытия и душа обретает причастность к вечности.

Лирическим героем второго типа мир воспринимается как хаос, арена борьбы противостоящих сил. Особенности такого лирического героя, ясно видны, например, в стихотворении Т. Юсупова, где современный бездушный мир сравнивается с источником холода – холодильником. Здесь человек одинок и замерзает от холода и безразличия, не находит себе места для спасения. И на улице, и в его комнате та же атмосфера. Описанные в стихотворении звуки ветра, похожие на вой собак, усиливают это тягостное настроение. Огонь, пламя, обычно символизирующие тепло, жизнь, в данном стихотворении предстают как «пламя бурана», «костер бурана». Лирический герой воспринимает действительность как силы, несущие зло. Его вывод однозначен: «Этот мир, наверное, / Большой холодильник...». Холод не является отражением объективной действительности, это лишь выражение комплекса ощущений, эмоций, впечатлений субъекта сознания, мироощущение лирического героя.

В стихотворении Ф. Тугузбаевой мир разделен на внешний и внутренний мир. Внутренний мир представлен в образе дома, домашнего очага, где лирический герой чувствует себя защищенным от внешнего, жестокого мира. Дом – это своеобразная крепость лирического героя, там он может скрыться, найти душевное спокойствие от суеты, от развратности внешнего мира.

Вторая модель отношения лирического героя с миром возникла сравнительно недавно, на рубеже нового тысячелетия. Корни его надо искать в изменении философских и общественных взглядов современного человека. Развал СССР, резкое изменение идеологии, политического режима в конце XX века повлияло на сознание, мышление, мировоззрение людей. Демократию, свободу мысли и слова многие восприняли как вседозволенность. Люди утратили свои идеалы, свои основы жизни, а новые не успели приобрести. Человек не был готов к катаклизмам истории. В условиях крушения прежних коммунистических идеалов он утратил ориентиры и потерялся во времени. В образе лирического героя второго типа мы видим заблуждения, духовные поиски людей, последствия общественно-политических событий 90-х годов.

Исчезновение единых устоев жизни, единых морально-этических ценностей привело к нравственной деградации общества и утрате духовности. В литературе становится актуальным повествование не только об экологии природы, но и о состоянии духовной экологии общества [4]. Лирический герой башкирской поэзии как носитель нравственных качеств, выступает в роли своеобразного маяка и народного путеводителя, является примером для подражания. Башкирская поэзия, изначально выполняющая воспитательную и поучительную функцию, и в этот период не отказывается от своей священной миссии.

Темы поэта и поэзии, назначения искусства, призвания поэта являлись центральными темами поэзии всех времен. Они особенно стали актуальны в наше время, когда литература начала утрачивать свою роль в современном мире, когда остро встал проблема исчезновения традиционных форм духовной культуры и искусства. Вопросы о роли поэта в обществе, его отношения с народом, назначении поэзии всегда волновали поэтов, в том числе и башкирских авторов: М. Гафури «Я и народ», «Я где?», Б. Бикбай «Моя слава», М. Карим «В дороге – ноги. В песне – думы», «Обещаний не давай», Р. Гарипов «Нет, не променяю я совесть на славу...» и т.д. Эта тема пронизывает и творчество современных поэтов, для которых судьба родины и народа – их судьба. Стихотворение Р. Бикбаева «Когда Уфой мильоноглазой бродит ветер...» – пример решения в ином ключе традиционного романтического конфликта поэта-пророка

и толпы в современной башкирской поэзии. Лирический герой данного стихотворения – Поэт, бродящий по улице:

Опять уснуть не могут лишь поэты,

Опять не спят лишь уличные псы...

Он вовсе не пророк, а вполне реальный человек, сравнивающий себя с уличным псом. Поэту не дают покоя раздумья, вопросы, на которые он не может найти ответ. Строки «И у тебя вся жизнь полна сомнений?», «И у тебя раздвоены все дни?» характеризуют душевное состояние героя, ощущение потерянности и одиночества. Он беспокоится за судьбу родины, все его мысли полны тревогами и заботами о народе:

Когда в стране подобное творится,

Уснуть ли на перине пуховой?

В лирическом герое мы видим образ обыкновенного человека, имеющий конкретные черты. Время и пространство, в котором он находится, тоже конкретизировано, приближено к действительности. Несмотря на то, что между лирическим героем и остальными людьми есть некоторая преграда и недопонимание, в данном случае образ поэта является носителем высоких народных истин и идей.

В современной башкирской поэзии бескомпромиссно осуждается утрата людьми своего нравственного достоинства, совести и гуманности. Для лирического героя современной башкирской поэзии первостепенными являются не богатство и не высокое социальное положение в обществе, а нравственные и моральные качества, по-прежнему его идеалом остается духовно богатый, воспитанный, интеллектуально развитый человек. Примечательно стихотворение Ю. Ильясовой, в котором используется известный мотив произведения Ш. Бабича. В стихотворении «Для кого?» Ш. Бабича лирический герой просит прощения у луны за свой проступок. В ответ он получает ее одобрение и призывает народу свет и добро. Автор рифмует слово высокого поэтического стиля «нурланым» (осветил) со словом просторечным, бытовым «урланым» (украд). Этим создается резкая контрастность, что помогает лучше увидеть чаяния лирического героя. В стихотворении Ю. Ильясовой лирический герой выступает в роли наблюдателя. Его удивляют и возмущают жестокие нравы современного человека, способного без всякого угрызения совести не только украсть, но и спрятать луну у себя дома, а потом насмехаться над теми, кто остался ночью без света.

Лирический герой настоящего времени – это человек, по-прежнему тонко чувствующий дух времени, остро реагирующий на насущные проблемы современности. Противоречия современного мира лирический герой пропускает через себя и стремится постичь суть всех событий. Он чувствует себя ответственным не за то, что происходит со всем мирозданием в целом, а за небольшой круг окружающих его людей, за круг своих близких. Это не какая-нибудь отвлеченная ответственность, которой были богаты многие произведения советской поэзии, а вполне конкретная, действительная, вызывающая доверие читателя. Например, лирический герой стихотворения Т. Карамышевой «Изменение» чувствует себя частицей огромного мира. Он хорошо понимает, что изменить весь мир, избавить всех людей от пороков, грехов у него не получится. У лирического героя есть возможность измениться только самому и тем самым улучшить хотя бы малую часть огромного мира. Его поступок не подстраивание под изменчивый мир и приспособление к нему или эгоизм, а стремление изменить через себя окружающих людей.

Таким образом, лирический герой современной башкирской поэзии, сохраняя традиционные, приобретает и новые черты. Резкое изменение всех норм общественной жизни, завершение советской эпохи, процесс становления новой постсоветской России наложили своеобразный отпечаток на его мироощущение [5]. Современный лирический герой стремится постичь суть событий, понять смысл современной жизни и бытия, ищет утраченные когда-то идеалы, находится в активном поиске ориентиров движения в будущее. У него, в отличие от советского, осмысленный, кровно заинтересованный взгляд на такие понятия, как родной народ, родной язык, малая родина, семья.

Нужно отметить также, что современная башкирская поэзия, в отличие от прежней, советской поэзии, которая преимущественно была основана на одностороннем конфликте («добра» и «зла», «белого» и «черного», «наших» и «не наших») и имела однобокий характер решения, стала более сложной, многогранной по содержанию, так как в современном обществе отношение ко многим явлениям жизни приобретает неустойчивый, сложный, диалектический, порой неясный характер.

Библиографический список

1. Эсалнек, А.Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения: практикум. – М., 2003.
2. Корман, Б.О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. – Ижевск, 2006.
3. Бикбаев, Р.Т. Тенденции развития современной башкирской поэзии // Вестник Академии наук РБ. – 2002. – № 4. – Т. 7.
4. Хусаинов, Г.Б. Башкирское стихосложение. Поэтический словарь. – Уфа, 2003.
5. Киреева, Л.Р. Современная башкирская поэма: вопросы жанровой структуры: Монография. – Уфа, 2006.

Bibliography

1. Ehsalnek, A.Ya. Osnovih literaturovedeniya. Analiz khudozhestvennogo proizvedeniya: praktikum. – M., 2003.
2. Korman, B.O. Izbranniye trudi. Teoriya literatury / red.-sost. E.A. Podshivalova, N.A. Remizova, D.I. Cherashnyaya, V.I. Chulkov. – Izhevsk, 2006.
3. Bikbaev, R.T. Tendencii razvitiya sovremennoy bashkirskoy poezii // Vestnik Akademii nauk RB. – 2002. – № 4. – Т. 7.
4. Khusainov, G.B. Bashkirskoe stikhoslozhenie. Poeticheskij slovarj. – Ufa, 2003.
5. Kireeva, L.R. Sovremennaya bashkirskaya poehma: voprosih zhanrovijj strukturih: Monografiya. – Ufa, 2006.

Статья поступила в редакцию 11.11.13

УДК 81:42

Vasilishina E.N. SUBJECTIVE ASPECTS OF PERCEPTION ART DISCOURSE. In this article the communicative and pragmatical approach to an art discourse which assumes obligatory aiming of a discourse at the addressee / recipient is staticized, without which his (discourse) consideration would be considered incomplete and not taken place.

Key words: art discourse, text, decoding, pragmatical influence.

E.N. Василишина, ст. преп. каф. русского языка Карагандинской академии МВД Республики им. Б. Бейсенова, г. Караганда, аспирант каф. общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, г. Казань, E-mail: helen-vasilishin@mail.ru

СУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСТРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В данной статье актуализируется коммуникативно-прагматический подход к художественному дискурсу, который предполагает обязательную нацеленность дискурса на адресата / реципиента, без которого его (дискурса) рассмотрение считалось бы неполным и не состоявшимся.

Ключевые слова: художественный дискурс, текст, декодирование, прагматическое воздействие.

Феномен художественного дискурса актуализируется в последние десятилетия по причине установленной конгруэнтности между художественным текстом и речевым актом. По мнению Н.Д. Арутюновой, «литературной коммуникации, так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный акт (эстетическое воздействие)» [1, с. 365]. Художественный дискурс манифестируется в качестве субстрата адекватных интерпретаций его текста, аналогично языку, который представляет собой конгломерат речевых актов. Однако интерпретации могут быть и неадекватными произведению. Одна из точек зрения на предмет порождения смысла текста, как внешней формы его существования, принадлежит В. Тюпа, который считает, что в тексте не прочитывается субъективная позиция, мнение продуцента на предмет репрезентации в тексте. Автор как бы «вслушивается» в речь повествователя, таким образом, обладая «даром непрямого говорения» [2, с. 289]. Нельзя не согласиться с И.С. Карабулатовой, что «занимаясь анализом социальных структур, проблемами эволюции культурных традиций, необходимо принимать во внимание принципы функционирования человеческого мышления. Специфика общения при использовании конкретного национального языка определяется спецификой образов и представлений, а также спецификой построения речевой цепи по грамматическим правилам этого языка» [3, с. 10] При этом то эстетическое впечатление, которое получает реципиент от прочитанного текста, есть не просто полученное сообщение, а некая ментальная операция, которая выступает «проводником» в целях качественной реконструкции и трансформации собственной жизни по заданной художественным текстом траектории.

Текст представляет собой внутреннее сопряжение гетерогенных существей – семиотический продукт автора и внутренний мир реципиента. Необходимо констатировать, что текст – продуцент смысла, «оживающий» только в момент соприкосновения с внутренним миром реципиента. Художественный текст

предстает уже не языком, а «семиотическим пространством, в котором взаимодействуют, интерферируются и иерархически самоорганизуются языки» [4, с. 7-8].

С целью перехода коммуникативной ситуации в коммуникативное событие реципиенту текста необходимо войти в intersubjective пространство общения. Рецептивную функцию актуализации смысла осуществляет адресат, который оказывает активное воздействие на высказывание. Художественный текст требует от субъекта рецепции полного погружения в семантико-семиотическое пространство текста таким образом, чтобы «я – субъекта повествователя» было идентично «я – реципиента». При этом данная идентификация должна пониматься как полное наложение, слияние двух указанных выше фигур.

Текст литературного произведения, представляющий собой художественный дискурс, актуализирует единство коммуникативного события между эстетическим объектом и эстетическим адресатом. Конституируемая искусством тройственная конвергенция состоит в нераздельности субъекта, объекта и адресата. При этом всякий текст маркирован адресованностью – наделение рецептивной функцией воспринимающего субъекта (читателя).

Необходимо отметить, что текст как репрезентация внешней оболочки литературного дискурса связан с его прагматической направленностью, так как любое речевое произведение ориентировано на адресата. Текст манифестируется как совокупность системно выстроенных речевых знаков в их последовательности, реализующая сопряженную модель коммуникативных деятельностей адресанта и адресата сообщаемого, – объект – внутренняя динамика и организация, которые детерминированы его смысловой открытостью в процессе коммуникации [5]. Субъектное восприятие художественного дискурса предполагает анализ собственно языковой ткани текста и реконструирование смыслового содержания текста. В то же время «актуальность современных исследований текста и дискурса не снимает остроты и полемичности в решении вопроса их научной идентифи-

кации, предполагающей установление интергалльных и дифференциальных признаков данных объектов» [6, с. 24].

Итак, художественный дискурс эксплицирован коммуникативно направленным вербальным произведением и представляет собой линейно организованную систему, в структурном ряду которой иницируются эксплицированные средствами языка мысли и чувства автора, продуцирующие определенную интерпретацию текста реципиентом. В ходе процесса коммуникации неизбежно осуществление прагматического воздействия на реципиента. В этой связи, под коммуникативно-прагматической установкой автора понимается деятельность автора текста, экстраполированная на выбор средств с целью определенного воздействия на реакцию реципиента.

Дистинктивными признаками художественной коммуникации являются взаимосвязь автора и реципиента на интеллектуально-творческой основе. При этом текст как внешняя репрезентация художественного дискурса ориентирован на определенное отношение к объективному миру, кумулированный в особого рода художественную концепцию. Неотъемлемыми атрибутами художественной рецепции является экспликация вербальной образности и выразительных средств, которые непосредственно связаны с картиной мира реципиента, а также трансформация и обогащение языка за счет художественного текста. Художественный дискурс предопределяет следующие виды отношений: автор и реальная действительность; автор и реципиент; автор и коммуникативный процесс, и ориентирован на творческую составляющую процесса создания художественного текста и дальнейшего воздействия на реципиента. В процессе создания художественного текста с помощью языковых средств информация кодируется, которая, в конечном итоге, и составляет текст литературного произведения. Закодированная информация требует декодирования, которое осуществляет реципиент в процессе чтения художественного текста.

В процессе соприкосновения читательского сознания и художественного текста иницируется дискурс. В этой связи, дискурс актуализируется как поэтапный предсказуемо-непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального читателя, выполняющего, либо нарушающего волю автора, привносящего в текст информацию, которая была знакома, или не знакома писателю. Итак, текст без читателя неполон, в особенности декодирования той части, которая именуется имплицитной (явно не выраженной), а предполагается известной читателю и вычленяется им в процессе создания художественного дискурса. Продукт текста наполняет свое произведение смыслом таким образом, чтобы оно было адекватно воспринято реципиентом в процессе декодирования, думая о включении его в некоторый социальный и ситуативный контекст их создания – создает определенный дискурс, который маркирован неким «пространством», живущим законами, заданными автором. Когнитивно-коммуникативный подход постулирует рассмотрение текста художественного произведения как некоторой коммуникативной организации, которая объективизирует индивидуальные особенности поведения коммуниканта.

Конститутивным признаком дискурса считается его когнитивная природа, так как коммуниканты, обладая некоторым комплексом знаний, стремятся посредством текста сообщения к передаче и интерпретации концептуальной информации, локализованной в индивидуальных структурах памяти. Для когнитивной лингвистики, в отличие от других дисциплин когнитивного цикла, характерно рассмотрение тех процессов и когнитивных структур, в центре которых находится человек и его языковые способности. В этой связи актуализируется представление человека о ментальной репрезентации языкового знания и когнитивной переработке этого знания. Исследуя информацию, используемую в процессе декодирования текста, мы используем не только знания языка, но и знания о мире в целом, с учетом культурного и социального контекста, т.е. ментальные основы понимания и продуцирования речи.

Дискурсивная деятельность человека манифестируется экспликацией национальной картины мира в языковых формах. Те языковые формы, которые используются в процессе коммуникации, рассматриваются как средство реализации системы культурно обусловленных значений, репрезентирующих принятые в данной социальной группе знания, пресуппозиции и ценностные ориентации. Когнитивный подход к дискурсу детерминирован во многом исследованиями в таких областях знания, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, а также рабо-

тами в области искусственного интеллекта. В этой связи релевантные в процессе коммуникации знания интерпретируются в качестве ментальных репрезентаций. Такого рода структуры принято описывать в терминах фреймов, сценариев, схем и использовать для моделирования процесса восприятия и декодирования речи.

Актуализация дискурса маркирована как когнитивными знаниями, так и комплексом процедурального знания, которые в теории коммуникации принято называть «коммуникативные практики», играющие в общении роль intersубъективных, социокультурных факторов [7].

Адекватное описание процесса коммуникации невозможно без учета когнитивных процессов, имеющих место в сознании коммуникантов при порождении, восприятии и декодировании речи. При этом очевидна необходимость изучения, помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации, их ментальных репрезентаций.

Центральной идеей когнитивного подхода является следующее утверждение: человек представляет собой, в первую очередь, мыслящее существо, в силу чего все стороны человеческой деятельности рассматриваются сквозь призму субъективности, принимая во внимание представления и убеждения, оценки и предпочтения конкретного индивида. Деятельность индивида с когнитивной точки зрения, так или иначе, реализуется посредством обработки информации, под которой понимают сообщения, репрезентированные трансляцией от передающего к принимающему, в результате чего информация в процессе передачи трансформируется.

Другим не менее важным признаком дискурса является его прагматическая направленность, позволяющая определить роли коммуникантов и их межличностные отношения, выявить прагматические намерения адресанта, изучить место и время протекания ситуации.

Организация дискурсивной парадигмы художественного текста рассматривается лингвистами в рамках прагматического аспекта. При этом учитывается экстралингвистический фактор функционирования текста, рассматривается степень воздействия на адресата. С целью эффективного прагматического воздействия на реципиента вектор внимания продуцента направлен на эмоциональное восприятие информации художественного текста, путем наделения текста экспрессивными языковыми средствами. Языковая ткань художественного текста представлена эксплицитно и имплицитно, что детерминировано двойственной природой языкового знака. Имплицитная информация характеризуется скрытой формой ее размещения, а значит, субъективное ее восприятие актуально в большей степени – неоднозначность восприятия детерминирована смысловой открытостью текста за счет имплицитной информации, содержащейся в нем. От того, насколько эксплицитно представлена позиция автора в тексте, зависит степень и характер освоения имплицитной информации и прагматического эффекта в целом при его восприятии реципиентом.

Проблему рецепции и интерпретации рассматривает герменевтика, с точки зрения которой понимание – это процесс постижения смысла / смыслов текста [8; 5]. Понимание маркировано своего рода диалогом между пишущим и читающим, в процессе которого осуществляется деятельность по распределению смысла текста, именуемая текстовой деятельностью [9; 8]. Данный диалог объективирован конгруэнтностью картины мира продуцента и реципиента, так как понимание художественного текста детерминировано совокупностью факторов психолого-социального и культурно-языкового характера. Дихотомия «свой» – «чужой» находит свое воплощение в процессе прочтения текста следующим образом: реципиент постигает смысл, заложенный автором в произведении, одновременно пытается найти комплементарные единицы между своей и авторской картиной мира. Процесс эмпатии предполагает в этом смысле то, что в памяти реципиента налагаются на хранящиеся там знания определенные компоненты, вычитанные из текста; итогом данного процесса и служит понимание художественного текста. Для каждого реципиента существует только его знакомое, только ему данное и именно у него возникающий вопрос [10, с. 21].

По мнению М.М. Бахтина, понимание не есть акт, наделенный индивидуальными особенностями реципиента, а включает в себя отдельные акты и уровни, каждый из которых выполняет свою функцию: восприятие текста; узнавание текста и понимание его общего значения в данном языке; понимание его значе-

ния в контексте данной культуры; активное диалогическое понимание его смысла, совпадающее с его формированием [11, с. 361]. То есть, обычное декодирование той информации, которая изначально была заложена автором текста. Мы полагаем, что декодирование смысла есть акт неоднозначный, так как для художественного текста характерна смысловая открытость, континуальность содержания и динамика смысла.

Акт декодирования эксплицирован своеобразным сплетением внутреннего мира художественного текста – внешней репрезентанты художественного дискурса, и мира реципиента. Декодирование текста во многом зависит от умения реципиента оперировать базовыми глубинными семантическими структурами, являющимися основой каждого составляющего элемента высказывания, умения абстрагироваться от понимания только внешнего значения и подойти к подтексту, лежащему в основе высказывания. В этой связи необходимыми условиями являются процесс превращения последовательного ряда слов в одно симультанное целое и переход от процесса обозрения отдельных, входящих в конструкцию элементов к восприятию единой логической структуры высказывания.

Декодирование – процесс, обратный кодированию; представляет собой трансляцию текста на язык реципиента. Данный процесс во многом предопределен субъективным восприятием, способностью реципиента распознавать, анализировать и интерпретировать коды. Восприятие и декодирование текста может быть полным и не состоявшимся вследствие, например, отсутствия умения оперировать данным кодом по причине незнания языка. Однако целью автора с момента создания текста является обеспечение необходимых условий для наиболее полного понимания содержания созданного текста, которое достигается путем особого построения автором своего произведения, в результате чего реципиент трансформирует внешнюю речь во внутренний смысл излагаемого текста.

Другой целью, тесно связанной с первой, является сведение к минимуму семантических помех и шумов на пути к восприятию, вследствие чего автор должен использовать такие средства, которые были бы ориентированы на полноценное достижение поставленных задач и интерпретацию сообщения получателем в соответствии с целью отправителя.

Необходимо отметить, что при создании письменного текста задача автора состоит не в случайном внесении контекстом дополнительного значения в семантическое поле лексической единицы, а в соответствующем конструировании контекста, экстраполированного на сознательный отбор тех значений языковых единиц и такой их комбинации, которые максимально воплощали бы авторские интенции, отражая определенную часть

действительности и авторское восприятие. Таким образом, формирование смысла всегда находится в тесной взаимосвязи с коммуникативным намерением самого автора.

Так как мыслительная деятельность – динамическое явление индивидуального сознания, этим и детерминирован процесс инципирования актуальных когнитивных признаков, которые позволяют сделать смысл структурой актуального содержания данного текста. Концепты – психоментальные единицы сознания реципиента – и их перерождение, формирование позволяют представить все то, что реципиент чувствует, думает по поводу того или иного фрагмента художественного текста. Необходимо отметить, что языковые средства реализации информации в тексте – инвариантны, а собственно смысл – подвижен, а, значит, субъективен.

Концептуальная система реципиента объективизирует совокупность смыслов и неоднозначность интерпретаций текста, так как концептосфера реципиента и продуцента, когнитивно-семантические маркеры их сознания не совпадают, что вполне логично [12]. В процессе декодирования происходит глубинное восстановление смысловой структуры текста – реципиент как бы реконструирует семантическую структуру художественного текста с учетом маркеров, искусно локализованных автором в тексте. Построение проекции текста является логическим результатом процесса декодирования художественного текста, в которой кумулируются механизмы аксиологической интерпретации, позволяющие реципиенту давать ту или иную интегральную оценку текста [13, с. 86]. Акцентуация роли воспринимающего художественный текст субъекта как интерпретатора, иницирующего индивидуальные репрезентации объективного мира, приводит к разблужению смысла объекта / текста – на совокупность различных интерпретаций; существование различных точек зрения на один и тот же объект детерминировано разным уровнем подготовленности реципиента и его индивидуальными характеристиками.

Таким образом, восприятие художественного текста – внешнего репрезентанта дискурса – манифестируется как творческий и конструктивный процесс. Автор текста предлагает реципиенту вступить в своего рода игру – по актуализации, трансформации и индивидуализации для самого воспринимающего субъекта смысла. При этом теорию диалогичности читателя и автора стоит понимать, на наш взгляд, не просто как «приспособление» реципиента к тексту и авторской позиции, объективизированной в нем, а как сотворчество, предполагающее своего рода общение читателя с текстом привнесение в него собственных смыслов.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. – М., 1981. – № 4. – Т. 40. – Сер. литературы и языка.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Карабулатова, И.С. Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. – Тюмень, 2001.
4. Лотман, Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1981. – Т. 14.
5. Сидоров, Е.В. Проблема речевой системности. Текст. – М., 1987.
6. Карабулатова, И.С. Проблема определения сакрально-ритуального дискурса знахарской практики // Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики / под ред. И.С. Карабулатовой. – СПб., 2010. – Гл. 1.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
8. Богин, Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин, 1982.
9. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
10. Васильева, В.В. Интерпретация текста в образовании. – Пермь, 1997.
11. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
12. Герман, И.А. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1999.
13. Сорокин, Ю.А. Психоллингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985.

Bibliography

1. Arutyunova, N.D. Faktor adresata // Izvestiya Akademii nauk SSSR. – M., 1981. – № 4. – T. 40. – Ser. literaturih i yazhika.
2. Bakhtin, M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1979.
3. Karabulatova, I.S. Regional'naya ehntolingvistika: sovremennaya ehntolingvisticheskaya situaciya v Tyumenskoy oblasti. – Tyumenj, 2001.
4. Lotman, Yu.M. Tekst v tekste // Trudih po znakovihm sistemam. – Tartu, 1981. – T. 14.
5. Sidorov, E.V. Problema rechevoy sistemnosti. Tekst. – M., 1987.
6. Karabulatova, I.S. Problema opredeleniya sakraljno-ritual'nogo diskursa znakharskoj praktiki // Zhivaya tradiciya zagovora Sibiri: sakraljno-ritual'nhij diskurs znakharskoj praktiki / pod red. I.S. Karabulatovoj. – SPb., 2010. – Gl. 1.
7. Teliya, V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'torologicheskij aspektih. – M., 1996.
8. Bogin, G.I. Filologicheskaya germenevtika. – Kalinin, 1982.
9. Dridze, T.M. Tekstovaya deyatelnostj v strukture social'noj kommunikacii. M., 1984.
10. Vasiljeva, V.V. Interpretaciya teksta v obrazovanii. – Perm, 1997.
11. Bakhtin, M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1979.
12. German, I.A. Vvedenie v lingvosinergetiku / I.A. German, V.A. Pital'nikova. – Barnaul, 1999.
13. Sorokin, Yu.A. Psicholingvisticheskie aspektih izucheniya teksta. – M., 1985.

Статья поступила в редакцию 01.11.13

УДК 392(571.121)

Zinchenko A.A., Karabulatova I.S. **THE SACRED RITUAL DISCOURSE AND SHAMANIC PRACTICES AMONG THE TUNDRA NENETS: TO THE QUESTION.** The article raises the problem of the study sacred, ritual discourse of traditional ethnic cultures) on the example of the Yamal Nenets tundra). The authors consider sacred, ritual discourse shamanic practices through the lens of sinergetichekegogo approach, combining different methods of the natural sciences and the humanities cycles. The authors define the sacred-ritual discourse shamanic practice as a complex multi-level system of regulation of the microcosm with the macrocosm.

Key words: Nenets sacred-ritual discourse, shamanism, verbal behavior, nonverbal behaviors, ethno-linguistic consciousness.

А.А. Зинченко, аспирант каф. общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, E-mail: zinchenko_nastya@mail.ru; **И.С. Карабулатова**, д-р филол. наук, проф. каф. общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, E-mail: radogost2000@mail.ru

САКРАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ШАМАНСКОЙ ПРАКТИКИ У ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Статья ставит проблему исследования сакрально-ритуального дискурса традиционных этнических культур) на примере тундровых ненцев Ямала. Авторы рассматривают сакрально-ритуальный дискурс шаманской практики через призму синергетического подхода, объединяющего методы различных наук естественного и гуманитарного циклов. Авторы определяют сакрально-ритуальный дискурс шаманской практики как сложную многоуровневую систему регуляции микрокосма с макрокосмосом.

Ключевые слова: ненцы, сакрально-ритуальный дискурс, шаманизм, вербальное поведение, невербальное поведение, этноязыковое сознание.

Материалом для исследования послужили авторские записи полевых материалов, собранные в Тазовском и Пуровском районах Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в 2005-2013 гг. Мы полагаем, что шаманская практика является одним из способов наведения этнического сознания для нового члена этнического сообщества. Несмотря на обилие литературы, специалистов и учреждений, занимающихся проблемами языка, в настоящее время не существует достаточно понятного и убедительного объяснения известных и обыденных речевых феноменов. Почему на большинстве лекций часть аудитории спит, а в церкви во время молитвы или проповеди нет? В чем суть мифа о Вавилонской башне? Почему на сон грядущий мы читаем книгу, и, чем она скучнее, тем быстрее засыпается? Почему в ответ на воспитательные тирады родителей со стороны детей часто слышится: «Не грузи!». Почему подростки и иные категории граждан, общаются на своем, отличном от обычного языка, т. н. сленге. Почему любой человек отличает текст поэтический от текста прозаического, ведь понятием «рифма» в самом общем виде объясняется структура текста, но не работа мозга? Почему возникает состояние гипнотического транса вплоть до каталепсии в ответ на прослушивание речи или состояние медитативного изменения сознания в ответ на произнесение мантр? Почему лечебные заговоры народных целителей успешно используются веками, и работают в настоящее время? Все эти вопросы, связанные с пониманием основных психофизиологических механизмов человеческого мозга, имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме. Резюмируя наши «шаманские» размышления, ограничимся двумя вопросами. Не слишком ли много совпадений в истории и необъяснимого в понимании природы речи с учетом уровня развития современной науки?

На сегодняшний день практика шаманизма настолько окружена мифами, что за ними порой невозможно увидеть истинной сути этой традиции. Несмотря на глобализацию и модернизацию современного общества, шаманизм как традиция, сохраняет свою актуальность и в наши дни особенно для кочевых сообществ, каковыми являются тундровые ненцы. Благодаря тому, что «ритм, структура сакрально-ритуального текста способствуют внедрению информации на уровне подсознания, стереотипы национального поведения усваиваются легко и беспрепятственно» [1, с. 169]. В новой ситуации модернизации и глобализации современного общества особый интерес вызывает специфика сохранения этнического самосознания у малых народов Севера,

которые подвергаются максимальному этнокультурному шоку. Человек в контексте современных межкультурных коммуникаций «находится в поиске выбора новых путей сохранения собственной этнокультурной идентичности» [2, с. 78].

Традиционная ненецкая культура представляет большой интерес в связи с тем, что, несмотря на глобализацию и модернизацию современного социума, она сохраняет устойчивые порядковые практики шаманизма, отражающие наличие тесных связей между человеком и окружающим миром. Исходя из этого, мы рассматриваем язык как непосредственную часть культуры, как ее яркий феномен культуры, как ее максимальная экзальтация и проявление. Однако обживая мир, даже такой холодный и безжизненный, как мир тундры, человек расставляет специфические акценты в своем вербально и паравербальном поведении, что помогает ему органично жить в суровых условиях Севера. Ненцы уникальны своей самобытностью, их приметы и суеверия относятся к правилам поведения мужчин и женщин, правилам общения с жилищем – чумом, оленями, погодой. Например:

Во время грозы нельзя спать — ломаются ребра. Надо все время сидеть (Хонё взва — хэвдыд мардода. Њоб” намдеб” тара); Нельзя заводить собаку с улицы — она может внести священную молнию (Пихина мэна взэнеко тюлеба взва — таркнандахэ’ ту тута); Если идешь на улицу — покрой голову, а то голова поседеет. (Пин’ хэб” платм’ сера тара, нэварсэрчэханта); На нос нарты, которая придерживает нюки чума с северной стороны, нужно положить комочек земли, чтобы молния не ударила в чум. (Пой’ нутопыян’ я’ юбм’ мэс тара, хэ’ ту мят’ нива тебвэе”эмня); Во время дождя надо поставить на улицу чашку для того, чтобы было много ягод. После грозы дождевую воду из чашки нужно вылить. (Мяд’ си’ нямнаодяхыдязэдара тара — нодяңока нэңгу. Хыды’ мянэңдасарёидм’ нэрць тара) и т.д. Правила поведения в тундре выработаны для того, чтобы правильно вести себя, не нарушая гармонию в природе. Как правило, шаман являлся регулятором этносоциокультурного поведения, он устанавливал равновесие между миром человека, миром природы и миром духов.

Специфика сакрально-ритуального дискурса шаманской практики состоит в том, что целительская деятельность связана с воздействием словом, суггестивным речевым воздействием и целым рядом паравербальных компонентов. С помощью передаваемой информации, шаман решает не только лечебные

задачи, но и влияет на чувства, эмоции, изменяет представления пациента о действительности, корректирует поведение человека. Это является ключевым значением в шаманской практике сакрально – ритуального дискурса – воздействие на психику пациента, с целью изменения его состояния. Такое изменение обычно достигается с помощью внушения.

Сакрально-ритуальный дискурс шаманской практики близок психотерапевтическому дискурсу. Н.Ф. Калина [3], исследовавшая дискурс в психотерапии, отмечает, что любая психотерапевтическая деятельность осуществляется в «поле речи и языка». Любой язык представляет собой довольно сложную систему влияния, которая формировалась веками. Конечно, и структура предложений, и значение слов является довольно важными факторами для принятия информации, однако определяют наличие и направленность воздействия, главным образом, ритмичность и звучание, скрытые от сознания, но абсолютно понятные подсознанию. Недаром звуко-ритмическое воздействие – заговор, песня, камлание – является основой любой вербальной магии. В нем и заключается древняя тайна влияния любого языка. В кочевых культурах сохраняется сакральное значение голоса шамана. Считается, что голос может также и лечить, и убить, голос может заставить засохнуть деревья и воскресить из мертвых, поэтому в кочевых культурах к певцам относятся также с большим почитанием, как к шаманам [4]. Важно и то, какова сила звука, интонация при камлании шамана. В узком смысле термин «интонация» используется для обозначения мелодики, движения тона. Широкий смысл термина, помимо *интонации*, включает ударение, паузы, темп, ритм, т.е. совокупность совместно действующих компонентов звучащей речи. Устный текст хотя и создается по законам языка, но является собственно речевым произведением. Интонационная оформленность складывается из интонационных свойств фраз и сверхфразовых единиц, а кроме того, характеризуется такими свойствами целого, как общий *тон*, *темп*, *громкость* произношения, обусловленными смысловым и эмоциональным наполнением текста, а также ситуацией его произнесения. «Встречались редкие певцы, пение которых женщины повергало в истерику, а мужчин приковывало к земле. От такого пения высыхали деревья, люди теряли рассудок. Великие певцы могли, по поверьям, своим пением убить даже шамана. Как и певцами, так и шаманами становились избранники судьбы» [5, с. 116].

Особое место в классификации шаманов занимали так называемые «белые» шаманы, которые были и шаманами, и певцами [6]. В основе каждого камлания шамана лежит борьба добра со злом, «пары антонимов (включая неточные антонимы и антонимические комплексы) строят впечатление о тексте подобно тому, как антонимические значения определяют архитектуру семантических полей» [7, с. 176]. Бинарные антонимические оппозиции организуют фольклорный текст, поддерживая его целостность и завершенность (борьба добра и зла – победа добра/ поражение зла).

Ритуал шамана как система повторяющихся интеракций может рассматриваться в виде целостного сакрального дискурса народной психотерапии, который представляет собой некую институционализированную форму применения языка или подобных ему знаковых систем, интенционально ориентированную на утешение собеседника. Особое место здесь занимает музыкальное сопровождение: ритмичное постукивание в бубен, пение, игра на вывко (гуделке), на варгане (конколь-лонколь). Каждый музыкальный инструмент имитировал природные звуки. Так, звуки вывко похожи на гудение ветра, завывание вьюги, звуки варгана – похожи на звуки животных, пение птиц и топот копыт. Все это способствует вхождению в особое трансное состояние и пациента, и самого шамана. Считалось важной приметой, чтобы для получения доброго ответа духов пациент и/или его семья участвовали в подготовке ритуала. Например, для обтяжки шаманского бубна используется кожа только что заколотого оленя (как правило, дикого оленя-самца), которого пожертвовал пациент (или его семья), что повышает значимость проводимого обряда для участников сакрально-ритуального дискурса шаманской практики. Несут информацию и телесные движения – жесты в сакрально – ритуальном дискурсе. Каждый из атрибутов тела, будь то форма, размер, положение или рост, при определенных условиях выражает или передает некоторое значение. Между жестовыми и естественными языками наблюдается определенное сходство [8]. Из движений тела, можно отдельно выделить невербальные акты касаний и разнообразные по фор-

ме, смыслу и назначению тактильные жесты, которые всегда были окружены в культуре некой тайной. Считалось, например, что касания способны излечивать людей от разных болезней. Такие касания Г. Е. Крейдлин предложил называть целительными, или терапевтическими [8]. Лечебный эффект прикосновения сегодня стал совершенно очевидным. Психологи, врачи отмечают исключительно высокую частоту случаев, когда им удавалось с помощью телесного контакта достичь заметных успехов в лечении болезней, не поддававшихся ранее другим способам лечения. Такие прикосновения широко используются сегодня в практике шаманов, знахарей, экстрасенсов, целителей, часто это является составляющей частью сакрально-ритуального дискурса.

Сакрально-ритуальный дискурс – вид институционального общения, в котором участвуют шаман – пациент. Шаманский дискурс является одним из древнейших на земле, он основан на анимализме, который до сих пор является ключевым в культуре тундровых ненцев. В Древнем мире все целители считались наделёнными частью могущества Бога (или богов), направленного на преодоление зла. Близость шаманского и религиозного типов дискурса ведёт к значительной степени суггестивности целительского общения шамана с пациентом. Лечение может быть успешным только в том случае, если пациент доверяет шаману-лекару. Шаман должен быть способным внушать пациенту доверие [9]. Соответственно, на протяжении веков шаманы и знахари выработали особые модели поведения, направленные на внушение и завоевание доверия, на подлинное удовлетворение потребностей пациента, обставив целой системой примет, поверий и суеверий, органически составляющих специфику сакрально-ритуального дискурса.

Сочетание в сакрально-ритуальном дискурсе шаманской практики рациональных и иррациональных знаний, способствовало тому, что восприятие шаманов-«профессионалов», в деятельности которых большое место занимала магия, в народной культуре носила двойственный характер. При рассмотрении проявлений «знающего», его индивидуальных характеристик, уже можно было заметить, что народные представления о шаманах дихотомичны. На одном полюсе дихотомии находился положительный образ доброго шамана, а противопоставлялся ему образ колдуна или злого шамана. Так, авторитет шамана «непререкаем, основан на даре» [10, с. 13]. Противопоставление шло по линии черт характера, внешнему облику, поведению, по месту происхождения. Особое место занимает так называемый «зов шамана» – некое внутреннее побуждение к миру иррациональному, падение в морок и т.п. При определенном абстрагировании от конкретных проявлений, можно говорить о противоречивом единстве этого образа в народной культуре. «Это ремесло заключает в себе несколько простых правил: осанка, точный и повелительный стиль речи, простота суждений и быстрота решений ... нужно добавить способность уловить и передать эмоцию, привлекательность манер, дар формулировки, которая производит эффект, вкус к театральной инсценировке – все, что предназначено для разжигания воображения. Кроме того, авторитет, понятий таким образом, нуждается в сохранении определенной дистанции, покровы тайны» [11, с. 127]. Сталкиваясь с чем-то необъяснимым, но влияющим на события в жизни вне зависимости от последствий (положительных или негативных), люди, не имея возможности изменить или предотвратить «неизбежное», стали отмечать для себя то, что лучше не бороться с «необъяснимым», а гораздо эффективнее принимать его во внимание и не делать того, что может негативно отразиться на дальнейших событиях, либо напротив – поступать таким образом, чтобы получить положительные последствия [12].

В самом общем виде цель миссии белых шаманов определим как преобразование межперсональных отношений в интересах благополучия каждого отдельного члена общества и, наоборот, под целью миссии черных шаманов будем понимать изменение общественных отношений в интересах благополучия одного лица или небольшой группы лиц в ущерб всем остальным. «Заклинания» мы будем рассматривать в качестве определенным образом составленных текстов, которые должны восприниматься теми, на кого они направлены. Шаманы, располагая лишь одним единственным видом «волшебства», во всем остальном ничем не отличаются от банального смертного. В этой связи коммуникативное поле у них будет таким же, как и круг общения обычного человека.

Вероятнее всего в процессе реализации своих стратегий, действия черных и белых шаманов во многом будут совпадать.

С точки зрения ограниченных коммуникативных возможностей и тем и другим в первую очередь потребуются технологии глобального распространения и использования волшебных текстов. Действительно, каким бы усердным не был шаман, он не в состоянии произнести свои заклинания каждому представителю многомиллионной аудитории. В этой связи возникает необходимость в носителе магической информации, которая бы не зависела от физических возможностей лица ей обладающего и воздействовала на всех. Очевидно, что первым шагом к подобной глобальной технологии стало создание письменной речи с последующим активным насаждением грамотности.

Сравнивая наши рассуждения с историческими реалиями несложно заметить удивительное сходство. В IX в. Кириллом и Мефодием под покровительством церкви и светской власти была создана и распространялась система письменности, в начале XX века на фоне глобальных и болезненных социальных перемен активно насаждался и функционировал институт ликвидации безграмотности, так называемый «ликбез». В настоящее время ст. 43 п. 4 Конституции Российской Федерации гласит: «Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования».

Возвращаясь к предмету наших рассуждений нетрудно предположить, что помимо письма для применения заклинаний шаману будут необходимы технологии их тиражирования или распространения. И здесь мы находим удивительные исторические совпадения. Начиная с изобретения книгопечатания, и по настоящее время эти технологии значительно прогрессировали. В современном мире к числу средств массовой коммуникации можно отнести: печать, радио, телевидение и глобальные электронные сети. Характерной особенностью этих средств является то, что они могут тиражировать не только письменную, но и устную речь, включая образ субъекта, произносящего ее.

Однако, не смотря на видимое совершенство рассмотренных технологий, они все же не смогут обеспечить полное, беспрекословное и всеобщее подчинение воле шамана, так как имеют пределы по скорости и полноте охвата магической информации. С этой точки зрения для любого мага было бы целесообразным создание системы, в которой заклинания используются в качестве пускового и поддерживающего фактора спонтанных процессов, которые формируют общественное сознание в интересах достижения упомянутых магических целей. Проводя аналогию этих спонтанных процессов с историческими мифами, можно увидеть удивительные совпадения. Мы можем видеть как мифы Будды, Аллаха, Христа, Наполеона, Гитлера и др. спонтанно охватывали массы и приводили к существенным социальным переменам.

Магические действия-заклинания, направленные на абсолютное подчинение человека иногда могут быть замечаемыми, но всегда не понятны и не объяснимы. Во многих сказочных сюжетах подобные действия представлены феноменом чуда. Однако подобные «чудеса» мы наблюдаем и в повседневной жизни в виде гипнотического транса и медитативного изменения сознания, которые возникают под воздействием речи. Достаточно убедительными и доказательными примерами подобных «чудес» являются массовые сеансы гипноза, проводимые В. Мессингом, А. Кашпировским и др. Более того, воздействия речью на сознание человека существует в настоящее время как в конструктивном смысле – психотерапия, так и в деструктивном виде – цыганский гипноз, криминальный гипноз (белая и черная магия!).

Кроме того, всеми признается, что деятельность шамана должна быть тайной и это в полной мере соответствует современному объяснению природы речи. До сих пор научные направления, изучающие влияние информации на человека, не могут объяснить изменение его состояния под воздействием речи. В настоящее время отсутствуют достаточно обоснованные методы контроля манипулирования сознанием и оздоровления при помощи речи. Из-за семантического (смыслового) подхода спорным также является вопрос о зависимости усвоения устных и письменных текстов от их структуры. Современные нейролингвистические, психолингвистические, психофизиологические, нейрофизиологические, психологические, математические, кибернетические, философские, исторические и филологические представления о природе речи, находясь в относительной изоляции, не позволяют ответить на этот вопрос однозначно и не

открывают возможностей для создания строго научной, междисциплинарной, доказательной базы, способствующей оптимальному использованию речи.

Поскольку данная статья носит проблемный характер, мы ограничимся лишь констатацией установленных в процессе исследований закономерностей воздействия речи на сознание человека. В своих исследованиях мы исходим из того, что мозг, являясь мощнейшей биологической вычислительной системой, ограничен в возможностях обработки речевой информации. В результате анализа экспериментальных данных нам удалось установить прямую зависимость функционального состояния коркового анализатора от структуры воспринимаемого текста [13, с. 10]. Причем эти, сформированные разными по структуре потоками речи состояния, могут варьироваться от малозаметного снижения аналитических способностей мозга до значительных изменений сознания с полной потерей критики к воспринимаемой текстовой информации.

Еще более показательным с точки зрения мощности воздействия речи на человека является феномен каталепсии, наблюдаемый в практике гипнозистов. В состоянии гипнотического транса пациента помещают всего лишь на две точки опоры – шею (голова) и пятки в горизонтальное положение между двумя стульями и этот человек значительное время удерживает данную позу, в то время как без гипноза подобный «трюк» он повторить не в состоянии. Известно, что от 83 до 89% от всей популяции взрослого населения субъективно ощущают подобные тексты, определяя их более тяжелыми в восприятии. Причем уровень этого ощущения и степень нарушения функции поддержания вертикальной позы во время прослушивания или прочтения этих текстов зависит от типа высшей нервной деятельности, психосоматического состояния и возраста человека.

Традиционно в рамках психолингвистики, нейролингвистики и филологии воздействие речи на сознание рассматривается с точки зрения смысловой (семантической) составляющей текстов. В отличие от существующих взглядов нами избраны синергетические подходы, основанные на совмещении классических физиологических представлений и собственно лингвистических методов. Наше понимание речевого изменения сознания основывается на том, что в интересах сохранения вида приоритетным относительно всех остальных направлений работы для мозга является первичное восприятие (декодирование) сигналов внешней среды, включая как слуховой, так и зрительный речевой сигнал. Чем больше этот сигнал отклоняется от привычной (эволюционно сформировавшейся) модели, тем больший вычислительный ресурс для его декодирования в ущерб другим своим функциям должен выделить мозг. В основе этих процессов лежит биологическая необходимость «отдыха» любой живой клетки, в том числе и нейрона в процессе ее работы (т. н. явление рефрактерности). Здесь так же уместно сообщить, что с точки зрения эволюции мышление является более поздней по времени своего возникновения, а, следовательно, и менее приоритетной функцией, нежели чем первичная обработка сигналов внешней среды и примитивные реакции ответа на них, которые свойственны низшим биологическим видам.

Современные проявления шаманизма различны в зависимости от территориальных и национальных особенностей, характера традиций. Не вызывает сомнений, что «фольклор – первая в истории культуры естественная мультимедийная субстанция. Текстологическое постижение его многомерности – главный и непрерывный эксперимент, подготовленный тем самым для науки и заданный ей» [14, с. 17].

Основу сакральной области сознания составляют установившиеся, ориентации, ценности, предпочтения, стереотипы, связанные с качеством жизни. Специфика сакральной дискурсии связана, прежде всего, с разрешением конфликта, либо внутреннего, либо не только внутреннего, но и внешнего. Образ виртуального мира участника сакральной коммуникации включает в себя систему ценностей субъекта (например, «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным», «жизнь прекрасна» – здесь возможна высокая степень вариативности в зависимости от культуры, религиозных предпочтений); знание неких глобальных принципов (например, ни что не возникает из ничего, каждое событие имеет некую причину и т.п.). Эти принципы, как правило, плохо осознаются субъектом, но присутствуют в картине мира как нечто «само собой разумеющееся», задавая определенную концептуальную рамку восприятия.

Библиографический список

1. Карабулатова, И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень. – 2004.
2. Карабулатова, И.С. Языковая личность в контексте межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово, 2011. – № 16.
3. Калина, Н.Ф. Анализ дискурса в психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 3 [Э/р]. – Р/д: <http://psyjournal.ru/j3p/20020307>
4. Ушницкий, В.В. Сказитель и шаман: носители фольклорного и культового действия // Творчество в археологическом и этнографическом измерении (The creativity via archaeological and anthropological dimension). – Омск, 2013.
5. Романова, Е.Н. Якутский праздник Ысыах: стоки и представления. – Новосибирск, 1994.
6. Функ, Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. – М., 2004.
7. Лекомцев, Ю.К. Антонимический текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983.
8. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. – М., 2004.
9. Карабулатова, И.С. Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики / И.С. Карабулатова, Е.А. Бондарец; под ред. И.С. Карабулатовой. – Тюмень, 2005.
10. Карабулатова, И.С. Общая характеристика антропокосмоса знахарства // Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики. – СПб., 2010.
11. Черепанова, И.Ю. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. – М., 2002.
12. Лар, Л.А. Религиозные традиции ненцев в XVIII – начале XX вв. Тюмень; Салехард, 2011.
13. Карабулатова, И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. – Тюмень, 2008.
14. Гацак, В.М. Экспериментальная текстология фольклора (на славянском и неславянском материале): доклад для XII Международного съезда славистов в Кракове. – М., 1998.

Bibliography

1. Karabulatova, I.S. Kuljtura detstva Tyumenskoy oblasti: tradicii i sovremennostj. – Tyumenj. – 2004.
2. Karabulatova, I.S. Yazihkovaya lichnostj v kontekste mezhkuljturnihkh kommunikacij// Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kuljturij i iskusstv. – Kemerovo, 2011. – № 16.
3. Kalina, N.F. Analiz diskursa v psikhoterapii // Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza. – 2002. – № 3 [Eh/r]. – R/d: <http://psyjournal.ru/j3p/20020307>
4. Ushnickij, V.V. Skazitelj i shaman: nositeli foljklornogo i kuljtovogo dejstvija // Tvorchestvo v arkhologicheskom i ehtnograficheskom izmerenii (The creativity via archaeological and anthropological dimension). – Omsk, 2013.
5. Romanova, E.N. Yakutskij prazdnik Ihsihakh: stoki i predstaveniya. – Novosibirsk, 1994.
6. Funk, D.A. Mirih shamanov i skazitelej: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov. – M., 2004.
7. Lekomcev, Yu.K. Antonimicheskij tekst // Tekst: semantika i struktura. – M., 1983.
8. Kreydlin, G.E. Neverbaljnaya semiotika. Yazihk tela i estestvennij yazihk. – M., 2004.
9. Karabulatova, I.S. Zagovor: imya sobstvennoe v sakraljnom diskurse znakharskoj praktiki / I.S. Karabulatova, E.A. Bondarec; pod red. I.S. Karabulatovoj. – Tyumenj, 2005.
10. Karabulatova, I.S. Obthaya kharakteristika antropokosmosa znakharstva // Zhivaya tradiciya zagovora Sibiri: sakraljno-ritualjnijh diskurs znakharskoj praktiki. – SPb., 2010.
11. Cherepanova, I.Yu. Zagovor naroda. Kak sozdatj siljnijh politicheskij tekst. – M., 2002.
12. Lar, L.A. Religioznihe tradicii nencev v XVIII – nachale XX vv. Tyumenj; Salekhard, 2011.
13. Karabulatova, I.S. Prognosticheskaya toponimika: transformaciya toponimicheskogo prostranstva v yazihkovom soznanii nositelej russkogo yazihka. – Tyumenj, 2008.
14. Gacak, V.M. Ehksperimentaljnaya tekstologiya foljklora (na slavyanskom i neslavyanskom materiale): doklad dlya XII Mezhdunarodnogo sjhezda slavistov v Krakove. – M., 1998.

Статья поступила в редакцию 01.11.13

УДК 81: 398

Karabulatova I.S., Zamaletdinov R.R., Fedorova E.A., Saifulina F.S. LINGUISTIC AND MYTHOLOGICAL SPACE OF THE PLACE NAME «SIBERIA» IN THE MODERN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS. The article deals with the problem of understanding of Siberia as a special mythological space in the linguistic consciousness Slavs. Researchers consider the etymological roots of the transformation of names. They are trying to figure out why Siberia acts as a sacred place, which has a complex network of associative fields. The authors show how preserved in the memory of the main ethnic peoples of Siberia archetypal notions of Siberia as a mystical space. Researchers trace the verbal associates, allowing for the main keywords toponymical legends of the region constituting toponymic synopsis. The authors analyze the legends, traditions and myths about Siberia. This allows them to make informed the semantic differences between the concepts «Toponymical legend», «toponymic tradition», «toponymic myth», «toponymic synopsis».

Key words: Siberia, the myth, names, bury, Slavic- Russian linguistic consciousness, Tartarus, the transformation name, toponymic synopsis, Toponymical legend, toponymicmyth.

И.С. Карабулатова, д-р филол. наук, проф. каф. общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, E-mail: radogost2000@mail.ru; Р.Р. Замалетдинов, д-р филол.н., проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, E-mail: director@ifi.kpfu.ru; Е.А. Федорова, аспирант каф. общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, ст. преп. каф. гуманитарных наук Заводоуковского филиала Тюменского гос. университета, г. Заводоуковск, a1adna-77@mail.ru; Ф.С. Сайфулина, д-р филол. наук, проф., зав. каф. татарской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, E-mail: fsaifulina@mail.ru

ЛИНГВОМИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ТОПОНИМА «СИБИРЬ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Статья затрагивает проблему осмысления Сибири как особого мифологического пространства в языковом сознании славян, раскрывает понимание Сибири как сакрального места со сложной сетью ассоциативных полей. Авторы приходят к обоснованным выводам о семантическом различии понятий «топонимическая легенда», топонимическое предание», «топонимический миф», «топонимический синопсис».

Ключевые слова: Сибирь, миф, оним, хороним, славяно-русское языковое сознание, Тартар, трансформация имени, топонимический синопсис, топонимическая легенда, топонимическое предание.

Мегаконцептуальность топонима «Сибирь» для человеческой цивилизации в целом обусловлена полиаспектным ассоциативным пространством хтоничности в социуме. Полиэтнический состав населения края, сосуществование в регионе различных национальных культур, позволяет говорить о некоем духовно-историческом единстве, сформировавшемся в эпоху освоения северных территорий, когда происходила «встреча» Большой (Россия) и Малой (Сибирь) земель.

В классическом когнитивном моделировании исследование любой понятийной категории начинается с формирования структуры знаний типа фрейма, а в нашем случае, в виде топонимического синопсиса (топонимического сценария). Прежде всего, здесь ярко выражены такие тенденции, как «Начало» и «Конец», «Жизнь» и «Смерть», «Чистилище» и «Преображение». Основные идеи такого типа представлены в когнитивной теории метафоры [1; 2]. Не вызывает сомнений, что основная особенность толкования начала и конца в православном мироощущении заключается в том, что эти категории мыслятся здесь не как абстрактные смыслы, а как 1) конкретные имена – Имена Божии (Начало, Конец, Безначальный, Бесконечный и т.п.), а также 2) смысловые компоненты конкретных ситуаций-реалий, мифологем, событий и т.д. (сотворение мира, Парусия, или Второе Пришествие Христа, Суд, Царство и т.д.). В этом контексте топоним «Сибирь» занимает особое место в эсхатологии европейского и русского мироощущения, поскольку относится и к конкретному пространству, и мифологическому миру человеческого Духа.

В этом выражено фундаментальное свойство слова, его предназначенность к функции «работы духа в материале артикулированного звука», его центральная роль в языке как *εὐρεῖς* [3]. Слово есть «метод концентрации» смысла [4, с. 163] и, для другого, – сам явленный смысл [4, с. 252], именно «слово произнесенное подводит итог внутреннему томлению по реальности» [4, с. 291]. Однако следует признать, что то, что говорят о слове великие гумбольдианцы и сам Гумбольдт, значимо далеко не для каждого. В переходную эпоху заново ставится вопрос: что такое Сибирь? Этот неясного происхождения топоним до сих пор несет в себе как мифологические, так и утопические, и реально-исторические смыслы. «Сибирь как колония» (Николай Ядринцев) – вот так началось осознание Сибири в России, однако не стоит забывать, что некогда Дон, Поволжье, Кавказ были когда-то регионами русской колонизации [5, с. 188]. При этом в краевой литературе XIX века складываются два основных, противоположных друг другу, образа Сибири и ее природного мира. Один из них олицетворяет «глухое», «гиблое», «чужое» начало, другой – «родное» место, прекрасную, близкую землю, «дом». Убедительно поясняет, как складывался образ Сибири – «глухого», «дикого» места, М. Азадовский в статье «Поэтика «гиблого места»: «Сибирь воспринималась главным образом как страшная и суровая страна, как мрачный край изгнания и ссылки» [6, с. 138-158]. В творчестве П.А. Словцова, П. Ершова, Н.М. Ядринцева, Н.А. Лухмановой, Н.М. Чукмалдина, наоборот, создается образ родного, близкого пространства.

Мы полагаем, что топонимическая система представляет собой сложную сеть ассоциативных полей (относительно автономных семантических подсистем, объединенных некоторыми общими компонентами и состоящих из связанных между собой лексических единиц). Иными словами, «топоним являет собой свернутый миф» [7, с. 118]. В русском мифологизированном сознании топоним «Сибирь» амбивалентен: она является краем Смерти и Холода, убивая все живое, и она же является энергетическим источником мироздания. Топонимические ассоциации являются ключевыми словами ономаста мифа местности, голографически представляя топообъект в языковом сознании носите-

ля языка, составляя, таким образом, топонимический синопсис. Сибирь представляет собой актуально значимую область топопространства для мирового социума. Топоним «Сибирь» является одним из самых мифологизируемых пространств мира, репрезентирующим самые важные ценности человеческой цивилизации.

В этом топонимическом синопсисе ассоциаты выступают как ключевые слова той или иной серии топонимического сценария в целом. Здесь разворачивается «многомерная вариативная сеть создания топонимического мифа» [8, с. 97]. Кроме данного слова – «ключа» существуют и другие, которые открывают другие «входы» в это культурное пространство. Региональное топонимическое пространство может быть рассмотрено, с одной стороны, как текст, отражающий историю народа, а с другой стороны, как культурная среда, формирующая историческое сознание, поскольку зачастую топонимия воспринимается как мемориал историческим деятелям и событиям. Мифы представляют собой эффективное средство воздействия на массовое сознание; мифологическая коммуникация весьма интересна для рекламы и паблик рилейнз, поскольку действует на уровне, который может слабо опровергаться массовым сознанием. Мифологическое мышление имеет отличительные особенности от научного мышления. Так, место общего понятия в мифе занимает имя того или иного божества. Место закона, управляющего каким-либо явлением, в мифе занимает архе-история происхождения этого явления: «Когда-то некое муминозное существо впервые совершило определенное действие, и с тех пор это событие идентично повторяется» [8, с. 122]. Однако древние мыслили совершенно логично даже по современным меркам. Так, мифическое объяснение мира может быть выражено в форме силлогизма: «1. Это – северный ветер Борей... 2. Всегда, когда бушует Борей, бушует Посейдон (море). 3. Таким образом, бушует Посейдон» [8, с. 237]. К. Хюбнер делает вывод, что форма объяснения в науке и в мифе одинакова, различаются их эмпирические содержания, которые несопоставимы. Он утверждает, что невозможен рациональный выбор в пользу научной рациональности: мифическое мышление ничуть не хуже научного [8, с. 264-266]. Отсюда же следует, что миф не является чем-то иррациональным, если понимать под последним враждебные разуму патологические чувства и страсти. «Итак, результаты предыдущих исследований не могут служить сегодня предлогом для защиты отрекающегося от мышления иррационализма» [8, с. 265].

Миф является одной из особенностей ономастического дискурса. В трудах Казанской школы ассоциациям уделяется максимальное внимание, поскольку объективно-психологическое понимание языка, провоцирующее использование экспериментальных методов исследования «чутья языка народом», сводит «... все происходящее в языковом мышлении к ассоциациям представлений или идей» [9, с. 148]. Итак, выделяются разные направления ассоциирования: на мир знаков и мир реальных объектов.

Мы провели ряд ассоциативных экспериментов, чтобы выяснить, каковы репрезентативные характеристики топонима «Сибирь» в современном русском языковом сознании. Эксперименты проводили среди молодежи г. Заводоуковска Тюменской области, всего было опрошено 150 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Эксперимент показал большую роль воображения в этимологизации топонима и создании топонимического мифа. Вербальные ассоциации получают в ходе психоаналитического сеанса или специального эксперимента. До сих пор этот древний топоним «Сибирь» вызывает живые реакции у большинства людей, живущих в разных уголках нашей большой планеты, как

некое обозначение потустороннего, загадочного, ирреального пространства, где формируется духовная сила Земли-Геи, где более выражено проявляется «загадочная русская душа». В связи с удаленностью и отсутствием знаний это место максимально мифологизировано.

Единицей психолингвистического анализа является ассоциативная пара слов, где одно выступает в качестве стимула, а второе в качестве реакции: S → R. Стрелка между ними показывает направление ассоциации. На письме слово-стимул выделяют прописными буквами, или жирностью, или курсивом, а слово-реакцию – строчными: *Сибирь* → *богатство*; *Сибирь* → *мрак*; *Сибирь* → *холод* и т.д. На одно слово-стимул (S) можно получить целую цепочку слов-реакций (RR), в которой все предыдущие реакции становятся дополнительными стимулами для последующих, например:

Сибирь: а) *холодная, зимняя, вечерняя, богатая ископаемыми, загадочная, сказочная, таинственная, неизведанная, неизвестная, непредсказуемая, заманчивая;*

б) *морозная, пасмурная, суровая, беспощадная, добрая, умиротворенная, мрачная, грязная (грязливая), ветреная, темная, болотистая;* в) *белокрылая, белоснежная, хрустящий снег, ледяная, снежная, заснеженная, белая;* г) *пушистая, лесная, хвойная, густая, таежная, зеленая, кедровая, лесистая;* д) *прекрасная, необъятная, природная, красивая, богатая, большая, великая, могучая, потрясающая, просторная, великолепная, невзрачная, дикая, классная;* е) *одинокая, наполненная, далекая, дальняя, пустая, промышленная, неоднородная, населенная, продовольственная, известная, родная, забытая, интернациональная, разная, многолюдная, русская, насыщенная, привычная.*

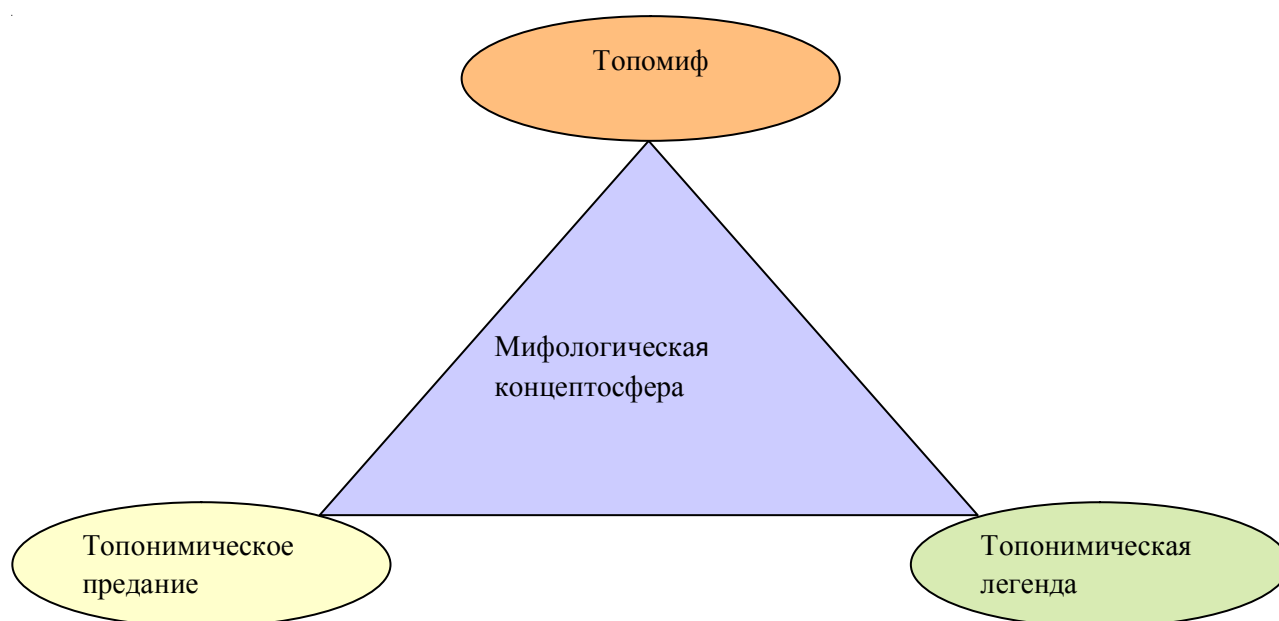
Промежуточные стимулы как бы направляют процесс ассоциирования, при этом в цепочке, строго говоря, ассоциативно связаны только смежные слова, а не первое и, например, последнее: *Сибирь* → *лесная... пушистая... густая... кедровая.*

В результате массового свободного ассоциативного эксперимента получается набор реакций на заданные слова-стимулы. Этот набор реакций, который был получен на один стимул, упорядочивается по частоте: на первом месте оказывается реакция, которую назвало первой большинство участников ассоциативного эксперимента, на последнем – те реакции, которые упомянуты только одним участником эксперимента. Такой упорядоченный по частотности набор реакций на слово-стимул мы называем ассоциативным полем стимула. Таким образом, в центре ассоциативного поля находятся наиболее частотные реак-

ции, а на периферии (или в конце скользящей шкалы – единичные реакции. В зарубежной психолингвистической традиции вместо термина «ассоциативное поле» чаще употребляется термин «распределение реакций». Следует отметить, что именно ассоциативные нормы определяют тот стандарт, в котором отражены актуальные для сознания носителей языка особенности семантики исходного слова-стимула. В ядро входят конкретные по значению единицы, легко вызывающие мысленный образ: *Сибирь* → *холодная, морозная, великая.*

В.В.Налимов, выдвинувший концепцию о так называемых континуальных потоках сознания, исходил из представления о том, что как мир жизни в самом широком ее проявлении, так и сознание человека выступают перед нами как текст [10]. Когда мы рассматриваем ассоциативные цепочки топонимов, перед нами предстает несколько вариантов возможных топонимических легенд, реализующихся в виде различных топонимических синопсисов. Мы полагаем, что ассоциаты топонима «Сибирь» являются ключевыми словами топонимического синопсиса, реализующего тот или иной вариант топонимического мифа, актуального в конкретной этнолингвокультуре. На наш взгляд, топонимические легенды основаны на ассоциативном восприятии топонимов. В этой связи ментальное пространство имени собственного представляет особый интерес, поскольку, функционируя в полиэтнической среде, «все элементы региональной ономастической системы находятся под влиянием эталонов стереотипов восприятия, присущих человеку как субъекту познания» [11, с. 46]. В то время как топонимические предания – на реальных событиях. Народные этимологии конкретного топонима встраиваются в структуру топомифа, позволяя имени оставаться максимально долго в оперативной памяти носителей языка. Топонимический миф является одной из особенностей ономастического дискурса. Ранее И.С. Карабулатовой предпринималась попытка определения содержания топонимического мифа [7], однако проблема разграничения таких терминологических единиц, как «топонимическая легенда», «топонимическое предание» оставалась не проясненной, что заставило ее снова обратиться к этой проблеме. В своей работе «Топоним как свернутый текст» И.С. Карабулатова приходит к выводу, что отсутствие дифференциации в употреблении терминов «топонимическое предание», «топонимическая легенда» говорит «об отсутствии четкого подхода к этим дефинициям как в фольклористике, так и в топонимике» [12, с. 15]. Вместе с тем анализ фольклорного материала показывает различие этих пластов.

Таким образом, мы получаем строгую структуру мифологической концептосферы топонимов. Выстраивая иерархически, взаимоотношения между топонимическим мифом, топонимическим преданием и топонимической легендой можно представить в виде следующей схемы.

Итак, топонимическое предание опирается на более глубокую реальную традицию, в основе предания – реальный исторический факт. В то время как легенда, придя изначально из религиозной (христианской, мусульманской и т.д.) традиции, более фантастична и ирреальна. На этом основываются как русские, так и татарские легенды о Сибири, получившие дальнейшее свое развитие в творчестве местных татарских писателей [13]. Суфийское направление, столь широко представленное в сибирской тюркской литературе, обогатило образ Сибири многочисленной поэтической символикой, метафорами, через которые поэты данного направления выражали отношение индивидуальной души к Божественному началу. В поэзии суфиев возвышенная любовь сравнивается со скромным цветком фиалки, цвет которой символизирует суфия, а белым (в некоторых случаях черным) цветом ассоциируется Всевышний [13, с. 88]. Не случайно одной из устойчивых ассоциат Сибири является белый цвет: *Сибирь белоснежная, белокрылая, белая, заснеженная, ледяная*. Сибирь рисуется как некое пространство, отрешенное от реального плотского мира, что является созвучным сибирскотатарской литературе. Вместе с тем это становится созвучным и с русской традицией о сакральном Беловодье и Шамбале. В связи с этим ассоциаты, полученные от сибиряков (русских и татар) имеют общие реакции [14, с. 105-106].

На мифологическом уровне осмысления сибирского текста, созданного татарскими поэтами, упомянутые природно-географические и историко-культурные реалии выступают в качестве мифологических универсалий, архетипических образов. Сибирь, воспринимается современными поэтами как регион, содержащий уникальный комплекс природно-сырьевых и человеческих ресурсов. Поэты рассматривают Сибирь как топос, способный воздействовать на личностные качества сибиряков. Рассматривая данный вопрос в контексте татарской литературы Сибири, Ф.С.Сайфулина пишет о том, что здесь создается «...представления о Сибири как об исключительном регионе, которая заключена не только в природном богатстве края, но, кроме того, Сибирь – земля, обладающая внутренним духовным потенциалом, где живут здоровые, щедрые, сильные, трудолюбивые люди. В таких стихах топос Сибири помогает поэтам составить идеальную модель мира» [15, с. 95].

В ономастическом дискурсе миф понимается нами как некритически воспринимаемые стереотипы общественного сознания. Интересной в этом плане является концепция очарования, предложенная Джейн Беннетт как некий опыт бытия [16]. В основе создания мифа лежит явление фетишизации символа: *Сибирь → холод → мрак → смерть → потусторонний мир → ирреальная сила*. В более поздней трактовке фетишизация рассматривается как исторически обусловленная разновидность общественного сознания. В новейших интерпретациях под мифом подразумевается некритически воспринятое воззрение, связанное с функциональной визуализацией мозга [17, с. 83].

Сибирь ассоциируется как специфическое мифологическое пространство, где давно забытая цивилизованным миром действительность является реальностью, где соприкасаются границы миров, где живут и действуют герои. Не случайно сибиряки в пословицах выступают как особенные люди, а сама Сибирь как специальное сказочное пространство. Например: *Сибиряк не тот, кто в Сибири родился, а тот, кто тепло одевается; Сибиряк не тот, кто в Сибири живет, а тот, кто тепло одевается; Сибирь-матушка, а Урал – батюшка; послать в Сибирь; крепкий как сибиряк; сибирское здоровье; сибирский здоровяк, сибирский богатырь* т.п. Отправка или дорога в Сибирь в народном сознании приравнивается к путешествию в сакральный мир Смерти, в мир Иного, поэтому использование в качестве топонима слова «Сибирь» связано с обозначением запретного места, закрытого места, удаленного места с ярко выраженной негативной коннотацией. Например, в украинской народной песне есть такие слова «*За Сибіром сонце сходить, Хлопці не зівайте. Ви на мене, Кармалюка, всю надію майте*». У Кармалюк в украинской традиции является таким украинским Робин Гудом, который был послан в Сибирь, откуда он бежал. Такое соотношение топонима Сибирь в народном языковом сознании с сакральным пространством перемещает саму Сибирь в реальность заговора, сказки и мифа. В связи с этим показательны и популярные книги якобы «сибирской целительницы Натальи Степановой», а также всевозможная реклама в газетах оккультного характера якобы потомственных целителей из Сибири (*бабушка Агафья, бабушка Вера* и т.п.). Считается, что лишь в Си-

бири сохраняются исконные знания, имеются скрытые ресурсные источники и сакральные «места силы», живут особенные люди и т.п. Не случайно, максимально мифологизированным образом колдуна является образ сибирского мужика Григория Распутина, сумевшего влиять на судьбу царской семьи и России в целом. Практически из ниоткуда, из сибирской мглы (*тьмы – Тмутаракани – Тюмени – Тмени*) приходит в русскую культурную столицу Григорий Распутин. Он персонифицирует само сакральное пространство Сибири, мистифицируется не только в русском, но и европейском общественном сознании. Григорий Распутин – это образ русского народа, темного, но обладающего огромным потенциалом. Убив Распутина, царская элита разбудила дух народа. Поэтому Г.Распутин предсказал смерть царской семье, ибо он был принесен жертвой на алтарь свободы русского народа. В современном русском языке сохранилось выражение «провалиться в тартарары» означает исчезнуть, погибнуть. Поэтому отправляя царскую семью за Урал, за мистическую границу жизни и смерти, большевики приговаривали царский род к мистической смерти в мире Холода и Хаоса – в Сибири. «Человеческому», осененному крестом пространству Запада (Санкт-Петербург-Петроград), противостояло чужое и враждебное пространство Востока (Сибирь). Происходит своеобразное замещение: Распутин отправляется в Санкт-Петербург, где находит свою насильственную смерть там, и царская семья отправляется на родину Распутина, чтобы принять мученическую смерть. Нам кажется, что эти параллели не случайны. Итак, Ж.Делез определил современный мир как мир симулякров, в котором человек не переживает Бога, точно также, как тождество субъекта не переживает тождества субстанций: «Все тождества только симулированы, возникая как оптический «эффект» более глубокой игры – игры различия и повторения» [18, с. 116].

Вместе с тем в русском языковом сознании имеется противопоставленность: Русь – Сибирь, которая является отголоском противопоставленности Руси и Сибири как Тартарии/Тартара. Так, особое место занимает в заговорах «Татарская земля», которая находится на противоположном полюсе, противопоставляясь всему русскому, она – место обитания «*врагов супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ*». «*Заговоръ ратнаго челоуѣка, идущаго на любую войну*» описывает сражения с татарами – с иноверцами, воинами, прославившимися своей жестокостью, храбростью, сверхъестественной неуязвимостью: «*Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за всаъ цѣль и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бяю враговъ и супостатовъ; она былъ бы я цѣль и невредимъ*». Твердыней, способной уберечь от всех врагов, выступает в заговорах «Кремль». Первый пласт ассоциаций связан с кремнем, на самом деле этимология слова иная: «*Крѣмль м. кремь, кремнѣкъ стар. и кромь (отъ кромѣть, кромленое мѣсто), дѣтънѣць, внутренняя крѣпостьца, крѣпость внутри города; стѣна съ бойницами, воротами, башнями, ограждающая важнѣйшую часть города, дворецъ, казну*» [19, с. 138]. В этой связи показательно то, что белокаменный Кремль стоит в Тобольске, он как бы ментально отсылает нас к белокаменной Москве с ее главным Кремлем. Считается, что Татарская земля – место обитания врагов земли Русской. Вторжению азиатских кочевников было найдено объяснение и оправдание, соответствующее божественному архетипу небесной кары. Это не является странностью времени, если учесть, что уже в первых новгородских летописях татары/ татары изображены как носители иной культуры, иной религии, а жестокость татар укрепили в русском сознании образ заклятых врагов. При этом еще Г.Ф. Миллер в своих научных трудах всю территорию за Уральским хребтом называет Великой Татарией, а самих татар «главнейшим народом Сибири» [20]. В то же время появившиеся известия о едином боге татар дали толчок одному из наиболее любопытных мифов средневекового Запада – легенде о таинственном христианском государе пресвитере Иоанне, чье могущественное царство соотносилось с не менее таинственным Беловодьем или Шамбалой.

Содержание мифа и в прошлом и в настоящем воспринимается вполне реальным, и различие между реальным и сверхъестественным стирается. Однако в современном языковом сознании Сибирь со своей географической и культурной отдаленностью от центра воспринимается как некий мифический мир, где сохранились реликтовые артефакты человеческой цивилизации.

Библиографический список

1. Lakoff, G. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. / G. Lakoff, M. Johnson. – New York, 1999.
2. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago. – London, 1987.
3. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческих языков и влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
4. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли // Избранные труды. – М., 1990. – Т. 2.
5. Карабулатова, И.С., Влияние перцепции топонима «Сибирь» на формирование современной этнолингвистической ситуации в регионе (на материале Тюменской области) / И.С. Карабулатова, Е.А. Федорова // Научное обозрение. – М. – 2013. – № 3-4. – Сер. 2. Гуманитарные науки. Лингвистика.
6. Азадовский, М.К. Поэтика гиблого места // Сибирские огни. – 1927. – № 1.
7. Карабулатова, И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. – Тюмень, 2008.
8. Хюбнер, К. Истина мифа. – М., 1996.
9. Николаев, Г.А. Бодуэн де Куртэнэ И.А. о Н.В. Крушевском (Материалы Национального архива Республики Татарстан) // Николай Крушевский. Научное наследие и современность: материалы международной науч. конф. «Бодуэновские чтения». – Казань, 2002.
10. Налимов, В.В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М., 1989.
11. Карабулатова, И.С. Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. – Тюмень, 2001.
12. Карабулатова, И.С. Топоним как свернутый текст // Русская литература в контексте мировой культуры: материалы IX международной научно-практич. конф., посвященной 55-летию вуза. – Ишим, 2009.
13. Сайфулина, Ф.С. Традиции суфийской литературы в произведении «Душевная благодать» поэта средневековья Хувайды. – Тобольск, 2011.
14. Федорова, Е.А. О перцепции топонима «Сибирь» современной евразийской языковой личностью / Е.А. Федорова, И.С. Карабулатова // Вестник Орловского государственного университета. – Орел. – 2013. – № 3(32).
15. Сайфулина, Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень, 2007.
16. Bennett, J. The Enchantment of Modern Life: Attachments, Crossings, and Ethics // Princeton, 2001.
17. Карабулатова, И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. – Тюмень, 2008.
18. Делез, Ж. Различение и повторение. – СПб., 1998.
19. Карабулатова, И.С. Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики / И.С. Карабулатова, Е.А. Бондарец. – Тюмень, 2005.
20. Миллер, Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1.

Bibliography

1. Lakoff, G. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. / G. Lakoff, M. Johnson. – New York, 1999.
2. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago. – London, 1987.
3. Gumboldt, V. fon. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykhov i ego vliyaniy na dukhovnoe razvitiye chelovecheskikh yazykhov i vliyaniy na dukhovnoe razvitiye chelovechestva // V. fon Gumboldt. Izbranniye trudi po yazyhkoznaniyu. – M., 1984.
4. Florenskiy, P.A. U vodorazdelov mihsli // Izbranniye trudi. – M., 1990. – T. 2.
5. Karabulatova, I.S., Vliyaniye perceptii toponima «Sibirj» na formirovaniye sovremennoy ehtnolingvisticheskoy situacii v regione (na materiale Tyumenskoy oblasti) / I.S. Karabulatova, E.A. Fedorova // Nauchnoe obozrenie. – M. – 2013. – № 3-4. – Ser. 2. Gumanitarniye nauki. Lingvistika.
6. Azadovskiy, M.K. Poehtika giblogo mesta // Sibirskie ogni. – 1927. – № 1.
7. Karabulatova, I.S. Prognosticheskaya toponimika: transformaciya toponimicheskogo prostranstva v yazykovom soznanii nositeley russkogo yazyhka. – Tyumenj, 2008.
8. Khyubner, K. Istina mifa. – M., 1996.
9. Nikolaev, G.A. Boduehn de Kurteneh I.A. o N.V. Krushevskom (Materialih Nacionaljnogo arkhiva Respubliki Tatarstan) // Nikolaj Krushevskiy. Nauchnoe nasledie i sovremennostj: materialih mezhdunarodnoj nauch. konf. «Boduehnovskie chteniya». – Kazanj, 2002.
10. Nalimov, V.V. Spontannostj soznaniya: veroyatnostnaya teoriya smihslav i smihslovaya arkhitektonika lichnosti. – M., 1989.
11. Karabulatova, I.S. Regionaljnaya ehtnolingvistika: sovremennaya ehtnolingvisticheskaya situaciya v Tyumenskoy oblasti. – Tyumenj, 2001.
12. Karabulatova, I.S. Toponim kak svernutyihy tekst // Russkaya literatura v kontekste mirovoj kuljturih: materialih IX mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konf., posvyathennoj 55-letiyu vuza. – Ishim, 2009.
13. Sayifulina, F.S. Tradicii sufijskoy literaturih v proizvedenii «Dushevnyaya blagodatj» poehta srednevekoviya Khuvaydjih. – Toboljsk, 2011.
14. Fedorova, E.A. O percepcii toponima «Sibirj» sovremennoj evrazijskoy yazykhovoy lichnostjyu / E.A. Fedorova, I.S. Karabulatova // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Orel. – 2013. – № 3(32).
15. Sayifulina, F.S. Formirovaniye i razvitiye tatarskoy literaturih Tyumenskogo regiona. – Tyumenj, 2007.
16. Bennett, J. The Enchantment of Modern Life: Attachments, Crossings, and Ethics // Princeton, 2001.
17. Karabulatova, I.S. Prognosticheskaya toponimika: transformaciya toponimicheskogo prostranstva v yazykovom soznanii nositeley russkogo yazyhka. – Tyumenj, 2008.
18. Delez, Zh. Razlicheniye i povtoreniye. – SPb., 1998.
19. Karabulatova, I.S. Zagovor: imya sobstvennoye v sakraljnomy diskurse znakharskoy praktiki / I.S. Karabulatova, E.A. Bondarec. – Tyumenj, 2005.
20. Miller, G.F. Istoriya Sibiri. – M.; L., 1937. – T. 1.

Статья поступила в редакцию 01.11.13

УДК 82-31

Pleshkova O.I. J.N. TYNJANOV'S NOVEL «PUSHKIN» IN THE ASPECT OF THEORY OF LITERARY EVOLUTION.

The article presents experience of consideration of J.N. Tynjanov's novel «Pushkin» in the aspect of theory of literary evolution, developed by the scientist. The author of article plans mythological and literary sources of artistic image of Pushkin. It allows newly to show artistic image of the legendary Russian poet.

Key words: literary evolution, artistic image, historical prose.

О.И. Пleshkova, канд. филол. наук, доц., АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: o-Pleshkova1@yandex.ru

РОМАН Ю.Н. ТЫНЯНОВА «ПУШКИН» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В работе представлен опыт рассмотрения романа Ю.Н. Тынянова «Пушкин» в аспекте теории литературной эволюции учёного, намечены мифологические и литературные источники образа Пушкина, по-новому раскрывающие образ легендарного русского поэта.

Ключевые слова: литературная эволюция, художественный образ, историческая проза.

Образ Александра Сергеевича Пушкина неоднократно варьируется в литературе, искусстве и даже в фольклоре, что обнажает неизменный интерес к его неординарной личности. В отечественной литературе и искусстве образ Пушкина реализовывался с различной художественной доминантой: романтической (у М.Ю. Лермонтова), реалистической (у В. Вересаева, И. Новикова и др.) и даже авангардно-модернистской и постмодернистской (в стихах В. Маяковского, В. Высоцкого, Ю. Шевчука, в мульттексте А. Туркуса «Буревестник» и пр.). Парадигма образа Пушкина обширна, включает как черты романтического героя, погубленного средой, так и комически-гротескные оттенки [1], что вновь подчёркивает неординарность личности Пушкина-человека.

Одним из создателей образа Пушкина выступил Ю.Н. Тынянов, который после многолетних исследований поэтики Пушкина (работы «О композиции "Евгения Онегина"» (1921-1922), «Мнимый Пушкин» (1922), «Архаисты и Пушкин» (1926), «Пушкин и Тютчев» (1926), «Пушкин и Кюхельбекер» (1934), «О "Путешествии в Арзрум"» (1936), «Безыменная любовь» (1939) и др.) в середине 1930-х гг. начал писать роман, в котором предполагал охватить всю жизнь русского поэта. Однако, реализации этого помешала смерть Тынянова. Роман «Пушкин» (1935-1943), по сути, явился первым томом эпопеи. Образ Пушкина в романе необычен тем, что создаётся на стыке научных исследований Тынянова и его художественных концепций. Именно в романе «Пушкин» теория литературной эволюции – одна из главных научных тем Тынянова – отражена с наибольшей полнотой [2; 3; 4].

Концепция литературной эволюции Ю.Н. Тынянова предполагает отталкивание каждого нового произведения от каких-либо «старых», включение в него элементов предшествующей литературы и «не-литературы» (быта, социума, культуры, фольклора и мифологии), организацию их новым конструктивным принципом и обработку новым конструктивным фактором. Под конструктивным принципом Тынянов понимал художественную доминанту произведения. Под конструктивным фактором – способ обработки материала, его трансформацию. «Трансформирующий аспект» конструктивного фактора сближает его с процессом пародирования, которому учёный придавал особое значение в эволюции литературы, лишая этот термин традиционного комического наполнения [2]. Факты заимствования в процессе создания нового произведения, согласно концепции Тынянова, должны предполагать некую трансформацию системой нового произведения, иначе оно будет эпигонским, «не-новым», и не сможет считаться моментом эволюции литературы [5, с. 569]. Факты трансформированных заимствований и влияний Тынянов называл пародическими точками отталкивания.

Следует отметить, что некоторые так называемые «точки отталкивания» романа Тынянова «Пушкин» рассматривались литературоведами. Так, доказано, что роман о Пушкине неразрывно связан как с творчеством самого поэта, так и его литературного окружения. Система образов пушкинского творчества, особенно раннего, лицейского периода, по мнению исследователей, входит необходимой составляющей в роман Тынянова [6; 7; 8; 9]. Ещё в одной из первых рецензий, в 1937 году, критик А. Гурштейн отмечал «литературность» романа, которая «заключается именно в том, что он весь построен на литературных ассоциациях, на аналогиях и реминисценциях» [8, с. 198]. А. Немзер показал и объяснил в нём функцию гоголевских заимствований, мотивировавших комическую доминанту изображения родителей Пушкина [9].

На наш взгляд, реализация аспектов эволюции (в понимании Тынянова) демонстрируется в романе «Пушкин» как на уровне организации системы литературного текста, так и на уровне сюжетных событий, его наполняющих.

Во-первых, структура образов-персонажей, и, в первую очередь, образ Пушкина, обнаруживает так называемую «смесь различных элементов» [5, с. 569] – фактов быта, литературных и фольклорно-мифологических точек отталкивания, остраивающих образ, делающих его необычным.

Во-вторых, изображение литературной жизни эпохи конца XVIII – начала XIX веков, демонстрирующей, согласно исследованиям Ю.Н. Тынянова («Литературный факт» (1924), «О литературной эволюции» (1927), «О пародии» (1929) и др.), резкий скачок в эволюции литературы, представлено в романе рядом сюжетных линий. Здесь – творческая деятельность дяди Пушкина, Василия Львовича, искания Карамзина, литературные бои

архаистов и новаторов, приведшие в итоге к рождению нового слога, новой литературы, символом которой и станет Пушкин.

В-третьих, значимо в плане эволюции (изменения) общества художественное изображение перемен в российском образовании, приведших к созданию учебного заведения нового типа – Царскосельского лицея. Данное событие в романе проникнуто мифопоэтическими мотивами и образами, где Пушкин и лицеисты предстают людьми новой формации, «новой породы» [10, с. 197]. Сперанский – Богом-отцом, задумавшем создание человека, а Малиновский, первый директор лицея – неким Иоанном-крестителем. Значимым представляется, что в несобственно-прямой речи Сперанского звучит теургический сакральный посыл: «*Пусть будет наставником их Малиновский, который стоял сегодня у купели Новой породы и нового учреждения*» [10, с. 197].

В-четвёртых, изображение в романе различных перемен в обществе – смены гастрономических вкусов, моды в одежде и пр. – пародийно созвучно тыняновскому представлению о движении нового жанра с центра на периферию и назад, вследствие чего и протекает литературный процесс, эволюционирует литература.

И, наконец, отражение эволюционности проявляется в стилистическом аспекте: в ткани романа постоянно противопоставляется нечто прошлое и настоящее (часто – в ироническом аспекте), что подчёркивается обилием соответствующих наречий «теперь», «сейчас» и «тогда», обуславливающих некий процесс кардинальных изменений: «*На балах теперь держала себя вольно*» [10, с. 44], «*сейчас истинное достоинство познавалось в том, насколько удавалась французская тонкость*» [10, с. 71], «*тогда ещё мужчины не плакали, как теперь*» [10, с. 78], «*это была теперь последняя, <...> немецкая мода, – молодые люди ввали в уныние и говорили о самоубийстве. Они пламенно хотели умереть и быстро продвигались по службе*» [10, с. 145], «*слезливость была теперь в моде*» [10, с. 200] и др.

Целью настоящего исследования является обращение к тыняновскому образу Пушкина и выявление пародических точек отталкивания в процессе его создания, что позволило бы говорить о новаторстве Тынянова-писателя. Следует отметить, что при реализации концепции образа главного героя романа, помимо пушкинских стихов, очевидны мифопоэтические и литературные источники, восходящие к творчеству западноевропейских романтиков.

Роман состоит из трёх частей – «Детство», «Лицей», «Юность». Каждая часть выступает концептуально-завершённым произведением. Как, собственно, и весь роман, задумывающийся изначально как первый том эпопеи о Пушкине. Незавершённость романа, о которой сожалели историки литературы [6], кажется мнимой. Цельность роману придаёт сквозной главный образ А.С. Пушкина, трансформирующийся по ходу повествования из образа дитяти в образ молодого мужа, уплывающего на корабле в неизвестность. На наш взгляд, реализация образа Пушкина – некрасивого ребёнка, лишённого внимания и любви родителей, связана с пародическим использованием Тыняновым сюжета о прекрасном принце, заколдованном в детстве. Развитие личности Пушкина-поэта, воспринимающего искусство и всё прекрасное в мире, в системе романа становится синонимично снятию чар, «расколдовыванию» принца. В связи с этим значимым компонентом концепции образа растущего, взрослеющего Пушкина, видится мотив пути, дороги, также объединяющий все части в единое целое. Путь указывает на реальные передвижения героев в пространстве (комнат, улиц, городов, стран), и одновременно служит метафорическим указанием на становление личности Пушкина.

Раскрытию тыняновской концепции образа Пушкина во многом способствует Часть первая романа, на наш взгляд, пародически трансформирующая сюжет, обработанный в западноевропейской литературной традиции – сюжет о проклятии младенца неприглашённым на праздник родственником.

В начале романа «маиор» Сергей Львович Пушкин идёт за покупками для праздника в честь рождения сына. Путь его по московским улицам описан очень подробно и находит, по замечанию А. Немзера, сходство с передвижениями другого «маиора» – Ковалёва из гоголевского «Носа», что придаёт его фигуре комические черты [9]. В целом, сцены первых семи глав Части первой изображают подготовку и проведение праздника в честь новорождённого, однако гости кажутся настолько занятыми своими разговорами, что о ребёнке не вспоминают. Этот сюжетный ход видится значимым для дальнейшего развития романа.

Важен момент введения героя: образ Пушкина-младенца возникает только в 8 главе Части первой. Согласно сюжету, неторопливая беседа присутствующих в доме Сергея Львовича внезапно прерывается появлением нежеланного, неприглашённого гостя. Им выступает двоюродный дед Пушкина – Пётр Абрамович Аннибал, который в системе повествования в глазах гостей принимает функцию «злодея» (как брат Осипа Аннибала, бросившего много лет назад свою жену с малолетней дочерью – будущей матерью Пушкина). Значимо, что номинация злодей по отношению к нему возникнет в тексте неоднократно [10, с. 158, 167 и др.]. Однако, данная номинация характеризует Петра Абрамовича не только со стороны фактов бытия. Тынянов функционально сближает его образ с образами сказочных колдуний/колдунов, намеренно неприглашённых на смотрины новорождённого и в обиде на род накладывающих некое заклятие на наследника (пример – колдунья из «Спящей красавицы» Ш. Перро (1697) и «Спящей царевны» В.А. Жуковского (1832), королева Мышильда из «Щелкунчика и мышиноного короля» (1816) Э.Т.А. Гофмана и пр.). Иновещество, некое злодейство подчёркивается и обликом Петра Аннибала: «Он был небольшого роста, жёлтыми руками, тонок в талии; с выпуклым лбом, с седыми клочковатыми волосами. Одет он был в тёмно-зелёный допотопной формы военный сертук, а девиался легко, не прикасаясь к полу пятками» [10, с. 25]. Говорит он «рывком, толчками» [10, с. 25]. В действиях нежданного гостя также прослеживается инородность по отношению к собравшемуся обществу. Арап много пьёт, не церемонится с почётными гостями (Карамзиным и пр.), в целом – ведёт себя естественно. Однако, нельзя не отметить стремление «злодея-Аннибала» дать добро младенцу: он сообщает, что пришёл передать внуку крестик от деда, что в данном случае приобретает сакральный смысл посвящения героя в род, его инициацию. Значимо, что именно Аннибал обращает гостей к цели их праздника – рождению наследника. Он задаёт вопрос: «Он где сейчас? Внука-ат?» [10, с. 26]. Далее автор пишет: «Любопытство, которое старый арап выказал младенцу, в честь коего Сергей Львович устроил, в сущности, сегодняшний кууртаг, смутило всех. Занятые друг другом, событиями, играми, воспоминаниями сердца и стихами, гости до сих пор не имели времени и предлога вспомнить о ребёнке» [10, с. 27]. Употребление лексемы *куртаг* для обозначения праздника в доме Пушкиных видится важным. Согласно словарию В.И. Даля, *куртаг* – «приёмный день, выход при дворе» [11, с. 223]. Таким образом, очевидная ассоциация с царским приёмом в честь рождения наследника вновь обращает к мифопоэтическому подтексту, варьирующему сюжет о семейном проклятии.

Пётр Аннибал выступает представителем рода, которому не безразлична участь новорождённого. На сакральность происходящего также указывает первое введение в текст имени младенца, мотивированное вопросом старого арапа. Важно, что имя интерпретируется им – соотносится с именами великих мужей, что может служить пророчеством будущего величия: «Великолепное имя! <...> Два величайших полководца <...> в мире: великолепный Аннибал и Александр. И ещё Александр Васильич – Суворов. Поздравляю <...>! Это великолепное имя вы выбрали» [10, с. 29]. В целом, прозрелое видение и признание Пушкина-младенца двоюродным дедом видится инициацией. В этой сцене особую роль играют: а) пространство нахождения ребёнка, к которому арапу приходится подниматься по крутой лестнице на второй этаж; б) поцелуй у свечи, актуализирующий сакральность времени происходящего (темнота и ночь); в) дарование крестика; г) надделение героя дополнительными номинациями («...львёнок, арапчонок! Милый! Аннибал великолепный! В деда пошёл! Принимаю!» [10, с. 37]). Данные действия «грубого и нежного» арапа, «не то африканского мореплавателя, не то пьяного помещика» [10, с. 34] оскорбляют родителей Пушкина-младенца, которые в итоге наносят обиду незваному гостю, вынуждающую его отречься от родства с Пушкиными. Последние слова Петра Аннибала функционально близки заклятию,

и, собственно, многое раскрывают в системе романа: «Арап попятился. Губы у него прыгали и не находили слова.

– Пушкиных... забываю! – закричал он, сжав кулачки. – Прах отрясаю! – Он пнул ногою стул и сорвался вниз по лестнице» [10, с. 38]. Демонстрацией силы воздействия слов и самого визита Аннибала видится изменение в поведении матери – Надежды Осиповны, которая вдруг смотрит «на ребёнка, как на чужого», плачет «мутными слезами» и, как пишет Тынянов, впервые прогоняет мужа из спальни [10, с. 39].

Дальнейшее развитие образа Пушкина в романе раскрывает его как некрасивого, чужого, нелюбимого ребёнка в семье, причину чего, согласно концепции автора, и может быть проклятие, наложенное в младенчестве. Постоянно подчёркиваемое автором уродство героя (акцент на небольшом росте и больших зубах, острых локтях, неуклюжести и пр.) видится следствием его «заколдованности», ассоциирует с образом чудовища, Щелкунчика и пр. Рождение прекрасного принца, освобождающегося из оболочки уродства, начинается в лице, в юности, и причиной тому видится, во-первых, погружение в мир искусства, во-вторых, общение с женщинами. Данные причины, освобождающие в финале романа героя от груза уродства, также романтически-мотивированны, поскольку восприятие поэзии и любовь к женщине – показатели героя романтической поэтики. Неслучайным видится эротический аспект образа Пушкина, варьируемый Тыняновым, поскольку эротизм – одна из главных целей самоутверждения романтического героя. Женщина, согласно романтикам, выступает психологическим релаксом освобождения героя от комплексов. Варьируя сюжетный ход сказки про красавицу и чудовище, автор вводит в роман множество девушек и женщин, встречающихся на пути юного Пушкина, которому, чтобы перестать быть чудовищем, согласно мифопоэтике, нужна любовь самой красивой женщины. Каждая женщина в романе как бы «реанимирует» героя-уродца. Однако, главной женщиной, согласно Тынянову, становится для Пушкина жена Карамзина – Екатерина Андреевна, с которой герой «впервые почувствовал себя собою, впервые нашёл себя» [10, с. 469]. Неслучайно и в финале романа возникает образ Екатерины Андреевны, являющейся, по концепции автора, единственной, самой настоящей любовью Пушкина [12, с. 209-233]. В последних строчках романа Пушкин пишет «элегия о любви невозможной, в которой ему отказало время» [10, с. 554]. Его станет стихотворение «Погагло дневное светило». Пушкин изображается плывущим на корабле к месту своей южной ссылки: «Как проклятый, не смея назвать её имени, плыл он, упённый воспоминаниями обо всём, что было запрещено, что сбываться не могло» [10, с. 554]. Однако, уродство героя отныне отсутствует. Его любовь к самой красивой женщине, в данном случае – к Екатерине Андреевне Карамзиной, развеивает чары, Пушкин становится поэтом.

Роман Ю.Н. Тынянова «Пушкин», согласно концепции литературной эволюции, рождается на пересечении литературных и внелитературных рядов, где внелитературным рядом выступают различные факты бытия – семейные проблемы родителей Пушкина, литературная борьба, история семьи Карамзиных, отношения Пушкина к друзьям, к женщинам, к Екатерине Андреевне Карамзиной и пр. Литературным рядом, повлиявшим на появление тыняновского романа, выступают, во-первых, стихи А.С. Пушкина, во-вторых, варьирование различных литературных традиций, обусловивших жанровые доминанты частей романа. Так, Часть первая романа тяготеет к сказке с романтическими мотивами, переходящая в Часть второй в приключенческий роман с готическим антуражем (лицей как замок и тайны, его наполняющие). Часть третья варьирует жанр путешествий и отчасти представляет некую одиссею Пушкина, ищущего себя.

Становление личности тыняновского героя проникнуто мифопоэтическими и литературными пародическими отсылками, что работает на цельность концепции образа Пушкина, делает роман завершённым и демонстрирует его включённость в литературную синхроническую систему, то есть, фактически, подтверждает научные идеи Тынянова об эволюции литературы.

Библиографический список

1. Плешкова, О.И. Постмодернистское пародирование творчества М. Горького в современной мультипликации: «Буревестник» А. Туркуса // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии: сборник научных статей / под ред. Г.П. Козубовской. – Барнаул, 2008.
2. Плешкова, О.И. Петербургские повести Ю.Н. Тынянова в свете его теории литературной эволюции // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. – 2010. – № 6 (25). – С. 1.

3. Плешкова, О.И. Мифологическая основа романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»: миф о Минотавре // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1(2).
4. Плешкова, О.И. Теория литературной эволюции, историческая проза Ю.Н. Тынянова и современные жанры исторического повествования // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции: материалы международной науч. конф. / под общ. ред. О.А. Клинка и А.А. Холикова. – М.; СПб., 2012.
5. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино [подгот. изд. и коммент. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой]. – М., 1977.
6. Каверин, В. Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове / В. Каверин, Вл. Новиков. – М., 1988.
7. Калинина, И.А. Взаимодействие культур в романе Ю. Тынянова «Пушкин» // Культура и текст: материалы международной науч. конф. – СПб.; Барнаул, 1997. – Вып. I. Литературоведение. – Ч. I.
8. Гурштейн, А. Роман Тынянова о Пушкине // А. Гурштейн. Избранные статьи. – М., 1959.
9. Немзер, А.С. Из наблюдений над романом Тынянова «Пушкин». Явление героя // Тыняновский сборник. – М., 2002. – Вып. 11. Девятое Тыняновское чтение: Исследования. Материалы.
10. Тынянов, Ю.Н. Пушкин // Ю.Н. Тынянов. Сочинения: в 3 т. – М., 1994. – Т. 3.
11. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1989. – Т. 2.
12. Тынянов, Ю.Н. Пушкин и его современники. – М., 1968.

Bibliography

1. Pleshkova, O.I. Postmodernistское parodirovanie tvorchestva M. Gorjkogo v sovremennoj multiplikacii: «Burevestnik» A. Turkusa // Kuljtura i tekst: kuljturnij smihl i komunikativnihe strategii: sbornik nauchnihk statej / pod red. G.P. Kozubovskoyj. – Barnaul, 2008.
2. Pleshkova, O.I. Peterburgskie povesti Yu.N. Tihnyanova v svete ego teorii literaturnoj ehvolucii // Mir nauki, kuljturij, obrazovaniya: mezhdunarodnij nauchnij zhurnal. – 2010. – № 6 (25). – Ch. 1.
3. Pleshkova, O.I. Mifologicheskaya osnova romana Yu.N. Tihnyanova «Smertj Vazir-Mukhtara»: mif o Minotavre // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2012. – № 1(2).
4. Pleshkova, O.I. Teoriya literaturnoj ehvolucii, istoricheskaya proza Yu.N. Tihnyanova i sovremennihe zhanrih istoricheskogo povestvovaniya // Russkoe literaturovedenie KhKh veka: imena, shkolih, koncepcii: materialih mezhdunarodnoj nauch. konf. / pod obth. red. O.A. Klinga i A.A. Kholikova. – М.; СПб., 2012.
5. Tihnyanov, Yu.N. Poehtika. Istoriya literaturih. Kino [podgot. izd. i komment. E.A. Toddesa, A.P. Chudakova, M.O. Chudakovoyj]. – М., 1977.
6. Kaverin, V. Novoe zrenie. Kniga o Yurii Tihnyanove / V. Kaverin, VI. Novikov. – М., 1988.
7. Kalinina, I.A. Vzaimodejstvie kuljtur v romane Yu. Tihnyanova «Pushkin» // Kuljtura i tekst: materialih mzhdunarodnoj nauch. konf. – SPb.; Barnaul, 1997. – Vihp. I. Literaturovedenie. – Ch. I.
8. Gurshteyjn, A. Roman Tihnyanova o Pushkine // A. Gurshteyjn. Izbrannihe statji. – М., 1959.
9. Nemzer, A.S. Iz nablyudenij nad romanom Tihnyanova «Pushkin». Yavlenie geroya // Tihnyanovskij sbornik. – М., 2002. – Vihp. 11. Devyatihe Tihnyanovskie chteniya: Issledovaniya. Materialih.
10. Tihnyanov, Yu.N. Pushkin // Yu.N. Tihnyanov. Sochineniya: v 3 t. – М., 1994. – Т. 3.
11. Dalj, V.I. Tolkovihj slovarj zhivogo velikorusskogo yazihka: v 4 t. – М., 1989. – Т. 2.
12. Tihnyanov, Yu.N. Pushkin i ego sovremenniki. – М., 1968.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 821.161.

Shunkov A.V. «TRANSITION TEXT» IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVII CENTURY. THE BASIC SCIENTIFIC APPROACHES FOR PROBLEM RESERCHING. The paper describes the main approaches for studying the transition period in the history of ancient Russian literature, their classification is presented. The characteristic of the literary process of the XVII century is showed, its originality and difference from the medieval period is marked. Typological features of the transition period text are identified.

Key words: the poetics of ancient Russian literature, Russian literature and culture of the XVII century, the transition period of Old Russian literature, the motives of ancient literature.

А.В. Шунков, канд. филол. наук, доц., проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

«ПЕРЕХОДНЫЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье описаны основные подходы в изучении переходного периода в истории древнерусской литературы, представлена их классификация. Дана характеристика литературного процесса XVII века, отмечено его своеобразие и отличие от средневекового периода. Выявлены типологические признаки текста переходного периода.

Ключевые слова: поэтика древнерусской литературы, русская литература и культура XVII века, переходный период древнерусской литературы, мотивы древнерусской литературы.

Каждой исторической эпохе соответствует определенный тип текста, особое отношение к слову и творчеству, отражающее свойственное времени понимание автором природы Слова. Семивековая история литературы Древней Руси, как известно, представлена двумя типами текста, условно определяемыми как субстанциональный и релятивистский. Подобная типологизация текста Древней Руси в свое время была предложена в 70-е годы XX века С. Матхаузеровой [1, с. 271–284] и нашла поддержку со стороны авторитетных отечественных ученых-медиевистов, среди которых А.М. Панченко [4], В.В. Колесов [2, с. 1–9] и другие.

Первая разновидность текста – субстанциональная – демонстрирует сакральное отношение к тексту, имеющему божественное происхождение. Соответственно читатель воспринимает текст как Откровение, данное свыше и требующее мед-

ленного неторопливого его прочтения. Эта идея высказана книжником в одном из старейших рукописных сборников. В первой статье «Изборника 1076 года» дается совет читать медленно, трижды перечитывать одну и ту же главу, пока смысл ее не будет постигнут. Трансцендентное отношение к книжному тексту, восприятие его как явление божественной сущности (essentia) видно и в известном фрагменте из «Повести временных лет». «Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания» [3, с. 195]. Как известно, подобное понимание роли книги в духовной жизни человека Древняя Русь восприняла от

Византии («Маргарит» Иоанна Златоуста, поучения отцов церкви) и оставалась верной усвоенной традиции, о чем свидетельствует и «Измарагд» (XIV в.) и особенно творчество старообрядцев (протопоп Аввакум). XVII век, как в свое время прекрасно показал А.М. Панченко [4, с. 272–280], принес совершенно новое отношение к книге, новое понимание природы слова, новый тип текста. Символично, что раскол русской церкви (русского общества) начался с правки церковных книг, тем самым обнажив узел противоречий, имевших место быть в русской культуре в середине XVII века.

Второй тип текста (*existentia*), начиная с XVII века, иллюстрирует релятивистское, критическое отношение как к изображаемой в книжном тексте реальности, так и к самому тексту. Как пишет В.В. Колесов, «с XVII века развивается вполне релятивистская теория текста: всякий текст относителен, его можно критиковать, соотносить с другими текстами, каждый раз новыми; он всего лишь источник информации, которую достаточно поверхностно *знать* и не обязательно глубоко *ведать*, достаточно проговорить известное. Теперь текст не перерабатывается – теперь *пишется новый текст*» [2, с. 8].

Неоднократно уже отмечалось, XVII век наряду с социальными, политическими изменениями в государственном устройстве принес с собой и совершенно новое понимание задач, стоящих перед писателем, а также представление о новых возможностях самой литературы. XVII век, по словам Д.С. Лихачева, был «веком постепенного перехода от древней литературы к новой соответственно переходу России от средневековой культуры – к культуре нового времени» [5, с. 172]. Приведенное высказывание – это одно из многих, которое на протяжении десятилетий актуализирует проблему изучения русской литературы переходного периода – середины XVII – первой трети XVIII столетия. Напомним, проблема изучения явлений переходного характера в литературе была поставлена еще в трудах В.П. Адриановой-Перетц [6, с. 427–447], П.Н. Беркова [7, с. 12–19; 8, с. 19–32].

Так, например, В.П. Адрианова-Перетц отмечала, что в истории любой славянской литературы есть литературные эпохи, условно называемые «древние» и «новые», активно взаимодействующие друг с другом в переходные периоды. Причем это взаимодействие проявляется как с внешней стороны (в «форме прямого «влияния» произведений старшего периода на творчество писателя нового времени» [6, с. 427]), так и на уровне «внутреннего родства между литературами разных исторических этапов», на уровне «идейно-художественных тенденций». П.Н. Берков, апеллируя к упомянутой выше статье В.П. Адриановой-Перетц, принимает предложенный метод исследования литературы переходного периода на основе анализа внутренних связей литературных эпох. При этом П.Н. Берковым определены и новые задачи, которые должны были быть решены на тот момент времени при изучении переходных процессов русской литературы.

Переходная эпоха в истории культуры и литературы Древней Руси порождает и особый тип текста, который в отечественной медиевистике, европейской славистике имеет сформировавшуюся традицию научного исследования.

Один из аспектов изучения памятников литературы переходного периода был представлен в работах академика Д.С. Лихачева [9; 10]. Переходность литературной эпохи ученый видел в первую очередь в усилении авторского (личностного) начала в книжности XVII века, проявляющегося в трансформации традиционной жанровой системы, индивидуализации персонажей, бытовых зарисовок, расширении тематики, «эмансипации сюжетного построения» и другие. Таким образом, главной причиной переходных процессов в литературе ученый видел автора текста, стремившегося с иных позиций высказать свою точку зрения. «Русская литература на грани XVI–XVII вв. стояла перед необходимостью подчинения литературы личностному началу, выработке личностного творчества и стабильного авторского текста произведений» [5, с. 173]. Индивидуализация персонажей, прямой речи героев, их пребывание в новом художественном пространстве напрямую связано с изменившимся восприятием мира субъектом художественного творчества – автором произведения.

Исторический подход, применяемый в литературоведческих исследованиях сторонниками научной школы академика Д.С. Лихачева (А.С. Демин, А.Н. Робинсон, Е.К. Ромодановская, Л.И. Сазонова и др.) в объяснении литературных процессов, происходивших в переходное время, в дальнейшем позволил расширить перечень художественных открытий в литературе.

Были поставлены новые акценты на иные аспекты изучения проблемы слома традиций в русской литературе переходного периода и появления нового типа текста. Е.К. Ромодановская [11] на примере основных повествовательных жанров XVII века продемонстрировала, как художественный вымысел, проникая в литературу, приводит к кардинальным ее содержательным и формальным изменениям. В итоге в переходный период русской литературы рождается абсолютно новая причинно-следственная связь в парадигме «автор – читатель». Теперь вымысел осознается не только со стороны автора, но и читателя. Автор уже не может не учитывать читательское мнение. XVII век, таким образом, для русской литературы открыл нового читателя, ставшего полноправным звеном в цепи литературного творчества и способного оценить новую форму и новое содержание литературного произведения. «Понимание этого позволяет представить читателя равноправным участником литературного процесса, выявить зависимость автора и его творений от востребованности того или иного явления читателем», – таков вывод Е.К. Ромодановской [11, с. 181].

Усиление личностного авторского начала в литературном творчестве XVII века как главная причина слома традиций и привнесения в русскую культуру ренессансных идей будет поддержана и развита в трудах академика А.М. Панченко. Культурно-исторический подход, примененный А.М. Панченко в изучении отдельных явлений русской культуры «кануна петровских реформ», имевших ренессансный характер, позволил ему назвать основной признак переходной эпохи, заключающийся в «замене веры культурой» [4, с. 131]. Результатом этого процесса стало новое понимание человека и его местоположения в истории. Исследователь считает, что, «если прежде история определяла судьбу человека, то в канун петровских реформ человек предьявил свои права на историю, попытался овладеть ею... Важно, что «новые учителя» провозглашают идею о едином, цивилизованном времени, как бы упразднив различия между вечностью и бранным существованием. Событие не находится в зависимости от Бога; событие – лишь «апликация» на бесконечном потоке времени» [4, с. 136]. Установление новой культурной парадигмы привело к появлению и утверждению нового направления в русской культуре и литературе – барокко, – породившего новую модель поведения человека, которая нашла художественное воплощение в новых формах текста – поэзии и драматургии, передающих динамизм новой культуры.

Именно поэтому барокко (московского периода), первое литературное направление в России, объединившее в себе традиции средневековые и ренессансные, рассматривается как одна из ярких иллюстраций переходных процессов, происходивших в русской культуре второй половины XVII века. Это направление в изучении литературы переходного периода, обозначенное в начале 80-х годов XX века А.М. Панченко, в дальнейшем получит развитие в исследованиях Л.И. Сазоновой [12; 13; 14]. Используя историко-культурный подход, она сосредоточивает свое внимание на произведениях силлабической поэзии, придворно-церемониальных текстах, в которых усматриваются новые темы, мотивы, художественные символы, эмблемы, привнесенные в русскую словесность и культуру из западно- и восточнославянских литератур. Л.И. Сазонова в барокко видит начало нового этапа в истории русской культуры, определяя его как раннее Новое время (*Early Modern Times*). «С одной стороны, это очередной шаг, завершающий в «переходном периоде» движение к Новому времени, а с другой – доминирующие явления культуры уже обладают очевидными признаками Нового времени. Такая ситуация переходности фактически сохраняется до конца Петровской поры» [13]. Рассмотрев явления русской литературы, репрезентирующие раннее Новое время (поэзия Симеона Полоцкого и его последователей) в общеславянском контексте, Л.И. Сазонова приходит к выводу об органической взаимосвязи русской традиции и традиции славянских литератур (западной и восточной). Барокко, заимствованное с Запада, изменило русскую литературу, оказало свое влияние не только на творчество просвещенных поэтов, но и на представителей традиционалистского направления – старообрядцев. Барокко, по мысли Л.И. Сазоновой, способствовало утверждению новой идеологии, выраженной в новых художественных формах (поэтические жанры, придворно-церемониальные произведения), пришедших на смену средневековым. В результате синтеза европейской и русской традиций появляется новый тип текста, представляющий иные мировоззренческие и художественные категории и тем самым превосходящий классицистическую эпоху.

Помимо вышеприведенных подходов в изучении переходных явлений русской культуры и литературы в отечественной науке еще в 60-е годы XX века был применен семиотический подход. Так, с точки зрения представителей тартуско-московской семиотической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский) в основе модели русской культуры лежит категория дуальности [15, с. 3–36], полярности. Развитие русской культуры в связи с этим осмысливается как смена этапов, из которых каждый новый решительно пытается порвать связи с предшествующим ему. Дуальная модель русской культуры, предложенная Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским, предполагает со-противопоставление двух антиномий (одна из самых известных, «старое – новое», по природе своей соотносимая с антитезой «свое – чужое»), которое становится особо заметно в периоды слома традиций. Ввиду того, что модель русской культуры в отличие от западной не знает третьей составляющей («нейтральной аксиологической сферы»), каждый раз новое в истории русской культуры (от Крещения до реформ Петра I) всегда вызывало недоверие, страх, эсхатологические настроения. В свою очередь традиционное, укоренившееся со стороны «новых людей» эпохи осмысливается как консервативное, нуждающееся в радикальном изменении. Именно поэтому развитие русской культуры мыслится не как поступательное, динамичное эволюционирование, а как «радикальное отталкивание от предыдущего этапа». Однако старая культура, вступая в полемику с новой, противопоставляя себя ей, не могла быть искоренена полностью. С позиции семиотического подхода, здесь возможны следующие варианты решения проблемы: столкновение двух противоположностей могло привести к перестройке устоявшейся ранее системы, замене «плюса» на «минус», либо при сохранении ранее сложившейся традиции происходит ее переименование, и «в этом случае создаются новые тексты при сохранении архаического культурного каркаса». Подобная ситуация в истории русской культуры имеет постоянный и неизменный характер. Таким образом, переходность с позиции семиотики есть одна из констант русской культуры, демонстрирующих на разных этапах ее развития противоположное аксиологическое отношение к традиции и новаторству.

Объяснение причин переходных процессов в русской культуре, их сущности находим в трудах представителей философской антропологии, активно о себе заявивших в современной славистике (на рубеже XX–XXI веков). Так, например, Л.А. Черная считает, что «переходные периоды в культуре, с философско-антропологической точки зрения, – это смена концепции человека, отказ от старого решения проблемы человека и поиск нового решения» [16, с. 289]. Философско-антропологический подход позволяет увидеть начало всех изменений, происходивших в культуре, в динамике понимания природы человека, «человек становится исходной точкой концепции мира и себя самого» [16, с. 290]. В связи с этим переходность в русской культуре связывается с появлением и утверждением новой концепции времени (акцент делается на событие настоящего времени), пространства (актуальность приобретает мир земной), привнесением новизны во все сферы жизнедеятельности человека и соответственно отказом от прежних старых форм, в конечном итоге – появлением и утверждением новой жанровой системы в литературе, соответствующей «эпохе познающего разума» и представляющей «личностный тип» человека переходного периода, «*homo novus*». Нетрудно заметить, что в данном случае философско-антропологический подход в рассмотрении явлений переходного характера в русской культуре и литературе XVII века находит общие точки соприкосновения с идеями, высказанными академиком Д.С. Лихачевым, тем самым еще раз подтверждая выводы ученого о роли личностного начала в литературе XVII века. В то же время философско-антропологический подход, используемый в изучении явлений культуры переходного периода, с точки зрения Л.А. Черной, позволяет более детально выстроить его периодизацию, выделив четыре основных этапа [17, с. 52–87].

В последнее время в рассмотрении темы был предложен новый подход в изучении переходного периода литературы Древней Руси. В его основу была положена идея эволюции мировоззрения древнерусского книжника (писателя). Развитие литературы напрямую связано не столько с историческими событиями, сколько с той формой сознания автора, которая соответствовала определенной мировоззренческой стадии. Предложенная А.Н. Ужанковым [18] концепция стадийного развития русской литературы XI – первой трети XVIII века «позволяет увидеть не только конкретный результат развития литературы

в виде конкретных произведений, но и выявить и объяснить происхождение их литературно-художественных особенностей» [19, с. 254].

Переходный период русской литературы, согласно концепции А.Н. Ужанкова, очерчивается 40-ми годами XVII – 30-ми годами XVIII века и определяется как стадия миропредставления, в основе которой лежит рационалистический способ познания мира и эгоцентрический тип сознания. Аргументами, доказывающими объективность данного подхода в определении границ периода, является тот тип сознания автора, который отражается в литературных памятниках, демонстрирующих стадию миропредставления в истории русской литературы. Как отмечает А.Н. Ужанков, «стадия миропредставления, опирающаяся на рассудочное постижение мира, – это переходный период от средневекового объективно-идеалистического мышления к рационалистическому мышлению Нового времени, а в истории русской культуры – этот переходный этап от Средневековья к Новому времени (40-е годы XVII – 30-е годы XVIII века)» [19, с. 203].

Начало переходного периода в истории русской литературы ученый связывает с секуляризацией мировоззрения автора, наиболее ярко проявившейся в сатирических повестях (демократическая сатира), датируемых 40-ми годами XVII столетия. Секуляризация сознания человека середины XVII века проявила себя в дифференциации двух методов познания мира: религиозного и рационалистического. В истории литературы это нашло отражение в тех художественных новациях, которые демонстрируют памятники, относящиеся к данному временному периоду. Перечень «новин», представляющих иной тип литературного творчества хорошо известен, он неоднократно уже приводился в большинстве работ медиевистов, посвященных изучению переходных явлений в истории древнерусской литературы. Это и появление категории художественного вымысла, изменение представлений о времени, иное понимание задач, стоящих перед писателем, трансформация жанровой системы, отражающей уже новую модель мира и др.

Активный интерес к русской литературе переходного периода проявляется и со стороны европейских славистов, которыми также сделано немало ценных выводов по проблеме исследования историко-литературных процессов рубежа XVII–XVIII веков. Выше мы уже приводили статью С. Матхаузеровой, в которой она предложила типологию текста русской литературы XVII века, отражающую ее переходный характер. Точка зрения, высказанная ученым в 70-е годы XX века, была высоко оценена ведущими отечественными медиевистами (акад. Д. С. Лихачевым, акад. А.М. Панченко [20, 203–208]; Л.С. Ковтун [21, с. 391–400]), видевшими в концепции чешской коллеги ответы на многие вопросы изучения древнерусской литературы.

Не менее интересен подход в исследовании русской литературы переходного периода, предложенный современной польской исследовательницей Элизой Малек. На примере беллетристики рубежа XVII–XVIII веков, условно относимой к категории «неполезного чтения», она высказывает идею о том, что в переходный период русской литературы традиционная средневековая книжность («небеллетристические произведения более раннего времени и произведения беллетризованные, но не предназначенные для “неполезного”, развлекательного чтения») не уступала места произведениям светского характера. Наоборот, Э. Малек считает, что, судя по количеству списков «душеполезных» и «неполезных» беллетристических повестей, дошедших до нового времени, преобладает как раз первая категория: «Если взглянуть на литературное наследие XVII – первой трети XVIII века с этой точки зрения, то картина триумфального шествия светской повествовательной прозы заметно потускнеет» [22, с. 103]. Несмотря на активные историко-культурные процессы, происходившие в России в период XVII – первой трети XVIII вв., в поле зрения русского человека находился традиционный для средневековой эпохи перечень произведений, не терявший своей актуальности. Как отмечает Э. Малек, «данные доступных в настоящее время архивных материалов показывают, что подавляющее большинство читателей XVII – первой трети XVIII века не проявляло ни малейшего интереса к произведениям светской повествовательной прозы, довольствуясь чтением традиционного типа: большинство четырех рукописных сборников того времени по своему характеру не отличается от четырех сборников XV–XVI веков» [22, с. 106].

Объяснением подобной ситуации, с точки зрения исследовательницы, является культурная образованность читателя эпохи, воспитанного в книжной традиции Средневековья и не способного пока еще в полной мере осознать, оценить и принять

новизну беллетристики, представляющей совершенно другой уровень литературы. По мнению Э. Малек, «литературная судьба произведений светской “неполезной” литературы XVII – первой трети XVIII века была теснейшим образом связана с культурными компетенциями читателей, проявляющимися в умении понимать нестандартные литературные тексты, со вкусами читающей публики, выражавшимися прежде всего в отборе текстов для индивидуального чтения, в предпочтении произведений одного жанра произведениям, реализующим требования иного жанрового и идеологического канона» [23, с. 44]. Приведенная точка зрения Э. Малек в рассмотрении вопроса особенностей развития русской беллетристики в переходный период и акцентирования внимания на роли читателя как одной из ключевых фигур в данном процессе сближает научную концепцию представителя европейской славистики с идеей Е. К. Ромодановской, высказанной ею в вышеупомянутой монографии [11].

Таким образом, переходный период в истории русской литературы остается до сих пор одним из дискуссионных в отече-

ственной науке. Существующие научные концепции, предлагающие разные подходы в исследовании явлений переходного характера в истории русской литературы, демонстрируют не только поляриность точек зрения на исследуемую проблему, но в то же время показывают ее глобальность и возможность многоаспектного изучения. Рассмотренные выше подходы изучения литературы переходного периода в своей совокупности иллюстрируют неоднозначность решения проблемы, сохраняющей свою актуальность. Сложность процессов, происходивших в переходный период русской культуры и литературы, не может быть объяснена только с какой-либо одной стороны. Однозначность какого-либо подхода неизменно приведет к сужению и упрощению представлений о мозаичности переходного периода культуры и литературы. Именно об этом и говорил в свое время А.М. Панченко: «Эволюция культуры – явление не только неизбежное, но и благотворное, потому что культура не может пребывать в застывшем, окостеневшем состоянии. Но эволюция эта протекает все же в пределах “вечного града” культуры» [4, с. 316].

Библиографический список

1. Матхаузерова, С. Две теории текста в русской литературе XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР; Институт русской литературы. – Л., 1976. – Т. 31.
2. Колесов, В.В. Источники древнерусской культуры и истоки русской ментальности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2001. – № 1(3).
3. Повесть временных лет // Библиотека литературы древней Руси: в 20 т. – СПб., 1997. – Т. 1.
4. Панченко, А.М. Русская культура в канун петровских реформ // А.М. Панченко. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. – СПб., 2005.
5. Лихачев, Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили // Д.С. Лихачев. Избранные работы: в 3 т. – Л., 1987. – Т. 1.
6. Адрианова-Перетц, В.П. О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом); ред. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. – М.; Л., 1963. – Т. 19.
7. Берков, П.Н. Задачи изучения переходного периода русской литературы. (От древней к новой) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. – Л., 1970.
8. Берков, П.Н. О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII века). – М., 1971.
9. Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М.; Л., 1958.
10. Лихачев, Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. – Л., 1973.
11. Ромодановская, Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. – Новосибирск, 1994.
12. Сазонова, Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII–начало XVIII века). – М., 1991.
13. Сазонова, Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Рос. Академия наук; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М., 2006.
14. Сазонова, Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. – М., 2011.
15. Лотман, Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Б.Ф. Егорова / отв. ред. В.И. Беззубов. – Тарту, 1977. – (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 414).
16. Черная, Л.А. Философско-антропологический подход к изучению славянских культур // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. – М., 1998.
17. Черная, Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. – М., 1999.
18. Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. – М., 2008.
19. Ужанков А.Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века. Стадии и формации. – М., 2009.
20. Панченко, А.М. История и теория // Рус. лит. – 1981. – № 3.
21. Ковтун, Л.С. Новый труд о древних теориях искусства слова на Руси / Л.С. Ковтун, В.В. Колесов // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР; Институт русской литературы. – Л., 1983. – Т. 37.
22. Малек, Э. Место и роль светской повествовательной прозы в литературной культуре Руси XVII – первой трети XVIII века // Acta Universitatis Lodzianis. Folia litteraria 32, 1992.
23. Eliza Maiek. «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Jydu, Wydawnictwo naukowe PWN, 1992.

Bibliography

1. Matkhauzerova, S. Dve teorii teksta v russkoy literature XVII veka // Trudih Otdela drevnerusskoy literaturih / Akademiya nauk SSSR; Institut russkoy literaturih. – L., 1976. – T. 31.
2. Kolesov, V.V. Istochniki drevnerusskoy kuljturih i istoki russkoy mentaljnosti // Drevnyaya Rusj. Voprosih medievistiki. – 2001. – № 1(3).
3. Povestj vremennihkh let // Biblioteka literaturih drevnej Rusi: v 20 t. – SPb., 1997. – T. 1.
4. Panchenko, A.M. Russkaya kuljtura v kanun petrovskih reform // A.M. Panchenko. Ya emigriraval v Drevnyuyu Rusj. Rossiya: istoriya i kuljtura. – SPb., 2005.
5. Likhachev, D.S. Razvitie russkoy literaturih X–XVII vekov. Ehpokhi i stili // D.S. Likhachev. Izbrannihe rabotih: v 3 t. – L., 1987. – T. 1.
6. Adrianova-Peretc, V.P. O svyazi mezhdru drevnim i novim periodami v istorii slavyanskikh literatur // Trudih Otdela drevnerusskoy literaturih / Akademiya nauk SSSR; Institut russkoy literaturih (Pushkinskiy Dom); red. L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev. – M.; L., 1963. – T. 19.
7. Berkov, P.N. Zadachi izucheniya perekhodnogo perioda russkoy literaturih. (Ot drevnej k novoyj) // Puti izucheniya drevnerusskoy literaturih i pisjmnosti. – L., 1970.
8. Berkov, P.N. O literature tak nazihvaemogo perekhodnogo perioda // Russkaya literatura na rubezhe dvukh ehpokh (XVII – nachalo XVIII veka). – M., 1971.
9. Likhachev, D.S. Chelovek v literature Drevnej Rusi. – M.; L., 1958.
10. Likhachev, D.S. Razvitie russkoy literaturih X–XVII vekov. Ehpokhi i stili. – L., 1973.
11. Romodanovskaya, E.K. Russkaya literatura na poroge novogo vremeni. Puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda. – Novosibirsk, 1994.
12. Sazonova, L.I. Poehziya russkogo barokko (vtoraya polovina XVII–nachalo XVIII veka). – M., 1991.
13. Sazonova, L.I. Literaturnaya kuljtura Rossii. Rannee Novoe vremya / Ros. Akademiya nauk; In-t mirovoj literaturih im. A.M. Gorjkogo. – M., 2006.
14. Sazonova, L.I. Pamyatj kuljturih. Nasledie Srednevekovjya i barokko v russkoy literature Novogo vremeni. – M., 2011.
15. Lotman, Yu.M. Rolj dualnihkh modelej v dinamike russkoy kuljturih (do konca XVIII veka) / Yu.M. Lotman, B.A. Uspenskiy // Trudih po russkoy i slavyanskoy filologii. XXVIII: Literaturovedenie. K 50-letiyu professora B.F. Egorova / отв. red. V.I. Bezzubov. – Tartu, 1977. – (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vih. 414).

16. Chernaya, L.A. Filosofsko-antropologicheskiy podkhod k izucheniyu slavyanskikh kul'tur // Slavyanskie literaturih. Kul'tura i fol'klor slavyanskikh narodov. XII Mezhdunarodniy s'jezd slavistov: dokladih rossiyjskoy delegacii. – M., 1998.
17. Chernaya, L.A. Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. – M., 1999.
18. Uzhankov A.N. Stadijalnoe razvitie russkoy literaturih XI – pervoy trety XVIII veka. Teoriya literaturnihk formacij. – M., 2008.
19. Uzhankov A.N. O specifike razvitiya russkoy literaturih XI – pervoy trety XVIII veka. Stadii i formacii. – M., 2009.
20. Panchenko, A.M. Istorija i teoriya // Rus. lit. – 1981. – № 3.
21. Kovtun. L.S. Novihy trud o drevnikh teoriyakh iskusstva slova na Rusi / L.S. Kovtun, V.V. Kolesov // Trudih Otdela drevnerusskoy literaturih / Akademiya nauk SSSR; Institut russkoy literaturih. – L., 1983. – T. 37.
22. Malek, Eh. Mesto i rolj svetskoy povestvovatel'noy prozih v literaturnoy kul'ture Rusi XVII – pervoy trety XVIII veka // Acta Universitatis Lodziensis. Folia litteraria 32, 1992.
23. Eliza Malek. «Nepoleznoe chtenie» v Rossii XVII–XVIII vekov. Lodz, Wydawnictwo naukowe PWN, 1992.

Статья поступила в редакцию 29.10.2013

УДК 81.

Salchak A. Ya., Bayir-ool A.V. ELECTRONIC HOUSING OF TUVAN LANGUAGE: CONDITION, ISSUES. The article dedicates to main stages of creation of the electronic housing of Tuvan language, to the development issues and to the main results, gotten by the implementing the project of «Electronic housing of Tuvan language texts»

Key words: Tuvan language, electronic housing, database, formatting, formal morphological method, electronic dictionary, frequency word book

А.Я. Салчак, канд. филол. наук, ст. преп. каф. тувинской филологии и общего языкознания Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: aelita_74@mail.ru; **А.В. Байыр-оол**, канд. филол. наук, н.с. Института филологии СО РАН, г. Кызыл, E-mail: azikoa@mail.ru.

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ*

Статья посвящена основным этапам создания электронного корпуса тувинского языка, проблемам разработки, а также основным результатам, полученным в ходе выполнения проекта РГНФ «Электронный корпус текстов тувинского языка».

Ключевые слова: тувинский язык, электронный корпус, база данных, разметка текстов, формально-морфологический подход, электронный словарь, частотный словарь.

Работа над проектом создания электронного корпуса тувинского языка началась в 2011 г. при финансовой поддержке РГНФ. Инициаторами проекта выступили преподаватели филологического факультета, научные сотрудники научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета.

Цель проекта – создание электронного корпуса тувинского языка, систематизированного собрания лингвистических банков данных, предназначенных для последующей комплексной автоматизации научных исследований и прикладных разработок в области тувинского языкознания.

Корпусом языка называется собрание текстов на этом языке, в котором текстам или их фрагментам (абзацам, предложениям, словоформам или даже морфемам) приписана дополнительная лингвистически релевантная информация (аннотация) и которое снабжено поисковым механизмом, позволяющим производить поиск по этой информации. Аннотация может включать в себя любую информацию, в зависимости от задач, стоящих перед создателями корпуса и исследователями. Основная задача корпуса – предоставить исследователю языка возможность быстро получать реальные языковые примеры по заданному запросу и выяснять относительную частоту появления в текстах языковых объектов, соответствующих этому запросу [1, с. 24].

Одним из основных этапов создания корпуса является сбор текстов, включающий оцифровку (ручной набор, сканирование и конвертация в наиболее удобный формат) и выверку. Предполагается, что объем создаваемого корпуса будет составлять около 1 млн. словоупотреблений.

Все тексты собираются в формате DOC, так как при наборе художественных текстов на первых порах старались сохранить все особенности бумажного первоисточника вплоть до нумерации страниц, особое внимание обращалось удалению в словах знаков переноса. Большинство текстов, которые переходят в наши руки от самих писателей или от издательств, были написаны еще в документах, которые были созданы в старых версиях Word. В них использовались шрифты, которые были переделаны из стандартных шрифтов компании Microsoft, они не являлись официально зарегистрированными и использовались только в Республике Тыва и используются до сих пор на компьютерах со старым программным обеспечением (в частности, шрифт Tuwa New).

Выверка текстов (форматирование, удаление имеющихся

в них ошибок и опечаток) стандартизация их по единым параметрам составляют значительную часть работы исполнителей проекта в виду и большого увеличивающегося с каждым днем объема текстов.

Для сбора тувинских текстов и их перевода в цифровой вид были привлечены студенты специальности «Родной язык и литература» филологического факультета ТувГУ. На базе Научно-образовательного центра «Тюркология» было создано Студенческое бюро, где студенты осуществляли набор, сканирование и вычитку текстов. Чтобы активизировать работу по сбору текстов, с 2012 года совместно с Институтом развития национальной школы созданы в некоторых районных школах Республиканские инновационные площадки, где учителя и ученики занимаются набором текстов писателей своего района. Научными руководителями выступают исполнители проекта «Электронный корпус текстов тувинского языка». В частности, в Чаа-Хольской средней школе ученики под руководством своих наставников занимаются переводом в электронный вид произведений Народного писателя Тувы Александра Александровича Даржая. В Акдурогской школе приступили к набору произведений Шомаадыра Куулара.

В республике к переводу в цифровой вид своих архивов и фондов приступила Национальная библиотека им. А.С. Пушкина. Данная оцифровка большей частью представляет собой отсканированные, но не обработанные тексты 19 века. Переводят в электронный вид произведения, написанные в этот период вне зависимости от того, на каком языке они написаны (на русском, на тувинском).

Одним их источников пополнения текстов может являться тувиноязычный интернет, который, возможно, способствует сокращению технологической составляющей за счет сканирования, конвертации, распознавания и выверки.

В конце 2012 г. была запущена онлайн-версия республиканской общественно-политической газеты «Шын» (Правда) по адресу www.shyn.ru [2]. В газете на тувинском языке материалы о политической, экономической, общественной, культурной жизни Тувы. Данный ресурс послужит отличным источником пополнения газетных текстов.

Можно также привести сайт <http://tyvadyl.ru> [3] адресованный школьникам, родителям и учителям, преподавателям и ис-

следователям тувинского языка и литературы, а также всем тем, кто интересуется тувинской культурой, литературой и тувинским языком. Личный сайт журналиста О. Дамба-Хуурака – <http://orlan.tuva.ru/> [4] сайт <http://kuular.ru/> [5], посвященный творчеству писателя и журналиста Ш. Куулар и некоторые другие сайты.

На этапе сбора текстов важным является паспортизация текстов, т.е. приписывание каждому тексту определенной металингвистической информации. В метаописание текстов ЭКТЯ включаются сведения об авторе, библиографические сведения, жанровые и стилевые особенности текстов, а также богатая тувинская литература, на наш взгляд, позволяет включить и сведения относительно тематики произведений и текстов. При выборе источников для сбора в первую очередь были выбраны произведения тувинских писателей советского периода, основателей тувинской литературы С.А. Сарыг-оола, С.К. Токи, писателей второго поколения М.Б. Кенин-Лопсана, К-Э. К. Куда-жы, С.С. Сюрюн-оола, Е.Д. Тановой, а также писателей современного периода Э.Л. Донгака, Н.Ш. Куулар, Ш.М. Куулар, З.С. Байсаловой, Ш.М. Сувана и некоторых других авторов.

Многие тексты произведений писателей советского периода и писателей второго поколения являются на сегодняшний день недоступными для широкого круга читателей, многие не переиздавались и зачастую в библиотеке имеются в единственном экземпляре. Одним из немаловажных критериев выбора произведения в будущем корпусе, кроме жанровых и стилиевых параметров, будет также тематика текстов.

Наиболее важной частью создания корпусов является разметка текстов, основное внимание уделяется разработке механизмов лингвистической разметки текстов.

На начальных этапах процесса аннотирования (разметки) текстов является необходимым наличие текстов, словаря и составление системы морфологического анализа. И для разработки этой системы необходимы описание морфологической системы языка, т.е. всех частей речи, грамматических значений, способов их выражения, разрядов слов с одинаковым словоизменением и т.д. Для тувинского языка исполнителями проекта эта работа была выполнена и результат представлен в виде словоизменяемых таблиц, где приведены все словоизменяемые формы и их варианты имен, местоимений и словоизменяемые и формообразовательные (залоговые) формы глаголов (в презентацию образец таблиц). На основе данных составленных таблиц были построены словоизменяемые модели имени, глагола. Отдельно для деепричастий и причастий.

Для будущей разметки текстов выбран «**формально-морфологический**» подход, согласно которому каждой встреченной в тексте словоформе, отличающейся по набору буквенных знаков от других словоформ, присваивается некоторый ярлык в зависимости от реально стоящей за ней грамматико-семантической или синтактико-семантической информации. Для обозначения грамматических признаков вводится система сокращенных грамматических помет на основе латинского алфавита и латинских названий грамматических категорий, используемых в общем языкознании. Например, если в тексте встретилась словоформа *ажылдадым* 'я работал' (глагол *ажылда*=, прош. время на =ды, 1-ое л. ед. ч. =м), то она будет помечена следующим образом: Rv=Past1=1sg. Для более широкого охвата количества пользователей ЭКТТЯ предполагается, что поиск грамматических форм может производиться как по сокращенным граммати-

ческим пометам на латинском языке, так и по сокращенным терминам на русском и тувинском языках: DAT / Д. п./ Б.п.

В морфологической разметке электронного корпуса тувинского языка на данном этапе работы определенными пометами обозначены грамматические признаки имени и глагола, структура словоформ и морфемы с возможными фонетическими вариантами. Образцы морфологической разметки имени и глагола представлены в виде таблиц. Для составления таблиц были использованы также данные Морфемного словаря, разработанного М.В. Бавуу-Сюрюн. Предлагаемый словарь является «гибридным», так как он призван давать как морфемную структуру слова, так и его словообразовательное гнездо. Также словарь дает возможность использовать его как орфографический. Орфографический словарь издавался в последний раз в 1967 году и с тех пор не переиздавался. Между тем в практике преподавания тувинского языка необходимы различного вида грамматические и справочные словари.

Словник данного словаря составлен на основе Тувинско-русского (1968), орфографического словарей (1967), дополнен новообразованиями, вошедшими в язык в последние годы. Не дается отдельно морфемная структура омонимов, омоформы рассматриваются каждый в отдельности.

Созданы программы для ЭВМ «Частотный словарь по художественным произведениям на тувинском языке» (свид. № 2012618172), «Поиск словоформ и морфем тувинского языка» (свид. № 2012618171), база данных «Аналитические скрепы тувинского языка» (свид. № 2012621105).

Таковы основные результаты и состояние на сегодняшний день работы над корпусом тувинского языка.

Основными проблемами на сегодняшний день являются разработка парсера (программа, способная размечать текст, т.е. при помощи которого вносятся в тексты вся грамматическая информация) и создание или адаптация уже существующей поисковой системы, то есть проблемы технического характера.

В качестве программ-парсеров могли бы служить активно используемые многими лингвистами программы полуавтоматического глоссирования текстов ToolBox и FieldWorks, а в качестве поисковых программ система онлайн-поиска по мультимедийным данным ELAN; поисковик по глоссированным корпусам Search Tool. Данные программы удобны для небольших по объему корпусов, однако для крупных они практически не приемлемы, поскольку требуют очень больших затрат.

Изучая опыт лингвистов по созданию корпусов по другим языкам, мы отметили, что многие после публикации восточноармянского корпуса переняли <http://www.eanc.net/> [6] и адаптировали и адаптируют их поисковую платформу (интернет-движок EANC). Причем движок EANC успешно адаптируется и работает на материале типологически разных языков (армянский, осетинский, лезгинский, албанский, малые языки Дагестана), а также для близкого к тувинскому агглютинативного калмыцкого. А также заимствуется и адаптируется система автоматического морфологического анализа Uniparser (разработчик – Архангельский Т.А.)

На данном этапе работа по созданию электронного корпуса тувинского языка продолжается, исполнители проекта занимаются решением проблем, связанных с разработкой поисковых программ.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-04-12073в «Электронный корпус текстов тувинского языка»

Библиографический список

1. Архангельский, Т.А. Корпуса албанского, калмыцкого, лезгинского и осетинского языков // Научно-техническая информация. – 2012. – № 4. – Сер. 2. Информационные процессы и системы.
2. [Э/р]. – Р/д: www.shyn.ru
3. [Э/р]. – Р/д: <http://tyvadyl.ru>
4. [Э/р]. – Р/д: <http://orlan.tuva.ru/>
5. [Э/р]. – Р/д: <http://kuular.ru>
6. [Э/р]. – Р/д: <http://www.eanc.net/>

Bibliography

1. Arkhangel'skiy, T.A. Korpusa albanskogo, kalmihkogo, lezgin'skogo i osetinskogo yazihkov // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. – 2012. – № 4. – Ser. 2. Informatsionnihe processih i sistemih.
2. [Eh/r]. – R/d: www.shyn.ru
3. [Eh/r]. – R/d: <http://tyvadyl.ru>
4. [Eh/r]. – R/d: <http://orlan.tuva.ru/>
5. [Eh/r]. – R/d: <http://kuular.ru>
6. [Eh/r]. – R/d: <http://www.eanc.net/>

Статья поступила в редакцию 22.11.13

Раздел 4

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Редактор раздела:

ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ – доктор искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

УДК 711.4.-112(571.1)

Kuligina O.A. THE RELATIONSHIP AND THE RALATIONSHIP OF THE NATURAL AND ARCHITECTURAL MODULES SHAPING THE CITIES OF WESTERN SIBERIA. The article deals with the formation in the evolution of cities in western Siberia certain natural and architectural modules, associated with the interaction of the elements of the natural landscape and the architectural and spatial components, each of the historical periods.

Key words: natural module, architectural and spatial module, the module depth, deep-space module, rhythmic module, dominant.

О.А. Кулигина, аспирант каф. ПуРАН, Новосибирской гос. архитектурно-художественная академия, г. Новосибирск, E-mail: kuligina.o@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ И СООТНОШЕНИЕ ПРИРОДНОГО И АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО МОДУЛЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается формирование определенных природно-архитектурных модулей, связанных с взаимодействием элементов природного ландшафта и архитектурно-пространственных компонентов, в каждый из исторических периодов эволюции городов Западной Сибири.

Ключевые слова: природный модуль, архитектурно-пространственный модуль, глубинный модуль, глубинно-пространственный модуль, ритмический модуль, доминанта.

Основные составляющие природного ландшафта Западной Сибири: водные реки, рельеф, лесные массивы, климат. Большая часть ее территории, на которой расположены города – это равнина, пронизанная водными артериями рек. Взаимосвязь ландшафта и архитектурно-пространственной среды является главной особенностью сибирских городов, расположенных вдоль водных магистралей. В XVII веке по берегам рек возникли небольшие города-крепости, а к началу XVIII века в Западной Сибири сложилось значительное число самых различных типов укрепленных поселений (острог, слобода, зимовье), впоследствии из которых сформировались города. Главным градообразующим элементом была крепость, обладающая доминантной фортификационной функцией, размещенная в наиболее выигрышном месте. Именно сложный рельеф влиял на композицию крепостей, поэтому схемы и планы разрабатывались применительно к конкретным участкам, с учетом стратегических и ландшафтных особенностей. Таким образом, рельеф, крупные реки, зеленые массивы являлись немаловажным условием и учитывались при возведении крепостей, что придавала их облику неповторимость.

Первые западносибирские города Тюмень, Томск, Омск имели небольшую территорию и дорегулярную планировку, что было связано с особенностью рельефа каждого города. В связи с чем, к ним не мог быть применен универсальный подход. Внимание акцентировалось на трех планировочных элементах и взаимосвязях между ними:

- 1) ядро города (крепость);
- 2) храмы и монастыри;
- 3) массовая деревянная жилая застройка.

Этап 1: глубинный модуль (XVII – XVIII вв.)

В этот исторический период шло формирование неурбанизированной среды, основанной на фортификационной функции. Крупные реки, которые являлись сухоходной трассой, влияли на дислокацию города. Крепость, с жилыми и общественными сооружениями на ее территории, была важным элементом, формирующим среду, она возводилась в труднодоступном месте. Для большинства городов Западной Сибири было характерно «мысовое» расположение, где приток впадает в основную водную артерию. Так, например, в Тюмени был выбран высокий мыс в месте впадения Тюменки в реку Тура. В Томске крепость была основана на Вознесенской горе, на самой высокой точке рельефа. Высокий мыс, рельеф, река являлись природным модулем и служили причиной выбора места для строительства крепости. Глубинный модуль представлял собой следующие составляющие:

мирующей среде, она возводилась в труднодоступном месте. Для большинства городов Западной Сибири было характерно «мысовое» расположение, где приток впадает в основную водную артерию. Так, например, в Тюмени был выбран высокий мыс в месте впадения Тюменки в реку Тура. В Томске крепость была основана на Вознесенской горе, на самой высокой точке рельефа. Высокий мыс, рельеф, река являлись природным модулем и служили причиной выбора места для строительства крепости. Глубинный модуль представлял собой следующие составляющие:

- 1) крепость;
- 2) монастырь;
- 3) рельеф.

В этот исторический период особенности рельефа влияли на композицию размещения крепости и монастыря. В связи с чем, формирование среды шло на сложном рельефе (Тюмень), вдоль берега реки (Томск), на равнинном рельефе (Енисейск).

Лесные массивы так же играли огромную роль, т.к. дерево было основным строительным материалом, из которого возводились города. Крепость представляла собой территориально замкнутое, гармоничное, сомасштабное человеку пространство. Связующими элементами были протяженные крепостные стены, которые объединяли и придавали модульность всей композиции крепости. Превалирующими элементами были главная башня (въезд) и православный храм, расположенный на территории крепости. Эти элементы контрастировали с высотой стен, которые были выполнены в виде рубленых «тарас» и обладали высотой 6-10 м. Габаритные размеры были обусловлены высоким модулем природного материала – размерами бревна (диаметр 0,6-0,7 м). Таким образом, сложился определенный модуль крепости по габаритам и высоте, состоящий из элементов, среди которых отследим последовательность в вертикальной иерархии (колокольня, церковь, рядовая башня, въездная башня). Соотношение этих доминант создавало уникальную панораму первых сибирских городов [1; 2].

Этап 2: глубинно-пространственный модуль (к. XVIII-XVIII вв.)

Для этого этапа характерно освоение внекрепостных территорий, создание посадов и слобод. Появления новых функций привело к росту поселений и появлению нового типа зданий. На архитектурную планировку будущих городов оказывали влияние два фактора: ландшафт (уникальный рельеф), пространственно-функциональная схема (компактная или линейная). Пространственная структура поселения этого периода состоит из следующих элементов: особенности рельефа (низкий, высокий), доминантные архитектурные элементы, низкая жилищная застройка. Рельеф стал использоваться с одной стороны для усиления архитектурных высотных доминант, с другой стороны образованное ландшафтное пространство (ландшафтная пауза), заключенное между отдельными планировочными элементами, определяло пространственную планировку будущего города. Ландшафтная пауза служила глубинным природным модулем, а архитектурные элементы являлись вертикальными доминантами. Так же можно выявить модульную сетку на основе ландшафтных и планировочных элементов. В этот период складывается ритм архитектурных доминант (расстояние между доминантами), который составляет 280-380 м и расстояние между монастырями 1000-2000 м. [3; 1].

Этап 3: ритмический модуль (к. XVIII-к. XIX вв.)

Для этого периода характерно сложение слабоурбанизированной среды, упразднение роли крепости, развитие торгово-ремесленных отношений. Складывается направление первых улиц, замкнутое пространство крепости соединяется с открытыми образованиями (посадами, слободами). Основные элементы, формирующие среду: древняя застройка (крепость, острог), городской центр (ядро города), посады, слободы, монастыри, жилищная застройка, новые функциональные типы зданий.

В Тобольске и Томске сложность и многогранность рельефа позволила подчеркнуть доминантные вертикали.

Для Тобольска было характерно возникновение двух частей города – верхнего и нижнего, что было обусловлено особенностями рельефа. В обеих частях города возникло по продольной главной улице.

Исторический центр Томска формируется самим природным ландшафтом. Вертикальные доминанты сооружений подчеркнуты возвышенностями рельефа, таким образом, обыгрывается ландшафт местности.

Главная ландшафтная особенность Тюмени это природные элементы: речки, овраги, река Тура. Что вместе с застройкой образовали неразрывное целое, создав архитектурно-пространственную композицию города. Для Тюмени была характерна прямая пропорциональность высоты храмов относительно высоты рельефа местности. Несколько вертикалей были собраны в единый ансамбль (интервал 1200-1300 метров), как в Троицком монастыре.

Библиографический список

1. Кудрявцев, М.П. Ландшафт в композиции древнерусского города / М.П. Кудрявцев, Т.Н. Кудрявцева // Архит. наследство. – 1980.
2. Вольская, Л.Н. Архитектурно-градостроительное наследие Сибири. – Новосибирск, 2008.
3. Гуляницкий, Н.Ф. Русский регулярный город на традиционной основе // Архит. наследство. – 1985. – № 33.
4. Гаряев, Р.М. Регулирование высот современной застройки в городах с ценным архитектурным наследием // Изв. ВУЗОВ. Строительство. – 1971. – № 4.

Bibliography

1. Kudryavcev, M.P. Landshaft v kompozicii drevnerusskogo goroda / M.P. Kudryavcev, T.N. Kudryavceva // Arkhit. nasledstvo. – 1980.
2. Voljskaya, L.N. Arkhitekturno-gradostroitel'noe nasledie Sibiri. – Novosibirsk, 2008.
3. Gulyanickiy, N.F. Russkiy regul'arniy gorod na tradicionnoj osnove // Arkhit. nasledstvo. – 1985. – № 33.
4. Garyaev, R.M. Regulirovanie vihsot sovremennoy zastroyki v gorodakh s cennim arkhitektunim naslediem // Izv. VUZOV. Stroitel'stvo. – 1971. – № 4.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК 72.03(47+57-21)

Tarasova Y.I. ARCHITECTURAL-SPATIAL COMPOSITION OF THE PROFITABLE HOUSES IN THE BUILDING SYSTEM OF LARGE CITIES IN WESTERN SIBERIA. The article considers the architectural-spatial composition of the profitable houses turn of XIX – XX centuries, depending on the characteristics of the planning structure and building system in large cities of Western Siberia, and also used construction materials.

Key words: the planning structure of large city, the building system of the historic hard core, the quarterly development, the functional-planning types of wooden and stone profitable house, the architectural-spatial composition of the profitable house, entrance group.

Ю.И. Тарасова, магистр архитектуры, аспирант каф. «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия», ФГБОУ ВПО «Новосибирская гос. архитектурно-художественная академия» (НГАХА), г. Новосибирск, E-mail: y.i.tarasova@gmail.com

АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОМПОЗИЦИЯ ДОХОДНЫХ ДОМОВ В СИСТЕМЕ ЗАСТРОЙКИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассмотрена архитектурно-пространственная композиция доходных домов рубежа XIX – XX вв. в зависимости от особенностей планировочной структуры и системы застройки крупных городов Западной Сибири, а также применяемых строительных материалов.

Ключевые слова: планировочная структура крупного города, система застройки исторического ядра, квартальная застройка, функционально-планировочные типы деревянного и каменного доходного дома, архитектурно-пространственная композиция доходного дома, входная группа.

Активное развитие Сибирского региона на рубеже XIX – XX столетий, связанное с распространением капиталистического образа жизни общества, породило новый тип жилищного строительства – доходного дома, ставшего неотъемлемым и характерным атрибутом городов, и распространенным элементом застройки центральной их части.

Основным критерием определения статуса и размера города во все времена является численность населения. Доходные дома появились в крупных («многолюдных») – дореволюционное определение) городах Западной Сибири: Томске, Омске и др.

Период второй половины XVIII – начала XIX вв. характеризовался масштабными государственными преобразованиями, связанными с реконструкцией городов на основе регулярных генеральных планов и «образцовых» проектов жилых и общественных зданий. Этот процесс отразился на архитектурно-планировочной структуре городов Западной Сибири, получивших современную по тому времени трактовку, коренным образом изменившей их градостроительную структуру и внесшей существенные перемены в архитектурный облик и застройку [1].

Крупные города Томск, Омск, Барнаул и др., к концу XIX – началу XX вв. имели строгую планировочную структуру с четкой периметрально-решетчатой системой улиц и площадей. Застройка центральной части представляла собой квартальный тип с множеством домов, периферийная – усадебную (1-2 участка с домами), размеры которых определялись модулем, аналогичному крестьянскому двору. Жилые кварталы, состоящие из двух рядов подобных участков, имели в среднем 120 саженей в длину и 72 – в ширину [2].

В определившейся планировочной структуре происходило уплотнение, особенно центральной ее части: снос деревянных домов, построенных ранее, и строительство каменных. До начала XIX в. строительство в Сибири велось повсеместно в дереве. С появлением кирпича возводились комбинированные здания: каменный цоколь или первый этаж, второй – из бруса или обшитый тесом. Каменные жилые дома были редким явлением и строились только в центре. Так формировалась смешанная застройка. С учащением пожаров, стали возводить брандмауэры – кирпичные стены, отделявшие близко расположенные строения, а деревянное строительство в кварталах, где преобладали каменные здания, и возведение деревянных пристроек к ним было запрещено. Центральная часть городов стала застраиваться только каменными торговыми, доходными и жилыми домами.

Учитывая данные процессы, выделим следующие основные способы размещения доходных домов в системе застройки:

1. Сплошная постройка (с брандмауэрами).
2. Разреженная (с отступами).

Оба варианта были распространены в центральной части городов, на периферии преобладал второй вариант.

В квартале доходные дома возводились по красной линии застройки, согласно утвержденным планам, по двум принципам:

1. Рядовой (в ряду общей застройки).
2. Угловой (на перекрестке улиц, формируя угол квартала).

Угловое положение доходного дома считалось наиболее выигрышным, так как фасады были обращены сразу на две улицы, привлекая своим архитектурно-художественным оформлением, и входная группа, размещавшаяся на углу, была видна обоим пешеходным потокам.

Входная зона доходного дома, являясь связующим звеном архитектурно-пространственной композиции здания с его по-

ложением в планировочной структуре города, получила следующие приемы размещения:

1. Парадный вход располагался на углу дома (прием использовался в любых угловых застройках).

2. Входная часть с крыльцом и подъездом обращены на главную улицу (прием применялся ко всем принципам застройки, для Г-образной – приоритет стороны для размещения входной группы определялся престижностью улицы).

3. Главный вход с крыльцом и подъездом размещались в торце дома (прием применялся редко, для угловых и рядовых застроек).

Габариты доходных домов, соответствуя заложенным размерам градостроительного участка, а так же формату и размерам других домов центра, зависели от технических возможностей применяемого конструктивного материала, влиявшего на их архитектурно-пространственную композицию.

В доходном домостроении рубежа XIX – XX вв. выделяется два типа строительства:

- 1) в дереве;
- 2) из камня.

Конструктивную основу деревянных доходных домов, не претерпевшей существенных изменений на протяжении начала XX в., составлял традиционный сруб, в котором поперечные бревенчатые стены делили внутреннее пространство на две или три части. В каждой клетке такого строения располагались квартиры с отдельными входами и пристройками дощатых сеней. Подобные дома были как деревянными, так и комбинированного типа (цоколь из кирпича). Функционально-планировочное решение было аналогично крестьянской избе с основой в виде клетки и ее вариаций – пятистенок, крестовый дом [2].

Конфигурация корпусов имела квадратную, прямоугольную и реже Г-образную форму. Наибольшее распространение получили компактные, тяготеющие к квадрату в плане, деревянные доходные дома.

Определяющим фактором в формировании планировочных принципов деревянного доходного дома стало положение лестничного блока относительно корпуса здания. Лестничные объемы в конструктивной системе дома размещались в зависимости от положения дома на участке и его ориентации по отношению к главным улицам: с торцов, в середине, на углу – если Г-образная конфигурация.

Отметим следующие планировочные принципы в деревянном доходном домостроении [3]:

1. Галерейный.
2. Коридорный.
3. Секционный.

Галерейный планировочный тип дома появился в стремлении создать изолированные входы в квартиры на втором этаже. К дому пристраивались лестницы, объем которых зашивался навесом и ограждающими конструкциями, в том числе горизонтальный переход ко входу в квартиру, превратившие лестничный блок в галерею.

С переходом от торцевого размещения дома на участке к фронтальному – городскому и последовавшему увеличению протяженности корпуса, а также в поисках рационализации пространственного решения дома, и перемещением лестничных клеток внутрь корпусов, в планировочной структуре дома появился коридор, как распределительное пространство между квартирами или отдельными комнатами. Так сформировался коридорный планировочный тип доходного дома.

Секционный тип зародился в двухквартирных сблокированных жилых домах, отдельные входы в квартиры которого с повышением этажности трансформировались в лестничную клетку, сформировав секцию.

Двухчастная вертикальная дифференциация доходного дома: первый этаж выполнял общественные функции (торговый магазин, контора, школа или гимназия и пр.), второй – жилые квартиры, комнаты или смешанные с мелкими конторами, был заимствован сибирским доходным домостроением из опыта крупных европейских городов России, отразившись в композиции главного фасада.

В результате, в крупных городах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. сформировался деревянный двухэтажный доходный дом, реже из трех, с наиболее распространенным – коридорным и секционным планировочным принципом компоновки корпуса.

В основу каменных доходных домов легли планировочные решения деревянных зданий. Однако, применение нового строительного материала – кирпича – расширило технические возможности и позволило внести разнообразие в планировки домов. Так, увеличилась протяженность фасадов и этажность. Вместе с удлинением корпусов стали появляться и более сложные решения, например, Г-образные, занявшие угловое положение в квартале. Однако, самые развитые варианты, такие как Т-, Н-образные приемы, характерные для Европейской части России, в Западной Сибири не получили распространения (хотя единичные примеры встречаются в Томске, Омске).

Следует отметить, что регулярные планы внедрялись в города Западной Сибири с учетом природных особенностей их

территории (ландшафта, водных акваторий, зеленых массивов и пр.). Историческое ядро сохранило живописную структуру в большей степени, чем периферийные территории, отразившись в нестандартных архитектурно-пространственных решениях некоторых доходных домов. Поэтому есть примеры корпусов каменных доходных домов с индивидуальными особенностями, составляющие исключение из выше перечисленных конфигураций. Больше всего это касалось дорогостоящих зданий, расположенных в непосредственной близости к центральным площадям.

Отметим планировочные принципы каменных доходных домов:

1. Коридорный.
2. Секционный.
3. Смешанный.

Самым распространенным приемом стал секционный планировочный тип каменного доходного дома. Средние размеры секционного дома составляли 16х20 м с количеством квартир на этаже от 1 до 4.

При общей тенденции к усложнению планировочных решений, доходные дома в крупных городах Западной Сибири на рубеже XIX – XX столетий, как выполненные в дереве, так и в камне, отличались компактностью в силу стремления повысить теплостойкость в суровых климатических условиях, характерных для региона. Архитектурно-пространственные решения (конструктивные, планировочные, композиционные и т.д.) такого жилого дома, отработанные в то время и нашедшие применение в современном строительстве XXI в., представляют интерес для изучения в связи с актуализацией возведения новых доходных домов.

Библиографический список

1. Вольская, Л.Н. Архитектурно-градостроительное наследие Сибири. – Новосибирск, 2008.
2. Журилин, Н.П. Градостроительство в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: учеб. пособ. – Новосибирск, 2000.
3. Куликова, И.В. Типы деревянных доходных домов в Томске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник ТГАСУ. – 2007. – № 2.

Bibliography

1. Voljskaya, L.N. Arkhitekturno-gradostroitel'noe nasledie Sibiri. – Novosibirsk, 2008.
2. Zhurilin, N.P. Gradostroitel'stvo v Sibiri vtoroy polovini XIX – nachala XX v.: ucheb. posob. – Novosibirsk, 2000.
3. Kulikova, I.V. Tipih derevyannikh dokhodnykh domov v Tomske (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) // Vestnik TGASU. – 2007. – № 2.
Статья поступила в редакцию 08.10.13

УДК 7.094

Schestakova I.V. ONTOLOGICAL FOUNDATIONS «COUNTRY» CINEMA OF SHUKSHIN: THE FILM «YOUR SON AND BROTHER». In the article the genre and style peculiarities of films by Shukshin are described, that appeared in time of democratisation of Soviet culture at the end of 1960, influenced by ontologization of Russian rural world and a man in the «village prose», as a result of the dynamics of the writer and director in the process of making the film. This paper describes the methods of transferring of poetics «country» prose into film, describes an national essence of character of heroes.

Key words: «country» prose, ontological foundations, picture play, film, short story, cycle of stories.

И.В. Шестакова, канд. культурологии, доц. Алтайского гос. университета, г. Барнаул, E-mail: irinaaltkino@rambler.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «ДЕРЕВЕНСКОГО» КИНЕМАТОГРАФА В. ШУКШИНА: ФИЛЬМ «ВАШ СЫН И БРАТ»

В статье рассмотрены жанрово-стилевые особенности киноленты В.М. Шукшина, сложившиеся в условиях демократизации советской культуры в 1960-х гг. под влиянием онтологизации русского сельского мира и человека в «деревенской прозе», в результате творческой динамики писателя и режиссера в одном лице в процессе создания фильма. В работе описаны способы перенесения на экран поэтики «деревенской прозы», проанализирована национальная сущность характеров героев

Ключевые слова: «деревенская проза», онтологические основы, сценарий, фильм, новелла, цикл рассказов.

В обиходе «деревенщиков» В. Шукшин попал как автор сборника «Сельские жители». Однако прямая принадлежность его литературного творчества к течению «деревенской прозы» является предметом спора в шукшиноведении до сих пор. Противоречивость места этого писателя в истории русской литературы середины XX в. отражает неустойчивость, противоречивость

самой его личности. Поиски своего особого пути нашли отражение в его режиссерской деятельности.

Исследователи творчества Шукшина (Е. Вертлиб, С. Козлова) отмечают такую устойчивую тенденцию его творчества в середине 1960-х гг. как постижение народного характера, обращение к национально-символическим образам. Среди первых по-

пытках создания такого рода символов можно выделить рассказ «Степка», который стал заглавным в сценарии «Братья» или более позднем «Ваш сын и брат». Шукшин решает более основательно опереться на литературный материал («Степка», «Змеиный яд» и «Игнаха приехал»), не нарушая автономии отдельных, законченных нарративов. Вследствие чего фильм получил форму «новеллистического цикла». Следуя основному замыслу исследования процесса распада родовых связей русского крестьянства, он придает внешнее единство разрозненным частям, сделав героев разных рассказов членами одной большой крестьянской семьи Воеводининых. Отдельные части фильма озаглавлены именами: «Степка», «Максим», «Игнат» [1].

Картина начинается картиной весеннего ледохода – излюбленная метафора советского кинематографа, олицетворяющая социальные преобразования в стране. Шукшин стержневым значением этого смыслового образа, вернув ему символу могучей энергии природы, призыв к деятельному участию человека в ее преобразении земли. В киноленте ледоход предстает в его бурной динамике, но эти кадры уходят под титры, а в прологе развертывается «сюита весенних кадров», в которой акцентировано органическое единство природы и человека. Переход от панорамных планов алтайских пейзажей к крупным планам кадров, изображающих быт деревенской глубинки, обозначен надписью на экране: «Было воскресенье». Автор делает акцент на рекреационном времени жизни сельских жителей, освобождаясь от стереотипов «человека общественного». Явленное на экране «бытие в себе» и «для себя» обнаруживало вместе с тем некие онтологические основания жизни. Новый взгляд на мир отметил в своем отзыве на фильм Л. Аннинский: «Шукшин берет слово в самой серьезной дискуссии нашего времени: о цели и смысле человеческого бытия. И имеет в этой дискуссии твердую, я бы сказал, программную позицию» [2, с. 15].

Этот пролог является многофункциональной и многозначной по смыслу частью фильма. Во-первых, Шукшин переносит на экран из «деревенской прозы» присущий ей онтологизм. Как пишут Н. Лейдерман и М. Липовецкий, «деревенская проза» выработала особую поэтику, ориентированную на поиск этих глубинных опор духовного существования. Доминирующим принципом этой поэтики явилось стремление прозреть в непосредственно данном жизненном материале символы Вечного» [3, с. 81]. Такими символами Вечного в фильмах Шукшина являются образы реки, дороги, весеннего обновления природы – своеобразные заповеди вечного человеческого бытия. Во-вторых, Шукшин, подобно авторам «деревенской прозы», как бы заново открывает в прологе поэзию деревенского быта, утратившего свою самоценность на фоне грандиозных социалистических преобразований. Этим заданием обусловлен остранный «взгляд» камеры.

Сентиментально-идиллический модус бытовых картин выполняет, кроме поэтической, еще и перформативную функцию. Оператор В. Гинзбург вспоминал свою работу на Алтае, когда удалось снять «множество подробностей деревенского быта, детей, пейзажи и быстро вернуться в Москву. Шукшин совершенно по-детски радовался, увидев на экране бранящихся деревенских женщин, греющуюся на солнце кошку вместе с петухом, играющих детей, дерущихся собаку с поросенком и многое другое. Не сговариваясь, мы поняли – вступление в картину, ее интонация нащупаны» [4, с. 218]. Сам Шукшин в интервью 1968 г. говорил о том же «общем настроении» картины: «Первый эпизод воскресенья создан из специально инсценированных эпизодов и из подсмотренных моментов деревенской жизни. Все они объединились общим настроением, радостным ощущением прихода весны» [5, с. 96]. Таким образом, монтаж хроникальных и инсценированных кадров должен был организовать видимое «самотечение жизни» в художественное единство, которое создавалось «общим настроением» – радости.

С одной стороны, затянута «вступление» должно было вызвать у зрителя не скуку, а радость, подобно самому Шукшину, встрече с этим родным для каждого, но забытым миром. Это эмоциональное состояние зрителя готовит его понимание главного героя: радость и по поводу прихода весны, и по поводу встречи с родным деревенским миром стала «зовом» для Степана, объясняющим его дурацкий поступок (побег из тюрьмы за три месяца до окончания срока), предопределяя сочувствие «неправому» герою. Сопереживание зрителем душевного состояния героя обеспечивали радость встречи с актером, от которого вновь ждали искренней роли. Однако в киноленте характер шукшинского героя предлагал актеру достаточно сложную, по-

чти парадоксальную разработку роли: живой и очень «непростой» простой человек. Игровой манере Л. Куравлева свойственна невозмутимость героя в любой ситуации, характерная для талантливых комических актеров.

Следуя традиции русской литературы XIX в., Шукшин посылает всей логикой действия новеллы, что нравственное перерождение героя может совершиться только через душевный перелом, через умение отличать истинные ценности от ложных. Обретению этого умения должны были способствовать окружающие героя в течение дня люди, обстановка, песни и пляски русской деревни. Все это на экране получило особую выразительность, зрелищную силу воздействия на публику.

Параметры «деревенской прозы» связаны с основными концептами: деревня, природа, дом, родные места. Именно поэтому автор после общего обозрения деревни действие сосредотачивает в пространстве подворья и дома Воеводининых, которые являются центром художественного мира. Подробности изображения быта, обстановки, бытаев сельчан, с одной стороны, развивают позицию стороннего наблюдателя в прологе как воспоминание забытого родного бытия русского человека. С другой стороны, этнографические реалии включаются в стратегию раскрытия национальной сущности характера главного героя, «объяснения» странностей его поведения и исхода его судьбы.

Сроком, расстоянием, степенью силы «зова» родной деревни, собственно, обусловлен порядок новелл в фильме. Героем второй новеллы «Максим» является младший сын и брат Воеводининых, уехавший в Москву. Шукшинский образ столицы противопоставлен не деревне, как утверждает критика, а столичным же картинкам в современных фильмах. Другой предстает в картине В. Шукшина московская толпа: не праздничная, парадная, веселая, а будничная, озабоченная, равнодушная. Стиль городских кадров в его киноленте здесь особенно близок традициям фильмов итальянского неореализма. Режиссер принципиально избегает видов «туристической» Москвы, показывая лишь Казанский вокзал, соединяющий столицу с Сибирью. Сюда после своих мытарств по городу приходит Максим (актер В. Шахов) и, не замечая суеты людей, ведет мысленный диалог с отцом. Его странствие по городу продолжается в направлениях от вокзала к центру, где работает брат Игнат, у которого он надеется найти помощь в поиске лекарства для матери. В развитии идеи выбора своего пути выступают эпизоды в церкви и в квартире брата, предстające соблазном на пути младшего сына в крестьянской семье.

Место новеллы «Игнат» в общей структуре фильма закономерно и с точки зрения концепции Шукшина, и с точки зрения единства киноцикла: властный «звон» Родины уже едва слышен старшему брату, первому оторвавшемуся от корней. В плане общей композиции картины содержание этой новеллы позволяет создать систему со- и противопоставлений мотивов первой и третьей частей, обеспечивая художественную целостность текста. Прежде всего, ударным контрастом соотнесены сцены и прибытия братьев Степана и Игната в родную деревню. Беглый Степка потаенно выходит из леса на высокий берег реки, пьет холодную талую воду из ручья, после чего, поздоровавшись с земляком, переправляется на его лодке на другой берег. Здесь каждый момент сцены наполнен глубоким символическим смыслом. Глубинное архаическое значение несут образы «живой воды», которой подкрепил свой дух и тело бродяга, переправы через реку, разделяющую мир живых и мир мертвых. Напившись ее, герой получает право вернуться из чужой «мертвой» страны в мир живых, своих. Этих символов, связывающих деревенских героев Шукшина с народными, национальными начала бытия, лишена сцена прибытия Игната. Он с шиком въезжает на такси на крутой берег Катуня, театрально снимает шляпу перед родной рекой. Расчуждение отца и сына выражается в сопоставлении первой и третьей новелл.

В последней новелле появляется в подробностях общий вид большого дома Воеводининых, стоящего на взгорье, откуда открывается широкая панорама реки, темнеющих на горизонте гор. Положение деревенского дома среди необъятных просторов живописных окрестностей контрастно с картинками города во второй части. Оператором В. Гинзбургом детально сняты внутренние планы дома. Не только русская печь с занавешенной лежанкой, но и добротная обстановка: комод, старинное зеркало, караван фарфоровых слоников на полке дивана. Повсюду белые вышитые занавески, дорожки, салфетки, создающие ощущение уюта в доме. Подробности изображения быта, бытаев,

образа жизни сельчан и другие этнографические реалии включаются в стратегию раскрытия национальной сущности характера героев.

Глубокую тревогу отца вызывает его самый успешный сын. Игнат в исполнении актера А. Ванина – настоящий русский богатырь – чего стоит символика его победы над «монголом» в спортивной борьбе. Он обаятелен, щедр, отзывчив, помнит свое родство, помогая в Москве брату Максиму. Игнат, по типологии Шукшина, человек полукультуры. Оказавшись в городе, он с выгодой использует свои богатые физические данные, унаследованные от могучего крестьянского рода. Отравленный «сладкой» жизнью, Игнат вместе с тем усвоил городской прерзительный взгляд на деревенских «отсталых» людей. Именно с этим чувством превосходства над земляками, желанием вызвать зависть он явился в родное село, и односельчане поняли этот вызов и отказались признать его «своим».

Глава большой семьи Воеводиных является важнейшим образом, цементирующим новеллистический цикл и несущим его общую концепцию. Он не появляется на экране во второй части,

но зритель слышит его голос, наставлявший Максима. Исполняющий эту роль В. Санаев изображает деревенского труженика, усталого, но все же сильного, жизнестойкого. Шукшин в своем киноработе сознательно не использует эстетику и идеологемы «колхозных фильмов», поставив в центр общественного мира отца семейства. Причем, образ отца-патриарха, несущий весь комплекс проблем русской деревни и ее судьбы, является идейным композиционным центром, осью сюжетно-композиционного кольца. Система сквозных мотивов, образов в их сопоставлении создает плотную основу кинотекста.

В целом, мотивная структура фильма воспроизводит сюжеттику писателей-«деревенщиков»: мотивы дома, родства. Деревенский мир предстает у Шукшина как «крестьянский космос» со своим бытом и бытием. Перед героями драмы встает экзистенциальная проблема поиска и обретения утраченной социальной и личностной самоидентичности. Все приведенные нами основания позволяют говорить о том, что с кинолентой «Ваш сын и брат» в российской культуре родился «деревенский» кинематограф подобного «деревенской прозе» в литературе.

Библиографический список

1. Ваш сын и брат [видеозапись]: художественный фильм / автор сценария и режиссер В. Шукшин; киностудия им. М. Горького, 1965. – М., 2008.
2. Аннинский, Л. Не в этом дело, тятя! // Искусство кино. – 1966 – № 7.
3. Лейдерман, Н. Современная русская литература: 1950-1990 гг. / Н. Лейдерман, М. Липовецкий. – М., 2001. – Т. 2.
4. Гинзбург, В. Ученическая тетрадь в колениковом переплете // О Шукшине. Экран и жизнь: сб. – М., 1979.
5. Шукшин, В.М. Собрание сочинений: в 8 т. – Барнаул, 2009. – Т. 8. Публицистика. Статьи. Интервью.

Bibliography

1. Vash sihn i brat [videozapisj]: khudozhestvennij fil'm / avtor scenariya i rezhisser V. Shukshin; kinostudiya im. M. Gor'kogo, 1965. – M., 2008.
2. Anninskiy, L. Ne v ehtom delo, tyatya! // Iskusstvo kino. – 1966 – № 7.
3. Leyjderman, N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950-1990 gg. / N. Leyjderman, M. Lipoveckiy. – M., 2001. – T. 2.
4. Ginzburg, V. Uchenicheskaya tetradj v kolenkorovom pereplete // O Shukshine. Ehkran i zhiznj: sb. – M., 1979.
5. Shukshin, V.M. Sbranie sochineniy: v 8 t. – Barnaul, 2009. – T. 8. Publicistika. Statji. Intervyu.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК 7.03. 78-051

Ravcheeva N.A. THE ACCOMPANIST: TO THE SOURCES. The accompanist job is the most-in-demand functional area for the today's pianist. However, there are no works on history of this profession. In this paper, there is an attempt to trace a career of the accompanist-concertmaster from origins to classicism.

Key words: accompanist, concertmaster, profession history.

N.A. Ravcheeva, соискатель Санкт-Петербургского гос. университета культуры и искусств, г. Санкт-Петербург, E-mail: rav912@yandex.ru

ПРОФЕССИЯ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА: К ИСТОКАМ

Профессия концертмейстера является наиболее востребованной областью деятельности пианиста на современном этапе. Однако, работ, посвященных истории профессии до сих пор нет. В данной статье предпринята попытка проследить профессиональное движение аккомпаниатора-концертмейстера от истоков до классицизма.

Ключевые слова: аккомпаниатор, концертмейстер, история профессии.

Профессия концертмейстера ныне самая востребованная область деятельности пианиста. Но было ли так всегда? В обширной библиографии, посвященной фортепианному мастерству и искусству аккомпанемента, лишь фрагментарно затрагиваются вопросы генезиса профессии. Отдельной работы об истории профессии концертмейстера до сих пор нет. Профессия концертмейстера, являющаяся одной из важных составляющих мирового музыкального пространства не должна остаться «на обочине» движения современной науки.

Как известно, пианиста, выступающего в ансамбле с инструменталистами, вокалистами, танцовщиками именуют по-разному – «аккомпаниатор» и «концертмейстер». Когда появились эти термины? Какой из них первенствовал, или сразу возникли оба?

Термин *accompagnement* определяет французский глагол «ассопрэпнег», что означает – «сопровождать». В зарубежных руководствах, датированных XVI-XVIII веками, исполнителя на клавишно-струнных инструментах, сопровождающего исполнение солиста, называют «клавирист» или «аккомпаниатор» («ак-

компанист»). Термин «концертмейстер» в указанную эпоху относится лишь к первому скрипачу оркестра.

Заметим, что и столетие спустя в словаре Брокгауза и Ефрона (1890 г.) «концертмейстером» по-прежнему именуется только первый скрипач в оркестре, способный в концерте заменить капельмейстера. А в словаре Даля понятие «концертмейстер» вообще отсутствует.

Путь к утверждению профессии концертмейстера оказался длительным и непростым. Импульсом к зарождению профессии аккомпаниатора стало появление клавишно-струнных инструментов, которое совпадает с эпохой Ренессанса. Это событие принято датировать XIV веком.

В это время формируются новые эстетические позиции, отвечающие философским воззрениям эпохи. Мыслители задумываются о роли человека в мире, его судьбе и предназначении. Латинский термин *humanitas* практически аналогичен эллинскому определению «*paideia* т.е. воспитание и образование человека» [1; 3]. На наш взгляд, к эпохе Возрождения наиболее

приложимо мнение П.О. Кристеллера, считавшего, что Ренессанс – не «философская система», а «культурная» и «педагогическая программа». Неудивительно, что в эту эпоху культивируется любовь к искусствам. Светская музыка стала обязательной принадлежностью дворцового быта. Так, Б. Кастильоне в своем трактате «Il Cortigiano» утверждает, что «придворный должен быть также музыкантом, он должен уметь петь с листа и играть на различных инструментах» [2, с. 315].

Основным предназначением исполнителя на клавишно-струнных инструментах стал аккомпанемент. Однако он не выделялся в отдельный вид деятельности – аккомпанемент был необходимой составной частью умений клавириста.

Напомним: в то время основой исполнительского искусства выступала импровизация. Искусно импровизировать на заданную тему должен был каждый исполнитель. Более того: искусная импровизация ценилась выше, чем продуманная, заранее заготовленная композиция. Одним из обязательных видов импровизации в ту пору был и аккомпанемент, чему способствовала техника генерал-баса.

Подчеркнем: статус исполнителя в то время был выше статуса композитора, хотя авторское творчество первично. Но, в традициях эпохи композитор выписывал лишь мелодию и бас. Конкретизация авторской мысли осуществлялась с помощью цифровки, подписанной под басом. Заключительная стадия в создании намеченного образа принадлежала исполнителю. Аккомпанирующим инструментом, по большей части, являлся клавир. «В прежние же времена, в музыкальных сочинениях задача сопровождения представляла большее затруднение для аккомпаниатора. Так как большая часть сопровождающих голосов не выписывалась, а обозначалась приблизительно только цифрами под басом, то аккомпаниатору представлялась большая свобода в воспроизведении намеченного композитором сопровождения. Подобного рода сопровождение давало большую свободу изобретательности аккомпаниатора и имело существенное значение в музыке XVII и XVIII столетий, как аккомпанемент для клавесина и органа», – указывается в словаре Брокгауза и Ефрона [3, с. 289].

Трудно сказать, кто был первым импровизатором – солист или аккомпаниатор. Ясно одно: практика *continuo* (итал. – непрерывный бас) оказала огромное влияние на формирование образа концертмейстера. Фактически, аккомпаниатор выступал соавтором композитора, придавая сочинению законченный исполнительский вид. Вот фундаментальная обязательная составляющая искусства клавириста-аккомпаниатора в этот исторический период. Неслучайно А. Шеринг замечал, что нотный текст давал повод для «непосредственного излияния, разрядки жизненной энергии, зависящих в результате от мгновения и случая» [4, с. 14].

В этом русле – владение приемом колорирования, построенном на искусстве орнаментики, также черпающей свои истоки в импровизации.

Заметим: музыка заполняла не только быт аристократов. Довольно скоро она, «как приличная нравственная забава» (Г. Гесс де Кальве), стала необходимым атрибутом разных слоев общества, определяя репертуарные предпочтения. К примеру, трехголосные сочинения до XVIII столетия «рассматривались как искусство для знатоков» [4; 6].

Как известно, произведений для трех голосов строились по следующей модели: два верхних голоса наделялись мелодической функцией, а нижний – выполнял роль гармонического фундамента. «Трио-принцип» способствовал кристаллизации *основных функций* аккомпаниатора, который должен был обеспечить соразмерность и красочность звуковой вертикали, создать гармоническую и метроритмическую опору сочинения. Причем характер звучания был связан не только со способом звукоизвлечения, но и с выбором аккомпаниатором инструмента. Недаром в теоретических трактатах того времени широко обсуждались особенности исполнения на клавире и его разновидностях (в частности, на клавесине и клавикорде). Трехголосные сочинения, в свою очередь, потребовали расширения спектра индивидуальных возможностей аккомпаниатора, формируя его *ансамблевые* качества.

Сферы применения клавишных инструментов в соответствии с их особенностями раскрывает К.Ф.Э. Бах: «Орган, клавесин, фортепиано и клавикорд – наиболее часто используемые для аккомпанемента клавишные инструменты. <...> Орган незаменим в церковной музыке с ее фугами, большими хорами и повсеместным употреблением сливанных звуков <...> Однако, как только в церковных речитативах и ариях, в особеннос-

ти в тех, в которых средние голоса, благодаря простому аккомпанементу дают возможность поющему голосу свободно варьировать, необходим клавесин, к сожалению, слишком часто слышно, насколько пусто [холодно] в таком случае бывает исполнение без сопровождения. Этот инструмент, кроме того, незаменим в театре и в камерном музицировании для сопровождения арий и речитативов. Фортепиано и клавикорд наилучшим образом поддерживают исполнение, когда встречаются величайшие *тонкости вкуса* (курсив мой. – Н.Р.). Лишь некоторые певцы предпочитают сопровождение на клавикорде или клавесине вместо того инструмента [фортепиано]» [5, с. 233-234].

Своеобразие каждого инструмента, отмеченное Бахом, накладывало на образ концертмейстера свои штрихи. Аккомпанемент хору и солисту, работа в театре и камерное музицирование – все эти творческие области имели свои особенности, связанные с умениями и возможностями аккомпаниатора. Полифония и гомофонно-гармонический стиль, ария и речитатив, аккомпанемент вокалисту или ансамблю инструментов требовали разных «оттенков» аккомпаниаторских умений.

Напомним: на органе последовательное мелодическое движение вверх предпологаёт *crescendo*, движение вниз – *diminuendo*. По образному выражению Н.И. Голубовской, «интонация вписана в орган (то же и у клавесина). Любая мелодия как бы механически интонируется в динамическом плане...» [6, с. 154].

Рояль же открыл новые возможности для концертмейстера. В научной литературе не единожды подчеркивалась роль фортепиано в становлении пианистического искусства. Не менее, а, пожалуй, даже более важным стало освоение этого инструмента применительно к профессии концертмейстера. Ибо обновленные ресурсы инструмента сразу сказались на аккомпанементах вокальных и инструментальных сочинений. По мнению Голубовской, «ударность рояля, дающая ему зато ритмическую ясность и четкость» делает «его незаменимым сопровождающим и *руководящим* (курсив мой. – Н.Р.) инструментом в ансамбле» [6, с. 14].

Ведущие музыканты той эпохи выделяли фортепиано как лучший аккомпанирующий инструмент. К примеру, Й.Й. Кванц (Quantz) считал, что на нем «можно, однако, наиболее легко выполнить все то, что требуется для хорошего исполнения, потому что у этого инструмента прежде всего больше необходимых качеств, нужных для аккомпанемента, чем у других, которые называются клавир; игра на пианопорте всецело зависит *от самого исполнителя и его суждения* (курсив мой. – Н.Р.)» [5, с. 193]. Рояль привлекал и Ф.Э. Баха, отмечавшего: «Новые форте пиано, если они хорошо и добротой сделаны, имеют много прекрасных качеств, и они <...> хорошо звучат с небольшим ансамблем» (там же). Красочная палитра рояля, благодаря большому количеству обертонов, позволяла использовать не только «плоский» тембр (термин Веприка), но и индивидуальный исполнительский тембр, давала возможность показывать владение динамическими и техническими ресурсами инструмента. Поэтому рояль стал обязательным участником едва ли не любого ансамбля, подчеркивая важное место концертмейстера в творческом содружестве.

Теоретические труды, которые появляются в указанную эпоху, также свидетельствуют о преимущественной роли аккомпанемента. Ибо практически в каждой работе затрагиваются вопросы расфигурки генерал-баса, являвшейся основой техники аккомпанемента. Более того, значительная доля руководств посвящена «особливо» аккомпанементу.

Но если в ранних трактатах лишь даются методические рекомендации по технике генерал-баса, то в XVIII веке К.Ф.Э. Бах в своем известном руководстве «Опыт правильного (истинного) способа игры на клавесине» обращает внимание на самого концертмейстера, обозначая его задачи (сочинение фантазий, обработка темы, транспонирование, чтение с листа, владение генерал-басом) и формулируя свод правил для аккомпаниатора. По его мнению, концертмейстер должен: «хорошо разбираться в произведении и построить свое исполнение в соответствии с содержанием пьесы, с характером ее звучности, с составом исполнителей, особенно с трактовкой главной партии, с характером инструментов или голосов, с размерами помещения, с составом аудитории и т.д. С величайшей скромностью он старается помочь достигнуть желаемого успеха всем, кому он аккомпанирует, даже в том случае, если по своим артистическим возможностям он их превосходит. <...> Он быстро схватывает все художественные эффекты как в отношении общих исполнительских задач, так и сопровождения, поскольку этого требует содержание пьесы. Но в то же время эти эффекты он применя-

ет очень бережно, чтобы не помешать намерениям своих партнеров... Он не должен переоценивать свою ученость и никогда не забывать, что хороший аккомпанемент оживляет исполнение пьесы и что, наоборот, *самый лучший исполнитель невероятно теряет из-за плохого сопровождения* (курсив мой. – Н.Р.) [7, с. 70-71].

Новая культурная ситуация привела к отказу от генерал-баса. Теперь от концертмейстера не требовалось каждый раз заново «создавать» нотный текст произведения. Его задачей стало **верное прочтение авторского замысла**. Но это не отменяло творческого поиска, заставляя применять дотоле неиспользованные исполнительские возможности, находя свои пути воплощения задуманного композитором образа.

Подчеркнем важное: отказ от импровизации наряду с углубленным подчинением замыслу автора **знаменовал новую исполнительскую парадигму**. От клавириста-концертмейстера теперь требовалось иное, не менее трудное искусство: «чужое» осознать и почувствовать «своим». Это не умоляло творческого начала в исполнительстве, но переводило его в другое русло. Тем более что сохраняла свою силу необходимость художественного единения партнеров в ансамбле. С особой силой новый тип исполнителя был востребован в произведениях эпохи классицизма, высокие образцы которых явило творчество Й. Гайдна, В. Моцарта и Л. Бетховена.

Камерное творчество Моцарта и Гайдна – своеобразная вершина предпрофессиональной стадии профессии концертмейстера. Особое место здесь принадлежит Моцарту, который индивидуализировал, точнее – персонифицировал роли инструментов, участвующих в ансамбле. По образному выражению Чайковского, он придал «особый характер», выделяя «резкими

красками каждое действующее лицо» [8, с. 100]. Мастерская отделка деталей выпукло показывала неповторимую особенность каждой ансамблевой партии. Именно это своеобразие обреших свой неповторимый «голос» инструментов и помогло изжить практику инструментального *ad libitum*.

Новую страницу в становлении профессии концертмейстера открыло камерное творчество Бетховена. Его камерные сочинения знаменовали собой завершение предпрофессиональной стадии в развитии искусства аккомпанемента, выводя феномен концертмейстера на профессиональные «рельсы». Композитор создал «новый музыкальный мир», включающий в себя «новые соединения инструментов, новые сопряжения мелодий» (В.Ф. Одоевский),

В творчестве Бетховена образ концертмейстера окончательно сформировался в тех основных чертах, которые остаются основополагающими и поныне. В эту пору музыкант-универсал доклассического периода, где основой искусства аккомпанемента была импровизация, уступил место музыканту-исполнителю, основным качеством которого стало прочтение авторского текста. Незыблемыми остались умения чтения с листа и транспонирования. И хотя эволюция инструментария способствовала приобретению новых возможностей, связанных с пением на рояле, динамическими градациями, изменениями функций педалей и пр., как следствие, иными репертуарными предпочтениями, эти основные умения остались основополагающими.

Итак: формирование основных качеств концертмейстера завершилось в эпоху Бетховена. С этого момента ведется отсчет его профессионального движения, который в XX столетии нашел претворение в специальной области деятельности пианиста – профессии концертмейстера.

Библиографический список

1. Мальцева, С.А. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. – СПб., 2004. – Т. 3. От Возрождения до Канта.
2. Цит. по кн.: Друскин, М.С. Собрание сочинений: в 7 т. / ред.-сост. Л.Г. Ковнацкая. – СПб. – 2007. – Т. 1: Клавирная музыка Испании, Англии, Нидерландов, Франции, Италии, Германии XVI-XVIII веков / М.С. Друскин; ред.-кол.: И.В. Розанов и др.
3. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатель И.А. Брокгауз (Лейпциг) И.А. Ефрон (СПб.). – СПб., 1890. – Т. 1.
4. Цит. по кн.: Бялый, И. Из истории фортепианного трио. Генезис и становление жанра. – М., 1989.
5. Цит. по кн.: Розанов, И. От клавира к фортепиано. Из истории клавишных инструментов. – СПб., 2001.
6. Голубовская, Н. Искусство исполнителя / ред.-сост. Т. Зайцева, С. Закарян- Рутстайн, В. Смирнов. – СПб., 2007.
7. Цит. по кн.: Крючков, Н. Искусство аккомпанемента как предмет обучения. Приложения. – Л., 1961.
8. Блок, М. Проблемы музыкального исполнительства в эстетике П.И. Чайковского // Музыкальное исполнительство / ред.-сост. Н.Д. Фишман. – М., 1979. – Вып. 2.

Bibliography

1. Maljceva, S.A. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnejj: v 4 t. – SPb., 2004. – T. 3. Ot Vozrozhdeniya do Kanta.
2. Cit. po kn.: Druskin, M.S. Sbranie sochinenij: v 7 t. / red.-sost. L.G. Kovnackaya. – SPb. – 2007. – T. 1: Klavirnaya muzhka Ispanii, Anglii, Niderlandov, Francii, Italii, Germanii XVI-XVIII vekov / M.S. Druskin; red.-kol.: I.V. Rozanov i dr.
3. Ehnciklopedicheskiy slovarj / pod red. prof. I. E. Andreevskogo. Izdateli F.A. Brokgauz (Leyjpcig) I.A. Efron (SPb.). – SPb., 1890. – T. 1.
4. Cit. po kn.: Byalij, I. Iz istorii fortepiannogo trio. Genezis i stanovlenie zhanra. – M., 1989.
5. Cit. po kn.: Rozanov, I. Ot klavira k fortepiano. Iz istorii klavishnihkh instrumentov. – SPb., 2001.
6. Golubovskaya, N. Iskusstvo ispolnitelya / red.-sost. T. Zajceva, S. Zakaryan- Rutstayjn, V. Smirnov. – SPb., 2007.
7. Cit. po kn.: Kryuchkov, N. Iskusstvo akkompamententa kak predmet obucheniya. Prilozheniya. – L., 1961.
8. Blok, M. Problemi muzhkaljnogo ispolnitelstva v ehstetike P.I. Chajkovskogo // Muzhkaljnoe ispolnitelstvo / red.-sost. N.D. Fishman. – M., 1979. – Vihp. 2.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК 7.03;7.001.12

Nekchvyadovich L.I. ETHNO ART STUDIES AS A METHOD OF STUDYING THE ETHNO-CULTURAL TRADITIONS IN THE FINE ARTS. In article on the basis of the analysis of theoretical concepts formed in the domestic scientific tradition, considers the peculiarities of ethno art as a method of studying the ethno-cultural traditions in the fine arts; describes the universal, General and частнонаучный levels, which provide a reading of works of fine art on the basis of the interdisciplinary approach.

Key words: method этноискусствознание, levels of methodology, ethnocultural tradition, the art style.

Л.И. Нехвядович, канд. искусствоведения, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайский гос. университет», г. Барнаул, E-mail:lar.nex@yandex.ru

ЭТНОИСКУССТВОВЗНАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В статье на основе анализа теоретических концепций, сформировавшихся в отечественной научной традиции, рассматриваются особенности этноискусствознания как метода изучения этнокультурных традиций в изоб-

разительном искусстве; описываются всеобщий, общий и частнонаучный уровни, которые обеспечивают протекание произведения изобразительного искусства на основе междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: метод, этноискусствознание, уровни методологии, этнокультурная традиция, художественный стиль.

В искусствоведении проблема метода изучения этнокультурной традиции в изобразительном искусстве остается спорной и сложной. Сложность заключается в том, что в науке до сих пор не определена методология, позволяющая теоретически обосновать этнические особенности искусства. В связи с этим необходимо уточнить возможности и значение способов и приемов, применявшихся в искусствоведческих исследованиях, а также установить особенности этноискусствознания как метода. Мы исходим из того, что основная задача научного метода сводится к регулированию познавательного процесса, упорядоченной последовательности операций в соответствии с определенными требованиями, правилами и рекомендации. По определению В.А. Ельчанинова, «...метод представляет собой особый образом организованную и субординированную систему предписаний, правил и рекомендаций, которые в случае верного использования должны обеспечить исследователю решение конкретной познавательной задачи в любой сфере практической или теоретической деятельности» [1].

Выяснение специфики этноискусствознания как метода связано с философской концепцией Г. Гегеля о системных уровнях рассмотрения изучаемых явлений позволяет выделить уровни в методологии этноискусствознания, на основе понятий «всеобщее – особенное – единичное». Применительно к эстетике философ искусства Н.Н. Александров раскрывает содержание этих уровней через их отнесенность к уровням методологии (философский, общенаучный, частнонаучный) и к паре художественных категорий «содержание-форма» [2]. В произведении изобразительного искусства диалектическая связь «содержания» и «формы» предстает как целостный художественный образ. В терминологическом словаре художественное содержание определяется как эстетическая категория, выражающая идейно-эмоциональную, чувственно-образную сферу значения и смысла. Художественная форма понимается как приведенная к единству совокупность художественных средств в отдельном произведении. Такой подход позволяет выделить следующие уровни методологии этноискусствознания:

- Философский, представленный философскими и культурологическими концепциями, раскрывающими феномен этничности в искусстве; анализ направлен на выявление устойчивых ментальных структур преимущественно содержания произведения изобразительного искусства.
- Общенаучный, представленный системным, историческим, сравнительным, типологическим, биографическим подходами; произведение изобразительного искусства рассматривается с точки зрения единства содержания и формы в контексте влияния природных и этнокультурных факторов.
- Частнонаучный, представленный этнографическим и искусствоведческим подходами; на данном уровне произведение изобразительного искусства рассматривается преимущественно с точки зрения формы, чем содержания.

На философском уровне феноменология и герменевтика выступают в качестве методологической основы этноискусствознания исследований для выявления взаимоотношений между существованием и сущностью произведений искусства. Феноменологическая техника позволяет зафиксировать ментальные интенции художественного содержания. Результатом их прорецирования выступает культурный код – феномен, образующий семантику композиции. В этом смысле центральное понятие феноменологии «жизненный мир» как основание этнической общности выступает в качестве фактора этнокультурного своеобразия мотивов, тем и сюжетов изобразительного искусства. Это основные образные доминанты, которые раскрываются с учетом архетипического значения. Истинный художник, по К. Юнгу, призван мыслить архетипами, и тогда он единичное и преходящее поднимает всеобщего и вечного. Концепция Юнга оказала влияние на становление методики интерпретации художественного произведения через мифы, архетипы, знаки и символы. В мифах исследуют: во-первых, выражение коллективного бессознательного и архетипов, которые превращаются в инструмент анализа и интерпретации произведений искусства; во-вторых, в мифы рассматриваются как носители

инносказательного смысла, который только в подсознании может раскрыться.

Герменевтика как метод истолкования значений архетипов, знаков, символов направляет на выявление особенностей ментального содержания в произведении искусства. По определению французского философа П. Рикера, «...интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [3]. Задача интерпретации произведения изобразительного искусства – извлечение из художественного образа множества заложенных в него смыслов, или, сведение возможных вариантов к общему, единому смыслу. Эти принципы развивает в методике этнической характеристики произведения изобразительного искусства Б.М. Бернштейн. Искусствовед утверждает, что искусство этноса обладает неповторимыми признаками или неповторимой комбинацией универсальных признаков, определяемых как «условие индивидуальности»; признаки или комбинации устойчиво повторяются во времени и в пространстве существования этноса; этот процесс принято обозначать как «условие инвариантности». Инвариантность художественного творчества в пределах этноса обусловлена устойчивостью этнического характера, психического склада, «духа народа». В структуре этнической характеристики Б.М. Бернштейн акцентирует внимание на интерпретации генетического и функционального аспектов. В генетическом и функциональном аспектах различимы устойчивые (этническая интенция произведения) и изменяющиеся (осознанное выражение этнической идеи, этнического значения) компоненты. При этом изменяющиеся компоненты зависят от исторически детерминированного состояния общественного сознания. Выраженность или размытость этнического своеобразия искусства связана с соотношением этнических, межэтнических, внеэтнических, в том числе национальных, интернациональных, вненациональных начал, складывающихся в общественном сознании в данное время [4].

Дальнейшая конкретизация специфики и структуры этноискусствознания как метода проявляется на общенаучном уровне. Системный подход в контексте методологии этноискусствознания рассматривается нами как совокупность приемов, способов анализа целостных свойств изобразительного искусства и этноса, выявления их связей и структуры, особенностей функционирования и развития. Исторический подход – мировоззренческий принцип, который позволяет рассмотреть произведение изобразительного искусства как часть художественного процесса в контексте природных и социокультурных комплексов полиэтнической среды. Сравнительный подход акцентирует внимание на общих и специфических свойствах жанров и видов изобразительного искусства, на характере взаимодействия изобразительного искусства и этнокультурных традиций. Особое значение имеет биографический метод как способ восприятия, анализа и оценки произведения изобразительного искусства, при котором биография и личность художника становится определяющим моментом творчества. Его основные принципы сформулированы в феноменологии и этнометодологии. Разновидности биографического метода в этноискусствознании можно представить следующим образом: 1) устная история; 2) история жизни; 3) история семьи художника. Принято различать три основных типа «историй жизни»: полные, тематические и отредактированные. Полная «история жизни» очерчивает весь жизненный опыт художника. Тематическая «история жизни» относится преимущественно к одной стороне или фазе жизненного цикла художника. Отредактированная «история жизни» может быть и полной, и тематической. Ее особенность – ведущая роль искусствоведа-интерпретатора, организующего биографический материал в соответствии с логикой исследования.

Определяя задачи типологического подхода, М.В. Крюков писал, что типология должна представлять собой процесс открытия комбинаций признаков, предпочитавшихся создателями артефактов [5]. Ценность типологии явлений искусства заключается в конструировании исследователем типологических моделей. Например, распространение одного и того же типа на

несмежных территориях ставит проблему причин общего и специфического, которая может решаться либо в контексте природной обусловленности, либо на основе этнического родства или культурного взаимовлияния. В этом контексте особое значение в этноискусствознании имеет этнографический подход, который направлен на выявление характерных черт традиционной повседневности культуры этносов, т.е. обычаи, обряды, народное искусство, а также поселения, жилища, одежда, орудия, промыслы в их этнической специфике. В этноискусствоведческих исследованиях – это метод изучения влияния этнического фактора на национальное (этнорегиональное) своеобразие искусства. Такой подход предполагает этап историко-географического и историко-этнографического описания, а также исследование традиций народного творчества и их роль в формообразовании произведении изобразительного искусства.

Из частнонаучных методов для этноискусствознания основополагающим является стилистический анализ, направленный на выявление устойчивых черт в формальной и содержательной структуре произведений изобразительного искусства, свойственных конкретному историческому периоду, школе и мастеру. В искусствоведении существует несколько вариантов стилистического анализа (Г. Вельфлин, Г. Зедльмайер, Б.Р. Вилпер, А.А. Федоров-Давыдов, Л.Ю. Лиманская). Исследователь Т.М. Степанская, развивающая традиции искусствознания Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, на примере живописи выделяет следующие этапы стилистического анализа произведения: 1) рождение замысла, история создания, заказчик; данные музейной карточки (данные каталога); 3) сюжет; 4) жанр; 4) средства художественной выразительности; 5) отношение к художественным традициям автора данного произведения и как это проявилось в данном произведении; стиль, направление, художественная школа; 6) характеристика художественного образа данного произведения (общая характеристика, воплощение идеалов, раскрытие замысла); 7) место данного произведения в творчестве автора [6]. Таким образом, данный подход первоначально предполагает описание, того, что изображено на картине; через сюжет – последовательное чередование событий – раскрывается тема, мотив, идея произведения.

Для того, чтобы мы могли использовать данные этнографии в искусствоведческом анализе введем этнокультурную традицию в качестве исходной категории, применительно к конкретным явлениям истории искусства. Диапазон понятия очень широк: от определенного типа отношения между последовательными стадиями развивающегося объекта, когда «старое» переходит в «новое» и продуктивно «работает» в нем до способа сохранения особенностей тематики и стиля. При этом этнический аспект художественной традиции остается несколько в сто-

роне от общего потока исследований. О необходимости изучения этого аспекта Ю.В. Бромлей писал: «...произведения профессионального художественного творчества не только отражают свойства этнических общностей. При определенных условиях они сами в той или иной степени превращаются в неотъемлемые компоненты этноса, становясь достоянием основной массы его членов, проникая в их повседневный быт. Такое проникновение и обеспечивает реальное выполнение произведениями профессионального художественного творчества этнических функций. Тем самым определяется значение его исследования для понимания современных этнических процессов, а соответственно и познавательные задачи этнографии в данной области» [7]. В понимании основного значения термина мы разделяем точку зрения историка искусства А.А. Каменского, который рассматривая историческое развитие художественной системы, определяет этнокультурную традицию как силу художественной динамики, так как она охватывает не только все виды и разновидности культуры, но и характер их повседневного бытования у разных народов [8].

Проблема этнокультурного своеобразия искусства в этноискусствоведческих исследованиях связана с категорией художественного стиля. Исследователь Н.А. Томилов утверждает, что выявление стиля произведений искусства – путь выделения этнических свойств и выхода на определенные границы той или иной этнической общности. Именно стиль можно считать инструментом для понимания этнохудожественных явлений, поскольку эта категория универсальна. Универсализм понятия «художественный стиль» проявляется через отнесенность к различным уровням искусства: по отношению к произведению изобразительного искусства; для характеристики творческого метода художника; для обозначения особенностей художественного направления; применительно к целой исторической эпохе.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Этноискусствознание как метод характеризуется установлением связи между искусством и этносом. Он ориентирован на междисциплинарный синтез для получения многостороннего и целостного изучения этнической специфики искусства.

2. В методологии этноискусствознания выделяются всеобщий, общий и частнонаучный уровни, которые обеспечивают прочтение произведения изобразительного искусства через личность автора как носителя определенной этнокультурной традиции, выявление тематической типологии, берущей начало от первичного архетипа, знака, символа, ее смыслообразующее значение, средств художественной выразительности, особенностей национального (локального) художественного стиля в контексте влияния природных и социокультурных комплексов полиэтнической среды.

Библиографический список

1. Ельчанинов, В.А. Роль негативной методологии в научном познании. – Барнаул, 2013.
2. Александров, Н.Н. Эстетика. – М., 2011.
3. Рикер, П. Конфликт интерпретации. Очерки по герменевтике. – М., 1995.
4. Бернштейн, Б.М. Несколько соображений в связи с проблемой «Искусство и этнос» // Советское искусствознание. – М. – 1978. – Вып. 2.
5. Крюков, М.В. О принципах типологического исследования культуры // Советская этнография. – 1983. – № 5.
6. Описание и анализ памятников искусства / авт.-сост. Т.М. Степанская. – Барнаул, 2007.
7. Бромлей, Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. – 1977. – № 1.
8. Каменский, А.А. О смысле художественной традиции // Советское искусствознание. – М. – 1982. – Вып. 1.

Bibliography

1. Eljchaninov, V.A. Rolj negativnoj metodologii v nauchnom poznanii. – Barnaul, 2013.
2. Aleksandrov, N.N. Ehstetika. – M., 2011.
3. Riker, P. Konflikt interpretacii. Oчерki po germenevtike. – M., 1995.
4. Bernshtejn, B.M. Neskoljko soobrazhenij v svyazi s problemoj «Iskusstvo i etnos» // Sovetskoe iskusstvoznanie. – M. – 1978. – Vihp. 2.
5. Kryukov, M.V. O principakh tipologicheskogo issledovaniya kuljturih // Sovetskaya ehntografiya. – 1983. – № 5.
6. Opisanie i analiz pamyatnikov iskusstva / avt.-sost. T.M. Stepanskaya. – Barnaul, 2007.
7. Bromlej, Yu.V. K voprosu ob osobennostyakh ehntograficheskogo izucheniya soveremennosti //Sovetskaya ehntografiya. – 1977. – № 1.
8. Kamenskiy, A.A. O smihle khudozhestvennoj tradicii // Sovetskoe iskusstvoznanie. – M. – 1982. – Vihp. 1.

Статья отправлена в редакцию 06.11.13

УДК 76.01: 004

Shokorova L.V., Turlyun L.N. PROBLEM OF INTERACTION OF TRADITIONAL WOODCARVING WITH COMPUTER TECHNOLOGIES. Art of art processing of a tree is one of the most ancient types of the folk art, bringing besides utility in vital space surrounding the person artistry, esthetics and beauty. Modern computer technologies were included strongly into interaction with manual creative activity of the master, allowing to apply the modern machine equipment in such traditional type of craft, as art processing of a tree. In article the art criticism analysis of traditional Altai woodcarving is given. Comes to light characteristics, motives and plots of a house carving of Altai.

Key words: the national is decorative – applied art, art woodcarving, the Altai house carving, computer graphics, computer technologies.

Л.В. Шокорова, канд. искусствоведения, доц. каф. истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский гос. университет, г. Барнаул, E-mail: larazmei@mail.ru; Л.Н. Турлюн, канд. искусствоведения, доц. каф. истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский гос. университет, г. Барнаул, E-mail: barturagu@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИОННОЙ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ С КОМПЬЮТЕРНЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

Искусство художественной обработки дерева является одним из самых древних видов народного искусства, приносящее помимо утилитарности в окружающее человека жизненное пространство художественность, эстетичность и красоту. Современные компьютерные технологии прочно вошли в взаимодействие с ручным творческим трудом мастера, позволяя применить современное станочное оборудование в таком традиционном виде ремесла, как художественная обработка дерева. В статье дается искусствоведческий анализ традиционной алтайской резьбы по дереву. Выявляются характерные особенности, мотивы и сюжеты домовой резьбы Алтая.

Ключевые слова: народное декоративно-прикладное искусство, художественная резьба по дереву, алтайская домовая резьба, компьютерная графика, компьютерные технологии.

Современный век – время технических открытий и информатизации, органично вошедших практически во все сферы деятельности человека компьютерных технологий.

Ярко выраженное противостояние изделий народного искусства с предметами машинного производства потребовало активной модернизации творческого ручного труда, особенно ярко проявившейся в художественной обработке дерева. Новые технологии всегда тесно связаны как с обновлением формы, так и содержания, единство которых и определяет новаторские изменения. «В истории каждой формы искусства есть критические моменты, когда она стремится к эффектам, которые без особых затруднений могут быть достигнуты лишь при изменении технического стандарта, т.е. в новой форме искусства», – писал более ста лет назад В. Беньямин, один из первых осознавший роль технологий в развитии искусства [1].

Резьба по дереву – это всегда довольно длительный и трудоемкий процесс. На изготовление резных произведений, например, как иконостасы или внешний декор жилища, даже при высоком профессионализме мастера иногда уходило годы. Но сегодня время требует ускоренных процессов работы, поэтому ручной творческий труд мастера все активнее взаимодействует с такими, казалось бы, несовместимыми вещами, как цифровые компьютерные технологии, позволяющими уменьшить трудоёмкость изготовления изделий, как во временной разнице, так и в финансовой. В результате симбиоз компьютерных технологий и народного искусства с его многовековыми традициями приводит к поистине впечатляющим результатам. «Искусство ручной работы нужно гармонично внести в скучный рутинный современный цех и тогда можно ожидать, что в резьбе по дереву возникнет новый стиль» [2].

Применение станков ЧПУ, позволивших вывести резьбу по дереву на новый масштабный уровень стало одним из ярких новаторских изменений в изготовлении резных деревянных элементов. Станок ЧПУ – это автоматичное универсальное устройство, управляемое компьютером, способное не только проектировать изделия, но и быстро и чисто воспроизводить любые виды народной традиционной резьбы, такие как контурная, прорезная, плоскорельефная, скульптурная, токарная. Одним из главных преимуществ применения станков ЧПУ в художественной обработке дерева является, в первую очередь, скорость выполнения изделия, что соответственно значительно снижает ее себестоимость, а также возможность создавать самые мельчай-

шие узоры и сложнейшие орнаменты различных стиливых направлений, диаметром в 1 миллиметр с поразительной точностью и чистотой исполнения.

Современные технологии художественной обработки дерева требуют от мастера не только профессиональное владение инструментами резчика, но и отличное знание компьютерных программ, таких как CorelDraw, Adobe Illustrator. В данных программах создается многослойный линейный рисунок – эскиз, в котором количество слоев зависит от сложности рисунка. Слой – это линия, показывающая траекторию движения фрезы, для удобства исполнения линии заливаются разным цветом и отличаются названием. Орнамент, созданный средствами компьютерной графики, удобен и практичен тем, что может быть изменен в любое время и сохранен на длительное время, в отличие от карандашного рисунка. Хотя многие мастера предпочитают традиционного рисовать эскиз на бумаге, но в то же время не отказываются от станочной обработки, перенося эскиз с помощью сканера в компьютер и переводя его в векторное изображение. Смоделированный рисунок переводится на карту памяти, которая потом вставляется в станок. В программировании процесса резьбы учитывается порода дерева в зависимости от ее плотности и твердости.

Станочная обработка дерева наиболее часто воспроизводит контурную, геометрическую и прорезную резьбу, которые достаточно часто применяются в сочетании друг с другом. Но наибольший приоритет отдается плоскорельефной резьбе, в которой изображение находится на одной плоскости, а рельеф резьбы, различный по рисунку и композиции выявляется путем выгибания фона вокруг какого-либо элемента резьбы или орнамента, придавая резному изделию яркий художественный вид [3].

Новые механизированные и компьютерные технологии нашли отражение и в объемной или скульптурной резьбе, считающейся самой сложной с точки зрения выполнения резных станочных работ. Изделие, выполненное в этой технике, представляет собой, художественно обработанную со всех сторон объемную фигуру, полностью оторванную от фона – готовая скульптура просматривается со всех сторон [3]. Сложную трехмерную модель объемного изделия нерегулярной формы необходимо проектировать в специальных программах 3D-графики (Rhinoseros, 3DMax и др.), используя при изготовлении станки ЧПУ. Трехкоординатный станок (станок ЧПУ) не может обрабатывать заготовку со всех сторон, поэтому, приходится изделие скле-

ивать, например, из двух половинок. Изготовление изделия по программе, рассчитанной по поверхности трехмерной модели в САМ – системе, всегда длится долго. Сначала цилиндрической фрезой выполняют черновую обработку, снимая лишний слой материала с заготовки. Потом концевой острогноточенной фрезой (ее построчным перемещением с шагом до 1 мм) ведется чистовая обработка. Недостатком является невозможность обработки «мертвых» зон, где перемещение инструмента невозможно. Поэтому необходима ручная доработка изделия.

Поэтому преимущество в изготовлении скульптурной резьбы отдается трехмерным принтерам, как дешёвому и быстрому способу для создания прототипов. Обычная печатная 3D-система, работающая с порошком, позволяет распределять тонкий слой вещества по платформе, а программное обеспечение, управляющее трехмерным струйным принтером, наносит связывающий раствор в необходимых местах. Он взаимодействует с порошком и скрепляет частицы друг с другом, в результате чего получается трёхмерный объект. В разное время в качестве материала для печати на 3D-принтерах использовались стекло, органика, синтетические волокна и многое другое. Но технологии современности позволили применить в качестве материала дерево [4]. При изготовлении станочных скульптурных работ от мастера отличное знание специальных компьютерных программ, большой опыт, набор различных инструментов и, конечно же, художественное чутье.

Дополнительные устройства, такие как фрезерно-копировальные станки, позволяют расширить технологические возможности изготовления художественных изделий из древесины, позволяя выполнять различные элементы резьбы – круглые розетки в виде многолепестковых цветов, розетки вихревые, рапортные пояса-фризы с криволинейным волнообразным членением, балясины и даже высоко скульптурные, барельефные и горельефные детали и многое другое. Принцип работы на таком оборудовании состоит в ручном копировании шаблона образца изделия с одновременным фрезерованием заготовки. В состав таких станков входят суппорт со шпиндельной головкой; станина, на которой он крепится; рабочий стол с маховиком для его перемещения в горизонтальной и вертикальной плоскостях и неподвижный штифт с копирующей головкой, при помощи которого заданный образец или модель могут быть точно повторены и перенесены на другую заготовку. Режущим инструментом служат специальные сверла или концевые фрезы, закрепляемые на шпинделе. Мастер водит штифтом по всем контурам, углублениям и выпуклостям образца, передвигая при этом рабочий стол вверх-вниз; если требуется, то модель можно перебазировать и проводить обработку в другой ортогональной плоскости. Шпиндель, соединённый со штифтом, повторяет все его движения, выполняя точную копию модели-образца. Опытный художник-мастер, с хорошим глазомером и точными движениями, может выполнять свои декоративно-орнаментальные композиции непосредственно на станке. В этом случае станок рассматривается как приспособление, которое облегчает труд мастера и увеличивает производительность труда.

Шпиндель станка приводится в движение электромотором, который совершает от 10 до 24 тыс. об/мин, что обеспечивает достаточно высокое качество обрабатываемой поверхности резьбы. Тем не менее, резьба, выполненная на станке, по качеству ниже ручной, поэтому при изготовлении мебели по специальным заказам или при реставрации антикварной необходимо дорабатывать детали и орнаменты вручную.

При художественной обработке дерева также применяется и копировальный станок с пантографом. Станки, снабженные пантографами, имеют приспособления для перевода заданного рисунка в другой масштаб. Для такого перевода служит штифт, движущийся по контуру узора. Пантограф переводит рисунок на закреплённую на станке заготовку, соответственно увеличивая или уменьшая его применительно к заданию [5]. Такие станки могут фрезеровать не только плоские и изогнутые детали, но и тела вращения. Данное оборудование нашло широкое применение при изготовлении мебели, статуй, художественных накладок, пилястр и других видов художественных изделий из древесины [4; 6]. Однако нельзя не отметить и имеющиеся существенные недостатки – на таких станках обработка намного зависит от опыта рабочего, производящего копирование образца. Во время обработки при возможной ошибке возникает человеческий фактор, который может привести к браку продукции не только одной заготовки, а сразу нескольких, если фрезерование ведется на многошпиндельном копировальном станке. Слож-

ность наладки многошпиндельного оборудования при замене фрез – также существенный недостаток. К тому же постоянно требуется изготовление копиров, что на начальных стадиях отработки техпроцесса требует значительного времени. И, главное, на сегодняшний день изготовление изделий при ручном копировании шаблонов, в условиях растущего рынка и роста производственных возможностей оборудования с ЧПУ, становится малоэффективным.

Рассматривая способы изготовления художественных изделий из древесины, нельзя не отметить технологию точения. Точение или токарная обработка – одна из основных операций обработки резанием, выполняемая на деревообрабатывающих станках токарной группы обычно при вращательном движении изделия и поступательном движении резца. На современных деревообрабатывающих предприятиях все чаще применяются не только обычные токарные станки, где обработка ведется вручную мастером, но и станки токарно-фрезерной группы. Обрабатываемым инструментом такого оборудования является специальная дисковая фреза, либо фреза концевая. Такие станки выполняют обработку автоматизировано по заданной управляющей программе. От оператора требуется только менять заготовку и запускать программу в новом технологическом цикле. Несмотря на широкое распространение токарного оборудования в производстве, номенклатура выпускаемых изделий обычно ограничивается деталями, представляющими по форме тела вращения. Именно поэтому токарные станки в большей своей массе используют для изготовления художественных балясин – опорных конструкций перил лестничных маршей. Качество поверхности после обработки на токарных станках требует всегда ручного ошкуривания поверхности и снижает общую производительность процесса изготовления.

Еще одна технология – технология тиснения древесины связана с ее обработкой давлением нагретыми матрицами и пуансонами. Предварительно древесину пропаривают. Дороговизна изготовления штампов и невозможность получения объемных рельефных рисунков при прессовании позволили данной технологии найти широкое применение лишь в изготовлении сувенирных изделий в партиях высокой серийности, например, шкатулках, но не в эксклюзивной продукции под определенный заказ маленькими партиями. Технология лазерной гравировки древесины, а также выжигание лазером поверхностей по растровым рисункам на сегодняшний день не применимы для получения объемных изображений на древесине.

Такие технологии, как броширование, пескоструйная обработка, обработка давлением и лазерная гравировка не способны выявить объемные барельефные, горельефные или скульптурные формы в массиве древесины. Поэтому мы только лишь упомянем о них как о существующих видах художественной обработки древесины, главным образом, применяющихся для нанесения фактуры и неглубоких рисунков на плоские поверхности изделий из древесины.

Таким образом, рассмотрев все технические новшества, применяемые сегодня в художественной обработке древесины, можно сделать вывод, что вид исконно народного декоративно – прикладного искусства – резьба по дереву в настоящее время активно модернизируется и совершенствуется, сохраняя свои традиционные основы и виды. И хочется верить, что уникальный пласт переселенческой культуры Алтая, сложившийся в результате соединения традиций различных этнографических групп и представляющий художественную резьбу по дереву, снова гармонично и эффективно войдет в современное социально культурное пространство. Алтайское искусство резьбы по дереву всегда было скупое, лаконичное, не изощренное, обладает прекрасным чувством меры, гармоничностью композиционного решения и тесно связано с фактурой материала. В резном декоре Алтайского края, относящегося к концу XIX – началу XX, в основном встречается пропиловочная резьба, иногда в сочетании с накладной, а также и мощная рельефная резьба. Прогрессировавшая техника обработки дерева, взаимодействие деревенской и городской культуры, способствовали возникновению новых элементов, подвергшихся существенной переработке. Так в орнаментах наличников встречаются волютные спиралевидные завитки, характерные для городского искусства. Форма наличника часто завершалась полуциркулярной линией, на которой в сочетании со спиралью волют располагались либо антропоморфные фигуры либо стилизованные кривы – русская лилия или трилистник, дошедший до наших дней со времен Древней Руси [7].

В декоре алтайской резьбы большое развитие получили языческие мотивы, представленные солнечными розетками солярных знаков, волнистыми, струйчатыми и переплетенными линиями карнизов, изображающими воду. Наличники алтайской деревянной архитектуры заполнили извивающие змеи, являющиеся символом плодородия, парные головы коней – олицетворение солнечного божества; образы парных птиц, символизировавших представления народа о счастливом браке. При этом часто отсутствует точное воспроизведение птицы, а выступает как бы сама идея, предполагающая сказочный птичий образ, а также изобилие растительных элементов с реалистическими изображениями полевых цветов, ягод со старательно подчеркнутыми специфическими особенностями каждого их них.

Исходя из вышесказанного возникает вопрос – а не потеряет ли ручной творческий труд, традиционные техники которого передавались из поколения в поколение, своей духовности, своих живительных соков, восходящих из далекого прошлого в этой глобальной модернизации, не прервется ли преемственная связь поколений? На этот вопрос достаточно сложно дать однозначный ответ. С одной стороны новые технологии направляют резьбу по дереву на массовое тиражирование, что соответственно лишает ее уникальности и, конечно, авторства. А тиражирование выводит предмет из сферы традиций, и, как следствие, именно отказ или освобождение от нее вызывает глубинные трансформации искусства в современную эпоху.

Уолтер Крейн отмечал: «В разгар полного прилива механических изобретений и неслыханной изобретательности, нам приходится вернуться к руке, как самой лучшей части машины. Мы чувствуем себя придатком машины, мы обнаружили, что теряем наше чувство красоты, наше художественное чувство, что наша

ежедневная работа теряет интерес и романтику, за которую мы платим огромную цену, как жизнь без счастья внутри» [8].

Но с другой стороны, как уже говорилось выше, новое время требует ускоренных процессов изготовления деревянных изделий, как в декоративном убранстве дома, так и утилитарно – художественного значения. И очень радует, что художественная резьба по дереву пусть постепенно, но все-таки все чаще входит в окружающее человека жизненное пространство. Так в Алтайском крае в селе Сроски мастер народного искусства Колесников С.М. со своими учениками изготовили иконостас, престол, жертвенник и царские врата в церкви Великомученицы Екатерины. И благодаря современным технологиям обработки древесины такой большой объем работ был выполнен за относительно небольшой срок времени. Это позволило учащимся не только на практике усовершенствовать технические знания и умения, но и приобщиться к истории и культуре русского народа.

По мнению авторов, в настоящее время в современной художественной обработке древесины должны гармонично слиться все новые модернизированные технологии, но любовно доведенные до совершенства профессиональной рукой мастера. «Можно возвеличить, облагородить, сделать изысканно чистым, и тем более ценным станет обычный материал».¹ Отказ от усовершенствования любого вида производства, в том числе и резьбы по дереву, приведет в дальнейшем к снижению производства, и в дальнейшем полного угасания. Поэтому сегодня компьютер и станок в художественной мастерской должны стать таким же инструментом в руках мастера, как резцы по дереву. Резьба на станках позволит выполнить сложную работу, а ручная, основанная на традиционной технике, придаст изделию эксклюзивный вид.

Библиографический список

1. Беньямин, В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М., 1996.
2. Wood – carving design and workmanship. The artistic crafts series of technical handbooks edited by W. Wood – carving: design and workmanship Harvard university. – New York Appleton and company.
3. Круковер, В.И. Резьба по дереву. – М., 2004.
4. Woodworking news, 2001. – 200.
5. Амалицкий, В.В. Деревообрабатывающие станки и инструменты: учебник для сред. проф. образования. – М., 2002.
6. Rainer, K. Wick. Bauhaus-Pädagogik. – Köln, 1994.
7. Степанская, Т.М. Особенности домового деревянной резьбы Алтая // Архитектура Алтая XVIII – XX вв. – Барнаул, 2006.
8. Walter Crane. The claims of decorative art. Boston and New York. Houghton, Mifflin, and company. The riverside press, cambridge.
9. Christopher Dresser. Decorative Design. Cassel Pette i Galpin.

Bibliography

1. Benjamin, V. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. – M., 1996.
2. Wood – carving design and workmanship. The artistic crafts series of technical handbooks edited by W. Wood – carving: design and workmanship Harvard university. – New York Appleton and company.
3. Krukover, V.I. Rezbja po derevu. – M., 2004.
4. Woodworking news, 2001. – 200.
5. Amalickiy, V.V. Derevoobrabatvayushie stanki i instrumentih: uchebnik dlya sred. prof. obrazovaniya. – M., 2002.
6. Rainer, K. Wick. Bauhaus-Pädagogik. – Köln, 1994.
7. Stepankaya, T.M. Osobennosti domovoy derevyannoy rezbih Altaya // Arkhitektura Altaya XVIII – XX vv. – Barnaul, 2006.
8. Walter Crane. The claims of decorative art. Boston and New York. Houghton, Mifflin, and company. The riverside press, cambridge.
9. Christopher Dresser. Decorative Design. Cassel Pette i Galpin.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 7.03

Boychenko M.A. IMAGES OF THE CLASSICAL ART HERITAGE IN CONTEMPORARY (MODERN) ART: SOCIAL AND AESTHETIC ASPECTS. The use of classical art heritage in contemporary art. Modern art is considered as a sphere of cultural and historical memory. Art history demonstrates «eternal images». But artistic process shows how to use them, for example, «borrowing», «citation», etc.

Key words: artistic and imaginative memory, «eternal images», classical heritage, cultural and historical memory.

M.A. Бойченко, аспирант СПбГУП, г. Санкт-Петербург, E-mail: maryinspb@gmail.com

ОБРАЗЫ КЛАССИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Использование классического художественного наследия в современном искусстве. Современное искусство рассматривается как сфера культурно-исторической памяти. История искусства демонстрирует «вечные образы». А художественный процесс – способы их использования, например заимствование, цитация и др.

¹ Christopher Dresser. Decorative Design. Cassel Pette i Galpin.

Ключевые слова: художественно-образная память, вечные образы, классическое наследие, культурно-историческая память.

Современное искусство и формы организации его социального пространства принято воспринимать как источник «чистых» новаций, как сферу отказа художников всяческих традиций. Однако более детальные исследования позволяют увидеть, что в основе процессов развития современного искусства лежат процессы функционирования социальной памяти культурных традиций. [1] Социальная память, как отмечал М. Хальбвакс (M. Halbwachs), воспринимает из прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживается и продолжает жить в сознании. Мы видим в истории искусства, что процессы социальной памяти формируют многообразные механизмы отбора, переосмысления, актуализации и трансляции «вечных образов». Последние, в свою очередь, существуют вне зависимости эпохи времени, технологии создания, а так же, политической и социальной ситуации. Происходит старение одних средств художественной выразительности и замещение их другими, что дает возможность новых прочтений и интерпретаций классических тем, сюжетов и образов. Идет формирование целого пласта актуального исторического наследия, и востребованного в практике современного искусства.

Подход Аби Варбурга (немецкий историк искусства) к истории позволяет определить искусствоведение как науку о художественно-образной памяти. Искусство определяется многими современными исследованиями как сфера культурно-исторической памяти [2]. И ключевой категорией, соединяющей историю искусства и пространство современной культуры, является категория «художественный образ», включающая в себя и онтологические (образ как способ бытия искусства), и семиотические (образ как знаковая система), и эстетические (образ как целостность) аспекты. Сама структура художественного образа обусловлена диалектикой взаимодействия исторического и актуального. Художественный образ оказывается категорией исторически подвижной, претерпевающей различные модификации. Чем многообразней художественное произведение, тем больше прочтений оно вызывает. В динамике художественного процесса исследователями выделяется одна целая система различных взаимодействий функционирующих в сфере актуального искусства (заимствование, цитирование, подражание и проч.) [3].

Историческая подвижность художественного образа особенно остро выражается в художественном языке. И в первую очередь – в своеобразной игре с категориями времени. Авторы повторно используют художественные образы прошлого по-своему, решая собственные проблемы цвета, формы и т.д.

Наиболее хрестоматийные примеры живописных произведений, воплощающие многообразные формы художественных взаимодействий, это «Слепые» Питера Брейгеля (1568, Национальная галерея и музей Каподимонте, Неаполь, Италия), «Ночной дозор» Рембрандта Хамрменса ван Рейна (1642, Риксмuseum, Амстердам, Голландия) и «Завтрак на траве» Эдуарда Мане (1863, Музей д'Орсэ, Париж, Франция).

«Слепые» – картина, которая воплотила гениальный дар обобщения и умение выразить драматическую коллизию или инсказание через ритмику жестов и движения Питера Брейгеля. Композиция картины представляет собой вереницу из шести человек движущихся по диагонали из глубины слева. Держась друг за друга, напрягая внимание и слух, они пытаются найти путь. Тот, кто вел их, рухнул в обрыв и увлек за собой других. Второй в падении безглазым взглядом устремлен к зрителю с ужасной улыбкой недоумения и страха. Последние пока идут спокойно, ибо еще не ведают о грозящей беде. Их лица полны смирения, едва прикрывающего тупость и затаенную злобу [4].

Рассматривая художественный образ, хочется отметить, что первоначальная идея картины является репликой Евангелие от Матфея (15, 12-19) «Если слепой ведет слепого, то оба они упадут в яму» [5]. Своеобразная библейская цитация. А в свою очередь цитация — прямое художественное использование первоисточника с отсылкой к нему, включение чужого текста в текст своего произведения, прямое заимствование отдельных элементов первоисточника [6]. Этот образ действительно на все времена.

В то же время, атмосфера картины не источает нарочитого драматизма: ее персонажам, скорее всего, не угрожает гибель – овраг неглубок. Весь ужас происходящего сконцентрирован

не в сюжете, а именно в образах, в неторопливом, след в след, движении к краю ямы, в череде ужасных лиц, подвижных и разнохарактерных, но лишенных какой-либо тени мысли и жизни. Перескакивая с одной фигуры на другую, взгляд зрителя улавливает страшное в своей последовательности изменение выражений их лиц от тупого и животного-плотоядного последнего слепого до все более алчных, все более хитрых и злобных.

Брейгель очень тщательно выписывает пространство своих картин. Для автора пространство является не просто местом, где разворачивается история, он словно видит и передает историю и драму всего человечества через него [7]. На этой картине среда реальна – изображена церковь Св. Анны в бельгийском Дельбеке, а пейзаж вокруг безлюден: пологие холмы и нежная зелень деревьев – мир спокоен и вечен. Автор пытается передать картине серый ясный и холодный цвет. Основа – стальной оттенок с нежным сиреневым отливом – выдает трагичность художественного образа.

Через 400 лет художественный образ «Слепых» Питера Брейгеля был заимствован в кинокартину Александра Алова и Владимира Наумова «Легенда о Тиле» (1978) по мотивам романа Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле...» (1867). Кинокартина возвращает зрителя в XVI век, где свободолюбивый и жизнерадостный народ Нидерландов находится под властью испанского короля. Образ «Слепых» используется в сцене, когда Неле вырывается из цепких пальцев предводителя слепых и после бежит сломя голову прочь от нестерпимого ужаса в виде жуткой вереницы, казалось безобидных слепцов. Вереница слепых, словно сошедших на экран с брейгелевского полотна, идет по пыльной дороге как Подражание – нарочитая похожесть нового произведения на источник, копирование системы мировосприятия, основных стилистических особенностей, формы, творческой манеры предшественника. При подражании степень использования источника более высокая, чем при заимствовании, ибо последнее копирует лишь отдельные элементы источника, а подражание – саму его структуру. При этом подражание может иметь высокий творческий потенциал и высокую, степень новаторства в освоении традиции [8]. Этот прием используется для придания большего веса данной сцене, чтобы зритель, сопоставив, уловил ту же атмосферу, которой пропитано полотно Брейгеля.

Очередное воплощение эта картина получила у скульптора Александра Таратынова «Притча о слепых» (2011 г, Санкт-Петербург, Россия). Скульптура является частью выставки «Ораниенбаумский эксперимент. Рагагон или Спор искусств». И представляет собой цельную композицию на постаменте выполненную из бронзы высотой более 2 метров. Несмотря на то, что скульптурная композиция данного образа существует вне фона и без цветовой нагрузки, она смотрится завершенной. Это происходит за счет того, что композиция представляет собой единую линию – все фигуры связаны между собой и представляют единое целое. И зрителю открывается идея художественного образа. А сама вариация в трехмерной визуализации дает возможность увидеть объемно-пространственную трактовку: фигуры можно обойти вокруг, рассмотреть со всех сторон, даже войти внутрь произведения. И зритель получает возможность переосмыслить и саму картину, и библейский источник.

Картина Рембрандта Выступление стрелковой роты капитана Франса Баннинга Кока и лейтенанта Виллема ван Рейтенбюрга, которая традиционно известна под названием «Ночной дозор» представляет собой не совсем обычную схему группового портрета того времени: днем, по бою барабана, из темноты ворот бурно выступают стрелки, собираясь вокруг центральных и наиболее освещенных фигур капитана и лейтенанта [8]. Групповой портрет – конгломерат индивидуальностей – перерастает в своеобразную сюжетную картину, изображающую торжественное воинственное шествие [9].

Традиционно при осмыслении картины рассматриваются решения светотени и композиции. Здесь виден характерный мотив Рембрандта – световое сосредоточение нескольких световых зон в окружающем их затемненном пространстве [10]. Эта система отличается большой внутренней логикой, в ней есть своя гармония, свое динамическое равновесие [11]. Что касается композиции, необходимо отметить, место действия вымыш-

лено и определяет основные членения композиции, расстановку фигур и направления их движения. Персонажи расположены так, что создается неоспоримое впечатление того, что они идут вместе из глубины вперед, на зрителя. Художник выбирает момент предшествующий единому, стройному движению, не изображая специально кульминацию [8]. Останавливая жизнь на этом полотне, художник добился монументального величия, в чем мы видим сознательный расчет.

Пример современной интерпретации – воплощение образов «Ночного дозора» в скульптуре М. Дронова и А. Таратынова «Ночной дозор в 3D» (первые выставлены в 2006 г., площадь Рембрандта, Амстердам, Голландия), в котором детально воссозданы и облик персонажей, и подробности предметного мира. Персонажи картины отлиты в бронзе в натуральную величину. Скульпторы использовали 22 фигуры (из 34, представленных на картине), у зрителя есть возможность рассмотреть каждую из них, даже те, которые видны на холсте неполностью. Преобразование двухмерного образа в трехмерное, переносит зрителя в новую реальность. Такая трактовка художественного образа картины приближает зрителя к произведению, но отделяет его от первоначального замысла автора. В системе художественных взаимодействий подобное называется заимствованием – перенесение элементов одной художественной системы (сюжетной схемы, обстоятельство, характеров героев, композиции) в другую. В этом случае в новом произведении различимы черты источника [6].

Считается, что это возможность для зрителей, почувствовать себя «внутри картины», позволяя передать композиционную силу, ту же динамику происходящего, открывает более полное восприятия события. Однако в скульптурной группе мы видим персонажей, но не видим пространства, динамики, характера события и характера самих персонажей. Все это автор в картине показывает за счет работы света и тени, цветовых решений и фона. Скульптура в этом исполнении лишает образ большей части замысла художника. После этого опыта, безусловно, картина будет восприниматься по-новому, как более полное и насыщенное художественной памятью произведение.

В кинокартине Питера Гринуэя «Рембрандт. Я обвиняю!» (преьера состоялась 4 октября 2008 года на международном кинофестивале в Пусане, Южная Корея) описываются события, которым посвящена картина «Ночной дозор», показаны мотивы, имена заговорщиков, улики и убийство. Гринуэй тщательно и логично выстраивает сюжет кинокартины. Художественная реальность рембрандтовской картины для Гринуэя – это повод для создания своего мира образов, символов, персонажей, намеков, которые должны подтвердить смысловой посыл всего кинофильма – в картине «Ночной дозор» зашифровано и разоблачено убийство и заговор. Гринуэй объясняет каждую деталь: задний план, контекст, заговор, убийство и роли всех 34 персонажей, которые говорились убить предшественника Франса Баннинга Кока – Пирса Хассенберга (который должен был занимать центральное место на полотне). Каждая деталь в картине «работает» на гринуэевское прочтение «Ночного дозора», актуализируя как бы скрытый от поверхностного взгляда пласт исторической памяти. Побобное использование называется вариация — использование чужого текста путем его переработки, оставляющей в неприкосновенности некоторые структурные черты источника. Сохраняя инвариантность идейно-тематических и художественных особенностей источника, автор вариативно меняет многие его черты, композиционные блоки [6]. Однако нет ни документов, ни опровержимых доказательств того, что именно этот замысел зашифровал Рембрандт в своем групповом портрете.

Еще более цитируемый образ Эдуарда Мане «Завтрак на траве». Идея этой картины появилась, как говорил сам автор (своему другу, журналисту А. Прусту): «Когда я был в ателье, я копировал Джорджоне, нагую женщину с музыкантами. Но у меня все будет по-другому – я перенесу сцену на воздух, окружу ее прозрачной атмосферой, а люди будут такими, какими мы их видим сегодня» [12]. Действительно, на картине действие разворачивается на природе: двое полностью одетых мужчин дэнди в компании с нагой женщиной завтракают у воды. Мужчины сильно увлечены разговором и совсем не замечают обнаженной женщины. У К. Ларка в «Нагоде в искусстве» говорится о том, что Мане использует «портрет конкретной женщины и ее тело имеет ярко выраженные особенности, т. е. любителям искусства неожиданно напомнили об обстоятельствах, в которых

они видят женскую наготу в действительности» [13]. Так же на картине, по левую сторону от женщины лежит ее скинутая одежда, корзина с фруктами и круглый хлеб. На заднем плане изображена река и в ней женщина в легкой одежде, фигура которой выглядит непропорционально большой по отношению к переднему плану – и кажется, что картина содержит историю, которую ни кто не знает и по сей день. Этой картиной Э. Мане решает проблематику идеального и реального воплощений – показывая нелепое обнажение женской натуры.

Мане применяет, как сам ее называет, форму «цитирования», используя симбиоз двух образов – гравюры Марк-Антонио Раймонди «Суд Париса» (1636) и картины Джорджоне «Сельский концерт» (1508-1510, Лувр, Париж.). Но современная теория искусств это определяет как Реминисценция – заимствование отдельных элементов из предшествующих источников с некоторым изменением этих элементов [6]. Действия всех трех произведений разворачиваются на природе. Однако, как в «Сельском концерте», так в «Суде Париса» – подразумевается, что обнаженные фигуры – нимфы и божествам, чья нагота естественна, и они не видимы для мира людей. Однако Моне в обыденной, бытовой сцене, не просто соединил миры, а показал материальный современный мир и обнаженную натуру в своем времени и в едином пространстве. Помимо всего прочего, он изобразил реальную наготу и поместил ее в центр полотна. Прямое освещение, жесты руки, трость, даже фигура выше переводит внимание на обнаженную женщину с ее «натуральной» наготой без сглаженных форм и идеализации. Н.А. Дмитриева в «Краткой истории искусств» говорит о том, что при таком освещении «фигуры, сами по себе, прекрасно написанные, смотрятся отдельно от пейзажа» и тем самым автор добился решения «трудной живописной задачи: объединив в гармоническое целое фигуры и пейзаж, материальность и свет, одежду и наготу» [14]. Картина привлекает внимание не только тем, что показывает обнаженную фигуру женщины в ее естественной наготе, а главным образом тем, что идея не вписывается в каноны, бросая вызов истории. И, по словам Даниловой «в этом свободном манипулировании временными параллелями не следует усматривать откровенную игру, рассчитанную на то, чтобы шокировать публику», необходимо смотреть дальше и глубже.

«Завтрак на траве», в частности, как и живопись Эдуарда Мане можно назвать авангардной, в связи с этим, многие последующие картины других художников были естественны. Главный представитель импрессионизма, Клод Моне двумя годами позже пишет свою версию «Завтрака на траве» (1865-1866, фрагменты «Завтрака» находятся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва и Музее д'Орсэ, Париж) [14]. Его целью было создать нечто столь же современное и фундаментальное. «Завтрак на траве» оказал влияние, при котором художник использует некоторые стороны художественного опыта своего предшественника. Здесь не сохраняются стилистические особенности оригинала и художественное воздействие предстает в самом неожиданном проявлении. В его полотне, занимающем шесть метров, не присутствует обнаженная натура, это просто гигантский пикник. Но проект оказался чересчур амбициозным, и К. Моне так его и не завершил.

Идея, выраженная в картине Мане, привлекла и других художников того времени. Кто-то пишет, как и Клод Мане под влиянием, кто-то использует цитацию, подражание и реминисценцию. В 1870 году Сезанн пишет несколько версий с одетыми мужчинами и обнаженными женщинами на природе, в частности «Завтрак на траве» (1870, частное собрание), в котором представлено иное, чем у Мане и образное и предметно-пространственное решение. И в то же время появляется вариация Джеймса Тиссо «Завтрак вчетвером» (1870, частная коллекция). Картина салонного живописца демонстрирует то, как тогда следовало рисовать подобные картины. На ней представлены две светские молодые пары, которые расположились у водоема на пикнике. Они полностью одеты, поднимают бокалы, и в этот момент одна из женщин смотрит на зрителя. Она словно написана на показ, как антипод «Завтраку на траве».

В XX веке, вооружившись новым визуальным языком, «Завтрак на траве» интерпретируют другие художники: Зигмунд Валишевский являет свету «Остров любви» (1935) – это словно симбиоз идеи Мане и цветочные решения Пикассо. Группа людей на очень условном пикнике у водоема. На переднем плане две из трех женщин раздеты, но в шляпках, и повернуты к нам спиной; двое мужчин увлечены игрой на гитаре и женщинами,

а третий мужчина просто смотрит на зрителя – все указывает на то, что все персонажи реальные. На заднем плане две обнаженные купальщицы. В свою очередь, Андре Дерен воплощает «Завтрака на траве» (1938) в картину с двумя женщинами в нелестной нагоде их тел среди природы – все являет собой естественную картину.

Долгие годы картина «Завтрак на траве» словно преследовала Пикассо. И на излете модернизма Пикассо пишет примерно 26 полотен, более 140 рисунков, многочисленные линогравюры, макеты, керамику и даже скульптуру. На выставке в музее д'Орсэ представлены 14 из 26 вариантов «Завтрака на траве» кисти Пикассо. Пикассо в этих вариациях предлагает разные возможности. Его «Завтрак на траве» — это традиционные двое одетых мужчин и обнаженная женщина, чаще всего представленная смещением синего цвета и его оттенков, буйством красок и форм. Все это кажется выплеском бессознательной агрессии, искажающей, деформирующей художественный образ хрестоматийного полотна, но таковым было видение Пикассо. Гертруда Стайн говоря о Пикассо, считает, что «он всегда знал, что интересен ему только человек», а воплощение его в цвете. И, как всем известно, синий или голубой цвет у Пикассо считался «королем» цветов. Гертруда Стайн так же отмечает, что по Пикассо «чтобы уметь говорить рисунком и цветом требуется гораздо большая отстраненность чем для того чтобы говорить скульптурой кубической или круглой» [15].

Возможно, картину Хуареса Мачадо «Пикник в лесу Густава Климта» (1992-2002) стоит внести в этот же список. На ней традиционно троица на пикнике. Только в этой интерпретации один одетый мужчина отдыхает в обществе двух женщин, одна из которых разоблачена полностью и лишь прикрывает интимные части тела. Обнаженная женщина смотрит на зрителя, в то время как два других персонажа совершенно на нее не смотрят, они, словно увлечены своими мыслями.

Ровно через сто лет после написания Мане «Завтрака на траве» представитель поп-арта Алан Жак сделал свою версию «Завтрака на траве» (1964). Изначально это была фотография, представляющая собой пикник у бассейна, в искусствоведении это определяется как вариация. Традиционно на переднем плане остались двое одетых по современной моде мужчин и обнаженная женщина, на заднем одетая женщина, чуть подле которой зеленые деревья. Однако позы мужчин и женщины на заднем плане изменились – они теперь так же смотрят на зрителя, хотя на фотографии и принято смотреть в кадр. Затем с помощью трафаретной печати был перенесен образ на холст и увеличен до такой степени, что изображение превратилось в ряд точек. Тут необходимо отметить, что Жак по способу передачи изображения также скопировал Мане. Во-первых, Э. Мане делал видимыми свои мазки, оставляя ощущение незавершенности картины, Жак гиперболизировал элементы технического процесса. Во-вторых, с помощью света Мане сделал так, что фону картины не хватает глубины и создается впечатление, что вся сцена происходит в студии, а не на природе. Жак так же делает изображение плоским, путем помещения в двух мерное пространство и сгладил перспективу и эту картину нельзя воспринять, потому что, если подойти ближе, то ничего не видно, а если отойти, то все объекты становятся размытыми. Так как Жак использовал оборудование для репродуцирования и создал более одной копии, преследуя идею, чтобы картина была в каждой стране.

В 1981 году композиция «Завтрак на траве» используется как образ в поп-культуре, благодаря группе «Bow wow wow». Малькольм Макларен – продюсер группы, предложил использо-

вать идею картины в обложке первого альбома «Последний из могикан». Его привлекла не сама идея картины, а реакция на ее появление. Ведь, «Завтрак на траве» сотню лет назад был принят неоднозначно, а многими и вовсе отторгался. Они сделали пародирование (подражание, утрированно повторяющее особенности оригинала, выражающее насмешливо-критическое отношение к некоторым героям, идеям, стилистическим особенностям источника при возможном его почитании и даже восхищении его качествами) [6] в фотографии, где вся группа повторила сюжет картины. Двое мужчин одетых в стиле пост панк и обнаженная женщина, смотрящая в кадр, разбросанные фрукты и одежда, даже задний план практически повторял оригинал, хотя и с некоторыми изменениями. По причине того, что обнаженной девушке на фотографии — вокалистке Аннабелле Ливин, было 14 лет, от идеи пришлось отказаться. Но произошла утка информации и фотографии попали в прессу. И «Завтрак» снова стал поводом для скандала. Впоследствии, эта обложка вышла и была признана лучшей в своем роде. В то время это сделало оригинал более известным.

Есть еще одна интерпретация через пародирование идеи «Завтрака на траве» — художественная фотография, созданная в XX веке Рене Кокс и названная «Кузены на берегу пруда» (1990—2000). Своей интерпретацией автор подвергла образ персонажей картины Мане критике. Идея обнаженной женщины в компании полностью одетых мужчин вызывает противоборство у Кокс. И в своей работе «Кузены на берегу пруда» автор разоблачает всех трех персонажей, вручает оружие мужчинам и обращает и взоры на обнаженную женщину. Тем самым, представляя главной фигурой женщину, а не мужчин. Теперь действие разворачивается вокруг женщины, а мужчины становятся второстепенными героями – ее охранниками.

На сегодняшний день самым выдающимся цитированием композиции «Завтрака на траве» является заимствование идеи в скульптуру Стюарта Джонсона «Завтрак на траве». В 1992 году реализовался проект «Земля скульптур». В Гамильтоне, штат Нью-Джерси в США существует своего рода площадка, где скульптуры не зависимо от их габаритов будут свободно размещены. Их восприятию не будут мешать стены музеев или мастерской. Сегодня сотни скульптур расположены среди двух тысяч деревьев, сотен кустов роз и тихих прудов. Среди леса, под небом, на берегу настоящего, а не нарисованного ручья, композиция – двое полностью одетые мужчины денди с нагой спутницей, купальщицей в воде. Данная работа, позволила зрителю рассмотреть идею со всех сторон и прикоснуться к ней. Сам скульптор считает, что у трехмерного изображения особая сила, и он использовал ее для того, чтоб изменить восприятие картины «Завтрак на траве», создать ей эффект присутствия — теперь зритель может стать частью картины. До этого момента никто не видел картину сзади. Хотя, при таком ракурсе, конечно, искажалась аутентичность картины.

Образы Брейгеля, Рембрандта и Мане явственно показывают, что современное искусство обращается к образам классики как образам общезначимым. Искусство как мир образной памяти в культурном пространстве XXI века выступает как основа развития художественного творчества. Образы прошлого, обладая смысловой, визуальной и эмоциональной привлекательностью, помогают нам выявить связь между искусством прошлого и современным художественным сознанием. Однако, оценивая современные произведения, интерпретирующие или цитирующие классические образы, необходимо учитывать, что только тонкое чувство истории искусства как мира образно-эмоциональной памяти является залогом адекватного прочтения прошлого.

Библиографический список

1. Васильева, Е. Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства: дис. ... канд. фил. наук. – Саранск, 2011.
2. Варбург, А. Великое переселение образов. – М., 2008.
3. Культура, эпоха и стиль. Классическое искусство Запада: сб. реф. / под ред. Е. Гениевой. – М., 2010.
4. 100 Великих гениев. – М., 2009.
5. Жильцова, Л.В. Краткий словарь библейских фразеологизмов / Л.Г. Кочедыков, Л.В. Жильцова. – М., 2006.
6. Боров, Ю. Художественный процесс (проблемы теории и методологии) // Методология анализа литературного процесса. – М., 1989.
7. Роке Клод-Анри Брейгель, или мастерская сновидений. – М., 2010.
8. Тартановская, Е. Очерк голландской живописи XVII века. – СПб., 1935.
9. Егорова, К.С. Из истории мирового искусства портрет в творчество Рембрандта. – М., 1975.
10. Ротенберг, Е.И. Живопись 17 века. Тематические принципы. – М., 1989.
11. Rosenberg, J. Rembrandt's portraits of Johannes Ellison and his wife // Bulletin Museum of Fine Arts. – Boston, 1957.
12. Перрюшо, А. Эдуард Мане. – М., 1976.
13. Кларк, К. Нагота в искусстве. – СПб., 2004.

14. Дмитриева, Н. Краткая история искусств. – М., 2008.
15. Стайн, Г. Пикассо [Э/р]. – Р/д.: <http://www.picasso-pablo.ru/library/gertruda-stein-picasso.html>

Bibliography

1. Vasiljeva, E. Rolj praktik kommemoracij v processakh organizacii socialjnogo prostranstva sovremennogo iskusstva: dis. ... kand. fil. nauk. – Saransk, 2011.
2. Varburg, A. Velikoe pereselenie obrazov. – М., 2008.
3. Kuljtura, ehpokha i stilj. Klassicheskoe iskusstvo Zapada: sb. ref. / pod red. E. Genievoyj. – М., 2010.
4. 100 Velikikh geniev. – М., 2009.
5. Zhiljцова, L.V. Kratkij slovarj biblejskikh frazeologizmov / L.G. Kochedihkov, L.V. Zhiljцова. – М., 2006.
6. Borev, Yu. Khudzhestvennijj process (problemih teorii i metodologii) // Metodologiya analiza literaturnogo processa. – М., 1989.
7. Roke Klod-Anri Breygelj, ili masterskaya snovenijj. – М., 2010.
8. Tartanovskaya, E. Oчерk gollandskoj zhivopisi XVII veka. – SPb., 1935.
9. Egorova, K.S. Iz istorii mirovogo iskusstva portret v tvorcestvo Rembrandta. – М., 1975.
10. Rotenberg, E.I. Zhivopisj 17 veka. Tematicheskie principih. – М., 1989.
11. Rosenberg, J. Rembrandt's portraits of Johannes Ellison and his wife // Bulletin Museum of Fine Arts. – Boston, 1957.
12. Peryusho, A. Ehduard Mane. – М., 1976.
13. Klark, K. Nagota v iskusstve. – SPb., 2004.
14. Dmitrieva, N. Kratkaya istoriya iskusstv. – М., 2008.
15. Stayjn, G. Pikasso [Eh/r]. – Р/д.: <http://www.picasso-pablo.ru/library/gertruda-stein-picasso.html>

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 792

Usov V.V. THE SYSTEM OF VOCAL -STAGE IMAGE CREATION BASED ON ARTISTIC TRANSFORMATION. Creation of vocal-stage image is a difficult psychophysical process, which involves a lot of factors. Addition to technical difficulties (having of speech and vocal voice, body, the ability to sing and dance in action) artist must act from another's face, artistically transformed in this face. It makes an artist look at normal action from the different side. And makes him organize knowledge in his profession.

Key words: vocal – staging image, artistic transformation.

V.V. Усов, аспирант Новосибирской гос. консерватории (академии) им. М.И. Глинки, кафедры сольного пения, г. Новосибирск, E-mail: Usov_v@bk.ru

СИСТЕМА СОЗДАНИЯ ВОКАЛЬНО-СЦЕНИЧЕСКОГО ОБРАЗА НА ОСНОВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОТЛОЩЕНИЯ

Создание вокально-сценического образа – это сложный психофизический процесс, соединяющий в себе множество факторов. Помимо технических трудностей (владение речевым и вокальным голосом, телом, умение петь в действии и танце и т.д.), артисту необходимо действовать от чужого лица. Это заставляет его искать иной ракурс рассмотрения привычных действий, явлений и приводит к необходимости систематизации знаний и умений в области своей профессии.

Ключевые слова: вокально-сценический образ, художественное перевоплощение.

В процессе исследования теоретической и практической творческой деятельности выдающихся мастеров отечественного музыкального театра (Ф.И. Шаляпина, К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, В.Э. Мейерхольда, Б.А. Покровского, Л.Д. Михайлова и др.) выявляется, что их позиции в вопросах создания вокально-сценического образа, при всем разнообразии, а иногда и расхождении методов, в основном близки или совпадают. Прежде всего, обнаруживается единство главной цели – создания достоверного образа *на основе художественного перевоплощения*. Это явственно прослеживается при анализе их опыта. С одной стороны, имеется огромный запас наблюдений и методических обобщений, ведущих к обретению знаний и навыков в области обретения профессиональных навыков певцом-актером и создания вокально-сценического образа. Но, с другой стороны, начинающему артисту, не имеющему опыта, будет стоить больших усилий впитать эти знания, тем более систематизировать их. Если в сфере драматического театра есть система Станиславского, пусть оспариваемая, но получившая признание у многих его учеников и последователей как система школы обучения актерскому мастерству и создания сценического образа, – то в музыкальном театре на сегодняшний день нет единой, целостной системы, дающей возможность эффективно готовить артистов и помогающей, как система Станиславского в драматическом театре, в создании вокально-сценического образа.

Именно поэтому представляется целесообразным сопоставить имеющийся исторический опыт таким образом, чтобы в результате стало возможным построение подобной системы

для сферы музыкального театра, опирающейся на закономерности этого последнего.

Итак, все начинается со знакомства с материалом: либретто, первоисточники либретто, музыка. Затем, по Станиславскому, необходимо наметить событийный ряд спектакля, определить:

- исходное событие (событие, которое «произошло» за кулисами до начала спектакля),
- поворотное событие (событие, которое поворачивает ход действия произведения),
- главное событие (кульминация) и
- финальное событие (развязка).

Все это нужно сделать с учетом музыкальной драматургии, что полностью согласуется с мнением таких корифеев музыкального театра, как Ф. Шаляпин, Б. Покровский, Л. Михайлов и др. [1-3].

Дальнейший действенный анализ также идет с опорой на музыкальную драматургию; в его процессе определяются действия персонажа, его поступки (что делает герой в ходе этих событий? почему его действия отражаются именно в такой по характеру музыке?). В. Фельзенштейн считал, что на этом этапе работы целесообразно сделать наброски взаимоотношений своего героя с другими персонажами [4, с. 69-73].

Для оправдания найденного поведения персонажа требуется определение предлагаемых обстоятельств и построение «закулисной жизни» героя. После этого, как полагал В. Немировича-Данченко, логично наметить «зерно» персонажа, что поможет понять характер героя [5, с. 83-85]. Все это приближает

нас к определению сформулированной К. Станиславским «сверхзадачи». Это конечная цель персонажа, втянутого в ход сценических событий, то, к чему он стремится через все произведенные – даже если это отсутствует в самом спектакле, но предполагается. Она определяется замыслом автора и режиссера. При этом, предполагается, что этот замысел единый – в том случае, если оба совместно осуществляют постановку, – либо, если автор как живое лицо отсутствует, что его замысел раскрыт режиссером. Определив сверхзадачу, можно выстроить перспективу роли – это путь героя к своей цели – и сформулировать «сквозное действие», то есть то действие, которое ведет героя к осуществлению цели, заданной сверхзадачей, то, на что направлен весь его темперамент.

Весь этот процесс неразрывно связан с работой над музыкальной стороной образа, и здесь становятся особенно важными функции дирижера и концертмейстера, помогающих артисту найти и выразить в пении все то, что было найдено и сформулировано с режиссером. Отыскивается характерная тембральная окраска звука героя. Ведется работа по осмыслению нюансов (*forte, piano, legato, dim*, паузы, остановки, дыхание и т.д.) – все оправдывается внутренней жизнью персонажа, вытекающей из предлагаемых обстоятельств.

На завершающем этапе логично направить работу в русло пластики персонажа – той пластики, о которой говорил Вс. Мейерхольд. Когда, согласно музыке, четко определен характер персонажа, тогда и пластика должна выражать всю его суть. Тело должно жить музыкой в контексте поставленных актерских и режиссерских задач.

Заключительным и решающим моментом всей проделанной работы по созданию вокально-сценического образа должно стать **художественное перевоплощение**. Именно этот элемент профессии выводит артиста на новый уровень мастерства, который позволяет стать подлинно «другим человеком» и действовать «от чужого лица», а точнее – присвоить лицо героя. Перевоплощаясь с каждой ролью в новую личность, артист создает галерею неповторимых и не похожих друг на друга образов. Это является высшей ступенью профессии. Артист может иметь хорошую школу, действуя на сцене подробно и достоверно, но зритель видит лишь конечный результат. Поэтому, не имея в перспективе создания образа художественное перевоплощение, артист для зрителя становится однообразным, неинтересным.

Достичь художественного перевоплощения одним единственным способом невозможно – таких способов, методов множество, и вопрос в том, насколько они органичны, сочетаемы и соответствуют конкретной ситуации. Так, например, одним из таких способов может служить упражнение, ставшее популярным в ВТУ им. Б. Щукина (используемое и в других театральные школах), развивающее способность схватывать «зерно» другого человека, – актерские наблюдения. Суть упражнения в мгновенном перевоплощении, схватывании острых характерных черт показываемого человека (речь, интонация, мимика, походка и т.д.) Здесь важно не перечислить формально интересные черты человека, а понять их энергию, уловить внутреннее побуждение внешних проявлений, почувствовать их состоянием. Одним словом, отразить грусток темперамента в нескольких поступках. Перенесенное в область вокального интонирования, оно становится особенно трудным. Как свидетельствует исторический опыт, такое «вокальное перевоплощение» подвластно лишь немногим. Ф.И. Шаляпин говорил: «Мне посчастливилось жить в одном веке с таким знаменитым певцом, как Энрико Карузо, но, к сожалению, несмотря на удивительную красоту его голоса, такое пение невозможно слушать долгое время. Потому что и романс о нежной любви, и страстную арию, и простую народную песню он поет одинаково. У него внутри ничего не меняется. Голос звучит с однообразной тембровой окраской и становится скучно уже на третьем произведении» [1, с. 139].

Если в процессе создания вокально-сценического образа проделать путь с точки зрения здравого смысла самого артиста: «я в предлагаемых обстоятельствах своего персонажа», – то это еще не является перевоплощением. А вот определив и схватив характер персонажа, пересмотрев и оправдав всю цепочку поступков его логикой поведения, мы становимся ближе к перевоплощению: в этом случае в перевоплощение включается весь комплекс средств, от внешнего вида до тембральной и динамической палитры музыки.

Существует еще один путь, принесенный в русскую актерскую школу М.С. Щепкиным. Здесь необходимо полностью войти в жизнь, эмоции, переживания и поступки персонажа, уничто-

жив свое собственное «я». Ни одной собственной мысли не должно проглядывать в игре. Войдя в тело и нутро героя, мы получаем верные психологические мотивировки образа, которые также приближают нас к перевоплощению.

Само по себе перевоплощение уже приносит артисту неповторимые выразительные средства, не похожие на другие. Конкретный персонаж, с конкретным характером, в конкретных предлагаемых обстоятельствах неизбежно диктует поведение неповторимое, оберегая артиста от однообразия создаваемых ролей.

Перевоплощаясь, артист как бы оживляет своим персонажем определенный, узнаваемый тип людей, обобщая его черты в конкретных поступках и предлагаемых обстоятельствах своего героя.

Ни один из способов художественно-образного перевоплощения не отрицает необходимость двойственного самоощущения артиста на сцене: с одной стороны, все его жесты, мимика, пластика, переживания и т.д. целиком и полностью принадлежат воплощаемому герою, но, с другой стороны, он неизбежно должен остаться самим собой, чтобы контролировать ход жизни персонажа и, главное, показать зрителям отношение к своему герою. Ведь только через свое собственное отношение к происходящему на сцене артист может общаться с публикой, призывать ее к сочувствию, сопереживанию (но, может быть, и не к сочувствию, а наоборот), и может донести то, что заложено художественным замыслом.

В результате продуманной работы мы приближаемся к формированию полноценного вокально-сценического образа на основе художественного перевоплощения, доносящего до зрителя художественный замысел произведения и подчиняющего этому замыслу все выразительные средства артистической работы в общей конве спектакля пение, актерскую игру, пластику, мимику, жесты и т.д.

Попробуем разобрать по получившейся системе эпизодическую роль режиссера из оперетты И. Дунаевского «Белая акация». Персонаж появляется только в третьем акте, поэтому, исходя из сюжетной линии, можно додумать предлагаемые обстоятельства следующим образом. Нескольким режиссерам, снимающим хронику, было поручено создать фильм о героях-кинобоях, возвратившихся с трудного промысла. Объявлен конкурс на лучший сюжет. У каждого из режиссеров – свой эпизод. Автором предусмотрено, что некий Расторгуев снимает сюжет о встрече в порту, а нашему герою дан эпизод встречи в семье. Отсюда исходную ситуацию действующего лица можно определить так: гонка за званием «лучший режиссер хроники» началась! Далее линия жизни персонажа проходит еще через два события спектакля. Первое – приезд Петра Тимофеевича Чумакова и Серафимы Степановны, с ним связано рождение нового сюжета для эпизода нашего героя. Второе – финальное событие спектакля (развязка): Костя Куприянов приходит под руку с Тоней Чумаковой, а не предполагаемой невестой Ларисой, – это событие заставляет режиссера переснять эпизод с новыми героями. Первое появление режиссера на сцене сопровождается в оркестре подчеркнуто «нервным» хроматическим ходом духовых инструментов вниз через две октавы, что показывает взбалмошную взбудораженность персонажа. Его первые реплики выписаны композитором отрывисто и четко: герой будто бы дирижерской палочкой управляет массовой в кадре. Он профессионал своего дела. Он фанат. Съемка – его жизнь! Поэтому все отношения с другими действующими лицами произведения он строит сквозь призму своей профессии, выпячивая ее вперед. В первой сцене Ольга Ивановна и Сергей Сергеевич служат ему лишь инструментом для создания фильма, поэтому он лепит из них сцены, как из пластилина. Лариса представляет для героя двоякую ценность. С одной стороны, она для него – всего лишь побочная любовная линия в съемке. Легкая добыча для быстрого романа, который он закручивает, пользуясь своим положением. Видя, как девушка самовлюбленно увлечена идеей увидеть себя на экране, он обещает ей роль в фильме. С другой стороны, она является важным рычагом как невеста главного героя оперетты Кости Куприянова, а значит, может помочь снять основной момент эпизода – «встреча китобоя в семье». С этой точки зрения Лора – нужный элемент, и наш герой поддерживает с ней отношения, держа ее «на крючке» (записывает ее голос на магнитофон, обещает переписать на пленку, показывает записи Тоне). Врасплох застаёт персонажа известие о том, что Куприянов уже не жених Ларисы, что он любит Тоню. Ларисин обман ставит режиссера в ужасное положение! Китобой вернул-

ся, время, отведенное на съемки, подходит к концу, а сюжет не готов. Нет невесты, нет китобоя, он даже не знаком с ним! Но... о, чудо! – внезапно появляются Куприянов и Тоня! Китобой входит под руку со своей новой невестой, радостно их встречают родные, близкие и друзья, словно кистью художника вырисовывая для фильма эпизод «встреча в семье».

Закулисную жизнь персонажа можно вообразить согласно следующей логике. Вся сценическая жизнь персонажа завязана на создании «лучшего сценария», поэтому логично предположить, что за кулисами он занимается тем же. Так, например, между первой и второй своей сценой за кулисами герой снимает сюжет, придуманный во время первой сцены, о том, как Ольга Ивановна накрывает на стол, восторженно смотрит на портрет своего мужа и говорит: «милый, поздравляю тебя с перевыполнением производственного плана!». После сцены с Ларисой герой за кулисами записывает придуманную на сцене речь Лоры на магнитофон. Пока идет сцена Ларисы и Тоськи, режиссер организывает массовку и репетирует съемку главного эпизода. Объясняет задачу, вместе с оператором выбирает правильный ракурс, расставляет всех по мизансценам – и т.д.

Итак, каков же наш герой? Это, безусловно, темпераментный человек. Его «зерно» – фанатизм! Когда дело касается съемки, для него не существует иного мира. Он отдается профессии целиком и полностью. Целесообразно оттенить его характер на фоне других персонажей. Действие происходит в Одессе в 1950-е годы, поэтому можно придать ему внешность провинциального «стиляги», который смотрит на всех надменно, свысока. Отсюда вырисовывается и костюм, и прическа, считавшиеся модными в то время.

Библиографический список

1. Шаляпин, Ф. Маска и душа. – Алма-Ата, 1983.
2. Покровский, Б. Размышления об опере. – М., 1979.
3. Михайлов, Л. Семь глав о театре. – М., 1985.
4. Фельзенштейн, В. О музыкальном театре. – М., 1984.
5. Немирович-Данченко, Вл. Театральное наследие: в 2 т. – М., 1954.
6. Кристи, Г. Работа Станиславского в оперном театре. – М., 1978.
7. Станиславский, К. Статьи, речи, отклики, заметки, воспоминания // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1959. – Т. 6.
8. Ливнев, Д. Сценическое перевоплощение (создание актерского образа). – М., 2012.

Bibliography

1. Shalyapin, F. Maska i dusha. – Alma-Ata, 1983.
2. Pokrovskiy, B. Razmishleniya ob opere. – M., 1979.
3. Mikhaylov, L. Semj glav o teatre. – M., 1985.
4. Felzentshteyn, V. O muzikaljnom teatre. – M., 1984.
5. Nemirovich-Danchenko, Vl. Teatraljnoe nasledie: v 2 t. – M., 1954.
6. Kristi, G. Rabota Stanislavskogo v opernom teatre. – M., 1978.
7. Stanislavskiy, K. Statji, rechi, otkliki, zametki, vospominaniya // Sobr. soch. v 8 t. – M., 1959. – T. 6.
8. Livnev, D. Scenicheskoe perevoplothenie (sozdanie akterskogo obraza). – M., 2012.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 7.04

Vinitskaya N.V. MYTHOLOGICAL FAIRY-TALE GENRE IN RUSSIAN ARTISTIC CULTURE OF THE TWENTIETH CENTURY. The article examines the work of local artists whose work was drawn to the mythological fairy-tale genre in creating easel paintings, book illustrations, theatrical scenery, costume sketches.

Key words: fairy tale, folklore, art, tradition.

N.V. Виницкая, канд. искусствоведения, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: Natigor007@yandex.ru

СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЖАНР В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

В статье анализируется творчество отечественных художников, чье творчество было обращено к сказочно-мифологическому жанру в создании станковых работ, книжных иллюстраций, театральных декораций, эскизов костюмов.

Ключевые слова: сказка, фольклор, изобразительное искусство, традиция.

Понятие фольклора многогранно. Фольклор отражает «мир в целом». Многочисленные жанры выполняют свои функции, раскрывая специфику народного мировосприятия через мир символов и ценностей, аллегорий и метафор. Специфика народной культуры может обнаруживать себя не только в аутентичных

«Сверхзадача» героя – стать лучшим режиссером объявленного конкурса. В «перспективе» персонажа для достижения конечной цели, «сверхзадачи», – снять не только эпизод «встреча в семье», но и обязательно дополнить свою хронику новыми придуманными «захватывающими» сюжетными поворотами. Одним словом, сделать все для того, чтобы оказаться лучшим. Дальнейшая прорисовка образа уходит в детали, складывающиеся в отнюдь не вызывающий симпатии персонаж.

Подводя итог, выделим основные ступени сложившейся системы:

- знакомство с материалом;
- разбор событийного ряда произведения путем анализа музыкальной драматургии;
- изучение действенного ряда персонажа;
- определение взаимоотношений героя с другими персонажами;
- определение предлагаемых обстоятельств;
- моделирование «закулисной жизни»;
- нахождение «зерна» роли;
- определение «сверхзадачи»;
- наметка перспективы роли;
- определение сквозного действия;
- работа по нахождению выразительных средств (тембр голоса, пластика, мимика, жесты, походка и т.д.).

Предлагаемая система используется как новый угол зрения в вопросе создания вокально-сценического образа в рамках научного исследования автора. Так же она может быть рассмотрена и другими исследователями изучающими вопросы актерского мастерства на музыкальной сцене.

формах, но и в «авторском» переосмыслении. Нередко по наличию «фольклорного» влияния судят о наличии национально-колорита в творческом почерке автора.

Одна из актуальных проблем теории культуры состоит в определении соотношения «общеевропейского» художествен-

ного языка и элементов выразительности, имеющих фольклорное происхождение. Это проблема соотношения национального и интернационального в той или иной художественной культуре, стиле, творческом методе, авторской манере. Вторая проблема – это способ (метод) использования автором национального материала в контексте собственного произведения. И.И. Земцовский указывал на то, что в проблеме использования фольклора в композиторском творчестве недопустим догматический, нормативный подход. Одни композиторы использовали фольклор сознательно, другие стихийно. Кому-то фольклор близок, кому-то чужд; одни претворяют его прямо, другие ассоциативно или опосредованно; для одних фольклор – основной источник творчества, для других – лишь часть многих и равноправных...» (1).

XX век отмечен не только революционными изобретениями и открытиями, сложными политическими ситуациями и сменой художественных парадигм, но и осмыслением традиций, стремлением «вернуться к истокам». Еще на рубеже XIX–XX веков формируется и получает развитие тенденция, связанная с поиском новых возможностей использования традиционных форм, образов, сюжетов. Не случайно появление в это время таких работ как «Художественное творчество как принцип объяснения мифов» А.А. Введенского (1901), «Северные сказки» Н.Е. Ончукова, в 1914 и 1915 гг. были опубликованы два сборника Д.К. Зеленина: «Великорусские сказки Пермской губернии» и «Великорусские сказки Вятской губернии». Ценным вкладом в науку стал сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (1915). В середине XX века появляются блестящие исследования, посвященные фольклору В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева, И.И. Земцовского, В.Е. Гусева.

Фольклор неразрывно связан с менталитетом народа, его базовыми ценностями бытия. По мнению И.В. Никитиной, «обыденное» художественное сознание – фольклор – это основа и фундамент русской культуры и ее традиции. Вся структура художественной жизни общества вырастает из этого фундамента и опирается на него (2). Расцвет и увядание определенных жанров фольклора связан с общественным развитием, появлением новых условий жизни. Изменение условий труда и быта влияет на образы и сюжеты. Однако существует уже на протяжении долгих лет неизменный интерес к устному народному творчеству русского народа. И один из самых «востребованных» жанров – это сказка. Она интересует писателей и композиторов, художников и исследователей, театральных деятелей и простых любителей народной культуры.

Предметом повествования в сказке служат необычные события; действие нередко носит приключенческий характер. Этот аспект определяет структуру сюжета. Большое количество словесных указывают на значение сказки для формирования мышления, моральных, нравственных и эстетических качеств подрастающего поколения: «Красна песня ладом, а сказка складом», «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Вымысел в сказке может напоминать реальную жизнь, но может носить фантастический характер. Но в любом случае важна в сказке мораль, ее метафорическое, символическое значение. И понимание этого «подтекста» будет сложным без соотнесения его с этнопсихологией и эстетическими идеалами народной культуры.

Серьезное изучение сказок началось с XVIII в., когда к ним возник научный интерес. Одним из первых ученых, осознавшим ценность сказок, был историк В.Н. Татищев. Он увидел в этом фольклорном жанре отражение истории и быта русского народа. Представители мифологической школы считали сказки продолжением мифа. Этой точки зрения придерживался и один из крупнейших исследователей, знаток русского фольклора А.Н. Афанасьев. Для изучения сказок большое значение имеют труды А.Н. Веселовского, Ф.И. Буслаева, В.Я. Проппа. В своем труде «Перехожие повести» (1874) Ф.И. Буслаев анализирует траекторию движения бродячих сюжетов, которые в основном ведут свой путь с Востока на Запад. Среди исследований о сказке начала XIX в. обращает на себя внимание статья В. Боброва «Русские народные сказки о животных» (1906–1908). А.М. Смирновым был составлен «Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок» (1911–1914). В 1963 г. была издана книга Э.В. Померанцевой «Русская народная сказка», в 1965 г. – «Судьбы русской сказки».

Особый интерес представляют работы, находящиеся на стыке литературоведения и психологии. Одна из таких работ Марии-Луизы фон Франц «Психология сказки. Толкование волшебных сказок» объясняет сюжетостроение и специфику волшебных сказок с точки зрения психоанализа. Автор доказывает, что волшебные сказки являются отражением психических про-

цессов коллективного бессознательного, а следовательно по своей ценности для научного исследования они превосходят любой другой материал. Безгранично раздвигает границы понимания сказочных сюжетов работа Клариссы Эстес «Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях».

В русской науке встречается термин «мифологические сказки». Он появился в работах фольклористов первой половины XIX в. (И.П. Сахаров), встречается в исследованиях П.А. Бессонова, О.Ф. Миллера и др. Широкою известностью приобрела работа Е.М. Мелетинского «Миф и сказка», в которой автор утверждает, что происходила трансформация мифа в сказку. Действительно, в художественно-эстетическом сознании миф, былина и сказка имеют много общего. А поскольку «жанр задает набор правил для варьирования» (2), то неслучайно в художественном творчестве появляются термины «сказочно-мифологический» и «сказочно-былинный» жанр. Ярко и многогранно способен он отразить этические и эстетические представления народа, круг его духовных исканий.

Ссылаясь на элементы фантастического вымысла, содержащиеся в волшебных сказках, Н.В. Новиков предложил называть эту разновидность сказок волшебно-фантастическими. Присутствие нереалистических персонажей создает особую привлекательность не только для слушателей (и больших, и маленьких), но и для тех, кто по роду своей деятельности интерпретирует сказочные сюжеты, создавая на их основе авторские произведения. Бессмертную славу своим создателям принесли музыкальные произведения, созданные по мотивам сказочных сюжетов: «Снегурочка», «Садко», «Кощей Бессмертный» и другие оперы-сказки Н. Римского-Корсакова, балеты-сказки П. Чайковского, музыка И. Стравинского, С. Прокофьева, Р. Щедрина и многих других. Искреннюю любовь зрителей заслужили иллюстрации к сказкам и станковые картины, навеянные сказочными сюжетами. Для Виктора Васнецова (1848–1926) мир сказки – это мир гармонии и счастья, где добро всегда торжествует над злом. В нем есть место тяжелым раздумьям и печальным переживаниям, но нет места безысходному горю и отчаянию. В. Васнецов – один из основоположников русского модерна в его национально-романтическом варианте. Он преобразовал исторический жанр, внося в него дух поэтической легенды и волшебной сказки. Его принципы «русского стиля», реализованные в живописи, театральной декорации, дизайне были связаны не просто с миром национальной старины, а с ее художественно-поэтическими воззрениями.

Творчество целого ряда талантливых художников начала XX века не просто отмечено интересом к «сказочной» тематике, а многогранно воплотилось в этой области, охватив создание станковых работ и книжных иллюстраций, театральных декораций, эскизов костюмов к сценическим постановкам.

В конце XIX–начале XX века С. Малютин (1859–1937) создал великолепные иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина: «Сказке о царе Салтане», «Сказке о мертвой царевне» и «Сказке о золотом петушке». Работы С.В. Малютина в изобразительной пушкиниане занимают особое место. В них подчеркнута народность сказочных персонажей, крестьянские черты приданы не только сватье бабе Бабарихе и ее дочерям, но Салтану, боярам и царевне Лебеди. Однако Малютин не ограничился бытовой трактовкой Пушкина. Сам метод создания им сказочного образа близок пушкинскому: тот вдохновлялся фольклором, художник – народным искусством (3).

Постепенно в иллюстрировании сказок намечаются две линии – бытовая и сказочно-фантастическая. Первая давала возможность обратиться к «русским типажам», окружить их национальными предметами быта, нарядить в традиционные русские костюмы. Вторая больше связана с эстетическими исканиями русского модерна, его поисками изысканных утонченных форм, свежего колорита, орнаментального узора. На практике, однако, эти линии нередко пересекались.

С именем К.А. Коровина связаны сценические постановки Пушкина. В 1903 году он оформил декорации к балету Л.Ф. Минкуса «Золотая рыбка», в 1909 году – эскизы декораций и костюмов к опере «Золотой петушок», а в 1913-м — к «Сказке о царе Салтане». Фольклорное мироощущение художника в сочетании с импрессионистической звучностью и сочностью красок его работ позволили создать ликующие праздничные сцены народной жизни.

Хрупкими и зыбкими, лишеными земной телесности могут предстать перед зрителем сказочные образы М. Врубеля («Царевна-лебедь»), а могут быть в духе фольклорного стихосложения «чуть повыше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего»

(«Богатырь»). Врубель обладал редкой способностью видеть и воплощать фантастическое начало в образах реальной действительности. Так, пушкинскому словесному образу «в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря», он находит зрительный эквивалент в сильной экспрессивной живописи (3). «Преданность» сказочному жанру на протяжении долгих лет возможно была обусловлена «семейными обстоятельствами». Во многих операх Н.А. Римского-Корсакова на сказочные сюжеты солировала супруга Врубеля. Оригинальный живописец был и тонким знатоком музыкальных произведений своего времени. «Проблема Врубеля и Римский-Корсаков не проста, не однозначна и при сравнительном изучении творчества, и в понимании взаимоотношений двух великих художников-сказочников...» – пишет исследователь его творчества П.К. Суздаев (4).

Врубель создает две серии скульптурных произведений на темы «Снегурочки» и «Садко». Они были созданы в гонимой мастерской Абрамцева и стали ярким воплощением не только сказочных образов, но ярко выраженных типажей и характеров. Утонченно-хрупкий образ Снегурочки и самоуверенный удалец Садко привлекали многих художников. В 1876 году в Париже по заказу великого князя Александра (будущего императора Александра III) знаменитый художник И. Репин создал свой вариант истории новгородского героя – «Садко».

Четыре раза (в 1908, 1912, 1919 и 1921 годах) обращался Николай Рерих к оформлению «Снегурочки» для сценических постановок. Целая галерея образов и характеров представлена в этой сказке: нежная и трепетная Снегурочка, страстная Купава и пылкий Мизгирь, одухотворенный Лель и мудрый Берендей. Все силы, управляющие нашей жизнью, находят в опере персонализированное воплощение – сила и страсть противопоставлена красоте и мудрости, разумности природы и мироздания. Сказочно-мифологический жанр позволял затрагивать самые сложные стороны жизни, размышлять над серьезными проблемами, глубоко волновавшими общественность. Так, одна из известных работ Н.К. Рериха – «Настасья Микулична» (1943), воспринимается как былинный образ, как символ России никому не угрожающей, но готовой к защите. Маленькие фигурки на руке – символ малых народностей, которые защищало русское государство. Свой вариант этого образа в 1898 г. предложил А.П. Рябушкин – признанный мастер ретроспективного взгляда на русский быт и историю.

Большую известность в области создания фольклорных сюжетов приобрел известный дореволюционный иллюстратор сказок И.Я. Билибин. Многие работы он выполнял под впечатлением от поездок на русский Север, откуда привез коллекцию народного костюма и предметов декоративно-прикладного искусства, зарисовки памятников деревянного зодчества. Это один из самобытных представителей русского модерна, живопись которого была наполнена поэтическими аллегориями символизма, сочетанием сложных ритмов, плавности форм, причудливых растительных узоров и фантастических существ в союзе с декоративным цветовым пятном. Графическая виртуозность, орнаментальные изыски в сочетании с насыщенным цветом были присущи Баксту – автору декораций и эскизов костюмов для постановок «Жар-птицы» (балета Игоря Стравинского) и «Шахерезады» Римского-Корсакова. В духе народных теремных росписей создан был А. Головиным эскиз декорации к балету А.Н. Корещенко «Волшебное зеркало» (1903), а эскиз декорации к балету «Жар-птица» с его мелкими пуантилистическими штрихами напоминает одновременно и русские традиции вышивки

бисером и блеск оперенья фантастического существа. Похожий эффект уже встречался в работах Врубеля.

Сохраняется интерес к русской сказке и в советский период. Юрий Васнецов (1900-1973) иллюстрировал и оформлял русские народные сказки, песенки, потешки, а также книги известных детских авторов: В. Бианки, К. Чуковского, С. Маршака. Он иллюстрировал народные сказки: «Три медведя», «Теремок» и многие другие. Фантастические, сказочные пейзажи художник создавал на основе впечатлений от подлинной русской природы. Лубочные традиции и мягкий юмор, эпичность повествования и высокий эстетический вкус отличают работы Ю. Васнецова и Татьяны Мавриной (1900-1996) – единственной из российских художников удостоенной высшей награды в области литературы для детей в 1976 году за вклад в иллюстрирование детской литературы Николай Кочергин (1897-1974). Красочность и сложное узорочье русской старины определила манеру и стиль его иллюстраций, таких же ярких и праздничных.

Целая плеяда иллюстраторов работавших во второй половине XX века в Алтайском книжном издательстве, обращались к жанру детской литературы. Среди них Т. Ашкинази, В. Раменский, В. Кошкарлов. Отражение мифологического мышления и сказочно-фантастических сюжетов проявляется и в творчестве наших современников, знаменитых художников Алтая М. Чевалкова, И. Ортонулова, В. Тебекова, Ю. Бралгина.

Высокого уровня фольклоризм – главная черта работ Ю. Бралгина. Именно этой причиной продиктованы и характерные признаки его творческой манеры: лаконизм художественных форм, важность контурной линии, декоративность и орнаментальность. Удивительно гармонична его картина «Рождение Катюни». Образ необыкновенной женщины (Хозяйки мира), управляющей природными стихиями, встречается в сказках, эпосе, легендах. Возможно, что широкое распространение этого образа связано с древней памятью о могущественном женском начале. Катюнь одна из самых любимых, бурных и привлекательных алтайских рек. Множество легенд объясняют ее появление. Одна из самых романтических – рождение в горячих руках красавицы на вершине белоснежной горы (5).

Анализируя кажущуюся пестроту мифопоэтических персонажей, представленных в творчестве М. Чевалкова, можно выделить определенные группы: образы космогонических мифов, эпические герои и их противники, женские образы. Художника привлекали и образы русских былин («Три поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей разбойник», «Садко в подводном царстве») и тюркский эпос. Богатыри Чевалкова в несколько раз выше обычных людей («Малчи-Мерген подъезжает к стойбищу хана» 1972, «Малчи-Мерген с чашей огня» 1972), они могут возвышаться над вековыми деревьями («Малчи-Мерген и два быка» 1972) и доставать головой облака («Алып-Манаш и Аккаан» 1974). Прекрасны и величавы женские образы, созданные художником (6).

Но для того, чтобы изображать героев сказок не обязательно быть художником-иллюстратором. Александр Маскаев никогда не работал как иллюстратор, но стал основателем авторского направления «Сказки в живописи для детей и взрослых». Такое внимание серьезных людей к сказочным сюжетам еще раз подчеркивает истинность слов Алексея Николаевича Толстого «Сказка – великая духовная культура народа, которую мы собираем по крохам, и через сказку раскрывается перед нами тысячелетняя история народа».

Библиографический список

1. Земцовский, И.И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. – Л., 1977.
2. Никитина, И.В. Взаимодействие искусства и обыденного сознания как социокультурная система. – Бийск, 2004.
3. Гольнец, Г. Сказки А. С. Пушкина в русском изобразительном искусстве XIX-начала XX века / Г. Гольнец, С. Гольнец // Искусство. – 1976. – № 5.
4. Суздаев, П.К. Врубель. – М., 1991.
5. Виницкая, Н.В. Фольклорные мотивы и образы в творчестве Юрия Бралгина. – Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6.
6. Виницкая, Н.В. Мифологический жанр в творчестве Мирослава Чевалкова. – Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3.

Bibliography

1. Zemcovskiy, I.I. Foljklor i kompozitor. Teoreticheskie ehtjudih. – L., 1977.
2. Nikitina, I.V. Vzaimodejstvie iskusstva i obihdenogo soznaniya kak sociokulturnaya sistema. – Bijnsk, 2004.
3. Goliñec, G. Skazki A. S. Pushkina v russkom izobrazitel'nom iskusstve XIX-nachala XX veka / G. Goliñec, S. Goliñec // Iskusstvo. – 1976. – № 5.
4. Suzdalev, P.K. Vrubeļ. – M., 1991.
5. Vinickaya, N.V. Foljklornie motivih i obrazih v tvorchestve Yuriya Bralgina. – Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2011. – № 6.
6. Vinickaya, N.V. Mifologicheskij zhanr v tvorchestve Miroslava Chevalkova. – Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2012. – № 3.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

Раздел 5

ИСТОРИЯ

Редакторы раздела:

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН – доктор исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

УДК 02(574)

Gavrilenko M.V. THE HUSBANDRY OF THE RUSSIANS IN THE ALTAI – SAYAN REGION IN THE END OF 19 – THE FIRST QUARTER OF THE 20 CENTURY AS THE RESORURSE OF FOOD SYSTEM. The husbandry of two Russian ethnographic groups was formed in the uplands of Tuva and Gorny Altai. The highly developed branch of agriculture was stockbreeding. Besides arable farming played a large role in the food culture. Fishery, gathering and hunting were also significant in ration.

Key words: old believers, natural resources, a climatic zone, adaptation, stockbreeding, agriculture.

М.В. Гавриленко, канд. ист. наук, Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск, E-mail: maria791@ngs.ru

ХОЗЯЙСТВО РУССКИХ САЯНО-АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В., КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ

Хозяйственный комплекс двух этнографических групп русского населения Тувы и Горного Алтая складывался в природно-климатических условиях высокогорья. Преобладающей отраслью сельского хозяйства русских Саяно-Алтая являлось животноводство, хотя и земледелие, несомненно, имело большое значение в культуре питания. Существенную роль в рационе играли продукты рыболовства, собирательства и охоты.

Ключевые слова: старообрядцы, природные ресурсы, климатическая зона, адаптация, животноводство, земледелие.

Горные и горно-степные районы Западной Сибири стали зоной формирования специфических локальных вариантов культуры жизнедеятельности и жизнеобеспечения русских старожилов и переселенцев. Крайнее положение этих территорий в исторических процессах привело к тому, что они являлись своего рода «убежищем» для неправославных конфессиональных групп и «кормящим ландшафтом» для тех переселенцев, чья культура была адаптирована к географическим условиям, малопригодным для земледелия [1, с. 112].

Природно-климатические условия Верховья Енисея повлияли на специфику хозяйственной деятельности и структуру хозяйства населения.

Аграрное и хозяйственное освоение новых природно-климатических зон здесь проходило очень непросто. Хозяйственная жизнь переселенцев обуславливалась традициями, сложившимися на прежних местах обитания и адаптацией к новым условиям.

«Самой первой русскими переселенцами была заселена долина реки Уюк, удобная для земледелия. В других местах опорными пунктами русской колонизации стали уже существовавшие фактории и заимки – одинокие избышки, землянки, построенные для зверопромысла и рыбной ловли, часто обитаемые лишь в промысловый сезон» [2, с. 20]. Примечательно, что в маловодных южных районах Тувы, где невозможно было заниматься земледелием (Эрзин, Овюр), а также в высокогорных степных местностях (Монгун-Тайга), русские не селились совсем. «В Эржее – горы. Хлеб негде сеять. Овес сеяли больше» (Полевые материалы автора, 2004, Житникова А.А.).

Первые переселенцы организовывали небольшие пашни и огороды, но «муку и зерно поселенцам тех мест в основном приходилось покупать, или менять на рыбу, пушнину и др.» [2, с. 26]. Русским крестьянам пришлось осваивать местный комплекс хозяйственно-бытовых навыков. Так, по примеру тувинцев они стали «мочить землю», т.е. через «мочажные канавы» отводить воду из рек и ручьев на пашни. Русские принесли с собой огромный земледельческий опыт, ранее не свойственные местной кочевой культуре, и культурно-бытовые традиции. Мука, хлеб, яйца, а затем и картофель, огородная зелень стали широко употребляться в пищу тувинцами в тех местах, где у них были постоянные контакты с русскими.

Холодный климат, малоснежная зима, поздние заморозки весной и ранние – осенью не позволяли земледельцам выращивать многие привычные для них культуры. Часто это служило причиной внутренних миграций русских крестьян, которые пытались найти места, наиболее благоприятные для земледелия.

По воспоминаниям Е.Д. Паздерина, чтобы заниматься земледелием, ему пришлось из Шивея, где пшеница вымерзала, перебраться на жительство в Бельбей» [2, с. 24]. Кроме хлебных культур (яровой пшеницы и озимой ржи), крестьяне выращивали просо, овес, ячмень, картофель. Солнечное и жаркое лето способствовало развитию бахчеводства в Туве. Многие крестьяне начали выращивать арбузы и дыни на своих участках. Из огородных культур выращивали горох, репу, лук, редьку, бобовые.

В хозяйстве русских горных районов большое распространение получило скотоводство. Кроме коров в хозяйствах держали лошадей, свиней, овец, реже коз, кур, гусей. В условиях вы-

сокогорной таежной Тувы появились и новые для переселенцев виды занятий – довольно прибыльное мараловодство и пчеловодство. Но, по словам информаторов, пчеловодство не получило достаточного распространения в селах Верховья Енисея, «так как медоносов поблизости было мало» (Полевые материалы автора, 2004, Белова А.П.).

Богатые природные ресурсы края позволили развиваться такой промысловой отрасли, как рыболовство. По словам информаторов, «рыбы было очень много. В Енисее водились хариус, таймень, ленок, налим» (Полевые материалы автора, 2004, Юркова А.А., Абакина П.А.).

Зимой рыбу вывозили и обменивали на хлеб. В тайге охотились на пушных зверей, лосей, кабаргу, глухарей, рябчиков. Подспорьем в хозяйстве служило собирательство. В лесах собирали ягоды (землянику, клубнику, малину, смородину), грибы, кедровые орехи. Помимо грибов, ягод, орехов, которые в Сибири использовали и заготавливали всегда, русские, по примеру тувинцев, стали широко использовать в пищу местные дикорастущие растения: дикий горный лук в свежем, а зимой в замороженном виде, весной, до появления огородной зелени, ели хлебёнки (гусиный лук), копали кандык, саранку и др. «Богатства тайги, множество рыбы в озерах Тоджи, в верховье Енисея обусловили некоторые изменения в традиционных способах крестьянского хозяйствования и добывания средств поселенцев-старообрядцев. Охота, рыбная ловля, выгонка дегтя и другие таежные промыслы становились главными в хозяйстве» [2, с. 25].

К моменту появления православных переселенцев старообрядцы создали здесь собственный хозяйственно-культурный комплекс, им принадлежало право первого захвата лучших и наиболее удобных земель и угодий. Проведенные А.А. Стороженко исследования показали, что старообрядческие хозяйства были в целом более зажиточными по сравнению с православными. На каждое старообрядческое хозяйство приходилось 12,4 лошадей, 6,1 голов мелкого и 13,7 крупного рогатого скота, 2 марала. Средние показатели обеспеченности крупным и мелким рогатым скотом, маралами также превышают аналогичные средние показатели по трем районам: Малоенисейском, Подхребетинском и Турано-Уюкском в 1913–1914 гг. По степени обеспеченности земельными наделами также выгодно выделялись старообрядческие хозяйства. В Турано-Уюкском и Малоенисейском районах, где среднее количество десятин в целом на душу населения составило 1,71 и 1,22 соответственно, на одно старообрядческое хозяйство приходилось 9,8 и 6,82 десятин соответственно [3, с. 17].

Старообрядческое население Уймонской долины Алтая так же, как и старообрядцы Тувы, сталкивалось с огромными трудностями, связанными с необходимостью приспособления хозяйства к новой природно-климатической среде, но эти сложности в значительной мере компенсировались природными богатствами края. Р.П. Кучуганова пишет: «Дикая первозданная природа была так богата, так щедро к новым людям, пришедшим в долину, что долгое время они считали перешедшее к ним от кыпчаков и тодашей слово «уймон» однокоренным с русским словом «уйма» – в том смысле, что в благодатной долине для них всего было вдоволь, в достатке...» [4, с. 10–11]. По словам первых поселенцев: «Здесь было несметное количество рыбы, зверя,

дичи. Рыбы было так много, что ее ловили волосяными силками, руками, ситом. Дикой птицы было очень много. Первые два года люди питались мясом и рыбой, хлеба не было» [4, с. 10].

Характеризуя хозяйство крестьян Уймонской долины, Т.С. Мамсик делает вывод, что «за 20 лет население успешно приспособилось к природно-климатическим условиям Уймонской долины... Пахали по десять лет сряду, а в первые два года старались сеять рожь. В этой рискованной для земледелия зоне отдельные хозяйства выращивали до 20 дес. хлеба, преимущественно ярового, вызревавшего лучше. Урожайные годы позволяли уймонцам запастись хлебом на несколько лет вперед, как это обычно делали старожилы в Сибири» [5, с. 103].

Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. по селу Усть-Кокса и деревне Верх-Уймон Уймонской волости Бийского уезда свидетельствуют о том, что преобладающими зерновыми культурами в вышеупомянутых населенных пунктах были яровая пшеница, яровая рожь, овес, ячмень (Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Фонд 233. Опись 1а. Дела 654, 656).

В крестьянских хозяйствах держали коров, лошадей, овец, коз, свиней, домашнюю птицу: кур, уток, гусей. Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. подтверждают, что главным направлением в крестьянских хозяйствах жителей Уймонской долины было скотоводство. Крестьяне держали по 8–11 лошадей, 9–10 коров, 3–4 свиньи, 7–10 овец (Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Фонд 233. Опись 1а. Дела 654, 656).

В Уймоне в конце XIX в. в больших зажиточных хозяйствах держали маралов. «Выгоды от мараловодства были столь велики, что уймонцы жертвовали даже пашней, чтобы огородить новые маральники». Из пантов марала делали различные порошки и настойки, смешивали с различными лечебными травами, а также употребляли в чистом виде без добавления трав. Кроме земледелия и скотоводства, староверы занимались охотой, рыболовством, собирательством. В лесах охотились в основном на пушных зверей, косуль. Самой прибыльной считалась охота на маралов. «По весне, добывая маралов, охотники спливали панты и продавали их монголам и китайцам за 50–100 руб. асс. за один рог» [5, с. 98].

В целом, подводя итоги обзора хозяйственной деятельности русских горных областей Западной Сибири, следует подчеркнуть, что процесс адаптации их хозяйственных навыков к новым природным условиям был достаточно сложным и приводил к многочисленным миграциям внутри региона. Русские крестьяне переселялись в поисках наиболее благоприятных для земледелия мест, которое традиционно играло ведущую роль в их хозяйстве. Малоснежные зимы и резкие перепады температур часто были губительны для выращивания привычных крестьянам зерновых яровых культур. Экстремальные природно-климатические условия Саяно-Алтая предопределили хозяйственную специализацию русских поселенцев – основной отраслью хозяйства старообрядцев Верховья Енисея и Уймонской долины было животноводство. Земледелие также являлось значимым хозяйственным занятием; в Уймонской долине оно было более развито, чем в Верховье Енисея. Среди промыслов у старообрядцев Уймонской долины первостепенное значение занимали охота, рыболовство, пчеловодство и собирательство.

Библиографический список

1. Щеглова, Т.К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск, 2005.
2. Татаринцева, М.П. Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 2006.
3. Стороженко, А.А. Старообрядчество Тувы во второй половине XIX – первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кызыл, 2004.
4. Кучуганова, Р.П. Уймонские староверы. – Новосибирск, 2000.
5. Мамсик, Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989.

Bibliography

1. Theglova, T.K. Russkoe naselenie Altajskogo kraja: etnokulturnoe mnogoobrazie i identichnostj // Narodih Evrazii. Ehtnos, ehtnicheskoe samosoznanie, ehtnichnostj: problemih formirovaniya i transformacii. – Novosibirsk, 2005.
2. Tatarinceva, M.P. Staroobryadcih v Tuve: Istoriko-etnograficheskiy ocherk. – Novosibirsk, 2006.
3. Storozhenko, A.A. Staroobryadchestvo Tuvih vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti KhKh v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Kizhzhil, 2004.
4. Kuchuganova, R.P. Uymonskie staroverih. – Novosibirsk, 2000.
5. Mamsik, T.S. Khozyajstvennoe osvoenie Yuzhnoy Sibiri: mekhanizmih formirovaniya i funkcionirovaniya agropromihslvoy strukturih. – Novosibirsk, 1989.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК 902

Dvornikov Eh.P. COSMOLOGICAL MODEL OF THE FUNERAL RITE OF THE EARLY NOMADS OF THE MOUNTAIN ALTAI. In the article the author examines the cosmological model of the funeral rite in terms of cultural interpretation. In particular, the author claims that the implementation of the cosmological views particular nation starts with the death of man, and not in the period of the actual burial, traditionally considered in archaeology. The researcher uses a comprehensive approach, analyzing the archaeological, ethnographic, cultural, and philosophical materials
Key words: Cosmos, Chaos, burial practices, culture.

Э.П. Дворников, канд. ист. наук, доц., ст.н.с. ГАГУ, г. Горно-Алтайск, E mail: dvornikover@yandex.ru

КОСМОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

В статье автор рассматривает космологическую модель погребального обряда с точки зрения культурологической интерпретации. В частности автор утверждает, что реализация космогонических представлений конкретного народа начинается со смерти человека, а не в период собственно захоронения, как традиционно считается в археологии. Исследователь использует комплексный подход, анализируя археологические, этнографические, культурологические и философские материалы.

Ключевые слова: Космос, Хаос, погребальная практика, культура.

Космология представляет собой систему представлений народа о структуре Вселенной. Космос (порядок) противоположен Хаосу. Между ними происходит постоянная борьба. Смерть человека каждый раз предоставляет Хаосу шанс одержать верх, поскольку освобожденное пространство стремятся занять вредоносные силы. Победа Космоса вершится в форме совершения ритуалов, воспроизводящих акты творения, в результате чего мир рождается заново. Соответственно человек становится субъектом космологического процесса, выполняющим ответственную функцию помощи божествам, стоящим на страже этого мира. Каждый раз, проводя погребально-поминальную церемонию и сооружая ритуальные объекты, участники действия вновь и вновь повторяют космогонию присущую конкретной культуре.

«В I тыс. до н.э. существовали, закреплённые в устной и письменной религиозной традициях – библейская, авестийская, ицзинская (Книга перемен), даоская, ведическая, брахманическая, буддийская, греческая, кельтская и другие системы мироздания. Несомненно, на территории Индии, Китая, Ирана и соседних с ними стран в этот период было несколько моделей мира» [1, с. 16].

В данной работе мы рассмотрим космогонические представления, отраженные в структуре погребального комплекса. Через модель кургана, его архитектурные особенности строения определим курган Вселенной характерной для мировоззрения населения I тыс. до н.э. в Горном Алтае.

Погребальный обряд удивительно консервативная система, мало подверженная каким-либо внешним или внутренним факторам, соответственно мы можем говорить и об устойчивых космогонических традициях. Космогония, в данном аспекте, объединена, как нам представляется, с тремя блоками представлений связанных с расположением мира мертвых, куда собственно и должна была отправляться душа-тень умершего: 1-особого мира мертвых нет; 2- мир мёртвых находится, где то в низовьях реки; 3 – мир мёртвых находится, где то внизу по вертикали.

Если обратиться к теории развития этой проблемы, то следует отметить, что в мире существует три модели космогонических представлений: вертикальная, горизонтальная и смешанная (синтез двух предыдущих).

Один из первых в советской науке этой проблемой занимался Б.А. Рыбаков, приведший к выводу, что наиболее древней моделью Вселенной следует считать горизонтальную, восходящую к эпохе палеолита [2]. Е.А. Алексеенко считает вертикальный способ членения мира южно-сибирско-центральноазиатской традицией и противопоставляет её горизонтальной модели (речной) связанной исключительно с рыболовческим хозяйством населения [3, с. 403]. Анализируя обрядовые материалы тюркоязычных народов Сибири Э.Л. Львова обращает внимание на противопоставление верха и низа, например в обряде гадания [4, с. 84-93]. Вертикальную модель вселенной у тюрков детально исследовали В.П. Дьяконова, Н.А. Алексеева, Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, В.П. Дьяконова [5; 6; 7]. По мне-

нию исследователей, применивших исключительно этнографические материалы, вертикальная модель в современной этнографии отнюдь не означает существование её в прошлом. Н.А. Алексеева пишет, что на ранних этапах формирования религии духи обитали на земле, соответственно не было представлений о верхнем и нижнем мире. В.П. Дьяконова отмечает, что тувинцы имели совершенно разные способы погребения в лесостепной и таёжной зонах, как в земле, так и на деревьях, что может свидетельствовать о существовании различных моделей мироздания и что в прошлом тюркоязычные таежные народы вели именно скотоводческий образ жизни.

Г.М. Василевич считает более ранней вертикальную модель [8, с. 53-60]. А.Ф. Анисимов полагает, что горизонтальное положение пространственных представлений предшествовало вертикальному. Даже там, где о Вселенной приняты выражение вертикальной структуры продолжают сохраняться следы горизонтальных форм восприятия [9]. Наиболее ранние археологические данные, свидетельствующие о сложении горизонтальной модели мира (устойчивая ориентировка погребённого, помещение в могилу погребального инвентаря для путешествия в иной мир, относятся к каменному веку), тогда как самые ранние данные о вертикальном восприятии мироздания соотносятся с эпохой неолита и бронзы. В частности ритуальная посуда с орнаментом, показывающим некий вертикальный принцип расположения, погребения на деревьях, солярные знаки в инвентарном комплексе, обряд кремации [10, с. 217]. В значительной части культур древности и этнографической современности горизонтальная и вертикальная модели выступали в единой взаимосвязанной системе, особенно это ярко выражено в подготовке и реализации погребально-поминальной церемонии.

По этнографическим данным народов Сибири Вселенную принято делить на три сферы: Верхний Мир (небеса, светила, обиталище «бессмертных» душ и добрых божеств); Средний Мир (земля с водами, лес, горы, животные, человек); Нижний Мир (обиталище злых божеств, темных сил. Верхний и нижний миры благодаря сложной структуре подразделялись на несколько локальных сфер – три неба и три «этажа» у обских угров, семи небес и семи подземелий у кетов [10, с. 214].

Если попытаться выделить основные моменты Космогонии из различных традиций: индоариев, славян, эллинов, следует отметить общие моменты. В центре Космоса высится Мировая гора и/или Мировое дерево, т.е. вертикально ориентированная структура, соединяющая все три мира; окружен он отнесенным на периферию Хаосом, воплощенным в мировом океане, или «Ином мире», границей которого служит водная преграда, через которую переброшен мост – связующее звено между космическим и хаотическим мирами. Вход в «Иной мир» охраняет многоголовая чудовищная собака.

Мировое дерево, гора, столб, каменное изваяние в культурах выступают как связующий элемент между вселенной и человеком. Все эти объекты имеют различные числовые характе-

ристики: один (единое, целое), два (дуализм), три (деление по вертикали), четыре (деление по горизонтали), пять (сочетание сторон горизонта и центра), семь (сумма чисел горизонтали и вертикали). В этом же ключе можно рассматривать жизненно важные этапы в различных вариантах усложнения структуры: два (жизнь – смерть), три (рождение – жизнь – смерть), семь (зачатие – рождение – детство – юность – зрелость – старость – смерть) [1, с. 24]. Самая сложная семичастная модель одновременно связана с вертикалью и горизонталью: четыре направления на стороны света, одно вниз, одно на солнечную, одно на темную сторону. Север и запад соответствуют символическому направлению вниз (темная сторона), восток и юг вверх (солнечная сторона) [11, с. 20].

Собственно в погребальном обряде ярко представлены бинарные оппозиции, изначально исходившие из смысла реализации самого обряда. С одной стороны родственники отправляют умершего в «иной мир» и не хотят его возвращения, с другой реализация погребального обряда предполагает последующую реинкарнацию [11].

Горизонтальная проекция мира моделирует числовые отношения и соотносит с центром находящиеся по сторонам четыре мифологических персонажа, бога, хранителя стороны света. По китайским представлениям, соединение противоположностей даёт гармонию. В предыдущих публикациях мы отмечали, что для большинства некрополей ранних кочевников, находящихся в гористой местности «работает» принцип их позиционирования между четырьмя горами. Можно приводить многочисленные примеры подобных сочетаний. С восточной стороны от некрополя располагается гора, воспринимаемая как зелёный дракон, символизирует солнце; с южной стороны располагается гора символ жар-птицы (феникса). Эта сторона символизирует лето, тепло, жар. Западная сторона ассоциируется с белым тигром (зима, снег, заход солнца, (можем предположить, что тигр рассматривается как участник сцен терзания). Север олицетворяет черепаха (ночь, умирание природы). Учитывая принцип противоположности, тигр противопоставлен фантастическому дракону, птица поднимается высоко, а черепаха обитает на земле и в воде, соответственно они тоже противоположны, а между этими элементами и располагается гармоничное пространство, где и возводили некрополь.

«Наиболее близки к древним саяно-алтайским народностям были сакские и скифские племена I тыс. до н.э. проживающие в едином поясе степей, на территории Казахстана, Средней Азии, южной части Восточной Европы» [1, с. 16].

Достаточно полно скифская модель мира исследовалась Д.С. Раевским [12], сакская проанализирована А.К. Акишевым в исследовании по материалам Иссык [13]. А.А. Тишкин и П.К. Дашковский изучали космогонические модели скифской эпохи в Горном Алтае у «бийкенцев» и «пазырыкцев» [14; 15]. В основе источника интерпретации космогонии исследователи использовали погребальный обряд в границах погребального сооружения.

По нашему мнению, рассмотрение космогонии погребального обряда следует начинать с момента смерти человека. Согласно нашей концепции погребальный обряд значительно шире, чем погребальный памятник, последний всего лишь овестьвлённый фрагмент погребальной церемонии, её срединный этап, не фиксирующий действия над умершим до погребения и совершение обрядовых действий после погребальной церемонии. Смерть является отправной точкой, разграничения пространства, что и находится в основе космограммы. Соответственно ранее предлагаемая схема усложняется за счёт предпохоронного этапа обряда и послепохоронного (поминального). Тем самым формируется полная космогоническая схема, оформленная в сочетании времени, пространства и места.

Используя сибирские этнографические данные и применяя принцип культурных универсалий (предполагая, что так было и в скифскую эпоху), отметим, что после смерти соплеменника члены коллектива начинали выстраивать определённую систему взаимоотношения с покойным, создавая некий барьер, границу, всевозможно показывая причастность его к иному пространству, располагали его определённым образом в жилище относительно сторон горизонта, надевали специальную одежду с подготовленными элементами принадлежности не живому человеку, наносили специальные знаки смерти (делали надрезы, отстригали пуговицы, меняли запах шубы, вытаскивали стельки и т.д.) [11]. Обмывание, вероятно, следует тоже считать неким элементом нанесения символики, поскольку обмывание произ-

водилось по определённой схеме. В период нахождения умершего в доме происходило многоуровневое разграничение пространства, в котором реализовывалась формула противопоставления. На первом этапе живому противопоставлялся сам умерший, далее дом – могила, поселение – кладбище, мир живых – «мир мёртвых». Ритуальный плач особым образом настраивал пространство и устанавливал очень тонкое взаимоотношение умершего и живых. Ритуальный плач извещал предков о новом покойнике и был понятен только ему. С представлениями о горизонтальной системе вселенной можно связывать и способ выноса тела из жилища чаще с западной стороны (даже путем разбора части жилища), направление похоронной процессии от поселения к кладбищу, ориентировка погребённого в могиле, провозжание души-тени в мир мёртвых.

Сам же погребальный памятник в своей архитектурной основе являл собой своеобразную модель мира в вертикальной проекции связанной с двумя основными душами – душа-тень и душа-птичка (имя). Первая при реализации погребения уходила в нижний мир, другая возносила в верхний мир обеспечивая бессмертие. Можно предположить, что вертикальная модель Вселенной после своего возникновения значительно обогатила традиционную горизонтальную систему, объединилась с ней в органичное целое.

Скифский курган, как искусственно созданный объект сочетает в себе границы трёх естественных (реальных) и в то же время мифологических сфер: средней (дневная поверхность, мир живых; здесь чаще находится устье входа в погребальное сооружение), нижней («подземелье», мир мёртвых, где обычно располагается погребальная камера) и верхней (небесно-воздушная среда, мир высших божеств, куда устремлена курганная насыпь). Очевидная ассоциативность курганной насыпи свидетельствует в пользу не случайности данного ключевого элемента скифского погребального комплекса. При этом, стихийная всеохватность мифологических представлений предполагает несомненную мифологическую значимость всех включённых в погребальный комплекс элементов, вплоть до самых, на первый взгляд, незначительных.

Самый верхний элемент конструкции – насыпь имеет форму круга на плоскости, погребальная камера форму квадрата или прямоугольника, следовательно, курган оформлен двумя основными древнейшими фигурами круг и квадрат, точнее, квадрат вписан в круг. Анализируя структуру кургана, как архитектурного сооружения, модели мира, отметим, что все элементы могильного пространства так же подчинены тринарной системе, в частности семантика погребального искусства отражённого на предметном комплексе. Нами отмечено, что расположение персонажей (на головном уборе, одежде, конской упряжи) подчинено вертикальной модели вселенной.

Трёхчленной систему космогонии представлял и погребённый человек, символизируя вертикальную зональность – голова, тело, ноги, а так же правая и левая стороны, передняя (лицевая) и оборотная части [1, с. 16]. Этот принцип актуален для татуировок на теле, погребальной одежды и инвентарного комплекса.

Трёхчастная космогония кургана рассматривалась через модель мирового дерева символизирующего вертикаль и обеспечивающее несколько функций (дерево жизни, дерево смерти, мистическое дерево, шаманское дерево, дерево зла. При членении мирового дерева по вертикали можно выделить три основные части – нижнюю (корни), среднюю (ствол), верхнюю (ветви, крону, вершину). С верхней частью обычно соотносят птиц – орла или голубя; со средней стоящих у ствола оленей, лосей или человека; с нижней связывают змей, рыб, лягушек, мышей [1, с. 38]. Мировое дерево в данном случае играет роль соединительного звена между мирами.

Мы намеренно не рассматривали космогоническую модель «бийкенцев» и «пазырыкцев» в отдельности, поскольку полагаем, что основные принципы их космогонических представлений совпадали. Другое дело, что традиционная устоявшаяся схема космограммы скифского времени Горного Алтая, на наш взгляд, должна быть значительно усложнена и расширена. Ранее космогонические представления исследователи рассматривали через анализ структуры кургана и составляющих его элементов, что по нашему мнению не совсем верно.

Следовательно, мы можем констатировать, что после смерти и до помещения умершего в могильное пространство реализовывалась горизонтальная модель космогонии, исключитель-

ным моментом может служить поворачивание умершего на правый или левый бок. Несомненно, это делалось уже после смерти, после облачения в похоронную одежду, до очоления трупа. Дело в том, что у многих народов существует восприятие связи правой стороны с небесами, левой с потусторонностью, с хтоническими силами [15]. Соответственно, ориентируя умершего в жилище по сторонам горизонта, в скифской традиции, в частности, было принято поворачивать умершего на правый или левый бок («бийкенцев» на левый, «пазырыкцев» на правый), обеспечивая тем самым подготовку к реализации вертикальной космогонии непосредственно в погребальном сооружении.

Кроме того, важно отметить на предпохоронном этапе обряда живые соплеменники напрямую, физически, обеспечивали доставку умершего к могиле, но при реализации следующего этапа воздействовать могли лишь частично (помещали его в могильную яму, раскладывали инвентарь, жгли костры, окуривали (очищали) пространство, тем самым уже косвенно, исходя из мировоззренческих представлений, обеспечивали «правильный» путь в «иной мир». На послепохоронном этапе реализовывалась

идея периодических кормлений души и встречи с умершими родственниками. Тем самым в ходе реализации погребального обряда сакральная составляющая возрастала, а физическое влияние живых на обряд постепенно снижалось.

Следовательно, в погребальном обряде ранних кочевников реализованы две космогонические модели – горизонтальная и вертикальная. Горизонтальная исторически появилась ранее, что подтверждается на многочисленных примерах. Мы полагаем, что главной причиной появления вертикальной космогонии стала поло-возрастная и имущественная дифференциация, особенно ярко проявившаяся в оформлении погребальных сооружений эпохи раннего железа, отраженная в кургане, сложном, многоуровневом, архитектурном сооружении, отражающем мировоззренческие представления народа.

Подводя итог рассмотрению погребальной космогонии, констатируем, что погребальный обряд ранних кочевников Горного Алтая имеет многоуровневую упорядоченную систему, построенную по принципу иллюстрации основных смыслов, через набор постоянных элементов, выполняющих определённую мировоззренческую парадигму.

Библиографический список

1. Марсадолов, Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб., 2000.
2. Рыбаков, Б.А. Языческое миропонимание // Наука и религия. – 1975. – № 2.
3. Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. – Томск, 1994. – Т. 2.
4. Львова, Э.Л. Материалы к изучению истоков шаманизма // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984.
5. Дьяконова, В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975.
6. Алексеев, Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – М., 1980.
7. Львова, Э.Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск, 1988.
8. Василевич, Г.М. Дошаманские и шаманские верования эвенков // СЭ. – 1971. – № 5.
9. Анисимов, А.Ф. Космогонические представления народов Севера. – М.; Л., 1959.
10. Косарев, М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М., 1984.
11. Семёнова, В.И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья: автореф. дис. ... д-ра культ. наук. – Томск, 2006.
12. Раевский, Д.С. Модель мира скифской культуры. – М., 1985.
13. Акишев, А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984.
14. Дашковский, П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002.
15. Тишкин, А.А. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул, 2003.

Bibliography

1. Marsadolov, L.S. Arkheologicheskie pamyatniki IX–III vv. do n.э. gornihkh rayonov Altaya kak kuljturno-istoricheskiy istochnik (fenomen pazihrihskoy kuljturih): avtoref. dis. ... d-ra kuljturologii. – SPb., 2000.
2. Rihbakov, B.A. Yazihcheskoe miroponimanie // Nauka i religiya. – 1975. – № 2.
3. Oчерki kuljturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. – Tomsk, 1994. – T. 2.
4. Ljvova, Eh.L. Materialih k izucheniyu istokov shamanizma // Ehtnografiya narodov Sibiri. – Novosibirsk, 1984.
5. Dijaonova, V.P. Pogrebalnij obryad tvincev kak istoriko-ehtnograficheskiy istochnik. – L., 1975.
6. Alekseev, N.A. Rannie formih religii tyurkoyazhichnihkh narodov Sibiri. – M., 1980.
7. Ljvova, Eh.L. Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Vethnij mir / Eh.L. Ljvova, I.V. Oktyabrskaya, A.M. Sagalaev, M.S. Usmanova. – Novosibirsk, 1988.
8. Vasilevich, G.M. Doshamanskie i shamanskie verovaniya ehvenkov // SEh. – 1971. – № 5.
9. Anisimov, A.F. Kosmogonicheskie predstavleniya narodov Severa. – M.; L., 1959.
10. Kosarev, M.F. Zapadnaya Sibirij v drevnosti. – M., 1984.
11. Semyonova, V.I. Mirovozzrencheskie istoki pogrebalnoj obryadnosti v kuljture narodov Zapadnoy Sibiri v ehpokhu srednevekovija: avtoref. dis. ... d-ra kuljt. nauk. – Tomsk, 2006.
12. Raevskij, D.S. Modelij mira skifskoy kuljturih. – M., 1985.
13. Akishev, A.K. Iskusstvo i mifologiya sakov. – Alma-Ata, 1984.
14. Dashkovskij, P.K. Socialjnaya struktura i sistema mirovozzrenij naseleniya Gornogo Altaya skifskogo vremeni: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Barnaul, 2002.
15. Tishkin, A.A. Socialjnaya struktura i sistema mirovozzrenij naseleniya Altaya skifskoy ehpkhi / A.A. Tishkin, P.K. Dashkovskij. – Barnaul, 2003.

Статья поступила в редакцию 21.10.13

УДК 94 (571.151):281.2 «1917/1940»

Modorov N.S., Mezencev R.V., Shkuratova D.I. RUSSIAN OTRHODOX CHURCH AND THE SOVIET GOVERNMENT IN 1917-1940 (BASED ON ALTAI REGION). In the article, based on a variety of published sources, archival and research work traced the relationship of the Russian Orthodox Church and the Soviet government in 1917-1940 Altai region.

Key words: The February Revolution, The October Revolution, The Holy Synod, the Provisional Government, The Soviet state, All-Russian Local Council, clergy, Altai region, antichurch actions

Н.С. Модоров, д-р ист. наук, проф., Горно-Алтайский гос. университет, г. Горно-Алтайск;
Р.В. Мезенцев, канд. ист. наук, доц. каф. истории и права АГАО им. В.М. Шукшина, г. Бийск;
Д.И. Шкуратова, аспирант, АГАО им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: mnko@mail.ru

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1917-1940 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЯ)

В статье, на основе опубликованных источников и архивных материалов прослежены взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советского государства в 1917-1940 гг. на Алтае.

Ключевые слова: Февральская, Октябрьская революции, Святейший Синод, Временное правительство, Советское государство, Всероссийский Поместный Собор, духовенство, Алтай, антицерковные акции.

Февральская революция 1917 г. открыла новую страницу в истории России. Главным ее событием, бесспорно, стало падение монархии в стране. Русская Православная Церковь (РПЦ), длительное время (с начала XVII в. – Авт.) противостоявшая самодержавию, сразу же пошла на контакт с новой властью. Даже члены Святейшего Синода отказались (26 февраля 1917 г. – Авт.) обратиться к воззванием к народу «дабы поддержать самодержавие». Более того, Синод опубликовал 6 марта послание, в котором призвал «верных чад Православной Церкви» поддержать Временное правительство [1, с. 35].

Другой оборотной стороной Февральской революции явилось углубление «внутрицерковного кризиса», порожденного еще 1905 г. Тогда, как известно, основная часть духовенства, в том числе и епископата, проявила «недовольство» политикой Святейшего Синода и потребовала «реформ». Однако в силу обстоятельств, добиться их «клерикалам» в то время не удалось. Потому-то падение монархии и установление республиканского строя в стране было повсеместно встречено «симпатией и сочувствием». И Алтай в этом плане не составил исключения. Так, в Барнауле, по получении известия об отречении Николая II от престола, был проведен на Новобазарной площади «многолюдный молебен», на котором священник, по словам очевидца, приветствовал «революцию» словами Апостола: «Братие, вы рождены для свободы». В «революционном духе» отреагировала на события в Петрограде и городская дума: она постановила переименовать Новобазарную площадь, где состоялся «исторический молебен» в «площадь Свободы» (ныне – это площадь им. Сахарова – Авт) [2, с. 7].

Всколыхнула революция и население Горного Алтая. Об отречении царя в Улале, узнали 4 марта. В тот же день по звону колокола, свидетельствовал очевидец, народ повалил в церковь, где священник Павел Сорокин, прочтя манифест, стал затем пояснять, народу, что случившегося не надо «боятся», а, наоборот, «надо радоваться». После этого «разволновавшийся народ послал правительству благодарность» [3, с. 20]. Аналогичная ситуация имела место и в Кош-Агаче. Здесь, по словам местного священника Владимира Токмашева, собравшиеся кричали: «Царь, где царь твоё самодержавие, где царство твоё и где твоя могучая полиция? Пусть теперь доносят царю духовенство и проклятые полиция, что мы ругаем царя». Правда, на первых порах священник был все же избран в комитет, но потом «как служитель старого режима» был выведен из его состава [3, с. 20].

Дух обретенной «свободы» породил целый ряд антицерковных акций. На смену старым «правилам» пришли: выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиальное управление и т.д. Была демократизирована и «приходская жизнь» [4, с. 37]. Подобные «новшества» захватили не только центр, но и окраины страны. Их утверждению, в частности на Алтае, способствовали решения трех «православных съездов», прошедших в Бийске и дважды в Барнауле в марте, апреле и мае 1917 г. [5, сс. 9, 10-13, 18-19].

Сближение «духовенства и народа, демократизация управления духовными делами на местах нашли «полное понимание» у «обновленного Святейшего Синода». Он не только утвердил право епархиальных съездов выбирать себе епископов, но и наделил 6 июля 1917 г. приход правом «быть самоуправляющейся основой демократической Церкви» [6, с. 10-12]. Эти и другие «модернизации церковной жизни» поддержал и Всероссийский Поместный Собор, начавший свою работу 15 августа 1917 г. в Москве [6, с. 10-12].

Набиравшее силу «обновление» РПЦ являло собой естественную реакцию православного духовенства и церковной общности на бытовавшие при «царизме бесправное положение Церкви и ее зависимость от самодержавного государства». Используя завоевания Февральской революции, деятели

РПЦ стремились исправить это положение и «обновить» Церковь, «демократизировать» ее внутреннюю жизнь. Продолжать решение этой «глобальной» задачи намерены были они и после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г., тем более, что их «обновленческие усилия» были поддержаны новой властью. Однако надеждам церковных «реформаторов» не суждено было сбыться, ибо все точки над «i» расставил Третий Всероссийский съезд Советов (г. Петроград, 10-13 января 1918 г.). Принятые на нем Декреты («О свободе совести», Об отделении церкви от государства» и др.) сразу же поделили российское общество на два противоположных лагеря: атеистов и верующих. Представители православной интеллигенции (экономист и философ С.Н. Булгаков, живописец И.Д. Кузнецов, религиозный философ Е.Н. Трубецкой и др.) решительно выступили против этих «дискриминационных документов», предлагая «обновить внутрицерковную жизнь», но никак не отделять церковь от государства [7, с. 42].

Не было принято во внимание и обращение Патриарха Тихона (Беллавина – Патриаршество было, как известно, восстановлено «определением Всероссийского Церковного Поместного Собора 14 ноября 1917 г. – Авт.). Более того, большевики продолжили свою репрессивную деятельность по отношению к Церкви. Ее внутреннее «обновление» они использовали как «инструмент» для борьбы с «Патриаршей Церковью». Поручкой тому – преследования «приверженцев Патриарха Тихона» и судебные процессы 1918-1919 гг. над ними [8].

Дискредитируя последних, власти целенаправленно поддерживали противников «тихоновцев». Особенно зримо проявилось это после ареста 22 мая 1922 г. Патриарха Тихона и создания после этого органами ОГПУ «Живой Церкви», ставшей «ударной силой обновленческого движения» [8, с. 152-154]. Благодаря поддержке государства, «обновленцам» удалось взять «власть в свои руки». Из 30 тыс. действовавших в то время в стране церковей две их трети они подчинили своему влиянию [9, с. 83].

Внутрицерковное противостояние имело место и на Алтае, где формирование «обновленческого» направления началось осенью 1922 г. Проходило оно (как и в других районах страны) при поддержке органов государственной власти. К примеру, в Барнауле сложилось к сентябрю 1922 г. группа сторонников «Живой Церкви», которая была зарегистрирована губисполкомом 3 сентября. Ей противостояли «тихоновцы» во главе с благочинным церковей г. Барнаула Иннокентием Долининым. Действия последнего были признаны властями «противоправными» и в декабре того же года он был арестован ими и «передан индивидуальному суду» [10].

В отличие от «тихоновцев», их противники, пользуясь покровительством властей «процветали». К началу 1923 г. они обрели свою епархию, которую сначала возглавил архиепископ Гавриил (Ландышев), а к концу года – архиепископ Александр (Введенский) [11]. Барнаульских «обновленцев» поддерживала и «новая Сибирская митрополия» [12].

Несколько иная ситуация складывалась в этом плане в «Бийской зоне» Алтайской губернии. Здесь «обновленцы» натолкнулись «на крепкое противодействие тихоновцев», которые объединились вокруг епископа Бийского Иннокентия (Соколова). Сибирская митрополия («Сибцерковь»), поддерживавшая барнаульских «живоцерковцев», приняла решение уволить «противника» в связи с его преклонным возрастом». Однако семидесятипятилетний епископ отказался сдать свою кафедру, а, тем более, менять свои «староцерковные взгляды». Столкнувшись с «непониманием» Иннокентия, «обновленцы» обратились за помощью к местным властям. Последние отреагировали незамедлительно: епископ был арестован и увезен в Москву [13, с. 30].

Устранив «главного тихоновца, обновленцы смирили» его сторонников и создали в Бийске Временный Церковный Совет. В сентябре 1925 г. им было проведено епархиальное собрание духовенства и мирян, на котором было объявлено о «церковном перевороте, в связи с русской социальной революцией» [14]. Опираясь на ее «завоевания», «обновленцы» подчинили к 1928 г. своему влиянию почти все церкви Бийска и 30 сельских приходов [13, с. 30].

И все же «староцерковники» нашли в себе силы, чтобы воспротивиться натиску «обновленцев». Особенно воспрянули они духом, когда на «помощь» им пришел сам «Патриарх», утвердив их «пастырем» епископа Никиту (Прибыткова). Разместив свою кафедру в Тихвинском монастыре (в пригороде Бийска – Авт.), он твердо и настойчиво начал защищать «традиционное

православие». Несмотря на противодействие властей, ему удалось восстановить в регионе «староцерковническую епархию», которая просуществовала здесь до 1932 г. [15].

Однако это был последний успех не только «тихоновцев», но и Церкви в целом. Ослабленная внутрицерковной борьбой, она не смогла устоять в дальнейшем перед административным и идеологическим давлением большевиков и их налоговым прессом. Разграбленная, потерявшая (в результате репрессий) большую часть своих священнослужителей и верующих [16], Русская Православная Церковь прекратила, по сути дела, к началу 40-х гг. XX в. свою деятельность. Однако окончательно искоренить православную веру воинствующему атеизму не удалось, ибо нельзя было уничтожить то, что складывалось веками и стало духовной силой российского общества.

Библиографический список

1. Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX в. – М., 1995.
2. Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. – Барнаул, 1999.
3. Демидов, В.А. От Каракорума к автономии. – Новосибирск, 1996.
4. Левитин, А. Очерки по истории церковной смуты / А. Левитин, А. Краснов [и др.]. – М., 1996.
5. Съезды, конференции, совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Алтайской губернии (март 19178 ноябрь 1918). – Томск, 1992.
6. Русская Православная Церковь и право. – М., 1999.
7. Глушкова, С.М. Православная интеллигенция в условиях большевистского режима: попытка противостояния // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. – Пермь, 2002.
8. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996.
9. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999.
10. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 35-46.
11. ГААК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 259.
12. ГААК. Ф. Р-10. Оп. 4. Д. 21. Л. 160.
13. Мезенцев, Р.В. Обновленческий церковный раскол 1922-1943 гг. на Алтае // Горный Алтай: исторический сборник. – Горно-Алтайск, 2002. – Вып. 6.
14. ГААК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 99. Л. 5-6.
15. ГААК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 140. Л. 19-20.
16. См.: Красный террор в годы гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков) / ред.-сост. Фельштинский. – Лондон, 1992.

Bibliography

1. Pospelovskiy, D.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkovj v XX v. – M., 1995.
2. Dokumentih po istorii cerkvej i religioznhkh objhedenenij v Altajjskom krae. – Barnaul, 1999.
3. Demidov, V.A. Ot Karakoruma k avtonomii. – Novosibirsk, 1996.
4. Levitin, A. Oчерки po istorii cerkovnoy smutih / A. Levitin, A. Krasnov [i dr.]. – M., 1996.
5. S'jezdih, konferencii, sovethaniya socialjno-klassovihkh, politicheskikh, religioznhkh, nacionalnjnhkh organizacij Altajjskoj gubernii (mart 19178 noyabrj 1918). – Tomsk, 1992.
6. Russkaya Pravoslavnaya Cerkovj i pravo. – M., 1999.
7. Glushkova, S.M. Pravoslavnaya intelligenciya v usloviyakh bolshevistskogo rezhima: popihtka protivostoyaniya // Tolerantnostj i vlastj: sudjbihi rossijskoj intelligencii. – Permij, 2002.
8. Russkaya Pravoslavnaya Cerkovj i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917-1941. Dokumentih i fotomaterialih. – M., 1996.
9. Shkarovskiy, M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkovj pri Staline i Khrutheve. – M., 1999.
10. Gosudarstvennihij arkhiv Altajjskogo kraja (GAAK). F. 138. Op. 1. D. 25. L. 35-46.
11. GAAK. F. 138. Op. 1. D. 25. L. 259.
12. GAAK. F. R-10. Op. 4. D. 21. L. 160.
13. Mezencev, R.V. Obnovlencheskiy cerkovnihij raskol 1922-1943 gg. na Altae // Gornihij Altajj: istoricheskij sbornik. – Gorno-Altajjsk, 2002. – Vihp. 6.
14. GAAK. F. 138. Op. 1. D. 99. L. 5-6.
15. GAAK. F. 138. Op. 1. D. 140. L. 19-20.
16. Sm.: Krasnihij terror v godih grazhdanskoj vojnih (po materialam Osoboy sledstvennoy komissii po rassledovaniyu zlodeyaniy bolshevikov) / red.-sost. Fel'shtinskiy. – London, 1992.

Статья поступила в редакцию 17.10.13

УДК 687.021(09)

Moskvin A.Yu. THE CALCULATION – GRAPHICAL CLOTHES DESIGN METHODS EVOLUTION IN THE 19TH CENTURY. The article is devoted to organizing information about the clothes engineering methods of the 19th century. Based on the analysis presented in the historical sources techniques, the obtaining baseline data and design methods applied in practice principles are determined, chronological limits of their application and interdependence are identified.
Key words: historical costume, historical cut, sewing garments, clothes design, construction, engineering methods.

А.Ю. Москвин, аспирант каф. конструирования и технологии швейных изделий Санкт-Петербургского гос. университета технологии и дизайна, г. Санкт-Петербург, E-mail: lelkn2@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ РАСЧЕТНО-ГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В 19 ВЕКЕ

Статья посвящена систематизации информации о методах инженерного проектирования одежды 19 века. На основании анализа представленных в исторических источниках методических разработок, определены при-

менявшиеся на практике принципы получения исходных данных и методы конструирования, выявлены хронологические границы их применения и взаимообусловленность.

Ключевые слова: исторический костюм, история кроя, швейные изделия, проектирование одежды, конструирование, инженерные методы.

История и инновации всегда были неразрывно связаны. Методы создания современных объектов материальной культуры формировались на протяжении веков. В проектировании современного костюма тенденция к историческим мотивам проявляется в разработке художественного решения моделей, конструировании, конфекционировании, равно как и на других этапах проектирования [см. подробнее 1; 2].

Ф.М. Пармон упоминает: «...Богатейшей кладовой (и в плане форм, и в плане конструкций) для создания современного костюма является исторический костюм, складывавшийся и утверждавшийся веками» [3]. Действительно, элементы исторического кроя в моделях современных авторских коллекций одежды – распространённое явление. Однако, глубокое понимание исторического кроя для осознанного его применения в современном проектировании невозможно без сведений об уровне развития методов конструирования одежды на отдельных этапах исторического развития.

История кроя является актуальным направлением современных исследований. В. Е. Кузьмичев [4] предлагает метод исторического анализа одежды, основанный на рассмотрении системы «фигура – одежда». Согласно автору, художественно-конструктивному анализу может подвергаться эскиз, чертеж конструкции, образец изделия. Выделяется работа Н.В. Афанасьевой [5], посвященная анализу образного решения исторического костюма, в том числе во взаимосвязи с чертежами конструкций. Раскрыта проблематика анализа исторического костюма на основе иллюстративных источников в исследованиях Л.Ю. Фефиловой [6]. Затрагивается тема использования элементов исторического костюма, как источника образного решения современных моделей одежды в исследованиях Ф.М. Пармона [3]. Проведенные исследования, в том числе вышеупомянутых авторов, охватывают широкий круг вопросов, связанных с анализом исторического костюма с позиций различных дисциплин.

Однако, информация об эволюционных видоизменениях методов проектирования одежды на различных этапах истории носит отрывочный характер. Систематизация информации о методах проектирования одежды необходима для более глубокого понимания как конструкции исторического костюма, так и конструирования одежды, как специальности, на различных этапах его развития. Таким образом, необходимо более точное определение хронологических границ применения тех или иных методов конструирования одежды, причин и принципов их эволюционных видоизменений.

В качестве периода истории, для определения этапов развития методов проектирования одежды, выбран 19 век. Такой выбор обусловлен тем, что именно на протяжении 19 века происходило формирование расчетно-графических методов проектирования одежды, внедрение пропорциональных зависимостей между частями конструкции, основанных на пропорциях фигуры и становление системы мерок, как исходных данных для построения чертежа конструкции.

В рамках исследования, выделение периодов основывалось на изучении исторических источников информации. В качестве источников использованы методические издания, посвященные конструированию мужской, женской и детской одежды, разработанные в Соединенных Штатах Америки, Англии, Германии и Российской империи с 1800 по 1900гг. Объем выборки источников составил 49 наименований методик, включающих принципы получения исходных данных о фигуре человека, алгоритмы построения чертежей, методы градации, таблицы размеров типовых фигур и т.п., анализ которых позволяет выделить основные методы конструирования и обозначить хронологические границы их применения. Анализ методик конструирования одежды, представленных в источниках, осуществлялся по следующим параметрам:

- принципы получения величин мерок;
- наличие информации о типовых сочетаниях размерных признаков;
- принципы определения длин и положения конструктивных отрезков;
- алгоритм построения чертежа конструкции;
- методы учета особенностей фигуры, таких, как осанка, полнота и т.п.;

- способы изменения размера готовых чертежей.

Для более доступного представления информации, инновации в проектировании швейных изделий 19 века распределены по двум группам: исходные данные и методы конструирования. Под исходными данными понимаются размеры фигур для построения чертежей и способы их получения, а также такие результаты развития антропологии, как выделение ведущих размерных признаков, сочетаний величин мерок, создание размерных типологий. В качестве методов конструирования, приведены основополагающие принципы построения чертежей, методы расчета длин конструктивных отрезков, способы градации лекал. Условное разделение этих двух групп возможно, но их обоим нецелесообразно: методы конструирования имеют неразрывную взаимосвязь с антропологией и анатомией, предоставляющими исходную информацию о фигуре человека. Методы конструирования развивались параллельно с методами измерения, и, на различных этапах, провоцировали их развитие или развивались в связи с появлением новых средств и методов измерения.

Хронология использования методов конструирования одежды и получения исходных данных для построения чертежей представлена на рис. 1. Использование методик конструирования, известных на протяжении 19 века в качестве основного источника информации, позволило определить хронологические границы использования портными тех или иных методов измерения фигуры и конструирования одежды с точностью до нескольких лет.

Около 1810г. в Англии появился так называемый крой по талии, который сыграл большую роль в кроильном деле и с 1820-х гг. сделался визитной карточкой английского стиля во всех европейских странах. Одежда, скроенная таким способом, имела короткий, хорошо сидящий, слегка простеганный корпус, тугие рукава и предназначалась для подчеркивания линий тела, а иногда для своеобразной их коррекции [7. с. 176].

В начале 19 века, в связи с направлениями моды, развивалась тенденция повторения естественных форм фигуры человека формой костюма. В связи с тем, что человеческая фигура, при условии рассмотрения ее с позиций геометрии, является совокупностью взаимосвязанных сложных пространственных форм, ее развертка, пусть даже приближенная, являлась невозможной при использовании известных в 18 веке графических методов конструирования. Это способствовало развитию расчетно-графических методов конструирования одежды, как и достижения в смежных областях: геометрии, антропологии, анатомии и др.

А. Доценко описывает возникновение одной из первых графических методик конструирования: «...В 1800 году лондонский кройщик Мишель разработал систему кроя, получившую название Дриттель. Автор делил половину обхвата груди на три равные части (по 1/3 для ширины спинки, проймы и переда) и в каждом прямоугольнике со стороной 1/3 Сг проводились графические построения приближенных разверток деталей одежды» [8]. Согласно автору, портновская сантиметровая лента была впервые создана в Англии только в середине века, до этого времени измерения фигуры производились гибким шнуром и линейкой. Разделение отрезка на несколько равных частей не представлялось затруднительным при таком уровне развития средств измерения. Примерами методик, основанных на равномерном делении измерений фигуры, являются: The tailor's instructor, or a comprehensive analysis of the elements of cutting garments of every kind [9] и Rules and directions for cutting men's clothes [10].

Уже в начале века определяется ведущий размерный признак фигуры, однозначно определяющий размер одежды на всем протяжении 19 века – обхват груди. В 20-е годы распространённой становится система мерок, позволяющая описать форму фигуры человека, например: обхваты груди, талии, бедер, длины спины и т.п.

В связи с уточнением формы фигуры человека посредством усовершенствованной системы измерений, возникает клеточный метод выполнения чертежа, основанный на усовершенствованных принципах существовавших методик. Профессор Е.Я. Сурженко упоминает: «...К периоду введения во Франции метрической системы мер относится создание масштабной сантиметровой

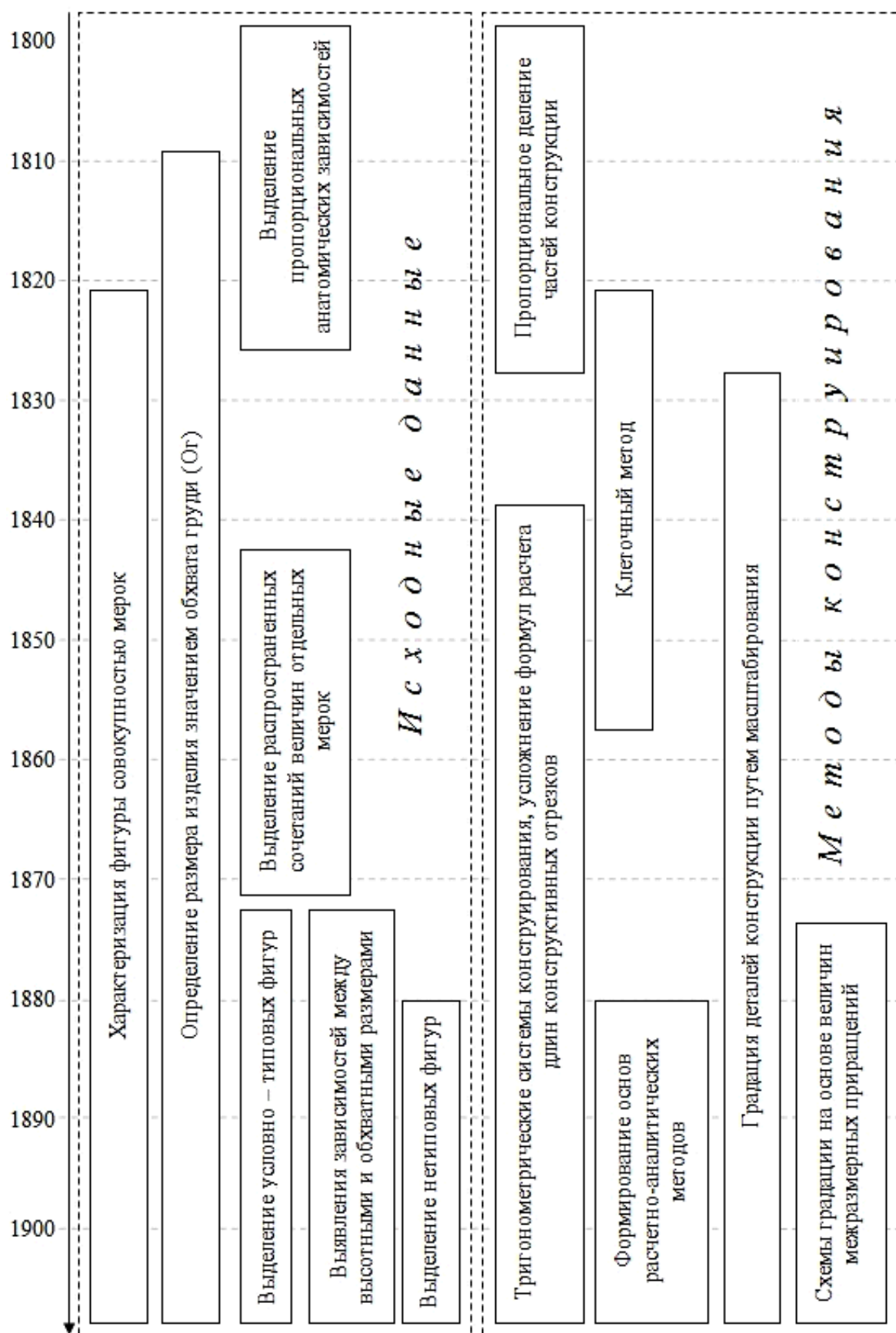

Рис. 1. Хронология развития методов проектирования одежды 19 в.

вой системы кройки (Компейн), различные варианты которой существовали достаточно продолжительное время и совершенствовались целым рядом авторов» [11]. Действительно, большинство методик того времени предлагает выполнять измене-

ние готовых чертежей на различные размеры путем масштабирования, приводится необходимая информация о выполнении этого процесса, в том числе масштабные линейки или длины конструктивных отрезков на различные размеры.

В 1840-х годах портными впервые начинают выполняться обобщения информации об измерениях заказчиков, что приводит к выделению взаимосвязей между отдельными размерными признаками и выявлению их часто встречаемых сочетаний. Кроме того, в этом десятилетии возникает новый подход к отображению пространственной формы одежды на плоскости, основанный на принципах тригонометрии. Яркими примерами тригонометрических систем кроя являются: М. Мюллер и сын, *The archetypal consummation: a system of garment drafting* [12], *The tailor's transfer* [13]. Принципы построения чертежей этих методик продолжают существовать и совершенствоваться и в современном проектировании.

Мощный стимул к развитию получают методы конструирования в 1870-х годах, когда распространение получает проектирование на условно-типовую фигуру. В литературе появляются таблицы размерных признаков фигур, рекомендуемые для построения чертежей. Кроме того, во второй половине века распространение получают швейные машины, что приводит к популяризации конструирования одежды. Появляются более сложные методики, включающие формулы для расчета длин большинства конструктивных отрезков, например: Н. Matheson's scientific and practical guide for the tailor's cutting department [14] и *A treatise on the measurement of human body* [15].

1880-е и 1890-е года характеризуются формированием расчетно-аналитических методик конструирования одежды. В методиках появляется нелинейный алгоритм построения чертежа, при построении учитываются особенности фигуры, такие, как полнота или осанка. В связи с развитием размерных типологий, появляются схемы градации лекал с указанием величин и направлений межразмерных приращений, как в методике *The American coat, vest and trousers system* [16].

Всего за один век методы проектирования одежды прошли путь от примитивных чертежей, основанных на равнозначном делении ограниченного числа измерений фигуры до сложных систем, включающих различные методы получения и систематизации исходных данных (мерок), нелинейные алгоритмы построения чертежей на основе принципов тригонометрии, универсальные принципы градации. Такой скачок был вызван развитием научно-технического прогресса, в том числе появлению портновской сантиметровой ленты и швейной машины, появлением моды на прилегающий силуэт, массового производства одежды, и стал возможен благодаря развитию смежных с конструированием одежды дисциплин.

Результаты исследования методик конструирования одежды 19 века:

- определены методы получения исходных данных для построения чертежей и принципы их систематизации;
- детерминированы основные методы проектирования одежды 19 века;
- определены хронологические границы применения методов конструирования;
- установлена хронологическая взаимосвязь и взаимообусловленность развития совокупности исходных данных и методов конструирования одежды.

Результаты исследования позволяют расширить представления о проектировании исторического костюма, истории конструирования одежды, могут быть применены в образовательном процессе по дисциплинам «история костюма» и «конструирование швейных изделий».

Перспективным направлением является историзм в одежде, а структурная модернизация процесса проектирования швейных изделий с элементами исторического кроя возможна только на основе достоверных результатов ретроспективных исследований.

Библиографический список

1. Москвин, А.Ю. Элементы исторического кроя в современном художественном проектировании костюма // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна: в 3 вып. – 2012. – Вып. 3. Искусствоведение и дизайн.
2. Москвин, А.Ю. Реконструкция элементов исторического костюма в современном проектировании // *Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: материалы XV международной науч. конф. / под ред. Н.М. Калашниковой. – СПб., 2012.*
3. Пармон, Ф.М. Композиция костюма: учебник для вузов. – М., 1997.
4. Кузьмичев, В.Е. Художественно-конструктивный анализ и проектирование системы «фигура – одежда»: учеб. пособ. / В.Е. Кузьмичев, Н.И. Ахмедулова, Л.П. Юдина. – Иваново, 2010.
5. Афанасьева, Н.В. Анализ образного решения костюма в различные исторические периоды (на материале фотографий, журнальной графики и чертежных конструкций) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2009. – Т. 11. – № 4(4).*
6. Фефилова, Л.Ю. Методика исторического анализа европейского костюма XIX – начала XX вв. по фотоматериалам Урала и Сибири: автореф. дис... канд. истор. наук. – Екатеринбург, 2007.
7. Левентон, М. История костюма: полная хрестоматия / М. Левентон; пер. с англ. И.А. Лейтес, Ю.В. Сараева, Т.Г. Лисицына; ред. Т.И. Хлебнова, А.Э. Цумарев, Г.Г. Галаджева. – М., 2008.
8. Доценко, А. Характеристика методов конструирования одежды // *Технология моды. – 2002. – № 2.*
9. Queen, J., Lapsley, W. *The tailor's instructor, or a comprehensive analysis of the elements of cutting garments of every kind. – Philadelphia, 1809.*
10. Jones, A. *Rules and directions for cutting men's clothes. – Middlebury, 1822.*
11. Сурженко, Е. От расчетно-мерочных систем кроя к системе СТАПРИМ / Е. Сурженко, Н. Раздомахин, А. Басуев // *В мире оборудования. – 2004. – № 6(47)*
12. Young & Rathvon. *The archetypal consummation: a system of garment drafting / Young, Rathvon. – Columbia, 1845.*
13. Acton, W.M.R. *The tailor's transfer; or a new improved system of measurement and garment cutting / W.M.R. Acton. – Baltimore, 1846.*
14. Matheson, H. H. *Matheson's scientific and practical guide for the tailor's cutting department. – New York, 1871.*
15. Selle, W. *A treatise on the measurement of human body. – Chicago, 1873.*
16. Gordon, S.S. *The American coat, vest and trousers system. – New York, 1895.*

Bibliography

1. Moskvin, A.Yu. *Ehlementih istoricheskogo kroya v sovremennom khudozhestvennom proektirovanii kostyuma // Vestnik molodikh uchernihkh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizajna: v 3 vihp. – 2012. – Vihp. 3. Iskuststvovedenie i dizajyn.*
2. Moskvin, A.Yu. *Rekonstrukciya ehlementov istoricheskogo kostyuma v sovremennom proektirovanii // Moda i dizajyn: istoricheskiy opiht – novihe tekhnologii: materialih XV mezhdunarodnoy nauch. konf. / pod red. N.M. Kalashnikovoy. – SPb., 2012.*
3. Parmon, F.M. *Kompoziciya kostyuma: uchebnik dlya vuzov. – M., 1997.*
4. Kuzjmichev, V.E. *Khudozhestvenno-konstruktivniyh analiz i proektirovanie sistemih «figura – odezhdza»: ucheb. posob. / V.E. Kuzjmichev, N.I. Akhmedulova, L.P. Yudina. – Ivanovo, 2010.*
5. Afanasjeva, N.V. *Analiz obraznogo resheniya kostyuma v razlichnihe istoricheskie periodih (na materiale fotografij, zhurnalnoj grafiki i chertezhnikh konstrukcij) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoy akademii nauk. – Samara, 2009. – T. 11. – № 4(4).*
6. Fefilova, L.Yu. *Metodika istoricheskogo analiza evropejskogo kostyuma XIX – nachala XX vv. po fotomaterialam Urala i Sibiri: avtoref. dis... kand. istor. nauk. – Ekaterinburg, 2007.*
7. Leventon, M. *Istoriya kostyuma: polnaya khrestomatiya / M. Leventon; per. s angl. I.A. Leytjes, Yu.V. Saraeva, T.G. Lisichina; red. T.I. Khlebnova, A.Eh. Cumarev, G.G. Galadzeva. – M., 2008.*
8. Docenko, A. *Kharakteristika metodov konstruirovaniya odezhdih // Tekhnologiya modih. – 2002. – № 2.*
9. Queen, J., Lapsley, W. *The tailor's instructor, or a comprehensive analysis of the elements of cutting garments of every kind. – Philadelphia, 1809.*
10. Jones, A. *Rules and directions for cutting men's clothes. – Middlebury, 1822.*
11. Surzhenko, E. *Ot raschetno-merochnikh sistem kroya k sisteme STAPRIM / E. Surzhenko, N. Razdomakhin, A. Basuev // V mire oborudovaniya. – 2004. – № 6(47)*

12. Young & Rathvon. The archetypal consummation: a system of garment drafting / Young, Rathvon. – Columbia, 1845.
13. Acton, W.M.R. The tailor's transfer; or a new improved system of measurement and garment cutting / W.M.R. Acton. – Baltimore, 1846.
14. Matheson, H. H. Matheson's scientific and practical guide for the tailor's cutting department. – New York, 1871.
15. Selle, W. A treatise on the measurement of human body. – Chicago, 1873.
16. Gordon, S.S. The American coat, vest and trousers system. – New York, 1895.

Статья поступила в редакцию 31.10.13

УДК 94/99

Karnauchov K.A. THE SOVIET AND FOREIGN MASS MEDIA ABOUT INCIDENT WITH THE ORZEL SUBMARINE AND ITS ROLES IN RAPPROCHEMENT OF THE USSR AND THE BALTIC STATES. This article describes relationship of the USSR and Estonia at the beginning of World War II, in particular negotiations, concerning the conclusion of contracts on mutual aid between these countries, and incident which served as a starting point to start these negotiations. Besides, we will consider what resonance caused these events in the press of the East European states.

Key words: entry of the Baltic States into structure of the USSR, contracts on mutual aid between the USSR and Estonia, the Orzel submarine, World War II.

К.А. Карнаухов, аспирант каф. отечественной истории Алтайской гос. академии образования, г. Бийск, E-mail: karnauchov87@mail.ru

СОВЕТСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИНЦИДЕНТЕ С ПОДВОДНОЙ ЛОДКОЙ «ORZEL» И ЕГО РОЛИ В СБЛИЖЕНИИ СССР И СТРАН БАЛТИИ

В работе описаны взаимоотношения СССР и Эстонии в начале Второй мировой войны, в частности переговоры, по поводу заключения договоров о взаимопомощи между этими странами, и инцидент, который послужил отправной точкой для начала этих переговоров, кроме того, мы рассмотрим какой резонанс вызвали эти события в прессе Восточноевропейских государств.

Ключевые слова: вхождение стран Балтии в состав СССР, договоры о взаимопомощи между СССР и Эстонией, подводная лодка «Orzel», Вторая мировая война.

Вхождение стран Балтии в состав СССР – это многоэтапный процесс, происходивший в течение 1939–1940 гг. Отечественная и зарубежная историографии по разному рассматривают этот процесс. Основу полемики историков составляет трактовка правовой основы вхождения Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. В советское время, в силу объективных причин, не представлялось возможным дать всестороннюю оценку событий 1939–1940 гг. в Прибалтике, и вхождение этих стран рассматривалось только как добровольный выбор трех республик, народы которых в революционном порыве свергли буржуазные правительства Эстонии, Латвии, Литвы, и выбрали коммунистические правительства, проголосовавшие, в свою очередь, за вхождение в состав СССР. После «развала» СССР и получения независимости Эстонии, Латвии и Литвы ситуация изменилась. Историки стран Балтии могли теперь давать новую, не марксистскую, трактовку этих событий. Однако это обстоятельство привело, в свою очередь, к новой проблеме: история стран Балтии стала очень политизированной, а политика этих стран оказалась направлена отнюдь не на сближение, а на отдаление от бывшего СССР и нынешней России. Таким образом, у Эстонских, Латвийских и Литовских исследователей прослеживается одна тенденция: СССР насильно присоединил страны Балтии, а находясь в его составе этих стран названы «оккупацией». Ситуация в отечественной историографии так же изменилась коренным образом. После открытия ранее засекреченных документов центральных архивов у российских историков появилась возможность более свободно и аргументированно исследовать эту проблему.

В результате оформилось два направления отечественной историографии, условно названные либерально-демократическим и патриотическим. Оба эти направления, как правило, связывают вхождение стран Балтии в состав СССР с договором о ненападении СССР и Германии от 23 августа 1939 г и его секретным протоколом. Принципиальная разница этих направлений в исследовании правового статуса этого присоединения. Сторонники первого направления М.И. Семиряга, Е.Ю. Зубкова, С.В. Чешко, осуждая политику Сталина по отношению к государствам Прибалтики, пакт Молотова – Риббентропа и секретный протокол к нему, признают не добровольный характер присоединения Литвы, Латвии к СССР, но не соглашаются с версией об оккупации, заменяя его термином аннексия. Сторонники второго направления: Ю.В. Емельянов, М.Ю. Крысин, и некото-

рые другие, признавая наличие секретных протоколов и их противоправный характер, тем не менее, считают пакт Молотова – Риббентропа оправданным соображениями обеспечения безопасности Советского Союза, настаивают, что присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к СССР отражало волю трудящихся, и не рассматривают действия СССР как «аннексия» или «оккупация», чаще используя термин «инкорпорация». Знакомство с трудами отечественных и прибалтийских ученых, позволяют выделить несколько этапов сближения стран Балтии и СССР с точки зрения правовых и исторических аспектов.

Первым этапом следует считать период складывания предпосылок для заключения договоров о взаимопомощи между СССР и странами Балтии. Правительство СССР предпринимало ряд усилий в этой области еще с 1934 г (договоры о культурном сотрудничестве), однако осуществить включение стран Балтии в сферу влияния СССР стало возможным лишь после заключения договора о ненападении между СССР и Германией, поэтому мы можем считать началом первого этапа 23 августа 1939 г. Заканчивается первый этап соглашением правительства СССР на начало переговоров с Эстонией – первым прибалтийским государством, решившимся на договор с СССР. Отправной точкой второго этапа можно считать начало самих переговоров с Балтийскими республиками в сентябре-октябре 1939 г. Третий этап охватывает осуществление сторонами договоров о взаимопомощи октябрь 1939 – июнь 1940. Четвертый этап – это вынесение ультиматумов советского правительства правительствам Латвии, Эстонии и Литвы, и замена действующего руководства республик «на правительство, которое может осуществлять договор о взаимопомощи». Эти события произошли в июне 1940 г. И завершает этап вхождения стран Балтии в состав СССР – период новых парламентских выборов, которые прошли в июле 1940 г. и обращение депутатов этих республик с просьбой о включении в состав СССР.

Каждый из этих этапов насыщен событиями, демонстрирующими своеобразный характер взаимоотношений стран Балтии и СССР, и сюжетами, связанными с началом Второй мировой войны, которые не могли не повлиять на характер и отношения Балтийских стран и СССР. Для начала каждого этапа вхождения свойственна какая-либо отправная точка. В этой статье мы попробуем через призму средств массовой информации того периода, рассмотреть и охарактеризовать событие, которое большинство исследователей считает поводом для подписания до-

говоров о взаимопомощи между СССР и Эстонией. Это событие связано с бегством интернированной польской подводной лодки «Orzel», и его последствиями. Как известно, 1 сентября 1939 г. Германия объявила войну Польше. После разгрома основных сил польской армии и исхода его правительства в Англию, СССР, согласно секретному протоколу договора о ненападении, 17 сентября ввел свои войска на территорию Западной Украины и Белоруссии. При этом СССР не объявлял Польше войну, а объяснял свои действия тем, что «Польское государство, основанное на угнетении проживавших на его территории белорусов и украинцев, оказалось недееспособным и при первых военных неудачах стало распадаться» [1, с. 2]. Это заявление позволило СССР вернуть территорию Западной Украины и Белоруссии, без формального объявления войны Польше.

В начале сентября, в связи с начавшейся войной в Европе и затруднительным экономическим положением, вызванным блокадой Балтийского моря, эстонские дипломатические круги зондировали через консульство СССР возможность торговых переговоров. Лидеры СССР, понимая необходимость использования этого момента, дали согласие на начало переговоров. Однако первоочередной задачей СССР в сентябре было освобождение Западной Украины и Белоруссии. Поэтому начало переговоров не форсировалось. В тоже время, правительство СССР помимо торговых договоров было заинтересовано в возможности размещения на территории Эстонии военных баз для обеспечения безопасности советского государства в этом регионе. Вместе с тем, было очевидно, что Эстония в рассматриваемый период не была готова пойти на этот шаг. Мельтюхов М.И. в своей работе «Упущенный шанс Сталина» [2, с. 191-198] настаивает на том, что, что СССР был готов ввести войска в Эстонию и Латвию, но его руководству нужен был повод, который показал бы мировому сообществу и народам СССР, что предпринятые действия оправданы. Таким поводом могло служить подтверждение факта неспособности правительства Эстонии обеспечить свой нейтралитет, и тем самым создание угрозы безопасности для СССР. Эта возможность представилась 14 сентября, через две недели после начала войны, когда в территориальных водах Эстонии вблизи острова Найссаар объявилась подводная лодка «Orzel» (Орёл – К.К.). На борту лодки было 62 члена экипажа, включая 5 офицеров. Вновь сформированной эмигрантское правительство Польши, находившееся в Лондоне, объявило себя в состоянии войны с Германией, приняв на себя все обязательства заключенных ранее договоров и соглашений. Согласно международному морскому праву, военный корабль воюющей страны мог находиться в акватории нейтрального порта не более 24 часов, после чего был обязан покинуть порт под угрозой задержания и разоружения до конца войны. Тем временем в германском и польском посольствах Таллина и в правительстве Эстонии искали решение, что же делать дальше с этой подводной лодкой: 24 часа истекали, а с их окончанием совпадал выход из порта большого германского парохода с грузами и пассажирами. Соблюдая точно упомянутые пункты международного морского права, подлодка «Orzel», не нарушая их, могла бы до истечения этого срока выйти в море, дожидаясь выхода немецкого судна, торпедировать его, а затем вернуться опять в Таллин. Чтобы избежать такого варианта, эстонские власти разрешили польской подлодке, на которой даже не подозревали о предстоящем выходе германского парохода, задержаться на рейде еще на 24 часа, чем удивили польского командира субмарины, не находившего объяснения такому «дружелюбию» эстонцев. Пока шли эти вторые сутки, посол Германии в Таллине заявил решительный протест из-за факта грубого нарушения Эстонией международного морского права предоставлением польской подлодке незаконных дополнительных суток. Высшее политическое руководство Эстонии находилось в затруднительном положении: близость немецких войск и довоенные связи с Великобританией вынуждали его принять решение, направленное против одной из этих сторон. Германский посол еще раз позвонил эстонскому министру и предупредил его, что немецкие «люфтваффе» готовы уничтожить польскую подлодку непосредственно в Таллине. Эстонское командование приняло немедленные меры, «Orzel» была разоружена, но лишь частично: основное оружие корабля – торпеды и мины английского производства, артиллерийский боезапас – не выгружалось, топливо с корабля тоже не выкачивалось. У подводной лодки выставили караул. В воскресенье 17 сентября польские подводники под командованием Я. Грудзинского вышли на берег, разоружили караул, и оставили Таллинский порт.

Резонанс от этого инцидента был огромным. Чтобы избежать осложнения отношений, министр иностранных дел Сельтер обещал немецкому послу передачу двух эстонских подводных лодок. Если с Германией инцидент был исчерпан, то, неожиданно для Эстонской стороны, претензии появились у советского руководства. Первые упоминания о них со стороны СССР появились в прессе. Сообщения ТАСС, во время приезда министра иностранных дел Эстонии К. Сельтера в Москву, сообщали о польских подводных лодках в Балтийском море: «По достоверным данным, польские подводные лодки скрываются в портах прибалтийских стран, находя поддержку в определенных правительственных кругах. По некоторым данным, кроме польских, там находятся лодки и некоторых других государств. Предполагается, что власти Эстонии 18 сентября намеренно дали бежать польской подводной лодке. Краснознаменный Балтийский флот примет необходимые меры против возможных действий, скрывающихся в водах Балтики подводных лодок» [3, с. 2].

Карл Сельтер прибыл в Москву для заключения торгового соглашения и, судя по всему, эстонское руководство не ожидало заявления по поводу бегства подводной лодки со стороны руководства СССР. Таким образом, претензии Молотова заставили К. Сельтера врасплох. 20 сентября всем представителям эстонского МИДа была передана памятная записка, в которой разъяснялась официальная позиция эстонского правительства: «Эстонское правительство, считая нужным применение правил нейтралитета по всей строгости, решило интернировать подводную лодку, не считаясь с возражениями. Принимая во внимание сделанные Польским правительством заверения, что оно будет уважать нейтралитет Эстонии, процедура интернирования произведена была с соблюдением в отношении командного состава судна правил и обычаев, принятых в международном праве... Разоруженные польские моряки, оставленные временно на судне под стражей, напали ночью на поставленных там эстонских часовых. Весте с судном пропали без вести двое из находившихся на нем часовых, причем относительно одного из них имеются основания опасаться, что он более не находится в жизни и здравии... Офицеры, под ответственностью которых произошло задержание и разоружение подводной лодки, отрешены от должности и об их виновности начато предварительное следствие» [4, с. 17-18].

В то же время советское руководство сообщило эстонскому министру, что для обеспечения безопасности корабли Балтийского Флота выйдут на рейд. Появление кораблей Советского Союза вызвало осторожные отклики в эстонской печати. Газета «Павалехт» под заголовком «Советская Россия предпринимает меры против подводных лодок», писала: «В водах Балтийского моря разыскивается сбегавшая польская подводная лодка. В эстонских гаванях и поблизости от них нет ни одной подводной лодки воюющих государств. Сообщения о блокировании эстонских гаваней флотом Советской России не обоснованы... По поводу этого сообщения авторитетные источники разъясняют: сообщение ТАСС от 19 сентября о том, что эстонские власти будто бы способствовали побегу интернированной в Таллине подводной лодки, совершенно необоснованно. На самом деле, подводная лодка была разоружена, и, препятствуя ее побегу, эстонская охрана понесла потери. Что касается сообщения ТАСС о том, что в балтийских гаванях якобы скрываются польские подводные лодки и подводные лодки других государств, то можем подчеркнуть, что в эстонских гаванях и поблизости от них нет ни одной подводной лодки воюющего государства» [4, с. 18-19].

Обеспокоенность ситуацией в Балтийском море мы можем увидеть и в публикациях финских газет. Так крупная и авторитетная финская газета «Хельсингин Саномат», сообщала: «Согласно поступившим вчера из Таллинна сообщениям частных лиц, советский Балтийский флот покинул Кронштадт, и уже вчера множество советских военных кораблей появилось поблизости от Таллинна. Это, разумеется, привлекло внимание политических и флотских кругов Эстонии, так как опасаются, что советский флот уже приступил к исполнению угроз, высказанных в одном из сообщений агентства ТАСС, – наблюдать за движением судов в гаванях Балтийских государств, – поэтому, сообщает газета, – вчера после обеда из Таллинна не вышло ни одного судна. Авторитетные источники разъясняют: сообщения о том, что флот Советской России якобы блокировал эстонские гавани, совершенно необоснованны. Народный комиссар иностранных дел Советской России Молотов сообщил нашему посланнику в Москве, что советский Балтийский флот намерева-

ется предпринять в Финском заливе поиски бежавшей из Таллина польской подводной лодки. Эстонский флот, со своей стороны, предпринял тщательные поиски означенного судна» [4, с. 19].

Однако, памятная записка не помогла эстонской дипломатии, которая столкнулась с прямолинейностью дипломатии советской. Молотов в начале переговоров, после формальной фразы по поводу торгового соглашения, заявил следующее: «Политические же отношения между Советским Союзом и Эстонией не только не в порядке, но они неудовлетворительны. Побег интернированной польской подводной лодки из Таллина показывает, что правительство Эстонии не очень заботится о безопасности Советского Союза... Вы же признаете, что механизмы подводной лодки имели определенные неисправности. Следовательно, и впрочем, это подтверждает и наша информация, что подводная лодка была отремонтирована в Таллине, снабжена топливом, ей были оставлены 6 торпед и дана возможность уйти. Разъяснение эстонского правительства не опровергает это сомнение. Таким образом, в море оказалась подлодка, представляющая угрозу для советского флота» [4, с. 20]. Из этих слов нам понятна формулировка «Правды» в своей статье, а Карлу Сельтеру новое направление «торговых» переговоров. Молотов в ходе переговоров настаивает на вводе войск в Эстонию и аренде сухопутных, военно-воздушных и морских баз, требуя от Эстонского правительства скорейшего ответа: «Подчеркиваю еще раз заявлял Молотов, – это дело срочное. Обстановка требует безотлагательного решения. Мы не можем ждать долго. Советую Вам пойти навстречу пожеланиям Советского Союза, чтобы избежать худшего. Не принуждайте Советский Союз применять силу для того, чтобы достичь своих целей» [4, с. 25]. В свою очередь, Сельтер заявил, что он не уполномочен подписать договор, и должен проконсультироваться с правительством и парламентом в Таллине.

Советское руководство заявило, что само займется расследованием инцидента, и примет меры безопасности против подводных лодок, которые могут угрожать безопасности судоходства Советского Союза. Резонанс в прессе отразился и на принятии политических решений СССР и Эстонии. Сам по себе факт бегства субмарины не мог предоставить повода для упрека эстонского правительства. Для внесения в договор о взаимопомощи пунктов, в которых регламентировался бы порядок введения советских войск на территорию Эстонии, их количество и места дислокации, советское руководство воспользовалось инцидентом, связанным с потоплением теплохода «Металлист». Газета «Правда» 28 сентября 1939 года опубликовала статью под заголовком «Потопление советского парохода неизвестной подводной лодкой», в которой говорилось следующее: «27 сентября около 6 часов вечера неизвестной подводной лодкой в районе Нарвского залива был торпедирован и потоплен советский пароход «Металлист», водоизмещением 4000 тонн. Из состава команды парохода в количестве 24 человек дозорными советскими судами было подобрано 19 человек; остальные 5 человек не найдены» [5, с. 2]. В этом же номере, следующим сообщением «О переговорах между СССР и Эстонией» газета «Правда» подчеркивала неэкономический характер переговоров этих государств: «Ввиду того, что объяснения эстонского правительства насчет обстоятельства исчезновения в неизвестном направлении польской подводной лодки, интернированной в Таллинском порту, оказались неудовлетворительными, между Эстонией и СССР начались переговоры о мерах обеспечения безопасности советских вод от диверсионных действий со стороны скрывающихся в балтийских водах иностранных подлодок» [5, с. 2]. В этой же статье «Правда» упрекает эстонское правительство в пособничестве побегу: «...Считается наиболее правдоподобным, что лодку отремонтировали в Таллине, вероятно снабдили горючим и, таким образом, дали ей возможность бежать» [5, с. 2]. Кроме того, советская газета обвиняла эстонское правительство в том, что на территории Эстонии расположены скрытые базы подводных лодок: «...Если иметь в виду, что по сообщению из Ленинграда сегодня в двух местах видели перископы неизвестных подводных лодок в районе Лужской губы, то можно прийти к выводу, что где-то неизвестные подлодки имеют свою базу» [5, с. 2].

Потопление «Металлиста» до сих пор вызывает дискуссии у исследователей, было ли это потопление совершенно польской субмарины, или же являлось советской провокацией. Сегодня установить это весьма сложно. Эстонская сторона приводит в доказательство провокационный характер действий советско-

го флота. Это следует из письма начальника Таллиннского Отделения Службы Пограничной охраны. В нём подчёркивается противоречие нормам международного права предпринятой акции. Эстонский офицер сообщал, что в ночь 25 сентября эстонские пограничники, рядом с полуостровом Пяриспеа, заметили два корабля, на бортах которых были надписи – русские буквы «Л. Г.» и «С. М.». Вероятнее всего, это были советские крейсера, которые не ограничились патрулированием: «Опрошенные – начальник пограничного кордона Пяриспеа мл. фельдфебель Таур и дежурный того же кордона капрал Канди – подтверждают четыре выстрела» [4, с. 27]. Этот инцидент, формально обоснованный поиском польской субмарины и военных баз других подводных лодок, должен был подчеркнуть серьезность намерений советского правительства и продемонстрировать готовность Балтийского флота к принятию «более крутых мер».

На следующий день 26 сентября 1939 года на заседании госсовета в Эстонии началось обсуждение проекта договора о взаимопомощи. Характерным является тот факт, что за все обсуждение о подводной лодке не говорилось ни слова. Эстонское руководство оценивало реальную угрозу вторжения советских войск на свою территорию. Генерал Лайдонер на заседании четко сформулировал положение: «Нельзя сомневаться, что если мы с Россией не достигнем соглашения, то будет война» [4, с. 30]. При этом Лайдонер отмечал необходимость заключение этого договора, руководствуясь реальной международной обстановкой: «Этот проект договора не ультиматум. До сих пор с нами обходились вежливо. Теперь предстоит обзор, каковы были бы наши возможности к сопротивлению в случае войны. Известное время определенно можем сопротивляться. Как долго может продолжаться – сказать трудно, может быть несколько месяцев или дольше. Однако конец ясен. Хотя Россия, возможно, и не очень сильна в военном отношении, она все же в состоянии выставить против нас достаточное количество войск» [4, с. 30]. Кроме того, Лайдонер понимал, что СССР имеет не только военное превосходство, но и морально-психологическое: «Кроме всего прочего, трудно начинать войну, когда тебе предлагают договор о помощи. Это было бы таким пропагандистским козырем для России, воздействие которого нетрудно предсказать» [4, с. 31]. Вся угроза для суверенитета Эстонии понимали и члены Государственной Думы Эстонии. Ю. Юрима, в частности, отмечал: «Нам предстоит обсудить – война или мир. Понятно, что если заключим договор, то и в дальнейшем положение не изменится к лучшему. Может быть, нам сейчас было бы легче защищать себя, даже зная, что поражение в войне неизбежно. Вопрос стоит так: или бороться, или погибнуть совсем – возможности победить нет. Если примем предложение, тогда останется надежда, что сохраним народ Эстонии. Это, конечно, лишь надежда, осуществление которой зависит от доброй воли России. Кажется, у нас выбора нет. С нашим нынешним вооружением мы не можем вступить в войну, столь тяжелую и разрушительную» [4, с. 31].

Учитывая доводы каждого выступающего, было принято решение пойти на согласие с советской стороной. На следующий день возобновились переговоры в Москве. К. Сельтер заявил о готовности вести переговоры, но настаивал на том, «чтобы они проходили в спокойной обстановке», основным препятствием конструктивным переговорам Сельтер видел нахождение в Эстонских территориальных водах кораблей Краснознаменного Балтийского флота: «Правительство Эстонии также считает, что для развития переговоров было бы полезно, чтобы они проходили в спокойной обстановке. Однако этому мешают нарушение территориальных прав Эстонии со стороны военных советских кораблей и самолетов» [4, с. 37-38]. Молотов заявил, что не знает о подобных инцидентах, и займется их выяснением позже. Далее Молотов, ссылаясь на сообщение ТАСС, заявляет: «Кроме того, вчера в Лужской бухте были замечены перископы двух подводных лодок. Эти факты настолько существенно изменили общую картину, что Советское правительство не может больше ограничиваться теми предложениями, которые я представил Вам в прошлый раз, и поручило мне сделать дополнение к ним, а именно: Эстония должна предоставить Советскому Союзу право в течение нынешней войны в Европе держать в разных ее местах 35 000 человек пехоты, кавалерии и авиации с тем, чтобы предотвратить втягивание Эстонии или Советского Союза в войну, а также для защиты внутреннего порядка в Эстонии» [4, с. 37-38]. Позже Молотов по просьбе Эстонской делегации приглашает Сталина и вновь повторяет формулировку о предполагаемых базах подводных лодок на терри-

тории Эстонии: «События последних дней показывают, что у Советского Союза отсутствует какая-либо безопасность. Следует полагать, что в Финском заливе имеется место, где подводные лодки могут базироваться и снабжаться горючим. В море, на пороге Ленинграда торпедируют и топят суда Советского Союза, тонут советские моряки. Возможно, в нападении не участвовала бежавшая из Таллинна лодка, возможно, в Балтийском мире находится база какого-либо третьего государства, например, Англии, однако факт в том, что у Советского Союза отсутствует безопасность на море и правительство Эстонии не в состоянии обеспечить эту безопасность. Если бы в Эстонии находилась советская армия, тогда можно было бы быть уверенными, что никто не рискнет предпринять подобных нападений» [4, с. 39].

После долгих прений Советское и Эстонское руководство договорились о заключении договора о взаимопомощи, в котором говорилось об изменении торгового соглашения с Эстонией, о размещении военных баз СССР на территории Эстонии с общей численностью 25000 человек, и о предоставлении Советскому Союзу в аренду незамерзающих портов в Палдиски и Таллине. При этом в договоре подчеркивалось, что СССР не намерен покушаться на суверенитет Эстонии.

Библиографический список

1. Правда. – 1939. – 17 сентября.
2. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). – М., 2000.
3. Правда. – 1939. – 19 сентября.
4. 1940 год и его последствия // Сборник документов. Евроуниверситет. – Таллинн, 1999.
5. Правда. – 1939. – 28 сентября.

Bibliography

1. Pravda. – 1939. – 17 sentyabrya.
2. Meljtyukhov, M.I. Uputhennihyj shans Stalina. Sovetskiyj Coyuz i borjba za Evropu: 1939-1941 (Dokumentih, faktih, suzhdeniya). – M., 2000.
3. Pravda. – 1939. – 19 sentyabrya.
4. 1940 god i ego posledstviya // Sbornik dokumentov. Evrouniversitet. – Tallinn, 1999.
5. Pravda. – 1939. – 28 sentyabrya.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК: 93-99

Shmatov V.G. ROLE OF THE SOVIET UNION IN «REHABILITATION» OF SOCIO-ECONOMIC LIFE OF XINJIANG PROVINCE (1934-1937). This article is devoted to The Soviet Union policy in relation to Chinese province – Xinjiang. In particular, based on the archival documents, it's considered range of activities undertaken by the Government of the USSR. These activities are aimed to "rehabilitation" of socio-economic life of the region.

Key words: economics, transport infrastructure, industry, national war, equipment.

В.Г. Шматов, аспирант факультета истории и права Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: Smatov_007@mail.ru

РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В «ОЗДОРОВЛЕНИИ» СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН (1934-1937 ГГ.)

Статья посвящена политике Советского Союза в отношении китайской провинции Синьцзян. В частности, на основе архивных документов, рассматривается ряд мероприятий, проводимых правительством СССР, направленных на «оздоровление социально-экономической жизни региона».

Ключевые слова: экономика, транспортная инфраструктура, промышленность, национальная война, оздоровление.

Политика Советского Союза в отношении крупнейшей китайской провинции Синьцзяна занимает во второй трети XX века отдельное и достаточно важное место в истории дипломатических и торгово-экономических связей двух государств [1, с. 101].

Повышенный интерес историков к этому периоду становится вполне понятным, если учитывать масштабность и значимость процессов, которые развивались в этом регионе в 20-х-40-х годах XX века.

После подавления китайской администрацией национально-освободительного движения коренных народов Синьцзяна, вспыхнувшего в провинции в 1933 году и продолжавшегося в течение двух лет, экономика региона пришла в упадок. Разру-

шенный войной хозяйство не в состоянии было обеспечить торгово-экономические связи провинции. Это в свою очередь обрекло на нищету и голод значительную часть населения провинции. Члены правительства Синьцзяна и её губернатор, генерал Шен Шицай, хорошо осознавали, что собственными силами, при отсутствии материально-технической базы, восстановить экономику региона не возможно. В этих условиях провинциальные власти обратились за помощью к СССР. В свою очередь руководство Советского Союза, заинтересованное в поставках дешёвого и качественного синьцзянского сырья, поступавшего на предприятия лёгкой промышленности, откликнулось на эту просьбу и в августе 1933 года на специальном заседании ПБ ЦК

Инцидент, связанный с подводной лодкой «Orzel» послужил поводом для заключения договоров о взаимопомощи, причины которых были более серьезными и вызваны, в первую очередь, начавшейся в Европе войной. Говоря о причинах событий в Прибалтике, стоит отметить наиболее существенные: во-первых, вынужденные меры по обеспечению безопасности СССР, во-вторых, необходимость торгового соглашения со стороны Эстонии, вызванное военными действиями на Западе Европы и прекращением возможности вести торговлю через Балтийское море, и, в-третьих, желание СССР усилить свои позиции в Восточной Европе.

Стоит подчеркнуть вместе с тем, что переговоры эти проходили при отсутствии со стороны СССР должного дипломатического такта. Отчасти это объясняется сложной обстановкой в Европе, а также тем, что в рассматриваемый период жесткость и даже откровенная грубость стали, едва ли не общим явлением в дипломатической практике великих держав. Правительство СССР, между тем, руководствовалось желанием отстаивать национальные интересы безопасности и целостности страны. Это обстоятельство, на наш взгляд, в известной мере оправдывало те решения, которые оно применяло в отношении стран Балтии.

ВКП (б) приняло постановление о принятии мер, направленных на развитие и поддержку экономики провинции [2, с. 20].

Широкий круг мероприятий, определенных постановлением касался вопросов развития сельского хозяйства и земледелия, дорожного строительства и транспорта, электрификации, промышленности и коммуникаций провинции. Большие усилия и значительные материальные средства в первую очередь пошли на развитие транспортной инфраструктуры провинции. В документах, характеризующих Синьцзян в тот период, указывалось, что дорог, за исключением некоторых участков на севере провинции, нет. А имеющиеся дороги – «грунтовые и плохо разработанные». Здесь же подчёркивалось, что из автотранспорта в Кашгарском и Хотанском округах имеется 30 грузовых автомобилей и около 5 легковых [3, Л. 32].

Понимая, что отсутствие развитой дорожной системы в регионе не может в достаточной степени удовлетворять торгово-экономическим интересам сотрудничающих сторон, Советский Союз, по просьбе правительства Синьцзяна в 1935-1936 г. осуществил:

- поставку автомашин-тракторов для дорожного строительства в количестве 30 автомашин, грузовиков, тракторов и запасных частей к ним на сумму 200 тыс. рублей. [4, Л. 75];

- произвел финансирование дорожного строительства в Синьцзяне на сумму 600 тыс. рублей. В частности была произведена «гравировка дороги Урумчи – Кульджа толщиной в 10 см.». Дорога стала шириной 8, 5 метров, с построенными мостами. Кроме того, в Синьцзяне были построены еще ряд дорог, которые уже можно было использовать для бесперебойной транспортировки грузов. В их числе особое значение имели трассы:

- Урумчи-Бахты, через Шихо, Чугучак – 652 км;
- Урумчи-Хоргос, через Цзынхе – Кульджа – 824 км;
- Урумчи-Зайсан, через Шара-Сумэ-972 км;
- Урумчи-Хами-768 км [3, Л. 70].

Одновременно, был решен вопрос о создании дорожного комитета в Синьцзяне, в обязанности которого вошли функции охраны существующих дорог и их обслуживание. Это, в свою очередь, дало определенную гарантию безопасности при перевозках.

Особо важную роль в экономике региона всегда играло сельское хозяйство. Пришедшее после войны в упадок, оно существенным образом сократило товарооборот между сторонами. Осознавая необходимость развития сельского хозяйства для провинции, руководство СССР осуществило поставку в регион различных сельскохозяйственных машин и оборудования для ирригационных целей на сумму 260 тыс. рублей. В частности были поставлены жатки, сеялки, разный инвентарь, племенной скот, сортовые семена, предметы для удобрения почвы, различные сельскохозяйственные материалы [3, Л. 78].

Важным моментом, который входил в «план мероприятий по оздоровлению экономики Синьцзяна» был вопрос о развитии промышленности провинции, которая в рассматриваемый период была представлена лишь кустарными предприятиями.

Понимая, что преодоление послевоенного экономического кризиса возможно только при наличии собственной промышленности в регионе, Советский Союз, на основании ряда договоров, (от 27 ноября 1935 года, курсив мой В.Ш) поставил в Синьцзян:

- оборудование для хлопкоочистительного завода с производительностью 8 – 10 тонн хлопка-сырца в сутки;

- оборудование для маслобойного завода, производительностью 1638 кг. масла в сутки. Общая стоимость поставленного оборудования была определена в 13 тыс. золотых рублей [3, Л. 83-90];

- оборудование для передвижного лесопильного завода с локомотивом в г. Урумчи. В частности было осуществлено проектирование всей установки, руководство монтажом, пуском в эксплуатацию и обучением технического персонала. Общий

объем договора, включая проектирование, пуск завода и обучение персонала выражался в сумме 6 098 золотых рублей.

Важным разделом в план мероприятий «по оздоровлению экономики Синьцзяна» вошел вопрос электрификации региона. Так, на основании отдельных договоров Советский Союз поставил оборудование для временной электростанции в г. Кульдже мощностью 36 киловатт и городской электростанции в г. Урумчи. Общая стоимость всего оборудования, включая проектирование, монтаж и обучение персонала была определена в 117. 025 золотых рублей [3, Л. 83-90].

Помимо плана мероприятий, направленных на «оздоровление» экономики региона, Советский Союз в 1934-1937гг выполнил ряд задач, направленных на улучшение жизни и быта населения. Например, существующая в регионе связь функционировала в техническом отношении довольно плохо, а порой и отсутствовала полностью, несмотря на наличие нескольких почтовых отделений и телеграфа. Учитывая это, Советский Союз, поставил в Синьцзян:

- 5 радиостанций типа МРК-08, смонтированных на 10 автомашинах, с запасными частями, инструментом и оборудованием. Общая стоимость оборудования была определена в 69 тыс. золотых рублей.

- Оборудование для 2-х телефонных станций по 100 номеров каждая. Одна в Урумчи, одна в Кульдже. Стоимость всего оборудования, включая проектирование, монтаж и обучение персонала, была определена в 6820 золотых рублей каждая станция, и общая стоимость определилась в 13 640 золотых рублей.

- Оборудование для расширения телефонной станции на 300 дополнительных абонентов.

Очевидный интерес в освещении вопроса о помощи Советского Союза Синьцзяну в это период представляет запись беседы руководителей Восточного управления НКВД СССР от 08.02.1941г. с представителями Синьцзянского правительства. В ходе этой беседы была достигнута устная договоренность о строительстве в Синьцзяне еще целого ряда предприятий. В том числе, таких как:

1. Сахарный завод с производительностью – 3 000 тонн в год.
2. Спичечная фабрика – производительность 15 тонн ящиков в год.
3. Бумажная фабрика – производительность 500 тонн в год.
4. Цементный завод с производительностью 1500 тонн цемента в год.
5. Шерстянная фабрика – производительность 90 тыс. метров в год.
6. Бельевая фабрика.
7. Табачная фабрика – производительность 4500 ящиков в год.
8. Консервный завод – производительность 300 тыс. банок в год.
9. Мыловаренный завод с производительностью 10 тыс. ящиков в год.
11. Свечной завод с производительностью 3 тыс. ящиков в год [4.Ф.413 оп 12, Д.4594 Л. 43].

Таким образом, комплекс мероприятий, осуществленных Советским Союзом в Синьцзяне в рамках плана направленного на «оздоровление социально-экономической жизни региона», существенным образом улучшил положение провинции. В результате в регионе началась модернизация хозяйственной жизни, повысилось благосостояние населения, улучшилась система торгово-экономического сотрудничества двух стран. Советские специалисты, находящиеся в Синьцзяне, отмечали весьма дружелюбное отношение к советскому государству как со стороны местных властей, так и основной массы населения.

Следует подчеркнуть, что построенная совместными усилиями инфраструктура и промышленный комплекс в провинции серьезно повлияли на события, связанные с начавшейся в июле 1937 г. широкомасштабной агрессии Японии против Китая.

Библиографический список

1. Бармин, В.А. Еще раз о характере отношений советского руководства и губернатора Синьцзяна Шен Шица в 30-40 гг. XX в., или что лежало в основе разрыва связей Советского Союза и Китайской провинции // VII востоковедческие чтения памяти Лившица С.Г.: международная научно-практич. конф. – Барнаул, 2012.
2. Мировицкая, Р.А. Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутривосточной стабильности в Китае // Роль СССР и Китая в достижении победы во второй мировой войне: сб. материалов науч. конф., организованной Институтом дальнего Востока РАН и Китайским Институтом международных исследований МИД КНР / сост. А.Ф. Клименко. – М., 2012.
3. РГВА (Российский Государственный Военный Архив). Ф.25895 оп. 1,Д.938.
4. РГАЭ (Российский Государственный Архив экономики). Ф.413 оп12 с., Д.2879.

Bibliography

1. Barmin, V.A. Etne raz o kharaktere otnosheniy sovetskogo rukovodstva i gubernatora Sinjczyana Shen Shicaya v 30-40 gg. KhKh v., ili chto lezhalo v osnove razrihva svyazey Sovetskogo Soyuzа i Kitayjskoj provincii // VII vostokovedcheskie chteniya pamyati Livshica S.G.: mezhdunarodnaya nauchno-praktich. konf. – Barnaul, 2012.
2. Mirovickaya, R.A. Sovetskiy Soyuz i Kitajjskaya Respublika. 1930-e godih, problemih vnutripolicheskoy stabilnosti v Kitae // Rolj SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedih vo vtoroy mirovoj vojne: sb. materialov nauch. konf., organizovannoy Institutom dalnego Vostoka RAN i Kitajjskim Institutom mezhdunarodnihk issledovaniy MID KNR / sost. A.F. Klimenko. – M., 2012.
3. RGVA (Rossiyskiy Gosudarstvenniy Voenniy Arkhiv). F.25895 op. 1.D.938.
4. RGAЕh (Rossiyskiy Gosudarstvenniy Arkhiv ehkonomiki). F.413 op12 s., D.2879.

Статья поступила в редакцию 31.10.13

УДК 796.82(571.51/.52)

Domogashev O.S. THE ORIGIN AND INITIAL STAGE OF THE DEVELOPMENT OF WRESTLING IN THE REGIONS OF SOUTHERN SIBERIA IN THE 60-70TH OF THE XX CENTURY. The paper deals with the basic questions of origin and development at the initial stage of wrestling in the regions of Southern Siberia. This work is based on archive documents, personal memoirs of trainers, periodicals and specialized scientific literature.

Key words: history of wrestling; Southern Siberia, the state policy in the sphere of physical culture and sports.

О.С. Домогашев, ст. преп. каф. физической культуры и спорта ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: domogashev@yandex.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ В РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ В 60-70-Е ГГ. XX В.

В работе рассматриваются основные вопросы зарождения и развития на первоначальном этапе спортивной борьбы в регионах Южной Сибири. Данная работа основана на архивных документах, личных воспоминаниях тренеров, периодической печати и специализированной научной литературе.

Ключевые слова: история спортивной борьбы; регионы Южной Сибири, государственная политика в сфере физической культуры и спорта.

В предлагаемой статье впервые раскрывается история зарождения спортивной борьбы в регионах Южной Сибири, проводится сравнительный анализ организации секций спортивной борьбы в Хакасии, Туве и Горном Алтае. Особое внимание уделяется развитию спортивной инфраструктуры, деятельности первых квалифицированных тренерских кадров, первым успехам на региональном и международном уровне, а также региональной политике в области спорта.

История спортивной борьбы в Южной Сибири берет свое начало в конце 1950-х – нач. 1960-х гг. В спортивной жизни советского общества того времени начался новый период. Одним из приоритетов социальной политики остается развитие физической культуры и спорта. В решениях XXII съезда КПСС отмечалось следующее: «Партия считает одной из важнейших своих задач обеспечить воспитание, начиная с самого раннего детского возраста, физически крепкого молодого поколения с гармоническим развитием физических и духовных сил. Это требует всемерного поощрения всех видов массового спорта и физической культуры в т.ч. в школах, вовлечения в физкультурное движение все более широких слоев населения, особенно молодежи» [1].

Важным фактором качественного подъема спортивного движения является начало участия команды Советского Союза в Олимпийских играх 1952 г., где спортивная борьба являлась одной из обязательных дисциплин. Одним из следствий явилось массовое создание секций спортивной борьбы. Выстраивается многоуровневая система подготовки и отбора лучших борцов для участия на соревнованиях различного ранга, для чего были объединены усилия ученых, методистов, тренеров, преподавателей специальных учебных заведений [2].

Развитие спортивной борьбы в регионах Южной Сибири базировалось на основе действовавших с 1930-х гг. физкультурных обществ. При этом необходимо отметить, что в Хакасии, Туве и Горном Алтае была сильна традиционная школа борьбы (курес, хуреш, куруш). В 1930-1950-х гг. внутри каждого региона регулярно проводились состязания по национальным видам борьбы в рамках спартакиад, на которых принимало участие большое число спортсменов. Молодежь приходила в открывавшиеся спортивные секции, уже обладая сформированными на-

выками борьбы. Отмеченная особенность учитывалась тренерскими кадрами, которые использовали технический арсенал национальных видов при подготовке спортсменов. Первоначально на территории Южной Сибири функционировали как секции классической (греко-римской), так и вольной борьбы. Позднее, тренеры и спортивное руководство в Горном Алтае и Туве, по всей видимости, учитывая не в последнюю очередь специфику традиционных видов, сконцентрировались на одном виде спортивной борьбы. В Хакасии было решено сохранить секции, как вольного, так и классического стилей.

Развитие спортивной борьбы в Хакасии началось с деятельности таких специалистов как: Лукин В.Е., Боргояков М.И., Чарков В.И., Косов К.А. На первоначальном этапе в 1960-е гг. практиковались тренировки и участие в соревнованиях борцов одновременно как по классической, так и по вольной борьбе. Первый мастер спорта по вольной борьбе из Хакасии Карамашев А.Н. объяснял это несколькими причинами: во-первых, слабым финансированием, отсутствием квалифицированных тренерских кадров, ограниченным числом спортивных соревнований, небольшим по сравнению с последующими годами числом занимавшихся. Необходимость в практике, соревновательном опыте заставляла юных борцов принимать участие в соревнованиях по разным видам борьбы [3].

Первая секция борьбы (классической) была создана в г. Черногорске в сер. 1950-х гг. под руководством Лукина В.Е. Ее воспитанник С. Макаров стал чемпионом Сибири в 1957 г. [4]. В г. Абакане, пос. Усть-Абакан и с. Аскиз в этот же период начали осуществлять свою деятельность небольшие любительские секции, где трудились тренеры-энтузиасты [5]. Выход на всесоюзный и международный уровень спортивной борьбы связывается с именами Боргоякова М.И. и Чаркова В.И. открывших спортивному миру таких спортсменов как И. Ярыгин, С. Карамчаков, В. Токчинов, А. Талачев, И. Голощапов и др. Роль этих двух тренеров в становлении хакасской вольной и классической борьбы явилась определяющей.

М.И. Боргояков начал осуществлять тренерскую деятельность с 1961 г. в Хакасской областной национальной школе. Несмотря на сложные материально-технические условия, были получены значительные успехи – второе место на командном

первенстве РСФСР среди сельских спортсменов, а несколько учеников попали в сборную РСФСР [6]. В 1960-х гг. воспитанники М.И. Боргожкова демонстрировали стабильно успешные результаты на всероссийском уровне среди молодежи, а с начала 1970-х гг. и на взрослом уровне. Чуть позже стали открываться секции спортивной борьбы и в других населенных пунктах Хакасии [7].

Основателем вольной борьбы в Хакасии явился В.И. Чарков, начавший тренерскую деятельность при поддержке Д.Г. Миндиашвили в 1966 г. Тренер выявлял способных, перспективных борцов, которые впоследствии стали оказывать серьезную конкуренцию уже известным спортсменам на соревнованиях различного уровня.

В 1966 г. был открыт первый специализированный спортивный класс по вольной борьбе в Аскизском районе в Калининской средней школе [8]. 18 сентября 1969 г. решением № 284 исполнительного комитета областного совета депутатов трудящихся Хакасской автономной области в целях развития борьбы (классической и вольной) как одного из наиболее распространенных национальных видов спорта решил открыть в г. Абакане областную детскую спортивную школу по борьбе с отделениями в г. Черногорске, п. Усть-Абакан, в селах Аскиз и Таштып [9]. Впоследствии на базе данной школы сформировалась система подготовки спортсменов высокого класса.

Руководство Тувинской автономной области (с 1961 г. Тувинская АССР) после вхождения в состав СССР проводило активную политику по привлечению молодых специалистов с физкультурным высшим и средним образованием. Они вводили и пропагандировали новые для тувинского народа виды спорта. В 1961 г. в Туве открылась своя первая спортивная школа молодежи при Союзе спортивных обществ и организаций, где начинают работать секции по вольной борьбе, футболу, лыжам и гимнастике спортивной. Вольная борьба получила развитие и в рамках деятельности добровольных спортивных обществ «Урожай» и «Спартак» [10]. Начало развития спортивной борьбы в Туве связано с именами Петрова П.М. (классическая борьба) и Хасанова И.Х. (вольная борьба).

Также как и в Хакасии, первым энтузиастам-тренерам приходилось преодолевать серьезные трудности, связанные с необходимостью создания соответствующей материальной базы для развития спорта. Позднее значительный вклад в развитии спортивной борьбы в Туве стали вносить сами тувинские борцы и тренеры (Бартан О.О., Чульдук А.И. и др.) [11]. По воспоминаниям первого мастера спорта среди представителей тувинского этноса О.Ч. Ондара спортсмены по завершению своего обучения в других регионах СССР возвращались с накопленным опытом обратно на родину, становились тренерами [12].

Успехов на соревнованиях различного уровня достигли Н. Мумба (I место на Первенстве Сибири и Дальнего Востока), И. Хасанов (I место на Первенстве ЦС ДСО «Урожай» в г. Грозный), Б. Кадыр-оол (II место на Международном турнире в г. Хельсинки). Позднее в 1975 г. на Международном турнире на призы А. Медведя III место занял А. Шойдук. Вместе с тем развитие сильной борцовской школы в Туве прерывалось из-за нехватки квалифицированных кадров и необходимой инфраструктуры [13]. Позднее в 1970-1980-х гг. ситуация кардинально не менялась [14].

Развитие спортивной борьбы в Горном Алтае начинается немного позднее, в чем соседних регионах – с середины 1960-х гг. Также как и в соседних регионах первоначально получили развитие оба вида спортивной борьбы. В численном отношении секции

вольной борьбы даже преобладали над секциями классической борьбы [15]. Наиболее известным тренером по вольной борьбе был Носов В.Н. [16] Однако серьезных успехов представители вольной борьбы в Горном Алтае добиться не успели, уступив место представителям классического стиля [17]. Основателями классической борьбы в регионе стали мастера спорта СССР М.К. Каланакоев и Н. Мюсов. Они совместно с представителями других видов спорта первоначально большое внимание уделили пропаганде физической культуры и спорта в регионе [18].

Наиболее значимым успехом этого периода следует отметить победу Э. Белекеева в 1968 г. на чемпионате РСФСР среди молодежи по классической борьбе. Чуть позже в 1970 г. команда Горно-Алтайской автономной области занимает II место на соревнованиях сельских атлетов Дальнего Востока и Сибири. Проблемы, с которыми пришлось столкнуться тренерам, были такими же, что и в Хакасии и Туве: отсутствие специализированных залов, качественного инвентаря и др. Первоначально занятия проводились в подвале областной библиотеки. Однако уже через два года появились серьезные результаты – успехи на зональных и республиканских соревнованиях. Появились первые мастера спорта – ученики М.К. Каланакоева – А. Манзыров, Б. Казаков, С. Ютанов, О. Шатин и др. [19].

В 1974 г. администрация г. Горно-Алтайска и области улучшило условия для тренировок: был выделен зал (на стадионе «Спартак»), приобретен новый ковер, улучшено финансирование. Эта способствовало дальнейшему развитию спортивной борьбы в Горно-Алтайской автономной области. Тем не менее, материально-техническая база все еще оставляла желать лучшего [20].

Горный Алтай и Хакасия в административном отношении входили в состав Алтайского и Красноярского краев. Вследствие этого, также и федерации спортивной борьбы обоих регионов подчинялись краевым спортивным комитетам. После достижения первых значимых успехов борцы переезжали в Школу высшего спортивного мастерства, где повышали свой уровень мастерства. Из Тувинской АССР спортсмены также переезжали в крупные города СССР, где функционировали центры подготовки спортсменов высокого уровня. Повышение спортивного мастерства в ведущих борцовских школах позитивно сказывалось на развитии борьбы, поскольку позже борцы возвращались с полученным опытом обратно на родину, осуществляли тренерскую работу.

Подводя итог, следует отметить, что спортивная борьба в регионах Саяно-Алтая берет начало с середины 1950-х гг. Период становления вольной и классической был сопряжен со значительными материально-техническими трудностями: приходилось заниматься в гаражах, подвальных помещениях, отсутствовал спортивный инвентарь. Отсутствовали тренеры со специализированным образованием и опытом выступления на соревнованиях высокого уровня. Несмотря на это борцы из Хакасии, Тувы и Горного Алтая уже через несколько лет смогли продемонстрировать высокие спортивные результаты. Причинами этого кроются, во-первых, в колоссальном вкладе первых тренеров, сумевших заложить основу для всего дальнейшего развития борьбы в Южной Сибири и, во-вторых, в том, что борьба являлась одной из важнейших составляющих традиционного образа жизни хакасов, тувинцев и алтайцев. Более ранний успех борцов из Хакасии объясняется тесным взаимодействием со школой высшего спортивного мастерства в г. Красноярске, которая координировала работу с местными отделениями ДСО и спортивными школами.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов... – Т. 14.
2. История вольной борьбы [Э/п]. – Р/д: http://csp-ugra.ru/wrestling_2/
3. Карамашев, А.Н. Интервью: записано в апреле 2011.
4. Документальный фонд Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова. – Ф. № 94, Опись № 1.
5. Асочаков, А. Физическая культура и спорт в Хакасии. – Абакан, 2002.
6. Карачаков, Д.М. Биобиблиографический справочник. – Абакан, 2005.
7. Кильчицаков, А.Г. История греко-римской борьбы в Хакасии. – Абакан, 1997.
8. Асочаков, А. Физическая культура и спорт в Хакасии. – Абакан, 2002.
9. Решение Совета народных депутатов Хакасской автономной области Красноярского края от 18.09.1969 г. № 284. – Абакан. – Архивная выписка Государственного архива Республики Хакасия от 28.11.2008 г. № 2914.
10. Кара-Тоннуг, В. К истории развития физкультуры и спорта Туве // Тува-онлайн. Новости Республики Тува [Э/п]. – Р/д: <http://www.tuvaonline.ru>
11. 50 лет вольной борьбы в Туве. Самые яркие представители Тувинской школы вольной борьбы. – Кызыл, 2009. – Спецвыпуск № 1; Чадамба, В. Осуществленная мечта: документально-публицистическое издание. – Кызыл, 2008. – На тувинском языке.
12. Ондар, О.Ч. Интервью, записано в марте 2011.

13. Мумба, Н. Вольная борьба в Туве // Тувинская правда. – 1967. – 11 ноября.
14. Не останавливайся на достигнутом // Тувинская правда. – 1978. – 1 декабря; Растить мастеров ковра (проблема спорта) // Тувинская правда. – 1986. – 2 апреля.
15. Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Социально-правовой документации Республики Алтай» (КУ РА «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай»). Ф.39. Оп.1. д.1, л.38, д.10, л.2.
16. Фисенко, В. Борцы требуют внимания // Звезда Алтая. – 1968. – 17 января.
17. Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Социально-правовой документации Республики Алтай» (КУ РА «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай»). Ф. 39, Оп.2, д. 92. л.2.
18. Сельбииков, А.А. Наш Мадий. – Горно-Алтайск, 2003; Ельдепов, В.Я. Развитие физической культуры и спорта в Горном Алтае в период 1946-1990 г.г. – Горно-Алтайск, 2007.
19. Цифры и факты // Звезда Алтая. – 1970. – 17 декабря.
20. ТА ГСК РА. 1972-1975.

Bibliography

1. KPSS v rezolyuciyakh i resheniyakh sjhezdvov... – Т. 14.
2. Istoriya volnoj borjbi [Eh/r]. – R/d: http://csp-ugra.ru/wrestling_2/
3. Karamashev, A.N. Intervju: zapisano v aprele 2011.
4. Dokumentalnihij fond Khakasskogo nacionalnogo kraevedcheskogo muzeya im. L.R. Kihzlasova. – F. № 94, Opisj № 1.
5. Asochakov, A. Fizicheskaya kuljtura i sport v Khakasii. – Abakan, 2002.
6. Karachakov, D.M. Biobibliograficheskiy spravochnik. – Abakan, 2005.
7. Kiljichichakov, A.G. Istorija greko-rimskoj borjbi v Khakasii. – Abakan, 1997.
8. Asochakov, A. Fizicheskaya kuljtura i sport v Khakasii. – Abakan, 2002.
9. Reshenie Soveta narodnikh deputatov Khakasskoj avtonomnoj oblasti Krasnoyarskogo kraja ot 18.09.1969 g. № 284. – Abakan. – Arkhivnaya vhpiska Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Khakasiya ot 28.11.2008 g. № 2914.
10. Kara-Tonnug, V. K istorii razvitiya fizkuljturh i sporta Tuve // Tuva-online. Novosti Respubliki Tuva [Eh/r]. – R/d: <http://www.tuvaonline.ru>
11. 50 let volnoj borjbi v Tuve. Samihe yarkie predstaviteli Tuvinskoj shkoli volnoj borjbi. – Kihzihl, 2009. – Specvhpusk № 1; Chadamba, V. Osuthestvlenaya mechta: dokumentaljno-publicisticheskoe izdanie. – Kihzihl, 2008. – Na tuvinskom yazihke.
12. Ondar, O.Ch. Intervju, zapisano v marte 2011.
13. Mumba, N. Voljnaya borjbi v Tuve // Tuvinskaya pravda. – 1967. – 11 noyabrya.
14. Ne ostanavlivajysya na dostignutom // Tuvinskaya pravda. – 1978. – 1 dekabrya; Rastitj masterov kovra (problema sporta) // Tuvinskaya pravda. – 1986. – 2 zaprelya.
15. Kazennoe uchrezhdenie Respubliki Altajj «Gosudarstvennihij arkhiv Socialjno-pravovoj dokumentacii Respubliki Altajj» (KU RA «Gosudarstvennihij arkhiv socialjno-pravovoj dokumentacii Respubliki Altajj»). F.39. Op.1. d.1, l.38, d.10, l.2.
16. Fisenko, V. Borcih trebuyut vnimaniya // Zvezda Altaya. – 1968. – 17 yanvarya.
17. Kazennoe uchrezhdenie Respubliki Altajj «Gosudarstvennihij arkhiv Socialjno-pravovoj dokumentacii Respubliki Altajj» (KU RA «Gosudarstvennihij arkhiv socialjno-pravovoj dokumentacii Respubliki Altajj»). F. 39, Op.2, d. 92. l.2.
18. Seljbikov, A.A. Nash Madij. – Gorno-Altajjsk, 2003; Eljdepov, V.Ya. Razvitie fizicheskoy kuljturh i sporta v Gornom Altae v period 1946-1990 g.g. – Gorno-Altajjsk, 2007.
19. Cifrih i faktih // Zvezda Altaya. – 1970. – 17 dekabrya.
20. TA GSK RA. 1972-1975.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК [002.2 + 655.4/.5](=161/1)(575)

Ismailov A.M. CENTRAL ASIA: PROBLEMS OF COOPERATION AND REGIONAL SECURITY. This publication is the result of a study conducted in Central Asia. Analyzes the role of Russian-language book as a tool for cultural and social interaction between the States of Central Asia and Russia, strengthening regional security.

Key words: the Russian-language book, interethnic interaction, cultural integration, regional security, «Eurasianism».

A.M. Исмаилов, канд. ист. наук, доц. каф. теории и истории государства и права ВИ ВВ МВД России, г. Новосибирск, E-mail: mihail.ismailov@yandex.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Данная публикация является результатом исследования, проведенного в Центральной Азии. Анализируется роль русскоязычной книги как инструмента культурного и социального взаимодействия государств Центральной Азии и России, укрепления региональной безопасности.

Ключевые слова: русскоязычная книга, межэтническое взаимодействие, культурная интеграция, региональная безопасность, «евразийство».

История и современное состояние распространения изданий на русском языке в Центральной Азии есть частное доказательство геополитической значимости русского языка и русской книги. Не анализируя данной многогранной проблемы в целом, автор поставил перед собой иную задачу: рассмотреть русскоязычную книгу, прежде всего, в качестве межгосударственного, межнационального явления, имеющего место в группе самостоятельных государств, возникших после распада Советского Союза.

Значение научного анализа проблемы межэтнического взаимодействия обуславливается тем, что в процессе взаимодействия организуется деятельность полиэтничного сообщества. От совершенствования процессов межэтнического взаимодействия

на всех уровнях во многом зависит и перспектива самого общества, степень его целостности и уровень прогрессивности, региональная безопасность.

Вопросы межэтнического взаимодействия, раскрывающие как непосредственные, так и опосредованные взаимные отношения между носителями этнических характеристик на уровне личности, группы или общественного института, рассмотрены в трудах Ю.В. Арутюняна, Н.Р. Маликовой, Л.М. Дробичевой, Б.Г. Крысько. Работы А. Арутюнова посвящены анализу билингвизма и бикультурализма, как проявлениям в зонах этнических границ или обществах мозаичного этнического состава; а Л.М. Дробичева, в частности, рассматривает проблемы культурных дистанций, как мер сходства и различия в межэтническом взаимодействии [1].

После обретения фактической самостоятельности и активного строя культуру национальную некоторые руководители государств центрально-азиатского региона признают особый статус русской культуры. Так, президент Казахстана пишет: «Будучи одним из мощных источников, питающих общемировую культуру, она (русская культура – авт.) принадлежит не только славянским, но и всем другим народам» [2]. Излишне здесь подробно объяснять какую роль играет в этом широкомасштабном процессе книга на русском языке.

На основе приводимых материалов впервые в книговедческой практике удалось реконструировать тенденции процесса выпуска книг на русском языке в центрально-азиатских республиках после событий 1991 г.

Издание книг на русском языке развивалось одновременно с утверждением суверенитетов вновь образованных государств, воплощая в себе сложные и противоречивые процессы. Русскоязычная книга, опубликованная в новых азиатских государствах, становилась важнейшим свидетелем происходивших событий. Имеющиеся в моем распоряжении материалы позволяют утверждать, что в конце XX – начале XXI вв. русскоязычная книга приближала читателя к познанию многоаспектных проблем современной цивилизации, способствовала развитию национальных культур азиатских стран СНГ. Накоплен большой исторический опыт сотрудничества народов, сформировался общий пласт культуры, выступающий в настоящее время, в свою очередь, фактором относительной межэтнической стабильности и региональной безопасности.

Вопрос толерантности и признания культурных, национальных различий становится одним из важнейших условий дальнейшего развития человечества. Однако решение данной проблемы лежит не в этнической унификации, национальной индифферентности и социокультурной анонимности социальных общностей, а в нахождении моделей социальной коммуникации, позволяющих сохранить или сформировать позитивно-ресурсные основания национальных культур в условиях усиливающегося и усложняющегося межэтнического взаимодействия, которое, в свою очередь, по-своему определяет и влияет на особенности формирования локальных социумов и социальных групп.

После распада СССР в бывших советских республиках осталось примерно 20 млн. русских, из них около половины проживали на территории Центральной Азии. В том числе в Казахстане – 6 млн., в Узбекистане – 1,66 млн., в Киргизии – 910 тыс., в Таджикистане – 390 тыс., в Туркмении – 340 тыс. Русские в Центральной Азии составляли 20% населения, а в некоторых странах, например, в Казахстане, их численность даже превышала число жителей коренной национальности. В течение последнего десятилетия многие русские покинули Центральную Азию, но значительное их количество по разным причинам осталось. Сейчас во всех странах Центральной Азии проживает более 6 млн. русских, т.е. примерно 12% населения. Обеспечение прав и равного положения русских в этих странах делается все более важной составляющей государственной политики России, становясь отдельным направлением ее интересов. В то же время многочисленное русское население также становится связующим звеном в развитии отношений с Центральной Азией и эффективным средством расширения влияния России.

На территории Центральной Азии проживает многочисленная русская диаспора и изучение выпуска русскоязычной книги в этой связи тем более не безынтересно. Вместе с тем, исследование книгоиздания на русском языке в названных государствах, по нашему мнению, может не только дать информацию по вопросу, но и внести определенный вклад в создании общей картины евразийской книжной культуры.

В Кыргызстане, одном из возможных объектов Евразийского Союза, в период, рассматриваемый в данном исследовании, сложилась уникальная ситуация. Между Кыргызстаном и Казах-

станом провозглашена «вечная дружба». Россия объявлена главным стратегическим партнером Кыргызстана, на территории которого в 2004 г. создана военно-воздушная база в г. Кант.

Во многом сказанное относится и к таким государствам, как Узбекистан и Таджикистан. Самая населенная страна региона – Узбекистан, является одним из членов «шанхайской шестерки». Все в большей мере в стратегическом плане Узбекистан тяготеет к России. 16 июня 2004 г. в Ташкенте подписан договор о стратегическом партнерстве между РФ и Узбекистаном. В Таджикистане же находятся российские воинские подразделения (201 дивизия, погранотряды). Таджикистан, опять-таки, входит в названный выше политический союз; достаточно тесно связан он с Российской Федерацией и экономически.

Специфично социальное бытование русской книги в Туркменистане. Достаточно сложная ситуация во взаимоотношениях между нашими государствами впрямую отражается на судьбе русских и русскоязычных изданий.

Но сегодня мы вынуждены говорить, что в развитии цивилизации имеет место и такой бесспорный факт, как снижение интереса к книге. Люди в различных странах все меньше и меньше читают. Ученые еще в конце XX столетия отмечали, что наблюдается едва ли не повсеместное снижение интереса к книге.

Центральная Азия de facto пока стоит в этом негативном процессе особняком. На взгляд автора она не занимает ведущего места на духовном пути «в никуда». Быть может, здесь определенную роль играет проявление билингвизма – стремление получить информацию не только из национальных, но и русскоязычных изданий. Можно предположить, что традиции Востока позволяют сохранить книги и сохранять дольше, чем это может произойти в иных – так называемых цивилизованных и благополучных странах. Но данный вопрос, надо полагать, и это естественно, нуждается в более детальной проработке.

Анализ собранных сведений, обобщение впервые вводимых в научный оборот и уже известных фактов дают возможность не только проследить эволюцию книгоиздания на русском языке в регионе, но и воссоздать общую картину издательской практики на территории центрально-азиатских стран в постсоветский период.

Выпуск русскоязычной книги осуществляется в условиях специфических особенностей событий весьма сложного и противоречивого периода: становления суверенных государств, перехода к рыночным отношениям, эмиграции части этнических русских из региона и др.

На конкретных примерах постсоветского периода удалось подтвердить взаимосвязь выпуска русскоязычной книги с процессами, происходившими в новых государствах. Проведенное исследование в значительной своей части построено на статистических и текущих архивных материалах, ранее не использованных специалистами.

Следует отметить еще и следующее. Конвергенции культуры всех центрально-азиатских государств и Российской Федерации в обозримом будущем не предвидится. Вместе с тем, именно в этом регионе может произойти создание первых очагов единой в будущем евразийской культуры. Основой в данном случае послужит объективная тенденция к социально-экономической интеграции, отраженная ныне, например, в реально существующем билингвизме.

Базой для прогноза подобного рода может стать констатация известного факта, что не только Россия, но и страны Центральной Азии, издавна являются мостом между Востоком и Западом. В этой связи логично утверждать, что русскоязычная книга служила, служит и продолжает служить развитию международных контактов, межэтническому взаимодействию, оставаясь важнейшим свидетелем истории эволюции различных государств и народов, существующих на территории региона.

Библиографический список

1. Альшиц, Д.Н. (Д. Аль) Культура без книги // Сб. науч. тр. по материалам 10-х Смирновских чтений. – СПб., 1998. – Т. 149.
2. Исмаилов, А.М. Евразийство как идейная основа взаимодействия культур России со странами Центральной Азии // Межэтнические взаимоотношения и развитие идеи евразийства в странах СНГ: сб. докладов Международной научно-практич. конф. – Астана, 2008.
3. Назарбаев, Н.А. Стратегия вечной дружбы. Казахстан – Россия. – М., 2000.
4. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997.

Bibliography

1. Aljshic, D.N. (D. Alij) *Kuljtura bez knigi* // Sb. nauch. tr. po materialam 10-ih Smirnovskikh chtenij. – SPb., 1998. – Т. 149.
2. Ismailov, A.M. *Evrazijskaja kak idejnaja osnova vzaimodejstvija kuljtur Rossii so stranami Centralnoj Azii* // *Mezhehtnicheskie vzaimootnosheniya i razvitie idei evrazijskaja v stranakh SNG: sb. dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konf.* – Astana, 2008.
3. Nazarbaev, N.A. *Strategiya vechnoj družbih. Kazachstan – Rossiya.* – M., 2000.
4. *Socialjno-kuljturnaja distancija kak faktor mezhehtnicheskikh otnoshenij* // *Identichnostj i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh.* – M., 1997.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 903.01.09

Chirkunov I.V. FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC INDUSTRIES OF THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE IN THE XVI-XIX CENTURIES. On the basis of archival sources, documents and materials published by a number of researchers, the article deals with the process of origin and further development of handicrafts of Nizhny Novgorod province.

Key words: Nizhny Novgorod province, village, rural industry, handicrafts.

И.В. Чиркунов, аспирант Арзамасского филиала ННГУ, г. Арзамас, E-mail: iliya_chirkunov@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVI-XIX ВВ.

В статье на основе архивных источников, документов и материалов, опубликованных рядом исследователей, освещен процесс зарождения и дальнейшего развития кустарных промыслов Нижегородской губернии.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, деревня, сельская промышленность, кустарные промыслы.

Изучение данной тематики занимает одно из центральных мест в исторической науке и остается актуальным вопросом для ряда исследований. Это связано с тем, что подробное изучение истории зарождения промыслов и их развития обусловлено необходимостью уяснения конкретных аспектов, которые помогли сформировать качественно новый облик российской экономики. Исследование формирует новое видение роли мелкого промышленного производства в жизни нашего государства. Благодаря исследованиям становится возможным понимать кустарный сектор в экономике государства, со всеми своими особенностями, по-новому. В свою очередь кустарный сегмент имеет определенное функциональное пространство, содержащее в себе особые качества и социальное содержание. Для написания работы используются многочисленные литературные источники по данному вопросу, архивные данные, документы, а также ряд диссертационных исследований. Исследование ведется с целью попытки систематизации информации и знаний по вопросу зарождения и развития кустарных промыслов Нижегородской губернии.

Видным исследователем данной тематики является А.В. Карпов. Его работы помогают проследить историю образования и развития промыслов. Отдельного внимания достойна статистика производства, приведенная в его работах [1; 2].

Не меньший интерес представляет работа М.А. Плотникова, материалы которой представляют собой описание наиболее выдающихся промыслов губернии по обработке дерева, металлов, шерсти, кож и глины [3].

Некоторые авторы, занимающиеся изучением данной тематики, отводят определенное место климатическим, географическим и хозяйственным условиям России. По их мнению, именно эти факторы стали причиной значительных качественных и хронологических особенностей в общественном разделении труда, которые определили неразвитость и некую запоздалость этого процесса. В.П. Воронцов писал: «По-видимому, силы законы общественного разделения труда, перенесенного на нашу почву, хватило лишь на образование специальных центральных пунктов кустарных районов, но ее оказалось недостаточно для специализации на почве промыслов целого круга» [4, с. 36-37].

Однако, авторы, которые занимались исследованием кустарных промыслов Нижегородской губернии, отмечали наличие специализации крестьянской промышленности, о повсеместном распространении так называемых промысловых «гнезд». А. Борисовский, описывая лоджарный промысел Семеновского уезда. Он указывает на то, что это занятие охватило население 60-ти сел и деревень [5, с. 2420]. И не стоит забывать о том, что территория занятых лоджарным промыслом имела выраженные центры, которые аккумулировали сбыт и снабжение. Таким об-

разом, изучение упомянутых выше кустарных «гнезд», говорит о том, что развитие крестьянской промышленности имело свою специфику.

Оценка кустарной промышленности в истории государства не является однородной. Некоторые исследователи этой проблематики видели в зарождении и развитии кустарных промыслов некоторые противоречивые моменты [6].

Достойна внимания работа А.Д. Погрузова, которая содержит в себе описание попыток правительства, земских учреждений, частных лиц, целью которых было недопущение обнищания кустарного населения [7]. Проблеме государственной политики по отношению к кустарной промышленности Нижегородской губернии посвящен ряд работ М.В. Карташовой [8].

Важным является источник «Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства», который является сборником статей, посвященных географии, статистике и экономической политике в Нижегородской губернии во второй половине XIX века. Сборник состоит из трех выпусков. Авторы — сотрудники Нижегородского губернского земства [9].

На территории Поволжья основой экономической жизни населения служила эксплуатация природных богатств. Однако в течение XVI-XVII вв. эти ресурсы стали постепенно истощаться. Люди вынуждены были расчищать леса под пашни. Происходит постройка новых пашенных сел. Стоит отметить, что большую долю участия в насаждении сел следует приписать деятельности монастырей, так как именно монастыри «заботились» о насаждении земледельческой культуры.

На территории, которая была близкой к Волге и Оке, в начале земледельческого периода и при одновременном упадке существовавшей тогда добывающей промышленности, населению все чаще приходилось искать подсобные заработки. К такому поведению людей толкают определенные причины, основной из которых является достаточно малая производительность почв. Однако, именно благодаря сложившимся негативным факторам, проявляется промышленный и торговый характер населения Нижегородского края [9].

Занимая выгодное территориальное положение при слиянии важных судоходных артерий рек Волги и Оки население не нуждалось в лучших условиях для повсеместного и широкого развития ряда кустарных промыслов. Речные артерии открывали огромные возможности для торговли и судоходства. Лес давал материал для развития ряда деревообрабатывающих промыслов. Стоит отметить, что благодаря умениям выходцев Нижегородского края, деревообрабатывающий и строительный промысел был распространен в ряде соседних районов (например, в Вятском крае).

Развитие деревообрабатывающих и строительных промыслов шло быстрыми темпами. Об этом свидетельствует тот факт, что в XVI веке в Нижегородском крае существовало судостроительство. Стоит отметить, что немецкий путешественник и историк Адам Олеарий, находившийся в Нижнем Новгороде, пересел в нем на собственный корабль «Фридрих». Судно было построено корабельным мастером Михаилом Кордесом с помощью русских плотников. В своих работах Олеарий отмечал, что для своего времени это судно являлось достаточно совершенным [9].

Рассматривая XVII век, Нижегородскую губернию можно заставить во главе судостроения и судоходства всего Поволжья. Судостроение оказало косвенно влияние на ряд других промыслов (канатные и сетевязальные промыслы). Не стоит обходить стороной производство якорей, цепей в селе Безводное, производство крупного баржевого гвоздя в «Красной Рамени» (группа селений Семёновского уезда, расположенных на луговой стороне, недалеко от Нижнего, а также в Балахнинском уезде). Можно говорить о том, что развитие судоходства питало систему промыслов в ряде селений, которые размещались в приречных районах.

Уже в XVIII вв. в кустарной промышленности можно наблюдать широкое разделение труда над одним и тем же объектом, которым выступало дерево в различных формах его обработки. Наличие в большом количестве дешевого горючего материала повлияло на появление и развитие других видов кустарной промышленности края. В первую очередь стоит отметить металлообрабатывающие промыслы и приготовление шерстяных изделий. Обжигаемый в лесах уголь и огромные запасы железа из Сибири, которые имелись на Нижегородской ярмарке, повлияли на возникновение промыслов, связанных с производством гвоздей, цепей, якорей, скоб и так далее [1]. Благодаря огромным складам шерсти в сочетании с дешевым горючим материалом, зародился и развивался валяный промысел в Семеновском уезде. Без угля бы не смогли обойтись Павловские замочки и ножовщики.

Во второй половине XIX вв. по Волге стали ходить первые пароходы. Благодаря их появлению, зародился бурлацкий промысел. Однако с упадком тяги судов на бечеве падает один из основных нижегородских промыслов – канатный. Изменение характера судов отрицательно сказалось на спросе на смолу, а вместе с тем и на смолокурном промысле. Не стоит забывать, что помимо ряда промыслов, которые вызывались общими условиями, распространяющие свое влияние на ряд обширных областей, в Нижегородском крае, достаточно рано появляются промышленные центры, которые специализируются на каком-либо конкретном роде промысла. Выбор отрасли в промышленности зачастую не всегда зависел от материалов, которые имелись рядом, но так же и от особенностей рынка.

Однако существует ряд проблем, связанный с вопросом появления центров однородной сельской промышленности. Можно утверждать, что время их появления относится к XVII веку. Это связано с тем, что прекращается «передвижка» народонаселения, которая отрицательно сказывалась на образовании таких центров. После XVII века сельская промышленность стала развиваться. Села и деревни занялись производством какого-либо одного ремесла. Т.е. жители одного населенного пункта занимались выделкой кожи, в другом населенном пункте ковались изделия из железа и т.п.

Ряд отраслей существовавшей тогда промышленности утверждались в городах, которые находились в выгодном и благоприятствующем для торговли положении. Стоит отметить и многочисленные вызовы иностранцев при Алексее Михайловиче, Петре I, которые так же положительно влияли на развитие промыслов Нижегородского края. Например, в селе Лысково Макарьевского уезда получил широкое распространение столярный промысел, в селе Павлово развивался слесарный и сапожный промыслы [1].

Если обратится ко времени происхождения того значения, какое имеют в Нижегородском крае центры промышленности, то на основании документов, прямых или косвенных данных, оно будет относиться к XVII веку. Этому есть прямое подтверждение. Например, в 1621 году в писцовых книгах села Павлово Горбатовского уезда было занесено 11 кузниц [4]. Кожевенное производство села Богородского существовало еще в п.п. XVII века, время когда село можно было отнести к крупным населенным пунктам Нижегородской губернии. К началу XVII века нужно отметить важный исторический факт в истории Нижегородского

края. Это перенесение с территории Заволжья раскольников. Они селились в лесах для того что бы скрыться от правительства. В истории развития Нижегородской промышленности есть мысли о том, что именно раскольники принесли на территорию так называемый валяный промысел, поначалу в виду выделки головных уборов, затем и обуви. Например, двухсотлетнее существование производства валеной обуви на территории Семёновского Заволжья не подлежит никакому сомнению. Возникновение сапожного промысла можно отнести к концу XVII века. Промысел развивался преимущественно на территории села Выездной Слободы. В селе Большое Мурашкино Княгининского уезда в это же время начал развиваться рукавичный и шапочный промысел. Позднее можно отметить выделение нового важного промысла, получивший название овчино-мерлушчатый промысел [3].

Не всегда можно точно сказать, почему отдельный вид промысла развивался в населенном пункте при наличии ряда условий, благоприятствовавшего для возникновения промысла другого характера. Естественным является тот факт в истории, что огромное влияние на развитие промыслов оказывали помещики. Именно они старались насаждать в многолюдных и в тоже время малоземельных вотчинах промыслы. Крупные помещики, владевшие селами, в которых уже устоялся определенный вид промыслов, нередко переносили вместе с мастерами этих селений их имущество в более бедные селения, не имеющие своих промыслов. Например, Салтыков, владевший одновременно селом Кимрами и селом Выездная Слобода, начинает содействовать развитию сапожного промысла в последнем. Шереметьев, владел селом Богородское Сергачского уезда. Он не только содействовал развитию кожевенного промысла, но и перенес его в село Юрино, в Васильский уезд в виде рукавичного промысла.

После своего возникновения на определенной территории, промысел не всегда нуждался в «помощи» помещика, для того что бы перенестись в другие населенные пункты губернии. Это происходило естественным путем, благодаря взаимодействию населения, которое заключалось в простом взаимодействии и географическом распространении промысла. Например, в село Смирново, находившееся в Арзамасском уезде, был случайно занесен валяный промысел [2]. В свою очередь от села Смирново, промысел стал распространяться на другие территории и в начале XIX века ему научились жители села Красное. Такими же путями зарождался и распространялся ряд других промыслов. Кузнечный промысел возникает сначала в деревне Еховке. Его появление можно отнести к 1833 году. Далее промысел распространяется в деревне Рахманово Арзамасского уезда [2].

Необходимо сказать, что такой обмен производств получил достаточно сильное распространение в начале XIX века. Это было связано с тем, что данная эпоха была временем оживления сельских промыслов и промышленности в целом. Ряд законодательных мер снимал стеснения с крестьянской промышленности. Таможенный тариф 1819 года, губительно действовал на крупные предприятия и фабричные заведения. Благодаря сложившейся ситуации навыки людей, работавших на предприятиях, распространялись по селам и деревням. Именно этот момент послужил толчком к оживлению мелкой крестьянской промышленности. Положительно сказалось и открытие важного пункта сбыта товаров – Нижегородская ярмарка (1817 – 1828 гг.), которая была перенесена из-под Макарьева. Эти факторы положительно влияли на население и давали им дальнейший толчок промышленной энергии, тем самым освобождая его от влияния местных условий производства. Огромное количество железа из Сибири, шерсти из Оренбурга, кожи шли для переработки по всей Нижегородской губернии, которая, стоит отметить, едва могла удовлетворить ардатовской рудой Выксунские заводы [2].

Но были и отрицательные моменты. Такое мощное оживление промышленности нашло в себе задатки дальнейшего понижения заработков. Конкуренция, например, семеновско-балахнинских и арзамасских валенщиков отразилась заметным сокращением спроса, что привело к упадку цен на выпускаемую продукцию. Похожая ситуация была и в других промыслах.

Еще одним фактором, который повлиял на характер и развитие промыслов губерний можно считать событие, произошедшее 19 февраля 1861 года. Большое значение для крупнейшей группы промыслов Нижегородского края, деревообрабатывающих, имело ограничение крестьянских наделных лесов от лесов казённых и владельческих. Во многих местах совсем пре-

кратились промыслы, требовавшие большой издержки древесного материала [8].

Естественно, что освобождение помещичьих крестьян оказало благотворное влияние на отрасли труда. Благодаря принятому законодательству свобода передвижения способствовала некоторому разряжению перенаселенных промыслов центров. Положительно сказывалось и развитие отхожих промыслов. В 1860-е годы шла повсеместная постройка новых зданий вокзалов, судебных учреждений и так далее. Именно в это время выгодно шел промысел, который был наиболее развит в Нижегородской губернии – строительный (отхожие плотники, каменщики, штукатуры). Успехи же фабрично-заводской промышленности в течение 1870-х годов первоначально не только не находились в противоречии с интересами мелкой промышленности, но и косвенно давали пищу некоторым из ее отраслей.

Но «золотое время» местных и отхожих заработков продолжалось сравнительно не долго. Это было связано с промышленными кризисами конца XIX века. Именно они начали эру упадка и некое стесненного положения, которое стали испытывать на себе промыслы и сельская промышленность Нижегородской губернии [7].

Однако в последней четверти XIX века можно выделить рост крупного машинного производства. Оно стало охватывать все большую область труда. Тем самым начинает выдвигаться новый фактор, который являлся в какой-то степени губительным для мелкой сельской промышленности. Факторы крупного капитала и наличия усовершенствованной техники отрицательно сказались на промыслах губернии. Одним из первых ощутил на себе негативное влияние канатно-пряделный промысел. Постепенно

он сосредотачивался в руках предпринимателей. Усваивая приемы фабричной выработки, промысел уходит из рук у мелких производителей – кустарей. Производство крупных канатов для кустарей Васильского уезда становится недоступным по причине жесткой конкуренции с крупными нижегородскими заводами. Примерно такую же картину можно наблюдать в кожевенном производстве. В селе Катунок промысел сокращается. Причина та же что и в первом случае. Она заключается в конкуренции со стороны крупных промышленных заводов в Санкт-Петербурге. Машинное производство гвоздя ударило по кустарям Нижегородской губернии, так как допускало ручную выработку только крупных, судовых гвоздей.

Стоит отметить, что область технических усовершенствований является не настолько обширной среди одной из главной категории промыслов Нижегородской губернии. Здесь имеются в виду деревообрабатывающие промыслы. В этой отрасли мелкое кустарное производство вполне свободно сосуществовало рядом с производством крупным.

Таким образом, государство все же могло поддерживать и развивать промыслы, которые обладали задатками жизнеспособности. Так называемые условия развития кустарной промышленности помогли определить ее основную роль в масштабах экономической ниши существовавшего мелкого производства. В целом, кустарная промышленность губернии постепенно продвигалась по пути модернизации. При этом сохранилась преемственность традиций, которая составляет особый момент в истории развития кустарных промыслов и сельской промышленности Нижегородской губернии.

Библиографический список

1. Карпов, А.В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. – Арзамас, 2010.
2. Карпов, А.В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда. – Арзамас, 2010.
3. Плотников, М.А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии: издание Нижегородского губернского земства. – Нижний Новгород, 1894.
4. Воронцов, В.П. Очерки кустарной промышленности в России. – СПб., 1886.
5. Борисовский, А. Ложкарство в Семеновском уезде // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – СПб., 1879. – Вып. II.
6. Корсак, А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. – М., 1861.
7. Погрузов, Л.Д. Кустарная промышленность России, ее значение, нужды и возможное будущее. – СПб., 1901.
8. Карташова, М.В. «Кустарный вопрос» в правительственной политике России в конце XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2006. – Вып. 2 (б). – Сер. История.
9. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. – СПб., 1896. – Вып. I-III.

Bibliography

1. Karpov, A.V. Kustarniye promihslii Nizhegorodskoy gubernii. – Arzamas, 2010.
2. Karpov, A.V. Kustarniye promihslii Arzamasskogo uezda. – Arzamas, 2010.
3. Plotnikov, M.A. Kustarniye promihslii Nizhegorodskoy gubernii: izdanie Nizhegorodskogo gubernskogo zemstva. – Nizhniy Novgorod, 1894.
4. Voroncov, V.P. Ocherki kustarnoy promihslnosti v Rossii. – SPb., 1886.
5. Borisovskiy, A. Lozhkarstvo v Semenovskom uезде // Trudih Komissii po issledovaniyu kustarnoy promihslnosti v Rossii. – SPb., 1879. – Vihp. II.
6. Korsak, A. O formakh promihslnosti voothe i o znachenii domashnego proizvodstva (kustarnoy i domashney promihslnosti) v Zapadnoy Evrope i Rossii. – M., 1861.
7. Pogruzov, L.D. Kustarnaya promihslnostj Rossii, ee znachenie, nuzhdih i vozmozhnoe buduthee. – SPb., 1901.
8. Kartashova, M.V. «Kustarnihy vopros» v praviteljstvennoy politike Rossii v konce XIX v. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – N. Novgorod, 2006. – Vihp. 2 (b). – Ser. Istoriya.
9. Nizhegorodskaya guberniya po issledovaniyam gubernskogo zemstva. – SPb., 1896. – Vihp. I-III.

Статья поступила в редакцию 18.11.13

УДК 271

Kuprianova I.V. BESPOPOVSKY OLD BELIEVE FAITHS OF ALTAI AT A BOUNDARY OF THE XIX-XX CENTURIES.

In work the old believe bespopovsky faiths which representatives lived in the territory of Altai at the end of XIX – the beginning of the XX centuries are considered: features of their dogma, divine service practice and the public life, based on denial of the validity of dominating Russian Orthodox Church by them are reflected; places of their concentration, local and territorial associations and the largest spiritual centers – «mother countries» are shown.

Key words: Old Believers, pomorets, fedoseevets, filippovets, samokreshchenets, netovets, old believe dogma, moving of Old Believers in Altai, the spiritual centers of Old Believers-bespopovtsev of Altai, old believe monasteries, religious ceremonialism, old believe communities.

И.В. Куприянова, канд. ист. наук, доц. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: irinak-63@mail.ru

БЕСПОПОВСКИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ КОНФЕССИИ АЛТАЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

В работе рассмотрены старообрядческие бесpopовские согласия, представители которых проживали на территории Алтая в конце XIX – начале XX вв.: отражены особенности их верования, богослужебной практики

и общественной жизни, основанные на отрицании ими истинности господствующей Русской Православной церкви; показаны места их концентрации, локально-территориальные объединения и крупнейшие духовные центры – «метрополии».

Ключевые слова: старообрядцы, поморцы, федосеевцы, филипповцы, самокрещенцы, нетовцы, старообрядческое вероучение, расселение старообрядцев на Алтае, духовные центры старообрядцев-беспоповцев Алтая, старообрядческие скиты, религиозная обрядность, старообрядческие общины.

На основе проведенных исследований нами выявлены характерные, отличительные черты беспоповских согласий, которые состояли в степени их радикальности по отношению к государству и РПЦ, а также в обосновании ими своей религиозной самобытности, основанной на собственном понимании задачи душевного спасения, составлявшего существенную часть их вероучения и мировоззрения.

На рубеже XIX-XX вв. старообрядческие объединения Алтая представляли собой картину, весьма пеструю в конфессиональном отношении. Проживая по соседству друг с другом и с никонианскими сообществами, в ситуации неизбежного взаимного религиозно-культурного влияния, они, тем не менее, старались сохранить свою идентичность.

Наиболее многочисленным, организованным и сплоченным беспоповским согласием на Алтае являлись поморцы. Возникновение поморского согласия связано с Выговским общежитием, основанным в Поморье в конце XVII в. выходцем из Соловецкого монастыря Данилой Викулиным, отсюда второе название согласия – «даниловщина», или «согласие Даниловского монастыря», которое бытовало на Алтае.

Поморское учение отвергало священство послениконовского поставления и утверждало возможность существования церкви и спасения души без священства и его таинств: «Мы видимых тайн не имеем, потому что видимых церквей у нас нет, и священства тоже нет» – говорили поморские начетчики. На вопрос, чем же надеются спастись, отвечали: «Вся надежда на покаяние» [1, с. 11].

В своей речи на Первом Всероссийском съезде поморцев в 1909 г., формулируя базовые положения поморства, его лидер Л. Ф. Пичугин сказал: «...мы, староверцы-безпоповцы – поморцы, исповедуем и содержим истинную Христову Церковь, находясь без видимого священства по уважительной причине, ибо по 1666 число священство фактически пало в ереси... спастись можно и без священства имеющему правую веру и добрые дела» [2, с. 37, 42]. По поморскому учению, добрые дела могли заменить причастие, а духовная жажда причастия приравнивалась к его совершению; один из барнаульских поморцев, С.В. Лапин объяснил православному миссионеру, упрекнувшему его в отсутствии церковных таинств: «Прости Христа ради, у нас видимого-то причастия нет, но невидимо, духовно я желаю причаститься посредством добрых дел» [3, л. 454 об.]. Таким образом, основными религиозными обязанностями в поморской догматике были объявлены покаяние и «добрые дела».

В учении о таинствах выговцы и их последователи восприняли близкую им концепцию федосеевцев, оформившуюся в 1690-х гг. на Новгородских соборах беспоповцев, гласившую, что из семи церковных таинств без священства можно совершать крещение и покаяние; евхаристия и брак объявлялись невозможными, а попытки их осуществления – еретическими. Поэтому федосеевщина получила название «старопоморского согласия, не приемлющего брак». Радикализм федосеевцев проявлялся также в отказе от молитвы за царя, в непримиримом отношении к государству, стремлении замкнуться от окружающего мира.

Поморская вера появилась на Алтае в начале XVIII в. как часть большой и хорошо упорядоченной урало-сибирской организации, протянувшейся «от Поморья до Алтая», созданной целенаправленными усилиями деятелей Выга [4, с. 348-349]. Алтайские поморцы сохраняли память о своих духовных родоначальниках: они возводили свое конфессиональное происхождение к Соловецкому монастырю, «иноки которого разбежались по лесам северного Поморья и водворились в Выговской пустыни, где потом основались два поморских скита» [5, с. 101]. Кроме того, по сообщению А. Е. Новоселова, в поморском Убинском монастыре перед запрестольной иконой горела неугасимая лампада, огонь которой «будто бы вывезен из какой-то чтимой поморцами русской святыни и поддерживается много лет» [6, с. 399]; предположительно этой «святыней» мог быть Соловецкий монастырь.

К концу XIX в. поморские сообщества на Алтае были уже очень многочисленны, и их количество продолжало расти. В Барнаульском уезде поморцы широко расселялись в северной его части, чересполосно со стариковщиной. Местами их наибольшей концентрации являлись Барнаул с пригородными деревнями – Ивановкой, Лебяжьей, и примыкающие к ним Барнаульская и Шадринская волости: д. Фунтики, с. Шадринское, Калманское, Шиловское. Значение Барнаульской общины начало расти в 1910-х гг., после ее оформления и регистрации, совершенных, по-видимому, при деятельном участии Л.Ф. Пичугина, часто сюда приезжавшего. В это время наставниками здесь были Епифаний Семенович Терентьев и Гурий Кондратьевич Кокорин, председателем церковного совета – барнаульский капиталист, предприниматель Андрей Григорьевич Морозов [5, с. 109]. После революции до 1925 года Барнаульской общиной руководил Чуев, во второй половине 1920-х гг. – Аким Анисимович Хлюпин [7, л. 130-131]. В советский период Барнаульская община постепенно становится центром всего алтайского поморства, через который осуществляются его связи с всесоюзным конфессиональным центром – Рижской Гребенщиковской общиной.

На запад от Барнаула сформировались два крупнейших сообщества поморцев – Касмалинское и Кулундинское. Первое охватывало территорию Шадринской, Касмалинской, Ребрихинской, Боровской волостей: наиболее значительным центром здесь была община д. Воронихи, которая распространяла духовную власть на верующих Георгиевки, Рожнева Лога, Беловой, Кадниковой, Буканской, Казанцевой, Куликовой, Усть-Мосихи и др.; поэтому миссионеры называли Воронику «метрополией Касмалинского раскола».

Кулундинское поморское сообщество было локализовано в пределах Кулундинской и Нижне-Кулундинской волостей. Роль центра здесь играла д. Ключи, распространявшая влияние на Яркову, Платову, Карповку, Ермолиху, Жаркову и др. Отчасти это влияние простиралось на запад, на поморцев Корниловской и Александровской волостей, с центрами в с. Корнилово, Кривом, Зыково, Луковке Александровской волости, Крутихе Бурлинской волости [3, л. 406; 8, с. 2; 9, с. 275]. Также поморская вера имела распространение севернее Барнаула, в Верхнем Причумышье, в волостях Белоярской, Тальменской, Залесовской, Окуловской, Сорокинской: центрами здесь были с. Окуловское, а также Анисимово, Курочкино, Щипицино Тальменского района; в Щипицино первая поморская часовня была построена еще в середине XVIII в., в XIX в. она была насильно переоборудована под единоверческую церковь, которая, однако, была довольно быстро ликвидирована, вместе с единоверческим приходом [10, с. 690; 11, с. 64; 12, с. 74]. В Западном Алтае наиболее многочисленной была община в д. Ново-Кормихе Покровской волости.

В Бийском уезде поморцы расселялись в бассейнах крупнейших притоков Оби – рек Чумыша, Чарыша, Ануя, Алея, Песчаной. В юго-западной части Алтая поморские общины были расположены на притоках реки Песчаной – на территории Алтайской, Куяганской и Сычевской волостей; наиболее значительные общины существовали в д. Куяча; Карпово; Лютаево. В бассейне р. Ануя поморские сообщества существовали в Солонешенской волости в д. Колбиной, Черном Ануе, Белом Ануе и др. [13, с. 30].

Крупнейшим центром поморства в Бийском уезде являлась Солонювка: в ней проживало до двух тысяч поморцев, функционировали две молельные, работало одновременно около десяти наставников; приезжали наставники из Риги и Петербурга [14, с. 15]. Множество поморских общин сосредоточивалось в Причарышье. В среднем и нижнем течении Чарыша – Пристанской и Нижне-Чарышской волостях, – поморцы проживали в с. Усть-Пристань, д. Новокалмака, Усть-Калманка, Красноярка, Огни, Маралиха, Сосновка, Воробьево [9, с. 275; 15, с. 40; 16, л. 1].

Наиболее значительные поморские центры на Алтае были сосредоточены в Змеиногорском уезде: в северо-восточной части наибольшим авторитетом пользовались общины д. Воробьевой Чарышской волости, с. Гилево Алейской волости. В юго-

восточной части уезда находился крупнейший центр алтайского поморства – д. Верх-Уба (Лосиха) Владимирской волости. Верх-Уба объединяла многочисленные заимки, рассеянные по горным долинам верхнего течения р. Убы. Сюда в конце 1890-х гг. переехали гилевские руководители П. Е. и М. П. Бобровские, создав объединенную Гилевско-Лосихинскую общину. В дореволюционный период Верх-Уба играла роль конфессионального центра не только для поморских объединений Змеиногорского уезда, но и всего Алтая, а ее вожди – Ф.А. Гусев и П.Е. Бобровский являлись их признанными руководителями.

На близких к федосеевщине позициях стояло филипповское согласие, выделившееся из поморства в середине XVIII в. [17, с. 468]. Филипповцы, подобно федосеевцам, не молились за государя: в тропаре «Кресту Господню», вместо слов «победы Благоверному императору на супротивные даряя» пели: «победы православным христианом на супротивные даряя»; кроме того, эти согласия отличались негативным отношением к государству, поэтому в классификации РПЦ они были отнесены к наиболее «вредным». При этом мировоззрение филипповцев было значительно более радикальным; они, как и федосеевцы, отвергали брак, но шли в этом направлении гораздо дальше: разводили «староженнов» (заключивших брак до прихода в общину), которым федосеевцы, хотя и с ограничениями, позволяли совместную жизнь; не допускали фактического восстановления семьи, имевшего место у многих федосеевцев, смотревших на это снисходительно, и др. По своему образу жизни и отношению к окружающему миру филипповцы считались «наиболее строгими, крепкими и замкнутыми». На Алтае филипповщина в начале XX в. еще существовала в д. Гилевой, Куяче, Верх-Убе, Белом Ануе.

Наиболее тягостным для верующих компонентом старопоморского учения являлся отказ от брака. Еще в XVIII в. в поморском согласии выделяется умеренное крыло новопоморцев, или «новоженнов», проповедовавших возврат к браку, благословленному наставником. Эти идеи актуализировались в середине XIX в., когда в поморском согласии обостряется полемика между противниками и сторонниками бессвященнословных браков [4, с. 361]. На Алтае в 1890-х гг. также развернулась борьба новопоморских наставников против бракоборов, в ходе которой большая часть федосеевских и филипповских сообществ постепенно входила в поморское согласие, приемлющее брак [18, с. 10]. Бракоборная федосеевщина сохранила свои позиции, главным образом, в Бухтарминском крае: с. Бобровском, д. Бутаковой, Солдатовой, Медведской и др., а также в других населенных пунктах, в виде небольших вкраплений. Филипповщина, по-видимому, прекратила свое существование.

Алтайские поморцы не сразу урегулировали вопросы, касающиеся брака: долгое время они обращались за совершением этого таинства в церковь. Поморцы села Маслянино, по исповедным росписям числившиеся православными, скрывали от причта «всеми мерами свое уклонение в раскол», обращаясь за требоисправлением к православным священникам, которым, однако, стало известно, что они «после пересовещания таинства своими раскольничьими попами».

В своей деятельности алтайские законобракные поморцы ориентировались на всероссийские центры, преимущественно на д. Самодуровку Хвалынского уезда Саратовской губернии, поэтому называли себя еще «самодуровцами». Наставники из Самодуровки – Т.А. Худошин и Е.Е. Лякин, а также Л.Ф. Пичугин из Москвы, Г.Е. Токарев из Городца, В.М. Ильин из Вольска оказали большую помощь в борьбе с бракоборной идеологией и создании мощной поморской организации на Алтае. Во время своих приездов – Худошин приезжал почти каждый год, иногда по несколько раз, часто бывал и Пичугин, – российские наставники руководили работой местных соборов, объезжали поморские сообщества, произносили речи, разбирали споры, проводили показательные публичные беседы с начетчиками других согласий и миссионерами РПЦ: Т.А. Худошин обучал местных поморских начетчиков своей агрессивной, наступательной тактике бесед с миссионерами.

На рубеже XIX-XX вв. наставники поморского законобракного согласия, добившись больших успехов в создании и укреплении общины, поставили перед собой новую амбициозную задачу объединения в своей Церкви всего алтайского беспоповства, которая стала для них центральной в последующие десятилетия.

В конце XIX в. на Алтае еще сильны были позиции нетовщины, которая считалась одним из самых распространенных

старобрядческих согласий Томской губернии. Нетовщина, или спасово согласие, сформировалась в первой трети XVIII в. в Среднем Поволжье. Суть ее учения состояла в идее воцарения Антихриста и прекращения в послераскольничьей церковной и духовной жизни Божьей благодати: ее «кнесь» ни в священстве и таинствах, ни в богослужении, ни в молитве, чтении и пении; вся она взята на небо. Таким образом, спасение возможно только через молитву Спасу и покаяние самому Богу – наедине, без свидетелей [17, с. 473].

На Алтае существовали объединения «глухой» и «поющей» нетовщины. Глухая нетовщина (староспасовцы) не имела наставников, молитвенных домов, не допускала каждений и треб, не проводила общих богослужений, не практиковала духовного пения: каждый молился у себя дома, читая Псалтырь перед медными иконами и кладя поклоны по лестовке; исповедовались также дома, перед иконой Спасителя, по «Скитскому покаянию». Приходящих «от ереси» глухая нетовщина принимала через семипоклонный начал, поэтому ее еще называли «подначальники». При всей неприязни, испытываемой нетовцами к РПЦ, все же они обращались к ней за таинствами крещения и венчания, рассуждая так: «Хотя еретик крестит, да поп – в ризах, а не простой мужик». Так как это крещение они не считали достаточным, то по ходу его, в очищение греха сближения с церковью, усиленно раздавали милостыню своим одноверцам и просили их молить: «чтобы Бог вменил крещение за истинное и спасительное», то есть, довершил его. Религиозный индифферентизм, отличавший нетовщину, иногда проявлялся в отказе родителей от крещения своих детей: ограничивались тем, что надевали на них крестики; родители считали, что креститься нужно «покаянием и слезами», и что, когда дети вырастут, – сами решат, где и как им креститься [19, с. 14-15].

«Поющая» нетовщина (новоспасовцы) имела наставников, которые проводили богослужения и совершали таинства крещения, венчания, исповеди. Приходящих здесь принимали третьим чином – отрицанием от ересей. Поэтому поющую нетовщину называли еще «отрицанцами». Оба нетовских толка совершали отпевание и похороны умерших сами, не обращаясь в РПЦ. Все эти особенности в целом были присущи спасовским сообществам Урала и Сибири.

Сообщества нетовцев проживали в Барнаульском округе разбросано, на территории Талицкой, Окуловской, Екатерининской, Александровской волостей, в д. Видоновой, Пурьсовой, Окуловском, Поперечной, Платовой, Ярково, Корнилово, Подойниково, Высокой Гриве и др. В Поперечной наставником был крестьянин Иахим Стефанович Показанин; к нему обращались спасовцы из Ярково и Платовой; в Корнилово как справщик треб у отрицанцев упоминается поморский наставник Епифаний Павлович Стахнов. В Александровской волости центром нетовщины являлось с. Подойниково, где жил «молодой, но довольно начитанный» наставник Василий Тарасович Бурматов (позднее перешедший в австрийское согласие) [3, л. 406-406 об.]. На территории Бийского уезда несколько семей нетовцев проживали в с. Тоурак.

В пределах Змеиногорского уезда нетовщина имела широкое распространение в Бухтарминском крае – «почти по всему протяжению р. Бухтармы», где, по некоторым оценкам, имела наибольшее число последователей, которых здесь называли «томские». Центрами Бухтарминской нетовщины являлись с. Черновое и д. Согорная. Бухтарминская нетовщина несколько трансформировалась в отличие от традиционной – ввела у себя различные «новшества», в том числе причастие, которое, по сообщению Б. Д. Герасимова, совершалось следующим образом: наставник раздроблял на части семь хлебцев, «напоминающих просфоры», и раздавал их после окончания богослужения всем его участникам; вместо виноградного вина употреблялся малиновый сок [18, с. 10]. Таким образом, нетовщина здесь по своей обрядности приближалась к стариковщине.

Связи алтайской нетовщины с всероссийскими центрами не просматриваются, за исключением Саратова, где жил известный нетовский начетчик, слепец Андрей Афанасьевич Коновалов, которого алтайские одноверцы приглашали отстаивать беспоповское учение на публичных беседах с миссионерами; приглашения А.А. Коновалову неоднократно поступали также и от часовенных [20, л. 226].

Еще одним, довольно распространенным на Алтае согласием являлось самокрещение, которое представляло собой ряд различных толков, значительно отличавшихся в догматичес-

ком отношении. Общим для этих толков было неприятие таинства крещения от РПЦ, которая в их понимании, «заражена антихристовой прелестью и верует и крестит в антихриста, ибо имя Иисуса есть имя иного бога – антихриста» [21, с. 4-5]. Многие самокрещенцы на этой почве выделились из стариковщины.

Самокрещенцы полагали, что креститься нужно «по разумению» – то есть, будучи уже взрослым, в состоянии разобраться, какая вера правильная. При отсутствии «истинных христиан» последователи самокрещения считали, что принимать крещение им не от кого, поэтому крестили себя сами; затем, уже как «истинные христиане», крестили других: пришедшие извне самокрещенцы принимали через перекрещение – первым чином. Так, например, первый самокрещенец Барнаульского уезда крестьянин Иван Стефанович Заводов, крестив сам себя, начал крестить других [22, с. 11]. Основатель Бийского самокрещения Евфим Иванович Субботин, отделившийся от стариковщины, летом 1906 г. крестил себя в реке Бие: «Три раза погрузился в воду, обернулся около себя, поднимался со словами – аминь, и сына аминь, и св. духа» [22, с. 5]. Бийск сделался одним из наиболее значительных центров самокрещения, а его вождем и защитником стал зять Е.И. Субботина Давид Матвеевич Пыхтунов, который распространял свое влияние на самокрещенские сообщества Бийского уезда. Среди них были д. Верх-Лосиха, где в самокрещенстве состояло до 30 семейств, Малиновка, заимки по р. Булукте и др. Кроме того, в Бийском уезде самокрещенцы проживали в д. Деминой, Куяче, Казанде и др.

Неработанность порядка таинств порождала в самокрещенстве бесконечные споры и разделения. Разделялись самокресты чрезвычайно легко; так, например, Д. М. Пыхтунов разделился с Малиновскими самокрестами из-за порядка таинства крещения: их наставник Сергей крестил младенцев «с поворотами»; за это Пыхтунов, крестивший «без поворотов», перестал принимать их в сообщество. Споры и разделения по различным поводам привели к тому, что в пределах Томской губернии к началу XX в. сформировалось 17 толков самокрещения, каждый из которых имел своего основателя.

Одним из оригинальных самокрещенских толков стала «Бийская вера», или «Макаровское самокрещение», названное по имени его основателя – Ивана Сергеевича Макарова. Особенностью Макаровского самокрещения стало оригинальное учение о церкви, основанное на своеобразном толковании Св. Писания. И. С. Макаров и его последователи считали Греко-Российскую церковь «преступницей», разрушительницей церковных уставов и евангелия, потому что ее пастыри уклоняются «от православных постановлений, паче же евангельских заповедей» в их «точном содержании». В частности, они не исполняют зачала евангелия от Матфея: 12-е – «...если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Матф. V, 23-24), и 75-е – «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его» (Матф. XVIII, 15). Ничего этого не делается, говорили макаровские самокрещенцы: церковь не выполняет заповедей, требующих от нее примирять враждующих и обличать «всякого досадителя и обидчика». Видя в жизни пастырей РПЦ множество подобных нарушений, Макаров полагал, что их священнодействия «не могут быть действительными и не могут служить ко спасению». В своих вопросах, поданных им в 1885 г. на обсуждение миссионерам господствующей церкви, он ставил акцент на совершаемых епископами и пресвитерами отступлениях от «православных установлений», и последствиях этих отступлений, например: «Если святитель отлучит, или проклянет кого не по воле божией, последует ли ему божественный суд? За уклонение о православных постановлений, паче же евангельских заповедей чему подлежит?» [3, л. 289]. По духу этих вопросов можно видеть, что он не считал священство посредником между верующими и Богом, понимая церковь скорее как исповедание, а не религиозное сообщество.

Макаровцы стремились устроить свою жизнь на христианских началах – так, чтобы буквально, без всяких отступлений, следовать своему пониманию евангельских заповедей; они не допускали на свои моления враждующих, обличали на собраниях «всякого обидчика, оскорбителя и обманщика», производя над ними церковный суд и накладывая епитимии.

На характер данного толка, несомненно, оказали влияние свойства личности И. С. Макарова – искателя истинной веры, перебивавшего в нескольких старообрядческих согласиях, не

оставшегося и в основанном им самокрещенском толке: около 1898 г. он ушел в стариковщину, которую впоследствии также покинул. Созданное им направление – «Макаровское самокрещение» – имело своих последователей в Барнаульском уезде, в Чумышской и Залесовской волостях: в с. Захарово (Юрово) – месте жительства И.С. Макарова; Запльвиной; Шатуновой, где жил «главный креститель и учитель Макаровского самокрещения» Федор Васильевич Китайцев. Кроме того, учение И.С. Макарова оказало влияние на некоторые объединения стариковщины Барнаульского округа: Кочегарки, Озерно-Титовой и Барнаула.

К немногочисленным согласиям, существовавшим на Алтае, можно отнести рябиновцев, немояков и окнопоклонников (дырников). Дырники – направление беспоповства, последователи которого молились не на иконы, которых у них не было, а на восток: под открытым небом, или в доме, через отверстие, сделанное в восточной стене. В небольшом количестве окнопоклонники в конце XIX в. проживали в Змеиногорском уезде, в д. Язовой и Печи.

В Бийском уезде в небольшом числе проживали последователи рябиновщины – преимущественно в заселках Алтайский Перелом и Под Переломом. По учению рябиновцев, спастись можно и без священства. Поклонялись они только очень древним иконам и крестам, сделанным из рябинового дерева, «без изображения Распятого»: рябина считалась деревом, тождественным пегу, из которого был сделан крест Христа. Молелен рябиновцы не имели – молились по домам. Миссионеры отмечали у них большое миролюбие и взаимопомощь, а также высокую грамотность и стремление к пропаганде своего учения. Таинства рябиновцы совершали сами: детей крестили старики, браки благословляли родители. Приходящие взрослые могли совершать крещение сами над собой [11, с. 20].

Немояки представляли более радикальное направление старообрядчества: они ожидали конца света в ближайшем будущем – в восьмом тысячелетии от сотворения мира: «Восьмая тысяча лет, конец всему; нет ныне ни церкви, ни священства, таинств и никакой святости», – говорили они. Немояки не принимали икон, которые, по их мнению, некому уже освятить; по той же причине они не носили и нательных крестов. У них не было молитвенных собраний: они молились по домам, не полагая на себя крестного знамения, вместо этого воздевали руки, или благоговейно складывали их у себя на груди, и при этом тяжело, продолжительно вздыхали. Поэтому их еще называли «воздыханцами», «оховцами» и «охохонцами». У немояков редко крестили: они считали, что креститься нужно слезами. В социально-политическом отношении радикализм немояков проявлялся в принципиальном отказе молиться за царя и отрицании «существования властей и начальства» [18, с. 10].

Небольшие сообщества немояков были зафиксированы на всей территории Алтая. В Барнаульском уезде они проживали в д. Песчаной – это были переселенцы из Уфимской губернии, числом около 30 человек, в Воскресенке, Благовещенке и др.; в Бийском уезде в д. Тайне, Тележике, Озерках и на заимках в верховьях Бии [3, л. 167 об., 324]. В Змеиногорском уезде сообщество немояков существовало в д. Солдатовой Николаевской волости [18, с. 10].

Наиболее радикальное направление старообрядчества представляли странники (бегуны), последователи которого вели специфический образ жизни, предполагавший бегство от институтов государства и обязанностей по отношению к нему, состоявший в хождении «от скита к скиту», проживании у «благодетелей... – родственников, живущих в селах и городах», отказе от денег и документов, игнорировании законодательства. Несмотря на то, что центром странничества являлся север Томской губернии – Мариинско-Чулымская тайга, все же странники, несомненно, проживали и на территории Алтая, в том числе в Барнауле. Жили они замкнуто, скрытно, и обнаружить их присутствие было непросто. В 1870-х гг. в горах Алтая, на территории Ануйской волости существовал страннический скит, который был разогнан, а скитники арестованы, но «семена странничества» на Алтае не заглохли.

В Бийском уезде странники находили пристанище в горах, на тайных заимках; одна из них была выявлена в окрестностях д. Большой Башчелак и оказалась специально выстроенной и содержалась неким крестьянином, тайным последователем бегунского согласия, хотя официально он считался единоверцем. Заимка эта являлась лишь частью системы тайных убежищ,

находившихся в тесных взаимосвязях, и служила «как бы указателем пути к другим странническим – мало известным и необследованным притокам в верховьях р. Убы». В своих религиозно-политических взглядах странники отличались резко негативным отношением к государству: относились к нему «с нескрываемой злобой», видели антихриста в царствующих особах. В послереволюционный период эта позиция странников сохранилась: негативное отношение было перенесено на советскую власть. Есть основания считать, что за счет законспирированности и спаянности своей организации странники существовали на Алтае, по крайней мере, до 1970-х гг. [23, л. 2].

В конце XIX – начале XX вв. территориальные объединения старообрядческих согласий находились в стадии формирования и роста. Соглашения с ярко выраженной миссионерской тенденци-

ей – поморцы и самокрещенцы, – стремились к расширению своей численности, вели борьбу за души. Вследствие конфессионального многообразия границы территориальных старообрядческих объединений были подвижными: люди переходили из одной конфессии в другую, иногда даже не один, а несколько раз в жизни. Часть беспоповщины не имела разработанной догматики и обрядности, руководствовалась невятыми установками, отличаясь при этом религиозным индифферентизмом. Все это еще более усложняло и без того непростую конфессиональную ситуацию в алтайском старообрядчестве. (В скобках заметим, что означенная проблема – лишь часть комплексного исследования старообрядческой культуры Алтая, которое ведется нами и уже неоднократно освещалось на страницах данного журнала [24; 25; 26]).

Библиографический список

1. Отчет братства Томской епархии во имя св. Димитрия Ростовского за 1890-91 год. – Томск, 1892.
2. Пичугин, Л.Ф. «О существе Церкви Христовой» // Деяния Первого Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак, происходившего в царствующем граде Москве в лето от сотворения мира 7417, мая в дни с 1 по 12. – М., 1909.
3. КГУ ГААК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.
4. Мангилев, П.И. Родословие поморской веры на Урале и в Сибири (Исследование. Текст. Комментарии) // Проблемы истории России: сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 6: От средневековья к современности.
5. «Протест против клеветы» // Щит веры. – 1916. – № 2.
6. Новоселов, А.Е. У старообрядцев Алтая // А.Е. Новоселов. Беловодье: повести, рассказы, очерки. – Иркутск, 1981.
7. ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 28.
8. Томские губернские ведомости. – 1915. – № 73.
9. Список населенных мест Томского края. – Томск, 1910.
10. Томские епархиальные ведомости. – 1911. – № 16.
11. Беликов, Д.Н. Томский раскол (Исторический очерк от 1834 по 1880 годы) // Известия Императорского Томского ун-та. – Томск, 1901. – Т. 16.
12. Старухин, Н.А. Старообрядцы Тальменского района: новые материалы // Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры: материалы краеведч. науч.-практ. и метод. конф. – Тальменка, 1997.
13. КГУ ГААК. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 61.
14. Томские епархиальные ведомости. – 1901. – № 16.
15. Старухин, Н.А. К истории старообрядчества Нижнего Причумышья // Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры: Материалы VIII Ползуновских чтений. – Барнаул; Усть-Пристань, 1999.
16. КГУ ГААК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 8.
17. Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Репринтное воспроизведение. – М., 1995.
18. Герасимов, Б. В долине Бухтармы // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Вып. IV. – Семипалатинск, 1909.
19. Томские епархиальные ведомости. – 1898. – № 20.
20. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 157.
21. Томские епархиальные ведомости. – 1911. – № 1.
22. Томские епархиальные ведомости. – 1896. – № 1.
23. КГУ ГААК. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19.
24. Куприянова, И.В. Революция и гражданская война – годы политического самоопределения старообрядчества Алтая // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5.
25. Куприянова, И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4.
26. Куприянова, И.В. Старообрядцы Алтая в системе этнокультурных связей // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2.

Bibliography

1. Otchet bratstva Tomskoj eparkhii vo imya sv. Dimitriya Rostovskogo za 1890-91 god. – Tomsk, 1892.
2. Pichugin, L.F. «O suthestve Cerkvi Khristovoy» // Deyaniya Pervogo Vserossiyskogo sobora khristian-pomorcev, priemlyuthikh brak, proiskhodivshego v carstvuyutem grade Moskve v leto ot sotvoreniya mira 7417, maya v dni s 1 po 12. – M., 1909.
3. KGU GAAK. F. 166. Op. 1. D. 1.
4. Mangilev, P.I. Rodoslovie pomorskoj verih na Urale i v Sibiri (Issledovanie. Tekst. Kommentarii) // Problemih istorii Rossii: sb. nauch. trudov. – Ekaterinburg, 2005. – Vihp. 6: Ot srednevekoviya k sovremennosti.
5. «Protest protiv klevetih» // Thit verih. – 1916. – № 2.
6. Novoselov, A.E. U staroobryadcev Altaya // A.E. Novoselov. Belovodje: povesti, rasskazih, ocherki. – Irkutsk, 1981.
7. GANO. F. R-47. Op. 5. D. 28.
8. Tomskie gubernskie vedomosti. – 1915. – № 73.
9. Spisok naselennihkh mest Tomskogo kraja. – Tomsk, 1910.
10. Tomskie eparkhialjnihe vedomosti. – 1911. – № 16.
11. Belikov, D.N. Tomskiy raskol (Istoricheskiy ocherk ot 1834 po 1880 godih) // Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo un-ta. – Tomsk, 1901. – T. 16.
12. Starukhin, N.A. Staroobryadcih Taljmenskogo rayjona: novihe materialih // Nizhnee Prichumihshe. Ocherki istorii i kuljturih: materialih kraevedch. nauch.-prakt. i metod. konf. – Taljmenka, 1997.
13. KGU GAAK. F. R-531. Op. 1. D. 61.
14. Tomskie eparkhialjnihe vedomosti. – 1901. – № 16.
15. Starukhin, N.A. K istorii staroobryadchestva Nizhnego Pricharihsheya // Nizhnee Pricharihshe. Ocherki istorii i kuljturih: Materialih VIII Polzunovskikh chteniy. – Barnaul; Ustj-Pristanj, 1999.
16. KGU GAAK. F. R-690. Op. 1. D. 8.
17. Zenjkovskiy, S.A. Russkoe staroobryadchestvo. Dukhovnihe dvizheniya semnadcatogo veka. Reprintnoe vosproizvedenie. – M., 1995.
18. Gerasimov, B. V doline Bukhtarmih // Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO. – Vihp. IV. – Semipalatinsk, 1909.
19. Tomskie eparkhialjnihe vedomosti. – 1898. – № 20.
20. RGI.A. F. 821. Op. 133. D. 157.
21. Tomskie eparkhialjnihe vedomosti. – 1911. – № 1.
22. Tomskie eparkhialjnihe vedomosti. – 1896. – № 1.
23. KGU GAAK. F. R-1691. Op. 1. D. 19.
24. Kupriyanova, I.V. Revolyuciya i grazhdanskaya vojna – godih politicheskogo samoopredeleniya staroobryadchestva Altaya // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2013. – № 5.
25. Kupriyanova, I.V. Staroobryadcheskaya semjya: religiozno-kuljturnaya dominanta // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2013. – № 4.
26. Kupriyanova, I.V. Staroobryadcih Altaya v sisteme ehtnokuljturnihkh svyazey // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – 2013. – № 2.

Статья поступила в редакцию 22.10.13

УДК [903.083'18:72.016.4](574)“7/12”

Markova C. Y. CARVED CLAY AS ARCHITECTURAL MOTIVES OF CITY BUILDINGS SEMIRECHJE VIII-XIII c.

The paper summarizes the results of a study of the carved pcs (thread on wet clay), which is an integral element of architectural decoration of religious and residential premises in the medieval towns of Semirechye k VIII – beg. XIII centuries. (one of the regions of Central Asia). A comparative analysis and interpretation of the ornamented walls of the palace complexes, mosques, mausoleums and wealthy estates.

Key words: art carved clay, interior, medieval city, elements of painting, carving technique, artistic style.

К.Ю. Маркова, аспирантка каф. археологии Кемеровского гос. университета, г. Кемерово, E-mail: korobkova9@mail.ru.

РЕЗНАЯ ГЛИНА КАК ЭЛЕМЕНТ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА ГОРОДСКИХ ПОСТРОЕК СЕМИРЕЧЬЯ VIII-XIII ВВ.

В статье представлены результаты исследования резного штука (резьба по сырой глине), являющегося неотъемлемым элементом архитектурного декора культовых и жилых помещений в средневековых городах Семиречья к. VIII – нач. XIII вв. (одного из регионов Центральной Азии). Проведен сравнительный анализ и интерпретация орнаментированных стен дворцовых комплексов, мечетей, богатых усадеб и мавзолеев.

Ключевые слова: художественная резная глина, интерьер, средневековый город, элементы росписи, техника резьбы, художественный стиль.

Резная глина, украшавшая интерьеры монументальных построек в средневековых городах Семиречья (территории Таласской, Чуйской и Илийской долин), представляет собой уникальный материал. Мастера-резчики передали особенность художественного языка средних веков. Археологические и письменные источники подтверждают синкретический характер материальной и духовной культуры Жетысу VIII-XII вв., которая, по мнению исследователей, сложилась здесь в период господства тюркешей и карлуков VIII-IX вв., вследствие переселения в эти районы согдийцев [1]. В период арабского завоевания и массовой эмиграции согдийцев в районы Семиречья, в слоях VIII в. выявлены внесенные переселенцами изменения. В то время, когда в районах Средней Азии шло приобщение к исламу, на памятниках городской культуры Жетысу отмечены признаки религии Авесты и элементы согдийского искусства. В частности, такое сочетание разнообразных стилей было обнаружено и при исследовании архитектурного декора.

В течение многих лет археологами и архитекторами проводилась работа по исследованию средневековых городищ Семиречья в составе Экспедиции Свода памятников Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова и Института археологии им. А.Х. Маргулана. В раскопках принимали участие археологи: М.С. Касенов (Костобе, Луговое Г), А.А. Нуржанов (Костобе, Луговое Г), Ю.М. Пешков (Антоновское), Д.А. Воякин (Антоновское); архитекторы: З.Ж. Шарденова (Костобе), С.Я. Перегудова (Луговое Г). Собранный в результате археологических раскопок архитектурных комплексов Семиречья коллекция резной глины VIII-XII вв., требует более детального и комплексного рассмотрения для выявления определенных локальных признаков, и общего художественного стиля Средней Азии. В работе приводится описание архитектурного декора с городищ Джамукат [2], Кулан [3], Каялык [4].

Средневековый город Джамукат (VI-XII вв.) отождествляемый с городищем Костобе [5], расположен в Таласской. В ходе археологических раскопок здесь был исследован дворцовый комплекс, культовые помещения которого (6, 8, 11) были украшены настенными росписями и резьбой по глине. В помещении 6 было найдено большое количество фрагментов резного глиняного декора с изображением винограда и других растительных орнаментов. Ниша культового помещения имеет три орнаментальных фриза. Первый фриз – два ряда резных арок, изображения которых встречается на резном дереве Бунджиката [6, табл. 83, 8]. Вторым фриз – ягоды клубники, чередующиеся с растениями. На третьем фризе фрагментарно сохранился арабский шрифт [7]. Внешняя рамка ниши культового помещения 6 была покрыта изображением листьев и плодов винограда. Как известно, изображение винограда в Семиречье встречается не только на стенах сооружений, но и на керамических изделиях [8]. Находки виноделен средневекового Кулана VII-VIII вв., Актобе X-XII вв., Краснореченского городища и Торткула

(город Нижний Барсхан) в Таласской долине указывают на распространение в этих районах Семиречья виноградарства. Культура винограда была завезена сюда, по мнению исследователей, из Средней Азии [9]. По мнению исследователей, в Джамукате проживали представители разных религиозных конфессий: люди, исповедующие религию Авесты, буддизм, христианство [10].

В ходе раскопок на территории городища Луговое был открыт дворцовый комплекс (Луговое Г), имеющий два строительных периода VII-VIII вв. и IX-XII вв. Археологам, на основе многочисленных фрагментов найденной резной глины, удалось реконструировать интерьер одного из помещений дворцового комплекса. Панели и коробовое перекрытие помещения были украшены гирихом, выполненным графической резьбой. Купол внутри перекрытия был украшен переплетениями побега «ислими». На панелях помещения были изображены пасущиеся лани, за которыми просматривались изображения волка с раскрытой зубастой пастью, острыми ушами, узким хищным глазом и когтистыми лапами. Юго-восточная и северо-западная ниши помещения были орнаментированы завивающимися стеблями растения «ислими» и эпиграфическим орнаментом. Внутри юго-восточной ниши глубокой резьбой было изображено плодоносящее дерево из листьев и плодов треугольной формы, скомпонованных по карточному принципу [11, рис. 15]. На вершине дерева располагались две глиняные утки, под деревом стояли глиняные фигурки мужчины и женщины высотой около 35 см. Это картина, созданного богом рая с изображением Адама и Хаввы (Евы) у Древа Познания добра и зла. В нижней части полуколонн в небольших нишах находились скульптурные изображения женщин (фравашей) [11, рис. 16]. Существование куланского комплекса в X в. относится ко времени, когда на территории Семиречья появляется ислам. Планировка центральной части дворцового комплекса, ряд помещений, вытянутых на юго-запад в сторону Мекки, символически соответствует хаджу или «пути», который должен совершить мусульманин [12]. Но наличие в комплексе таких находок, как фравашей – предметов авестийской религии, говорит о еще сильных традициях древнейших религиозных верований у жителей Семиречья.

В ходе раскопок богатой усадьбы XIII в. в южной части городища Антоновское, с которым отождествляется город Каялык, был открыт ряд помещений, украшенных резным штука. В одном из таких помещений была восстановлена целая рамка, состоящая из нескольких полос с орнаментом в виде закручивающихся стеблей растения «ислими». Полоса делится на отдельные мотивы – близкие к кругу завитки с листком, находящимся в центре. Листок имеет два острых уголка и точку-углубление посередине. Планировка комнат повторяет культовые помещения авестийской религии, связанные с почитанием огня, на памятниках Согда, Чача, Жетысу VII-IX вв. Вероятно, это была только дань традиции, так как X-XIII вв. – время распространения

ислама в Семиречье, что подтверждено находками вещей с эпиграфическим орнаментом, в том числе и на территории усадьбы города Каялык. Подобные изображения завитков с раздвоенными цветками и точкой углубления в центре, представлены на резном фасаде главного мавзолея XII в. городища Антоновское. Можно предположить, что это изображения тюльпанов.

Аналогии штуковой резьбы Семиречья разнообразны и широки. Это известные памятники Средней Азии и памятники Ближнего Востока (Самарра, Фускат, Мшатта) [13, табл. 13-22]. Искусство резьбы по штуке, безусловно, распространялось по Великому Шелковому пути и связывало культуры разных стран и народов. В городах Южного Казахстана, видимо, наряду с тюркским, проживало согдийское население.

Таким образом, на основании полученных в результате исследования данных, можно говорить о том, что в идеологию тюрков во время распространения ислама в X в. проникли согдийские культы, которые со временем переосмысливались

и приспосабливались к их религиозным представлениям. Несмотря на то, что рассмотренные нами архитектурные памятники являются отражением разных религиозных представлений, их настенные керамические композиции имеют общие изобразительные мотивы, характерные только для Центральной Азии: геометрические (меандры, полосы, круги, овалы, мелкоразмерная ромбическая сетка, гурты), растительные (пучки цветов, тюльпаны, полу-пальметты, изображения «колоса», виноградные лозы с листьями и гроздьями винограда, трилистники в сочетании с геометрическими узорами – ромбами, лентами, перлами), эпиграфические мотивы (стилизованные изображения букв). Реже встречаются изображения животных и людей. Зачастую резьба по глине раскрашивалась красной, синей, зеленой и белой красками. Бесспорно, что на территории Семиречья и Южного Казахстана получила высокое развитие культура, которая прослеживается в керамике и архитектуре.

Библиографический список

1. Байпаков, К.М. Резная глина Жетысу / К.М. Байпаков, Г.А. Терновоя. – Алматы, 2004.
2. Байпаков, К.М. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат / К.М. Байпаков, Г.А. Терновоя // Известия МОН РК, НАН РК. – 2002. – № 1(236). – Сер. Общ. наук.
3. Байпаков, К.М. «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владетелей средневекового Кулана / К.М. Байпаков, Г.А. Терновоя // Известия МОН РК, НАН РК. – 2002. – № 1(236). – Сер. Общ. наук.
4. Байпаков, К.М. Резной декор усадьбы средневекового города Каялык / К.М. Байпаков, Г.А. Терновоя // Известия МОН РК, НАН РК. – 2002. – № 1(236). – Сер. Общ. наук.
5. Байпаков, К.М. К вопросу о локализации Джамуката // Маргулановские чтения (конференция). – Алма-Ата, 1989.
6. Негматов, Н. Н. Уструшана // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999.
7. Байпаков, К.М. Резная глина Жетысу / К.М. Байпаков, Г.А. Терновоя. – Алматы, 2004.
8. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. – Алматы, 2010.
9. Байпаков, К.М. Древние города Казахстана. – Алматы, 2005.
10. Байпаков, К.М. Исследования некрополя Джамуката в Таласской долине // Вестник КазГУ. – 1999. – № 12.
11. Байпаков, К.М. Резная глина Жетысу / К.М. Байпаков, Г.А. Терновоя. – Алматы, 2004.
12. Максуд, Р. Ислам. – М., 2000.
13. Веймарн, Б.В. Искусство арабских стран и Ирана XII-XVII вв. – М., 1974.

Bibliography

1. Bayjpkov, K.M. Reznaya glina Zhetisu / K.M. Bayjpkov, G.A. Ternovaya. – Almatih, 2004.
2. Bayjpkov, K.M. Arkhitekturniye osobennosti, dekor i kul'tovaya prinalozhnost' nekotorykh pometheniy dvorcovogo kompleksa srednevekovogo goroda Dzhamakut / K.M. Bayjpkov, G.A. Ternovaya // Izvestiya MON RK, NAN RK. – 2002. – № 1(236). – Ser. Obth. nauk.
3. Bayjpkov, K.M. «Paradiz» v zagorodnom dvorcovom komplekse vladeteley srednevekovogo Kulana / K.M. Bayjpkov, G.A. Ternovaya // Izvestiya MON RK, NAN RK. – 2002. – № 1(236). – Ser. Obth. nauk.
4. Bayjpkov, K.M. Reznoyi dekor usad'bih srednevekovogo goroda Kayalikh / K.M. Bayjpkov, G.A. Ternovaya // Izvestiya MON RK, NAN RK. – 2002. – № 1(236). – Ser. Obth. nauk.
5. Bayjpkov, K.M. K voprosu o lokalizacii Dzhamakuta // Margulanovskie chteniya (konferenciya). – Alma-Ata, 1989.
6. Negmatov, N. N. Ustrushana // Arkheologiya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekovje. – M., 1999.
7. Bayjpkov, K.M. Reznaya glina Zhetisu / K.M. Bayjpkov, G.A. Ternovaya. – Almatih, 2004.
8. Sokrovitna drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambihlskoy oblasti. – Almatih, 2010.
9. Bayjpkov, K.M. Drevnie goroda Kazakhstana. – Almatih, 2005.
10. Bayjpkov, K.M. Issledovaniya nekropolya Dzhamakuta v Talasskoy doline // Vestnik KazGU. – 1999. – № 12.
11. Bayjpkov, K.M. Reznaya glina Zhetisu / K.M. Bayjpkov, G.A. Ternovaya. – Almatih, 2004.
12. Maksud, R. Islam. – M., 2000.
13. Veyjmar, B.V. Iskusstvo arabskikh stran i Irana XII-XVII vv. – M., 1974.

Статья поступила в редакцию 30.10.2013

УДК 069 (571.1Б)

Kovalenko P.S. DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE PROJECT OF MUSEIFICATION ARCHITECTURAL AND HISTORICAL-CULTURAL MONUMENTS «OF THE BISHOPS BIJSK COMPOUND». For the first time offered a science-based project museification unique monument complex in terms of the natural landscape offered phases of the project, which in the context of the development of cultural and religious tourism will allow in the future to create a memorial historical, architectural and cultural museum-reserve «Bijsk bishop's farmstead».

Key words: innovative project museification, complex monument, museum communication, concept, exposition complex, Bijsk bishop farmstead museum stories Altai Spiritual Mission.

П.С. Коваленко, аспирант АлтГПА, г. Бийск, E-mail: kovalenko197808@mail.ru

СОЗДАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА МУЗЕИФИКАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАМЯТНИКА «БИЙСКОЕ АРХИЕРЕЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ»

В работе впервые предложен научно обоснованный проект музеефикации уникального комплексного памятника в условиях естественного ландшафта, предлагаются этапы реализации проекта, выполнение которого в контексте развития культурно-познавательного и паломнического туризма позволит в перспективе создать мемориальный историко-архитектурный и культурный музей-заповедник «Бийское архиерейское подворье».

Ключевые слова: инновационный проект, музеефикация, комплексный памятник, музейная коммуникация, концепция, экспозиционный комплекс, Бийское архиерейское подворье, музей истории Алтайской духовной миссии.

Одним из новых приоритетных направлений в контексте программы социально-экономического развития Бийска должен стать культурно-познавательный и паломнический туризм. Такое решение Администрации Алтайского края и руководства города Бийска обосновано историческим и географическим факторами.

За три столетия копоритной истории Бийска в его ландшафте образовались крупные территории и отдельные объекты, составляющие культурно-историческое и архитектурное наследия города. Мемориальный реестр Бийска насчитывает на сегодняшний день 272 объекта архитектуры, истории и культуры, 52 – мемориально-исторических памятника, 72 памятника археологии, 111 мемориальных и информационных досок, 10 памятников природы и особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Такое богатство историко-культурного и природного наследия позволило Бийску 26 июля 2000 г. стать полноправным членом Российского Союза исторических городов и регионов [1].

Уникальность исторических районов города заключается в комплексе сохранившейся исторической застройки его улиц и переулков. Сегодня можно выделить несколько обособленных частей города, компактно сохранивших памятники второй половины XIX – начала XX вв.

Использование комплексных исторических территорий и отдельных памятников в туристской деятельности порождает необходимость их музеефикации, реконструкции, реставрации и выделения особых исторических зон.

В разработке таких «брендовых» туристических проектов Губернатора и Администрации Алтайского края, как «Малое Золотое кольцо Алтая» и «Казачья подкова», Бийску отведено ключевое место: именно здесь берут начало вышеуказанные маршруты. Одним из центральных туристических объектов является «Бийское архиерейское подворье», уникальный историко-архитектурный комплексный памятник Российской Федерации регионального значения. Окруженный многоэтажками и домами частного сектора, комплекс привлекает внимание своей уникальностью и неповторимостью.

Здесь, в исторической части города – Казанка – с сентября 1880 по декабрь 1919 гг., на протяжении почти сорока лет находился православный центр Алтая. К 1915 г. архиерейское подворье насчитывало 31 строение, было обнесено высокой каменной и частично деревянной оградой [2; 3]. В южной части подворья была искусственно создана Архиерейская роща с нижними прудами, в северо-западной – располагался Александровский сад с верхними прудами, с восточной стороны находился Архиерейский сад с фонтаном [4]. В настоящее время сохранилось 9 основных строений, главные из которых: Архиерейский дом с флигелем, здание катехизаторского училища, Казанский собор – сосредоточены по периферии исторически сложившейся Архиерейской площади и образуют ее неповторимый архитектурный ансамбль.

В декабре 1919 г. архиерейское подворье со всем церковным имуществом было национализировано и подверглось значительной трансформации. В зданиях первоначально разместили уездную больницу, а уже в 1921 г. – опытно-показательную школу Коминтерна первой и второй ступеней с педагогическим уклоном. Под учебный корпус было оборудовано катехизаторское училище, самое крупное здание дореволюционного Бийска. Именно здесь в 1921-1922 учебном году в школе Коминтерна преподавателем биологии и мироздания работал В.В. Бианки, впоследствии всемирно известный детский писатель. С историей здания связаны также имена В.М. Шукшина, В. Высоцкого, И. Кобзона и других выдающихся людей страны. В 1930-е гг. вся территория подворья с прилегающими участками бывших Александровского сада, Архиерейской рощи с прудами, Ярмарочной площади (в границах ул. Иркутской на севере, пер. Муромцевского на западе, ул. 2-й Сенной на юге и пер. Коммунарского на востоке) передана в ведомство Министерства обороны СССР, где разместилась воинская часть и дислоцировалась мотострелковая дивизия № 11903. Здание катехизаторского училища занял гарнизонный дом офицеров, архиерейский дом – штаб воинской части, флигель архиерейского дома – узел связи, в Казанском архиерейском соборе устроили конюшню, а затем склады вещей и горюче-смазочных материалов. Крпота собора

использовалась под овощехранилище [5].

В 1950-е гг. в связи с организацией стоянок военной техники был уничтожен Александровский сад с верхними архиерейскими прудами. На территории сада возвели гаражные комплексы воинской части и жилые многоквартирные дома для семей военнослужащих.

В 1988 г. была уничтожена Архиерейская роща с нижними прудами – образцом садово-паркового искусства XIX – начала XX вв: были вырублены вековые тополя и ивы, осушены и засыпаны пруды. Территорию рощи, вошедшей в состав городского микрорайона № 23, застроили многоуровневыми гаражными кооперативами, жилыми десятиэтажными многоквартирными домами.

В 2000 г. воинская часть была ликвидирована, что сделало доступным посещение комплекса православного историко-архитектурного наследия. Многолетняя закрытость территории, на которой располагаются архитектурные церковные памятники XIX в., народные легенды и предания о существовании здесь подземной коммуникации, келий и переходов между строениями, вызвали значительный интерес жителей и гостей города к ранее недоступному объекту.

С передачей здания Казанского собора в ведение Русской православной церкви началось возрождение этого храма, освященного во имя святителя Димитрия Ростовского (1990 г.). В 2002 г. Барнаульско-Алтайской епархии были возвращены архиерейский дом и флигель, в 2008 – Архиерейская площадь и часть прилегающих территорий, наконец, в здании Дома офицеров разместилась Бийская православная гимназия; все это стало началом возрождения архиерейского подворья и способствовало восстановлению утраченных функций комплекса.

В рамках программы «Бийск-300» на Архиерейской площади 1 октября 2009 г. был торжественно открыт памятник святителю Макарию Невскому, епископу Бийскому, впоследствии митрополиту Московскому и Коломенскому, одному из главных первоурархов Русской православной церкви в период с 1912 по 1917 гг. Именно в стенах Бийского архиерейского подворья происходило духовное становление одного из самых видных и почитаемых русских миссионеров и подвижников Православия, Апостола Алтая, свт. Макария, в 2000 г. причисленного на Поместном Соборе к лику святых. В последние годы земной жизни святитель Макарий получил почетный титул митрополита Алтайского. В 1883 г. его стараниями создано Бийское миссионерское катехизаторское училище, не имевшее аналогов в Сибири [6]. При умелом руководстве на средства купцов-благотворителей и других жертвователей – тысяч верующих граждан Алтая и России – возводились каменные строения подворья, формировался неповторимый ландшафт.

По инициативе Бийского благочиния Барнаульско-Алтайской епархии, бийского отделения Демидовского фонда и благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского, 28 января 2008 г. на подворье открыт музей истории Алтайской духовной миссии. В августе 2011 г. начал действовать построенный Свято-Макарьевский крестильный храм, а в январе 2012 г. в архиерейском доме открыта самая крупная православная городская библиотека на 11 тысяч томов. Эти факты уже позволяют говорить о возрождении святыни, её востребованности, важной роли подворья в духовной, образовательной и культурной жизни города и региона.

Восстановление старых и формирование новых традиций празднования православной Масленицы, Дня славянской письменности и культуры, дня памяти святителя Макария Алтайского на Архиерейской площади подворья, организация и проведение Свято-Макарьевских чтений, научно-практических конференций и православных концертных программ – всё это важные факторы восстановления нематериальной духовной культуры как епархии, так и Бийска.

Особую значимость в процессе возрождения Бийского архиерейского подворья как исторически значимого административного и духовно-просветительского центра, объекта паломнического и познавательного туризма, занимает музей истории Алтайской духовной миссии. Создание и открытие музея послужило началом музеефикации объектов Бийского архиерейского подворья, вовлечению его в музейное и туристическое про-

странство. Сбор исторических сведений о зарождении и становлении резиденции бийских архиереев, вещественных памятников материальной духовной культуры, предметов культуры и быта горожан XIX-XX вв., создание тематических музейных экспозиций в архиерейском доме стали важным аспектом зарождения музейной коммуникации.

По состоянию на 1 октября 2013 г. музей насчитывает более 46 тысяч экспонатов основного и научно-вспомогательного фондов, действуют в составе 15 тематических экспозиций, которые размещены в залах трех этажей архиерейского дома.

В современных условиях развития туризма в городе и регионе, востребованность подворья неоспорима. Это единственный на территории юга Западной Сибири исторически сложившийся комплекс архиерейского подворья, центральное ядро которого сохранило все главные объекты, что определяет его феноменом историко-культурного наследия. Подворье становится весьма популярным, оно становится одним из главных объектов показа многих экскурсионных программ и туров по Бийску.

Музеем истории Алтайской духовной миссии разработан и реализуется инновационный проект музеефикации комплексного историко-архитектурного памятника «Бийское архиерейское подворье» в условиях естественного ландшафта.

Проект музеефикации комплекса предусматривает следующие этапы реализации:

- организация временных экспозиций и тематических выставок;
- создание стационарных тематических музеев и музейных экспозиций, многогранно отражающих все этапы становления и деятельности архиерейского подворья как центрального миссионерского стана;
- реставрация Бийского архиерейского подворья как комплексного историко-архитектурного и мемориального Музея православия под открытым небом.

Музеефикация подворья предполагает создание выставочных музейных инсталляций, посвященных истории как каждого отдельно сохранившегося здания и объекта, так и всего комплекса в целом. Кроме того, музейные и выставочные экспозиции будут посвящены также основным историческим событиям, непосредственно связанным с Бийским архиерейским подворьем; известным людям – бийским архиереям и братии архиерейского дома, священно- и церковнослужителям, благотворителям и меценатам подворья, проживавшим и трудившимся здесь. Все это дает возможность более полно использовать потенциал исторических зданий.

Это могут быть и временные выставки, и постоянные экспозиции, расположенные в фойе и коридорах зданий, а также в отдельных залах и других возможных помещениях. В диорамах и экспозиционных комплексах, на стендах, в витринах могут быть представлены предметы, фотоснимки, документы, и другие экспонаты, доступно раскрывающие те или иные исторические темы, связанные с каждым из зданий подворья. Использование современных музейных технологий – 3 D виртуальных туров, турникетов и мониторов, транслирующих информацию, – поможет качественно усилить эмоциональный уровень восприятия информации. Таким образом, каждый сотрудник или посетитель этого здания будет иметь возможность познакомиться с его историей, почувствовать себя соучастником события исторической летописи.

Концепция музеефикации памятников Бийского архиерейского подворья предполагает реализацию ряда проектов.

1. Проведение комплексной научной исторической экспертизы подворья и мероприятий, направленных на изменение статуса памятника (от отраслевого до федерального).

2. Возвращение Русской православной церкви возможных участков исторической территории подворья и всех сохранившихся зданий (Сахаровской начальной церковно-приходской школы, больницы и студенческой бани Бийского миссионерского катехизаторского училища, флигеля, архиерейских конюшен), находящихся в ведомстве Министерства обороны Российской Федерации, определение границ и спецификации охранной зоны территории в условиях городской среды.

3. Создание генерального плана по восстановлению и реставрации памятника. Основной его идеей должно стать сохранение исторической планировки, сложившейся к началу 1917 г., фасадов и интерьеров зданий. Реализация проектов ландшафтного дизайна территории комплекса. Реконструкция Архиерейской площади с заменой асфальтового покрытия на декоративную плитку, либо мощение булыжником. Восстановление ландшафта Александровского сада с верхними архиерейскими дру-

дами, Архиерейского сада с малыми архитектурными формами – первым в истории Бийска фонтаном, беседками, скамейками. Ландшафтная реконструкция возможных участков Архиерейской рощи в процессе озеленения жилого микрорайона № 23.

4. Проведение ремонтно-реставрационных и благоустроительных работ под руководством краевого государственного учреждения культуры научно-производственного центра «Наследие» и отдела по церковному строительству и архитектуре Барнаульско-Алтайской епархии.

5. Воссоздание ограды по периметру территории подворья в условиях новых границ. Восстановление с южной стороны разрушенных в советское время двух парадных святых ворот с калитками, а также проходной, ныне вошедшей в состав общего объема памятника «Флигель при Бийском архиерейском доме».

6. Музеефикация сохранившихся исторических зданий архиерейского подворья. Восстановление и вторичное освящение находящегося при катехизаторском училище домового храма во имя св. ап. Иоанна Богослова, колокольни и его святых глав, утраченных в 1920-е гг. (храм находился во втором этаже училища, в южном блоке здания, оформляющем Архиерейскую площадь с северной стороны). Колокольня во время экскурсионных программ может использоваться как смотровая площадка для обозрения территории подворья, показа панорамы исторической части города – Казанки и сопредельных районов. Восстановление утраченных надпридельных святых глав Казанского архиерейского собора. Это важно и необходимо в целях создания узнаваемости архитектурного исторического облика ансамбля.

7. Восстановление исторических названий объектам, подлежащим музеефикации. Возвращение Димитриевской церкви ее первоначального наименования – Казанский архиерейский собор, переименование улицы им. Т.Г. Шевченко в Архиерейскую. Комплекс мероприятий по изменению наименований на планах и картах города, в информационно-справочных службах. Установка мемориальных и информационных досок на здания и объекты музеефикации.

8. Построение музейных тематических экспозиций в зданиях архиерейского дома, катехизаторского училища, флигеля при Архиерейском доме, раскрывающих функциональное назначение и отдельные важные эпизоды их истории.

9. Создание концепции, определяющей порядок и время посещения храмов подворья туристами и паломниками в рамках программ познавательных экскурсий.

10. Проведение комплекса археологических и реставрационных работ по выявлению и локализации, а также восстановлению подземных коммуникаций-переходов между зданиями, келий и сооружений разного функционального назначения, что представляет феноменальное явление в архитектурном решении комплекса в условиях Сибирского региона. Расчистка «знаменитых» Архиерейских погребов зданий архиерейского подворья.

11. Поисковые и археологические работы по воссозданию исторических некрополей у алтаря Казанского собора и «в саду при катехизаторском училище», мест погребения известных священно- и церковнослужителей Алтайской духовной миссии, благотворителей, а также студентов училища, о чем свидетельствуют воспоминания старожилов, архивные источники – метрические книги и ежегодные отчеты миссии [7]. Оформление мест захоронений надгробными плитами и крестами.

12. Размещение на территории подворья музея «Городская крестьянская усадьба конца XIX – начала XX вв.». В период деятельности музея истории Алтайской духовной миссии собраны значительные этнографические коллекции предметов культуры и быта, позволяющие содержательно и качественно выстроить экспозицию.

13. Создание на территории Архиерейского сада музейно-экспозиционного этнографического комплекса под открытым небом «Алтайская деревня». Проект предполагает реконструкцию алтайских айлов и юрт, воссоздание утраченного алтайского деревянного многогранного аила – символического достопримечательного объекта, находившегося в 1914 г., согласно нашему исследованию исторических планов города и фотодокументов, с западной стороны архиерейского дома и имевшего связной с последним переход [8]. На базе данной реконструкции возможно проведение массовых музейных мероприятий с демонстрацией этнографических выставок, театрализацией праздников алтайской и кумандинской национальных культур, не противоречащих православным религиозным канонам и догматам.

14. Создание инфраструктуры сервиса для всех категорий посетителей.

Коллективом музея истории Алтайской духовной миссии уже ведётся реконструкция и музеефикация отдельных объектов

памятника. Постоянное взаимодействие и сотрудничество со структурными организациями благочиния – приходом Димитриевской церкви Бийска, православной гимназией во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского – располагающимися в исторических зданиях комплекса, позволяет музею уже на начальном этапе выявить возможные варианты создания музейных экспозиций, лоббировать интересы каждой организации в процессе музейфикации.

На базе музея с 2008 г. проходит ежегодная музейная и архивная практика студентов факультета истории и права Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина. Такое взаимовыгодное сотрудничество позволяет одновременно организовать работу в разных направлениях и тем самым ускорить процесс реализации проекта музейфикации объектов православия Бийска и Бийского архиерейского подворья.

Так, в 2008 г. при участии студентов был осуществлен проект создания музейной экспозиционного комплекса «Троицкий собор» в одном из залов архиерейского дома и проведения предварительных раскопок на месте разрушенного в 1934 г. Троицкого кафедрального собора Бийска. Собор, построенный на средства бийского купца Алексея Федоровича Морозова с незначительным участием прихожан и освященный 17 декабря 1877 г., в течение полувека являлся главным храмом города [8]. Проект позволил восстановить историческую справедливость – четко локализовать место собора на местности по обнаруженным остаткам его фундамента на глубине более 2 м. от поверхности земли. В ходе работ удалось выявить утраченный в 1930-е гг. исторический некрополь с захоронениями четы и именитых бийских 1-й гильдии купцов А.Ф. и Е.Г. Морозовых и Н.П. и О.П. Фирсовых, купца Г.Г. Бодунова, предпринимательницы Д.П. Бахтиной, священнослужителей протоиерея Павла Митропольского, Матфея Александровского и Арсения Ивановского.

В ходе археологических работ на территории бывшей городской Троицкой соборной площади (ныне сквер им. К.И. Фомченко), было собрано 184 артефакта, которые послужили основой создания музейного экспозиционного комплекса. Камеральная обработка собранного материала позволила получить новые данные по истории собора и Троицкой площади. Совместная деятельность с бийским производственным объединением «Сибприбормаш» в период 2010-2011 гг. помогла создать в сквере им. К.И. Фомченко историко-мемориальный комплекс, не имеющий аналогов на территории юга Западной Сибири. Это один из ярких примеров музейфикации в современных условиях Бийска, когда деятельность музея, направленная на создание экспозиционного комплекса на территории подворья породила музейфикацию другого исторического комплекса.

Ярким примером музейфикации архиерейского дома стало открытие в октябре 2011 г. мемориальных экспозиций «Кабинет бийских архиереев» и «Архиерейская опочивальня» в комнатах, где они исторически находились.

Экспозиция «Кабинет бийских архиереев» реконструирует обстановку кабинета Преосвященнейшего епископа Бийского рубежа XIX – начала XX вв. Среди экспонатов – большой двухтумбовый деревянный точеный стол, с письменными приборами и церковными предметами: настольной лампадой, крестом, клобуком, монашескими четками, книгами духовного содержания. Над столом портрет Государя Императора Александра III, одного из высоких покровителей Алтайской духовной миссии и архиерейского подворья. У стены – старинный книжный шкаф с коллекцией старопечатных церковных книг XVII – начала

XX вв., энциклопедических изданий. Этажерки с книгами и церковной утварью, венские стулья, комнатные пальмы в вазах, на стенах – иконы в киотах, швейцарские часы с боем.

Экспозиция «Опочивальня бийских архиереев» создана посредством анализа исторических описаний жилых комнат архиереев разных епархий, которые удалось выявить через изучение архивных источников и интернет-ресурсов. Основу пространства экспозиции определяют крупные экспонаты: кровать, покрытая темным пледом, шкаф для книг и вещей, рабочий стол, стулья, сундук для хранения одежды. Святой угол архиерейской кельи-опочивальни формируют иконы и аналой с книгой. В обстановке просматривается строгий аскетический образ жизни монаха.

Все это позволяет вовлечь посетителя в историческую среду и глубже представить уклад жизни тех лет. Минимальное использование современного музейного оборудования (витрины, подиумы, турникеты, фоторамы) воссоздает историческую обстановку помещения и невольно заставляет каждого почувствовать себя частью исторического действия.

Выразительным примером трансформации функционального назначения архиерейского дома является экспозиция «Бийский Архиерейский дом». Она включает четыре экспозиционных комплекса: «Келья монаха», «Пасхальная архиерейская трапеза», «Иеромонах-миссионер Петр (Селиверстов)» и «Зал миссионерских собраний». Здесь также удалось, используя экспонаты того времени, найти простые варианты и приблизить экспозиционные решения к исторической действительности.

Для здания катехизаторского училища нами разработан тематико-экспозиционный план и создается экспозиционный комплекс, в основу которого будет положен исторический учебный кабинет с реконструкцией мебели тех лет. Знакомство с прошлым и настоящим здания, историей катехизаторского училища и православной гимназии через современные аудиовизуальные и демонстрационные средства обучения, показ музейной экспозиции за партами музейного кабинета помогут глубже проследить и понять историческую преемственность. Это является инновационной формой коммуникации в условиях музейного пространства Бийска.

Создание модели музейфикации и регенерации исторического комплекса на примере «Бийского архиерейского подворья» будет формировать совершенно новый подход в развитии реставрации объектов историко-культурного и архитектурного наследия, способствовать созданию городской инфраструктуры туризма.

Процесс музейфикации зданий и других объектов подворья, комплексный подход к решению выше предложенных и поставленных проблем, заинтересованность всех участников проекта, несомненно, позволят получить желаемый результат: занять Бийску достойное место посредством музейных инноваций в сфере познавательного и паломнического туризма.

Поэтому в настоящее время возникает необходимость объединения усилий Русской православной церкви, федеральных и региональных государственных структур, органов муниципального самоуправления, музейного сообщества, интеллигенции и всех заинтересованных лиц для реализации генерального проекта музейфикации и реставрации уникального архитектурного ансамбля, создания на его основе мемориального историко-архитектурного и культурного музея-заповедника «Бийское архиерейское подворье».

Библиографический список

- Музей истории Алтайской духовной миссии (далее МАДМ) Ф.112. Оп.1. Д.1.
- Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 58-59 об.
- РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 65-66 об.
- Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 50. Оп. 13. Д. 73. Л. 1.
- МАДМ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1.
- Отчет Бийского катехизаторского училища за 1894-95 учебный год // Томские епархиальные ведомости. – 1896. – № 12.
- МАДМ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1.
- ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3491. Л. 2-3 об.

Bibliography

- Muzey istorii Altajskoj dukhovnoj missii (dalee MADM) F.112. Op.1. D.1.
- Rossijskij gosudarstvennij istoričeskij arkhiv (dalee RGIA). F. 799. Op. 33. D. 2157. L. 58-59 ob.
- RGIA. F. 799. Op. 33. D. 2157. L. 65-66 ob.
- Centr khraneniya arkhivnogo fonda Altajskogo kraja (CKhAF AK). F. 50. Op. 13. D. 73. L. 1.
- MADM. F. 3. Op. 2. D. 1.
- Otčet Biijskogo katekizatorskogo učililitha za 1894-95 učebnij god // Tomskie eparkhial'nihe vedomosti. – 1896. – № 12.
- MADM. F. 3. Op. 3. D. 1.
- GATO. F. 170. Op. 1. D. 3491. L. 2-3 ob.

Раздел 6

МЕДИЦИНА

Редактор раздела:

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА – доктор медицинских наук, профессор, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)

УДК 616.33-002.27 : 57.087

Kononov A. V., Markelova M. V., Mozgovoy S. I., Shimanskaya A. G. Filimonov V. A. DIAGNOSTICS OF THE ATROPHY OF THE GASTRIC MUCOSA: THE WAY FROM MATHEMATICAL MODEL TO «THE DIAGNOSTIC MACHINE». In article process of interaction of experts in the field of medicine and mathematics is described. The prototype of system of support of decision-making is as a result created at diagnostics of atrophic gastritis on materials of biopsies.

Key words: **diagnostic panel, markers, formalization, model.**

А.В. Кононов, д-р мед. наук, проф., зав. каф. Омской гос. медицинской академии, г. Омск, E-mail: profavkononov@mail.ru; **М.В. Маркелова**, канд. мед. наук, докторант Омской гос. медицинской академии, г. Омск, E-mail: marina.markelova@mail.ru; **С.И. Мозговой**, д-р мед. наук, проф. Омской гос. медицинской академии, г. Омск, E-mail: simozgovoy@yandex.ru; **А.Г. Шиманская**, канд. мед. наук, доц. Омской гос. медицинской академии, г. Омск, E-mail: shimanskaya.anna@yandex.ru;
В.А. Филимонов, д-р тех. наук, проф., ст.н.с. Омского филиала Института Математики им. С.Л. Соболева СО РАН, г. Омск, E-mail: trizkin@yandex.ru

ДИАГНОСТИКА АТРОФИИ СЛИЗИСТОЙ ОБОЛОЧКИ ЖЕЛУДКА: ОТ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДО «ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МАШИНЫ»

В статье описан процесс взаимодействия специалистов в области медицины и математики, по результатам которого сформирован прототип системы поддержки принятия решений при диагностике атрофического гастрита по материалам биопсий.

Ключевые слова: **диагностическая панель, маркеры, формализация, модель.**

Канцерогенез – сложный многоэтапный процесс, описывающий весь спектр перестройки клеточных и тканевых структур от нормальной клетки до инвазивной опухоли с метастазами. Актуальной является концепция о прекурсорах (предшественниках) и предикторах (предсказателях) рака, лежащая в основе разработки технологий выявления и мониторинга опухолей различной локализации на самой ранней стадии [1, 2]. Основой таких технологий обычно является определенный для каждой опухоли набор молекулярно-клеточных маркеров, позволяющих выявить у обследуемых пациентов даже не саму опухоль, а четко идентифицировать состояние ей предшествующее – так называемую «стартовую площадку» опухолевого роста. Такой «стартовой площадкой» для рака желудка кишечного типа (самый частый гистологический вариант опухоли) является атрофический гастрит [2; 3].

Предиктор – «предсказатель» – прогностический параметр; средство прогнозирования, независимый показатель прошлого или настоящего, предсказывающий исход (зависимый показатель) того или иного изменения в будущем. Это и наличие факторов риска возникновения рака желудка, наличие и количество конкретных белков (активных генов) до момента появления опухолевых клеток. Прекурсор – «предшественник». В нашем случае – белок или активный ген, участвующий на любой стадии формирования раковой клетки и играющий важную роль в определении свойств предраковой и раковой клетки, ассоциированный с другими веществами многокомпонентной клеточной системы.

Целесообразно рассматривать прекурсоры как предикторы со 100% чувствительностью и специфичностью, применительные к канцерогенезу в слизистой оболочке желудка, привязанные

к одному из его этапов: норма – инфицирование H.pylori – атрофия – метаплазия – дисплазия – карцинома. Другими словами, если прекурсор выявлен, то верифицируемая им трансформация клетки уже произошла или скоро произойдет. Предиктор или прогностическая модель из нескольких предикторов, как правило, 100% правильный прогноз не дает. При этом чувствительность и специфичность могут существенно различаться.

Диагноз атрофического гастрита можно установить только в 0,4% от общей выборки. Но это не значит, что остальные 99,6% выборки составляют пациенты без атрофических изменений слизистой оболочки желудка. И дело даже не в том, отмечена атрофия слизистой оболочки в каком-то фрагменте или нет, а в том, что более, чем в 90% диагностических случаев пациенты не получили персонализированного прогноза развития хронического гастрита, то есть оценки риска развития рака желудка [4; 5; 6].

Столь низкие показатели возможности использовать рутинный материал для оценки риска рака желудка объясняются погрешностями эндоскопического забора материала, а также нарушениями технологии обработки биоптатов в патологоанатомическом отделении.

Альтернативным методом детекции атрофии слизистой оболочки желудка является принцип «молекулярной и клеточной мишени» – признака/маркера. Те признаки/маркеры, которые обладают высокой валидностью, могли бы составить диагностическую панель для верификации стадии хронического гастрита [3; 4].

С этих позиций, на начальном этапе создания панели биомаркеров верификации атрофии слизистой оболочки желудка как нами проводился набор материала и определение чувствитель-

ности и специфичности, а также прогностической силы (по уровню экспрессии) таких наиболее изученных и распространенных маркеров клеточной пролиферации и дифференцировки как Ki-67, P53, MUC5AC, MUC2, MUC6, Shh, Villin, CD10, CDX2 [3; 5].

Создаваемая математическая модель эволюции хронического гастрита в рак желудка необходима для обоснования диагностической панели, поскольку идеальные срезы получить невозможно, маркерный принцип можно использовать, как бы клетка ни была ориентирована. Так реализуется возможность пространственной ориентации клеток и детекции патологических процессов в гистологических препаратах, которые не являются идеальными.

Таким образом, целью создания математической модели является необходимость разработки алгоритма поддержки принятия решения при наличии диагноза «Хронический гастрит», в целях персонализированного прогноза и профилактики риска развития рака желудка.

Общая задача ставится как задача создания системы поддержки принятия решений экспертом в области медицины при диагностике патологии желудка (применительно к конкретной задаче – атрофии слизистой оболочки желудка). Для этого необходимо формирование системы решающих правил, позволяющих осуществлять распознавание различных состояний организма по результатам экспериментальных измерений. Сложность задачи обусловлена многомерностью характеристик (маркеров), отсутствием данных по индивидуальным траекториям развития патологии, а также рядом других факторов.

Конкретная задача ставится как задача поиска подходов к различению состояния атрофии и предшествующих ей состояний (норма и воспаление) на основе анализа данных по 7-ми маркерам (Ki-67, Shh, P53, CDX-2, MUC2, MUC5AC, MUC6).

Исходные данные представляют собой в части случаев оценки медианы **Me** и экстремумов – максимума и минимума (**max** и **min** соответственно), а в части случаев – долю клеток, в которых зафиксирован данный маркер.

Предлагаемый **прототип способа решения задачи** основан на следующих положениях:

1. Все предположения о виде моделей и оценках параметров содержат контролируемые упрощения; способы получения более точных формул и оценок известны.

2. Предполагается взаимная независимость маркеров.

3. Распределения, в которых известны медиана и экстремумы, считаются нормальными (гауссовскими) со средним значением $m = Me$ и среднеквадратическим отклонением $S = (max - min)/5$.

4. Распределения, для которых известны доли (проценты), считаются биномиальными с параметром p – равным соответствующей доле. В случае аппроксимации биномиального распределения гауссовским используются известные формулы:

$m = n \cdot p$, $S^2 = n \cdot p \cdot (1 - p)$, где n – число испытаний.

5. Каждое правило принятия решения (**Атрофия/Отсутствие атрофии**) порождает ошибки двух видов: ложное заключение о наличии атрофии, и ложное заключение о её отсутствии. В связи с этим отдельно оговариваются условия возникновения таких ошибок и приводятся иллюстративные примеры. Эксперт потенциально может менять баланс вероятностей ошибок в зависимости от тяжести последствий.

Методика формирования математической модели может быть описана следующим образом.

1. Результатом вычислений по модели является РИСК **R** наличия атрофии. Риск измеряется по шкале [0; 1], где 0 соответствует отсутствию атрофии, 1 – полной уверенности в её наличии.

Промежуточным значениям может быть дана следующая интерпретация (таблица 1).

2. Модель работает по системе правил, перечисленных ниже.

3. Задан параметр **X1**, являющийся **АБСОЛЮТНЫМ ИНДИКАТОРОМ**: Если $X1 > 0$, то $R = 1$ безотносительно значений остальных параметров.

4. Заданы ещё 4 параметра, от которых монотонно, но не обязательно линейно, зависит **R**; в простейшем случае всегда возрастает.

5. Если $X1 = 0$, то риск **R** вычисляется как усреднённая сумма четырёх нормированных параметров, $R = (Ki-67_n + P53_n + Shh_n + CDX-2_n)/4$.

6. Нормируем КАЖДЫЙ параметр к интервалу [0, 1], т. е. минимальное значение приводим к «0», а максимальное – к «1».

7. Информацию о перекрывающихся границах можно использовать, введя весовые коэффициенты **W**, например:

$W = \{$

● 0, если параметр МЕНЬШЕ нижней границы атрофии=Q, т.е. этот параметр даёт риск=0

● 1, если параметр БОЛЬШЕ верхней границы нормы Z, параметр учитывается полностью

● $W_x = (X-Q)/(Z-Q)$ т.е. линейно растёт от 0 до 1 в этом диапазоне (нижняя граница атрофии, верхняя граница нормы) }

Можно ввести **нелинейный** рост [$W_x = (X-Q)/(Z-Q)^k$], при $k > 1$ более важной становится ВЕРХНЯЯ граница Z, при $k < 1$ – более важна НИЖНЯЯ граница Q.

Для двух параметров может быть построена достаточно очевидная графическая интерпретация, представленная в таблице 3. Способ формирования суммарных значений может быть изменён, в частности, с учётом важности параметров.

Можно рассчитать чувствительность: добавить + – 10% к каждой границе (или к конкретному измеренному значению), и посмотреть, как изменится диагноз.

Таблица 1

Варианты интерпретации значений шкалы

Значение риска в интервале	Числовой код	Аналоги шкал 5 уровней		
		Интерпретация: Уровень риска	Уровень террористической угрозы (США)	Уровень лавинной опасности
0 – 0,2	1	Незначительный	Низкий	Низкий
0,21 – 0,4	2	Умеренный	Тревожный	Средний
0,41 – 0,6	3	Средний	Повышенный	Значительный
0,61 – 0,8	4	Высокий	Высокий	Высокий
0,81 – 1,0	5	Безусловный	Тяжёлый/сильный	Экстремальный

Таблица 2

Суммарный код риска

		Первый параметр: код риска				
		1	2	2	3	3
Второй параметр: код риска	1	1	2	2	3	3
	2	2	2	3	3	4
	3	2	3	3	4	4
	4	3	3	4	4	5
	5	3	4	4	5	5

Средствами *MS Excel* в качестве прототипа создана простая «Диагностическая машина», позволяющая наглядно демонстрировать зависимость результата от структуры и параметров модели.

Перспективы работы связаны с организацией комплексной когнитивной экспертизы [7; 8] на основе кросс-технологий ситуационного центра [9; 10]. Под когнитивной экспертизой мы понимаем процесс экспертизы, в котором используются когнитивные возможности человека и коллектива в максимально возмож-

ной для заданной ситуации степени. В процессе экспертизы могут быть созданы модели тех объектов (процессов), которые сами являются предметом экспертизы. В нашем случае это модель развития заболевания.

В целом полученный прототип является хорошим рабочим инструментом для организации взаимодействия медиков и математиков в процессе создания системы поддержки решений для медицинских приложений.

Библиографический список

1. Correa, P. The gastric precancerous cascade // J. Dig. Dis. – 2012. – Vol. 13(1).
2. Graham, D.Y., Asaka M. Eradication of gastric cancer and more efficient gastric cancer surveillance in Japan: two peas in a pod // J. Gastroenterol. – 2010. – Vol. 45. – №1.
3. Кононов, А.В. Морфогенез атрофии слизистой оболочки желудка как основа фенотипа хронического гастрита / А.В. Кононов, С.И. Мозговой, М.В. Маркелова, А.Г. Шиманская // Архив патологии. – 2011. – № 3.
4. Кононов А.В. Российский пересмотр классификации хронического гастрита: воспроизводимость оценки патоморфологической картины / А.В. Кононов, С.И. Мозговой, М.В. Маркелова, А.Г. Шиманская // Архив патологии. – 2011. – № 4. – Т. 73.
5. Кононов, А.В. Атрофия слизистой оболочки желудка как предиктор риска развития рака: от оценки качества диагностики к разработке панели биомаркеров / А.В. Кононов, С.И. Мозговой, А.Г. Шиманская, И.А. Остроглядова // Рефлексивный театр ситуационного центра-2012: материалы 6-й Всероссийской конф. с междунар. участием. – Омск, 2013.
6. Мозговой, С.И. Алгоритм определения типа кишечной метаплазии слизистой оболочки желудка с помощью комбинированных гистохимических методов // Архив патологии. – 2009. – № 4.
7. Кононов, А.В. Математическая модель как инструмент прогноза риска развития рака желудка / А.В. Кононов, В.А. Филимонов, С.И. Мозговой [и др.] // Рефлексивный театр ситуационного центра (РТЦ-2012) // 6-я Всеросс. конф. с междунар. участием: сборник статей / под общей ред. проф. В.А. Филимонова. – Омск, 2013.
8. Филимонов, В.А. Организация когнитивной экспертизы в исследовательском комплексе «Ген-Гуру» // Знания-Онтологии-Теории (ЗОНТ-2011): матер. Всеросс. конф. с междунар. участием. – Новосибирск, 2011. – Т. 2.
9. Филимонов, В.А. Кросс-технологии ситуационного центра для искусственного интеллекта // 13-я национальная конф. по искусственному интеллекту к международным участникам: труды конф. – Белгород, 2012. – Т. 4.
10. Мухаметдинова, С.Х. Кросс-технологии ситуационного центра в управлении коллективной проектной деятельностью / С.Х. Мухаметдинова, В.А. Филимонов. – Омск, 2012.

Bibliography

1. Correa, P. The gastric precancerous cascade // J. Dig. Dis. – 2012. – Vol. 13(1).
2. Graham, D.Y., Asaka M. Eradication of gastric cancer and more efficient gastric cancer surveillance in Japan: two peas in a pod // J. Gastroenterol. – 2010. – Vol. 45. – №1.
3. Kononov, A.V. Morfogenez atrofii slizistoy obolochki zheludka kak osnova fenotipa khronicheskogo gastrita / A.V. Kononov, S.I. Mozgovoy, M.V. Markelova, A.G. Shimanskaya // Arkhiv patologii. – 2011. – № 3.
4. Kononov A.V. Rossiyskiy peresmotr klassifikatsii khronicheskogo gastrita: vosproizvodimostj ocenki patomorfologicheskoy kartinih / A.V. Kononov, S.I. Mozgovoy, M.V. Markelova, A.G. Shimanskaya // Arkhiv patologii. – 2011. – № 4. – Т. 73.
5. Kononov, A.V. Atrofiya slizistoy obolochki zheludka kak prediktor riska razvitiya raka: ot ochenki kachestva diagnostiki k razrabotke paneli biomarkerov / A.V. Kononov, S.I. Mozgovoy, A.G. Shimanskaya, I.A. Ostrogladova // Refleksivniy teatr situacionnogo centra-2012: materialih 6-yj Vserossiyskoj konf. s mezhdu. uchastiem. – Омск, 2013.
6. Mozgovoy, S.I. Algoritm opredeleniya tipa kishhechnoy metaplazii slizistoy obolochki zheludka s pomothjyu kombinirovannihkh gistokhimiicheskikh metodov // Arkhiv patologii. – 2009. – № 4.
7. Kononov, A.V. Matematicheskaya modelj kak instrument prognoza riska razvitiya raka zheludka / A.V. Kononov, V.A. Filimonov, S.I. Mozgovoy [i dr.] // Refleksivniy teatr situacionnogo centra (RTSC-2012) // 6-ya Vseross. konf. s mezhdu. uchastiem: sbornik statej / pod obthej red. prof. V.A. Filimonova. – Омск, 2013.
8. Filimonov, V.A. Organizatsiya kognitivnoy ehkspertizh v issledovateljskom komplekse «Gen-Guru» // Znaniya-Ontologii-Teorii (ZONT-2011): mater. Vseross. konf. s mezhdu. uchastiem. – Новосибирск, 2011. – Т. 2.
9. Filimonov, V.A. Kross-tehnologii situacionnogo centra dlya iskusstvennogo intellekta // 13-ya nacionaljnaya konf. po iskusstvennomu intellektu s mezhdu. uchastiem: trudih konf. – Belgorod, 2012. – Т. 4.
10. Mukhametdinova, S.Kh. Kross-tehnologii situacionnogo centra v upravlenii kollektivnoy proektnoj deyateljnostiju / S.Kh. Mukhametdinova, V.A. Filimonov. – Омск, 2012.

Статья поступила в редакцию 19.11.13

УДК 613.84 : 612.432. + 612.451] – 612.014.4 – 055.1.

Fedina R.G., Khasnulin V.I., Pustoveytova M.G., Poteryayeva Ye.L., Marinkin I.O. IMPACT OF SMOKING AND ALCOHOL CONSUMPTION OF HYPOTHALAMIC-PITUITARY-ADRENAL SYSTEM ON THE BACKGROUND ECOLOGICAL STRESS IN YOUNG MEN. The purpose of the work is to study the effect of tobacco smoking and alcohol use in one of environmental stress young men. It is known that the state of hypothalamic – pituitary-adrenal system (the HPAS) depends on the sex, age, season, an effect of tobacco smoking, and alcohol use. However, the state of the HPAS of healthy young man donors aged of 18-19 years, who have lived in the city of Novosibirsk for at least 10 years, has not been studied with respect to the area of residence. The concentrations of adrenocorticotropin, aldosterone and cortisol found in the blood serum of healthy young man donors aged 18-19 years, the 1-st group, can be used as regional norm. We have used the mentioned above as a starting point to choose a purpose of our study.

Key words: young men, blood serum, hormones, environmental stress.

Р.Г. Федина, канд. биол. наук, н.с. Центральной научно-исследовательской лаборатории ГБОУ ВПО Новосибирского гос. медицинского университета, г. Новосибирск, E-mail: froza@ngs.ru; **В.И. Хаснулин**, д-р. мед. наук, проф., руководитель лаборатории ФГБУ научного центра клинической и экспериментальной медицины СО РАМН, Новосибирск, E-mail: hasnulin@ngs.ru; **М.Г. Пустоветова**, д-р мед. наук, проф., зав. Центральной научно-исследовательской лаборатории ГБОУ ВПО Новосибирского гос. медицинского университета, г. Новосибирск, E-mail: ratorphysiolog@mail.ru; **Е.Л. Потеряева**, д-р мед. наук, проф., проректор по лечебной работе ГБОУ ВПО Новосибирского гос. медицинского университета, г. Новосибирск, E-mail: sovetmedin@yandex.ru; **И.О. Маринкин**, д-р мед. наук, проф., ректор, ГБОУ ВПО Новосибирского гос. медицинского университета, г. Новосибирск, E-mail: rector@ngtu.ru

ВЛИЯНИЕ ТАБАКОКУРЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ НА ГИПОФИЗАРНО-НАДПОЧЕЧНИКОВУЮ СИСТЕМУ НА ФОНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА У ЮНОШЕЙ

Исследовано влияние табакокурения и употребления алкоголя на гипофизарно-надпочечниковую систему на фоне экологического стресса у юношей. Выявленное повышение концентрации АКТГ и снижение АДД у юношей, курящих, но не употребляющих алкоголь, проживающих в экологически благоприятных районах свидетельствует о разной направленности влияния социально-вредных привычек на гормоны. У юношей, проживающих в экологически неблагоприятных районах, выявлено повышение активности адренокортикотропной, минералокортикоидной и глюкокортикоидной функций, у курящих и не употребляющих алкоголь, и является отражением экологического адаптивного напряжения организма, т.е. экологически обусловленного стресса, который формирует при длительном проживании на экологически неблагоприятной территории дисгормональные нарушения.

Ключевые слова: юноши, сыворотка крови, гормоны, экологический стресс.

В последнее время все большее внимание врачей, педагогов и ученых привлекает проблема здоровья молодежи, которая имеет особую актуальность в связи с высокой ее заболеваемостью. Нами проведено исследование влияния табакокурения и употребления алкоголя на гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую систему на фоне экологического стресса у юношей, проживающих в крупном промышленном городе Западной Сибири Новосибирске. Известно, что состояние гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы (ГГНС) зависит от пола, возраста, сезона года, влияния табакокурения и употребления алкоголя [1; 2]. Однако, исследования состояния ГГНС у юношей 18–19 лет, некурящих и не употребляющих алкоголь, курящих и не употребляющих алкоголь, курящих и употребляющих алкоголь на фоне экологического стресса, с длительностью проживания в городе Новосибирске не менее 10 лет, отсутствуют. Исследования данной проблемы обусловлено слабой изученностью роли гормонов в формировании приспособительных реакций организма на действия различных факторов среды, влияния социально-вредных привычек, а также проблемы региональной нормы эндокринных показателей у юношей. Несомненна потребность prognostических оценок состояния ГГНС у юношей, проживающих в условиях Западной Сибири, которые базировались на количественных характеристиках и их зависимости от социально-вредных привычек (курение табака и употребление алкоголя) и района проживания. При обследовании, диагностике и выявлении лиц с факторами риска необходимо учитывать наличие социально-вредных привычек (курение табака и употребление алкоголя) и район проживания. Полученные концентрации адренокортикотропина, альдостерона и кортизола в сыворотке крови у практически здоровых юношей-доноров в возрасте 18–19 лет можно использовать в качестве региональной нормы. Все вышеперечисленное послужило отправной точкой для выбора цели исследования.

Цель работы – исследовать влияние табакокурения и употребления алкоголя на гипофизарно-надпочечниковую систему на фоне экологического стресса у юношей.

Материалы и методы. Обследовано 193 практически здоровых юношей-доноров, студентов ВУЗов города Новосибирска в возрасте 18-19 лет (средний возраст 18 лет), проживающих не менее 10 лет в 6 административных районах Новосибирска, из которых 3 района были с экологическим благополучием, относительно «чистые» районы (1 группа) и 3 – с экологическим неблагополучием (районы, различающиеся по степени загрязненности окружающей среды: загазованность воздуха, мощные тепловые электростанции, загрязнение почвы, вод и рек) – условно «грязные» районы (2 группа). Обследуемые прошли углубленный медосмотр и из выборки были исключены доноры, имеющие какие-либо заболевания. Все доноры были отнесены к первому уровню здоровья, т.е. не имевшие существенных жалоб на здоровье, а в анамнезе у них отсутствовали указания на перенесенные ранее заболевания по классификации [3]. С помощью анонимного анкетирования по разработанной нами анкете, было выявлено число выкуренных сигарет в сутки и употребление алкоголя, а затем обследуемых классифицировали по методике [4]. Кровь на исследование брали из кубитальной вены натощак в положении лежа (состояние физиологического покоя) с 8 до 9 час утра в сухие центрифужные пробирки, которые помещали в сосуд с тающим льдом. Полученную кровь центрифугировали

в течение 15 мин при 1500 об/мин. Сыворотку отделяли и хранили до проведения исследования при температуре – 20°C, но не более 2-х недель, размораживая однократно. Радиоиммунным методом анализа [5] с использованием стандартных наборов отечественной и зарубежной фирм «Белорис», «УП ХОП ИБОХ» (Беларусь), «CIS» (Франция), Immunotech (Чехия) определяли в сыворотке крови гормоны ГГНС: адренокортикотропин (АКТГ), кортизол (КОР), альдостерон (АЛД). Радиоактивные анализированные пробы измерялись на счетчике «Гамма-автомат-800». Контроль качества выполнения анализа осуществляли внутрилабораторными методами с применением контрольных сывороток, входящих в комплект наборов. Оценку результатов проводили сравнением с прилагаемыми к наборам стандартами. Статистическую обработку результатов исследования проводили с использованием пакета прикладных программ MICROSOFT EXCEL 7 и STATISTICA 6.0 («StatSoft», США) FOR WINDOWS 2000. Применяли параметрический метод [6] и в отдельных случаях – непараметрический метод [7], поскольку известно, что функции распределения данных гормональных показателей отличаются не только от нормального вида, но и других, стандартных для статистического анализа, видов функций. Данные на рисунке представлены в виде их средних значений и средней ошибки ($M \pm m$), где M — среднее арифметическое значение, m — стандартная ошибка среднего. Был проведен корреляционный анализ по Спирмену. Различия считали достоверными при $p < 0,05$.

Результаты исследования. С помощью анонимного анкетирования выявлено число выкуренных сигарет в сутки и употребление алкоголя. Начали курить и употреблять алкоголь 18% юношей в возрасте 10-12 лет. По нашим данным из числа обследованных студентов 75% курят табак и употребляют алкоголь и только 25% не курят и не употребляют алкоголь. Более 10 папирос или сигарет в сутки курят 75% юношей. Полученные данные результатов исследования распространенности табакокурения среди юношей показывают, что число курящих в выборке превышает число некурящих в 3 раза. Исследование использованного свободного времени студентами выявило пассивные формы: 39% проводят свободное время в общежитии в общении с друзьями, смотрят телевизионные программы или ходят в кино – 16%, читают художественную литературу 5%, посещают бары и рестораны – 4% и только 36% студентов занимаются спортом. Курение и прием алкоголя увеличивает лиц с повышенной функцией ГНС: при этом напряжение ГНС у курящих выше, чем употребляющих алкоголь. Наличие высоко значимых корреляционных связей у юношей, курящих и употребляющих алкоголь, свидетельствует о том, что социально-вредные привычки формируют устойчивую зависимость гормональных характеристик от действия никотина и употребления алкоголя. Наиболее ярко эта картина наблюдается у юношей, проживающих в районе с экологической напряженностью. Тем не менее, концентрации АКТГ у юношей 1-й группы в экологически благополучном районе города и – АКТГ у юношей 2-й группы в экологически загрязненном районе оказались достоверно различными ($p < 0,003$). Техногенное загрязнение места проживания юношей значительно повышало концентрацию АКТГ. Такая же картина наблюдалась и при анализе концентрации в крови КОР и АЛД. Повышение концентрации АКТГ, КОР и АЛД у юношей, проживающих в неблагоприятной экологической среде можно объяснить наличием у них экологически обусловленного хроническо-

го стресса. Подтверждение наличия у юношей, проживающих в экологически «грязном» районе, хронического стресса мы видим по полученным данным о повышении в крови у юношей второй группы по сравнению с юношами первой группы концентрации альдостерона и кортизола ($p < 0,02$ и $p < 0,001$, соответственно). Все эти данные однозначно свидетельствуют о напряжении функциональной активности ГГНС у юношей 2-й группы. У юношей четвертой группы (курящие и употребляющие алкоголь), проживающих в «чистых» районах концентрации АКТГ повышена ($p < 0,01$), а – КОР и АДД достоверно снижены ($p < 0,001$, $p < 0,01$) по сравнению с концентрациями АКТГ, КОР и АДД у юношей первой группы (некурящие и не употребляющие алкоголь).

Обсуждение результатов. Достоверное повышение концентрации АКТГ, КОР и АДД у юношей 2-й группы показывает усиление активности адренокортикотропной и глюкокортикоидной функций надпочечников и является отражением экологического адаптивного напряжения организма, т.е. экологически обусловленного стресса, который формирует дисгормональные нарушения при длительном проживании на экологически неблагоприятной территории. Повышение адренокортикотропной и глюкокортикоидной функций у юношей курящих, но не употребляющих алкоголь свидетельствует о состоянии напряжения данной системы (повышение «гормона стресса» — кортизола). Повышение кортизола у юношей 2 группы свидетельствует о гиперкортицизме. Гормональные характеристики у юношей, проживающих в «чистом районе» соответствовали физиологической региональной норме.

Таким образом, экологический стресс способствует перестройке механизмов регуляции ГГНС организма юношей, формируя дисгормональные нарушения. Степень выраженности перестроек гормональных характеристик находятся в прямой зависимости от экологических условий проживания, что необходимо учитывать для прогноза, диагностики и выявления лиц с факторами риска на фоне экологического стресса. Полученные concentra-

ции АКТГ, АДД и КОР в сыворотке крови здоровых юношей-доноров в возрасте 18–19 лет 1 группы можно использовать в качестве региональной нормы. Курение и прием алкоголя увеличивает лиц с повышенной функцией ГНС: при этом напряжение ГНС у курящих выше, чем употребляющих алкоголь. Наличие высоко значимых корреляционных связей у юношей, курящих и употребляющих алкоголь, свидетельствует о том, что социально-вредные привычки формируют устойчивую зависимость гормональных характеристик от действия никотина и употребления алкоголя. Наиболее ярко эта картина наблюдается у мужчин, проживающих в районе с экологической напряженностью.

Заключение. Установлено, что у юношей, проживающих в условно «грязных» районах, по сравнению с юношами, проживающими в условно «чистых» районах, выражены изменения концентраций гормонов гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы. Выявлено, что проживание в «грязных» районах формирует устойчивую зависимость гормональных характеристик. Неблагоприятная экологическая обстановка способствует перестройке механизмов регуляции и взаимодействия гормональных характеристик организма. В результате проведенного исследования выявлено достоверное повышение адренокортикотропной функции гипофиза, глюкокортикоидной и минералокортикоидной функций надпочечников, у юношей, проживающих в экологически неблагоприятных районах Новосибирска. Это свидетельствует о напряжении гормональных адаптивных механизмов у практически здоровых юношей, проживающих в «грязных» районах. Результаты исследования свидетельствуют о достоверном различии концентраций гормонов гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы в зависимости от табакокурения и употребления алкоголя на фоне экологического стресса у юношей. Для прогноза, диагностики и выявления лиц с факторами риска необходимо учитывать наличие социально-вредных привычек (табакокурение и употребление алкоголя) и район проживания.

Библиографический список

1. Федина, Р.Г. Влияние внешних факторов среды и социальных привычек на состояние гипофизарной – надпочечниковой системы и инсулин плазмы крови здоровых людей: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1996.
2. Кризис жизнедеятельности мужского населения России: Коллективная монография / под ред. доктора биологических наук, проф. С.Н. Филипповой. – М.; Тверь, 2007.
3. Тристан, В.Г. Хронологическая характеристика уровней здоровья при занятиях физической культурой и спортом: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – Томск, 1994.
4. Бехтель, Э.Е. Донозологические формы злоупотреблением алкоголем. – М., 1986.
5. Ткачева, Г.А. Радиоиммунологические методы исследования / Г.А. Ткачева, М.И. Балаболкин, И.П. Ларичева. – М., 1983.
6. Реброва, О.Ю. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. – М., 2006.
7. Юнкеров, В.И. Медико-статистическая обработка данных медицинских исследований / В.И. Юнкеров, С.Г. Григорьев. – СПб., 2005.

Bibliography

1. Fedina, R.G. Vliyanie vneshnikh faktorov sredih i socialjnihk privihchek na sostoyanie gipofizarnoy – nadpocheknikovoyj sistemih i insulin plazmih krovi zdorovihk lyudej: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. – Novosibirsk, 1996.
2. Krizis zhiznedeyatel'nosti muzhskogo naseleniya Rossii: Kollektivnaya monografiya / pod red. doktora biologicheskikh nauk, prof. S.N. Filippovoyj. – M.; Tverj, 2007.
3. Tristan, V.G. Khronologicheskaya kharakteristika urovnej zdorov'ya pri zanyatiyakh fizicheskoy kul'turoj i sportom: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. – Tomsk, 1994.
4. Bekhtelj, E.E. Donozologicheskie formih zloupotreblenim alkogolem. – M., 1986.
5. Tkacheva, G.A. Radioimmunologicheskie metodih issledovaniya / G.A. Tkacheva, M.I. Balabolkin, I.P. Laricheva. – M., 1983.
6. Rebrova, O.Yu. Statisticheskij analiz medicinskikh dannihk. Primenenie paketa prikladnihk programm STATISTICA. – M., 2006.
7. Yunkerov, V.I. Mediko-statisticheskaya obrabotka dannihk medicinskikh issledovaniy / V.I. Yunkerov, S.G. Grigorjev. – SPb., 2005.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

Раздел 7

СОЦИОЛОГИЯ

Редактор раздела:

ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)

УДК 397.4

Poddubikov V.V. ETHNOLOGICAL EXPERTISE: TO THE PROBLEM OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL FEASIBILITY OF THE LIST OF INDIGENOUS PEOPLES' TRADITIONAL RESIDENCE AND ECONOMIC ACTIVITIES.

Applied ethnology – the actual direction of current scientific research with a high degree of practical relevance of the results. A particularly important area of its application is the examination of current state of indigenous peoples' traditional wild-life practices. This paper discusses legal, scientific and methodological aspects of ethnological expertise, directed to scientific and technical feasibility of the list of places of traditional residence and economic activities of indigenous peoples. On the example of ethnological examinations carried out in the Kemerovo region, author confirms the contents of expert studies, the criterion of traditional residence and economic activities of indigenous peoples, as well as some used interrogation methods and instruments .

Key words: indigenous peoples, applied ethology, ethnological expertise, places of traditional residence and economic activities.

V.V. Поддубиков, канд. ист. наук, зав. лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского гос. университета, г. Кемерово, E-mail: poddub@gmail.com

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: К ПРОБЛЕМЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ПЕРЕЧНЯ МЕСТ ТРАДИЦИОННОГО ПРОЖИВАНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ*

Прикладная этнология – актуальное направление современных научных исследований с высокой степенью практической востребованности результатов. Особенно важной сферой их приложения является экспертиза современного состояния традиционных практик хозяйствования коренных малочисленных народов. В статье обсуждаются правовые и научно-методические аспекты этнологической экспертизы, направленной на научно-техническое обоснование перечня мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. На примере этнологических экспертиз, осуществленных в Кемеровской области, уточняется содержание экспертных исследований, применяемые критерии мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, а также некоторые исследовательские методы и инструментарий.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, прикладная этнология, этнологическая экспертиза, места традиционного проживания и хозяйственной деятельности.

В сфере государственной национальной политики России последних десятилетий постепенно расширяется и становится привычной практика предварительных научно-технических обоснований принимаемых властью управленческих решений. Происходит это на фоне растущих потребностей органов государственной власти располагать качественной научно обоснованной информацией по текущим этническим процессам, характеру межнациональных отношений и прогнозу их возможных обострений. С другой стороны, в настоящее время идет процесс формирования экспертного сообщества этнологов, готовых к осуществлению прикладных исследований. Сегодня в стране существует ряд научных коллективов, располагающих не только теоретическими разработками, но и реальным опытом исследований, сориентированных на получение практически значимых результатов. Под действием этих двух причин прикладная этнология в России стала динамично развивающейся областью научных исследований. Ее результаты находят применение в дос-

точно широком проблемном поле: от уточнения реализуемых государством программ сохранения этнокультурного разнообразия народов России – до «тонкой» диагностики характера межэтнических отношений и прогноза их возможного в будущем развития. В попытке решить столь сложные научно-практические проблемы отечественная традиция прикладных этнологических исследований сформировалась в методологическом отношении, приобрела арсенал разнообразных методов, техник и аналитических инструментов [1; 2].

Однако по некоторым направлениям этнологической экспертизы в отечественной практике прикладной этнологии, до сих пор не сложилось ни общепринятых подходов, ни апробированных исследовательских методик. Вне всякого сомнения, именно к этой категории потенциальных объектов этнологической экспертизы следует относить проблему научного обоснования управленческих решений об отнесении отдельных населенных пунктов и территорий к перечню мест традиционного проживания и хозяйствен-

ной деятельности коренных малочисленных народов, утверждаемой Распоряжениями Правительства РФ [3].

В настоящей статье предпринимается попытка выделить наиболее важные правовые и научно-методические аспекты этнологической экспертизы по факту существующих проектов управленческих решений об отнесении населенных пунктов с присутствием локальных сообществ коренных малочисленных этносов к перечню мест их традиционного проживания и хозяйственной деятельности. Автор опирается, в основном, на опыт проведения этнологических экспертиз на территории Кемеровской области, в Таштагольском муниципальном районе и Междуреченском городском округе в 2012 -2013 гг. [4; 5], выполненных по заказу регионального департамента культуры и национальной политики.

Прежде всего, необходимо проанализировать имеющиеся в федеральном законодательстве правовые нормы, устанавливающие порядок и общие принципы формирования перечня, а также оценить их с точки зрения реальной управленческой практики на региональном уровне.

Как известно, места традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов как правовая категория присутствуют в Федеральном законодательстве достаточно давно. Они упоминаются в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» с 1999 года [6] и, в целом, считаются одной из эффективных мер содействия сохранению традиционных форм культуры, образа жизни и исконной среды обитания коренных малочисленных этносов. В соответствии с нормами упомянутого закона Правительством РФ утверждается и периодически изменяется перечень конкретных мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМН. В дальнейшем в этих правовых рамках осуществляются различного рода государственные программы по поддержке коренных малочисленных этносов на федеральном и региональном уровнях.

Следует отметить ряд особенностей нормативно-правовой базы, в соответствии с которой существует категория мест традиционного проживания коренных малочисленных народов. К ее сильным сторонам, безусловно, стоит отнести присутствие в законодательстве основополагающих определений, таких, как «коренные малочисленные народы», «традиционный образ жизни», «исконная среда обитания», «уполномоченные представители коренных малочисленных народов» [6, ст. 1]. В законодательстве также определены сферы ответственности, основные права и полномочия заинтересованных сторон, а именно: органов государственной власти федерального, регионального и местного уровня, представителей коренных малочисленных народов. В ряд законодательных норм введено понятие этнологической экспертизы как прикладного научного исследования, направленного на изучение влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса.

Однако у рассматриваемых документов прослеживаются и явно слабые стороны, к которым можно отнести два момента: 1) в ряде случаев в них допущена терминологическая неопределенность, затрудняющая правоприменительную практику; 2) законодатель практически не определяет четкие критерии для выделения мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. В целом следует признать, что ФЗ «О гарантиях прав ...» носит в этой части рамочный, т.е. в большей степени универсальный характер, требующий конкретизации на региональном и локальном уровнях при непосредственном рассмотрении вопросов выделения мест традиционного проживания.

Названная выше терминологическая неточность закона просматривается, прежде всего, в возможности неоднозначной трактовки самого понятия «Места традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов». В частности, не вполне ясно, должны ли в выделяемых особых территориальных единицах проявляться сразу оба признака. Должны ли они одновременно служить традиционным местом проживания малочисленного этноса и территорией хозяйственного использования, необходимой ему для поддержания исконной культуры жизнеобеспечения? Или же для этнической территории достаточно соответствовать лишь одному из этих признаков, чтобы она могла получить соответствующий правовой статус? Сам рассматриваемый ФЗ [6, ст. 5, ч. 2] отмеченный момент до конца не проясняет. Однако общая логика закона

и, в частности, то, как обозначена сфера его потенциального применения [6, ст. 3, ч.1], заставляет признать, что более корректен первый вариант трактовки понятия «Места традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМН».

Пожалуй, еще более серьезным недостатком нормативной базы в рассматриваемой сфере правового регулирования является отсутствие четких механизмов определения мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов. В законодательстве сказано лишь, что их перечень формируется Правительством РФ по представлению органов государственной власти Субъектов РФ, на территории которых проживают коренные малочисленные народы [6, с. 5, ч. 2]. Таким образом, большая часть ответственности за выбор конкретных территориальных единиц ложится на органы власти регионального уровня. В значительной степени это касается и вопроса о разработке критериев для отнесения отдельных административно-территориальных единиц и населенных пунктов к категории мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов.

В реальной практике этнонациональной политики на уровне Субъектов РФ именно неясность критериев является одним из наиболее существенных затруднений при попытке составить перечень мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Это иногда приводит к весьма необоснованным решениям об отнесении к перечню крупных городских поселений [7], в которых в принципе невозможна практика традиционного хозяйствования, или же всей территории отдельных муниципальных образований со сложной этнической структурой населения и незначительным численным представителем коренных малочисленных народов. В свете такого рода фактов неоспоримой является необходимость научного подхода к определению критериев для отнесения населенных пунктов, сельских и городских поселений к перечню мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов.

Постараемся далее обозначить важнейшие из этих критериев, опираясь на опыт и научные данные прикладных этнологических исследований, выполненных на территории Кемеровской области в 2012-13 гг., а также логику, заложенную в федеральном законодательстве. В ФЗ «О гарантиях прав ...» [6, с. 3, ч.1] законодатель приводит 4 существенных для нас признака субъекта права. В соответствии с ними, вероятно, и следует определять те территориальные единицы, которые могли бы быть признаны местами традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

Во-первых, закон распространяет свое действие на лиц, относящихся к коренным малочисленным народам. В потенциальных местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности такие лица, конечно, должны присутствовать. Однако здесь проявляется существенная проблема. По ряду причин установить этническую принадлежность человека почти не возможно, не задав ему прямой вопрос на эту тему. Поэтому очевидно, что решению вопроса об отнесении территориальной единицы к числу мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов должно предшествовать исследование этнического состава населения, включая обработку материалов переписей населения и проведения специальных социологических опросов.

Во-вторых, от мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности ожидается, что в них будет присутствовать некий устойчивый контингент резидентов – т.е. постоянно проживающих здесь лиц. В этом отношении также не все однозначно. Наш опыт проведения прикладных этносоциальных исследований показывает, что иногда в национальных поселках (особенно расположенных в границах городских округов или в пригородной зоне крупных городов) значительная часть населения отнюдь не постоянна. Имея здесь постоянную регистрацию многие годами живут в городах, районных центрах и т.д. Таким образом, и этот критерий может быть адекватно учтен только посредством проведения специальных исследований на месте.

В-третьих, такие моменты, как реальная практика традиционного образа жизни и исконных форм хозяйствования также нуждается в специализированном и внимательном предварительном исследовании.

Региональная специфика также может создавать особые условия существования традиционной практики хозяйствования коренных малочисленных народов, которую необходимо

учитывать в процессе формирования региональной сети мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Проиллюстрируем это на примере Кемеровской области. Здесь среди наиболее значительных моментов следует отметить следующее:

1. В ряде случаев территории традиционного хозяйственного использования, доступные коренному населению, не пригодны для устойчивой практики природопользования, либо нуждаются в восстановительных мерах. В качестве примера можно привести места традиционного проживания локальных групп бачатских телеутов [8]. Иногда же фактором, ограничивающим возможности для расширенного традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов, являются особо охраняемые природные территории, расположенные в непосредственной близости от мест традиционного проживания [9].

2. На основе опыта полевой работы в среде коренных малочисленных народов Южной Сибири (в т.ч. и Кемеровской области) автор настоящей статьи имеет основания судить, что уровень мотивации на развитие традиционных форм экономики у коренного населения неодинаков и в целом постепенно снижается по мере замещения старшего поколения молодежью. Ее значительная часть сориентирована на совсем иной, далекий от традиционного образ жизни.

3. На территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов встречаются земли с особым режимом

землепользования (территория заповедников, национальных и природных парков, земли федерального резерва и т.д.). Таким образом, важно проследить, чтобы выделяемые места традиционного хозяйствования не рождали новых поземельных конфликтов с участием коренного населения и не обостряли старых конфликтных ситуаций.

Все сказанное выше означает, что решению о выделении мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов или изменению их действующего перечня должна предшествовать стадия предварительных исследований. Их основным результатом должно стать научно-техническое обоснование по каждой выделяемой территориальной единице в соответствии с отмеченными критериями, соответствующими нормам федерального законодательства и особенностями региональной ситуации. Иными словами, речь идет об этнологической экспертизе, которая, кстати, предусмотрена в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов».

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 13-01-00170 «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона» и № 13-01-18066 «Этнологическая экспертиза: исследование факторов поземельных и этносоциальных конфликтов в местах традиционного природопользования шорцев».*

Библиографический список

1. Садовой, А.Н. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика / А.Н. Садовой, Н.А. Пруель. – Кемерово, 1996.
2. Поддубиков, В.В. Сельские группы коренных малочисленных этносов: методы экспертной оценки систем традиционного природопользования (на материале Южной Сибири) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 3(19).
3. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 8 мая 2009 г. N 631-р "Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности", 2009.
4. Поддубиков, В.В. Шорцы Кемеровской области: некоторые демографические и социальные проблемы (по данным этнологического мониторинга 2012 года) / В.В. Поддубиков, К.И. Осипов // Социогуманитарный вестник. – 2012. – № 2(9).
5. Поддубиков, В.В. Этнологическая экспертиза: анализ факторов земельных конфликтов в местах традиционного природопользования // Социогуманитарный вестник. – 2012. – № 2(9).
6. Российская Федерация. Федеральный Закон № 82-ФЗ от 30.04.1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Принят Гос. Думой 16.04.1999 г. Одобрен Советом Федер. 22.04.1999 г.
7. Поддубиков, В.В. Этнокультурное пространство российского города: некоторые проблемы этнологического исследования // Антропологический форум. – 2010. – № 12.
8. Поддубиков, В.В. Проблемы традиционной хозяйственной специализации телеутов / В.В. Поддубиков, А.М. Лебедев // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. – Кемерово, 2004.
9. Поддубиков, В.В. Традиционные формы природопользования коренного населения в контексте проблем управления особо охраняемыми природными территориями Алтае-Саянского экорегиона // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации программ и проектов развития Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 2008. – Вып. 2.

Bibliography

1. Sadovoy, A.N. Ehtnosocialnihy monitoring: principih, metodih, praktika / A.N. Sadovoy, N.A. Pruelj. – Kemerovo, 1996.
2. Poddubikov, V.V. Seljskie gruppih korennykh malochislennikh etnosov: metodih ehkspertnoy ocenki sistem tradicionnogo prirotopoljzovaniya (na materiale Yuzhnoy Sibiri) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2012. – № 3(19).
3. Pravitelstvo Rossiyskoj Federacii. Rasporyazhenie ot 8 maya 2009 g. N 631-r "Ob utverzhdenii perechnya mest tradicionnogo prozhivaniya i tradicionnoy khozayajstvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennikh narodov Rossiyskoj Federacii i perechnya vidov tradicionnoy khozayajstvennoy deyatel'nosti", 2009.
4. Poddubikov, V.V. Shorcih Kemerovskoy oblasti: nekotorie demograficheskie i socialnihe problemih (po dannihm ehtnologicheskogo monitoringa 2012 goda) / V.V. Poddubikov, K.I. Osipov // Sociogumanitarniy vestnik. – 2012. – № 2(9).
5. Poddubikov, V.V. Ehtnologicheskaya ehkspertiza: analiz faktorov zemeljnykh konfliktov v mestakh tradicionnogo prirotopoljzovaniya // Sociogumanitarniy vestnik. – 2012. – № 2(9).
6. Rossiyskaya Federaciya. Federalniyh Zakon № 82-FZ ot 30.04.1999 g. «O garantiyakh prav korennykh malochislennikh narodov Rossiyskoj Federacii». Prinyat Gos. Dumoy 16.04.1999 g. Odobren Sovetom Feder. 22.04.1999 g.
7. Poddubikov, V.V. Ehtnokulturnoe prostranstvo rossiyskogo goroda: nekotorie problemih ehtnologicheskogo issledovaniya // Antropologicheskij forum. – 2010. – № 12.
8. Poddubikov, V.V. Problemih tradicionnoy khozayajstvennoy specializacii teleutov / V.V. Poddubikov, A.M. Lebedev // Trudih Kuzbasskoj kompleksnoy ehkspedicii. Belovskiy, Yashkinskiy, Tashtagolskiy rayjonih Kemerovskoy oblasti. – Kemerovo, 2004.
9. Poddubikov, V.V. Tradicionnihe formih prirotopoljzovaniya korennoho naseleniya v kontekste problem upravleniya osobo okhranyaemihmi prirodnimi territoriyami Altae-Sayanskogo ehkoregiona // Problemih sokhraneniya, ispoljzovaniya i okhranih kulturnogo i prirodnogo naslediya pri realizacii programm i proektov razvitiya Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Tomsk, 2008. – Vihp. 2.

Статья поступила в редакцию 29.11.13

УДК 316(571.1Б)

Kulish V.V. THE INFORMING THE SCHOOL-LEAVERS OF THE ALTAI ABOUT THE HISTORICAL PAST OF THEIR COUNTRY (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL INVESTIGATION). The sources of informing the school-leavers of the Altai about the historical past of their country are given and described in the work, dominating sources are exposed and features of influencing the sources of information on forming the historical memory of the youth are marked out.

Key words: informing, sources, school-leavers, historical past, historical memory, forming the historical memory.

В.В. Кулиш, канд. социол. наук, доц. каф. социологии, политологии и экономики АлтГПА,
г. Барнаул, E-mail: vitalii.kulich@mail.ru

ИНФОРМИРОВАНИЕ ВЫПУСКНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ СВОЕЙ СТРАНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В работе представлены и описаны источники информирования выпускников Алтайского края об историческом прошлом своей страны, выявлены доминирующие источники, выделены особенности влияния источников информирования на формирование исторической памяти молодежи.

Ключевые слова: информирование, источники, выпускники, историческое прошлое, историческая память, формирование исторической памяти.

Политические, социально-экономические трансформационные процессы в российском обществе в конце XX – начале XXI века играли особую значимость в исследованиях социетальных аспектов памяти. Глубокие общественные потребности в сохранении единства социальной памяти определили массовость и динамику «бума памяти» в группе наук. Интерес к тематике памяти в социологии обусловлен несколькими факторами развития науки: возвращением временного измерения в современную социологию, синтезом качественных и количественных методов, интересом к устной истории, логикой развития дисциплинарных теорий, накоплением эмпирических данных [1].

Выделилась группа отечественных социологов, объектом исследования которых стала историческая память: В.Н. Бойков [2], Ж.Т. Тощенко [3], С.С. Балабанов [4], З.Х. Саралиева [4], А.С. Синявский [5]. Исследователями раскрывались различные стороны изучения феноменов «историческая память» – «управление памятью», манипуляции, фальсификации, забвения, белые пятна истории и др. Так или иначе, все исследования исторической памяти осуществлялись в двух плоскостях: *статике* (анализа сущности и содержания исторической памяти у различных социальных, этнических групп) и *динамике* (изучение особенностей функционирования и формирования исторической памяти).

Во втором десятилетии XXI века пространство виртуального мира и информационного общества обострило проблему влияния различных источников информации на формирование исторической памяти личности и социальных общностей. В марте-апреле 2013 года преподавателями кафедры социологии, политологии и экономики, сотрудниками лаборатории «Социология образования» Алтайской государственной педагогической академии было проведено региональное социологическое исследование, посвященное изучению источников информирования выпускников школ Алтайского края об историческом прошлом своей страны. Целью исследования стало выявление набора доминирующих источников информации, оказывающих влияние на процесс формирования исторической памяти современной российской молодежи (анкетный опрос проводился в школах 4 городов и 6 муниципальных образований Алтайского края, N=655).

В результате проведенного социологического исследования выявлены доминирующие источники информирования выпускников Алтайского края об историческом прошлом своей страны (таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Из каких источников информации Вы получаете информацию об историческом прошлом своей страны?», %

Варианты ответов	%
уроки истории в школе	90
Интернет	68
телевидение	54
художественная литература	38
разговоры с членами семьи	31
экскурсии, музеи	25
газеты, журналы	17
общение с друзьями	14
радио	4
общение с незнакомыми (случайными) людьми	2

Остановимся на подробном анализе двух самых популярных источников информирования – «уроки истории в школе»

и «Интернет». Ключевыми на уроках истории в школе являются, прежде всего, установки на запоминание научно-обоснованных, концептуально выверенных исторических знаний. Это самые значимые исторические события, знания о которых передаются от поколения к поколению. Однако такие установки, как правило, модифицируются из-за множественности подходов к преподаванию отечественной истории.

Ответы на вопрос: «С какими источниками информации Вам наиболее интересно работать на уроках истории в школе?» – вносят определенную ясность в общественную дискуссию о концепции преподавания «Отечественной истории», которая ляжет в основу единого школьного учебника. С текстом параграфа учебника интересно работать только 19% выпускников. Школьникам больше всего интересны лекции учителя (75%). Таким образом, не учебник, а личность учителя остается ключевым фактором в процессе формирования исторической памяти учащихся. Несмотря на то, какой учебник будет утвержден в итоге, качество преподавания будет зависеть, прежде всего, от профессионализма учителя. За учителем наряду с трактовкой и изложением официального курса истории России остается право выбора методических пособий, личной оценки, интерпретации очевидных и самых спорных исторических фактов.

Так как наиболее интенсивное информирование учащихся школы об историческом прошлом своей страны осуществляется непосредственно на уроках истории, обратимся к анализу результатов социологического исследования, отражающих содержательную составляющую исторической памяти выпускников.

Результаты опроса показывают, что 74% учащихся проявляют интерес к историческому прошлому России (26% – «очень интересуются», 48% – «скорее интересуются, чем нет»). Однако обращают на себя внимание мотивы интереса выпускников школ к прошлому своей страны. Только 30% респондентов считают своим долгом изучать историю своей страны. С одной стороны, наблюдается личностный вектор долженствования в сохранении своей гражданской, социальной, этнической идентичности, выраженной в интересе к истории. С другой стороны, для 24% выпускников интересовать историей своей страны рекомендуют родные, близкие, а 22% респондентов указали, что их заставляют учителя. Эти данные указывают на «социальное давление» со стороны близкого окружения учащихся. Более 70% выпускников просто вынуждены интересоваться историей своей страны. Только 17% респондентов ответили, что проявлять интерес к истории своей страны побуждает их профессиональный интерес, и для стольких же увлечение историей является хобби. Следовательно, для этих выпускников (34%) интерес к истории России является внутренней потребностью, определенной гедонистической составляющей жизнедеятельности.

По распределению ответов на вопрос: «Что в истории России вызывает у Вас наибольший интерес?» – видно, что преимущественно сохраняется в исторической памяти выпускников. Наибольший интерес учащиеся проявляют к событиям военной истории (41%) и великим людям российской истории (40%). Это можно объяснить следующими фактами. Во-первых, на протяжении всей истории России государство вело войны, вызванные различными причинами – оборона Отечества, реализация имперских амбиций, покровительство и защита других народов, геополитические причины и др. Во-вторых, самые значимые для нашей страны войны заканчивались победой нашего народа и носили они оборонительный характер, характер Отечественной войны. В-третьих, любая победа в войне сопровождается вспышкой сильных положительных эмоций и в то же время не-

гативных переживаний по поводу потери своих соотечественников. В психологической литературе неоднократно обсуждался вопрос о том, что лучше запоминается – приятное или неприятное. По данным одних исследователей запоминается преимущественно приятное (З.Фрейд), по данным других – неприятное (П. Блонский). При прочих равных условиях, эмоционально насыщенное будет сильнее запечатлеваться, чем эмоционально нейтральное, но в одних случаях лучше будет запомнить приятное, в других – неприятное, в зависимости от того, что именно в данном конкретном случае более актуально, более значимо в силу отношения к личности человека или событию [6].

Основополагающим элементом, запечатленным в исторической памяти учащихся из событий военной истории, является Великая Отечественная война 1941-1945 гг. На это указывают результаты социологического исследования. В ответах на открытый вопрос: «Какими событиями в истории России Вы гордитесь?» – 74% респондентов отметили Победу в Великой Отечественной войне 1941-45гг., 8% – Победу в Отечественной войне 1812г., 6% – Победу во Второй мировой войне.

Когда респондентам был предложен открытый вопрос: «Какое место для Вас является памятным?», – то таких мест оказалось не так мало. Это родное село, родной город, памятники (Пушкину, Шукшину, Ленину, Цюю), мосты, улицы, проспекты, площади в Барнауле (Сахарова, Октября, Демидовская), площади в районных центрах края. Однако среди более двух десятков мест памяти выделилась группа мест памяти, посвященных событиям Великой Отечественной войны 1941-45 гг. На эти места указали почти половина выпускников (49%): «Мемориал памяти» в Барнауле (23%), «Вечный огонь» (8%), памятники воинам, установленные в селах и райцентрах края (7%), площадь «Победы» (6%), «Аллея Славы» (5%). Также в ответах на открытый вопрос: «Какие эпохи в истории России особенно интересны для Вас?» – 66% учащихся указали период Великой Отечественной войны 1941-45 гг.

Повышенный интерес к теме Великой Отечественной войны 1941-45 гг. характерен для разных поколений россиян. Так, в 2005 году, в канун 60-летия Победы социологи института РАН Приволжского федерального округа провели опрос населения на тему: «Великая Отечественная война 1941-45 гг. в памяти поколений» (объем выборки 1460 человек). Результаты показали, что 80% опрошенных представителей трех поколений интересуются историей Великой Отечественной войны, причем 70% респондентов, так или иначе, не раз затрагивают эту тему в общении с окружающими, а самым распространенным источником знаний о Великой Отечественной войне у учащейся молодежи являются уроки Отечественной истории (82%) [7].

Повторяющиеся результаты независимых социологических исследований позволяют утверждать о преемственности исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941-45 гг. у ныне живущих поколений и воспроизводстве ее в среде российской молодежи. Знания о Великой Отечественной войне 1941-45 гг. и ее оценки, хранящиеся в исторической памяти, продолжают служить мощным консолидирующим фактором всего населения России.

Наряду с военной историей выпускники проявляют также наибольший интерес и к великим людям России (40%), а в вопросе: «Какие эпохи в истории России особенно интересны для Вас?» – 36% выпускников ответили – «эпоха Петра I». В социологическом исследовании «Историческое сознание российского населения», проводимом сотрудниками социологического центра Российской академии государственной службы в мае 1990 года (объем выборки 2196 человек) прогрессивное значение Петра I отметили 72% респондентов [2], а в аналогичном исследовании того же центра в июне 2001 года (объем выборки 2401 человек) высоко оценили реформы Петра 90% россиян [2]. В другом социологическом исследовании «Историческое сознание современной студенческой молодежи», проведенном сотрудниками кафедры социологии и политологии Московского государственного открытого педагогического университета в 1991 году (объем выборки 481 человек) 51% опрошенных указали, что их интересует жизнь замечательных людей: выдающихся ученых, деятелей, полководцев [8]. Таким образом, воспроизводящаяся из поколения в поколение память о выдающихся деятелях Отечества образует основу исторической памяти народа. Знания о деятельности великих людей в разные периоды истории России и ее оценки помогают сегодня сделать выпускникам правильный выбор жизненных стратегий, рефлексировать современное состояние общества.

Подводя итог анализу содержания исторической памяти выпускников, отметим в ней те же тенденции, которые присутствуют исторической памяти всего населения России. В исторической памяти выпускников школ Алтайского края в большей степени сохраняются знания о событиях военной истории и великих людях России. Из поколения в поколение остается преемственность этих знаний, а память о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. является основополагающим содержательным пластом исторической памяти россиян.

Вторым по значимости источником информирования выпускников об историческом прошлом является Интернет. Этот источник совсем недавно стал позиционироваться как инновационный транслятор информации. Однако, если проследить частоту обращения к Интернету за исторической информацией, то можно заметить, что он не является повседневно доступным источником обращения молодежи к историческому прошлому. Как показывают результаты исследования, в отличие от учебника истории, традиционного для учащихся источника информации, только 9% выпускников обращаются к Интернету каждый день, 18% – 2-3 раза в неделю, 43% – несколько раз в месяц, 19% – несколько раз в полгода, а 8% вообще не обращаются к Интернету. В 66% случаях учащиеся обращаются к глобальной сети для подготовки домашнего задания по истории.

Следовательно, Интернет может рассматриваться только как вспомогательный источник информирования выпускников о прошлом, который может усиливать, дополнять информационный эффект школьного урока истории. Интернет – автономный источник информирования о прошлом, содержащий немало привлекательного для учащихся исторического материала. Среди опрошенных 48% выпускников отмечают, что в глобальной сети содержится интересная информация о прошлом. «Сидеть в Интернете» с целью поиска информации о прошлом – один из вариантов свободного времяпрепровождения для 20% выпускников. Однако содержание исторического материала в сети вызывает неоднозначную оценку.

Глобальное медийное пространство, созданное цифровыми технологиями, делает историческую память универсальной, подвижной, мобильной, изменчивой и эфемерной. Возник даже новый концепт «сетевая публика», заменивший собой понятие «аудитория», с которым традиционно связывают представление о пассивном потреблении. На сегодняшний день пока еще нет социально-правового механизма отслеживания на сайтах Интернета случайной, достоверной, фальсифицированной информации. Трудно определить достоверность, объективность выложенной в сеть исторической информации. При этом результаты исследования показывают, что 58% выпускников в поиске информации о прошлом не обращают внимание даже на название сайтов. Только треть учащихся целенаправленно заходят на специальные сайты: 15% – на сайт по истории Отечества, 11% – на сайт по истории России, 7% – на сайт лекций по истории, 5% – на сайт по истории для абитуриентов вузов. Есть опасения в том, что Интернет как конкурирующий с учебником по Отечественной истории информационный ресурс может превратиться в «засоренный» источник хранения и воспроизводства исторической памяти народа.

Таким образом, глобальное медийное пространство является одним из значимых, популярных источников информирования выпускников о прошлом своей страны, но существует проблема отбора содержания исторического материала на сайтах. Необходимо, с нашей точки зрения, разработать более эффективный механизм работы учащихся школ с сайтами по истории, методике работы с Интернет-ресурсами об исторических проблемах. Не следует исключать также фактор государственного контроля за содержанием этих ресурсов.

Анализ других источников информации о прошлом своей страны показывает, что телевидение является довольно ограниченным источником информации для выпускников школ. Из всего многообразия телевизионных каналов респонденты выбрали пять: 1 канал, канал «Звезда», канал «Культура», канал «Россия 1», НТВ. Доминирующим средством привлечения аудитории к исторической информации является интересный способ подачи информации. Наиболее интересной для выпускников школ формой получения исторической информации по телевидению является документальный фильм.

Художественная литературная история как источник информирования выпускников об историческом прошлом своей страны начинает терять свою значимость среди молодежи,

а газеты и журналы практически перестали их в этом смысле интересовать. Читать книги, газеты, журналы продолжают в тех семьях, где заложена традиция чтения. С целью сохранения исторической памяти следовало бы, с нашей точки зрения, поддерживать традицию чтения книг, развивать моду на чтение у молодежи. Хорошим способом сохранения такой традиции могут стать конкурсно-игровые мероприятия, проводимые в масштабе школы, села, города, района, края.

Для каждого третьего выпускника из числа опрошенных разговоры с членами семьи являются одним из основных источников информирования о прошлом своей страны. Чаще всего школьники говорят о прошлом с папой, бабушкой или дедушкой. Преимущественно в патриархальной и расширенной семье обеспечивается формирование повседневных практик воспроизводства исторической памяти.

Несмотря на то, что более половины выпускников проводят свое свободное время с друзьями, обмен исторической информацией между ними осуществляется редко. Частый обмен информацией о прошлом своей страны реализуется в группе учащихся, заинтересованных историей. У остальных выпускников происходят «вспышки» обсуждения по поводу значимых государственных праздников или новостных вещаний, когда СМИ актуализируют какое-то важное историческое событие. При этом, если обсуждение прошлого происходит активно и в кругу друзей, сопровождается выражением эмоций, то оно запечатлевается в памяти.

Это же происходит, когда учащиеся сами рассказывают о событиях и фактах исторического прошлого своей страны. Особенно отметим, что почти половина выпускников испытывают при этом чувство гордости. Испытание школьниками гордости за историческое прошлое своей страны расценивается как проявление гражданской идентичности. Желание быть причастным к событиям прошлого, гордится им – это также показатель патриотических чувств у выпускников.

Однако рассказывать о событиях и фактах прошлого приходится учащимся не так часто: в школе, как правило, на уроках истории или же в кругу друзей по конкретному информационному поводу.

Несмотря на достаточно широкий перечень источников информирования выпускников об историческом прошлом, содержащаяся в них историческая информация, по мнению самих выпускников, подвержена искажению, фальсификации. 89% учащихся указали на то, что в современных источниках информации Отечественная история искажается (62% ответили «отчасти искажается», 25% – «во многом искажается», 2% – «полностью искажается»). На наш взгляд, попытки в 1990-е годы переосмыслить социально-исторический опыт предшествующих поколений, переписать отдельные этапы истории, сопровождавшиеся фальсификацией по многим направлениям, жанрам и аспектам, транслируясь по разным каналам информирования, отложились в памяти современных выпускников.

Таким образом, выбор учащимися источников информации об историческом прошлом обусловлен условиями их жизнедеятельности, общим уровнем и темпом развития общества. Как показали результаты социологического исследования, российское общество должно и может регулировать информированность молодежи об историческом прошлом своей страны, определяя приоритеты источников информирования на разных этапах социализации подрастающего поколения. Доминирующими источниками информирования выпускников являются уроки истории в школе, Интернет и телевидение. Они играют ключевую роль в процессе формирования исторической памяти учащейся молодежи и способствуют воспроизводству из поколения в поколение основополагающих элементов содержания исторической памяти народа России – памяти о Великой Отечественной войне 1941-45 гг. и великих людях в разные периоды Отечественной истории.

Библиографический список

1. Романовский, Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // СОЦИС: социол. исслед. – 2011. – № 6.
2. Бойков, В.Н. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // СОЦИС: социол. исслед. – 2002. – № 8.
3. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4.
4. Саралиева, З.Х. Отечественная война в памяти трех поколений / З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов // СОЦИС: социол. исслед. – 2005. – № 11.
5. Синявский, А.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического противостояния / А.С. Синявский, Е.С. Синявская // Отеч. история. – 2007. – № 2.
6. Черемошкина, Л.В. Психология памяти. – М., 2002.
7. Афанасьев, А.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян / А.И. Афанасьев, В.И. Меркушин // СОЦИС: социол. исслед. – 2005. – № 5.
8. Утенков, В.М. Об историческом сознании студенческой молодежи / В.М. Утенков, А.С. Закалин // СОЦИС: социол. исслед. – 2000. – № 6.
9. Кулиш, В.В. Особенности функционирования исторической памяти учащейся молодежи // Образование и общество. – 2011. – № 1 (66).

Bibliography

1. Romanovskiy, N.V. Novoe v sociologii – «bum pamyati» // SOCIS: sociol. issled. – 2011. – № 6.
2. Boykov, V.N. Sostoyaniye i problemih formirovaniya istoricheskoy pamyati // SOCIS: sociol. issled. – 2002. – № 8.
3. Tothenko, Zh.T. Istoricheskoe soznaniye i istoricheskaya pamyatj: analiz sovremennogo sostoyaniya // Novaya i novejshaya istoriya. – 2000. – № 4.
4. Saraliev, Z.Kh. Otechestvennaya vojna v pamyati trekh pokolenij / Z.Kh. Saraliev, S.S. Balabanov // SOCIS: sociol. issled. – 2005. – № 11.
5. Sinyavskiy, A.S. Istoricheskaya pamyatj o vojnah XX veka kak oblastj idejno-politicheskogo protivostoyaniya / A.S. Sinyavskiy, E.S. Sinyavskaya // Otech. istoriya. – 2007. – № 2.
6. Cheremoshkina, L.V. Psikhologiya pamyati. – M., 2002.
7. Afanasjev, A.I. Velikaya Otechestvennaya vojna v istoricheskoy pamyati rossijan / A.I. Afanasjev, V.I. Merkushev // SOCIS: sociol. issled. – 2005. – № 5.
8. Utenkov, V.M. Ob istoricheskom soznanii studencheskoj molodezhi / V.M. Utenkov, A.S. Zakalin // SOCIS: sociol. issled. – 2000. – № 6.
9. Kulish, V.V. Osobennosti funkcionirovaniya istoricheskoy pamyati uchatejshya molodyozhi // Obrazovanie i obshchestvo. – 2011. – № 1 (66).

Статья поступила в редакцию 20.11.13.

УДК 316.347

Chemchieva A.P. ETHNO-SOCIAL SITUATION IN THE ULAGAN DISTRICT, REPUBLIC OF ALTAI. Complex evaluation of the socio-ethnic situation in the areas of compact settlement of indigenous peoples in Russian Federation is a valid scientific problem. This paper examines socio-ethnic context in Ulagansky District of Altai Republic, which is inhabited by the Telengits, small-numbered indigenous peoples. On the basis of sociological research, conducted during August 2012, there were considered the economic, demographic, political and sociocultural problems of the district's indigenous inhabitants. This research has confirmed the high level of preservation of indigenous traditions, side by side with a weak adaptation to modern socio-economic conditions and growing expectations for improvement in country's situation.

Key words: Altai Republic, MO «Ulagansky area», culture, language, marriage, family, socio-economic status, socio-political situation.

А.П. Чемчиева, канд. филос. наук, н.с. Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, E-mail: arjana@ngs.ru

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В УЛАГАНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ*

Комплексная оценка этносоциальной ситуации в районах компактного проживания коренных народов Российской Федерации является значимой научной проблемой. В рамках данной статьи рассматривается этносоциальная ситуация в муниципальном образовании «Улаганский район» Республики Алтай, населенном коренным малочисленным народом – теленгитами. На основе материалов социологического исследования, проведенного в Улаганском районе в августе 2012 г., проанализированы экономические, демографические, политические и социокультурные проблемы, стоящие перед коренным населением района. Проведенное исследование зафиксировало хорошую сохранность традиций коренного населения, слабый уровень адаптации коренного населения к современным социально-экономическим условиям и рост у коренных жителей района ожиданий улучшения дел в стране.

Ключевые слова: Республика Алтай, МО «Улаганский район», культура, язык, брак, семья, социально-экономическое положение, социально-политическая ситуация.

Этносоциологическим исследованием было охвачено семь поселений Улаганского района: Балыктуоль, Балыкча, Кара-Кудюр, Паспарта, Саратан, Чибиля, Улаган. Социологический опрос был проведен методом формализованного интервью. Число респондентов составило 153 человек, из них 47% мужчин и 53% женщин. В социологическом опросе приняли участие респонденты в возрасте от 18 до 75 лет.

Общая характеристика обследованного района. Муниципальное образование «Улаганский район» находится на востоке Республики Алтай, имеет горный рельеф и из-за суровости климатических условий приравнен к районам Крайнего Севера. По материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность населения Улаганского района составляет 11388 человек. В этническом составе населения преобладают алтайцы 77,1%. Из других этнических групп наиболее многочисленны русские (16%) и казахи (4,5%).

Сфера этнической культуры и языка. Важно отметить, что алтайцы Улаганского района представляют собой один из шести алтайских субэтносов. Их историческое самоназвание – теленгиты. В советские годы теленгиты не выделялись из алтайского этноса, но уже в 2000 г. наряду с другими алтайскими субэтносами (кумандинцами, тубаларами, челканцами, телеутами) были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Признание теленгитов коренным малочисленным народом до настоящего времени остается в республике дискутируемым вопросом. Сами теленгиты преимущественно обладают биэтнической идентичностью: продолжают считать себя частью как своей этнической группы, так и алтайского этноса в целом.

В ходе социологического опроса представителям коренного населения Улаганского района был задан следующий вопрос: «Как Вы считаете, алтайцы – это один народ или разные народы?». По итогам опроса, 65% опрошенных ответили, что все алтайские этнические группы являются одним народом. С ними не согласилось 31% опрошенных.

В то же время большинство опрошенных высказалось в поддержку решения о наделении теленгитов статусом коренного малочисленного народа. Совокупная доля лиц, «полностью одобряющих» и «скорее одобряющих» данное решение составила 82%. Данные опроса показали, что коренные жители обследованного района связывают со статусом малочисленного народа большие надежды на улучшение своей жизни.

По результатам опроса коренное население Улаганского района достаточно хорошо сохраняет свою традиционную культуру. Так, 51% опрошенных отметили, что хорошо знают обычаи и традиции своего народа, 39% опрошенных заявили, что осведомлены о наиболее характерных обычаях и традициях. При этом, большинство опрошенных (54%) заявило, что всегда стремятся придерживаться народных традиций. 39% респондентов указали на то, что придерживаются традиций лишь частично.

В обследованном районе практически все коренные жители являются билингвами. Они свободно владеют как родным,

так и русским языком. По данным опроса престиж родного языка очень высок, в связи с чем большинство респондентов (90%) выступают за обязательное изучение учащимися школы алтайского языка.

По данным опроса 81% респондентов отметили себя верующими людьми, 14% отнесли себя к атеистам. Следует отметить, что очень часто коренные жители рассматриваемого района, одновременно придерживаются как традиционных алтайских верований, так и православия. По мнению 38% опрошенных религиозные организации играют в жизни их села высокую роль, по мнению других 32% опрошенных – среднюю, по мнению 8% – незначительную, а по мнению 9% – не играют никакой роли.

В то же время 70% опрошенных отметили, что относятся к деятельности религиозных организаций положительно. Отрицательное отношение выразили 12% опрошенных.

Сфера брака и семьи. По данным социологического исследования средний возраст коренных жителей района при вступлении в первый брак составляет 22,7 лет (у женщин – 22,3 лет, у мужчин – 23,2 лет). В перспективе возраст вступления в брак жителей района может повыситься. На это указывают ответы респондентов о наилучшем возрасте для брака. По данным опроса наилучшим возрастом для брака у женщин был назван 23,1 года, у мужчин – 25 лет.

В обследованном районе основная масса коренного населения заключает гомогенные в этническом отношении браки. Прежде всего это связано с высокой этнической однородностью населения района. Кроме того, для значительной части жителей района принадлежность к одному этносу до сих пор является важным условием стабильности брака. Так, чуть более половины опрошенных (53%) согласилось с мнением о неустойчивости межэтнических браков. В то же время 45% респондентов не поддержало это мнение.

Результаты обследования показали, что у коренного населения Улаганского района ценность брака традиционно остается высокой: 56% опрошенных не одобряют незарегистрированные в государственном порядке браки. Тем не менее, доля лиц, высказывающихся в поддержку незарегистрированных браков растет и составляет 28%.

Обратим внимание, что на протяжении многих веков одним из важнейших регуляторов семейно-брачных отношений алтайского этноса является институт рода (алт. сеок). В традиционном алтайском обществе каждый человек имел четкое представление о своем роде. В алтайском роде строго соблюдалась родовая экзогамия, не допускавшая заключения брака между представителями одного рода, считавшимися близкими родственниками.

Материалы социологического исследования показали, что практически все коренное население Улаганского района осведомлено о своей родовой принадлежности. Вследствие этого большинство (80%) жителей района имеют четкую ориентацию на родовые ценности и считают недопустимым нарушение обычая родовой экзогамии. О возможности заключения

браков между представителями одного рода высказалось только 16% опрошенных.

По данным опроса среднее число рожденных детей в семьях респондентов составляет 2,34 детей. При этом показатели рожденных детей заметно различаются у отдельных возрастных групп. Так, на долю респондентов старше 50 лет приходится 3,26 рожденных детей, на долю респондентов в возрасте 30-49 лет – 2,25 детей, а на долю молодежи до 30 лет всего 1,57 детей.

В то же время, представления жителей района об идеальном числе детей в семье (о наилучшем числе детей в семье вообще, без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений) значительно выше показателей фактического числа детей. Показатель идеального числа детей в семье равен 3,6 детям. При этом в репродуктивных установках мужчин и женщин наблюдаются различия. Мужчины проявляют склонность к большему числу детей – 3,63 детей. Установки женщины немного ниже – 3,57 детей.

Следует отметить, что представления респондентов об идеальном числе детей в семье имеют выраженную тенденцию понижения показателей при переходе от одного поколения к другому. Так, у возрастной группы старше 50 лет идеальное число детей составляет 4,47 детей, у респондентов в возрасте 30-49 лет – 3,77 детей, у молодежи до 30 лет всего 3,12 детей.

Социально-экономическое положение. Материалы социологического опроса позволяют проанализировать основные источники денежных доходов членов семей опрошенных нами респондентов. По данным опроса главным источником денежных доходов большинства респондентов является заработок членов семьи на постоянном месте работы. На это указали 44% опрошенных. Также значимыми источниками доходов, входящими в первую тройку, являются различные виды пенсионных выплат (по старости, по инвалидности, по потере кормильца) – 43% и сбор кедрового ореха – 23%.

Уровень жизни населения обследованного района достаточно отчетливо характеризуют показатели покупательной способности их денежных доходов. По нашей просьбе респонденты оценили свое материальное положение по четырехступенчатой шкале. По итогам опроса около половины опрошенных (47%) имели денежные доходы, позволяющие приобретать товары длительного пользования (холодильник, телевизор и т.д.), но недостаточные для покупки более дорогих вещей. 37% опрошенных отметили, что имеют доходы, позволяющие им обеспечить себя лишь необходимыми продуктами питания и одеждой. 4% респондентов указали, что их доходов не хватает даже на приобретение продуктов питания. Наивысший уровень самооценки денежных доходов, при котором можно приобретать дорогостоящие товары и ни в чем себе не отказывать, был присущ 7% опрошенных.

Также респондентам было предложено оценить, как изменилось материальное положение их семьи по сравнению с прошлым годом. На данный вопрос были получены следующие ответы: 33% опрошенных отметили, что материальное положение их семьи не изменилось, 5% отметили, что немного ухудшилось, 26% – немного улучшилось, 31% – существенно улучшилось.

По данным опроса 63% респондентов вели личное подсобное хозяйство. Свои ограниченные экономические возможности они компенсируют расширением производственной функции семейного домохозяйства. Основная масса респондентов, ведущих личное подсобное хозяйство, высаживали картофель и другие овощные культуры, разводили домашних животных. Часть продукции подсобного хозяйства жители района потребляли внутри домохозяйства (28%), частью делились с родственниками (8%), часть сдавали частным скупщикам (33%), часть реализовывали самостоятельно (7%).

Кроме того, вкратце отметим, что по мнению опрошенных наиболее важную роль в поддержании экономического развития их села играют, прежде всего, личные подворья (72%) и крестьянские (фермерские) хозяйства (42%). 61% опрошенных указали на то, что в их селе крупные сельскохозяйственные организации (СПК) практически не играют никакой роли. Тем не менее, жители района связывали перспективы развития своих сел не только с личными подворьями (51%) и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (27%), но и подъемом крупных сельскохозяйственных организаций (28%).

В ходе опроса респондентами были названы наиболее актуальные проблемы их поселений. 75% опрошенных отметили безработицу, 66% – пьянство, 55% – плохое состояние дорог, 26% – рост преступности, 11% – рост смертности и сокращение рождаемости, 3% – распространение бедности, нищеты.

Землепользование. По данным опроса основная масса жителей района имеет в индивидуальном пользовании те или иные виды сельскохозяйственных угодий. Преимущественно жители района обладают земельными участками для сенокосения (74%) и в гораздо меньшей степени пастбищами для выпаса скота (10%) и пашнями (1%).

Что касается имущественных прав населения на земельные угодья, то большинство респондентов являлись землепользователями. Земельные участки были предоставлены либо сельской администрацией (12%), либо лесхозами (3%), часть земель была взята в аренду (12%), часть земель находилась в частной собственности (14%). Около 29% опрошенных пользовались земельными участками без каких-либо оснований, на правах «родовых угодий».

Следует отметить, что в ходе опроса 31% опрошенных выразили опасение, что их земельные угодья могут быть переданы в пользование другим лицам. С ними не согласилось 45% опрошенных.

Данные опроса показали, что большинство опрошенных (59%) поддерживают частную собственность на землю. В поддержку государственной собственности на землю высказались 25% респондентов.

Оценка социально-политической ситуации. Материалы опроса показали, что 41% респондентов оценивали политическую обстановку в стране как спокойную или скорее спокойную, 26% – как неопределенную, а 23% – как напряженную или скорее напряженную.

В ходе опроса респондентам было предложено оценить, как изменилась политическая ситуация в стране за минувший год. На данный вопрос были получены следующие ответы: 27% опрошенных отметили, что политическая ситуация в стране существенно улучшилась, 34% отметили, что немного улучшилась, 28% – что не изменилась.

Оценивая развитие ситуации в стране в целом 52% респондентов выразили мнение, что страна развивается скорее в правильном направлении, 29% респондентов – в совершенно правильном направлении и 16% респондентов – скорее в неправильном направлении.

В этой связи 57% опрошенных полагали, что их жизнь в ближайшем будущем изменится к лучшему, 20% выразили мнение, что их жизнь останется без изменений, 6% респондентов ожидали изменений к худшему. При этом на вопрос о том, от какого уровня властей они ожидают социальную поддержку в первую очередь, большинство респондентов (49%) указали на федеральный уровень. От районной администрации ожидали поддержки 15% опрошенных, от сельской администрации – 16%, а вот от республиканских властей ожидали поддержки лишь 10% респондентов.

Следует отметить, что 48% респондентов считали, что правительство прилагает усилия по подъему российского села. С ними не согласилось 29% опрошенных, полагавших, что правительство бросило село на произвол судьбы.

О работе органов местной власти были хорошо информированы лишь 14% респондентов, 83% респондентов считали свою информированность недостаточной. При этом 79% опрошенных полагали, что главы муниципальных образований и сельских поселений должны избираться населением.

По данным опроса 70% опрошенных поддерживали партию «Единая Россия», 4% – партию «Справедливая Россия», 3% – Коммунистическую партию.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Коренное население Улаганского района сохраняет свою этническую культуру;
2. Представления респондентов об идеальном числе детей в семье значительно выше показателей фактического числа рожденных детей;
3. Респонденты отмечают определенную стабилизацию экономической ситуации в районе;
4. Основными источниками денежных доходов населения являются заработная плата, пенсионные выплаты, сбор кедрового ореха;

5. Значительная часть населения имеет низкий уровень доходов, не позволяющий им удовлетворять свои основные материальные потребности;

6. Наиболее актуальной проблемой жителей Улаганского района является безработица;

7. Отсутствие работы способствует повышению хозяйственной активности населения на личном подворье;

8. Большинство респондентов поддерживает частную собственность на землю, но на практике лишь меньшинство владеет земельными участками на правах частной собственности;

9. Жители района недостаточно информированы о деятельности органов исполнительной власти;

10. Большинство респондентов выразило мнение, что страна развивается скорее в правильном направлении и их жизнь в ближайшем будущем изменится к лучшему.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00170а).

Статья поступила в редакцию 01.11.13

УДК 314

Yaitakova A.V. **ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF THE FAMILY IN THE CONDITIONS OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY.** The article considers the major transformation processes of institution of the family in post-industrial society using the analysis of the statistical data for the specified period of time. On the basis of the author's sociological research features of transformation of institution of the family in one of the regions of the Russian Federation – the Altai Republic - are revealed. Interconditionality of the family and demographic policy and need of realization of vitalistic model of social management is reflected.

Key words: nuclear family, patriarchal family, family institution, transformational processes, post-industrial society.

А.В. Яйтакова, исполняющая обязанности главного специалиста 2 разряда Министерства труда и социального развития Республики Алтай; аспирант Горно-Алтайского гос. университета, г. Горно-Алтайск, E-mail: aruna_tatina@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрены основные трансформационные процессы института семьи постиндустриального общества с применением анализа статистических данных за указанный период времени. На основе авторского социологического исследования выявлены особенности трансформации института семьи в одном из регионов Российской Федерации – Республике Алтай. Отражена взаимообусловленность семейной и демографической политики и необходимость реализации виталистской модели социального управления.

Ключевые слова: нуклеарная семья, патриархальная семья, институт семьи, трансформационные процессы, постиндустриальное общество.

Становление постиндустриального общества, характеризующее активным развитием урбанизационных и глобализационных процессов, сопровождается и трансформационными процессами института семьи. Трансформация института семьи подразумевает не только переход от патриархальной к нуклеарной семье, но и изменения в мотивационной структуре рождаемости, брачно-семейного, репродуктивного поведения.

В СССР уже в 1979 г. более 2/3 советского населения жило в нуклеарных семьях и только 20% – в сложных, а менее 10% в неполных семьях [1, с. 128]. Статистические данные свидетельствуют, что уже с конца прошлого столетия активно начинают распространяться среди населения установки на малодетность, усилившиеся в настоящее время. По итогам Всероссийской переписи 2010 года в составе домохозяйств, как в городе, так и в селе, по-прежнему, как и в 2002 году преобладают домохозяйства с 1 ребенком. К 2010 г. число семей увеличилось с 28,5 млн. (1959 г.) до 54,6 млн. [2]. Одной из причин, обуславливающей уменьшение количества суммарной рождаемости, является повышение занятости женщин. В результате сегодня принадлежность к определенному социальному классу, уровень образования, род деятельности женщин все больше начинает детерминировать количество детей в семье.

Широкое распространение в нашей стране получает развитие нетрадиционной формы брака, как сожительство. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, из общего числа супружеских пар, количество которых составляет 33 млн., 13% (4,4 млн.) не состоят в зарегистрированном браке, в 2002 г. таковых было 9,7% (3,3 млн.) [2]. Также сегодня наблюдается рост внебрачной рождаемости среди женщин молодых возрастов 15-19 лет и средних возрастных групп 40-44 года. В РСФСР в 1970 г. доля внебрачной рождаемости в общем числе рождений составила 10,57%, в 1980 г. – 10,78%, в 1990 г. – 14,61%, в 2000 г. – 27,96%, в 2005 г. – 29,99%, в 2010 г. – 24,87% [3, с. 98].

Все вышеперечисленные тенденции в институте семьи и брака в корне поменяли демографические процессы населения, в частности изменили репродуктивное поведение, как женщин, так и мужчин, брачно-семейные отношения, а также стали причинами кризиса семейной морали, нравственности. Эти процессы особенно углубились в начале XXI в. Следует отметить, что данные процессы в нашей стране проходят неравномерно, что обусловлено резкой социально-экономической дифференциацией регионов.

В частности, в рамках исследования процессов регионального социального управления демографическими процессами в условиях современности, автором настоящей статьи было проведено социологическое исследование в одном из регионов Сибирского федерального округа – Республике Алтай, направленного на выявление особенностей трансформации института семьи. Исследованием были охвачены все 11 муниципальных образований исследуемого региона с учетом географии расселения, полового, возрастного, национального составов населения республики. Методом анкетного опроса было опрошено 1266 человек. Данные обработаны с помощью специального пакета программ SPSS (Statistical Package for Social Science).

В настоящее время в регионе отмечается увеличение числа семей с несовершеннолетними детьми и многодетных семей. Так, по итогам 2012 года, в республике общая численность семей составляет 49,2 тыс. семей, в сравнении с 2010 годом, отмечается увеличение на 20,3%. Количество многодетных семей с 2010 года увеличилось на 13% и составило 5,2 тыс. семей. Вместе с тем, тревожным остается стабильное сохранение количества малообеспеченных семей, их общее количество, по итогам 2012 года, составило 23,8 тыс. семей, в сравнении с предыдущим годом, наблюдается уменьшение лишь на 0,9%, а в сравнении с 2010 годом – рост на 6,3%. Стабильным остается количество неполных семей, с 2011 года их количество варь-

ируется в пределах 12 тыс. семей, высокой остается доля бездетных семей, в общей численности семей с детьми, данная категория семей составляет 13% или 6,4 тыс. семей, с 2010 года количество бездетных семей увеличилось на 14,3%. В регионе стабильно сохраняется наличие семей с несовершеннолетними родителями, их общее количество, по итогам 2012 года, составило 49 семей, из которых 31 неполных, по сравнению с 2011 годом уменьшение лишь на 16,9%. В регионе, хотя и незначительно, но отмечается рост числа семей с детьми инвалидами, с 2011 года наблюдается увеличение на 2,3% и на начало 2013 года их число составило 954 семей [4, с. 5-13]. В целом, на фоне положительного коэффициента рождаемости, рост числа семей с тремя и более детьми незначителен, в общей доле семей с детьми, доля многодетных семей всего 10,5%.

Несмотря на то, что в регионе наблюдается положительный естественный прирост населения, исследованием выявлены некоторые отрицательные тенденции в формировании института семьи региона.

Во-первых, это распространение сожителства, как альтернативной формы официального брака. Среди опрошенных респондентов, в официальном браке состоят 58,3% респондентов. При этом большинство респондентов 62,4% считают допустимым сожителство и лишь 4,7% считают такую форму брака недопустимой. Сравнение отношения к сожителству между мужчинами и женщинами показало, что женщины в большей степени склонны считать такую форму брака допустимой (34,6%), нежели мужчины (27,7%).

Во-вторых, обеспечение института семьи прослеживается и во мнении опрошенных по допустимости рождения ребенка вне брака. Проведенное исследование показало, что чуть больше половины респондентов (55,3%), рождение ребенка вне брака считают допустимой ситуацией. Недопустимым такое рождение ребенка считают лишь 8,1% респондентов. При этом женщины в большей мере склонны считать внебрачную рождаемость допустимой – 33,5%, чем мужчины – 21,7%. Кроме того, 86,1% респондентов отметили, что среди их знакомых есть женщины, родившие ребенка вне брака, и лишь 9,7% не имеют среди своих знакомых таких женщин.

Безусловно, эти данные указывают на институциональный кризис семьи в регионе, кризис семейных ценностей у населения. Семья сегодня перестает быть обязательным условием рождения и воспитания детей. Последствиями семейной дезорганизации является как уменьшение количества полных семей, рождений, так и увеличение социальных сирот в регионе, уровня разводимости.

Одним из результатов формирования отрицательных тенденций в институте семьи региона, является трансформация репродуктивного поведения населения региона. Исследованием выявилось, что доминирующим типом репродуктивного поведения респондентов является малодетный (1–2 ребенка). В то время как в родительских семьях респондентов преобла-

дает среднететный тип репродуктивного поведения, где доминирующее количество 2–3 ребенка. Так, из общего числа респондентов, имеющих детей (71,8%), большинство имеют двоих детей – 40,7%, затем одного ребенка – 38,0%, троих детей – 15,1%, четверых детей – 3,9%, пять и более детей – 2,3%. Более детальное изучение репродуктивных установок респондентов по идеальному, желаемому и планируемому числу детей показывает некую противоречивость. Респонденты в первую очередь за идеальным и желаемым числом детей считают 3, 2, 4, 5 детей (43,2%, 34,8%, 6,8%, 6,8% соответственно), желаемым числом детей – 3, 2, 5, 1 (38,2%, 37,6%, 8,3%, 7,6% соответственно). Однако при экономической стабильности семьи, респонденты планируют 2, 3, 1 ребенка (38,2%, 25,4%, 24,2% соответственно).

Исследование мотивов рождения детей обозначило определяющую роль психологических мотивов, нежели экономических. В числе представленных мотивов, такие мотивы как «любовь к детям» (22,4%), «ожидание радости с появлением ребенка» (13,3%) занимают лидирующие позиции, также значительный социальный мотив «обеспечение продолжения рода» (16,6%). Экономические мотивы респонденты указали меньше всего, к примеру, получение пособий, льгот (0,7%). Если для крестьянской семьи начала XX в. доминирующим был экономический мотив, поскольку экономически выгодно было иметь много детей, то в современных условиях для нуклеарной семьи характерно доминирование психологических мотивов, когда в первую очередь с рождением детей удовлетворяются определенные личностные потребности. Кроме того, сегодня экономически невыгодно иметь много детей, поскольку расходы семей возрастают с увеличением числа детей в них. Однако обратной стороной доминирования психологических мотивов над экономическими мотивами является тенденция формирования репродуктивных установок на малодетность.

Таким образом, трансформационные процессы института семьи постиндустриального общества охватили не только институциональный, но и морально-этические аспекты, закрепляя отрицательные тенденции демографического развития страны. В этих условиях улучшению семейно-демографической ситуации способствует демографическая политика, направленная не только на оптимизацию процессов естественного, механического движения населения, но и на укрепление семьи, сохранение и культивирование национальных традиций, идеологическое воспитание. В свою очередь подобный подход предполагает координацию деятельности всех управленческих структур с привлечением института общественности. Подобная модель социального управления в наибольшей степени соответствует виталистской модели социального управления демографическими процессами в регионе, позволяющая в наибольшей степени учесть взаимообусловленность реализации жизненных сил семьи и содержания её жизненного пространства, и как результат, обеспечить гармоничное развитие, взаимодействие индивидуальной и социальной субъектности человека.

Библиографический список

1. Блюм, А. Родиться, жить и умереть в СССР: пер. с фр. – М., 2005.
2. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Всероссийская перепись населения 2010: Федер. служба гос. стат., 2010 [Э/р]. – Р/д: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
3. Российский статистический ежегодник 2011: стат. сб. – М., 2011.
4. Социальный паспорт Республики Алтай. 2012-2013 годы / Автономное учреждение Республики Алтай «Комплексный центр социального обслуживания населения». – Горно-Алтайск, 2013.

Bibliography

1. Blyum, A. Rodit'sya, zhit' i umeret' v SSSR: per. s fr. – M., 2005.
2. Ob itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda // Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010: Feder. sluzhba gos. stat., 2010 [Eh/r]. – R/d: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
3. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik 2011: stat. sb. – M., 2011.
4. Social'niy pasport Respubliki Altaj. 2012-2013 godih / Avtonomnoe uchrezhdenie Respubliki Altaj «Kompleksniy centr social'nogo obsluzhivaniya naseleniya». – Gorno-Altaj'sk, 2013.

Статья поступила в редакцию 23.11.13

Раздел 8

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БОРТНИКОВ - доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА - кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АлтГАКИ (г. Барнаул)

УДК 113

Shalimova L.A. AESTHETICS OF MAKEUP IN THE COLOR COMPONENT OF THEATRICAL ART. The article discusses various approaches to the role theater and cinema fields of art of make-up, a combination of acting in an artistic way, the artistic transformation.

Key words: play, actor, makeup artist, picture, image, color, idea.

Л.А. Шалимова, канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук, филиала российского гос. Социального университета, г. Дедовск, E-mail: shalimova-istra@mail.ru

ЭСТЕТИКА ГРИМА В ЦВЕТОВОЙ КОМПОНЕНТЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

В статье рассматриваются разнообразные ролевые подходы в театральном и кино- направлениях искусства грима, сочетание актерского мастерства с художественным образом, художественное перевоплощение.

Ключевые слова: спектакль, актер, гример, картина, образ, цвет, идея.

Важнейшим компонентом эстетики грима выступает разнообразие возвышенного, трагического, юмора, идиллического, грациозного по отношению к искусству, как факт своего появления или происхождения в художественно-театральном, кино и телевидении, творческом начале и наслаждении в рамках философии ценностей.

Роль искусства театра определяет требования, которые предъявляет время ко всем областям данного искусства: к режиссерскому решению, художественному оформлению спектакля, к работе актеров над образом. Все цветовые компоненты спектакля, картины, клипа, выраженные в декорации, музыке, гриме, костюме, обязательно должны находиться в гармоническом единстве, по определяющей степени слаженности, для того чтобы в выпускаемом художественном полотне все звучало, как в образцовом симфоническом оркестре, исполняющего сложное музыкальное произведение. В этой связи, решающей фигурой спектакля, картины, художественного клипа является актер. Это он, создавая сценический образ, раскрывает идею пьесы, картины, художественной рекламы. Актер доносит до зрителя весь творческий замысел драматурга, режиссера, в котором большое место принадлежит воплощению на сцене, экране. В разработанной концепции цветового разнообразия, наряду с идейно-художественным замыслом пьесы, сценария, которые являются неотъемлемой частью сценического представления, кино, телевидения, лежит грим. Он выступает в роли цветовой необходимости в сочетании с костюмом, стилем, жанром, спецификой, того или иного произведения, новизны, актуальности, исторической значимости в обозримый период времени.

Таким образом, уровень и характер цвета грима определяется художественным методом театрального искусства, как режиссерской, так и актерской, художественно-оформительской работой в совокупности, в преодолении трудностей на практике в репетиционном периоде. В соответствии с современными научными концепциями в данной области исследования, хорошо найденный грим играет важнейшую роль в создании правдивого и выразительного образа. Это самый важный аспект, посредством которого автор и режиссер доносят до зрителя всю значимость ролевой установки, для более успешного художественно-

го восприятия образного решения, по реализации творческого замысла постановки, кино, рекламного ролика.

Великие мастера сцены, кино учили тому, что грим и есть половина творческого успеха и тому, что нельзя рассчитывать на успех в театре, кино не овладев искусством грима, не развивая зрительную память и глазомер, не изучая живопись, не испытывая в себе художественное восприятие действительности. «Нельзя просто копировать, а необходимо быть наблюдателем жизни, а значит, всему этому взять и научиться: запоминать; отбирать для себя самое важное, именно в этом и состоит главная задача актера, потому что грим вскрывает всё внутреннее содержание роли, при его непосредственной помощи и ткется узор художественного ремесла» [1, с. 34]. Именно так и описывал в своих методиках, выдающийся народный артист театра и кино Н.К. Черкасов. Он придавал гриму огромное значение и считал гримировку подлинным искусством, одним из важнейших средств создания образа, предопределяя определенные задачи грима, для того чтобы «... выявить и воплотить в зримом образе самое характерное, наиболее типичное для его внутренней сущности. Внутренний мир героя должен быть естественно и гармонично слит с его внешним обликом. Неосторожное, непродуманное, немотивированное изменение линий лица может стоить же непоправимо исказить образ, как малейшее отклонение мысли актера от тех внутренних переживаний, которые составляют идейное содержание образа» [2, с. 27]. Н.К. Черкасов, продолжал описывать гримировку, делая это для воспитания актера в умении воплощать внутреннюю сущность, все сложные душевные переживания своих персонажей: профессора Полежаева, А. Невского, М. Горького, царевича Алексея, Ивана Грозного, чудака – мученика Паганеля, Дон Кихота и многих других. Для всех исполняемых ролей, актеру необходимо найти необычайно яркое и верное решение внешнего облика. Привлекая зрительский интерес к своему персонажу через чрезвычайно выразительный и убедительный грим.

Данную театральную практику, подтверждает и описывает, следующий, ставший замечательным мастером грима и умевший с поразительной четкостью и точностью выразить внутреннее содержание образа, на театральных и оперных подмостках,

представивший целое явление в области оперного и театрального ремесла, – великий русский певец и талантливый артист Ф.И. Шаляпин. Именно он, сочетая в своем природном даровании исключительные вокальные данные с необыкновенной артистичностью и одновременно являясь даровитым скульптором и художником-карикатуристом, живописцем, с блеском использовал всю палитру цвета при создании внешнего облика своих героев. Создавал образы различные по характеру, возрасту, национальности, общественному положению и столь контрастные по внешности и цветовой гамме, что трудно было себе представить, что один и тот же актер исполняет роли: крестьянина-патриота Сусанина, сурового и грозного царя Ивана Васильевича, ассирийского полководца Олоферна, духа зла Мефистофеля, странствующего монаха Варлаама, Еремки из оперы «Вражья сила», безумного старика мельника, «печального образа» странствующего рыцаря Дон Кихота и т.д. По словам коллег, «Он умел так «носить» грим, при этом меняя не только выражение лица, но и цвет, мимику, жесты, походку, ритм движений, даже рост и фигуру, ошеломляя своим даром перевоплощения, не только зрителей, но и самих товарищей по сцене» [3, с. 15-17].

В своих воспоминаниях о Ф.И. Шаляпине, Н.А. Львов упоминает его в нескольких спектаклях, например, «Севильский цирюльник». Сначала появилась длинной, тощая фигура с яйцеобразной головой, что-то вроде скелета, в черной сутане. По сцене двигалась долговязая комическая фигура Дона Базилио, с длинными руками, тощей шеей и вытнутым утиным носом, блеклым, темно-серым лицом. С трудом верилось, что за этим Базилио, скрывается знакомый облик русского красавца – богатыря Ф.И. Шаляпина. Полным контрастом этому образу являлся Варяжский гость из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко». Появлялась в шумной толпе «новгородцев» богатырская фигура с черными, спускающимися к подбородку усами, с лицом, точно высеченным из камня, в стальном шлеме, с грудью, закованной в ослепительные доспехи, алым плащом, могучими обнаженными руками. Фигура выглядела колоритно. Яркими красками играла фигура и лицо скандинавского воина и мореплавателя, продолжал описывать грим, в своих работах театровед Н.А. Львов. Львов не только описывает, но и раскрывает особенности, представленные художественным гримом актера театра, кино, телевизионной постановки, в которых приходится использовать разнообразные техники нанесения его, играя разных людей, эпох и сословий. Далее он подмечает «...» для создания образа нужно не только правильно выбрать грим и при этом знать не только историю возникновения грима, но и историю прически, костюма, косметики, моды всех народов, которые имеют непосредственное отношение к постановке исторических и современных произведений» [4, с. 27-37]. Данная фактовая необходимость и есть то сущее, что присутствует на театральных подмостках и кино.

Для осознания глубины, самого происхождения грима, необходимо напомнить и его историю возникновения, которая уходит «в глубину» веков. Своим появлением грим обязан историческому периоду обрядов и религиозных культов. Проведение которых, требовали нанесения красок на лицо, что и практиковалось с самых «седых» времен. В нашем или современном понимании, театральный грим пришел на сцену в начале 18 века. Исторические сведения о гриме, повествуют о том, что древние ассирийцы уделяли своей косметике огромное внимание. Они румянили и белили лицо, чернили брови и ресницы, тело натирали душистыми маслами и мазями, за волосами тщательно ухаживали. В Древней Индии господствовал культ тела, для чего использовали всевозможные косметические средства. Сурьмили брови, красили ногти ярко-красной краской на ногах и руках, подошвы и грудные соски, а волосы и бороды, для красоты, окрашивали в зеленый, синий, пурпурные цвета. Египтяне не отставали от цивилизации Древнего мира и применяли, в больших объемах, кремы и краски. В Древней Греции особенно красивыми считались русые и золотые кудри. Греки посыпали волосы разноцветными порошками и мазили их разнообразными мазями. Многие секреты косметики и законы моды из Древней Греции перешли в Древний Рим. Римские матроны расписывали щеки румянами, подкрашивали брови, ресницы, волосы.

Грим актера в японском театре накладывался для подчеркивания индивидуальных деталей лица и мимики. Делали это для того, чтобы символически изобразить весь комплекс черт характера данного персонажа, используя для этого и условную

роспись лица. Например: лицо злого человека, мстительного и коварного покрывалось белой краской; синий цвет подчеркивал силу и мужество; красный означал честность, порядочный человек, совершая дурной поступок, «краснел зеленым цветом», так обозначались повстанцы и разбойники, потому что они обычно скрывались в лесах.

В Китае тот или иной цвет обозначал чувства, а также принадлежность персонажа к определенной социальной группе. Например, красный цвет обозначал радость, белый – траур, черный – честный образ жизни, желтый – императорскую фамилию или буддийских монахов, голубой – честность, простоту, розовый – легкомыслие, зеленый цвет предназначался для служанок.

Во французском театре, конца XVII и начала XVIII века, все актеры, выступавшие в трагедиях Корнеля, Расина, Мольера, Лопе де Вега и других авторов пьес, того времени, прибегали к гриму для приукрашивания лица, стремясь к психологической индивидуализации роли. Актер Тальма, впервые в истории театра использовал цветовую гримировку, что являлось абсолютным новшеством. В XIX веке русские актеры блестяще использовали цветной грим для создания образов Гамлета, короля Лира, Шейлока, Отелло, Кречинского и мн. мн. других.

Великий теоретик и практик театрального искусства К.С. Станиславский и его соратник В.И. Немирович-Данченко, с целым рядом помощников, создали методики гримирования в области художественной гримировки. Они разработали методику техники гримирования и гигиены грима. При этом строго рекомендовалось любому накладывающему грим, соблюдать основной закон живописи: темные тона удаляют и углубляют; светлые – расширяют и приближают; нельзя перегружать грим невыразительными деталями и штрихами; каждый мазок должен быть оправдан.

В своих наблюдениях на страницах своей работы «Маска и душа», великий мастер сцены Ф. Шаляпин, неоднократно высказывал свои мысли и наблюдения о гриме «Следует помнить, что на грим оказывает влияние сила света на сцене и его окраска, а также расстояние от сцены до зрительного зала. Необходимо знать о том, что чем ближе расположены зрители к сцене и чем сильнее и ярче освещение, тем мягче и тоньше должен быть грим» [5, с. 13]. В своем опыте Ф.И. Шаляпин, как бы подерживает мнение Львова относительно грима и костюма. Он также считал, что они тесно «связаны» между собой. При этом Шаляпин постоянно напоминал и о необходимости учитывать, не только саму технику, но и технологию грима в национальных, расовых, гротесковых, трансформационных, характерных, портретных особенностях, которые придают особую выразительность образу в облике актера – исполнителя.

Для более полного и объемного раскрытия содержания образа, в области цветовой гармонии грима, делится своими работами и опытом А.И. Воскресенский. Он настоятельно рекомендует помнить о том, что «<...> сценический свет изменяет цветовую гамму на сцене: белые предметы в тени кажутся серыми; красные, зеленые, фиолетовые и серые сохраняют свой цвет, при этом выглядят более темными» [6, с. 17]. При цветном освещении сцены необходимо учитывать следующее: весь красный цвет, поглощает красные тона, в гриме они бледнеют; при синем (вечернем, лунном) освещении красная краска будет казаться почти черной, а синяя значительно побледнеет. В первом случае (при красном освещении сцены) красные тона надо усилить, а синие ослабить, а во втором (при синем освещении сцены) – красные ослабить, а синие усилить. Сценическое освещение состоит из нескольких источников света, среди которых ведущее место занимает так называемый рисующий свет. А вот для выразительного освещения грима, значительно дополняющим является свет всей кубатуры как обще-рассеянный. Он содержательно описал цветовую гамму на сцене при электрическом свете, рекомендуя обращать, как режиссерское, так и свое актерское внимание на художественное, гримерное, костюмерное, декорационное, постановочно – цеховое обслуживание спектакля. Данные обстоятельства весьма необходимы для восприятия цветового решения постановки. В этом случае требуется необходимые знания для соблюдения ряда мер, при освещении сценического пространства.

Более того, на всей освещенной сцене все красные, оранжевые и желтые цвета светлеют, зелено-голубые, голубые, синие и фиолетовые – темнеют (при этом темно-зеленый цвет не изменяется), красные цвета становятся более насыщенными,

оранжевые при этом «краснеют», светло-желтые цвета сближаются с белыми так, что их трудно различать, голубые цвета зеленеют и в ряде случаев и почти не отличаются от зелено-голубых, синие цвета теряют насыщенность, темно-синие цвета кажутся черными, фиолетовые при этом краснеют и иногда их нельзя отличить от пурпурных. Именно такие преобразования случаются по законам театра.

Ученые, в своих исследованиях цвета, начиная с самой природы его, внесли не мало важную лепту в театральное искусство, выделяя или наделяя те или иные цвета определенными цветовыми качествами. Например, солнечный спектр намного интенсивнее электрического, который обладает незначительным количеством синих и фиолетовых лучей. Вот почему при электрическом освещении, с помощью разноцветных светофильтров, получается гамма синих и фиолетовых тонов. В результате этого слияния цветов, все желтые краски блекнут. «Скульптурно-объемный и живописный грим находится в тесной связи со всем комплексом современной осветительной аппаратуры. Гримирясь, необходимо учитывать, что под влиянием светофильтров (последние не пропускают световых потоков или отдают их в незначительном тональном количестве), грим – как в цвете, так и в тоне видоизменяется», отмечает в своих зарисовках о гриме П. Лифшиц [7, с. 11].

В середине XX века, мастер театра А.П. Ленский, в сборнике «Мастера театра об искусстве актера» и в книге «Заметки о гриме», не только поддерживает, но и развивает свои наблюдения, подтверждая специфические условия освещения сценической площадки, напоминающая о гриме, заметил, что все гримировальные краски состоят из одиннадцати тонов. «Сам киногрим, обязан обладать ювелирной тонкостью и точностью, потому что кино требует филигранных технических приемов гримирования и тончайших гримировальных материалов. Киноплёночный материал поразному реагирует на цвета, потому что все эмульсионно-белые пленки делятся на три группы: самочувствительная обыкновенная; ортохроматическая; панхроматическая» [8, с. 19].

Свои выводы, относительно важности грима в кино, в работе «Грим в кино» оставили деятели театра и кино А. Анджан и Ю. Волочанецкий. На страницах уникального учебно-практического пособия они «<...> что несколько основных цветов изменяются от светлого к темному. Начальные краски имеют розовый оттенок. Средние краски – желтовато-коричневый. Конечные краски имеют красно-коричневые оттенки. Действие гримировальных красок заключается в том, что при накладывании тончайшего слоя грима получают всевозможные цветовые оттенки, а сам грим остается незаметным» [9, с. 117].

Необходимо отметить и то, что вся цеховая группа художников-гримеров в театре, отдельные актеры отмечают цветовой грим как главный элемент изменения внешности актера. Грим

является тем необходимым обстоятельством для раскрытия возрастных, национальных, психологических и социальных черт образа, посредством которого можно позиционировать социальный заказ того или иного произведения. Грим подчеркивает не только образ человека, героя, но и общественно-политический, социальный уклад жизни народа, страны, эпохи, посредством художественного воплощения на телевидении, открытых площадках.

Автор монографии «Парадигма цвета» Л.А. Шалимова раскрывает явление грима, как цветовой компонент театрального искусства. «Школа грима используется и в современной рекламе, в позиционировании рекламных роликов, наружно-световой, щитовой, печатной, к которым люди успели привыкнуть. При этом, рекламируется, не просто художественный образ того или иного товара, услуги, деятельность, но и рекламные технологии, использующие любые средства художественного перевоплощения, для «героя» рекламного образа» [10, с. 115].

Данная статья рассматривает одну из важнейшей эстетической роли в искусстве, определяя требования к работе актера над образом. При использовании всей цветовой компоненты художественного оформления роли, посредством грима и костюма, всего цветового пространства сценической площадки, организованной в соответствии с гармонизацией единства, на уровне декоративного оформления интерьера, музыки, шумовых эффектов. Особая роль, в художественном образе приходится на мастерство художника по гриму и самого исполнителя той или иной ролевой особенности и исследуется уровень мастерства выдающихся актеров не только современности, но и прошлых веков, владеющих замечательной школой перевоплощения.

Эстетика грима, необходима и обязательна, для выявления характера внутренней сущности воплощаемого образа на сцене, как составляющая идеи содержания самого образа, его «зерна» в перевоплощении актера. При этом раскрывается ряд особых приемов по использованию грима в классических постановках выдающихся деятелей театра, которые с поразительной точностью и четкостью использовали всю палитру красок, столь необходимой для выявления сущности той или иной роли. В статье раскрывается колоритный мир театрального грима, со ссылкой на его исторические разнообразия как формы красоты, эстетики образа, художественного перевоплощения актера. Статья носит не столь описательный, сколько практический материал использования грима на практике. Яркое, эмоционально, интересно и так необходимо затрагивать область широкого спектра художественного ремесла по использованию цветовой гаммы в театре, кино. Именно цветом подчеркивается особый статус художественной актуальности в перевоплощении, как своего рода новизны в обосновании достоверности и исторической значимости.

Библиографический список

1. Анджан, А. Грим в кино / А. Анджан, Ю. Волочанецкий. – М., 1961, 2006.
2. Черкасов, Н.К. Записки советского актера. – М.; Л., 1953.
3. Львов, Н.А. Грим и образ. – М., 1960; Мастера театра об искусстве театра. – М., 1953.
4. Львов, Н.А. Грим и образ. – М., 1960.
5. Шаляпин, Ф.И. Маска и душа. – М.; Л., 1949.
6. Воскресенский, А.И. Сценический грим. – СПб., 1910.
7. Лифшиц, П. Сценический грим. – М., 2007.
8. Ленский, А.П. Заметки о гриме // Мастера театра об искусстве актера. – М., 1953.
9. Анджан, А. Грим в кино /А. Анджан, Ю. Волочанецкий. – М., 2006.
10. Шалимова, Л.А. Парадигма цвета. – М., 2010.
11. Мастера театра об искусстве театра. – М., 1953.

Bibliography

1. Andzhan, A. Grim v kino / A. Andzhan, Yu. Volochaneckiy. – M., 1961, 2006.
2. Cherkasov, N.K. Zapiski sovetskogo aktera. – M.; L., 1953.
3. Ljvov, N.A. Grim i obraz. – M., 1960; Mastera teatra ob iskusstve teatra. – M., 1953.
4. Ljvov, N.A. Grim i obraz. – M., 1960.
5. Shalyapin, F.I. Maska i dusha. – M.; L., 1949.
6. Voskresenskiy, A.I. Scenicheskiy grim. – SPb., 1910.
7. Lifshic, P. Scenicheskiy grim. – M., 2007.
8. Lenskiy, A.P. Zаметki o grime // Mastera teatra ob iskusstve aktera. – M., 1953.
9. Andzhan, A. Grim v kino /A. Andzhan, Yu. Volochaneckiy. – M., 2006.
10. Shalimova, L.A. Paradigma cveta. – M., 2010.
11. Mastera teatra ob iskusstve teatra. – M., 1953.

Статья поступила в редакцию 08.10.13

УДК 7.067

Balakina E.I. THE FORMATION OF SPECIFICS AND APPOINTMENT OF ART IN THE PROCESS OF ITS BECOMING IN THE SYSTEM CULTURE. The article is devoted to the actual problem in modern culture, the problem of understanding the true nature of art, formation of which occurred during the period of its incipience. Loss of interest in art of modern society is explained by the distortion of its purpose in the culture: mystical roots of art assume not its rational cognition, but «co-being».

Key words: the roots and essence of art, art as a way of revelation, «co-being».

Е.И. Балакина, канд. культурологии, доц. каф. философии и культурологии Алтайской гос. педагогической академии, г. Барнаул, E-mail: balakina2002@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ И НАЗНАЧЕНИЯ ИСКУССТВА В ПРОЦЕССЕ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ*

Статья посвящена актуальной в современной культуре проблеме осмысления исходной сущности искусства, формирование которой происходило в период его зарождения. Утрата интереса современного общества к искусству объясняется искажением его назначения в культуре: мистические корни искусства предполагают не рациональное его познание, а «со-бытие».

Ключевые слова: корни и сущность искусства, искусство как путь откровения, «со-бытие».

...Искусство (серьёзное, о котором можно говорить) должно возвышать, влить в человека силу подняться, высоко держать душевный строй...

Иван Крамской

История искусства уходит в глубокую древность человечества. Первые попытки творчества рождались в запертые для сознания времена в языках пламени магического костра, в сакральном пространстве первобытного ритуала. Как это было на самом деле – точно определить сегодня вряд ли возможно, да и так ли это важно? Важнее найти убедительный научный путь, позволяющий определить место и назначение искусства в системе культуры. Почему в исторической смене эпох, стран и народов, в напряжённой динамике развития научных парадигм, значительных обновлениях в пёстром, но целостном поле мировой культуры появляются и исчезают многие явления, но искусство остаётся? Остаётся, несмотря на тревожные предсказания его судьбы в контексте стремительного развития техники, которая давно должна была вытеснить и уничтожить дружное семейство классических искусств! Мыслители различных школ и направлений расходятся во мнениях о возможностях и назначении искусства, но в одном понимании все единодушны: искусство будет жить до тех пор, пока существует Человечество как уникальное культурное сообщество.

Взаимодействие с искусством в современной культуре почти повсеместно приобрело образовательную, просветительскую направленность. Оно изучается наукой, преподносится в лекциях ознакомительно-просветительского характера как преимущественно материальное явление – в истории жанров и форм, детальном описании артефактов, в сложных аналитических конструкциях, раскрывающих закономерности драматургии произведения искусства или особенности творчества автора. При этом ясно обозначилась глубочайшая проблема утраты интереса общества к искусству, которое, как утверждают мыслители всех веков, только и предназначено для истинной помощи человеку в решении основных сложнейших вопросов его жизни и судьбы: «Вся история человечества свидетельствует, что явление, которое мы называем искусством, или художественной культурой, это неотъемлемая составляющая человеческого способа существования в мире. И её деградация, утрата новыми поколениями понимания её жизненной ценности, утрата ответственности за её сохранение, развитие и «трансляцию» в будущее – это прямой путь к расчеловечиванию данного общества» [1, с. 4]. В чём же причина этого противоречия, доведённого жизненной практикой последних десятилетий до своего предельного состояния?

«Послушайте, ведь если звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно!», – восклицал В. Маяковский, поражённый простотой гениального прозрения. В этой его фразе звучит один из универсальных жизненных детерминистских законов, доказанный в XX веке учёными разных направлений: в мире не появляется и не существует ничего, что не было бы ни для чего нужно.

Если искусство до сих пор существует, значит, в этом есть непреложная культурно-историческая необходимость. Для чего же и кому нужно искусство? Каково его место в общей системе культуры, гуманитарном и эстетическом образовании, в процессе формирования личности вообще – в широком смысле, и личности школьника – в частности?

Вопросы о сущности и назначении искусства в развитии духовных и материальных процессов мировой культуры являются едва ли не самыми обсуждаемыми в мировой научно-философской и художественно-публицистической литературе. Не задаваясь глобальной целью обобщить все открытия в одной краткой статье, сошлёмся лишь на некоторые идеи, раскрывающие в обсуждаемой проблеме присущие ей глубину и фундаментальность. Вполне закономерно, что большинство из них характеризуют отношение к искусству и мироощущение именно в переходные эпохи – в периоды ранней древности, когда мир искусства «пробивался первыми ростками» и определял своё место в системе взаимодействия человека с миром; и в теоретических открытиях искусства Авангарда, когда смыслосложные вопросы зазвучали особенно остро и напряжённо для всего мирового сообщества; когда и представители творческих профессий, и каждый сознательный человек вообще оказались втянутыми в сложный процесс обдумывания сути существования и назначения деятельности, в которой они реализуют свою судьбу.

В концепции Г.В. Гриненко искусство рассматривается в перекрёстном поле исторических и теоретических координат, где задача определения сущности искусства проводит автора к необходимости найти его истоки: «Это магические реалии, которые имеют изобразительную, пантомимическую, подражательную, звукоподражательную, интонационно и вербально суггестивную формы. Уходящие к истокам культуры канонизированные словесные суггестивные высказывания (заговоры, заклинания, проклятия, любовные «прислушки», поминания, военные песни, «уничтожающие» врагов) не являются ни индивидуальным, ни даже коллективным самовыражением и представляют собой целенаправленную ритуально-магическую деятельность, исходящую из уверенности в практической действенности слова. «Словом останавливали солнце, словом разрушали города» (Николай Гумилёв). Это словесная форма магии, обычно синкретически связана с музыкальной и танцевальной обрядовой деятельностью» [2]. В этом понимании сходятся многие современные исследователи культуры первобытного общества: «Мы опять-таки должны помнить, что такие ритуалы не просто символически, они составляют неотъемлемую часть космических событий, посредством их осуществляется участие человека в этих событиях» [3].

Идею магического происхождения искусства, высказанную А. Чемберленом в работе «Дитя», приводит в «Философии культуры» П. Флоренский: «...магия – мать живописи и скульптуры, – мысль, хорошо выраженная в песне американского индейского лекаря: «Рисование делает из меня бога» [4, с. 94]. Л. Леви-

Брюль тоже утверждает, что мистическим, магическим в своей основе было и искусство, и мышление первобытных людей: «Первобытное мышление является по существу мистическим. Этот основной характер первобытной психики определяет всю манеру мышления, чувствования и поведения первобытного человека» [5, с. 76]. Эта же мысль составляет стержень научной концепции Е. Мелетинского: «Древние мифы содержат в неразвёрнутом ещё единстве зародыши искусства, религии, донанучных представлений о природе и обществе» [5, с. 76].

Магическая гипотеза происхождения искусства представлена и в работах многих других зарубежных и российских исследователей: Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, С. Рейнака, А. Брейля, М. Ферворна, С.Н. Замятина, А.С. Гущина, З.А. Абрамова, Я.Я. Рогиньского, Л.Б. Вишняцкого. При этом и сегодня ряд авторов относятся к ней с вполне понятными для рационалистически воспитанного сознания сомнениями и недоверием: «Следующая распространённая гипотеза происхождения искусства – «Магическая» – сейчас в начале XXI века, кажется куда более далёкой от истины, чем «Игровая»... <...> «Магическая» гипотеза уже не может считаться сколько-нибудь способом ответить на многочисленные вопросы, накопившиеся в науке с 60-х годов прошлого века» [6, с. 20-21].

С этим положением можно было бы согласиться, если рассматривать «охотничью магию», которую имеет в виду П.А. Куценков, именно с позиций структурно-содержательного наполнения ритуала в его исторической конкретности. Но если обратиться к сущности явления, называемого на языке рационального мировосприятия «мистикой» или «магией», можно ясно увидеть в ней глубокое типологическое созвучие с широким спектром явлений, наполняющих и мир культуры современного человека. Эта мысль представлена в научной концепции Л. Леви-Брюля (см. Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление): «Если разумеешь под «магической» операцией всякую операцию, которая предполагает мистические отношения, приведение в действие тайных сил, то не окажется почти ни одного акта даже в относительно развитых обществах, который не носил бы в некоторой степени мистического характера. Пока мышление более или менее подчинено закону сопричастности, виды и способы действия определяются этим же законом» [5, с. 151].

О широком распространении магии и весьма размытом в современной науке и культуре смысле этого понятия и сегодня продолжают размышлять учёные: «В современную эпоху [...] интерес к истокам культуры и феноменам архаической жизнедеятельности не угасает... Исследователям важно понять генезис и сущность тех явлений, которые продолжают жить в нашу эпоху вопреки распространённому заблуждению, будто потребность в них была только в древнем обществе... Среди этих феноменов архаической жизнедеятельности – магия... использовалась для широкого круга действий в жизни человека во все времена» [7, с. 213].

Если выделить в многообразных явлениях архаической магии и более поздней объединяющие её сущностные, типологические черты, то окажется, что стержнем всех магических манипуляций была задача **оказывать воздействие** на разных системных уровнях – на мир другой реальности, на природу, общество в целом или его часть, отдельного человека или его душу. Видимо не случайно в качестве инструмента, при помощи которого совершаются магические действия в культурах разных народностей, используется исключительно искусство. Этот факт свидетельствует о внутреннем изоморфизме магии и искусства, что можно заметить и в других концепциях происхождения искусства. Так, например, выделяемые в самостоятельные гипотезы трудовая и игровая концепции культуры тоже содержат в себе магическую составляющую и, более того, являются магическими по сути, так как и в одном, и в другом случае задача «оказывать воздействие» остаётся определяющей.

Мистические корни искусства надолго определили его место в культуре как проводника высших духовных состояний, способного устанавливать прямой контакт человека с действующими в мире высшими и низшими духовными силами. Сущность искусства традиционно видели в его способности «воспроизводить божественное творение» (Ф.Р. Ламенне). Все религиозные культуры мира обладали единственным средством, способным погрузить отдельного человека или всё общество в состояние переживания религиозного чувства, озарения, транс – искусством. Эпохи, получившие преимущественно светское направление развития, ставили перед искусством более «земную» зада-

чу внутреннего преобразования человека – задачу по существу тоже магическую, хотя формы и содержание художественных произведений становятся совершенно далёкими от религиозного культа или подлинной, известной нам по практике архаических племён, магии.

Вторично с предельной остротой вопрос о сущности искусства, о необходимости вернуться к его истинному предназначению, зазвучал в начале XX века в работах идеологов и художников эпохи Авангарда. Это был особый момент осознания глубокого кризиса, разрушившего, по мнению К. Малевича, само существо искусства: «Горизонт, образовавший кольцо, синее небо, крыши и были зданием академических упражнений <...> В ящике под голубым небом вращалось наше сознание, ударяясь лбом в торчащие звёзды, луну, солнце; не было никакого выхода из академической канторы <...> Сейчас время особое, может быть, никогда не было такого времени, время анализов и результатов всех систем, некогда существовавших, и к нашей демаркационной линии века принесут новые знаки» [8, с. 139, 144]. Именно об этом периоде ёмко высказался Владимир Татлин: «Заниматься искусством – не время; время – делать революцию в искусстве» [9, с. 286].

В начале XX века происходит переоценка и сущности творчества, и картины мира в целом, которая предельно усложняется, одухотворяется: прорастает «мировым деревом» во всех направлениях: и в значительно уплотнившуюся всей технической революцией «материальную толщу мира», и в прозрачную зыбкость сохранившихся в нём духовных вибраций. В эти годы происходит возвращение чувства «мистичности» искусства и назначения самого поэта. Как и в древние эпохи, те, кто владели «священным языком» (теперь эту функцию получили поэты и вообще творцы искусства в самом широком понимании), получили статус посредника между небом и землёй, между истинной и сознанием человека, между Высшим законом и жизнью. «Чувствуемой мыслью» называл поэзию В. Маяковский. Борис Пастернак считал книгу «куском дымящейся совести», «живым существом», определяя метафору как «скорюпись духа».

Убеждённости в преобразующей сущности искусства была источником композиторского вдохновения и стала духовной основой философских размышлений А.Н. Скрябина: «Музыка – путь откровения. Вы не можете себе представить, какой это могущественный метод познания. Если бы вы знали, сколь многому я научился через музыку! Всё, что теперь думаю и говорю – всё это я знаю через своё творчество. Музыкальные и творческие аналогии удивительны, они часто совершенно объясняют то, что иначе было бы совершенно непонятно. Вы не можете себе представить, до какой степени творчество в искусстве есть путь откровения» [10, с. 61].

Возможность получать «откровения» посредством музыки отмечается А.Н. Скрябиным как свершившийся факт. Он и не ставит задачу осмыслить, каким образом это откровение рождается. При этом мы неоднократно оказываемся свидетелями и другого процесса: когда музыка механически заучивается как текст на начальном этапе исполнительской практики, или вызывает лёгкое чувство удовольствия при поверхностном прослушивании... Все разнообразие варианты взаимодействия человека с музыкой (как, собственно, и с другими видами искусства) укладываются в типологию отношений «диалог-монолог», или, в типологию отношений «Я-Ты», «Я-ОНО». Углубление в сущность музыкального произведения и всего музыкального искусства непременно предполагает установление с ним диалогических отношений, создание ситуации духовного «вопросания», в которой искусство становится равноподобным человеку, а человек – продолжением искусства.

Эта особенность касается и создателя произведений, и всех участников процесса общения с ним. Рождение гениального произведения происходит в результате интуитивного диалога автора с духовными проявлениями высшего порядка, когда ему в состоянии творческого устремления удаётся внутренне дотянуться до вершин парения Духа и стать для них на тот момент «равноправным субъектом». Не только восприятие искусства, но и само усилие быть человеком тоже требует вхождения в диалог с высшими представлениями о сути человека и его миссии в мире и культуре.

В сущностном понимании специфика человеческой деятельности – это особое соединение духа и материи, облекающее идею Человека в зримые и осязаемые формы его земного существования и приближающее земную жизнь конкретной личности

к небесным высотам Идеала. В основе этого процесса – работа духа, рождающая идею, достойную воплощения (см. М.С. Каган «Философская теория ценностей» и «Философия культуры»). Высшие смыслы и предназначение человека в культуре раскрывает в работе «Философия культа» П. Флоренского: «Эта деятельность... должна являть смыслы... Это есть нисхождение горнего к дольнему и восхождение дольнего к горнему, соединение Неба и земли...» [5, с. 55]. По сути это тот же механизм диалога, в котором «дольнее», реальный человек, должен подняться до субъектного отношения к «горнему», но не за счёт снижения последнего до своих земных потребностей, а за счёт собственного напряжённого усилия стать равновеликим ему. Искусство расположено для этого самой своей природой, соединяя в себе «дольнее» материальной формы и «горнее» заложеного в ней духовного смысла.

В начале XX века напряжённая ситуация в мировой культуре вызвала коренные перемены и в отношениях человека и искусства. Среди множества творческих прозрений эпохи у идеологов Авангарда особенно свежо звучала идея Синхронизма, требовавшая соучастия зрителя (читателя, слушателя) в процессе общения с художественным произведением в качестве равноправного творца. Подобную позицию в оценке художественного текста утверждает и К.Г. Юнг. Он выделяет принципиальную направленность произведения на совместность существования – автора и зрителя, автора и персонажей произведения, зрителя и героев произведения – называя это состояние не просто «событием», а буквально – «со-бытием». Из открытой психоанализом необходимости прораствания смыслового зерна произведения в душе и сознании воспринимающего его зрителя или слушателя, в 20-е годы XX века в России укореняется разработанная М.М. Бахтиным методология гуманитарного знания, направленная не столько на произведение и личность человека самих по себе, сколько на необходимость их совместного духовного сотрудничества, взаимодействия и взаимовлияния как сущностной особенности жизни человека и бытования искусства. Теория «со-бытия» привела к кардинальным изменениям и в направленности науки об искусстве, и в поиске новых методов включения искусства в систему культуры: в музейной, образовательной практике и процессе свободного индивидуального арт-медитирования.

Отзвук, рождаемый художественным текстом в сердце и душе человека, совершенно индивидуален, и только ради таких индивидуальных прозрений, открытий внутри себя и стоит диалогически общаться с искусством, учить этому детей и взрослых. Как считает М.М. Бахтин, в произведении нельзя найти такого смысла, которого там нет. Если данный смысл кто-то увидел, значит, он действительно присутствует в произведении. На

уроках мировой художественной культуры и других гуманитарных дисциплин – литературы, изобразительного искусства, музыки, истории, на занятиях по психологии, обществоведению, в кружковой и факультативной работе важно разрабатывать и использовать методы и конкретные творческие формы диалогического общения с искусством: конкурс переводчиков, урок-путешествие в пространство пейзажа, монолог по портрету и др.

Диалог в общении с искусством имеет ряд особенностей:

– он переносит акцент с познания искусства на его духовно-эмоциональное проживание, гармонизирующее современное образование, дополняя чувствами главенствующие в ней логику и рационализм, развивая образность языка и гибкость эмоционального выражения;

– в восприятии искусства как **страницы личной судьбы** у детей появляется глубокая мотивация для последующего общения с ним. Это направление имеет универсальную природу и проявляется в жизни каждого человека весомее, чем мотивация профессиональная или образовательная;

– как известно, рациональное знание личности человека не меняет. Внутренняя работа личности и её изменения происходят только в результате эмоционально пережитой ситуации или эмоционально воспринятой информации. Таким образом, эмоциональная направленность диалога с искусством оказывается максимально эффективным и максимально щадящим способом внутренних естественных изменений личности, направление и характер которого определяют три фактора: характер произведения, особенности личности ученика и творческий настрой, которым общение с искусством начинает учитель. Диалог с искусством оказывается средством изменения личности, её духовного роста, общей гуманитарной культуры.

Грамотное, профессионально организованное и заинтересованное гуманитарное преподавание искусства для юношества России остаётся одним из действенных и основательно проложенных путей наращивания гуманизма в нашей стране, для сохранения и упрочения которого имеет смысл объединять усилия лучших научных и творческих сил государства. Важно найти пути и способы вернуть диалог с искусством, а с ним и возможность глубинной гуманитарной подготовки учащихся, в систему общего среднего образования, с тем, чтобы содействовать сохранению в российской школе фундаментального характера общей подготовки вступающего в самостоятельную жизнь человека.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках государственного задания Министерству образования и науки Российской Федерации проект № 6.4355.2011 «Русский язык и национальная культура в России и за рубежом»*

Библиографический список

1. Мелик-Пашаев, А.О. Состоянии и возможностях художественного образования. Аналитическая записка, представленная в Министерство образования и науки // Искусство в школе. – 2008. – № 1.
2. Гриненко, Г.В. Искусство [Э/р]. – Р/д: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-47964.html?page=18>
3. Франкфорт, Г. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека [Э/р]. – Р/д: <http://profismart.ru/web/bookreader-133684.php>
4. Флоренский, П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии) // П.А. Флоренский. Собрание сочинений. Философия культа. – М., 2004.
5. Художественная культура первобытного общества: хрестоматия / сост. И.А. Химик. – СПб., 1994.
6. Кученков, П.А. Психология первобытного и традиционного искусства. – М., 2007.
7. Старунова, Ю.В. Феномен магии в культуре общества // Культурное многообразие: от прошлого к будущему: материалы Второго Российского культурологического конгресса с международным участием. – СПб., 2008.
8. Малевич, К. О новых системах в искусстве // К. Малевич. Чёрный квадрат. – СПб., 2001.
9. Семиотика и авангард: антология / ред.-сост. Ю.С. Степанов [и др.]. – М., 2006.
10. Рыбакова, Т.В. «Этот звенящий эльф...». – М., 2008.

Bibliography

1. Melik-Pashaev, A.O. Sostoyaniya i vozmozhnostyakh khudozhestvennogo obrazovaniya. Analiticheskaya zapiska, predstavennaya v Ministerstvo obrazovaniya i nauki // Iskusstvo v shkole. – 2008. – № 1.
2. Grinenko, G.V. Iskusstvo [Eh/r]. – R/d: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-47964.html?page=18>
3. Frankfort, G. V preddverii filosofii. Dukhovnihe iskaniya drevnogo cheloveka [Eh/r]. – R/d: <http://profismart.ru/web/bookreader-133684.php>
4. Florenskiy, P.A. Filosofiya kul'ta (Opit pravoslavnoy antropodicii) // P.A. Florenskiy. Sbranie sochineniy. Filosofiya kul'ta. – M., 2004.
5. Khudozhestvennaya kul'tura pervobihtnogo obshchestva: khrestomatiya / sost. I.A. Khimik. – SPb., 1994.
6. Kucenkov, P.A. Psikhologiya pervobihtnogo i traditsionnogo iskusstva. – M., 2007.
7. Starunova, Yu.V. Fenomen magii v kul'ture obshchestva // Kul'turnoe mnogoobrazie: ot proshlogo k budutnemu: materialih Vtorogo Rossiyskogo kul'turologicheskogo kongressa s mezhdunarodnim uchastiem. – SPb., 2008.
8. Malevich, K. O novihk sistemakh v iskusstve // K. Malevich. Chyornihy kvadrat. – SPb., 2001.
9. Semiotika i avangard: antologiya / red.-sost. Yu.S. Stepanov [i dr.]. – M., 2006.
10. Rihbakova, T.V. «Ehtot zvenyathiye ehlf...». – M., 2008.

Статья поступила в редакцию 28.10.13

УДК 811.511.2:39(571.1)

Malinovskaya S.M. INDIGENOUS SMALL ETHNIC GROUPS OF NARYM TERRITORY: OPPORTUNITIES FOR LANGUAGE AND CULTURE PRESERVATION. The article deals with the problems of the development of indigenous small ethnic groups of Narym Territory. The author offers a complex approach to solving difficult problems of the revival of the culture of the indigenous small ethnic groups of Narym Territory. The attention is given to the high potential of ethno-cultural component in the educational practices of the region, the correlation of educational space with socio-cultural norms of traditional cultures.

Key words: Narym Territory, indigenous ethnic groups, traditional culture, language, assimilation, regeneration, development, ethno-cultural component, education.

С.М. Малиновская, канд. ист. наук, доц., зав. лабораторией развития региональных образовательных систем ФГНУ «Институт развития образовательных систем» РАО, г. Томск, E-mail: malina-1949@mail.ru

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ НАРЫМСКОГО КРАЯ: ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ*

Статья освещает проблемы развития коренных малочисленных народов Нарымского края. Автор предлагает комплексный подход в решении сложных проблем в возрождении культуры коренных народностей Нарымского края. Обращается внимание на большие возможности этнокультурного компонента в образовательной практике региона, соотношение образовательного пространства с социокультурными нормами традиционных культур.

Ключевые слова: Нарымский край, коренные народности, традиционная культура, язык, ассимиляция, возрождение, развитие, этнокультурный компонент, образование.

Север Томской области, занимающий обширное пространство Нарымских и Васюганских болот и тайги, отличающийся суровыми природно-климатическими условиями, издревле был местом обитания этносов с некогда богатейшей культурой – селькупов, хантов, эвенков, чулымцев. Сегодня перед этими народностями стоит сложная задача – сохраниться как этнос со своей уникальной культурой и языком. Все эти этнические группы, разные по происхождению, языку, этнической культуре имеют одну общую черту – проживание в национально-смешанной среде, где они составляют меньшинство. Эти народности адаптировались в естественно-географических условиях, усваивая взаимно иную этническую культуру, при этом сохраняя части собственной этнической культуры, многие из которых стали элементами культуры народов региона, сближая значение престижных ценностей культуры.

Актуальность проблем, связанных с современным положением коренных народов севера Томской области, не вызывает сомнения у специалистов. На исконных аборигенных территориях народов данного региона сейчас активно ведутся нефтяные разработки. По этой причине в практике повседневной работы административно-хозяйственного аппарата наиболее значимыми являются вопросы промышленного освоения северных территорий, а проблемы развития коренного населения становятся второстепенными. В следствие такой региональной политики стало уменьшаться аборигенное население и меняться образ его жизни.

Коренные малочисленные народности Томского Севера проживают дисперсно и лишены собственных этнических автономий. В администрации Томской области отсутствует штатный отдел, который занимался бы проблемами народов Севера. Эти функции выполняет департамент культуры Томской области, при этом выпадают из поля зрения социально-экономические и политические вопросы жизни аборигенных народностей. Промысловые отрасли хозяйства рассматриваются районной администрацией не как серьезный экономический вопрос, а как второстепенное занятие, никаких мер по их техническому оснащению не принимается. Более того, в результате непродуманных решений прошлых лет по переселению путем укрупнения населенных пунктов аборигенов Севера из мест исконного проживания, с верховьев рек, из таежных глубин, они оказались оторванными от основных охотничьих угодий и богатых рыбой внутренних водоемов, что лишало их возможности применять здесь свои профессиональные знания и навыки, в результате декартицировались и превращались в сезонных разнорабочих. Большая часть молодежи не получила профессиональных навыков и пополнила прослойку люмпенизированного населения. А результатом этого стали: преждевременная смертность или же

инвалидность на почве пьянства и наркомании, преступность. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., общая численность коренного населения Томской области составила 3 340 чел., а к 1 января 2005 г. сократилась до 3 050 чел. При сохранении данной неблагоприятной тенденции неизбежно станет сокращение численности или даже встанет вопрос об исчезновении отдельных народностей. Чтобы решить эту социально значимую проблему, государству необходимо серьезно скорректировать всю политику, касающуюся этнических групп и искать радикальные пути ее осуществления, что невозможно без обращения к опыту прошлого [1].

В определенные моменты жизнедеятельности личности социокультурная и образовательная среда выступает как семейно-традиционная, этническая и общечеловеческая. Посредством этой системы ценностей приобщается к жизни новое поколение, сохраняя и развивая ее, при этом изменяются не только механизмы формирования, но и способы ее передачи: становясь знаковыми, они отдаляются от своих непосредственных субъектов (национальных образований, если речь идет о системе национальных ценностей), тем самым делая эту систему открытой для представителей других этнических культур.

Духовной основой сохранения и развития этносов является их культура. Ведущую роль в этом играет система образования. Известно, что одной из причин деградации традиционных культур предыдущих десятилетий был отрыв школьного образования от традиционного. Современное школьное образование не способно решить выдвигаемые жизнью задач.

Важность сохранения языков и культур коренных народов Севера, их этнокультурной идентичности сегодня признается педагогами, учеными и общественностью. На фоне общей демократизации жизни общества социальная и политическая активность коренных народов Севера заметно возросли, усилились процессы этнической мобильности, повысилась роль этнической идентификации, связанной с потребностью восстановления исторической памяти, возвратом к этническим ценностям принципам и традициям. Проблемы сохранения языка и культуры необходимо решать в контексте общей политики по отношению к северным регионам, включающей комплекс вопросов социально-экономического, правового, экологического, этнокультурного содержания.

Необходимо учитывать особо важную и сложную проблему, касающуюся самих механизмов сохранения языков и культур коренных народов Севера. Богатый, имеющий непреходящую ценность для человечества опыт традиционных культур наглядно демонстрирует необходимость комплексного подхода к процессу передачи культуры через образование. Сегодня актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане является

системный, комплексный междисциплинарный анализ принципов, условий и средств вхождения традиционной этнической культуры в современный культурный контекст, в современную социокультурную среду, в определении конкретных механизмов адаптации ее к этому контексту. Одним из важных условий решения этой задачи является, на наш взгляд, достижение единства культурно-образовательного пространства северных регионов, согласованность, скоррелированность культурной и образовательной политики. Речь идет о формировании таких культурно-адаптационных механизмов, которые бы, выполняя развивающие функции, сохраняли и не искажали основные ценностные установки традиционных культур, значимые для других культур [2].

Этноязыковая ситуация у нарымских (южных) селькупов на современном этапе имеет свои особенности. Это заметно в сравнении с северной группой селькупов и при сопоставлении с другими этническими группами Севера. На современном этапе русский язык широко распространен у всех групп селькупов, хотя у северных селькупов родной язык применяется в быту достаточно широко, то у нарымских селькупов родной язык практически вышел из употребления. Этому в значительной степени способствовали: большая диалектная дробленность языка, которая препятствовала складыванию норм единого селькупского языка. Об этом свидетельствуют и материалы этносоциологического опроса, проведенного участниками комплексной селькупской экспедиции (1989 – 1992 гг., научный руководитель, д-р ист. наук В.И. Васильев). Ю.А. Моревым из Томского государственного педагогического университета и Л.Т. Шаргородским из Омского государственного университета: 16% опрошенных заявили, что свободно владеют родным языком, то есть разговорной речью, так как письменность несмотря на неоднократные попытки, создать не удалось. Но у селькупов отмечается стремление сохранить свой язык и передать знания детям.

Исследование показывает заметное стремление аборигенов Нарымского края сохранить язык и культуру и ввести в школе изучение родных языков, хотя высказывались мнения о их практическом неприменении. Однако следует учитывать, что язык выступает средством этнической идентификации.

На сегодняшний день у нарымских селькупов и хантов сохраняется язык благодаря усилиям лингвистов из Томского государственного педагогического университета (ТГПУ), хотя все аборигены свободно владеют русским, а процент владения родным языком у молодежи незначителен, только 35% называют родным языком селькупский, хотя многие не владеют им, другая причина выбора языка – межнациональные браки и отказ от традиционных занятий, дисперсное расселение. В быту не зарегистрированы случаи употребления родного языка в силу того, что только люди старшего поколения помнят язык, а остальные члены семьи понимают их, но не говорят свободно, а молодежь совсем не понимает и не говорит.

Коренные малочисленные народы Нарымского края очень рано вступили в контакт с русскими (XVI в.); в период советизации, создания национальных советов и перемещения селькупов, где оказались представители разных диалектных групп языка, они вынуждены были перейти на русский язык; отходили от традиционных занятий; межэтнические браки заключались с XVI в., а на современном этапе трудно найти несмешанную селькупскую или хантыйскую семью [3]. Общая языковая ситуация у нарымских селькупов в последние десятилетия, как с точки зрения состояния самого языка, так и в плане их реального функционирования, не может быть охарактеризована однозначно, преобладающими здесь являются негативные тенденции.

Сегодня изучение родного языка у нарымских селькупов частично удовлетворено, даже незначительная часть русских владеет селькупским языком. В целях развития конструктивного межэтнического взаимодействия созданы условия для изучения языков и культуры аборигенов Сибири и их свободного развития. Пример этого может быть кружок изучения селькупского языка, работающий в Парабельском районе Томской области (учитель И.А. Коробейникова.), г. Колпашево (учитель Н.П. Иженбина). Центром по изучению и сохранению селькупского языка является кафедра-лаборатория языков народов Сибири имени А.П. Дульзона в ТГПУ. Чтобы улучшить языковую ситуацию, необходимо издавать популярные учебники, справочники, словари, кружки в местах компактного проживания народностей Севера, вести передачи на радио и телевидении на их языках.

Развитию культурной составляющей этноса способствует ставший традиционным межрегиональный этнический фести-

валь «Легенды Севера», который проводится каждые 2 года. Остяцкий фестиваль «Легенды Севера» в Нарымском крае (с. Парабель) первоначально был задуман как фольклорный праздник, вскоре он стал популярным настолько, что перерос в межрегиональный праздник народов Севера. В августе 2013 г. очередной раз встретились представители коренных малочисленных народов Севера на этом большом культурном празднике, который стал международным. В этом году он носил название «Этюды Севера». Праздник открыли участники ансамбля бубнистов «Челд». Гости поклонились «священному амбарчику» и идолам, которые его охраняли. По селькупскому поверью, кто в амбарчик положит важную вещь, тех добрые духи защитят от злых. Селькупские диаспоры Парабельского, Верхнекетского, Колпашевского, Каргасокского районов пополнили «священный амбарчик» важными предметами. К «священному амбарчику» подошли эвенки из Верхнекетского района. Эвенкискую песню «Северянин, с улыбкой живи» исполнила Тамара Ивигина, а корякский танец «По ягоды» – эстрадно-танцевальная группа «Ритм». Каждая диаспора и гости подходили к «священному амбарчику», поклонялись духам, преподносили дары от чистого сердца, пели, танцевали, а духи их слушали. Когда селькуп счастлив, он говорит: «Мекка фаек» (мне хорошо). На празднике проводился конкурс «Сибирские смотрины», исполнялись танцы, устраивались состязания и награждение победителей конкурсов. Был исполнен финальный танец «Обласок». Программу фестиваля «Этюды Севера» завершила этнодискотека.

Развитие массовой культуры направлено на разрушение традиционной этнической культуры. Глобализация стремится стереть все различия в цивилизации, но культура не вписывается в глобализационные процессы. Поэтому возникает проблема взаимодействия культур и способов сохранения специфики каждой культуры. Развитие этнокультурного компонента в общем образовании Сибири нам представляется на двух уровнях: инновационном школьном образовании и обучении в течение всей жизни. Внешкольное образование должно быть направлено на развитие этнокультурного компонента: создание кружков по изучению языка и культуры в местах компактного проживания селькупов с координационным центром на базе ТГПУ; создание регионального центра этнокультурных исследований, в котором должна быть концептуально обозначена основная тенденция развития. Задачами регионального этнокультурного центра являются:

- 1) формирование комплексной программы этнокультурного развития коренных народов севере Томской области;
- 2) разработка и поэтапное внедрение системы мер, направленных на освещение и популяризацию этнокультурного своеобразия через работу этнокультурных центров;
- 3) обеспечение этнокультурных центров информацией о методах построения эффективной системы самоуправления и организации творческого процесса;
- 4) активизация преемственности опыта учреждений культуры. В Томской области эту задачу решают департамент культуры областной администрации, региональный центр развития образования ОГУ «Региональный центр развития образования», ФГНУ «Институт развития образовательных систем» РАО, кафедра-лаборатория языков народов Сибири имени А.П. Дульзона в ТГПУ.

С декабря 2009 г. департаментом общего образования Томской области и ОГУ «Региональный центр развития образования» выполняется областная программа «Этнокультурное образование в Томской области на период 2010-2014 гг.» (Приказ № 1031 от 10.12.2009), предусматривающая удовлетворение этнокультурных и этнообразовательных запросов населения Томской области. Основным направлением данной программы является формирование активных и действенных этноинтегрирующих механизмов взаимодействия между органами государственной власти, этнокультурными объединениями и центрами, общественными объединениями, учреждениями образования и культуры.

Материалы этнологии и этнографии показывают, что нет и не было ни одной культуры, которая бы развивалась исключительно самостоятельно, не имея контактов с другими культурами. Взаимодействие культур сопровождает человечество с самых ранних периодов истории, а научное изучение такого взаимодействия насчитывает несколько десятилетий. Аборигенная культура формировалась на территории Нарымского края и была основана на присваивающем типе хозяйства. Основные прин-

ципы и правила традиционной культуры легче усваивают дети, владеющие родным языком, в связи с тем, что культура и язык находятся в тесном взаимодействии. Если знание закреплено поведенческим стереотипом, то оно легко выражается на родном языке. Заслуживает внимания тот факт, что в этническом Центре селькупов интерес к селькупскому языку и фольклору проявляют русские и ханты. То же самое можно сказать о русском фольклоре: он привлекателен для детей различных этнических групп. Интерес детей вызван тем, что культура народностей Севера заметно деформирована русской, поэтому многие сюжеты из национального фольклора объясняются детьми не с позиции традиционного мировоззрения, а самых разных, порою невероятных, но чаще всего с позиции русской культуры [4].

Перестройка системы образования в северных районах Томской области, безусловно, должна учитывать специфику ее инфраструктуры и этнические особенности проживающего там населения. В центрах национальных общин, которые, по всей видимости, являются основной формой низовых самоуправляющихся административных единиц народов Севера, и должны быть созданы в местах компактного проживания их этнотерриториальных или локально-территориальных групп, следует рекомендовать открытие малокомплектных школ с введением в содержание программ этнокультурного компонента. На уроках трудового обучения мальчикам целесообразно овладевать приемами и навыками изготовления простейших охотничьих и рыболовных снастей. Девочки должны учиться заготавливать и вываривать бересту, шить из нее юбки для летних чумов и изготавливать различные бытовые предметы (короба, туеса), обрабатывать шкуры промысловых зверей и птиц, шить сумки и другие изделия из кожи и меха, знать основные дикоросы, употребляемые в пищу, приемы их сбора и способы приготовления, разделывать рыбу и уметь ее приготовить. В качестве педагогов по разделам экологического, трудового, нравственно-эстетического воспитания, желательно привлекать представителей аборигенного населения, знающих природу родного края, мастеров охотничьих и рыболовных промыслов, женщин, владеющих навыками изготовления предметов традиционной культуры, помнящих народные обычаи и обряды. Во внеклассной работе целесообразно организовать экскурсии, учить навыкам краеведческой работы, а в каникулярное время – создавать промысловые ученические бригады под руководством опытных промысловиков. Большое значение имеет создание школьных этнографических музеев, причем многие экспонаты для них могли бы выявлять сами учащиеся. Чрезвычайно важно поручать детям вести записи семейных бригады под руководством опытных промысловиков. Необходимо отметить, что современное развитие северной школы требует изучения этнической педагогики и развития уровня этнокультурной компетентности учителей в связи с тем, что молодые педагоги совершенно не подготовлены к работе в местных условиях – не знают национального характера и особенностей психологии коренного населения.

До революции власти ограничивались политическим руководством коренными народами Севера, не нарушая внутренний

уклад их жизни. В советское время произошло интенсивное освоение Севера, что повлекло приток русского населения и других этнических групп. Это привело к процессу отстранения аборигенов от основного средства производства и основ сохранения традиционного образа жизни – промысловой деятельности. В 30-е гг. происходит интегрирование аборигенного социума в советское общество. Уклад жизни, менталитет этноса оказывают существенное влияние на становление личности, поэтому организация образовательного пространства должна быть соотнесена с социокультурными нормами, сформированными традиционной культурой: неразрывностью человека и природы, уважением старших и младших, общинностью [1].

Язык и культура как продукты развития исторического этноса приобретают социокультурное значение лишь при включении их в процесс реальной человеческой деятельности и всегда выступают в конкретно-исторической форме. В развитии всесторонних отношений между этническими общностями усиливается роль билингвизма. Двужычие способствует преодолению языковых барьеров в потреблении ценностей культуры другого народа, увеличивает возможность этнической культуры, а с другой стороны, двуязычие может стать средством деформации этноса, его культуры, языка.

Этнос как социальный организм может успешно развиваться лишь при условии сохранения определенной внутренней стабильности, которую обеспечивает устойчивое воспроизводство национального языка, культуры, обычаев, особенностей быта, этнического самосознания. С этой целью создание автономий реальнее всего осуществимо путем организации администраций сельских этнических территорий в местах сосредоточения относительно компактных групп коренного населения. В Томской области можно определить центры 9 таких администраций этнических территорий: два в Александровском, три в Каргасокском, 2 в Верхнекетском и по одному в Парабельском районе и г. Колпашево. Одновременно должно быть установлено, что любая эксплуатация недр, растительности и фауны этих территорий может быть осуществлена организациями лишь с разрешения администраций этнических территорий и с выплатой им обязательной возмездительной компенсации. В целях обеспечения населения этнических территорий продуктами промысловой фауны и денежными средствами, восстановления комплекса традиционной материальной культуры в качестве наиболее приемлемой формы хозяйственной организации в условиях Томского Севера можно рекомендовать хозяйственные этнические кооперативы, работающие на принципе хозрасчета.

Таким образом, предложенный комплекс мероприятий в сочетании с развитием этнокультурного компонента в образовательной практике региона и повышение этнокультурной компетентности педагогов призван создать реальную основу для возрождения традиционной культуры и языка коренных народностей Нарымского края.

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 13-11-7007

Библиографический список

1. Ковлягин, М.С. Коренные народы Нарымского края в контексте советской социокультурной политики 1920 – 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Новосибирск, 2013.
2. Набок, И.Л. Современное педагогическое образование: культурно-экологическая функция // Реальность этноса. Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов: материалы IX Междунар. научно-практ. конф. / под науч. ред. И.Л. Набока. – СПб., 2007.
3. Шаргородский, Л.Т. Некоторые аспекты в этноязыковой ситуации у нарымских селькупов // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. Национальные и социально-культурные процессы в СССР: материалы Всесоюз. науч. конф. – Омск, 1991. – Кн. 1.
4. Кряклина, Т.Ф. Взаимодействие культур в образовательном процессе // Этнопедагогика Сибирского Севера / под науч. ред. Г.В. Залевского. – Томск, 1996.

Bibliography

1. Kovlyagin, M.S. Korenniye narodi Narihmnskogo kraja v kontekste sovetskoy sociokulturnoy politiki 1920 – 1941 gg.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Novosibirsk, 2013.
2. Nabok, I.L. Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye: kuljuro-ehkologicheskaya funkciya // Realnostj ehtnosa. Pedagogicheskoye obrazovaniye kak vazhneyshij faktor sokhraneniya i razvitiya kuljturih severnih narodov: materialih IX Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. / pod nauch. red. I.L. Naboka. – SPb., 2007.
3. Shargorodskij, L.T. Nekotoriye aspektih v ehtnoyazikovoy situacii u narihmsskih seljkupov // Ehtnicheskie i socialjno-kuljturniye processih u narodov SSSR. Nacionalniye i socialjno-kuljturniye processih v SSSR: materialih Vsesoyuz. nauch. konf. – Omsk, 1991. – Kn. 1.
4. Kryaklina, T.F. Vzaimodejstvie kuljtur v obrazovatel'nom processe // Ehtnopedagogika Sibirskogo Severa / pod nauch. red. G.V. Zalevsogo. – Tomsk, 1996.

Статья поступила в редакцию 04.10.13

УДК 7.017.4

Shalimova L.A. NATURALSCIENTIFIC UNDERSTANDING OF COLOR IN THE WORK OF SCIENTISTS. The article discusses: the natural-scientific works of scientists, researchers, physicists, psychologists in the field of study of color. The study of the phenomenon of color is defined as the proposed «world of objects» and the study of certain areas of science, containing information functions, highlighting the status of the psychophysical perception of color itself.

Key words: color, color, percept, emotion, motive, detectors, physiology, modification, semantics.

Л.А. Шалимова, канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук филиала Российского гос. социального университета, г. Дедовск, E-mail: shalimova-istra@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦВЕТЕ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ

В статье рассматриваются естественнонаучные труды ученых, исследователей, физиков, психологов в изучаемой области цвета. Исследование цветового феномена определяется как в предлагаемом «мире предметов», так и исследовании областей определенных наук, содержащих информационные функции, для подчеркивания психофизического статуса восприятия цвета.

Ключевые слова: цвет, цветность, перцепт, эмоции, мотив, детекторы, физиология., модификация, семантика.

Опытно-экспериментальная работа, относительно естественнонаучных представлений в области восприятия цвета и влияния его на человека, проводилась во все исторические формации. Одним из последних энциклопедических умов современности К.Г. Юнг, резюмируя свои наблюдения над подсознанием человека в работе «Проблемы души нашего времени» констатировал: «<...> в наименьшей степени поддается изучению то, что насковзь пронизывает человеческое существо и дает о себе знать каждое мгновение. К такого рода реальности относится и эмоциональный компонент в восприятии цвета» [1, с. 327].

В природе нет окрашенных объектов и нет ни одного оттенка, не вызывающего эмоционального отклика. Однако этот факт редко доходит до нашего сознания. Еще в меньшей степени это способно стать сознательным переживанием цвета как неотъемлемого и поэтому одного из важнейших компонентов нашего существования.

Мы живем не только в цветном, но и предметном мире, и эта «предметность» для человека важнее, чем «цветность». Эта данность проявляется в том, что мы видим не просто цвета, а окрашенные в цвета предметы. Каждый человек самой жизнью поставлен перед необходимостью манипулировать предметами (вещами) и лишь единицы (художники) – цветами (колоритом). «Каждый нормальный человек способен представить себе хотя бы некоторые цвета «сами по себе», т.е. не привязанные к какой-либо окрашенной поверхности. А это значит, что такой человек обладает идеей цвета в исконном смысле этого слова», – продолжает подчеркивать К. Юнг [2, с. 127]. При этом, сама идея подразумевает визуализацию идеального объекта, что напрямую означает видение мысли и этимологически соотносится с понятием образ. Позвольте заметить, что не всегда мир цвета неравнозначен «миру предметов», ввиду того что он не может быть описан по тем же законам.

Вместе с тем мир цвета для нас, современных людей, отнюдь не менее важен, чем остальной мир, потому, что сам цвет доступен восприятию зрением только в форме цветных плоскостей различной яркости. В этом направлении работал выдающийся исследователь, совершивший небольшой экскурс в эволюцию области цвета – В. Тернер. Он утверждал, что цветовое зрение людей является одним из видовых признаков человека и с уверенностью констатировал: десятки миллионов лет назад глаз будущего человека подвергался формирующему воздействию солнечного света в направлении сегодняшнего состояния. «Миллионы лет, все живущие на Земле видели мир цветным»- объяснял ученый на примере своей работы «Цветовая классификация в ритуалах Ндембу» [3, с. 71].

Экспериментальное и теоретическое изучение цветового зрения длится не первое столетие, что подтверждается многими учеными. Эта проблема штурмуется и со стороны физиологии зрения, и со стороны психофизики, отражение которой находят в работах многих ученых, что отмечается в научных работах многих соотечественников. В этой связи выявлено, что в анналах академической науки накоплены поистине бесценные

фундаментальные знания, которые распространяются на строение не только цветового анализатора, но и его закономерностях о природе возникновения цветового ощущения. Данное предположение подтверждается и в трудах А. Устинова, например, в статье «К вопросу о семантике цвета в эргономике и дизайне» [4]. В этом случае, можно диагностировать некую зависимость: с самых ранних истоков культуры человек учился использовать цвет наряду с другими явлениями окружающей его природы. Ранние способы его использования были связаны с символической функцией различных цветов. По мнению В. Гете, выраженному в работе «Борьба за реалистическое мировоззрение», поясняется: «<...> в первую очередь это касается использования красного, белого и черного цвета в пещерной росписи, в ритуальной раскраске тел при погребальных обрядах. Со временем цвета стали символизировать абстрактные понятия и целые сегменты реальности» [5, с. 33-34]. Параллельно цвет использовался и в целях создания комфортной среды обитания, окраски одежды.

Перечень применения цвета можно продолжать долго, но достаточно вспомнить об искусстве как «высшей природе», по определению Гете. Опираясь на достижения в области изучения цвета, достоин осознания и тот факт, что цвет несет в себе нечто такое, что ставит его в особые отношения с его же внутренним содержанием. Само влияние цвета на душевное состояние индивидуума является не единственным его качеством. Цвет есть не только атрибут дневного зрения, но и атрибут душевной организации, выступающей наряду с эмоциями, мотивами и мышлением. Кроме того, чем бы ни был цвет в природе, человеческому сознанию он является как образ и как представление, много раз отрицаемые механически-материалистическим подходом к изучению его цветового воздействия. Данное представление отражается в работах Г. Бергмана, положенных на основу мнения физика Т. Куна, активно отрицающего объективность цветовых переживаний. При этом активно используются понятия, заимствованные из области философии. В-первых, они необходимы для характеристики взаимоотношений духовного и реального миров, в трудах Г. Бергмана и Т. Куна. Во-вторых, для того, чтобы объяснить изучение экстенсивного развития знания «о картине мира и цвета». В-третьих, – объективности ради, как подтверждают Бергман и Кун «<...> объективна только та действительность, что существует независимо от человеческого сознания» [6, с. 290].

Анализируя результаты любого изучения или исследования, той или иной проблемы требуется и корректность её измерения, представляющиеся интересно обозначенной в научных изысках многих ученых, их разнообразной интерпретации и умозаключениях по факту изучения природы цвета. При этом многие исследования означают, что не следует быть приверженным ранее высказанным различным парадигмам («образами мира»), а задача любого исследования состоит в углублении понимания мира, природы цветности и его воздействия на все живое, которое не укладывается в рамки однообразного объяснения. Опыт

многих научных работ, посвященных проблеме цвета, приводит к выводу об объективности или субъективности самого предмета восприятия цвета. В этой связи, не один ученый не высказался о границе между ними, как в «объективном», так и «субъективном», что лежит, или находится на плоскости восприятия цвета. Не разрешена и следующая проблема, положенная в отношении критериев цвета, явно определяющих, к какому из двух главных подходов отнести ту или иную концепцию, активно выдвигаемую многими поколениями: философов и ученых, физиков и математиков, художников и психологов и т.д. Многие современные исследования ученых, направленные на изучение самого процесса возникновения ощущения цвета, определяют данный аспект следующим образом. По их мнению, **цвет** есть сложная смесь посылок для восприятия цветных лучей; он есть сам источник или отражающий предмет поверхности, не достигший рецепторов цветового зрения, т.е. сетчатки (колбочки), а значит цвета, как такового не существует; **сетчатка глаза избирательно чувствительна** (к синей, зеленой, желто-красной) частям спектра; **при существовании «палочковой» системы рецепторов**, совместно с колбочками, их реагирующая на освещенность часть обеспечивает человеку сумеречное зрение.

В этих условиях, любой процесс возникновения цветовых ощущений принято разделять на несколько уровней:

– **первый уровень** – определяется в изложении работы «Трехкомпонентная теория Юнга-Гельмгольца», объясняющая необходимость данной теории раскрывающейся в следующем: «<...> при достаточности триады основных цветов (красного, синего, зеленого), столь необходимых для получения видимого спектра путем аддактивного смешения» [7, с. 59]. На основе этой теории выведена основа технологии получения цвета в кинескопе Ч. Подхема и Ж.Сондерса, на уровне совместной работы «Восприятие света и цвета» [8];

– **второй уровень** – предполагается от «первичных детекторов» сетчатки глаза, передающегося при его возбуждении на группу «градальных нейронов», составляющих данный детекторный уровень. В настоящее время существует три вида этого уровня: красно-зеленый, сине-желтый, черно-белый (яркостный), хотя и существует обоснованное мнение, что их должно быть не менее четырех. Это связано с выявлением структурного процесса цветоразличения не только анализатором яркости, но и так называемым «униполярным, темного механизма», выявляемого наличием анализатора «белизны», что соответствует ощущению насыщенности цветового тона и на этом уровне укладывается в «теорию оппонентности» Э. Геринга. Его теория основывается на существовании уже не трех, а четырех основных цветов: красного, зеленого, желтого, синего, остающихся неизменным по цветовому тону, при различных стимульных условиях, субъективно выделяемых большинством людей в качестве главных элементов цветовой гаммы. На основании первой части этой теории Геринга и была разработана современная «Натуральная цветовая система» [9];

– **третий уровень** – рассматривается при дальнейшей обработке информации в цветовом анализаторе и предполагает процесс сличения раздражителя с «узкополостным эталоном», позволяющим идентифицировать мелкие цветовые поля на фоне крупных. На данном уровне вносится целенаправленное утверждение, разработанное Г. Тонквистом в работе «Аспекты цвета». Автор пишет: «<...> существуют следующие гипотезы о дублировании всего множества селективных детекторов цвета нейронами образной памяти, о которых следует напоминать, при детальной разработке определенным механизмом цветового восприятия» [10, с. 3].

В этой связи, доказуемая практика однозначно свидетельствует о том, что все цветовые системы, основанные на феноменах восприятия цвета, более практичны, чем те, которые основаны на представлении о частотах видимого цвета и распределения физической энергии. Сама «Система естественного цвета» с 1979 г. была принята в качестве Шведского стандарта, представленной в системе Э. Гросмана CIE на основе его методов колориметрии, ставших основанным сводом правил. Оппонируя Э. Гросману, В. Демидов в своей работе «Как мы видим то, что видим» констатирует следующее: «Данная система помогает выработать логическим путем и нужную систему обозначений для любого цветового восприятия независимо от вызывающего его физического стимула. Следовательно, в гипотезе «О разложимости света» и в сведениях их до недоказуемости, поставлен восклицательный знак, сформулированный в рамках теории обозначенных предпосылок. Все психологические фак-

ты не позволяют до конца объяснить феноменологию цвета с реакцией на частоту спектрального излучения» [11, с. 39].

Интересным считается мнение Е. Соколова и А. Варганова в статье «Как мы видим то, что видим», предлагающих две функции цветовых характеристик: энергетическую и информационную. Потому что, цветовое зрение рассматривается и характеризуется «тремя основными классами» феноменов: смешением цветов, чувствительностью, различиями между цветами или «порогами различия» [12]. Несколько иначе, в поисках ответа на данную проблематику смотрит современный ученый П. Гацденко в своей книге «Эволюция понятия науки». По его авторитетному мнению, «Под цветовым зрением, фактически необходимо понимать способность к цветоразличению, а не создание цветовых образов, которые фактически в нем и присутствуют. Это поясняет физика и психофизиология, а не психология, занимающая главенствующее положение в естественнонаучном подходе к изучению восприятия цвета» [13, с. 241].

В этой связи, согласно положению С.С. Стивенсона в «Экспериментальной психологии», определяется и сам предмет психофизики, представляющий изучение функциональных отношений между физическим и психическим состоянием человека, понимаемым как «закономерный ответ организма на цвет» [14].

В данном направлении, рассматриваемых отношений, интерес представляют работы выдающегося ученого Р. Ивенса, чье мнение лежит в плоскости обсуждаемого подхода, но разделяющего науку и цвет. По его мнению, это «происходит как необоснованное сужение понятия от «психологии» до «психофизики» [15, с. 112]. Он убежден, что все качественные характеристики по восприятию цвета растворились в количественных характеристиках. Доказательством его правомерности служит пример качества зеленого цвета по сравнению с красным, потому что, эти два цвета находятся в непрерывном континууме частот, (длин волн спектра), пояснял автор свою обоснованность.

Причиной существующей до сих пор путаницы является навязывание психологией чуждого ей представления об «объективном». «Объективность» в классической физике – это «то, во что не вмешивается человеческая субъективность». «Объективность» психологии – это «существующее независимое состояние от воли субъекта (причем неважно, внутри или вовне). Цвет не исчезает из мира, если кто-либо зажмуривает глаза» [16]. Именно таким образом была постулирована Ньютоном онтологическая предпосылка, относительно природы цвета и света существующая в физике, будучи некритично воспринята психологией, служит тормозом к принятию цвета в качестве собственного психологического объекта. Парадоксальным образом это связано как раз с тем, что за цветом не признается его объективное существование вне воспринимающего его субъекта. Однородность суждений на сей счет, вскрывает огромную часть исследовательских работ, ориентированных на стимулы. Например, Геринг сформулировал свой постулат в работе «Теория противоположных цветов», в которой он объяснил, следующие составляющие цвета. По его мнению, чтобы в нем воспроизвелся любой цвет с определенной точностью «<...> прежде всего, нужно не обращать внимания на причины и условия его возникновения. Для систематизации цветов, единственное, что имеет значение, – это сам цвет. Ни качественные, ни количественные, ни физические свойства излучения не будут относиться к делу» [17, с. 112].

Из представленных мнений и их предположений, о естественно-научных разработках, посвященных его «Величеству Цвету», многими учеными, можно подвести небольшой итог о том, что цвет не является физическим объектом, из которого исходят световые лучи, а отражается или передается в направлении глаза. Цвет – это не физический пигмент, в который красится объект, и не вещество, из которого он сделан. Цвет – это то, что мы видим и можем описать с помощью свойств, которые мы в нем видим. Представляя доказательную базу квинтэссенции или «пятай сущности и элемента» по Аристотелю, на уровне цитаты, полностью раскрывающей доказательную основу научного трактата в «Теории противоположных цветов» Г. Тонквиста, утверждающего, что «<...> всех нас интересует не цвет-стимул, а цвет-перцепт. Цвет, существующий в восприятии человека в виде предметного образа, который отличается от сенсорного рядом качеств...» [18, с. 147]. В последующей научной работе «Аспекты цвета. Что они значат и как они могут быть использованы» Г. Тонквист поучал, раскрывая проблемы цвета в психологии, особо подчеркивая, что данный подход, в отличие от «стимульного», создал принципиально новые возможности

для исследования эмоциональной компоненты восприятия цвета. Именно Г. Тонквист, поставил цвет в один ряд с параметрами светлоты, насыщенности и цветового тона. В изучении данной области цвета утвердились такие ученые как: Л.Т. Троланд, Е.Т. Шехтелл, Р.Д. Норманн. Их мнения, обоснованно сошлись в том, что перенос акцента, или переход от «субъективного ощущения» к атрибуции цвета объективного мира, происходит закономерно, как только в поле рассмотрения исследователя попадает эмоциональный компонент в его восприятии. Одновременно цвет начинает рассматриваться не просто как ощущаемый, но и как влияющий на человеческое поведение, при этом обозначается модифицирующий психофизический статус, для становления «фундаментальной психологической категории»: значения, поведения и эмоции.

Таким образом, цвет переносится в сферу психического опыта и переживания. Многие ученые, на этот счет, предполагают, что ограниченность собственного опыта упирается в ограниченность собственного метода: «Я знаю, что цвета вызывают эмоции, но, пока я не смогу, это знание операционализировать, я не считаю его научным» [19, с. 95], заявили о своем мнении Ч. Измайлов и Н. Волков в работе «Взаимосвязь между эмоциями и цветом».

Как отмечалось ранее, на познание объективной реальности претендует не только физика, но и психология, о чем обоснованно подчеркивается в работе группы английских ученых Троланда, Шехтеля, Норманна «Потребность определения цвета». «Перенос любых физических моделей на психологию, не только не делает её более «научной» в смысле объективности, но и как выясняется, может исказить представления об изучаемом объекте» [20, с. 186].

В данном определении цветовой возможности, внутренне все выглядит достаточно противоречиво, поскольку пытается совместить два различных способа о предмете. В одном случае: сам цвет неизбежно начинает рассматриваться всем присущим, не только по отношению к восприятию, но и к самой природе, её свойству «быть объективным» (т.е. существовать независимо от нашего желания, которое должно быть перенесено в область переживания и чувства). Этим определением утверждаются определенные стороны реальности на сегодняшний день, которые не могут быть измерены с помощью физических приборов, но существуют благодаря, а не вопреки органам восприятия у человека. На таких позициях стоит каждый, кто заявляет, о том, что он воспринимает некоторые вещи не «глазом», а «душой». Именно этому и вторит афоризм Гете: «Каждый верно увиденный предмет рождает в нас новый орган восприятия» [21, с. 207]. В этом случае речь идет о некоторых (объективных) переживаниях и чувствах, связанных с восприятием цвета. Не позволительно думать, что речь идет об экстрасенсорных восприятиях, о которых ни кто не берется судить. После столь интересного и значительного экскурса, необходимо вывести ряд определений, о том, что существует более чем одно официально признанное определение цвета, среди всего бушующего многообразия, которые поражают своей объективностью. В настоящее время существует несколько точек зрения, относительно цвета и связанных с ним подходов к его изучению.

– **Первая точка зрения принадлежит И. Ньютону.** По его мнению, все цвета содержатся в свете и являются субъективными знаками различных частот спектра;

– кроме этих невидимых частот цвету в мире ничто не соответствует. Значит, изучать цвет следует, основываясь на анализе распределения его, но только в роли индикаторов различных участков спектра по интенсивности энергетического потока. Более того необходимо последовательно придерживаться этой методологии и колориметрии, главным образом исследуя так называемый «стимул».

– **Вторая точка зрения в определении цвета выражена и принадлежит Герингу.** По его мнению, сам цветовой образ (перцепт) несет в себе достаточно информации для его изучения, поэтому нет необходимости в ньютоновских гипотезах о возникновении цвета. Эта методология исключает из рассмотрения законы распределения энергии излучения цвета самой по себе, сосредоточившись на исследовании психологических параметров цветовой восприятия. В этом случае можно избежать суждений о том, чему соответствует цветовой образ в окружающем мире и какое основное внимание приковано к исследованию «перцепта».

– **Третья точка зрения, близкая к предыдущей и принадлежит к позитивистски ориентированным исследователям,** дающим определение цвета через операциональные понятия:

«Цвет – это не просто то, что человек называет цветом и на что реагирует, как на цвет». Отличие здесь в том, что многие авторы не только избегают высказываний о естественной причине цветковых образов, а научной истиной считают только утверждения, проверяемые экспериментальными процедурами, что ограничивает проникновение в мир переживаний, связанных с восприятием цвета.

– **Четвертая точка зрения рассматривает цвет как самостоятельную психологическую категорию и основывается на фактах:** поведенческих, физиологических и психологических реакций человека на цвет, что требует относить цвет к явлениям объективной реальности. Как и в двух предыдущих случаях. Определенного ответа на вопрос, чему соответствует цветовой образ в окружающем мире, в этом случае не дается.

Таким образом, на основании рассмотренных точек зрения на цвет, можно заключить, что: **цвет** означает онтологизирование как феномен субъективного мира; **цвет** стремится объединить следствие и причину, являясь естественнонаучным аспектом; **цвет** в представлении Ньютона, о его естественных причинах возникновения и цветовой ощущения, по-прежнему следует рассматривать как гипотезу, не получившую экспериментальной поддержки. Ее корреляты лежат в мифологии или наивной установке наблюдателя, а методологическая слабость заключается в одностороннем и упрощенном рассмотрении «взаимодействий» как «разложения» на элементы, соответствующие ньютоновской парадигме. Гипотезы авторов, ссылающихся на физиологию, психологию, психофизику, являются предпосылкой теоретических построений, а не результатов опыта. На вопрос о соответствии цвета и эмоций, перечисленные подходы отвечают по-разному. В **ньютоновском (механическом)** подходе сама постановка этого вопроса некорректна, потому что он не занимается «субъективными», с его точки зрения, феноменами; **подход, ориентирующийся вслед за Герингом на исследование «перцепта»,** допускает исследование эмоциональной составляющей цветовой восприятия наряду с другими психологическими параметрами цвета: светлотой, насыщенность и тоном; **позитивно ориентированный подход** к исследованию цвета ограничен средствами собственной методологии, не допускающей оперирование неоперационализируемыми понятиями, такими как субъективный опыт; **определение цвета как атрибут внешнего мира,** полностью признает его эмоциональность, в чем он и совпадает с рассматриваемой его точкой зрения как «перцепт»; следующий вывод заключается в том, что известные подходы еще очень **далеки от понимания феномена связи цвета и эмоций,** а в лучшем случае остаются на уровне констатации факта, а в худшем, страдают отсутствием методологических предпосылок для его исследования в других областях жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека; **неудовлетворительно** и то, что только начинается его исследование в психологии, как науке по определению цвета, с его психологическим содержанием, заимствованным у физиков, физиологов, приобретенных для изучения и применения в разнообразных древних учениях о цвете, в том числе и эзотерических; все изложенное и высказанное говорит о том, **что психология еще не до конца определила Цвет в качестве своего изучаемого объекта,** в его движении от субъекта к объекту и наоборот (т.е. его социальном значении).

Анализируя результаты научных работ, полученные путем изучения существа цветовой составляющей в жизни человека, необходимо объединить данное разнообразие мнений в научно-практическом изучении теоретической части существующей проблематики, чтобы принять, приумножить и взять «на вооружение», для более глубокого использования цветовой динамики в социальной жизни людей.

В заключительной части статьи, можно с уверенностью констатировать, что развитие изучения огромного поля великого разнообразия научно-представленных предпосылок, трактовок, относительно цветовой парадигмы, является необходимым условием изучения цвета и его особенностей. Полезно и приятно осознавать, что на всех представленных уровнях познания о нем, избранное направление является весьма перспективным и актуальным, несмотря на то, что в данной области исследования существовало и продолжает существовать поисковое начало, для более состоятельного и современного научного исследования на обозримый период времени. Представленное исследование, разрешается в обзорной динамике «цветовой эволюции», что способствует практическому освоению разнообразных цветowych аспектов, направленных на развитие прямого и активного участия цвета в жизни человека. Дальнейшее изучение цвето-

вых реалий, способствует укреплению базового понятия воздействия и применения его, не только в социальной и психологической конструкции всего современного общества, но и его культурологических, эстетических, психологических особенностей, проявляющих себя не только в лабораторных условиях, но и на уровне современных научно-технологических реалий.

турологических, эстетических, психологических особенностей, проявляющих себя не только в лабораторных условиях, но и на уровне современных научно-технологических реалий.

Библиографический список

1. Юнг, К.Г. Проблема души нашего времени. – М., 1975.
2. Jung, C.G. Memoreis. Dreames. Reflections. – N. Y., 1963.
3. Тернер, В. Цветовая классификация в ритуалах Ндембу: проблема невербальной классификации // В. Тернер. Символ и ритуал. – М., 1983.
4. Устинов, А.Г. К вопросу о семантике цвета в эргономике и дизайне // Дизайн знаковых систем: психолого-семиотические проблемы: труды ВНИИТЭ. – М., 1984.
5. Гете, И.В. Борьба за реалистическое мировоззрение. – СПб., 1920.
6. Философский словарь. – М., 2003.
7. Подхем, Ч. Восприятие света и цвета / Ч. Подхем, Ж. Сондерс. – М., 1978.
9. Геринг, Э. Теория противоположных цветов. – Берлин, 1900.
10. Тонквист, Г.С. Аспекты цвета / В.О. Лихтенштадт. Борьба за реалистическое мировоззрение. – СПб., 1920.
11. Демидов, В.И. Как мы видим то, что видим. – М., 1987.
12. Соколов, Е.Н. К исследованию семантического цветового пространства / Е.Н. Соколов, А.В. Вартанов // Психол. журнал. – 1987. – № 2. – Т. 8.
13. Гацденко, П.П. Эволюция понятия науки. – М., 1980.
14. Стивенс, С.С. Экспериментальная психология. – М., 1960. – Т. 1.
15. Ивенс, Р.М. Введение в теорию цвета. – М., 1994.
16. Философия / под ред. Г. Шишкоффа. – М., 2003.
17. Геринг, Э. Теория противоположных цветов. – Берлин, 1900.
18. Тонквист, Г. Аспекты цвета. Что они значат и как они могут быть использованы. // Проблема цвета в психологии. – М., 1993.
19. Измайлов, Ч.А. Взаимосвязь между эмоциями и цветом / Ч.А. Измайлов, Н.Н. Волков. – М., 1983.
20. Троланд, Л.Т. Потребность определения цвета / Л.Т. Троланд, Л.Т. Шехтел, Е.Г. Норманн. – М., 1956.
21. Гете, И.В. Учение о цветах. – Петербург, 1920.
22. Корж, Н.Н. Красный цвет: существует ли он? / Н.Н. Корж, Т.А. Ребеко // Проблема цвета в психологии. – М., 1993.
23. Корж, Н.Н. Трудно ли запомнить цвет? / Н.Н. Корж, Е.А. Лупенко, О.В. Сафанова // Проблема цвета в психологии. – М., 1993.
24. Лихтенштадт, В.О. Гете: Борьба за реалистическое мировоззрение. – СПб., 1920.
25. Сафанова, О.В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1994.

Bibliography

1. Yung, K.G. Problema dushi nashego vremeni. – M., 1975.
2. Jung, C.G. Memoreis. Dreames. Reflections. – N. Y., 1963.
3. Termer, V. Cvetovaya klassifikaciya v ritualakh Ndembu: problema neverbalnoj klassifikacii // V. Termer. Simvol i ritual. – M., 1983.
4. Ustinov, A.G. K voprosu o semantike cveta v ehrgonomike i dizayjne // Dizayjn znakovihkh sistem: psikhologo-semioticheskie problemih: trudih VNIITEh. – M., 1984.
5. Gete, I.V. Borjba za realisticheskoe mirovozzrenie. – SPb., 1920.
6. Filosofskiy slovarj. – M., 2003.
7. Podkhem, Ch. Vospriyatie sveta i cveta / Ch. Podkhem, Zh. Sonders. – M., 1978.
9. Gering, Eh. Teoriya protivopozhnhkh cvetov. – Berlin, 1900.
10. Tonkvist, G.S. Aspektih cveta / V.O. Likhtenshtadt. Borjba za realisticheskoe mirovozzrenie. – SPb., 1920.
11. Demidov, V.I. Kak mih vidim to, chto vidim. – M., 1987.
12. Sokolov, E.N. K issledovaniyu semanticheskogo cvetovogo prostranstva / E.N. Sokolov, A.V. Vartanov // Psikhol. zhurnal. – 1987. – № 2. – Т. 8.
13. Gacdenko, P.P. Ehvoluciya ponyatiya nauki. – M., 1980.
14. Stivens, S.S. Ehksperimentaljnaya psikhologiya. – M., 1960. – Т. 1.
15. Ivens, R.M. Vvedenie v teoriyu cveta. – M., 1994.
16. Filosofiya / pod.red. G. Shishkoffa. – M., 2003.
17. Gering, Eh. Teoriya protivopozhnhkh cvetov. – Berlin, 1900.
18. Tonkvist, G. Aspektih cveta. Chto oni znachat i kak oni mogut bihtj ispoljzovanih. // Problema cveta v psikhologii. – M., 1993.
19. Izmayjlov, Ch.A. Vzaimosvyazj mezhdu ehmociyami i cvetom / Ch.A. Izmayjlov, N.N. Volkov. – M., 1983.
20. Troland, L.T. Potrebnoj opredeleniya cveta / L.T. Troland, L.T. Shekhtel, E.G. Normann. – M., 1956.
21. Gete, I.V. Uchenie o cvetakh. – Peterburg, 1920.
22. Korzh, N.N. Krasnihj cvet: suthestvuet li on? / N.N. Korzh, T.A. Rebeke // Problema cveta v psikhologii. – M., 1993.
23. Korzh, N.N. Trudno li zapomnitj cvet? / N.N. Korzh, E.A. Lupenko, O.V. Safuanova // Problema cveta v psikhologii. – M., 1993.
24. Likhtenshtadt, V.O. Gete: Borjba za realisticheskoe mirovozzrenie. – SPb., 1920.
25. Safuanova, O.V. Formih reprezentacii cveta v subjektivnom opihte: dis. ... kand. psikhol. nauk. – M., 1994.

Статья поступила в редакцию 08.10.13

УДК 20(09)(57)+390(47=57)

Khomushku O.M. RELIGIOUS TRADITIONS OF THE PEOPLES OF THE SAYAN-ALTAI AS A FACTOR OF FORMATION OF ETHNO-ECOLOGICAL CULTURE. In this work the religious ideas of the Sayan-Altai, affecting their itnoikologičeskuju culture. An analysis of a complex system of traditional syncretic religion, cults and rituals of the peoples of the region.

Key words: religious traditions, itnoikologičeskav culture, syncretism, the picture of the world.

O.M. Хомушку, д-р филос. наук, проректор по научной работе и международным связям Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: hom17@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В работе рассматриваются религиозные представления народов Саяно-Алтая, оказавших влияние на их этноэкологическую культуру. Дается анализ сложной синкретической системы традиционных религиозных воззрений, культов и обрядов народов данного региона.

Ключевые слова: религиозные традиции, этноэкологическая культура, синкретизм, картина мира.

Любая историческая форма религии должна рассматриваться, прежде всего, как **сложная самоорганизующаяся система**, включающая в себя взаимодействующие между собой элементы. Изменяющиеся социально-экономические условия оказывают воздействие на существующие верования и культы, хотя следует отметить, что существующая как достаточно автономная система, религия приспосабливается к тем или иным обстоятельствам, видоизменяется и эволюционирует. И здесь неизбежно присутствует процесс **синкретизации**, т.е. проникновение одной религии в другую, взаимовлияние и сохранение определенных элементов одной религиозной системы в структуре другой. Религия обязательно при этом опирается на этнокультурную традицию, придавая ее нормам сакральный характер.

С изменением образа жизни народов менялись и религиозные представления, в результате чего складывался религиозный комплекс, имеющий несколько разновременных пластов. Подобная многоуровневость системы определяется тем, что практически всегда многие ранние элементы верований и представлений органично включаются в стадиально более поздние системы, даже при глубокой трансформации.

Говоря об эволюции религии, мы, прежде всего, имеем в виду процесс изменения содержания, структуры старой системы и образование новой, имеющей иерархическую субординацию своих элементов, что происходило и в Саяно-Алтайском регионе (от традиционных верований до возникновения новых систем, синкретичных по своему содержанию: бурханизм – на Алтае, буддийско-шаманский синкретизм – в Туве, Бурятии и т.д.). Для культуры народов Саяно-Алтая характерно постоянное взаимодействие обычаев, традиций и религий различных народов и цивилизаций.

Археологические данные показали, что уже в древности у народов Саяно-Алтая существовало довольно **развитое религиозное мировоззрение**, содержавшее пласты экософских и космогонических представлений, нашедших свое отражение в верованиях, обрядах, культовой символике. Этнокультурные традиции народов данного региона сложились в результате тесного взаимодействия природного ландшафта, автохтонных верований, а позднее мощного влияния буддизма.

Вне всякого сомнения, доминирующим фактором взаимоотношений природы и человека является экономическое развитие общества. Экологические представления народов Саяно-Алтая нашли свое отражение в традиционной системе автохтонных верований и культов (культы Неба и Земли, культ гор, культы «хозяев местностей» и др.). Именно поэтому можно говорить о том, что в данном регионе складывался особый тип отношения человека к природной среде, т.е. своеобразная **экологическая культура** [1]. Ее характерные черты были обусловлены особенностями исторического развития этого региона, его природно-географическими условиями, этническими формами кочевого скотоводства, традиционного землепользования и т.д. Сложившись на основе этнических, конфессиональных и социокультурных традиций тех народов, которые на различных этапах исторического развития внесли свой вклад в формирование центрально-азиатской общности (тюрков, монголов, бурят, алтайцев, хакасов, тувинцев и др.). Этот тип отношения человека к природе, конечно, не представлял собой чего-то раз и навсегда заданного универсального, скорее, наоборот, на каждой этнической территории он имел свои локальные вариации, в каждом отдельном случае, функционируя в виде специфического набора конкретных норм, идеалов и стереотипов экологического мышления и поведения, регулирующих взаимодействие человека с природной средой [2].

Так, основной отраслью хозяйства у народов Саяно-Алтая было скотоводство, земледелие же было древним, но зачастую подсобным скотоводству видом хозяйства.

Специфика образа жизни, обусловленная географическими условиями, не могла не оказать влияния на своеобразие религиозных верований, сформировавшихся на территории Саяно-Алтая. Исследования по культуре первобытного общества свидетельствуют, что первой формой общественного самосознания человека было **родовое и родоплеменное сознание**, когда индивид осознавал себя в органическом родстве не только с родом, но и с окружающими его силами природы, животным миром. При этом практически-духовное освоение мира в мировоззрении человека осуществлялось через его удвоение — на мир посторонний и потусторонний (тем не менее, эта двойственность носила бесконфликтный, т.е. вполне гармоничный характер.

Мифологическое мировоззрение содержит идею человека как микрокосма, который воззвучен макрокосму, всей Вселенной. При этом космическое начало, регулирующее все процессы во Вселенной – Тенгри, Бурхан и др., по представлениям народов Саяно-Алтая, являлось средоточием абсолютного разума, сил, власти и милосердия, осуществляя тем самым гармонизацию взаимоотношений на всех уровнях.

Согласно существующему мнению [3], среди ранних религиозных воззрений тюрков выделяются три основных пласта: тотемистический, шаманистический и тенгрианский. В коктюркскую эпоху – эпоху составления орхонских рунических текстов — основной религией тюрков был тенгризм (тенгрианство), поклонение тенгри — «Небу». Племена, ведущие кочевой или полукочевой образ жизни, лишь хрупким покрытием юрты были отделены в те времена от природной среды, которая могла быть к ним и благосклонной, и равнодушной, и даже гневной, и всегда была всеильна и всемогуща. С этой точки зрения **тенгрианство**, как форма религии, было естественным порождением соответствующего образа жизни, адаптированным к нему. Именно это определило и отсутствие громоздкого обрядового комплекса, совершенно неприемлемого в кочевых условиях жизни. Возможно, именно эти черты тенгрианства способствовали тому, что элементы этой религии устойчиво сохранялись в кочевой среде и после смены религий, а само наименование верховного божества среди некоторых тюркских народов сохранилось до настоящего времени [4].

С нашей точки зрения, анализируя доктринальные основы автохтонных религиозных верований, можно говорить о том, что именно под влиянием буддизма формируется новый синкретичный религиозный комплекс, получивший на Алтае название бурханизма. Само направление бурханизма наиболее завершённую форму обрело именно там, тогда как у других народов Саяно-Алтайского региона бурханизм не становится самостоятельным направлением, можно говорить скорее о его некоторых проявлениях в сложном синкретичном религиозном комплексе данного региона. Главное же здесь то, что элементы шаманизма сохранились и на этом уровне развития, они произошли и как автохтонно, из своих архаических пластов, и под влиянием тибетской религии «бон» и т.д. Тем не менее, все эти элементы были подчинены основному образу – центральной идее сверхъестественного начала – «Тенгри», «Устуу Хайыракан» и др., т.е. Небу. Кстати, у народов Саяно-Алтая наиболее сильным шаманами считаются шаманы, ведущие свою родословную от Неба [5]. Так, в тувинской мифологии сохранились образы небесных шаманов, ведущих свое происхождение от Неба, считается, что это сыновья мифических народов азар и чагар, которые живут в небесных пространствах. У них могучая сила, которая заставляет греметь гром, отправляет на землю снег, град и дождь.

Мои сыновья, вы вышли из стального Неба Курбус!
Когда вы идете, собою гром представляете.
Красная сырала от молнии — ваш кнут страшный,
Порою вы вниз спускаете редкие дожди,
Да еще вы граненый град вызываете и пускаете,
Ураганым ударом вы сломаете лиственницу красную,
Потому что вы, мои сыновья, едете на Драконе пестром! [6].

У народов Саяно-Алтая существовала довольно стройная система космогонических мифов, объясняющих происхождение мира и человека.

Акт творения представляет собой важное событие, своего рода точку отсчета существования мира, создание целостной структуры, при котором демиургом выступает либо верховное божество — Ульген (или Тенгри, позднее, под влиянием буддизма — Бурхан), либо парные божества антропоморфного (Ульген и Эрлик) или зооморфного облика (чаще это какие-либо водоплавающие птицы). Характерной чертой складывающейся картины мира народов Саяно-Алтая являлась идея гармонии мира, включенности человека в этот мир, целостность данного мира при его многослойности и многоплановости.

Мифологические сюжеты народов Саяно-Алтая довольно подробно повествуют (причем в разных вариантах) о создании мира, его делении на трехуровневую структуру — Верхний мир — Средний мир — Нижний мир. «Когда было сотворено вверху голубое небо, а внизу бурная земля, между (ними) обоими были сотворены сыны человеческие» [7]. В данном фрагменте рунического письма фиксируется и деление на три мира, и последовательность акта творения. Интересно, что божество верхнего мира называют Тенгри, а его спутницу — божественную супругу

– Умай (мать-Земля). В тувинских мифах также прослеживается деление на два начала – Небо (мужское начало) и Земля (женское начало). Аналогичные сюжеты есть и у других народов Саяно-Алтая. По представлениям древних хакасов, мир являл собой нерасторжимое единство всего сущего и мыслимого. При этом вертикальная структура мира предполагала наличие середины, верха и низа. Так, верх – крона дерева, небо, светила, вершины гор, исток реки, птица; низ – корни, пещера, ущелье, вода, животные, обитающие в норах, рогатые животные; середина – ствол дерева, долина, человек, животные с теплым дыханием [8].

Нижний мир – подземный – в мировоззрении народов Саяно-Алтая населен злыми существами во главе с их хозяином, посылающим на землю людям (в Средний мир) всевозможные беды и невзгоды.

По преданиям, небесного происхождения был и Кюль-Тегин, исторический персонаж, храбрый полководец эпохи Восточнотюркского каганата, ставший полководцем в 16 лет. Сохранившиеся памятники орхоно-енисейской письменности повествуют о его рождении – «Подобен Небу, я – тюрк Билге-Каган, рожденный Небом, в это время царем-ханом стал на престоле» [9].

В целом представления о мире несут дихотомичный характер, что, опять-таки, выражено в образе мироздания, согласно которому мир состоит из целого ряда жилищ или слоев, горизонтально расположенных друг над другом.

Сама же пространственно-временная фиксация Вселенной достаточно условна, схема деления – Верхний мир – Средний мир – Нижний мир является по сути лишь «вертикальным» срезом, при этом существует и возможность «горизонтального» перемещения по мирам. Так, в «мир духов» человек (в первую очередь шаман) может попасть, практически не перемещаясь, т.е. сама граница между мирами, а по сути граница между сакральным и профанным, посюсторонним и потусторонним весьма условна. Олицетворение природы, а именно природа – первый объект, вызывающий у человека чувство соподчинения, сопричастности, покоилась на основе древних дуалистических мифологических представлений, свойственных ранним ступеням развития общественного сознания. Согласно этим представлениям, у каждого объекта или явления окружающей природы: реки, горы, дерева и т.д. имелся свой хозяин, который в воображении человека был самостоятельным, но нечеловеческим существом, как бы слившимся с данным объектом или явлением. Любопытно, что этот примитивный дуализм отличается от дуализма духа и материи в философском смысле тем, что хозяин предмета или явления природы – самостоятельное и нечеловеческое существо – выступал в материализованном образе или виде.

Наряду с наделением магическими свойствами предметов и явлений у народов Саяно-Алтая сохранились представления о духах-хозяевах отдельных объектов – гор, рек, озер, отдельных деревьев и т.д. По своему происхождению и назначению почитаемые места отличались друг от друга. Особым уважением пользовались духи-хозяева горных перевалов. В их честь на самой вершине горы или около нее сооружали специальные оваа – кучу камней или сухих деревьев. На этом месте совершались моления, хозяину оваа преподносились дары – пища, вино (тув. – арага), на деревья и кустарники, находящиеся рядом, путник должен был привязать чалама – матерчатую узкую ленту. У наиболее почитаемых мест совершались

не только индивидуальные, но и коллективные моления, также сопровождаемые различными подношениями для умиловления хозяина местности.

Один из таких каменных объектов в Монголии – Эж хада – Мать-Скала был описан Л. Абаевой. Данный каменный монолит высотой более 2,5 м, имеющий форму, напоминающую человеческую фигуру с головой, плечами, ярко выраженным лицом и руками, разведенными в стороны, популярен не только в Монголии, но и в Бурятии [10]. «Со временем почитание персонифицированного каменного монолита, ассоциирующегося с Матерью-Землей, у которой традиционно спрашивали благополучия, деторождения и счастья, – этот практически доисторический архаичный культ оброс шаманистскими традициями, а вскоре после распространения буддизма инкорпировал и буддийскую традицию тоже» [11].

Существовали также духи-хозяева воды, к ним относились хозяева рек, озер, особым почитанием пользовались целебные источники – аржааны. Следует отметить, что благосклонное отношение духов-хозяев воды к человеку зависело не в последнюю очередь от чистоты воды. Таким образом, подобное действо носило не только культовый характер, но и определенную смысловую этическую нагрузку – единение человека с природой, бережное отношение к окружающей среде.

Таким образом, традиционные религиозные верования, которые сложились непосредственно на территории Саяно-Алтая, представляли собой сложную систему религиозных воззрений, культов и обрядов. Все они были генетически между собой связаны. Так, промысловый культ связан с культурами хозяев местности, а шаманизм, более поздняя форма традиционных религиозных верований, сохранил элементы дошаманской мифологии, обрядности и ритуалов. Эти формы религии служили не только отражением определенных условий жизни людей, они являлись выражением их духовных потребностей, частью их культуры, в которой фиксировалась этноконфессиональная целостность народов.

Такая этноконфессиональная целостность не была нарушена и приходом буддизма, который ассимилировал традиционную обрядность, трансформировал ее, сохраняя при этом ее структурную целостность и первоначальную культовую семантику, внося дополнительную смысловую нагрузку. Это произошло, в частности, и потому, что еще в древности, в традиционных верованиях тувинцев, алтайцев, бурят и др. вырабатывалась идея абсолюта, получившего свое выражение в культе «вечного синего Неба» (тенгри), у бурят это Хормуст-тенгри, который воспринимается как «начало всего сущего» [12], у тувинцев как Курбусту – Верховный Бог. Идея персонифицированного всемогущего Небесного Бога, как средоточия абсолютного разума (мудрости), силы, власти и милосердия (великодушия), одновременно сохраняла этимологические связи самого слова «бог» (тенгри) с архаическими представлениями о тотемных божествах животного происхождения и их медиативных (опосредующих) функциях. Так, в известных древнетюркских описаниях Верховного Бога Тенгри-Хана (Хан-Тенгри) подчеркивается его амбивалентность и поливалентность, указывающая на его функции универсального медиатора («посредника») и довольно отчетливо прослеживается в его облике одновременно драконоподобного и человекообразного существа, у которого голова горного козла, но с бычьими рогами и шеей волка или медведя, но с рыбьим хвостом и т.д. [13].

Библиографический список

1. Чистик, Ж.К. Экологическая культура тувинского этноса. – Кызыл, 2010.
2. Абаев, Н.В. Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов. – Кызыл, 2005.
3. Котожеков, Г.Г. Культура народов Саяно-Алтайского нагорья. – Абакан, 1992.
4. Тугушева, Л.Ю. Каким богам поклонялись древние тюрки? // *Altaica*. – М. – 2000. – № 4.
5. Кенин-Лопсан, М.Б. Магия тувинских шаманов. – Кызыл, 1993.
6. Цит. по: Кенин-Лопсан, М.Б. Культ неба в алгышах тувинских шаманов и в древнетюркских надписях в честь Кюль-Тегина // Письменное наследие тюрков: материалы Международного симпозиума, посвященного 110-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности и 100-летию выхода в свет тр. Н.Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка». – Кызыл, 2003.
7. Сагалаев, А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992.
8. Буракова, Л.Ю. Шаманские песнопения в музыке хакасских композиторов // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. – Абакан, 2002.
9. Цит. по: Кенин-Лопсан, М.Б. Культ неба в алгышах тувинских шаманов и в древнетюркских надписях в честь Кюль-Тегина // Письменное наследие тюрков: материалы Международного симпозиума, посвященного 110-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности и 100-летию выхода в свет тр. Н.Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка». – Кызыл, 2003.
10. Абаева, Л.Л. Эж Хада, Мать-Скала Монголии // Восточная коллекция. – М. – 2005. – № 2.
11. Абаева Л.Л. Эж Хада, Мать-Скала Монголии // Восточная коллекция. – М. – 2005. – № 2.
12. Жамбалова, С.Г. Космологические представления бурят // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. – Улан-Удэ, 1999.

13. Абаев, Н.В. Соотношение понятий «хор» и «тенгри» в этнокультурной и религиозно-философской традиции народов Саяно-Алтая // Мункуевские чтения – 2: материалы Международной научно-практич. конф., посвященной 80-летию Н.Ц. Мункуева. – Улан-Удэ, 2004. – Ч. 2.

Bibliography

1. Chistik, Zh.K. Ekhkologicheskaya kuljtura tuvinskogo ehtnosa. – Kihzihl, 2010.
2. Abaev, N.V. Rannie formih religii i ehtnokuljturogenез tyurko-mongoljskikh narodov. – Kihzihl, 2005.
3. Kotozhekov, G.G. Kuljtura narodov Sayano-Altajskogo nagor'ya. – Abakan, 1992.
4. Tugusheva, L.Yu. Kakim bogam poklonyalisj drevnie tyurki? // Altaica. – M. – 2000. – № 4.
5. Kenin-Lopsan, M.B. Magiya tuvinskikh shamanov. – Kihzihl, 1993.
6. Cit. po: Kenin-Lopsan, M.B. Kuljt neba v algihshakh tuvinskikh shamanov i v drevnetyurkskikh nadpisyakh v chestj Kyulj-Tegina // Pisjmennoe nasledie tyurkov: materialih Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyathennogo 110-letiyu deshifrovki orkhono-enisejskoj pisjmennosti i 100-letiyu vihkhoda v svet tr. N.F. Katanova «Opiht issledovaniya uryankhayjskogo yazihka». – Kihzihl, 2003.
7. Sagalaev, A.M. Altajj v zerkale mifa. – Novosibirsk, 1992.
8. Burnakova, L.Yu. Shamanskije pesnopeniya v muzihke khakasskikh kompozitorov // Aktualjnihe problemih istorii Sayano-Altaya i sopedeljnihkh territorij. – Abakan, 2002.
9. Cit. po: Kenin-Lopsan, M.B. Kuljt neba v algihshakh tuvinskikh shamanov i v drevnetyurkskikh nadpisyakh v chestj Kyulj-Tegina // Pisjmennoe nasledie tyurkov: materialih Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyathennogo 110-letiyu deshifrovki orkhono-enisejskoj pisjmennosti i 100-letiyu vihkhoda v svet tr. N.F. Katanova «Opiht issledovaniya uryankhayjskogo yazihka». – Kihzihl, 2003.
10. Abaeva, L.L. Ehezkh Khada, Matj-Skala Mongolii // Vostochnaya kollekcija. – M. – 2005. – № 2.
11. Abaeva L.L. Ehezkh Khada, Matj-Skala Mongolii // Vostochnaya kollekcija. – M. – 2005. – № 2.
12. Zhambalova, S.G. Kosmologicheskie predstavleniya buryat // Problemih tradicijnoj kuljturi narodov Bajkaljskogo regiona. – Ulan-Udeh, 1999.
13. Abaev, N.V. Sootnoshenie ponyatij «khor» i «tengri» v ehtnokuljturovoj i religiozno-filosofskoj tradicii narodov Sayano-Altaya // Munkuevskie chteniya – 2: materialih Mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konf., posvyathennoj 80-letiyu N.C. Munkueva. – Ulan-Udeh, 2004. – Ch. 2.

Статья поступила в редакцию 20.10.13

УДК 069,069.01

Takarakova E.O. MUSEUM OPEN-AIR AS A FORM OF PRESENTATION OF A CULTURAL LANDSCAPE (ON THE EXAMPLE OF THE ONGUDAYSKY REGION OF ALTAI REPUBLIC). In article the problem of conceptual model of design of a museum open-air is considered, the exposition infrastructure and prospects of development of a cultural landscape by purposeful work on intellectual, scientific and technical, economic and natural resources of the Ongudaysky area is analyzed.

Key words: museum and park zone, museum space, cultural landscape, revolarization.

E.O. Такаракова, аспирант Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ, н.с. Автономного Учреждения Республики Алтай «Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай», г. Горно-Алтайск, E-mail: ew.takarakova@mail.ru

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ КАК ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА (НА ПРИМЕРЕ ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)

В статье рассматривается проблема концептуальной модели проектирования музея под открытым небом, анализируются экспозиционная инфраструктура и перспективы развития культурного ландшафта путем целенаправленной работы над интеллектуальными, научно-техническими, экономическими и природными ресурсами Онгудайского района.

Ключевые слова: музей под открытым небом, музейное пространство, культурный ландшафт, ревалоризация.

Современное музейное и культурное пространство представляет собой весьма своеобразный культурный симбиоз, присущий центральноазиатской культуре алтайцев, культуре сибирских городов России советского и постсоветского периодов. В современной действительности, намечаются и определенные тенденции по формированию собственного облика.

Поэтому рубеж XX-XXI веков в музейной практике можно определить как «переходный этап», связанный с кардинальными трансформациями музейного пространства и его смыслов. Стратегии развития музейного дела XX века не только географически расширили область бытования музейных форм, включив практически все континенты в музейное строительство, но и предложили новые типы музеев, стремительно увеличив круг возможных объектов собирательской деятельности, а также направлений и форм экспозиционной и образовательной практики. Можно утверждать, что сегодня музей стоит на пороге серьезных преобразований, причины которых определяются тенденциями развития культуры, заявившими о себе в первой половине XX века, получившими развитие во второй половине столетия и обнаружившими определенные «кризисные» явления на современном этапе. Названные обстоятельства требуют культурологического анализа феномена музея и музейности и определяют актуальность темы исследования [1, с. 3].

Состояние культурного ландшафта, заповедных зон на территории Республики Алтай, познавательные и экономические составляющие от развития туризма, сохранения наследия народа, его древней истории, требует обращения к данной проблеме и попытку постановки проблемы.

Современный период развития представлений о музее можно рассматривать как этап прохождения своеобразной «точки бифуркации», когда накопленный практический материал требует не просто суммирования, но дальнейшего развития оснований науки, связанных с определенными концептуальными перестройками [2, с. 3]. Ориентация музея на осуществление межличностных, межпоколенных связей, на обретение человеком самобытия, отвечает принципам современной образовательной парадигмы, основанной как на признании высокой значимости духовной составляющей жизни общества, так и на поиске новых инновационных форм [1, с. 42].

Организация и проектирование музея под открытым небом – это трудный процесс, где необходимо учитывать духовные, объективные условия и закономерности, которые будут определять основы функционирования музея. Музей данного вида требует сочетания творческого потенциала проектировщика и научного, рационального подхода в процессе организации такого объекта, как музей под открытым небом, археологический и при-

родный музей-заповедник. Территория Онгудайского района, в нашем случае Каракольской долины отвечает требованиям как музея под открытым небом, так и заповедника. Данный объект признан особо охраняемой природной территорией, поэтому на данной территории функционирует природный парк «Уч-Энмек».

В уставе парка прописано, что «Учреждение создано в соответствии с Постановлением Правительства Республики Алтай от 23.04.2001 № 109 «О создании в Онгудайском районе Каракольского природного парка «Уч-Энмек»» [3]. Настоящий устав признан не действительным, утратившим силу, в связи с реорганизацией автономных учреждений Республики Алтай «Каракольский природный парк «Уч-Энмек» и «Природно-хозяйственный парк «Аргут». Учитывая особую актуальность реорганизации данных учреждений, необходимо будет разработать перспективную схему развития и повышения эффективности природоохранной деятельности и предоставления современных туристических услуг. Главная задача АУ РА «КПП «Уч-Энмек» – документальное оформление историко-культурных памятников, как объектов показа и внесение соответствующих изменений и дополнений в законодательно-правовую базу автономного учреждения. Для его развития и возрождения необходимо организовать и целенаправленно работать над интеллектуальными, научно-техническими, экономическими и природными ресурсами Онгудайского района.

По мнению исследователей, на фоне постепенно истощаемых природных и энергетических ресурсов и грозящих природным катаклизмом Европы, и отчасти сопредельной Азии, ещё слабо разработанные и освоенные территории и запасы природных ресурсов, Россия, с её огромной территорией и неразработанными природными ресурсами все явнее становится резервом и потенциалом Человечества [4, с. 57]. Поэтому создание на территории Каракольской долины музея под открытым небом, где будут по возможности револаризованы памятники природы, археологии, этнографии – актуальный вопрос не только для Горного Алтая, но и всего культурного наследия России.

Ревалоризация подразумевает собой возвращение историко-культурному объекту ценности, утраченной под воздействием времени и других разрушительных факторов. Предполагает восстановление как физического состояния объекта, так и его ценности в сознании социума. Ревалоризация наиболее ценных объектов может происходить путем их музеефикации [5].

Если рассмотреть с точки зрения восстановления только территорию Каракольского природного парка, то мы обнаружим ряд уникальных памятников археологического наследия:

– Башадарские курганы скифской эпохи, расположенные в Башадарской долине. В этой долине насчитывается более ста археологических памятников, которые нуждаются в музеефикации. Существуют курганные насыпи, расположенные по всей территории села Боочи Онгудайского района. Данные объекты находятся в неудовлетворительном состоянии – полуразрушены. При предварительном осмотре мы обнаруживаем данные территории и памятники в удручающем состоянии. В настоящее время они служат ямой для мусора, скотомогильником, а также местом для игр детей, когда-то, эти места были сакральными и пользовались уважительным отношением, о чем нельзя сказать сегодня.

Народ Алтая в прошлом воспевали о курганах (корымдар), каменных изваяниях (кезер-таш), они их почитали:

«Таш-корумды жастанып,
Жебрен алтай тууырайт.
Корум – ташты жастанып,
Баатырларым уйуктайт.» (народная песня)

Курганные насыпи в прошлом представляли гробницы – магическое сооружение для умершего. Географическая особенность Онгудайского района позволяет подступить к организации и сохранения ценности её территории при организации музейного комплекса, в данном случае музея под открытым небом.

Ниже приведем ряд доступных для нас документов, определяющих статус данной территории:

– к решению сессии Районного Совета депутатов от 16.06.2004 года № 14-10 прилагается Положение «О статусе памятников природы районного значения, находящихся на территории Онгудайского района» где в пункте 1.2 сказано, что «на территории памятника природы и его охранной зоны запрещается любая деятельность, которая может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного мира, в том числе: размещение...мест складирования и захоронения отходов,

кладбищ и скотомогильников; складирование навоза и мусора...» [6, с. 1].

Из визита в администрацию Онгудайского района автору данной статьи выяснилось:

1. Отсутствуют соответствующие нормативные и официальные документы, действующие в настоящий момент. В связи с постоянной сменой штатных единиц некоторые документы утеряны. По словам Рустама Николаевича Байталакова – главного специалиста экономического отдела МО «Онгудайский район» на сегодня проблема с нормативными документами действительно является острым и открытым вопросом.

2. По положению «О статусе памятников природы районного значения, находящихся на территории Онгудайского района» следует, что памятники природы и их охранные зоны обозначаются на местности предупредительными и информационными знаками по периметру их границ. Информационное содержание этих знаков согласовывается со специально уполномоченным органом администрации МО «Онгудайский район» в области охраны окружающей природной среды. Такие информационные щиты сегодня стоят при въезде на территории Каракольской и Башадарской долин. Также по собственным исследованиям автора как выяснилось, что уполномоченным органом администрации МО «Онгудайский район» в области охраны окружающей природной среды является эколог – Диятова Л.В., которая занимается только вопросом по очистке местности от мусора. Муниципального инспектора по охране территорий памятников природы районного значения вовсе нет. Хотя нужно отметить, что в отделе по земельным и имущественным отношениям в администрации имеется положение, где в пункте 4.2. активно прописываются должностные обязанности муниципального инспектора в области охраны окружающей среды. Например, «...привлекать к административной ответственности лиц, допустивших нарушение законодательства в области охраны окружающей среды; принимать меры по ликвидации нарушителями последствий совершенных ими экологических правонарушений...» [7, с. 12].

3. Не удалось выяснить о современном и более усовершенствованном виде положения в области охраны историко-культурного наследия районного значения. Отсутствие квалифицированных рабочих кадров необходимых для создания полноценной законодательной базы обеспечения охраны историко-культурного и природного наследия усложняют процесс организации проектирования музейно-парковой зоны на территории Онгудайского района Республики Алтай. По словам Р.Н. Байталакова, Онгудайский район позиционирует себя как территория, где сохранилась традиционная культура, поэтому такой вопрос, как создание этно-деревни в природном парке «Уч-Энмек», создание на базе Туектинских курганов музейно-парковой зоны рассматривались не раз. К сожалению, данные проекты все ещё числятся в проектах Онгудайского района. Вопрос о музеефикации, револаризации и рекультивации курганных насыпей, наскальных рисунков, монументальных памятников на территории Каракольской долины по существу сложный.

В связи с предварительным мониторинговым исследованием, проведенным автором в 2011 и 2012 гг. на территории этих районов в Республике Алтай, встреч с заинтересованными организациями муниципального уровня, с общественными и научными алтайскими деятелями, автор приводит в данной статье ряд предложений:

Особого внимания требует археологическое наследие долины, так как именно на основе недвижимых памятников создавались музеи под открытым небом. Уникальным археологическим наследием является Башадарская долина, представляющая собой археологический комплекс, который состоит из 57 объектов. Располагается на левом берегу реки Каракол между селами Боочи и Кулада Онгудайского района.

Исследования проводил С.И. Руденко (1950), который вскрыл два кургана скифского времени, принадлежавшие знати. В курганах внутри срубов находились колоды-саркофаги с погребениями. Во втором кургане саркофаг мужчины был покрыт вырезанными на нем изображениями тигров, баранов, лошадей и т.д. Из предметов инвентаря найдены остатки одежды и обуви, керамика, предметы конской упряжи, вооружения быта и т.д. [8, с. 13]. Раскопанные вещи из курганов могут послужить основой этнографической коллекции. Проблема состоит в том, что колода – саркофаг с погребениями в настоящий момент является музейным экспонатом в Эрмитаже. Таким образом, в музеях Санкт-Петербурга, Москвы и других регионах раско-

панные вещи из курганов скифской эпохи составляют уникальный фонд. Вопрос по возврату данной коллекции не ставим, необходимо сформировать копии данных артефактов.

Археологический музей-заповедник не может существовать без уникальных археологических памятников – Туектинских курганов, без наскального искусства на территории села Бичикту – Боом и соответственно без курганов Башадарской долины. Огромная территория природного парка усложняет процесс проектирования и создания целостной системы.

Таким образом, на федеральном и республиканском уровнях необходимо привести в соответствии с законодательными основами Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 г. № 73-ФЗ статус данной территории; Разработка документации научного проектирования экспозиции с привлечением широкого круга специалистов-археологов, этнографов, музейных работников, специалистов по менеджменту в области туризма; Ещё одним открытым и острым вопросом остается финансирование проекта музея под открытым небом. Возможность создания такого вида музея откроют большие перспективы в дальнейшем развитии туризма, охраны историко-культурного и природного наследия Онгудайского района и всей республики в целом. Во всем мире наблюдается музейный бум.

Интенсивно развиваются и создаются многочисленные музеи. При этом создатели музеев все чаще отходят от традиционного, павильонного типа музея и отдают предпочтение музеям открытого типа [9, с. 3]. Все стороны действительности, представляемые музеем, ориентированы на создание «картины мира», целостного представления о пространстве культуры, в котором неразрывном единстве взаимодействует индивиду-

альное, неповторимое и типическое, демонстрируя «иерархическое выстроенное отношение к бесконечному миру предметов и процессов» [1, с. 34].

Глобальная тенденция современного музейного развития проявляется в стремлении музеев к открытости обществу и преодолению локальности в пространстве. Экспозиции современных музеев создаются на площадях, превышающих размеры помещения, а характер их деятельности направлен на приближение музея к людям. Многие современные музеи сливаются с жизнью местного населения. В сообществе музейных специалистов распространяются представления об «интегрированном музее» и «новой музеологии», в которых музей рассматривается как институт, выходящий за пределы идентификации, консервации и просвещения и переходящий к осуществлению более широких программ, позволяющих музею активнее участвовать в жизни общества и полнее интегрироваться в окружающую среду [9, с. 3]. Создание и организация музея под открытым небом является одним из ключевых и приоритетных принципов защиты историко-культурного и природного наследия. Сохранение его на месте первоначального расположения, прямо распространяется на археологическое наследие, а также на недвижимые объекты культурного наследия. Очень важно сберечь культурный ландшафт без отрыва от определенной культуры, территории, в том числе целесообразным представляется рассмотреть и проанализировать нормативно-правовые нормы, которые закрепляют принципы сохранения историко-культурного наследия. Культурный ландшафт оказывает влияние на жизнь современного человека, внутри этой среды формируются духовные ориентиры общества, где существует система историко-культурных ценностей.

Библиографический список

1. Сапанжа, О.С. Стратегии коммуникационных процессов современного музея: дис. ...канд. культурологии. – СПб., 2005.
2. Сапанжа, О.С. Культурологическая теория музейности: автореф. дис. ... д-ра культурологии – СПб., 2011.
3. Устав государственного учреждения «Каракольский природный парк «Уч-Энмек» от 13 сентября 2001 года // Гарант: информ.-правовое обеспечение [Э/р]. – Р/д: www.garant.ru
4. Пюрвеев, Д.Б. Архитектура мироздания. – М., 2006.
5. Словарь музейных терминов [Э/р]. – Р/д: http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?59
6. Положение «О статусе памятников природы районного значения, находящихся на территории Онгудайского района»: прил. 1 к решению сессии Районного Совета депутатов от 16.06.2004 г. № 14-10. // Архив Администрации муниципального образования «Онгудайский район».
7. Положение Отдела по земельным и имущественным отношениям администрации муниципального образования «Онгудайский район», № 86 от 07.04.2006, с. Онгудай, 2006 // Архив Администрации муниципального образования «Онгудайский район».
8. Соенов, В.И. Археологический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993.
9. Зыков, А.В. Музееведческие взгляды Н.Ф. Федорова и современное музееведение: дис. ... канд. культурологических наук. – Кемерово, 2004.

Bibliography

1. Sapanzha, O.S. Strategii kommunikacionnihkh processov sovremennoho muzeya: dis. ...kand. kuljturologii. – SPb., 2005.
2. Sapanzha, O.S. Kuljturologicheskaya teoriya muzeynosti: avtoref. dis. ... d-ra kuljturologii – SPb., 2011.
3. Ustav gosudarstvennogo uchrezhdeniya «Karakoljskiy prirodniyh park «Uch-Ehnmek» ot 13 sentyabrya 2001 goda // Garant: inform.-pravovoe obespechenie [Eh/r]. – R/d: www.garant.ru
4. Pyurveev, D.B. Arkhitektura mirozdaniya. – M., 2006.
5. Slovarj muzeynihkh terminov [Eh/r]. – R/d: http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?59
6. Polozhenie «O statuse pamyatnikov prirodnih rayonnogo znacheniya, nakhodyathikhsya na territorii Ongudayskogo rayjona»: pril. 1 k resheniyu sessii Rayjonnoho Soveta deputatov ot 16.06.2004 g. № 14-10. // Arkhiv Administracii municipaljnogo obrazovaniya «Ongudayskiy rayjon».
7. Polozhenie Otdela po zemeljnih i imuthestvennihm otnosheniyam administracii municipaljnogo obrazovaniya «Ongudayskiy rayjon», № 86 ot 07.04.2006, s. Ongudaj, 2006 // Arkhiv Administracii municipaljnogo obrazovaniya «Ongudayskiy rayjon».
8. Soenov, V.I. Arkheologicheskij slovarj Gornogo Altaya. – Gorno-Altajsk, 1993.
9. Zihkov, A.V. Muzeevedcheskie vzglyadih N.F. Fedorova i sovremennoe muzeevedenie: dis. ... kand. kuljturologicheskikh nauk. – Kemerovo, 2004.

Статья поступила в редакцию 12.11.13

УДК 008

Andreev V.M. **ARCHAEOLOGICAL MONUMENT AS AN AESTHETIC OBJECT.** The article deals with the aesthetic aspects of the archaeological monument, as a functional element of modern cultural space. The author discloses four aspects of manifestation of aesthetic qualities, which potentially inherent to the monument of archeology, functioning in modern culture.

Key words: **culturology, aesthetics of archeology, archaeological heritage, archaeological monument, aesthetic object.**

V.M. Андреев, аспирант ЧГАКИ, г. Челябинск, E-mail: walandr@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

В работе рассматриваются эстетические аспекты археологического памятника, понимаемого в качестве функционального элемента современного культурного пространства. Раскрываются четыре аспекта проявления эстетических качеств, потенциально присущих памятнику археологии, функционирующему в современной культуре.

Ключевые слова: культурология, эстетика археологии, археологическое наследие, археологический памятник, эстетический объект.

Эстетическое звучание археологического памятника в общекультурном контексте в современной научной мысли представлено чрезвычайно скупо. Как правило, обращение к этому вопросу касается специфицированных аспектов данной темы, а именно, анализа археологических объектов и находок как источников в системе искусствоведческого анализа. В системной классификации археологической науки выделяется так называемая эстетика археологии: «Эстетика археологии занимается исследованиями как специфических проявлений ценностного отношения людей прошлого к окружающему их миру, так и сферы художественной деятельности в прошлом, а также отношений археологов к древнему искусству» [1]. За пределами сферы интересов археологии оказываются эстетический потенциал археологического памятника, значимый для широкой общественности, и эстетические процессы, в которые втягивается археологическое наследие в современности. Вместе с тем, эстетические свойства имманентно присущи археологическому памятнику как материально воплощённой точке концентрации архаичного исторического прошлого человечества.

Осмысление поставленного вопроса важно не только для развития теоретической научной мысли, но имеет актуальное значение в реалиях сегодняшнего дня. В первую очередь, имеется в виду функционирование археологического памятника не только в сугубо научно-исторических аспектах, но и в современных социокультурных практиках, что определяет значимость археологического наследия для широкого круга аудиторий, вплоть до общества в целом. Так, именно эстетические аспекты археологического памятника как объекта исторического прошлого, включённого в пространство современной культуры, обуславливают его потенциал для общественного интереса.

В спектре культурных контекстов, в которые неизбежно включён всякий сколько-нибудь социокультурно значимый археологический памятник, неизбежно (хотя и не всегда осознанно) присутствует и эстетический аспект. Именно он определяет наиболее полное, определенно выраженное и, что чрезвычайно важно, чувственно насыщенное восприятие памятника как средоточия множества культурных смыслов, значений и «звучаний». Понимание эстетической значимости археологического памятника как культурно функционального явления определяет необходимость ее научного (культурологического) осмысления.

Приведём определение археологического памятника, составленное на основе культурно-функционального подхода. Археологический памятник – это физический объект, являющийся локусом культурного пространства, связанным с определённым историческим периодом, сохраняющийся к настоящему моменту времени как реликт в виде системы из следующих элементов: 1) предметов материальной культуры и продуктов человеческого воздействия; 2) культурного слоя почвы, 3) ландшафтной территориальной зоны (объекта); обладающий научной ценностью в археологических аспектах и выраженным культурным значением в широком социальном масштабе, генерирующий контекстуально совокупную культурно-историческую среду современного культурного пространства. В статье «Археологические памятники как объекты наследия» С.Ю. Каменский отмечает следующее: «Мы можем говорить об эстетической ценности артефактов прошлого. Археологическое наследие – это культура, представленная в потрясающем многообразии вещных форм, созданных по замыслу миллионов авторов прошлого. Кроме этого стоит отметить факт неразделенности художественной и материально-бытовой сфер как при создании большинства вещей прошлого, так и их современном прочтении (когда мы восхищаемся рукоятками ножей, искусно выполненными каменными орудиями и т.д.), что выражает специфику восприятия артефактов древности» [2, с. 19-20].

Основные аспекты, выявляющиеся при первом приближении к проблеме археологического памятника как эстетического объекта, можно представить следующим образом:

1. Эстетический потенциал характеристик археологического объекта как реликта прошлого. Данный аспект частично раскрывается с позиции отечественного и зарубежного искусствоведения и в эстетике археологии. Однако археологический объект не рассматривается в своей целостности, как археологическая система в широком культурологическом значении. Производится выявление эстетических характеристик объекта как произведения архаичного художественного творчества, произведения того или иного вида искусств: архитектуры, скульптуры, живописи. Таким образом, в фокус искусствоведения попадают только некоторые археологические объекты и они не рассматриваются в своей целостности, то есть так, как их воспринимает человек в качестве памятников. Если отсутствует необходимая сохранность, проводится искусствоведческий анализ архитектурных особенностей археологического объекта. В основном это касается архитектурно-археологических памятников древних цивилизаций (Античной Греции и Рима, цивилизаций Южной Америки и др.), художественных свойств наскальных и настенных изображений (памятники палеолитической живописи, писаницы, петроглифы), эстетических качеств конкретных находок, например, палеолитических Венер. Известны отечественные исследования в области эстетики археологии советского [3] и современного периода [4]. Изучение эстетического воздействия археологического памятника как целостной архитектурно-предметно-ландшафтной системы, образующей культурно-историческую среду современного культурного пространства, на человека искусствоведение и эстетика археологии не проводят.

2. Потенциальная возможность реконструирования «культурного облика» археологического объекта, который он имел на этапе функционирования в древней культуре. Имеется в виду его реконструкция как элемента материальной культуры, его материального воплощения в древности, до археологизации, а также, что наиболее важно, реконструкция культурных практик, в которые объект вовлекался в определенную эпоху. Такие опыты проводятся с использованием научных методов; кроме того, они осуществляются и не специалистами на базе археологических объектов, вовлечённых в современные культурные практики. Подобные реконструкции не имеют научных целей, они относятся к вненаучной контекстуализации археологического памятника (например, неоязыческой), но, будучи осуществлёнными на базе памятника, включаются в его культурно-историческую среду. Таким образом, реконструкции носят либо научный, либо игровой характер (иногда сочетают в себе и то, и другое), и могут обладать эстетическим смыслом для тех, кто их производит, и тех, кто наблюдает. В качестве примера приведём реконструкцию бытового процесса каменного века – свеживания туши и приготовления пищи с использованием каменных орудий труда в естественной природной среде древнего человека, произведённую на территории историко-культурного музея заповедника «Архаим» в рамках конференции «Музей XXI века – археология, этнография, природа» (23–26 августа 2005 года). Это вполне наглядное свидетельство применения включения эстетических аспектов (в частности, метода театрализации) в процедуры исторической реконструкции.

3. Публицирование ассоциативных мотивов, непосредственно связанных с конкретным археологическим памятником, через формы индивидуального творчества. По итогам посещения археологического памятника человеком могут создаваться определённые тексты художественной культуры, в которых он отражает собственное восприятие памятника. В подобном опыте человек создаёт эстетически выраженные экспликации архе-

ологического памятника в других формах культуры. Создаваемые произведения выражают определённые ассоциативные образы и формы, возникшие у него в процессе восприятия, его атрибуции и интерпретации в системе собственных знаний. Возникающие у человека ассоциации можно разделить на: абстрактно-логические, эмоционально-чувственные и, как их синтез, абстрактно-образные. Так, музей древних производств, являющийся одним из туристических объектов историко-культурного музея-заповедника «Аркаим», предполагает проведение с посетителями различных мастер-классов, связанных с древними производствами. Здесь посетитель создаёт определённые произведения, которые, с одной стороны, будут осмыслены им (наделены смыслом) как созданные на «Аркаиме», и будут ассоциироваться с ним; с другой стороны, человек может отразить и свои конкретные ассоциации с археологическим памятником. Одновременно в музее-заповеднике предлагается множество различной сувенирной продукции, на уровне декоративных художественных форм «отражающей» контексты конкретного археологического памятника.

4. Свободные интерпретации археологических памятников в художественных текстах, напрямую не связанных с археоло-

Библиографический список

1. Системная классификация археологической науки // Сектор археологической теории и информатики института Археологии и Этнографии СО РАН [Э/р]. – Р/д: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/classarch2/classarch/fragment.php?code=22#t189>
2. Каменский, С.Ю. Археологические памятники как объекты культурного наследия (аксиологический аспект) // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 55. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – Вып. 15.
3. Формозов, А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М., 1980.
4. Древнее искусство северной Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействия с древними цивилизациями: материалы международной науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб., 2012. – Кн. 1.

Bibliography

1. Sistemnaya klassifikaciya arkheologicheskoy nauki // Sektor arkheologicheskoy teorii i informatiki instituta Arkheologii i Ehtnografii SO RAN [Eh/r]. – R/d: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/classarch2/classarch/fragment.php?code=22#t189>
2. Kamenskij, S.Yu. Arkheologicheskie pamyatniki kak objektiv kulturnogo naslediya (aksiologicheskij aspekt) // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 55. – Ser. 2. Gumanitarihe nauki. – Vihp. 15.
3. Formozov, A.A. Pamyatniki pervobitnogo iskusstva na territorii SSSR. – M., 1980.
4. Drevnee iskusstvo severnoy Evrazii // Kul'turih stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystviya s drevnimi civilizacijami: materialih mezhdunarodnoj nauch. konf., posvyatennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vhdayuthegosya rossiyjskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznova. – SPb., 2012. – Kn. 1.

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 13.09

Makarova N.I. IN PURSUIT OF CIVILITY. The article considers the opposition of ideas of «civilization» and «barbarism» in Renaissance culture. This opposition influenced the development of humanistic ideals and strengthened the position of intellectual elite. On the other hand, it promoted the formation of colonization ideology, the justification of «barbarian» peoples' conquest and exploitation.

Key words: Renaissance, humanism, barbarism, civility, colonialism.

*Н.И. Макарова, канд. культурологии, доц. каф. философии НГУЭУ, г. Новосибирск,
E-mail: voskresenye@yahoo.com*

В ТПОГОНЕ ЗА ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬЮ

В статье рассматривается противопоставление понятий «цивилизованность» и «варварство» в культуре Возрождения. Прослеживается влияние этого противопоставления на развитие гуманистических идеалов и укрепление позиций интеллектуальной элиты, а также на формирование идеологии, оправдывающей покорение и эксплуатацию «варварских» народов.

Ключевые слова: Возрождение, гуманизм, варварство, цивилизованность, колониализм.

В западной культуре, начиная с античности, «цивилизованность» противопоставлялась «варварству». Это противопоставление накладывало отпечаток на идеал человека и общественную систему ценностей. Оно определяло то, какими должны быть отношения между людьми, принадлежащими к разным народам. В эпоху Возрождения идея цивилизованности в значительной степени служила маяком для гуманистов в их стремлении к преобразованию общества на основе развития искусств и наук. Она формировала понятие об идеальной личности. В свою очередь «отсутствие цивилизованности» служило основанием для ведения захватнических войн против «варваров».

Для древних греков варвар – это человек, не знающий греческого языка и, соответственно, не владеющий нормальной

речью. Достаточно вспомнить рассуждение Аристотеля о том, что варвары по природе – рабы, существа низшие, в отличие от греков, являющихся по природе господами [1, с. 377]. Понятие о цивилизованном образе жизни для европейской мысли формируют в первую очередь римские мыслители. В частности, Цицерон ассоциирует его с оседлостью и наличием городов. Лукреций в Книге V своей поэмы «О природе вещей» подробно описывает постепенное освоение человеком огня, появление языка, семьи, собственности, орудий труда, власти, законов и городов. Однако Лукреций описывает эти ступени развития человечества как некую эволюцию, не всегда имеющую позитивный смысл. Так, хотя вначале люди не имели защиты от диких зверей и часто становились их добычей, тем не менее «не губила

гическим наследием, научными историческими данными, но косвенно касающиеся конкретных археологических памятников. К данной группе, в отличие от предыдущей, относятся тексты более сложной организации, создаваемые профессиональными и самодельными творцами и относящиеся к различным видам искусств: литературе, скульптуре, живописи, театру; являющиеся не только достоянием индивидуального творчества, но и транслирующиеся в современном информационно-коммуникационном пространстве. Примером является балет «Аркаим», созданный в 2005 году Лейлой Загировной Исмагиловой, произведения художника Александра Разбойникова, керамика Екатерины Пензиной.

Следует признать, что выявленные в данной статье четыре аспекта эстетического потенциала археологического памятника не претендуют на роль исчерпывающей характеристики археологического памятника как эстетического объекта. Проблема, представленная в статье, требует дальнейшего исследования. И, как представляется, её разрешение может способствовать не только развитию научной теоретической мысли, но и актуализации археологического наследия, его представленности в культурном пространстве современности.

зато под знаменами тысяч народа битва лишь за день один», и если «скудная пища тогда предавала слабевшие члены смерти», то «теперь излишество нас убивает» [2, с. 75].

Средние века мало интересовались противопоставлением цивилизованности и варварства: разделение между людьми шло преимущественно по религиозному признаку. В период Ренессанса гуманисты опять обращаются к идее цивилизованности, которая связывается в первую очередь со знанием искусств и наук, а также с умением вести беседу. Эта идея цивилизованности освящается в этот период тем, что приобщение к знанию рассматривается не как приобретение чего-то нового, а как воспоминание, как поход аргонавтов за золотым руном абсолютно-го знания, которым обладали первые люди на заре человеческой истории. Считалось, что это абсолютное знание позволит воссоздать на земле золотой век мира и процветания. Чтобы подвинуть своих современников к изучению наук и искусств, гуманисты делали упор на риторике – искусстве убеждения.

Также надо иметь в виду, что представители гуманистической элиты в это время боролись за место под солнцем, пытаясь потеснить с одной стороны военную аристократию – «дворянство шпаги», а с другой стороны – теологов, которые доминировали в университетах, а также в государственном управлении. Гуманисты использовали понятие цивилизованности в своих интересах и, в частности, характеризовали представителей схоластики как «варваров», препятствующих прогрессу гуманистической культуры [3, с. 476]. Они активно формировали идеальный образ человека цивилизованного, в первую очередь цивилизованного монарха.

Это можно пояснить на одном ярком примере. Начиная с античности, государи часто аллегорически изображались в образе Геркулеса. Обычно это был Геркулес Ливийский – могучий герой, отличающийся необыкновенной силой и храбростью. В эпоху же Ренессанса этот образ древнего героя начинает двоиться, и наряду с Геркулесом Ливийским появляется Геркулес Галльский. Образ его восходит к произведению «Геракл» греческого софиста Лукиана (около 120–180 гг.), который описал изображение героя, которое он видел в Галлии. На нем Геракл был представлен лысым стариком с морщинистой кожей, одетым в львиную шкуру, держащим в правой руке палицу, а в левой лук. Этот престарелый Геракл с легкостью влек за собой радующихся людей посредством тонких цепочек, сделанных из золота и янтаря. Цепочки были прикреплены к ушам идущих следом за Гераклом людей и к языку самого героя. Лукиану местный житель пояснил содержание изображения следующим образом: «Я разрешу тебе загадку этого изображения, чужестранец. Я вижу по тебе, что ты совершенно сбит с толку. Мы, кельты, в отличие от вас, эллинов, не думаем, что Слово — это Гермес, но Гераклу его уподобляем, так как последний гораздо сильнее Гермеса. Не дивись и тому, что бог изображен стариком: ведь одно только Слово имеет склонность в старости как раз являть совершенный расцвет...» [4, с. 25].

Особенно часто в виде Галльского Геркулеса изображался король Франциск I, которого во Франции называли «отцом искусств и наук». Например, в 1532 году король был аллегорически представлен таким образом при украшении триумфального входа, подготовленного для въезда королевы Элеоноры в Руан. Некоторые даже полагали, что мода, введенная при дворе Франциска носить золотую цепочку или кольцо в ухе, была продиктована мифом о Галльском Геркулесе [5, с. 253]. Образ Франциска как идеального государя использовался гуманистической элитой и после смерти монарха. Так, по случаю въезда Генриха II в Париж 16 июня 1549, у ворот Сен-Дени большая статуя Галльского Геркулеса украшала триумфальную арку. Четыре цепи исходили из уст Геркулеса, прикрепляясь к ушам четырех аллегорических фигур, изображавших разные группы населения: духовенство, аристократию, парламент и простой народ. Характерные черты статуи и надписи указывали, что это был Франциск I в виде Геркулеса, обращавшийся к своему сыну и последователю, королю Генриху II [5, с. 251]. В одной из приветственных речей Генрих характеризовался как новый Геркулес, превзошедший Геркулеса Ливийского, воителя, а также и Геркулеса Галльского, великого оратора и образцового принца.

В отношениях между народами это сопоставление цивилизованности и варварства ярко проявилось во время итальянских войн [6, с. 73]. Когда французы вторглись на территорию итальянских городов-государств, то итальянцы не могли противостоять военной силе захватчиков, но постарались уколоть их

хотя бы тем, что представили французов варварами, не заслуживающими звания цивилизованной нации. Бальдассаре Кастильоне, например, писал, что французы признают только доблесть оружия и не уважают людей образованных [3, с. 473]. Гуманист Клод де Сейсель отмечал в 1509, что «французы считались варварами как в отношении своей морали, так и в отношении языка» [3, с. 473]. «Варварским» называл французский язык и Эразм Роттердамский, замечавший, что во французском языке орфография не согласуется с произношением, а при произнесении речи издаются настолько неприятные звуки и с таким акцентом, что этот язык «с трудом можно назвать человеческой речью» [3, с. 473]. Знаменательно, что в середине столетия поэт Иоахим дю Беллэ (1522-1560), член объединения «Плеяда» и друг Ронсара, одну из глав своего произведения «Защита и прославление французского языка» назвал «Французский язык не должен называться варварским».

Обвинения в культурном варварстве привели к подъему национальной гордости у французов, что в свою очередь направило их усилия на реформирование своего языка и создание институтов по его изучению, а также способствовало повышенному интересу к идеям итальянского Возрождения. При Франциске I это гуманистическое движение охватило высшие слои общества. Король учредил Академию классических языков, позже известную как Коллеж де Франс. В Академии, которая стала идейным противником системы преподавания в Парижском университете, велись занятия по древнегреческому языку и древнееврейскому, а позднее также по латыни, арабскому и математике. Возглавил академию известный гуманист Гийом Бюде (1467-1540). Франциск, поддерживая «королевских преподавателей», учредил стипендии для ученых в размере 30 тысяч ливров в год [3, с. 474].

Особое значение противопоставление цивилизованности и варварства получило в период колонизации. Николас Кэнни, анализируя формирование идеологии английской колониальной политики в начале Нового времени, обращается к различению цивилизованности и варварства, сыгравшему существенную роль в оправдании этой политики, началом которой было положено с колонизацией Ирландии в правление Тюдоров [7, с. 576]. Существенную роль в идеологическом обосновании периода колонизации 1565-1576 годов в эпоху Елизаветы I играли такие деятели как предводитель королевы в Ирландии сэр Генри Сидней, писатель и дипломат сэр Томас Смит, а также писатель Томас Черчард.

Англичане в это время различали христианство и цивилизованность. Они полагали, что люди могли стать цивилизованными и не быть при этом христианами, но не могли стать христианами без того, чтобы вначале не приобщиться к цивилизованной жизни. Считалось, например, что римляне были цивилизованными, несмотря на то, что они были язычниками. Цивилизованными считались также некоторые современные народы – китайцы и турки. Знамя первенства в «цивизованности», однако, принадлежало тем, кто соединил цивилизованный образ жизни с христианством. Поэтому идеологи колонизации Ирландии, бывшие ревностными протестантами, в первую очередь постарались доказать, что ирландцы не являются христианами. Наблюдая те католические религиозные нормы и обычаи, которые они встретили в Ирландии, англичане пришли к заключению, что имеют дело не с христианами, а с язычниками, поскольку ирландцы «не любят и не почитают Бога», «не ненавидят дьявола», а также они «суеверны» и открыто поклоняются идолам [7, с. 584]. Сидней писал в 1567 в докладе о положении дел в Манстере, что нравственность его обитателей была на крайне низком уровне. Воровство и убийство были обычным делом, брак ни во что не считался, не было понятия о грехе и покаянии. Из этого он выводил, что хотя ирландцы считают себя католиками, но на самом деле они, скорее, язычники или атеисты [7, с. 585].

Поскольку было признано, что ирландцы не являются настоящими христианами, то следующий шаг был сделан в сторону того, чтобы признать их варварами. Сопоставляя обычаи жизни ирландцев с описанием жизни других народов в исторических источниках и заметках путешественников, англичане пришли к выводу, что без сомнения имеют дело с варварами. Впервые, ирландцы перегоняли скот с зимних пастбищ на летние пастбища и, следовательно, не были вполне оседлым народом. Далее, внешний вид ирландцев также наводил колонизаторов на мысли о варварстве. Сидней, например, проводил параллели между ирландцами, гуннами и вандалами. Томас Смит был

убежден, что ирландцы происходят от скифов, поскольку и те, и другие «лениво следуют за своими стадами» [7, с. 586]. Одежда, прически и оружие ирландцев также убеждали Смита, что существует явное сходство между варварами-скифами и ирландцами. Любопытно, что сам Смит в Ирландии не был и пришел к выводу о варварстве ирландцев лишь на основании чтения книг и рассказов тех, кто приезжал из Ирландии. Ирландцев в их «варварстве» сравнивали также с жителями Нового Света. Например, Сидней называл кланового вождя Шана О'Нейла «этот каннибал». Он также утверждал, что те, кто живет в соответствии с газельскими законами «лишь чуть лучше каннибалов, охотящихся друг за другом» [7, с. 590]

Таким образом, по мнению идеологов колонизации, ирландцы были истинными варварами, живущими «как звери без законов и хорошего порядка». Они были «более нецивилизованные, более нечестные, более варварские и более грубые в своих привычках и манерах, чем люди в любой другой части света» [7, с. 588]. Поэтому колонизаторы посчитали своей обязанностью «подавлять и реформировать буйную, варварскую и нечестивую жизнь этой дикой нации» [7, с. 582]. Смит писал, что задача англичан – цивилизовать «этих варваров», наставляя их в «добродетельном труде и справедливости, обучая их английским законам и социальному поведению» [7, с. 584]. По его мнению, англичане были новыми римлянами, пришедшими, чтобы привить начала правильного общежития ирландцам подобно тому, как древние римляне когда-то пришли цивилизовать древних бритов. Для лучшего выполнения этой культурной миссии нужно, по мнению Смита, чтобы ирландцы не имели возможности покупать землю, участвовать в управлении и быть свидетелями в суде. Также они не должны иметь оружия и обучаться наукам и искусствам, чтобы в дальнейшем «не представлять соперничества для подданных ее величества» [7, с. 590]. Удел ирландцев – это тяжелый физический труд.

Монаршая власть поддерживала жесткие меры колонизаторов. Елизавета I, хотя и заявляла, что предпочтительнее использовать мудрость и тактическое обращение для того, чтобы привести «этот грубый и варварский народ к цивилизованности» и признанию его обязанности по отношению к ней как к своей королеве и к Богу, но добавляла при этом, что если ирландцы не подчиняются доводам разума и долга, то нужно заставить их силой. О том, с какой жесткостью проводилась колонизация, свидетельствует, в частности, подавление восстания в южной Ирландии сэром Хемфри Гилбертом (1539—1583), назначенным в 1569 военным правителем Манстера. Гилберт не щадил ни женщин, ни детей. Согласно Томасу Черчарду, Гилберт после того, как потопил восстание в крови, приказал, чтобы головы всех убитых были принесены к его палатке и положены так, чтобы всякий, подходящий к палатке (или в случае побежденных ирландцев подползавший на коленях), должен был пройти всю линию этих отрубленных голов. Это навлекло ужас на людей, видящих головы своих убитых отцов, братьев, детей, лежащих перед ними на земле. Тем не менее, Черчард оправдывал действия Гилберта на основании их «целесообразности», утверждая, что благодаря страху, который испытывают люди в таких обстоятельствах, «войны становятся короче» [7, с. 583].

Хотя англичанами объявлялось, что конечной целью колонизации является наставление ирландцев в цивилизованном образе жизни, а затем их обращение в истинную веру, колонизаторы, по сути, не сделали ничего для того, чтобы добиться этой цели. В результате возобладало мнение, что ирландцы еще недостаточно развиты для того, чтобы жить самостоятельно, без присмотра за ними более цивилизованной нации. Поэтому они должны сначала послужить англичанам как просвещенным правителям с тем, чтобы получить представление о должном образе жизни.

События 1565-1576 годов по колонизации Ирландии стали пробой пера для англичан перед колонизацией ими Северной Америки. В частности, колонизаторы поняли важность использования пропаганды для подготовки общественного мнения с тем, чтобы оправдать свою жестокую политику. Английские колонисты в Северной Америке использовали ту же риторику, что и в Ирландии, где они провозглашали своей главной задачей привести страну «к цивилизованности и манерам Англии» [7, с. 595]. Однако на деле они быстро от этой задачи отказывались как от невыполнимой в силу якобы слишком большой культурной разницы между собой и индейцами. Объявлялось, что индейцы были неоседлыми людьми и поэтому не могли правиль-

но смотреть за своей землей. Поэтому англичане должны были принять на себя обязанность культивации этой земли. Индейцы, а потом и негритянское население, были подобно ирландцам представлены как ленивые, грязные и распутные, понимающие только язык силы.

И все же, если мы обращаемся к мыслителям Возрождения, то в XVI – начале XVII века была альтернатива идеологии колониализма, которая акцентировала не культурные различия между людьми, а их общность, основанную на том, что в каждом человеке есть «искра Божия». Представители этого альтернативного вектора будущего развития взаимоотношений между народами не составляли единого направления. Во-первых, это были те, кто ставил во главу угла мирное приобщение народов к христианскому братству. Надо отметить, что, несмотря на жестокое завоевание испанцами и португальцами территорий Нового Света, тем не менее, католические власти заняли позицию по отношению к колонизируемому населению гораздо более умеренную, чем протестанты. Так, император Священной Римской империи Карл V издал указ в 1530 году, запрещающий обращать индейцев в рабство. Папа Павел III 29 мая 1537 подписал буллу *Sublimus Dei*, которая также не только запрещала порабощать индейцев, но и всех других людей, а также лишала этих людей их имущества независимо от того, являются ли они христианами или нет. Папа указал, что Иисус Христос послал апостолов учить все народы; и все люди имеют надлежащую «природу и способности» воспринимать веру. Люди не могут быть сведены на уровень «животных, созданных для нашего служения». Папа указал также, что приобщение к вере должно быть на добровольной основе в результате «проповеди слова Божия и примера хорошей и святой жизни» [8].

По контрасту с английской колониальной политикой, имеющей ярко выраженный национальный облик, иберийская, отражающая средиземноморскую культуру с ее акцентом на античность, имела более универсальный характер в своем стремлении к выполнению цивилизующей миссии [9, с. 1120]. Громадная империя, которой владел испанский король Филипп II после объединения Испании с Португалией, включала в себя на равных основаниях испанцев, португальцев и католическое население колоний. Такой испанский автор как миссионер, географ и историк Хосе де Акоста, не опровергая авторитета Аристотеля в отношении понятий цивилизованности и варварства, тем не менее, сглаживал разницу между ними применительно к аборигенам Нового Света. Так, в своем произведении *De procuranda Indorum salute* Акоста пишет о письменности и оседлости как двух параметрах в оценке степеней цивилизованности варварских народов. Китайцы на его шкале занимают высшую ступень цивилизованности в силу своих высокоразвитых городов и письменности. Наследники империй инков и ацтеков – вторую ступень, поскольку эти народы являются оседлыми, но неразвитыми в отношении литературы. Кочевые же народы, такие как бразильцы, являются полностью варварскими. Определив степень цивилизованности вне отношения ее к религии, Акоста способствовал тому, что некоторые особенности общежития аборигенов Нового Света, в частности, стройность архитектурных сооружений, а также красота и богатство местных языков, стали восприниматься как культурное достижение, свидетельствующее о разумности и развитости жителей.

В 1550-1551 годах в Испании по указанию императора Карла V были проведены дебаты – «Вальядолидская хунта», посвященные принципам испанской колониальной политики по отношению к индейцам. Противоположные точки зрения представили известный гуманист и знаток древнегреческого языка Хуан Гинес де Сепульведа и епископ Чиапаса Бартоломе де лас Касас. Сепульведа был воспитателем наследника престола – будущего короля Филиппа II и сторонником обращения индейцев в христианство военными методами. Лас Касас придерживался политики мирного наставления аборигенов в веру. На время проведения дискуссии император прекратил все завоевания в Новом Свете до решения хунты [10, с. 95].

Сепульведа представил четыре аргумента за ведение войны против аборигенов с целью их быстрой христианизации, на которые Лас Касас дал развернутый ответ. Во-первых, утверждал Сепульведа, индейцы являются варварами. Он обратился к авторитету Аристотеля, который варварство связывал с доминированием у человека страстей над разумом, и утверждал, что «будучи по природе рабами, [индейцы], нецивилизованные, варварские и нечеловеческие, отказываются признать власть цивили-

лизованных [испанцев], имеющих гораздо больше власти, чем они» [10, с. 100]. Поэтому испанцы, которые по природе лучше индейцев, должны объявить им войну. Лас Касас, не опровергая Аристотеля, выступил против употребления слова варвар в таком общем смысле в отношении к индейцам. Он выделил четыре типа варваров: это те люди, которые отличаются жестоким и диким поведением; те, у которых нет письменности; те, кто не имеет представления о законах и правильном общежитии; и те, кто не является христианином. Возражая Сепульведе, Лас Касас утверждал, что индейцы живут в соответствии с цивилизованным общежитием и подчиняются не менее строгим законам, чем люди в античных полисах Греции и Рима. Они говорят на красивых и богатых словами языках. Хотя у индейцев есть человеческие жертвоприношения, эти варварские обычаи встречаются у них нечасто, и подобная практика существовала в истории у многих других народов. Что касается того, что они не христиане, то это задача испанцев обратить их в истинную веру мирным путем.

На аргумент Сепульведы, что идолопоклонство, содомия и каннибализм индейцев являются преступлениями против природы, Лас Касас отвечал, что наказание за это возможно только в том случае, если индейцы подсудны европейским властям. Однако, ни император, ни папа не имеют юрисдикции над индейцами [10, с. 101]. Возражая на третий аргумент Сепульведы, гласивший, что индейцы мучают и убивают невинных людей, Лас Касас обратился к авторитету святых Августина и Иоанна Златоуста, которые выступили против использования силы для того, чтобы наказывать преступления против природы. Человеческие жертвоприношения и каннибализм были злом, но война — еще большее зло. Поэтому индейцы должны быть обращены в христианство, а не убиты во время военных действий. Наконец, Сепульведа утверждал, что война подготовит условия для работы миссионеров. Он приводил в пример императора Константина Великого, использовавшего силу в распространении веры. Сепульведа также использовал притчу о свадебном пире, на который Христос велел звать путников и наказывать тех, кто ослушается (Мф. 22). Лас Касас отвечал на это, что Библию можно трактовать по-разному, и как можно исказить самый смысл евангелия, утверждая, что Бог велит убивать язычников, а не увещевать и наставлять их. Несмотря на то, что дебаты не привели к однозначному результату, они имели значение для последующей колониальной политики Испании в Новом Свете. В частности, они способствовали более тщательному изучению культуры индейцев. Все больше миссионеров учили местные языки аборигенов и особенности их жизненного уклада, оставляя при этом свидетельства разумности и цивилизованности их общежития.

Также большую терпимость по отношению к другим народам проявляли те, кто разделял взгляды мистических и оккультных учений, а также неостоицизма, который становится популярным с конца XV века. Это учение восходило к античному, преимущественно римскому, стоицизму. Согласно стоикам, целью человеческой жизни было совершенствование разума и добродетели, а также жизнь в согласии с космосом, в основании которого лежит разум — Логос. В отличие от Аристотеля, разделяющего людей по природе на свободных и рабов, римские стоики писали о равенстве всех людей, основанном на их общей разумной природе. Цицерон, например, подчеркивал, что всех людей объединяют такие качества как способность мыслить, способность к общению и религиозное чувство. Поэтому он приходил к выводу, что возможно путем убеждения, а не насилия, объединить людей в единую семью цивилизованных людей, которую он представлял себе как идеализированный образ Римской республики. Многие представители неостоицизма придерживались мнения, что стоицизм был чем-то вроде предшественника христианства и поэтому представлял некое основание, на котором можно было примирить враждующие ветви христианства, а затем объединить и людей всех религий идеей всеобщего спасения.

Авторы подчеркивают связь интеллектуальной элиты (преимущественно Северного Возрождения) с взглядами стоиков. В частности, среди приверженцев неостоицизма было много тех, кто имел отношение к картографии и навигации [11, с. 862]. Например, знаменитый нидерландский картограф Абрахам Ортелиус (1527 — 1598), составивший первый географический атлас, поместил изречения известных римских стоиков Цицерона и Сенеки на карте мира в своем атласе. Общий смысл этих из-

речений хорошо передает рассуждение Сенеки в предисловии к Книге I его «Естественнонаучных вопросов», где римский писатель рассуждает о разнице между двумя частями философии — той, «которая касается людей, и той, которая относится к богам» [12]. Говоря о жизни добродетельной, Сенека утверждает, что упражнение в добродетели — лишь подготовка к познанию высшего начала: «Ибо добродетель, к которой мы стремимся, — вещь, конечно, превосходная, но не потому, чтобы свобода от зла сама по себе составляла благо, а потому, что она освобождает душу, готовит ее к познанию небесных вещей и делает достойной того, чтобы приобщиться к богу». Душа поднимается ввысь и «проникает в сокровенную глубину природы». Она, опьяненная счастливым сознанием своего единства с космическими силами, взирает с высоты на землю и поражается малостью земных дел и забот. Оглядываясь сверху «тесный круг земель, и без того закрытый по большей части морем», она восклицает: «И это — та самая точка, которую столько племен делят между собой огнем и мечом?» «О как смешны все эти границы, устанавливаемые смертными!», говорит Сенека. Настоящее назначение человека — это стремление постичь истинную природу мира: «Пространство, где вы плаваете на кораблях, воюете, царствуете, — точка. То, что вы создадите, будь это даже империя от океана до океана, — малое малое. В вышине же — безмерные просторы, во владение которыми вступает душа, если она взяла от тела лишь самую малость, ... именно там душа получает, наконец, ответ на то, о чем долго спрашивала ... Что такое бог? — Ум вселенной. Что такое бог? — Все, что видишь, и все, чего не видишь. Он один есть все; он один держит все созданное им и внутри и снаружи — только так можно воздать должное его величию, более которого нельзя ничего возмыслить».

На титульном листе атласа мира Ортелиуса изображены известные тогда континенты в виде женщин с характерными атрибутами. Наверху дорического портика в арке, увитая виноградом, восседает на троне увенчанная короной и одетая в одежду «имперского» цвета Европа со скипетром в одной руке и крестом державы в другой. По сторонам от нее два глобуса — небесный и земной. Фигуры Азии и Африки стоят по обеим сторонам от портика. Их атрибуты — это шелковое платье и курящиеся благовония у Азии и яркое солнце и ветка растения у Африки. Обнаженная Америка с луком и стрелами, а также с отрезанной головой европейца возлежит внизу. Неоткрытый еще южный континент обозначен незаконченной скульптурой — женским бюстом. Несмотря на то, что изображение на титульном листе свидетельствует о главенствующем положении в мире Европы с ее имперской и христианской символикой, изречения стоиков на следующем листе атласа — карте мира — вносят существенные корреляции в этот доминирующий образ. Эти изречения призывают к самопознанию и познанию мира в целом. Это несколько отстраненный взгляд как бы сверху, из космоса, взгляд человека, который достиг внутреннего равновесия и направил силы своей души к познанию высших ценностей. Карты атласа, таким образом, можно было рассматривать как образы, способствующие медитации в духе неостоицизма, проникнутого идеями христианского космополитизма и религиозной терпимости.

Таким образом, противопоставление цивилизованности и варварства в эпоху Возрождения способствовало развитию образования, расцвету наук и искусств, реформированию национальных языков и укреплению позиций интеллектуальной элиты — «дворянства мантии». Понятие цивилизованности также соотносилось с идеалом человека и идеальным образом правления. С другой стороны противопоставление цивилизованности и варварства было взято на вооружение европейскими идеологами колонизации. Оно способствовало формированию общественного мнения, оправдывающего покорение и эксплуатацию других народов. После Тридцатилетней войны западноевропейское общество становится все более секуляризованным. Идея единства человечества и солидарности между людьми, освещенная религиозным чувством, отступает перед принципами разума и пользы. Формирование представления об эволюционном культурном развитии, которое просматривается уже во взглядах Хосе де Акосты и Бартоломе де лас Касаса, получает свое завершение в век Просвещения в идее прогрессивного развития человечества, ведомого к светлому будущему народами Западной Европы. Имперализм конца XIX — начала XX века, присвоив к этому идейному багажу идеи социал-дарвинизма, полностью отбросил все сомнения по поводу того, друг человек человеку или враг.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М., 1983. – Т. 4.
2. Лукреций. Из поэмы «О природе вещей» // Хрестоматия по античной литературе: в 2 т. – М., 1965. – Т. 2.
3. Wintroub, M. *Civilizing the Savage and Making a King: The Royal Entry Festival of Henri II. (Rouen, 1550)* // *Sixteenth Century Journal*. – 1998. – 29.
4. Лукиан Самосатский. Сочинения: в 2 т. – СПб., 2001. – Т. 1.
5. Hallowell, R.E. Ronsard and the Gallic Hercules Myth // *Studies in the Renaissance*. – 1962. – Vol. 9.
6. Донских, О.А. Где изысканность русской медлительной речи? // *Высшее образование в России*. – 2013. – № 10.
7. Canny, N.P. The Ideology of English Colonization: From Ireland to America // *The William and Mary Quarterly*. – 1973. – October 30 (4).
8. [Э/р] – P/p: <http://www.papalencyclicals.net/Paul03/p3sublii.htm>
9. Headley, J.M. Geography and Empire in the Late Renaissance. Botero's Assignment, Western Universalism, and the Civilizing Process // *Renaissance Quarterly*. – 2000. – 53 (4).
10. Hernandez, B.L. The Las Casas – Sepulveda Controversy: 1550-1551 // *Ex Post Facto (San Francisco State University)*. – 2001. – X.
11. Cosgrove, D. Globalism and Tolerance in Early Modern Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2003. – 93(4).
12. [Э/р] – P/p: http://centant.spbu.ru/sno/projects/seneca/naturales_quaest1.htm

Bibliography

1. Aristotelj. Sochineniya: v 4 t. – M., 1983. – T. 4.
2. Lukrecij. Iz poehmih «O prirode vetheyj» // *Khrestomatiya po antichnoy literature: v 2 t. – M., 1965. – T. 2.*
3. Wintroub, M. *Civilizing the Savage and Making a King: The Royal Entry Festival of Henri II. (Rouen, 1550)* // *Sixteenth Century Journal*. – 1998. – 29.
4. Lukian Samosatskiy. Sochineniya: v 2 t. – SPb., 2001. – T. 1.
5. Hallowell, R.E. Ronsard and the Gallic Hercules Myth // *Studies in the Renaissance*. – 1962. – Vol. 9.
6. Donskikh, O.A. Gde izihskannostj russkoj medlitel'noy rechi? // *Vihsshee obrazovanie v Rossii*. – 2013. – № 10.
7. Canny, N.P. The Ideology of English Colonization: From Ireland to America // *The William and Mary Quarterly*. – 1973. – October 30 (4).
8. [Eh/r] – R/r: <http://www.papalencyclicals.net/Paul03/p3sublii.htm>
9. Headley, J.M. Geography and Empire in the Late Renaissance. Botero's Assignment, Western Universalism, and the Civilizing Process // *Renaissance Quarterly*. – 2000. – 53 (4).
10. Hernandez, B.L. The Las Casas – Sepulveda Controversy: 1550-1551 // *Ex Post Facto (San Francisco State University)*. – 2001. – X.
11. Cosgrove, D. Globalism and Tolerance in Early Modern Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2003. – 93(4).
12. [Eh/r] – R/r: http://centant.spbu.ru/sno/projects/seneca/naturales_quaest1.htm

Статья поступила в редакцию 16.11.13

УДК 008

Ryabtseva V.A. THE ORTHODOX CHURCH TRADITIONS OF THE OLD BELIEVERS ASSOCIATIONS OF KEMEROVO REGION (ON THE FIELDS RESEARCHES MATERIALS). In the article there are stated the results of the author's fields researches in Novokuznetsk as the Belokrinitskaya hierarchy center of old believers (popovets) and Tashtagol as the territory of the chasovenny association old believers dominance (bespopovets). The author considers the inner space of the temple and the meeting-house of those communities, the features of the course and the church service and tries also to detect the features of divine service singing.

Key words: Belokrinitsky hierarchy of Novokuznetsk, chasovenny association of Tashtagol, liturgical practice, singing culture, hook literacy, church service, meeting-house, temple, Kemerovo region, Siberia.

В.А. Рябцева, аспирантка, преп. каф. культурологии Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: vasilina21@mail.ru

ПРАВОСЛАВНО-ЦЕРКОВНЫЕ ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СОГЛАСИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В статье изложены результаты полевых исследований автора в г. Новокузнецк, центр Белокрыницкой иерархии старообрядцев (поповцы) и г. Таштагол, на территории которого преобладают старообрядцы часовенного согласия (беспоповцы). В работе рассматривается внутренне пространство храма и молебного дома указанных общин, особенности хода и порядок богослужения, а также предпринята попытка выявления особенностей богослужебного пения.

Ключевые слова: Белокрыницкая иерархия г. Новокузнецка, часовенное согласие г. Таштагола, литургическая практика, певческая культура, крюковая грамотность, богослужение, молебный дом, храм, Кемеровская область, Сибирь.

Церковный раскол XVII века был переломным моментом для российского православия. Это особое, ни с чем несравнимое явление в нашей культуре сохраняет долгую научную актуальность. Возможно, это связано с тем, что русское старообрядчество незримо воздействовало на культуру и идеологию, хотя использовало архаичные формы и находилось в обрядово-ритуальной самоизоляции. Нравственный опыт, заложенный в основу традиционных богослужебных форм, накапливался и сохранялся многими поколениями старообрядцев, и как следствие этот опыт стал составной частью культуры обновившегося русского православия, но самобытные черты и элементы остались жить только в среде старообрядцев.

Изучение этого сложного и многогранного явления началось с момента его возникновения и продолжается сегодня. Одним

из первых ученых занимавшихся историографией старообрядчества был А.А. Долотов, ему удалось выделить особое направление в изучении этого явления – историю староверов расселившихся на территории Сибири. В изучении истории церковного пения особое значение имеют труды М.В. Бражникова, прот. Д.В. Аллеманова, прот. И.И. Вознесенского, В.И. Мартынова, А.И. Гарднера, прот. В.М. Металлова, А.В. Преображенского, А.А. Никольского, Д.В. Разумовского, И.П. Сахарова и С.В. Смоленского. В 2000-е годы интерес к проблеме старообрядческого певческого искусства Сибири проявили Н.С. Мурашова, О.А. Светлова, Т.Г. Федоренко, Е.Л. Плавская, Л.Р. Фаттахова и др. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие большого числа публикаций, конкретных культурологических исследований, посвященных изучению духовно-певческой

культуры старообрядческих согласий юга Западной Сибири, явно недостаточно.

Профессиональное певческое искусство Древней Руси, которое возникло в средние века, до сих пор функционирует в обществе и представляет важную часть его культуры. Сейчас это искусство сосредоточено, в основном, в среде старообрядцев, где и по сей день можно услышать его вживую. Певческая культура старообрядцев – это традиционная культура, которая ориентирована на сохранность певческого канона. Этим можно объяснить глубокую связь старообрядческого и древнерусского образа церковного пения, проследив прямую зависимость всех периодов существования певческого искусства Древней Руси.

Учитывая обособленную от общества жизнь старообрядцев, создать объективную картину их современного существования чрезвычайно сложно. Однако исследователям, изучающим локальные особенности формирования старообрядчества в разных регионах России, удалось выделить два основных течения: поповцев и беспоповцев, которые в свою очередь подразделяются еще на целый ряд согласий и толков, абсолютно самостоятельных и зачастую очень отличающихся друг от друга.

На территории современной Кемеровской области исследователям удалось выявить белокрыницкое, поморское, новозыбковское, согласия старообрядцев. Помимо указанных согласий на данной территории были более мелкие ответвления беспоповщины: рябиновцы, филипповцы, странники, токаревцы, нетовцы (спасово согласие), оховцы (немоляки), стариковцы, часовенные, окопноклонники (дырники), белоногие и др. Основные, из которых формировались на этой территории в течение второй половины XIX в. начале XX в. в основном они имели аналоги и в других регионах. Подвижность старообрядчества выражалась в переходах как из одного согласия или толка в другое, так и из старообрядчества в официальное православие. Многие приверженцы до раскольных традиций соотносили себя не с конкретным согласием (толком), а со старообрядчеством в целом, необходимо отметить, что эта тенденция сохраняется и сегодня. По анализу численного распределения кузбасских старообрядцев К.Ю. Иванов, указывает, что в конце XIX в. наиболее распространенными в данном регионе были часовенные (беспоповцы), а к началу 1910-х гг. возрастает доля старообрядцев, приемлющих священство Белокрыницкой иерархии (поповцы) [1].

Экспедиционные исследования, проведенные на территории Кемеровской области показывают, что в начале XXI века сохраняется принадлежность той или иной общины к одному из двух старообрядческих толков: беспоповскому или поповскому. Старообрядцы продолжают соблюдать религиозные и бытовые традиции, но во взаимодействии с другими народами и под влиянием природно-климатических, политических и экономических факторов у них формируются свои особенные локальные традиции, которые необходимо изучать, обращаясь непосредственно к той или территории.

Центром Белокрыницкой иерархии на данной территории является г. Новокузнецк. Он долгое время являлся отправной точкой освоения Сибири, в том числе и Алтая. Гонения на старообрядцев не обошли стороной сибирские земли, поэтому новокузнецкие старообрядцы, так же как и другие, были вынуждены долгое время скрывать свою веру, вплоть до 50-х годов XX века.

Изначально храм в этом районе действовал в деревне Жерново. В 30-е годы XX века местные староверы вместе с репрессированными из Подмоскovie наладили богослужение для юга Кузбасса в г. Новокузнецке. После Великой Отечественной Войны совместные моления старообрядцы проводили в частном доме, куда для совершения треб ездили священники из разных мест.

К 70-80-м годам XX века члены старообрядческой общины для нужд церкви приобрели отдельное помещение на ул. Солдатской. Активность общины была очень высокой, по воскресным и праздничным дням на моление собиралось множество людей. Прихожанами, в основном, были пожилые женщины, некоторые из них (А.Ф. Верещагина и Ф.П. Щеголева) знали крюковое пение и богослужебный устав. Члены общины совершали выездные праздничные богослужения в другие городах, где были постоянные священники: г. Новосибирск, Томск, Минусинск. В поисках пути развития и сохранения общины хранительницы старой веры постоянно обращались к митрополиту с просьбами отправить в г. Новокузнецк молодых грамотных христиан. Так как на протяжении долгого времени в Новокузнецк из Новосибирска приезжал и совершал требы о. Михаил Задворнов.

Прихожанам приходилось опираться на молитву в моленном доме, который не был приспособлен для общественных богослужений. Позже при содействии о. Геннадия и томского прихожанина А.С. Шарыпова общиной был приобретен дом для священника. Старообрядцы надеялись на то, что со временем у них появится свой батюшка и приход заживет полноценной духовной жизнью. В 1997 году старообрядческая община г. Новокузнецка провела официальную регистрацию, это был весьма сложный период, но именно в это время возникла очень важная для общественной жизни старообрядцев Новокузнецка инициатива – начало чтений «Русь неведомая». Инициатором их проведения стал Б. Л. Кокорин в 1998 году. До 2001 года было проведено десять чтений, куда приглашались не только старообрядцы, но ученые-историки, культурологи, представители других конфессий. Опыт этих чтений важен тем, что они являлись не маловажным фактором выработки опыта диалога, как между старообрядцами разных согласий, так и между представителями ученого сообщества. Сейчас эти чтения называются Авакумовскими и проходят в г. Томске ежегодно.

Новый виток в жизни общины старообрядцев наступил в 2005 году, с этого времени в Новокузнецке начал свое пастырское служение о. Игорь Мыльников, приехавший из Бийска. С появлением постоянного священника жизнь в приходе вышла на новый уровень: в полную силу заработала детская воскресная школа, количество прихожан увеличилось. Однако со временем более остро стал вопрос о возведении нового храма. О. Игорь выбрал новое место и 11 сентября 2007 года митрополит Московский и всея Руси Корнилий освятил место закладки храма. Авторами проекта выступили Л. Поповский и М. Поповский, которые учли старообрядческие каноны и построили храм в стиле древнего зодчества: весь храм, а так же купола и кресты сделаны из дерева, с Урала привезены шесть колоколов. По словам о. Игоря храм символизирует собой корабль, стоящий на камне, что говорит о незыблемости и нерушимости веры, а ландшафт, окружающий церковь напоминает морские волны. Так же рядом с храмом запланировано строительство хозяйственного блока, где молодежи будут преподаваться традиционные древнерусские ремесла. Внутренне убранство храма очень скромно и сдержанно, но одновременно уютно. Основное место в храме отведено иконе Богородицы «Всем скорбящим радость», в честь которой и было дано название храму, освященному 7 октября 2012 года преосвященным епископом Новосибирским и всея Сибири Силуаном [2].

Благодаря трепетному отношению к церковному пению о. Игоря, в приходе сохраняются старообрядческие церковно-певческие традиции. Сам священник – музыкально образованный человек, владеющий крюковой нотацией. Службы и литургии непосредственно поются по знаменам из старинных и вновь переизданных старообрядческих книг. Прихожане, в отличие от о. Игоря, крюковой музыкальной грамотой в основном не владеют, поэтому поют «по напевке», на память. Одной из важнейших целей о. Игоря считает обучение крюковой музыкальной грамоте прихожан, и в особенности молодежи. Для этого из г. Новосибирска регулярно приглашается руководитель хора певчих старообрядческих приходов Сибири – А.Н. Емельянов, клирошанин, имеющий профессиональное дирижерское образование, а с 1993 года занимающийся изучением старообрядческого пения и богослужебного устава. С 2004 года он возглавляет клиросный хор Новосибирского кафедрального храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Таким образом, можно сказать, что новокузнецкая старообрядческая община пребывает в состоянии развития. Она открыта для новых прихожан, староверы охотно идут на контакт с мирянами. Хор певчих приходов Сибири, в котором участвует о. Игорь Мыльников, путешествует с концертами по России и Европе, на базе общины выпускается печатная продукция. Все это способствует тому, что община продолжает накапливать религиозный потенциал и сохранять традиции древнего знаменного пения.

Несмотря на достаточную степень изученности культуры старообрядцев, некоторые локальные ее проявления находятся на начальной стадии исследования. Одним из малоизученных феноменов является часовенное согласие беспоповского толка, расположенное на территории Таштагольского района Кемеровской области. В ходе исследования данного района нам удалось получить интересующую нас информацию в общине г. Таштагол. На сегодняшний день недостаточно информации об

их бытовом укладе, социальном положении, этнографии, богослужбном пении. Такое состояние можно объяснить тем, что часовенное согласие чрезвычайно герметично и психологически замкнуто. Это связано с религиозным страхом перед контактами с «миром Антихриста», вызванным у часовенных жестокими репрессиями XX века.

На этой территории данное согласие сформировалось в период, когда часовенные отделились от беглопоповского толка в 1840 году и бежали на Урал и в Сибирь, ища защиты у промышленников Демидовых. История часовенного согласия напрямую связана с постоянной миграцией его представителей в восточные области страны. Благодаря этому часовенных можно встретить практически на всей территории Сибири, где они организовывали свои поселения, например, район Горной Шории в Кузбассе, Горный Алтай, Томская область, Республика Тыва и Красноярский край. Характерной чертой согласия является то, что по сей день, у них нет единого духовного центра. Часовенные представлены сетью изолированных друг от друга общин, которые зачастую отличаются в понимании религиозной догматики и поведенческих норм.

Важную роль в религиозной жизни часовенные отводят богослужению, которое проводится в специальных культовых зданиях без алтарей – часовнях. Чаще всего часовня представляет собой отдельно стоящее сооружение, используемое только в литургических целях. В исследуемой нами Таштагольской общине часовни нет, однако ее функцию выполняет обычный жилой дом, называющийся моленной. Его помещение мало приближено к настоящей часовне и практически не приспособлено для проведения богослужений, ввиду ветхости и малой площади. Внутри помещения находится небольшой «иконостас», который расположен на одной из стен маленной и состоит из долов старых икон и крестов. Перед иконостасом расположен аналой, предназначенный для священных книг. Иконы, кресты и книги передаются в общину после смерти прихожан. Однако в общине также используются новописанные иконы и книги, которые часовенные заказывают из центральных регионов страны.

Вдоль стен моленного дома расположены скамьи для отдыха во время длительных служб. Молящиеся во время службы стоят неподвижно, скрестив на груди руки. Сидеть разрешается только во время отдыха от длительного стояния: на чтении псалмов, за исключением шестопсалмия и поучений. Однако, идеалом в среде часовенных считается неподвижное стояние на протяжении всей службы и, зачастую, даже пожилые люди, пришедшие отдохнуть по слабости, подвергаются порицанию. Кроме того, у каждого прихожанина в моленной есть постоянное место. Чтецы и певчие для удобства выхода к аналою и стоят впереди, произвольное хождение по моленной во время службы не приветствуется. Также в моленную нельзя заходить «чужим», им можно только по разрешению наставника стоять у входа. «Замирившиеся» могут находиться в моленной и исполнять исходные и приходные поклоны отдельно, им нельзя молиться вместе с другими на протяжении всей службы.

В богослужении главная роль отводится наставнику. По традиции у часовенных в наставники выбирают образованного и грамотного человека из общины. Наставник, как правило, читает особо значимые литургические тексты, уставщик подсказывает текст, очередность псалма, подготавливает и подносит необходимые книги. В богослужении всегда участвует разное количество человек: от трех до восьмидесяти. На великие праздники в службе принимают участие практически все часовенные старообрядцы г. Таштагола. Возрастная категория прихожан различна, в службах участвуют женщины, мужчины, а так же дети от двух лет и старше.

Основными ритуалами молящихся часовенных являются поклоны и крестные знамения, их ритуалу довольно сильно редуцирован. К самостоятельному обрядовому действию относятся приходные и исходные поклоны в пол. Приходный поклон осуществляется группами молящихся или индивидуально. Исходный выполняется всем собором, а завершается служба тремя совместными поклонами. Довольно значимым обрядом является каждение икон, которое выполняется крестообразно самодельной кацей. Таким способом производят каждение практически все староверы.

Для проведения богослужений прихожане надевают традиционный костюм. У женщин принято надевать рубаху с длинным рукавом, поверх которой одевается длинный сарафан и подпоясывается. Одним из главных элементов женского кос-

тюма является также головной убор – брачеванные женщины носят «шамшуру», чепец, закрывающий уложенные косы, поверх которого одевается платок. Мужской традиционный костюм состоит из брюк темного цвета и косоворотки с расшитым воротом, которая подпоясывается специальным поясом. Обязательным атрибутом для богослужения каждого молящегося является подручник и лестовка.

В богослужениях важную роль играют свечи, которые используются в больших количествах, это обусловлено тем, что службы проводятся при выключенном освещении. Молящиеся приходят в моленную со своей свечей, которую необходимо положить на аналой. Следует отметить, что старообрядцы не держат свечи в руках, а используют их только для того, чтобы освятить иконостас, закрепив свечу к подыконной планке вертикально. При необходимости свечи поднимают выше, чтобы огонь всегда был на одном уровне с лицами.

Важное значение в любом богослужении уделяется пению, таштагольские часовенные не являются исключением. Обучение знаменному пению происходит непосредственно на практике, поэтому на чтецов возлагают тексты соответствующие их уровню подготовки, а благословленные и грамотные читают Священное Писание, тексты которых являются особо важными. В моленной доме у таштагольских часовенных отсутствует клирос, поют всем собором, некоторые песнопения прихожане знают наизусть, поэтому певчие исполняют их стоя на свои местах. Но существуют также групповые песнопения, которые поются по крюкам и для этого певчие сходятся к «аналою», где на специальной подставке стоит певческая книга со свечей.

Литургическая культура часовенных находится на довольно высоком уровне, свидетельством этого является то, что при богослужении используются только те уставные формы воспроизведения, которые содержатся в богослужебных текстах. Каждая форма наполнена строго определенным репертуаром текстов. Например, ритмически и звуковысотно организованная речь состоит из текстов молитв, относящихся к приходно-исходному началу, кафизм и псалмов, тропарей, канонов. Такая речь распространена на множество произносимых традиционных молитв: «Царю Небесный», «Отче наш», «Исусова молитва» и др. в литургических текстах речевой тип интонирования является базисом разделов часов и полунощницы. Кроме того, он является главенствующим на павечернице. На полунощнице и павечернице исполняются «чтением» и ирмосы канонов. К более сложной форме литургического речитатива относится вокально-речевая составляющая, которая применяется при чтении текстов Священного писания. Это форма строго индивидуализирована, все типы текстов имеют определенную «погласицу», это связано с тем, что тексты из Священного писания доверяют читать только самым опытным и достойным чтецам. Еще одна составляющая речитатива – хоровая, которая представлена словом кратких молитв «Аллилуйя», «Господи помилуй», «Слава, и ныне». Эта же форма используется и в более продолжительных молитвословиях: об отпавших от веры, за здравие, об упокоении, в конце павечерницы и обедницы, прощение «Ослаби», «Остави», молитва «Ненавидящих и обидящих нас», в окончании полунощницы, заключение утрени – «Честнейшую Херувим», «Утверди, Боже, веру христианскую» и краткие возгласы, следующие за ними. Доминирующим жанром вокальной силлабики является стихира: стихиры Богородице Павла Амморейского, воскресные и святым на «Господивоззвах», стихиры Богородице и по алфавиту на стиховне в разделе вечерни, стихиры на хвалитех утрени. В исполнении этого жанра преобладает гласовое пение («на самогласен»). Наиболее сложные вокальные формы также представлены в достаточном объеме, например, мелизматика и невматика. Мелизматический стиль приходится на начало вечерни – первая Слава первой кафизмы, в запевах «Слава Тебе, Господи» на обеднице и утрени и песнопении «Иже крестом». Песнопения невматического стиля преимущественно встречаются в разделе вечерни: псалмы «Господи воззвах», на стиховне «Подаждь утешение», так же к нему относятся храмовая стихира «Отче Николае». Следует отметить, что первая стихира на стиховне исполняется «в рослев», что является отличительной чертой для беглопоповского старообрядчества. Похожее воспроизведение встречается у старообрядцев Бурятии и у выходцев с Ветки. Утрени и обедница тоже отнесены к невматической стилистике: стихира «Воскрес Исус от гроба», ирмосы канонов, антифоны степенные, осмогласное песнопение «Свят Господь», «Достойно есть» в конце обедницы.

Отметим, что в общине часовенных г. Таштагол прихожане практически не владеют крюковой грамотой. Положение может измениться в связи с тем, что с недавнего времени в городе живет староверка-часовенная, приехавшая с Урала. Она владеет крюковой грамотой, и время от времени проводит обучение местных прихожан.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что исполнительская манера часовенных старообрядцев г. Таштагола достаточно своеобразна, здесь не всегда присутствует должная согласованность между певчими, часто можно проследить элементы народной манеры пения и неточности в интонировании.

Таким образом, община часовенных г. Таштагола представляет собой довольно интересный объект для изучения. Проведенные полевые исследования дали почву для более глубокого анализа этого уникального явления. На наш взгляд, если община приложит усилия для решения вопроса о ликвидации недостаточной музыкальной грамотности, и уделит больше внимания обучению прихожан крюковой нотации, то певческая культура часовенных Таштагола будет успешно развиваться. Но если в общине сохранится сложившееся положение дел, то со временем, с утратой непосредственных носителей знаний в чтении и пении по крюкам, традиция знаменного пения будет становиться все более поверхностной. Для решения этого вопроса, по нашему мнению общине необходимо привлечь для преподава-

ния часовенных из других общин, где певческая культура пребывает на более высоком уровне, например, из Уральского региона. Необходимо также проводить обучение и спевки в свободное от служб время.

Таким образом, можно сделать вывод, что традиционная певческая культура старообрядцев на юге Западной Сибири находится в настоящее время в нестабильном состоянии. Если поповцы Новокузнецка приложили для сохранения своей общины все усилия – возвели церковь, привлекли меценатов – то беспоповцы Таштагола, выбрав политику закрытости, находятся в более сложном положении. Безусловно, на этот процесс повлияло то обстоятельство, что значительную часть Таштагольской общины составляют прихожане преклонного возраста, у которых еще жива память о гонениях, совершившихся советской властью на верующих. Это привело к тому, что даже сейчас, в условиях религиозной толерантности, часовенные слишком обособлены. Оказалось, что для сохранения традиций в пении и литургии не обязательно полностью закрываться от внешнего мира. Каждая из рассматриваемых общин, избрав свой, уникальный путь аккумулирования и сохранения традиций, все же смогла донести до наших дней исконные христианские ценности. Культурный пласт старообрядческих общин Кузбасса достаточно обширен, и вследствие этого мало изучен. Исследование этого феномена позволит составить более полную картину состояния религиозной составляющей в культуре современной России.

Библиографический список

1. Иванов, К.Ю. К вопросу о согласиях и толках старообрядцев на территории Кузбасса (вторая половина XIX- начало XX вв.) // Кузнецкая старина: историко-краеведческий сборник. – 2003. – Вып. 5.
2. Места староверские. Новокузнецк [Э/р]. Р/д: <http://rpsc.ru/history/mesta-staroverskie/2/novokuznetsk>

Bibliography

1. Ivanov, K.Yu. K voprosu o soglasiyakh i tolkakh staroobryadcev na territorii Kuzbassa (vtoraya polovina XIX- nachalo KhKh vv.) // Kuzneckaya starina: istoriko-kraevedcheskiy sbornik. – 2003. – Vihp. 5.
2. Mesta staroverskie. Novokuzneck [Eh/r]. R/d: <http://rpsc.ru/history/mesta-staroverskie/2/novokuznetsk>

Статья поступила в редакцию 31.10.13

УДК 792.03

Burachenko A. I. PERIODS OF EVOLUTION OF THEATRE CRITIC IN PROVINCE. There is an analysis of division into periods of soviet theatre and theatre critic in this article. The author suggests a variant of theatre critic evolution in province, where totality of organization, ideological and artistic factors is the criteria.

Key words: soviet theatre, theatre critic, critic in province, periods.

А.И. Бураченко, ст. преп. каф. теории и истории народной художественной культуры Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: aleksbur@mail.ru

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКИ В ПРОВИНЦИИ

В работе представлен анализ существующих периодизаций развития советского театра и театральной критики, предложен вариант эволюции института театральной критики в провинции, где критерием выступает совокупность организационных, идеологических и художественных факторов.

Ключевые слова: советский театр, театральная критика, критика в провинции, периодизация.

Изучение театральной критики провинции в советский период (об основных направлениях ее исследования см.: [1]) требует не только фиксации общих черт данного феномена, но и рассмотрение процесса ее становления как специфического института художественной культуры, то есть необходимо решить проблемы периодизации. При этом нужно иметь в виду одну особенность, подчеркнутую А. Чепуровым: «Художественная периодизация может не совпадать с этапами гражданской истории. Попытки синхронизировать смену театрально-художественных систем с социально-экономическими и социально-политическими переменами в советской истории, а тем более напрямую вывести первые из вторых приводили к грубой вульгаризации» [2, с. 137].

Необходимо отметить, что все современные периодизации отталкиваются от зафиксированного Г. Хайченко варианта [3, с. 2], который, в свою очередь, подытожил опыт периодизации, принятой в советском театроведении:

- I. 1917–1920 гг. (Рождение советского театра);
- II. 1921–1932 гг. (Поиски новых путей);
- III. 1932–1941 гг. (Пора творческой зрелости);
- IV. 1941–1945 гг. (В годы Великой Отечественной войны);
- V. 1945–1955 гг. (Первое послевоенное десятилетие);
- VI. 1956–1967 гг. (Обновление театра);
- VII. 1968–1980-е гг. (Современный этап).

В одной из последних работ по истории советского театра, выпущенной до 1990-х годов, в основном этапы определялись по десятилетиям [4; 5].

В исследованиях, появившихся после распада Советского государства, существуют различные версии периодизации. У А. Смелянского обозначено три периода послесталинского искусства, при этом развитие театра, тесно связанное с гражданской историей, соответствует периодам «правителей» Советского государства: «короткому периоду хрущевской «оттепели», испарившейся к августу 1968 года, когда советские танки вошли

в Прагу; почти двум десятилетиям брежневского «застоя» и, наконец, годам нашей свободы, которые пока еще не имеют общепринятого термина» [6, с. 7]. В подробной монографии К. Соколова развитие искусства также связывается с периодами правления партийных лидеров и проводимой ими культурной политикой (см.: [7]). В книге В. Жидкова (автор отталкивается от предложенной А. Ахизером концепции развития российской истории) в бытовании театра определено десять этапов, которые сменяли друг друга, являясь вариациями воплощения идеалов сорботности или авторитаризма [8, с. 21–22].

Новый учебник по истории русского драматического театра, написанный плеядой виднейших театроведов современности, в котором представлена попытка осмысления развития театра «от скоморохов до творчества современных режиссеров, пришедших в театр на рубеже 80–90-х годов прошлого века» [9, с. 5], содержит «размытую» периодизацию. По словам Б. Любимова, «самые трудные и уязвимые страницы данного исследования – это последние главы учебника, посвященные театральной жизни конца 50-х – начала 90-х годов XX века, ибо многие оценки, формулировки, утверждения еще спорны и будут пересмысляться на глазах нынешнего поколения» [9, с. 8].

В одной из последних работ Г. Дадамяна развитие советского искусства рассматривается как укрепление шести культурных парадигм и «промежуток»: 1. 1917–1919; 2. 1920–1925; «промежуток» 1926–1932; 3. 1933–1955; 4. 1955–1968; 5. 1968–1985; 6. 1985–н. в. [10].

Говоря о периодизации развития театральной критики советского периода, необходимо указать работу В. Дмитриевско-го, в которой рассматривались также и проблемы критики в рамках социального функционирования театра [11]. Периодизация развития критики в его работе была «завязана» на варианте, предложенном в упомянутой выше работе Г. Хайченко.

Стоит здесь упомянуть периодизацию развития критики, предложенную М. Мясниковой, в которой она отталкивается от соотношения «личного» и «общественного» в культурной ситуации, от влияния этого соотношения. *Начало 50-х годов* определяется как «синкретическое», когда «общественное в человеке и искусстве как бы подменяло собой личное. Последнее выривалось слабо. Человек нередко выглядел «винтиком» в колоссальном общественном механизме. <...> Слитность, спаянность, коллективизм – все то, что реально служило делу, оборачивалось «обезличкой», невниманием к отдельному человеку, навязыванием однотипных вкусов» [12, с. 8]. Отсюда в критике преобладали «крен в «лозунговую» публицистичность, отсутствие ярких индивидуальностей, умение связывать искусство с жизнью, зауженность эстетического анализа, неуважение к индивидуальным художественным поискам и спектру зрительских мнений» [12, с. 9]. *Середина 50-х и 60-е годы* предстают периодом «дифференциации», на этом этапе «все более резко вычленяется личное, индивидуальное» [12, с. 8], именно в этот период в критику «настойчиво призывался здоровый дискуссионный дух. Курс на современность стал главным лозунгом не только искусства, но и критики. Это было время общего и единодушного стремления к «благому разобщению» и дифференциации. Критика искала правды, многообразия, новизны, приветствовала живой, творческий поиск. В 60-е годы в критике, как и в театре, развернулись мощные процессы накопления вновь открывае-

мого, нового и извлекаемого из-под временных толщ старого эстетического опыта искусства» [12, с. 10]. В 70-е годы «в искусстве и в жизни начинается новый, продуктивный процесс нарастания общественного элемента в личном и слияния обеих сфер. Этот период можно условно обозначить как период «синтеза». Общественное в человеке выступает как личное. А личное все чаще воспринимается как общественная закономерность. Личное счастье отдельного человека осознается как проблема глубоко общественная. При этом оба начала тесно переплетены. Человек все чаще смотрит на себя уже не только изнутри, но и как бы со стороны, в широком контексте мира и века» [12, с. 8–9]. И, как следствие, критика 70-х годов «становилась все более размышляющей, теоретически оснащенной, профессиональной, внимательной к зрителю» [12, с. 10].

В. Липская зафиксировала обнаруженную в XX веке особенность бытования критики: «В эпоху нестабильности политической жизни критика становится более «научной», в период устойчивого состояния общества – более «художественной», а в моменты, предшествующие революционным изменениям в обществе, – более «публицистичной» [13, с. 14–15]. Можно предположить, исходя из логики размышлений данного автора, что в 1970-е преобладала «художественная» критика, в 1990-е – «научная», а с середины 1950-х и в 1960-х – «публицистичная».

В очерке В. Гаевского путь критики рассматривается в зависимости от отношений ее с театром в его художественном, идеологическом плане. Критик (в его профессиональном статусе) предстает как некое связующее звено, выступающее в советские годы своеобразным посредником в отношениях театра и власти, причем именно он является наследником и хранителем художественных свершений 20-х годов XX века. 1920-е, 1930–40-е, 1950–60-е, 1970–80-е годы – вот основные вехи развития профессиональной критики, по мнению В. Гаевского [14].

Исходя из краткого обзора существования версий развития советского театра и критики, можно предложить следующий вариант периодизации развития нестоличной советской критики:

I. 1930-е – середина 40-х годов, этот период можно обозначить как *организационный*;

II. 1946 год–середина 50-х годов, по сущности происходящих тогда процессов данный этап следует определить как *идеологический*;

III. 1960-е годы, этап по преимуществу представлен лишь доминированием хрестоматийного взгляда на спектакль, потому его можно назвать *воспроизводящим*;

IV. 1970-е годы, в этот момент в критике наблюдается переход к анализу спектакля как художественного мира, потому его следует обозначить как *художественный*;

V. 1980-е годы, критика постепенно освобождается от идеологической привязки, формируются условия для складывания специфической среды (см., например [15]), следовательно, этот период – *рефлексивный*.

Главным принципом такой периодизации является восприятие института критики на пересечении организационной, художественной и идеологической подсистем. При этом рассмотрение содержательной стороны развития данного института базируется на соотношении процессов, происходивших в столице и провинции и, как результат, вызвавших своеобразное сопряжение «местных» и «столичных» отзывов на спектакли.

Библиографический список

1. Бураченко, А.И. Театральная критика советской провинции: основные направления исследования // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. К новому синкретизму: сб. науч. тр. / редкол.: Г. А. Жерновая (отв. ред.) и др. – Кемерово, 2007. – Вып. 5.
2. Чепуров, А.А. Историко-театральное знание // Введение в театроведение: учеб. пособие / сост. и отв. ред. Ю. М. Барбой. – СПб., 2011.
3. Хайченко, Г.А. Советский театр. Пути развития. – М., 1982.
4. История русского советского драматического театра: в 2 кн. / под общ. ред. Ю.А. Дмитриева и К.Л. Рудницкого. – М., 1984. – Кн. 1: 1917–1945 гг.
5. История русского советского драматического театра: в 2 кн. / под общ. ред. Ю.А. Дмитриева. – М., 1987. – Кн. 2: 1945–1980-е гг.
6. Смелянский, А.М. Предлагаемые обстоятельства: из жизни русского театра второй половины XX века. – М., 1999.
7. Соколов, К.Б. Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953–1985 гг.). – СПб., 2007.
8. Жидков, В.С. Театр и власть. 1917–1927. От свободы до «осознанной необходимости». – М., 2003.
9. Любимов, Б. Введение // История русского драматического театра: от его истоков до конца XX века: учебник / отв. ред. Н. С. Пивоварова. – М., 2009.
10. Дадамян, Г.Г. Атлантида советского искусства. 1917–1991. – М., 2010. – Ч. 1: 1917–1932.
11. Дмитриевский, В.Н. Театр, зритель, критика: проблемы социального функционирования: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – Л., 1990.
12. Мясникова, М.А. Советская комедия в зеркале театральной критики 1950–1970-х годов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1986.
13. Липская, В.М. Театральная критика как вид духовной деятельности в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 1994.

14. Гаевский, В. Театр и его двойник. Заметки об отечественной критике XX века // Гаевский В. Книга расставаний. Заметки о критиках и спектаклях. – М., 2007.
15. Секция критики при Кемеровском отделении ВТО (первая половина 1980-х гг.). Начало // Миры театральной культуры Кузбасса: коллективная монография / отв. ред. Л. Т. Зауэрвайн. – Кемерово, 2010.

Bibliography

1. Burachenko, A.I. Teatral'naya kritika sovet'skoy provincii: osnovniye napravleniya issledovaniya // Iskusstvo i iskusstvovedeniye: teoriya i opit. K novomu sinkretizmu: sb. nauch. tr. / redkol: G. A. Zhernovaya (otv. red.) i dr. – Kemerovo, 2007. – Vihp. 5.
2. Chepurov, A.A. Istoriko-teatral'noye znanie // Vvedeniye v teatrovedeniye: ucheb. posobie / sost. i otv. red. Yu. M. Barboj. – SPb., 2011.
3. Khayichenko, G.A. Sovetskiy teatr. Puti razvitiya. – M., 1982.
4. Istoriya russkogo sovet'skogo dramaticheskogo teatra: v 2 kn. / pod obsh. red. Yu.A. Dmitrieva i K.L. Rudnickogo. – M., 1984. – Kn. 1: 1917–1945 gg.
5. Istoriya russkogo sovet'skogo dramaticheskogo teatra: v 2 kn. / pod obsh. red. Yu.A. Dmitrieva. – M., 1987. – Kn. 2: 1945–1980-e gg.
6. Smelyanskiy, A.M. Predlagaemiye obshchestvennyye usloviya razvitiya teatral'nogo iskusstva vtoroy poloviny XX veka. – M., 1999.
7. Sokolov, K.B. Khudozhestvennaya kul'tura i vlast' v poststalin'skoy Rossii: soyuz i bor'ba (1953–1985 gg.). – SPb., 2007.
8. Zhidkov, V.S. Teatr i vlast'. 1917–1927. Ot svobodih do «osoznannoy neobkhodimosti». – M., 2003.
9. Lyubimov, B. Vvedeniye // Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra: ot ego istokov do konca XX veka: uchebnyy / otv. red. N. S. Pivovarova. – M., 2009.
10. Dadamyanyan, G.G. Atlantida sovet'skogo iskusstva. 1917–1991. – M., 2010. – Ch. 1: 1917–1932.
11. Dmitrievskiy, V.N. Teatr, zritel', kritika: problemih social'nogo funkcionirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedeniya. – L., 1990.
12. Myasnikova, M.A. Sovetskaya komediya v zerkale teatral'noy kritiki 1950–1970-kh godov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. – M., 1986.
13. Lipskaya, V.M. Teatral'naya kritika kak vid dukhovnoy deyatel'nosti v sovremennoy kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – SPb., 1994.
14. Gaevskiy, V. Teatr i ego dvoynik. Zametki ob otechestvennoy kritike XX veka // Gaevskiy V. Kniga rasstavaniy. Zametki o kritikakh i spektaklyakh. – M., 2007.
15. Sekciya kritiki pri Kemerovskom otdelenii VTO (pervaya polovina 1980-kh gg.). Nachalo // Mirih teatral'noy kul'turih Kuzbassa: kolektivnaya monografiya / otv. red. L. T. Zaehrvayn. – Kemerovo, 2010.

Статья поступила в редакцию 01.11.13

УДК 303.442.43:111.85

Voronova I.V. **PROBLEM OF CORRELATION OF AESTHETIC EXPRESSION AND USEFULNESS AS FACTOR OF DESIGN EFFECTIVENESS ACCUMULATION IN RUSSIAN VISUAL CULTURE.** The article is dedicated to the characteristic of the philosophy categories of beauty and usefulness related to the specifics of national values synthesis and general functionality in the design. In the article, Russia is as an example, the significance of the such a fact is based among other points contributing to the accumulation of practical form symbols relation with aksiosphere and semiosphere if its culture.

Key words: visual culture, design, canon, beauty, innovations, traditions, the use, practical usefulness, esthetic expressiveness.

I.V. Воронова, аспирантка Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: Irinanika1005@rambler.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ПОЛЕЗНОСТИ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ВИЗУАЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Данная статья посвящается характеристике соотношения философских категорий красоты и пользы, связанных с особенностями синтеза национальных ценностей и общей функциональности в дизайне. В этой статье на примере России обосновывается значимость такого фактора среди других моментов, способствующих усилению связи символики практических форм с аксиосферой и семиосферой ее культуры.

Ключевые слова: визуальная культура, дизайн, канон, красота, новации, традиции, польза, практическая полезность, эстетическая выразительность.

Визуальная культура представляет собой сложный феномен, включающий в свою структуру и знаковую систему дизайна, состоящую из множества различных кодов. Связь визуальной культуры и дизайна устанавливается с помощью общих графических и формообразующих элементов, имеющих образную подачу. При этом функциональная взаимосвязь данных явлений действительности осуществляется в процессе создания изобразительных интерпретаций культурных текстов и ускорении коммуникации в развивающемся визуальном информационном пространстве культуры графическими кодами творческой деятельности. В связи с этим, ранее существующие культурные формы адаптируются к новым условиям, что проявляется в унификации графического языка и становлении интернациональной знаковой системы на фоне национальных.

Наряду с преобразованиями реальной действительности повышается значимость проблемы соотношения красоты и пользы в культуре в целом. Это связано с созданием образ-

ных элементов из компонентов общей знаковой системы различными методами формообразования. Поэтому мы отмечаем, что такая проблема фигурирует и в дизайне в связи с наличием в нем основного движущего противоречия, характеризующегося совмещением в едином контексте и полезности, и эстетической выразительности, ограничивающихся рамками экономической эффективности. Наблюдающаяся в ходе сопоставления существующих моментов неустойчивость проявляется в большей мере в несовместимости их требований. Поскольку образование визуальных примеров осуществляется в условиях конкретных традиционных культур, то проектирование связано с учетом их нравов, ценностей и пр., как правило, взаимодействующих с новациями. В данном случае мы рассматриваем период 90-ых гг. XX в. по н/в., в рамках которого в культуре России актуальной становится проблема поиска ключевых факторов, способствующих усилению связи символов с её аксиосферой и семиосферой. Показательно то, что интерес к возникшей пробле-

ме проявляется в необходимости преодоления противоречий традиций и новаций в формах образующегося визуального информационного поля страны. В связи с этим, основная задача статьи заключается в характеристике и обосновании момента, способствующего взаимодействию ценностей отечественной культуры и кодов интернационального типа, соотносящихся в практике дизайнера с выражениями красоты и пользы соответственно.

Отметим, что национальное своеобразие любой локальной культуры реализуется через идею красоты, где соотношение внутреннего и внешнего, по А.Ф. Лосеву, выстраивается в соответствии с принципом целесообразности [1, с. 66]. Так с помощью визуального выражения художественных образов (внешний фактор) осуществляется воспроизводство внутренних особенностей идеалов (обычай, традиции и др.) конкретной культуры. На взгляд У. Эко, красота является априорно прекрасным [2, с. 26]. При этом в каждом национальном характере прекрасное находит свое выражение. Также олицетворение красивого наблюдается при наличии в исследуемом объекте определенных функций, обеспечивающих его совпадение с практическим не по форме, а по содержанию [1, с. 70]. Подчеркнем, что для понимания красоты в рамках статьи мы придерживаемся взгляда И. Канта, где она сопоставляется с фактором облагораживания и возвышения над удовольствием от чувственных истинных впечатлений, отличающих его от пользы [3, с. 375].

Пользу можно рассматривать, как общую для всех форм труда категорию, специфика которой связана с формированием интернационально-функциональных по действию и целесообразных по форме предметов, характеризующихся однотипностью выражений. Польза также соотносится с исторической общественно-экономической формой труда, где ее роль определяется через практическое и положительное отношение к ней реципиента, поскольку наблюдается совпадение с его интересами и потребностями. Так как полезное является частью сферы ценностей общества, то, наряду с самоценным прекрасным, оно фигурирует в культуре, как совокупность средств, применяющихся в процессе достижения заданной цели. Среди основных из них можно выделить целостность, утилитарность, эргономичность, эффективность, художественность и пр. [4].

Несмотря на видимые отличия красоты от пользы и противоречивость их значений, между этими ценностными понятиями наблюдается взаимодействие. Такая взаимосвязь основывается на выявлении эстетических принципов о красоте через их отношение к материальной полезности предмета [4, с. 6]. Внедрение этих практических установок (польза) в границы эстетической ценности (красота) нацелено на их синтез в новом типе формообразования, который может быть основой развития проектирования в целом и дизайна в частности, в том числе, и в России. Объединение при этом общих и особенных черт в единый контекст обуславливается модернизацией культуры в массовую, где фигурирует фактор экономической эффективности.

Развитие потребительского общества в XX веке сопровождается переосмыслением социально-критических понятий («культ вещей», «власть вещей»), истинное значение которых связано с заботой о значимости вещей и пр. [5, с. 60]. Присваивание им новых значений ограничивается регуляцией вещной среды в условиях актуализации рыночных отношений, обеспечивающих экономическую эффективность в развитии дизайна. В этот период в визуальных образцах массовой культуры России наблюдается ломка ценностных оснований и отсутствие форм-эталонов, необходимых для создания национального канона в ее дизайне. Так содержание («невяное» в каноне) замещается выразительной художественной подачей («явное») формы любого объекта. Вследствие чего, эти формы ценны с точки зрения их эстетического вида, но не функциональны в практическом отношении. В связи с этим, возникающий разрыв между красотой и пользой основывается на резком диссонансе с потребностями конкретной личности и общества в целом [4, с. 85]. С одной стороны, забота в проектировании об эстетической выразительности препятствует модернизации экономики, поскольку наблюдается увеличение себестоимости различных образцов и унификация символов любых традиционных культур. Данный подход явился одной из причин возникновения в культуре России «семантической невязности», размытости смыслов и их визуальных решений. С другой стороны, исследуемый разрыв сопровождается унификацией эстетических черт и присвоением им иллюзорной уникальности, что связано с созданием

образцов, отличающихся функциональностью и художественностью. Так в ходе формирования гармоничных в синтезе красоты и пользы примеров наблюдается попытка совмещения в них индивидуальных внутренних и общих внешних качеств.

Проведенный анализ соотношения эстетической выразительности и полезности в целом, дает основание говорить об умышленном сдвиге художественного значения в сторону практичности. Складывающаяся ситуация проявляется в создании иллюзорно уникальной визуальной формы, имитирующей индивидуальность, и, выявляющей значимость и функциональность любых образцов. Такая иллюзорность в технических примерах является результатом их экономической эффективности.

Переходя от теоретического осмысления противоречивости идей красоты и пользы в культуре, и попытки их взаимовлияния в потребительском обществе, связанные с развитием дизайна, мы с необходимостью должны сопоставить ее с другими факторами усиления связи визуальных кодов с аксиосферой и семиосферой культуры России.

В качестве основополагающих моментов, недостаточно проявляющихся в практике отечественного дизайнера, выделим следующие характерные черты:

- поскольку визуальное решение национального канона в отечественном дизайне не сформировано, то актуальной становится проблема усиления взаимодействия «явного» и «невяного» в этой обновляющейся структурообразующей категории. В таком случае целью является подчинение «явного» (рисунок) доминирующему «невяному» (идея);

- на фоне недостатка трансформированной традиционной графической символики в формирующемся пространстве культуры России наблюдается его активное заполнение интернациональными формами. В связи с этим, возникает необходимость преодоления одностороннего развития знаковой системы дизайнера страны в процессе актуализации проблемы взаимодействия национального и межнационального;

- проблема соотношения эстетической выразительности и полезности в образцах практики отечественного дизайнера является связующим звеном для диссонирующих моментов («явное» и «невяное» в каноне, традиции и новации). Это связано, прежде всего, с ограничением возможности визуального выражения ценностей и символики культуры России, как и любой другой страны, экономическими рамками. Наличие этих рамок необходимо для обеспечения жесткой конкуренции товаров, обладающих идентичными функциями или идеями, продвигающимися на потребительский рынок.

Понятие «польза» в этом случае сопоставляется нами со смысловым компонентом, значение и ценность которого являются основополагающими в конкретных примерах, создающихся в контексте интернационального. В результате этого средствами дизайна формируются визуальные формы, отличающиеся прагматичностью и ее установками (коммерческие, рекламные, политические и пр.), а также, доминирующие в практике.

Эстетическую выразительность, напротив, можно рассматривать как оболочку, существующую для реализации мировоззренчески-воспитательного аспекта и подачи национальных ценностей культуры России реципиенту через иллюзорно уникальные визуальные выражения. Художественная часть этих примеров основывается на кодах современной знаковой системы проектной деятельности в стране. При этом специфика иллюзорности нацелена на маскировку общих внешних качеств практики дизайнера моментами индивидуальности, свойственными национальным чертам ее культуры.

Таким образом, нами показано, что преодоление противоречивости требований составляющих творческой деятельности (эстетическое значение, утилитарность и экономическая эффективность), в том числе, и в России за счет повышения учета особенностей, присущих национальным чертам визуальной культуры страны, можно обозначить причиной усиления эффективности образцов ее практики проектирования.

Главным результатом проведенного исследования следует считать то, что синтез ценностей культуры России с интернациональными знаками соотносится в практике дизайнера с фигурирующим фактором формообразования – взаимосвязь эстетической выразительности и практической полезности. При этом эстетическая выразительность визуальной оболочки проявляется через «явное» в каноне, что позволяет в дизайне страны имитировать идею красоты в контексте национального своеобразия. Значимость и функциональность образующихся таким способом

графических примеров связана с реализацией их практической полезности (основного содержания или идеи). Так синтез красоты и пользы нацелен на продвижение мировоззренчески-воспитательной цели с помощью установок прагматического аспекта в практике отечественного дизайна.

Однако, возможность усиления эффективности дизайн-проектирования в практике визуальной культуры России не ограни-

чивается исключительно фактором синтеза эстетической выразительности и практической полезности в графических образцах. Доминирование этого момента нацелено на создание форм, которые могут явиться эталонами обновленной системы ценностных смыслов в национальном каноне дизайна в России с учетом взаимодействия традиций ее культуры и межнациональных новаций.

Библиографический список

1. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М. – Харьков, 2000. – Т. 2.
2. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / пер. с ит. А.П. Шурбелева. – С.Пб., 2003.
3. Кант, И. Сочинения / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М., 1966. – Т. 5.
4. Кантор, К.М. Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры. – М., 1967.
5. Соловьев, Э.Ю. Трагедия красоты в книге «Красота и польза» // Вопросы философии. – 2012. – № 12.

Bibliography

1. Losev, A.F. Istorija antichnoy ehstetiki. Sofistih. Sokrat. Platon. – M. – Kharjkov, 2000. – T. 2.
2. Ehko, U. Iskusstvo i krasota v srednevekovoy ehstetike / per. s it. A.P. Shurbeleva. – S.Pb., 2003.
3. Kant, I. Sochineniya / pod obsh. red. V.F. Asmusa, A.V. Gulihgi, T.I. Oyjzermana. – M., 1966. – T. 5.
4. Kantor, K.M. Krasota i poljza. Sociologicheskie voprosih materialjno-khudozhestvennoj kuljturih. – M., 1967.
5. Solovjev, Eh.Yu. Tragediya krasotih v knige «Krasota i poljza» // Voprosih filosofii. – 2012. – № 12.

Статья поступила в редакцию 24.10.13

УДК 008

Kudrina E.L., Ponomarev V.D. STUDENTS CULTURAL DEVELOPMENT IN THE HIGHER EDUCATION (IN THE CONDITIONS OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS). The paper considers the pedagogical concept and methods of students cultural development in higher education on the basis of cultural educational strategy which demonstrates the best personal qualities, the skills to be educated and to learn to study, and promotes axiology comprehension of life as professional culture of a personality. Cultural development of students in higher educational institutions relies on methodology of pedagogical cultural science and is focused on fulfillment of the general requirements for creative personality in modern Russian society. Pedagogical set for students cultural development in Kemerovo State University of Culture and Arts are project-oriented policy in education, sciences, creativity, educational activity; activity of creative schools on the basis of educational and creative groups of the University.

Key words: cultural development, creative personality, project-oriented policy, creative groups, tolerance.

Е.Л. Кудрина, д-р пед. наук, проф., ректор Кемеровского гос. университета культуры и искусств, E-mail: kudrina@kemtuki.ru; В.Д. Пономарев, д-р пед. наук, проф., проректор Кемеровского гос. университета культуры и искусств, E-mail: tvorchestvo@kemtuki.ru

ОБЩЕКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ)

В статье раскрывается педагогическая концепция и методика общекультурного развития студентов в вузе на основе культуротворческой образовательной стратегии, которая поднимает к свету лучшие сущностные качества человека, «побуждает его расти и учиться», способствует постижению аксиологии бытия как составляющей профессиональной культуры личности. Общекультурное развитие студентов в вузе опирается на методологию педагогической культурологии и ориентировано на удовлетворение общей потребности современного российского общества в творческой личности. Педагогическим арсеналом общекультурного развития личности студента в КемГУКИ выступают: проектно-ориентированная политика в области образования, науки, творчества, воспитательной деятельности; деятельность творческих школ на базе учебно-творческих коллективов вуза.

Ключевые слова: общекультурное развитие, творческая личность, проектно-ориентированная политика, творческие школы, толерантность.

Если обратиться к стратегии развития Кемеровского государственного университета культуры и искусств, то приоритеты всех направлений деятельности отражены в определении – «культура, основанная на знаниях». Такое определение, во-первых, в полной мере отражает компетентностное измерение образования в вузе культуры и искусства, во-вторых, соответствующие профессиональные компетенции специалиста в свою очередь выступают в качестве необходимой базы становления профессиональной культуры личности, которая соединяет высокую степень профессионального мастерства с общей культурой человека.

Главные требования современных образовательных стандартов профессионального образования – это формирование компетенций специалиста. Компетенция – способность приме-

нять знания, умения и личностные качества для успешной профессиональной деятельности в определенной области. В нашем случае – в области культуры и искусства.

Следовательно, цели практикуемых в вузе педагогических технологий всегда лежат в области знаний, умений и профессиональных навыков. Однако становление профессиональной культуры не исчерпывается лишь достижением учебных, научных и творческих целей. Иметь «портфель» научных, учебных и творческих программ, идей – необходимо, престижно, но недостаточно.

Ведущие тенденции развития общества в контексте нового типа культуры обусловили переход на новую парадигму образования – культурологическую. Культурологическая модель образования строится на принципе создания целостного культурно-

образовательного пространства и ориентирована на становление высоко нравственной и духовно богатой личности обучающихся [1, с. 315].

Для педагогики общекультурного развития личности в вузе очень важным является наличие *комплиментарной культуротворческой и образовательной стратегии*, которая поднимает к свету лучшие сущностные качества человека, «побуждает его расти и учиться», способствует постижению аксиологии бытия как составляющей профессиональной культуры личности.

В целом такая стратегия, на наш взгляд, в полной мере отражает методологию педагогической культурологии и ориентирована на удовлетворение общей потребности современного российского общества в *творческой личности*.

В чем же выражается комплиментарный характер образования и культуротворчества в вузе?

Во-первых, в гармоническом видении идеалов образования и идеалов культуры. Для нас это – «культура, основанная на знаниях», отражающая традиционные для России нормы жизни общества, идеи патриотизма и служения Отечеству, воспитания человека нравственного, ответственного, знающего, трудолюбивого, уважающего свою культуру и культуру других народов. Мы исходим из того, что образование, наука и творчество в университете должны находиться в одном смысловом поле с моралью, нравственностью, духовностью и противостоять вульгарности, пошлости, банальности и посредственности.

Следовательно, образование, наука и творчество в вузе воплощают миссию становления Человека в контексте культуры. А специфика культуросообразной и культуротворческой педагогики состоит в создании условий для интеграции человека в мир культуры, которая все более требует от человека постоянного самосовершенствования, готовности к конструктивному взаимодействию и диалогу, творчеству, способности к выбору, смелости взять ответственность на себя, восприятия неудачи не как краха жизни, а как возможности творческого самопреодоления и грядущего успеха [2, с. 7]. Мы хотим, чтобы процесс воспитания личности российского интеллигента и «передача культуры» в стенах нашего университета получили свое реальное воплощение.

Во-вторых, в определении приоритетов образования, науки, творчества, воспитательной деятельности, в целом – развитии университета. Их скрепляет духовная необходимость, они просты и понятны как преподавателям, так и студентам. Это – укрепление и усиление позиций университета как центра межкультурной толерантности в регионе, образовательного, научного центра по сохранению и творческому развитию традиционной, многонациональной культуры народов РФ, творческого центра по пропаганде лучших образцов современного мирового искусства и традиционной культуры народов мира. Наши приоритеты и соответственно развитие университета, его деятельность преодолевают географическую удаленность вуза от культурных центров России и обеспечивают вовлечение студентов в мир культуры.

В-третьих, в понимании того, что современное университетское образование не исчерпывается лишь достижением учебных целей (знания, умения, навыки), специализированной подготовкой студентов, хотя это основной вид деятельности вуза. Высшее гуманитарное образование необходимо связывать с общественным предназначением и общественной миссией университета, т.е. способностью нашего университетского образования всеми интеллектуальными и творческими силами адекватно отвечать на общественные и гуманитарные вызовы и осуществлять общественно-значимые приоритеты в области культуры и искусства.

А это значит, что университет ориентирован не на планирование отдельных сиюминутных, разрозненных по жанрам и университетским структурам мероприятий, а имеет в своем арсенале «портфель» значимых для отрасли, региона и интегрированных *стратегических проектов*. Такая способность вуза и обеспечивает вовлечение студентов в активную социально-культурную деятельность и творчество.

На какие общественные и гуманитарные вызовы мы отвечаем?

Во-первых, это – глобализация, процессы «взламывания» мировых культур, модернизация истории и культуры народов, это нарастающие разрывы в жизненно важных системах ценностей, смыслов, представлениях о мире и о себе у представителей различных культур [3, с. 67].

Во-вторых, в мультикультурном обществе зарождается опасность непонимания и формирования различного рода предубеж-

дений к людям иной национальности, другой культуры, вероисповедания. В ряде случаев нетерпимость принимает формы экстремизма и ксенофобии.

В-третьих, современный мир – это мир информационной культуры и технологий, которые имеют как преимущества, так и таят в себе опасности – в первую очередь, опасность разрыва между технократической и гуманитарной культурой в условиях современного информационного общества.

Сущность категории общекультурного развития раскрывается через способность человека видеть актуальные проблемы духовного, экологического, нравственного, правового, политического, общественного устройства; потребность к самообразованию как интегральному выражению умения самоорганизации своей познавательной и творческой деятельности, к постоянно-му продолжению образования; умение творческого преобразования информации, владение языками межличностной коммуникации [4, с. 164].

В качестве педагогических условий осуществления культуротворческой стратегии деятельности в вузе и такой приоритетной задачи, как формирование творческой личности, в КемГУ-КИ последовательно реализуется *проектно-ориентированная политика* в области образования, науки, творчества, воспитательной деятельности, также осуществляется деятельность по формированию на базе учебно-творческих коллективов вуза *творческих школ*.

Проектно-ориентированная политика способствует определению перспективных целей культуротворческой деятельности (если говорить слоганами, то «проекты создают будущее»), достижению баланса общественной эффективности и целесообразности услуг, оказываемых университетом в социально-культурной сфере региона, проекты интегрируют привлекаемые ресурсы (образовательные, информационные, социально-культурные технологии, кадровые, научные, творческие, финансовые ресурсы и т.д.), дают возможность поддерживать партнерство с государственными структурами и организациями, ведущими специалистами, общественностью, международными партнерами и выступают эффективной современной моделью управления в сфере культуры.

Проектно-ориентированная политика КемГУКИ способствует устранению разрыва между абстрактным восприятием культуры и практическим воплощением ее форм, механизмов в учебно-творческой и научно-творческой деятельности вуза.

Философия, методология, средства и опыт проектно-ориентированной политики вуза прослеживаются в двух масштабных международных научно-творческих проектах КемГУКИ, которые и играют существенную роль в педагогике общекультурного развития личности студентов, и – обеспечивают нам в течение ряда лет «конкурентное преимущество» в социально-культурной сфере: это – «Диалог культур: формула творчества» и «Информация для всех в зеркале искусства».

Первый проект реализуется при поддержке Министерства культуры РФ, Администрации Кемеровской области, второй – при поддержке Российского Комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». В обоих случаях мы имеем дело с научно-творческим, педагогическим экспериментом, который основывается на понимании роли искусства и творчества в общекультурном развитии личности будущего специалиста социально-культурной деятельности. В этом научно-творческом эксперименте соединяются глобальные и локальные тенденции, культурное наследие, традиции и инновации. Профессиональной технологией научно-творческого эксперимента выступает проектная деятельность – целенаправленно организуемый процесс социокультурной коммуникации (художественных событий), ориентированный на способы и образцы решения значимых для человека и общества проблем средствами искусства и творчества.

Проект «Диалог культур» призван сохранять, популяризовать и передавать молодому поколению культурное наследие, создавая тем самым питательную среду для творчества во всем его многообразии. А ориентируя студенческую молодежь на позитивные ценности, такие как толерантность, участники проекта постигают аксиологическую сущность культурного разнообразия – «каждое творчество черпает свои силы в культурных традициях, но достигает расцвета в контакте с другими культурами» [2, с. 224].

Не случаен и девиз (слоган) проекта – «Все – разные, все – уникальные!». Девиз отражает следующий моральный императив проекта – содействие культурному разнообразию. Участники проекта осознают для того, чтобы культурное разнообразие

было продуктивным, оно должно опираться на взаимный интерес людей друг к другу, принятие чужой культуры, на диалог и духовное взаимообогащение. А человеческие взаимоотношения, основанные на культуре толерантности, являются залогом богатства и разнообразия культур.

Общественно-значимым приоритетом, гуманитарной миссией проекта «Диалог культур» является формирование процветающего, удобного для человеческого общежития региона, с развитой культурой толерантности, исполненного национального своеобразия и предельно благоприятного для межнационального, межкультурного общения его жителей и гостей, обладающего для этого развитой социально-культурной инфраструктурой и «плотностью» культурной среды.

К участию в проекте «Диалог культур» привлекаются ведущие и авторитетные деятели науки и культуры, как России, так и наших вузов-партнеров по всему миру. Этот интеллектуальный и творческий ресурс проекта дает возможность успешно позиционировать творческие достижения и инновации в области культуры и искусства, обмениваться идеями. В результате осуществления проекта «Диалог культур» КемГУКИ подписано более десяти международных соглашений о сотрудничестве с вузами-партнерами.

В числе проектных достижений «Диалога культур» – открытие в КемГУКИ Центра китайского языка и культуры при партнерской поддержке Далянского университета иностранных языков (КНР).

Международный творческий проект «Диалог культур» – это также эффективная арт-лаборатория для различных проектных технологий (фестивалей, конкурсов, создание галерей, дизайн-проектов и т.д.) в области социально-культурной деятельности.

Важнейшим результатом проекта стал Грант Президента РФ на издание коллективной монографии «Толерантность в мультикультурном пространстве: региональный аспект», авторами которой стали ведущие профессора Кемеровского государственного университета культуры и искусств (д-р пед. наук Е.Л. Кудрина, д-р пед. наук В.Д. Пономарев, д-р культурологии В.И. Марков) и Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (докт. ист. наук М.В. Белозёрова, д-р ист. наук А.Н. Садовой).

Укрепление и усиление позиций КемГУКИ, как центра межкультурной толерантности, развития и укрепления национально-культурных контактов среди студенческой молодежи, формирования толерантности в межэтнических отношениях обеспечивается деятельностью института толерантности и межкультурных коммуникаций, который был открыт в феврале 2008 г. при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и содействии Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (г. Москва).

В течение ряда лет институт толерантности и межкультурных коммуникаций осуществляет свою деятельность в КемГУКИ по следующим направлениям: проведение исследований и реализация социально-культурных проектов и инициатив по формированию толерантности как контента профессионально-личностной культуры и компетенций специалистов в сфере культуры и искусства; разработка и реализация программ и проектов, обеспечивающих сохранение и поддержку материальной и духовной культур коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера и развитие межкультурного и межнационального диалога, организация конференций и круглых столов, выставок, фестивалей, социально-культурных проектов по проблемам толерантности и борьбе с ксенофобией средствами культуры и искусства.

В число стратегических проектов и научных разработок института за этот период следует отнести:

- просветительский проект «Большое чтение», в рамках которого осуществлены социально-культурные акции, включая социально-культурную акцию, посвященную 100-летию академика Д.С. Лихачева;

- научно-творческий проект «Толерантность в пространстве культуры и образования», в рамках которого были организованы два международных научно-практических семинара по теме: «Толерантность в межкультурной коммуникации: проблемы и перспективы», круглый стол «Стереотипы и толерантность»;

- разработан и издан комплект Методических пособий по заказу Министерства культуры РФ, включая Методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере культуры и учрежденной культуры о формах, методах и средствах работы по формированию толерантности;

- реализован научно-творческий проект «Коренные народы Сибири», в рамках которого осуществлены научное исследование проблем адаптации и межкультурного взаимодействия в студенческой среде, круглый стол «Культура Сибири, основанная на знаниях. Проектные подходы к науке, образованию и творчеству», разработана Стратегическая инициатива по консолидации усилий административных, образовательных, научных и творческих объединений, учреждений культуры и искусства Сибирского федерального округа для осуществления научных исследований, образовательных, социально-культурных проектов и программ по сохранению и развитию традиционного образа жизни, культурного наследия и культурных ценностей, повышению доступа к образовательным услугам коренных малочисленных народов Сибири с учетом их этнокультурных особенностей.

В современном мире время уничтожено скоростью компьютерных технологий. Это новая модель современности. Мы приблизились к новой духовной перемене – информационной идеологии во всех сферах жизни. Информационное общество охватывает миропонимание и мироощущение людей. Но глобальное информационное общество, медиасфера имеют как преимущества, так и таят в себе опасности и бросают вызовы человеку. Духовное и культурное равновесие человека в глобальном информационном пространстве, общественный контроль медиасреды – вот вызовы, стоящие перед мировым сообществом.

Главным ориентиром в реализации идей Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», а также в продвижении идеи информационной культуры в студенческой среде для нас стали следующие аксиологические императивы:

- информация для творчества;
- информация для общения;
- информация для развития;
- информация для человека.

Общекультурный подход в проекте «Информация для всех в зеркале искусства» позволяет нам подчеркнуть актуальную роль искусства, его творческую и социальную миссию в формировании информационной культуры.

Понимание творческой и социальной миссии искусства, ориентирует студентов, участников проекта на воплощение в арт-проектах актуальных общественно-значимых идей: «Мы увидим весь мир!», «Интернет: не заблудись!», «Осторожно! Информация!», «Все – разные, все – уникальные!»

Арт-проекты открывают широкие возможности студентам, участникам проектов для творческих, социально-культурных технологий формирования информационной культуры, обеспечивают устойчивый иммунитет к манипулированию сознанием, создают мосты для преодоления разрыва между технократической и гуманитарной культурой в условиях современного информационного общества.

При помощи силы творческого воображения, фантазии и чувств, арт-проекты позволяют показать возможности гармонического развития культуры информационного общества, преодоления разрыва культурных традиций и приобрести каждому «человеческое измерение», раскрывая ценность информации в решении глобальных проблем человечества.

А выразительный язык художественных образов арт-проектов становится ключом в виртуальное пространство медиасферы.

Преимущество арт-проектов заключается в том, что научные идеи и концепции информационной культуры воплощаются на языке различных искусств, языке, который в своей выразительной, образной форме не требует перевода и понятен каждому.

Сохраняя постоянство названия: «Информационная культура в зеркале искусств», тем не менее, каждый раз идеи Программы обретают новую художественную форму.

Так Арт-проект «Мы увидим весь мир!» реализует идеи открытого доступа к информации и культуре с помощью медиатехнологий.

А арт-проекты «Интернет: не заблудись!», «Осторожно! Информация!» – идею возможностей и рисков для человека в глобальной информационной сети Интернет и медиасфере.

Каждый раз внимание зрителей арт-проектов привлекает не только действие, которое происходит на сцене. Границы сцены раздвигаются с помощью медиатехнологий, языка различных искусств, и позволяют зрителям перенестись в любую часть земного шара, увидеть и услышать голоса знаменитых ученых, писателей, актеров, увидеть шедевры произведений искусства.

Это и есть творческий взгляд студентов на безграничный мир человеческой культуры, где у информации есть своя густонаселенная планета.

Следующая, на наш взгляд продуктивная идея для общекультурного развития студентов, становления творческой личности – это *творческие школы* университета. Из 16 учебно-творческих коллективов КемГУКИ эта идея реализуется в 3 учебно-творческих коллективах, возраст учащихся от 6-7 до 16-17 лет, образовательно-творческая траектория творческой школы включает музыкальные школы, школы искусств, хореографические студии и коллективы – учебно-творческие коллективы КемГУКИ – профессиональные творческие коллективы (Московский областной театр «Русский балет», ансамбль «Маркелловы голоса», «Ансамбль Павла Шаромова», Камерный хор Новосибирской государственной филармонии и др.). Дальнейшее инновационное развитие КемГУКИ, мы связываем с переходом от модели «учебно-творческий коллектив» к модели «творческая школа».

Творческая школа университета – это учебно-творческое объединение специалистов сферы культуры и искусства, направляемое лидером на формирование и развитие творческих традиций и новаторства, на подготовку творческих кадров в соответствии с художественной концепцией школы.

Преимущества творческой школы как педагогического механизма формирования профессиональной культуры творческой личности:

1. Системность, непрерывность и преемственность в подготовке творческой личности (по схеме музыкальные школы и школы искусств – учебно-творческие коллективы КемГУКИ – профессиональные творческие коллективы), при этом обучение является профессионально-ориентированным по всей схеме, а траектория обучения – многоуровневой;

2. Обеспечение стабильности и качества набора абитуриентов на творческие направления и специальности, т.к. профориентационная работа дополняется и систематизируется на выше указанной схеме;

3. Развитие инфраструктуры образовательного и творческого комплекса университета;

4. Решение важнейшей социальной задачи – воспроизводство творческих профессий, компетентная передача профессиональных традиций. На региональном уровне – это подпрограмма «Кадры культуры».

В процессе профессионально-образовательной деятельности трудно различить активно работающий творческий коллектив и творческую школу. Поэтому проблема идентификации творческих школ приобретает актуальное значение.

О творческих школах часто говорят на разных уровнях, но не раскрывают это понятие и суть. Говорят наряду с другими близкими, но по существу не аналогичными определениями – «творческая мастерская», или – «театральная школа», «хореографическая школа», иногда добавляя – Санкт-Петербургская, Московская и т.д.

При идентификации творческих школ необходимо исходить из следующих показателей:

1. Системообразующим и культурообразующим ядром творческой школы является ее лидер, органически сочетающий выдающиеся профессионально-творческие и педагогические спо-

собности с функциями организатора творчески одаренных единомышленников. Необходимым требованием к лидеру является систематическое проведение постоянного действующего внутривузовского профессионально-педагогического, творческого семинара (мастер-класса), в ходе которых реализуется функция тиражирования творческих и педагогических новаций.

2. Творческая школа является таким объединением специалистов, когда творческий процесс и творческие достижения, сопровождаются процессом «воспроизводства» поколений специалистов, обеспечивающих преемственность культурных и творческих традиций школы и ее устойчивость во временных границах.

В отличие от творческого коллектива как самостоятельного объединения, где происходит формирование мотивации на творческие достижения и удовлетворение творческих интересов и потребностей, творческая школа формирует у участников взгляд на творческую деятельность как на *профессию*. Соответственно важной функцией творческой школы является забота о творческой смене, поколениях.

Решение этой задачи – есть суть модернизации художественного образования в Кемеровской области, а именно – переход к созданию саморазвивающейся региональной системы художественного образования.

3. Творческие достижения и значимость результатов творческой школы характеризуются уровнем признания ее деятельности (международный, всероссийский, межрегиональный и т.д.). «Признание» может быть определено через следующие показатели:

- гранты, целевое финансирование деятельности творческой школы;

- премии, дипломы, присуждаемые представителям творческой школы за творческие достижения;

- почетные звания, присуждаемые творческим личностям;

- избрание представителей творческой школы в государственные и общественные творческие сообщества (союзы и объединения).

Таким образом, идея формирования творческой личности в КемГУКИ не исчерпывается лишь достижением научных или учебных целей, специализированной подготовкой студентов. Адекватным продолжением учебного процесса, научно-исследовательской работы в университете является такая педагогическая форма как творческие школы, которые способствуют приданию нового, более глубокого смысла профессиональной деятельности, становлению творческого мироощущения и мировосприятия у каждого нового поколения студентов и преподавателей.

Следует заметить, что каждому поколению выпадает свое собственное «время быть» на этой земле. Своя поэзия, своя проза, свои испытания, наконец. Будущее культуры зависит от уровня знаний и образования каждого поколения, духовности и культуры каждого человека, и самого главного – от понимания того, что нет у нас ничего более ценного, чем Человек и его потребность в Творчестве.

Библиографический список

1. Ариарский, М.А. Педагогическая культурология: в 2 т. – СПб., 2012. – Т. 1. Методология и методика постижения культуры.
2. Кудрина, Е.Л. Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект: монография / Е.Л. Кудрина, М.В. Белозерова, А.Н. Садовой, В.Д. Пономарев, В.И. Марков; под науч. ред. Е.Л. Кудриной. – Кемерово, 2013.
3. Пономарев, В.Д. Творчество как язык межкультурной коммуникации: проектный подход // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – Кемерово, 2011. – № 15.
4. Ивлиева, И.А. Общекультурное развитие личности в системе непрерывного профессионального образования (концептуальные основы) // Человек и образование: Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования (ФГНУ ИПООВ РАО). – СПб., 2010. – № 4.

Bibliography

1. Ariarskiy, M.A. Pedagogicheskaya kulturologiya: v 2 t. – SPb., 2012. – T. 1. Metodologiya i metodika postizheniya kulturih.
2. Kudrina, E.L. Tolerantnostj v multikulturnom obshestve: regionalnij aspekt: monografiya / E.L. Kudrina, M.V. Belozerova, A.N. Sadovoy, V.D. Ponomarev, V.I. Markov; pod nauch. red. E.L. Kudrinoy. – Kemerovo, 2013.
3. Ponomarev, V.D. Tvorchestvo kak yazihk mezhkulturnoj kommunikacii: proektnij podkhod // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kulturih i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnihk issledovanij. – Kemerovo, 2011. – № 15.
4. Ivlieva, I.A. Obshchekulturnoe razvitie lichnosti v sisteme neprerivnogo professionalnogo obrazovaniya (konceptualnihe osnovih) // Chelovek i obrazovanie: Akademicheskij vestnik Instituta pedagogicheskogo obrazovaniya i obrazovaniya vzroslihkh Rossijskoj akademii obrazovaniya (FGNU IPOOV RAO). – SPb., 2010. – № 4.

Статья поступила в редакцию 31.10.13

УДК 008

Kulemzin V.M., Kulemzin A.M. A NEW IMPETUS TO THE DEVELOPMENT OF SIBERIAN HISTORY (WEST-SIBERIAN REGION). This work shows how the national scientific elite contributes to the study and preservation of the traditional culture of the indigenous peoples of Western Siberia. The reasons of success of scientists representing the indigenous ethnic groups in the development of Siberian History are reviewed. They explain the difference of their worldview from the traditional European Ethnology and knowledge not only of their national culture, but also the culture of others, including the European nations.

Key words: indigenous peoples of Western Siberia, ethnicity, ethnology, traditional culture, preservation of culture, museums, traditional culture, the transformation of culture, science and culture.

В.М. Кулемзин, д-р ист. наук, проф. каф. археологии и исторического краеведения Томского гос. университета, г. Томск; **А.М. Кулемзин**, д-р культурологии, в.н.с. Кемеровского гос. университета, г. Кемерово, E-mail: kulemzin41@mail.ru

НОВЫЙ ИМПУЛЬС В РАЗВИТИИ СИБИРЕВЕДЕНИЯ (ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ РЕГИОН)*

В работе раскрывается вклад национальной научной элиты в изучение и сохранение традиционной культуры коренных народов Западной Сибири. Выявлены причины успеха ученых – представителей коренных этносов в развитии сибиреведения. Он объясняется отличием их мировоззренческих позиций от традиционной европейской этнологии и знанием не только своей национальной культуры, но и культуры других, в том числе и европейских народов.

Ключевые слова: коренные народы Западной Сибири, этнос, этнология, традиционная культура, сохранение культуры, музеи традиционной культуры, трансформация культуры, деятели науки и культуры.

Новый импульс в развитии сибиреведения (науке о народах Сибири и их культурах), который мы наблюдаем в последние десятилетия, очевиден. Однако проблема качественного, а не количественного изменения в этой науке и, главное, причины нового явления до конца не исследованы. На наш взгляд дальнейшее успешное изучение, сохранение и адаптация традиционных культур коренных народов Сибири не могут быть успешными без понимания внутренних мотивов развития сибиреведения. Благодаря методикам культурологических, этнографических и лингвистических исследований, разработанных такими учеными, как В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, К.Ф. Карьялайнен, А.М. Кастрен, В.В. Радлов, В.Н. Чернецов, А.А. Дульзон, А.П. Окладников были заложены фундаментальные основы изучения традиционных культур сибирских народов. Однако в науку пришло новое поколение ученых из числа аборигенного населения. Это молодые люди получившие образование в крупнейших учебных и научных центрах страны, в основном в Ленинградском государственном университете им. А.Н. Герцена, Московском государственном литературном институте им. А.М. Горького, Томском, Омском и Тюменском государственных университетах. Представители свежей научной волны не только обогатили науку новыми данными, но благодаря знанию своего, русского и нередко какого-либо из европейских языков, смогли сопоставить свои культуры с культурами других, в том числе и европейских, народов. Старые факты неожиданно стали подтверждением новой теории и, наоборот, старые теории нашли подтверждение в новых фактах.

Среди нового поколения можно назвать таких ученых, как А.М. Лапину, исследовавшую этику и этикет народа ханты [1], Т.А. Молданову открывшую новое в представлениях о снах и сновидениях в их фольклоре [2], Т.А. Молданова, раскрывшего причины устойчивости и изменчивости духовных ритуалов в традиционной праздничной хантыйской обрядовости [3]. Художник и искусствовед Н.М. Талигина, посвятившая себя сохранению и возрождению традиционного художественного промысла хантов, привнесла новые элементы в национальное искусство. Она глубоко исследовала символизм в цветовой гамме изобразительного творчества [4]. Её графические работы можно сравнить с классическими японскими миниатюрами.

Представители алтайского этноса Н.Я. Тадина и Т.С. Абыштаев постигли общее и особенное в изобразительном искусстве древних и современных алтайцев [5]. Значительным вкладом в исследование этнического самосознания алтайцев внесла Л.И. Шерстова [6]. Исследованиями традиций в сфере семейно-брачных отношений у хакасов посвящены работы К.Д. Басаевой [7] и Т.Н. Медведевой [8]. А.А. Кыржинаков выявил взаимосвязь социально-правовых норм в традиционной и современ-

ной промысловой деятельности соплеменников [9]. Изучая музыкальные инструменты и музыкальную культуру хакасов М.В. Дорина, вопреки устоявшимся представлениям пришла к выводу, что бубен – обязательный атрибут шаманизма, а вместе с тем и сам шаманизм, не являются изначально чисто сибирским явлением [10].

Из числа ненецких ученых видный вклад в науку внесла Пушкарёва Елена Тимофеевна выявила и исследовала эмоциональное согласование в фольклорных текстах и ввела в научный оборот третий вид эпических песен – хынабц [11]. Механизмы адаптации ненецкой культуры в условиях урбанизации и промышленного освоения Крайнего Севера исследовала Харючи Галина Павловна [12].

Знание двух и более культур представителями этнической культуры позволяет совершенствовать методику сбора полевых материалов, особенно при условии знания специфики фольклора. В нём зачастую фигурируют подставные названия и целые выражения, скрывающие истинные намерения действующего лица или фольклорного персонажа во время традиционных праздников и обрядов. Без активного участия исследователей из числа коренных малочисленных народов Сибири и Крайнего Севера был бы невозможен выход в свет таких международных изданий, как «Мифология хантов», «Мифология манси», «Мифология селькупов», составляющих серию «Мифология уральских народов».

Что же позволило представителям коренных народов внести качественные изменения в науку, за счет чего достигнут прорыв в сибиреведении? На наш взгляд этому способствует их своеобразный мировоззренческий подход к исследуемым проблемам. Они по-новому, т.е. «изнутри» подошли к выяснению причин трансформации традиционных культур в условиях культурной ассимиляции и урбанизации образа жизни. Во-первых, они в меньшей степени отягощены прежними методологическими и идеологическими постулатами в понимании развития культуры. Во-вторых, в их традиционном мировоззрении не стоял и не стоит так остро вопрос о противостоянии материального и духовного, что, в общем-то, соответствует современному пониманию мироустройства. В-третьих, они ближе соприкоснулись и ощутили на истории своих народов неотделимое влияние множества социальных факторов, жестко вмешавшихся в традиционный уклад жизни их народов: экономический, экологический, политический, идеологический, религиозный. В-четвертых, в условиях усилившейся в XIX-XX веках миграции народов Евразии на территории Российской империи и особенно Советского Союза, коренные народы Сибири и Крайнего Севера ощутили на себе большое инокультурное влияние. В-пятых, резкое повышение грамотности среди коренных народов, приобщение

к научным и культурным достижениям других народов позволило довольно быстро сформироваться национальной научной элите и занять там достойное место.

Научному познанию глубин традиционных культур также способствовало создание различных ассоциаций и научных центров по изучению, сохранению и возрождению национальных культур. Особенно активно они начинают формироваться в 80-90 гг. XX в., когда были потеснены или вовсе отвергнуты многие идеологические и политические постулаты, нивелирующие культурное многообразие народов страны. Инициаторами, создателями и руководителями таких коллективов были в основном выдающиеся представители культуры и искусства коренных народов Западной Сибири. Это Конюкова Роза Ивановна, создатель ненецкого культурного центра «Явасай», Ахметова-Урманче Флора Вагановна, основатель Ассоциации татарских женщин «Ак Калфак», Сязи Антонина Макаровна вице-президент ассоциации «Ямал – Потомкам». В своих теоретических работах она выявила причины устойчивости национального орнамента в новых условиях промышленного освоения Сибири. Корбейникова Ирина Анатольевна, создатель и бессменный председатель сельского «Колта-Куп» и многие, многие другие.

Значительную роль в этом процессе сыграли музеи, особенно музеи «под открытым небом», которых в Сибири насчитывается уже около четырех десятков, тогда как по всей стране их всего не более полутора сотен. Это, конечно, крайне недостаточно для такой огромной страны как Россия, населенной многими этносами со своим культурным своеобразием. Некоторые из музеев созданы благодаря подвижническому труду представителей науки и культуры из среды местного коренного населения. Например, широко известный музей «Рода Велла», созданный одним из представителей этого рода Юрием Айваседа. А также этнографический музей народов Севера «Торум Маа», в создании которого большую роль сыграли представители обско-угорской интеллигенции. Сусой Елена Григорьевна создала и руководит музеем эвенкийского поэта Л.В. Лапцуня. Уникальный по своему долговлетию школьный музей был создан еще в 1955 г. учителем шорцев Василием Григорьевичем Куспековым.

Музеи под открытым небом сами становятся своеобразными научными центрами. В качестве примера можно назвать «Музей на семи холмах» в Ханты-Мансийске, Томский областной краеведческий музей, «Музей природы и человека» в Тюменской области, экомузеи Кемеровской области, Томская писаница, «Тазгол», «Тюльберский городок».

В большинстве музеев, а также на временных выставках экспозиции выстроены с таким расчетом, чтобы дать предметное представление, как об изменчивости, так и устойчивости отдельных элементов культуры, о связи с мировоззрением носителей культуры, о причинах этой изменчивости. Этот вопрос, как отмечают исследователи, является одновременно и сложным, загадочным, актуальным и интересным для познания механизмов трансформации культуры.

На самом деле, если мы сопоставим сведения, изложенные Г.Ф. Миллером, о жизни, быте, верованиях аборигенов Сибири, с современностью, то увидим невероятно большую разницу. Некоторые элементы культуры исчезли совсем, другие изменились до неузнаваемости. Однако, некоторые никак не определявшие облик культуры, скорее существовавшие в виде дополнительных деталей, благополучно дожили до современности. Совершенно ясно, что вся эта изменчивость и статич-

ность проявлений культуры не может быть объяснима лишь какой-то одной причиной: экономической, экологической или мировоззренческой.

Можно бесконечно приводить примеры из разных сфер жизнедеятельности коренных народов Западной Сибири для демонстрации несовершенства современной классической этнологической теории, сложившейся в основном в странах Европы в XIX – XX вв. В данном случае европейская культурология и этнология являются не самым подходящим инструментом для раскрытия механизмов взаимодействия материальных обстоятельств и духовных импульсов в традиционном образе жизни коренных народов Западной Сибири. Для создания иной теории требуются глубокие знания традиций, языка, мировоззрения народов – носителей неевропейской культуры. Именно в этом направлении и работают современные деятели науки и культуры из числа представителей коренных малочисленных народов.

В различных изданиях, в особенности в серии сборника «Народы Северо-Западной Сибири» (всего выпущено десять сборников, ред. Лукина Н.В.) были опубликованы труды начинающих исследователей. Почти все авторы впоследствии защитили кандидатские диссертации, многие стали сотрудниками Института Обско-Угорских народов (г. Ханты-Мансийск). В своих исследованиях они пришли к выводу о том, что культуры народов ханты, манси, ненцев – это сложное образование, ключ к пониманию которых находится не столько в материальной сфере, сколько в символике. Основная сложность понимания этих культур заключается в механизме обеспечения трансляции культуры как устойчивой жизнеобеспечивающей системы. Устойчивость этой системы обеспечивалась за счет механизма снятия разного рода противоречий: биологического, социального, межпоколенных, территориальных, национальных, экологических. Этот механизм регулировал основные виды отношений: человек-природа, человек-общество, человек-вещь, человек-божество.

Изучая действия этой системы, исследователи пришли к выводу, что традиционные культуры были весьма устойчивыми образованиями и предельно нормативными. Основная функция системы заключалась в воспроизводстве самой себя в прежнем неизменном виде и объеме. Весь механизм системы, внутренние её ресурсы служили выполнению этих задач.

Нами приведена лишь небольшая часть примеров того, какой вклад в развитие этнографического сибиреведения внесли исследователи из числа коренных народов. Их исследования не ограничиваются лишь рамками традиционной культуры. Сейчас все чаще акцентируется внимание на вопросах адаптации к современным условиям промышленно-индустриального освоения Сибири и городским условиям жизни. Большое место занимает формирование нового мировоззрения, в котором имеет место своеобразный сплав древних верований и современного научного знания.

На наш взгляд представители коренных народов Западной Сибири, знающие свою традиционную культуру и познавшие современную урбанистическую культуру, в этом процессе имеют больше шансов, чем познавшие лишь одну культуру, видящие культурное явление лишь с одной стороны. Отрадно сознавать, что таких исследователей и исследований с каждым годом появляется все больше и больше.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, номер проекта 12-01-12023

Библиографический список

1. Ларпина, М.А. Этика и этикет хантов. – Томск, 2002.
2. Молданова, Т.А. Сновидения и их толкование у хантов реки Казым // Обские угры: материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Северо-Западной Сибири. – Тобольск; Омск, 1999.
3. Молданов, Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. – Томск, 1999; Молданов, Т.А. Боги земли Казымской. – Томск, 2002; Молданов, Т.А., Хосино Хироси. Межвежи игрища сибирских хантов (на японском и русском языках). Токио, 2001.
4. Талигина, Н.М. Цветовая классификация у хантов // Обские угры: материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Северо-Западной Сибири. Тобольск; Омск, 1999.
5. Тадина, Н.Я. Пазырыкский стиль символической атрибутики Республики Алтай в контексте картины мира алтайцев / Н.Я. Тадина, Т.С. Атыбашев // Вестн. Том. гос. ун-та. История: материалы XVI международной западно-сибирской археолого-этнографической конференции... – Томск. – 2013. – № 3(23).
6. Шерстова, Л.И. Эсхатология раннего бурханизма: из опыта реконструкции традиционного этнического самосознания // Вестн. Том. гос. ун-та. История: материалы XVI международной западно-сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск. – 2013. – № 3(23).
7. Басаева, К.Д. Этно-культурные параллели у бурят и народов Саяно-Алтайского нагорья (на примере семейной обрядности) // Этно-культурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989.
8. Медведева, Т.Н. Семейные отношения по обычному праву хакасов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – Абакан. – 2003. – Вып. 3. – Сер. История. Право.

9. Кыржинаков, А.А. Таёжные законы хакасов // Власть и общество. – Абакан, 2003.
10. Дорина, М.В. Образ лидера в традиционном обществе тюрков Саяно-Алтая // Власть и общество. – Абакан, 2003.
11. Пушкарева, Е.Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ / отв. ред. В.И. Харитонов; рец.: З.П. Соколова, А.В. Головин, Н.В. Цымбалистенко; Российская Академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.М. Миклухо-Маклая. – Екатеринбург, 2007.
12. Харючи, Г.П. Традиции и инновации в этнической культуре ненцев, вторая половина XX в: дис. ... канд. исторических наук. Рукопись. – Томск, 1999. Научная библиотека диссертаций и авторефератов [Э/р]. – Р/д: disserCat <http://www.dissercat.com/content/traditsii-innovatsii-v-etnicheskoi-kulture-nentsev-vtoraya-polovina-xx-v#ixzz2jEjy5N4r>

Bibliography

1. Larpina, M.A. Ehtika i ehtiket khantov. – Tomsk, 2002.
2. Moldanova, T.A. Snovideniya i ikh tolkovanie u khantov reki Kazihm // Obskie ugrih: materialih II Sibirskogo simpoziuma «Kulturnoe nasledie narodov Severo-Zapadnoj Sibiri». – Toboljsk; Omsk, 1999.
3. Moldanov, T.A. Kartina mira v pesnopeniyakh medvezhjihk igrith severnihkh khantov. – Tomsk, 1999; Moldanov, T.A. Bogi zemli Kazihmskoj. – Tomsk, 2002; Moldanov, T.A., Khosino Khirosi. Mezhvezhi igritha sibirskih khantov (na yaponskom i ruskom yazihkakh). Tokio, 2001.
4. Taligina, N.M. Cvetovaya klassifikaciya u khantov // Obskie ugrih: materialih II Sibirskogo simpoziuma «Kulturnoe nasledie narodov Severo-Zapadnoj Sibiri». Toboljsk; Omsk, 1999.
5. Tadina, N.Ya. Pazihrihskij stilj simvolnoj atributki Respubliki Altaj v kontekste kartinih mira altajcev / N.Ya. Tadina, T.S. Atihbashev // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya: materialih XVI mezhdunarodnoj zapadno-sibirskoj arkhologo-ehnologicheskoy konferencii.. – Tomsk. – 2013. – № 3(23).
6. Sherstova, L.I. Eshkhatologiya rannego burkhanizma: iz opihtra rekonstrukcii tradicionnogo etnicheskogo samosoznaniya // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya: materialih XVI mezhdunarodnoj zapadno-sibirskoj arkhologo-ehnologicheskoy konferencii. – Tomsk. – 2013. – № 3(23).
7. Basaeva, K.D. Ehtno-kulturniye paralleli u buryat i narodov Sayano-Altajskogo nagorija (na primere semeynoj obryadnosti) // Ehtno-kulturniye processih v Yugo-Vostochnoj Sibiri v srednie veka. – Novosibirsk, 1989.
8. Medvedeva, T.N. Semeyniye otnosheniya po obihchnomu pravu khakasov // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. – Абакан. – 2003. – Vihp. 3. – Ser. Istoriya. Pravo.
9. Kihrzhinakov, A.A. Tayozhniye zakonih khakasov // Vlastj i obthestvo. – Абакан, 2003.
10. Dorina, M.V. Образ лидера в традиционном обthestve тюрков Саяно-Алтая // Vlastj i obthestvo. – Абакан, 2003.
11. Pushkareva, E.T. Kartina mira v folklоре nencev: sistemno-fenomenologicheskij analiz / отв. ред. V.I. Kharitonova; rec.: Z.P. Sokolova, A.V. Golovnyov, N.V. Cihmbalistenko; Rossijskaya Akademiya nauk, Institut etnologii i antropologii im. N.M. Miklukho-Maklaya. – Ekaterinburg, 2007.
12. Kharyuchi, G.P. Tradicii i innovacii v etnicheskoy kuljture nencev, vtoraya polovina XX v: dis. ... kand. istoricheskikh nauk. Rukopisj. – Tomsk, 1999. Nauchnaya biblioteka dissertacij i avtoreferatov [Eh/r]. – R/d: disserCat <http://www.dissercat.com/content/traditsii-i-innovatsii-v-etnicheskoi-kulture-nentsev-vtoraya-polovina-xx-v#ixzz2jEjy5N4r>

Статья поступила в редакцию 01.11.13

УДК 316.7

Melehin V.A., Tatarkina Y.N. SOCIAL WORK SOCIOLOGY IN PARADIGM OF CULTUROLOGICAL ANALYSIS.

The article is devoted to understanding of the synthesis of sociology and social work from a position of culturological paradigm. Presented paradigm focuses on the addition of culturological and humanistic components in to the educational and practice-oriented activities.

Key words: social work sociology, culturological paradigm, vitalistic model.

В.А. Мелехин, канд. социол. н., доц. каф. ТуПС Алтайского гос. технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул; Ю.Н. Татаркина, канд. социол. наук, доц. каф. КуКТ Алтайского гос. технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, E-mail: tun1955@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ППАРДИГМЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена осмыслению синтеза социологии и социальной работы с позиции культурологической парадигмы. Представленная парадигма акцентирует внимание на привнесение в образовательную и практико-ориентированную деятельность культурологической, гуманистической составляющей.

Ключевые слова: социология социальной работы, культурологическая парадигма, виталистская модель.

Теоретическое и методологическое обоснование социологии социальной работы в качестве одного из направлений изучения социальной жизни исследованы зарубежными авторами (П. Абрамс, Х.У. Отто, Н. Луман, А. Фордер и др.), а также отечественными учеными (С.И. Григорьев, Л.Г. Гулякова, П.Д. Павленок, В.И. Жуков, Е.И. Холостова, Г.И. Осадчая, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.).

Выделяется несколько социолого-ориентируемых моделей социальной работы. Одни из них базируются на теории социальных систем (модель социальной работы с использованием положений общей теории систем и модель социальной работы с применением экологической теории систем); другие опираются на радикально-марксистские подходы (радикальная и марксистская модели социальной работы).

Менее исследованной проблемой, в рамках социолого-ориентированных подходов, является культурологический вариант понимания общественных процессов. В отношении культуроло-

гического контекста изучаемой парадигмы социального знания отметим: из всего многообразия трактовок термина и понятия «культура» в нашем исследовательском варианте наиболее приемлемым представляется деятельностный подход к культуре. Деятельностный подход в отечественной культурологической мысли конкретизируется по двум основным направлениям:

– анализ культуры в контексте личностного становления, творческой деятельности (Э.А. Баллер, В.М. Межуев, Н.С. Злобин, Л.Н. Коган и др.);

– культура понимается как способ деятельности, отражающий универсальное свойство общественной жизни в форме «технологии» деятельности (В.Е. Давидович, Э.С. Маркарян, З.Н. Файнбург и др.).

Более предпочтительным, в контексте взаимосвязи социальной работы и социологии, видится первое направление, когда «деятельность есть такое социальное действие человека, которое осуществляется им как субъектом культурно-историчес-

кого процесса, специфической характеристикой которого является активное, сознательное, творческое воздействие на объективный мир».

Социальная работа и социологическое знание, будучи интегрированными в систему социологии социальной работы, в условиях вузовской подготовки специалистов социальной сферы находят проявление в усилении культурологической составляющей в содержании образования, отборе технологий формирования личности обучающихся как субъекта культуры. При этом подготовка специалистов ориентирована на решение ими стратегически важной социальной задачи гармонизации взаимодействия человека и социума, их устойчивого взаимообусловленного развития.

Суть деятельности основания социальной работы состоит в оказании социальной помощи субъектам социальной жизни, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Этическое знание, будучи культурологическим по своему содержанию, является необходимой частью профессиональной деятельности социального работника. Рассмотрение социологии социальной работы как комплексной, синтетической дисциплины предполагает наличие в ней культурологической компоненты, выраженной в «культуроцентричности», которую активно разрабатывают С.И. Григорьев, Л.Г. Гуслякова, И.И. Дуранов, А.С. Запесочный, Н.Б. Крылова, Е.В. Швачко и др.

Идея «культуроцентричности» акцентирует следующие моменты:

- усложнение современного общества и человека требует новой профессиональной и социально-бытовой культуры, а также общественно-политической, научно-технической и информационной подготовки;

- ускорение темпов социокультурных изменений, динамики развития всех сфер общества потребовало организации обучения людей в течение всей жизни;

- обострение глобальных и локальных рисков для жизни людей, проблем социальной, экономической, политической, духовной и экологической безопасности;

- возникновение и массовое распространение социальных болезней, разрушение традиций здорового образа жизни;

- нарастание остроты и масштабов моральной деградации, кризиса семьи как социального института требует масштабных мер по формированию новой и сохранению традиционной социальной культуры [1].

Культуроцентричность социального образования выражает его парадигмальную направленность на подготовку специалистов для профессиональной социальной сферы, которая в соответствии с современными социокультурными ориентирами обеспечивает решение в обществе социально значимой задачи гармонизации взаимодействия человека как субъекта культуры с социумом как социокультурной средой.

Культурологический подход, в силу своей методологической всеобщности, в состоянии интегрировать как элементы социального образования, так и процесс деятельности профессиональных субъектов (социальные работники, различного рода социальные организации и институты) социальной работы и объектов социальной работы в форме социально-уязвимых слоев населения.

Версией синтеза социологии и социальной работы в культурологическом контексте представляются взгляды германского социолога Карла Мангейма, основной круг исследований которого связан с социологией знания и социологией культуры. Он интенсивно занимался проблемами воспитания и образования, изменениями, происходящими в культуре и общественной жизни 20 века (генезис массового общества, планирование в демократическом обществе, смена поколений и их мировоззрений). Именно культурологическая компонента анализа проблем социальной жизни уместна в понимании вопросов социальной работы и социологии.

С позиции Мангейма, социология культуры является наукой, которая рассматривает феномен культуры «с социологи-

ческого понятийного уровня», с точки зрения общественной обусловленности культурных явлений, их «социальной функциональности». Под «функциональностью» феномена культуры понимается не столько его «назначение», сколько его обусловленность социальной ситуацией [2]. В мысли Мангейма уловим контекст, связанный с трудной жизненной ситуацией, которая субъективно воспринимается человеком как трудная лично для него или является объективно нарушающей его нормальную жизнедеятельность (инвалидность, неспособность к самостоятельному самообслуживанию в связи с возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, конфликты и жестокое отношение в семье, одиночество и т.д.). Культурологическое видение общественных проблем социальных групп К. Мангейм обозначает как «слои, объединенные общностью духа».

Социология призвана помочь социальному работнику ориентироваться в том, в какой социальной среде ведется деятельность, какова социальная структура общества и что представляют собой слои, которые признаются слабозащищенными. При этом используется эмпирический инструментальный поиск социологической информации.

Одновременно социолог в анализе структуры общества обязан учитывать культурную составляющую жизни социума, которая, с одной стороны, неотделима от социальной жизни, а с другой стороны, имеет свои особенности. Н.Б. Бокач следующим образом определяет структурные элементы культурной парадигмы:

- «человек как творец и носитель культурной парадигмы.

Это конкретные люди, объединенные общей социокультурной эпохой;

- общность жизни, судьбы, культурно-исторической миссии данного субъекта, которые находят свое выражение в типе отклонений при решении жизненных задач;

- наличие общей социокультурной эмоции, общего жизненного настроения;

- самосознание субъекта культурной парадигмы, связанное с обретением самоидентичности, истинных смыслов своего социокультурного бытия;

- особая ценностная иерархия, система значимостей базовых ценностей для решения жизненных задач субъекта культурной парадигмы» [3].

Культурная парадигма представляет собой важный аспект совместной жизнедеятельности индивидов: она охватывает всю совокупность общественных отношений в процессе социокультурной жизни человека.

Парадигмальным основанием, способным синтезировать практику социальной работы с социологическим знанием, может служить методология понимающей социологии М. Вебера, в центре которой изучение социальных действий как движущих факторов всего человеческого существования в его универсальности. М. Вебер совершил плодотворный отход от ортодоксального позитивизма и ввел принцип «понимания» человеческого действия, которое подлежит анализу в случае, если исследователь раскрывает значение смыслов, побуждающих человека действовать.

Наиболее приемлемым, с позиции связи социальной работы и социологии, на наш взгляд, является разновидность ценностно-рационального действия, основанного на вере в безусловную эстетическую, религиозную или иную самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от результатов [4].

Профессиональная культура социального работника несет в себе общие практики и существенные черты культуры (гуманизм, труд как ценность, общественную полезность, одухотворенность, благотворность, совершенство). В формирующемся гражданском обществе социальная работа институционализируется и проявляет себя как на уровне общества в целом, так и в системе инициатив развития и совершенствования труда и образования.

Библиографический список

1. Григорьев, С.И. Социальная работа с молодежью: основные направления и современные формы: учеб. пособ. для вузов / С.И. Григорьев, Л.Г. Гуслякова, С.Н. Павлов. – М., 2011.
2. Мангейм, К. Избранное: социология культуры. – М.; СПб., 2000.
3. Бокач, Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1998.
4. Вебер, М. Избранные произведения. – М., 1990.

Bibliography

1. Grigorjev, S.I. Social'naya rabota s molodezhnyu: osnovnihe napravleniya i sovremennihe formih: ucheb. posob. dlya vuzov / S.I. Grigorjev, L.G. Guslyakova, S.N. Pavlov. – M., 2011.
2. Mangejym, K. Izbrannoe: sociologiya kul'turih. – M.; SPb., 2000.
3. Bokach, N.B. Kul'turnaya paradigma kak objekt social'no-filosofskogo analiza: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – Volgograd, 1998.
4. Veber, M. Izbrannihe proizvedeniya. – M., 1990.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 069:004

Rodionova D.D., Kimeeva T.I. **PROBLEMS OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGY IN REGIONAL MUSEUMS.** The urgency and importance of information and communication technologies (ICT) in museums' development is justified, the analysis results of using ICT in the activities of regional museums in the example of the Kemerovo region is presented; the positive and negative factors of inputting ICT in various areas of museum are identified, the items requiring changes in implementing ICT into museum structure are marked, and their special role in museum activity as a cultural institution is shown.

Key words: information and communication technologies, regional museum, cultural and educational environment.

Д.Д. Родионова, канд. филос. наук, доц., зав. каф. Музейного дела Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru; Т.И. Кимеева, канд. культурологии, доц. каф. Музейного дела Кемеровского гос. университета культуры и искусств, руководитель отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского гос. университета, г. Кемерово, E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ*

В работе обоснована актуальность и значимость информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в развитии музеев, представлены результаты анализа использования ИКТ в сфере деятельности региональных музеев на примере Кемеровской области; определены положительные и негативные факторы внедрения ИКТ в различные сферы деятельности музеев; обозначены моменты, требующие изменений в организации применения ИКТ и показана их особая роль в музее как учреждении культуры.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), региональный музей, культурно-образовательное пространство.

Современное развитие общества требует наличия во всех сферах деятельности, в том числе и функционировании музея как учреждения культуры, соответствующего информационного обеспечения. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в настоящее время – один из функциональных инструментов формирования ценностных установок, механизмов воспитания и образования современного человека. Под **информационно-коммуникационными технологиями, применяемыми в музее, понимаются** современные цифровые технологии, используемые в целях создания информации по историко-культурному и природному наследию и предоставлению этой информации в различных формах (сайты, электронные каталоги) потребителю.

Развитие информационно-коммуникационных технологий в России является приоритетным направлением, о чем свидетельствует принятая в 2008 г. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» [1]. В документе отмечается, что использование информационных и телекоммуникационных технологий будет способствовать повышению качества жизни граждан, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствованию системы государственного управления. Изучением проблемы трансформации работы музеев под влиянием информационно-коммуникационных технологий, посвящены работы таких российских авторов как Л.Я. Ноль, Е.Н. Мастеница, Н.А. Никишин и др. Относительно Кемеровской области вопросы совершенствования музейной деятельности в условиях современного информационного общества решались в исследованиях Н.А. Белоусовой и Л.З. Боголеповой.

Особенностью данной работы является комплексный анализ информационно-аналитических отчетов о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за последние годы и исследования результатов мониторинга использования ИКТ для развития культуры в регионе.

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно отметить, что успешная реализация музейными своей деятельности возможна при четком понимании целей, задач и перспективных направлений функционирования музейного механизма. На современном этапе развития общества на одно из первых мест выходит необходимость научиться создавать качественный информационный продукт и доносить его до потребителя. Огромную роль в этом играют несколько факторов:

- подготовка квалифицированных кадров [2, с. 74-77];
- укрепление материально-технической базы [3, с. 100-106];
- совершенствование форм и методов охранно-учетной деятельности музея [4, с. 60–66];
- освоение методов современной коммуникации [5, с. 60-65];
- внедрение новых информационно-коммуникационных технологий во всех областях музейной деятельности [6, с. 153-159].

Под влиянием ИКТ музей видоизменяется, модифицируется, адаптируется к новым условиям работы. Исследования подобных изменений актуальны и своевременны, так как позволяют выявить положительные стороны и недостатки информатизации музейной деятельности, перспективы дальнейшего внедрения в музейную сферу новых информационных технологий.

В связи с тем, что понимание роли музея в обществе изменилось: он эволюционировал в своем развитии: от хранилища, собранных учеными ценностей до культурного института, который использует свои сокровища не только в исследовательских целях, но и в научно-образовательном пространстве, стимулирующему понимание и интерес к историко-культурному и природному наследию всех категорий населения.

Сегодня музейные специалисты широко используют ИКТ в своей практической работе. Опыт свидетельствует, что максимальная польза бывает только в том случае, если музейные работники четко осознают сущность проблем, стоящих перед музеем, если сформулированы цель, функции и задачи, которые должны быть решены с помощью ИКТ, если определены

требования к технологии сбора, хранения, передачи и представления информации.

Расширение деятельности по сохранению, изучению и популяризации историко-культурного наследия страны в целом и нашего региона, в частности, на основе внедрения новых информационных технологий в учебное, научное и культурно-образовательное пространство музея дает возможность создания открытого объединенного информационного ресурса для обмена материалами с различными центрами их сохранения и изучения.

Систематизация, исследование музейных материалов и введение их в широкий образовательный и научно-просветительский процесс являются актуальными в условиях повышенного интереса к историко-культурному и природному наследию, частью которого являются музейные коллекции. Максимальное раскрытие и реализация семантики, содержащейся в музейных предметах, позволяет реконструировать утраченные элементы традиционной культуры, выявить их генезис и эволюцию на определенном этапе исторического развития, что, вместе взятое, позволяет формировать более адекватную культурную политику нашего государства [4, с. 124].

Деятельность музеев в трансляции традиционной народной культуры трудно переоценить в период повышенного интереса представителей национальных меньшинств, созданных Национально-культурных центров автохтонного населения Западной Сибири к своей традиционной культуре и ставящих своей задачей ее реанимацию. Несомненно, что официальная культура способна сосуществовать с культурным многообразием, преломляться и адаптироваться в локальных субкультурах. Дальнейшее развитие культуры предполагает использование лучших образцов традиционной культуры [7, с. 46-47].

Еще одним видом расширения коммуникативного поля деятельности музеев является выход на координационные музейные серверы – «Музеи России» и «Музеи Сибири», что уже сделано больше частью государственных и муниципальных музеев Кемеровской области [8, с. 5].

Особую важность приобретают интерактивные системы, которые могут быть реализованы различными способами, как академическими, так и игровыми. Их цель состоит в том, чтобы новыми средствами преподнести или обыграть музейные экспонаты, представить разнообразную информацию о них в компьютерной форме. Такие системы также могут быть наполнены информацией из музейных баз, но каждая из них является уникальным продуктом, с собственным сценарием и дизайном.

В настоящее время в рамках государственного статистического наблюдения мониторинг использования ИКТ для развития культуры в регионах ведётся на основе таких показателей как: оснащённость учреждений культуры компьютерами и доступом в Интернет, а так же применением информационно-коммуникационных технологий для создания каталогов музейных фондов.

Как показал анализ, на сегодняшний день практически не стоит проблема компьютерного обеспечения музея, пусть даже самого провинциального и маленького. Вопрос зачастую стоит в нежелании использовать компьютерную технику для усовершенствования работы музея.

Так, например, основываясь на информационно-аналитическом отчете о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2012 г. [8] в соответствии с формой № 8 НК из 45 музеев компьютерами оснащены 44 музея Кемеровской области, что составляет 289 единиц, в среднем это 6,4 компьютера на каждый музей. А музеев, которые не внесли музейные предметы в электронный каталог – 24 из 45. В целом, на 1 января 2013 года в электронный каталог внесено 76 585 музейных предметов. За год областная электронная база увеличилась на 11 665 единиц. В настоящее время 2 295 предметов музейного фонда Кемеровской области доступно в Интернете [8, с. 24].

На наш взгляд, важным этапом введения дополнительной аудитории в музейное пространство послужит включение музеев в сферу дистанционного образования являющееся наиболее перспективной формой для наиболее удаленных территорий Сибири. Так, в настоящее время музей-заповедник «Томская Писаница» выполняет функции методического центра по работе с электронными ресурсами для музеев Кемеровской области. Впервые в сентябре 2010 г. музей-заповедник совместно с ГОУ «Областной учебно-методический центр работников культуры и искусства» и при поддержке департамента культуры и национальной политики Кемеровской области провел семи-

нар-тренинг для специалистов музеев Кузбасса «Электронные ресурсы в музее».

Активную работу по внедрению информационно-коммуникационных технологий в деятельность вузовских музеев на территории Кемеровской области проводит научно-методический совет вузовских музеев Кузбасса. Рассматриваемые советом вопросы включают расширения культурно-образовательных возможностей на базе музейных коллекций. Примером подобной деятельности служит Музей «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета директор которого является членом совета. Расширение деятельности по сохранению, изучению и популяризации историко-культурного наследия региона происходит на основе внедрения новых информационных технологий в учебное, научное и культурно-образовательное пространство музея, создания открытого объединенного информационного ресурса для обмена с различными центрами их сохранения и изучения. Одним из результатов осуществляемых музеем проектов является постоянно обновляемый сайт музея с включенными в него виртуальными выставками.

Таким образом, становится очевидным:

- перспективы развития музеев тесно связаны с информатизацией музейной деятельности, которая способна стать мощным фактором в деле сохранения культурно-исторического наследия России и Кузбасса в частности. Она способна не только усовершенствовать отдельные аспекты деятельности музеев, но и повысить его социальный статус в целом и усилить учебно-воспитательную функцию в деле подготовки специалистов в различных областях науки;

- инновационные методы работы по внедрению ИКТ в музейную деятельность, могут быть рекомендованы в практику музеев, с учетом специфики работы и профиля музея;

- создание научно-координационных советов для музеев обусловлено необходимостью решения насущных проблем, создания единого информационного поля и работы с другими структурами общества. Взаимодействие с центрами по подготовке специалистов-музеев с региональными отделами, департаментами культуры, национальной политике, образования, науки и высшей школы представляет широкие возможности для создания совместных программ по научно-образовательной деятельности и введению данных музеев в культурное пространство региона.

Сегодня стало вполне очевидно, что музейная деятельность в условиях современности не может обойтись без внедрения информационно-коммуникационных технологий, так как на протяжении развития человеческого общества каждая историческая эпоха порождает свои особенности использования культурного наследия. На основе анализа научной литературы, представленности деятельности музеев в сети Интернет и использования ими в различных видах работы информационно-коммуникационных технологий, сделаны выводы о том, что перспективой развития данных учреждений и способна стать информатизация. Ее внедрение ведет к усовершенствованию отдельных аспектов деятельности музеев и повышению его социального статуса.

Использование информационных технологий способствует привлечению современного потребителя, предпочитающего экранный тип культуры, а не восприятие информации в виде письменного и печатного текста. В современных условиях преобладает именно такой тип потребителя, удовлетворяющего интерес к историко-культурным ценностям посредством электронных информационно-коммуникационных технологий.

Несмотря на наличие доли негативных последствий внедрения информационно-коммуникационных технологий в музейное пространство, требования информационного века делают их неотъемлемым элементом деятельности музея, информационные технологии позволяют автоматизировать систему учета и хранения музейных коллекций, совершенствовать процессы проектирования экспозиций, облегчить доступ к ресурсам для образовательной и научной деятельности пользователей, а также оценить эффективность музейной работы. Использование информационных ресурсов имеет целый ряд положительных моментов, оно позволяет:

- освободить сотрудников музея от рутинной работы, связанной с составлением учетно-фондовой документации;

- обеспечить отбор музейных предметов при составлении тематико-экспозиционных планов для создания экспозиции;

- сделать музейную коммуникацию оперативной посредством сайтов, электронной почты;

- координировать деятельность музея с использованием электронных досок объявлений, форумов, электронных опросов и т.д.

- расширить экспозиционное пространство информацией и визуализацией за счет внедрения в музейное пространство сенсорных киосков и QR-кодов:

- обеспечить обратную связь и партнерское сотрудничество (гостевые книги, видеоконференции и др.);

- определить эффективность работы музейного учреждения.

На наш взгляд, внедрение и использование информационно-коммуникационных технологий повысит уровень эффективности деятельности музея или учреждения музейного типа. Однако, следует заметить, что на уровне конкретного музея реализация деятельности также может быть улучшена с помощью применения ИКТ: например, внедрения информационного менеджмента, интенсификации учета музейных предметов.

Положительные стороны информатизации деятельности музея осознаются в настоящее время всем музейным сообществом, в том числе и сотрудниками музеев Кемеровской области. Признается необходимость изменения музея как социального института, неизбежность появления новых структурных составляющих и новых взаимосвязей между его внутренними и внешними компонентами. Препятствием к активному внедрению информационно-коммуникационных технологий в большинстве музеев области является:

- недостаточное развитие материально-технической базы музеев;

- недостаток квалифицированных музейных кадров;

- отсутствие четкого обоснования теоретико-методологических и организационных основ модернизации музейных учреждений, крайне ограниченное количество эффективных, отвечающих современным реалиям, моделей осуществления музейной деятельности.

По этой причине современное состояние информатизации музеев Кемеровской области и степень их доступности в Интернет не в полной мере соответствует требованиям времени. Система КАМИС имеется только в отдельных музеях – Кемеровском областном музее изобразительных искусств и Кемеровском областном краеведческом музее. В этноэкологическом музее-заповеднике «Тюльберский городок» в качестве системы учета и хранения коллекций внедряется Электронный каталог, разработанный коллективом Музея «Археология, этнография и экология Сибири». Ряд музеев не имеют своего сайта, а информацию о выставках и других музейных мероприятиях размещают на сайтах администрации района или местного отдела культуры.

Для осуществления музейной деятельности, отвечающей требованиям современного информационного общества, и для достижения соответствия деятельности музейной отрасли уровню и направленности информационных потребностей общества в области культурного наследия имеется насущная необходимость в разработке музейной модели. Одним из вариантов такой модели может быть ее построение на основе понимания современного музея как специфической информационной системы, объектом деятельности которого является культурного наследие, а содержание деятельности есть процесс, связанный с получением, хранением, переработкой информации и передачей ее внешним и внутренним потребителям.

Библиографический список

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. – 2008. – 16 февраля (№ 4591) [Э/п]. – П/д: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>.
2. Родионова, Д.Д. О формировании новой парадигмы подготовки музейщиков / Д.Д. Родионова, А.М. Кулемзин // Вестник КемГУ. – 2012. – № 2(50).
3. Мухамедиева, С.А. Эффективность деятельности в сфере культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 14.
4. Кимеева, Т.И. К вопросу о формировании новых форм изучения и сохранения материального историко-культурного наследия в вузовских музеях / Т.И. Кимеева, Н.А. Белоусова // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сб. статей. – Томск, 2008.
5. Черкалин, С.Д. От кустаря одиночки к корпорации (влияние информационных технологий на различные виды деятельности музея) / Музей и современные технологии: сб. статей. – Томск, 2006.
6. Гендина, Н.И. Проблемы вхождения музеев в единое информационное пространство (результаты регионального социологического исследования) / Н.И. Гендина, О.В. Самаковская // Доступность электронных ресурсов библиотек, музеев, архивов как актуальная проблема развития информационного общества: материалы VII всерос. научно-практич. конф. «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов». – СПб., 2011.
7. Кимеева, Т.И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX начало XX вв). – Кемерово, 2007.
8. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев кемеровской области за 2012 год. – Кемерово, 2013.

Стремление к инновациям в музейной сфере не должно вступать в противоречие с исторически сложившейся миссией музеев в области сохранения и использования историко-культурного наследия, с реальными потребностями населения в области музейной культуры, поскольку это несет в себе опасность снижения роли историко-культурного компонента в жизни современного общества. Поэтому наряду с инновационными информационно-коммуникационными технологиями должны сосуществовать традиционные технологии, что непременно должно быть закреплено в законодательных документах. Следует оговориться, что до сегодняшнего дня российские музеи осуществляют свою фондово-хранительскую деятельность в соответствии с Приказом Минкультуры СССР об утверждении «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» № 290 от 17 июля 1985 г. [9]. Соответственно, что данный документ не может содержать указаний по использованию электронных технологий при работе с музейными коллекциями.

Образование современных специалистов-музейщиков ведется с учетом требований информационного общества. Студентами по направлению «072300 – Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и профилю подготовки «Культурный туризм и экскурсионная деятельность», «Выставочная деятельность» в рамках спецкурсов «Информационные технологии в музейной деятельности», «Комплектование, учет и хранение музейных фондов» изучаются инновационные методы работы по внедрению ИКТ в музейную деятельность, которые рекомендуются в практику музеев с учетом специфики их работы и профиля.

Создаются научно-координационные советы для музеев, что обусловлено необходимостью решения насущных проблем, создания единого информационного поля и работы с другими структурами общества. Взаимодействие с центрами по подготовке специалистов-музейщиков с региональными отделами, департаментами культуры, национальной политике, образования, науки и высшей школы представляет широкие возможности для создания совместных программ по научно-образовательной деятельности и введению данных музеев в культурное пространство региона.

На наш взгляд необходима разработка единой стратегии развития музейной деятельности в сфере информационно-коммуникационных технологий, в условиях становления информационного общества. Музей должен ориентироваться на запросы внешних потребителей услуг с учетом внутренних интересов, стать технологически единым, конкурентоспособным в сфере информационной культуры и социального развития.

В целом, музей, репрезентируя историю и культуру в современном информационном обществе, постепенно превращается в динамично развивающуюся отрасль культуры, становясь частью информационного пространства в том период, когда влияние информационно-коммуникационных технологий приобретает всеобщий характер. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в музейную деятельность способствует превращению музея в мощный фактор в деле сохранения культурно-исторического наследия и природного наследия отдельных областей и регионов России.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, номер проекта 12-01-12023

9. Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» № 290 от 17 июля 1985 г. [Э/р]. – Р/д: awrussia.ru/bigtexts/law_2209/

Bibliography

1. Strategiya razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii ot 7 fevralya 2008 g. № Pr-212 // Rossijskaya gazeta. – 2008. – 16 fevralya (№ 4591) [Eh/r]. – R/d: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>.
2. Rodionova, D.D. O formirovanii novoy paradigmaticheskoy podgotovki muzevedov / D.D. Rodionova, A.M. Kulemzin // Vestnik KemGU. – 2012. – № 2(50).
3. Mukhamedieva, S.A. Effektivnost' deyatelnosti v sfere kul'turh // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'turh i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy. – 2011. – № 14.
4. Kimeeva, T.I. K voprosu o formirovanii novykh form izucheniya i sokhraneniya material'nogo istoriko-kul'turnogo naslediya v vuzovskikh muzeyakh / T.I. Kimeeva, N.A. Belousova // Kul'turh i narodih Severnoy Azii i sopredelnykh territoriy v kontekste mezhdisciplinarnogo izucheniya: sb. statej. – Tomsk, 2008.
5. Cherkalin, S.D. Ot kustarya odinochki k korporacii (vliyaniye informacionnykh tekhnologiy na razlichnye vidy deyatelnosti muzey) // Muzej i sovremennye tekhnologii: sb. statej. – Tomsk, 2006.
6. Gendina, N.I. Problemy vkhodzheniya muzeev v edinoe informacionnoe prostranstvo (rezul'tatoh regional'nogo sociologicheskogo issledovaniya) / N.I. Gendina, O.V. Samakovskaya // Dostupnost' ehlektronnykh resursov bibliotek, muzeev, arkhivov kak aktual'naya problema razvitiya informacionnogo obshchestva: materialih VII vseros. nauchno-praktich. konf. «Ehlektronnye resursy bibliotek, muzeev, arkhivov». – SPb., 2011.
7. Kimeeva, T.I. Kul'tura narodov Pritom'ya kak rezul'tat mezhehtnicheskogo vzaimodeystviya (konec XIX nachalo KhKh vv). – Kemerovo, 2007.
8. Informacionno-analiticheskij otchet o deyatelnosti gosudarstvennykh i municipalnykh muzeev kemerovskoy oblasti za 2012 god. – Kemerovo, 2013.
9. Instrukcii po uchetu i khraneniyu muzejnykh cennostej, nakhodyashchysya v gosudarstvennykh muzeyakh SSSR» № 290 ot 17 iyulya 1985 g. [Eh/r]. – R/d: awrussia.ru/bigtexts/law_2209/

Статья поступила в редакцию 28.10.13

УДК 008

Sycheva L.S. **CULTUROLOGY AND PROGRAM-SUBJECT COMPLEXES OF DISCIPLINES.** It is shown in the article that culturology is included into a program-subject complex of disciplines which is made by program sciences (sociology, economy, psychology, history) and the subject sciences, one of which is culturology (it is described by all programs of subject sciences). Culture is understood as kumatoid, or a wave which extends on «material».

Key words: **culturology, culture, program-subject complex of disciplines, kumatoid, wave, reflexive transformations.**

Л.С. Сычева, д-р филос. наук, проф. каф. философии Новосибирского гос. университета, г. Новосибирск, E-mail: sls@academ.org

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПРОГРАММНО-ПРЕДМЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДИСЦИПЛИН

В статье показано, что культурология входит в программно-предметный комплекс дисциплин, который составляют программные науки (к ним относятся социология, экономика, психология, история) и предметные науки, одна из которых – культурология, которая описывается по всем программам названных выше наук. Культурология понимается как куматоид, или волна, которая распространяется по «материалу».

Ключевые слова: **культурология, культура, программно-предметный комплекс дисциплин, куматоид, волна, рефлексивные преобразования.**

Многие авторы отмечают, что в работах по культурологии приводятся более двухсот определений культуры. Это нетрудно понять, если учесть многогранность явлений культуры, многогранность, из-за которой, как пишет А.Я. Флиер в статье 1997 года, возникло мнение о том, что наука о культуре претендует «на статус некоей «супернауки», обобщающей все прочее гуманитарное и социально-научное знание» [1, с. 124]. Не решен также в общем виде вопрос о том, каковы особенности гуманитарных наук, каков способ бытия их объектов. Рассмотрим некоторые сложившиеся подходы к тому, что такое культура и что собой представляет культурология как наука, а затем представим культурологию как программно-предметный комплекс дисциплин. Так, классик эволюционистского направления Э. Тейлор рассматривал культуру как совокупность ее элементов – верований, традиций, искусства, обычаев и т.д. Тейлор изучал культуру как ряды усложняющихся в процессе развития элементов, например, как постепенное усложнение предметов материальной культуры (орудий труда) или эволюцию форм религиозных верований. В работе «Первобытная культура» он развивал идею прогрессивного развития культур, и противопоставлял ее «теории вырождения» графа Ж. де Местра. Тейлор не отрицал возможности регрессивных изменений в культурах в результате исторических или природных катаклизмов, но полагал, тем не менее, что магистральным направлением в истории человечества является эволюционное прогрессивное развитие культуры [2].

В противовес эволюционизму в конце 19 века появляется диффузионизм. Понятие «диффузия», заимствованное из физики, означает «разлитие», «растекание», «проникновение». При изучении культур диффузионистов интересовало распространение культурных явлений через контакты между народами – торговлю, переселение, завоевание. Представители этого направления считают главным содержанием исторического процесса диффузию, контакт, столкновение, заимствования, перенос культур. Эволюционистской идее автономного возникновения и развития культурных явлений в сходных условиях диффузионисты противопоставили идею географической определенности, в некоторых случаях даже тезис об однократном возникновении культуры и последующем распространении ее из центра зарождения [2].

Программа другого диффузиониста, Ф. Ратцеля, включала в себя «акцент на взаимовлияние культур; их изменения путем заимствования; идея о некоем одном или нескольких центрах, из которых началось развитие человечества. Основной объект исследования – предметы материальной культуры (этнографические предметы), образующие некоторую целостность в пространстве и времени (культурный круг). Ратцель отводил человеку второстепенную роль (носитель этнографических предметов) и предполагал относительную независимость культуры от него» [2, с. 36].

Создатель культурной морфологии Л. Фробениус рассматривал две формы продвижения культуры: перенос культуры без

значительного движения народа и перемещение культуры с народами. Человек в его теории занимал подчиненное место, человек с его точки зрения – это скорее, продукт культуры, чем ее творец. Фробениус уподобляет культуру *организму*, утверждает, что культуры рождаются, живут и умирают, как и другие живые существа. «Культура растет сама по себе, без человека, без народа» [3, с. 139]. Культура нуждается в питании, что осуществляется благодаря развитию хозяйства. Как организм, культура может быть пересажена на другую «почву», и в новых условиях она приобретает иное направление развития. Новые культуры рождаются из соприкосновения и взаимодействия старых. В то же время культура не может обходиться без человека, так как у нее нет ног. Поэтому человек – носитель культуры [2].

Уже эти начальные сведения говорят о том, что к объектам культуры относят орудия труда, копья, лук, стрелы, ткани, а также мифы, жертвоприношения, ритуалы. Названо также, что именно в культуре интересуют исследователей – одних авторов интересует ее эволюция во времени, других – распространение культуры по территории. Так, эволюционистские теории культуры содержат *программы изучения* культур, куда входят «идея единства человеческого рода и единообразия развития культур, прямая однолинейность этого развития – от простого к сложному, очень часто обязательность выделенных стадий развития для всех обществ, идея общественного прогресса и исторического оптимизма, просветительско-рационалистический идеал будущего развития культур, психологическое обоснование явлений культуры и нередко выведение закономерностей развития обществ из психических свойств индивидов» [2, с. 25]. Диффузионистская программа состоит в исследовании 1) полного и быстрого переноса не отдельных вещей, а всего культурного комплекса; этот вариант Ратцель называет аккумуляцией; 2) перемещения отдельных этнографических предметов от одного народа к другому. Предметы материальной культуры были выбраны им в качестве основного объекта исследования, так как они гораздо дольше удерживаются и сохраняют свою форму и ареал распространения по сравнению с другими аспектами культуры [2].

В работах, посвященных современному состоянию культурологических наук культуру понимают как имманентный аспект всякой специализированной и неспециализированной человеческой деятельности и подчеркивают, что так понимаемую культуру изучают все гуманитарные и социальные науки (исторические, филологические, искусствоведческие, социологические, политологические, психологические и т.п.). К собственно культурологическим, считает автор статьи «Культурологические науки», могут быть отнесены лишь те исследования, в которых культура представлена как целостный и непосредственный объект познания [4]. Автор статьи, А.Я. Флиер выделил три группы культурологических исследований: гуманитарно-культуроведческие, социально-культурологические и прикладные культурологические. В рамках гуманитарно-культуроведческого профиля автор выделяет такие направления, как историко-культурные исследования общего профиля, исследования культуры ментальностей, исследования религиозного аспекта культуры, литературоведческие исследования истории культуры и т.п.

Автор совершенно прав, что культуру исследуют в рамках различных социально-гуманитарных наук – истории, литературоведения, религиоведения, и т.д. О том, что для формирования культурологии необходимо подключение других наук, прежде всего, говорит само название этой науки (или группы наук) – «культурология» – в названии указан объект исследования, но остается неясным, в рамках каких программ следует изучать этот объект. Я не буду утверждать, что по названию любой дисциплины можно понять, каков ее характер, какова программа исследования ее объектов. И, тем не менее, как тип научной дисциплины, когда указывается объект исследования и молчаливо предполагается, что программа (программы) его исследования известны, культурология не одинока. Такова, например, науковедение, о котором С.Р. Микулинский и Н.И. Родный пишут, что «науковедение складывается из изучения истории науки и техники, социологических проблем науки, логики и экономики науки, психологии научно-технического творчества» [5, с. 29]. Или океанология – включает в себя оптику океана, термодинамику океана, биологию океана, даже экономику океана. Наличие такой группы не случайно и обусловлено определенными закономерностями формирования научных дисциплин. Мы уже видели, что начало формирования культурологии связано с тем, что

программы исследования культуры как нового объекта, попавшего в сферу интересов ученых относительно поздно, заимствуют из других наук – биологии, физики. Трактовка культуры как организма – это методологическая исследовательская программа, т.е. программа-метафора [6]. Использование биологических аналогий в самом начале формирования довольно большого класса дисциплин свойственно не только науке о культуре. Уподобляли свои объекты организму на ранних стадиях своего формирования лингвистика, социология и ряд других наук. Однако между науками существуют и более глубокие связи, чем использование биологических аналогий в тех науках, которые формируются позднее биологии.

Для того, чтобы более четко представить структуру культурологии и ее место среди других наук, рассмотрим подробнее представления о науке и научных дисциплинах, разрабатывающихся в рамках философии науки. Так, Т.Кун в известной работе «Структура научных революций» показывает, что ученый работает в рамках парадигмы. Однако, считает М.А. Розов, ученый в модели Куна запрограммирован парадигмой слишком жестко. «Наука в свете его модели рассматривать как обособленный организм, живущий в своей парадигме, точно в скафандре с автономным жизнеобеспечением» [7, с. 83]. Отметим и другие «узкие места» модели Куна, М.А. Розов предлагает построение более богатой модели науки. Прежде всего, он отвечает на вопрос: что собой представляет наука как объект исследования, к какого рода явлениям она принадлежит? Он полагает, что наука – это социальный *куматоид*, для которого характерно «относительное безразличие к материалу, его способность «плыть» или «скользить» по материалу подобно волне. Этим *куматоиды* отличаются от обычных вещей, которые мы привыкли идентифицировать с кусками вещества» [7, с. 87]. Если бытие *куматоида* (волноподобного объекта) не удастся связать с определенным материалом, то следует рассматривать его как совокупность определенных программ, в рамках которых организуется и функционирует все время обновляющий себя материал. Анализировать науку как *куматоид* – значит выделить множество конкретных программ (культурных традиций, социальных эстафет), реализуемых на человеческом материале, т.е. определяющих действия большого количества постоянно сменяющих друг друга людей. В своей монографии М.А. Розов выделяет для анализа науки программы получения знаний (куда входят методы исследования, программы теоретического конструирования, методологические исследовательские программы), коллекторские программы (программы референции и систематизации знаний), а также аксиологические программы [8].

Рассмотрим, как выглядит дисциплинарное строение науки в рамках концепции эстафет. Отметим, прежде всего, что все традиционные науки (география, биология, физика, геология и тому подобные) представляют собой не отдельные, строго «закапсулированные» научные дисциплины, а определенные семейства дисциплин.

В философии науки различают программные науки (или «фундаментальные», которые задают определенный подход, определенную программу изучения каких-либо объектов) и дисциплины конкретно-предметной организации, например, «таксономические» в биологии, описывающие каждую группу организмов [8, гл. 10]. Так, в состав биологии входят, с одной стороны, анатомия, физиология, генетика, этология, экология, а, с другой, – орнитология (биология птиц), ихтиология (биология рыб) и т.п. Науки типа орнитологии описывают птиц по *всем биологическим* программам. Важно, что эти две группы дисциплин формируются одновременно – одно и то же знание, скажем о том, как устроены птицы, какова их анатомия, относили в две разных дисциплины – в анатомию, где был раздел «анатомия птиц» и в орнитологию, где наряду с анатомией птиц были разделы о физиологии птиц, их этологии (поведении птиц), генетике и т.д. В свою очередь, при изложении анатомии не ограничивались описанием строения птиц, а приводили анатомию рыб, млекопитающих и всех других систематических групп. Происходило это потому, что в случае изучения, скажем, анатомии птиц, можно выделить в качестве референта анатомию, а можно – птиц. Однако была не только *возможность* выбора референции знания в этом случае, но была, вероятно, и *потребность* – люди нуждались не только в знаниях о том, как устроены биологические организмы (т.е. нуждались в знаниях об анатомии), но и в знаниях о том, что такое птицы, рыбы и другие живые организмы. Во втором случае референция определяется на базе био-

логической систематики, а программы исследования заимствуются из фундаментальных дисциплин. В итоге одна и та же совокупность знаний – о строении, функционировании, поведении различных групп организмов фиксируются в социальной памяти общества в дисциплинах *двух разных типов* – фундаментальных и таксономических, что происходит благодаря рефлексивным преобразованиям знаний [7].

Перейдем к культурологии. Полной аналогии биологии и культурологии в механизмах их формирования и в типе дисциплин – нет. Однако некоторые общие моменты здесь имеют место. Так, можно трактовать культурологию как изучение культуры по всем социально-гуманитарным программам. Об этом свидетельствуют обобщающие статьи в словаре по культурологии, где показано, что практически все программные социально-гуманитарные науки – история, социология, экономика, психология, лингвистика и т.д. могут быть осознаны и как исследование соответствующего аспекта культуры. При этом существенную роль в таком осознании играют рефлексивные преобразования. Даже и тогда, когда еще не появилось слово культурология, и когда эта система знаний не стала еще преподаваться и изучаться в вузах, в рамках традиционных гуманитарных наук осознавался культурологический статус литературных произведений, фольклора, мифов, исследований религии, искусства и т.д. Также как в рамках исторических исследований наряду с исследованием войн, революций, реформ и т.п. событий, фиксировались и факты культуры – описывалась архитектура и городов в целом, и отдельных строений, храмов, и многое другое. В любой обобщающей работе по истории, например, в «Истории Европы» есть главы по истории культуры. Таки образом, будет ли дисциплина программной или – предметной, зависит от рефлексии ученого, от выбора им референта. В качестве референции может выступать *программа* исследования объекта (социология имеет одну программу исследования, психология – другую, так же как программа анатомии отличается от программ физиологии, этологии, генетики и т.д.), или – изучение объекта по всем программам, как в культурологии, науковедении, океанологии, орнитологии.

Правда, рефлексия исследователей стала выделять культурологическое содержание исторических и других гуманитарных наук позднее, когда понадобилось писать учебники по культурологии или, скажем, создавать программы работы Российского института культурологи Минкультуры и РАН. Иначе говоря, не было никаких *теоретических* препятствий для осуществления рефлексивных преобразований традиционного гуманитарного знания с целью обнаружения в составе этого знания исследованной культуры. Но не было соответствующей *потребности*, которая появилась в лице системы преподавания, когда решили, что наряду с другими гуманитарными дисциплинами, нужно преподавать и культурологию (речь идет о нашей стране).

Итак, можно представить культурологию как программно-предметный комплекс дисциплин, в рамках которого культура изучается по всем программам социально-гуманитарных наук.

Традиционные социально-гуманитарные науки (история, социология, экономика, психология) это дисциплины программно-методической организации; тогда как дисциплины, изучающие различные сферы культуры – религиоведение, фольклористика, литературоведение, искусствознание и некоторые другие – предметно ориентированы. Эти две группы дисциплин образуют сложные объединения – программно-предметные комплексы. Важно, что свою четкую ориентацию каждая группа дисциплин получает только в составе таких комплексов. И одна и та же дисциплина в составе разных комплексов может иметь разную ориентацию. При этом не только науки программно-методической ориентации влияют на предметно ориентированные дисциплины, но и наоборот. В рамках гуманитаристики фундаментальные науки в отличие от предметных должны усматривать свою специфику, прежде всего, в характере задач и в особенностях *общего подхода* к объекту исследования. Именно это позволяет, в частности переносить программы наук первой группы на новые объекты, образуя такие сферы исследования, как, например, экономика спорта или география отдыха. Тогда как словосочетание литературоведение спорта или религиоведение науки вряд ли осмысленны.

Отметим еще один важный момент. Вернемся к тому, что такое культура. Большинство ученых определяют понятие «культура» через перечисление тех объектов, которые составляют культуру, таких, как предметы материальной культуры (орудия труда, лук и стрелы и т.д.) и предметы духовной культуры – верования, традиции, обычаи и т.д. Есть один общий признак, объединяющий орудия труда и верования – все они не являются естественными объектами. И с этой точки зрения – противостоят природе. Достаточно ли этой негативной характеристики? Обратим внимание на то, как описывают культурную диффузию – она есть «процесс, отличный как от передвижения обществ, так и перемещения отдельных людей либо их групп внутри обществ или из одного социума в другой. Культура может передаваться от общества к обществу и без перемещения самих обществ, или отдельных их членов. Распространение культуры есть особая форма движения, отличная от миграций обществ и людей и никак не сводимая к этим процессам. В таком случае культура выступает как нечто самостоятельное» [4, с. 105]. Мне важны здесь не столько идеи диффузии и гипотеза о том, что культура распространяется по миру, возможно, из одного центра. А важно само понимание культуры – здесь очень точно описана культура как *волна*, которая есть нечто самостоятельное и может распространяться от общества к обществу и без перемещения членов общества. Культура – это, конечно, не одна волна, а множество волн. Исследовать культуру как волну – значит изучать программы, которые связаны как с материальными предметами – орудиями труда, так и программами, составляющие суть верований, традиций, фольклора, литературы и т.д. Подобное представление о культуре развивает и Фробениус, хотя биологизм в его модели слишком прямолинеен.

Библиографический список

1. Флиер, А.Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2.
2. Белик, А.Л. Культурология. Антропологические теории культур. – М., 1998.
3. Токарев, С.А. История зарубежной этнографии. – М., 1978.
4. Культурологические науки // Культурология. XX век. – СПб., 1997.
5. Микулинский, С.Р. Место науковедения в системе наук / С.Р. Микулинский, Н.И. Родный // Вопросы философии. – 1968. – № 6.
6. Розов, М.А. Методологическое мышление и задачи университетского образования // Философский факультет: ежегодник. – 2000. – № 1.
7. Степин, В.С. Философия науки и техники: учеб. пособие / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М. – 1996.
8. Розов, М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – Смоленск, 2006.

Bibliography

1. Flier, A.Ya. Sovremennaya kul'turologiya: objekt, predmet, struktura // Obtshestvennihe nauki i sovremennostj. – 1997. – № 2.
2. Belik, A.L. Kul'turologiya. Antropologicheskie teorii kul'tur. – M., 1998.
3. Tokarev, S.A. Istoriya zarubezhnoj ehtnografii. – M., 1978.
4. Kul'turologicheskie nauki // Kul'turologiya. KhKh vek. – Spb., 1997.
5. Mikulinskiy, S.R. Mesto naukovedeniya v sisteme nauk / S.R. Mikulinskiy, N.I. Rodniy // Voprosih filosofii. – 1968. – № 6.
6. Rozov, M.A. Metodologicheskoe mihshlenie i zadachi universitetskogo obrazovaniya // Filososfskiy fakuljtet: ezhegodnik. – 2000. – № 1.
7. Stepin, V.S. Filosofiya nauki i tekhniki: ucheb. posobie / V.S. Stepin, V.G. Gorokhov, M.A. Rozov. – M. – 1996.
8. Rozov, M.A. Teoriya socialjnihkh ehstafet i problemih ehpistemologii. – Smolensk, 2006.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 008

Nguyen Quoc Hung. CULTURAL TOURISM AS A SECTOR OF SOCIO-CULTURAL PRACTICES AND HABITAT.

The article presents the connection of cultural tourism, socio-cultural practices, as well as the environment. The methodological basis consideration of cultural tourism is «environmental» view of culture. Its selection was possible on the basis of the comparative characteristics of such approaches in the understanding of culture as the «industry», «academic», «artistic», «ethnographic». The concept of cultural tourism in the environmental sense was based on the interests of different types of tourists: a historical, geographical, and artistic approaches such as «technical» and «conceptual», which is best correlated with environmental process culture. In this regard, cultural tourism stands to the identification and development of cultural values and benefits.

Key words: culture, correlation, tourism, cultural tourism, cultural environment, social environment.

Нгуен Куок Хынг, канд. пед. наук, докторант ФГБОУ ВПО «Московский гос. университет культуры и искусств», E-mail: shupik49@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ КАК СФЕРА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК И СРЕДА ОБИТАНИЯ

В статье раскрывается взаимосвязь культурного туризма, социокультурных практик, а также среды обитания. Методологической базой рассмотрения культурного туризма служит «средовой» взгляд на культуру. Его выделение стало возможным на базе сравнительных характеристик таких подходов в понимании культуры как «отраслевой», «академический», «художественный», «этнографический». В разработку концепции культурного туризма в средовом смысле положен различный характер интересов туристов: исторический, географический, художественный и такие подходы, как «технический» и «концептуальный», которые в наибольшей мере соотносятся со средовым процессом культуры. В связи с этим культурный туризм выступает деятельностью по выявлению и освоению культурных ценностей и благ.

Ключевые слова: культура, взаимодействие, туризм, культурный туризм, культурная практика, культурная среда, социальная среда.

I. Методологической базой рассмотрения культурного туризма в данной статье служит «средовой» взгляд на культуру.

II. Культурный туризм сегодня нередко рассматривается как вид пространственно-временной, досугово-созерцательной деятельности, находящийся вне целевой определенности. Очевидно, что такой подход не охватывает всего значения феномена культурного туризма. В частности, упускается из вида то, что культурный туризм это, прежде всего социокультурные практики и среда обитания людей, включенных в общетуристическую познавательную деятельность.

В современной культурологической и философской литературе в осмыслении и понимании культуры, применительно к туризму, есть две противоположные традиции, одну из которых можно назвать отраслевой, а другую – академической. В отраслевом понимании культура – это все, что создано человеком, в отличие от того, что создано природой [1]. Не трудно заметить здесь скрытое средовое начало, которое «просвечивается» сквозь внешнюю отстраненность от нее.

«Отечественная практико-ориентированная традиция» связывает понятие «культура» прежде всего с художественной практикой, проблематикой духовного совершенствования личности. В западной научной традиции, которая приобрела характер «академизма» и в отечественной культурологии, реальный феномен культуры понимается преимущественно в социально-этнографическом (поведенческом, коммуникативном) и средовом смысле» [2, с. 29].

Отраслевой и «средовой» подходы к культуре позволяют ввести понятие «культурный туризм», посредством которого и происходит преобразование культуры как процесса – в продукт. Именно таким образом и было сформировано определение, предоставляющее культурный туризм «как идеальную арену, средовое пространство для исследования природы культурного воспроизводства» [1]. Это не противоречит и другим определениям культурного туризма: «потребление туристами искусства, художественного наследия, фольклора и целого ряда других проявлений культуры» [3, с. 84].

В разработку концепции культурного туризма в средовом смысле значительный вклад внесли исследования М. Драгичевич-Шешич, результатом которых явилась классификация культурного туризма, в основу которой положен характер культурных интересов туристов: исторические путешествия (путешествия в историю, путешествия–реконструкции исторических со-

бытий, религиозные путешествия, изучение исторического периода), географические путешествия (комплексные и специализированные), художественные путешествия (поездки, предпринимаемые в целях изучения какого-либо направления в искусстве и т.д.) [4].

Многообразие подходов к интерпретации культурного туризма делает весьма затруднительной попытку единственно правильного определения культурного туризма. В связи с этим более продуктивным представляется выделение двух основных подходов к рассмотрению анализируемого явления: технический подход; концептуальный подход.

Первый основан на описании типов дестинаций, привлекающих потоки культурного туризма, и, таким образом, представляет собой концепцию, основывающуюся на понятии культуры как продукта. Второй подход, напротив, стремится описать мотивы, лежащие в основе данного вида туризма, и объясняет стремление людей к посещению культурных объектов их желанием узнать что-либо новое о них. Таким образом, можно сделать вывод об ориентации этого подхода на средовый «процесс культуры». Интересно отметить в связи с этим, что Европейская ассоциация по образованию в сфере туризма и отдыха особо подчеркивала в своих изданиях как ключевой аспект культурного туризма именно «элемент обучения» [5, с. 18].

Таким образом, культурный туризм обобщенно может быть охарактеризован как процесс ознакомления с «чужой» культурой и ее осмысления. В результате этого процесса личность вырабатывает свое «видение» иного и на этой основе развивает, расширяет круг своих познавательных интересов в отношении историко-культурных традиций, обычаев, нравов народов других местностей, наций и национальностей, т.е. всего того, что позволяет формировать культурную компетентность участника туристического процесса. С точки зрения средовой практики культурная деятельность здесь является, прежде всего, деятельностью по выявлению, сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей, культурных благ.

Культурные блага при этом выступают как условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей.

Важнейшими сферами культурной деятельности являются: памятники истории и культуры; художественная литература, кинематография, сценическое пластическое, музыкальное искус-

ства, архитектура и т.д.; самодеятельное творчество и народные промыслы; эстетическое образование, художественное воспитание, педагогическая деятельность в этой сфере; международный культурный обмен; телевидение, радио, книгопечатание, библиотечное дело; виды деятельности, в результате которых создаются и сохраняются, а также осваиваются культурные ценности. Все это и составляет специфическое содержание культурной среды обитания.

Безусловно, каждая культура – это ценность, это неповторимая Вселенная, созданная определенным отношением человека к миру и к самому себе. Культурный потенциал – это показатель, в какой-то мере, культурных ценностей. Во Вьетнаме культурный потенциал представлен широкой гаммой от архитектурных памятников до видов искусства, церемоний и обычаев.

Общенаучные определения понятия культуры и культурной направленности туристической деятельности относятся к культуре Вьетнама как части культурного мира, среды и объекта туризма. Следует отметить, что культура сегодня не может существовать вне национальной средовой формы самовыражения. Являясь социальным организмом, социальной общностью, любая нация самостоятельно определяет свое культурное развитие. Но, несомненно, и влияние мировой культуры на это развитие. Национальные особенности сближают, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают людей из национального средового окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы – это не суженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой «ассоциации», как говорил академик Д.С. Лихачев.

В современных условиях мир – это широкая картина средового этнического многообразия, которое не уменьшается, а увеличивается, и тем самым идет обогащение всего человечества, развитие его цивилизованности. Можно утверждать, что потребность в культурном обмене, познании культурных ценностей других народов составляет одну из главных движущих сил туризма.

Понятие «культурные ценности» охватывает весьма широкий и разнообразный круг явлений. По характеру функциониро-

вания в средовом пространстве культурные ценности можно структурировать в два типа:

– культурные ценности, выступающие в виде предметов или результатов целенаправленной деятельности, материальных и нематериальных продуктов, существующих самостоятельно в качестве – количественном измерении;

– культурные ценности как показатель определенного уровня цивилизованности, характеризующие все сферы общественной жизни (культура труда, быта, поведения, потребления; культура речи, мышления, межличностных отношений и т.п.).

Культурные ценности первого типа являются специфической продукцией культурной отрасли. В своем «изготовлении» они проходят стадии, аналогичные процессам в материальной сфере, т.е. производство, распределение, обмен, потребление.

Культурные ценности второго типа являются непосредственным результатом освоения продуктов культуры обществом в целом и его отдельными членами. Иными словами, хотя этот результат, и не поддается измерению, но вполне очевидна реальная «отдача» от культуры, ее активного взаимодействия со всеми жизненными и производственными процессами.

Туризм – социально-экономическое явление, в настоящее время – целая отрасль, индустрия, занимающаяся организацией отдыха, эстетического и интеллектуального развития, экологического воспитания и познания окружающего мира. Услуги, связанные с обеспечением активного отдыха, составляют существенную часть потребляемых населением благ, ценностей, в том числе и культурных. Таким образом, естественен следующий вывод. Туризм с позиций культурной среды обитания предоставляет возможности для развития личности, расширения его познавательного горизонта, творческой и организаторской деятельности. Туризм, как среда жизнедеятельности, социокультурных практик, выполняет также функцию релаксации и рекреации человека, освобождает человека от чувства усталости, предоставляет возможность смены вида деятельности, обстановки и т.д. Все это говорит о том, что культурная направленность туризма как среды, представляет собой один из самых важных критериев туристской деятельности.

Библиографический список

1. Hospitality, Tourism and Leisure Management: Issues in Strategy and Culture. London, 1997.
2. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов. – М., 2000.
3. Орлова Э.А. Социальная (культурная) антропология. – М., 2005.
4. Драгичевич-Шешич, М. Менеджмент в области культурного наследия [Э/р]. – Р/д: <http://www.culturalmanagement.ru/biblio/Nast>.
5. Гордин, В.Э. Теоретические и практические подходы к развитию культурного туризма / В.Э. Гордин, М.Д. Сущинская, И. Яцкевич // Конвергенция культуры и туризма на пороге XXI века. – СПб., 2000.

Bibliography

1. Hospitality, Tourism and Leisure Management: Issues in Strategy and Culture. London, 1997.
2. Flier, A.Ya. Kuljturologiya dlya kuljturologov. – M., 2000.
3. Orlova Eh.A. Social'naya (kuljturnaya) antropologiya. – M., 2005.
4. Dragichevich-Sheshich, M. Menedzhment v oblasti kuljturnogo naslediya [Eh/r]. – R/d: <http://www.culturalmanagement.ru/biblio/Nast>.
5. Gordin, V.Eh. Teoreticheskie i prakticheskie podkhodih k razvitiyu kuljturnogo turizma / V.Eh. Gordin, M.D. Suthinskaya, I. Yackevich // Konvegrenciya kuljturih i turizma na poroge XXI veka. – SPb., 2000.

Статья поступила в редакцию 29.10.13

Раздел 9

ФИЛОСОФИЯ

Редактор раздела:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК – доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово)

УДК 352.075.1

Baturina M.M., Baturina A.D. THE INVESTIGATION OF THE MUTUAL INFLUENCE OF A HUMAN BEING AND ANCIENT RELIGIOUS PLACES IN THE ALTAI REPUBLIC WITHIN THE FRAMEWORK OF ECOLOGY OF THE SOUL. The article deals aspect of the problem of the interaction of man and nature, for example, to determine the conditions and factors of interaction of the person and ancient cult constructions – ritual ethnic centres in the status of specially protected natural territories (Ethno-nature Park «Uch-Enmek», Republic of Altai). An attempt is made to the formation of the concept of «Ecology of the soul» as a systematic approach in the search for conceptual and practical solutions optimize the interactions of society and nature.

Key words: ancient religious buildings, ethnic ritual centers, ecology of the soul.

М.М. Батурина, ассистент АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Барнаул;

А.Д. Батурина, аспирант Московского института психоанализа, г. Москва, E-mail: kikt2011@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ДРЕВНИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»

В статье исследуется аспект проблемы взаимодействия человека и природы на примере выявления условий и факторов взаимовлияния человека и древних культовых сооружений – ритуальных этнических центров, находящихся в статусе особо охраняемых природных территорий (Этно-природный парк «Уч-Энмек», Республика Алтай). Делается попытка формирования концепта «Экология души» в качестве системного подхода в поиске концептуальных и практических решений оптимизации взаимодействий общества и природы.

Ключевые слова: древние культовые сооружения, ритуальные этнические центры, экология души.

На этапе постнеклассического периода (конец XX века) человечество столкнулось с глобальными экологическими и социальными проблемами. Поиск путей развития цивилизации оказался тесно связанным с проблемой синтеза культур. Очевидно, что человек не может и далее навязывать природе свои потребительские принципы. Наиболее верным путем развития цивилизации, на наш взгляд, является путь пролиферации (равноценности научного и обыденного знания), введенный П. Фейерабендом. Речь идет о синтезе традиционных, накопленных опытом предков и современных естественно научных знаний. Примером этого могут служить коренные жители республики Алтай, не потерявшие связь и тонко чувствующие природу.

Данная работа является одним из направлений исследований, начатых на территории этно-природного парка Уч-Энмек под руководством И.А. Жерносенко и Д.И. Мамыева, в цели которого входит культурфилософское изучение динамики взаимодействия человека и культовых сооружений (ритуальных этнических комплексов) долины [1].

На протяжении трех лет нами изучался объект, входящий в состав ритуального этнического комплекса Башадар (известный археологический памятник, датируемый скифским временем), которому исследовательская группа дала условное название «Портал». Данный объект представляет собой две каменные стелы, отстоящие друг от друга на расстоянии примерно четырех-пяти метров и ориентированные на священную для местных жителей гору Уч-Энмек.

Взаимодействие человека и культовых сооружений изучалось рядом методов, среди которых были: психофизиологические (метод газоразрядной визуализации и метод кардиоинтер-

валометрии) и психологические (метод телесно-ориентированной терапии и метод экзистенциально-гуманистической психотерапии). Названные методы показали высокую чувствительность в выявлении изменения психофизиологического состояния людей в ряде исследований, поэтому и были выбраны в качестве основных [2]. Обработка данных осуществлялась в комплексе компьютерных программ, в том числе и методом математической статистики box plot.

В результате исследований было выявлено изменение состояния испытуемых по показателю средняя интенсивность свечения. Этот показатель является одним из наиболее важных, демонстрируя скорость протекания метаболизма (обмена веществ) в организме испытуемых и свидетельствует о состоянии регуляции нервной и сердечно-сосудистой систем — главных и определяющих систем организма человека. В результате психологической работы выяснилось, что после нахождения человека в поле объекта «Портал» у испытуемых смягчался так называемый «мышечный каркас» [4 с. 5], что приводило к улучшению как психологического так и физического состояния. Также было выявлено субъективное изменение состояния испытуемых при взаимодействии с объектом «Портал», выраженные в увеличившейся активности, подъеме настроения и общего тонуса участников группы.

По нашим предположениям, данные изменения являются результатом накопительного эффекта при взаимодействии системы человек — культовый этнический объект.

Ссылаясь на опыт проведенных нами исследований можно сделать вывод о необходимости возвращения к традиционным знаниям коренного населения. При этом, по нашему мнению,

единственным верным вариантом дальнейшего пути в рамках концепции «Экология души» является попытка синтеза традиционной и естественно научной картин мира [1 с. 24]. Только осмыслив опыт предков в плане взаимодействия человек-при-

рода и подкрепив его современными естественно научными методами изучения и практическими результатами мы сможем говорить об осмысленном подходе к формированию концепта «экология души».

Библиографический список

1. Жерносенко, И.А. Изучение воздействия на человека священных объектов Каракольской долины методом газоразрядной визуализации / Методика исследования культовых комплексов: сб.ст. / И.А. Жерносенко, Д.И. Мамыев, М.М. Батурина, А.Д. Батурина. – Барнаул, 2012.
2. Коротков, К.Г. Принципы анализа ГРВ биоэлектрографии. – СПб., 2007.
3. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова. – М., 1986.
4. Лоуэн, А. Физическая динамика структуры характера / пер. с англ. Е.В. Поле; под ред. А.М. Боковой. – М., 1996.

Bibliography

1. Zhernosenko, I.A. Izuchenie vozdeystviya na cheloveka svyathennikh objektov Karakol'skoy dolinih metodom gazorazryadnoy vizualizatsii / Metodika issledovaniya kul'tovihkh kompleksov: sb.st. / I.A. Zhernosenko, D.I. Mamihev, M.M. Baturina, A.D. Baturina. – Barnaul, 2012.
2. Korotkov, K.G. Principi analiza GRV bioehlektrografii. – SPb., 2007.
3. Feyjerabend, P. Izbrannihe trudih po metodologii nauki / per. s angl. i nem. A.L. Nikiforova. – M., 1986.
4. Louehn, A. Fizicheskaya dinamika strukturih kharaktera / per. s angl. E.V. Pole; pod red. A.M. Bokovikova. – M., 1996.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК1(091)(031)

Belyakov A.N. NON-RATIONAL AND RATIONAL FORMS OF KNOWLEDGE IN BUDDHIST PHILOSOPHY. The article is devoted to the study of the rational way of knowing in Tibetan Buddhism as an example of the Gelugpa school. Correlation of rational and non-rational ways of knowing the example of other Buddhist schools. The prospects for the study of these methods of knowledge in other schools of Buddhist philosophy, as well as other related religious movements.

Key words: Gelug-varttika Pramana, logic, knowledge, Buddhism, Pramana.

*А.Н. Беляков, Новосибирский технологический институт (филиал) «МГУДТ»,
г. Новосибирск, E-mail: aleksey_belyakov@ngs.ru*

ВНЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ И РАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ В БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена изучению такого явления, как рациональный способ познания в тибетском буддизме на примере школы Гелуг. Рассмотрено соотношение рациональных и внерациональных способов познания в рамках других буддийских школ. Показаны перспективные исследования трансформации данных способов познания в более поздних школах буддийской философии и связанных с ним религиозных течениях и ответвлениях.

Ключевые слова: Гелуг, Прамана-варттика, логика, познание, буддизм, прамана.

Рациональность (от лат. ratio – разум) — разумность, характеристика знания с т.зр. его соответствия наиболее общим принципам мышления, доступное разумному пониманию. Противоположно иррациональности как чему-то неразумному, недоступному разумному пониманию. В системе познания человека можно рассматривать два основных вида познания – рациональный и внерациональный. Рациональный способ познания, базируется на логических умозаключениях различных сложностей, опирающихся на представление окружающего мира и собственного опыта взаимодействия с этим миром. После получения опыта взаимодействия с окружением, рациональный ум выстраивает предположения работы законов окружающей его среды. Эти предположения проходят проверку, после чего укрепляются в сознании как истинно существующие законы окружающего мира. В последствии, при возникновении нового познания какого-либо явления, сознание использует привычные логические умозаключения с целью анализа новой информации поступившей в следующий момент после познания нового явления. После анализа, рациональный ум делает для себя выводы приводящие к определенному отношению в возникшей ситуации. *Внерациональный* способ познания, отличается совершенной противоположностью рациональному способу познания, так как опирается на такие понятия как интуиция, вера, инстинкт, чувство, откровения и т.п. Важное отличие внерационального познания от рационального, заключается в том, что внерациональное познание может пренебречь теми постулатами, которые рациональный установил для себя на основе личных экспериментов и личного прямого опыта. Внерациональный ум, опирается на внутренние ощущения возникающие при позна-

нии, после чего делает вывод, приводящий к определенному отношению к познаваемому явлению.

К сегодняшнему дню, уже написано много научных трудов относящихся к изучению буддийской философии. Буддизм изучали и изучают такие ученые, как Васильев В.П., Щербатский Ф.И., Торчинов Е.А. и многие другие. Мы в своей работе исследуем такой феномен, как рациональный способ познания в буддийской философии, основываясь на работах Щербатского Ф.И. и так же на текст древнеиндийского философа Дхармакирти – Прамана-варттика.

Рациональный способ познания присутствует в разных буддийских традициях. Его можно встретить в таких направлениях буддизма как буддизм махаяны, также в раннем буддизме. Буддизм уделяет большое значение рациональному мышлению, занимая большое место в буддийской дхарме. Так как одно из главных условий для усвоения буддийского воззрения является мышление, во множестве буддийских традициях применяются различные виды так называемых аналитических медитаций. Эти медитации, в большинстве своем невозможны без использования рационального мышления, и при этом они играют большую роль в изучении буддийского воззрения. Особенно большое значение в позднем буддизме играет логика. *К внерациональному* типу познания в буддизме, можно отнести такие направления как дзен буддизм, так же такие учения как дзогчен и махамудра. С точки зрения форм познания, эти направления несут в себе созерцательный характер и используются практикующими имеющими уже определенную базу и опыт в буддийских практиках.

Рациональный тип познания активно используется в тибетском буддизме. Интенсивное использование логического ана-

лиза, является отличительной особенностью тибетской традиции. [1, с. 107-110] Это ярко выражено в школе гелугпа тибетского буддизма. В данной школе, при обучении монахов, большой упор делается на изучении таких трудов Дхармакирти как Прамана-варттика [2] и проведения логических диспутов между студентами монастыря [3, с. 8]. Логический анализ имеет колоссальное значение в школе гелуг тибетского буддизма, так как без изучения логики невозможно прогрессировать в данной традиции. Чтобы понять почему рациональный тип познания так активно используется в буддийской философии школы гелуг, нужно рассмотреть важные понятия относящиеся к буддийской гносеологии. В буддийской логике все феномены можно разделить на три типа: явные, скрытые, весьма скрытые. Явные феномены — это феномены, которые можно познать напрямую, с помощью 5 органов чувств. Скрытые феномены — это феномены, которые можно познать только с помощью логических умозаключений. И весьма скрытые феномены — это феномены, которые можно познать с помощью, так называемой, косвенной логики [4, с. 25-26]. С этой позиции определения всех явлений, можно увидеть, что большинство феноменов составляющих буддийскую философию, относятся ко второму и третьему типу явлений, то есть к скрытым и весьма скрытым явлениям. По причине такого положения вещей в буддийской философии, весьма трудно изучать буддийскую дхарму не опираясь на логические умозаключения. Если на примере рассмотреть один из основных трудов, изучаемый в школе гелуг — Ламрим Дже Цонкапы (Большое руководство к этапам пути пробуждения) [5], то при изучении данного текста можно увидеть, что весь данный текст завуалировано исполнен логическими умозаключениями. Без знания логики, этот текст будет являться обыкновенным, религиозно-догматическим писанием, и только после изучения буддийской логики, можно обнаружить, что для корректного пони-

мания этого текста необходим длительный логический анализ, начиная с тем вводящих в буддийское мировоззрение и заканчивая буддийской теорией пустоты. Логика, в процессе обучения буддийской философии, кладет свое начало с таких основ, как устранение грубых негативных эмоций и приходит к концу после заключительного установления в сознании человека правильного воззрения. Особенно большое значение, логика играет в теории пустотности поздних школ. Для правильного понимания данного философского воззрения, особенно важно знание буддийской логики и использование рационального мышления [6, с. 4]. Не смотря на всю важность логического анализа в буддийской философии, этот тип познания не является совершенным с точки зрения буддийского воззрения.

В связи с тем, что во всем тибетском буддизме буддийское образование носит системный характер, рациональный тип познания пользуется большим успехом в тибетской традиции. Особенно хорошо это можно увидеть в школе гелуг. Система образования в школе гелуг, особенно хорошо отображает эту отличительную особенность рационального способа познания в данной традиции.

В заключении можно сказать, что рациональный вид познания очень близок буддизму. Что касается тибетского буддизма, то философия этой традиции неотделима от рационального типа познания, это в первую очередь касается школы Гелуг. На примере этой школы, мы и видим всю значимость данного способа познания в буддийской философии. Это дает материал для дальнейшего исследования этой традиции, ее развития в Тибете, а так же в других странах. Так же, это открывает нам перспективу исследования соотношения данных способов познания в истории развития буддизма, трансформации его философии в более поздних школах и связанных с ним религиозных течениях и ответвлениях.

Библиографический список

1. Щербатской, Ф.И. Избранные труды по буддизму. — М., 1988.
2. [Э/р]: Р/д: <http://ru.scribd.com/doc/108835789/pramana-varttika-vrtti-of-dharmakirti>
3. Васильев, В.П. Буддизм. Его догматы, история и литература. — СПб., 1857. — Т. 1.
4. Геше Джампа Тинлей // Праманаварттика. Комментарий. — Новосибирск, 2012.
5. Кугявичус, А. Цзонкапа Лобзан Драгпа. Большое руководство к этапам пути пробуждения / А. Кугявичус, А. Терентьев. — СПб., 1994.
6. Урбанаева, И.С. Особенности буддийской логики и её роль в тибетском буддизме. — [Э/р]: Р/д: <http://www.bsu.ru/content/pages2/1073/2010/UrbanaevalS2.pdf>

Bibliography

1. Therbatskoyj, F.I. Izbrannihe trudih po buddizmu. — М., 1988.
2. [Eh/r]: R/d: <http://ru.scribd.com/doc/108835789/pramana-varttika-vrtti-of-dharmakirti>
3. Vasiljev, V.P. Buddizm. Ego dogmatih, istoriya i literatura. — SPb., 1857. — T. 1.
4. Geshe Dzhampa Tinley // Pramanavarttika. Kommentarij. — Novosibirsk, 2012.
5. Kugyavichus, A. Czonkkhapa Lobzan Dragpa. Boljshoe rukovodstvo k ehtapam puti probuzhdeniya / A. Kugyavichus, A. Terentjev. — SPb., 1994.
6. Urbanaeva, I.S. Osobennosti buddiyskoj logiki i eyo rolj v tibetskom buddizme. — [Eh/r]: R/d: <http://www.bsu.ru/content/pages2/1073/2010/UrbanaevalS2.pdf>

Статья поступила в редакцию 19.11.13

УДК 130

Mamyev D.I., Ushakova E.V., Oparin R.V. MODELS OF ECOLOGICAL INTERACTION OF THE PERSON AND NATURE AND ECOLOGICAL EDUCATION. In article the essence of interaction of the person and the nature through understanding of their power essence, perception of concepts of Kosmos-Prostranstvo as live object reveals. From the point of view of such understanding the new model of ecological education is offered.

Key words: ecology, education, power interaction

Д.И. Мамыев, директор этно-природного парка «Уч-Энмек», Республика Алтай, соискатель каф.

«Культура и коммуникативные технологии», Алтайский гос. технический университет им.

И.И. Ползунова, г. Барнаул; **Е.В. Ушакова**, д-р филос. наук, проф., зав. каф. «Философии и биоэтики»

Алтайского гос. медицинского университета, г. Барнаул; **Р.В. Опарин**, канд. пед. наук, доц.

каф. «Культура и коммуникативные технологии», Алтайский гос. технический университет

им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, E-mail: danil-mamyev@yandex.ru

МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье раскрывается сущность взаимодействия человека и природы через понимание их энергетической сущности, восприятия понятий Космос-Пространство в качестве живого объекта. С точки зрения такого понимания предлагается новая модель экологического образования.

Ключевые слова: экология, образование, энергетическое взаимодействие.

В настоящее время на больших международных и межгосударственных встречах, таких как ООН, ЮНЕСКО и т.д., начинают искать пути решения социально-экономических проблем, видя в них причины изменений в природной среде. Но эти меры пока не имеют особого успеха и, по всей видимости, не будут иметь потому, что мы пытаемся разрешить эту проблему все тем же потребительским отношением к природе, что и привело общество к данной проблеме. Необходимо изменить отношение современного человека к окружающей среде, изменив его представление о самом себе и о своей роли во всем космопланетарном пространстве. Для этого необходимо объединение совместных усилий науки и философии коренных культур, которые пока еще, несмотря на достаточно сильные влияния современной техногенной цивилизации, сохранили древние знания о законах космоса и мироздания.

В качестве примера рассмотрим понятие «космизм» с точки зрения алтайской традиционной философии. При этом сравним два способа познания: научный и традиционный (интуитивный).

Состояние планеты во многом зависит от состояния живых существ на его поверхности, от их энергетического состояния. А энергетическое состояние, как планеты, так и живых существ зависит от их психического состояния или образа «мыслей». В современной научной картине мира в области изучения энергий человека и природы человечество начинает понимать, что экологические катастрофы и глобальные изменения климата во многом зависят от самого человека: как от взаимоотношений людей между собой, так и от их отношения к окружающей среде. В то же время отмечается прогрессия в частоте этих катастроф и тяжести их последствий.

В отличие от современного мира, в котором восприятие мира основано на эмпирическом опыте и логическом осмыслении выявленных фактов, в традиционных культурах знание передается устно и основано на интуитивном восприятии. В этом есть и минусы, и плюсы. Самая большая проблема заключается в том, что такая форма информации «недоказуема» с точки зрения научной методологии познания. Она нигде не зафиксирована в виде материализованного текста.

Но большой плюс интуитивного знания заключается в том, что такой способ во многом учитывает сиюминутное (здесь и сейчас происходящее) состояние ноосферы, планеты, социума. Естественно, для правильной интерпретации такого вида информации необходимо целостное видение мира: не только уметь читать тексты, но и обладать определенной духовной культурой, что позволяет воспринимать информацию интуитивным способом, наравне с общепринятыми научными.

Понятие ноосферы присутствует в философии коренных народов изначально, что позволило им выработать основы эколого-ориентированной жизнедеятельности. Если в современной европейской культуре ноосфера считается продуктом человеческой деятельности, то с точки зрения алтайцев, планета Земля – это живой организм, обладающий всеми органами, присутствующими для человека. При этом подразумевается, что принцип «живого организма» присутствует во всем космопланетарном пространстве. Поэтому в алтайской культуре человеческая жизнедеятельность основана на постоянном «общении» с этой живой планетой. Такое общение касается как религиозно-обрядовой стороны, так и повседневной деятельности. При этом, в отличие от понятия современного человека, представляющего Землю своим домом, в традиционной культуре Человек находится в этом Доме в гостях (временно) и поэтому старается не нарушать своим действием «традицию» этого дома или его хозяина. Поэтому, когда человек умирает, то обычно говорят, что он ушел или отправился к себе Домой – к предкам, на Небо, к Тенгери. Это состояние «временности», по всей видимости, заставляло относиться к земле не как собственности, а как отдельному и самостоятельному индивидууму.

Представление о том, что Земля – это старший по возрасту разумный организм, позволило традиционным культурам выработать основы устойчивого развития сообщества в этом доме, о котором в настоящее время так много говорят. Согласно общепринятому понятию, устойчивое развитие – это возможность обеспечения жизни, удовлетворяющая нужды настоящего и не подвергающаяся риску способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Сохранение традиционной культуры и внедрение ее принципов мировосприятия в жизнь современного поколения – это не только проблема самих представителей коренных культур, она имеет гораздо более широкое значение.

Об этом говорит и международное сообщество. «...Дальнейшее разрушение наследия коренных народов будет иметь пагубные последствия не только для их самоопределения и развития, но и подорвет будущее развитие стран, в которых они живут. Для многих развивающихся стран знания коренных народов могут послужить «ключом» к достижению устойчивого национального развития без усиления зависимости от ввоза капитала, материалов и технологий» (г-жа Эрика-Ирэн Даес, Управление Верховного комиссара по правам человека, Женева, 1997).

Концепция устойчивого развития имеет несколько уровней территориальной иерархии: космо-планетарный, государственный, региональный, местный, индивидуальный или личностный. Но при этом все они подчиняются единому принципу, и каждый последующий уровень зависит от предыдущего. Таким образом, система уровней образует органичное единство, где изменение одного элемента нарушает целостность всей системы и вызывает сложную цепь компенсирующих реакций.

И человек традиционной культуры, интуитивно представляющий весь мир в целостности, старался не нарушать этот космический принцип, а для согласования своих действий с этим разумным (ноосферным) пространством выработал особую религиозно-обрядовую систему. Именно такое представление позволило в течение более долгого времени, нежели современная техногенная цивилизация (которая начала свою историю с XVII века), сохранить природную систему в состоянии экологической устойчивости.

Отношение ко всему космическому пространству как к изначально разумному и живому организму позволило алтайской культуре выработать и соответствующее отношение к окружающей среде, в том числе и к планете Земля. По восприятию алтайцев, земля изначально имеет разум и способность реагировать на человеческую деятельность. Это утверждение – одно из фундаментальных отличий от высказываний представителей научного мира (Тейяра де Шардена, В.И.Вернадского), которые утверждают, что сначала появилось живое вещество и только потом мысль, как результат самоорганизации вещества.

Как живой организм планета, с точки зрения алтайской традиционной философии, имеет такие же органы, как и у обычного человека: уши, глаза, пупок и т.д. И это понятие отражается в функциональной значимости каждой конкретной точки на поверхности земли. То есть, на теле планетарного организма есть точки или земли, выполняющие функции ушей, глаз и т.п. – точек взаимодействия с космическим пространством – Тенгери. Такие территории называются Священными землями. И поэтому каждая такая территория имеет СВОИ «правила» поведения, свой ритм, свою энергетику. Вышеописанное утверждение традиционной культуры о планетарном живом организме, усиленное современным научным подтверждением, дает право на жизнь еще одной теории. Как всякое живое тело, планетарный организм осуществляет переработку не только психической энергии, но материального вещества. Это всем известное понятие «круговорот вещества в природе». Но результатом этого круговорота является не просто переход вещества из одного вида в другой, а образование новых веществ, необходимых для жизнедеятельности планетарного организма. Речь идет о минеральных образованиях, известных под названием «месторождения полезных ископаемых». Понятие «полезный» современный человек понимает только по отношению к себе. Но с точки зрения философии традиционной культуры они полезны, в первую очередь, для планетарного организма. Накопление рудных минералов, например, может выполнять роль железа (функционально важного органа) или почечного камня (продукта неправильного метаболизма, вызывающего болезнь организма) в теле планеты. Таким образом, напрашивается вывод о том, что некоторые месторождения необходимо разрабатывать (изымать из тела планеты), а с другими – этого делать ни в коем случае нельзя. Этот вопрос требует пристального научного изучения с привлечением традиционного знания для разработки методики выявления функциональной значимости для планеты каждого рудного месторождения. Именно такой подход в современной картине мира может быть результативным: традиционное знание определяет принципы целостного видения проблемы, а наука обосновывает способы освоения природных, социальных, духовных ресурсов без деструктивных последствий для живой космопланетарной системы.

Понимание планеты Земля как живого организма, имеющего органы восприятия, в отличие от естественнонаучного космизма, дает более «живое» представление о ноосфере. Если

в научном представлении ноосфера – это продукт деятельности живых существ, находящихся на поверхности «не живой» планеты, то в представлении коренных культур – ноосфера, это продукт живого планетарного организма. Поэтому священные земли можно представить в виде акупунктурных точек на теле живой планеты. И так же, как при помощи воздействия точечным массажем на акупунктурные точки своего тела человек воздействует на отдельные органы своего организма, можно воздействовать и на планетный организм. При этом функцию иглолки или массирующего пальца, выполняет традиционный обряд, посредством которого выделяется особая психическая энергия человека. А так как традиционная культура существовала задолго до появления научного знания, то утверждение В.Вернадского о начале складывания ноосферы, якобы произошедшем с зарождением научной мысли, является несколько односторонним. Это произошло, по всей видимости, потому, что во времена расцвета научного способа познания мира, традиции и знания коренных культур, считались отсталыми и не требующими особого внимания со стороны только зарождающейся науки. Так или иначе, преподносимые сегодня понятия ноосферы, психической энергии, энергии мысли и сверхсознания, как результат действия и творчества именно научной мысли, мягко говоря, не соответствует действительности. Эта система знаний существовала задолго до возникновения европейской науки, и она активно и с успехом применялась в среде традиционных культур даже в то время, когда европейская культура «по новому» открывала для себя этот факт. Поэтому сегодняшние открытия в области научной мысли, скорее, подтверждают знания и картину мира коренных культур, высокую экологичность

традиционного мировоззрения, нежели открывают принципиально новые сферы знания. Но это не означает, что научное знание менее значимо, нежели древние знания: именно научное признание древних интуитивных открытий человечества способствует саморазвитию современного человека и его восхождению к Богу (Тейяр де Шарден), или, по Вернадскому, сверхчеловеческому состоянию. Таким образом, геолого-биохимический подход Вернадского и теологический Тейяра де Шардена еще раз подтвердили необходимость не только признания современным миром знания традиционных культур, но и внедрения в современную культуру его духовных основ в качестве базисного знания.

Поэтому для достижения условий устойчивого развития в современном обществе необходимо изменить его (общества) представление о мире вообще. Не изменив его представления об устройстве мира и правилах поведения человека в нем, нет возможности изменить его развитие в сторону устойчивости в развитии.

И как основа в этом изменении современного представления о мире является проблемы образования. Так как Земля как живой организм «оживает», т.е. становится более восприимчивой к деятельности человека, и особенно к его мыслетформам (как энергетической сущности). В настоящий век мы должны не только правильно делать и творить, но и правильно думать и мыслить, воспринимая Космос-Пространство как живой объект, воспринимающий наши мысли и дела, и, соответственно, отвечающий им. Поэтому современная система образования должна формировать это Знание, чтобы готовить соответствующих политиков и управленцев, готовых действовать адекватно.

Библиографический список

1. Гумилев, Л.Н. От Руси до России. – М., 1995.
2. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 2004.

Bibliography

1. Gumilev, L.N. Ot Rusi do Rossii. – M., 1995.
2. Vernadskiy, V.I. Biosfera i noosfera. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 19.11.13

УДК 316.334.52

Mamyev D.I., Ushakova E.V. SOCIOCULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS of the RUSSIAN MANAGEMENT. In article features of the Euroasian mentality are considered the analysis of sociocultural traditions of the Russian management through a prism of ethnophilosophical knowledge of the people of Siberia is submitted.

Key words: mentality, ethnicity, management.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Д.И. Мамыев, соискатель АлтГТУ им. И.И. Ползунова, директор этно-природного парка «Уч-Энмек» (Республика Алтай); Е.В. Ушакова, д-р филос. наук, проф., зав. каф. «Философии и биоэтики» Алтайского гос. медицинского университета, г. Барнаул, E-mail: danil-mamyev@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности евразийского менталитета. Представлен анализ социокультурных традиций Российского управления через призму этнофилософских знаний народов Сибири.

Ключевые слова: менталитет, этнокультурные традиции, управление.

С древнейших времен Россия объединила на своих огромных северо-евразийских территориях жизнь славянских, тюркских, северных и др. народов. Периодически мы слышим высказывания и упреки в том, что русские не являются нацией с точки зрения классического определения нации (построенного в соответствии с логикой становления западных наций). И это действительно так, поскольку для огромных евразийских территорий, объединенных в единое супергосударство (Россию), определение нации должно вырабатываться, исходя из евразийской, а не европейской (мелко раздробленной) реальности [1-5]. Л.Н. Гумилев вполне справедливо и точно определил народ России как *суперэтнос* [1, с. 83]. Он обладает особым *общинным менталитетом*, он *полиэтничен, многонационален*, его *цементирующим ядром* является русский народ.

Именно древние переселения народов сухопутным путем осуществлялись преимущественно целыми родовыми семьями

– родами, племенами. Поэтому основу жизни здесь составлял *общинный менталитет*. Общинность помогала людям сплотиться, выживать в жестких условиях внешней среды, сурового климата Сибири и средней полосы Европы, где постепенно отходило оледенение. Формировались жесткие непререкаемые родо-племенные законы (табу), основу которых составляли: необходимость выживания общины, поддержка членов общины; общинная нравственность (честность, отвага, уважение к старшим, совместный труд и выживание, неприхотливость, забота и взаимопомощь, бережное отношение к детям и древнейшая этнопедагогика); строгое соблюдение социальной иерархии, где вожди (самые сильные и смелые), старейшины (самые мудрые) и шаманы (особо просветленные, умеющие налаживать контакт с духами людей и природы) в целом обеспечивали социальное управление в интересах всех членов общества. Эволюция российского управления также имела не-западный путь развития.

Если западный социогенез изначально проходил через рабовладение, которое в разных формах сохранилось вплоть до эпохи глобализации третьего тысячелетия, то восточный (в том числе российский) социогенез, или, по К. Марксу, азиатский способ производства (и, добавим, социокультурной эволюции) был иным.

Российский, шире – восточный социогенез опирается на самосознание и развитие системы как целого, социоприродного комплекса как целого, где и природа – часть жизни людей должна быть сохранена, окультурена и развита. Это закономерная эволюция социума – от общины до преобразований: родовая и родоплеменная (поселенческая) община, княжество (территориальное объединение племен), царство, империя (территориальное объединение княжеств). Общинный способ бытия людей в социосистемах сформировал и собственный способ управления – *патернализм* (патриархальность), где высшая верховная власть, независимо от уровня организации, подобна отеческой, роли отца в семье, который заботится обо всей семье и о земле как Матери и кормилице, какой бы большой эта общность и территория ни оказалась – от общины до государства. В целом восточный тип управления – субъект-субъектный, патриархально-иерархичный, где даже самые низшие слои общества должны быть обеспечены достаточным и необходимым минимумом основных жизненных благ – материальных, духовно-культурных, природных, а земля – неотъемлемое достояние народа.

Рассмотрим более подробно те черты российского менталитета, которые легли в основу специфики российского управления и определяют его специфику в эпоху глобализации. Данные черты менталитета ложатся основой сознания в сфере управления российским социумом, определяют специфику как государственного управления (на макроуровне), так и микросоциальный уровень управления социальных групп (от семьи до производственной или административной организации).

Во-первых, как указывалось, в целом российский менталитет носит *общинный* характер. Именно он позволял выживать в жестких условиях севера, Сибири и средних широт, формируя такие человеческие качества, как выносливость, терпеливость, трудолюбие, терпимость, взаимопомощь, честность, доверчивость.

Во-вторых, это высокая степень *внешней свободы* на необъятных природных просторах России-Евразии.

В-третьих, *отсутствие рабовладения и двойной* (нетерпимой, конфликтной и нечестной) *морали*, подобных западноевропейским государствам. Отсюда – значительно меньшая государственная деспотия, нежели на Востоке и Западе (поэтому целенаправленно раздуваемая сегодня проблема тоталитаризма в России, при более пристальном осмыслении, оказывается во многом фикцией). Более развитое (но не деспотическое) чувство внешней свободы, возможность найти места более свободного существования: даже в сложившемся эксплуататорском классовом обществе сохранялась высокая степень миграций части свободолюбивого (пассионарного) населения на юго-запад страны (казачество), или на восток (поздние переселения из европейской части на Урал, за Урал в Сибирь, в Среднюю Азию и пр.), а также осуществлялись миграции на религиозной почве (переселения староверов, образование монастырей и пр.).

В-четвертых, эти природные и социальные условия сформировали *экстравертность* менталитета, а также значительные возможности для пассионарного (по Гумилеву) поведения народа.

В-пятых, огромные просторы проживания, возможность перемещений, многообразные сложные природные условия, а также изменчивые социальные условия привели к такой характерной особенности менталитета, как способности *комплексно оценивать ситуацию и самостоятельно действовать по ситуации* и в целом – к *творческому синтетическому складу ума* (*динамическое многоплановое цельное созерцание, творческая интуиция, интегративное синтетическое рациональное мышление и общее практическое действие на этой основе*).

Иными словами, закономерно вырабатываются следующие черты: трудолюбие, творчество, цельность интеллектуально-нравственной оценки, самостоятельность решений.

Таким образом, *Россия–Евразия* (как *северо-евразийская цивилизация*) оказалась не только центром, серединой Евразийского материка. Здесь сформировался и *особый менталитет, срединный* по своим характеристикам по сравнению с восточным и западным [2; 3]. Эта срединность обусловлена, во-первых, древнейшими корнями, которые роднят, казалось бы,

разные этносы, народы человечества; во-вторых, «срединностью» расположения России и ее постоянным культурным взаимодействием между Востоком и Западом. Но, в-третьих, специфика российского менталитета, а затем и русской философии обусловлена особыми условиями существования русского суперэтноса – как русского и других народов, проживающих на огромных северных территориях, в том числе, в Сибири, с особыми природными и социокультурными условиями, что и сформировало специфический менталитет и склад ума.

Важные выводы, касающиеся характера и менталитета русского народа как цементирующего ядра евразийской ментальности, осуществил Н.О. Лосский в своем труде «Характер русского народа», опубликованном в книге «Условия абсолютного добра» [4]. Философ исследовал типы хозяйственной, экономической деятельности отдельных слоев, специфику уклада жизни, менталитета.

В целом *специфика российского управления* обусловлена особенностями русского менталитета, русской философии, российских условий жизни. Это, прежде всего, постоянная *динамика сложных, жестких* природных и социальных условий, сформировавшая такой тип системного взаимодействия людей, при котором они вынуждены объединяться, помогая друг другу. С одной стороны, такое сообщество людей действует согласованно как системное целое, адаптируясь к внешним условиям. Поэтому во взаимодействии людей проявляется коллективность. Действует в целом культурологический принцип, характерный для северо-евразийских (Россия) и восточно-евразийских (Китай, Индия) культур – «Все свои, но в иерархии».

Но при этом несомненно и отличие, например, от восточного коллективизма, где основная масса людей подчиняется руководителю беспрекословно, наподобие: социализированным, но не потерявшим своего значения, табу; безусловного доверия традициям (конфуцианство); подчинения директивам (например, в Китае эпоха Мао Цзэдуна). Такой тип управления и поведения людей в системе вполне возможен и оптимален при относительно стабильных внешних условиях, например, в оптимальных условиях теплого климата юга Азии и в довольно стабильных социально-государственных системах (наподобие огромных государственных систем Древней Индии и Древнего Китая, просуществовавших многие века). Данный тип коллективизма на Востоке мы можем обозначить как *пассивный коллективизм*, складывающийся в относительно стабильных условиях социоприродного существования.

В отличие от этого, на территории северной Евразии народы находились в постоянно изменяющихся условиях (климата, рельефа, переселений и т.п.). При этом они просто не могли слепо подчиняться высшему стабильному управлению, становясь пассивным послушным коллективом, поскольку, с одной стороны, постоянно должны были изменять управленческие решения, а люди вынуждены были гибко, творчески реагировать на директивы. С другой стороны, часть директив на больших евразийских территориях просто невозможно было давать из «центра управления», поскольку множество ситуаций на местах правителю (даже самому мудрому) были неизвестны и не ясны. По отмеченным причинам русская общинность и управление, по нашему мнению, представляет собой *активно-творческий коллективизм* социальной системы в целом, как ее центра, так и периферии, «низов» и «верхов». В этих условиях часть управленческих функций обычно передавалась народу. А какие-то главные, судьбоносные решения принимались сообща – на народном собрании, вече. И совершенно неслучайно даже в царской России, несмотря на бедность значительной части населения и жесткость жизненных условий, велик был потенциал свободы значительной части населения (первопроходцев, переселенцев, казаков и пр.). Также неслучайно основной формой государственного управления в России и в СССР стали Дума, Советы. Именно Советы прижились на огромных просторах советского государства, поскольку это соответствовало менталитету русского народа и других народов, имеющих исходно северо-евразийский характер и менталитет.

Если обозначить полученные выводы с философско-культурологических позиций, можно отметить следующее.

Природно-фундаментальный смысл управления исходит из природной авторегуляции, аналогичной принципу «Все Свои, в сбалансированном иерархическом взаимодействии».

А социально-фундаментальный смысл управления может иметь разные основания:

1. В западном ментальном типе управления действует принцип «Свой–Чужой» внутри управляемой системы, в моральном плане преобладает активный индивидуализм, а по отношению к чужому – агрессивизм и деконструктивизм.

2. В восточном ментальном типе управления действует принцип «Все Свои, в иерархии, при строгом подчинении низов верхам», в моральном плане преобладает пассивный коллективизм.

3. В российском ментальном типе управления действует принцип «Все Свои, в иерархии, при относительной активности низов», в моральном плане преобладает активно-творческий коллективизм, или общинность как творческий принцип Общего Дела (разработанный в русской философской мысли XIX – начала XX веков).

Если теперь вновь от проблемы взаимодействия культур в системе «Свой–Чужой» перейти к российской действительности начала третьего тысячелетия, в том числе, к вопросам государственного, правового и экономического управления, мы можем сказать, что в настоящее время, в связи с перестроечными процессами, над Своим довлеет западный активизм в оппозиции «Чужой». Безусловно, к анализу взаимодействия указанных полярностей надо относиться диалектически. Наиболее опасная цепь событий возникает в том случае, если Чужое действует на Своим агрессивными способами. При этом неизбежно происходит столкновение Своего (родного) и Чужого (инокультурного); Чужое проявляет себя как Чуждое и агрессивное; идет экспансия Чужого и Чуждого; заполнение Своего Чуждым и Чужим; ослабление Своего; отчуждение Своего при экспансии Чужого; разрушение Своей культурной традиции – угасание и смерть Своего как родной культурной системы.

Хуже того, может произойти мимикрия «Чужого» под «Своего», а при этом «Свое» оказывается отторгнутым и находящимся в положении «Чужого». Возникает все больше интуиций по поводу того, что в современной российской элитарной политике (в целом слепо следующей Западу) именно российскому народу (как преобладающему населению всей России) уготовано положение «Чужого», предназначенного к элиминации.

Но все же, если подходить к проблеме взаимодействия исследуемых полярностей «Свой» – «Чужой» диалектически, Библиографический список

1. Гумилев, Л.Н. От Руси до России. – М., 1995.
2. Российская ментальность: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
3. Российская цивилизация / под ред. М.П. Мчедлова. – М., 2003.
4. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра. – М., 1991.
5. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 2004.

Bibliography

1. Gumilev, L.N. Ot Rusi do Rossii. – M., 1995.
2. Rossijskaya mentalnostj: materialih «kruglogo stola» // Voprosih filosofii. – 1994. – № 1.
3. Rossijskaya civilizacija / pod red. M.P. Mchedlova. – M., 2003.
4. Losskij, N.O. Usloviya absoljutnogo dobra. – M., 1991.
5. Vernadskij, V.I. Biosfera i noosfera. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 19.11.13

УДК 11:81

Mochalov K.S. ON THE STRUCTURE AND THE FUNCTION ROLE OF THE PRESENT IN THE SIGN SYSTEMS LANGUAGE (BASED ON THE THEORY OF FRENCH LINGUIST GUSTAVE GUILLAUME). On the basis of the views of G. Guillaume, the author develops a position that the present in the sign systems language is not a one-dimensional form, but is an advanced measurement system. The main dimensions of the present, which embodies the events of the sign activity, are consistency and simultaneity.

Key words: sign, language, time, the present, Guillaume, a verb.

К.С. Мочалов, канд. биол. наук, докторант каф. философии Современной гуманитарной академии, г. Москва, E-mail: kostja.mochalov@gmail.com

О СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМАХ (НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИНГВИСТА Г. ГИЙОМА)

Основываясь на представлениях Г. Гийома, автор развивает положение о том, что настоящее время в языковых знаковых системах не является одномерным образованием, а представляет собой развитую систему изме-

рений. Основными измерениями настоящего времени, в которые воплощаются события знаковой деятельности, являются отношения последовательности и одновременности.

Ключевые слова: знак, язык, время, настоящее время, Гийом, глагол.

Становление любой знаковой системы сопровождается преобразованием во времени отношений между организмом и средой, человеком и миром. В общем смысле, эти преобразования раскрываются во взаимосвязи категорий времени и знака. Время выступает в качестве онтологического основания знаковой деятельности [1].

Нередко, наиболее продуктивные научно-теоретические решения возникают на стыке дисциплин – благодаря синтезу положений различных областей знания.

В наших работах реализуется междисциплинарный подход к проблеме времени и знака, основанный на анализе функционирования знаковых систем разного уровня организации. Мы исследовали фундаментальные «этажи» знаковой деятельности, присущие как животным, так и человеку – сигнальные процессы в условных рефлексах. Было установлено, что обозначаемые события (безусловные раздражители) переходят на сторону знака (условные раздражители), воплощаясь в развитую структуру настоящего времени. Настоящее время выполняет важную роль в организации поведения, а его структура представлена парадоксальной комбинацией: длительности, последовательности и одновременности [2]. Благодаря этому, в частности, многие события при подаче сигнала воспринимаются животными не только как будущее, но и как уже существующие сейчас.

В настоящей статье мы рассмотрим языковые знаковые системы с целью изучения структуры и функциональной роли настоящего времени на высших «этажах» – специфически человеческой знаковой деятельности. В свою очередь это поможет объяснить особенности других временных измерений: прошлого и будущего.

Для разработки проблемы времени и знака в языковых системах большой интерес представляют исследования французского лингвиста Гюстава Гийома (1883 – 1960). Это связано с тем, что его теория по своей сути опирается на представления о времени и пространстве. Временным аспектам специально посвящено его произведение «Глагол и время» (*Temps et verbe*, 1929).

Основательным отечественным исследованием, раскрывающим взгляды Г. Гийома, является книга Е.А. Реферовской «Фи-

лософия лингвистики Гюстава Гийома» (1997) [3]. В этой работе помимо глубокого анализа, дается обстоятельная интерпретация положений Гийома, что является существенным подспорьем для изучения его творчества.

По взглядам Гийома, дифференцированное на три основных измерения (прошлое, настоящее, будущее) время не является изначально данным сознанию человека, а формируется постепенно (в ходе хроногенеза). Сама мысль выступает как движущийся поток, который может быть «перехвачен» в определенном «сечении» – хронотезе. Происходящие «перехваты» по сечениям фиксируются в определенные грамматические формы. Соответственно, мысль может зафиксировать как более ранние – не развитые временные формы, так и более поздние – дифференцированные [3].

Так, последовательное развитие образа времени находит отражение в системе глагольных наклонений. Первоначальный неразвитый этап зафиксирован в инфинитиве, в котором время не имеет направления, начала или завершения. На втором этапе, который отвечает сослагательному наклонению (субъюнктиву), время мыслится как уходящий или приходящий временной поток. Разделение времени на три измерения: прошлое-настоящее-будущее осуществляется только на третьем этапе, который представлен изъявительным наклонением (индикатив) [4]. Для завершенного образа времени, действие получает соотношение с конкретным временным модусом.

В системе индикатива центральное место принадлежит настоящему времени. Именно оно объясняет особенности прошлого и будущего времени. По мнению Г. Гийома своеобразие природы настоящего времени заключается в том, что оно всегда включает в себя частицы (так называемые хронотипы) как прошлого, так и будущего [5]. Частица прошлого (ω) символизирует уходящий момент, частица будущего (α) – приходящее время. Временная перспектива в виде прошлого – настоящего – будущего, как правило, находит выражение в горизонтальной модели времени (рис. 1).

Идея того, что настоящее включает в себя как прошлое, так и будущее имеет глубокие философские корни, начиная со взглядов Аристотеля [6].

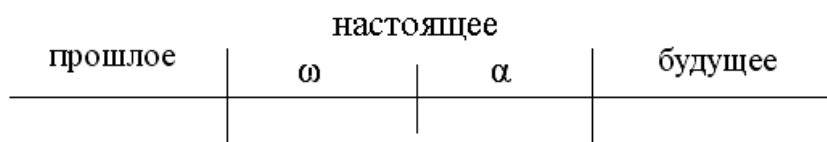

Рис. 1. Горизонтальная модель настоящего времени с хронотипами ω и α

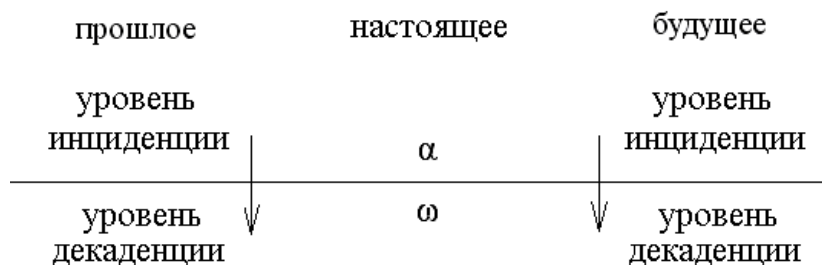

Рис. 2. Вертикальный презенс с хронотипами ω и α

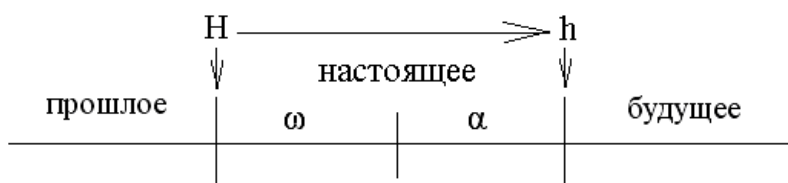

Рис. 3. Процесс формирования образа будущего

В представлениях Г. Гийома время выступает в более сложной модели и рассматривается по аналогии с пространством с n-измерениями: глубины, ширины и высоты. В рамках этой модели помимо горизонтальной временной структуры анализируется так называемый вертикальный, «перевернутый» презенс во французском языке. Вертикальный презенс, несущий хроно-типы (ω и α) представляет временную структуру двумя уровнями как бы друг под другом (рис. 2).

Здесь следует пояснить, что уходящее (прошлое) время образует уровень декаденции, а еще несовершеншееся (будущее) время образует уровень инциденции [5]. Инциденция представляет собой момент контакта действия со временем [4].

В языковых знаковых системах четко обнаруживается неразрывная связь всех временных модусов и определяются общие направления временных трансформаций в виде взаимопереходов одного измерения в другое. Существенным пояснением этого положения является процесс формирования образа будущего.

В общем смысле, будущее представляет собой еще не наступившее, предстоящее действие, событие. Образ будущего не дается человеку в готовом виде. Согласно Г. Гийому, первоначально имеется неясный, смутный образ будущего, который полон гипотетичности. Максимум же гипотетичности совпадает

с границей прошлого с настоящим временем (Н). Здесь формы времени выражают постепенно уходящие в прошлое действия. Им на смену приходят действия еще не осуществившиеся. В дальнейшем, образ будущего «перемещается» с границы прошлого в зону настоящего, а затем занимает зону минимума гипотетичности (h) – границу настоящего с будущим. Завершение образа будущего сопровождается его отделением от крайнего момента настоящего в сторону будущего [4] (рис. 3).

Итак, можно видеть, что исходно образ будущего берет начало на полюсе прошедшего времени, то есть прошлый опыт является отправным пунктом для будущего. Точка зрения на будущее, как на своего рода преобразованное прошлое, присуща ряду философов начиная с А. Августина, Т. Гоббса и др. Вместе с тем, процесс образования будущего (как можно видеть), возможен только на основе настоящего времени и в пределах настоящего. У Г. Гегеля настоящее время выступает как взаимоотноительное единство прошлого и будущего [7].

Настоящее является тем основанием, «платформой», на которой прошлое отрицается, «оборачивается» в события, образы будущего.

Необходимо подчеркнуть, что процесс, изображенный на рис. 3 не является одномоментным. Образ будущего формируется последовательными этапами. Их следует представить

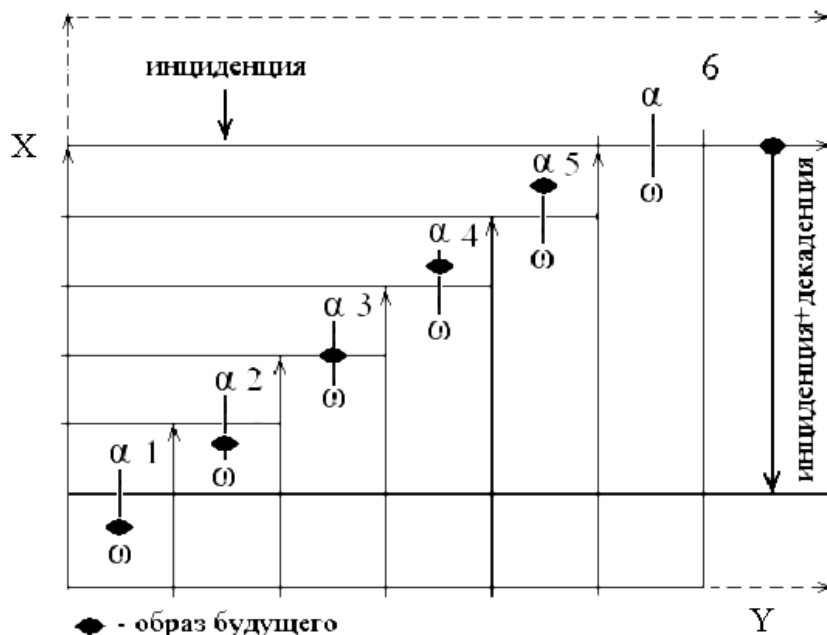

Рис. 4. Развернутые этапы формирования образа будущего

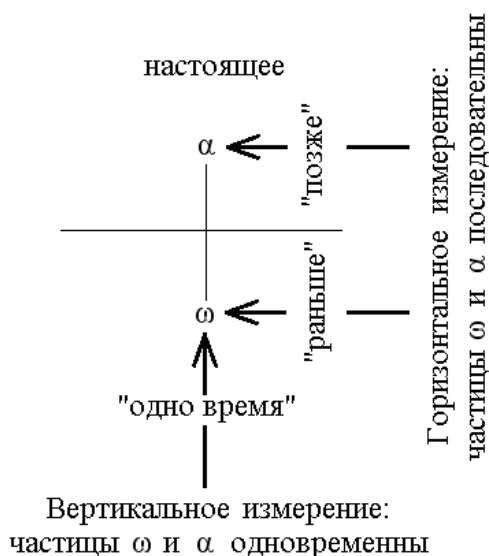

Рис. 5. Единая интеграция измерений настоящего времени: последовательности и одновременности

в системе координат двух измерений настоящего времени по мере перехода к будущему (этапы 1-6 рис. 4).

В данной системе координат по оси X представлено измерение горизонтального презенса: последовательное «восхождение» образа от полюса прошлого к полюсу будущего. По оси Y изображено вертикальное измерение настоящего времени, которое, по нашему мнению, обеспечивает единство полюсов прошлого и будущего, поскольку настоящее является границей, в которой в неразрывном виде объединяются моменты прошлого и будущего времени.

В соответствии с развиваемой логикой, как демонстрирует рис. 4, формирование будущего происходит в определенном временном диапазоне (1-6 этапы). Этап 6 характеризует «отделенный» от настоящего, сформированный образ будущего. Нетрудно заметить, что с 1 по 5 этапы образ будущего находится еще в настоящем времени. В нем происходит перемещение, трансформация хронотипа истекшего времени – ω в хронотип неосуществленного времени – α .

Динамическая структура настоящего времени в виде подвижных частиц прошлого и будущего, обнаруживает себя в возможности выражения посредством настоящего, как событий прошлого, так и событий будущего в зависимости от того, какой хронотип преобладает (занимает большее представительство) в настоящем.

Пояснение этой мысли дается на примерах, приводимых в диссертации Н.П. Анисимовой. Так, во фразе: depuis vingt ans que j'habite ici (двадцать лет, что я живу здесь) наибольшую протяженность имеет хронотип прошлого времени (ω), а во фразе – désormais je me lève à 6 heures (отныне я встаю в 6 часов) наибольшее место занимает частица будущего времени (α) [3].

В трансформациях временных измерений системы языка достаточно четко раскрывается парадоксальность организации субъективного настоящего времени в его единой комбинации: последовательности и одновременности.

Например, в крайнем образе формирования будущего времени (этап 5 рис. 4), максимально преобладает частица – α неосуществившегося времени. Тем не менее, это еще не будущее, а настоящее. И в этом настоящем, пусть в самом неразвитом и в малом виде, но присутствует полюс завершеного, то есть прошедшего времени (хронотип ω). Следовательно, эти два полюса в пределах настоящего должны быть скоординированы. Эта координация как раз достигается за счет двумерного (парадоксального) строения настоящего времени. Первым измерением – горизонтального презенса, полюса истекшего и неосуществленного времени разграничиваются, разделяются друг от друга. Это измерение характеризует отношения *последовательности* (раньше, позже, предыдущее, последующее). Вторым измерением – вертикального презенса эти два полюса объединяются отношениями *одновременности*, поскольку относятся к одному настоящему (симультанты), находясь в его пределах (рис. 5).

Когда же образы времени выходят за рамки настоящего, то измерения, которые были представлены в нем в едином виде, «распадаются». Именно поэтому возникают две формы прошлого и будущего времени (рис. 6).

Так, для событий будущего во французском языке существуют формы простого будущего (futur simple) и гипотетического будущего (futur hypothétique) [5]. В простом будущем времени событие приобретает категоричность утверждения. Например: Je sais qu'il viendra (я знаю, что он придет). Событие, выражаемое в futur simple, полностью отделилось от настоящего времени. По нашему мнению, такое событие выступает в целостности, и в нем нет динамического соотношения хронотипа истекшего времени (ω) с хронотипом еще неосуществленного времени (α) в пределах настоящего. Здесь элементы действия полностью «сгруппированы» на инцидентном полюсе будущего, посредством вертикального измерения в отношениях *одновременности*. Действие сосредоточено в одном времени (будущем), не имея альтернативы в виде истекшего времени (прошлое). Событие целиком в будущем (например в «завтра», «следующем году» и т.д.).

В русском языке звучание, к примеру, таких фраз как: «Он придет сегодня» (настоящее) и «Он придет завтра» (будущее) может казаться достаточно близким (и там и здесь – придет). Но как отмечалось ранее, для полюса будущего (даже если он сильно преобладает) в пределах настоящего времени всегда представлен и другой полюс – истекшего времени, в который, он может трансформироваться. Так, фраза: «Он придет сегодня» трансформируется во фразу «Он пришел сегодня» (и наоборот). Настоящее потенциально удерживает воедино измерения прошлого и будущего. Они как бы симметричны: легко «оборачиваются» друг в друга. Частица α трансформируется в частицу ω в пределах общей основы – настоящего времени «сегодня». А для будущего это невозможно: «Он придет завтра» не может трансформироваться во фразу «Он пришел завтра» (так нельзя сказать), поскольку здесь нет частицы ω , соотносящейся с частицей α . В этой форме нет измерения последовательности, разделяющей ход времени на полюса, вследствие чего и не может быть осуществлена последовательная трансформация одного модуса времени в другой.

Для второй формы – гипотетического будущего характерен так называемый процесс декаденции. Действие (часть действия), о котором производится высказывание, перемещается в прошлое. Например, Il a dit qu'il viendrait mardi (он сказал, что придет во вторник). Эта форма будущего в прошедшем, в которой помимо инцидентного уровня (указание на будущее) присутствует и декадентный (отсылка в прошлое – он сказал). Действие разделяется горизонтальным измерением времени на последовательные полюса (до, после). Часть акта отсылается в прошлое, вытесняясь из плоскости настоящего. Теперь, полюса α и ω не разворачиваются в плоскости настоящего времени (иначе это было бы настоящее), а взаимодействуют друг с другом за его пределами. Частицы осуществленного и еще не осуществившегося времени не «скреплены» отношениями одновременности настоящего времени, а образуют только отношения *последовательности*.

Для прошедшего времени, как и для будущего существуют две формы времени (они также приведены выше на рисунке 6). Формой, в которой берется только «верхний» – инцидентный уровень является так называемый претерит (passé simple).

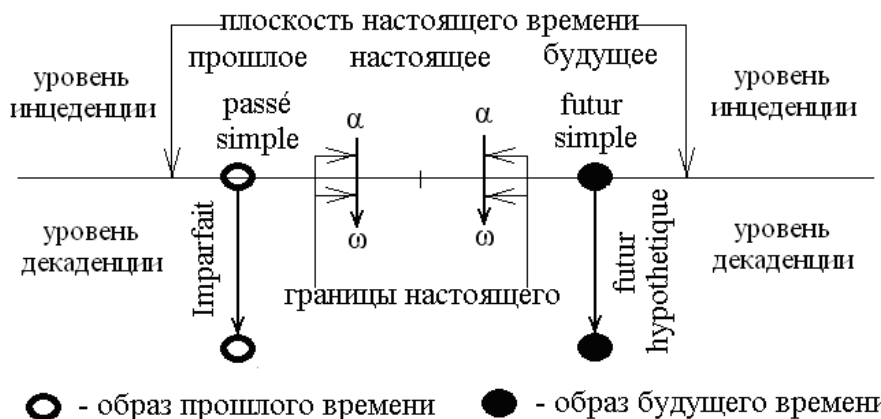

Рис. 6. Формы прошедшего и будущего времени, образованные уровнями инциденции и декаденции

В претерите действие рассматривается только в совершенности в прошлом [5]. Например: «Pierre arriva» (Пьер прибыл). Аналогом в русском языке для этой формы может являться время совершенной формы глагола, отвечающая на вопрос: что сделал? В претеритной форме действие выступает в целостности, все части такого действия едины и как бы замкнуты друг на друга [9]. Следуя нашей логике, в этой форме элементы действия представлены в отношениях *одновременности* и не разделены на полюса последовательности. Претерит имеет место тогда, когда событие ограничено временными рамками: действие полностью вписывается в определенный отрезок времени: Henri IV mourut en 1610 (Генри IV умер в 1610 году) [8]. Все действие как бы сосредоточено в одном времени, одном полюсе совершенности – в 1610 году.

Если же прошлое действие представлено не только в совершенности, но и в завершённой части, то оно выражается другой формой прошедшего -имперфектом (Imparfait). Имперфект характеризует действие часто не ограниченное во времени, не имеющее завершения или начала. «Pierre arrivait» (Пьер прибывал) [5]. В русском языке эта форма часто соответствует времени глаголов несовершенного вида, отвечающих на вопрос: что делал? Действие «прибывал» представлено не только инцидентным уровнем (хронотип α), но и декадентным (частица уходящего времени – ω). Посредством декадентности действие выходит за пределы плоскости настоящего времени. Прошлые события разворачиваются на последовательные этапы, тем самым, разделяясь на полюса горизонтального измерения времени. Таким образом, здесь акты разделяются отношением *последовательности*, без отношения одновременности настоящего времени.

Приведенный анализ временных форм прошедшего и будущего времени представляет существенный интерес для вопроса о функциональном значении настоящего времени в знаковых системах.

Для форм претерита (passé simple) и простого будущего (futur simple) характерно то, что они выражают события прошлого и будущего (то есть не являются настоящим), однако находятся в плоскости настоящего времени. Процесс же декадентности «отсылает» действие за пределы плоскости настоящего времени, в результате чего реализуются формы имперфекта (imparfait) и гипотетического будущего (futur hypothétique). Данный меха-

низм напрямую показывает функциональную роль настоящего времени в знаковой деятельности.

Только события, воплощенные в формат настоящего времени, оцениваются живыми организмами как актуальные, жизненно важные, реальные. Только настоящее способно организовывать действие: оно выполняет мотивирующую функцию.

Очень ясно эти идеи выражены в философии А. Бергсона. Согласно Бергсону, прошлое само по себе бессильно, не может действовать. Для того, чтобы прошлое могло оказывать воздействие на внешний мир, оно должно спроецироваться в настоящее, перейти в формат восприятия, заимствуя у него свою жизненность [10].

В результате декадентности, действие вытесняется из плоскости настоящего: устраняется мотивирующая способность, «агрессивность» (выражение Г. Гийома) настоящего времени. Тем самым снижается реальность события. Будущее приобретает гипотетичный, вероятностный характер. В актах высказывания это часто используется для смягчения форм обращения. «Я хочу у вас узнать...» звучит категорично (настоящее), «Я бы хотел у вас узнать...» не несет прямого намерения, звучит мягче с вежливым оттенком. В основании этого лежат представления о временных отношениях, согласно которым, если действие (намерение) имело место в прошлом, то сейчас – в настоящем, оно может и не сохранять свою жизненную силу, свою актуальность.

Таким образом, в языковых знаковых системах структура настоящего времени представляет собой не линию, а развитую систему измерений. Эти измерения (вертикальный, горизонтальный презенс) образуют парадоксальную комбинацию одновременности и последовательности. «Задачей» настоящего является *объединение (интеграция)* временных полюсов истекшего и еще не осуществленного времени, но также и их *разделение*, поскольку без разделения они «сливаются» вместе.

Будучи едины в настоящем времени, измерения, выходя за его пределы, «распадаются». В претерите и простом будущем, действие целиком представлено в одном из полюсов: его элементы «слиты» в одно время (одновременность, без разграничения последовательности). В имперфекте и гипотетическом будущем присутствуют полюса завершённого и еще не осуществленного времени, однако они не интегрированы рамками настоящего (последовательность без одновременности настоящего времени).

Библиографический список

1. Шингаров, Г.Х. Время, действие, бытие и семантика: метафизические основания глагольного времени. Настоящее время // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2013. – № 2. – Т. XVI.
2. Мочалов, К.С. Настоящее время в знаковой системе условного рефлекса: механизм его становления и роль в организации структуры знака-сигнала // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 14а.
3. Анисимова, Н.П. Историко-эпистемологический анализ французских семантических теорий: дисс. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2002.
4. Аристотель. Физика // Собр. соч.: в 4 т. – М., 1981. – Т. 3.
5. Гегель, Г.В.Ф. Философия природы // Энциклопедия философских наук. – М., 1975. – Т. 2.
6. Реферовская, Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. Курс лекций по языкознанию. – СПб., 1997.
7. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
8. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.
9. Martin R. Temps et aspect. – Paris, 1971.
10. Бергсон А. Материя и память. – Мн., 1999.

Bibliography

1. Shingarov, G.Kh. Vremya, deystvie, bihtie i semantika: metafizicheskie osnovaniya glagoljnogo vremeni. Nastoyathee vremya // Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2013. – № 2. – Т. XVI.
2. Mochalov, K.S. Nastoyathee vremya v znakovoy sisteme uslovnogo refleksa: mekhanizm ego stanovleniya i rolj v organizacii strukturii znaka-signalna // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 14a.
3. Anisimova, N.P. Istoriko-ehpistemologicheskij analiz francuzskikh semanticheskikh teoriy: diss. ... d-ra filol. nauk. – Tverj, 2002.
4. Aristotelj. Fizika // Sobr. soch.: v 4 t. – M., 1981. – Т. 3.
5. Gegelj, G.V.F. Filosofiya priroodih // Ehnciklopediya filosofskikh nauk. – M., 1975. – Т. 2.
6. Referovskaya, E.A. Filosofiya lingvistiki Gyustava Gijjoma. Kurs lekciy po yazhkoznaniyu. – SPb., 1997.
7. Gijjom, G. Principih teoreticheskoy lingvistiki. – M., 1992.
8. Gak, V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazhka. – M., 2000.
9. Martin R. Temps et aspect. – Paris, 1971.
10. Bergson A. Materiya i pamyatj. – Mn., 1999.

Статья поступила в редакцию 15.11.13

УДК 211.2

Rykova S.A. **THE IMAGE OF GOD AS THE IMAGE OF THE OTHER IN CULTURE.** This article is devoted of importance to be jealous of God image in culture. The author tries to understand reasons that make a person to agree with God's rules and try to perceive the supernature. It is prove the necessity to respect a variety of different religious ideology in the world.

Key words: image of God, image of the Other, religious tolerance.

С.А. Рыкова, ассистент каф. философии и психологии института управления Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: belle_12@list.ru

ОБРАЗ БОГА КАК ОБРАЗ ДРУГОГО В КУЛЬТУРЕ

В статье обосновывается необходимость сохранения и передачи образа Бога в культуре. Производится попытка указать на причины принятия культурой или отдельной личностью божественных законов, стремления к познанию сверхъестественного. Говорится об уважении к разнообразию религиозных представлений.

Ключевые слова: образ Бога, образ Другого, религиозная толерантность.

В научной печати последних лет можно встретить работы, посвященные вопросам религиозной толерантности и нетерпимости. Специалисты говорят о необходимости проявления уважения к представителям других религиозных конфессий, о поддержке основ национальных религиозных культур, о перспективах развития светской и религиозной культур. СМИ полны примеров конфликтов, возникающих на религиозной почве: верующие и атеисты спорят о ценности и необходимости религии, каждый настаивает на своих убеждениях. Современные философы, культурологи, социологи, непрерывно поднимают вопрос о месте религии в культуре. При этом трудно сегодня найти культуру, где отсутствовали бы так или иначе сформулированные представления о сверхъестественном, где бы их не утверждали и поощряли или, наоборот, отвергали и боролись с ними.

Наметившиеся тенденции к глобализации мирового пространства (экономического, политического, образовательного), появившаяся свобода передвижения и коммуникации, необходимо приводят к проблемам, связанным с отсутствием терпимости к различию религиозных воззрений, своеобразию этических норм. В связи с этим, нам показалось возможным рассмотреть вопрос о роли существующего образа Бога в культуре, о его ценности для отдельной культуры и ее представителей, об отношении представителей одной культуры к собственным религиозным идеалам, а также к идеалам других культур.

Развитость культуры или отдельной личности по отношению к вопросам толерантности, на наш взгляд, проявляется в существовании свободного осмысленного выбора в пользу уважения другой стороны, принятию права Другого на инаковость. Мысль о том, что всякая культура, для своего существования нуждается в смыслах, оформляющих ее в единое целое, неких этических стандартах, нормах жизни, закрепленных в религиозных и философских трактатах, позволяет сформировать уважительное отношение к каждой этической норме, к каждой религии, как к попытке высказать, с помощью имеющихся средств, главную идею, способную структурировать всякое существование в единое целое.

Так же, как это необходимо культуре, для цельного развития личности, для удержания смысла существования, даже в самых критических ситуациях, необходимо нечто, что связывало бы мысли, чувства, понятия, поступки человека в единое целое, необходимо то, что выше и сильнее всех внешних влияний. Философия, религия, занимаются поиском подобных смыслов, предоставляя возможность личности, культуре, обрести ощущение стабильности собственного бытия.

Б.Спиноза, например, говоря о роли воззрений личности на природу сверхъестественного, уравнивает понятие природного, как некоего всеобщего порождающего всеобщего целого, и божественного [1]. Принимая его идеи, мы в данной работе под сверхъестественным, божественным, будем понимать различные религиозные воззрения на природу сверхъестественного бытия (например, теистические, пантеистические, анимистические и другие, подлинное познание которых остается для человечества недостижимым).

Примем идею, что первоначально понятие о сверхъестественном возникает как воплощенный образ превышающей человека силы. Возникает вопрос, почему вследствие развития знаний о мире человечество не отказывается от идеи Бога, но сохраняет и транслирует ее от поколения к поколению. Вероятно, идея божественного несет в себе важные смыслы для существующих в мире культур.

Предположим в этой связи, что образ Бога (понятие о сверхъестественном) формируется культурой в ответ на необходимость осознания своего Другого, как некоего совершенного

идеала, судьи, свидетеля мыслей, поступков, существования личностей и цивилизаций. С этой позиции, видимый нами мир физических явлений и процессов может восприниматься как несовершенный, как тот, который только стремится реализовать совершенный замысел Бога о нем. В этой концепции Бог может рассматриваться в качестве высшего эталона для подражания. Бог есть тот, от которого человечество (или весь вещественный мир в целом) должно себя отличить для собственного развития и совершенствования.

Можно видеть, что тенденция к большей секуляризации культуры отмечается в технически и информационно более развитых обществах, а также тех, где политические (создание идеологий), экономические идеалы (экономический успех, культ денег, культ всевозрастающего потребления) посредством принуждения или убеждения заменяют собой религиозные.

Понятие о сверхъестественном, как об идеальном оригинале, формируется народом веками, образ божественного мира с его законами и требованиями к человеку формулируется культурой в соответствии с умонастроениями ее представителей, с учетом местной специфики и особенностей. Идеи сделать культуру светской в государстве политическими методами, отвергая всякое понятие о Боге, могут привести к духовному голоду народа и к провалу такой идеологии без высших идеалов. Идеологический вакуум всегда требует заполнения, и там, где происходит подмена религиозных идеалов политическими (кодексом строителя коммунизма, например), система способна разрушить сама себя изнутри. Политика и религия оказываются взаимозаменяемыми и не должны стремиться к этому.

Велико бывает разочарование человека, посвятившего свою жизнь таким политическим идеалам, когда следующее поколение стремится их развенчать или он сам осознает их нежизнеспособность. За этим следует глубокий кризис и болезненная переоценка ценностей. С традиционными религиозными идеалами обычно такого не случается: человек, выбравший свой духовный путь, способен двигаться по нему всю жизнь, так как выбранный им идеал (Бог, истина, природа) уже есть высшее совершенство, которое нельзя превзойти или опровергнуть.

Уничтожение идеи Бога в культуре, таким образом, не ведет к прогрессу цивилизации, а, напротив, способствует снижению планок: когда идеал Бога замещает человек, пусть даже самый совершенный, это ведет к деградации, в том числе нравственной (вспомним, что эпоху Возрождения от нравственного падения спасала религия).

Приведем в пример современную американскую культуру: значительный процент заболеваний в стране связан с неумеренной, несбалансированной диетой, и в результате, государство вынуждено тратить на лечение граждан огромные суммы. В чем причины такой неводержанности? Можно предположить, что изменились идеалы, удовольствие от служения идее всеобщего блага, например, или идее справедливости и любым другим более высоким, сменилось идеей служения себе и удовлетворения своих собственных чувств.

Как человек, так и культура требуют рамок для своего развития (даже сельскохозяйственная культура, требуя постоянного ухода, может развиваться только в рамках ограниченного пространства, иначе она мельчает и превращается в сорную траву), важно, однако, чтоб эти рамки не превращались в кандалы темниц, чтоб следование требованиям религии не было навязано человеку (или культуре) системой и не являлось способом манипулирования.

Многие религиозные системы говорят о самоограничении, о контроле чувств, так как не каждый человек без таких подсказок культуры может прийти к этому самостоятельно. Неумерен-

ность во всем приводит к дисбалансу как в отношениях с внешней природой, так и со своим собственным телом. Этическая самодисциплина влияет на все, что делает человек: дышит, планирует, функционирует. От нее зависят его отношения с окружающими и отношение к самому себе. Если человек не знает границ дозволенного, не устанавливает их себе сам, то дозволенным оказывается все, а это верный путь к саморазрушению. Вероятно, в роли таких рамок могли бы выступать законы светской этики или личные этические требования, однако, не многие способны сформулировать свои нравственные законы и строго их придерживаться или самостоятельно прийти к безусловной ценности кантовского «категорического императива», например. Безусловно, что заповеди, этические законы, говоря о любви, снисхождении, терпении, сострадании к другим, способны совершенствовать отношения между людьми в обществе.

Н.Бердяев в работе «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан» [2], говоря о нравственной высоте и недостижимости идеалов христианства, подтверждает идею необходимости для культуры подобных стандартов для реализации идеи непрерывного совершенствования: чем выше и недостижимее планка, тем больший у культуры потенциал для движения вперед.

Рассмотрим, что дает вера в Бога отдельной личности и обществу в целом. Избегая разговора о высоких материях (просветление, спасение, достижение святости, обретение рая и другое), предположим, что может принести человеку вера с утилитарной точки зрения. Вера наделяет ощущением причастности миру, избавляет от одиночества, вносит новый смысл в отношения человека с другими людьми, так как все это разнобразные отношения превращается (вторя словам Матери Терезы) в отношения между человеком и Богом.

Вера дает человеку возможность ощущать себя в связи, ценность которой превышает всякие другие отношения: как, например, ценность одиночества превышает отношения любящих людей, так отношения с Богом обесценивают все прочие.

Подчас, достижение успеха ради его самого приносит с собой разочарование, что можно наблюдать в развитых странах, где высок процент совершенных самоубийств. В движении вперед ради самого движения люди утрачивают смысл, а вместе с ним уходит и ощущение ценности собственного существования. Подлинность целей и смыслов культуры или отдельной личности проверяется кризисами. Цель, превосходящая границы существования личности или культуры, находящаяся за пределами ее смерти, жизнеспособна и стоит того, чтобы быть избранной. Религии заявляют о таких целях, наполняя смыслом человеческую жизнь. Говоря об исполнении божественных предначертаний, религия предлагает наивысшие образцы следования: опыт святых, подвижников, мучеников и аскетов.

С точки зрения Бенедикта Спинозы, обретение подлинных законов Бога не требует директив священных писаний и церковных институтов, разум способен привести человека к принятию «естественного божественного закона», определяя, что для него есть подлинное благо следовать ему по доброй воле, осознавать, что исполнение закона, единственный путь к обретению душевной гармонии. Это свободный выбор личности, обусловленный размышлением и усмотрением сути вещей, а не следование законам, на которые указывают священные писания, лишь потому, например, что в результате выбора между добром и злом (должным и недолжным), первое было избрано как приносящее плоды, избавляющее от кары Божьей, из страха или преклонения перед авторитетами.

Попробуем распространить идеи Б. Спинозы о том, какое значение имеет для личности принятие «естественного божественного закона», а для культуры – сохранение и передача высших религиозных идеалов [1, с. 88-89].

1. Совершенство личности состоит в том, чтобы быть слугой Бога и даже его рабом, постигая совершенство мира в непротиворечии законам природы. Тогда человек, благодаря тому, что он часть творения всеовершенство существа, способен развивать заложенный в нем огромный потенциал, тогда как без Бога, и того, что им предоставлено всему живому, человек мог бы очень мало или почти ничего. Ни один гениальный живописец не мог бы стать таковым, не видя он прекрасные пейзажи за окном, не обладая врожденной способностью чувствовать гармонию цветов (если бы это было не так, то всякий после долгой тренировки мог добиться блестящих результатов), не имея необходимых природных соединений для создания красок. Со-

временное стремление отдельного человека и человечества как целого противопоставить себя всему прочему миру, обособиться, настаивая на своем превосходстве, как правило, приводят к разрушительным последствиям.

2. Человек после совершения великого дела не становится самонадеянным: Если бы человек, или культура, приняли бы себя совершенными, и заявили, что ни в чем ином кроме самого себя не нуждаются, этим самым они прекратили бы свое дальнейшее развитие. Вера дает человеку возможность уйти от эгоизма, тщеславия и гордыни: если все возможности, средства достижения целей, все, что существует – от Бога, то нет разницы, великое дело человек совершил или малое, гениален он или бесталанен, он не лучше других и другие не лучше его, каждый вносит свой посильный вклад в общее дело – например, дело служения Богу (такая общая цель формулируется индивидуально в каждой религии, в каждой культуре). Ни один человек, ни одна культура в этом случае не могут объявить себя и свои идеалы выше другой, настаивая на уважении вклада каждого (в случае с мировыми культурами, вклада в развитие человечества в целом).

3. Признание идеи, что природа, творимая Богом, совершенна, ведет личность к любви и снисхождению к ближним, позволяет видеть в несовершенстве характера или поступках других людей лишь модусы, видоизменения, совершенной природы, позволяет искать и справляться с причинами этих видоизменений (помогать другим и себе, «приводя в лучшее состояние», как говорит Б.Спиноза), а не настаивать на несовершенстве личном или других и ненавидеть их за это.

4. Осознание себя только частью божественного мира содействует благу не только личному, но и общественному. Например, всякий, кто имеет право судить (правитель, судья, начальник, отец, взрослый) не станет принимать чью-то сторону из спорящих, исходя из личных симпатий или сулимой выгоды, но только из любви и сострадания ко всему живому, подчиняясь законам справедливости. Такой судья выносит вердикт и наказывает без ненависти ко спорящим сторонам, ведь его целью является «исправление обоих». Он наказывает не затем, чтобы указать на порок и несовершенство, но для того, чтоб предоставить шанс оступившемуся поступать по-другому.

5. Познание законов Бога, способно избавить личность от печали, отчаяния, зависти, страха и прочих дурных страстей. Подлинное «истинное познание» предоставляет возможность обрести знания о добре и зле, истине и лжи, позволяя не увлекаться низменными страстями. Б.Спиноза так формулирует эту мысль: «когда мы знаем и наслаждаемся лучшим, то худшее не имеет власти над нами» [1, с. 90].

6. Принятие Бога за высшее благо, совершенство и причину всякого существования, приводит личность к попытке осознать и согласиться с законами мироздания, позволяя себе радостно следовать им, избавляясь от страха перед сверхъестественным, спокойно принимая факт своей смертности. Б.Спиноза утверждает: человек, пока он часть природы, должен следовать ее законам. Это и есть богослужение. Пока он делает это, он счастлив.

Рассмотрим, какую ценность имеет образ Бога для культуры? В архитектуре, например, первые более высокие или более сложные конструкции предназначались для совершения религиозных обрядов (мegalиты, пирамиды, курганы, прекрасные храмы, церкви и соборы часто превосходили по высоте и убранству прочие сооружения). Если бы ранние представления о сверхъестественном у человечества отсутствовали, оно, вероятно, ограничилось бы постройкой хозяйственных и жилых помещений.

Существует точка зрения, что подлинные произведения искусства появляются на свет, когда художник творит не для себя, не для человечества, но в восхищении и преклонении перед божественным совершенством. Ее сторонники утверждают, например, что высшие образцы живописи, зодчества, литературы могут быть созданы во времена господства религии в культуре, светская же архитектура, поэзия или музыка есть только пародии на подлинно духовное искусство, отсылающее к высшим смыслам.

Приведем пример, с 1311 года по 1884 год самыми высокими постройками в мире были религиозные сооружения: Линкольнский собор Девы Марии в Англии (1311 г.), церковь святого Олафа в Эстони (1549 г.), церковь Святой Марии в Германии (1625 г.), Страсбургский собор во Франции (1647 г.), собор Святого Николая в Германии (1874 г.), Руанский собор во Франции

(1876 г.), Кёльнский собор в Германии (1876 г.). С конца XIX века, только светские постройки удаивались подобным титулов. 1884 г. – Монумент Вашингтона в США, 1889 г. – Эйфелева башня, Франция, Затем, Соединенные Штаты Америки захватили лидерство в постройке самых высоких небоскребов. Сегодня, самый высокий небоскреб, с помещениями, предназначенными под квартиры, магазины, рестораны, офисы, отели, выстроен в Саудовской Аравии.

Все эти современные колоссальные сооружения, памятники человечества самому себе, гению человеческой, а не божественной мысли, еще один способ упиваться собственной силой и величием (другие способы демонстрации величия: использование ядерного оружия, эксперименты с генетически модифицированными продуктами и прочие попытки человека преступить естественные законы природы, сопровождающиеся непредвиденными последствиями). Подобные грандиозные сооружения могут символизировать замену системы ценностей в современном мире. Затмевается значимость идей божественных, высшие нравственные ценности сменяются человеческими, сиюминутными, подстраивающимися под законы спроса и предложения.

В наши дни, новые высотные здания, заполонившие крупные города, почти всегда напоминают заостренные вверх параллелепипеды из стекла и бетона. Эти архитектурные постройки не несут эстетической ценности, их созерцание ничего не дает развитию вкуса. Те горожане, которые не могут больше оставаться в этой эстетически мертвой урбанистической среде, вынуждены (если у них есть такая возможность) переселяться в поисках красоты линий и форм, естественного природного пейзажа за окном.

Люди объединяются в сообщества, переезжают из города в город, из одних стран в другие, выбирая те пространства для

Библиографический список

1. Спиноза, Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Богословско-политический трактат: пер. с лат. и гол. / вступ. ст. и коммент. А.М. Кривули. – М., 2000.
2. Бердяев, Н.А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан [Э/р]. – Р/д: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1928_024.htm

Bibliography

1. Spinoza, B. Kratkijj traktat o Boge, cheloveke i ego schastje; Bogoslovsko-politicheskiy traktat: per. s lat. i gol. / vstup. st. i komment. A.M. Krivuli. – M., 2000.
2. Berdyayev, N.A. O dostoinstve khristianstva i nedostoinstve khristian [Eh/r]. – R/d: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1928_024.htm

Статья поступила в редакцию 29.09.13

УДК 101.1:316.

Ushakova E.V., Sapelkin V.S. PHILOSOPHICAL ASPECTS OF FORMATION OF LEGAL CATEGORIES IN POSTINDUSTRIAL THE WORLD. In article gnoseological ways of formation of legal categories on the basis of system and philosophical approach and scientific and philosophical categories of a modern scientific picture of the world are investigated.

Key words: scientific and philosophical categories, legal categories, sotsio-sphere, globalization.

Е.В. Ушакова, д-р филос. наук, проф., проф., зав. каф. «Философии и биоэтики» Алтайского гос. медицинского университета, г. Барнаул; В.С. Сапелкин, аспирант, Алтайский гос. технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, E-mail: kikt2011@mail.ru sapelkinv@gmail.com

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ

В статье исследуются гносеологические пути формирования правовых категорий на основе системно-философского подхода и научно-философских категорий современной научной картины мира.

Ключевые слова: научно-философские категории, правовые категории, социосфера, глобализация.

В любом исследовании, особенно общего и всеобщего (философского) характера краеугольную роль играют понятия. Понятия объекта, предмета исследования – это узловые точки познания, тот «ментальный каркас», который в целом определяет цели, задачи, эффективность и эвристичность любого творческого познавательного процесса. Вспомним, что по В.И. Ленину, дать определение вещи, значит, подвести его под другое, более широкое определение. Понятие отражает главные общие признаки

жизни, ритм и законы которых вторят их собственным. Сегодня наше общество – калейдоскоп культур, где одних привлекает успех и материальное благополучие, других, тепло семейного очага, третьих, частая смена событий, впечатлений и ролей. И задачи, которые стоят перед локальными и мировой культурами, учесть и сохранить неповторимость каждого, позволить каждой личности, каждой культуре, искать свой путь развития, а задачи мирового сообщества – обеспечить их бесконфликтный диалог, учить уважению каждой точки зрения.

Философия, религия, искусство, наука, дают свои варианты движения по этому пути, совершенствуясь, предлагая новые смыслы и цели. При этом нет никакой необходимости выкорчевывать образ Бога из культуры (какой бы светской она не стремилась быть), так как это еще одна необходимая составляющая духовного здоровья общества.

Образ Бога, уникальный для каждой культуры, есть символ наличия смыслообразующей для духовной основы развития культуры, веры в высшие идеалы, высшие ценности. Может быть, не все представители мировых культур должны быть верующими, тем более религиозными фанатиками, настаивающими на истинности только своей религии, но, как нам кажется, необходимо бережно относиться к религиозным ценностям своей культуры, уважать ценности других, стремиться к созиданию, а не разрушению.

Таким образом, сформулированный культурой образ Бога, способен обеспечить экологичное (в гармонии с законами мироздания) развитие, с осознанием необходимости ограничений и запретов. Дает возможность отличить себя от Бога, как от своего Другого, чтобы иметь возможность сверяться с высшими идеалами, не опуская, а, наоборот, приподнимая планку, на пути к совершенствованию.

Сами вещи взаимосвязаны в разных планах бытия по принципу: «Все взаимодействует со всем». План рассмотрения одной вещи – многоуровневый. В то же время один план (одной вещи) закономерно переходит в другой. Осуществляется взаимодействие планов вещей, сопоставимых по качеству. Таким образом, когда мы осуществляем широкие исследования, по необходимости имеем дело не с одним понятием, с одной какой-либо категорией, а с группой взаимосвязанных категорий. Категориально-понятийная группа, в которой работает исследователь, разрабатывается та или иная область знания, образует в целом *категориально-понятийный аппарат* постижения вещи, предмета, или короче – *категориальный аппарат* для философских исследований и *понятийный аппарат* – для научных работ.

Если вещь изучается широко с фундаментально-научных, общенаучных, научно-философских и философских позиций, то ее определения, как ни странно это кажется на первый взгляд, оказываются разными даже в случае, если она изучается в рамках одного концептуального подхода, единой логической линии. Это объясняется тем, что *на разных уровнях общности рассмотрения одной и той же вещи она закономерно характеризуется разными качествами и свойствами*. Поэтому широкое рассмотрение предмета ведет к тому, что необходима следующая *методологическая установка: выявление и раскрытие нескольких последовательных уровней категориально-понятийного описания предмета, где последовательно раскрываются его качества и свойства, от всеобщих – к общим, особым, частным и отдельным характеристикам*.

Поэтому можно сказать, что *каждая вещь* в своем категориально-понятийном описании имеет *свой план*. План делится на несколько *уровней*, последовательно отражающих более и менее общие характеристики вещи, что в целом соответствует уровням отражения мира в системной научно-философской картине мира [1]. Уровни, в свою очередь, можно сгруппировать в *надуровни*, или «подпланы» – всеобщего, отдельного, системного и субсистемного рассмотрения вещи.

А планы сходных вещей, как будет показано ниже, закономерно могут согласовываться друг с другом. Ниже схематично представим методологические уровни, которые позволяют последовательно раскрывать содержание и сущность вещи индуктивным или дедуктивным путем (в зависимости от характера исследования).

Уровни разработки категориального аппарата *плана вещи*:
Надуровень всеобщего

1. Уровень абсолютно всеобщего: вещь единая. 2. Уровень полярно-всеобщего: вещь диалектично-полярная (диалектические противоположности и переходы между ними как проявление самодвижения в вещи).

Надуровень отдельного

3. Уровень отдельного, или экосистемный: отдельная вещь (группа родственных систем или отдельная система – Си) в эко-комплексе «Системы(а) – окружающая среда» (ЭК«Си–ОС»). Системы(а) в экосистеме. 4. Уровень организационно-системный. Отражает структурные уровни организации родственных систем, иерархогенез целостной группы систем. 5. Уровень отдельной системы как целостности, или холосистемный.

Системный надуровень

6. Уровень внутрисистемный – структурно-динамической дифференциации системы. 7. Уровень субстратно-внутрисистемный, или «исходной структурно-динамической клеточки» в системе. 8. Уровень элементарно-системный – главных образующих элементов системы, на которых проявляются ее качественные характеристики.

Субсистемный надуровень

9. Уровни субэлементарного содержания системы, с потерей ее качественных характеристик. Условно – уровень разнообразных «элементарных вещественно-энергетических частиц». 10. Уровень субстанциальных основ системы – вещественно-энергетический, как базиса бытия системы.

В разнообразных конкретных исследованиях систем, при изучении конкретных реальностей (природных и социальных) может быть рассмотрена лишь часть их указанных уровней (в зависимости от задач исследования), но с учетом их универсальной вещественно-энергетической взаимосвязи с другими более широкими или более глубокими уровнями бытия. Следовательно, при рассмотрении плана вещи он оказывается многоуровневым. В то же время, от первого уровня плана данной вещи мож-

но осуществить переход к плану более широкой вещи сопоставимого качества. А от девятого уровня можно перейти к плану более «тонкой» вещи сопоставимого качества. Таким образом, закономерно осуществляется взаимодействие разных планов вещей и их отражение в категориальном аппарате в знаниях субъекта.

Попытаемся более предметно раскрыть представленную гносеологическую схему, применив ее для исследования **правовой реальности**, с которой постоянно имеет дело каждый гражданин социума [2]. Для краткости описания номерами будем обозначать представленные выше уровни исследования понятий.

1. Право как базовая структурная организация общества в системе его жизни.

2. Право и политика как диалектически полярные структурно-динамические стороны организации социума, где право отражает структурный, а политика – динамический (функциональный) аспекты социума на разных этапах его самодвижения.

3. Отдельная правовая система (например, определенное государство) в окружении других правовых систем, например, на межгосударственном и глобальном уровнях (экосистемный подход и взаимовлияние правовых систем).

4. Структурные уровни организации права как системы писаных законов общества – от всеобщих конституционных до отдельных (например, административного права) юридических законов, на разных уровнях организации общества (человек, группа, класс, государство, группа государств, социосфера, социоприродная система).

5. Право как система взаимосвязанных юридических законов.

6. Структура законодательной системы (по форме собственности, по правовым сферам социума, по характеру правоотношений, по сферам нормотворчества и нормоприменения и т.п.).

7. «Исходная клеточка правоотношений». Это элементарные субъект-субъектные структурно-динамические правовые отношения, заложенные в юридических нормах и механизмах их исполнения, во взаимосвязи «правовая (юридическая) норма – действующий субъект». Эти отношения могут осуществляться или в оптимальных, или в неоптимальных вариантах. Это, например, 1) оптимальное относительно пассивное право-обязанное поведение; 2) оптимальное активно-осознанное право-ответственное поведение субъекта; 3) неоптимальное либералистское поведение (провоцирующее в итоге конфликт и хаос, поскольку динамика резко преобладает над структурой); 4) деспотическое скрывание деятельности (приводящее в итоге к застойным явлениям и стагнации социальной системы, к приостановке социальных процессов, вплоть до перехода системы в пассивное состояние, поскольку структура резко преобладает над динамикой).

8. Элементарная правовая (юридическая) норма (оптимальная или неоптимальная). Например, морально-правовые элементарные нормы в образных вариантах: «человек человеку друг, товарищ и брат» или «человек человеку – волк»; применяемые или к обществу в целом (холистично), или к части социума (парциально).

9. Потребности людей, субъектные коллективные и индивидуализированные (либералистские) интересы (политико-правового плана). Нарастание активности субъектов – личностей, групп, слоев и классов и т.п., в результате реализации их потребностей и интересов начинает активно влиять на политику, а также и на ментальные установки жизни (морально-правового плана), представляющие собой глубинные регуляторы человеческих отношений, а также на обстоятельства, конструирующие определенную юридическую норму.

Как отмечалось выше, такая вещь как право (структурная организация социосистемы) в системе категорий социальной философии диалектически соотносится с однопорядковой вещью «политика» (динамической организацией социосистемы), с более широкой вещью «социум как структурно-динамическая целостность», и с вещью «более глубокого» порядка «социосообразная и природосообразная деятельность человека» (где последняя включает также потребности, интересы, действия людей).

Соотношение системно-философских законов мира и правового закона антропосоциальной жизни имеет несомненную специфику в эпоху глобализации.

Во-первых, если до начала XX века преобладал макроуровень социальных отношений (уровень отдельных государств), то далее развитие социума переходит на планетарный социос-

ферный, или глобальный уровень. Поэтому в XXI веке особую роль начинает играть мегауровень социальных, в том числе, политико-правовых отношений, который требует специального изучения во взаимодействии с предыдущим и не менее важным макроуровнем.

Во-вторых, в связи с нарастанием сложности, активности и динамики современного общества, в настоящее время не только имеют место, но постоянно усиливаются вариативные механизмы формирования разных видов права на базе разновекторно действующей творческой активности сознания субъектов (от индивидуальных до коллективных). Поэтому мы не просто констатируем необходимость применения целостного категориального аппарата описания правовой сферы общества на базе системной картины современного глобального общества, но также отмечаем высокую степень вариативности правовых отношений и права в современном мире, как оптимального, так и неоптимального характера.

Право представляет узловую структуру общества, по сути, в своем оптимальном варианте отражает социальный генотип той или иной социосистемы, обеспечивающий ее нормальное функционирование и развитие. Напротив, неоптимальные варианты права, не сообразные с культурой и экологией данной социосистемы, по сути, представляют отклонения от нормы социального бытия, представляют собой неоптимальные социогенетические мутации, грозящие деформацией или даже разрушением соответствующей социосистемы. К сожалению, сегодня, в эпоху разворачивающейся глобализации, на наших глазах во множестве регионов планеты идут манипуляции с социогенотипами стран – в арабском мире, в западном мире, в российском социуме и т.д. Например, в современном арабском мире эта насильственная мутация активно началась с «арабской весны». Сначала насильственная мутация, а затем – гибель нормальной жизни или уродливое полуживое существование. В западном мире сегодня идут насильственные мутации с семейным кодексом (например, во Франции легализация однополых браков с правом усыновления такими семьями детей, с отрицанием фундаментальной роли материнства и отцовства в жизни людей). В постсоветском российском социуме в результате ма-

нипуляции с правом и законами появляются химеры (т.е. неустойчивые гибриды, которые в дальнейшем распадаются). К сожалению, в российском законодательстве на рубеже XX–XXI веков идет гибридизация права с формированием нарастающего количества самых разнообразных «правовых химер» – мертвых законов, паразаконов и псевдозаконов [3]. И только титаническими усилиями наш народ, постоянно болея под действием мутагенных «правовых» воздействий, восстанавливает, в той или иной мере, социокультурные основы собственной правдивой жизни [4].

Таким образом, в условиях глобализации, в жизни современного общества все более остро встает вопрос о выборе той базовой структуры, правовой организации социосферы, которая может быть длительно-жизнеспособной во временных масштабах планетарной эволюции как коэволюции природы и общества. Это проблема формирования оптимальной адекватной социально-правовой структуры, которая может быть эволюционно устойчивой в течение десятков, сотен и даже тысяч лет. Вполне логично предположить, что такая социально-правовая структура должна быть адекватна гармонии мира и нравственному закону, т.е. содержать базис отношений микрокосма человека, социокосма общества, которые непротиворечиво входят в гармонию с макрокосмом Вселенной, где, несмотря на локальные катаклизмы, сохраняются мировое единство и мировая гармония [5].

В таком случае право социосистемы (от социальной группы, муниципального образования, региона государства, отдельного государства, сообщества государств и вплоть до социосферы) должно быть взаимосогласованным по вертикали и по горизонтали (в соответствии с нравственным законом), а также космосообразным, геосообразным, биосообразным (в соответствии с законом гармонии Мира-Системы, отраженным в системно-философской картине Мира). Поэтому мы полагаем, что социально-правовые реформы, если они действительно имеют цель прогрессивного развития общества, а не являются очередными манипуляциями, должны осуществляться сообразно с общими законами бытия мира, на базе общего и специального научно-философского категориального аппарата права, с учетом реалий жизни страны и условий мира в эпоху глобализации.

Библиографический список

1. Ушакова, Е.В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия. – Барнаул, 1998.
2. Основы философии права / сост. А.П. Альбов, А.М. Величко, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова. – СПб., 1998.
3. Кулипанова, Н.В. Философия права и философия образования: познавательные-практические аспекты взаимодействия / Н.В. Кулипанова, Н.В. Наливайко, Н.П. Орлова, В.И. Паршиков, Е.В. Ушакова // Профессиональное образование в современном мире. – Новосибирск. – 2011. – № 3.
4. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою // Сочинения: в 2-х т. – М., 1993. – Т. 1.
5. Тимошкина, И.В. Аксиология права в контексте социально-философских проблем: дис. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2004.

Bibliography

1. Ushakova, E.V. Sistemnaya filosofiya i sistemno-filosofskaya nauchnaya kartina mira na rubezhe tretjego tihsyacheletiya. – Barnaul, 1998.
2. Osnovih filosofii prava / sost. A.P. Aljbov, A.M. Velichko, D.V. Maslennikov, M.B. Revnova. – SPb., 1998.
3. Kulipanova, N.V. Filosofiya prava i filosofiya obrazovaniya: poznavateljno-prakticheskie aspektih vzaimodejstvija / N.V. Kulipanova, N.V. Nalivajko, N.P. Orlova, V.I. Parshikov, E.V. Ushakova // Professionaljnoe obrazovanie v sovremennom mire. – Novosibirsk. – 2011. – № 3.
4. Iljin, I.A. O soprotivlenii zlu siloyu // Sochineniya: v 2-kh t. – M., 1993. – T. 1.
5. Timoshkina, I.V. Aksiologiya prava v kontekste socialjno-filosofskikh problem: dis. ... kand. filoz. nauk. – Barnaul, 2004.

Статья поступила в редакцию 19.11.13

Раздел 10

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Редактор раздела:

СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)

УДК 343

Astashonok K.V. CONCEPT OF EXTREMISM. CONSIDER ARISING AND DEVELOPMENT. The article considers the reasons and conditions of arising of extremism, arising of the term of «extremism», contemporary concept of extremism.

Key words: extremism, stratification of society, extremist manifestations in society, base of extremism, ideological roots of extremism.

К.В. Асташонок, ст. преп. каф. № 8 Института ФСБ России, г. Новосибирск, E-mail: ippks@ngs.ru

ФЕНОМЕН ЭКСТРЕМИЗМА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

В статье рассматриваются феномен экстремизма, причины возникновения экстремизма и условия развития.

Ключевые слова: экстремизм, расслоение общества, экстремистские проявления в обществе, база экстремизма, идеологические корни экстремизма.

В современной России экстремизм и его крайнее выражение – терроризм стали едва ли не главной угрозой человеку и обществу. Между тем, экстремизм отнюдь не новое явление в нашей истории.

Е.П. Сергун отмечает, что «экстремизм – неизменный спутник российской истории: и во времена самодержавного деспотизма, и в советский период, и на современном этапе существенное место в политическом процессе занимали и занимают экстремистские партии, движения, настроения и действия [1].

4 апреля 1866 г. выстрел полубезумного Каракозова возвестил о начале эпохи экстремизма в России. С тех пор он стал средством решения практически всех конфликтов и проблем, возникающих в обществе и государстве. Более того, самым простым, не требующим ни особых интеллектуальных усилий, ни экономических затрат, ни дипломатического искусства. Экстремизм как терроризм предполагал полное неуважение к человеческой жизни, отрицание какой-либо ее ценности, подчинение личности – безличному.

По мнению Ю.М. Антоняна, экстремизм «всегда есть продукт разобщенности общества, которое не обрело или утратило общую идеологию, единые ценности и цели. Он может иметь место в странах, где есть значительные социальные группы людей, весьма недовольных своим экономическим, социальным и духовным положением, считающих себя притесненными и униженными. Он может строиться на межрасовых отношениях (как, например, в США), или этнорелигиозных (например, в России и Франции), или социальных, порождающих состояния подавленности, ненужности, грубо обозначенного неравенства [2].

К экстремистским и собственно террористическим действиям прибегали народовольцы, эсеры, большевики, другие политические группы, охваченные ненавистью и фанатизмом. Сам коммунистический режим был экстремистским, особенно в эпоху правления Ленина и Сталина. Поэтому следует честно признать, что в нынешней России экстремизм, закрепившись в общественных нравах и став частью идеологии и психологии некоторых социальных групп, лишь продолжил свою прежнюю жизнь, приняв новые, подчас более изощренные и угрожающие формы. Принципиальным здесь является то, что сейчас он идет не от государства «вниз», а «снизу» к нему и к людям.

В. В. Лунеев говорит, что «экстремизм, как та или иная крайность, наблюдается в различных сферах деятельности, который

может в зависимости от ситуации получать в обществе позитивную или негативную оценку. Экстрим в науке, литературе, спорте, моде, скульптуре, других видах искусства может привести к переменам, инновациям, новым течениям, новым школам. Поэтому придание экстремизму только негативного и особенно политически преступного характера, что характерно для современной России, является глубоко односторонним, ошибочным или, по крайней мере, сомнительным уголовно-правовым и криминологическим решением [3].

Вот почему так важно знать причины названного явления, что позволяет определить главные объекты профилактических и предупредительных мер со стороны власти и населения.

В некоторых публикациях, даже научных, приходится встречать утверждение, что экстремизм в нашей стране получил широкое распространение потому, что в ней живет много наций и бытует множество разных религий. Но это поверхностное и ложное суждение, могущее увести от установления подлинных причин экстремизма и тем самым косвенно способствовать ему, ослабить защиту личности и общества от экстремистского насилия.

Анализ экстремизма как негативного явления, позволяет сделать вывод о том, что он является «моделью агрессивного социально-политического общения, построенной на неравенстве его сторон и противопоставлении их интересов (по каким бы то ни было основаниям) [3].

Ю.М. Антонян также полагает, что с криминологической точки зрения «экстремизм представляет собой агрессивную, защитную по своей природе реакцию наиболее тревожной части населения на неблагоприятные экономические и социальные условия жизни, на ее низкое качество [2].

Наряду с этим многие исследователи отмечают, что важной причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения выступает психологический барьер «свой – чужой», страх перед непохожим на себя [4].

При этом следует указать на то, что исследователи выделяют две особенности психики человека.

Первая заключается в том, что люди, похожие на нас, нам привлекательнее и кажутся безопаснее тех, кто на нас не похож.

Вторая особенность в том, что некоторые люди сознательно или бессознательно перекладывают ответственность за свою жизнь или обвиняют в своих проблемах кого-то другого. Такая психология срабатывает как способ защиты от собственных неудач.

По мере развития человечества появилось расслоение труда, а с ним и расслоение общества в городах и государствах на социальные группы по сфере деятельности, материальному достатку и другим признакам. С разделением общества на социальные группы, объединенные по какому-либо одному или нескольким признакам, между ними стали возникать конфликты и их разрешение с помощью насилия, которые по своей сути и были первыми проявлениями экстремизма.

Таким образом, расслоение по профессиональному и экономическому признакам в совокупности с социально-психологической неустойчивостью привело политическую окраску. Завоевание и порабощение «чужих» внесло в этот процесс этнический, а также конфессиональный (религиозный) признаки.

Следует также указать и на то, что во время экономических кризисов возникает большой разрыв между социальными слоями и общество начинает делиться на бедных и богатых. Народные массы для скорейшего разрешения конфликта в данном случае начинают искать виновных, т.е. «чужих», которыми могут оказаться чужестранец, иноверец, человек с более высоким доходом или занимающий более высокое социальное положение. Для обоснования легитимности своих враждебных действий против «чужого» народные массы, а чаще всего их активные представители или лидеры оправдывают происходящее подходящей идеологией, которая может выражаться в преследовании партийных, религиозных, национальных, расовых и других интересов.

Таким образом, процессы обострения конфликтных отношений между социальными группами носят закономерный характер и вполне предсказуемы.

Исторический опыт России и зарубежных государств дает основания полагать, что эскалация экстремистских проявлений в обществе, как правило, наступает в периоды обострения социально-политических и социально-экономических противоречий.

Представляет также научный интерес появление термина «экстремизм». Как показал анализ литературных источников, термин «экстремизм» начинает употребляться сначала в высказываниях о теории государства. С середины XIX в. стали использоваться термины «extremism» и «extremist» сначала в Англии, где они широко употреблялись в политической прессе. В США эти понятия возникли во время Гражданской войны (1861-1865 гг.), когда бескомпромиссных представителей обеих враждующих сторон Юга и Севера называли «экстремистами обеих частей страны» (*extremists of both parts of the country*).

Понятие «экстремизм» во Франции вошло в оборот во время Первой мировой войны (1914-1918 гг.), т.е. после противостояния друг другу на протяжении нескольких десятилетий крайних левых и крайних правых политических сил. В начале XX в. французский юрист М. Лерой считал экстремистами сторонников политических течений, требовавших «от своих приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политические идеалы» [5], т.е. безоговорочно, до фанатизма верящих в свои политические идеи. Из действовавших тогда на политической арене экстремистских политических сил М. Лерой назвал «красным экстремизмом» большевиков и «белым экстремизмом» — монархистов. Таким образом, экстремизм в то время связывали, прежде всего, с политической деятельностью.

В кратком политическом словаре под экстремизмом понимается «приверженность к крайним взглядам и мерам, что в политическом смысле означает стремление решать проблемы, достигать поставленных целей с применением самых радикальных методов, включая все виды насилия и террора» [6].

С точки зрения политологии важнейшей характеристикой экстремизма является неприятие существующего политического порядка и постановка политических целей изменения этого порядка. В связи с этим любое политическое течение, вне зависимости от «справедливости», «оправданности» и т.п. его стремлений, следует определить как экстремистское, если его стремления направлены против существующего политического порядка [7].

Рассматриваемое негативное социальное явление, требующее эффективных мер противодействия не только в России, но и за рубежом, стало интересовать сначала политологов, философов, социологов [8] и только в конце XX в. оно привлекло внимание правоведов.

Современные ученые соотносят экстремизм либо с приверженностью к крайним взглядам и мерам, либо с активной деятельностью. Например, В.Ю. Голубовский определяет экстремизм

как приверженность к крайним взглядам и мерам, отрицание существующих общественных норм и правил поведения в государстве со стороны отдельных лиц или объединений (групп) [9].

А.Г. Хлебушкин, наоборот, считает, что экстремизм — это противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений [10].

Н.Н. Афанасьев дает определение экстремизма «как приверженность к крайним толкованиям» и «методам действий», основанным на нетерпимости к иной точке зрения и жестком противоборстве. «Экстремизм есть изначально отрицание всякого чувства меры. Он оперирует искаженными, деформационными представлениями о действительности, по крайней мере, в той ее части, где пытаются реализовать свои цели, как ближайшие, так и более отдаленные. В языке это выражается в крайности суждений, безапелляционности, категоричности. В практической деятельности это неизбежно приводит к насилию» [13].

Аналогичной точки зрения придерживается А.В. Росточкин. Он предлагает различать экстремизм в широком и узком понимании. В первом значении, по его мнению, экстремизм обозначает приверженность к крайним взглядам и радикальным мерам. В узком понимании, «экстремизм — проявление отрицания существующих политических и правовых норм, ценностей, процедур, основных принципов организации политических систем, стремление к подрыву политической стабильности и низвержению существующей власти, существующего порядка» [12].

На наш взгляд, под экстремизмом в настоящее время следует понимать именно определенную деятельность, основанную на идеологической основе — отрицание всякого инакомыслия, попытке жестко утвердить свою систему взглядов, навязать ее любой ценой оппонентам.

Для экстремистов характерна бескомпромиссность, неприимчивость к позиции оппонентов и отказ от диалога и консенсуса в спорных вопросах. Лидеры экстремистов требуют от своих сторонников полного повиновения и бескомпромиссного выполнения любых приказов. Это, как правило, основано на манипуляции общественным сознанием, использовании особенностей коллективной психологии, в том числе апеллирование к примитивным инстинктом толпы, чувствами, верованиями, предрассудкам людей. Экстремизм тесно связан с радикализмом, поэтому оба эти термина часто употребляются как синонимы.

На рубеже веков в мире, в том числе и в нашей стране, стали происходить серьезные геополитические изменения, которые повлекли за собой обострение противоречий экономического, социального, политического и духовного характера. Перечисленные кризисы, в частности экономический кризис, как правило, приводят к сокращению рабочих мест, что порождает многонациональную армию безработных, лишенных элементарных условий выживания. Данными условиями в своих целях пользуются преступные экстремистские группировки, которые создают почву для создания националистических, фашистских, религиозных и тому подобных образований, преследующих свои меркантильные интересы.

Как указывает А.Ю. Пиджаков, «массовую базу экстремизму составляют в основном выходцы из мелкобуржуазных и маргинальных слоев, а также часть интеллигенции, отдельные группы военных, студенчества, националистические и религиозные движения, которым объективно не нашлось, по их мнению, достойного места в существующем мире» [13].

С.Н. Фридинский, говоря об идеологических корнях экстремизма, отмечает, что «любая идеология, в том числе и религиозная, изначально (прямо или косвенно) лежит в основе любого политического движения. Вместе с тем каждая из них может быть трансформирована в экстремистскую» [14].

В дальнейшем получает развитие и сама экстремистская идеология. Обращение к известным религиозным и иным учениям служит мощным фактором воздействия на массы и привлечения их на свою сторону, особенно если эти учения являются традиционными для социума или отвечают потребностям некоторой его части.

Зародившись на определенной почве, экстремистская идеология находит, к сожалению, очень быстро своих сторонников и единомышленников, из чего следует признать, что социально-психологические факторы являются ведущими в механизме детерминации экстремистской преступности.

К исторически обусловленным экстремогенным факторам следует отнести некоторые особенности политической психологии народов России.

1. Приверженность монархической идее, которая берет свое начало в глубокой древности и нашла воплощение в российской абсолютной монархии, причем уже в те периоды истории, когда от нее стали постепенно отказываться западные страны. Принцип идеологического и классового абсолютизма мощно расцвел в коммунистической диктатуре, но не исчез и после ее распада. И сейчас сохраняется упорная вера во всеилие «элит», в полезность и целесообразность сильной, даже очень сильной и никому не подотчетной руки. Общественная опасность монархической идеи в нынешних условиях состоит в заключенной в ней норме решать проблемы с позиции силы и не вступать в диалог с оппонентами.

2. Близкая к паранойе установка, что кругом сплошные враги и все наши беды от них, внутренних и внешних. Особенно преуспели в этом большевики. Число врагов у них было неисчерпаемо много: от царей до членов политбюро. Их нужно было ненавидеть, выявлять, преследовать, уничтожать. Архетип чужого, врага в коммунистические годы можно отнести к самым распространенным, и живучим. Он не исчез, проявляясь сейчас, например, в активном антизападничестве, стигматизации отдельных национальных, религиозных и иных социальных групп. Отнюдь не изжит антисемитизм, усилилось презрительное и даже враждебное отношение к представителям народов Кавказа и Средней Азии.

3. Исконное недоверие в России к демократии, в силу невежества и отсутствия демократического опыта жизни, порождает подозрительность, ее отождествление с хаосом и разрушением, в лучшем случае с тем, что ни в коем случае не обеспечит безопасность и благополучие. В современной России понятия «демократия», «демократ», особенно на бытовом уровне, используются в качестве уничижительных, что, конечно, характерно для общества, склоняющегося перед авторитарной или деспотической властью, хотя в демонизации идеи демократии виноваты и некоторые кремлевские политтехнологи, и некоторые идеологи-единороссы, противопоставляющие демократии идею консерватизма.

Все названные явления социальной жизни тесно взаимосвязаны и изолировано существовать не могут. Это придает им повышенную общественную опасность.

Как следует из текста Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [15], законодатель отказался от того, чтобы дать четкое и емкое определение понятию «экстремистская деятельность». Вместо этого правоприменителю предложен перечень деяний, входящих в объем данного понятия. С одной стороны, данный подход хорош тем, что позволяет отнести конкретные действия к экстремизму, не «подгоняя» то или иное деяние к одному общему понятию.

Вместе с тем, перечень является закрытым, что позволяет исключить из экстремистских те деяния, которые по своему духу являются экстремизмом, однако под деяния, перечисленные в перечне, не подпадают.

Тем не менее, сложно сказать, какой вариант определения понятия «экстремизм» был бы наиболее эффективным. Ведь, с одной стороны, можно упустить прямо не упомянутые в перечне деяния из поля зрения властей, а с другой – предоставив органам власти свободную трактовку общих признаков экстремистской деятельности, прийти к тому, что каждое второе преступление против личности будет рассматриваться как экстремизм. И здесь можно будет дойти до абсурда: когда необдуманная фраза будет звучать как призыв к разжиганию межнациональной розни, а брошенное в пылу бытовой драки слово будет рассматриваться как унижение человека по мотиву его социальной принадлежности. Определения деяний, называемых экстремистскими и указанных в перечне, и так допускают вольную трактовку, что не позволяет при отнесении того или иного деяния к экстремизму обходиться без специалистов и экспертов. Одним из таких деяний является молодежный экстремизм, об опасности которого много говорится.

Необходимость анализа весьма непростых обстоятельств социального бытования молодежного экстремизма в России обусловлена не только задачами специального характера, но и масштабными общественно-политическими изменениями, связанных с распространением в регионах антиобщественных проявлений в среде молодежи.

Библиографический список

- Сергун, Е.Л. Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты. – Саратов, 2005.
- Антонян, Ю.М. Природа экстремизма // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. науч. трудов / под. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2008.
- Лунеев, В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 1998. – № 2. Овчинский, В.С. Экстремисты: от фашистов до экологов // Огонек. – 2008. – № 51.
- Сундиев, И. Введение в оперативно-розыскную террорологию: монография. – М., 2011.
- Цит. по: Дворянов, В.А. Политический экстремизм в Центральной Европе // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. – М., 2002.
- Краткий политический словарь. – М., 1978. – Т. 30.
- Устинов, В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования // Государство и право. – 2002; Явчуновская, Р. Лицо современного терроризма // Безопасность Евразии. – 2005. – № 3.
- Арестов, В.Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. – Харьков, 1987. Романов, Н.А. Сущность и содержание политического экстремизма. – М., 1991; Кононов, А.И. Общая характеристика политического экстремизма в современных условиях / А.И. Кононов, Н.А. Романов. – М., 1994; Верховский, А. Политический экстремизм в России / А. Верховский, А. Паин, В. Прибыловский. – М., 1996; Соловьев, А.Б. Политический экстремизм в современной России: середина 1980-х – 1990-е годы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Н. Новгород, 1998; Верховский, А. Политическая ксенофобия / А. Верховский, Е. Михайловская, В. Прибыловский. – М., 1999; Добаев, И.П. Политический радикализм в современном исламе (на материалах Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2000; Волков, В.В. Политический радикализм в исламе и национальная безопасность России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002; Воронов, И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003; Ковалев, В.С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003.
- Голубовский, В.Ю. О совершенствовании деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних: материалы Международной научно-практич. конф. – М., 2006.
- Хлебушкин, А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
- Афанасьев, Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1.
- Ростокинский, А.В. Современный экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы квалификации и противодействия. – М., 2007.
- Пиджаков, А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения // Правоведение. – 2003. – № 3.
- Фридинский, С.Н. Экстремизм: понятие, виды, формы проявления и основные направления борьбы с данным явлением // Юристы Правовед. – 2006. – № 4(19). Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности // Российский следователь, 2008. – № 12.
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Принят Государственной Думой 27 июня 2002 года.

Bibliography

1. Sergun, E.L. Ekhstremizm v Rossiyskoy Federacii: ugovno-pravovihe i kriminologicheskie aspektih. – Saratov, 2005.
2. Antonyan, Yu.M. Priroda ehkstremitizma // Ugovno-pravovoy zapret i ego ehfektivnost' v borbe s sovremennoy prestupnost'yu: sb. nauch. trudov / pod. red. N.A. Lopashenko. – Saratov, 2008.
3. Luneev, V.V. Rossiyskiy ehkstremitizm: politika i realii // Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava. – 1998. – № 2. Ovchinskij, B.C. Ekhstremistih: ot fashistov do ehkologov // Ogonek. – 2008. – № 51.
4. Sundiev, I. Vvedenie v operativno-rozihsknuyu terrorlogiyu: monografiya. – M., 2011.
5. Cit. po: Dvoryanov, V.A. Politicheskij ehkstremitizm v Central'noy Evrope // Terrorizm i politicheskij ehkstremitizm: vihzovih i poiski adekvatnihk otvetov. – M., 2002.
6. Kratkij politicheskij slovarj. – M., 1978. – T. 30.
7. Ustinov, V.V. Pravovoe regulirovanie i mekhanizmi protivodejstviya terrorizmu i ehkstremitizmu v Rossiyskoy Federacii: dejstvuyushaya normativno-pravovaya baza i perspektivih ee sovershenstvovaniya // Gosudarstvo i pravo. – 2002; Yavchunovskaya, R. Lico sovremenno ego terrorizma // Bezopasnost' Evrazii. – 2005. – № 3.
8. Arestov, V.N. Religiozniy ehkstremitizm: sodержanie, prichini i formih proyavleniya, puti preodoleniya. – Khar'kov, 1987. Romanov N.A. Suthnost' i sodержanie politicheskogo ehkstremitizma. – M., 1991; Kononov, A.I. Obthaya kharakteristika politicheskogo ehkstremitizma v sovremennihk usloviyah / A.I. Kononov, N.A. Romanov. – M., 1994; Verkhovskiy, A. Politicheskij ehkstremitizm v Rossii / A. Verkhovskiy, A. Pain, V. Pribihlovskiy. – M., 1996; Solovjev, A.B. Politicheskij ehkstremitizm v sovremennoy Rossii: seredina 1980-kh – 1990-e godih: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – N. Novgorod, 1998; Verkhovskiy, A. Politicheskaya ksenofobiya / A. Verkhovskiy, E. Mikhajlovskaya, V. Pribihlovskiy. – M., 1999; Dobaev, I.P. Politicheskij radikalizm v sovremennom islame (na materialakh Blizhnego, Srednego Vostoka i Severnogo Kavkaza): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – Rostov-na-Donu, 2000; Volkov, V.V. Politicheskij radikalizm v islame i nacionalnaya bezopasnost' Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – M., 2002; Voronov, I.V. Osnovih politiko-pravovogo ograničeniya social'no-politicheskogo ehkstremitizma kak ugrozih nacionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federacii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – M., 2003; Kovalev, B.C. Politicheskij ehkstremitizm i mekhanizm protivodejstviya emu v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – M., 2003.
9. Golubovskiy, V.Yu. O sovershenstvovani deyatelnosti organov vnutrennihk del, drugih sub'jektov sistemih profilaktiki po preduprezhdeniyu beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnihk // Zathita prav i profilaktika pravonarusheniy nesovershennoletnihk: materialih Mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. – M., 2006.
10. Khelebuskin, A.G. Prestupniy ehkstremitizm: ponyatie, vidih, problemih kriminalizacii i penalizacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2007.
11. Afanasjev, N.N. Ideologiya terrorizma // Social'no-gumanitarniye znaniya. – 2002. – № 1.
12. Rostokinskiy, A.V. Sovremenniy ehkstremitizm: kriminologicheskie i ugovno-pravovihe problemih kvalifikacii i protivodejstviya. – M., 2007.
13. Pidzhakov, A.Yu. Bor'ba s politicheskim ehkstremitizmom i terrorizmom: problemih izučeniya // Pravovedenie. – 2003. – № 3.
14. Fridinskiy, S.N. Ekhstremizm: ponyatie, vidih, formih proyavleniya i osnovniye napravleniya bor'bih s dannim yavleniem // Yuristih-Pravoved. – 2006. – № 4(19). Religiozniy ehkstremitizm kak ideologiya, ispolzuemaya pri sovershenii prestupleniy ehkstremitist'koy napravlenosti // Rossiyskiy sledovatel', 2008. – № 12.
15. Federal'niy zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvi ehkstremitist'koy deyatelnosti». Prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 27 iyunya 2002 goda.

Статья поступила в редакцию 08.11.13

УДК 34

Efremov A.V. LEGAL RIGHTS OF FOREIGNERS OF MARI EDGE IN THE XVIII CENTURY (ON THEIR MANDATE IN THE LEGISLATIVE COMMISSION 1767–1768). The article attempts to analyze the legal rights of the people living in the Mari region in the XVIII century, the legislation of the Russian state in the context of the socio – political conditions. During this period, there was a Russian system of the governance. This allows to form the idea about the legal and other rights of the people of the Mari region, who were fell under the influence of the Russian legislation, which was introduced after the accession of the territory of the Middle Volga to the Russian state in the middle of the XVI century. The justice of Mari peasants, the role of the customary law in the form of the law-making community and its institutions were investigated. Concluded that the value of the orders that contain a wealth of the factual material about the real life of the Mari village in the Volga region.

Key words: the Legislative Commission, the mandates, the foreigners, the judicial law, the common law, newly baptized, the hundred-parish, the verbal court, the county court.

A.V. Ефремов, аспирант Чебоксарского кооперативного института (филиала) АНО ВПО ЦС РФ «Российский университет кооперации», г. Чебоксары, E-mail: avefremov74@yandex.ru

СУДЕБНЫЕ ПРАВА ИНОРОДЦЕВ МАРИЙСКОГО КРАЯ В XVIII ВЕКЕ (О ИХ НАКАЗАХ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ 1767 – 1768 ГГ.)

В статье предпринята попытка анализа судебных прав населения Марийского края в XVIII веке, в законодательстве Российского государства в контексте и социально-политических условий. В этот период здесь действовала русская система управления. Это позволяет сформировать представление о судебных и иных правах населения Марийского края, подвергшихся влиянию российского законодательства, которое было введено после присоединения территории Среднего Поволжья к Российскому государству в середине XVI века. Исследуется правосознание марийских крестьян, роль обычного права в форме правотворчества общины и ее институтов. Делается вывод о значении наказов, содержащих богатый фактический материал о реальной жизни марийской деревни Поволжья.

Ключевые слова: Уложенная комиссия, наказания, инородцы, судебные права, обычное право, новокрещенные, сотня-волость, словесный суд, волостный суд.

До XVIII в. положение инородцев востока и северо-востока Европейской России мало чем отличалось от положения остальной массы населения этого края. В большей своей части инородческое население держало себя вполне лояльно, как в отно-

шении русских соседей, так и в отношении русской власти. Более того, по словам Г.И. Перетятковича, многие из инородцев вместе с русскими принимали деятельное участие в заселении Казанского края [1, с. 23, 35 и др.]. В XVII в. не было предприня-

то сколько-нибудь последовательных попыток выделить инородцев из среды остальных служилой и неслужилой групп населения государства. Уже в первой четверти XVIII в. российская власть сделала решительный шаг в сторону выделения инородцев в особый среди прочего русского населения слой. Правовое неравенство крещеных и некрещеных инородцев порождало между ними сильную вражду. Жалобы на взаимные обиды раздавались с обеих сторон.

Подлинная картина правового положения марийских крестьян в системе государственного феодализма в значительной мере дополняется их наказами в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг. По мнению известного историка М.Т. Белявского, крестьянские наказы позволяют охарактеризовать важнейшие их просьбы и требования, определить реальные причины тяжелого положения крестьян из-за проводимой продворянской политики самодержавия [2, с. 116].

Наказ новокрещеных марийцев Казанской провинции, где проживало около половины всего марийского населения края, включал в себя 18 пунктов и, по сравнению с другими марийскими наказами, отличался значительной содержательностью и полнотой. Первые 3 пункта указывали причины тяжелого положения крестьян. Последующие 15 пунктов данного наказа новокрещеных этой провинции содержали важнейшие с их точки зрения предложения, которые нуждались в законодательном закреплении. В них правотворчество и правосознание марийских крестьян как на практический жизненный опыт, нормы обычного права, так и знание некоторых важных указов предшествовавшего периода, непосредственно затрагивавших их интересы. Особенно следует обратить внимание на то, что крестьянские предложения по изменению отдельных норм действовавшего законодательства начинались со слов: «не соизволено ль будет», «еще ж просить», «да просить», «а еще ж просять», «повелено б было». Эта форма подачи предложений не случайна, так как в самом екатерининском манифесте подчеркивалось, чтобы крестьяне подавали свои наказы в форме «челобитья», т.е. прошений [3, с. 388 – 389].

В сознании марийских крестьян традиционной защитницей их прав и интересов обычно выступала сельская община. В отношении марийцев Казанского уезда она известна как «сотня» или «сотня-волость». Большие затруднения представляла необходимость по искам, часто совсем небольшим, обращаться в суды, находившиеся в уездных или провинциальных городах. Данное новокрещеным право для рассмотрения малых дел выбирать из своей среды «смышленные» люди на практике наталкивалось на ряд затруднений со стороны местных чиновников.

На основе норм обычного права по выбору крестьян в каждой сотне предлагалось избирать «по одному достойному и закона знающему сотнику». Затем он приводился к присяге и наделялся судебными полномочиями. «По своему закону словесным судом» ему предоставлялось право рассматривать небольшие крестьянские дела. Это были исковые заявления на сумму не свыше 30 рублей, спорные и другие вопросы, кроме «татебных». При этом сотник был обязан «судить самою истинною справедливостию». В этих условиях передача данных судебных полномочий в руки выборного крестьянской общины означала бы, что из-под контроля чиновников «присутственных мест» могла бы быть изъята важнейшая часть системы незаконных денежных поборов. Не составляло секрета, что любое крестьянское прошение по существовавшим нормам рассматривал суд, проводимый «по форме», что было весьма разорительно для крестьян. Особо оговаривалось, что нахождение сотника-судьи на своей должности полностью зависело от воли «все тех мирских людей». Не угодный «народу» сотник смещался, а на его место выбирался более компетентный и порядочный человек. «Вторичным выбором» на своей должности предлагалось оставить лишь такого сотника, за которого высказывалось больше половины общины или вся община. Нарушение сотником своих должностных функций каралось на основе норм обычного права. Эти же нормы обычного права должны были регулировать отношения и между сотниками различных сельских общин.

Все вышесказанное представляло для крестьянам возможность ставить вопрос о том, чтобы выборному мирскому сотнику дать право принимать изветы и явочные прошения, являющиеся прерогативой чиновников.

Марийские крестьяне настолько желали воплощения в жизнь предлагаемых мер, что еще раз подчеркнули: «за дальностью, а особенно в летнее страдательное время», многие крестьянские

прошения не подаются в губернскую канцелярию, из-за чего «приключается интересу ея императорского величества ущерб» [4, с. 388 – 389].

Некрещеные марийцы вынуждены были обратить особое внимание на то, что они «яко народ безгласной и законов не знающей» несут большое разорение из-за «обманства» чиновников в судах. По любым мелочным «домашним делам» по закону им полагается подавать «в указных местах челобитных». Однако производство суда «по форме» вынуждает и челобитчика и ответчика нанимать «разного звания поверенных». Последнее, как отмечалось в наказе, всячески занимались вымогательством. Отсутствие же в наказе некрещеных конкретных предложений и требований, скорее всего, объясняется тем, что они во многом были согласны со своими крещеными сородичами и специально не стали их вносить [5, с. 381 – 383].

Одна сторона больше всего интересовала инородцев в деле организации у них суда: это вопрос о сохранении там, где он был и о создании вновь там, где его не было, местного выборного суда. Как и многие другие вопросы, вопрос о выборном суде был поднят в комиссии чтением наказов, заключавших в себе особые пункты о выборном суде. Необходимо заметить, что в возникших затем прениях по делу о выборном суде больше высказывались не инородческие, а русские депутаты. Обстоятельство это нельзя, однако, ставить в вину первым: в выступлениях подобного рода не было и необходимости, так как представители других групп также не пытались в большинстве случаев оспаривать прав инородцев на выборный суд.

Русские депутаты не подняли ни одного вопроса против учреждения «своего» суда у инородцев; наоборот, они сочли его необходимым и желательным. Несколько разногласий было высказано только по вопросу о составе суда. Так, по мнению депутата Суздальского дворянства, графа А. Толстого, выбирать судью должны были сами крестьяне (он говорил о выборном суде для государственных крестьян всех категорий), из людей добрых и знающих. Выбираться судьей должен был на определенный срок (1 – 2 года), а не меняться 2 – 3 раза в год; должен быть он также грамотным, чтобы иметь возможность «донести об оном (судебном разбирательстве) со всеми обстоятельствами местной уездной канцелярии» [6, с. 103, 104]. Некоторое смущение внесло предложение Карачевского депутата Я. Никулина. Не отрицая необходимости для просителей «своего» суда, он заявил, что судьями на местах должны определяться отставные офицеры, по одному на стан или волость (в роли комиссаров), и только для «лучшего сведения» о состоянии края этим судьям должны придаваться по два выборных человека от местного населения. Судьям, добавлял Никулин, должно быть положено особое жалованье из казны [7, с. 109, 110]. Инородческие депутаты сразу поняли какую угрозу несет им предложение Никулина. Двое из них взяли на себя задачу возразить против него; то были – депутат от новокрещеных вотяков Казанской провинции Б. Иванов и представитель старокрещен той же провинции И. Алексеев. По мнению первого из них, судей из дворян уже потому неудобно определять, что это повлечет за собой лишней расход за счет государства, да и судьи подобного типа обратятся в начальство и начнут притеснять крестьян [8, с. 111, 112]. И. Алексеев также отметил возможность превращения судей по назначению в начальников. Такие судьи, по его мнению, будут требовать подвод для себя, вымогать съестные припасы, а крестьян брать к себе в извозчики и ординарцы, а иногда и просто на работу. Подчеркивая, что стремление иметь выборный суд исходит от всех инородцев, он добавил: «вообще, об учреждении небольших местных судов из своей братьи, по мирскому выбору, ходатайствуют предстоящие здесь теперь депутаты в лице всего народа» [9, с. 130].

«Словесных судей», – писал представитель ясачных татар Казанского уезда А. Сеитов, – велено было бы выбирать «отнюдь» не из дворян, а из «своей братьи», по одному человеку [10, с. 379 и след.]. Из этого видно, что автор предложения, прежде всего, устанавливает выборный принцип для судьи; затем судья, по его мнению, обязательно должен быть из той среды, в какой ему предстоит работать. При этом Сеитов еще не разграничивал с должной последовательностью судебных и административных функций. Что же касается процессуальной стороны суда выборных, то она предложена была Сеитовым в следующем виде. Решения суда должны были записываться в особую книгу и под каждым делом проситель и ответчик обязаны «руку приложить», объяснив при этом, довольны они ре-

шением или нет и если недовольны, то чем именно. Автор предложения предусматривал и возможность злоупотреблений со стороны судей. Если судья, по мнению Сеитова, осудит кого-либо неправильно, но без умысла, то в первый раз оштрафовывается на 10 рублей, на второй – на вдвое большую сумму и в третий раз – втрое; если же он осудит умышленно, то по изобличении наказывается плетьюми и отрешается от должности. Из этого видно, что Сеитов очень снисходителен к неумышленному согрешившему судье. Автор предлагает как судье, так и его семье, даровать ряд льгот в виде освобождения самих судей от рекрутства, а детей их от уплаты государственных податей [11, с. 379 – 381].

Несмотря на введение правительством волостного суда в качестве низового судебного органа, многие вопросы, в частности уголовного судопроизводства, крестьяне решали сами, на уровне сельского звена общинного управления и нередко в порядке осуществления самосудов, фактически санкционируемых общиной. Ярче всего значение общинного права проявилось при судебных наказаниях за правонарушения уголовного характера, прежде всего воровство личного имущества. Предусматриваемые законодательством меры, налагавшиеся в официальных судебных органах по отношению к конокрадам, хлебокрадам, поджигателям, в отличие от обычно-правовых, не являлись слишком строгими. Правовые воззрения преломлялись через призму тяглых отношений крестьян, связанных между собой круговой порукой по исполнению общиной фискальных обязанностей.

При этом правомерен вопрос о значимости обычно-правовых норм в практике судопроизводства волостных судов, являвшихся в России низшими официальными судебными органами. Попытки волостных судов судить «по закону» не вызывают никаких сомнений, так как результативная часть судебных приговоров (определение меры наказания), чаще всего, имеет ссылку на соответствующие статьи законов. В то же время была очевидной некомпетентность данного юридического органа, так как решения по гражданским делам и меры для определения наказания за уголовные деяния практически мотивировались отдель-

ными статьями «Общего положения о крестьянах...» [12]. Случались и факты неверных толкований некоторых положений этого нормативного документа [13].

Практика волостного судопроизводства сталкивалась, прежде всего, с необразованностью выборных, периодически меняющихся волостных судей, безграмотных не только в юридическом отношении, но и в общепринятом смысле слова. К тому же правовые воззрения крестьян существовали «у них не в форме какого-либо систематического сборника или кодекса, а в виде разбросанных, скорее прочувствованных, чем продуманных понятий» [14]. Подобные мнения, характеризующие противоречивость, неопределенность правовых взглядов крестьян, в том числе и обычно-правовых норм, высказывались и в советской научной литературе. А.А. Пушкаренко в связи с этим писал, что «даже в близких крестьянам областях права познания крестьян не были полными и точными. И это касается не только писаного, но и обычного права, устная форма бытования которого в сочетании с широкой неопределенностью самих формулировок открывает большие возможности произвольного толкования» [15, с. 420].

В то же время главная суть волостного судопроизводства не «по закону», то есть по обычному праву, заключалась в том, что выборные судьи, будучи неграмотными, решали юридические дела не столько по неписаным народным обычаям, не имевшим строгой определенности, сколько «по здравому смыслу», исходя из сложившихся конкретных обстоятельств. Среди последних немаловажное значение играло влиятельное положение волостных писарей и, прежде всего, имущественный ценз членов волостного правления.

Таким образом, крестьянские наказания, поданные в Уложенную комиссию, содержат богатый фактический материал о реальной жизни, в том числе марийской деревни Поволжья. Все это дает возможность наглядно представить характер регулирования юридических отношений в марийской деревне. Роль обычного права, как права неписаного, неупорядоченного, проявлялась при этом в форме правотворчества общины и ее институтов.

Библиографический список

1. Перетяткович, Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: очерки из истории колонизации края. – Одесса, 1882.
2. Белявский, М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). – М., 1965.
3. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1903. – Вып. 115.
4. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1903. – Вып. 115.
5. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1903. – Вып. 115.
6. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1869. – Вып. 4.
7. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1869. – Вып. 4.
8. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1869. – Вып. 4.
9. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1869. – Вып. 4.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1881. – Вып. 32.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1881. – Вып. 32.
12. ГА РМЭ, ф. 257, оп. 1, д. 44, л. 1, 3 об., 7, 11 и др.
13. Нижегородские ведомости. – 1882. – № 23.; Из Казанской губернии // Русские ведомости. – 1872. – № 24.
14. Нижегородские ведомости. – 1882. – № 23.
15. Пушкаренко, А.А. Правосознание российского крестьянства позднефеодальной эпохи // XXVI съезд и проблемы аграрной истории СССР: Социально-политическое развитие деревни. – Уфа, 1984.

Bibliography

1. Peretyatkovich, G.I. Povolzhje v XVII i nachale XVIII veka: ocherki iz istorii kolonizacii kraja. – Odessa, 1882.
2. Belyavskiy, M.T. Krest'janskiy vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva (formirovanie antikrepostnicheskoy mihsli). – M., 1965.
3. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1903. – Vihp. 115.
4. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1903. – Vihp. 115.
5. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1903. – Vihp. 115.
6. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1869. – Vihp. 4.
7. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1869. – Vihp. 4.
8. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1869. – Vihp. 4.
9. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1869. – Vihp. 4.
10. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1881. – Vihp. 32.
11. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1881. – Vihp. 32.
12. GA RMEh, f. 257, op. 1, d. 44, l. 1, 3 ob., 7, 11 i dr.
13. Nizhegorodskie vedomosti. – 1882. – № 23.; Iz Kazanskoy gubernii // Russkie vedomosti. – 1872. – № 24.
14. Nizhegorodskie vedomosti. – 1882. – № 23.
15. Pushkarenko, A.A. Pravosoznanie rossiyskogo krest'yanstva pozdnefeodal'noy ehpokhi // XXVI s'jezd i problemih agrarnoy istorii SSSR: Social'no-politicheskoe razvitiye derevni. – Ufa, 1984.

Статья поступила в редакцию 08.11.13

Раздел 11

ЭКОЛОГИЯ.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Редакторы раздела:

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ – доктор биологических наук, профессор, зам директора по научной работе Учреждения Российской академии Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул)

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ – доктор медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

УДК 574.583

Yermolaeva N.I. ZOOPLANKTON ROLE IN SAPROPEL FORMATION IN LAKES SOUTH OF WESTERN SIBERIA.

The results of the study of the species composition and production characteristics of zooplankton communities in the three sapropel lakes south of Western Siberia. In the sapropel small lakes, in which based products is higher aquatic vegetation, reduced variation in performance taxonomic structure of zooplankton. The largest contribution to the formation of sapropel zooplankton brings in deeper lakes. Production processes in shallow lakes are provided, primarily, Rotifera. The proportion of the contribution phytophilous Cladocera is negligible.

Key words: zooplankton, sedimentation, sapropel, Western Siberia.

Н.И. Ермолаева, канд. биол. наук, с.н.с. НФ ИВЭП СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: hope@iwep.nsc.ru

РОЛЬ ЗООПЛАНКТОНА В ФОРМИРОВАНИИ САПРОПЕЛЕЙ В ОЗЕРАХ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Представлены результаты исследования видового состава и продукционных характеристик зоопланктонных сообществ в трех сапропелевых озерах юга Западной Сибири. Показано, что в мелких сапропелевых озерах, в которых основу продукции составляют макрофиты, снижается варьирование показателей таксономической структуры зоопланктона, виды-эврибионты замещаются стенобионтами. Наибольший вклад в процесс образования сапропелей зоопланктон вносит в более глубоких озерах, а в мелких продукционные процессы обеспечены, главным образом, Rotifera, а вклад фитофильных Cladocera незначителен.

Ключевые слова: зоопланктон, седиментация, сапропель, Западная Сибирь.

Сапропель – это илистые отложения пресных континентальных водоёмов, содержащие не менее 15 % (по массе) органических веществ. Если органических веществ немного, то отложения относят к минеральным илам. Материалом для образования сапропеля являются остатки организмов, населяющих толщу воды и её поверхность: высшие водные растения (макрофиты), фито- и зоопланктон и продукты их распада, бактерии, а также поступающие с водосбора растворённые вещества и минеральные частицы. Формирование сапропелей происходит под воздействием биохимических, микробиологических и механических процессов. Они представляют собой сложный органо-минеральный комплекс веществ. Сапропели являются объектом детальных исследований во всем мире, как ценное органическое и органо-минеральное сырьё для различных отраслей народного хозяйства. На юге Западной Сибири находится более 20 тыс. озёр разного размера, водного режима, солёности и т.п. и около 3 тыс. из них – на территории Новосибирской области (НСО) с прогнозируемыми ресурсами сапропеля порядка 2.5 млрд. м³ [1].

В рамках настоящей работы планировалось определить уровень биологической продуктивности зоопланктонных ценозов и видового состава доминирующих видов зоопланктона как

одного из основных продуцентов сапропеля. Уточнить вклад зоопланктонных организмов в процессы седиментации и в формирование сапропеля озёр различных типов.

В летний период 2012 г. проведено комплексное исследование трех разнотипных по биологическому режиму озёр Новосибирской области, перспективных по запасам сапропеля: Иткуль (оценочные запасы сапропеля 16774 тыс. т), Минзелинское (8159 тыс. т) и Большие Тороки (16774 тыс. т). Измеряли физико-химические и гидрологические показатели воды: глубину, прозрачность, цветность, температуру. Концентрация растворенного кислорода и его биохимическое потребление измерялись по методу Винклера. Пробы зоопланктона отбирали путем процеживания 100 л воды через сеть Апштейна с диаметром ячеек 64 мкм. Фиксация и камеральная обработка зоопланктонных проб проводилась по общепринятым методикам [2-3]. Расчет продукции проводился по стандартным методикам [4] для каждой группы зоопланктона отдельно. Анализ видового сходства проведен методом построения ориентированного графа на уровне мер включения. Располагая списком видов фауны, методом построения таблиц мер включения, можно наглядно характеризовать структуру сообщества [5]. Меры включения и ориентированные

Таблица 1

Некоторые гидрологические и гидрохимические характеристики озер

Озеро и дата отбора	GPS-координаты	Площадь водоема, км ²	Место отбора проб	Глубина, м	Температура воды, °С	Прозрачность, м	Вода		
							O ₂ , мг/л	БПК ₅ , мгО ₂ /л	Минерализация, мг/л
Минзелинское, 15.08.12	N 55°33'22"	9,5	пб	0,35	22,2	д/д	12,02	–	158
	E 83°16'37"								
Иткуль, 18.08.12	N 55°03'44"	11,2	пб	0,70	19,6	0,30	8,85	2,36	1769
	E 81°02'39"		центр	1,50	18,2	0,30	11,25	3,24	
Большие Тороки, 21.08.12	N 55°24'00"	9,6	пб	0,50	20,0	д/д	8,84	3,45	845
	E 80°36'39"		центр	0,80	19,0	0,55	10,44	3,25	

Примечание: пб – побережье, у границы зарослей полупогруженных макрофитов, д/д – до дна.

графы были построены согласно методам, описанным в работах В.Л. Андреева [6].

Были поставлены эксперименты с седиментационными ловушками с целью определения качественного состава осаждающейся озерной взвеси и количественных параметров (потоки вещества на единицу площади дна). В качестве ловушек использовались пластиковые пробирки объемом 50 мл с диаметром входного отверстия 28 мм. Связка из 4 пробирок устанавливалась на тресе на глубине 0,5 м от поверхности водоема. Ловушка стояла на якорю минимум 24 часа. Затем содержимое одной пробирки изучалось под микроскопом, для двух определяли вес сырого и сухого осадков. Для этого использовали мембранные

фильтры Владипор марки МФАС-МА № 6 с диаметром пор 0,3 мкм, их предварительно кипятили в дистиллированной воде, затем высушивали до постоянного веса. Сначала измерялся вес сухого фильтра, затем через него фильтровалась дистиллированная вода под давлением 1,5 атм. Взвешивали мокрый фильтр. На следующем этапе фильтровали содержимое ловушки при том же давлении. Взвешивали фильтр с осадком. Наконец, в сушильном шкафу при температуре 50°С высушивали фильтр до постоянного веса и вновь взвешивали. Чтобы исключить влияние процессов испарения при взвешивании сырых фильтров, их запечатывали в герметичные пластиковые пакеты, вес которых предварительно также фиксировался. Количество пеллет в еди-

Таблица 2

Видовой состав зоопланктона озер, исследованных в 2012 г.

Виды зоопланктона	Озера			Виды зоопланктона	Озера		
	Иткуль	Большие Тороки	Минзелинское		Иткуль	Большие Тороки	Минзелинское
<i>Rotifera</i>				<i>Cladocera</i>			
<i>Asplanchna priodonta</i> Gosse	+	+	–	<i>Alonella nana</i> (Baird)	–	+	–
<i>Brachionus angularis</i> Gosse	+	+	–	<i>Bosmina longirostris</i> (Müller)	+	+	++
<i>Brachionus calyciflorus calyciflorus</i> Pallas	+	–	++	<i>Ceriodaphnia quadrangula</i> (Müller)	+	–	–
<i>Brachionus calyciflorus dorcas</i> Gosse	–	–	++	<i>Chydorus sphaericus</i> (Müller)	++	+	++
<i>Brachionus leydigii leydigii</i> Cohn	+	–	+	<i>Daphnia longispina</i> Müller	+	–	–
<i>Euchlanis dilatata</i> Ehrb.	–	–	++	<i>Daphnia pulex</i> (De Geer)	–	+	–
<i>Filinia major</i> (Golditz)	–	+		<i>Diaphanosoma brachyurum</i> (Lievin)	+	+	+
<i>Filinia terminalis</i> Plate	+	++	+	<i>Pleuroxus striatus</i> Schoedler	–	+	–
<i>Keratella cochlearis</i> (Gosse)	–	+	–	<i>Sida crystallina</i> (Müller)	–	+	–
<i>Keratella cochlearis tecta</i> (Gosse)	–	+	–	<i>Copepoda</i>			
<i>Keratella quadrata quadrata</i> (Müller)	++	+	–	<i>Cyclops strenuus</i> Fisch.	+	–	–
<i>Keratella valga valga</i> (Ehrenb.)	+	–	–	<i>Cyclops kolensis</i> Lill.	+	++	+
<i>Lepadella ovalis</i> (Müller)	–	+	–	<i>Cyclops vicinus</i> Uljan.	++	–	–
<i>Notholca acuminata acuminata</i> (Ehrb.)	+	–	–	<i>Macrocyclus albidus</i> (Jurine)	+	–	–
<i>Polyarthra minor</i> (Rousselet)	–	+	–	<i>Megacyclus gigas</i> (Claus)	+	–	–
<i>Polyarthra remata</i> Skorikov	+	–	–	<i>Megacyclus viridis</i> (Sars)	+	+	–
<i>Trichocerca (Diurella) bidens</i> (Lucks)	–	–	+	<i>Mesocyclops leuckarti</i> Claus	++	+	–
<i>Trichotria pocillum pocillum</i> (Müller)	+	–	–	<i>Microcyclus dengizicus</i> (Lepeshkin)	+	–	–
<i>Cladocera</i>				<i>Thermocyclops crassus</i> (Fischer)	–	–	+
<i>Alona affinis</i> Leydig	–	+	–	<i>Eudiaptomus vulgaris</i> (Schmeil)	+	+	–
<i>Alona rectangula</i> Sars	–	–	–	<i>Eudiaptomus graciloides</i> Lill.	++	+	–
				Число видов в озере	25	22	11

Примечание: + – присутствие, ++ – доминирующие виды.

Таблица 3

Показатели численности (N, экз./м³), биомассы (B, мг/м³), и продукции (P, мг/м³·год) зоопланктона и его отдельных групп в озерах (в пелагиали)

Озеро	Rotifera			Cladocera			Copepoda			Всего			P/B
	N	B	P	N	B	P	N	B	P	N	B	P	
Иткуль	250800	109,3	5181,6	37600	3560,8	76481,7	67200	1416,0	24563,2	355600	5086,1	106226,5	20,9
Б. Тороки	501200	166,6	17247,2	1020	23,1	1338,8	12220	139,9	4066,4	514440	329,6	22652,4	68,7
Минзелинское	15320	24,3	1565,5	2397	34,4	1843,3	85567	1018,8	19019,3	103284	1077,5	22428,1	20,8

нице объема осадка определялось методом прямого подсчета под микроскопом в камере Горяева.

Исследованные озера отличаются морфологией, химическим составом воды, типом зарастания высшей водной растительностью (табл. 1). Вода оз. Минзелинское относится к гидрокарбонатно-натрий-кальциевому типу, оз. Большие Тороки – к гидрокарбонатно-натрий-магниевого типу, оз. Иткуль – к гидрокарбонатно-хлоридно-натрий-магниевого типу. Озеро Минзелинское отличается в настоящий момент малыми глубинами практически по всей акватории водоема и мощными донными отложениями (8-9 м). В оз. Большие Тороки мощность донных отложений ниже (2,0-2,5 м). Основными продуцентами сапротелеля в настоящий момент в этих озерах являются макрофиты [7]. Озеро Иткуль имеет явно выраженное разделение на литораль и пелагиаль [8] и бордюрный тип зарастания макрофитами [7].

В составе зоопланктона исследованных озер обнаружено 18 видов и подвидов коловраток, 11 видов ветвистоусых и 11 веслоногих рачков. В каждом озере низкие показатели видового разнообразия обусловлены своими причинами. В Минзелинском развитие зоопланктона сдерживается малыми глубинами. Обычно видовое разнообразие зоопланктона возрастает с ростом глубины лимнического водоема. При этом, как правило, снижается его биомасса на единицу объема [8]. Но Минзелинское обмельело настолько, что показатели биомассы зоопланктона тоже чрезвычайно низкие, по сравнению с другими озерами юга Обь-Иртышского междуречья [9]. Оз. Иткуль относится к солоноватым водоемам (минерализация 1,85 г/л) и в воде отмечено высокое содержание минеральной взвеси, которая препятствует фильтрационному питанию Cladocera и Rotifera. В оз. Большие Тороки помимо малых глубин отмечено высокое содержание гидрокарбонатов, что так же отражается на качественных и ко-

личественных показателях зоопланктона: он представлен в основном коловратками. За счет быстрого оборота биомассы итоговая продукция зоопланктона оказывается весьма значительной, а P/B коэффициент чрезвычайно высокий для водоемов рассматриваемого региона.

Фаунистическое сходство зоопланктонного сообщества исследованных озер проиллюстрировано на рисунке 1. Анализ матрицы мер включения видового состава зоопланктона озер показал, что сообщества обладают высоким своеобразием. Сообщество оз. Иткуль включает в себя виды, как правило, эврибионтные, встречающиеся в двух других озерах, тогда как озера Минзелинское и Большие Тороки имеют всего 6 общих видов, что составляет всего 15 % уровня сходства. Наибольшее видовое разнообразие зоопланктона также отмечено в оз. Иткуль.

В мелких сапротелевых озерах, в которых основу продукции составляют макрофиты, снижается варьирование показателей таксономической структуры зоопланктона, виды-эврибионты замещаются стенобионтами. Видоспецифичность зоопланктонного сообщества в таких озерах определяется рядом факторов: видовой структурой погруженной и полупогруженной растительности, химическим составом воды и грунтов, площадью зарастания водоема, физическими характеристиками водной толщи (прогреваемость, градиент изменения суточной и годовой температуры, прозрачность и т.д.), емкостью озера (отношение средней глубины озера к его максимальной глубине) [10].

При анализе продукционных показателей исследованных озер следует отметить, что при возрастании продукции макрофитов снижается продукция зоопланктона. Это соответствует закономерностям, отмеченным для других лимнических систем [8, 10]. Наиболее продуктивной в мелких озерах оказалась литоральная зона, которая к тому же занимает в этих водоемах наибольшую площадь. В пелагиали продуктивность планктона снижается (рис. 2). В оз. Иткуль более высокие продукционные показатели относятся к пелагиали. Здесь же отмечена наибольшая общая продукция зоопланктона.

В озере Большие Тороки P/B коэффициент в пелагиали выше, чем в литорали (рис. 2), что показывает быстрый оборот биомассы планктонных организмов на большей части акватории озера. Такая картина наблюдается при развитии мелкого коловраточного планктона.

Часть продукции зоопланктона в процессе круговорота веществ минерализуется, а остальная часть участвует в формировании взвесей и донных отложений. Степень минерализации остатков различных видов гидробионтов взята исходя из рекомендаций Института озераведения АН СССР [11], основанных на исследованиях малых водохранилищ и прудов. Принято, что минерализация зоопланктона составляет 75 % от его продукции, треть которой идет, следовательно, на формирование взвесей и донных отложений. На основании полученных данных по продукции зоопланктона наибольший вклад зоопланктона в настоящее время в генезис сапротелеля наблюдается на оз. Иткуль (примерно 40 г/м²·год), наименьший – в оз. Минзелинском (0,003 г/м²·год).

Помимо формирования непосредственно биомассы, включающейся в итоге в состав сапротелеля, зоопланктон активно участвует в процессах седиментации, отфильтровывая фито- и бактериопланктон. В результате метаболической активности зоопланктона взвешенные в толще воды мелкодисперсные частицы трансформируются в более крупные агрегаты: фекальные пеллеты и фекальные образования. Оседание в воде пеллет, имеющих гидравлическую крупность (которая многократно больше в сравнении со взвесью, потребляемой водными животными-фильтраторами) во многих лимнических водоемах играет определяющую роль в осадконакоплении. По оценкам [12] в зависимости от трофности водоема его зоопланктоном ежесуточно профильтровывается от 5 до 90 % объема воды озера. Расчеты многих исследователей показывают, что вклад физичес-

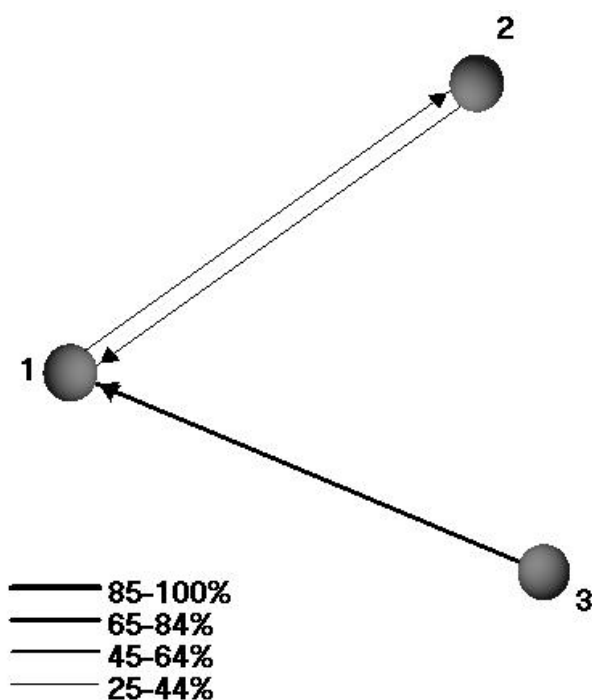

Рис. 1. Ориентированные мультиграфы ($\Delta \geq 25\%$) на множестве мер включения видового состава зоопланктона сапротелевых озер: 1 – Иткуль; 2 – Большие Тороки; 3 – Минзелинское

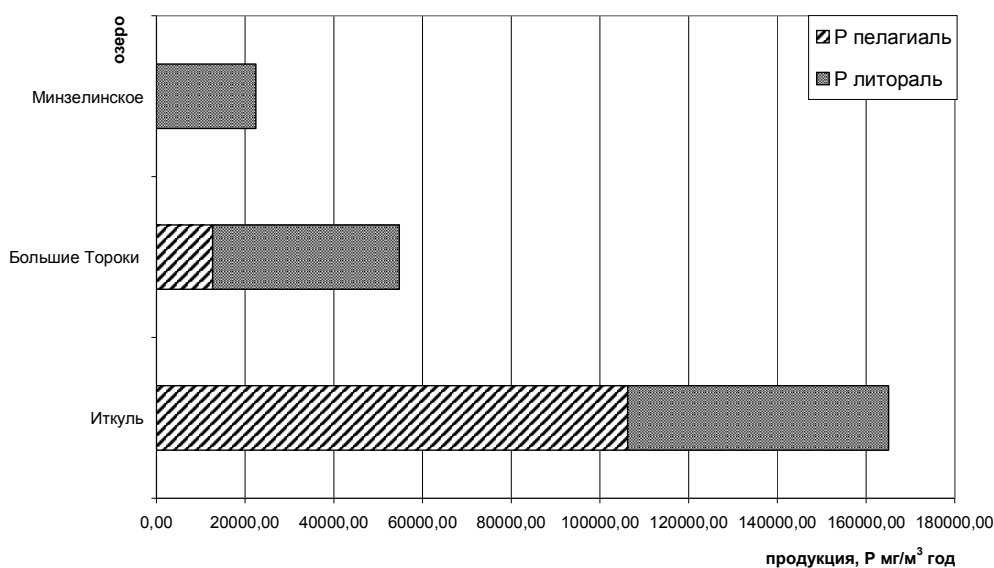

Рис. 2. Годовая продукция зоопланктона сапропелевых озер, 2012 г.

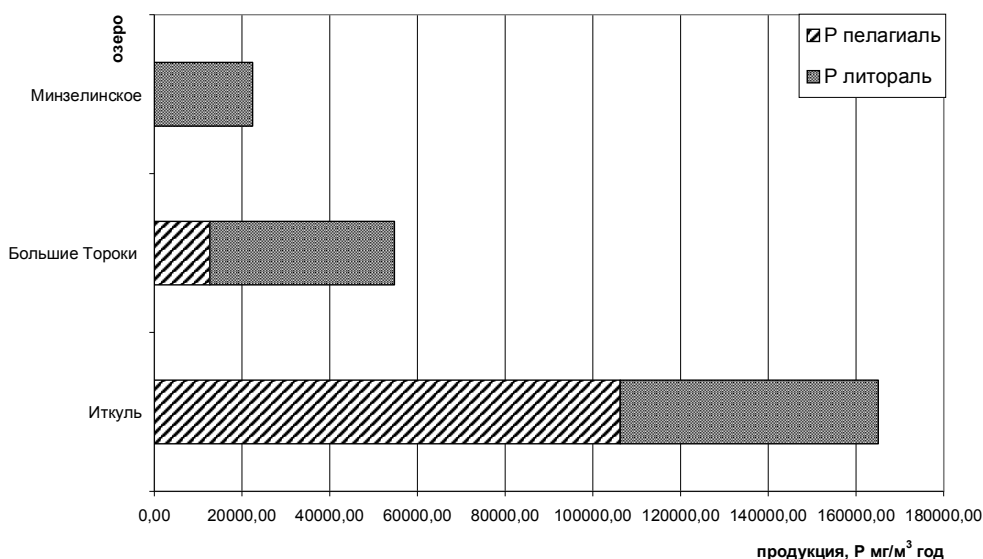

Рис. 2. Годовая продукция зоопланктона сапропелевых озер, 2012 г.

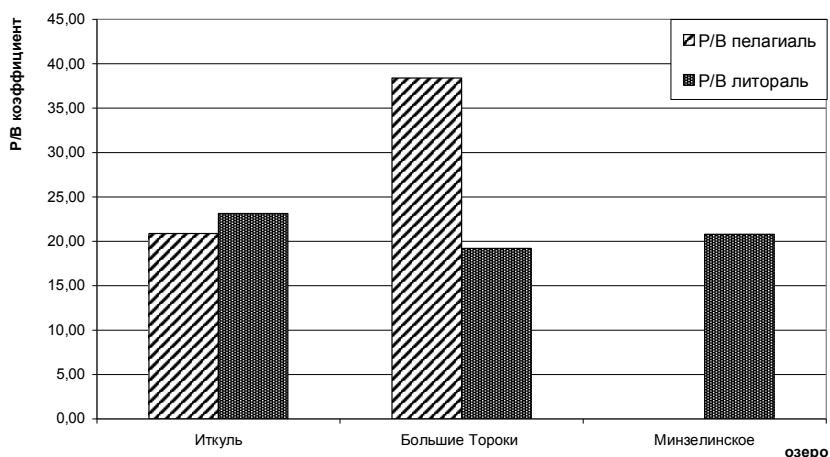

Рис. 3. P/B коэффициенты зоопланктона сапропелевых озер, 2012 г.

кой седиментации в суммарную величину осаждения взвеси в слабо проточных водоемах на несколько порядков меньше вклада биоседиментации, исключая лишь прибрежные участки со значительной долей грубых терригенных наносов и макро-

фитного детрита в составе взвешенных веществ.

Оболочка пеллет копепод не позволяет материалу рассеиваться в пространстве и тормозит его бактериальную переработку. Пеллеты кладоцер чаще всего подвергаются копрофагии и перерабатываются вторично, что ускоряет минерализацию биогенов, содержащихся в них. Учитывались оба типа пеллет, попавшие в ловушку. Пеллетный материал кладоцер при плотности $1,06-1,16 \text{ г/см}^3$ [13] некоторое время держится в верхних слоях неконсолидированной взвеси (или жидкого ила), подвергаясь неоднократному ветро-волновому перемешиванию. Пеллеты веслоногих рачков несколько плотнее ($1,19-1,22 \text{ г/см}^3$), а плотность минеральных веществ еще выше – $2,2-5,3 \text{ г/см}^3$ [13]. Уже в ловушке наблюдается слоистость залегания частиц с разной плотностью. Скорости оседания пеллет, приводимые в разных источниках, составляют от 4,3 до 19,8 м/сут. [14]. При малых глубинах исследованных озер практически весь поток вещества, формирующийся в течение суток в верхних слоях озера, успевает достичь дна, практически не подвергаясь минерализации в столбе воды. Дальнейшая трансформация как фекального, так и отмирающего биологического материала происходит на дне в результате жизнедеятельности бактерий и бентосных организмов.

Фекальный материал зоопланктона активно поставляет в сапропели органическое вещество с высокой скоростью. Полученные нами величины пеллетного седиментационного потока в оз. Ильчук составили 1,88, в оз. Большие Тороки – 1,40 г сухой массы/м²-сут., общий седиментационный поток (валовое содержание ловушек) – 170,09 и 213,80 г сухой массы/м²-сут., соответственно. При этом в оз. Ильчук в основе потока были глинистые частицы, а в оз. Большие Тороки – «хлопья» растительного детрита.

Таким образом, озера Минзелинское и Большие Тороки по типу образования сапропеля в настоящий момент являются озерами макрофитного типа, оз. Иткуль – смешанного типа со значительным вкладом зоопланктона. В сапропелевых озерах при возрастании степени зарастания макрофитами и уменьшении емкости озера снижается варьирование показателей таксономической структуры зоопланктона, виды-эврибионты замещаются стенобионтами.

* Работа выполнена при поддержке интеграционного проекта СО РАН № 125 «Условия формирования, закономерности размещения и рациональное природопользование сапропелей Сибири».

Библиографический список

1. Плаксин, Г.В. Термохимическая переработка озерных сапропелей: состав и свойства продуктов / Г.В. Плаксин, О.И. Кривонос // Российский химический журнал. – 2007. – № 4. – Т. 11.
2. Руководство по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений / под ред. В.А. Абакумова. – Л., 1983.
3. Руководство по гидробиологическому мониторингу пресноводных экосистем / под ред. В.А. Абакумова. – СПб.: Гидрометеоздат, 1992.
4. Винберг, Г.Г. Зоопланктон и его продукция // Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоемах / Г.Г. Винберг, Г.М. Лаврентьева. – Л., 1984.
5. Simpson, G.G. Mammals and nature of continents // American Journal of Science. – 1943. – Vol. 241.
6. Андреев, В.Л. Классификационные построения в экологии и систематике. – М., 1980.
7. Зарубина, Е.Ю. Первичная продукция макрофитов трех разнотипных сапропелевых озер юга Западной Сибири (в пределах Новосибирской области) в 2012 г. // Мир науки, культуры, и образования. – 2013. – № 5 (42).
8. Китаев, С.П. Основы лимнологии для гидробиологов и ихтиологов / С.П. Китаев – Петрозаводск, 2007.
9. Ермолаева, Н.И. Зоопланктон // Биоразнообразие Карасукско-Бурлинского региона (Западная Сибирь). – Новосибирск, 2010.
10. Алимов, А.Ф. Элементы теории функционирования водных экосистем. – СПб., 2000.
11. Прыткова, М.Я. Методика комплексного изучения осадконакопления в малых водохранилищах / М.Я. Прыткова, И.В. Семенов – Ростов, 1989.
12. Гутельмахер, Б.Л. Количественные закономерности фильтрационного питания водных животных / Б.Л. Гутельмахер, А.Ф. Алимов // Общие основы изучения водных экосистем. – Л., 1979.
13. Деренговская, Р.А. Зоопланктон и седиментация взвешенных веществ в озерах / Р.А. Деренговская, А.П. Остапеня // Сибирский экологический журнал. – 2006. – Т. 13. – № 1.
14. Ferrante, J.G. Transport of diatom frustules by copepod faecal pellets to the sediments of Lake Michigan / J.G. Ferrante, J.J. Parker // Limnology and Oceanography: Methods. – 1977 – V. 22. – № 1.

Bibliography

1. Plaksin, G.V. Termokhimicheskaya pererabotka ozernykh sapropel'ey: sostav i svoystva produktov / G.V. Plaksin, O.I. Krivonos // Rossiyskiy khimicheskij zhurnal. – 2007. – № 4. – Т. 11.
2. Rukovodstvo po metodam gidrobiologicheskogo analiza poverkhnostnykh vod i donnykh otlozheniy / pod red. V.A. Abakumova. – L., 1983.
3. Rukovodstvo po gidrobiologicheskomu monitoringu presnovodnykh ehkositsem / pod red. V.A. Abakumova. – SPb.: Gidrometeoizdat, 1992.
4. Vinberg, G.G. Zooplankton i ego produkciya // Metodicheskie rekomendacii po sboru i obrabotke materialov pri gidrobiologicheskikh issledovaniyakh na presnovodnykh vodoemakh / G.G. Vinberg, G.M. Lavrentjeva. – L., 1984.
5. Simpson, G.G. Mammals and nature of continents // American Journal of Science. – 1943. – Vol. 241.
6. Andreev, V.L. Klassifikacionnihe postroeniya v ehkologii i sistematike. – M., 1980.
7. Zarubina, E.Yu. Pervichnaya produkciya makrofitov trekh raznotipnykh sapropel'evykh ozer yuga Zapadnoy Sibiri (v predelakh Novosibirskoy oblasti) v 2012 g. // Mir nauki, kul'tur, i obrazovaniya. – 2013. – № 5 (42).
8. Kitaev, S.P. Osnovih limnologii dlya gidrobiologov i ikhtiologov / S.P. Kitaev – Petrozavodsk, 2007.
9. Ermolaeva, N.I. Zooplankton // Bioraznoobrazie Karasuksko-Burlinskogo regiona (Zapadnaya Sibir). – Novosibirsk, 2010.
10. Alimov, A.F. Ehlementih teorii funkcionirovaniya vodnykh ehkositsem. – SPb., 2000.
11. Prihtkova, M.Ya. Metodika kompleksnogo izucheniya osadkonakopleniya v malihkh vodokhranil'nykh / M.Ya. Prihtkova, I.V. Semencov – Rostov, 1989.
12. Gutel'makher, B.L. Kolichestvennihe zakonomnosti fil'tracionnogo pitaniya vodnykh zhivotnykh / B.L. Gutel'makher, A.F. Alimov // Obshchie osnovy izucheniya vodnykh ehkositsem. – L., 1979.
13. Derengovskaya, R.A. Zooplankton i sedimentaciya vzveshennykh veshchestv v ozerakh / R.A. Derengovskaya, A.P. Ostapenya // Sibirskiy ehkologicheskij zhurnal. – 2006. – Т. 13. – № 1.
14. Ferrante, J.G. Transport of diatom frustules by copepod faecal pellets to the sediments of Lake Michigan / J.G. Ferrante, J.J. Parker // Limnology and Oceanography: Methods. – 1977 – V. 22. – № 1.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 379.85; 502.5; 911.3

Indyukova M.A. PRECONDITIONS FOR DEVELOPMENT OF ETHNOECOLOGICAL TOURISM IN THE RUSSIAN PART OF MOUNTAIN ALTAI. The work is devoted to the justification of the development of ethno-ecological tourism as an informative trip to the places of traditional inhabitation of ethnic groups with slightly altered natural and still alive cultural environment. The preconditions and characteristics for the organization of such kind of tourism in the Russian part of the Altai are revealed, and the analysis of the strengths and weaknesses of its development is carried out.

Key words: sustainable tourism, ethnic tourism, ecological tourism, mountain territory, polyethnic type of settlement, cultural and historical heritage.

М.А. Индюкова, аспирант ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: marina.mitko@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ЧАСТИ АЛТАЯ

Рассмотрены возможности развития этноэкологического туризма как познавательного путешествия в места традиционного проживания этнических групп со слабо изменённой природной и сохранившейся культурной средой. Выявлены предпосылки и особенности организации данного направления туризма в российской части Алтая, проведён анализ сильных и слабых сторон его развития.

Ключевые слова: устойчивый туризм, этнический туризм, экологический туризм, горная территория, полиэтничный тип расселения, историко-культурное наследие.

Туризм в настоящее время стал одним из ведущих направлений социально-экономической деятельности многих государств мира. Путешествия превратились в неотъемлемую часть жизни современного человека. Наиболее привлекательными,

с точки зрения развития туризма, признаются горные регионы мира, в значительной степени ещё неосвоенные и сохранившие уникальные природные и культурные ландшафты [1]. Эти территории отличаются повышенной социальной и экологической

уязвимостью к внешнему воздействию, что связано с хрупкостью ландшафтных структур и полиэтническим составом населения. К развитию туризма в горах следует предъявлять особые требования, учитывающие природные, социо-культурные особенности и специфику экономики конкретного региона.

Для горных территорий полиэтнического типа наиболее перспективен этноэкологический туризм, который понимается как познавательное путешествие в места традиционного проживания определённых этнических групп со слабо изменённой природной и сохранившейся культурной средой [2]. Данное направление туризма включает этнокультурную и экологическую составляющие, объединяя основные цели этнического и экологического туризма.

Экологический туризм рассматривается в качестве альтернативы массовым формам туризма и согласуется с основными принципами устойчивого развития, отвечающего потребностям настоящего поколения без нанесения ущерба будущим поколениям. Впервые термин «экологический туризм» (экотуризм) предложил в 1983 г. мексиканский экономист-эколог Г. Цебаллос-Ласкурейн. В 1990 г. Всемирный Фонд дикой природы (ВОО) дал определение, которое в настоящее время считается классическим: «экотуризм – туризм, включающий путешествия в места с относительно нетронутой природой, с целью получить представление о природных и культурно-этнографических особенностях данной местности, который не нарушает при этом целостности экосистем и создаёт такие экономические условия, при которых охрана природы и природных ресурсов становится выгодной для местного населения».

В современной туристской литературе нет общепринятого определения этнического туризма, он трактуется различными авторами по-разному. Чаще всего этнический туризм, например М.Б. Биржаков, В.Ю. Воскресенский, рассматривают как одно из направлений культурно-познавательного туризма. Главная цель этнических туров – приобщение к бытовому укладу и обычаям народов, ведущих традиционный или близкий к нему образ жизни [3].

Этнический туризм может быть представлен двумя основными видами. Во-первых, это посещение существующих поселений, сохранивших особенности традиционной культуры и быта определённых народов. Указанные поселения можно назвать демонстрационными или показательными, и они бывают как постоянные, так и временные (например, стоянки кочевников-скотоводов или бродячих охотников и собирателей). Туристические маршруты, проходящие через такие поселения, существуют во многих странах. Например, популярным видом отдыха в Египте является сафари по пустыне на джипах, во время которого туристы посещают стоянки бедуинов и знакомятся с их кочевым укладом жизни [4].

Во-вторых, этнический туризм включает в себя знакомство с музеями народного быта, культовыми сооружениями, зданиями и постройками, выполненными в национальном стиле. Особый интерес вызывают этнографические музеи под открытым небом, в которых содержатся образцы традиционной архитектуры, предметы быта и проводятся национальные праздники. При этом человек может своими глазами увидеть предмет, принадлежащий к той или иной культуре и эпохе, узнать о его функциональном и символическом назначении, иногда даже потрогать его и ощутить причастность к культуре своего и других народов.

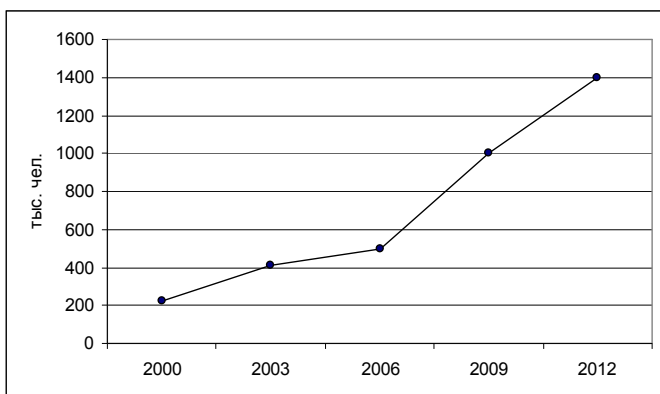

Рис. 1. Динамика туристских прибытий, 2000-2012 гг. [7]

Первый такой музей под открытым небом был создан в 1891 г. в Швеции. Он получил название Скансен. В нем собраны традиционные постройки со всей Швеции, проводятся фестивали и демонстрируются национальные танцы. В настоящее время музеи под открытым небом существуют в разных странах, в т.ч. и в России. Наиболее известный из российских музеев под открытым небом – Кижский, расположенный на одноименном острове в Карелии. Там находятся различные постройки, характерные для российского Севера, в т.ч. шедевры деревянного зодчества. Кижский является важным объектом туристского интереса [5].

Этнический туризм делают на поверхностный и глубокий в соответствии с критерием подлинности, который связан с дифференциацией уровня ожиданий и потребностей туристов, а также с количеством времени, отводимого туристам на знакомство с этнической группой. Кроме того, данный критерий в совокупности с различными мотивами туристов при выборе маршрута характеризует различную степень погружения туриста в познавательные этнической культуры [6].

Основными объектами интереса этноэкологического туризма являются культура малых этнических групп, их быт, сохранившиеся традиции, которые, как правило, тесно связаны с окружающей природной средой и системами жизнеобеспечения. Многие горные районы земного шара в настоящее время активно используются для туристско-рекреационной деятельности, которая все более расширяется. В условиях динамичного развития туризма в горных регионах необходимо сохранить биологическое и этнокультурное многообразие, свести к минимуму негативные геозоологические, социально-экономические последствия туристско-рекреационной деятельности.

Эффективным современным инструментом устойчивого развития горного региона, на наш взгляд, мог бы стать этноэкологический туризм, потенциальные возможности которого в настоящее время недостаточно используются в горных регионах, в т.ч. и в российской части Алтая. Это создаёт необходимость изучения этноэкологического туризма и перспектив его развития на данной территории.

Для российской части горного региона Алтая с уникальными горными ландшафтами, дополненными сохранившимися культурно-историческими памятниками разных эпох и народов, традициями местного населения туризм потенциально является одной из перспективных отраслей экономики. Издавна Алтай привлекал к себе внимание многочисленных путешественников и первопроходцев, а затем с середины прошлого века альпинистов и туристов, спортсменов-водников. Интерес к региону возрастает с каждым годом, только за последнее десятилетие туристский поток увеличился в 7 раз (рис. 1).

Столь активный рост прибытий связан с развитием инфраструктуры регионального туризма, благоприятной экологической ситуацией на её территории, возможностями организовывать различные виды туристской деятельности – спортивные, экологические, оздоровительные, познавательные и пр.

Российская часть Алтая относится к особому типу территорий, имеющих высокий экологический статус. Этот регион является объектом уникального природного и этнокультурного разнообразия, что признано на международном уровне: гора Белуха, озеро Телецкое, плато Укок, Катунский и Алтайский заповедники находятся в числе природных объектов мирового природного наследия ЮНЕСКО. Данную территорию недаром называют колыбелью тюркских народов, об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, датированные 1-1,5 млн. лет. Это центр историко-культурного наследия бывших и современных народов, где сочетаются православные, буддийские, исламские и языческие религиозно-культурные традиции, дополняя друг друга. Это делает культуру народов, населяющих данную территорию, уникальной и вызывающей постоянный туристский интерес.

Рассматриваемый регион обладает значительным потенциалом для развития этноэкологического туризма. При этом можно назвать следующие предпосылки.

1. *Этнические группы, сохранившие культуру и традиционные виды природопользования* (алтайцы, телеуты, казахи, немцы и др.). Пять этнических групп, проживающих в регионе, отнесены к категории коренных малочисленных народов: кумандинцы, теленгиты, тубалары, челканцы, шорцы. Рассматриваемая территория обладает уникальным наследием материальной и духовной культуры, выраженным в сохранившихся древних обычаях и обрядах местного населения.

ния. Данный факт наряду с уникальным природным разнообразием и эстетической привлекательностью может стать важнейшим фактором, определяющим притягательность территории как рекреационного объекта.

На Алтае сочетаются разнообразные религиозно-культурные традиции. Русское население является в основном православным, казахи – мусульманами, алтайцы неоднородны по своему вероисповеданию. Одни до сих пор придерживаются шаманизма, который возник в глубокой древности как форма общественного сознания первобытной эпохи, в его основе лежит олицетворение сил природы. Часть алтайцев относит себя к приверженцам бурханизма (тибетской ветви буддизма). Такое сосредоточение религиозных конфессий стало возможно потому, что Алтай находился на пересечении цивилизаций, и каждая из них имела влияние на мировоззренческие устои коренного населения этой земли. Алтайцы и русские почитают многие общие природные святыни, главными среди которых являются гора Белуха и река Катунь. В духовной культуре народа Алтай воспринимается его жителями священным, одухотворенным, населенным духами гор, рек, огня, деревьев, животных и т.п. Поколениями был определен порядок поведения на природе, выработаны определенные нормы морали, этика по отношению к животным и растениям, к явлениям и процессам природы. Для мировоззрения алтайцев важно, прежде всего, одухотворенность природы Алтая, ощущение его животворящей энергии, а не только эстетическая красота отдельных объектов [8].

Места проживания коренных народов вызывают активный интерес у туристов, в этих условиях необходимо развивать такие виды туризма, которые не оказывают негативного влияния на природные комплексы, а также способствуют сохранению традиционной культуры.

2. *Обширная сеть особо охраняемых природных территорий.* В настоящее время сеть ООПТ в российской части Алтая довольно развита. Около 24 % площади региона относится к ООПТ, по этому показателю он занимает одну из лидирующих позиций среди субъектов Российской Федерации. Структура ООПТ представлена заповедниками, национальными парками, природными парками, заказниками, памятниками природы, ботаническим садом, лечебно-оздоровительной местностью.

На рассматриваемой территории существуют три заповедника: Алтайский, Катунский, Тигирекский, из которых первые два включены во Всемирную сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО. К федеральным ООПТ относятся все заповедники, национальный парк «Салюйгемский», Горно-Алтайский ботанический сад, курорт федерального значения «Белокуриха». Остальные ООПТ региона имеют региональное и местное значение.

Категория ООПТ «природный парк» является наиболее приемлемой формой природоохранной системы в российской части Алтая, сочетающей рациональное использование рекреационных ресурсов, сохранение природной среды, традиционного природопользования и образа жизни местных жителей. Например, все направления деятельности природного парка «Уч-Эн-мек» базируются на традиционном укладе жизни местного населения, сохранении его традиций и обычаев. Территория парка разделена на функциональные зоны с различным режимом охраны: заповедного режима, с ограниченным режимом пользования, рекреационная.

3. *Культурно-исторические памятники.* На протяжении длительного исторического периода Алтай был свидетелем возникновения и ухода в небытие целого ряда богатейших культур и великих государств: Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов, Золотой орды. Сохранились центры древних цивилизаций: храмово-погребальные комплексы Башадара, Ело, Каракола, многочисленные каменные изваяния Чуйской долины, стелы и керкурсы (ритуальные курганы с каменными оградками) в долинах рек Юстыд и Бар-Бургазы, среди них самым знаменитым является урочище Туру-Алты с уникальным «олненным камнем» и сложнейшим комплексом курганов и керкурсов (святылище бронзового века, игравшего роль древней обсерватории загадочной Чуйской культуры); многочисленные петроглифы урочищ Калбак-Таша (протяжённостью около 10 км) и Куюса, знаменитая «Каракольская галерея» и плиты с петроглифами возле с. Иня. Наиболее яркими являются памятники, относящиеся к культурам скифского времени (VII-II вв. до н.э.) и прежде всего к пазырыкской археологической культуре (Пазырыкские курганы, плато Укок) [9].

4. *Национальные праздники, этнические фестивали и другие массовые зрелищные мероприятия.* У народов населяющих регион имеется богатое фольклорное наследие. Увлекательное зрелище представляют национальные праздники, такие как межрегиональный народный праздник Эл-Ойын, Чага-Байрам, Дьылгаяк, Курултай сказителей, Кыз-куу, Тюрюк-байрам и др. С 1988 г. в Республике Алтай раз в два года проводится праздник народных игр «Эл-Ойын», (в переводе с алтайского «всенародный праздник» или «всенародные игры»), собирающий тысячи участников и зрителей со всего Алтая, а также гостей из Тувы, Монголии, Казахстана и других окрестных территорий. «Эл-Ойын» – кочующий праздник, который проводился в разных районах республики, но с 2006 г. возвратился на свою историческую родину, в с. Ело Онгудайского района. Туристы и гости праздника могут увидеть национальные виды спорта (борьбу кууреш, стрельбу из лука, поднятие камня, конные скачки и др.), а также красочные исторические спектакли, повествующие о прошлом алтайцев (о героях сказаний, мифов, эпосов). «Всенародный праздник» – это одна из форм современного самовыражения этнической культуры народов республики.

А также «Чага-байрам» (в переводе означает «Белый праздник») – алтайский Новый год. Впервые он проводился в далекой высокогорной Чуйской степи, т.к. именно её жители сохранили ламаистский обряд встречи нового года. Этот праздник отмечается вместе с монголами, тувинцами, бурятами, калмыками, народами Тибета и Индии. Он начинается с началом новолуния в конце февраля – начале марта. С раннего утра совершается обряд поклонения Солнцу и Алтаю. На специальном тагыле-алтаре преподносят угощения из молочных продуктов, привязываются кыйра-ленточки, зажигается костер и все это сопровождается благопожеланиями. Обычно обряд совершают мужчины, придерживавшиеся предновогоднего поста с чтением сутр и т.д. После исполнения обряда начинается непосредственное празднование: собирается народ, устраиваются всевозможные культурные и спортивные мероприятия. Катаются с горы на санках, на шкурах скота и т.д.

Сказительство посредством горлового пения (кай) – древнейший жанр устного народного творчества не только тюркских народов Центральной Азии. Он присутствует и в культурном наследии многих индо-европейских, фино-угорских народов, а также коренных народов Центральной Америки. Этот уникальный вид творчества донес до наших дней традиции мифосложения, способы передачи из поколения в поколение национальных духовных и нравственных ценностей народов мира. Первый курултай сказителей на территории региона проводился в июле 2004 г. Участники фестиваля исполняют героические сказания о славных деяниях богатырей прошлого своеобразным горловым звуком – каем под аккомпанемент толшура – двухструнного музыкального инструмента. Такое пение представляет низкий горловой речитатив, требующий большого вокального искусства [10].

5. *Музеи (в т.ч. под открытым небом), культовые сооружения, здания и постройки, выполненные в национальном стиле.* Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей им. А.В. Анохина является старейшим учреждением культуры Республики Алтай, он был основан в 1918 г. В музее представлены залы палеолита, неолита, энеолита, бронзового века, раннего железного века, скифского времени, древнетюркской эпохи. Экспонируются работы выдающихся алтайских художников Григория Чорос-Гуркина и Николая Чевалкова и др.

Большой интерес для знакомства с алтайской культурой имеет Алтайский центр А.К. Бардина в с. Чемал. В нем представлены экспонаты, демонстрирующие историю, культуру, традиции, обычаи и особенности жизни жителей Горного Алтая. Это своеобразный музей с четырьмя юртами, выполненными в разных стилях. Первая юрта заполнена экспонатами, осмотрев которые, появится представление о быте алтайцев, которые жили сто-двести лет тому назад. Юрта выполнена в виде традиционного алтайского жилища, она была построена по чертежам художника Г.И. Чорос-Гуркина. Вторая юрта посвящена зайсанам – вождям родов, которые добровольно вошли в состав России, в ней собраны работы Чорос-Гуркина, который поддерживал зайсанов во время прихода советской власти. Третья юрта представляет собой музей четырех религий: православия, буддизма, мусульманства и белой веры. В четвертой юрте находятся предметы быта современных алтайцев. В музейном комплексе можно увидеть герб и знамя Кара-майман – рода, вождем которого является основатель музея А.К. Бардин.

SWOT-анализ перспектив развития этнического и экологического туризма
в российской части Алтая

S (сила внутренней среды)	W (слабость внутренней среды)
<p><i>для туристско-рекреационной деятельности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – растущий из года в год поток туристов (в т.ч. наличие внутреннего спроса); – поддержка на федеральном и региональном уровне для развития туризма; – наличие федеральных и краевых стимулирующих программ; – благоприятная межэтническая обстановка в регионе. – ландшафтное разнообразие территории; <p><i>для экотуристской составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – низкая степень антропогенной нагрузки; – развитая сеть ООПТ; <p><i>для этнической составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – разнообразие этнических групп (алтай-кижи, кумандинцев, теленгитов, тубаларов, челканцев шорцев, казахов, русских, немцев), представители которых сохранили традиционную хозяйственную, бытовую и духовную культуру; – наличие историко-культурных ресурсов для развития туризма. 	<p><i>для туристско-рекреационной деятельности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – сезонный характер большинства рекреационных ресурсов; – медленное развитие инфраструктуры; – высокая стоимость туристского продукта; – отсутствие высокой культуры сервиса; – низкая квалификация персонала; <p><i>для экотуристской составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – недостаточное нормативно-правовое обеспечение возможности организации досуга на ООПТ; – низкий уровень экологической культуры у организаторов туризма и туристов; <p><i>для этнической составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – слабая вовлеченность местных жителей в сферу туризма; – ограниченность информационных ресурсов об объектах этнического туризма.
O (возможности внешней среды)	T (угрозы внешней среды)
<p><i>для туристско-рекреационной деятельности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – рост доходов населения; – возможности развития разных видов туристско-рекреационной деятельности; – внедрение стандартов туристского обслуживания; <p><i>для экотуристской составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – наличие уникальных природных территорий, включенных в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. – популярность экологического туризма в мире. <p><i>для этнической составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – историко-культурная экзотичность как фактор особой привлекательности; – сохранение культурного и природного наследия региона; – участие местного населения в развитии туризма и получение им финансовых и прочих преимуществ от этой деятельности; – снижение деструктивного влияния урбанизации на традиционный культурный комплекс; – возобновление забытых традиций; – сохранение природных комплексов как основы традиционного природопользования коренных этносов; – формирование системы музеев-заповедников. 	<p><i>для туристско-рекреационной деятельности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – невысокая платёжеспособность населения большинства российских туристов; – географическая отдаленность от основных стран и европейской части России – основных поставщиков туристов; – регион посещает незначительное количество иностранных туристов; <p><i>для экотуристской составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – среди российских туристов спрос на экологические туры пока невысокий. – большое количество сильных конкурентов: Иркутская область, Республика Бурятия, а также Монголия, Казахстан, Китай. – недостаточная проработанность правовой и научной базы экологического туризма; <p><i>для этнической составляющей:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – угроза существования объектов культурного наследия из-за бурного роста объемов строительства на объектах туристической инфраструктуры без проведения охранных мероприятий; – недостаточная известность историко-культурного потенциала региона; – слабо сформированный спрос на продукты этнотуризма вследствие недостаточной информированности населения; – потеря культурной самобытности, коммерциализация культуры.

Перспективными объектами этнического туризма, которые позволят разнообразить туристское предложение региона, являются минералогический музей «Камни Алтая» (п. Майма), дом-музей Чорос-Гуркина (с. Анос), уникальный музей собирателя алтайской старины Н. Шадоева (с. Мендур-Соккон), музей Н.К. Рериха и старообрядничества (с. Верхний Уймон), музей теленгитов Алтая (с. Кокоря), храм имени апостола Иоанна Богослова на острове Патмос (с. Чемал), историко-этнографический музей «Пазырык» (с. Улаган), музей казахской культуры (с. Жана-Аул) и др. [11].

На территории региона сохранились сакральные центры древних цивилизаций, например, таких как: храмово-погребальные комплексы Башадара, Ело, Каракола, знаменитые сакральные центры Пазырыка, Шибе, плато Укок, многокилометровые сакральные алтари с древними петроглифами урочищ Калбак-Таша, Куюса и др.

6. *Природно-рекреационные ресурсы, пригодные для организации не только этноэкологического, но и других видов туризма* (спортивного, оздоровительного, горнолыжного), которые позволяют сочетать в турпродукте различные направления туризма.

7. *Благоприятная межэтническая обстановка.*

К сожалению, в настоящее время этноэкологический туризм в структуре туристического предложения Алтая занимает весьма незначительный удельный вес. Из туроператоров Алтайского региона только пять включают объекты этнического туризма в свои программы в качестве основных объектов показа: «Алтай-Тур», «Мир», «Спутник Алтай», «Арго», «Аргуна». Например, горно-алтайский туроператор «Алтай тур» предлагает уникальные турпродукты, которые включают мастер-классы (изготовление оберегов, украшений, элементов одежды из кожи, русской обрядовой куклы, приготовление блюд национальной кухни, игра на национальных музыкальных инструментах, участие в национальных танцах и видах спорта (алтай кураш, или алтайская борьба, алтай шатра, или алтайская настольная игра, стрельба из лука, поднятие камня и др.). Туристская фирма «Алтай тур» предлагает посещение более чем двадцати музеев, различных этнографических мероприятий (Эл-Ойын, Чага-Байрам, Дыыл-гаяк, Наурыз, Дастархан, Тюрк-Байрам, Курултай сказителей, Шукшинские чтения), разнообразные этнопрограммы (встреча с алтайскими шаманами – камами, буддийской общиной; знакомство с жизнью и бытом кочевников) [11].

Туристическая компания «Мир» предлагает ноосферный тур «Алтай-космос-микросмос» и эзотерический тур «Алтай сак-

ральный», которые можно отнести к этноэкологическим. Турфирма «Арго» организует тур по местам традиционных казачьих поселений «Казачья подкова Алтая». Маршрут проложен по местам расположения объектов Колывано-Кузнейкой оборонительной линии XVIII-XIX вв. Во время путешествия туристы знакомятся с историей казачества, посещают музеи, участвуют в традиционных обрядах.

Особую привлекательность и стимул развития рассматриваемого вида туризма придают созданные Каракольский природный парк «Уч-Энмек» с кластерным участком «Аргут». На базе природного парка разрабатываются и проводятся маршруты, включающие в качестве объектов показа элементы традиционной культуры коренных жителей Каракольской долины. Туристы знакомятся с местными обычаями и обрядами, археологическими памятниками, сакральными местами, почитаемыми алтай-кижи, встречаются со сказителями алтайского эпоса (кайчи).

Развитие экологического туризма также находится на начальной стадии. Алтайский государственный природный биосферный заповедник развивает направление молодежного экологического туризма. В 2010 г. решением администрации заповедника создана Телецкая школа «Хранители Озера», которая является естественным продолжением многолетней программы Алтайского биосферного заповедника «Природа и дети», направленной на профилактику социально обусловленных заболеваний детей и молодёжи средствами активного эколого-познавательного туризма. В рамках школы осуществляются следующие проекты и программы: «Тропа здоровья», которая позволяет использовать особенности ландшафтов Телецкого озера в оздоровлении, воспитании и образовании детей и подростков «группы риска», «Тропа Алтын-Кёля» – многодневная эколого-познавательная экспедиция с посещением кордонов Алтайского биосферного заповедника и его центральной усадьбы – села Яйло, «Над озером» – проект создания маршрутов активного экологического туризма на Телецком озере и др. [12].

Библиографический список

1. Горы мира. Глобальный приоритет / Б. Мессерли, Дж.Д. Айвза. – М., 1999.
2. Индюкова, М.А. Развитие этноэкологического туризма в Республике Алтай // Проблемы устойчивого развития региона: VII школа-семинар молодых ученых России. – Улан-Удэ, 2013.
3. Бутузов, А.Г. Этнокультурный туризм: учеб. пособие для вузов. – М., 2013.
4. Воскресенский, В.Ю. Международный туризм: учеб. пособие для вузов. – М., 2006.
5. Курина, В.А. Культурно-познавательные возможности этнического туризма [Э/п]. – Р/д: http://tourlib.net/statti_tourism/kurina.htm.
6. Барлукова, А.В. Классификационный статус этнического туризма // Социальные и экономические аспекты бизнеса: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2010.
7. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Республики Алтай в 2010 году. – Горно-Алтайск, 2011.
8. Екеева, Н.В. Триада устойчивого развития Алтайского горного региона: аспект сохранения культурного наследия // Наш общий дом Алтай. – Барнаул, 2003.
9. Тадина, Н.А. Об этногенетическом значении Алтая // Сохранение этнокультурного и биологического разнообразия горных территорий через стратегии устойчивого развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск, 2003.
10. Национальные праздники и фестивали Республики Алтай [Э/п]. – Р/д: <http://putevoditel-altai.ru>.
11. Официальный интернет-сайт туристской фирмы «Алтай тур» [Э/п]. – Р/д: <http://www.altai-tour.ru/excursions/>.
12. Официальный интернет-сайт Алтайского гос. природного биосферного заповедника [Э/п]. – Р/д: <http://www.altzapovednik.ru/ekoprosveschenie/teletskaya-shkola.aspx>.
13. Официальный интернет-сайт Тигирекского гос. природного заповедника [Э/п]. – Р/д: <http://tigirek.asu.ru/node/148>.

Bibliography

1. Gorih mira. Globalnijhij prioritet / B. Messerli, Dzh.D. Ajvza. – M., 1999.
2. Indjukova, M.A. Razvitiye etnoehkologicheskogo turizma v Respublike Altaj // Problemihi ustojchivogo razvitiya regiona: VII shkola-seminar molodihihkh uchenihkh Rossii. – Ulan-Udeh, 2013.
3. Butuzov, A.G. Ehtnokul'turnijhij turizm: ucheb. posobie dlya vuzov. – M., 2013.
4. Voskresenskiy, V.Yu. Mezhdunarodnijhij turizm: ucheb. posobie dlya vuzov. – M., 2006.
5. Kurina, V.A. Kul'turno-poznavatel'nihe vozmozhnosti ehtnicheskogo turizma [Eh/r]. – R/d: http://tourlib.net/statti_tourism/kurina.htm.
6. Barlukova, A.V. Klassifikacionnijhij status ehtnicheskogo turizma // Social'nihe i ehkonomicheskie aspektihi biznesa: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Irkursk, 2010.
7. Doklad o sostoyanii i ob okhrane okruzhayuthej sredih Respubliki Altaj v 2010 godu. – Gorno-Altajjsk, 2011.
8. Ekeeva, N.V. Triada ustojchivogo razvitiya Altajjskogo gornogo regiona: aspekt sokhraneniya kul'turnogo naslediya // Nash obthij dom Altaj. – Barnaul, 2003.
9. Tadina, N.A. Ob ehtnogeneticheskom znachenii Altaja // Sokhranenie ehtnokul'turnogo i biologicheskogo raznobraziya gornihkh territorij cherez strategii ustojchivogo razvitiya: mater. mezhd. nauch-prakt. konf. – Gorno-Altajjsk, 2003.
10. Nacional'nihe prazdniki i festivali Respubliki Altaj [Eh/r]. – R/d: <http://putevoditel-altai.ru>.
11. Oficial'nihiy internet-sajit turistskoj firmi «Altaj tur» [Eh/r]. – R/d: <http://www.altai-tour.ru/excursions/>.
12. Oficial'nihiy internet-sajit Altajjskogo gos. prirodного biosferного zapovednika [Eh/r]. – R/d: <http://www.altzapovednik.ru/ekoprosveschenie/teletskaya-shkola.aspx>.
13. Oficial'nihiy internet-sajit Tigirekского gos. prirodного zapovednika [Eh/r]. – R/d: <http://tigirek.asu.ru/node/148>.

Статья поступила в редакцию 19.11.13

УДК 911.3.33

Krasnoyarova B.A., Sinitsyna E.G. FORMATION OF INTEGRAL CLUSTER MODEL IN ALTAI REGION. In the paper a variant of formation of integral cluster in the Altai Region, marked the relationship arising during the operation of the agro-industrial, biopharmaceutical and tourist-recreation cluster within a single territory.

Key words: cluster, territorial and strategic planning, agro-industry, biopharmaceutics, tourism and recreation.

Б.А. Красноярова, д-р географ. наук, г.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, bella@iwep.ru;

Е.Г. Сеницына, аспирант, АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: sinitsina119@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ КЛАСТЕРНОЙ МОДЕЛИ В ПРЕДЕЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Рассмотрен вариант формирования интегрального кластера на территории Алтайского края, обозначены взаимосвязи, возникающие при функционировании агропромышленного, биофармацевтического и туристско-рекреационного кластеров в пределах единой территории.

Ключевые слова: кластер, территориальное и стратегическое планирование, агропромышленность, биофармацевтика, туризм и рекреация.

В основе современных процессов территориального и стратегического планирования лежат методологии стратегического управления и кластерного развития, направленные на поиск путей повышения инвестиционной привлекательности и конкурентного преимущества отдельных отраслей или территориально-производственных комплексов. Не является исключением и Алтайский край, где в рамках стратегического планирования активно внедряется кластерный подход как инструмент оптимизации социально-экономического развития края и его отдельных территорий. В принятом законе от 14 сентября 2006 г. № 95-ЗС «Об инновационной деятельности в Алтайском крае» содействие образованию и развитию деятельности кластеров названо одной из функций инновационной системы края. В настоящее время региональными органами разработаны программы кластерной политики, направленные на развитие агропромышленного, биофармацевтического, туристско-рекреационного комплексов.

Классическое определение «кластера» предполагает рассмотрение его как группы географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующие в определенной сфере и взаимодополняющие друг друга [1]. В данном случае это, скорее всего, «отраслевой» кластер, звенья которого связаны единой технологической цепочкой. Наряду с этим имеет место и региональный кластер, связующим элементом которого выступает территориальная общность и основное целевое назначение его является повышение конкурентоспособности данной территории, региона. В таком случае в качестве объекта кластерообразования выбирается территория, наиболее отзывчивая на вложения в его развитие.

Проведенный нами анализ осуществляемой кластерной политики, имеющегося природно-ресурсного потенциала территории и социально-экономического развития муниципальных

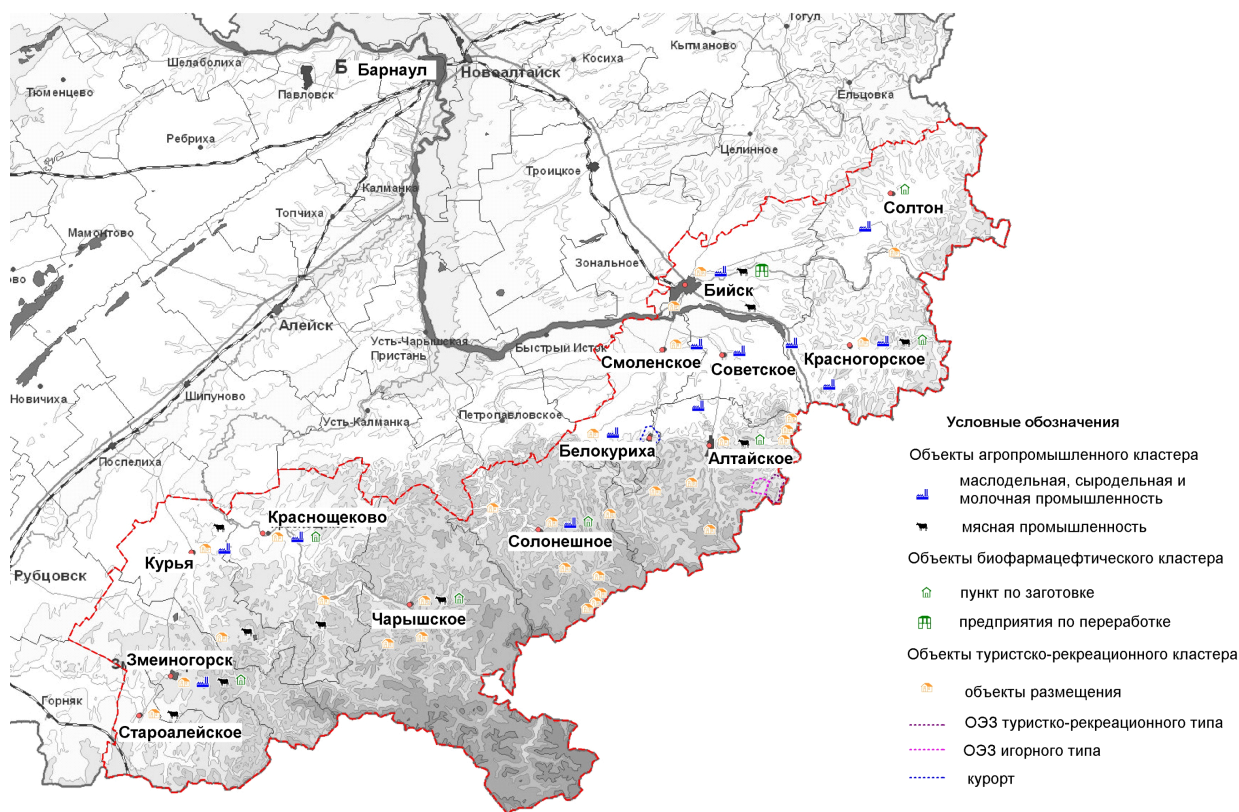

Рис. 1. Исследуемая территория

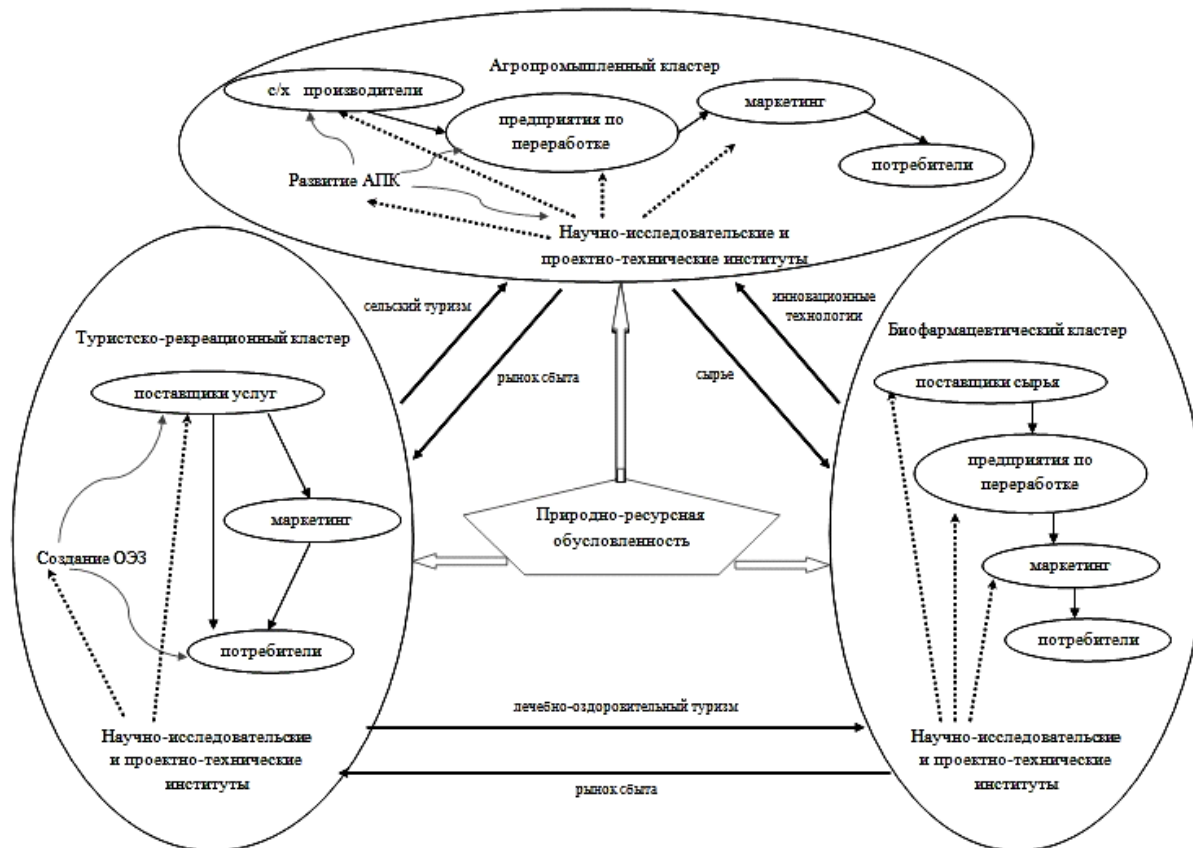

Рис. 2. Внутрикластерные и межкластерные взаимосвязи [3]

образований Алтайского края позволил выделить южную и юго-восточную часть края как наиболее перспективную для совокупного развития названных в региональных стратегических документах агропромышленного, биофармацевтического, туристско-рекреационного кластеров [2].

К основным конкурентным преимуществам обозначенной территории отнесены: географическое положение (благоприятные природно-климатические условия, значительный природно-ресурсный потенциал и т.д.), проводимая государственная политика (создание особых экономических зон, разработка и внедрение различных инвестиционных проектов), имеющиеся производственные мощности. В настоящее время в пределах исследуемой территории уже функционируют предприятия и организации, которые позиционируют себя как компоненты кластеров. Следует отметить, что основой комплексного развития разнопрофильных кластеров является природно-ресурсная обусловленность, позволяющая рассматривать их как единую территориальную систему.

Выделенная территория тяготеет к северному фасу Алтая, относится преимущественно к предгорным и горным физико-географическим провинциям, отличается высоким природным и низким экономическим потенциалом. Здесь наиболее рационально развивать кормопроизводство и животноводство. Следовательно, основные компоненты агропромышленного кластера – это сельскохозяйственные предприятия, специализирующиеся на животноводстве, и предприятия перерабатывающего комплекса: 12 молокоперерабатывающих и 11 мясоперерабатывающих. Перспективы развития агропромышленного кластера также могут быть связаны с пчеловодством и мараловодством.

В свою очередь, к компонентам биофармацевтического кластера относятся крупные действующие в данной отрасли предприятия (Эвалар и Алтайвитамины) и более 10 малых предприятий. Перспективы развития кластера связаны с рядом мероприятий: во-первых, с проведением наукоемких исследований по разработке новых технологий производства биофармацевтической продукции в г. Бийске, который имеет статус наукограда; во-вторых, с организацией сбора лесных пищевых ресурсов и лекарственных трав в прилегающих к г. Бийску сельских районах, обладающих высоким биологическим потенциалом. В пределах обозначенной территории также могут быть созданы хозяйства

по выращиванию биологического сырья в условиях, приближенных к естественным.

К компонентам туристско-рекреационного кластера относятся: город-курорт Белокуриха, Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь», игровая зона «Сибирская монета», ряд туристских дестинаций (к примеру, Горная Колывань, озеро Ая, левобережье р. Катунь), объекты историко-культурного наследия и памятники природы.

При планировании развития данной местности необходимо использовать системный подход путем изучения каждого из существующих и проектируемых элементов, входящих в состав кластеров, их связь как друг с другом, так и с соседствующими субъектами различного таксономического уровня, комплексное влияние на используемые кластером ресурсы и т.д. При этом важно учитывать, что рынок услуг туристско-рекреационного кластера неотделим от места его развития, что значительно сужает сферу его влияния. В свою очередь агропромышленный и биофармацевтический кластеры имеют более широкий рынок сбыта, но они весьма чувствительны к природным условиям территории производства сырья, поскольку для сельского хозяйства и заготовительной деятельности первоочередное значение имеет состав почв, особенности рельефа и гидрографии, совокупное влияние климатических параметров.

Функционирование кластеров в пределах единой территориальной системы, с одной стороны, весьма выгодно, поскольку позволяет развивать дополнительные межкластерные связи, что приводит к расширению ассортимента и рынка сбыта выпускаемой кластерами продукции, увеличивает обмен информацией, сокращает расходы на строительство и эксплуатацию объектов инженерной инфраструктуры. Покомпонентное изучение обозначенных разнопрофильных кластеров дает возможность обозначить направления их взаимного развития. Так туристско-рекреационный кластер может стать перспективным рынком сбыта продукции, выпускаемой агропромышленным и биофармацевтическим кластерами. Развитие рекреации и туризма приводит к популяризации таких направлений, как сельский и лечебно-оздоровительный туризм. Агропромышленный кластер в свою очередь может поставлять сырье для выпуска продукции биофармацевтики, получая взамен инновационные технологии, разрабатываемые в НИИ, которые входят в состав биофармацевтического кластера (рис. 2).

С другой стороны, одновременное развитие нескольких кластеров в пределах общей территории ставит вопрос о сложностях согласованного управления, истощении природных ресурсов, усилении экологической нагрузки и возможности внедрения взаимоисключающих технологий. Появляется необходимость разработки инструментов управления. На наш взгляд, формирование и функционирование обозначенных кластеров в рамках единой хозяйственной системы – интегрального кластера может усилить конкурентоспособность каждого и позволит более рационально использовать единую инфраструктуру, избежав излишней конкуренции. Кроме того, в рамках интегрального кластера можно обеспечить решение задач, возникающих в процессе совместного использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. На наш взгляд, уже на этапе проектирования целесообразно проводить комплексную оценку не только выгод от реализации кластерного развития, но и затрат, возникающих в результате негативного воздействия на окружающую среду и истощения природных ресурсов [4].

Учитывая тот факт, что инициатива кластерного развития в Алтайском крае принадлежит органам власти, т.е. идет формирование региональных кластеров «сверху», становится очевидным, что они же должны поставить вопрос рационального природопользования в разряд первоочередных. Еще в 1990-х гг. были предложены некоторые методы экономического регулирования рационального природопользования, актуальные и в настоящее время. Одним из таких методов может стать государственное субсидирование, которое может проявляться как в прямой (финансовое обеспечение проведения природоохранных мероприятий, научно-исследовательских работ и т.п.), так и в косвенной форме (налогово-залоговая форма платежей, льготные ставки отчислений от прибыли, полученной в результате природоохранной деятельности, низкопроцентные кредиты на природоохранные цели и т.д.). Так же на наш взгляд, следует ужесточить государственный контроль в области охраны окружающей среды на стадии утверждения проектов, вести политику оценки антропогенной нагрузки, учитывающую комплексное воздействие на окружающую среду всех реализуемых проектов. Принцип проведения комплексной оценки антропогенной

нагрузки при разработке проектов кластерного развития подразумевает:

- определение устойчивости ландшафтов перспективной для освоения территории с учетом существующей антропогенной нагрузки путем интегральной оценки масштабов демографического, промышленного, сельскохозяйственного и транспортного воздействия на природную среду;

- расчет антропогенной нагрузки, усиливающейся в процессе создания кластеров (строительство производственных помещений, животноводческих комплексов, объектов временного размещения туристов, увеличение автотранспорта, временное и постоянное увеличение населения и т.д.) путем проведения обязательной экологической экспертизы;

- обобщение полученных результатов, проведение итоговой оценки воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, природные ресурсы, здоровье населения, экологическую безопасность производимой кластерами продукции.

Отсюда, государственное регулирование природопользования при развитии кластеров должно включать:

- проведение предварительной проверки соответствия проектных предложений, решений и мероприятий требованиям экологической безопасности;

- нормативное регулирование на законодательном уровне, основанное на принципах законности, научной обоснованности, комплексности, гласности с участием в необходимых случаях государственных и общественных организаций;

- финансирование проведения изыскательских работ научно-исследовательских и проектно-изыскательских институтов.

Кроме того, следует учитывать, что в процессе формирования и функционирования региональных кластеров участвуют не только и не столько природные ресурсы, но все ресурсы развития: трудовые, экономические, финансовые, инфраструктурные. Эффективность их использования определяется тем, насколько созданным институтам управления кластерным развитием удастся осуществить концентрацию экономических активов в единой системе, получив не только инновационный эффект от освоения новых инвестиционных площадок, но и синергетический – от совместного их развития в рамках единого интегрального кластера.

Библиографический список

1. Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. – N.Y., 1990.
2. Красноярова, Б.А. Кластерная идеология в стратегическом развитии Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 3.
3. Сеницына, Е.Г. Применение экономических теорий при решении задач территориального планирования (на примере Алтайского края) // Природа и общество: взгляд из прошлого в будущее: матер. XVII науч. конф. молодых географов Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 2011.
4. Сеницына, Е.Г. Функционирование кластеров в пределах единой территориальной системы // Современные проблемы регионального развития: матер. IV междунар. науч. конф. – Биробиджан, 2012.

Bibliography

1. Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. – N.Y., 1990.
2. Krasnoyarova, B.A. Klasterная ideologiya v strategicheskom razvitiі Altajskogo kraja // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 3.
3. Sinichina, E.G. Primenenie ehkonomicheskikh teoriy pri reshenii zadach territorialnogo planirovaniya (na primere Altajskogo kraja) // Priroda i obshchestvo: vzglyad iz proshlogo v buduthee: mater. XVII nauch. konf. molodikhk geografov Sibiri i Daljnego Vostoka. – Irkutsk, 2011.
4. Sinichina, E.G. Funkcionirovanie klasterov v predelakh edinoj territorialnoj sistemі // Sovremennіe problemі regionalnogo razvitiya: mater. IV mezhdunar. nauch. konf. – Birobidzhan, 2012.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 574.587

Krylova E.N. **OLIGOCHAETES IN DIFFERENT SITES OF LAKE TELETSKOYE.** The paper considers the distribution of oligochaetes along the lake. The data on the abundance, biomass and production of oligochaetes in different sites of Lake Teletskoye are given. The dominant species complexes for different deep-water sites are identified.

Key words: oligochaetes, Lake Teletskoye, abundance, biomass and production, dominant species complexes.

Е.Н. Крылова, м.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: ken71@iwep.ru

МАЛОЩЕТИНКОВЫЕ ЧЕРВИ РАЗЛИЧНЫХ УЧАСТКОВ ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА

Рассмотрено распределение малощетинковых червей вдоль по озеру. Приведены данные о численности, биомассе и продукции олигохет в разнотипных участках Телецкого озера. Выявлены доминирующие комплексы видов для разных глубоководных зон.

Ключевые слова: олигохеты, Телецкое озеро, численность, биомасса и продукция.

Рис. 1. Станции отбора проб олигохет на Телецком озере

В настоящее время одной из актуальных задач экологии является изучение биологической продуктивности водоемов, выявление закономерностей биологического круговорота, решение проблем сохранения запасов пресной воды и способности водных экосистем к самовосстановлению. В решении этих проблем большое значение приобретает оценка роли водных беспозвоночных в экосистеме водоемов. В комплексе донных организмов пресных водоемов зачастую одно из основных мест по таксономическому и экологическому разнообразию, по значению в водных экосистемах занимают малощетинковые черви.

Материалом для данной работы послужили пробы зообентоса, отобранные на Телецком озере в период открытой воды 1996-2002 гг. (рис. 1). Пробы брали на северо-западном и южном мелководьях, в центральной части озера и Камгинском заливе. Наиболее глубоководной является центральная часть озера (до 323 м) [1], глубины южной части составляют примерно половину глубины центральной части. Северо-западный участок озера в целом и Камгинский залив характеризуются небольшими глубинами (до 40 м) – профундаль здесь отсутствует.

Литорали соответствовали глубины до 10 м, сублиторали – до 40 м, профундали – до максимальных глубин [2-3]. Отбор и обработку проводили стандартными гидробиологическими методами [4].

Южное мелководье

На этом участке впадают два наиболее крупных притока – Чулышман и Кыга, несущие значительное количество аллохтонного материала с водосборного бассейна, что оказывает влия-

ние на состав олигохетофауны. За период исследования в составе ценоза олигохет южного участка выявлено 13 видов и представители сем. Enchytraeidae. Численность и биомасса олигохет в южной части озера была наиболее высокой. Средняя численность составляла 967 ± 109 экз./м², биомасса – $1,7 \pm 0,2$ г/м² (из 360 проб). Наибольшие значения численности и биомассы характерны для двух видов *Tubifex tubifex* (Müller) и *Limnodrilus hoffmeisteri* Claparède. Продукция олигохет южной части озера за период исследований также была самой высокой – $3,2 \pm 0,6$ г/м² (рис. 2).

Центральная часть озера

В глубоководной части озера можно отметить увеличение количества видов до 16 по сравнению с предыдущим участком. По количеству видов так же как и на южном мелководье доминируют сем. Naididae и Tubificidae. В доминирующий комплекс по численности и биомассе входят: *Rhyacodrilus leprevaе* Malevich, *Spirosperma ferox* (Eisen), *Bythonomus lemani* (Grube), *Pelodrilus ignatovi* Michaelson. Центральная часть озера характеризуется самыми низкими количественными показателями олигохет: средняя численность (из 403 проб) олигохет этого участка составляла $81,9 \pm 15,4$ экз./м², биомасса – $0,12 \pm 0,03$ г/м², продукция достигает всего $0,33 \pm 0,08$ г/м² (рис. 2).

Северо-западное мелководье

Северо-западная оконечность озера по количеству встречаемых видов (16) не отличается от центральной глубоководной части. Как и по озеру в целом, основная часть видов принадлежит к семействам Naididae и Tubificidae. В доминирующий комплекс по численности и биомассе выделяются виды: *Nais barbata* Müller, *L. hoffmeisteri*, *S. ferox*, *T. tubifex*. Северо-западное мелководье озера по количеству олигохет уступает южному, но превосходит центральную часть озера. Средняя численность олигохет (из 215 проб) на этом участке составляла 413 ± 108 экз./м², биомасса – $0,64 \pm 0,23$ г/м². Северо-западный участок озера по продукционным характеристикам олигохет уступает только южному (наиболее продуктивному) участку, в среднем продукция здесь достигала $2,0 \pm 0,5$ г/м² (рис. 2).

Камгинский залив

В Камгинском заливе (самый протяженный – 7 км) за период исследования было обнаружено 17 видов олигохет. По количеству видов доминирует сем. Naididae, однако, по частоте встречаемости, численности и биомассе выделяются представители сем. Tubificidae. Средняя численность олигохет (из 183 проб) Камгинского залива за период исследования составляла 362 ± 91 экз./м², биомасса – $0,77 \pm 0,17$ г/м² (рис. 2), основной вклад в численность и биомассу вносила тубифицида – *S. ferox*. Продукция олигохет на этом участке составляла $0,74 \pm 0,30$ г/м². Основной вклад в ее образование вносили *S. ferox* (59 %) и *L. hoffmeisteri* (15 %).

Таким образом, за период исследований, в горизонтальном распределении малощетинковых червей по акватории выявлено: различные участки озера по количеству видов различаются незначительно, небольшое уменьшение отмечено на южном мелководье. Наибольшие численность, биомасса и продукция олигохет установлены на южном мелководье, далее в центральном участке эти показатели снижаются до минимальных величин. К северо-западному мелководью озера наблюдается уве-

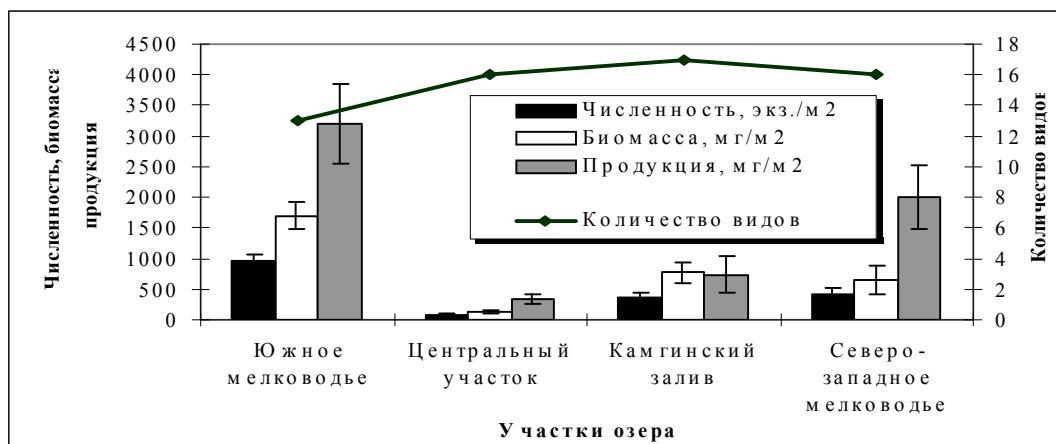

Рис. 2. Горизонтальное распределение обилия олигохет в Телецком озере

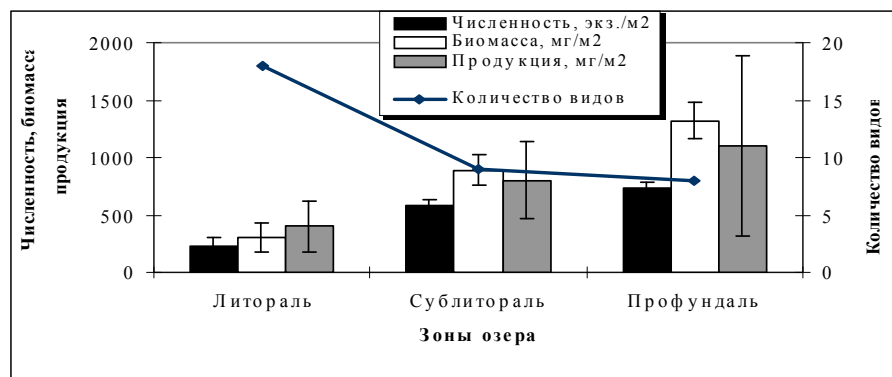

Рис. 3. Вертикальное распределение обилия олигохет в Телецком озере

личение этих характеристик. Практически по всей акватории по численности и биомассе доминируют тубифициды *S. ferox*, *T. tubifex* и *L. hoffmeisteri*. В центральной части в комплекс доминантов чаще всего входят *Rh. lepnevae* и *B. lemani*.

Вертикальное распределение

Литораль является наиболее богатой по числу видов олигохет зоной озера. Здесь отмечено 18 видов малощетинковых червей, из которых 2 вида (*Ophidonais serpentina* (Müller), *Stilaria lacustris* (Linnaeus)) обнаружены только в качественных пробах. По количеству видов и по частоте встречаемости доминируют наидиды, но основную долю в численность и биомассу вносят тубифициды *S. ferox* и *T. tubifex*. За период исследований численность малощетинковых червей в литорали (из 407 проб) составляла 225 ± 75 экз./м², биомасса $0,30 \pm 0,13$ г/м². Продукция в литорали достигала $0,4 \pm 0,2$ г/м². Основной вклад в эти показатели вносят *S. ferox* (52 %) и *T. tubifex* (20 %) (рис. 3).

Сублитораль (309 проб). Средняя численность малощетинковых червей составляла 587 ± 47 экз./м², средняя биомасса $0,89 \pm 0,13$ г/м². В сублиторали озера обнаружено 9 видов малощетинковых червей. В этой зоне почти полностью исчезают прибрежные наидиды и начинают появляться глубоководные виды. По количеству видов и по частоте встречаемости доминируют тубифициды. Основной вклад в численность, биомассу и продукцию ($0,8 \pm 0,3$ г/м²) вносят в основном *T. tubifex*, *S. ferox* и *L. hoffmeisteri* (рис. 3).

Профундаль. В этой зоне обнаружено 8 видов малощетинковых червей, отсутствуют прибрежные формы и получают наибольшее развитие (кроме эврибионтов) холодноводные стенотермы и эндемики озера. По численности и биомассе преобладают *T. tubifex*, *L. hoffmeisteri*, *Rh. lepnevae*, *B. lemani*, *P. Ignatovi*. За период исследований средняя численность малощетинковых червей в профундали составляла 731 ± 58 экз./м², средняя биомасса – $1,32 \pm 0,16$ г/м², средняя продукция – $1,1 \pm 0,8$ г/м² (из 446 проб) (рис. 3).

Таким образом, с увеличением глубины количество видов уменьшается. В литорали по видовому богатству преобладают наидиды, в остальных зонах – тубифициды. Однако количественные показатели (численность, биомасса, продукция) определяют в основном немногие виды сем. Tubificidae. В литорали и сублиторали – это *T. tubifex* и *S. ferox*. Субдоминируют *L. hoffmeisteri* и в литорали – *N. bretscheri*, *N. pardalis*, *N. Pseudobutsa*. В профундали доминирует *T. tubifex*, а субдоминируют *L. hoffmeisteri*, *Rh. lepnevae*, *B. lemani* и *P. ignatovi*. В целом наибольшими количественными характеристиками характеризуются сублитораль и профундаль озера.

Обсуждение

За период исследования в Телецком озере был обнаружен 21 вид малощетинковых червей. Преобладают по количеству видов семейства Naididae (47,6 %) и Tubificidae (28,6 %). Сходное распределение наблюдается в озерах Кольского полуострова [5], Хубсугуле [6], Тингваллатне [7] и Ладожском озере [5; 8]. Видовой состав олигохет Телецкого озера не отличается оригинальностью, обитающие в нем (за исключением эндемиков) обычные и для других озер.

В Телецком озере, как и в большинстве озер, основная часть видов олигохет (18 видов), в том числе все фитофильные Naididae населяют литораль, характеризующуюся многообразием грунтов и растительного субстрата. В сублитораль проника-

ют единичные виды Naididae (*Uncinails uncinata*), несвязанные с растительностью, поэтому количество видов здесь резко снижается. В верхней зоне сублиторали остается только 6 видов (в основном эвритопные Tubificidae). Обычно профундаль, с ее однородным грунтом, низкой температурой населена одним или немногими видами олигохет [9]. Однако в Телецком озере нет дефицита кислорода и профундальная зона плотно заселена олигохетами. Здесь обнаружено 8 видов – это холодноводные стенотермные виды, эндемики и эврибионтные виды.

В озерах олигохеты являются постоянным, нередко доминирующим компонентом озерного бентоса [10-12]. Так численность и биомасса олигохет в литорали Телецкого озера составляли, соответственно, 8-25% и 3-29% от общего бентоса. В сублиторали вклад олигохет в численность зообентоса был 40-82 %, в биомассу – 33-69%; в профундали – 71-93% и 89-98%, соответственно. Таким образом, в Телецком озере наблюдается типичное для озер вертикальное распределение количества олигохет с усилением их значения при увеличении глубины. Повышение доли олигохет с глубиной характерно как для многих озер (Байкал, Онежское, Ладожское, Тингваллатна), так и для крупных водохранилищ (Рыбинское, Красноярское) [5; 7].

В целом для Телецкого озера характерны низкие количества олигохет. Такие количественные показатели характерны для олиготрофных озер с большими глубинами и низкой температурой водных масс. Так, например, в озерах Севан, Лама, Умбозеро, Валдайское, Онежское и Тингваллатна биомасса олигохет колеблется от 0,3 до 3 г/м² [7, с. 13-14].

Телецкое озеро холодноводное с постоянно высокой концентрацией кислорода в воде, pH близкой к нейтральной, низкой минерализацией и содержанием биогенных элементов. Доминантами по численности и биомассе среди олигохет в основном являются эврибионтные виды. Для озера в целом характерен комплекс *Tubifex tubifex* – *Spirosperma ferox* – *Limnodrilus hoffmeisteri*. Для разных зон отмечены различия в комплексе видов. Для литорали характерен комплекс «*S. ferox* – *T. Tubifex*», для сублиторали – такой же как и для всего озера, а для профундали – «*T. tubifex* – *L. hoffmeisteri* – *Rhyacodrilus lepnevae* – *Pelodrilus ignatovi*».

Выводы

В Телецком озере за период исследования 1996-2002 гг. был обнаружен 21 вид малощетинковых червей. По количеству видов преобладают представители семейства Naididae и Tubificidae.

Олигохетофауна Телецкого озера не отличается оригинальностью. Все виды олигохет, за исключением эндемиков характерны для других как глубоководных, так и мелководных озер.

Основу численности, биомассы и продукции создают *Tubifex tubifex*, *Spirosperma ferox*, *Limnodrilus hoffmeisteri*. Численность, биомасса и продукция олигохет в 1996-2002 гг. (1162 пробы) колебалась в низких пределах ($308,0-1144,4$ экз./м²; $0,4-2,6$ г/м² и $0,4-2,3$ г/м², соответственно).

По видовому составу и обилию малощетинковых червей озеро делится на четыре участка: южное мелководье с максимальным уровнем развития червей, центральный участок с самыми низкими показателями численности, биомассы и продукции, северо-западное мелководье и Камгинский залив со средним уровнем развития олигохет.

С увеличением глубины уменьшается число видов, и повышаются количественные характеристики олигохет.

Библиографический список

1. Selegei, V. Physical and geological environment of Lake Teletskoye. Annales Sciences Geologiques / V. Selegei, B. Dehandschutter, J. Klerks, A. Vysotsky. – 2001. – 105: 1-310. Tervuren, Belgique.
2. Ремезова, М. Некоторые морфометрические величины Телецкого озера // Исследования озер СССР. – 1934. – Вып. 7.
3. Лепнева, С.Г. Донная фауна Телецкого озера // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. – 1949. – Т. VII.
4. Руководство по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений. – Л., 1983.
5. Стальмакова, Г.А. Зообентос Ладозского озера // Биологические ресурсы Ладозского озера (зоология). – Л., 1968.
6. Семерной, В.П. Олигохеты (Oligochaeta) оз. Хубсугул (Монголия) / В.П. Семерной, А.А. Томилов // Биология внутренних вод информ бюлл. – Л., 1972. – № 16.
7. Ecology of oligotrophic, subarctic Thingvallavatn. – Copenhagen, 1992. – OIKOS 64: 257-304.
8. Ладозское озеро – критерии состояния экосистемы. – СПб., 1992.
9. Попченко, В.И. Водные малощетинковые черви Севера Европы. – Л., 1988.
10. Чекановская, О.В. Водные малощетинковые черви фауны СССР. – М.; Л., 1962.
11. Brinkhurst, R.O. Interspecific interactions and selective feeding by tubificid oligochaetes / R.O. Brinkhurst, K.E. Chua, N.K. Kaushik // Limnol. Oceanogr. – 1972. – V. 17(1).
12. Тимм, Т. Малощетинковые черви (Oligochaeta) водоемов Северо-Запада СССР. – Таллин, 1987.
13. Стальмакова, Г.А. Бентос озер различных ландшафтов Кольского полуострова // Озера различных ландшафтов Кольского полуострова. – Л.: 1974. – Ч. 2.
14. Экосистема Онежского озера и тенденции ее изменения. – Л., 1990.

Bibliography

1. Selegei, V. Physical and geological environment of Lake Teletskoye. Annales Sciences Geologiques / V. Selegei, B. Dehandschutter, J. Klerks, A. Vysotsky. – 2001. – 105: 1-310. Tervuren, Belgique.
2. Remezova, M. Nekotorighe morfometricheskie velichinih Teleckogo ozera // Issledovaniya ozer SSSR. – 1934. – Vihp. 7.
3. Lepneva, S.G. Donnaya fauna Teleckogo ozera // Tr. Zoolog. in-ta AN SSSR. – 1949. – T. VII.
4. Rukovodstvo po metodam gidrobiologicheskogo analiza poverkhnostnihkh vod i donnihkh otlozheniy. – L., 1983.
5. Stal'makova, G.A. Zoobentos Ladozhskogo ozera // Biologicheskie resursih Ladozhskogo ozera (zoologiya). – L., 1968.
6. Semernoy, V.P. Oligokhetih (Oligochaeta) oz. Khubsugul (Mongoliya) / V.P. Semernoy, A.A. Tomilov // Biologiya vnutrennikh vod inform byull. – L., 1972. – № 16.
7. Ecology of oligotrophic, subarctic Thingvallavatn. – Copenhagen, 1992. – OIKOS 64: 257-304.
8. Ladozhskoe ozero – kriterii sostoyaniya ehkosistemih. – SPb., 1992.
9. Popchenko, V.I. Vodnihe malothetinkovihe chervi Severa Evropih. – L., 1988.
10. Chekanovskaya, O.V. Vodnihe malothetinkovihe chervi faunih SSSR. – M.; L., 1962.
11. Brinkhurst, R.O. Interspecific interactions and selective feeding by tubificid oligochaetes / R.O. Brinkhurst, K.E. Chua, N.K. Kaushik // Limnol. Oceanogr. – 1972. – V. 17(1).
12. Timm, T. Malothetinkovihe chervi (Oligochaeta) vodoemov Severo-Zapada SSSR. – Tallin, 1987.
13. Stal'makova, G.A. Bentos ozer razlichnihkh landshaftov Koljskogo poluostrova // Ozera razlichnihkh landshaftov Koljskogo poluostrova. – L.: 1974. – Ch. 2.
14. Ehkosistema Onezhskogo ozera i tendencii ee izmeneniya. – L., 1990.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 581.553

Mongush A.M. FEATURES OF THE VEGETATION OF THE MOUNTAIN CLUSTER «ARYSKANNY» FOREST RESERVE «UVS NUUR BASIN» (Southern makrosklon HR. East Tannu-Ola, Republic of Tuva). The results of geobotanical studies of vegetation key area of exposure forest mountain in the cluster area «Aryskanny» state nature biosphere reserve «Uvs Nuur Basin», identified taxonomic structure and its cenosis flora and examined the spatial structure of the forest-steppe vegetation complexes at the site of the reserve.

Key words: mountain-steppe exposure, ridge East Tannu-Ola, the cluster «Aryskanny» reserve «Uvs Nuur Basin», large-scale mapping.

А.М. Монгуш, канд. биол. наук., науч. сотр. Убсунурского международного центра биосферных исследований Республики Тыва, г. Кызыл, E-mail: Aydinmongush@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ГОРНОЙ ЛЕСОСТЕПЫ КЛАСТЕРА «АРЫСКАННЫЙ» ЗАПОВЕДНИКА «УБСУНУРСКАЯ КОТЛОВИНА» (ЮЖНЫЙ МАКРОСКЛОН ХР. ВОСТОЧНЫЙ ТАННУ-ОЛА, РЕСПУБЛИКА ТЫВА)*

В работе представлены результаты геоботанического исследования растительности ключевого участка горной экспозиционной лесостепи на территории кластерного участка «Арысканный» ГПБЗ «Убсунурская котловина», выявлена таксономическая структура ее ценофлоры и рассмотрена пространственная структура растительного покрова лесостепных комплексов на данном участке заповедника.

Ключевые слова: горная экспозиционная лесостепь, хр. Восточный Танну-Ола, кластер «Арысканный», заповедник «Убсунурская котловина», крупномасштабное картирование.

Кластер «Арысканный» расположен на южных склонах хребта Восточный Танну-Ола (Республика Тыва, Российская Федерация), в бассейне реки Арысканный-Хем и имеет прямоугольную форму, вытянутую с севера на юг, простираясь вдоль подгорных шлейфов. Площадь ядра 15000 га, охранной зоны – 5080 га. На участке присутствуют ландшафты высокогорного пояса (горных тундр), горно-таежных лесов, горных степей и лесостепей, а в части подгорной пологой равнины представлены опустыненные степи и долины горных рек.

По геоботаническому районированию Тувы [1] относится к Убсунурской равнинной опустыненно-степной провинции и Южно-Таннуольско-Сангиленскому степному округу.

В пределах территории кластера особо хотим выделить пояс горных лесостепных комплексов, которые представлены в пределах абсолютных высот от 1050-1950 (1948) м над у.м..

Растительность горных лесостепных комплексов – явление своеобразное и малоисследованное, и в целом, относится к эндемичному поясно-ландшафтному комплексу (ПЛК) Внутренней

Многовидовые семейства и роды
в горно-лесостепной флоре кластера «Арысканныг»

Ведущие семейства	Кол-во видов		Ведущие роды	Кол-во видов	
	Абс.	% к общему числу		Абс.	% к общему числу
1. <i>Poaceae</i>	14	11,4	1. <i>Artemisia</i>	6	4,9
2. <i>Asteraceae</i>	13	10,6	2. <i>Poa</i>	5	4,1
3. <i>Rosaceae</i>	12	9,8	3. <i>Potentilla</i>	5	4,1
4. <i>Caryophyllaceae</i>	11	8,9	4. <i>Allium</i>	3	2,4
5. <i>Fabaceae</i>	9	7,3	5. <i>Campanula</i>	3	2,4
6. <i>Ranunculaceae</i>	9	7,3	6. <i>Carex</i>	3	2,4
8. <i>Lamiaceae</i>	5	4,1	7. <i>Geranium</i>	3	2,4
7. <i>Brassicaceae</i>	4	3,3	8. <i>Astragalus</i>	2	1,6
Итого:	77	62,7	Итого:	30	24,3

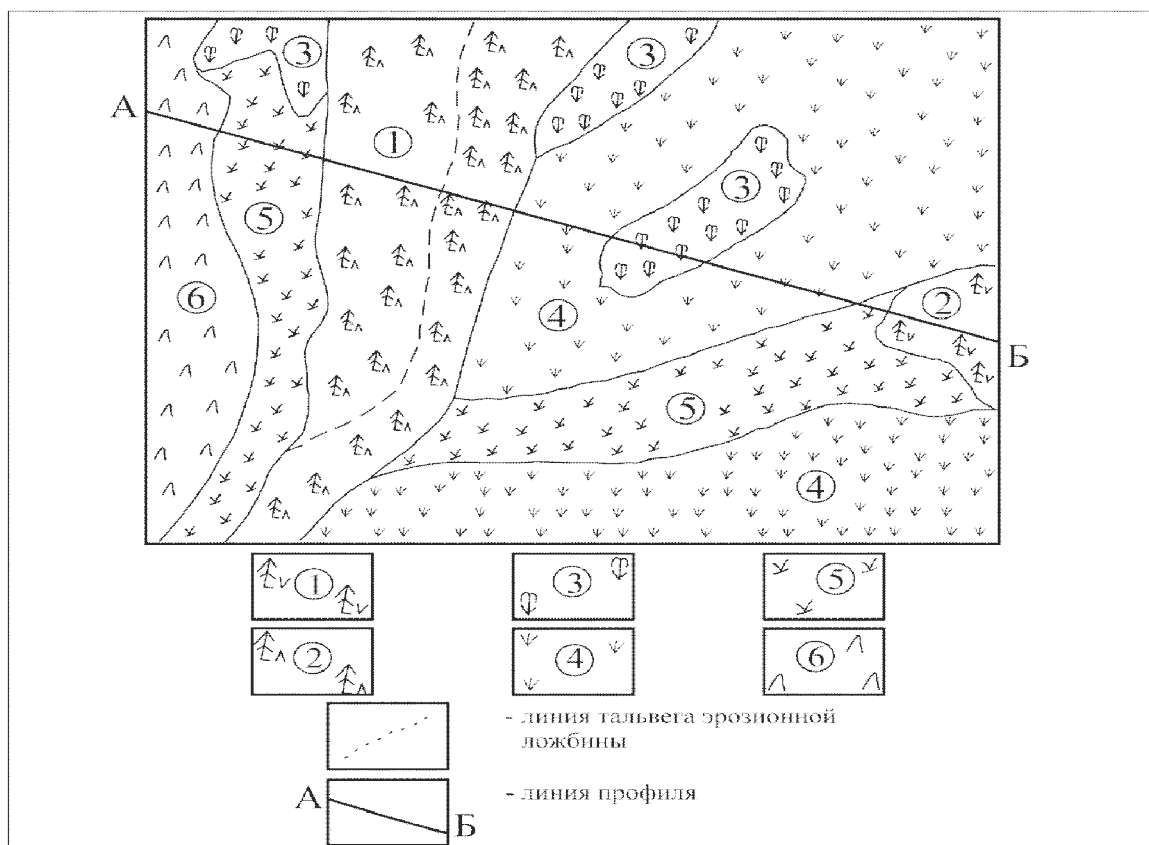

Рис. 1, а.

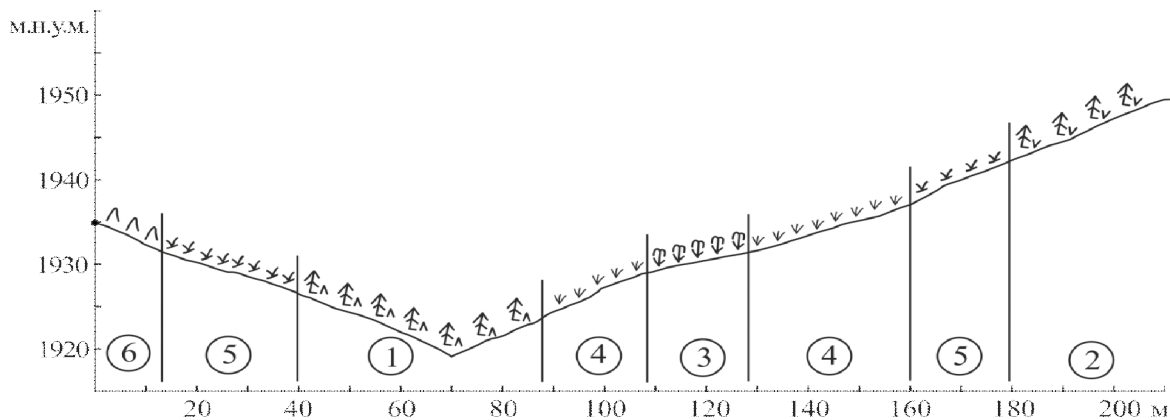

Рис. 1, б.

Примечание: Рис. 1, а – карта-схема ключевого участка растительности лесостепи урочища Арты-Оялык кластера «Арысканныг» ГПБЗ «Убсунурская котловина» в предгорьях хр. Восточный Танну-Ола (южный макросклон, М 1:500); Рис. 1, б – профиль.

Азии. Наиболее ярко этот самобытный ПЛК экспозиционной горной лесостепи представлен на субшироко вытянутом горном массиве хребтов Западный и Восточный Танну-Ола.

Раскрытие их пространственно-структурной организации позволит глубже понять природу и особенности функционирования горных лесостепных ландшафтов и позволит выйти на прогнозирование динамических тенденций, это особенно важно в связи с большой экосистемной и хозяйственной значимостью растительности в горах Алтая и Саян, севера Центральной Азии.

Цель данной работы – выявление особенностей структуры α и β разнообразия растительности горных лесостепных комплексов кластерного участка «Арысканныг» заповедника «Убсунурская котловина»

Материалы и методика изучения. Объектом исследования является растительность горных экспозиционных лесостепей кластера «Арысканныг» государственного природного биосферного заповедника «Убсунурская котловина», в качестве модельного участка выбрана территория урочища «Алды-Ойалык». Геоботанические исследования, сбор и обработка материалов проводились в период 2012–2013 гг. При описании растительного покрова местности использовались стандартные геоботанические методы. Для выявления пространственной структуры были заложены геоботанические профили, а также использовались результаты крупномасштабного картирования растительности ключевого участка. При картировании детально описывались в пространственном ряду все конкретные растительные сообщества, определялись GPS-прибором их координаты. Сортировка описаний и получение групп флористически однородных описаний выполнялась в MS Excel 2003. База данных сводной ценофлоры и обработка результатов произведено информационной системой IBIS 6.2. [2]. Параллельно производились сбор и определение гербарного материала, в ходе которого использовался многотомное издание «Флора Сибири» (1988-1997), «Определитель растений Республики Тыва» (2007), и другие определители. Латинские названия растений уточнялись по справочнику «Сосудистые растения СССР» Черепанова С.К. (1981).

Обсуждение результатов. В результате инвентаризации флоры горных лесостепей кластера «Арысканныг» было выявлено 123 вида высших сосудистых растений, относящихся к 80 родам и 34 семействам.

По составу ведущих семейств (табл. 1) типична для горных территорий умеренных широт. Существенная роль семейств *Asteraceae*, *Ranunculaceae*, *Rosaceae*, *Caryophyllaceae* характеризует флору как северную, азиатскую [3]. Преобладание видов семейства *Poaceae* ценофлору горной лесостепи характеризует как голарктическую. Повышение роли *Rosaceae* и *Fabaceae* служит показателем континентальности флор, а высокая численность *Ranunculaceae* характерна для бореальных флор [4]. По высокому содержанию представителей *Fabaceae* и *Brassicaceae* флора приближается к высокогорным флорам Средней Азии [5].

Особенностью горной лесостепной флоры кластера «Арысканныг» является высокое содержание видов семейства *Lamiaceae*, характерного для территорий Древнего Средиземья и присущ нагорно-ксерофитным местообитаниям.

Довольно высокое положение семейства *Rosaceae* обусловлено полиморфизмом крупнейшего рода этого семейства – *Potentilla*. Это показатель отчасти и умеренно-голарктического характера нашей флоры.

Богатство видами родов *Artemisia*, *Potentilla* отражает особенности флоры горной Азии [6]. Роды *Poa*, *Carex* отражают северные бореальные черты флоры. Представители рода *Carex* имеют существенную фитоценологическую роль в сложении растительного покрова лесостепи. В то же время видовое разнообразие в родах *Artemisia*, *Allium*, *Astragalus* показывает аридность климата лесостепного пояса в целом южного макросклона хр. Восточный Танну-Ола.

Исследование фитоценологического разнообразия горной лесостепи кластера «Арысканныг» выявило сочетание лесной, степной и луговой растительности, пространственная организация которой зависит от формы рельефа, угла и экспозиции склонов.

Особенности мезорельефа обуславливают пестроту растительности горной лесостепи исследуемого участка, главными компонентами которого являются лиственничные остепненные леса и степи. Древесный ярус лесного массива представлен лиственницей сибирской, образующей разреженные насаждения с сомкнутостью крон от 0,5 до 0,2. В подлеске отмечены

кустарники – кизильник черноплодный и таволга средняя, они встречаются под пологом леса группами с диаметром 3-5 м. Травяной ярус хорошо развит с общим проективным покрытием 80-90%, средняя высота травостоя 50-60 см. Основу травяного яруса составляют *Calamagrostis obtusata*, *Poa sibirica*, *Carex macroura*, *Geranium pseudosibiricum*, *Vicia multicaulis*, *Veratrum nigrum*, *Galium verum*, *Artemisia latifolia*, *A. gmelinii*, *Potentilla evestita*, *Oxytropis strobilacea*, *Campanula glomerata*.

На карте-схеме ключевого участка (Рис. 1, а, б) представлена лесная растительность мятликово-осоковыми (*Carex macroura*, *Poa sibirica*) остепненными лиственничниками (Рис 1, № 1) и вейниковыми (*Calamagrostis obtusata*) редкостойными лиственничниками (Рис. 1, № 2), они приурочены к склонам восточной и юго-восточной экспозиции.

Легенда

I. Леса хвойные гемибореальные, травяные

1. Лиственничный (*Larix sibirica*) лес остепненный, мятликово-осоковый (*Carex macroura*, *Poa sibirica*).

2. Лиственничный (*Larix sibirica*) лес редкостойный, вейниковый (*Calamagrostis obtusata*).

II. Степи и луга

A. Остепненные луга на черноземовидных почвах

3. Таволгово-мятликово-шизонепетовые (*Schizonepeta multifida*, *Poa stepposa*, *Spiraea media*) остепненные луга.

B. Петрофитноразнотравно-злаковые степи

4. Петрофитноразнотравно-дерновиннозлаковые (*Helictotrichon schellianum*, *Poa stepposa*, *Orostachys spinosa*, *Leontopodium ochroleucum*) степи.

B. Лугово-степные кустарники

5. Стоповидноосоково-гмелиннопопынно-таволговые (*Spiraea media*, *Artemisia gmelinii*, *Carex pediformis*) сообщества.
6. Астрово-горноколосниково-кизильниковые (*Cotoneaster uniflorus*, *Orostachys spinosa*, *Aster alpinus*) сообщества.

Остепненные луга в лесостепном поясе располагаются пятнами на склонах западной экспозиции с углом уклона 15-20°, с общим проективным покрытием 75-80% на черноземовидных почвах и представлены таволгово-мятликово-шизонепетовыми сообществами (рис. 1, № 3). Дерновинно-злаковые *Helictotrichon schellianum*, *Poa stepposa* степи (рис. 1, № 4) с петрофитным *Orostachys spinosa*, *Leontopodium ochroleucum*, *Schizonepeta multifida*, *Androsace septentrionalis* разнотравием приурочены на более инсолируемых пологих склонах юго-западной экспозиции. Лугово-степные кустарники занимают крутые (угол уклона – 40-45°), щебнистые (щебнистость – 40%) склоны юго-восточной экспозиции. В луговых степях лесостепного пояса они встречаются в фитоценозах как сопутствующие виды или образуют достаточно выраженную синузидию кустарникового яруса, формируя кустарниковые луговые степи (рис. 1, № 5, 6).

Отмеченное выше сочетание остепненных лиственничников на склонах восточной ориентации с остепненными лугами и дерновинно-злаковыми степями с участием лугово-степных кустарников характерна в целом для пояса горной экспозиционной лесостепи южного макросклона хр. Восточный Танну-Ола.

Заключение

1. В результате анализа флоры ключевого участка горных лесостепей кластера «Арысканныг» было выявлено 123 вида высших сосудистых растений, относящихся к 80 родам и 34 семействам. По составу ведущих семейств (*Poaceae*, *Asteraceae*, *Rosaceae*) типична для горных территорий умеренных широт. Особенностью горной лесостепной флоры ключевого участка является высокое содержание видов семейства *Lamiaceae*, характерного для территорий Древнего Средиземья и присущ нагорно-ксерофитным местообитаниям. Роды *Poa*, *Carex* отражают северные бореальные черты флоры. Представители рода *Carex* имеют существенную фитоценологическую роль в сложении растительного покрова лесостепи. В то же время видовое разнообразие в родах *Artemisia*, *Allium*, *Astragalus* показывает аридность климата лесостепного пояса в целом южного макросклона хр. Восточный Танну-Ола.

2. Исследование фитоценологического разнообразия горной лесостепи кластера «Арысканныг» выявило сочетание лесной, степной и луговой растительности, пространственная организация которой зависит от формы рельефа, угла и экспозиции склонов. Особенности мезорельефа обуславливают пестроту растительности горной лесостепи исследуемого участка, главными компонентами которого являются лиственничные остепненные леса и степи. Сочетание остепненных лиственничников на скло-

нах восточной ориентации с остепненными лугами, на склонах западной экспозиции и дерновинно-злаковыми степями, приуроченные на более инсолируемых пологих склонах юго-западной экспозиции, с участием лугово-степных кустарников, занимающие более крутые до 40-45° угла уклона склоны юго-восточной

ориентации, характерны в целом для пояса горной экспозиционной лесостепи предгорий южного макросклона хр. Восточный Танну-Ола.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ грант № 13-04-98090 p_сибирь_a.

Библиографический список

1. Растительный покров и естественные кормовые угодья Тувинской АССР / Куминова А.В. [и др.]. – Новосибирск, 1985.
2. Зверев, А.А. Информационные технологии в исследованиях растительного покрова: учеб. пособ.. – Томск, 2007.
3. Малышев, Л.И. Площадь выявления флоры в сравнительно-флористических исследованиях // Бот. журн. – 1972. – Т. 57. – № 2.
4. Юрцев, Б.А. Флора Сунтар-Хаята. – Л., 1968.
5. Ревушкин, А.С. Высокогорная флора Алтая. – Томск, 1988.
6. Малышев, Л.И. Генетические связи высокогорных флор Южной Сибири и Монголии // Журн. – 1968. – № 15. – Сер. Биология. – Вып. 3.
7. Определитель растений Республики Тувы / И.М. Красноров [и др.]. – Новосибирск, 2007.
8. Флора Сибири: в 13 т. / под ред. Л.И. Малышева, И.М. Красноровой, Г.А. Пешковой, А.В. Положий. – Новосибирск, 1988–1997.
9. Черепанов, С.К. Сосудистые растения СССР. – Л., 1981.

Bibliography

1. Rastitel'nyy pokrov i estestvenniye kormoviye ugod'ya Tuvinskoy ASSR / Kuminova A.V. [i dr.]. – Novosibirsk, 1985.
2. Zverev, A.A. Informacionniye tekhnologii v issledovaniyakh rastitel'nogo pokrova: ucheb. posob.. – Tomsk, 2007.
3. Malihshev, L.I. Ploshchad' viyavleniya floriy v sravnitel'no-floristicheskikh issledovaniyakh // Bot. zhurn. – 1972. – T. 57. – № 2.
4. Yurcev, B.A. Flora Suntar-Khayata. – L., 1968.
5. Revushkin, A.S. Vihsokogornaya flora Altaya. – Tomsk, 1988.
6. Malihshev, L.I. Geneticheskie svyazi vihsokogornikh flor Yuzhnoy Sibiri i Mongolii // Zhurn. – 1968. – № 15. – Ser. Biologiya. – Vihp. 3.
7. Opredelitel' rasteniy Respubliki Tuvih / I.M. Krasnоров [i dr.]. – Novosibirsk, 2007.
8. Flora Sibiri: v 13 t. / pod red. L.I. Malihsheva, I.M. Krasnоровой, G.A. Peshkovoy, A.V. Polozhiy. – Novosibirsk, 1988–1997.
9. Cherepanov, S.K. Sosudistkiye rasteniya SSSR. – L., 1981.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 561.26 + 574

Sutchenkova O.S., Mitrofanova E.Yu. **DIVERSITY AND ABUNDANCE OF DIATOMS IN BOTTOM SEDIMENTS OF DEEP RESERVOIR DURING THE LAST 2000 YEARS (LAKE TELETSKOYE, RUSSIAN ALTAI).** The composition and abundance of diatom algae (Bacillariophyta) in the upper 1000 mm of bottom sediments core from the underwater Sophia Lepneva Ridge in Lake Teletskoye (Russian Altai) were investigated. The studied part of the core corresponds to the last 2000 years of the lake history. The layers with minimum and maximum number of diatoms were analyzed as the most informative for paleoecological reconstructions. Both typical representatives and rarely occurring species in the bottom sediments of Lake Teletskoye were indicated, different ecological groups were specified. It was noticed that the increase of diatoms total number and the share of cool-loving forms corresponded to the periods of cold snaps, especially in the Little Ice Age.

Key words: diatom algae, Lake Teletskoye, bottom sediments, species composition, life forms, ecological characteristics.

O.S. Сутченкова, аспирант ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: olgaklassen@rambler.ru;

E.Yu. Митрофанова, канд. биол. наук, ст.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: emit@iwep.ru

РАЗНООБРАЗИЕ И ОБИЛИЕ ДИАТОМОВЫХ ВОДОРОСЛЕЙ В ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ ГЛУБОКОГО ВОДОЕМА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 2000 ЛЕТ (ОЗ. ТЕЛЕЦКОЕ, РУССКИЙ АЛТАЙ)

Исследованы состав и обилие диатомовых водорослей (Bacillariophyta) в верхних 1000 мм керна донных отложений оз. Телецкое (Русский Алтай) с подводного хребта Софьи Лепневой, что позволило изучить осадки водоема за последние 2000 лет. Выделены и проанализированы слои с наибольшим и наименьшим количеством створок диатомей как наиболее информативные при палеоэкологических реконструкциях. Приведены типичные представители диатомей в донных отложениях оз. Телецкое, а также редко встречающиеся виды, выделены экологические группы. Отмечено соответствие увеличения общего количества створок диатомей и доли холодолюбивых периодам похолодания, особенно в Малый ледниковый период.

Ключевые слова: диатомовые водоросли, озеро Телецкое, донные отложения, видовой состав, жизненные формы, экологическое предпочтение.

Диатомовые водоросли – микроскопические одноклеточные организмы, которые являются важнейшим звеном в большинстве пресноводных экосистем. Несмотря на принадлежность к приоритетным биоиндикационным методам, диатомовый анализ обладает значительным неиспользованным информационным резервом.

Озеро Телецкое находится в горах Русского Алтая¹ на юге Западной Сибири (51°31'24.53N и 87°42'25.33E). Особенностью в строении его дна является наличие в нем подводного хребта

Софьи Лепневой, вершина которого поднимается до глубины 91 м [2]. Танатоценозы, формирующиеся на подводном хребте, особенно на его вершине, могут представлять интегральную картину диатомоценозов, развивавшихся в разные периоды в целом по озеру, так как подводная возвышенность расположена на стыке двух морфометрически различных частей водоема – широтной и меридиональной.

Цель работы – изучение диатомоценозов в верхних 1000 мм керна донных отложений озера с подводного хребта с выделением слоев с наибольшим и наименьшим количеством створок диатомей, как наиболее показательных при палеоклиматических интерпретациях.

¹ В последние годы в зарубежной научной печати используется название Русский Алтай как синоним Горного Алтая [1].

Таблица 1
Соответствие изученных слоев керна донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта Софьи Лепневой временным интервалам

Слой, мм	Годы	Количество створок, млн ств./г	Max или min количество створок
100-105	1783-1772*	54,70	↑
135-140	1706-1694*	0,86	↓
370-375	1183-1172**	3,70	↓
375-380	1172-1162**	3,20	↓
380-385	1162-1150**	1,90	↓
385-390	1150-1139**	1,10	↓
510-515	873-862**	53,03	↑
820-825	184-173	53,01	↑
830-835	162-150	54,23	↑
835-840	150-139	64,36	↑

Примечание: * – Малый ледниковый период: 1450-1850 [11], 1200-1800, в т.ч. самый холодный 1645-1715 (Maunder Minimum) [12]; ** – Средневековый период потепления: 800-1200 [12], 170-650, 800-1150 (IPCC 2007, цит. по: [2])

Материалы и методы. Керна общей длиной 1940 мм отобраны гравитационной трубкой в оз. Телецкое с подводного хребта Софьи Лепневой в 2006 г. и разрезан с интервалом в 5 мм [3]. К настоящему времени изучено 199 проб донных отложений.

Приготовление постоянных препаратов диатомей и их обработку проводили общепринятыми методами [4-5]: выжигали в 30 %-ной H_2O_2 с последующим отмыванием в дистиллированной воде и центрифугированием. Отмытые створки диатомей заключали в канадский бальзам и исследовали с помощью светового микроскопа Nikon H550L. При подсчете створок в препаратах учитывали все встреченные панцири диатомовых водорослей, пересчет количества проводили на 1 грамм осадка. Для наиболее значимых видов был рассчитан коэффициент (или частота) встречаемости – отношение количества проб, в которых вид был выявлен, к общему числу проб (%). Для идентификации диатомовых водорослей использовали определители [6], Атласы [7-8] и различные статьи.

Диатомовый анализ был проведен для верхних 0-1000 мм керна донных отложений, проанализированы состав и количество диатомовых водорослей в целом для исследованного отрезка керна, а также детально для слоев с высоким и низким содержанием диатомей, выявлены доминанты, приведены экологические характеристики видов диатомовых.

Результаты и обсуждение. В исследованных слоях керна донных отложений оз. Телецкого с подводного хребта Софьи Лепневой выявлено значительное варьирование количества створок диатомовых водорослей: от 0,86 (слой 135-140 мм) до 64,4 млн ств./г (слой 835-840 мм) при среднем значении по отрезку керна $22,9 \pm 0,78$ млн ств./г. Слои с низким содержанием створок (не более 5 млн ств./г)² были немногочисленны (таблица 1, рис. 1). Такое же количество слоев выделено и с максимальным количеством створок диатомовых водорослей.

В водоемах на разных участках дна в зависимости от морфометрии и гидрологических условий должна быть и различная скорость осадконакопления для донных отложений. Так для Северного Байкала данная величина составляет 0,705 мм/год, для Среднего – 0,910, для Южного Байкала она является макси-

мальной и определена в 1 мм/год. Скорость осадконакопления для Академического хребта, отделяющего Северную котловину озера от Средней, наименьшая – 0,015 мм/год [9]. Это характерно и для Телецкого, которое имеет один крупный, 69 постоянных и 150 временных притоков меньшего размера. На юге озера (устье основного притока – р. Чулышман) скорость осадконакопления максимальная и достигает 4-6 мм/год, в северной части меридионального участка озера, в районе наибольших глубин – 1,41 мм/год [10]. Подводный хребет Софьи Лепневой, как и в Байкале, отличается наименьшей величиной – всего 0,3 мм/год, или 0,45 мм/год с учетом влажности [2]. Поэтому изучаемый керн донных отложений в целом вскрывает осадки возрастом до 4 тыс. лет, а верхние 1000 мм донных отложений – последние 2222 года. При сопоставлении данных изученных слоев керна с периодами похолодания и потепления за последнюю тысячу лет четко просматривается картина запаздывания отклика диатомоценозов озера на изменения температуры (табл. 1). Интересно, что в литературе приводятся различные датировки временных периодов. Н.А. Скабичевская [11] Малый ледниковый период выделяет по Х.Х. Лэму – с 1450 по 1850 гг., а А.В. Макэй с соавт. [12] – 1200-1800 гг. В изученном керне оз. Телецкого наиболее верхний слой с максимальным количеством створок диатомей соответствует временному периоду 1783-1772 гг. и относительно похолоданию в Малый ледниковый период. Ниже расположенные слои с минимальными значениями обилия диатомей соответствуют относительному потеплению в этот же период (табл. 1), который длился с 1450 по 1850 гг. [11]. Далее вниз по керну наблюдается смена слоев с минимальным количеством створок на слои с наибольшим содержанием диатомей, что может служить индикатором очередного похолодания.

Следует отметить, что в слоях исследованного интервала керна с наименьшим количеством створок диатомей и число видов было незначительно (от 16 до 24), там, где количеством створок было максимальным, разнообразие значительно возрастало (от 40 до 44). При анализе жизненных форм (планктонные, бентосные, планктонно-бентосные) диатомовых водорослей отмечено, что как в слоях с наименьшим, так и наибольшим количеством створок диатомей по числу видов преобладают водоросли, обитающие на дне и в обрастаниях: 61,90-69,57 % и 70,00-83,20 %, соответственно. Планктонно-бентосные виды составляют 6,25–28,57 % и 9,30-13,64 % для слоев с наименьшим и наибольшим содержанием диатомей, планктонные виды – 9,52-25% и 6,98-12,5 %, соответственно (таблица 2).

При анализе вклада жизненных форм в общее количество створок в пробе выявлено, что в слоях с наибольшим содержанием диатомей преобладают планктонные формы (80,56-88,15 %), доля бентосных видов значительно ниже (9,58-13,95 %). В слоях с наименьшим содержанием диатомей не наблюдается такого явного преобладания планктонных форм, их доля в общем количестве изменяется от 17,26 до 57,77 %, а для видов, обитающих на дне и в обрастаниях – 34,50-60,88 %. Доля планктонно-бентосных видов составляет 2,56-22,56 % и 1,91-3,20 % для слоев с наименьшим и наибольшим содержанием диатомей, соответственно (табл. 2).

Планктонные комплексы диатомей в слоях с наименьшим содержанием створок представлены в основном *Aulacoseira subarctica*, которая встречается во всех слоях (коэффициент встречаемости $R=100,0$ %), *Cyclotella bodanica* Grun. (80,0), *Stephanodiscus alpinus* Hust. (60,0) и *Fragilaria arcus* (Ehr.) Cl. (40,0 %). Все эти виды являются типичными представителями современных альгоценозов оз. Телецкого и по размерным характеристикам относятся к группам средне- и крупноклеточных, по отношению к температурному фактору – к представителям холодолюбивого комплекса.

В слоях с максимальным количеством створок диатомей планктонные формы были представлены теми же видами: *A. subarctica* (100,0 %), *C. bodanica* (100,0), *F. arcus* (100,0), *S. alpinus* (60,0 %). Кроме того, еще были отмечены *Fragilaria capucina* var. *vaucheria* Kütz. (60,0 %) – вид очень широко распространенный (космополит) в планктоне и литорали пресных, преимущественно эвтрофных вод (олигосапроб), он иногда встречается в слегка солоноватых водах, а также *Cyclotella antiqua* W. Sm. (20,0 %) – пресноводный северо-альпийский вид, распространенный в северных и горных водоемах, особенно в болотах, но всегда в небольшом количестве.

Планктонно-бентосные комплексы диатомей в слоях с наименьшим количеством створок представлены *Fragilaria*

² Ранее в кернах из других участков дна озера было выявлено, что количество створок диатомовых водорослей в них редко превышает это значение.

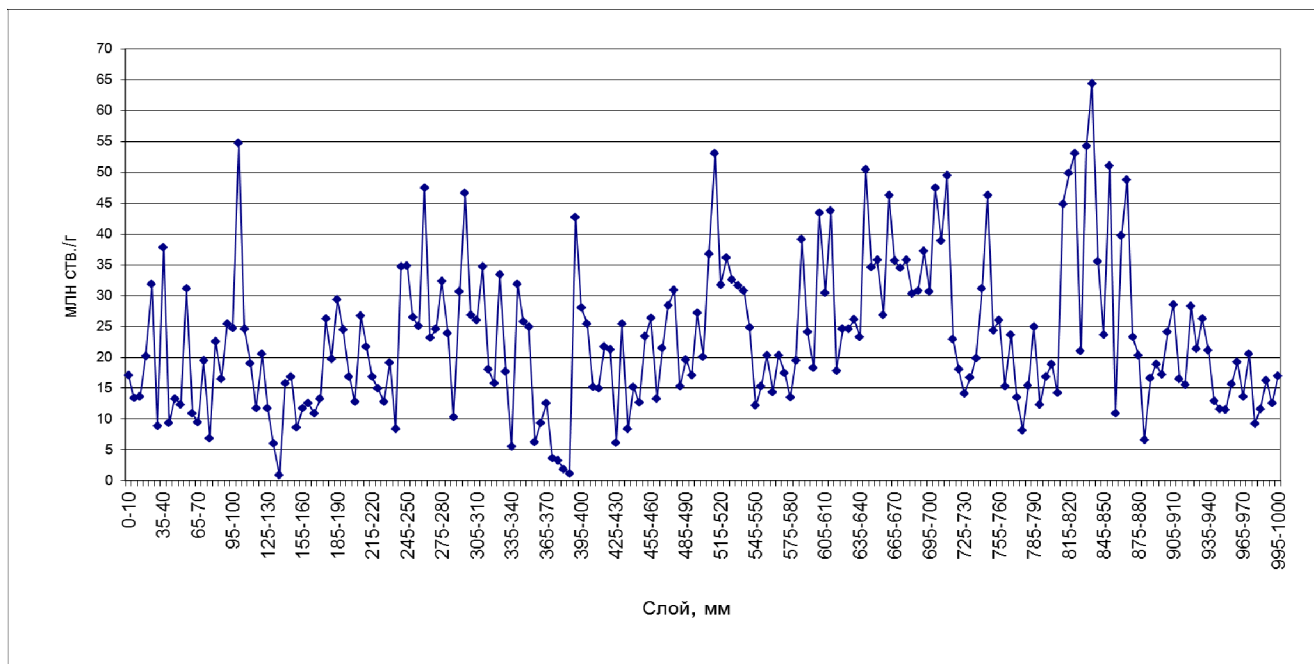

Рис. 1. Количество створок диатомей в донных отложениях с подводного хребта Софии Лепнево озера Телецкое

Таблица 2

Доля жизненных форм в слоях керн донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта Софии Лепнево с низким и высоким количеством створок диатомовых водорослей в зависимости от количества видов и створок, %

Слой, мм	Планктонные		Планктонно-бентосные		Бентосные	
	виды	створки	виды	створки	виды	створки
<i>Слой с наименьшим количеством створок диатомей</i>						
135-140	25,00	53,85	6,25	2,56	68,75	43,59
370-375	13,04	56,77	17,39	8,73	69,57	34,50
375-380	16,67	32,72	16,67	6,40	66,67	60,88
380-385	9,52	17,26	28,57	22,56	61,90	60,17
385-390	11,11	19,89	16,67	9,04	66,67	54,79
<i>Слой с наибольшим количеством створок диатомей</i>						
100-105	12,50	80,56	12,50	1,91	70,00	13,95
510-515	11,63	84,66	9,30	2,39	76,74	12,78
820-825	9,09	88,15	13,64	2,27	75,00	9,58
830-835	9,30	87,36	11,63	2,67	74,42	9,90
835-840	6,98	85,58	9,30	3,20	83,72	11,22

construens (Ehr.) Grun. (R=60,0 %), *Synedra vaucheria* Kütz. (60,0), *Diatoma hiemalis* (Roth.) Heib. (60,0), *Fragilaria pinnata* Ehr. (40,0), *Meridion circulare* (Grev.) Ag (40,0 %). Из не часто встречаемых видов отмечены *S. ulna* var. *danica* (Kütz.) Grun. (20,0 %) – вид-космополит, типичный для эвтрофных и богатых известью вод, мезогалоб, и *Tabellaria flocculosa* (Roth) Kütz. (20,0 %) – обитающий в торфяных болотах, сфагнофил, эвритермный, олигосапробный, ацидофильный вид, распространенный преимущественно на севере и в горах.

В состав планктонно-бентосных комплексов диатомей в слоях с наибольшим количеством створок входят те же виды, что и в слоях с наименьшим количеством, но с более высокой частотой встречаемости: *S. vaucheria* (R=100,0 %), *D. hiemalis* (100,0), *F. pinnata* (100,0), *F. construens* (60,0), *M. circulare* (60,0), *S. ulna* var. *danica* (20,0), *T. flocculosa* (20,0 %). Не обнаружена в этих пробах *F. construens* – вид очень широко распространен, преимущественно в стоячих эвтрофных водоемах (олигосапроб, космополит). Отмечено появление *Melosira varians* Ag. (R=20,0 %) – пресноводно-слегка солоновато-водного вида, галлофила, космополита.

Среди диатомей, обитающих на дне и в обрастаниях, в слоях керн с наименьшим содержанием диатомей чаще встреча-

лись *Cymbella ventricosa* Kütz. (R=100,0 %), *Cocconeis placentula* Ehr. (100,0), *Cymbella sinuata* Greg. (80,0), *Gomphonema olivaceum* (Horn.) Bréb. (80,0), реже – *Neidium productum* (W.Sm.) Cl. (20,0), олигогалоб, широко распространен в грунтах пресных и слегка солоноватых водоемов, *Navicula exiqua* (Greg.) Grun (20,0), олигогалоб, широко распространен, особенно в горных водоемах, и *Eunotia polydentata* Brun. (20,0 %), пресноводный вид, галофоб, космополит, распространенный преимущественно в слабо и среднекислых водах болот и горных водоемов.

В слоях с максимальным содержанием диатомей из бентосных форм во всех пробах отмечены (R=100,0 %): *Cymbella cistula* (Ehr.) Kirchn., *C. helvetica* Kütz., *C. laevis* Näg. in Kütz., *C. ventricosa* Kütz. sensu Hust., *C. sinuata* Greg., *G. olivaceum* (Horn.) Bréb., *C. placentula* Ehr., *Nitzschia angustata* (W.Sm.) Grun., *N. denticula* Grun. Все эти виды относятся к группам широко распространенных и широко распространенных индифферентов. Реже встречающиеся виды (20,0 %): *Navicula tustula* Ehr. – пресноводный вид (олигогалоб, индифферент), в грунтах эвтрофных и олиготрофных водоемов, *Stauroneis smithii* Grun. – пресноводно-солоноватоводный вид, в бентосе различного типа водоемов и *Diploneis boldtiana* Cl. – пресноводный вид, находимый в северных областях СССР, оз. Байкал, Финляндии.

Таблица 3

Доля экологических групп в слоях ядра донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта Софьи Лепневой с низким содержанием диатомей в зависимости от количества видов и створок, %

Слой, мм	СГСА		ОСАИ		ОСАГБЛ		ШР		ОШИ	
	виды	створки	виды	створки	виды	створки	виды	створки	виды	створки
135-140	6,3	27,9	12,5	9,3	–	–	25	4,7	12,5	9,3
370-375	8,7	50,2	4,3	1,09	3,28	8,7	17,4	6,6	13,0	13,1
375-380	8,3	24,9	4,2	1,2	8,3	3,1	20,8	3,7	25	40,2
380-385	9,5	15,0	–	–	14,3	4,1	19,0	15,0	28,6	36,6
385-390	11,11	19,9	–	–	–	–	27,8	9,0	27,8	29,5

Примечание: ОСАИ – виды обрастания болотные, северные, горные, северо-альпийские; СГСА – виды северные, горные, северо-альпийские; ОСАГБЛ – обрастания болотные, северные, горные, северо-альпийские голофобы; ШР – широко распространенные; ОШИ – виды обрастания болотные широко распространенные индифференты; ПС – пресноводно-солонатоводные виды.

Таблица 4

Доля экологических групп в слоях ядра донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта Софьи Лепневой с высоким содержанием диатомей в зависимости от количества видов и створок, %

Слой, мм	СГСА		ОСАИ		ОСАГБЛ		ШР		ОШИ		ПС	
	виды	створки	виды	створки	виды	створки	виды	створки	виды	створки	виды	створки
100-105	4,7	85,4	2,3	0,2	4,7	0,3	25,6	5,5	18,6	3,1	7,0	0,9
510-515	7,0	86,9	2,3	0,1	7,0	0,7	16,3	5,0	16,3	2,7	2,3	0,4
820-825	6,8	86,4	2,3	0,1	6,8	0,9	15,9	3,2	15,9	2,7	2,3	0,1
830-835	7,0	74,3	4,7	0,3	4,7	0,4	23,3	6,5	16,3	3,2	2,3	0,1
835-840	7,5	73,2	5,0	0,1	7,5	0,4	22,5	9,2	15,0	2,6	5,0	0,2

Примечание: обозначения – в таблице 2.

В целом, преобладание планктонных форм по количеству створок в донных отложениях характерно для многих озер, и в основном это виды с толстостенными панцирями. Например, в верхних слоях донных отложений оз. Байкал планктонные диатомовые водоросли, а именно эндемичные виды *Aulacoseira baicalensis* (K. Meyer) Sim., *Cyclotella minuta* (Skv.) Antipova и *C. baicalensis* Skv., вносят основной вклад в общее количество створок диатомей в осадках озера. Вид *C. minuta* составляет до 30-50 % от общего количества створок диатомей, на *A. baicalensis* приходится до 55-87 %, максимальное относительное содержание *C. baicalensis* – 27% [13]. Роль пенистых бентосных диатомей, выносимых водами р. Селенги, а также обитающих на Селенгинском мелководье, ограничивается только прибрежной зоной. Вклад бентосных диатомей в осадконакопление абиссали во всех котловинах Байкала в основном не превышает 1%. Так тонкопанцирные представители р. *Nitzschia* обнаружены в донных отложениях в небольшом количестве – до 0,2% от общего количества створок диатомей.

При выделении экологических групп [14], было отмечено, что в слоях с наименьшим содержанием диатомей по количеству видов наиболее многочисленны были группы ШР (17,4-27,8 %) и ОШИ (12,5-28,6%) (таблица 3, примеч.). Доля видов группы СГСА составляет 6,30-11,11%. При рассмотрении экологической приуроченности диатомей наблюдается обратное расположение выделенных нами групп. Так наибольшее содержание диатомей наблюдается в группах СГСА (15,0-50,2%) и ОШИ (9,3-40,2%), доля представителей группы ШР составляет 3,7-15,0% от общего количества створок диатомей. Преобладание группы СГСА основано на доминировании холодолюбивой *Aulacoseira subarctica*, типичной для альгоценозов оз. Телецкое.

В слоях с наибольшим содержанием диатомей в видовом отношении нами отмечено схожее распределение экологичес-

ких групп. По количеству видов преобладает группа ШР (15,9-25,6%), несколько ниже видовое разнообразие в группе ОШИ (15,0-18,6 %). Доля представителей группы СГСА составляет от 4,7 до 7,5 % от общего количества видов. При этом на долю СГСА от общей численности створок диатомей приходится 73,2-86,9% (таблица 4). Так увеличение доли СГСА в слое 100-105 мм связано с массовым развитием холодолюбивой *Aulacoseira subarctica* во время относительного похолодания в Малый ледниковый период. В остальных исследуемых слоях доля СГСА также напрямую связана с численностью *A. subarctica*, и можно предположить, что во временные интервалы, которым принадлежат исследуемые слои ядра, климатическая обстановка в регионе характеризовалась снижением температуры.

Таким образом, состав диатомей в различных слоях ядра донных отложений с подводного хребта Софьи Лепневой, как с наибольшим количеством створок, так и наименьшим, в целом не имеет значительных различий, варьирование характерно для их общего количества. Большинство выявленных диатомей относятся к группе холодолюбивых видов, широко распространенных в водоемах бореальной зоны. При похолодании общее количество диатомей и доля холодолюбивых повышается, при увеличении температуры – снижается.

Авторы выражают огромную благодарность И.А. Калугину (ОИГГМ СО РАН) за предоставленные пробы донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта Софьи Лепневой.

Работа выполнена при финансовой поддержке Партнерского проекта фундаментальных исследований СО РАН № 34 «Динамика природной среды Сибири и Дальнего Востока в голоцене и ее сопряженность с глобальными атмосферными процессами: высокоразрешающие реконструкции как функция геохимического отклика современных морских и озерных отложений».

Библиографический список

- Новиков, И.С. Морфотектоника Алтая. – Новосибирск, 2004.
- Калугин, И.А. 3000-летняя реконструкция среднегодовых температур Алтайского региона по литолого-геохимическим индикаторам донных осадков оз. Телецкое / И.А. Калугин, А.В. Дарьин, В.В. Бабич // Докл. Академии наук. – 2009. – № 4. – Т. 426.
- Водоросли. Справочник / С.П. Вассер [и др.]. – Киев, 1989.
- Диатомовые водоросли СССР (ископаемые и современные). – Л., 1974. – Т. I.
- Селегей, В.В. Телецкое озеро / В.В. Селегей, Т.С. Селегей. – Л., 1978.

6. Диатомовые водоросли. Определитель пресноводных водорослей СССР / М.М. Забелина [и др.]. – М., 1951. – Вып. 4.
7. Хурсевич, Г.К. Атлас видов *Stephanodiscus* и *Cyclostephanos* (Bacillariophyta) из верхне-кайнозойских отложений СССР. – Минск, 1989.
8. Hartley, B. An atlas of British diatoms / B. Hartley [et al.]. – Bristol: Biopress Ltd., 1996.
9. Вологина, Е.Г. Особенности осадконакопления в озере Байкал в голоцене / Е.Г. Вологина, М. Штурм, С.С. Воробьева, Л.З. Гранина, С.Ю. Тошчаков // Геология и геофизика. – 2003. – № 5. – Т.44.
10. Калугин, И.А. Паводковая периодичность осадконакопления в Телецком озере, обусловленная региональными колебаниями климата на юге Сибири за последние 570 лет / И.А. Калугин, В. Селегей, В. Бобров, С. Воробьева, С. Кривоногов // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 2.
11. Скабичевская, Н.А. Диатомеи Телецкого озера и климатические реконструкции последнего тысячелетия // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 2.
12. Mackay, A.W. 1000 years of climate variability in central Asia: assessing the evidence using Lake Baikal (Russia) diatom assemblages and the application of a diatom-inferred model of snow cover on the lake / A.W. Mackay, D.B. Ryves, R.W. Battarbee, R.J. Flower, D. Jewson, P. Rioual, M. Sturm // Global and Planetary Change. – 2005. Vol. 46. – Is. 1-4.
13. Лихошвай, Е.В. Распределение диатомовых водорослей в верхнем слое донных отложений озера Байкал / Е.В. Лихошвай, Г.В. Помазкина, А.О. Костюковская, В.Н. Сергеева, О.В. Левина // Геология и геофизика. – 2005. – № 1. – Т. 46.
14. Скабичевская, Н.А. Средне-позднечетвертичные диатомеи Приенисейского Севера. – М., 1984.

Bibliography

1. Novikov, I.S. Morfotektonika Altaya. – Novosibirsk, 2004.
2. Kalugin, I.A. 3000-letnyaya rekonstrukciya srednegodovihkh temperatur Altajskogo regiona po litologo-geokhimicheskim indikatoram donnihkh osadkov oz. Teleckoe / I.A. Kalugin, A.V. Darjin, V.V. Babich // Dokl. Akademii nauk. – 2009. – № 4. – Т. 426.
3. Vodorosli. Spravochnik / S.P. Vasser [i dr.]. – Kiev, 1989.
4. Diatomovihе vodorosli SSSR (iskopaemihe i sovremennihe). – L., 1974. – Т. I.
5. Selegej, V.V. Teleckoe ozero / V.V. Selegej, T.S. Selegej. – L., 1978.
6. Diatomovihе vodorosli. Opredelitelj presnovodnihkh vodoroslej SSSR / M.M. Zabelina [i dr.]. – M., 1951. – Vihp. 4.
7. Khursevich, G.K. Atlas vidov *Stephanodiscus* i *Cyclostephanos* (Bacillariophyta) iz verkhne-kajnozoyjskikh otlozhenij SSSR. – Minsk, 1989.
8. Hartley, B. An atlas of British diatoms / B. Hartley [et al.]. – Bristol: Biopress Ltd., 1996.
9. Vologina, E.G. Osobennosti osadkonakopleniya v ozere Bajkal v golocene / E.G. Vologina, M. Shturm, S.S. Vorobjeva, L.Z. Granina, S.Yu. Tothakov // Geologiya i geofizika. – 2003. – № 5. – Т.44.
10. Kalugin, I.A. Pavodkovaya periodichnostj osadkonakopleniya v Teleckom ozere, obuslovlennaya regionaljnimi kolebaniyami klimata na yuge Sibiri za poslednie 570 let / I.A. Kalugin, V. Selegej, V. Bobrov, S. Vorobjeva, S. Krivonogov // Problemih rekonstrukcii klimata i prirodnoj sredih golocena i plejstocena Sibiri. – Novosibirsk, 2000. – Vihp. 2.
11. Skabichevskaya, N.A. Diatomei Teleckogo ozera i klimaticheskie rekonstrukcii poslednego tihsyacheletiya // Problemih rekonstrukcii klimata i prirodnoj sredih golocena i plejstocena Sibiri. – Novosibirsk, 2000. – Vihp. 2.
12. Mackay, A.W. 1000 years of climate variability in central Asia: assessing the evidence using Lake Baikal (Russia) diatom assemblages and the application of a diatom-inferred model of snow cover on the lake / A.W. Mackay, D.B. Ryves, R.W. Battarbee, R.J. Flower, D. Jewson, P. Rioual, M. Sturm // Global and Planetary Change. – 2005. Vol. 46. – Is. 1-4.
13. Likhoshvaj, E.V. Raspredelenie diatomovihkh vodoroslej v verkhnem sloe donnihkh otlozhenij ozera Bajkal / E.V. Likhoshvaj, G.V. Pomazkina, A.O. Kostjukovskaya, V.N. Sergeeva, O.V. Levina // Geologiya i geofizika. – 2005. – № 1. – Т. 46.
14. Skabichevskaya, N.A. Sredne-pozdnechetvertichnihe diatomei Prienisejskogo Severa. – M., 1984.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

УДК 504.38; 379.85

Sukhova M.G., Sharabarina S.N. BIOCLIMATE EVALUATION OF LANDSCAPES IN THE NORTHERN ALTAI FOR RECREATION ACTIVITIES. The paper deals with the bioclimatic assessment of landscapes in the northern Altai, the best tourists' developed part of the Altai Mountains. The prospects for the development of tourist and recreation activities within these landscapes were specified based on the categories of bioclimate comfort.

Key words: bioclimate, landscapes, North Altai, recreational nature management.

М.Г. Сухова, д-р географ. наук, доц. ГАГУ, г. Горно-Алтайск, E-mail: mar_gs@ngs.ru;

С.Н. Шарабарина, м.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: sharabarina@iwep.ru

ОЦЕНКА БИОКЛИМАТОВ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ДЛЯ РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Проведена биоклиматическая оценка ландшафтов Северного Алтая – наиболее туристически освоенной части Алтайской горной страны. На основе выделения категорий комфортности биоклимата определены перспективы развития туристско-рекреационной деятельности в пределах конкретных ландшафтных выделов.

Ключевые слова: биоклимат, ландшафты, Северный Алтай, рекреационное природопользование.

Биоклиматология или экологическая климатология определяет биоклимат как метеорологический компонент географической среды, обеспечивающий существование человека и его здоровье. Комфортный биоклимат создает и комфортные возможности для труда, быта и отдыха населения. В России и за рубежом существует большое количество работ по биоклиматической оценке различных территорий [1-5]. Однако чаще всего предлагаемые методики не учитывают ландшафтную структуру и особенности горных регионов.

Алтайская горная страна – крупный туристско-рекреационный регион России, характеризующийся высокой контрастностью ландшафтно-климатических условий. Северный Алтай

(в административном отношении – пограничная территория между Алтайским краем и Республикой Алтай) является наиболее туристически освоенной ее частью с большим количеством планируемых к реализации проектов. Именно в границах Северного Алтая сосредоточены в настоящее время основные субъекты рекреационного природопользования данных регионов. Например, в Алтайском крае четверть коллективных средств размещения находится в пределах рассматриваемой территории, в т.ч. 100% пансионатов, 82% турбаз и 31% санаторно-курортных организаций края [6]. В Республике Алтай 70% туристского потока приходится на Майминский, Чемальский и Турочакский районы [7], здесь же расположены 45% туристских предприятий и организаций республики [8].

Перспективность развития рекреации [9-10] определяет потребность/актуальность оценки эколого-климатического потенциала ландшафтов для разработки рекомендаций по использованию природно-климатических ресурсов с целью оптимизации рекреационного природопользования.

Типизация ландшафтов Алтая, проведенная Г.С. Самойловой [11], показывает, что в зависимости от влияния орографических систем на трансформацию общециркуляционных процессов здесь выделяется пять физико-географических провинций: Северная Алтайская, Северо-Восточная Алтайская, Центральная Алтайская, Восточная Алтайская, Юго-Восточная Алтайская.

В ландшафтной структуре Северного Алтая 61% территории занимают лесные, лесостепные и степные низкогорья, 36% – лесные и лесостепные среднегорные ландшафты, 1,2% – высокогорья и 1,8% – долины рек.

Северная Алтайская провинция характеризуется довольно теплым умеренно-влажным климатом с годовым количеством осадков 500-700 мм. В формировании климатов долин большую роль играют фены. Для зимы характерна высокая изменчивость погоды, в январе индекс изменчивости – 50-52%. В июле изменчивость погоды понижается до 35-37%. Средняя температура января – от –12 до –17°C, июля – от +14 до +19°C [12].

Для оценки природно-климатических ресурсов Северного Алтая в рекреационных целях применялась авторская методика оценки биоклиматов ландшафтов [13]. В качестве основных показателей использованы классы погоды момента, выделенные в соответствии с методикой В.И. Русанова [4-5], которая, на наш взгляд, наиболее полно отвечает требованиям, предъявляемым к биоклиматической оценке изучаемой территории, учитывает температуру и влажность воздуха, нижнюю облачность и скорость ветра.

Для интегральной оценки биоклиматов ландшафтов классы погод объединены в группы погод, вызывающих различную

степень напряжения систем терморегуляции организма человека: с благоприятной погодой, относительно благоприятной, неблагоприятной, крайне неблагоприятной. Благоприятные погоды соответствуют оптимальным условиям климатотерапии, рекреации и труда на открытом воздухе. Экстремальные или крайне неблагоприятные погоды вызывают чрезмерное напряжение систем терморегуляции организма человека. Показателем благоприятности биоклиматических условий (ПББКУ) является коэффициент, представляющий отношение повторяемости благоприятных для организма человека погод к общему числу дней в периоде (месяце, сезоне) [13].

В качестве критериев степени комфортности биоклиматов ландшафтов приняты: дефицит тепла в организме человека в июле, условная температура января, величина атмосферного давления, ПББКУ в январе и июле. На основании указанных показателей определены категории комфортности биоклиматов ландшафтов: экстремальный, остро дискомфортный, дискомфортный, умеренно дискомфортный, умеренно комфортный и комфортный биоклимат [13].

Оценка биоклиматов ландшафтов Северного Алтая (рис. 1, таблица 1) показала, что более половины площади территории (63%) характеризуется умеренно комфортным биоклиматом в холодный период и комфортным – в теплый. 32% территории обладает умеренно дискомфортным биоклиматом в холодный период и дискомфортным – в теплый, и лишь менее 1% территории Северного Алтая отличается экстремальным биоклиматом в холодный период и остро дискомфортным – в теплый.

Таким образом, оптимальные биоклиматические условия (категории биоклимата 4-6) для жизнедеятельности населения и рекреационного природопользования характерны для низкогорных ландшафтов и долин рек (Катунь, Песчаная, Ануй и др.). Это северная, центральная и восточная части Северной Алтайской провинции.

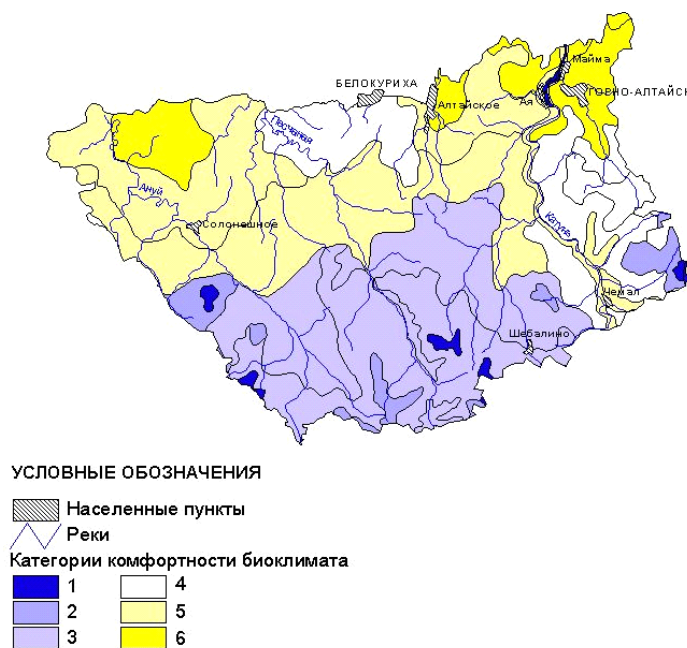

Рис. 1. Биоклиматическая оценка ландшафтов Северного Алтая (категории комфортности биоклимата – таблица 1)

Таблица 1

Площадное распространение категорий комфортности биоклимата Северного Алтая

Категории комфортности биоклимата	Площадь, га	Доля от общей площади, %
1 – зимой экстремальный, летом – остро дискомфортный	12092,1	0,9
2 – зимой остро дискомфортный, летом – умеренно дискомфортный	55395,2	4,2
3 – зимой умеренно дискомфортный, летом – дискомфортный	427818,3	32,2
4 – зимой умеренно дискомфортный, летом – умеренно комфортный	209991,1	15,8
5 – зимой умеренно комфортный, летом – комфортный	493614,1	37,1
6 – зимой комфортный, летом – комфортный	130795,2	9,8
<i>Итого</i>	<i>1329706</i>	<i>100</i>

Зимой для данной территории характерны фены. Средняя температура января в долинах рек от -10 до -14°C . Жесткость биоклимата по Бодману 1-2 балла, что соответствует мягкой зиме, в отдельные годы « мало суровой. Повторяемость погоды благоприятной для организма человека 115-120 дней, погоды очень суровой почти не наблюдается. ПБКУ 0,75-0,80.

Летом комфортная погода составляет 35-40 %, жаркая 20-25 %. Очень жаркая сухая и очень жаркая влажная 6-8 дней. Средняя температура июля $18-20^{\circ}\text{C}$, сумма температур выше 10°C « 1900-2000 $^{\circ}\text{C}$, продолжительность безморозного периода 120-130 дней. В течение года средняя повторяемость погоды, вызывающей минимальное напряжение систем терморегуляции 220-230. Следовательно, как зимой, так и летом биоклимат низкорных ландшафтов Северного Алтая комфортный.

В зоне комфортного биоклимата располагаются город-курорт федерального значения Белокуриха, функционирующий на радоновых источниках, и горно-климатический курорт Чемал регионального значения. Высокий природно-климатический потенциал для восстановления здоровья людей позволит в перспективе значительно расширить сеть здравниц различного профиля, например, в Алтайском крае большое внимание уделяется развитию перспективного курорта «Белокуриха-2», в Республике Алтай планируется строительство горно-климатического курорта «Золотое озеро».

Помимо климатолечения низкорных ландшафты Северного Алтая и долины рек обладают высоким рекреационным потенциалом для развития различных видов туризма: пешего, водного, конного, экскурсионного и др., а их биоклиматические особенности обуславливают возможность развития зимних видов отдыха, что особенно перспективно ввиду сезонности предлагаемых туристических услуг в настоящее время. Работа в данном направлении уже ведется, в т.ч. путем придания данной территории статуса особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ). В Алтайском крае в пределах Северной Алтайской провинции функционирует ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая

Катунь», в Республике Алтай ОЭЗ «Долина Алтая» только начинает формироваться.

Высоким рекреационным потенциалом обладают и среднегорные лесные ландшафты Северного Алтая несмотря на дискомфортный биоклимат. Туристов в первую очередь привлекают ненарушенность и первозданность природы. Здесь перспективно развитие пешего, конного туризма, горнолыжного спорта и частично альпинизма. В настоящее время стационарные туристические объекты в данной зоне располагаются в долинах рек, и число их незначительно. Это туристические базы, кемпинги и сельские усадьбы.

В высокогорьях с экстремальным и остро дискомфортным биоклиматом возможно развитие альпинизма, но здесь не рекомендуется длительное пребывание людей из-за высоких нагрузок на организм человека (низкие температуры, разреженный воздух, сильные ветры и др.).

Таким образом, оценка биоклиматов ландшафтов Северного Алтая показала значительную дифференциацию данной территории по степени комфортности климата. Наилучшими эколого-климатическими показателями обладают ландшафты низкорных и долин рек. Здесь оптимальные условия для климатолечения и других видов рекреационной деятельности. Центральная и юго-западная части провинции со среднегорьями и высокогорьями менее привлекательны для развития туризма с позиции воздействия погодно-климатических факторов на организм человека. Здесь возможно развитие экстремальных видов спорта. В целом проведенный анализ особенностей рекреационного природопользования в пределах Северного Алтая позволяет говорить о недостаточном использовании его природно-климатического потенциала для организации лечебно-оздоровительной рекреации. Реализация намеченных перспективных проектов («Белокуриха-2» и др.) будет способствовать расширению спектра оказываемых туристско-рекреационных услуг, в т.ч. возможностей климатолечения на рассматриваемой территории.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 13-05-90706.

Библиографический список

1. Айзенштат, Б.А. Тепловой баланс и микроклимат основных ландшафтов Средней Азии и некоторые вопросы биоклиматологии: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 1969.
2. Исаев, А.А. Экологическая климатология. – М., 2003.
3. Прохоров, В.В. Географические аспекты здоровья населения регионов России в сравнении с другими странами мира / В.В. Прохоров, В.С. Тикунов // Вестник Моск. ун-та. – 2001. – № 5. – Сер. География.
4. Русанов, В.И. Методы исследования климата для медицинских целей. – Томск, 1973.
5. Русанов, В.И. Биоклимат Западно-Сибирской равнины. – Томск, 2004.
6. Деятельность коллективных средств размещения по муниципальным районам и городским округам Алтайского края за январь-сентябрь 2008 г.: стат. бюл. – Барнаул, 2008.
7. Государственная программа Республики Алтай «Развитие внутреннего и въездного туризма» (2012).
8. Крупные инвестиционные проекты Республики Алтай // Официальный интернет-портал Республики Алтай [Э/п]. – Р/д: <http://www.altai-republic.ru/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=264&page=1>.
9. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года (2007).
10. Стратегия социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2028 года.
11. Самойлова, Г.С. Ландшафтная структура физико-географических регионов Алтае-Саянской страны // Сб. Московского общества испытателей природы. Землеведение. – М., 1990. – Т. XVII.
12. Сухова, М.Г. Биоклиматические условия жизнедеятельности человека в Алтае-Саянской горной стране. – Томск, 2009.
13. Сухова, М.Г. Климаты ландшафтов Горного Алтая и их оценка для жизнедеятельности человека / М.Г. Сухова, В.И. Русанов. – Новосибирск, 2004.

Bibliography

1. Ajzenshtat, B.A. Teplovoj balans i mikroklimat osnovnihkh landshaftov Sredney Azii i nekotorihe voprosih bioklimatologii: avtoref. dis. ... d-ra geogr. nauk. – M., 1969.
2. Isaev, A.A. Ehkologicheskaya klimatologiya. – M., 2003.
3. Prokhorov, V.V. Geograficheskie aspektih zdorov'ya naseleniya regionov Rossii v sravnenii s drugimi stranami mira / V.V. Prokhorov, V.S. Tikunov // Vestnik Mosk. un-ta. – 2001. – № 5. – Ser. Geografiya.
4. Rusanov, V.I. Metodih issledovaniya klimata dlya medicinskikh celey. – Tomsk, 1973.
5. Rusanov, V.I. Bioklimat Zapadno-Sibirskoy ravnin. – Tomsk, 2004.
6. Deyatel'nost' kolektivnihkh sredstv razmesteniya po municipal'nim rayonam i gorodskim okrugam Altaj'skogo kraya za yanvarj-sentyabrj 2008 g.: stat. byul. – Barnaul, 2008.
7. Gosudarstvennaya programma Respubliki Altajj «Razvitie vnutrennego i vjhezdnogo turizma» (2012).
8. Krupnie investitsionnie proektih Respubliki Altajj // Oficial'nijhij internet-portal Respubliki Altajj [Eh/r]. – R/d: <http://www.altai-republic.ru/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=264&page=1>.
9. Strategiya socialjno-ehkonomicheskogo razvitiya Altaj'skogo kraya na period do 2025 goda (2007).
10. Strategiya socialjno-ehkonomicheskogo razvitiya Respubliki Altajj na period do 2028 goda.
11. Samojlova, G.S. Landshaftnaya struktura fiziko-geograficheskikh regionov Altae-Sayanskoy stranij // Sb. Moskovskogo obhtestva ispihtateley prirodih. Zemlevedenie. – M., 1990. – T. XVII.
12. Sukhova, M.G. Bioklimaticheskie usloviya zhiznedeyatel'nosti cheloveka v Altae-Sayanskoy gornoy strane. – Tomsk, 2009.
13. Sukhova, M.G. Klimatih landshaftov Gornogo Altaja i ikh ocenka dlya zhiznedeyatel'nosti cheloveka / M.G. Sukhova, V.I. Rusanov. – Novosibirsk, 2004.

Статья поступила в редакцию 20.11.13

Раздел 12

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ

Редактор раздела:

НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА КУЛИКОВА – кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

УДК 378

Dobrynia Yu. M., Khachaturova A.A. CONDUCTING SEMINARS IN THE STUDY OF BIOLOGICAL DISCIPLINES.

The article discusses the importance of seminars on biological specialties in the North Caucasian Federal University.
Key words: seminar, biological disciplines, SCFU.

Ю.М. Добрыня, магистрант 2 курса по направлению «Биология» Института живых систем ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», E-mail: dobruniajulia@rambler.ru; **А.А. Хачатурова**, магистрант 2 курса по направлению «Биология» Института живых систем ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», E-mail: dobruniajulia@rambler.ru; научный руководитель: **Ю.В. Сорокопуд**, д-р пед. наук, проф. Института образования и социальных наук ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет».

ПРОВЕДЕНИЕ СЕМИНАРОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В статье показан опыт организации семинарских занятий на биологических специальностях в Северо-Кавказском Федеральном университете.

Ключевые слова: семинар, биологические дисциплины, СКФУ.

Семинар можно отнести к одной из основных форм обучения в высшей школе. Он одновременно является одним из наиболее сложных видов педагогического действия. Семинарское занятие применяется для коллективного обсуждения тем учебной дисциплины, усвоение которых определяет качество профессиональной подготовки. Для семинара характерен непосредственный контакт преподавателя со студентами, и первая его задача в этом случае – установление доверительного общения, создание атмосферы совместного творчества. Именно на семинаре раскрываются сильные и слабые стороны в подготовке студентов. Главная задача – научить студента закреплять, генерировать знания, полученные на лекциях и уметь правильно их подать.

В преподавании биологических дисциплин студентам Северо-Кавказского Федерального университета чаще всего используются следующие формы семинарских занятий: 1) классические (проблемный семинар, тематический семинар, семинар-консультация); 2) коммуникативно-диалоговые (круглый стол, диспут, дискуссия); 3) проблемно-поисковые (семинар-исследование, видеопрактикум, интервью-диалог с приглашением «гостевых профессоров», учёных-специалистов, практиков, рабо-

додателей; 4) информационные (интернет-конференция, вебинар – «виртуальный семинар»). Семинары в СКФУ многопрофильны в пределах одной дисциплины, практико-ориентированы и имеют прикладной характер. Подготовка семинарских занятий на биологических специальностях имеет свою специфику. Она требует от студентов не только освоения терминологии конкретной дисциплины, но и четкого понятия межпредметных связей, приобретения навыков выступления перед аудиторией, умения правильно мыслить. В процессе подготовки к семинару закрепляются и уточняются уже известные и осваиваются новые практики – ориентированные знания, определяются профессиональные компетенции. Огромное значение имеют семинарские занятия, проведённые на интерактивной основе, так как они формируют комплекс навыков будущих специалистов. Особенно это актуально при подготовке будущих преподавателей высшей школы [1; 2; 3] Многие студенты продолжают научные работы и идут на следующие ступени высшего образования, с целью и дальше продолжать научную деятельность или найти призвание на высокотехнологичном производстве. Именно здесь во многом помогают практические семинары-консультации, занятия, проводимые на предприятиях и в лабораториях.

Библиографический список

1. Сорокопуд, Ю.В. Подготовка преподавателей высшей школы в процессе реализации ФГОС ВПО нового поколения // Вестник Университета (ГУУ). – 2012. – № 6.
2. Сорокопуд, Ю.В. Детерминанты модернизации профессиональной подготовки преподавателей высшей школы России // Мир образования – образование в мире – М., 2010. – № 1(37).
3. Сорокопуд, Ю.В. Новые требования к подготовке преподавателей высшей школы в контексте современных образовательных реалий // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №4 (41).

Bibliography

1. Sorokopud, Yu.V. Podgotovka prepodavateley vshshey shkolih v processe realizacii FGOS VPO novogo pokoleniya // Vestnik Universiteta (GUU). – 2012. – № 6.
2. Sorokopud, Yu.V. Determinantih modernizacii professional'noy podgotovki prepodavateley vshshey shkolih Rossii // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire – M., 2010. – № 1(37).
3. Sorokopud, Yu.V. Novih trebovaniya k podgotovke prepodavateley vshshey shkolih v kontekste sovremennihk obrazovatel'nykh realiy / Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2013. – №4 (41).

Статья поступила в редакцию 30.10.13

УДК 378

Zelenina D.E. MODEL OF FORMATION OF DESIGN CULTURE OF STUDENTS OF HUMANITARIAN TECHNICAL COLLEGE. In article questions of development of model of formation of design culture of students are considered
Key words: model, design culture, design design.

Д.Е. Зеленина, студентка 5 курса инженерно-педагогического факультета ГАОУ ВПО «Невинномысский гос. гуманитарно-технический институт», E-mail: filimonuk.l@rambler.ru; научный руководитель:

Л.А. Филимонюк, д-р пед. наук, проф. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский гос. университет», ГАОУ ВПО «Невинномысский гос. гуманитарно-технический институт»

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье рассматриваются вопросы разработки модели формирования проектной культуры студентов
Ключевые слова: модель, проектная культура, дизайн-проектирование.

Анализ исследований проблемы педагогического проектирования и проектной культуры [1] дал нам основания для построения модели процесса формирования проектной культуры студентов гуманитарно-технического вуза. В основу модели были заложены принципы культуросообразности, комплексности и социальности; использованы личностно-деятельностный и системный подход к образованию и воспитанию.

Педагогический анализ проблемы и опыт педагогических исследований, позволил выделить характеристики стадий процесса формирования проектной культуры студентов и его функциональные уровни. Целевой комплекс модели отражает прогнозируемые результаты процесса формирования проектной культуры студентов. Структура содержания имеет обязательный минимум дидактических единиц, интегрирующих тематику теоретического, практического и контрольного учебного материала. Теоретический материал способствует расширению знаний по теории дизайна и проектной деятельности, ориентирует на формирование научного мировоззрения, единство научно-практических знаний. Практические задания направлены на освоение теоретического материала; формирование проектировочных умений, а также умений и навыков при работе с различными графическими и живописными материалами и техниками; освоение алгоритма проектной деятельности; умение применять знания в профессиональной деятельности. Формы и методы организации обучения и практики адекватны возрастным особенно-

стям студентов, их личностному развитию, творческой деятельности дизайн-проектирования.

Основанием процесса формирования проектной культуры является субъектная позиция студента, которая подразумевает личностную значимость для студента процесса и результатов проектирования, его творческую активность в проектной деятельности. Динамическая природа процесса формирования проектной культуры студента рассматривалась нами как поэтапный переход из одного состояния в другое, отличающееся своими функциями в решении задач становления личности студента.

Оценка уровня сформированности основ проектной культуры студентов (репродуктивный, конструктивный, творческий), проводилась по критериям, которые отражают характеристику компонентов проектной культуры студента (социально-целевого, интеллектуального, действенно-волевого, нравственно-оценочного). По результатам исследования мы констатировали существенный рост уровня сформированности проектной культуры у студентов экспериментальных групп: 1 (репродуктивный) уровень – 38,14% экспериментальная группа, и 60,21% – контрольная группа, 2 (конструктивный) уровень – 22,53% экспериментальная группа и 35,36% – контрольная группа, и 3 (творческий) уровень – 39,33 % экспериментальная группа и 4,43% контрольная группа.

Обобщение материалов исследования позволило сделать вывод о продуктивности разработанной модели формирования проектной культуры студентов гуманитарно-технического вуза.

Библиографический список

1. Филимонюк, Л.А. Становление профессиональной культуры студентов через реализацию социально-педагогических проектов // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3(40).

Bibliography

1. Filimonjuk, L.A. Stanovlenie professional'noj kul'turij studentov cherez realizaciju social'no-pedagogicheskikh projektov // Mir nauki, kul'turij, obrazovaniya. – 2013. – № 3(40).

Статья поступила в редакцию 10.10.13

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	2
ОТ РЕДАКТОРА	3

ЭКОНОМИКА

Е.А. Орлова УЧЕТНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЦЕЛЯХ НАЛОГОВОГО УЧЕТА	5
А.Д. Котенев ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВНЕШНЕ-ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	7
Д.С. Тагавердиева РАЗВИТИЕ ФОНДОВОГО РЫНКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РЕГИОНА	9
Е.А. Музиковский, Е.А. Орлова ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	11
В.В. Евдошенко ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРАРНОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИХ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ	13
Н.Н. Куницына, Д.В. Глухова РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АНТИКРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ..	15
С.В. Сажнева, В.Н. Рябов МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ ЮГА РОССИИ	20
И.Н. Сычева, Ю.А. Тихомирова НАЛОГОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ	21
Е.А. Филатов ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ СОБСТВЕННОГО КАПИТАЛА ПО МЕТОДАМ ФИЛАТОВА	24
Е.Н. Куш, М.Ф. Кобылатова ПАТЕНТНАЯ СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ДОСТОИНСТВА, НЕДОСТАТКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	29
А.А. Соколова РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА	31
Г.И. Хохлова, Д.Р. Окладникова ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИИМАТЕЛЬСТВА И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЕЕ РАЗВИТИЕ	36
Н.С. Чернышова, С.А. Боголюбова ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ...	42
<u>ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ</u>	
П.В. Станкевич, А.А. Богданов, Н.В. Авдеева ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	46

Е.В. Долинский ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ СРЕДСТВАМИ ИНФОРМАЦИОННО-КОМУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	49
Н.И. Евсюкова КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ КАК ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ ...	52
М.А. Еремеевский О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ ЮГРЫ	55
Т.П. Жуйкова ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	57
Л.Ю. Кошелева ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВКУСА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ	58
А.М. Курбанова КУРСЫ ПО ВЫБОРУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПО ПРОФИЛЮ «ПРАВО И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»	61
О.В. Мишуненкова ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ БАКАЛАВРОВ ТУРИЗМА И ИХ ФОРМИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ	63
И.В. Насикан МЕТОД ВАРЬИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЗАДАЧ НА РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ	65
А.Д. Сидорова РАЗРАБОТКА КОНСТРУКТА МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ «КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ»	67
Л.А. Шалимова СИНЕСТЕЗИЯ ЦВЕТА В РЕКЛАМЕ ..	70
Т.Н. Шалкина, Д.Р. Николаева ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ МНОГОУРОВНЕВЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЗАДАЧ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ИТ-НАПРАВЛЕНИЯ	73
Т.А. Швалева ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИГР В СОХРАНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ	78
А.В. Коуров ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ «САМОРАЗВИТИЕ»	81
И.М. Истомина ВИРТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ	83
А.А. Коробченко РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ ЛЕКЦИЙ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)	84
Л.Т. Зембатова БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	86
А.А. Ниязова, Э.Ф. Садыкова ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	89
Е.Н. Романова СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР РИСКА ДЕЛИКВЕНЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	92
К.И. Султанбаева ОТНОШЕНИЕ Н.Ф. КАТАНОВА К ПРАВОСЛАВИЮ	94
И.И. Черкасова РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИЙ УЧИТЕЛЯ	96
А.И. Шлыкова МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИКТ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»	100
А.Г. Кириллов КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	102
М.Х. Богатырева О НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ	107
И.Г. Лаптев ФАСИЛИТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ	109
Е.С. Новикова ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ	112
Е.В. Олександренко ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ..	114
О.В. Чупеева ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО БУХГАЛТЕРА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИЙ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ	118
А.Б. Шихмурзаева, Т.Г. Везиров ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В РАЗВИТИИ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ОБРАЗОВАНИЯ	122
Н.Д. Калина КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРА ДИЗАЙНА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «РИСУНОК»	123
Ф.Н. Алипханова, З.А. Маллаева СОБЛЮДЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ РЕБЕНКА В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ	128
Е.Н. Букреева ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	

ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ НА СЕВЕРНОМ КAVКАЗЕ В ПЕРИОД 1917–1940 ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)	129
И.В. Клочко ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	131
Е.Ю. Костин ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ, ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ С ДЕТЬМИ СО СЛОЖНОЙ СТРУКТУРОЙ ДЕФЕКТА134	
Т.Т. Лу К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ	136
Н.А. Нарыкова, М.А. Тихоненко ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ	137
Н.Ф. Петрова РОЛЬ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	139
М.В. Поплавская ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМУ САМОРАЗВИТИЮ	140
Е.Н. Хадикова, Ю.В. Сорокопуд РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ МАГИСТРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»	143
И.В. Швецова ВОЗДЕЙСТВИЕ «СРЕДЫ» И «СРЕДСТВА» НА РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ДОСУГОВОЕ ВРЕМЯ	145
Т.А. Векоецева МНОГООБРАЗИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РОЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА	147
Л.Г. Карпова УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	150
И.С. Кобозева, Л.Г. Карпова ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ...	152
Е.Р. Сизова, Н.Ю. Кучер КОММУНИКАТИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНОЕ КАЧЕСТВО МУЗЫКОВЕДА	155
И.В. Неболюбова, С.Г. Ежов ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНО-ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ	157
И.Э. Рахимбаева ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	159
С.В. Олефир ЛИЧНОЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ШКОЛЬНИКА И РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ЕГО РАЗВИТИИ	162
Н.П. Фирсова АКТИВИЗАЦИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	164
О.Р. Ворошнина ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕДОНОШЕННЫХ МЛАДЕНЦЕВ С МАТЕРЯМИ	166
А.А. Данилова МОДЕЛЬ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ДЕЛОВЫХ ИГР ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ	169
А.А. Дятлова, Ю.М. Ротэрян, В.С. Чернявская ХАРАКТЕРИСТИКИ МОТИВАЦИИ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ...	172
Е.В. Жихарева, Е.В. Маликова ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ ДЕВОЧЕК И МАЛЫШКОВ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	174
С.А. Кодзоков УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ КУРСАНТА ВУЗА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ В ПРОЦЕССЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	176
С.В. Кривых, Л.А. Касиманова ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ЛИЧНОСТЬ	179
М.Ю. Ляпина МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ ВОСПИТАНИЦ КАДЕТСКИХ ШКОЛ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ МУЗИЦИРОВАНИЮ НА ФОРТЕПИАНО И СИНТЕЗАТОРЕ ..	181
В.В. Мазелис РАЗВИТИЕ У БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ «ВРАЧ-БОЛЬНОЙ»	183
Е.В. Меркель ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	185
С.С. Мнайдарова МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	189
Д.В. Викторев АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РИСКА СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ	191
И.Р. Гумашвили ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ	194
Т.В. Ибрагимова, Н.У. Ярычев ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ЭКОЛОГО-ПРОСВЕТИ-	
ТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШКОЛЕ	197
Д.Ф. Ильясов, О.А. Ильясова БЕНЧМАРКИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НЕПРЕРЫВНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ПЕДАГОГОВ ОБЩЕ-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ	199
Э.Б. Насеретдинова МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	202
Е.Ю. Базылева, В.В. Соболюнников ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АУТОДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ АФФЕКТИВНОМ СУИЦИДЕ	205
Л.Б. Трегубова МАРКЕТИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА	208
В.В. Коваль, И.Ю. Радионова ПОДРОСТКИ «ГРУППЫ РИСКА»: ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ	209
Е.С. Ларина, В.В. Коваль ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К РЕБЕНКУ С СЕНСОРНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ	211
Е.Б. Манузина, Е.Э. Норина ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИННОВАЦИОННО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОМ РЕГИОНЕ	213
Т.В. Захарова КВАЗИПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	215
И.Н. Чичканова, Т.Н. Зотова АДАПТАЦИЯ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ	217
Е.П. Пескова, В.В. Коваль ТРЕНИНГ СЕНЗИТИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПАТИЙНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	219
Н.И. Трубникова, В.Е. Трубников УРОВНИ ЖИЗНЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА	221
Л.Г. Куликова, В.М. Лопаткин РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ В СИСТЕМЕ УЧЕБНО-НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА	225
А.Д. Абашина, П.А. Шептенко КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ И ИХ СЕМЬЯМИ	227
Д.В. Дьякова СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОГО ВУЗА НА АЛТАЕ	231
С.В. Колесова ПОЗИТИВНАЯ ПЕДАГОГИКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	234

М.А. Никитина ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬ- НОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ ПОСРЕДСТВОМ КЕЙС- МЕТОДА 237	Е.Х. Наскидаева АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОЛИМ- ПИЙСКИХ ИГРАХ АНТИЧНОСТИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕС- КОЙ КУЛЬТУРЫ» В СТУДЕНЧЕСКОМ НАУЧНОМ КРУЖКЕ 271	ФИЛОЛОГИЯ
Е.С. Сухотерина ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ ... 241	Р.В. Опарин, В.А. Никитин, Д.А. Никитина УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ИЗУЧАЯ ПЛАНЕТУ 3D» КАК ИННОВА- ЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ XXI ВЕКА 273	Б.М. Анабилова НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕ- МЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ГАДЖИ АРИПОВА 312
В.С. Космин СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДИСЦИПЛИНЕ НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ ... 243	Л.И. Уколова ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВА- ТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ПРОЦЕСС ВОСПИТАНИЯ РАСТУЩЕГО ЧЕЛОВЕ- КА 274	А.А. Гетман КОНЦЕПТ «БОГАТСТВО» В АНГЛИЙС- КОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА 313
Н.Г. Батечко АКМЕСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ МАГИСТРАТУРЫ 246	А.А. Фомина НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА 276	А.А. Гетман ПАРЕМИИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «БЕДНОСТЬ» 316
Д.Р. Гареев СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНДИВИДУ- АЛЬНОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕГУНОВ 17-18 ЛЕТ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ В УЧЕБНО-ТРЕНИРО- ВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ 249	Э.Р. Успек ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РЕАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУР- НОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 280	С.В. Гричин АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ В АСПЕКТЕ АВТОРИЗАЦИИ 320
Л.А. Деминская УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕ- ЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ОСНОВЕ АКСИОЛО- ГИИ 251	Л.П. Айкина МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИ- ТИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНО- СТИ 282	А.А. Гетман КОНЦЕПТЫ «БОГАТСТВО» И «БЕД- НОСТЬ» В XXI В. (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ- ИСТОЧНИКОВ) 324
О.В. Журавлева СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕ- ДЕЛЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ- СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В УСЛОВИ- ЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА 255	О.П. Кутькина РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕ- НИЯ СРЕДСТВАМИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ 286	М.Я. Добря ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В ЭЛОКУТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ 329
М.Г. Чухрова, И.Э. Соколовская, И.С. Карпова, С.В. Пронин, Н.В. Рыбальчук, В.Э. Иванова ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ЛИЦ С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В РЕАБИЛИТАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ИЛИ ОТВЕР- ЖЕНИЕМ РЕЛИГИИ 258	Н.А. Гекман ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАН- ТЫ ИГРЫ КАК ОСНОВА РАЗРАБОТКИ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ «ИГРОВОЙ РИТУАЛ» 288	Т.С. Кушт ИЗУЧЕНИЕ ЖАНРОВ КОМПЬЮТЕРНО- ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКА- ЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕН- НОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 331
Ф.Г. Мухаметзянова, Н.С. Красненкова СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬ- НО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕН- ТНОСТИ РАБОТНИКОВ БАНКА КАК СУБЪЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 261	А.С. Фролова ОПТИМИЗАЦИЯ ДОСУГА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРА- ЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬ- НЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ДОСУГА 291	Ж.С. Казанджан ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБУЧЕНИЮ УСТНОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО 334
Д.А. Абдуллаев, Т.Г. Везиров ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ПО ПРОФИЛЮ «МАТЕМАТИКА» 262	В.А. Андрейчук «АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕАТР» ЕЖИ ГРОТОВСКОГО КАК ЭВОЛЮЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ 294	А.Т. Шамигулова СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕ- НОСТИ ЛЕКСИКИ ОДЕЖДЫ И УКРА- ШЕНИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ .. 336
О.В. Грибкова МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫ- ШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА- МУЗЫКАНТА 264	А.А. Холодных ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЧАСТЕЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕ- НИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ США 297	Н.Г. Камынина, А.В. Попов НАРУШЕНИЯ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ 337
С.С. Ичитовкин, Т.Л. Лопуха СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ ВОСПИТА- НИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАН- ТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ 266	В.С. Чернявская, В.Р. Малахова МЕТАКОМПЕТЕНЦИИ ЛИЧНОСТИ – ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ 302	Е.Ю. Филиппова ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВА- НИЕ АКЦЕНТНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В НАЧАЛЬНОЙ ФОРМЕ ИМЕН СУЩЕ- СТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА 340
В.Л. Разгонов, А.Д. Лопуха ФОРМИРОВАНИЕ ОБОРОННОГО СОЗНАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ . 268	А.И. Юдина ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАК ИНТЕРАКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА 304	И.В. Грекова ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТОГО 341
	А.В. Кирпичникова ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРА КОМПЕ- ТЕНЦИЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕ- НИЯ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ 081100 ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬ- НОЕ УПРАВЛЕНИЕ) 307	М.Г. Шкуропацкая МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СИС- ТЕМНОЙ И ЭМПИРИЧЕСКОЙ РЕАЛИ- ЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА В УЗАУЛЬНОЙ И ПОТЕНЦИАЛЬ- НОЙ ЛЕКСИКЕ 343
	М.В. Щербакова ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ 309	И.Т. Дильмухаметов ФОРМИРОВАНИЕ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРА- ТУРЕ 345
		А.Х. Даветкулов РОЛЬ ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАШКИР В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИ- ЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ 347
		Е.С. Дьячкова ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОЛУСУФФИКСАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРИЯДЕРНУЮ ЗОНУ И ПЕРИФЕРИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ПОЛУСУФФИКСОВ 350

Г.Н. Кильмакова КАРТИНА МИРА ДРЕВНИХ БАШКИР В ЭПОСАХ О ЖИВОТНЫХ 352	И.С. Карабулатова, Р.Р. Замалетдинов, Е.А. Федорова, Ф.С. Сайфулина ЛИНГВОМИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРО- СТРАНСТВО ТОПОНИМА «СИБИРЬ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ 397	XX В., КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ 431
М.В. Мурзабулатов ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРС- КИХ ЭПОСОВ 354	О.И. Плешкова РОМАН Ю.Н. ТЫНЯНОВА «ПУШКИН» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ 401	Э.П. Дворников КОСМОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ 433
Р.Р. Баязитова ИСТОКИ ЭТНОЭТИКЕТА БАШКИР В ЭПОСЕ «УРАЛ-БАТЫР» 356	А.В. Шунков «ПЕРЕХОДНЫЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВА- НИЯ ПРОБЛЕМЫ 404	Н.С. Модоров, Р.В. Мезенцев, Д.И. Шкуратова РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1917-1940 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЯ) 435
А.А. Рябова, Д.Н. Жаткин ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КРИС- ТОФЕРА МАРЛО В ЛИТЕРАТУРОВЕД- ЧЕСКИХ И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ТРУДАХ А.А. АНИКСТА 359	А.Я. Салчак, А.В. Байыр-оол ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ТУВИНСКО- ГО ЯЗЫКА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ 408	А.Ю. Москвин ЭВОЛЮЦИЯ РАСЧЕТНО-ГРАФИЧЕС- КИХ МЕТОДОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В 19 ВЕКЕ 437
Н.Д. Сувандии СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ ТУВИНС- КОГО ЯЗЫКА 362	<u>ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ</u>	
М.А. Тихоненко, Н.А. Нарыкова ТЕРМИН В СВЕТЕ ДИСКУРСИВНО- КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ 364	О.А. Кулигина ВЗАИМОСВЯЗЬ И СООТНОШЕНИ ПРИРОДНОГО И АРХИТЕКТУРНО- ПРОСТРАНСТВЕННОГО МОДУЛЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДОВ ЗАПАД- НОЙ СИБИРИ 410	К.А. Карнаухов СОВЕТСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМА- ЦИИ ОБ ИНЦИДЕНТЕ С ПОДВОДНОЙ ЛОДКОЙ «ORZEL» И ЕГО РОЛИ В СБЛИЖЕНИИ СССР И СТРАН БАЛТИИ 441
Е.О. Блинова «РУССКИЙ ИНОК» ДОСТОЕВСКОГО КАК МЕТАЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: БЕЛЛЕТРИСТИКА ИЛИ БОГОСЛОВИЕ? 366	Ю.И. Тарасова АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕН- НАЯ КОМПОЗИЦИЯ ДОХОДНЫХ ДОМОВ В СИСТЕМЕ ЗАСТРОЙКИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 411	В.Г. Шматов РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В «ОЗДОРОВЛЕНИИ» СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПРОВИН- ЦИИ СИНЬЦЗЯН (1934-1937 ГГ.) 444
А.С. Кызласов, З.Е. Каскаракова О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КЫЗЫЛЬ- СКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА 369	И.В. Шестакова ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «ДЕРЕ- ВЕНСКОГО» КИНЕМАТОГРАФА В. ШУКШИНА: ФИЛЬМ «ВАШ СЫН И БРАТ» 413	О.С. Домогащев ЗАРОЖДЕНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ В РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ В 60-70-Е ГГ. XX В. 446
Н.С. Майнагашева О ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКОГО ПЕРЕВО- ДА В СОВРЕМЕННОЙ ХАКАССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 370	Н.А. Равчеева ПРОФЕССИЯ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА: К ИСТОКИАМ 415	А.М. Исмаилов ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И РЕГИОНАЛЬ- НОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 448
Л.С. Мижит ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОРМУЛЫ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ 373	Л.И. Нехядович ЭТНОИСКУССТВОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУР- НЫХ ТРАДИЦИЙ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬ- НОМ ИСКУССТВЕ 417	И.В. Чиркунов СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУСТАР- НЫХ ПРОМЫСЛОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVI-XIX ВВ. 450
О.В. Никифорова НОМИНАЦИИ ОБРЯДОВЫХ ПРИЧИТА- НИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОД- СКИХ ГОВОРОВ) 377	Л.В. Шокорова, Л.Н. Турлюн ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИОННОЙ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ С КОМПЬЮТЕРНЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ 420	И.В. Куприянова БЕСПОПОВСКИЕ СТАРООБРЯДЧЕ- СКИЕ КОНФЕССИИ АЛТАЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. 452
А.М. Соян МЕСТОИМЕННЫЕ СКРЕПЫ С НАРЕЧНЫМИ ПОСЛЕЛОГАМИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ 378	М.А. Бойченко ОБРАЗЫ КЛАССИЧЕСКОГО ХУДОЖЕ- СТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕ- МЕННОМ ИСКУССТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 422	К.Ю. Маркова РЕЗНАЯ ГЛИНА КАК ЭЛЕМЕНТ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА ГОРОДС- КИХ ПОСТРОЕК СЕМИРЕЧЬЯ VIII-XIII ВВ. 457
Р.Д. Сунчугашев, Чебочакова И.М. КЫЗЫЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ ХАКАССКО- ГО ЯЗЫКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯ- НИЕ 381	В.В. Усов СИСТЕМА СОЗДАНИЯ ВОКАЛЬНО- СЦЕННИЧЕСКОГО ОБРАЗА НА ОСНОВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОПЛО- ЩЕНИЯ 426	П.С. Коваленко СОЗДАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА МУЗЕИФИКАЦИИ АРХИТЕК- ТУРНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНО- ГО ПАМЯТНИКА «БИЙСКОЕ АРХИ- ЕРЕЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ» 458
Ш.Х. Таргын ЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС ПОЛНОЙ И НЕПОЛНОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ТУВИНСКОМ ЯЗЫКАХ 383	Н.В. Веницкая СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЖАНР В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕН- НОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА 428	
У. Цэцэгдарь ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КОБДОСКИХ ТУВИНЦЕВ (ЧЕРЕДОВАНИЕ КРАТКИХ/ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ) 386	<u>ИСТОРИЯ</u>	
А.Ф. Утяев ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ 389	М.В. Гаериленко ХОЗЯЙСТВО РУССКИХ САЯНО-АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ	
Е.Н. Василишина СУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИ- ЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУР- СА 391		
А.А. Зинченко, И.С. Карабулатова САКРАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ШАМАНСКОЙ ПРАКТИКИ У ТУНДРО- ВЫХ НЕНЦЕВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА 394		

МЕДИЦИНА

А.В. Кононов, М.В. Маркелова, С.И. Мозговой, А.Г. Шиманская, В.А. Филимонов ДИАГНОСТИКА АТРОФИИ СЛИЗИС- ТОЙ ОБОЛОЧКИ ЖЕЛУДКА: ОТ МА- ТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДО «ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МАШИНЫ» 462
Р.Г. Федина, В.И. Хаснулин, М.Г. Пустоветова, Е.Л. Потеряева, И.О. Маринкин ВЛИЯНИЕ ТАБАКОКУРЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ НА

ГИПОФИЗАРНО-НАДПОЧЕЧНИКОВУЮ СИСТЕМУ НА ФОНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА У ЮНОШЕЙ 464

СОЦИОЛОГИЯ

В.В. Поддубиков
ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: К ПРОБЛЕМЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ПЕРЕЧНЯ МЕСТ ТРАДИЦИОННОГО ПРОЖИВАНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ 467

В.В. Кулиш
ИНФОРМИРОВАНИЕ ВЫПУСКНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ СВОЕЙ СТРАНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 469

А.П. Чемчиева
ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В УЛАГАНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ 473

А.В. Яйтакова
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА 475

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л.А. Шалимова
ЭСТЕТИКА ГРИМА В ЦВЕТОВОЙ КОМПОНЕНТЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА 477

Е.И. Балакина
ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ И НАЗНАЧЕНИЯ ИСКУССТВА В ПРОЦЕССЕ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ 480

С.М. Малиновская
КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ НАРЫМСКОГО КРАЯ: ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ 483

Л.А. Шалимова
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦВЕТЕ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ 486

О.М. Хомушку
РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ 489

Е.О. Такаракова
МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ КАК ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА (НА ПРИМЕРЕ ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ) 492

В.М. Андреев
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ 494

Н.И. Макарова
В ПОГОНЕ ЗА ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬЮ 496

В.А. Рябцева
ПРАВОСЛАВНО-ЦЕРКОВНЫЕ ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СОГЛАСИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ) 500

А.И. Бураченко
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКИ В ПРОВИНЦИИ 503

И.В. Воронова
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ПОЛЕЗНОСТИ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ВИЗУАЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ 505

Е.Л. Кудрина, В.Д. Пономарев
ОБЩЕКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ) 507

В.М. Кулемзин, А.М. Кулемзин
НОВЫЙ ИМПУЛЬС В РАЗВИТИИ СИБИРЕВЕДЕНИЯ (ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ РЕГИОН) 511

В.А. Мелехин, Ю.Н. Татаркина
СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 513

Д.Д. Родионова, Т.И. Кимеева
ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ 515

Л.С. Сычева
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПРОГРАММНО-ПРЕДМЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДИСЦИПЛИН 518

Нгуен Куок Хынг
КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ КАК СФЕРА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК И СРЕДА ОБИТАНИЯ 521

ФИЛОСОФИЯ

М.М. Батурина, А.Д. Батурина
ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ДРЕВНИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 523

А.Н. Беляков
ВНЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ И РАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ В БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ 524

Д.И. Мамыев, Е.В. Ушакова, Р.В. Опарин
МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 525

Д.И. Мамыев, Е.В. Ушакова
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 527

К.С. Мочалов
О СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМАХ (НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИНГВИСТА Г.ГИЙОМА) 529

С.А. Рыкова
ОБРАЗ БОГА КАК ОБРАЗ ДРУГОГО В КУЛЬТУРЕ 533

Е.В. Ушакова, В.С. Сапелкин
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ ... 536

ВАНИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ ... 536

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К.В. Асташонок
ФЕНОМЕН ЭКСТРЕМИЗМА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ 539

А.В. Ефремов
СУДЕБНЫЕ ПРАВА ИНОРОДЦЕВ МАРИЙСКОГО КРАЯ В XVIII ВЕКЕ (ПО ИХ НАКАЗАМ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ 1767 – 1768 ГГ.) 542

ЭКОЛОГИЯ. ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Н.И. Ермолаева
РОЛЬ ЗООПЛАНКТОНА В ФОРМИРОВАНИИ САПРОПЕЛЕЙ В ОЗЕРАХ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 545

М.А. Индюкова
ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ЧАСТИ АЛТАЯ 549

Б.А. Красноярова, Е.Г. Сеницына
ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ КЛАСТЕРНОЙ МОДЕЛИ В ПРЕДЕЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ 554

Е.Н. Крылова
МАЛОШЕТИНКОВЫЕ ЧЕРВИ РАЗЛИЧНЫХ УЧАСТКОВ ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА 556

А.М. Монгуш
ОСОБЕННОСТИ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ГОРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ КЛАСТЕРА «АРЫСКАННЫГ» ЗАПОВЕДНИКА «УБСУНУРСКАЯ КОТЛОВИНА» (ЮЖНЫЙ МАКРОСКЛОН ХР. ВОСТОЧНЫЙ ТАННУ-ОЛА, РЕСПУБЛИКА ТЫВА) 559

О.С. Сутченкова, Е.Ю. Митрофанова
РАЗНООБРАЗИЕ И ОБИЛИЕ ДИАТОМОВЫХ ВОДОРΟΣЛЕЙ В ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ ГЛУБОКОГО ВОДОЕМА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 2000 ЛЕТ (ОЗ. ТЕЛЕЦКОЕ, РУССКИЙ АЛТАЙ) 562

М.Г. Сухова, С.Н. Шарабарина
ОЦЕНКА БИОКЛИМАТОВ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ДЛЯ РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 566

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ

Ю.М. Добрыня, А.А. Хачатурова
ПРОВЕДЕНИЕ СЕМИНАРОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН 569

Д.Е. Зеленина
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА 570
ИНФОРМАЦИЯ 581

ALPHABETICAL INDEX	2	TRANSLATORS BY MEANS OF INFORMATION-COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES	49	EDUCATION IN THE NATIONAL SCHOOL	86
<u>ECONOMICS</u>					
Orlova E.A. THE ACCOUNTING POLICY OF THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY FOR TAX INSPECTION	5	Evsukova N.I. COMMUNICATIVE BARRIERS OF COOPERATION OF TEACHER WITH STUDENT AS DETERMINATION TO DIDACTIC DEPRIVATION	52	Niyazova A.A., Sadykova E.F. BACKGROUND OF CONTINUOUS DEVELOPMENT OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL EDUCATION	88
Kotenev A.D. ASSESSMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC IMPACT OF IMPLEMENTATION OF AGRICULTURE REGION IN FOREIGN TRADE	7	Eremeevskiy M.A. SOME ASPECTS OF THE IN-SERVICE TEACHER TRAINING IMPROVING IN UGRA LAND	55	Romanova E.N. FAMILY RISK FACTOR FOR DELINQUENCY OF MINORS IN FOREIGN STUDIES	92
Tagaverdieva D.S. DEVELOPMENT OF THE STOCK MARKET AS A TOOL TO ATTRACT INDUSTRIAL INVESTMENTS IN THE REGION	9	Zhuykova T.P. PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL ORIENTATION OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF A MULTICULTURAL EDUCATION	57	Sultanbaeva K.I. N.F. KATANOV'S RELATION TO THE ORTHODOX	94
Mizikovskiy E., Orlova E. ORGANOZONATIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF ACCOUNTING IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM	11	Kosheleva L.U. THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF ARTISTIC TASTE FUTURE TEACHERS	58	Cherkasova I.I. DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL THINKING IN THE CONTEXT OF MODIFICATION OF TEACHER'S FUNCTIONS	96
Evdoshenko V.V. THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES BASED PREDICTION METHODS THEIR CONSISTENT	13	Kurbanova A.M. ELECTIVE COURSES AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS IN THE FIELD OF «LAW AND SOCIAL SCIENCE»	61	Shlykova A.I. MODEL OF FORMATION INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES COMPETENCE OF «ADVERTISING AND PR» BACHELOR DEGREE COURSE	100
Kunitsyna N.N., Glukhova D.V. THE IMPLEMENTATION OF A STRATEGIC APPROACH TO CRISIS MANAGEMENT ENTERPRISES	15	Mishunenkov O.V. PROFESSIONAL COMPETECIES OF BACHELORS IN TOURISM SPHERE AND THEIR FORMATION DURING PROFESSIONAL PREPARATION	63	Kirillov A.G. THE CONCEPT OF MANAGEMENT OF THE UNIVERSITY BASED ON INFORMATION TECHNOLOGY	102
Ryabov V.N., Sazhneva S.V. MODELING OF A STRATEGY OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ECONOMY OF THE SOUTH OF RUSSIA	20	Nasikan I.V. VARIATION METHOD IN SYSTEM OF TASKS ON DEVELOPMENT OF FUNCTIONAL ABILITIES OF PUPILS OF THE MAIN SCHOOL	65	Bogatyрева M.H. SOME PSYCHOLOGICAL- PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF TEENAGERS	107
Sycheva I.N., Tikhomirova Yu.A. TAX MECHANISMS OF INCOME REDISTRIBUTION	21	Sidorova A.D. DEVELOPMENT OF DIAGNOSTIC TECHNIQUES COMMUNICATIVE TEACHING TOLERANCE	67	Laptev I.G. FASILITATSIONNY ASPECT OF DEVELOPMENT OF MUSICAL ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF INSTRUMENTAL MUSIC PLAYING	109
Filatov E.A. FACTOR ANALYSIS OF THE OWN CAPITAL PROFITABILITY ACCORDING TO THE METHODS OF FILATOV	24	Shalimova L.A. SYNESTESIA OF COLOUR IN THE ADVERTISING	70	Novikova E.S. THE USAGE OF NEW TECHNOLOGIES IN TEACHING FORIENG LANGUAGES AT SCHOOL	112
Kusch E.N., Kobylatova M.F. PATENT SYSTEM OF TAXATION: ADVANTAGES, DISADVANTAGES AND SOLUTIONS	29	Shalkina T.N., Nikolaeva D.R. CREATING A DATABASE OF MULTILEVEL PROFESSIONALLY ORIENTED TASKS AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF COMPETENCES OF STUDENTS IT-DIRECTIONS	73	Oleksandrenko E.V. APPLICATION OF STRATEGY OF COOPERATION IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF FOREIGN COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS	114
Sokolova A.A. ROLE OF REGIONAL BUDGET IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE OF SOCIAL POLICY	31	Shvalyova T.A. PEDAGOGICAL SIGNIFICANCE OF THE BORROWED GAMES IN THE PRESERVATION OF THE CULTURAL VALUES IN THE SIBERIAN REGION	78	Chupeeva O.V. PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF CHIEF ACCOUNTANT UNDER THE INNOVATIONS IN ACCOUNTING	118
Khokhlova G.I., Okladnikova D.R. THE MAIN FEATURES OF INNOVATION AND INVESTMENT ACTIVITIES OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES AND THE FACTORS INFLUENCING ITS DEVELOPMENT ..	36	Kourov A.V. INVESTIGATION HISTORY OF THE PROBLEM «SELF DEVELOPMENT» ..	81	Shikhmurzaeva A.B. Vezirov T.G. ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES IN THE DEVELOPMENT OF ICT-COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION	122
Chernyshova N.S., Bogolubova S.A. ESTIMATION OF TOURISM DEVELOPMENT PROSPECTS IN SAINT-PETERSBOURG	42	Istomina I.M. VIRTUAL INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE	83	Kalina N.D. THE CONSTRUCTIVIST APPROACH TO GRAPHIC PREPARATION FOR BACHELORS IN THE EDUCATION FIELD «DRAWING»	123
<u>PEDAGOGICS.</u>					
<u>PSYCHOLOGY</u>					
Stankevish P.V., Bogdanov A.A., Avdeeva N.V. THEORETICAL BASES DRUG PREVENTION AMONG YOUTH	46	Korobchenko A.A. THE ROLE OF THE PUBLIC LECTURES IN THE SPREADING OF THE NATURAL- SCIENCE KNOWLEDGE AMONG THE POPULATION OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE SECOND PART OF THE XIX CENTURY)	84	Aliphanova F.N., Mallaeva Z.A. COMPLIANCE AND IMPLEMENTATION OF A CHILD IN TEACHING THEORY AND PRACTICE	128
Dolynskiy Y.V. FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE		Zembatova L.T. BILINGUAL TEACHING AS THE FACTOR OF IMPROVEMENT OF MATHEMATICAL		Bukreeva E.N. EDUCATION POLICY FEATURES OF CHILD PROTECTION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE PERIOD OF 1917– 1940 OF THE XX TH CENTURY. (ON	

THE EXAMPLE OF STAVROPOL TERRITORY)	129	Olefir S.V. PERSONAL INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL SPACE OF A PUPIL AND LIBRARIES' ROLE IN ITS DEVELOPMENT	162	Ilyasov D.F., Ilyasova O.A. BENCHMARKING IN THE CONTINUING PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF THE GENERAL EDUCATION SCHOOL TEACHERS	199
Klochko I.V. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PROBLEMS OF FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG STUDENTS	131	Firsova N.P. ACTIVATION OF REFLECTIVE ACTIVITY SUBJECT DURING THE IMPLEMENTATION OF HUMANITARIAN TECHNOLOGY	164	Naseretdinova E.B. MODEL OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL COMPETENCE OF TEACHERS OF COLLEGE IN THE CONDITIONS OF THE INNOVATIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT	202
Kostin E.Yu. RESEARCH OF EMOTIONAL BURNOUT OF TEACHERS, INTERACTING WITH CHILDREN WITH COMPLEX SPECIAL NEEDS	134	Voroshnina O.R. STUDY OF PRETERM INFANT-MOTHER INTERACTION	166	Bazyleva E.J., Sobolnikov V.V. PROBLEMS OF FORENSIC-PSYCHOLOGICAL EXAMINATION PERSONALITY IN AFFECTIVE SELF-DESTRUCTIVE SUICIDE	205
Lee T.T. THE PROBLEM OF THE FORMATION OF MORALITY	136	Danilova A.A. THE MODEL OF DESIGN THE BUSINESS GAMES FOR FORMING OF CORPORATE CULTURE OF STUDENTS IN THE UNIVERSITY	169	Tregubova L.B. MARKETING TECHNOLOGIES AS THE TOOL OF INCREASE OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TEACHER	208
Narykova N.A., Tikhonenko M.A. FROM THE EXPERIENCE OF PROJECT WORK METHOD USING DURING FOREIGN LANGUAGE PRACTICAL TRAINING IN THE HIGH SCHOOL OF SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	137	Djatlva A.A., Roterjanu Ju.M., Chernjavskaja V.S. CHARACTERISTICS OF MOTIVATION SPORTS ACTIVITIES	172	Koval V.V., Radionova I. Yu. TEENAGERS OF RISK GROUP: PECULIARITIES OF VALUE ORIENTATIONS	209
Petrova N.F. ROLE OF HEALTH-PRESERVING TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL PROCESS OF MODERN SCHOOL ..	139	Zhykhareva E.V., Malikova E.V. PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF INQUISITIVENESS AMONG GIRLS AND BOYS OF SENIOR PRE-SCHOOL AGE	174	Larina E.S., Koval V.V. PECULIARITIES OF PARENTS' ATTITUDE TO A CHILD WITH SENSORY INSUFFICIENCY	211
Poplavskaya M.V. RESEARCH OF READINESS'S STRUCTURE FOR PROFESSIONAL AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT OF FUTURE ENGINEERS	140	Kodzokov S.A. EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL PROVISION OF COMPETENCE DEVELOPMENT GOAL SETTING CADETS OF THE UNIVERSITY OF THE INTERIOR MINISTRY TROOPS OF RUSSIA IN THE PROCESS OF INDEPENDENT WORK	176	Manuzina E.B., Norina E.E. PECULIAR FEATURES OF STUDENTS' TRAINING FOR INNOVATIVE BUSINESS IN THE INNOVATION-ATTRACTIVE REGION	213
Sorokopud Yu.V., Khadikova E.N. ROLE OF HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN PREPARATION OF MASTERS OF THE PEDAGOGICAL EDUCATION DIRECTION	143	Krivykh S.V., Kasimanova L.A. STUDY OF THE INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT ON THE PERSON	179	Zakharova T.V. QUASI-PROFESSIONAL ACTIVITY IN PEDAGOGICAL EDUCATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVE	215
Shvetsova I.V. THE INFLUENCE OF «ENVIRONMENT» AND «METHODS» ON OF INTELLECTUAL AND CREATIVE ABILITIES OF CHILDREN ELEMENTARY SCHOOL IN LESURE TIME	145	Lyapina M.Y. METHODS OF TEACHING PUPILS CADET SCHOOL TO PLAY THE PIANO AND KEABOARD SYNTHESIZER	181	Chichkanova I.N., Zotova T.N. ADAPTATION TO TRAINING AT HIGHER SCHOOL AS A CONDITION OF QUALITY TRAINING OF STUDENTS	217
Vekovtseva T.A. THE DIVERSITY OF PROFESSIONAL ROLES OF A MODERN HIGHER EDUCATION TEACHER	147	Mazelis V.V. DEVELOPMENT THE FUTURE DOCTORS REPRESENTATIONS ABOUT THE RELATIONSHIP OF PERSONALITY IN THE COMMUNICATIONS «DOCTOR-PATIENT»	183	Peskova E.P., Koval V.V. TRAINING OF SENSITIVITY AS MEANS OF FORMING EMPATHY ABILITIES WHEN A YOUTH	219
Karpova L.G. EDUCATION QUALITY MANAGEMENT IN ESTABLISHMENT OF THE ART AND AESTHETIC ORIENTATION AS PEDAGOGICAL PROBLEM	150	Merkel E.V. FORMATION OF CIVIL-LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF SOCIAL SUCCESS OF STUDENTS	185	Trubnikova N.I., Trubnikov V.Ye. LEVELS OF LIFE SELF-DETERMINATION OF THE PEDAGOGICAL INSTITUTE GRADUATES	221
Kobozeva I.S., Karpova L.G. ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS, PROMOTING EFFECTIVE MANAGEMENT OF QUALITY OF EDUCATION IN ESTABLISHMENT OF THE ART AND AESTHETIC ORIENTATION	152	Mnaidarova S.S. THE MODEL OF SOCIO-ECONOMIC VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF THE INSTITUTIONS OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION	189	Kulikova L.G., Lopatkin V.M. DEVELOPMENT OF INNOVATIVE COMPETENCE OF STUDENTS AND POST-GRADUATE STUDENTS IN EDUCATIONAL-RESEARCH-EDUCATIONAL FACILITIES	225
Sizova E.R., Kucher N.Yu. COMMUNICATION MOBILITY AS AN IMPORTANT CHARACTERISTIC OF MUSICOLOGISTS	155	Viktorov D.V. RISK FACTORS ANALYSIS OF THE STUDENTS IN THE CONTEXT OF HEALTHSAVING	191	Abashina A.D., Shrptenko P.A. COMPETENCE APPROACH IN THE PREPARATION OF SOCIAL WORKERS TO WORK WITH CHILDREN WITH DISABILITIES AND THEIR FAMILIES	227
Nebolyubova I.V., Ezhov S.G. HERMENEUTIC APPROACH TO THE FORMATION OF COMMUNICATIVE AND LEGAL COMPETENCE OF PERSONALITY	157	Gumashvili I.R. THE MAIN DIRECTIONS OF PROFESSIONAL TRAINING FUTURE TEACHERS TO THE IMPLEMENTATION OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF GIFTED HIGH SCHOOL STUDENTS	194	Dyakova D.V. SOCIAL CONTEXT AND CONDITIONS OF ORGANIZATION OF THE FIRST UNIVERSITY IN ALTAI	231
Rakhimbaeva I. PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF QUALITY MANAGEMENT OF ART EDUCATION	159	Ibragimova T.V., Yarychev N.U. PEDAGOGICAL CONDITIONS OF EFFECTIVE TRAINING OF FUTURE TEACHER TO ECOLOGICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES	197	Kolesova S.V. POSITIVE PEDAGOGICS: RAISING THE PROBLEM	234
				Nikitina M.A. INCREASE OF EFFICIENCY OF FORMATION OF PROFESSIONAL	

COMPETENCE OF FUTURE MANAGERS BY MEANS OF THE CASE – METHOD 237	SCIENTIFIC CIRCLE 271	TWENTIETH CENTURY 313
Sukhoterina, E.S. PSYCHOLOGICAL READINES OF THE FUTURE TEACHERS FOR WORKING WITH DISABLED 241	Oparin R.V., Nikitina D.A., Nikitin V.A. TRAINING COMPLEX «EXPLORING THE PLANET 3D» AS AN INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES OF XXI CENTURY 273	Getman A.A. PROVERBS AS EMBODIMENT OF CONCEPT «POVERTY» 316
Cosmin V.S. PERFECTION OF EDUCATIONAL PROCESS ON DISCIPLINE DESCRIPTIVE GEOMETRY 243	Ukolova L.I. THE INFLUENCE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT FOR THE UPRISING OF THE GROWING HUMAN 274	Grichin S.V. THE AUTHOR'S INTENTION IN THE ASPECT OF EVIDENTIALITY 320
Batechko N.G. THE ACME SYNERGETIC APPROACH IN FORMING SPHERE OF MOTIVATION THE FUTURE TEACHERS OF HIGH SCHOOL IN MUSTER DEGREE CONDITION 246	Fomina A.A. NATIONAL DIGITAL LIBRARY 276	Getman A.A. CONCEPTS «WEALTH» AND «POVERTY» IN THE 21ST CENTURY (INTERNET BASED SOURCES OF INFORMATION, ENGLISH SUBSCRIBERS) 324
Gareev D.R. THE IMPROVEMENT OF INDIVIDUAL STYLE OF ACTIVITY OF RUNNERS 17-18 YEARS ON AVERAGE DISTANCES IN THE TRAINING PROCESS 249	Uspek E.R. VIRTUAL SPACE FOR REAL SOCIO-CULTURAL ACTIVITY 280	Dobrya M.Ya. THE IMAGE OF PICTURE OF THE WORLD IN ELOCUTIV STATEMENTS OF CHILDISH LINGUISTIC PERSONALITY 329
Deminskaya L.A. EDUCATIONAL AND INSTRUCTIONAL MATERIALS FOR PROFESSIONALLY – PEDAGOGICAL PREPARATION OF FUTURE TEACHERS OF PHYSICAL EDUCATION ON THE BASIS OF AXIOLOGY 251	Aykina L.P. THE MUSICAL AND CREATIVE DEVELOPMENT OF THE JUNIOR SCHOOLCHILDREN IN THE CONDITIONS OF LEISURE ACTIVITY 282	Kust T.S. INVESTIGATION OF GENRES OF COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN LINGUISTICS 331
Zhuravleva O.V. SUPPORT FOR SOCIAL AND PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION AND THE FORMATION OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN CONDITION OF SOCIAL PARTNERSHIP 255	Kutkina O.P. DEVELOPMENT FUNDS TECHNOLOGY THINKING KRITICHESKOGO PROBLEM-BASED LEARNING 286	Kazandzhan J.S. THEORETICAL JUSTIFICATION TO TRAINING OF ORAL SPEECH AT RUSSIAN LESSONS AS FOREIGN 334
Chukhrova M.G., Sokolovsky I.E., Karpova I.S., Pronin S.V., Rybalchuk N.V., Ivanova V.E. THE ADAPTATION PROCESS IN DRUG ADDICTS TO A REHABILITATION CENTER IN CONNECTION WITH ACCEPTANCE OR REJECTION OF RELIGION 258	Heckman N.A. HISTORICAL AND CULTURAL CONSTANTS GAME DEVELOPMENT AS A BASIS. THE OPERATIONAL CONCEPT OF «GAME RITUAL» 288	Shamigulova A.T. STRUCTURAL-SEMANTIC AND HISTORICAL AND GENETIC FEATURES OF THE VOCABULARY OF CLOTHES AND JEWELRY IN THE BASHKIR LANGUAGE 336
Muhametzyanova F.G., Krasnenkova N.S. IMPROVING THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF THE EMPLOYEES OF THE BANK AS THE SUBJECTS OF PROFESSIONAL ACTIVITY 261	Frolova A.S. RURAL POPULATION'S LEISURE OPTIMIZATION ON BASIS OF MUNICIPAL CULTURAL ORGANIZATIONS ACTIVITY INTEGRATION 291	Kamynina N.G., Popov A.V. VIOLATIONS OF THE NORMS ORTHOPEY IN REGIONAL MEDIA .. 337
Abdullaev D.A., Vezirov T.G. EDUCATIONAL RESOURCES THE INTERNET IN VOCATIONAL TRAINING OF BACHELORS ON THE MATHEMATICS PROFILE 262	Andreychuk V.A. «THEATRE ANTHROPOLOGY» JERZY GROTOWSKI AS TEACHING EVOLUTION SEARCH 294	Filippova E.Yu. EXPERIMENTAL STUDY OF АКЦЕНТ-НОЙ VARIATION IN THE INITIAL FORM OF NOUNS RUSSIAN LANGUAGE 340
Gribkova O.B. MODEL OF THE EDUCATIONAL AREA AS A FACTOR OF INCREASING THE PROFESSIONAL CULTURE OF THE MUSIC TEACHER 264	Kholodnykh A.A. TRAINING OF THE US SPECIAL-OPERATIONS OFFICERS 297	Grekova I.V. ALSO FEATURES GENRE OF CONTEMPORARY HAGIOGRAPHY 341
Ichitovckin S.S., Lopoukha T.L. MODERN FACTORS OF UPRISING LEGAL CULTURE OF CADETS OF MILITARY EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS 266	Chernjavskaja V.S., Malahova V.R. METACOMPETENCE OF THE PERSONALITY OF THE POTENTIAL OF INNOVATIVE ECONOMY 302	Shkuropackaya M.G. METHODOLOGY OF THE RESEARCH SYSTEM AND THE EMPIRICAL IMPLEMENTATION OF THE WORD-FORMATION TYPE IN УЗАУЛЬНОЙ AND POTENTIAL VOCABULARY 343
Lopoukha A.D., Razgonov V.L. THE FORMATION OF THE DEFENCE CONSCIOUSNESS SERVICEMEN .. 268	Yudina A.I. TECHNOLOGICAL MAP AS AN INTERACTIVE TOOLS TO PREVENT SOCIAL ABANDONMENT 304	Dilmuxametov I.T. THE FORMATION OF THE EPIC TRADITIONS IN THE BASHKIR LITERATURE 345
Naskidaeva E.H. ANALYSIS OF INFORMATION ON THE OLYMPIC GAMES OF ANTIQUITY FOR THE DISCIPLINE OF THE HISTORY OF PHYSICAL EDUCATION IN STUDENT	Kirpichnikova A.V. FORMATION OF THE CLUSTER COMPETENCES OF LOCAL GOVERNMENT FOR STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF THE DIRECTION OF PREPARATION 081100 PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION) 307	Davletkulov A.H. THE ROLE OF EPIC WORKS OF THE BASHKIRS IN THE FORMATION OF ETHNIC CONSCIOUSNESS 347
	Shcherbakova M.V. PEDAGOGICAL SUPPORT FUTURE DESIGNERS FORMATION OF CREATIVITY 309	Dyachkova E.S. PECULIARITIES OF THE MEANING OF THE SEMI-SUFFIXES WHICH CONSTITUTE THE BY-NUCLEAR ZONE AND THE PERIPHERY OF THE WORD-FORMING FIELD OF SEMI-SUFFIXES 350
	FILOLOGY	
	Anabilova B.M. MORALLY-ETHICAL ISSUES IN JOURNALISM HAJI ARIPOVA 312	Kilmakova G.N. THE WORLDVIEW ANCIENT BASHKIRS IN THE EPICS ABOUT ANIMALS 352
	Getman A.A. CONCEPT «WEALTH» IN ENGLISH LINGUACULTURE IN THE EARLY	Myrzabylatov M.V. FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF BASHKIR EPICS 354

Baiazitova R.R. THE ORIGINS OF ETHNO-ETIQUETTE OF BASHKIRIA IN «URAL-BATYR» EPIC 356	Pleshkova O.I. J.N. TYNJANOV'S NOVEL «PUSHKIN» IN THE ASPECT OF THEORY OF LITERARY EVOLUTION 401	1940 (BASED ON ALTAI REGION) ... 435
Ryabova A.A., Zhatkin D.N. MARLOWE'S CREATIVE WORK IN LITERARY AND ART CRITICAL WORKS BY A.A. ANIKST 359	Shunkov A.V. «TRANSITION TEXT» IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVII CENTURY. THE BASIC SCIENTIFIC APPROACHES FOR PROBLEM RESERCHING 404	Moskvin A.Yu. THE CALCULATION – GRAPHICAL CLOTHES DESIGN METHODS EVOLUTION IN THE 19TH CENTURY 437
Suvandii N.D. CURRENT STATUS OF STUDY ONOMASTICS OF TUVAN LANGUAGE 362	Salchak A.Ya., Bayir-ool A.V. ELECTRONIC HOUSING OF TUVAN LANGUAGE: CONDITION, ISSUES . 408	Karnaukhov K.A. THE SOVIET AND FOREIGN MASS MEDIA ABOUT INCIDENT WITH THE ORZEL SUBMARINE AND ITS ROLES IN RAPPROCHEMENT OF THE USSR AND THE BALTIC STATES 441
Tikhonenko M.A., Narykova N.A. TERM IN THE COGNITIVE DISCURSIVE PARADIGM 364	<u>ARTS STADIES</u>	
Blinova E.O. «RUSSIAN MONK» BY DOSTOEVSKY AS A METALITERARY PHENOMENON: FICTION OR THEOLOGY? 366	Kuligina O.A. THE RELATIONSHIP AND THE RALATIONSHIP OF THE NATURAL AND ARCHITECTURAL MODULES SHAPING THE CITIES OF WESTERN SIBERIA 410	Shmatov V.G. ROLE OF THE SOVIET UNION IN «REHABILITATION» OF SOCIO- ECONOMIC LIFE OF XINJIANG PROVINCE (1934-1937) 444
Kyzlasov A.S., Kaskarakova Z.Ye. ABOUT LINGUISTIC SITUATION IN THE KYZYL DIALECT OF THE KHAKASS LANGUAGE 369	Tarasova Y.I. ARCHITECTURAL-SPATIAL COMPOSITION OF THE PROFITABLE HOUSES IN THE BUILDING SYSTEM OF LARGE CITIES IN WESTERN SIBERIA 411	Domogashev O.S. THE ORIGIN AND INITIAL STAGE OF THE DEVELOPMENT OF WRESTLING IN THE REGIONS OF SOUTHERN SIBERIA IN THE 60-70TH OF THE XX CENTURY 446
Mainagasheva N.S. ABOUT PROBLEM OF AUTHORIAL TRANSLATION IN THE MODERN KHAKASS LITERATURE 370	Schestakova I.V. ONTOLOGICAL FOUNDATIONS «COUNTRY» CINEMA OF SHUKSHIN: THE FILM «YOUR SON AND BROTHER» 413	Ismailov A.M. CENTRAL ASIA: PROBLEMS OF COOPERATION AND REGIONAL SECURITY 448
Mizhit L.S. THE ARTISTIC FORMULAS OF ANCIENT TURKS WRITING MONUMENTS 373	Ravcheeva N.A. THE ACCOMPANIST: TO THE SOURCES 415	Chirkunov I.V. FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC INDUSTRIES OF THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE IN THE XVI-XIX CENTURIES 450
Nikiforova O.V. NOMINATION OF RITUAL WAILS (BASED ON NIZHNY NOVGOROD DIALECTS) 377	Nekchvyadovich L.I. ETHNO ART STUDIES AS A METHOD OF STUDYING THE ETHNO-CULTURAL TRADITIONS IN THE FINE ARTS 417	Kuprianova I.V. BESPOPOVSKY OLD BELIEVE FAITHS OF ALTAI AT A BOUNDARY OF THE XIX-XX CENTURIES 452
Soyan A. M. PRONOUNS BRACES WITH ADVERBIAL POSTPOSITIONS IN TUVAN LANGUAGE 378	Shokorova L.V., Turlyun L.N. PROBLEM OF INTERACTION OF TRADITIONAL WOODCARVING WITH COMPUTER TECHNOLOGIES 420	Markova C.Y. CARVED CLAY AS ARCHITECTURAL MOTIVES OF CITY BUILDINGS SEMIRECHJE VIII-XIII C. 457
Sunchugashev R.D., Chebochakova I.M. THE KYZYL DIALECT OF THE KHAKASS LANGUAGE: MODERN CONDITION 381	Boychenko M.A. IMAGES OF THE CLASSICAL ART HERITAGE IN CONTEMPORARY (MODERN) ART: SOCIAL AND AESTHETIC ASPECTS 422	Kovalenko P.S. DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE PROJECT OF MUSEFICATION ARCHITECTURAL AND HISTORICAL-CULTURAL MONUMENTS «OF THE BISHOPS BIJSK COMPOUND» 458
Targyn Sh.Kh. THE DEPENDENT TAXIS OF COMPLETE AND INCOMPLETE SIMULTANEITY IN ENGLISH AND TUVAN 383	Usov V.V. THE SYSTEM OF VOCAL -STAGE IMAGE CREATION BASED ON ARTISTIC TRANSFORMATION 426	<u>MEDICINE</u>
Tsetsegdar W. PHONETIC FEATURES OF SPEECH KHOVD TUVAN (ALTERNATION OF SHORT / LONG VOWELS) 386	Vinitskaya N.V. MYTHOLOGICAL FAIRY-TALE GENRE IN RUSSIAN ARTISTIC CULTURE OF THE TWENTIETH CENTURY 428	Kononov A.V., Markelova M.V., Mozgovoy S.I., Shimanskaya A.G. Filimonov V.A. DIAGNOSTICS OF THE ATROPHY OF THE GASTRIC MUCOSA: THE WAY FROM MATHEMATICAL MODEL TO «THE DIAGNOSTIC MACHINE» 462
Utyaev A.F. PECULIARITIES OF BASHKIR POETRY FOR THE PERIOD OF XX-XXI CENTURIES 389	<u>HISTORY</u>	
Vasilishina E.N. SUBJECTIVE ASPECTS OF PERCEPTION ART DISCURSE 391	Gavrilenko M.V. THE HUSBANDRY OF THE RUSSIANS IN THE ALTAI – SAYAN REGION IN THE END OF 19 – THE FIRST QUARTER OF THE 20 CENTURY AS THE RESORURSE OF FOOD SYSTEM ... 431	fedina R.G., Khasnulin V.I., Pustoveytova M.G., Poteryayeva Ye.L., Marinkin I.O. IMPACT UF SMOKING AND ALCOHOL CONSUMPTION OF HYPOTHALAMIC- PITUITARY-ADRENAL SYSTEM ON THE BACKGROUND ECOLOGICAL STRESS IN YOUNG MEN 464
Zinchenko A.A., Karabulatova I.S. THE SACRED RITUAL DISCOURSE AND SHAMANIC PRACTICES AMONG THE TUNDRA NENETS: TO THE QUISTION 394	Dvornikov Eh.P. COSMOLOGICAL MODEL OF THE FUNERAL RITE OF THE EARLY NOMADS OF THE MOUNTAIN ALTAI 433	<u>SOCIOLOGY</u>
Karabulatova I.S., Zamaletdinov R.R., Fedorova E.A., Saifulina F.S. LINGUISTIC AND MYTHOLOGICAL SPACE OF THE PLAGE NAME «SIBERIA» IN THE MODERN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS 397	Modorov N.S., Mezencev R.V., Shkuratova D.I. RUSSIAN OTRHODOX CHURCH AND THE SOVIET GOVERNMENT IN 1917-	Poddubikov V.V. ETHNOLOGICAL EXPERTISE: TO THE PROBLEM OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL FEASIBILITY OF THE LIST OF INDIGENOUS PEOPLES' TRADITIONAL RESIDENCE AND ECONOMIC ACTIVITIES 467

Kulich V.V.
THE INFORMING THE SCHOOL-LEAVERS OF THE ALTAI ABOUT THE HISTORICAL PAST OF THEIR COUNTRY (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL INVESTIGATION) .. 469

Chemchieva A.P.
ETHNO-SOCIAL SITUATION IN THE ULAGAN DISTRICT, REPUBLIC OF ALTAI 473

Yaitakova A.V.
ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF THE FAMILY IN THE CONDITIONS OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY 475

CULTUROLOGY

Shalimova L.A.
AESTHETICS OF MAKEUP IN THE COLOR COMPONENT OF THEATRICAL ART 477

Balakina E.I.
THE FORMATION OF SPECIFICS AND APPOINTMENT OF ART IN THE PROCESS OF ITS BECOMING IN THE SYSTEM CULTURE 480

Malinovskaya S.M.
INDIGENOUS SMALL ETHNIC GROUPS OF NARYN TERRITORY: OPPORTUNITIES FOR LANGUAGE AND CULTURE PRESERVATION 483

Shalimova L.A.
NATURALSCIENTIFIC UNDERSTANDING OF COLOR IN THE WORK OF SCIENTISTS 486

Khomushku O.M.
RELIGIOUS TRADITIONS OF THE PEOPLES OF THE SAYAN-ALTAI AS A FACTOR OF FORMATION OF ETHNO-ECOLOGICAL CULTURE 489

Takarakova E.O.
MUSEUM OPEN-AIR AS A FORM OF PRESENTATION OF A CULTURAL LANDSCAPE (ON THE EXAMPLE OF THE ONGUDAYSKY REGION OF ALTAI REPUBLIC) 492

Andreev V.M.
ARCHAEOLOGICAL MONUMENT AS AN AESTHETIC OBJECT 494

Makarova N.I.
IN PURSUIT OF CIVILITY 496

Ryabtseva V.A.
THE ORTHODOX CHURCH TRADITIONS OF THE OLD BELIEVERS ASSOCIATIONS OF KEMEROVO REGION (ON THE RESULTS OF RESEARCHES MATERIALS) 500

Burachenko A. I.
PERIODS OF EVOLUTION OF THEATRE CRITIC IN PROVINCE 503

Voronova I.V.
PROBLEM OF CORRELATION OF AESTHETIC EXPRESSION AND USEFULNESS AS FACTOR OF DESIGN EFFECTIVENESS ACCUMULATION IN RUSSIAN VISUAL CULTURE 505

Kudrina E.L., Ponomarev V.D.
STUDENTS CULTURAL DEVELOPMENT IN THE HIGHER EDUCATION (IN THE CONDITIONS OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS) 507

Kulemzin V.M., Kulemzin A.M.
A NEW IMPETUS TO THE DEVELOPMENT OF SIBERIAN HISTORY (WEST-SIBERIAN REGION) 511

Melehin V.A., Tatarkina Y.N.
SOCIAL WORK SOCIOLOGY IN PARADIGM OF CULTUROLOGICAL ANALYSIS 513

Rodionova D.D., Kimeeva T.I.
PROBLEMS OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGY IN REGIONAL MUSEUMS 515

Sycheva L.S.
CULTUROLOGY AND PROGRAM-SUBJECT COMPLEXES OF DISCIPLINES 518

Nguyen Quoc Hung
CULTURAL TOURISM AS A SECTOR OF SOCIO-CULTURAL PRACTICES AND HABITAT 521

PHILOSOPHY

Baturina M.M., Baturina A.D.
THE INVESTIGATION OF THE MUTUAL INFLUENCE OF A HUMAN BEING AND ANCIENT RELIGIOUS PLACES IN THE ALTAI REPUBLIC WITHIN THE FRAMEWORK OF ECOLOGY OF THE SOUL 523

Belyakov A.N.
NON-RATIONAL AND RATIONAL FORMS OF KNOWLEDGE IN BUDDHIST PHILOSOPHY 524

Mamyev D.I., Ushakova E.V., Oparin R.V.
MODELS OF ECOLOGICAL INTERACTION OF THE PERSON AND NATURE AND ECOLOGICAL EDUCATION 525

Mamyev D.I., Ushakova E.V.
SOCIOCULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS OF THE RUSSIAN MANAGEMENT 527

Mochalov K.S.
ON THE STRUCTURE AND THE FUNCTION ROLE OF THE PRESENT IN THE SIGN SYSTEMS LANGUAGE (BASED ON THE THEORY OF FRENCH LINGUIST GUSTAVE GUILLAUME) 529

Rykova S.A.
THE IMAGE OF GOD AS THE IMAGE OF THE OTHER IN CULTURE 533

Ushakova E.V., Sapelkin V.S.
PHILOSOPHICAL ASPECTS OF FORMATION OF LEGAL CATEGORIES IN POSTINDUSTRIAL THE WORLD 536

JURISPRUDENCE

Astashonok K.V.
CONCEPT OF EXTREMISM. CONSIDER ARISING AND DEVELOPMENT 539

Efremov A.V.
LEGAL RIGHTS OF FOREIGNERS OF MARI ELZE IN THE XVIII CENTURY (ON THEIR MANDATE IN THE LEGISLATIVE COMMISSION 1767-1768) 542

ECOLOGY.
ECOLOGY OF THE PERSON
AND HYGIENE OF
ENVIRONMENT

Yermolaeva N.I.
ZOOPLANKTON ROLE IN SAPROPEL FORMATION IN LAKES SOUTH OF WESTERN SIBERIA 545

Indyukova M.A.
PRECONDITIONS FOR DEVELOPMENT OF ETHNOECOLOGICAL TOURISM IN THE RUSSIAN PART OF MOUNTAIN ALTAI 549

Krasnoyarova B.A., Sinityna E.G.
FORMATION OF INTEGRAL CLUSTER MODEL IN ALTAI REGION 554

Krylova E.N.
OLIGOCHAETES IN DIFFERENT SITES OF LAKE TELETSKOYE 556

Mongush A.M.
FEATURES OF THE VEGETATION OF THE MOUNTAIN CLUSTER «ARYSKANNYK» FOREST RESERVE «UVS NUUR BASIN» (Southern makrosklon HR. East Tannu-Ola, Republic of Tuva) 559

Sutchenkova O.S., Mitrofanova E.Yu.
DIVERSITY AND ABUNDANCE OF DIATOMS IN BOTTOM SEDIMENTS OF DEEP RESERVOIR DURING THE LAST 2000 YEARS (LAKE TELETSKOYE, RUSSIAN ALTAI) 562

Sukhova M.G., Sharabarina S.N.
BIOCIMATE EVALUATION OF LANDSCAPES IN THE NORTHERN ALTAI FOR RECREATION ACTIVITIES 566

PEDAGOGICAL DEBUT

Dobrynia Yu. M., Khachaturova A.A.
CONDUCTING SEMINARS IN THE STUDY OF BIOLOGICAL DISCIPLINES 569

Zelenina D.E.
MODEL OF FORMATION OF DESIGN CULTURE OF STUDENTS OF HUMANITARIAN TECHNICAL COLLEGE 570

THE INFORMATION FOR AUTORS 581

СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ

ИСТОРИЯ

- **НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ** – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, (г. Горно-Алтайск), ГАГУ, E-mail: mns@gasu.ru
- **ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: Valbarmin@mail.ru; 8-905-985-70-35
- **ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ДАЦЫШЕН** – д-р ист. наук, профессор (г. Красноярск), Сибирский федеральный университет, зав. кафедрой всеобщей истории
- **МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕМИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул) АлтГПА,
- **ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА ЩЕГЛОВА** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ БУТНАЕВ** – д-р ист. наук, профессор, зав. каф. этнографии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
- **АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОНТЕВ** – канд. ист. наук, доцент (г. Барнаул), АлтГПА
- **НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА ИВАНЦОВА** – д-р ист. наук, профессор (г. Москва) МГПИ
- **МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ШИЛОВСКИЙ** – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором истории 19 в. института истории СО РАН, (г. Новосибирск)
- **ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБУНОВ** – д-р ист. наук, профессор (г. Барнаул), АТУ
- **АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МАРТЫНОВ** – д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, , зав каф. археологии, (г. Кемерово), КГУ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- **СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БОРТНИКОВ** – доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА** – канд. культурологи, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, проректор по научной работе (г. Барнаул)
- **ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЖЕРНОСЕНКО** – канд. культурологии, доцент, зав. каф. культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), E-mail: iaj2002@mail.ru

МЕДИЦИНА

- **МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА** – доктор мед. наук, профессор, Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), НГУ, E-mail: mba@sibmail.ru
- **ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КУРПАТОВ** – доктор мед. наук, профессор, зав. каф. психотерапии СПбМАПО, гл. психотерапевт СПб., председатель правления СПб регион. об-ва психотерапевтов (г. Санкт-Петербург), E-mail: kafedrapt@yandex.ru
- **МИРИАНА МИЛАНКОВА** – доктор медицины и философии (г. Нови Сад, Сербия), E-mail: dmirjana.milankov@gmail.com
- **ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ШЕВЧЕНКО** – д-р медицинских наук, профессор, главный анестезиолог (г. Новосибирск)
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р мед.ицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, член Российской научной комиссии по радиационной защите, вед. науч. сотр. лаборатории сравнительного анализа и управления рисками, E-mail: Professor121 [professor121@rambler.ru]
- **ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КАЛАЧЕВ** – д-р. мед. наук, профессор (специализация - морфология), начальник научного отдела (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: gak@uni-altai.ru

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

- **АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕМЕРБЕКОВА** – д-р педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ШАПОВАЛОВ** – д-р педагогических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова** – д-р психологических наук, профессор, заведующий каф. психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЛУКЬЯНЕНКО** – канд. психологических наук, доцент, зав. каф. психологии Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **ВАЛЕНТИНА СТАНИСЛАВОВНА ЧЕРНЯВСКАЯ** – д-р педагогических наук, профессор Владивостокского Государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток), E-mail: tina_v@rambler.ru

СОЦИОЛОГИЯ

- **ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ** – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)
- **СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ ГРИГОРЬЕВ** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Академии образования РФ, декан факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **РАИСА АФАНАСЬЕВНА ТРОФИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Петровской академии наук и искусств, первый проректор АГАКИ (г. Барнаул)
- **ЛЮДМИЛА ДЕНИСОВНА ДЕМИНА** – д-р социологических наук, профессор, декан факультета психологии АлтГУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА ЗАРУБА** – д-р социологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, зам. председателя совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кузбасской государственной педагогической академии (г. Кемерово)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ УДОДЕНКО** – д-р. социологических наук, профессор, зав. каф. социологии в АлтГТУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ СТАНИСЛАВОВНА ТИМЧЕНКО** – д-р социологических наук, профессор, зав.каф. социальных наук АлтГПА (г. Барнаул)
- **АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ТРОЦКОВСКИЙ** – д-р социологических наук, профессор, зав. Барнаульской лабораторией института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)

- **ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ЖЕЛТОВ** – д-р философских наук, профессор, проректор Кемеровского госуниверситета (г. Кемерово)
- **СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА МАКСИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. ПКипТТ ФС АлтГУ (г. Барнаул)
- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ НОВОКРЕЩЕННОВ** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. Сибирской академии государственной службы (г. Новосибирск)
- **ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОПКОВ** – д-р филос. наук, проф., зав. сектором этносоциологии отдела социологии института истории СО РАН (г. Новосибирск)
- **ВАЛЕНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ НЕМИРОВСКИЙ** – д-р. социологических наук, профессор, зав.каф. социального менеджмента Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
- **АЛИЕ МУСТАФАЕВНА СЕРГИЕНКО** – д-р социологических наук, доцент, ст. науч. сотрудник Барнаульской лаборатории института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)
- **ЛЮДМИЛА ГЕРАСИМОВНА ГУСЛЯКОВА** – д-р социологических наук, профессор факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- **ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ЛУКАШЕВИЧ** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. языка массовых коммуникаций и редактирования Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **НИНА ВАЛЕРЬЕВНА ГУБИНА** – канд. филологических наук, доцент, зав. каф. литературы, социальной психологии и педагогики Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ** – д-р искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
- **ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ** – д-р филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

ФИЛОСОФИЯ

- **АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК** – д-р философских наук, профессор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово)
- **ВИКТОР ИВАНОВИЧ МАРКОВ** – канд. философских наук, д-р культурологии, профессор кафедры культурологи, председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете культуры и искусств (г. Кемерово)
- **МАРГАРИТА ПАВЛОВНА АРУТЮНЯН** – доктор философских наук, доцент, зав. каф. философии Дальневосточного гуманитарного университета, E-mail: tra@email.su
- **МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ШИШИН** – д-р философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), Т_ф: 8-913-211-72-37

ЭКОЛОГИЯ

- **ВАЛЕРИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ПЕТУХОВ** – д-р биологических наук, профессор, председатель докторского совета по экологии (биологические науки) при Новосибирском Государственном Аграрном университете (г. Новосибирск)
- **ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ХАСНУЛИН** – д-р медицинских наук, профессор, зав. Отделом дизадаптации НЦКЭМ СО РАМН
- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ** – д-р биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ФГБУН Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Барнаул), E-mail: puzanov@iwerp.ru
- **ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЗМАТЕРНЫХ** – канд. биологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе ФГБУН Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwerp.ru
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

ЭКОНОМИКА

- **ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА** – д-р экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
- **ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА** – д-р экономических наук, проректор по НИР, зав. каф. бухучета и аудита (г. Владивосток)
- **МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АПСИТЕ** – канд. экономических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ЛЮБАВСКАЯ** – канд. экономических наук, д-р пед. наук, профессор, директор Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ИРИНА ПАВЛОВНА ЛАПТЕВА** – канд. экономических наук, доцент Вяткинского сельскохозяйственного университета (г. Киров)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- **СТЕПАН СУЗАНОВИЧ ТЮХТЕНЕВ** – д-р юридических наук, профессор, зав. каф. уголовного, административного права и процесса Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)
- **ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ ОСТАПОВИЧ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск), E-mail: ostapovich7@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного международного периодического журнала «Мир науки, культуры, образования», включенного в Перечень ведущих журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, приглашает вас к публикации статей по следующим научным направлениям:

• «Искусствоведение» • «История» • «Культурология» • «Медицина» • «Педагогика» • «Психология»	• «Социология» • «Филология» • «Философия» • «Экология» • «Экономика» • «Юриспруденция»

Для публикации в журнале необходимо предоставить заявку с указанием сведений об авторе (Ф.И.О. полностью, место работы, ученая степень, звание, должность, а также телефон, E-mail и домашний почтовый адрес). Наименование раздела, в который направляется статья.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А 4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал – 1,5; отступ от всех сторон листа - 2,5 см.

Статья оформляется следующим образом:

- заявка на публикацию в электронном варианте;
- на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова;
- на русском языке: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), сведения об авторе, город, E-mail, название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список.

Библиографический список (в порядке цитирования, не по алфавиту!) оформляется по ГОСТу 7.1.-2003. Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках. Например, [1]. В случае дословной цитаты, указывается также номер страницы приведенной цитаты, т.е. «ТЕКСТ, ТЕКСТ, ТЕКСТ ...» [2, с. 5], [2; 3]. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

Примечания к тексту в виде постраничных и концевых сносок не допускаются. В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию. Рисунки должны выполняться по ширине текста в формате *jpg.

Рецензия должна быть выслана обычной почтой. Статья с рецензией и заявкой отправляются электронной почтой (E-mail: mnko@mail.ru).

Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора с указанием города. Например, «Иванова_Челябинск». Если статья вторая, третья и т.д., то следует указывать в названии файла соответствующий номер: «Иванова_Челябинск_1», «Иванова_Челябинск_2». Размещение в одном файле нескольких статей не допускается.

После независимой научной и технической экспертизы, статья либо **возвращается на доработку**, либо **принимается к публикации**, о чем сообщается автору по электронной почте или указанному телефону.

РЕЦЕНЗИЯ НАПРАВЛЯЕТСЯ ПО АДРЕСУ:

**649006, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 68,
Офис 301, Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования».**

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ,

которые необходимо учитывать при подготовке статьи к публикации

биол.	– биологических наук	пед. наук.	– педагогических наук
геогр.	– географических наук	проф.	– профессор
гл. н.с.	– главный научный сотрудник	психол. наук.	– психологических наук
дис.	– диссертация	Р/д	– режим доступа
доц.	– доцент	ред.	– редактор
д-р.	– доктор	рис.	– рисунок
журн.	– журнал	сельхоз. наук	– сельскохозяйственных наук
зав. каф.	– заведующий кафедрой	социол. наук	– социологических наук
изд-во	– издательство	ст. преп.	– старший преподаватель
ист.	– исторических	тех. наук	– технических наук
канд.	– кандидат	филол. наук	– филологических наук
каф.	– кафедра	филос. наук	– философских наук
мед. наук	– медицинских наук	Э/р	– электронный ресурс
н.с.	– научный сотрудник	эконом. наук	– экономических наук
науч.	– научный	юр. наук	– юридических наук

С материалами журнала можно ознакомиться на официальном сайте:

<http://amnko.ru/>

Тел.: +7(38822) 4-74-44, E-mail: mnko@mail.ru

Отпечатано в типографии «Концепт»,
г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.:(3852)36-82-51, concept-print@yandex.ru

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

УДК 371:351.851

Ivanjva A.P., Kolosov A.E. INFRASTRUCTURES OF DEVELOPMENT OF THE PERSON AS THE FACTOR OF INCREASE OF INNOVATIVE POTENTIAL OF REGION. In work modern contexts of innovative activity in sphere of vocational training, a problem and reference points of its development are described, the characteristics of a postindustrial epoch demanding changes in the organization of an education system, with a support on professional networks and possessed experience introductions of new forms of the organization of educational activity of students are allocated.

Key words: innovative activity, professional networks, the technology, the new educational programs, developing training, models of the management, open educational space.

Иванова А.П., канд. пед. наук, доц., зав. каф. педагогики Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: ivanova@mail.ru; Колосов А.Е., д-р психол. наук, проф., ст. н. с. Института Психологии СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: kolosov@ngs.ru

ИНФРАСТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В работе описаны современные контексты инновационной деятельности в сфере профессионального образования, задачи и ориентиры ее развития, выделены характеристики постиндустриальной эпохи, требующие изменений в организации системы образования, с опорой на профессиональные сети и имеющийся опыт внедрения новых форм организации учебно-образовательной деятельности студентов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, профессиональные сети, технология, новые образовательные программы, развивающее обучение, модели управления, открытое образовательное пространство.

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [1, с. 14].

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [2; 3]¹.

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [3, p. 35].

Библиографический список²

1. Баллер, Э.А. Преемственность в развитии культуры. – М., 1969.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Э/р]. – Р/д: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. – 1980. – V. 5.

Bibliography

1. Baller, Eh.A. Preemstvennostj v razvitii kuljturih. – M., 1969.
2. Nacional'naya doktrina obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [Eh/r]. – R/d: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. – 1980. – V. 5.

Статья поступила в редакцию 05.08.11

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. После написания статьи автор представляет текст доктору или кандидату наук по соответствующей специализации для рецензии, которая заверяется в отделе кадров и высылается вместе со статьей в редакцию журнала.
2. После получения редакцией статьи она проходит техническую экспертизу, в ходе которой проверяется: наличие на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова; на русском языке: УДК; Ф.И.О. автора (авторов), должность и звание, место работы, контактная информация для переписки - E-mail или номер телефона; название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список, оформленный в порядке цитирования (ответственный - технический редактор журнала, кандидат педагогических наук, международный журналист Н.С. Часовских, E-mail: mnko@mail.ru).
3. Если статья не проходит техническую экспертизу, она возвращается автору на доработку. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
4. Статья, прошедшая техническую экспертизу, отправляется на научную экспертизу специалисту по данному профилю.
5. Если статья не проходит научную экспертизу, она возвращается автору на доработку. При работе над замечаниями эксперта автор может контактировать с экспертом по E-mail. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
6. Статьи, прошедшие техническую и научную экспертизы, принимаются к публикации с соответствующим уведомлением автора по контактной связи (письма, телефон, E-mail).

¹ Все ссылки на библиографию ставятся по **порядку цитирования**, а не по алфавиту. Примеры оформления библиографического списка приведены в информационном письме на сайте журнала по адресу: <http://amnko.ru/>

² Библиография приводится на **русском и латинском** языках (транслитерация). Для транслитерации мы рекомендуем использовать бесплатную программу «RusTranslit».